This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P Slav 652.10 (80)

1959

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

СОВРЕМЕННИКЪ

Представлено [illegible] г.

СОВРЕМЕННИКЪ

05
С-56

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И (СЪ 1859 ГОДА) ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА

П. ПАНАЕВЫМЪ И Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
Центральная Библиотека
площ Лассаля, 3
№ 1271 ж.ф.

ТОМЪ LXXX

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА
1860.

Pslav 652.10(80)

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY JAN 12 1962

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, февраля 29 дня 1860 года.

Цензоръ Ѳ. *Рахманиновъ.*

1121

ОЧЕРКЪ ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ И НРАВОВЪ

ВЕЛИКОРУССКАГО НАРОДА

ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ.

Наша историческая литература не бѣдна сборниками актовъ и лѣтописей и многими добросовѣстными изслѣдованіями по разнымъ отраслямъ русской старины. Но это составляетъ драгоцѣнность или для спеціальныхъ ученыхъ или для лицъ, которымъ положеніе ихъ и воспитаніе дозволяетъ слѣдить постоянно за ходомъ науки и знакомиться со всѣми текущими явленіями въ ея области. Но за этимъ немногочисленнымъ классомъ читателей есть гораздо бо́льшая масса публики, погруженная въ занятія, которыя лишаютъ ее и времени и средствъ, чтобъ обращаться къ чтенію ученыхъ изслѣдованій, рѣшающихъ тотъ или другой вопросъ прошедшей русской жизни. Нерѣдко случается слышать укоры въ невѣжествѣ и отсутствіи мысли, обращенные на тѣхъ, которые, получая журналы, читаютъ въ нихъ однѣ легкія статьи и оставляютъ неразрѣзанными ученыя; но часто такъ поступаютъ люди образованные и развитые и столько же въ своей сферѣ полезные для общества, какъ и авторы ученыхъ статей, нечитаемыхъ ими. Нельзя ихъ обвинять, если послѣ трудовъ на своемъ поприщѣ они ищутъ въ чтеніи отдохновенія: невозможно требовать, чтобъ ихъ интересовалъ частный вопросъ

по наукѣ, когда ихъ дѣятельность обращена къ другимъ предметамъ. Еще менѣе возможно, чтобъ они читали сырые матеріалы, какъ напримѣръ, Акты Археографической комиссіи. Но это не значитъ, чтобъ прошедшая жизнь не возбуждала въ нихъ никакого интереса: для этой части публики нужны только не частныя изслѣдованія, а очерки, изъ которыхъ они могутъ составить себѣ цѣлостныя представленія.

Для этого класса читающей публики я предпринялъ составить очеркъ прошедшей русской жизни во всѣхъ ея видахъ. Отрывокъ моего труда — О торговлѣ въ нашемъ государствѣ — былъ напечатанъ въ «Современникѣ» 1857 года; теперь я предлагаю «Очеркъ домашней жизни». Такимъ образомъ я надѣюсь составить впослѣдствіи очерки церковнаго устройства, администраціи, судопроизводства, военнаго быта. Я далекъ оттого, чтобъ считать предлагаемый очеркъ оконченнымъ трудомъ, но смѣю надѣяться, что собраніе разсѣянныхъ въ русскихъ и иностранныхъ источникахъ свѣдѣній о нашей старой домашней жизни не останется безъ нѣкоторой пользы.

I.

жилыя мѣстности.

Жилыя мѣстности въ старой Руси были: городъ, пригородъ, посадъ, слобода, погостъ, село, сельцо, деревня, починокъ.

Названіе городъ принималось въ различныхъ смыслахъ. Первоначально это слово значило огороженное мѣсто, то есть то, что нынѣ *ограда, огорожа*. Въ старыя богатырскія времена людскимъ жилищамъ часто угрожали то нашествія чужихъ, то свои домашніе непріятели, при частыхъ неурядицахъ и междоусобіяхъ, по этому ихъ старались укрѣплять — огораживать. Для такой важной цѣли достаточно было тогда плетня, или частокола, поэтому одно и тоже слово городъ (огородъ, городъ) въ смыслѣ огорожи означало и огорожу, охранявшую домашнее жилье отъ животныхъ, и твердыню отъ непріятельскаго нашествія. Мѣстности, гдѣ укрѣпленія представляли больше надежды на безопасность въ случаѣ внѣшнихъ нападеній, сдѣлались центрами прилива народонаселенія: одни селились въ самыхъ городахъ, другіе по близости къ нимъ, чтобъ имѣть возможность убѣжать въ охранное мѣсто, когда наступитъ опасность. Всѣ больше или меньше имѣли нужду въ городахъ; отсюда возникло, что города получили значеніе преимущества предъ неукрѣпленными поселеніями и послѣднія подпадали имъ въ зависимость, которая, по духу того времени, когда владычествовала сила, замѣнялась часто и легко порабощеніемъ. Но не всѣ города имѣли равное достоинство по своей крѣпости; крѣпчайшіе дѣлались центромъ власти и имъ подчинялись другіе. Тогда между городами образовались два рода—старшіе и младшіе, сильнѣйшіе и слабѣйшіе, или города и пригороды. Въ связи съ стратегическими условіями подчиненію меньшихъ городовъ большимъ способствовали историческія обстоятельства народной жизни. Такимъ образомъ, собственно слово

городъ начало означать господствующее мѣсто — столицу надъ краемъ, заключавшимъ нѣсколько пригородовъ, селъ, деревень. Такъ Кіевъ былъ городомъ земли полянъ или земли русской, Черниговъ, городомъ земли сѣверской, Новгородъ — земли новгородской, Псковъ—земли псковской, Хлыновъ—земли вятской, а Вышгородъ, Бѣлгородъ — были пригороды Кіева, Ладога — пригородъ Новгорода, Изборскъ пригородъ Пскова, и такъ далѣе. Когда раздѣльныя части восточной Руси сплотились между собою, Москва получила смыслъ города всей русской земли, — но тогда самое слово городъ измѣнило прежнее значеніе. Городомъ не называлось уже главное *правительственное* мѣсто, гдѣ находился центръ правленія, напротивъ, это слово начали употреблять въ обратномъ смыслѣ. Москва называлась Москвою: собственное имя ея не рѣдко принималось нарицательнымъ именемъ русской столицы; говорилось: «на Москвѣ и въ городахъ», какъ теперь говорится: въ столицѣ и провинціяхъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ названіе городъ сохраняло два значенія: укрѣпленной мѣстности и административнаго провинціальнаго пункта. Въ городахъ происходило соприкосновеніе народа съ властію; тамъ была складка военной силы, которой порученъ край для охраненія; туда стекались государственные доходы, вносимые краемъ, наконецъ тамъ жители края искали убѣжища во время военныхъ опасностей. По мѣрѣ расширенія народонаселенія возникали города одинъ за другимъ и, сообразно благопріятнымъ условіямъ, одни получали предъ другими преимущества въ отношеніи важности своей. Такимъ образомъ, города были большіе и меньшіе, и большіе начальствовали надъ послѣдними. Кромѣ городовъ, постоянно населенныхъ, существовали еще укрѣпленныя мѣста, называемыя остроги; они находились преимущественно въ отдаленныхъ отъ средоточія власти пограничныхъ и малонаселенныхъ областяхъ, были вообще меньше городовъ и часто не имѣли постояннаго населенія: изъ городовъ посылались туда служилые люди, для стражи, на перемѣнку. Мало по малу, смотря по надобности, эти остроги или острожки обращались въ города.

Посадомъ называлось то, что теперь мы привыкли называть городомъ, и названіе *посадскій человѣкъ* означало тоже, что теперь мѣщанинъ. Посады были пунктами торговой и промышленной дѣятельности. Они строились близъ городовъ, такъ что городъ находился посреди посада, и въ этомъ смыслѣ назывался кремлемъ, а посадъ раскидывался около него. Часто городъ былъ на горѣ, а посадъ внизу. Въ мѣстахъ, гдѣ жителямъ посада опасно было оставаться въ своихъ жилищахъ безъ защиты, посады обводились валами, стѣнами и рвами. У насъ въ отношеніи посада къ городу было тоже

что на западѣ; то, что у насъ называлось посадъ — на западѣ было city, cité, stadt, miasto, mesto, и то, что на западѣ было Bourg, borgo, bourgh, barg, hrad, grod, у насъ называлось городъ, а въ древности градъ. Тоже было въ древнемъ классическомъ мірѣ: такъ акрополисъ былъ градъ Аѳинъ, а самые Аѳины около него посадомъ. Въ нашей старой Руси поселеніе, подобное тому, что въ настоящее время называется городомъ, состояло нерѣдко изъ трехъ частей: градъ или городъ, посадъ и слободы. Посадъ раздѣляется на двѣ части: острогъ или укрѣпленная часть окологороднаго поселенія и поселокъ внѣ острога или собственно посадъ, а за нимъ слободы. И теперь въ земляхъ турецкихъ славянъ таже троичность: градъ, соотвѣтствующій нашему городу, варошъ — острогъ, и *маленка* — поселеніе за укрѣпленіемъ, которое можетъ, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, соотвѣтствовать нашему посаду или слободамъ.

Слободами первоначально назывались поселенія, которыхъ жители пользовались какими нибудь особенными условіями; но такъ какъ эти условія давались обществамъ, которыхъ дѣятельность посвящена была опредѣлительно какимъ нибудь особымъ занятіямъ, то за такими обществами преимущественно удерживались названія слободъ. Онѣ были большею частію около посадовъ и городовъ.

Погостъ, село, сельцо, деревня, поселокъ, займище были поселенія земледѣльческаго класса. Въ древности погостомъ называлось поселеніе съ церковью, при которой всегда сосредоточивались сношенія окрестныхъ жителей и устанавлялся административный центръ. Но когда число церквей умножилось и такихъ поселеній стало много, они естественно начали утрачивать прежнее преимущественное значеніе и назывались вообще только селами. Слово погостъ, бывшее нѣкогда въ повсемѣстномъ употребленіи, въ XVI и XVII вѣкѣ сохранилось только въ новгородской землѣ, въ смыслѣ большаго села съ средоточіемъ администраціи для окреснаго края. Различіе между селомъ и сельцомъ заключалось только въ величинѣ ихъ. Деревни были поселенія безъ церквей. Починки были маленькія деревушки недавно заселенныя. Займище было небольшое поселеніе на дикой землѣ, занятое обыкновенно однимъ дворомъ. Когда къ этому двору присоединялись другіе, то изъ займища образовался починокъ; починокъ по прошествіи времени, которое лишало его значенія новизны, и по мѣрѣ возрастающаго населенія, переименовался въ деревню; а наконецъ съ постройкою церкви деревня измѣнялась въ сельцо, и, съ умноженіемъ народонаселенія, въ село. Жилыя земледѣльческія мѣстности безъ церквей и даже небольшія сельца принадлежали къ селамъ. Такая принадлежность однѣхъ мѣстностей другимъ не была только административнымъ распоряже-

ніемъ, а истекала изъ образа ихъ основанія, ибо новыя поселенія основывались посредствомъ выселковъ изъ старыхъ. Изъ селъ выходило нѣсколько семействъ: основывали деревню; когда она значительно возрастала, или же находились въ ней зажиточные люди, чтобъ построить церковь (т. е. въ то время это было не трудно по обилію лѣса и по невзыскательности церковной архитектуры), деревня превращалась въ сельцо, потомъ въ село. Въ свою очередь изъ новаго села выходили жители и основывали починки и деревни, превращавшіяся въ свою очередь въ сельца и села и такъ далѣе. Первое родоначальное село удерживало старшинство надъ своими выселками и оставалось между ними центромъ сношеній по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока время не изглаживало изъ памяти этой старинной исторической связи. Такимъ образомъ, въ Новгородской землѣ погосты, въ смыслѣ первенствующихъ поселеній, были старыя поселенія съ старыми церквами, а села съ новопостроенными церквами были ихъ выселками. Смотря по историческимъ обстоятельствамъ, измѣнявшимъ движеніе народонаселенія и по относительной быстротѣ его размноженія, эта связь поселеній удерживавалась долѣе или ослаблялась скорѣе.

II.

ГОРОДА.

Потребность возведенія городовъ возрастала у насъ вмѣстѣ съ расширеніемъ предѣловъ русскаго міра. Города заводились прежде чѣмъ поселенія; въ мѣстахъ не заселенныхъ, чтобъ дать возможность жителямъ существовать на новосельѣ, надобно было приготовить для нихъ оборону. Такимъ образомъ южныя степи Московскаго государства не иначе заселялись, какъ подъ прикрытіемъ множества городовъ, городковъ, остроговъ, засѣкъ и всякаго рода укрѣпленій; въ низовьяхъ Волги долгое время только города, уединенно стоявшіе на сотни верстъ одинъ отъ другаго, указывали на господство русской державы въ безлюдной землѣ. Въ Сибири—каждый шагъ подчиненія земель власти государя сопровождался постройкою городовъ и остроговъ. Повсюду въ XVI и XVII вѣкѣ постройка городовъ была одною изъ первыхъ заботъ правительства и городовое дѣло важнѣйшею изъ повинностей всего народа. Когда въ старыхъ актахъ говорится о постройкѣ городовъ, то разумѣется подъ этимъ возведеніе и устройство укрѣпленій, и въ этомъ случаѣ самое слово городъ означало ограду, а не то, что находилось въ ней;

говорилось: города каменные (включая въ это названіе и кирпичные), города деревянные и земляные. Въ XVI вѣкѣ каменныхъ и кирпичныхъ оградъ было чрезвычайно мало, исключая монастырскихъ стѣнъ, которыя чаще, чѣмъ городскія, дѣлались изъ кирпича. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ, послѣ того, какъ смутныя времена показали ненадежность деревянныхъ твердынь, ощутительная потребность охраненія государства отъ всѣхъ сторонъ побуждала выписывать изъ Голландіи мастеровъ для каменныхъ построекъ. Какъ медленно шло это дѣло, можно видѣть изъ того, что въ Астрахани, несмотря на ея одинокое и небезопасное положеніе, прежде 1625 года не было каменныхъ стѣнъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ, по свидѣтельству Котошихина, во всемъ московскомъ государствѣ были, исключая монастырей, въ двадцати городахъ каменныя или кирпичныя укрѣпленія; но это число кажется преувеличено; по крайней мѣрѣ, собирая разсѣянныя извѣстія того времени по этому предмету, едва ли можно насчитать ихъ столько. (Москва, Новгородъ, Ладога, Псковъ, Смоленскъ, Тула, Нижній, Казань, Астрахань, Яикъ, Ярославль, Путивль, Вологда, Полоцкъ.) Вообще же безчисленные города, усѣявшіе пространство русскихъ владѣній, были съ укрѣпленіями деревянными или земляными, то есть съ валами и съ тыномъ по валу. Города располагались такъ, чтобъ около нихъ находилась естественная защита: вода или ущелья; часто одна сторона стѣны, а иногда и нѣсколько сторонъ примыкали къ озеру, пруду или болоту, а съ другихъ сторонъ, менѣе обезопасенныхъ мѣстоположеніемъ, подъ стѣнами проводился ровъ. По большей части деревянныя укрѣпленія соединялись съ земляными, разнымъ способомъ: напримѣръ, насыпался валъ или осыпь, а на осыпи устраивалась деревянная стѣна или тынъ; или же стѣна стояла на плоской землѣ, но за нею слѣдовала осыпь; или же деревянныя стѣны были присыпаны хрящемъ, то есть кучею каменьевъ, песку и земли. Простые остроги или острожки дѣлались безъ осыпей и ихъ деревянныя стѣны были ограждены только рвами. Часто городъ, окруженный деревянною стѣною и рвомъ, былъ еще разъ обведенъ осыпью или деревянною стѣною — такъ называемымъ острогомъ, — а между городомъ и острогомъ находилось поселеніе. Такое городовое расположеніе было и въ самой Москвѣ: Кремль съ Китаемъ Городомъ составлялъ сердцевину столицы; на значительномъ промежуткѣ отъ нихъ была проведена другою другая стѣна такъ называемаго Бѣлаго Города, далѣе, также послѣ значительнаго промежутка, земляной валъ, обшитый деревянною стѣною. Подобное устройство было и въ другихъ городахъ: въ Казани былъ каменный кремль, а за нимъ слѣдовалъ посадъ, окруженный

острожною деревянною стѣною; въ Астрахани также былъ каменный кремль, а его окружала другая каменная стѣна, соединявшаяся съ кремлевскою вдоль Волги, и промежутокъ между кремлевскою стѣною и этою послѣднею назывался, какъ и въ Москвѣ, Бѣлымъ Городомъ. Въ Псковѣ середнее укрѣпленіе называлось Дѣтинецъ: оно стояло въ углу, образуемомъ рѣкою Великою и впадающею въ нее Псковою. Отъ угла, противоположнаго той сторонѣ, гдѣ была Великая, шла стѣна вдоль рѣки Псковы и упиралась въ башню; отъ этой башни въ обѣ стороны шли стѣны, огибавшія городъ, построенный на двухъ сторонахъ рѣки Псковы; эти стѣны сходились къ двумъ угламъ Дѣтинца на берегу рѣки Великой. Сверхъ того въ срединѣ города, на лѣвой сторонѣ Псковы, въ сторону отъ Дѣтинца, существовалъ еще одинъ внутренній городъ, называемый Кромъ, а за предѣлами большой внѣшней стѣны, огибавшей весь городъ, былъ ровъ, за которымъ расположено было многолюдное поселеніе, называемое *Застѣнье*, обведенное деревянною стѣною. Въ Новгородѣ на Софійской сторонѣ былъ каменный городъ, окруженный земляным валомъ; между тѣмъ и другимъ находился посадъ; укрѣпленія земляного города шли неправильными линіями, то приближаясь къ каменному, то удаляясь отъ него; за предѣлами земляного расположены были поселенія, тоже въ древности еще разъ обведенныя стѣною, а на Торговой сторонѣ былъ другой городъ съ башнями и рвомъ. Нѣкоторые монастыри (они вообще въ тотъ вѣкъ были твердынями), имѣли такую же форму укрѣпленій; напримѣръ, въ Кирилловскомъ въ началѣ XVII вѣка была кругомъ монастырскаго строенія каменная стѣна, а подалѣе, на значительномъ отъ нея разстояніи, по тому же направленію, эту каменную стѣну окружала деревянная острожная стѣна, за которою съ внѣшней стороны проходилъ вокругъ нея ровъ. Во множествѣ небольшихъ городовъ былъ такой же порядокъ; за стѣною, обыкновенно деревянною, опоясанною рвомъ по наружной сторонѣ, часть посада, иногда же и весь посадъ, охранялся другою стѣною, острожною.

Какъ каменныя, такъ и деревянныя стѣны не составляли правильныхъ очертаній; такъ напримѣръ, въ одномъ деревянномъ городѣ стѣна въ одномъ мѣстѣ съуживалась до 21 сажени, а въ другомъ расширялась до 98 (Доп. III. 102). Почти всегда городъ въ однихъ мѣстахъ былъ шире, въ другихъ параллельныхъ первымъ — уже. Окружность городовъ соразмѣрялась съ мѣстоположеніемъ и важностію города. Въ Новгородѣ, напримѣръ, каменный городъ былъ въ четыреста-девяносто-восемь саженей кругомъ, земляной въ семьсотъ-двѣнадцать, деревянный въ двѣ тысячи четыреста-шесть. Окружность астраханскаго каменнаго города заключала ты-

сячу-одиннадцать саженей (А. И. III. 217). Въ другихъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ окружность второстепенныхъ городовъ въ сто-двѣнадцать (А. А. Э. III. 147), въ сто-восемьдесятъ-четыре (Доп. IV. 155), въ триста-девяносто-пять, въ пятьсотъ-пятьдесятъ (Доп. VI. 130. Влад. Сборн. 141. А. Ю. 253) саженъ и такъ далѣе.

Въ каменныхъ стѣнахъ всегда дѣлались на верху зубцы, такіе высокіе, что иногда занимали до трети вышины всей стѣны (А. И. IV. 235). По протяженію всей стѣны возвышались башни, въ каменныхъ городахъ каменныя, въ деревянныхъ и земляныхъ деревянныя; но случалось, что при деревянныхъ городскихъ стѣнахъ башни были каменныя, какъ напримѣръ въ Ярославлѣ (кн. Больш. Черт.). Кромѣ башенъ, въ стѣнахъ дѣлались различной формы выступы, носившіе названія: городки, выводы, костры, кружала (круглыя выемки, гдѣ обыкновенно помѣщались кладовыя со входами извнутри и амбары); обломы (скатныя пристройки, выдававшіяся въ наружную сторону) съ деревянными котами (катами или колесами безъ спицъ), которые спускались на непріятеля во время осады; печоры (углубленія внутрь стѣны); быки — расположенные рядами большіе выступы, на которыхъ строились укрѣпленія, образовывавшія сверху другую стѣну (Доп. II. 31. III. 6. V 295. А. И. III. 283. Ворон. Акты II. 99). Стѣны раздѣлялись по пространствамъ между башнями, называемымъ пряслами. Эти пространства имѣли различное протяженіе въ одномъ и томъ же городѣ. Такъ въ новгородскомъ каменномъ городѣ пространство между башнями въ одной сторонѣ было до 70 саженей, въ другой до 50, въ третьей до 40 и менѣе. Въ новгородскомъ земляномъ городѣ между одними башнями было 150 саженей, между другими 46 (Доп. III. 101). Въ Тотьмѣ вообще отъ 70 до 25 саж. (Доп. II. 155). Въ одномъ деревянномъ городѣ, въ южномъ краю Московіи, на одной сторонѣ вся стѣна имѣла 75 саженей, на другой 44 (Врем. V. Ст. 29). Въ Воронежѣ въ 1666 г. въ одномъ мѣстѣ пространство между башнями заключало 155 саженей, въ другомъ 30, въ третьемъ только 18 и т. п. (Вор. Акты I. 35). По прясламъ устраивались окна, при которыхъ припасались камни и колья, чтобъ метать на осаждающихъ, и бои, узкія отверстія, откуда стрѣляли изъ пушекъ и пищалей. Такихъ боевъ въ большихъ городахъ было три ряда и назывались: подошевный, средній и верхній. Въ Астрахани на пространствѣ четырехъ-сотъ-двадцати-пяти саженей, составлявшихъ часть городской стѣны, было пятдесятъ-девять боевъ. Въ малыхъ городахъ ихъ было обыкновенно два ряда: подошевный и верхній (А. И. IV, 312. Доп. IV. 3. А. И. III. 217). Толщина и высота стѣнъ въ разныхъ городахъ была также различна, какъ и окружность. Въ Астрахани

въ 1649 г. каменная стѣна въ толщину была въ полторы сажени, а въ вышину съ зубцами четыре сажени, безъ зубцовъ двѣ сажени съ четвертью; самые зубцы возвышались надъ стѣною на сажень съ тремя четвертями и въ толщину были въ одну сажень (А. И. IV. 134). Стѣны московскаго Кремля въ XVI вѣкѣ, по свидѣтельству англичанъ (Angl. Navig. 7. edit. Starcz.), имѣли въ толщину восемьнадцать футовъ. Въ Кирилловскомъ монастырѣ вышина внѣшней стѣны была до 16 аршинъ, внутренней десять; толщина первой въ девять съ половиною, а внутренней въ полтора аршина (Поѣздка въ Кирилл. Бѣл. мон. 25). Въ Суздали валъ съ приступной, то есть съ внѣшней стороны, имѣлъ отъ восьми до десяти саженъ вышиною, а съ внутренней отъ трехъ до шести. Земляные валы дѣлались къ низу шире, къ верху уже: такимъ образомъ, въ этомъ же суздальскомъ валѣ толщина его съ почвы была отъ восьми до десяти саженъ, а на верху ширина простиралась только до полторы сажени (А. И. III. 382).

Извнутри по стѣнамъ проводились лѣстницы и ходы, обыкновенно изъ башенъ отъ одной къ другой; по мѣстамъ эти ходы имѣли тайные выходы наружу. На большихъ выступахъ или быкахъ устраивались мосты, на которыхъ, какъ сказано прежде, возвышалась другая стѣна. Вдоль городскихъ стѣнъ устраивался мостъ, по которому можно было имѣть движеніе по всей окружности (Доп. III. 6. VI. 130). Очень часто стѣны города были двойныя, тройныя и четверныя. Пространство между стѣнами насыпалось землею, или было соединяемо поперечными бревнами, или же оставлялся промежутокъ (Поѣздка въ Кирилло Бѣлоз. монаст. 26 А. И. I. 322. Влад. Сб. 170). Сверху дѣлались надъ ними кровли изъ теса или рѣшетины (Доп. II. 229. III. 169. — А. И. III. 285). Эти кровли были иногда высоки.

Башни, возвышавшіяся надъ стѣнами городовъ, были по фигурѣ круглыя, четвероугольныя, шестиугольныя, осьмистѣнныя. Кровли на нихъ иногда были такъ велики, что сами по себѣ превышали вышину остальнаго строенія; такъ въ Олонцѣ вышина башни до кровли была пять саженъ, а съ кровлею одиннадцать. Вообще вышина, длина и ширина башенъ была очень различна и не одинакова въ одномъ и томъ же городѣ. Напр., въ Воронежѣ въ 1666 году одна башня имѣла въ вышину семь саженъ, а другія пять, четыре, три и даже одну. Вышина вообще не соразмѣрялась съ объемомъ башенъ; напримѣръ, въ одномъ городѣ изъ двухъ башенъ въ полтора сажня въ діаметрѣ, одна была вышиною въ три сажня съ половиною, другая въ полтора сажня. Рѣдко длина башни была одинакова съ шириною. Чаще всего въ одну сторону онѣ были длин-

нѣе, въ другую, внутреннюю, короче, напр., четыре сажня длины и два съ половиною ширины. Но самая обыкновенная мѣра башень была около трехъ саженъ въ длину и двухъ въ ширину. Въ нѣкоторыхъ городахъ башни строились въ уровень съ стѣною, въ другихъ выступали сажня на два, на три и даже на четыре въ наружную сторону. Количество башень въ городахъ было чрезвычайно различно, смотря по объему стѣны: въ новогородскомъ каменномъ городѣ ихъ было десять, въ земляномъ девять, въ деревянномъ тридцать семь; въ Астрахани десять, въ Яикѣ восемь, въ Оломцѣ тринадцать, въ Тотьмѣ семь, въ Смоленскѣ и Муромѣ четырнадцать, въ Воронежѣ семнадцать, въ Архангельскѣ девять, въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ двадцать три. Тѣ, которыя стояли по угламъ, назывались наугольными, стоявшія по средней стѣны — серединки, съ воротами — проѣзжими, безъ воротъ — глухими. Вездѣ были тайницкія башни, стоявшія обыкновенно по близости къ рѣкѣ; оттуда дѣлали подземные ходы со струбами, иногда саженъ на шесть, десять и болѣе. Башни назывались по урочищамъ, по мѣстности, или же по ихъ назначенію, напр., розважская, новинская, водяная, набережная, поварѣнная, квасоварѣнная, — также по именамъ праздниковъ или святыхъ, напр. пречистенская, введенская, никольская. Послѣдняго рода названія давались преимущественно проѣзжимъ башнямъ. Башни раздѣлялись на ярусы, которые снаружи обозначались террасами во всю окружность строенія, называемыми въ тѣ времена мостами. Этихъ ярусовъ было обыкновенно три: нижній или подошевный, средній и верхній, а иногда, особенно въ небольшихъ городахъ, только два. Въ каждомъ ярусѣ устраивались бои; въ подошевномъ стрѣляли изъ пушекъ и потому онъ назывался пушечнымъ, а въ верхнихъ надъ нимъ изъ пищалей и мушкетовъ и потому они назывались пищальнымъ и мушкетнымъ боями. Не всегда въ одномъ и томъ же городѣ были башни съ равнымъ количествомъ боевъ. Такъ въ Смоленскѣ въ нѣкоторыхъ башняхъ были не полные бои, хотя съ полнымъ количествомъ мостовъ. Напримѣръ, въ одной башнѣ бои устроены были только въ среднемъ мосту, въ другой только въ верхнемъ, а въ нижнемъ и среднемъ не было боевъ. Ходы по башнѣ были иногда снаружи, иногда извнутри, такъ что башня въ средней по столбу раздѣлялась на отдѣлья, а верхніе отдѣлы съ нижними соединялись посредствомъ лѣстницъ. Иногда на кровляхъ башень устроивались черлаки, клѣтки, или караульни, небольшія надстройки для обозрѣнія далекихъ предметовъ; въ нихъ также были на готовѣ пищали. Число проѣзжихъ башень соразмѣрялось съ величиною города. Въ каменномъ новгородскомъ городѣ изъ де-

сяти башень было шесть проѣзжихъ, въ земляномъ изъ девяти три, въ Воронежѣ изъ семнадцати шесть, въ Бѣлевскѣ изъ восьми двѣ, въ Инсарѣ изъ восьми три, въ Муромѣ изъ четырнадцати двѣ проѣзжихъ и третья съ воротами водяными, то есть ведущими къ водѣ; въ небольшихъ городкахъ изъ четырехъ башень строилось по двѣ проѣзжихъ; никогда не строились города съ однимъ только выходомъ. Ворота въ башняхъ были толсты и широки и потому проѣзжія башни всегда значительно были и выше, и массивнѣе глухихъ; напр. въ семь саженъ съ половиною длиною и столько же шириною. Въ воротахъ вдѣлывались боевыя окна, какъ въ глухихъ башняхъ и въ прясляхъ. Надъ ними находился образъ святаго или какого нибудь большаго праздника и по имени образа называлась башня; а въ нѣкоторыхъ городахъ въ башняхъ надъ воротами устраивались маленькія церкви. Ворота запирались огромными замками. Въ мирное время, однако, створы воротъ не запирались, а только на ночь опускалась рѣшетка, а для удобства въ самыхъ воротахъ продѣлывались калитки, которыя также запирались особыми замками. Обыкновенно на проѣзжихъ башняхъ устраивались боевые часы и вѣстовой колоколъ, который всегда былъ массивнѣе и грознѣе обыкновенныхъ церковныхъ или благовѣстныхъ колоколовъ. Его называли также полошнымъ колоколомъ, потому что звонили въ него на тревогу и призывали народъ къ сбору. Вмѣстѣ съ вѣстовымъ колоколомъ стояла вѣстовая пушка, изъ которой стрѣляли только тогда, когда подавали сигналъ. На прочихъ башняхъ привѣшивались также колокола; въ нихъ звонили во время отбоя непріятеля или вылазки, для возбужденія охоты къ битвѣ и храбрости. Въ темныя ночи на башняхъ зажигались свѣчи въ слюдяныхъ фонаряхъ. Случалось, что передъ самыми проѣзжими башнями дѣлали острожки или города въ маломъ видѣ. Такъ въ Муромѣ передъ двумя проѣзжими воротами сдѣланы были острожки: одинъ длиною въ восемь саженъ, а поперекъ въ три сажня, другой длиною четыре, а шириною три сажня. (А. Ю. 253, 366. А. А. Э. III. 447.— А. И. IV. 339, 502. V. 82. — Доп. II. 155. 229. 266. III. 169, 225. V. 295. 302. VI. 130. 225. Времен. V. см. 30 XIII. XIV. 12, 14. Русск. Вѣст. 1843 г. 341. 353. Владим. Сбор. 140. 141. Воронежс. Акты 1.

Городовыя стѣны или валы окапывались всегда рвами равной глубины и ширины, проведенными по направленію твердыни съ ихъ внѣшней стороны. Въ небольшихъ городахъ встрѣчались рвы глубиною въ сажень и шириною въ двѣ сажени, или глубиною въ двѣ сажени, шириною въ двѣ съ тремя четвертями сажени (А. А. Э. III. 447. Доп. IV. 30. Времен. V. см. 30); но въ большихъ городахъ

рвы были и глубже и шире, и достоинство ихъ вообще полагалось въ томъ, чтобъ они были глубоки и круты (Доп. IV. 30). Въ иныхъ мѣстахъ въ эти рвы проводили воду, а въ другихъ забивали сваи, называемыя частикомъ или чесноком; а иногда самый чеснокъ утыкали сверху желѣзными спицами; иногда кромѣ того рвы ослоняли особою оградою изъ дубовыхъ бревенъ. Случалось, что такихъ рвовъ за главною стѣною или городскимъ валомъ было нѣсколько рядовъ, одинъ возлѣ другаго по одному направленію. (Доп. IV. 30. 231. А. И. I. 322. А. А. Э. III. 427.

Отъ рвовъ въ наружную сторону проводили отводныя стѣны и дѣлали длинный рядъ укрѣпленій, называемыхъ надолбами. То были столбы изъ толстыхъ бревенъ (обыкновенно дубовыхъ), поставленныхъ тѣсно одинъ возлѣ другаго и составлявшихъ сплошную стѣну. Надолбы были двойныя и тройныя, то есть въ два и три ряда; ряды эти соединялись между поперечными связями изъ бревенъ на верху и такимъ образомъ представляли видъ корридоровъ, всегда въ извилистомъ направленіи. Около Воронежа такіе корридоры шли отъ города на протяженіе пяти съ половиною верстъ до карауленаго городка, устроеннаго для наблюденія и для подачи вѣстей въ городъ; иногда же ряды надолбъ шли отъ города верстъ на двадцать и даже болѣе и были окаймлены рвами, а по мѣстамъ между ними устраивались башенки. Тамъ, гдѣ нужно было сдѣлать выходъ, устраивались ворота съ опускными колодами. Отъ такихъ мѣстъ пускались въ стороны ряды новыхъ надолбъ, называемыхъ отметными, а отъ этихъ въ надлежащихъ мѣстахъ расходились въ боковыя стороны другія отметныя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ надолбахъ дѣлались тайные выходы, извѣстные однимъ служилымъ людямъ. Надолбы на своихъ поворотахъ упирались въ лѣсные завалы, то есть кучи срубленнаго и сваленнаго лѣса, шириною саженей въ двадцать или тридцать. Непріятель, подступая къ городу, долженъ былъ сначала пройти черезъ эти завалы, потомъ путаться около лабиринта надолбъ, уничтожать ихъ, и тогда уже достигнуть городскихъ укрѣпленій, которыя, какъ выше сказано, были нерѣдко двойныя и тройныя и сопровождались двойнымъ и тройнымъ рядомъ рвовъ. Дороги, служившія сообщеніемъ для городовъ, пролагались вдоль надолбъ и проходили черезъ устроенныя въ нихъ ворота, которыя, въ случаѣ нужды, запирались, какъ выше сказано. Кромѣ надолбъ, существовали еще укрѣпленія, называемыя тарасами. Они состояли изъ бревенъ продольныхъ и положенныхъ на нихъ поперечныхъ и если были въ два ряда, то покрывались сверху дранью. Для укрѣпленія береговъ отъ полой воды, близъ города ставили такіе тарасы и насыпали внутрь рядовъ ихъ землю. Тарасы приста-

№ 2 71 ж.ф.
ЛЕНИНГРАДСКАЯ
Центральная библиотека
площ. Лассаля, 3

вялись также къ прясламъ городскихъ стѣнъ въ разныхъ мѣстахъ. (Вор. Акты I. 137. А. А. Э. II. 447. Врем. XIV. см. I. 7. Доп. IV, 236).

Въ украинныхъ странахъ отъ городовъ до городовъ проводились земляныя насыпи, и по ихъ протяженію устраивались въ разныхъ мѣстахъ жилые и стоялые острожки. Первые были тѣ, гдѣ постоянно жили служилые: они впослѣдствіи обращались въ города; въ другіе же посылались служилые на временную службу: послѣдніе нерѣдко возникали и скоро потомъ исчезали. По сторонамъ устраивались лѣсныя засѣки, состоявшія изъ кучъ наваленнаго лѣсу, обведенныя рвомъ, но иногда дѣлались въ нихъ башни и онѣ принимали видъ построенныхъ наскоро городовъ. Эти засѣки возводились преимущественно въ лѣсныхъ мѣстахъ; туда отряжался засѣчный приказчикъ съ отрядомъ служилыхъ: они должны были, заслышавъ о непріятелѣ, тотчасъ подавать вѣсть въ городъ. Такимъ образомъ южная часть Московіи представляла ту особую физіогномію, что, при своей малонаселенности, усѣяна была городами и острогами съ надолбами по окрестностямъ и была изрѣзана земляными валами въ разныхъ направленіяхъ, со множествомъ лѣсныхъ засѣкъ и заваловъ. Всѣ эти укрѣпленія дѣлались наскоро, а потому скоро и разрушались; теперь, кромѣ остатковъ валовъ, нѣтъ и слѣда ихъ, да и въ то время, когда они строились, край былъ больше защищаемъ твердостію служилыхъ людей, чѣмъ этими бревнами. Наши городки не корыстны — говорили въ XVI вѣкѣ Донскіе казаки крымскому хану: — оплетены плетнями, увѣшены тернами, да доставать ихъ надобно твердо головами. (С. Г. Гр. IV. 471. — Врем. IX. разр. кн. 124. 1. 17. — А. А. Э. III. 273. 411. — Доп. III. 167. Доп. VI. 182).

Во внутренности этихъ каменныхъ, земляныхъ и деревянныхъ оградъ, называемыхъ общимъ именемъ городовъ, стояли казенныя зданія. Тамъ была приказная изба, гдѣ сосредоточивалось управленіе города, посада и всего уѣзда, если городъ былъ уѣздный; предъ сѣнями приказной избы ставили пушку. Вблизи приказной избы находился воеводскій дворъ, огороженный заборомъ или заметомъ, съ разными постройками внутри, необходимыми по тогдашнему образу жизни, какъ-то: горницами, избами, погребомъ, ледникомъ, мыльнею, поварнею. Затѣмъ слѣдовали дворы священниковъ и церковнослужителей, церковь, которая обыкновенно числилась соборною или главною надъ церквами всего посада, прилегавшаго къ городу. Далѣе были казенный погребъ, для храненія зелейной казны (то есть пороху), пушечный амбаръ, гдѣ хранились свинецъ въ свиньяхъ, пули, ядра и оружія. Для этихъ хранилищъ дѣлались зданія земляныя или каменныя, а иногда вмѣсто особыхъ построекъ онѣ помѣ-

щались въ стѣнахъ и башняхъ или же во внутреннихъ пристройкахъ къ стѣнамъ. Въ городѣ находилась государева житница, откуда раздавались служилымъ хлѣбные запасы или хлѣбное царское жалованье. Въ городѣ была тюрьма, иногда помѣщаемая въ деревянной избѣ, врытой въ землю и огороженной тыномъ, иногда же въ срубѣ, засыпанномъ совершенно землею. Въ городѣ находились избы служилыхъ стрѣльцовъ, пушкарей, затинщиковъ; но въ каменныхъ городахъ эти помѣщенія устраивались и въ стѣнахъ. Наконецъ въ городѣ были дворы разныхъ частныхъ лицъ, особенно дворянъ и дѣтей боярскихъ, имѣвшихъ свои помѣстья въ уѣздѣ. Эти дворы строились ими на случай опасности, когда придется прятаться въ осаду отъ непріятеля. Въ обыкновенное мирное время хозяева такихъ дворовъ тамъ не жили, а оставляли дворниковъ изъ бобылей, которые занимались какимъ нибудь ремесломъ или промысломъ и тѣмъ содержались, и вмѣстѣ съ тѣмъ управляли дворами за право жить въ нихъ. Сверхъ этихъ частныхъ осадныхъ дворовъ были еще казенные осадные дворы или избы, построенныя для простонародія на случай военнаго времени, когда воеводы посылали черезъ бирючей скликать народъ въ осаду. Избы эти были столь просторны, что въ нихъ по нуждѣ помѣщалось до двухъ сотъ человѣкъ и жители подвергались тамъ всевозможнѣйшимъ неудобствамъ, какія могутъ происходить отъ тѣсноты; отъ этого нерѣдко жители предпочитали скитаться по лѣсамъ, подвергаясь опасности попасться подъ татарскій арканъ, чѣмъ идти въ осаду.

Количество строеній въ городахъ было различно, смотря по величинѣ города. Въ большихъ городахъ помѣщались даже и гостиные дворы; города въ такомъ случаѣ дѣлались средоточіемъ торговли и оттого-то впослѣдствіи названіе города стало вообще означать мѣсто торговой и промышленной дѣятельности. Прежде другихъ такой характеръ получили тѣ города, гдѣ сосредоточивалось управленіе нѣсколькими уѣздами.

III.

МОСКВА.

Переходя отъ городовъ къ посадамъ, слѣдуетъ остановиться на Москвѣ, которая въ большей части своего протяженія была и городомъ и посадомъ вмѣстѣ.

Средоточіемъ Москвы былъ Кремль. Неизвѣстенъ годъ построенія его. Вѣроятно онъ существовалъ съ основанія самой Мо-

сквы и былъ, какъ вообще русскіе города, деревянный. Въ 1367 году впервые заложенъ былъ каменный городъ, но потомъ разрушился, и уже въ концѣ XV вѣка великій князь Іоаннъ построилъ опять каменную стѣну съ башнями. Постройкою занимались итальянцы. Отъ двухъ угловъ кремлевской ограды на востокъ тянулось продолженіе каменной стѣны и образовало другой городъ, называемый Китай-городъ, построенный въ 1538 году правительницею Еленою. За Кремлемъ и Китай-городомъ, примыкавшими съ одной стороны къ рѣкѣ, съ другихъ сторонъ простирался посадъ, который также былъ обведенъ стѣною съ воротами и башнями, и назывался Бѣлымъ городомъ, отъ бѣлаго цвѣта окружавшей его стѣны. За этой стѣною слѣдовалъ другой посадъ, который также былъ при Борисѣ обведенъ двойною деревянною стѣною съ толстымъ слоемъ земли въ промежуткѣ между двумя стѣнными рядами. Онъ назывался Земляянымъ городомъ. Сверхъ того на другой сторонѣ Москвы рѣки, какъ продолженіе Земляного города, стоялъ городокъ, и наконецъ многіе монастыри, укрѣпленные по тогдашнимъ обычаямъ стѣнами и башнями, представляли видъ отдѣльныхъ городовъ. Такъ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, во время нашествія королевича Владислава, монастыри Симоновъ и Новодѣвичій обращены были въ отдѣльные форты.

Москва своей огромностью изумляла иностранцевъ; впрочемъ отъ нихъ не укрылось, что величина эта была только кажущаяся, потому что дворы были очень велики. Въ XVI вѣкѣ она была больше, чѣмъ въ XVII. По свидѣтельству Герберштейна, въ его время Москва заключала въ себѣ 41,500 домовъ. Посѣтившій ее при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ Флетчеръ полагаетъ, что въ прежнее время было въ ней тоже количество домовъ, но присовокупляетъ, что она очень потерпѣла и уменьшилась въ объемѣ послѣ опустошенія, нанесеннаго крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ въ 1571 году (Fletch. 13). Олеарій, посѣщавшій Москву при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, также говоритъ, что она была огромнѣе до этого бѣдствія и что внѣшняя ограда имѣла тогда двадцать пять верстъ въ окружности. По его извѣстію, разореніе крымцами было для ней гибельнѣе, чѣмъ разореніе во время поляковъ, хотя послѣднее въ то время свѣжѣе напечатлѣвалось въ народномъ воспоминаніи. Тогда она занимала три нѣмецкихъ мили кругомъ. (Olear. 140, 144). Мейербергъ, посѣщавшій Москву въ 1661 году, полагаетъ окружность ея съ одной стороны въ 12000 саженъ, а съ другой въ 7,000 — это составляетъ девятнадцать верстъ, но какъ тогда версты были тысяча-саженныя, то это значитъ, что Москва имѣла въ окружности нынѣшнихъ тридцать восемь верстъ (Mejerb. 200). Мейербергъ полагаетъ ее съ слободами, а Олеарій, ка-

жется, не считаетъ слободъ, ибо онѣ въ его время были истреблены пожаромъ, уничтожившимъ до пяти тысячъ домовъ. Изъ этихъ извѣстій можно только приблизительно и не вполнѣ ясно представить себѣ величину древней столицы; да и сами описатели ея не могли соблюсти точности, потому что сама Москва безпрестанно измѣняла свой видъ отъ частыхъ пожаровъ (Carlisle 71).

Кремль занималъ средину столицы и былъ средоточіемъ власти, управленія, церковнаго устройства и убѣжденій всего русскаго народа. Тамъ жилъ царь и Кремль былъ священнымъ мѣстомъ русскаго народа. Съ трехъ сторонъ Кремль окруженъ былъ водою; съ юга окаймляла его Москва-рѣка, съ запада и съ сѣвера Неглинная. Эта болотистая рѣка, теперь уже не существующая, въ верхней части Кремля образовала прудъ, изъ котораго была проведена вода въ канавы, прорытыя около кремлевскихъ стѣнъ. Въ XVI вѣкѣ канавы эти были такъ многоводны и глубоки, что на нихъ были построены мельницы. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ онѣ сдѣлались только рвами, однако значительной глубины (Olear. 146). По направленію канавъ или рвовъ Кремль окружала кирпичная стѣна съ башнями. Каждая изъ башень носила собственное названіе, однѣ по образамъ, которые на нихъ висѣли, другія по мѣстности. Въ XVI в. было шестнадцать или семнадцать башень (Jenkins. Hac. 350. — Math. Miech. 4). Башни проѣзжія были громаднѣе, чѣмъ глухія. Ворота Кремля были слѣдующія: Фроловскія, въ 1658 г. переименованныя въ Спасскія и теперь удержавшія это названіе, Никольскія, Константиновскія (теперь несуществующія) на югъ отъ Спасскихъ, Боровицкія, переименованныя Алексѣемъ Михаиловичемъ въ 1658 году въ Пречистенскія (П. С. З. I. 450), Неглинныя, Тайницкія къ Москвѣ-рѣкѣ и Портомойныя на юго-западномъ углу у водовзводной башни, куда прачки выходили мыть бѣлье на плотъ, устроенный для этого. Только пять первыхъ воротъ были проѣзжіе (Das gr. Reich von Mosc. 21). Фроловская или Спасская башня надъ главными воротами была выше и красивѣе другихъ. На рисункахъ, оставшихся отъ XVII вѣка, она одна походитъ на нынѣшнія кремлевскія проѣзжія башни. Сверхъ всѣхъ башень, проѣзжихъ и глухихъ, на каждой сторонѣ кремлевскихъ стѣнъ были устроены маленькія башенки, гдѣ висѣли колокола, въ которые звонили во время пожара и тревоги (Mejerb. 61). Кремлевскія стѣны были уставлены пушками (Carlis. 71).

Въ Кремлѣ былъ дворъ государевъ. У старыхъ великихъ князей хоромы были деревянныя. Но по мѣрѣ того, какъ держава Московская принимала болѣе крѣпости и государственной силы, возникала при дворѣ потребность созидать каменныя зданія. При Іоаннѣ III построенъ былъ каменный казенный дворецъ между Архангельскимъ и

Благовѣщенскимъ соборами, а потомъ и дворецъ для жилья, оконченный въ 1508 году. Ужасный пожаръ въ 1547 г. повредилъ этотъ дворецъ. Іоаннъ возобновилъ его и украсилъ золоченою кровлею (Гербер. 9), но въ 1571 г. онъ былъ разоренъ Девлетъ-Гиреемъ. При Ѳедорѣ онъ былъ однако уже отдѣланъ и находился въ нарядномъ видѣ. При Борисѣ, Самозванцѣ, Шуйскомъ и въ первую половину царствованія Михаила строили только деревянные дворцы. Но послѣ пожара 1626 г., въ другой разъ при Михаилѣ истребившаго царское жилье, принялись за постройку каменныхъ зданій. Михаилъ Ѳедоровичъ отстроилъ себѣ каменный дворецъ; но не жилъ въ немъ, а предоставилъ его царевичу, и предпочелъ для себя жить въ деревянномъ зданіи, находя, что деревянныя здоровѣе каменныхъ. (Olear. 146, Carlisl. 71). При Алексѣѣ Михайловичѣ была построена новая дворцовая палата и потѣшный дворецъ. Въ концѣ его царствованія было два царскихъ каменныхъ дворца (Das. Gr. Reich von Mosc. 121). При Ѳедорѣ Алексѣевичѣ были перестроены и обновлены каменныя зданія дворца. Но тѣмъ не менѣе въ XVII в. цари продолжали предпочитать деревянныя зданія для жилья, и для каждаго члена царскаго семейства строили особые домики. Такимъ образомъ царскія усадьбы въ Кремлѣ состояли изъ немногихъ каменныхъ и множества деревянныхъ строеній, отдѣльно построенныхъ, нагроможденныхъ въ различныхъ направленіяхъ и по вкусу времени испещренныхъ золотомъ, разноцвѣтными и вычурными украшеніями. Царскій дворъ огороженъ былъ рѣшеткою (Jenkins. Hacl. 350) съ воротами, на которыхъ висѣли образа. Эти ворота были: Куретныя, Кольмажныя, украшенныя высокою башнею и часами, Воскресенскія и Золотыя или гербовыя съ башнею, на вершинѣ которой находился золоченый двуглавый орелъ, а на стѣнахъ были изображены гербы областей Московскаго государства. Куретныя ворота въ 1658 г. переименованы въ Троицкія (П. С. З. I. 350) и находились на сѣверѣ, безъ башни на верху, подъ палатами царскихъ мастерицъ; за ними внѣ двора было множество зданій, занимаемыхъ разными отраслями царскаго хозяйства; дворцы: сытный, кормовой, хлѣбенный, приспѣшныя палаты, пивоварня, медоварня, воскобойня, свѣчная, аптека, денежный дворъ, конюшенный дворъ и проч. На взгорьѣ къ Москвѣ рѣкѣ былъ запасный дворецъ — каменное зданіе съ разведеннымъ на немъ садомъ, а внизу житный дворъ (гдѣ хранились хлѣбные запасы) и Церковь Благовѣщенія. Кромѣ царскаго двора въ Кремлѣ были дворы приближенныхъ къ царю бояръ и вельможъ. Такъ при Алексѣѣ Михайловичѣ тамъ находились дворы: Морозова, Кудевизича-Черкасскаго, Бориса Лыкова и другихъ. Оригинальная неправильность постройки, вычурность, пестрота и затѣйливость

украшеній останавливали на себѣ глаза путешественниковъ, но болѣе всего поражали ихъ кремлевскія церкви: куполы и главы нѣкоторыхъ изъ нихъ были покрыты золоченою мѣдью и ослѣпительно блистали противъ солнца (Olear. 146; Jenkins. Hacl 330.—Mejerb. 160. Домаш. Б. русск. цар. Забѣл. О. З. 1851). Въ началѣ XVI вѣка только немногія изъ нихъ были каменныя, но въ XVII число ихъ несравненно увеличилось. Всѣхъ вообще церквей насчиталъ Олеарій въ Кремлѣ пятьдесятъ двѣ (Olear. 146), а другой путешественникъ при Алексѣѣ Михаиловичѣ только тридцать (Das. gr. R. von Mosc. 121). Вѣрно только то, что ихъ было больше чѣмъ теперь, потому что, кромѣ существующихъ, упоминаются такія, которыхъ болѣе нѣтъ: Срѣтенскій соборъ, Троицкій монастырь, церковь Сергія Чудотворца (Mejerb. 160). Башня Ивана Великаго, построенная Борисомъ, величаво возвышалась надъ кремлевскими зданіями; близъ нея находилась башенка съ огромнымъ колоколомъ въ 365 центнеровъ вѣсомъ (Olear. 147). Къ огромному языку его были привѣшены двѣ веревки, а къ каждой изъ нихъ по двѣнадцати веревочекъ, такъ что нужно было двадцать четыре человѣка, чтобъ раскачать эту массу. Въ него звонили по большимъ праздникамъ и при встрѣчѣ посольствъ.

За предѣлами Кремля на востокъ протягивался Китай-Городъ. Китай Городъ начинался отъ Кремля Красною площадью. Онъ обведенъ былъ кирпичною стѣною краснаго цвѣта (побѣленною при царевнѣ Софьѣ), которая на сѣверѣ соединялась съ угломъ кремлевской, а на югѣ вдоль Москвы рѣки съ бѣлогородскою и образовала съ нею одну стѣну. Тутъ было лобное мѣсто, откуда читались народу царскія грамоты; здѣсь стояла Покровская церковь, которую называли Іерусалимскою, построенная царемъ Иваномъ Васильевичемъ послѣ взятія Казани и теперь поражающая своею оригинальностію и причудливою смѣсью восточной архитектуры съ европейскою. Не далеко отъ нея былъ амфитеатръ изъ тесанаго камня, поднимавшійся вверхъ уступами, мѣсто значительное въ старой обрядности нашей въ праздникъ вербнаго воскресенія. Близъ амфитеатра стояла церковь св. Меркурія Смоленскаго; съ другой стороны амфитеатра находился Земскій приказъ — покрытое землею зданіе съ двумя огромными орудіями на верху и съ другими двумя внизу на землѣ (Mejerb. 161. — Das gr. Reich. v. Mosc. 119). На Красной площади предъ лицемъ Кремля былъ большой рынокъ, гдѣ постоянно толпились и продавцы и покупатели и праздношатающіеся, а вблизи амфитеатра сидѣли женщины, продававшія свои издѣлія (Olear. 147). На востокъ отъ рынка простирались торговые ряды; ихъ было множество, потому что для каждаго товара былъ свой торговый рядъ. Въ Китай Городѣ была типографія, множество церквей, многіе приказы, домы

знатныхъ бояръ, дворянъ и гостей, англійскій дворъ, по упраздненіи привиллегіи англичанъ обращенный въ тюрьму, три гостиныхъ двора; отъ послѣдняго изъ нихъ, персидскаго, на югъ шла овощная улица, состоявшая изъ лавокъ съ овощными товарами. Она упиралась въ рыбный рынокъ, по разсказамъ иностранцевъ сдѣлавшійся извѣстнымъ своей нестерпимой вонью. Отъ него черезъ рѣку построенъ былъ мостъ на судахъ, а за мостомъ слѣдовало козье болото, урочище, на которомъ казнили преступниковъ.

За предѣлами Китай-Города слѣдовалъ Бѣлый Городъ, обведенный бѣлою стѣною, называемой такъ особенно въ отличіе отъ красной стѣны Китай-Города. До Ѳедора Іоанновича стѣна, построенная на этомъ мѣстѣ, была деревянная; при этомъ государѣ вмѣсто нея сооружена каменная. Она была высока и толста, шла въ видѣ полумѣсяца отъ одного пункта близъ Москвы рѣки до другаго близъ той же рѣки, въ обоихъ пунктахъ загибалась и примыкала съ запада къ Кремлю, а съ востока въ Китай Городу, такъ что у подножія царскаго двора всѣ три города соединялись въ одну кремлевскую стѣну, которая шла вдоль Москвы рѣки. По стѣнамъ Бѣлаго Города шли башни; изъ нихъ двѣнадцать были проѣзжихъ съ воротами: на югозападѣ Троицкая, въ поворотѣ, посредствомъ котораго Бѣлый Городъ соединялся съ Кремлемъ; отсюда по круговой линіи на западъ, съ запада на сѣверъ, а съ сѣвера на востокъ слѣдовали одни за другими ворота въ проѣзжихъ башняхъ: Чертольскія, переименованныя въ 1658 году въ Пречистенскія (П. С. З. 1. 456), Арбатскія, въ томъ же году нареченныя Смоленскими, Никитскія, Тверскія, Петровскія, Дмитровскія, Срѣтенскія, Мясницкія, переименованныя въ 1658 г. въ Фроловскія, Покровскія, Яузскія и Васильевскія. Между Срѣтенскими и Дмитровскими воротами стояла башня, черезъ которую проходила рѣка Неглинная, протекавшая черезъ Бѣлый Городъ по направленію отъ сѣверовостока къ сѣверозападу. Эта башня называлась Неглинною трубой. Между проѣзжими башнями стояли глухія: между Чертольскими и Арбатскими, также между Никитскими и Тверскими по двѣ; между остальными по одной; глухая башня между Яузскими и Васильевскими воротами носила исключительное названіе Наугольной (С. Г. Гр. III. 173). Въ началѣ XVIII вѣка только между двумя воротами было по одной башнѣ, между другими вездѣ по двѣ, а между нѣкоторыми и по три (De Bruyns. 41). Стѣны Бѣлаго Города шли по линіи нынѣшнихъ бульваровъ и какъ извѣстно, старинныя названія воротъ сохранились до сихъ поръ, хотя стѣны уже давно исчезли, по повелѣнію Екатерины II. Бѣлый Городъ или Царь Городъ, какъ его называли, былъ самою населенною частію Москвы. У многихъ князей и бояръ были здѣсь большіе дворы, здѣсь жили многіе

изъ богатаго купечества, большая часть ремесленниковъ съ своими мастерскими и лавками при нихъ для продажи своихъ издѣлій; здѣсь былъ гостиный нѣмецкій дворъ; здѣсь сосредоточивалась торговля хлѣбомъ и мясомъ: — послѣднее продавалось на мясномъ рынкѣ съ мясныхъ скамей; на этомъ рынкѣ были и бойни, куда пригоняли скотину. На берегу Неглинной, близъ урочища, называемаго Поганый Прудъ, стоялъ пушечный или литейный заводъ, гдѣ готовились пушки и колокола; въ другомъ мѣстѣ былъ царскій конюшенный дворъ съ конюшнями (Olear. 149). Еще въ концѣ XVII вѣка на правой сторонѣ Неглинной возвышался построенный Іоанномъ Грознымъ въ 1565 году въ итальянскомъ вкусѣ дворецъ (Das gr. Reich v. Mosc. 117).

За предѣлами Бѣлаго Города былъ расположенъ Земляной Городъ. Стѣну его построили въ 1591 году по поводу опасенія отъ набѣга крымцевъ, которыхъ посѣщеніе двадцать лѣтъ передъ тѣмъ слишкомъ много надѣлало горя московскимъ жителямъ. Эта стѣна была построена очень скоро и вѣроятно отъ этой скорости весь Земляной городъ назывался Скородумомъ, то есть скорозадуманнымъ городомъ. Англичанинъ при Алексѣѣ Михайловичѣ замѣчалъ, что въ этой стѣнѣ было такъ много дерева, что изъ него можно было построить рядъ тонкостѣнныхъ англійскихъ домиковъ на тринадцать миль длины (Коллинсъ 20). Стѣна эта шла по теперешнему направленію Новинскаго и Садовой округленнымъ очертаніемъ и какъ на западѣ, такъ и на востокѣ упиралась въ Москву рѣку, пересѣкая на пути своемъ рѣку Яузу. Въ земляномъ городѣ за Яузою былъ древесный рынокъ, гдѣ продавались лѣсныя издѣлія и между прочимъ готовые дома, нужные для московскихъ жителей по причинѣ частыхъ пожаровъ (Olear. 149). Много торговыхъ и ремесленныхъ заведеній находилось въ дворахъ домохозяевъ (А. отн. къ юр. быту 16). Жители здѣсь были большею частію посадскіе люди, и мало жило знатныхъ особъ. Домы были почти всѣ деревянные, а самые дворы отличались огромностію пространства.

Замоскворѣчье въ древности называлось Зарѣчье. Великій князь Василій Ивановичъ поселилъ здѣсь плѣнныхъ нѣмцевъ и литовцевъ: имъ дозволяли пить вино, потому-то ихъ и вывели отдѣльно отъ русскихъ, которымъ вино разрѣшалось только по праздникамъ (Herberst. 113). Отъ этого Зарѣчье прозвано *Налевки* отъ слова, наливай. Впослѣдствіи тамъ заведена была стрѣлецкая слобода. Она была обнесена стѣною, которая казалась продолженіемъ стѣны Земляного города, потому что подходила къ Москвѣ рѣкѣ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ на противоположной сторонѣ упиралась въ нее земляногородская стѣна. Двое воротъ — Серпуховскія и Калужскія — въ

проѣзжихъ башняхъ служили выходомъ и входомъ для этого города (С. Г. Гр. III. 173).

За городомъ были разныя слободы, которыхъ насчитываютъ чрезвычайно много; однѣ изъ нихъ вошли въ разное время въ городъ; мѣстность другихъ даже опредѣлить теперь трудно. Въ XVI и XVII вѣкѣ упоминаются слободы: Кадашевка (слобода ткачей полотенъ), ордынцовъ, сѣдельниковъ, гончаровъ, котельниковъ, серебренниковъ, басманниковъ, огородниковъ, мясниковъ, воротниковъ, гранатниковъ, кречетниковъ, трубниковъ, баращей, пушкарей, сокольниковъ, хлѣбниковъ; Бронная, Конюшенная, Казенная; другія носили названія по собственнымъ именамъ: Семеновская, Воронцовская, Алексѣевская, Никитская, Кудрина, Садовая; было сверхъ того нѣсколько ямскихъ слободъ: Тверская, Дорогомиловская, Рогожская, Напрудная (А. И. III. 104; Доп. 17. 183. 191. Врем. IX). За Яузой, гдѣ помѣщались многія изъ исчисленныхъ здѣсь слободъ, была между прочими, Иноземная слобода или Нѣмецкая, построенная Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Послѣ смутнаго времени нѣмцы разселились по городу и построили себѣ церковь въ Бѣломъ Городѣ; но по настоянію духовенства при Алексѣѣ Михайловичѣ ихъ снова выселили въ слободу. Тамъ у нихъ было три церкви.

Сверхъ всѣхъ слободъ, по окрестностямъ столицы было разсѣяно множество загородныхъ домовъ вельможъ и богатыхъ московскихъ жителей, такъ что, приближаясь къ столицѣ, можно было издали ее чувствовать (С. Г. Гр. IV. 215). Тамъ и сямъ мелькали монастыри, огороженные стѣнами и башнями во вкусѣ тогдашнихъ городовъ. Между ними безпрестанно появлялись новые дворы. Монастыри и слободы произвольно захватывали земли и отдавали ихъ, какъ свою собственность, подъ загородные дворы. Но въ 1649 году правительство со всѣхъ такихъ дворовъ постановило собирать въ казну оброкъ и запретило впередъ селиться на выгонной землѣ. Такимъ образомъ было остановлено естественное расширеніе столицы (П. С. З. I. 123—235).

IV.

ПОСАДЫ.

Посады, какъ выше сказано, обыкновенно располагались при городахъ и часто укрѣплялись острогами (А. И. III. 56) или осыпами (Влад. Сб. 141); но въ мѣстахъ, гдѣ отдаленность отъ границы не

представляла опасности, посады были безъ городовъ. Жители посадовъ—торговцы, ремесленники и промышленники, обязанные различными налогами и повинностями правительству, назывались тяглыми; ихъ тяглые дворы служили единицами въ полицейскихъ и финансовыхъ отношеніяхъ посадовъ къ государству. Кромѣ тяглыхъ дворовъ были на посадахъ дворы *не тяглые* или бѣлые, не подлежавшіе тѣмъ повинностямъ, какія налагались на тяглыхъ. То были дворы священнослужителей, дворы церковные, монастырскія подворья, гдѣ жили старцы, завѣдывавшіе дѣлами своихъ монастырей, участвовавшихъ какъ извѣстно въ торговлѣ, дворы дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые рѣдко жили въ нихъ сами, а чаще содержали тамъ своихъ дворниковъ. Были еще на посадахъ оброчные дворы, то есть такіе, которые сдавались отъ казны въ оброкъ на подобныхъ основаніяхъ, какъ и поземельные участки. Этотъ обычай велся издавна и существовалъ еще при великихъ князьяхъ. Наконецъ въ посадахъ между дворами составляли особый разрядъ дворы бобылей, людей бѣдныхъ, не имѣвшихъ опредѣленнаго занятія и платившихъ соотвѣтственно своему состоянію меньшіе налоги. (С. Г. Гр. I. 86. Врем. II. стр. 114. VI. Писц. кн. 65. Доп. I. 391. А. г. Шуи. 182. — А. А. Э. III. 212. А. И. II. 63).

Строиться улицами было издавна въ обычаѣ у русскихъ. Въ посадахъ улицы носили названія по именамъ церквей, построенныхъ на нихъ, напр., Дмитровская, Пречистенская, Воскресенская, Успенская,—иногда же по занятіямъ тѣхъ, которые на нихъ жили, напр., Калачная, Ямская, Кабацкая, Загостинская; иногда по какимъ нибудь собственнымъ именамъ прозвищъ, напримѣръ, Бугрѣева, Парфеновка. По краямъ улицъ, или гдѣ онѣ пересѣкались между собою, ставили образа въ кіотахъ. Вообще онѣ были широки, довольно прямы, но очень грязны. Только въ Москвѣ и въ большихъ городахъ было что-то похожее на мостовую. Это были круглые деревяшки, сложенныя плотно вмѣстѣ одна съ другою. Не вся Москва была такимъ образомъ вымощена: во многихъ мѣстахъ не было мостовой и тамъ, гдѣ особенно было грязно, черезъ улицы просто перекладывали доски. Въ Москвѣ собирался съ жителей поборъ подъ именемъ мостовщины и земскій приказъ занимался мощеніемъ улицъ, но мостили больше тамъ, гдѣ было близко къ царю. Такая мостовая не препятствовала впрочемъ женщинамъ ходить не иначе какъ въ огромныхъ сапогахъ, чтобъ не увязнуть въ грязи. Хотя въ Москвѣ существовалъ особый классъ служителей, называемыхъ метельщиками, обязанныхъ мести и чистить улицы, и хотя ихъ было человѣкъ пятьдесятъ, однако въ переулкахъ столицы валялось стерво и во многихъ мѣстахъ господствовала невыносимая вонь. Если въ са-

ной столицѣ такъ мало наблюдали чистоту, то еще менѣе заботились о ней въ посадахъ, но за то при малолюдствѣ ихъ въ сравненіи съ Москвою не столько причиняла зла такая небрежность. (А. Ю. 156. 250. 331. — А. отн. къ юр. б. 463. — А. И. III. 117. IV. 27.—Olear. 146. — Struis. 188. — Carlisle 71. 353).

Вездѣ въ посадахъ были площади, иногда очень пространныя и всегда почти неправильныя. Въ Бѣлозерскѣ въ XVI вѣкѣ при трехъ стахъ дворахъ была площадь въ двѣсти-сорокъ саженъ длиною, а шириною въ одномъ концѣ въ шестьдесять-восемь саженъ, а въ другомъ тридцать-пять, въ серединѣ семьдесять. Въ Муромѣ площадь была въ длину 94 сажня, а въ ширину въ одномъ мѣстѣ 26, а въ другомъ 12 саженъ. Обыкновенно всѣ улицы посада съ разныхъ сторонъ неправильными линіями сходились къ площадямъ, которыя были центромъ торговли и вообще всѣхъ сношеній жителей посада. Тутъ стояли ряды и лавки, гдѣ не только продавали, но и работали, прилавки съ разными мелочами, скамьи съ мясными и рыбными припасами, калачни, харчевни, гдѣ собирались гуляки, и земская изба — мѣсто выборнаго управленія. Въ большихъ посадахъ также торговые рынки находились въ той части, которая окружена была стѣною и часто называлась городомъ; напримѣръ, въ Астрахани въ той части посада, которая была окружена каменною стѣною и называлась Бѣлымъ городомъ, была площадь, гдѣ находился большой гостиный дворъ и торговыя заведенія, а въ другомъ мѣстѣ была площадь, гдѣ продавалось дерево. Около посадовъ оставлялась всегда выгонная земля, называемая иначе поскотинною, если тамъ были луга, то луговою, или же боровою, когда посадъ окружали лѣса (А. Ю. 248. 253.—А. отн. къ юр. б. 568.—Влад. Сборн. 141.—Доп. I. 92. VI. 283).

Главнымъ украшеніемъ посадовъ были церкви. Не говоря уже о Москвѣ, гдѣ число всѣхъ церквей, по свидѣтельству путешественниковъ, повѣрявшихъ наблюденія одинъ другого (Барб. 9. Olear. 149. Carlisl. 71) простиралось до двухъ тысячъ, вообще въ посадахъ, даже немноголюдныхъ, находилось множество церквей, несоразмѣрное съ населеніемъ. Въ Бѣлозерскѣ, гдѣ всѣхъ душъ въ 1674 году считалось только 960, было девятнадцать церквей и изъ нихъ одна каменная соборная (А. Ю. 256). Въ Муромѣ въ 1687 году было, кромѣ трехъ церквей въ городѣ, четыре монастыря и двадцать церквей въ посадѣ, а между тѣмъ Муромъ не отличался многолюдствомъ (Влад. Сборн. 160). Въ старыя времена каждый зажиточный человѣкъ строилъ церковь, содержалъ для ней попа и молился въ ней съ своею семьею. За то многія церкви были такъ малы, что простирались не болѣе, какъ на пятнадцать футовъ (Olear. 179); онѣ были деревян-

ныя, не бѣленыя, крытыя тесомъ или гонтомъ, но часто главы покрывались бѣлымъ желѣзомъ и блистали противъ солнца. Въ Вологдѣ всѣ главы церквей, которыхъ было всего 67 (21 каменныхъ, 43 деревянныхъ и три монастыря), были покрыты такимъ образомъ (de Bruyns).

Вообще посады наши были не многолюдны. Разныя бѣдствія, столь обильно изливаемыя судьбою на Русь, оказывали постоянно вредныя послѣдствія на размноженіе населенія посадовъ. На югѣ Россіи никакъ не могли процвѣтать посады, потому что безпрестанные набѣги крымцевъ не давали народу возможности вести осѣдлой жизни, тѣмъ менѣе заботиться о житейскихъ удобствахъ. Очень часто посѣщали Русь моровыя повѣтрія; какъ страшно онѣ опустошали посады, можно видѣть изъ такихъ примѣровъ, какъ напримѣръ, въ Шуѣ, гдѣ въ 1654 и 1655 послѣ мороваго повѣтрія изъ двухсотъ двадцати-четырехъ дворовъ вымерли совершенно обитатели девяносто-одного двора и послѣ трехъ лѣтъ въ 1668 г. многіе дворы еще оставались по той же причинѣ пустыми (Он. г. Шуи 334). Дурное управленіе и тягости, возложенныя на посадскихъ отъ правительства, побуждали жителей оставлять свои жительства и шататься съ мѣста на мѣсто; другіе, гонимые бѣдностію, закладывались частнымъ владѣльцамъ или монастырямъ; иные постригались въ монахи (А. г. Шуи 80).

Выше показана скудость населенія въ Бѣлозерскѣ и Шуѣ; въ другихъ мѣстахъ и въ различное время представляется тоже. Такъ напримѣръ, въ 1574 году въ Муромѣ было 738 дворовыхъ мѣстъ, назначенныхъ для поселенія, но изъ нихъ только сто-одиннадцать было жилыхъ; сто-семь дворовъ съ своими строеніями стояли пустыми, а прочія мѣста не были и застроены, или, можетъ быть, бывшія на нихъ строенія уже исчезли (А. Ю. 257). Въ 1637 году въ Устюжнѣ было всего 78 дворовъ, а людей въ нихъ 254 человѣка (А. А. Э. III. 419). Около того же времени или нѣсколько позже въ Чердынѣ было 304 двора, а въ Соли Камской 355 (А. И. III. 361); а эти города, по своему мѣстоположенію, удаленному отъ внезапныхъ набѣговъ хищническихъ народовъ и по приволью, представляли возможность правильнѣйшаго населенія. Въ Холмогорахъ, которыя стояли недалеко отъ моря и притомъ на главномъ торговомъ пути, въ 1675 году было всего 645 дворовъ, а людей въ нихъ 1,391 человѣкъ (Доп. VI. 396). Сама власть не способствовала развитію посадской жизни. Прежніе цвѣтущіе города — Новгородъ, Псковъ, Тверь, потерявъ свою гражданственность, теряли и свои богатства. Правительство, стремившееся къ единовластію, не допускало въ посадахъ развиться самоуправленію, которое всегда идетъ рука-объ-руку съ

благосостояніемъ (Das. Gr. Reich v. Mosc. 173). При безпрерывныхъ, неотвратимыхъ бѣдствіяхъ, побуждавшихъ народъ къ шатанію, было невозможно, чтобъ въ посадахъ заботились о красотѣ и прочности постройки зданій; притомъ же пожары были самое повседневное и повсемѣстное явленіе (Маржер. 3.). Москва, какъ извѣстно, славилась многими историческими пожарами, губившими не только жилища, но и тысячи людей. Стоитъ припомнить пожаръ 1493 года, истребившій всю Москву и Кремль (И. Г. Р. VI. 73), славный пожаръ 1547 года (Карамз. VIII. Прим. 173), когда, кромѣ строеній, сгорѣло болѣе двухъ тысячъ народа, пожаръ 1591 года, доставившій Борису случай показать предъ народомъ свою щедрость; пожары при Михаилѣ Ѳедоровичѣ были такъ часты, что не обходилось безъ нихъ ни одного мѣсяца; иногда на нихъ было таково плодородіе, что они слѣдовали одинъ за другимъ каждую недѣлю и даже случалось, что въ одну ночь Москва загоралась раза по два или по три. Нѣкоторые изъ этихъ пожаровъ были такъ опустошительны, что истребляли въ одинъ разъ третью часть столицы (Olear. 149). При Алексѣѣ Михаиловичѣ Москва нѣсколько разъ испытывала подобные пожары, напр., во время возмущенія народнаго по поводу пошлины на соль въ 1648 г., потомъ въ 1664 и 1667 годахъ (Olear. 144. Carlisle 206. Struiss 128).

Въ другихъ городахъ пожары были также опустошительны; напримѣръ, въ Псковѣ въ 1623 г. былъ пожаръ, истребившій городъ до тла, такъ что жители, обѣдневши, долго не могли послѣ того поправиться (А. А. Э. III. 19). Несмотря однако на такія частыя бѣдствія отъ огня, мѣры противъ него были вялы и преимущественно только предохранительныя: старались дѣлать пошире дворы, правительство приказывало ставить на кровли строеній кадки съ водою и мѣрники съ помелами; запрещалось по ночамъ сидѣть съ огнемъ и топить лѣтомъ мыльни и даже печи въ избахъ, а вмѣсто того жители должны были готовить себѣ пищу въ огородахъ. Эта мѣра одна по себѣ была плохимъ средствомъ и притомъ не всѣ ей подлежали: нѣкоторымъ зажиточнымъ хозяевамъ, такъ называемымъ служилымъ людямъ, по хорошимъ ихъ отношеніямъ съ воеводами, позволялось то, что вообще запрещалось другимъ; воевода могъ разрѣшить топить лѣтомъ избу, если находилъ, что день довольно пасмуренъ или влаженъ, и мыльню изъ снисхожденія къ больнымъ и родильницамъ (П. С. З. I. 675, 677. Г. Гр. III, 163). Когда вспыхивалъ пожаръ, всѣ дѣйствія противъ него ограничивались тѣмъ, что старались ломать строенія, стоявшія близъ горящихъ зданій. Только въ Москвѣ были нѣкотораго рода обычныя мѣры гашенія огня при пожарахъ. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ существовали какіе-то хол-

стинные парусы аршинъ въ пять длиною и щиты изъ лубьевъ съ рукоятьми (А. И. III. 102). При Алексѣѣ Михаиловичѣ велѣно было, чтобъ всѣ вообще зажиточные люди заводили у себя мѣдныя и деревянныя трубы, а люди съ меньшимъ достаткомъ складывались вмѣстѣ по пяти дворовъ для покупки одной трубы, и въ случаѣ пожара всѣ должны были бѣжать для погашенія.

V.

СЛОБОДЫ.

На Руси встрѣчались слободы трехъ родовъ: служилыхъ людей, промышленниковъ и наконецъ вообще поселянъ, пользующихся льготами. Къ слободамъ служилыхъ людей относились стрѣлецкая, пушкарская, пищальная, затинщиковъ, воротниковъ, козачьи, ямскія. Въ нихъ были поселены служилые люди одного какого нибудь наименованія, которые составляли корпорацію и исполняли опредѣленную служебную обязанность въ отношеніи правительства. Слободы этого рода пользовались особымъ управленіемъ и особыми правами. По большей части онѣ находились близъ городовъ и составляли предмѣстія посадовъ, если подъ городомъ находился посадъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, однако, особенно на югѣ московскаго государства, мѣсто самаго посада занимали слободы. Близъ одного острога были слободы: стрѣлецкая, козачья и пушкарская, а посадскихъ былъ одинъ только дворъ; такимъ образомъ весь посадъ хотя и числился существующимъ, но заключался въ одномъ только дворѣ (Временн. Припр. кн. уѣзда Ряз. Маршевс. стана 7124 года). Величина служилыхъ слободъ соразмѣрялась съ потребностію военной силы по важности народа, близъ котораго онѣ были расположены; иногда онѣ были очень не велики, напр., человѣкъ въ пятьдесятъ жителей и даже менѣе (ibid.).

При исчисленіи слободъ, находившихся близъ Москвы, показаны роды промышленныхъ, ремесленныхъ и торговыхъ слободъ. Подобныя названія встрѣчались въ разныхъ мѣстахъ Руси. Нѣкоторыя промышленныя слободы были въ тоже время и служилыя, потому что жители ихъ были обязаны доставлять къ царскому двору произведенія своего труда и за то пользовались облегчительными льготами. Таковы были слободы бобровниковъ, слободы рыбныхъ ловцовъ, слободы сокольниковъ и кречетниковъ и проч., которыхъ жители обязаны были доставлять ко двору плоды своей охоты и рыбной ловли, точно такъ же, какъ близъ Москвы жители слободы

Каданевки занимались тканьемъ полотенъ и отбывали повинности доставкою своихъ произведеній на потребности двора.

Въ Сибири, кромѣ служилыхъ слободъ, такое же названіе носили поселенія, гдѣ жители занимались земледѣліемъ и пользовались льготами, которыя давались новоприбывшимъ туда поселенцамъ въ уваженіе къ ихъ недавней осѣдлости. Въ XVII в. служилые люди ходили по Руси и вербовали народъ въ Сибирь, заманивая обѣщаніями разныхъ льготъ; сверхъ того, для перехода давались охотникамъ подможныя деньги. Эти поселенцы обязаны были пахать извѣстное количество земли и, собирая съ ней хлѣбъ, доставлять его въ города для прокормленія служилыхъ; такія слободы назывались пашенными (А. И. V. 20).

VI.

СЕЛА И ДЕРЕВНИ.

Земледѣльческія жилыя мѣстности вообще по административному положенію были черныя, тяглыя, дворцовыя, помѣстья и вотчины. Первыя были государственныя имѣнія, вторыя — собственность государя и его фамиліи; помѣстья были казенныя имѣнія, которыя раздавались служащимъ людямъ, какъ бы вмѣсто жалованья за ихъ службу: владѣлецъ не могъ ни продать, ни заложить, ни завѣщать ихъ, и хотя онѣ очень часто переходили отъ отцовъ къ дѣтямъ, но не по праву наслѣдства, а по новой отдачѣ отъ правительства, такъ что каждый разъ, получая во владѣніе отцовское помѣстье, сынъ долженъ былъ справлять его за собою, т. е. пріобрѣтать отъ правительства на него право съ обязанностію нести за то службу. Вотчины были собственностію владѣльцевъ. Вотчины были: владычнія, то есть принадлежавшія архіереямъ или соборамъ, или, какъ тогда говорилось, домамъ святыхъ, напр. дому Пресвятыя Богородицы, дому Софійскому, — монастырскія и наконецъ частныхъ лицъ, т. е. бояръ, окольничихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ.

Сельскіе жители всѣхъ наименованныхъ здѣсь поселеній вообще назывались крестьяне и для означенія, къ какого рода владѣніямъ они приписывались, прибавлялось прилагательное: монастырскіе крестьяне, владычніе крестьяне, дворцовые крестьяне, помѣщиковы и вотчинниковы крестьяне. Въ XVII вѣкѣ крестьяне въ вотчинахъ, принадлежавшихъ отдѣльнымъ владѣльцамъ, вообще назывались боярскими и господскія имѣнія носили общее имя боярщины (А. отн. къ юр. б. 356). Съ прекращеніемъ личнаго права крестьянъ на

переходъ съ владѣльческихъ земель, на которыхъ они были поселены, по мѣрѣ большаго прикрѣпленія къ землѣ, крестьяне мало по малу входили въ одинъ разрядъ съ холопами или рабами. Несмотря на малолюдность края, въ XVII вѣкѣ село чаще было раздроблено между разными владѣльцами, чѣмъ составляло собственность одного: только владѣнія бояръ и князей представляли исключенія. По большей части въ одномъ селѣ было нѣсколько владѣльческихъ усадебъ (Времен. припр. кн. 7124 г.). Около нихъ поселены были обыкновенно рядами дворы ихъ подданныхъ и раздѣлялись на дворы людскіе, крестьянскіе и бобыльскіе. Въ людскихъ жили люди или холопы, обращенные господами на полевыя работы; иногда въ одномъ дворѣ и даже въ одной избѣ помѣщалось нѣсколько семей этихъ рабовъ, не имѣвшихъ ничего собственнаго и жившихъ на скаредномъ содержаніи отъ владѣльца. Въ крестьянскомъ дворѣ обыкновенно жилъ хозяинъ не только съ семьею, состоящею изъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ, и раздѣлявшеюся на двѣ, на три и четыре семьи съ общимъ достояніемъ (не въ раздѣлѣ), но часто съ нѣсколькими посторонними семьями работниковъ или подсосѣдниковъ, которые не имѣли своего угла, жили по найму и въ отношеніи юридическомъ и административномъ вмѣстѣ съ хозяйскою семьею составляли одну единицу (Доп. I. 279. V. 96). Отличіе крестьянъ отъ бобылей возникло въ давнее время. Когда еще не воспрещено было крестьянамъ съ извѣстными условіями переходить отъ владѣльца къ владѣльцу, крестьянинъ, поселявшійся на землѣ вотчинника или помѣщика, бралъ отъ него участокъ, носившій юридическое названіе жеребья, и долженъ былъ отбывать повинности, лежавшія на этомъ жеребьи. Тѣ, которые не могли брать цѣлыхъ жеребьевъ, селились на владѣльческихъ земляхъ, платя только за свой дворъ и обработывая землю по добровольнымъ особымъ условіямъ съ владѣльцемъ, а потому не подчинялись уже обязанностямъ, лежавшимъ на жеребьяхъ. Такіе назывались бобылями (Доп. I. 273). Послѣ укрѣпленія крестьянъ, бобыльскому сословію предстояло современемъ смѣшаться съ крестьянскимъ, но и въ XVII в. еще оно не успѣло совершенно потерять свое отличіе. Бобыльскіе дворы всегда писались отдѣльно отъ крестьянскихъ (Врем. IV писц. кн.), ибо всякій крестьянинъ, какъ и прежде, отправлялъ свои повинности съ тяглаго жеребья, хотя назначеніе такого жеребья и зависѣло отъ владѣльца, сколько можно судить по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ. Бобылями, то есть неимѣющими жеребья, стали называться тогда тѣ, которые, по бѣдности, не могли удержать за собою жеребьевъ. Но встарину, въ XVI вѣкѣ, не всякій бобыль былъ бѣднякомъ. Когда поселяне имѣли право переходить съ земель владѣльческихъ на другія, многіе могли

не обязываться жеребьемъ не потому, только, что по скудости не въ силахъ были вынести лежавшихъ на жеребьяхъ повинностей, но также и для того, что не нуждались въ такомъ количествѣ земли, какое приходилось на жеребій, и сверхъ земледѣлія извлекали изъ другихъ занятій средства къ содержанію. Послѣ воспрещенія перехода и укрѣпленія крестьянъ, когда распредѣленіе жеребьевъ зависѣло уже отъ владѣльца, естественно тѣ, которыхъ владѣлецъ не считалъ удобнымъ посадить на тягловый жеребій, были только бѣдные люди; безъ того владѣлецъ конечно далъ бы имъ жеребій и обложилъ повинностью. Такимъ образомъ, слово бобыль перешло въ значеніе бѣдняка, пролетарія и осталось съ нимъ до нашего времени.

До прекращенія перехода земледѣльцевъ, въ вотчинахъ и помѣстьяхъ было всегда значительное число пустыхъ дворовъ съ строеніями, готовыми принять къ себѣ новыхъ жильцовъ (А. И. I,150). Одни строились самыми владѣльцами и сдавались приходящимъ крестьянамъ, другіе крестьянами, смотря по договорамъ. Но и въ XVII вѣкѣ, несмотря на укрѣпленіе крестьянъ, повсюду въ имѣніяхъ было не менѣе прежняго пустыхъ дворовъ, потому что многіе изъ земледѣльцевъ бѣгали, оставляя свои жилища, другіе, вѣроятно, сами были увольняемы владѣльцами. Сельская жизнь по прежнему носила на себѣ явный недостатокъ осѣдлости.

Вообще сельское народонаселеніе, какъ и посадское, было скудно и бѣдно. Частыя войны и моровыя повѣтрія истребляли его. Въ украинныхъ земляхъ татары сожигали до-тла поселенія, умерщвляли и забирали въ плѣнъ людей, не успѣвшихъ схорониться въ городахъ. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ вся страна на югъ отъ Москвы была сожжена и представляла голую степь. Правительство не упадало духомъ и дѣятельно старалось о заселеніи ея вновь; но долго еще несчастныя условія препятствовали всякимъ усиліямъ. Земледѣлецъ не могъ спокойно располагать своимъ временемъ и часто среди лѣтнихъ работъ принужденъ былъ покидать на полѣ не собранный хлѣбъ и по зову бирючей спѣшить въ осаду. Крестьянамъ не дозволялось отъ правительства строить житницы, а велѣно было держать зерновой хлѣбъ въ ямахъ. Самыя избы обыкновенно сожигались, какъ только непріятель приближался, и крестьянинъ убѣгалъ въ городъ съ тѣмъ, что успѣвалъ захватить съ собою. Не рѣдко плоды долголѣтнихъ трудовъ уничтожались въ одинъ день. Такимъ образомъ плодоноснѣйшія полосы государства оставались необработанными и почти неваселенными. (А. А. Э. II 99. 111. 409. С. Г. Гр. 111. 362. — Вор. Акты 1. 54). Подобныхъ бѣдствій не чужды были и другія русскія области. Такъ, въ раздѣлѣ между Строгоновыми,

постановленными были условія, чтобъ строенія, построенныя за укрѣпленіями въ ихъ сибирскихъ владѣніяхъ, были сожигаемы во время опасности (Доп. V. 94).

Недостатокъ прочной осѣдлости не допускалъ жителей прилагать стараній о сборѣ запасовъ продовольствія на случай скудныхъ лѣтъ. Отъ этого въ случаяхъ неурожаевъ, которые, благодаря климату и почвѣ, были не рѣдки, пустѣли цѣлые краи отъ голода, какъ отъ заразы (А. А. Э. II. 49). Слѣдуетъ прибавить, что неправосудное управленіе, отягощавшее жителей, принуждало ихъ къ побѣгамъ и пріучало предпочитать бездомовную, скитальческую жизнь осѣдлой. Всѣ эти причины препятствовали увеличиваться народонаселенію и мѣшали его благосостоянію. Многія извѣстія старыхъ временъ указываютъ на повсемѣстные пустые дворы, которыхъ обитатели или вымерли, или побиты, или разбѣжались. Цѣлыя села исчезали, оставляя по себѣ названіе пустыхъ селищъ (Доп. I.279. Ворон. Акты 54. Опатин. Новг. Невол.) Въ XVII вѣкѣ, не подалеку отъ Москвы, слѣдовательно въ самомъ населенномъ краѣ, въ двухъ селахъ и одной деревнѣ насчитано только двѣсти десять дворовъ и въ нихъ 1,722 души (Врем. IV см. 3). Въ 1675 году въ двинскомъ уѣздѣ, во всѣхъ его станахъ и волостяхъ, было всего 2,531 дворъ и въ нихъ 5,602 человѣка (Доп. VI. 369). Во всемъ Чердынскомъ уѣздѣ въ концѣ XVII вѣка было всего до трехъ тысячъ дворовъ (А. А. Э. IV. 6). Какъ сельское населеніе колебалось въ каждомъ мѣстѣ, то увеличиваясь, то умаляясь, можно видѣть изъ описанія одного стана въ вятскомъ уѣздѣ: въ 1628 году тамъ было 44 деревни и 23 починка; въ нихъ дворовъ было живущихъ сто, а людей 106; въ 1645 году тамъ оказалось 103 деревни, дворовъ живущихъ 209 и людей 1,055 человѣкъ, да сверхъ того пять деревень и семь дворовъ пустыхъ; въ 1657 году въ томъ же станѣ 53 деревни, 44 починка, живущихъ дворовъ 133, а людей 714 человѣкъ (Доп. IV. 76). Болѣе чѣмъ въ другіе края населеніе въ XVII вѣкѣ подвигалось, кажется, на востокъ, именно въ края, занимавшіе нынѣшнія губерніи Пензенскую и Тамбовскую и южную часть Нижегородской, гдѣ въ XVI вѣкѣ почти не было русскихъ жителей, а въ половинѣ XVII является много городовъ, слободъ и селъ, какъ видно изъ дѣлъ о возмущеніи Стеньки Разина. Этому причиною кажется было то, что воинственность тамошнихъ туземцевъ — мордвы и чувашей — была уступчива къ силѣ русскихъ поселенцевъ. Вообще событія XVII вѣка одно за другимъ представляли очень неблагопріятныя условія для осѣдлости и умноженія народонаселенія. Въ первыхъ годахъ XVII вѣка эпоха самозванцевъ со всѣми ея послѣдствіями сильно потрясла, опустошила и обезлюдила Русь во всѣхъ ея концахъ. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ

не успѣла Русь еще оправиться отъ прошедшихъ бѣдствій, какъ ее терзали безпрерывные набѣги татаръ на южныя области. Отдохнувъ немного въ первые годы царствованія Алексѣя, русское населеніе вслѣдъ за тѣмъ подверглось цѣлому ряду бѣдствій: изнурительныя войны съ поляками, набѣги крымской орды, моровыя повѣтрія, внутренніе мятежи истощали его. Одинъ англичанинъ, посѣщавшій Россію въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича, говорилъ, что на пространствѣ пяти сотъ верстъ едва можно было встрѣтить десять женщинъ и одного мужчину (Кош. 13). Не должно обольщаться обиліемъ селъ и деревень, встрѣчаемыхъ въ письменныхъ актахъ: были села съ церквами, въ которыхъ всего на всего было десять дворовъ (Врем. XIII. 58), а деревни были столь малолюдны, что въ нихъ значилось двора по три, по два и даже по одному (Врем. IX). Избѣгая непрерывныхъ бѣдствій, народъ переселялся въ Сибирь; нѣсколько времени она была обѣтованною страною Россіи; но правительство, покровительствуя заселенію этого края, неоднократно и останавливало стремленіе народа на дѣвственную, плодородную, хотя и студеную ея почву. Уже въ 1658 году сибирскій владыка просилъ о прибавкѣ земли въ его домовыхъ волостяхъ, и представлялъ, что народонаселеніе увеличилось, а земля выпахалась (Доп. IV. 148). Впрочемъ и въ Сибири *солнце свѣтитъ*, гласитъ русская пословица: и тамъ были воеводы, поборы, разметы, набѣги иноземцевъ, моровыя повѣтрія и неурожаи.

XII.

ДВОРЫ И ДОМА.

Дворы въ нашей старой Руси были очень просторны. Это видно уже изъ того, что, для предохраненія отъ пожаровъ, приказывали варить кушанье и печь хлѣбы далеко отъ жилыхъ строеній въ городахъ (II. С.З. 1.165). Встарину, при великихъ князьяхъ, въ Москвѣ были дворы, принадлежавшіе князьямъ, до того огромные, что дѣлились какъ удѣлы и даже два князя владѣли однимъ дворомъ (С. Г. Гр. 1.80). Въ завѣщаніи Іоанна III о дворахъ, данныхъ имъ своимъ дѣтямъ, говорится о томъ, что въ нихъ заводили торги, и о разныхъ судныхъ дѣлахъ, касавшихся живущихъ въ этихъ дворахъ: это указываетъ на обширность и населенность такихъ дворовъ (С. Г. Гр. I.397). Въ XVII вѣкѣ царская усадьба въ Измайловѣ простиралась на четыре десятины (Оп. Изм. дв. От. Зап. 1851 г. Мартъ). Въ Александровской слободѣ конюшенный дворъ занималъ болѣе девяти

десятинъ (Влад. Сборн. 173). Велики были дворы архіереевъ и монастырскія подворья въ городахъ и посадахъ; напр. въ Хлыновѣ дворъ владыки имѣлъ 65 сажень въ длину, а поперегъ въ переднемъ концѣ сорокъ четыре, и въ заднемъ пятьдесять четыре сажени, да сверхъ того отведенъ былъ дворъ для его церковныхъ дѣтей боярскихъ въ 64 сажени въ длину и въ 12 въ ширину (Доп. VI. 76). Торговый дворъ печенскаго монастыря въ Вологдѣ имѣлъ въ длину 60 саж. а поперегъ восемь (Доп. VI. 346). Иногда дворы посадскихъ, если въ посадѣ было много мѣста, простирались до пятидесяти и до шестидесяти сажень въ длину (Влад. Сборн. 176). Какъ велики бывали въ Москвѣ дворы бояръ и знатныхъ особъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ XVII вѣка: боярскій дворъ въ длину тридцать семь сажень безъ трети и поперегъ въ одномъ концѣ — переднемъ—девять, а въ заднемъ тридцать три сажени (Рус. Вѣстн. 1841. I.229); другой дворъ (стольника) въ длину тридцать одна сажень съ половиною, поперегъ въ одномъ концѣ девятнадцать сажень съ половиною, а въ другомъ двѣнадцать безъ чети (Доп. V. I.351). При сдачѣ земли подъ постройки загородныхъ домовъ считалось достаточнымъ за дворъ двадцать саженъ въ длину, а десять въ ширину (П. С. З. I.232). Встрѣчались примѣры усадьбъ гораздо меньшаго пространства, какъ-то: четырнадцать сажень въ длину а поперегъ въ одномъ концѣ тринадцать а въ другомъ десять (А. г. Шуи. 58). Въ посадахъ обыкновенная средняя величина усадебъ была отъ 10 до 20 сажень въ длину; встрѣчались даже и менѣе, напр. въ 7 саж. въ длину и въ три сажени поперегъ (А. отн. къ юр. б. 681. Доп. VI. 310). Вообще форма дворовъ была неправильная и поперечникъ не только не равнялся длинѣ, но въ переднемъ концѣ былъ иной мѣры, чѣмъ въ заднемъ. Всего чаще онъ подходилъ къ равной мѣрѣ съ длиною собственно въ городахъ, гдѣ ограниченность пространства не дозволяла слишкомъ широко располагаться.

Дворы, по возможности, старались располагать на возвышенныхъ мѣстахъ для безопасности отъ полой воды и зимнихъ сугробовъ. Такое правило наблюдалось въ селахъ и деревняхъ при постройкѣ усадебъ владѣльцевъ. Кругомъ дворы огораживались заборомъ, иногда острымъ тыномъ или заметомъ (А. г. Шуи. 58. — А. Ю. 130. Домостр. 78). Обыкновенно эта городьба была деревянная, но въ XVII вѣкѣ иные дѣлали каменныя или кирпичныя ограды, иногда тамъ, гдѣ на дворѣ вся постройка была деревянная. Такъ въ Москвѣ были усадьбы съ деревянными постройками и каменными оградами (С. Г. Гр. V. 391). Точно также въ царскомъ имѣніи, въ Измайловскомъ селѣ, хотя постройка была деревянная, но ограда каменная съ сводообразными жильями внутри для прислуги и для хо-

зяйственныхъ принадлежностей (Русск. Стар. Март. 131). Домовитый хозяинъ старался оградить свою усадьбу такъ, чтобъ черезъ нее никакое животное не пролѣзло и чтобъ отъ сосѣдей не могли приходить слуги къ его слугамъ (Домостр. 78). Въ ограду вело двое и трое (иногда болѣе: пять и семь) воротъ (А. Ю. 130. 132. Русск. Стар. Март. 131). и между ними однѣ были главныя, имѣвшія у русскихъ нѣкотораго рода символическое значеніе. Онѣ украшались съ особенною заботливостію, и дѣлались крытыя, а иногда въ видѣ отдѣльнаго проѣзднаго строенія съ надстроенными на верху башенками; самыя створки украшались разными изображеніями, какъ-то: орловъ, оленей, цвѣтовъ и тому подобное. Издревле существовалъ обычай надъ главными воротами городовъ надстраивать часовни и даже церкви: такъ было между прочимъ въ старинномъ Кіевѣ, гдѣ надъ Золотыми воротами была сооружена церковь Благовѣщенія. Сообразно этому обычаю главные входы въ дворъ получали нѣкотораго рода священное значеніе; надъ воротами зажиточныхъ частныхъ людей почти всегда ставили образа въ кіотахъ. Ни въ день, ни въ ночь вороты не оставляли отворенными; днемъ онѣ были только приперты, а ночью заперты на замокъ и тогда по двору спускали съ цѣпи собакъ. У самыхъ воротъ строилась караульная избушка, называемая воротнею. (А. Ю. 130. Домостр. 78. — Рус. Стар. Мартын. 131. Оп. Изм. дв. От. Зап. 1851 Мартъ).

Въ самой Москвѣ въ XVI вѣкѣ большая часть зданій были деревянныя (Jenkins 150) и во всей столицѣ едва можно было насчитать одну восьмую часть каменныхъ (Раф. Барб. 9); и тѣ занимаемы были преимущественно кладовыми, а не жильемъ: никто не почиталъ каменныхъ зданій удобнѣе деревянныхъ для жилья. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ началъ распространяться вкусъ на каменныя постройки. Алексѣй Михайловичъ его поддерживалъ. При царскомъ дворѣ существовали такъ называемые палатныхъ и городовыхъ дѣлъ мастера, рѣзчики каменныхъ дѣлъ, не только иностранцы, но и русскіе, украшавшіе Москву зданіями. Зажиточные люди стали строить каменные дома или палатки, но все таки сохраняли старинное убѣжденіе, что въ деревянныхъ домахъ жить здоровѣе,— и самые иностранцы, посѣщавшіе Россію, съ этимъ соглашались (Carlisle 323). Уже по смерти царя Алексѣя въ 1681 г. приказано было въ Кремлѣ въ Китай-городѣ и Бѣломъ городѣ строить исключительно одни каменныя строенія и для этого выдавали изъ приказа Большаго Дворца хозяевамъ на постройку кирпичъ по полтора рубли за тысячу съ разсрочкою на десять лѣтъ, а тѣмъ, которые не имѣли средствъ сооружать каменныя постройки, приказано дѣлать вокругъ дворовъ по крайней мѣрѣ каменныя ограды (С. Г. Гр. IV.

391). Это была первая обязательная мѣра о каменныхъ постройкахъ въ Россіи.

Форма домовъ была четвероугольная. Деревянные домы дѣлались изъ сосновыхъ (Hacl. 183), иногда же изъ дубовыхъ цѣльныхъ брусьевъ (Русск. стар. 140). Складывали брусья съ большимъ умѣньемъ, по замѣчаніямъ иностранцевъ, такъ плотно, что не оставалось ни малѣйшей скважины для прохода воздуха и притомъ не употребляя въ цѣломъ домѣ ни одного гвоздя (Petr. 314), но скрѣпляли брусья, положенные одинъ сверхъ другого, посредствомъ зубцовъ въ нижнемъ и зарубокъ или выемокъ въ верхнемъ, такъ что зубцы вставлялись въ зарубки или выемки (Fletch, 94). Цѣлые толстые брусья плотно держались между собою, а для теплоты обивали ихъ еще мхомъ; мохъ клали также по створкамъ дверей и оконъ (Petr. 314, Mejerb. 165). Это называлось строить избу во мху; а если продавалась изба необитая мхомъ, такая изба называлась не избою, а струбомъ (Доп. IV. 97),

Особенность русскаго двора была та, что домы строились не рядомъ съ воротами, а посединѣ отъ главныхъ воротъ пролегала къ жилью дорога, иногда мощеная, которую добрый хозяинъ содержалъ постоянно въ чистотѣ и наказывалъ слугамъ счищать съ нея грязь въ дождливое лѣтнее и сугробы въ зимнее время (Домостр. 166). Вмѣсто того, чтобъ по надобности строить большой домъ или дѣлать къ нему пристройки, на дворѣ сооружали нѣсколько жилыхъ строеній, которыя имѣли общее названіе хоромъ (Оп. г. Шуи 309). Надворныя постройки вообще были жилыя и служебныя или кладовыя. Жилыя носили наименованія: избы, горницы, повалуши, сѣнники. Изба была общее названіе жилаго строенія. Горница, какъ показываетъ самое слово, было строеніе горнее, или верхнее, надстроенное надъ нижнимъ и обыкновенно чистое и свѣтлое, служившее для пріема гостей. Названіе повалуши сохранилось теперь въ восточныхъ губерніяхъ, и значитъ кладовую, обыкновенно холодную. Въ старину хотя повалуши и служили для храненія вещей (Акты отн. къ юр. б. 366), но были также и жилыми покоями: неизвѣстно, въ чемъ состоитъ ихъ отличіе отъ горницъ, тѣмъ болѣе, что и повалуши иногда надстраивались надъ нижними строеніями, какъ горницы. Сѣнникомъ называлась комната холодная, часто надстроенная надъ конюшнями и амбарами, служившая лѣтнимъ покоемъ и необходимая во время свадебныхъ обрядовъ.

Очень часто по нѣсколько строеній всѣхъ этихъ видовъ находилось въ одномъ и томъ же дворѣ. Напримѣръ три горницы и одна повалуша (А. Юр. 132) или двѣ горницы и три повалуши (А. Ю. 126). При каждомъ отдѣльномъ строеніи были сѣни, а часто двое

сѣней, одни передніе, другіе задніе, и тѣ и другіе теплыя; иногда же два или три жилыхъ строенія подъ одной крышей соединялись теплыми сѣньми, которыя были общими для того и другаго жилья. Обыкновенно жилья располагались такъ, что главный домъ былъ съ одной стороны сѣней, а по другую сторону, въ заворотъ, другой домъ, а отъ этого дома еще какое нибудь составляющее съ нимъ уголъ строеніе (А. Ю. 133). Иногда въ одномъ дворѣ нѣсколько домовъ соединялись между собою крытыми переходами, которые были продолженіемъ сѣней. Эти переходы различными линіями проходили отъ одного строенія къ другому. Въ Измайловскомъ и Коломенскомъ селахъ у царей такіе переходы, покрытые тесомъ и съ слюдяными окончинами въ окнахъ, сходились, какъ у центра, у домовыхъ церквей (Оп. Изм. дв. О. З. 1851 мартъ 18 — 10. Русск. Стар. 140). Такое устройство вѣроятно было и въ домахъ знатныхъ людей, у которыхъ были церкви, ибо въ тѣ времена многіе бояре, знатные дворяне и вообще богатые люди имѣли у себя домашнія церкви (Доп. I. 91.—Котоших. 119), и тогда изъ всѣхъ жильевъ члены семейства могли сходиться всѣ разомъ для слушанія богослуженія.

Въ XVII вѣкѣ въ Москвѣ дворъ знатнаго человѣка, обнесенный снаружи каменнымъ заборомъ, представлялъ внутри нѣсколько каменныхъ строеній, стоявшихъ на погребахъ и нижнихъ этажахъ. Передъ каждымъ были сѣни. Между ними торчали деревянныя зданія, избы, горницы, свѣтлицы, и множество избъ людскихъ и службъ каменныхъ и деревянныхъ, и все это было соединено переходами.

Начиная отъ царскихъ до зажиточныхъ посадскихъ способъ расположенія жилыхъ строеній былъ въ главныхъ своихъ чертахъ одинаковъ въ русской землѣ (Petr. 319). У царей для каждаго члена семейства строили особыя хоромы даже тогда, когда эти новые хозяева не выходили еще изъ дѣтскаго возраста. Точно также и у зажиточнаго крестьянина для братьевъ, сыновей и племянниковъ хозяина—строились избы, соединенныя между собою; иногда двѣ и три избы подъ одною кровлею соединялись между собою сѣнями (А. г. Шуи 178), иногда нѣсколько избъ связывались переходами.

Такой своеобразный способъ постройки какъ будто выражалъ сочетаніе родоваго единства съ личною и семейною отдѣльностью и дворъ русскаго зажиточнаго человѣка напоминалъ собою древнюю удѣльную Русь, гдѣ каждая земля стремилась къ самобытности и всѣ вмѣстѣ не теряли между собою связи.

Въ числѣ причинъ, побуждавшихъ такимъ образомъ располагать жилыя помѣщенія, было и то, что при такомъ способѣ постройки удобнѣе было по смерти владѣльца наслѣдникамъ раздѣлиться меж-

ду собою, а въ случаѣ если бъ кто пожелалъ выселиться и завести собственный дворъ, ему легче было бы перенести на новое мѣсто то, что ему досталось изъ строеній по раздѣлу (А. отн. къ юр. б. 684).

У простолюдиновъ избы были черныя, то есть курныя безъ трубъ; дымъ выходилъ въ маленькое волоковое окно; при собственно такъ называемыхъ избахъ были пристройки, называемыя комнатами. Въ этомъ пространствѣ жилъ бѣдный русскій мужикъ, какъ живетъ во многихъ мѣстахъ и теперь, съ своими курами, свиньями, гусьми и телками, посреди невыносимой вони. Печь служила логовищемъ цѣлому семейству; а отъ печи по верху подъ потолокъ придѣлывались полати. (Carl. 335.—Petr. 414.—Барбер. 10.—О. г. Ш. 13.—Врем. XX). Къ избамъ придѣлывались разныя пристѣнки и прирубки (А. Юр. 147). У зажиточныхъ крестьянъ, кромѣ избъ, были горницы на подклѣти съ комнатами, то есть двухъ-этажные домики (Доп. III. 97). Курныя избы были не только въ городахъ, но и въ посадахъ и въ XVI вѣкѣ въ самой Москвѣ. (Раф. Барб. 10) Случалось, что въ одномъ и томъ же дворѣ находились и курныя избы, называемыя черными или поземными, и бѣлыя съ трубами, и горницы на нижнихъ этажахъ (А. г. Шуи 58).

Зажиточные люди обыкновенно строили себѣ домы въ два жилья, нерѣдко съ надстройкою на верху, которая придавала дому снаружи видъ трехъ-яруснаго.

Предъ входомъ стояло крыльцо. Въ низкихъ одно-этажныхъ избахъ вмѣсто крыльца съ ступенями былъ деревянный помостъ, называемый передмостьемъ (А. Юр. 129). Въ простыхъ деревянныхъ домахъ оно огораживалось только перилами (Ак. отн. къ юр. б. 463). Въ богатыхъ домахъ крыльца дѣлались съ кувшинообразными колонами и покрывались остроконечными кровлями (Русск. Стар. 146). Входъ въ нижній этажъ чаще всего былъ чрезъ особую отъ крыльца дверь или извнутри: ступени крыльца вели обыкновенно на террасу, называемую *рундуком*, огороженную балясами (Подр. на постр. дома цар. Ив. О. З. 1851 Мартъ 23), потомъ прямо въ сѣни втораго яруса. Соотвѣтствующая ему часть въ нижнемъ этажѣ дополнялась также сѣньми и называлась подсѣнье. Какъ сѣни, такъ и подсѣнье пристраивались съ двухъ сторонъ дома и однѣ были переднія, другіе заднія. Въ этихъ сѣняхъ и подсѣньяхъ дѣлались чуланы и коморки, иногда свѣтлыя, иногда темныя (А. Ю. 132.—Доп. 11. 91.).

Нижній этажъ назывался подклѣтомъ и за единицу зданія принимался второй, такъ что говорилось: изба на подклѣтѣ, горница на подклѣтѣ. Подклѣты были жилые и глухіе. Въ первомъ случаѣ они

служили для прислуги и для исправленія домашнихъ службъ, а во вторыхъ для кладовыхъ, или же въ нихъ устраивались мыльни. Въ купеческихъ домахъ въ подклѣтахъ сваливались товары. Въ казенныхъ зданіяхъ подклѣтамъ давали назначеніе, сообразное потребностямъ, для которыхъ существовало зданіе; напр. подклѣты подъ съѣзжею избою занимались тюрьмою; въ кабачныхъ зданіяхъ тамъ устраивались вообще подвалы. Иногда подъ самымъ подклѣтомъ былъ выходъ или погребъ для храненія напитковъ; но когда подклѣты были жилые, въ нихъ дѣлались печи, и оттуда проводились во второй этажъ нагрѣвательныя цѣнинныя трубы (Домостр. 94.— Подр. на постр. О. З. 1851 мартъ 21. — А. г. Шуи 164. — Лѣтоп. Норманс. Врем. V.—Доп. III. 97.).

Стоящій на подклѣтѣ второй этажъ занималъ хозяйское жилье. У людей посредственнаго состоянія они заключали по три, а иногда только по два покоя: горницу, собственно такъ называемую, и комнату; иногда къ нимъ пристраивалась кухня: но чаще кухня была въ особой избѣ, называемой поварнею. Иногда въ одномъ строеніи было два, а въ другомъ три покоя, напр. горница съ комнатою (слѣдовательно два покоя) и повалуша о трехъ жильяхъ (Д. Б. Русск. Цар. О. З. 1851 февраль), или же число потребныхъ покоевъ замѣняли отдѣльныя строенія, напр. двѣ горницы на подклѣтяхъ, и три повалуши, соединенныя между собою сѣньми (А. Ю. 126). Люди богатые, часто учреждавшіе у себя пиры и приглашавшіе много гостей, строили для своихъ парадныхъ обѣдовъ особыя избы въ одинъ покой съ сѣньми, такъ называемыя столовыя (А. Юр. 132). Вообще же въ одномъ строеніи не было больше трехъ, рѣдко четырехъ покоевъ. Даже у царей было только четыре покоя: переднія, крестовая, комната (кабинетъ) и спальня. Въ избушкахъ же построенныхъ для особъ царскаго семейства покоевъ было не болѣе трехъ, а иногда и двухъ (Оп. Изм. дв. От. Зап. М. 1851. 18 — 21. Русск. Стар. Март. 131). У зажиточныхъ людей, сверхъ горницы и комнаты, была также крестовая или образная, гдѣ хозяинъ молился съ своимъ семействомъ; но иногда такая комната находилась и въ особомъ жильѣ. Самая обычная постройка была въ два покоя, да сверхъ того при комнатѣ дѣлалась каморка, гдѣ ставилась постель, другія же горницы о-бокъ главнаго дома дѣлались въ одинъ покой и назывались одинокими (А. отн. къ юр. 6, 673).

Надстройки надъ горницами назывались черданами, а надъ сѣньми вышками. Иногда эти надстройки имѣли затѣйливыя фигуры, какъ напримѣръ, на рисункѣ посольскаго двора у Олеарія: на одномъ концѣ зданія башня съ окномъ, а въ другомъ съ куполомъ, а на куполѣ шарикъ; на другомъ концѣ четвероугольная башня съ зубца-

ми, по срединѣ шпицъ (Olear. 128). Иногда чердаки дѣлались четвероугольными зданіями, менѣе втораго этажа по объему, и заключали одну свѣтлую комнату, иногда же образовывали третій этажъ, равный второму; напримѣръ горница, а надъ нею повалуша съ полатками (Врем. XIV. См. 13). Въ царскихъ зданіяхъ верхніе этажи имѣли такое же расположеніе, какъ и средніе, съ передними и задними сѣньми, но съ большими отличіями; такъ напримѣръ, въ Измайловскомъ въ верхнемъ ярусѣ было три покоя, тогда какъ въ среднемъ четыре. Вообще чердаки или верхніе этажи дѣлались свѣтлѣе и убирались красивѣе среднихъ. Они собственно были то, что называлось теремами, которымъ на поэтическомъ языкѣ старой Руси усвоивался эпитетъ высокихъ. Впрочемъ, названіе терема усвоивалось и второму или среднему этажу, если надъ нимъ не было верхней надстройки. Иногда и надъ самымъ чердакомъ или теремомъ дѣлалась еще четвертая надстройка — небольшая башенка или смотрильня. (Русск. стар. Март. 62. 131. — Оп. Изм. дв. Отеч. Зап. 1851 мартъ. — Доп. VI. 351).

Сѣни вообще дѣлались пространнѣе самихъ покоевъ и особенно въ нижнемъ этажѣ, или подсѣньѣ, такъ что въ домѣ, который заключалъ на верху два покоя съ сѣньми, подсѣнье внизу охватывало пространство, занимаемое во второмъ этажѣ не только сѣньми, но и частію покоевъ (А. Юр. 132). Бывало и на оборотъ: сѣни были обширнѣе подсѣнья и среднее жилье выдавалось впередъ изъ линіи. Такимъ образомъ, не всегда соблюдалась пропорціональность между этажами и средній бывалъ снаружи больше нижняго, даже и по величинѣ самыхъ покоевъ, напр., подклѣтъ въ полторы сажени, а средній этажъ или горница въ три (Доп. I. 32). Заднія сѣни большею частію были просторнѣе переднихъ, напр., переднія въ четыре, заднія въ десять саженъ (Оп. Изм. дв.). Вообще же средняя величина сѣней была отъ четырехъ до шести саженей; въ малыхъ домахъ, разумѣется, и менѣе. Изъ покоевъ только передняя или горница да столовая изба въ большихъ домахъ отличались просторомъ, напр., горницы въ четыре сажени, а столовыя въ шесть или семь саженъ (Русск. стар. 131). Комната всегда дѣлалась меньше и уже, чѣмъ передній покой или горница. Но въ домахъ небольшаго пространства иногда комнаты были одинаковы съ горницами, напр., объ по двѣ сажени. Самая же обычная мѣра покоевъ вообще была отъ двухъ до трехъ саженъ длиною, а въ ширину или столько же, или немного менѣе. Такъ и въ Москвѣ палатныя строенія богатыхъ господъ имѣли отъ $2^1/_2$ до трехъ саженъ длины и около двухъ шириною (Доп. VI. 351). Верхніе этажи или чердаки по большей части были хотя меньше среднихъ, но покои въ нихъ не были тѣснѣе,

напротивъ просторнѣе, и для того сокращалось ихъ число противъ числа въ среднемъ этажѣ; напр., если въ среднемъ этажѣ было три покоя, на чердакѣ два. Иногда же чердакъ строился не надъ однимъ среднимъ этажемъ, а надъ двумя, тремя и даже четырьмя строеніями, соединенными связьми; тогда комнаты въ немъ были значительно просторнѣе, напр., въ среднихъ жильяхъ отъ двухъ до двухъ съ половиною саженъ, а на чердакѣ отъ четырехъ до четырехъ съ половиною въ длину, и отъ двухъ съ половиною до трехъ въ ширину (Доп. VI. 351. — Оп. Изм. дв. 18. Русск. Стар. 131). Средняя высота покоевъ вообще была отъ трехъ до четырехъ аршинъ (Подр. на постр.).

Обыкновенная крыша русскихъ домовъ была деревянная, тесовая, гонтовая или изъ драни. Въ XVI и XVII. вѣкѣ было въ обычаѣ покрывать сверху кровлю березовою корою отъ сырости; это придавало ей пестроту; а иногда на кровлѣ клали землю и дернъ въ предохраненіе отъ пожара. Обыкновенная форма крышъ была скатная на двѣ стороны съ фронтонами на другихъ двухъ сторонахъ, какъ теперь дѣлается у простолюдиновъ. Иногда всѣ отдѣлы дома, то есть подклѣтъ, средній ярусъ и чердакъ находились подъ однимъ скатомъ, но чаще чердакъ, а у другихъ и средніе этажи имѣли свои особыя крыши. У богатыхъ особъ были кровли затѣйливой формы, напр. бочечная въ видѣ бочекъ, япанечная въ видѣ плаща. По окраинѣ кровля окоймлялась прорѣзными гребнями, рубцами, полицами, или перилами съ точеными балясами. Иногда же по всей окраинѣ дѣлались теремки—углубленія съ полукруглыми или сердцеобразными линіями. Такія углубленія преимущественно дѣлались на теремахъ или чердакахъ и были иногда такъ малы и часты, что составляли койму кровли, а иногда такъ велики, что на каждой сторонѣ было ихъ только по парѣ или по три, и въ срединѣ ихъ вставлялись окна. (Jenkins. Hacl. 349; Chansl. ibid.; Olear. 144; Petr. 319; Русск. Стар. Март. 131. 137; Доп. VI. 351; Дом. бытъ русск. цар. Отеч. Зап. мартъ 1851).

На фронтонахъ и на стѣнахъ около оконъ дѣлались разныя изображенія: линейки, листья, травы, зубцы, узоры, птицы, звѣри, единороги, всадники на коняхъ и проч. На каменныхъ зданіяхъ они дѣлались изъ камня или кирпича. Такъ въ древнемъ углицкомъ домѣ царевича Димитрія по фронтону во всю стѣну проведены широкія линейки, раздѣляющіяся на три меньшія, и въ каждой изъ послѣднихъ своеобразныя фигуры: узоры, башенки, города, трехъугольники и проч. (Русск. Стар. Март. 137). На деревянныхъ зданіяхъ эти украшенія были рѣзныя. Рѣзьба была старинною принадлежностію славянской образованности и до сихъ поръ у рус-

скихъ поселянъ составляетъ наружное украшеніе избъ. На царскихъ теремахъ рѣзныя фигуры наводились золотомъ и красками; тоже было и у частныхъ лицъ зажиточнаго состоянія, какъ это сохранилось отчасти и теперь въ житьѣ-бытьѣ поселянъ. Такими украшеніями особенно пестрили чердаки, чтобъ издали плѣнять взоры проѣзжихъ. Въ Коломенскомъ селѣ на верху были поставлены щиты и на нихъ написаны четыре части свѣта и судъ царя Соломона (Русск. Стар. Март. 140.—Дворц. Прих. XVII в. въ Дом. Бытѣ Русск. Цар. О. Зап. 4851 г. Сентябрь).

Въ простыхъ русскихъ избахъ окна были волоковыя для пропуска дыма. По надобности, на нихъ натягивали кожу (Chensl. 183.) вообще эти отверстія въ избахъ бѣдныхъ были малы, для сохраненія теплоты (Petr. 314) и когда ихъ закрывали, то въ избѣ среди дня было почти темно. Въ зажиточныхъ домахъ окна дѣлались большія и малыя; первыя назывались красными, послѣднія были по фигурѣ своей продолговатыя и узкія (Chensl. 277. Olear. 146). Въ каменныхъ зданіяхъ онѣ были еще уже, чѣмъ въ деревянныхъ. Иногда въ одномъ и томъ же покоѣ дѣлались окна и красныя и малыя, послѣднихъ числомъ больше, такъ напримѣръ, одно красное и три малыхъ (Врем. XIV. См. 13.). Извнутри окна заслонялись втулками, обитыми красною матеріею, а съ наружной стороны желѣзными ставнями; послѣднее было въ обыкновеніи въ каменныхъ домахъ въ Москвѣ и служило предохраненіемъ отъ пожаровъ (Дом. Б. Р. Ц. О. З. 1851. Сент.—Olear. 146.—Carlisl. 74—Jenkins Hacl. 350). Вмѣсто стеколъ употребляли чаще слюду (Врем. XIV. См. 13.), которая вставлялась въ окна широкими и тонкими кусками. Самый простой способъ вставки слюдяныхъ кусковъ былъ посредствомъ снурковъ (Tuberv. Hacl. 433. 437.). Но они располагались иногда съ большимъ искусствомъ и нарядностію; дѣлался желѣзный крестъ, около котораго во всѣ стороны расходились жердочки въ видѣ различныхъ фигуръ; въ эти фигуры вставлялись кусочки слюды; такимъ образомъ окна были образчатыя, когда слюда была вставлена четвероугольными кусочками, репьястыя, когда вставляли ее репейками (Дом. Б. Русск. Цар. О. З. 1851. сент). Слюду расписывали красками и фигурами птицъ, звѣрей, травъ, листьевъ и проч. Стекла было мало въ употребленіи: до открытія стеклянныхъ фабрикъ при Алексѣѣ Михайловичѣ стекло исключительно доставлялось изъ-за границы, и потому вошло въ употребленіе для оконъ въ Новгородѣ раньше, чѣмъ въ Москвѣ. Преимущественно употреблялись стекла цвѣтныя, бывшія въ повсемѣстномъ употребленіи въ Западной Европѣ (Доп. I. 140).

Большія или красныя окна назывались косящетыми, — эпитетъ столь употребительный въ народной поэзіи. Нѣкоторыя изъ этихъ красныхъ оконъ были двойныя, то есть два одинакихъ окна стояли рядомъ и раздѣляли съ одно отъ другаго продольною перекладиною. Въ расположеніи оконъ не соблюдалось соразмѣрности. Большія и малыя перемѣшивали ся безъ разбора между собою и стояли въ одномъ и томъ же поясѣ строенія не на одной линіи. Разстояніе между одними и другими было неравномѣрное съ разстояніемъ другихъ между собою. Въ подклѣтахъ вообще оконъ было меньше. Въ изображеніи посольскаго дома, снятаго у Олеарія, въ нижнемъ ярусѣ только два окна, выше ихъ ряды съ обѣихъ сторонъ, выше ихъ на одной сторонѣ четыре окна четвероугольной фигуры имѣющія ширины, больше чѣмъ длинины, а далѣе на этой же сторонѣ еще выше два окна, на другой сторонѣ рядъ четвероугольныхъ оконъ, неправильно между собою размѣщенныхъ (Olear. 128). Кромѣ четвероугольной формы окна дѣлались еще съ дуговыми верхами, а иногда такъ, что дуги раздѣлялись на три меньшихъ дужки или выемки. Вообще русскіе любили свѣтъ въ парадныхъ своихъ покояхъ и потому, если большая часть оконъ была узкихъ и маленькихъ, за то иногда въ одной комнатѣ было ихъ нѣсколько, кромѣ краснаго окна. Чердаки дѣлались всегда свѣтлые. Случалось, что окна были съ трехъ, а если чердакъ былъ холодной, то и съ четырехъ сторонъ, и притомъ нерѣдко они были двойныя. Такіе-то покои назывались преимущественно свѣтлицами. Сѣни освѣщались окнами обильно.

Потолки въ каменныхъ зданіяхъ строились сводомъ, а въ деревянныхъ были плоскіе и назывались подволоками; ихъ часто обивали крашенымъ тесомъ. Полы дѣлались изъ такъ называемаго дубоваго кирпича (родъ торца). Стѣны какъ и потолки не только въ деревянныхъ, но и въ каменныхъ строеніяхъ обивались краснымъ тесомъ; для чистоты ихъ и ужно было мыть, но вообще русскіе держали ихъ неопрятно. Сверхъ теса богатые обивали стѣны красною кожею, а люди посредственнаго состоянія рогожами. Въ XVII вѣкѣ начало входить во вкусъ расписывать потолки и своды, а иногда и стѣны. Печи дѣлались муравленыя, зеленыя, совершенно круглой, иногда четвероугольной формы, съ желѣзными заслонами. Часто топка, какъ уже было замѣчено, была только въ подклѣтѣ, а въ верхній этажъ проводились нагрѣвательныя трубы. Кругомъ стѣнъ подъ окнами дѣлались лавки, которыя не принадлежали къ мебели, но составляли часть постройки зданія и были прикрѣплены къ стѣнамъ неподвижно. Двери дѣлались деревянныя, столярной работы, на желѣзныхъ крюкахъ или на мѣдныхъ луженыхъ жиковинахъ

(петляхъ), подъ которыя подкладывали красное сукно; двери были такъ малы и узки, что едва можно было въ нихъ войти; въ каменныхъ палатахъ и кладовыхъ дѣлались желѣзныя двери (Herberst. 38.—Chensl. Hacl. 277.—Olear. 203.—Mejerb. 136.—Врем. VII. 73.—От. Зап. 1851 г. М. 25.—Оп. Изм. дворца).

Весь дворъ зажиточнаго человѣка, кромѣ домовъ для помѣщенія семейства, заставленъ былъ множествомъ людскихъ избъ и службъ. Одного рода людскія избы были очень просторны и назывались семейныя. Тамъ жило по нѣсколько семействъ холоповъ. Другія были маленькія избушки и назначались для помѣщенія избранной прислуги; для кухни и печенія хлѣбовъ служили особыя строенія: поварня и хлѣбня. Такъ называемые лучшіе люди, которымъ было дозволено варить пиво, дѣлать медъ и курить вино для собственнаго обихода, имѣли въ своихъ дворахъ особыя пивоварни и покои, гдѣ сытили медъ, а нѣкоторые и винокурни. Необходимая принадлежность всякаго порядочнаго двора была мыльня. Вездѣ почти она составляла особое строеніе; но въ домахъ царей и вѣроятно у знатныхъ особъ, кромѣ мыленъ въ особыхъ строеніяхъ, для ежедневныхъ омовеній устраивались еще небольшіе закоулки для мытья въ подклѣтахъ и домахъ. Часто у хозяевъ, очень небогатыхъ, въ числѣ надворныхъ строеній была мыльня, какъ принадлежность первыхъ жизненныхъ потребностей. Она состояла изъ комнаты съ печью для мытья, съ притворомъ, который равнялся сѣнямъ въ жилыхъ покояхъ и назывался передмыленье и передбанникъ. Для храненія домашняго имущества строились клѣти: у богатыхъ было по нѣсколько клѣтей на дворѣ; каждая стояла на подклѣтѣ и такимъ образомъ состояла изъ двухъ этажей. Въ подклѣтахъ, которые дѣлались шире самыхъ клѣтей, ставились колясы, сани, каптаны, колымаги, дровни, страдные одры (рабочіе носилки) и проч. На верху же были кладовыя, и если клѣтей было во дворѣ нѣсколько, то для каждой назначались особые предметы; напримѣръ въ одной находились принадлежности ѣзды: сѣдла, попоны, войлоки, узды, тебеньки; въ другой хранилось оружіе: пищали, ручницы, саадаки, луки, рогатины, сабли и проч.; въ третьей — все относящееся до столовой утвари; въ четвертой — одежды, и такъ далѣе. Погреба и ледники обыкновенно помѣщались вмѣстѣ, а надъ ними дѣлались надпогребицы: иногда онѣ занимаемы были клѣтьми, иногда повалушами, иногда хлѣбнею, чаще всего тамъ складывались разные припасы, не требующіе помѣщенія въ погребахъ и ледникахъ. Случалось, что надпогребицы служили мѣстомъ угощеній прислуги, прибывшей съ господами, приглашенными на домашній пиръ хозяиномъ. Въ самыхъ погребахъ и ледникахъ хранилось питье, всякаго рода

зелень, сыръ, яица, молоко и проч. Кромѣ этихъ хозяйственныхъ службъ, въ дворахъ были житницы, гдѣ хранился зерновой хлѣбъ, мука и сухари, заготовляемые въ большомъ количествѣ: въ бочкахъ, сундукахъ, пошевахъ, ночвахъ, коробахъ; надъ житницею обыкновенно устраивалось сушило (иногда оно было надъ погребомъ или надъ конюшнею), гдѣ висѣло соленое мясо, вялая, вѣтреная, прутовая и пластовая рыба въ рогожахъ. Далѣе слѣдовалъ другой дворъ, отгороженный отъ главнаго заметомъ; тамъ находилась конюшня съ сѣнницею на верху: въ сѣнницахъ дѣлалось два отдѣленія, одно для сѣна, другое для соломы. О бокъ ея были разные сараи съ экипажами, приготовленными для обычной ѣзды и вытащенными заранѣе изъ подклѣтовъ, сарай для дровъ и дерева, за нимъ слѣдовали хлѣвы для коровъ и свиней, птичники для куръ, утокъ, гусей, иногда надъ этими обителями четвероногихъ и пернатыхъ надстраивались сѣнники. Въ деревенскихъ имѣніяхъ для скота, лошадей, также и для хлѣбнаго зерна были особые дворы, построенные о бокъ главнаго и назывались: скотный дворъ, овечій дворъ, конюшенный дворъ, житный дворъ, льняной дворъ. Конюшенные и скотные дворы, заключая большое количество домашнихъ животныхъ, раздѣлялись на десятины и въ каждой десятинѣ содержалось извѣстное количество штукъ. Житные дворы заключали въ себѣ строенія, называемыя житницами, куда ссыпалось хлѣбное зерно, по мѣрѣ умолота доставленное съ гумна, а льняной дворъ имѣлъ нѣсколько амбаровъ, гдѣ складывались ленъ, конопля и пряжа. Между этими дворами помѣщалось гумно и вмѣстѣ съ нимъ овинъ съ печами и ригами. По краю усадебныхъ строеній находились кузницы. Такъ какъ очень часто владѣльческія усадьбы находились близь воды, рѣки или пруда, то вслѣдъ за дворомъ находилась водяная мельница. (Русск. Стар. Март. 128.—А. И. II. 283. — А. Юр. 120, 126, 129, 130, 132.—Доп. I. 301. VI. 233, 351. — Оп. Шуи 304.—А. г. Шуи 58, 100.—Врем. V. Кн. Мороз.— XIII. 26.— Домостр. Врем. I. 12, 94,

Вообще хорошій зажиточный хозяинъ старался, чтобъ его усадьбы имѣли возможнѣйшую полноту и заключали въ себѣ всѣ нужныя хозяйственныя заведенія и постройки, но само собою разумѣется, что не всѣ дворы имѣли такое множество зданій; иногда вся постройка ограничивалась одною избою, клѣтью, баней да погребомъ съ надпогребницею (Оп. Шуи 309). Въ посадахъ иногда дворы заключали только: избу съ сѣнями, сарай и погребъ, надъ которымъ находилась клѣть (А. отн. къ Юр. б. 88). Въ самой Москвѣ встрѣчались дворы, небогатые количествомъ зданій, напримѣръ три избы съ двумя пристѣнами, клѣть, мыльня, погребъ да ледникъ съ над-

погребицами (А. Юр. 14). Вотъ примѣръ деревенскихъ усадебъ: двѣ горницы: одна на подклѣтахъ, другая большая съ сѣньми, сѣнница, стоящая на подсѣньи, клѣть съ перерубами на подклѣтахъ, хлѣвецъ малый, сосновый сарай; или: изба съ прирубомъ, противъ нея клѣть, на подклѣтахъ хлѣвъ, сѣнникъ, да мыльня, сарай, овинъ съ ригичемъ, огороженный тыномъ. Примѣръ крестьянскаго строенія: изба трехсаженная, клѣть, сѣнникъ, сарай (иногда не было сѣнника, иногда сарая, иногда клѣти), мыльня, амбаръ, иногда омшанникъ (А. Юр. 14, 129, 198, 202, 205. — А. отн. къ Юр. б. 684).

Казенныя зданія имѣли постройку, приноровленную къ ихъ назначенію, напр., кабаки строились обыкновенно такъ: въ дворѣ возвышался деревянный домъ, подъ которымъ былъ подвалъ для храненія питья, а о бокъ его омшанникъ съ печью, гдѣ ставили питье: вѣроятно печь была для того, чтобъ имѣть горячую воду для разведенія водки. Другія зданія на дворѣ были: ледникъ, надъ которымъ надстроено сушило, поварня, гдѣ производились работы и стояли инструменты, и стольная изба, гдѣ находилась стойка, за которою сидѣли цѣловальники и продавали вино, а собираемыя ими деньги были относимы и хранимы въ горницѣ, стоявшей, какъ выше сказано, надъ погребомъ. (Доп. VII. 97).

При усадьбахъ были сады и огороды; обычай заводить ихъ при домахъ наблюдался въ Москвѣ и XVI и въ XVII вѣкахъ. Иностранцы, посѣщавшіе русскую столицу, замѣчали, что въ ней трудно было найти дворъ, гдѣ бы не было сада. (Пав. Iов. 38). На посадахъ почти повсемѣстно встрѣчались при домахъ сады и огороды съ плодовитыми деревьями (А. Юр. 131). Сады садились не только для удовольствія, но и для пользы, а потому они вездѣ почти были плодовитые. Обыкновенныя дерева были: яблони, которыя сажались одна отъ другой саженя на три, и ягодныя растенія; встрѣчались также груши; вишень было мало. Между деревьями копались гряды, на которыхъ сажали огурцы, морковь, рѣпу и другую огородную зелень; по этому обыкновенно садъ былъ вмѣстѣ и огородомъ. Нѣкоторые дѣлали парники и воспитывали на нихъ дыни. Около тына или забора, ограждавшаго садъ, сажали обыкновенно капусту и свеклу. Лѣсныя деревья садились рѣдко, и если встрѣчались въ садахъ, то преимущественно или пахучія, какъ напр., черемуха, или особенно нарядныя, какъ напр., рябина или калина. (Доп. 1. 391. VI. 351. — Домостр. 79).

VIII.

ДОМАШНЯЯ МЕБЕЛЬ И УТВАРЬ.

Главное украшеніе домовъ составляли образа: не было въ домѣ покоя, гдѣ бы ихъ не висѣло нѣсколько, и чѣмъ хозяинъ былъ зажиточнѣе, тѣмъ болѣе это выказывалось множествомъ образовъ; ихъ ставили не только въ жилыхъ покояхъ, но въ сѣняхъ, лавкахъ и амбарахъ. (Carl. 355. — Petr. 387). Большому числу образовъ въ домахъ способствовало еще и то, что въ старину было въ обычаѣ дарить пріятелей образами; такимъ образомъ царей и князей дарили образами монастыри, владыки и бояре (Врем. VII. оп. им. ц. Ив. Вас. 3 — 6. — Врем. V См. 23). Тоже наблюдалось и въ сношеніяхъ частныхъ лицъ между собою.

Образа были иконописныя произведенія русскихъ художниковъ: по всеобщему вѣрованію, благодать не пребываетъ надъ тѣмъ образомъ, который писанъ человѣкомъ не православной вѣры (Carlisle 351). Образа писались на доскахъ по краскамъ или по золотому полю. Около головы святыхъ дѣлали вѣнцы изъ золота или позолоченнаго серебра, украшенные по ободку драгоцѣнными камнями или жемчужною обнизью. Часто цѣлый образъ окладывался золотымъ или серебрянымъ окладомъ — работы басмянной, чеканной, сканной, канфаренной и другихъ видовъ, которыми щеголяло тогдашнее металлическое искуство. Образа ставились въ кіоты. Кромѣ кіотовъ съ окончинами дѣлали кіоты со створками, и какъ на наружной, такъ и на внутренней сторонѣ створокъ писались изображенія. Одни образа представляли картины изъ священной исторіи, другіе изображали святыхъ во весь ростъ и назывались стоячими, а иные только по грудь — и назывались оплечными образами. Кромѣ дерева изображенія святыхъ вырѣзывались на перелефти, камнѣ или бѣлой кости; въ старину въ большомъ употребленіи были металлическія складни со створками, и на каждой створкѣ и снаружи, и извнутри нарѣзывались изображенія; средній образъ, закрываемый створками, былъ больше прочихъ. Иногда на складняхъ нарѣзывались или начеканивались молитвенныя слова, какъ напр. *О тебѣ радуется благодатная* или *Хвалите имя господне*, смотря по содержанію изображеній. Кромѣ складней можно было часто встрѣтить осьмиконечные кресты золотые, серебрянные и больше всего мѣдные съ распятіями литыми или рѣзными. Наконецъ, въ употребленіи были золотыя и серебрянныя круглыя медали къ изображеніями на обѣ-

ихъ сторонахъ. Такія медали давали родственники своимъ кровнымъ: родители дѣтямъ, свекры невѣсткамъ и проч. Примѣромъ такой медали можно указать одну, XV вѣка, съ изображеніями: на одной сторонѣ Христа-Спасителя, на другой св. Николая въ святительской одеждѣ съ евангеліемъ, подаренную княземъ Холмскимъ своей невѣсткѣ, Такія медали привѣшивали къ образамъ. Другіе, кромѣ этихъ медалей, прицѣпляли къ нимъ старинныя гривны, червонцы, золотыя цѣпи, жемчужныя серги, перстни съ драгоцѣнными камнями. (А. И. I. 283. II. 405. — Собр. госуд. гр. I. 301. — А. отн. къ Юр. б. 556. — Врем. VII. оп. им. царя Ив. Грозн. 3. 5. — Chaud. 113).

Трудно опредѣлить, какихъ святыхъ иконы встрѣчались чаще. Это зависѣло отъ вкуса и отъ обстоятельствъ жизни хозяевъ домовъ; но кажется, въ каждомъ домѣ можно было встрѣтить нѣсколько образовъ Божіей Матери въ различныхъ наименованіяхъ; какъ то: Одигитріи-Пятницы, Богородицы милостивыя, Умиленія, Скорбящія и т. д. У Ивана Грознаго изъ тридцати семи образовъ двадцать одинъ изображалъ Пресвятую Дѣву. За тѣмъ очень часто можно было встрѣтить образъ св. Николая Чудотворца, котораго, какъ извѣстно, русскіе особенно уважали.

Образа ставились въ переднемъ углу покоя и этотъ уголъ задергивался занавѣсомъ, называемымъ застѣнокъ. Сверхъ того, каждый образъ по одиначкѣ задергивался привѣшеннымъ къ концу его убрусцемъ, а внизу спускался кусокъ матеріи, называемый пеленою. Застѣнки, убрусцы и пелены у богатыхъ людей унизывались драгоцѣнными камнями и дробницами (металлическими блестками), особенно по концамъ, а иногда на нихъ вышивались изображенія святыхъ. Убрусцы и пелены перемѣнялись на образахъ, и въ извѣстные праздничные дни привѣшивались болѣе нарядные, чѣмъ въ будни и въ посты. Передъ иконами внесли лампады и стояли восковыя свѣчи. Между всѣми образами, стоявшими въ одномъ углу, былъ одинъ главный, поставленный на первое мѣсто посреди угла, а всѣ прочіе ставились по важности своего содержанія ближе или далѣе отъ него. Нѣкоторымъ образамъ по чему нибудь приписывали особую силу и тогда наряжали и украшали ихъ преимущественно предъ другими. Въ домѣ зажиточнаго хозяина, кромѣ множества образовъ, во всѣхъ покояхъ и жилыхъ и глухихъ, была одна комната, гдѣ стояли исключительно образа во всю стѣну, наподобіе церковнаго иконостаса, тамъ происходило домашнее моленіе. Тамъ подъ образами стоялъ аналой съ книгами, просфора Пресвятыя Богородицы, которой приписывали благодатную силу и ставили во время трапезы на столѣ, а по бокамъ подсвѣчники съ восковыми свѣчами; на по-

лицѣ подъ образами лежало крылышко для обметанія пыли и губка для отиранія. Такія-то комнаты какъ сказано выше назывались крестовыми; у богатыхъ людей, державшихъ домашнихъ священниковъ, тамъ священники отправляли каждодневное служеніе: заутреню, часы и вечерню (Врем. VII. оп. им. царя Ив. Грозн. 1. 4.— Домостр. Врем. I. 67.—А. И. II. 405. IV 399. Собр. гос. гр. I. 301.— Котош. 119. — Mejerb. 2. 76. — Доп. 1. 192.)

Вообще въ домашнемъ устройствѣ замѣтенъ былъ у русскихъ обычай укрывать и покрывать. Въ порядочномъ домѣ полы были покрыты коврами, у менѣе зажиточныхъ рогожами и войлоками. Въ сѣняхъ у дверей лежала непремѣнно рогожа или войлокъ для обтиранія ногъ, потому что калошъ никто не носилъ. Для сидѣнья служили лавки, придѣланныя, какъ сказано уже, къ стѣнамъ наглухо. Если стѣны были обиты, то и лавки обивались тѣмъ же самымъ, чѣмъ стѣны; но сверхъ того на нихъ накладывались куски матеріи, называемые полавочниками; они дѣлались о двухъ полотнищахъ, такъ что одно было длиннѣе другаго; первое закрывало лавку во всю ея длину, а послѣднее свѣшивалось до земли, закрывая средину пространства между лавкою и поломъ. Ихъ длина и ширина были различны, смотря по лавкамъ, которыхъ величина соразмѣрялась съ пространствомъ покоевъ. Были, напримѣръ, полавочники въ шесть аршинъ длиною и въ два шириною. Но изъ этого нельзя заключать, чтобъ лавки были широки, ибо здѣсь принималась ширина всего полавочника въ двухъ полотнищахъ (Оп. хоромн. нар. О. З. 1851, сент. 115). Полавочники перемѣнялись: въ будни клались попроще, въ праздники и во время пріема гостей понаряднѣе. Такимъ образомъ въ будни клались полавочники суконные, а въ праздники изъ шелковой матеріи, подбитые какою нибудь простою тканью и отороченные кускомъ матеріи другаго цвѣта. Такіе же куски клались на окна и назывались наоконниками; въ будни клались простые коврики, въ праздники шелковые куски, вышитые золотомъ. Длина ихъ была отъ двухъ до трехъ аршинъ, а ширина около двухъ; вѣроятно, они спадали внизъ съ оконнаго карниза. Вообще, какъ полавочники, такъ и наоконники были разныхъ цвѣтовъ: свѣтлозеленаго, голубаго, кирпичнаго, гранатнаго и преимущественно красныхъ отливовъ, иногда вышитые узорами. На полавочникахъ узоры на меньшемъ полотнищѣ дѣлались другіе, чѣмъ на большемъ. Кромѣ лавокъ для сидѣнья дѣлались еще скамьи и стольцы. Скамьи были шире лавокъ, напр., до двухъ аршинъ шириною, длиною дѣлались до четырехъ аршинъ; въ одномъ концѣ ихъ придѣлывалось возвышеніе, называемое приголовникомъ. На нихъ не только садились, но и ложились отдыхать послѣ обѣда. Онѣ накры-

вались, какъ и лавки, полавочниками. Иныя скамьи служили постоянно кроватьми. Стольцы были четвероугольные табуреты для сидѣнья одному лицу и также накрывались кускомъ матеріи. Скамей и стольцевъ въ домѣ было немного; а кресла и стулья составляли роскошь царскаго двора и знатныхъ бояръ, даже и тамъ были въ небольшомъ количествѣ, въ народѣ же вовсе не употреблялись. Столы дѣлались деревянные, большею частію дубовые, длинные и узкіе; у зажиточныхъ людей иногда ихъ разрисовывали изображеніями изъ св. писанія, а бока и ножки украшались рѣзьбою. Кромѣ большихъ столовъ были столы маленькіе, у богатыхъ людей украшенные каменьями и разными пестрыми кусочками, тоже аспидные. Большіе столы ставили передъ лавками и обыкновенно покрывали подскатертниками; это была вещь необходимая для приличія. Во время трапезы поверхъ подскатертника накрывался столъ скатертью. Скатерти и подскатертники работались обыкновенно дома и служили предметомъ занятій для многочисленной прислуги. Какъ полавочники и наоконники, такъ и скатерти и подскатертники перемѣнялись по праздникамъ; въ будни столы накрывались полотняными и суконными кусками, въ праздники бархатными, алтабасовыми, камковыми подскатертниками съ золотошвейными каймами. Скатерти у бѣдныхъ были полотняныя грубой отдѣлки, у богатыхъ шитыя браныя съ бахромами. Всѣ эти покрывала вообще на столахъ, окнахъ и лавкахъ назывались хоромнымъ нарядомъ. Стѣнныхъ зеркалъ у русскихъ вовсе не было; церковь не одобряла ихъ употребленія; духовнымъ лицамъ соборъ 1666 г. положительно запретилъ имѣть зеркала въ своихъ домахъ; благочестивые люди избѣгали ихъ, какъ одного изъ заморскихъ грѣховъ; только зеркала въ маломъ форматѣ привозились изъ-за границы въ большомъ количествѣ и составляли принадлежность женскаго туалета. Также точно старинное благочестіе избѣгало стѣнныхъ картинъ и эстамповъ, не допуская другихъ украшеній въ этомъ родѣ кромѣ иконъ; но въ XVII вѣкѣ мало по малу начали входить въ домашній обиходъ картины и эстампы, сначала въ царскихъ хоромахъ, потомъ у знатныхъ лицъ. Вкусъ къ нимъ началъ распространяться и между другими сословіями и уже въ концѣ XVII вѣка ихъ продавали въ овощномъ ряду въ Москвѣ. Впрочемъ эстампы, которые тогда дозволяли себѣ вѣшать въ золоченыхъ рамахъ богатые люди, заключали преимущественно священные предметы, но ихъ строго отличали отъ образовъ и они не имѣли вовсе священнаго значенія.

Кроватью въ старину служила прикрѣпленная къ стѣнѣ скамья или лавка, къ которой приставляли другую лавку. На этихъ лавкахъ клали постель, состоявшую изъ трехъ частей: пуховика, или пери-

ны, изголовья и подушекъ. Было два изголовья — нижнее называлось бумажнымъ и подкладывалось подъ верхнее, на верхнее клались подушки, обыкновенно три; постель покрывалась простынею изъ полотна или шолковой матеріи, а сверху закрывалась одѣяломъ, входившимъ подъ подушки. Постели убирались понарядне въ праздники или на свадьбахъ, попроще въ обычные дни. Въ нарядныхъ постеляхъ на изголовья и подушки надѣвались наволоки камчатныя, бархатныя, атласныя, обыкновенно краснаго цвѣта, шитыя золотомъ и серебромъ, унизанныя жемчугомъ по окраинамъ; одѣяла постилались подбитыя соболемъ, атласныя, краснаго цвѣта съ гривнами, то есть коймами золотой или серебряной матеріи, подбитыми соболями. Самыя перины были набиты лебяжьимъ или чижовымъ пухомъ. Наволоки были на простыхъ постеляхъ тафтяныя бѣлыя или красныя, подбитыя крашенинною. Простыя одѣяла подбивались заячьими мѣхами. Вообще однако постели были принадлежностію только богатыхъ людей, да и у тѣхъ стояли болѣе для вида въ своемъ убранствѣ, а сами хозяева охотнѣе спали на простой звѣриной шкурѣ, или на матрасѣ. У людей средственнаго состоянія обычною постелью служили войлоки, а бѣдные поселяне спали на печахъ, постлавши подъ головы собственное платье, или же на голыхъ лавкахъ. Дѣтскія колыбели дѣлались висячія, всегда широкія и длинныя для того, чтобъ дитя могло свободно расти, а внутри ихъ всегда привѣшивались иконы или крестики. (Оп. хоромн. нар. О. З. 1851 сентябрь. — Древн. Русск. Вивл. I. 9. — А. И. I. 285. II 405. — Доп. V. 471. — С. г. гр. I. 303. — Оп. Шуи 419.—Домостр. Врем. I. 51. — Врем. VIII. Оп. им. Тат. 8. 32. — Olear. 204. 319. — Mejerb. 91. 137. — Tuber. Hacl. 433—434. Кильбург. 67).

Для храненія домашнихъ вещей употреблялись скрыни (родъ комодцевъ съ выдвижными ящиками), сундуки, погребцы, чемоданы. Посуду ставили въ поставцахъ: это были столбы, уставленные со всѣхъ сторонъ полками; къ низу ихъ дѣлали шире, къ верху уже, на нижнихъ полкахъ ставили болѣе массивную посуду, на верхнихъ мелкую. Разныя женскія украшенія хранились въ ларцахъ, которые сами по себѣ украшались великолѣпно, наводились яркими красками и золотомъ, расписывались узорами, и окаймлялись металлическими кружевами; такіе ларцы передавались изъ рода въ родъ, вмѣстѣ съ драгоцѣнностями, какія тамъ сохранялись. Для украшенія въ домахъ зажиточные люди раскладывали разныя драгоцѣнныя бездѣлки въ родѣ слѣдующихъ: серебряныя яблоки, позолоченное изображеніе пѣтуха съ бѣлымъ хвостомъ на поддонѣ, мужичекъ серебряный, костяной городъ съ башнями и миніатюрныя изображенія разныхъ домашнихъ принадлежностей изъ золота и серебра, напри-

мѣръ: ящикъ, въ которомъ было паникадило, столъ, четыре подсвѣчника, разсольникъ, рукомойникъ, четыре блюда, четыре тарелки, и проч. все въ маломъ видѣ, такъ что все вмѣстѣ вѣсило два фунта 38 золотниковъ; или напримѣръ: серебряный ставецъ, въ которомъ была бочка, зеркальце и т. п. Знакомство съ Европою ввело къ намъ часы. Такъ у Артамона Сергѣевича Матвѣева было нѣсколько часовъ: одни показывали часы астрономическаго дня, на другихъ означалось время отъ восхода до заката солнца, а третьи показывали теченіе сутокъ съ полуночи въ полдень, какъ наши часы нынѣшняго времени. Часы зепные (карманные) составляли рѣдкость и гораздо употребительнѣе были часы боевые, стѣнные и столовые; устройство ихъ отъ нашихъ отличалось тѣмъ, что въ нихъ не стрѣлка ходила по циферному кругу, а самый кругъ двигался. Столовые часы дѣлались съ затѣйливыми фигурами, напримѣръ, съ четвероугольною скрынькою съ перилами на верху, или мѣдное изображеніе слона съ сидящимъ на немъ человѣкомъ, или въ видѣ башни: на чердакѣ ея сдѣланы были изображенія людей, а на самой вершинѣ изображеніе сидящаго орла (Chenel. Hacl. 277. — Домостр. 93. — Коллинсъ 21. — Матер. для ист. возм. Стеньки Раз. 200. — Врем. IV., см. 22. — VIII. Оп. им. Тат. 37. — XIII. Расх. кн. Ник. 9. — Дом. Б. русск. цар. Забѣл. От. Зап. 1851 сент.).

Освѣщеніе въ домахъ было свѣчами восковыми и сальными. Восковыя употреблялись преимущественно у богачей и то единственно въ праздничные дни и во время торжественныхъ собраній; въ самомъ царскомъ дворцѣ въ XVI вѣкѣ зажигали сальныя свѣчи. Свѣчи вставлялись въ подсвѣчники, которые были стѣнные, прикрѣпленные къ стѣнамъ, стоячіе, значительной величины и малые или ручные. Вообще они назывались шандалами, дѣлались обыкновенно изъ мѣди, иногда изъ желѣза. Въ XVII вѣкѣ у зажиточныхъ людей были въ домахъ такъ называемые струнные мѣдные подсвѣчники, сдѣланные изъ натянутыхъ и расположенныхъ удобно мѣдныхъ проволокъ. Ночью, чтобъ имѣть огонь, держались ночники. По случаю большихъ собраній освѣщали домы висячими паникадилами, которыя въ богатыхъ и знатныхъ домахъ были серебряныя и дѣлались съ разными фигурами. Для домашняго обихода держались слюдяные фонари, съ ними прислуга ходила въ конюшни и кладовыя. У простыхъ поселянъ избы освѣщались лучинами (А. Ю. 445. — А. И. II. 406. Доп. VI 105. — Врем. XIII Расх. кн. 9; 52 — Mejerb. 232. — Барбер. 32.

Для храненія громоздкихъ хозяйственныхъ припасовъ въ клѣтяхъ употреблялись бочки, кади, лукошки разной величины и объема. Бочки въ старину были самымъ обыкновеннымъ вмѣстили-

щемъ и жидкостей и сыпучихъ тѣлъ, напримѣръ: хлѣбнаго зерна, муки, льну, рыбы, мяса сушенаго, поскони и разнаго мелкаго товара: какъ-то гвоздей, цѣпей, замковъ, топоровъ, всѣхъ вообще принадлежностей хозяйства. Сосуды для варенья въ поварняхъ были котлы мѣдные и желѣзные; тамъ, гдѣ приготовлялась пища на большое количество людей въ дворѣ, они достигали большихъ размѣровъ, напримѣръ: въ семь ведеръ; другіе были въ четыре ведра, въ ведро, въ полведра, и вообще назывались вареными или ѣстовыми котлами, въ отличіе отъ нивныхъ и винныхъ, достигавшихъ размѣра пятидесяти ведръ. Для небольшаго количества пищи употреблялись горшки. Жарили на сковородахъ не только желѣзныхъ, но и на мѣдныхъ луженыхъ, съ рукоятьми; для мѣсива тѣста употреблялись деревянныя корыта и большіе чаны, для мытья бѣлья корыта, ночвы, буки, для носки воды ведра, кумчаны, корчаги, сидовы, кувшины. По окончаніи обѣда, у рачительныхъ хозяевъ всѣ сосуды вымывались и вытирались, потомъ опрокидывались внизъ и ставились на полкахъ въ кухнѣ или въ чуланѣ. Въ праздники, когда въ домѣ все облекалось въ нарядный видъ, и въ поварню отпускалась посуда лучшей работы. (А. И. I. 285. II. 399. — А. Ю. 499. — Врем. VIII. Оп. им. Тат. 22. XIII.—Расх. кн. 43.—Домостр. Врем. 1.67).

Для умыванья употреблялись рукомойники и лахани; у богатыхъ людей онѣ были серебряныя и позолочивались, у людей средственнаго состоянія мѣдныя или оловянныя. Не рѣдко рукомойникъ былъ оловянный, а лахань мѣдная. Примѣромъ богатаго стариннаго прибора для умыванья можетъ служить рукомойникъ Ивана Васильевича серебряный позолоченый съ изображеніемъ фигуръ (образинъ), на стояницѣ, тоже испещренномъ чеканными фигурами; при немъ серебряная лахань съ чеканнымъ изображеніемъ рыбъ и раковъ (А. И.. 406. — Врем. VII. 45).

Столовая посуда для пищи и питья носила общее названіе судовъ. Жидкое кушанье изъ поварни для стола носили въ кострюлькахъ и оловянникахъ — мѣдныхъ луженыхъ или оловянныхъ, съ покрышниками. Другая посуда для носки жидкихъ кушаньевъ была рассольникъ, также съ покрышкою, родъ соусника: онъ употреблялся также и для соленыхъ плодовъ. За столомъ жидкая пища разливалась въ мисы: у богатыхъ онѣ были серебряныя, у небогатыхъ оловянныя и деревянныя. Твердыя кушанья приносились на блюдехъ. Были блюда разной фигуры и различной величины, приспособленныя къ извѣстному роду кушаньевъ, и по этому назывались: блюдо гусиное, блюдо лебяжье. На однихъ блюдахъ приносили кушанья изъ поварни, другія оставались передъ гостьми, такъ чтобъ два человѣка и болѣе могли ѣсть съ одного блюда. Послѣдняго рода

блюда назывались блюдцами. Овощи подавались на блюдахъ особой формы, называемыхъ овощниками. Къ большимъ блюдамъ придѣлывались кольца, по два и по четыре; это показываетъ, что ихъ несли человѣка по два. У богатыхъ блюда были серебряныя съ выбойчатыми инициями по обводу; у людей посредственнаго состоянія — оловянныя или полуженыя мѣдныя. Тарелки, называемыя торели, не были въ повсемѣстномъ употребленіи, и тамъ, гдѣ онѣ ставились передъ гостьми, не перемѣнялись во все продолженіе обѣда, а по этому въ домахъ ихъ было не много; у богатыхъ онѣ были серебряныя гранеными, иногда позолоченныя; у менѣе зажиточныхъ изъ польскаго серебра или оловянныя. Вѣсомъ онѣ были до полфунта, а нѣкоторыя и массивнѣе, напримѣръ, въ три четверти фунта. Въ домашнемъ сервизѣ немногія изъ нихъ были больше остальныхъ. Вѣроятно названіе торели смѣшивали съ названіемъ блюда, такъ что въ одномъ мѣстѣ плоскую посуду, поставленную передъ гостьми, называли торелями, а въ другомъ блюдами. Ложки у богатыхъ дѣлались серебряныя позолоченныя съ фигурою на концѣ рукояти и съ надписью кому принадлежитъ. Ножи въ богатыхъ домахъ оправлялись золотомъ и серебромъ съ драгоцѣнными камнями: ихъ не подавали гостямъ, потому что кушанье предлагалось уже разрѣзанное. Вилки были двузубыя, а иногда ихъ вовсе не клали. Салфетки не употреблялись: обтирали руки полотенцомъ или краемъ скатерти. Но необходимою принадлежностью столоваго прибора почитались: солоница, уксусница и перечница, иногда горчичница. Когда готовили столъ къ трапезѣ, то, постлавши скатерть, ставили на нее эти сосуды. Солоницы дѣлались на стоянцахъ съ покрышками и съ рукотками, уксусницы и перечницы на ножкахъ; иногда эти сосуды соединялись въ одинъ, напримѣръ, солоница, а на верху ея перечница. Серебряныя солоницы и перечницы украшались узорами и литыми изображеніями, напримѣръ, солоница на звѣркахъ, солоница съ верхомъ, украшеннымъ финифтью съ изображеніемъ людей по бокамъ. (А. Юр. 444. 445. — Врем. IV. См. 22.—Врем. VII. Оп. им. царя Ив. Вас. — VIII. Оп. им. Тат.—Врем. XVIII. Расх. кн. 38. Собр. гос. гр. I. 320. 401. 406 — 409.—Достоп. Кремля 36. 49. — А. И. II. 14. 406. 428. — Доп. VI. 101. — Русск. стар. 87. Пов. о нос. Щилѣ. Рук. И. Публ. Библ.).

Столовые сосуды для приноса питій были: ендовы, мушормы, ведра, кувшины, сулеи, четвертины, братины. Ендова была сосудъ болѣе кухонный, но употреблялся и какъ столовый для приноса питья; ендовы имѣли разную величину, напримѣръ, иныя заключали въ себѣ цѣлое ведро, другія по шести ведеръ, а нѣкоторыя были столь малы, что заключали въ себѣ вѣсу только двѣ гривенки, Рѣд-

ко употребляемыя при столѣ, въ обычномъ обиходѣ онѣ были мѣдныя вылуженныя, съ носкомъ и съ рукояткою. Мушорма была сосудъ близкій по виду къ ендовѣ, также съ носкомъ и съ рукоятью. Въ чемъ заключалось ихъ различіе — не извѣстно. Ведра были не только служебною посудою, но сдѣланныя въ маломъ размѣрѣ ставились съ напитками на столѣ; были такимъ образомъ серебряныя сосуды въ формѣ ведра, носившіе это названіе, съ дужкою на верху, цилиндрической формы, а иногда многосторонниками. Кувшинами, какъ теперь, называли сосуды съ раздутыми боками по срединѣ, съ съуженною шейкою, съ расширившимися краями, съ носами и съ кругообразною рукоятью. Были кувшины серебряные съ обручами на шейкахъ, съ крышкою на верху, на которой ставились какія нибудь выпуклыя фигуры, напр., яблоко и т. д., иногда къ ручкѣ кувшина придѣлывалась цѣпочка. Четвертиною, какъ показываетъ ея названіе, была четвертая часть единицы—ведра, то есть кварта; но въ домашнихъ приборахъ этимъ именемъ называли сосудъ раздутый по бокамъ, нѣсколько похожій на суповую чашку съ крышкою; въ нихъ отсылали питье изъ дома отсутствующимъ знакомымъ. Четвертины были разной величины и даже такъ малы, что вставлялись въ небольшую шкатулку. Братина, какъ самое ея названіе указываетъ, былъ сосудъ, предназначенный для братской товарищеской попойки, на подобіе горшка съ покрышкою. Изъ нихъ пили, черпая чумками, черпальцами и ковшами. Братины были разной величины; небольшія употреблялись даже прямо для питья изъ нихъ и назывались братинками. Сулеи были маленькія бутылки съ узкимъ и продолговатымъ горломъ и съ цѣпью; онѣ привѣшивались къ дюжу въ дорогѣ. (С. г. гр. I. 401. 406. 409. — Врем. IV. см. 20. — VII. Оп. им. Ив. Вас. 25. 45. — VIII. Оп. им. Тат. 22. 35. — А. г. Шуи. 176. — А. И. I. 285).

Къ сосудамъ, изъ которыхъ пили, принадлежали: кружки, чаши, кубки, корцы, ковши, достаканы, чарки, овкачи, болванцы. Кружки были цилиндрическіе сосуды съ рукоятью и крышкой, всегда въ одну стѣну съ низу до верху, къ верху нѣсколько уже, обыкновенно круглаго вида, какъ показываетъ самое названіе; но были также кружки осьми-гранныя и четырехъ-гранныя; онѣ ставились на поддонахъ. Нормальная величина кружки опредѣлялась ея мѣрнымъ значеніемъ, ибо кружками собственно называлась опредѣленная мѣра половина четвертины $\frac{1}{8}$ ведра: но эта мѣра не всегда соблюдалась, какъ показываетъ различіе вѣса, (напр. въ 4 ф. и въ одинъ фунтъ), слѣдовательно объемъ кружекъ былъ различенъ. Чашами назывались круглые разложистые сосуды съ рукотками, съ кольцами, съ пелостками, съ скобами, вѣсившіе иногда до двухъ фунтовъ и бо-

лѣе; но вообще подъ этимъ названіемъ разумѣли пропорцію выпиваемаго собесѣдниками вина; въ этомъ смыслѣ на одной братинѣ находится надпись: въ сію братину наливается богородицина чаша. Пить чашу чью либо значило пить въ честь кого нибудь или за чье либо здоровье. Такимъ образомъ говорилось; «государева чаша, патріаршая чаша.»

Кубками назывались сосуды съ круглымъ, иногда досчатымъ или плоскимъ днемъ, съ крышкою, на подставкѣ, иногда на ножкахъ и на поддонѣ. Къ нимъ иногда придѣлывались цѣпочки. Дѣлались кубки двойчатые, то есть раздѣлявшіеся на двѣ половинки, изъ которыхъ каждая составляла особый сосудъ для питья. Величина кубковъ была различна. Всѣмъ извѣстенъ громадный кубокъ царя Ивана Васильевича Грознаго, хранящійся въ оружейной палатѣ, вѣсомъ въ одинъ пудъ восемь фунтовъ, въ сажень вышиною. У знатныхъ и богатыхъ домохозяевъ были большіе кубки, вѣсомъ до четырехъ и до пяти фунтовъ, но они въ небольшомъ количествѣ стояли только для украшенія на поставцахъ. Въ употребленіи были кубки вѣсомъ въ полфунта, фунтъ и около того. Стопы были большіе высокіе стаканы, иногда съ рукоятью, носками и крышкою. Достаканы были средней величины стаканы, иногда съ рукояткою, на ножкахъ, обыкновенно съ разложистыми круглыми краями, иногда же съ угольчатыми и ставились на маленькихъ поддонахъ. Ковши были низенькіе сосудцы круглые или овальные съ круглымъ днемъ, съ досчатою ручкою, называемою полкою, иногда съ загибомъ на концѣ. Корцы отличались отъ ковшей тѣмъ, что дно у нихъ было плоское; маленькіе корцы назывались корчиками. Чарками назывались маленькіе сосудцы съ круглымъ или плоскимъ днемъ, или на ножкахъ съ закругленною ручкою, иногда съ покрышкою. Подлинно неизвѣстно, какая была отличительная черта сосудовъ, называемыхъ болванцы и овкачи. Первые были иногда массивны, какъ это доказывается описаніемъ одного болванца въ числѣ посуды царя Михаила Ѳеодоровича, гдѣ значатся болванцы въ 4 ф. 62 золотн. и въ девять фунтовъ слишкомъ. (Времен. IV. см. 20—VII. Оп. им. ц. Ив. Вас. 25. 34—38. 41. 44.—VIII. оп. им. Тат. 22. 35.—С. г. гр. I. 40, 409.—Достоп. Кремля 131).

Кромѣ этихъ названій, болѣе или менѣе опредѣленныхъ особою формою, существовали разные сосуды затѣйливой фигуры, напр., орѣхъ индійскій съ серебряною золоченою формою; рога, оправленные въ серебро; сосуды въ видѣ челнока, вола, лошади, пѣтуха и проч.

Эти сосуды изъ серебра, часто позолоченые, наполняли поставцы знатныхъ и богатыхъ людей и составляли домашнюю роскошь. Въ

отношеніи работы они были разныхъ видовъ, напр. гладкіе, скапные, т. е. витые, граненые (или грановитые), чеканные, чешуйчатые, травчатые, канфаренные, склянистые, пупчатые, рѣшетчатые; иногда нѣсколько видовъ работъ соединялись въ одномъ сосудѣ, такъ что часть его была отдѣлана однимъ, другая инымъ видомъ. Фонъ стѣны сосуда назывался землею, а по землѣ дѣлались разныя фигурныя украшенія. На братинахъ чаще всего были узоры и травы. На стѣнахъ кубковъ и чашъ дѣлались широкія выпуклости, называемыя пузами, и углубленія, называемыя ложками; сверхъ того неширокія, но высокія возвышенія, называемыя пупышами, формы круглой, сердцевидной, продолговатой, клинчатой и т. д. Часто пупыши очередовались съ ложками. Иногда на фонѣ одной работы дѣлались кружки другой и въ этихъ кружкахъ помѣщались изображенія и надписи. По краямъ сосудовъ проводились вѣнцы, составлявшіе линіи разныхъ узоровъ; часто такихъ линій было нѣсколько одна возлѣ другой, каждая работы отличной отъ другой. Фигуры, украшавшія сосуды, изображали цвѣты, плоды, листья, звѣрей, птицъ, рыбъ, людей; послѣднія носили названіе личинъ или образинъ. Литыя фигуры ставились на верхахъ покрышекъ: такъ напримѣръ, были сосуды, особенно кубки, на верху которыхъ стояли орлы, пѣтухи, яблоки, лодки, терема, города съ башнями. Напримѣръ въ кубкѣ вѣсомъ въ одиннадцать гривенокъ, принадлежавшемъ царю Ивану Васильевичу, на покрышкѣ былъ теремъ о трехъ столбахъ, между столбами три человѣческія изображенія въ кругахъ, а на верху самаго терема человѣческая фигура, держащая копье. На привозныхъ изъ западной Европы сосудахъ встрѣчались миѳологическія изображенія, напримѣръ, Аполлона или Сатира. Иногда чеканныя фигуры представляли цѣлыя происшествія или картины, напр. на кубкѣ круги, въ которыхъ изображены *царства*. Поля сосуда украшались чеканными фигурами; онѣ находились между пупышами, между пупышами и ложками, когда онѣ чередовались между собою, въ кружкахъ, обручикахъ, связяхъ или свѣтовидныхъ каймахъ, на полкахъ ковшей и корцевъ. Иногда рукояти и стоянцы сами по себѣ составляли фигуру, напр. рукоять въ видѣ змѣи, а стоянецъ въ видѣ тыквы, по которой вычеканены яблоки и груши. Даже внутри сосудовъ иногда дѣлались чеканныя и литыя изображенія.

Кромѣ узоровъ, травъ и фигуръ было въ обычаѣ дѣлать на сосудахъ разныя надписи, какъ-то: о количествѣ вѣса, имя владѣльца вещи и приличныя изрѣченія изъ священнаго писанія или изъ житейской мудрости, а если сосудъ былъ подаренъ, то надписывалось объ этомъ, напр. *ударила челомъ боярыня Ульяна Ѳедоровна*

Романова. Надписи эти вычеканивались внутри сосуда на днѣ, по ободамъ, по эмали или финифти, которою нерѣдко украшались сосуды. Чтобъ имѣть понятіе о родѣ тѣхъ надписей, которыя заключали въ себѣ изрѣченія, приведемъ въ примѣръ чарку, на которой надписано по ободу: *чарка добра человѣку, пить изъ нея на здравіе, хваля Бога, про государево многолѣтное здоровье*; внутри другая: *не злись, смирись, человѣче, желавшь славы земныя, за то не наслѣдишь небесныя*; по бокамъ вокругъ: *зри, смотри, и люби и не проси*. Внутри братины, поднесенной царю думнымъ дьякомъ Третьяковымъ въ 1618 году, надпись такая: «Человѣче! что на мя зришн? Не проглотить ли мя хочешн? Азъ есмь бражникъ; воззри, человѣче, на дно братины сея, откроешн тайну свою». А на вѣнцѣ другая надпись: «Вѣси убо, человѣче, яко воину оружіе потребно есть въ день брани, такожде и дождь во время ведра; пити же во время жажды; сице же истинный другъ во время утѣсненія и скорби, и вся убо прикасающіяся сладости сей съ любовію по разуму въ сытость веселіе съ други, и тѣлесемъ красоту, и сердца и ума пространство почерпаютъ, и радостію, со други своими веселящеся, испіютъ, хотящими же убо къ сему приступити, со враждою — несытное ихъ убо достоитъ отъ сего дому всегда отгонятн заботно. (Доѣтоп. Кремля 117, 123, 129, 130. — Собр. Г. Гр. I. 407, 409.—Врем. VII. 34, 43, 44.—Домостр. 67.)

Количество дорогихъ сосудовъ, переходившихъ по наслѣдству, не только какъ матеріальная драгоцѣнность, но какъ память отцовъ, умножалось подарками; въ обычаѣ было дарить сосуды для изъявленія привязанности, милости или преданности. Цари дарили кубками и ковшами за услуги престолу, подданные подносили великимъ князьямъ, а потомъ царямъ въ подарокъ сосуды въ торжественные дни: при вступленіи государя на престолъ, на именины, по случаю бракосочетанія, рожденія дѣтей. Также точно и въ частномъ быту дарились сосуды именинникамъ, дарились новорожденнымъ, дарили ихъ подначальные начальникамъ, начальники подначальнымъ. Тамъ, гдѣ ихъ такимъ образомъ накоплялось много, ихъ сортировали для застольнаго употребленія, такъ что въ большіе праздники подавали лучшіе, въ другихъ случаяхъ попроще. Впрочемъ не должно думать, чтобъ повсюду было ихъ такое множество: нѣкоторые поставляли домашнее богатство въ вещахъ другаго рода и потому довольствовались незначительнымъ количествомъ золота и серебра. Такимъ образомъ случалось, что все серебро въ домѣ составляли три-четыре серебряныхъ ложки (А. И. IV. 399).

Кромѣ металлической посуды въ XVI и XVII вѣкахъ у богачей были сосуды каменные: агатовые, сердоликовые, изъ горнаго хру-

сталя, а между тѣмъ входила въ употребленіе стеклянная и хрустальная посуда съ тѣми же названіями, какія исчислены прежде. Стеклянная посуда привозилась изъ-за границы, стекла преимущественно разноцвѣтнаго, полосами, съ позолоченными вѣнчиками. Сверхъ того существовали простыя стеклянныя фляги и скляницы для храненія вина и деревяннаго масла. Простой народъ довольствовался деревянными сосудами, которые имѣли ту же форму, какъ и драгоцѣнные, и носили тѣ же названія. Какъ посуда для пищи — миски, торели, солоницы, — такъ и питейные сосуды — братины, ковши, корцы — дѣлались изъ дерева въ разныхъ мѣстахъ по селамъ и продавались на рынкахъ; но изъ нихъ особенно славились по работѣ калужскіе, гороховецкіе и корельскіе. Эти деревянныя издѣлія украшались рѣзьбою, которая издавна составляла любимое украшеніе вещей для небогатаго класса. Не гнушались деревянною посудою и дворяне, а каповые сосуды были въ употребленіи у бояръ и даже у царей и считались роскошью. (Достоп. Кр. 128, 130.—А. А. Э. III. 363.—А. И. I. 285. — Врем. I. — Домостр. 93.—VIII. Оп. им. Тат. 22.—XIII. Расх. кн. Ник. 30.)

РОМАНЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ПОЛУСВѢТѢ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Темный и дождливый октябрскій вечеръ смотрѣлъ въ единственное окно длинной и узкой комнаты, въ нижнемъ атажѣ большаго барскаго дома, въ одной изъ усадебъ Ч. губерніи. Въ комнатѣ какъ-то странно боролись два освѣщенія: закопченый потолокъ и мрачный лѣпной карнизъ были озарены грустнымъ свѣтомъ лампады, впсѣвшей у небольшой кіоты съ образами; а нижняя часть комнаты была облита яркимъ пламенемъ отъ раскалившейся печки. Возлѣ печки стояла старуха въ траурѣ, съ кочергой въ рукахъ, какъ солдатъ съ ружьемъ на часахъ. Лицо женщины покрытое глубокими морщинами, было пухмурено и печально, но доброта проглядывала въ ея карихъ потухшихъ глазахъ, которые, моргая и слезясь, были устремлены на черную головешку, догоравшую на раскаленныхъ угольяхъ.

Въ комнатѣ съ однимъ окномъ, и то прикрытымъ, точно желѣзной рѣшеткой, прутьями отъ росшаго снаружи куста, былъ какой-то хаосъ: большіе сундуки, бутыли съ наливками, фортепіано, книги, ноты, комодъ съ маленькимъ туалетцомъ и висѣвшія платья на стѣнѣ, все доказывало, что комната вмѣщяла множество назначеній, хотя и носила одно названіе — дѣтской. Эта дѣтская принадлежала очень молодой, бѣлокурой барышнѣ,

лежавшей на постели и тоже одѣтой въ глубокій трауръ. Дѣвушка бросала книгу вверхъ, какъ мячь, и что-то напѣвала тихо; наконецъ книга взвилась высоко и упала у самыхъ ногъ старухи, которая, вздрогнувъ, отшатнулась и сердито сказала:

— Балуй, балуй!... Экой страмъ! игру подняла, и когда? Постыдилась бы ты хоть добрыхъ людей.... Ну похожа ли ты на барышню? никакой печали въ тебѣ не видно!

— Пожалуйста безъ наставленій; запирай печку и убирайся, отвѣтила барышня.

Но старуха продолжала, не обращая вниманія на это приказаніе:

— Погоди, скоро пріѣдетъ тетушка.... я вотъ посмотрю, какъ ты тогда будешь блажить!... Я разскажу ей про тебя, моя голубушка, про всѣ твои проказы!

И старуха погрозила барышнѣ, которая презрительно на это отвѣчала:

— Насказывай, что вздумается!

— Насказывать!... Я буду насказывать на тебя? въ ужасѣ спросила старуха и съ упрекомъ прибавила: — не грѣхъ это тебѣ меня такъ срамить?... что я, наушница, что ли?

И старуха заплакала, а барышня зажала уши, съ досадою воскликнувъ:

— Ну, слезы!...

— Слезы, да, слезы! разобидѣть твое дѣло! ишь, — насказывать буду на нее! всхлипывая говорила старуха.

— Я не думала тебя называть наушницей, горячась замѣтила барышня: — а ты сама сказала, что будешь жаловаться на меня.

— Такъ не насказывать же!... Вѣдь тебѣ и горя мало, что ты сирота теперь?...

— У меня есть отецъ!

— Отецъ, отецъ!... въ негодованіи воскликнула старуха и вдругъ замолкла, въ испугѣ смотря на свою барышню, которая язвительно спросила:

— Ну, что же? продолжай!

Старуха, тяжко вздохнувъ, поспѣшно ушла изъ комнаты.

Барышня улыбнулась ей вслѣдъ и, закинувъ руки на голову, пролежала неподвижно нѣсколько минутъ. Личико дѣвушки сдѣлалось печально, слезы какъ бы блеснули въ большихъ черныхъ

живыхъ глазахъ ея, но она быстро ударила три раза въ ладоши и крикнула громко m-lle Марсъ!

Въ комнату вбѣжала четырнадцати-лѣтняя дѣвочка, смуглая, остриженная подъ-гребенку, одѣтая въ черное каленкоровое новое платье, которое лоснилось, точно тюленья кожа.

— Чего изволите, барышня? спросила вошедшая дѣвочка, тѣнь скорымъ, подобострастнымъ тономъ, которымъ отличаются деревенскія горничныя.

— Дуняшка, Дмитрій Степанычъ еще не вернулся?

— Никакъ нѣтъ-съ, барышня! отвѣтила Дуняшка и тихонько, но споро проговорила: — Палагея Тихановна взяла ключъ отъ фортепіанъ; она говоритъ, что не дастъ вамъ срамить себя музыкой, когда такая печаль въ домѣ.

— Вотъ велю Кузьмѣ совсѣмъ замокъ вынуть, — пусть тогда прячетъ къ себѣ ключъ! сердито замѣтила барышня.

— Прикажете-съ, барышня, сбѣгать за Кузьмой?

— Не суйся! повелительно произнесла барышня, и о чемъ-то задумалась.

Дуняшка присѣла на корточки къ печкѣ и, облитая вся огненнымъ свѣтомъ, походила на чертёнка въ балетѣ. Она тихо запѣла, поглядывая лукаво на барышню:

Ночною темнотою
Покрылись небеса.

и проч.

Барышня улыбнулась отъ гримасъ Дуняшки и, не давъ ей окончить пѣнія, весело сказала:

— M-lle Марсъ, на сцену!

Дуняшка прыгнула въ уголъ комнаты, оправила свое платье и оттуда стала подходить медленно къ кровати, страшно тоня ногами, какъ ходятъ актеры въ трагедіяхъ.

— Изъ Пушкина, Дуняшка! сказала барышня, смѣясь кривляньямъ дѣвочки, которая съ завываніемъ начала читать:

Гирей сидѣлъ, потупя взоръ....

Когда Дуняшка безъ запинки прочла нѣсколько куплетовъ, барышня зааплодировала и произнесла «браво». Дуняшка важно удалилась къ двери. Барышня стала вызывать ее, крича: Марсъ, Марсъ! Тогда, нимая m-lle Марсъ явилась на средину комнаты и стала присѣдать на всѣ стороны, какъ бы зрителямъ,

а барышня въ это время съ увлеченіемъ била въ ладоши, крича: «браво, браво Марсъ!»

Дуняшка, присѣдая и кланяясь, пятилась назадъ и наткнулась у дверей на входящую старуху съ кочергой.

— Ахъ ты фокусница! гнѣвно вскрикнула старуха, схвативъ Дуняшку за ухо и, теребя его, приговаривала: — вотъ, вотъ тебѣ, пакостница!

— Браво, браво Марсъ! кричала барышня: — я подарю тебѣ свой розовой платочекъ. Не плачь, Дуняшка! прибавила она, когда дѣвчонка запищала.

Обѣщаніе барышни заставило Дуняшку забыть боль и она запѣла дребезжащимъ голосомъ:

Старый мужъ, грозный мужъ!
Рѣжь меня, жги меня.

Барышня залилась громкимъ смѣхомъ.

Старуха вытолкнула дѣвочку въ дверь, съ презрѣніемъ проговоривъ: «фиглярка подлая!» — И, смотря на пасильственный смѣхъ барышни и ея метанье по постели, съ отчаяніемъ покачала головой и отъ полноты души произнесла:

— Господи! вотъ божеское-то наказанье послано мнѣ! Видано ли, чтобъ была такая безчувственная дочь!

И подойдя къ кровати, старуха съ упрекомъ продолжала:

— Опомнись, сударыня! сбрось съ себя всю дурь!... Ну, время ли теперь ярманку въ домѣ дѣлать?... Экой домъ!! мрачно произнесла старуха послѣднюю фразу, видя, что барышня на зло ей смѣется, чуть не до истерики.

Затворивъ заслонку у печки, старуха сѣла на стулъ и принялась горько плакать. Смѣхъ смолкъ въ комнатѣ; слезамъ старухи жалобно подвывалъ вѣтеръ въ незакрытую трубу. Поплакавъ нѣсколько минутъ, старуха какъ бы опомнилась, поспѣшно закрыла трубу и, съ любопытствомъ поглядывая на барышню, уткнувшуюся лицомъ въ подушки, кротко заговорила.

— Какая погода! Не пріѣдетъ она въ такую темень!

Старуха прошлась по комнатѣ, передвинула стулья и, все смотря на барышню, лежавшую безъ движенія, опять сказала:

— Что это, Анна Ларіоновна, изволишь ничкомъ-то лежать? головка заболитъ.... Встала бы, занялась бы дѣломъ. На ключъ! поиграй на фортепіанахъ.

Барышня не двигалась; старуха торопливо подошла къ кровати и нѣжно заговорила, оправляя платье дѣвушки.

— Ну, встань же, Анна Ларіоновна! Полно валяться....

— Ахъ, оставь меня! всхлипывая отвѣтила наконецъ барышня и снова уткнула лицо въ подушки.

Старуха всполошилась и въ отчаяніи махнула рукой: съ минуту она стояла надъ своей плачущей барышней и сама разливалась слезами; потомъ торопливо отерла глаза и тихо стала гладить по спинѣ барышню.

— Ну полно, заговорила она мягкимъ голосомъ: — ну, о чемъ тебѣ плакать? что тебѣ мое ворчанье? Я вѣдь тебѣ добра желаю.... Ну, кто о тебѣ станетъ заботиться! Всѣ такъ и норовятъ послѣднее твое добро растащить. Ты думаешь, что кто тебѣ потакаетъ во всемъ, такъ тотъ тебя и любитъ, что ли?

— Ахъ Боже мой, да я развѣ не знаю, что меня нѣкому любить! съ рыданіемъ выговорила барышня.

— Что ты! что ты! Господь съ тобою! съ ужасомъ вскрикнула старуха. Полно, моя голубушка, у тебя есть папенька, тетенька! Вѣдь помнишь, маманя тебѣ сама говорила, что тетенька твоя давно хотѣла тебя взять къ себѣ: ты, говоритъ, сестра, больная; гдѣ тебѣ воспитать хорошо свою дочь. Вотъ она какая добрая: еще при мамашѣ твоей думала о тебѣ... Теперь, можетъ статься, она, моя роднмая, спѣшитъ къ тебѣ; дождичекъ-то ее мочитъ, вѣтерокъ-то дуетъ на нее, а она, моя голубушка, все ѣдетъ, да ѣдетъ къ своей родной племянницѣ, чтобъ приласкать да утѣшить ее,

— Ну, что пустяки-то болтать! Можетъ ли любить меня тетенька, когда она меня не знаетъ, грустно замѣтила дѣвушка, вытирая свои слезы.

— Ну, вотъ что выдумала! а какъ же ей не любить-то родную племянницу? Что это ты всегда такое мудреное скажешь... Тетенька твоя предобрая-добрая....

— Да перестань, няня, что ты меня дурачишь! раздражительно перебила старуху барышня. — Я очень хорошо знаю, что моя тетка вовсе не особенно добра; папаша мнѣ говорилъ много про нее.

— Вздоръ! ну, ей Богу вздоръ! въ испугѣ и горячась сказала старуха.—Да и гдѣ ему знать, какого она характера? Я-то лучше его знаю о ней; слава Богу, еще барышней они были, какъ я была приставлена къ нимъ.

— А правда, няня, что бабушка моя была прелая? уже спокойнымъ голосомъ спросила барышня, привставъ на кровати.

— Что это! ну какъ это можно такъ про бабушку говорить? И кто это тебѣ все такія глупости говоритъ? Все вздоръ! бабушка твоя была добрая. Ну, извѣстно, настоящая была барыня. Ужь конечно, такой вольницы холопкамъ не дозволяла, какъ у насъ. Что для нихъ барскіе покои?... Ничего, а при покойницѣ барынѣ, такъ мимо крыльца-то заднято не смѣлъ никто пройти безъ спроса у дворецкаго. Бывало, смѣй кто изъ дѣвокъ попасться ей на глаза... Боже упаси! такую баню зададутъ, что просто бѣда: я, говоритъ, холопокъ безъ моего зова не хочу видѣть въ своихъ покояхъ. Разъ одна изъ дѣвокъ пошла было въ залу искать барышнина носоваго платка, да какъ замѣтила, что идетъ сама барыня, такъ испугалась, что прыгъ въ окно. А окно-то было высоко.... Ну, ногу себѣ сломила....

— Ну, что же тутъ хорошаго, няня, что люди ноги ломаютъ, чтобъ не видала ихъ барыня?

— Эхъ, ужь такъ слѣдуетъ держать себя барынѣ; за то ты бы посмотрѣла, что добра-то, добра-то было у насъ!

И старуха чуть не захлебнулась чувствомъ рабской гордости.

— Отчего же у насъ теперь такъ мало денегъ? спросила наивно барышня.

— Было много, моя сударыня. Папаша-то твой, баловствомъ да потачками, много добра погубилъ. Ну, да и бабушка-то обидѣла твою мамашу супротивъ твоей тетеньки, Лизаветы Игнатьевны. Ужь какъ она любила ее! Да Лизавета-то Игнатьевна и изъ лица-то похожи на бабушку.

— Ну, а дѣдушка былъ добрый?

— Сущій ангелъ; вотъ бы любилъ-то тебя, кабы живъ былъ; вѣдь ты очень схожа съ нимъ.

— А правда, няня, что у меня была еще тетка, Марья Игнатьевна?

— Была, отвѣтила старуха и продолжала поспѣшно: — глаза-то у него были двѣ....

— А правда, что она была помѣшанная? перебила няню барышня.

Старуху передернуло; она на секунду задумалась и съ грустью отвѣчала.

— Правда; ну, да Богъ съ ней! Вотъ ты послушай про дѣдушку-то....

— Нѣтъ, говори мнѣ про помѣшанную тетку, — капризнымъ дѣтскимъ голосомъ замѣтила барышня.

— Да что же я буду говорить-то объ ней, въ сердцахъ сказала старуха.

— А отчего она помѣшалась?

— Испортили ее, моя родная.

— Что за глупости, няня; можно ли испортить ворожбой!

— Что ты знаешь еще! вспыливъ, прикрикнула старуха на барышню. — Что ты видѣла на свѣтѣ еще? а споришь. Ты думаешь, что читаешь книжки, такъ тамъ все и написано?... Нѣтъ, сударыня моя, и никому такого не написать, что приключилось съ бѣдной нашей барышней Марьей Игнатьевной.

— Такъ разскажи; вѣчно секретничаешь, какъ ни спрошу о ней.

Старуха нерѣшительно оглядѣла комнату и задумалась.

— Ну же, говори, няня, нетерпѣливо замѣтила барышня.

Но старуха прежде притворила плотно дверь въ дѣвичью и, усѣвшись на стулъ возлѣ кровати, сказала:

— Право, ужь призабыла все...

— Не дитри, не правда!

— Шутка ли сколько лѣтъ прошло! А барышнѣ Марьѣ Игнатьевнѣ было восьмнадцать годковъ. Вотъ какъ ее строго держали; не то, что ты вонъ валяешься на постели и дѣлаешь, что вздумаешь.

— Оставь меня въ покоѣ; говори про тетку-то.

— Въ дѣвичьей всѣ сидѣли за работой, — не то, что теперь! У васъ была преехидная Мареа, она и бѣдной барышнѣ много зла надѣлала; все барынѣ пересказывала, что дѣлала барышня въ своей горницѣ.

— Хороша, должно быть, была бабушка моя, если дозволяла обижать свою дочь злой бабѣ, вспыльчиво проговорила слушательница.

Старуха продолжала разсказъ:

— И отродье у Мареы такое же ехидное было. Агафья-то, что горничной у тетушки Лизаветы Игнатьевны, вѣдь ея дочь.... и тогда была презлущая. Ты берегись ее, пока будешь жить съ ней.

— Очень мнѣ нужно подлаживаться къ горничнымъ; да коли я замѣчу, что тетушка ей даетъ такую волю, такъ и не поѣду.

— Что по пусту-то болтать! Велятъ — такъ и поѣдешь!.. Что-бишь я говорила-то?...

— Все оттого ты забываешь, что хочешь мнѣ мораль читать, наставительно сказала барышня, а нянька горячо возразила:

— Что сердишься-то! Вѣдь говорю, что помню; не врать же чего не было.... Ну, слушай же!... Вотъ стали мы, дѣвки, примѣчать, что наша барышня стала худѣть да худѣть, и все плачетъ.

— О чемъ же она плакала?

— А о томъ, что не слушалась маменьки.

— Въ чемъ же?

— Да во всемъ! Барыня заперли ихъ въ комнатѣ.

— За что ее заперли?

— Чтобъ не гуляли по саду.

— Почему же ей запрещали гулять по саду?

Вопросы свои барышня сопровождала лукавой улыбкой; но старуха ничего не замѣчала; она слишкомъ была озабочена отвѣтами своими, которые придумывала столько же медленно, сколько быстро и смѣло питомица ея предлагала вопросы.

— Скажи, пожалуйста, отчего ей запрещали гулять въ саду?

— А вотъ отчего, — что не слѣдуетъ барышнямъ гулять однимъ.

— Ну, вотъ я гуляю же одна?

— Пока злыхъ людей нѣтъ — и ничего.

— Что же злые люди съ ней сдѣлать могли?

— А то, что она ушла изъ родительскаго дома и стала жить одна-одинехонька въ лѣсу; разъ въ недѣлю ей принесутъ хлѣба, чего другова, да такъ никто и не видитъ ее больше.

— Бабушка-то бывала у ней?

— Что ты! какъ же это можно было барынѣ-то идти къ ней въ лѣсъ, послѣ такого сраму?

— Коли она была испорчена, чѣмъ же она виновата? А почему сестра къ ней не ходила?

— Боялись свою мать огорчить. Барыня всю дворню созвала и сказала, что если кто ослушается ее и пойдетъ въ лѣсъ спровѣдать барышню, такъ того она и сошлетъ изъ деревни.

— И никто не пошелъ?

— Кто же бы посмѣлъ!

— Такъ и все тутъ, что ты знаешь про Марью Игнатьевну? спросила барышня.

— Все, моя родная, спокойно отвѣчала нянька.

Барышня вдругъ засмѣялась, старуха вздрогнула и въ недоумѣніи смотрѣла на свою слушательницу, которая, прекративъ смѣхъ, наставительно сказала:

— И не стыдно это тебѣ такъ лгать?... а?... Дуняшкѣ уши дерешь за то, что она лжетъ, а сама-то что дѣлаешь на старости лѣтъ?

— Что это, Анна Ларіоновна? сконфуженно бормотала старуха.

— А то, Палагея Тихоновна, что я все знаю про тетушку Марью Игнатьевну; я прочла письмо тетеньки къ мамашѣ!

Старуха всплеснула руками и въ ужасѣ проговорила:

— Мать пресвятая Богородица! Что это за дѣвушка!

Барышня наслаждалась испугомъ своей няньки, которая накинулась на нее съ вопросомъ:

— Какъ же это ты смѣла читать мамашины письма?

— Мнѣ папаша далъ ключь отъ ея бюро и сказалъ: — все послѣ твоей матери принадлежитъ тебѣ.

Старуха повѣсила голову, какъ бы отъ изнеможенія, но вдругъ встрепенулась, встала со стула и со сверкающими глазами сказала въ сильномъ волненіи:

— Коли онъ это сказалъ тебѣ, такъ поди проси у него, чтобъ тебѣ отдалъ все, что у твоей матери было. Спроси у него, гдѣ бриліанты, гдѣ сер.... старуха не могла продолжать у ней порвался голосъ.

— Полно горячиться, няня, да я все знаю: папаша все прожилъ, у насъ долговъ куча. Да я даже все знаю про тетушку Лизавету Игнатьевну, какъ она богата, какъ ее мужъ бросилъ... какъ....

Старуха не дала говорить болѣе своей барышнѣ; дрожа всѣмъ тѣломъ, она возразила:

— Замолчи, ради всѣхъ святыхъ, замолчи! Не сгуби ты меня, не проговорись ты при Лизаветѣ Игнатьевнѣ! Да она меня на старости лѣтъ выгоннтъ вонъ изъ-за тебя. Не повѣритъ, чтобы не я это тебѣ пересказала.... Господи, что будетъ съ моей головушкой!

И старуха зарыдала.

Барышня была перепугана и упрашивала няню успокоиться, давала клятвы, что виду не подастъ, что знаетъ про своихъ тетокъ. Но вдругъ онѣ обѣ встрепенулись и стали прислушивать-

ся: вдали звенѣлъ колокольчикъ. Старуха и барышня вскочили на ноги и пугливо проговорили: ѣдетъ! Нянька бросилась изъ комнаты, крича несвязно: огня, самоваръ! ѣдетъ, ѣдетъ! А барышня бросилась къ комоду, распустила свою густую, длинную косу, пронзительно тоже крича: Дунюшка... Софья... тетенька пріѣхала.... тетенька ѣдетъ!

ГЛАВА II.

Дребезжанье колокольчика поставило мрачный домъ вверхъ дномъ. Огни замелькали въ окнахъ, заскрипѣли и захлопали двери, забѣгали лакеи и горничныя съ разными вещами съ низу на верхъ, безъ всякаго толку, точно домъ горѣлъ: такъ всѣ потерялись, хотя давно, давно готовились къ прибытію гостьи и даже знали, что генеральша, Лизавета Игнатьевна Абрютина, изволила ночевать въ уѣздномъ городѣ и непремѣнно должна была пріѣхать къ обѣду. Но такъ какъ она не явилась къ обѣду, то всѣ рѣшили, что не можетъ же генеральша пріѣхать въ темную пору.

Палагея Тихоновна такъ потерялась, что не могла говорить и давать приказанія; она только ахала, крестилась и звала себѣ на помощь всѣхъ святыхъ, какъ будто ее ожидала страшная опасность.

Экипажъ былъ у воротъ; вся дворня высыпала на крыльцо за барышней, чтобы встрѣтить гостью, но никто не подумалъ объ огнѣ. Дуняшка первая замѣтила объ этомъ промахѣ и всѣ заахали и бросились за огнемъ; чрезъ минуту многіе явились на крыльцо, кто съ фонаремъ, кто со свѣчей въ рукахъ.

Палагея Тихоновна явилась съ ночникомъ въ помадной банкѣ. Темная ночь, прислуга въ траурѣ, по случаю недавней смерти барыни, трепетные огни въ рукахъ и напряженныя, любопытныя лица, съ глазами устремленными на подъѣзжавшую карету, все придавало этой встрѣчѣ что-то похоронное. Гостья вышла изъ экипажа, обняла племянницу, и съ минуту продержала ее въ своихъ объятьяхъ. Всѣ стояли неподвижно и притаивъ дыханіе, какъ бы боясь нарушить торжественное свиданіе генеральши-тетки съ племянницей. Одинъ вѣтеръ смѣло рвался на крыльцо и тушилъ огни, какъ бы не желая, чтобъ кто нибудь нарушилъ родственную встрѣчу.

Черезъ четверть часа гостья сидѣла уже на диванѣ въ небогато убранной гостиной, въ которой стояла постель, огороженная ширмами. Барышня сидѣла возлѣ своей тетушки и очень конфузилась отъ пытливыхъ ея взглядовъ, хотя эти взгляды сопровождались сладкою улыбкою.

Палагея Тихоновна стояла у дверей въ раболѣпной позѣ, умильно поглядывая на диванъ. Впрочемъ еще множество глазъ свѣтились изъ щелки дверей, выходившихъ въ залу.

Трудно было съ точностью опредѣлить лѣта Лизаветы Игнатьевны Абрютиной. На видъ ей казалось лѣтъ подъ 50. Выраженіе лица змѣиное: быстрые зеленые глаза, исполненные огненной злобы, тонкія губы, на которыхъ постоянно играла умильно-язвительная улыбка, отъ чего ея бѣлые здоровые зубы были всѣ на виду, какъ будто она ими хвасталась. Рыжеватый отливъ бѣлокурыхъ волосъ смягчалъ сѣдину, а умѣренная полнота, при подвижности генеральши, скрадывала ей цѣлыхъ 10 лѣтъ.

— Ты меня полюбишь, я увѣрена, — сказала Абрютина своей хорошенькой племянницѣ, какъ бы прочитавъ на ея открытомъ личикѣ непріятное смущеніе, когда въ первый разъ зеленые глаза тетки впились въ нее.

— Господи! матушка, сударыня, какъ васъ ей не полюбить! вы теперь все — и мать и.... начало было робко старуха и замолчала, встрѣтить гордый взглядъ генеральши.

Абрютина приложила платокъ къ глазамъ и слезливо сказала:

— Да, Анюта; мы лишились ангела. Я любила твою мать.. мы были очень дружны. Я все сдѣлаю, чтобы заставить тебя не чувствовать сильно эту страшную потерю.

Няня воспользовалась удобной минутой и дѣлала жесты своей барышнѣ, чтобъ она приласкалась къ тетушкѣ, но барышня сидѣла неподвижно и съ наивнымъ любопытствомъ глядѣла на слезы тетки, которая, поднявъ глаза къ потолку, торжественно произнесла:

— Небо будетъ свидѣтелемъ, что я ей замѣню мать!

Послѣ этой громкой фразы тетушка съ чувствомъ поцаловала племянницу и, держа ея головку въ своихъ рукахъ, сказала съ сладкой улыбкой:

— Знаешь ли, плутовка, что ты очень хорошенькая стервочка?

Дѣвушка стыдливо потупила глаза. Нянька совершенно растаяла отъ гордости и радостно улыбалась, незамѣчая сама, что слезы текутъ въ три ручья по ея щекамъ; но Абрютина вывела ее изъ этого состоянія, замѣтивъ ей, что она можетъ идти. Сердце старухи сжалось, но она не смѣла ослушаться генеральши. Боялась она, чтобы барышня не сказала чего лишняго, или не проговорилась про семейныя тайны.

И предчувствіе не обмануло ее. Абрютина, просидѣвъ съ часъ наединѣ съ племянницей вывѣдала все, что ей было нужно: умъ дѣвушки, характеръ отношеній къ отцу, степень и свойства воспитанія—все поняла она. Прощаясь съ племянницей, тетушка набожно благословила ее, съ нѣжностью поцаловала и просила, чтобы она была готова завтра по утру, какъ можно ранѣе, вмѣстѣ ѣхать отслужить панихиду на могилѣ ея матери. Какъ ни ласкала Абрютина свою племянницу, какъ ей сладко ни улыбалась, но наивной барышнѣ, жившей на волѣ, почти невидавшей общества, тогда только сдѣлалось легко, когда зеленые глаза тетушки болѣе не впивались въ нее. Абрютина, по уходѣ племянницы, кликнула свою горничную, худую высокую, съ страшно-свирѣпымъ взглядомъ, которая басомъ отрапортовала слѣдующую фразу:

— Они-съ на охоту изволили уѣхать.

Абрютина жестомъ подозвала ее къ себѣ и горничная шопотомъ продолжала:

— Старуха думаетъ, что она ѣдетъ съ барышней. Въ домѣ гоститъ какой-то поповскій сынъ, вмѣстѣ играютъ на фортепьянахъ. Во флигелѣ живетъ нѣмка, какъ барыня. У ней есть заемныя письма на барина.

Барыня кивнула головой, горничная замолчала.

— Позвони-ка ко мнѣ Палагею, сказала Абрютина послѣ минутнаго раздумья.

Черезъ пять минутъ робко явилась въ дверяхъ Палагея. Абрютина приказала ей хорошенько запереть дверь въ залу и прибавила:

— Подойди ближе.

Нянька подошла къ столу, дрожа какъ въ лихорадкѣ, съ потупленными глазами, точно какая нибудь преступница. Голосъ, выраженіе лица Абрютиной слишкомъ ясно напоминали ей старую барыню и весь ужасъ того времени.

— Духовную писала барыня? спросила сурово Абрютина, уставивъ глаза на старуху. Та дрожащимъ голосомъ отвѣчала:

— Не знаю-съ.

— Говори правду! прикрикнула Абрютина.

— Ей богу-съ не знаю, матушка Лизавета Игнатьевна! Развѣ изволили написать прежде; а когда имъ пришелъ конецъ, онѣ-съ ничего не поминали про духовную.

— Въ памяти умерла?

— Въ памяти изволили умереть, всхлипывая отвѣчала нянька.

— Что же, дура, не спросила ее о духовной?

Старуха дико и вопросительно поглядѣла на Абрютину, которая, дѣлая допросы, становилась все суровѣе, и суровѣе.

— Когда она умерла, баринъ оставался одинъ въ ея комнатѣ?

— Да-съ.

— Серебро, брилліанты и деньги гдѣ?

— Я не могу-съ.... запинаясь пробормотала старуха, но Абрютина погрозила ей пальцемъ и выразительно произнесла:

— Не лгать!

Старуха печально отвѣчала:

— Все давно пропало въ залогѣ, а денегъ ни копѣйки не было у барыни.

Абрютина пожала плечами и задумалась, но вдругъ спросила:

— А что, твоя барышня влюблена въ этого дьячка, что съ ней играетъ на фортепьянахъ да читаетъ книжки?

Старуха вздрогнула, вытаращила глаза на Абрютину, какъ-бы не понимая ея вопроса.

— Старая дура! съ презрительнымъ упрекомъ произнесла Абрютина и грозно прибавила. — Какъ ты смѣла позволить дьячку сидѣть съ твоей барышней?... а?

Палагея была блѣдна, какъ полотно, и дрожащей рукой указывая на образъ, почти шопотомъ отвѣчала:

— Видитъ Богъ, я не виновата; самъ баринъ позволили. Онъ еще мальчишкой игралъ съ барышней.

— Хорошо, хорошо; всѣ вы здѣсь дураки; позволять барышнѣ сидѣть съ молодымъ мужчиной, да еще съ кѣмъ!

И Абрютина скорчила страшно-презрительную гримасу и вслѣдъ за этимъ сдѣлала опять вопросъ нянькѣ:

— А что, сколько тутъ у васъ развелось мерзостей-то?

Старуха ничего не поняла, а Абрютина въ сердцахъ прибавила:

— Дѣтей развѣ нѣтъ?

— Какъ-же-съ.... отвѣтила старуха: — у Авдотьи двое, да у Катерины одинъ сынъ.

— Даны вольныя?

— Нѣтъ-съ.

— Бываютъ они въ комнатахъ?

— Прежде бѣгали-съ, а какъ нѣмку привезли, такъ ихъ не приказано пускать. И Авдотью-то услали по пашпорту ходить.... Ахъ, забыла! еще Дуняшка есть, послѣ смерти ея матери приставили ее къ барышнѣ.

— А давно привезена эта нѣмка?

— Года два-съ.

— Барыня неужто не знала?

— За гувернантку выдали; сначала, барыня и повѣрили, ну потомъ изволили ее выгнать вонъ изъ дому.

— Какъ же она жила?

— Да вотъ жила-съ! Баринъ приказать изволили всей дворнѣ, чтобы барынѣ не смѣли докладывать, что нѣмка прожираетъ въ домѣ. Ежели, говоритъ, кто скажетъ.... И какая она пакостница!...

Шумъ на дворѣ прервалъ одушевившуюся старуху она пугливо остановилась и съ тяжелымъ вздохомъ прибавила:

— Вотъ и сами изволили пріѣхать.

— Поди, проси Ларіона Петровича ко мнѣ, сейчасъ же.... Да чтобъ завтра рано все было готово у барышни, сказала Абрютина.

Нянька заплакала.

— Ты должна не плакать, а радоваться, что твоя барышня ѣдетъ изъ дому, гдѣ нѣмка барыню разыгрываетъ, а дьячки сидятъ въ гостяхъ.

— Я матушка, Лизавета Игнатьевна, рада, очень рада! всхлипывая отвѣчала старуха и, вслѣдъ за этой фразой, опустилась на колѣна и продолжала умоляющимъ голосомъ: сударыня, Лизавета Игнатьевна! не разлучайте меня съ ней!... Мнѣ и жить-то не долго осталось. Я буду все дѣлать у васъ въ домѣ, что ни прикажете; не разлучайте меня только съ ней.... хоть разокъ въ день мнѣ ее видѣть, вѣдь я ее выкормила, выпянчила, мнѣ жить безъ нея не въ моготу!

Голосъ, какимъ молила старуха, и вся ея фигура выражали столько мольбы и горя, что трудно было бы не тронуться ея положеніемъ; но Абрютина строго и холодно отвѣчала:

— Что ты это дуришь-то! на что ты теперь барышнѣ?

— Матушка! да я жить безъ нея не могу. Я одна на этомъ свѣтѣ.... У меня одно и есть утѣшеніе, что она. Сами изволите знать, Лизавета Игнатьевна, что у меня сыночка взяли, чтобъ выкормить барское дитя, мужа услали на чужую сторону, тамъ онъ и умеръ, отъ сродственниковъ взяли во дворъ....

Старуха высчитывала свои несчастья съ какимъ-то дикимъ отчаяніемъ.

— Поди, принеси мнѣ варенья, равнодушно, но строго прервала Абрютина несчастную старуху; та, со стономъ и рыдая встала съ колѣнъ и шатаясь вышла изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ по уходѣ старухи, дверь съ шумомъ распахнулась и въ нее вошелъ высокій, плечистый и довольно полный мужчина пожилыхъ лѣтъ и очень эффектной наружности. Лицо его теперь уже обрюзгло, хотя еще сохраняло слѣды прежней красоты, утомленные и опухшіе каріе глаза его были красны, лобъ былъ покрытъ морщинами, но густые черные волосы, стоящіе все кверху, еще не тронуты были сѣдиною; на немъ былъ охотничій; на шнуркѣ висѣлъ серебряный рогъ, и за черкескимъ кушакомъ торчалъ кинжалъ въ дорогой оправѣ. Большіе сапоги были забрызганы грязью.

— Сестрица! воскликнулъ онъ хриплымъ голосомъ, войдя въ комнату.

— Братецъ! вставая съ дивана жалобно и слезливо привѣтствовала его Абрютина.

И они поцаловались очень нѣжно три раза.

— Какая грустная встрѣча, сестрица, послѣ такой долгой разлуки! Эта потеря для меня невознаградима! трагически произнесъ Ларіонъ Петровичъ, и захныкалъ.

— Полноте, братецъ; я и такъ разстроена, прикрывая свои глаза платкомъ, замѣтила Абрютина. — Я потому только не пріѣхала тотчасъ, какъ получила ваше письмо, что лежала больная въ постели.

— Разумѣется! Я такъ и думалъ, что только опасная болѣзнь могла вамъ помѣшать пріѣхать къ ней тотчасъ.... А она васъ очень ждала.... Я до сихъ поръ не могу свыкнуться съ страшною мыслью, что ея нѣтъ болѣе со мной!! съ отчаяніемъ

прибавилъ Ларіонъ Петровичъ и, сѣвши въ кресло, склонилъ голову на грудь и что-то бормоталъ тихо.

— Мнѣ сказали, что вы ѣздили меня встрѣтить? спросила Абрютина Ларіона Петровича.

Онъ отвѣчалъ безъ запинки.

— Да, сестрица; но я думалъ, что вы поѣдете по другой дорогѣ. Тамъ очень грязно.... А вы видѣли мою Анюту? Неправда ли, она красавица? И что за сердце? Она вылитая мать, такой же ангелъ!... Господи, Господи! за что ты взялъ у меня все мое счастіе!...

— Не ропщите братецъ, это большой грѣхъ! на все Его святая воля!... замѣтила набожно Абрютина, на отчаянныя восклицанія Ларіона Петровича, и прибавила болѣзненнымъ голосомъ: — братецъ! заприте плотнѣе дверь; намъ надо поговорить о семейныхъ дѣлахъ.

Ларіонъ Петровичъ свиснулъ въ свистокъ, висѣвшій у него на груди, и не успѣла Абрютина придти въ себя отъ неожиданнаго свистка, какъ явился казачокъ въ дверяхъ и исполнилъ приказаніе барина: плотно заперъ дверь.

Абрютина немедленно начала свою рѣчь грустнымъ, но выразительнымъ тономъ.

— Вы, вѣроятно, знаете, братецъ, что ваша жена и моя милая сестра всегда имѣла желаніе, чтобы послѣ смерти ея Анюта жила со мной. Я нахожу излишнимъ увѣрять васъ, что она найдетъ во мнѣ вторую мать.

Ларіонъ Петровичъ кивнулъ головой довольно небрежно, въ знакъ согласія, Абрютина измѣнила тонъ голоса и выраженіе лица, и замѣтно суровѣе продолжала:

— Такъ какъ я теперь беру на себя высокую обязанность, то желаю знать: сдѣлала ли моя сестра какое нибудь распоряженіе на счетъ своихъ денегъ, бриліантовъ и прочихъ вещей, полученныхъ ею въ приданое?

Ларіонъ Петровичъ сердито посмотрѣлъ на Абрютину и съ достоинствомъ отвѣчалъ:

— Моя добрая подруга не сдѣлала никакихъ особенныхъ распоряженій; мы жили дружно и у насъ ничего не было раздѣленнаго.

— При жизни вашей жены, братецъ, вы могли пользоваться ея полной довѣренностію; но послѣ смерти ея; Анюта наслѣдница всего; а такъ какъ она еще требуетъ большихъ тратъ

на воспитаніе; можетъ ей придется и замужъ выдти, то мнѣ надо же будетъ знать, что она имѣетъ?

— Моя Анюта такъ хороша собой, что, очень вѣроятно, скоро выдетъ замужъ, сказалъ съ гордостію Ларіонъ Петровичъ.

— Красота въ женщинѣ — не прочная вещь, братецъ; притомъ мужчины ищутъ однихъ денегъ. За деньги они возьмутъ урода, мертвеца.

Отъ этихъ словъ Ларіонъ Петровичъ весь побагровѣлъ и сдѣлалъ такое движеніе въ креслѣ, что оно заскрипѣло, и онъ запальчиво спросилъ:

— Вы чего хотите отъ меня, сестрица? Отчетовъ я никому не обязанъ давать, и вы довольно странно говорите мнѣ, что надо Анюту воспитать и содержать прилично въ вашемъ богатомъ домѣ.

Ларіонъ Петровичъ сдѣлалъ сильное удареніе на послѣднюю фразу и продолжалъ съ возрастающимъ жаромъ, вставъ съ своего мѣста:

— Я впрочемъ, сестрица, не хочу утруждать никого воспитаніемъ своей дочери.... Я—отецъ; я выполню свои обязанности свято.

И онъ сталъ ходить скорыми шагами по комнатѣ.

Абрютина какъ бы не замѣчала волненія своего братца и сидѣла спокойно съ своей неизмѣнной умильно-злобной улыбкой. Она какъ будто выжидала, когда успокоится Ларіонъ Петровичъ, но тотъ неутомимо шагалъ по комнатѣ. Тогда Елизавета Игнатьевна спросила его съ участіемъ.

— А что, братецъ, вы, я думаю, очень истратились въ это время?

Ларіонъ Петровичъ остановился, потомъ сѣлъ на свое мѣсто и съ любезностью отвѣчалъ.

— Не говорите, сестрица!... Я, знаете, отдалъ ей послѣдній долгъ, какъ слѣдуетъ дворянкѣ и нѣжно любимой женѣ. Духовенства было много, гробъ стоилъ очень дорого, почти всѣ сосѣди пріѣхали. Очень, очень было пышно. Ну, знаете, пріѣздъ архіерея, трауръ всей дворни, — это все стоило денегъ. Я ей хочу выписать изъ Италіи памятникъ, чтобъ былъ единственный въ губерніи. Ну, да и на болѣзнь ея тоже не мало ушло денегъ! Два доктора послѣднее время безвыходно жили

здѣсь.... Я вамъ признаюсь, какъ родственницѣ, что нашу признанять деньжонокъ....

И Ларіонъ Петровичъ поглядывалъ вопросительно на Абрютину, которая, выслушавъ его съ большимъ участіемъ, спросила съ наивностью:

— А есть частные долги на имѣніи?

Ларіонъ Петровичъ насупился отъ неожиданнаго вопроса, и не смѣло, уклончиво отвѣчалъ:

— Есть.... но имѣніе очень хорошее; это золотое дно, надо только положить на его устройство капиталъ небольшой.

— Сестра мнѣ писала, что на улучшеніе имѣнія она истратила всѣ свои деньги.

— Знаете, постройка дома....

— Да онъ, кажется, не оконченъ?

— Но всѣ матеріалы заготовлены; вы знаете какъ Annette была слаба.... ее безпокоили постройки, и я все откладывалъ, питая тщетную надежду, что она выздоровѣетъ.

Ларіонъ Петровичъ облокотился на столъ и закрывъ глаза руками, тяжко простоналъ: Annette! мой ангелъ.

Молчаніе длилось долго. Ларіонъ Петровичъ поглядывалъ украдкой изъ-за пальцевъ на Абрютину, которая сидѣла съ платкомъ у глазъ.

— Вѣчно буду плакать я о невозвратной потерѣ, сестрица, прервалъ наконецъ тяжелое молчаніе Ларіонъ Петровичъ, и прибавилъ: — я надѣюсь, сестрица, вы у насъ погостите подольше?

— Благодарю васъ, братецъ, но вы сами знаете священныя обязанности родителей къ дѣтямъ. Я должна спѣшить въ Петербургъ; мою Сашу я оставила въ такомъ положеніи....

— Да вѣдь у ней не первый?

— Для сердца матери равно страшны страданія дочери.... Вы, братецъ, похлопочите, чтобы завтра все было готово для моего отъѣзда съ Анютою, какъ только я встану.

Ларіонъ Петровичъ принялъ важно грустную позу и печально сказалъ:

— Какъ, такъ скоро хотите разлучить меня съ Анютой?

— Надо быть твердымъ въ исполненіи воли покойной вашей жены.

— Да; вы правы, сестрица!... Но я съ тѣмъ только отпущу съ вами мою Анюту, чтобы она вернулась ко мнѣ, когда я захочу. Потомъ буду просить васъ не строго взыскивать съ нея

за ея наивность и рѣзвость. Я, знаете, люблю открытость въ женскомъ характерѣ.

Абрютина, замѣтно разсерженная замѣчаніями Ларіона Петровича, съ язвительнымъ упрекомъ отвѣчала ему:

— Братецъ, вы мнѣ дѣлаете условія, какъ будто я не родная тетка Анюты! Будьте увѣрены, что ваша дочь будетъ прилично воспитана, какъ слѣдуетъ быть дворянкѣ. Она никогда не будетъ знать подлыхъ какихъ нибудь знакомствъ. Можетъ быть, Анютѣ сначала будетъ казаться страннымъ, что я буду ее останавливать отъ дурныхъ манеръ, какія она получила отъ вліянія крѣпостной бабы.

— Извините, сестрица! у Анюты всегда были гувернантки, запальчиво и обиженно воскликнулъ Ларіонъ Петровичъ. — Да и Палагея — преданная слуга.

— Слуги всѣ обязаны быть преданными своимъ господамъ! Моя Агафья тоже мнѣ предана, но я ей не поручала воспитанія моихъ дочерей.

Разговаривавшіе не замѣчали сами, какъ изъ лицемѣрнаго, плаксиво-печальнаго и льстиваго тона они переходили во враждебный, и ихъ голоса возвышались все сильнѣе и сильнѣе.

Ларіонъ Петровичъ судорожно схватилъ себя за голову и трагически воскликнулъ:

— Боже мой! я ли заслужилъ такіе упреки!... Моя совѣсть чиста, я дамъ самому Богу отчетъ въ воспитаніи Анюты, но теперь я не позволю, не позволю требовать отъ меня отчетовъ.

— Отъ васъ никто и не требуетъ; я вамъ потому замѣтила на счетъ воспитанія Анюты, что вы стали мнѣ дѣлать условія, какъ будто я способна на какія нибудь притѣсненія. Если я спрашивала васъ о наслѣдствѣ Анюты, такъ это доказываетъ вамъ, что я принимаю самое родственное участіе въ вашей дочери....

— Сестрица.... я не могу говорить о дѣлахъ послѣ такого удара судьбы, разслабленнымъ голосомъ прервалъ разгорячившуюся Абрютину Ларіонъ Петровичъ.

— Извольте; я о дѣлахъ перестану говорить съ вами, но все-таки возьму съ собой Анюту, а по пріѣздѣ въ Петербургъ пришлю повѣренныхъ отъ себя.

Ларіонъ Петровичъ поблѣднѣлъ и торопливо замѣтилъ:

— Я ничего не боюсь; но позвольте замѣтить вамъ, сестрица, что неделикатно мѣшать въ семейныя дѣла постороннихъ лицъ,

(его голосъ сдѣлался мягкимъ), и мнѣ, какъ отцу, обидно, очень....

— Кто васъ обижаетъ, братецъ?... смягчивъ тоже тонъ, перебила его Абрютина. — Я слабая женщина, неопытная въ дѣлахъ, можетъ и поспѣшила сказать неумѣстное свое мнѣніе.... И не въ моихъ правилахъ придавать гласность семейнымъ дѣламъ. Изъ любви къ памяти моей милой сестры, я готова на всѣ жертвы.

— Благодарю, благодарю васъ, добрая сестрица! жалобно и ласкательно заговорилъ Ларіонъ Петровичъ и, съ чувствомъ поцаловавъ руку у Абрютиной, прибавилъ торопливо: — я буду присылать на воспитаніе Анюты всѣ доходы съ имѣнія. И онъ опять началъ прохаживаться по комнатѣ, откашливаясь и замѣтно готовясь къ чему-то; наконецъ остановился передъ Абрютиной и озабоченнымъ тономъ сказалъ:

— Сестрица, я хотѣлъ бы васъ просить....

— О деньгахъ? досказала фразу Абрютина.

Ларіонъ Петровичъ торопливо кивнулъ головой. Абрютина позвала свою горничную и приказала подать небольшой ящикъ съ окна. Поставивъ его на столъ, она принялась считать деньги, какъ бы поддразнивая ими огорченнаго братца. Ларіонъ Петровичъ видимо старался не смотрѣть на пачки ассигнацій; но, противъ воли, глаза его не могли оторваться отъ денегъ.

— Сколько вамъ нужно? спросила Абрютина послѣ продолжительнаго пересчитыванія пачекъ, которыя она аккуратно разложила въ ящикѣ по порядку.

Ларіонъ Петровичъ дрожащею рукой указалъ на самую толстую пачку.

Абрютина отклонила руку его и твердымъ тономъ сказала:

— Сядьте, я хочу вамъ сказать нѣсколько словъ.

Ларіонъ Петровичъ сѣлъ съ досадой въ кресло.

— Вы согласны не вмѣшиваться въ воспитаніе вашей дочери?

— Согласенъ! торопливо отвѣтилъ Ларіонъ Петровичъ.

— Ни сценъ, ни шуму не будетъ при прощаньи?

— Согласенъ, согласенъ! раздражительно повторялъ вдовецъ!

Абрютина съ уничтожающимъ равнодушіемъ и медленностью подала ему пачку ассигнацій, говоря:

— Пересчитайте; тутъ тысяча рублей!

Ларіонъ Петровичъ схватилъ деньги, дико посмотрѣлъ на нихъ; какая-то нерѣшительность и смущеніе изобразились на его лицѣ; но вдругъ онъ торопливо и въ сердцахъ сунулъ деньги въ карманъ, и горькая улыбка искривила его губы.

Абрютина внимательно слѣдила за измѣненіемъ лица и движеніями своего братца и, когда онъ положилъ деньги въ карманъ, она замѣтно осталась довольна и любезно сказала:

— Извините, что не могу вамъ предложить болѣе.

— Благодарю! произнесъ Ларіонъ Петровичъ, холодно и язвительно улыбаясь, и довольно сильно постукивая ногой объ полъ.

— Я очень устала, братецъ, и хочу лечь въ постель по раньше, замѣтила наконецъ Абрютина Ларіону Петровичу послѣ продолжительнаго молчанія, во время котораго глаза его безпрестанно обращались на окно, куда снова горничная поставила ящикъ съ деньгами.

При словахъ Абрютиной онъ торопливо отвелъ глаза отъ ящика и пристально устремилъ ихъ на генеральшу. Она мужественно встрѣтила взглядъ своего братца, и нѣсколько минутъ они созерцали другъ друга, нельзя сказать чтобъ дружелюбно. Наконецъ гостья соскучилась такимъ занятіемъ, нетерпѣливо спросила хозяина дома:

— Вы, можетъ, желаете мнѣ что нибудь сказать на прощаньи? Завтра я выѣду рано и быть можетъ не увижу васъ!

— И увезете Анюту?

— Да!

На лицѣ отца мелькнула грусть и онъ безъ эфекта произнесъ:

— Бѣдная моя Анюта!

Абрютина измѣнилась въ лицѣ и дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ сказала:

— Да, она должна бы жаловаться на свою судьбу, если бы понимала свое положеніе и знала бы....

— Что у нея отецъ—злодѣй! дико вскрикнулъ Ларіонъ Петровичъ, съ силою ударивъ кулакомъ объ столъ.

Въ дверяхъ появилась Агафья, а за ней торчала мужская голова.

Ларіонъ Петровичъ залился истерическимъ смѣхомъ и, указывая на нихъ пальцемъ, произнесъ презрительно:

— Тѣлохранители-то ваши! ха, ха, ха!

Трудно описать, какимъ ядомъ проникласъ каждая черта въ лицѣ Абрютиной; она повелительно указала хозяину дома на дверь въ залу и заносчиво-гордо сказала:

— Вы забываете, съ кѣмъ вы говорите! извольте идти отсюда!

— Нѣтъ-съ, я помню, очень хорошо помню, что я говорю съ генеральшей, которая такъ значительна въ столицѣ, что можетъ меня сослать даже въ Сибирь... Но мнѣ жизнь противна, дѣлайте, что хотите, со мной!! трагически прокричалъ Ларіонъ Петровичъ и вышелъ изъ комнаты.

Абрютина приказала за нимъ запереть дверь на замокъ, осмотрѣть окна—высоко ли они отъ земли, потомъ отдала приказаніе рыжему, дюжему своему лакею лечь у дверей сосѣдней комнаты и никого не впускать.

Послѣ этихъ страшныхъ приказаній, Абрютина велѣла своей горничной привести нѣмку изъ флигеля и въ ожиданіи ея нетерпѣливо поглядывала на дверь. Минутъ черезъ десять явилась въ комнату толстая, высокая, разрумяненная женщина лѣтъ 30. Сильный запахъ гвоздичной помады въ одно мгновеніе наполнилъ комнату. Абрютина съ уничтожающимъ презрѣніемъ оглядывала нѣмку, стоявшую у дверей и отъ смущенія вертѣвшую свои толстые, пальцы, не совсѣмъ чистыя, но закованные въ разныя кольца; весь нарядъ этой женщины отличался пестротой и неряшествомъ.

— Поди сюда, грозно сказала Абрютина нѣмкѣ, которая, какъ ни старалась придать себѣ развязный видъ, но замѣтно оробѣла.

— Говори правду, продолжала Абрютина сурово.—Далъ тебѣ баринъ заемныя письма или какія нибудь вещи, когда ты поступила сюда въ домъ?

Нѣмка ломаннымъ языкомъ стала божиться, что у ней ничего нѣтъ барскаго.

— Хорошо, если ты осмѣлишься когда нибудь требовать денегъ по заемному письму, то я тебя черезъ полицію отсюда возьму и найду тебѣ мѣсто!

Нѣмка заревѣла, какъ будто ее рѣжутъ.

Абрютина велѣла увести ее; но нѣмка бросилась къ ней, прося пощады. Генеральша съ отвращеніемъ вскочила съ дивана и кричала какъ на какую нибудь гадину: «прочь, пошла прочь! Иванъ вытолкни ее вонъ!»

Лакей схватилъ нѣмку за плечо, зажалъ ей ротъ и вытащилъ изъ комнаты; за дверью только послышался стонъ.

— Скажи, чтобъ Иванъ былъ осторожнѣе, покойно замѣтила барыня своей горничной, та кинулась исполнить ея приказаніе.

Черезъ полчаса въ той самой комнатѣ, гдѣ происходили всѣ эти сцены, настала наконецъ тишина. Ея превосходительство съ большимъ чувствомъ молилась Богу и послѣ этого очень скоро заснула — тихо, спокойно, какъ говорятъ, сномъ праведницы.

ГЛАВА III.

Вдовствующая генеральша Абрютина пользовалась большимъ уваженіемъ въ петербургскомъ средне-свѣтскомъ обществѣ. Многія нравственныя матери семействъ цаловали у ней руки, а это много значитъ! Эти дамы такъ были строги къ другимъ женщинамъ, что одна изъ нихъ не пускала даже своихъ маленькихъ дѣтей въ знакомый домъ играть съ дѣтьми, потому что у тѣхъ была бабушка, имѣвшая когда-то исторію. Давно, въ годы ранней молодости она имѣла несчастіе влюбиться въ какого-то офицера, который на столько былъ низокъ, что читалъ ея письма своимъ пріятелямъ, а пріятели пересказывали своимъ пріятельницамъ и непріятельницамъ, такъ что изъ этого вышла очень печальная исторія: родственники мужа вооружили его противъ жены и тотъ разошелся съ ней со скандаломъ. Нравственныя дамы до конца жизни не могли простить ей этого....

Судя по такимъ примѣрамъ, нужно бы заключить, что если уже такія строгія дамы бываютъ у Абрютиной и цалуютъ у ней руки, то, значитъ, она вполнѣ безукоризненна въ своихъ добродѣтеляхъ. Но, къ удивленію читателя, мы должны сказать, что весь Петербургъ и всѣ знакомые Абрютиной знали за ней исторій ни чуть не хуже похожденій съ письмами имморальной бабушки. Всѣмъ извѣстно было, что Абрютина лѣтъ тридцать уже въ связи съ одной очень важной особой, и что она, во имя своей дружбы съ этимъ всесильнымъ лицомъ, брала страшныя взятки со всѣхъ, кто нуждался въ его покровительствѣ. Мало этого, — всѣ знакомые Абрютиной знали, что она занимается продажей контрабанды, и не разъ укрывала и защищала въ своемъ домѣ жидовъ, которые хорошо платили ей за это и

уступали очень дешево свой товаръ. Товаръ этотъ генеральша распродавала у себя въ гостиной подъ разными человѣколюбивыми предлогами. И это ни въ комъ не возбуждало негодованія. Напротивъ, всѣ нравственные отцы и матери семействъ, благоговѣйно вставали при появленіи важной особы въ гостиной Абрютиной и, постоявъ навытяжку, спѣшили уйти домой, чтобы не мѣшать нѣжнымъ изліяніямъ двухъ старцевъ, изношенныхъ, но еще не остывшихъ сердцами....

Вѣроятно, найдутся простодушные люди, которые спросятъ: за что же нравственныя дамы и ихъ мужья такъ презирали бабушку, бывшую когда-то влюбленною въ недостойнаго господина? А за то, что у бѣдной старухи небыло гроша за душой, между тѣмъ какъ у Абрютиной въ секретныхъ ящикахъ бюро лежало множество ломбардныхъ билетовъ и комоды ломились отъ драгоцѣнныхъ вещей. Эти-то скрытные талисманы, да титулъ любовницы важной особы въ городѣ, и заставляли всѣхъ нравственныхъ свѣтскихъ людей уважать такую старуху. У бѣдной бабушки дочь умерла въ старыхъ дѣвушкахъ, а у Абрютиной двухъ дочерей разобрали нарасхватъ, и женихи хорошіе, изъ старинныхъ дворянскихъ фамилій. Они очень хорошо знали, что ихъ невѣсты родились послѣ того, какъ мужъ Абрютиной бросилъ ее; знали, что онъ не признавалъ ея дочерей своими; но даже дворянскій предразсудокъ былъ въ этомъ случаѣ безсиленъ. Впрочемъ дочери носили фамилію своего отца, пользовались въ обществѣ всѣми правами богатыхъ невѣстъ и особеннымъ вниманіемъ у свѣтскихъ франтовъ, продающихъ себя за хорошее приданое. Абрютина вполнѣ опровергала собою мудрое правило прописей: порокъ наказывается, а добродѣтель торжествуетъ. Старость ея была самая пріятная. Она была окружена всеобщимъ уваженіемъ, пользовалась рѣдкою преданностью вельможнаго любовника, располагала громаднымъ богатствомъ, глубоко была почитаема дѣтьми и боготворима внучатами, которымъ родители успѣли уже растолковать значеніе бабушкиныхъ секретныхъ талисмановъ. И въ довершеніе всего — она была невозмутимо спокойна въ своей совѣсти. Какъ умилительно-набожно молилась она, какъ терпѣливо лежала распростертая на полу въ продолженіе всей всенощной, которыя у ней всегда бывали въ комнатѣ наканунѣ праздниковъ! За нѣсколько часовъ предъ тѣмъ, въ этой же самой комнатѣ она совершала торги на денежныя или блестящія мѣста, или брала взятки за

неправые процессы и подряды; но подобныя житейскія воспоминанія ни на одинъ мигъ, повидимому, не возмущали ея набожнаго настроенія, и на нее постоянно указывали, какъ на образецъ современнаго благочестія.

Многіе удивлялись, какъ могла Абрютина постоянно сохранять расположеніе своего любовника, истощеннаго отъ разврата. Но дѣло объяснялось просто. Онъ, несмотря на свои семьдесять-пять лѣтъ, вовсе не отказывался отъ милыхъ шалостей и нерѣдко лазилъ по грязнымъ лѣстницамъ Петербурга къ разнымъ красавицамъ, воображая, что его султанша ничего не знаетъ. Но Абрютина все знала, и однако дѣлала видъ, что считаетъ своего любовника совершенно вѣрнымъ и преданнымъ. Она такъ умѣла льстить старику, что онъ дѣйствительно наслаждался всегда бесѣдами съ главной своей султаншей. Кромѣ того Абрютина подъ старость умѣла принимать рѣшительныя мѣры, если узнавала, что ея любовникъ гдѣ ни будь въ Коломнѣ засиживается слишкомъ долго. Тогда въ ея домѣ являлась молоденькая и хорошенькая разливательница чая или гостила какая нибудь провинціальная бѣдная барыня. Старикъ не могъ устоять противъ хорошенькаго личика и забывалъ Коломну. Абрютина не боялась такихъ соперницъ: она знала, что на развратнаго и пресыщеннаго старика не можетъ имѣть вліянія женщина, не искусившаяся до послѣдней степени въ нравственномъ развратѣ. Она знала, что у старика много незаконныхъ дѣтей, кромѣ ея дочерей, но это не возмущало ее, потому что онъ никого изъ тѣхъ не хотѣлъ знать, а ея дѣтямъ дѣлалъ значительные подарки.

Впрочемъ, что же распространяться объ Абрютиной и ея маститомъ обожателѣ? Развѣ они рѣдки въ нашемъ обществѣ?

Займемся же лучше біографіей Ларіона Петровича.

Несчастье всей жизни Ларіона Петровича происходило отъ того, что онъ родился красавцемъ отъ богатой и глупой матери. Съ дѣтства онъ былъ идоломъ въ домѣ. Шести лѣтъ онъ вкусилъ уже глупаго тщеславія и требовалъ, чтобъ его всякій день катали по Невскому въ блестящемъ экипажѣ и на тысячныхъ рысакахъ. Онъ заставлялъ мать и сестеръ своихъ дожидаться по часу, пока онъ сдѣлаетъ свой туалетъ и, если лошади въ коляскѣ были не той масти, которой ему хотѣлось, онъ приказывалъ перекладывать. Гувернеры мѣнялись почти каждую недѣлю у избалованнаго и изнѣженнаго ка-

савчика. Отецъ не смѣлъ пикнуть передъ своей женой, которая, принеся ему большое богатство, требовала отъ бѣдняка капитана полнаго повиновапія своимъ прихотямъ, впрочемъ онъ скоро и умеръ отъ кутежей. Съ пятнадцати лѣтъ Ларіонъ Петровичъ зажилъ праздным молодымъ человѣкомъ. Завитый, раздушеный, въ брилліантовыхъ булавкахъ и кольцахъ, съ огромными цѣпями у часовъ, съ дорогимъ лорнетомъ, онъ цѣлое утро рыскалъ по Невскому на своихъ рысакахъ; обѣдалъ въ лучшихъ ресторанахъ; а вечеромъ сидѣлъ въ театрѣ въ первомъ ряду креселъ, съ гувернеромъ своимъ, сѣдымъ французомъ съ орденской ленточкой, который для своего воспитанника замѣнялъ отчасти лакея. Послѣ спектакля, эта парочка отправлялась въ салонъ къ какой нибудь красавицѣ и тамъ часто красавчикъ оставлялъ всѣ свои цѣпи и брилліанты. У красавчика не замедлили явиться долги; они значительно увеличились, когда онъ поступилъ юнкеромъ въ полкъ, и немедленно проигралъ значительную сумму денегъ и надавалъ векселей почти вдвое. Нѣжная мать упивалась своимъ блестящимъ и свѣтскимъ сыномъ, запутывала дѣла, занимала для него деньги и не обращала вниманія на то, что долги возрастаютъ необычайно быстро. Въ продолженіе десяти лѣтъ Ларіонъ Петровичъ вмѣстѣ съ своей мамашей ухлопали все свое состояніе и остались нищими. Мать съ дочерьми должна была просить, какъ милостыни, чтобы родственники ея мужа взяли ихъ къ себѣ въ домъ. Ларіонъ Петровичъ въ первое время хотѣлъ застрѣлиться, даже купилъ пистолетъ, но вѣроятно пораздумалъ, что такому красавцу, какъ онъ, еще можно найти средство къ жизни. И точно, вскорѣ у него снова завелись рысаки, деньги, его квартира сдѣлалась центромъ кутежей. Но, къ своему несчастью Ларіонъ Петровичъ не умѣлъ хорошо разсчитывать и взвѣшивать всѣ выгоды и невыгоды своего положенія; вслѣдствіе того его жизнь очень часто стала измѣняться: то онъ жилъ слишкомъ пышно, то очень бѣдно. То онъ содержалъ цыганку и нѣмку, то прятался у своихъ товарищей даже отъ мелочныхъ должниковъ. Наконецъ красота его стала увядать, лѣта и разгульная жизнь придали его наружности что-то непріятное. Какое-то ухарство проявилось въ его манерахъ. Впрочемъ, это пріобрѣлъ онъ вѣроятно въ частыхъ посѣщеніяхъ ярмарокъ, въ качествѣ ремонтера. Истощивъ всѣ средства добыть деньги, Ларіонъ Петровичъ сталъ подумывать о богатой невѣстѣ, хотя не могъ безъ

отвращенія подумать о супружеской жизни. Но что было дѣлать? это былъ послѣдній ресурсъ увядшаго красавца. Въ Петербургѣ его слишкомъ хорошо знали; потому онъ поѣхалъ за невѣстой въ Москву. Въ это время ему никто уже не давалъ въ займы денегъ, но онъ вернулся: набралъ на вексель залежалыхъ модныхъ дамскихъ платьевъ и распродалъ ихъ за четверть цѣны; на вырученныя деньги явился въ Москву и черезъ свахъ сталъ отыскивать себѣ невѣсту. Выборъ его палъ на пожилую, больную, но очень богатую невѣсту. Это была родная сестра Абрютиной, еще грудным ребенкомъ отданная матерью, по случаю скораго отъѣзда ея, на воспитаніе теткѣ, богатой дѣвушкѣ. Съ тѣхъ поръ она и жила у тетушки въ домѣ, какъ дочь, и все богатство старой дѣвы должно было перейти къ ней. Безсмысленное, изнѣженное воспитаніе съ дѣтства развило въ супругѣ Ларіона Петровича сантиментальность: она постоянно лѣчилась и залѣчила себя. Женихи были у ней и прежде, но она не хотѣла выходить замужъ, изъ страха имѣть дѣтей: она узнала, что ея горничная умерла отъ родовъ! Но Ларіонъ Петровичъ такъ плѣнилъ ея сердце, что она, забывъ весь страхъ, вышла за него замужъ, даже противъ воли своей тетки. Этимъ она оказала впрочемъ не особенно большую услугу Ларіону Петровичу: тетка лишила ее большей части своего наслѣдства, и дала ей только то, что уже было на нее положено еще въ ея дѣтствѣ. Такимъ образомъ Ларіонъ Петровичъ вмѣсто большихъ денегъ получилъ только хорошее состояніе. Семейные раздоры не замедлили, конечно, поселиться между супругами. Ларіонъ Петровичъ долженъ былъ поселиться въ деревнѣ, и пустился въ разгулъ. Охота, волокитство, пиры были ему необходимы, какъ рыбѣ вода. А между тѣмъ супруга его не могла выносить, чтобъ когда нибудь, даже среди самаго жаркаго лѣта, было открыто окно въ ея комнатѣ.... Родивши дочь, она уже не вставала съ кровати, увѣряя, что у ней ноги ослабѣли. Такъ пролежала она шестнадцать лѣтъ, не вставая, и была увѣрена, что не можетъ встать и ходить. Разъ только, когда вбѣжала въ комнату собака ея супруга (а она не любила никакихъ животныхъ), больная, страшно разозлившись, вскочила съ постели, и не только прогнала собаку изъ своей комнаты, но бѣжала за ней по корридору, потомъ вернулась и легла въ кровать. Но этотъ случай не вразумилъ ее, что она можетъ ходить и даже бѣгать; и послѣ этого она осталась въ прежней увѣренности.

Но что болѣе всего отравляло супружескую жизнь Ларіона Петровича, такъ это ревность больной супруги. Она имѣла своихъ шпіоновъ. и вся прислуга въ домѣ раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря. Много погибло горничныхъ и лакеевъ изъ-за барскихъ споровъ. Ларіонъ Петровичъ все сильнѣе и сильнѣе ударялся въ пьянство и игру; разумѣется, состояніе разстроивалось, но ни мужъ, ни жена не хотѣли обратить на это вниманія, да еслибъ и обратили, то не съумѣли бы пособить. Единственнаго своего ребенка барыня не любила: въ продолженіе всей своей беременности она слишкомъ боялась за свою жизнь, чтобъ дать мѣсто материнскимъ чувствамъ. Впрочемъ она и по натурѣ-то была всегда эгоисткою, а воспитаніе совершенно доканало ее. Дочь свою она между прочимъ ревновала къ отцу, который любилъ играть съ ней. А когда ребенокъ прибѣгалъ къ ней и начиналъ болтать, она разстроивалась нервами, и наконецъ стала совсѣмъ удалять отъ себя дѣвочку, потому что она ее безпокоила. Гувернантки въ домѣ тоже не мало дѣлали ссоръ между супругами, и не разъ мать упрекала свою, уже подраставшую дочь, зачѣмъ она родилась на свѣтъ: безъ нея у бѣдной супруги не было бы соперницъ.

Анюта была посвящена во всѣ раздоры отца съ матерью, потому что ни родители, ни гувернантки, ни прислуга не стѣснялись присутствіемъ ребенка, и выражали свой гнѣвъ открыто. Любить такую мать было трудно Анютѣ; отца она тоже не могла любить, потому что знала, какъ онъ проигрываетъ всѣ деньги въ карты, какъ онъ страшно дерется, когда много выпьетъ. Ее оскорбляло и то, что прожпвающая тайно отъ матери во флигелѣ, бывшая ея гувернантка, не умѣющая ни читать ни писать, выписывала себѣ изъ Москвы шляпки и салопы, а она ходила часто въ разорванномъ ситцевомъ платьѣ. Анюта знала также, что Дуняшка не чужая отцу; и много, много знала бѣдная дѣвушка, чего никогда не слѣдовало бы ей знать, не только о своемъ отцѣ, но даже и о постороннихъ людяхъ.

Послѣ свиданія съ теткой, Анюта прибѣжала къ себѣ въ комнату и съ какимъ-то тоскливымъ чувствомъ осматривалась кругомъ и какъ бы спрашивала себя: неужели я должна оставить эту комнату, всѣ мои вещи и всѣхъ лицъ, къ кому я съ дѣтства такъ привыкла? Разныя размышленія о предстоящей ей перемѣнѣ охватили ее, и она не замѣчала, что сидѣла уже цѣлый часъ спокойно на стулѣ, чего съ ней никогда не бывало.

Если бы не вошелъ въ комнату бѣлокурый молодой человѣкъ, то вѣроятно она и еще съ часъ просидѣла бы также смирно. Наружность молодого человѣка была скорѣе пріятна и выразительна, чѣмъ красива; онъ кашлянулъ, чтобы обратить на себя вниманіе барышни, сидѣвшей къ нему спиной, у фортепіанъ; Анюта вздрогнула, но съ улыбкой произнесла:

— А.... Дмитрій Степанычъ!

— Пріѣхала? спросилъ молодой человѣкъ.

— Куча новостей! продолжала барышня. — Если бы вы знали, какъ всѣ перепугались въ домѣ, когда заслышали колокольчикъ....

— А вы обрадовались, что наконецъ-то поѣдете въ Петербургъ? съ упрекомъ замѣтилъ молодой человѣкъ.

Анюта тяжело вздохнула и нерѣшительно отвѣчала:

— Прежде мнѣ такъ хотѣлось ѣхать въ Петербургъ, а теперь, что-то страшно.... я...,

Барышня не докончила своей мысли и стала прислушиваться; кто-то плакалъ за дверью. Черезъ минуту Дуняшка, горько рыдая, вошла въ комнату.

— Это что за слезы? вѣрно опять тебя Палагея поймала въ чемъ нибудь? спросила барышня свою горничную, которая при этихъ словахъ еще сильнѣе зарыдала.

Анюта разсердилась и сказала:

— Говори, кто тебя обидѣлъ?

— Меня никто необижалъ, — выговорила Дуняшка.

— Такъ о чемъ же ты плачешь? почти въ одинъ голосъ спросили барышня и молодой человѣкъ.

— Да какъ же не плакать мнѣ, Дмитрій Степанычъ, заливаясь обильными слезами, отвѣчала Дуняшка: — вѣдь насъ не берутъ съ барышней! Вонъ Палагея Тихоновна въ сѣняхъ такъ и воетъ!...

Горе дѣвочки было такъ искренне, что опечалило барышню и она раздражительно заговорила:

— Однако, если не возьмутъ со мной няню и ее, я не поѣду! Не плачь, вы поѣдете со мной! прибавила она, обращаясь къ Дуняшкѣ, которая въ отчаяніи твердила: — нѣтъ, насъ не возьмутъ, не возьмутъ!

— Я тебѣ говорю, что поѣдешь! топнувъ ногой крикнула барышня.

— Ну, а если тетушка не захочетъ ихъ взять? спросилъ молодой человѣкъ Анюту. Она видимо была озадачена этимъ неожиданнымъ предположеніемъ.

Дуняшка съ дѣтскимъ испугомъ бросилась къ рукѣ барышни и, сжимая и цалуя ее, умоляющимъ голосомъ проговорила сквозь слезы:

— Ахъ барышня! не ѣздите одни; голубушка, останьтесь дома!

— Перестань, Дуняшка, въ волненіи проговорила барышня, и съ принужденною веселостью прибавила: — чего мнѣ бояться! я не маленькая: захочу, такъ тотчасъ же назадъ пріѣду.

— Ахъ, барышня, вы не знаете, какая она злая, вытирая слезы, заболтала Дуняшка: — что она сдѣлала съ Амаліей Карловной!

Любопытство изобразилось на лицахъ молодыхъ людей и они потребовали, чтобы Дуняшка разсказала все, что знаетъ. Приказаніе впрочемъ было ненужно; болтливая дѣвочка и безъ него бы трагически разсказала о томъ, какъ Палагея Тихоновна пришла отъ тетушки въ слезахъ и, упавъ на крыльцѣ въ сѣняхъ, до сихъ поръ еще плачетъ. Еще трагичнѣе описала она, какъ блѣдная, безъ языка почти, вбѣжала въ дѣвичью Амалія Карловна, долго плакала и ломала себѣ руки, и все болтала что-то по-нѣмецки; какъ баринъ долго сидѣлъ съ тетушкой, заперевъ дверь, и вдругъ закричалъ, потомъ вышелъ отъ нея страшной такой, толкнулъ стулъ, проходя мимо, такъ что тотъ сломался, и какъ баринъ послалъ нарочнаго въ городъ за виномъ и гостями. Дуняшка такъ много насказала происшествій, что барышня замѣтила ей:

— Ужь не выдумала ли ты все это? Вѣдь ты славно умѣешь сочинять. Помнишь, какъ ты наврала всѣмъ, что видѣла въ саду какого-то мужчину, а это былъ черный теленокъ.

И барышня засмѣялась.

— Смѣйтесь, смѣйтесь, барышня! обиженно возразила Дуняшка. — Если бы она была добрая, то не выходили бы всѣ отъ нея въ слезахъ и незачѣмъ было бы ей подсылать свою горничную распрашивать въ дѣвичьей про васъ. Все ей разскажи: кто такой Дмитрій Степанычъ, что вы дѣлаете? Ужь нечего сказать — хороша должна быть барыня!

Барышня смутилась и посмотрѣла на молодаго человѣка, который сказалъ ей:

— Однако, Анна Ларіоновна, что же все это значитъ?

— Ей-богу, не понимаю!

— Поправилась ли она вамъ?

— Мнѣ?... Нѣтъ!... рѣшительно произнесла Анюта.

— Барышня, вѣдь у ней глаза-то зеленые, какъ у кошки, замѣтила Дуняшка, и сама разсмѣялась, когда молодые люди захохотали отъ такого замѣчанія.

— Я не поѣду съ ней! пусть тамъ она жалуется папашѣ; а я все-таки не поѣду! я скажу, что я больна. Да, я просто скажу папашѣ, что я жить не хочу у ней!...

Барышня была прервана неожиданнымъ приходомъ камердинера Ларіона Петровича. Всѣ присутствующіе въ комнатѣ оробѣли, потому что появленіе камердинера барина на женской половинѣ всегда сопровождалось какими нибудь очень важными приказаніями.

— Баринъ приказалъ вамъ, барышня, собирать ваши вещи, чтобы завтра рано ѣхать съ тетушкой, объявилъ камердинеръ.

— А Палагея, Дуняшка? торопливо спросила барышня.

— Приказано вамъ однѣмъ собираться.

— Скажи папашѣ, что я сейчасъ приду къ нему.

— Они-съ больны, легли въ постель.

Барышня поблѣднѣла и сѣла на стулъ, съ котораго невольно привстала было, услышавъ приказаніе отца.

Когда Ларіонъ Петровичъ объявлялъ въ домѣ, что онъ нездоровъ и въ постели, то это значило очень плохо. Весь домъ страшился, чтобы баринъ не вздумалъ выйдти изъ своей комнаты; всѣмъ доставалось, кто показывался ему на глаза; даже Палагея Тихоновна не разъ была жестоко обругана за то, что прятала свою барышню въ чуланъ, во избѣжаніе ея встрѣчи съ отцомъ.

Камердинеръ давно ушелъ, а въ комнатѣ все еще была тишина; всѣ какъ бы окаменѣли отъ ужаса. За то слышнѣе стало въ комнатѣ, какъ на дворѣ бушевала непогода; дождь стучалъ въ окна, вѣтеръ, завывая, крутилъ кусты и прутьями билъ въ стекла, какъ бы досадуя, что нельзя ему ворваться въ комнату.

Дуняшку била лихорадка, и она въ страхѣ бросилась изъ комнаты, пробормотавъ:

— Я позову Палагею Тихоновну.

Анюта въ волненіи заметалась по комнатѣ, открывала ящики у комода, опять закрывала ихъ и, сѣвши на свою кровать въ какомъ-то изнеможеніи, рѣшительно произнесла:

— Развѣ меня выгонятъ изъ дома, если я не захочу поѣхать сама?

Молодой человѣкъ стоялъ у печки, какъ убитый, не обращая вниманія, что раскаленная печь почти жгла его плечо и бокъ.

Палагея робко вошла въ комнату, въ сопровожденіи Дуняшки; барышня спросила ее голосомъ, въ которомъ слышались слезы:

— Знаешь ли, няня, что мнѣ папаша приказалъ оставить его домъ?

— Что это, Господи! Анна Ларіоновна, можно ли такія вещи говорить! съ ужасомъ воскликнула страруха.

— Ну, ужь пожалуйста не дурачь меня, хоть теперь-то! Небось ты будешь увѣрять, что и не плакала, какъ сошла сверху?

— Я.... я? я не плакала! торопливо отвѣтила Палагея.

Дуняшка въ одну секунду схватила свѣчу съ фортепьяно и, поднеся къ лицу старухи, торжествующимъ голосомъ воскликнула:

— Ай, Палагея Тихановна, какъ же это вы такъ врете?

Старуха въ сердцахъ оттолкнула проворную дѣвочку и заплакала прегорько.

— Что тебѣ сказала тетушка, когда ты просилась со мной? спросила барышня.

— Мѣста нѣтъ! рыдая отвѣчала нянька.

— Да мы, барышня, и на телегѣ бы поѣхали, пѣшкомъ бы пошли, жалобно пропищала Дуняшка.

— Что же дѣлать, матушка Анна Ларіоновна! удерживая слезы, сказала старуха. — Можетъ баринъ насъ пошлетъ потомъ, когда у него будутъ деньги.

— Деньги у него есть, коли за гостями да за виномъ посылаетъ, гнѣвно и плача замѣтила Дуняшка.

— Ахъ ты пострѣлъ! грозя ей, крикнула Палагея.

— Ну, да; пострѣлъ вездѣ поспѣлъ, отвѣтила рѣзко Дуняшка и, обратясь къ барышнѣ, прибавила: — барышня, попросите барина, чтобы насъ взяли съ вами.

— Папаша даже не хотѣлъ самъ сказать мнѣ, чтобы я ѣхала завтра! въ раздумьи, съ упрекомъ сказала барышня.

— Что грѣшить-то, Анна Ларіоновна; барышъ, можетъ, думалъ, что вы ужь и въ постелькѣ, замѣтила няня и, прибодрясь, продолжала дрожащимъ голосомъ:

— Вѣдь ты, голубушка, сама маманѣ дала слово, что будешь съ тетушкой жить.... забыла, что ли?

— Какая ты, ей-богу! Дашь слово на что угодно, какъ всѣ плачутъ и велятъ тебѣ говорить все, что ни скажетъ маманя, передъ образомъ.

Барышня адресовалась съ этими словами къ молодому человѣку, который отвѣтилъ только тяжелымъ вздохомъ.

— Ну, что тутъ разсказывать-то! съ неудовольствіемъ подхватила Палагея и прибавила рѣшительнымъ тономъ: — вѣдь не станешь же срамить себя передъ теткой. Шутка ли! этакую даль ѣхала. Ну, сама разсуди, если бы она не любила твою маманю, для чего же было ей ѣхать сюда къ тебѣ?... И какъ она ласкала-то тебя, сидя на диванѣ, ну просто, какъ родная мать.

— Зачѣмъ же ты плачешь сама-то? спросила барышня.

— Кто? я то? да развѣ я плакала? сдерживая судорожными гримасами свои слезы, спросила Палагея.

Всѣ засмѣялись; такъ смѣшна была старуха, въ своемъ наивномъ упрямствѣ.

— Такъ вамъ весело, что наша барышня ѣдетъ? подхватила Дуняшка.

— Конечно, весело; она тамъ будетъ, какъ царица жить; домъ у тетушки богатый....

— Такъ давайте веселиться! провизжала Дуняшка и, подбоченясь, засеменила ногами около старухи.

Въ ранней молодости, переходы отъ горя къ веселью бываютъ очень быстры. Такъ случилось и теперь: молодые люди, за минуту сидѣвшіе въ грустномъ раздумьи, хохотали отъ души, смотря, какъ потерявшаяся и сконфуженная старуха няня кривила ротъ, чтобы вызвать улыбку на свои дрожащія губы, а слезы напереворъ ей, такъ и лились рѣкой.... Она кротко отталкивала Дуняшку, которая юлила передъ ней и искусно выдѣлывала мельчайшія ея ногами, обутыми въ стоптанные огромные башмаки.

— Я хочу, чтобы всѣ были веселы наканунѣ моего отъѣзда, сказала барышня и сѣла за фортепьяно; но нянька кинулась къ ней и умоляющимъ голосомъ воскликнула:

— Ради Христа, не играй! вѣдь она можетъ услышать.

— Экая важность!

— Нѣтъ, родная, ей-богу не хорошо! ну, послушайся меня хоть въ послѣдній разъ.

— Ну, хорошо, я тебя послушаюсь; за это и ты меня слушайся, что я ни прикажу.

И барышня заторопошила старуху, приказала принести ей ужинъ, варенья лучшаго и даже наливки.

Дуняшка, пользуясь тѣмъ, что господа заговорились за ужиномъ, ѣла съ жадностію барское кушанье.

— Я пріѣду въ Петербургъ, ужь вы увидите, говорилъ молодой человѣкъ.

— Ну, хорошо; я буду васъ ждать, но только вы обманете, замѣтила ему лукаво барышня.

— Клянусь! торжественно произнесъ молодой человѣкъ.

Приходъ Палагеи съ наливкой прекратилъ разговоръ молодыхъ людей; впрочемъ еще въ первый разъ, съ тѣхъ поръ, какъ они знакомы, случилось съ ними, что имъ вдругъ сдѣлалось неловко говорить въ присутствіи няньки. Знакомство ихъ началось съ дѣтства. Митя былъ сирота, воспитывался у дѣдушки, который былъ благочиннымъ и жилъ въ двухъ верстахъ отъ деревни. Анюта, не имѣя подругъ, любила играть съ Митей, котораго оставляли гостить въ барскомъ домѣ по цѣлымъ недѣлямъ. Когда Митя выросъ и пріѣзжалъ на каникулы къ дѣдушкѣ, то почти неразлучно былъ съ барышней. Ларіонъ Петровичъ и его супруга смотрѣли очень равнодушно на эти отношенія даже когда Митя сдѣлался молодымъ человѣкомъ; впрочемъ, они не заботились ни о чемъ, что касалось до Анюты.

Странно было бы, если бъ молодой человѣкъ не влюбился въ Анюту живую, и очень хорошенькую, которая обходилась съ нимъ слишкомъ дружески. При немъ ей чесали волосы, какъ будто она была маленькая дѣвочка. А когда они разрѣзвится, то какъ дитя, бывало, шалитъ съ молодымъ человѣкомъ и всячески старается злить его. Но дѣвушка оставалась вполнѣ равнодушна ко всѣмъ угожденіямъ молодого человѣка, можетъ потому, что слишкомъ часто слышала о необычайномъ неравенствѣ ея съ священническимъ сыномъ. А по милости матери и прислуги, Анюта уже питала высокое мнѣніе о своемъ барскомъ достоинствѣ.

Въ первый разъ на прощальномъ ужинѣ барышня посмотрѣла на своего собесѣдника не подворянски, и только тутъ замѣ-

тила, что онъ очень пріятной наружности и что какъ будто влюбленъ въ нее.

Читая романы, которыхъ много было у матери, да не мало книгъ и Дмитрій Степанычъ привозилъ съ собой лѣтомъ и на праздники, когда былъ уже въ университетѣ, Анюта имѣла понятіе, что такое влюбленный юноша, но это не мѣшало ей быть не кокеткой и не думать о побѣдахъ надъ мужчинами. Она не знала и не искала узнать, зачѣмъ съ мужчинами надо совершенно иначе говорить и совсѣмъ иначе глядѣть на нихъ, нежели какъ обыкновенно. Ничто въ нихъ не привлекало ее, и она сама не старалась привлекать. Разъ ей очень понравился было офицеръ, котораго отецъ привезъ къ себѣ гостить изъ города и съ которымъ все игралъ въ карты. Но Дуняша своими разсказами, какъ Палагея Тихоновна выгнала гостя изъ дѣвичьей, за то, что онъ поцаловалъ Матрену, разочаровала барышню и она очень равнодушно смотрѣла потомъ на ухаживанье офицера.

Было очень поздно; въ домѣ всѣ уже спали; Палагея сидѣла въ дѣвичьей, тихо плакала, и съ участіемъ посматривала на Дуняшу, свернувшуюся клубкомъ почти на голомъ полу въ углу, за лежанкой. Слезы на здоровыхъ дѣтей дѣйствуютъ наркотически и дѣвочка какъ-то особенно сладко спала, видно вовсе не предчувствуя, что ее ожидала горькая участь послѣ отъѣзда барышни. Дворня не любила вострую и живую дѣвочку, за то, что она одна изъ прочихъ ей подобныхъ дворовыхъ дѣтей была взята въ барскіе комнаты и получала обновки отъ барышни. Дворовые прозвали ее ублюдкомъ; это оскорбляло Дуняшу и она мстила имъ за то переносами на нихъ барину, Палагеѣ Тихоновнѣ и барышнѣ. Дуняша знала, кто ея отецъ; но страхъ къ барину былъ въ ней такъ силенъ, что она никогда даже не подумала: почему же это я сплю на полу, хожу оборваная, меня всѣ бьютъ, — тогда какъ я сестра барышни? Впрочемъ это еще было счастье для Дуняши, что она не смѣла задавать себѣ такихъ вопросовъ; а то ей пришлось бы терпѣть еще болѣе побоевъ и всякихъ оскорбленій. Впрочемъ, съ отъѣздомъ барышни побои и оскорбленія должны были непремѣнно увеличиться. Палагея хотя и была груба съ Дуняшей, однако же всегда являлась ея защитницей; но ея власть совершенно уничтожится, какъ только барышня уѣдетъ. Амалія Ивановна сдѣлается главнымъ лицомъ въ домѣ, и тогда Палагея не только не въ состояніи будетъ защищать другихъ, а и сама-то будетъ нуждаться въ защитѣ. Но, слава

Богу, Дуняша ни о чемъ этомъ не думала и спала крѣпко; Палагея одна горевала за ея будущность и за свою. А старухѣ было, въ самомъ дѣлѣ, о чемъ погоревать; положеніе ея точно было очень тяжело. Всѣ силы ея души пошли на возлелѣяніе въ ней одной преданности, въ замѣнъ всѣхъ способностей и добродѣтелей. Палагея не жалѣла, что барыня, умирая, не отпустила ее на волю, и не избавила старуху отъ капризовъ барскихъ временьщицъ. И на что воля старухѣ? Развѣ только затѣмъ, чтобы имѣть возможность уйти за барышней въ Петербургъ, и питаться сладкою надеждою хоть въ окошечко иногда видѣть выкормленное ею барское дитя!...

Да, съ этимъ ребенкомъ связано было много святыхъ и дорогихъ воспоминаній у Палагеи. Чтобы выкормить Анюту, у ней взяли ея собственнаго ребенка, который вскорѣ умеръ отъ рожка; разлучили ее съ мужемъ. Палагея была неотлучно при дѣтской; даже когда ея мужъ умеръ, и тогда барыня не отпустила Палагею отъ барышни. Палагея все время носила свое горе внутри себя, подавляя его мыслью, что вся ея жизнь, до послѣдняго дыханія, принадлежитъ господамъ и что ей невозможно жить безъ барышни, а барышнѣ безъ нея. Но теперь, когда она увидѣла, что у ней отнимаютъ и эту радость, которую она сама себѣ взлелѣяла, отнимаютъ барское дитя, на которомъ сосредоточились всѣ лучшія ея чувства, теперь, и только теперь въ первый разъ, горе всей жизни поднялось со дна ея истерзаннаго сердца, быстро стало приливать къ головѣ, охватило весь ея разсудокъ, и дошло до степени ропота. Вся полувѣковая привычка къ безотвѣтной покорности чужой волѣ, распоряжавшейся ея радостями и горемъ, все ея благоговѣніе ко всему барскому, не въ силахъ были удержать въ ней невольнаго, горькаго порыва оглянуться на свою прошедшую жизнь и послать ей тяжелый, отчаянный, хотя, правда, и немного поздній укоръ....

. . . . . .

Тягостныя воспоминанія прошлаго навели на Палагею какой-то ужасъ, и она въ испугѣ упала на колѣни предъ образами и начала скоро, скоро читать молитву, какъ бы желая отогнать отъ себя все прошлое. Но по ея отчаянному лицу было видно, что молитва была лишь на губахъ, а сердце бѣдной женщины болѣзненно изнывало отъ ропота, который, во всю свою безотрадную жизнь, она геройски подавляла, не сознавая сама, что ея жизнь достойна удивленія, какъ подвигъ высокаго

смиренія и самоотверженія. Безропотно несла она всѣ пытки судьбы, и еще сохранила въ себѣ на столько кротости и любви, что могла со всею искренностью души отдать остатки своихъ дней для пользы самихъ же виновниковъ ея горя. Только теперь переполнилось горечью ея сердце, и она не выдержала.

— Господи! воскликнула она, съ дикимъ отчаяніемъ припавъ къ землѣ, и замерла.

Въ ея восклицаніи столько было сосредоточено потрясающаго горя, что она сама, казалось, онѣмѣла отъ ужаса. Привставъ, она осмотрѣлась кругомъ и дико уставила свои глаза на зеленовато-мѣдные образки, висѣвшіе въ дѣвичей. Она какъ бы пыталась разглядѣть на одномъ изъ нихъ полустершееся изображеніе и въ то же время, быстро и машинально, крестилась дрожащей рукой. Мѣдный образокъ былъ благословеніе ея матери, и переходилъ въ ихъ родѣ чуть ли не болѣе столѣтія. Это была едва ли не единственная собственность, которую получила Палагея въ наслѣдство отъ своихъ родителей. Ей, какъ дворовой, нельзя, да и не нужно было имѣть и той скудной полу-собственности, которую оставляетъ своимъ дѣтямъ крестьянинъ. Вѣдь она жила въ барскомъ домѣ, обута, одѣта, накормлена на барскій счетъ.... Какъ бы ни накормлена, какъ бы ни одѣта, а все-таки не голая ходитъ и съ голоду до сихъ поръ не умерла. На что же еще, спрашивается, для нея какая нибудь собственность? Если что ей было нужно, такъ это именно только образокъ: молиться Богу, слезно припадать къ нему, въ немъ искать успокоенія и отрады....

Палагея старалась заглушить свой ропотъ мыслью, что вѣдь не одна она несчастна. И стала молиться, приговаривая съ раскаяніемъ: «Господи, прости меня грѣшную!» И чтобы совершенно отвлечь свои мысли отъ прошлаго, она съ жаромъ начала молиться за свою барышню и мысленно стала дѣлать обѣщанія идти пѣшкомъ въ Кіевъ, не ѣсть мяснаго до конца своей жизни, и много-много надавала искреннихъ обѣщаній. Но лишь только она окончила молитву, какъ снова отчаянный ропотъ поднялся въ ея душѣ, и ей казалось, что ея горю нѣтъ предѣловъ, что ее душитъ оно, что такой мракъ кругомъ, какъ будто она ночью въ лѣсу.... Палагея болѣзненно проговорила, щупая свою голову: «что это со мной дѣлается?» И она сѣла на сундукъ и, подпершн рукой голову, съ жалостью глядѣла на спящую Дуняшу и шопотомъ говорила ей, обливаясь слезами:

— Что-то съ тобой будетъ, какъ ты подростешь?... Погибнешь ты такъ же, какъ гибли здѣсь многія. И некому-то тебя будетъ защитить, когда тебя смѣнитъ другая.

Дуняша какъ бы проснулась отъ страшнаго пророчества Палагеи, что-то промычала съ тяжелымъ вздохомъ, стукнулась довольно звонко головою о печку, привстала-было, но въ ту же минуту опять легла.

— Встань, молись! молись хоть за свою.... сес.... барышню! какимъ-то страшнымъ голосомъ произнесла Палагея. — Намъ что!.... а вотъ она-то бѣдная должна идти въ чужой домъ! И вѣдь все добро-то — ея, все, до нитки, а ее самоё гонятъ изъ дому! Ахъ, бѣдная, бѣдная ты сирота!

И Палагея упала на сундукъ, горько рыдая.

ГЛАВА IV.

Въ то самое время, какъ Палагея такъ убивалась за свою барышню, та и забыла, что ее ожидаетъ разлука съ родиной и со всѣми, кто былъ ей преданъ и любилъ ее. Впрочемъ ей было извинительно выказывать такое равнодушіе въ послѣднія минуты передъ разлукой съ окружающими: все ея вниманіе было поглощено разсказомъ о семейныхъ тайнахъ ея родственниковъ, происхожденіемъ которыхъ ее постоянно заставляли гордиться. Она сама привыкла думать, что ихъ дворянскій родъ важнѣе другихъ, — невинная затѣя воображенія, свойственная почти всѣмъ русскимъ помѣщикамъ. Анна Ларіоновна, разбирая бумаги покойницы матери, чтобы уложить ихъ передъ своимъ отъѣздомъ, нашла въ нихъ небольшую тетрадь, исписанную женскою рукою. Съ первыхъ же словъ, прочтенныхъ ею, оказалось, что это было нѣчто въ родѣ исповѣди ея таинственной тетки, о которой она слышала отъ прислуги еще въ дѣтствѣ своемъ столько нелѣпаго, а потомъ такъ много загадочнаго. Мать ея никогда не упоминала при ней о своей сестрѣ, и никто не смѣлъ напомнить о ней барынѣ, кромѣ Ларіона Петровича, и то лишь тогда, когда онъ приходилъ въ ярость на свою жену, изъявлявшую иногда минутное желаніе воспротивиться дальнѣйшему разоренію ея имѣнія. Въ такія минуты Ларіонъ Петровичъ выходилъ изъ себя, и всегда достигалъ, чего хотѣлъ, постоянно прибѣгая къ одной и той же эффектной сценѣ: онъ бралъ пи-

столетъ, прощался съ дочерью и шелъ къ себѣ въ кабинетъ покончить свою жизнь, и всякій разъ его супруга дико вскрикивала, давала на все согласіе и падала въ обморокъ. Если бы не испугъ матери и не дикій гнѣвъ отца передъ такими сценами, то Анна Ларіоновна смотрѣла бы на покушеніе его къ самоубійству, какъ на вещь очень обыкновенную — такъ это часто повторялось въ домѣ.

Но обратимъ и наше вниманіе на тетрадь, найденную Анной Ларіоновной. Она заставила прочесть ее вслухъ Дмитрія Степаныча и слушала чтеніе въ какомъ-то лихарадочномъ состояніи.

«Я помню себя очень маленькой, можетъ потому, что на мою дѣтскую память сдѣлали слишкомъ сильное впечатлѣніе семейныя сцены. Я часто была свидѣтельницею споровъ моего отца съ матерью. Кто изъ нихъ былъ правъ, я немогла рѣшить тогда; но мнѣ всегда было жаль моего отца, вѣроятно потому, что онъ очень ласкалъ меня, а мать выказывала ко мнѣ полное равнодушіе. Потомъ, на дѣтей всегда дѣйствуютъ слезы, а въ семейныхъ сценахъ отецъ плакалъ иногда, а мать оставалась постоянно улыбающеюся, что̀ даже на меня, ребенка, непріятно дѣйствовало. Въ одной изъ семейныхъ сценъ я невольно была участницей.

«Я играла въ куклы на полу противъ большаго зеркала, въ которое я видѣла свою мать и гостя, сидящаго на диванѣ. Вѣроятно, мое дѣтское любопытство не было бы возбуждено, если бы гость не сказалъ моей матери про меня, зачѣмъ я тутъ, а мать отвѣтила, что это необходимо. Тогда я оставила свои куклы и все поглядывала въ зеркало; въ немъ я видѣла, что моя мать поцаловала гостя въ лобъ. И это бы навѣрно стушевалось въ моей памяти, если бы горничная не вбѣжала въ комнату и не крикнула: баринъ пришелъ! Гость вскочилъ и пошелъ изъ комнаты. Вскорѣ пришелъ отецъ, блѣдный, и сталъ горячо говорить съ матерью; но она, не обращая вниманія на его слова, сѣла за фортепьяно и стала наигрывать что-то веселое. Отецъ скорыми шагами ходилъ по комнатѣ въ какомъ-то отчаяніи и вдругъ схвативъ меня на руки, бросился на колѣни передъ матерью и сталъ просить у ней прощенія; но мать отворачивалась. Тогда я безсознательно замѣтила матери: «мама, поцалуй папу, какъ ты сейчасъ цаловала гостя». Отецъ вскрикнулъ дико, почти бро-

сиялъ меня на полъ и убѣжалъ изъ комнаты, а мать схватила меня за руку своей холодной рукой и такъ сжала мою руку, что она захрустѣла. Я испугалась сердитаго и блѣднаго лица матери и стала кричать отца; тогда мать зажала мнѣ ротъ и шептала мнѣ на ухо: я тебя задушу, если ты пикнешь! Я такъ испугалась, что право не помню, какъ очутилась въ дѣтской, въ своей кровати; няня сидѣла надо мною и горько плакала. Мнѣ было больно пошевельнуться, я вся была въ рубцахъ и припоминала смутно, что меня мать наказывала розгой. Но я была поражена не столько наказаніемъ, сколько ужаснымъ выраженіемъ лица матери, когда она схватила меня за руку. Послѣ того, при видѣ матери, я каждый разъ чувствовала такой страхъ, что ноги у меня дрожали, сердце замирало, а въ глазахъ темнѣло. Страхъ этотъ остался во мнѣ навсегда. Съ того времени я болѣе сидѣла въ дѣтской, куда отецъ часто приходилъ играть со мной; онъ былъ очень грустенъ и отъ монхъ ласкъ плакалъ иногда. Жили ли въ ладу отецъ съ матерью — не знаю; но когда родилась у меня сестра Лиза, то отецъ не ласкалъ ее и хмурился, когда я съ дѣтскимъ восторгомъ описывала красоту своей малютки сестры. Мать была внимательнѣе къ Лизѣ, ласкала ее; всѣ увѣряли, что она двѣ капли воды похожа на мать.'

«Мнѣ было семь лѣтъ, когда въ одну зимнюю ночь я проснулась отъ суеты въ дѣтской; меня и Лизу наскоро одѣли и повезли къ одной знакомой дамѣ. Изъ разговоровъ кормилицы съ нянькой, я сообразила, что отецъ поссорился съ матерью и хотѣлъ меня взять отъ нея... Черезъ недѣлю мы опять вернулись домой, отца не было, а скоро и мать уѣхала въ деревню, получивъ извѣстіе, что отецъ опасно занемогъ. Она вернулась очень нескоро и въ траурѣ, и привезла намъ новую маленькую сестру.

«Мнѣ мать строго запретила плакать объ отцѣ, но сама проливала много слезъ, говоря о немъ при гостяхъ, и при этомъ очень нѣжничала со мной, за то безъ гостей оказывала мнѣ явное нерасположеніе. Лиза была ея любимица и я была вся въ ея распоряженіи. Я должна была цѣлый день забавлять балованое дитя. Въ домѣ съ каждымъ годомъ у насъ становилось мрачнѣе. Мать совершенно измѣнилась, перестала выѣзжать и все занималась процессомъ, завязавшимся послѣ смерти отца съ его сестрой. Въ одну изъ поѣздокъ своихъ въ деревню мать отвезла маленькую сестру мою Анюту къ теткѣ въ Москву и оставила тамъ

неизвѣстно почему. Я не знала, за чѣмъ она уступила ее теткѣ, но прислуга болтала, что барыня сдѣлала это изъ расчета, чтобы больше досталось денегъ ея любимицѣ Лизѣ, потому что тетка обѣщала Анюту воспитать и сдѣлать своею наслѣдницею. Когда мнѣ было лѣтъ 13, въ домѣ появилось новое лицо, въ родѣ секретаря при матери, а чрезъ нѣсколько времени онъ сдѣлался полнымъ властелиномъ въ домѣ и въ имѣніи. Я съ перваго взгляда возненавидѣла его. Да и не возможно было, чтобы наружность его кому небудь могла понравиться. Ростомъ онъ былъ малъ, но коренастъ; лицо было желто-одутловатое, съ крючковатымъ носомъ, похожимъ на клювъ хищной птицы; глаза сѣрые съ желтыми бѣлками и съ презлымъ выраженіемъ; волосы бурые щетинистые, и такъ коротко остриженные, что свѣтилась кожа на головѣ, и эта кожа, вмѣстѣ съ щетиною волосъ поминутно передергивалась съ низу на верхъ и на оборотъ, точно на немъ былъ надѣтъ парикъ; ротъ его напоминалъ пасть звѣря, такъ онъ былъ великъ и съ такими большими зубами. Манеры его были медленны, точно онъ все выжидалъ и былъ на сторожѣ; это предположеніе подтверждалось и тѣмъ, что его два большихъ, торчащихъ уха шевелились безпрестанно. Говорилъ онъ медленно, но его шипѣніе было хуже всякаго крика. Ходилъ онъ тихо, тихо, точно крадущійся воръ. Одѣтъ былъ всегда въ синемъ фракѣ съ мѣдными пуговицами, и въ бѣломъ галстукѣ, который толсто былъ намотанъ на его и безъ того бычачьемъ горлѣ.

«Въ короткое время онъ навелъ ужасъ на всѣхъ крестьянъ, прислуга въ домѣ трепетала при одномъ его имени. Одна мать моя съ каждымъ днемъ оказывала Гаврилѣ Антонычу все больше и больше вниманія, и при всей своей гордости съ низшими, — а онъ былъ изъ приказныхъ, — допускала его къ своему столу и безъ его совѣтовъ ничего не дѣлала. Тиранство Гаврилы Антоныча должно быть было ужь слишкомъ ужасно, такъ что одинъ изъ лучшихъ старпковъ въ деревнѣ рѣшился ударить его топоромъ по головѣ. Но Гаврила Антонычъ остался цѣлъ. Вслѣдствіе этой исторіи въ деревнѣ долгое время стонъ стоялъ... Это было лѣтомъ; мы жили въ деревнѣ. Бабы бросались ко мнѣ въ ноги, прося защиты; ихъ слезы и рыданія довели меня до того, что я, забывъ весь свой страхъ передъ матерью, бросилась къ ней въ кабинетъ, упала на колѣни и просила пощадить несчастныхъ крестьянъ. Разумѣется, меня за это жестоко наказали и, даже не

смотря на то, что мнѣ было лѣтъ 14, мать хотѣла было меня высѣчь. Я спасена была только тѣмъ, что когда меня повели на гнусное наказаніе, я упала въ обморокъ и тѣмъ, говорятъ, очень напугала мать. Впрочемъ, испугъ ея вытекалъ вовсе не изъ нѣжности материнскаго сердца, а изъ самыхъ корыстолюбивыхъ цѣлей. Въ это время, какъ я узнала впослѣдствіи, процессъ ея принялъ очень дурное направленіе, а въ этомъ процессѣ я играла первую роль.

«Гаврила Антонычъ, узнавъ, что я въ отчаянную минуту назвала его злодѣемъ, началъ дѣлать мнѣ всевозможныя непріятности и оскорбленія. Собаку, которую я очень любила, онъ повѣсилъ, подъ предлогомъ, что она взбѣсилась; любимую горничную сослали на скотный дворъ; цвѣты въ саду всѣ уничтожили только потому, что я ими любила заниматься. Читать мнѣ запретили, даже играть на фортепьянахъ мнѣ было велѣно только часъ, а это было мое единственное развлеченіе. Будучи уже большою, я вела жизнь маленькаго ребенка, наравнѣ съ Лизой. Мать рѣшительно никуда меня не вывозила въ городѣ, кромѣ какъ въ праздники, съ поздравленіями къ родственникамъ моего отца.

«Мнѣ было семнадцать лѣтъ; какъ обыкновенно въ новый годъ мать собралась везти меня съ поздравленіями къ роднымъ, разумѣется только къ богатымъ: къ бѣднымъ она чувствовала безконечное презрѣніе. Мы садились въ карету; нищая съ ребенкомъ на рукахъ подошла въ эту минуту къ матери, лакей нашъ, зная, что барыня его не любитъ нищихъ, толкнулъ бѣдную женщину съ такою силою, что она упала и чуть не подъ лошадь. Я вскрикнула, схватила изъ рукъ нищей ребенка и подала руку испуганной женщинѣ, чтобы она скорѣе встала. Мать моя, усѣвшись въ карету, увидала меня съ ребенкомъ, укутаннымъ въ лохмотья; она приказала мнѣ тотчасъ же его отдать нищей и сдѣлавши мнѣ прегрубый выговоръ, велѣла вернуться въ свою комнату. Я была очень сконфужена, что моя мать такъ выбранила меня при свидѣтеляхъ; со слезами на глазахъ я пошла было назадъ въ дверь: но ребенокъ уцѣпился за мое плечо и тянулся ко мнѣ, я невольно поцаловала его въ грязныя щечки. Въ эту только минуту я обратила вниманіе на стоявшаго вблизи, бѣлокураго молодаго человѣка, который очень ласково и дружелюбно смотрѣлъ на меня. Не знаю почему, но я вспыхнула и убѣжала. Право, не могу и теперь объяснить себѣ, отчего мнѣ сдѣлалось весело, несмотря на предстоящій еще грозный выго-

воръ отъ матери, послѣ ея возвращенія. Что-то странное произошло во мнѣ. Я не могла забыть голубыхъ, ясныхъ глазъ молодаго человѣка, ласково смотрѣвшихъ въ мои. Мнѣ казалось, что въ этомъ взглядѣ было какое-то сочувствіе къ моей судьбѣ. Вѣроятно, я промечтала бы нѣсколько дней о своемъ незнакомцѣ и потомъ забыла бы о немъ, но на другое утро, когда я въ обыкновенный часъ гуляла съ Лизой и Каролиной Карловной, нашей гувернанткой, бывшей, впрочемъ, скорѣе нянькою Лизы, я опять его встрѣтила. Я его замѣтила издали. Сердце у меня застучало скоро, скоро, какъ бы отъ сильнаго испуга, и между тѣмъ мнѣ было хорошо. Приближаясь къ нему, я краснѣла все сильнѣе и сильнѣе, и никакъ не рѣшилась взглянуть ему въ лицо, когда мы поравнялись. Но, отойдя три шага, я повернула голову, — онъ тоже, и оба быстро опять отвернулись. Съ этого дня, каждый день я встрѣчала его на своихъ прогулкахъ, а въ праздники въ церкви. Его красивая, добрая и задумчивая наружность такъ мнѣ нравилась, и такое возбуждала довѣріе, что я ни разу не упрекнула себя въ вѣтренности. Я чувствовала, что въ моей однообразной жизни явилась какая-то, небывалая прежде радость. Ложась спать, я весело ждала новаго дня, чтобы встрѣтить своего незнакомца на прогулкѣ и украдкой взглянуть на него. Я такъ была счастлива, что не думала спросить сама себя: чѣмъ же все это кончится? Весну встрѣтила я необычайно весело, потому что мы стали гулять два раза въ день, и я лишній разъ могла его видѣть; встрѣчаясь съ нимъ я уже небоялась смотрѣть ему въ глаза. Мы не говорили другъ съ другомъ ни одного слова, но мнѣ казалось, что я уже давно съ нимъ знакома. Первыя приготовленія къ отъѣзду на лѣто въ деревню, что дѣлалось каждый годъ, меня испугали и поразили, какъ будто какая неожиданность, и тутъ только я очнулась отъ счастливаго забытья, въ которомъ была всю зиму. Я плакала цѣлую ночь, и на другое утро, когда мы встрѣтились, я со слезами глядѣла на него; онъ замѣтилъ мою грусть, и самъ, казалось, былъ ею взволнованъ; онъ лишній разъ встрѣтился съ нами и смотрѣлъ на меня тревожно-вопрошающимъ взглядомъ. Я живо представила тогда мучительное состояніе нѣмыхъ: намъ такъ хотѣлось говорить и мы не смѣли. Хорошо еще, что Каролина Карловна была такъ простодушна, что наши постоянныя встрѣчи съ нимъ приписывала одному близкому сосѣдству. Наконецъ настала минута отъѣзда и мы, вмѣсто обычной на-

шей прогулки, сѣли съ матерью въ дорожный экипажъ. Я была совершенно убита; слезы такъ и навертывались у меня на глаза, и только присутствіе матери заставляло меня удерживать ихъ, а то бы онѣ полились ручьями. Но вдругъ я увидѣла его, бѣгущаго въ попыхахъ; онъ былъ блѣденъ, и увидавъ меня въ дорожной каретѣ, остолбѣнѣлъ. Я забыла весь свой страхъ, высунулась изъ окна и бросила ему перчатку свою въ знакъ моего прощанья. Онъ едва успѣлъ поднять ее, какъ мы двинулись. Я долго смотрѣла на него; онъ стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ съ открытой головой: онъ снялъ шляпу, чтобы мнѣ поклониться.

«Съ минуты моего отъѣзда изъ Петербурга я погрузилась въ какую-то апатическую тоску, которую трудно разсказать. Мнѣ было рѣшительно все равно, что ни дѣлалось, что ни говорилось вокругъ меня. Я потеряла аппетитъ и сонъ, похудѣла такъ, что даже мать и Гаврила Антонычъ обратили на это вниманіе и призвали доктора. Докторъ совѣтовалъ мнѣ какъ можно болѣе движенія, свободы и развлеченія. Мнѣ предоставили свободу гулять, когда я хочу, по нашему саду и примыкавшей къ нему рощѣ. Мать какъ-то сдѣлалась со мной ласковѣе. Я впрочемъ, ее мало видала, она цѣлые дни проводила въ своемъ кабинетѣ съ Гавриломъ Антонычемъ, сочиняя какіе-то отвѣты на запросы по своему процессу, который отъ меня сохранялся въ величайшей тайнѣ.

«Впослѣдствіи уже открыли мнѣ мрачную исторію этого процесса. Сестра моего отца обвиняла мою мать и Гаврила Антоныча въ кражѣ духовнаго завѣщанія, сдѣланнаго въ пользу меня одной, потому что отецъ не признавалъ другихъ дѣтей своими и хотѣлъ меня отдать воспитываться къ своей сестрѣ.

«Болѣзнь и скорая смерть помѣшала ему исполнить свое намѣреніе на счетъ меня. Въ прислугѣ, бывшей при отцѣ въ деревнѣ, были толки, что какъ-то разъ, за нѣсколько дней передъ его смертью, слышали его крики о помощи. Но дверь въ кабинетъ была заперта и мать съ Гавриломъ Антонычемъ была тамъ, они постоянно находились при умирающемъ и не допускали къ нему никого изъ людей. Докторъ и другія лица, бывшія свидѣтелями предсмертной болѣзни моего отца, оказались на сторонѣ матери и всячески старались тушить неблагопріятные толки, возникшіе въ губерніи на счетъ его смерти. Однако моя тетка начала процессъ съ матерью о подложной духовной, которая, разу-

мѣется, была въ ея пользу. А главное, добрая женщина желала вырвать меня изъ рукъ мучителей моего отца; но это не удалось ей; она почти разорилась, ведя процессъ, и все напрасно.

«На лѣто для Лизы мать брала русскаго учителя изъ околодка, чтобы было подешевлѣ; но въ этотъ годъ была страшная неудача на учителей, такъ что мать почти рѣшилась оставить Лизу на однихъ урокахъ нѣмецкаго языка, которымъ занималась съ нею Каролина Карловна. Мать питала ненависть къ образованнымъ гувернанткамъ и потому ко мнѣ и Лизѣ ходили постоянно учителя, которыхъ выбиралъ всегда Гаврила Антонычъ, и не могу сказать, чтобы выборъ былъ удаченъ....

«Въ одинъ большой праздникъ, по обыкновенію, мать и мы всѣ поѣхали къ обѣднѣ; половину службы я простояла, не обращая вниманія на клиросъ; но вдругъ я взглянула туда нечаянно, и у меня все помутилось въ глазахъ: я увидѣла *его*.... Я очнулась на паперти, около меня хлопотали Каролина Карловна и наша прислуга, явившаяся тоже въ церковь. Когда я очнулась, мнѣ показалось, что все это былъ бредъ моего разстроеннаго воображенія; ну, какимъ образомъ, думала я, можетъ онъ очутиться въ нашей деревнѣ? Но въ эту самую минуту я опять увидѣла его; онъ стоялъ вдали и тревожно смотрѣлъ на меня. Сердце у меня забилось часто, часто; и въ одну секунду все какъ будто переродилось для меня и приняло радужный цвѣтъ. Ноги мои дрожали отъ слабости, голова кружилась, но я чувствовала какую-то радостную легкость; мнѣ казалось, что я такъ же и полечу, съ птицами вмѣстѣ, и такъ же, какъ онѣ, буду кружиться въ воздухѣ. Когда я вернулась въ церковь и увидѣла его опять на клиросѣ, я почувствовала такое блаженство, что готова была перецаловать всѣхъ находившихся въ церкви,—избытокъ счастья душилъ меня. При выходѣ изъ церкви, онъ съ минуту стоялъ возлѣ меня. Въ эту минуту мнѣ казалось какъ-то все кругомъ меня такъ хорошо, что мнѣ вдругъ вообразилось, что я не на землѣ. Но моя мать вывела меня изъ очарованія вопросомъ у Гаврила Антоныча: кто такой стоитъ возлѣ меня? Гаврила Антонычъ не зналъ его, но обѣщалъ матери разузнать объ молодомъ человѣкѣ. Я было испугалась, но потомъ разсудила, что кто же можетъ узнать нашу тайну, когда я сама не знаю ни его имени, ни фамиліи, даже ни его голоса. За обѣдомъ мать снова вспомнила о молодомъ человѣкѣ и спросила Гаврила Антоныча, что онъ узналъ. Я съ замираніемъ

сердца слушала, какъ Гаврила Антонычъ объявилъ, что фамилія молодаго человѣка Реутовъ, что онъ не изъ дворянъ и только что окончилъ курсъ въ университетѣ, а пріѣхалъ сюда въ гости къ своему товарищу, сыну священника. Выслушавъ донесеніе своего секретаря, мать неожиданно вздумала: не предложить ли ему на лѣто заняться съ Лизой. Гаврила Антонычъ отвѣчалъ, что онъ исполнитъ ея приказаніе и тотчасъ же послѣ обѣда поѣдетъ къ священнику. Я едва могла переспилить свое волненіе; я задыхалась отъ одной мысли, что буду видѣть его всякій день, говорить съ нимъ.... Послѣ обѣда я бросилась въ садъ, бѣгала по аллеямъ, улыбалась какъ сумасшедшая.... Встрѣтивъ Лизу, я бросилась ее цаловать съ такимъ жаромъ, что даже напугала Каролину Карловну; она отняла у меня сестру, увѣряя, что я задушу ее.

«Переговоры шли долго; онъ не хотѣлъ принимать на себя званіе учителя и брать деньги. Мать упорно настаивала и сама въ церкви подошла къ нему и стала просить его согласиться. Тогда онъ обѣщался заниматься съ Лизой, но безплатно, потому что не думалъ долго оставаться въ нашихъ мѣстахъ. Онъ сначала ходилъ къ намъ давать уроки, но мать настойчиво требовала, чтобы онъ переѣхалъ къ намъ. Я видѣлась съ нимъ, но не смѣла еще говорить; мы страшно боялись, чтобы не угадали нашей любви. Всякій день я ходила въ рощу на берегъ рѣки, зная, что онъ ходитъ на другомъ берегу, скрытый въ кустахъ. Мы такъ были пока довольны нашимъ положеніемъ, что не желали ничего больше. Мать постоянно присутствовала при урокахъ Лизы — чего никогда не дѣлала прежде — и оказывала Реутову такое вниманіе, какого никто изъ учителей еще не видывалъ отъ нея. Я радовалась, что онъ имѣлъ на мою мать такое магическое вліяніе. Лиза полюбила своего учителя, потому что онъ не имѣлъ въ себѣ ничего мрачнаго, и умѣлъ всегда такъ занять ее во время урока, что она сама упрашивала его посидѣть съ нею подольше. Признаюсь, какъ я ни была счастлива, но съ нетерпѣніемъ ждала предположеннаго отъѣзда матери съ Гавриломъ Антонычемъ въ городъ. Я все боялась, чтобы они не прочитали на нашихъ лицахъ тѣхъ чувствъ, которыя мы старались скрыть отъ нихъ. Впрочемъ, почти всѣ въ домѣ всегда радовались отъѣзду матери съ ея секретаремъ. Какъ-то всѣ оживали, лица дѣлались веселѣе, голоса звучнѣе; въ деревнѣ слышались пѣсни, которыхъ мать не любила. Даже животныя, тѣ какъ будто

освобождались отъ страха. Собаки забѣгали на барскій дворъ, куры пробирались въ садъ.

«Наконецъ срокъ отъѣзда наступилъ. Разставанье наше съ матерью, какъ и всегда, было очень холодно; ни мы, ни она никогда не плакали. Но въ этотъ разъ мать поразила меня; на молебствіи она съ эффектомъ молилась, а прощаясь съ Лизой, расплакалась и упрашивала Реутова беречь ее и развлекать, а также просила его принять въ свое завѣдыванье весь домъ и прислугу и крестьянъ на время отсутствія ея съ Гавріломъ Антонычемъ. Прежде мать при прощаньи всегда давала строгія приказанія Каролинѣ Карловнѣ и всѣмъ людямъ; а тутъ все обошлось кротко. Я и всѣ домашніе были поражены такою странностью въ матери. Но все-таки мы всѣ вздохнули свободнѣе, когда изъ нашихъ глазъ скрылась ея карета, за которой мы всѣ молча слѣдили съ крыльца. Лиза первая выразила свое удовольствіе, пренаивно сказавъ своему учителю:

«— Безъ мамаши намъ будетъ гораздо веселѣе, Алексѣй Сергѣичъ. Догоните-ка меня!

«И она побѣжала по двору. Мы оба кинулись догонять ее. Смѣхъ и визгъ огласили мрачный домъ; дворовые люди сначала пугливо смотрѣли на нашу игру, но потомъ сами приняли участіе въ ней, спасая Лизу отъ насъ. Каролина Карловна изъ страха, чтобъ Лиза не измучилась, положила конецъ нашей бѣготнѣ, и мы пошли всѣ вмѣстѣ гулять по деревнѣ, куда ходить намъ было строго запрещено при матери.

«Крестьяне выбѣгали къ намъ съ радостными привѣтствіями; Реутовъ съ каждымъ умѣлъ поговорить. Лиза не хотѣла было поцаловаться съ одной старухой, а протянула ей свою руку, какъ ей всегда приказывала мать. Реутовъ весь вспыхнулъ и сказалъ Лизѣ, что онъ не будетъ съ ней играть, если она будетъ совать свою руку крестьянамъ.

«Насъ всѣхъ удивило, почему это такъ ему не нравится, и онъ долго толковалъ намъ о томъ, какъ презрѣнна и отвратительна барская спесь съ крестьянами. Онъ такъ много и такъ хорошо говорилъ о бѣдныхъ мужичкахъ, которые насъ кормятъ, что я чуть не расплакалась, и мнѣ стало ихъ ужасно жалко.

«Впрочемъ это маленькое происшествіе нисколько не помѣшало намъ насладиться нашей прогулкой, мы пришли домой совершенно довольные. Разставаясь съ учителемъ своимъ, чтобы

лечь спать, Лиза крѣпко обняла и поцаловала его. Онъ взялъ ее на руки и тоже ласкалъ; она спросила его.

«— Вы меня любите?

«— Очень! отвѣчалъ онъ, цалуя ее въ глазки:

«— А вы, Каролина Карловна, любите? и не дождавшись отвѣта своей гувернантки, она сдѣлала еще вопросъ ему:—а Машу вы любите?

«— Очень! тихо, но такъ искренно и выразительно отвѣтилъ Реутовъ, что я сгорѣла отъ счастья.

«— А ты, Маша, любишь его? обратясь ко мнѣ, спросила Лиза.

«Я ничего не отвѣчала, но мое лицо, сіявшее блаженствомъ, ясно говорило ему, что я его люблю всею силою моей души.

«Каролина Карловна, къ счастью не обратила никакого вниманія на выходку Лизы и на выраженіе нашихъ лицъ.

«Каролина Карловна ушла укладывать Лизу спать, въ первый разъ я осталась одна съ Реутовымъ.

«Мы не повторяли болѣе, что любимъ другъ друга; намъ было бы дико увѣрять другъ друга въ такой очевидной для обоихъ насъ вещи. Мы тихо ходили по саду, смотрѣли другъ другу въ глаза и отъ полноты восторга рѣшительно не находили предмета для разговора. Природа вокругъ насъ приняла такой величественный видъ, тишина такъ была торжественна, наше счастье такъ полно, что и говорить не хотѣлось, хотѣлось только наслаждаться сознаніемъ, что мы живемъ, любимъ, видимъ другъ друга. Разставшись съ нимъ, цѣлую ночь я просидѣла у раскрытаго окна въ какомъ-то упоительно-тихомъ настроеніи. Сколько новаго и прекраснаго я открыла теперь въ лѣтней ночи, въ восходѣ солнца, въ утреннихъ облакахъ, въ каждой встрепенувшейся птичкѣ, въ каждой каплѣ росы, блестящей отъ лучей солнца....

«Послѣ этого пошли для насъ дни, одинъ радостнѣе другаго. Съ каждымъ днемъ я, кромѣ любви къ нему, все болѣе и болѣе проникалась уваженіемъ и удивленіемъ къ нему; впрочемъ всѣ въ домѣ чувствовали къ нему тоже самое. Его мягкое обхожденіе съ прислугой поражало всѣхъ въ домѣ, а крестьяне со слезами на глазахъ благодарили судьбу, что хоть на короткое время попались такому доброму человѣку. Лиза, уступая вліянію своего учителя, почти не била въ это время своихъ ма-

ленькихъ горничныхъ, не гнала отъ себя крестьянскихъ дѣтей, если они случайно подходили посмотрѣть на свою барышню. Онъ также отучилъ ее на это время находить удовольствіе бѣгать съ кнутомъ за дворовыми дѣтьми....

«Развитіе Реутова было такъ высоко въ сравненіи съ нашимъ, что мы всѣ смотрѣли на него съ какимъ-то благоговѣніемъ. Все, что онъ ни говорилъ, все что ни дѣлалъ, было для насъ странной новизной, и между тѣмъ мы не могли въ глубинѣ души не сознавать справедливости его убѣжденій, онъ увѣрялъ, напримѣръ, что считаетъ большимъ несчастьемъ для человѣка—жить на чужой счетъ, воспитываться на трудовыя деньги сотенъ людей. При всемъ моемъ уваженіи къ Реутову, я, признаюсь, сильно усомнилась тогда въ истинѣ его взгляда. Жить на чужой счетъ — да что же можетъ быть покойнѣе? Работать, доставать трудомъ насущный хлѣбъ — какая ужасная, безотрадная участь. Мнѣ всегда казалось, что это назначеніе слугъ и вообще людей низкаго происхожденія. Я усиливалась вообразить себя или свою мать за работой для снисканія пропитанія, но и воображеніе не хотѣло служить мнѣ въ этомъ случаѣ. И однако же въ глубинѣ, на самомъ днѣ души моей, я ощущала что-то, что оправдывало для меня слова Реутова....

«Почти мѣсяцъ не пріѣзжала мать моя, и все это время пролетѣло для меня необычайно скоро. Я такъ одурѣла отъ счастья, что даже перестала и думать о возвращеніи матери. Разъ мы собирались ѣхать съ обѣдомъ въ лѣсъ; это было въ первый разъ въ нашей жизни; мы нетерпѣливо ждали минуты нашего отъѣзда. Линейка была уже подана; оставалось только надѣть салопъ на Лизу, чтобы ѣхать. Но она расшалилась и бѣгала отъ насъ; мы всѣ принялись ловить ее; бѣдная Каролина Карловна упала при этомъ, а мы хохотали надъ ней.... Вдругъ мы всѣ вдрогнули и окаменѣли: вдали слышался дорожный колокольчикъ.

«— Это maman! вскрикнула Лиза съ досадою и прибавила:— она намъ помѣшаетъ ѣхать въ лѣсъ.

«Каролина Карловна схватила Лизу за руку и кинулась бѣжать на встрѣчу къ матери а мы остались на мѣстѣ, какъ вкопанные. Мнѣ внезапно представился съ страшною ясностью весь ужасъ нашего положенія; ноги у меня задрожали и я зарыдала горько. Онъ бросился ко мнѣ и, сжавъ мои руки, умоляющимъ голосомъ просилъ успокоиться и прибавилъ:

«— Намъ надо на время скрыть наше счастіе отъ всѣхъ. Я долженъ прежде всего думать о вашемъ спокойствіи. Приказывайте мнѣ, что хотите: я все исполню....

«Но что мнѣ было ему приказывать? Я въ лихорадочномъ страхѣ бросилась на зовъ Каролины Карловны. Моя встрѣча съ матерью, какъ всегда, была холодна; за то его она встрѣтила необыкновенно любезно; еще невидавъ его расторяженій, благодарила за все, и вообще была очень довольна. Я не могла объяснить, что все это значитъ....

«И вотъ опять потянулись мрачно однообразные дни въ нашемъ домѣ. Мать моя недавала ни минуты свободы Реутову; то она гуляла съ Лизой и съ нимъ, то присутствовала на урокахъ; то заставляла его читать ей вслухъ. Его лицо становилось съ каждымъ днемъ унылѣе и серьёзнѣе, такъ что я была сильно поражена и опечалена. Во все это время мы только разъ видѣлись безъ свидѣтелей, и онъ мнѣ съ отчаяніемъ сказалъ:

«— Я, кажется, долженъ скоро оставить вашъ домъ.

«Я поблѣднѣла, и чуть не зарыдала отъ ужаснаго извѣстія. Я спросила причину, онъ покраснѣлъ и отвѣчалъ съ замѣшательствомъ:

«— Я вамъ могъ бы сказать это только тогда, если бы вы были моей женой.

«Я вся вспыхнула но не могла отвѣчать и должна была поспѣшно уйти изъ комнаты, потому что заслышала шаги матери, которая звала его разсерженнымъ голосомъ. Я затрепетала отъ тона этого голоса; онъ напоминалъ мнѣ много страшныхъ для меня сценъ. Я было хотѣла броситься ему на помощь, но вдругъ явился въ комнату Гаврило Антонычъ и съ такой возмутительной улыбкой взглянулъ на меня, что я ушла къ себѣ на верхъ, гдѣ отъ волненія не знала, что мнѣ дѣлать. Вдругъ вбѣжала ко мнѣ моя горничная и въ огорченіи сказала:

«— Барышня! учителя барыня выгнала вонъ, и онъ, бѣдненькій, пошолъ пѣшкомъ.

«Это страшное извѣстіе такъ меня потрясло, что я думала, я помѣшаюсь. Я, потерявъ всякую осторожность, стала плакать, ломать себѣ руки; напугала горничную, которая сама расплакалась, видя мое отчаяніе. Я бросилась на наше любимое мѣсто, въ надеждѣ увидѣть его и узнать, что намъ дѣлать. Но нашла только маленькую записку, воткнутую на кончикъ прута, торчащаго изъ земли.

«Онъ прощался со мной на неопредѣленное время и умолялъ не разузнавать причину его удаленія изъ нашего дома. Онъ просилъ писать ему, но никому не ввѣрять писемъ, а класть ихъ тамъ, гдѣ я нашла его записку.

«Я исполнила его желаніе, ничего не разузнавала, написала ему, что рѣшилась ждать объясненія этой тайны отъ него самого и просила его увѣдомить меня: гдѣ онъ и что онъ хочетъ предпринять....

«Въ домѣ все насупилось; мать была грозно-мрачна; Гаврило Антонычъ еще болѣе ехиденъ. Лиза страшно капризничала. На другое утро послѣ отъѣзда Реутова, мать потребовала меня къ себѣ въ кабинетъ. Я чувствовала, что тутъ есть что-то недоброе, и приготовилась къ объясненію: я рѣшилась вынести всѣ пытки, но сохранить нашу святую тайну. Но лишь только я переступила порогъ комнаты, какъ мать съ моимъ письмомъ въ рукахъ бросилась на меня, схватила меня за руку и такъ рванула меня, что я, испуганная и ошеломленная открытіемъ нашей любви, не устояла на ногахъ и упала на колѣни.

«— Подай мнѣ его письма, гдѣ они? кричала она.

«Я молчала и желала одного, чтобы скорѣе умереть; я невольно сложила крѣпко свои руки на груди, какъ бы защищая его письмо; это погубило меня. Мать, видно угадавъ причину моего движенія, стала вырывать у меня письмо; я защищалась; но мать осталась побѣдительницей. Когда я очнулась, то лежала на полу одна въ комнатѣ; руки и грудь моя были въ крови, платье изорвано.

«Долго меня держали, какъ преступницу, подъ замкомъ въ моей комнатѣ. Томимая жестокими поступками со мной матери, убитая неизвѣстностью о немъ, я захворала очень серьёзно, и долго потомъ не могла оправиться отъ выдержанной мною нервной горячки. Выздоровѣвши, я замѣтила вокругъ себя что-то странное: прислуга глядѣла на меня какъ-то особенно; мать, хотя и объявила мнѣ свое прощенье, но, казалось, сдѣлалась еще грознѣе и неумолимѣе. За то Гаврило Антонычъ сладко мнѣ улыбался. Наконецъ дѣло пришло къ развязкѣ. Въ одно утро мать сама пришла ко мнѣ на верхъ, что она сдѣлала въ первый разъ въ своей жизни, и съ покойною, натянуто-кроткою улыбкой, но весьма рѣшительнымъ тономъ, сказала:

«— Я приготовила тебѣ жениха, и надѣюсь, что послѣ своего поведенія ты немедленно выйдешь за него. Я даю тебѣ нѣ-

которое время на размышленіе. Если же ты заупрямишься, то клянусь тебѣ, что я тебя упрячу въ монастырь и всѣмъ роднымъ разскажу о позорѣ, который ты нанесла нашей фамиліи. Выкинь всю дурь изъ головы и загладь свой проступокъ послушаніемъ. Женихъ твой не молодъ, не богатъ и некрасивъ собой. Но дѣвушкѣ, которая имѣла переписку и вѣшалась на шею всякому, нельзя быть разборчивой.

«Не знаю, откуда у меня явилась бодрость духа, но я отвѣчала, что замужъ не пойду и предпочитаю монастырь. Мать, дико засмѣялась и, уходя, сказала:

«— Какая примѣрная вѣрность! Ну, да увидимъ; я даю тебѣ срокъ еще на нѣсколько дней!

«Я было-хотѣла въ этотъ день не выходить изъ своей комнаты, но мать приказала мнѣ явиться къ столу. Горничная моя, одѣвая меня, шепнула мнѣ въ ужасѣ:

«— Барышня, вы знаете, кто вашъ женихъ?

«— Я никогда не выйду ни за кого замужъ! отвѣчала я.

«— Ну, слава Тебѣ, Господи! А то мы свѣта Божьяго не взвидѣли, какъ узнали, что васъ хотятъ выдать за Гаврилу Антоныча.

«Я даже вздрогнула отъ ея словъ и не повѣрила; мнѣ казалось, что это невозможно. Вѣдь все-таки его подозрѣвали въ ускореніи смерти моего отца, въ кражѣ, не говоря о другихъ гадостяхъ. А разница нашихъ лѣтъ? А фамильная гордость матери, наконецъ? Если она можетъ спокойно выдать меня за этого негодяя, тогда почему же она такъ возмутилась моей любовью къ бѣдному и благородному Реутову? Я рѣшилась противиться до послѣдняго издыханія такому замужству. Необыкновенный случай грустнымъ образомъ помогъ мнѣ.

«За столомъ сидѣли мы мрачно и молча. Только-что мы съѣли супъ, какъ быстро вошелъ лакей и съ какимъ-то страхомъ произнесъ:

«— Сударыня....» потомъ остановился.

«Мать грозно прикрикнула на него и лакей пугливо проговорилъ:

«— Г-жа Реутова васъ спрашиваетъ!»

«Гаврило Антонычъ и мать вскочили съ своихъ мѣстъ, какъ будто невидимая сила управляла ихъ движеніями. Они вопросительно смотрѣли другъ на друга, какъ бы спрашивая совѣта, что дѣлать. Я же въ эту секунду успѣла создать въ своемъ во-

ображеніи самую радужную картину: Реутова пріѣхала сватать своего сына....

«— Уведите Лизу! сказала Каролинѣ Карловнѣ очнувшаяся мать.

«Потомъ она приказала мнѣ уйти къ себѣ на верхъ. Я повиновалась, но невольно обернулась, когда заслышала шумъ въ прихожей. Я увидѣла въ дверяхъ высокую, пожилую женщину въ глубокомъ траурѣ. Черно-серебристые волосы выбились изъ-подъ чернаго чепчика и падали на бѣдное, исхудалое лицо, исполненное дикаго отчаянія. Ее поддерживалъ старикъ лакей, тоже весь въ траурѣ. Съ минуту всѣ стояли въ покойно-торжественной тишинѣ. Реутова осматривала съ ногъ до головы мою мать, которая, увидѣвъ меня, крикнула:

«— Вонъ отсюда!

«Гаврило Антонычъ бросился ко мнѣ, чтобы вывести меня; но я предупредила его. Сама не знаю, какъ это сдѣлалось, но я очутилась у ногъ Реутовой и просила ее защитить меня. Она положила свою дрожащую руку мнѣ на голову и тихо, но повелительно сказала:

«— Не смѣть трогать ее!

«Потомъ, поднявъ меня, она всмотрѣлась мнѣ въ глаза и прибавила кротко: «Нѣтъ, ты не виновата! это все она одна!»

«И Реутова съ уничтожающимъ отвращеніемъ указала мнѣ на мать и хотѣла что-то еще сказать, какъ моя мать въ бѣшенствѣ крикнула ей:

«— Прошу васъ оставить мою дочь! Иди вонъ отсюда! грозно обращаясь ко мнѣ, прибавила она. — Прочь отсюда!

«— Да, дитя мое! да, не оставайся здѣсь ни минуты, вѣдь это убійцы! сказала Реутова, и съ отвращеніемъ отвернулась.

«Я крѣпко сжала ея руку.

«— Ты будешь меня слушаться! приступая ко мнѣ и задыхаясь отъ ярости, закричала мать.

«Но Реутова обняла меня и грозно произнесла:

«— Не тронь ее! И дальше отъ меня: отъ васъ пахнетъ кровью вашихъ жертвъ!

«— Она сумасшедшая! оробѣвъ проговорила мать.

«— Да, я сумасшедшая, потому что хочу вырвать изъ вашихъ рукъ еще новую жертву. Я безумная, потому что вступилась за несчастную дочь! Люди съ полнымъ разсудкомъ не сдѣ-

лили этого, а сумасшедшая женщина исполнитъ обязанность ихъ и будетъ требовать наказанія злодѣямъ.»

«Мать моя стояла въ какомъ-то оцѣпенѣніи, какъ будто предъ нею явился грозный призракъ и требовалъ ее на страшный судъ. Гаврило Антонычъ тоже повидимому пробѣлъ. Они оба стояли молча и не двигаясь съ мѣста. Какъ видно, они нескоро пришли въ себя, и этому обязана я своимъ спасеніемъ. Реутова медленно пошла вонъ, даже не перешагнувъ порога комнаты, гдѣ была моя мать. Я не выпускала ея руки и машинально, но съ довѣрчивостью слѣдовала за ней, потому что у ней въ лицѣ, въ голосѣ было необыкновенное сходство *со мною*. Мы сѣли въ дорожный экипажъ и поѣхали къ лѣсу. Никто насъ не преслѣдовалъ.... Реутова, сѣвши въ экипажъ, закрыла свое лицо и впала въ какое-то онѣмѣніе. Я не шевелилась, боясь потревожить ее. Всѣ происшествія этого дня произвели на меня такое потрясающее впечатлѣніе, что въ моей головѣ былъ страшный хаосъ и я ни о чемъ не могла думать, ничего даже не сознавала, кромѣ безотчетной, страшной тоски. Экипажъ остановился въ лѣсу. Реутова встрепенулась и, съ несвойственною ея лѣтамъ быстротой пошла въ глубь его. Я едва могла поспѣвать за ней, слабость въ тѣлѣ и одышка не разъ заставляли меня отставать. Наконецъ Реутова вдругъ остановилась и припала съ воплемъ къ землѣ. Кучеръ и лакей, слѣдовавшіе за нами, тоже встали на колѣни и крестились. Я шла сзади и, увидя эту сцену, съ минуту ничего не могла понять; но взглянувъ на *его* мать, въ траурѣ, лежащую на землѣ, надъ небольшимъ возвышеніемъ съ крестомъ, я вдругъ какъ бы опомнилась и поняла все; ноги у меня подкосились и я, едва добѣжавъ до могилы, упала безъ чувствъ....

«Я жила съ годъ у Реутовой, которая, при всемъ своемъ горѣ, еще утѣшала меня. Тутъ я узнала тайну, почему ея сынъ ушелъ изъ нашего дома, и почему моя мать, узнавъ о нашей любви, пришла въ такое ужасное негодованіе. Могла ли я думать, что буду ея соперницей!! Перехвативъ мое письмо, они съ Гаврилой Антонычемъ вели съ нимъ отъ моего имени переписку; что̀ они писали ему отъ меня, не знаю, потому что писемъ не оказалось: вѣроятно, они успѣли похитить ихъ у него, какъ сдѣлали это со мной. Какъ они довели его до того, что онъ застрѣлился на нашемъ любимомъ мѣстѣ,—осталось тайной его и ихъ. Но должно быть, они придумали какую нибудь

страшную вещь на меня, иначе нельзя объяснить его самоубійство. А смерть его была мнѣ нужна: въ матери моей говорило мнѣніе за отвергнутую страсть, а Гаврило Антонычъ, накопивъ достаточное количество уликъ на мою мать, задумалъ въ это время исполнить свое дерзкое желаніе — жениться на мнѣ.

«Не долго прожила я съ Реутовой, одной изъ прекраснѣйшихъ женщинъ на свѣтѣ. Она умерла въ памяти и такъ тихо, такъ радостно, что я немедленно послѣдовала бы за ней, если бы она не взяла съ меня слово не покушаться на самоубійство. Я ее похоронила возлѣ него; таково было ея желаніе. Возвратиться къ матери я не могла, зная, что это была за женщина. Общества людей я боялась, мнѣ все казалось, что всѣ они, такъ долго смотрѣвшіе равнодушно на мои страданія, въ заговорѣ съ моими тиранами. Я поселилась въ совершенномъ уединеніи, въ лѣсу, недалеко отъ милыхъ мнѣ могилъ. Я потому не пошла въ монастыря, что онъ въ разговорѣ со мною разъ замѣтилъ, что кто ищетъ полнаго уединенія, тотъ не долженъ идти въ монастыря. Всѣ его книги и вещи я перенесла къ себѣ и перечитывала нѣкоторыя изъ нихъ по нѣскольку разъ. Я работала днемъ въ огородѣ, по своему хозяйству въ домѣ, а вечеромъ занималась музыкой и чтеніемъ. Средства къ моей жизни были самыя скудныя; маленькій капиталъ мнѣ оставила его мать; у своей же я не хотѣла просить ни гроша. Она не могла выносить, что я живу недалеко отъ ея деревни, и уѣхавши въ Петербургъ, разсказывала про меня ужасы и выдавала меня за помѣшанную. Очень можетъ быть, что моя печальная судьба, мое продолжительное уединеніе и дѣйствительно развили во мнѣ много странностей. Но еще не рѣшено мною, въ здравомъ ли умѣ тѣ люди, которые живутъ въ обществѣ, гдѣ такъ смѣло могутъ тиранить своего ближняго, даже своихъ кровныхъ дѣтей и гдѣ никто не защититъ несчастныхъ? Если бы Реутова, узнавшая на мѣстѣ о всей жизни моей матери и о всѣхъ злодѣйствахъ Гаврила Антоныча, не вырвала меня изъ ихъ рукъ, я навѣрное бы была еще новымъ ихъ преступленіемъ.»

Далѣе листы были оторваны, но и этого было достаточно, чтобы сильно потрясти молодыхъ людей. Имъ было такъ тяжело во время чтенія, что они невольно вздохнули свободнѣе, когда оно кончилось. У Анны Ларіоновны были заплаканы глаза и она съ наивнымъ удивленіемъ воскликнула:

— Такъ чѣмъ же такъ гордилась моя мать, и все мнѣ твердила: наша фамилія, нашъ родъ! Неужели теперь возможно тоже сдѣлать съ дѣвушкой, что сдѣлали съ моей несчастной теткой?

— Почему же нельзя, отвѣчалъ съ тяжелымъ вздохомъ молодой человѣкъ: вѣдь заставляютъ же васъ ѣхать въ Петербургъ.

— Какое же это сравненіе! съ горячностью защитила дѣвушка. — Я ѣду....

— По приказанію! добавилъ молодой человѣкъ. Анна Ларіоновна оторопѣла и вдругъ заплакала слезами, что въ свою очередь ошеломило ея собесѣдника: у него самого показались слезы на глазахъ.

Анна Ларіоновна быстро отерла слезы и съ гордостью сказала:

— Я, во первыхъ, тотчасъ же вернусь сюда, какъ только моя тетка вздумаетъ слишкомъ много уничтожать надо мной. Потомъ, — меня ни за что не посмѣютъ такъ запугать, если я полюблю кого нибудь. Ужь я то не выйду за мужъ изъ угожденія кому бы то ни было.

— Какъ трудно сказать, что будетъ съ вами въ Петербургѣ! печально произнесъ молодой человѣкъ: — можетъ быть вы сдѣлаетесь свѣтской дѣвушкой, и тогда вамъ ни за что нельзя поучиться.

— Очень благодарна за такое мнѣніе, — обиженно отвѣчала дѣвушка и надулась.

— Вы не сердитесь на меня; право я боюсь, что если я пріѣду къ вамъ въ Петербургъ, то вы постыдитесь говорить со мной. Я знаю, что мундиръ да щегольское платье, какъ разъ сведутъ съ ума всякую барышню.

— Только не меня! Военныхъ я ненавижу!

— Да гдѣ вы ихъ видѣли?

— А мало ли къ папа пріѣзжало?

— То совершенно другіе!.. Ахъ, какъ мнѣ страшно за васъ: вы съ перваго раза влюбитесь въ нихъ до безумія.

Молодой человѣкъ старался придать шутливость своему дрожащему голосу.

Анна Ларіоновна разсмѣялась и по врожденному женскому кокетству сказала:

— Я, во первыхъ, никогда не влюблюсь первая; а вашимъ свѣтскимъ офицерамъ не придетъ въ голову влюбиться въ степнячку, какъ я.

— Полноте; вы очень хорошо знаете, что вы лучше всякой свѣтской барышни!

— Ну, а вы-то гдѣ видѣли свѣтскихъ барышенъ? спросила дѣвушка звонко и смѣло смѣясь.

Не успѣлъ молодой человѣкъ собраться съ духомъ, чтобы отвѣчать на эту насмѣшку, какъ явилась въ поцнату Палагея. Знакомый и столько любезный ей смѣхъ, опять раздавшійся въ комнатѣ, вывелъ старуху изъ ея отчаяннаго самозабвенія.

— Матушка-барышня, пора въ постельку! произнесла Палагея какимъ-то особенно рабольпнымъ тономъ. Но барышня на это не отвѣчала ей ничего, а протянувъ руку молодому человѣку, съ волненіемъ сказала:

— Въ самомъ дѣлѣ, пора спать.... прощайте.

Молодой человѣкъ повернулся и, схвативъ руку дѣвушки, прильнулъ къ ней и замеръ.

Какъ ни убита была Палагея, но дворовое чувство шевельнулось въ ней и она ворчливо сказала:

— Что это ты, батюшка! оставь руку то. Знаешь—слѣдуетъ поцаловать, распаркаться, да и уйти. И про себя прибавила:— вишь ворона, залетѣла въ хоромы.

Барышня отвернулась, чтобы скрыть свое лицо, по которому катились слезы; и потому не замѣтила, что бѣдный молодой человѣкъ былъ глубоко оскорбленъ замѣчаніемъ старухи и съ двойною тяжестью и тоской оставилъ комнату, въ которой онъ былъ теперь въ послѣдній разъ.

— Извольте же ложиться; вѣдь скоро и свѣтать будетъ,— сказала Палагея, постоявъ нѣкоторое время въ комнатѣ.

Послѣ ухода молодаго человѣка, барышня долго оставалась въ одномъ положеніи, стоя спиной къ нянькѣ, облокотившись на комодъ.

Палагея раздѣла свою барышню, уложила ее въ постель и съ особенною заботливостію укутала въ одѣяло.

— Прощай, няня; завтра тебѣ меня не укладывать! сказала дѣвушка не безъ тяжелаго и грустнаго вздоха.

Шестнадцать лѣтъ каждый день, ложась и просыпаясь, она привыкла видѣть лицо своей кормилицы и няньки. Палагея вздрогнула; весь ужасъ разлуки съ нею охватилъ ее, и она стояла, не двигаясь.

— Что же ты не идешь спать? спросила ее барышня.

Палагея робкимъ и дрожащимъ голосомъ сказала:

— Анна Ларіоновна, дай я тебя, мое дитятко, благословлю. Вѣдь ты мое сокровище, одна моя радость.

Старуха уже не плакала, а только стонала, мотая головой.

— Няня, да что съ тобой? приподнявшись на постели, съ испугомъ спросила барышня.

— Ахъ, мнѣ тошнехонько, моя родная! я, кажись, и дня не переживу безъ тебя здѣсь. Что я тутъ буду дѣлать безъ моего дитятка, моей красавицы?...

И Палагея бросилась цаловать ноги у барышни.

— Ты благослови меня, полно плакать-то, торопливо проговорила дѣвушка.

Палагея выпрямилась, сняла съ себя мѣдный образокъ, перекрестилась, поцаловала его, потомъ благословила имъ голову барышни, дала ей его поцаловать и надѣла ей на шею, напоптывая надъ ней разныя молитвы и причитанья.

Барышня кинулась въ слезахъ на шею няньки, которая, обнявъ ее и прижавъ къ своей груди, какъ бы укачивая ее, запѣла дребезжащимъ голосомъ пѣсню, которую она пѣвала своей барышнѣ, укачивая ее ребенкомъ на рукахъ. Дѣвушка хотѣла засмѣятся отъ выходки своей няни, но мрачное и дикое выраженіе лица старухи остановило улыбку, и барышня, вырываясь изъ ея объятій, вскрикнула пугливо: «няня!» Старуха, какъ бы очнулась и, выпустивъ барышню изъ своихъ рукъ, стала приводить въ порядокъ снятое ею платье. Вдругъ она спросила ее:

— Ты, Анна Ларіоновна, зачѣмъ это ему давала свою ручку-то цаловать?... Онъ тебѣ не женихъ, моя сударыня. Избави Боже — барышѣ родниться съ дьячками.... Ты не слушай его баисъ-то!... Ишь, туда же! изъ барышнямъ подъѣзжать!... Изъ дѣвичьей тебѣ надо выбирать жену-то. Ишь ты панокъ! Кабы не господа, я бы тебя отсюда вѣникомъ выгнала.

— Не ворчи! замѣтила ей барышня.

— Какъ же не ворчать: съ меня взыщешь!... тебѣ тетенька сыщетъ хорошаго, богатаго жениха. Такую красавицу князь возьметъ съ радостью за себя.

— Иди спать, няня!

— Иду, иду! ворчала Палагея, переставляя стулья съ мѣста на мѣсто, безъ всякой надобности. — И я тогда женюсь славно, буду гулять съ маленькимъ княземъ. Въ домѣ-то, всего будетъ — и денегъ.... и серебра.... и....

Старуха задула свѣчу и вышла, продолжая строить воздушные замки даже въ дѣвичьей, гдѣ горѣлъ на столѣ ночникъ въ помадной банкѣ, мутно освѣщая спящихъ дѣвушекъ, лежавшихъ на полу, безъ тюфяковъ, на чемъ Богъ привелъ. Да и сама старуха впрочемъ, спала на большомъ сундукѣ, на которомъ постланъ былъ старый тюфякъ съ одной подушкой.

Палагея осматривала всѣхъ спящихъ и съ странной усмѣшкой шептала:

— Спите теперь, какъ свиньи; а вотъ погодите, барышня выйдетъ за князя, она вамъ купитъ тюфяки, подушки; не будете босикомъ ходить, не будете ѣсть больше пустыхъ щей. А ты? взглянувъ на Дуняшу и грозя ей пальцемъ, продолжала старуха:—ты смотри, стрекоза, помни все-таки, что ты отъ холопки родилась! Ты должна это помнить, и не задирать носъ передъ ней. Старуха замолкла и только дико поводила кругомъ глазами и шевелила губами; потомъ она заохала и упала ничкомъ на сундукъ и осталась такъ безъ всякаго движенія....

На другое утро барышня была пробуждена незнакомымъ голосомъ. Абрютина стояла у постели и ласково говорила своей племянницѣ: — Вставай и одѣвайся скорѣе!

Пробужденіе Анны Ларіоновны было непріятно; но тетушка не дала ей опомниться, и стала распоряжаться ея туалетомъ. Всѣ сбились съ ногъ отъ ея строгихъ приказаній. Палагея, блѣдная, съ какимъ-то тупымъ выраженіемъ въ лицѣ, больше всѣхъ суетилась около барышни, но молча, какъ будто у ней отнялся языкъ. Дуняша пропала и когда барышня спросила о ней, дѣвушки отвѣчали, что она забилась на чердакъ и тамъ плачетъ. Поминутно раздавался голосъ Абрютиной: «скорѣй, скорѣй»!... Когда Анюта была уже готова, съ шумомъ и нетвердымъ шагомъ вошелъ Ларіонъ Петровичъ. По его лицу ясно было видно, какъ онъ провелъ ночь.

Анюта вспыхнула; она въ первый разъ почувствовала стыдъ за отца. Абрютина съ упрекомъ смотрѣла на своего братца, а онъ, какъ бы оправдываясь, сказалъ:

— Я боленъ и едва всталъ съ постели, но пришелъ обнять свою дочь. Прощай, Анюта!

Анна Ларіоновна бросилась на шею къ отцу и горько заплакала. Но эти слезы означали скорѣе упрекъ отцу, чѣмъ сожалѣніе, что она его оставляетъ...

— Не развеселивайте себя и ее, братецъ, замѣтила Абрютина. — Вы можете очень скоро пріѣхать въ Петербургъ.

Ларіонъ Петровичъ выпустилъ изъ объятій дочь и смотря на Абрютину сказалъ:

— О, да; я скоро, скоро пріѣду къ ней.

— Такъ привезите съ собой няню и Дуняшу! радостно сказала дѣвушка.

— Разумѣется! отвѣчала за него Абрютина.

— Изволь, изволь мой ангелъ, подхватилъ отецъ. И онъ взялъ въ руки голову дочери, сталъ цаловать ее глаза и говорилъ, обращаясь къ Абрютиной:

— Сестрица, неправда ли, она красавица? Вашъ Петербургъ будетъ съ ума сходить отъ нея.

— Вы, братецъ, лучше легли бы въ постель, холодно отвѣчала сестрица.

Ларіонъ Петровичъ засмѣялся очень громко и проговорилъ: — Да, я боленъ, боленъ! Анюта, прощай. Я пріѣду скоро, очень скоро! Сестрица меня приглашаетъ.

И онъ ловко расшаркался передъ Абрютиной, но вдругъ покачнулся, Анюта съ крикомъ бросилась къ отцу и поддержала его. Она вся дрожала и сама повела его изъ комнаты; а Ларіонъ Петровичъ, обнявъ ее одной рукой, говорилъ печально:

— Ты пиши мнѣ, Анюта; я все, все исполню, что ты хочешь. Я бы поѣхалъ провожать тебя, но боленъ, я цѣлую ночь не спалъ. Такого несчастья никогда не было. Все били!

Дочь проводила отца до его комнаты и простилась съ нимъ на-скоро, потому что въ его комнатѣ она увидѣла, какъ онъ провелъ ночь передъ разлукой съ ней. Недопитое вино осталось въ стаканахъ, пустыя бутылки валялись на полу, на столѣ была груда картъ. Въ одномъ углу двое гостей еще сидѣли за картами.

Абрютина всячески старалась ускорить прощанье. Она появилась въ дверяхъ кабинета и увела племянницу въ залу, гдѣ была Палагея съ салопомъ, капоромъ и узелками своей барышни.

Началось прощанье съ прислугой; всѣ подходили къ ручкѣ барышни и Абрютиной, которая очень торопила эту процессію. Анна Ларіоновна искала глазами своего друга дѣтства, но къ удивленію, не нашла его въ залѣ. Абрютина съумѣла такъ

устроить, что его въ это время потребовали къ Ларіону Петровичу въ кабинетъ и тамъ задержали.

Прощанье Палагеи съ барышней было, къ удивленію всѣхъ, очень холодно. Старуха долго цаловала руку у барышни, но безъ слезъ, и все только шептала: «Богъ съ тобой, Богъ съ тобой!» такъ она дошла до крыльца, но вдругъ присѣла на лѣстницѣ и, склонивъ голову на грудь, стала шептать: «прощай, прощай!» Барышнѣ стало жаль своей няни; да ей хотѣлось также увидѣть и Дмитрія Степаныча. Она вернулась къ Палагеѣ и поцаловала ее вторично въ голову. Этотъ поцалуй вывелъ старуху изъ равнодушія; она хотѣла ухватиться за платье барышни, которая уже стала сходить съ лѣстницы, но покатилась безъ чувствъ. Сдѣлалась суматоха. Абрютина сердилась, что старуха замедлила отъѣздъ. Анюта бросилась было на помощь къ нянѣ, но Абрютина не допустила ее до этого и, усадивъ племянницу въ экипажъ, проворно сѣла сама и приказала ѣхать скорѣе. Когда карета поѣхала, Анюта выглянула изъ окна и увидѣла на прощанье печальную картину. Нянька ея лежала на землѣ, всѣми брошенная; толпа дворовыхъ съ тупымъ любопытствомъ глазѣла на карету, а въ домѣ, у раскрытаго окна, въ рубашкѣ, съ открытымъ воротомъ, съ бокаломъ въ одной рукѣ, стоялъ ея отецъ и посылалъ ей поцалуи другой рукой; возлѣ него, изъ-за его плеча, выглядывало блѣдное лицо друга ея дѣтства. Анюта заплакала. Но что же было бы съ ней, если бы она могла видѣть, что происходило позади ея кареты? Палагеи отъ стука колесъ очнулась и бросилась было за каретой, но ее стали удерживать; она билась какъ сумасшедшая и безъ платка на головѣ, который упалъ у ней во время борьбы, съ сѣдыми, распущенными по черному платью волосами, вырвавшись, бѣжала почти у самыхъ колесъ. У ней, бѣдной, не доставало силъ кричать, она только по временамъ слабо стонала. Праздная дворня не гналась за обезумѣвшей Палагеей; она мучила бѣдную Дуняшу, прибѣжавшую проститься съ барышней. Они ускали ее собаками и отъ души смѣялись надъ слезами и отчаяннымъ крикомъ дѣвочки.....

Казалось бы не горько оставить такой вертепъ. Стоило взглянуть только на одну наружность дома, чтобы почувствовать удивленіе, о чемъ Анюта могла плакать, разставшись съ нимъ. Домъ стоялъ на плоскомъ, голомъ мѣстѣ; кругомъ весь лѣсъ былъ вырубленъ и только торчали пни, да мелкіе отрѣзки зе-

лѣли около нихъ. Еще недостроенный домъ уже почти сгнилъ, многія окна въ немъ были заколочены досками, а другія были съ разбитыми стеклами. Крыша, наполовину деревянная, наполовину желѣзная, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрыта была плесенью; оторванные вѣтромъ листы торчали кверху, пакля выбилась изъ бревенъ и колебалась на ѳѣтру изъ стороны въ сторону. Рѣшетка сада наполовину лежала на землѣ, садъ почти не имѣлъ тѣни, только голые прутья отъ кустовъ торчали въ немъ. Службы были полуразрушены, а мелкія избы, сбившіяся тѣсно въ кучку на голомъ полѣ и затопленныя грязью, такъ были жалки, такой вѣяло отъ нихъ нищетой, что духъ захватывало при одной мысли, что тутъ прозябало не одно поколѣніе людей ... А между тѣмъ дѣвушка горько оплакивала разлуку съ своей печальной родиной.

Неужто будетъ ей хуже тамъ, куда везетъ ее любящая тетушка?

ГЛАВА V.

Петербургскій осенній день постоянно бываетъ съ самаго утра въ такомъ мрачномъ расположеніи духа, что полнаго разсвѣта жители не видятъ по цѣлымъ недѣлямъ. Въ это мрачное время городъ принимаетъ невыносимо тоскливый видъ — отъ улицъ, затопленныхъ грязью, отъ домовъ, съ отсырѣвшими стѣнами, а главное отъ жалкаго и обиженнаго выраженія лицъ вылѣзающихъ по грязи жителей. Тогда мнѣ все кажется, что наконецъ у нихъ лопнетъ терпѣніе жить въ этомъ городѣ, гдѣ воетъ вѣтеръ такъ, что потрясаетъ всѣ крыши у домовъ, гдѣ свирѣпая рѣка грозитъ затопить всѣ улицы и льдомъ срѣзать дома, гдѣ такъ сыро, мрачно и холодно; и гдѣ нашли удобный пріютъ всѣ возможныя азіятскія и европейскія эпидеміи.

Впрочемъ, не подумайте, что я вообще противъ Петербурга и проповѣдую всеобщую эмиграцію изъ нашей Сѣверной Пальмиры. Нѣтъ, меня возмущаетъ только то, что въ такомъ красивомъ городѣ, котораго грандіозныя прелести такъ хорошо воспѣлъ еще Пушкинъ, — смѣютъ появляться и безпокоить наши взоры эти грязныя, оборванныя, зеленоватыя личности, съ какими-то обиженными физіономіями, явно нерасположенными наслаждаться ни нашими великолѣпными храмами, ни чудны-

ни мостами, ни домами изящной архитектуры, ни даже блестящими вещицами въ окнахъ магазиновъ,... Зачѣмъ же они живутъ здѣсь, томительно спрашиваю я самъ себя, и, признаюсь, отъ души желаю всѣхъ ихъ спровадить куда нибудь подальше. Я думаю, что ихъ выселеніе много способствовало бы украшенію Петербурга, такъ точно, какъ пожаръ много содѣйствовалъ къ украшенію Москвы. Опустѣли бы, конечно, только тѣ дома, въ окна которыхъ нагло лопится вѣтеръ и смотрится мрачное петербургское небо, гдѣ живетъ грубый и тяжелый трудъ и гдѣ чахнутъ отъ нищеты цѣлыя семейства, словомъ, тѣ непозволительные домишки, которыхъ не коснулось благодѣтельное вѣяніе цивилизаціи. Но, разумѣется, тѣ дома, окна которыхъ заботливо укутаны въ ватныя подушки и въ тройныя занавѣски, едва, едва пропускающія свѣтъ Божій въ свѣтскіе салоны и роскошные будуары,—эти дома будутъ по прежнему красоваться въ великолѣпной столицѣ. Владѣтелямъ и обитателямъ ихъ рѣшительно все равно, какого бы ни было цвѣта небо надъ ними, какая бы ни была сырая и холодная погода, какъ бы ни было грязно на улицахъ.

Что̀ можетъ быть у нихъ общаго съ природой? Развѣ имъ нужно воздѣлывать ее? Или они нуждаются въ наслажденіи ея дешевыми, безмездными благами? Имъ необходимы воздухъ, деревья, птицы, свѣтъ и теплота солнца? Какой вздоръ! какія аркадскія идилліи! Нѣтъ, они, обитатели этихъ удивительныхъ домовъ, выше всѣхъ подобныхъ пустяковъ, нужныхъ только для голодныхъ нищихъ. Искусство побѣдило природу, чудеса новѣйшей цивилизаціи дали человѣку полную возможность не знать ни перемѣнъ года, ни разности климатовъ. Что̀ для дѣтей цивилизаціи зима и сѣверъ? У нихъ есть такія шубы, кареты, вагоны, въ которыхъ ни холодъ, ни вѣтеръ не даетъ имъ себя почувствовать! На что дѣтямъ цивилизаціи хорошій климатъ и красоты мѣстоположенія? Имъ нужны фабрики бронзъ, бархату, шелку и кружевъ. На что имъ лѣса, луга, когда ихъ комнаты превращены въ сады, съ птицами въ золотыхъ клѣткахъ, съ заморскими рыбками въ искусственныхъ бассейнахъ. На что имъ солнце, когда они встаютъ въ два часа пополудни, да и то не знаютъ, какъ убить время, пока зажгутъ изобрѣтенныя для нихъ цивилизаціею карсели и лучезарныя лампы? И какое значеніе можетъ имѣть въ ихъ глазахъ производительность природы, когда на перекоръ ей они зимой ѣдятъ фрукты и даже,

безъ всякаго участія наслѣдниц, для нихъ стоитъ выводить цыплятъ? Они презираютъ природу и не хотятъ знать ея законовъ, потому что легко могутъ покорить ее деньгами. Всякій богачъ своими деньгами не только порабощаетъ людей и людскіе законы, но даже болѣзни, не исключая эпидемическихъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякая эпидемія какъ будто робѣетъ швейцаровъ съ булавой, стоящихъ у подъѣздовъ богачей, и рѣдко набираетъ себѣ жертву въ роскошныхъ домахъ, тогда какъ съ бѣдняками она обходится съ наглостью и десятками пожираетъ ихъ. За то полюбуйтесь, какая долговѣчность въ домахъ богачей! Тамъ старики и старухи, подобно попугаямъ, живутъ чуть не по сту лѣтъ, и остаются бодрыми и даже румяными. Если и отымутся ноги у какого нибудь старика, то развѣ отъ безмѣрнаго употребленія старыхъ венгерскихъ винъ. Вся ихъ жизнь — одинъ безконечный праздникъ съ роскошными обѣдами, танцами, болтовней и волокитствомъ.

Да и какъ же иначе? Таково требованіе, таковъ законъ историческаго развитія человѣчества. Посмотрите, какъ развились, въ теченіе вѣковъ, эти изящныя, милыя созданія, наслаждающіяся побѣдой надъ природой. Взгляните на нихъ: возможно ли имъ чѣмъ нибудь заняться, кромѣ веселыхъ развлеченій? Съ ихъ ли нѣжной и чувствительной кожей переносить палящій жаръ, трескучій морозъ и какой нибудь трудъ? Не даромъ же на всемъ земномъ шарѣ, куда только проникли благодѣянія цивилизаціи, — вездѣ такъ устроены желѣзныя дороги, пароходы, даже кладбища, чтобы люди съ чувствительной кожей могли имѣть всѣ удобства, чтобы имъ было мягко сидѣть, лежать, чтобы на нихъ не пахнулъ вѣтерокъ, чтобы не безпокоило ихъ солнце. А для людей не цивилизованныхъ вездѣ устроенъ третій классъ, гдѣ на нихъ дуетъ со всѣхъ сторонъ вѣтеръ, печетъ ихъ солнце и прожигаютъ искры. Очевидно, — у этого разряда людей такая грубая кожа, что имъ все ни почемъ. Стоять ли цѣлый день въ холодной водѣ, строя ванну для изящнаго господина, подниматься ли на веревкѣ на крышу шестиэтажнаго дома, чтобы закрасить непріятный для глазъ слѣдъ сыраго климата, жариться ли съ утра до утра передъ паровымъ котломъ на какой нибудь фабрикѣ, — имъ это все ничего.... даже пріятно, должно быть: все-таки занятіе. А необразованному человѣку безъ занятія куда же дѣваться? Со скуки пропадетъ....

А какова грубость натуры! Эти люди могутъ, напримѣръ, всть круглый годъ макинный хлѣбъ, жить всю жизнь въ маленькой избѣ цѣлымъ семействомъ, да еще если погоритъ сосѣдъ, то и его съ семействомъ впустить жить. Ну, можетъ ли человѣкъ съ чувствительной кожей стѣснять себя, чтобы впустить погорѣлое семейство въ свои огромныя залы? Можетъ ли такая, напримѣръ, свѣтская дама, съ розовыми ноготками и чувствительными нервами, выкормить грудью бѣдную сиротку? Да она и собственнаго-то ребенка не въ силахъ выкормить и даже взять на руки, когда онъ не запеленанъ! А въ женщинѣ нецивилизованной грубость до того простирается, что она выкармливаетъ своего и чужаго ребенка, да еще ходитъ въ полѣ на тяжелую работу.... Сравните же теперь заботливость свѣтскихъ дамъ о своихъ дѣтяхъ съ поведеніемъ женщинъ грубыхъ понятій и жестокихъ материнскихъ чувствъ. Дѣти у свѣтскихъ дамъ окружены няньками и иностранными гувернантками; и матери ихъ танцуютъ съ спокойною совѣстью, зная, что ихъ дѣти на рукахъ нянекъ.... А матери изъ простаго класса, идя на работу бросятъ своего ребенка на руки шестилѣтней своей дочери или слѣпой старухи, даже бросаютъ и одинъ, если у нихъ нѣтъ никого въ семействѣ. Ну, не возмутительно ли видѣть бѣднаго младенца, лежащаго въ лохмотьяхъ, облѣпленнаго мухами, голоднаго, неистово-кричащаго въ душной избѣ? Вотъ до чего могутъ доходить люди, лишенные благъ цивилизаціи!...

Я прошу извиненія у свѣтскихъ дамъ, что осмѣлился сравнивать ихъ материнскую нѣжность съ грубымъ, пѣтъ, вѣрнѣе — съ звѣрскимъ равнодушіемъ къ дѣтямъ въ женщинахъ, расхаживающихъ всю жизнь безъ перчатокъ и безъ корсетовъ. И чтобы загладить свою вину, я даю слово болѣе не дѣлать никакихъ сравненій въ этомъ родѣ, а только описывать жизнь дамъ съ розовыми ногтями на ихъ нѣжныхъ ручкахъ, почти всю жизнь скрытыхъ подъ перчатками. И потому я немедленно приступлю къ описанію дамы, сидящей въ кружевномъ будуарѣ за туалетомъ, на которомъ столько стояло разныхъ баночекъ, флаконовъ и инструментовъ, что право легче пересчитать звѣзды на небѣ въ темную ночь. Дама занималась чищеньемъ своихъ розовыхъ ногтей до того, что они превратились въ кровяные, и поглядывала въ зеркало, какъ ея горничная, не хуже любаго фокусника, вытаскивающаго изъ рукава часы, вплетала густыя

косы съ ея жидкіе волосы. Дама эта, графиня Пыщинская была уже пожилыхъ лѣтъ, но, разумѣется, никакъ не хотѣла сдаться такой и потому прибѣгала за туалетомъ ко всѣмъ возможнымъ косметическимъ изобрѣтеніямъ. Лицо ея можетъ быть нѣкогда и было красиво, но лѣта и жизнь оставили непривлекательную печать на немъ; за то оно имѣло выраженіе самое аристократическое: матовая до желтизны блѣдность, продолговатый овалъ лица, худощавость, хотя корпусъ былъ полный, и черные глаза слегка прищуренные, въ которыхъ свѣтилось какое-то величавое презрѣніе ко всему на свѣтѣ. Впрочемъ, что мнѣ долго описывать лицо графини, когда одни ея ручки ясно говорили, что она принадлежитъ къ самому высшему классу женщинъ. Вѣдь какъ породистую лошадь сейчасъ можно узнать по ногамъ, такъ точно и аристократическую даму можно сейчасъ отличить по ея ручкамъ, никогда не знавшимъ, что такое работа. И дѣйствительно, самое убранство комнатъ графини показывало, что она со дня своего рожденія была обречена на праздность, роскошь и полнѣйшее презрѣніе ко всему человѣчеству, исключая, разумѣется людей своего круга. Кромѣ того, она очень уважала еще деньги. Впрочемъ, отчего же людямъ высшаго класса и не презирать людей средняго состоянія? Сами напрашиваются! Всѣ помѣшаны на томъ, чтобы подражать аристократамъ, хотя только откупщики и лоретки имѣютъ средства жить, какъ они. Неограниченная власть денегъ въ благоустроенномъ обществѣ уничтожаетъ иногда даже свѣтскіе предразсудки и допускаетъ въ свой кругъ денежныхъ аристократовъ, но и то съ нѣкоторыми условіями. Надо, чтобы домъ кандидата богача простоялъ лѣтъ 50 на Англійской Набережной, и уже внукъ, родившійся въ немъ, пріобрѣтаетъ чувствительную кожу и получаетъ право на то благоговѣніе и раболѣпство, которое расточаетъ средній классъ всякому члену высшаго круга. Разумѣется, лестно такое положеніе.... А вотъ посмотрите на даму, вошедшую въ будуаръ къ графинѣ; сейчасъ видно, что она понимаетъ разницу, что значитъ жить на Божьемъ свѣтѣ или въ высшемъ свѣтѣ. Оттого она и выработала такое раболѣпно-льстивое выраженіе для своего стараго, набѣленаго лица. Всю свою жизнь эта дама стремилась только къ одной цѣли:—достигнуть чести быть хоть ублюдкомъ въ кругу людей аристократическаго рода. Генеральша Рудзевичъ (фамилія свѣтской дамы ублюдка) пользовалась во многихъ графскихъ и княжескихъ домахъ нѣкоторымъ

значеніемъ въ закулисной ихъ жизни. Генеральша выполняла роль фактора, какіе бываютъ въ польскихъ гостиницахъ. Она поставляла въ графскіе дома гувернантокъ, нянекъ, гувернеровъ, кучеровъ, лакеевъ и горничныхъ. Она занимала для своихъ покровительницъ деньги, продавала ихъ старыя платья и мантильи, закладывала брилліанты и серебро; доставляла всѣ городскія и театральныя сплетни и составляла краску для волосъ, помаду для нѣжности кожи, а также искусно умѣла выщипывать волосы у старыхъ важныхъ старухъ изъ бороды и усовъ: въ этомъ она имѣла большую практику на своемъ собственномъ лицѣ, которое имѣло отпечатокъ азіатскаго происхожденія; за то не было никакихъ слѣдовъ о ея происхожденіи на свѣтъ. Генеральша-факторша была взята сиротой въ домъ къ одной важной старухѣ и ее воспитывали самымъ жалкимъ образомъ, хотя слухи ходили, что она приходится своей благотворительницѣ внучкой. Но это не имѣло никакого вліянія на участь сироты, такъ что бабушка и отецъ никогда не удостоивали ее своей лаской, а напротивъ, постоянно давали чувствовать какая страшная бездна раздѣляетъ сироту-воспитанницу не только отъ нихъ, но и отъ всѣхъ людей ихъ круга. До тридцати лѣтъ генеральша-факторша жила дѣвицей съ бранчивой и жестокой старухой и прожила бы еще столько, если бы ея бабушка не умерла, а отецъ не выдалъ ее замужъ за своего бѣднаго чиновника, которому, вмѣсто приданаго, далъ казенное мѣсто съ хорошимъ окладомъ. Генеральша-факторша, съ дѣтства хорошо изучивъ дамъ высшаго полета, съумѣла, послѣ своего замужества, втереться въ ихъ спальни, дѣтскія и будуары; въ парадныя комнаты онѣ не допускали ублюдка. За то генеральша-факторша въ салонахъ средняго класса корчила преважную даму: она была тамъ неузнаваема, по недоступной своей важности, и съ величайшимъ презрѣніемъ смотрѣла на все человѣчество, не принадлежащее къ высшему кругу. Видя ее въ салонахъ у откупщиковъ, никто бы не подумалъ, что это та самая особа, которая вмѣстѣ съ салономъ оставляетъ и свое величавое достоинство въ аристократическихъ передникъ. Для того, чтобы вползать въ графскіе дома, для этого генеральша-факторша чего-чего не дѣлала въ своей жизни! Она своихъ взрослыхъ дочерей морила въ холодныхъ комнатахъ, на молочной кашѣ, обманывала лавочниковъ, обсчитывала бѣдныхъ своихъ слугъ, потому что ей надо было имѣть карету и туалетъ, чтобы съ утра

до ночи рыскать по городу. Впрочемъ, объ участи своихъ дочерей она заботилась: къ нимъ съ дѣтства были приставлены англичанка-пьяница и француженка-воровка, обѣ выгнанныя изъ важныхъ домовъ, а такъ какъ у ней нечего было красть, то она держала француженку, а буйный характеръ пьяной англичанки укрощала тѣмъ, что давала ей въ винѣ какой-то порошокъ, отъ чего та впадала въ безчувствіе и на нѣкоторое время питала отвращеніе къ вину. По нѣскольку разъ эти милыя наставницы отходили отъ генеральши-факторши, поступая въ другіе дома, но снова возвращались къ ней. Но это въ сущности ничего не значило для дочерей генеральши: онѣ прекрасно говорили на двухъ языкахъ, и вслѣдствіе этого считались за хорошо-образованныхъ дѣвицъ, такъ что двѣ изъ нихъ были помѣщены въ аристократическіе дома въ качествѣ компаніонокъ къ пожилымъ дѣвицамъ, но еще считающимся въ свѣтѣ за молодыхъ, потому что находятся постоянно въ обществѣ богатыхъ невѣстъ, которыя никогда не засиживаются въ родительскомъ домѣ.

О мужѣ генеральши-факторши я потому не сказалъ ровно ничего, что это была плюгавая, чиновническая личность. Онъ въ семействѣ своемъ не имѣлъ никакого значенія и жилъ не дома, а въ нѣмецкомъ клубѣ; онъ обязанъ былъ отдавать своей супругѣ все жалованье, а самъ жилъ на побочные доходы и карты; впрочемъ, доходы не были велики, но генеральшѣ-факторшѣ до этого не было дѣла: она постоянно твердила ему, что если бы другой у ней былъ мужъ, то съ такой протекціей нажилъ-бы себѣ громадное состояніе.

Генеральша факторша, передавъ множество разнаго рода сплетень, про полусвѣтскихъ дамъ и мужчинъ, про лоретокъ и про актрисъ, заключала такъ:

— А вы знаете, графиня, кто вчера произвелъ эффектъ во французскомъ театрѣ? Всѣ только и смотрѣли, что на ложу Абрютиной.

Графиня такъ взглянула на генеральшу, что та слегка смутилась отъ своего фамиліарнаго тона и потому продолжала свой разсказъ не въ видѣ вопросовъ, а чистой сплетней.

— Абрютина въ первый разъ вывезла свою племянницу; она отыскала ее гдѣ-то въ глуши, въ провинціи; у этой дѣвочки нѣтъ матери; а отецъ страшный игрокъ, пьяница; ну, все что хотите. Имѣніе разорено до крайности. Абрютина держала цѣлый годъ несчастную провинціалку гдѣ-то у себя на чердакѣ,

кое какъ выучила ее болтать по французски, танцовать и пѣть романсы, впрочемъ, очень предосудительные для молодой дѣвушки. И вчера, какъ рѣдкое какое нибудь растеніе, вывезла на показъ, одѣла ее по мѣщански: нитка бурмитскихъ зеренъ была на ней тысячь въ десять, а серьги тысячи въ три; только не доставало браслетъ и фермуара, что бы это была невѣста изъ Лѣтняго Сада.

Графиня удостоила покровительной улыбкой генеральшу, которая продолжала еще съ бо́льшимъ одушевленіемъ.

— Но я увѣрена, что всѣ эти бриллианты — одна приманка жениховъ. Эта женщина и своихъ-то дочерей выдавая замужъ, надула ихъ мужей; а я воображаю: станетъ она церемониться съ племянницей! Впрочемъ, она не будетъ разборчива на жениховъ: для нея тѣмъ скорѣе выдать ее, тѣмъ лучше, потому что замужняя женщина можетъ гораздо болѣе себѣ позволять въ обращеніи съ мужчинами, чѣмъ дѣвушка; а цѣль Абрютиной, вѣроятно та, чтобы черезъ свою племянницу имѣть расположеніе значительныхъ лицъ въ Петербургѣ, чрезъ которыхъ она будетъ обдѣлывать свои спекуляціи.

Графиня, все время слушавшая свою гостью съ величайшимъ презрѣніемъ, наконецъ спросила съ замѣтной досадой:

— Да хороша ли она?

— Самая непрочная красота; у ней хорошіе волосы, ростъ, фигура, маленькія руки, зубы, ротъ хорошъ... глаза... въ нихъ что то есть странное.... Знаете, сейчасъ видно, что дикарка, и ея манеры тривіальны; впрочемъ, если Абрютина была ея руководительницей, то она должна походить на торговку. Я убѣждена, что племянница заранѣе знаетъ роль, какую ей готовитъ тетка, и съ бо́льшимъ успѣхомъ ее выполнитъ. Уже и вчера она очень неприлично держала себя. Ну, и вы знаете, что мужчинъ привлекаютъ такія дамы къ себѣ. У нихъ въ ложѣ перебывало очень много; можетъ быть ужь есть и женихъ; но только что за охота порядочному человѣку дѣлать такую партію? Разумѣется, мужу будетъ протекція хорошая, если онъ будетъ смотрѣть сквозь пальцы на шалости своей супруги.

Графиня повидимому болѣе была занята тѣмъ, хорошо ли ея горничная подвила ей на затылкѣ маленькія букольки; по окончаніи этой операціи она встала съ своего мѣста; тоже сдѣлала генеральша-факторша и немедленно простилась съ хозяйкою дома.

Не болѣе, какъ черезъ часъ изъ кружевнаго будуара графиня очутилась на мусорѣ, у постройки своего новаго дома—и въ сильномъ гнѣвѣ. Передъ ней стояла группа изъ блѣднаго, стараго отставнаго солдата и старухи нищей съ двумя босыми дѣтьми, ихъ всѣхъ била лихорадка, на ихъ лицахъ изображался ужасъ. У ногъ графини валялась корзина со щепками, красивый и дородный десятникъ съ плутовской усмѣшкой, но въ почтительной позѣ, слушалъ внимательно, какъ графиня, довольно громко для такой важной дамы, говорила солдату:

— Я тебѣ запретила впускать сюда нищихъ!... какъ же ты смѣлъ не слушаться?

— Ваше.... сіятельство.... едва могъ выговорить солдатъ, дрожа, какъ осиновый листъ.

— Родная.... разинула-было ротъ старуха нищая; но десятникъ толкнулъ ее въ спину, чтобы она замолчала.

— Семенъ! обращаясь къ десятнику, сказала графиня: — ты проучи хорошенько ихъ, чтобы они не ходили воровать сюда.

И она грозно указала на нищихъ, а потомъ на солдата и прибывали съ сердцемъ:

— А его, чтобы сегодня же не было здѣсь!

Старикъ помертвѣлъ, упалъ на колѣна, хотѣлъ что-то сказать, но слезы задушили его голосъ: онъ только съ мольбой протянулъ свои дрожащія руки къ графинѣ, которая отвернулась отъ этихъ жалкихъ людей.

Точно, группа бѣдняковъ, дрожащихъ отъ страха и холода, потому что день былъ мрачный, осенній, а они были одѣты въ лохмотьяхъ, такъ что дѣтскія руки и лица были сини, вся эта группа нищихъ на мрачномъ фонѣ петербургскаго осенняго дня представляла непріятную картину; эта нищета, худоба, дрожь отъ холода — нарушали величавую гармонію богатства!..

Не успѣли очнуться нищіе отъ приговора графини, какъ явился изъ-за кирпичей молодой человѣкъ, съ розовыми щеками, съ масляными глазками, съ сладенькимъ выраженіемъ въ лицѣ и съ кокетливыми манерами. Его туалетъ былъ самый изящный и съ иголочки. Голосокъ былъ сладенькій-пресладенькій, онъ съ почтительной радостью бросился къ графинѣ поддержать ее подъ руку, чтобы ей пройти по мусору и на французскомъ діалектѣ освѣдомился о собравшейся группѣ. Лицо графини приняло очень благосклонное выраженіе при видѣ сладенькаго, розоваго господина, и она удалилась съ нимъ, разсказывая ему о

возмутительномъ поступкѣ солдата, который допустилъ нищую старуху съ дѣтьми собирать графскія щепки, когда это было ею запрещено при самомъ началѣ постройки дома.

Но мы оставимъ пока графиню и сладенькаго архитектора осматривать постройку и обратимся опять къ солдату, который встрепенулся, и всталъ съ колѣнъ, когда десятникъ схватилъ одну изъ дѣвочекъ и сталъ ее драть за волосы, съ улыбкою приговаривая:

— Не воруй графскихъ щепокъ.... не воруй!

Старуха ловила руку десятника, съ плачемъ прося пощады ребенку, у котораго отъ страха и боли вылетали изъ груди сиплые крики.

— Оставь дѣвчонку, Семенъ! мрачно и дрожащимъ голосомъ сказалъ солдатъ, обчищая свои истертые панталоны на колѣнихъ, какъ бы желая скрыть свое сильное волненіе, а можетъ быть и стыдъ, что онъ становился на колѣни и дрожалъ передъ гнѣвомъ этой дамы, когда такъ мужественно подставлялъ свою грудь непріятельскимъ пулямъ. А впрочемъ многіе умные люди замѣчали не разъ, что человѣкъ изъ простаго званія не можетъ быть проникнутъ тѣми высокими гуманными чувствами, которыми мы имѣемъ счастіе гордиться. Поэтому легко можетъ быть, что солдату было досадно, зачѣмъ это въ самомъ дѣлѣ пустилъ онъ подбирать щепки старуху, которая въ эту ночь съ сиротами чуть не была затоплена водой, появившейся въ ея подвалѣ. Это предположеніе тѣмъ правдоподобнѣе, что и самъ солдатъ со своимъ большимъ семействомъ сидѣлъ наканунѣ всю ночь на печкѣ отъ прилива воды въ его комнатѣ.

Десятникъ Семенъ не обратилъ вниманія на слова солдата и продолжалъ теребить за волосы дѣвочку.

— Брось! выходя изъ себя, крикнулъ старикъ солдатъ.

— Приказано! лаконически выговорилъ десятникъ.

— Мало ли что приказываютъ! мы съ ней дрогли отъ холода и страха, что совсѣмъ затопитъ насъ.

— Туда и дорога! Кабы всѣ нищіе захлебнулись въ своихъ конурахъ, такъ меньше бы воровства было въ Петербургѣ, веселымъ тономъ отвѣчалъ десятникъ.

Солдатъ весь затрясся и, вырвавъ изъ рукъ его дѣвочку, заслонилъ ее собой.

— Да что ты фордыбачишься-то? вспыливъ заоралъ десятникъ. — Я и тебя самого въ шею: приказано гнать тебя отсюда!

— Ахъ ты продажная душа! Велика важность богатому пустить по міру бѣднаго человѣка. Ты-то что зубы скалишь? Въ золотѣ, что ли, родился, что чужому горю радъ? Ну, пусть ее гонитъ меня вонъ! Я не воръ, а что щепокъ далъ бѣдной старухѣ—погрѣть ей своихъ внучатъ, это не Богъ знаетъ какая вина!... На.... дались, этими щепками! злобно цихнувъ ногой корзину, крикнулъ солдатъ, все болѣе и болѣе приходя въ ярость, и обратясь къ старухѣ и дѣтямъ, горько заливавшимся слезами, продолжалъ съ ироніею: — иди-ка, бабушка, съ пострѣлятами-то домой.

И солдатъ, плюнувъ въ ноги десятнику, пошелъ скоро за лѣса, а десятникъ кричалъ ему въ слѣдъ:

— Экъ расходился, старая, гарнизонная крыса!

Нищіе побѣжали безъ оглядки къ Коломнѣ, воображая, что уже окончилось ихъ наказаніе за графскія щепки. Но гигантъ лакей въ штиблетахъ слѣдилъ всегда въ щелку забора за своей госпожей и потому, какъ и она, возмутился противъ такой ужасной кражи. Онъ впрочемъ имѣлъ еще особое право наказать воровъ, потому что этими щепками графиня приказала отапливать лакейскія комнаты. Впрочемъ я долженъ оговориться: можетъ быть какой нибудь желчный читатель припишетъ характеру графини эти черты жестокости,—онъ ошибется. Я обязанъ заявить, что каждую недѣлю разъ, у графскихъ воротъ стояла толпа салопницъ, которымъ выдавалось по копѣйкѣ, такъ что каждый прохожій могъ легко убѣдиться въ сострадательности и щедрости графини къ бѣднымъ. Итакъ — лакей въ штиблетахъ, при выходѣ дѣтей и старухи изъ калитки, схватилъ за волосы двухъ дѣвочекъ и, таская ихъ, приговаривалъ смѣясь: — не воруйте, не воруйте канальи.

Дѣтскіе вопли смѣшались съ наглымъ смѣхомъ кучера въ бобрахъ, съ ватнымъ животомъ и накладной черной бородкой.

Старуха съ воемъ защищала своихъ внучатъ, но ливрейный лакей такъ ткнулъ дерзкую старуху, схватившую его за воротникъ, на которомъ красовались графскіе гербы, — что кровь показалась на ея подбородкѣ.

Нѣсколько прохожихъ остановилось посмотрѣть на эту занимательную сцену, и такъ какъ герой былъ такого высокаго званія въ сравненіи съ ними, то они не вступались за дѣтей. Какой-то чиновникъ невзрачнаго вида и очень пожилой рѣшился вступить въ борьбу съ ливрейнымъ аристократомъ. Онъ потре-

бовалъ, чтобы лакей выпустилъ волосы дѣтей; но тотъ ни зло еще съ большимъ рвеніемъ началъ таскать ихъ; тогда чиновникъ ударилъ по рукѣ лакея, такъ что тотъ, въ изумленіи отъ такой дерзости съ нимъ, почувствовалъ робость и выпустилъ дѣтей, которыя со старухой пустились бѣжать, точно испуганные зайцы.

— Какъ вы смѣете драться? заоралъ опомнившійся отъ недоумѣнія лакей на чиновника; тотъ не успѣлъ отвѣтить ему, какъ кучеръ крикнулъ лакею:

— Что смотришь? валяй его, мазурика!

Это восклицаніе, какъ бы вызвало всю гордость ливрейнаго аристократа: онъ бросился на удалявшагося чиновника и ударилъ его въ спину, такъ что тотъ упалъ и стукнулся еще головой о заборъ.

Въ эту самую секунду вышла изъ калитки графиня въ сопровожденіи сладенькаго архитектора и дюжаго десятника. Гигантъ-лакей съ невозмутимымъ хладнокровіемъ и съ лакейской почтительной ловкостью, подсадилъ графиню въ экипажъ, и какъ-то особенно проворно вскочилъ на козлы. Но какой-то молодой человѣкъ, бѣжавшій чрезъ улицу, схватилъ за поводъ лошадей, крича толпѣ: — держите, держите!

Сладенькій архитекторъ бросился къ молодому человѣку и схватилъ его за руку; лошади взвились на дыбы и помчались по улицѣ.

Все это совершилось такъ быстро, что графиня приписала всю эту сцену пьяному чиновнику, лежащему у ея забора, и его товарищу, тоже спозаранку напившемуся и лѣзущему на лошадей. Она даже съ ужасомъ подумала: какъ такія дамы, какъ она, должны быть свидѣтельницами такихъ грязныхъ сценъ во время своихъ прогулокъ.

Сладенькій архитекторъ преобразился, когда сталъ допрашивать молодаго человѣка: кто онъ такой и какъ смѣлъ останавливать экипажъ?

— Вы знаете ли, милостивый государь, что вы дорого поплатитесь за вашу дерзость.

— Съ моей стороны нѣтъ никакой дерзости въ желаніи стащить мерзавца съ козелъ. Вы не видали, что онъ чуть не убилъ человѣка, за то, что тотъ не далъ ему тиранить дѣтей. Жаль, что я былъ далеко, а то бы я справился съ нимъ.

Молодой человѣкъ говорилъ съ сильнымъ жаромъ и запыхавшись еще отъ бѣжанья. Онъ кинулся приподнять чиновника, который очнулся и со стономъ привсталъ съ земли.

— Да вы знаете ли, кто была эта дама? идя за молодымъ человѣкомъ, грозно кричалъ сладенькій архитекторъ.

— Кто бы она ни была, ей не дѣлаетъ чести — выѣзжать съ такими разбойниками.

Архитекторъ оторопѣлъ на минуту отъ дерзкаго отвѣта молодаго человѣка. Но, оправясь, приказалъ дюжему десятнику разогнать палкой толпу, собравшуюся около зашибеннаго чиновника.

Десятникъ только взмахнулъ палкой, какъ толпа отхлынула вразсыпную, и издали ждала, чѣмъ окончится сцена.

— Извольте сказать вашу фамилію и адресъ; вы будете отвѣчать самому графу Пыжинскому за вашу дерзость.... Вы чуть не испугали его супругу.

— Ради Христа, не губите его; простите ему, онъ погорячился, я никакихъ не имѣю претензій на графскаго лакея! слабымъ голосомъ сказалъ зашибенный чиновникъ и, торопливо уходя, прибавилъ тихо своему защитнику: — идите скорѣе домой, не губите меня: я вѣдь служу подъ начальствомъ графа. —

И чиновникъ пошелъ, придерживаясь за заборъ.

Молодой человѣкъ замѣтно сконфузился и ничего не сказалъ на грубости сладенькаго архитектора, который приставалъ къ нему, чтобы онъ извинился въ своей дерзости и въ смущеніи удалился.

Сладенькій архитекторъ за графскимъ обѣдомъ разсказалъ происшествіе съ молодымъ человѣкомъ и чиновникомъ такъ, что графъ долженъ былъ благодарить его, за геройскую неустрашимость, съ которою онъ защитилъ графиню отъ пьяныхъ чиновниковъ, хотѣвшихъ что нибудь получить, бросившись подъ лошадей его супруги.

Вечеромъ въ этотъ же день, въ одной изъ княжескихъ швейцарскихъ, гигантъ въ штиблетахъ съ эффектомъ передавалъ ливрейному кружку, какъ онъ ловко избилъ чиновника.

Кучеръ графини эту же исторію повѣствовалъ съ своихъ козелъ другимъ кучерамъ съ подвязанными крашеными бородами и ватными животами, и морилъ ихъ со смѣху своими остротами.

ГЛАВА VI.

Читатель слишкомъ строгихъ убѣжденій можетъ, пожалуй, обвинить молодаго человѣка въ трусости. Но я долженъ защитить его, потому что этотъ молодой человѣкъ будетъ не послѣднимъ лицомъ въ моемъ романѣ.

Я желалъ бы знать, что сдѣлалъ бы самый неустрашимый, но ничѣмъ не вооруженный человѣкъ, встрѣтясь въ лѣсу съ медвѣдемъ? Неужели его можно было бы заподозрить въ трусости, если бы онъ нашелъ средство уйти отъ звѣря и не воспользовался имъ. А молодой человѣкъ находился точно въ такомъ положеніи, только не пасть медвѣдя грозила ему, а перспектива голодной нищеты для бѣднаго чиновника, котораго легко могли лишить мѣста за неумѣстное къ нему состраданіе посторонняго человѣка. Да и онъ самъ находился въ такомъ незавидномъ положеніи, что пустая исторія съ важной особой могла окончательно погубить всю его будущность. Вѣдь онъ принадлежалъ къ числу муравьевъ, бѣгущихъ по городу; ихъ раздавить очень легко; только попадись они подъ ногу сильнымъ людямъ.

Читателю уже нѣсколько знакомъ молодой человѣкъ; это тотъ самый Дмитрій Степанычъ Карсановъ, который далъ слово Аннѣ Ларіоновнѣ, при ея отъѣздѣ изъ деревни, что онъ пріѣдетъ въ Петербургъ. Какъ видите, онъ сдержалъ свое обѣщаніе.

Карсановъ явился въ Петербургъ съ ничтожными средствами, съ громадными замыслами и надеждами. Само собою разумѣется, что замыслы и надежды быстро разлетѣлись въ прахъ, деньги столько же быстро всѣ вышли и Карсановъ, какъ и слѣдовало ожидать, очень скоро познакомился со всѣми ужасами столичной нищеты. Въ виду всѣхъ приманокъ и соблазновъ самой утонченной роскоши, въ самомъ центрѣ всѣхъ удобствъ цивилизованной жизни, онъ нежданно-негаданно, очутился вдругъ членомъ того общества людей, для которыхъ въ Петербургѣ строютъ вонючія и сырыя квартиры, продаютъ тухлую провизію и которыхъ вдобавокъ обкрадываютъ въ темныхъ переулкахъ, когда они пѣшкомъ возвращаются домой, по своимъ конурамъ, не имѣя денегъ, чтобы нанимать извощиковъ.

У меня всегда сжимается сердце при видѣ въ Петербургѣ бѣдныхъ молодыхъ людей, въ родѣ Карсанова. Они такъ смѣло смотрятъ въ жизненную даль, такъ вѣрятъ въ себя, такъ исполнены самыхъ радужныхъ надеждъ. Въ нихъ кипятъ молодыя силы, ихъ возмущаетъ людская несправедливость, они готовы на всякую борьбу, на всякія жертвы для торжества своихъ убѣжденій, для торжества добра и правды.... Но что ожидаетъ ихъ въ будущемъ? Бѣдняки не будутъ имѣть даже грустнаго утѣшенія пасть со славою въ борьбѣ за добро. Нѣтъ, ихъ ждетъ другой путь — путь безсильныхъ враговъ-борцовъ, но за то усыпанный мелкими стеклами, изрытый ямами, уставленный капканами, богатый разными слѣпнями, осами, змѣями и всякими гадами. Это путь мелкихъ оскорбленій, ничтожныхъ, но безпрерывныхъ преградъ, опасныхъ, но невидимыхъ уязвленій въ пяту. Отъ одного изъ этихъ уязвленій долженъ погибнуть бѣдный путникъ, если захочетъ мужественно продолжать свой путь. Но немногіе и на это рѣшаются. Бо́льшая часть, едва успѣвши выползть изъ двухъ-трехъ ямъ и освободиться изъ одного капкана, ослабѣваетъ и ложится на дорогѣ, выбравши мѣсто помягче, то есть погрязнѣе, или нарочно наконецъ падаетъ въ какую нибудь вонючую яму и сживается съ обитающими тамъ гадами. Бѣдные молодые люди! Гдѣ ваши чистыя идеи, гдѣ ваши человѣчныя стремленія? Ужь лучше бы вамъ умереть поскорѣе отъ змѣинаго жала, нежели горѣть безпрестанно отъ жала какихъ нибудь осъ и шмелей, не дающихъ вамъ ни минуты покоя.

И вѣдь какъ удивительно-премудры, какъ послѣдовательны въ своей суровости выходятъ всѣ распоряженія враждебной судьбы! Этотъ путь съ битыми стеклами, ядовитыми насѣкомыми и гадами, достается проходить всегда именно тѣмъ людямъ, которые и босы, и наги, и ничѣмъ не могутъ прикрыть и защитить себя. Богачу и сильному всегда открыта широкая, торная дорога, но и по той еще пойдетъ онъ, предпочитая сидѣть, сложа руки, и заставлять нести или везти себя, куда нужно. А бѣдняки, беззащитные, слабые — такъ и рвутся на дѣло, такъ и стремятся на этотъ путь, на которомъ ихъ ждутъ всевозможныя лишенія, опасности, обиды и страданія!.. Что же влечетъ ихъ? Ужели одно безразсудство и безпокойство характера? Не святыня ли человѣчной правды, не сила ли любви къ добру, еще

не зарытая житейскимъ мусоромъ, руководитъ ихъ живыми, благородными порывами?

Карсановъ именно принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ натуръ, которыя напоминаютъ собой самородный ключъ; какъ ни стараются засыпать его всякимъ мусоромъ, а онъ, какъ бы на зло, бьетъ еще чище и сильнѣе. Всѣ обстоятельства въ жизни Карсанова, съ самаго дѣтства его, клонились къ тому, чтобы онъ сдѣлался невѣжественнымъ и грубымъ пошлякомъ, неразборчивымъ въ пріобрѣтеніи средствъ къ удобствамъ жизни, а вышло совершенно наоборотъ. Карсановъ почти исключительно самъ себѣ обязанъ былъ своимъ развитіемъ и образованіемъ. Бѣдные родители оставили его безпомощнымъ сиротой на одиннадцатомъ году. Единственный родственникъ его — дѣдушка, деревенскій священникъ, призрѣлъ его и какъ могъ давалъ ему воспитаніе. Любознательная натура мальчика побѣждала всѣ препятствія къ образованію; такъ что Карсановъ на восьмнадцатомъ году чуть не пѣшкомъ пришелъ въ Москву и выдержалъ экзаменъ въ университетъ. Дѣдушка помогалъ деньгами своему внуку; но эта помощь была очень скудна и Карсановъ занимался уроками. Его студенческая труженическая жизнь не убила въ немъ юношеской свѣтлой вѣры въ достоинство человѣка и въ торжество истины въ мірѣ. Около Карсанова составился кружокъ подобныхъ ему честныхъ, пылкихъ душою товарищей, и въ скоромъ времени въ этомъ кружкѣ закипѣла дѣятельная жизнь мысли. Европейскіе мыслители были ихъ заочными наставниками; такъ что этотъ маленькій кружокъ молодыхъ людей сдѣлался какимъ-то изолированнымъ міркомъ въ обществѣ. Но молодые люди не замѣчали своего одиночества и уже мечтали, что человѣчный взглядъ на жизнь очень легко привѣнимъ къ окружающему ихъ обществу и, съ экзальтаціею фанатиковъ, готовы были ринуться на борьбу не только съ обществомъ, но со всѣми нечеловѣческими понятіями о вещахъ и отношеніяхъ людей другъ къ другу. Они не замѣчали, какъ далеко осталась за ними обычная жизнь общества, и какъ они мало имѣютъ съ нею общаго. Они, въ своей экзальтаціи, очень походили на людей, которые усѣлись на берегу моря въ лодку, распустили паруса и, любуясь величественной картиной безбрежной дали, закатомъ солнца, убаюканные мѣрными волнами, плывутъ все дальше и дальше, не замѣчая, что ихъ уже

раздѣляло страшное пространство и что ихъ голоса не достигнутъ до берега.

Карсановъ жилъ въ гармоніи съ своими убѣжденіями гораздо болѣе, чѣмъ его товарищи, потому что какъ ни печально и ни невѣжественно было общество, въ которомъ онъ родился и воспитывался, но все-таки оно не могло имѣть на него того растлѣвающаго вліянія, какое производится богатствомъ. Онъ привыкъ къ мысли о трудѣ, о добываніи себѣ средствъ жизни собственными руками; вслѣдствіе этого онъ всегда старался сдѣлать себя годнымъ на что нибудь, не тратить даромъ своего времени, не обольщаться всякимъ блестящимъ вздоромъ и отдавать себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ. А между его товарищами было немало такихъ, которые прекрасно понимали и сами провозглашали либеральныя идеи, но никогда не могли почувствовать глубокаго уваженія къ труду, и горькаго отвращенія къ жизни на чужой счетъ, никогда не могли провести разумнаго взгляда въ своихъ житейскихъ отношеніяхъ. И это было въ нихъ совершенно понятно: они жили на всемъ готовомъ, они родились для наслажденія жизнію, и дѣйствительно наслаждались — и поэзіею, и высокими чувствами, и восторженными юношескими фразами, точно такъ же, какъ оперой, изящнымъ обѣдомъ, шампанскимъ и красиво-повязаннымъ галстухомъ. Карсановъ даже не понималъ этого дилетантизма въ убѣжденіяхъ; но вѣдь онъ, бѣдняжка, точно такъ же не понималъ и гастрономическихъ тонкостей. Карсановъ избралъ литературную дѣятельность и жаждалъ трудиться честно для общественной пользы; но пріѣхавъ въ Петербургъ и отыскивая себѣ работу, онъ успѣлъ потерять много юношеской самоувѣренности и похоронить много не разцвѣтшихъ фантазій, прежде чѣмъ успѣлъ что нибудь устроить для себя. Онъ приходилъ въ ужасъ, знакомясь все ближе и ближе съ этимъ обществомъ и съ его убійственнымъ равнодушіемъ и лицемѣрнымъ участіемъ къ страданіямъ ближняго. Раздражительность, эта болѣзнь безсилія, стала закрадываться въ душу молодаго человѣка и разрушать его здоровье.

Впрочемъ, надо сознаться, что Карсановъ дѣлалъ все, чтобы примириться съ Петербургомъ. Онъ очень снисходительно смотрѣлъ на свою холодную квартиру, на скудный обѣдъ, даже не жаловался полиціи, когда съ него однажды вечеромъ сняли шинель, очень близко отъ будки. Сдѣлавшись боленъ, Карса-

новъ довѣрчиво обратился къ человѣколюбивымъ знаменитымъ докторамъ, которые безплатно лѣчатъ бѣдныхъ больныхъ, и не очень досадовалъ на то, что ему пришлось заплатить лакею за входъ къ человѣколюбивому доктору, и потомъ получать одинъ изъ тѣхъ совѣтовъ, которые такъ же удобоисполнимы для бѣднаго больнаго, какъ бы напримѣръ для безногаго ежедневныя аккуратныя прогулки пѣшкомъ. Прибѣгалъ онъ, въ своемъ наивномъ оптимизмѣ, и къ благотворительной аптекѣ; и только головою качалъ, узнавши, какимъ формальностямъ долженъ подвергнуться больной, прежде чѣмъ получитъ грошовое лекарство. Пытался онъ даже купить себѣ дешевое и крѣпкое платье въ магазинѣ, который благородными лицами былъ устроенъ исключительно для бѣдныхъ жителей Петербурга; но и эта попытка оказалась неудачною, и даже нѣсколько раздражила его. Конечно, Карсановъ примирился бы съ Петербургомъ и его чувствительными жителями, еслибы посѣщалъ благотворительные балы, на которыхъ такъ усердно выплясываетъ нарядное общество въ пользу бѣдныхъ и сиротъ, и навѣрное прослезился бы отъ умиленія, увидавъ трогательную картину, какъ лучшее петербургское общество, рыдая, провожаетъ до самой могилы иностранную артистку. Но ужъ ему было не до того. Больше всѣхъ матеріальныхъ неудачъ раздражило его сердечное горе, виною котораго была Абрютина.

Карсановъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, хотѣлъ увидѣть Анну Ларіоновну; но Абрютина не допустила его видѣть любимую имъ дѣвушку, и сама приняла его такъ грубо, что молодой человѣкъ чуть не задохнулся отъ негодованія и отчаянія. Получивъ формальный отказъ отъ дома, изъ устъ самой Абрютиной, Карсановъ рѣшился писать Аннѣ Ларіоновнѣ и въ своемъ письмѣ съ увлеченіемъ доказывалъ дѣвушкѣ, какъ унизительно находится подъ деспотическою властью невѣжественной старухи и давалъ ей благородные, смѣлые совѣты, какъ вести себя въ этомъ случаѣ съ теткой. Въ каждомъ словѣ Карсанова проглядывали горячіе, но сдержанные порывы страсти, и искреннее участіе къ беззащитному положенію Анны Ларіоновны.

Письмо его навѣрное не дошло бы до Анны Ларіоновны, если бы не явилось случайно благодѣтельное лицо: это лицо была судомойка въ домѣ Абрютиной, которой Карсановъ привезъ письмо отъ родныхъ изъ деревни Ларіона Петровича и изъ Москвы отъ ея сына. По письмамъ ли своихъ родныхъ, или по

слишкомъ усерднымъ разспросамъ Карсанова о барышнѣ, но только эта женщина догадалась о чувствахъ его къ Аннѣ Ларіоновнѣ, захотѣла отблагодарить молодаго барина за денежную помощь, оказанную имъ ея сыну. Она сама вызвалась доставить отъ Карсанова письмо барышнѣ, объявивши ему, что посылать письма прямо на имя Анны Ларіоновны—безполезно, такъ какъ Абрютина всегда прежде читаетъ ихъ сама, а потомъ отдаетъ своей племянницѣ тѣ письма, которыя заблагоразсудитъ. Карсановъ, разумѣется, былъ радъ такому случаю, и просилъ судомойку передать письмо Аннѣ Ларіоновнѣ. Но не скоро онъ могъ получить отвѣтъ на свое письмо. Испуганная тетка услала племянницу гостить въ Царское Село, замѣтивъ видно, что Карсановъ, не смотря на грубый ея пріемъ, бродилъ по цѣлымъ днямъ около дома, въ надеждѣ увидѣть Анну Ларіоновну. Впрочемъ она напрасно безпокоилась: онъ вскорѣ простудился, будучи вечеромъ лишенъ шинели въ темномъ переулкѣ, и слегъ въ постель. Проводя цѣлые дни одинъ, въ мрачной комнатѣ, тратя послѣдніе рубли, а еще не имѣя работы, онъ выстрадалъ много въ это время.... Но вотъ радостно сіяетъ его лицо, рука дрожитъ отъ двойной лихорадки, когда онъ распечатываетъ письмо, писанное знакомымъ ему почеркомъ, который онъ помнитъ еще въ видѣ огромныхъ буквъ, въ ученическихъ тетрадяхъ....

«Какъ вы меня обрадовали вашимъ письмомъ, писала Анюта. — Но когда я его прочла, то страшно на васъ разсердилась. За что вы меня браните? Я развѣ хозяйка въ домѣ?... Когда меня услали въ Царское Село, то я даже не знала, что вы здѣсь.... Чѣмъ бы пожалѣть меня, а вы все твердите мнѣ: въ какомъ я нахожусь униженіи! Какъ будто я сама не вижу этого?... я пробовала воевать еще до васъ съ моей теткой; писала къ отцу, что бы онъ взялъ меня назадъ, ну что же вышло?... мнѣ сдѣлали строжайшій выговоръ и запретили думать, что у меня есть отецъ и домъ. За васъ я хорошо наплакалась.... Моя тетушка пришла въ ужасъ отъ моей смѣлости и доказывала мнѣ, что если бы она допустила недворянина быть въ моемъ обществѣ и въ ея домѣ, то за такой тяжкій проступокъ передъ нарушеніемъ своихъ обязанностей она должна была бы дать отчетъ Богу и моей покойницѣ матери. Меня держатъ здѣсь, какъ дѣвочку, а иногда считаютъ за сумасшедшую.... Если бы вы знали, какъ всѣ возстали на меня, когда я не хотѣла цаловать руки у противнаго старика, который бываетъ у тетушки всякій день! При его появленіи всѣ

гости, родные встаютъ на вытяжку и уходятъ вонъ, точно не смѣя быть съ нимъ въ одной комнатѣ. У этого старика цалуютъ руку всѣ мои кузины, ихъ мужья и дѣти, даже дальніе родственники моей тетушки. Можете вообразить, какъ было принято мое упрямство! мучили меня такъ, что я стала тоже цаловать его руку, чтобы болѣе не слыхать наставленій и упрековъ. Я знаю, вы придете въ ужасъ отъ такой слабости характера! Но что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ, если бы васъ засадили въ маленькую комнату, ни читать, ни говорить, ни какихъ развлеченій. Бѣжать мнѣ? но куда, и къ кому? Въ цѣломъ свѣтѣ у меня нѣтъ никого, кто бы любилъ меня и защитилъ.... Вы вотъ и мужчина, дѣлаете что хотите, а жалуетесь на свою участь. Нѣтъ; что бы вы сказали тогда, какъ бы васъ съ утра до ночи душили разными поученіями: какъ должно барышнѣ держать себя; затянули бы въ корсетъ, и не дозволяли бы на минуту снять перчатки? Какъ то бы вы тогда заговорили?... Вы не горюйте, что мы теперь не видимся; когда я буду выѣзжать; то мы будемъ встрѣчаться въ театрахъ, на балахъ. Учитесь же танцовать скорѣе. Я съ вами всегда буду танцовать мазурку.... Нельзя же будетъ тетушкѣ отдать отчетъ Богу, что я не съ дворянишкомъ протанцовала кадриль или мазурку. Вы не думайте, чтобы обо мнѣ не заботилась моя тетушка: учителя каждый день бываютъ у меня, а для практики языка взяли въ домъ преболтливую старую француженку. О моей красотѣ тетушка также очень заботится и бываетъ довольна, если кто меня похвалитъ. Но все-таки у меня не лежитъ къ ней сердце, я ее боюсь даже и тогда, какъ она меня ласкаетъ. Впрочемъ, здѣсь все престранно. Тетушка страшно скупа, а тратится на меня; дочерей своихъ обожаетъ на словахъ, а между тѣмъ постоянно съ кѣмъ нибудь изъ нихъ въ ссорѣ. Молится, говоритъ такъ ласково; а съ людьми своими презлая.... Я страшно боюсь, чтобы она не узнала о нашей перепискѣ; я упрашивала Мареу ни за что не признаваться, что она мнѣ принесла письмо, если узнаетъ тетушка. Я умру, а ужь ни за что не скажу, что это она передала мнѣ ваше письмо.... Надо быть очень осторожными намъ; ко мнѣ приставлена шпіонка всего дома.... Ну, возможно ли такой богомолкѣ, какъ моя тетушка, держать шпіоновъ у себя въ домѣ? А все твердитъ о строгой нравственности.... Прощайте, не браните больше, право мнѣ и такъ грустно. Пишите мнѣ лучше, гдѣ вы бываете въ Петербургѣ, кого видите? Если бы я была такъ свободна, какъ вы,

я бы не скучала, а гуляла бы и ѣздила бы въ театры. Мнѣ кажется, въ Петербургѣ весело жить! Вы ужь такой сердитый стали; вамъ все дурно: зачѣмъ много бѣдныхъ въ городѣ, много злыхъ въ обществѣ!... Что же дѣлать; вы вѣдь не можете помочь всѣмъ бѣднымъ и исправить всѣхъ злыхъ? Значитъ нечего вамъ тосковать; а веселитесь, и описывайте мнѣ все, что вы увидите. Я почти заключенная, но меня обѣщаютъ скоро вывозить. Находятъ, что я еще очень дика и мало похожу на куклу»....

Анна Ларіоновна писала свои письма съ дѣтскою откровенностью и была болтлива, потому что она въ нихъ находила удовольствіе вспоминать свое житье въ деревнѣ. Сколько ею было вызвано дѣтскихъ воспоминаній, въ продолженіе переписки съ Карсановымъ. «Что теперь моя няня дѣлаетъ?... писала она въ одномъ изъ своихъ писемъ;—на кого она теперь ворчитъ? я увѣрена, что Дуняша сдѣлалась ея фавориткою. Она всегда любила ее, но не хотѣла показывать этого ей. Какая добрая моя няня!» Я только теперь вижу, какъ она меня любила. Я была бы счастливѣе всѣхъ на свѣтѣ, если бы вдругъ мы съ вами очутились въ деревнѣ, въ моей комнатѣ, а Палагея бы ворчала на меня съ утра до ночи. Помните ли, какъ мы хитрили, чтобы тихонько отъ нея уѣхать кататься на саняхъ? Заставили Дуняшу кричать, что у ней болитъ желудокъ, Палагея всполошилась, а мы и улизнули. За то какъ и перетрусились, когда насъ понесла лошадь, и мы, выпавъ изъ саней, прибѣжали испуганные домой. Палагея же насъ отогрѣла, успокоила и послала тихонько искать лошадь, чтобы не узналъ отецъ и мать о моей проказѣ.... Какая я была глупая, что радостно думала о той минутѣ, когда уѣду въ Петербургъ. Тогда я дѣлала, что хотѣла; а теперь, какъ получу ваше письмо, сердце замретъ, и не знаю, какъ бы мнѣ скорѣе остаться одной, прочитать его скорѣе. Иногда расплачусь, читая, и почти всегда сержусь на васъ, что вы мало пишете.».

Если для Анны Ларіоновны была необходима искренняя бесѣда съ Карсановымъ, то можно себѣ вообразить, какъ ему была драгоцѣнна каждая строчка отъ дѣвушки, къ которой онъ съ каждымъ днемъ чувствовалъ все сильнѣйшую любовь. Карсановъ очень хорошо понималъ свое безразсудство; но что можетъ сдѣлать человѣкъ съ своимъ сердцемъ, если оно переполнится любовью? Когда разсудокъ бралъ перекъ надъ сердцемъ, тогда Карсановъ считалъ нелѣпостью свои мечты о взаимной любви. Ему было даже смѣшно, какъ онъ могъ воображать себя

женихомъ такой красивой, избалованной барышни? И что онъ за мужъ? самому еще ѣсть нечего!... Все это прекрасно сознавалъ Карсановъ сначала, но потомъ разсудокъ замолкалъ, горячее сердце билось, замирало, когда онъ писалъ къ Аннѣ Ларіоновнѣ.... и въ какомъ-то почти бреду онъ написалъ страстное, отчаянное объясненіе въ любви. Ожидая отвѣта, Карсановъ истерзался; онъ былъ мученикъ: раскаяніе, надежды, страхъ ни на секунду не давали ему покоя. Наконецъ, и отвѣтъ пришелъ!

Анна Ларіоновна писала Карсанову:

«Я никакъ не ожидала именно отъ васъ получить такое письмо. Вы просто въ бреду.... Что это съ вами сдѣлалось?... Я наплакалась до головной боли.... Вы меня любите, пишете вы; нѣтъ, если бы вы меня любили, то никогда бы не написали мнѣ такого письма; что мнѣ теперь дѣлать?... Я вся дрожу отъ страха.... И придетъ же вамъ въ голову такъ пугать меня; знаете, что я не могу васъ видѣть, сказать вамъ слово, а вы все-таки готовы застрѣлиться, бросить меня. Я васъ любила, и буду любить, но право, быть вашей женой не думала и не могу. Да вы подумайте сами, какая я жена для такого умнаго и серьёзнаго человѣка, какъ вы? и воспитана ли я такъ, чтобы переносить терпѣливо бѣдность? Если вы любите меня, то сами должны были бы меня вразумить, что я никуда негодная барышня, что мнѣ надо нѣсколько лѣтъ отвыкать отъ моихъ дурныхъ привычекъ, въ которыхъ я впрочемъ невиновата; меня такъ воспитывали!... Я рѣшительно ни въ кого не влюблена, и вижу мало мужчинъ. Да и всѣ такіе смѣшные, самодовольные, я ни за кого изъ нихъ никогда не пойду за мужъ.... Я какъ прочла ваше письмо, то такъ перепугалась, что чуть было не надѣлала страшныхъ вещей.... Я хотѣла съ Мареой ѣхать къ вамъ, даже вынула салопъ, да вошла шпіонка; вѣрно изъ своей комнаты услыхала, что я, какъ угорѣлая, бѣгаю по комнатѣ.... Я разсудила, что сдѣлаю страшный скандалъ въ домѣ, если мнѣ удастся убѣжать, да и что я вамъ скажу?... Очень нужно вамъ отъ меня лично услыхать, что я не могу быть вашей женой.... Я такая несчастная, что даже тотъ, на кого я надѣялась, къ кому могла бы прибѣгнуть за совѣтомъ и тотъ меня броситъ!... Я знаю, вы далеко уѣдете изъ Петербурга.... Я сойду съ ума, если вы это сдѣлаете. Вы пишете, что я отличная и добрая. Право нѣтъ, я капризна, вѣтрена; я люблю наряды.... я убѣждена, что я всякаго сдѣлаю несчастнымъ и потому никогда, никогда не пойду

за мужъ! А если меня станутъ принуждать, я уѣду я—не знаю!... куда же мнѣ будетъ дѣться?... Мы будемъ жить вмѣстѣ, гдѣ-нибудь далеко отъ Петербурга. Мы не будемъ обращать вниманія на сплетни; совѣсть наша будетъ чиста, что нами за дѣло до предразсудковъ. Да мы можемъ и уѣхать за границу. Я буду ходить въ консерваторію, поступлю пѣвицей на сцену.... Ахъ какія глупости я пишу; но я одурѣла со всѣмъ. Дайте мнѣ вашу руку; я все забыла, и не сержусь на васъ; только не бросайте меня и не горюйте! Вы для меня все тотъ же Митя, въ курточкѣ, который лазилъ для меня за яблоки, чтобы сорвать мнѣ самое красное яблоко. Когда вы были мальчикомъ, мнѣ было жаль меня оставлять одну и ѣхать учиться; а теперь вы думали меня оставить одну, когда у меня нѣтъ ни своего дома, ни отца, ни няни, никого, никого.... стыдно, очень стыдно!... И я вамъ увѣряю, что все такъ устроится, что мы по старому заживемъ съ вами въ деревнѣ. Я завтра же начну капризничать, скандализировать свою тетушку, такъ что она сама отошлетъ меня къ отцу.... Если вы дадите мнѣ честное слово, что не бросите меня одну, я стану строго слѣдить за собой. Буду сама чесаться, одѣваться, не буду думать о нарядахъ, начну учиться хорошенько шить. За обѣдомъ буду ѣсть одно блюдо.... Прощайте, пишите мнѣ какъ можно скорѣе; сейчасъ же пришлите отвѣтъ съ Марфой. До тѣхъ поръ я не перестану плакать, пока вы не напишете мнѣ, что я ужъ не такая несчастная, чтобъ меня всѣ бросили»....

По прочтеніи этого письма, какъ ни желалъ Карсановъ успокоить Анну Ларіоновну, но не скоро могъ взяться за перо. Онъ испытывалъ то скорбное состояніе души, когда человѣкъ въ какой-то недоумѣніи допрашиваетъ самъ себя: что же такое жизнь, для чего она дана человѣку? Къ чему человѣкъ постепенно борется съ матеріализмомъ и стремится къ нравственному усовершенствованію? Къ чему въ немъ эта жажда чистой любви? Къ чему всѣ страданія его, если ни что недостижимо для него въ этомъ мракѣ, гдѣ люди бродятъ ощупью, падаютъ, увлекаютъ паденіемъ своимъ другихъ и уродуютъ себя до безобразія нравственно и физически?

Интересы въ жизни Карсанова были чисты и серьёзны; онъ не могъ удовлетворяться пустымъ тщеславіемъ, потому что не потворствовалъ своимъ слабостямъ и не прикрывалъ ихъ гуманными фразами; онъ не умѣлъ холить въ себѣ эгоизмъ, который даетъ полное физическое довольство и усыпляетъ совѣсть, какъ

бы парижическими средствами. Напротивъ, Карсанову казалось постояннымъ, что онъ полонъ разныхъ слабостей, что въ немъ сладкомъ радитъ эгоизмъ, что знанія его ничтожны и что, при всемъ его искреннемъ желаніи быть полезнымъ хоть чѣмъ нибудь для общественнаго блага, онъ ничего не дѣлаетъ. Безъ этого искренняго самоуниженія человѣкъ никогда не обходится, если онъ идетъ по прямому пути къ развитію въ себѣ истинно человѣческихъ понятій о назначеніи жизни и отношеній его къ ближнимъ. Стоитъ только человѣку увѣрить себя, что онъ достигъ полнаго развитія своего ума и сердца, какъ поростетъ его умъ и сердце сорными травами и заглохнутъ въ немъ всѣ хорошія посѣвы.

Карсановъ, съ уничтоженіемъ своихъ надеждъ на взаимную любовь, почувствовалъ такую тоску, такое одиночество, которое можетъ сравниться развѣ только съ чувствомъ человѣка, который одинъ уцѣлѣлъ отъ землетрясенія и бродитъ среди развалинъ, зная, что ему не вызвать изъ-подъ нихъ къ жизни близкія ему существа. Но, собравшись съ силами, онъ написалъ слѣдующее письмо:

«Прежде всего разорвите мое дерзкое письмо, и забудьте навсегда, что я его писалъ къ вамъ.... Сколько въ васъ состраданія! Вы еще сами напоминаете мнѣ о счастливыхъ дняхъ моей жизни!... Вы великодушно поступили, и если я еще не изгнѣвился въ вашихъ глазахъ, то довѣрчиво протяните мнѣ вашу руку; и я, какъ въ былые дни водилъ васъ ребенкомъ, гуляя по саду, такъ и теперь буду заботливо слѣдить за вами. Вы для меня снова то дитя, которому я съ радостью и съ гордостью мальчика оказывалъ всѣ возможныя услуги. Клянусь вамъ, что я такъ же свято буду думать о васъ, какъ и прежде. Располагайте моею жизнью, какъ вамъ вздумается. Я готовъ изъ одной вашей прихоти броситься съ моста въ рѣку, сесмочить съ крыши: однимъ словомъ, что велите, то я и сдѣлаю... Я убѣдился, что изъ меня не выдетъ проку.... Я истомился отъ своего безсилія; я не могъ осуществить ни одного изъ своихъ задушевныхъ плановъ. Я воображалъ, что буду своимъ трудомъ приносить пользу другимъ, а вышло, что я умножилъ только число бѣдняковъ своею особою. Я потерялъ вѣру въ свои силы, и вотъ почему сказалъ, что считаю глупостью прозябать на землѣ; а вовсе не потому, чтобы пугать васъ. Это былъ бы верхъ низости съ моей стороны.... Ради Бога не плачьте! я не стою ни одной вашей слезинки.... Я

чувствую, что ничѣмъ не могу быть вамъ полезенъ. Это ваша великодушная уловка! Если вы меня простили, то, сдѣлавъ доброе дѣло, продолжайте его и не наказывайте раскаявшагося и не прерывайте нашу переписку. Я сознаюсь, что самый преданный женщинѣ человѣкъ способенъ эгоистически поступить съ ней. Вы ли не поступили со мной благородно и довѣрчиво? Вы согласились писать мнѣ; а я такъ низко отплатилъ вамъ! Одуритъ же человѣкъ до такой степени, что какъ капризный ребенокъ захочетъ взять руками луну съ неба. Снисхожденія и снисхожденія молитъ у васъ безумный, но преданный вамъ человѣкъ.»

Карсановъ старался заглушить въ себѣ отчаяніе и любовь; онъ всю свою энергію перенесъ на работу и достигъ хоть одной цѣли: сдѣлался сотрудникомъ въ одномъ журналѣ. Дѣятельность—самое вѣрное лѣкарство отъ душевныхъ болѣзней и потому Карсановъ сталъ снова вѣровать въ свои силы и съ увлеченіемъ юности началъ въ своихъ статьяхъ все, что было противно его чистымъ и благороднымъ убѣжденіямъ. Матеріальная сторона его жизни впрочемъ очень мало улучшилась, несмотря на неутомимый трудъ. То были другія времена, чѣмъ теперь, въ литературномъ мірѣ. Тогда бѣдный молодой человѣкъ, посвящая себя на литературное поприще, обрекалъ себя на всѣ возможныя лишенія въ жизни; нищета грозила ему въ настоящемъ и въ будущемъ и провожала его до самой могилы. Тогда въ литературѣ царила безграничная монополія. Журналисты держали себя съ своими бѣдными и нетитулованными сотрудниками, какъ держитъ себя фабрикантъ съ работниками, и такъ же думали, что они благодѣтели литераторовъ, какъ фабриканты воображаютъ, что они благотворители всего бѣднаго человѣчества, трудящагося на ихъ фабрикахъ.

Вотъ отчего Карсановъ, работая день и ночь, едва могъ существовать. Его квартира была бѣдна, въ дальней части города, и его кошелекъ вѣчно пустъ, потому что ему еще надо было оплачивать долги, которые онъ принужденъ былъ сдѣлать вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ.

Въ продолженіи этого времени въ жизни Анны Ларіоновны тоже произошла перемѣна. Ее стали вывозить въ полу-свѣтъ.

Изъ разговора графини съ генеральшею Рудзевичъ, читатель имѣетъ уже понятіе, какое впечатлѣніе произвела на публику Анна Ларіоновна, появившись въ театрѣ. Послѣ того въ корот-

все время она сдѣлалась предметомъ всеобщаго разговора въ петербургскомъ обществѣ. Она достигла высшаго счастья свѣтской женщины: при ея появленіи въ театрѣ, всѣ лорнеты изъ первыхъ рядовъ креселъ устремлялись на нее, — счастіе, котораго мучительно жаждутъ всѣ свѣтскія и полусвѣтскія дамы.

Анна Ларіоновна совершенно закружилась отъ своего успѣха и погрузилась вся въ разныя свѣтскія удовольствія. Абрютина съ гордостью выводила всюду свою племянницу и была къ ней очень добра, такъ что Анна Ларіоновна считала себя вполнѣ счастливой. Она часто по нѣскольку дней не имѣла времени отвѣтить на письмо Карелцова даже самой коротенькой запиской. Впрочемъ, она сознавала, что дѣлаетъ дурно, извинялась передъ нимъ.

«Вамъ извинительно веселиться и увлекаться нарядами и балами — писалъ ей на это Карелцовъ. — Но помните, что вы сдѣлались членомъ того общества, гдѣ цѣнятъ людей только съ деньгами, а вы бѣдны! Да и способны ли вы безусловно покориться всѣмъ нелѣпымъ условіямъ свѣтской жизни? Я знаю вашъ увлекающійся характеръ, и знаю также, что въ немъ есть инстинктивная жажда къ свободѣ и къ болѣе разумнымъ интересамъ въ жизни. Вы дѣтски робки при встрѣчѣ съ деспотическими натурами, но это прошло бы съ годами и вы бы освободились отъ ихъ зловреднаго вліянія.... Сохрани меня Боже, вызывать васъ на борьбу съ тупоумными предразсудками свѣтскаго общества; но только будьте осторожны и, танцуя, почаще вспоминайте, что вы бѣдная дѣвушка и что вы окружены лестью, эгоизмомъ и продажностью. Я видѣлъ васъ въ театрѣ. Какъ вы были блистательно хороши! О вашей красотѣ говорили около меня почти всѣ — и молодые и старые. Но, любуясь вашей безпечной веселостью, я чувствовалъ глубокую тоску—что васъ ожидаетъ въ будущемъ, если ваша тетка вдругъ, по капризу, не захочетъ тратиться на вашъ туалетъ и на ваши выѣзды? Положимъ, что даже она этого никогда не сдѣлаетъ; но вы сами сдѣлаетесь равнодушны къ нарядамъ и къ баламъ. Что тогда вы будете дѣлать въ этомъ пустомъ обществѣ? Вы не сердитесь на меня, если я вамъ выскажу правду: вы въ тысячу разъ были милѣе, когда ваши великолѣпные волосы были причесаны гладко, когда ваше платье было просто, а ваши взгляды дѣтски-веселы. Я знаю, что невозможно вамъ оставаться въ свѣтѣ тою же, какой вы были въ деревнѣ. Но все-таки я былъ

оскорбленъ вашими разсчитанными поклонами и взглядами, которыми вы награждали вашихъ поклонниковъ. Я вамъ долженъ признаться, что всѣ молодые и старые мужчины, которые увивались около васъ, мнѣ такъ не понравились, что я съ ужасомъ думалъ: неужели тутъ есть уже вашъ будущій властелинъ?!... Какъ человѣкъ свѣжій и чужой для этого общества, я былъ пораженъ тупымъ, наглымъ выраженіемъ лицъ почти у всѣхъ блестящихъ дамъ и кавалеровъ. Я сожалѣлъ, что вы обязаны проводить время въ ихъ обществѣ.... Ради Бога не растолкуйте моихъ словъ въ дурную сторону.... Танцуйте и веселитесь, и я мысленно буду тоже прыгать отъ радости, что вамъ легко живется на свѣтѣ.... Я такъ состарѣлся, что жизнь моя въ деревнѣ мнѣ кажется въ такой дали, какъ будто бы съ тѣхъ поръ прошли десятки лѣтъ.... Пишите, когда устанете танцовать и веселиться; всякое подаяніе будетъ благо для меня!... Да, я забылъ вамъ сдѣлать признаніе въ кражѣ. При выходѣ изъ театра, я, слѣдуя издали за вами, нашелъ на полу листочекъ изъ вашего букета; онъ теперь лежитъ на моемъ столѣ, и работая, я поглядываю на него и вспоминаю о вашей ослѣпительной красотѣ.»

Н. СТАНИЦКІЙ.

МОИ ЖЕЛАНЬЯ.

Что за вопросы такіе? Открыть тебѣ мысли и чувства!...
Мысли мои незаконны, желанія странны и дики,
А въ разговорахъ пустыхъ только безъ толку жизнь выдыхаешь.
Право, пора дорожить и собой и своимъ убѣжденьемъ, —
Умъ прошутить, оборвать, перемять свои чувства не трудно.
Мало ли, какъ я мечтаю, и многаго въ жизни хочу я!...

Прежде всего мнѣ, для счастья, сыскать себѣ женщину надо.
Женщина вся въ нѣжномъ сердцѣ и въ мягкости линій,
Женщина вся въ чистотѣ, въ непорочности чувства;
Мнѣ не философа, мнѣ не красавицу нужно; мнѣ нужны:
Ясныя очи, коса до колѣнъ и подъ-часъ поцалуи.
Съ этакой женщиной трудъ будетъ легче и радость полнѣе.

Я бы хотѣлъ отыскать себѣ близкихъ по цѣли и сердцу,
Честныхъ людей, прозрѣвающихъ жизнь свѣтлымъ окомъ разсудка.
Съ ними сходясь, въ откровенныхъ бесѣдахъ часы коротая,
Могъ бы я силы свои упражнять, провѣрять свои мысли.
Словомъ живымъ замѣнилъ бы я мертвыя рѣчи печати;
Голосъ изъ книги — не то, что живой, вызывающій голосъ.

Я бы хотѣлъ, взявши въ руки свой посохъ, спокойно пуститься
Тѣмъ же путемъ, по которому шло человѣчество въ жизни.

Съ Желтой рѣки до священныхъ лѣсовъ свѣтло-струйнаго Ганга,
Съ жаркихъ пустынь, гдѣ въ коническихъ надписяхъ камни пестрѣютъ,
Шелъ бы я рядомъ развалинъ столицъ азіатскихъ народовъ;
Снесъ свой поклонъ пирамидамъ и гордо-задумчивымъ сфинксамъ.
Въ рощахъ Эллады, на мраморныхъ плитахъ колоннъ Парѳенона,
Могъ бы я сѣсть отдохнуть, подошедши къ Эгейскому морю,
Прежде чѣмъ слѣдовать берегомъ моря за ходомъ народовъ,
Прежде чѣмъ сжиться съ исторіей Рима и съ жизнью Европы.

Я бы хотѣлъ, обратившись на время въ печатную книгу,
Въ книгу хорошую, полную силы и смысла живаго,
Слиться съ народомъ; себя позабывъ, утонуть въ немъ, стереться,
Слушать удары тяжелаго пульса общественной жизни,
Видѣть во всей наготѣ убѣжденія кастъ и сословій;
Вывѣдать нужды однихъ, утѣшать ихъ во имя движенья;
. . . . . .
Стать на виду у другихъ . . . . . .

Я бы хотѣлъ, проходя по широкой, бушующей жизни,
Сердцемъ отвѣтить на все, пережить все, что можно на свѣтѣ;
Всѣмъ насладиться душою, и зломъ и добромъ человѣка,
Свѣтлымъ твореньемъ искусства, и даже самимъ преступленьемъ,
Ежели только оно не противно той истинѣ свѣтлой,
Смыслу которой законы и люди такъ часто враждебны.

Я бы хотѣлъ, умирая, весь скарбъ своихъ силъ и познаній,
Весь передать существу молодому, богатому жизнью;
Пусть бы онъ началъ съ того, чѣмъ я кончилъ свой трудъ и печали,
Пусть бы и онъ и преемникъ его умирали для внуковъ,
Съ чистою совѣстью, свѣтлою мыслью и съ полнымъ сознаньемъ.

Я бы хотѣлъ послѣ смерти, свободенъ, безстрастенъ и вѣченъ,
Сдѣлаться зрителемъ будущихъ лицъ и грядущихъ событій;
Чувствовать — мыслью, недвижно дремать въ созерцаньи глубокомъ,
Но не ворочаться къ жизни, къ ея мелочной обстановкѣ
Изъ уваженья къ себѣ и къ ошибкамъ прошедшаго вѣка!

ОНЪ НЕ ЛЮБИЛЪ ЕЩЕ.

Онъ не любилъ еще. Въ надеждѣ благодати
Онъ шелъ по жизни не спѣша,
И въ немъ дремала сладкимъ сномъ дитяти
Невозмущенная душа.

Еще пока никто своимъ нескромнымъ окомъ
Его мечты не подстерегъ,
Еще онъ самъ въ служеніи высокомъ
Своей лампады не зажегъ.

И какъ за то хорошъ, и какъ далекъ сомнѣнья
Его неведомый покой!
Онъ жаждетъ словъ, онъ чутко ждетъ движенья
И блещетъ жизнью молодой.

Онъ не знакомъ страстямъ.... Такъ статуя Мемнона,
Молчанье строгое храня,
Сидитъ, черпѣя въ звѣздахъ небосклона,
И жадно ждетъ прихода дня.

Обильная роса холодной ночи юга
Живою свѣжестью кропитъ,
Съ заботой нѣжною ласкающаго друга,
Спокойно стынущій гранитъ.

Но только первый лучъ падетъ ему на плечи,
Дымясь зажжется степь вокругъ,—
Нѣмой Мемнонъ, на ласку свѣтлой встрѣчи,
Издастъ живой и полный звукъ.

К. СЛУЧЕВСКІЙ.

ПОБѢДИТЕЛЬ.

(изъ Гарьи.)

Когда-то здѣсь великій городъ былъ.
Я обошелъ кругомъ его твердыни,
Громады ихъ на землю повалилъ,
Подъ ядрами повергъ его святыни.
Вдоль улицъ я пустилъ моихъ коней,
Давилъ копытами ихъ копыта тяжелыхъ
Въ крови отцовъ ныряющихъ дѣтей
И тѣло рвалъ на части женщинъ голыхъ;
Я лобызалъ невинность на пути
И, съ наглостью насилья, послѣ бою,
Отеръ свой потъ на дѣвственной груди...
Потомъ пожаръ привелъ я за собою, —
И грозное чудовище, шипя,
Лизало языкомъ своимъ упорно
Откосы стѣнъ, покрытыхъ кровью черной...
Ура! ура! я укротилъ тебя,
Опылъ позоръ, мнѣ брошенный вѣками;
По стремя я проѣхалъ между тѣлъ...
Ура! ура! я сдѣлалъ, что хотѣлъ:
Я на челѣ твоемъ стою ногами.
Все кончено, и безполезный мечъ
Виситъ въ ножнахъ съ своею сталью ржавой;
Все сожжено — и нѣчего ужъ жечь!
Что ни стѣна — съ отмѣткою кровавой!
Голоднымъ псамъ тутъ нечего лизать,
И съ воемъ прочь они бѣгутъ гурьбою.
Все пусто; камни поросли травою...
О, смерть! о, смерть! мнѣ нечего ужъ взять!...

П. КОВАЛЕВСКІЙ.

ПАРИЖСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

(Изъ путевыхъ записокъ.)

ОТЪѢЗДЪ ИЗЪ БРЕСТА. — МНОГОСЛОЖНАЯ БІОГРАФІЯ. — ВИДЫ БРЕТАНИ. — ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛѢНІЕ. — БУЛЬВАРЫ ПРИ ВЕЧЕРНЕМЪ ОСВѢЩЕНІИ.—ДОМЪ ДЮМА-ОТЦА. — ФЛАНЕРСТВО. — ТЮИЛЬРІЙСКОЙ САДЪ И ДВОРЕЦЪ.—ПАЛЕ-РОЯЛЬ.— БОГАТСТВО И МИЗЕРНОСТЬ ВО ОБРАЗѢ café des aveugles et du sauvage.— СООТЕЧЕСТВЕННИКЪ.—Ambigu comique. — ГРИЗЕТКА. — МАШИНИСТЪ И ПИСАТЕЛЬ.—ЗМѢЯ, ВЫДЕРЖАВШАЯ 150 ПРЕДСТАВЛЕНІЙ СРЯДУ.—М. В. ПРОПАДАЕТЪ.— ЛУВРЪ. — СОБОРЪ БОГОМАТЕРИ. — ДЮМА-СЫНЪ. — КАРТИНА СЪ НАТУРЫ ВЪ ПРАЧЕШНѢ ПАУСА.—M-elle Rosalba. — МАВИЛЬ И ЕГО НРАВЫ. — РОСКОШЬ.— ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

На сколько скученъ былъ переходъ изъ Выборга до Англійскаго Канала, на столько весело намъ было ѣхать черезъ Бретань до Парижа. Съ одной стороны, — несомнѣнная увѣренность, что пройдены наконецъ ненавистные Категатъ, Скагеракъ и Нѣмецкое море; съ другой стороны, — улыбающаяся перспектива быть завтра въ Парижѣ! Двухъ такихъ фактовъ уже довольно, чтобы оживить самыхъ апатическихъ смертныхъ и дать игривое направленіе самымъ пахмуреннымъ мыслямъ.

По обыкновенію своему, боясь опоздать къ часу отъѣзда, я разбудилъ ни свѣтъ, ни заря М. В*. Дилижансъ отходилъ въ семь. Въ половинѣ седьмаго, мы явились передъ конторою, сопровождаемые *малымъ* исполинскаго роста, котораго взяли мы изъ гостинницы для переноски багажа.

Дилижансъ только что выкачивали изъ сарая и устанавливали.

Экипажъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ старыхъ, давно заброшенныхъ coucou, которыхъ такъ любитъ Поль-де-Кокъ; древность дилижанса придавала ему историческую занимательность; онъ былъ, вѣроятно, не только свидѣтелемъ многихъ переворотовъ, но очевидно принималъ въ нихъ даже личное участіе; облупленная желтая краска наружныхъ стѣнъ его, искалѣченная заржавленная оковка, — ясно говорили, что ему не разъ приводилось лежать поперегъ улицы и служить подкрѣпленіемъ баррикады; уцѣлѣвшій coucou попалъ тогда въ руки промышленности, которая совершенно измѣнила его наружность: къ переднимъ двумъ мѣстамъ прилѣпился сзади огромный ящикъ для укладки почты; надъ верхомъ ящика воздвигласъ кожаная арка, долженствовавшая вмѣщать пассажирскіе чемоданы; впереди, передъ сидѣньемъ кучера и входомъ подъ кожаную арку, открылись еще два мѣста, получившія названіе: places de l'impériale.

Мѣста эти намъ очень понравились; оттуда удобнѣе было разсматривать виды и вообще было тамъ свободнѣе. Но мѣста были заняты; пока мы объяснялись съ кондукторомъ, въ контору вошли два пассажира.

— Обратитесь къ этимъ двумъ господамъ, сказалъ кондукторъ: — я увѣренъ, они не сдѣлаютъ никакихъ препятствій; имъ, безъ сомнѣнія, пріятнѣе будетъ сидѣть въ coupé.

Два господина тотчасъ же согласились. Мы поспѣшили взобраться наверхъ; но къ удивленію нашему, тамъ сидѣлъ уже какой-то молодой человѣкъ. Оказалось, что на имперіалѣ было не два мѣста, какъ мы предполагали, а цѣлыхъ три. Спутникъ нашъ къ счастію не былъ толстъ и мы кое-какъ уладились.

Между тѣмъ запрягали лошадей и укладывали чемоданы.

Ровно въ семь часовъ кондукторъ и кучеръ, — оба въ синихъ блузахъ, — усѣлись на козлы, раздалось новое для нашего слуха: hue! allons, hue donc! — захлопалъ бичъ и дилижансъ покатился.

Дорога сама уже по себѣ располагаетъ къ болтливости, — особенно при началѣ, на первыхъ двухъ станціяхъ; но когда къ этому путешественники весело еще настроены, сообщительность превращается въ непоборимую потребность. По прошествіи пяти минутъ, всѣ, сидѣвшіе на имперіалѣ, не выключая кучера и кондуктора, вели между собою оживленную бесѣду.

Особенною болтливостію отличался нашъ молодой спутникъ; у него повидимому чесался языкъ уже съ той минуты, какъ сѣли подлѣ него русскіе; онъ былъ въ Россіи и узналъ насъ по выговору; впрочемъ у французовъ удивительное чутье узнавать русскихъ. Онъ тотчасъ же, безъ дальныхъ предисловій приступилъ къ повѣствованію своей жизни. Въ юности отецъ отдалъ его въ семинарію; получивъ въ скоромъ времени отвращеніе отъ духовнаго званія, онъ бѣжалъ и опредѣлился юнгой на купеческое судно; морская жизнь не замедлила точно также разочаровать его; онъ рѣшительно не зналъ, куда дѣвать себя, когда случайно встрѣтился съ господиномъ, устроивающимъ фонари для маяковъ; господинъ ѣхалъ въ Россію и предложилъ юношѣ ему сопутствовать. Ни господинъ не зналъ юноши, ни юноша господина; оба не имѣли понятія о Россіи; тѣмъ не менѣе оба однакожь отправились; они не сомнѣвались вернуться оттуда съ состояніемъ. Но увы! — въ Россіи не встрѣтилось никакой надобности въ маякахъ; господинъ пропалъ безъ вѣсти; юный товарищъ его не упалъ духомъ: онъ принялся за выдѣлку застежекъ и замочковъ для портъ-моне. Такъ провелъ онъ годъ; — *c'était, parbleu, une bien pénible année*! Потомъ случай свелъ его съ помѣщикомъ, который уговорилъ его ѣхать съ нимъ въ Орелъ въ качествѣ гувернера; юноша, конечно, согласился; проведя три года въ деревнѣ, онъ возвращался теперь на родину, сгарая желаніемъ обнять престарѣлыхъ родителей.

— Что жь вы потомъ думаете дѣлать? спросилъ я.

— *Ma foi, je n'en sais rien moi même*! Думаю снова отправиться въ Россію; но уже поѣду теперь въ Сибирь или на Амуръ; мнѣ давно хотѣлось побывать въ тѣхъ мѣстахъ!...

Между тѣмъ мы выѣхали изъ воротъ Бреста.

Вплоть до Ландернò, маленькаго городка въ двадцати верстахъ отъ Бреста, не встрѣчается ничего, заслуживающаго особеннаго вниманія. Дорога постоянно идетъ въ гору; въ обѣ стороны, на неоглядное пространство, убѣгаютъ неровные каменистые скаты, покрытые кой-гдѣ тощимъ, темнымъ кустарникомъ; иногда на поворотахъ покажется справа или слѣва синій горизонтъ океана; но не успѣешь обернуться въ ту сторону, какъ уже снова все заслонилось кустами и сѣрыми каменистыми изгибами.

Подъѣзжая къ Ландернò, я былъ удивленъ страннымъ зрѣлищемъ: вправо, на большой глубинѣ открылась между де-

ревьями широкая долина, покрытая сплошною корою темной глянцовитой грязи; по скатамъ долины и на самомъ днѣ лѣпилось множество судовъ всякаго рода: которое стояло прямо на килѣ, которое лежало на боку; всѣ были вполнѣ оснащены и даже на многихъ раздувались паруса.

Кондукторъ поспѣшилъ объяснить мнѣ, что всѣ эти суда пользовались отливомъ, чтобы покопошиться и помолиться; вечеромъ, вмѣстѣ съ приливомъ, они опять уйдутъ въ море. Меня поразила высота и быстрота океанскаго прилива, который каждый день, утромъ и вечеромъ, пробѣгаетъ пространство въ двадцать верстъ и на такомъ разстояніи можетъ подымать большія суда. Впрочемъ въ Брестѣ приливъ достигаетъ иногда восемнадцати футовъ вышины.

По мѣрѣ того какъ удаляешься отъ океана, мѣстность принимаетъ характеръ болѣе оживленный и живописный. Причудливо нагроможденныя горы и скалы, покрывающія эту часть Бретани, изламываютъ дорогу на всѣ возможные лады. На каждомъ поворотѣ открываются новые виды.

То спускаешься въ дикую пропасть, кругомъ обставленную отвѣсными гранитными скалами, вырѣзывающими въ голубомъ небѣ чудовищно-фантастическую профиль; то дорога изгибается надъ бездною, и бѣдный нашъ *coucou* чуть не задѣваетъ однимъ бокомъ висящую надъ нимъ кремнистую стѣну, изрытую порохомъ. То взбирается дорога на вершину, и тогда во всѣ стороны отрывается широкая панорама зеленѣющихъ долинъ и холмовъ, — отраслей Гименейскихъ горъ (Guiménée). Здѣсь замѣтно несравненно больше населенія, чѣмъ отъ Ландерно до Бреста. Часто проѣзжали мы мимо деревень и отдѣльныхъ фермъ, окруженныхъ садами и пашнями; но все это — и дома, и пашни казались мнѣ бѣднѣе, чѣмъ въ Даніи; надо признаться, все смотрѣло далеко не такъ привѣтливо, чисто и даже весело, — даромъ-что освѣщалось яркимъ блескомъ полуденнаго солнца; сельскіе дома, выстроенные изъ плитняка, неоштукатуренные, крытые темною черепицей и чаще соломой, прорѣзанные маленькими окнами, имѣютъ видъ унылыхъ, подслѣповатыхъ старичковъ; почти подлѣ каждаго дома возвышается въ уровень съ крышей гора навоза; покривившіеся соломенные навѣсы, топкій дворъ съ развѣшаннымъ поперегъ тряпьемъ на веревкѣ, сломанныя лѣстницы, валяющіяся кадки, куры, бѣгающія въ безпорядкѣ, — все это хорошо только въ картинахъ. На сколько

прелесть датскаго ландшафта заключается въ общемъ впечатлѣніи чистоты, приволья и хозяйственности, на столько здѣсь все ограничивается одной красотой мѣстности. Не будь здѣсь горъ, тучной зелени вяза, мѣстами позолоченной осенью, яркихъ переливовъ свѣта и тѣни, — не захотѣлось бы выглянуть изъ окна кареты.

Но что чрезвычайно мило въ Бретани и дѣйствительно можетъ быть находкой для живописца, — это маленькіе города, которые встрѣчаются на днѣ долинъ. Всѣ дома, — сбитые обыкновенно въ одну кучку и выглядывающіе одинъ черезъ другой своими черепичными острыми крышами, — тѣсно обступаютъ берегъ рѣчки, облѣпленный самыми разнообразными, самыми живописными мельницами; все тонетъ въ зелени; внизу — сѣрыя головастыя ветлы, выше — вязы, перепутанные плющемъ, еще выше надъ кровлями возвышаются, какъ минареты, темныя пирамидальныя тополи; кой-гдѣ надъ водою деревянные навѣсы, прикрывающіе толпу женщинъ; высунувшись по поясъ на солнце, онѣ моютъ бѣлье, наполняя весь городокъ своимъ смѣхомъ и пѣснями. Кругомъ, точно задняя декорація въ театрѣ, подымаются громадные угрюмые утесы, которые контрастомъ своимъ придаютъ городку еще больше миловидности и веселости; часто, на самой макушкѣ вершины, чернѣютъ въ небѣ развалины стараго феодальнаго замка.

Отъ *S-t Brieuc* до Рѐпна, проѣзжаешь собственно самой сердцевиной старой Бретани. Тутъ мѣстность и самая почва принимаютъ опять особый характеръ. Камня и скалъ какъ не бывало; шоссе стелется все время прямымъ полотномъ, слегка взволнованнымъ холмами, перерѣзывающими ландшафтъ холодными, строгими линіями. Вся страна принимаетъ мало-по-малу строгій, задумчивый характеръ; видъ рѣдко оживляется зеленью; нигдѣ не показываются маленькіе веселые города на берегу рѣчки; ихъ замѣняли длинныя селенія съ узкой, извилистой улицей, обставленной сплюснутыми домами изъ плитняка и крытыми темной черепицей. Особенно непріятно поражаютъ деревянные переплеты стѣнъ и ставни, выкрашенные черной краской; на всемъ встрѣчаешь здѣсь печать чего-то траурнаго; края дороги усѣяны деревянными крестами; рабочій народъ является какъ словно для того только, чтобы дополнить впечатлѣніе печали: женщины въ черныхъ шерстяныхъ платьяхъ и бѣлыхъ высокихъ чепцахъ; мужчины въ длинныхъ колпакахъ на подобіе тѣхъ, какіе носятъ лаза-

рони, но только не красныхъ, а чорныхъ; куртки ихъ и панталоны того же цвѣта; прибавьте къ этому темный грунтъ земли, исполосованный по всѣмъ направленіямъ рядами растрепаннаго колючаго кустарника, сухость очертаній и скудность природы, вы получите вѣрный очеркъ страны.

При всемъ томъ, переѣздъ черезъ Бретань оставляетъ хорошее впечатлѣніе. Веселое настроеніе духа, овладѣвающее путешественникомъ при выѣздѣ изъ Бреста, скоро утомляетъ; радуешься случаю отдохнуть на время подъ вліяніемъ раздумья, которое невольно сообщаетъ страна. Ея угрюмый видъ отвѣчаетъ и вполнѣ гармонируетъ съ глубокой драмой, которую представляетъ исторія Бретани.

Вся красота ея въ прошедшемъ, въ ея минувшей жизни. Признаки этихъ воспоминаній разсыпаны на всемъ, куда ни обращаешь глазъ; нѣтъ, кажется, такого холмика, нѣтъ ручья и стараго дупла, о которыхъ бы до сихъ поръ любой крестьянинъ не разсказалъ преданья или легенды. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, вся Франція земля удивительная! Столько было въ ней пережито, что не найти такой квадратной мили на всемъ ея пространствѣ, которую могла бы обойти исторія.

Отчего же думалъ я, — и думалъ объ этомъ, могу васъ увѣрить, съ сокрушеннымъ сердцемъ, — отчего же путешествіе по Россіи такъ мало оживляется воспоминаніями? Неужто мы не жили?... (Тутъ невольно приходитъ на умъ монументъ, заказанный въ память тысячелѣтія). Если мы жили, отчего же у насъ такъ мало историческихъ памятниковъ? отчего все былое изгладилось изъ памяти народа? отчего здѣсь въ любомъ крестьянскомъ семействѣ изъ рода въ родъ передаются преданья, и до сихъ поръ такъ еще живы они въ народѣ; отчего у насъ не сохранилось въ народѣ ни одного почти разсказа о быломъ? Мнѣ больно было припоминать, какъ недавно одинъ мой знакомый, проѣзжая мимо Куликовскаго поля, спросилъ нарочно у ямщика, что здѣсь за мѣсто: — «а кто его знаетъ! съ французомъ что-ли-то война была!...» отвѣчалъ ямщикъ. — Двѣнадцатый годъ — послѣднее историческое воспоминаніе русскаго народа. Слово «татары» произносится, но воспоминаніе о нихъ ограничивается только словомъ; все остальное окружено непроницаемымъ туманомъ. Проѣзжайте черезъ Новгородъ: много ли вамъ тамъ народъ поразскажетъ? Достаточно, что домъ Марѳы посадницы былъ превращенъ въ кузницу, чтобы всѣ кузницы шли за домъ

Марны посадницы. Подъ Каширой и Коломной огромные курганы и крѣпостной валъ; каширцы и коломенцы роютъ въ нихъ бани, ни мало не любопытствуя узнать, откуда взялись такія насыпи. И такъ далѣе, вплоть до Малороссіи; тамъ опять пошли въ народѣ историческія воспоминанья, преданья и легенды одна другой поэтичнѣе.

Всему говорятъ, татары виноваты!... Такъ ли это?... Главная причина всему закоснѣлая дикость, невѣжество, безграмотность и отупѣніе, — неизбѣжныя послѣдствія трехсотъ-лѣтняго крѣпостнаго состоянія.

Всѣ эти замѣчанія, вызванныя, повѣрьте, весьма горькимъ чувствомъ, безъ сомнѣнія разсердятъ *патріотовъ* и помѣщиковъ; помѣщикамъ, которые, въ настоящее время, стоятъ за крѣпостное право, не отвѣчаетъ уже ни одинъ человѣкъ, сколько нибудь себя уважающій; что же касается до патріотовъ, они раздраженіемъ своимъ докажутъ, что дѣйствительно люди русскіе.... въ томъ смыслѣ, конечно, что потеряли привычку слушать правду и поражаются ею, какъ будто чѣмъ-то чудовищнымъ.

Проѣхавъ S-t Brienc, на третьей или четвертой станціи, М. В., я и нашъ юный французъ, были перепуганы самымъ неожиданнымъ образомъ. Начинало уже смеркаться и насъ клонило къ дремотѣ, какъ вдругъ, непосредственно за нашими спинами, у входа подъ кожаную арку дилижанса, послышался шорохъ и вслѣдъ затѣмъ сиплый, надорванный голосъ прокричалъ:

— *Ohé, cocher!!., Ohé! avons nous passé S-t Jouan?...*

Откинувшись въ сторону, мы увидѣли солдата съ заспаннымъ лицомъ и дыбомъ всклоченными волосами.

— Нѣтъ, еще не проѣхали, отвѣчали ему кондукторъ и кучеръ:—мы вамъ скажемъ, когда придетъ время.

Успокоивъ такимъ образомъ солдата, который снова нырнулъ подъ арку и улегся, кучеръ сообщилъ намъ, что пасажиръ этотъ никто другой, какъ контробандный товаръ; не имѣя чѣмъ заплатить за дорогу, солдатъ этотъ спрятался на имперіалѣ, когда дилижансъ стоялъ еще въ сараѣ; кучеръ и кондукторъ пожалѣли его и обѣщали даже довезти до мѣста назначенія.

— *C'est un pauvre diable après tout; ça ne ruinera pas l'entreprise!* примолвилъ кондукторъ.

Несмотря на свою инвалидную наружность, нашъ *coucou* подвигался однакожъ очень исправно. Всего удивительнѣе было, что кучеръ ни разу не ударилъ по лошадямъ и лошади ни разу

не вышли изъ мѣрной рыси. Сначала мы не переставали волноваться и поминутно обращались къ кондуктору съ замѣчаніемъ, что, если такъ пойдетъ дѣло, мы всюду будемъ опаздывать и никогда не пріѣдемъ.

— Не безпокойтесь! весело возражалъ кучеръ, вынимая изъ кармана серебряную луковицу, вѣсомъ съ фунтъ покрайней мѣрѣ, — вотъ они, глазъ не спускаю; если мы гдѣ нибудь хоть десятью минутами просрочимъ, вы получите назадъ ваши деньги! — *Allons, hue donc la Blanche! hue!* присовокуплялъ онъ, дружелюбно покрикивая на лошадей.

И дѣйствительно, мы нигдѣ не опаздывали! Дѣло въ томъ, что здѣсь, благодаря исправности и порядку, не пропадаетъ секунды времени. Едва показалась вдалекѣ станція, смѣночныя лошади уже выведены и дожидаются, безъ предувѣдомленія рожка; закладка продолжается не долѣе минуты; здѣсь не существуетъ жребія, который никогда не кончается, старостъ, которые никогда не являются и если являются, то для того только, чтобы просить на водку; будьте вы хоть десять разъ генераломъ, васъ не прождутъ лишней минуты противъ назначеннаго срока; кондукторъ, несмотря на скромную блузу свою, оставитъ васъ на дорогѣ безъ дальнѣйшихъ церемоній. Много времени выигрывается черезъ то еще, что никогда не случается, чтобы лопались постромки, соскакивали гайки и кучеръ ронялъ бы свой кнутъ акуратно на каждой верстѣ.

Путешествуя впослѣдствіи по Нормандіи, Германіи и Англіи, я всюду встрѣчалъ тотъ же порядокъ. Ѣдешь, кажется, едва двигаешься; а пріѣдешь всегда во время, — минута въ минуту.

Съ зарею мы прибыли въ *Rennes*; мы простились съ дилижансомъ и пересѣли въ вагонъ.

Тутъ все перемѣнилось; насъ словно сразу перенесли изъ мирнаго уединенія въ шумное общество; оглушенные свистомъ машины, грохотомъ тачекъ, навьюченныхъ чемоданами, быстрымъ говоромъ съ рѣзкимъ удареніемъ на р, — мы въ первую минуту потеряли голову и сами начали суетиться безъ всякой надобности. На каждой станціи толпа прибывала, а вмѣстѣ съ нею и давка; вездѣ показывались тоненькія барышни съ черными глазами, черными волосами и неуловимо-скорыми движеніями, толстыя и худошавыя маменьки, съ сѣдыми буклями, трепещущими увядшими цвѣтами на шляпкахъ и пестрыми шерстя-

ными *cabats* въ рукѣ; разжирѣвшіе буржуа, съ животами и оплывшими лицами; нянюшки съ дѣтьми, разодѣтыми какъ новыя куколки; вострыя и косыя физіономіи, увѣнчанныя *chapeau claque* или *bonet de police*; франты, торопливо докуривающіе сигары и проч. и проч.; все это бросалось изъ стороны въ сторону, тискалось другъ на дружку, призывая кондукторовъ, и кидалось въ вагоны, которые уносили насъ далѣе.

Вотъ промелькнули *Laval, Le Mans, Chartres*, куда такъ давно мечталъ я доѣхать, чтобы взглянуть на знаменитый соборъ. Чѣмъ ближе придвигались мы къ Парижу, тѣмъ знакомѣе звучали въ ушахъ названія мѣстъ, городовъ, станцій, — и тѣмъ болѣе усиливалось лихорадочное нетерпѣніе. Несмотря на быструю ѣзду, дома мелькали непрерывными рядами; часто то тутъ, то тамъ показывались виноградники, усѣянные народомъ; къ сожалѣнію, картина сбора винограда исчезала такъ же быстро, какъ и все остальное.

— *Versailles!* прокричали кондукторы, пробѣгая мимо вагоновъ.

Я поспѣшно выглянулъ изъ окна; передо мною воздвигалась гладкая стѣна, оклеенная сверху до низу желтыми, красными и синими афишами, съ аршинными буквами. Опять свистокъ, опять поѣхали.

— Который часъ?

— Безъ четверти четыре!

— Черезъ четверть часа мы въ Парижѣ!

— Гдѣ онъ? Не видать ли?... слышалось въ разныхъ концахъ вагона.

Вотъ наконецъ и Парижъ; паровозъ остановился; — пріѣхали!

Мы спустились по широкой каменной лѣстницѣ въ огромную залу, гдѣ пассажирамъ раздаются чемоданы; слѣва находятся большіе настежь раскрытые ворота, откуда видна часть города, усѣянная куполами и башнями, исполосованная впадинами улицъ и убѣгающая въ глубину туманнаго горизонта; слѣва рисуется куполъ инвалидовъ, освѣщенный заходящимъ солнцемъ. Ворота эти нарочно, кажется, для того только и устроены, чтобы раздражать путешественника; раздача чемодановъ происходитъ неимовѣрно долго; они доставляются сверху и спускаются въ залу черезъ потолокъ на трапахъ, которые вдесятеро боль-

ше производятъ грома, чѣмъ дѣлаютъ дѣла. Мы ждали около часа, прежде чѣмъ получили багажъ и усѣлись въ карету.

— *Où voulez vous aller?* спросилъ кучеръ въ лакированной шляпѣ и красномъ жилетѣ.

— *Rue d'Amsterdam, 77!...*

Это былъ адресъ Дюма-отца, который просилъ меня остановиться у него въ домѣ, когда я буду въ Парижѣ. Самъ Дюма въ это время путешествовалъ.

Прежде еще, чѣмъ думалъ я когда нибудь быть въ Парижѣ, я зналъ его, какъ свои пять пальцевъ, — зналъ лучше даже Петербурга. Благодаря безчисленнымъ описаніямъ, гравюрамъ, политипажамъ и литографіямъ, которыми французы знакомятъ цѣлый свѣтъ со своею столицей, я могъ начертить на память главныя линіи огромнаго города; фасадъ каждаго замѣчательнаго зданія, памятника, площади встрѣчались, какъ давнишніе знакомые.

— Вотъ проѣхали мы отжившее Сенъ-Жерменское предмѣстье, пояснялъ я М. В., который зналъ Парижъ такъ же мало, какъ я Пекинъ: — сейчасъ выѣдемъ на набережную.... Вотъ и Сена! Видите, направо вдалекѣ эти двѣ башни, — это церковь Богоматери; а вотъ впереди, прямо противъ насъ, Лувръ и рядомъ съ нимъ, лѣвѣе, Тюильрійскій дворецъ. Еще лѣвѣе Тюильрійскій садъ.... а вотъ и Елисейскія поля показались!....

Бесѣдуя такимъ образомъ, миновали мы Сену и въѣхали на площадь Согласія. Вотъ и улица Риволи направо. Она показалась мнѣ съ перваго взгляда однообразною; проѣхавъ еще нѣсколько времени по прямому направленію, я снова взглянулъ направо; мнѣ хотѣлось убѣдиться, вѣрное ли понятіе составилъ я себѣ о бульварахъ: — ничего, хорошо! То, что я воображалъ, оправдывалось. Миновавъ церковь Магдалины, мы долго подымались по шумной, суетливой улицѣ; наконецъ фіакръ остановился передъ узенькимъ трехъэтажнымъ домомъ, съ широкими коричневыми воротами.

Почти въ тоже время, въ воротахъ отворилась маленькая дверь и на порогѣ показалась худощавая женщина, въ чепцѣ и сѣрыхъ пукляхъ.

Я разсказалъ ей, въ чемъ дѣло.

— Мы васъ давно ждемъ, сказала она. — Господинъ Дюма предупредилъ письмомъ, что вы будете; войдите m-r Grégory, войдите.... все для васъ давно приготовлено....

Она ввела насъ въ кухню, потомъ въ темную комнату и мы начали подыматься по витой лѣстницѣ въ третій этажъ. Было уже около семи часовъ; сумерки наводняли домъ такимъ мракомъ, что ничего нельзя было разсмотрѣть. При пламени свѣчки, которую зажгла женщина, введя насъ въ маленькую комнату, я могъ только различить зеленыя шерстяныя обои, громадный брюхастый умывальникъ и широкую постель, кругомъ простеганную ватой и обитую пестрой богатой матеріей.

Тереза (такъ звали кухарку, экономку и *bonne* Дюма) предложила сходить въ ближайшій трактиръ за обѣдомъ, предлагала ванну и потомъ постель для отдохновенія послѣ дорога; но до того ли было! Мы принялись одѣваться съ такою поспѣшностію, какъ будто завтра Парижъ долженъ былъ непремѣнно провалиться и намъ никогда уже больше не удастся его видѣть.

Взявъ у Терезы ключъ отъ наружной двери дома, мы чуть не бѣгомъ пустились прямо къ бульварамъ.

На улицахъ сіялъ уже газъ; возни и шуму было, казалось, еще больше, чѣмъ когда, часъ назадъ, мы проѣзжали.

У церкви Магдалины я остановился, чтобы перевести духъ.

— Послушайте, М. В., сказалъ я: — куда же мы такъ бѣжимъ?...

— Какъ?! вѣдь все это надо успѣть осмотрѣть; — посмотрите-ка, что это за великолѣпіе! подхватилъ М. В., порываясь впередъ.

— Великолѣпіе останется, не убѣжитъ отъ насъ; вы совсѣмъ забыли, кажется, что мы сегодня почти ничего не ѣли....

— Забылъ, отвѣчалъ онъ, не слушая и снова порываясь впередъ.

— А я такъ не забылъ и умираю отъ голода.... отчасти также и отъ усталости....

Въ отыскиваніи кафе не представлялось затрудненій; кругомъ было ихъ нѣсколько. Мы вошли въ первый попавшійся на глаза, отлично, хотя торопливо, пообѣдали и снова побѣжали.

Я едва поспѣвалъ за моимъ товарищемъ.

Первое наше знакомство съ Парижемъ было очень эффектно; по впечатлѣнію, дѣйствительно трудно найти что нибудь подобное парижскимъ бульварамъ, особенно при вечернемъ ос-

вѣщеніи. Непрерывный рядъ великолѣпныхъ магазиновъ, залитыхъ газомъ и ослѣпляющихъ страшнымъ разнообразіемъ и пестротою своихъ товаровъ, роскошные кафе облѣпленные внутри зеркалами, повторяющими сотни огней, шумный говоръ толпы, крики продавцовъ, неумолкаемый гулъ каретъ и омнибусовъ, хлопанье бичей, движеніе взадъ и впередъ, — все это съ перваго раза производитъ дѣйствіе страшнаго утомленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какого-то сладкаго опьяненія. Чувствуешь, что голова идетъ кругомъ, глаза ослѣпляются, ноги подкашиваются, а между тѣмъ оторваться нѣтъ силы и все идешь да идешь впередъ.

Такъ подвигались мы, то увлекаемые толпою, то сами за ней увлекаясь.

Дойдя почти до *Porte S-t Martin*, я почувствовалъ, что рѣшительно не могу идти далѣе; еще десять шаговъ, и я повалился бы на мостовую.

— Ну, можно ли быть такимъ слабымъ, можно ли? повторялъ М. В., бросая во всѣ стороны жадные взгляды: — можно ли?!.. Я готовъ проходить такимъ образомъ четверо сутокъ не отдыхая, — ей-богу готовъ.

— Покорно васъ благодарю, отвѣчалъ я, едва имѣя силы, чтобы позвать кучера.

Мы взяли фіакръ и покатили въ улицу *d'Amsterdam*.

На другое утро первымъ нашимъ дѣломъ было осмотрѣть домъ, въ которомъ мы помѣстились.

Домъ Дюма-отца интересенъ въ томъ отношеніи, что онъ сразу знакомитъ васъ съ характеромъ своего владѣльца, — человѣка, одареннаго артистическимъ вкусомъ, и еще болѣе — самой непостоянной, самой капризной фантазіей. На всемъ слѣды роскоши, страшной неряшливости и всюду великолѣпныя затѣи, остановленныя при самомъ началѣ. Драгоцѣнный рѣзной шкафъ шестнадцатаго столѣтія стоитъ въ комнатѣ, обитой бархатной матеріей, которая мѣстами съѣдена сыростію, мѣстами виситъ лохмотьями; бѣлье, связки бумагъ, книги, покрытыя пылью, въ безпорядкѣ покрываютъ рѣдкую, очень дорогую мебель. Въ гостиной втораго этажа потолокъ и стѣны отдѣланы въ китайскомъ вкусѣ и обтянуты удивительной китайской тканью; тутъ же старый, ободранный ситцевый диванъ, загроможденный разрозненными книгами, рамами, обломками разной мебели и всякимъ пыльнымъ хламомъ. Двѣ-три отличныя картины и между

ныя почтовыя литографіи. Въ третьемъ этажѣ множество очень дорогаго китайскаго фаянса и фарфора; но все это разставлено зря и покрыто паутиной. Тамъ же, изъ террасы, Дюма устроилъ маленькій зимній садъ; зеленый трельяжъ на стѣнахъ, вьющійся плющъ, тропическія растенія и посреди нихъ бронзовая статуя Аполлина, — все это очень мило; но полъ сгнилъ и во многихъ мѣстахъ обвалился; сверху въ крышѣ недостаетъ многихъ стеколъ и при каждомъ дождѣ здѣсь происходитъ наводненіе. Дюма отдѣлалъ этотъ домъ для какого-то праздника; съ тѣхъ поръ онъ больше о немъ не заботится, мало даже живетъ въ немъ; большею частію ведетъ онъ жизнь кочевую.

Изъ заднихъ двухъ комнатъ нижняго этажа выходъ въ маленькій садикъ, представляющій крайнюю степень запустѣнія; на днѣ его возвышается родъ шале, очень красивое деревянное зданіе, которое выстроилъ самъ Дюма и которое, неизвѣстно почему, получило названіе «Нельской башни». Большое итальянское окно открывается въ садъ; подъ окномъ груда мусора и сора за десять лѣтъ. Окно освѣщаетъ небольшую комнату, стѣны которой покрыты сверху до низу сосновыми полками, заваленными связками бумагъ и рукописей; въ этой комнатѣ постоянно сидятъ нѣсколько наемныхъ писцовъ; обязанность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы каждый новый романъ переписывать въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ для разсылки въ Мадридъ, Бельгію и Вѣну. Три крошечныя комнатки занимаютъ верхній этажъ этой Нельской башни; по всему видно, Дюма хотѣлъ здѣсь устроить изящный комфортебльный пріютъ; но тутъ же ему это надоѣло и онъ все бросилъ, чтобы увлечься другой фантазіей. Несмотря на свои шестьдесять лѣтъ, онъ не можетъ успокоиться; онъ вѣчно чего-то ищетъ, чего-то ждетъ; остановится на какомъ нибудь несбыточномъ, фантастическомъ проэктѣ, говоритъ о немъ и радуется ему, какъ ребенокъ, — и вдругъ, совершенно неожиданно, перестаетъ о немъ думать и даже сердится, когда ему объ этомъ напоминаютъ. Такъ купилъ онъ мѣсто въ окрестностяхъ Парижа и выстроилъ тамъ свою виллу Монте-Кристо; домъ стоилъ болѣе восьми сотъ тысячъ франковъ; продали его за сорокъ; я нахожу и то дорого; чего стоило новому владѣльцу осушить одинъ искусственный прудъ и вытащить изъ середины его огромную искусственную скалу, которая должна была представлять островъ Монте-Кристо, созданный

Дюма, — этимъ фантазистомъ и увлекательнымъ разсказчикомъ въ литературѣ и балованнымъ младенцемъ въ жизни.

Спустившись въ садикъ, мы встрѣтились и познакомились тутъ же съ тремя господами: одинъ былъ довѣренный по дѣламъ Дюма, другой секретарь Дюма, третій также секретарь, но только не Дюма, а другаго, очень также извѣстнаго французскаго писателя. Что за секретари такіе и въ чемъ можетъ состоять ихъ должность? думалъ я, стараясь понять, какая надобность литератору или художнику въ секретарѣ или *chargé-d'affaires*. Впослѣдствіи, познакомившись короче съ артистическимъ кругомъ Парижа, я открылъ, къ великому моему удивленію, что не было почти ни одного, сколько нибудь извѣстнаго литератора, живописца или скульптора, который не имѣлъ бы своего секретаря. Должность такого лица заключается въ томъ, чтобы исполнять мелкія порученія, относить письма на почту, дѣлать визиты занмодавцамъ, продавать книжки и театральные билеты, посылаемые автору, прислушиваться за дверью, какъ издатель высчитываетъ автору napoleondory и получать изъ числа ихъ ровно столько, чтобы не умереть съ голоду. Такія порученія, конечно, могли бы исполнить лакей или *la bonne*; но тогда авторъ лишенъ былъ бы удовольствія припутывать къ своему разговору выраженіе: *mon secrétaire!*

Чтобы дать вамъ полное понятіе объ этихъ секретаряхъ, стоитъ привести разговоръ мой съ однимъ изъ нихъ, тѣмъ самымъ, который жилъ въ домѣ извѣстнаго N. Онъ оказалъ мнѣ нѣсколько мелкихъ услугъ и наканунѣ моего отъѣзда пришелъ проститься. Въ это время я укладывался; придумывая, чѣмъ бы отблагодарить его, я въ ожиданіи предложилъ ему выбрать на память любой изъ моихъ новыхъ галстуковъ.

— *Oh, m-r vous êtes vraiment trop magnifique!!* воскликнулъ секретарь такимъ тономъ, какъ будто я дѣлалъ счастіе его жизни.

— Помилуйте, это бездѣлица.... это такъ, на память.... бормоталъ я.

— Бездѣлица! подхватилъ онъ, дѣлая сильныя жесты:—*une bagatelle, fichtre! comme vous y allez!* Une bagatelle! приговаривалъ онъ, выбирая самый видный, яркій галстукъ: — это бездѣлица! Обладать такимъ галстукомъ было любимѣйшею мечтою моей жизни! (секретарю было уже лѣтъ сорокъ и у него была дочь лѣтъ шестнадцати.) Вотъ скоро двадцать лѣтъ, какъ я при N,

и никогда, *au grand jamais*, не подумалъ онъ предложить мнѣ что нибудь подобное.... Но Бога ради, заключилъ онъ, понижая вдругъ голосъ и боязливо оглядываясь во всѣ стороны: — Бога ради, при встрѣчѣ съ N, не говорите, что вы мнѣ что нибудь дали.... *Oh, il faut tout lui cacher, — tout, absolument tout!!...*

Если ужъ французъ началъ спускаться подъ гору рабства, онъ доходитъ до самой глубины пропасти; если французъ глупъ, — такого глупца не сыщешь уже въ цѣломъ свѣтѣ; у нихъ никогда ни въ чемъ не бываетъ середины.

Распрощавшись съ новыми нашими знакомыми, мы снова пустились бродить по бульварамъ. Насилу могъ я убѣдить М. В. послѣдовать моему совѣту и съ перваго дня не бросаться осматривать памятники, зданія и достопримѣчательности. Пріѣзжая въ большіе города, я постоянно держался такого правила и никогда въ этомъ не раскаявался. Начавъ знакомство съ городомъ бѣготнею по музеямъ и церквамъ, выносишь только смутное, неполное впечатлѣніе, сумбуръ въ головѣ, мигрень, ломъ въ шеѣ и боль въ ногахъ. Необходимо прежде осмотрѣться хорошенько, усвоить себѣ общую физіономію города, успокоить въ себѣ то внутреннее волненіе и безпокойство, которое невольно овладѣваетъ человѣкомъ въ первые дни послѣ пріѣзда въ новую страну или новый городъ.

Въ Парижѣ такое успокоеніе болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь необходимо. Уличная, фланерская жизнь въ самомъ дѣлѣ здѣсь очень увлекательна; надо исчерпать ее до дна, чтобы она окончательно утомила и надоѣла; въ противномъ случаѣ, она долго не дастъ покоя и постоянно будетъ отвлекать васъ. Во многихъ отношеніяхъ здѣсь нельзя даже считать фланерство праздными, пустымъ препровожденіемъ времени. Такъ какъ почти все населеніе Парижа живетъ на улицахъ, фланерство даетъ возможность знакомиться съ нравами, которые часто интереснѣе памятниковъ. Кромѣ того, историческій интересъ памятниковъ, — большею частію заказныхъ и офиціальныхъ, — далеко не такъ говоритъ воображенію, какъ иногда самая обыкновенная улица, площадка, фасадъ какого нибудь вовсе незамѣтнаго дома. Парижъ пережилъ такъ много, жилъ такою лихорадочною и часто трагическою жизнію, что стоитъ обратить глаза на любое мѣсто, чтобы передъ вами развернулись страницы, исполненныя самой захватывающей занимательности. Огромныя перестройки во многомъ, конечно, измѣнили физіономію прежняго Парижа,

но все же не на столько, чтобы усыпить любопытство и заставить забыть прошлое.

Вотъ хоть-бы Тюильрійскій дворецъ и садъ, куда незамѣтно привело насъ фланерство. Передъ дворцомъ кипитъ работа; террассу со стороны Сены превращаютъ въ крѣпостной гласисъ, съ котораго, при надобности, *свободно* можно будетъ обстрѣливать всю окрестность дворца и сада; гласисъ обкладываютъ дерномъ, вездѣ устроиваютъ на немъ клумбы; уже на многихъ клумбахъ разводятъ цвѣты. Толпы дамъ дѣтей и кавалеровъ восхищаются травою, цвѣтами и тѣмъ еще, что Наполеонъ неусыпно печется объ украшеніи столицы. Но развѣ терасса эта при своемъ теперешнемъ видѣ и самый фасадъ дворца не вызываютъ, все равно, другихъ воспоминаній....

Характеръ французовъ рѣшительно ставитъ въ тупикъ; незнаешь чему больше удивляться,—силѣ или слабости, огню или быстротѣ охлажденія, уму или мелочности, соединенныой со страшной непослѣдовательностію и легкомысліемъ; нравственная эта мозаика отражается во всемъ: въ исторіи народа и самой его жизни. Рождается-ли здѣсь великая мысль, — сосѣдній народъ принимаетъ ее только на половину и выходитъ изъ этого важный результатъ; у французовъ, великая эта мысль часто оканчивается ничѣмъ, *пшикомъ*. Французъ кажется физически такимъ жиденькимъ, а между тѣмъ, такъ недавно еще завоевываетъ онъ полъ-міра, производитъ работы подъ силу однимъ титанамъ: строитъ Тюильрійскій дворецъ, Лувръ, перебрасываетъ вездѣ колоссальные мосты, усыпаетъ всю страну рельсами въ какія нибудь пятнадцать лѣтъ, ломаетъ весь Парижъ и строитъ на его мѣстѣ совсѣмъ почти новый городъ. Онъ мелоченъ, легкомысленъ, — и это не мѣшаетъ ему писать отличныя книги, двигать впередъ науку, перехитрять въ политикѣ сосѣдей, вести торговлю такъ же серьёзно и въ томъ же масштабѣ, какъ въ Англіи.

Чтобы убѣдиться въ послѣднемъ, стоитъ бродить, какъ дѣлали мы съ М. В., по цѣлымъ днямъ на улицахъ. Весь нижній, часто даже второй этажъ парижскихъ домовъ, превращенъ въ одинъ сплошной магазинъ. Всѣ эти милліоны предметовъ выставленные въ окнахъ и наполняющіе лавки, произведены самой Франціей безъ посторонней помощи; все сдѣлали Ліонъ, Бордо, Марсель, Руанъ, Туръ, и проч. и проч. Нѣтъ въ цѣлой Франціи города, который не рвался бы опередить другаго ма-

нуфактурною своею дѣятельностію и не доставлялъ бы Парижу своего промышленнаго обращика. Всѣ эти предметы вошли въ общее употребленіе, сдѣлались общею потребностію, покупаются цѣлымъ міромъ, который, въ обмѣнъ, отдаетъ французамъ свое золото.

Случалось намъ заходить въ большіе магазины: движеніе внутри ровно ничего не значитъ предъ тѣмъ, которое происходитъ въ заднихъ комнатахъ: тамъ толпы прикащиковъ исключительно заняты упаковкою товаровъ, предназначенныхъ для отправки во всѣ возможныя страны свѣта, за всѣ возможныя моря.

Только общая потребность этихъ издѣлій и можетъ объяснить громадное богатство Франціи и Парижа, который ежегодно тратитъ сотни милліоновъ на украшеніе своихъ улицъ и введеніе новыхъ удобствъ.

Въ тотъ же день зашли мы въ Пале-рояль; онъ такъ мнѣ понравился, что потомъ я часто туда заглядывалъ.

Назначеніе Пале-рояля то же, что нашихъ гостинныхъ дворовъ; но что это за разница! Уже одно зданіе не можетъ идти въ сравненіе; оно поражаетъ своими размѣрами; оно свободно можетъ вмѣстить пять такихъ построекъ, какъ петербургской гостинный дворъ. Подъ арками, идущими вокругъ сада, тянутся сплошною стеклянною стѣною самые роскошные магазины; здѣсь большею частію производится торговля золотыми издѣліями; голова кружится при видѣ этихъ горъ брилліантовъ, золотыхъ драгоцѣнныхъ вещей по части тонкой *orfévrerie* и *bijouterie*. При слабомъ характерѣ избави Боже отправиться сюда съ молоденькой женою или возлюбленной,—особенно парижанкой; человѣкъ пропалъ по прошествіи получаса! Незнаю, искусство-ли съ которымъ выставлены товары, блескъ-ли освѣщенія, суетливое ли движеніе взадъ и впередъ,—но мнѣ казалось, что въ любомъ изъ этихъ пассажей больше торговли, чѣмъ на всемъ Невскомъ Проспектѣ. Въ углахъ Пале-рояля дворы, — и снова магазины, снова шумъ и движеніе. Но это еще не все: внизу, подъ сводами подвальнаго этажа, мѣсто также не гуляетъ.

Проходя мимо одной лѣстницы ведущей внизъ, услышали мы трескотню барабана и въ тоже время глазамъ предстала надпись на стѣнѣ схода: «*Café des aveugles et du sauvage*;» ну какъ не зайти? При входѣ человѣкъ раздаетъ карточку, родъ афиши, вотъ она отъ слова до слова:

Tous les jours

—

Scènes comiques et populaires.

Séance du Ventriloque

par l'homme à la poupée, connu en Europe sous le nom des Broudieu.

Exercices du sauvage

chants, solos de violon et de flûte éxécutés par un orchestre composé de musiciens *Aveugles*.

Мы поспѣшили сойти внизъ.

Къ великому удивленію нашему нашли мы тамъ тѣсную комнату съ закопченными стѣнами и сводами; кругомъ лѣпились грязные столики такъ, что трудно было пройдти между ними; задняя стѣна разгорожена пополамъ; слѣва сидятъ на возвышеніи пятеро слѣпыхъ стариковъ съ инструментами; справа на пространствѣ сажени открывается темная грязная сцена. Въ этой клѣткѣ, крайне плохими актерами разыгрываются народныя сцены; тутъ является *l'homme à la poupée*, человѣкъ съ куклой, говорящій такимъ образомъ, что кажется, какъ будто говоритъ кукла, и наконецъ, *le sauvage*. Дикій этотъ никто другой, какъ тощій французъ, одѣтый въ трико тѣлеснаго цвѣта съ перьями на головѣ и на поясѣ. Въ одномъ только афиша сказала правду и не преувеличила: представленія точно продолжаются круглый день; каждыя десять минутъ прислужникъ обходитъ посѣтителей и провозглашаетъ, что если имъ угодно остаться долѣе, слѣдуетъ спросить новую порцію чего нибудь.

Снова мелкота и недостойное шарлатанство рядомъ съ истиннымъ великолѣпіемъ и громадностію.

Парижъ тѣмъ хорошъ для празднаго человѣка, что послѣдній можетъ составить себѣ программу увеселеній не только на день, но впередъ на цѣлую недѣлю. Пообѣдавъ въ Пале-роялѣ, мы спросили афишку; вмѣсто нея намъ подали газету, усыпанную названіями театровъ пьесъ и актеровъ.

— Боже мой! Боже мой!... повторялъ съ изумленіемъ М. В.— куда же идти?...

— Разумѣется, прежде всего въ *Comédie Française*; все намъ благопріятствуетъ: сегодня какъ нарочно даютъ «Скупаго» Мольера и самый театръ подъ бокомъ.

Мы отправились. Но подлѣ театра стояло уже такое множество народа, что надо было отложить надежду достать мѣсто.

— Если вы хотите взять ложу или *stalle d'orchestre*, сказалъ вамъ обязательно сосѣдъ, замѣтившій, вѣроятно, наше неудовольствіе, обратитесь прямо въ кассу, тамъ, быть можетъ, еще достанете....

Мы обошли кругомъ театръ, вступили на дворъ и отыскали кассу; но къ кассѣ точно также нельзя было продраться.

— Мы, кажется, соотечественники.... неожиданно пролепеталъ подлѣ меня господинъ.

— Вы русскій?...

— Да.... я даже васъ знаю.... мы встрѣчались....

— Извините, право не помню....

— Странно.... проговорилъ соотечественникъ, перемѣняя вдругъ тонъ:—мы едва сошлись, какъ уже приходится васъ безпокоить.... Я хочу взять ложу бель-этажа.... и что-жь?—оказывается, что у меня не достаетъ пяти франковъ.... не можете-ли вы....

— Toutes les places sont prises! громовымъ голосомъ прокричалъ кассиръ, высовываясь изъ форточки.

Мы поспѣшили нырнуть въ толпу, которая хлынула въ двери, и такимъ образомъ потеряли изъ виду соотечественника.

Вечеръ проведенъ былъ однакожь въ театрѣ. Но Боже, что это за безобразіе! Мы попали въ *Ambigu Comique* гдѣ давали пьесу: *Les fugitifs*! Много приводилось видѣть на сценѣ всякой чепухи, оскорбляющей вкусъ, слухъ и зрѣніе; но подобной я еще никогда не видывалъ. Пьеса изъ пяти актовъ, представляетъ семейство добродѣтельнаго плантатора, которое скитается по первобытнымъ лѣсамъ, убѣгая отъ взбунтовавшихся дикихъ. Интересъ пьесы сосредоточивается на женѣ плантатора, — матери многочисленнаго семейства.

Никогда еще баснословный пеликанъ не рвалъ съ такимъ остервенѣніемъ баснословныхъ своихъ печенокъ, какъ разрывала себя на части эта несчастная, баснословная мать и супруга. Впрочемъ и было изъ чего: уже въ первомъ дѣйствіи, дикіе въ ея глазахъ убиваютъ ея мужа; потомъ, послѣдовательно, одного за другимъ, убиваютъ дѣтей (по ребенку въ каждомъ дѣйствіи); наконецъ она остается одна, на скалѣ, окруженная моремъ; но и тутъ авторъ не даетъ ей отдыха; онъ вздуваетъ море, которое стремится на скалу и грозитъ залить героиню пьесы. Я предвидѣлъ минуту, когда несчастная актриса, не зная уже чѣмъ выразить скопленіе въ груди своей столькихъ бѣдствій, разорветъ на

ключки свое платье, оторветъ себѣ сначала ноги, потомъ голову и броситъ все это въ публику. Ото всей души жаль было не имѣть пьесы, — но бѣдную актрису; подъ конецъ четвертаго дѣйствія, она совсѣмъ потеряла голосъ. И такъ бѣснуется она каждый Божій вечеръ, въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ; пьеса *Les fugitifs*, выдержала болѣе полутораста представленій; при мнѣ давали ее по возобновленіи. Я нимало не удивился, когда разсказали мнѣ, что молоденькая и очень даровитая актриса, *создавшая* роль матери въ этой пьесѣ, не выдержала пятидесяти представленій, слегла въ постель и умерла отъ горловой чахотки. Надо видѣть съ какою жадностію рвутся смотрѣть такія гадости; трудно достать мѣсто. Во время этого представленія подлѣ меня сидѣла очень молоденькая, миленькая и бѣдно одѣтая гризетка; она поминутно закрывала лицо руками, пряталась за мое плечо и обливалась горькими слезами, при каждомъ новомъ несчастіи матери.

— За чѣмъ же вы здѣсь остаетесь, если вамъ такъ тяжело видѣть все это? говорилъ я ей, — не лучше ли оставить театръ.... Пойдемте я васъ выведу отсюда.

— *Non, Mr, je veux rester.... Cela m'effraye, mais j'aime ca... Cela me fait plaisir d'avoir peur!*

Зала *Ambigu* вполнѣ отвѣчаетъ своему репертуару: нестерпимо душно, грязно, тѣсно, неудобно; чтобы сѣсть, надо сначала опустить свое мѣсто, придѣланное къ пружинѣ, которая подымаетъ сидѣнье не только когда встаешь, но даже когда сидишь на немъ; локти и колѣни буквально дѣвать некуда; не постигаю какъ устраиваются парижанки, чтобъ умѣститься здѣсь со своими кринолинами! А между тѣмъ, весь партеръ усѣянъ ими; за то, только и слышешь:

— «*Mr vous m'abimez!*»

— «*M-me ce n'est pas ma faute!*»

Занавѣсъ падаетъ, начинается антрактъ: — «Ну, думаешь, отдохну отъ криковъ и раздражающихъ нервы впечатлѣній»; не тутъ-то было! едва спустили занавѣсъ, въ залу врывается несмѣтное множество торгашей обоего пола, которые взапуски начинаютъ бѣгать по скамьямъ и кричать во все горло и подъ самымъ ухомъ: *Journal du soir!* Location des lorgnettes! Vert-Vert! Le programme de la piéce avec le nom des acteurs! L'entracte! Eventails à un sou! и т. д.; словомъ, наступаетъ совершенный адъ и

радуешься до смерти, когда выберёшься на бульваръ и дохнешь свѣжимъ воздухомъ.

Сколько потомъ ни скиталося я по парижскимъ театрамъ, и повсюду выносилъ тоже раздраженное, недовольное чувство. Исключеніе составляютъ только: *Comédie Française*, Итальянская Опера, *Gymnase*, театръ Пале-рояля, Комическая Опера. Грохотъ въ антрактахъ и тѣснота почти та же; но здѣсь по крайней мѣрѣ все вознаграждается хорошимъ репертуаромъ и актерами.

Никогда не забыть мнѣ также театра *Porte S. Martin* и его пьесу Фаустъ, о которой, за три недѣли до перваго представленія, кричали всѣ газеты Парижа. Авторъ, г. Денери, взялъ изъ Фауста Гете одно только названіе; не довольствуясь поэтическими сторонами первой и второй части гетевскаго произведенія, г. Денери наполнилъ свою пьесу такими эффектами, которые, конечно, никогда не снились Гете. Такъ напримѣръ, при поднятіи занавѣса вы видите греческихъ танцовщицъ, пляшущихъ вокругъ саркофага, съ возлежащею на немъ Еленой; внезапно сцена темнѣетъ; Елена и танцовщицы бѣгутъ за кулисы; тогда, посредѣ мрака, раздается адскій хохотъ Мефистофеля; хохотъ этотъ, сопровождаемый каждый разъ внезапнымъ мракомъ, повторяется по нѣскольку разъ въ каждомъ дѣйствіи. У танцовщицъ, для выгоднаго эффекта, юпки разрѣзаны съ боковъ до корсажа, такъ что, при каждомъ пируэтѣ, публикѣ доставляется удовольствіе видѣть почти обнаженныхъ женщинъ. «*Foost! Foost!*» поминутно пищитъ Гретхенъ: — «*Grétquéne! Grétquéne!*» отвѣчаетъ ей съ другаго конца сцены Фаустъ; — словомъ, отвратительно! Столь хваленый г. Дюменъ (*le beau Dumaine!* какъ называютъ его парижане), игравшій Фауста, вестма плохой актеръ изъ школы неистовыхъ. На мѣстѣ директора *Ambigu*, я непремѣнно пригласилъ бы Дюмена, играть роль матери въ пьесѣ *Les fugitifs*; это тѣмъ болѣе возможно, что у г. Дюмена, есть что-то женское въ лицѣ, и наконецъ, на бульварныхъ театрахъ повидимому больше значитъ эффектная наружность, чѣмъ дарованіе. У актрисы роскошныя бѣлокурыя волосы,—кончено, роль ея готова; она распуститъ волосы и будетъ играть Гретхенъ; по поводу роскошныхъ волосъ напишутъ даже спеціальную пьесу въ родѣ «Красавицы съ золотыми волосами»; человѣкъ имѣетъ сходство съ Наполеономъ первымъ, довольно; пишется пьеса «*Les pyramides d'Egypte*», въ которой актеръ играть будетъ Наполеона перваго, и т. д. Не произвели также на меня большаго впечатлѣ-

нія столь прославленныя декораціи парижскихъ театровъ; я ждалъ гораздо бо́льшаго; даже въ оперѣ и балетѣ не разъ вспомнишь декораціи: Дѣвы Дуная, Гитаны, Озера волшебницъ, Фенеллы и Жидовки, написанныя Роллеромъ.

Жалкое состояніе большинства театровъ и самаго репертуара, — есть неминуемое слѣдствіе того спекулятивнаго духа, который, до крайне невозможной степени, овладѣлъ всѣмъ Парижемъ. Въ рукахъ теперешнихъ директоровъ, театры совершенно утратили свое назначеніе; театры ничего больше, какъ торговая спекуляція. Какое дѣло спекулятору, что въ театрѣ его извращается вкусъ и даются въ ужасъ приводящія пошлости; онъ знаетъ, что парижане не могутъ жить безъ театра, какъ рыба безъ воды; что ни давай въ театрѣ, публика пойдетъ по неволѣ; онъ разсчитываетъ также на иностранцевъ, которыхъ ежедневно прибываетъ и убываетъ въ день до десяти тысячъ; защищенные эгидой Наполеоновскаго порядка, воспрещающаго *le licence* въ залѣ театра, спекуляторы не боятся, чтобъ вытащили ихъ на сцену и забросали печеными яблоками. *Licence* таже здѣсь, что прежде, но только она перешла теперь въ руки сильныхъ и капиталистовъ. Нельзя себѣ представить, какъ ею пользуются, — хоть бы эти самые директоры. Разъ вечеромъ, у одного театра, я встрѣтилъ знакомаго актера, который занималъ въ труппѣ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ.

— Что вы здѣсь дѣлаете? играете сегодня? спросилъ я.

— Нѣтъ, пришелъ за другимъ дѣломъ! возразилъ онъ, явно сдерживая негодованіе, — какъ видите, я третій вечеръ прихожу съ тѣмъ, чтобы получить сорокъ франковъ, которыя мнѣ здѣсь должны два мѣсяца; директоръ и кассиръ избѣгаютъ встрѣчи со мною; не будъ у меня жены и дѣтей, не знаю чегобы я тутъ не надѣлалъ! Не забудьте, они не отдаютъ денегъ, которыя давно уже заработаны, на которыя я имѣю полное право, словомъ, мою собственность! А между тѣмъ, я обязанъ по контракту играть каждый вечеръ, каждое утро ходить на репетицію, и въ случаѣ малѣйшей неисправности съ моей стороны, съ меня берутъ огромные штрафы.

— Но неужели изъ такой бездѣлицы какъ сорокъ франковъ....

— Бездѣлицы! перебилъ онъ, — знаете ли сколько получаю я въ годъ всего-на-всего жалованья?... Играя здѣсь первыя

роли, я получаю 2500 франковъ и по четыре франка за представленіе....

Это происходило подлѣ театра *Bouffes-Parisiens*, который каждый день биткомъ набитъ и директоръ котораго, г. Офенбахъ, безпрерывно задаетъ блистательные праздники, вечера и пиры! Но, что прикажете дѣлать актерамъ и публикѣ, и какъ послѣдней не рваться въ театры, когда всѣ почти газеты и фельетонисты куплены директорами; послушайте только, какія чудеса разсказываютъ каждое утро о пьесахъ, актерахъ, директорахъ и декораціяхъ! Многія газеты принадлежатъ даже директорамъ, какъ собственность; они печатаютъ на ихъ столбцахъ все, что заблагоразсудится. Драматическіе писатели, за рѣдкими исключеніями, относительно директоровъ, въ томъ же почти положеніи, какъ и актеры; директоръ полный хозяинъ; отъ него зависитъ принимать или не принимать на свой театръ произведенія писателя; онъ часто самъ даетъ ему тему пьесы, основанной большей частію на такихъ эффектахъ, которые, по соображеніямъ директора, могутъ давать выгодные сборы. Въ тотъ самый день, какъ заказана пьеса, заказывается также статья; купленный фельетонистъ говоритъ въ ней, что такой-то директоръ положительно разоряется, что онъ истратилъ болѣе 200 тысячъ на постановку новой пьесы, успѣхъ которой долженъ затмить все, что до сихъ поръ было видано и т. д.

Драматическая литература дошла теперь во Франціи до послѣдняго упадка. Въ мое время начался процессъ между авторомъ пьесы «*Cricri*» и театральнымъ машинистомъ; послѣдній доказывалъ, что ему слѣдуетъ выдѣлять изъ сбора равную часть съ авторомъ, потому что успѣхъ пьесы принадлежитъ ему собственно. Дѣйствительно, безъ превосходныхъ машинъ и превращеній пьесы бы не было; она очевидно сочинена такъ только для проформы: нельзя же подымать занавѣсъ для однихъ превращеній! Машинистъ выигралъ процессъ. Другой машинистъ, на другомъ театрѣ *сочинилъ* большую змѣю которая всползала на дерево. Этого было достаточно, чтобы, мѣсяцъ спустя, сотни газетъ призывали Парижъ смотрѣть драму «*Les pirates de la savanne*», въ которой, *le beau M. Dumaine*, убиваетъ эту змѣю; только слышно было: — «*avez vous vu le fameux serpent?...*» Не знаю, какъ здѣсь поладилъ авторъ съ машинистомъ и кому пришлось получить больше изъ сбора.

Переходя отъ театра къ литературѣ, встрѣчаешь и здѣсь тотъ же духъ спекуляціи, то же пользованіе средствами слабаго и безденежнаго, то же личное угнетеніе и эксплуатацію; здѣсь мѣсто директоровъ занимаютъ редакторы большихъ газетъ и журналовъ и издатели, которыхъ расплодилось теперь въ Парижѣ больше, чѣмъ литераторовъ; они захватили послѣднихъ въ свои когти и деспотически управляютъ ими; но о литераторахъ будетъ еще время поговорить.

Пора было однакожь оставить праздную жизнь. Парижъ тѣмъ хорошъ, что рядомъ съ грязью физической и нравственной, рядомъ съ дрянью и мелкотою, которымъ не пріищешь названія, безпрерывно встрѣчаются предметы дѣйствительно заслуживающіе удивленья; ктому же, фланерская, праздная жизнь произвела на меня свое дѣйствіе: я страшно утомился и чувствовалъ, что въ настоящее время покрайней мѣрѣ (за будущее я не ручался) она не увлечетъ меня, не помѣшаетъ вожить другою жизнію.

Товарищь мой былъ совсѣмъ другаго мнѣнья. Эти два-три дня фланерства поглотили его совершенно. Онъ ничего уже не хотѣлъ слышать о достопримѣчательностяхъ и предметахъ «*вызывающихъ на размышленіе*»; уличная жизнь произвела на него совсѣмъ другое дѣйствіе: она засасывала его все глубже, подобно тому, какъ засасывается крупичатое зерно, попавшее въ мельничный кузовъ во время самаго быстраго порханья жернова. Каждый день пропадалъ онъ съ восьми часовъ утра и никогда не возвращался ранѣе полуночи. Всего удивительнѣе было, что М. В., ни слова не говорилъ по французски, и не имѣлъ въ Парижѣ ни одного знакомаго. Гдѣ онъ скитался, какъ находилъ дорогу, съ кѣмъ бесѣдовалъ, все это оставалось неразгаданной тайной. Изъ разговора его я могъ узнать только, что онъ исходилъ верстъ тридцать, никуда рѣшительно не заходя, кромѣ кофейной, гдѣ завтракалъ, обѣдалъ и ужиналъ. Возвращался онъ обыкновенно страшно утомленный, падалъ на постель, подпиралъ голову ладонью и размахивая въ воздухѣ другою рукою, произносилъ умиленнымъ голосомъ:

— Боже мой, что это за ножки!.. Боже, что за ботинки!.. Боже! Боже!!.. послѣ чего онъ опускался на постель и мгновенно засыпалъ непробудимымъ сномъ праведника.

Я началъ свои похожденія съ Лувра.

Ничего не скажу вамъ о старомъ зданіи и новыхъ, изумительно громадныхъ и оконченныхъ постройкахъ соединяющихъ старый Лувръ съ Тюильрійскимъ дворцомъ. Сотни разъ говорилось объ этомъ несравненно подробнѣе и лучше, чѣмъ я могу это сдѣлать.

Совершенно на томъ же основаніи не стану распространяться о картинахъ, статуяхъ и древностяхъ всякаго рода, наполняющихъ Лувръ. Для любителей искусства, легкій очеркъ обо всемъ этомъ будетъ только повтореніемъ; равнодушные, которымъ не любопытно было прежде познакомиться съ Лувромъ, обойдутся съ описаніемъ моимъ извѣстно какимъ образомъ: они перевернутъ страницу!

Наконецъ, я того убѣжденья, что каждое искусство имѣетъ свои предѣлы, переступать которые совсѣмъ не слѣдуетъ; сколько, напримѣръ, ни описывай вамъ красоту музыкальнаго произведенія, вы поймете его и оцѣните тогда только, какъ сами услышите; тутъ литературѣ дѣлать нечего. Хорошая фотографія, хоть бы, напримѣръ, съ Венеры Милосской дастъ вамъ во сто разъ больше понятія и удовольствія, чѣмъ самое блистательное описаніе внѣшнихъ красотъ статуи; въ пластическихъ искусствахъ особенно, все дѣло въ непосредственномъ, наглядномъ наслажденіи. Изученіе законовъ искусства и эстетики не научитъ любить и понимать художество, когда нѣтъ къ нему любви истинной, врожденной, внутренняго сильнаго влеченія.

Лувръ удивилъ меня, но только совсѣмъ въ другомъ отношеніи, какъ вы, можетъ быть, ожидаете. Необыкновенное умѣнье французовъ придавать блестящій видъ самой ничтожной пустой вещи, мастерство и вкусъ въ декоративномъ дѣлѣ, умѣнье выставить товаръ лицомъ и озадачить наружнымъ эффектомъ, заставили меня думать, что внутренное расположеніе Лувра, постановка находящихся въ немъ сокровищъ опрокинетъ меня навзничь. Въ этомъ-то именно я и ошибся. Здѣсь на обстановку далеко не обращено той любви къ предмету, которая поразила меня, напримѣръ, въ Копенгагенѣ въ музеѣ Торвальдсена.

Нѣтъ возможности исчислить сокровищъ Лувра по всѣмъ отраслямъ искусства и археологіи; но все это помѣщено и разставлено самымъ жалкимъ и недостойнымъ образомъ. Всѣ галлереи, за исключеніемъ музея древностей египетскихъ, ассирійскихъ и еще комнатъ, гдѣ находятся картины Ватo, Буше, Гре-

за и ихъ подражателей, освѣщены очень дурно, хотя во многихъ изъ нихъ свѣтъ падаетъ сверху.

Множество драгоцѣннѣйшихъ картинъ покрыты грязью и копотью; тѣ изъ нихъ, которыхъ коммиссія реставраторовъ, учрежденная при Наполеонѣ I, не успѣла реставрировать,—такъ и остались неотчищенными. Знаменитая мадонна Рафаэля «*La Vierge aux Anges*», извѣстная у любителей эстамповъ подъ именемъ *Vierge d'Edélink*, такъ черна, что кажется завѣшенною чернымъ крепомъ; а между тѣмъ она одного почти времени съ мадонной «Фолинъо» въ Ватиканѣ, которая, благодаря теперешнему искусству реставрировать безъ нанесенія вреда картинѣ, свѣжа, какъ словно вчера только вышла изъ мастерской Рафаэля. Свадьба въ Канѣ Веронеза, чтобы производить полное впечатлѣніе, требуетъ втрое больше простора и на столько же больше свѣта. Дивный Михаилъ Архангелъ Рафаэля также страшно запущенъ и виситъ слишкомъ высоко. Въ масляныхъ картинахъ письмо Рафаэля такъ нѣжно и тонко, что вполнѣ оцѣнить его можно только на близкомъ разстояніи.

Прогулка по галлереямъ Лувра, которая могла бы быть высшимъ наслажденіемъ, оставляетъ неудовлетворенное чувство въ томъ еще отношеніи, что всѣ картины, особенно итальянскихъ, испанскихъ и фламандскихъ художниковъ, развѣшаны безо всякой системы и хронологической послѣдовательности. Съ умысломъ, по заказу, на премію, нельзя размѣстить картины съ большимъ безпорядкомъ; въ Луврѣ восемь картинъ Рафаэля; изъ нихъ три первоклассныя; отчего бы не собрать ихъ въ одно мѣсто? нѣтъ вы проходите безконечный рядъ комнатъ и вдругъ, между произведеніями художниковъ конца XIV столѣтія, перемѣшанными съ Жіорджоне и Веласкезомъ, встрѣчаете портретъ Кастильоне, писанный Рафаэлемъ и другую картину ему же приписанную: «Портретъ Рафаэля и его фехтовальнаго учителя»; обѣ эти картины повѣшены противъ огромныхъ холстинъ Рубенса, изображающихъ исторію Маріи Медичи и которыя, какъ нарочно, писаны самымъ декоративнымъ образомъ, недавно отчищены и поражаютъ своимъ блескомъ.

Въ мое время музей скульптуры передѣлывался; Венера Милосская и другія замѣчательныя статуи разставлены были въ нижней части зданія подъ какими-то мрачными сводами. Въ одной изъ комнатъ Лувра собрана коллекція драгоцѣнныхъ древнихъ кубковъ, эмалей, рѣзныхъ вещей изъ кости, обращи-

ковъ фаянсовыхъ издѣлій времени возрожденія, блюдъ Бернара де-Палисси и проч. и проч.; комната эта чуть ли не самая темная изъ всѣхъ комнатъ Лувра; всѣ эти драгоцѣнности собраны въ шкапахъ изъ чернаго дерева и находятся въ полумракѣ; шкапы прислонены къ стѣнамъ и свѣтъ изъ окна направо и налѣво, проходитъ только черезъ середину комнаты. Тотъ же самый недостатокъ встрѣчается въ отдѣленіи рисунковъ; комнаты глубоки и освѣщены съ одной стороны; рисунки расположены въ стеклянныхъ конторкахъ, огибающихъ кругомъ стѣны; въ глубинѣ комнатъ нѣтъ уже возможности разсмотрѣть что нибудь, какъ слѣдуетъ; вмѣсто удовольствія чувствуешь только досаду.

Но, какъ я уже говорилъ вамъ,—и замѣтьте, такъ во всей Франціи,—рядомъ съ безпорядкомъ, неряшествомъ и чепухою, встрѣчаются удивительныя вещи, умнѣйшія учрежденія и постановленія.

Такъ напримѣръ, въ Луврѣ круглый годъ, кромѣ, кажется, понедѣльника, всѣ двери открыты настежь;—входи кто хочетъ! Отъ посѣтителей требуется только, чтобы они ни къ чему не прикасались руками, не мѣшали другимъ смотрѣть и вели себя благопристойно; никому не воспрещается громко говорить, гулять и садиться на казенные диваны и кресла.

Въ томъ же зданіи, недалеко отъ галлерей устроено особое отдѣленіе подъ названіемъ: «*Calcographie du Louvre*»; цѣль этого отдѣленія прекрасна; сюда поступаютъ всѣ лишніе дублеты эстамповъ, гравюръ и снимковъ съ картинъ, статуй и рисунковъ, находящихся въ Луврѣ и гравированныхъ большею частію французскими художниками; всѣмъ этимъ предметамъ сдѣланъ каталогъ по разрядамъ и каждый можетъ пріобрѣтать ихъ за самую сходную цѣну, тутъ же означенную въ каталогѣ.

Я вышелъ изъ Лувра съ той стороны старинаго фасада, который смотритъ на Сену. Жаль, что здѣсь мѣсто не возвышенное: видъ былъ бы чудесный на всю часть зарѣчнаго города, который усыпанъ древними зданіями и несравненно живописнѣе новаго Парижа.

Вообще вся зарѣчная часть Парижа имѣетъ ту живописность которую даетъ только время, ломающее одно, воздвигающее другое, громоздящее новое подлѣ стараго, накладывающее такіе тоны и краски, создающее такіе изгибы и перспективы, которыхъ никогда не придумаютъ сотни соединенныхъ архитекторовъ и декораторовъ.

Башни *Notre-Dame* особенно говорятъ воображенію; я прямо туда отправился, не покидая лѣвой набережной. Пройдя мимо всего фасада Лувра и невольно остановившись на минуту, чтобы взглянуть на окно, изъ котораго, говорятъ, Карлъ IX стрѣлялъ въ народъ, я миновалъ башню св. Якова, заставленную тогда лѣсами, и вышелъ на площадь Ратуши (*Hôtel de Ville*).

Несмотря на то, что ратуша жестоко пострадала отъ революцій, она все-таки чуть ли не самое лучшее архитектурное зданіе Парижа; здѣсь по крайней мѣрѣ больше чѣмъ гдѣ нибудь сохранился во всей чистотѣ своей роскошный и вмѣстѣ съ тѣмъ изящный стиль возрожденія; только тѣ части Фонтенблосскаго дворца, которыя выстроены при Франциске I, могутъ соперничать съ главнымъ фасомъ ратуши. «*Hôtel de Ville*» не менѣе интересенъ и въ историческомъ смыслѣ; чего только не перебывало передъ этимъ фасадомъ, чего не видали и не слыхали внутреннія стѣны! Исторія этой парижской ратуши можетъ наполнить цѣлые томы. Но Наполеону третьему не нравится ея исторія; желая, вѣроятно, предупредить дальнѣйшее ея продолженіе, онъ выстроилъ непосредственно за ратушей казарму и написалъ такимъ образомъ: — *fin*.

Башни церкви Богоматери, почти противъ ратуши; ихъ раздѣляетъ Сена и небольшой древній кварталъ, окружающій церковь.

Пройдя мостъ *d'Arcole*, я вступилъ въ узенькія, извилистыя улицы, полузаслоненныя отъ свѣта восьмиэтажными мрачными домами съ высокими черепичными кровлями; здѣсь также вездѣ кафе и лавочки; но все смотритъ какъ-то мутно, уныло; куда дѣвались шумъ и веселость, которая въ Парижѣ часто вырывается наперекоръ нищетѣ и даже голоду? Сюда очевидно слилось бѣдное населеніе, которому стыдно показываться на роскошныхъ улицахъ и бульварахъ. Движенія здѣсь такъ мало, что, кажется, попалъ неожиданно въ крошечный, заброшенный уѣздный городокъ; изрѣдка прогремитъ двухъ колесная телѣга съ овощами или известью, перекликнутся торговки у дверей лавочекъ, пройдетъ бѣдно одѣтая швейка или худощавый студентъ въ широкополой порыжѣвшей шляпѣ. Часто потомъ случалось проходить черезъ этотъ кварталъ; всегда встрѣчалъ я тоже самое; изрѣдка зразѣ, вечеромъ, въ какомъ нибудь кафе услышишь щелкотню биллiардныхъ шаровъ, говоръ или нестройную коровую пѣснь подгулявшихъ студентовъ.

На самомъ неожиданномъ мѣстѣ поворачиваешь на небольшую свѣтлую площадку, и вдругъ передъ вами развертывается главный фасадъ готическаго собора со своимъ чуднымъ порталомъ, верхними галлереями и двумя башнями, которыя хотя сами по себѣ очень характерны, но далеко не отвѣчаютъ тонкому изяществу нижней части церкви.

Темная, мрачная, истертая и изъѣденная вѣками, она облечена поэзіей древности и тою еще, которую придаетъ ей воображеніе, настроенное воспоминаніями, сотнями описаній и романами Виктора-Гюго. При всемъ желаніи сдѣлаться внимательнымъ и сосредоточиться, Клодъ-Фролло, Эсмеральда, Квазимодо, Клопенъ-Трульфу и толпа, взбирающаяся по лѣстницамъ, приставленнымъ къ стѣнамъ забора, долго васъ не оставляютъ. Впослѣдствіи я много видѣлъ готическихъ зданій; нѣкоторыя, какъ напримѣръ, Кельнскій и Страсбургскій соборы, нравились мнѣ несравненно больше церкви Богоматери; но положительно нигдѣ нѣтъ такого великолѣпнаго главнаго входа или портала. Принимая въ соображеніе страшные перевороты, которыхъ зданіе было свидѣтелемъ, надо удивляться, какъ порталъ могъ сохраниться въ такой цѣлости; реставрація, наложившая свою медвѣжью лапу на всѣ остальныя части зданія, къ счастію не прикоснулась ко входу. Глядя на тщательную отдѣлку орнаментовъ, завитковъ и святыхъ, расположенныхъ одинъ надъ другимъ и рядами украшающихъ изгибы остроконечной арки, невольно стараешься дать себѣ отчетъ, откуда взялось это безконечное совершенство частей и вмѣстѣ съ тѣмъ, эта гармонія общаго, отличающая готическія зданія. Понятно, что все это могло создаваться и дѣлаться тогда только, когда глубокое, искреннее религіозное чувство увлекало общество, когда все, что ни приступало въ постройкѣ храма, начиная отъ архитекторовъ до послѣднихъ каменьщиковъ, — все вдохновлялось однимъ чувствомъ и проникнуто было одною общею мыслію.

Такъ ужь слѣдуетъ видно, что въ Парижѣ вездѣ должна господствовать внѣшность! Въ церкви Богоматери, точно такъ же, какъ и въ Луврѣ (здѣсь конечно говорится только о стѣнахъ и внутреннемъ устройствѣ), — наружный видъ обѣщаетъ больше, чѣмъ даетъ внутренность. Церковь, подъ руками тупоумныхъ распорядителей и реставраторовъ, совершенно утратила поэтическій колоритъ древности; впечатлѣніе такое, какъ будто разсматриваешь древнюю библію, пергаментные листы которой,

покрыли мѣломъ—для чистоты—и расписали почеркомъ современной каллиграфіи. Стѣны собора выбѣлили; колонны, идущія по обѣимъ сторонамъ, грубѣйшимъ образомъ размалеваны за-ново. Вообще видно, внутренность храма не успѣли окончить вдохновленные зодчіе, воздвигшіе порталъ. Послѣднюю руку наложило уже послѣдующее поколѣніе, утратившее великую тайну готической поэзіи. Внутри замѣчательны только громадныя цвѣтныя окна верхняго яруса; многія изъ нихъ были вынуты и мѣста закрыты досками.

Не понимаю какой бѣсъ укусилъ парижанъ, но они приняли повидимому намѣреніе повалить весь старый Парижъ; половина города заставлена лѣсами; на многихъ площадяхъ и улицахъ заборы съ выглядывающими поверхъ ихъ обломанными стѣнами и трубами; путь поминутно преграждается рядами громадныхъ телѣгъ съ тесаннымъ камнемъ, известью; со всѣхъ сторонъ сыплется мусоръ и раздаются стукъ лома и крики штукатуровъ; расположеніе къ перестройкамъ обнаружилось прежде всего у Наполеона третьяго; оно быстро привилось къ буржуази и мгновенно заразило всѣхъ до степени бѣлой горячки. Что Наполеонъ такъ усердствуетъ въ перестройкѣ Парижа, — дѣло понятное; ясно къ чему ведутъ эти широкія, прямыя улицы, перерѣзывающія городъ по всѣмъ направленіямъ и замкнутыя по концамъ казармами съ такими окнами, что страхъ беретъ идти мимо: такъ и ждешь, что высунется оттуда пушка и начнетъ стрѣлять картечью. Но вотъ что удивительно: изъ чего такъ хлопочутъ парижане? Не всѣхъ же до такой степени одурманиваетъ тщеславіе, чтобы вѣрить, что проэкты Наполеона служатъ только къ украшенію Парижа! Можетъ быть и то также, что неугомонная дѣятельность парижанъ, тѣснимая со всѣхъ сторонъ, рада, *faute de mieux*, миролюбиво ломать дома, ворочать камни и разрушать улицы; можетъ быть и то также, что такая ужь пришла мода на перестройку; прежде кричалъ Парижъ: —*vive l'échafaud!* теперь кричитъ: — *vive l'échafaudage!*...

Сказавъ вамъ нѣсколько словъ о Луврѣ, ратушѣ, старой Ситѣ и церкви Богоматери, я считаю, что далеко уже перешелъ за черту, которую предписалъ себѣ въ этомъ очеркѣ. До пріѣзда въ Парижъ, я далъ себѣ слово осмотрѣть всѣ достопримѣчательности города и его окрестностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ произнесъ торжественный обѣтъ не упоминать о нихъ въ моихъ запискахъ. Фонтенебло, Версаль, Инвалиды, церкви, музей Клюни,

Ботаническій садъ, частныя галлереи, музеи, — не было ли все это тысячу разъ описано? Къ тому же впереди, въ Испаніи и Италіи предстоятъ такія чудеса искусства, для которыхъ надо поберечь мѣсто.

Каждому путешественнику хочется сказать что нибудь новое; въ этомъ отношеніи не лучше ли всего обращаться къ нравамъ? Они даютъ несравненно больше пищи для наблюденій, чѣмъ церкви и зданія; описывать послѣднія, значитъ повторять уже сказанное; но никто еще не исчерпалъ сторону нравовъ до такой степени, чтобы не было чего нибудь къ нимъ прибавить.— «Развѣ не все уже сказано объ Англіи?» замѣтили англичанину, который готовился печатать книгу о нравахъ своего отечества.— «Конечно все, отвѣчалъ онъ, — но тѣмъ не менѣе, обо всемъ еще остается сказать!» Каждый, пріѣзжая въ любую страну или городъ, наталкивается на случаи, происшествія и на людей, которыхъ вчера не было и которые не встрѣтятся или не повторятся завтра; путешественникъ, передающій бумагѣ свои впечатлѣнія, непремѣнно внесетъ что нибудь новое въ самую богатую массу наблюденій своего предшественника.

Парижъ особенно такой городъ, что каждый прожитый въ немъ день, можетъ дать матеріялу на цѣлый томъ въ нравоописательномъ родѣ. Нигдѣ такъ человѣчество не движется, какъ здѣсь и не можетъ быть такъ уподоблено морю, которое то приливаетъ, то отливаетъ, то неожиданно вздымаетъ свои волны, вскидывая ихъ подъ облака, то вдругъ плашмя падаетъ и лоснится, какъ щеки разжирѣвшаго, самодовольно-пошлаго и только что выбрившагося буржуа.

Рыская по городу и окрестностямъ, я совершенно забылъ, что у меня въ портфелѣ хранилось множество писемъ къ лицамъ болѣе или менѣе интереснымъ и совершенно разнородным. Письма къ Дюма-сыну у меня не было; но все равно я отправился къ нему прежде, чѣмъ подумалъ о другихъ; этого требовала учтивость: я жилъ въ домѣ его отца.

Прежде еще говорили мнѣ, что Дюма-отецъ и Дюма-сынъ совершеннѣйшіе антиподы по характеру. Я убѣдился въ этомъ, какъ только вошелъ въ комнаты сына. Все сразу говорило, что здѣсь живетъ человѣкъ, щедро надѣленный изящнымъ вкусомъ, но прежде всего, — человѣкъ положительный, бережливый, влюбленный въ порядокъ. Наружность сына напоминаетъ отца; но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ перваго взгляда не остается сомнѣнія въ

разницѣ характера того и другаго. На сколько фигура отца постоянно вся въ движеніи и лицо его носитъ отпечатокъ страстей и неугомонныхъ огненныхъ порывовъ, — на столько сынъ кажется спокойнымъ и даже холоднымъ. Не даромъ, видно, говоритъ онъ, когда рѣчь идетъ объ отцѣ: «*Mon père est un grand enfant, que Dieu m'a donné quand j'ai été jeune homme!*» Огонь и живость отца перешли въ глаза сына, которые блещутъ остроуміемъ. Дюма-сынъ совершенный джентльменъ. Когда я вошелъ къ нему, онъ занимался разсчетомъ со своимъ грумомъ или конюхомъ.

— Счеты, какъ сами вы, я думаю, знаете, — не послѣднее дѣло литераторовъ, сказалъ онъ.

Я выразилъ сожалѣніе, что до сихъ поръ не видалъ ни одной его комедіи. Въ *Gymnase* давали каждый вечеръ новую какую-то пьесу; онъ очень обязательно взялся устроить дѣло. Дѣйствительно, нѣсколько дней спустя, прислалъ онъ мнѣ билетъ на *Demi-monde*. Я прежде читалъ эту комедію; увидавъ ее на сценѣ, я лишній разъ повѣрилъ на дѣлѣ, что пьеса, увлекательная въ чтеніи, рѣдко достигаетъ такой цѣли на сценѣ. *Demi-monde* отличается полнѣйшимъ отсутствіемъ драматическаго движенія; все принесено въ жертву остроумію, обрисовкѣ характеровъ и современности. При встрѣчѣ съ авторомъ я, разумѣется, не могъ передать ему моихъ впечатлѣній; я ограничился только вопросомъ, почему бросилъ онъ совершенно повѣствовательный родъ и посвятилъ себя такъ исключительно театру. Смыслъ отвѣта его былъ таковъ, что романъ падаетъ, повѣствовательная форма видимо всѣмъ пріѣлась.... Развѣ явится новый Бальзакъ.... Но на это мало надежды! Публикѣ читать теперь некогда; она ударилась въ дѣла, спекуляціи и живмя-живетъ на биржѣ; свободное время свое отдаетъ она театру; надо, слѣдовательно, писать для театра, чтобы составить себѣ имя; къ тому же оно и *выгоднѣе*.

Дюма, можетъ быть, не сказалъ послѣдняго слова; но я съ умысломъ подчеркнулъ его; дальнѣйшее знакомство съ литературнымъ кругомъ убѣдило меня, что слово: *выгода* вполнѣ выражаетъ точку зрѣнія современныхъ писателей Франціи на предметъ ихъ занятій. Литераторы, журналисты, драматическіе писатели, даже поэты, — *voir* Мери, — милаго, остроумнаго Мери, который нашелъ не безполезнымъ сочинить торжественный гимнъ Лудовику Наполеону, — всѣ исписываютъ стопы

бумагъ, вдохновляясь одними банковыми билетами, — и что еще хуже, — надеждами на полученіе казеннаго мѣста или ордена почетнаго легіона. Словомъ, они потеряли всякое достоинство. Сколько я могу судить изъ разговоровъ, любой изъ нихъ готовъ промѣнять поприще свое на званіе смотрителя тюильрійскихъ фонтановъ. Меня поразили въ нихъ духъ раболѣпія и вмѣстѣ съ тѣмъ безмѣрная напыщенность и невѣжественное чувство тщеславія, которое признаетъ только свое я и съ презрительнымъ равнодушіемъ относится ко всему, что выходитъ за предѣлы крѣпостнаго вала парижскихъ фортификацій. Сдѣлки, которыя въ другомъ кругу были бы приняты за оскорбленіе, здѣсь вещь самая обыкновенная. Позовите обѣдать въ *café Anglais*, или еще проще, — дайте денегъ, — и завтра же самое ничтожное изобрѣтеніе, самую плохую книжонку, десятки газетъ превознесутъ до небесъ, какъ у насъ превозносили когда-то Излера. Здѣсь только дѣлается понятнымъ выраженіе французскихъ газетъ: *faire* une danseuse, un acteur, un auteur и т. д. Подобно тому, какъ находишь у Иверскихъ воротъ въ Москвѣ толпу оборванцевъ, которые за гривенникъ свидѣтельствуютъ своею подписью что̀ угодно,—въ бульварныхъ кафе возсѣдаютъ за стаканомъ *absinte* маленькіе журналисты, которые, за двадцать франковъ, будутъ писать что̀ угодно и кому угодно.

Частная ихъ жизнь нисколько не лучше общественной. Одна объясняетъ другую. Въ Парижѣ существуетъ общество драматическихъ писателей и литературы, но собственно общество литераторовъ отъ этого нисколько не соединилось; всѣ живутъ между собою, какъ кошка съ собакой. Они избѣгаютъ другъ друга, боясь вѣрно дурнаго знакомства. Издатели, которыхъ въ Парижѣ столько же теперь, сколько писателей, ловко пользуются такимъ несогласіемъ. Литераторъ, не защищенный обществомъ своего сословія, лишенный представителей и опоры,— является передъ издателемъ, какъ единица, которой тотъ не боится и душитъ въ когтяхъ своихъ до послѣдняго издыханія. Въ его власти пустить въ ходъ статью, книгу и даже человѣка, точно такъ же, какъ можетъ онъ придавить и статью, и книгу, и человѣка.

Бо̀льшая часть издателей — хозяева журналовъ; попробуйка литераторъ выйдти изъ повиновенія; его, или книгу его, — что̀ все равно, — мигомъ прихлопнутъ. Въ большихъ журналахъ, на которые смотримъ мы издали съ такимъ уваженіемъ,

повторяется, какъ въ зеркалѣ, таже жалкая картина литературныхъ нравовъ. Пять-шесть извѣстныхъ писателей и фельетонистовъ сидятъ на плечахъ редакторовъ и сильно нажимаютъ имъ шею кулаками; редакторы, въ свою очередь, сидятъ на плечахъ остальныхъ сотрудниковъ и въ досадѣ еще сильнѣе надавливаютъ кулаками на ихъ шею, — взаимная эксплуатація и нажиманье.

Я познакомился съ Б*, который пишетъ повѣсти въ одну изъ первыхъ *revue* Франціи. Б* трудолюбивъ, какъ боберъ и во вкусахъ своихъ скроменъ, какъ овца. Б* живетъ между тѣмъ на чердакѣ и постоянно ходитъ во фракѣ, потому что ему, по собственному признанію, не на что купить сюртука. Редакторъ, печатающій восемь тысячъ экземпляровъ своей *revue*, платитъ Б* пятьсотъ франковъ за повѣсть. Нечего и думать переходить въ другой журналъ: тамъ всѣ мѣста уже впередъ заняты по контракту; кромѣ того нѣтъ и разсчета: тамъ платятъ не больше.

— Отчего не прибѣгнуть бы вамъ къ защитѣ Г. или Д.? (я назвалъ двухъ фельетонистовъ, сидящихъ на плечахъ редактора той *revue*, гдѣ работалъ Б*). Они ваши товарищи, собраты; они вѣрно ничего не знаютъ о вашихъ отношеніяхъ къ редактору; иначе, конечно, они не допустили бы его до такой гнусной эксплуатаціи.

— Г. и Д., возразилъ Б* съ горькой усмѣшкой: — Г. и Д., захвативъ такъ много денегъ, знаютъ очень хорошо, что редакторъ, который также хочетъ жить, не можетъ больше платить остальнымъ сотрудникамъ. Они не захотятъ испортить своихъ собственныхъ дѣлъ; Г. и Д. пробили себѣ дорогу, сдѣлались извѣстными и пользуются своимъ положеніемъ; надо ждать своей очереди!...

Такая невеселая, но правдивая картина нравовъ, объяснитъ вамъ отчасти причину того страшнаго, безпримѣрнаго упадка, въ которомъ находится современная литература во Франціи. Безпримѣрно, впрочемъ, и направленіе, которое приняло теперешнее парижское общество; спекуляція, алчность къ деньгамъ, жажда скорѣй нажиться, — обуяли всѣхъ рѣшительно; молоденькіе мальчики, съ едва пробивающимся пушкомъ на подбородкѣ, молоденькія женщины, въ шипящей кринолинѣ, — нимало уже теперь не мечтаютъ другъ о другѣ; ихъ мысли заняты счетами, мечты витаютъ вокругъ дивидентовъ акцій, ко-

терыя продаются на биржѣ; циническій эгоизмъ такъ въ лицо и бросается; онъ овладѣлъ всѣми, сдѣлался достояніемъ всѣхъ слоевъ общества.

Съ легкой руки Дюма-сына, каждый день почти пошли у у меня новыя знакомства.

Утромъ, на другой день послѣ представленія *Demi-monde*, кто-то постучался въ дверь.

— *Entrez!*

Входитъ длинная Тереза.

— Васъ, m-r Grégory, желаетъ видѣть monsieur V. P.

— Кто это?

— *C'est un monsieur qui fait des livres,* отвѣчаетъ Тереза съ таинственной улыбкой.

«Еще литераторъ!» подумалъ я, и признаюсь, на этотъ разъ безъ всякаго уже удовольствія.

Судите о моемъ удивленіи, когда вмѣсто господина съ усами и бородою, въ дверяхъ явилась хорошенькая женщина, въ голубой шляпкѣ и цвѣтной мантильи.

— Извините мою безцеремонность, сказала она весело: — имя мое F., но я пишу подъ псевдонимомъ V. P.; какъ видите, я собратъ вашъ по литературѣ; зная, что вы здѣсь, я пришла поговорить съ вами о вашемъ отечествѣ и спросить у васъ нѣсколько совѣтовъ.

Проговоривъ все это безъ страха и такъ скоро, что я едва могъ слѣдить за ея мыслію, V. P. разсказала, что пишетъ романы и повѣсти, но получаетъ за нихъ такъ мало, что едва имѣетъ чѣмъ жить: она думала оставить Парижъ и ѣхать въ Россію, ей казалось, что въ Россіи она успѣшнѣе будетъ подвизаться на литературномъ поприщѣ. Она убѣдительно просила высказать откровенно мое мнѣніе по этому предмету.

Не успѣлъ я произнести двухъ словъ, — въ комнату влетѣла другая хорошенькая фея; это была подруга V. P. которая пришла за нею.

— Позвольте васъ познакомить, сказала V. P.—еще собратъ, *bas-bleu*, какъ и я, N*; вы не слыхали ея имени: она не подписываетъ.

N*, занимается переводами съ англійскаго; между переводами, она, по собственному ея выраженію: *fait de la copie*, т. е. беретъ переписывать на бѣло рукописи другихъ писателей; она получаетъ за это по пяти су съ листа. Переписка и переводы,

занимая ее по двѣнадцати часовъ въ день, даютъ ей въ годъ полторы тысячи франковъ, иногда даже меньше.

— Ну такъ что же вы думаете о *нашемъ* проэктѣ, сказала V. P; я говорю: *нашемъ*, потому, что N*, тоже ѣдетъ со мною въ Россію.

Я поспѣшилъ исполнить желаніе обоихъ собратовъ; мнѣніе мое навзничь опрокидывало ихъ проэкты. Но къ великому моему удивленью, ни V. P, ни N*, не обнаружили при этомъ тѣни горести; обѣ, съ прежнею веселостію объявили, что если дѣло не можетъ клеиться въ Россіи съ литературой, онѣ готовы отказаться отъ служенія искусству и поступить въ гувернантки.

Я представилъ имъ тогда легкій, но весьма колоритный очеркъ положенія гувернантки въ Екатеринбургѣ или Арзамасѣ и убѣдительно просилъ ихъ не оставлять Парижа.

— Вы правы, ни мало не задумываясь сказала V. P.—Парижъ все-таки первый городъ въ свѣтѣ и тотъ, кто привыкъ къ нему, нигдѣ уже больше не можетъ ужиться!...

Вслѣдъ за тѣмъ, бесѣда наша приняла совершенно другой оборотъ; о проэктахъ не было и помину, проэкты какъ словно никогда даже не существовали; говорилось съ увлеченіемъ о парижской жизни, увеселеніяхъ и развлеченіяхъ.

Едва разстался я съ V. P, и N*, которыя взяли съ меня слово заглянуть въ ихъ *кіоскъ* (онѣ жили на дачѣ въ полъ-мили отъ Парижа и занимали крошечную бесѣдку, въ которой съ трудомъ помѣщались двѣ кушетки и столикъ), какъ получилъ я записку такого содержанія:

«М. Г., прошу васъ удѣлить мнѣ полчаса времени; мнѣ нужно переговорить съ вами о вашемъ отечествѣ и посовѣтоваться съ вами о дѣлѣ большой важности».

Строки эти подписаны были женскимъ именемъ, которое не разъ случалось встрѣчать на оберткахъ французскихъ романовъ.

Я отправился, не медля ни минуты; но дамы не было дома; вскорѣ впрочемъ я встрѣтился съ нею у одного общаго знакомаго; на этотъ разъ я увидѣлъ женщину уже подъ шестьдесять, одѣтую очень небрежно, хотя съ фероньеркой на лбу. Она думала точно также ѣхать въ Россію съ цѣлью писать тамъ и печатать свои романы; рѣшимость ея повидимому была непреклонна; она просила меня объяснить ей нѣкоторыя детали.

— М. государыня, проговорилъ я самымъ почтительнымъ тономъ,— въ Петербургѣ шесть-семь книгопродавцевъ; вы по-

ставите ихъ въ необходимость сдѣлаться издателями; они должны будутъ вамъ заплатить большія деньги за рукопись, должны будутъ покупать бумагу, хлопотать съ изданіемъ и взять на себя всю отвѣтственность распродажи вашего романа; предоставляю вамъ судить, пойдутъ ли они на это, когда дѣло ихъ ограничивается теперь только слѣдующимъ: имъ стоитъ черкнуть въ спискѣ выписываемыхъ книгъ число экземпляровъ вашего романа, чтобы получить его тотчасъ же уже совсѣмъ готовымъ на свою конторку: дѣло, какъ видите, обходится имъ несравненно дешевлѣ и безхлопотнѣе. Могу васъ увѣрить, ни одинъ изъ нихъ, при всемъ уваженіи къ вашему имени, не купитъ у васъ листа вашей рукописи!

— *Autant alors rester à Paris*, проговорила писательница полувопросительнымъ, полуувѣреннымъ голосомъ.

—Я самъ такъ думаю.

Не смотря на зрѣлыя лѣта, она отказалась отъ своего проэкта, давно ее занимавшаго, такъ же легко и скоро, какъ молоденькія, вѣтренныя V. P. и N.

Такая переходчивость мыслей и непрочность убѣжденій поражаетъ здѣсь не только въ женщинахъ, но и въ мужчинахъ. Всѣ живутъ какъ словно день въ день; не удалось одно, живо переходятъ къ другому; жизнь принимается, какъ шутка; призадумываются тогда только, какъ деньги приходятъ въ обрѣзъ и достать ихъ положительно неоткуда; фортуна улыбнулась, — все забыто: парижанинъ снова счастливъ, веселъ, бѣгаетъ по театрамъ, баламъ, бульварамъ или беретъ деньги и играетъ ими на биржѣ. Здѣсь только встрѣтить можно эту игру жизнію, это существованіе на воздухѣ; подъ ногами у нихъ какъ словно не земля, а воздушный шаръ, который носитъ ихъ, куда ему вздумается. Все приносится въ жертву удовольствіямъ и временному наслажденію; — сама жизнь ничего не стоитъ. Если людьми не руководитъ разсчетъ, ими управляетъ повидимому не столько собственная воля, сколько случайность, капризъ, увлеченіе.

Не задолго послѣ моего пріѣзда входитъ ко мнѣ разъ Тереза; на ней противъ обыкновенія чепецъ и вообще во всей ея физіономіи что-то торжественное, необыденное.

— *Mr. Grégory*, я пришла съ вами посовѣтоваться, сказала она, потрясая чепцомъ и усаживаясь въ кресло.

— Сдѣлайте милость....

— *Mr Grégory*, у меня дочь.... Родители имѣютъ привычку хвалить дѣтей своихъ —это ужь такъ водится; но я буду безпристрастна; дочь моя—личность замѣчательная во всѣхъ отношеніяхъ: она хороша собою, какъ ангелъ, имѣетъ кромѣ того всѣ таланты: она декламируетъ, поетъ, играетъ на фортепьяно. Она два года назадъ дебютировала на одномъ изъ здѣшнихъ театровъ.... *Elle à éffacé tout le monde! C'etétait étourdissant!* Тутъ встрѣтился *un monsieur hollandais; oh, Mr Grégory, — c'etait pour le bon motif!*... Она уѣхала съ нимъ въ Голландію; *son monsieur* оказался негодяемъ; онъ убѣжалъ въ Индію и дочь моя возвратилась снова въ Парижъ; она не можетъ теперь поступить въ свой театръ; прежнія подруги ее,—*des rien du tout, quoi!*—заняли всѣ мѣста и страшно стали интриговать.... Я собственно пришла васъ просить, не можете ли лично взглянуть на нее, убѣдиться въ необыкновенныхъ ея талантахъ и отрекомендовать ее на французскій театръ въ Петербургѣ, или въ Москву, — все равно; она дивно поетъ и сверхъ того, можетъ давать уроки на фортепьяно....

Но увы, я не успѣлъ убѣдиться въ талантахъ *M-lle Rosalbà* (такъ звали дочь Терезы); по прошествіи недѣли, ее увезъ какой-то офицеръ въ Африку,—также: *pour le bon motif*. Пріѣхавъ въ Парижъ годъ спустя, я узналъ, что офицеръ умеръ, и *M-lle Rosalbà* открыла сначала кофейный домъ въ Танжерѣ; но дѣло не пошло и она вскорѣ уѣхала въ Бразилію, съ однимъ богатымъ плантаторомъ.

М. В. продолжалъ между тѣмъ исчезать аккуратно съ восьми часовъ утра вплоть до полуночи. Онъ былъ въ упоеніи отъ Парижа. Прислушиваясь къ восторженнымъ рѣчамъ его, я охотно согласился снова посвятить цѣлый день фланерству и отдалъ себя въ полное его распоряженіе.

Онъ повелъ меня прямо въ Елисейскія поля. Проходя мимо площади Согласія, — бывшей площади Революціи, которую до сихъ поръ видѣлъ я мелькомъ,—я не могъ не остановиться. Это безспорно самая великолѣпная площадь въ мірѣ; не знаешь чему удивляться: громадности задуманнаго и приведеннаго къ окончанію плана, — или громадности воспоминаній, которыя осаждаютъ умъ и сердце, какъ только войдешь на площадь. Декорація ея поэтично хороша; слѣва Тюильрійскій садъ, справа густая зелень шумныхъ Елисейскихъ полей; — противъ, законодательное собраніе, — прежняя *asamblée nationale*; по угламъ ко-

колоссальныя мраморныя группы, изображающія главные города Франціи; по серединѣ Луксорскій обелискъ и монументальный фонтанъ. Все это, вмѣстѣ съ грохотомъ и вѣчнымъ движеніемъ, оживляющимъ площадь, принимаетъ волшебный видъ, — особенно при закатѣ солнца или вечеромъ, когда вокругъ зажигаются тысячи газовыхъ фонарей и отдаленная музыка Елисейскихъ полей вторитъ шуму фонтана.

Елисейскія поля, по моему, — одно изъ самыхъ милыхъ мѣстъ Парижа; широкое пространство между домами и липами, которыми обсажено съ обѣихъ сторонъ шоссе, ведущее къ *arc de l'étoile*, и оттуда въ Булонской лѣсъ, покрыто тѣнью старинныхъ деревъ, одноэтажъ съ деревьями Тюильрійскаго сада. Нѣтъ возможности перечислять всѣхъ *café-chantants*, театровъ маріонетокъ, качелей, каруселей, выстроенныхъ между этими деревьями; тутъ находится также театръ *Bouffes Parisiens* и цирки. Дѣти всѣхъ возможныхъ возрастовъ, солдаты, нянюшки, старики и молодежь, дѣды, камеліи, почтенные буржуа съ семействами, гризетки и блузники, — все это смѣшивается здѣсь и производитъ самую разнообразную, живописную пестроту. Дѣти, особенно дѣвочки, удивительно здѣсь милы; ничего нѣтъ на свѣтѣ граціознѣе, живѣе, непринужденнѣе.

Завладѣвъ су за стулъ, мы по цѣлымъ часамъ просиживали, любуясь, какъ онѣ катаютъ обручь, играютъ толпами въ мячикъ, или воланы, прыгаютъ по двѣ и по три черезъ веревочку. Дѣвочки одѣты большею частію просто, но съ тѣмъ изяществомъ вкуса, которымъ такъ справедливо хвастаютъ французы.

Что еслибъ этихъ дѣвочекъ, до замужства не отдавали въ монастыри и болѣе еще безобразные пансіоны подъ ферулу хитраго католическаго попа и такихъ же сухихъ и хитрыхъ дамъ, зараженныхъ самою узкою, пошлою, рутинною нравственностію! Воспитаніе, которое ожидаетъ ихъ, превратитъ ихъ сначала въ идіотокъ и рабынь развращеннаго мужа, потомъ, по закону противодѣйствія, — въ самыхъ продувныхъ львицъ и кокетокъ!

Бѣдныя дѣвочки!

Елисейскія поли оживляются тѣмъ еще, что черезъ шоссе, перерѣзывающее ихъ во всю длину, проѣзжаетъ каждый день чуть ли не все фешенебльное и веселящееся населеніе Парижа. Булонскій лѣсъ теперь модная и слѣдовательно самая любимая прогулка не только парижанъ но и иностранцевъ. Я зналъ одну русскую даму, которая говорила, что тотъ день для нея не су-

ществуетъ, когда она не могла *faire son bois de Boulogne*: уже одно это выраженіе ясно свидѣтельствуетъ, что вышеупомянутая соотечественница въ совершенствѣ усвоила себѣ языкъ и привычки Парижа. Вообще русскіе скоро усвоиваютъ форму, языкъ и привычки тѣхъ странъ и городовъ, гдѣ бываютъ; я встрѣчалъ типическихъ господъ Ивановыхъ и госпожъ Сидоровыхъ, которые, проживъ два мѣсяца въ Парижѣ, начинали уже картавить, не могли лечь спать безъ стакана сахарной воды, дѣлались учтивыми съ людьми такъ называемаго низшаго класса (послѣднее, правда, досталось имъ не дешево и пріобрѣлось не безъ уроковъ),—и говорили: *parbleu!* и *fahtre!* съ такою интонаціею, что можно было побожиться, что они родились въ Парижѣ и никогда отсюда не выѣзжали. Родной нашъ языкъ часто звучитъ на улицахъ Парижа; но странно: тамъ, гдѣ скорѣй всего слѣдовало бы его слышать, какъ напримѣръ, въ русской церкви, тамъ-то именно никогда его и не услышишь: тамъ, какъ нарочно, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, приходится удивляться чистотѣ парижскаго акцента въ устахъ соотечественницъ; всѣ почти дамы являются даже съ молитвенными книжками, красиво переплетенными въ бархатъ; — словомъ Парижъ совершеннѣйшій!

Елисейскія поля объяснили мнѣ отчасти долгія исчезновенія М. В. Дѣйствительно, пріѣдя сюда въ девять часовъ утра, невидишь, какъ время промелькнетъ до вечера. На каждыхъ десяти шагахъ любопытство увлекаетъ или въ толпу или на наружный тротуаръ шоссе, по которому скачутъ верхомъ и катятся стремительно тысячи экипажей, уносящіе щеголихъ Сен-жерменскаго предместья, квартала Бредà и лоретокъ всякаго рода. Послѣднихъ, повидимому, несравненно однакожь больше, чѣмъ первыхъ.

Останавливаясь такимъ образомъ, глазѣя по сторонамъ и просиживая по цѣлымъ часамъ, чтобы снова глазѣть, мы въ этотъ день не дошли до Булонскаго лѣса. Въ немъ нѣтъ впрочемъ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ *pré Catelan*; это огромное увеселительное мѣсто, устроенное со всѣмъ великолѣпіемъ и декоративною роскошью, на которую такъ способны французы; хрустальные фонтаны съ золотыми рыбками, играющими подъ льющеюся водою, искусственный сталактитовый гротъ, озеро и гондолы, кафе и театры, — все это очень мило и въ самомъ дѣлѣ заслуживаетъ, чтобы видѣть; изъ увеселительныхъ мѣстъ *pré Catelan*, самое лучшее — театръ цвѣтовъ; въ мое время тамъ да-

вала представленіе труппа испанскихъ танцовщицъ, которыя превосходно исполняли свои національныя пляски.

Изъ Елисейскихъ полей мы не могли урваться раньше семи часовъ; въ это время все облилось газомъ и со всѣхъ сторонъ послышались музыка и пѣніе *café-chantants*; ну есть ли возможность уйти! Елисейскія поля еще лучше, еще оживленнѣе при вечернемъ освѣщеніи.

— Взгляните, сказалъ мнѣ послѣ обѣда М. В., указывая на газовый треугольникъ, внезапно вспыхнувшій съ лѣвой стороны, недалеко отъ дворца промышленности, — знаете ли вы что тамъ такое?...

— Знаю; — входъ въ Мабиль.

— Что же вы на это скажете?

— Скажу, что намъ необходимо туда отправиться, чтобы достойнымъ образомъ окончить этотъ фланерскій день.

Пять минутъ спустя, мы подходили къ сіяющимъ воротамъ Мабиля, бросавшимъ яркій свѣтъ на толпу зѣвакъ, которая собирается сюда каждый вечеръ, чтобы глазѣть на подъѣзжающихъ дамъ и кавалеровъ.

Только что поравнялись мы съ воротами, изъ-за ближайшаго дерева показалась молоденькая женщина въ шляпкѣ и мантильи; она прямо подошла къ намъ.

— Господа, торопливо заговорила она,—дайте мнѣ вашу руку, *soyez si gentils*; меня только что вывели изъ Мабиля.... но я право не знаю за что; я танцовала какъ и всѣ.... Если вы не дадите мнѣ вашей руки, меня одну ни за что уже туда не впустятъ....

— Что она говоритъ? что она говоритъ?... суетливо спрашивалъ М. В.

Я объяснилъ ему въ чемъ дѣло; мы подхватили даму, вошли въ ворота и взяли билеты.

Эффектное устройство Мабиля вполнѣ заслуживаетъ ту репутацію, которую ему сдѣлали. Сначала идетъ густая аллея, на днѣ которой поставлена декорація, изображающая въ перспективѣ продолженіе деревъ и дороги; все это такъ искусно освѣщено, что аллеѣ, кажется, конца нѣтъ; слѣва, сквозь зелень, сверкаютъ сотни огней, тамъ гудитъ ускореннымъ тактомъ оркестръ, слышатся восклицанія, хохотъ, говоръ и тотъ глухой, переливчатый гулъ, который всегда носится надъ движущеюся толпою; туда ведутъ нѣсколько дорожекъ; онѣ изгибаются между на-

стыпными клумбами, усѣянными цвѣтами и газовыми огнями, блистающими въ травѣ, въ цвѣтахъ и часто подъ водою, которая падаетъ съ уступа на уступъ стекляннымъ сводомъ; деревья и кусты усыпаны цвѣтными фонарями и газовыми рожками. Дорожки приводятъ къ широкой асфальтовой площадкѣ съ возвышающимся по серединѣ красивымъ павильономъ, освѣщеннымъ такъ ярко, что смотрѣть больно; здѣсь помѣщается оркестръ; площадка представляетъ картину такого оживленья, какое можно только видѣть въ одномъ Парижѣ. Со всѣхъ сторонъ, вокругъ оркестра, танцующія пары, перемѣшанныя съ толпами зрителей; на дорогѣ, окружающей площадку, съ трудомъ можно двигаться, — такъ велика давка. Дальше, какъ сказочные маленькіе дворцы волшебницъ, сверкаютъ кофейни, лавочки съ букетами и *biblots*, рѣзные навѣсы, осѣняющіе биліярды, биксы, тиры для карабиновъ и пистолетовъ и не знаю что еще! Справа, большое длинное зданіе, вмѣщающее залъ, предназначенный укрывать танцоровъ во время дождя. Между строеніями подъ высокими деревьями, куча бесѣдокъ изъ зелени, столики и стулья; все это полно народомъ.

Но главный центръ возьни и давки, — все таки вокругъ оркестра.

Публика Мабиля разнообразнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. Тутъ встрѣчаются львы всѣхъ странъ Европы и даже Бразиліи, прикащики магазиновъ, лица, изящно одѣтыя, но сомнительнаго существованія, дипломаты; часто любопытство завлекаетъ сюда знатныхъ леди и нашихъ русскихъ путешественницъ. Общество дамъ, т. е. собственно *habituées* Мабиля, состоитъ исключительно изъ камелій и лоретокъ втораго разряда, ведущихъ неуловимо-воздушную жизнь,—живущихъ изо дня въ день. Но Боже, какъ все это разодѣто и обуто! Васъ ослѣпятъ шелкъ, бархатъ, кружева, шляпки, цвѣты, модныя мантильи, вѣера, бурнусы....

Все это скачетъ и неистово движется подъ тактъ оркестра, который играетъ съ такимъ увлеченіемъ, что, кажется, въ состояніи расшевелить мертваго; можете судить, какъ увлекаетъ онъ парижанокъ! Онѣ, то стелятся передъ бѣснующимися своими кавалерами, то выпрямляются и быстро вскидываются въ сторону, взбивая при этомъ ногой кринолину и всегда стараясь показать шитый рубецъ своей юбки; едва успѣваешь слѣдить за ними; не знаешь чему удивляться: ловкимъ ли изгибамъ таліи, быстрой ли работѣ ногъ, огню ли во взглядахъ; понятно, что

молодые новички-иностранцы теряютъ здѣсь голову и въ первое время дѣлаютъ пропасть глупостей.

Опытъ, котораго не стоитъ впрочемъ пріобрѣтать, — опытъ можетъ научить только, что весь этотъ огонь, необузданное увлеченье, — искусственны, и средства для приманки *жобàровъ*.

Приходится выпить не одинъ стаканъ *содà* съ дамами Мабиля прежде, чѣмъ разгадаешь сколько незримой, ужасающей пищеты скрывается подъ этими кружевами и беззаботными веселыми улыбками, сколько загрубѣлой нравственной порчи, притворства, хитрости скрываютъ эти лица, часто кажущіяся такими невинными и откровенными.

Стоитъ прислушаться, какъ мужчины *habitués* обращаются съ этими феями, чтобы стать въ настоящую точку зрѣнія въ отношеніи къ послѣднимъ и получить къ нимъ полное отвращеніе.

Но новички не хотятъ прислушиваться; отуманенные ножками, взглядами и улыбками, они слышатъ только шумъ въ собственной головѣ. *Habitués* говорятъ всѣмъ дамамъ — ты и зовутъ ихъ не иначе, какъ вымышленными именами; *Souris, Carabine, Mirobolante, Bobòche, Zizi* и т. д. Дамы отвѣчаютъ тѣмъ же; выраженія: *mon petit chien, imbécile*, сказанныя кавалеру, считаются послѣдними лучшей наградой. — «*Tiens comme vous ressemblez à mon propriétaire!*» неожиданно говоритъ дама, останавливаясь передъ незнакомымъ господиномъ. Новичекъ таращитъ глаза и глупо улыбается. *Habitué* безъ остановки отвѣчаетъ: *Mademoiselle, on ne dit plus: propriétaire, — on dit: topinambour*.... Почему *topinambour?* Но кавалеръ и дама въ восхищеньи и оба заливаются смѣхомъ.

Въ Мабилѣ встрѣчается только самый ничтожный обращикъ того огромнаго женскаго сословія, которое наполняетъ всѣ театры, гулянья и увеселительныя мѣста Парижа. Какъ бы ни былъ поверхностенъ предлагаемый очеркъ современнаго Вавилона, нравы этого сословія не могутъ быть изъ него выпущены; темныя пятна такъ же необходимы въ картинѣ, какъ и свѣтлыя части; безъ контрастовъ свѣта и тѣни, картины не существуетъ.

Вотъ для обращика разговоры и сцены, которыя въ Мабилѣ повторяются каждый вечеръ въ сотнѣ мѣстахъ.

Новичекъ, обвороженный танцами и наружностью дамы, подходитъ къ ней и дѣлаетъ ей комплиментъ.

— *Je voudrais bien prendre quelque chose*.... возражаетъ дама безъ дальнѣйшихъ прелюдій.

— О, помилуйте; все, что вамъ угодно, говоритъ восхищенный кавалеръ, поспѣшно сгибая въ кольцо руку.

Пройдя десятокъ шаговъ, дама останавливается.

— *Voulez vous me donner un bouquet?* говоритъ она.

Съ послѣднимъ словомъ, какъ будто по волшебству какому-то, выскакиваетъ, Богъ вѣсть откуда, старуха съ лоткомъ букетовъ.

— *M-r veut étrénner madame? Voila le plus joli petit bouquet du monde.... M-r, c'est trois francs....*

— Нѣтъ, говоритъ дама, перемѣняя неожиданно намѣреніе: — я не хочу букета; дайте мнѣ лучше *un biblot....* букетъ такъ скоро увядаетъ.... *biblot* я сохраню на память....

Новичекъ поспѣшно увлеченъ къ лавочкамъ, заставленнымъ фарфоровыми куклами, бездѣлушками всякаго рода, между которыми попадаются однакожь жардиньерки въ сорокъ франковъ и другія довольно цѣнныя вещи.

При входѣ въ Мабиль, каждая дама обходитъ сначала всѣ лавки и внимательно высматриваетъ, гдѣ лежитъ какая вещь; соколиный глазъ ея, умягченный бархатными рѣсницами, безошибочно падаетъ на сорокофранковую бездѣлушку.

— У меня нѣтъ жардиньерки, говоритъ она обворожительнымъ голосомъ и прежде еще, чѣмъ кавалеръ успѣлъ предложить что нибудь: — *vous seriez bien gentil.... si vous m'en offriez une....* вотъ здѣсь, какъ нарочно, такая хорошенькая.... *Oh Dieu qu'elle est gentille!* заключаетъ она, подпрыгивая, какъ милое, наивное дитя.

Новичку жмутъ руку; онъ вынимаетъ сорокъ франковъ; дама даетъ торговкѣ свой адресъ; сдѣлавъ еще пять шаговъ, дама выражаетъ страстное желаніе пріобрѣсти букетъ. У всѣхъ букеты, у нея одной нѣтъ его.

Старуха снова выскакиваетъ какъ словно изъ земли.

— *M-r veut étrénner madame* и т. д.

Букетъ купленъ. Новичекъ и дама направляются къ столикамъ подъ деревья.

— Чего вы хотите? спрашиваетъ новичекъ.

— *Un petit soda.*

— *Garçon!*

— *Monsieur?*

— *Un soda! deux soda!... des sodas!!* восторженно кричитъ новичекъ.

Лакей ставитъ на столъ стаканы съ нѣсколькими каплями вишневаго соку и съ особеннымъ эффектомъ пускаетъ въ стаканы струю содовой воды, которая превращаетъ сокъ въ розовую пѣну.

Почти въ ту же минуту оркестръ беретъ аккордъ; дама бросаетъ недопитую пѣну, схватываетъ руку кавалера и стремится къ танцовальной площадкѣ, снимая дорогой шляпку и мантилью; все это вмѣстѣ съ букетомъ поручается новичку; благодаря такому маневру, новичекъ оказывается застрахованнымъ своей дамой. Онъ можетъ вдругъ разочароваться, ему можетъ понравиться другая дама, онъ можетъ натолкнуться на пріятелей, которые увлекутъ его въ другую сторону; со шляпкой и мантильей онъ уже не убѣжитъ. Новичекъ, конечно, и самъ далекъ отъ подобной мысли; онъ упоенъ болѣе, чѣмъ когда нибудь; онъ глазъ не сводитъ съ дамы, которая при всякомъ удобномъ случаѣ, прыжкѣ и поворотѣ, даритъ его то взглядомъ, то улыбкой. Она дѣлаетъ рѣшительно чудеса; едва отвернулся *sergent*, — полицейской, — она выкидываетъ такія хореографическія штуки, которыя, каждый разъ, вызываютъ громъ рукоплесканій. Аплодисменты окончательно кружатъ голову новичку. Накидывая мантилью на плечи своей дамы, онъ не пріискиваетъ словъ для выраженія своего восторга.

— *Je voudrais bien prendre quelque chose....* говоритъ она задыхающимся отъ усталости голосомъ.

— *Quoi, un soda?*

— *Non, un vin chaud!*

— *Garçon!*

— *Monsier?*

— *Un vin chaud!!*

— *Voila, monsieur....*

Горячее красное вино выпито.

— Хотите пройтись со мной по саду.... предлагаетъ дама.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ.... можете ли даже объ этомъ спрашивать?...

Новичокъ, у котораго при этомъ зарябило въ глазахъ отъ счастія, подаетъ руку и оба отправляются.

— Итакъ я вамъ нравлюсь.... нѣжно говоритъ дама.

— Вы восхитительны!... Я въ упоеньи, въ восторгѣ....

— И вы будете меня любить?...

— Еще бы!... всю жизнь.... всегда.... сколько угодно....

— *Et moi aussi je t'aimerai bien!...*

У новичка подкосились ноги: ему сказали *ты*; онъ готовъ упасть къ ногамъ; но дама вѣрно предугадываетъ его намѣреніе; она ловко подставляетъ ему щеку.

— Я хочу убѣдиться, точно ли вы будете любить меня, говоритъ она, поправляя шляпку: — пойдемте къ колдуньѣ; это удивительная женщина; она всѣмъ здѣсь предсказываетъ и всегда говоритъ правду....

— Куда же ѣхать? въ *Marais?* На конецъ города? спрашиваетъ новичекъ.

— О, нѣтъ, это подлѣ, въ Мабилѣ.... Сюда, говоритъ, посмѣиваясь, дама, увлекая кавалера въ одинъ изъ отдаленныхъ угловъ сада, гдѣ между кустами устроенъ гротъ, завѣшенный ковромъ.

За ковромъ сидитъ старая француженка, съ тюрбаномъ на головѣ *à la Lenormand* и съ густо накрашенными бровями, придающими ей восточный видъ.

Передъ этимъ гротомъ происходятъ часто самыя забавныя сцены. Разъ я былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ англичанинъ, желая провести свою даму къ колдуньѣ, приподнялъ коверъ, но тотчасъ же отошелъ, сказавъ:

— Погодите, *il y a déjà quelqun, une femme*....

— Милостивый государь! воскликнулъ стоявшій тутъ французъ: — я замѣчу вамъ: неучтиво говорить: *quelqun*...

— Я сказалъ, *une femme*, замѣтилъ англичанинъ.

— Еще хуже! еще невѣжливѣе! подхватилъ, разгорячаясь, французъ; — въ гротѣ жена моя, м. г.! Прошу васъ не осмѣливаться ставить здѣсь всѣхъ на одну доску....

— Я, кажется, ни мало не оскорбилъ вашу жену, назвавъ ее женщиной.

— Вы должны сказать: *une dame!* кричалъ французъ, все болѣе и болѣе харахорясь.

— Всякая дама женщина, сама королева Викторія женщина...

— *Je me moque bien de votre reine Victoire!*

— *Comment?!* вскричалъ въ свою очередь британецъ, задѣтый за живое.

Сцена кончилась бы, вѣроятно, трагическимъ образомъ, еслибъ въ туже минуту откуда ни возьмись не выскочили полицейскіе. Парижскіе *sergents de police* совершенные волшебники;

они какъ славно предугадываютъ, когда въ нихъ нуждаются и являются всегда самымъ неожиданнымъ образомъ; впрочемъ, это волшебники снисходительные и учтивые, — чуть ли не самые учтивые люди Парижа, не въ укоръ будь сказано учтивѣйшей и просвѣщеннѣйшей націи міра, какъ говорятъ французы.

По прошествіи минуты, дама выходитъ отъ колдуньи, но уже безъ букета. Колдунья служитъ здѣсь, разумѣется, только предлогомъ; ей отдается трехфранковый букетъ и въ обмѣнъ получаются полтора франка, которыя поступаютъ въ портъ-моне лоретки; букетъ переходитъ опять къ торговкѣ и часто покупается опять за три франка тѣмъ же кавалеромъ.

Новичекъ, конечно, ничего этого не подозрѣваетъ; до того ли ему! онъ весь поглощенъ своей дамой, которая, при выходѣ изъ грота, кажется, очень разстроенною.

— Что съ вами? пристаетъ онъ, нѣжно пожимая ручку, — не вѣрьте предсказаніямъ.... они всѣ врутъ.... Она вѣрно сказала вамъ что нибудь непріятное....

— Нѣтъ, не то.... плаксиво возражаетъ дама, стараясь держаться какъ можно ближе къ глухимъ бесѣдкамъ,—совсѣмъ не то.... я думаю о другомъ ... *Mon Dieu, mon Dieu!*...

Тутъ она испускаетъ вздохъ и садится на скамью.

Новичекъ ничего не понимаетъ; онъ приходитъ окончательно въ тупикъ и теряется, когда дама вынимаетъ платокъ и закрываетъ имъ глаза. Долго не можетъ онъ добиться толку; наконецъ, съ усиліемъ неимовѣрнымъ она признается ему во всемъ: завтра, въ семь часовъ утра ее выгоняютъ изъ квартиры.... (дама захлебывается), она должна.... (тутъ она останавливается и давитъ себя платкомъ, чтобы заглушить рыданія), она должна... Вотъ смотрите! заключаетъ она наконецъ, вынимая изъ бокового кармана лоскутокъ бумажки, испещренный цифрами и словами: *chandelle, chaiseuterie.... blanchissage, layer* — итогъ: шестьдесятъ два франка.

Разъ, послѣ Мабиля, у одного изъ нашихъ соотечественниковъ собрались пятеро пріятелей; каждый изъ нихъ ходилъ къ прехорошенькой дамѣ, въ доказательство чего, каждый вынулъ лоскутокъ бумажки; на каждомъ лоскуткѣ оказались, тотъ же счетъ и тотъ же итогъ въ шестьдесятъ два франка.

Само собою разумѣется, новичекъ спѣшитъ успокоить даму и тутъ же отсчитываетъ деньги.

Съ первымъ звукомъ оркестра глаза дамы осуняются; она быстро вскакиваетъ; она дала слово танцовать и вѣрно теперь ищетъ ее кавалеръ. Шляпка и мантилья снова поступаютъ во владѣніе новичка и снова приковываютъ его на прежнее мѣсто. Кадриль очень оживлена; танцуетъ *père Chicard*, отвратительный шестидесяти-лѣтній старикъ въ жакеткѣ, съ выломанными назадъ руками, и сморщенной самодовольной физіономіей фарсера, увѣреннаго заранѣе въ своемъ торжествѣ; аплодисменамъ нѣтъ конца: *bravo père Chicard! bravo la Mirobolante! bravo!!* кричитъ толпа и вмѣстѣ съ нею новичекъ, который начинаетъ уже себя считать *своимъ* въ Мабилѣ.

Кадриль кончилась.

— Знаешь что, *mon petit chien*, нѣжно говоритъ дама въ то время, какъ новичекъ кутаетъ ее въ мантилью, не мѣшало бы тебѣ пригласить *pour prendre quelque chose* Давида и Пети; это мои всегдашніе танцоры; ты этимъ польстилъ бы ихъ самолюбію....

Если новичекъ не совершенно глупъ, онъ напрямикъ отказывается отъ такого приглашенія; онъ начинаетъ уже каяться, что зашелъ далеко, далъ себѣ много воли и истратилъ порядочно денегъ. Имъ овладѣваетъ тогда что-то похожее на меланхолію. Маленькая ножка жмется къ его ногѣ и поощряетъ его къ откровенности.

— Послушай, говоритъ онъ со всей возможной нѣжностію, ты позволяешь мнѣ говорить тебѣ: ты?

— *Parbleu!* восклицаетъ дама, устремляя на него безпокойный взглядъ.

— Послушай, шепчетъ онъ, я говорю это не на счетъ тебя; нисколько; я говорю, такъ, вообще.... Что это здѣсь за дурная манера сразу накидываться на человѣка и выпрашивать у него то букетъ; то деньги, то.... повторяю, я не на счетъ тебя это говорю; что до меня касается, я совершенно счастливъ, я говорю вообще.... Этимъ способомъ женщины только пугаютъ человѣка: право такъ; другой посмотритъ да и отойдетъ; не лучше ли, ужь коли на то пошло, вести себя такимъ образомъ, чтобы внушить довѣріе, и на долго привязать себѣ человѣка....

— Ты думаешь я не знаю этого! перебиваетъ дама, судорожно передвигая тонкими, изящно выведенными бровями, — ты думаешь, мы ходимъ сюда для удовольствія; сюда приходятъ, и

я первая, *pour s'étourdir*... здѣсь всѣ потерянныя женщины, — но я первая?

— Перестань пожалуйста, говоритъ новичекъ замѣтивъ слезы на глазахъ дамы и боязливо озираясь на стороны.

— Нѣтъ, не перестану! подхватываетъ она еще громче и при этомъ начинаетъ плакать, — я хочу высказать тебѣ всю правду; *je suis la femme la plus misérable, la plus méprisable du monde*.... *As tu été à Nîmes*? неожиданно спрашиваетъ она.

— Нѣтъ....

— Тамъ въ Нимѣ одна изъ первыхъ гостинницъ; она принадлежитъ моему отцу и моей матери; родители мои, какъ ты видишь, почтенные и богатые люди.... *mais j'ai fui la maison paternelle*....

— Ради самаго неба! перестань, на насъ всѣ смотрятъ, убѣждаетъ новичекъ.

Къ великому его благополучію заигралъ оркестръ; дама его приглашена танцовать ему; снова поручаются шляпка и мантилья. Кадриль началась; онъ смотритъ на свою даму и въ головѣ его все поворачивается вверхъ дномъ; съ первымъ ударомъ смычка, дама его вся превращается въ одинъ прыжокъ, въ одну улыбку; куда дѣвались слезы, раскаяніе и нимскіе родители....

— Не смотря на твое раскаяніе и слезы, ты, однакожь, весело танцовала, замѣчаетъ новичекъ когда кончилась кадриль.

— Вы всѣ такъ легко судите! возражаетъ дама. — Ты стало быть мнѣ не вѣришь?

— Вѣрю, но....

— А я такъ вѣрю, что ты будешь любить меня.... Уведи меня, уведи, Бога ради, скорѣй отсюда! *J'ai horreur de cet endroit!* Ноги моей никогда здѣсь больше не будетъ.... по крайней мѣрѣ до того времени, пока ты не оставишь меня и снова нужда не принудитъ меня сюда вернуться.... Уйдемъ, уйдемъ отсюда!

Голосъ ея звучитъ такою искренностію, глаза смотрятъ такъ прямо, откровенно, на лицѣ столько душевной усталости, — какъ не повѣрить?

Новичекъ сажаетъ даму въ карету, она даетъ свой адресъ кучеру.

Новичекъ встрепенулся, но онъ доволенъ; ему удалось, быть можетъ, вытащить изъ бездны бѣдную жертву парижскаго развращенія, онъ спасъ ее, быть можетъ, отъ вѣрной погибели, — на время конечно, — но все равно, — *autant de gagné*. Углубленный

въ такія мысли, онъ не замѣчаетъ, что едва дама сѣла въ карету, лицо ея ожило; расправивъ кринолину, закинувъ назадъ голову, она съ гордымъ самодовольствіемъ оглядываетъ толпу, мимо которой проѣзжаетъ.

— *Mon chéri*, говоритъ она при поворотѣ на площадь Согласія: — о чемъ ты задумался?

— Я думаю о тебѣ....

— И я о тебѣ думаю.... и также.... также о бѣдныхъ моихъ родителяхъ; я цѣлый день нынче ихъ вспоминала и плакала.... такъ плакала, что представь, — ничего рѣшительно сегодня не ѣла....

— Хочешь ужинать?

— Да, только не хочу, чтобъ ты тратился; *rien, qu'une toute petite cotelette*.... Куда же мы поѣдемъ?

— Куда хочешь....

— *Cocher!* повелительно кричитъ оживившаяся дама: — *chez Deffieux! vous savez, — près de la porte St. Denis*,...

Новичекъ можетъ еще благодарить Бога, что она не велѣла ѣхать въ *Café Anglais* или *Maison d'or*.

У Дефьё *la petite cotelette* превращается въ нѣсколько дюжинъ устрицъ, въ бутылку стараго бордо, страсбургскій пирогъ и десертъ.

Такой аппетитъ нисколько не удивителенъ; не всякій день попадаются новички; опытъ научилъ дамъ Мабиля предусмотрительности.

Послѣ ужина дама чувствуетъ большое утомленіе и проситъ отвезти ее домой; домъ этотъ состоитъ большею частію изъ страшной мансарды въ шестомъ или седьмомъ этажѣ дома, затерявшаго въ глухомъ, неосвѣщенномъ переулкѣ. Новичекъ не вѣритъ глазамъ своимъ: «какъ! неужели здѣсь обитаетъ эта хорошенькая фея, разодѣтая въ атласъ, бархатъ и кружева?» При добротѣ сердца, сильномъ воображеніи и отсутствіи опыта, новичекъ сильно поражается картиною нищеты. Слезы и новыя разсказы обитательницы разслабляютъ его окончательно; онъ отдаетъ остатокъ денегъ въ кошелькѣ, отдаетъ даже перстень, запонки и рубашечныя пуговки.

Послѣ уже узнаетъ онъ, что дама эта занимаетъ во второмъ этажѣ того же дома три комнаты очень мило устроенныя. Когда онъ при встрѣчѣ говоритъ ей объ этомъ, она обыкновенно смѣется и говоритъ, трепля его дружески по плечу:

— *Bête, c'etait pour mieux t'attendrir!*

Такое безконечное безстыдство и развращеніе овладѣло всѣмъ сословіемъ такъ называемыхъ свободныхъ женщинъ. Совершенно тѣ же нравы встрѣчаются даже въ столь прославленномъ своимъ добродушіемъ и наивностію *Quartier Latin*. Я долго жилъ подлѣ Люксембурга и не разъ имѣлъ случай въ этомъ убѣдиться. О прежнихъ гризеткахъ, ходившихъ въ чепчикѣ, скромномъ ситцевомъ платьѣ и дѣливщихъ все пополамъ съ бѣднымъ студентомъ,—тамъ нѣтъ уже и помину. Бернерета Альфреда де-Мюссе существовала, надо думать, очень давно. Въ *Closerie des Lilas*, — балѣ, куда преимущественно собираются бѣдные студенты и работницы, ничего не видишь кромѣ шелковыхъ платьевъ, дорогихъ шляпокъ и кружевныхъ мантилій. Стоитъ сунуться къ любой, чтобы повторилась точь-въ-точь сцена, описанная нами, съ дамой Мабиля. Исключенія такъ рѣдки, что не идутъ въ счетъ общаго характера.

Въ одно время со мною жилъ въ *Quartier Latin* одинъ очень богатый молодой человѣкъ, выдававшій себя за студента медицинской академіи; онъ являлся въ *Closerie* и на улицахъ квартала не иначе, какъ въ сѣромъ старомъ пальто, широкополой шляпѣ и съ серебряными старомодными часами въ карманѣ. Цѣль его была такая, чтобы встрѣтить любовь безкорыстную; но сколько ни старался онъ, цѣль его не была достигнута; онъ съ тѣмъ и уѣхалъ изъ Парижа.

Причина такого упадка нравственности—безумная роскошь, которая, какъ отрава какая-то, заразила всѣ сословія Парижа. Роскошь эта началась, разумѣется, въ верхнемъ сословіи и всѣми силами поддерживалась и поощрялась правительствомъ. Что жъ мудренаго, если она, бросаясь въ глаза и оскорбляя низшій классъ народа, развиваетъ въ немъ чувство зависти и такимъ образомъ развращаетъ его.

Роскошь, сколько мнѣ кажется, необходимое слѣдствіе общаго стремленія нижнихъ слоевъ общества стать въ уровень съ высшими; такое стремленіе замѣтно не только во Франціи, но и во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Непросвѣщенный классъ, при пробужденіи своемъ, прежде всего ослѣпляется наружнымъ блескомъ, его окружающимъ; не разбирая причины чужаго благосостоянія, онъ начинаетъ съ того обыкновенно, что сильно ему завидуетъ. Не подозрѣвая (и это очень понятно, потому что для нравственнаго воспитанія народа французское правительство

ничего не дѣлаетъ)—не подозрѣвая, что сущность жизни образованнаго человѣка составляютъ высшія духовныя и умственныя наслажденія, — народъ завидуетъ только его внѣшней обстановкѣ. Подъ вліяніемъ зависти, — такого худаго совѣтчика и чувства, — всѣ наперерывъ рвутся къ достиженію внѣшняго блеска, который кажется имъ верхомъ человѣческаго блаженства. Бѣдный народъ! Въ Парижѣ не только среднее сословіе, но самые послѣдніе ремесленники, блузники начинаютъ уже поневолѣ развращаться роскошью.

Во всемъ городѣ не существуетъ ничего, что бы успокоивало духъ и давало уму простаго человѣка трезвое, здоровое настроеніе. Здѣсь на каждомъ шагу вспоминаешь Англію, мудрыя ея распоряженія и заботливость въ отношеніи къ улучшенію нравственности и благосостоянію рабочаго класса. Въ Парижѣ, напротивъ, все сдѣлано для того только, чтобы раздражать и еще сильнѣе развивать дурныя начала.

Стоитъ заглянуть въ тѣ части, куда народъ собирается обѣдать или проводить праздное время: вездѣ ослѣпительный блескъ сотень огней, повторяемыхъ зеркалами, вездѣ позолота на потолкахъ и стѣнахъ, вездѣ безнравственныя зрѣлища и пѣніе безнравственныхъ пѣсней. Большинство народа, и безъ того страхъ развращеннаго, расположеннаго къ праздности и грубымъ удовольствіямъ, живмя-живетъ въ этихъ заведеніяхъ, пропиваетъ и проѣдаетъ здѣсь всѣ свои деньги, забывая семью, которая между тѣмъ, сгниваетъ въ нищитѣ и нуждается въ кускѣ хлѣба. О семейной жизни, объ очагѣ, который играетъ такую важную роль въ Англіи, даже въ самомъ бѣдномъ рабочемъ сословіи, — здѣсь нѣтъ и понятія.

Не существуютъ они точно также ни въ среднемъ сословіи, ни въ Сень-Жерменскомъ предмѣстьи. Лица, которыя долго жили въ Парижѣ, изучили его въ совершенствѣ и преимущественно жили въ кругу аристократіи, — лица, которыя вполнѣ заслуживаютъ довѣріе, передаютъ такіе факты, что право не знаешь, гдѣ больше гнѣздится безнравственности: внизу или въ верху. Стоитъ припомнить послѣдніе процессы, которые ежедневно печатаются въ газетахъ, чтобы не знать которому сословію отдать преимущество передъ другими, въ смыслѣ развращенія и моральнаго упадка.

Въ Парижѣ нѣтъ стало быть вовсе добродѣтелей? спроситъ читатель. Добродѣтель существуетъ, но только въ отдѣльныхъ

прославителяхъ или личностяхъ, которыя ничего не доказываютъ, коль-скоро рѣчь идетъ о характерѣ цѣлаго огромнаго общества. И наконецъ, мораль французовъ совершенно особаго рода; она какъ словно одна исключена была изъ общаго переворота нравовъ и мыслей; она осталась недвижно на одной точкѣ и удержала форму, данную ей когда-то католическими іезуитскими попами. Мораль эта состоитъ исключительно изъ сухихъ, пошлыхъ, давно изношенныхъ и ни къ чему не ведущихъ нравственныхъ сентенцій, рутинныхъ правилъ, воспрещающихъ, напримѣръ, восьмнадцати лѣтней дѣвушкѣ, ничего не читать кромѣ S. Augustin, тупоумнаго ханжества и поповскаго-католическаго притворства, благодаря которому восьмнадцати-дѣтняя дѣвица, напримѣръ, научается скрывать отъ матери затаенную любовь въ сердцѣ и романъ г. Фейдо подъ подушкой. Не лучше-ли было бы, если бы такой морали вовсе не существовало? «*Si elle n'existait pas*, справедливо замѣчаетъ Бальзакъ, — *il faudrait ne pas l'inventer!*»

Что же остается послѣ этого въ Парижѣ? Чѣмъ же онъ всѣхъ привлекаетъ? Что же въ немъ хорошаго?...

Начать съ того, что нѣтъ человѣческой возможности исчерпать Парижъ до дна и разомъ показать его со всѣхъ сторонъ, такъ, чтобы въ одно и тоже время, бросились въ глаза лицевая сторона и изнанка; отъ этого непремѣнно, одна сторона беретъ перевѣсъ или другая. Этотъ лицевой фасъ, существуетъ однакожь; надо умѣть только стать къ нему лицомъ, чтобы онъ ослѣпилъ васъ; лицевую сторону Парижа представляютъ неисчислимые его способы къ просвѣщенію, его промышленность, усовершенствованія во всѣхъ возможныхъ родахъ, его удобства и внѣшняя, отшлифованная *общимъ образованіемъ* форма, которая дѣлаетъ здѣсь общественную жизнь чрезвычайно легкою и пріятною.

Многіе не хотятъ видѣть всего этого; озадаченные сразу уличными нравами, которые ошибочно принимаются за выраженіе нравовъ цѣлой Франціи, многіе приходятъ въ безотрадное отчаяніе, касательно будущаго всей страны; они кричатъ, что при такомъ состояніи общества все кончено, нѣтъ возврата къ лучшему, что нація изжилась, сгнила, упала въ бездну, изъ которой никогда уже не выкарабкается.

Такая рѣзкость сужденій казалась мнѣ всегда преувлеченною и потому самому несправедливою. Нельзя не согласиться,

что въ настоящее время нравы Парижа оставляютъ грустное впечатлѣніе. Несмотря на тысячи его развлеченій и даже оцѣнку лицевой его стороны, постоянно находишься подъ вліяніемъ утомляющаго неудовлетвореннаго чувства, нравственной духоты и гнета. Парижъ, не вся Франція, какъ многіе полагаютъ. Франція живетъ совсѣмъ другою жизнію. Дѣятельно работая, до пота лица, — она выказываетъ такую силу, что сама Англія, сильнѣйшая изъ всѣхъ державъ міра, боязливо на нее косится. Нѣтъ, нація стоитъ еще твердо и много въ ней задатковъ для будущаго!

Современное состояніе Парижскихъ нравовъ — ничего больше, какъ переходное состояніе, родъ насморка, который не-разъ уже повторялся, снова пройдетъ и снова жизнь пріиметъ свое правильное движенье впередъ.

Я въѣзжалъ въ Парижъ съ самымъ веселымъ, пѣвучимъ настроеніемъ духа, уѣзжалъ я изъ него ощущая въ душѣ недовольное, разочарованное чувство. Тѣмъ не менѣе, при разставаньи, когда городъ началъ постепенно исчезать и теряться въ вечернемъ туманѣ, — я далъ себѣ слово, непремѣнно туда вернуться при первомъ удобномъ случаѣ.

Сколько потомъ ни приводилось встрѣчать путешественниковъ, — всѣ по поводу Парижа испытывали тоже самое чувство: живешь, — бранишь не на животъ, а на смерть, — а уѣхать не хочется!

Д. ГРИГОРОВИЧЪ.

Ницца.
Октябрь. 1858 г.

ИЗЪ МОГИЛЬНЫХЪ ПРЕДАНІЙ.

ЛЕГЕНДА О КРОВОСМѢСИТЕЛѢ.

Ой и що-то за світъ є,
Що синъ матусю бере?
Піди, мати, утопись,
А я піду въ темний лісъ:
Нехай мене звірь изъість!

(Малороссійская пѣсня).

Встарину люди были благочестивѣе нынѣшнихъ. Когда христіанская вѣра у насъ только что водворялась, великая сила духовной жажды спасенія и крѣпость воли производили высокія явленія самоотверженія и борьбы человѣка съ собою. Въ лѣсахъ и дебряхъ проживали отшельники, постники, пустынножители, презрѣвшіе красоту мірскую, денно и ночно помышлявшіе о великой минутѣ отвѣта предъ справедливымъ Судіею и прилежными молитвами искупавшіе грѣхи міра, съ котораго еще не сошли ночныя тѣни язычества. Въ эти давнія времена, когда нашею землею правили князья, стоялъ въ пустынѣ монастырь. Одинъ изъ чернецовъ возжелалъ, ради совершеннаго безмолвія и тишины, создать себѣ келью въ лѣсномъ ущельѣ и только въ праздники приходилъ въ обитель къ богослуженію, а въ прочіе дни скрывался въ уединеніи, въ постѣ и бдѣніи, поддерживая плотское естество единою просфорою и чашею воды, да кореньями и плодами, воздѣлываемыми трудами честныхъ рукъ сво-

ихъ. Въ какомъ мѣстѣ это происходило—трудно сказать: тогда много было такихъ отшельниковъ; но тотъ, о которомъ идетъ рѣчь, по преданію, жилъ гдѣ-то близь Дуная. Не должно, однако, думать, чтобъ это былъ тотъ Дунай, который, вытекая изъ нѣмецкой страны, омываетъ пышную землю славянъ, нѣкогда общую колыбель нашихъ предковъ, гдѣ теперь наши единоплеменники спятъ подъ тяжелою давкою нѣмецкой и турецкой иноплеменности, осужденные въ продолженіи многихъ вѣковъ, какъ двѣнадцать дѣвъ Громобоя, на мгновеніе приподыматься, обращать мутные взоры къ сѣверу, умоляя о снятіи съ нихъ православнымъ крестомъ вѣковаго оцѣпенѣнія и съ вздохомъ воскликнувъ: нейдетъ, нейдетъ спаситель! снова повергаться въ тяжелый полусонъ. Нѣтъ, это не тотъ Дунай. Правда, знакомое нашему народу имя занесено съ береговъ настоящаго Дуная, но теперь оно уже утратило свое первоначальное значеніе, перестало быть собственнымъ названіемъ и стало нарицательнымъ именемъ вообще всякой большой рѣки.

Но гдѣ бы это ни происходило — довольно-того, что жилъ, какъ мы сказали, въ уединеніи отшельникъ. Какъ онъ ни старался укрыться отъ человѣческихъ взоровъ, его подвиги и добродѣтели не остались невѣдомы свѣту. Толпы богомольцевъ, особенно новокрещенцевъ, всегда ревностнѣйшихъ христіанъ, безпрерывно посѣщали его ради благихъ совѣтовъ и очищенія совѣсти. Никому онъ не отказывалъ въ духовномъ брашнѣ, многіе нетвердые въ вѣрѣ укрѣпились его проповѣдью, многіе жестокосердые исходили отъ него со слезами покаянія и обращались на путь истины.

Однажды явился къ нему юноша и сказалъ:

«Святый отче! Есмь толикій грѣшникъ, какого еще и солнце не видѣло. Если я не провалился сквозь землю подобно Авирону и Дафану, то это, конечно, оттого, что земля усрамляется принять въ свои нѣдра такое исчадіе грѣха, и только удивительному милосердію Божію приписать слѣдуетъ то, что люди остаются живы, прикоснувшись стопами къ слѣдамъ моихъ ногъ.»

— Что сотворилъ ты? вопросилъ его спокойно старецъ.

«Я убилъ своего отца и смѣсился съ своей матерью.»

— Повѣдай мнѣ, какъ сіе случилось — рекъ ему старецъ совершенно спокойно; и сіе спокойствіе поразило грѣшника: онъ въ первый разъ еще встрѣтилъ его въ духовномъ отцѣ, а уже ко многимъ обращался.

Онъ началъ повѣствованіе своей жизни.

На полночь отъ васъ есть страна, упорно коснѣющая во мракѣ идолослуженія. Въ сей странѣ нѣкогда воцарился юный князь, рев-

постный служитель тьмы и лести. Онъ поялъ себѣ юную супругу, дщерь сосѣдняго князя, съ которымъ родъ его долго былъ въ враждѣ; съ нимъ теперь онъ примирился и для крѣпости примиренія сочетался съ дщерью бывшаго врага. Еще въ дѣвствѣ просвѣтилась сія жена свѣтомъ истинной вѣры, но, видя упрямство супруга, таилась отъ него. Княгиня понесла во чревѣ и, по исполненіи времени, родила младенца мужескаго пола. Князь призвалъ волхва и спрашивалъ о судьбѣ сына. «Неизглаголанная, страшная судьба ожидаетъ твое дѣтище!» сказалъ ему волхвъ. «Будетъ изъ него такой злодѣй, какого еще и на свѣтѣ не было. Онъ умертвитъ своего отца и смѣсится съ своею матерью.» Услыша такое пророчество, князь повелѣлъ бросить свое чадо на съѣденіе лютымъ звѣрямъ; но мать, по врожденному матернему сердоболію и притомъ яко христіянка, не хотѣла губить своего первенца, сотворила собственными руками ковчежецъ, положила въ него младенца, а на грудь ему возложила книгу — евангеліе, тайно писанное своею рукою, и пустила въ Дунай, приговаривая: «о, Дунай, рѣка великая! твоимъ волнамъ довѣряю я несчастное дитя свое! Взлелѣй его, всколыхай и доставь добрымъ людямъ, а ты, святое, честное евангеліе, охраняй его въ пути своею силою!» — Не день, не два плылъ ковчежецъ по Дунаю, занесъ въ далекую землю и присталъ къ стѣнамъ святаго монастыря. Тогда вышелъ на берегъ за свѣжею водою черненъ, открылъ ковчежецъ, увидѣлъ младенца, взялъ на руки и сказалъ: — се Божій даръ! Я воспитаю его яко сына, научу истинѣ евангелія, съ нимъ же обрѣлъ его, и содѣлаю причастникомъ вѣчнаго царствія Божія. Онъ омылъ его банею крещенія и воспитывалъ какъ духовное чадо, готовя не для суетныхъ благъ и горестей преходящаго міра, но для тихаго монашескаго житія. Это былъ я.

Богъ одарилъ меня свѣтлымъ уразумѣніемъ. Я скоро научился грамотѣ и сталъ чести книги борзѣе прочей братіи, своихъ сверстниковъ, отроковъ, которыхъ отдавали въ монастырь для ученія; къ тому еще явился я изрядныимъ сладкопѣвцемъ паче всѣхъ клиросанъ той обители. Такое преуспѣніе возбудило въ сверстникахъ зависть. Всякими путями они меня гнали, оскорбляли, пакости мнѣ дѣлали, поругались мнѣ, думали на меня злобою, паче же укоряли меня неизвѣстностію моего рода и даже возносили клевету на духовнаго моего отца, говоря, будто бы я сынъ его не духовный, а плотской, рожденный имъ блудно.

Я сталъ вопрошать своего наставника и онъ повѣдалъ мнѣ тайну моего нахожденія.

Такъ достигъ я осьмнадцатилѣтняго возраста. Долго терпѣлъ я и переносилъ злобу сверстниковъ со смиреніемъ, но мои гонители не

оставляли меня въ покоѣ и, казалось, чѣмъ болѣе былъ я кротокъ и незлобивъ, тѣмъ язвительнѣе желали они досадить мнѣ. Исполнилась, наконецъ, мѣра моего терпѣнія; я приступилъ къ своему воспитателю и возопилъ:

— Отче! Не могу долѣе жить въ обители. Дай мнѣ оное евангеліе, съ которымъ ты нашелъ меня; иду искать своихъ плотскихъ родителей.

«Безумствуешь, чадо!» рекъ мнѣ благочестивый отецъ и хотѣлъ мудрыми увѣщаніями отклонить меня отъ намѣренія. Но я не слушалъ его.

«Силою оставлять тебя не стану, рекъ онъ со вздохомъ: — возьми свое евангеліе и иди.»

И я исшелъ изъ монастыря. Узрѣлъ я на Дунаѣ судно и вопросилъ: куда плыветъ оно? Мнѣ отвѣчали, что плыветъ оно въ верхнія страны съ товарами. Я просилъ взять себя. — Сребра и злата у меня нѣтъ, сказалъ я: — убогій человѣкъ есмь; платы дать не могу; но я младъ и здравъ: буду трудиться и творить вся, что повелите. — Меня приняли, посадили съ гребцами и дали въ руки весло. Гребцы начали со мною бесѣду и, увидѣвъ у меня святое евангеліе, вопро́шали: чему учитъ сія книга? Я отвѣчалъ, что святое евангеліе учитъ достигать вѣчнаго блаженства и нескончаемой жизни. Сіи гребцы были крещены, но почти ничего не вѣдали ни объ ученіи святой церкви, ни о ея событіяхъ. Я сталъ имъ повѣствовать о земной жизни Христа Спасителя, о странствіи его учениковъ; поучалъ спасительнымъ правиламъ всецѣлой вѣры; и рѣчь моя столь была пріятна ихъ слуху и сердцу, что они не радѣли о трудѣ и точію слушали меня, проливая слезы умиленія. Владыка судна, уразумѣвъ, что гребцы работаютъ худо, а болѣе внимаютъ моей рѣчи, началъ укорять меня и ихъ, но когда узналъ, что я не увеселяю суетными баснями, а возвѣщаю тайны спасенія, то, ласковымъ взоромъ воззрѣвъ на меня, рекъ: «великое далъ тебѣ Господь дарованіе; не подобаетъ тебѣ пребывать въ семъ черномъ трудѣ; иди, сядь съ нами, да насладимся твоею бесѣдою.» То былъ благочестивый купецъ; роду греческаго; полюбилъ онъ меня. Плылъ онъ съ греческими товарами къ единому христіанскому князю, котораго градъ красовался на берегу Дуная. «Князь, къ нему же путешествуемъ, рекъ онъ, христолюбивъ и щедръ, и великій милостивецъ къ христіанамъ, наипаче же къ такимъ, каковъ ты, юноша. Онъ приметъ тебя ласково и ты поживешь у него благодѣственно и честно.»

По четырехъ дняхъ плаванія достигли мы желаннаго града. Господинъ судна вступилъ въ теремъ къ князю, вручилъ ему товары,

повѣдалъ обо мнѣ, потомъ привелъ меня къ нему, и рекъ: «Благословеніе Божіе надъ симъ юношей. Едва только пухъ началъ покрывать его ланиты, а онъ уже свѣдущѣе старцевъ.» Князь поцаловалъ меня и спросилъ: кто я? Я же, плѣненный тѣмъ, что вошелъ въ чертоги сильнаго міра, не повѣдалъ ему о себѣ всей истины, а сказалъ только, что воспитывался въ монастырѣ и теперь гряду проповѣдывать слово Божіе.

— Ты будешь имѣть желанный случай явить свою проповѣдь, сказалъ князь.—Юнъ ты, но Господь умудряетъ младенцевъ. Подобаетъ тебѣ вѣдать, что наполночь отъ моего княженія есть иное княженіе, погруженное во мракъ упорнаго идолослуженія. Князь его лютъ и звѣронравенъ. У него посреди града стоитъ высокій деревянный идолъ, ему же поклоняются въ слѣпотѣ своей люди и не токмо не разумѣютъ, что дѣло рукъ человѣческихъ, древо безсловесное, не можетъ ихъ спасти, но приносятъ ему въ жертву сыновей и дщерей человѣческихъ, наипаче же досаждаютъ христіанамъ и умерщвляютъ ихъ, проливая святую кровь предъ окаяннымъ идоломъ. Помимо всякихъ гоненій, вѣра христіянская расширяется въ его княженіи, но чѣмъ болѣе увеличивается число вѣрующихъ, тѣмъ неистовѣе гонитъ истину и чадъ ея злобный мучитель. Въ послѣдніе дни онъ не токмо мучилъ своихъ подвластныхъ, но клятвопреступно и беззаконно плѣнилъ нашихъ людей, прибывшихъ купли ради въ его землю, посадилъ ихъ въ порубъ, будетъ отречься отъ Христа и поклониться идоламъ, и угрожаетъ принести ихъ въ жертву богу своему. Я избираю тебя, юноша, ради твоего разума и дара слова: убѣждай его отпустить людей моихъ, когда же онъ станетъ упорствовать, то объяви ему рать отъ моего имени.

Повелѣніемъ князя, моего благодѣтеля, совлекся я монашеской одежды и облекся въ свѣтлыя одежды княжескаго отрока и мечъ при бедрѣ препоясалъ. Князь придалъ мнѣ дружину, и отплыли мы на судахъ въ темное княженіе.

Приближаясь къ невѣрному граду, узрѣли мы на брегѣ великое множество народа всякаго чина и возраста отъ мала до велика; возвышался помостъ, а на немъ стоялъ деревянный кумиръ. Когда же мы вступили на брегъ, то предстало моему взору печальное зрѣлище многихъ человѣкъ, — мужей, женъ и дѣтей, — связанныхъ и лежащихъ на землѣ и отъ страха, какъ листвіе, дрожащихъ. «Между сими злосчастными и наши люди,» сказали мнѣ мои спутники. — «Нынѣ у нихъ треклятое, мерзостное празднество и се проливается кровь неповинныхъ агнцевъ.»

Тогда, какъ бы свыше озаренный свѣтомъ небеснымъ, наитіемъ Его духа вдохновенный и окрѣпленный священнымъ дерзновеніемъ о Господѣ, воззрѣлъ я на множество народа и возопилъ.

— О несмысленные, о слѣпые и безумные! Что творите? Почто почитаете безсловесное древо творцемъ и могущимъ повелителемъ вашимъ и проливаете звѣрски кровь своей братіи? Во истину, не люди вы, но звѣри дикіе, хищные. О жестоковыйные невѣгласы! Придите въ чувствіе, прозрите, слѣпцы! Богъ посылаетъ меня для вашего вразумленія! Аще сей деревянный идолъ — богъ, пусть онъ защититъ себя отъ моего меча. Зрите.

Я вскочилъ на помостъ и ниспровергъ идола, ударилъ его по головѣ мечемъ и разсѣкъ подобіе главы его пополамъ.

— Зрите же, безумцы, каковъ богъ сей. Опроверженъ, посрамленъ, пораженъ въ главу, безсиленъ отомстить за себя и наказать меня. Поклонитесь же единому, истинному Богу, въ селеніяхъ горнихъ живущему, вездѣсущему, сотворившему небо и землю, дающему всему жизнь и дыханіе, въ трехъ лицахъ славимому.

Тогда всѣ, уже исповѣдывавшіе истинную вѣру, но таившіеся страха ради княжескаго, какъ бы единымъ сердцемъ и едиными устами возопили:

«Слава, честь и благодареніе въ Троицѣ славимому Богу! Буди благословенъ приходъ твой, мужъ правды, юноша, посланникъ неба, яко святый Георгій поразившій сего лютаго змія, и показавшій намъ свѣтъ Христовъ.

Тогда многіе изъ поклонниковъ нечестиваго идола, видя его лежащаго, обезглавленнаго и безмолвно поруганіе терпящаго, возопили.

— Во истину сей чужеземецъ открываетъ намъ очи! О темное наше неразуміе! Мы мнили быть богомъ сего идола, а онъ не могъ постоять за себя. Не богъ онъ, а болванъ бездыханный; какъ теперь въ немъ нѣтъ дыханія, такъ и прежде не было!

Но толпа стала разступаться. Князь, подобный лютому льву, кипя яростію и злобою, съ обнаженнымъ мечемъ несся ко мнѣ и въ изступленіи вопіялъ:

«Рабы непокорные! Какъ дерзаете противиться моему велѣнію? Почто преклоняете слухъ къ рѣчамъ сего иноземца? Имите его, свяжите его, да предастся онъ мукамъ несносныма и невыразимымъ!» Но народъ стоялъ въ оцѣпененіи и токмо немногіе съ княземъ подвигались на меня.

— Народъ, ослѣпленный мракомъ! сказалъ я: если мало для тебя свидѣтельства сего попраннаго идола, то да совершится новое для

твоего прозрѣнія. Князь вашъ искусенъ въ бранях, а же юнъ и невѣдущъ. Сим мечемъ я отражу удары его во свидѣтельство истины моей вѣры. Аще побѣдитъ онъ меня, то да будетъ слово мое ложь и правдива вѣра его; аще же одолѣю я, то да погибнутъ идолы и да прославится Христосъ Искупитель. О мучитель нечестивый! Кровопійца лютый! Предъ лицемъ всего народа призываю тебя къ единоборству: побѣда единаго отъ насъ будетъ торжествомъ единой изъ вѣръ нашихъ.

Съ распаленнымъ зракомъ, какъ драконъ огнекрылатый, летѣлъ на меня князь. Я отразилъ его ударъ. Наши мечи извергали искры и наполняли воздухъ звуками. Безмолвно, въ страхѣ ожиданія, дозоровалъ народъ на бой нашъ. Наконецъ, я выторгъ мечъ изъ рукъ сопостата и поразилъ его въ грудь. Крѣпкій мѣдный панцырь распался и кровь заструилась. Онъ палъ. Я наступилъ на него ногою.

«Побѣдитель, пощади!» — произнесъ побѣжденный.

— Гибель человѣкоядцу! воскликнулъ я, отсѣкъ ему главу и низвергъ съ помоста.

«Слава единому въ Троицѣ славимому Богу, скорому помощнику въ бранѣхъ. Великъ Богъ христіанскій!» восклицалъ народъ. И я, оглушаемый похвалами и величаніями, сошелъ съ помоста.

Тогда подошелъ ко мнѣ бѣловласый старецъ съ животворящимъ крестомъ, осѣнилъ меня и рекъ:

«Благословенъ приходъ твой! Я служитель истиннаго Бога. Какъ Давидъ отъ Саула, скрывался я отъ мучителя и тайно въ подземномъ убѣжищѣ совершалъ божественную службу, питая вѣрныхъ истиннымъ брашномъ и питіемъ. Нынѣ да возсіяетъ церковь Божія и воззиждутся честные благолѣпные храмы! Нынѣ да будетъ всѣмъ вѣдомо, что самая честная княгиня наша нелицемѣрнымъ смысломъ исповѣдывала святую вѣру, но таилась, страшась кровопійцы — супруга. Се грядетъ она.»

И я узрѣлъ грядующую къ себѣ жену, не юную, но сіящую необычайнымъ благодушіемъ и лѣпообразіемъ.

— Да будетъ, рекла она: — благословенно имя Господа, пославшаго намъ тебя, мужественный, несравненный пришелецъ. Божіимъ судомъ ты покаралъ мучителя, моего супруга, причинявшаго мнѣ двадесять лѣтъ несказанныя скорби. Нынѣ да восторжествуетъ въ княженіи семъ святая вѣра, которую съ юности я сохраняла въ сердцѣ. Нынѣ да радуется небо, да веселится земля, да ужасается преисподняя. О люди мои! Не медлите! да содѣлается Дунай купелію крещенія вашего.

«Крещенія! Крещенія!» воскликнуло множество народа.

Тогда собрались градскіе бояре, людскіе старцы и сотворили вѣче и рекли:

«Князя у насъ нѣтъ; но не подобаетъ намъ оставаться безъ новаго князя. Кому же подобаетъ княжить надъ нами, какъ не тому, кто, будучи посланъ намъ отъ неба, явилъ изрядное свидѣтельство мудрости, мужества и доблести, дерзновенно избавилъ край и страну нашу отъ злаго мучителя и добрымъ подвигомъ, принося въ жертву за насъ себя самаго, открылъ темнымъ очи и привелъ насъ къ познанію Бога. По обычаю отцовъ нашихъ избираемъ его княземъ нашимъ и да будетъ ему супружница наша добрая княгиня.»

Затрепетало мое грѣшное сердце, обрадовался я предстоящей власти и мірскимъ сладостямъ брака. Старцы соединили мою руку съ рукою княгини, и я предъ лицомъ всего вѣча поклялся ей въ супружеской вѣрности, а народу въ любви и печалованіи о немъ. Священникъ совершилъ надъ нами обрядъ бракосочетанія и я возсѣлъ на столѣ княжескомъ и пріялъ жезлъ управленія, и учредилъ пиръ веселый народу, отъ мала до велика; и было тогда общее утѣшеніе и радость, и ликованіе, и согласное благодушество.

По семи дняхъ, когда окончились брачныя пиршества, супруга стала меня вопрошать, кто я, и откуда есмь, и какого рода, и кто мои родители? Едва я возвѣстилъ ей повѣсть дней моихъ — смертная блѣдность покрыла ея чело. «Покажи мнѣ евангеліе, которое найдено съ тобою!» произнесла она дрожащимъ гласомъ. Я подалъ ей евангеліе и она упала безъ чувствъ на землю.

Недоумѣвая, бросился я къ ней и, какъ нѣжный супругъ, приводилъ ее въ память. Изнеможенная, съ блуждающимъ взоромъ она поднялась и рекла:

«О ужасъ! О поношеніе! О страшная судьба! Свершилась наша гибель! Несчастный, знай: ты умертвилъ своего отца и сочетался бракомъ съ матерью. Я мать твоя; я, нынѣ супруга твоя, подруга твоего брачнаго ложа, нѣкогда родила тебя на семъ самомъ ложѣ. О ужасъ! о ужасъ! Преступленіе твое предречено волхвами при твоемъ явленіи въ свѣтъ и отецъ твой велѣлъ бросить тебя лютымъ звѣрямъ на съѣденіе, а я, я предала тебя волнамъ Дуная. И вотъ ты живъ, ты, мой сынъ, нынѣ осквернившій себя и меня кровосмѣшеніемъ! Прошло двадесять лѣтъ: мать обрѣла сына... и не можетъ прижать его къ материнской груди, не можетъ благословить его! Иди, иди несчастный, иди въ дебри и лѣса, — пусть тебя пожрутъ дикіе звѣри, пусть нынѣ исполнится повелѣніе отца твоего. А я, злосчастная, я отдамъ себя Дунаю, который сохранилъ тебя на мое и твое горе!»

Тщетно я хотѣлъ удержать ее отъ безумнаго намѣренія. Слова утѣшенія были слабы въ моихъ устахъ, когда сердце терпѣло несказанное мученіе. Она явилась на площадь, все повѣдала народу и низверглась въ волны Дуная.

Какъ разъяренная волна морская, текъ народъ къ терему, алча предать меня смерти, но меня уже тамъ не было. Видя безумство матери, я убѣжалъ изъ града; я скитался по непроходимому лѣсу, желая, чтобъ исполнилось заклятіе отца, повторенное чрезъ двадесять лѣтъ матерью: чтобъ одинъ отъ звѣрей дубравныхъ растерзалъ меня. Вотъ на встрѣчу ко мнѣ грядетъ медвѣдь. Я говорю ему: звѣрь лютый! бери свое достояніе! Но медвѣдь приблизился ко мнѣ, восхрапѣлъ и, какъ будто чѣмъ-то устрашенный, побѣжалъ отъ меня вспять. О горе! сказалъ я: самые звѣри бѣгутъ отъ проклятія, на мнѣ тяготѣющаго!

Нѣсколько дней скитался я въ лѣсу, наконецъ прибылъ въ нѣкую весь. Немощь тѣлесная заставила меня вкусить пищи. Тутъ я узналъ, что мое событіе оставило ужасные слѣды въ моемъ княженіи. Мой народъ пожалѣлъ объ идолахъ; волхвы возмутили его, хулили христіанскую вѣру, толковали, яко бы она навлекла на нихъ такое посрамленіе, и несмысленныя толпы обращались снова къ идолослуженію, избранъ новый князь изъ среды бояръ и еще горше перваго сталъ гнать Христову вѣру; сѣмена ея, столь быстро мною посѣянныя, исторглись въ единый день; идолъ воздвигнутъ; кровь христіанская полилась потоками; всѣ, прежде тайные, при краткомъ моемъ княженіи объявившіе о себѣ христіане принесены въ жертву демону, и несчастный старецъ-священникъ, сочетавшій меня бракомъ съ матерью, умеръ въ ужасныхъ мукахъ. Я почувствовалъ весь ужасъ глумленія, какое учинила надо мною судьба. Я покинулъ стѣны монастыря, дабы найти родителей и нашелъ. Но какъ? Отца подъ ударами моего меча, а мать на кровосмѣсительномъ со мною ложѣ. Я искалъ своего достоянія и нашелъ. Но какъ? Я возсѣлъ на столѣ отца и дѣда своего для того, чтобъ послѣ семи дней бѣжать и оставить имя свое на вѣчное проклятіе дѣтямъ и внукамъ подвластныхъ людей. Я принялъ на себя проповѣданіе вѣры и въ единый день обратилъ ко Христу тысячи новыхъ душъ, озарилъ свѣтомъ вѣры все свое княженіе, но для чего? Для того, чтобъ укрѣпилось въ немъ идолопоклонство и всѣ прежніе зачатки спасенія были бы исторгнуты съ самымъ корнемъ! Но я преодолѣлъ искушеніе лишить себя жизни. Христіанинъ — я сталъ размышлять о томъ, что нѣсть грѣха, который бы превозмогъ милосердіе Божіе. Неужели, думалъ я, церковь не имѣетъ средствъ очистить мой грѣхъ тяжкимъ наказаніемъ и примирить съ Богомъ? Мой грѣхъ невольный. Я не хотѣлъ

совершить того, что сотворилъ. Такъ размышлялъ я и прибѣгнулъ къ святой церкви. Пришелъ я къ священнику. Но увы! Какъ только я повѣдалъ ему о грѣхѣ своемъ, онъ отвратился отъ меня съ ужасомъ и сказалъ: Иди, бѣги отъ меня! Нѣтъ тебѣ покаянія! Я отошелъ изъ страны, гдѣ церковь не приняла меня, притекъ въ иную и явился къ черноризцу, славившемуся благочестіемъ. Но и тотъ отвергъ меня съ ужасомъ. Три года я скитаюсь отъ монастыря къ монастырю, отъ храма къ храму, но нигдѣ не допускаютъ меня, не хотятъ даже внимать моей рѣчи; повсюду я слышу, что для такого грѣшника нѣтъ ни епитеміи, ни молитвы. Нынѣ прихожу къ тебѣ, святый отче! Умоляю наложить епитемію, которая бы могла очистить грѣхъ мой.

«Чадо мое»! сказалъ отшельникъ. — «Рожденный во мракѣ нечестія, ты совершилъ ужаснѣйшія злодѣянія, отъ которыхъ небо и земля долженствовали содрогаться. Господь избавилъ тебя отъ грядущаго зла и поручилъ своей церкви. Не терпя со смиреніемъ суетныхъ досажденій, ты легкомысленно оставилъ святую обитель; ты потекъ въ міръ искать земныхъ родителей, оставя Отца небеснаго и честнаго воспитателя, усыновившаго тебя Отцу небесному. Но милость Господня не покидала тебя и въ твоемъ странствіи. Господь послалъ тебѣ благодать ниспровергнуть идола и обратить къ христіанской вѣрѣ княженіе отцовъ твоихъ. Зачѣмъ же ты умертвилъ князя, когда онъ, побѣжденный тобою, просилъ пощады? Наипаче же зачѣмъ предался обаянію земныхъ благъ и пріялъ брачный союзъ, когда воспитатель твой съ дѣтства уневѣстилъ тебя Христу? Послуживъ князю міра сего, ты отдалъ себя въ его волю, и онъ повергъ тебя въ страшную бездну. Но благо тебѣ, что не отчаялся въ спасеніи и не оставилъ искать помощи у вратъ святой церкви. Я укажу тебѣ епитимію, тебя достойную.»

Онъ вывелъ его въ поле и сказалъ:

«Сотвори, чадо, древяную храмину и возложи надъ нею высокій земляной холмъ, оставя токмо узкій входъ. Трудись и памятуй, что узкій входъ и тѣсный путь ведутъ въ животъ. Когда все сотворишь, приди ко мнѣ. Се тебѣ орудія.» Онъ далъ ему изъ монастыря сѣкиру, пилу, гвозди и лопату.

Юноша срубилъ деревьевъ, обтесалъ ихъ, сотворилъ храмину, насыпалъ надъ нею высокую могилу и, послѣ тяжелыхъ трудовъ, когда все окончилъ, явился къ отшельнику.

Тогда святой отецъ принесъ въ уготованную грѣшникомъ пещеру налой и поставилъ на немъ просфору, единую красоулю воды, возженную восковую свѣчу и положилъ книгу: великій канонъ Ан-

дрея Критскаго, читаемый кающимся вѣрнымъ въ навечеріе первыхъ четырехъ дней первой седмицы великія четыредесятницы и въ ночь съ среды на четвергъ пятой недѣли, того же святаго времени.

Онъ рекъ:

— Читай сей канонъ и за каждымъ стихомъ произноси: «помилуй, мя Боже! помилуй мя!», а вслѣдъ за тѣмъ клади земной поклонъ. Такъ читай и молись, доколѣ я приду.

Грѣшникъ всталъ предъ налоемъ, а отшельникъ прикрѣпилъ ко входу желѣзную дверь, заперъ ее замкомъ, потомъ зарылъ входъ землею и повергъ ключи въ Дунай.

Прошло десять лѣтъ. Въ монастырѣ преставился игуменъ. Вся братія отправилась къ отшельнику приглашать править обителью. Напрасно отшельникъ, любя безмолвное житіе, отрекался и просилъ освободить его отъ такого бремени. Братія умоляла его именемъ Бога, и отшельникъ, возведши горѣ взоры, рекъ: да будетъ воля Божія! и принялъ жезлъ управленія.

Подъ кроткимъ управленіемъ сего дивнаго, сіявшаго паче звѣзды восточной добродѣтелями и благомысліемъ мужа, процвѣтала обитель какъ кринъ райскій, и слава ея свѣтилась въ близкихъ и дальнихъ странахъ. Такъ прошло двадцать лѣтъ. Престарѣлый игуменъ, оканчивая уже сотый годъ своего честнаго житія, почувствовалъ, что Господь призываетъ его къ себѣ въ вѣчный покой, созвалъ братій, въ послѣдній разъ поучилъ ихъ, простился со всѣми, какъ чадолюбивый отецъ съ чадами и опочилъ.

Почтивъ слезами драгоцѣнные остатки старца, братія погребла его съ великою честію и учредила трапезу для нищихъ и убогихъ, и всѣхъ притекшихъ на погребеніе святаго мужа.

Тогда монастырскіе рыбари изловили рыбу и принесли въ поварню. Когда разрѣзали сію рыбу, то обрѣли въ ней ключи. Не мало всѣ дивились и понесли ключи отцу эконому. И сказалъ тогда отецъ экономъ: «Вотъ уже тридесять лѣтъ тому, какъ нынѣ преставившійся святой мужъ, игуменъ нашъ, живя въ своей лѣсной келіи, заключилъ въ подземную храмину грѣшника епитеміи ради и повелѣлъ ему ждать своего прихода. Нѣтъ на земли нашего отца и не придетъ онъ къ грѣшнику, а подобаетъ идти къ нему намъ; да узримъ, какое дѣйствіе надъ его прахомъ оказала благодать покаянія!

Братія потекла къ холму. Откопали входъ и старецъ экономъ приложилъ къ замку ключи. Но увы! Ключи хотя были очевидно отъ сего самаго замка, но отъ времени и ржавчины стали бездѣйственны. «Сіи ключи», сказалъ экономъ — «обрѣтены не для того, чтобы ими отверсти дверь, а того ради, чтобъ напомнить намъ объ

окончанія подвига.» Братія обкопала дверь и сняла ее. Изъ пещеры сталъ выходить отрадный для ока свѣтъ и сладостнѣйшее благоуханіе исполнило воздухъ. Любопытствующая братія склонилась ко входу и узрѣла:

Кающійся стоялъ предъ налоемъ, доканчивалъ великій канонъ и послѣ каждаго стиха клалъ земные поклоны. Просфора была цѣла. Красоудя воды также оставалась непочатою. Восковая свѣча догорала, и какъ только чтецъ окончилъ канонъ, — погасла.

Грѣшникъ остановился и возвелъ очи горѣ. Лицо его было юно, не отпечатлѣвалось на немъ слѣдовъ старости и изнеможенія. Увидя солнечный свѣтъ и людей вокругъ себя, онъ, какъ бы пробужденный отъ сна, воскликнулъ: нынѣ отпущаеши раба твоего, владыко!

Онъ исшелъ изъ своей темницы и, сопровождаемый изумленною братіею, потекъ въ храмъ, гдѣ внималъ божественной литургіи и причастился святыхъ таинъ, потомъ, отступивъ, сталъ у столба, сложивъ руки крестообразно, и отошелъ отъ міра. Нетлѣнное, исполненное райскаго благоуханія тѣло его предали землѣ въ самомъ храмѣ господнемъ, и святая душа его возлетѣла въ горнія жилища, гдѣ онъ доселѣ молитъ примиреннаго Творца о дарованіи благостыни странѣ, которая пріютила и успокоила его страдальческія кости.

Пала отъ лѣтъ храмина и остались только слѣды ея могилы— холмъ съ углубленіемъ. Тамъ протекалъ чудотворный подвигъ очищенія кровосмѣситель. Но не возможно указать, гдѣ эта могила; такихъ холмовъ чрезвычайное множество.

Этотъ разсказъ, въ сходныхъ по основѣ содержанія и ходу событія варіантахъ, я слышалъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ. Преданіе о кровосмѣсителѣ принадлежитъ къ самымъ древнѣйшимъ преданіямъ человѣчества. Безъ сомнѣнія, исторія нашего кровосмѣсителя сама по себѣ, языческаго происхожденія, и уже впослѣдствіи приняла подъ вліяніемъ христіанства настоящій видъ. Самая несообразность преступленія съ наказаніемъ по христіанскимъ понятіямъ, указываетъ на ея языческое начало. Преступленіе кровосмѣсителя, невольное. Церковь христіанская, отличающая побужденія отъ дѣла, не наказала бы такъ строго невольнаго грѣшника. — Эта исторія существуетъ у всѣхъ славянскихъ народовъ и переходитъ изъ устъ въ уста по цѣлой Руси въ различныхъ варіантахъ.

Въ одномъ сборникѣ Публичной Библіотеки Погодинскаго книгохранилища (№ 1288) разсказано, что въ нѣкоторомъ государствѣ у короля былъ сынъ и дочь. Братъ разжегся на сестру и «зачатъ сестра въ утробѣ дѣтище и начатъ братъ ея скорбѣти въ мнозѣ пе-

чали». Онъ отдалъ сестру на соблюденіе старѣйшинѣ и заповѣдалъ ему не губить дѣтища, которое должно родиться, а самъ ушелъ въ чужую землю и тамъ скоро умеръ. Сестра родила и «повелѣ сдѣлати колодицу и вложи въ нію своего младенца и пусти его на воду»; съ нимъ положила она пять тысячъ литръ сребра и три тысячи литръ злата и написала на свинцовой досточкѣ такія слова: «сіе отроча въ беззаконіи родися и во грѣсѣхъ суще зачатъ отъ брата и сестры и аще кто его возьметъ, то сребро ему, а злато дѣтищу. И плакася надъ нимъ горько, пусти его на воду». Сама она послѣ того возсѣла на королевство и жила дѣвою, молясь втайнѣ о грѣхѣ своемъ. По Божію повелѣнію колодица пристала къ стѣнамъ монастыря. Игуменъ, увидѣвъ, приказалъ служебникамъ принести ее къ себѣ и открыть. Онъ увидалъ дитя мужескаго пола, увидалъ серебро и золото и прочиталъ надпись. Игуменъ заплакалъ, соболѣзнуя о томъ, что такіе грѣхи творятся на свѣтѣ. Онъ вскормилъ, воспиталъ ребенка, выучилъ его грамотѣ: мальчикъ показывалъ большія способности. Однажды онъ игралъ съ дѣтьми, жившими въ монастырѣ, пришло какое-то дѣтище къ игумену и сказало: «Господине отче! прости: что мя убилъ сынъ твой? Игуменъ же начатъ ихъ судити, и рече сыну своему со гнѣвомъ: про что его біеши? Въ беззаконіяхъ родился ты и во грѣсѣхъ зачатъ». Пріемышъ ужаснулся и началъ скорбѣть и задумываться о значеніи словъ, произнесенныхъ игуменомъ; наконецъ рѣшился спросить объ этомъ. Игуменъ разсказалъ ему и показалъ ему свинцовую досточку, которая находилась съ нимъ, когда онъ приплылъ къ монастырю младенцемъ. Отрокъ просилъ отпустить его. Послѣ долгихъ совѣтовъ остаться, игуменъ отдалъ ему досточку и золото. Отрокъ «обрѣте корабль и купи его и сѣде въ немъ, нача торговати и обогатѣ велми и многія грады повоевалъ, и повелѣніемъ Божіимъ прінде подъ градъ матере своея и ста подъ градомъ. Гражане же, видѣвъ, яко воевода нѣкій славенъ есть, и срѣтоша его за градомъ, и начаша его молити, дабы онъ у нихъ былъ пастырь. Онъ же прінде во градъ, они же начаша молити госпожу свою, дабы посягла за него». Госпожа вышла за него. Передъ трапезою онъ всегда имѣлъ обычай входить во внутренніе покои и тамъ читалъ надпись на досточкѣ, гласившей о его преступномъ рожденіи. Жена спрашивала его объ этомъ, но онъ не сказалъ ей тайны. Побуждаемая женскимъ любопытствомъ, она хотѣла подсмотрѣть за нимъ и узнать, что онъ дѣлаетъ въ это время, но никакъ не удавалось. Однажды дѣвица увидала свинцовую досточку и когда господинъ, послѣ обычнаго грустнаго размышленія надъ нею, оставилъ ее, она взяла ее и принесла къ своей госпожѣ и сказала: «Возьми, госпоже, цку

сію: надъ тою бо цкою мужъ твой Григорій всегда плачется. Она же вземъ цку и прочетъ и паде отъ ужасти мертва и плакася горко: «азъ многогрѣшная! Григоріе! сынъ мой еси ты, господине; азъ бо тя родихъ отъ брата своего». Слышавше Григорій, паде мертвъ предъ нею. И отъидоста ума. Григорій пошелъ близь моря пустую палату, вошелъ въ нее и приказалъ запереть и засыпать землею, а ключи отъ замка, которымъ палата была заперта, забросить въ море. Черезъ двѣнадцать лѣтъ умеръ римскій папа и одному старому благочестивому мужу было откровеніе, что въ папы слѣдуетъ избрать Григорія, сокрытаго подъ землею. Отрыли палату, стали отбивать замокъ: не дался! Наконецъ рыболовы поймали рыбу и въ ней нашли ключи и этими ключами отперта была палата. Григорій былъ обрѣтенъ и избранъ папою. Тогда явилась къ нему старица и исповѣдывалась во грѣхахъ своихъ: то была его мать. Покаяніе очистило отъ грѣха и ее, какъ невольно-преступнаго сына.

Другой варіантъ той же легенды извѣстенъ мнѣ изъ сборника XVII вѣка, сообщеннаго мнѣ Ѳ. И. Буслаевымъ. Былъ нѣкто купецъ Поуливачъ. Онъ услышалъ, какъ голуби между собою разговаривали: «будетъ у господина нашего радость: жена ему родитъ сына и нарекутъ ему имя Андрей; и то отроча убіетъ отца своего и матерь свою себѣ въ жену возьметъ и триста дѣвицъ старицъ растлитъ блудомъ». Когда жена родила, отецъ велѣлъ сгубить младенца, но бабка не рѣшилась на это и сказала матери, которая, крестивъ его, велѣла прорѣзать ему чрево, положила на доску и пустила по морю. Доска пристала къ женскому монастырю близь Кипина града. Черница вышла брать воду и нашла его. Игуменья собрала всѣхъ сестеръ и сначала думала, что какая нибудь изъ нихъ согрѣшила, но послѣ увѣренія ихъ, приняла явленіе ребенка за знакъ особенной воли Божіей, велѣла зашить ему чрево, вскормила козьимъ млекомъ и отдала старицѣ для книжнаго ученія. Но когда ему минуло пятнадцать лѣтъ, онъ соблазнилъ всѣхъ сестеръ одну за другою и самую игуменью. Но потомъ игуменья рѣшилась предъ всѣми сознаться и объясняла, какимъ образомъ онъ ее искусилъ: «прельстилъ мя святыми своими многими притчами прежнихъ человѣкъ паденіе во грѣхахъ мытарей, и гонителей, и блудниковъ, и блудницъ, и всѣхъ праведныхъ отъ вѣка, какъ покаяніемъ и слезами и милостынею спасовалися; азъ же слышахъ такое глаголаніе его и разслабѣ тѣло мое и разгорѣся сердце мое и умъ поколебася». За нею и всѣ старицы принесли такое же признаніе, потомъ изгнали его. Юноша пришелъ въ ту страну, гдѣ родился, и нанялся у одного хозяина стеречь виноградъ. Хозяинъ далъ ему приказаніе стрѣлять изъ лука во всякаго, кто войдетъ въ садъ безъ спроса, и желая ис-

мытать, какъ исполняетъ сторожъ его приказанія, самъ вошелъ туда въ полночь. Сторожъ застрѣлилъ его. То былъ его отецъ. Онъ припряталъ тѣло убитаго и чрезъ нѣсколько времени женился на своей госпожѣ, женѣ убитаго. Но по рубцу на чревѣ онъ далъ знать о себѣ. Мать узнала, что вышла за своего сына. Грѣшникъ ходилъ къ нѣсколькимъ священникамъ просить прощенія, но такъ какъ ни одинъ не рѣшался простить его и взять на себя отвѣтственность за такой грѣхъ, то онъ убивалъ ихъ; наконецъ пришелъ къ епископу, который зарылъ его въ погребъ, имѣвшій три сажени въ длину и три сажени въ ширину, а матери его прокололъ ноздри, продѣлъ сквозь отверстіе замокъ, заперъ его и ключи забросилъ въ море. Андрей въ своей темницѣ долженъ былъ писать покаяніе, а мать просить милостыни. Прошло тридцать лѣтъ. Рыбаки вытащили изъ моря рыбу и нашли въ ней ключи. Тогда епископъ отомкнулъ замокъ, висѣвшій въ ноздряхъ матери, и постригъ ее въ иноческій чинъ, потомъ приказалъ отрыть погребъ, засыпанный землею. Андрей дописывалъ десятую пѣснь великаго канона, который поется на павечеріи въ первые четыре дни и на заутрени въ четвергъ на пятой недѣлѣ великой четыредесятницы. Когда епископъ умеръ, Андрей сталъ его преемникомъ и отличался подвигами святости.

Ничто такъ не показываетъ языческаго происхожденія этой легенды, какъ разговоръ голубей, которому вѣритъ отецъ, какъ голосу судьбы. Это остатокъ птицеволхвованія, бывшаго существеннымъ догматомъ всѣхъ миѳологій, и въ томъ числѣ славянской.

Обломки этой исторіи сохранились и въ народныхъ пѣсняхъ. Такъ въ Сербіи существуютъ двѣ пѣсни о Находѣ — Симеунѣ, помѣщенныя въ изданіи Вука Стефановича. Онѣ разсказываютъ это происшествіе въ нѣкоторыхъ чертахъ различно одна отъ другой; но вообще сходно въ главномъ основаніи. Мы приведемъ обѣ эти пѣсни въ переводѣ:

Рано вышелъ старецъ калугеръ на Дунай къ студеной водѣ, чтобъ набрать дунайской воды, и умыться, и Богу помолиться. И встрѣтилъ старца случай: нашелъ онъ оловянный сундукъ; выбросила его вода подъ берегъ. Онъ подумалъ, что въ немъ сокровища и отнесъ въ монастырь. Когда же отворили оловянный сундукъ, не нашли въ немъ сокровища, а нашли въ немъ одно дитя мужескаго пола, мужескаго пола дитя дней семи. Вынулъ онъ дитя изъ сундука, окрестилъ его въ своемъ монастырѣ и далъ ему прекрасное имя: Находъ-Симеунъ. Не отдалъ онъ дитя кормилицѣ, а воскормилъ его въ своемъ монастырѣ, воскормилъ медомъ и сахаромъ. Когда исполнился дитяти годъ, оно было таково, какимъ бы другое было трехъ

лѣтъ; а когда исполнилось ему три года, оно было таково, какимъ бы другое было семи лѣтъ; когда же исполнилось ему семь лѣтъ, оно было таково, какимъ бы другое было двѣнадцати лѣтъ; а когда исполнилось ему двѣнадцать лѣтъ, оно было таково, какимъ бы другое было двадцати лѣтъ. Удивительно выучился Симеунъ книжному знанію: не боится онъ никакого дьяка, ни даже своего старца игумена. Однажды утромъ въ святое воскресенье сошлись монастырскіе дьяки и завели разныя игры, прыгали, камни метали. Находъ-Симеунъ дальше всѣхъ прыгнулъ, дальше всѣхъ камень кинулъ. Разсердились монастырскіе дьяки и говорятъ Находу-Симеуну: Симеунъ! дрянный найденышъ! Нѣтъ у тебя ни рода, ни племени, самъ ты не знаешь, какого ты рода: тебя нашъ старецъ игуменъ нашелъ въ сундукѣ на берегу воды. Досадно стало Находъ-Симеуну. Идетъ Сеня въ свою келью, береть честное евангеліе, читаетъ Сеня и слезы проливаетъ. Приходитъ къ нему отецъ игуменъ и спрашиваетъ Находъ-Симеуна: Что съ тобою Симеунъ? Зачѣмъ роняешь изъ очей слезы? Какой тебѣ недостатокъ въ моемъ монастырѣ? Говоритъ ему Находъ-Симеунъ: господинъ отецъ игуменъ! Укоряютъ меня монастырскіе дьяки тѣмъ, что я не знаю самъ, какого я рода, что ты нашелъ меня на берегу. Послушай, отецъ игуменъ! Ради истиннаго Бога, дай мнѣ своего коня: поѣду я въ бѣлый свѣтъ искать, какого я рода, буду ли я рода простаго или какого нибудь рода господскаго: а не то я брошусь въ тихій Дунай! Жаль стало старцу игумену. Онъ одѣлъ Сеню какъ своего сына, изготовилъ ему красивую одежду, далъ ему тысячу дукатовъ и своего бѣлаго коня изъ конюшни. Поѣхалъ Сеня по бѣлому свѣту. Ходитъ Сеня девять лѣтъ, ищетъ Сеня рода племени, но какъ ему найти его, когда некого спросить? Когда настало десятый годъ, пришло на умъ Находъ-Симеуну идти назадъ въ свой монастырь. Онъ оборотилъ своего бѣлаго коня. Однажды утромъ ѣхалъ онъ подъ бѣлымъ градомъ Будимомъ; выросъ Находъ-Симеунъ, и сталъ краше всякой дѣвицы. Красиво гарцуетъ на своемъ бѣломъ конѣ, играетъ конемъ по полю будимскому и наѣваетъ своимъ бѣлымъ горломъ. Увидала его будимская королева и кричитъ статной рабынѣ: иди скорѣе, статная рабыня, ухвати подъ молодцомъ коня и скажи ему: королева зоветъ тебя, хочетъ тебѣ что-то сказать. Живо пошла статная рабыня, ухватила подъ Сенею коня и тихо сказала Симеуну: молодецъ! зоветъ тебя королева; хочетъ тебѣ что-то сказать. Тогда онъ поворотилъ своего бѣлаго коня въ дворъ къ бѣлому замку: когда пошелъ къ госпожѣ королевѣ, снялъ свою капу, поклонился до земли и сказалъ, помогай Богъ, королева! Королева принимаетъ отъ него привѣтъ, сажаетъ

его за готовую *сосру* (*); понесли вино и водку и всякія хорошія лакомства. Сидитъ Сеня, пьетъ красное вино, и не можетъ наглядѣться королева на Находъ-Симеуна. Когда же сошла на землю ночь темная, говоритъ королева Симеуну: скидай одежду, невѣдомый молодецъ! Достоинъ ты провести ночь съ королевой и цаловать будимскую королеву. Симеуна одолѣло вино, онъ скинулъ одежду и возлегъ на ложе съ королевой, и цаловалъ въ лицо королеву. Когда же утромъ разсвѣло, Симеунъ протрезвился и увидѣлъ, что̀ учинилъ. Очень досадно стало Симеуну; вскочилъ онъ на легкія ноги, одѣлся и пошелъ къ своему бѣлому коню. Королева подчиваетъ его и кофеемъ съ сахаромъ, и водкою, но Симеунъ не хочетъ ничего, сѣдлаетъ бѣлаго коня и ѣдетъ по будимскому полю. Тутъ вспомнилъ Симеунъ, что осталось честное евангеліе у королевы въ бѣломъ замкѣ. Воротилъ Сеня буйнаго бѣлаго коня, поставилъ во дворѣ коня, а самъ пошелъ въ бѣлый замокъ. Анъ сидитъ госпожа королева, сидитъ, молодушка, на крыльцѣ и читаетъ честное евангеліе и роняетъ слезы по бѣлому лицу. Говоритъ Сеня госпожѣ королевѣ: Дай королева честное евангеліе. Отвѣчаетъ ему госпожа королева: Симеунъ несчастный! Въ злой часъ нашелъ ты свой родъ: на горе ты дошелъ до Будина и ночевалъ съ госпожею королевою и цаловалъ ее въ лицо. Ты цаловалъ такъ свою мать. Какъ услышалъ это Находъ-Симеунъ пролилъ слезы по бѣлому лицу, потомъ взялъ честное евангеліе и поцаловалъ королеву въ руку. Идетъ Симеунъ къ своему коню бѣлому, садится на него и отъѣзжаетъ къ монастырю. Какъ увидѣлъ его отецъ игуменъ и узналъ коня изъ своей конюшни, что на немъ Находъ-Симеунъ сидитъ, и пошелъ къ нему на встрѣчу. Семеунъ скочилъ съ бѣлаго коня, поклонился до черной земли, поцаловалъ отца въ платье и въ руку. Говоритъ ему отецъ игуменъ: Гдѣ ты былъ такъ долго, Находъ-Симеунъ? Отвѣчаетъ ему Находъ-Симеунъ: не спрашивай, отецъ игуменъ: въ злой часъ я нашелъ родъ и на горе дошелъ до Будима. Все ему разсказалъ Сеня. Какъ услышалъ это отецъ игуменъ, взялъ Сеню за бѣлую руку и отворилъ проклятую темницу, гдѣ была вода по колѣна, а въ водѣ змѣи и ящерицы, бросилъ Семеуна въ темницу и затворилъ проклятую темницу и забросилъ ключи въ тихій Дунай и тихо сказалъ старецъ: когда выйдутъ ключи изъ Дуная, Симеуну тогда простится. Такъ прошло девять лѣтъ. Когда же насталъ десятый годъ, рыбари поймали рыбу и въ рыбѣ нашли ключи и показали старцу игумену. Тогда пришелъ на память игумену Сеня. Онъ взялъ ключи отъ темницы и отворилъ

(*) Столъ съ коротенькими ножками, на которомъ у сербовъ подаютъ кушанье сидящимъ, по восточному обычаю, на землѣ.

проклятую темницу; не было въ темницѣ воды, не было ни змѣй, ни ящерицъ, солнце свѣтило въ темницѣ, сидитъ Сеня за злаченымъ столомъ, а въ рукахъ держитъ честное евангеліе.

Вторая пѣсня въ нѣкоторыхъ чертахъ еще ближе къ нашему разсказу.

Воспитывалъ царь въ Янѣ дѣвицу, не за тѣмъ, чтобъ другимъ отдать, а за тѣмъ, чтобъ за себя взять. Царь хочетъ, а дѣвица не хочетъ. Просятъ у него ее лалы и визири, но царь не даетъ, и силою беретъ за себя дѣвицу. Послѣ этого прошло не много времени, не много времени, три года: обрѣлось у нихъ мужескаго пола дитя; но мать не хочетъ его кормить, а свиваетъ ему бумагу и рубашку и заливаетъ его въ тяжкое олово и бросаетъ въ синее море. «Снеси, море, съ земли неправду, такой же воспитатель, какъ родитель!» Поднялся патріархъ Сава, поднялся онъ ловъ ловить, ловилъ онъ лѣтній день до полудня и ничего не поймалъ, а когда возвращался къ двору, то — Богъ ему далъ и судьба принесла — нашелъ онъ оловянный сундукъ, прибила его вода къ берегу; въ сундукѣ дитя мужскаго пола, не смѣется, не даетъ ручекъ, не крещеное, не молитвенное. Взялъ Сава дитя мужскаго пола, отнесъ его въ церкву вилендарскую, окрестилъ дитя мужскаго пола, прекрасное имя нарекли ему, прекрасное имя: Находъ-Симеунъ. Когда дитя доросло до коня и свѣтлаго оружія, и выучилось хорошо грамотѣ, тогда сказалъ ему патріархъ Сава: Чадо мое, Находъ-Симеунъ! Я тебя, чадо, воспиталъ, но не я тебя самъ родилъ; нашелъ я тебя на морскомъ берегу. Возьми, сыне, бумаги и рубашки, иди отъ города до города, ищи своего родителя! Взялъ Сеня бумаги и рубашки и пошелъ отъ города до города и дошелъ до Яна города. А въ Янѣ городѣ преставился царь, преставился и схоронили его; осталась госпожа царица одна-себѣ въ бѣломъ дворѣ. Сватаютъ ее лалы и визири, просятъ ее, а царица не хочетъ, и говоритъ госпожа царица: Пусть выберется шестьдесять молодцовъ самыхъ красивыхъ и самыхъ высокихъ ростомъ, а я стану на бѣлой стѣнѣ и брошу золотое яблоко: кто подхватитъ золотое яблоко, тому я буду вѣрною подругой! Выбралось шестьдесятъ молодцовъ самыхъ красивѣйшихъ и самыхъ высокихъ ростомъ, и стали въ градѣ подъ стѣною, а царица стала на стѣнѣ и бросила золотое яблоко, и схватилъ яблоко Находъ-Симеунъ и обвѣнчался съ госпожею царицею. Какъ прошло немного времени, немного времени — три недѣли, поднялся Находъ-Симеунъ скорый ловъ ловить; осталась одна госпожа царица въ бѣломъ дворѣ; когда царица постель перетряхивала, нашла она бумаги и рубашки и сказала: Милосердый Боже! во всемъ Тебѣ слава! Я тяжело согрѣшила предъ Богомъ! Когда же солнце было на

закатѣ, Сеня возвращался съ скораго лова, вышла къ нему госпожа царица, роняетъ слезы по господскому лицу. Чадо мое, Находъ-Симеунъ! ты согрѣшилъ предъ Богомъ! ты смѣшился съ своей матерью по незнанію, мое дорогое чадо! Какъ услышалъ это Находъ-Симеунъ, пролилъ слезы по господскому лицу: потомъ идетъ къ виленларской церкви, припалъ Савѣ на грудь, одѣтую въ шелкъ, и сталъ сильныя слезы проливать. О мой отецъ, патріархъ Сава! Скажу тебѣ два и три слова: я согрѣшилъ тяжело предъ Богомъ; я смѣшился съ моей матерью по незнанію, родитель Сава! Можешь ли мнѣ отпустить за то? Говоритъ патріархъ Сава: чадо мое, Находъ-Симеунъ! Не могу я отпустить тебѣ за это; не бездѣлица своя родная мать! Только такъ могу я тебя отпустить: созижду каменную башню и заброшу тебя туда, а ключи кину въ море. Когда изъ моря ключи достану, тогда и грѣхъ твой будетъ прощенъ. Создалъ патріархъ Сава каменную башню, бросилъ Сеню въ каменную башню, а ключи въ синее море. Прошло времени тридцать лѣтъ; плавали по морю рыбаки и поймали рыбу въ морѣ рыбу златоперую, поклонились ею патріарху Савѣ. Когда Сава рыбу разрѣзалъ, то нашелъ въ рыбѣ ключи, а Сава уже было и забылъ объ нихъ. Какъ увидѣлъ, то и вспомнилъ. Горе мнѣ предъ Богомъ вышнимъ! Я и забылъ Сеню; вотъ ключи отъ моего Сени! Отворилъ онъ двери темницы, а ужь Сеня преставился, преставился и освятился. Тогда данъ былъ гласъ на четыре страны, совокупились многіе священники, читали три дня и три ночи, и держали великое бдѣніе и читали великія молитвы; молили святаго, куда онъ желаетъ? Отошелъ онъ къ Виленларю въ церковь. Тамъ святой и почиваетъ въ красной виленларской церкви.

Есть одна малороссійская пѣсня о кровосмѣсителѣ, очень распространенная въ разныхъ варіантахъ. Въ однихъ описывается два кровосмѣшенія разомъ: браки двухъ братьевъ, одного съ матерью, а другаго съ сестрою. Въ другихъ только одно. Мы приведемъ эту пѣсню въ переводѣ по варіанту послѣдняго рода.

Надъ глубокимъ моремъ стоялъ высокій теремъ. Изъ подъ этого терема вышла молодая вдова съ сыномъ. Она обвила сына чернымъ шелкомъ, повила китайкою, положила въ корабль, пустила въ тихій Дунай и просила Дуная:

Ахъ ты тихій Дунай! Прими моего сыночка, а ты, новый корабль, колыхай его! А ты, быстрая вода, пригляди его какъ сестра, а ты, желтый песокъ, накорми его! А вы, лѣса, не шумите, моего сына не будите

Черезъ двадцать лѣтъ вышла вдова также на Дунай и стала набирать воду. Вдругъ къ ней присталъ корабль, а въ кораблѣ сидитъ донецъ-молодецъ. Здравствуй, вдова! Любишь ли ты донца? Пой-

дешь ли ты за донца? Люблю я донца, пойду за донца! И повѣнчались они, и сидятъ за столомъ, пьютъ медъ-вино. Говоритъ донецъ. Ахъ ты, вдова, глупая твоя голова! ты сама меня родила и пустила на Дунай. Какой же теперь свѣтъ насталъ, что сынъ женился на матери? Ступай, матерь, утопись, а я пойду въ темный лѣсъ; пусть меня съѣдятъ звѣри!

Н. КОСТОМАРОВЪ.

РАЗРЫВЪ.

(ИЗЪ РОМАНА «ПОДВОДНЫЙ КАМЕНЬ».)

. . . . . .

Комлевъ, въ ожиданіи отвѣта на письмо къ Наташѣ, долго ходилъ по комнатамъ. Чтобы умѣрить волненіе и лучше владѣть собою, онъ бросился на диванъ и лежалъ на немъ неподвижно, болѣзненно прислушиваясь къ малѣйшему шуму на улицѣ и боясь пошевельнуться, чтобы не пропустить топота знакомой лошади. Но волненіе не уменьшалось; онъ слышалъ какъ сердце стучало въ груди и вздрагивало при малѣйшемъ шорохѣ. Въ этомъ ожиданіи до него тотчасъ дошелъ стукъ подъѣхавшаго экипажа и онъ узналъ голосъ Соковлина. Это обстоятельство, конечно, было не такого рода, чтобы могло успокоить его. Хотя онъ не былъ увѣренъ, что Соковлину извѣстны его отношенія къ Наташѣ, но онъ могъ подозрѣвать это и притомъ — на ворѣ шапка горитъ — зачѣмъ бы ни пріѣхалъ Соковлинъ, ему тяжело было видѣть его въ эту минуту. Но у него не было недостатка въ рѣшимости и онъ поспѣшилъ навстрѣчу пріѣхавшему, не зная самъ, какъ онъ долженъ его встрѣтить: какъ врага или какъ пріятеля.

Комлевъ если не похудѣлъ, то поблѣднѣлъ за это время. Эта блѣдность лица не могла однакожъ скрыть того лихорадочнаго одушевленія, которымъ невольно просвѣчиваетъ всякое сильное волненіе. Но несмотря на то, черты лица его были

тверды и спокойны; взглядъ смотрѣлъ прямо и открыто; видно было, что Комлевъ вполнѣ владѣлъ собою.

Отворивъ дверь, Комлевъ затруднился исполненіемъ самой обыкновенной вещи, которая однакожь сразу должна была выказать характеръ ихъ отношеній. Онъ не зналъ, подать ли руку Соковлину или нѣтъ. Но взглянувъ на лицо его, онъ уже зналъ, какого рода будетъ ихъ встрѣча. Онъ молча пригласилъ его рукою войти въ кабинетъ и далъ ему дорогу.

Комната, въ которую вошли они, была заставлена большимъ столомъ, безпорядочно заваленнымъ книгами, съ маленькимъ свободнымъ мѣстечкомъ для письма и письменныхъ принадлежностей. Прежде эта комната была гостиною; но классическій диванъ у внутренней стѣны съ овальнымъ передъ нимъ столомъ былъ изгнанъ и замѣненъ широкимъ турецкимъ диваномъ и кой-какою покойною мебелью. Разбросанныя книги лежали въ разныхъ мѣстахъ. Комлевъ сбросилъ нѣкоторыя, указалъ Соковлину на кресло и придвинулъ ему ящикъ съ сигарами.

— Мы одни? спросилъ Соковлинъ, опускаясь въ кресло.

— Совершенно! отвѣчалъ Комлевъ и притворилъ дверь.

Онъ взялъ сигару и сѣлъ противъ Соковлина. Они оба замолчали.

«Ага, будетъ объясненіе!» подумалъ Комлевъ, но лицо его не шевельнулось.

По странному свойству нѣкоторыхъ положеній, Соковлинъ былъ болѣе смущенъ, чѣмъ Комлевъ. Его смущало не то, что онъ, передумавъ въ теченіе дороги сотню постороннихъ вещей, не подумалъ, какого рода объясненіе хочетъ имѣть отъ Комлева и съ чего долженъ начать. Нѣтъ! несмотря на враждебное чувство къ Комлеву, несмотря на сознаніе, что если между ними двоими есть обвинитель и обвиняемый, то, конечно, ему по всѣмъ правамъ принадлежитъ роль перваго, — Соковлину было совѣстно и больно приступить къ предмету разговора, какъ иногда совѣстно показать постороннему свою рану или тѣлесный недостатокъ. Нѣтъ ничего оскорбительнѣе для самолюбія мужчины или женщины, какъ сознать себя оставленнымъ, но еще больнѣе, когда при этомъ не имѣешь утѣшительнаго права бросить грязью въ свой измѣнчивый кумиръ.

Въ смугломъ лицѣ Соковлина заиграла слабая краска; отъ досады ли, негодованія или стыда — онъ закусилъ губу, какъ

лошадь, которая закусываетъ удила, когда хочетъ освободиться отъ гнета, но скоро совладѣлъ съ собою.

— Жена мнѣ сказала, началъ онъ тихо и медленно, но голосъ его былъ неровенъ: — что вы любите другъ друга, и онъ выговорилъ послѣднія слова особенно отчетливо потому именно, что ему больно было ихъ выговорить. — Вы можете изъ этого заключить, продолжалъ онъ: — что она не принадлежитъ къ тѣмъ женщинамъ, которыя любятъ и мужа, и любовника, или терпятъ одного при другомъ. Я не стѣсняю ни ея чувствъ, ни дѣйствій — но ея положеніе мнѣ близко, и я пріѣхалъ спросить васъ, что вы теперь намѣрены дѣлать?

И Соковлинъ прямо глядѣлъ въ лицо Комлева.

За Комлевымъ была очередь смутиться.

— Когда любишь, отвѣчалъ онъ, пожавъ плечами: — то не задаешь себѣ вопросовъ и цѣлей : любовь сама по-себѣ цѣль!... Впрочемъ, если бы я и имѣлъ какія нибудь предположенія, то долженъ сообщить ихъ Натальѣ Дмитріевнѣ и сообразоваться съ ея желаніями, а я на это не имѣлъ ни времени, ни случая....

Соковлинъ все время не спускалъ глазъ съ Комлева и слѣдилъ за движеніемъ каждаго нерва на его лицѣ, точно въ первый разъ онъ видѣлъ его: онъ думалъ, какъ Наташа будетъ цаловать это лицо.

— Я полагалъ, продолжалъ Соковлинъ тѣмъ же тономъ, когда тотъ кончилъ : — что вы не принадлежите къ тѣмъ.... очень юнымъ или всегда юнымъ господамъ, которые смотрятъ легко на подобнаго рода вещи или просто никакъ не смотрятъ на нихъ.... Я думалъ, что прежде нежели разрушать семейное счастіе, или если вы не допускали его, то по крайней мѣрѣ прочное общественное положеніе любимой женщины — вы подумали, чѣмъ можете ей замѣнить его....

— Какъ же вы хотите, мягко возразилъ Комлевъ: — чтобъ я распоряжался судьбой замужней женщины, не спросивъ ни ея намѣреній, не зная наконецъ вашихъ, отъ которыхъ она болѣе зависитъ, чѣмъ отъ меня.

— Хорошо-съ! сказалъ Соковлинъ. — Я вамъ скажу мои намѣренія. Чтобы ничѣмъ не стѣснять Наталью Дмитріевну, я буду хлопотать о разводѣ съ ней. Когда получу его, вы на ней можете жениться. Такъ-съ? спросилъ Соковлинъ.

Комлевъ съ минуту подумалъ.

— Я на ней не женюсь! твердо сказалъ онъ.

— Это отчего? быстро вставая, спросилъ Соковлинъ и вся кровь бросилась ему въ голову. — Вы, значитъ, не уважаете ее?

— Напротивъ! я никому не уступлю въ уваженіи къ ней, но тѣмъ не менѣе не женюсь, тоже вставая и заложивъ руку за бортъ сюртука, сказалъ Комлевъ.

Соковлинъ вопросительно посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Не женюсь потому, спокойно продолжалъ Комлевъ: — что женитьба и любовь по моему двѣ вещи разныя. У меня есть свои убѣжденія о бракѣ и они вамъ извѣстны. Я жениться не располагалъ и теперь не вижу причинъ измѣнять свои намѣренія.

— Вы находите, что гораздо удобнѣе любить чужую жену, не принимая на себя никакихъ обязательствъ? спросилъ Соковлинъ, прищуривъ глаза и впиваясь въ него взглядомъ.—А мужъ между тѣмъ прикрываетъ ея безчестье. Флагъ прикрываетъ товаръ? не правда ли?

И въ глазахъ Соковлина сверкнула злобная иронія.

— Нѣтъ-съ не такъ! съ твердымъ убѣжденіемъ возразилъ Комлевъ, стараясь казаться какъ можно покойнѣе. — Я полагаю напротивъ, что нѣтъ ничего неудобнѣе, и повѣрьте тяжелѣе, какъ любить не свободную женщину, особенно когда не имѣешь права не уважать ея мужа! Но не теперь, когда вы сами видите, къ какимъ безвыходнымъ положеніямъ могутъ привести обязательства въ дѣлѣ чувствъ — вы можете требовать ихъ отъ меня. Послушайте, Сергѣй Иванычъ! Я хоть невольно, но сталъ на вашей дорогѣ и знаю чего вамъ это стоитъ.... Вы имѣете полное право ненавидѣть меня... извиняться мнѣ было бы смѣшно, да и не въ чѣмъ.... Вы, можетъ быть, хотите, чтобы одинъ изъ насъ не жилъ?...

У Соковлина точно искра какая-то зловѣщая вспыхнула въ глазахъ, но тотчасъ же и потухла. Онъ вмѣсто отвѣта пожалъ только плечами, какъ будто хотѣлъ сказать,—къ чему? да и что изъ этого?...

— Я знаю, что долженъ быть снисходителенъ даже.... и къ горькимъ словамъ, продолжалъ Комлевъ: — но.... они нейдутъ между нами!... Я понимаю, что долженъ сдѣлать все.... что могу.... Комлевъ затруднился въ выраженіи — чтобы оградить ваше имя....

Соковлинъ посмотрѣлъ на него снисходительно, мягко даже, но такимъ взглядомъ, которымъ взрослый смотритъ на лепетъ младенца. Комлевъ невольно остановился.

— Нѣтъ! Вы меня не понимаете! сказалъ Соковлинъ тихо; но совсѣмъ упавшимъ голосомъ.—Я столько теряю тутъ, что объ моемъ имени мнѣ нечего думать, да и она никогда не уронитъ его... Нѣтъ! я пріѣхалъ говорить съ вами о той, которая мнѣ дороже себя и которую вы лишаете семьи, спокойствія, уваженія.... Я не о себѣ пріѣхалъ говорить! добавилъ Соковлинъ и въ словахъ его было столько глубокаго безвыходнаго горя, что Комлевъ невольно опустилъ глаза.

— Хотите! нерѣшительно сказалъ онъ, весь покраснѣвъ и въ горлѣ что то сдавило его: — хотите — я готовъ уѣхать! Но она?

Соковлинъ смутно посмотрѣлъ на него и долго не отвѣчалъ.

— Переговорите съ ней! проговорилъ онъ наконецъ, не глядя на Комлева, какъ-то вскользь, какъ будто про себя и не то было это дозвольніе, не то настояніе, не то просьба...

Онъ повернулся и поспѣшно, сконфуженно вышелъ.

Соковлинъ возвращался въ свое Никольское, какъ растерянный. У него не было ни одной опредѣленной мысли, въ головѣ что-то шевелилось, кружилось смутно, но не связывалось, не выяснялось. Онъ только помнилъ свои послѣднія слова и нѣсколько разъ машинально повторялъ про себя: «поговорите съ ней».

Онъ очнулся, когда экипажъ остановился у его подъѣзда. Онъ вышелъ, спросилъ встрѣтившаго его слугу; «что барыня?» и, не разслыхавъ отвѣта, велѣлъ спросить можно ли войти къ ней. Слуга ушелъ, а онъ сталъ похаживать по залѣ, но такъ нерѣшительно, какъ будто былъ въ чужой пріемной и ждалъ выхода очень большой особы. Чрезъ нѣсколько минутъ вмѣсто отвѣта дверь изъ Наташина кабинета отворилась и она сама показалась въ ней.

Наташа была очень блѣдна и слаба, но не такъ безжизненна и подавлена горемъ, какъ прежде. Напротивъ, она была въ тревожной подвижности. Вся взволнованная, она сдѣлала нѣсколько шаговъ на встрѣчу мужа и остановилась, опираясь на кресло, стоявшее на серединѣ комнаты.

Боже мой! сколько смущенія и стыдливости было въ этой встрѣчѣ мужа съ женою! Отражая до послѣднихъ силъ ударъ падавшій на ихъ счастіе и теперь невольно склоняясь подъ его тяжестью, дѣлали ли они безчестное дѣло? Но понятія, всосанныя съ молокомъ матери; но весь строй окружающей жизни и общественныхъ условій, какъ хоръ угрюмыхъ и злобныхъ старухъ, возстаютъ и смущаютъ своими криками тѣ побужденія, которыя не ладятъ съ ихъ правилами.

Не имѣя силъ начать прямо съ дѣла, Соковлинъ обратилъ вниманіе на слабость Наташи.

— За чѣмъ вышла? За чѣмъ? Тебѣ надо успокоиться! хлопотливо, съ озабоченностію няньки говорилъ Соковлинъ: — сядь по крайней мѣрѣ!

Наташа опустилась въ кресло: у ней въ самомъ дѣлѣ подкашивались ноги.

Соковлинъ осмотрѣлся кругомъ.

— Ну, я былъ у него, сказалъ онъ тихо, какъ будто отдавая ей отчетъ въ порученіи.—Я говорилъ ему, что готовъ выхлопотать разводъ, чтобы онъ могъ жениться на тебѣ.... но... онъ не согласился.

Соковлинъ робко взглянулъ на Наташу.

Она вся вспыхнула.

— Я это говорю не для того, торопливо заговорилъ опять Соковлинъ,—чтобы осуждать его! Нѣтъ! онъ имѣетъ на это свои причины; онъ тебѣ скажетъ ихъ....

— Я сама этого не хочу! нетерпѣливо сказала Наташа, перебивая его. Я знаю клятвы! Довольно и одного обманывать!

— Какой же тутъ обманъ? гдѣ же обманъ? Развѣ ты обманула меня? спрашивалъ онъ, съ ребяческой наивностью поглядывая на нее.

— Не все ли равно! едва слышно проговорила Наташа.

— Совсѣмъ не все равно! Но ты успокойся и переговори съ нимъ. Да! условьтесь съ нимъ, повидайтесь. Я сказалъ ему, чтобы онъ переговорилъ съ тобою. Пошли къ нему!

Наташа поглядѣла на него такимъ взглядомъ, что онъ весь смутился и замигалъ глазами, чтобы не заплакать.

— Да! торопливо проговорилъ онъ: — переговори съ нимъ, условьтесь, спишитесь, но только успокойся прежде! поди лягъ... я къ тебѣ Машу пошлю!...

И онъ поспѣшно вышелъ, велѣлъ мимоходомъ послать горничную и поскорѣе захлопнулъ за собою дверь въ кабинетъ, чтобы громко не разрыдаться.

. . . . . .

Если иногда, выражаясь про нѣкоторыя счастливыя мужскія натуры, въ родѣ собакевичевской, называютъ ихъ желѣзными, то женскія почти всѣ безъ исключенія можно назвать стальными. Онѣ именно обладаютъ той упругостью стали, которая не мѣшаетъ имъ гнуться подъ малѣйшимъ гнетомъ и также легко выпрямляться послѣ сильнѣйшаго.

Кто бы увидалъ, напримѣръ, наканунѣ Наташу, до того измученную долгой внутренней борьбой, что такого неважнаго потрясенія, какъ записка Комлева, достаточно было, чтобы довести ее до нервнаго припадка и кто бы слѣдилъ потомъ за ней въ этотъ день, тотъ бы имѣлъ случай убѣдиться въ этой эластичности женской натуры.

Едва прійдя въ себя отъ обморока, она узнала, что мужъ ея поѣхалъ къ Комлеву. Она не знала съ какими намѣреніями Соковлинъ поѣхалъ къ нему, тѣмъ болѣе, что и самъ Соковлинъ не могъ бы сказать, чѣмъ кончится это свиданіе. Она могла ожидать ссоры, взрыва, можетъ быть дуэли. Слѣдовательно, время ожиданія было совсѣмъ не такого рода, чтобы могло успокоить ее. Но у нея достало силъ его выдержать и выйдти къ мужу, чтобы узнать послѣдствія. Разговоръ съ мужемъ глубоко взволновалъ и растрогалъ ее. Она сама готова была пожертвовать своимъ чувствомъ къ Комлеву чего бы ей это ни стоило. Она тотчасъ написала къ нему. Отвѣтъ, разумѣется, не заставилъ ждать себя. Впрочемъ, должно полагать она осталась имъ недовольна, потому что снова написала Комлеву, но отвѣтомъ на эту записку переписка прекратилась и, кажется, довольно непріязненно, потому что человѣку, который привезъ ее, велѣно было Комлевымъ отдать ее и не ждать отвѣта.

Наступилъ между тѣмъ вечеръ, а Комлевъ не пріѣзжалъ. Почему онъ не хотѣлъ пріѣхать, просто и прямо, чтобы личнымъ свиданіемъ разъяснить свои отношенія, — неизвѣстно. Можетъ быть, они рѣшились разстаться невидавшись или Комлевъ считалъ неприличнымъ явиться въ домъ мужа, чтобы объясняться съ женою, можетъ быть, кто знаетъ, оттого, что любовь инстинк-

тивно не терпитъ открытыхъ встрѣчъ и посторонннихъ дозволеній.

Послѣдняя записка Комлева привела Наташу въ какую-то сильную борьбу. Нѣсколько разъ она перечитывала ее, и всякій разъ, читая, вся вспыхивала и смущалась. На лицѣ ея виднѣлась то какая-то строгая рѣшимость, иногда даже негодованіе, подъ вліяніемъ котораго она мяла записку, то снова легкая краска и смущеніе начинали проступать на немъ, и она снова нерѣшительно развертывала смятый клочекъ. — «Пусть ѣдетъ!» проговорила наконецъ она, и невольно вздохнувъ, разорвала записку на мелкіе куски.

Этимъ рѣшеніемъ, казалось, Наташа покончила съ своей внутренней борьбою. Но, должно быть, она ей дорого стоила: она упала духомъ, обезсилѣла; темныя тѣни проступили на лицѣ, и отъ этого она вдругъ, казалось, еще болѣе похудѣла. Она стала спокойнѣе, но это было спокойствіе безнадежности, спокойствіе, которое не видитъ уже ничего передъ собою.

Наступила ночь. Наташа отпустила горничную, загасила свѣчу и осталась одна. Въ спальной только теплилась лампадка. Наташа сѣла въ свое покойное кресло, и блѣдная, измученная долго оставалась въ немъ неподвижно. Иногда она закрывала глаза и при слабомъ свѣтѣ лампадки казалась точно мертвою, забывалась ли она, или ей просто не хотѣлось смотрѣть ни на что.

Въ домѣ уже все улеглось, когда она наконецъ встала, тихо и слабо, какъ больная подошла къ постели, раскрыла ее, лѣниво подняла руки, чтобы разстегнуть воротничокъ капота, подумала минуту, но вмѣсто того чтобы раздѣться, сыскала бурнусъ, накинула его на плечи и вышла на террасу. Ночь была безлунная, свѣжая. Неба было не видно: казалось, какая-то темная бездна висѣла надъ головою и въ ней гдѣ-гдѣ едва мелькали чуть замѣтныя звѣзды; впереди передъ глазами еще чернѣе стоялъ мракъ сада, едва обозначаясь сверху темными, закругленными очертаніями передовыхъ деревьевъ; далѣе садъ сливался съ рощей и уходилъ въ глубь мягкой черной мглы.

Наташа, завернувшись въ бурнусъ, остановилась на террасѣ, какъ бы желая освѣжиться. Въ холодномъ воздухѣ слабо, но раздражительно слышался запахъ цвѣтущей сирени и липы. Кругомъ стояла та дремотная, полночная тишина, въ которой слышатся всякій звукъ и шорохъ; но не своимъ звукомъ, а какъ-то

разсыпаясь въ пустотѣ. Гдѣ-то далеко въ рощѣ свисталъ соловей; но и онъ свисталъ лѣниво, только какъ будто для того, чтобы досвистать свою пѣсню и улечься спать. Наташа постояла нѣкоторое время тихо, не прислушиваясь, не приглядываясь. И на нее, казалось, начала сходить усыпляющая полуночная дрема и тишина. Вдругъ гдѣ-то невдалекѣ хрустнула вѣтка. Наташа вздрогнула, и вся впилась и глазами, и слухомъ въ гущу сада. Еще что-то чуть слышно зашелестѣло тамъ; кровь кипяткомъ прилила къ сердцу, какой-то трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ ея жиламъ, она быстро осмотрѣлась и неслышно, какъ тѣнь проскользнула въ темную чащу.

На террасѣ опять стала тишина. Но если бы какой нибудь ревнивый соглядатай тихо прокрался въ глушь сада, онъ бы услыхалъ, можетъ быть, шорохъ быстро-удаляющихся шаговъ. Только далеко отъ дому, тамъ, гдѣ садъ переходитъ въ запущенную густую рощу, онъ могъ бы разслышать неясный, прерывающійся шопотъ. Разъ только изъ этого шопота вырвалось испуганное прерывистое восклицаніе: «ни за что, ни за что на свѣтѣ!» Но и оно было словно заглушаемо чѣмъ-то и въ немъ слышалось что-то робкое, безсильное и потомъ все какъ-то странно замолкло....

Между тѣмъ въ пустой спальнѣ долго, ровно, одиноко и тихо свѣтилась лампадка, наконецъ и она стала какъ будто уставать, слабо потрескивать и блѣднѣть. Долго рама окна выглядывала изъ драпировки черной впадиной, но и она побледнѣла и потомъ начала обозначаться чуть забѣлѣвшимся молочнымъ свѣтомъ. Вдругъ влажный утренній воздухъ пахнулъ въ комнату, огонь лампадки дрогнулъ и закачался, неподвижно стоявшія тѣни съ просонья, точно испуганныя, торопливо забѣгали по стѣнамъ, и неслышно вошедшая Наташа уже стояла посреди комнаты.

Запыхавшись, затаивая духъ, Наташа замерла, прислушиваясь. Боязливо, чутко-напряженно было ея лицо, но жизнь, румянецъ и одушевленіе невольно пробивались на немъ. Грудь ея высоко вздымалась, полуоткрытыя губы горѣли, глаза, потухая, еще блестѣли. Какое-то внутреннее волненіе сказывалось въ ней легкимъ трепетомъ тѣла, и на всей на ней нѣжнымъ и теплымъ свѣтомъ еще лежала стыдливая краска недавняго счастія....

Успокоясь нѣсколько, что ничто повидимому не выдало ея отсутствія, Наташа мимоходомъ взглянула въ зеркало и съ минуту,

пристально, съ женскимъ любопытствомъ всматривалась въ свое лицо, какъ бы ища на немъ какой то новой черты. Потомъ она разсѣянно задумалась, словно что-то припоминая, и вдругъ зарумянилась и торопливо затушила лампадку, чтобы никому, никому, даже самой себѣ, не видать того волненія, стыда и счастія, которые она принесла съ собою.

Въ потьмахъ, поспѣшно и осторожно раздѣлась Наташа, тихо легла въ постель, и вся съ головой закуталась въ одѣяло.

Солнце стояло уже высоко; и жарко, и весело било лучами въ окна, когда проснулась Наташа. Раскрывъ глаза, ослѣпленные непривычнымъ свѣтомъ, отъ котораго забыла съ вечера защитить себя спущенными сторами, Наташа снова на минуту закрыла ихъ. Лицо ея горѣло тихимъ румянцемъ и свѣжестью, какъ цвѣтокъ, еще увлаженный утренней росой; выраженіе его было неопредѣленно; казалось, какія-то сладкія грезы, отлетая отъ него, еще ходили по немъ послѣдними легкими оттѣнками. Наташа чувствовала смутно, что есть что-то новое и отрадное и жгучее въ ея жизни и силилась припомнить. Она припомнила и встрепенулась. Румянецъ ярко вспыхнулъ и залилъ все лицо и потомъ, быстро уходя внутрь, началъ сбѣгать, какъ свѣтъ отъ надвигающейся тучи; по мѣрѣ того какъ она блѣднѣла, какая-то темная мысль набѣгала на ея лицо и сметала съ него всѣ мягкіе слѣды счастія. Брови у ней стали сдвигаться; черты лица углублялись и приняли холодное и суровое выраженіе. Она видѣла безпощадную необходимость сознаться мужу, покончить со всей своей семейною жизнію, съ тѣмъ тихимъ домашнимъ счастіемъ, которымъ была такъ долго лелѣяна; но она не падала предъ этой необходимостію и прямо смотрѣла ей въ лицо: у нея былъ запасъ новыхъ, поддерживающихъ силъ.

Наташа позвала горничную и, кончивъ туалетъ, сказала чтобы принесли сына. Нянька вскорѣ вошла съ нимъ, она взяла его на руки и отпустила ее. Оставшись одна, она хотѣла, казалось, высыпать на сына всѣ горячія ласки, которыя только есть въ материнскомъ сердцѣ, сознавая, что скоро не на кого будетъ излить ихъ и онѣ останутся въ ней только незаглушимымъ укоромъ. Она цаловала его, всматривалась въ каждую черту лица, чтобы врѣзать ее въ своей памяти и снова цаловала. Слезы душили ее и падали изъ глазъ, и она, чтобы не испугать ими ре-

бенка скрывала ихъ и улыбалась. Здоровенькій и веселый ребенокъ обнималъ ее, смѣялся и болталъ; спрашивалъ мать отчего она плачетъ и отчего смѣется. Иногда онъ умолкалъ, любопытно всматривался въ лицо матери большими черными глазенками, и въ нихъ, казалось, мелькало раздумье—не заплакать ли и самому. И, замѣтивъ это, Наташа горячѣе успокоивала и цаловала его, веселѣе улыбалась, а слезы между тѣмъ крупнѣе и чаще падали изъ глазъ.

Это была безмолвная и раздирающая душу сцена, которой свидѣтелемъ былъ только ребенокъ. Наконецъ, сдерживаемыя рыданія начинали душить Наташу, она чувствовала, что еще мгновеніе и у нея не достанетъ уже силъ. Она простонала, какъ стонутъ надъ мертвымъ, опустила ребенка на коверъ и вбирая въ грудь воздухъ, чтобы задержать имъ рыданія, она стала стирать платкомъ слѣды слезъ и вѣять имъ себѣ въ лицо. Она обращалась къ ребенку и улыбалась ему, когда плечи ея еще вздрагивали отъ подавляемыхъ рыданій; наконецъ она осилила себя; въ послѣдній разъ глубоко вздохнула, какъ будто отдыхая отъ жестокой усталости, взяла ребенка на руки и пошла къ мужу.

Она вошла въ кабинетъ довольно твердо. Лицо ея было спокойно и только глаза свѣтились лихорадочнымъ блескомъ и выдавали внутреннюю тревогу. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ къ мужу съ той пассивной рѣшимостью, съ которой идутъ на неизбѣжную встрѣчу. Для нея это новое объясненіе было послѣдней ступенью лѣстницы, по которой она постепенно сходила, и при томъ предыдущія встрѣчи съ мужемъ потрясали въ ней такія нѣжныя и болѣзненныя струны, что она готовилась къ настоящей уже съ притупленной страданіями чувствительностью. Того же ожидала она и для мужа. Но его лицо не выражало этого; слабая и робкая надежда невольно отразилась на немъ какой-то заискивающей, едва примѣтной улыбкой, которая блуждала уже по губамъ и просила только одного слова, чтобы обратиться въ радость; руки, казалось, готовы были раскрыться, чтобы обнять и прижать жену, взглядъ былъ поднятъ на нее съ трепетомъ и любовью. Съ такой улыбкой и взглядомъ библейскій отецъ долженъ былъ видѣть приближеніе блуднаго сына. Когда Наташа взглянула въ лицо мужа, ей стало до того совѣстно и больно, что она почувствовала безпощадную злобу и презрѣніе къ себѣ.

— Возьми его! твердо сказала она блѣдная и суровая, опуская ребенка на руки мужа. Я не стою.... голосъ судорожно перервался у нея и она молча опустила голову.

Соковлинъ смотрѣлъ на нее нѣкоторое время съ недоумѣніемъ. Онъ какъ будто не понималъ ее.

— Но.... вѣдь онъ уѣхалъ? спросилъ онъ наконецъ.

— И я ѣду! тихо сказала Наташа.

Соковлинъ продолжалъ смотрѣть на нее. Вся кровь прихлынула у него къ лицу, и нѣсколько мгновеній зловѣще стояла на немъ; но потомъ свободнѣе и ровнѣе стала отступать. Казалось, мѣра любви, страданій и нѣжности, на которую было способно его сердце, вся истощилась. Сынъ, который думалъ, вѣроятно, что его принесли здороваться, старался обнять отца и кричалъ «здорово папа!» Соковлинъ наклонился къ нему и машинально поцаловалъ его. Наташа стояла и дрожала вся.

Наконецъ Соковлинъ, кажется, замѣтилъ ея положеніе.

— Хорошо! холодно сказалъ онъ,—я велю приготовить все къ отъѣзду. Онъ всталъ, пошелъ къ двери и потомъ, полуоборотивъ голову и не глядя на жену спросилъ:

— Когда же?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! отвѣчала Наташа.

Соковлинъ пошелъ въ дѣтскую и отдалъ ребенка нянѣ. Возвращаясь, онъ встрѣтилъ въ корридорѣ жену. Блѣдная, какъ полотно, она стояла прислонясь къ стѣнѣ для того ли, чтобы дать мужу дорогу или чтобы не упасть отъ безсилія. Убитый взглядъ ея съ невольнымъ ужасомъ слѣдилъ за мужемъ. Но Соковлинъ, прямо глядя впередъ, прошелъ мимо нея твердой, ровной походкой, не обращая на нее ни малѣйшаго вниманія, какъ будто тутъ у стѣны не стояло никакой, блѣдной какъ призракъ женщины. И Наташѣ показалось, что струя воздуха, которая пахнула на нее, была пропитана холоднымъ, безпощаднымъ презрѣніемъ.

Соковлинъ вошелъ въ кабинетъ, позвонилъ и сталъ дѣлать распоряженія объ отъѣздѣ.

М. АВДѢЕВЪ.

ОЧЕРКИ НАРОДНАГО БЫТА.

XII.

ОБОЗЪ.

По большой дорогѣ ѣхалъ обозъ; темнѣло; до деревни оставалось не болѣе двухъ верстъ. Въ полѣ крутилась сильная мятель; вѣтеръ рвалъ съ возовъ рогожи и веретья; лошади ныряли въ ухабахъ, подъ полозьями сердито ревѣлъ снѣгъ. На переднемъ возу закутанный лакей, чтобы согрѣться, пѣлъ пѣсни, то и дѣло перемѣняя ихъ. Отставшій отъ обоза мужикъ съ занесеннымъ лицомъ отпрягалъ лошадь, а въ сторонѣ отъ него другая лошадь сидѣла въ сугробѣ, не зная, что съ собою дѣлать; между тѣмъ возки перегоняли обозъ, ямщики покрикивали: вьюга какъ будто все усиливалась. Обозъ иногда останавливался и опять трогался; вдали раздавались понуканья или тянулась съ переливами пѣсня, относимая вѣтромъ, звенѣлъ колокольчикъ и уходилъ вмѣстѣ съ мчавшейся тройкой, раздавались крики: «далеко до деревни?» вѣтеръ попрежнему вылъ и мятель заносила дорогу. Много было въ эту погоду порвано завертокъ, побито лошадей и пролито мужицкихъ слезъ....

Вечеромъ вьюга начала затихать, колокольчики слышались яснѣе. Обозъ въѣхалъ въ деревню.

Около 11 часовъ ночи въ избѣ одного постоялаго двора, при свѣтѣ ночника, сидѣли за столомъ хозяинъ (дворникъ) и мѣщанинъ въ красной рубахѣ; они сбирались спать и лѣниво пересыпали изъ пустаго въ порожнее. Работница стирала со стала. На палатяхъ и на хорахъ лежалъ рядъ человѣческихъ головъ и раздавалось храпѣніе; нѣкоторые изъ недавно пріѣхавшихъ мужиковъ разувались; иные лежа толковали про дорогу, завертки, сломаныя оглобли и пр. На печи лакей жаловался, что онъ отморозилъ ноги.

— А что, я полагаю, Митрій Егорычъ, простуда вѣдь губитъ здоровье..., говорилъ хозяину мѣщанинъ, зѣвая и стуча ножемъ по столу.

— Губитъ.... Вы про простуду говорите?

— Да.... А то разъ, я вамъ не сказывалъ, мы съ Антипомъ куръ ѣздили скупать: ну пріѣхали мы къ барынѣ къ одной и я ей сейчасъ началъ доказывать, что всѣ мы созданы изъ одной глины; а намъ у ней хотѣлось подцѣпить сотенку цыплятъ....

— Ну, что же она?

— Ничего: обошлась отлично; а что, какъ вы полагаете, завтра будетъ мятель?

— Господь знаетъ....

— А гудетъ шибко, какъ ревѣть стадо-то!

Наступило молчаніе.

— Что вы продали своего сивого мерина-то?

— Продалъ, на Никитской ярмаркѣ.

Снова настало молчаніе. Мѣщанинъ продолжалъ стучать по столу и зѣвать.

— Ахъ, Господи помилуй!... Такъ-то живешь, живешь, да и умрешь.

— Недаромъ смерть пишется — съ косой, прибавилъ хозяинъ.

Хозяинъ и мѣщанинъ начали вслушиваться, какъ на печи кто-то разсказывалъ:

— У него, я тебѣ говорилъ, была только жена, мать, да три лошади. И ѣздилъ онъ, этотъ извощикъ, по большимъ дорогамъ

одинъ, ни съ кѣмъ въ общество не вступалъ и никого не боялся.... Лошади у него были такія, цѣны нѣту! Сила у извощика была непомѣрная: возъ ежели взваливался на косогорѣ, взялъ, ухватилъ и поднялъ! Грудь была около пяти четвертей въ ширину и добрѣе человѣка поискать: пищенка сидитъ, — сейчасъ подастъ копѣечку; а поѣхалъ, божественное на умѣ; всякой дворникъ, мужикъ за одинъ видъ его уважали. Деньги онъ имѣлъ; но главное имущество были лошади; сказываю, живетамъ цѣны нѣту!

— А давно это было? спросилъ разскащика лакей.

— Да недавно, тебѣ говорятъ.

— Ну, до свиданія, сказалъ мѣщанинъ хозяину, вылѣзая изъ-за стола: — пора спать....

— До свиданія, сказалъ хозяинъ. Мѣщанинъ началъ располагаться подъ святыми, а хозяинъ пошелъ за перегородку.

— А что вы, Митрій Егорычъ, крикнулъ мѣщанинъ хозяину, кладя себѣ подъ голову полушубокъ: — не знаете, сколько вѣковъ прошло отъ Адама?

— Должно быть много, отвѣтилъ хозяинъ: — безъ счету трудно догадаться, надо на счетахъ это выложить.

— Вѣковъ я думаю сто двадцать будетъ?

— Это будетъ.

— Разъ лѣтомъ, продолжалъ разскащикъ, — въ полдень извощикъ этотъ выѣхалъ на крутую гору и отпрегъ лошадей — кормить. Задалъ имъ корму и сталъ варить кашу. Вскорѣ къ нему подъѣхали два мѣщанина и тоже отложили лошадей. Извощикъ сидитъ и говоритъ мѣщанамъ: — вотъ, говоритъ, хорошо бы теперь выпить вина, да поблизости кабака нѣту. Одинъ мѣщанинъ отвѣчаетъ: «давай я привезу водки!» Извощикъ далъ ему денегъ и водка явилась тотчасъ. Извощикъ угостилъ мѣщанъ, свѣлъ надоброе здоровье котелъ каши и легъ подъ телѣгу спать; жарко было. Мѣщане трубочки покуриваютъ, лежатъ, а все дивуются на лошадонъ извощика. Только на другой горѣ вдругъ, мѣщане увидали, показалась пыль.... ѣдетъ карета шестерикомъ; тятъ катитъ подъ гору-той

Не много годя, изъ-подъ горы къ мѣщанамъ бѣжитъ кучеръ съ кнутомъ, а самъ кричитъ: — «эй, эй, братцы! пособите.... давайте лошадей».

Мѣщане разбудили извощика. Говоритъ: пойдемъ-ко, любезный, посмотримъ, что тамъ такое? должно съ каретой что случилось. А извощикъ помался такъ-то и говоритъ: — «какъ было я соснулъ крѣпко!»

Приходятъ къ мосту, подъ гору. Стоитъ большая карета и спереди и сзади нагруженная; а лошади стоятъ, повѣся головы, и не отдохнутъ, будто овцы. У экипажа стоитъ толстый господинъ; усы до пояса, глаза черные; вокругъ пояса у него струменты, а подлѣ него ходятъ два маленькихъ баюрченочка.

— Ну, что же вы? давайте лошадей! закричалъ господинъ къ народу.

Извощикъ, про котораго я говорю-то, поглядѣлъ на карету, походилъ кругомъ нея да и отвѣчаетъ:

— Вотъ что, ваше высокородіе: — я могу вамъ пособить, только прикажите вашихъ лошадей всѣхъ отложить; я пойду приведу свою.

— Ладно....

Всѣ думаютъ, какъ это онъ хочетъ взять одною лошадью.

Годя нѣсколько, извощикъ ведетъ лошадь: бураго мерина и видно, какъ съ горы-то у лошади грудь перевалившется; лошадь спокойная, уши впередъ держитъ, глядитъ на народъ; глаза большіе у ней.

Подводитъ извощикъ ее къ каретѣ, повернулъ, а хвостъ у ней словно кушакъ взвился. Принялись ее запрягать. Всѣ въ молчанку играютъ; баринъ какъ вкопаный глядитъ на мерина, даже баюрчатки подбѣжали — любуются, а лошадь глядитъ на нихъ, сама словно ими любуется.

А мужицкія лошади стоятъ въ сторонѣ; иная ужь легла.

Ну, запрегъ извощикъ.... Всѣ глядятъ, извѣстно....

Слушавшій лакей дремалъ, стараясь однако и въ полуснѣ услѣдить за ходомъ разсказа; мало-по-малу ему подъ говоръ разсказщика, начала рисоваться лѣтняя большая дорога: стоитъ карета, вокругъ нея народъ. Карета поѣхала; «прощайте!» слышатся голоса; лакей вскакиваетъ на запятки и несется.... «Ну, вывезъ!» шумятъ голоса. Вдругъ лакей бѣжитъ по лугу, вдали мелькаютъ разноцвѣтныя платья горничныхъ, лакей спѣшитъ за ними и тужитъ, что не захватилъ съ собою балалайки. А вотъ солнце уже закатывается, и лакей возвращается грустный въ

барскій домъ; но на дорогѣ слышитъ выстрѣлъ и оста навливается, «а! это баринъ должно быть въ утку пробилъ!»

Вскорѣ лакей слегка вздрогнулъ и проснулся; кругомъ все было тихо, въ избѣ темно; лежавшій съ нимъ разскащикъ молчалъ; по всей избѣ взапуски разносилось храпѣнье.

— Иванъ, закричалъ лакей, толкая разскащика.

— Чего?

— Какъ чего? Что жь ты замолчалъ?

— Да я ужь все расказалъ: вы заснули и пропустили.

— Ну, что же лошадь-то?

— Да я сказывалъ: проѣзжій господинъ ее застрѣлилъ....

— Какъ? За что?

— Она вывезла тарантасъ-то; а баринъ присталъ къ извощику: «продай лошадь!» Извощикъ говоритъ: «десять тысячъ не возьму.... Жизни лишусь....» Господинъ выхватилъ пистолетъ и повалилъ ее....

— Что же извощикъ?

— Говорятъ, уже больше не ѣздитъ по дорогамъ.

Лакей и разскащикъ замолчали; они немного послушали какъ въ трубѣ гудетъ вѣтеръ, и заснули. Подъ окнами хлопали ставни и на улицѣ изрѣдка слышалось: «ночевать пожалуйте...»

Въ избѣ было какъ во тьмѣ кромешной; все наповалъ храпѣло; у иного въ горлѣ такіе раскаты раздавались, что представлялось, что кто нибудь во мракѣ ночи, подкравшись къ спящему, умертвилъ его.

Рано утромъ, лишь только пропѣли вторые пѣтухи, кто-то изъ мужиковъ соннымъ голосомъ крикнулъ:

— Эй, вставай, разсчитываться пора!

Въ избѣ зажгли ночникъ.

— Что, какъ погода-то, ребята?

— Не говори, братъ!... такая-то бушуетъ!

— Ахъ ты Господи! Что дѣлать?

— Какъ мнѣ быть съ своею лошадью-то? Вридъ доѣдетъ....

Извощики разбудили хозяина и мало по малу начали собираться вокругъ стола, медленно вытаскивая изъ-за пазухи ко-

шели, висѣвшіе на шеѣ; иные еще умывались, молились Богу и старались не смотрѣть на садившагося за столъ хозяина, потому что разсчетъ для нихъ былъ невыносимъ. Одинъ мужикъ стоялъ у двери и глядѣлъ на икону, намѣреваясь занести руку на лобъ, но хлопанье щотовъ и хозяйскій голосъ смущали его.

Мѣщанинъ, разбуженный мужиками, съ проклятьями переселился на нары, говоря тамъ: чтобъ вамъ померзнуть въ дорогѣ; ахъ, вы, горлодёры!

— Ты сколько съ меня положилъ? простуженнымъ голосомъ спросилъ хозяина извощикъ.

— Тридцать копѣекъ.

— Ты копѣйку долженъ уступить для меня.... Я тебѣ послѣ сослужу за это.... ей-богу....

— А кто это у васъ, ребята, вчера разсказывалъ? вдругъ, смѣясь, спросилъ хозяинъ.

— Про извощика-то? заговорило нѣсколько голосовъ.

— Да.

— Это вотъ Иванъ.

Мужики всѣ нѣсколько ободрились, глядя на усмѣхавшагося хозяина, и были очень довольны, что онъ хоть на минуту отвлекъ ихъ вниманіе отъ разсчета. Хозяинъ сдѣлалъ это для того, чтобы мужики не слишкомъ забивали свою голову утомительными вычисленьями, а поскорѣй разсчитывались.

— Важно, братъ, разсказываешь, сказалъ хозяинъ. — Съ тебя приходится, Егоръ, сорокъ-двѣ.... Нѣтъ, у насъ былъ одинъ раскащикъ, Курскій.... изъ Курска проѣзжалъ, такъ уморитъ бывало со смѣху.... двѣ за хлѣбъ да сорокъ.... сорокъ-двѣ....

— Евдокимъ! Нѣтъ ли у тебя пятака?

— Ну только, продолжалъ хозяинъ,—съ чего-то давно пересталъ ѣздить.... ужь и голова былъ! еще давай гривенникъ.... За тобой ничего не останется.

.... Однако мужики поняли, что все-таки надо соображать и слѣдить за разсчетомъ, хотя дворникъ завелъ рѣчь о курскомъ раскащикѣ. Въ слѣдствіе этого мужики снова приняли мрачный видъ, напрягая все свое вниманіе на вычисленія.

— Егоръ! погляди: это двугривенный, али нѣтъ?

— Ну-ко.... не разберу, парень....

— Подай-ко сюда!

— Смотри, малый!

— Это фальшивый!... у меня ихъ много было....

— Хозяинъ, ты что за овесъ кладешь?

— Тридцать серебромъ. Василій! сказалъ хозяинъ: — ты о чемъ хлопочешь! Вѣдь ты съ Кондрашкой изъ одного села?

— Да какже.... одной державы.... только вотъ разумомъ-то мы не измыслимъ.

— Вы такъ считайте: положимъ, щи да квасъ — сколько составляютъ? восемь серебра. Эхъ, — писаря! За чѣмъ сѣкутъ-то васъ?

— Извѣстно сѣкутъ зачѣмъ.. . Ну начинай Кондратій: щи, да квасъ....

— А тамъ овесъ пойдетъ....

— Овесъ послѣ.... ты ассигнацію-то вынь: по ней будемъ смотрѣть....

— Вы, ребята, ровнѣй кошели-то держите.... щетъ ловчѣй пойдетъ....

— Не сбивай!... Э!... вотъ тебѣ и работа вся: съ одного конца счелъ, съ другаго забылъ.

Черезъ часъ, послѣ нѣсколькихъ вразумленій мужикамъ, хозяинъ, придерживая одной рукой деньги, другой счеты, вышелъ вонъ изъ избы, оставивъ всѣхъ мужиковъ съ кошелями на шеяхъ за столомъ.

— По скольку же онъ клалъ за овесъ?

— А кто его знаетъ.... Ты ему гляди въ зубы-то: онъ на тебя то напоретъ, что зазимуешь здѣсь....

— Вотъ тамъ!... Чего опасаться? Ты лихверя-то знаешь? Валяй, чихверящ.... Пиши....

Мужики окружили пишущаго.

— Это ты что поставилъ?

— Чихверю....

— Ну? эта палка что? щи?

— Нѣтъ, квасъ....

— Какой тамъ ? Я пишу, что съ хозяина приходится?...

— Слушай его!... Ты Гаврила, про что давеча мнѣ говорилъ?

— Да не помнишь, сколько ты у меня взялъ въ Ендовѣ?

— Постой! Я тебѣ давно говорилъ, Гаврила, ты восчувствовать долженъ. На прошлой станціи кто платилъ? Небойсь я!

— Ну, ты погоди говорить: сколько за свой товаръ прикащикъ далъ на всѣхъ?

— По гривнѣ.

— Ну, ладно: ты разложи эти гривны здѣсь на лавкѣ; пойдемъ сюда къ печи....

— Что тамъ дѣлать? А ты мнѣ скажи: ты пилъ вчера вино?

— Нѣтъ.

— Ну, третёводни?

— Нѣтъ.

— Ты Бога-то, я вижу, забылъ....

— Я, братъ, Бога помню чудесно....

— Нѣтъ, ребята, лучше валяй чихверями; ны его живо обработаемъ! Нарисуй-ко сперва овесъ....

— Да что вы съ нимъ толкуете; давайте лучше жеребій кинемъ....

— Для чего жеребій?

— Развѣдать: можетъ, кто изъ насъ плутуетъ....

— Такъ и узналъ!... Тутъ одно спасенье въ чихверяхъ.... Наука вострая!

— Андрей! Сочти мнѣ, пожалуста.

— Давай. Ты что бралъ?

— Сѣно, да ѣлъ вчера убоину....

— Ну? а кашу?

— Нѣтъ.... не ѣлъ.... что жъ....

— А у тебя всѣхъ денегъ-то сколько?...

— Съ меня приходилось сперва сорокъ три.... а всѣхъ денегъ, что такое?... Куда я дѣвалъ грошъ-то?

— Ну, ты гляди сюда; что я-то говорю: ты убоину-то ѣлъ?

— Да про чтожь я говорю: жралъ и убоину, пропади она!

— Ну, коли такъ, дешево положить нельзя.

— Что за оказія? куда жь это грошъ дѣвался?

— Ребята, будетъ вамъ спорить! Бросай и чихверя и разговоры: пустимъ все на власть Божію!

— Да нынче такъ пустилъ, завтра пустилъ, этакъ до Москвы десять разъ умрешь съ голоду!... Покрайности — башку понабьешь счетами, а то смерть! Я тебѣ головой отвѣчаю: что чихирь — первая вещь на свѣтѣ!

— Ну, ребята, бросай все!

— Бросай!... провалиться ей пропадомъ.

— Какъ провалиться!... Эко ты!

— Нѣтъ, надо считать!... Какъ можно!

— Извѣстно считать.... Ай мы богачи какіе?

— Ивлій! не знаешь ли: пять да восемь — сколько?

— Пять да восемь.... восемь.... восемь.... А ты вотъ что малый сдѣлай, поди острыгай лучиночку и надѣлай клепышковъ, знаешь....

Мужики въ безпорядкѣ ходили по избѣ, обращаясь другъ къ другу и придерживая кошели; кто спорилъ, кто раскалывалъ лучину; иные забились въ уголъ, высыпали деньги въ подолъ и твердили про себя, перебирая по пальцамъ: «первой, другой».... Два мужика у печи сидѣли другъ противъ друга и говорили:

— Примѣрно, ты будешь двугривенный, а я четвертакъ.... этакъ слободнѣй соображать....

Одинъ будилъ на печи лакея, не зная, что дѣлать съ своею головою; другой будилъ мѣщанина, который закрывался шубой и крѣпко ругался, покрывая голоса всѣхъ мужиковъ.

Наконецъ мужики бросили всѣ разсчеты и счеты и перекрестившись, съѣхали со двора. Недоспавшій лакей укутался на возу, ни слова не говоря ни съ кѣмъ.

На улицѣ было темно; мятель была пуще, чѣмъ вечеромъ; вѣтеръ такъ и силился снять съ мужиковъ армяки. — Верстахъ въ пяти отъ станціи, на горѣ, одинъ мужикъ крикнулъ:

— Эй Егоръ!... А вѣдь я сейчасъ дозналъ, что хозяинъ-то меня обсчиталъ.

— И меня, парень, тоже; ты разсуди: четверикъ овса.... да я еще въ прошлую зиму на немъ имѣлъ полмѣры.... вотъ и выходитъ....

— А ты что ужиналъ?

— Да хлѣбъ, квасъ и щи.

Нѣтъ, ты вотъ что возьми, перебилъ первый мужикъ,—и начался продолжительный споръ съ разными головоломными соображеніями.

Вьюга выла немилосердо, отъ сильнаго мороза мужики часто закрывали свои лица полами армяковъ.

Недѣли черезъ три тотъ же обозъ порожній ѣхалъ обратно, дворового человѣка тутъ не было. Мужики всѣ изнѣнились за дорогу; у одного былъ подбитъ глазъ, у другаго висѣла огромная шишка на щекѣ. Въ обозѣ везлись сломанныя сани, за обозомъ бѣжало нѣсколько незапряженныхъ, хромыхъ лошадей въ однихъ хомутахъ; одна лошадь лежала въ саняхъ, накрытая веретьемъ.

Н. УСПЕНСКІЙ.

ПАПАША.

Я давно замѣчалъ этотъ сѣренькой домъ,
Въ немъ живутъ двѣ почтенныя дамы,
Тишина въ немъ глубокая днемъ,
Сторы спущены, заперты рамы.
А вечерней порой иногда
Здѣсь движенье веселое слышно:
Пріѣзжаютъ сюда господа
И дѣвицы, одѣтыя пышно.
Вотъ и нынче карета стоитъ,
Въ ней какой-то мужчина сидитъ;
Свищетъ онъ, поджидая кого-то
Да на окна глядитъ иногда.
Наконецъ отворились ворота
И нарядна, мила, молода
Вышла женщина....

«Здравствуй, Наташа!
Я уже думалъ — не будетъ конца!»
— «Вотъ тебѣ деньги, папаша!» —
Дѣвушка сѣла, цалуетъ отца.
Дверцы захлопнулись, скрылась карета
И постепенно затихъ ея шумъ.
«Вотъ тебѣ деньги!» Я думалъ: что жъ это?
Дикая мысль поразила мой умъ.

Мысль эта сердце мучительно сжала.
Прочь ненавистная, прочь!
Что же однако меня испугало?
Мать, продающая дочь,
Не ужасаетъ насъ.... такъ почему же?...
Нѣтъ, неповѣрю я!... извергъ, злодѣй!
Хуже убійства, предательства хуже....
Хуже-то хуже, да легче, вѣрнѣй
Да и понятнѣй. Въ нашъ вѣкъ утонченный
Изверги водятся только въ лѣсахъ.
Это не извергъ, а фатъ современный —
Фатъ устарѣлый, безъ мѣста, въ долгахъ.
Что жь ему дѣлать? Другаго закона
Кромѣ дендизма онъ въ жизни не зналъ,
Жилъ человѣкомъ хорошаго тона
И умереть имъ желалъ.
Поздно привыкъ онъ ложиться,
Поздно привыкъ онъ вставать,
Кушая кофе, помадиться, бриться,
Ногти точить и усы завивать;
Часъ или два передъ тонкимъ обѣдомъ
Невскій проспектъ шлифовать.
Съ молоду былъ онъ лихимъ сердцеѣдомъ:
Долго ли денегъ достать?
Съ шикомъ одѣлся, приставилъ лорнетку
Къ лѣвому глазу, прищурилъ другой,
Мигомъ плѣнилъ пожилую кокетку
И полилось ему счастье рѣкой.
Сладки трофеи нетрудной побѣды —
Кровныя лошади, поваръ французъ....
Боже! какіе давалъ онъ обѣды —
Роскошь, изящество, вкусъ!
Подлая сволочь глотала ихъ жадно.
Подлая сволочь?... о, нѣтъ!
Все, что богато, чиновно, парадно
Кушало съ чувствомъ и съ толкомъ обѣдъ.
Мы за здоровье хозяина пили,
Мы цаловался съ нимъ,
Правда, что слухи до насъ доходили,
Что намъ до слуховъ — и вѣрить ли имъ?

Старый газетчикъ въ порывѣ усердія
Такъ отзывался о немъ:
«Другъ справедливости! жрецъ милосердія!»
То вдругъ облаялъ потомъ, —
Вѣрь чему хочешь! Мы въ немъ не замѣтили
Подлости явной; въ игрѣ онъ платилъ.
Муза! воспой же его добродѣтели!
Вспомни, онъ набоженъ былъ;
Вспомни, онъ руку свою тароватую
Вѣчно раскрытой держалъ,
Даже Жуковскому что-то на статую
По добротѣ своей далъ!

Счастье однако на свѣтѣ непрочно —
Хуже да хуже съ годами дѣла.
Силъ ему много отпущено, точно,
Да красота измѣнять начала.
Онъ ужь купилъ три таинственныхъ банки:
Это — для губъ, для лица и бровей,
Учетверилъ благородство осанки
И величавость походки своей;
Ходитъ по Невскому съ палкой, съ лорнетомъ
Сорокалѣтній герой.
Ходитъ зимою, весною и лѣтомъ
Ходитъ и думаетъ: «чортъ же съ тобой
«Городъ проклятый! Я строенъ, какъ тополь,
«Счастье найду по другимъ городамъ!»
И, разсердясь, покидаетъ Петрополь....

Можетъ быть, вѣдомо вамъ,
Что за границей мѣстами есть воды,
Гдѣ собирается множество дамъ —
Милыхъ поклонницъ свободы,
Дамъ и отчасти дѣвицъ,
Ежели дамъ, то въ замужствѣ несчастныхъ;
Разнаго возраста лицъ,
Но одинаково страстныхъ.
Словомъ, такихъ, у которыхъ талантъ
Жалкою славой прославиться въ свѣтѣ
И за которыхъ Жоржъ Сандъ

Передъ мыслителемъ русскимъ въ отвѣтѣ.
Что̀ привлекаетъ ихъ въ городъ такой,
Славный не столько водами,
Сколько азартной игрой
И.... но вы знаете сами....
Трудно рѣшить. Говорятъ,
Годы терпѣнья и плѣна,
Тяжкихъ обидъ и досадъ
Вдругъ выкупаетъ измѣна;
Ежели такъ, то цѣлительность водъ
Не подлежитъ никакому сомнѣнью.
Бурно ихъ жизнь тамъ идетъ,
Вся отдана наслажденью,
Оригиналенъ нарядъ, —
Дома одѣты, а въ люди
Полураздѣться спѣшатъ:
Голыя спины и голыя груди!
(Впрочемъ, не къ каждой изъ дамъ
Эти идутъ укоризны:
Такъ, напримѣръ, только лѣчатся тамъ
Скромныя дочери нашей отчизны)....

Нашъ благородный герой
Тамъ свои сѣти раскинулъ,
Тамъ онъ блисталъ еще годикъ-другой,
Но и оттудова сгинулъ.
Лѣтъ черезъ восемь потомъ
Онъ воротился въ Петрополь,
Все еще строенъ, какъ тополь,
Но уже нѣсколько хромъ,
То есть не хромъ, а немножко
Стала шалить его лѣвая ножка —
Вовсе негнулась! Шагалъ
Ею онъ словно полѣномъ,
То вдругъ внезапно болталъ
Въ воздухѣ правымъ колѣномъ.
Бѣлый платочекъ въ рукѣ,
Грусть на челѣ горделивомъ,
Волосы съ бурымъ отливомъ —

И ни кровинки въ щекѣ!
Плохо!...
А вкусы такъ пошлы и грубы —
Дай имъ красавчика, кровь съ молокомъ....
Волкъ, у котораго выпали зубы,
Бѣшено взвылъ; оглядѣлся кругомъ
Да и рѣшился.... Трудами питаться
Нѣтъ ни уменья, ни силъ,
Въ бѣдности гнусной открыто признаться
Передъ друзьями, которыхъ кормилъ,
И удалиться съ роскошнаго пира —
Нѣтъ! добровольно герой
Санктпетербургскаго моднаго міра
Не достигаетъ развязки такой.
Молодъ — такъ дѣло женитьбой поправитъ,
Старъ — такъ игорный пріютъ заведетъ,
Вексель фальшивый составитъ,
Въ легкую службу пойдетъ,
Славная служба! Нашъ старый красавецъ
Чуть не пошелъ было этой тропой,
Да не годился.... Вотъ этотъ мерзавецъ!
Подъ руку съ дочерью! Весь завитой,
Кольца, лорнетка, цѣпочка вдоль груди....
Плюньте въ лицо ему, честные люди!
Или уйдите хоть прочь!
Легче простить за поджогъ, за покражу —
Это отецъ, развращающій дочь
И выводящій ее на продажу!...
«Знаемъ мы, знаемъ — да дѣла намъ нѣтъ,
«Очень горячь ты, любезный поэтъ!»

Музыка въ родѣ шарманки
Однообразно гудитъ,
Сонно поютъ испитыя цыганки,
Глупый цыганъ каблуками стучитъ.
Около русой Наташи
Пять молодыхъ усачей
Пьютъ за здоровье папаши.
Кажется, весело ей:

Смотритъ спокойно, нашимъ смѣется.
Пусть же смѣется всегда!
Пусть никогда не проснется!
Если жъ проснется, что будетъ тогда?
Ножъ ли ухватитъ, застонетъ ли тяжко
И упадетъ безъ дыханья, бѣдняжка,
Сломлена ужасомъ, горемъ, стыдомъ —
Кто ее знаетъ! Не дай только Боже
Быть никому въ ея кожѣ, —
Звать обличалаго Фата отцомъ!

Н. НЕКРАСОВЪ.

14 марта.

ПУБЛИЧНЫЙ ДИСПУТЪ 19 МАРТА 1860 ГОДА

О НАЧАЛѢ РУСИ

МЕЖДУ ГГ. ПОГОДИНЫМЪ И КОСТОМАРОВЫМЪ.

I.

ПИСЬМО Г. ПОГОДИНА КЪ Г. КОСТОМАРОВУ, ЧИТАННОЕ Г. ПОГОДИНЫМЪ НА ПУБЛИЧНОМЪ ДИСПУТѢ (*).

Не думалъ я, чтобъ мнѣ пришлось начинать докучную сказку о норманнахъ, которымъ въ концѣ втораго тома «Изслѣдованій о Русской Исторіи», въ 1848 году, пропѣлъ я: quiescant in pace; но вашей статьи нельзя оставить безъ отвѣта. Пушкинъ сказалъ:

(*) Узнавъ, что «Отвѣтъ» г. Костомарова печатается въ «Современникѣ», г. Погодинъ изъявилъ желаніе, чтобъ и его «Письмо, сообщенное имъ г. Костомарову предварительно», — было помѣщено въ нашемъ журналѣ. Имѣя въ виду удобство нашихъ читателей, заинтересованныхъ ученымъ поединкомъ, мы съ удовольствіемъ приняли предложеніе г. Погодина, и вотъ какимъ образомъ въ «Современникъ» попала статья, заключающая въ себѣ выходки на «Современникъ» же. Замѣтимъ при этомъ, что эти выходки не были прочтены г. Погодинымъ на публичномъ диспутѣ. Почему же бы намъ и тамъ не прочесть ихъ во всеуслышаніе?

Такъ какъ г. Костомаровъ просилъ насъ «не вмѣшивать его въ журнальную полемику», то, передавъ нашимъ читателямъ все, что было читано и говорено на диспутѣ, мы удержимся отъ заключенія объ этомъ диспутѣ. На чьей сторонѣ осталась побѣда, читатели узнаютъ и безъ насъ, изъ газетъ. *Ред.*

За новизной бѣжать смиренно
Народъ безсмысленный привыкъ.

Чего добраго — толпа закричитъ подъ пѣсню литовской Свистопляски, вслѣдъ за ученой редакціей «Современника»: мы изъ Жмуди, мы изъ Жмуди! Вотъ мы откуда, вотъ мы каковы! Мы изъ Жмуди!

Rusnés kémelij,
Aug man żedelis
Ten rimst mano szirdele.

(О Русь, село, тамъ растетъ цвѣточикъ, туда мое сердце стремится.)

Разложимъ статью г. Костомарова на составныя ея части. Начнемъ съ его мнѣнія.

На чемъ вы основываете новое или старое мнѣніе о происхожденіи Руси? Я говорю — старое, потому что еще Карамзинъ изложилъ и объяснилъ его, съ свойственною ему одному ясностію: въ Степенной книгѣ XVI вѣка и въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ лѣтописяхъ сказано, что Рюрикъ съ братьями своими вышелъ изъ Пруссіи, гдѣ издавна назывались Курскій Заливъ Русною, сѣверный рукавъ Нѣмана или Мемеля Руссою, окрестности же ихъ Порусьемъ, и проч. Т. I, стр. 50.

Вы основываете свое мнѣніе на одномъ географическомъ имени: «Слѣдуя за разсказомъ нашей лѣтописи въ точности, прійдется остановиться на словѣ Русь, и поискать на балтійскомъ побережьѣ такого народа. Отыскать его не мудрено. Русь дѣйствительно находилась на балтійскомъ поморьи въ низовьѣ рѣки Нѣмана, которое называется по-литовски Русь. На множествѣ картъ XVI, XVII и XVIII вѣка, можно найти эти названія. Такъ въ большомъ атласѣ Янсона, истокъ Нѣмана названъ Русь, а изъ тридцати устьевъ его третье носитъ названіе Alt Russe, а шестое Russe Sive Holm. Вообще Нѣманъ, по раздѣленіи своемъ на два рукава, перестаетъ называться Нѣманомъ: лѣвый называется Гильге, а правый Русь. Существовалъ городъ при устьѣ Руси, также съ этимъ именемъ. Встарину, сторона около праваго рукава и въ особенности на правомъ его берегу называлась Русью, и народъ руссами, или руссіенами» (стр. 9).

Но неужели вы позабыли, что было время, и очень недавно, когда, основываясь на *такомъ же географическомъ имени*, Качеповскій, вслѣдъ за Эверсомъ и Нейманомъ, находилъ Русь на Черномъ морѣ, и его слушатели кричали во весь голосъ, писали диссертаціи и доказывали, что Русь пришла съ Чернаго моря? Долгое время хо-

дило въ оборотѣ выраженіе Черноморская Русь; даже недавно какой-то изслѣдователь, какъ будто желая уколоть меня, намекнулъ: «да вѣдь не совсѣмъ еще вѣрно, что Русь пришла съ Балтійскаго моря,—имѣетъ, есть мнѣніе, приводящее ее съ Чернаго!» Позволяю себѣ отступленіе: всѣ эти господа, точно такъ, какъ теперь «Современникъ», думаютъ уличить меня въ уголовномъ преступленіи, нанести личное оскорбленіе, приводя Русь откуда нибудь, лишь бы вопреки моему мнѣнію. Да помилуйте, господа, я не получалъ наслѣдства не только отъ Рюрика, который передалъ все свое вмѣстѣ съ сыномъ Олегу, но даже и отъ Синеуса и Трувора, которые умерли бездѣтными; право для меня все равно, откуда бы ни доказалось происхожденіе Руси, лишь бы повѣрнѣе. Я считаю Русь норманнами, а вы приводите ее изъ Жмуди. Съ Богомъ, счастливый путь имъ и вамъ; да я-то чѣмъ виноватъ, что искалъ или думалъ найдти ее въ другомъ мѣстѣ? «Мы изъ Жмуди, мы изъ Жмуди! Что взялъ, что взялъ?!» Ничего, ничего, я васъ только поздравляю, и готовъ, читая вашу рецензію, согласиться даже на происхожденіе отъ эскимосовъ, готентотовъ, — согласиться съ вами, но не съ г. Костомаровымъ, къ которому теперь возвращаюсь.

Вы говорите, или повторяете, что рукавъ Нѣмана назывался Русскимъ, а Эверсъ, Качеповскій, Скромненко — говорили, что Черное море называлось Русскимъ. «Вѣроятно», думаетъ Эверсъ, «славяне дали ему сіе названіе потому, что по берегамъ онаго жили руссы, а гораздо естественнѣе искать Русь при Русскомъ морѣ, чѣмъ при Балтійскомъ.» По свидѣтельству Степенной книги, «роди, нарицаеміи руси.... живяху при Ексинопонтѣ» и проч. Эдризи называетъ Волгу Русскою рѣкою. Димешки упоминаетъ о рѣкѣ славянъ и руссовъ, между Волгою, Куромъ и Еррассомъ. О народѣ Расъ говорится въ коранѣ, и проч.

Прочтите, сколько всякой всячины, начиная отъ Іезекіилева Роса, прибираютъ Нейманъ, Фатеръ, Надеждинъ, чтобъ доказать пребываніе Руси на югѣ!

Другіе, основываясь на подобныхъ сказаніяхъ, ведутъ Русь совсѣмъ съ другихъ сторонъ: изъ *Швеціи* — гдѣ одна приморская гавань издавна называлась русскою, Roslagen.

Татищевъ и Болтинъ — изъ *Финляндіи*, гдѣ, при Або̀вѣ, въ самомъ почти городѣ зовется Русская гора, гдѣ сказываютъ издавна жили руси.

По мнѣнію Венелина, Несторъ, дошедши до Вислы, такъ и машетъ рукою на *Померанію*.

Бутковъ находитъ Русь въ Ruseland, (часть Вестерботніи и Остерботніи). Въ предѣлахъ Рюссоланда онъ указываетъ даже на заливъ варяговъ, Варягъ-fiord и проч.

Крузе видитъ Русь въ *Росенгау, около Эйдера*, и собираетъ нѣсколько подобно-звучныхъ именъ изъ окрестностей Ruedorf, Riesborg, Rossenfeld и проч.

Гольманъ ищетъ Русь между *Рустрингами* (племя, владѣвшее приморскою страною *отъ Эйдера до Мааса и Шельды*).

Максимовичъ, и потомъ Счастный, поселяютъ ихъ на островѣ *Рюгенѣ*.

Морошкинъ — въ верховьяхъ Одера, въ Горицiи, *близъ Франкфурта*.

Каченовскій и Скромненко (Сергѣй Строевъ) приводятъ Русь изъ *Азіи*, Эверсъ — изъ Козаріи, — всѣ на основаніи собственныхъ именъ.

Неужели вы не согласитесь, что основанія Эверса, Неймана, Надеждина, Фатера, Буткова, Крузе, Гольмана e tutti quanti *равносильны*, то есть одинаково безсильны съ вашими, передъ судомъ критики, состоя изъ однихъ географическихъ созвучій или недоразумѣній, что всѣ они уничтожаются одно другимъ.

Они даже берутъ преимущество передъ вашею Жмудью, потому что ихъ можно хоть какъ нибудь связать, стянуть съ нашими варягами-русью, а ваша Жмудь остается особнякомъ.

Я представлю вамъ еще Пургасову Русь въ нѣдрахъ Заволжскихъ степей, и еще сотню русей изъ какой угодно Европейской страны; напримѣръ, Русславонъ въ южной Франціи, графство Россъ въ Шотландіи, городъ Россъ въ Англіи, Росс-ауландъ, Россиморъ съ пристанью и рѣка Россъ въ Ирландіи, Иль-руссъ на островѣ Корсикѣ, заливъ Росъ въ Испаніи, слобода Руссо въ Италіи и проч. и проч.

Морошкинъ на имени Русь, которому вы придаете силу, основалъ вотъ что:

«Что касается до меня, то, признавая и *варяговъ*, и *руссовъ* за *славянъ*, я утверждаю, что кромѣ:

1) Руссовъ кіевскихъ, еще были славянскіе же:

2) Руссы германскіе прибалтійскіе,

3) Руссы германскіе при Нѣмецкомъ морѣ,

4) Руссы моравскіе и богемскіе,

5) Руссы сербскіе,

6) Руссы болгарскіе на Дунаѣ,

7) Руссы на Адріатическомъ морѣ,

8) Руссы базельскіе въ землѣ Ровраковъ, или въ верховьѣ рѣки Дуная,

9) Русы хвальынскіе, на Каспійскомъ морѣ (с. 19)».

Этого мало — всѣ почти народы древности были по его мнѣнію руссы же:

«Скиѳы: будины, гелоны и агатирсы Геродота, роксоланы и аорсы Страбона, Плинія и Птоломея, агазиры, хизары и анты, суть предки нынѣшнихъ россіянъ, и самыя имена сихъ народовъ значатъ то же, что руссы, то есть *жители лѣсовъ*, *Славы*, *съ лѣсомъ родные* (322).

«Я пройду», говоритъ онъ, «отъ Рагузы черезъ Панноніи, Чехію, Вагрію, балтійскую Поморію, Ляхію, кіевскую Полянію до Чернаго и Каспійскаго морей, и надѣюсь доказать, что все это великое пространство, съ нѣкоторыми промежутками, у древнихъ географовъ Греціи и Рима и на языкѣ варварскихъ народовъ называлось Россія, то есть великая земля лѣсовъ, роща (Roscia), руща (Ruzia), лѣсная или древлянская земля» (323).

Но довольно: ясно ли, что первое ваше доказательство основанное на имени, не имѣетъ ровно никакой силы?

А дюжина вашихъ подтвержденій значитъ еще менѣе, ибо къ каждой изъ вышеупомянованныхъ мною Русей: Рослагену, Рустригіи, Рисаландy, Рюгену, можно прибрать точно также по дюжинѣ, по двѣ, по три, ad libitum!

Они всѣ доказываютъ только, что имя, похожее на Русь, принадлежало указанной вами мѣстности; но гдѣ же доказательство, гдѣ свидѣтельство, что оттуда пришла наша Русь? Его нѣтъ. Ваше утвержденіе совершенно произвольно, какъ произвольны Рослагенъ, Рисаландъ, Рюгенъ.

Обращаюсь ко второму вашему доказательству:

«Для повѣрки этого вывода» (что Русь есть Жмудь), говорите вы, «у насъ есть имена князей, пословъ Олега и Игоря и нѣкоторыя другія слова, заимствованныя изъ языка того народа, который прибылъ къ намъ съ князьями. Какъ ни испорчены изъ нихъ многія (а порча ихъ доказывается неодинаковостью способа написанія въ различныхъ лѣтописныхъ спискахъ), но въ большей части, литовское происхожденіе явно, безъ всякихъ натяжекъ высказывается само собою» (с. 15).

Помилуйте — вы ли это говорите? Вы ли доказываете, что въ Игорѣ корень литовскій ig значитъ далеко, глаголъ igiu, igti, значитъ стремиться, что корень Олега заключается, можетъ быть, или въ словѣ ilgis, длинный, или въ словѣ alga, награда, что Синеусъ = senejus, старина, старость?

Помилуйте — на такихъ правилахъ словопроизводства почему же Игоря не производить отъ игры, игорь, или горя, горы, почему

Олега не соединить съ Олуемъ или пожалуй елеемъ, а Синеусъ безъ спора уже есть тогда синій усъ!

Чѣмъ ваши такъ называемые корни лучше и благонадежнѣе моихъ?

Варяги — ну, это воряги, воры, а Кругъ производилъ ихъ отъ варяю, предупреждаю: что толку въ этихъ созвучіяхъ?

Новое словопроизводство даже по кореннымъ звукамъ представляетъ много опасностей, и всякій степенный изслѣдователь долженъ употреблять его съ осторожностію.

Словопроизводство на такихъ основаніяхъ осмѣяно уже сто лѣтъ тому назадъ здравою критикою со Шлецеромъ во главѣ.

Вы выбираете изъ русскихъ = норманскихъ именъ Днѣпровскихъ пороговъ два менѣе ясныя или неиспорченныя, для объясненія изъ литовскаго языка: зачѣмъ же вы пропускаете Геландри = gaillndi = звонецъ, Варуфоросъ = barufors, волнистый прагъ, Ульворси = helmfors, порогъ острова, совершенно соотвѣтственно славянскимъ названіямъ Константина Багрянороднаго.

Точно какъ вы русскія названія производите изъ литовскаго языка, точно такъ Болтинъ производитъ ихъ изъ венгерскаго. Ульворси: ulo-vas, наковальня; ulo сѣдящій, veres утѣсненный и проч. Варуфоросъ: var ущелье, узкій проходъ; varas чаяніе, надѣяніе; forgos крутящійся. Геландри: helo мѣсто, урочище; draga пріятный, любезный.

Названіе Леанти очень близко, говоритъ онъ, къ слову leany, значащему дочь и дѣвушку.

Дуричъ производилъ и русскія названія изъ славянскаго, кромѣ собственно славянскихъ названій!! (см. Эверса, въ моемъ переводѣ, 1826 г. с. 141, и проч.

Имена боговъ Перкуна, Корша, Мокоша, (литовское слово mokius, знаніе, ученіе!!) Симаргла, приводимыя г. Костомаровымъ въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, представляютъ тѣ же созвучія, нисколько не подтверждающія «выводъ, что упоминаемые въ нашихъ лѣтописяхъ варяги-русь пришли изъ литовской Руси» (с. 17).

«Но варяги-русь», продолжаете вы (ib), «представляются мореходнымъ народомъ. Слѣдуетъ разсмотрѣть, были ли знакомы съ мореплаваніемъ приморскіе народы литовскаго племени въ то время», и собираете доказательства въ пользу этого положенія, представленнаго еще Ломоносовымъ: но эти доказательства (весьма впрочемъ мелкія и слабыя) опять-таки ничего не доказываютъ, потому что всѣ жители береговъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей были знакомы съ мореплаваніемъ — и литовцы, и финны, и славяне, и нѣмцы, и кельты ничуть не скандинавы.

Вы ссылаетесь на свидѣтельства XVI вѣка (въ Степенной книгѣ и хронографахъ), въ коихъ «говорится единогласно, что князья пришли изъ Прусской страны». Имѣю честь напомнить вамъ противъ этого единогласія, что во многихъ спискахъ лѣтописей этого времени, князья приводятся ясно изъ Нѣмцевъ!

«Такъ какъ въ одно и тоже время, сверглп съ себя одно иго скандинавовъ — и литовскіе народы, и славянскіе, и финскіе, то отсюда уясняется самый поводъ призванія славянами и чудскими народами себѣ князей отъ приморскихъ литовцевъ. Ихъ соединила взаимная вражда къ скандинавамъ» (с. 19).

Это не доказательство, а *поясненіе* событія, *если бы* оно было доказано.

Вотъ и всѣ ваши доказательства; я не могъ найдти ничего у васъ болѣе: я разобралъ ихъ порознь, — предлагаю мнѣніе объ ихъ совокупности.

Географическихъ созвучій съ Русью разсыпано не только по берегамъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, но и по всей Европѣ множество. Чтобъ доказать происхожденіе нашей Руси откуда бы то ни было, надо представить *ея связь, связь историческую*, по документамъ, съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ предполагается ея родина. А этой связи представить вы не можете и не представляете, точно какъ не представляютъ ее приводящіе Русь изъ Рослагена, Ріустри, Рюгена и проч.

Князья были призваны, и съ страною ихъ уничтожилось всякое сношеніе: съ чѣмъ это сообразно? А у насъ нѣтъ ни малѣйшаго упоминовенія ни о Рюгенѣ, ни о вагирахъ-славянахъ, никакого слѣда сношеній, знакомства. Точно такъ нѣтъ ни малѣйшаго упоминовенія о насъ въ памятникахъ рюгенцевъ, вагировъ, хотя они въ то время получили уже лѣтописателей, напримѣръ, Гельмольда. Это я говорилъ Максимовичу, Качеповскому и проч., и точно тоже можно сказать вамъ о вашей Жмуди или Литвѣ съ Петромъ Дуисбургскимъ, на котораго вы опираетесь столько!

«Положимъ съ Качеповскимъ и Сиромненкомъ, что варяги были вагиры, положимъ съ Венелинымъ, что они были померанцы, положимъ съ Морошкинымъ, что они были славяне франкфуртскіе, положимъ съ Максимовичемъ, что Русь были рюгенцы», — положимъ теперь съ г. Костомаровымъ, что Русь была Жмудь: «подъ какимъ же именемъ приходили къ намъ и чрезъ нашу землю норманны? Подумали ль всѣ эти толковники, что для норманновъ не остается уже никакого имени?

«Или норманны не были у насъ?

«То есть, норманны ѣздили и селились въ Голландіи, Франціи, Ирландіи, Испаніи, Сициліи, на островахъ Оркадскихъ, Фарерскихъ, на отдаленной и холодной Исландіи, въ Америкѣ, — и не были у насъ, ближайшихъ своихъ сосѣдей!»

Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ призваны изъ Жмуди, и ни въ Литвѣ, ни у насъ не сохранилось ни малѣйшаго о томъ преданія, не встрѣчается въ лѣтописяхъ ни малѣйшаго намека о родствѣ. Изъ позднѣйшихъ даже писателей никому не приходило въ голову объ этомъ единствѣ, вплоть до новыхъ уже грамотѣевъ.

Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ пришли изъ Литвы со всѣмъ своимъ племенемъ, и вы не встрѣчаете ни малѣйшаго литовскаго вліянія на наши славянскія нарѣчія.

Сравните же теперь ваши доказательства, со всѣхъ сторонъ для пораженія открытыя, съ нашею норманскою крѣпостію.

Норманны являются въ связи съ основанными государствами въ продолженіи двухъ сотъ лѣтъ: къ Аскольду и Диру чрезъ два-три года послѣ прибытія Рюрика являются они и идутъ вмѣстѣ на Константинополь. Олегъ присоединяетъ ихъ къ прочимъ своимъ воямъ и заставляетъ трепетать имперію. Игорь посылаетъ за ними за-море и нападаетъ на грековъ. Другія ватаги отправляются по Волгѣ на Каспійское море. Володимеръ скрывается у нихъ и собирается съ силами. Ярославъ нанимаетъ ихъ для войны съ отцомъ и потомъ съ Святополкомъ. Послѣдніе помощники называются по именамъ: Якунъ, Рагнвальдъ, Эймундъ, Рагнаръ, вслѣдъ за Ингигердою, дочерью шведскаго короля Олава, и именами своими показываютъ происхожденіе первыхъ пришельцевъ при Рюрикѣ, при Олегѣ и при Игорѣ. Вотъ связь безпрерывная, живая норманновъ съ варягами-русью. Дѣйствуютъ наши варяги-русь тождественно съ норманнами въ Англіи, Франціи, Италіи, на морѣ Нѣмецкомъ, Средиземномъ, Черномъ: одни и тѣ же пріемы. Руссы служатъ одинаково въ греческомъ флотѣ: неужели это были жмудь? Языкъ свой оставили они во всѣхъ распоряженіяхъ, и распоряженія мы видимъ одинакія съ норманскими. Тіунъ, гридень, вира, вервь, скотъ, губа, ябедники, олекъ, запа и проч. и проч. Слѣдовательно, напрасно говоритъ г. Костомаровъ, что «мы ничего подобнаго не видимъ и слѣда» (с. 27).

Г. Костомаровъ, излагая свое мнѣніе, предлагаетъ вмѣстѣ и возраженія на мнѣніе о происхожденіи Руси отъ норманновъ. Разберемъ ихъ.

«Подъ варягами разумѣли, — говоритъ онъ: — не одинъ какой нибудь народъ, а неопредѣленную массу народовъ, живущихъ при

морѣ, которое у русскихъ получило названіе варяжскаго» (с. 7). Далѣе онъ говоритъ о «широкомъ значеніи словъ: варягъ».

Обращу его вниманіе на слова Нестора: «Лахове же и Пруси, Чюдь, присѣдятъ къ морю Варяжскому, по сему же морю сѣдять Варязи....»

Видите ли, что масса народовъ варяжскихъ не слишкомъ неопредѣленна, и значеніе имени варягъ не слишкомъ широко? Всѣ славянскія племена (лахове), латышскія (пруси) и финскія (чюдь) изъ него исключаются. Кто же остается — норманскія племена, нѣмецкія.

Здѣсь и возраженіе на ваше мнѣніе: пруси не варяги; а Русь — варяги; слѣдовательно Русь не пруси, не литва, не жмудь.

Напрасно придаете вы особую силу слову: друзіи, и говорите: «что касается до попытки находить ихъ у скандинавовъ... мы должны прямо отвергнуть его, становясь на точку зрѣнія нашего лѣтописца, сказавшаго: друзіи (варяги) зовутся свее, друзіи же урмане, англяне, друзіи готи, — *друзіи*, а не тѣ, которыхъ славяне и финны призвали; тѣ же, которыхъ они призвали, назывались Русь». Это слишкомъ слабая подпора мнѣнію. На помощь «другимъ» я высылаю цѣлую тройку, которая разобьетъ ихъ въ прахъ: сице, яко и тако. *Такъ* назывались, говоритъ Несторъ, эти варяги Русью, *какъ* другіе назывались свеями, другіе готами.... *такъ* и эти. Слѣдовательно, Русь не исключается изъ варяговъ, а напротивъ, положительно помѣщается въ ихъ совокупности; это племена родственныя.

Потому и напрасно вы говорите, что въ «договорахъ Олега и Игоря нѣтъ слова варяги, да и быть не могло, потому что люди, составлявшіе этотъ договоръ, не были варягами» (Waeringiar).

Въ договорѣ значится: мы отъ рода русскаго, потому что Олегъ и Игорь были русскіе. Русскіе, отъ племени варяжскаго, пришли къ намъ. «Отъ Варягъ бо прозвашеся Русью», говоритъ именно Несторъ, что вы на эту пору позабыли. Передъ Русью не ставитъ Несторъ объясненія варяговъ, точно какъ не ставитъ и передъ свеями, которыхъ причисляетъ къ варягамъ.

«Въ чемъ же состоятъ главныя доказательства мнимаго происхожденія Руси отъ норманновъ?» говоритъ г. Костомаровъ (с. 29).

«Говорятъ намъ, что финскіе народы называютъ шведовъ — ruotsalaisen».

Нѣтъ, это никакъ не принимается главнымъ доказательствомъ, и опровергнуто 25 лѣтъ назадъ.

Объ извѣстіи изъ Бертинскихъ лѣтописей г. Костомаровъ выражается вотъ какъ:

«Еще говорятъ, что въ IX вѣкѣ императору Людовику Благочестивому императоръ Византійскій послалъ какихъ-то бродягъ, называвшихъ себя россами, но императоръ Людовикъ, по тщательному изслѣдованію (diligentius investigans) открылъ, что эти люди были шведы и почелъ ихъ по этому шпіонами (exploratores petitu regni illius nostrique, quam amicitiae petitores); изъ этого явствуетъ, что россы — шведы» (с. 29), и при этомъ ссылается на мои «Изслѣдованія». Но я именно доказывалъ *противное*, и даже въ моей диссертаціи о происхожденіи Руси первымъ тезисомъ было: варяги-русь не шведы. Странно указывать такъ. Еслибъ г. Костомаровъ хотѣлъ указать только мѣсто изъ Бертинскихъ лѣтописей, а не мое мнѣніе, то на мои «Изслѣдованія» не для чего бъ было ссылаться въ этомъ случаѣ, ибо классическое мѣсто Бертинскихъ лѣтописей помѣщается вездѣ — и у Байера, и у Шлецера, и у Карамзина. Я же употребилъ его совершенно не такъ, какъ эти изслѣдователи.

Россы, оказывавшіеся принадлежащими къ роду свеоновъ, никакъ не похожи на Ивана съ Волги, оказавшагося, по тщательномъ изслѣдованіи, изъ Воронежа, и произведшаго достаточное основаніе для гг. ученыхъ написать: «Воронежъ городъ на рѣкѣ Волгѣ». Вотъ вамъ примѣръ возражающій: въ Москвѣ пойманъ гессенецъ или баденецъ. Квартальный усомнился, услышавъ такое странное для него названіе, но канцелярія оберъ-полиціймейстера, diligentius investigans, нашла, что гессенецъ принадлежитъ къ нѣмецкой націи. Такъ именно и случилось въ Ингельгеймѣ: люди, называвшіе себя россами, оказались принадлежащими народу свеоновъ.

«Еще говорятъ, что въ первой половинѣ X вѣка, Лиутпрандъ, кремонскій епископъ, упомянувъ о походѣ Игоря на грековъ съ руссами, говоритъ, что послѣдніе были народъ, который греки по качеству тѣла называютъ руссами, а они (западники) норманнами, отъ мѣстоположенія ихъ отечества» (с. 29). Епископъ объяснилъ, что этихъ людей можно называть нордманнами по мѣстоположенію, потому что они сѣверные люди, но вовсе не думалъ словомъ нордманъ означать принадлежность руссовъ какой нибудь народности» (стр. 30).

Г. Костомаровъ незабылъ другое классическое мѣсто изъ Лиутпранда, въ коемъ исчисляются многія сѣверныя племена, и только одно изъ нихъ, именно руссы, называются норманнами, въ смыслѣ западномъ. Вотъ это мѣсто:

Constantinopolitana urbs.... inter ferocissimas gentes est constituta. Habet quippe ab aquilone Hurgaros, Pizenacos, Chazaros, Russios, quos

alio nomine nos Nortmannos appellamus, atque Bulgaros, nimium sibi vicinos.

Лиутпрандъ, повторю прежнее свое объясненіе, зналъ очень хорошо норманновъ, нападавшихъ на его отечественные берега, узналъ въ Византіи о такомъ же нападеніи на сей послѣдній городъ; видѣлъ и слышалъ объ нихъ отъ нихъ соотечественниковъ въ лейбъ-гвардіи императорской; — это былъ одинъ по языку, образу жизни и проч. народъ съ извѣстнымъ ему по домашнимъ событіямъ. Естественно ли, чтобъ онъ не сдѣлалъ тутъ отношенія и сравненія, столь очевидно ему представлявшагося? Онъ назвалъ ихъ норманнами, и разумѣется въ смыслѣ своихъ сосѣдей, которые знали хорошо норманновъ. Далѣе, онъ слышитъ, что сихъ норманновъ называютъ въ Константинополѣ русами; — отчего? Такой вопросъ долженъ былъ представиться ему, и первое поспѣшное на-правду извѣстіе, имъ услышанное, онъ употребляетъ вмѣсто отвѣта: греки называютъ ихъ по тѣлесному свойству русами, а мы по положенію норманнами. Можетъ быть и самъ онъ, желавшій показать свою ученость,—что въ немъ замѣтно, какъ говоритъ Шлецеръ,— сдѣлалъ такое словопроизводство.

Наконецъ — сильнѣйшее возраженіе:

«Говорятъ еще, что нѣкоторыя собственныя имена звучатъ по-норвежски.... Сравнивъ созвучіе этихъ именъ съ скандинавскими, съ тѣмъ сходствомъ, какое представляютъ они съ словами литовскаго языка, сами собою откроется, гдѣ натяжка» (*с.* 30).

Выше мы показали не слабость, а совершенную несостоятельность литовскаго словопроизводства, по относительно норманства собственныхъ именъ, дѣло идетъ не о словопроизводствѣ, а объ распространеніи нашихъ русскихъ именъ живымъ, цѣликомъ между норманнами, въ ихъ лѣтописяхъ, сагахъ, на камняхъ: Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ (Rörik, Sune, Thorvard), Аскольдъ и Диръ (Hoskuld и Dyri), Игорь, Ингварь, Олегъ, Ольга (Igvar или Inguar, Halge или Helge; Holga или Helga); Karl, Frialaf, Vermund, Rolf, Roald, Vigfast. Этого мало: дѣйствія Рюриковъ, Игорей, Аскольдовъ, Дировъ,— совершенно одинакія съ нашими: вотъ доказательство ихъ тождества, то есть доказательство норманскаго происхожденія варяговъ-руси; а не натянутое, вымученное на дыбѣ звукоподобіе.

Съ арабскими писателями г. Костомаровъ церемонится еще менѣе. «Дѣло въ томъ, — говоритъ онъ: — что собственно у нихъ нѣтъ постоянной *Руси*, а есть буквы Р и С, куда (по вкусу) вставляются и О, и А, и У, а иные А, и это значитъ рѣку Русь, или Русъ, и по ней называются тѣмъ же именемъ народы, живущіе по берегу этой рѣки. По мѣстоположенію видно, что эта рѣка Волга

въ ея низовьяхъ. Мордва до сихъ поръ зоветъ Волгу на своемъ языкѣ Равъ или Расъ. Слѣдовательно арабы узнали тутъ не болѣе, какъ мордовское имя Волги» (с. 31).

Русскіе походы на берега Каспійскаго моря, описанные у арабскихъ путешественниковъ почти тѣми же словами, какъ у Нестора, у византійцевъ, съ одинаковыми подробностями, повторяются двумя строками: «Здѣсь случайное сходство словъ и собственныхъ именъ съ буквами Р и С. Такимъ образомъ можно отыскать Русь повсюду на земномъ шарѣ». (с. 32).

Такимъ образомъ можно, скажемъ и мы, справляться легко со всѣми историческими свидѣтельствами и мнѣніями! Явилась мордва, ни съ того, ни съ сего, разорила булгаръ, приморскіе города каспійскіе, и пропала! Точно какъ на сѣверѣ явилась жмудь и пропала! Одинокія явленія, безъ начала и конца! Такъ не случается въ исторіи!

Г. Костомаровъ обвиняетъ нѣмцевъ, выдумавшихъ якобы норманское происхожденіе Руси.

«Извѣстно, что у насъ нѣмцы, отъ мала до велика, и ученые и неученые, болѣе или менѣе исполнены вѣрованія о превосходствѣ своей породы предъ славянскою, и думаютъ, что живучи среди насъ, ихъ задача — разливать свѣтъ цивилизаціи между нами, варварами; для подтвержденія этой задушевной мысли, ученые нѣмцы выдумали призваніе князей изъ Скандинавіи; этимъ хотятъ указать, что славяне неспособны, безъ вліянія нѣмецкаго элемента, къ устройству государственной и гражданской жизни (с. 28)».

Нѣтъ, можетъ быть нѣмцы дѣйствительно виноваты въ томъ, въ чемъ обвиняетъ ихъ г. Костомаровъ, хотя прежде оказали ей и много услугъ, но лишней вины вскладывать на нихъ несправедливо. Байеръ положилъ первое основаніе мнѣнія, Шлецеръ утвердилъ его, Карамзинъ принялъ, — прочіе распространили, укрѣпили, привели въ порядокъ, безъ всякихъ задними мыслей, имѣя въ виду одну историческую истину.

Посовѣтуемъ отъ души г. Костомарову оставить въ покоѣ норманновъ, литву и мордву, и заняться изложеніемъ событій, совершившихся во времена болѣе близкія и ясныя.

Для успокоенія его критической совѣсти, для содѣйствія успѣхамъ, я скажу ему здѣсь нѣсколько словъ еще объ основаніи сего мнѣнія: «правый рукавъ Нѣмана называется Русью, страна около него называлась Русью и народъ руссами (с. 9)».

Но къ которому времени принадлежатъ эти названія? Вотъ вѣдь что важнѣе всего — древность имени. А на этотъ существенный вопросъ отвѣта нѣтъ. Всѣ извѣстныя упоминовенія очень молоды.

Последуемъ теперь разсужденіе далѣе: въ 9 столѣтіи Новгородъ назывался уже Русью; Кіевъ назывался Русью, въ Галичѣ имя Руси встрѣчаемъ мы позднѣе, но такъ крѣпко привязаннымъ, что имени нельзя не признать не наноснымъ, а туземнымъ. Это общія названія; нѣсколько множество близъ Новгорода находимъ мы Русу, и еще старую, за Кіевомъ рѣку Рось, и множество въ другихъ мѣстахъ. Точно также и устье Нѣмана могло получить это имя отъ той же причины; и вотъ опять является Карамзинъ, къ прискорбію истинныхъ друзей науки забываемый въ настоящемъ поколѣніи. Послушаемъ его: «варяги-русь могли переселиться туда (въ устье Нѣмана) изъ Скандинавіи, Швеціи, самаго Рослагена, согласно съ повѣстіемъ древнѣйшихъ лѣтописцевъ Пруссіи, увѣряющихъ, что ея первобытные жители, ульмиганы или ульмигеры, были въ гражданскомъ состояніи образованы скандинавскими выходцами, которые умѣли читать и писать».

Лишь только дописывалъ я свой отвѣтъ г. Костомарову, какъ мнѣ вручили нынѣшнюю виленскую памятную книжку, развертываю, и читаю:

«...Переворотъ положили основаніе скандинавскіе витязи въ концѣ X столѣтія. Въ числѣ 500 человѣкъ, подъ начальствомъ вождя своего Балдуина, который сохранился въ преданіи подъ именемъ Палемона, они приплыли на ладьяхъ вверхъ по Нѣману изъ устья Дубиссы; и на вершинѣ горы, именуемой понынѣ Палемоновой горою, основали крѣпость на литовской землѣ, названную Бисеною (с. 4)... «Палемонъ избралъ это мѣсто средоточіемъ своихъ силъ и дѣйствій! Сколько бы древніе литовскіе историки ни старались увѣрить насъ въ мирныхъ намѣреніяхъ этого богатыря, производя его отъ геруловъ, повѣствуя, что онъ только возвратился въ отечество своихъ предковъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ прибылъ не съ другою цѣлію, какъ для завоеваній и утвержденія въ Литвѣ своей верховной власти. Онъ дѣйствительно утвердилъ на литовскомъ престолѣ свою династію, а три сына его имѣли уже въ разныхъ мѣстахъ Литвы обширныя владѣнія и построили укрѣпленные города для своего мѣстопребыванія, обезпеченія завоеваній и защиты отъ непріятелей (с. 5)».

Вотъ вамъ и опять норманны, въ замѣну вымышленной вами жмуди: Норманны также поселились въ устьѣ Нѣмана, какъ и въ устьѣ Невы!

Я разобралъ главныя ваши положенія и доказательства. О прочихъ вы позвольте мнѣ пока умолчать, напримѣръ о вѣроятномъ, по вашему мнѣнію, посольствѣ Гостомысла изъ Новагорода къ литовскимъ колдунамъ и знахарямъ, и о совѣтѣ колдуновъ и знахарей

призвать князей изъ литовской Руси. Боюсь, чтобъ при задуманномъ памятникѣ тысячелѣтію, какой нибудь замысловатый художникъ не помѣстилъ этихъ ворожей съ ихъ живописными костюмами въ какомъ-нибудь горельефѣ: — за что! Точно также позвольте умолчать и объ аналогіи Гедимина съ Рюрикомъ, которой подобныхъ избрать я могъ бы вамъ множество.

Но вотъ что въ вашемъ разсужденіи мнѣ понравилось, и что можетъ быть отложено въ корзину: вы остроумно подобрали свидѣтельства объ изгнаніи варяговъ чудью, литвою и славянами, предъ избраніемъ князей. Можетъ быть дѣйствительно указанныя свидѣтельства относятся къ опредѣленному нашимъ лѣтописателемъ времени.

Мнѣніе ваше о большинствѣ, или даже болѣе, славянъ въ числѣ призывателей — заманчиво. Вы говорите: «Призывавшіе варяговъ-русь народы были всѣ наголо славяне; этимъ отстраняются неразрѣшимые вопросы: какъ могли появляться въ союзѣ разноязычныя племена, тогда какъ впослѣдствіи мы не видимъ отношеній равноправности между ними, напротивъ, одно постоянно играетъ роль господствующаго, а другое находится или въ зависимости, или въ безуспѣшномъ сопротивленіи (с. 23).» Вы думаете, что славяне могли скрываться подъ чужимъ именемъ, какъ напримѣръ, теперь подъ именемъ Сибири скрывается русское населеніе.

Это заманчиво, говорю я, но не вполнѣ позволительно по закону строгой критики. Относительно веси съ Бѣлозерскомъ, мери съ Ростовомъ, принять можно, но чудь слишкомъ рѣзко отдѣляется отъ славянъ, послѣдовательно отъ IX и даже до XII столѣтія. Вражда и война между ними продолжалась: нѣтъ возможности допустить среди ихъ большинство славянъ въ IX столѣтіи.

Вотъ еще какую мысль возбудила во мнѣ ваша статейка: мнѣнія имѣютъ жизнь. Это какіе-то гномы, которые имѣютъ свой метемпсихозисъ. Они пропадаютъ, скрываются, и опять возникаютъ, помолодѣлые, принаряженные. Такъ и ломоносовское мнѣніе явилось теперь уже въ новомъ костюмѣ, во фракѣ и перчаткахъ, но оно все таки не значитъ ничего въ сравненіи съ мнѣніемъ о норманскомъ происхожденіи Руси. Надѣюсь, что вы знаете послѣднюю мою модификацію, вслѣдствіе новыхъ изслѣдованій о населеніи Даніи и извѣстнаго мѣста Гельмольдова (*): не заселены ли были первона-

(*) Маркоманнами называются обыкновенно люди, отвсюду собранные, которые населяютъ Марку. Въ славянской землѣ много марокъ, изъ которыхъ не послѣдняя наша вагирская провинція, имѣющая мужей сильныхъ и опытныхъ въ битвахъ, *какъ изъ датчанъ, такъ и изъ славянъ.*

нальдо датскіе острова славянами, точно такъ же, какъ сосѣдній островъ Рюгенъ и все Поморье балтійское, Померелія, — а впослѣдствіи уже переселилось къ нимъ изъ Норвегіи племя скандинавское или готское, которое совершенно покрыло первыхъ поселенцевъ? «Взаимное вліяніе варѣговъ и знакомство норманновъ и славянъ между собою облегчаетъ уразумѣніе и сношеній новгородскихъ славянъ съ варягами. Здѣсь могутъ, кажется, примириться всѣ мнѣнія о происхожденіи руси.»

Я считаю васъ честнымъ, добросовѣстнымъ изслѣдователемъ въ пути варягомановъ, невѣждъ, несведущихъ и бездарностей, которые, пользуясь исключительнымъ положеніемъ, присвоили себѣ на минуту авторитетъ въ дѣлѣ науки, и приводятъ въ заблужденіе неопытную молодежь: вотъ почему я требую отъ васъ во имя этой науки, полной сатисфакціи, то есть торжественнаго отступленія отъ Жакуди, или полнаго отраженія приведенныхъ мною краткихъ доказательствъ, за коими я готовъ выдвинуть и тяжелую артиллерію. Иначе — бросаю вамъ перчатку и вызываю на дуэль, хоть на пистолетахъ. Секундантовъ мнѣ нечужно, развѣ тѣни Байера, Шлецера и Круга, если у васъ въ Петербургѣ есть вызыватели духовъ, а мы, для потѣхи, можете пригласить себѣ въ секунданты любыхъ рыцарей Синистеляски. Сборъ, въ доказательство моего безпристрастія, я готовъ уступить въ пользу нищущей Жакуди.

Безъ шутокъ, пріѣхавъ на недѣлю въ Петербургъ, я предлагаю вамъ публичное разсужденіе, въ университетѣ, географическомъ обществѣ, или академіи, въ присутствіи лицъ, принимающихъ живое участіе въ вопросѣ. Хотя я лѣтъ двадцать уже оставилъ его, но, посвятивъ ему десять лучшихъ лѣтъ въ жизни, помню во всѣхъ подробностяхъ, и готовъ отстаивать его unguibus et rostris.

М. ПОГОДИНЪ.

Февраля 19.
1860.

II.

Это письмо было предварительно сообщено г. Погодинымъ г. Костомарову. Заключеніе письма напечатано было въ «Спб. Вѣдомостяхъ», № 60, и тамъ же г. Костомаровъ отвѣчалъ слѣдующее:

«Такъ какъ М. П. Погодинъ вызываетъ меня на публичный поединокъ, то я и отвѣчаю ему публично. Это значитъ мы *дописались*

до поля, какъ во время оно дѣды наши, отыскивавшіе себѣ управы по судебникамъ, *досуживались до поля*. Я принимаю вызовъ М. П. Погодина съ полнымъ уваженіемъ, какъ къ наукѣ, такъ и къ почтенному ея ветерану, считаю это предложеніе высокою для себя честію и объявляю М. П. Погодину, что онъ найдетъ меня, съ оружіемъ въ рукахъ, вездѣ и всегда, куда только назначитъ явиться. Но въ такомъ случаѣ, чтобы споръ нашъ, какъ часто бываетъ со спорами, не окончился ничѣмъ, и чтобы каждый изъ насъ не стоялъ упорно въ своемъ мнѣніи, я предлагаю выбрать посредниковъ, не менѣе трехъ особъ, извѣстныхъ ученыхъ, оказавшихъ русской исторіи дѣйствительную пользу, и притомъ такихъ, которые не писали о варяжскомъ вопросѣ и не принимали участія въ спорахъ по поводу его. Предъ ними, въ присутствіи постороннихъ любителей науки, я выскажу свои возраженія на наши, и пусть они по совѣсти рѣшатъ, на чьей сторонѣ болѣе правды. Я обѣщаюсь покориться ихъ приговору и выступлю изъ Жмуди, если они оправдаютъ васъ. Тѣни Байера, Шлецера и Круга не помогутъ намъ: они уже только тѣни, да еслибъ и имѣли тѣло, то не могли бы сохранить совершеннаго безпристрастія, а настоящая моя готовность отказаться отъ своего мнѣнія, если оно не будетъ имѣть достаточной силы, чтобъ убѣдить нашихъ посредниковъ, можетъ служить М. Погодину ручательствомъ, что я не думаю мнѣніе свое защищать одобреніемъ рыцарей Свистопляски. Съ своей стороны, я предлагаю просить оказать намъ честь принять на себя званіе посредниковъ въ нашемъ спорѣ гг. Калачева, Кавелина и Буслаева. Надѣюсь, что М. П. Погодинъ согласится вмѣстѣ со мною просить этихъ ученыхъ, потому что нельзя сомнѣваться ни въ ихъ добросовѣстности, ни въ ихъ основательномъ знаніи науки, ни въ важности тѣхъ плодовъ, какіе принесла русской исторіи ихъ многолѣтняя и почтенная дѣятельность.»

На это г. Погодинъ тамъ же отвѣчалъ:

«Искренно благодарю моего ученаго друга за его любезное согласіе. Посредники, имъ избираемые, люди слишкомъ ко мнѣ близкіе, по университетской памяти, едва ли возьмутся принять на себя окончательное рѣшеніе. Это дѣло внутренняго, личнаго участія, которое предоставимъ лучше слушателямъ. Главная цѣль наша — возбудить въ молодыхъ дѣятеляхъ участіе къ вопросу о происхожденіи Руси, который такъ для насъ важенъ, особенно въ наше время, когда скоро исполнится тысяча лѣтъ основанному ею государству.»

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого (именно 19 марта) состоялся самый диспутъ, на которомъ сначала сказалъ нѣсколько словъ

г. ректоръ университета, П. А. Плетневъ, указывая собранію на предстоявшій новый способъ рѣшенія ученыхъ вопросовъ посредствомъ бесѣды двухъ ученыхъ, а потомъ г. Погодинъ сказалъ рѣчь къ публикѣ (см. въ приложеніяхъ) и прочелъ свое письмо къ г. Костомарову (помѣщенное выше), съ нѣкоторыми однако исключеніями. По прочтеніи этого письма г. Костомаровъ читалъ свой отвѣтъ г. Погодину.

III.

ОТВѢТЪ НА ВОЗЗВАНІЯ Г. ПОГОДИНА, ЧИТАННЫЙ Г. КОСТОМАРОВЫМЪ НА ТОМЪ ЖЕ ПУБЛИЧНОМЪ ДИСПУТѢ.

Мм. гг.

Такъ какъ вызовъ былъ сдѣланъ г. Погодинымъ, то я считаю умѣстнымъ, во все продолженіе настоящаго ученаго поединка, сохранить оборонительный характеръ и буду касаться только такихъ сторонъ вопроса, на которыя напасть будетъ угодно моему противнику. Поэтому я не нахожу нужнымъ излагать подобно ему, мою теорію: это значило бы повторять до слова мою статью Начало Руси, напечатанную въ первой книжкѣ «Современника». Я прямо буду отражать нанесенные удары.

Сначала вы опровергаете меня, что я основываюсь единственно на географическомъ имени страны и приводите множество примѣровъ безплодныхъ попытокъ отыскать Русь, изъ которой пришли наши князья, руководствуясь единственно созвучіями между нашею Русью и наименованіями различныхъ мѣстностей. Но всѣ эти примѣры не могутъ быть направлены противъ меня, когда я самъ, въ своемъ сочиненіи, говорилъ о безполезности такихъ попытокъ. Что Русь можно отыскать повсюду на земномъ шарѣ по созвучіямъ, это мнѣ извѣстно и было высказано, и объ этомъ между нами не можетъ быть спора.

Слово Русь само по себѣ — будь это на берегу Нѣмана, или гдѣ бы то ни было — для меня, какъ и для васъ, это не доказательство. Вы нападаете на тѣхъ, которые искали отечества князей нашихъ только въ сходствѣ географическаго названія — *Русь*. А я отправлялся въ литовскую Русь вовсе не потому, что она Русь, а потому, что она на варяжскомъ побережьѣ. Вы ставите мое мнѣніе на одну доску съ мнѣніемъ о происхожденіи Руси съ береговъ Чернаго моря

Это несправедливо: разница между мною и тѣми, которые ее тамъ искали, та, что они поступали вопреки нашей лѣтописи, а я ищу своей Руси, руководствуясь единственнымъ источникомъ, сохранившимъ извѣстіе о призваніи князей и дающимъ намъ поводъ искать этой Руси, гдѣ бы то ни было.

Вы говорите, что признаніе собственныхъ именъ народа, пришедшаго къ намъ съ князьями литовскими, основывается единственно на созвучіи. Смѣю обратить вниманіе всѣхъ на то, что у меня приводятся литовскія слова, которыя цѣликомъ, за отбрасываніемъ несвойственнаго славянскимъ языкамъ S, совершенно выражаютъ имена пословъ Игорева договора и другія имена и слова изъ языка пришедшихъ къ намъ руссовъ. Вы говорите, что я произвожу Игоря отъ литовскаго корня ig; да, я нахожу въ имени Игоря этотъ корень; но кто читаетъ ваше возраженіе, тотъ подумать можетъ, что я только этимъ и руководствуюсь, что нашелъ корень ig въ литовскомъ языкѣ, тогда какъ я нахожу въ литовскомъ языкѣ слово Iggoras; отбросьте as и вы получите Игоря. Вы приводите, что я произвожу Олега или отъ ilgis, или отъ alga и даете моему производству такой смыслъ, будто я только такимъ слабымъ созвучіемъ и руководствуюсь, и слѣдовательно, самъ еще не знаю, отчего его произвести, тогда какъ я вижу литовское происхожденіе Олега въ словахъ, гораздо яснѣе и полнѣе имѣющихъ сходство съ этимъ именемъ, именно въ названіи рѣки Олегъ, въ именахъ: Ольгердъ, Ольгимунтъ. Самыя эти имена писались также съ перемѣною *о* на *а* и это показываетъ, что здѣсь словопроизводство отъ alga, которое тоже можетъ быть olga. У меня не созвучіе, у меня литовскія слова; стоитъ отбросить зом и вы получаете полныя имена русскія. Турдуви = turtuvis — развѣ это созвучіе? Карши = karszis — развѣ это созвучіе? Тилена = tylenas — развѣ это созвучіе? Сфирка = swirrikas — развѣ это только созвучіе? Глѣбъ = glebas — развѣ это только созвучіе? Гуды = gudis, Вернъ = bernas, Стеггистонъ = steggistonas, Улебъ = ulebas. Все это неужели только созвучія? Не полныя ли это слова? Неужели Олафъ или Алафъ къ Олегу ближе, чѣмъ *Олегъ*. Фамилія Рюриковичей существуетъ до сихъ поръ въ Литвѣ: ссылаюсь на свидѣтельство извѣстнаго польскаго ученаго Онацевича. И какъ же вы меня обвиняете въ томъ, что я руководствуюсь только созвучіями, когда у васъ, то есть у норманнистовъ, нѣтъ почти ни одного полнаго слова, а одни созвучія, и притомъ такія натянутыя, — вы берете и исландскія, и англосаксонскія, и шведскія, и норвежскія, и германскія имена и слова. Я развертываю второй томъ вашихъ изслѣдованій и читаю производство вашихъ именъ изъ Скан-

динавіи. Вы не одобряете того, что я дозволилъ себѣ перемѣнить Синеуса на Сенеуса, хотя въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописей и читается *Сенеусъ*, и я не перемѣнилъ, а только выбралъ такое чтеніе, которое ближе къ литовскому слову и которое мнѣ кажется правильнымъ. Посмотримъ, какъ же у васъ произведенъ Синеусъ изъ норманскаго языка. «Синеусъ, говорите вы, есть вѣроятно имя, испорченное у скандинавовъ — Сніо». Шлецеръ прибавляетъ еще Синніутеръ, Сигніаутеръ, Синіамъ, Суне. Вотъ гдѣ созвучіе! Я обращаюсь ко всѣмъ, удостоившимъ своимъ посѣщеніемъ наше состязаніе, и прошу ихъ произнести приговоръ, что ближе къ Синеусу — *Сенеусъ* или Сніо, Синніутеръ, Сигніаутеръ, Синіамъ, Суне? Производя Аскольда изъ Скандинавіи, вы находили Оскеля, Аскеля, Аскиваля; но не могли тогда привести ни одного имени, кончающагося на ольдъ, тогда какъ въ Литвѣ ихъ множество, какъ напримѣръ, Рингольдъ, Витольдъ и проч.

Неужели Ингварь и Ифарь къ Игорю ближе, чѣмъ Iggeras? Рогволодъ производится отъ Рагвалтра или Рагвалда? Почему не отъ литовскаго Ригвальта? Но еще проще, почему это имя не славянское Рогъ-володъ, какъ и Все-володъ? Вѣдь *Рогъ* тоже славянское слово, какъ и *Все*, и значитъ по-южнорусски и бѣлорусски уголъ. Почему *Лютъ* можетъ происходить отъ *Люитра*, когда онъ самъ по себѣ славянское слово? Еще прежде мнѣ было сдѣлано замѣчаніе, что мои сближенія были бы только тогда состоятельны, когда бы имена варяго-русскія сходились не съ словами, а съ собственными именами литовскими. Считаю умѣстнымъ замѣтить, что кромѣ постоянныхъ именъ собственныхъ, употребляемыхъ только у князей, у первобытныхъ лицъ для имени, были прозвища или клички, что нибудь означающія. У насъ въ Россіи, какъ вамъ извѣстно, еще въ XVII вѣкѣ, кромѣ крещенаго имени, были также прозвища, замѣнявшія собственныя имена. Они давались даже офиціально въ бумагахъ: Злодѣй, Шестакъ, Нехорошко, Смѣлый, Паукъ, и проч. и проч. Мудрено ли, что и въ договорѣ Игоревѣ такія же имена давались посламъ его? Древнія литовскія имена очень разнообразны, посмотрите въ галицковолынской лѣтописи имена князей, пришедшихъ къ Даніилу; какъ многія изъ нихъ не похожи на обычный извѣстный намъ въ позднѣйшее время строй литовскихъ собственныхъ именъ. Не забудьте, что руссовъ я хоть и считаю племенемъ литовскимъ, но безъ сомнѣнія отличнымъ отъ прочихъ соплеменниковъ, что такъ естественно при чрезвычайномъ развѣтвленіи этого племени. Если я привожу въ параллель къ именамъ литовскія слова, то все-таки не утверждаю, чтобъ эти имена произносились точно такъ,

какъ выговариваются приведенныя слова; и ихъ привожу, чтобъ указать присутствіе въ нихъ литовскихъ корней. Нѣкоторые изъ нихъ могутъ подтвердиться и извѣстными литовскими собственными именами, напр., Олегъ, Ольга, Алданъ, Янтагъ, Карши (Карщово мѣстность въ Литвѣ), Веремудъ (Wermeit, собст. имя XV в.); Утинъ (Utines, имя), Кары (имена Каріатъ, Каросва, Карейва, озеро Кайры), Рогнѣдъ (Ragnit, мѣстность), Туки (мѣст. Туки, прозвище Туки), Гуды (множ. мѣстностей съ этими слогами: Гуделе, Гудишки, Гудишкишки, Гудайце, Гудели, Гудуцишки, собственное имя лица Гудулъ Gudulis), Карнъ (назв. мѣстностей: Карновичи, Керновъ, Кернoвицъ), Войковъ (имя Войно, назв. мѣстностей Войновичи, Войнишки), Бернъ (прозвища Бернатъ, Бернатовичъ, мѣстность Бернатовъ), Карлъ (мѣстность Карлы), Сфирка (множество мѣстностей подъ названіемъ Свирки, Свирка). Обратите вниманіе на окончанія именъ Гуды, Кары, Слуды: они совпадаютъ съ древними окончаніями названій урочищъ, какъ, напр., Сиуды, Сарты, Солмы, Кайры, Смолвы, Дукшты, Брыды, Гурбы, Туки, Будры.

Вы нападаете на мое объясненіе двухъ пороговъ, но я повторю, что по-литовски Aithwaros значитъ птицу-пеликана, а по-славянски тоже значитъ Неясыть; Леанти значитъ по-литовски льющая, а Верутци — очевидно вруци, тоже женское причастіе кипящая, бурлящая. Сверхъ того, у Константина Порфиророднаго одинъ порогъ и по-русски и по-славянски называется Ессупи. Ваши норманнисты толкуютъ, что это значитъ не спи, ибо и Константинъ Порфирородный такъ его объясняетъ, и находятъ созвучіе какъ въ славянской, такъ и въ скандинавской рѣчи. Отъ этого, говорятъ они,—дѣйствительно могло показаться Константину одинаковымъ названіе порога по-русски и по-славянски. Но я вижу болѣе сходства этого Essupi съ литовскимъ nesup, что значитъ также не спи (собств. не качайся сонный, ибо supu, supti качаться въ люлькѣ, колебаться). Другихъ пороговъ я не касаюсь, потому что не хочу подражать вашимъ норманнистамъ, которые употребляютъ натяжки. Константинъ Порфирородный называетъ одинъ порогъ Oulworsi, въ немъ видятъ созвучіе съ holmfors; какъ же вы меня обвиняете въ произволствѣ посредствомъ созвучій, когда у вашего Лерберга такое произвольное и плохое созвучіе. Ничего не можетъ быть произвольнѣе объясненія Геландри. У Константина Порфиророднаго это названіе приведено, какъ славянское, а гг. норманнисты, чтобы оттянуть на дыбы свои доказательства, увѣряютъ, что здѣсь ошибка, и такъ какъ значеніе слова Геландри объяснено словомъ — звенящій, они нашли возможнымъ указать на созвучіе исландскаго слова gaillandi.

Что жъ это такое? Да когда Константинъ Порфирородный называетъ его славянскимъ языкомъ, а не русскимъ, то нельзя мнѣ, съ своей стороны, отыскать и въ славянской рѣчи такое же созвучіе въ корнѣ *гулъ*. Не могъ ли Константинъ слышать названіе, происходившее отъ этого слова? Можетъ быть, существовалъ глаголъ этого слова, а окончаніе andri могло быть не разслышанное имъ окончаніе причастія съ носовымъ звукомъ. А если не такъ, то почему ему не быть литовскимъ? Я не выдаю этихъ предположеній за истину, а привожу ихъ только, чтобы показать, какъ легко составить подобныя на основаніи созвучій. Какъ натянуты норманнофильскія толкованія пороговъ, видно изъ того, что въ одномъ случаѣ читаютъ букву *β* за *б*, въ другомъ за *в*; напр. одинъ порогъ читаютъ *Варуфорось*, другой — *Струбунъ*. Вы приводите въ примѣръ произвольности толкованія именъ пороговъ, — толкованіе Болтина съ венгерскаго. Что же? эти толкованія равносильны норманскимъ и доказываютъ несостоятельность послѣднихъ. Да и какъ основываться на Константинѣ, у котораго Новгородъ называется Nemogardia, а Смоленскъ — Miliniska. Если съ такою правильностію написаны имъ и русскія названія пороговъ, то лучше ихъ оставить въ покоѣ. Они ничего не даютъ ни для норманскаго, ни для литовскаго, ни для славянскаго происхожденія варяго-руссовъ и думаю, что болѣе даютъ для литовскаго, чѣмъ для норманскаго, потому что тутъ три порога въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они написаны у Константина, по-литовски что нибудь значатъ безъ натяжекъ.

Указывая на знакомство Литвы съ мореходствомъ, я не думаю, какъ вы говорите въ вашемъ возраженіи, оправдывать происхожденіе варяго-руссовъ, а только хочу этимъ отстранить могущее быть замѣчаніе, что народъ, пришедшій къ намъ изъ-за моря, былъ мореходный, а литовцы могли не принадлежать къ мореходнымъ народамъ. Вы совершенно справедливо говорите, что всѣ жители береговъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей были знакомы съ мореплаваніемъ, и литовцы, и финны, и славяне, и нѣмцы и кельты начѣ скандинавы; а если такъ, тогда замѣчу, что качество мореходцевъ, видимое у пришедшихъ въ Россію руссовъ, не можетъ необходимо условливать принадлежности норманнамъ. Такимъ же значеніемъ мореходцевъ могли и литовскіе руссы пользоваться въ исторіи. Я также не ставлю въ число доказательствъ того, что во многихъ нашихъ позднѣйшихъ лѣтописяхъ и хронографахъ князья нообращаются пришедшими изъ Прусской страны. Это только доказательство существованія въ старину мнѣнія о такомъ происхожденіи, а не самаго происхожденія. Слово «изъ нѣмецъ» встрѣчаемое въ нѣкоторыхъ спи-

скахъ, также не можетъ быть доказательствомъ, что встарину признавали варяго руссовъ за норманновъ, ибо нѣмецъ вообще значитъ западнаго европейца. Вспомните выраженія: амбурскіе нѣмцы, аглицкіе нѣмцы, свейскіе нѣмцы, шведскіе нѣмцы.

Вы говорите, что въ моей теоріи не видно исторической связи съ тѣмъ мѣстомъ, откуда я полагаю родину руссовъ. Но это не такъ несообразно съ правдою, какъ кажется. Я уже въ своей статьѣ объяснилъ это, указывая, что самая страна *Русь* была страною маленькою, такъ что крестоносцы ее могли пройти въ одинъ день и нашъ лѣтописецъ говоритъ, что князья «пояша по себѣ всю Русь». Что жъ тутъ мудренаго, что пришла горсть литовцевъ, шайка удальцовъ, колонія, и расплылась въ массѣ славянофиннскаго народонаселенія и не оставила никакихъ слѣдовъ сношеній съ прежней родиной? И какіе документы, которыхъ вы требуете, могли остаться отъ этого народа, который не умѣлъ писать? Вы видите, что эта толпа вскорѣ переселилась на югъ, въ Кіевъ, и стала жить новою жизнью. Отдаленность отъ прежней родины лишила и скоро изгладила не только связь съ нею, но и воспоминаніе. При этомъ были или не были сношенія съ этою землею въ Новгородѣ или Полоцкѣ, объ этомъ нельзя сказать ни утвердительно, ни отрицательно. Вы помните, что со времени перехода Олега съ своими полчищами въ Кіевъ до Владиміра— болѣе ста лѣтъ, мы не знаемъ почти ничего о нашемъ сѣверѣ, кромѣ неяснаго путешествія Ольги да избранія новгородцами Святославова сына. Извѣстія, сохраненныя намъ объ этихъ временахъ, касаются болѣе юга.

А что въ нашихъ лѣтописяхъ не записали многое, что дѣйствительно случалось, то и я вамъ укажу на то, что въ «Словѣ о Полку Игоря» говорится о битвахъ Изяслава Васильковича съ Литвою, и о смерти его въ бою: притрепанъ литовскими мечи. Объ этомъ нѣтъ въ лѣтописяхъ извѣстія. Изъ этого же Слова видно, что и Всеславъ воевалъ съ Литвою. О томъ же Изяславѣ говорится: «повони своими острыми мечи о шеломы литовскіе, притрепа славу дѣду своему Всеславу». И о битвахъ Всеслава нѣтъ въ лѣтописяхъ. Извѣстія о дани, которую Литва платила Ярославу, тоже нѣтъ въ нашихъ лѣтописяхъ. Въ хроникѣ Генриха Латыша есть извѣстія о нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ Полоцкой землѣ, къ Литвѣ, къ Чуди: о нихъ вы тоже ничего не узнаете изъ нашихъ лѣтописей. При большихъ пробѣлахъ, какіе господствуютъ въ нашихъ лѣтописныхъ сказаніяхъ, невозможно произнести рѣшительнаго сужденія о томъ, что было и чего не было.

Вы говорите: «положимъ съ г. Костомаровымъ, что Русь была Жмудь: подъ какимъ же именемъ приходили къ намъ и чрезъ нашу землю норманны?» — Отвѣчаю: подъ именемъ «Варинговъ» (варяговъ), въ концѣ X и въ XI в. Я не противорѣчу тому, что съ Владиміра у насъ являются сношенія съ Скандинавіею, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что и въ половинѣ IX в. непремѣнно оттуда пришли наши князья. Въ скандинавскихъ сагахъ мы не находимъ ни имени варинговъ ранѣе XI в. ни пребыванія въ Россіи скандинавскихъ князей ранѣе конца X вѣка. Наша лѣтопись составлена уже въ XII вѣкѣ и, сообщая извѣстія о прежнихъ событіяхъ, лѣтописецъ употреблялъ слова и выраженія, господствовавшія въ его время. И поэтому, подъ которымъ именемъ извѣстны были норманны при Олегѣ, при Игорѣ, при Святославѣ — ни вы, ни я не можемъ это рѣшить. До того времени, мы знаемъ только, что варяги, жители приморскаго побережья, имѣли сношенія съ русскимъ краемъ: одни варяги покорили новгородцевъ, кривичей; ихъ изгнали, другихъ призвали, былъ путь изъ Варягъ (т. е. съ Балтійскаго моря) въ Греки, и наконецъ Игорь послалъ за какими-то варягами за море. Всѣ эти событія передаются намъ изъ конца XI и начала XII в., а въ памятникахъ IX и X в. о варягахъ нѣтъ ничего. Въ договорахъ Олега и Игоря послы всѣ называются отъ рода русскаго, а не отъ варяжскаго и въ этихъ договорахъ нѣтъ имени варяговъ.

Вы хотите опровергнуть мое мнѣніе о томъ, что варяги значили у насъ неопредѣленную массу народовъ, живущихъ около Варяжскаго моря, мѣстомъ изъ космографіи нашего лѣтописца: «Ляхове присѣдятъ къ морю Варяжскому; по тому же морю сѣдятъ Варязи», и заключаете, что пруси (т. е. племя литовское) и чудь (финское) не варяги, а русь варяги. Но въ космографіи не высказано ясно, въ какомъ смыслѣ разумѣется слово «варяги»: вообще ли это жители варяжскаго поморья, или особый народъ по племени; и если послѣднее, то также неясно, родовымъ или видовымъ именемъ считать это слово. Если варяги — вообще тѣ народы, которые живутъ на варяжскомъ поморьѣ, тогда и ляхи и пруси будутъ варяги, и слово варяги послѣ ляхове и пруси не можетъ исключать изъ своего роковаго значенія ляховъ и прусовъ, ибо и ляхи и пруси обитаютъ близь варяжскаго моря. Еслибы теперь кто нибудь писалъ космографію прибалтійскаго края, вѣдь могъ бы онъ написать: «шведы и датчане обитаютъ по берегамъ Балтійскаго моря, берега морскіе заселены прибалтійскими жителями вплоть до устья Торнео.» Развѣ въ словѣ «прибалтійскими жителями» вы бы могли узнать о единствѣ этихъ жителей съ датчанами и шведами, или о [illegible]

Если же варяги здѣсь означаетъ народъ извѣстнаго племени, народъ отдѣльный, самобытный, тогда ни шведы, ни готы не варяги, ибо при перечисленіи народовъ аѳетова колѣна сначала стоитъ варяги, потомъ идутъ свеи, урмане, готѣ и проч. Если свеи не урмане, урмяне не готы, то и варяги не свеи, не урмане, не готы. Если же варяги—родъ, а прочіе слѣдующіе за этимъ именемъ народы — видовыя наименованія, заключающіяся въ понятіи этого рода, тогда не только свеи, урмане, готы, но и римляне и волхва будутъ варяги: слѣдовательно къ варягамъ будутъ причислены и народы вовсе не скандинавскаго племени, какъ напримѣръ, римляне и волхва. По другому выраженію въ той же космографіи нашего лѣтописца, можно причислять къ варягамъ нескандинавскіе народы другаго края и рода: «Варязи сѣдятъ до предѣла Симова.» Въ той же космографіи предѣлъ Симовъ отодвигается къ устью Волги: такимъ образомъ, судя по этому мѣсту, можно причислять къ варягамъ и всѣхъ народовъ восточной Россіи.

Что касается до слова «Русь», то въ этой космографіи два раза упоминается названіе Руси. Въ аѳетовѣ части сидятъ Русь, Чудь, и вси языци, Меря, Мурома, Весь, Мордва, заволодская Чудь, Пермь, Печора, Ямь, Угра, Литва, Зимѣгола, Корсь, Сѣтгола, Любь. Здѣсь очевидно лѣтописецъ въ XII вѣкѣ, придѣлавшій къ Амартоловой космографіи приставку о сѣверѣ, разумѣетъ Русь славянскую, нашу Русь, ибо Чудь и вси языцы, перечисленные вслѣдъ за именемъ Руси, изображаютъ массу народовъ живущихъ въ Россіи. Въ другомъ мѣстѣ исчисляется аѳетово колѣно, и между народами западными помѣщена Русь. Такъ какъ мѣсто ея между готами и англами, то я не знаю, какая это Русь, и думаю, что скорѣе всего литовская, но можетъ быть такие и наша, попавшая не на свое мѣсто, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ спискахъ нѣтъ этого слова.

Впрочемъ, не произнося никакого заключенія о Руси, помѣщенной въ аѳетовомъ колѣнѣ, я думаю, что это мѣсто никакъ не можетъ доказывать вамъ, чтобъ Русь эта причислялась къ скандинавамъ, а равно вы не можете изъ всей космографіи заключить, что лѣтописецъ признавалъ ее за варяговъ. Вы говорите: «Пруси не варяги, а Русь варяги; слѣдовательно Русь не Пруси, не Литва, не Жмудь». Я не вижу, чтобъ у нашего лѣтописца были родовыя названія народовъ. Если Русь литовскаго происхожденія, то это не значитъ, чтобъ Пруссы и Русь должны быть одно и тоже по понятіямъ лѣтописца, такъ какъ у него не одно и тоже Литва и Зимѣгола, хотя и та и другая одного и того же племени; не одно и то же Любь (Ливь) и Чудь, хотя онѣ одного племени. Исключая сихъ, о которыхъ дѣйстви-

только у лѣтописца есть сознаніе племеннаго единства народовъ, составляющихъ вмѣстѣ понятіе о славянахъ, изъ лѣтописца нашего невозможно сдѣлать заключенія, что перечисляемые имъ народы принадлежатъ къ той или другой племенной группѣ, и названія пруси, такъ и чудь, у него вовсе не племенныя, а частныя названія — имена народовъ, а не племенъ. Поэтому, если прусы не русь, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ они были разныхъ племенъ: они могли принадлежать и къ одному и тому же племени, и къ разнымъ; лѣтопись не даетъ вамъ права дѣлать объ этомъ никакихъ заключеній. Чѣмъ напримѣръ, можете вы, на основаніи одного только лѣтописца, доказать, что зимѣгола принадлежитъ къ одному племени съ прусами, а любь къ одному племени съ чудью? Такимъ точно изъ космографіи не видно, чтобъ русь были варяги. Но русь дѣйствительно варяги, только въ другомъ мѣстѣ лѣтописи, и только въ одномъ мѣстѣ ей положительно дается имя варяговъ: «поидоша къ варягамъ-руси», но въ этомъ именно мѣстѣ и показывается, что русь — варяги, да не тѣ что другіе, а сами по себѣ.

Вы нападаете на самое главное мое доказательство, на то, что лѣтописецъ нашъ отличаетъ Русь варяговъ отъ нѣсколькихъ скандинавскихъ народовъ. Я говорю о словѣ *друзіи*. Вы говорите: «На нашихъ *друзіи* я высылаю тройку: сице, яко и тако. *Такъ* назывались эти варяги Русью, какъ другіе назывались свеями, другіе готами, такъ и эти. Слѣдовательно Русь не исключается изъ варяговъ, а напротивъ, положительно помѣщается въ ихъ совокупности: это племена родственныя». Нѣтъ, я не вижу, чтобъ эти племена должны всѣ непремѣнно быть родственными, хотя и могутъ быть ими. Я изъ этого мѣста вижу, что къ варягамъ причислялись свеи, урмане, аглане, готѣ; и русь причислялась къ варягамъ, но сама по себѣ составляя отдѣльный народъ; были свеи, урмане, аглане, готѣ, такъ и русь. А если они родственныя, то найдите мнѣ народъ, который бы назывался Русь и былъ скандинавскаго происхожденія, непремѣнно при Варяжскомъ (Балтійскомъ) морѣ, и жилъ въ странѣ, носящей тоже имя Руси. Является народъ и страна такого имени близъ устья Нѣмана; я туда и иду, и тамъ ищу варяго-русовъ. Очень просто! Но они для меня оказываются литовцами, ибо тамъ обитало литовское племя. Слово варяги не должно меня останавливать, на томъ единственно основаніи, что это слово давалось норманнамъ. Зная, что лѣтопись писана въ XII вѣкѣ, имя же варяговъ въ XII вѣкѣ имѣло гораздо болѣе обширное и не опредѣленное племеннымъ смысломъ значеніе, я принимаю русовъ литовецкихъ за нашихъ русовъ, не останавливаясь тѣмъ, что они названы варягами, тѣмъ болѣе, что въ

литовскомъ языкѣ сохранилось слово Warig и значитъ сильный, удалый.

Возражу вамъ противъ тѣхъ слѣдовъ норманскаго вліянія, какое вы находите, говоря: одни и тѣ же пріемы, языкъ свой они оставили во всѣхъ распоряженіяхъ, одинакихъ съ норманскими, и вы приводите слова, признаваемыя вами норманскими. Но слова, которыя вы считаете норманскими, удобнѣе объясняются другимъ путемъ. По вашему *вира* — скандинавское слово. Но вира встрѣчается въ памятникахъ другихъ славянъ, напр., въ грамотѣ о правахъ купцовъ и поселенцевъ дубровницкихъ и притомъ пеня за убійство и за обиду, означаемая этимъ словомъ, была также и у другихъ народовъ, и невозможно считать ее скандинавскою на томъ лишь основаніи, что она была у скандинавовъ. Г. Срезневскій уже давно объяснилъ очень удачно многія слова, признаваемыя норманскими славянскими и въ томъ числѣ виру, находя ее и въ хорутанскомъ языкѣ.—О словѣ *вервь* едва ли можетъ происходить сомнѣніе, когда существуютъ акты, изъ которыхъ видно существованіе обычая обмѣривать поля веревками, для означенія владѣнія, и когда даже существовалъ глаголъ *вервити*, когда, наконецъ, у другихъ славянскихъ народовъ, это же слово означаетъ собирательную массу жителей, связанныхъ извѣстными условіями. — Слово *тіунъ* скорѣе литовское, ибо въ литовскомъ языкѣ это слово буквально значитъ то же, что значило у насъ: довѣренное лицо отъ владѣльца. Слово *гридь* можетъ быть литовское gritis, а быть можетъ и славянское, какъ полагаетъ Срезневскій. — *Смердъ* тоже слово славянское, по свидѣтельству Срезневскаго оно употребляется въ польскомъ, сербскомъ, чешскомъ съ разными граматическими измѣненіями. Удивляюсь, какъ можно производить *боляринъ* отъ исландскаго байреянъ, какъ дѣлалъ Сабининъ и съ чѣмъ вы соглашались въ вашихъ изслѣдованіяхъ, когда боляры были у болгаръ, у сербовъ, когда это слово перешло отъ славянъ къ валахамъ и уграмъ, неимѣвшимъ непосредственнаго соотношенія съ скандинавами? Да еслибъ ихъ тамъ и не было, то я также могъ бы произвести это слово отъ литовскаго bajoras! — И какъ можно искать въ скандинавскомъ корня слова *метникъ*, когда оно очевидно славянское? — Вѣдь гг. норманнисты, представляя сходство словъ нашихъ по созвучіямъ и находя въ русскомъ скандинавскія испорченныя слова, кажется, должны были бы прежде всего найти и опредѣлить законы, по которымъ въ русскомъ языкѣ должны портиться скандинавскія слова. А то до сихъ поръ ни одного слова къ намъ не пришло въ чистомъ видѣ: всѣ испорчены, и каждое на свой манеръ!

Сколько бы вы ни приводили сходствъ нашихъ нравовъ, обычаевъ, пріемовъ жизни съ скандинавскими, я соглашусь съ вами только тогда, когда вы мнѣ укажете, что они не существуютъ у другихъ народовъ, и если притомъ они въ Скандинавіи полнѣе, чѣмъ у насъ, и связнѣе съ другими элементами жизни, такъ что заимствованіе будетъ ясно само собою. Приводимыя же вами и вообще норманнистами сходства таковы, что могутъ принадлежать многимъ народамъ. Вѣдь человѣческія начала одни, и развитіе ихъ при всѣхъ видоизмѣненіяхъ и отличіяхъ, идетъ путями, сходными въ главныхъ чертахъ. Да ужъ если на то пошло, я вамъ укажу, что сходства у насъ съ литовскими обычаями гораздо болѣе окажется, и гораздо ощутительнѣе. Посмотрите, какое сходство въ повѣрьяхъ, обычаяхъ, обрядахъ, сказкахъ и пѣсняхъ. Тутъ не нужно дѣлать натяжекъ: само собою сходство просится въ глаза. А словъ, сходныхъ съ литовскими, можно привесть очень, очень много. Я никакъ не думаю эти сходства основывать на прибытіи князей съ дружинами: эти сходства лежатъ въ близости славянскаго племени съ литовскимъ. Но и съ нѣмецкимъ племенемъ славянское находится въ сродствѣ. Отчего же встрѣчаемыя сходства вы не хотите признать слѣдствіемъ этого сродства, а вовсе не отдѣльнаго историческаго обстоятельства, которому, еслибъ оно и случилось, невозможно было бы приписать всего того, что можетъ быть слѣдствіемъ древняго племеннаго сродства? Послѣ тѣхъ всѣхъ чертъ, какія наука нашла въ жизни всѣхъ вообще индоевропейскихъ народовъ, нельзя каждую изъ нихъ объяснять заимствованіемъ.

Н. КОСТОМАРОВЪ.

IV.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

(Въ дополненіе къ предыдущимъ статьямъ, прилагаемъ и то, что, по прочтеніи ихъ было произнесено г. Погодинымъ и Костомаровымъ на диспутѣ 19 марта.)

Послѣ краткой вступительной рѣчи г. ректора университета, г. Погодинъ сказалъ:

Мм. Гг!

Первымъ словомъ нашимъ должна быть благодарность обществу, благодарность глубочайшая, искренняя за то вниманіе, которымъ ему

угодно было насъ удостоить. Ученый споръ предпринятъ нами съ цѣлію возбудить въ молодомъ поколѣніи — въ студентахъ, участіе къ важнѣйшему вопросу русской исторіи. Онъ относится ко времени самому отдаленному, къ предмету самому темному и неопредѣленному. Доказательства, которыя мы будемъ употреблять другъ противъ друга, заимствованы изъ источниковъ самыхъ сухихъ, старыхъ лексикоповъ, ветхихъ хроникъ, руническихъ камней и подобныхъ источниковъ, покрытыхъ пылью и тлѣніемъ. Эта пыль и тлѣніе отзовутся неминуемо въ нашей бесѣдѣ. Общество является на вѣрную службу. Больше ничего мы обѣщать не можемъ или, лучше сказать — не смѣемъ. Являясь съ такимъ рвеніемъ, какъ будто бы для эстетическаго наблюденія надъ произведеніями изящныхъ искусствъ, общество представляетъ самое ясное, разительное и утѣшительное для наблюдателя доказательство, что мы созрѣли для разсужденія, для участія въ вопросахъ всѣхъ родовъ для насъ важныхъ и нужныхъ, теоретическихъ и практическихъ (*рукомесканья*).

Достойный мой соперникъ, котораго я едва вижу сквозь мглу литовскую или норманскую, изъявилъ желаніе, чтобы я прочелъ сперва письмо свое къ нему съ возраженіями на его мнѣніе, дабы вы, милостивые государи, получили понятіе о вопросахъ, около которыхъ будетъ обращаться наше преніе. Съ своей стороны я считаю нужнымъ прежде всего сообщить краткое обозрѣніе того мнѣнія, котораго я держусь, дабы вы имѣли данныя для сравненія.

Русское государство основано варягами-русью. Кто такіе эти варяги-руссы? Теперь нѣтъ ни одного народа, ни одного племени, которое бы носило это названіе. Ученые въ теченіе 150 лѣтъ разработывали этотъ вопросъ. Болѣе 20 мнѣній о происхожденіи Руси пущено въ обращеніе. Древнѣйшее и наиболѣе распространенное мнѣніе состоитъ въ томъ, что варяги-руссы суть норманны. Приведемъ тому доказательства:

1) Основаніемъ этому мнѣнію служатъ слова Нестора, которыя, какъ основаніе, я передаю въ подлинникѣ: «Въ 862, *идоша за море къ Варягамъ Руси: еще бо ся звахуть тыи Варязи Русь, яко друзіи зовутся Свое, друзіи же Урмяне, Аньляне, друзіи Гьте, тако и си. Рьша Руси Чудь, Словени, Кривичи и Вся: земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ, да пойдете княжить и володѣти нами. И избрашася збратьи съ роды своими, пояша по собѣ всю Русь и придоша: старѣйшій Рюрикъ сѣде въ Новѣградѣ, а другій Синеусъ на Бѣлѣ озерѣ, а третій Изборстъ Труворъ. Отъ тѣхъ прозвася Русскаа земля Новгородци, ти суть людье Новгородци отъ рода Варяжска, преже бо бѣша Словени*». Въ другомъ мѣстѣ Несторъ говоритъ: «*Ляхове же и Пруси Чудь присѣдять къ морю Варяжскому*». Я собралъ всѣ мѣста, въ которыхъ употребляется имя варяговъ. Ихъ болѣе 60-ти, и ни одно изъ нихъ не противорѣчитъ норманскому происхожденію варяговъ-руси.

2) Второе доказательство представляютъ лѣтописи греческія. При дворѣ константинопольскихъ императоровъ былъ особенный родъ гвардіи,

который назывался варангами. Эти варанги приходили въ Византію съ сѣвера. Въ разныхъ лѣтописяхъ они называются датчанами, англичанами, пришельцами съ острова Туле и проч.; въ скандинавскихъ лѣтописяхъ они называются вернигами, а у насъ варягами. Тождество ихъ несомнѣнно.

3) Лѣтописи западныя. Въ 839 году, пришли къ императору Людовику Благочестивому, сыну Карла Великаго, изъ Константинополя люди, именовавшіе себя россами и просившіе о доставленіи имъ средствъ возвратиться въ отечество: имъ казалась опасною прежняя ихъ дорога чрезъ разныя дикія страны. Люди эти показались императору подозрительными, и онъ велѣлъ ихъ задержать, а по точномъ изслѣдованіи дѣйствительно оказалось, что люди эти принадлежали къ роду свеоновъ. Лунтпрандъ, епископъ Кремонскій говоритъ, что къ Сѣверу отъ Константинополя живутъ венгерцы, печенѣги, хозары, руссы, которыхъ мы называемъ норманнами, булгары и проч.

4) У арабскихъ писателей есть множество извѣстій о морѣ варяжскомъ и о племенахъ, жившихъ по берегамъ его; они описываютъ также походы русскихъ, и ихъ описанія совершенно ясно обличаютъ норманновъ (въ 844 году именно руссы нападали на Севиллу).

5) Доказательствомъ служатъ также самыя дѣйствія варяго-руссовъ. Аскольдъ и Диръ чрезъ четыре года по водвореніи въ Россіи отправляются въ Константинополь; за ними идутъ Олегъ, Игорь, Святославъ, Владиміръ, Ярославъ.

6) Языкъ варяго-руссовъ, сохранившійся въ собственныхъ именахъ князей и ихъ приближенныхъ, какъ-то: Рюрикъ, Аскольдъ, Диръ, Руальдъ, Свѣнельдъ; въ названіяхъ должностныхъ лицъ, какъ-то: тіунъ, гридинъ, вира, вервъ, губа, скотъ (въ смыслѣ денегъ) и проч.

7) Важнѣйшее доказательство находимъ мы у Константина Багрянороднаго въ его описаніи Днѣпровскихъ пороговъ; каждый порогъ онъ именуетъ по-русски, по-славянски и по-гречески. Славянскія слова понятны, русскія объясняются языками сѣверныхъ народовъ, соотвѣтственно греческому переводу.

Г. Костомаровъ напечаталъ въ одномъ петербургскомъ журналѣ разсужденіе о пришествіи руссовъ изъ Литвы. Выступивъ съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ на историческое поприще въ сочиненіяхъ своихъ о Богданѣ Хмѣльницкомъ, Стенькѣ Разинѣ и разныхъ журнальныхъ статьяхъ, онъ имѣлъ по моему мнѣнію право на вниманіе къ его словамъ, а я счелъ для себя непозволительнымъ промолчать, и написалъ г. Костомарову письмо.

(*При этомъ г. Погодинъ прочиталъ свое письмо, на которое г. Костомаровъ въ свою очередь читалъ отвѣтъ. Затѣмъ началось словесное преніе, которое здѣсь и представляется*).

Г. Погодинъ. Всѣ ваши доказательства, всѣ ваши замѣчанія, отвѣты очень остроумны, вотъ ихъ отличительное качество; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ свою степень вѣроятности, большую или меньшую; другіе нужно должна принять къ свѣдѣнію, иныя къ соображенію, скажу вамъ

о нихъ вообще. Но нѣтъ ни одной аксіомы, подъ которую бы съ умомъ, съ способностями, свѣдѣніями нельзя было подточиться (*рукоплесканія и смѣхъ*). На каждое положеніе о норманскомъ происхожденіи Руси порознь можно дѣлать возраженія; но всѣ доказательства вмѣстѣ имѣютъ особую силу и крѣпость, на которую вы не обратили вашего вниманія. Я напомню вамъ одну старую притчу изъ азбуки, по которой всѣ мы учились грамотѣ. Одинъ старикъ, умирая, хотѣлъ доказать своимъ дѣтямъ пользу согласія: онъ далъ имъ пучокъ розогъ, который и велѣлъ разломать: несмотря на всѣ усилія, ни одинъ изъ сыновей не могъ этого исполнить; тогда старикъ велѣлъ развязать пучокъ, и всѣ прутья были легохонько переломаны не только старшими сыновьями, но и младшими (*шиканье въ части публики*). Тоже можемъ сказать и о совокупности, связкѣ доказательствъ въ пользу норманскаго происхожденія руси. Порознь они подвергаются тѣмъ или другимъ возраженіямъ, но вмѣстѣ они неопровержимы.

Г. Костомаровъ. На сравненія ваши позвольте мнѣ отвѣчать сравненіемъ же. Когда вы въ театрѣ смотрите на сцену, то при хорошо устроенныхъ декораціяхъ лѣса, горы, замки вамъ кажутся настоящими, но подойдите поближе и осязайте, — вы увидите, что они картонные (*рукоплесканія*). Такую же иллюзію производитъ совокупность ученыхъ доказательствъ; но чтобы ихъ узнать, надобно разсмотрѣть ихъ поодиначкѣ и изслѣдовать силу и свойство каждаго въ отдѣльности.

Г. Погодинъ. Пожалуй, подойдемъ поближе, но прежде позвольте вамъ сказать общее возраженіе. Къ какому времени вы относите названіе Руси въ устьѣ Нѣмана? Моя Русь извѣстна еще въ IX столѣтіи. Такъ назывался Новгородъ; подъ этимъ именемъ въ X в. онъ извѣстенъ Константину Багрянородному; тогда же Русью названъ Кіевъ; около этого времени русины являются и около Карпатовъ. Точно также и вашъ Нѣманъ могъ получить это названіе. Слѣдовательно, его названіемъ въ позднее время нельзя доказывать происхожденія руси на Нѣманѣ.

Г. Костомаровъ. Ранѣе XI вѣка дѣйствительно я не знаю существованія руси на Нѣманѣ; но знаю, что тутъ жили литовцы. Съ тѣхъ поръ до нашего времени литовцы упорно держались старины и не стали бы мѣнять географическихъ названій своей страны. Если предположить, что въ IX в. устье Нѣмана не носило названія Руси, то значитъ названіе это возникло позже. Но оно могло возникнуть вслѣдствіе прибытія туда новаго племени, которое тамъ и поселилось. Въ такомъ случаѣ это названіе могло остаться впослѣдствіи или тогда, когда бы народъ, принесшій его съ собою, остался на томъ самомъ мѣстѣ, или же литовцы, занявши съ XI вѣка эти мѣста, заимствовали имя Руси отъ прежнихъ обитателей страны. Но послѣднему противорѣчитъ то, что литовцы обитали въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ и до IX вѣка. Я укажу вамъ на Іорнанда, который говоритъ, что на востокѣ отъ устья Вислы живетъ племя остовъ, (*pacatum hominum genus*). Всѣ ученые соглашались, что подъ именемъ остовъ слѣдуетъ разумѣть не

товское племя. Не стану приводить здѣсь доказательствъ древности литовскаго племени; они всѣмъ извѣстны, и были подтверждены признаніемъ такихъ ученыхъ, какъ Добровскій, Шафарикъ, Шлейхеръ, Цейссъ и другіе, которыхъ авторитетъ мы всегда уважали.

Г. Погодинъ. Я согласенъ съ древностію литовскаго племени въ устьѣ Руси, но я оспариваю древность названія у нихъ Русь. Вы соглашались, что имени Русь до XI столѣтія у насъ нѣтъ: если уступить вамъ существованіе тамъ Руси въ XI и X столѣтіяхъ, то это будетъ уже слишкомъ много для васъ *(рукоплесканье)*, а уступить вамъ еще два вѣка или болѣе — это невозможно. Позвольте мнѣ вамъ представить доказательства отъ противнаго. Представимъ себѣ, что лѣтописей у насъ никакихъ нѣтъ...

Г. Костомаровъ. Такъ откуда же тогда будемъ мы имѣть свѣдѣнія? *(рукоплесканье и смѣхъ)*.

Г. Погодинъ. Вы забываете, что кромѣ лѣтописей есть еще другой источникъ исторіи, это преданія. Положимъ, что не дошло до насъ никакихъ лѣтописей, а одно преданіе, что въ IX в. на Константинополь напалъ народъ на 200 лодкахъ; вскорѣ тотъ же народъ явился на 2,000 лодкахъ. Я васъ спрашиваю, скажите по совѣсти, какому народу можно приписать это нападеніе? Норманны господствовали тогда на всѣхъ моряхъ, нападали на всѣ берега, вплывали во всѣ устья. Точно такъ же являлись они подъ стѣнами Парижа, Севиллы, Лондона и др. Всѣ ихъ нападенія совершенно одинаковы, вездѣ видимъ у нихъ ту же отвагу; вездѣ дѣйствуютъ они очертя голову. Я спрашиваю васъ, какому народу можно приписать нападеніе на Константинополь въ 866 году, кромѣ норманновъ?

Г. Костомаровъ. Для того, чтобъ характеръ народа получилъ новое настроеніе, не всегда нуженъ приливъ чуждой народности. Въ XIV и XV столѣтіи вы не знаете мореходныхъ набѣговъ на Черное море съ сѣвернаго его берега. А въ XVI и XVII вѣкахъ рѣдкій годъ проходилъ, чтобъ запорожцы не тревожили турецкихъ береговъ иногда же и по пяти разъ ходили на море. Но это произошло не оттого, чтобъ въ малороссійскій народъ вошелъ какой нибудь норманскій элементъ; сами норманны сдѣлались морскими разбойниками только временно, и перестали быть ими послѣ принятія христіанства. Обстоятельства измѣняютъ характеры народовъ.

Г. Погодинъ. Въ XVI, XVII вѣкахъ является много мореходныхъ народовъ: венеціанцы, генуэзцы, португальцы, испанцы, голландцы, англичане, но въ IX в., никого не было, кромѣ норманновъ.

Г. Костомаровъ. Но развѣ запорожцы, разъѣзжая на своихъ чайкахъ, занимались въ мореходствѣ отъ венеціанцевъ или генуэзцевъ? *(рукоплесканія и смѣхъ)*.

Г. Погодинъ. Но и въ XVI в. запорожскіе набѣги на Трапезунтъ, Синопъ и другіе порты могутъ ли быть сравнены съ нападеніемъ на первый періодъ древняго міра, какъ Константинополь?

Г. Костомаровъ. Могутъ, ибо города, на которые нападали козаки, были многолюдны и укрѣплены. Да запорожцы и на Константинополь нападали, какъ вы знаете сами изъ извѣстнаго Сѣркова писмка: братья наши запорожцы гуляючи по Евксинонту, коснулись мужественно коснулись самыхъ стѣнъ Константинопольскихъ и оныя довольно окуривши дымомъ мушкетнымъ, превеликій султану и всѣмъ мѣшканцамъ цареградскимъ сотворили страхъ и смятеніе.

Г. Погодинъ. Не прихвастнули ли запорожцы?

Г. Костомаровъ. Да не прихвастнули ли наши старые лѣтописцы? Вѣдь объ Олегѣ-то нѣтъ у византійцевъ ничего. Важность запорожскихъ морскихъ походовъ подтверждается свидѣтельствомъ многихъ иностранныхъ писателей, современниковъ, и письмами турецкихъ визирей къ польскому правительству, въ которыхъ приносятся жалобы на разоренія, причиняемыя запорожцами.

Г. Погодинъ. Мое свидѣтельство, кажется, поблагонадежнѣе. Фотій, патріархъ константинопольскій, описываетъ нападеніе руси въ чертахъ очень правильныхъ... Позвольте вамъ сказать еще нѣсколько словъ объ авторитетахъ. Авторитеты нынѣ не въ модѣ. Молодая литература уничтожила авторитеты, но не осталась безъ нихъ, сочинивъ свои собственные. Я не знаю, будетъ ли публика въ барышахъ отъ такой мѣны, точно какъ вынимая деньги изъ банковъ, откуда она получаетъ проценты малые, но вѣрные, и отдавая ихъ въ акціонерныя общества, обѣщавшія гораздо больше. Шлецеръ, нашъ учитель, который забывается молодымъ поколѣніемъ, сказалъ: «въ царствѣ истины авторитетовъ нѣтъ; я не хочу знать, кто говоритъ, а что̀ онъ говоритъ». Я съ этимъ совершенно согласенъ. Съ другой стороны однако нельзя не принять, что долговременное занятіе наукою или искусствомъ, какимъ бы то ни было, сообщаетъ ученому родъ чутья, и въ случаяхъ темныхъ, сомнительныхъ, голосъ такого ученаго долженъ быть принятъ въ соображеніе. Всѣ серьёзные изслѣдователи русской исторіи въ теченіе 150 лѣтъ принимали норманское происхожденіе Руси. Когда я въ 1825 году, именно 26 декабря, имѣлъ счастіе представлять Карамзину мое разсужденіе о происхожденіи Руси и вмѣстѣ съ тѣмъ переводъ Эверса; то онъ меня спросилъ: «зачѣмъ вы переводили Эверса?» — «Чтобы русская публика видѣла всю слабость его доказательствъ», отвѣчалъ я. «Это излишне, возразилъ Карамзинъ. — Если есть какая нибудь истина, то это та, что Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ были норманны; это для меня такъ же ясно, какъ то, что Сципіонъ былъ римлянинъ.»

Г. Костомаровъ. Только нахальное невѣжество глумится надъ авторитетами, точно такъ, какъ ограниченная бездарность имъ раболѣпствуетъ. Раболѣпство предъ ученымъ должно оскорбить его память, если онъ умеръ, или заслужить презрѣніе, если онъ живъ. Великіе ученые писали не для того, чтобъ предъ ними преклоняли колѣна, а для того, чтобы содѣйствовать вѣчному движенію человѣческой мысли (*рукоплесканье*). Я болѣе 20 лѣтъ привыкъ уважать вашу ученую дѣятельность,

но я увѣренъ, что перестали бы уважать самого себя и потеряли бы ваше уваженіе, если бы побоялся вашего авторитета, чтобы высказать собственныя свои убѣжденія (*рукоплескатьъ*).

Г. Погодинъ. Вы беретесь за слабую струну — за человѣческое и еще болѣе авторское самолюбіе (*рукоплесканья*). Можетъ быть я и работалъ наравнѣ съ прочими братьями по Адаму. Но смѣю думать, что въ дѣлѣ критики я старался всегда сохранять безпристрастіе. Я долго боролся съ самимъ собою относительно норманскаго происхожденія руси; мнѣ трудно было вѣрить, что русь были не славяне, но истина взяла свое, хотя я радуюсь и теперь всякому случаю, поводу, чтобъ стѣснить, ограничить это понятіе... Но—время уходитъ, не надобно употреблять во зло вниманія публики; перейдемъ къ частнымъ возраженіямъ.

Вы защищаете литовское происхожденіе руси цѣльными словами, заимствованными изъ языка того народа, который прибылъ къ намъ съ князьями. На это я вамъ скажу, что во всѣхъ языкахъ есть множество словъ однозвучныхъ, но имѣющихъ различныя значенія: въ русскомъ языкѣ, напримѣръ: мука и мука, пылъ и пыль, горе и гора. Иностранцу очень мудрено рѣшить, какой смыслъ заключается въ томъ или другомъ словѣ, которое ему нужно объяснить. Вы приводите, напр., слово *Игорасъ*; но я подаю вамъ не слово, а имя Игоря; этого мало, я подаю вамъ живаго Игоря, совершенно одинаковаго съ русскими Игорями.

Г. Костомаровъ. Положимъ, я вамъ уступлю Игоря,—уступите мнѣ Олега.

Г. Погодинъ. Долгъ платежемъ красенъ: вашъ Олегъ крѣпче моего Олега (*смѣхъ*).

Г. Костомаровъ. Уступите мнѣ еще Ольгу. Это все равно что Александръ и Александра.

Г. Погодинъ. Вы спрашиваете уже слишкомъ много (*смѣхъ*). Вспомните, какъ Ольга, прибывъ въ Константинополь, на аудіенціи у императора едва склонила предъ нимъ свою голову, когда всѣ падали до земли. Это чистая норманка.

Г. Костомаровъ. Чистая славянка, чистая литвинка и всякая другая! (*смѣхъ*). Я у васъ попрошу еще Ятвяга, Алдана, Утина, Кари, Карши, Рогнѣду, Рюрика.... Вѣдь это все собственныя литовскія имена.

Г. Погодинъ. Нѣтъ, ужь Рюрика-то никакъ не отдамъ (*смѣхъ*). Вы приводите въ доказательство обстоятельство, что до сихъ поръ существуетъ въ Литвѣ фамилія Рюриковичей. Отчего жь бы имъ не происходить отъ норманновъ?

Г. Костомаровъ. Если только вы докажете, что норманны тамъ жили (*смѣхъ и рукоплесканья*).

Г. Погодинъ. Характеръ Рогнѣды чисто норманскій.

Г. Костомаровъ. И въ Литвѣ, и вездѣ найду я такіе же твердые характеры. Вспомните хоть Софью Витовтовну.

Г. Погодинъ. Это уже другое время. Теперь объ именахъ. Свойство русскаго народа — переиначивать имена. Генералъ Бистромъ у насъ — *Быстровъ*, крѣпость трекъ Іерарховъ — *трехъ-тарарахъ!* Найдите мнѣ Евдокію, Евфимію, Аггрипину. И въ лѣтописи вмѣсто имени Георгій

мы читаемъ Дюрги, Гюрги, Юрій. По вашей методѣ надобно отказаться отъ тождества Авдотьи съ Евдокіею, Аграфены съ Агриппиною.

Г. Костомаровъ. Если бы не было источниковъ, изъ которыхъ бы можно было видѣть, что Авдотья и Евдокія одно и тоже, я бы имѣлъ право усомниться въ тождественности этихъ именъ.

Г. Погодинъ. Я соглашаюсь, что толкованія нѣкоторыхъ пороговъ у Лерберга натянуты, но Геландри и Варуфоросъ для меня ясны: это такіе столбы, на которыхъ крѣпко опирается наше мнѣніе.

Г. Костомаровъ. Я сомнѣваюсь, чтобъ эти столбы были очень крѣпки (*смѣхъ*). Впрочемъ объ этомъ я уже высказалъ свое мнѣніе: предоставляю публикѣ судить о немъ.

Г. Погодинъ. Вы говорите, что нельзя вѣрить Константину Багрянородному, ибо у него многія слова испорчены. Обратитесь же къ нашему времени: Москва — Moscou, Moskau; всѣ русскія имена изуродываются въ другихъ языкахъ. Paris мы называемъ Парижъ.

Г. Костомаровъ. Вы защищаете Константина, что онъ не хуже другихъ, — согласенъ, но изъ этого я не вижу доказательствъ, чтобъ онъ зналъ сѣверные языки и правильно написалъ чужеземныя названія. И сами норманнисты считаютъ, что названія пороговъ написаны невѣрно, и поправляютъ ихъ.

Г. Погодинъ. Нѣкоторыя названія дѣйствительно испорчены, но другія вѣрны (*смѣхъ*). Почему же послѣ пришествія князей мы не видимъ никакихъ сношеній славянъ съ литвою?

Г. Костомаровъ. Молчаніе нашей лѣтописи не позволяетъ намъ заключать о противномъ. Притомъ же есть нѣкоторыя точныя извѣстія о сношеніяхъ съ Литвою, незаписанныя въ лѣтописяхъ, напр., въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» объ Изяславѣ и Всеславѣ, въ польскихъ лѣтописяхъ о дани, у Генриха Латыша объ отношеніяхъ къ Литвѣ и Чуди Полоцка. Это очень достаточно указываетъ, что на пробѣлахъ въ нашихъ лѣтописяхъ нельзя основывать такихъ рѣшительныхъ заключеній.

Г. Погодинъ. Но все это отношенія враждебныя; они не доказываютъ ничего въ пользу ихъ родства.

Г. Костомаровъ. Что же? Почти всегда колоніи бываютъ враждебны метрополіямъ.

Г. Погодинъ. Что касается до употребленія имени Русь въ космографіи, то неудобно говорить о ней предъ публикою; отложимъ до печати.

Г. Костомаровъ. И если мы не станемъ болѣе утомлять нашихъ читателей безплодною ловлею созвучій, а будемъ держаться строго мысли нашего лѣтописнаго сказанія, то надѣюсь, бросимъ вмѣстѣ якорь въ устьѣ Руси на берегахъ завѣтной Жмуди. (*Рукоплесканья и сильное движеніе въ публикѣ*).

Г. Погодинъ. Худой миръ лучше доброй ссоры. Мы съ вами толковали о вопросѣ географическомъ. Но самое важное здѣсь — *элементъ* норманскій. Говорите же прямо: откуда пришли руссы, какой въ нихъ элементъ? Это самое важное. Вы значитъ признаете въ нихъ вмѣстѣ со мною норманскій элементъ? Этого довольно для меня.

Г. Костомаровъ. Какъ норманскій элементъ? Этого я не говорю. Меня перебили, вы меня не поняли.

Г. Погодинъ. Продолжайте.

Г. Костомаровъ. Я твердо остаюсь въ Жмуди; придвигайте вашу тяжелую артиллерію; ничто не выведетъ меня оттуда, кромѣ новыхъ историческихъ свидѣтельствъ. Вы можете забросать меня грудою примѣровъ и свидѣтельствъ, мнѣ давно извѣстныхъ, а уступить позицію я могу только вслѣдствіе новыхъ и ясныхъ свѣдѣній. Впрочемъ я бы не хотѣлъ расходиться съ вами безъ примиренія, по крайней мѣрѣ безъ перемирія.

Г. Погодинъ. Предложите условія.

Г. Костомаровъ. Вы изволили упомянуть о памятной книжкѣ Виленской губерніи, о скандинавизмѣ Палемона. Хотя авторъ не имѣетъ права на безусловное довѣріе къ себѣ, потому что не бесѣдовалъ съ почтеннымъ прародителемъ литовцевъ, однако это наводитъ меня на мысль, что норманны заходили обыкновенно въ устья большихъ рѣкъ и едва ли возможно, чтобъ устье Нѣмана было изъято изъ ихъ набѣговъ. Въ житіи св. Ансхарія говорится о томъ, что скандинавы брали дани съ литовцевъ; но прежде надобно доказать, что они не только покоряли и брали дань съ этихъ земель, но тамъ селились и оставались. Я допускаю возможность, что въ той литовской колоніи, которая къ намъ пришла, могло быть незначительное число норманновъ.

Г. Погодинъ. Это для меня главное — присутствіе норманскаго элемента. Я сдѣлаю сравненіе: капля вина сообщаетъ вкусъ водѣ въ цѣломъ стаканѣ; эта капля — норманны. Гомеопатъ вы или аллопатъ?

Г. Костомаровъ. Не въ этомъ дѣло. Впрочемъ я вамъ скажу, что въ гомеопатію я вовсе не вѣрю, а въ аллопатію вѣрю плохо (*смѣхъ*).

Г. Погодинъ. Гомеопаты учатъ — и имѣютъ много послѣдователей — что сила не въ количествѣ, а въ качествѣ, и билліонная частица дѣйствуетъ на организмъ сильнѣе треложечныхъ дозъ аллопатіи. Норманны — капля вина, но какого вина, Го-Сотерна, Го-Барзака, Шато-и-кема, мнѣ все равно. Впрочемъ профессоръ Мерзляковъ на лекціяхъ своихъ объ эстетическомъ вкусѣ говаривалъ, что многіе по каплѣ вина могутъ отличить, котораго оно года (*шиканье и большой шумъ въ публикѣ*).

Г. Костомаровъ. Позвольте предложить условія. Примите пришествіе русскихъ князей изъ Литвы, примите, что господствующій элементъ той колоніи, которая къ намъ пришла подъ именемъ Руси, былъ литовскій, а я допущу возможность нѣкоторой, малой подмѣси норманскаго. Литовская народность дѣлилась на разныя вѣтви; быть можетъ въ эту приморскую и попало нѣсколько норманновъ.

Г. Погодинъ. Если я вамъ и сдѣлаю эту уступку, то прошу мнѣ не вѣрить, потому что внутри у меня теперь же шепчется, твердится совсѣмъ другое; въ сердцѣ моемъ остается убѣжденіе, что въ основаніи русскаго государства преобладаетъ норманскій характеръ, хотя между норманнами могли быть и прочіе жители балтійскихъ береговъ: славяне, чудь, литва.

Г. Костомаровъ. Прошу и мнѣ также не вѣрить, если бъ я сказалъ, что руссы—норманны: мнѣ внутреннее чутье говоритъ напротивъ, что это было литовское племя (*смѣхъ*).

Г. Погодинъ. Имѣете ли вы ко мнѣ столько довѣрія, чтобы дозволить мнѣ отъ вашего имени, равно какъ и отъ своего, заключить нашу бесѣду предъ публикою?

Г. Костомаровъ. Имѣю, исключая тѣхъ ограниченій, которыя я указалъ (*рукоплесканья*).

Г. Погодинъ. Итакъ, да здравствуетъ наша Русь, откуда бы она ни пришла! (*рукоплесканье*). Да живетъ она не 1000 лѣтъ, а долго, долго по выраженію Карамзина, если только нѣтъ на землѣ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой. Да цвѣтетъ наука въ стѣнахъ сего университета, въ стѣнахъ и за стѣнами всѣхъ русскихъ университетовъ; или выражаясь стихомъ Пушкина:

«Да здравствуетъ разумъ»,
«Да сгроется тьма».

Г. Костомаровъ. И я приведу слова Пушкина. Что Литва, что Русь ли.... все равно!

Со словъ гг. Погодина и Костомарова записано В. Мордвиновымъ.

ліи войны, которыя вела она съ Франціею въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго вѣка? Очень многіе находятъ до сихъ поръ, что онѣ были полезны, развили англійское земледѣліе, англійскую мануфактурную промышленность и торговлю. Большинству читателей такое мнѣніе, конечно, кажется нелѣпостью. Но въ подтвержденіе ему приводятся тысячи статистическихъ данныхъ. Разумѣется, люди опровергающіе его также приводятъ противъ него тысячи статистическихъ данныхъ. При такой многочисленности статистическихъ данныхъ съ обѣихъ сторонъ, споръ запутывается до того, что невозможно было бы принять тотъ или другой взглядъ иначе, какъ по произволу, по личному образу мыслей, словомъ сказать, произносить рѣшеніе по капризу, на удачу, если бы для полученія точнаго, несомнѣннаго, безспорнаго отвѣта не существовалъ иной методъ, кромѣ метода разбора статистическихъ данныхъ. Но такой методъ существуетъ.

Этотъ методъ состоитъ въ томъ, что когда намъ нужно опредѣлить характеръ извѣстнаго элемента, мы должны на время отлагать въ сторону запутанныя задачи, и пріискивать такія задачи, въ которыхъ интересующій насъ элементъ обнаружилъ бы свой характеръ самымъ несомнѣннымъ образомъ, пріискивать задачи самаго простѣйшаго состава. Тогда, узнавъ характеръ занимающаго насъ элемента, мы можемъ уже удобно распознать ту роль, какую играетъ онъ и въ запутанной задачѣ, отложенной нами до этой поры.

Напримѣръ, вмѣсто многосложной задачи: были ли войны съ Франціею въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка полезны для Англіи, берется простѣйшій вопросъ, незапутанный никакими побочными обстоятельствами: можетъ ли война быть полезна, не для какой нибудь шайки, а для многочисленной націи?

Теперь, какъ же рѣшить этотъ вопросъ? Дѣло идетъ о выгодѣ, то есть о количествѣ благосостоянія или богатства, объ уменьшеніи или увеличеніи его, то есть о величинахъ, которыя измѣряются цифрами. Откуда же мы возмемъ цифры? Никакой историческій фактъ не даетъ намъ этихъ цифръ въ томъ видѣ, какой намъ нуженъ, то есть въ простѣйшемъ видѣ, такъ чтобы онѣ зависѣли единственно отъ опредѣляемаго нами элемента, отъ войны; — во всякомъ историческомъ фактѣ, какъ въ той войнѣ, которая возбудила этотъ вопросъ, статистическія явленія и цифры

опредѣлялись не однимъ элементомъ войны, а также множествомъ всевозможныхъ другихъ условій и обстоятельствъ.

Итакъ, изъ области историческихъ событій мы должны перенестись въ область отвлеченнаго мышленія, которое вмѣсто статистическихъ данныхъ, представляемыхъ исторіею, дѣйствуетъ надъ отвлеченными цифрами, значеніе которыхъ условно, и которыя назначаются просто по удобству.

Напримѣръ, оно поступаетъ такъ.

Предположимъ, что общество имѣетъ 5,000 человѣкъ населенія, въ томъ числѣ 1,000 взрослыхъ мужчинъ, трудомъ которыхъ содержится все общество. Предположимъ, что 200 изъ нихъ пошли на войну. Спрашивается, каково экономическое отношеніе этой войны къ обществу? Увеличила или уменьшила она благосостояніе общества?

Лишь только мы произвели такое простѣйшее построеніе вопроса, рѣшеніе становится столь просто и безспорно, что можетъ быть очень легко отыскано каждымъ, и не можетъ быть опровергнуто никѣмъ и ничѣмъ.

Каждый, кто умѣетъ производить умноженіе и дѣленіе, не задумавшись скажетъ: до войны, каждому работнику приходилось содержать пять человѣкъ, а во время войны, когда 200 работниковъ отвлечены отъ труда, осталось 800 работниковъ; они должны содержать себя, 4,000 человѣкъ остальнаго населенія и кромѣ того еще 200 бывшихъ работниковъ, пошедшихъ на войну, всего 5,000 человѣкъ; стало быть, каждому приходится содержать 6,25 человѣкъ (иначе говоря, прежде 100 работниковъ содержали 500 человѣкъ, теперь содержатъ 625 человѣкъ), — ясно, что положеніе работниковъ стало тяжеле и что остальные члены общества не могутъ быть содержимы въ прежнемъ изобиліи. Ясно, что война вредна для благосостоянія общества.

Читатель видитъ, что абсолютной величинѣ цифръ не приписывается тутъ никакой важности: важность только въ томъ, увеличилась или уменьшилась извѣстная пропорція отъ перемѣны въ цифрѣ того элемента, характеръ котораго мы хотимъ узнать. Больше будетъ, или меньше будетъ, вотъ все, что намъ нужно знать, чему мы придаемъ важность. Если выходитъ «больше», оно все таки останется «больше», какія бы цифры мы ни взяли, а если выходитъ «меньше», то все таки выйдетъ «меньше», какія бы цифры мы ни взяли.

Напримѣръ, положимъ, что въ обществѣ не 5,000, а 600,000 человѣкъ; положимъ, что въ немъ не 1,000, а 150,000 работниковъ; положимъ, что на войну пошли не 200 человѣкъ, а 50,000 человѣкъ, — выводъ будетъ все тотъ же:

До войны работникъ содержалъ 4 человѣкъ; во время войны осталось изъ 150,000 человѣкъ работниковъ только 100,000; стало быть, каждому приходится содержать по 6 человѣкъ. То же самое, что и прежде: работникамъ стало тяжеле прежняго, а всему населенію общества хуже прежняго.

Мы видимъ также, что въ какой именно пропорціи стало хуже, это уже зависитъ отъ величины взятыхъ нами цифръ; онѣ брались нами предположительно, потому мы и не придавали важности точной величинѣ пропорціи. Но мы видимъ также, что чѣмъ бо́льшая пропорція людей посылается на войну, тѣмъ больше вредъ, приносимый войною обществу, и потому говоримъ: убыточность войны для общества прямо пропорціональна числу людей, идущихъ на войну.

Эти выводы сохраняютъ свою совершенную безспорность, полную математическую достовѣрность, хотя цифры брались нами просто «по предположенію», просто сопровождались словомъ «предположимъ».

По этому термину, «предположеніе», «гипотеза», самый методъ называется гипотетическимъ.

Возвращаемся теперь къ частному, фактическому вопросу, на время отложенному нами: полезна ли была для Англіи война съ Франціею въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка? — мы видимъ, что онъ уже разрѣшенъ, что онъ допускаетъ одно только рѣшеніе: если война вообще не можетъ быть полезна, если отъ нея всегда вообще бѣднѣетъ общество, то конечно и рядъ войнъ, о которомъ мы говоримъ, былъ вреденъ для Англіи.

Въ этомъ общемъ смыслѣ, политико-экономическіе вопросы рѣшаются посредствомъ гипотетическаго метода съ математическою достовѣрностью, лишь бы только были поставлены правильно, лишь бы только обращены были въ уравненія вѣрнымъ образомъ. Рѣшеніе получается въ словахъ «увеличивается» и «уменьшается», то есть, «польза» и «вредъ», «выгода» и «убытокъ».

Иное дѣло, если мы хотимъ узнать, какъ именно велико было вредное или полезное дѣйствіе опредѣленнаго нами элемента на данное общество въ данномъ случаѣ, какъ именно ве-

ликъ былъ вредъ, нанесенный Англіи войнами съ Франціею въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. Это уже дѣло исторіи и статистики; онѣ должны отвѣчать на него своими не гипотетическими, а положительными разсказами и цифрами. Трактатъ, нами переводимый, занимается почти исключительно вопросами въ самомъ общемъ ихъ видѣ; потому къ помощи исторіи и статистики намъ рѣже понадобится прибѣгать, нежели къ гипотетическому методу. Но какъ надобно думать о тѣхъ случаяхъ, когда на общее рѣшеніе вопроса, находимое гипотетическимъ способомъ, возражаютъ фактами и цифрами относящимися къ одному или нѣсколькимъ отдѣльнымъ событіямъ, когда, напримѣръ, на рѣшеніе «война убыточна» возражаютъ цифрами о развитіи англійской торговли и промышленности во время войнъ съ Франціею при республикѣ и Наполеонѣ? Если эти цифры достовѣрны, то естественно является надобность провѣрить, могутъ ли онѣ считаться слѣдствіями того элемента, дѣйствію котораго приписываются, или произведены были вліяніемъ другихъ элементовъ. Въ результатѣ мы всегда находимъ, что это такъ, что если при существованіи извѣстнаго элемента были въ обществѣ факты противорѣчившіе общему характеру его, найденному нами посредствомъ гипотетическаго метода, то они производились дѣйствіемъ другихъ, противоположныхъ ему элементовъ, которые могли даже пересиливать его вліяніе, но которыхъ дѣйствіе ослаблялось его вліяніемъ.

Имѣя математическій характеръ, гипотетическій методъ въ сущности всегда дѣйствуетъ цифрами; но часто уравненія, составляемыя по его правиламъ, такъ немногосложны, что писатель предоставляетъ самому читателю вообразить въ своемъ умѣ какія нибудь цифры, а самъ ограничивается только неопредѣленными словами «больше» и «меньше». Напримѣръ: чѣмъ больше пропорція работниковъ или взрослыхъ мужчинъ въ числѣ населенія, тѣмъ благосостояніе общества значительнѣе. Если подобныя соображенія относить, какъ и слѣдуетъ, къ гипотетическому методу, мы увидимъ, что рѣшительно вся политическая экономія развивается его помощью. Конечно, такія неопредѣленныя выраженія, такіе короткіе доводы читаются легче, нежели тѣ нѣсколько длинные разсчеты, въ которыхъ дѣйствительно выставляются цифры. Если въ нашихъ замѣчаніяхъ будетъ довольно много разсчетовъ и цифръ, это происходитъ не отъ того, чтобы мы не понимали утомительности ихъ для читателя; но

мы обращаемъ вниманіе читателя на такіе вопросы, которые слишкомъ многими писателями рѣшались ошибочно, фальшивое мнѣніе о которыхъ сильно распространено. Говорить о нихъ только неопредѣленными словами «много» и «мало», «больше» и «меньше» было бы неудовлетворительно; а выводы изъ ихъ правильнаго рѣшенія такъ важны, что заслуживаютъ употребленія нѣкоторой напряженной внимательности при ихъ изслѣдованіи.

II.

ВЫГОДНОЕ И УБЫТОЧНОЕ ДЛЯ ОБЩЕСТВА ПРОИЗВОДСТВО И ПОТРЕБЛЕНІЕ.

Мы видѣли, что трудъ бываетъ производительный или непроизводительный, потребленіе бываетъ производительное или непроизводительное. Слѣдуя Адаму Смиту и Рикардо, Милль относитъ къ непроизводительному труду многіе роды занятій, которые французскими экономистами, и въ томъ числѣ Сэ, обыкновенно причисляются къ труду производительному. Послѣ разъясненій Милля не остается никакого сомнѣнія, что французскіе экономисты обольщаютъ себя въ этомъ случаѣ грубыми натяжками; откуда же явилось въ нихъ расположеніе придумывать софизмы въ опроверженіе вывода, очень ясно сдѣланнаго еще Адамомъ Смитомъ? Сэ самъ объясняетъ эту причину: слово непроизводительность набрасываетъ какую-то дурную тѣнь на тѣ роды занятій, къ которымъ относится. Милль говоритъ, что непроизводительность не мѣшаетъ многимъ занятіямъ быть очень почтенными и полезными. Но Сэ самъ зналъ, что они почтенны и полезны; именно потому онъ и старался избавить ихъ отъ имени непроизводительныхъ. Изъ такого разнорѣчія мыслителей, думающихъ въ сущности одинаково, мы должны заключить, что есть въ самомъ поставленіи вопроса какая нибудь неясность. Конечно, трудъ Гаррика и Кина, превосходно передававшихъ Шекспира, гораздо выше, нежели трудъ полуграмотнаго писаря, безтолково читающаго передъ сельскими старшинами предписаніе волостнаго правленія; но почему же трудъ писаря не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ своей полезности для общества, а труды Гаррика и Кина показались французскимъ экономистамъ нуждающимися въ защитѣ посредствомъ натянутыхъ объясненій? Почему въ словѣ «непроизводительный» ле-

жить какое-то порицаніе, несмотря на высокое достоинство нѣкоторыхъ родовъ непроизводительнаго труда?

Для этого надобно намъ вникнуть въ распредѣленіе силъ общества между разными занятіями, въ отношеніе этихъ занятій къ потребностямъ общества.

Предположимъ, что общество состоитъ изъ 4,000 человѣкъ, изъ числа которыхъ 1,000 человѣкъ — взрослые мужчины, трудомъ которыхъ должно содержаться все общество. Положимъ, что среднимъ числомъ нужно по 2 четверти хлѣба въ годъ на человѣка. Положимъ, что каждый работникъ, занимаясь земледѣліемъ половину года или 150 рабочихъ дней, производитъ 20 четвертей. Въ такомъ случаѣ нужно на производство 8,000 четвертей 400 человѣкъ занимающихся производствомъ въ теченіе половины года, или, что тоже, будетъ занято число дней, равное годичному труду 200 работниковъ. Положимъ, что на производство другихъ съѣстныхъ припасовъ, нужныхъ для доставленія здоровой и разнообразной пищи (мясо, молоко, овощи), нужно столько же времени, или годичный трудъ также 200 работниковъ. Положимъ, что столько же труда (200) нужно на изготовленіе и поправку жилищъ и на заготовленіе топлива; столько же на изготовленіе удовлетворительной одежды и мелкихъ хозяйственныхъ надобностей первой необходимости. Это все трудъ, прямо обращенный на предметы надобности. Кромѣ того, нужно извѣстное количество непрямаго производительнаго труда на поддержаніе этого прямаго труда. Положимъ, что на охраненіе нужно 50 работниковъ, и на другіе роды непрямаго труда (приготовленіе инструментовъ и проч.) столько же. Это все трудъ, обращенный на производство предметовъ первой надобности; итакъ, мы имѣемъ, что обществу нужно слѣдующее число годичныхъ единицъ труда (или слѣдующее число годичныхъ работниковъ, считая по 300 рабочихъ дней на человѣка) для изготовленія предметовъ первой необходимости въ количествѣ, удовлетворяющемъ надобности всего общества:

Производство хлѣба	200	работниковъ.
— другихъ съѣстныхъ припасовъ	200	—
— жилищъ и топлива	200	—
— одежды и остальныхъ надобностей	200	—
Охраненіе общества и продуктовъ	50	—
Другіе роды непрямаго производ. труда . . .	50	—
Итого	900	работниковъ.

Итакъ, на всѣ другія занятія, кромѣ занятій по производству предметовъ первой надобности, остается 100 единицъ труда или 100 взрослыхъ мужчинъ.

Теперь, вмѣсто того, чтобы начинать разсчетъ съ надлежащаго начала, съ мысли о хлѣбѣ и другихъ первыхъ надобностяхъ, — вмѣсто того, чтобы оставлять на другія занятія только то количество времени, или труда, или людей, какое остается избыточнымъ по удовлетвореніи первыхъ надобностей, мы попробуемъ повернуть дѣло задомъ напередъ, и прежде всего подумаемъ о томъ, какія вещи пріятны, какія наслажденія возвышенны и назначимъ прежде всего трудъ на нихъ.

Намъ нуженъ 1) театръ: на него нуженъ трудъ 20 человѣкъ. Намъ нужны 2) концерты,—тоже 20 человѣкъ. Нужны 3) бронзовыя украшенія,—тоже 20 человѣкъ. Нужны 4) золотое шитье; 5) шелковые обои и занавѣси; 6) нужны разныя другія издѣлія того же сорта; на каждый предметъ по 20 работниковъ, всего 120 работниковъ. Но это все для глазъ и слуха, а неужели не подумать о желудкѣ? Намъ нужны гастрономическія кушанья,— положимъ на нихъ хотя 40 работниковъ, — право, это очень умѣренно; нужны тонкія вина — еще 40 человѣкъ; итого на гастрономическія наслажденія 80 и на другіе предметы роскоши 120 человѣкъ, всего 200 работниковъ.

Ясно, что на предметы первой надобности остается только 800 работниковъ, вмѣсто 900, которые были бы нужны для производства ихъ въ достаточномъ количествѣ. Ясно, что на многихъ членовъ общества будетъ недоставать этихъ предметовъ, и что явится гораздо больше поводовъ развиваться воровству и другимъ нарушеніямъ тишины и собственности. На охраненіе общества отъ этихъ покушеній нужно больше труда; вмѣсто прежнихъ 50 работниковъ нужно на это 100. Въ какомъ же видѣ будетъ прямое производство предметовъ первой надобности?

Всего остается, за вычетомъ этихъ 200 работниковъ по предметамъ роскоши, 100 по охраненію и 50 по непрямому производству другихъ разрядовъ, на прямое производство предметовъ первой надобности 650 человѣкъ, вмѣсто того, что надобно ихъ 800.

Что тогда будетъ? Безъ хлѣба жить нельзя, уменьшеніе по производству пищи падетъ главнымъ образомъ не на него, а на мясо, овощи и т. д. Но можно и хлѣба ѣсть нѣсколько меньше; такимъ образомъ, на производство его можно вмѣсто 200 работ-

никовъ употребить 175 человѣкъ: тогда его будетъ производиться 7,000 четвертей.

Остается на другіе съѣстные продукты, жилища, топливо, одежду и проч. вмѣсто прежнихъ 600 работниковъ только 475. Мяса и другихъ съѣстныхъ припасовъ можно производить гораздо меньше, вѣдь это прихоти, довольно и одного хлѣба; вмѣсто 200 работниковъ положимъ на это 125. Тогда на жилища и топливо останется 175, на одежду тоже 175.

Мы видимъ, что и въ пищѣ, и въ одеждѣ, и въ жилищахъ, и во всѣхъ другихъ предметахъ первой надобности очень многіе члены общества будутъ имѣть очень сильный недостатокъ.

Отчего этотъ недостатокъ? Оттого ли, что занятія, которыми поглощено время 200 работниковъ, не полезны сами по себѣ и не возвышенны? Это все равно. Нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, занятія поваровъ и бронзовщиковъ, не имѣютъ въ себѣ ничего особенно возвышеннаго. Но другія очень почтенны или возвышенны: въ числѣ этихъ 200 работниковъ есть великіе живописцы, превосходные музыканты, геніальные художники всякаго рода. Это все равно. Все равно, чѣмъ бы ни занимались эти 200 человѣкъ, они занимаются не производствомъ предметовъ первой необходимости, между тѣмъ какъ обществу не достаетъ предметовъ первой необходимости. Нужда общества происходитъ не отъ того, чтобы ихъ занятія сами по себѣ были менѣе хороши, нежели хлѣбопашество или шитье мужицкихъ сапогъ, — нѣтъ, просто оттого, что этихъ людей 200 человѣкъ, между тѣмъ какъ общество безъ вреда для себя могло бы отдѣлить на ихъ занятія только 100 человѣкъ.

Дѣйствительно ли въ какомъ нибудь обществѣ существуетъ такая непропорціональность между числомъ рукъ, занятыхъ производствомъ предметовъ роскоши или трудомъ непроизводительнымъ, и количествомъ рукъ, какое нужно было бы для производства предметовъ первой надобности, показать это уже дѣло статистики. Но политическая экономія говоритъ, что если въ какомъ либо обществѣ существуетъ трудъ непроизводительный и трудъ обращенный на производство предметовъ роскоши при недостаткѣ предметовъ первой необходимости, то общество это страждетъ отъ неразсчетливаго, несообразнаго съ его потребностями и средствами распредѣленія рукъ между родами занятій.

Сравнивая два примѣра, нами приведенные, мы можемъ видѣть, отчего происходитъ эта несообразность. Въ первомъ слу-

чаѣ, мы начинали распредѣленіе по потребностямъ низшимъ; на высшія оставался у насъ только излишекъ за удовлетвореніемъ низшихъ. Во второмъ, начинали съ удовлетворенія высшихъ, а на низшія оставили только то, чему случилось остаться.

Которое изъ двухъ основаній распредѣленія вообще лучше для общества, это каждый можетъ рѣшать по своему; при нынѣшнемъ еще неудовлетворительномъ состояніи многихъ отраслей нравственныхъ наукъ, существуетъ возможность говорить, что лучше любоваться на картины Рафаэля, нежели имѣть здоровую пищу. Надобно впрочемъ сказать, что нынѣшній образъ мыслей не расположенъ къ подобнымъ воззрѣніямъ. Нынѣ вообще полагаютъ, что бѣдность мѣшаетъ развитію достойной человѣка жизни, что высшія наслажденія становятся доступны человѣку только по удовлетвореніи низшихъ потребностей, что, напримѣръ, философіею или астрономіею можно съ успѣхомъ и удовольствіемъ заниматься только при нѣкоторой свободѣ отъ матеріальныхъ лишеній; изъ этого слѣдовало бы, что даже тотъ, кому интересы искусства, отвлеченной науки, живописи или ваянія, филологіи или археологіи, театра или поэзіи, болѣе милы, нежели матеріальное благосостояніе общества, — даже и тотъ былъ бы долженъ находить лучшимъ такое распредѣленіе занятій, основаніемъ которому служили бы матеріальныя потребности человѣка, потому что при матеріальномъ благосостояніи общества наука и искусство должны развиваться успѣшнѣе, нежели тогда, когда матеріальныя потребности неудовлетворены. Сообразно такому образу мыслей, можно полагать, что если у всѣхъ 100 человѣкъ, составляющихъ извѣстное общество, есть изобиліе и досугъ хотя по воскресеньямъ, а нѣтъ между ними ни одного человѣка, называющагося актеромъ, то все-таки спектакли будутъ у нихъ многочисленнѣе и лучше, нежели въ обществѣ, гдѣ есть 20 актеровъ и 60 бѣдняковъ затупленныхъ лишеніями. Лишь бы люди получили матеріальное благосостояніе, а за театромъ остановки у нихъ не будетъ. Напротивъ, самый театръ будетъ плохъ и фальшиво-искусственъ, если изъ-за любви къ нему мы водворимъ въ массѣ общества бѣдность и невѣжество, потому что вся общественная жизнь получитъ тогда жалкое направленіе. Масса можетъ быть презираема; но состояніе и развитіе всѣхъ классовъ общества зависитъ отъ состоянія массы: ея невѣжество отражается и на ученыхъ, ея пошлость—и на свѣтскихъ людяхъ, ея страданія—и на людяхъ, изобилующихъ всѣмъ.

Развитіе наукъ, искусствъ, нравственности, и всѣхъ другихъ совершенствъ всегда бываетъ прямо пропорціонально матеріальному благосостоянію массы.

Справедливъ ли такой взглядъ, предоставляемъ судить каждому, какъ ему угодно. Разборъ этихъ вопросовъ принадлежитъ не политической экономіи; мы коснулись ихъ только потому, что противъ мыслителей, говорящихъ о выгодности распредѣленія занятій сообразно съ матеріальными нуждами общества, часто слышится упрекъ, будто бы системы этихъ мыслителей враждебны всему возвышенному, поэтическому, прекрасному; будто бы они хотятъ отбить голову Аполлона Бельведерскаго, чтобы сдѣлать ее горшкомъ для варенія каши. Этому могутъ вѣрить только люди незнакомые съ ними. Напротивъ, забота о матеріальномъ благосостоянія массы служитъ по ихъ мнѣнію вѣрнѣйшимъ средствомъ къ развитію всѣхъ высшихъ благъ, которыми можетъ дорожить человѣкъ. Правда ли это?—отвѣта надобно искать не въ нашей спеціальной наукѣ, не въ политической экономіи, а въ психологіи. Можно только полагать, что одна наука не будетъ противорѣчить другой. А политическая экономія вся основана на мнѣніи, что матеріальное благосостояніе служитъ не препятствіемъ, а условіемъ для всякаго высшаго развитія.

Впрочемъ, какъ бы то ни было, не подлежитъ спору тотъ принципъ, что отвлеченіе излишняго числа рукъ отъ производства первыхъ надобностей къ другимъ занятіямъ служитъ источникомъ недостатка въ предметахъ первой надобности. Масса не знаетъ этой истины теоретическимъ образомъ, но чувствуетъ на себѣ ея практическія послѣдствія. Въ Англіи общество спокойно и потому тамъ очень можно воображать удовлетворительными тѣ рекомендаціи, какихъ заслуживаютъ многія отрасли непроизводительнаго труда по своему внутреннему достоинству, независимо отъ соображеній о томъ, удобно ли для общества отдѣлять слишкомъ большое число работниковъ для этихъ прекрасныхъ занятій, не дающихъ въ результатѣ ни пшеницы, ни сукна. Во Франціи положеніе дѣлъ не таково. Съ конца прошлаго вѣка масса волнуется, спрашивая, зачѣмъ она бѣдна, и ежеминутно угрожая переворотомъ, въ надеждѣ, что переворотъ истребитъ бѣдность. Она чувствуетъ и ея представители говорятъ, что обществу нужно большее количество продуктовъ первой необходимости. Весь трудъ

съ этой точки зрѣнія дѣлится на двѣ половины: часть его обращена на производство предметовъ первой необходимости; другая часть на занятія инаго рода. Весь непроизводительный трудъ принадлежитъ ко второй половинѣ и составляетъ самую замѣтную, хотя быть можетъ не самую огромную долю ея. Подъ вліяніемъ господствующей мысли легко было перенести названіе непроизводительнаго труда на всю вторую половину его и обратить въ упрекъ и въ униженіе имя непроизводительнаго труда для всѣхъ занятій, неудовлетворяющихъ первымъ потребностямъ, хотя многія изъ нихъ и не могутъ быть названы непроизводительными по господствующей терминологіи, а другія сами по себѣ очень почтенны. Французскіе экономисты, не замѣтивъ настоящаго основанія непопулярности и унизительности термина «непроизводительный», вообразили, что могутъ возстановить репутацію милыхъ имъ занятій, если докажутъ, что ихъ должно называть производительными по смыслу ученой терминологіи, хотя дѣло относилось вовсе не къ ней. Отсюда ихъ усиліе доказать, что должны называться производительными тѣ занятія, за которыми Адамъ Смитъ не призналъ этого имени. Усилія эти неудачны; но еслибъ и были удачными, не принесли бы пользы, потому что дѣло не въ названіяхъ занятій, а въ несообразности распредѣленія рабочихъ рукъ между разными занятіями съ потребностями общества.

Милль, какъ человѣкъ считающій свое общество безопаснымъ отъ потрясеній, остается холоденъ къ этому вопросу о производительномъ и непроизводительномъ трудѣ, поставленному въ самомъ дѣлѣ не точно, но скрывающему въ своей основѣ требованіе, чтобы количество предметовъ роскоши, производимыхъ націею, было сообразно съ ея потребностями уменьшено, для увеличенія производства предметовъ первой необходимости.

Но онъ справедливо замѣчаетъ великую важность другаго подобнаго различенія, — различенія между производительнымъ и непроизводительнымъ потребленіемъ. Начало пятаго параграфа и особенно начало шестаго параграфа въ 3-й главѣ его 1 книги превосходно. О второй половинѣ шестаго параграфа мы будемъ говорить ниже, а теперь, припомнивъ все, сказанное Миллемъ о различныхъ родахъ труда и потребленія, сообразимъ съ ними сдѣланныя нами замѣчанія, которыя не заключаютъ въ себѣ ровно ничего противнаго ни Миллю, ни Рикардо, ни Мальтусу, ни Адаму Смиту, напротивъ, совершенно сообразны

съ ихъ основными понятіями и выведены по методѣ, которой слѣдовали всѣ эти мыслители, такъ что едва ли найдется въ нашихъ словахъ мысль, которая не была бы выражена и каждымъ изъ нихъ.

Результаты этого соображенія будутъ:

Съ точки зрѣнія настоятельнѣйшей потребности общества, потребности въ увеличеніи количества продуктовъ первой надобности, основаніе къ различенію труда на производительный и непроизводительный не имѣетъ важности (это говоритъ самъ Милль). Оно съ этой точки зрѣнія представляется несоотвѣтствующимъ практической цѣли экономическихъ изысканій и неудобнымъ въ теоретическомъ отношеніи, потому что раздѣляетъ на разные разряды тѣ роды труда, существенный характеръ которыхъ одинаковъ, и соединяетъ въ одинъ разрядъ роды труда, не имѣющіе между собою по существенному назначенію ничего общаго. Напримѣръ, трудъ живописца или скульптора по этому дѣленію будетъ называться производительнымъ, только оттого, что картина и статуя—вещи прочныя и матеріальныя, а трудъ актера и музыканта—непроизводительнымъ; между тѣмъ, по всѣмъ кореннымъ, важнымъ для общества признакамъ всѣ эти люди и ихъ произведенія составляютъ одинъ разрядъ. Напротивъ, въ одинъ разрядъ съ живописцемъ и скульпторомъ ставятся землекопъ и водовозъ. Что общаго между этими людьми и трудами ихъ?

Напротивъ, очень важно съ точки зрѣнія практическихъ потребностей общества и очень логично въ теоретическомъ отношеніи раздѣленіе потребленія на производительное и непроизводительное.

Основанія этихъ классификацій, употребляющихъ одинъ и тотъ же терминъ, совершенно различны: въ трудѣ, основаніемъ принимается внѣшній, случайный признакъ, матеріальность или долговѣчность продукта; въ потребленіи, назначеніе, смыслъ, экономическая роль того или другаго потребленія.

Ясно, что для приведенія этихъ двухъ классификацій Смитовской теоріи въ гармонію другъ съ другомъ, надобно принять для одного изъ двухъ дѣленій основаніе, одинакое съ другимъ. Логика и практическая важность заставляютъ отдать предпочтеніе основанію, которое принимается этою теоріею для классификаціи потребленія.

Признакомъ производительнаго потребленія служитъ то, что оно имѣетъ своею цѣлью увеличеніе средствъ къ производству, служитъ источникомъ новаго производства; признакомъ производительнаго труда также должно принять то, что его продукты служатъ источникомъ новаго производства, имѣютъ своею цѣлью увеличеніе средствъ къ производству.

Когда мы писали статью «Капиталъ и трудъ», мы, не желая увеличивать объемъ ея, не захотѣли вводить новой терминологіи, чтобы не тратить мѣста на объясненіе надобности въ ней; измѣняя основаніе классификаціи труда, мы оставили прежніе термины для обозначенія разрядовъ.

Но, по справедливому замѣчанію Милля, старому термину опасно давать новое значеніе, потому что иначе произойдетъ спутанность понятій между новымъ и старымъ значеніемъ; лучше давать новый терминъ для новаго понятія. Мы полагаемъ, что удобнѣе будетъ пріискать для классификаціи труда и потребленія новый терминъ.

Намъ кажется, что сущности дѣла хорошо соотвѣтствуютъ слова «выгодный» и «убыточный». Мы думаемъ постоянно пользоваться ими.

Чья выгода тутъ разумѣется? Наука говоритъ о націи, объ обществѣ, о человѣческомъ родѣ. Потому выгоду и убыточность надобно разсчитывать по дѣламъ общества, націи, человѣческаго рода. О какой именно выгодѣ надобно говорить? Въ политической экономіи, занимающейся изслѣдованіемъ условій матеріальнаго благосостоянія, конечно о выгодѣ для матеріальнаго благостоянія.

Путь къ увеличенію матеріальнаго благосостоянія — производство; потому выгодно то, что ведетъ къ увеличенію производства; такимъ образомъ, классификація по принимаемой нами терминологіи совершенно совпадаетъ для потребленія съ тою, какую принимаетъ Милль по прежней терминологіи.

Но разные роды труда распредѣлятся по новой классификаціи далеко не такъ, какъ по прежней.

Нѣкоторые роды труда имѣютъ характеръ абсолютно выгодный. Напримѣръ, хлѣбопашество и вообще всякій трудъ, обращенный на производство предметовъ первой необходимости, также трудъ воспитанія и образованія, потому что отъ этихъ трудовъ матеріальное благосостояніе общества непремѣнно и во всякомъ случаѣ увеличивается.

О другихъ родахъ надобно сказать, что они имѣютъ характеръ абсолютно убыточный. Таково, напримѣръ, всякое занятіе, уничтожающее тѣлесныя, умственныя или нравственныя силы въ людяхъ, потому что этимъ уменьшается способность ихъ къ производству, то есть, уменьшается одинъ изъ факторовъ матеріальнаго благосостоянія. Такова, напримѣръ война.

Но кромѣ того, есть обширный классъ занятій, которыя могутъ быть выгодны или убыточны для общества, смотря потому, какой степени матеріальнаго благосостоянія оно достигло и каковъ размѣръ средствъ, которыми оно располагаетъ. Напримѣръ, трудъ, употребляемый на тканье тонкаго сукна въ обществѣ, которое не имѣетъ достаточнаго количества простого сукна, былъ бы убыточенъ; потому что общество, какъ видно, не располагаетъ еще такими обильными средствами производства, чтобы могло, безъ уменьшенія своего матеріальнаго благосостоянія, тратить на производство сукна больше средствъ, больше труда, нежели сколько нужно для выдѣлки простого сукна, а выдѣлка тонкаго сукна беретъ больше труда, поглощаетъ больше средствъ, нежели выдѣлка простого. Но когда съ увеличеніемъ средствъ производства, общество достаточно снабдитъ себя простымъ сукномъ и будетъ имѣть излишекъ времени, оно можетъ безъ убытка для себя употребить этотъ излишекъ на то, чтобы выдѣлывать сукно болѣе тонкое.

Этотъ разрядъ труда и продуктовъ особенно интересенъ, и самъ по себѣ, и по спорамъ, которые онъ возбуждаетъ.

Самъ по себѣ онъ интересенъ въ томъ отношеніи, что каждый родъ и каждый сортъ принадлежащихъ къ нему продуктовъ требуетъ особеннаго разсмотрѣнія, и притомъ въ каждую данную эпоху экономическаго развитія въ каждомъ обществѣ: тутъ нѣтъ никакихъ неподвижныхъ признаковъ, какъ въ первыхъ двухъ разрядахъ съ абсолютными качествами выгодности и убыточности; напротивъ, тутъ все зависитъ отъ отношеній даннаго труда и продукта къ даннымъ средствамъ общества. Это тоже самое, что вопросъ о разсчетливости извѣстнаго расхода для индивидуума: что разсчетливо и умно для одного человѣка, съ одними средствами, то расточительно и безразсудно для другаго человѣка съ другими средствами, было бы расточительностью, безразсудствомъ и въ первомъ, когда бы у него были не тѣ средства. Богатый негоціантъ дѣлаетъ очень умно, когда покупаетъ карету на лежачихъ рессорахъ и пару отличныхъ лошадей; было бы

даже неразсчетливо ему ѣздить на дрянномъ извозчикѣ — лишній часъ, выигранный имъ каждый день отъ быстрой ѣзды, даетъ ему въ годъ выигрышъ на сумму въ десятеро бо́льшую истраченной на отличныхъ лошадей и экипажъ, потому что каждый часъ, выигранный имъ для дѣлъ, даетъ ему выигрышъ въ сотняхъ и въ тысячахъ рублей. Но глупо было бы заводить карету человѣку, имѣющему всего 1,000 рублей дохода: онъ въ своей каретѣ насидѣлся бы голоденъ и она скоро отвезла бы его въ долговую тюрьму.

Точно тоже и для разныхъ экономическихъ обществъ. Всѣ ли въ этомъ обществѣ ѣдятъ пшеничный хлѣбъ? Всѣ ли имѣютъ на столѣ мясо, когда захотятъ? Если всѣ, общество можетъ употребить излишекъ своихъ средствъ на пріобрѣтеніе спаржи зимою. Всѣ ли жилища въ этомъ обществѣ снабжены порядочною мебелью? Если всѣ, оно можетъ выдѣлывать бронзовыя украшенія. Зимняя спаржа и бронза — вещи прекрасныя и очень приличныя ему. Но если нѣтъ, если оно не развило въ такой мѣрѣ своихъ производительныхъ силъ, то спаржа зимою и бронза для него преждевременны: più tardi, какъ говоритъ маэстро Лазаревъ, авторъ знаменитой симфоніи разыгрываемой на бомбардонахъ; повремените кушать десертъ, пока еще нѣтъ у васъ на столѣ супа: десертъ хорошъ только послѣ нѣсколькихъ сытныхъ блюдъ.

Внѣшнимъ образомъ этотъ разрядъ продуктовъ и занятій, выгодность или убыточность которыхъ зависитъ отъ состоянія общества, интересенъ потому, что къ нему принадлежатъ такъ называемые предметы роскоши, о вредѣ, или безвредности, или даже пользѣ которыхъ было очень много споровъ. Мы полагаемъ, что читатель не нуждается въ доказательствахъ вреднаго вліянія роскоши на общественное благосостояніе. Но онъ видитъ также, что принадлежность извѣстной вещи къ предметамъ роскоши или къ предметамъ простаго, полезнаго удобства, или даже къ предметамъ необходимости—дѣло, зависящее отъ времени. Имѣть въ своемъ личномъ распоряженіи обширную равнину или рощу, чтобы охотиться въ ней — для дикаря предметъ первой необходимости, а въ Англіи предметъ роскоши. Имѣть при своемъ жилищѣ обширный, ему одному принадлежащій дворъ, для русскаго поселянина предметъ первой необходимости, а для жителя Петербурга, тѣмъ болѣе для жителя большаго западнаго города—предметъ роскоши. Наоборотъ, имѣть нѣсколько стульевъ для западнаго европейца предметъ первой необходимости, а

для кочеваго киргиза предметъ роскоши. Мы видимъ, что принадлежность извѣстной вещи къ тому или другому разряду зависитъ не отъ внутреннихъ ея качествъ, а только отъ того, какое количество труда требуется въ данномъ мѣстѣ, въ данное время для ея пріобрѣтенія, или какимъ количествомъ выгодъ надобно жертвовать для ея полученія или сохраненія. Въ странѣ, населенной только еще охотничьимъ племенемъ, огромныя пространства лѣса почти никому не нужны и почти ни на что не годятся кромѣ охоты. Дикарь, нуждающійся въ нѣсколькихъ десяткахъ или сотняхъ десятинъ лѣса, не отнимаетъ ихъ своею охотою ни у какого другаго общественнаго или частнаго употребленія. Ни цѣлое общество, ни кто изъ отдѣльныхъ людей въ этомъ обществѣ не лишается черезъ это средствъ къ труду, существующему въ томъ обществѣ. Напротивъ, каждая десятина, занятая охотничьимъ паркомъ въ Англіи, отнимаетъ значительное количество мѣста у земледѣльческаго или какого нибудь другаго труда, болѣе выгоднаго для Англіи, нежели охота. Владѣлецъ охотничьяго парка жертвуетъ для охоты значительною суммою болѣе полезныхъ вещей, которыя могли бы производиться этимъ мѣстомъ. Мѣстность, занятая паркомъ, не приноситъ выгоды обществу, но не потеряла способности приносить ее земледѣльческими продуктами при другомъ употребленіи. Потому, хотя она не приноситъ выгоды обществу, но сохраняетъ высокую мѣновую цѣнность, величина которой равняется размѣру тѣхъ выгодъ, какія могли бы приносить земледѣльческіе продукты этого пространства земли. Высокая мѣновая цѣнность составляетъ признакъ всѣхъ предметовъ роскоши; но по одному этому признаку еще нельзя рѣшить, что извѣстная вещь составляетъ предметъ роскоши: есть вещи первой необходимости, имѣющія высокую мѣновую цѣнность. Напримѣръ, платина совершенно необходима для нѣкоторыхъ техническихъ аппаратовъ, употребляемыхъ въ фабричномъ дѣлѣ, или алмазъ необходимъ для рѣзанія стекла, т. е. для доставленія нужнаго вида такому продукту, который въ нашемъ обществѣ составляетъ предметъ первой необходимости. То количество платины и алмаза, какое нужно на эти вещи и какое дѣйствительно употребляется на нихъ, должно считаться въ нашемъ европейскомъ обществѣ предметомъ такой же первой необходимости, какъ пилы, терпуги, желѣзо, дерево и другіе инструменты или матеріалы для инструментовъ. Но остальное количество платины и алмаза, обращае-

мое на украшенія, каждый называетъ предметомъ роскоши. Почему же это такъ? Не собственно по высокой мѣновой цѣнѣ этихъ продуктовъ: платина, идущая на химическій тигель, имѣетъ точно такую же мѣновую цѣнность, какъ платина, идущая на фермуаръ или брошку. Нѣтъ, сущность дѣла зависитъ не только отъ того, что платина или алмазъ, идущіе на украшеніе, имѣютъ высокую мѣновую цѣнность, а собственно отъ того, что они въ этомъ случаѣ идутъ на такое употребленіе, которому съ равнымъ или даже съ бо́льшимъ внутреннимъ успѣхомъ могутъ соотвѣтствовать другіе предметы, добываемые гораздо меньшимъ количествомъ труда. Напримѣръ, брильянтовый уборъ на волосахъ вовсе не придаетъ имъ большей красоты, нежели какой нибудь простой уборъ изъ полевыхъ цвѣтовъ или какихъ нибудь цвѣтныхъ бусъ. Въ этомъ согласны всѣ живописцы и люди съ тонкимъ вкусомъ. Разница тутъ не въ красотѣ убора, или скорѣе эта разница въ красотѣ убора клонится на сторону простыхъ цвѣтовъ. Разница просто въ дороговизнѣ убора, то есть въ томъ, что уборъ изъ цвѣтовъ не свидѣтельствуетъ, а брильянтовый уборъ свидѣтельствуетъ, что лицо, имѣющее такой уборъ, превосходитъ богатствомъ другія лица, не имѣющія такого убора. Такимъ образомъ брильянтовый уборъ нуженъ не для того, чтобы удовлетворять существенному назначенію убора, не для того, чтобы придавать красивость фигурѣ человѣка, а только для того, чтобы удовлетворять чувству тщеславія. Таково существенное свойство всѣхъ предметовъ роскоши.

Предметы роскоши существуютъ собственно только для удовлетворенія чувству тщеславія. Хорошо ли само по себѣ это чувство, имѣетъ ли оно право на удовлетвореніе въ обществѣ разумныхъ людей и даже такова ли его натура, чтобы оно могло достигать дѣйствительнаго удовлетворенія себѣ, — это вопросы, рѣшеніемъ которыхъ занимаются психологія и нравственная философія, а не политическая экономія. Что нравственная философія не признаетъ права на удовлетвореніе за чувствомъ тщеславія, это каждому извѣстно. Въ прибавленіе къ этому надобно сказать, что психологія причисляетъ чувство тщеславія къ тѣмъ чувствамъ, которыя возникаютъ изъ патологическаго состоянія души, которыя, принадлежа къ душевнымъ болѣзнямъ, не могутъ находить себѣ реальнаго и прочнаго удовлетворенія и должны быть предметомъ лѣченія, а не поощренія,

или хотя бы равнодушнаго невмѣшательства. Доказательствъ этого читатель долженъ искать въ психологіи, а мы можемъ представить здѣсь только результатъ ея изысканій. Политическая экономія смотритъ на роскошь только со стороны ея отношеній къ матеріальному благосостоянію общества и находитъ, что она убыточна для общества, имѣя свою сущность въ томъ, что предметъ, хорошо удовлетворяющій извѣстному назначенію и производимый небольшимъ количествомъ труда, отвергается и замѣняется для удовлетворенія чувству тщеславія другимъ предметомъ, который спеціальному своему назначенію удовлетворяетъ не лучше или даже гораздо хуже отвергаемаго предмета, но стоитъ обществу гораздо большаго количества труда. Весь этотъ излишекъ труда составляетъ неразсчетливую растрату его или убытокъ для общества.

Что такое предметъ роскоши, можно пояснить слѣдующимъ сравненіемъ. Изъ Петербурга въ Москву можно пріѣхать безчисленнымъ множествомъ разныхъ путей. Изъ нихъ самый прямой и удобный желѣзная дорога. Но проѣхать по ней стоитъ всего только отъ 15 до 25 рублей. Если вы думаете ѣхать изъ Петербурга въ Москву за какимъ нибудь дѣломъ, полезнымъ для общества или хотя лично для васъ, вы поѣдете по этому пути и будете очень рады его дешевизнѣ. Но быть можетъ вы хотите, чтобы это путешествіе не служило удовлетвореніемъ какой нибудь надобности, а просто средствомъ для васъ показать, что вы располагаете огромнымъ богатствомъ. Въ такомъ случаѣ вы можете ѣхать въ Москву по прежнему шоссе въ великолѣпной каретѣ, — это будетъ гораздо дороже и эффектнѣе, хотя въ сущности будетъ для васъ самихъ гораздо менѣе удобно. Вы можете достичь Москвы способомъ еще болѣе эффектнымъ: купите себѣ яхту, поѣзжайте кругомъ Европы, потомъ, проѣхавъ Дарданеллы, поднимайтесь вверхъ по Днѣпру, потомъ поставьте вашу яхту на колеса, какъ дѣлалъ Олегъ подъ Царьградомъ, впрягите въ нее двѣ сотни паръ воловъ и они довезутъ васъ до Москвы на яхтѣ. Если вы сдѣлаете это, о васъ будетъ говорить цѣлая Европа, и всѣ глупцы въ цѣлой Европѣ будутъ удивляться вашему богатству, потому что человѣкъ посредственнаго состоянія никакъ не въ силахъ выкинуть такую штуку. Каждый предметъ роскоши есть своего рода маленькая или большая яхта для поѣздки изъ Петербурга въ Москву способомъ, недоступнымъ для обыкновенныхъ людей. Политическая

экономія называетъ путешествія подобнаго рода безразсудствомъ, убыточнымъ для общества, которое принуждено тратить свой трудъ не на какую нибудь разсудительную надобность, а просто на удовлетвореніе тщеславію лица, пріобрѣтающаго предметъ роскоши.

Во всемъ этомъ этюдѣ мы не сказали ровно ничего противнаго принципамъ той теоріи, которая основана Адамомъ Смитомъ. Вѣрность наша ея духу простирается до того, что изъ всѣхъ изложенныхъ нами мыслей не найдется рѣшительно ни одной, которая не была бы высказана и самимъ Адамомъ Смитомъ и тѣми его учениками, которые содѣйствовали развитію его теоріи, Мальтусомъ и Рикардо. О томъ, что нѣтъ въ нашихъ словахъ ничего противнаго мыслямъ Милля, можетъ судить самъ читатель. Мы беремъ тѣ самыя основанія подраздѣленій, какія даются Миллемъ; мы находимъ, что каждое изъ опредѣленій, соотвѣтствующихъ этимъ основаніямъ, само по себѣ вѣрно и удовлетворительно. Мы замѣтили только, что нѣкоторыя изъ основаній классификаціи очень важны, напримѣръ то, по которому потребленіе дѣлится на производительное и непроизводительное; замѣтили также, что основанія другихъ классификацій не столь важны, напримѣръ то, по которому производительный трудъ различается отъ непроизводительнаго. Но все это говоритъ и самъ Милль, мы только повторяемъ его слова. Что жъ новаго въ нашихъ мысляхъ? Мы думаемъ, что новаго въ самыхъ мысляхъ нѣтъ ровно ничего.

Но, мы настаиваемъ на томъ, чтобы тѣ основанія классификаціи, которыя въ самой теоріи Адама Смита признаются наиболѣе важными, были поставлены на такое мѣсто, котораго заслуживаютъ по важности, признаваемой за ними самою теоріею Смита. Она говоритъ: «это понятіе чрезвычайно важно», и между тѣмъ упоминаетъ о немъ только мимоходомъ, не заботясь о томъ, чтобы дать ему развитіе, соотвѣтствующее его важности; мы стараемся восполнить этотъ недостатокъ, происшедшій у Адама Смита просто отъ невнимательности, просто оттого, что въ эпоху, когда онъ писалъ, вниманіе общества было поглощено не тѣми понятіями, которыя оказались важными по изслѣдованіямъ самаго Смита и которыхъ не могъ онъ развить съ надлежащей полнотою только потому, что трудно мыслителю долго останавливаться на предметахъ, на которыхъ еще не находитъ нужнымъ останавливаться окружающее его общество.

Теперь положеніе общества измѣнилось, явились у него новыя заботы и выступаютъ на первый планъ такія понятія, которыя были второстепенными 80 лѣтъ тому назадъ. Только въ этомъ разница; какое значеніе придавать ей, — рѣшить это должны уже не мы, а сами послѣдователи Смита. Они могутъ сказать, что несогласны видоизмѣнять пропорцію между частями своей системы, — тогда ихъ система будетъ отвергнута обществомъ, состоянію котораго не соотвѣтствуетъ. Но они могутъ также согласиться на видоизмѣненія, требуемыя временемъ, и тогда система ихъ, приведенная въ согласіе съ новымъ положеніемъ общества, сохранитъ свое прежнее имя. Перемѣна неизбѣжна; притомъ же она вытекаетъ изъ самой сущности понятій, изложенныхъ Адамомъ Смитомъ; но отъ людей зависитъ, сохранитъ ли прежнее имя измѣненная вещь или получитъ новое имя. Мы находимъ, что она могла бы сохранить прежнее названіе. Французскіе экономисты не согласны съ этимъ. Чѣмъ кончится разнорѣчіе по названію, мы не будемъ отгадывать. Очень можетъ быть, что у большинства людей, называющихъ себя экономистами, найдется наконецъ столько проницательности, чтобы понять необходимость перемѣны; если такъ, новое направленіе науки будетъ называться по прежнему политическою экономіею. Но если нѣтъ, если привязанность къ буквѣ и политическое консерваторство навсегда будутъ мѣшать пониманію смысла основныхъ идей собственной теоріи въ большинствѣ экономистовъ, тогда за теоріею, соотвѣтствующею нынѣшнимъ потребностямъ общества, утвердится новое имя.

III.

О НЕПРІЯТНОСТИ ТРУДА.

«Въ понятіи труда заключаются кромѣ самой дѣятельности и всѣ тѣ непріятныя или тяжелыя ощущенія, которыя соединены съ этою дѣятельностью», говоритъ Милль; — кто станетъ спорить съ этимъ? Но одни ли непріятныя ощущенія соединены съ дѣятельностью, которая называется трудомъ? Милль объ этомъ не говоритъ. Очень можетъ быть, что во времена Адама Смита не представлялъ никакой важности вопросъ о томъ, одну ли только непріятную сторону имѣетъ въ себѣ трудъ, или, кромѣ

непріятныхъ ощущеній, онъ производитъ также пріятныя. Но теперь вопросъ этотъ поставленъ, и объяснено, что тотъ или иной отвѣтъ на него имѣетъ послѣдствія совершенно различныя для направленія экономической теоріи.

Есть теорія, утверждающая, что непріятныя ощущенія, производимыя трудомъ въ трудящемся человѣкѣ, проистекаютъ не изъ сущности самой дѣятельности, имѣющей имя труда, а изъ случайныхъ, внѣшнихъ обстоятельствъ, обыкновенно сопровождающихъ эту дѣятельность при нынѣшнемъ состояніи общества, но устраняющихся отъ нея другимъ экономическимъ устройствомъ. Теорія эта прибавляетъ, что, напротивъ, самъ по себѣ трудъ есть дѣятельность пріятная, или по термину, принятому этою теоріею, дѣятельность привлекательная, такъ что, если отстраняется внѣшняя неблагопріятная для труда обстановка, онъ составляетъ наслажденіе для трудящагося.

Мы должны предоставить личному мнѣнію читателя сужденіе о томъ, справедлива ли изложенная нами теорія въ абсолютномъ своемъ развитіи, когда она утверждаетъ, что *никакой* родъ труда не заключаетъ самъ въ себѣ ничего непріятнаго. Экономическое устройство, которое считается раціональнымъ въ этой теоріи, до сихъ поръ еще не осуществлено, и потому нельзя съ достовѣрностью знать, въ томъ ли именно размѣрѣ измѣнится при этомъ устройствѣ характеръ *всякаго* труда, какъ предполагаетъ она.

Но если при нынѣшнемъ состояніи общественныхъ учрежденій и знаній нельзя съ математическою точностью доказать, чтобы *никакой* родъ труда не имѣлъ въ своей сущности ничего непріятнаго; то еще менѣе можно сказать, чтобы наука давала намъ право утверждать противное. Вопросъ этотъ принадлежитъ къ тѣмъ очень многочисленнымъ вопросамъ, на которые при нынѣшнемъ состояніи знаній невозможно давать отвѣтовъ, имѣющихъ математическую безусловную точность, а можно отвѣчать только съ приблизительною точностью, впрочемъ совершенно удовлетворительною для практики.

Дѣйствительно ли во всѣхъ *безъ исключенія* родахъ труда непріятныя ощущенія происходятъ *единственно* отъ внѣшней неблагопріятной обстановки? Дѣйствительно ли *никакой* родъ труда не заключаетъ самъ въ себѣ абсолютно *ничего* непріятнаго? Этого нельзя рѣшить при нынѣшнемъ состояніи знаній; но и при нынѣшнемъ состояніи знаній уже положительно надобно

сказать, что *почти* во всѣхъ родахъ труда, и въ томъ числѣ во *всѣхъ важнѣйшихъ* по экономическому значенію, *почти* всѣ непріятныя ощущенія производятся не самою сущностью труда, а только внѣшнею, случайною обстановкою его; что почти всѣ роды труда, и въ томъ числѣ всѣ важные роды его имѣютъ по своей сущности пріятность или привлекательность, которая далеко превышаетъ ихъ непріятную сторону, если даже есть въ ихъ сущности непріятная сторона (существованіе которой сомнительно), такъ что при отстраненіи неблагопріятной, случайной и внѣшней обстановки почти всякій, и въ томъ числѣ всякій важный въ экономическомъ отношеніи, трудъ составляетъ для трудящагося не непріятность, а удовольствіе.

Это подтверждается ежедневнымъ опытомъ и естественными науками. Каждый на себѣ и на другихъ можетъ замѣчать, что трудъ часто доставляетъ ему наслажденіе. Анализируя эти случаи и случаи противнаго, когда трудъ составляетъ не удовольствіе, а обремененіе, каждый можетъ видѣть, что ощущеніе пріятное производится трудомъ всегда, когда существуютъ слѣдующія три условія: во первыхъ, когда труду не препятствуютъ слишкомъ сильныя внѣшнія помѣхи; во вторыхъ, когда человѣкъ совершаетъ его по собственному соображенію о его надобности или полезности для него самаго, а не по внѣшнему принужденію; въ третьихъ, когда трудъ не продолжается долѣе того времени, пока мускулы совершаютъ его безъ изнуренія, вреднаго организму, разрушающаго организмъ. Анализъ показываетъ, что непріятность труда всегда происходитъ отъ неисполненія этихъ условій.

Легко замѣтить, что трудъ не отличается въ этомъ отношеніи ни отъ какой другой органической дѣятельности. Каждая изъ нихъ становится непріятной при неисполненіи условій, перечисленныхъ нами. Напримѣръ, никто не скажетъ, чтобы ѣда хорошей пищи, или слушаніе хорошей музыки, или какія нибудь гимнастическія развлеченія въ родѣ танцевъ, прогулки и т. п. были сами по себѣ непріятны; напротивъ, сами по себѣ они составляютъ удовольствіе, наслажденіе. Но если человѣкъ танцуетъ не потому, чтобы ему самому вздумалось танцовать, а по какому нибудь внѣшнему понужденію, танцы уже составятъ для него обремененіе, скуку, досаду. Точно также они становятся непріятны, когда продолжаются болѣе, нежели сколько времени можетъ заниматься ими организмъ безъ изнуренія. Это мы постоянно замѣчаемъ на балетныхъ танцовщицахъ; замѣ-

часмъ на самыхъ любящихъ танцы молодыхъ людяхъ, когда балъ происходитъ или въ неудобное для нихъ время, или они отправляются на него не по собственному желанію, или когда онъ тянется слишкомъ долго. Самый пріятный концертъ, самый пріятный спектакль становится непріятенъ для меломановъ и театраловъ, если бываетъ слишкомъ продолжительнымъ. Когда желудокъ уже пресыщенъ пищею, самое вкусное блюдо становится отвратительнымъ, и если нельзя отъ него отказаться, то ѣда бываетъ большою непріятностью.

Изъ этого мы видимъ, что пріятность или непріятность труда подчинена тѣмъ же самымъ условіямъ, какъ пріятность или непріятность всѣхъ другихъ органическихъ дѣятельностей. Трудъ различается въ этомъ смыслѣ отъ свѣтскихъ развлеченій и разныхъ родовъ физическаго или умственнаго наслажденія не тѣмъ, чтобы его непріятность происходила не точно отъ такихъ же внѣшнихъ обстоятелсствъ, отъ какихъ получаютъ непріятность ѣда, танцы, слушаніе концертовъ и т. д., а просто только тѣмъ, что при трудѣ гораздо чаще бываютъ эти неблагопріятныя внѣшнія обстоятельства, нежели при собственно такъ называемыхъ удовольствіяхъ или занятіяхъ, обыкновенно называемыхъ пріятными. Чрезвычайно рѣдко бываетъ, чтобы человѣкъ ѣлъ по внѣшнему принужденію или больше, чѣмъ пріятно для него; но чрезвычайно часто бываетъ, что человѣкъ трудится по внѣшнему принужденію, или больше, нежели удобно для его организма.

Изъ этого возникаетъ новый вопросъ: отчего же происходитъ, что трудъ гораздо чаще совершается подъ условіями, дающими ему непріятность, нежели совершаются тѣ органическія дѣятельности, которыя собственно называются удовольствіями? Происходитъ ли эта слишкомъ частая неблагопріятность внѣшней обстановки отъ самыхъ предметовъ, на которые обращенъ трудъ, или отъ причинъ столь же посторонихъ, какъ тѣ, которыми производится непріятность удовольствій? Подробное изслѣдованіе этого вопроса найдетъ свое мѣсто въ ученіи о распредѣленіи продуктовъ труда, составляющемъ вторую книгу въ трактатѣ Милля. Здѣсь мы предварительно, и только мимоходомъ, замѣтимъ лишь одно обстоятельство: тѣ явленія общественной жизни, которыя называются удовольствіями, бываютъ обыкновенно производимы обращеніемъ человѣческой мысли и воли собственно на произведеніе именно этихъ явленій. Напримѣръ, если

происходитъ спектакль, онъ происходитъ собственно оттого, что люди, составлявшіе его, хотѣли устроить именно спектакль, а не что нибудь другое. Поэтому они и устраивали дѣло такъ, чтобы оно происходило съ наивозможно лучшимъ устраненіемъ всѣхъ невыгодныхъ для него обстоятельствъ. Напримѣръ, они устроили спектакль въ удобномъ для зрителей зданіи, чтобы вѣтеръ, дождь или холодъ не мѣшалъ публикѣ заниматься собственно тѣмъ дѣломъ, за которымъ она пришла въ театръ, то есть смотрѣніемъ на сцену; время для спектакля выбрано такое, въ какое удобнѣе всего публикѣ заниматься спектаклемъ. Словомъ сказать, приняты всѣ возможныя мѣры для удобства дѣла. Невозможно сомнѣваться въ томъ, что именно только сосредоточеніемъ заботъ собственно на этомъ пунктѣ достигается пріятность спектакля для публики. Попробуйте снять крышу съ оперы, и всѣ уйдутъ изъ нея съ негодованіемъ, и развѣ только палкою загоните вы публику въ оперу, пока крыша остается раскрытой. Попробуйте назначить начало оперы въ три часа дня, когда всѣмъ хочется обѣдать, или въ три часа утра, когда всѣмъ хочется спать, а не ѣхать въ спектакль, и почти никто не пойдетъ въ оперу добровольно, да и тѣ немногіе, которые пойдутъ, уйдутъ изъ нея съ недовольствомъ.

Подумаемъ же теперь о томъ, съ какими цѣлями, по какимъ соображеніямъ, для какихъ дѣлъ организовано общество во всѣхъ странахъ? Руководились ли народы заботою о наивыгоднѣйшей обстановкѣ труда, когда давали обществамъ своимъ то устройство, которое до сихъ поръ сохраняется въ существенныхъ и важнѣйшихъ чертахъ? Подробное изслѣдованіе объ этомъ дѣло исторіи, а не политической экономіи; мы можемъ здѣсь представить только готовый выводъ, даваемый исторіею и несомнѣнный для людей, сколько нибудь знакомыхъ съ нею. Для ясности, возьмемъ опредѣленный фактъ, напримѣръ, хотя Францію, исторія которой наиболѣе извѣстна у насъ. Франки, основавшіе нынѣшнее французское общество, пришли въ страну, овладѣли ею и дали ей извѣстное устройство не для того, чтобы трудиться, а чтобы воевать, грабить и праздношатательствовать. Надобно сказать, что устройство, ими данное Франціи, прекрасно соотвѣтствовало этой цѣли. Но политическая экономія находитъ, что условія, нужныя для такой цѣли, совершенно противоположны условіямъ, какія нужны для удобства труда. Съ X или XI вѣка (до той поры продолжалось безъ всякихъ перемѣнъ

положеніе вещей, созданное въ IV и V вѣкахъ), Франція испытала много измѣненій въ своемъ общественномъ устройствѣ. Намъ нѣтъ нужды разсматривать, какъ велика произошедшая отъ этихъ перемѣнъ разница между XI и XIX вѣкомъ въ нравственномъ, умственномъ, юридическомъ отношеніяхъ; но объ экономической сферѣ французскаго быта надобно сказать, что мы можемъ сколько нашей душѣ угодно восхищаться громадностью произошедшихъ перемѣнъ, а по точномъ изслѣдованіи онѣ все таки оказываются преобразовавшими до сихъ поръ только нѣкоторыя второстепенныя подробности быта, существовавшаго въ XI вѣкѣ, а вовсе не существенныя черты его, не коренныя его основанія. Доказывать это—дѣло не политической экономіи, а исторіи и статистики. Но такъ какъ выводъ, приводимый нами изъ этихъ наукъ, покажется новъ для многихъ, то мы обратимъ вниманіе, для пробы, хотя на одну черту, едва ли не самую важную, на состояніе поземельной собственности. Можно сколько угодно говорить объ огромности конфискацій, произведенныхъ въ концѣ прошлаго вѣка, объ упадкѣ французской аристократіи по матеріальному богатству и т. д., но статистика говоритъ, что почти вся та масса земли во Франціи, которою владѣло потомство франковъ въ XI столѣтіи, до сихъ поръ остается въ рукахъ ихъ потомковъ. Массу населенія во Франціи составляютъ потомки кельтовъ и латинскихъ племенъ; но едва ли не половина земли во Франціи и нынѣ, въ 1860 году, принадлежитъ малочисленнымъ потомкамъ тѣхъ малочисленныхъ франковъ, которые взяли себѣ эту землю при Хлодвигѣ и его преемникахъ. Ни одинъ французскій статистикъ не отваживается утверждать, чтобы больше половины земли принадлежало во Франціи людямъ, ее воздѣлывающимъ, и всѣ согласны въ томъ, что другая половина принадлежитъ людямъ не земледѣльческаго сословія. Этого одного факта уже довольно. Ясно, что весь порядокъ земледѣльческаго производства долженъ опредѣляться во Франціи надобностями и удобствами людей, которые живутъ доходомъ съ земли, не воздѣлывая ее; потому что, когда половина производства зависитъ прямо отъ людей сильныхъ, то и другая половина должна подчиняться косвенному ихъ вліянію. Землепашецъ, владѣющій 5 или 6 гектарами земли, по необходимости долженъ оставаться при такомъ характерѣ производства и при такихъ условіяхъ труда, какія налагаются на французское общество удобствами большихъ землевладѣль-

цевъ, поместьями которыхъ окруженъ его ничтожный участокъ, и въ зависимости отъ которыхъ онъ самъ находится по всевозможнымъ общественнымъ отношеніямъ. Повторяемъ, что доказательствъ нашимъ словамъ надобно искать въ исторіи и статистикѣ; мы беремъ здѣсь уже готовый результатъ изслѣдованій изъ этихъ наукъ, и кто знакомъ съ ними, для того справедливость представляемаго нами вывода несомнѣнна. Экономическій бытъ Франціи съ XI вѣка измѣнился въ очень значительной степени; но все-таки перемѣны до сихъ поръ не такъ велики, чтобы экономическое устройство французскаго общества нынѣ существенно отличалось по отношенію къ обстановкѣ труда отъ того устройства, какое Франція имѣла въ XI или даже V вѣкѣ. Перемѣны значительны и хороши; мы противъ этого не споримъ; мы говоримъ только, что онѣ еще не получили до сихъ поръ такой значительности, чтобы условія труда во Франціи соотвѣтствовали, хотя сколько нибудь, требованіямъ науки. Въ сущности остается во Франціи порядокъ дѣлъ, устроенный для войны, для праздности, но не для труда.

То, что мы сказали о Франціи, примѣняется еще въ гораздо большей степени къ другимъ странамъ Западной Европы. Сѣверная Америка до сихъ поръ жила европейскими преданіями. Обстановка труда до сихъ поръ вездѣ чрезвычайно неблагопріятна, потому что дается ему такою организаціею общества, которая была устроена для дѣятельностей, совершенно не похожихъ на трудъ и требующихъ характера отношеній, противоположнаго тому, какой нуженъ для труда.

Если отъ этой обстановки, неудобной для труда, мы обратимся къ самой сущности труда, то естественныя науки заставляютъ насъ утверждать, что трудъ по своей сущности составляетъ для человѣка пріятность. Мы говоримъ это собственно о физическомъ или мускульномъ трудѣ, потому что привлекательность умственнаго или нервнаго труда извѣстна по опыту каждому, въ чьей головѣ трудъ этотъ достигаетъ или когда нибудь достигалъ какой нибудь энергіи. Мускульный трудъ, по прекрасному разъясненію Милля, состоитъ исключительно въ движеніи, и мускулы имѣютъ движеніе единственнымъ родомъ дѣятельности, къ какой способны. Выражаясь техническимъ языкомъ, движеніе составляетъ функцію мускуловъ, какъ зрѣніе составляетъ функцію глаза, слушаніе функцію ушей, мышленіе функцію головнаго мозга, пищевареніе функцію желудка. Есте-

ственныя науки говорятъ, что пріятное ощущеніе получается каждымъ изъ нашихъ органовъ тогда, когда онъ съ извѣстною степенью энергіи занятъ своею функціею. Напримѣръ, зрѣніе доставляетъ намъ пріятность, когда предметъ, на который смотритъ нашъ глазъ, занимателенъ для насъ, то есть когда онъ возбуждаетъ въ глазѣ довольно значительную энергію дѣятельности; мы имѣемъ пріятное ощущеніе въ желудкѣ, когда онъ пріобрѣлъ достаточное количество матеріала, нужнаго для его дѣятельности. Непріятное ощущеніе отъ извѣстной части организма производится или отсутствіемъ матеріала для ея дѣятельности, или внѣшнимъ препятствіемъ совершать эту дѣятельность. Однимъ изъ препятствій бываетъ чрезмѣрность матеріала, который массою своею превышаетъ силы организма. Напримѣръ, такое количество свѣта, при которомъ глазу удобно смотрѣть, доставляетъ глазу удовольствіе; но когда свѣтъ слишкомъ ярокъ, то есть когда глазъ получаетъ такое количество его, котораго не въ силахъ переработать удобнымъ для себя образомъ, глазъ страдаетъ; точно также желудку непріятно, когда пищи въ немъ уже слишкомъ много. Но недостатокъ матеріала, то есть невозможность заниматься своею функціею съ надлежащей энергіей, также производитъ въ органѣ непріятное чувство. Когда зрѣнію нечѣмъ заняться, мы чувствуемъ скуку; когда нечѣмъ заняться желудку, мы чувствуемъ голодъ.

Прилагая эти общіе выводы естественныхъ наукъ къ мускуламъ и къ ихъ функціи, т. е. къ движенію, т. е. къ труду, мы должны сказать, что отсутствіе нужнаго количества труда должно производить въ мускулахъ чувство неудовлетворенности, соотвѣтствующее чувствамъ скуки, тоски, голода; должны сказать, что, наоборотъ, чрезмѣрностью труда должно производиться въ мускулахъ также непріятное чувство изнуренія, соотвѣтствующее рѣзи въ глазу и чувству обремененности въ желудкѣ; а такимъ количествомъ труда, которое не превышаетъ силъ мускуловъ, должно производиться въ нихъ ощущеніе пріятное, какое производится не чрезмѣрнымъ количествомъ свѣта на глазъ, не чрезмѣрнымъ количествомъ пищи на желудокъ (*).

(*) Мы беремъ понятіе о функціи мускуловъ, движеніи, за понятіе равносильное понятію физическаго труда, состоящаго исключительно въ движеніи. Движеніе составляющее трудъ отличается отъ другихъ родовъ мускульнаго движенія, какъ напримѣръ, отъ игры, гигіеническаго моціона и т. д., только тѣмъ, что совершается по внушенію разсчета о

Мы видимъ, что изъ этого длиннаго разсужденія получается краткій выводъ, до того простой, что когда прійдешь къ нему, удивительно становится, какимъ образомъ могла явиться односторонность или ошибка, вызвавшая нужду въ изслѣдованіи и доказываніи того, что для всѣхъ всегда было ясно и понятно безъ всякихъ изслѣдованій. Мы пришли къ выводу, что трудъ долженъ быть сообразенъ съ силами человѣка и что онъ дуренъ т. е. непріятенъ тогда, когда превышаетъ ихъ. О чемъ тутъ разсуждать, что тутъ доказывать? Но мы еще будемъ имѣть много случаевъ видѣть, какъ важна практическая разница между истиною, очевидною до начала научныхъ изслѣдованій о ней, и тою же истиною, уже выдержавшею отрицаніе и подтвержденною научнымъ изслѣдованіемъ.

IV.

ОБЗОРЪ ОТДѢЛА О ТРУДѢ.

Послѣ этихъ общихъ разъясненій о различныхъ родахъ труда и потребленія и объ антропологическомъ характерѣ труда мы должны пересмотрѣть параграфъ за параграфомъ всѣ три первыя главы Милля, чтобы дополнить или исправить ихъ въ подробностяхъ.

Производство имѣетъ два элемента: трудъ и природу; природа доставляетъ матеріалъ, изъ котораго создаются трудомъ предметы, удовлетворяющіе человѣческимъ надобностямъ, и она же доставляетъ силы, которыми совершается передѣлка этого матеріала (гл. I. § 1). Трудъ дѣлаетъ только то, что ставитъ предметы въ положенія, при которыхъ они подвергаются отъ силъ природы такимъ перемѣнамъ, что дѣлаются годными для человѣка (§ 2). Потому дѣйствіе природы въ каждомъ процессѣ

своей полезности для матеріальнаго благосостоянія. Нѣтъ надобности говорить, что взрослый и разсудительный человѣкъ отдаетъ этому разсчету преимущество надъ всѣми другими личными своими побужденіями и потому скучнымъ и глупымъ кажется ему всякое движеніе, производимое не по разсчету о матеріальномъ благосостояніи. Политическая экономія признаетъ личный интересъ сильнѣйшимъ или даже единственнымъ важнымъ двигателемъ человѣческой жизни. Чѣмъ болѣе важное мѣсто мы приписываемъ ему, тѣмъ полнѣе охватываетъ трудъ всякую мускульную дѣятельность.

производства — количество несоизмѣримое съ количествомъ труда, и физіократы ошибались, думая, что въ мануфактурной промышленности силы природы дѣйствуютъ менѣе, чѣмъ въ земледѣліи (§ 3). Матеріалы и силы, доставляемыя труду природою, различаются въ экономическомъ отношеніи тѣмъ, что количество однихъ практически неограниченно, а количество другихъ практически ограниченно (§ 4). Все это очень ясно и вѣрно, все тутъ на своемъ мѣстѣ, и понятія разграничены съ большою точностью.

Но уже не то во второй главѣ. О чемъ собственно должна идти въ ней рѣчь? «о трудѣ, какъ дѣятелѣ производства», говоритъ ея заглавіе; о томъ, каковы различные способы, которыми трудъ участвуетъ въ производствѣ, о разныхъ формахъ труда, нужнаго на производство предмета. Такъ ли? Да. Просмотримъ же, что говорится объ этомъ.

Кромѣ труда, прямо обращеннаго на производство продукта, есть трудъ не прямо, но также необходимо участвующій въ этомъ производствѣ; именно, трудъ приготовительный на выдѣлку инструментовъ или матеріаловъ для этого производства (§ 1) и трудъ на приготовленіе запаса пищи и другихъ жизненныхъ необходимостей на содержаніе работниковъ во время производства (§ 2). Главная цѣль пищи и другихъ жизненныхъ потребностей въ самомъ продовольствованіи человѣка, а остальные роды труда, посвященные содѣйствующаго производству предмета, дѣлятся на пять главныхъ разрядовъ: производство матеріаловъ (§ 3), выдѣлка орудій труда (§ 4), охраненіе производства (§ 5); перевозка продуктовъ и вообще передача ихъ отъ производителя потребителю (§ 6); приготовленіе работниковъ (§ 7). Къ этому надобно вообще прибавить трудъ мышленія, которымъ порождены всѣ способы производства (§ 8). Эта классификація важна, а раздѣленіе родовъ труда на земледѣльческій, мануфактурный и торговый вообще не точно, и особенными качествами отличается только трудъ, непосредственно связанный съ землею, къ какому бы изъ этихъ трехъ разрядовъ ни причислялся (§ 9).

Вотъ, мы извлекли все, что относится собственно къ разъясненію различныхъ способовъ употребленія труда на производство; но исчерпали ль мы этимъ все содержаніе второй главы? Въ нашемъ изложеніи ни разу не употреблено слово «вознагражденіе», а оно является на каждой страницѣ во второй главѣ, и цѣлыя страницы посвящены въ ней разъясненію того, откуда берется вознагражденіе за тотъ или другой родъ труда, содѣй-

ствующаго производству. Мы спрашиваемъ теперь: относится ли понятіе вознагражденія собственно къ производству? Да, если въ трактатъ о производствѣ вы вводите изслѣдованіе психологическихъ побужденій къ производству; но Милль не дѣлаетъ этого: онъ не касается психологической стороны предмета, говоритъ о производствѣ исключительно въ экономическомъ отношеніи. А если такъ, то рѣчь о вознагражденіи можетъ принадлежать только трактатамъ о распредѣленіи и обмѣнѣ; производству до этого понятія нѣтъ никакого дѣла. Зачѣмъ же понятіе вознагражденія явилось раньше, нежели требуется классификаціею понятій по той самой теоріи, которую излагаетъ Милль?

Легко видѣть, зачѣмъ оно явилось; его употребленіе служитъ облегчающимъ пріемомъ для различенія того, къ какому продукту относится извѣстная форма труда: изъ какого продукта получается уплата за трудъ, къ производству того предмета и относится трудъ. Купецъ, продающій вамъ сукно, получаетъ плату за свой трудъ изъ цѣны сукна; значитъ, онъ участвовалъ въ доставленіи вамъ сукна, то есть, въ производствѣ сукна. Вотъ зачѣмъ явилась рѣчь о вознагражденіи тамъ, гдѣ дѣло должно идти о вопросѣ совершенно иного рода, о формахъ производства, а не объ отношеніи производства къ вознагражденію.

Мы спрашиваемъ теперь: сообразенъ ли такой пріемъ съ духомъ той самой теоріи, которую излагаетъ Милль? Развѣ по внѣшнимъ формамъ дѣла должно распознавать значеніе дѣла, а не по существеннымъ его качествамъ? Вы хотите разбирать, какія формы принимаетъ трудъ для содѣйствія производству; берите же ходъ производства и разсматривайте, какими способами соприкасается трудъ съ производствомъ продукта въ разныхъ фазахъ этого производства. Вы увидите, что для производства нужны: матеріалъ, инструментъ и работникъ; вотъ вамъ трудъ на добываніе матеріала, на выдѣлку инструмента, на заготовленіе пищи работнику и на приготовленіе самого работника къ дѣлу. Теперь производство можетъ начаться, но оно пойдетъ успѣшно только при охраненіи; продуктъ готовъ, надобно перевезти его на мѣсто потребленія и хранить въ готовности для потребителя — вотъ, вы имѣете трудъ охраненія, перевозки и торговли. Таковъ методъ изслѣдованія, приличный для науки: берите сущность дѣла, и анализируйте ее. Такъ вообще и поступаетъ Милль; но иногда онъ вдругъ рѣшаетъ дѣло инымъ путемъ: вмѣсто того, чтобы сказать «этотъ способъ труда со-

прикасается съ продуктомъ слѣдующимъ образомъ, и потому долженъ считаться составною частью его производства», онъ вдругъ начинаетъ разсуждать такъ: «этотъ человѣкъ получаетъ вознагражденіе за свой трудъ изъ продукта, слѣдовательно его трудъ участвуетъ въ производствѣ продукта»; это уже значитъ судить по внѣшнему признаку, по наружной формѣ, а не по сущности дѣла; это методъ меркантильной системы, методъ непригодный для науки и отвергаемый духомъ Смитовской теоріи.

Но облегчается ли хотя внѣшнимъ образомъ изслѣдованіе черезъ приложеніе такого поверхностнаго метода? Нѣтъ, оно только усложняется черезъ это; Милль безпрестанно долженъ дѣлать оговорки: хотя этотъ трудъ получаетъ вознагражденіе изъ этого продукта, но онъ участвуетъ въ производствѣ не этого, а другаго продукта. Если же такъ, если поверхностный методъ не приводитъ даже къ той цѣли, для которой долженъ служить, если онъ не сокращаетъ изслѣдованіе, а затягиваетъ его, то почему же онъ безъ всякой надобности впутывается въ дѣло? Мы легко можемъ замѣтить, отъ чего это происходитъ: школа Смита еще не умѣетъ совершенно очиститься отъ меркантильныхъ возврѣній, и съ своего собственнаго, глубокаго и часто научнаго вопроса: «какъ происходитъ дѣло?» безпрестанно сбивается на меркантильный вопросъ: «кто даетъ деньги на это дѣло? кому достается денежная выгода отъ него?» Вопросъ о томъ, кому достается выгода, очень важенъ; но о немъ должна быть рѣчь особенно, потому что ходъ дѣла и выгода дѣла—понятія совершенно различныя, и перепутываніе ихъ не можетъ не производить въ наукѣ сбивчивость.

Дѣйствительно, черезъ всю вторую главу Милля проходитъ смѣшиваніе понятій, относящихся къ сущности дѣла, съ возврѣніями, относящимися только къ одной изъ внѣшнихъ формъ его. Напримѣръ, для производства нужно, чтобы существовалъ запасъ пищи, нужной работнику во время производства, — это такъ, это сущность дѣла, это условіе коренное и неизмѣнное. Но смотрите, какъ тотчасъ же, неизвѣстно откуда, неизвѣстно зачѣмъ является (§ 2, послѣдній отдѣлъ, стр. 56—57) уже длинное разсужденіе о томъ, что часть продукта должна доставаться человѣку, снабдившему работниковъ продовольствіемъ на время работы,—не за трудъ производства, не за трудъ охраненія этого продовольствія, нѣтъ, за это идетъ особое вознагражденіе, — нѣтъ, за «отсрочку личнаго потребленія»; но развѣ это трудъ?

Нѣтъ, это уже явленіе другаго порядка вещей, явленіе умѣренности, разсчетливости, а не труда, то есть нѣчто несоизмѣримое съ трудомъ. Продуктъ — плодъ труда; какъ же вы опредѣлите, какая часть продукта пойдетъ на вознагражденіе за это явленіе, несоизмѣримое съ трудомъ? Плугъ произведенъ одною десятою частью всего труда, пошедшаго на производство 50 четвертей хлѣба; тутъ самою сущностью дѣла опредѣляется часть продукта, которая идетъ въ вознагражденіе за выдѣлку плуга,—это десятая часть изъ 50 четвертей, то есть 5 четвертей. Но сколько приходится человѣку — не за то, что онъ совершилъ извѣстное количество труда, а за то, что добродѣтеленъ, или уменъ, или воздержанъ, или краснорѣчивъ, или высокъ ростомъ, или изященъ своими манерами? Это достоинства прекрасныя, но совершенно различныя отъ понятія труда, неимѣющія съ нимъ никакой общей мѣры; потому невозможно опредѣлить имъ никакого вознагражденія частью продуктовъ труда. У каждаго спеціальнаго рода дѣятельности есть свой спеціальный результатъ, который и служитъ вознагражденіемъ за него; напримѣръ, за добродѣтель вознагражденіемъ служитъ пріятное состояніе совѣсти, за краснорѣчіе — вниманіе и апплодисменты слушателей, за изящество манеръ—уваженіе свѣтскихъ людей и т. д. Одно вознагражденіе пойдетъ къ другой дѣятельности, и несообразностью было бы говорить, напримѣръ, о томъ, что за добродѣтель человѣкъ долженъ быть приглашаемъ на балы и танцовальные вечера, или за изящныя манеры долженъ пользоваться уваженіемъ, какъ ораторъ, или получать извѣстную долю продуктовъ. У каждаго качества, у каждой дѣятельности, какъ мы сказали, свой особенный результатъ и собственно только въ этомъ результатѣ состоитъ вознагражденіе за качество или дѣятельность, которыми онъ произведенъ.

Такъ и умѣренность, воздержаніе отъ личнаго потребленія, отсрочка личнаго потребленія имѣетъ свой особенный результатъ, которымъ собственно и должна ограничиваться награда за это качество, или за этотъ фактъ. Положимъ, что у человѣка есть банка варенья въ 5 фунтовъ, и что нынѣ онъ не съѣлъ всѣ 5 фунтовъ, а съѣлъ только половину фунта — какое ему вознагражденіе за эту воздержность? Во первыхъ, то, что онъ не разстроилъ своего желудка; во вторыхъ то, что у него осталось чѣмъ полакомиться завтра, послѣ завтра. Точно тоже надобно сказать и о человѣкѣ, у котораго 3 четверти хлѣба и который

не растратилъ его въ одинъ день, а ѣстъ хлѣба всего по 2 фунта въ день—какая ему награда за это? Во первыхъ, какимъ бы образомъ онъ сѣлъ 3 четверти хлѣба въ одинъ день? Въ одинъ день онъ могъ бы спустить ихъ разомъ въ рѣку, а не въ свой желудокъ; но бросивъ ихъ въ рѣку, онъ поступилъ бы глупо, и первая награда ему за то, что онъ не сдѣлалъ этого — сознаніе, что онъ не поступилъ глупо, и что надъ нимъ не хохочутъ добрые люди. Во вторыхъ, когда онъ ѣстъ по 2 фунта хлѣба въ день, хлѣба ему достанетъ на цѣлый годъ; а если бы онъ не «оторочивалъ личнаго потребленія», израсходовалъ бы свой хлѣбъ въ одинъ день, ему завтра пришлось бы голодать.

Таковъ нормальный ходъ дѣла по сущности самаго дѣла. Но подъ вліяніемъ разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ мало ли что случается? Во Франціи Монтіонъ учредилъ денежныя преміи за добродѣтель; въ Турціи за умѣнье кружиться на одномъ мѣстѣ въ родѣ кубаря поклоняются дервишамъ, какъ великимъ подвижникамъ добродѣтели, между тѣмъ какъ нормальное вознагражденіе за это должно быть — приглашеніе поступить танцоромъ въ балетную труппу; въ древней Персіи считали умнѣйшимъ человѣкомъ того, кто можетъ больше выпить, не опьянѣвъ, между тѣмъ какъ нормальною наградою за это должна служить репутація горькаго пьяницы. Наука не можетъ принимать такихъ несоотвѣтственныхъ сущности дѣла послѣдствій за нѣчто нормальное, неизмѣнное, не можетъ вводить такихъ фактовъ въ свое изложеніе иначе, какъ изслѣдовавъ ихъ вліяніе на раціональный порядокъ дѣлъ; не можетъ, упоминая о нихъ, не прибавлять, хороши они или дурны, чѣмъ ихъ можно поддержать и развить, если они хороши, и наоборотъ ослабить и искоренить, если они дурны. У человѣка два глаза—нечего тутъ разсуждать, хорошо это, или дурно; надобно только описать устройство глазъ, и довольно: это нормальная принадлежность человѣческаго организма, это слѣдствіе закона природы производящаго организмъ. Но въ Египтѣ множество слѣпыхъ людей: объ этомъ фактѣ мало сказать, что онъ существуетъ; надобно сказать, хорошъ онъ или дуренъ, и чѣмъ его можно развить или отстранить, потому что онъ не нормаленъ, производится не тѣми законами, которыми производится человѣческій организмъ, а вліяніемъ случайныхъ, внѣшнихъ обстоятельствъ на дѣйствіе этихъ законовъ.

Мы видѣли, въ чемъ состоитъ нормальное вознагражденіе за оторочку личнаго потребленія, или умѣренности, или воздержа-

ніе: во-первыхъ, въ сознаніи благоразумности такого образа дѣйствій; во-вторыхъ, и это главное, въ томъ, что сохраненіе вещи, потребить которую не нужно человѣку нынѣ, даетъ ему средство потребить ее завтра, когда это потребленіе ему будетъ нужно. Если кромѣ этого нормальнаго вознагражденія существуетъ еще требованіе особеннаго вознагражденія, не вытекающаго изъ сущности дѣла и состоящаго въ томъ, чтобы количество продукта не просто сохранялось, а увеличивалось отъ его сохраненія, то наука должна разсмотрѣть, изъ какихъ внѣшнихъ, посторонніхъ самому дѣлу, обстоятельствъ проистекаетъ такое требованіе, благопріятны ли для общественнаго благосостоянія эти обстоятельства, и, если благопріятны, то какими способами можно поддержать и усилить ихъ, а если неблагопріятны, то какими способами можно ослабить и искоренить ихъ. Этимъ мы займемся, когда рѣчь будетъ идти о прибыли (profit) и о процентахъ (interest). Здѣсь мы только хотѣли показать, что Милль поступилъ не логически, когда внесъ въ изслѣдованіе объ основныхъ элементахъ производства фактъ, относящійся не къ производству, а къ распредѣленію и обмѣну, и притомъ внесъ этотъ фактъ въ свое изложеніе безъ критики, говоритъ о немъ, какъ о чемъ-то нормально принадлежащемъ теоріи, между тѣмъ какъ онъ вытекаетъ вовсе не изъ теоріи, вовсе не изъ основныхъ понятій о сущности дѣла, а просто изъ внѣшнихъ обстоятельствъ, посторонніхъ дѣлу.

Но еще гораздо страннѣе и противнѣе принципамъ самой теоріи Смита такія разсужденія, какія мы находимъ въ параграфѣ 7-мъ (стр. 64 и 65). «Для общества во всей цѣлости издержки «на воспитаніе малолѣтней части населенія составляютъ часть «расхода, служащаго условіемъ производства; напротивъ, от«дѣльные люди подвергаются этому труду и расходу не по тому «побужденію, чтобы получить въ будущемъ выгоду, и политиче«ская экономія въ большей части своихъ соображеній не долж«на причислять этого труда и расхода къ издержкамъ производ«ства.» Но какъ же не причислять, если онъ принадлежитъ? Для общества принадлежитъ, для частнаго человѣка не принадлежитъ, потому не причислять. Нѣсколькими строками дальше, опять тоже: человѣкъ лѣчится не по экономическому разсчету, а по другимъ побужденіямъ, потому трудъ и расходъ на лѣченье «выхо«дитъ изъ сферы почти всѣхъ общихъ теоремъ политической «экономіи»; а между тѣмъ и тутъ «если брать въ разсчетъ

«дѣла общества, а не дѣла отдѣльныхъ лицъ, то надобно «этотъ трудъ и расходъ» причислять къ издержкамъ производства. Тоже самое говорится и въ § 8-мъ о собственно умномъ трудѣ, о трудѣ отвлеченнаго мышленія: онъ рождаетъ, можно сказать, все производство; но ученые трудятся обыкновенно не собственно съ намѣреніемъ усовершать производство и получаютъ свое вознагражденіе не тѣмъ порядкомъ, какимъ получаютъ его ремесленники, фабриканты, купцы; потому «въ большей части вопросовъ политической экономіи не нужно принимать въ разсчетъ этого дѣла». Но черезъ нѣсколько строкъ Миллъ говоритъ, что политическая экономія должна быть постоянно готова переходить съ точки зрѣнія разсчетовъ и побужденій частныхъ лицъ на ту точку зрѣнія, которая дается національными и всеобщими интересами. Въ томъ и дѣло, что наука должна твердо помнить, какой точки зрѣнія должна она держаться. Сама теорія Смита говоритъ, и справедливо говоритъ, что наука должна говорить о благосостояніи общества. Если такъ, если она дѣйствительно должна считать расходомъ то, что составляетъ расходъ для общества, если трудъ отвлеченныхъ изслѣдованій, трудъ воспитанія и трудъ лѣченія составляютъ часть труда нужнаго обществу для производства, то какимъ же образомъ расходы на этотъ трудъ не составляютъ части издержекъ производства? Страннымъ образомъ Миллъ, въ противоположность своимъ прежнимъ словамъ, будто бы политическая экономія не должна почти никогда брать въ разсчетъ трудъ отвлеченнаго изслѣдованія, самъ прибавляетъ въ концѣ того же параграфа, что съ общественной точки зрѣнія трудъ этотъ долженъ считаться чрезвычайно производительнымъ.

Изъ его собственныхъ словъ мы видимъ, отчего произошла такая непослѣдовательность: порядокъ, по которому идутъ дѣла общества, онъ какъ будто считаетъ на этотъ разъ не столь важнымъ для науки, какъ анализъ побужденій, по которымъ дѣйствуютъ частныя лица. Но если наука забываетъ объ обществѣ для частнаго лица, она уже должна говорить, что изслѣдованія объ обществѣ не ея предметъ, а предметъ какой нибудь другой науки. Политическая экономія имѣетъ другія притязанія: она хочетъ говорить объ обществѣ; такъ пусть же и говоритъ о немъ.

Само собою разумѣется, что Миллъ дѣлаетъ ошибку, исключая трудъ лѣченія, воспитанія и научнаго изслѣдованія изъ элементовъ труда, нужнаго производству. Ошибка такъ ясна, что

почти не стоило бы и упоминать о ней. Но мы замѣчаемъ ее только для того, чтобы спросить читателя: можно ли ожидать полноты и послѣдовательности въ разрѣшеніи многосложныхъ вопросовъ отъ теоріи, которая спотыкается въ такихъ простыхъ вещахъ?

Мы видѣли источникъ ошибки: онъ состоитъ въ томъ, что общественный разсчетъ забывается для психологическихъ разсужденій о побужденіяхъ и желаніяхъ частныхъ лицъ. Эта непослѣдовательность, не могущая держаться на высотѣ общественныхъ соображеній и безпрестанно падающая въ меркантильные разсчеты одного только сословія или просто отдѣльныхъ лицъ, господствуетъ во всей второй главѣ. Отъ этой непослѣдовательности произошло и обычное понятіе о способѣ, по которому трудъ вознаграждается продуктомъ. Станемъ на точку зрѣнія общественнаго разсчета и посмотримъ, въ чемъ сущность дѣла.

Положимъ, что общество, состоящее изъ 100 человѣкъ, собираетъ жатву въ 500 четвертей. Положимъ, что этой жатвы достаточно на его пропитаніе въ теченіе года до слѣдующей жатвы. Оно будетъ заниматься по прежнему земледѣліемъ. Если на слѣдующую жатву оно соберетъ 500 четвертей хлѣба, трудъ его вознаградился: на поддержку труда пошло 500 четвертей и продуктъ труда составилъ 500 четвертей. Послѣ жатвы втораго года, общество остается точно въ такомъ же положеніи, въ какомъ было годъ тому назадъ.

Но если вторая жатва дала не 500 четвертей, какъ прежняя, а только 400 четвертей, трудъ общества не вполнѣ вознаградился. Если въ первый годъ, потребляя 500 четвертей, оно не нуждалось, оно будетъ нуждаться во второй годъ, имѣя только 400 четвертей.

Если же вторая жатва дала 600 четвертей, трудъ вознаградился съ избыткомъ и положеніе общества во второй годъ будетъ лучше, чѣмъ въ первый.

Вотъ научная сущность понятія о вознагражденіи труда. Трудъ вознагражденъ, если въ продуктѣ получается такое же количество нужныхъ вещей, какое было потреблено на производство труда. Въ этомъ случаѣ существованіе поддерживается безъ ухудшенія и безъ улучшенія. О томъ, удовлетворительно ли это для человѣка и для общества и при какихъ случаяхъ должно быть признано неудовлетворительнымъ, а нужно еще излишекъ въ продуктѣ надъ расходами производства, мы бу-

денъ говоритъ впослѣдствіи. Теперь мы хотимъ только замѣтить, что очень странно и ошибочно дѣлаетъ Милль, когда вмѣсто этого понятія о вознагражденіи, то есть, объ отношеніи массы продуктовъ къ массѣ вещей, расходуемыхъ на производство, подстановляетъ разговорное понятіе о вознагражденіи, какъ о рабочей платѣ. Это двусмысліе ведетъ къ важнымъ запутанностямъ.

Чѣмъ опредѣляется обширность производствъ, которыми можетъ заниматься общество? Массою запасовъ, какіе оно уже имѣетъ для продовольствія работниковъ при началѣ производства. Напримѣръ, европейскія общества, по словамъ самаго Милля, могутъ получать свою пищу посредствомъ земледѣлія, то есть посредствомъ процессовъ производства, требующихъ цѣлый годъ времени, только потому, что имѣютъ запасъ продовольствія на цѣлый годъ. При научномъ понятіи о вознагражденіи эти запасы, будучи матеріаломъ или орудіемъ труда, никакъ не могутъ называться вознагражденіемъ за тотъ земледѣльческій трудъ, плодомъ котораго будетъ жатва слѣдующей осени. Съ общественной точки зрѣнія всякая работа, относящаяся къ земледѣлію, получаетъ свое вознагражденіе изъ жатвы слѣдующей осени; величина сбора отъ этой слѣдующей жатвы покажетъ, вполнѣ ли вознаградился трудъ, или съ излишкомъ, или не вполнѣ. Но отъ этого вознагражденія будетъ зависѣть состояніе, трудъ и жизнь общества уже въ слѣдующемъ году, а трудъ нынѣшняго года зависитъ отъ прошлой жатвы, но вовсе не отъ слѣдующей жатвы. Самъ Милль возвращается къ этимъ болѣе правильнымъ выраженіямъ въ главахъ о капиталѣ; зачѣмъ же въ § 2-мъ второй главы онъ толкуетъ, что одни работники получаютъ свое вознагражденіе изъ прошлой жатвы, другіе изъ слѣдующей жатвы? Въ сущности, всѣ они одинаково получаютъ вознагражденіе изъ слѣдующей жатвы, а средства къ труду всѣ одинаково получаютъ изъ прошлой жатвы. Но Милль не остерегся, и вмѣсто общаго научнаго воззрѣнія, идущаго къ корню вещей, къ средствамъ и способамъ труда, подставилъ случайныя и внѣшнія формы, принимаемыя этимъ дѣломъ при томъ экономическомъ состояніи, въ какомъ находятся нынѣ нѣкоторыя страны. Напримѣръ, въ Англіи, фермеръ выручаетъ деньги затраченныя на производство, продавая жатву, — итакъ, онъ получаетъ вознагражденіе изъ жатвы, слѣдующей за трудомъ; но купецъ въ лавкѣ получаетъ отъ него деньги за

плугъ, которымъ будутъ пахать землю только уже въ мартѣ, — итакъ, онъ получилъ вознагражденіе изъ прошлой жатвы. Такъ дѣлается въ Англіи, и Милль безъ всякой критики выдаетъ эти явленія за сущность дѣла. Нѣтъ, сущность дѣла не такова, она только покрыта этими формами.

Важно ли то для теоріи, къ разнымъ ли семействамъ принадлежатъ фермеръ и кузнецъ? Предположимъ, что у фермера есть сынъ кузнецъ и что онъ сдѣлалъ плугъ для отцовской фермы. Въ такомъ случаѣ плугъ не проданъ, онъ просто сдѣланъ, онъ остается въ однѣхъ рукахъ, платы за него не было производимо. Но почему плугъ сдѣланъ? Потому что фермеръ произвелъ слѣдующій разсчетъ: имѣя хорошій плугъ, я получу не 200, а 250 четвертей хлѣба; плугъ стоитъ только того труда, какого стоятъ 10 четвертей хлѣба, — итакъ, жатва слѣдующаго года съ избыткомъ вознаградитъ нашу семью за выдѣлку плуга: мы израсходуемъ 10 четвертей на трудъ, который дастъ 50 четвертей. Ясно, что работа кузнеца въ сущности вознаграждается слѣдующею жатвою, подобно работѣ фермера.

Теперь, почему же у фермера одинъ изъ сыновей могъ выучиться кузнечному дѣлу? Ясно, только потому, что остальные члены семьи производили достаточно хлѣба для своего и для его прокормленія, пока онъ учился кузнечеству. Почему онъ въ нынѣшнемъ году можетъ заниматься кузнечествомъ, а не принужденъ добывать съѣстные припасы для себя рыбачествомъ или охотничествомъ? Ясно, только потому, что въ прошедшую жатву фермеръ съ другими сыновьями заготовилъ довольно хлѣба на свое и его пропитаніе до слѣдующей жатвы. Ясно, что кузнецъ, подобно земледѣльцу, содержится продуктами прошлой жатвы.

Въ обыкновенной рутинѣ и въ разговорномъ языкѣ понятіе вознагражденія смѣшивается съ понятіемъ рабочей платы. Милль впадаетъ въ ошибку, перенося въ область науки эту спутанность. Рабочая плата составляетъ сумму предметовъ, получаемыхъ трудящимся, если онъ трудится не въ свою собственную прибыль, а въ прибыль хозяина. Вознагражденіе за трудъ есть вся сумма продуктовъ, бывающихъ результатомъ труда. Мы впослѣдствіи увидимъ важность соблюденія ясной памяти объ этомъ различіи.

Третья глава посвящена почти вся подраздѣленію труда на производительный и непроизводительный. Въ примѣчаніяхъ 8,

9 и 10 мы уже говорили объ ошибочности выраженій, которыя Милль слишкомъ доверчиво взялъ изъ Се. Кромѣ этого и кромѣ другихъ маловажныхъ подробностей, понятія Милля проведены логично; но самъ онъ говоритъ, что разница между производительнымъ и непроизводительнымъ трудомъ вовсе не важна. Мы видѣли, что онъ говоритъ это совершенно справедливо. Зачѣмъ же онъ употребляетъ на изслѣдованіе этихъ неважныхъ различій нѣсколько страницъ, между тѣмъ какъ посвящаетъ всего по одной страничкѣ разсмотрѣнію классификацій гораздо важнѣйшихъ, разсмотрѣнію понятій о производительномъ и непроизводительномъ потребленіи, понятій о трудѣ, продукты котораго обращаются или не обращаются на поддержаніе производства? Зачѣмъ отдѣлываться нѣсколькими словами отъ предметовъ, которые самъ признаешь важными, и тратить почти цѣлую главу на длинныя разсужденія о вещи, которую самъ признаешь не важной? Опять рутина и рутина. Сорокъ лѣтъ тому назадъ ученые люди вели длинный споръ; теперь мы увидѣли, что одни изъ этихъ ученыхъ людей говорили совершенный вздоръ и что противники ихъ были совершенно правы и что весь споръ былъ совершенно пустъ. Мы знаемъ это, но излагаемъ передъ читателемъ весь споръ со всѣми подробностями. О другихъ предметахъ, гораздо важнѣйшихъ, мало говорилось сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, потому и мы почти не говоримъ о нихъ, хотя знаемъ, что они очень важны. Это все равно, что въ исторіи русской литературы посвятить двадцать страницъ Княжнину и по одной страницѣ Пушкину и Гоголю. Что вы скажете объ удовлетворительности такого руководства къ изученію русской литературы?

Въ § 4 встрѣчается непослѣдовательность, которая вполнѣ разоблачится для насъ тогда, когда мы станемъ говорить о теоріи заграничной торговли, на которую мы должны мимоходомъ указать теперь же, какъ примѣръ тому, что школа Смита не умѣетъ доходить до конца счета и останавливается на срединѣ его: непроизводительный трудъ вообще не увеличиваетъ, а уменьшаетъ богатство страны, говоритъ Милль, — справедливо; но, продолжаетъ онъ, «на счетъ другихъ націй нація можетъ увеличивать свое богатство и непроизводительнымъ трудомъ» (стр. 75) и приводитъ въ доказательство итальянскихъ пѣвицъ, древнихъ греческихъ наемныхъ солдатъ, риторовъ и т. д. Прекрасно, но только вотъ что: нынѣшняя Италія съ сво-

ими пѣницами бѣдная Англія, изъ которой везутъ они золото въ Италію; Греція съ каждымъ годомъ разворялась въ то время, когда стали ходить на службу персамъ ея солдаты, на службу къ римлянамъ ея риторы. Не надобно ли предполагать, что непроизводительно нажитое богатство не можетъ идти въ прокъ націи, хотя бы оно привезлось и изъ-за границы?

Чтобы разобрать это, обратимся къ цифрамъ. Положимъ, что въ какомъ нибудь древнемъ греческомъ обществѣ было 1,000 взрослыхъ работниковъ при 4,000 населенія, что 200 человѣкъ изъ взрослыхъ мужчинъ ушли въ Персію, на службу какому нибудь Артаксерксу, что 50 человѣкъ изъ нихъ убиты на войнѣ или умерли на чужой сторонѣ, а 150 воротились назадъ и каждый изъ нихъ привезъ съ собою по пуду золота, между тѣмъ какъ въ этомъ обществѣ 25 четвертей хлѣба, добываемыя работникомъ, стоили всего только одну десятую часть фунта золота. Каждый изъ возвратившихся воротился въ такомъ случаѣ богачемъ въ родѣ нашего землевладѣльца, имѣющаго 1,000 десятинъ хорошей земли. Посмотримъ же на производство въ этомъ обществѣ до отправленія авантюристовъ на войну, потомъ во время ихъ отсутствія и наконецъ по ихъ возвращеніи.

До отъѣзда авантюристовъ было 1,000 взрослыхъ работниковъ, кормившихъ 4,000 человѣкъ. Положимъ, что каждый изъ нихъ производилъ 25 четвертей хлѣба; въ такомъ случаѣ на каждаго жителя приходилось 6,25; если на безбѣдную жизнь нужно было по 6 четвертей человѣку, это обстоятельство имѣло нѣкоторый, правда, не очень большой, но все-таки чувствительный избытокъ.

Но вотъ 200 человѣкъ авантюристовъ ушло въ Персію. Въ обществѣ осталось при 3,800 человѣкъ населенія только 800 работниковъ. Каждому работнику приходится кормить уже не 4 человѣкъ, какъ прежде, а 4,75, т. е. 4 работника кормятъ не 16 человѣкъ, какъ прежде, а цѣлыхъ 19 человѣкъ. Производя по 25 четвертей каждымъ работникомъ, общество имѣетъ только по 5,25 четвертей на человѣка; оно чувствуетъ довольно сильную нужду.

Вотъ возвратились авантюристы. Они люди богатые, заниматься черной работой они не станутъ. Не привычно имъ богатству не только пахать землю, но и самимъ убирать въ комнатахъ, чистить платье; каждому изъ нихъ нуженъ слуга. Денегъ они не жалѣютъ, и каждый охотно бросаетъ земледѣліе,

чтобы быть лакеемъ у кого нибудь изъ нихъ. Съ появленіемъ 150 господъ явилось 150 лакеевъ и за земледѣліемъ осталось всего 650 человѣкъ. Они должны кормить 3,950 человѣкъ (3,800 человѣкъ прежняго населенія и 150 возвратившихся авантюристовъ), т. е. каждому приходится кормить по 6,05 человѣкъ, т. е. на каждаго жителя общество имѣетъ только по 4,13 четвертей хлѣба. Нужда стала несравненно тяжеле прежняго. Имѣть вмѣсто 6 четвертей въ годъ только 4, значитъ, или каждому человѣку изъ трехъ дней одинъ проводить безъ пищи, или изъ каждыхъ трехъ человѣкъ одному умереть съ голоду. Лучше было бы всѣмъ 200 человѣкамъ авантюристамъ погибнуть на войнѣ; тогда пропало бы 200 человѣкъ, а теперь пропадаетъ 1,300.

Этотъ выводъ приложимъ ко всякому случаю, когда нація пріобрѣтаетъ какія нибудь суммы богатства насчетъ другихъ націй: богатство, пріобрѣтенное ею съ убыткомъ для другихъ, служитъ источникомъ разоренія для нея самой. Каждый экономистъ говоритъ, что такова была выгоднѣе огромныхъ массъ богатства, поступавшихъ при Филиппѣ II и его преемникахъ изъ Америки въ Испанію. Только теперь, лишившись американскихъ владѣній, лишившись средства жить на чужой счетъ, будучи принуждена сама заниматься производительными работами, Испанія начинаетъ оправляться отъ долгаго разоренія, принесеннаго ей приливомъ американскихъ богатствъ. Отдѣльный человѣкъ, или какая нибудь малочисленная шайка людей можетъ богатѣть чужимъ трудомъ; но цѣлая нація можетъ поддерживать и увеличивать свое благосостояніе только собственнымъ трудомъ; всякое обстоятельство, отвлекающее націю отъ этого единственнаго источника ея жизни, разоряетъ націю. Сама теорія Смита очень хорошо доказываетъ это; но, какъ видимъ, не всегда умѣетъ остаться вѣрна своему собственному принципу и часто обольщается поверхностными меркантильными впечатлѣніями. Мы много разъ уже указывали источникъ такихъ ея ошибокъ: она останавливается на второстепенныхъ явленіяхъ обмѣна, вмѣсто того, чтобы проникать до основныхъ фактовъ производства; забываетъ сосчитывать отношеніе рабочихъ силъ общества къ массѣ продуктовъ первой необходимости, которая была бы нужна для общественнаго благосостоянія.

Новымъ замѣчательнымъ примѣромъ этой забывчивости служитъ второй отдѣлъ послѣдняго параграфа третьей главы (стр. 79). Милль говоритъ, что если въ извѣстной странѣ значительная

часть годичнаго продукта идетъ на непроизводительное потребленіе, то надобно радоваться тому, что общество располагаетъ такимъ большимъ излишкомъ, а жалѣть надобно только о томъ, что этотъ излишекъ распредѣляется съ удивительною неравномѣрностью, употребляется на вещи пустыя и отдается людямъ не возвращающимъ за него равномѣрныхъ услугъ обществу. Такъ, надобно жалѣть объ этомъ; но безъ точныхъ изслѣдованій нельзя еще рѣшить, дѣйствительно ли этотъ кажущійся излишекъ долженъ считаться излишкомъ. Очень можетъ быть, что въ сущности излишка вовсе нѣтъ, а часть необходимаго отвлекается отъ разсудительнаго употребленія на первыя необходимости, чтобы служить на предметы роскоши; очень можетъ быть, что феноменъ, представляющійся излишкомъ, производится фальшивымъ образомъ. Если мы будемъ говорить объ этомъ, не произведя точнаго расчета общественныхъ средствъ, мы легко впадемъ въ меркантильное заблужденіе. Мы знаемъ, что въ расходахъ частныхъ лицъ часто бываетъ такая фальшь. Мы видимъ, напримѣръ, что какой нибудь господинъ бросаетъ десятки рублей цыганскому хору. Если мы не сочли его доводовъ, то можно-ли впередъ сказать, что надобно радоваться существованію у него значительнаго излишка, а можно жалѣть только о томъ, что онъ бросаетъ лишнія деньги на вошлое и пустое удовольствіе, вмѣсто того чтобы доставлять себѣ на нихъ удовольствія возвышенныя, напримѣръ, покупать картины или составлять библіотеку? Нѣтъ, мы еще не знаемъ, дѣйствительно ли можно считать излишкомъ у него тѣ деньги, которыя бросаетъ онъ цыганамъ. Очень можетъ быть, что онъ живетъ на довольно дурной квартирѣ, нуждается въ бѣльѣ, подвергаетъ лишеніямъ свое семейство. Точно таково же то національное явленіе, которое обыкновенно принимается за признакъ избытка. Очень можетъ, быть что въ сущности нація вовсе еще не имѣетъ никакого излишка, когда тратитъ часть своихъ продуктовъ на предметы роскоши. Чтобы рѣшить это, надобно сосчитать, удовлетворены ли достаточнымъ образомъ первыя ея потребности. Не знаемъ, каково матеріальное благосостояніе обществъ, существующихъ на Лунѣ, Марсѣ и Сиріусѣ. Но что касается до обществъ, существующихъ, напримѣръ, въ Западной Европѣ, то статистика показываетъ, что ни въ одномъ изъ нихъ не обращается достаточное количество продуктовъ на удовлетвореніе первыхъ потребностей: въ Англіи, во Франціи, въ Германіи, не

говоря уже о другихъ странахъ, масса населенія до сихъ поръ не имѣетъ удовлетворительной пищи, одежды и порядочнаго помѣщенія. А если такъ, то эти націи еще не имѣютъ излишка, который могли бы разсудительнымъ образомъ обращать на непроизводительное потребленіе или на какіе бы то ни было предметы роскоши. Если такъ, надобно жалѣть не только о томъ, что мнимый излишекъ, идущій на эти предметы, распредѣляется и употребляется дурно: надобно еще больше жалѣть о томъ, что нація обольщается, воображая, будто имѣетъ излишекъ, когда вовсе не имѣетъ его; надобно жалѣть, что она тратитъ часть своихъ силъ на выдѣлку бездѣлушекъ, когда еще не выдѣлываетъ достаточнаго количества хлѣба.

Мы полагаемъ, что читателю не совсѣмъ легко теперь свести въ одно воззрѣніе ту часть переведеннаго нами отдѣла, которая осталась нетронутою отъ нашихъ замѣчаній, съ нашими дополненіями къ ней и возраженіями на другую часть мыслей Милля. Для облегченія этого труда читателю, мы конечно обязаны сами изложить въ систематическомъ видѣ ту теорію труда, которая возникаетъ изъ свода нашихъ дополненій и замѣчаній съ мыслями, находящимися у Милля. Но по тѣсной связи понятій труда и капитала, полезно будетъ отложить эту задачу до разсмотрѣнія теоріи капитала; тогда мы представимъ общій взглядъ на характеръ обоихъ этихъ дѣятелей производства.

ГЛАВА IV.

КАПИТАЛЪ.

1. Въ предыдущихъ главахъ мы видѣли, что кромѣ двухъ первоначальныхъ, и необходимыхъ элементовъ производства, есть еще третій элементъ, безъ котораго невозможны никакіе производительные процессы, кромѣ развѣ грубыхъ и скудныхъ начинковъ первобытной промышленности: мы видѣли, что сверхъ труда, сверхъ матеріаловъ и силъ, доставляемыхъ природою, нуженъ для производства предварительно накопленный запасъ продуктовъ прежняго труда. Этотъ накопленный запасъ продуктовъ труда называется капиталомъ. Ясное пониманіе роли капитала въ производствѣ чрезвычайно важно, потому что очень многія изъ ошибочныхъ мнѣній, портящихъ нашу науку, возникаютъ изъ неполноты и сбивчивости понятія объ участіи капитала въ производствѣ ([12]).

([12]) Мы увидимъ чрезвычайную важность различія между понятіемъ о капиталѣ, какъ только той части накопленныхъ продуктовъ труда, которая имѣетъ своимъ назначеніемъ производительное употребленіе, и понятіемъ о капиталѣ, какъ о всей суммѣ накопленныхъ продуктовъ безъ всякаго разбора въ назначеніи, какое имѣютъ эти продукты. Мы увидимъ, что только первое понятіе, принимаемое Миллемъ, соотвѣтствуетъ надобностямъ научной классификаціи, а второе, по небрежности допущенное большею частью континентальныхъ экономистовъ, ведетъ къ безчисленнымъ запутанностямъ и несообразностямъ. Эта раздвоенность понятій, спутывающая большинство и спеціалистовъ и публики, происходитъ, какъ и съ терминомъ «богатство», отъ того, что наука, сообразно своимъ надобностямъ, придала слову капиталъ значеніе не то, какое принадлежитъ ему въ разговорной рѣчи. Многіе ученые, забывая о важности болѣе тѣснаго опредѣленія, даннаго наукой, вовлекались въ ошибку, придавая по временамъ тому же самому термину въ своихъ изслѣдованіяхъ широкое разговорное значеніе, несоотвѣтствующее научной надобности. Отъ этой забывчивости не всегди бываютъ свободны и англійскіе экономисты. Но у континентальныхъ экономистовъ сбивчивость увеличивается тѣмъ, что англійскій языкъ, литература котораго служитъ кореннымъ источникомъ для изученія Смитовской теоріи, имѣетъ кромѣ слова «капиталъ», *the capital*, еще нѣсколько словъ, которыя иностранецъ легко смѣшиваетъ съ нимъ; изъ

По мнѣнію людей, совершенно непривычныхъ къ размышленію о такомъ предметѣ, капиталъ представляется понятіемъ совершенно равнозначительнымъ съ деньгами. Разоблачать эту ошибку значило бы повторять то, что мы говорили во введеніи. Деньги точно такъ же не капиталъ, какъ и не богатство. Сами по себѣ, деньги не могутъ совершать ни малѣйшей части дѣйствій капитала, потому что не могутъ давать никакого содѣйствія производству. Чтобы содѣйствовать ему, деньги должны быть обмѣнены на другія вещи, и все, что можетъ быть обмѣнено на другія вещи, можетъ содѣйствовать производству точно въ такой же степени какъ деньги. Капиталъ помогаетъ производству тѣмъ, что даетъ удобное помѣщеніе, охраненіе, инструменты и матеріалы, нужные для работы, даетъ пищу и другое содержаніе работникамъ въ продолженіе работы. Это услуги, требуемыя настоящимъ трудомъ отъ прошедшаго труда и его продуктовъ. Капиталомъ называются всѣ тѣ вещи, которыя назначены къ этому употребленію, то есть къ снабженію производительнаго труда различными предварительными условіями, которыхъ онъ требуетъ.

Чтобы ближе усвоить себѣ понятіе капитала, посмотримъ, какой видъ принимаетъ капиталъ, употребленный на какую нибудь отрасль производительной промышленности. Мануфактуристъ имѣетъ часть своего капитала въ формѣ строеній, приспособленныхъ и назначенныхъ къ веденію извѣстной отрасли мануфактурнаго дѣла. Другую часть капитала онъ имѣетъ въ формѣ машинъ. Третья часть состоитъ у него въ хлопчатой бумагѣ, льнѣ или шерсти, если онъ за-

---

нихъ особенно сильнымъ поводомъ къ обвиненію было слово *the stock*, которое въ разговорной рѣчи переводится на французскій, нѣмецкій или русскій языкъ чаще всего также словомъ «капиталъ». Можно вообразить себѣ, какая путаница должна произойти, когда, во-первыхъ, смѣшиваются два разныя значенія англійскаго слова *the capital*, научное и разговорное, и къ прибавокъ само это слово въ обоихъ своихъ значеніяхъ спутывается въ умѣ французскаго, нѣмецкаго или русскаго ученика англичанъ съ словомъ *the stock*, которое употребляется англійскими экономистами безъ всякаго точнаго опредѣленія, потому что не служитъ у нихъ научнымъ терминомъ, и сохраняетъ всѣ разнообразные оттѣнки разговорнаго своего значенія. Чтобы избѣжать этой путаницы, мы употребляемъ слово «капиталъ» исключительно только тамъ, гдѣ оно стоитъ и въ англійскомъ подлинникѣ, а слово *the stock* переводимъ словомъ «запасъ» или выраженіями «масса продуктовъ», «масса цѣнностей» и т. п.; но никогда не замѣняемъ его словомъ «капиталъ». У Милля, надобно отдать ему справедливость, слово *the capital* постоянно принимается исключительно въ своемъ научномъ смыслѣ: онъ никогда не забываетъ, что если наука разъ дала извѣстному слову точный смыслъ научнаго термина, то уже постоянно должна сохранять за нимъ этотъ смыслъ. Несоблюденіемъ этого требованія научной терминологіи большинство нынѣшнихъ французскихъ экономистовъ сильно повредило развитію науки въ своей странѣ.

нимается пряденіемъ; въ льняной, шерстяной, шолковой или бумажной пряжѣ, если онъ занимается ткаченъмъ; состоитъ вообще въ матеріалахъ, требуемыхъ его родомъ фабрикаціи. Въ нынѣшнее время нѣтъ обычая, чтобы мануфактуристъ прямо запасалъ пищу и одежду для своихъ работниковъ, и кромѣ людей, занимающихся производствомъ пищи или одежды, мало найдется такихъ капиталистовъ, у которыхъ значительная часть капитала находилась бы въ этомъ видѣ. Но за то у каждаго капиталиста есть деньги, которыми онъ даетъ плату своимъ работникамъ, то есть даетъ имъ возможность снабжать себя пищею и одеждою. Кромѣ того онъ имѣетъ въ своихъ кладовыхъ изготовленные товары, продажею которыхъ также выручаетъ деньги на выдачу платы работникамъ, на пополненіе запаса матеріаловъ, на поправку строеній и машинъ и на пріобрѣтеніе новыхъ, послѣ совершенной порчи старыхъ. Но не всѣ его деньги, не всѣ его изготовленные товары входятъ въ составъ его капитала, потому что не всѣ они обращаются имъ на эти цѣли: часть наличныхъ денегъ и часть выручки за товары онъ обращаетъ на свое личное потребленіе и на потребленіе своего семейства, на наемъ домашней своей прислуги, на содержаніе охотничьихъ лошадей и собакъ для себя, на воспитаніе своихъ дѣтей, на уплату налоговъ или на дѣла благотворительности. Въ чемъ же состоитъ его капиталъ? Въ той части его имущества, которую назначаетъ онъ на веденіе новаго производства, какова бы ни была форма этого имущества. Если часть его или все оно имѣетъ форму, въ которой не можетъ прямо удовлетворять надобностямъ работниковъ, это все равно.

Положимъ, напримѣръ, что капиталистъ занимается выдѣлкою желѣзныхъ вещей и что за исключеніемъ его инструментовъ весь его капиталъ состоитъ въ данное время изъ желѣзныхъ издѣлій. Желѣзныя издѣлія не могутъ служить пищею работникамъ. Но простою перемѣною въ назначеніи этихъ желѣзныхъ издѣлій, онъ можетъ доставить пищу работникамъ. Положимъ, что частью своей выручки онъ хотѣлъ содержать охоту или домашнюю свою прислугу и что перемѣнивъ намѣреніе, онъ начинаетъ употреблять часть этой выручки на свою фабрикацію, выдавая ее въ плату большему числу работниковъ, чѣмъ прежде. Вновь нанятые работники получаютъ теперь возможность покупать и потреблять пищу, которая прежде была бы съѣдена охотничьими собаками или домашними служителями; такимъ образомъ, хотя хозяинъ не видѣлъ глазами и не касался рукою ни одной крохи пищи, его рѣшеніе опредѣлило, что изъ пищи существующей въ странѣ, извѣстное количество, потреблявшееся прежде совершенно непроизводительнымъ образомъ, обратилось на употребленіе производительныхъ работниковъ. Измѣнимъ

теперь гипотезу и предположимъ, что деньги, обращенныя хозяиномъ на рабочую плату, расходовались прежде не на содержаніе прислуги или охоты, а на покупку серебряныхъ и золотыхъ вещей; чтобы дѣйствіе этой перемѣны было замѣтно, предположимъ, что перемѣна совершается въ значительномъ размѣрѣ, что отъ покупки золотыхъ и серебряныхъ вещей большая сумма обращается на плату производительнымъ работникамъ, о которыхъ мы предположимъ, что прежде они, подобно ирландскимъ поселянамъ, были только наполовину заняты и сыты. При увеличеніи своей платы работники израсходуютъ прибавку въ ней не на золотыя и серебряныя вещи, а на пищу. Но количество пищи въ странѣ не увеличилось и нѣтъ въ ней непроизводительныхъ работниковъ или животныхъ, отъ которыхъ пища перенеслась бы на производительныя цѣли. Пища будетъ, если можно, ввезена въ страну, а если ввозъ невозможенъ, то работники до слѣдующаго лѣта останутся на своемъ скудномъ продовольствіи. Но отъ перемѣны непроизводительнаго расхода капиталистовъ въ производительный произошла перемѣна въ запросѣ на товары, и эта перемѣна въ запросѣ будетъ имѣть своимъ слѣдствіемъ то, что на слѣдующій годъ будетъ произведено больше пищи и меньше серебряныхъ и золотыхъ вещей. Такимъ образомъ, когда люди, не имѣющіе прямаго соприкосновенія съ пищею работниковъ, обратили часть какой бы то ни было своей собственности отъ непроизводительнаго назначенія къ производительному, слѣдствіемъ этой перемѣны было то, что стало производиться большее количество пищи на потребленіе производительныхъ работниковъ. Итакъ различіе между капиталомъ и не-капиталомъ состоитъ не въ характерѣ имущества, а въ намѣреніи капиталиста, въ его рѣшеніи употреблять это имущество на ту или на другую цѣль; и всякое имущество, хотя бы само по себѣ и было совершенно не пригодно къ употребленію работниковъ, составляетъ капиталъ, когда оно, или цѣнность, какую можно получить за него, опредѣляется для производительнаго употребленія. Сумма всѣхъ цѣнностей, назначенныхъ на такое употребленіе своими владѣтелями, составляетъ капиталъ страны. Всѣ ли эти цѣнности имѣютъ форму, прямо приложимую къ производительному употребленію, или нѣкоторыя изъ нихъ не имѣютъ формы прямо пригодной для него, это все равно. Если онѣ предназначены на эту цѣль, то онѣ найдутъ путь преобразоваться въ вещи, пригодныя для нея.

2. Всѣ продукты страны, назначенные на производство, составляютъ капиталъ; и, говоря на оборотъ, весь капиталъ страны назначенъ на производство. Но эта вторая теорема подлежитъ нѣко-

торыми ограниченіями и объясненіями. Извѣстное имущество можетъ искать производительнаго употребленія и не находить такого употребленія, которое соотвѣтствовало бы желаніямъ владѣтеля; въ такомъ случаѣ эта сумма все-таки капиталъ, но капиталъ, остающійся безъ употребленія. Другой случай: запасъ имущества можетъ состоять изъ нераспроданныхъ товаровъ, не пригодныхъ для прямаго приложенія къ производительному употребленію и не находящихъ себѣ сбыта въ извѣстное время; эти товары, пока лежатъ непроданы, находятся въ состояніи капитала, остающагося безъ употребленія. Третій случай: искуственныя или случайныя обстоятельства могутъ приводить къ необходимости затрачивать впередъ, передъ началомъ производства, такую массу запасовъ, то есть капитала, которая больше размѣра, требуемаго сущностью дѣлъ. Предположимъ, что правительство налагаетъ пошлину на производство въ одномъ изъ его первыхъ періодовъ, напримѣръ, облагаетъ пошлиною матеріалъ. Фабрикантъ долженъ платить пошлину впередъ, до начала производства и потому принужденъ имѣть большую массу средствъ, чѣмъ сколько нужно для производства и сколько дѣйствительно идетъ на него; въ этомъ случаѣ фабриканту для содержанія производительнаго труда нужно имѣть больше капитала, нежели требуется самымъ дѣломъ, или, что тоже, при данномъ капиталѣ онъ не можетъ содержать того количества труда, сколько могъ бы по сущности дѣла. Такимъ образомъ этотъ способъ взиманія налоговъ подвергаетъ излишнему ограниченію промышленность страны: часть имущества, назначеннаго своими владѣльцами на производство, отвлекается отъ этой цѣли и находится въ постоянномъ положеніи уплаты впередъ, производимой правительствомъ.

Возьмемъ другой примѣръ. Фермеръ можетъ снять ферму въ такое время года, что ему прійдется платить за одну, двѣ или даже три четверти года ренту, безъ полученія выручки продуктами. Эта часть ренты должна быть уплачена имъ изъ капитала. А рента, платимая за самую землю, а не за улучшенія, произведенныя въ ней трудомъ, составляетъ расходъ непроизводительный, не принадлежитъ къ издержкамъ на содержаніе труда, или на заготовку инструментовъ и матеріаловъ для производства; она въ такомъ случаѣ просто цѣна, платимая за пользованіе силами природы, обращенными въ частную собственность. Эти силы природы столь же необходимы, какъ и инструменты, или даже еще необходимѣе; но вовсе нѣтъ необходимости платить за нихъ. Инструменты — вещи производимыя трудомъ, и потому цѣна составляетъ необходимое условіе ихъ существованія; но земля существуетъ сама собою. Потому плата за

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ПРЕНІЯ

О ПОЛОЖЕНІИ РУССКАГО ДУХОВЕНСТВА.

(По поводу книги «Русское Духовенство», Берлинъ, 1859.)

По поводу вышедшей въ прошломъ году за границей книги «Описаніе сельскаго духовенства въ Россіи» появилась недавно *въ Берлинѣ* книжка подъ заглавіемъ: «Русское духовенство». Книжка эта состоитъ изъ семи статей разныхъ авторовъ, скрывшихъ, кромѣ одного, свои имена, и представляетъ цѣлымъ составомъ своимъ опроверженіе на «Описаніе сельскаго духовенства». Такимъ образомъ, вотъ уже въ другой разъ приходится намъ встрѣчать опроверженія на эту книгу, а самой книги мы еще не видали. Въ прошломъ году «Современникъ» уже замѣтилъ странность такого явленія, разбирая «Мысли свѣтскаго человѣка» объ «Описаніи сельскаго духовенства». Нельзя не повторить и теперь выраженія того же удивленія, тѣмъ болѣе, что въ книгѣ, лежащей теперь передъ нами, мы находимъ много упрековъ автору «Описанія» именно за то, что онъ издалъ книгу свою за границей, а не на родинѣ. Эти упреки прежде всего поразили насъ своей странностью и мы считаемъ нелишнимъ указать на нихъ и сдѣлать по поводу ихъ нѣсколько замѣчаній.

Авторъ первой изъ статей берлинской книжки, — подъ заглавіемъ «Разоблаченіе клеветы на русское духовенство», — говоритъ

въ заключеніе своего разбора: «грустно, что *передъ Европою* выставлено въ такой мрачной картинѣ наше духовенство, и кѣмъ же? служителемъ самой церкви... Если онъ былъ проникнутъ дѣйствительно сознаніемъ недостатковъ и скорбей своего званія, то зачѣмъ, подражая Хаму, открывать наготу отца *передъ чужими людьми?* Вѣроятно авторъ боялся, что духовные слишкомъ скоро узнаютъ всѣ его преувеличенія, всѣ его прикрасы, всѣ обобщенія и представленія частныхъ случаевъ въ видѣ общаго характера всего сословія» (стр. 50). Ясно, что авторъ приписываетъ появленіе книги за границею — тому обстоятельству, что авторъ ея боялся скорыхъ обличеній, если бы издалъ ее въ Россіи.

Другой авторъ, въ статьѣ: «Сужденіе о книгѣ — «Описаніе сельскаго духовенства»,—говоритъ въ этомъ же родѣ: «хорошъ ли былъ бы сынъ, который бы, замѣтивъ въ родителяхъ недостатки, сталъ про нихъ кричать вслухъ цѣлаго свѣта? Нѣтъ, любовь къ нимъ, чистая, искренняя любовь, никогда бы на то не рѣшилась; нѣтъ, она скорѣе заставила бы сына обратиться къ самимъ родителямъ или, еще лучше, къ тѣмъ довѣреннымъ лицамъ, которыя бы могли на нихъ имѣть большое вліяніе, обратиться съ просьбою, чтобы они своимъ авторитетомъ озаботились исправить недостатки родителей, столько тяжкіе для любящаго сына.... Какъ назвать человѣка, который въ училищѣ, какъ въ лонѣ родительскомъ, получилъ воспитаніе и чрезъ то средства къ жизни, — и потомъ *удалился на страну далече и тамъ рѣшился вслухъ всего свѣта такъ безстыдно позорить мѣсто своего образованія?*» (стр. 133). Далѣе, говоря о томъ, что авторъ «Описанія» изобразилъ только мрачную сторону духовенства, авторъ статьи восклицаетъ: «*И гдѣ же все это? Не въ родной нашей землѣ*, гдѣ бы не могли ему повѣрить, *а далеко, далеко отъ насъ, за границею*», и т. д. (стр. 134).

Всѣ эти жалобы кажутся намъ весьма странными и совершенно противными образу дѣйствій самого издателя опроверженій на «Описаніе сельскаго духовенства». Зачѣмъ же — спросимъ мы въ свою очередь, — опроверженія эти не появились въ Россіи? отчего книга «Русское Духовенство» напечатана въ Берлинѣ, а не въ Петербургѣ или Москвѣ? Издатель можетъ говорить, что онъ хотѣлъ поразить ложь на самомъ мѣстѣ ея появленія: но вѣдь тутъ дѣло идетъ не о мѣстѣ, а о людяхъ. «Описаніе сельскаго духовенства» прочитано русскими, проникло въ Россію, издатель опроверженій боится дурнаго вліянія этой книги на русскихъ; отчего же онъ не обличаетъ ее передъ русскими же, въ родной землѣ, а удалился *на страну далече?* Вѣдь не разсчитывалъ же онъ на иностранныхъ читателей; иначе издалъ бы свою книгу пофранцузски или

по-нѣмецки, а не по-русски.... Нѣтъ, у него, очевидно, были другія соображенія, по которымъ и онъ самъ не нашелъ удобнымъ издавать свою книгу въ Россіи.

А между тѣмъ для издателя опроверженій не предстояло, кажется, большихъ затрудненій къ напечатанію его книги въ Россіи. Для доказательства возьмите одно обстоятельство: книга опроверженій, тотчасъ послѣ своего выхода за границей, появилась въ продажѣ и въ Россіи, и никто не требуетъ ея запрещенія; она признана благонамѣренною и невредною. А «Описаніе сельскаго духовенства» даже теперь, когда мы о немъ столько уже наслышались изъ разныхъ опроверженій, еще не допущено въ продажу и перечитывается тайкомъ, контрабандою. Противъ этой книги идетъ господствующій у многихъ образъ мыслей, по которому отзывы о нѣкоторыхъ *лицахъ* духовнаго званія смѣшиваются съ мнѣніями о самой церкви, и на этомъ основаніи считаются противными православію. Такое смѣшеніе понятій нашли мы и въ книжкѣ «Русское духовенство». Авторъ одной изъ статей ея нападаетъ, напр., на г. Погодина за то, что онъ высказалъ такую мысль: «какъ чиновники въ частной жизни еще не составляютъ юстиціи, такъ точно и духовные, внѣ священнослуженія, еще не составляютъ церкви.» Мысль г. Погодина ясна: онъ именно хочетъ отдѣлить частную личность священника отъ общаго понятія о церкви, ея ученіи, таинствахъ, и пр. Но авторъ статейки очень рѣзко замѣчаетъ: «удивительно, какъ академикъ и профессоръ могъ высказать такую дикую мысль», и замѣчаніе это сопровождаетъ тремя восклицательными знаками!!! (стр. 58). Очевидно, что авторъ самъ не имѣетъ должнаго понятія о различіи между частными личностями и между тѣмъ служеніемъ, которое на нихъ возложено. Можно сказать безъ преувеличенія, что такое смѣшеніе этихъ двухъ понятій, совершенно различныхъ между собою, господствуетъ въ большей или меньшей степени во всемъ нашемъ обществѣ. Чтобы избѣжать послѣдствій такого неправильнаго взгляда большинства, издатель книги «Описаніе сельскаго духовенства» и могъ весьма естественно прибѣгнуть къ окольному пути для исполненія того, что ему казалось справедливымъ и полезнымъ; онъ могъ думать: «намѣренія автора этой книги недурны; онъ хочетъ обратить общее вниманіе на бѣдственное положеніе духовенства, для того, чтобы приняты были мѣры къ его улучшенію. Онъ по сыновнему болѣетъ о недугахъ роднаго сословія. Но многіе слишкомъ расходятся со мною во взглядѣ на этотъ пунктъ. Попробую же я, обошедши ихъ, предстать на общій судъ прямо съ моими убѣжденіями и съ моимъ пониманіемъ закона». Какова бы ни была степень справедливости этихъ разсужденій, но то достовѣрно, что они *неизбѣж-*

но и неминуемо являются у людей, которые почему нибудь лишены возможности свободно и прямо выражать свои мысли. Дѣло это очень важно, и о немъ слѣдуетъ серьёзно подумать. Выскажемъ объ этомъ съ своей стороны нѣсколько мыслей.

Во время крымской войны и вслѣдъ за ея окончаніемъ — у насъ оказалась потребность въ перемѣнахъ и улучшеніяхъ по всѣмъ почти частямъ общественнаго быта. Перемѣны эти понемножку начали дѣлаться и теперь дѣлаются; о нихъ стали говорить въ официальныхъ отчетахъ и приказахъ, стали толковать въ обществѣ. Такое положеніе дѣлъ отразилось и въ литературѣ: стали писать о многихъ предметахъ, которые прежде не смѣли появляться въ печати. При этомъ, само собою разумѣется, главное дѣло состояло въ показаніи недостатковъ всего существующаго, для свѣдѣнія и соображенія тѣхъ, кому приходилось придумывать мѣры исправленія и улучшенія; иногда предлагались въ литературѣ и проэкты самыхъ улучшеній. Все это, конечно, прямой практической пользы принесло пока очень мало; но за то оживило литературу, дало публикѣ чтеніе дѣльное и близкое къ жизни, вмѣсто прежнихъ приторныхъ идиллій и глупыхъ сказокъ всякаго рода, заставило благословлять наше время, въ которое оглашаются такія вещи, и наконецъ — смягчило то глухое, безмолвное, но тѣмъ болѣе мрачное и зловѣщее раздраженіе, которое прежде таилось и смутно бродило въ обществѣ и нерѣдко отъ злоупотребленій частныхъ переходило даже на общій характеръ дѣйствій въ извѣстной отрасли.... Прежде слухи о какихъ нибудь безпорядкахъ пересказывались только въ кружкахъ знакомыхъ; но такъ какъ безпорядковъ и злоупотребленій было немало, то слухами о нихъ переполнены были всѣ кружки, заняты всѣ собранія.... Слухи эти перемѣнивались, переплетались съ другими, преувеличивались до громадныхъ размѣровъ, задѣвали людей совершенно невинныхъ, щадя дѣйствительныхъ негодяевъ, и т. п. Какъ совершенная нелѣпость, слухи эти могли быть вредны для самого общества, но никому не могли принести пользы. Литература взялась извлечь изъ нихъ пользу, приняла ихъ подъ свой контроль и затѣмъ пустила ихъ въ свѣтъ подъ своей отвѣтственностью. То, что напечатано, — тѣмъ хорошо, что ужь твердо и неизмѣнно сидитъ въ книгѣ. Передѣлать, исказить, переврать ужь нельзя: сейчасъ можно справиться. Если невѣрно, — отпереться тоже нельзя: улика на лицо. Если кто хочетъ отвѣчать, — опять удобство: обвиненіе закрѣплено печатью, у всѣхъ предъ глазами, и слѣдовательно отвѣчающій знаетъ, что именно ему опровергать и противъ чего оправдываться. Такъ и идетъ теперь наша свѣтская литература, разумѣется въ тѣхъ предѣлахъ, какіе

указаны ей цензурнымъ уставомъ и о которыхъ было говорено въ одной изъ рецензій «Современника» въ прошломъ году (*).

Совершенно не то видимъ мы въ вопросахъ, касающихся духовнаго вѣдомства. Современная литература по большей части обходитъ эти вопросы. Конечно, извѣстно, что церковь и не нуждается въ людскихъ разсужденіяхъ и мнѣніяхъ, такъ какъ она есть установленіе не человѣческое, а божественное, и слѣдовательно совершенное и никакимъ перемѣнамъ не подлежащее. Такъ. Но основамъ православія, очевидно, нисколько не повредило бы, если бы стали писать, напримѣръ, о духовныхъ консисторіяхъ, о существующихъ отношеніяхъ высшей духовной власти къ низшему причту, объ отношеніяхъ священника къ прихожанамъ, объ организаціи учебной власти въ духовныхъ училищахъ, о значеніи различныхъ мѣръ, принимаемыхъ и принимавшихся противъ раскола, и пр. и пр. Вѣдь устройство духовныхъ консисторій, преподаваніе агрономіи или медицины въ семинаріяхъ, и т. п. не опредѣляется ни священнымъ писаніемъ, ни соборами, ни отцами церкви; это дѣло временныхъ потребностей и сообразно съ ними можетъ измѣняться.... Что же касается до личности духовныхъ служителей, то служитель церкви — не чиновникъ, котораго дѣятельность теряется въ сотнѣ другихъ подобныхъ. На священника устремлены взгляды цѣлаго прихода, — нѣсколькихъ сотенъ, иногда и тысячъ человѣкъ. Ложь о немъ, — не подъ рукою пущенная и коварно разнесенная шопотомъ, а гласная, напечатанная, — всегда вызоветъ опроверженіе, и истина явится послѣ нея еще въ болѣе яркомъ свѣтѣ. Недопущенная въ печать, ложь все-таки останется и, затаившись гдѣ нибудь въ темнотѣ, станетъ оттуда поражать честнаго дѣятеля сплетнями и клеветами, которыхъ даже и опровергнуть нельзя, потому что онѣ неуловимы; а какъ же бороться съ неуловимымъ?... И не все же клеветники и злодѣи между людьми пишущими: найдутся и такіе, которые напишутъ чистую правду, изъ искренняго желанія добра. Зачѣмъ же ихъ-то подводить подъ общую мѣрку и не давать ихъ замѣчаніямъ гласности? Или и благонамѣренная огласка, касающаяся лицъ духовнаго сословія, опасна для вѣры и церкви? Но совсѣмъ иное показываетъ намъ примѣръ первоверховнаго апостола Павла, который, конечно безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій, предъ лицомъ новообращенныхъ обличилъ Петра за то, что тотъ неодинаково велъ себя въ глазахъ христіанъ изъ язычниковъ и христіанъ изъ евреевъ. И между тѣмъ

(*) Просимъ читателя справиться въ библіографіи августовской книжки «Современника» за 1859 годъ.

что же мы видимъ у насъ? Всѣ поднялись на самообличеніе, всѣ стремятся заявить истину о своей жизни и обстановкѣ своего быта; объ одномъ духовенствѣ считается полезнымъ молчать....

Нѣкоторые господа, слишкомъ нерасположенные къ гласности, опасаются, чтобы выходки противъ частныхъ лицъ духовныхъ, повторяясь въ печати чаще и чаще, не бросили тѣни вообще на духовенство и затѣмъ не повели къ презрѣнію даже самой церкви. Но изъ того, что мы сказали выше, ясно, что подобныя опасенія несправедливы, да если бы и могли быть справедливы, то не могли бы ничего доказывать въ пользу молчанія и противъ печатной гласности. Мы помнимъ, что крики противъ печатанія обличеній всякаго рода подымались еще при самомъ началѣ обличительной литературы. Еще у Гоголя въ «Театральномъ разъѣздѣ» одинъ господинъ кричитъ: «удивляюсь, какъ можно пропускать такія вещи!» Но къ счастію ихъ не слушали тѣ, отъ кого зависитъ пропускъ книгъ и статей въ печать. И дѣйствительно, на возраженія людей, любящихъ мракъ, всякій человѣкъ здравомыслящій могъ указать на фактъ распространенія рукописей и книгъ, которое остановить мудрено. Объ этомъ еще въ двадцатыхъ годахъ Пушкинъ говорилъ, въ посланіи къ Аристарху:

Чего боишься ты? Повѣрь мнѣ: чьи забавы—
Осмѣивать законъ, правительство и нравы,
Тотъ не подвергнется взысканью твоему,
Тотъ незнакомъ тебѣ, — мы знаемъ, почему,—
И *рукопись* его, не погибая въ Летѣ,
Безъ подписи твоей разгуливаетъ въ свѣтѣ...

Теперь явилась возможность печатать за границей, стало быть ужь и не *рукопись* будетъ разгуливать, а *книга печатная*, которая во всякомъ случаѣ надежнѣе и вѣрнѣе рукописи, и скорѣе распространяется. И даже ничтожная вещь, напечатанная за границей, обратитъ на себя общее вниманіе, именно потому, что она за границей явилась. Всякій знаетъ, что иныхъ вещей здѣсь нельзя печатать, и потому всякій думаетъ: «а, за границей напечатано! значитъ, что нибудь новое, что нибудь такое, чего здѣсь не напечатаютъ!» И на этомъ основаніи бросаются доставать книгу, платятъ за нее большія деньги и потомъ, какъ диковинкой, хвастаются и даютъ читать тѣмъ, кто не въ состояніи самъ купить.... А будь она здѣсь напечатана, — на нее бы и вниманія не обратили. Доказательствомъ этого можетъ служить то самое дѣло, о которомъ мы теперь разсуждаемъ. Въ книжкѣ «Русское духовенство» есть статья: «Духовное званіе въ Россіи». Въ примѣчаніи къ ней отъ издателя

сказано, что она заимствована изъ одного русскаго повременнаго изданія. Между тѣмъ мы, даже въ кругу людей довольно близко интересующихся литературою, никогда и ни отъ кого не слышали ни одного упоминанія объ этой статьѣ. А въ тоже время объ «Описаніи сельскаго духовенства» мы уже слышали множество разнообразныхъ разсужденій, и наши знакомые выражали большое изумленіе, когда мы говорили, что до сихъ поръ еще не читали этой книги.... Чтобы наше показаніе не принято было за произвольное, мы представимъ, пожалуй, удостовѣреніе въ популярности «Описанія» изъ самыхъ опроверженій, изданныхъ въ Берлинѣ.

Въ предисловіи издателя говорится, что «въ Россіи, неизвѣстнымъ путемъ, появилась она *во множествѣ экземпляровъ*» (стр. XII).

Въ первой статьѣ, въ самомъ началѣ, засвидѣтельствовано: «книгу эту *многіе читаютъ, перечитываютъ* и находятъ, что нѣкоторыя темныя краски, которыми очерчена жизнь сельскаго священника, взяты тутъ съ натуры» (стр. 1).

Во второй статьѣ, тоже въ началѣ, говорится: «хотя книга эта напечатана за границею, но оттуда какими-то путями *проникла и въ Россію, и здѣсь съ увлеченіемъ читается и перечитывается многими*» (стр. 61).

Въ «Мысляхъ свѣтскаго человѣка», тоже перепечатанныхъ въ берлинской книжкѣ, указано на то, что «книга сія переведена уже на французскій и нѣмецкій языкъ» (стр. 353), и что на нее «указываютъ даже въ наставленіе архипастырямъ» (стр. 357). Вообще о распространеніи книги говорится вотъ что: «вредная и безсознательная книга, *проникая мало по малу во всѣ слои общества, высшаго и низшаго*, производитъ вездѣ губительныя опустошенія» (стр. 353).

Итакъ, къ чему же послужила бы вся боязливость относительно печатанія въ Россіи обличительныхъ статей на духовенство? Вѣдь все равно: потока не остановишь. До сихъ поръ о духовныхъ не писали ничего, потому что еще мало интересовались духовнымъ вопросомъ. Теперь, начиная приходить къ сознательной жизни, захотѣли нѣсколько сознательнѣе взглянуть и на значеніе духовенства въ нравственной жизни народа, и потому стали интересоваться духовенствомъ. А если уже стали интересоваться,— писать будутъ, какія бы препятствія ни ставили.... Только, разумѣется, чѣмъ больше станутъ вооружаться щекотливые и трусливые люди, боящіеся печатной гласности, тѣмъ раздраженіе будетъ сильнѣе. Это и очень естественно: люди скромные, люди среднихъ стремленій, махнутъ рукой и замолчатъ; а если кто пойдетъ окольнымъ путемъ, чтобъ только заявить себя, такъ это, разумѣется, на

первый разъ самые задорные люди, и вся пропаганда попадетъ въ ихъ руки....

Возьмемъ дѣло и съ другой стороны. По нашему мнѣнію, отсутствіе гласныхъ разсужденій о духовенствѣ, какъ будто ограждая его отъ неосновательныхъ нареканій, — въ тоже время лишаетъ самихъ духовныхъ всѣхъ удобствъ гласности. Слѣдствіемъ того бываетъ, что ими помыкаютъ очень многіе, какъ людьми совершенно безгласными. Оттого и происходятъ такіе случаи, о которыхъ разсказываетъ, напримѣръ священникъ Грековъ, въ статьѣ «О духовномъ званіи въ Россіи.» (стр. 147).

«Неуваженіе къ священному сану такъ развито у свѣтскихъ людей, что каждый, даже мелкій чиновникъ, одинъ изъ числа тѣхъ, о которыхъ кто-то изъ поэтовъ написалъ: *«коллежскій регистраторъ — почтовой станціи диктаторъ»*, — считаетъ себя не только выше священника, но и прямо требуетъ отъ него подобострастнаго уваженія, а господа познатнѣе, въ особенности помѣщики, играютъ нами, какъ пашками. Иной на своемъ вѣку тѣмъ только и занимается, что перемѣняетъ въ своей деревнѣ священниковъ, интригуя противъ нихъ. Спросите: «по какому праву такъ распоряжаются священниками, когда и рабство крестьянъ нынѣ считается уже недостойнымъ просвѣщенія?»— вамъ отвѣтитъ помѣщикъ, не запинаясь: «какъ по какому праву? Моя деревня, моя церковь, мой попъ, мой и приходъ». Послѣ этого вы конечно отгадаете, что у такого владѣльца образованному священнику еще труднѣе жить, чѣмъ необразованному.»

Въ подтвержденіе словъ своихъ, священникъ разсказываетъ случай объ одной помѣщицѣ, которая, перемѣнивъ въ короткое время до пяти священниковъ, обратилась наконецъ съ просьбою къ епископу — посвятить ей во священники дьячка ея, который кромѣ невѣжества имѣлъ еще физическій недостатокъ: былъ слѣпъ на одинъ глазъ. «Когда же Владыка спросилъ: что ее заставляетъ домогаться имѣть священникомъ собственно дьячка? — она отвѣчала: «Владыко святый, — Богъ съ ними, съ учеными; многаго требуютъ выполнять, а гдѣ намъ все исполнить?»—Такъ этотъ же, возразилъ Владыка: — вовсе ничего не знаетъ. — «Это правда, отвѣтила помѣщица: — но за то онъ у меня такой послушный, какъ мокрая курица». (стр. 149).

Въ другой статьѣ: «Разоблаченіе клеветъ» (стр. 54—55) разсказываются факты еще болѣе поразительные:

«Что можетъ сдѣлать у насъ, напримѣръ, сельскій священникъ? Помѣщики и земское начальство подозрительно смотрятъ на всякое увеличеніе вліянія духовенства. Въ немъ они могутъ видѣть постоянныхъ свидѣтелей своихъ злоупотребленій, и стараться уронить ихъ значеніе и силу. Недавно въ К-ской епархіи донесли губернатору на священни-

ковъ, какъ на бунтовщиковъ за то, что они стали склонять къ трезвости своихъ прихожанъ, и успѣли убѣдить къ этому нѣкоторыхъ. Въ одномъ селѣ *N*... епархіи священникъ сталъ убѣждать управляющаго не тиранить крестьянъ, а ихъ убѣждалъ къ терпѣнію, потому что недолго имъ терпѣть; и его выставили возмутителемъ крестьянъ противъ помѣщика, и онъ лишился мѣста. Случилось священнику нѣсколькихъ раскольниковъ обратить къ церкви; ихъ единомышленники слетаются, при посредствѣ земской власти, на него рядъ обвиненій и онъ также лишается мѣста этого, и переводится на другое.»

Если бы относительно духовенства допускалась у насъ полная гласность, то, конечно, было бы менѣе возможности для подобныхъ случаевъ. Обманъ, и особенно обманъ офиціальный, всегда живетъ подъ покровомъ негласности и тайны. Какъ скоро является возможность публичнаго протеста противъ него, — онъ становится, по крайней мѣрѣ, осторожнѣе, зная, что его всякій можетъ обличить и повѣрить.... Только для этого нужно, разумѣется, дать равную возможность и право рѣчи обѣимъ сторонамъ. Иначе дѣло будетъ только испорчено и внушитъ подозрѣніе въ своей правотѣ всѣмъ благонамѣреннымъ людямъ.

Разсужденіе это можетъ быть примѣнено и къ настоящему случаю. Мы читаемъ нѣсколько опроверженій на «Описаніе сельскаго духовенства», и очень желали бы вѣрить словамъ ихъ о томъ, что «Описаніе» это гнусно, безнравственно, противно духу православія, и совершенно ложно.... Но по совѣсти мы не можемъ принять такого рѣшенія, не видавъ самой книги. Изъ отрывочныхъ небольшихъ выписокъ въ пять-шесть строчекъ нельзя видѣть настоящаго смысла полной рѣчи автора, и тѣмъ менѣе можно судить объ истинномъ значеніи всей его книги. Напротивъ, въ опроверженіяхъ мы находимъ много доказательствъ того, что авторъ «Описанія» сказалъ довольно и правды, а съ другой стороны видимъ излишнее раздраженіе и неосновательность многихъ возраженій. Въ прошедшемъ году мы видѣли, какъ «Свѣтскій Человѣкъ», обвиняя автора за рѣзкость тона, самъ въ тоже время не стыдится обременять его весьма грубою и бездоказательною бранью, которую тѣмъ непріятнѣе видѣть въ печати, что обвиняемый авторъ очевидно лишенъ возможности печатно защищаться предъ русской публикой. Теперь мы видимъ, что, кромѣ своей бездоказательности, этотъ разборъ «Свѣтскаго Человѣка» весьма во многомъ расходится съ понятіями самихъ духовныхъ, пишущихъ о томъ же предметѣ. Такъ напр. «Свѣтскій Человѣкъ» пишетъ, что въ «Описаніи» «*все* представлено въ превратномъ видѣ» (стр. 373); другая же обличительная статья начинается словами: «не одна только ложь и клевета, а частію и грустная правда высказана въ книгѣ: «Описаніе сельскаго духовенства»

(стр. 1). «Свѣтскій человѣкъ», возстаетъ противъ желанія автора, чтобы преподаваніе медицины было усилено въ семинаріяхъ и считаетъ даже богопротивною мысль, что священники, врачи духовные, должны быть въ своихъ приходахъ вмѣстѣ и врачами тѣлесными. Прикоснувшись къ какому нибудь мужику, больному позорною болѣзнью, — какъ послѣ того приступитъ священникъ къ совершенію Святыхъ Таинъ?—восклицаетъ «Свѣтскій Человѣкъ», полагая, какъ видно, достоинство христіанина въ бо́льшей или меньшей элегантности. Но духовныя лица, пишущія противъ «Описанія», напротивъ, признаютъ всю пользу преподаванія медицины въ семинаріяхъ. Вообще, какъ люди болѣе знакомые съ дѣломъ, они гораздо болѣе дѣлаютъ признаній въ справедливости тѣхъ или другихъ замѣтокъ «Описанія.» Только самъ издатель книги оказывается еще болѣе поверхностнымъ и представляетъ доводы еще болѣе неосновательные, нежели и «Свѣтскій Человѣкъ». По всему видно, что онъ не могъ хорошенько уразумѣть даже общаго смысла тѣхъ самыхъ статей, которыя попались ему въ руки для изданія. Всѣ статьи, несмотря на свои частыя противорѣчія въ разныхъ частяхъ, даютъ одинъ общій выводъ, — тотъ, что внѣшнее положеніе русскаго духовенства далеко неудовлетворительно. Самъ «Свѣтскій Человѣкъ» соглашается, что преобразованія нужны (стр. 372). Издатель же книги, напротивъ, даетъ понять въ предисловіи, что все должно оставаться въ томъ видѣ, какъ есть, *неизмѣннымъ*. Онъ говоритъ, правда, объ *ученіи* православія; но онъ указываетъ на его *неизмѣнность* въ упрекъ тѣмъ, которые пишутъ о дурномъ положеніи духовенства (такъ какъ въ «Описаніи» никто не находитъ выходокъ противъ вѣры православной), слѣдовательно по его понятіямъ и ученіе вѣры, и положеніе причта, и программы семинарскія — все это одинаково должно остаться неизмѣннымъ.....

Кромѣ того издатель поступаетъ совершенно не христіанскимъ образомъ, пуская въ публику безъименныя обвиненія и ничѣмъ ихъ не подтверждая. Онъ говоритъ, напримѣръ, что журналы наши стремятся къ разрушенію религіи и нравственности. Такъ напр., въ одномъ изданіи пишутъ, что молиться все равно—въ христіанскомъ ли храмѣ или въ языческомъ, а въ другомъ отвергаютъ бракъ. Затѣмъ издатель говоритъ: «чтобы не вводить читателя въ грустныя размышленія, ограничимся приведенными примѣрами» (стр. IX). Но развѣ два примѣра составляютъ все направленіе всѣхъ русскихъ журналовъ? Да и гдѣ же еще это было напечатано, и въ какомъ видѣ? Много писали о несчастіяхъ брачной жизни и о непрочности супружескаго блаженства; но вѣдь за это еще нельзя казнить наши журналы такимъ выводомъ, какъ сдѣлалъ издатель берлинской книжки. По на-

шему, лучше ужь прямо разбирать статью и доказывать свои обвиненія, нежели пускать такіе уклончивые доносы изъ-за угла, никого не называя, но явно желая возбудить недоброжелательство ко всей русской литературѣ.

Впрочемъ нужно сказать, что вся книжка, при всемъ разнообразіи и даже нѣкоторой противоположности статей, проникнута духомъ нетерпимости къ чужимъ мнѣніямъ и притязаніемъ — захватить право рѣчи *только* въ свою пользу. Кромѣ того, въ ней находимъ чрезвычайно много фразъ, длинныя, водянистыя общія мѣста, и очень мало дѣла. Нѣсколько фактовъ приводится въ статьѣ первой: «Разоблаченіе клеветъ», и въ этомъ отношеніи она заслуживаетъ вниманія. Но за то авторъ ея чрезвычайно смутно различаетъ предметы, не умѣетъ логически провести взятой имъ мысли, и обнаруживаетъ такія отсталыя понятія, которыхъ давно уже не одобряетъ просвѣщенное духовенство и правительство наше. Онъ, напр,, обвиняетъ правительство за то, что оно не преслѣдуетъ раскольниковъ, и совѣтуетъ лишать ихъ извѣстныхъ гражданскихъ выгодъ, и приманивать ихъ изъ раскола, обѣщая эти выгоды въ случаѣ присоединенія къ православію.... Признаемся, мы не считаемъ такихъ совѣтовъ согласными съ правилами христіанской любви и правды. Впрочемъ, чтобы насъ не обвинили въ голословности показанія, приведемъ все разсужденіе автора, сдѣлавши нѣсколько примѣчаній подъ строкою.

«Кто не согласится, что *расколъ русскій есть невѣжество, крайнее, безсмысленное невѣжество? Всякое невѣжество искореняется, только просвѣщеніемъ*. Забота правительства должна быть обращена особенно на образованіе народа. Долѣе всего этому просвѣщенію будутъ противиться раскольники; но они увлекутся общимъ духомъ, общимъ движеніемъ. Организовать въ одно цѣлое этотъ отсадокъ русской жизни, дать ему единство подъ управленіемъ какой либо іерархіи — въ высшей степени неблагоразумно и вредно. Это значило бы среди русскаго государства создать другое, совершенно враждебное всѣмъ началамъ государства, торжественно признать отъ имени правительства вождей, предводителей возмутительной, анархической толпы, не хотящей знать ни церковной ни гражданской власти, не имѣющей ни малѣйшаго уваженія къ ихъ предписаніямъ и распоряженіямъ; это значило бы еще на долгое, на очень долгое время, даже навсегда, отдалить возможность ихъ присоединенія къ церкви, подчиненія уставамъ государственнымъ, дать возможность образоваться партіи, способной произвесть переворотъ въ Россіи, который отодвинетъ ее во времена допетровскія, дастъ возможность верховнаго господства Пугачова съ его клевретами (1).

(1) Трудно совмѣстить въ немногихъ строкахъ болѣе противорѣчій, чѣмъ здѣсь. Если расколъ такъ *безсмысленъ*, то съ какой стати опасаться, что онъ

Духовенство одно, безъ содѣйствія гражданской власти, ничего не можетъ сдѣлать къ уничтоженію раскола. (2) Расколъ прежде всего есть отчужденіе отъ церкви, вражда противъ нея; потому слово духовнаго лица выслушивается враждебно, и не можетъ имѣть дѣйствія, кромѣ рѣдкихъ случаевъ. (3) А какіе плоды могутъ приносить мудрыя дѣйствія гражданской власти, — примѣръ этого показалъ въ недавнее время Уралъ. Раскольники прямо говорятъ, что правительство не хочетъ ихъ присоединенія къ церкви, что оно велитъ имъ оставаться въ старой вѣрѣ. Въ послѣднее время въ Вятской и Костромской епархіяхъ, а вѣроятно и въ другихъ сосѣднихъ, распространились печатные манифесты отъ имени: то Императора Александра, то Императора Константина, въ которыхъ имъ повелѣвается оставаться въ старой вѣрѣ. Многіе раскольники говорятъ, что если бы царь хотѣлъ, чтобы мы присоединились къ церкви, то онъ прямо бы сказалъ; а то мы не слыхали отъ него подобнаго слова. Отчего бы въ самомъ дѣлѣ не выдать манифеста къ раскольникамъ—не въ видѣ рѣшительнаго приказа, но въ видѣ сильнаго увѣщанія раскольникамъ присоединиться къ церкви? (4) Между раскольниками надобно различать людей различныхъ убѣжденій. Одни привязаны къ расколу съ полною увѣренностію, что здѣсь только они могутъ найти себѣ спасеніе. Противъ такихъ людей строгія мѣры и безполезны, и беззаконны. Хотя это люди самые упорные въ расколѣ; но слово убѣжденія, согрѣтое любовію евангельскою, во имя вѣчнаго спасенія скорѣе найдетъ доступъ къ ихъ сердцу. Примѣры обращенія подобныхъ

организуется въ партію, да еще способную произвести переворотъ въ Россіи?... И если всѣ раскольники составляютъ анархическую, возмутительную толпу, то какимъ образомъ могутъ они создать особое *государство* среди русскаго государства? Какъ видно, авторъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о самыхъ первыхъ требованіяхъ и условіяхъ государственной жизни. Да и почему онъ думаетъ, что партія, желающая произвести переворотъ, непремѣнно нуждается, для успѣха въ этомъ, въ признаніи отъ правительства? Кажется, напротивъ, всякая скрытая партія, всякое тайное общество, какъ скоро оно открыто узаконяется и получаетъ право гражданства, — уже чрезъ то самое теряетъ половину своей разрушительной силы.

(2) Но скажите, кто же содѣйствовалъ христіанскимъ миссіонерамъ, отправлявшимся на проповѣдь въ отдаленныя страны, къ народамъ дикимъ, невѣдомымъ?... «Духовенство одно *ничего не можетъ* сдѣлать!» И въ чемъ же? Въ такомъ дѣлѣ, которое только и возможно сдѣлать словомъ духовнаго убѣжденія!... Понималъ ли авторъ, какъ онъ роняетъ дѣло, которое взялся защищать?...

(3) Выше авторъ самъ же сказалъ, что расколъ враждебенъ и гражданской власти такъ же, какъ церковной; а ниже онъ говоритъ, что расколъ еще враждебнѣе государству, нежели церкви. Стало быть, если гражданская власть вмѣшается въ это дѣло, то она очевидно, можетъ только увеличить раздраженіе раскольниковъ.

(4) Какъ прикажете разсуждать съ подобнымъ авторомъ? То онъ говоритъ, что раскольники составляютъ анархическую толпу, не хотящую знать ни церковной, ни гражданской власти; то увѣряетъ, что раскольники потому только не обращаются, что правительство не даетъ приказанія на это!!...

людей изъ раскола къ церкви представляетъ о. Парѳеній съ своими товарищами. Есть раскольники, которые слѣдуютъ расколу потому, что слѣдовали ему ихъ отцы, не разсуждая, по упорству и упрямству русскаго характера, и такихъ строгія мѣры могутъ только ожесточить. Просвѣщеніе есть единственное средство вывести ихъ изъ этого состоянія. Есть еще раскольники, которые держатся раскола потому, что здѣсь они находятъ выгоды, возможность безнаказанно удовлетворять своимъ страстямъ, не стѣсняться законами ни государственными, ни церковными, однимъ словомъ, жить по своей волѣ и наживаться на счетъ простяковъ, не имѣя никакой вѣры. *Можетъ ли правительство оставить подобныхъ людей безъ стѣсненія?* (5) *Строгія мѣры противъ нихъ* не будутъ посягательствомъ на религіозныя убѣжденія, но только законнымъ преслѣдованіемъ гражданскаго безпорядка. *Не костеръ, не пытки* (6) мы признаемъ нужными противъ нихъ, но только такія мѣры, которыя бы не оставляли имъ выгоды внѣшней оставаться въ расколѣ. Они бросятъ расколъ, когда увидятъ, что, оставаясь въ немъ, они теряютъ свои внѣшнія выгоды. Были случаи, что бабы, носившія званіе раскольничьихъ поповъ, изъ за матеріальныхъ выгодъ, служили противъ раскольниковъ. (7) *Конечно, церковь не пріобрѣтетъ въ нихъ добрыхъ сыновей*, но по крайней мѣрѣ ихъ дѣти воспитаются въ церкви, по крайней мѣрѣ они не будутъ соблазнять и увлекать другихъ къ отпаденію отъ церкви временными выгодами. Есть еще раскольники, которые охотно бы перешли въ церковь, если бы не связывали ихъ отношенія родственныя или коммерческія съ другими раскольниками. Они рады бы случаю, который бы далъ имъ возможность, не подвергая себя преслѣдованію со стороны единовѣрцевъ, перейти къ церкви. Но такой случай могутъ представить только понудительныя мѣры правительства. Всего вреднѣе въ дѣлѣ обращенія раскольниковъ непостоянство мѣръ правительства: *слабыя мѣры смѣняются строгими, строгія слабыми* (8). Потому раскольники смотрятъ на всѣ стѣснительныя мѣры

(5) А можетъ ли правительство проникнуть въ сердце каждаго изъ раскольниковъ и опредѣлительно сказать, что такой-то держится раскола по убѣжденію, такой-то по привычкѣ, а этотъ — изъ выгодъ? Не потребуется ли для такого разбирательства нѣчто въ родѣ инквизиціи? И не откроетъ ли это обширнаго поприща для взятокъ и всякаго рода злоупотребленій чиновниковъ?

(6) Какая гуманность! Авторъ не желаетъ жечь и пытать раскольниковъ!...

(7) Итакъ авторъ не стыдится, для привлеченія людей къ православію, предлагать нѣчто въ родѣ подкупа!... Что за іезуитскій складъ мыслей!!.. И прочтите дальше: онъ и оправдываетъ-то эту мѣру чисто по-іезуитски. «Конечно, говоритъ, они не будутъ добрыми христіанами, да за то вредить не будутъ!».. А гдѣ же Христовы правила, заповѣдующія пастырямъ заботиться прежде всего и больше всего о спасеніи душъ своихъ пасомыхъ? Можетъ ли христіанскій пастырь съ такимъ безнравственнымъ равнодушіемъ отзываться о душевномъ благѣ своей паствы? «Они, говоритъ, конечно не исправятся такими мѣрами и не будутъ добрыми сынами церкви; да это ничего: лишь бы не вредили!» Какой коммерческій взглядъ на дѣло вѣры!...

(8) Какъ по всему видно, — авторъ желаетъ, чтобъ постоянно употребляемы были *строгія* мѣры!...

противъ нихъ, какъ на вопросъ денежный. Они говорятъ, что вѣрно понадобился отъ насъ милліонъ, и — везутъ его. Какъ мало вѣрятъ раскольники въ искренность желанія правительства обратить ихъ въ церковь, и напротивъ убѣждены, что дѣло идетъ только объ ихъ деньгахъ, — разскажу одинъ случай. Возникло дѣло о совращеніи въ расколъ мужа и жены. Архіерей пожелалъ самъ поговорить съ ними, чтобы подѣйствовать на нихъ силою убѣжденія. Онъ призвалъ ихъ и началъ говорить имъ сильно о томъ, что они потеряютъ вѣчное спасеніе внѣ церкви. Видимо, обоимъ имъ стало неловко; сила убѣжденія была велика.... И вотъ жена толкаетъ мужа, мужъ вытаскиваетъ изъ за пазухи деньги и подаетъ ихъ архіерею. «Что это значитъ», спрашиваетъ архіерей? «Да ужь перестаньте говорить, батюшка, мы не знаемъ, что отвѣчать, оставьте насъ въ покоѣ».

«Можно себѣ представить всю скорбь архіерея.... Чтобы дѣйствовать на раскольниковъ путемъ убѣжденія, — можно архіерею имѣть денежныя средства, на которыя бы онъ могъ посылать особыхъ, къ тому приготовленныхъ, миссіонеровъ—изъ священниковъ ли, или изъ другихъ лицъ, давая имъ хорошее содержаніе. Но архіерей не имѣетъ въ своемъ распоряженіи денегъ на подобныя издержки. Но во всякомъ случаѣ неправду говоритъ авторъ (Описанія), что раскольники не переходятъ и всѣ донесенія объ этомъ не болѣе, какъ ложь. *Гдѣ только гражданское начальство содѣйствуетъ духовной власти, — тамъ дѣйствія противъ раскола бываютъ плодотворны.* (!) Но что дѣлать духовному начальству, когда всѣ его усилія парализуются дѣйствіями свѣтскихъ властей? А между тѣмъ вопросъ о расколѣ вреднѣе для государства, нежели для церкви; расколъ грозитъ большею опасностію государству, нежели церкви, отъ которой раскольники, какъ гнилые члены, уже совсѣмъ отдѣлены. Понятно, почему Искандеръ съ своею братіею громко вопіетъ противъ всякихъ строгихъ мѣръ на расколъ. Они видятъ въ этой общинѣ зародышъ демократическаго начала, противнаго церкви и государству, долженствующаго въ ихъ идеяхъ преобразовать общество русское. Но только ихъ слѣпая, фанатическая любовь къ своимъ идеямъ можетъ въ этомъ тернистомъ полѣ видѣть сѣмя свободы. — Какъ ни ненавистна имъ поставленная отъ Бога власть; но думаю, что они въ тысячу разъ лучше согласятся быть подъ ея управленіемъ, нежели подъ управленіемъ какихъ нибудь Емельяновъ Пугачовыхъ (*). Расколъ отличается рѣшительною нетерпимостію къ другимъ вѣрованіямъ и обы-

(*) Да вѣдь авторъ самъ же говоритъ, что стоитъ манифестъ издать, и всѣ раскольники обратятся! Какія же тутъ еще опасенія Пугачовщины? Мы не понимаемъ, почему авторъ какъ будто выражаетъ страхъ предъ расколомъ: вѣдь онъ же сказалъ, что расколъ есть не что иное, какъ невѣжество, что его держится безсмысленная толпа, не знающая даже никакихъ законовъ, не только-что неспособная составить особое управленіе, и что наконецъ—раскольники вообще очень наклонны къ обращенію, если только правительство выскажетъ ясное желаніе этого.... Намъ кажется, что авторъ совершенно сбился и спутался, и наговорилъ совершенно противнаго тому, что хотѣлъ сказать.

чаямъ, заклятою враждою противъ всѣхъ, непринадлежащихъ ихъ обществу (10). И этотъ духъ вражды, нетерпимости, вмѣстѣ съ крайнимъ невѣжествомъ, придаетъ такой характеръ расколу, что всякое благородное сердце должно обливаться кровію при мысли объ немъ.»

Вотъ каковы сужденія автора по поводу раскола! Видно, что онъ не обладаетъ особенно свѣтлымъ взглядомъ и не совсѣмъ искусно прикрываетъ свои затаенныя мысли.... И всякій изъ читателей согласится, что подобный авторъ и подобныя разсужденія не могутъ внушить особеннаго довѣрія человѣку безпристрастному. Послѣ этого какъ же мы можемъ на слово вѣрить его обвиненіямъ противъ автора «Описанія сельскаго духовенства?»

Но замѣчательно, что даже и этотъ авторъ не можетъ не сознаться въ справедливости многихъ замѣчаній въ «Описаніи сельскаго духовенства». Такъ напримѣръ, восхваляя семинарское образованіе, онъ однако же не можетъ не признать слѣдующихъ фактовъ: (стр. 10).

«Что касается до нравственнаго воспитанія въ духовныхъ училищахъ, то его нельзя назвать вполнѣ удовлетворительнымъ. У насъ болѣе учатъ, чѣмъ воспитываютъ. Воспитаніе ограничивается почти только отрицательными мѣрами. Стараются не допускать воспитанниковъ до шалостей и проступковъ; *но мало заботятся о возбужденіи воли къ самодѣятельности, о развитіи живаго сознанія своихъ будущихъ обязанностей* и стремленія дѣйствовать неуклонно и неутомимо въ званіи учителя, руководителя, духовнаго отца народа. *Безпрекословное повиновеніе даже одному капризу начальника — вотъ что считается обязанностію ученика!* Оттого въ характерѣ семинариста образуется какая-то *упругость, тягучесть, способность сживаться съ обстоятельствами, выносить то, чего другой никогда бы, можетъ быть, не перенесъ; но нѣтъ жажды свободной дѣятельности, стремленія простереть свое вліяніе далѣе казенной формы;* яснѣе сказать — нѣтъ желанія и ревности стать чѣмъ нибудь болѣе, чѣмъ однимъ совершителемъ таинствъ и обрядовъ для народа....»

Можетъ быть автору кажется, что это недостатокъ неважный; но едва ли не онъ-то и служитъ причиною того, до рабства смиреннаго, безпрекословнаго отношенія, въ которомъ находятся часто духовныя лица не только къ своимъ начальникамъ, но и къ помѣщикамъ, значительнымъ прихожанамъ и вообще лицамъ сколько нибудь вліятельнымъ.... Авторъ статьи самъ сознаетъ это и говоритъ далѣе (стр. 13).

---

(10) Къ сожалѣнію, самъ авторъ не чуждъ такой же нетерпимости въ отношеніи къ раскольникамъ.

«Не осуждаемъ намѣреній начальства духовныхъ училищъ; оно имѣетъ въ виду послушаніе иноческое, и исполненіемъ своихъ приказаній безъ разсужденія думаетъ пріучить къ смиренію. Но прямо скажемъ, что оно ошибается, *и достигаетъ противоположныхъ результатовъ*. Монашеское послушаніе есть обѣтъ произвольный, и потому не обязательный для всѣхъ; требуй его отъ того, кто сознательно отрекся отъ своей воли! Начальникъ не долженъ забывать, что *онъ не есть законъ, но наблюдатель за исполненіемъ закона*. Зная горькія слѣдствія непослушанія, подчиняются и капризу; но въ душѣ остается скорбное чувство оскорбленнаго достоинства. Опытъ показываетъ, что *безропотно послушные подобнаго рода приказаніямъ, въ жизни семейной и общественной, сами становятся деспотами*. Ласковое, довѣрчивое, отеческое обращеніе смягчитъ грубость первоначальнаго воспитанія, дастъ свободу развитію мальчиковъ, принесетъ имъ рѣшеніе на многіе вопросы жизни, укажетъ имъ и настоящій способъ дѣйствованія въ будущемъ ихъ служеніи.»

Говоря о духовныхъ консисторіяхъ, авторъ также не можетъ не согласиться, что ихъ положеніе дурно. Вотъ его слова: (стр. 28).

«Консисторіи всѣ ругаютъ; лучшею считаютъ Петербургскую; въ Московской не крайней мѣрѣ члены не берутъ взятокъ, а въ провинціальныхъ, говорятъ, они не уступаютъ и подъячимъ въ этомъ дѣлѣ. Рѣшительное преобразованіе ихъ необходимо не только для спокойствія духовенства, но и для чести человѣчества. Самые строгіе, самые дѣятельные архіереи, несмотря на все свое желаніе, не въ силахъ исправить это зло при нынѣшнемъ устройствѣ, и украсить Георгіемъ 1-й степени нужно бы того, кто изобрѣлъ бы проэктъ, разбивающій на голову это волчище взяточниковъ.»

Архіереевъ авторъ защищаетъ отъ нареканій «Описанія»; но и тутъ не можетъ не замѣтить, что, дѣйствительно — «жалкія формы, груды письменныхъ дѣлъ изъ архіерея дѣлаютъ только чиновника; придумайте мѣры къ сокращенію этихъ пустыхъ переписокъ, этой формальности, которою всегда можетъ прикрыться злоупотребленіе, но которая отнимаетъ время отъ дѣлъ духа и жизни» (стр, 41).

Такихъ сознаній довольно много можно найти во всей книжкѣ; но мы обращаемъ вниманіе только на первую статью ея, потому что въ ней только соблюдено еще нѣкоторое уваженіе къ фактамъ и есть дѣльныя указанія. Статья священника Грекова тоже имѣетъ нѣкоторое достоинство, но факты, приводимые въ ней, слишкомъ частны, и не даютъ еще права ни на какіе общіе выводы: онъ говоритъ о своемъ приходѣ только. Что же касается до остальныхъ пяти статей, то въ нихъ слишкомъ много общихъ мѣстъ и реторической амплификаціи. Одинъ напр., въ опроверженіе того, что нынѣшнее преподаваніе въ семинаріяхъ отстало и схоластично, приводитъ —

что бы вы думали? — на 23 страницахъ имена русскихъ архіереевъ, проповѣдниковъ, ученыхъ и вельможъ, получившихъ образованіе въ духовныхъ училищахъ съ XVII вѣка. Между этими именами есть, конечно, никому неизвѣстныя, какъ напр., Сидоровскій, Исаевъ, Донковъ, Никита Крыловъ, Прокоповичъ-Антонскій, Кирьякъ Кондратовичъ, Рубанъ, Д. С. С. Шпилевскій, и т. п. Но это бы еще не бѣда. Дурно то, что весь этотъ перечень нейдетъ къ дѣлу. Мы всѣ знаемъ, что первый университетъ основанъ у насъ въ 1755 году, а гимназіи стали открываться въ царствованіе императора Александра I. Поэтому мы ни мало не возстаемъ противъ того, что Ломоносовъ, напр., учился сначала въ московскомъ и кіевскомъ духовныхъ училищахъ; но только что же изъ этого? Неужели подобные факты, хоть бы ихъ было вдесятеро больше, чѣмъ представлено авторомъ, доказываютъ, что нынѣшнее преподаваніе въ семинаріяхъ и то, какое было 20—30 лѣтъ тому назадъ, — вполнѣ современны и удовлетворительны?

Другой авторъ, написавшій «О благотворномъ участіи церкви и пастырей ея въ судебахъ Россіи,» — хочетъ доказать, что напрасно ведутъ упрекать нынѣшнее наше духовенство въ разныхъ недостаткахъ, потому что прежнее духовенство имѣло полезное вліяніе на нашу исторію... Какъ будто эти двѣ вещи какъ нибудь вяжутся между собою!...

Противъ такихъ статей спорить нечего: ясно, что авторы ихъ болѣе любятъ фразу, нежели дѣло, и разсужденіе съ ними будетъ переливаньемъ изъ пустаго въ порожнее. Пусть и много досточтимаго въ духовномъ образованіи и велика вообще заслуга духовенства въ Россіи, но все-таки защищать то и другое такимъ образомъ, какъ это сдѣлано въ статьяхъ книги «Русское Духовенство»,—не годится.

Но мы замѣтили еще одну черту во всѣхъ статьяхъ опроверженій, — это противорѣчіе авторовъ въ разныхъ вопросахъ. Мы выше уже указали ихъ нѣсколько. Приведемъ здѣсь въ заключеніе еще одно, касающееся предмета довольно важнаго — жалованья духовенству. Одно опроверженіе на «Описаніе,» такъ порицаетъ его автора, недовольнаго тѣмъ, что архіереи не согласились на предполагавшееся введеніе жалованья (стр. 23—24):

«Прилично ли, законно ли іерею произносить проклятіе на архіереевъ за то, что они возставали противъ жалованья духовенству? *Безъ всякаго прекословія*, говоритъ апостолъ, *меньшее отъ большаго благословляется*.... Неужели авторъ книги не могъ отгадать причинъ, которыя побуждали архіереевъ къ подобной мѣрѣ? 1) Дѣло шло о епархіяхъ, гдѣ духовенство имѣетъ достаточное содержаніе и безъ того. 2) Опредѣленіе жалованья священникамъ отъ казны могло поставить ихъ на сте-

нія чиновниковъ, зависящихъ отъ гражданскаго начальства, а для силы церкви, для ея значенія, для сохраненія ея чистоты, требуется ея самостоятельность. 3) Вознагражденіе отъ прихожанъ за совершеніе требъ сближаетъ священника съ прихожанами, поставляетъ ихъ въ болѣе тѣсное взаимное отношеніе, заставляетъ священника заботиться о любви прихожанъ, а прихожанъ принимать участіе въ его семейномъ положеніи. Одинъ архіерей писалъ къ Н., что нѣкоторые священники, получающіе жалованье, не хотятъ совершать требы, не хотятъ служить молебновъ, — требуя за нихъ неумѣреннаго вознагражденія. — Прихожане не терпятъ въ священникѣ корыстолюбія и притязательности, но съ любовію даютъ по мѣрѣ средствъ своихъ, и почли бы себя оскорбленными, если бы священникъ отказался принять приношеніе ихъ усердія. Разсказывали мнѣ примѣры, что прихожане стали удаляться отъ священниковъ, какъ отъ чиновниковъ, когда тѣ стали жалованье получать; ихъ подкупаютъ, говорятъ они, и особенно этимъ пользовались раскольники, чтобы отдалить народъ отъ духовенства »

Намъ кажется, что статья эта писана тоже *свѣтскимъ* человѣкомъ, мало понимающимъ настоящее положеніе и надобности духовенства. Онъ говоритъ между прочимъ, съ нѣкоторою небрежностью: «средства жизни священниковъ дѣйствительно скудны, но надобно припомнить, что и потребности ихъ ограничены. Они рождены въ этой скудости, въ ней воспитаны и *имъ не тяжело и нести ее.*» (стр. 23). Такой отзывъ показываетъ — или человѣка богатаго изъ духовныхъ, или вовсе не духовнаго. Духовное лицо, священникъ Греновъ, говоритъ, напротивъ, вотъ что (стр. 153):

«*Порокъ корыстолюбія въ духовенствѣ* зависитъ не отъ воспитанія и не отъ природныхъ наклонностей духовнаго сословія, а *отъ способовъ его содержанія*. Обезпечьте насъ, какъ слѣдуетъ, *дайте намъ приличное содержаніе, и тогда требуйте отъ насъ совершеннаго безкорыстія*. Мы не только не пожалѣемъ тогда о своихъ доходахъ, но напротивъ, будемъ радоваться, что *избавились отъ этой тяжкой и горькой необходимости питаться подаяніемъ. Это — мысль общая всего духовенства, желаніе, постоянно высказываемое.*»

Одно сопоставленіе подобныхъ мѣстъ доказываетъ уже, какъ необходимо для духовенства гласное, печатное обсужденіе вопросовъ, касающихся его внѣшняго положенія и устройства.... Заключимъ же повтореніемъ сказаннаго выше: подобнымъ обсужденіемъ не можетъ быть унижено достоинство православной церкви. Напротивъ, ничѣмъ оно столько не ослабляется, какъ постояннымъ молчаніемъ о духовномъ сословіи, постояннымъ отчужденіемъ его отъ того движенія, которое совершается въ литературѣ....

АНДРЕЙ КРИТСКІЙ.

ИЗЪ АѲИНЪ.

Аѳины. 1 (13) января 1860 года.

Новый годъ по старому стилю; 9 часовъ утра, солнце свѣтитъ ярко; тепло, тихо; по реомюру + 16°/₀. Я сижу на балконѣ дома, выходящаго на главную улицу Аѳинъ (улица Эола, или Вѣтровъ); влѣво виденъ Акрополисъ и на немъ одинъ фасадъ Партенона; впереди горизонтъ загражденъ каменистыми горами, на которыхъ кой-гдѣ значатся слѣды бывшихъ когда-то лѣсовъ, виденъ кой-гдѣ на вершинахъ и снѣгъ, напоминающій о нашей русской зимѣ и морозахъ, а у подошвы горъ разстилается долина, засаженная масличными деревьями, между которыми проглядываютъ кой-гдѣ домики.

Внизу на улицѣ народъ кишитъ; всѣ одѣты по праздничному, мужчины низшихъ классовъ большею частію въ національномъ костюмѣ, женщинъ сравнительно весьма мало и всѣ онѣ одѣты въ какіе-то безхарактерные и безвкусные европейскіе наряды, только изрѣдка увидишь на женскихъ головахъ красивый греческій фесъ.

Вообще на улицахъ весьма мало бываетъ женщинъ, что и придаетъ Аѳинамъ нѣсколько азіатскій характеръ и монотонность; а вдобавокъ такъ мало здѣсь встрѣчаешь красивыхъ женскихъ лицъ, что не видѣвшему женщинъ въ Смирнѣ и на островахъ Архипелага, съ трудомъ вѣрится, что онъ находится въ странѣ, которая когда-то своими женскими красотами вдохновляла рѣзцы скульпторовъ, передавшихъ свои произведенія на удивленіе самому отдаленному потомству.

Но вотъ народъ начинаетъ двигаться сплошными массами къ церкви св. Ирины, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей гостинницы, и я беру шляпу и иду туда же. Солдаты выстроены въ шпалеры, отъ самаго дворца до храма св. Ирины, въ ожиданіи пріѣзда короля и королевы для слушанія молебна.

Наконецъ съѣзжается дипломатическій корпусъ и народъ любуется блестящими мундирами и орденами; пробираюсь и я въ храмъ, который весьма малъ и набитъ любопытными, хоры полны женщинъ; послѣ нѣсколькихъ усилій я попадаю какъ разъ въ среду сильныхъ міра сего и Греціи въ особенности; все вокругъ меня увѣшано голубыми лентами ордена Спасителя. Но вотъ бьетъ десять и входятъ король и королева, одѣтые въ греческій блестящій костюмъ, — королева, говорятъ, очень любитъ этотъ костюмъ. Начинается молебствіе и полчаса страждутъ уши отъ греческаго пѣнія,—непріятнѣе этихъ носовыхъ звуковъ трудно что либо вообразить, и я не разъ видѣлъ, какъ съ слабонервными женщинами начинались истерическіе припадки отъ этихъ неестественныхъ звуковъ. Введеніе музыки Бортнянскаго было бы огромнымъ прогрессомъ въ греческихъ храмахъ и въ ихъ богослуженіи.

Но вотъ молебенъ конченъ, король и королева кланяются, слышатся немногочисленные крики: vivat! музыка гремитъ и наконецъ толпа расходится; дипломатическій корпусъ ѣдетъ съ поздравленіями во дворецъ, а такъ называемый образованный классъ идетъ и ѣдетъ исполнять тотъ же самый священный обрядъ отдаванія визитовъ или развозки визитныхъ карточекъ, который въ этотъ день повторяется во всемъ образованномъ мірѣ.

Я выхожу на улицу и въ какой нибудь часъ времени обхожу рѣшительно весь городъ; задушевнаго удовольствія наружнаго нигдѣ не видно, лица спокойны, пьяныхъ не видно, и вообще надо сказать, никогда я не видѣлъ пьянаго грека. Всѣ кафе набиты, и журналы, которыхъ издается около 40, читаются съ большимъ любопытствомъ. Неправда ли, что цифра 40, для города, имѣющаго около 30 тысячъ жителей, весьма краснорѣчива? Любопытство есть преобладающая страсть грековъ, — въ этомъ они достойные потомки своихъ предковъ,—но за то и скупость, какъ кажется, одно изъ неотъемлемыхъ ихъ качествъ. Трезвость и умѣренность грековъ въ жизни для русскихъ почти непостижима; кажется, какъ будто греки питаются однимъ только воздухомъ; самые богатые люди такъ умѣренны въ своей жизни, что нисколько не удивительна способность грековъ богатѣть и составлять колоссальныя состоянія. Жаль только, что эта разсчетливость доходитъ до крайнихъ предѣловъ даже

въ тѣхъ предметахъ, которые составляютъ необходимость для каждаго человѣка, именно потому, что онъ человѣкъ; такъ напримѣръ: употребленіе ванны и умыванія, составляющія необходимость для каждаго порядочнаго человѣка, считаются здѣсь совершенно излишнею роскошью и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ неприличною,— что дѣлаетъ грековъ чуть ли не неопрятнѣе самихъ турокъ.

Сегодня балъ во дворцѣ, и не быть приглашеннымъ на балъ считается въ общемъ мнѣніи какъ бы быть въ опалѣ.

Здѣсь вообще живутъ всегда очень скромно и жизнь самая монотонная; лишь одни пріѣзжіе европейцы нарушаютъ однообразіе здѣшней жизни.

Нынѣшній зимній сезонъ вниманіе публики привлечено появленіемъ на сценѣ здѣшней свѣтской жизни одной молодой русской дамы, недурной собою, которая гиперболическими кринолинами и самыми эксцентрично-модными костюмами и постоянно напудренными волосами, умѣла на нѣкоторое время приковать къ себѣ вниманіе публики; если это было цѣлью ея появленія въ Афинахъ, то цѣли этой она достигла вполнѣ.

Есть здѣсь и опера итальянская, но составъ труппы ниже всякой критики.

Лучшая и единственная прогулка въ городѣ — это королевскій садъ при дворцѣ; въ немъ огромное число апельсинныхъ деревьевъ, покрытыхъ въ настоящее время спѣлыми апельсинами; деревья совершенно ими усыпаны и даютъ всему саду прекрасный видъ, а для сѣвернаго жителя это зрѣлище особенно завлекательно. Садъ очень хорошъ; посажено много пальмъ и разныхъ тропическихъ растеній; поливка сада и уходъ за нимъ, какъ говорятъ, очень дорого стоятъ.

Въ настоящее время есть еще для афинянъ одно развлеченіе, — это засѣданія палаты депутатовъ и сената.

На дняхъ я былъ въ одномъ изъ засѣданій палаты депутатовъ; прежнее зданіе палаты сгорѣло и потому засѣданія происходятъ въ зданіи университета. Зала довольно помѣстительна для 140 депутатовъ, составляющихъ палату; скамьи расположены амфитеатромъ; все просто и бѣдно. Большая часть депутатовъ—въ національныхъ костюмахъ, или по крайней мѣрѣ съ греческой феской на головѣ; министры—на первой скамьѣ около трибуны; публика сидитъ частію на хорахъ, а тѣ, которые тамъ не помѣщаются, стоятъ съ боку, около стола журналистовъ и стенографовъ и около скамей депутатовъ; полная свобода, многіе въ шляпахъ.

Стеченіе публики огромное,—нисколько не менѣе, чѣмъ въ Парижѣ бывало во время Луи-Филиппа; многіе ждутъ очереди быть впущенными, по мѣрѣ выхода другихъ. На очереди было преніе объ адресѣ королю. При входѣ моемъ, я засталъ на трибунѣ депутата г-на Аргиропуло, бывшаго министра, нынѣ профессора правъ. Онъ считается, однимъ изъ лучшихъ ораторовъ палаты. Извѣстно, что съ 1843 года, когда получила Грецiя нынѣ существующую конституцію, право подачи голосовъ для выбора депутатовъ, распространено на всѣхъ и для этого существуютъ почти тѣ же правила, какъ нынѣ во Франціи. Но правительство передъ выборами объявляетъ офиціально своихъ кандидатовъ, и эта такъ называемая рекомендація, при другихъ всѣмъ извѣстныхъ конституціонныхъ уловкахъ, дѣлаетъ выборъ этихъ кандидатовъ, съ весьма рѣдкими исключеніями, — несомнѣннымъ для правительства, что и служитъ причиною, что палата всегда — самое послушное орудіе министровъ. Нѣтъ никакого контроля въ расходѣ бюджета и даже обычая нѣтъ давать отчеты въ издержкахъ; а какъ эти издержки дѣлаются, можно судить по тому, что въ продолженіе болѣе четверти столѣтія не сдѣлано никакихъ дорогъ, между тѣмъ какъ празднованіе 25-лѣтія освобожденія Греціи стоило 600 тысячъ драхмъ, и эта издержка есть только образчикъ тѣхъ многихъ колоссальныхъ для Греціи и непроизводительныхъ издержекъ, которыя служатъ причиною, что долгъ Греціи ростетъ и ростетъ ежегодно.

Сенатъ составленъ изъ членовъ, назначаемыхъ правительствомъ, число которыхъ не должно превышать половины числа депутатовъ. Сенаторская должность пожизненна и это даетъ сенату нѣкоторую самостоятельность. Въ настоящемъ случаѣ сенатъ выразилъ желаніе, чтобы правительство воздерживалось отъ рекомендаціи своихъ кандидатовъ въ депутаты, находя, что при томъ вліяніи, какое правительство имѣетъ на выборы и другими путями, это значитъ то же, что уничтожить свободу выборовъ.

Рядомъ со мною, въ числѣ любопытныхъ стояли два грека, принимавшіе, какъ казалось, сильное участіе въ преніи; одинъ непримиримому поклонникъ министерскихъ мѣръ, другой, какъ кажется, принадлежитъ къ оппозиціи,—на всякое слово оратора, не приходящееся по вкусу одного и другаго, они громко дѣлали замѣчанія, а потому я невольно дѣлался и ихъ слушателемъ. Но вотъ голосъ оратора заглушаетъ все, онъ бросаетъ перуны министерской партіи; палата слушаетъ его со вниманіемъ и большинство не выражаетъ нетерпѣнія при его длинной филиппикѣ; на лицахъ написана увѣренность своей силы, которая такъ и говоритъ всякому, «ты что ни

толкуй, а будетъ все-таки по нашему». — Министры слушаютъ, зѣвая и разговаривая между собою.

Наконецъ всѣ доводы оратора истощены; по его убѣжденію онъ доказалъ, какъ дважды два четыре, что всякое вмѣшательство правительства въ выборы—незаконно и что черезъ это не можетъ быть ни серьёзнаго контроля дѣйствій правительства и ни одного изъ тѣхъ обезпеченій, какія имѣла въ виду конституція; больше ничего не остается, какъ сойти съ трибуны; ораторъ это и дѣлаетъ. Сосѣди мои сильно спорятъ. Но вотъ входитъ на трибуну другой ораторъ, съ лицомъ замѣчательнымъ по своей типичной физіономіи;— это типъ грека des Bas-Empires; лукавство выражено въ каждой морщинкѣ и даже въ лысинѣ. Рѣчь начинается тихимъ и несвязнымъ голосомъ, но вотъ ораторъ постепенно оживляется, вынимаются изъ кармана выписки и замѣтки, и цитаты изъ разныхъ авторовъ подтверждаютъ истину его словъ. Сущность его рѣчи, подкрѣпленной авторитетами англійскихъ, французскихъ и даже древнихъ ораторовъ, та, что правительство должно всегда употреблять свое благодѣтельное вліяніе вездѣ и во всемъ и что мысль устранить это вліяніе при выборахъ—революціонна; употреблять же бюджетъ никто никогда лучше не съумѣетъ, чѣмъ правительство, а потому не о чемъ и хлопотать, а всѣ эти ложныя мысли оттого, что направленіе вѣка самое матеріальное, мало думаютъ о духовномъ, видно, что и сюда заходятъ западныя утопіи, и такъ далѣе. Когда ораторъ сходилъ съ трибуны, то потъ крупными каплями струился по лысому челу его, и нельзя было не любоваться его жаромъ.

Пока ораторъ сходилъ съ трибуны, сосѣди мои вели самый жаркій споръ; я слушаю поневолѣ. «Что это такое *утопіи?* про какія утопіи онъ говоритъ?» «Поздравляю васъ, вы не знаете, что такое утопія, — кажется мы вмѣстѣ учились и всякій долженъ знать, что утопіею называется все то, что создаетъ воображеніе, но что не можетъ быть примѣнено въ дѣйствительной жизни.» — «А, понимаю: напримѣръ чувство, называемое зрѣніемъ, есть утопія, ибо слѣпой отъ рожденія, сколько ни объясняй ему, что это чувство существуетъ у зрячихъ, все-таки не пойметъ его и будетъ—чего добраго—подсмѣиваться надъ доказательствами существованія зрѣнія; *для* глухонѣмаго чувство слуха есть тоже утопія, и такъ далѣе, можно много набрать подобныхъ утопій.» «Полноте уклоняться отъ предмета разговора: ораторъ подразумѣвалъ тѣ утопіи, которыя бродятъ въ западныхъ умахъ и которыя никогда не могутъ быть примѣнимы.»

Прохожіе разгорячаются, а я пробираюсь къ выходу и выхожу подышать чистымъ воздухомъ.

Нужно отдать честь грекамъ въ томъ, что вѣка рабства не погасили въ нихъ желанія учиться. Всѣ хорошо знакомые съ Греціею согласны, что врядъ ли гдѣ развита въ такой степени любовь къ ученію, какъ здѣсь; дѣти сами упрашиваютъ родителей посылать ихъ въ школы, и въ школахъ тѣлесныя наказанія неизвѣстны. Преподаваніе въ Греціи не имѣетъ еще никакой опредѣленной системы. Учатъ во всѣхъ школахъ и въ университетѣ безвозмездно. Въ университетѣ около 700 студентовъ слушающихъ курсъ; для страны съ небольшимъ въ милліонъ народонаселенія—эта цифра весьма велика. Жаль, что весьма трудно знать настоящую цифру всѣхъ учащихся; извѣстно только, что въ 1853 году, въ 325 школахъ, было 40,000 дѣтей и, что замѣчательнѣе еще, до 4,000 дѣвочекъ, и это на тогдашнее народонаселеніе въ 992,643 души: вѣдь это народонаселеніе меньшее, чѣмъ многія наши губерніи.

Нельзя не удивляться этимъ успѣхамъ въ просвѣщеніи, если вспомнить, какъ дорого стоитъ Греціи управленіе. Во Франціи всегда ищутъ такъ называемаго gouvernement à bon marchè, и не находятъ его; въ Греціи содержаніе двора министровъ, посланниковъ, арміи въ 9,000 человѣкъ и прочіе аттрибуты власти составляютъ сумму, которая не подъ силу такой маленькой и небогатой странѣ и потому не удивительно, что болѣе чѣмъ въ четверть столѣтія не сдѣлано ничего по части улучшенія путей сообщеній. Если бы правительство положило за правило ежегодно дѣлать нѣсколько десятковъ верстъ дорогъ, то за 26 лѣтъ порядочно пунктовъ были бы соединены между собой и призваны къ торговой дѣятельности; но системы нѣтъ никакой, все дѣлается рутиной и никакое серьёзное улучшеніе въ чемъ либо не имѣетъ мѣста.

Въ довершеніе ко всему этому, распредѣленіе налоговъ самое неправильное и сборъ ихъ производится съ произведеній земли, на манеръ турецкій и египетскій, что подаетъ поводъ къ разнаго рода злоупотребленіямъ, и налогъ падаетъ всею тяжестію на производительный классъ гражданъ. Много писали, много говорили о томъ, что пора разложить подать на землю равномѣрно; всѣ проэкты останавливаются въ высшихъ сферахъ и до сихъ поръ считаются утопіями.

Судебная часть, по общему отзыву, организована здѣсь лучше, чѣмъ что либо; въ числѣ судей много людей образованныхъ и понимающихъ важность своей обязанности; не достаетъ судьямъ неподкупности, чтобы эта часть была вполнѣ похожа на организацію французской судебной власти.

При возобновленіи Аѳинъ, послѣ окончанія войны за независимость, много было разныхъ проэктовъ и плановъ, какъ строить городъ; одни предлагали не застраивать мѣсто, гдѣ были древніе Аѳины, а избрать или Пирей, какъ мѣсто лежащее у моря, или мѣсто между Акрополисомъ и Пиреемъ, или наконецъ нѣсколько въ сторонѣ отъ древнихъ Аѳинъ; но наконецъ проэктъ строить городъ на старомъ мѣстѣ восторжествовалъ, и теперь надолго антикваріи лишены удовольствія рыться въ развалинахъ; на старомъ мѣстѣ воздвигнутъ новый городъ. Много старыхъ церквей греческихъ уничтожено было при планировкѣ города, нѣкоторые считаютъ ихъ сотнями; разумѣется, большая часть изъ нихъ были скорѣе часовни, чѣмъ храмы.

Городъ и до сихъ поръ какъ будто не достроенъ; во многихъ мѣстахъ видны развалины, оставшіяся послѣ войны, и только въ послѣднія 10 лѣтъ начали какъ-то дѣятельнѣе строиться и цѣнность земель въ городѣ возрасла болѣе чѣмъ въ 10 разъ. Но жизнь лѣтомъ въ городѣ почти невыносима отъ жаровъ, а пыль при вѣтрѣ напоминаетъ знаменитую одесскую пыль, которой равной нѣтъ въ мірѣ.

Дворецъ есть самое безвкусное зданіе, въ архитектурномъ отношеніи, несмотря на то, что архитекторъ его имѣлъ извѣстность въ Германіи; какія причины побудили выстроить это зданіе на подобіе казармы — неизвѣстно, но только въ Аѳинахъ особенно непріятно поражается взоръ безобразіемъ этого зданія, которое видно съ большей части пунктовъ и будто поставлено на показъ, въ доказательство, что наша эпоха утратила чувство изящнаго въ зодчествѣ.

4 (16-го) января.

Но пора уѣзжать изъ Аѳинъ, съ которыми я очень хорошо познакомился; иду еще разъ взглянуть на Акрополисъ съ его Пропилеями, Партеномъ и храмомъ побѣды. — Въ послѣднее время, сдѣлана очень удобная дорога изъ города въ Акрополисъ, и самая гора засаживается деревьями. — Изъ Пропилей видъ превосходный; виденъ Пирей и вся лучшая окрестность Аѳинъ, у подножія Ареопагъ и напротивъ Пнукъ, мѣсто, гдѣ знаменитые ораторы привлекали къ себѣ вниманіе аѳинскихъ гражданъ.

Ни время, ни безпрестанныя разрушенія, ни систематическій грабежъ путешественниковъ — не могли еще уничтожить всѣхъ чудесъ творчества, созданныхъ въ Акрополисѣ и воображеніе легко дополняетъ недостающія части въ зданіяхъ, а исторія дополняетъ

пробѣлы, и все окружающее представляется въ воображеніи во всей прежней прелести и полнотѣ, и поневолѣ задаешь себѣ вопросъ: «да что же это за дивный народъ былъ, который создалъ столько чудесъ искусства и такъ высоко понималъ изящное?—неужели внизу въ Аѳинахъ кишатъ потомки этихъ людей? и много тому подобныхъ вопросовъ, раждается въ головѣ.—Но наконецъ я отрываюсь отъ Парѳенона и вхожу въ одинъ изъ отдѣловъ Пропилей, въ которомъ сохраняются собранныя и отрытыя въ разныхъ мѣстахъ древности; провожаетъ меня одинъ изъ сторожей — мѣра, принимаемая со всякимъ приходящимъ въ Акрополисъ, для предупрежденія грабежей, дѣлаемыхъ любителями древностей; но сторожа эти не надоѣдливы и стоятъ вдали какъ статуи, съ пристальнымъ взоромъ на любопытнаго. Не смотря на эти предосторожности, случаются похищенія и разсказываютъ, что нѣсколько лѣтъ назадъ одинъ американецъ именно здѣсь, въ Пропилеяхъ, отбилъ небольшой членъ одной статуи, но былъ въ скорости пойманъ съ добычею; консерваторъ древностей г. Питтаки былъ такъ взволнованъ этимъ, что, говорятъ, настоятельно требовалъ, чтобы виноватый былъ наказанъ отсѣченіемъ носа, но дѣло обошлось по счастію не такъ трагически,—кончилось денежной пеней.

Наконецъ послѣ внимательнаго осмотра всѣхъ собранныхъ рѣдкостей, собираюсь выйдти изъ этого мѣста, но вдругъ вблизи послышались голоса разговаривающихъ, и какое то смутное воспоминаніе, пробуждается въ моей памяти,—да, именно, я гдѣ то давно слышалъ эти голоса, но гдѣ именно—не припомню; но вотъ они ближе, ближе и останавливаются въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня; за колоннами я не вижу говорящихъ, но разговоръ ихъ слышу очень хорошо: «Нѣтъ, что ни говорите, а жизнь древнихъ была лучше; не было въ ней такой пошлости, какою мы имѣемъ удовольствіе теперь наслаждаться, а доказательство ихъ великости—это творенія, которыя мы видимъ здѣсь и которымъ даже подражать не умѣемъ и....»— «Позвольте васъ перебить на минуту: вотъ уже цѣлый годъ, какъ мы ѣздимъ вмѣстѣ и объѣхали чуть ли не всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ есть какія либо замѣчательныя произведенія человѣческаго искусства; были мы съ вами въ Италіи, тамъ вы вздыхали о тѣхъ временахъ, когда создавались тѣ изящныя картины и строенія, какія уже въ наши времена не рисуются и не создаются, — въ Египтѣ чуть ли не сожалѣли о фараонахъ, настроившихъ пирамиды и храмы, и мнѣ казалось, дай вамъ власть, то готовы бы были и вы сами повторить тѣ же глупости; теперь вы чуть не плачете о прошедшихъ временахъ Перикла. И это не вы одни, но и большая часть худож-

никовъ и вообще всѣхъ тѣхъ, у которыхъ развита въ черепѣ шишка художественности, если можно такъ выразиться; всѣ они настроены на одинъ ладъ; настоящая эпоха имъ кажется пошлою, и потому живутъ и дышутъ они только прошлымъ, и дай имъ власть, то они дружно двинули бы все человѣчество вспять, лишь бы имѣть удовольствіе опять воздвигать Партеноны, расписывать плафоны, украшать барельефами, а при случаѣ пожалуй нагромоздить что нибудь и въ родѣ пирамиды.... — Неужели безуспѣшныя попытки подражанія древнимъ мастерамъ искусства не могутъ убѣдить художниковъ, что требованія вѣка совсѣмъ другія и что строить великолѣпныя, но безполезныя зданія, такъ же какъ и рисовать картины, не есть еще цѣль человѣческихъ усилій и что есть другія, болѣе полезныя и даже болѣе поэтическія работы и цѣли, которыя еще почти не начаты настоящими поколѣніями?»

— Ха, ха, ха! Ужь не подозрѣваете ли вы подъ этими поэтическими работами ваши американскія желѣзныя дороги и мосты? Нечего сказать, красивы и поэтичны эти работы; не оскорбляя вашего достоинства, могу сказать, что нужно только быть такимъ лакеемъ, какъ вы, чтобы ими восхищаться.

— Благодарю васъ за комплиментъ и нисколько не обижаюсь. Въ продолженіе года нашего путешествія вы могли видѣть, на сколько развито во мнѣ чувство изящнаго и пониманіе художественной красоты; я думаю, вы согласитесь, что я понимаю и цѣню произведенія художественныя не менѣе васъ; вы сами въ этомъ сознавались, а это уже много значитъ, потому что вы артистъ, и артистъ не дюжинный; потому-то мнѣ и хотѣлось бы васъ убѣдить, что вы ошибаетесь въ вашей оцѣнкѣ прошлаго и настоящаго времени. Времена Перикла прошли и не возвратятся, эпоха та и произвела великія творенія потому, что была логична; нѣсколько тысячъ такъ называемыхъ гражданъ греческихъ были убѣждены, что они все, а остальное человѣчество должно служить имъ; нашлись и философы, подтвердившіе это убѣжденіе, — и вотъ все, что только могло быть подчинено имъ, подчинилось; климатъ благораствореный, трудиться этимъ гражданамъ не для чего, остается лишь мечтать, слушать рѣчи философовъ и ораторовъ и наконецъ строить зданія, въ которыхъ рельефно изобразились всѣ ихъ дѣтско-поэтическія мечты; а поэзіи было много, потому что весь міръ съ его силами былъ еще книга, развернутая на первой страницѣ, плоды же завоеваній давали средства исполнять всѣ прихоти воображенія нѣсколькихъ тысячъ гражданъ. Наша же эпоха потому и пошла, или кажется такою, что нѣтъ въ живыхъ дѣятеляхъ ея послѣдователь-

ности; все дѣлается какими-то скачками, почти никто не понимаетъ направленія вѣка и всѣ оглядываются болѣе назадъ, тогда какъ прошлое совсѣмъ къ намъ нейдетъ; что же тутъ мудренаго, что въ какомъ нибудь Мюнхенѣ начнутъ подражать древнимъ и выйдетъ галиматья.... Всѣ подобныя затѣи — выстроить что нибудь на диво слѣдующимъ поколѣніямъ, нигдѣ почти не удаются именно потому, что для того, чтобы выстроить что нибудь дивное, но *непроизводительное*, требуется во-первыхъ вѣра, а во-вторыхъ лишенія для большинства. Я много разъ слышалъ отъ васъ, что назначеніе изящныхъ искусствъ — очищать вкусъ людей и отрѣшать ихъ отъ матеріальныхъ интересовъ и наконецъ пріучать наслаждаться духовно. Прекрасно! Но до сихъ поръ я нигдѣ не вижу — ни въ исторіи, ни въ настоящее время, чтобы эта цѣль когда нибудь и гдѣ нибудь достигалась: богатства художественныя сохраняются въ музеумахъ, или частныхъ коллекціяхъ и доступны лишь малому числу любителей, которые прельщены этими красотами до нельзя. А въ добавокъ я вижу еще, что истинные любители и цѣнители искусствъ, были иногда самые неразборчивые люди въ средствахъ удовлетворенія своимъ прихотямъ, такъ что самаго близорукаго все это заставитъ усомниться, дѣйствительно ли изящныя искусства имѣютъ такое вліяніе на духовную сторону человѣка, какое имъ приписываютъ.... Итакъ, мнѣ кажется, что нечего оглядываться назадъ и подражать безполезно и безуспѣшно прошлымъ образцамъ; передъ нами обширное поприще; будемъ лучше идти впередъ, и я убѣжденъ, что тѣ самыя непоэтическія и безобразныя работы, о которыхъ вы упомянули, т. е. желѣзныя дороги и мосты, вѣрнѣе доведутъ человѣчество къ истинно-духовному направленію и создадутъ современемъ вновь, утраченное теперь, чувство изящнаго, но только не въ отдѣльныхъ личностяхъ, а въ массахъ, что будетъ поважнѣе и гораздо полезнѣе, чѣмъ все то, что до сихъ поръ создавалось и что служило только для удовлетворенія вкуса меньшинства....

— Стойте, стойте, да чуть ли вы не поклонникъ прогресса?

— Что я вѣрю въ прогрессъ, это вамъ давно извѣстно, — но только не въ такъ называемый progrès indéfini, ибо это тоже было бы не логично: вѣчнаго нѣтъ ничего въ мірѣ, и потому дѣлать исключеніе въ пользу чего либо было бы неосновательно.

— Хорошъ прогрессъ, нечего сказать; стоитъ взглянуть на все окружающее васъ и потомъ взглянуть на безобразныя постройки, чтобы видѣть, каковъ этотъ прогрессъ; да какъ вспомнишь, что и теперь люди такъ же рѣжутся между собой, какъ рѣзались тысячелѣтія назадъ, то поневолѣ станешь въ тупикъ и не видишь причины, которая могла бы дѣлать прогрессъ человѣчества возможнымъ.

— А меня именно эта настойчивость человѣчества откатываться назадъ и повторять тѣ же глупости и убѣждаетъ, что есть прогрессъ. Разверните исторію и дѣйствительно вы убѣдитесь, что человѣчество движутъ теперь тѣ же интересы, что и прежде; но за то правители народовъ теперь желаютъ, чтобы большинство принимало участіе въ благахъ земныхъ. Что науки положительныя дѣлаютъ прогрессъ, это неопровержимо и что силы природы болѣе и болѣе подчиняются человѣку, это тоже несомнѣнно; теперь остается только, чтобы всѣ эти пріобрѣтенія науки служили съ пользою *большинству*, и я убѣжденъ, что человѣчество стремится къ этому и достигнетъ наконецъ наивозможно-справедливаго удовлетворенія всѣхъ; но и этотъ періодъ совершенства не можетъ быть вѣченъ: прійдется человѣчеству опять описывать нисходящую вѣтвь параболы; а что мы теперь идемъ по восходящей вѣтви, именно и убѣждаетъ меня исторія человѣчества до сихъ поръ и....

Но я не вытерпѣлъ, не дождался конца рѣчи, ибо въ этихъ двухъ господахъ я давно узналъ хорошихъ моихъ знакомыхъ, съ которыми я часто встрѣчался въ моихъ путешествіяхъ; одинъ изъ нихъ — молодой германецъ, хорошій художникъ и добрый малый; другой — американецъ, одинъ изъ числа тѣхъ многихъ соотечественниковъ его, которые, составивши состояніе усиленнымъ трудомъ, дозволяютъ себѣ насладиться удовольствіемъ путешествія въ Старый Свѣтъ. Оба эти господина — друзья и путешествуютъ вмѣстѣ около года, хотя постоянно въ разладѣ во взглядахъ на всѣ предметы, что именно, можетъ быть, и составляетъ прелесть ихъ дружбы. Увидѣвши меня, оба бросились пожимать мнѣ руки, и мы, вмѣстѣ полюбовавшись видомъ изъ Пропилей, спустились къ своимъ экипажамъ.

— Вы куда теперь? спрашиваютъ меня.

— Я сейчасъ въ Пирей, а завтра въ Константинополь, отвѣчаю имъ.

— Браво! и мы завтра туда же. Итакъ, до свиданія!

— До свиданія!

Я сажусь въ экипажъ и въ 40 минутъ пріѣзжаю въ Пирей, куда идетъ изъ Аѳинъ хорошее шоссе (около 8 верстъ). При выѣздѣ изъ Аѳинъ налѣво видна обсерваторія, построенная на деньги, пожертвованныя однимъ греческимъ банкиромъ,—чуть ли не 50 тыс. фунт. стерл. Нужно отдать честь грекамъ: бо́льшая часть полезныхъ публичныхъ заведеній устроены частными пожертвованіями.

Замѣчу въ заключеніе, что собственно въ Греціи низшіе классы имѣютъ къ Россіи такую же симпатію, какъ и греки, находящіеся

подъ турецкимъ владычествомъ; они ждутъ отъ Россіи въ будущемъ большихъ дѣлъ въ пользу созданія Греціи, сильной и единой. Но симпатій этихъ далеко не раздѣляютъ высшіе классы общества, даже случалось слышать обвиненія Россіи въ эгоизмѣ и существуетъ даже у нихъ какая-то боязнь Россіи въ будущемъ....

А. Д.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НОВАЯ ПОВѢСТЬ Г. ТУРГЕНЕВА.

(**Накануне**, повѣсть *И. С. Тургенева*. «Русскій Вѣстникъ», 1860 г., № 1—2).

Эстетическая критика сдѣлалась теперь принадлежностью чувствительныхъ барышенъ. Изъ разговоровъ съ ними служители чистаго искусства могутъ почерпнуть много тонкихъ и вѣрныхъ замѣчаній, и затѣмъ написать критику въ такомъ родѣ. «Вотъ содержаніе новой повѣсти г. Тургенева (разсказъ содержанія). Уже изъ этого блѣднаго очерка видно, какъ много тутъ жизни и поэзіи самой свѣжей и благоуханной. Но только чтеніе самой повѣсти можетъ дать понятіе о томъ чутьѣ къ тончайшимъ поэтическимъ оттѣнкамъ жизни, о томъ остромъ психическомъ анализѣ, о томъ глубокомъ пониманіи невидимыхъ струй и теченій общественной мысли, о томъ дружелюбномъ и вмѣстѣ смѣломъ отношеніи къ дѣйствительности, которыя составляютъ отличительныя черты таланта г. Тургенева. Посмотрите, напримѣръ, какъ тонко подмѣчены эти психическія черты (повтореніе одной части изъ разсказа содержанія и затѣмъ — выписка); прочтите эту чудную сцену, исполненную такой граціи и прелести (выписка); припомните эту поэтическую, живую картину (выписка), или вотъ это высокое, смѣлое изображеніе (выписка). Не правда ли, что это проникаетъ въ глубину души, заставляетъ сердце ваше биться сильнѣе, оживляетъ и украшаетъ

вашу жизнь, возвышаетъ предъ вами человѣческое достоинство и великое, вѣчное значеніе святыхъ идей истины, добра и красоты! Comme c'est joli, comme c'est délicieux!»

Малому знакомству съ чувствительными барышнями одолжены мы тѣмъ, что не умѣемъ писать такихъ пріятныхъ и безвредныхъ критикъ. Откровенно признаваясь въ этомъ и отказываясь отъ роли «воспитателя эстетическаго вкуса публики», — мы избираемъ другую задачу, болѣе скромную и болѣе соразмѣрную съ нашими силами. Мы хотимъ просто подвести итогъ тѣмъ даннымъ, которыя разсѣяны въ произведеніи писателя и которыя мы принимаемъ, какъ совершившійся фактъ, какъ жизненное явленіе, стоящее предъ нами. Работа не хитрая, но нужная, потому что, за множествомъ занятій и отдыховъ, рѣдко кому придетъ охота самому всмотрѣться во всѣ подробности литературнаго произведенія, разобрать, провѣрить и поставить на свое мѣсто всѣ цифры, изъ которыхъ составляется этотъ сложный отчетъ объ одной изъ сторонъ нашей общественной жизни, и затѣмъ подумать объ итогѣ и о томъ, что онъ обѣщаетъ и къ чему насъ обязываетъ. А такого рода провѣрка и размышленіе очень небезполезны по поводу новой повѣсти г. Тургенева.

Мы знаемъ, что чистые эстетики сейчасъ же обвинятъ насъ въ стремленіи навязывать автору свои мнѣнія и предписывать задачи его таланту. Поэтому оговоримся, хоть это и скучно. Нѣтъ, мы ничего автору не навязываемъ, мы заранѣе говоримъ, что не знаемъ, съ какой цѣлью, вслѣдствіе какихъ предварительныхъ соображеній изобразилъ онъ исторію, составляющую содержаніе повѣсти «Наканунѣ». Для насъ не столько важно то, что *хотѣлъ* сказать авторъ, сколько то, что *сказалось* имъ, хотя бы и ненамѣренно, просто вслѣдствіе правдиваго воспроизведенія фактовъ жизни. Мы дорожимъ всякимъ талантливымъ произведеніемъ именно потому, что въ немъ можемъ изучать факты нашей родной жизни, которая безъ того такъ мало открыта взору простаго наблюдателя. Въ нашей жизни до сихъ поръ нѣтъ публичности, кромѣ офиціальной; вездѣ мы сталкиваемся не съ живыми людьми, а съ офиціальными лицами, служащими по той или другой части: въ присутственныхъ мѣстахъ — съ чистописателями, на балахъ — съ танцорами, въ клубахъ — съ картежниками, въ театрахъ — съ парикмахерскими паціентами, и т. д. Всякій хоронитъ дальше свою душевную жизнь: всякій такъ и смотритъ на васъ, какъ будто говоритъ: «вѣдь я сюда пришелъ, чтобъ танцовать, или чтобъ прическу показать; ну, и будь доволенъ тѣмъ, что я дѣлаю свое дѣло, и не вздумай пожалуйста выпытывать отъ меня мои чувства и понятія». И дѣйствительно, — никто никого не выпытываетъ, никто никѣмъ не интересуется, и все общество

идетъ врозь, досадуя, что должно сходиться въ офиціальныхъ случаяхъ, въ родѣ новой оперы, званаго обѣда или какого нибудь комитетскаго засѣданія. Гдѣ же тутъ узнать и изучить жизнь человѣку, не посвятившему себя исключительно наблюденію общественныхъ нравовъ? А тутъ еще какое разнообразіе, какая даже противоположность въ различныхъ кругахъ и сословіяхъ нашего общества! Мысли, сдѣлавшіяся въ одномъ кругѣ уже пошлыми и отстальми, въ другомъ еще жарко оспариваются; что у однихъ признается недостаточнымъ и слабымъ, то другимъ кажется слишкомъ рѣзкимъ и смѣлымъ, и т. п. Что падаетъ, что побѣждаетъ, что начинаетъ водворяться и преобладать въ нравственной жизни общества, — на это у насъ нѣтъ другаго показателя, кромѣ литературы, и преимущественно художественныхъ ея произведеній. Писатель-художникъ, не заботясь ни о какихъ общихъ заключеніяхъ относительно состоянія общественной мысли и нравственности, всегда умѣетъ однако же уловить ихъ существеннѣйшія черты, ярко освѣтить и прямо поставить ихъ предъ глазами людей размышляющихъ. Вотъ почему и полагаемъ мы, что какъ скоро въ писателѣ-художникѣ признается талантъ, то-есть умѣнье чувствовать и изображать жизненную правду явленій, то уже въ силу этого самаго признанія, произведенія его даютъ законный поводъ къ разсужденіямъ о той средѣ жизни, о той эпохѣ, которая вызвала въ писателѣ то или другое произведеніе. И мѣркою для таланта писателя будетъ здѣсь то, до какой степени широко захвачена имъ жизнь, въ какой мѣрѣ прочны и многообъятны тѣ образы, которые имъ созданы.

Мы сочли нужнымъ высказать это для того, чтобы оправдать свой пріемъ — толковать о явленіяхъ самой жизни на основаніи литературнаго произведенія, не навязывая впрочемъ автору никакихъ заранѣе сочиненныхъ идей и задачъ. Читатель видитъ, что для насъ именно тѣ произведенія и важны, въ которыхъ жизнь сказалась сама собою, а не по заранѣе придуманной авторомъ программѣ. О «Тысячѣ Душъ», напримѣръ, мы вовсе не говорили, потому что, по нашему мнѣнію, вся общественная сторона этого романа насильно пригнана къ заранѣе сочиненной идеѣ. Стало быть, тутъ не о чемъ и толковать, кромѣ того, въ какой степени ловко составилъ авторъ свое сочиненіе. Положиться на правду и живую дѣйствительность фактовъ, изложенныхъ авторомъ, невозможно, потому что внутреннее отношеніе его къ этимъ фактамъ не просто и не правдиво. Совсѣмъ не такія отношенія автора къ сюжету видимъ мы въ новой повѣсти г. Тургенева, какъ и въ большей части его повѣстей. Въ «Наканунѣ» мы видимъ неотразимое вліяніе есте-

ственнаго хода общественной жизни и мысли, которому невольно подчинилась сама мысль и воображеніе автора.

Поставляя главной задачею литературной критики — разъясненіе тѣхъ явленій дѣйствительности, которыя вызвали извѣстное художественное произведеніе, мы должны замѣтить притомъ, что въ приложеніи къ повѣстямъ г. Тургенева эта задача имѣетъ еще особенный смыслъ. Г. Тургенева по справедливости можно назвать живописателемъ и пѣвцомъ той морали и философіи, которая господствовала въ нашемъ образованномъ обществѣ въ послѣднее двадцатилѣтіе. Онъ быстро угадывалъ новыя потребности, новыя идеи, вносимыя въ общественное сознаніе, и въ своихъ произведеніяхъ обыкновенно обращалъ (сколько позволяли обстоятельства) вниманіе на вопросъ, стоявшій на очереди и уже смутно начинавшій волновать общество. Мы надѣемся при другомъ случаѣ прослѣдить всю литературную дѣятельность г. Тургенева, и потому теперь не станемъ распространяться объ этомъ. Скажемъ только, что этому чутью автора къ живымъ струнамъ общества, этому умѣнью тотчасъ отозваться на всякую благородную мысль и честное чувство, только-что еще начинающее проникать въ сознаніе лучшихъ людей, мы приписываемъ значительную долю того успѣха, которымъ постоянно пользовался г. Тургеневъ въ руской публикѣ. Конечно, и литературный талантъ самъ по себѣ много помогъ этому успѣху. Но читатели наши знаютъ, что талантъ г. Тургенева не изъ тѣхъ титаническихъ талантовъ, которые, единственно силою поэтическаго представленія, поражаютъ, захватываютъ васъ и влекутъ къ сочувствію такому явленію или идеѣ, которымъ вы вовсе не расположены сочувствовать. Не бурная, порывистая сила, а напротивъ — мягкость и какая-то поэтическая умѣренность служатъ характеристическими чертами его таланта. Поэтому мы полагаемъ, что онъ не могъ бы вызвать общую симпатію публики, еслибы касался вопросовъ и потребностей, совершенно чуждыхъ его читателямъ, или еще не возбужденныхъ въ обществѣ. Нѣкоторые замѣтили бы прелесть поэтическихъ описаній въ его повѣстяхъ, тонкость и глубину въ очертаніяхъ разныхъ лицъ и положеній, но, безъ всякаго сомнѣнія, этого было бы недостаточно для того, чтобы сдѣлать прочный успѣхъ и славу писателю. Безъ живаго отношенія къ современности всякій, даже самый симпатичный и талантливый повѣствователь, долженъ подвергнуться участи г. Фета, котораго и хвалили когда-то, но изъ котораго теперь только десятокъ любителей помнитъ десятокъ лучшихъ стихотвореній. Живое отношеніе къ современности спасло г. Тургенева и упрочило за нимъ постоянный успѣхъ въ читающей

дубинѣ. Нѣкоторый глубокомысленный критикъ даже упрекалъ когда-то г. Тургенева за то, что въ его дѣятельности такъ сильно отразились «всѣ колебанія общественной мысли». Но мы, несмотря на это, видимъ здѣсь именно самую жизненную сторону таланта г. Тургенева, и этой стороной объясняемъ, почему съ такой симпатіей, почти съ энтузіазмомъ, встрѣчалось до сихъ поръ каждое его произведеніе.

И такъ мы можемъ сказать смѣло, что если уже г. Тургеневъ тронулъ какой нибудь вопросъ въ своей повѣсти, если онъ изобразилъ какую нибудь новую сторону общественныхъ отношеній,— это служитъ ручательствомъ за то, что вопросъ этотъ дѣйствительно подымается или скоро подымется въ сознаніи образованнаго общества, что эта новая сторона жизни начинаетъ выдаваться и скоро выкажется рѣзко и ярко предъ глазами всѣхъ. Поэтому каждый разъ при появленіи повѣсти г. Тургенева дѣлается любопытнымъ вопросъ: какія же стороны жизни изображены въ ней, какіе вопросы затронуты?

Вопросъ этотъ представляется и теперь, и въ отношеніи къ новой повѣсти г. Тургенева онъ интереснѣе, чѣмъ когда либо. До сихъ поръ путь г. Тургенева, сообразно съ путемъ развитія нашего общества, былъ довольно ясно намѣченъ въ одномъ направленіи. Исходилъ онъ изъ сферы высшихъ идей и теоретическихъ стремленій и направлялся къ тому, чтобы эти идеи и стремленія внести въ грубую и пошлую дѣйствительность, далеко отъ нихъ уклонившуюся. Сборы на борьбу и страданія героя, хлопотавшаго о побѣдѣ своихъ началъ, и его паденіе предъ подавляющею силою людской пошлости — и составляли обыкновенно интересъ повѣстей г. Тургенева. Разумѣется, самыя основанія борьбы, то есть идеи и стремленія — видоизмѣнялись въ каждомъ произведеніи, или, съ теченіемъ времени и обстоятельствъ, выказывались болѣе опредѣленно и рѣзко. Такимъ образомъ Лишняго Человѣка смѣнялъ Пасынковъ, Пасынкова — Рудинъ, Рудина — Лаврецій. Каждое изъ этихъ лицъ было смѣлѣе и полнѣе предыдущихъ, но сущность, основа ихъ характера и всего ихъ существованія была одна и таже. Они были вносители новыхъ идей въ извѣстный кругъ, просвѣтители, пропагандисты, — хоть для одной женской души, да пропагандисты. За это ихъ очень хвалили, и точно—въ свое время они видно очень нужны были, и дѣло ихъ было очень трудно, почтенно и благотворно. Не даромъ же всѣ встрѣчали ихъ съ такой любовью, такъ сочувствовали ихъ душевнымъ страданіямъ, такъ жалѣли объ ихъ безплодныхъ усиліяхъ. Не даромъ никто тогда и не думалъ замѣтить, что всѣ эти господа— отличные, благородные, умные, но въ сущности бездѣльные люди

Рисуя ихъ образы въ разныхъ положеніяхъ и столкновеніяхъ, самъ г. Тургеневъ относился къ нимъ обыкновенно съ трогательнымъ участіемъ, съ сердечной болью объ ихъ страданіяхъ, и то же чувство возбуждалъ постоянно въ массѣ читателей. Когда одинъ мотивъ этой борьбы и страданій начиналъ казаться уже недостаточнымъ, когда одна черта благородства и возвышенности характера начинала какъ будто покрываться нѣкоторой пошлостью, г. Тургеневъ умѣлъ находить другіе мотивы, другія черты, и опять попадалъ въ самое сердце читателя, и опять возбуждалъ къ себѣ и своимъ героямъ восторженную симпатію. Предметъ казался неистощимымъ.

Но въ послѣднее время въ нашемъ обществѣ обнаружились довольно замѣтно требованія совершенно отличныя отъ тѣхъ, которыми вызванъ былъ къ жизни Рудинъ и вся его братія. Въ отношеніи къ этимъ лицамъ въ понятіяхъ образованнаго большинства произошло коренное измѣненіе. Вопросъ пошелъ уже не о видоизмѣненіи тѣхъ или другихъ мотивовъ, тѣхъ или другихъ началъ ихъ стремленій, а о самой сущности ихъ дѣятельности. Въ теченіе того періода времени, пока рисовались передъ нами всѣ эти просвѣщенные поборники истины и добра, краснорѣчивые страдальцы возвышенныхъ убѣжденій, подросли новые люди, для которыхъ любовь къ истинѣ и честность стремленій уже не въ диковинку. Они съ дѣтства, непримѣтно и постоянно, напитывались тѣми понятіями и стремленіями, для которыхъ прежде лучшіе люди должны были бороться, сомнѣваться и страдать въ зрѣломъ возрастѣ (*). Поэтому самый характеръ образованія въ нынѣшнемъ молодомъ обществѣ получилъ другой цвѣтъ. Тѣ понятія и стремленія, которыя прежде давали титло передоваго человѣка, теперь уже считаются первой и необходимой принадлежностью самой обыкновенной образованности. Отъ гимназиста, отъ посредственнаго кадета, даже иногда отъ порядочнаго семинариста вы услышите нынѣ выраженіе такихъ убѣжденій, за которыя въ прежнее время долженъ былъ спорить и горячиться, напр., Бѣлинскій. И гимназистъ или кадетъ высказываютъ эти понятія, — такъ

(*) Насъ уже упрекали однажды въ пристрастіи къ молодому поколѣнію, и указывали на пошлость и пустоту, которой оно предается въ большей части своихъ представителей. Но мы никогда и не думали отстаивать всѣхъ молодыхъ людей огуломъ, да это и несогласно было бы съ нашей цѣлью. Пошлость и пустота составляютъ достояніе всѣхъ временъ и всѣхъ возрастовъ. Но мы говорили и теперь говоримъ о людяхъ избранныхъ, людяхъ лучшихъ, а не о толпѣ, такъ какъ и Рудинъ и всѣ люди его закала принадлежали вѣдь не къ толпѣ же, а къ лучшимъ людямъ своего времени. Впрочемъ мы не будемъ не правы, если скажемъ, что и въ массѣ общества уровень образованія въ послѣднее время все-таки возвысился.

трудно, съ бою доставшіяся прежде, — совершенно спокойно, безъ всякаго азарта и самодовольства, какъ вещь, которая иначе и быть не можетъ, и даже немыслима иначе.

Встрѣчая человѣка такъ называемаго прогрессивнаго направленія, никто уже теперь изъ порядочныхъ людей не предается удивленію и восторгу, никто не смотритъ ему въ глаза съ нѣмымъ благоговѣніемъ, не жметъ ему таинственно руки и не приглашаетъ шопотомъ къ себѣ, въ кружокъ избранныхъ людей, — поговорить о томъ, что неправосудіе и рабство гибельны для государства. Напротивъ, теперь съ невольнымъ, презрительнымъ изумленіемъ останавливаются предъ человѣкомъ, который выказываетъ недостатокъ сочувствія къ гласности, безкорыстію, эманципаціи и т. п. Теперь даже люди, въ душѣ не любящіе прогрессивныхъ идей, должны показывать видъ, что любятъ ихъ, для того, чтобы имѣть доступъ въ порядочное общество. Ясно, что при такомъ положеніи дѣлъ, прежніе свѣтели добра, люди *рудинскаго* закала, теряютъ значительную долю своего прежняго кредита. Ихъ уважаютъ, какъ старыхъ наставниковъ; но рѣдко кто, вошедши въ свой разумъ, расположенъ выслушивать опять тѣ уроки, которые съ такою жадностью принимались прежде, въ возрастѣ дѣтства и первоначальнаго развитія. Нужно уже нѣчто другое, нужно идти дальше (*).

«Но, скажутъ намъ, вѣдь общество не дошло же до крайней точки въ своемъ развитіи; возможно дальнѣйшее совершенствованіе умственное и нравственное. Стало быть, нужны для общества и руководители, и проповѣдники истины, и пропагандисты, словомъ — люди рудинскаго типа. Все прежнее принято и вошло въ общее сознаніе, — положимъ. Но это не исключаетъ возможности того, что явятся новые Рудины, проповѣдники новыхъ, высшихъ тенденцій, и опять будутъ бороться и страдать, и опять возбуждать къ себѣ

(*) Противъ этой мысли можетъ повидимому свидѣтельствовать необыкновенный успѣхъ, которымъ встрѣчаются изданія сочиненій нѣкоторыхъ нашихъ писателей сороковыхъ годовъ. Особенно яркимъ примѣромъ можетъ служить Бѣлинскій, котораго сочиненія быстро разошлись, говорятъ, въ количествѣ 12,000 экземпляровъ. Но по нашему мнѣнію, этотъ самый фактъ служитъ лучшимъ подтвержденіемъ нашей мысли. Бѣлинскій былъ передовой изъ передовыхъ, дальше его не пошелъ ни одинъ изъ его сверстниковъ, и тамъ, гдѣ расхватано въ нѣсколько мѣсяцевъ 12,000 экземпляровъ Бѣлинскаго, Рудинымъ просто уже дѣлать нечего. Успѣхъ Бѣлинскаго доказываетъ вовсе не то, что его идеи еще новы для нашего общества и требуютъ большихъ усилій для распространенія, а именно то, что онѣ дороги и святы теперь для большинства и что ихъ проповѣданіе теперь уже не требуетъ отъ новыхъ дѣятелей ни героизма, ни особенныхъ талантовъ.

симпатію общества. Предметъ этотъ дѣйствительно всепстоящимъ въ своемъ содержаніи, и постоянно можетъ приносить новые лавры такому симпатичному писателю, какъ г. Тургеневъ».

Жалко было бы, если бы подобное замѣчаніе оправдалось именно теперь. Къ счастію, оно, кажется, опровергается послѣднимъ движеніемъ литературы нашей. Разсуждая отвлеченно, нельзя не сознаться, что мысль о вѣчномъ движеніи и вѣчной смѣнѣ идей въ обществѣ, а слѣдовательно и о постоянной необходимости проповѣдниковъ этихъ идей — вполнѣ справедлива. Но нѣдь нужно же принять во вниманіе и то, что общества живутъ не затѣмъ только, чтобъ разсуждать и мѣняться идеями. Идеи и ихъ постепенное развитіе только потому и имѣютъ свое значеніе, что онѣ, раждаясь изъ существующихъ уже фактовъ, всегда предшествуютъ измѣненіямъ въ самой дѣйствительности. Извѣстное положеніе дѣлъ создаетъ въ обществѣ потребность, потребность эта сознается, вслѣдъ за общимъ сознаніемъ ея должна явиться фактическая перемѣна въ пользу удовлетворенія сознанной всѣми потребности. Такимъ образомъ послѣ періода *сознанія* извѣстныхъ идей и стремленій, долженъ являться въ обществѣ періодъ ихъ *осуществленія*; за размышленіями и разговорами должно слѣдовать дѣло. Спрашивается теперь: что же дѣлало наше общество въ послѣднія 20 — 30 лѣтъ? Покамѣстъ ничего. Оно училось, развивалось, слушало Рудиныхъ, сочувствовало ихъ неудачамъ въ благородной борьбѣ за убѣжденія, приготовлялось къ дѣлу, но ничего не дѣлало... Въ головѣ и сердцѣ накопилось такъ много прекраснаго; въ существующемъ порядкѣ дѣлъ замѣчено такъ много нелѣпаго и безчестнаго; масса людей, «сознающихъ себя выше окружающей дѣйствительности», ростетъ съ каждымъ годомъ, — такъ что скоро пожалуй всѣ будутъ выше дѣйствительности... Кажется, нечего желать, чтобъ мы продолжали вѣчно идти этимъ томительнымъ путемъ разлада, сомнѣнія и отвлеченныхъ горестей и утѣшеній. Кажется, ясно, что теперь нужны намъ не такіе люди, которые бы еще болѣе «возвышали насъ надъ окружающей дѣйствительностью», а такіе, которые бы подняли или насъ научили — поднять самую дѣйствительность до уровня тѣхъ разумныхъ требованій, какія мы уже сознали. Словомъ, нужны люди дѣла, а не отвлеченныхъ, всегда немножко эпикурейскихъ, разсужденій.

Сознаніе этого хотя смутно, но уже во многихъ выразилось при появленіи «Дворянскаго Гнѣзда». Талантъ г. Тургенева, вмѣстѣ съ его вѣрнымъ тактомъ дѣйствительности, вынесъ его и на этотъ разъ съ торжествомъ изъ труднаго положенія. Онъ умѣлъ поставить Лаврецкаго такъ, что надъ нимъ неловко иронизировать, хотя онъ и при-

подлежитъ къ тому же роду бездѣльныхъ типовъ, на которые мы смотримъ съ усмѣшкой. Драматизмъ его положенія заключается уже не въ борьбѣ съ собственнымъ безсиліемъ, а въ столкновеніи съ такими понятіями и нравами, съ которыми борьба дѣйствительно должна устрашить даже энергическаго и смѣлаго человѣка. Онъ женатъ и отступился отъ своей жены; но онъ полюбилъ чистое, свѣтлое существо, воспитанное въ такихъ понятіяхъ, при которыхъ любовь къ женатому человѣку есть ужасное преступленіе. А между тѣмъ она его тоже любитъ, и его притязанія могутъ безпрерывно и страшно терзать ея сердце и совѣсть. Надъ такимъ положеніемъ поневолѣ задумаешься горько и тяжко, и мы помнимъ, какъ болѣзненно сжалось наше сердце, когда Лаврецкій, прощаясь съ Лизой, сказалъ ей: «ахъ, Лиза, Лиза! какъ бы мы могли быть счастливы!» и когда она, уже смиренная монахиня въ душѣ, отвѣтила: «вы сами видите, что счастье зависитъ не отъ насъ, а отъ Бога», и онъ началъ-было: «да, потому что вы...» и не договорилъ... Читатели и критики «Дворянскаго Гнѣзда», помнится, восхищались многимъ другимъ въ этомъ романѣ. Но для насъ существеннѣйшій интересъ его заключается въ этомъ трагическомъ столкновеніи Лаврецкаго, пассивность котораго именно въ этомъ случаѣ мы не можемъ не извинить. Здѣсь Лаврецкій, какъ будто измѣняя одной изъ родовыхъ чертъ своего типа, почти не является даже пропагандистомъ. Начиная съ первой встрѣчи съ Лизой, когда она шла къ обѣднѣ, онъ во всемъ романѣ робко склоняется предъ незыблемостью ея понятій, и ни разу не смѣетъ приступить къ ней съ холодными разувѣреніями. Но и это конечно потому, что здѣсь пропаганда была бы самымъ дѣломъ, котораго Лаврецкій, какъ и вся его братія, боится. При всемъ томъ намъ кажется (по крайней мѣрѣ казалось при чтеніи романа), что самое положеніе Лаврецкаго, самая коллизія, избранная г. Тургеневымъ и столь знакомая русской жизни, — должны наводить каждаго читателя на рядъ мыслей о значеніи цѣлаго огромнаго отдѣла понятій, заправляющихъ нашей жизнью. Теперь, по ранѣйшимъ печатнымъ и словеснымъ отзывамъ, мы знаемъ, что были не совсѣмъ правы: смыслъ положенія Лаврецкаго былъ понятъ иначе или совсѣмъ невѣрно многими читателями. Но что въ немъ есть что-то законно-трагическое, а не призрачное, — это было понято, и это, вмѣстѣ съ достоинствами исполненія, привлекло къ «Дворянскому Гнѣзду» единодушное, восторженное участіе всей читающей русской публики.

Послѣ «Дворянскаго Гнѣзда» можно было опасаться за судьбу новаго произведенія г. Тургенева. Путь созданія возвышенныхъ характеровъ, принужденныхъ смиряться подъ ударами рока, сдѣ-

лался очень скользкимъ. Посреди восторговъ отъ «Дворянскаго Гнѣзда», слышались и голоса, выражавшіе неудовольствіе на Лавнецкаго, отъ котораго ожидали больше. Самъ авторъ счелъ нужнымъ ввести въ свой разсказъ Михалевича, затѣмъ, чтобы тотъ обругалъ Лаврецкаго байбакомъ. А Илья Ильичъ Обломовъ, появившійся въ тоже время, окончательно и рѣзко объяснилъ всей русской публикѣ, что теперь человѣку безсильному и безвольному лучше ужь и не смѣщить людей, лучше лежать на своемъ диванѣ, нежели бѣгать, суетиться, шумѣть, разсуждать и переливать изъ пустаго въ порожнее цѣлые годы и десятки лѣтъ. Прочитавши Обломова, публика поняла его родство съ интересными личностями «лишнихъ людей», и сообразила, что эти люди теперь ужь дѣйствительно лишніе, и что отъ нихъ толку ровно столько же, сколько и отъ добрѣйшаго Ильи Ильича. «Что же теперь создастъ г. Тургеневъ?» — думали мы, и съ большимъ любопытствомъ принялись читать «Наканунѣ».

Чутье настоящей минуты и на этотъ разъ не обмануло автора. Сознавши, что прежніе герои уже сдѣлали свое дѣло и не могутъ возбуждать прежней симпатіи въ лучшей части нашего общества, онъ рѣшился оставить ихъ и, уловивши въ нѣсколькихъ отрывочныхъ проявленіяхъ вѣяніе новыхъ требованій жизни, попробовалъ стать на дорогу, по которой совершается передовое движеніе настоящаго времени....

Въ новой повѣсти г. Тургенева мы встрѣчаемъ другія положенія, другіе типы, нежели къ какимъ привыкли въ его произведеніяхъ прежняго періода. Общественная потребность дѣла, живаго дѣла, начало презрѣнія къ мертвымъ, абстрактнымъ принципамъ и пассивнымъ добродѣтелямъ выразилось во всемъ строѣ новой повѣсти. Безъ сомнѣнія, каждый, кто будетъ читать нашу статью, уже прочиталъ теперь «Наканунѣ». Поэтому мы, вмѣсто разсказа содержанія повѣсти, представимъ только коротенькій очеркъ главныхъ ея характеровъ.

Героиней романа является дѣвушка, съ серьёзнымъ складомъ ума, съ энергической волей, съ гуманными стремленіями сердца. Развитіе ея совершилось очень своеобразно, благодаря особеннымъ обстоятельствамъ семейнымъ.

Отецъ и мать ея были люди очень ограниченные, но не злые; мать даже положительно отличалась добротою и мягкостію сердца. Съ самаго дѣтства Елена была избавлена отъ семейнаго деспотизма, который губитъ въ зародышѣ такъ много прекрасныхъ натуръ. Она росла одна, безъ подругъ, совершенно свободно; никакой формализмъ не стѣснялъ ее. Николай Артемьичъ Стаховъ, отецъ ея,

человѣкъ туповатый, но корчившій изъ себя философа скептическаго тона и державшійся подальше отъ семейной жизни, сначала только восхищался своей маленькой Еленой, въ которой рано обнаружились необыкновенныя способности. Елена, пока была мала, тоже съ своей стороны обожала отца. Но отношенія Стахова къ женѣ были не совсѣмъ удовлетворительны: онъ женился на Аннѣ Васильевнѣ для ея приданаго, не питалъ къ ней никакого чувства, обходился съ нею почти съ пренебреженіемъ и удалялся отъ нея въ общество Августины Христіановны, которая его обирала и дурачила. Анна Васильевна, больная и чувствительная женщина, въ родѣ Марьи Дмитріевны «Дворянскаго Гнѣзда», кротко переносила свое положеніе, но не могла на него не жаловаться всѣмъ въ домѣ, и между прочимъ даже дочери. Такимъ образомъ Елена скоро сдѣлалась повѣренною горестей своей матери, и становилась невольно судьею между ей и отцомъ. При впечатлительности ея натуры это имѣло большое вліяніе на развитіе ея внутреннихъ силъ. Чѣмъ менѣе она могла дѣйствовать практически въ этомъ случаѣ, тѣмъ болѣе представлялось работы ея уму и воображенію. Принужденная съ раннихъ лѣтъ всматриваться во взаимныя отношенія близкихъ ей людей, участвуя и сердцемъ и головой въ разъясненіи смысла этихъ отношеній и произнесеніи суда надъ ними, Елена рано пріучила себя къ самостоятельному размышленію, къ сознательному взгляду на все окружающее. Семейныя отношенія Стаховыхъ очерчены у г. Тургенева очень бѣгло, но въ этомъ очеркѣ есть глубоко-вѣрныя указанія, весьма много объясняющія первоначальное развитіе характера Елены. По натурѣ своей она была ребенкомъ впечатлительнымъ и умнымъ; положеніе ея между матерью и отцомъ рано вызвало ее на серьёзныя размышленія, рано подняло ее до самостоятельной, до властительной роли. Она становилась въ уровень съ старшими, дѣлала ихъ подсудимыми предъ собою. И въ тоже время размышленія ея не были холодны, съ ними сливалась вся душа ея, потому что дѣло шло о людяхъ слишкомъ близкихъ, слишкомъ дорогихъ для нея, объ отношеніяхъ, съ которыми связаны были самыя святыя чувства, самые живые интересы дѣвочки. Оттого-то ея размышленія прямо отражались на ея сердечномъ расположеніи: отъ обожанія отца она перешла къ страстной привязанности къ матери, въ которой она стала видѣть существо притѣсненное, страдающее. Но въ этой любви къ матери не было ничего враждебнаго къ отцу, который не былъ ни злодѣемъ, ни положительнымъ дуракомъ, ни домашнимъ тираномъ. Онъ былъ только весьма обыкновенной посредственностью, и Елена охладѣла къ нему,—инстинктивно, а потомъ, можетъ, и сознательно, рѣшивши, что

любить его не за что. Да скоро ту же посредственность увидѣла она и въ матери, и въ сердцѣ ея, вмѣсто страстной любви и уваженія, осталось лишь чувство сожалѣнія и снисхожденія: г. Тургеневъ очень удачно очертилъ ея отношенія къ матери, сказавши, что она «обходилась съ матерью, какъ съ больной бабушкой». Мать признала себя ниже дочери; отецъ же, какъ только дочь стала перерастать его умственно, что было очень непрудно, охладѣлъ къ ней, рѣшилъ, что она странная, и отступился отъ нея.

А въ ней между тѣмъ все росло и расширялось сострадательное, гуманное чувство. Боль о чужомъ страданіи была возбуждена въ ея ребяческомъ сердцѣ убитымъ видомъ матери, конечно еще прежде, нежели она стала понимать хорошенько, въ чемъ дѣло. Эта боль давала ей себя чувствовать постоянно, сопровождала ее при каждомъ новомъ шагѣ ея развитія, придавала особенный, задумчиво-серьезный складъ ея мыслямъ, мало по малу вызвала и опредѣлила въ ней дѣятельныя стремленія и всѣ ихъ направила къ страстному, неодолимому исканію добра и счастья для всѣхъ. Еще смутны были эти исканія, слабы силы Елены, когда она нашла новую пищу для своихъ размышленій и мечтаній, новый предметъ своего участія и любви — въ странномъ знакомствѣ съ нищей дѣвочкой Катей. На десятомъ году подружилась она съ этой дѣвочкой, тайкомъ ходила къ ней на свиданіе въ садъ, приносила ей лакомства, дарила ей платки, гривенники (игрушекъ Катя не брала); сидѣла съ ней по цѣлымъ часамъ, съ чувствомъ рѣдостнаго смиренія ѣла ея горестный хлѣбъ, слушала ея разсказы, выучилась ея любимой пѣсенкѣ, съ тайнымъ уваженіемъ и страхомъ слушала, какъ Катя обѣщалась убѣжать отъ своей злой тетки, чтобы жить *на вольной Божьей волѣ*, и сама мечтала о томъ, какъ она надѣнетъ сумку и убѣжитъ съ Катей. Катя скоро умерла, но знакомство съ ней не могло не оставить рѣзкихъ слѣдовъ въ характерѣ Елены. Къ ея чистымъ, человѣчнымъ, сострадательнымъ расположеніямъ оно прибавило еще новую сторону: оно внушило ей то презрѣніе или по крайней мѣрѣ то строгое равнодушіе къ ненужнымъ излишествамъ богатой жизни, которое всегда проникаетъ душу не совсѣмъ испорченнаго человѣка въ виду безпомощной нищеты. Скоро вся душа Елены загорѣлась жаждою дѣятельнаго добра и жажда эта стала на первый разъ удовлетворяться обычными дѣлами милосердія, какія возможны были для Елены. «Нищіе, голодные, больные ее занимали, тревожили, мучили; она видѣла ихъ во снѣ, разспрашивала о нихъ всѣхъ своихъ знакомыхъ». Даже «всѣ притѣсненныя животныя, худыя дворовыя собаки, осужденные на смерть котята, выпавшіе изъ гнѣзда воробьи, даже насѣкомыя и гады наводили въ Еленѣ покро-

вительство и защиту: она сама кормила ихъ, не гнушалась ими». Отецъ ея называлъ все это пошлымъ нѣжничаньемъ; но Елена не была сантиментальна, потому что сантиментальность именно характеризуется избыткомъ чувствъ и словъ при совершенномъ недостаткѣ дѣятельной любви, а чувство Елены постоянно стремилось проявиться на дѣлѣ. Пустыхъ ласкъ и нѣжностей она не терпѣла и вообще не придавала значенія словамъ безъ дѣла и уважала только практически-полезную дѣятельность. Даже стиховъ она не любила, даже въ художествахъ толку не знала.

Но дѣятельныя стремленія души зрѣютъ и крѣпнутъ только при дѣятельности просторной и вольной. Надо испробовать нѣсколько разъ свои силы, испытать неудачи и столкновенія, узнать, чего стоятъ разныя усилія и какъ преодолѣваются разныя препятствія,— для того, чтобы пріобрѣсть отвагу и рѣшимость, необходимыя для дѣятельной борьбы, чтобы узнать мѣру своихъ силъ и умѣть найти для нихъ соотвѣтственную работу. Елена, при всей свободѣ своего развитія, не могла найти достаточно средствъ для того, чтобы дѣятельно упражнять свои силы и удовлетворять свои стремленія. Ей никто не мѣшалъ дѣлать, что она хочетъ; но дѣлать было нечего. Ее не стѣсняли педантизмомъ систематическаго ученья, и потому она успѣла образоваться, не принявши въ себя множество предразсудковъ, нераздучныхъ съ системами, курсами и вообще съ рутинною образованія. Она много и съ участіемъ читала; но одно чтеніе не могло удовлетворять ее; оно имѣло только то вліяніе, что разсудочная сторона развилась въ Еленѣ сильнѣе другихъ и умственная требовательность стала пересиливать даже живыя стремленія сердца. Подаваніе милостыни, уходъ за щенками и котятами, защита мухи отъ паука — тоже не могли удовлетворить ее: когда она стала побольше и поумнѣе, она не могла не увидѣть всю скудость этой дѣятельности; да притомъ — эти занятія требовали отъ нея весьма мало усилій и не могли наполнять ея существованія. Ей нужно было чего-то болѣе, чего-то выше; но чего—она не знала, а если и знала, то не умѣла приняться за дѣло. Отъ этого и находилась она постоянно въ какой-то ажитаціи, все ждала и искала чего-то; отъ этого и наружность ея приняла такой особенный характеръ. «Во всемъ ея существѣ, въ выраженіи лица, *внимательномъ и немного пугливомъ*, въ *ясномъ, но измѣнчивомъ* взорѣ, въ улыбкѣ, какъ будто *напряженной*, въ голосѣ *тихомъ и неровномъ*, было что-то нервическое, электрическое, что-то *порывистое и торопливое*».... Ясно, что она еще находится въ неопредѣленныхъ сомнѣніяхъ относительно самой себя, она еще не опредѣлила своей роли. Она поняла, чего ей не нужно, и смотритъ гордо и независимо на обычную обстановку сво-

ей жизни; но что ей нужно, и главное — что дѣлать, чтобы достигнуть того, что нужно, — этого она еще не знаетъ, и потому все существо ея напряжено, неровно, порывисто. Она все ждетъ, все живетъ наканунѣ чего-то.... Она готова къ самой живой, энергической дѣятельности, но приступить къ дѣлу сама по себѣ, одна — она не смѣетъ.

Эта несмѣлость, эта практическая пассивность героини, при богатствѣ внутреннихъ силъ и при томительной жаждѣ дѣятельности, — невольно поражаетъ насъ и въ самомъ лицѣ Елены заставляетъ видѣть что-то недодѣланное. Но въ этой недодѣланности личности, въ недостаткѣ практической роли — мы и видимъ живую связь героини г. Тургенева со всѣмъ нашимъ образованнымъ обществомъ. По тому, какъ задуманъ характеръ Елены въ его основѣ, она представляетъ явленіе исключительное, и если бы на самомъ дѣлѣ она являлась вездѣ выразительницею своихъ воззрѣній и стремленій, — она бы оказалась чуждою русскому обществу и не имѣла бы для насъ такого близкаго смысла, какъ теперь. Она была бы лицомъ сочиненнымъ, растеніемъ, неудачно пересаженнымъ на нашу почву откуда нибудь изъ другой земли. Но вѣрное чутье дѣйствительности не позволило г. Тургеневу придать своей героинѣ полнаго соотвѣтствія практической дѣятельности съ теоретическими ея понятіями и внутренними порывами души. На это еще не даетъ писателю матеріаловъ наша общественная жизнь. Во всемъ нашемъ обществѣ замѣтно теперь только еще пробудившееся желаніе приняться за настоящее дѣло, сознаніе пошлости разныхъ красивыхъ игрушекъ, возвышенныхъ разсужденій и неподвижныхъ формъ, которыми мы такъ долго себя тѣшили и дурачили. Но мы еще все-таки не вышли изъ той сферы, въ которой такъ спокойно было намъ спать, да и не знаемъ хорошенько, гдѣ выходъ; а если кто и узнаетъ, то еще боится открыть его. Это трудное, томительное переходное положеніе общества необходимо кладетъ свою печать и на художественное произведеніе, вышедшее изъ среды его. Въ обществѣ могутъ быть отдѣльныя сильныя натуры, отдѣльныя лица могутъ достигать высокаго развитія нравственнаго; вотъ и въ литературныхъ произведеніяхъ являются такія личности. Но все это такъ и остается только въ очеркѣ натуры лица, а въ жизнь не переносится; предполагается возможнымъ, но въ дѣйствительности не совершается. Въ Ольгѣ «Обломова» мы видѣли женщину идеальную, далеко ушедшую въ своемъ развитіи отъ всего остальнаго общества; но гдѣ ея практическая дѣятельность? Она способна, кажется, создать новую жизнь, а живетъ между тѣмъ въ той же пошлости, въ какой и всѣ ея подруги, потому что отъ этой пошлости некуда уйти ей.

Штольцъ ей нравится, какъ энергическая, дѣятельная натура; а между тѣмъ и онъ, при всемъ искусствѣ автора Обломова въ обрисовкѣ характеровъ, является передъ нами только со своими способностями и не даетъ видѣть, какъ онъ ихъ примѣняетъ; онъ лишенъ почвы подъ ногами и плаваетъ передъ нами какъ будто въ какомъ-то туманѣ. Теперь въ Еленѣ г. Тургеневамы видимъ новую попытку созданія энергическаго, дѣятельнаго характера, и не можемъ сказать, чтобы обрисовка самаго характера не удалась автору. Если и рѣдко кому случалось встрѣчать такихъ женщинъ, какъ Елена, за то, конечно, многимъ приходилось замѣчать въ самыхъ обыкновенныхъ женщинахъ, зародыши тѣхъ или другихъ существенныхъ чертъ ея характера, возможность развитія многихъ изъ ея стремленій. Какъ идеальное лицо, составленное изъ лучшихъ элементовъ, развивающихся въ нашемъ обществѣ, Елена понятна и близка намъ. Самыя стремленія ея опредѣляются для насъ очень ясно: Елена какъ будто служитъ отвѣтомъ на вопросы и сомнѣнія Ольги, которая, пожившии съ Штольцемъ, томится и тоскуетъ, и сама не можетъ дать себѣ отчета, — о чемъ. Въ образѣ Елены объясняется причина этой тоски, необходимо поражающей всякаго порядочнаго русскаго человѣка, какъ бы ни хороши были его собственныя обстоятельства. Елена жаждетъ дѣятельнаго добра, она ищетъ возможности устроить счастье вокругъ себя, потому что она не понимаетъ возможности не только счастья, но даже и спокойствія собственнаго, если ее окружаетъ горе, несчастія, бѣдность и униженіе ея ближнихъ.

Но какую же дѣятельность сообразную съ такими внутренними требованіями, могъ дать г. Тургеневъ своей героинѣ? На это даже и отвлеченнымъ образомъ трудно отвѣтить; а художественно создать эту дѣятельность, вѣроятно, еще и невозможно для русскаго писателя настоящаго времени. Нѣоткуда взять дѣятельности, и поневолѣ авторъ заставилъ свою героиню дешевымъ образомъ проявлять свои высокія стремленія въ подачѣ милостыни да въ спасеніи заброшенныхъ котятъ. За дѣятельность, требующую бо́льшаго напряженія и борьбы, она и не умѣетъ, и боится приняться. Она видитъ во всемъ окружающемъ ее, что одно давитъ другое, и потому, именно вслѣдствіе своего гуманнаго, сердечнаго развитія, старается держаться въ сторонѣ отъ всего, чтобы какъ нибудь тоже не начать давить другихъ. Въ домѣ ни въ чемъ незамѣтно ея вліяніе: отецъ и мать ей какъ чужіе; они боятся ея авторитета, но никогда она не обратится къ нимъ съ совѣтомъ, указаніемъ или требованіемъ. Для нея живетъ въ домѣ компаньонка Зоя, молодая, добродушная нѣмка: Елена отъ нея сторонится, почти не говоритъ съ ней, и отношенія ихъ очень холодны. Тутъ же проживаетъ Шубинъ, молодой художникъ, о кото-

ромъ мы сейчасъ будемъ говорить: Елена уничтожаетъ его своими строгими приговорами, но и не думаетъ постараться пріобрѣсти надъ нимъ какое нибудь вліяніе, которое было бы ему очень полезно. Во всей повѣсти нѣтъ ни одного случая, гдѣ бы жажда дѣятельнаго добра заставила Елену вмѣшаться въ дѣла окружающей ее среды и проявить чѣмъ нибудь свое вліяніе. Мы не думаемъ, чтобъ это занесено отъ случайной ошибки автора; нѣтъ, въ нашемъ обществѣ еще очень недавно, да и не между женщинами, а изъ среды мужчинъ, возвышался и блисталъ особенный типъ людей, гордившихся своимъ устраненіемъ отъ окружающей ихъ среды. «Тутъ невозможно сохранить себя чистымъ, — говорили они, и притомъ вся эта среда такъ мелка и пошла, что лучше удалиться отъ нея въ сторону». И они точно удалялись, не сдѣлавъ ни одной энергической попытки для исправленія этой пошлой среды, и удаленіе ихъ считалось единственнымъ честнымъ выходомъ изъ ихъ положенія, и прославлялось, какъ подвигъ. Естественно, что имѣя въ виду такіе примѣры и понятія, авторъ не могъ лучше освѣтить домашнюю жизнь Елены, какъ поставивъ ее совершенно въ сторонѣ отъ этой жизни. Впрочемъ, какъ мы сказали, безсилію Елены придано въ повѣсти особенный мотивъ, вытекающій изъ ея женственнаго, гуманнаго чувства: она боится всякихъ столкновеній, — не по недостатку мужества, а изъ опасенія нанести кому нибудь оскорбленіе и вредъ. Никогда не испытавъ полной, дѣятельной жизни, она воображаетъ еще, что ея идеалы могутъ быть достигнуты безъ ущерба кому бы то ни было. Послѣ одного случая (когда Инсаровъ героически бросилъ въ воду пьянаго нѣмца), она писала въ своемъ дневникѣ: «да, съ нимъ шутить нельзя, и заступиться онъ умѣетъ. Но къ чему же эта злоба, эти дрожащія губы, этотъ ядъ въ глазахъ? Или, можетъ быть, иначе нельзя? Нельзя быть мужчиной, бойцомъ, и остаться кроткимъ и мягкимъ?» Эта простая мысль пришла ей въ голову только теперь, да и то еще въ видѣ вопроса, котораго она такъ и не разрѣшаетъ.

Въ этой-то неопредѣленности, въ этомъ бездѣйствіи при безпрерывномъ томительномъ ожиданіи чего-то, доживаетъ Елена до двадцатаго года своей жизни. По временамъ ей очень тяжело; она сознаетъ, что силы ея пропадаютъ даромъ, что жизнь ея пуста; она говоритъ про себя: «хоть бы въ служанки куда нибудь пошла, право; мнѣ было бы легче». Это тяжкое расположеніе увеличивается въ ней тѣмъ, что она ни въ комъ не находитъ отзыва на свои чувства, ни въ комъ не видитъ опоры для себя. «Иногда ей кажется, что она желаетъ чего-то, чего никто не желаетъ, о чемъ никто не мыслитъ въ цѣлой Россіи».... Ей становится страшно, и потребность сочув-

отвѣя развивается сильнѣе, и она напряженно и трепетно ждетъ другой души, которая бы умѣла понять ее, отозваться на ея святыя чувства, помочь ей, научить ее, что надо дѣлать. Въ ней являлось желаніе отдаться кому нибудь, слить съ кѣмъ нибудь свое существо, и ей становилась непріятною даже эта самостоятельность, съ которою она такъ одиноко стояла въ кругу близкихъ ей людей. «Съ шестнадцатилѣтняго возраста она жила собственною, своею жизнію, но жизнію одинокою. Ея душа разгаралась и погасала одиноко, она билась, какъ птица въ клѣтнѣ, а клѣтки не было; никто не стѣснялъ ее; никто не удерживалъ, а она рвалась и томилась. Она иногда сама себя не понимала, даже боялась сама себя. Все, что окружало ее, казалось ей не то безсмысленнымъ, не то непонятнымъ. «Какъ жить безъ любви а любить некого», — думала она, и страшно становилось ей отъ этихъ думъ, отъ этихъ ощущеній».

При такомъ-то настроеніи ея сердца, лѣтомъ, на дачѣ въ Кунцовѣ, застаетъ ее дѣйствіе повѣсти. Въ короткій промежутокъ времени являются предъ нею три человѣка, изъ которыхъ одинъ привлекаетъ къ себѣ всю ея душу. Тутъ есть впрочемъ и четвертый, эпизодически введенный, но тоже немаловажный господинъ, котораго мы тоже будемъ считать. Трое изъ этихъ господъ — русскіе, четвертый — болгаръ, и въ немъ-то нашла свой идеалъ Елена. Посмотримъ на всѣхъ этихъ господъ.

Одинъ изъ молодыхъ людей, страстно по-своему влюбленный въ Елену, — художникъ Павелъ Яковличъ Шубинъ, хорошенькій и граціозный юноша лѣтъ 25, добродушный и остроумный, веселый и страстный, безпечный и талантливый. Онъ доводится троюроднымъ племянникомъ Аннѣ Васильевнѣ, матери Елены, и потому очень близокъ съ молодой дѣвушкой, и надѣется заслужить ея серьёзное расположеніе. Но она постоянно смотритъ на него свысока и считаетъ его неглупымъ, но балованнымъ ребенкомъ, съ которымъ нельзя обращаться серьёзно. Впрочемъ, Шубинъ говоритъ своему другу: «было время, я ей нравился», и дѣйствительно, у него много условій для того, чтобы нравиться; немудрено, что и Елена на минуту придала болѣе значенія его хорошимъ сторонамъ, нежели его недостаткамъ. Но скоро она увидѣла *художественность* этой натуры, увидѣла, что здѣсь все зависитъ отъ минуты, ничего нѣтъ постояннаго и надежнаго, весь организмъ составленъ изъ противорѣчій, лѣнь заглушаетъ способности, а даромъ потраченное время вызываетъ потомъ безплодное раскаяніе, подымаетъ жолчь, возбуждаетъ презрѣніе къ самому себѣ, которое въ свою очередь служитъ утѣшеніемъ въ неудачахъ и заставляетъ гордиться и любоваться собою. Все это Елена поняла инстинктивно, безъ тяжелыхъ мукъ

недоумѣнья, и потому рѣшеніе ея относительно Шубина совершенно спокойно и беззлобно. «Вы воображаете, что во мнѣ все притворно; вы не вѣрите моему раскаянію, не вѣрите, что я могу искренно плакать!» — говоритъ ей однажды Шубинъ въ отчаянномъ порывѣ. И она не отвѣчаетъ: «не вѣрю», а говоритъ просто: «нѣтъ, Павелъ Яковличъ, я вѣрю въ ваше раскаяніе, и въ ваши слезы я вѣрю; но мнѣ кажется, самое ваше раскаяніе васъ забавляетъ, да и слезы тоже». Шубинъ такъ и дрогнулъ отъ этого простаго приговора, который дѣйствительно долженъ былъ глубоко вонзиться въ его сердце. Онъ самъ никогда не предполагалъ, чтобъ его порывы, противорѣчія, страданія, метанья изъ стороны въ сторону — можно было понять и объяснить такъ просто и вѣрно. При этомъ объясненіи онъ даже перестаетъ дѣлаться «интереснымъ человѣкомъ». И дѣйствительно, какъ только Елена составила о немъ мнѣніе, — онъ уже не занимаетъ ее. Ей все равно — тутъ онъ или нѣтъ, помнитъ о ней или забылъ, любитъ ее или ненавидитъ; у ней съ нимъ ничего нѣтъ общаго, хотя она не прочь искренно похвалить его, если онъ сдѣлаетъ что нибудь, достойное его таланта....

Другой начинаетъ занимать ея мысли. Этотъ совершенно въ иномъ родѣ; онъ неуклюжъ, старообразъ, лицо его некрасиво и даже нѣсколько смѣшно, но выражаетъ привычку мыслить и доброту. Кромѣ того, по словамъ автора, какой-то «*отпечатокъ порядочности* замѣчался во всемъ его неуклюжемъ существѣ». Это Андрей Петровичъ Берсеневъ, близкій другъ Шубина. Онъ философъ, ученый, читаетъ исторію Гогенштауфеновъ и другія нѣмецкія книжки, исполненъ скромности и самоотверженія. На возгласы Шубина: «намъ нужно счастья, счастья! Мы завоюемъ себѣ счастье!» — онъ недовѣрчиво возражаетъ: «будто нѣтъ ничего выше счастья?» — и затѣмъ между ними происходитъ такой разговоръ:

«— А напримѣръ? спросилъ Шубинъ и остановился.

— Да вотъ, напримѣръ, мы съ тобой, какъ ты говоришь, — молоды, мы хорошіе люди, положимъ; каждый изъ насъ желаетъ себѣ счастья. Но такое ли это слово: «счастье», которое соединило, воспламенило бы насъ обоихъ, заставило бы подать другъ другу руки? Не эгоистическое ли, я хочу сказать, не разъединяющее ли это слово?

— А ты знаешь такія слова, которыя соединяютъ?

— Да; и ихъ немало; и ты ихъ знаешь.

— Ну-ка, какія это слова?

— Да хоть бы искусство, такъ какъ ты художникъ; родина, наука, свобода, справедливость.

— А любовь? спросилъ Шубинъ.

— И любовь — соединяющее слово; но не та любовь, которой ты теперь жаждешь: не любовь-наслажденіе, любовь-жертва.

Шубинъ нахмурился.

— Это хорошо для женщинъ; я хочу любить для себя; я хочу быть номеромъ первымъ.

— Номеромъ первымъ, повторилъ Берсеневъ. — А мнѣ кажется, поставить себя номеромъ вторымъ — все назначеніе нашей жизни.

— Если всѣ такъ будутъ поступать, какъ ты совѣтуешь, произнесъ съ жалобной гримасой Шубинъ: — никто на землѣ не будетъ ѣсть ананасовъ; всѣ другимъ ихъ предоставлять будутъ.

— Значитъ, ананасы ненужны; а впрочемъ не бойся: всегда найдутся любители даже хлѣбъ отъ чужаго рта отнимать.»

Изъ этого разговора видно, какіе благородные принципы у Берсенева и какъ душа его способна къ тому, что называется самоотверженіемъ. Онъ выражаетъ искреннюю готовность пожертвовать своимъ счастьемъ для одного изъ тѣхъ словъ, которыя онъ называетъ «соединяющими». Этимъ онъ долженъ привлечь сочувствіе такой дѣвушки, какъ Елена. Но тутъ же видно и то, почему онъ не можетъ овладѣть всею ея душою, всей полнотой ея жизни. Это одинъ изъ героевъ пассивныхъ добродѣтелей, человѣкъ, умѣющій многое перенести, многимъ пожертвовать, вообще выказать благородное поведеніе, когда приведетъ къ тому случай; но онъ не съумѣетъ и не посмѣетъ опредѣлить себя на широкую и смѣлую дѣятельность, на вольную борьбу, на самостоятельную роль въ какомъ нибудь дѣлѣ. Онъ самъ хочетъ быть номеромъ вторымъ, потому что въ этомъ видитъ назначеніе всего живущаго; и дѣйствительно, роль его въ повѣсти напоминаетъ отчасти Визьменкова въ «Лишнемъ Человѣкѣ», и еще болѣе Крупицына въ «Двухъ Пріятеляхъ». Онъ, влюбленный въ Елену, становится посредникомъ между ею и Инсаровымъ, котораго она полюбила, великодушно помогаетъ имъ, ухаживаетъ за Инсаровымъ во время его болѣзни, отказывается отъ своего счастья въ пользу друга, хотя и не безъ стѣсненія сердца; и даже не безъ ропота. Сердце у него доброе и любящее, но изъ всего видно, что добро онъ всегда будетъ дѣлать не столько по влеченію сердца, сколько потому, что *надо* дѣлать добро. Онъ находитъ, что надо жертвовать своимъ счастьемъ для родины, науки, и пр. и этимъ самымъ онъ осуждаетъ себя быть вѣчнымъ рабомъ и мученикомъ идеи. Онъ отдѣляетъ свое счастье, напр. отъ родины, онъ, бѣднякъ, не умѣетъ возвыситься до того, чтобы понять благо родины нераздѣльно съ своимъ собственнымъ счастьемъ и чтобы не понимать счастья для себя иначе, какъ при благоденствіи родины. Напротивъ, онъ какъ будто боится, что его личное счастье будетъ мѣшать благу родины, торжеству справедливости, успѣхамъ науки, и т. п. Оттого онъ боится желать себѣ

счастья и по благородству своихъ принциповъ рѣшается жертвовать имъ для означенныхъ имъ идей, считая это, разумѣется, большимъ одолженіемъ съ своей стороны. Ясно, что такого человѣка только и хватитъ на пассивное благородство. Но не ему слиться душею съ какимъ нибудь великимъ дѣломъ, не ему позабыть весь міръ для любимой мысли, не ему воспламениться ею и сражаться за нее, какъ за свою радость, свою жизнь, за свое счастье.... Онъ дѣлаетъ то, что велитъ ему долгъ, стремится къ тому, что признаетъ справедливымъ по принципу; но дѣйствія его вялы, холодны, неувѣренны, потому что онъ постоянно сомнѣвается въ своихъ силахъ. Онъ отлично кончилъ курсъ въ университетѣ, любитъ науку, занимается постоянно и желаетъ быть профессоромъ: кажется, чего проще? Но когда Елена спрашиваетъ его о профессорствѣ, онъ считаетъ нужнымъ съ похвальною скромностью оговориться: «конечно, я очень хорошо знаю все, чего мнѣ недостаетъ для того, чтобы быть достойнымъ такого высокаго.... Я хочу сказать, что я слишкомъ мало подготовленъ; но я надѣюсь получить позволеніе съѣздить за границу».... Точь-въ-точь вступленіе къ академической рѣчи: «надѣюсь, мм. гг., что вы благосклонно извините сухость и блѣдность моего изложенія», и пр....

А между тѣмъ профессорство, о которомъ Берсеневъ такъ отзывается, составляетъ завѣтную мечту его! На вопросъ Елены, будетъ ли онъ вполнѣ доволенъ своимъ положеніемъ, если получитъ каѳедру, — онъ отвѣчаетъ: «вполнѣ, Елена Николаевна, вполнѣ. Какое же можетъ быть лучше призваніе? Подумайте, пойдти по слѣдамъ Тимоѳея Николаевича.... Одна мысль о подобной дѣятельности наполняетъ меня радостью и смущеніемъ.... да, смущеніемъ, котораго... которое происходитъ отъ сознанія моихъ малыхъ силъ.» Тоже сознаніе своихъ малыхъ силъ заставляетъ его упорно невѣрить тому, что Елена его полюбила, а потомъ сокрушаться, что она къ нему стала равнодушна. Это самое сознаніе проглядываетъ и въ томъ, когда онъ рекомендуетъ своего пріятеля Инсарова между прочимъ тѣмъ, что онъ денегъ взаймы не беретъ. Тѣмъ же сознаніемъ отзываются даже его разсужденія о природѣ. Онъ говоритъ, что природа возбуждаетъ въ немъ какое-то безпокойство, тревогу, даже грусть, и спрашиваетъ Шубина: «что это значитъ? Сильнѣе ли мы сознаемъ передъ нею, передъ ея лицомъ, всю нашу неполноту, нашу неясность, или же мало того удовлетворенія, какимъ она довольствуется, а другаго, то есть я хочу сказать — того, чего намъ нужно, у нея нѣтъ?» Въ этомъ пустопорожне-романтическомъ родѣ большая часть разсужденій Берсенева. А между тѣмъ въ одномъ мѣстѣ повѣсти упоминается, что онъ разсуждалъ о Фейербахѣ:

хочъ любопытно бы послушать, что онъ о Фейербахѣ-то говорилъ!...

Итакъ, Берсеневъ — весьма хорошій русскій дворянинъ, воспитанный въ началахъ долга и пустившійся потомъ въ ученость и философію. Онъ гораздо дѣльнѣе и надежнѣе Шубина, и если его повести по какому нибудь пути, то онъ пойдетъ охотно и прямо. Но самъ вести онъ не можетъ, не только другихъ, но даже и себя самаго: инициативы нѣтъ у него въ натурѣ, и онъ не успѣлъ ее пріобрѣсти ни въ воспитаніи, ни въ послѣдующей жизни. Елена сначала почувствовала симпатію къ нему за то, что онъ добрый и все о дѣлѣ говоритъ. Она даже сознается предъ нимъ своего невѣжества, по тому случаю, что онъ все приноситъ ей книги, которыхъ она читать не можетъ. Но совершенно привязаться къ нему, отдать ему свою душу, свою судьбу она не можетъ: она еще прежде, чѣмъ увидѣла Инсарова, инстинктивно поняла, что Берсеневъ не то, чего ей нужно. И дѣйствительно, можно съ достовѣрностью утверждать, что Берсеневъ струсилъ бы, еслибъ Елена вздумала навязаться ему на шею, и непремѣнно убѣжалъ бы подъ разными, весьма благовидными предлогами.

Впрочемъ на безлюдіи, въ которомъ жила Елена, она увлеклась было на минуту Берсеневымъ и уже спрашивала себя: не онъ ли тотъ, кого такъ давно и такъ жадно ждала душа ея, кто долженъ былъ вывести ее изъ всѣхъ недоумѣній и указать ей путь дѣятельности? Но самъ же Берсеневъ привелъ къ ней Инсарова, и очарованіе исчезло....

Въ Инсаровѣ, строго говоря, нѣтъ ничего чрезвычайнаго. Берсеневъ и Шубинъ, и сама Елена, и наконецъ даже авторъ повѣсти характеризуютъ его все болѣе отрицательными качествами. Онъ никогда не лжетъ, не измѣняетъ своему слову, не беретъ взаймы денегъ, не любитъ разговаривать о своихъ подвигахъ, не откладываетъ исполненія принятаго рѣшенія, его слово не расходится съ дѣломъ, и т. п. Словомъ, въ немъ нѣтъ тѣхъ чертъ, за которыя долженъ горько упрекать себя всякій человѣкъ, имѣющій претензію считать себя порядочнымъ. Но кромѣ того онъ — болгаръ, питающій въ душѣ страстное желаніе освободить свою родину, и этой мысли онъ предается весь, открыто и увѣренно, въ ней заключается конечная цѣль его жизни. Онъ не думаетъ ставить свое личное благо въ противоположность съ своей жизненной цѣлью; подобная мысль, столь естественная въ русскомъ ученомъ дворянинѣ Берсеневѣ, не можетъ даже въ голову придти простому болгару. Напротивъ, онъ потому-то и хлопочетъ о свободѣ родины, что въ этомъ видитъ свое личное спокойствіе, счастье всей своей жизни; онъ бы оставилъ въ покоѣ по-

рабощенную родину, если бъ только могъ найти удовлетворение себѣ въ чемъ нибудь другомъ. Но онъ никакъ не можетъ понять себя отдѣльно отъ родины. «Какъ же это можно быть довольнымъ и счастливымъ, когда свои земляки страдаютъ? думаетъ онъ. — Какъ же можетъ человѣкъ успокоиться, пока его родина порабощена и угнетена? И какое занятіе можетъ быть для него пріятно, если оно не ведетъ къ облегченію участи бѣдныхъ земляковъ?» Такимъ образомъ онъ дѣлаетъ свое задушевное дѣло совершенно спокойно безъ натяжекъ и самовосторговъ, такъ же просто, какъ ѣстъ и пьетъ. Положимъ ему приходится еще мало работать для прямого выполненія своей идеи; но что же дѣлать? Ему приходится теперь и ѣсть плохо и мало, и даже иной разъ голодать случается; но все-таки пища, хоть и скудная, составляетъ необходимое условіе его существованія. Такъ и освобожденіе родины: онъ учится въ Московскомъ университетѣ, чтобы образоваться вполнѣ и сблизиться съ русскими, и въ теченіе повѣсти довольствуется покамѣстъ тѣмъ, что переводитъ болгарскія пѣсни на русскій языкъ, составляетъ болгарскую грамматику для русскихъ и русскую для болгаръ, переписывается съ своими земляками и собирается ѣхать на родину — подготовлять возстаніе, при первой вспышкѣ восточной войны (дѣйствіе повѣсти въ 1853 году). Конечно, это скудная пища для дѣятельнаго патріотизма Инсарова; но онъ свое пребываніе въ Москвѣ и не считаетъ еще настоящею жизнью, свою слабую дѣятельность не считаетъ удовлетворительною даже для своего личнаго чувства. Онъ также живетъ *наканунѣ* великаго дня свободы своей родины, въ который существо его озарится сознаніемъ счастія, жизнь цѣлостится и будетъ уже настоящей жизнью. Этого дня ждетъ онъ, какъ праздника, и вотъ почему не приходитъ ему въ голову сомнѣваться въ себѣ и холодно разсчитывать и взвѣшивать, сколько именно можетъ онъ сдѣлать и съ какимъ великимъ мужемъ успѣетъ поравняться. Будетъ ли онъ Тимофеемъ Николаичемъ или Иваномъ Иванычемъ, — до этого ему рѣшительно нѣтъ дѣла; придется ли быть нумеромъ первымъ или вторымъ, — онъ объ этомъ и не думаетъ. Онъ будетъ дѣлать то, къ чему влечетъ его натура; если натура у него такая, что другихъ лучше не найдется, онъ станетъ первымъ нумеромъ, пойдетъ во главѣ; если найдутся люди крѣпче и смѣлѣе его, онъ пойдетъ за ними, и въ обоихъ случаяхъ останется неизмѣннымъ и вѣрнымъ себѣ. Гдѣ стать и до чего дойти, — это опредѣлятъ обстоятельства; но онъ хочетъ идти, онъ не можетъ нейти, не потому, чтобы боялся нарушить какой нибудь долгъ, а потому, что онъ умеръ бы, если бы ему нельзя было двинуться съ мѣста. Въ этомъ огромная разница между нимъ и Бер-

сеневымъ. Берсеневъ тоже способенъ къ жертвамъ и подвигамъ; но онъ похожъ при этомъ на великодушную дѣвушку, которая для спасенія отца рѣшается на ненавистный бракъ. Съ затаенной болью и тяжкой покорностью судьбѣ ждетъ она дня свадьбы, и рада была бы, еслибъ что нибудь ей помѣшало. Инсаровъ, напротивъ, дня своихъ подвиговъ, наступленія своей самоотверженной дѣятельности ждетъ страстно и нетерпѣливо, какъ влюбленный юноша ждетъ дня свадьбы съ любимой дѣвушкой. Одна только боязнь и тревожитъ его: какъ бы что нибудь не разстроило, не отсрочило желанной минуты. Любовь къ свободѣ родины у Инсарова не въ разсудкѣ, не въ сердцѣ, не въ воображеніи: она у него во всемъ организмѣ, и что бы ни вошло въ него, все претворяется силою этого чувства, подчиняется ему, сливается съ нимъ. Оттого, при всей обыкновенности своихъ способностей, при всемъ отсутствіи блеска въ своей натурѣ, онъ стоитъ неизмѣримо выше, дѣйствуетъ на Елену несравненно сильнѣе и обаятельнѣе, нежели блестящій Шубинъ и умный Берсеневъ, хотя оба они — тоже люди благородные и любящіе. Елена дѣлаетъ о Берсеневѣ очень мѣткое замѣчаніе въ своемъ дневникѣ (на который вообще авторъ не пожалѣлъ своего глубокомыслія и остроумія): «Андрей Петровичъ, можетъ быть, ученѣе его (Инсарова), можетъ быть даже умнѣе.... Но, *я не знаю, — онъ передо мною такой маленькій.*»

Разсказывать ли исторію сближенія Елены съ Инсаровымъ и любви ихъ? Кажется, не нужно: вѣроятно, наши читатели хорошо помнятъ эту исторію; да вѣдь этого и не разскажешь. Намъ страшно прикоснуться своей холодной и жосткой рукою къ этому нѣжному, поэтическому созданію; сухимъ и безчувственнымъ пересказомъ мы боимся даже профанировать чувство читателя, непремѣнно возбуждаемое поэзіей тургеневскаго разсказа. Пѣвецъ чистой, идеальной женской любви, г. Тургеневъ такъ глубоко заглядываетъ въ юную, дѣвственную душу, такъ полно охватываетъ ее и съ такимъ вдохновеннымъ трепетомъ, съ такимъ жаромъ любви рисуетъ ея лучшія мгновенія, что намъ въ его разсказѣ такъ и чуется — и колебаніе дѣвственной груди, и тихій вздохъ, и увлаженный взглядъ, слышится каждое біеніе взволнованнаго сердца, и наше собственное сердце млѣетъ и замираетъ отъ томнаго чувства, и благодатныя слезы не разъ подступаютъ къ глазамъ, и изъ груди рвется что-то такое, — какъ будто мы свидѣлись съ старымъ другомъ послѣ долгой разлуки или возвращаемся съ чужбины къ родимымъ мѣстамъ. И грустно, и весело это ощущеніе: тамъ свѣтлыя воспоминанія дѣтства, невозвратно мелькнувшаго, тамъ гордыя и радостныя надежды юности, тамъ идеальныя, дружныя мечты чистаго и могучаго вообра-

женія, еще не смиреннаго, не униженнаго испытаніями житейскаго опыта. Все это прошло и не будетъ больше; но еще не провелъ человѣкъ, который хоть въ воспоминаніи можетъ вернуться къ этимъ свѣтлымъ грезамъ, къ этому чистому, младенческому упованію жизнію, къ этимъ идеальнымъ, величавымъ замысламъ и — содрогнуться потомъ, при взглядѣ на ту грязь, пошлость и мелочность, въ которой проходитъ его теперешняя жизнь. И благо тому, кто умѣетъ пробуждать въ другихъ такія воспоминанія, вызвать такое настроеніе души.... Талантъ г. Тургенева всегда былъ силенъ этою стороною, его повѣсти постоянно производили своимъ общимъ строемъ такое чистое впечатлѣніе, и въ этомъ, конечно, заключается ихъ существенное значеніе *для* общества. Не чуждо этого значенія и «Наканунѣ» въ изображеніи любви Елены. Мы увѣрены, что читатели съумѣютъ и безъ насъ оцѣнить всю прелесть тѣхъ страстныхъ, нѣжныхъ и томительныхъ сценъ, тѣхъ тонкихъ и глубокихъ психологическихъ подробностей, которыми рисуется любовь Елены и Инсарова съ начала до конца. Вмѣсто всякаго разсказа мы напомнимъ только дневникъ Елены, ея ожиданіе, когда Инсаровъ долженъ былъ придти проститься, сцену въ часовенкѣ, возвращеніе Елены домой послѣ этой сцены, ея три посѣщенія къ Инсарову, особенно послѣднее (*), потомъ прощанье съ матерью, съ родиной, отъѣздъ, наконецъ послѣднюю прогулку ея съ Инсаровымъ по canal grande, слушанье Травіаты и возвращеніе. Это послѣднее изображеніе особенно сильно подѣйствовало на насъ своей строгой истиной и безконечно-грустной прелестью; для насъ это самое задушевное, самое симпатичное мѣсто всей повѣсти.

Предоставляя самимъ читателямъ насладиться припоминаніемъ всего развитія повѣсти, мы обратимся опять къ характеру Инсарова, или лучше — къ тому отношенію, въ какомъ стоитъ онъ въ повѣсти г. Тургенева къ окружающему его русскому обществу. Мы

(*) Есть люди, которыхъ воображеніе до того засалено и разжирено, что въ этой прелестной, чистой и глубоко-нравственной сценѣ полнаго, страстнаго сліянія двухъ любящихъ существъ, они видятъ только матеріалъ для сладострастныхъ представленій. Судя обо всѣхъ по себѣ, они вопіютъ даже, что эта сцена можетъ имѣть дурное вліяніе на нравственность, ибо возбуждаетъ нечистыя мысли. Но пусть ихъ вопіютъ: вѣдь есть люди, которые и при видѣ Венеры Милосской ощущаютъ лишь чувственное раздраженіе, и при взглядѣ на мадонну говорятъ съ пріапической улыбкой: «а она.... того».... Но не для этихъ людей—искусства и поэзія, да не для нихъ и истинная нравственность. Въ нихъ все претворяется во что-то отвратительно-нечистое. Но дайте прочитать эти же сцены невинной, чистой сердцемъ дѣвушкѣ, и повѣрьте—ничего, кромѣ самыхъ свѣтлыхъ и благородныхъ помысловъ, не вынесетъ она изъ этого чтенія.

уже видѣли, что онъ здѣсь почти не дѣйствуетъ для достиженія своей главной цѣли; только разъ видимъ мы, что онъ уходитъ за 60 верстъ для примиренія поссорившихся земляковъ, жившихъ въ Троицкомъ посадѣ, да въ концѣ его пребыванія въ Москвѣ упомянуто, что онъ разъѣзжалъ по городу и видался украдкой съ разными лицами. Да разумѣется — ему и нечего было дѣлать, живя въ Москвѣ; для настоящей дѣятельности нужно было ему ѣхать въ Болгарію. И онъ поѣхалъ туда, но на дорогѣ смерть застигла его, и дѣятельности его мы такъ и не видимъ въ повѣсти. Изъ этого ясно, что сущность повѣсти вовсе не состоитъ въ представленіи намъ образца гражданской, т. е. общественной доблести, какъ нѣкоторые хотятъ увѣрить. Тутъ нѣтъ упрека русскому молодому поколѣнію, нѣтъ указанія на то, каковъ долженъ быть гражданскій герой. Еслибъ это входило въ планъ автора, то онъ долженъ былъ бы поставить своего героя лицомъ къ лицу съ самымъ дѣломъ, — съ партіями, съ народомъ, съ чужимъ правительствомъ, съ своими единомышленниками, съ вражеской силой.... Но авторъ нашъ вовсе не хотѣлъ, да, сколько мы можемъ судить по всѣмъ его прежнимъ произведеніямъ, и не въ состояніи былъ бы написать героическую эпопею. Его дѣло совсѣмъ другое: изъ всей Иліады и Одиссеи онъ присвоиваетъ себѣ только разсказъ о пребываніи Улисса на островѣ Калипсы, и далѣе этого не простирается. Давши намъ понять и почувствовать, что такое Инсаровъ и въ какую среду попалъ онъ, — г. Тургеневъ весь отдается изображенію того, какъ Инсарова любятъ, и что изъ того происходитъ. Тамъ, гдѣ любовь должна наконецъ уступить мѣсто живой гражданской дѣятельности, онъ прекращаетъ жизнь своего героя и оканчиваетъ повѣсть.

Въ чемъ же, стало быть, смыслъ появленія *болгара* въ этой исторіи? Что тутъ значитъ болгаръ, почему не русскій? Развѣ между русскими уже и нѣтъ такихъ натуръ, развѣ русскіе неспособны любить страстно и рѣшительно, неспособны, очертя голову, жениться по любви? Или это просто прихоть авторскаго воображенія, и въ ней не нужно отыскивать никакого особеннаго смысла? «Взялъ молъ себѣ болгара, да и кончено; а могъ бы взять и цыгана, и китайца пожалуй....»

Отвѣтъ на эти вопросы зависитъ отъ воззрѣнія на весь смыслъ повѣсти. Намъ кажется, что болгаръ дѣйствительно здѣсь могъ быть замѣненъ пожалуй и другою національностью — сербомъ, чехомъ, итальянцемъ, венгромъ, — но не русскимъ. Появленіе русскаго на мѣстѣ Инсарова было бы фальшиво — не потому, чтобы русскій народъ вовсе неспособенъ былъ производить такія натуры, а потому,

что русская жизнь даетъ имъ иное направленіе и развитіе. Всмотримся въ дѣло поближе.

Дѣло въ томъ, что въ «Наканунѣ» главное лицо — Елена, и по отношеніи къ ней должны мы разбирать другія лица. Въ ней сказалась та смутная тоска по чемъ-то, та почти безсознательная, но неотразимая потребность новой жизни, новыхъ людей, которая охватываетъ теперь все русское общество, и даже не одно только такъ называемое образованное. Въ Еленѣ такъ ярко отразились лучшія стремленія нашей современной жизни а въ ея окружающихъ такъ рельефно выступаетъ вся несостоятельность обычнаго порядка той же жизни, что невольно беретъ охота провести обстоятельный параллель.... Но подобныя параллели, несомнѣнно доказывающіе игривость воображенія, становятся натянуты и смѣшны, когда уходятъ въ большія подробности. Поэтому мы удержимся отъ подробностей и сдѣлаемъ лишь нѣсколько самыхъ общихъ замѣчаній.

Развитіе Елены основано не на большой учености, не на обширномъ опытѣ жизни; лучшая, идеальная сторона ея существа раскрылась, выросла и созрѣла въ ней при видѣ кроткой печали роднаго ей лица, при видѣ бѣдныхъ, больныхъ и угнетенныхъ, которыхъ она находила и видѣла всюду, даже во снѣ. Не на подобныхъ ли впечатлѣніяхъ выросло и воспиталось все лучшее въ русскомъ обществѣ, не характеризуется ли каждый истинно порядочный человѣкъ ненавистью ко всякому насилію, произволу, притѣсненію и желаніемъ помочь слабымъ и угнетеннымъ? Мы не говоримъ: «*дѣятельностью* въ защиту слабыхъ отъ обиды сильныхъ», потому что этого нѣтъ, но именно *желаніемъ*, совершенно такъ, какъ у Елены. Мы тоже рады сдѣлать и доброе дѣло, когда оно заключаетъ въ себѣ только положительную сторону т. е. не требуетъ никакой борьбы, не предполагаетъ никакого сторонняго противодѣйствія. Мы подадимъ милостину, сдѣлаемъ благотворительный спектакль, пожертвуемъ даже частью своего достоянія въ случаѣ нужды, но только чтобы этимъ дѣло и ограничилось чтобы намъ не пришлось хлопотать и бороться съ разными непріятностями изъ-за какого нибудь бѣднаго или обиженнаго. «Желаніе дѣятельнаго добра» есть въ насъ, и силы есть; но боязнь, неувѣренность въ своихъ силахъ и наконецъ незнаніе: что дѣлать — постоянно насъ останавливаютъ, и мы,—сами незная какъ,—вдругъ оказываемся въ сторонѣ отъ общественной жизни, холодными и чуждыми ея интересамъ, точь-въ-точь какъ Елена въ окружающей ее средѣ. Между тѣмъ *желаніе* попрежнему кипитъ въ груди (говоримъ о тѣхъ, кто не старается искусственно заглушить это желаніе), и мы все ищемъ, жаждемъ, плачемъ. Съ болью негодованія, почти съ отчая-

ніемъ пишетъ Елена въ своемъ дневникѣ: «О, если бы кто нибудь мнѣ сказалъ: вотъ что ты должна дѣлать! Быть доброю—этого мало; дѣлать добро.... да, это главное въ жизни. *Но какъ дѣлать добро?*» Кто изъ людей нашего общества, сознающихъ въ себѣ живое сердце, мучительно не задавалъ себѣ такого же вопроса? И гдѣ же разрѣшеніе сомнѣній?

Елена страстно привязалась было къ Аннѣ Васильевнѣ; но Анна Васильевна оказалась ничтожною, безхарактерною.... Почувствовала было расположеніе къ Шубину, какъ наше общество одно время увлекалось художественностью; но въ Шубинѣ не оказалось дѣльнаго содержанія, одинъ блестки и капризы; а Еленѣ не до того было, чтобы передъ ея исканій любоваться игрушками. Увлеклась на минуту серьёзною наукою въ лицѣ Берсенева; но серьёзная наука оказалась скромною, сомнѣвающеюся, выжидающею перваго номера, чтобы пойти за нимъ. А Еленѣ именно нужно было, чтобы явился человѣкъ не мудрованный и не выжидающій себѣ назначенія, а самостоятельно и неодолимо стремящійся къ своей цѣли и увлекающій къ ней другихъ. Такимъ-то наконецъ явился предъ нею Инсаровъ.

Почему же Инсаровъ не могъ быть русскимъ? Вѣдь онъ въ повѣсти не дѣйствуетъ, а только собирается на дѣло; это и русскій можетъ. Характеръ его тоже возможенъ и въ русской почвѣ, особенно въ такихъ проявленіяхъ. Онъ проявляется въ повѣсти тѣмъ, что любитъ сильно и рѣшительно; но неужели невозможно и это для русскаго человѣка?

Да, на столько, насколько Инсаровъ дѣйствуетъ въ повѣсти г. Тургенева, стало бы и русскаго человѣка. Но дѣло въ томъ, что *этотъ* Инсаровъ далеко не представляетъ въ себѣ осуществленія той идеи, которая вызвала его изъ жизни въ художественномъ произведеніи. И это служитъ для насъ сильнѣйшимъ доказательствомъ того, что Инсаровъ—не такой, какимъ онъ вышелъ въ повѣсти, а такой, какимъ онъ долженъ бы выдти по замыслу автора, — еще не существуетъ въ нашей жизни. Самъ г. Тургеневъ, такъ хорошо изучившій лучшую часть нашего общества, не нашелъ возможности сдѣлать его *нашимъ*. Мало того, что онъ вывезъ его изъ Болгаріи, онъ недостаточно приблизилъ къ намъ этого героя даже просто какъ человѣка. Въ этомъ, если хотите смотрѣть даже на литературную сторону, главный художественный недостатокъ повѣсти. Блѣдность очертаній Инсарова отражается на самомъ впечатлѣніи, производимомъ повѣстью. Величіе и красота идей Инсарова не выставляются предъ нами съ полною силою. А между тѣмъ идея его, — идея чистой, святой любви къ родинѣ, — такъ свята, такъ возвышен-

на.... Гораздо менѣе человѣчныя, даже просто фальшивыя идеи, горячо проведенныя въ художественныхъ образахъ, производили лихорадочное дѣйствіе на общество; Карлы Мооры, Вертеры, Печорины вызывали толпу подражателей. Инсаровъ ихъ не вызоветъ. Правда, что и мудрено было ему выказаться вполнѣ съ своей идеей, живя въ Москвѣ и ничего не дѣлая: вѣдь не въ реторическихъ же разглагольствіяхъ упражняться! Но мы изъ повѣсти мало узнаемъ его и какъ человѣка; его внутренній міръ недоступенъ намъ; для насъ закрыто, что онъ дѣлаетъ, что думаетъ, чего надѣется, какія испытываетъ перемѣны въ своихъ отношеніяхъ, какъ смотритъ на ходъ событій, на жизнь, несущуюся передъ его глазами. Даже любовь его къ Еленѣ остается для насъ не вполнѣ раскрытою. Мы знаемъ, что онъ полюбилъ ее страстно; но какъ это чувство вошло въ него, что въ ней привлекло его, на какой степени было это чувство, когда онъ его замѣтилъ и рѣшился—было удалиться,—всѣ эти внутреннія подробности и многія другія, которыя такъ тонко, такъ поэтически умѣетъ рисовать г. Тургеневъ, остаются темными въ личности Инсарова. Какъ живой образъ, какъ лицо дѣйствительное, Инсаровъ отъ насъ чрезвычайно далекъ, и вотъ почему «Наканунѣ» производитъ на публику такое слабое, даже отчасти неблагопріятное впечатлѣніе, сравнительно съ прежними повѣстями г. Тургенева, гдѣ являлись характеры, до тонкости изученные, и живо прочувствованные авторомъ. Мы понимаемъ, что Инсаровъ долженъ былъ хорошій человѣкъ, и что Елена могла полюбить его со всей силой души своей, потому что она видѣла его въ жизни, а не въ повѣсти; но для насъ онъ близокъ и дорогъ, только какъ представитель идеи, которая поражаетъ и насъ, какъ Елену, мгновеннымъ свѣтомъ и привлекаетъ наше уваженіе. Какъ скоро отнимается отъ Инсарова эта идея, въ немъ ничего не остается. Авторъ понялъ, что любовь къ родинѣ должна органически срастаться со всѣмъ существомъ этого болгара, и что нужно показать ихъ нераздѣльными; такъ онъ и старался представить это въ своей повѣсти. Но какъ именно это чувство дѣятельнаго патріотизма проникаетъ все существо Инсарова, какъ освѣщаетъ всю его жизнь, опредѣляетъ всѣ его стремленія, направляетъ всѣмъ поступками, — для живаго и полнаго выраженія всего этого авторъ, какъ видно, не нашелъ достаточно матеріаловъ и красокъ въ той дѣйствительности, которая доступна его художническому наблюденію; оттого Инсаровъ есть созданіе головное, а не задушевное, и мы головою должны оправдывать даже любовь къ нему Елены. Все обаяніе Инсарова заключается для нея въ величіи и святости той идеи, которой проникнуто все его существо. Елена мгновенно и глубоко

поражается, еще не видавши Инсарова, разсказомъ о его патріотическихъ замыслахъ. «Освободить свою родину, говоритъ она: — эти слова и выговорить страшно — такъ они велики!» И она чувствуетъ, что слово ея сердца найдено, что она удовлетворена, что выше этой цѣли нельзя поставить себѣ и что на всю ея жизнь, на всю ея будущность достанетъ дѣятельнаго содержанія, если только она пойдетъ за этимъ человѣкомъ. И она старается всмотрѣться въ него, ей хочется проникнуть въ его душу, раздѣлить его мечты, войти въ подробности его плановъ. А въ немъ только и есть постоянная, слитая съ нимъ идея родины и ея свободы; и Елена довольна, ей нравится въ немъ эта ясность и опредѣленность стремленій, спокойствіе и твердость души, могучесть самого замысла, и она скоро сама дѣлается эхомъ той идеи, которая его одушевляетъ. «Когда онъ говоритъ о своей родинѣ, пишетъ она въ своемъ дневникѣ: — онъ ростетъ, ростетъ, и лицо его хорошѣетъ, и голосъ, какъ сталь, и лѣтъ, кажется, тогда на свѣтѣ такого человѣка, предъ нимъ бы онъ глаза опустилъ. И онъ не только говоритъ, онъ дѣлалъ и будетъ дѣлать. Я его разспрошу....» Черезъ нѣсколько дней она опять пишетъ: «а вѣдь странно однако, что я до сихъ поръ, до двадцати лѣтъ, никого не любила! Мнѣ кажется, что у Д. (буду называть его Д., мнѣ нравится это имя: Дмитрій) оттого такъ ясно на душѣ, что онъ весь отдался своему дѣлу, своей мечтѣ. Изъ чего ему волноваться? Кто отдался весь.... весь.... весь.... тому горя мало, тотъ ужь ни за что не отвѣчаетъ. Не *я* хочу; *не* хочетъ.» И понявши это, она сама хочетъ слиться съ нимъ такъ; чтобы уже *не она* хотѣла, а *онъ*, и *то*, что его одушевляетъ. И вотъ послѣ этого очень хорошо понимаешь возможность и естественность ея чувства къ Инсарову.

Изъ этихъ немногихъ объясненій понятно, что насколько Елена съ своей «жаждой дѣятельнаго добра», близка нашей жизни, настолько же Инсаровъ, какъ патріотическій дѣятель, далекъ отъ насъ. Ни цѣль болгара-Инсарова для насъ не пригодна, ни цѣльность его развитія намъ недоступна. У него въ виду простое дѣло — борьба съ турками; у насъ подобная цѣль была во время восточной войны, и тогда являлся и у насъ не мало героевъ. Но въ мирное время — дѣло русскаго патріота спасать нисе. То, къ чему стремится Инсаровъ, у насъ уже вполнѣ достигнуто, и его стремленія, буквально выраженныя въ русскомъ человѣкѣ, должны бы считаться просто преступными, потому что они у насъ не имѣютъ никакого основанія и ничѣмъ не оправдываются. Сравните, въ самомъ дѣлѣ, обстоятельства, при которыхъ начинается и проходитъ жизнь Инсарова, съ обстоятельствами, встрѣчающими жизнь каждаго русскаго человѣка.

Болгарія порабощена, она страдаетъ подъ турецкимъ игомъ. Мы, слава Богу, никѣмъ не порабощены, мы свободны, мы — великій народъ, не разъ рѣшавшій своимъ оружіемъ судьбы царствъ и народовъ; мы владѣемъ другими, а нами никто не владѣетъ....

Въ Болгаріи нѣтъ общественныхъ правъ и гарантій. Инсаровъ говоритъ Еленѣ: «если бъ вы знали, какой нашъ край благодатный. А между тѣмъ его топчутъ; его терзаютъ; у насъ все отняли, всѣ наши церкви, наши права, наши земли; какъ стадо гонятъ насъ поганые турки, насъ рѣжутъ....» Россія, напротивъ того, государство благоустроенное: въ ней существуютъ законы, охраняющіе права гражданъ и опредѣляющіе ихъ обязанности, въ ней царствуетъ правосудіе, возникаетъ благодѣтельная гласность. Церквей ни у кого не отнимаютъ, и вѣры не стѣсняютъ а напротивъ поощряютъ ревность проповѣдниковъ; правъ и земель не только не отнимаютъ, но еще даруютъ ихъ тѣмъ, кто не имѣлъ доселѣ.

«Въ Болгаріи, говоритъ Инсаровъ,—послѣдній мужикъ, послѣдній нищій и я — мы желаемъ одного и того же; у всѣхъ одна цѣль.» Въ русской жизни каждое сословіе, даже каждый кружокъ живутъ своею отдѣльною жизнію, имѣютъ свои особыя цѣли и стремленія, свое установленное назначеніе. При существующемъ у насъ устройствѣ общественномъ, каждому остается только упрочивать собственное благосостояніе, для чего вовсе не нужно соединяться съ цѣлой націей въ одной общей идеѣ, какъ это происходитъ въ Болгаріи.

Инсаровъ былъ еще младенцемъ, когда турецкій ага похитилъ его мать и потомъ зарѣзалъ, а отецъ его былъ разстрѣлянъ за то, что желая отмстить агѣ, поразилъ его кинжаломъ. Когда и кого изъ русскихъ людей могли встрѣтить въ жизни подобныя впечатлѣнія? Слыхано ли что нибудь подобное въ русской землѣ? Конечно, уголовныя преступленія вездѣ возможны; но у насъ, если бы какой нибудь *ага* и похитилъ, и убилъ или уморилъ потомъ чужую жену, такъ мужа и до отмщенія бы не допустили, ибо у насъ есть законы для всѣхъ равные и немедленно наказывающіе преступленіе.

Словомъ, Инсаровъ съ молокомъ матери всасываетъ свое направленіе. Задана же у него *удобопонятная*, какъ говоритъ Шубинъ: «стоитъ только турокъ вытурить — велика штука!» И Инсаровъ знаетъ, притомъ, что онъ правъ въ своей дѣятельности, не только передъ собственной совѣстью, но и передъ людскимъ судомъ: его замыслы найдутъ сочувствіе во всякомъ порядочномъ человѣкѣ. Представьте же теперь что-нибудь подобное въ русскомъ обществѣ: неудобопредставимо!... Въ русскомъ переводѣ Инсаровъ выйдетъ не что иное, какъ разбойникъ, представитель «противообщественнаго элемента», о которомъ русская публика знаетъ очень хорошо изъ ученыхъ из-

слѣдованій г. Соловьева, сообщенныхъ «Русскимъ Вѣстникомъ.» Кто же, спрашивается, можетъ полюбить такого? Какая благовоспитанная и умная дѣвушка не побѣжитъ отъ него съ ужасомъ?

Понятно ли теперь, почему не можетъ быть русскій на мѣстѣ Инсарова? Натуры, подобныя ему въ нашемъ обществѣ должны получать другое развитіе и направленіе. Внѣшней борьбы намъ не нужно, но необходима усиленная, непрерывная, самоотверженная борьба съ внутреннимъ врагомъ — съ общественнымъ зломъ и неправдой. Врагъ этотъ среди насъ, часто въ насъ самихъ. Возставая противъ общественныхъ пороковъ, развращенія, произвола, апатіи, и находя въ нихъ корень всѣхъ нашихъ золъ, мы нерѣдко вдругъ замѣчаемъ, что сами не менѣе другихъ виновны — и въ произволѣ, и въ апатіи, и въ развратѣ, и пр. Есть ли возможность сохранить при этомъ полную силу героизма? Поневолѣ многіе начинаютъ накидываться на мелочи, воображая, что въ нихъ-то и есть все дѣло, или сражаться съ призраками, и такимъ образомъ въ практической дѣятельности являются обыкновенно забавно-жалкими Донъ-Кихотами, несмотря на все благородство своихъ стремленій. Отличительная черта Донъ-Кихота — непониманіе ни того, за что онъ берется, ни того, что выйдетъ изъ его усилій, — удивительно-ярко выступаетъ въ нихъ. Рьяные, но безтолковые, они постоянно воображаютъ, что рѣшеніе всѣхъ человѣческихъ вопросовъ достигается какимъ нибудь надимовскимъ подвигомъ ихъ благородства. Выгнать изъ службы нѣсколько мелкихъ взяточниковъ, наложить опеку на какое нибудь помѣщичье имѣніе, обличить цаловальника, въ одномъ кабакѣ продавшаго дурнаго качества водку, — вотъ и воцарится правосудіе, крестьяне во всей Россіи будутъ благоденствовать, и откупа сдѣлаются превосходною вещью для народа. Такъ искренно думаютъ многіе, и дѣйствительно тратятъ всѣ свои силы на подобные подвиги, и за то нешутя считаютъ себя героями.

Намъ разсказывали объ одномъ подобномъ героѣ, человѣкѣ, какъ говорили, чрезвычайно энергическомъ и талантливомъ. Еще будучи въ гимназіи, онъ затѣялъ дѣло съ однимъ гувернеромъ, по тому поводу, что онъ утаиваетъ бумагу, назначаемую для выдачи воспитанникамъ. Дѣло пошло какъ-то неловко; герой нашъ умѣлъ задѣть и инспектора, и директора, и былъ исключенъ изъ гимназіи. Сталъ онъ готовиться въ университетъ, а между тѣмъ принялся давать уроки. При одномъ изъ первыхъ же уроковъ онъ замѣтилъ, что мать дѣтей, которыхъ онъ училъ, ударила по щекѣ свою горничную. Онъ вспыхнулъ, поднялъ въ домѣ гвалтъ, привелъ полицію и формально обвинилъ хозяйку дома въ жестокомъ обращеніи съ при-

слугой. Потянулось слѣдствіе, въ которомъ онъ ничего, разумѣется, не могъ доказать, и его чуть не присудили къ строгому наказанію за ложное показаніе и клевету. Урокомъ послѣ этого онъ уже не могъ достать. Опредѣлился, съ большимъ трудомъ, по чьей-то особенной милости, на службу: дали ему переписать какое-то рѣшеніе очень мелкаго свойства; онъ не вытерпѣлъ и заспорилъ; ему сказали, чтобъ молчалъ, онъ не послушался; ему велѣли убираться вонъ. Отъ нечего дѣлать, принялъ онъ приглашеніе одного изъ своихъ бывшихъ товарищей — ѣхать съ нимъ на лѣто въ деревню; пріѣхалъ, увидалъ, что тамъ дѣлается, да и принялся толковать — и своему товарищу, и отцу его, и даже бурмистру и мужикамъ — о томъ, что законно и что беззаконно. Кончилось тѣмъ, что старый баринъ велѣлъ запречь ему лошадей и попросилъ его не являться больше въ ихъ краяхъ, если хочетъ цѣлъ остаться. Кое-какъ переколотившись лѣто, герой нашъ къ осени поступилъ въ университетъ, благодаря тому, что на экзаменѣ попадались ему все вопросы не задорные, на которыхъ нельзя было разгуляться и заспорить. Поступилъ онъ на медицинскій факультетъ и занимался дѣйствительно хорошо; но въ практическомъ курсѣ, когда профессоръ у кровати больнаго объяснялъ свою премудрость, онъ никогда не могъ удержаться, чтобъ не *обарить* отсталаго или шарлатанящаго профессора: какъ только тотъ соврётъ что нибудь, такъ онъ и пойдетъ ему доказывать, что это чепуха. Вслѣдствіе такихъ выходокъ, герой нашъ не оставленъ при университетѣ, не посланъ за границу, а назначенъ въ какой-то отдаленный госпиталь. Здѣсь онъ на первыхъ же порахъ уличилъ смотрителя и грозился на него жаловаться; потомъ въ другой разъ поймалъ и пожаловался, за что получилъ выговоръ отъ главнаго доктора; получая выговоръ, онъ, конечно, очень крупно поговорилъ и вскорѣ былъ переведенъ изъ госпиталя.... Досталось ему вслѣдъ затѣмъ провожать какую-то партію; онъ принялся шумѣть за солдатъ съ начальникомъ партіи и съ чиновникомъ, завѣдывавшимъ продовольствіемъ. Видя, что слова не помогаютъ, написалъ рапортъ, что солдаты не доѣдаютъ и не допиваютъ по милости чиновника и что начальникъ партіи этому потакаетъ. По прибытіи на мѣсто — слѣдствіе; допрашиваютъ солдатъ, тѣ говорятъ: довольны; герой нашъ приходитъ въ негодованіе, говоритъ дерзости генералъ-штабъ-доктору, и мѣсяцъ спустя разжалывается въ фельдшерскіе помощники. Пробывши двѣ недѣли въ этой должности и не выдержавъ наречито-звѣрскаго обращенія съ нимъ, онъ застрѣливается.

Не правда ли, — явленіе необыкновенное, сильная, порывистая натура? А между тѣмъ посмотрите, на чемъ гибнетъ онъ. Во всѣхъ его поступкахъ нѣтъ ничего такого, что бы не составляло прямой

обязанности всякаго честнаго человѣка на его мѣстѣ; а ему нужно однако много героизма, чтобъ поступать такимъ образомъ, нужна самоотверженная рѣшимость; въ этомъ жизнь его разбивается....

Одинъ изъ нашихъ знакомыхъ, держащійся передовыхъ мнѣній и старающій тоже жаждою дѣятельнаго добра, но человѣкъ прочнѣйшій и безвреднѣйшій въ мірѣ, вотъ что разсказывалъ намъ о своемъ развитіи, въ объясненіе своей теперешней бездѣятельности.

«По натурѣ своей, говорилъ онъ,—я былъ мальчикъ очень добрый и впечатлительный. Я бывало плакалъ и металея, слушая разсказъ о какомъ нибудь несчастіи, я страдалъ при видѣ чужаго страданія. Помню, что я не спалъ ночи, терялъ аппетитъ и не могъ ничего дѣлать, когда кто нибудь въ домѣ былъ боленъ; помню, что не разъ приходилъ я въ нѣкотораго рода бѣшенство, при видѣ истязаній, какія чинилъ одинъ мой родственникъ надъ своимъ сыномъ, моимъ пріятелемъ. Все, что я видѣлъ, все, что слышалъ, развивало во мнѣ тяжелое чувство недовольства; въ душѣ моей рано началъ шевелиться вопросъ: да отчего же все такъ страдаетъ и неужели нѣтъ средства помочь этому горю, которое кажется, всѣхъ одолѣло? Я жадно искалъ отвѣта на эти вопросы, и скоро мнѣ дали отвѣтъ, разумный и систематическій. Я началъ учиться. Первая пропись, которую я написалъ, была такова: «истинное счастіе заключается въ спокойствіи совѣсти». На разспросы мои о совѣсти, мнѣ объяснили, что она караетъ насъ за дурные поступки и награждаетъ за хорошіе. Все мое вниманіе устремилось теперь на то, чтобы узнать, какіе поступки хороши, какіе дурны. Это было не трудно: кодексъ нравственности былъ готовъ — и въ прописяхъ, и въ домашнихъ наставленіяхъ, и въ особомъ курсѣ. «Почитай старшихъ», «Не надѣйся на свои силы, ибо ты — ничто», «Будь доволенъ тѣмъ, что имѣешь, и не желай большаго», «Терпѣніемъ и покорностью пріобрѣтается любовь общая», и пр. въ такомъ родѣ писалъ я въ прописяхъ. Дома и отъ всѣхъ окружающихъ слышалъ я тоже самое; а въ разныхъ курсахъ узналъ я, что совершеннаго счастья на землѣ не можетъ быть, но что насколько оно возможно, настолько достигнуто въ благоустроенныхъ государствахъ, изъ которыхъ наилучшее есть мое отечество. Я узналъ, что Россія теперь не только велика и обильна, но что и порядокъ въ ней господствуетъ самый совершенный; что стоитъ только исполнять законы, и приказанія старшихъ, да быть умѣреннымъ, и тогда полнѣйшее благополучіе ожидаетъ человѣка, какого бы онъ ни былъ званія и состоянія. Отрадны мнѣ были всѣ эти открытія, и я жадно ухватился за нихъ, какъ за лучшее рѣшеніе всѣхъ моихъ сомнѣній. Вздумалъ было я повѣрять ихъ моимъ неопытнымъ умомъ, но многое пришлось мнѣ не подъ силу, а

что оказывалось доступнымъ, то выходило такъ, вѣрно. И вотъ, я довѣрчиво и восторженно предался новооткрытой системѣ, въ ней заключилъ всѣ свои стремленія и лѣтъ двѣнадцати былъ уже маленькимъ философомъ и страшнымъ партизаномъ законности. Я дошелъ до того убѣжденія, что во всякомъ несчастіи виноватъ самъ человѣкъ—или тѣмъ, что не побережется, не остережется, или тѣмъ, что не хотѣлъ довольствоваться малымъ, или тѣмъ, что не проникнутъ достаточнымъ уваженіемъ къ закону и къ волѣ старшихъ. Собственно законъ я еще не совсѣмъ хорошо представлялъ себѣ, но онъ олицетворялся для меня во всякомъ начальствѣ и старшинствѣ. Оттого въ этотъ періодъ моей жизни я постоянно стоялъ за учителей, начальниковъ и т. д. и былъ очень любимъ начальствомъ и старшими классами. Разъ меня чуть не выкинули въ окно товарищи: одинъ учитель сказалъ цѣлому классу: «свиньи вы!»; всѣ приняли въ азартѣ по окончаніи класса, а я принялся защищать учителя и доказывать, что онъ имѣлъ полное право сказать это. Въ другой разъ исключенъ былъ одинъ изъ нашихъ товарищей за грубость начальству; всѣ жалѣли о немъ, потому что онъ былъ лучшій между нами, но я утверждалъ, что онъ наказаніе вполнѣ заслужилъ, и очень удивлялся, какъ онъ, будучи такимъ умнымъ мальчикомъ, не могъ понять, что покорность старшимъ есть первый долгъ нашъ и первое условіе счастья. Такъ съ каждымъ днемъ укрѣплялся я въ своихъ понятіяхъ законности, и мало по малу привыкалъ смотрѣть на большинство людей, только какъ на орудіе исполненія высшихъ приказаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ я порывалъ живую связь съ душою человѣка, я пересталъ тревожиться бѣдствіями своихъ собратій, пересталъ отыскивать возможность облегчить ихъ. «Сами виноваты» говорилъ я про себя, и сталъ даже питать къ нимъ не то злобу, не то презрѣніе, какъ къ людямъ, не умѣющимъ пользоваться спокойно и смирно тѣми благами, которыя имъ предлагаются по силѣ общественнаго благоустройства. Все, что было добраго въ моей натурѣ, обратилось въ другую сторону — къ поддержанію правъ старшихъ надъ нами. Я чувствовалъ, что въ этомъ заключается самоотверженіе, отреченіе отъ собственной самостоятельности, убѣжденъ былъ, что дѣлаю это въ видахъ общей пользы, и считалъ себя чуть не героемъ. Я знаю, что многіе такъ и остаются на этой степени, а другіе ее видоизмѣняютъ слегка и увѣряютъ, что они совсѣмъ перемѣнились. Но мнѣ, къ счастію, дѣйствительно пришлось перемѣнить свое направленіе довольно рано. Лѣтъ четырнадцати я самъ имѣлъ уже старшинство кое надъ чѣмъ—и въ классѣ, и въ домѣ, и, разумѣется, оказался при этомъ очень плохъ. Я умѣлъ дѣлать все, что отъ меня требовали, но что и какъ мнѣ требовать —

этого я не зналъ. При всемъ томъ я былъ суровъ и неподступенъ. Но скоро мнѣ стало совѣстно, и я принялся повѣрять свои прежнія понятія о начальствѣ. Поводомъ къ этому былъ одинъ случай, пробудившій опять живыя ощущенія въ моемъ мертвѣвшемъ сердцѣ. Какъ старшій братъ и умница, я училъ между прочимъ одну изъ сестеръ моихъ. Мнѣ дано было право присуждать ей наказанія за лѣность, ослушаніе и пр. Разъ она что-то была разсѣянна и никакъ не хотѣла понять моихъ толкованій; я велѣлъ ей стать на колѣни. Она тотчасъ собралась съ мыслями и, принявши внимательный видъ, стала просить, чтобъ я повторилъ еще разъ свои слова. Но я потребовалъ, чтобъ она прежде исполнила приказаніе — стала на колѣни; она заупрямилась. Тогда я схватилъ ее за руки, поднялъ съ мѣста, потомъ положилъ ей свои локти на плечи и изо-всѣхъ силъ надавилъ внизъ. Бѣдная дѣвочка опустилась на колѣни и взвизгнула: у ней свихнулась нога при этомъ движеніи. Я очень испугался; но когда мать стала бранить меня за такое обхожденіе съ сестрой, я очень хладнокровно старался доказать, что она сама виновата, что еслибъ она тотчасъ послушалась моего приказанія, то ничего бы этого и не было. Однако же втайнѣ я мучился, тѣмъ болѣе, что сестру свою я очень любилъ. Въ это время выяснилась мнѣ мысль, что вѣдь и старшіе могутъ быть неправы и дѣлать нелѣпости, и что уважать нужно собственно законъ, какъ онъ есть, а не какъ проявляется въ толкованіяхъ того или другаго лица. Тутъ пошла у меня критика дѣйствій лицъ, и я изъ консервативной безотвѣтственности стремительно перескочилъ въ opposition légale. Но долгое время я приписывалъ все дурное однимъ только частнымъ злоупотребленіямъ и нападалъ на нихъ — не во имя насущныхъ потребностей общества, не изъ состраданія къ несчастнымъ братьямъ, а просто во имя положительнаго закона. Однако я былъ еще тогда очень молодъ, мысль моя двигалась и бродила; я не могъ остановиться на этомъ и, послѣ многихъ соображеній, дошелъ наконецъ до сознанія, что и законы могутъ быть несовершенны, что они имѣютъ относительное, временное и частное значеніе, и должны подлежать перемѣнамъ съ теченіемъ времени и по требованіямъ обстоятельствъ. Но опять, во имя чего такъ разсуждалъ я? Во имя высшаго, отвлеченнаго закона справедливости, а вовсе не по внушенію живаго чувства любви къ собратьямъ, вовсе не по сознанію тѣхъ прямыхъ, настоятельныхъ надобностей, которыя указываются идущею передъ нами жизнью. И что же? Вотъ я сдѣлалъ и послѣдній шагъ: отъ отвлеченнаго закона справедливости я перешелъ къ болѣе реальному требованію человѣческаго блага; я всѣ свои сомнѣнія и умствованія привелъ наконецъ къ одной формулѣ: человѣкъ и его счастье. Но

вѣдь эта формула была въ душѣ моей еще въ дѣтствѣ, прежде чѣмъ я началъ обучаться разнымъ наукамъ и писать назидательныя прописи. И,—сказать ли?—теперь я ее лучше понимаю и основательнѣе могу доказать; но тогда я чувствовалъ ее сильнѣе, она болѣе была связана съ моимъ существомъ, и даже, кажется, я готовъ былъ тогда больше сдѣлать для нея, чѣмъ теперь. Я стараюсь теперь не дѣлать ничего, противорѣчащаго сознанному мною закону, стараюсь не отнимать счастье у людей; но этой пассивной ролью я и ограничиваюсь. Броситься на поискъ счастья, приблизить его къ людямъ, — это я могъ бы только тогда, если бы мои дѣтскія чувства и мечты безпрепятственно развились и окрѣпли. А между тѣмъ они глохли и умирали во мнѣ лѣтъ пятнадцать, и только теперь я снова возвращаюсь къ нимъ и нахожу ихъ блѣдными, тощими, слабыми. Мнѣ еще нужно возстановлять ихъ, прежде, чѣмъ употреблять въ дѣло; да и кто знаетъ, удастся ли возстановить?...»

Намъ кажется, что въ этомъ разсказѣ есть черты далеко не исключительныя, а напротивъ, могущія служить общимъ указаніемъ на тѣ препятствія, какія встрѣчаетъ русскій человѣкъ на пути самостоятельнаго развитія. Не всѣ съ одинаковою силою привязываются къ морали прописей, но никто не уходитъ отъ ея вліянія, и на всѣхъ она дѣйствуетъ парализующимъ образомъ. Чтобы избавиться отъ нея, человѣкъ долженъ много силъ потерять, и много утратить вѣры въ себя при этой безпрерывной возьнѣ съ безобразной путаницей сомнѣній, противорѣчій, уступокъ, изворотовъ и т. п.

Изъ всего этого и выходитъ, что наши лучшіе люди, какихъ мы видали до сихъ поръ въ современномъ обществѣ, только-что способны понять жажду дѣятельнаго добра, сжигающую Елену. И это еще передовые, это еще называются у насъ «дѣятели общественные.» А то большая часть умныхъ и впечатлительныхъ людей бѣжитъ отъ гражданскихъ доблестей, и посвящаетъ себя различнымъ музамъ. Хоть бы тѣже Шубинъ и Берсеневъ въ «Наканунѣ»: славныя натуры, но что же имъ дѣлать тутъ, въ этой средѣ? Настроить ее на свой ладъ? Да ладу-то у нихъ нѣтъ никакого, и силъ-то нѣтъ. Починивать кое-что, отрѣзывать и отбрасывать понемножку разныя дрязги? Да не противно ли у мертваго зубы вырывать, и къ чему это поведетъ? На это способны только герои въ родѣ господъ Паншиныхъ и Курнатовскихъ.

Кстати—здѣсь можемъ мы сказать нѣсколько словъ о Курнатовскомъ, тоже одномъ изъ лучшихъ представителей русскаго образованнаго общества. Это новый видъ Паншина, только безъ свѣтскихъ и художественныхъ талантовъ, и болѣе дѣловой. Онъ очень честенъ

и даже великодушенъ; въ доказательство его великодушія Стаховъ, прочащій его въ женихи Елснѣ, приводитъ фактъ, что онъ, какъ только достигъ возможности безбѣдно существовать своимъ жалованьемъ, тотчасъ отказался въ пользу братьевъ отъ ежегодной суммы, которую назначалъ ему отецъ. Вообще въ немъ много хорошаго: это признаетъ даже Елена, изображающая его въ письмѣ къ Инсарову. Вотъ ея сужденія, по которымъ однимъ только мы и можемъ составить понятіе о Курнатовскомъ: онъ въ ходѣ повѣсти не участвуетъ. Разсказъ Елены, впрочемъ, такъ полонъ и мѣтокъ, что больше намъ ничего и не нужно, и потому, вмѣсто перифраза, мы прямо приведемъ ея письмо къ Инсарову:

«Поздравь меня, милый Дмитрій: у меня женихъ. Онъ вчера у насъ обѣдалъ; папенька познакомился съ нимъ, кажется, въ англійскомъ клубѣ и пригласилъ его. Разумѣется, онъ пріѣзжалъ вчера не женихомъ. Но добрая мамаша, которой папенька сообщилъ свои надежды, шепнула мнѣ на ухо, что это за гость. Зовутъ его Егоръ Андреевичъ Курнатовскій: онъ служитъ оберъ-секретаремъ при сенатѣ. Опишу тебѣ сперва его наружность. Онъ небольшаго роста, меньше тебя, хорошо сложенъ; черты у него правильны, онъ коротко остриженъ, носитъ большіе бакенбарды. Глаза у него небольшіе (какъ у тебя), каріе, быстрые, губы плоскія, широкія; на глазахъ и на губахъ постоянная улыбка, офиціальная какая-то: точно она у него дежуритъ. Держится онъ очень просто, говоритъ отчетливо, и все у него отчетливо: онъ ходитъ, смѣется, ѣстъ, словно дѣло дѣлаетъ. «Какъ она его изучила!» думаешь ты, можетъ быть, въ эту минуту. Да,—для того чтобъ описать тебѣ его. Да и какъ же не изучать своего жениха! Въ немъ есть что-то желѣзное.... и тупое и пустое въ то же время, — и честное; говорятъ, онъ точно очень честенъ. Ты у меня тоже желѣзный, да не такъ, какъ этотъ. За столомъ онъ сидѣлъ возлѣ меня, противъ насъ сидѣлъ Шубинъ. Сперва рѣчь зашла о какихъ-то коммерческихъ предпріятіяхъ: говорятъ, онъ въ нихъ толкъ знаетъ и чуть было не бросилъ своей службы, чтобы взять въ руки большую фабрику. Вотъ не догадался! Потомъ Шубинъ заговорилъ о театрѣ; г-нъ Курнатовскій объявилъ, и, я должна сознаться, безъ ложной скромности, что онъ въ художествѣ ничего не смыслитъ. Это мнѣ тебя напомнило:... но я подумала: нѣтъ, мы съ Дмитріемъ все-таки иначе не понимаемъ художества. Этотъ какъ будто хотѣлъ сказать: я не понимаю его, да оно и не нужно, но въ благоустроенномъ государствѣ допускается. Къ Петербургу и къ *comme il faut* онъ, впрочемъ, довольно равнодушенъ: онъ разъ даже назвалъ себя пролетаріемъ. Мы, говоритъ, чернорабочіе. Я подумала: если бы Дмитрій это сказалъ, мнѣ бы это не понравилось. А этотъ пускай себѣ говоритъ! Пусть хвастается! Со мной онъ былъ очень вѣжливъ; но мнѣ все казалось, что со мной бесѣдуетъ очень, очень снисходительный начальникъ. Когда онъ хочетъ похвалить кого,

онъ говоритъ, что у такого-то *есть правила* — это его любимое слово. Онъ долженъ быть самоувѣренъ, трудолюбивъ, способенъ къ самопожертвованію (ты видишь: я безпристрастна), то есть къ пожертвованію своихъ выгодъ, но онъ большой деспотъ. Бѣда попасться ему въ руки! За столомъ заговорили о взяткахъ.

«— Я понимаю, сказалъ онъ, — что во многихъ случаяхъ берущій взятку не виноватъ: онъ иначе поступить не могъ. А все-таки, если онъ попался, должно его раздавить.

«Я вскрикнула. — Раздавить невиноватаго!

«— Да, ради принципа.

«— Какого? спросилъ Шубинъ. Курнатовскій не то смѣшался, не то удивился, и сказалъ: этого нечего объяснять. — Папаша, который, кажется, благоговѣетъ передъ нимъ, подхватилъ, что конечно нечего, и, къ досадѣ моей, разговоръ этотъ прекратился. Вечеромъ пришелъ Берсеневъ и вступилъ съ нимъ въ ужасный споръ. Никогда я еще не видала нашего добраго Андрея Петровича въ такомъ волненіи. Господинъ Курнатовскій вовсе не отрицалъ пользы науки, университетовъ и т. д. А между тѣмъ я понимала негодованіе Андрея Петровича. Тотъ смотритъ на все это, какъ на гимнастику какую-то. Шубинъ подошелъ ко мнѣ послѣ стола и сказалъ: вотъ этотъ и нѣкто другой (онъ твоего имени произнести не можетъ) — оба практическіе люди, а посмотрите, какая разница: тамъ настоящій, живой, жизнью данный идеалъ, а здѣсь даже не чувство долга, а просто служебная честность и дѣльность безъ содержанія. — Шубинъ уменъ; и я, для тебя, запомнила его умныя слова; а по моему, что же общаго между вами? Ты *вѣришь*, а тотъ нѣтъ, потому что только въ самого себя *вѣрить* нельзя.»

Елена съ разу поняла Курнатовскаго и отозвалась о немъ не совсѣмъ благосклонно. А между тѣмъ вникните въ этотъ характеръ и припомните своихъ знакомыхъ дѣловыхъ людей, съ честью подвизающихся для пользы общей; навѣрное многіе изъ нихъ окажутся хуже Курнатовскаго, а найдутся ли лучше—за это поручиться трудно. А все отчего? Именно оттого, что жизнь, среда не дѣлаетъ насъ ни умными, ни честными, ни дѣятельными. И умъ, и честность, и силы къ дѣятельности мы должны пріобрѣтать изъ иностранныхъ книжекъ, соглашая и соразмѣряя ихъ съ разными требованіями нашей жизни, общественными приличіями и т. д. Не мудрено, что за этой трудной работой холодѣетъ сердце, замираетъ все живое въ человѣкѣ, и онъ превращается въ автомата, мѣрно и неизмѣнно совершающаго то, что ему слѣдуетъ. И все-таки, опять повторишь: это еще лучшіе. Тамъ, за ними, начинается другой слой: съ одной стороны совсѣмъ сонные Обломовы, уже окончательно потерявшіе даже обаяніе краснорѣчія, которымъ плѣняли барышень въ былое время, съ другой дѣятельные Чичиковы, неусыпные, неустанные, героическіе въ достиженіи своихъ узенькихъ и гаденькихъ интересцевъ. А еще дальше возвышаются

Брусковы, Большовы, Кабановы, Уланбековы, и все это злое племя предъявляетъ свои права на жизнь и волю русскаго люда.... Что же тутъ дѣлать? И приходится выбрать себѣ какую нибудь отвлеченную, далекую отъ жизни спеціальность да и зарыться въ ней....

Такъ и поступили въ «Наканунѣ» Шубинъ и Берсеневъ. Шубинъ расходился-было, узнавши о свадьбѣ Елены съ Инсаровымъ, и началъ: «Инсаровъ.... Инсаровъ.... Къ чему ложное смиреніе? Ну, положимъ, онъ молодецъ, онъ постоитъ за себя; да будто ужь мы такая совершенная дрянь? Ну, хоть я, развѣ дрянь? Развѣ Богъ меня такъ-таки всѣмъ и обидѣлъ?» и пр.... И тотчасъ же свернулъ на художество: можетъ, говоритъ, и я со временемъ прославлюсь своими произведеніями.... И точно — онъ сталъ работать надъ своимъ талантомъ, и изъ него замѣчательный ваятель выходитъ... И Берсеневъ, добрый, самоотверженный Берсеневъ, такъ искренно и радушно ходившій за больнымъ Инсаровымъ, такъ великодушно служившій посредникомъ между нимъ, своимъ соперникомъ, и Еленой,—и Берсеневъ, это золотое сердце, какъ выразился Инсаровъ,—не можетъ удержаться отъ ядовитыхъ размышленій, убѣдившись окончательно во взаимной любви Инсарова и Елены. «Пусть ихъ! говоритъ онъ: — не даромъ мнѣ говаривалъ отецъ: мы съ тобой, братъ, не сибариты, не аристократы, не баловни судьбы и природы; мы даже не мученики, мы — труженики, труженики и труженики. Надѣвай же свой кожанный фартукъ, труженикъ, да становись за свой рабочій станокъ, въ своей темной мастерской! А солнце пусть другимъ сіяетъ! И въ нашей глухой жизни есть своя гордость и свое счастье!» Какимъ адомъ зависти и отчаянія вѣютъ эти несправедливые попреки, — неизвѣстно кому и за что!... Кто жь виноватъ во всемъ, что случилось? Не самъ ли Берсеневъ?.. Нѣтъ, русская жизнь виновата: «кабы были у насъ путные люди, по выраженію Шубина, не ушла бы отъ насъ эта дѣвушка, эта чуткая душа, не ускользнула бы, какъ рыба въ воду.» А людей путныхъ или непутныхъ дѣлаетъ жизнь, общій строй ея въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ. Строй нашей жизни оказался таковъ, что Берсеневу только и осталось одно: «изсушать умъ наукою безплодной.» Онъ такъ и сдѣлалъ, и ученые очень хвалили, по словамъ автора, его сочиненія: «О нѣкоторыхъ особенностяхъ древне-германскаго права въ дѣлѣ судебныхъ наказаній» и «О значеніи городскаго начала въ вопросѣ цивилизаціи.» И еще благо, что хоть въ этомъ могъ найти спасеніе....

Вотъ Еленѣ — такъ не оставалось никакого рессурса въ Москвѣ послѣ того, какъ она встрѣтилась съ Инсаровымъ. Оттого-то она не могла ни остаться въ Россіи, ни возвратиться

въ нее одна, послѣ смерти мужа. Авторъ очень хорошо умѣлъ понять это, и предпочелъ лучше оставить ея судьбу въ неизвѣстности, нежели возвратить ее подъ родительскій кровъ, и заставить доживать свои дни въ родной Москвѣ, въ тоскѣ одиночества и бездѣйствія. Призывъ родной матери, дошедшій до нея почти въ ту самую минуту, какъ она лишалась мужа, не смягчилъ ея отвращенія отъ этой пошлой, безцвѣтной, бездѣйственной жизни. «Вернуться въ Россію! Зачѣмъ? что дѣлать въ Россіи?» — написала она матери и отправилась въ Зару.

И какъ хорошо, что она приняла эту рѣшимость! Что, въ самомъ дѣлѣ, ожидало ее въ Россіи? Гдѣ для нея тамъ цѣль жизни, гдѣ жизнь? Возвратиться опять къ несчастнымъ котятамъ и мухамъ, подавать нищимъ деньги, не ею выработанныя и Богъ знаетъ какъ и почему ей доставшіяся, радоваться успѣхамъ въ художествѣ Шубина, трактовать о Шеллингѣ съ Берсеневымъ, читать матери «Московскія Вѣдомости», да видѣть, какъ на общественной аренѣ подвизаются *правила* въ видѣ разныхъ Курнатовскихъ и понемногу, медленно и томительно вянуть, хирѣть, замирать.... Нѣтъ, ужь если разъ она дохнула другимъ воздухомъ, то легче ей броситься въ какую угодно опасность, нежели осудить себя на эту тяжелую пытку, на эту медленную казнь.... И мы рады, что она избѣгла этой жизни, и не оправдала на себѣ эти безнадежно-печальныя, раздирающія душу предвѣщанія поэта, такъ нерѣдко оправдывающіяся надъ самыми лучшими, избранными натурами въ Россіи:

Вдали отъ солнца и природы,
Вдали отъ свѣта и искусства,
Вдали отъ жизни и любви,
Мелькнутъ твои младые годы,
Живыя помертвѣютъ чувства,
Мечты развѣются твои.
И жизнь твоя пройдетъ незрима,
Въ краю безлюдномъ, безымянномъ,
На незамѣченной землѣ, —
Какъ исчезаетъ облакъ дыма,
На небѣ тускломъ и туманномъ,
Въ осенней безпредѣльной мглѣ....

Намъ остается свести отдѣльныя черты, разбросанныя въ этой статьѣ (за неполноту и нескладность которой просимъ извиненія у читателей), и сдѣлать общее заключеніе.

Инсаровъ, какъ человѣкъ сознательно и всецѣло проникнутый великой идеей любви къ родинѣ и готовый принести для нея всѣ

возможныя жертвы, не могъ развиться и проявить себя въ современномъ русскомъ обществѣ. Даже Елена, такъ полно умѣвшая полюбить его и такъ слиться съ его идеями, и она не можетъ оставаться среди русскаго общества, хотя тамъ,—всѣ ея близкіе и родные. Итакъ, великимъ идеямъ, великимъ сочувствіямъ, нѣтъ еще мѣста среди насъ?... Не таковъ ли смыслъ повѣсти, разобранной нами?

Мы думаемъ, что нѣтъ. Правда, для широкой дѣятельности нѣтъ у насъ открытаго поприща; правда, наша жизнь проходитъ въ мелочахъ, въ плутняхъ, интрижкахъ, сплетняхъ и подличаньи; правда, наши гражданскіе дѣятели лишены сердца и часто крѣпколобы, наши умники палецъ объ палецъ не ударятъ, чтобы доставить торжество своимъ убѣжденіямъ, наши либералы и реформаторы отправляются въ своихъ проэктахъ отъ юридическихъ тонкостей, а не отъ стона и вопля несчастныхъ братьевъ. Все это такъ, и все это видно отчасти и въ «Наканунѣ», какъ въ десяткахъ другихъ повѣстей послѣдняго времени. Но мы все-таки думаемъ, что существенный смыслъ повѣсти Тургенева гораздо утѣшительнѣе.

Дѣло въ томъ, что какъ бы ни была плоха наша жизнь, но въ ней уже оказалась возможность такихъ явленій, какъ Елена. И мало того, что такіе характеры стали возможны въ жизни, они уже охвачены художническимъ сознаніемъ, внесены въ литературу, возведены въ типъ. Елена — лицо идеальное, но черты ея намъ знакомы, мы ее понимаемъ, сочувствуемъ ей. Что это значитъ? То, что основа ея характера — любовь къ страждущимъ и притѣсненнымъ, желаніе дѣятельнаго добра, — все это наконецъ чувствуется въ лучшей части нашего общества. И чувство это такъ сильно и такъ близко къ осуществленію, что оно уже не обольщается, какъ прежде, ни блестящимъ, но безплоднымъ умомъ и талантомъ, ни добросовѣстной, но отвлеченной ученостью, ни служебными добродѣтелями, ни даже добрымъ, великодушнымъ, но пассивно-развитымъ сердцемъ. Для удовлетворенія нашего чувства, нужны люди — герои для борьбы съ врагами внутренними, люди живые и энергическіе, не говоруны и не рефлектеры, а практическіе дѣятели. Нужно, чтобъ они умѣли понять нужды русской жизни, всей силою души своей захотѣли уврачевать наши раны, вполнѣ отдались идеѣ общаго блага, слились съ нею всѣмъ существомъ своимъ и увлекли бы за собою на дѣло правды и добра новыхъ дѣятелей, честныхъ и усердныхъ ко благу родины. У насъ доселѣ нѣтъ такихъ людей, потому что наша общественная среда до сихъ поръ не благопріятствовала ихъ развитію. Возможны ли они?

Вѣчная пошлость, мелочность и апатія не могутъ же быть законнымъ удѣломъ человѣка, и люди, составляющіе общественную среду

нашу и закованные въ ея условія, давно уже поняли всю тяжесть и нелѣпость многихъ изъ этихъ условій. Разные исходы придумывались, разныя средства употреблялись, чтобы чѣмъ нибудь оживить мертвость и гнилость нашей жизни; но все это было слабо и недѣйствительно. Наконецъ теперь появляются уже такія понятія и требованія, какія мы видимъ въ Еленѣ; требованія эти принимаются обществомъ съ сочувствіемъ; мало того — они стремятся къ дѣятельному осуществленію. Это значитъ, что ужь старая общественная рутина отживаетъ свой вѣкъ.

Выше мы намекнули, что рѣшимость и энергію сильной натуры убиваетъ у насъ еще въ самомъ началѣ то идиллическое восхищеніе всѣмъ на свѣтѣ, то расположеніе къ лѣнивому самодовольству и сонному покою, которое встрѣчаетъ каждый изъ насъ, еще ребенкомъ, во всемъ окружающемъ, и къ которому его тоже стараются пріучить всевозможными совѣтами и наставленіями. Но въ послѣднее время и это условіе сильно измѣнилось. Вездѣ и во всемъ замѣтно самосознаніе, вездѣ понята несостоятельность многаго въ старомъ порядкѣ вещей, вездѣ ждутъ перемѣнъ и исправленій, и никто уже не убаюкиваетъ своихъ дѣтей пѣснею о томъ, какое непостижимое совершенство представляетъ современный порядокъ дѣлъ въ каждомъ уголкѣ Россіи. Напротивъ, теперь каждый ждетъ, каждый надѣется, и дѣти теперь подростаютъ, напитываясь надеждами и мечтами лучшаго будущаго, а не привязываясь насильно къ трупу отжившаго прошедшаго. Когда придетъ ихъ чередъ приняться за дѣло, они уже внесутъ въ него ту энергію, послѣдовательность и гармонію сердца и мысли, о которыхъ мы едва могли пріобрѣсти теоретическое понятіе.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ЛЕГЕНДЫ.

(по поводу изданія г. Аѳанасьева, въ Москвѣ, 1860 г.).

Русская этнографія уже давно обратила вниманіе на памятники народной словесности, утверждая, что въ нихъ всего яснѣе опредѣляется характеръ народа, но до сихъ поръ она очень мало исполнила одну изъ главныхъ своихъ задачъ, именно изданіе самыхъ памятниковъ. Она довольствуется клочками пѣсенъ и преданій, часто подправленными и подрѣзанными для «приличія» самими издателями или по такъ называемымъ независящимъ причинамъ; примѣры перваго мы видѣли даже въ изданіяхъ офиціальныхъ ученыхъ обществъ, которыя несмотря на всю научную строгость своихъ взглядовъ не могутъ избавиться отъ академической щекотливости и печатаютъ только самыя невинныя народныя произведенія. Несмотря на то мы продолжаемъ говорить, что открываемъ въ нихъ духъ народа, забывая, что цѣлый оставшійся у насъ нетронутымъ уголъ этой области иногда представляетъ весьма курьезные образчики этого народнаго духа. Г. Аѳанасьевъ, сдѣлавшій недавно изданіе сказокъ, если не совсѣмъ удовлетворительное, то по крайней мѣрѣ имѣющее заслугу достовѣрности, перешелъ теперь къ одному изъ такихъ мало тронутыхъ отдѣловъ нашей народной словесности, и посвятилъ свою книжку народнымъ легендамъ, до сихъ поръ еще не имѣвшимъ собирателя.

Народныя произведенія далеко не такъ рѣзко отличаются другъ отъ друга, какъ отличаетъ ихъ этнографическая терминологія. Народныя пѣсни, повѣрья, преданья, сказки и т. д. принадлежатъ одному и тому же народному воображенію и создаются имъ безъ всякихъ литературныхъ правилъ, и потому безпрестанно смѣшиваются одинъ съ другими и по предмету и по изложенію, какъ что всѣ типы народной словесности незамѣтно переходятъ одинъ въ другой. Тѣмъ неменѣе каждый въ отдѣльности они имѣютъ какія нибудь пре-

обладающія особенности: *легенда* имѣетъ ту спеціальность, что останавливается исключительно на предметахъ, принадлежащихъ къ области христіанскихъ вѣрованій и религіозной морали;—самъ народъ не даетъ имъ, кажется, никакого особеннаго названія, но мы терминомъ *легенда* отличаемъ только одну часть его повѣрій, не касаясь нисколько православно-церковныхъ сказаній, по своему священному значенію и достовѣрности рѣшительно не принадлежащихъ къ разряду народныхъ повѣрій. И особенно о русскихъ легендахъ мы во всей статьѣ говоримъ въ смыслѣ только народныхъ повѣрій: замѣчаемъ это въ избѣжаніе перетолковъ людей легкомысленныхъ. Отъ самаго содержанія легенда имѣетъ серьёзный тонъ, который только въ послѣдствіи переходилъ иногда въ шутку, какъ мы увидимъ въ примѣрахъ г. Аѳанасьева. Легенды были поучительнымъ развлеченьемъ, и разсказыванье ихъ было дѣломъ благочестивымъ; иныя изъ нихъ имѣли пѣсенную форму и пѣлись нищими старцами при церквахъ и по дорогамъ.... Первоначальное происхожденіе легенды было, слѣдовательно, чисто христіанское; оно относится еще къ первымъ вѣкамъ распространенія христіанства: народное воображеніе скоро воспользовалось разсказами о жизни Спасителя, о подвигахъ его учениковъ; затѣмъ любопытство народа пошло и далѣе, оно остановилось на прошедшей исторіи человѣка, на сотвореніи міра и судьбѣ первыхъ людей, на загробной жизни, увлеклось наконецъ и тѣми личностями, которыя въ настоящую минуту поражали народъ возвышеннымъ характеромъ и святостью жизни, и такимъ образомъ мало по малу легенды составили большую массу преданій, которая наконецъ заняла важное мѣсто въ письменной литературѣ. По своему исключительно христіанскому содержанію легенда не имѣла въ первое время никакой частной національности, но стала болѣе или менѣе общимъ достояніемъ христіанскихъ народовъ. Это одно изъ ея существенныхъ качествъ. Но кромѣ общехристіанскихъ преданій, у разныхъ народовъ развивались еще частныя, мѣстныя легенды о чудесахъ и святыхъ; отсюда явились мѣстныя отличія легендъ, усиленныя еще потомъ раздѣленіемъ церквей.

Исторія народной легенды находится въ необходимой связи съ легендой литературной. Средніе вѣка были классическимъ временемъ легенды, въ теченіе ихъ она получила свое полное развитіе. Въ свѣжихъ народахъ Европы христіанство нашло сильный отзывъ; личности и событія священной исторіи заняли мѣсто языческой миѳологіи, хотя наивная безсознательность тогдашнихъ людей нерѣдко мѣшала языческое съ христіанскимъ и даже повторяла туже языческую старину подъ новыми формами. Особенная плодовитость легенды относится именно къ тому времени, когда новое ученіе на-

чало совершенно господствовать надъ умами, и событіе, въ которомъ всего ярче вышло наружу религіозное увлеченіе, подѣйствовало въ то же время всею силою на распространеніе легенды. Крестовые походы были чрезвычайно важнымъ фактомъ въ исторіи западно-европейской легенды. Еще гораздо раньше этого воинственнаго движенія въ Азію, Палестина была цѣлью множества благочестивыхъ странствованій; пилигримы со всей Европы отправлялись туда, пренебрегая трудностями опаснаго путешествія, и, возвращаясь на родину, приносили цѣлую массу разсказовъ о томъ, что они видѣли и слышали. Здѣсь переходили въ Европу старыя палестинскія преданья, отрывки византійскихъ сказаній, повѣрья о чудесахъ дальнихъ земель, но въ особенности тѣ исторіи, которыя связаны были съ предметомъ странствованія: легенды подробно и разнообразно разсказывали о жизни Спасителя, о подвигахъ святыхъ и мучениковъ. Подобное было и въ древней Россіи: странники ко святымъ мѣстамъ упоминаются у насъ уже въ XI столѣтіи, игуменъ Даніилъ видѣлъ въ Іерусалимѣ и другихъ русскихъ богомольцевъ изъ Кіева и изъ Новгорода; съ другой стороны и у насъ упоминаются странники изъ Палестины, какъ напримѣръ, въ житіи Ѳеодосія, — странники, можетъ быть, уходившіе тогда отъ преслѣдованій, которыя терпѣло христіанское населеніе Палестины. Мы имѣемъ положительныя историческія извѣстія о томъ, что наши странники именно заносили съ собой изъ путешествій то или другое сказанье, которое они или переводили съ чужихъ языковъ, или же записывали сами на память. Въ нашихъ былинахъ сохранилось очень любопытное описаніе пилигримскихъ путешествій, въ одной пѣснѣ Кирши Данилова, которая сама носитъ полный характеръ легенды. Вотъ какъ отправлялись въ путь старинные «калики перехожіе»:

А изъ пустыни было Ефиньевы,
Изъ монастыря изъ Боголюбова,
Начинали калики наряжатися
Ко святому граду Іерусалиму,
Сорокъ каликъ ихъ со каликою,
Становилися во единой кругъ,
Они думали думушку единую,
А едину думушку крѣпкую,
Выбирали большаго *атамана*,
Молода Касьяна сына Михайловича.
А и молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
Кладетъ онъ заповѣдь великую
На всѣхъ тѣхъ дородныхъ молодцевъ:
«А идтить намъ, братцы, дорога небližняя,
Идти будетъ во городу Іерусалиму,

Святой святынѣ помолитися,
Господню гробу приложитися,
Во Ердань-рѣкѣ искупатися,
Нетлѣнной ризой утеретися;
Идти селами и деревнями,
Городами тѣми съ пригородками, —
А въ томъ-то вѣдь заповѣдь положена:
Кто украдетъ, или кто солжетъ....
Атаманъ про то дѣло провѣдаетъ,
Едина оставить во чистомъ полѣ,
И вкопать по плеча во сыру землю».
И въ томъ-то вѣдь заповѣдь подписана,
Бѣлыя рученьки изприложены....
Пошли калики во Іерусалимъ градъ.
И идутъ недѣлю уже споряду,
Идутъ уже время не малое,
Подходятъ уже они подъ Кіевъ градъ,
Сверхъ тое рѣки Череги
На его потѣшныхъ на островахъ,
У великаго князя Владиміра.
А и вышли они изъ раменья,
Встрѣчу имъ-то Владиміръ князь....

Завидѣли его калики тутъ перехожіе,
Становилися во единой кругъ,
Клюки, посохи въ землю потыкали
А и сумочки изповѣсили,
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ.
Дрогнетъ матушка сыра земля,
Съ деревъ вершины попадали,
Подъ княземъ конь окорачился,
А богатыри съ коней попадали....
Едва пробудится Владиміръ князь,
Разсмотрѣлъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
Они-то ему поклонилися,
Великому князю Владиміру,
Прошаютъ у него святую милостыню,
А и чѣмъ бы молодцамъ душа спасти.

Это были люди, черезъ которыхъ въ особенности шла легенда. Наши нынѣшніе пилигримы до сихъ поръ собираются на богомолье толпами, артелями; они дѣлятъ удачи и неудачи путешествія, въ ихъ кругу составляется или запоминается легенда и потомъ расходится съ ними по цѣлому краю. Въ пѣснѣ Кирши Данилова артель богомольцевъ съ атаманомъ становится уже похожа на козацкій кругъ богатырей, но можно думать, что основаніе цѣлаго разсказа

и приведеннаго нами эпизода относятся еще къ глубокой старинѣ. Калика перехожій есть лицо очень обыкновенное въ нашей исторической былинѣ, и одно это могло бы убѣдить въ распространеніи русскаго паломничества, ежели бы мы не имѣли на это и положительныхъ указаній, въ которыхъ также нѣтъ недостатка.

Сказанія, разными путями пришедшія къ намъ, до такой степени обжились наконецъ въ новой средѣ, что становились почти національными произведеніями, превращались изъ легенды въ романъ, какъ преданья о Соломонѣ у нѣмцевъ, и такимъ образомъ теряли даже свой первоначальный священный смыслъ. Литературная исторія «Римскихъ Дѣяній», «Золотой легенды» и другихъ подобныхъ сборниковъ представляетъ весьма занимательные факты въ этомъ отношеніи. На западѣ легенда расходилась сначала на латинскомъ языкѣ, тогда общемъ языкѣ церкви; въ одно время съ первыми попытками западныхъ литературъ, легенда появилась и на народныхъ языкахъ, она излагалась въ поэтической формѣ и перешла даже въ народную поэзію и стала пѣсней: на Рейнѣ въ двѣнадцатомъ столѣтіи пѣлись сказанія о святомъ Анно, въ половинѣ четырнадцатаго вѣка слѣпцы пѣли на улицахъ чудеса святаго Николая. Что касается до нашей старинной легенды, она также имѣла свои литературные источники въ византійскихъ книгахъ, которыя уже давно начали у насъ переводиться; много могла почерпать народная легенда и изъ собственно русскихъ житій, огромное количество которыхъ до сихъ поръ остается мало разработаннымъ; наконецъ фантазія народа, могла работать сама подъ вліяніемъ утвердившихся религіозныхъ и нравственныхъ воззрѣній или по готовымъ прежнимъ образцамъ. Послѣднее даже необходимо признать, потому что для иныхъ народныхъ легендъ о Христѣ, апостолахъ и святыхъ до сихъ поръ не было найдено источниковъ въ древнихъ письменныхъ памятникахъ.

Условія появленія легенды оказались слѣдовательно въ старой русской жизни такъ же, какъ это было въ мірѣ романскомъ и нѣмецкомъ: было одно содержаніе христіанскихъ преданій и одно стремленіе переработать ихъ отчасти фантазіей. Но развитіе нашей и западной легенды было все-таки различно: послѣдняя выросла до такого же законченнаго поэтическаго цикла, въ какой сложились произведенія миѳическаго и рыцарскаго эпоса; легенда легко привилась къ литературѣ и скоро стала въ ней темой поэтическихъ варіацій, Гервинусъ опредѣляетъ ходъ ея образованія такими чертами. Въ поэтическихъ обработкахъ, говоритъ онъ, исторія Христа, его семейства и учениковъ, до святыхъ позднѣйшей эпохи, болѣе и болѣе сближала отдѣльные и разсѣянные сюжеты, и они сами собой соста-

вили цѣлый кругъ эпической, христіанской саги. Обзоръ этого легендарнаго цикла, чрезвычайно поучителенъ для пониманія развитія всѣхъ эпическихъ средневѣковыхъ сказаній, основанныхъ на исторіи; потому что, если разобрать эту христіанскую эпопею хронологически, по ея историческимъ основамъ и поэтическимъ обработкамъ, она развивается такъ же, какъ всякій другой свѣтскій эпосъ среднихъ вѣковъ, переходя отъ дѣйствительнаго и историческаго къ выдуманному и чудесному, отъ простоты къ разнообразію, отъ частнаго къ общему; мѣстность и лица давали поэзіи такую же свободу, какъ въ рыцарскихъ поэмахъ. Въ Христѣ является средоточіе, герой преданія, въ которомъ трудно было измѣнить внутренній смыслъ, къ которому можно было только внѣшнимъ образомъ прибавить новыя преданья. Когда этотъ основный предметъ былъ истощенъ поэтами, тогда перешли къ родственному содержанію Ветхаго Завѣта. Это можно сравнить съ соединеніемъ отдѣльныхъ или родственныхъ сагъ въ рыцарскомъ эпосѣ. Затѣмъ, распространяли первоначальный источникъ далѣе по бѣднымъ намекамъ, которые онъ давалъ, и здѣсь съ первымъ развитіемъ саги вошло въ нее апокрифическое. Объ нѣкоторыхъ изъ двѣнадцати ученикова были, правда, историческія преданья, но рядъ нужно было дополнить, и о комъ молчала исторія, о томъ говорила фантазія. Точно такъ въ рыцарскомъ эпосѣ мы находимъ, что Роландъ съ Карломъ и Гильдебрантъ съ Дитрихомъ были соединены уже въ первоначальномъ преданьи; но въ большей части того, что говорится о двѣнадцати перахъ, скорѣе можно подозрѣвать чистую выдумку, чѣмъ остатокъ историческаго преданія. Далѣе, къ каждой личности Новаго Завѣта прилагаемы были новыя сказанія, которыя часто обнаруживаютъ самую пустую выдумку, и все таки достигали огромной извѣстности и слѣдовательно популярности. Въ этомъ родѣ сочиняли исторіи объ антихристѣ, о Пилатѣ, объ Іудѣ, о Маріи: факты, имена, дѣйствія, которыя имъ приписываются, постоянно обнаруживаютъ подражаніе, заимствованіе, желаніе дополнить и прикрасить старыя легенды. Къ этимъ древнѣйшимъ сюжетамъ присоединился наконецъ цѣлый рядъ легендъ о святыхъ и мученикахъ изъ римскихъ и позднѣйшихъ временъ, но они остаются одинокими, какъ поздніе рыцарскіе романы не имѣютъ связи съ древнимъ эпическимъ цикломъ. Наконецъ, когда исчерпанъ былъ весь эпическій матеріалъ, переходятъ къ поучительной и лирической обработкѣ христіанскихъ преданій, какъ это было и въ свѣтской поэзіи.

Такого широкаго и самостоятельнаго развитія легенда не имѣла въ нашей старой литературѣ, главнымъ образомъ потому, что наши старые «списатели», какъ ихъ называли, привыкли дѣйствительно

больше списывать чужое и пользовались уже готовыми византійскими легендами. Количество легендъ, относящихся къ лицамъ евангельскимъ, у насъ было несравненно меньше, и главное, лишено самостоятельной обработки, хотя матеріалъ изданна былъ подъ руками. *Хронографы* и *Палеи*, представлявшіе священную и древнюю исторію, пришли къ намъ уже въ первые вѣка славяно-русской письменности отъ грековъ и южныхъ славянъ; священная исторія, которую они передавали, уже была прикрашена разсказами, перешедшими потомъ въ народную легенду. Также давно начали переводить у насъ *житія*, отдѣльныя и собранныя въ разнаго рода патерикахъ; литература древнихъ и новыхъ *апокрифовъ* была также очень знакома, но всѣмъ этимъ матеріаломъ у насъ очень мало воспользовались. Въ нашей литературѣ едва ли когда найдется что нибудь подобное тѣмъ эпопеямъ, которыя посвящены были на западѣ евангельскимъ лицамъ и событіямъ. Причина въ ограниченности литературнаго развитія вообще и въ различномъ направленіи религіозныхъ понятій: нашимъ старымъ людямъ не приходило въ голову дать легендѣ болѣе поэтическую форму, чѣмъ та, какую она получила въ первый разъ, — самый языкъ, на которомъ они читали и сами привыкли писать, былъ въ сущности языкъ чужой; окаменѣвшій въ церковномъ употребленіи, онъ не могъ идти на выраженіе задушевной мысли, необходимой въ поэтическомъ произведеніи. Господство славянскаго языка безъ сознѣнія убивало поэзію: единственный разъ, когда хотѣли имъ воспользоваться для поэзіи, онъ уложился только въ нелѣпыя вирши Симеона Полоцкаго и товарищей. При томъ у насъ, если не господствовало исключительно, то было въ большой силѣ чисто буквальное пониманіе того, что относилось къ религіознымъ вѣрованьямъ; въ книгѣ *церковной* видѣли всегда нѣчто догматическое, и какова была привязанность къ буквѣ, можно видѣть до настоящей минуты у раскольниковъ.

Но хотя благочестивая ревность и понимала поэзію по своему, она произвела много сказаній чисто русскихъ, въ которыхъ пробилась все-таки струя легендарной поэзіи.

Наконецъ источникомъ народной легенды были и преданья, шедшія не изъ книги, а жившія въ самомъ народѣ, какъ пѣсня и сказка: всего труднѣе опредѣлить пути, которыми проходили эти незатѣйливыя повѣсти до тѣхъ поръ, пока встрѣтились съ любопытствомъ ученыхъ собирателей. Здѣсь легенда отъ безпрестаннаго обращенія въ народѣ иногда смѣшивалась съ другими разсказами; въ ея христіанскіе разсказы влетались разныя посторонніе черты изъ старыхъ миѳическихъ воспоминаній: къ библейскому сказанію о сотвореніи міра, примѣшалась космогонія древ-

нихъ обрядныхъ пѣсенъ, въ исторію благочестивыхъ людей попали подробности изъ народныхъ сказокъ, въ преданья объ адѣ и раѣ вошли принадлежности новѣйшаго быта и т. д. Примѣры мы увидимъ въ легендахъ г. Аѳанасьева. Любопытно, что въ этихъ народныхъ легендахъ, различныя народности сходятся такимъ же поразительнымъ образомъ, какъ въ сказочномъ эпосѣ: легенды повторяются часто съ замѣчательной точностью.

Такимъ образомъ, по содержанію, народная легенда можетъ быть пріурочена или къ чужимъ переводнымъ сказаньямъ, или къ литературнымъ повѣстямъ чисто русскимъ, или наконецъ къ устнымъ преданьямъ, въ самомъ началѣ принадлежавшимъ къ области народной поэзіи. Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о томъ, какія формы принимало у насъ это общее легендарное содержаніе, и въ какихъ памятникахъ оно сохранялось и сохраняется въ народѣ. Во первыхъ большое количество легендъ оставалось всегда только въ формѣ житій (повторяемъ, что мы здѣсь разумѣемъ народныя, а не церковныя сказанія о житіяхъ святыхъ); нѣкоторыя изъ нихъ наиболѣе читались и нравились, и достигали слѣдовательно извѣстной популярности, особенно между грамотными людьми. Въ свое время чрезвычайно популярнымъ средствомъ распространенія подобныхъ легендъ были лубочныя картинки, которыя теперь исчезаютъ больше и больше. Лубочныя картинки, удовлетворявшія въ старину всѣмъ литературнымъ потребностямъ простолюдина, сообщали и наиболѣе любимыя легенды; въ нихъ можно найти Алексѣя Божія Человѣка, Богатаго и Лазаря, Георгія Побѣдоносца, Бориса и Глѣба, царевича Димитрія и т. д. Не менѣе плодовиты были эти картинки изложеніемъ христіанской морали въ притчахъ и примѣрахъ, какими пользуется иногда и легенда народная; они изображали страшный судъ, видѣнія о загробной жизни, разсказывали о пьяницахъ, вдавшихся бѣсу; о мученіяхъ немилостивыхъ людей послѣ смерти, о людяхъ умершихъ безъ покаянія и пр., однимъ словомъ предметъ картинокъ совершенно сходился здѣсь съ чисто легендарными мотивами. Намъ совершенно неизвѣстно, какъ давно появилась у насъ другая, болѣе оживленная форма легенды, — такъ называемые *стихи*. Эта форма уже прямо относится въ область народной поэзіи по своему колориту и внѣшности, но памятники не даютъ намъ возможности опредѣлить ясно, въ какое время произошло это перерожденіе народной легенды. Правда, мы встрѣчаемъ въ рукописяхъ разсказы, написанные совершенно въ тонѣ и размѣрѣ стиховъ, но они попадались до сихъ поръ только въ сборникахъ конца семнадцатаго и начала осьмнадцатаго вѣка. Замѣтимъ при этомъ, что въ стихахъ надобно отличать два

непохожіе разряда: одни по своему содержанію принадлежатъ безъ сомнѣнія къ очень древней эпохѣ, какъ стихъ о Голубиной книгѣ, и по языку совершенно народны; другіе ясно принадлежатъ позднѣйшимъ книжникамъ и сложены на довольно нескладномъ языкѣ, съ тяжелыми книжными выраженіями. Въ настоящее время, какъ безъ сомнѣнія и прежде, стихи являются спеціальностью нищихъ старцевъ и слѣпцовъ, которые поютъ ихъ въ большихъ собраніяхъ народа; тѣ изъ нихъ, которые были пограмотнѣе, были, вѣроятно, и сочинителями стиховъ. Легенды, заключающіяся въ стихахъ, собраны были въ первый разъ Кирѣевскимъ; онѣ относятся ко всѣмъ тѣмъ сюжетамъ, которые мы упоминали выше. Отчасти это космогоническія преданья, какъ стихъ о Голубиной книгѣ, въ которомъ наши этнографы отыскали слѣды древнѣйшихъ миѳическихъ преданій, какъ «Евангелистая» пѣсня, стихъ о Георгіѣ храбромъ. Другіе пересказываютъ книжныя легенды о святыхъ, какъ стихи о Елисаветѣ прекрасной, Николаѣ Святителѣ, Ѳедорѣ Тиронѣ, царевичѣ Іоасафѣ и т. д,, или сообщаютъ извѣстныя повѣрья о будущей жизни, страшномъ судѣ, раѣ и адѣ; въ нихъ встрѣчаются и сказанія о томъ, какъ Христосъ ходилъ между людьми,—нѣсколько подобныхъ мы найдемъ и въ изданіи г. Аѳанасьева. Наконецъ третьи, наиболѣе новые и слабые, наполнены нравственными сентенціями. Духовные стихи представляютъ вообще наиболѣе обработанную поэтическую форму нашей народной легенды, но, сколько намъ кажется, они извѣстны въ народѣ гораздо менѣе, чѣмъ другія произведенія народной словесности; быть можетъ народъ началъ уже забывать ихъ.

Далѣе, до настоящаго времени легенды живутъ въ народѣ въ видѣ простыхъ прозаическихъ разсказовъ. Переходя отъ одного къ другому, отъ поколѣнія къ поколѣнію, они не могли сохранить прочной формы, и больше, чѣмъ пѣсня или стихъ подвержены были измѣненіямъ. Разскащики мѣшали ихъ между собой, соединяли и раздѣляли, такъ что ученому собирателю нужно много вниманія, чтобы передать ихъ въ должномъ цѣломъ видѣ. Эти прозаическіе разсказы, ходящіе до сихъ поръ въ народѣ, предпринялъ издать г. Аѳанасьевъ.

Въ связи съ легендой стояли наконецъ и тѣ народныя произведенія, превосходный образчикъ которыхъ мы открыли недавно въ повѣсти о «Горѣ-Злочастіи». Ихъ соединяетъ благочестивое настроеніе разсказа, но послѣдняя гораздо болѣе обыкновенной легенды обращается къ дѣйствительной жизни, вводитъ картины нравовъ и другой стороной своей принадлежитъ къ чисто свѣтской поэзіи. Къ сожалѣнію повѣсть о «Горѣ» до сихъ поръ остается нѣ-

сколько одинокимъ явленіемъ въ своемъ родѣ и мы не можемъ опредѣлить, какъ много въ старину написано было подобныхъ вещей.

Итакъ, г. Аѳанасьевъ ограничился только простыми прозаическими легендами, сохраняемыми преданьемъ. Манера изданія осталась у него таже, какъ въ его сборникѣ сказокъ, то есть онъ собралъ подобные разсказы, записанные разными лицами въ разныхъ краяхъ Россіи, — между прочимъ, много записанныхъ г. Далемъ и самимъ издателемъ, — и печатаетъ ихъ въ томъ видѣ, какъ получилъ. Критика наша и прежде замѣтила недостаточность этого способа, вызывающаго, напримѣръ, такія возраженія: на сколько вѣрны списки, которыхъ издатель самъ не могъ провѣрить, и чѣмъ опредѣлитъ онъ распространеніе легенды, которую онъ относитъ къ какой нибудь одной мѣстности. Въ этомъ видѣ изложеніе легендъ становится очень случайнымъ: разсказчикъ, со словъ котораго пишется легенда, могъ дать ей иной тонъ, чѣмъ слѣдуетъ; могъ пропустить иныя подробности, которыя можно было бы дополнить на томъ же мѣстѣ отъ другихъ; мѣстное распредѣленіе легендъ или общая извѣстность ихъ остаются совершенно неопредѣлены.

Приведемъ теперь нѣсколько примѣровъ изъ книги г. Аѳанасьева, чтобы познакомить читателя съ различными типами легенды и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, какъ она связывается съ обыденной дѣйствительностью и понятіями простаго человѣка. Первое мѣсто занимаютъ легенды о хожденіи Христа и апостоловъ между людьми. Это одинъ изъ любимыхъ мотивовъ легенды вообще: Христосъ является на землю обыкновеннымъ человѣкомъ, чтобы испытывать людей и направлять ихъ на добрыя дѣла; средствомъ для этого обыкновенно бываетъ какое нибудь чудо. Такого рода исторія разсказывается о «Христовомъ братцѣ»:

«Одинъ старикъ, умирая, завѣщалъ своему сыну, чтобы онъ не забывалъ нищихъ. Вотъ на Свѣтлый день собрался онъ въ церковь и взялъ съ собой красныхъ яицъ христосоваться съ нищіей братіей, хоть и крѣпко забранилась на него мать, — а была она злая, къ бѣднымъ немилостивая. Въ церкви не достало ему одного яйца: оставался еще одинъ срамной нищій, и позвалъ его парень на домъ къ себѣ разговѣться. Какъ увидала мать нищаго, больно осерчала: лучше, говоритъ, со псомъ разговѣться, нежели съ такимъ срамнымъ старикомъ!» — и не стала разговляться. Вотъ сынъ со старикомъ разговѣлись и пошли отдохнуть. И видитъ сынъ: на старикѣ одежонка плохинькая, а крестъ какъ жаръ горитъ. «Давай, говоритъ старецъ, крестами мѣняться; будь ты мнѣ братъ крестовый!» — Нѣтъ, братъ, отвѣчаетъ парень, коли я захочу — такъ куплю себѣ эдакой крестъ, а тебѣ негдѣ взять. Однако старикъ уговорилъ парня помѣняться и позвалъ его къ себѣ въ гости во вторникъ на Святой. «А дорога, говоритъ, — вонъ ступай по той

дорожкѣ; скажи только: благослови, Господи! — такъ и дойдешь до меня.»

«Вотъ въ самый вторникъ вышелъ парень на тропинку, сказалъ: «благослови, Господи!» и пустился въ путь-дорогу. Прошелъ немного— и слышитъ дѣтскіе голоса: «Христовъ братецъ, скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Прошелъ еще немного — и видитъ: дѣвицы изъ колодца въ кододецъ воду переливаютъ «Христовъ братецъ, говорятъ онѣ ему, скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Идетъ онъ дальше — и видитъ тынъ, а подъ тѣмъ тыномъ виднѣются старики; всѣхъ иломъ занесло! И говорятъ они: «Христовъ братецъ, скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Идетъ все дальше — и вотъ усмотрѣлъ того самаго старца, съ которымъ вмѣстѣ онъ разговлялся. Старецъ у него спрашиваетъ: «не видалъ ли чего по дорогѣ?» Парень разсказалъ ему все, какъ было. «Ну, узналъ ли ты меня?» говоритъ старецъ — и только тутъ узналъ мужикъ, что это былъ самъ Господь Іисусъ Христосъ. «За что жь, Господи, младенцы мучатся?» — Ихъ мать во чревѣ прокляла, имъ въ рай и пройдти нельзя! «А дѣвицы?» — Онѣ молокомъ торговали, въ молоко воду мѣшали; теперь весь вѣкъ будутъ онѣ переливать воду! «А старики?» — Какъ жили они на бѣломъ свѣтѣ, такъ говорили: только бы на этомъ свѣтѣ хорошо пожить, а на томъ все равно — хоть тынъ нами подпирай! Вотъ они весь вѣкъ и будутъ стоять подъ тыномъ. Потомъ повелъ Христосъ мужика по раю и сказалъ, что тутъ и ему мѣсто уготовано (мужику и выйдти оттудова не хотѣлось!). А послѣ повелъ его къ аду, и сидитъ въ аду мать мужика; онъ и сталъ просить Христа: «помилуй ее, Господи!» Повелѣлъ ему Христосъ свить напередъ веревку изъ кострики. Мужикъ свилъ веревку изъ кострики: видно ужь Господь такъ далъ! Приноситъ ко Христу. «Ну, говоритъ онъ, ты вилъ эту веревку тридцать лѣтъ, довольно потрудился за свою мать — вытащи ее изъ ада». Сынъ кинулъ веревку къ матери, а та сидитъ въ смолѣ кипучей. Веревка не горитъ — такъ Богъ далъ! Сынъ совсѣмъ было вытащилъ свою мать, ужь за голову ее схватилъ, да она какъ крикнетъ на него: «ахъ ты, борзой кобель, совсѣмъ было удавилъ!» — веревка оборвалась и полетѣла грѣшница опять въ смолу кипучую. «Не хотѣла она, сказалъ Христосъ, и тутъ воздержать своего сердца; пусть же сидитъ въ аду вѣки вѣчные!»

Въ другихъ легендахъ Христосъ также принимаетъ на себя видъ нищаго старика, ходитъ по деревнямъ и испытываетъ людей. Одинъ разъ богатый мужикъ принялъ его дурно и едва пустилъ переночевать; на другое утро старикъ предложилъ мужику помочь ему молотить хлѣбъ; на току сложили полъ-одонья хлѣба, Христосъ зажегъ ихъ и отъ сгорѣвшаго хлѣба осталось чистое, богатое зерно. Когда Христосъ ушелъ, мужикъ попробовалъ сдѣлать тоже самъ, но хлѣбъ сгорѣлъ, огонь бросился на избы и произошелъ страшный пожаръ. Въ другой разъ Христосъ наградилъ мужика, который далъ ему хлѣ-

ба, тѣмъ, что изъ небольшаго мѣшка зерна намололось у него на мельницѣ столько, что мужикъ не зналъ куда и дѣвать. Христосъ странствовалъ или одинъ, или съ апостолами, или съ Николаемъ «милостивымъ»: онъ терпѣливо сноситъ ошибки слабыхъ людей, и своими чудесами обыкновенно направляетъ ихъ на путь истинный; но иногда онъ строго наказываетъ ихъ, — одного богатаго и немилостиваго мужика онъ обратилъ въ коня и отдалъ доброму бѣднику. Отношенія бѣдныхъ и богатыхъ, составляютъ чрезвычайно обыкновенный мотивъ подобныхъ легендъ; это обстоятельство прежде всего бываетъ на виду у простолюдина, и легенда утѣшаетъ его тѣмъ, что добрый бѣднякъ въ заключеніе всегда бываетъ награжденъ. Судьба иногда ошибается по видимому въ раздачѣ земныхъ благъ, посылаетъ сокровища богачу, который не умѣетъ ими пользоваться, прибавляетъ новыя нужды нищему, но за то небесное правосудіе вознаграждаетъ въ будущемъ каждаго по заслугамъ. Вотъ примѣръ:

«Идутъ Христосъ и апостолы по дорогѣ, а въ сторонѣ отъ нихъ сидитъ на пригоркѣ сѣрый волкъ; поклонился онъ Христу и сталъ просить себѣ ѣды: «Господи! завылъ, я ѣсть хочу». — Пойди, сказалъ ему Спаситель, къ бѣдной вдовѣ, съѣшь у нее корову съ теленкомъ. Апостолы усумнились и сказали: «Господи, за что же велѣлъ ты зарѣзать у бѣдной вдовы корову? Она такъ ласково приняла и накормила насъ; она такъ радовалась, ожидаючи отъ своей коровы теленочка: было бы у ней молочко — пропитаніе на свою семью». — Такъ тому быть должно! отвѣчалъ Спаситель, и пошли они дальше. Волкъ побѣжалъ и зарѣзалъ у бѣдной вдовы корову; какъ узнала о томъ старушка, она со смиреньемъ промолвила: «Богъ далъ, Богъ и взялъ; его святая воля!»

«Вотъ идутъ Христосъ и апостолы, а на встрѣчу имъ катится по дорогѣ бочка съ деньгами. Спаситель и говоритъ: «катись, бочка къ богатому мужику во дворъ!» Апостолы опять усумнились: «Господи! лучше бъ велѣлъ ты этой бочкѣ катиться во дворъ къ бѣдной вдовѣ; у богатаго и такъ всего много!» — Такъ тому быть должно! отвѣчалъ имъ Спаситель, и пошли они дальше. А бочка съ деньгами прикатилась прямо къ богатому мужику во дворъ; мужикъ взялъ припряталъ эти деньги, а самъ все недоволенъ: «хоть бы еще столько же послалъ Господь!» думаетъ про себя. Христосъ и апостолы идутъ себѣ да идутъ. Вотъ въ полдень стала большая жара, и захотѣлось апостоламъ испить. «Іисусе! мы пить хочемъ», говорятъ они Спасителю. «Ступайте, сказалъ Спаситель, вотъ по этой дорожкѣ, найдете колодезь и напейтеся».

«Апостолы пошли; шли, шли, и видятъ колодезь. Заглянули въ него: тамъ-то срамота, тамъ-то сквернота — жабы, змѣи, лягва (лягушки)... тамъ-то нехорошо! Апостолы, не напившись, скоро воротились назадъ къ Спасителю. «Что жь испили водицы?» спросилъ ихъ Христосъ. —

Нѣтъ, Господи! «Отчего?» — Да ты, Господи, указалъ намъ такой колодезь, что и посмотрѣть-то въ него страшно. Ничего не отвѣчалъ имъ Христосъ, и пошли они впередъ своею дорогою. Шли, шли; апостолы опять говорятъ Спасителю: «Іисусе! мы пить хочемъ». Послалъ ихъ Спаситель въ другую сторону: «вонъ видите колодезь, ступайте и напейтесь». Апостолы пришли къ другому колодезю: тамъ-то хорошо; тамъ-то прекрасно! ростутъ деревья чудесныя, поютъ птицы райскія, такъ бы и не ушелъ оттудова! Напились апостолы — а вода такая чистая, студеная да сладкая! — и воротились назадъ. «Что такъ долго не приходили?» спрашиваетъ ихъ Спаситель. — Мы только напились, отвѣчаютъ апостолы, да побыли тамъ всего три минуточки. «Не три минуточки вы тамъ побыли, а цѣлыхъ три года», сказалъ Господь. Каково въ первомъ колодезѣ — таково худо будетъ на томъ свѣтѣ богатому мужику, а каково у другаго колодезя — таково хорошо будетъ на томъ свѣтѣ бѣдной вдовѣ».

Въ нашемъ старинномъ переводѣ Римскихъ Дѣяній, находится извѣстный разсказъ о пустынникѣ (20-я глава подлинника), повторенный между прочимъ въ «Задигѣ»: пустынникъ странствуетъ съ ангеломъ, который совершаетъ на пути много несправедливостей и даже злодѣяній, задушаетъ ребенка у человѣка, гостепріимно ихъ принявшаго; убиваетъ человѣка, указавшаго имъ дорогу; даритъ золотой кубокъ поселянину, не давшему имъ ночлега—но все это оказывается необходимымъ по разсчетамъ высшей справедливости: смерть ребенка обратитъ къ добру отца, не раскаявшагося въ одномъ большомъ грѣхѣ; убитый путникъ спасается смертью отъ совершенія страшнаго преступленія и т. д. Эта же мысль развивается въ легендѣ объ ангелѣ, служившемъ въ батракахъ у попа. Ангелъ шелъ однажды по дорогѣ, началъ бросать камни на церковь, молился на кабакъ и бранилъ нищаго; прохожіе люди пошли жаловаться на него попу, но батракъ объяснилъ: надъ храмомъ божьимъ летала нечистая сила; въ кабакѣ собрался и пьянствовалъ народъ, не думая о смертномъ часѣ, и онъ молился, чтобы Господь не допустилъ ихъ до смертной погибели; нищій прячетъ свои деньги и только отбиваетъ милостину у другихъ. Эта религіозная казуистика могла зайти въ легенду изъ указаннаго нами источника, но легко могла быть придумана и самимъ народомъ.

Какъ Христосъ, ходятъ по землѣ и святые; въ легендахъ г. Аѳанасьева упоминаются св. Никола, Илья-пророкъ, св. Касьянъ, св. Пятница и особенно Егорій Храбрый, личность, особенно любимая народнымъ преданьемъ. Странствованія святыхъ, иногда разсказываются совершенно такъ же, какъ хожденіе Спасителя: святой Никола научаетъ одного жаднаго попа, который мало его уважалъ, и играетъ туже благодѣтельную роль, — разница только въ име-

нахъ. Въ другихъ случаяхъ вводятся любопытныя отношенія между святыми, — отношенія, принадлежащія, кажется, одной русской легендѣ, потому что русскій народъ весьма ревниво смотритъ за должнымъ почитаніемъ святыхъ. Напримѣръ, св. Никола покровительствовалъ одному мужику, который почиталъ его день, но за то совершенно забылъ Илью-пророка; послѣдній рѣшается наказать его, посылаетъ градъ на его поле, но Никола предупреждаетъ бѣду; Илья-пророкъ отнимаетъ у хлѣба спорынью, но св. Никола помогаетъ и здѣсь. Послѣднему легенда, согласно съ народными представленьями, приписываетъ больше силы и знанія. Очевидно, что въ этомъ случаѣ легенда составилась только для подтвержденія понятія, существовавшаго въ народѣ еще раньше. Любопытно видѣть, какъ народъ сочиняетъ легенду, чтобы объяснить себѣ простой фактъ, почему св. Касьяну поютъ молебны только въ высокосные года, а Николѣ два раза въ годъ. Они шли однажды по дорогѣ и встрѣтили мужика, который увязилъ свой возъ; Касьянъ не захотѣлъ помочь ему, чтобы не замарать своего райскаго платья, а Никола напротивъ помогъ мужику вытащить возъ.... Происхожденіе этихъ легендъ объясняется довольно просто. Онѣ проистекаютъ прямо изъ евангельскаго преданья, основа ихъ очень немногосложна и не нужно дѣлать никакихъ мудреныхъ предположеній, чтобы объяснить, почему онѣ такъ сходно повторяются у разныхъ народовъ. Чтобы воспользоваться личностью Спасителя для поэтическаго разсказа, легенда должна была только поставить ее между людьми, и характеръ преданья опредѣлялся самъ собой: Христосъ на землѣ могъ только примѣнять свое ученіе, и онъ или награждаетъ добрыхъ, или наказываетъ злыхъ. Дѣйствіе остается всегда въ кругу народной сельской жизни, какъ и всегда народныя произведенья рисуютъ только свой бытъ, свои обычаи и нравы. Другія легенды, какъ приведенныя нами преданья объ Ильѣ-пророкѣ, Николѣ и Касьянѣ, происходятъ изъ готовыхъ уже понятій и только даютъ имъ поэтическое объясненіе. Въ народѣ существовало, напримѣръ, убѣжденіе, что цыганъ не можетъ жить безъ воровства, и легенда разсказываетъ, что когда св. Георгій, принимавшій по нашимъ преданьямъ большое участіе въ управленіи земными дѣлами, спрашивалъ на небѣ о томъ, чѣмъ жить цыгану, ему сказано было прямо, что цыганъ тѣмъ и будетъ живъ, что украдетъ. Въ преданьѣ о св. Пятницѣ, баба, работавшая въ день этой святой, была наказана и получила прощеніе только тогда, когда обѣщала поставить ей свѣчку и не работать по пятницамъ. Легенды о святомъ Георгіи, собранныя у г. Аѳанасьева далеко не полно, представляютъ больше трудностей для объясненія; вѣроятно онѣ уже очень давно вошли въ об-

ласть народнаго воображенія и соединились съ другими повѣрьями изъ нашего миѳическаго эпоса, такъ что содержаніе ихъ несравненно обширнѣе и сложнѣе, чѣмъ содержаніе обыкновенной легенды. Наконецъ, легенда о царевичѣ Евстафіѣ перешла въ народъ изъ рукописныхъ житій; повѣсть «о царѣ Агеѣ» напечатана издателемъ прямо изъ рукописи, какъ совершенно подходящая подъ разрядъ легендъ, тѣмъ болѣе, что въ народѣ нашелся очень близкій варіантъ этого разсказа: происхожденіе его однако несомнѣнно книжное. Точно также взятъ изъ книги извѣстный разсказъ о томъ, какъ монахъ успѣлъ между заутреней и обѣдней съѣздить въ Іерусалимъ на бѣсѣ, котораго онъ поймалъ въ рукомойникѣ. Чтобы кончить съ новозавѣтными личностями легенды замѣтимъ еще, что въ изданіи г. Аѳанасьева мы не находимъ преданій о Богородицѣ, хотя нельзя сказать, чтобы ихъ не было въ народѣ. Эта часть легенды далеко не получила въ русскомъ народѣ такого обширнаго развитія, какъ на западѣ. Тамъ это была любимая личность католическаго преданья и легендарной литературы; почитаніе Мадонны сдѣлалось однимъ изъ господствующихъ догматовъ народной религіи, и отсюда произошла цѣлая масса разнообразныхъ легендъ: у насъ соотвѣтствуетъ имъ только небольшое число общенародныхъ сказаній. Часть ихъ собрана въ «стихахъ» г. Кирѣевскаго; сборникъ г. Аѳанасьева не даетъ здѣсь почти ничего.

Изъ лицъ ветхозавѣтныхъ, легенды г. Аѳанасьева говорятъ только о Соломонѣ и объ Ноѣ. Первый по своей извѣстной мудрости спасается изъ ада, сказавши бѣсамъ, что онъ хочетъ построить въ аду монастырь; это небольшой эпизодъ изъ цѣлаго круга сказаній о Соломонѣ, ходившихъ въ старину и безъ сомнѣнія теперь еще извѣстныхъ въ народѣ. Въ легендѣ о Ноѣ смѣшаны различные разсказы. Въ началѣ передается извѣстная еще изъ Кирилла Туровскаго притча о хромомъ и слѣпомъ, которые крали плоды въ саду; Господь на нихъ разгнѣвался и рѣшился сотворить Ноя праведнаго. Ной и жена его Евга представляютъ очевидно первыхъ людей. Господь приставилъ къ Ною голую собаку, чтобы она никого не пускала его смотрѣть, но дьяволъ обѣщалъ собакѣ шубу и она показала ему Ноя. Чтобы очистить землю, Богъ посылаетъ *потопу;* дьяволъ старается помѣшать постройкѣ ковчега; потомъ успѣваетъ попасть обманомъ въ ковчегъ, и обернувшись мышью прогрызаетъ дно; ковчегъ былъ спасенъ ужомъ, который заткнулъ головой отверстіе, которое проточила мышь. Когда кончился потопъ, Богъ, а за нимъ дьяволъ начали засѣвать землю, доставая песку со дна морскаго. Въ одномъ варіантѣ этого преданья говорится, что гдѣ Богъ бросалъ

землю, она выходила гладко и плоско (какъ святая Русь), а что чортъ побѣжалъ отъ Бога, и гдѣ приляжетъ, кашлянетъ и спотыкнется, тамъ выростали пригорки и высокія горы. Такимъ образомъ народъ считаетъ созданіе русской равнины дѣломъ совершенно правильнымъ, а незнакомыя и не любимыя имъ горы понимаетъ только какъ дѣло бѣса. Любопытно также въ этой легендѣ, что когда Ной спросилъ Бога, какъ можетъ онъ одинъ съ женой населить землю, Господь велѣлъ ему свалять мужиковъ изъ глины, а господъ изъ пшеничнаго тѣста. Разсказъ напоминаетъ Девкаліона и Пирру греческой миѳологіи, дѣлавшихъ людей изъ камня, но русскій человѣкъ приноровилъ его къ своимъ отношеніямъ и далъ своимъ господамъ болѣе щепетильное происхожденіе. Наконецъ Ной спрашиваетъ: какъ же имъ жить? Богъ далъ имъ топоры и срубилъ имъ избы: «живите, вотъ вамъ избы!» Господи, на чемъ же намъ работать? Далъ Господь лошадь, связалъ оброть (узду) и хомутъ. Онъ поймалъ лошадь и запрегъ ее: «вотъ вамъ, говоритъ, изба, лошадь, упряжь; живите да меня хвалите».... Такъ начинается исторія по народнымъ понятіямъ; народный бытъ является готовымъ вдругъ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ теперь. Въ созданіи человѣка и первыхъ условій жизни, народъ видѣлъ непосредственное участіе Бога, онъ видитъ его и потомъ въ каждомъ фактѣ своей судьбы. Легенда надолго сохраняетъ этотъ мало-созпательный взглядъ на природу и человѣка, оставшійся отъ очень старой поры; легенда, приведенная нами, могла составиться или войти въ народъ въ самое первое время по введеніи христіанства; нѣкоторыя подробности ея находятся уже въ очень старыхъ памятникахъ нашей письменности. Въ этомъ отношеніи былъ бы весьма любопытенъ разборъ «Палеи», хронографовъ и древнихъ переводныхъ апокрифовъ. Съ другой стороны подробное сличеніе христіанскихъ преданій о созданіи міра съ остатками древнѣйшихъ миѳическихъ представленій народа покажетъ, что многое уцѣлѣло и было передѣлано народомъ еще изъ языческихъ вѣрованій: его пантеистическая миѳологія также видѣла во всей природѣ и на всемъ ходѣ жизни человѣка дѣйствіе сверхъестественной силы. Какимъ образомъ возможно было это смѣшеніе началъ столько противоположныхъ, мы можемъ наблюдать и до сихъ поръ въ народѣ, который почитаетъ св. Николу и вѣритъ въ домовыхъ. По введеніи христіанства народустарались обыкновенно представлять языческія божества, какъ травестированныхъ злыхъ духовъ; онъ и вѣрилъ отчасти этому, — такъ Несторъ называетъ Перуна бѣсомъ: но такъ было не всегда, — домовой не сдѣлался бѣсомъ; онъ остался въ народныхъ понятіяхъ существомъ независимымъ, способ-

нымъ и на зло, и на добро. Въ процессѣ перехода къ христіанству народъ не бросаетъ преданья вдругъ, потому что слишкомъ привыкъ къ нимъ; онъ только измѣняетъ и дополняетъ ихъ потомъ, и они живутъ удивительно долго; еще для насъ возможно выслѣдить ихъ за нѣсколько столѣтій назадъ. Вымираніе преданій начинается съ вымираніемъ стараго быта; преданье начинаетъ терять силу, когда народъ выходитъ изъ прежней сферы, когда начинаетъ больше вдумываться въ жизнь, когда пословицей его становится: «на Бога надѣйся, а самъ не плошай», и когда старые призраки обращаются для него въ шутку.

Мы думаемъ, что нынѣшнія легенды нашего народа уже представляютъ въ значительной степени шуточный элементъ этого рода. Таковъ, напримѣръ, длинный разсказъ, сообщенный у г. Аоанасьева во множествѣ варіантовъ и слѣдовательно очень любимый народомъ, — о похожденіяхъ солдата въ аду и въ раю, его встрѣчѣ со смертью, которая не можетъ его одолѣть и которой онъ повелѣваетъ. Солдатъ не хочетъ идти въ рай, потому что ему сказали, что тамъ ни вина, ни табаку нѣтъ, а просто царство небесное; и когда ему пришлось отправиться въ адъ, онъ расположился въ уголку, наколотилъ въ стѣну гвоздей, развѣшалъ аммуницію и закурилъ трубку. Въ аду не стало прохода отъ солдата, никого не пускаетъ мимо своего добра: «не ходить! видишь, казенныя вещи лежатъ». Черти могли отдѣлаться отъ него только тѣмъ, что обманули его, забивши въ барабанъ тревогу; когда солдатъ выбѣжалъ изъ ада, они заперли за нимъ двери и больше не пустили. Онъ держитъ смерть у себя въ торбѣ, не пускаетъ ее морить людей и заставляетъ точить старые дубы. Словомъ, все для него обращается въ шутку, ничего онъ не боится, и никто не можетъ ему ничего сдѣлать. Мы не думаемъ, чтобы легенда могла быть очень стара въ этомъ видѣ, даже исключая безпардонный характеръ солдата, составляющій, конечно, типъ изъ новой русской жизни; если нѣкоторыя подробности легенды носятъ характеръ старины, то въ древнемъ разсказѣ они имѣли безъ сомнѣнія болѣе положительный смыслъ. Обращаясь въ балагурство, легенда упадаетъ; изъ нея дѣлается анекдотъ, «не любое слушай», то есть, нѣчто вовсе не похожее на первое преданье; въ религіозномъ отношеніи, очень существенномъ въ легендѣ, она становится совершенно безразлична. Очень любопытный образецъ подобнаго настроенія легенды представляетъ повѣсть «о бражникѣ», напечатанная въ изданіи по старой рукописи. Бражникъ, то есть по нынѣшнему пьяница, человѣкъ, какъ оказывается не глупый, приходитъ въ рай; св. Петръ его не пускаетъ. Кто же ты, спрашиваетъ онъ, и узнавши, что это Петръ, говоритъ, что онъ неспра-

водливо гонитъ его изъ рая, когда въ жизни три раза отрекался отъ Христа, — «а я хотя и бражникъ — но всѣ дни божіе пилъ и за всякимъ корцомъ имя Господне прославлялъ, а не отрекался отъ него». Петръ отошелъ отъ воротъ съ сомнѣніемъ. Точно такъ же укоряетъ бражникъ царя Давида его грѣхами, а Іоанна Богослова недостаткомъ любви, которую онъ самъ проповѣдывалъ, и въ заключеніе бражникъ попадаетъ въ рай. Легенда обратилась здѣсь скорѣе въ апологію бражничества, которую наши предки придумали не безъ нѣкотораго остроумія.

Бѣсы также часто выводятся на сценѣ въ легендѣ, отчасти въ комическомъ видѣ, какъ мы видѣли въ похожденіяхъ солдата. Насмѣшливый взглядъ на чертей довольно распространенъ и слѣдовательно, не стоитъ въ легендѣ одиноко; черти, какъ извѣстно, поминаются въ народномъ разговорѣ на каждомъ шагу, и въ легендѣ они являются также довольно фамильярнымъ лицомъ, даже съ собственными именами, какъ чортъ Потанька въ двухъ легендахъ г. Аѳанасьева. Кромѣ шутливыхъ разсказовъ о чертяхъ, въ легендѣ сохранились отголоски древнихъ патериковъ; изъ житій старинныхъ аскетовъ перешли напримѣръ въ легенду разсказы о томъ, какъ бѣсъ являлся къ пустыннику, принимая на себя видъ старца-монаха, соблазнялъ его на пьянство, приходилъ въ образѣ женщины: старецъ поддается обману, онъ уже помолодѣлъ, готовъ вѣнчаться, но въ ту минуту, когда надѣваютъ на молодыхъ вѣнцы, онъ не можетъ удержаться и кладетъ на себя крестное знаменіе, и видитъ, что надъ нимъ нагнута осина, а на ней петля (легенда «о пустынникѣ»). Черти не менѣе другихъ требуютъ къ себѣ уваженія отъ людей и мстятъ имъ за насмѣшки и ругательства. Въ доказательство этого легенда разсказываетъ о чортѣ, который былъ нарисованъ въ кузницѣ; старикъ, отецъ кузнеца, жилъ съ нимъ въ ладахъ (по народному повѣрью кузнецы бываютъ часто въ дружбѣ съ чертями, конечно, по ихъ наружному сходству), но сынъ, какъ ни придетъ на работу, то вмѣсто ласковаго слова ударитъ чорта молотомъ въ лобъ и тогда берется за дѣло. Чортъ не выдержалъ, обернулся молодымъ парнемъ, пошелъ въ службу къ кузнецу и до тѣхъ поръ строилъ ему козни, пока наконецъ хозяинъ побожился, что никогда не подниметъ на чорта молота и будетъ оказывать ему всякую почесть. Легенда любопытнымъ образомъ сходится съ народнымъ предразсудкомъ, который даетъ чорту какое-то независимое значеніе и считаетъ дѣйствительно нужнымъ не обижать его: извѣстенъ народный анекдотъ о набожной старухѣ, которая ставила свѣчки и святымъ и чорту, нарисованному на картинѣ страшнаго суда. Г. Аѳанасьевъ приводитъ еще особенный образецъ легенды,

совершенно похожій на обыкновенную сказку: черти живутъ во дворцѣ, какъ сказочные волшебники, похищаютъ дѣвицъ, и забываютъ отчасти свои адскія занятія. Читатель, знакомый съ волшебнымъ міромъ нашихъ сказокъ, отличитъ въ приводимомъ разсказѣ эти сказочныя подробности.

«Жилъ-былъ старикъ, да такой горькой пьяница, что и сказать нельзя. Вотъ забрался онъ какъ-то въ кабакъ, упился зелена вина, и поплелся во хмѣлю домой, а путь-то лежалъ черезъ рѣку; подошелъ къ рѣкѣ, не сталъ долго думать, скинулъ съ себя сапоги, повѣсилъ на шею и побрелъ по водѣ; только дошелъ до средины — спотыкнулся о камень, упалъ въ воду, да и поминай, какъ звали!

«Остался у него сынъ Петруша. Видитъ Петруша, что отецъ пропалъ безъ вѣсти, потужилъ, поплакалъ, отслужилъ за упокой души панихиду и принялся хозяйничать. Разъ въ воскресный день пошелъ онъ въ церковь Богу помолиться. Идетъ себѣ по дорогѣ, а впереди его тащится баба: шла-шла, спотыкнулась о камышекъ и заругалась: «кой чортъ тебя подъ ноги суетъ!» Петруша услыхалъ такія рѣчи и говоритъ: «здорово, тетка! куды путь держишь?» — Въ церковь, родимой, Богу молиться. «Какъ же тебѣ не грѣшно: идешь въ церковь Богу молиться, а поминаешь нечистаго! сама спотыкнулась, да на чорта сваливаешь....» Ну, отслушалъ онъ обѣдню и пошелъ домой; шелъ-шелъ, и вдругъ откуда ни возьмись — сталъ передъ нимъ молодецъ, поклонился и говоритъ: «спасибо тебѣ, Петруша, на добромъ словѣ!»—Кто ты таковъ и за что благодарствуешь? спрашиваетъ Петруша. «Я дьяволъ; а тебѣ благодарствую за то, что какъ спотыкнулась баба да облаяла меня понапрасну, такъ ты замолвилъ за меня доброе слово». И началъ просить: «побывай де, Петруша, ко мнѣ въ гости; я тебя во-какъ награжу! и сребромъ и златомъ, всѣмъ надѣлю!» — Хорошо, говоритъ Петруша, побываю. Дьяволъ разсказалъ ему про дорогу и пропалъ въ одну минуту, а Петруша воротился домой.

«На другой день собрался Петруша въ гости къ дьяволу; шелъ-шелъ, цѣлыхъ три дня шелъ, и пришелъ въ большой лѣсъ, дремучій да темный — и неба не видать! А въ томъ лѣсу стоялъ богатой дворецъ. Вотъ онъ вошелъ во дворецъ, и увидѣла его красная дѣвица — выкрадена была нечистыми изъ одного села; увидѣла его и спрашиваетъ: «зачѣмъ пожаловалъ сюда, доброй молодецъ? здѣсь черти живутъ, они тебя въ клочки разорвутъ». Петруша разсказалъ ей, какъ и зачѣмъ попалъ въ этотъ дворецъ. «Ну, смотри же, говоритъ ему красная дѣвица, станетъ давать тебѣ дьяволъ золото и серебро — ты ничего не бери, а проси, чтобъ подарилъ тебѣ того самаго ледащаго коня, на которомъ нечистые дрова и воду возятъ. Этотъ конь — твой отецъ; какъ шелъ онъ изъ кабака пьяной да упалъ въ воду, черти тотчасъ подхватили его, сдѣлали своей лошадью, да и возятъ теперь на немъ дрова и воду!» Тутъ пришелъ тотъ самой молодецъ, что звалъ Петрушу въ гости, и принялся угощать его всякими напитками и на-

ѣдками. Пришло время отправляться Петрушѣ домой. «Пойдемъ, сказалъ ему дьяволъ, я надѣлю тебя деньгами и славною лошадью, живо до дому доѣдешь». — Ничего мнѣ не нужно, отвѣчалъ Петруша; а коли хочешь дарить — подари ту ледащую кляченку, на которой у васъ дрова и воду возятъ. «Куда тебѣ эта кляча! скоро ли на ней до дому доберешься, она того и смотри околѣетъ!» — Все равно, подари; окромя ея, другой не возьму. Отдалъ ему дьяволъ худую кляченку. Петруша взялъ и повелъ ее за узду. Только за ворота, а на встрѣчу ему красная дѣвица: «что досталъ лошадь?» — Досталъ. «Ну, доброй молодецъ, какъ придешь подъ свою деревню — сними съ себя крестъ, очерти кругомъ этой лошади три раза и повѣсь ей крестъ на голову». Петруша поклонился и отправился въ путь; пришелъ подъ свою деревню — и сдѣлалъ все, что научила его эта дѣвица: снялъ съ себя мѣдный крестъ, очертилъ кругомъ лошади три раза и повѣсилъ ей крестъ на голову. И вдругъ лошади не стало, а намѣсто ея стоялъ передъ Петрушою родной его отецъ. Посмотрѣлъ сынъ на отца, залился горючими слезами и повелъ его въ свою избу; старикъ-атъ три дня жилъ безъ говору, языкомъ не владалъ. Ну, послѣ стали они себѣ жить во всякомъ добрѣ и счастіи. Старикъ совсѣмъ позабылъ про пьянство; и до самаго послѣдняго дня ни капли вина не пилъ.»

Рай и адъ народъ представляетъ себѣ, какъ извѣстно, чисто внѣшнимъ образомъ. Картина страшнаго суда, пришедшая къ намъ изъ Византіи вмѣстѣ съ христіанствомъ, на тысячу лѣтъ осталась у насъ самымъ популярнымъ изображеніемъ будущей жизни. Разнообразныя муки огнемъ, въ разныхъ мудреныхъ положеніяхъ, до сихъ поръ пугаютъ воображеніе простолюдина. Въ одной легендѣ описывается утонченное мученіе, «кумова кровать», огненная, на колесахъ, вся вертится; ея боятся самые черти. Преданья о загробной жизни разсказываются въ легендахъ о странствованіяхъ «обмиравшихъ» людей на томъ свѣтѣ; г. Кулишъ напечаталъ интересныя малорусскія преданья объ этомъ предметѣ. Въ нашей легендѣ, одинъ царь, милостивый къ нищимъ, принялъ Христа, въ образѣ убогаго старика, и за то удостоился видѣть загробную жизнь, райскіе сады и муки грѣшниковъ: одни изъ колодца въ колодецъ воду переливаютъ,—то виномъ торговали и народъ обмѣривали; что изъ печи жаръ выгребаютъ — то ростовщики, сребролюбцы; что стоятъ голые, стѣну собой подпираютъ — то клеветники, ябедники и проч. (стр. 125). Любопытный разсказъ подобнаго рода г. Аѳанасьевъ могъ бы найти въ старинныхъ рукописяхъ; старое «хожденіе Богородицы по мукамъ», и теперь весьма извѣстное въ народѣ, особенно у раскольниковъ, дополнило бы приведенныя имъ повѣрья. Быть можетъ оно связываетъ наше преданье съ древними византійскими легендами.... Рай есть мѣсто такой неописанной красоты, что человѣкъ, попадающій туда, совершенно забываетъ о времени, — пред-

ставленіе, общее намъ съ западными народами. У насъ разсказываютъ, что одинъ добрый и набожный крестьянскій сынъ побратался со старцемъ-скитникомъ; отецъ сосваталъ ему невѣсту, но онъ не хотѣлъ жениться и ушелъ изъ родительскаго дома. На пути онъ встрѣтился съ тѣмъ же старцемъ, и старецъ привелъ его въ свой садъ: ему казалось, что онъ пробылъ въ саду только три минуты, а былъ онъ въ саду триста годовъ. Это былъ рай.

Иногда въ основу легенды кладется чисто дидактическая мысль, такъ что сюжетъ или басня легенды занимаетъ уже второстепенное мѣсто. Легенда разсказываетъ, напримѣръ, какая судьба ожидаетъ людей себялюбивыхъ, неблагочестивыхъ и пьяницъ: первый не имѣетъ передъ смертью даже времени раздать свое имущество нищимъ, второму пустынникъ предсказываетъ неудачу во всѣхъ дѣлахъ, потому что онъ начинаетъ ихъ безъ молитвы; третьему муку вѣчную, что пьетъ, не зная ни постовъ, ни праздниковъ. Въ другой легендѣ описывается смерть праведника и смерть грѣшника: къ первому смерть приходитъ ожиданная, съ ангелами, — вынули душу, положили на золотую тарелку и съ херувимской пѣснью понесли въ рай; къ другому смерть приходитъ среди пѣсень и пустой болтовни и поражаетъ его молотомъ въ голову. Замѣтимъ еще третью легенду, о томъ, какъ одинъ парень совершилъ три смертные грѣха, чтобы достать кладъ, который безъ этого недавался въ руки, и какъ послѣ парень совѣтовался со «скитниками» и по ихъ совѣту отмаливалъ свое преступленіе:

«Шелъ онъ, шелъ, и попалъ въ большой дремучій лѣсъ; увидалъ тропинку, пустился по этой тропинкѣ и пришелъ къ кельѣ; началъ стучаться, пустынникъ его и спрашиваетъ: «кто тамъ?» — Грѣшникъ, святый отче! «Подожди, молитву окончу». Окончилъ молитву, вышелъ изъ кельи и спрашиваетъ: «куда Богъ несетъ? и что надобно?» Разсказалъ ему странникъ. «Это грѣхъ великой! не вѣдаю, можно ли отмолить его; ступай-ка ты по этой дорожкѣ, и дойдешь до другой кельи — тамъ живетъ пустынникъ старѣй меня вдвое; можетъ онъ тебѣ и скажетъ....» Пошелъ странникъ дальше и дальше, приходитъ къ кельѣ и опять стучится. Пустынникъ стоялъ тогда на молитвѣ. «Кто тамъ?» спрашиваетъ. — Грѣшникъ, святый отче? «Подожди, молитву окончу». Окончилъ молитву, вышелъ и спрашиваетъ: что за грѣшникъ такой? Странникъ разсказалъ про все. «Коли хочешь отмаливать свои грѣхи, сказалъ ему пустынникъ, такъ пойдемъ со мною». Далъ ему топоръ и повелъ къ толстой березѣ: «свали ка эту березу и разруби ее на три части». Тотъ свалилъ березу съ корня и разрубилъ на три части. Пустынникъ зажегъ эти три бревна; вотъ они горѣли-горѣли, и остались только три малыя головешки. «Закопай ты эти головешки въ землю, и день и ночь поливай ихъ водою!» сказалъ пустынникъ и

ушелъ. Грѣшникъ зарылъ три головешки въ землю и началъ поливать ихъ и день, и ночь; годъ поливалъ, и другой, и третій... долго-долго трудился: двѣ головешки ужь пустили отростки, а третья нѣтъ какъ нѣтъ! Пришелъ къ нему пустынникъ, видитъ: выросло двѣ березки, и говоритъ: «Богъ простилъ тебѣ два грѣха, а третьяго ты еще не замолилъ у Господа. Вотъ тебѣ стадо черныхъ овецъ, паси его да молись Богу до тѣхъ поръ, пока не станутъ всѣ овцы бѣлыми». Погналъ грѣшникъ овецъ, пасетъ годъ, и другой, и третій, много молится, много трудовъ несетъ — только овцы все остаются черными.

«Вотъ сталъ мимо его по зарѣ ѣздить какой-то человѣкъ: ѣдетъ себѣ и всякой разъ распѣваетъ веселыя пѣсни. «Дай спрошу, думаетъ грѣшникъ, что это за человѣкъ ѣздитъ?» Вышелъ на дорогу, подождалъ немножко и видитъ: подъѣзжаетъ тотъ самой человѣкъ и поетъ пѣсню. Онъ сейчасъ схватилъ его лошадь за узду, остановилъ и спрашиваетъ: «кто ты таковъ и зачѣмъ поешь эдакія пѣсни?» — Я разбойникъ, ѣзжу по дорогамъ и убиваю людей; чѣмъ больше убью за ночь, тѣмъ веселѣе пѣсню пою. Не утерпѣлъ пастухъ, размахнулся своей дубинкою и убилъ разбойника наповалъ. «Ахъ, что же я надѣлалъ? говоритъ онъ, одного еще грѣха не отмолилъ, а ужь другой грѣхъ нажилъ!» Воротился къ овцамъ, а онѣ всѣ бѣлыя; пригналъ овецъ къ пустыннику и разсказалъ все, что съ нимъ было. Пустынникъ и говоритъ: «это за тебя міръ умолилъ Бога!»

Подробности разсказа взяты чисто изъ русской жизни, и онъ становится столько же похожъ на легенду, сколько на сцену изъ народнаго быта. Отыскиванье кладовъ подъ условіемъ смертнаго грѣха чрезвычайно извѣстно въ русскихъ повѣрьяхъ; скитники по дремучимъ лѣсамъ, задачи, которыя они задаютъ грѣшнику, молитва міра, все это черты въ старомъ русскомъ вкусѣ. Эти такъ сказать бытовыя легенды по своей манерѣ и содержанію довольно замѣтно отдѣляются отъ другихъ преданій, и происхожденіе ихъ не столько зависитъ отъ религіознаго вѣрованія, сколько отъ обращенія народа къ собственной жизни: это нравоученіе, извлеченное не изъ догматической морали, а изъ самаго быта. Въ изданіи г. Аѳанасьева напечатана еще другая чисто-бытовая легенда, на которую мы также обратимъ вниманіе читателя; она любопытна по символическому взгляду народа на обстановку его домашняго быта.

«Шелъ прохожій и выпросился ночевать къ одному дворнику. Накормили его ужиномъ, и улегся онъ спать на лавочку. У этого дворника было три сына, всѣ женатые. Вотъ послѣ ужина разошлись они съ женами спать въ особыя клѣти, а старикъ-хозяинъ взобрался на печку. Прохожій проснулся ночью и увидалъ на столѣ разной гадъ; не стерпѣлъ такой срамоты, вышелъ изъ избы вонъ и зашелъ въ ту клѣть, гдѣ спалъ большой хозяйской сынъ; здѣсь увидалъ, что дубинка бьется отъ полу до самаго потолка. Ужаснулся и перешелъ въ другую клѣть,

гдѣ спалъ середній сынъ; посмотрѣлъ, а межъ имъ и женою лежитъ змій и дышетъ на нихъ. «Дай еще испытаю третьяго сына», подумалъ прохожій и пошелъ въ иную клѣть; тутъ увидалъ куницу: перескакиваетъ съ мужа на жену, съ жены на мужа. Далъ имъ спокой и отправился въ поле; легъ подъ зородъ (стогъ) сѣна, и послышалось ему — будто какой человѣкъ въ сѣнѣ стонетъ и говоритъ: «тошно животу (скотинѣ) моему! ахъ, тошно животу моему!» Прохожій испугался и легъ было подъ суслонъ (*) ржаной; и тутъ послышалъ голосъ, кричитъ: «постой, возьми меня съ собой!» Не поспалось прохожему, воротился къ старику-хозяину въ избу, и зачалъ его старикъ спрашивать: «гдѣ былъ, прохожій?» Онъ пересказалъ старику все видѣнное да слышанное: «на столѣ, говоритъ, нашелъ я разной гадъ, — оттого, что послѣ ужина невѣстки твои ничего благословясь не собрали и не покрыли; у большаго сына бьется въ клѣти дубинка, — это оттого, что хочется ему большакомъ быть, да малые братья не слушаются: бьется-то не дубинка, а умъ-разумъ его; промежъ середняго сына и жены его видѣлъ змія, — это потому, что другъ на друга вражду имѣютъ; у меньшаго сына видѣлъ куницу, — значитъ, у него съ женой благодать Божія, живутъ въ добромъ согласіи; въ сѣнѣ слышалъ стонъ, — это потому: коли кто польстится на чужое сѣно, скоситъ да смететъ въ одно мѣсто съ своимъ, тады чужое-то давитъ свое, а свое стонетъ, да и животу тяжело; а что колосье кричало: постой, возьми меня съ собой! — это, которое съ полосы не собрано, оно-де говоритъ: пропаду, соберите меня!» А послѣ сказалъ прохожій старику: «наблюдай, хозяинъ, за своей семьею: большому сыну отдай большину и во всемъ ему помогай; середняго сына съ женою разговаривай, чтобы жили совѣстнѣе; чужаго сѣна не коси, а колосье съ полосъ собирай до чиста».

Мы пересмотрѣли довольно подробно содержаніе книжки изданной г. Аѳанасьевымъ; но изъ нея еще далеко не вполнѣ раскрывается русскій легендарный міръ. Для полнаго обзора его, кромѣ новыхъ народныхъ легендъ, нужна еще разработка рукописнаго матеріала, изъ котораго г. Аѳанасьевъ взялъ только три-четыре повѣсти, но въ которомъ остается еще богатое разнообразіе преданій, особенно расходившихся у насъ въ послѣдніе два вѣка старой Россіи. Въ эту эпоху уже твердо складывался характеръ народа, его гражданскія и религіозныя понятія, которыя остались потомъ нетронуты реформой въ продолженіе XVIII-го столѣтія и продолжаютъ жить до нынѣшняго времени, когда они уже сильнѣе начали поддаваться новымъ вліяніямъ и въ иныхъ мѣстахъ уже изглаживаются. Именно отъ шестнадцатаго и семнадцатаго вѣка осталось намъ довольно много чисто легендарныхъ произведеній, которыя съ успѣхомъ могли бы замѣнить недостатокъ другихъ литературныхъ памят-

(*) Нѣсколько сноповъ хлѣба, складенныхъ въ кучу (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 221).

никовъ, какъ указатель того, что и какъ думалъ народъ въ то время. Необходимо замѣтить также и тѣ литературныя вещи, которыя остались въ ходу у раскольниковъ; они издавна дорожатъ стариной и въ самомъ дѣлѣ сберегли ее (конечно, какъ учитъ православная церковь, сберегли старину только по внѣшности, а не смыслу) иногда лучше нашихъ библіотекъ и древлехранилищъ. Они сберегли ее не только въ своемъ быту, гдѣ до послѣдняго времени живьемъ сохранились древніе старцы и скитники, о которыхъ разсказываетъ легенда, и аскетически суровыя представленія о благочестивой жизни; но они сберегли старину и въ преданьяхъ и рукописяхъ, гдѣ старые апокрифическіе разсказы, общіе вѣроятно цѣлому народу полтора вѣка тому назадъ, теперь нашли себѣ исключительное мѣсто. Многія преданья получали въ расколѣ почти догматическую силу, — такъ они врѣзывались въ народныя понятія; возможно, слѣдовательно, ожидать, что преданье хорошо уцѣлѣетъ въ подобной средѣ: у раскольниковъ всего лучше сохранилась извѣстная Голубиная книга, въ народѣ уже полузабытая.

Другую сторону легенды, необходимую при общемъ обозрѣніи этого разряда народныхъ памятниковъ, заключаютъ такъ называемые стихи. По своей поэтической или стихотворной формѣ, стихи выше другихъ легендъ; замкнутая форма стиха заставляла его больше держаться его первоначальнаго вида, и не подчиняться портящему вліянію народной болтовни, которая начинаетъ примѣшивать въ разсказъ много посторонняго и съ которой не умѣютъ справиться наши собиратели. Мы замѣтили уже, что, за исключеніемъ древнихъ общенародныхъ пѣсень, стихъ отчасти одолженъ своимъ существованіемъ нашимъ слѣпцамъ, которые собираются на богомольяхъ; отчасти это произведеніе раскольниковъ, и потому быть можетъ, тонъ его бываетъ суровѣе, чѣмъ тонъ легендъ, разсказываемыхъ самимъ народомъ, который отбрасываетъ излишній фанатизмъ благочестія. Прочтите въ изданіи Кирѣевскаго стихи о грѣшной душѣ, о прощаньи души съ тѣломъ, смертномъ часѣ, о вѣчной мукѣ: вездѣ суровыя рѣчи о мщеніи и за одно наружное неблагочестіе, — о такомъ мщеніи, которому конца и мѣры не будетъ:

«Вы въ церковь Божію не хаживали,
Заблудящимъ дороги не показывали,
И вы мертвыхъ въ гробахъ не проваживали,
За то-то сослалъ Богъ вамъ муку вѣчную,
Муку вѣчную, безконечную» (стихъ 25-й).

Стихъ смотритъ на жизнь съ мрачной точки зрѣнія; его составлялъ озлобленный жизнью бѣднякъ, или закоренѣлый суевѣръ,

признающій въ мірѣ одинъ грѣхъ, или просто раскольникъ съ его упрямой враждой ко всему новому. Нынѣшній «прелестный» (т. е. исполненный соблазна) и «злой» міръ уже близокъ къ погибели:

«Пришло времечко гонимо:
Народился злой антихристъ,
Во всю землю онъ веселился,
Во весь міръ онъ воружился,
Стали его волю творити:
Власы, бороды стали брити,
Латынскую одежду носити,
Распроклятую траву пити (т. е. курить табакъ).

Людямъ остается только покинуть этотъ міръ и послѣдовать совѣту, который даетъ сочинитель стиха:

«Вы бѣгите въ темные лѣса,
Зарывайтеся песками,
Рудожелтыми хрящами,
Помирайте вы гладомъ:
Вы не умрете, — оживете
Моего царствія не минете (ст. 42-й).

Эта исповѣдь аскетизма очень характерна въ отношеніи къ расколу стараго и новаго времени, какъ вообще легенда стиха любопытна по особенности ея религіознаго настроенія. Г. Аѳанасьевъ мало коснулся этого отдѣла и вообще изъ «стиховъ» привелъ только новый варіантъ для стиха о Георгіѣ Храбромъ, уже извѣстнаго.

Такимъ образомъ изданіе г. Аѳанасьева ограничилось только частью русской легенды; мы бы желали поэтому, чтобы онъ продолжалъ изданіе и обратилъ вниманіе на другіе легендарные источники, о которыхъ мы говорили. Иначе, заключенія о нашей легендѣ, которыя стали бы выводить по его книгѣ, были бы очень неполны, и слѣдовательно невѣрны. Что касается до исполненія изданія, мы недоумѣвали, что хотѣлъ сдѣлать г. Аѳанасьевъ — популярное ли чтеніе изъ легендъ, то есть выборъ болѣе изящнаго и любопытнаго, или ученое изданіе того матеріала, который былъ у него подъ руками. Для перваго нужно было выбирать замѣчательнѣйшія вещи изъ цѣлой легендарной литературы, рукописной и народной, но этого въ книгѣ нѣтъ, слѣдовательно, онъ дѣлалъ изданіе ученое. Легенды въ самомъ дѣлѣ снабжены варіантами, сличеніями и такъ далѣе, но для достиженія ученой цѣли мы желали бы и другихъ пріемовъ. Въ легендѣ любопытна не только сама легенда, но и способъ ея образованія, ея исторія, распространеніе, ея смыслъ для народа: что въ ней своего и чужаго, какъ давно она извѣстна, что въ ней наиболѣе серьёзно для народа. Издатель, самъ обращавшійся въ народѣ и записывавшій легенды, могъ бы отвѣ-

чать на нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, но онъ касается ихъ очень мало, а больше занимается любимыми миѳическими изысканіями.... Сравненія съ легендами другихъ народовъ конечно интересны, но мы такъ къ нимъ привыкли, что желали бы наконецъ другаго, напримѣръ, чтобы намъ показали различіе легендъ по разнымъ народностямъ. Нельзя же думать, что легенды совершенно похожи у всѣхъ народовъ; тогда бы не стоило труда изучать ихъ у каждаго въ такой подробности. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на все сходство, русская легенда въ цѣломъ оставитъ другое впечатлѣніе, чѣмъ итальянская или нѣмецкая; слѣдовательно каждая имѣетъ свой характеръ, и мы думаемъ, что его возможно опредѣлить. При сходствѣ миѳа, народная жизнь кладетъ свою печать на его изложеніе; историческія событія, проходящія черезъ народное сознаніе, задѣваютъ и легенду, и она необходимо получаетъ черты отдѣльныя, своеобразныя. Это дѣлается яснѣе, когда мы беремъ крайнія особенности легендарной поэзіи: фанатическій стихъ раскольника окажется тѣсно привязаннымъ къ русской почвѣ и для него не нужно искать сравненій; въ его религіозномъ настроеніи мы увидимъ нѣчто оригинальное. Легенда вообще простонародна; выводимыя ею личности дѣйствуютъ среди народа, въ обстановкѣ его быта, — но отчего въ русской легендѣ разсказъ изъ простонародности впадаетъ нерѣдко въ какую-то тяжелую грубоватость не только слова, но и представленія (грубоватость слова въ иныхъ случаяхъ придали ей, кажется, сами неловкіе записыватели), которая очень замѣтна читателю? Мы найдемъ и въ самомъ содержаніи легенды много вопросовъ, требующихъ объясненія, и для него нужна была бы иная программа изслѣдованія, чѣмъ принятая г. Аѳанасьевымъ. Въ нашей старой литературѣ и народѣ легенда идетъ съ давнихъ поръ и при недостаткахъ литературнаго и поэтическаго развитія въ письменности оставалась едва ли неглавной пищей для народнаго ума. Древнее язычество, литература и нравы Византіи, общественныя отношенія и религіозныя смуты допетровской Россіи и даже старинное невѣжество, всѣ обстоятельства, дававшія тонъ цѣлой народной жизни, оставили свои слѣды и на легендѣ, въ ея формѣ и въ содержаніи.

Мы слышали, что книга г. Аѳанасьева по новости сюжета имѣла большой успѣхъ, даже между людьми, которые прежде мало занимались подобными вещами: заключить ли изъ этого, что наше общество стало искренно интересоваться народной жизнью?

А. ПЫПИНЪ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Кобзарь. Тараса Шевченка. Коштомъ Платона Семеренка. Спб. 1860 г.

Появленіе стихотвореній Шевченка интересно не для однихъ только страстныхъ приверженцевъ малороссійской литературы, но и для всякаго любителя истинной поэзіи. Его произведенія интересуютъ насъ совершенно независимо отъ стараго спора о томъ, возможна ли малороссійская литература: споръ этотъ относился къ литературѣ книжной, общественной, цивилизованной, — какъ хотите называйте, — но во всякомъ случаѣ къ литературѣ искусственной, а стихотворенія Шевченка именно тѣмъ и отличаются, что въ нихъ искусственнаго ничего нѣтъ. Конечно, по-малороссійски не выйдетъ хорошо «Онѣгинъ» или «Герой нашего времени», такъ же какъ не выйдутъ статьи г. Безобразова объ аристократіи или моральныя статьи г-жи Туръ о французскомъ обществѣ. Конечно, всѣ эти статьи можно перевести и на малороссійскій языкъ, но считать этотъ языкъ дѣйствительно малороссійскимъ будетъ великое заблужденіе. Тѣ малороссы, которымъ доступно все, что занимаетъ Онѣгина и г-жу Туръ, говорятъ уже почти по-русски, усвоивши себѣ весь кругъ названій предметовъ, постепенно образовавшійся въ русскомъ языкѣ цивилизаціею высшихъ классовъ общества. Настоящіе же малороссы, свободные отъ вліянія русскаго языка, такъ же чужды языку книжной литературы, какъ и наши простолюдины. Вѣдь и у насъ языкъ литературы — собственно не русскій, и черезъ сто лѣтъ надъ нами, конечно, будутъ такъ же смѣяться, какъ мы теперь смѣемся

надъ языкомъ *ассамблей* петровскаго времени. Но у насъ безтолковая смѣсь пяти языковъ организовалась довольно скоро и составила то, что̀ мы теперь называемъ языкомъ образованнаго общества. Это оттого во-первыхъ, что намъ ужь рѣшительно нечѣмъ было взяться: новыя понятія и новые предметы врываются толпой, назвать ихъ не умѣемъ, да и около насъ негдѣ взять; а между тѣмъ названіе нужно, во что бы то ни стало. Поневолѣ брали готовое или выдумывали, какъ попадется. Во-вторыхъ, книжныя понятія и слова хотя и не прошли въ народъ, но все-таки захватили у насъ довольно значительную часть общества и проникли въ законодательство. Въ Малороссіи эта масса общества, занятаго литературнымъ языкомъ, несравненно меньше, да нѣтъ имъ такой нужды перевертывать на свой ладъ каждое названіе вновь являющагося у нихъ предмета: они получаютъ эти названія не изъ какого нибудь латинскаго языка, — гдѣ ужь какъ ни бейся, а надобно «us» отбросить и дать слову свое склоненіе, — а изъ языка родственнаго, имѣющаго почти тѣ же формы. Такимъ образомъ слова, принятыя въ русскомъ, цѣликомъ входятъ въ малороссійскій языкъ, и случается встрѣчать такія малороссійскія статьи, въ которыхъ почти только *що*, *ажъ*, *бо*, *чи*, и тому подобныя частицы и напоминаютъ объ особенностяхъ нарѣчія.

Но само собою разумѣется, что никто не откажетъ малороссійскому, какъ и всякому другому, народу въ правѣ и способности говорить своимъ языкомъ о предметахъ своихъ нуждъ, стремленій и воспоминаній, никто не откажется признать народную поэзію Малороссіи. И къ этой-то поэзіи должны быть отнесены стихотворенія Шевченка. Онъ — поэтъ совершенно народный, такой, какого мы не можемъ указать у себя. Даже Кольцовъ нейдетъ съ нимъ въ сравненіе, потому что складомъ своихъ мыслей и даже своими стремленіями иногда отдаляется отъ народа. У Шевченка, напротивъ, весь кругъ его думъ и сочувствій находится въ совершенномъ соотвѣтствіи со смысломъ и строемъ народной жизни. Онъ вышелъ изъ народа, жилъ съ народомъ, и не только мыслью, но и обстоятельствами жизни былъ съ нимъ крѣпко и кровно связанъ. Былъ онъ и въ кругу *образованнаго* общества, малорусскаго и великорусскаго, но долгое время встрѣчалъ въ немъ лишь отталкивающую презрительную грубость, притѣсненія, насилія, несправедливость, и за то, при первыхъ же лучахъ нравственнаго, свободнаго сознанія, тѣмъ сильнѣе устремился онъ душою къ своей бѣдной родинѣ, припоминая ея сказанія, повторяя ея пѣсни, представляя себѣ ея жизнь и природу. Что вытерпѣлъ Шевченко въ юныхъ лѣтахъ и на чемъ воспитывался умъ и талантъ его, объ этомъ онъ самъ разсказалъ недавно въ письмѣ къ одному изъ редакторовъ «Народнаго Чтенія»

(Нар. Чт. 1860 г. кн. II, стр. 229—236). Мы рѣшаемся привести почти все это письмо, полагая, что разсказы о судьбѣ людей, подобныхъ Шевченку, должны получать самую широкую извѣстность въ нашей публикѣ. Вотъ разсказъ Шевченка:

«Я — сынъ крѣпостнаго крестьянина, Григорія Шевченка. Родился въ 1814 году февраля 25, въ селѣ Кириловкѣ, Звенигородскаго уѣзда Кіевской губерніи, въ имѣніи одного помѣщика. Лишившись отца и матери на осьмомъ году жизни, пріютился я въ школѣ у приходскаго дьячка, въ видѣ школяра-*попи́хача*. Эти школяры въ отношеніи къ дьячкамъ то же самое, что мальчики, отданные родителями, или иною властью, на выучку къ ремесленникамъ. Права̀ надъ ними ма̀стера не имѣютъ никакихъ опредѣленныхъ границъ: они — полные рабы его. Всѣ домашнія работы и выполненіе всевозможныхъ прихотей самого хозяина и его домашнихъ лежатъ на нихъ безусловно. Предоставляю вашему воображенію представить, чего могъ требовать отъ меня дьячокъ, — замѣтьте, горькій пьяница, — и что̀ я долженъ былъ исполнять съ рабской покорностію, не имѣя ни единаго существа въ мірѣ, которое заботилось бы, или могло заботиться, о моемъ положеніи. Какъ бы то ни было, только въ теченіе двухъ-лѣтней тяжкой жизни въ такъ называемой школѣ, прошелъ я *Грама́тку*, *Часло́вець* и наконецъ Псалтырь. Подъ конецъ моего школьнаго курса, дьячокъ посылалъ меня читать, вмѣсто себя, Псалтырь по усопшихъ крѣпостныхъ душахъ и благоволилъ платить мнѣ за то десятую копѣйку, въ видѣ поощренія. Моя помощь доставляла суровому моему учителю возможность предаваться больше прежняго любимому своему занятію, вмѣстѣ съ своимъ другомъ Іоною Лимаремъ, такъ что, по возвращеніи отъ молитвословнаго подвига, я почти всегда находилъ ихъ обоихъ мертвецки пьяными. Дьячокъ мой обходился жестоко не со мною однимъ, но и съ другими, и мы всѣ глубоко его ненавидѣли. Безтолковая его придирчивость сдѣлала насъ въ отношеніи къ нему лукавыми и мстительными. Мы надували его при всякомъ удобномъ случаѣ и дѣлали ему всевозможныя пакости. Этотъ первый деспотъ, на котораго я наткнулся въ моей жизни, поселилъ во мнѣ на всю жизнь глубокое отвращеніе и презрѣніе ко всякому насилію одного человѣка надъ другимъ. Мое дѣтское сердце было оскорблено этимъ исчадіемъ деспотическихъ семинарій милліонъ разъ, и я кончилъ съ нимъ такъ, какъ вообще оканчиваютъ выведенные изъ терпѣнія беззащитные люди, — местью и бѣгствомъ. Найдя его однажды безчувственно пьянымъ, я употребилъ противъ него собственное его оружіе — розги и, на сколько хватило дѣтскихъ силъ, отплатилъ ему за всѣ его жестокости. Изъ всѣхъ пожитковъ пьяницы дьячка драгоцѣннѣйшею вещью казалась мнѣ всегда какая-то книжечка съ *кушитками*, то есть гравированными картинками, вѣроятно самой плохой работы. Я не счелъ грѣхомъ или не устоялъ противъ искушенія — похитить эту драгоцѣнность, и ночью бѣжалъ въ мѣстечко Лысянку.

«Тамъ я нашелъ себѣ новаго учителя въ особѣ маляра-діакона, который, какъ я скоро убѣдился, очень мало отличался своими правилами и обычаями отъ моего перваго наставника. Три дня я терпѣливо таскалъ на гору ведрами воду изъ рѣчки Тикача и растиралъ на желѣзномъ листѣ краску мѣдянку. На четвертый день терпѣнье мнѣ измѣнило, и я бѣжалъ въ село Тарасовку къ дьячку-маляру, славившемуся въ околоткѣ изображеніемъ великомученика Никиты и Ивана Воина. Къ сему-то Апеллесу обратился я, съ твердою рѣшимостью — перенести всѣ испытанія, какъ думалъ я тогда, неразлучныя со всякою наукою. Усвоить себѣ его великое искусство хоть въ самой малой степени желалъ я страстно. Но — увы! — Апеллесъ посмотрѣлъ внимательно на мою лѣвую руку и отказалъ мнѣ наотрѣзъ. Онъ объявилъ мнѣ, къ моему крайнему огорченію, что во мнѣ нѣтъ способности ни къ чему, ни даже къ *шевству* или *бо́ндарству*.

«Потерявъ всякую надежду сдѣлаться когда нибудь хоть посредственнымъ маляромъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ возвратился я въ родное село. У меня была въ виду скромная участь, которой мое воображеніе придавало однакожь какую-то простодушную прелесть: я хотѣлъ сдѣлаться, какъ выражается Гомеръ, «пастыремъ стадъ непорочнымъ», съ тѣмъ, чтобы, ходя за громадскою *ватагою*, читать свою любезную краденную книжку съ кунштиками. Но и это не удалось мнѣ. Помѣщику, только-что наслѣдовавшему достояніе отца своего, понадобился расторопный мальчикъ, и оборванный школяръ-бродяга попалъ прямо въ тиковую куртку, въ такіе же шаровары и наконецъ — въ комнатные козачки.

«Изобрѣтеніе комнатныхъ козачковъ принадлежитъ цивилизаторамъ заднѣпровской Украйны—полякамъ; помѣщики иныхъ національностей перенимали и перенимаютъ у нихъ козачковъ, какъ выдумку, неоспоримо умную. Въ краю нѣкогда козацкомъ сдѣлать козака ручнымъ съ самаго дѣтства — это то же самое, что въ Лапландіи покорить произволу человѣка быстроногаго оленя... Польскіе помѣщики былаго времени содержали козачковъ, кромѣ лакейства, еще въ качествѣ музыкантовъ и танцоровъ. Козачки играли для панской потѣхи веселыя двусмысленныя пѣсенки, сочиненныя народною музою съ горя подъ пьяную руку, и пускались передъ панами, какъ говорятъ поляки, *сюды-туды-навприсюды*. Новѣйшіе представители вельможной шляхты, съ чувствомъ просвѣщенной гордости, называютъ это покровительствомъ украинской народности, которымъ-де всегда отличались ихъ предки. Мой помѣщикъ, въ качествѣ русскаго нѣмца, смотрѣлъ на козачка болѣе практическимъ взглядомъ и, покровительствуя моей народности на свой маперъ, вмѣнилъ мнѣ въ обязанность только молчаніе и неподвижность въ уголку передней, пока не раздастся его голосъ, повелѣвающій подать стоящую тутъ же возлѣ него трубку, или налить у него передъ носомъ стаканъ воды. По врожденной мнѣ продерзости характера, я нарушалъ барскій наказъ, напѣвая чуть слышнымъ голосомъ гайдамацкія унылыя пѣсни и срисовывая украдкою картины суздальской школы,

украшавшія панскіе покои. Рисовалъ я карандашомъ, который — признаюсь въ этомъ безъ всякой совѣсти — укралъ у конторщика.

«Баринъ мой былъ человѣкъ дѣятельный: онъ безпрестанно ѣздилъ то въ Кіевъ, то въ Вильно, то въ Петербургъ и таскалъ за собой въ обозѣ меня, для сидѣнья въ передней, подаванья трубки и тому подобныхъ надобностей. Нельзя сказать, чтобъ я тяготился своимъ тогдашнимъ положеніемъ: оно только теперь приводитъ меня въ ужасъ и кажется мнѣ какимъ-то дикимъ и несвязнымъ сномъ. Вѣроятно многіе изъ русскаго народа посмотрятъ когда-то по-моему на свое прошедшее. Странствуя съ своимъ бариномъ съ одного постоялаго двора на другой, я пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ украсть со стѣны лубочную картинку и составилъ себѣ такимъ образомъ драгоцѣнную коллекцію. Особенными моими любимцами были историческіе герои, какъ-то: Соловей-Разбойникъ, Кульневъ, Кутузовъ, козакъ Платовъ и другіе. Впрочемъ не жажда стяжанія управляла мною, но непреодолимое желаніе срисовать съ нихъ какъ только возможно вѣрныя копіи.

«Однажды, во время пребыванія нашего въ Вильно, въ 1829 году, декабря 6, панъ и пани уѣхали на балъ въ такъ называемые *рессурсы* (дворянское собраніе), по случаю тезоименитства въ Бозѣ почившаго императора Николая Павловича. Въ домѣ все успокоилось, уснуло. Я зажегъ свѣчку въ уединенной комнатѣ, развернулъ свои краденныя сокровища и, выбравъ изъ нихъ козака Платова, принялся съ благоговѣніемъ копировать Время летѣло для меня незамѣтно. Уже я добрался до маленькихъ козачковъ, гарцующихъ около дюжихъ копытъ генеральскаго коня, какъ позади меня отворилась дверь, и вошелъ мой помѣщикъ, возратившійся съ бала. Онъ съ остервенѣніемъ выдралъ меня за уши и надавалъ пощочинъ — не за мое искусство, нѣтъ! (на искусство онъ не обратилъ вниманія), — а за то, что я могъ бы сжечь не только домъ, но и городъ. На другой день онъ велѣлъ кучеру Сидоркѣ выпороть меня хорошенько, что̀ и было исполнено съ достодолжнымъ усердіемъ.

«Въ 1832 году мнѣ исполнилось восемнадцать лѣтъ, и такъ какъ надежды моего помѣщика на мою лакейскую расторопность не оправдались, то онъ, внявъ неотступной моей просьбѣ, законтрактовалъ меня на четыре года разныхъ живописныхъ дѣлъ цеховому мастеру, нѣкоему Ширяеву, въ С. Петербургѣ. Ширяевъ соединялъ въ себѣ всѣ качества дьячка-спартанца, дьякона-маляра и другаго дьячка — хиромантика; но, не смотря на весь гнетъ тройственнаго его генія, я, въ свѣтлыя весеннія ночи, бѣгалъ въ Лѣтній садъ рисовать со статуй, украшающихъ сіе прямолинейное созданіе Петра. Въ одинъ изъ такихъ сеансовъ познакомился я съ художникомъ Иваномъ Максимовичемъ Сошенкомъ, съ которымъ и до сихъ поръ нахожусь въ самыхъ искреннихъ братскихъ отношеніяхъ. По совѣту Сошенка, я началъ пробовать акварелью портреты съ натуры. Для многочисленныхъ, грязныхъ пробъ, терпѣливо служилъ мнѣ моделью другой мой землякъ и другъ, козакъ Иванъ Ничипоренко, дворовый человѣкъ нашего помѣ-

ника. Однажды помѣщикъ увидѣлъ у Венецианова мою работу, и она ему до того понравилась, что онъ началъ употреблять меня для снятія портретовъ съ любимыхъ своихъ любовницъ, за которые иногда награждалъ меня цѣлымъ рублемъ серебра.

«Въ 1837 году Сошенко представилъ меня конференцъ-секретарю Академіи Художествъ, В. И. Григоровичу, съ просьбой — освободить меня отъ моей жалкой участи. Григоровичъ передалъ его просьбу В. А. Жуковскому. Тотъ сторговался предварительно съ моимъ помѣщикомъ и просилъ К. П. Брюлова написать съ него, Жуковскаго, портретъ, съ цѣлью разыграть его въ частной лотереѣ. Великій Брюловъ тотчасъ согласился, и вскорѣ портретъ Жуковскаго былъ у него готовъ. Жуковскій, съ помощію графа М. Ю. Віельгорскаго, устроилъ лотерею въ 2,500 рублей ассигнаціями, и этою цѣною куплена была моя свобода, въ 1838 году апрѣля 22.

«Съ того же дня началъ я посѣщать классы Академіи Художествъ и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ любимыхъ учениковъ-товарищей Брюлова. Въ 1844 году удостоился я званія свободнаго художника.

«О первыхъ литературныхъ моихъ опытахъ скажу только, что они начались въ томъ же Лѣтнемъ саду, въ свѣтлыя, безлунныя ночи. Украинская строгая муза долго чуждалась моего вкуса, извращеннаго жизнію въ школѣ, въ помѣщичьей передней, постоялыхъ дворахъ и въ городскихъ квартирахъ; но, когда дыханіе свободы возвратило моимъ чувствамъ чистоту первыхъ лѣтъ дѣтства, проведенныхъ подъ убогою батьковскою стрѣхою, она, спасибо ей, обняла и приласкала меня на чужой сторонѣ. Изъ первыхъ, слабыхъ моихъ опытовъ, написанныхъ въ Лѣтнемъ саду, напечатана только одна баллада *Причина*. Какъ и когда писались послѣдовавшія за нею стихотворенія, объ этомъ теперь я не чувствую охоты распространяться. Краткая исторія моей жизни, набросанная мною въ этомъ нестройномъ разсказѣ въ угожденіе вамъ, сказать правду, обошлась мнѣ дороже, чѣмъ я думалъ. Сколько лѣтъ потерянныхъ! сколько цвѣтовъ увядшихъ! И что же я купилъ у судьбы своими усиліями — не погибнуть? Едва ли не одно страшное уразумѣніе своего прошедшаго. Оно ужасно, оно тѣмъ болѣе для меня ужасно, что мои родные братья и сестра, о которыхъ мнѣ тяжело было вспоминать въ своемъ разсказѣ, до сихъ поръ—крѣпостные. Да, Милостивый Государь, они крѣпостные до сихъ поръ!»

Итакъ, вотъ какія впечатлѣнія ложились на душу юноши за предѣломъ простой жизни «подъ убогою батьковскою стрѣхою»; вотъ что встрѣтилъ онъ «въ школѣ, въ помѣщичьей передней, на постоялыхъ дворахъ и въ городскихъ квартирахъ»... Подобныя впечатлѣнія способны были убить юную душу, развратить всѣ нравственныя силы, загубить и затоптать человѣка. Но видно богато былъ одаренъ душевными силами этотъ мальчикъ, что онъ вышелъ, хоть и не совсѣмъ, можетъ быть, невредимо, изъ всего этого. А если ужъ

вышелъ, то онъ не могъ не обратиться къ своей Украйнѣ, не могъ не посвятить всего себя тому, что вѣяло на него святынею чистаго воспоминанія, что освѣжало и согрѣвало его въ самыя трудныя и темныя минуты жизни.... И онъ остался вѣренъ своимъ первоначальнымъ днямъ, вѣренъ своей Украйнѣ. Онъ поетъ преданія ея прошлой жизни, поетъ ея настоящее — не въ тѣхъ кругахъ, которые наслаждаются плодами новѣйшей русской цивилизаціи, а въ тѣхъ, гдѣ сохранилась безъискусственная простота жизни и близость къ природѣ. Оттого-то онъ такъ близокъ къ малороссійскимъ думамъ и пѣснямъ, оттого-то въ немъ такъ и слышно вѣянье народности. Онъ смѣло могъ сказать о своихъ думахъ:

Думи мої, думи мої,
Квіти мої, діти!
Виростав васъ, доглядавъ васъ,—
Де жъ мині васъ діти?
Въ Украіну идіть, діти,
Въ нашу Украіну,
По-підъ тиною, сиротами,
А я — тутъ загину.
Тамъ найдете щире сердце,
И слово ласкаве,
Тамъ найдете щиру правду,
А ще, може, й славу....
Привитай же, моя ненько,
Моя Украіно,
Моіхъ дітокъ неразумныхъ,
Якъ свою дитину.»

И мы не сомнѣваемся, что Украйна съ восторгомъ приметъ «Кобзаря», давно ужь ей, впрочемъ, знакомаго. Онъ близокъ къ народной пѣснѣ, а извѣстно, что въ пѣснѣ вылилась вся прошедшая судьба, весь настоящій характеръ Украйны; пѣсня и дума составляютъ тамъ народную святыню, лучшее достояніе украинской жизни. Въ нихъ горитъ любовь къ родинѣ, блещетъ слава прошедшихъ подвиговъ; въ нихъ дышетъ и чистое, нѣжное чувство женской любви, особенно любви материнской; въ нихъ же выражается и та тревожная оглядка на жизнь, которая заставляетъ козака, свободнаго отъ битвы, «искать свою долю». Весь кругъ жизненныхъ, насущныхъ интересовъ охватывается въ пѣснѣ, сливается съ нею, и безъ нея сама жизнь дѣлается невозможною. По словамъ Шевченка, —

Наша дума, наша пісня,
Не вмре, не загине....

Отъ де, люде, наша слава,
Слава Украіни!
Безъ золота, безъ каменю,
Безъ хитроі мови,
А голосна та правдива,
Якъ Господа слово.

У Шевченка мы находимъ всѣ элементы украинской народной пѣсни. Ея историческія судьбы внушили ему цѣлую поэму «Гайдамаки», чудно-разнообразную, живую, полную силы и совершенно вѣрную народному характеру или по крайней мѣрѣ характеру малороссійскихъ историческихъ думъ. Поэтъ совершенно проникается настроеніемъ эпохи, и только въ лирическихъ отступленіяхъ виденъ современный разскащикъ. Онъ не отступилъ, напр., предъ изображеніемъ того случая, какъ гайдамацкій герой Гонта убиваетъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей, узнавъ, что ихъ сдѣлали католиками въ іезуитскомъ коллегіумѣ; онъ долго останавливается надъ этимъ эпизодомъ и съ любовью рисуетъ подробности и послѣдствія убійства. Не отступилъ онъ и предъ изображеніемъ произведенныхъ гайдаками ужасовъ, въ главѣ «Бенкетъ у Лисянци»; не отступилъ и предъ трудною задачею воспроизвести народныя сцены въ Чигиринѣ (въ главѣ: «Свято въ Чигирини»). Много надо поэтической силы, чтобы приняться за такіе предметы и не измѣнить имъ ни однимъ стихомъ, не внести своего, современнаго воззрѣнія ни въ одномъ намекѣ. А Шевченко именно выполнилъ свое дѣло такъ, что во всей поэмѣ сохранено полное единство и совершенная вѣрность характеру козацкихъ возстаній на ляховъ, сохранявшемуся почти неизмѣннымъ до довольно поздняго времени. Сила козацкой ненависти къ ляхамъ выражается у Шевченко въ восклицаніи козака Яремы, у котораго похитили они невѣсту. «Отчего не умеръ я вчера, еще не зная объ этомъ, — говоритъ онъ.... А теперь если и умру, такъ все равно — изъ гроба встану, для того, чтобы мучить ляховъ».

Но въ лирическихъ отступленіяхъ, какъ сказали мы, является предъ нами современный поэтъ, любящій славу родимаго края и съ грустной отрадой припоминающій подвиги отважныхъ предковъ. Приведемъ одно изъ такихъ отступленій, которое особенно поразило насъ своею глубокою грустью (*).

(*) Мы приводимъ всѣ стихи въ подлинникѣ; они, кажется, такъ понятны, что нѣтъ надобности переводить ихъ. Замѣтимъ только, что по орѳографіи, принятой въ книгѣ Шевченко, и сохраненной нами, і — есть острое наше и, а и — тотъ средній звукъ между и и ы, который такъ характеризуетъ малороссійское нарѣчіе.

Гомоніла Украіна,
Довго гомоніла,
Довго, довго кровъ степами
Текла — червоніла.
Текла — текла, та й висохла...
Степи зеленіють;
Діди лежять, а надъ ними
Могили синіють.
Та що съ того, що високі?
Ніхто іхъ не знае,
Ніхто щиро не заплаче,
Нихто не згадае.
Тілько вітеръ тихесенько
Повіе надъ ними,
Тілько роса ранесенько
Слёзами дрібними
Іхъ умие. Зійде сонце,
Осушить, пригріе;
А унуки? імъ байдуже,
Жито собі сіють.
Богато іхъ, а хто скаже,
Де Гонти могила, —
Мученика праведного
Де похоронили?
Де Залізнякъ, душа щира,
Де одпочивае?
Тяжко! важко!...

Кромѣ Гайдамаковъ, въ «Кобзарѣ» напечатаны еще «Иванъ Підкова», «Тарасова Нічъ», «Гамалія», — небольшія пьесы тоже историческо-козацкаго содержанія.

Не менѣе любопытны пьесы и въ другомъ родѣ, пьесы, изображающія *лихо* и *недолю* обыкновенной жизни и нѣжное чувство дѣвической и материнской любви. Особенно живо и поэтично изображаются эти чувства въ трехъ прелестныхъ поэмахъ: «Тополя», «Наймичка» и «Катерина». Въ «Катеринѣ» вы видите несчастіе бѣдной дѣвушки, которая полюбила *москаля*, офицера. Начинается поэма добродушнымъ обращеніемъ:

Кохайтеся, чорнобріві,
Та не съ москалями,
Бо москалі — чужі люде,
Роблять лихо съ вами.
Москаль любить жартуючи,
Жартуючи кине;

Піде въ свою Московщину,
А дівчина гине.

Но эта откровенная, простая мораль, такъ добросердечно высказываемая, вовсе не кладетъ дидактическаго оттѣнка на всю повѣсть, которая, напротивъ, вся исполнена самой свѣжей, неподдѣльной поэзіи. У Катерины родился сынъ, и она идетъ въ «Московщину» — отыскивать отца его. Прощанье матери съ ней, ея путь, ея встрѣча съ милымъ, который ее отталкиваетъ, все это изображено съ тою нѣжностью грусти, съ тою глубиною и кротостью сердечнаго сожалѣнія, равныя которымъ встрѣчаются именно только въ малороссійскихъ пѣсняхъ. Въ «Наймичкѣ» представляется исторія дѣвушки, подкинувшей своего ребенка къ бездѣтнымъ старикамъ, потомъ нанявшейся къ нимъ въ служанки, всю свою жизнь заключившей въ материнской любви и только передъ смертью открывшей сыну, что она — мать его. Весь этотъ разсказъ получаетъ особенную прелесть отъ той совершенной простоты, съ которою изображается все дѣло. Ни одного фразистаго мѣста, ни одного хвастливаго стиха; все такъ ровно, спокойно, какъ будто покорная, тихая преданность этой матери перешла въ душу самого поэта....

Вообще, спокойная грусть, не похожая на ни безплодную тоску нашихъ романическихъ героевъ, ни на горькое отчаяніе, заливаемое часто разгуломъ, но тѣмъ не менѣе тяжелая и сжимающая сердце, составляетъ постоянный элементъ стихотвореній Шевченка. Какъ вообще въ малороссійской поэзіи, грусть эта имѣетъ созерцательный характеръ, переходитъ часто въ вопросъ, въ думу. Но это не рефлексія, это движеніе не головное, а прямо выливающееся изъ сердца. Оттого оно не охлаждаетъ теплоты чувства, не ослабляетъ его, а только дѣлаетъ его сознательнѣе, яснѣе,—и оттого, конечно, еще тяжеле. Вотъ *размышленіе* поэта по поводу оскорбленій, которыхъ натерпѣлась въ селѣ Катерина, родивши сына.

Оттаке-то на сімъ світі
Роблять людямъ люде!
Того вважуть, того рѣжуть,
Той самъ себе губить....
А за віщо? Святий знає!
Світъ, бачця, широкий,
Та нема въ немъ прихилитись
Въ світі одинокимъ.
Тому доля запродала
Одъ краю до краю,
А другому оставила
Те, де заховають..

Де же ті люде, де ж ті добрі,
Що серце вібралось
Зь ними жити, іхъ любити?
Пропали, пропали!...

Въ такомъ родѣ постоянно бываютъ думы поэта. Мы не беремъ на себя оцѣнки и указанія всѣхъ поэтическихъ достоинствъ Шевченка; мы указываемъ только на нѣкоторыя стороны его произведеній, могущія и въ великоруссахъ мало знакомыхъ съ Малороссіей, какъ мы, пробудить сочувствіе. Поэтому мы и беремъ болѣе общія вещи, такія мысли и чувства, которыя будучи народно-украинскими, понятны и близки однако всякому, кто не совсѣмъ извратилъ въ себѣ лучшіе человѣческіе инстинкты. Думаемъ, что маленькія разницы малороссійскаго нарѣчія отъ русскаго не помѣшали читателямъ понять наши выписки. Впрочемъ, желая, чтобъ читатели могли познакомиться съ какою нибудь изъ пьесъ Шевченка въ цѣломъ ея видѣ, и притомъ прочесть ее совершенно свободно, не затрудняясь ни въ одномъ словѣ, мы представляемъ здѣсь пьесу Шевченка «Тополя», въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ для «Современника» г. Гербелемъ.

ТОПОЛЬ.

По дубровѣ вѣтеръ вѣетъ,
По полю гуляетъ,
На краю дороги тополь
Долу нагибаетъ.
Станъ высокій, листъ широкій —
Что онъ зеленѣетъ?
Какъ широкое то море,
Поле вкругъ синѣетъ.
Чумаки ль проѣдутъ мимо, —
Смотришь — пріуныли;
На зарѣ ль чабанъ съ свирѣлью
Сядетъ на могилѣ, —
Поглядитъ — заноетъ сердце:
Возлѣ ни былины!
Одинока, сиротою,
Вянетъ на чужбинѣ.

—

Кто жь ростилъ ее, да холилъ
На погибель злую?

Красны дѣвицы, постойте —
Все вамъ разскажу я!

—

Полюбила молодого
Козака дѣвчина,
Полюбила — не спросила,
Тотъ ушелъ — и сгинулъ.
Если бъ знала, что покинетъ,
То бъ не полюбила;
Еслибъ знала, что уйдетъ онъ,
Такъ бы не пустила;
Если бъ знала — не ходила бъ
Поздно за водою,
Не стояла бъ до полночи
Съ милымъ надъ рѣкою;
Если бъ знала!... И то горе —
Знать, что повстрѣчаешь —
Знать впередъ, что съ нами будетъ....
Лучше, какъ не знаешь!
Не пытайте доли: сердце
Суженаго знаетъ....
Пусть болитъ, пока на вѣки
Въ землю закопаютъ!
Вѣдь не долго вы румяны,
Пышны, бѣлолицы;
Брови — черны, очи — кари
Не на вѣкъ, дѣвицы!
До полудня — и завянутъ,
Брови полиняютъ....
Красны дѣвицы, любите,
Какъ сердечко знаетъ!

—

Соловей чуть защебечетъ
На лугу въ калинѣ, —
Запоетъ козакъ, гуляя,
Бродя по долинѣ.
И поетъ, пока не выйдетъ —
Не увидитъ милой,

Не увидитъ и не спроситъ:
«Мать тебя не била ль?»
Соловей себѣ щебечетъ....
Станутъ, обоймутся,
И — довольны и счастливы —
Снова разойдутся.
И никто у ней не спроситъ,
Сердца не пытаетъ:
«Гдѣ была ты, гдѣ гуляла?»
Дѣлаетъ, какъ знаетъ.
Красна дѣвица любила,
А сердечко млѣло:
Сердце чуяло невзгоду,
А сказать не смѣло.
Не сказало — и осталась....
День и ночь воркуетъ,
Какъ безъ голубя голубка,
А никто не чуетъ.

—

Соловей ужь не щебечетъ
Въ полѣ надъ водою;
Не поетъ моя козачка,
Стоя надъ рѣкою;
Свѣтъ постылъ: ей не поется,
Бродитъ сиротиной.
Безъ милого — какъ чужіе
Мать съ отцемъ родимымъ;
Безъ милого солнце ль свѣтитъ —
Ворогомъ смѣется;
Безъ милого свѣтъ — могила....
А сердечко бьется!

—

Годъ прошелъ, другой проходитъ —
Друга не приноситъ;
Вянетъ красная, какъ цвѣтикъ,
А никто не спроситъ....
— Что ты, дочка, что ты сохнешь? —
Мать ей не сказала;
За богатаго, сѣдого
Выдти принуждала.

— Выходи! — ей говорила:
— Вѣкъ не быть дѣвицей!
Онъ богатый, одинокій:
Будешь жить царицей. —
«Не хочу я жить царицей!
«Не пойду я, мама!
«Ручниками, что я шила,
«Опустите въ яму.
«Пусть попы поютъ, а дружки
«Плачутъ надо мною:
«Легче въ гробъ, чѣмъ повѣнчатся —
«Быть его женою!»

—

Не послушалась старуха:
Дѣлала, что знала;
Все видала черноброва, —
Сохла и молчала.
Вышла ночью къ ворожейкѣ
Допытаться слова:
Долго ли на этомъ свѣтѣ
Жить ей безъ милого?
«Бабушка, голубушка,
«Цвѣтикъ мой махровый!
«Ты скажи, скажи всю правду, —
«Гдѣ мой чернобровый?
«Живъ ли онъ, здоровъ и любитъ,
«Аль забылъ — покинулъ?
«Я пойду за нимъ повсюду!
«Живъ онъ, али сгинулъ?
«Бабушка, голубушка,
«Молви, если знаешь! —
«Выдаетъ меня родная
«За сѣдого замужъ.
«Полюбить его, голубка,
«Сердца не научишь.
«Я бъ пошла да утопилась —
«Душу, жаль, погубишь!
«Если умеръ чернобровый,
«Сдѣлай, моя пташка,

«Чтобъ домой я не вернулась....
«Тяжко сердцу, тяжко!
«Тамъ со сватами ждетъ старый....
«Укажи жь мнѣ долю!»
— Хорошо. Сосни немного....
Помни жь мою волю!
Эхъ! сама была я дѣвкой, —
Это горе знаю;
Миновало — научилась:
Людямъ помогаю.
Про твою я долю, дочка,
Прошлымъ лѣтомъ знала;
Прошлымъ лѣтомъ я, про случай,
Зѣлье припасала. —

—

Встала старая и съ полки
Скляницу достала.
— Вотъ тѣ зѣлье! Выдь на рѣчку
До зари, сказала:
— Пѣтухи пока не пѣли,
Поспѣши умыться,
Выпей зѣлья — и все горе
Прахомъ разлетится.
Выпей — и бѣги скорѣе;
Что бъ тамъ ни казалось,
Все бѣги, пока не станешь
Тамъ, гдѣ съ нимъ прощалась.
Отдохнешь; а какъ проглянетъ
Мѣсяцъ изъ-за сада,
Выпей снова; не прійдетъ онъ —
Въ третій выпить надо.
Съ разу — какъ запрошлымъ лѣтомъ —
Будешь ты такою;
Отъ другого — середъ степи
Топнетъ конь ногою.
Если живъ козакъ, то мигомъ
Онъ къ тебѣ прибудетъ.
А отъ третьяго.... Ахъ, дочка,
Не пытай, что будетъ!

Только помни, не крестися —
Все снесетъ водою....
Ну, иди же! полюбуйся
Прежней красотою! —

—

Взявши зѣлье, поклонилась:
«Ну, прощай, бабуся!»
Вышла вонъ: «Идти ли, нѣтъ ли?
«Нѣтъ, ужь не вернуся!»
Вмигъ умылась, напилася —
И повеселѣла,
Вотъ еще, еще — и, словно
Сонная, запѣла:
«Ты плыви, плыви же, лебедь,
«По морю синёму!
«Ты рости, рости же, тополь,
«Къ небу голубому!
«Дорости до самой тучи,
«Тонка да упруга:
«Не дождусь — спроси у Бога, —
«Аль дождусь я друга?
«Посмотри, какъ доростешь ты,
«За синёе море:
«Тамъ за моремъ моя доля,
«Здѣсь надъ моремъ — горе.
«Тамъ мой милый, чернобровый
«По полю гуляетъ;
«А я плачу, годы трачу, —
«Друга поджидаю.
«Разскажи ему ты, сердце,
«Что смѣются люди;
«Ты скажи ему, что сгину,
«Если позабудетъ.
«Мать сама меня хоронитъ —
«Въ землю зарываетъ....
«Безъ меня ее, родную,
«Кто-то приласкаетъ?
«Кто присмотритъ, кто распроситъ,
«Въ старости поможетъ?

«Мать моя! моя ты доля!
Боже Ты мой, Боже!
«Посмотри за море, тополь,
«Если нѣтъ — не будетъ, —
«Ты заплачь передъ зарею —
«Не видали бъ люди!
«Ты рости, рости же, тополь,
«Къ небу голубому!
«Ты плыви, плыви же, лебедь,
«По морю синёму!»

—

Такъ въ степи моя козачка
Пѣла-распѣвала.
Зѣлье дива натворило —
Тополемъ вдругъ стала.
Не вернулася къ родимой;
Не дождалась друга;
Доросла до самой тучи,
Тонка да упруга.

—

По дубровѣ вѣтеръ вѣетъ,
По полю гуляетъ,
На краю дороги тополь
Долу нагибаетъ.

Хата, 1860 г. Издавъ *П. Кулишъ*. С.-Петербургъ.

Въ послѣдніе годы литература малорусскаго нарѣчія начала получать тѣ размѣры, какіе она имѣла урывками и прежде, особенно въ сороковыхъ годахъ, — за этими годами наступило для нея время, въ продолженіе котораго она совершенно смолкла. Теперь писатели малорусскіе не встрѣчаютъ тѣхъ насмѣшекъ и недовѣрчивости, на которые они жаловались прежде, или, если недовѣрчивость появляется иногда и въ наше время, она выходитъ изъ другаго источника: но никакъ малорусская литература не можетъ жаловаться на недоброжелательство, которое мерещится можетъ быть инымъ усердным защитникамъ ея. Мы будемъ еще имѣть случай говорить объ этомъ.

Г. Кулишъ до сихъ поръ былъ почти единственнымъ дѣятелемъ возродившейся малорусской литературы; онъ написалъ «Чорную

Раду», издавалъ «Записки о Южной Руси», малороссійскія проповѣди Грегулевича, сочиненія Квитки; за тѣмъ явился на это поприще новой и большой литературной силой Марко-Вовчокъ; Шевченко возобновилъ своимъ «Кобзаремъ» прекрасную память своихъ прежнихъ произведеній. Въ новомъ своемъ изданіи, въ «*Хатѣ*», г. Кулишъ, кромѣ этихъ извѣстныхъ именъ, представляетъ еще нѣсколько новыхъ литературныхъ именъ; такимъ образомъ, число писателей снова ростетъ и можно ожидать, что литература приметъ наконецъ правильное движеніе. Въ чемъ же заключается ея мысль, какую цѣль она имѣетъ впереди? Издатель посвятилъ объясненію ея цѣлое предпріятіе и выражаетъ ее словомъ народность, въ обширномъ и тѣсномъ смыслѣ. Малорусская литература, говоря языкомъ г. Кулиша, должна быть «новымъ словомъ между народами, которое за тѣмъ явилось, чтобы повернуть человѣческій разумъ какъ нибудь иначе, не по старому». Признаться, мы не знаемъ хорошенько, о чемъ именно говоритъ здѣсь г. Кулишъ; повидимому, онъ приписываетъ малорусской литературѣ, кромѣ ея важности для самаго народа, и общечеловѣческое значеніе, какъ мы иногда не затрудняемся раздавать его каждому нашему явленію, которое поражаетъ насъ самихъ и оттого принимаетъ въ нашихъ глазахъ большіе размѣры, чѣмъ оно имѣетъ на самомъ дѣлѣ. Въ одномъ мѣстѣ своего предисловія, г. Кулишъ помѣстилъ даже такой рядъ именъ: Шекспиръ, Вальтеръ Скоттъ, Шиллеръ, Мицкевичъ, Пушкинъ, Гоголь, Квитка, Шевченко, — который удивилъ и знакомыхъ намъ любителей малорусской литературы, не рѣшавшихся на подобную параллель. Послѣдніе изъ названныхъ поэтовъ, могутъ стоять очень высоко по отношенію къ ихъ народности, но невозможно же равнять ихъ съ Шекспиромъ ни по таланту, ни по общечеловѣческому значенію. По понятію чисто отвлеченному будетъ справедливо, что каждая литература, выражающая собой извѣстную народность, входитъ, какъ элементъ, въ общечеловѣческую мысль, но это отвлеченное понятіе ничего не говоритъ о долѣ вліянія, которая выпадетъ этому элементу; какъ отвлеченное, оно можетъ брать въ разсчетъ и величины, безконечно малыя. Какое же значеніе внѣ нашей литературы имѣетъ, напримѣръ Гоголь, котораго едва ли поняли хорошенько гдѣ нибудь въ Европѣ?—но это нисколько не уменьшаетъ его заслуги для насъ. Литература извѣстнаго народа вообще не скоро доходитъ до той границы, за которой она можетъ быть образовательнымъ средствомъ для человѣчества; чтобы «повернуть иначе человѣческій разумъ», нужно много условій, и ими едва ли владѣетъ и едва ли скоро будетъ владѣть великорусская или малорусская литература. Примѣрами въ родѣ Квитки, г. Кулишъ не убѣждаетъ даже

насъ, русскихъ: Квитка, какъ первый разсказчикъ, превосходно владѣвшій языкомъ, имѣетъ, какъ мы видимъ, чрезвычайную прелесть для малоруссa; для малорусса было много увлекательнаго въ одномъ языкѣ, которымъ съ нимъ заговорили, и Квитка сдѣлался ихъ богомъ, какъ для насъ сдѣлался бы пожалуй богомъ, хоть г. Фетъ, если бы онъ явился тотчасъ послѣ Сумарокова. Для русскихъ эта сторона Квитки не такъ заманчива, и по содержанію своихъ произведеній онъ не удерживается на той высотѣ, на которую ставятъ его малорусскіе критики.

Но за этими сомнительными вопросами, малорусская литература несомнѣнно сохраняетъ однако свое народное значеніе. Ея давнишнія усилія образоваться въ отдѣльное цѣлое, появленіе нѣсколькихъ сильныхъ талантовъ, чисто малорусскихъ, и такого великаго таланта, какъ Шевченко, обнаруживаютъ дѣйствительную народную потребность. До сихъ поръ, въ новомъ своемъ направленіи, литература эта старается быть вѣрной своей цѣли; предметъ ея изученія малорусскій народный бытъ и воспоминанія, форма ея еще недалека отъ пѣсеннаго склада или отъ народнаго разсказа; ея читатели самъ народъ, а не та ограниченная публика, къ которой относится обыкновенно литература и къ которой народъ вовсе не принадлежитъ. Мы совершенно сочувствуемъ подобнымъ пріемамъ и желаемъ такого же интереса къ народу и въ нашей литературѣ; но это только начало, останется ли она и потомъ съ этимъ значеніемъ и съ этими ближайшими цѣлями, и достаточно ли будетъ чумацкой жизни и старыхъ гайдамацкихъ воспоминаній для дальнѣйшаго обширнаго развитія, котораго ожидаетъ г. Кулишъ для своей литературы (стр. XXII), и не придется ли ей опять сознательно сойтись съ «сосѣдней словесностью», которая, кажется, не совсѣмъ ему нравится.

Въ «Хатѣ» намъ всего больше понравились стихотворенія г. Шевченки. Это все произведенія послѣднихъ десяти лѣтъ; личныя обстоятельства поэта постоянно отзываются въ нихъ, не закрывая однако всегдашняго предмета его поэтическихъ думъ, далекой Украйны. Приводимъ два небольшіе обращика для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которымъ знакомо малорусское нарѣчіе, весьма, впрочемъ, понятное каждому изъ насъ. Въ одномъ стихотвореніи поэтъ говоритъ о встрѣчѣ «Рождества».

Не до-дому въ ночі йдучи
Съ кумпної хати
И не спати лягаючи,
Згадай мене, брате:

А якъ прийде нудьга въ гості
Та й на нічъ засяде,—
Оттогді мене, мій брате,
Зови на пораду;
Оттогді згадай въ неволі,
Далеко надъ моремъ
Свого друга веселаго,
Якъ вінъ горе боре,
Якъ вінъ свої думи тяжкі
И серце убоге
Заховавши, ходить собі
Та молитця Богу
Та згадує Україну
И тебе, мій друже,
Та иноді й зажуритця....
Звичайно, не дуже,
А такъ тілько... бо на-дворъ
Наступае свято....
Тяжко тее, друже, свято
Самому стрічати
У пустині!... Завтра рано
Заревуть дзвинниці
Въ Україні; завтра рано
Зберутця молитись
Люде добрі; завтра рано
Завие голодний
Звірь въ пустині, та повіе
Ураганъ холодний
И занесе снігомъ білимъ
Курінь, мою хату....
Оттакъ мені доведетця
Свято зострічати!

Другое стихотвореніе называется «Хатина»:

Не молилася за мене,
Поклони не клала
Моя мати; а такъ собі
Мене повивала
Співаючи: «Нехай росте
Та здорове буде!»
У вирісъ я, хвалить Бога,
Та не вилізъ въ люде.
Лучше бъ було не родити,
Або утопити,
Якъ мавъ би я у недолі
Господа гнівити.

А я такъ мало–не багато
Благавъ у Бога, — тільки хату,
Одну хатиночку въ гаю,
Та дві тополі коло неі,
Та безталанную мою....
Мою Оксаночку, щобъ зъ нею
У–двохъ дивитися зъ гори
На Дніпръ широкий, на яри
То на лани золотополі,
Та на високі могили, —
Дивитись, думати, гадать:
Коли–то іхъ понасипали?
Кого тамъ люде поховали?
И въ–двохъ тихенько заспівать
Ту думу сумную, днедавну,
Про ліцаря того гетьмана,
Що на огні Ляхи спекли.
А потімъ би зъ гори зійшли,
Но–надъ Дніпромъ у темнімъ гаі
Гуляли бъ, поки не смеркае,
Поки зъ вечірнею зорею
Не зійде місяцъ надъ горою,
Туманъ на лань не прожене; —
Ми бъ подивились, помолились.
И розмовляючи пішли бъ
Вечеряти въ свою хатину

Разсказъ Марка Вовчка «Заря», отличается обыкновенными достоинствами этого автора, теплымъ сочувствіемъ къ народу, знаніемъ языка и быта. Изъ стихотвореній замѣтимъ еще опыты г. Щоголева, довольно удачное воспроизведеніе народныхъ пѣсенъ или подражанія имъ. Самъ г. Кулишъ даетъ отрывокъ своей драмы изъ временъ Колѣевщины; въ этомъ отрывкѣ изображается польскій панъ-помѣщикъ, уніатскій ксёндзъ и осмѣевается арендаторъ жидъ Ханмъ — въ томъ родѣ, какъ въ Юріи Милославскомъ осмѣянъ панъ Копычинскій. Г. Кулишу принадлежитъ также введеніе, о которомъ мы упоминали, и нѣсколько предисловій къ разнымъ статьямъ сборника: ими издатель хотѣлъ кажется доказать, что по малорусски можно также удобно, какъ и по русски излагать эстетическіе взгляды. Для этого онъ переложилъ на малорусскій ладъ обыкновенный искуственный языкъ нашей критики, и вышло то, чего мы не припомнимъ въ литературѣ со временъ Маяка, т. е. весьма ученый и вмѣстѣ съ тѣмъ маленько мужицкій языкъ: любопытно, какъ онъ покажется читателямъ г. Кулиша.

Боснія, Герцеговина и Старая Сербія. Сборникъ, составленный А. Гильфердингомъ. Спб. 1860.

Страны Европейской Турціи, описанію которыхъ посвящается сборникъ г. Гильфердинга, имѣютъ чрезвычайную важность въ такъ называемомъ восточномъ вопросѣ. Положеніе ихъ было однимъ изъ главныхъ предлоговъ къ послѣдней восточной войнѣ, и оно же снова начинаетъ обращать на себя вниманіе теперь, когда западныя государства, кажется, отказываются отъ прежняго, фиктированнаго намѣренія поддерживать турецкую цивилизацію, и вѣроятно опять возьмутся за восточный вопросъ, только съ другаго конца и съ другими цѣлями. Дѣла въ Европейской Турціи такъ запутаны, что не сегодня-завтра можно ждать если не развязки, то сильнаго взрыва: горючіе матеріалы накоплялись тамъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Это даетъ особенный интересъ славянскимъ странамъ для тѣхъ, кого занимаетъ судьба Турціи и судьба турецкаго славянства. Между тѣмъ, это послѣднее извѣстно до сихъ поръ очень мало. Путешественнику очень трудно проникнуть въ глубь Турціи, особенно незнакомому съ славянскими языками, и европейцы дѣйствительно заглядывали туда очень рѣдко; это были только люди офиціальные. Для насъ Болгарія, Боснія, Герцеговина извѣстны только изъ газетныхъ извѣстій, какъ вѣчная сцена безнаказанной рѣзни, отчаянныхъ и напрасныхъ возстаній, да изрѣдка заѣзжіе Инсаровы появлялись у насъ и раскрывали отчасти картину мрачнаго существованія, на которое обречены христіанскіе славяне этихъ странъ. Недавно мы читали обращеніе къ нашему обществу въ поразительныхъ разсказахъ г. Даскалова о современной Болгаріи, но это, конечно, не поможетъ: русское общество мало этимъ интересуется, да ежели бы и интересовалось, мнѣніе его мало значитъ и для него закрыта всякая иниціатива. Люди, сочувствующіе вопросу, не теряютъ однако надежды и стараются завоевать ему общественную симпатію. Желаемъ имъ всякаго успѣха.

Г. Гильфердингъ издалъ теперь въ «Запискахъ» Географическаго общества цѣлый томъ свѣдѣній объ этихъ краяхъ, которыя собралъ онъ тамъ во время своихъ путешествій. Сборникъ состоитъ изъ слѣдующихъ статей: «Поѣздки по Герцеговинѣ, Босніи, и Сербіи», и «Боснія въ началѣ 1858 года», двѣ статьи самаго издателя, занимающія бо́льшую часть огромнаго тома; «Жизнь Али-паши Ризванбеговича Стольчанина, визиря Герцеговинскаго», написанная архимандритомъ одного боснійскаго монастыря, Іоанникіемъ Памучиной; «Лѣтопись Босніи 1825—1856», въ разсказѣ боснячки Стаки Скендe-

ровой, и наконецъ двѣ статьи о монастыряхъ и епархіяхъ герцеговинскихъ, іеромонаха Никифора Дучича.

Главная по объему и значенію статья — «Поѣздки» г. Гильфердинга. По своему исключительному положенію, какъ консулъ въ столицѣ Босніи, и вмѣстѣ какъ ученый, хорошо знакомый съ сербскимъ языкомъ и исторіей, г. Гильфердингъ больше всякаго другаго имѣлъ возможность изучить страну въ разныхъ отношеніяхъ ея политической и частной жизни,—и мы думаемъ, что онъ хорошо воспользовался выгодами своего положенія. Онъ изъѣздилъ въ различныхъ направленіяхъ Боснію, Герцеговину и старую Сербію, видѣлъ самъ народный бытъ, выслушалъ отъ босняковъ ихъ современную исторію, и передаетъ читателю много любопытнаго о нравахъ и обычаяхъ боснійскаго народа, о степени его развитія, его религіозныхъ отношеніяхъ и его турецкихъ властителяхъ, словомъ о цѣломъ общественномъ и домашнемъ бытѣ; старая Сербія приводитъ его къ древностямъ Сербскаго народа, которымъ онъ также отдаетъ много страницъ въ своихъ запискахъ. Если не считать путешествія по Европейской Турціи г. Григоровича, занятаго впрочемъ больше археологіей, это единственная и хорошая русская книга о турецкомъ славянствѣ, изъ которой можно извлечь правильное понятіе о положеніи дѣла.

Вопросъ объ отношеніи этихъ славянъ къ Турціи всегда по необходимости былъ на первомъ планѣ у автора, который вездѣ видѣлъ полуразрушенныя и жалкія церкви, загнанныхъ и обманываемыхъ поселянъ, наглое грабительство турецкихъ чиновниковъ; зло не скрывалось ни подъ какими цивилизованными формами и прямо било въ глаза всѣми непривлекательными или ужасными подробностями. Въ разговорахъ съ босняками, за первымъ отвѣтомъ, что «хвала Богу, все хорошо», идетъ безконечная исторія о томъ, какъ у одного турокъ отбилъ поле, другихъ тѣснитъ греческій владыка, у третьяго турки убили или замучили брата или родственника и т. д. Бѣдствія раіи неисчислимы, особенно въ послѣднее время, когда правительство ввело новый порядокъ податнаго сбора, въ слѣдствіе котораго онъ не только не сдѣлался сноснѣе и правильнѣе, но даже утроился или учетверился. Боснякъ ничего не можетъ сдѣлать противъ этого порядка, потому что въ случаѣ сопротивленія онъ теряетъ все. Злые инстинкты грубаго турка, фанатизированнаго кораномъ, разыгрываются иногда страшнымъ образомъ; въ книгѣ г. Гильфердинга читатели найдутъ много примѣровъ такого рода изъ обыденной боснійской жизни. Единственное обстоятельство, привлекающее на босняка гоненіе, есть его вѣра; боснякъ, принявшій магометанство, есть уже турокъ; православный, *рајтянинъ*, т. е. хри-

стіанинъ, есть *серб* просто: свою національность народъ нераздѣльно связываетъ съ религіей. Но, не смотря на преслѣдованіе, религіозный принципъ такъ живъ въ боснякѣ, что до сихъ поръ, послѣ четырехъ столѣтій гнета, онъ защищается имъ до послѣдней возможности. Нашъ путешественникъ много разсказываетъ интересныхъ случаевъ, обнаруживающихъ эту сердечную преданность дѣлу вѣры для церкви, боснякъ, самъ неимѣющій ничего, отдаетъ послѣднее. Въ Сараевѣ разсказываютъ слѣдующее обстоятельство о перестройкѣ тамошней церкви. Это происходило въ прошломъ столѣтіи: сводъ церкви уже грозилъ паденіемъ, и христіане выхлопотали наконецъ позволеніе перестроить его. Сколько обходились эти позволенія, можно видѣть изъ другаго примѣра, гдѣ на одни подарки «турецкимъ господамъ» вышло у строителей 64,700 аспръ, а на самую церковь 42,000. Но турецкій фирманъ позволилъ перестроивать только въ теченіе сорока дней. Сараевцы заранѣе объявили по всей Босніи о своемъ намѣреніи, и на помощь къ нимъ собрались толпы народа со всего края; въ назначенный день работа началась, одни разбирали своды, другіе тесали камни, женщины разводили известь на яичныхъ бѣлкахъ изъ огромнаго количества яицъ, чтобы известь скорѣе сохла и чтобы можно было тотчасъ же красить. Сорокъ дней все населеніе работало безъ устали; турки удивлялись, но держали слово, и на послѣдній день перестройка была кончена. Подобнымъ способомъ выстроена была не такъ давно православная церковь въ городкѣ Высокомъ, гдѣ нѣтъ богатыхъ христіанъ, а только бѣдные ремесленники и ограбленные *кметы*, поселяне. При всей ограниченности средствъ, они такъ усердно работали, конечно даромъ, на общую пользу, что наконецъ построили церковь. Теперь точно также они строятъ зданіе для школы. Эта добрая паства находитъ и достойныхъ себя пастырей; боснійское православное духовенство образовано очень плохо, но часто доставляетъ народу сильную нравственную поддержку. Типъ такого духовнаго отца авторъ представляетъ въ сѣницкомъ попѣ Ильѣ, пользующемся огромнымъ уваженіемъ. «Въ краѣ, гдѣ вмѣстѣ съ албанскимъ населеніемъ начинается господство кулачнаго права, Илья не пренебрегаетъ удальствомъ *юнака;* въ своей красной фескѣ, съ пистолетами за поясомъ и съ бритой бородой, онъ мало своею наружностью напоминаетъ священника; онъ хранитъ въ своей церкви епитрахиль, который на немъ прострѣлили пулею, когда онъ однажды вѣнчалъ за православнаго дѣвушку, которую хотѣли оттягать мусульмане. Наука его не простирается далѣе славянской грамоты; но народъ ему преданъ такъ, что его слово законъ».

Поземельныя отношенія босняковъ христіанъ состоятъ въ такъ называемомъ *кметовствѣ*, фермерствѣ. Сначала поселяне исполняли своимъ помѣщикамъ барщину, но въ 1848 году вышелъ фирманъ объ уничтоженіи барщины; бегамъ вовсе не хотѣлось терять доходовъ и они замѣнили барщину третиною, которую само правительство начало сдавать на откупъ въ имѣньяхъ, принадлежащихъ казнѣ. Въ сложности съ другими податями и повинностями эта третина, выраставшая больше и больше, совершенно разоряла народъ и разоряетъ до сихъ поръ. Въ 1849 г. одинъ паша продалъ третину съ села въ 1,300 домовъ на откупъ за 120 мѣшковъ піастровъ (3000 р. с.), а черезъ семь лѣтъ эта откупная цѣна выросла до 1,050 мѣшковъ (около 26,000). Десятина, другая подать съ тѣхъ же домовъ, поднялась до 400 мѣшковъ (10,000 р. с.). На эти 1,300 домовъ выйдетъ около трехъ сотъ бѣдныхъ лачугъ изъ хвороста, хозяева которыхъ не имѣютъ ровно ничего, и на каждый домъ изъ остальной тысячи, приходится такимъ образомъ до 36 р. сер., которыми откупщикъ только возвратитъ деньги, отданныя имъ въ казну. Но столько же возьметъ онъ и на свою долю, потому что барышни долженъ раздѣлить съ турецкими властями, покровительствующими его грабежу.

Богатые горожане, купцы нисколько не входятъ въ нужды своихъ бѣдныхъ соотечественниковъ; какъ всякая буржуазія, они до-крайности консервативны, и если отдадутъ въ годъ нѣсколько денегъ на церковь и на школу, то считаютъ уже себя въ правѣ забыть о народѣ. Имъ выгоднѣе вести дружбу съ турками, и они не только не защищаютъ народъ отъ притѣсненій, но сами выдаютъ туркамъ поселянъ, какъ людей безпокойныхъ и опасныхъ. Многіе изъ православныхъ купцовъ берутъ на откупъ десятину или въ аренду имѣнья разорившихся беговъ, и затѣмъ обираютъ поселянъ не хуже самихъ турокъ.

Положеніе поселянъ православныхъ и католиковъ почти одинаково, но католическое духовенство все-таки дѣлаетъ для своихъ гораздо больше, чѣмъ православное: оно имѣетъ большую поддержку въ Австріи, въ римской и лионской пропагандахъ, которыя присылаютъ постоянно денегъ католическимъ монастырямъ и поддерживаютъ ихъ своими связями даже политически. Православные утѣшаются только тѣмъ, что у нихъ есть гдѣ-то сильные единовѣрцы. Католическое духовенство Босніи состоитъ исключительно изъ францисканцевъ, управляемыхъ римской пропагандой; они ограждены отъ всякаго вмѣшательства турокъ, пользуются въ отношеніяхъ съ ними значительной свободой и имѣютъ вліяніе на самихъ мусульманъ. Они твердо стоятъ за своихъ передъ турецкими чиновниками и другими властями, давящими поселянъ. Какъ всѣ ка-

толическіе духовные, францисканскіе *фратры* занимаются не только общественными, но и домашними дѣлами своей паствы, которая вѣритъ имъ безпрекословно. Фратры сами выходятъ изъ народа и сохраняютъ съ нимъ тѣсную связь, что даетъ имъ дѣйствительный авторитетъ надъ умами. Г. Гильфердингъ не скрываетъ того превосходства, которое имѣютъ францисканцы передъ православнымъ духовенствомъ и по образованію и по дѣйствительной помощи, подаваемой ими католическимъ кметамъ противъ турокъ; но въ принципѣ отказываетъ католицизму въ живительномъ дѣйствіи на народъ, и доказательствамъ его можно повѣрить. Въ самомъ дѣлѣ, фратры изгнали, напримѣръ, изъ употребленія у католиковъ празднованіе *крестнаго имени*, на которое сербъ тратилъ обыкновенно свои послѣднія деньги, изгнали употребленіе крѣпкихъ напитковъ, но дальше не пошли въ нравственномъ образованіи народа: онъ остается такъ же не развитъ, какъ православный, и такимъ можетъ и остаться, потому что фратрамъ выгоднѣе имѣть совершенно грубую массу народа, — она тѣмъ легче будетъ поддаваться ихъ полному вліянію. Фратры не только не стараются искоренить предразсудки, но сами поддерживаютъ ихъ, распространяя въ народѣ разныя суевѣрныя понятія, раздавая (за деньги) амулеты, которымъ вѣрятъ уже и турки, и т. п. Въ этомъ виноваты, по мнѣнію г. Гильфердинга, во-первыхъ, безплодное, сухое образованіе, выносимое фратрами изъ итальянскихъ и австрійскихъ семинарій, и католическій духъ прозелитизма, заставляющій ихъ больше думать о ловлѣ какой нибудь новой овцы, чѣмъ о благѣ цѣлаго ихъ духовнаго стада. Теперь впрочемъ между самими францисканцами явились люди, которые сознали недостатки въ управленіи католической церкви и возстали противъ прежняго порядка дѣйствій; новая католическая пропаганда въ связи съ пропагандой въ южной Австріи ревностно дѣйствуетъ въ Герцеговинѣ, и успѣхъ ея безъ сомнѣнія подѣйствуетъ и на Боснію, и католичеству предстоитъ еще роль. Если оно съумѣетъ связать свое дѣло съ дѣломъ народности и освобожденія отъ турецкаго гнета, то въ босняйскомъ вопросѣ можетъ произойти поворотъ, весьма невыгодный для православной церкви, которая обнаружила безсиліе что нибудь сдѣлать для народа.

Политическіе инстинкты народа, само собою разумѣется, развиты очень мало; босняки наивно думаютъ, что народъ единовѣрный долженъ помогать своимъ угнетеннымъ братьямъ и не долженъ водить дружбы съ его врагами, которые кромѣ того, вредятъ и ему самому. Г. Гильфердингу случилось однажды имѣть съ однимъ бегомъ слѣдующій разговоръ, въ которомъ простодушныя по-

нятія неразвитаго босняка намъ нравится гораздо больше, чѣмъ сдержанность нашего путешественника.

«Мохарремъ бегъ намъ понравился, разсказываетъ г. Гильфердингъ; онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которыхъ въ земляхъ просвѣщенныхъ называютъ оригиналами; онъ не признаетъ свѣтскихъ приличій, кричитъ громко, что на сердцѣ у него, то и на языкѣ, но все таки видно, что онъ себѣ на умѣ. «Валлахъ, сказалъ онъ,—мнѣ пріятно видѣть тебя; мы дикіе люди, а все-таки много наслышались про тебя, какъ ты пріѣхалъ въ Босну. Слава Богу, что и отъ васъ стали пріѣзжать къ намъ люди; а то прежде только швабы (австрійцы) къ намъ ѣздили; а швабъ, валлахъ, мы терпѣть не можемъ». — Почему такъ?— «Бога ми! шваба поганый человѣкъ, всегда надуетъ.» А лучшаго ли вы мнѣнія про нашего брата? — «А какъ же? Московъ крѣпкій народъ; какъ онъ бился тамъ въ Крыму! всѣ пошли на него войною, и нашъ царь, и нѣмецкій краль (простые босняки вполнѣ увѣрены, что Австрія принимала въ послѣднюю войну прямое участіе противъ Россіи), и французъ, и инглезъ, и ничего не могли ему сдѣлать. Да вотъ и васъ надулъ шваба, не однихъ насъ простыхъ людей онъ надуваетъ. Онъ совсѣмъ было пропалъ отъ мадьяровъ, когда вашъ краль послалъ войско и выручилъ его; а теперь онъ сдѣлался намъ *душманомъ* (врагомъ)».— Стало быть вы знали про мадьярскую войну? — «Какъ не знать; мы знаемъ все, что тамъ дѣлалось. Наши люди уходили туда продавать скотъ и хлѣбъ, да и сколько мадьяровъ перебѣгало въ нашу землю; вѣдь мы близкіе сосѣди. Вотъ и у меня, въ этой комнатѣ, не мало ихъ перебывало гостями. И мы часто дивились, какимъ образомъ вашъ краль сталъ помогать нѣмцамъ: вашъ краль-сербъ (то есть православный), а нѣмецъ-шокацъ (католикъ)». Мохарремъ-бегъ сказалъ это вопросительнымъ тономъ, какъ бы ожидая объясненія этому непонятному для него факту. Но какъ прикажете растолковать босняку начала политическаго консерватизма, незаконность революціонныхъ предпріятій и вмѣшательство консервативнаго начала для подавленія революціоннаго, — когда вся политика босняка, будь онъ мусульманинъ, католикъ или православный, все равно, заключается въ одномъ убѣжденіи: что братья по вѣрѣ составляютъ одинъ народъ и должны помогать другъ другу?»

Мы согласны, что революціонныя предпріятія, конечно, не законны, но отчего нашъ путешественникъ не остался также послѣдователенъ въ разговорѣ, какъ его прямодушный собесѣдникъ, и не объяснилъ ему, что еслибы и босняки вздумали сдѣлать революцію, то она была бы совершенно незаконна. Конечно, объяснить это босняку трудно, какъ признается и самъ авторъ, но все-таки нужно было бы попробовать: иначе босняки, которые въ самомъ дѣлѣ безпрестанно готовы возставать, будутъ сохранять ложную надежду на помощь единовѣрцевъ, и тѣмъ только больше испортятъ свое дѣло.

Свой разсказъ о Боснiи авторъ заключаетъ характеристикой сербскаго народа въ тѣхъ мѣстахъ и предположеньями о томъ, какъ можетъ разыграться судьба его.

«Изобразивъ, на сколько я зналъ, состоянiе народонаселенiя Боснiи, я желалъ бы теперь очертить характеръ босняка, имѣя преимущественно въ виду православнаго жителя. Конечно, характеръ босняка почти тотъ же, какъ характеръ другихъ сербовъ; но я не довольно хорошо знаю характеръ народа въ другихъ сербскихъ областяхъ, чтобы могъ въ точности опредѣлить его оттѣнки. Боснякъ тяжелъ и неповоротливъ; живости въ немъ мало, но не мало твердости. Эта твердость переходитъ въ упрямство, когда дѣло касается отмѣны стараго обычая, даже очевидно вреднаго и негоднаго; но она переходитъ также въ благородное мужество, когда бываетъ нужно отстаивать свою вѣру. Неповоротливость и отсутствiе живости проясняютъ, можно полагать, главнымъ образомъ отъ долговременнаго гнета, который страшно забилъ босняковъ-христiанъ; ими владѣетъ какой-то безотчетный страхъ передъ турками, и въ нихъ нѣтъ никакой свободы движенiй, никакой предпрiимчивости; апатiя въ нихъ страшная. Герцеговинцы въ этомъ отношенiи далеко превосходятъ босняковъ: въ нихъ гораздо больше живости, чувства общаго долга и предпрiимчивости. Не знаю, природное ли это свойство, или порожденiе историческихъ причинъ. Вѣроятно, что сосѣдство свободной Черногорiи имѣло благодѣтельное вліянiе на поддержанiе въ герцеговинскихъ христiанахъ силы духа: заключаю это изъ того, что почти всѣ люди, которые въ Боснiи и даже въ другихъ городахъ Герцеговины показали какую-нибудь умственную дѣятельность, и большая часть торговцевъ, обогатившихся своею предпрiимчивостью, суть выходцы изъ Требинья, Попова, Баняны, Дробняковъ и другихъ пограничныхъ съ Черногорiею краевъ Герцеговины. Гнетъ и страхъ связываютъ даже языкъ у простолюдина-босняка: его рѣчи сбивчивы и безтолковы; онъ съ перваго слова говоритъ вамъ, что онъ страдаетъ, что ему тяжело, что его убилъ «зулумъ» (притѣсненiе); но вы измучитесь въ разговорѣ съ нимъ прежде, чѣмъ добьетесь отъ него толковитаго опредѣленiя того, на что именно онъ жалуется. Гнетъ и страхъ пріучили его къ лживости, часто самой нелѣпой и неумѣстной. Гнетъ и страхъ убили въ немъ общественный интересъ: каждый старается лишь о томъ, чтобы самому вывернуться изъ бѣды и выгородить себя; самопожертвованiе на пользу общую можно найти еще изрѣдка между поселянами и славянскимъ духовенствомъ, между горожанами никогда. Вообще несчастныя обстоятельства въ высшей степени развили въ сербскомъ племени служенiе личнымъ интересамъ во вредъ общей пользѣ и недостатокъ общественнаго чувства. Духъ разъединенiя и несогласiя еще во время независимости подкапывалъ всѣ основы сербскаго государства и наконецъ предалъ его врагамъ. Съ тѣхъ поръ какъ сербы подпали подъ власть иноземцевъ, частью турокъ, частью австрiйцевъ, этотъ пагубный духъ долженъ былъ еще болѣе усиливаться; ибо причины, способствовавшiя его развитiю, существовали, а того, что могло бы его ограничить и

одолѣть, именно общаго народнаго и государственнаго патріотизма, не было. И дѣйствительно, духъ разъединенія и несогласія достигъ въ сербскомъ племени ужасающихъ размѣровъ. Между жителями отдѣльныхъ областей сербскихъ существуетъ непонятная для русскаго вражда и зависть. Въ каждой области сербской нѣтъ села, которое не смотрѣло бы косо на сосѣднее село; нѣтъ села, внутри котораго не было бы зависти и несогласія. Въ Босніи же этотъ недостатокъ общественнаго духа господствуетъ, вѣроятно, еще болѣе, чѣмъ въ другихъ сербскихъ земляхъ, въ слѣдствіе несчастнаго развитія системы *кметовства* или фермерства, о которомъ я уже говорилъ. Голосъ общественнаго несогласія умолкаетъ только передъ вѣрою и церковью: ей босняки, какъ и другіе сербы, въ высшей степени преданы и стоятъ за нее общими силами. При этомъ должно замѣтить, что поселяне гораздо склоннѣе жертвовать на церковь, чѣмъ горожане. Поселянинъ готовъ отдать послѣдній грошъ, чтобы выстроить церковь въ своемъ селѣ; торговецъ же неохотно пожертвуетъ на церковь и часть своего излишка. Другая прекрасная черта въ характерѣ православныхъ поселянъ Босніи есть склонность къ образованію: между ними вы найдете много такихъ, которые самоучкою выучились церковной грамотѣ; всѣ они желаютъ, чтобы ихъ дѣти умѣли читать и писать, и во многихъ мѣстахъ Босніи есть первоначальныя школы, устроенныя въ послѣдніе годы общими пожертвованіями поселянъ, подъ надзоромъ сельскаго священника. Сербское племя гордится и славится своею храбростью: но босняки, кажется, въ старину уступали другимъ сербамъ въ этомъ отношеніи; теперь же о храбрости босняковъ-христіанъ нельзя судить, потому что они совершенно отвыкли отъ оружія; мусульмане же не могутъ назваться храбрецами, а напротивъ, выказали неоднократно противное качество въ своихъ походахъ на Черную-Гору и въ своихъ возстаніяхъ противъ султанской власти. Вооруженнаго христіанина они боятся какъ огня; а когда, въ 1852 г., съ нихъ взяли рекрутъ для регулярнаго войска, то турецкіе начальники остались крайне недовольны ихъ буйствомъ и непокорностью дисциплинѣ. Однако босняки племя рослое, крѣпкое и молодцоватое, и я увѣренъ, что если бы ихъ одушевило какое-нибудь патріотическое чувство и взяли въ руки хорошіе вожди, то они образовали бы превосходное войско.

«Впрочемъ, босняки отличаются любовью къ семейному быту, добродушіемъ, гостепріимствомъ и природнымъ поэтическимъ духомъ, свойственными всѣмъ славянамъ. Со временемъ, если облегчится ихъ судьба, исчезнетъ, можно надѣяться, ихъ мертвенность, пропадутъ дурныя качества, произведеніе гнета и страха, но, предсказываю смѣло, если въ слѣдствіе какихъ нибудь обстоятельствъ, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, чья нибудь сила не поддержитъ и не направитъ ихъ извнѣ, предоставленные самимъ себѣ босняки никогда не высвободятся изъ своей нынѣшней апатіи и не сдѣлаются участниками дѣятельности славянскихъ народностей. Такое предсказаніе я основываю, во-первыхъ на раздѣленіи боснійскаго народа между тремя враждующими вѣроисповѣданіями, которыя уничтожаютъ возможность всякой общей дѣятельности въ этой странѣ; во-вторыхъ на томъ, что въ самой многочислен-

ной и по природѣ самой склонной къ дѣятельности и развитію части боснійскаго населенія, именно въ православныхъ, эгоизмъ и духъ несогласія убиваютъ всякое стремленіе къ пользѣ общей. Этимъ печальнымъ предсказаніемъ оканчиваю я свое изложеніе нынѣшняго состоянія Босніи; но Богъ не безъ милости: если дана была христіанамъ Босніи сила сохранить свою вѣру и свою народность среди столь долгихъ страданій и столь многихъ соблазновъ, то это было, конечно, не для того, чтобы они вѣчно остались подъ гнетомъ и въ мертвенномъ снѣ; конечно, и они вознаграждены будутъ за свое страдальческое прошедшее и неотрадное настоящее лучшимъ будущимъ, въ которомъ разовьются таившіяся въ нихъ силы, и они примутъ участіе въ общей жизни славянской семьи.»

Положеніе по истинѣ трагическое: освобожденіе отъ турецкаго ига необходимо босняку совершенно; это — главное условіе, при которомъ возможно для него человѣческое существованіе, — но для освобожденія ему остается только одинъ путь, путь незаконнаго возстанія, которому, конечно, не будутъ сочувствовать просвѣщенныя державы, а самъ онъ, какъ свидѣтельствуетъ г. Гильфердингъ, не можетъ выдержать борьбы безъ чужой помощи. Въ Босніи нѣтъ даже тѣхъ выгодныхъ условій, которыя помогли независимости сербскаго княжества. Откуда же явится помощь? Развѣ французскій императоръ, освободившій теперь Италію, возьмется за это дѣло,— больше некому.

Путешествіе г. Гильфердинга читается довольно легко; его археологическія отступленія иногда бываютъ интересны и не для спеціалистовъ, какъ напримѣръ разборъ древностей Косовскаго поля и сказаній о знаменитой битвѣ; но напрасно авторъ даетъ столько мѣста топографіи и описаніямъ красотъ природы или трудностей путешествія; эти скалистыя дороги, которыя такъ ему памятны, утомляютъ и самаго читателя. Больше сжатости не повредило бы книгѣ. Она могла бы выиграть также, если бы авторъ больше сосредоточивалъ свои замѣтки о характерѣ и бытѣ боснійскаго народа; собранныя вмѣстѣ, онѣ оставили бы болѣе ясное впечатлѣніе въ читателѣ, и съ другой стороны сдѣлали бы излишними многія подробности, которыя авторъ повторяетъ по нѣскольку разъ безъ особенной нужды.

«Жизнь Ризванбеговича», написанная туземцемъ, представляетъ цѣлую исторію Герцеговины за послѣднія двадцать-пять лѣтъ; потому что Ризванбеговичъ, съ 1832 до 1851 года, былъ неограниченнымъ властителемъ этой страны, такъ что личность его заключаетъ уже въ себѣ характеръ политическаго управленія Герцеговины за это время; въ странахъ, подобныхъ Турціи, біографія правителя есть вмѣстѣ и исторія края. Читатель найдетъ въ простомъ раз-

сказѣ архимандрита очень живое и наглядное изображеніе быта христіанскихъ славянъ подъ произволомъ турецкаго владычества: разсказъ даетъ много отдѣльныхъ анекдотовъ и исторій, очень характерныхъ.

Несравненно оригинальнѣе другая статья, «Лѣтопись Босніи», написанная, какъ мы сказали уже, одной боснійской женщиной. Г. Гильфердингъ разсказываетъ въ предисловіи біографію этой женщины-писательницы, явившейся очень неожиданнымъ образомъ среди народа грубаго и вовсе неуважающаго женщины, и гдѣ женщинѣ вслѣдствіе этого недоступна никакая общественная дѣятельность. Она — дочь небогатаго торговца въ Сараевѣ, и еще въ дѣтствѣ научилась грамотѣ, которая у босняковъ считается, впрочемъ, совершенно не нужною для женщины. Любовь къ церковнымъ книгамъ осталась у Стаки Скендеровой на всю жизнь. Въ дѣтствѣ отецъ одѣвалъ ее въ мужское платье, какъ часто дѣлаютъ въ Босніи съ дѣвочками; но она уже болѣе не снимала мужскаго платья, и отказалась отъ замужества. Мужское платье освобождало ее отъ затворничества, она бывала свободно въ обществѣ мужчинъ, читала въ церкви апостолъ, — тогда какъ обыкновенно женщины допускаются только изрѣдка въ церковь, можетъ быть въ слѣдствіе вліянія мусульманскихъ обычаевъ. Въ 1841 г. братъ ея подвергся ужаснымъ истязаніямъ отъ турокъ, и два года потомъ, до своей смерти, оставался на рукахъ ея несчастнымъ калѣкой; это ее экзальтировало еще болѣе прежняго. Она посвятила себя на служеніе Богу и своему народу; выучившись по турецки и успѣвши проникнуть въ дома и гаремы турокъ, она дѣйствительно часто и съ успѣхомъ заступалась за своихъ единовѣрцевъ; они платятъ ей большимъ уваженіемъ, котораго совершенно заслуживаетъ ея чистый характеръ. Теперь по стараніямъ ея открыта въ Сараевѣ женская школа, и Скендерова занимается теперь этой школой, основать которую было давнишнимъ ея желаніемъ. «Лѣтопись» ея дѣйствительно замѣчательное и оригинальное произведеніе, какимъ называетъ ее издатель. Въ простомъ народѣ Босніи до сихъ поръ крѣпко держится то эпическое настроеніе, которому удивляемся мы въ сербскихъ пѣсняхъ. Въ головѣ босняка каждое прошедшее событіе тотчасъ облекается въ тѣ поэтическія народныя краски, въ какихъ онъ привыкъ представлять свою прошедшую исторію. Въ Босніи народная поэзія не сдѣлалась, какъ у другихъ славянъ, спеціальною принадлежностью слѣпцевъ, старцевъ и гусляровъ; живыя импровизаціи до сихъ поръ свободно льются въ зимніе вечера, когда дѣвушки сходятся пѣть пѣсни; событія изъ народныхъ возстаній и битвъ съ турками, разсказываются въ длинныхъ пѣсняхъ очень скоро послѣ самыхъ событій. Этой

дѣлается какъ-то само собой; народъ идетъ здѣсь безсознательно за преданьемъ и не можетъ говорить иначе, какъ поэтическимъ языкомъ пѣсни. Въ «Лѣтописи» Скендеровой историческое пониманіе, какъ въ цѣломъ народѣ, скрывается за эпическимъ; она не всегда даетъ вѣрныя фактическія данныя, но за то прекрасно передаетъ впечатлѣніе, оставленное фактомъ въ народѣ. Начало лѣтописи она писала по разсказамъ другихъ, а затѣмъ говоритъ по собственнымъ воспоминаніямъ, и тамъ, гдѣ она отъ общаго описанія времени переходитъ къ самымъ событіямъ, тонъ разсказа становится чисто эпическимъ и форма его дѣлается эпической пѣсней. Г. Гильфердингъ, переводившій лѣтопись, приводитъ въ подлинникѣ эти поэтическія мѣста разсказа; они очень любопытны.

Послѣднія двѣ статьи сборника представляютъ статистическія и историческія извѣстія о монастыряхъ и церковныхъ округахъ Герцеговины, и менѣе занимательны для читателя.

«Сборникъ» г. Гильфердинга изданъ географическимъ обществомъ, которое, конечно, сдѣлало хорошо, что занялось и этимъ предметомъ, любопытнымъ для публики вѣроятно не меньше зауральскихъ степей. Не говоримъ уже о томъ, что самъ г. Гильфердингъ сдѣлалъ хорошо, переступивши въ своихъ занятіяхъ на почву нынѣшняго славянства, безъ сомнѣнія, болѣе прочную и живую, чѣмъ та, которой посвящены были его прежніе труды. Гораздо интереснѣе живая рѣчь современнаго славянина, чѣмъ санскритское корнесловіе, и ужь если о чемъ жалѣть, то лучше о бѣдномъ нынѣшнемъ боснякѣ, чѣмъ о балтійскихъ славянахъ.

Сборникъ, издаваемый студентами Императорскаго Петербургскаго Университета. Выпускъ второй. Спб. 1860.

Прошло больше двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ первый выпускъ студентскаго «Сборника», и мы думали уже, что онъ покончилъ свое существованіе, какъ часто кончаютъ подобныя благія затѣи. Второй выпускъ убѣждаетъ насъ, что ревность издателей еще не истощилась, и они даже обѣщаютъ продолжать предпріятіе. Въ нынѣшней книжкѣ помѣщены слѣдующія статьи: «Рабочіе люди», юридическое изслѣдованіе студента Генерозова-Смыкова; «Организмы на границѣ животнаго и растительнаго царства», канд. Фаминцына; «Вильгельмъ Гумбольдтъ», очень длинная статья, составленная по новѣйшимъ біографіямъ этого ученаго г. Писаревымъ; филологическое изслѣдованіе Шафарика, переведенное г. Макушевымъ; «О жизни и сочиненіяхъ Веневитинова», г. Пятковскаго; замѣтки о Грибоѣдовѣ; дополненіе къ статьѣ перваго выпуска о предпріятіи

студентовъ восточнаго факультета, и наконецъ, «лѣтопись внутренней жизни университета». Въ приложеніяхъ: неизбѣжный Гербертштейнъ, въ новомъ небольшомъ отрывкѣ, и публичныя лекціи гг. Стасюлевича и Благовѣщенскаго, читанныя ими въ прошломъ году въ пользу бѣдныхъ студентовъ и замѣченныя въ свое время въ нашемъ журналѣ. Для насъ интереснѣе другихъ были статьи литературныя, которыя составлены недурно; жаль только, что редакторы разбиваютъ иныя статьи на разныя книжки. Въ этомъ выпускѣ «Сборника», г. Пятковскій передалъ только біографію своего писателя, а разборъ его сочиненій отложилъ — на сколько времени? Въ статьѣ есть, за исключеніемъ нѣкоторыхъ рутинныхъ вещей, хорошіе литературные пріемы, живой взглядъ, начитанность и новые біографическіе матеріалы о Веневитиновѣ; но на сколько вѣрно авторъ опредѣлилъ характеръ этого писателя, имѣющаго до сихъ поръ неясную репутацію въ нашей литературѣ, мы скажемъ, вѣроятно, года черезъ два, когда надѣемся прочесть вторую, главную часть статьи. Въ «Замѣткахъ о Грибоѣдовѣ» г. А. Майковъ пересказываетъ содержаніе неизданной комедіи его «Студентъ», по рукописи, принадлежавшей его другу П. А. Катенину, и приводитъ сатирическое стихотвореніе «Лубочный театръ»; обѣ эти пьесы сами по себѣ очень не замѣчательны. Г. Макушевъ хорошо перевелъ статью Шафарика о числительныхъ именахъ; намъ кажется только, что подобные труды не достигаютъ своей цѣли, — потому что люди, спеціально занимающіеся этимъ предметомъ, будутъ знать и подлинникъ статьи, а для читателя неспеціалиста она невозможна, онъ не побѣдитъ ее. Неужели по славянщинѣ у студентовъ не нашлось ничего больше интереснаго для читающей публики? Въ той же чешской литературѣ не трудно было бы выбрать для перевода много вещей, не меньше полезныхъ и несравненно больше занимательныхъ. Напрасно также редакторы разбиваютъ до такой степени переводъ Гербертштейна; вѣдь онъ остается безполезенъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ конченъ: начинать чтеніе съ половины слова и также кончать его, вовсе не весело.

Въ первомъ выпускѣ «Сборника» г. Богушевичъ, обнаружившій столь непримиримую вражду къ магометову корану, объявилъ, что студенты восточнаго факультета въ Петербургскомъ университетѣ возымѣли «новое предпріятіе»: это предпріятіе, о которомъ онъ говорилъ пышными фразами, состояло въ изданіи руководствъ для изученія восточныхъ языковъ. Нынѣшніе студенты составили *дополненіе* къ прежней статьѣ г. Богушевича, изъ которой оказывается, что г. Богушевичъ не только не любитъ востока, но и мало знаетъ его: онъ жаловался, что для разныхъ восточныхъ языковъ,

входящихъ въ составъ факультета, нѣтъ хрестоматій и грамматикъ, которыя по его предположеніямъ и должны были составить студенты; между тѣмъ оказывается, что онѣ есть.

Въ университетской «Лѣтописи» любопытны извѣстія о кассѣ бѣдныхъ студентовъ, которая устроена была недавно самими студентами, и находится въ полномъ ихъ распоряженіи. Она составляется изъ произвольнаго взноса достаточныхъ студентовъ, и изъ ежегодныхъ концертовъ въ университетской залѣ, которыми прежде завѣдывалъ инспекторъ, а теперь сами студенты. Наконецъ, сюда принадлежатъ сборы съ публичныхъ лекцій, которыя читаются иногда профессорами въ пользу кассы. Съ конца 1857 года до 1 іюня 1859 года, касса выдала въ видѣ вспомоществій и занимообразныхъ ссудъ 9,000 руб. сер. Правленіе университета въ тотъ же промежутокъ времени выдало стипендій на 7,160 р. Изъ суммъ, выручаемыхъ за концерты, инспекторъ студентовъ, ими прежде завѣдывавшій, роздалъ до 3.000 р. сер. Такому предпріятію, какъ эта касса бѣдныхъ студентовъ, нельзя не сочувствовать искренно, и мы отъ души желаемъ ему всевозможнаго успѣха, но для его же пользы желали бы обратить вниманіе гг. студентовъ на слѣдующее обстоятельство: касса будетъ вѣрна своей цѣли только въ такомъ случаѣ, когда дѣло будетъ ведено совершенно правильно и безъ малѣйшаго произвола, и студенты въ употребленіи кассы должны быть крайне осторожны.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НОВЫЕ ИТАЛЬЯНСКІЕ ПОЭТЫ.

Было время, когда литература и изящныя искусства Италіи составляли гордость ея націи, предметъ удивленія для окружающихъ ее странъ. Теперь думаютъ, что интеллектуальная Италія поблекла безвозвратно, что послѣ блестящаго вѣка Данте и почти столь же чуднаго блеска во времена Аріосто итальянское племя, нѣкогда столь даровитое, должно довольствоваться преданьями о своемъ славномъ прошедшемъ. Но вспомнимъ, до какой степени силы и блеска Италія не разъ возносилась, послѣ паденій, очень глубокихъ. Въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій она, въ той или другой формѣ, властвовала надъ Европою. Въ то время, когда политическое могущество ея исчезло, она блистала умственнымъ величіемъ и господствовала надъ цивилизованнымъ міромъ своими искусствами и литературою. Пока независимость еще не погибла окончательно на ея почвѣ, — раздавались безсмертныя пѣсни ея поэтовъ. Данте, Петрарка, Аріосто, Тассо, слѣдовали одинъ за другимъ. Когда духъ свободы былъ подавленъ, когда рѣчь была запрещена, — геній Италіи сталъ искать убѣжища въ скульптурѣ, живописи и музыкѣ. Всѣ эти искусства, въ тысячѣ различныхъ формъ, выражали то, что опасно было высказать словами. Если теперь живопись и скульптура на время упали въ Италіи, то музыка по прежнему выражаетъ жалобы и желанія страны, которая произвела такъ много великихъ людей и совершила столько великихъ подвиговъ. Неужели нація, которая дала міру Вирги-

лія, Тассо, Альфіери, Галилея и Колумба, можетъ придти въ совершенный упадокъ умственныхъ силъ? Онѣ воскресаютъ передъ нами. Еще немного лѣтъ тому назадъ, Италія едва обнаруживала признаки національной и умственной жизни. Но потомъ она пробудилась, и кто не согласится, что въ этомъ пробужденіи заключается много надеждъ и славы? Кто станетъ отвергать, что итальянскій духъ укрѣпился терпѣньемъ, облагородился страданьемъ и созрѣлъ въ слѣдствіе размышленія? Стоитъ только изучить литературу Италіи за послѣднія пятьдесять лѣтъ, чтобы замѣтить, что если въ ней и не возникло ни одного сильнаго генія, который бы могъ быть соперникомъ Данте по славѣ, то все-таки сдѣлано нѣсколько прочныхъ пріобрѣтеній; пробита стезя, которая въ послѣдствіи приведетъ къ дѣламъ важнѣйшимъ. Новая итальянская литература также несомнѣнно доказываетъ постоянно возрастающее стремленіе Италіи къ единству и независимости, а когда онѣ будутъ пріобрѣтены, то не можемъ ли мы надѣяться, что возродится и весь блескъ итальянскаго генія? Мы хорошо знаемъ, что одна свобода еще не можетъ создать поэтовъ. Но покажите намъ въ какомъ нибудь вѣкѣ хоть *одинъ* случай, гдѣ бы геній сохранилъ свою энергію невредимою въ народѣ, находящемся, подобно Италіи, подъ чужеземнымъ игомъ (Австрія въ теченіи послѣднихъ сорока лѣтъ была настоящею властительницею всего полуострова), въ особенности тамъ, гдѣ властители по цивилизаціи и образованности ниже угнетенныхъ. Если мы вспомнимъ, что и въ Ломбардіи, въ Тосканѣ, Римѣ и Моденѣ запрещался всякій шагъ къ свободѣ слова и мысли, что литература и образованіе подвергались преслѣдованіямъ, и всякій національный порывъ наказывался какъ преступленіе, то удивимся не тому, что интеллектуальное состояніе Италіи пало такъ низко, а скорѣе тому, что она сохранила еще такъ много жизненныхъ силъ въ своемъ паденіи. Едва въ 1814 г. Австрія сдѣлалась властительницею Ломбардіи и Венеціи, — свобода слова и мысли тотчасъ же была запрещена. «Мнѣ нужны полезные подданные, а не ученые», сказалъ Францъ I. Когда члены миланскаго института представили ему знаменитаго астронома Оріани, онъ повернулся къ нимъ спиною. Документы, открытые въ послѣднее время въ архивахъ герцога моденскаго и обнародованные по повелѣнію временнаго правительства, показываютъ, какъ хорошо онъ слѣдовалъ этому примѣру.

Презрѣніе, которое, справедливо или несправедливо, пало на итальянцевъ какъ на народъ, распространилось и на ихъ литературу. Другая причина пренебреженія къ итальянской поэзіи — трудность изученія ея. Итальянскіе поэты усвоили себѣ особенный

языкъ, изобилующій самыми смѣлыми оборотами, которые требуютъ продолжительнаго изученія, чтобы свыкнуться съ ними, а для этого не у многихъ изъ насъ достаетъ времени и терпѣнія. Поэтому мы съ холодностью отворачиваемся и вѣримъ на-слово людямъ, которые твердятъ, что новѣйшая итальянская поэзія слаба, аффектирована и напыщенна.

Манцони извѣстенъ Европѣ почти только своимъ романомъ «Обрученные (Promessi sposi). Произведеній Леопарди мы почти не знаемъ; нѣсколько больше мы знакомы только съ однимъ итальянскимъ поэтомъ девятнадцатаго столѣтія — Сильвіо Пеллико, да и то почти только по его разсказу о продолжительномъ и жестокомъ заключеніи. Другія его произведенія, отличаясь нѣжностью, имѣютъ недостатокъ въ силѣ и мужественности. Его «Francesca di Rimini» одна изъ популярнѣйшихъ итальянскихъ трагедій, обязана своимъ успѣхомъ скорѣе изяществу языка, нежели возвышенности чувства или развитію характеровъ. Если бы гоненіе Австріи не поразило Сильвіо Пеллико въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, то, можетъ быть, настроеніе его ума пріобрѣло бы больше силы и твердости. Его нѣжная душа была совершенно разбита страданьемъ и заключеніемъ, и со времени своего освобожденія онъ остался въ полномъ одиночествѣ, отказавшись отъ всякой политической и литературной дѣятельности. Несмотря на благосклонность, которою справедливо пользуется его «Prigioni» по трогательной простотѣ разсказа, въ цѣломъ эта книга производитъ тягостное впечатлѣніе. Мы сострадаемъ ему въ его бѣдствіи, удивляемся его совершенному отреченію отъ человѣческой воли, но вмѣстѣ чувствуемъ, что если бы Италія обладала только *такими* добродѣтелями, то *для* нея погибла бы всякая надежда и намъ осталось бы только плакать надъ ея могилой.

Вовсе не похожъ на Сильвіо Пеллико былъ Уго Фосколо. Гордый, рѣшительный и неустрашимый, онъ составлялъ поразительный контрастъ съ Сильвіо Пеллико, который въ молодости былъ близкимъ другомъ Фосколо, несмотря на несходство ихъ характеровъ, и до своего заключенія часто помогалъ изгнаннику деньгами, подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы онѣ выручены отъ продажи сочиненій Фосколо. Переписка Фосколо, напечатанная въ 1854 г., разсѣявъ туманъ вымысла, который окружалъ его личность, возвысила его характеръ въ глазахъ всѣхъ мыслящихъ людей. Она показала его не идеальнымъ героемъ, какимъ выставляли его приверженцы, не чувственнымъ развратникомъ, какимъ описывали его враги. Правда, въ нѣкоторой степени въ немъ совмѣщались оба эти характера: онъ былъ вмѣстѣ и стоикъ и сибаритъ. Въ молодости онъ былъ игрушкою страстей, но онъ любилъ родину такъ сильно,

что отказался отъ дома, друзей и состоянія, лишь бы работать для ея освобожденія.

Фосколо родился въ Занте. Одинъ изъ его предковъ былъ главнокомандующимъ венеціанскихъ войскъ, въ послѣднюю Кандійскую войну. Но, кромѣ воспоминаній, Фосколо ничего не наслѣдовалъ отъ прежняго величія своей фамиліи, принадлежавшей къ венеціанской аристократіи. Его мать была гречанка и мальчикъ отъ колыбели воспитывался въ любви къ независимости. Онъ тяготился вялымъ существованіемъ, на которое былъ обреченъ. Венеція въ то время была еще независимымъ государствомъ, но дряхлость и непорядочность, въ которую она впала, заставляли молодого республиканца краснѣть за свое отечество. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда на Италію нахлынули волны французской революціи. Фосколо привѣтствовалъ ее съ восторгомъ, и едва провозглашена была Цизальпинская республика, устремился туда надышать новымъ воздухомъ свободы. *Его* отечествомъ была не Венеція, а Италія, не въ томъ видѣ, какъ она существовала въ дѣйствительности, а въ томъ, какъ любило представлять ее воображеніе Фосколо: Италія возрожденная, составляющая одно цѣлое, независимая. Поступивъ въ одинъ изъ корпусовъ, сформированныхъ французами, онъ участвовалъ въ опасностяхъ и славѣ кампаній 1798 — 99 г., отличился при Кастильоне, а при Маренго произведенъ былъ въ чинъ капитана. Но скоро его энтузіазмъ къ французамъ началъ остывать; онъ нашелъ ихъ не такими хорошими союзниками, какими предполагалъ; возбужденныя ими надежды остались не выполненными. Онъ покинулъ французскую армію, и, — чтобы забыть свои неудачи политическія и любовныя, — началъ писать романъ. Главною идеею и заглавіемъ этого произведенія онъ обязанъ былъ случаю. Студентъ Падуанскаго университета, Джакопо Ортисъ, кончилъ жизнь самоубійствомъ. Причина этого поступка была покрыта тайною. Одни приписывали его обманутой любви, другіе — безнадежному патріотизму. Фосколо всегда защищалъ право человѣка положить конецъ своему существованію, если оно сдѣлалось бременемъ. Онъ избралъ своимъ героемъ Ортиса, и поставилъ себя въ его положеніе, чтобы излить свои пламенныя и тревожныя мысли. «Джакопо Ортисъ» напоминаетъ Вертера. Но въ нѣмецкомъ романѣ любовь, и только любовь, овладѣваетъ умомъ героя и доводитъ его до самоубійства. Въ итальянскомъ романѣ съ этою страстью соединена другая, не менѣе пламенная, — патріотизмъ. Въ «Вертерѣ» мало происшествій; ничто не отвлекаетъ нашего вниманія отъ главныхъ лицъ и отъ главнаго дѣйствія. Вертеръ убиваетъ себя потому, что предметъ его любви — невѣста другаго. Не таковъ Ортисъ. Въ немъ два чело-

вѣка, какъ и въ самомъ Фосколо. Къ самоубійству побуждаетъ его призракъ умирающаго отечества точно такимъ, какъ призракъ соперника,—эта черта придаетъ оригинальность и историческую важность роману Фосколо. Во всякой странѣ и во всякомъ вѣкѣ бываютъ люди, которыхъ несчастная любовь доводитъ до самоубійства; но примѣры самоубійства вслѣдствіе патріотическаго отчаянія принадлежатъ только извѣстнымъ періодамъ и странамъ. Успѣхъ романа былъ огромный. Стихотворенія Фосколо не такъ замѣчательны какъ его романъ. Они энергичны и пламенны, какъ все, что онъ писалъ, но въ нихъ много неясности и преувеличенія. Впрочемъ изъ этого приговора, кажется, должно исключить его «Гробницы» (Sepolchri) — поэму написанную въ память друга Фосколо, Пармини, надъ могилою котораго не было монумента, такъ что самое мѣсто, гдѣ покоились его смертные останки, могло быть забыто. Стихотвореніе «Sepolchri» не заслуживаетъ всѣхъ похвалъ, которыя ему расточались. Въ немъ слишкомъ много учености; намеки миѳологическіе, историческіе и литературные такъ многочисленны и темны, что авторъ принужденъ самъ дѣлать на нихъ комментаріи. Но стихъ чрезвычайно гармониченъ, и есть мѣста, отличающіяся большою силою и красотою. Главная мысль поэмы — чувство почтительнаго удивленія временамъ и обычаямъ древности и глубокое сожалѣніе о нихъ. Авторъ жалѣетъ объ урнахъ, о «поглощающемъ пламени», которое, разрушая тлѣнную часть человѣческаго тѣла, «оставляетъ только пепелъ его для этой земной юдоли». Одно изъ лучшихъ мѣстъ «Sepolchri», по крайней мѣрѣ въ оригиналѣ, есть слѣдующее:

«Тамъ смѣшивали кедръ и кипарисъ
Въ зефирѣ нѣжное благоуханье,
Склонясь вѣчной зеленью своей
Надъ гробовою урной. Драгоцѣнный
Сосудъ слезой обѣтной окропляя;
Сонма преданныхъ друзей, въ своей любви,
Старался лучь заимствовать отъ солнца,
Чтобъ этотъ мракъ могилы прояснить.
Такъ, умирая, обращаемъ мы
Тоскливый взглядъ свой къ дневному свѣтилу,
И къ свѣту рвется въ нашъ предсмертный часъ
Послѣдній вздохъ, изъ груди выходящій.
Фонтанъ журчалъ, серебряной струёй
Онъ обдавалъ фіялки, амаранты,
Которыми усѣяна была
Трава могильная; кто приходилъ
Чтобъ возліянье сдѣлать надъ гробницей,
Изъ тайную печаль свою повѣрить

Умершему, — внималъ благоуханье
Благословенныхъ елисейскихъ странъ.

Трагедіи Фосколо, нѣкогда чрезвычайно популярныя, нынѣ почти забыты. Мысли въ нихъ благородны, языкъ силенъ, но сцены и положенія вообще натянуты, а лицамъ недостаетъ теплоты. Странно сказать, но это рѣзкій недостатокъ итальянской трагедіи вообще. Его мы видимъ даже у Альфіери, который, желая избѣжать дѣланаго соотечественникамъ его упрека въ изнѣженности и пошлой прикрашенности, довелъ до излишества строгую простоту. Контуры его характеровъ всегда благородно и сильно очерчены, но имъ часто недостаетъ рельефности и колорита; а чрезмѣрная сжатость, составляющая отличительную черту піемонтскаго поэта, мѣшаетъ тому развитію страсти, тому раскрытію глубины души, которое одно въ состояніи возбудить и поддержать интересъ въ зрителѣ. Трагедіи Альфіери болѣе годны для чтенія въ кабинетѣ, нежели для сцены. Фосколо увеличилъ недостатки своего образца, но его драмы всегда дышутъ патріотическимъ жаромъ и національнымъ энтузіазмомъ, потому онѣ имѣли въ свое время большой успѣхъ. Фосколо былъ назначенъ на учрежденную Наполеономъ каѳедру словесности въ Падуанскомъ университетѣ, но скоро отъ сценическихъ и литературныхъ успѣховъ онъ былъ отвлеченъ участіемъ въ драмѣ, исполненной болѣе сильныхъ ощущеній. Это было въ сентябрѣ 1813 г. Гигантская сила Наполеона начала колебаться. Фосколо не любилъ Наполеона и никогда не скрывалъ своихъ чувствъ, но понималъ, что императоръ много сдѣлалъ для Италіи. Онъ видѣлъ совершеніе великихъ дѣлъ, поощреніе сельскому хозяйству, расширеніе торговли; видѣлъ, что въ самомъ центрѣ Италіи учреждено сильное государство, управленіе которымъ предоставлено самимъ итальянцамъ; что образована національная армія въ странѣ, которая въ теченіе четырнадцати вѣковъ не имѣла ея, что шесть милліоновъ итальянцевъ соединились подъ однимъ знаменемъ съ національными цвѣтами. Онъ видѣлъ, что всѣ сословія сравнены передъ закономъ, что литераторы пользуются покровительствомъ и поощреніемъ, засѣдаютъ въ совѣтѣ и въ сенатѣ. Правда, этимъ еще не выполнялись всѣ обѣщанія, но и это уже много значило. Фосколо понималъ, что его соотечественники, униженные цѣлыми столѣтіями рабства, изнѣженности и испорченности, должны перевоспитаться прежде, нежели можно будетъ получить имъ національное единство и полную независимость. Онъ чувствовалъ, что судьба Италіи связана съ судьбой имперіи Наполеона и наконецъ видѣлъ лживость прекрасныхъ обѣ-

щаній, дѣлаемыхъ иногда австрійцами. Онъ оплакивалъ слѣпоту своихъ соотечественниковъ, прельщавшихся этими обѣщаніями, и предсказывалъ результатъ. Личная обязанность для него была ясна: онъ снова взялся за мечъ и поступилъ въ армію вице-короля Евгенія. Послѣ паденія итальянскаго королевства Фосколо понялъ, что его роль, какъ солдата, кончилась. До отъѣзда своего въ изгнаніе онъ остался безмолвнымъ, но печальнымъ зрителемъ событій, ввергавшихъ его родину въ глубину бѣдствій и униженія. У Фосколо требовали, какъ у офицера, присяги австрійскому правительству. При его чувствахъ такая присяга была невозможна, но открыто отказаться отъ нея было опасно. Онъ сдѣлалъ видъ, будто уступаетъ требованію, заказалъ мундиръ, но, уловивъ благопріятную минуту, ушелъ въ Швейцарію. «Моя честь и совѣсть, пишетъ онъ, запрещаютъ мнѣ клясться въ вѣрноподданствѣ Австріи. Вы не будете осуждать меня, матушка, потому что вы сами внушили мнѣ эти чувства и требовали, чтобы я сохранилъ свою честь незапятнанною.» Съ тѣхъ поръ, какъ Фосколо оставилъ свою родную землю, его литературная карьера, можно сказать, кончилась. Правда, умъ его былъ полонъ обширныхъ проэктовъ: исторія современной Италіи, переводъ Гомера, эпическія поэмы, трагедіи,— все это блестящимъ строемъ рисовалось въ его воображеніи; но необходимость удовлетворять насущнымъ потребностямъ не давала ему времени для осуществленія своихъ плановъ. Послѣ восьмнадцатимѣсячнаго пребыванія въ Швейцаріи, гдѣ Фосколо часто доходилъ до крайней бѣдности, онъ удалился въ Лондонъ. Здѣсь по крайней мѣрѣ онъ могъ наслаждаться тѣмъ, къ чему такъ долго стремился — свободою писать и говорить все, что угодно. Но что̀ пользы было въ этой свободѣ изгнаннику безъ друзей и состоянія?

«Въ Англіи, говоритъ Нибуръ, преступленіе не быть богатымъ заглаживается только постоянными и успѣшными усиліями сдѣлаться богатымъ», а Фосколо рѣшительно былъ несвѣдущъ въ средствахъ къ пріобрѣтенію богатства. Гордый и независимый, онъ готовъ былъ скорѣе перенести тягостнѣйшія лишенія, нежели открыть свою бѣдность и такимъ образомъ «потерять», по его выраженію, «названіе порядочнаго человѣка». «Я живу въ маленькой деревушкѣ, чтобъ скрыть мою нищету. Бѣдность здѣсь въ немилости, которой не могутъ смыть никакія заслуги. Правда, это преступленіе не наказывается закономъ, но тѣмъ строже оно преслѣдуется свѣтомъ. Такой образъ мыслей приноситъ большую пользу націи вообще, но не позволяетъ несчастному страдальцу искать помощи или утѣшенія, потому что это здѣсь подвергаетъ униженію.» Въ этихъ послѣднихъ словахъ заключается тайна бѣдности Фосколо.

Конечно, было бы несправедливо сомнѣваться въ томъ, что между многочисленными англійскими поклонниками поэта и патріота нѣкоторые съ радостью помогли бы ему въ бѣдствіи. Но всеобщее уваженіе къ богатству, замѣчаемое имъ вокругъ себя, сдѣлало на него слишкомъ сильное впечатлѣніе, и онъ предпочелъ жесточайшее страданіе тому, что̀, по его мнѣнію, должно было его унизить. Онъ писалъ статьи для журналовъ; но ему приходилось писать по-французски, потомъ отдавать переводить это на англійскій языкъ, что̀ поглощало значительную часть его выгодъ. И сколько разъ Фосколо, подвергнувъ свою мысль пыткѣ для изложенія ея на чужомъ языкѣ, имѣлъ несчастіе видѣть, что статья его не принята! Онъ старался добыть себѣ пропитаніе рецензіями, изданіями итальянскихъ классиковъ и проч., но выгоды отъ этого были незначительны. Кромѣ того, благоразуміе не принадлежало къ числу его добродѣтелей. При малѣйшей улыбкѣ счастія, онъ былъ слишкомъ склоненъ разсчитывать на его благосклонность въ будущемъ, и издержки на постройку коттэджа, гдѣ онъ надѣялся провести свои преклонные годы, довершили его разореніе: авторъ «Джакопо Ортиса», полковникъ итальянскаго королевства, бывшій профессоръ словесности въ Падуанскомъ университетѣ, знаменитый поэтъ, отличный критикъ, былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму за долги. Этотъ грустный періодъ жизни Фосколо очень мало извѣстенъ. Поэтъ не былъ совершенно забытъ. Мы знаемъ, что его окружало нѣсколько вѣрныхъ друзей, но ударъ былъ нанесенъ. Униженіе было нестерпимо для его гордой души; онъ уже не оправился и умеръ 14 сентября 1849 г. Прахъ его покоится на небольшомъ англійскомъ кладбищѣ въ Чизуикѣ. Переписка Фосколо представляетъ вѣрное отраженіе его самаго; иногда она исполнена страсти, энергіи, твердыхъ и серьёзныхъ убѣжденій; иногда же—сомнѣнія, неизвѣстности и унынія. Здѣсь высказывается сердце, пылающее патріотизмомъ и въ тоже время легко поддающееся соблазну любви и удовольствій.

Судьба Фосколо должна была бы, кажется, послужить грознымъ предостереженіемъ для всѣхъ тѣхъ итальянцевъ, по понятіямъ которыхъ поэтъ и граждане составляютъ одно и которые стараются возродить свое отечество посредствомъ облагороженія и возвышенія его литературы. Тюрьма, или, по меньшей мѣрѣ, изгнаніе, бѣдность, пренебреженіе и запрещеніе ихъ сочиненій — вотъ участь, которою до сихъ поръ награждались ихъ усилія. И однакоже эти усилія вмѣсто того, чтобы ослабѣвать, дѣлаются съ каждымъ днемъ энергичнѣе. Но для людей, которые, подобно Фосколо, высказывая благородныя и патріотическія чувства для блага своей родины, терпѣли и терпятъ гоненіе за такую смѣлость, служитъ утѣ-

пенѣнъ то, что жертва не была напрасна. Итальянская литература вступила уже въ новый фазисъ развитія, а итальянскій характеръ пріобрѣлъ болѣе силы. Тѣ, которые думаютъ, что въ новѣйшей итальянской поэзіи они не найдутъ ничего кромѣ звуковъ любви и нѣжности, жалобъ и восторженныхъ увлеченій, вздоховъ и сентиментальной идеализаціи, удивятся, если услышатъ, что отличительный характеръ ея нынѣ составляютъ сжатость, сила и серьёзность; этимъ въ особенности отличается школа Леопарди.

Леопарди заслуживаетъ уваженія не только какъ поэтъ. Будучи однимъ изъ самыхъ глубокихъ мыслителей своего вѣка, онъ соединялъ обширныя свѣдѣнія съ великимъ, проницательнымъ и наблюдательнымъ умомъ. Какъ знатокъ классическаго міра, онъ почти не имѣлъ соперниковъ, и его греческія оды могутъ быть приняты, даже учеными, за оды Анакреона. Характеристическая черта его генія состояла въ рѣдкомъ соединеніи обширныхъ и положительныхъ знаній съ огнемъ вдохновенія. Леопарди родился 7 іюня 1798 г. въ Реканатѣ, деревнѣ близъ Анконы. Успѣхи его въ наукахъ были изумительны; восьми лѣтъ отъ роду онъ уже порядочно зналъ латинскій и греческій языки, и въ томъ возрастѣ, когда другіе сидятъ за лексикономъ и грамматикою, былъ уже не послѣднимъ ученымъ. Въ 1814 г., онъ издалъ комментаріи на ораторовъ втораго вѣка. Въ слѣдующемъ году—«Изслѣдованіе о народныхъ заблужденіяхъ древнихъ» (Saggio sopro gli etori popolari degli Antichi), гдѣ разсматриваются предразсудки грековъ и римлянъ относительно оракуловъ, колдовства и проч. Леопарди оканчиваетъ его одою къ религіи, восторженный тонъ которой находится въ сильномъ противорѣчіи съ невѣріемъ его позднѣйшихъ лѣтъ.

До сихъ поръ жизнь Леопарди проходила въ монотонномъ спокойствіи. Онъ жилъ не въ настоящемъ, а въ прошедшемъ, посвящая свои дни и ночи изученію древнихъ. Оставаясь въ своей родной деревнѣ, онъ мало зналъ изъ того, что происходило вокругъ него. Завоеваніе его родины французами, учрежденіе королевства на сѣверѣ Италіи, нѣкоторая независимость ея въ теченіе краткаго періода нѣсколькихъ лѣтъ, новый унадокъ,—все это произошло еще во время его дѣтства. Посѣщеніе сѣверной Италіи въ 1818 г. пробудило его отъ этой апатіи и разрушило навсегда спокойствіе его души. Несчастія родины сдѣлали его невѣрующимъ. Къ этому присоединилась его ссора съ отцомъ, который не могъ простить ему патріотическихъ стремленій и отказалъ ему въ средствахъ къ жизни. Въ 1822 г. Леопарди отправился въ Римъ, гдѣ ему было поручено составленіе каталога греческой библіотеки во дворцѣ Барберини. Здѣсь же онъ познакомился съ Нибуромъ, который оцѣнилъ его и

старался убѣдить его принять профессорскую каѳедру въ Берлинѣ. Но для Леопарди имя Германіи было соединено съ именемъ угнетателей его родины, и онъ рѣшительно отвергнулъ это предложеніе. Въ Римѣ онъ далеко не былъ счастливъ; можетъ быть, вездѣ съ нимъ было бы тоже самое; ему не везло. Принужденный заработывать пропитаніе перомъ, онъ имѣлъ мало времени для оригинальныхъ произведеній. Нѣсколько канцонъ его появилось въ 1827. Онѣ отличаются энергическою сжатостью. Въ тоже время возбудили вниманіе и уваженіе его «Изслѣдованія о нравственности» хотя они проникнуты духомъ скептицизма. Между тѣмъ его здоровье становилось съ каждымъ днемъ хуже, такъ что въ 1830 г., когда ему было только тридцать два года, онъ былъ уже неспособенъ заниматься болѣе двухъ часовъ въ день. Его положеніе было очень затруднительно: либеральныя мнѣнія навлекли на него неудовольствіе правительства. По совѣту медика, Леопарди поселился въ Неаполѣ, гдѣ и умеръ въ 1831 г.

Леопарди поэтъ и философъ скорби. Это не аффектація отчаянія. Для убѣжденія въ томъ, что онъ разсказываетъ о дѣйствительныхъ страданіяхъ, намъ стоитъ только прочесть его: «Тишину послѣ бури» (Quiete dopo la Tempesta) «Ночную пѣсню» (Canto notturno) и «Воспоминанія» (Ricordanze) или исторію «Филиппа Оттоньери», гдѣ Леопарди изображаетъ самаго себя, подъ именемъ Оттоньери, точно такъ же какъ Макіавелли, подъ видомъ разсказа о жизни Кастучіо Кастрикани, написалъ собственную свою исторію. Постоянныя страданія физическія и нравственныя придаютъ какую-то меланхолическую монотонность его стиху. Знаменитѣйшія изъ мелкихъ стихотвореній Леопарди, на которыхъ преимущественно основывается его слава — «Послѣдняя пѣсня Сафо» (Ultimo canto di Saffo), «Воскресеніе» (il Risorgimento) «Вечеръ праздничнаго дня» (La sera del di di festa), «Подражаніе» (Imitazione), и «къ Италіи» (All'Italia). Послѣднее стихотвореніе есть одно изъ немногихъ, гдѣ онъ открыто излилъ ту патріотическую скорбь, которая омрачила его существованіе и внесла тонъ глубокой грусти во всѣ его произведенія. Оно написано бѣлыми стихами, которые любилъ Леопарди. Вотъ переводъ нѣсколькихъ стиховъ:

КЪ ИТАЛІИ.

«О родина, Италія! смотрю
Я на твои колонны, арки, стѣны,
На гордыя статуи нашихъ предковъ,
И на вольчуги и на лавръ отцовъ.
Ихъ нѣтъ теперь, а *славы* ихъ не вижу.

Италія, что безъ оружья ты?
Зачѣмъ чело и грудь твои открыты?
Что значитъ эта мертвенная блѣдность? —
И эти раны? — Къ небу и землѣ
Вопросъ я обращаю: кто тебя
Довелъ до униженья? Кто цѣпями
Тебя обременилъ? И не покрыта,
И растрепавши волосы свои,
Ты на землѣ въ отчаяньи сидишь,
Сокрывая плачущій свой ликъ въ колѣняхъ....
Да, плачь Италія! Вѣдь есть о чемъ!
Унижена, оставлена.... Когда бы
Твои глаза, двумя ручьями были,
То все бъ таки обилье слезъ твоихъ
Съ твоимъ стыдомъ и горемъ не сравнялось.
Упала! рушилась! погибла! о!
Кто, о тебѣ пиша или говоря,
Не вспомнитъ о твоей минувшей славѣ,
И не воскликнетъ: «нѣкогда она
Была могуча! Неужели это
Италія?» Гдѣ жь сила у тебя
Хваленая? Гдѣ гордая рѣшимость?
Отъ пояса кто мечъ твой отторгалъ?
Какъ ты упала съ высоты величья
Въ такую бездну горя? Неужели
Нѣтъ никого, кто бъ за тебя сразился
И дѣло защитилъ твое? — Къ оружью!
Одинъ я буду биться и погибну,
Довольный если кровь моя, какъ искра,
Воспламенитъ сердца моихъ сограждан.
И гдѣ сыны твои? Чу! стукъ оружья,
Шумъ голосовъ и звукъ трубы. Конечно,
За дѣло благородное они
Сражаются! Да, слабая надежда
Еще осталась: вижу, вижу я —
На вечерѣ волнуются знамена,
Вдали я слышу лошадиный топотъ,
Громъ пушекъ; вотъ — подобно огонькамъ
Сверкающимъ во мракѣ — блескъ отъ сабель.
Не утѣшительно ли это? Кто же такъ
Въ италіянскомъ лагерѣ дерется?
Увы! италіянецъ поднялъ мечъ
Въ защиту чужеземнаго владыки!
О! горе тѣмъ, что проливаютъ кровь
Не за свое отечество, семейство,
Но за властителя чужаго имъ;

Которые въ предсмертную минуту
Сказать не могутъ: «родина! тобой
Дарованную жизнь я возвращаю,
И за тебя съ восторгомъ умираю!»

Школа считающая себя наслѣдницею Леопарди имѣетъ во главѣ своей Маркетти, друга Пія IX, при которомъ онъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ во время смутъ 1849 г. Главное произведеніе Маркетти — «Дантова ночь» una notte di Dante, поэма въ четырехъ пѣсняхъ, бывшая предметомъ большихъ похвалъ. Но трудно отвести ей высокое мѣсто въ итальянской поэзіи. Стихъ въ ней изященъ, но въ ней нѣтъ ни единства мысли, ни силы выполненія. Его канцоны, оды и сонеты гораздо выше. Маркетти нельзя собственно назвать патріотическимъ поэтомъ: независимость Италіи не есть единственная великая тема его стихотвореній; но, какъ и у всѣхъ его соотечественниковъ, она занимаетъ видное мѣсто въ его мысляхъ. Онъ не проклинаетъ угнетателей Италіи, не побуждаетъ ее разорвать свои цѣпи, но съ нѣжной меланхоліей останавливается на древней ея славѣ и молитъ небо возстановить ее. Въ своей канцонѣ къ Висконти онъ восклицаетъ:

«На берегу пустынь и угнетенья
Стоитъ Италія. Она когда-то
Владычицею государствъ была,
И украшалась діадемой славы!
Теперь — унижена, покрыта пепломъ, —
Смотрите, какъ она ломаетъ руки
И стонетъ отъ мученья; — добрый знакъ —
Она позора свой и свои страданья
Почувствовала нынѣ, наконецъ!»

Гораздо замѣчательнѣе Александръ Поэріо, братъ извѣстнаго Карла Поэріо. Въ 1815 г. Александръ Поэріо, тринадцати лѣтъ отъ роду, оставилъ Неаполь, какъ изгнанникъ, вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, и возвратился туда уже въ 1822 г., во время Неаполитанской революціи. Австрійцы скоро подавили эту минутную мечту о свободѣ, и молодой Поэріо снова былъ принужденъ бѣжать изъ отечества. Онъ удалился въ Англію, потомъ жилъ во Франціи, наконецъ въ протестантской Германіи и такимъ образомъ имѣлъ случай усовершенствовать свой удивительный даръ языкознанія, которымъ не уступалъ самому кардиналу Меццофанти. Въ Веймарѣ онъ познакомился съ Гёте, который, несмотря на свое равнодушіе къ національностямъ, не исключая и своей собственной, былъ очарованъ молодымъ изгнанникомъ. Возвра-

щенный своей родинѣ революціею 1848 г., онъ раздѣлялъ кратковременныя надежды Италіи на независимость. Подъ начальствомъ генерала Пепе онъ поспѣшилъ на защиту Венеціи и принадлежалъ къ небольшому отряду людей, которые послѣдовали за своимъ вождемъ въ осажденный городъ, вмѣсто того чтобы повиноваться приказаніямъ торжествующей реакціи. Раненый при нападеніи на Местре, 23 октября 1848, онъ умеръ въ Венеціи 3 ноября слѣдующаго года. Немногіе изъ тѣхъ, которые оплакивали патріота, подозрѣвали, что они потеряли въ немъ поэта, выходившаго изъ ряда обыкновенныхъ. Изгнанникъ почти съ дѣтскихъ лѣтъ, скромный Поэріо былъ мало извѣстенъ даже въ своемъ отечествѣ. Но его произведенія доказываютъ, что въ немъ была искра вдохновенія а его поэма «Воскресеніе (Resurrezione)» дышитъ возвышеннѣйшимъ патріотическимъ жаромъ. Въ другомъ стихотвореніи — «Надежды» (Speranze)» нѣсколько похожемъ по тону на болѣе знаменитое произведеніе Джусти «Земля мертвыхъ» Terra dei morti) онъ также протестуетъ противъ увѣренія иностранцевъ, будто бы Италія умерла:

«И день и ночь австрійскія войска
Слѣдятъ за всякимъ словомъ и движеньемъ....
Ужели можетъ мертвая рука
Владѣть мечомъ, грозить вооруженьемъ?

Нѣтъ! то не гробовая тишина,
Надежды волны къ намъ на берегъ льются;
Въ насъ сердце есть, рука у насъ сильна, —
Намъ нуженъ лишь сигналъ, чтобы проснуться!

Тиранъ пятой насъ долженъ былъ давить,
И тяготѣли бѣдствія надъ нами,
Чтобъ закалить нашъ духъ, чтобъ окрестить
Свободу нашу кровью и слезами.

Италія мертва! Но память прежнихъ дней
Сынамъ ея велитъ душой крѣпиться;
Греми же лира, прозвучи сильнѣй:
«Или погибнуть иль освободиться!»

Маміани частью своей литературной извѣстности обязанъ, можетъ быть, той роли, которую онъ игралъ въ исторіи своей страны. Будучи родомъ изъ папскихъ владѣній, онъ рано посвятилъ свою жизнь дѣлу конституціонной партіи, и когда къ 1848 г. она на минуту восторжествовала, Маміани получилъ мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ Пія IX. Мы знаемъ какъ непродолжительна была эпоха, когда Ватиканъ обѣщалъ сдѣлаться центромъ, изъ котораго

Когда бъ ты, душка, слышала какъ я
Пѣлъ о Виргиніи прекрасной, о Сцеволѣ,
Который руку положилъ въ огонь;
Пѣлъ о Лукреціи, смертельно оскорбленной,
И даже о гусяхъ капитолійскихъ!»

Замѣчая однако, что все это не трогаетъ сердца его возлюбленной и подозрѣвая, что у него есть соперникъ, онъ заключаетъ страшною и характеристическою угрозой и спрашиваетъ каковы будутъ ея чувства, когда она увидѣтъ, что его ведутъ назадъ связаннаго, что онъ умираетъ подъ рукою палача.

У Манцони больше послѣдователей нежели у Леопарди. Самъ Манцони счастливѣе своего знаменитаго соперника; онъ дожилъ если не до совершенной независимости своей родины, то по крайней мѣрѣ до новой и болѣе свѣтлой фазы ея существованія. Главное произведеніе Манцони «Promessi sposi» было переведено почти на всѣ живые языки. Трагедіи его слабѣе, но «Карманьола» содержитъ въ себѣ нѣсколько великолѣпныхъ лирическихъ мѣстъ. Впрочемъ, здѣсь мы должны говорить не о немъ, а объ его послѣдователяхъ. Наиболѣе знамениты между ними Беркетъ и Джусти. Многіе ставятъ ихъ вмѣстѣ, подъ одну категорію, какъ поэтовъ одного рода, близко сходныхъ между собою по характеру. Правда, оба они патріотическіе поэты. Оба посвятили свою музу великой цѣли — освобожденію своей родины отъ чужеземнаго ига. Но Беркетъ, въ своемъ страстномъ энтузіазмѣ смотрѣлъ только на страданія ея; Джусти — видѣлъ вмѣстѣ и ея заблужденія. Беркетъ думалъ, что независимость тотчасъ же приведетъ съ собою и возрожденіе, Джусти — что возрожденіе должно предшествовать независимости, что оно необходимо для ея достиженія. Беркетъ всю тягость бѣдствій своего отечества сваливалъ на угнетателей, — Джусти справедливо думалъ, что по крайней мѣрѣ часть ихъ можетъ быть отнесена къ тѣмъ порокамъ угнетенной націи, которые порождены игомъ и испорченностью. Оба они были защитниками національной свободы; но Беркетъ былъ только патріотъ — лирикъ, а Джусти былъ также и сатирикомъ, бичъ котораго поражалъ его собственныхъ соотечественниковъ такъ же безпощадно, какъ нѣмцевъ. Если онъ ненавидитъ нѣмцевъ, какъ людей вмѣшивающихся въ чужія дѣла, то негодуетъ и на итальянцевъ за ихъ трусость и лицемѣріе. Джусти, имѣлъ болѣе прочное и спасительное вліяніе на своихъ соотечественниковъ; Беркетъ, — пользовался большею популярностью. Иностранцамъ его популярность можетъ показаться преувеличенною не по заслугамъ. Но чтобы безпристрастно судить объ этомъ, мы не должны забывать положеніе, въ которомъ находятся

италіянскіе поэты, и тѣхъ трудностей, которыя ихъ окружаютъ. Публика знаетъ эти препятствія, и не только снисходительна но и признательна къ людямъ, которые ихъ не боятся. Къ автору привлекаетъ читателя прелесть болѣе сильная, чѣмъ одни литературныя достоинства. Читатель знаетъ, что въ поэзіи онъ найдетъ отголосокъ своихъ собственныхъ чувствъ, хотя иногда они выражены робко или прикрыты аллегоріей. Ему извѣстно также, что подъ высказаннымъ таится то, что̀ не смѣетъ высказаться. Такимъ образомъ, онъ принимаетъ и извиняетъ все, и въ энтузіазмѣ къ патріоту забываетъ недостатки поэта. Въ своей литературѣ Италія начала осуществлять въ нѣкоторой степени единство, недающееся ей въ политическомъ устройствѣ. Слава Мандони принадлежитъ столько же Неаполю сколько и Риму,—Леопарди не романьолецъ а итальянецъ. Это общее участіе всей Италіи въ славѣ и въ страданіяхъ поэтовъ ея, доказываетъ глубину и истинность стремленій, которымъ каждый день придаетъ все болѣе силы и энергіи. Все это мы должны знать, чтобы понять энтузіазмъ италіянцевъ къ поэзіи Беркета. Надобно также прибавить прелесть тайны, покрывавшей его произведенія. Долго они ходили только въ рукописи среди людей, преданность которыхъ дѣлу родины была несомнѣнна, между тѣмъ какъ авторъ, подозрѣваемый, гонимый и преслѣдуемый, блуждалъ двадцать лѣтъ, какъ изгнанникъ, на чужбинѣ. Его страданія увеличивали его популярность. Не любить Беркета — значило измѣнять дѣлу Италіи. Чтобы судить о писателѣ, для котораго воображеніе служитъ только орудіемъ убѣжденій, мы должны вполнѣ понимать, чувства и стремленія, которыя онъ выказываетъ. Это не скроетъ отъ насъ недостатковъ поэта, но сдѣлаетъ насъ способными читать его произведенія какъ должно, полнѣе сочувствовать ему и съ бо́льшею правильностью взвѣшивать его ошибки и заслуги. Въ произведеніяхъ Беркета не достаетъ красоты поэтической формы, богатства и разнообразія фантазіи и законченности выполненія. Простота его часто переходитъ въ прозаичность. Занятый исключительно своимъ предметомъ, онъ пренебрегаетъ формою, въ которую облекаетъ его, и отбрасываетъ прикрасы воображенія, какъ нѣчто пустое и излишнее. Небрежно высказанныя благородныя и оригинальныя мысли лучше пошлыхъ труизмовъ, прикрытыхъ самыми богатыми украшеніями фантазіи; грубый алмазъ драгоцѣннѣе обтесаннаго наилучшимъ образомъ булыжника. Но истинный поэтъ умѣетъ соединять благороднѣйшую концепцію съ совершеннѣйшимъ исполненіемъ.

Несмотря на свои недостатки, Беркетъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, произведенія которыхъ проникаютъ въ сердце, потому что выходятъ изъ сердца. Онъ писалъ не для славы, не для де-

негъ, а отъ избытка своей души, переполненной огнемъ и патріотизмомъ; оттого его чувства сообщались его читателямъ какъ бы посредствомъ электрическаго соприкосновенія. Самое значительное изъ произведеній Беркета — «I Profughi di Parga», (бѣглецы изъ Парги) стихотвореніе, повѣствующее о борьбѣ и погибели племени Фессалонійцевъ, оставленныхъ въ 1819 году на жертву туркамъ англичанами, которыхъ они молили о помощи. Эллинизмъ былъ тогда въ модѣ. Находясь подобно грекамъ подъ чужеземнымъ игомъ итальянцы имѣли симпатію къ ихъ страданіямъ, легко возбуждаемую въ людяхъ бѣдствіями, которыя сами они испытали, — и поэма имѣла, огромный и всеобщій успѣхъ. Но къ популярности имени Беркета болѣе всего способствовали его романы, потому что въ нихъ онъ не довольствуется намёками, а открыто защищаетъ національное дѣло и изображаетъ политическое бѣдствіе итальянской жизни. Въ «Giulia» онъ изображаетъ горе ломбардки матери, младшій сынъ которой принужденъ служить подъ австрійскими знаменами, между тѣмъ какъ другой, находившійся долго въ изгнаніи, возвратясь наконецъ во время одного изъ итальянскихъ возстаній, долженъ сражаться съ братомъ, котораго онъ такъ нѣжно любитъ, и который исполненъ такихъ же патріотическихъ чувствъ, какъ и онъ самъ. «Rimorso» (угрызеніе совѣсти) представляетъ картину, вѣрность которой признаетъ всякій, кто былъ введенъ въ итальянское общество, и которая лучше всякихъ краснорѣчивыхъ разсужденій показываетъ въ какомъ печальномъ состояніи находилась эта несчастная страна до настоящей минуты. Героиня поэмы — женщина молодая, милая, безукоризненная, которой чуждаются ея соотечественники, потому что она—фактъ почти неслыханный—замужемъ за австрійскимъ офицеромъ. Мы приведемъ отрывокъ изъ этого произведенія, вполнѣ сознавая, какъ много теряетъ оно въ переводѣ.

«Она одна средь множества гостей,
Одна въ толпѣ блестящей и нарядной,
Никто съ привѣтомъ не подходитъ къ ней,
Подавленной тоскою безотрадной.
Балъ начался; всѣ весело шумятъ,
Но танцовать никто ее не проситъ;
Всѣ ласковы, но съ ней не говорятъ,
И взгляда на нее никто не броситъ....

Вотъ милый мальчикъ подбѣгаетъ къ ней,
Сыновнею любовію волнуемъ,
И съ глазъ печальныхъ матери своей
Снимаетъ слезы нѣжнымъ поцалуемъ.

Никто не улыбается ему,
Какъ онъ хорошъ! какъ онъ смѣется звонко!
Но, презирая мать, зачѣмъ, къ чему
Смотрѣть имъ на невиннаго ребенка?

Когда съ участьемъ спросите о ней:
«Кто эта дама? Что она уныла,
И шолкомъ золотыхъ его кудрей
Свое лицо прекрасное прикрыла?» —
Вы гнѣвъ въ глазахъ ихъ можете прочесть,
Прислушайтесь съ какого скажутъ тона:
«Она забыла родину и честь,
Она — жена австрійскаго барона!»

И даже въ часъ, когда она придетъ
Забыть печаль въ молитвѣ умиленной,
Во храмъ, куда стекается народъ
Измученный, шпіонствомъ окруженный, —
Она въ чертахъ ихъ лицъ должна читать
Чуть сдержанную злобу и проклятья
На женщину, дерзнувшую принять
Тирана родины въ свои объятья.

Въ «Matilde» представлена молодая дѣвушка, которая даже во снѣ мучится боязнію, что отецъ ея, для собственной безопасности, будетъ принужденъ выдать ее замужъ за австрійскаго вельможу — страхъ, существующій только въ ея собственномъ разгоряченномъ воображеніи. Она умоляетъ его не смѣшивать «крови угнетателей съ кровью угнетенныхъ», вспомнить Италію и ея страданія, не отдавать ее насильно въ руки человѣка, «на лицѣ и въ грубомъ языкѣ котораго равно отражаются звѣрство, насиліе и низкое раболѣпство.» Но изъ всѣхъ стихотвореній Беркета «Фантазія» пылаетъ наибольшимъ патріотическимъ жаромъ, наиболѣе страстною любовью къ родинѣ и сильнѣйшею ненавистью къ ея угнетателямъ. Здѣсь онъ возбуждаетъ итальянскихъ женщинъ въ преданности священному дѣлу. Беркетъ хорошо понимаетъ, что если любовь къ независимости должна пережить цѣлыя столѣтія униженія, то ей глубже всего слѣдуетъ укорениться въ сердцѣ женщинъ; что мать должна внушать ее своему дитяти вмѣстѣ съ первыми уроками; дѣвушка — шептать о ней своему милому въ часъ обрученія, а жена — напомнить своему мужу у алтаря. Каждая страница новѣйшей итальянской исторіи говоритъ намъ, какъ вѣрно итальянскія женщины выполняли великій трудъ, возложенный на нихъ. Кто можетъ забыть мужественное самоотверженіе графинь Бентеволіа и Джустиніани, маркизы Кассели, графини Гризани, Эмиліи Манини, Маріи

Корнели и столь многихъ другихъ женщинъ, не столь знатныхъ, но не менѣе знаменитыхъ героизмомъ? Когда въ Венеціи, во время осады 1848—49, не доставало хлѣба, женщины первыя подали мысль сохранить остатки его для госпиталей, отдать свою собственную часть защитникамъ города и скорѣе переносить всякое страданіе, нежели согласиться на сдачу. Когда огонь австрійскихъ батарей выгналъ жителей квартала Санта Кроче изъ ихъ жилищъ, женщины спокойно и безстрашно стояли среди падающихъ бомбъ и пылающихъ зданій съ дѣтьми на рукахъ, успокоивая ихъ дѣтскій ужасъ. «Они могутъ принудить насъ оставить свои домы, но не могутъ устрашить,» говорили онѣ другъ другу. Вездѣ у нихъ тотъ же духъ, несмотря на жестокости, которыми преслѣдовалось, а въ Венеціи и теперь преслѣдуется, малѣйшее выраженіе патріотизма, несмотря на заключеніе въ тюрьму и тѣлесныя наказанія (*).

Произведенія Джусти, подобно произведеніямъ Беркета, много лѣтъ ходили лишь въ рукописи, безъ имени автора. Только въ 1847 году онъ рѣшился ихъ напечатать, и они, какъ само собою разумѣется, были запрещены съ подавленіемъ революціи. Частная его жизнь мало извѣстна, или, по крайней мѣрѣ, до насъ дошло мало свѣдѣній о ней. Біографъ Джусти, Гуальтеріо, представляетъ его веселымъ, живымъ человѣкомъ, который часто попадалъ въ бѣду отъ своей чрезмѣрной живости, который бродилъ по лугамъ или читалъ Аріосто, когда бы ему слѣдовало сидѣть за Пандектами. Онъ поселился во Флоренціи для изученія законовѣдѣнія. Знаменитымъ юристомъ онъ не сдѣлался, да и трудно было придумать карьеру, менѣе соотвѣтствовавшую наклонностямъ его пламенной души. Италія, вновь подавленная и уже не утѣшаемая своими старинными наслѣдственными воспоминаніями, которыя нѣкогда облегчали ее, рвалась и томилась подъ игомъ. Возстанія вспыхнули въ разныхъ государствахъ Италіи, всѣ они были подавлены — не правителями этихъ государствъ, а Австріею, которая находила поддержаніе произвола на всемъ полуостровѣ необходимымъ для безопасности своего собственнаго владычества въ Ломбардіи. Господство габсбургскаго дома сдѣлалось столько же ненавистнымъ для остальной Италіи, какъ для Милана и Венеціи. Всѣ чувствовали, что пока оно существуетъ, не можетъ быть и вопроса о хорошемъ управленіи. Одно общее страданіе произвело одну общую ненависть и одно общее желаніе національной независимости.

Первымъ изъ произведеній Джусти, которое обратило на себя вниманіе публики, хотя ходило только въ рукописи, было «Stivale»

(*) Еще очень недавно одна женщина изъ Комо была вшейчена въ Миланѣ за то, что ея сынъ поступилъ въ службу Гарибальди.

(Сапогъ), любимое изображеніе судебъ Италіи (*). Сапогъ разсказываетъ, какъ онъ переходилъ въ теченіи цѣлыхъ столѣтій съ одной ноги на другую, хотя ни одна изъ нихъ не имѣла ни малѣйшаго права носить его и какъ онъ, послѣ всевозможныхъ обидъ и заплатъ, дошелъ наконецъ до настоящаго своего плачевнаго состоянія. Онъ требуетъ немедленной починки:

«Но только чтобъ землякъ меня носилъ
А не французъ иль нѣмецъ — всей душею
Обоихъ презираю. — Правда, былъ
Когда-то вождь съ гигантскою пятою,
Которому, конечно, я бы могъ
Служить, какъ самый прочный изъ сапогъ,
Когда бъ онъ дома захотѣлъ остаться
И не пошелъ средь льдовъ Москвы скитаться.
Въ Россіи, вьюгу снѣжную поднявъ,
Его внезапно буря захватила,
И холодомъ всѣ члены оковавъ,
Его на полпути остановила.

И за починку дорого мою
Теперь возьмутъ. Молю васъ, посмотрите,
Въ чьи руки вы отдать меня хотите!
Вы сами видите, я состою
Весь изъ обрѣзковъ; цвѣтъ, товаръ все разный;
Во мнѣ теперь единства вовсе нѣтъ....
Избавьте жь отъ заплатки безобразной,
И пусть меня одинъ покроетъ цвѣтъ!»

Ода на коронацію Фердинанда въ Миланѣ, въ 1837 г., написана въ другомъ тонѣ. Она сурова, страстна, полна самой злой ироніи, самаго сильнаго негодованія. Случай былъ таковъ, что могъ вызвать всевозможныя горькія чувства въ сердцѣ патріота. Видомъ милосердія, обѣщаніемъ амнистіи, а болѣе всего великолѣпною торжественностью, австрійское правительство старалось возбудить минутный энтузіазмъ между населеніемъ, пріобрѣсти родъ поддѣльной популярности. Она, правда, не могла обмануть зоркаго наблюдателя, но все-таки клонилась къ тому, чтобы унизить націю,

(*) Во время революціи 1848 года, когда Германія нѣкоторое время симпатизировала итальянцамъ, журналы были наполнены карикатурами, представлявшими Фердинанда Австрійскаго, который напрасно старается натянуть на ногу старый изношенный сапогъ и восклицаетъ на своемъ австрійскомъ нарѣчіи: Сорокъ лѣтъ этотъ сапогъ надѣвался довольно хорошо, правда, иногда съ большими усиліями, но теперь онъ вертится и рвется и нѣтъ возможности ничего съ нимъ сдѣлать.

которую можно было такою жалкою цѣною заставить забыть хоть на минуту свои страданія и перенесенныя обиды. Поэтъ представляетъ одного за другимъ итальянскихъ государей, которые играли, или должны были играть роль въ этой церемоніи, характеризуетъ ихъ, и съ жаромъ убѣждаетъ своихъ соотечественниковъ вспомнить прежніе тріумфы болѣе благородныхъ временъ надъ Барбароссою, вспомнить свою прежнюю славу.

Въ этотъ періодъ (1837), несмотря на сильное неудовольствіе многихъ, несмотря на то, что для разумнѣйшей части націи владычество Австріи было ненавистно, — масса населенія не вполнѣ раздѣляла національное чувство, или по крайней мѣрѣ не смѣла въ немъ признаться. Какъ велика была перемѣна чрезъ десять лѣтъ послѣ того — въ 1848 году, когда вся Италія, какъ бы двинутая однимъ электрическимъ ударомъ, возстала, хотя тщетно, чтобы разорвать свои цѣпи! Ошибаемся ли мы, приписывая по крайней мѣрѣ нѣкоторую часть этой перемѣны вліянію Джусти и его собратовъ?

Джусти не ограничивалъ своей ироніи политическими темами. Соціальное положеніе его отечества представляло ему достаточно предметовъ для сатиры и онъ не жалѣлъ своего бича. «Джинджанелло» или «Мошенничество въ администраціи» — самый острый, злой, рѣзкій сарказмъ. Джусти не принадлежалъ къ тому классу людей, который ниспровергаетъ существующія учрежденія, не имѣя въ готовности ничего для ихъ замѣны. Его политическія убѣжденія, можно сказать, заключаются въ небольшомъ стихотвореніи, которое, какъ полагаютъ, было отвѣтомъ на нѣкоторыя обвиненія: «Мы не разрушители и не заговорщики. Я могу сказать въ двухъ словахъ, что намъ нужно: намъ нужно, чтобы всѣ сыновья Адама были признаваемы за людей, — намъ не нужно нѣмцевъ. Мы желаемъ, чтобы головы людей, управляющихъ нашими дѣлами, имѣли мозгъ — намъ не нужно нѣмцевъ. Италія для насъ самихъ и прочь нѣмцевъ — вотъ все, что намъ нужно!» Это стихотвореніе подписано: «Декабрь 1846». Черезъ полтора года выраженныя въ немъ надежды казались осуществленными. Джусти теперь рѣшился напечатать небольшой томъ стихотвореній, выставивъ свое имя, при чемъ выразилъ надежду, что вмѣсто того, чтобы звонить въ похоронный колоколъ, какъ онъ дѣлалъ до сихъ поръ, теперь онъ можетъ поднять звонъ радости по поводу возрожденія. Эти свѣтлыя иллюзіи должны были скоро разсѣяться и Джусти не надолго пережилъ ихъ. Онъ видѣлъ свои надежды обманутыми; но предчувствіе лучшей будущности никогда не оставляло его. «Это придетъ, слишкомъ поздно для меня», говорилъ онъ, «но все-таки придетъ!»

Томассо Гросси, любимый ученикъ Манцони, былъ поэтъ другаго рода, похожій на Джусти только тѣмъ, что сердце его также пылало ненавистью къ чужеземному игу. Въ молодости онъ написалъ на миланскомъ нарѣчіи сатиру, имѣвшую сильное и гибельное вліяніе на его будущую карьеру. Наполеонъ былъ побѣжденъ при Ватерлоо. Ломбардцы, обманутые обѣщаніями совершенной независимости, обратились противъ вице-короля и требовали австрійскаго великаго герцога. Въ пылу реакціи министръ финансовъ, Прина, человѣкъ честный и талантливый, былъ безжалостно умерщвленъ Это обольщеніе не было продолжительно. Въ ту минуту, когда чешуя начала спадать съ глазъ его соотечественниковъ, Гросси вздумалъ наказать ихъ безуміе сатирою, въ которой блещетъ острый и рѣзкій юморъ, здравый смыслъ и правдивость. Гросси представляетъ, что тѣнь несчастнаго министра является во снѣ одному изъ тѣхъ миланскихъ простолюдиновъ, которые сдѣлались народнымъ типомъ ребяческихъ предразсудковъ и наивнаго лукавства — олицетвореніе, или лучше, каррикатура ломбардскаго характера, нѣчто въ родѣ «Джона-Буля» въ Англіи и «Жака Бонома» во Франціи. Суръ Рокъ (такъ называетъ его поэтъ) разсказываетъ свое видѣніе. Призракъ блѣдный, кровавый, со всклокоченными волосами и въ изорванной одеждѣ спрашиваетъ его:

«Что произошло съ миланцами, начиная отъ 20 сентября 1814 года и до настоящаго дня? Что выиграли они, убивъ меня, какъ собаку?» — «Ничего, отвѣчалъ я: кромѣ нѣсколько бо́льшей помощи со стороны святаго Фиделиса» (*). — «Какъ! вскричалъ онъ: а независимость, которая такъ торжественно обѣщана?» — «Тсъ, эччеленца, тсъ! а не то они засадятъ васъ въ тюрьму.» «Пататуки» (простонародное названіе австрійцевъ), «уставъ повторять свое «Zurück, Zurück», начали объясняться посредствомъ палки,—языкъ, съ которымъ они очень близко познакомились посредствомъ продолжительной практики. «Мы умираемъ съ голоду», продолжаетъ онъ: «а святой соборъ въ Вѣнѣ разсматриваетъ вопросъ, можно ли позволить намъ ѣсть; онъ не дѣлаетъ ничего безъ продолжительныхъ разсужденій и потому всунулъ намъ въ ротъ кость до поры-до-времени. Онъ проповѣдуетъ самоотверженіе, вещь очень хорошую, когда мы сыты. Что касается до плебейскихъ заслугъ, то имъ теперь не везетъ. Теперь требуются не таланты, а предки, низость и интрига. Мы глотаемъ эти пилюли, какъ можемъ, изъ любви къ нашему маленькому Франциску, потому что онъ итальянецъ и

(*) Дворецъ Прины, разрушенный народомъ, находился противъ церкви св. Фиделиса..

жена его тоже итальянка. Мы желаемъ блага ему, а онъ намъ. Мы неспособны сдѣлать ему никакого зла, а онъ намъ — никакого добра; однакожь истина одинъ или два раза *почти* дошла до него.» — «Что же сдѣлалъ онъ для васъ?» спрашиваетъ министръ. — «Гмъ! говоритъ Рокъ, — сказать по правдѣ, до сихъ поръ — ничего. Онъ очень медленъ, бѣдняжка, и довольно глухъ; онъ не можетъ слышать нашихъ криковъ. Но это придетъ современемъ, если мы будемъ терпѣливы, потому что нашъ маленькій Франциск — король добрыхъ людей, король честныхъ людей.» — «Честныхъ людей! возражаетъ Прина съ негодованіемъ. — Гдѣ же независимость, которую онъ вамъ обѣщалъ? Прина заключаетъ свою рѣчь рѣшительно непереводимымъ эпитетомъ Франциску. Суръ Рокъ, въ испугѣ, не даетъ ему кончить слово, но, замѣчаетъ онъ съ лукавою наивностью, «эхо позаботилось добавить недостающій слогъ».

Эта сатира, которой миланскій діалектъ придаетъ еще болѣе силы и энергіи, пробѣжала, подобно молніи, по Ломбардіи. Она была напечатана безыменно, но полиція безъ затрудненія открыла ея автора. Гросси былъ заключенъ въ тюрьму и ему грозили тѣлеснымъ наказаніемъ, которымъ габсбургскій домъ замѣнилъ кодексъ Наполеона. Его молодость и заступничество нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ спасли его отъ результатовъ, которыхъ можно было опасаться; онъ отдѣлался нѣсколькими мѣсяцами заключенія. Гросси совершенно удалился отъ взоровъ публики, поддерживая себя, какъ могъ, уроками и ограничивая свою поэтическую дѣятельность темами, которыя не могли быть щекотливы для властителей Ломбардіи. По смерти императора Франца, Гросси съ большимъ трудомъ получилъ дозволеніе купить должность нотаріуса, и въ этомъ скромномъ состояніи провелъ остатокъ своей жизни. Даже 1848 годъ не могъ его пробудить отъ летаргіи. Единственнымъ участіемъ его въ революціи, взволновавшей всю Италію, было составленіе имъ, по желанію временнаго правительства, акта соединенія Ломбардіи съ Піэмонтомъ. По смерти Гросси, только Прати, Алеарди и Томазео поддерживали славу школы Манцони. Манера Прати діаметрально противоположна манерѣ Беркета и Джусти. Стихъ его плавенъ, изященъ, выработанъ, но не имѣетъ естественности и простоты, и часто слишкомъ обремененъ украшеніями. Кромѣ того, Прати усвоилъ себѣ напередъ придуманную систему философіи, которую онъ воспроизводитъ при каждомъ случаѣ къ дѣлу и не къ дѣлу. Онъ не подозрѣваетъ, что тотъ, кто смотритъ на свой стихъ единственно какъ на средство къ воплощенію теорій и отвлеченностей, рискуетъ не быть ни философомъ, ни поэтомъ. Эта система — постоянная борьба между геніями добра и зла въ сердцѣ

и умѣ человѣка, между міромъ и судьбою. Все, что мы дѣлаемъ добраго, обязано своимъ существованіемъ Богу, дѣйствующему въ насъ; за все, что мы дѣлаемъ худаго, отвѣчаетъ сатана. Дѣвушки могутъ защищаться противъ искушеній злаго духа только посредствомъ латинскихъ заклинаній какого нибудь монаха. Для юности Прати считаетъ возможнымъ только бурное поприще удовольствій; для зрѣлаго возраста — искупленіе грѣховъ покаяніемъ и набожностью. Всѣ люди у него или Рене или Вертеры, жизнь ихъ — длинный рядъ пресыщенія, желаній или угрызеній. Его женщины непремѣнно слабы и нѣжны; это жертвы обольщенія, полныя страстной преданности къ тѣмъ, которыхъ онѣ любятъ, но рѣшительно неспособныя управлять собою или подчиняться разсудку. Прати одаренъ большою фантазіею, владѣетъ языкомъ и гармоніею стиха; но—въ противоположность правиламъ, принятымъ большею частію современныхъ ему поэтовъ—онъ любитъ преувеличивать и размножать свои образы; стараясь ослѣпить, онъ не трогаетъ сердца.

Вдохновленный болѣе благородною цѣлью, Алеардо Алеарди посвятилъ свою музу болѣе возвышенной темѣ — страданіямъ своей родины и человѣчества. Въ 1849 г., когда онъ былъ еще очень молодъ — едва имѣлъ двадцать три года отъ роду — его стихи навлекли уже на него преслѣдованіе и подозрѣніе австрійскихъ властей. Онъ былъ заключенъ въ тюрьму и подвергнутъ личнымъ оскорбленіямъ. Въ квартирѣ его сдѣлали строгій розыскъ, въ надеждѣ найти что нибудь для серьёзнаго обвиненія его. Къ счастію онъ имѣлъ сестру, преданную подобно ему дѣлу независимости, заботливую хранительницу безопасности брата. Она сожгла всѣ его бумаги и полиція, не могши найти противъ него никакой явной улики, была принуждена, послѣ многихъ мѣсяцевъ томительнаго заключенія, выпустить его на свободу. Но онъ и послѣ того всегда оставался подъ бдительнымъ надзоромъ. Онъ писалъ подъ самыми австрійскими пушками въ Веронѣ, но былъ вѣренъ тому закону литературы, который заставляетъ итальянскихъ поэтовъ неизбѣжно тяготѣть къ одной національной мысли — независимости.

Алеарди питаетъ особенное предпочтеніе къ versi sciolti — бѣлымъ стихамъ, формѣ, которая будучи свободна отъ стѣсненій риѳмы, съ особенною легкостью примѣняется къ поэтическому вдохновенію.

Нѣсколько стиховъ изъ пьесы «Одинъ часъ моей юности» (Un ora della mia Gioventù) показываютъ намъ его, какъ человѣка и поэта;

«День юности мнѣ, Боже, возврати,
Дай хоть на часъ родителей увидѣть,

Которыхъ я такъ горячо любилъ,
Которыхъ нынѣ кладбище скрываетъ
Подъ тучной и высокою травой....
Мнѣ кажется, отца я слышу голосъ.
Его совѣтамъ будто-бы внимаю,
И вижу мать мою, что̀ на меня
Свой взглядъ съ такой любо́вью устремила —
Глазъ темный, непорочный, грустно-нѣжный!
О, мать! я отъ тебя, въ твоей груди
Заимствовалъ къ поэзіи любовь —
Моей всей жизни духъ руководящій.
И если обожаемая мной
Италія одинъ хоть листъ лавровый
Мнѣ подаритъ, то положу его
Я на твою священную могилу:
Онъ лишь тебѣ одной принадлежитъ.»

Нѣсколько дальше нѣжный сынъ становится пламеннымъ и преданнымъ гражданиномъ.

«И надъ моей забытою могилой
Раздастся топотъ гордыхъ скакуновъ
Италіи побѣдоносной; духъ мой,
Столь долго жданнымъ звукомъ пробужденный,
Могильные оковы разорветъ —
И гимномъ радости и торжества ихъ встрѣтитъ!

Томазео извѣстенъ болѣе какъ патріотъ и журналистъ, защитникъ Венеціи, нежели какъ поэтъ. Можетъ быть, интересъ его жизни далъ его произведеніямъ прелесть, которой сами по себѣ они почти не имѣли. Другъ Манини, онъ былъ постоянно съ нимъ, во все продолженіе героической защиты, которая прославила имя Венеціи. Во время двухлѣтней свободы ея отъ австрійскаго ига, Томазео былъ назначенъ своими согражданами посланникомъ въ Парижъ, въ надеждѣ, что извѣстность его, какъ писателя, и его политическія связи помогутъ ему оказать полезныя услуги итальянскому дѣлу. Но французская республика, несмотря на блистательныя разглагольствованія Ламартина, не хотѣла оказать помощь несчастному городу и Томазео возвратился изъ своего посольства, чтобы раздѣлить борьбу и страданія своей родины.

Выборъ Томазео посланникомъ едва ли былъ удаченъ. Истинному поэту, человѣку съ пламеннымъ воображеніемъ и вдохновеніемъ, почти невозможно быть хорошимъ дипломатомъ. До революціи 22-го марта Томазео жилъ почти въ совершенномъ уединеніи. При своей чрезвычайно правдивой и рыцарской натурѣ, онъ былъ

весьма щекотливъ, какъ человѣкъ, привыкшій жить въ одиночествѣ. Извилистые пути дипломаціи, формальности, манія къ протоколамъ, мало согласовались съ его свободнымъ и гордымъ духомъ. Малѣйшая отсрочка раздражала его. Однажды онъ пришелъ къ генералу Кавеньяку; его просили подождать своей очереди, но увидѣвъ принцессу Б*, выходящую изъ комнаты генерала, Томазео тотчасъ же ушелъ, сказавъ громко: «у меня есть перо, которое можетъ язвить сильнѣе нежели мечъ.» Когда, послѣ восемнадцатимѣсячной славной борьбы, Венеція пала подъ соединеннымъ могуществомъ голода, холеры и непріятеля, Томазео сопровождалъ Манини и другихъ благородныхъ изгнанниковъ во Францію на кораблѣ, нанятомъ французскимъ консуломъ Вассеромъ, который постоянно обнаруживалъ самую великодушную симпатію къ несчастному городу. Измученный продолжительнымъ страданіемъ, полуослѣпшій, преждевременно состарившійся, онъ по прежнему пылаетъ патріотизмомъ, хотя этотъ патріотизмъ смягченъ временемъ, страданіемъ и опытностью. Когда, годъ тому назадъ, его надежды, казалось, были готовы исполниться, онъ предупреждалъ своихъ соотечественниковъ не ожидать слишкомъ многаго. Теперь, когда эти надежды (относительно Венеціи) такъ горько обмануты, это жестокое разочарованіе не ослѣпляетъ его до такой степени, чтобы не видѣть обезпеченныхъ для Италіи, какъ націи, выгодъ, которыми — будемъ надѣяться — впослѣдствіи воспользуется и его родной городъ. Письмо Томазео къ французской арміи и ея императору — образецъ благородства души и великодушнаго самоотверженія. Кто станетъ отчаяваться въ будущей судьбѣ народа, для котораго подобные люди жили, мыслили и страдали?

Этотъ списокъ итальянскихъ поэтовъ XIX столѣтія далеко не полонъ, но предѣлы нашей статьи позволяютъ намъ только вкратцѣ упомянуть о многихъ людяхъ, занимающихъ высокое мѣсто во мнѣніи своихъ соотечественниковъ. Баллады Карреля и Петрикари исполнены огня и энергіи, а сонеты перваго изъ нихъ въ особенности начинающійся словами «Perchè tu scenda ò Notte», замѣчательны совершенствомъ своей формы и нѣжнымъ меланхолическимъ тономъ. Эмиліо Каркано больше извѣстенъ своимъ романомъ «Angiola Maria», чѣмъ стихотвореніями, между которыми заслуживаютъ особеннаго вниманія два: «La sposa» и «La Madre». Стихотвореніе «Esule» (изгнанникъ) Канту внушаетъ еще большій интересъ; это не только пѣснь поэта, но и дѣйствительное *прости*, сказанное изгнанникомъ милой родинѣ. Имя: Розетти, пламеннаго защитника свободы, — стихотвореніе котораго« All'anno dell' grand speranza» (къ году великой надежды), написанное въ изгнаніи, заставляло трепетать не одно итальянское сердце, — имена

Беллини, Сколари и многихъ другихъ доказываютъ, что Италія не имѣетъ недостатка въ поэтахъ, несмотря на систематическое сопротивленіе ихъ дѣятельности со стороны всѣхъ правительствъ Италіи (исключая піэмонтскаго за послѣднія десять лѣтъ), несмотря на опасности, которыя постигали до сихъ поръ всякое благородное стремленіе, всякій возвышенный порывъ. Ни одинъ изъ нихъ не можетъ считаться первокласснымъ геніемъ, но многіе обладаютъ великими поэтическими достоинствами, яркою живописностью, мягкостью красокъ, силою и паѳосомъ, и почти всѣ обнаруживаютъ замѣчательный талантъ описанія, краснорѣчивую задушевность, которая трогаетъ сердце болѣе, чѣмъ самыя блестящія и выработанныя украшенія. Если ихъ произведенія вообще—варіяціи на одну и ту же тему, то надо вспомнить, что эта тема — единственная, на которую отвѣчаютъ сердца истинныхъ итальянцевъ. И, конечно, мы должны считать очевиднѣйшимъ доказательствомъ возрожденія Италіи то, что никакое произведеніе поэзіи, какъ бы оно ни было хорошо само въ себѣ, не можетъ ожидать популярности, если не затрогиваетъ патріотизма и національной независимости.

Поэты юга чувствуютъ, что время для пѣсней о любви и нѣжности прошло; ихъ лиры настроены только для воинственной музыки, какъ лиры нѣмцевъ во время войны освобожденія, въ 1813 году. Когда полуостровъ навсегда разорветъ австрійскія оковы, когда продолжительная независимость и свободныя политическія учрежденія возстановятъ миръ и спокойствіе, необходимые для того, чтобы интересоваться описаніями домашней жизни и семейныхъ радостей, то безъ сомнѣнія и поэзія его расширитъ свои предѣлы.

Д. МИХАЛОВСКІЙ.

ПОЛИТИКА.

СОЕДИНЕНІЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИТАЛІИ СЪ СѢВЕРНОЮ. — УСТУПКА САВОЙИ. — ОТНОШЕНІЯ АНГЛІИ КЪ САВОЙСКОМУ ВОПРОСУ.

23 марта (4 апрѣля) 1860.

Около 15 февраля, когда мы писали свой прошлый обзоръ, два главные вопроса итальянскаго дѣла, вопросъ о центральной Италіи и о Савойѣ, находились въ такомъ положеніи: по савойскому вопросу сдѣлался оффиціально извѣстенъ фактъ, о которомъ носились слухи еще до начала прошлой войны, но который упорно отрицался дипломатіею,—тотъ фактъ, что передъ началомъ итальянской войны Сардинія обязалась уступить Франціи Савойю въ обмѣнъ за Ломбардію и Венецію и что Франція требуетъ исполненія договора, хотя Венеція еще не принадлежитъ Сардиніи. Надобно было предвидѣть, что графъ Кавуръ уступитъ въ этомъ дѣлѣ. По вопросу о присоединеніи центральной Италіи къ Піэмонту раскрывалось, что Франція никогда не измѣняла тѣмъ принципамъ, которые должны составлять основаніе ея иностранной политики при нынѣшней системѣ. Было уже видно, что манифестаціи, произведенныя въ концѣ прошлаго года для сближенія съ Англіею, напрасно истолковывались въ смыслѣ слишкомъ безусловномъ, противорѣчившемъ тому, какимъ сама Франція ограничивала ихъ. Было видно, что Франція всегда оставалась и остается вѣрна своему первоначальному стремленію сохранить Тоскану отдѣльнымъ государствомъ. Нѣкоторые полагали, что всеобщность усилій въ этомъ направленіи служитъ только къ тому,

чтобы Сардинія охотнѣе уступила Савойю въ обмѣнъ за разрѣшеніе соединиться съ Тосканою. Но было очевидно, что Франція не нуждалась въ такомъ средствѣ для пріобрѣтенія Савойи, что ея сопротивленіе разширенію Сѣверно-итальянскаго государства происходитъ не изъ постороннихъ соображеній, а прямо изъ убѣжденія въ несогласіи такого факта съ потребностями французской политики, и что даже послѣ уступки Савойи она останется по прежнему расположена препятствовать соединенію центральной Италіи съ сѣверною. Теперь положительными фактами подтверждена справедливость такого взгляда, основаннаго на сущности дѣла. Савойя уже уступлена Сардиніею, а Франція все еще продолжаетъ убѣждать туринскій кабинетъ и жителей центральной Италіи, что лучше имъ землямъ остаться разными государствами. Вѣрность французскаго правительства этой системѣ такъ велика, что даже и послѣ рѣшительнаго шага, сдѣланнаго итальянцами, послѣ подачи голосовъ 11 и 12 марта (новаго стиля), послѣ объявленія Сардиніи, что она принимаетъ результатъ этого вотированія, парижскій кабинетъ все еще продолжаетъ настаивать, чтобы Сардинія не соединялась съ Тосканою.

Эта точка зрѣнія, которой мы постоянно держались, то есть убѣжденіе въ неизмѣнности принциповъ французскаго правительства, будетъ служить для насъ и теперь основаніемъ при связномъ изложеніи отрывочныхъ газетныхъ извѣстій.

Начиная итальянскую войну, французское правительство смотрѣло на нее, какъ на средство достигнуть однимъ разомъ нѣсколькихъ цѣлей, которыя могутъ быть пріятны или непріятны для другихъ государствъ, но которыя каждый хорошій дипломатъ континентальной Европы неусомнится назвать дѣйствительно выгодными для французскаго правительства. Первою цѣлью было отвратить вниманіе французской націи отъ внутреннихъ вопросовъ, по которымъ разныя партіи несогласны съ внѣшнею системою, въ внѣшнимъ дѣламъ, о которыхъ огромное большинство французовъ думаетъ одинаково съ своимъ императоромъ, то есть согласно съ обыкновенными военными и дипломатическими понятіями о пользѣ и чести преобладанія надъ другими странами. Это побужденіе къ веденію войны мы подробно излагали въ началѣ прошлаго года, когда война еще только готовилась. Не было тогда никакого сомнѣнія, что война принесетъ въ этомъ отношеніи пользу французскому правительству, и она дѣйствительно принесла ее. Если, какъ мы видимъ до сихъ поръ, во всѣхъ странахъ западной Европы общественное вниманіе отвлечено отъ домашнихъ дѣлъ вопросами иностранной политики, то во Франціи, которая является главною двигательницею этихъ вопросовъ, иностранная политика съ начала прошлаго

года до сихъ поръ, конечно, должна была занимать умы съ непреодолимою силою. Но для того, чтобы настроеніе умовъ, производимое иностранными дѣлами, служило въ пользу правительства, французскіе дипломаты должны были неуклонно вести эти дѣла сообразно принципу наиболѣе понятному и лестному для французскаго національнаго чувства. Изъ этой необходимости возникала забота французской политики о пріобрѣтеніи какихъ нибудь новыхъ областей, — стремленіе натуральное, неизбѣжное при системѣ, по которой ведутся теперь французскія дѣла. Понимая эту необходимость, мы годъ тому назадъ говорили, что долженъ быть совершенно достовѣренъ слухъ о договорѣ, обязывающемъ Сардинію уступить Франціи Савойю. Но одно пріобрѣтеніе Савойи и вообще какое бы то ни было расширеніе границъ на юго-востокъ не могло удовлетворять потребностямъ французскаго правительства. Національное чувство гордится преобладаніемъ надъ чужими государствами едва ли не больше, нежели завоеваніемъ пограничныхъ областей. Дѣло шло объ итальянскомъ полуостровѣ, потому важнѣйшею задачею французскаго правительства должно было служить пріобрѣтеніе рѣшительной власти надъ итальянскими государствами. Тутъ все зависѣло отъ полнаго господства надъ Сардиніею, которой было обѣщано расширеніе границъ. Подчинивъ своей волѣ Сардинію, Франція уже легко могла бы пріобрѣсти безусловное вліяніе на другіе итальянскіе кабинеты, которые могутъ держаться только французскою защитою противъ стремленій къ единству, представителемъ котораго служитъ Сѣверно-итальянское королевство. Мы нѣсколько разъ объясняли, что виллафранскій миръ прекрасно удовлетворялъ этой задачѣ: Сардинія становилась черезъ него на столько сильна, что внушала ужасъ папѣ и неаполитанскому правительству. Но въ рукахъ австрійцевъ были оставлены крѣпости знаменитаго четырехугольника, такъ что сама Сардинія должна была только во французскимъ покровительствѣ видѣть спасеніе себѣ отъ австрійцевъ. Допустить присоединеніе Тосканы и другихъ земель центральной Италіи къ Сѣверно-итальянскому королевству было рѣшительно несогласно съ такимъ разсчетомъ. Королевство Виктора-Эммануэля, имѣя только 8 милліоновъ населенія, не должно было мечтать о политической самостоятельности. Но въ немъ должна была родиться мысль о самостоятельности, когда оно, увеличиваясь землями центральной Италіи, пріобрѣтало населеніе въ 13 или 14 милліоновъ. Допустить это значило бы потерять власть надъ нимъ. Потому французское правительство съ самаго виллафранскаго мира постоянно говорило, что присоединеніе Тосканы къ Піемонту такая вещь, на которую оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ согласиться. Мы не будемъ повторять

здѣсь многочисленныхъ фактовъ, доказывавшихъ искренность этихъ словъ и многочисленныхъ плановъ, составлявшихся французскимъ правительствомъ для предотвращенія событія, несовмѣстнаго съ выгодами французскаго господства надъ Италіею. Въ свое время мы говорили о посольствахъ Резе и Понятовскаго, являвшихся въ центральную Италію отъ имени императора французовъ доказывать ея жителямъ, что соединеніе съ Піэмонтомъ невозможно. Послѣ Резе и Понятовскаго было еще нѣсколько такихъ посольствъ; между прочимъ ѣздилъ въ Италію старинный другъ Наполеона III, Тафель, съ такимъ же порученіемъ. Парижскій кабинетъ посылалъ въ Туринъ безчисленное множество депешъ въ томъ же смыслѣ; онѣ были въ свое время напечатаны, а теперь напечатаны и англійскія депеши, несомнѣнно показывающія серьёзность и искренность усилій Франціи не допустить расширенія піэмонтскихъ границъ на югъ. Мы не будемъ говорить также о всѣхъ многочисленныхъ планахъ, имѣвшихъ цѣлью сохранить отдѣльныя государства въ центральной Италіи. Читатель помнитъ, что при заключеніи міра была у Франціи мысль прямо возстановить прежнія правительства въ Тосканѣ, Пармѣ, Моденѣ и Романьѣ; потомъ, по временамъ, этотъ планъ смѣнялся дѣйствіями для возведенія на тосканскій престолъ принца Наполеона, которому до войны предназначалось быть королемъ этрурскимъ; когда казалось слишкомъ труднымъ дѣломъ возстановить австрійскихъ эрцгерцоговъ, Франція возвращалась къ первоначальной своей мысли объ отдачѣ центральной Италіи французскому принцу. Оба эти плана, — учрежденіе королевства центральной Италіи для принца Наполеона или возстановленіе прежнихъ правительствъ, нѣсколько разъ смѣнялись однимъ другимъ, смотря по обстоятельствамъ. Въ концѣ прошлаго года Франція останавливалась на томъ, чтобы дать Піэмонту Парму и Модену, возстановить въ Тосканѣ великаго герцога, а Романью отдать папѣ. Піэмонту говорилось, что если онъ не согласится на это, Франція предастъ его на волю австрійцевъ. Въ такомъ положеніи были вещи около половины прошлаго мѣсяца. Теперь разскажемъ факты, которыми развивалось итальянское дѣло послѣ того времени. Послѣдняя воля французскаго правительства была выражена туринскому кабинету въ нотѣ Тувеля 24 февраля. Она послужила ближайшимъ поводомъ къ такому рѣшительному обороту дѣла, что мы, въ противность своему обыкновенію не останавливаться на дипломатическихъ документахъ, представимъ изложеніе изъ этой депеши.

Тувель начинаетъ словами, что пришла теперь пора «объясниться съ полною откровенностью»; потому, говоритъ онъ, «я хочу теперь изложить вамъ безъ всякихъ умолчаній мнѣніе императорскаго

правительства». Французское правительство хочетъ отвратить отъ Италіи войну и анархію; оно приглашаетъ туринскій кабинетъ содѣйствовать ему въ этомъ стремленіи. «Туринскій кабинетъ можетъ избрать другой путь, но въ такомъ случаѣ общіе интересы Франціи не дозволятъ императорскому правительству сопровождать его на этомъ пути.» — «Скажемъ съ полною откровенностью, что чувство, изъ котораго возникла въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи мысль о присоединеніи къ Піемонту и которымъ произведено выраженіе этого желанія, есть не столько обдуманное влеченіе къ Сардиніи, сколько манифестація, направленная противъ одной изъ великихъ державъ (Австріи). Если это чувство не будетъ сдержано въ самомъ началѣ, оно не замедлитъ высказаться требованіями, съ которыми будетъ должень туринскій кабинетъ бороться по требованію разсудительности. Онъ подвергся бы двумъ одинаково плачевнымъ шансамъ: войнѣ или революціи. Соображая все это, съ твердымъ намѣреніемъ выбрать рѣшеніе, могущее наилучшимъ образомъ согласить нынѣшнія требовательныя обстоятельства съ удобствами болѣе спокойнаго будущаго, надобно признать, что пора остановиться на комбинаціи, которую можно представить на одобреніе Европѣ съ нѣкоторымъ шансомъ успѣха и которая сохранитъ за Сардиніею все нравственное вліяніе, на какое можетъ она имѣть притязаніе въ Италіи. Эта комбинація, по зрѣлому мнѣнію императорскаго правительства, была бы такова:

«1) Полное присоединеніе герцогствъ Пармскаго и Моденскаго къ Сардиніи.

«2) Временное управленіе легатствами Романьи, Феррары и Болоньи подъ формою викаріатства, которымъ будетъ завѣдывать король сардинскій отъ имени папы.

«3) Возстановленіе политической и территоріальной независимости великаго герцогства Тосканскаго.

«Это переходное положеніе имѣло бы ту выгоду, что обезпечивало бы за Сардиніею необходимое ей политическое положеніе, удовлетворяло бы легатства съ административной точки зрѣнія, а съ католической точки зрѣнія было бы среднею мѣрою, которая успокоила бы совѣсть. Этотъ послѣдній результатъ важенъ для Франціи, которая не можетъ по принципу признать коренной разъединенія папскихъ владѣній. Мои слова о необходимости предупредить опасности, которымъ Сардинія подверглась бы, стремясь къ большому расширенію владѣній, въ особенности прилагаются къ Тосканѣ. Мысль присоединить великое герцогство, т. е. поглотить въ другомъ государствѣ страну, имѣющую столь прекрасную и благородную исторію и столь привязанную доселѣ къ своимъ преданіямъ,

не можетъ проистекать ни изъ чего, кромѣ стремленія, опасность котораго очевидна императорскому правительству. Это стремленіе обнаруживаетъ въ увлекаемыхъ имъ тайную мысль о войнѣ противъ Австріи для завоеванія Венеціи и тайную мысль, если не о революціи въ Папскихъ владѣніяхъ и Неаполитанскомъ королевствѣ, то объ угрозѣ спокойствію этихъ государствъ.»—«Если туринскій кабинетъ согласится на эту комбинацію, продолжаетъ Тувнель, то французское правительство не допуститъ иностраннаго вмѣшательства въ итальянскія дѣла и будетъ требовать согласія великихъ державъ на конгрессѣ или конференціи.» — «Нужны ли мнѣ теперь длинныя подробности, чтобы объяснить, какова будетъ наша система, если туринскій кабинетъ, имѣя свободу выбора, захочетъ подвергаться опасностямъ, изложеннымъ мною при указаніи средствъ избѣжать ихъ? Предположеніе, по которому сардинское правительство могло бы разсчитывать только на однѣ свои силы, развивается, можно сказать, само собою, и мнѣ было тяжело останавливаться на немъ. Но повелѣнію его величества, скажу вамъ только, что мы ни за что въ мірѣ не согласились бы принять на себя отвѣтственности въ такомъ положеніи.» Въ заключеніе, Тувнель говоритъ, что при нынѣшнемъ увеличеніи Сардиніи, забота о собственной безопасности заставляетъ Францію требовать присоединенія Савойи и Ниццы.

Со вступленіемъ Кавура въ управленіе дѣлами политика сардинскаго кабинета стала смѣлѣе и тверже прежняго, потому надобно было ожидать, что Сардинія попытается на сопротивленіе парижскому приказанію. Но отвѣтъ Кавура отъ 1 марта былъ написанъ тономъ болѣе смѣлымъ, нежели могли надѣяться итальянцы: сардинскій министръ безусловно отвергалъ даваемые ему совѣты и говорилъ, что если Піэмонту опасно отвергать ихъ, то безопасно было бы принять ихъ или даже вести какіе нибудь переговоры на ихъ основаніи.

Если бы даже Сардинія по уваженію къ Франціи могла принять предлагаемую комбинацію, говоритъ Кавуръ, это предложеніе встрѣтило бы въ Тосканѣ и въ Романьѣ затрудненіе столь сильное, что Сардинія не могла бы преодолѣть его. «Въ населеніи центральной Италіи развилось сильное сознаніе права располагать своею судьбою. Это чувство было укрѣпляемо многократными формальными увѣреніями императорскаго правительства, что оно не дозволитъ подчинять центральную Италію силой какому бы то ни было управленію; оно пріобрѣло непреоборимую силу черезъ обнародованіе четырехъ англійскихъ предложеній, изъ которыхъ два первыя, вполнѣ принятыя Франціею, безусловно устанавливаютъ принципъ невмѣшательства». Сардинія можетъ только сообщить французское предло-

женіе правительствамъ центральной Италіи, которыя отдадутъ его на рѣшеніе самаго населенія центральной Италіи. Но по всей вѣроятности оно будетъ отвергнуто народомъ центральной Италіи. Впрочемъ, каковы бы ни были отвѣты государствъ центральной Италіи, сардинское правительство впередъ обязывается безусловно согласиться съ ними. Если Тоскана захочетъ остаться отдѣльнымъ государствомъ, Сардинія не только не станетъ противиться, а напротивъ, будетъ помогать исполненію ея желанія; точно также она поступитъ относительно Пармы, Модены и Романьи. Но если эти области снова выразятъ желаніе присоединиться къ Піэмонту, Сардинія не можетъ болѣе отказываться отъ того. «Еслибъ мы и хотѣли, мы не могли бы противиться этому, говоритъ Кавуръ. При нынѣшнемъ состояніи общественнаго мнѣнія, министерство, которое отвергло бы такое желаніе, вновь выраженное, было бы низвергнуто единодушнымъ порицаніемъ».—«Мы понимаемъ, какой опасности подвергнемся, когда согласимся на присоединеніе центральной Италіи, продолжаетъ Кавуръ; мы знаемъ, что опасность эта увеличивается тѣмъ, что Франція указываетъ на нее. Но мы должны сдѣлать это, будучи убѣждены, что иначе не только кабинетъ, но и самъ король Викторъ-Эммануэль потерялъ бы всякую популярность, всякую нравственную власть въ Италіи и, вѣроятно, не осталось бы ему никакихъ иныхъ средствъ управленія, кромѣ насилія».

Такой языкъ не совсѣмъ обыкновенъ въ дипломатическихъ бумагахъ, посылаемыхъ отъ слабѣйшаго къ сильнѣйшему. Мы далеко не поклонники Кавура, но должны сказать, что депеша 1 марта приноситъ ему большую честь. Если мы осуждаемъ его образъ дѣйствій передъ итальянскою войною и во время войны, то осуждаемъ именно за то, что не доставало въ немъ твердой увѣренности, которою одушевлена депеша 1 марта. Еще замѣчательнѣе было, что слова сопровождались столь же отважными дѣйствіями: вмѣстѣ съ письменнымъ отвѣтомъ Тувнелю, данъ былъ фактическій отвѣтъ распоряженіемъ, чтобы 11 и 12 марта жителямъ центральной Италіи было предложено рѣшить своими голосами вопросъ о присоединеніи къ Піэмонту. Это рѣшеніе было уже нѣсколько разъ выражено конституціонными собраніями центрально-итальянскихъ областей; но было неизвѣстно, что Франція считаетъ нужнымъ подвергнуть волю центральной Италіи новому испытанію. Французское правительство придавало непосредственной подачѣ голосовъ всѣми взрослыми людьми большую важность, чѣмъ рѣшенію представителей, выбранныхъ не всѣмъ населеніемъ, а только частью его, подходившею подъ избирательный цензъ. Чтобы устранить всякій формальный предлогъ къ отрицанію соотвѣтственности рѣшенія съ волею всего на-

селенія, назначено было допустить къ вотированію всѣхъ взрослыхъ людей, безъ всякаго ценза. Само собою разумѣется, что предпочтеніе всенароднаго вотированья вотированью съ цензомъ было со стороны Франціи основано не на отвлеченномъ уваженіи къ демократическому принципу, а просто на томъ предположеніи, что простолюдины и въ особенности поселяне центральной Италіи менѣе проникнуты стремленіемъ къ единству, чѣмъ горожане и люди образованныхъ сословій. Въ самомъ дѣлѣ, мы постоянно читали увѣренія, что въ Тосканѣ, Моденѣ и т. д. поселяне не раздѣляютъ ненависти либераловъ къ прежнему порядку дѣлъ и въ особенности къ прежнему раздробленію націи на маленькія слабыя государства. Эти увѣренія слышались не отъ однихъ противниковъ итальянскаго единства: сами итальянскіе либералы сильно сомнѣвались въ томъ, пользуются ли сочувствіемъ поселянъ. Надобно полагать, что въ послѣднее время Фарини, Риказоли и Кавуръ постарались точнѣе разузнать это, — иначе они не стали бы рисковать призываніемъ всего населенія къ вотированью. Депеша Кавура, извлеченіе изъ которой мы привели, показываетъ полную увѣренность, что при всеобщемъ вотированьи большинство поселянъ будетъ на сторонѣ патріотовъ. Читателю извѣстно, что результатъ вотированья оправдалъ эту надежду съ такою полнотою, какой не ожидали даже люди наиболѣе увѣренные въ патріотизмѣ простолюдиновъ. Мы приведемъ изъ «Times'a» отрывки писемъ, въ которыхъ разсказывается, какъ происходило торжественное выраженіе національной воли.

«Флоренція 11 марта.

«Теперь пять часовъ вечера; первый день вотированія прошолъ и, — я хотѣлъ прибавить: половина судьбы герцогствъ и Романьи рѣшена,—нѣтъ, я могу съ увѣренностью сказать: ихъ присоединеніе къ Піэмонту рѣшено. Не умѣю сказать вамъ, сколько голосовъ уже подано въ Эмиліи; билеты лежатъ въ запечатанныхъ урнахъ, остается для вотированія еще 24 часа, но я, не колеблясь, уже сообщаю вамъ результатъ вотированія.

«Я разскажу вамъ, что я видѣлъ нынѣ съ 6 часовъ утра и я не сомнѣваюсь, что вы вмѣстѣ со мною будете впередъ увѣрены въ результатѣ. Вчера поздно вечеромъ я выѣхалъ изъ Турина, чтобы утромъ можно мнѣ было выѣхать изъ Пьяченцы и, проѣзжая по всей странѣ, какъ можно больше познакомиться съ народнымъ движеніемъ.

«Мы пріѣхали въ Пьяченцу въ двѣнадцатомъ часу ночи, въ то самое время какъ всходящій мѣсяцъ начиналъ освѣщать безобразные окопы, остатки сооруженій, возведенныхъ австрійцами въ на-

чалѣ прошлаго года. Ворота въ городскихъ стѣнахъ были уже заперты, и когда они отворились впустить поѣздъ, казалось, будто въѣзжаешь во французскую крѣпость: куда я ни смотрѣлъ изъ окна вагона, вездѣ видѣлъ только синія французскія шинели и синія фуражки въ узкихъ улицахъ; гдѣ было какое нибудь движеніе, оно производилось только этими синими фуражками, видиѣвшимися при тусклыхъ лампахъ, зажженныхъ по древнему обычаю въ честь восходящаго мѣсяца. Это преобладаніе синяго цвѣта объясняется тѣмъ, что въ Пьяченцѣ стоитъ цѣлая французская дивизія. Вѣроятно, для сглаживанія этого оттѣнка была тутъ же поставлена одна рота сардинской пѣхоты.

«Я упоминаю объ этомъ впечатлѣніи потому, что оно было довольно страннымъ введеніемъ къ поѣздкѣ, дѣлаемой съ тою цѣлью, чтобъ видѣть, какъ подаются голоса о присоединеніи центральной Италіи къ Піэмонту. Мѣсяцъ былъ еще на половинѣ неба, когда я пришелъ опять на станцію, потому что поѣздъ отправляется въ шесть часовъ утра. Такимъ образомъ я былъ въ Пьяченцѣ только ночью, но все таки при лунномъ свѣтѣ могъ повсюду на стѣнахъ видѣть афиши съ словами: Annessione alla Monarchia constitutionale del Vittorio Emmanuele; это показывало, что 9,000 противниковъ присоединенія, поставленныхъ въ Пьяченцѣ, произвели мало дѣйствія на умы горожанъ.

«Начинало свѣтать, когда мы выѣхали, и на первыхъ миляхъ покрытыя снѣгомъ поля съ одинокими фермами не показывали никакого признака жизни; все было холодно и неподвижно: и бѣлая отъ снѣга окрестность, и снѣжныя вершины Аппенинъ вдалекѣ, и даже Болонское шоссе, древняя via Emilia, идущее до самой Болоньи подлѣ желѣзной дороги, было также пустынно, какъ вся окрестность. Это продолжалось съ часъ. Но еще передъ нашимъ пріѣздомъ въ Кастель Гуэльфо, на послѣднюю станцію передъ Пармой, люди проснулись. Солнце взошло, колокольный звонъ слышался сквозь шумъ поѣзда. На шоссе показались экипажи и одинокіе путники; ставни и двери фермъ начали раскрываться. Свѣтъ принесъ жизнь, и великій день для центральной Италіи начался.

«Едва я замѣтилъ это дремавшему господину, сидѣвшему подлѣ меня, какъ мы съ нимъ ясно услышали сквозь стукъ желѣзныхъ колесъ и рельсовъ народный крикъ, повторявшійся безъ умолку. Мы раскрыли окно вагона, и шагахъ въ трехъ стахъ отъ большой дороги увидѣли процессію поселянъ: они шли съ трехцвѣтнымъ флагомъ впереди и привѣтствовали поѣздъ криками: «Viva l'Italia! Viva Vittorio Emmanuele!» Это были всѣ мужчины сосѣдней общины, одною толпою шедшіе вотировать въ главное село округа, на ту са-

мую станцію, гдѣ мы должны были остановиться. Было еще не больше 7 часовъ утра, а вотированіе начиналось въ 10 часовъ. Мы еще не проѣхали и пятой части нашего пути, и съ этой минуты до конца пути мнѣ казалось, будто я вижу все населеніе герцогствъ и Романьи вышедшимъ въ путь. Шоссе, вдоль котораго мы все время ѣхали, постоянно было наполнено идущимъ народомъ. Маленькими и большими отрядами, каждый съ трехцвѣтнымъ знаменемъ, каждый съ пѣснями и патріотическими криками, шли поселяне въ города. На каждой станціи стояли или шли черезъ нее такія группы. Чѣмъ ближе подходилъ часъ вотированья, тѣмъ сильнѣе увеличивался этотъ потокъ. Казалось, будто видишь передъ собою какой-то пикникъ всего населенія. Прекрасный свѣтлый день, конечно, много содѣйствовалъ общей радостной готовности.

«Впрочемъ, Парма и Реджіо всегда считались благорасположенными къ соединенію городами; но что-то будетъ въ Моденѣ, гдѣ такъ систематически старались подѣйствовать на простолюдиновъ, особенно на поселянъ, деньгами и черезъ аристократическихъ землевладѣльцевъ, чтобы отвратить народъ отъ соединенія? Мои сомнѣнія были разсѣяны самымъ блестящимъ образомъ. На самой моденской станціи большая дорога изъ округовъ по рѣкѣ По перерѣзываетъ желѣзную дорогу, и на этомъ перекресткѣ сотни поселянъ со множествомъ трехцвѣтныхъ знаменъ, украшенныхъ савойскимъ крестомъ и патріотическими девизами, предводимые своими синдиками и священниками, стояли, ожидая пока пройдетъ поѣздъ и привѣтствуя его громкими криками.

«Вотированье шло такъ, что имѣло характеръ не борьбы, а національнаго торжества и праздника. Мнѣ почти не встрѣчалось на дорогѣ такого человѣка, у котораго на шляпѣ не было бы девиза присоединенія. Люди низшихъ и высшихъ сословій были одинаково украшены этимъ девизомъ. Впечатлѣніе усилилось еще во сто разъ, когда мы пріѣхали въ Болонью. Тутъ не было дома, не было лавки безъ надписи: Viva Vittorio Emmanuele, nostro legitimo ré! Viva l'annessione! Fedeltà al nostro ré! Для поселянъ и для горожанъ, вотированье одинаково казалось второстепенною формою, а главнымъ дѣломъ было ходить по улицамъ процессіями, съ флагами и музыкою, пѣснями и патріотическими криками, и радость была главною чертою этого дня. Болонья съ своими узкими улицами, по которымъ идутъ ея неподражаемыя аркады, капризно разнообразныя, но составляющія гармоническій ансамбль, чрезвычайно удобна для такихъ проявленій энтузіазма. Окна и балконы были украшены флагами, коврами, шелковыми фестонами, часто съ вышитыми на нихъ гербами владѣльцевъ. Даже колонны аркадъ не избѣжали украшено-

щей манін и были одѣты красными и зелеными матеріями. Площади были мѣстами встрѣчъ для процессій, изъ которыхъ многія расхаживали по городу, цѣлый день: мѣстъ вотированья было одиннадцать въ городѣ и по сосѣдству, потому довольно дѣла было ходившимъ по всѣмъ этимъ мѣстамъ процессіямъ студентовъ, работниковъ, ремесленниковъ разныхъ промысловъ. Главнымъ мѣстомъ встрѣчъ для процессій была Piazza Maggiore, съ высокою башнею Азинелли, поднимающеюся надъ цѣлымъ городомъ. Крыльцо церкви, стоящей на Piazza Maggiore, было постоянно наполнено народомъ, наполнявшимъ и балконы на правой сторонѣ отъ церкви. Эти толпы безпрестанно обмѣнивались патріотическими криками съ проходившими черезъ площадь процессіями: махали платками, шляпами, кричали всевозможные evviva.

«Я говорилъ, что само вотированье было второстепеннымъ дѣломъ. Вотировать просто казалось предъявить билетъ на участіе въ общей радости. Интересно будетъ посмотрѣть, сколько голосовъ подано противъ соединенія: судя по всему, что я видѣлъ, надобно думать, что развѣ одинъ изо ста.»

«Болонья. 12 марта. 9 часовъ утра.

«Вчера къ вечеру затихло движеніе, чтобы возобновиться черезъ минуту, возобновиться съ новымъ одушевленіемъ, сильнѣе прежняго. Зажженіе первой лампы на улицахъ было сигналомъ этого возобновленія. Въ одинъ мигъ на всѣхъ балконахъ явились бумажные фонари и восковые фанелы. Искусственной иллюминаціи горожане не хотѣли дѣлать, они хотѣли только освѣтить чудныя улицы своего города. Эффектъ былъ магическій. Онъ придавалъ великолѣпнымъ зданіямъ совершенно новый характеръ. Особенно площадь передъ дворцомъ правительства превосходила своею эффектностью все, что когда-нибудь я видѣлъ. Цѣлый городъ казался одною сценическою декораціею, и все населеніе города толпилось по улицамъ до поздней ночи. Все было оживлено; безпрестанно мѣнялись, сходились и расходились группы, съ веселыми криками. И во всемъ этомъ шумѣ и веселости, не было ничего грубаго: я не видѣлъ ни одного человѣка пьянаго.

«Поутру, съ половины 8-го, народъ стремился главнымъ образомъ въ театру, гдѣ поэтъ Гьянси долженъ былъ читать стихотворенія, соотвѣтствовавшія случаю. Тутъ происходила великая демонстрація. Зала была биткомъ набита. Каждому стихотворенію апплодировали съ фуроромъ. Первое изъ нихъ, Pio IX e guerra, было поэтическимъ судомъ надъ папою, второе, Aquila d'Austria, и третье, Annessione, говорили объ австрійцахъ и соединеніи Италіи. Эту-

зіазмъ былъ непреодолимъ, такъ что прусскій генералъ реакціонной партіи, случайно попавшій въ театръ, также увлекся, апплодировалъ и кричалъ не хуже самаго патріотичнаго итальянца.»

«Модена 15 марта.

«Мои впечатлѣнія о результатѣ вотированья въ Болоньѣ, посланныя къ вамъ во вчерашнемъ моемъ письмѣ, оказались вѣрны. Нѣтъ сомнѣнія, что вчера рѣшилась судьба центральной Италіи. Выѣзжая изъ Болоньи нынѣ поутру, я справился о числѣ вотировавшихъ и узналъ, что изъ 21 тысячи человѣкъ, внесенныхъ въ списки города Болоньи и его предмѣстій, 17,000 подали вчера голоса. Я уѣхалъ еще въ 11 часовъ утра, но уже болѣе 1000 человѣкъ изъ остальныхъ пришли вотировать. Видъ городскихъ улицъ заставлялъ предугадывать такой результатъ, но даже и бывши приготовленъ къ нему, невольно удивляешься его величію. Даже въ странахъ, гдѣ простолюдины не участвуетъ въ выборахъ, такая большая пропорція вотирующихъ была бы чрезвычайна: еще удивительнѣе она при всеобщемъ вотированьи. Простолюдины вообще не охотники вотировать и потому всегда бываетъ, что множество изъ нихъ не подаетъ голосовъ. Вотированье продолжается еще до 5 часовъ вечера, стало быть можно ожидать, что по крайней мѣрѣ, девять десятыхъ изъ всего числа избирателей въ Романьѣ подадутъ голоса. Это общее участіе въ выборахъ служитъ самымъ поразительнымъ признакомъ интереса, который возбуждается во всемъ населеніи вопросомъ, рѣшаемымъ въ эти дни; это надобно отчасти объяснить долговременнымъ приготовленіемъ къ нему. Присоединеніе всѣхъ уже нѣсколько мѣсяцевъ было единственною мыслью, занимавшею народъ, и отъ частныхъ пренятствій она только усиливалась и распространялась.

«Не смотря на столпленіе народа, все происходило съ совершеннымъ спокойствіемъ и порядкомъ, благодаря народнымъ правамъ. Избиратели въ Болоньѣ были раздѣлены для вотированья на 11 отдѣловъ по алфавитному порядку фамилій, такъ что въ каждомъ изъ 11 залъ, назначенныхъ для вотированья, подавали голоса люди, фамиліи которыхъ начинаются съ извѣстныхъ буквъ. Такой порядокъ представлялъ новое удобство для манифестацій. Ремесленники и работники каждаго промысла собирались всѣ вмѣстѣ съ флагами и знаменами, съ оркестромъ, если только могли нанять его, или просто съ своими громкими голосами, если не было у нихъ денегъ нанять музыку. Всѣ вмѣстѣ они ходили по всѣмъ отдѣламъ, начиная съ А и кончая Z. Въ каждомъ отдѣлѣ принадлежавшіе къ нему люди входили въ залу и подавали голоса, а товарищи ждали ихъ на улицѣ съ патріотиче-

сими криками. Вотированье шло самымъ простымъ и правильнымъ порядкомъ. Описаніе того, какъ происходило оно въ одномъ отдѣлѣ, покажетъ, какъ происходило оно во всѣхъ. Возьмемъ, напримѣръ, отдѣлъ, въ которомъ были фамиліи, начинающіяся буквою М. Мѣстомъ вотированья для этого отдѣла былъ домъ Пеполи. Въ каждомъ итальянскомъ городѣ есть фамиліи, столь тѣсно связанныя съ городскою исторіею, что считаются какъ будто бы принадлежностью или собственностью цѣлого города. Къ такимъ фамиліямъ въ Болоньѣ принадлежатъ Пеполи, и нынѣшній представитель ихъ рода одинъ изъ популярнѣйшихъ людей въ цѣлой Романьѣ. Натурально было выбрать мѣстомъ вотированья обширную залу его старинаго дворца. Вы восходите по широкой лѣстницѣ, какія бываютъ только въ Италіи, по лѣстницѣ, которая одна занимаетъ пространство цѣлаго дома. На площади, вверху лѣстницы, стоитъ человѣкъ, который отбираетъ трости, зонтики и другія оружія. Вы отворяете дверь и видите себя въ огромной залѣ XVI столѣтія, со стѣнами, на которыхъ гербы разныхъ членовъ фамиліи, съ полами изъ мраморной мозаики; зала увѣшана фамильными портретами, которые какъ будто съ изумленнымъ любопытствомъ смотрятъ на нынѣшнія дѣла. Противъ дверей поставленъ длинный столъ, около котораго стоятъ человѣкъ десять въ пальто и шляпахъ. Столъ заваленъ списками избирателей. Передъ столомъ закрытая урна фута въ четыре вышины, запечатанная четырьмя печатями; посрединѣ крышки ея сдѣланъ узкій прорѣзъ для опусканія билетовъ. Два человѣка безотлучно охраняютъ эту урну, какъ сокровище. Избиратель входитъ, осматриваясь, куда ему направиться. Ему показываютъ къ столу. Высокій человѣкъ вѣжливо спрашиваетъ у него фамилію. Это президентъ отдѣла, Минготти, одинъ изъ людей, получившихъ извѣстность во время послѣднихъ событій. Раскрывается списокъ избирателей, ставится въ немъ значекъ противъ имени человѣка, подающаго голосъ, и онъ кладетъ въ ящикъ свой билетъ; такъ требуетъ форма; но *да* или *нѣтъ* въ этомъ отвѣтѣ вовсе не тайна, потому что почти у каждаго билетъ былъ прикрѣпленъ на шляпѣ или фуражкѣ и на каждомъ билетѣ я видѣлъ рѣшеніе въ пользу единства.

«Когда я прибылъ въ Модену, вотированье уже кончалось, но я скажу вамъ, хоть вы не повѣрите этому: городъ былъ оживленъ; дѣйствительно, фактъ неимовѣрный въ прежней столицѣ Франциска IV. И здѣсь, какъ въ Романьѣ, ожидаютъ, что почти всѣ голоса безъ исключенія будутъ въ пользу присоединенія.»

Читателю извѣстенъ результатъ вотированья. Можно сказать, что только больные и отсутствующіе не подали своихъ голосовъ, и

каждый, кто только могъ дойти до урны, собиравшей голоса, исполнилъ свой долгъ. Такая огромная пропорція вотировавшихъ почти безпримѣрна въ европейской исторіи. Читателю извѣстно также, что едва одна пятидесятая часть голосовъ оказалась не въ пользу соединенія и что единодушіе, съ которымъ безмѣрное большинство населенія потребовало національнаго единства, было поразительно превзошло всѣ надежды самыхъ жаркихъ патріотовъ. Читатель знаетъ также, что немедленно послѣ вотированья были отправлены областями центральной Италіи депутаціи въ Туринъ просить Виктора Эммануэля принять центральную Италію въ составъ Сѣверо-итальянскаго королевства, что король безусловно согласился на просьбу, что теперь назначены въ центральной Италіи выборы депутатовъ для общаго парламента королевства, одинаково обнимающаго собою Піэмонтъ, Ломбардію и всю центральную Италію, что этотъ парламентъ собрался 2-го апрѣля. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ будетъ могущественнѣйшей опорой туринскому правительству въ его національныхъ стремленіяхъ. Такимъ образомъ со стороны самихъ итальянцевъ дѣло рѣшено безвозвратно, и если бы туринское правительство захотѣло теперь повернуть назадъ, уступая французскимъ требованіямъ, то оно дѣйствительно было бы принуждено прибѣгнуть для этого къ мѣрамъ насилія, о которыхъ говоритъ въ своей нотѣ Кавуръ и которыми онъ едва ли захочетъ обезславить себя и лишить всякой нравственной силы своего короля. Отступиться отъ сдѣланнаго было бы теперь со стороны Кавура низостью и предательствомъ.

Но преждевременно было бы считать теперь дѣло уже совершенно покончennымъ. Очень можетъ быть, что придутъ тѣ опасности, которыми Тувель грозитъ итальянцамъ въ своей депешѣ отъ 24 февраля. Вопросъ рѣшенъ для итальянцевъ, но французское правительство до сихъ поръ не хотѣло соглашаться съ ними, не хотѣло согласиться даже и въ послѣдніе дни, ни послѣ единодушнаго вотированья въ пользу единства, ни послѣ того, какъ Викторъ Эммануэль объявилъ центральную Италію частью своего королевства. Франція до сихъ поръ продолжаетъ настаивать, чтобы дѣло оборотили на путь, указанный нотою 24 февраля, и чтобы отреклись отъ дѣйствій противныхъ этому указанію. Одновременно съ каждымъ новымъ шагомъ итальянцевъ къ единству, Франція повторяла требованіе, чтобы они отказались отъ своихъ намѣреній и покорились ея волѣ. Такъ, напримѣръ, въ то самое время, какъ издавался во Флоренціи и Болоньѣ декретъ о вотированьи, 1 марта, императоръ французовъ объявлялъ въ своей рѣчи при открытіи законодательнаго корпуса, что порицаетъ дѣйствія итальянцевъ, не согласныя съ его

прежними совѣтами. Въ тѣ же самые дни дѣйствовалъ въ томъ же смыслѣ повѣренный императора французовъ Альбери, пріѣхавшій во Флоренцію изъ Парижа въ концѣ февраля. Онъ уже и прежде являлся въ центральной Италіи истолкователемъ воли Наполеона III; теперь было ему поручено возобновить прежнія настоянія. Альбери, итальянецъ и патріотъ, человѣкъ честный и благонамѣренный. Подобно Монтанелли онъ постоянно совѣтовалъ своимъ соотечественникамъ покориться французскому требованію, не потому чтобы самъ не сочувствовалъ дѣлу единства, а только потому, что считаетъ непреоборимыми тѣ затрудненія, которыя поставляются Франціею осуществленію національныхъ стремленій. Мы приведемъ письмо флорентинскаго корреспондента Times'a о послѣднемъ посольствѣ Альбери.

«Альбери возвратился изъ Парижа, гдѣ онъ имѣлъ разговоры съ императоромъ, и теперь говоритъ тономъ человѣка, которому поручено передать мысли императора его соотечественникамъ. Я уже нѣсколько упоминалъ объ Альбери, выражая свое твердое убѣжденіе въ честности его характера. Онъ — одинъ изъ немногихъ тосканцевъ, защищающихъ мнѣніе объ отдѣльномъ тосканскомъ королевствѣ и поддерживавшихъ притязанія принца Наполеона на тосканскій престолъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ съ точностью передаетъ слова императора.

«Императоръ Наполеонъ убѣждаетъ черезъ него итальянцевъ, что и теперь, въ послѣднія минуты дѣла, планъ присоединенія къ Піемонту не осуществимъ, — болѣе неосуществимъ, нежели когда нибудь; что каково бы ни было его собственное расположеніе согласиться съ этимъ «капризомъ народа», онъ встрѣчаетъ въ удовлетворенію народному желанію препятствія столь сильныя, что даже колоссальное могущество его имперіи не даетъ ему средства побороть ихъ. Образованіе итальянскаго королевства съ населеніемъ въ 12,000,000 несовмѣстно съ присутствіемъ австрійцевъ въ Венеціи. Оно противно вѣнскому кабинету въ особенности потому, что дѣлается въ пользу Сардинскаго королевства, которому Австрія приписываетъ всѣ свои бѣдствія въ Италіи, съ которымъ теперь предвидитъ борьбу за самое свое существованіе. По мнѣнію императора, этотъ планъ столь же невыносимъ для Рима, для Неаполя и для всѣхъ великихъ монархій, защищающихъ мелкія итальянскія государства и вообще принципъ легитимизма. Присоединеніе центральной Италіи къ сѣверной, по мнѣнію императора, немедленно повело бы за собою всеобщую войну. А онъ самъ не хочетъ такой войны, даже Франція не пошла бы на нее съ охотою, и Англія не стала бы его поддерживать въ ней. Если итальянцы безразсудно останут-

ся при своей мысли о соединеніи, ясно, что долженъ сдѣлать императоръ: онъ немедленно выведетъ свою армію изъ Ломбардіи, останется спокойнымъ зрителемъ борьбы, въ которой партія присоединенія будетъ имѣть противъ себя Австрію и южныя итальянскія государства. Хотя бы все, созданное имъ, разрушилось этою борьбою, онъ долженъ будетъ предоставить итальянцевъ ихъ судьбѣ, отдать ее австрійцамъ, отъ которыхъ она потомъ не избавится въ двѣсти лѣтъ. Но императоръ не желалъ бы отдать австрійцамъ и ихъ наслѣдникамъ ни одного вершка земли, которую отнялъ у нихъ, и если дѣло не будетъ доведено до новой войны, Австрія согласится на сдѣлку: она непреклонна только въ двухъ вещахъ, въ рѣшимости сохранить Венецію и не допустить увеличенія Сардиніи. Императоръ думаетъ, что постепенно могъ бы склонить Австрію, чтобы она передала ему всѣ права низложенныхъ принцевъ ея династіи, государей моденскаго и тосканскаго; а папа, сколько бы ни сердился, находится въ рукахъ императора и кончитъ тѣмъ, что покорится ему. Главнымъ затрудненіемъ служатъ сами жители центральной Италіи, и императоръ объявляетъ, что гостовъ спасти ихъ, если они послушаются внушенія разсудка. Пусть вопросъ о центральной Италіи будетъ на время отложенъ, съ сознаніемъ, что возможно будетъ со временемъ всякое рѣшеніе его, кромѣ присоединенія къ Сардиніи. Пока, пусть будетъ назначенъ регентъ для управленія Тосканою и маленькими герцогствами, пусть онъ управляетъ и легатствами, какъ вассалъ папы. Кого назначить регентомъ, императоръ не говоритъ прямо; не говоритъ и того, можетъ ли этотъ регентъ разсчитывать въ случаѣ надобности на содѣйствіе 50,000 французовъ, находящихся въ Ломбардіи, или хотя части ихъ, противъ нападенія австрійцевъ. Потомъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ регентства,— во время которыхъ французскія войска останутся въ этой землѣ, — можно будетъ предложить жителямъ центральной Италіи вопросъ, хотятъ ли они имѣть своего регента королемъ; отвѣчать они будутъ по испытанному французскому способу, общенароднымъ вотированіемъ и просто «да» или «нѣтъ»; результатъ безъ сомнѣнія будетъ въ смыслѣ, котораго желаетъ императоръ».

То же самое говоритъ патріотъ еще болѣе знаменитый, ветеранъ 1848 года, храбро сражавшійся тогда противъ австрійцевъ и получившій тяжелую рану въ несчастной борьбѣ, Монтанелли. Если такіе люди, какъ онъ и Альбери, совѣтуютъ своимъ соотечественникамъ отступить передъ опасностью, то надобно думать, что опасность дѣйствительно ужасна. Она такъ велика, что въ самой Италіи безпрестанно носились въ послѣднее время слухи, будто бы Кавуръ уступилъ или уступаетъ требованію французскаго правительства.

Вотъ что говорили, напримѣръ, во Флоренціи въ концѣ февраля, за три дня до декрета о вотированьи. Мы, по обыкновенію, переводимъ отрывокъ изъ корреспонденціи, печатаемой въ «Times'ѣ».

«Послѣднее извѣстіе нынѣ состоитъ въ томъ, что Франція и Піэмонтъ заключили конвенцію, по которой Піэмонтъ соглашается на учрежденіе отдѣльнаго королевства центральной Италіи, состоящаго изъ Тосканы, Романьи и части Модены; королемъ будетъ назначенъ малолѣтній герцогъ Генуэзскій Альбертъ-Викторъ, племянникъ короля (Альберту-Виктору всего теперь шесть лѣтъ); опекуномъ его и регентомъ королевства будетъ назначенъ принцъ Наполеонъ, женатый на двоюродной сестрѣ малолѣтняго короля, принцессѣ Клотильдѣ. Такимъ образомъ центральная Италія по крайней мѣрѣ на 12 лѣтъ, до совершеннолѣтія Альберта-Виктора, будетъ вассальнымъ владѣніемъ французской династіи».

Самъ корреспондентъ «Times'a», передающій этотъ слухъ, называетъ его сказкою. Но этой сказкѣ вѣрили, и для насъ важно не то, основательна ли она, а то, что ей вѣрили: это свидѣтельствуетъ, какъ сильны были настоянія Франціи, если Италія могла думать, что Кавуръ уступаетъ имъ. Чрезъ нѣсколько дней разнесся слухъ о новомъ претендентѣ изъ французской династіи на престолъ центральной Италіи. Сыновья тѣхъ братьевъ Наполеона, которые были сдѣланы королями во время первой имперіи, до послѣдняго времени не имѣли близкихъ отношеній къ сыновьямъ Луціана Бонапарте, который еще во время консульства поссорился съ Наполеономъ. Подъ именемъ принцевъ Канино они живутъ въ Италіи и пользуются въ ней большою популярностью за свои демократическіе принципы. Въ февралѣ одинъ изъ членовъ фамиліи Луціана Бонапарте, Карлъ-Наполеонъ принцъ Канино, былъ вызванъ въ Парижъ; императоръ французовъ пожаловалъ ему титулъ королевскаго высочества, признавъ его принцемъ своей династіи, чего прежде не хотѣлъ, и сталъ давать ему почетное мѣсто подлѣ себя на всѣхъ торжественныхъ церемоніяхъ. Мы не имѣемъ претензіи отгадывать, справедливо ли заключаютъ изъ этого, что императоръ французовъ, увидѣвъ непопулярность принца Наполеона въ Тосканѣ, хочетъ замѣнить этого прежняго кандидата новымъ кандидатомъ на престолъ центральной Италіи, принцемъ Карломъ-Наполеономъ, семейство котораго пользовалось любовью итальянцевъ; справедливъ или несправедливъ этотъ слухъ, мы увидимъ въ довольно скоромъ времени, а теперь приводимъ его только, какъ новое выраженіе мнѣній, господствующихъ въ Парижѣ и въ самой Италіи относительно намѣреній императора французовъ. Вотъ еще любопытный фактъ о томъ, какія усилія дѣлало въ концѣ февраля французское

правительство, чтобы склонить Кавура къ согласію на проэктъ, изложенный въ нотѣ Тувнеля отъ 24 февраля. Теперь мы сообщаемъ читателю уже не предположеніе публики, а положительное свѣдѣніе объ одномъ изъ средствъ, которыми французскіе дипломаты дѣйствовали на Кавура и другихъ государственныхъ людей Италіи. Этотъ фактъ мы беремъ изъ письма туринскаго корреспондента «Times'a» отъ 9 марта.

«28 февраля французскій посланникъ въ Туринѣ, баронъ Талейранъ, представилъ графу Кавуру ноту 24 февраля и вмѣстѣ съ нею прочелъ сардинскому министру другую депешу, присланную отъ Персиньи, французскаго посланника въ Лондонѣ, къ французскому министру иностранныхъ дѣлъ; Персиньи въ этой депешѣ увѣдомляетъ Тувнеля, что сообщилъ французскія предложенія лорду Росселю, и что Россель согласился на рѣшеніе, даваемое этими предложеніями. Такое извѣстіе могло озадачить даже человѣка столь твердаго, какъ Кавуръ. Итакъ, Англія, послѣ всѣхъ своихъ увѣреній, измѣняетъ въ рѣшительную минуту! Но ударъ грома былъ отпарированъ электричествомъ въ другой формѣ: прежде чѣмъ депеша, прочтенная Кавуру Талейраномъ, успѣли пріѣхать изъ Парижа въ Туринъ по желѣзной дорогѣ, по телеграфу уже было получено извѣстіе объ отвѣтѣ, какой былъ дѣйствительно данъ лордомъ Росселемъ на французскія предложенія: англійскій министръ сказалъ Персиньи, что эти предложенія «убійственны» для итальянской независимости. Любопытно было бы взглянуть на саркастическое выраженіе лица, съ которымъ Кавуръ отвѣчалъ, что по его мнѣнію г. Персиньи ошибся, потому что онъ, Кавуръ, имѣетъ основаніе думать, что англійское правительство рѣшительно противъ французскихъ предложеній.»

Какъ было не разсчитать, что извѣстіе объ отвѣтѣ Росселя на депешу Тувнеля прійдетъ въ Туринъ по телеграфу раньше, чѣмъ дойдетъ до Турина по желѣзной дорогѣ депеша Персиньи, излагающая вмѣсто подлиннаго отвѣта Росселя тотъ отвѣтъ, какой нуженъ былъ бы для французской системы? Но во всякомъ случаѣ, отважность, съ которою хотѣли подѣйствовать на Кавура этимъ замѣчательнымъ способомъ, заслуживаетъ удивленія.

Въ тоже время дѣйствовали другимъ способомъ. Тувнель въ депешѣ 24 февраля говорилъ, что если туринскій кабинетъ не покорится французскому плану, Франція должна будетъ вывести свои войска изъ Ломбардіи, такъ что Италія останется беззащитною противъ австрійцевъ.

Если бы французскія войска были всѣ выведены изъ Италіи тотчасъ послѣ виллафранкскаго мира, Сардиніи не было бы отъ

этого никакой опасности. Если Франція хотѣла защищать Піэмонтъ и Ломбардію отъ австрійскаго вторженія, она однимъ словами достигала бы этой цѣли столь же вѣрно, какъ и оставленіемъ цѣлой своей арміи въ Миланѣ: каждому извѣстно, что безъ положительнаго разрѣшенія Франціи, австрійцы никогда не думали переходить границъ, оставленныхъ имъ по виллафранкскому миру. Собственно для защиты Италіи французская армія въ Ломбардіи была не нужна; но она въ этой позиціи служила сильною поддержкою французскому вліянію на туринскій кабинетъ. Оставляя свое войско въ Ломбардіи, Франція имѣла въ виду свои собственные интересы, а не интересы итальянцевъ; это ясно. Но столь же ясно и то, что выводъ французской арміи изъ Ломбардіи долженъ теперь имѣть уже совершенно иное значеніе: если Франція говорила, что присутствіе ея арміи въ Миланѣ служитъ выраженіемъ ея покровительства сардинскому правительству, то удаленіе этой арміи должно было показывать австрійцамъ и цѣлой Европѣ, что Италія лишается всякой надежды на французскую поддержку въ случаѣ австрійскаго нападенія; отзывая свои войска изъ Италіи, Франція прямо приглашала австрійцевъ начать наступательную войну, для наказанія итальянцевъ за непокорность совѣтамъ парижскаго кабинета. Около цѣлаго мѣсяца продолжалась эта угроза и наконецъ она исполняется. Австрійцы теперь знаютъ, что Италія лишилась права на французскую помощь противъ нихъ. Публицисты, не раздѣляющіе того взгляда на французскую политику, котораго мы постоянно держались, не могли отрицать, что со вступленія Кавура въ управленіе дѣлами, неудовольствіе парижскаго правительства противъ Піэмонта выражалось сильными признаками предъ лицемъ всей Европы. Но они все-таки хотѣли предполагать, что этотъ очевидный разрывъ долженъ считаться только наружнымъ фактомъ, скрывающимъ подъ собою совершенно иныя отношенія; они называли холодность просто демонстраціей, дипломатическимъ маневромъ, говорили, что императоръ французовъ, выказывая гнѣвъ Піэмонту, дѣйствуетъ неискренно, вводитъ, по тайному согласію съ Кавуромъ, въ обманъ Европу. Такое предположеніе, оскорбительное для императора французовъ, не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія по своей натянутости. Факты показываютъ, что императоръ французовъ дѣйствительно имѣлъ тѣ намѣренія, которыя приказывалъ Тувенелю излагать въ депешахъ, всѣмъ извѣстныхъ. Предположеніе противнаго было такъ неправдоподобно, что даже публицисты, его представлявшіе, признавались въ его невѣроятности. Но у нихъ было еще другое ожиданіе: они говорили, что холодность и угроза имѣютъ цѣлью только вынудить у Сардиніи уступку Са-

войн, что когда эта страна будетъ отдана Франціи, вотированье центральной Италіи послужитъ для парижскаго кабинета поводомъ согласиться на соединеніе центральной Италіи съ Піэмонтомъ и оставить свои прежніе планы объ отдѣльномъ королевствѣ центральной Италіи, объявивъ, что императоръ французовъ не можетъ не признать рѣшительнаго значенія за всеобщимъ вотированьемъ, на которомъ основываетъ онъ свою собственную власть во Франціи. Факты показали теперь несостоятельность такихъ ожиданій, противныхъ принципамъ и цѣлямъ французской политики. Савойя уже уступлена Піэмонтомъ, а Франція продолжаетъ оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ къ кабинету Кавура, и вотированью центрально-итальянскаго населенія не придаетъ значенія, несогласнаго съ цѣлями своей политики. Парижскій кабинетъ ни мало не смутился результатами вотированья 11 и 12 марта. Онъ объявляетъ, что выраженіе чувствъ центральной Италіи надобно понимать слѣдующимъ образомъ: въ Романьѣ единодушная готовность присоединиться къ Піэмонту означаетъ только нежеланіе романьольцевъ возвратиться подъ власть папы и притомъ нежеланіе возвратиться подъ эту власть только въ томъ предположеніи, что папа не произведетъ административныхъ реформъ. Если же римское правительство согласится на реформы, предлагаемыя ему парижскимъ кабинетомъ, то возвращеніе подъ власть папы вовсе не будетъ, по мнѣнію парижскаго кабинета, несогласно съ чувствами романьольцевъ. Еще менѣе противно было бы ихъ желанію образованіе отдѣльнаго королевства, государь котораго находился бы къ папѣ въ отношеніяхъ вассала. Точно также истолковываетъ парижскій кабинетъ и вотированье Тосканы: 11 и 12 марта Тоскана сказала вовсе не то, чтобы хотѣла присоединиться къ Піэмонту, а просто только то, что не желаетъ возстановленія великаго герцога. Отдѣльное королевство будетъ совершенно удовлетворять желаніямъ тосканцевъ, лишь бы только королемъ былъ назначенъ какой нибудь другой принцъ, а не принцъ прежней династіи. Конечно, такое объясненіе не вполнѣ соотвѣтствуетъ тому поставленію вопроса, на которое отвѣчала центральная Италія своимъ вотированьемъ. Спрашивалось не то, хотятъ ли романьольцы и тосканцы возвратиться подъ власть папы и австрійскаго эрцгерцога; вопросъ былъ прямо о томъ, хотятъ ли они оставаться отдѣльными отъ Піэмонта подъ какимъ бы то ни было правительствомъ или присоединиться къ Піэмонту. Но что жъ изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ только то, что вопросъ былъ поставленъ дурно, оттого и отвѣтъ получился дурной, вовсе не выражающій желаній центральной Италіи. Парижскому правительству эти желанія извѣстны и потому оно послѣ вотированья продолжаетъ

говорить, какъ говорило до вотированья, что надобно сдѣлать изъ центральной Италіи особенное королевство.

Въ такомъ положеніи находится теперь дѣло центральной Италіи. Фактически оно рѣшено: Тоскана, Романья и мелкія герцогства присоединены къ Піемонту и Ломбардіи; но удержится ли это соединеніе? Не сдѣлаетъ ли туринскій кабинетъ какихъ нибудь уступокъ, хотя уступать теперь было бы уже очень неловко? Или не возникнутъ ли весною военныя событія, которыя дадутъ вопросу новый оборотъ, поведутъ къ освобожденію Венеціи или къ возстановленію прежняго порядка дѣлъ въ центральной Италіи? Этихъ вещей предугадать еще нельзя; не потому, впрочемъ, чтобы онѣ облечены были дипломатическою тайною, а просто потому, что и сами дипломаты еще не знаютъ, чѣмъ разыграется дѣло. Желанія и намѣренія каждаго кабинета извѣстны всей европейской публикѣ, но неизвѣстно и самимъ кабинетамъ, возникнутъ ли случаи, нужные для осуществленія намѣреній того или другаго изъ нихъ. Точно въ такомъ же положеніи находится и другое дѣло, возникшее изъ прошлой войны. Фактически Савойя уже уступлена Франціи, но неизвѣстно, къ чему поведетъ это уже совершившееся расширеніе французскихъ границъ.

Люди, не умѣющіе или не желающіе придавать дипломатическимъ объясненіямъ ихъ истинный смыслъ, находятъ, что Франція и Сардинія дѣйствовали въ савойскомъ вопросѣ неискренно. Мы должны сказать, что обвиненія подобнаго рода совершенно непримѣнимы къ дипломатическимъ пріемамъ въ глазахъ людей, понимающихъ характеръ дипломатическихъ объясненій. Начнемъ изложеніемъ фактовъ, на которыхъ основываются порицанія въ неискренности. Мы приведемъ ихъ по преніямъ англійской палаты общинъ, которая служитъ теперь, при ничтожествѣ французскаго законодательнаго корпуса и при неразвитости парламентской независимости въ прусской палатѣ депутатовъ, единственнымъ общеевропейскимъ мѣстомъ оффиціальнаго перевода политическихъ дѣлъ съ дипломатическаго языка на обыкновенный. Кинглекъ, членъ торійской оппозиціи, который принялъ на себя обязанность слѣдить въ палатѣ общинъ за дѣйствіями министерства по итальянскому вопросу, слѣдующимъ образомъ излагалъ переговоры въ своей рѣчи 28 февраля объ участи Савойи:

«Когда и какъ возникъ планъ присоединить Савойю и Ниццу къ Франціи? Правда или не правда, что мысль объ этомъ присоединеніи существовала еще до начала войны? Императоръ французовъ, начиная итальянскую войну, получилъ согласіе Европы на это предпріятіе торжественнѣйшими увѣреніями, что не питаетъ никакихъ че-

столюбивыхъ замысловъ, никакихъ замысловъ объ увеличеніи Франціи.—«Императорское правительство, писалъ графъ Валевскій (тогдашній французскій министръ иностранныхъ дѣлъ) герцогу Мала-«ховскому (Пелиссье, тогдашнему французскому посланнику въ Лондонѣ), не имѣетъ никакихъ тайныхъ замысловъ, никакихъ честолюбивыхъ видовъ, ему не въ чемъ притворяться, нечего скрывать».—27 апрѣля (при вступленіи французскихъ войскъ въ Италію) графъ Коули (англійскій посланникъ въ Парижѣ) писалъ лорду Мальмсбери (тогдашнему англійскому министру иностранныхъ дѣлъ): «Графъ Валевскій сообщилъ мнѣ вчера, что послалъ герцогу Мала-«ховскому, для передачи правительству ея величества, депешу, въ «которой давалъ увѣреніе, что императорское правительство не руко-«водится никакими завоевательными или честолюбивыми намѣреніями». Еще ближе касаясь предмета, о которомъ теперь мы говоримъ, графъ Валевскій писалъ герцогу Малаховскому слѣдующее: «Альпійскіе проходы не въ нашихъ рукахъ, и для насъ чрезвычайно «важно, чтобы ключъ къ нимъ остался въ Туринѣ, — только въ Ту-«ринѣ. — Его императорское величество, сохраняя строгую вѣр-«ность словамъ, которыя сказалъ онъ, когда французскій народъ воз-«вратилъ его на тронъ главы его династіи, не одушевленъ ни личнымъ «честолюбіемъ, ни желаніемъ завоеваній». Въ формѣ еще болѣе рѣзкой и публичной повторилъ это увѣреніе самъ императоръ 8 іюня, вступивъ въ Миланъ. Въ прокламаціи своей къ итальянскому народу онъ говорилъ: «Ваши враги, которые также мои враги, старались «уменьшить симпатію къ вашему дѣлу, существующую въ цѣлой «Европѣ, убѣждая міръ, что я веду эту войну только для личнаго че-«столюбія или для увеличенія французской территоріи. Если есть «люди, непонимающіе своего времени, я не принадлежу къ нимъ чи-«слу. При нынѣшней просвѣщенности общественнаго мнѣнія, мо-«гущество людей больше зависитъ отъ нравственнаго ихъ вліянія, «нежели отъ безплодныхъ завоеваній. Я съ гордостью стремлюсь къ «этому нравственному вліянію, содѣйствуя освобожденію одной изъ «прекраснѣйшихъ странъ Европы».—Но въ моемъ портфелѣ лежитъ бумага, доказывающая, что эти слова заслуживали столько же довѣрія, какъ бюллетени первой имперіи. Еще въ мартѣ прошлаго года, до начала войны, я получилъ эту бумагу изъ источника, сообщавшаго ей полную достовѣрность. Она говорила: «Наканунѣ бракосочетанія принца Наполеона съ принцессою Клотильдою была подписана бумага, называвшаяся «семейнымъ обязательствомъ»,—не трактатомъ и не конвенціею, а просто семейнымъ обязательствомъ (pacte de famille); въ ней императоръ французовъ обѣщалъ Сардиніи французскую помощь, а король сардинскій обѣщалъ отдать ему Савойю и

Ниццу за «новыя» за пріобрѣтенія въ Ломбардіи». — Лордъ Мальсбёри поручалъ тогда лорду Коули спросить французское правительство объ этомъ, но онъ употребилъ слово трактатъ, спрашивалъ, существуетъ ли подобный трактатъ, вмѣсто того чтобы спросить, существуетъ ли семейное обязательство, и 1 мая 1859 лордъ Коули отвѣчалъ: «Я сообщилъ графу Валевскому, что англійское «правительство получило извѣстіе о томъ, что 17 января подписанъ «между Франціею и Сардиніею трактатъ, по которому Сардинія «уступаетъ Франціи Савойю въ случаѣ пріобрѣтенія Ломбардіи. «Графъ Валевскій отвѣчалъ, что онъ можетъ сказать мнѣ одно: до «сихъ поръ нѣтъ никакого трактата между Франціею и Сардиніею.» Долго не было на это никакихъ опроверженій, и секратарь (министръ) иностранныхъ дѣлъ, объявляя палатѣ общинъ о заключеніи виллафранскаго мира, съ удовольствіемъ могъ прибавить, опираясь на слова графа Валевскаго, что Французское правительство вовсе не думаетъ о присоединеніи Ниццы и Савойи. «Могу съ удовольствіемъ «извѣстить палату, говорилъ онъ, что императоръ французовъ не «дѣлалъ никакого подобнаго требованія, и что судя по всему, надоб«но думать, что онъ не имѣетъ намѣренія дѣлать какого бы то ни «было прибавленія къ французской территоріи». — Но наконецъ 7 февраля лордъ Гренвиль (представитель нынѣшняго министерства въ палатѣ лордовъ) высказалъ, если не всю истину, то по крайней мѣрѣ нѣчто, указывавшее на существованіе обязательства, о которомъ я говорилъ. «Французское правительство объявило намъ (ска«залъ онъ), что въ настоящее время нѣтъ вопроса о присоединеніи «Савойи, что одинъ изъ многихъ вопросовъ, о которыхъ разсуждали «передъ войною, было присоединеніе Савойи въ случаѣ извѣстныхъ «событій, но такъ какъ эти событія не совершились, то теперь и «нѣтъ вопроса о присоединеніи. Французское правительство при«бавляетъ, что если Сардинія, черезъ присоединеніе Ломбардіи и «другихъ провинцій, станетъ могущественнымъ итальянскимъ го«сударствомъ, то оно почтетъ себя имѣющимъ право разсмотрѣть, «на какихъ условіяхъ оно можетъ дать утвержденіе такому устрой«ству дѣлъ».

Въ рѣчи 16 марта Кингслэкъ дополнилъ исторію вопроса слѣдующими замѣчаніями о дипломатическихъ увѣреніяхъ съ стороны Сардиніи:

«Предлогъ, подъ которымъ присоединяется къ Франціи Савойя, легко можетъ быть приложенъ къ присоединенію Рейнскихъ провинцій и Бельгіи. Знаетъ ли палата, что дѣлается теперь на бельгійской границѣ? Въ сосѣднихъ съ Франціею департаментахъ есть газеты, прямо доказывающія надобность присоединить Бельгію къ Франціи,

говорящія бельгійцамъ, какія огромныя промышленныя выгоды получатъ они отъ присоединенія. Но я не могу не сказать нѣсколькихъ словъ и о способѣ дѣйствій Сардиніи въ этомъ дѣлѣ. Графъ Кавуръ постоянно утверждалъ, что не давалъ никакихъ обязательствъ и не имѣетъ никакого расположенія уступать Савойю. Въ своей депешѣ къ Нигри, сардинскому посланнику въ Парижѣ, онъ говоритъ: «Сардинское правительство никогда, ни за какія пріобрѣтенія, не согласится уступить или промѣнять какую бы то ни было часть земли, «столько вѣковъ составлявшей славное владѣніе савойскаго дома». Тоже самое онъ говорилъ сэру Джемсу Гёдсону (англійскому посланнику въ Туринѣ): «Графъ Кавуръ, пріѣхавъ ко мнѣ, пишетъ сэръ Джемсъ Гёдсонъ, повторилъ прежнія свои слова, что Сардинія не «заключала никакого обязательства уступать, продавать или обмѣнивать Савойю или какую бы то ни было часть королевскихъ владѣній.»

Факты, указываемые Кинглекомъ, совершенно достовѣрны: дѣйствительно, условіе объ уступкѣ Савойи было подписано Валевскимъ и Кавуромъ въ началѣ прошлаго года, еще до войны. Дѣйствительно, Франція и Сардинія въ своихъ дипломатическихъ отвѣтахъ на вопросы другихъ кабинетовъ до послѣдняго времени постоянно отвѣчали, что такого условія не существуетъ, и наконецъ всего мѣсяца два тому назадъ говорили даже, что никто не думаетъ о переходѣ Савойи подъ власть Франціи. Но Кинглекъ совершенно ошибается, и что всего хуже, самъ знаетъ, что ошибается, когда выводитъ изъ этихъ фактовъ заключеніе, будто бы Сардинія и Франція кого нибудь обманывали своими отвѣтами, несоотвѣтствовавшими фактамъ. Кинглекъ самъ очень хорошо понимаетъ, что отвѣты подобнаго рода составляютъ чистую формальность, которой не придается никакого существеннаго значенія ни отвѣчающими, ни получающими отвѣтъ. Когда, напримѣръ, Мальмсбери или Россель спрашивали Кавура или Валевскаго, существуетъ ли обязательство уступить Савойю, они были уже увѣрены, что обязательство существуетъ; они имѣли на это положительныя доказательства; они знали также, что если объ этомъ обязательствѣ французскій или сардинскій кабинетъ самъ не объявилъ англійскому, то значитъ, что объявить было нельзя, и что отвѣтъ по необходимости будетъ отрицательный. Кавуръ или Валевскій, давая отрицательный отвѣтъ, также очень хорошо знали, что Мальмсбери или Россель впередъ знаютъ невозможность придавать какую бы то ни было существенную важность этому отвѣту. Потому обмана тутъ никакого не было, а все дѣло ограничилось исполненіемъ формальностей, не ведущимъ ни къ чему и ни

чему не обязательнымъ, а требуемымъ только свѣтскою должностью.

Теперь уже напечатанъ актъ, которымъ король сардинскій уступаетъ Савойю и Ниццу Франціи. Но этотъ актъ нуждается въ утвержденіи парламента, который собрался въ Туринѣ 2-го апрѣля; само собою разумѣется, что парламентъ можетъ не дать своего утвержденія, и тогда все дѣло разстроивается; но само собою разумѣется также, что Кавуръ совершенно увѣренъ въ согласіи парламентскаго большинства на уступку, — иначе онъ самъ помедлилъ бы до парламентскаго рѣшенія обнародованіемъ уступки; пренія по этому дѣлу могутъ быть интересны, но если не произойдетъ до той поры какихъ нибудь неожиданныхъ перемѣнъ въ политическомъ положеніи, они будутъ просто соблюденіемъ формальности. Точно также, читатель конечно и безъ нашихъ объясненій знаетъ, что согласіе самой Савойи и Ниццы на переходъ къ Франціи — не болѣе, какъ формальность. Говорятъ, что въ Савойѣ большинство народа не останется недовольно такою перемѣною,—это очень можетъ быть, судя по соображеніямъ, которыя читатель найдетъ ниже, въ рѣчи Брайта по савойскому вопросу. Въ Парижъ уже являлась депутація муниципальныхъ властей Савойи съ принесеніемъ своего подданства императору,—впрочемъ, это еще ничего доказываетъ, потому что читателю очень хорошо извѣстно, какимъ образомъ составляются подобныя депутаціи. Но въ Ниццѣ не успѣли устроить даже и такой демонстраціи; напротивъ, муниципальное управленіе послало къ Виктору Эммануилу просьбу, что если уже невозможно Ниццѣ оставаться сардинскимъ городомъ, то пусть по крайней мѣрѣ будетъ она объявлена отдѣльнымъ маленькимъ государствомъ. Ницца городъ чисто итальянскій, потому очень натурально ея желаніе не поступать въ составъ иноплеменнаго государства. Да и сами савояры, не смотря на одноплеменность съ французами, вѣроятно станутъ довольны своимъ новымъ положеніемъ только впослѣдствіи, когда убѣдятся по опыту въ его матеріальной выгодности, а теперь едва ли еще успѣли проникнуться желаніемъ перейти подъ власть парижскаго правительства. Важность дѣла впрочемъ не въ томъ, довольно ли перемѣною населеніе, надъ которымъ она производится: на это обстоятельство никогда не обращали большаго вниманія историческія силы. Многозначительность событія опредѣляется не отношеніями его къ самимъ савоярамъ, а политическими и военными соображеніями другихъ державъ.

Савойя служитъ военнымъ путемъ изъ Франціи въ Италію. Особенную важность въ этомъ отношеніи имѣетъ сѣверная часть Савойи, округи Фоссиньи и Шаблэ, въ которыхъ лежатъ главные горные

проходы. Въ 1815 году, когда старались оградить Европу отъ французскихъ вторженій, было постановлено, что сѣверная часть Савойи должна быть нейтральною землею, подобно Швейцаріи; швейцарцамъ было поручено особенное наблюденіе за сохраненіемъ этого нейтралитета, драгоцѣннаго и для нихъ самихъ, потому что онъ ограждаетъ отъ Франціи самостоятельность Женевы и всей югозападной Швейцаріи. Швейцарія еще до начала войны тревожилась слухами объ уступкѣ Савойи, обращалась съ замѣчаніями къ Французскому двору и къ державамъ, подписавшимъ трактатъ 1815 года, особенно къ Англіи. Когда дѣло возобновилось въ концѣ прошлаго года, эти настоянія усилились и Наполеонъ III нашелъ нужнымъ объявить швейцарскому посланнику въ Парижѣ, что въ случаѣ уступки Савойи сѣверная часть ея будетъ присоединена не къ Франціи, а къ Швейцаріи. Это было бы сообразно и съ желаніемъ сѣверныхъ савойяровъ, имѣющихъ тѣснѣйшія промышленныя связи съ Женевою, и ограждало бы Швейцарію. Но потомъ, когда дѣло объ уступкѣ приблизилось къ развязкѣ, французское правительство нашло, что нѣтъ надобности отдавать Швейцаріи сѣверные савойскіе округи: безопасность Женевы и другихъ юго-западныхъ кантоновъ будетъ, по словамъ парижскаго кабинета, достаточно ограждена, если сѣверная Савойя будетъ взята Франціею съ обязательствомъ считать ее нейтральною землею, какъ считалась она при сардинскомъ правительствѣ. Швейцарцы ни мало не успокоились такимъ обѣщаніемъ: они говорятъ, что могли наблюдать за сохраненіемъ нейтралитета въ сѣверной Савойѣ, когда она принадлежала Піэмонту, не превосходящему Швейцарію своими военными силами, но будутъ совершенно лишены средствъ останавливать такую сильную державу, какъ Франція. Само собою разумѣется, что никому не было бы охоты слушать швейцарцевъ, если бы опасность грозила имъ однимъ; но присоединеніе Савойи къ Франціи кажется западнымъ державамъ только первою попыткою французскаго правительства расширить Францію до такъ называемыхъ естественныхъ ея предѣловъ, до Альпъ и Рейна. Расширеніе границъ на югѣ до Альпъ происходитъ насчетъ Піэмонта и Швейцаріи; и область, присвоиваемая тутъ Франціею, мала и бѣдна. Но если тотъ же принципъ будетъ приложенъ къ Рейну, то Франція захватитъ земли обширныя и богатыя, главную массу которыхъ составляютъ рейнскія провинціи Пруссіи и королевство Бельгійское. Это было бы, — не знаемъ на самомъ ли дѣлѣ, или только по мнѣнію дипломатовъ, — слишкомъ большимъ увеличеніемъ французскаго могущества. Итакъ процессъ, которому теперь подвергается Савойя, представляется только предисловіемъ къ выраженію претензій Фран-

ціи на баварскія и прусскія земли по лѣвому берегу Рейна и на Бельгію. Потому дипломаты западныхъ державъ очень недовольны присоединеніемъ Савойи. Сколько переговоровъ и безпокойствъ произведется этимъ событіемъ, можно видѣть изъ того, что вотъ уже нѣсколько недѣль ни одно засѣданіе верхней или нижней палаты англійскаго парламента не проходитъ безъ разсужденій о савойскомъ дѣлѣ. Но до сихъ поръ все ограничивалось разговорами и писаніемъ депешъ. Собственно изъ-за Савойи никакая держава не хочетъ начинать войну съ Франціей, а если нѣтъ рѣшимости доходить до войны, то напрасно было бы и начинать ссору. Ближе всѣхъ дѣло о расширеніи французскихъ границъ касается Англіи и Пруссіи. Но Пруссія не такъ сильна, чтобы одна могла вести наступательную войну съ Франціею; потому дѣло собственно зависитъ отъ Англіи, и торійская оппозиція сильно претендуетъ на нынѣшній кабинетъ за то, что онъ не вступаетъ въ ссору съ Франціею. Россель и его товарищи очень основательно отвѣчаютъ, что не могутъ начинать ссоры, которая вела бы къ войнѣ, когда видятъ, что англійская нація рѣшительно не хочетъ начинать войну изъ-за савойскаго вопроса. Почему не хочетъ этого англійская нація, читатель увидитъ изъ слѣдующаго отрывка рѣчи Брайта, сказанной 2 марта въ отвѣтъ Роберту Пилю, упрекавшему министровъ за слабость ихъ сопротивленія императору Наполеону въ савойскомъ дѣлѣ.

«Прежде чѣмъ кто нибудь изъ членовъ правительства дастъ отвѣтъ на вопросъ достопочтеннаго баронета, сказалъ Брайтъ, я предложу достопочтенному баронету самому вопросъ: чего онъ хочетъ? Если достопочтенный баронетъ не можетъ ничего посовѣтовать правительству, то говорить объ этомъ предметѣ значитъ просто терять время,—мало того, значитъ дѣлать положеніе худшимъ прежняго. Мы не французскій парламентъ, не савойскій парламентъ, не европейскій парламентъ, — мы англійскій парламентъ; и если нельзя доказать, что вопросы иностранной политики, безпрестанно предлагаемые намъ, имѣютъ прямой и очевидный интересъ для нашего отечества, то какое нелѣпое зрѣлище представляемъ мы Европѣ и цѣлому свѣту, постоянно разсуждая о нихъ? Всмотримся въ дѣло. Оно не таково, чтобы нельзя намъ было судить о немъ хладнокровно. Вѣроятно, всѣ мы согласны въ томъ, что было бы лучше, еслибъ въ Европѣ не было никакихъ неудовольствій и если бы никто не хотѣлъ измѣнять существующія границы государствъ. Но состояніе Европы не таково и невозможно ему быть такимъ. Эти достопочтенные джентльмены (торы) полагаютъ, что если границы государствъ устроены были въ 1815 г.—устроены такъ, что это устройство было совершеннымъ разстройствомъ, — то мы, какъ нація консервативная, долж-

ны защищать это устройство и противиться всякому примѣненію въ немъ; что мы, согласившись на отдѣленіе Бельгіи отъ Голландіи, согласившись на перемѣны, произошедшія теперь въ Италіи, должны какъ нибудь выказать свои добродѣтели по савойскому дѣлу и обвинять императора французовъ въ великой измѣнѣ европейскимъ интересамъ за то, что онъ не хочетъ сохранить вѣнскаго трактата. Я вмѣстѣ съ достопочтеннымъ джентльменомъ (Робертомъ Пилемъ) жалѣю, что этотъ вопросъ поднятъ въ Парижѣ. Я говорю притомъ, что пріобрѣтеніе Савойи не принесетъ Франціи никакого увеличенія силы, не принесетъ ей никакой выгоды. Какимъ образомъ могущество Франціи увеличится отъ присоединенія гористой области съ малочисленнымъ населеніемъ, этого я не могу понять и сообразить. Не думаю также, чтобы уступка Савойи чувствительно ослабила Сардинію или произвела въ ней важную перемѣну. Очень сомнѣваюсь и въ томъ, чтобы эта перемѣна была невыгодна для савойскаго народа. Не претендую на то, чтобы мои свѣдѣнія были обширнѣе свѣдѣній достопочтеннаго баронета; но я слышалъ отъ многихъ заслуживающихъ довѣрія людей, что жители Савойи не имѣютъ ничего противъ присоединенія къ Франціи, а напротивъ, считаютъ его выгоднымъ для себя. (Ропотъ въ палатѣ). Вамъ всѣмъ можетъ очень прискорбно, что они такъ думаютъ, но я объясню палатѣ, почему они такъ думаютъ. Изъ достовѣрнѣйшаго источника мнѣ извѣстно, что присоединеніе къ Франціи удвоитъ цѣну поземельной собственности въ Савойѣ. Желалъ бы я знать, кто изъ какой нибудь другой странѣ былъ бы недоволенъ перемѣною, отъ которой удвоилась бы цѣнность поземельной собственности въ этой странѣ? Рабочіе классы въ Савойѣ также знаютъ, что цѣнность труда въ Савойѣ увеличится отъ присоединенія къ Франціи. Ліонъ отъ Шамбери всего въ двухъ или трехъ дняхъ пути, если не меньше. Ліонскіе фабриканты тотчасъ же заведутъ фабрики по всей Савойѣ, перенесутъ въ нее свой капиталъ и дѣятельность, и богатство Савойи увеличится. Потому, если я не хочу, чтобы наше правительство помогало этой перемѣнѣ, то не хочу, чтобы оно и противилось ей. Противиться этому, вы согласитесь, было бы вздорно. Несмотря на ваше сопротивленіе, Савойя все таки перешла бы къ Франціи; вы только взволновали бы Европу и ввели бы Англію въ столкновеніе съ Франціею. По моему, лучше пусть пропадетъ Савойя, — впрочемъ, тутъ она вовсе не пропадетъ, да и не пострадаетъ, — чѣмъ намъ, представителямъ англійскаго народа, вводить наше правительство въ ссору съ французскимъ правительствомъ и народомъ по предмету, ни мало не касающемуся нашихъ интересовъ. Къ сожалѣнію, оказывается, чѣмъ меньше касается нашихъ интересовъ какой

нибудь иностранный вопросъ, тѣмъ больше онъ поглощаетъ вниманіе членовъ нашей палаты. Въ теченіе многихъ поколѣній мы старались передѣлать карту Европы. Мы расточали кровь и сокровища на установленіе разныхъ границъ, чтобы извѣстныя земли принадлежали извѣстнымъ фамиліямъ, какъ будто стоило хлопотать объ этомъ; и мы потерпѣли рѣшительную и постыдную неудачу во всѣхъ этихъ хлопотахъ. Разсудимъ же, во имя здраваго смысла и интересовъ англійскаго народа, объ этомъ вопросѣ спокойно и хладнокровно, какъ о предметѣ касающемся только французскаго государства, сардинскаго государства и савойскаго народа. И если оба эти государства согласились на переходъ Савойи отъ Сардиніи къ Франціи, а самъ савойскій народъ расположенъ къ этой перемѣнѣ, то я говорю, что противно интересамъ Англіи и чести англійскаго правительства хлопотать объ томъ, чтобы помѣшать этой перемѣнѣ, которой я никогда не сталъ самъ бы помогать, но которая, по моему убѣжденію, не стоитъ того, чтобы налагать какую нибудь подать на англійскій народъ или тратить хотя одну каплю крови на замедленіе ея хотя одною минутою.»

Какъ бы то ни было, но савойское дѣло служитъ для цѣлой Европы сильнымъ доказательствомъ намѣреній нынѣшняго французскаго правительства перейдти къ той политикѣ, какой Франція слѣдовала при Людовикѣ XIV и Наполеонѣ I. Къ чему приведетъ такое чувство, угадать не трудно. Всякія сомнѣнія въ основательности описаній, постоянно высказывавшихся нѣмецкими и англійскими публицистами, исчезнутъ и западная Европа будетъ готовиться къ отраженію нападеній, ожидаемыхъ отъ Франціи. Общее положеніе дѣлъ становится критическимъ. Кризисъ можетъ произойдти скоро, можетъ и затянуться на долгое время. Вычислить его продолжительность мѣсяцами нельзя, потому что въ вопросѣ о времени все зависитъ отъ безчисленныхъ, быстро мѣняющихся обстоятельствъ; но характеръ положенія зависитъ отъ фактовъ, которые мы уже видимъ и которые сильнѣе всякихъ многолетнихъ дипломатическихъ отношеній. Этими фактами опредѣляется положеніе европейскихъ политическихъ дѣлъ до той поры, пока произойдетъ вооруженное столкновеніе, къ которому они ведутъ неизбѣжно. Не само собою разумѣется, что сущность дѣла можетъ по временамъ прикрываться разными второстепенными случайностями и развязка можетъ быть отсрочена или на нѣсколько мѣсяцевъ, или даже на нѣсколько лѣтъ усиліями государственныхъ людей. Теперь говорятъ, что по савойскому вопросу и въ особенности по вопросу о нейтралитетѣ сѣверной части Савойи, соберется конгрессъ или составится конференція.

Можно было бы съ довольно твердою увѣренностью думать, что развязка довольно далека, если бы не существовало въ другихъ политическихъ вопросахъ множества поводовъ, могущихъ ускорить столкновеніе. Читатель знаетъ, напримѣръ, что есть довольно сильныя основанія ожидать нынѣшнею весною возобновленія военныхъ дѣйствій въ Италіи. Австрія говоритъ, что не начнетъ войны изъ-за присоединенія центральной Италіи къ Піэмонту; но почему знать, удержится ли она при нынѣшней политикѣ? Въ Вѣнѣ начинаетъ получать перевѣсъ воинственная партія, къ которой самъ императоръ расположенъ по характеру и по любви къ военному дѣлу. Австрія твердитъ, что Кавуръ, а въ особенности демократическая партія въ Италіи, хочетъ вторгнуться въ Венецію для изгнанія австрійцевъ. Очень правдоподобно, что это желаніе есть у итальянцевъ; но они не приступятъ скоро къ его исполненію безъ вызововъ со стороны самой Австріи: имъ нужно еще организоваться и укрѣпиться. Поводами къ вызовамъ на войну или даже къ прямому объявленію войны со стороны Австріи могутъ послужить дѣла Церковной области и Неаполитанскаго королевства. Въ Церковной области только присутствіе французовъ останавливало до сихъ поръ расширеніе возстанія изъ Романьи до самаго Рима. Удаленіе французскихъ войскъ изъ Рима неминуемо приведетъ къ перевороту; объ этомъ удаленіи постоянно говорятъ; пока нѣтъ еще основаній думать, чтобы желаніе папы замѣнить французскихъ своихъ тѣлохранителей неаполитанскими и угрозы Наполеона III оставить папу на произволъ судьбы исполнились на дѣлѣ. Но почему знать, къ какому образу дѣйствій будетъ приведенъ императоръ французовъ своими разсчетами? Быть можетъ онъ остановится на мысли, что революція въ Римѣ и слѣдующая за нею война австрійцевъ съ итальянцами были бы полезны для упроченія французскаго вліянія въ Италіи. Шансъ этого разсчета таковъ: итальянцы будутъ разбиты австрійцами и принуждены будутъ просить французской защиты на какихъ бы то ни было условіяхъ. Тоже можетъ произойти еще проще, и безъ революціи въ Римѣ, отъ одного укрѣпленія австрійцевъ въ надеждѣ, что Наполеонъ III не будетъ помогать итальянцамъ: австрійцы немедленно начнутъ войну, какъ только убѣдятся въ этомъ. Мы коснулись только двухъ шансовъ, а ихъ множество. Шансъ противъ скораго возникновенія войны только одинъ: измѣненіе въ системѣ французской политики по итальянскому вопросу. Мы не будемъ повторять того, что много разъ говорили, о степени вѣроятности, какую имѣетъ ожиданіе этого шанса, несовмѣстное съ коренными потребностями нынѣшней системы. Въ послѣдніе дни стали говорить о возобновленіи искренней дружбы между Сардиніею и Франціею.

Мы еще не видимъ фактовъ, на которыхъ могъ бы опираться такой слухъ; но очень можетъ быть, что на дняхъ будетъ произведена какая нибудь диверсія въ родѣ знаменитой брошюры «Папа и конгрессъ». Мы не можемъ слѣдить за этими мимолетными манифестаціями, бесѣдуя съ читателемъ одинъ разъ въ цѣлый мѣсяцъ, и можемъ только сказать, что нужны были бы слишкомъ сильныя и продолжительныя доказательства для внушенія намъ довѣрія къ серьёзности образа дѣйствій, несогласнаго съ принципами и разсчетами системы, отъ которой иные ожидаютъ искренняго желанія освободить Италію.

Около того числа, когда мы пишемъ этотъ обзоръ, положеніе итальянскаго вопроса представлялось въ слѣдующемъ видѣ. Австрійцы усиливаютъ свою армію въ Венеціи. Туринское министерство, вступившее въ управленіе областями центральной Италіи, дѣятельно занимается усиленіемъ арміи, для организаціи которой были пропущены шесть драгоцѣнныхъ мѣсяцевъ робостью и рутинностью Дабормиды и Да-Марморы; говорятъ, что къ веснѣ подданные Виктора-Эммануэля будутъ имѣть 300,000 солдатъ на свою защиту. Папа отлучаетъ отъ церкви всѣхъ, содѣйствовавшихъ отпаденію Романьи; изъ этого должна возникнуть усиленная ссора между Римомъ и Туриномъ. На случай удаленія французовъ, папа уже согласился съ королемъ неаполитанскимъ, чтобы Римъ былъ занятъ неаполитанскимъ войскомъ. Это опровергается оффиціальными увѣреніями, но это фактъ. О самомъ Неаполѣ новаго сказать нечего: тамъ по прежнему продолжаются аресты и тому подобныя мѣры, нужныя для поддержанія нынѣшняго порядка вещей, и вообще неудовольствіе растетъ съ каждымъ мѣсяцемъ. Надобно ли ожидать въ Италіи военныхъ дѣйствій при такомъ состояніи вещей, предоставляемъ судить читателю, напоминая ему однако же, что чрезвычайно многое зависитъ отъ воли императора французовъ.

Во Франціи начинаетъ загалдаться ропотъ протекціонистовъ, развивающимся убѣжденіемъ публики, что пониженіе тарифа будетъ выгодно для всего государства. За то начинаютъ пробуждаться вновь тѣ, впрочемъ слабыя, оппозиціонныя стремленія въ законодательномъ корпусѣ, признаки которыхъ появлялись и въ прошедшемъ году. Не надобно придавать никакой важности этимъ попыткамъ собранія, которое по своему происхожденію находится въ полнѣйшей нравственной зависимости отъ правительства: читателю извѣстно, что почти всѣ члены законодательнаго корпуса вошли въ него, какъ кандидаты правительства, исключительно благодаря административному содѣйствію, полученному ими при выборахъ. Какую цѣну могутъ имѣть покушенія на самостоятельность въ подобной

корпораціи, читатель можетъ знать и безъ нашихъ объясненій. Но страннымъ образомъ эти господа выбрали первымъ случаемъ для своей оппозиціи дѣло, по которому говорили о своей независимости. Они кассировали выборъ одного изъ депутатовъ (ла-Ферръера) за то, что будто бы администрація тяготѣла надъ избирателями, рекомендуя этого кандидата, и потому будто бы выборы были не свободны, — претензія очень забавная. Воодушевившись сознаніемъ своей независимости, члены законодательнаго корпуса начали даже разсуждать о томъ, что несовмѣстно съ независимостью, будто бы составляющею принадлежность депутатскаго званія въ нынѣшнее время, то обстоятельство, что находятся въ числѣ депутатовъ нѣкоторыя лица придворнаго штата. Насъ увѣряютъ, будто бы ропотъ силенъ. Эта оппозиція заслуживаетъ полнаго презрѣнія сама по себѣ, но она показываетъ расположеніе умовъ, и мы упоминаемъ о ней только для того, чтобы напомнить читателю, какъ необходимо для нынѣшней системы отвлекать вниманіе публики иностранными дѣлами отъ внутреннихъ вопросовъ.

Англія также совершенно развлечена военными и дипломатическими заботами и опасеніями. Билль о парламентской реформѣ, представленный лордомъ Росселемъ 1 марта, мало занимаетъ собою публику, газеты и палаты, вниманіе которыхъ поглощено опасностями, порождаемыми или предсказываемыми савойскимъ дѣломъ. Билль этотъ умѣренъ до чрезмѣрности. Почти вся перемѣна, имъ предлагаемая, ограничивается пониженіемъ ценза въ городахъ съ 10 фунтовъ на 6, а въ графствахъ съ 50 фунтовъ на 10. Отъ этого число избирателей увеличивается на 40 процентовъ и къ прежнему милліону ихъ прибавляется тысячъ полтораста или двѣсти работниковъ изъ числа тѣхъ, которые получаютъ лучшую плату; остальные 200 или 250 тысячъ новыхъ избирателей будутъ мелкіе фермеры, мелкіе лавочники и другіе люди небогатыхъ разрядовъ средняго сословія. Само по себѣ такое маловажное расширеніе круга избирателей было бы неудовлетворительно; но еще неудовлетворительнѣе билль потому, что предлагаетъ слишкомъ ничтожную перемѣну въ распредѣленіи депутатовъ между маленькими городами и огромными городами. Въ прошломъ году, во время агитаціи Брайта и во время преній о биллѣ д'Израэли, мы говорили, что именно этотъ вопросъ самый важный; теперь Ливерпуль и Манчестеръ, имѣющіе каждый по 400,000 жителей, избираютъ каждый только по 2 депутата, и въ тоже время есть цѣлые десятки ничтожныхъ городишекъ съ какими нибудь 7 или 10 тысячъ жителей, которые также выбираютъ каждый по два депутата. Чтобы достигнуть хотя нѣкоторой пропорціональности между величиною избирательныхъ коллегій и числомъ

посылаемыхъ ими депутатовъ, нужно было бы взять у маленькихъ городовъ болѣе 100 депутатскихъ мѣстъ, которыя слѣдовало бы распредѣлить между графствами и большими городами. Билль лорда Росселя предлагаетъ перемѣстить только 25 депутатовъ. При такой мизерности его, само собою разумѣется, что онъ не замѣняетъ открытую подачу голосовъ черезъ записыванье въ реестры тайною баллотировкою, которая нужна для огражденія независимости избирателей. Можно судить, соотвѣтствуетъ ли такой билль потребностямъ общества. Но что же дѣлать? Значительныя реформы могутъ быть проводимы только настоятельнымъ требованіемъ публики, только серьёзный гнѣвъ ея можетъ побѣждать сопротивленіе враждебныхъ общественному благу интересовъ, а англійской публикѣ не до парламентской реформы: всѣ заняты опасеніями общей европейской войны. При этомъ состояніи общественнаго вниманія, или лучше сказать невниманія ко внутреннимъ вопросамъ, прогрессисты принуждены поддерживать билль Росселя, будучи въ такое неблагопріятное для прогрессивной требовательности время довольны даже неудовлетворительною уступкою имъ со стороны аристократическаго отдѣла виговъ и отлагая до болѣе рѣшительной поры агитацію для полученія болѣе рѣшительныхъ реформъ, проведеніе которыхъ черезъ палату общинъ все-таки нѣсколько облегчается биллемъ Росселя, увеличивающимъ прогрессивный элементъ въ избирательныхъ коллегіяхъ и дающимъ нѣсколько новыхъ депутатовъ прогрессивнымъ избирательнымъ округамъ, то есть большимъ городамъ.

На континетѣ многіе ошибаются относительно причины, по которой англичане боятся войны: многіе публицисты и государственные люди другихъ націй, особенно французской, воображаютъ, будто англійская нація боится неуспѣха въ войнѣ, — вовсе нѣтъ: англичане твердо убѣждены, что единственная держава, которая могла бы успѣшно бороться съ нами — Сѣверо-американскіе штаты; но съ Сѣверо-американскими штатами едва ли возможна у нихъ война, потому что обѣ націи считаютъ теперь себя почти одною націею, и одинаково не хотятъ никакихъ серьёзныхъ ссоръ между собою. А въ войнѣ съ какими бы то ни было другими державами или хотя союзомъ державъ Англія навѣрное разсчитываетъ одержать верхъ. Она боится не неуспѣха въ войнѣ, а боится войны, хотя бы самой успѣшной, потому что находитъ самую успѣшную войну дѣломъ разорительнымъ. Это внушеніе здраваго смысла уже настолько сильно въ Англіи, что господствуетъ надъ умами, когда они не раздражены страстями; но вспыхни война на материкѣ, страсти разгорятся, дипломаты будутъ вовлекать въ нее, и англичане чувствуютъ, что они

еще не настолько овладѣли собою, чтобы долго могли устоять противъ собственныхъ страстей, чужихъ вызововъ и приглашеній, — вотъ это опасеніе за свои собственныя чувства и заставляетъ ихъ заботиться о сохраненіи мира на европейскомъ материкѣ. Они чувствуютъ, что пушечные выстрѣлы еще возбуждаютъ въ нихъ марсоманію. Эти обѣ стороны дѣла очень хорошо выставляются въ ихъ дѣлахъ съ Китаемъ. Затронута ихъ національная гордость стычкою на Пей-Хо, и они не въ силахъ удержаться, снаряжаютъ экспедицію, втягиваются въ войну, хотя сами чувствуютъ, что эта война вещь дурная и разорительная. Чтобы ближе познакомиться съ понятіями англичанъ о такихъ дѣлахъ, мы прочтемъ отрывокъ изъ рѣчи, сказанной Брайтомъ 16 марта, по поводу назначеній кредита на китайскую экспедицію:

«Мы теперь замутились въ дѣло, которое даже человѣку съ самой глухой совѣстью въ этой палатѣ не можетъ представляться честнымъ дѣломъ, говоритъ Брайтъ. Посмотримъ, какъ шло это дѣло. Я не стану возвращаться къ первой китайской войнѣ (1843 г.), которая была самымъ дурнымъ дѣломъ, какое только возможно. Я стану говорить только о второй войнѣ (1857 г.), начатой неосторожностью сэра Джона Боуринга, англійскаго уполномоченнаго. Война эта была основана на обманѣ. Такъ или иначе, она кончилась; но при переговорахъ о мирномъ трактатѣ была сдѣлана важная ошибка. У насъ, кажется, было непремѣнное желаніе ввести въ трактатъ что нибудь особенно оскорбительное для китайцевъ, но рѣшительно безполезное для нашихъ торговыхъ или политическихъ интересовъ; мы вытребовали вещь, неслыханную въ Китаѣ, чтобы англійскій посланникъ жилъ въ Пекинѣ. Надобно еще поспорить о томъ, стоитъ-ли держать посланника при какомъ бы то ни было дворѣ и не лучше-ли было бы намъ отозвать назадъ всѣхъ нашихъ посланниковъ. Но, какъ бы то ни было, странное понятіе объ англійскихъ политическихъ или коммерческихъ выгодахъ должны имѣть люди, которые думаютъ, что могутъ получить Богъ-знаетъ сколько пользы, когда возьмутъ какого нибудь неопытнаго или голоднаго дипломата и пошлютъ его жить въ Пекинъ, гдѣ ему очень неудобно жить и гдѣ нѣтъ въ немъ никакой надобности. Это условіе было включено въ трактатъ, я думаю, только за тѣмъ, чтобы унизить китайцевъ и доказать безусловное торжество англійскаго оружія надъ слабымъ китайскимъ правительствомъ. Впрочемъ, это все равно; но когда посланникъ отправился въ Пекинъ и произошло столкновеніе на Пей-Хо, то мы опять были также неправы, какъ въ томъ дѣлѣ, изъ котораго начали вторую китайскую войну въ 1857 году. Всѣ доказательства, на которыхъ опирался нынѣшній министръ иностранныхъ дѣлъ, осуждая войну 1857 г.,

совершенно примѣняются къ дѣлу, теперь имъ какъ будто защищаемому. Онъ говоритъ, что китайцы поступили съ англичанами на Пей-Хо коварно; но капитанъ англійской службы, участвовавшій въ этомъ убійственномъ и несчастномъ дѣлѣ, объяснилъ намъ, что никакого коварства не было, что если бы китайцы хотѣли поступить съ нами коварно или устроивали засаду, то ни одинъ корабль не ушѣлѣлъ бы и ни одного изъ бывшихъ въ эскадрѣ англичанъ не осталось бы въ живыхъ. Это говоритъ человѣкъ, участвовавшій въ дѣлѣ. Если мы люди разсудительные, то, запутавшись въ это дурное и преступное дѣло, мы не должны прикрывать его обвиненіемъ китайцевъ въ коварствѣ. Надобно обвинять въ безразсудствѣ и бездарности нашего посланника и въ большой опрометчивости нашего адмирала, хотя этотъ адмиралъ и храбрый человѣкъ. Храбрость съ разсудительностью прекрасная вещь, но безъ разсудительности ведетъ только къ подобнымъ несчастіямъ. Это не мое собственное мнѣніе, а мнѣніе офицеровъ, служившихъ въ Китаѣ, и 99 человѣкъ изъ 100 разсудительныхъ людей въ Англіи, читавшихъ разсказъ объ этомъ гибельномъ дѣлѣ. Тутъ нынѣшнее правительство пока еще ни въ чемъ не виновато: оно приняло власть въ ту самую недѣлю, какъ произошло это дѣло на Пей-Хо, и нельзя осуждать его въ этомъ дѣлѣ, произошедшемъ за 15,000 миль отсюда. Но потомъ кабинетъ не выказалъ разсудительности, которой слѣдовало бы ожидать отъ него. Невозможно читать разсказовъ объ этомъ дѣлѣ въ англійскихъ и индійскихъ газетахъ, не приходя къ заключенію, что нашъ посланникъ Брюсъ обнаружилъ тутъ совершенную неразсудительность и что ея слѣдствіемъ была эта убійственная неудача. Что же сдѣлали съ человѣкомъ, выказавшимъ такой недостатокъ разсудительности? Когда посланникъ, занимающій свое отвѣтственное мѣсто за 15,000 миль отъ Англіи, совершаетъ такія важныя ошибки, то первымъ дѣломъ правительства должно было бы не оставлять его въ такой важной должности, а замѣстить его человѣкомъ, въ которомъ правительство и Англія могли бы найдти здравый смыслъ и осмотрительность. По моему мнѣнію, совершенная нелѣпость вести переговоры съ народомъ черезъ посланника, которому не удалось первое и единственное дѣло его съ этимъ народомъ и который, конечно, раздраженъ своею неудачею: вмѣсто того, чтобы являться къ народу съ благородными чувствами и съ уваженіемъ, какое возможно при данныхъ обстоятельствахъ, съ искреннимъ желаніемъ устроить дружелюбныя отношенія между этимъ народомъ и своею націею, онъ будетъ ожесточенъ собственною неудачею. Въ цѣломъ мірѣ невозможно найдти человѣка менѣе способнаго къ веденію переговоровъ или военныхъ дѣйствій въ Китаѣ, чѣмъ Брюсъ,

а онъ былъ оставленъ нашимъ посланникомъ въ Китаѣ. Кто прочитаетъ его депеши, тотъ увидитъ, что онъ всегда былъ неспособенъ къ своей должности, потому что съ самаго начала дѣйствовалъ въ духѣ самой дурной подозрительности. Въ каждомъ словѣ его видно, что онъ хотѣлъ оскорблять, а не уважать чувства людей, съ которыми велъ переговоры.... Если мы сильнѣе китайцевъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мы должны были употреблять свою силу на оскорбленія имъ. Благородный лордъ, находящійся во главѣ правительства, вѣроятно, объяснитъ намъ, какой пользы надобно ожидать отъ того, что Брюсъ или преемникъ Брюса поселится въ Пекинѣ. Если онъ покажетъ, что выгоды отъ этого будетъ гораздо больше, чѣмъ вреда, тогда намъ можно подумать, посылать ли кого нибудь въ Пекинъ; но мнѣ кажется, что по модному нынѣшнему выраженію, мы хотимъ войну вести за «идею», и притомъ за одну изъ самыхъ нелѣпыхъ идей, какія когда либо входили въ дипломатическія головы.»

Брайтъ въ этомъ случаѣ излагаетъ не свои личныя мысли,—тоже самое говорили всѣ англичане, пока еще не рѣшена была третья китайская война. Первымъ впечатлѣніемъ, по полученіи подробныхъ извѣстій о дѣлѣ на Пей-Хо, во всѣхъ англичанахъ была мысль, что дѣло это произведено опрометчивостью и излишнею требовательностью ихъ посланника, что китайцы были правы; это говорили всѣ англичане, говорилъ Times, который собственно потому и важенъ, что не имѣетъ собственнаго мнѣнія, а только излагаетъ мнѣнія, господствующія въ публикѣ; это говорили и члены кабинета, Россель, Гледстонъ, Мильнеръ, Джибсонъ. Сомнѣвался ли кто нибудь изъ англичанъ въ успѣшности войны съ Китаемъ? Нѣтъ, англичане боялись побѣдъ. Но постепенно публика разгорячалась отъ разсужденій о дѣлѣ на Пей-Хо, которое уменьшитъ въ китайцахъ уваженіе къ англійской силѣ, если не будетъ она вновь доказана Китаю, — и постепенно Англія увлеклась въ войну, и теперь никто не хочетъ слушать Брайта, который имѣлъ твердость остаться при мысляхъ, бывшихъ прежде общими для всей англійской публики. Вотъ почему Англія и боится всякихъ поводовъ къ войнѣ: она знаетъ, что не удержится отъ опьяненія, производимаго ими. Въ побѣдѣ она не сомнѣвается, но знаетъ разорительность побѣдъ, и старается, чтобы оставался закрытъ путь, ведущій къ нимъ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Двѣ небольшія, но обличительныя повѣсти: *о чаѣ* и *о лѣкарѣ*. — (*Дѣйствіе въ Замолустьи:* въ одномъ учебномъ заведеніи). Предполагаемое возраженіе читателя. — Отвѣтъ на это возраженіе. — Третье литературное чтеніе. — Слухи о спектаклях въ пользу литературнаго фонда. — Литературный вечеръ, въ пользу бѣдныхъ студентовъ. — Публичныя чтенія и лекціи. — Лекція г. Погодина о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ. — Концерты въ Петербургѣ. — Вьетанъ и Дрейшокъ. — Сестры Ферни, г-жа Ниссенъ-Соломонъ и русское музыкальное общество. — Концертъ съ новой музыкой Вагнера и Листа. — Концертъ инвалидовъ и проч. — Новая зала для концертовъ. — О новомъ музыкальномъ обществѣ. — Знаменитый Маэстро Alessandro Lazareff. — Отрывки изъ его печатной простыни. — Выставка рукодѣлій воспитанницъ частныхъ школъ патріотическаго общества. — Лотерея Аллегри. — Благотворительныя публичныя лекціи. — Лекціи графа Сюзора. — Г. Пинто новый лекторъ итальянскаго языка въ Петербургѣ. — Годовое собраніе общества садоводства. — Ф. Филиппъ, профессоръ Магіи. — Дуэли. — Открытіе фальшивыхъ ассигнацій. — Новый table d'hôte. — Петербургъ въ статистическомъ отношеніи г. Карновича и одна глава изъ этой книжки. — Портреты духовныхъ лицъ. — Продолженіе портретной галлереи г. Мюнстера. — Художественный листокъ г. Тимма. — Снимокъ съ картины г. Соколова и нѣсколько словъ о художникѣ. — Выставка общества поощренія художниковъ. — Диспутъ гг. Костомарова и Погодина.

Въ ту минуту, какъ я принимался за перо, чтобы описывать моимъ читателямъ всѣ прелести петербургской жизни и между прочимъ блистательный вечеръ у одного иностранца, директора акціонернаго общества, живущаго въ Петербургѣ съ баснословною роскошью, и любопытный разговоръ, происходившій на этомъ вечерѣ, — въ ка-

бинетъ мой вошелъ господинъ среднихъ лѣтъ и почтенной наружности. Лицо его было мнѣ незнакомо.

— Извините меня, что я безпокою васъ, сказалъ онъ мнѣ: — я *такой-то*, въ Петербургѣ я только два дня и хоть не имѣю удовольствія васъ знать, но рѣшился прямо явиться къ вамъ и передать два происшествія, случившіяся въ захолустьи, въ одномъ учебномъ заведеніи.... Вы недавно напечатали о странномъ обращеніи одного просвѣщеннаго и гуманнаго профессора съ студентами, — можетъ быть, вы найдете не лишнимъ передать публикѣ и то, что я буду имѣть честь сообщить вамъ.

— Я очень радъ, милости прошу садиться.... отвѣчалъ я.

Пріѣзжій господинъ сѣлъ и началъ съ характеристики вообще учебныхъ заведеній, находящихся въ захолустьи, о томъ страшномъ произволѣ, который царитъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, объ отсутствіи въ нихъ всякаго суда и справедливости, о томъ безпощадномъ гнетѣ, которому подвергаются всѣ люди молодые, живые, съ чувствомъ человѣческаго достоинства и самостоятельности, попадающіеся туда; о постоянномъ внушеніи со стороны начальства подчиненнымъ— сторожамъ, учителямъ и воспитанникамъ, чтобы они были непремѣнно довольны всѣмъ, а послѣднимъ еще сверхъ того приказаніе, чтобы они всегда были съ открытыми, довольными и веселыми физіономіями и прочее.

Въ заключеніе своего вступленія, пріѣзжій господинъ изъявилъ желаніе, чтобы эти темные уголки были освѣщены, какъ онъ выражался, *свѣтомъ гласности*.

— Я радъ въ этомъ случаѣ служить вамъ, повторилъ я. — Будемте освѣщать темные уголки.... Я васъ слушаю....

Пріѣзжій господинъ сообщилъ мнѣ слѣдующія двѣ повѣсти, которыя я передаю здѣсь безъ всякихъ художественныхъ прикрасъ.

ДВѢ ПОВѢСТИ.

«Если бы нашъ совѣтъ былъ услышанъ, то мы бы первые посовѣтовали уничтоженіе гласности (но не обличенія.)

(Amico di Rossini Signore Allessandro Lazareff.)

I.

ПОВѢСТЬ О ЧАѢ.

Верстахъ въ 70 отъ одного большаго и стариннаго русскаго города, находится учебное заведеніе, непринадлежащее къ вѣдомству

министерства народнаго просвѣщенія; воспитанники его не дѣти, а уже молодые люди, лѣтъ отъ 17 до 20 и болѣе.

Въ послѣднихъ числахъ іюня 1859 года, заѣхало въ это заведеніе одно значительное лицо, воспитывавшееся въ немъ, и подарило воспитанникамъ 200 р. с. — Это было передъ самымъ отпускомъ воспитанниковъ. — Деньги взялъ у нихъ непосредственный начальникъ заведенія. Этотъ начальникъ, требовавшій, чтобы *всѣ* были *всегда всѣмъ* довольны и всѣ имѣли веселыя физіономіи, отечески объявилъ, что на деньги, подаренныя воспитанникамъ, онъ послѣ каникулъ цѣлый мѣсяцъ будетъ давать имъ *по лишней котлетѣ*.

Воспитанники промолчали, какъ и слѣдуетъ благонравнымъ воспитанникамъ, всегда безпрекословно повинующемся волѣ начальства, но послѣ каникулъ они почему-то проникнулись духомъ противорѣчія и вмѣсто *лишней котлетки* изъявили желаніе, чтобы на подаренныя имъ деньги были выписаны для нихъ книги и журналы, которыхъ въ захолустьи достать невозможно. Они возжаждали духовной пищи.

Начальникъ поморщился, и почти было согласился, но потомъ раздумалъ и черезъ дежурнаго объявилъ, что вмѣсто книгъ и журналовъ, онъ соблаговолилъ каждому воспитаннику (ихъ 86 въ заведеніи) назначить по фунту чаю.

Затѣмъ служитель начальника и его фаворитъ, имѣвшій обязанность наблюдать за духомъ воспитанниковъ, явились съ чаемъ въ красныхъ свертках и съ надписью на каждомъ свертке имени воспитанника. Чай развѣшивалъ и надписи дѣлалъ въ своей комнатѣ самъ попечительный начальникъ съ своимъ фаворитомъ.

Нѣкоторые изъ воспитанниковъ, проникнутые духомъ отрицанія и непокорности, не хотѣли было брать своихъ свертковъ, но уговоренные болѣе послушными товарищами—взяли....

Чай начальника оказался *спитой*, съ затхлымъ букетомъ и съ примѣсью шалфея и гвоздики, которая, несмотря на свое количество, не уничтожила затхлости. Воспитанники отдали его служителямъ, но долгъ справедливости заставляетъ прибавить, что нѣкоторымъ (весьма немногимъ) воспитанникамъ, вѣроятно такимъ, которые отличались покорностью и благонравіемъ передъ начальствомъ, чай былъ данъ хорошій.

По мнѣнію либераловъ, почтенный и попечительный начальникъ заведенія долженъ же былъ во всякомъ случаѣ отдать отчетъ воспитанникамъ въ ихъ деньгахъ; но начальникъ, разумѣется, не счелъ этого нужнымъ, презирая всякія либеральныя воззрѣнія. Какъ и кто покупалъ чай и гдѣ онъ былъ купленъ, осталось не проницае-

мою тайною. Воспитанники пороптали въ тайнѣ, замолкли и забыли о чаѣ....

Въ Москвѣ издается юмористическій журналъ, подъ заглавіемъ «Развлеченіе».... Здѣсь я позволю себѣ замѣтить кстати, что всѣ люди значительные и солидные, всѣ авторитеты, какъ извѣстно, не терпятъ юмора, остроумія, карикатуръ, шутокъ, обличительной иллюстрированой прозы, забавныхъ стишковъ и прочаго, составляющаго сущность такъ называемыхъ юмористическихъ листковъ. «Искра», напримѣръ, не даетъ имъ покоя. Каждый новый нумеръ берется такими господами съ непріятнымъ чувствомъ и даже, можетъ быть, съ нѣкоторою болзнію. «Ну, а что если тамъ какая нибудь выходка противъ меня, думаетъ такой господинъ,—что если однако вдругъ дерзнутъ представить меня въ карикатурѣ, на позорище всей Россіи?»....

Къ счастію, благодѣтельный начальникъ заведенія, о которомъ идетъ рѣчь, не читалъ юмористическихъ журналовъ, даже не зналъ объ ихъ существованіи... вотъ чѣмъ по крайней мѣрѣ хороши захолустья! но *къ несчастію* у всякаго человѣка есть свои друзья, *благопріятели*, которые подъ видомъ участія не преминутъ шепнуть или подсунуть другу что нибудь непріятное. Такъ случилось и въ этотъ разъ.... Друзья съ ужасомъ объявили благодѣтельному начальнику, что въ 42 № «Развлеченія», задѣли его.

Въ этомъ 42 №, въ отдѣлѣ городской хроники было напечатано: «Нѣкто подарилъ 200 руб. ученикамъ одного какого бы то ни было училища. Ученики просили у начальника эти деньги на книги. Начальникъ сказалъ: — на что вамъ книги? Я куплю вамъ чаю—и купилъ имъ цибикъ затхлаго чаю», и прочее....

Не только начальникъ, но и все начальство пришло отъ этого слуха въ крайнее смущеніе и волненіе... Воспитанники, разумѣется, торжествовали. Помощникъ начальника (человѣкъ, впрочемъ, честный и хорошій), имѣющій только привычку вздыхать, когда вздыхаетъ начальникъ и смѣяться, когда смѣется начальникъ, сталъ уговаривать воспитаниковъ, чтобы они нарядили депутацію къ начальнику, огорченному статейкой, и объявили ему, что они торжественно отступаются отъ всего напечатаннаго въ ней; что вся эта замѣтка о чаѣ — наглая ложь и что если эта ложь доставлена для напечатанія кѣмъ либо изъ ихъ товарищей, то они готовы, немедля, выдать такого негодяя.

— Да отъ чего же *отступаться*, что за ложь? возразили воспитанники, — мы не видали въ глаза этой статейки. Наша депутація не будетъ имѣть никакого смысла.

Помощникъ начальника не настаивалъ; къ тому же секретарь правленія воскликнулъ:

— Я отыщу писуна!

И написалъ письмо къ редактору «Развлеченія» съ покорнѣйшею просьбою увѣдомить его отъ кого получилъ онъ статейку о чаѣ?

Что отвѣчалъ на это редакторъ, неизвѣстно.

Отвѣтъ, вѣроятно, былъ неудовлетворителенъ, потому что благодѣтельное начальство прибѣгнуло къ воспитанникамъ, имѣвшимъ частыя сношенія съ Москвою, думая достать черезъ нихъ тотъ нумерокъ, въ которомъ напечатано о чаѣ (оно объ этой статейкѣ еще знало только по слухамъ), и вмѣстѣ съ тѣмъ поймать при удобномъ случаѣ виновнаго...

Надобно замѣтить, что начальникъ заведенія находится въ очень дружескихъ сношеніяхъ съ почтмейстеромъ мѣстечка. Всѣ домашнія тайны воспитанниковъ почему-то извѣстны попечительному начальнику. — Говорятъ будто почтмейстеръ мѣстечка руководствуется правилами гоголевскаго почтмейстера, но только не изъ любви къ чтенію, а изъ дружбы къ начальнику заведенія. И воспитанники, нерѣдко получая письма отъ своихъ родныхъ безцеремонно, съ надломленными печатями, не удивлялись, а спокойно восклицали:

.... «О дружба — это ты!»

Когда послѣ начальническаго волненія по поводу опубликованной исторіи о чаѣ, воспитанники получили нѣсколько писемъ изъ Москвы,—добродушный помощникъ начальника, не имѣющій ни на каплю той хитрости, которая большинствомъ принимается за умъ, предложилъ слѣдующій вопросъ дежурному.

— Ну, а кому нынче писали изъ Москвы о чаѣ? а?

Дежурный отвѣчалъ, что онъ не знаетъ.

— До меня дошли слухи, продолжалъ помощникъ начальника, что тронмъ отписано изъ Москвы о чаѣ и я хочу переговорить съ ними.—Надо во чтобы то ни стало отыскать виновнаго.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней начальникъ, его добродушный помощникъ, хитрый секретарь правленія, дежурные и даже сторожа только и бродили объ отысканіи виновнаго.

Но когда нѣсколько воспитанниковъ явились къ помощнику начальника съ полученными ими письмами, указали на надломленныя на конвертахъ печати, объявили, что они подозрѣваютъ почтмейстера въ томъ, что онъ распечатываетъ ихъ письма и читаетъ, — начальникъ, убоясь скандала, приказалъ немедленно прекратить искъ о чаѣ....

«Лучше оставить все это,» вѣроятно, подумалъ онъ, «а то чего добраго, можетъ еще откроется что нибудь хуже».

За тѣмъ онъ призвалъ къ себѣ воспитанниковъ и съ отеческою любовію произнесъ:

— Господа, я никогда не подозрѣвалъ, чтобы кто нибудь изъ васъ рѣшился публично оклеветать попечительное начальство. Я увѣренъ въ вашей доброй нравственности и въ вашихъ хорошихъ правилахъ.... Я только за тѣмъ и призывалъ васъ.

Воспитанники раскланялись и вышли.

— Я дѣйствительно не думаю, шепнулъ онъ своему фавориту: — чтобы кто нибудь изъ нихъ рѣшился посягнуть на такое дѣло, но однако — прибавилъ онъ, печально покачавъ головою, — какимъ же образомъ эти журналисты узнаютъ все? Непостижимо!... Ахъ, эта проклятая гласность!

— Да вѣдь это не на долго-съ. Я полагаю, ее запретятъ, отвѣчалъ ухмыляясь соглядай.

— Ты полагаешь? возразилъ пріятно улыбаясь начальникъ.

— Желательно было бы-съ.

— Желательно-то желательно, проговорилъ начальникъ, со вздохомъ, — да....

И онъ остановился на этомъ да....

II.

ПОВѢСТЬ О ЛѢКАРѢ.

Въ томъ же самомъ заведеніи, гдѣ происходилъ розыскъ о чаѣ, открылась вакансія врача.

Мѣстечко не дурное: около 200 р. с... жалованья, казенная квартира, довольно значительная частная практика.

Явились три кандидата: докторъ медицины и хирургіи и профессоръ медицинской академіи *, докторъ медицины * и лѣкарь *. — Лѣкарь былъ положительно плохъ, но онъ имѣлъ большое преимущество передъ двумя первыми кандидатами, а именно: находился въ пріятныхъ отношеніяхъ съ роднымъ дяденькою начальника заведенія, проживавшимъ въ Москвѣ. Поэтому лѣкарь и опредѣленъ на вакансію.

Одинъ изъ воспитанниковъ занемогъ довольно серьёзно. Болѣзнь была впрочемъ обыкновенная и легко излѣчимая, но воспитанникъ отправился на тотъ свѣтъ. Въ маѣ мѣсяцѣ онъ чуть было не отправилъ и другаго занемогшаго воспитанника туда же; но сего послѣдняго спасъ подлѣкарь, имѣющій очень порядочныя свѣдѣнія въ медицинѣ.

Конечно, — смерть еще не доказываетъ неискусство лѣкаря, но дѣло въ томъ, что нѣкоторые московскіе врачи, разсмотрѣвъ способъ лѣченія двухъ вышеупомянутыхъ субъектовъ пришли въ ужасъ и объявили, что лѣкарь * не имѣетъ ни малѣйшаго понятія въ медицинѣ.

Начальникъ заведенія слышалъ объ отзывѣ московскихъ врачей, ему постоянно приносили жалобы на крайнюю небрежность лѣкаря* въ обхожденіи съ больными воспитанниками; говорили, что онъ являлся въ больницу неаккуратно и прочее. Осенью одного больнаго онъ чуть было опять не залѣчилъ. Невѣжество лѣкаря было очевидно для всѣхъ, но начальникъ не хотѣлъ ничего слушать.

Тогда воспитанники рѣшились обратиться къ самому лѣкарю.

— Милостивый государь, сказали они ему очень вѣжливо: — вы можетъ быть, человѣкъ отличный, но ничего не понимаете въ медицинѣ и потому, какъ человѣкъ добросовѣстный, вы должны бы были отказаться отъ вашего мѣста.

Лѣкарь смутился и поколебался. Подумавъ съ минуту онъ обѣщалъ оставить свое мѣсто.

— Только дайте мнѣ мѣсяцъ сроку для пріисканія другаго мѣста, прибавилъ онъ.

Воспитанники были тронуты, но начальство заведенія, узнавъ о выходкѣ воспитанниковъ, сочло необходимымъ прійти въ негодованіе.

— Какъ! вы хотите слушаться мальчишекъ! закричали начальники въ одинъ голосъ, — на что это похоже? мы накажемъ этихъ дерзкихъ.... Это неповиновеніе начальству... Потакать своевольству мальчишекъ безуміе. Мы не выпустимъ васъ въ отставку.

Но воспитанники явились послѣ этого къ начальнику и просили его о дозволеніи подать просьбу о томъ, чтобы имъ перемѣнили лѣкаря, говоря, что они представятъ неопровержимые факты его невѣжества.

Начальникъ вспылилъ.

— Этакъ пожалуй, вскрикнулъ онъ, — дѣло дойдетъ до того, что вы и меня будете просить выйти въ отставку, вы можетъ найдете, что и я дурно читаю лекціи, или дурно управляю заведеніемъ.... Куда это поведетъ?

Дѣйствительно куда?

Почечительный начальникъ объявилъ воспитанникамъ, что они не имѣютъ права подавать коллективно прошенія, а пусть ему представятъ факты невѣжества лѣкаря. Отъ этого онъ не прочь.

Воспитанники просили тогда о дозволеніи имъ всѣмъ вмѣстѣ явиться къ начальнику для представленія таковыхъ фактовъ.

— У васъ, справедливо и милостиво замѣтилъ начальникъ, — есть старшіе. Чрезъ нихъ вы и предъявите, что вамъ нужно.

Воспитанники повиновались.

Старшіе явились къ начальнику, но онъ не допустилъ къ себѣ ихъ, извиняясь потомъ, что онъ поступилъ такъ по недоразумѣнію.

Дѣло о лѣкарѣ было представлено правленію училища.

Начались пренія.

Одинъ изъ членовъ сдѣлалъ предложеніе — уволить первыхъ двухъ воспитанниковъ изъ старшаго и изъ младшаго курсовъ (въ училищѣ только два курса).

Другой нашелъ эту мѣру неудовлетворительною. По его мнѣнію, слѣдовало уволить по три человѣка изъ каждаго курса.

Третій предложилъ увольненіе десятаго человѣка.

Факты о невѣжествѣ лѣкаря, были однако отобраны начальствомъ.

Начался ихъ разборъ.

Факты были слишкомъ очевидны и вопіющи. Отвергнуть ихъ было невозможно.

Рѣшили дѣло такъ.

«Лѣкарь дѣйствительно небреженъ къ своей обязанности, онъ дѣйствительно лѣчилъ такого-то и такого-то воспитанника вопреки всѣмъ правиламъ медицины; *но*... (это но очень замѣчательно), принимая во вниманіе, что онъ еще молодъ и неопытенъ, что онъ только что начинаетъ практиковаться и учиться (пріятно тѣмъ на которыхъ онъ практикуется!), Правленіе полагаетъ: 1) лишить его казенной квартиры и 2) воспретить ему держать на казенномъ дворѣ и на казенномъ корму пару лошадей.

Лѣкарь уже успѣлъ завести пару отличныхъ вяточекъ.

Начались рождественскіе каникулы.

Начальникъ уѣхалъ въ Москву.

По возвращеніи изъ Москвы, онъ держалъ такую краснорѣчивую рѣчь къ старшимъ воспитанникамъ, явившимся принести ему поздравленіе съ новымъ годомъ.

«Господа! Вамъ извѣстно рѣшеніе правленія. Лѣкарь остается на своемъ мѣстѣ.... А что довольны ли вы NN? (NN его фаворитъ и помощникъ его помощника). Будемъ откровенны. Сознайтесь, господа, что *стрѣлы* ваша направлена была собственно не противъ лѣкаря, а противъ NN, потому что NN находится, какъ извѣстно, въ дружескихъ сношеніяхъ съ лѣкаремъ.... Господа! не будемъ гоняться за такъ называемою современностью, за вздор-

ными *журнальными толками* (такъ тутъ попала современность и журнальныя толки—неизвѣстно). Мы стоимъ, господа, на почвѣ устава. Такъ поддержимъ же *честь* заведенія. Я врагъ всякихъ депутацій; я не люблю, чтобы воспитанники и черезъ старшихъ предъявляли мнѣ свои желанія. Каждый долженъ отвѣтствовать только самъ за себя.... Будьте же покойны. Безпрекословно повинуйтесь волѣ начальства, непрестанно заботящагося о вашемъ благоденствіи и питайте къ нему полную довѣренность. Въ этомъ вы раскаяваться не будете. Я отвѣчаю вамъ».

Лѣкарь еще до сихъ поръ живетъ на казенной квартирѣ и разъѣзжаетъ на вяткахъ. На чей счетъ на свой, или на казенной онъ кормитъ ихъ — неизвѣстно.

— Вѣдь у васъ никто не будетъ лѣчиться, поддразниваютъ его воспитанники.

А онъ весьма основательно отвѣчаетъ на это:

— Ну такъ чтожь? Будутъ, или не будутъ — мнѣ рѣшительно всѐ равно.

Больные воспитанники уѣзжаютъ лѣчиться за 70 верстъ. А лѣкаръ наслаждается жизнію и разъѣзжаетъ по гостямъ на своихъ вяткахъ....

Правда не существуетъ въ этомъ темномъ захолустьи. Здѣсь обманъ и ложь на каждомъ шагу: заключатъ контрактъ на покупку сукна для воспитанниковъ по 3 р. аршинъ, а шьютъ платье изъ сукна въ 1 р. 20 к. Сукно гнилое: скоро вытерлось или изорвалось; воспитанники жалуются, а начальство: «кто зачинщики? Кто смѣетъ быть недовольнымъ?» Нѣкоторые изъ воспитанниковъ просятъ, чтобы имъ выдали вмѣсто бѣлья положенныя на это деньги, на которыя можено пріобрѣсти сколько нибудь сносное бѣлье,—начальство говоритъ: «Барышники!» Подаютъ за столомъ тухлую говядину, воспитанники жалуются,—начальство отвѣчаетъ: опять непослушаніе! хоть оно сознастъ, что говядина плоха, но что же дѣлать? Начальство не виновато, ибо подрядчикъ говоритъ, что послѣ падежа скота хорошей говядины достать невозможно. Какъ же смѣть жаловаться? Надобно покорно ѣсть и гнилую говядину, когда нѣтъ свѣжей.

Начальство пишетъ въ отчетахъ:

Вышло 70 пудовъ воска для натиранія половъ (которыхъ никогда не натираютъ).

Вышло 70 пудовъ ламповаго масла для освѣщенія, хотя только одна комната освѣщается небольшой лампой, а для занятій воспитанниковъ отпускаются сальныя свѣчи. Впрочемъ справедливость требуетъ замѣтить, что въ каждой комнатѣ прибиты къ стѣнамъ по двѣ лампы....

А ревизіи въ захолустьяхъ?...

Это прелесть!

Патріархальнѣе ничего нельзя вообразить этихъ ревизій. — Это идиллія.

Ревизоръ пройдется по комнатамъ заведенія, пожалуй проэкзаменуетъ кого нибудь для проформы, плотненько покушаетъ, выпьетъ, соснетъ у начальника въ кабинетѣ, да потомъ вмѣстѣ и отправятся къ рѣкѣ удить рыбу. Такимъ образомъ ревизоръ проведетъ дня два три очень пріятно и уѣдетъ изъ заведенія съ самымъ пріятнымъ впечатлѣніемъ, да въ своемъ ревизорскомъ отчетѣ и отхватаетъ панегирикъ заведенію....

.... Но что же это такое? можетъ сказать иной отдаленный читатель, мы хотимъ слушать отъ васъ разсказы о прелестяхъ петербургской жизни; мы хотимъ, чтобы вы водили насъ за собою на великолѣпные балы, рауты, концерты, въ клубы, на литературные и ученые вечера; мы хотимъ знать, чѣмъ интересуется Петербургъ, что говорятъ на этихъ балахъ, на этихъ раутахъ, на этихъ литературныхъ и ученыхъ вечерахъ, въ этихъ клубахъ и прочее, а вмѣсто всего этого, вы разсказываете намъ, неизвѣстно для чего, о мелкихъ злоупотребленіяхъ въ какомъ то мелкомъ училищѣ, гдѣ то въ захолустьи.... Боже мой! да кто же изъ насъ не знаетъ, что и въ маленькихъ и въ крупныхъ заведеніяхъ иногда начальники злоупотребляютъ своею властью и экономы *выгадываютъ* на съѣстномъ, на обмундировкѣ, на освѣщеніи, на отопленіи, на всѣмъ на свѣтѣ. Давайте намъ чего нибудь посвѣжѣе и поновѣе—а главное изъ петербургской жизни....

— Изъ петербургской жизни? Конечно, я многое очень интересное могъ бы передать вамъ изъ этой жизни, но.... это проклятое *но* мѣшаетъ всему. А неужели описаніе, всегда блѣдное, какого нибудь блестящаго бала можетъ занять васъ? Къ тому же я давно пересталъ ѣздить на балы и на рауты.... Что за радость, любезный читатель, въ мои лѣта облекаться во фракъ, надѣвать лаковые сапоги и повязывать бѣлый галстухъ, для того только, чтобы имѣть счастіе безсмысленно потолкаться часа два среди великосвѣтской толпы? Благосклонныя улыбки, снисходительное киваньe головой и даже руко-

пожатіе сильныхъ міра сего давно утратили для меня всю прелесть. Да и для того, чтобы ѣздить на балы, надобно имѣть приглашенія; а для того, чтобы имѣть приглашенія,—необходимо отдаться суетѣ великосвѣтской жизни: поддерживать связи, дѣлать визиты и прочее...

Конечно, есть много очень умныхъ и либеральныхъ людей моихъ лѣтъ, которые не изъяты нѣкотораго тщеславія, и если одинъ изъ нихъ ввернетъ, напримѣръ, словцо, что онъ былъ вчера на балѣ у князя N, то другой черезъ нѣсколько минутъ не упуститъ замѣтить, что графъ D* приглашалъ его третьяго дня обѣдать и особенно просила его объ этомъ графиня, но что онъ не поѣхалъ, потому что былъ въ нерасположеніи, несмотря на то, что графъ и графиня всегда особенно внимательны къ нему.

Но благодаря Бога, я уже освободился отъ такого тщеславія, и при такого рода фразахъ моихъ умныхъ и либеральныхъ знакомыхъ меня всегда какъ-то коробитъ немножко и бросаетъ въ краску за нихъ....

Я могу прямо и торжественно сказать, хотя бы черезъ такое откровенное признаніе я потерялъ значеніе въ глазахъ нѣкоторыхъ моихъ читателей, что я давно уже не получаю приглашеній ни на какіе княжескіе и графскіе балы, обѣды и рауты и не имѣю счастія пользоваться вниманіемъ ни одной петербургской княгини, или графини.

Я знаю, впрочемъ, петербургскую жизнь наизусть—и, не бывая на великосвѣтскихъ балахъ, я могу вамъ, пожалуй, если вамъ этого очень хочется, описать когда нибудь съ мельчайшею подробностію и достовѣрностію одинъ изъ такихъ баловъ. Я могъ бы сдѣлать это и теперь, но вѣдь во время великаго поста описывать балы—неприлично.

Въ клубахъ я также не бываю, потому что не играю въ карты, но я могу вамъ передать клубное времяпровожденіе, толки и разсужденія въ такъ называемой *разговорной*, и вѣрность того, что я передамъ, могутъ вамъ подтвердить гг. члены клуба.

Литературныхъ и ученыхъ собраній я не посѣщаю по простой причинѣ.... потому что ихъ нѣтъ. Петербургскіе литераторы, раздѣленные на маленькіе кружки, живутъ въ этихъ кружкахъ какою-то отдѣльною жизнью, такъ что даже кружковые-то между собою видаются не совсѣмъ часто: разъ въ мѣсяцъ или два сойдутся у кого нибудь пообѣдать, передать другъ другу кое-какія литературныя сплетни и соснуть послѣ обѣда. Всякая редакція журнала имѣетъ свой кружокъ, враждебно смотрящій на кружокъ другой редакціи. Эти кружки почти незнакомы между собою и не имѣютъ никакихъ

сношеній. Такой печальной картины разъединенія, какую представляетъ петербургская литература, вообразить трудно. Казалось бы люди, служащіе одному дѣлу, во имя этого дѣла должны были бы чувствовать невольное влеченіе другъ къ другу, потребность соединенія, но духъ корпораціи до сихъ поръ совершенно чуждъ нашему литературному сословію. Двѣ партіи блѣдно обрисовываются въ петербургской литературѣ: нѣсколько человѣкъ, считающихъ себя избранными, потому что они хранятъ чистоту искусства, какъ нѣкогда гг. Гречь и Булгаринъ хранили чистоту языка. Это поклонники *искусства для искусства*. Другая болѣе многочисленная партія людей убѣжденныхъ, что искусство должно служить обществу, не усыпляя его одними сладкими звуками, а напротивъ, пробуждая его къ дѣятельности и самосознанію. Первые называютъ послѣднихъ невѣждами, ничего несмыслящими въ искусствѣ и посматриваютъ на нихъ съ презрѣніемъ; послѣдніе смотрятъ на первыхъ съ ироническимъ сожалѣніемъ и называютъ ихъ людьми отжившими, отсталыми....

Въ какомъ отношеніи находится ученое петербургское сословіе другъ къ другу и къ литературѣ я не знаю. Въ старые годы наши ученые смотрѣли съ презрѣніемъ на литераторовъ, литераторы въ свою очередь платили имъ тѣмъ же. Кажется впрочемъ, что теперь ученые смотрятъ нѣсколько помягче на литераторовъ и наоборотъ. Слава Богу!

Въ Петербургѣ есть, впрочемъ, двѣ нейтральныя почвы, на которыхъ встрѣчаются изрѣдка другъ съ другомъ разные литераторы и ученые, которые уже нигдѣ болѣе не сходятся другъ съ другомъ:— эти нейтральныя почвы — въ домѣ одного изъ любимыхъ современныхъ русскихъ литераторовъ, и въ домѣ одного изъ самыхъ популярныхъ профессоровъ петербургскаго университета....

Скоро ли наступитъ пора разумнаго сближенія нашихъ литераторовъ между собою и съ людьми, занимающимися наукою? Скоро ли они перестанутъ дичиться другъ друга и, оставивъ свои мелкія самолюбія, протянутъ другъ другу руку, чтобы дружно дѣйствовать во имя мысли и убѣжденія? Это вопросъ, а пора бы!

Кстати о литераторахъ. — На третьемъ литературномъ вечерѣ (23 февр.) въ пассажѣ такъ же, какъ и на двухъ первыхъ, было многочисленное стеченіе публики. Зала не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ и потому, чтеніе это было повторено 27 февраля.—Читали— г. Писемскій свою «Старую Барыню» г. Островскій отрывокъ изъ комедіи, «Свои люди, сочтемся», г. Майковъ прочелъ два стихотворенія, второе — «Ниву» (по востребованію публики), а Некрасовъ также два стихотворенія, «Свадьбу» и «Школьникъ». Г. Майковъ

читаетъ съ большимъ эффектомъ и вызываетъ своимъ чтеніемъ постоянно восторженныя рукоплесканія. Некрасовъ, хотя читаетъ безъ эффекта, но возбуждаетъ публикѣ очень большое сочувствіе къ публикѣ. Чтеніе г. Островскаго, исполненное простоты, достоинства, безъ всякаго драматизированія и актерскихъ выходокъ, произвело самое пріятное впечатленіе на слушателей....

Нельзя впрочемъ не замѣтить, что чтенія эти возбуждали бы еще болѣе сочувствія, если бы читались произведенія новыя, не напечатанныя, а слушать давно уже прочитанную повѣсть, какое бы достоинство она ни имѣла,—нѣсколько тяжеловато.... Вообще, намъ кажется, для того чтобы поддержать въ публикѣ интересъ, къ такого рода чтеніямъ необходимо составлять ихъ изъ новыхъ ненапечатанныхъ и небольшихъ прозаическихъ разсказовъ или статей, которые бы занимали съ небольшимъ полчаса и никакъ уже не болѣе часа. Стихотворенія производятъ вообще болѣе эффекта, чѣмъ проза, и потому, чѣмъ болѣе будетъ прочитано на вечерѣ стихотвореній, тѣмъ вечеръ будетъ казаться разнообразнѣе. Дѣло только въ удачномъ выборѣ стихотвореній; можно читать и напечатанныя, уже извѣстныя публикѣ.... Они часто проходятъ въ журналахъ незамѣченными. Одинъ любитель литературы, пришедшій въ энтузіазмъ на второмъ чтеніи отъ «Нивы» г. Майкова, спросилъ меня: — Скажите, пожалуйста, гдѣ будетъ напечатано это превосходное стихотвореніе? — Да оно уже года два тому назадъ напечатано, въ «Русскомъ Вѣстникѣ» отвѣчалъ, я.—Какъ же это я проглядѣлъ, странно! прошепталъ смущенный любитель.... До сихъ поръ читали передъ публикой семь литераторовъ: гг. Тургеневъ, Некрасовъ, Гончаровъ, Островскій, Полонскій, Майковъ и Писемскій.

Въ пользу неимущихъ литераторовъ приготовляются послѣ поста спектакли любителей. Будутъ давать «Ревизора» «Женитьбу» Гоголя и «Провинціалку» г. Тургенева. Г. Писемскій будетъ играть городничаго. — Въ этихъ спектаклях будетъ участвовать и г-жа В. Мичурина. Независимо отъ нихъ теперь уже идутъ репетиціи, въ залѣ купеческаго клуба, другаго спектакля, также въ пользу неимущихъ литераторовъ, въ которомъ будутъ участвовать многіе любители драматическаго искусства.

Никогда не были въ Петербургѣ въ такомъ ходу публичныя благотворительныя лекціи, какъ въ нынѣшнюю зиму. Надо упомянуть также о литературномъ вечерѣ въ пользу бѣдныхъ студентовъ. На этомъ вечерѣ читали гг. Тургеневъ, Островскій, Некрасовъ, Майковъ и Полонскій. Независимо отъ лекцій въ пассажѣ, читали лекціи гг. *Терперъ*, *Срезневскій*, *Костомаровъ*, *Скворцовъ*, *Стасюлевичъ*,

Безобразовъ, *Ламанскій*, *Спасовичъ*, *Вернадскій*, *Корбъ*, *Костомаровъ*, *Тимофѣевъ*, и даже знаменитый г. *Орестъ Миллеръ*, диссертацію котораго вѣрно не забыли читатели «Современника».

Г. Тернеръ читалъ лекцію о рабочихъ классахъ вообще и объ русскомъ рабочемъ классѣ въ особенности, для котораго, къ сожалѣнію, еще очень мало или почти ничего не сдѣлано.... Во Франціи, Бельгіи, Германіи и Англіи учрежденія для улучшенія быта рабочаго класса поддерживаются благотворительными приношеніями, содѣйствіями правительствъ и акціонерными спекуляціями (дома съ дешевыми квартирами для рабочаго класса въ большихъ городахъ). Прежде другихъ такіе домы устроены въ Англіи въ 1844 г., въ Парижѣ особенно замѣчателенъ изъ такихъ домовъ Cité-Napoleon, огромный домъ съ школою для дѣтей, съ банями и прачешными. Плата за квартиры въ немъ на наши деньги отъ 7 р. 50 к. до 25 р. с., въ годъ. Въ разныхъ другихъ европейскихъ городахъ, гдѣ есть фабрики, устраиваютъ небольшіе домики для дешеваго найма. Плата за такіе домики 3 р, 50 к. въ мѣсяцъ. Рабочіе могутъ покупать ихъ, единовременно взнося 300 фр., или за постоянную плату ежегоднаго найма въ теченіе 17 лѣтъ. Г. Тернеръ говорилъ также о народныхъ банкахъ. Такіе банки основаны на ассоціаціи. Каждый членъ вноситъ ежемѣсячно, около трехъ копѣекъ серебромъ. Изъ подобныхъ взносовъ образуется капиталъ, раздающійся на короткіе сроки въ займы, по одному проценту въ мѣсяцъ.

Г. Срезневскій читаетъ педагогическія лекціи о русскомъ языкѣ; г. Костомаровъ, лекціи русской исторіи, (это, безъ сомнѣнія, самыя замѣчательныя изъ публичныхъ лекцій); г. Стасюлевичъ, читаетъ лекціи всеобщей исторіи; г. Спасовичъ, объ уголовномъ правѣ; г. Сѣверцовъ, зоологію.

Г. Безобразовъ въ послѣдней своей лекціи читалъ о примѣненіи поземельнаго кредита къ выкупу крестьянскихъ земель и указалъ на различную примѣняемость этихъ способовъ въ русскомъ вопросѣ.

Г. Орестъ Миллеръ читаетъ о Шиллерѣ.

Конечно, не всѣ эти лекціи равно возбуждаютъ въ публикѣ сочувствіе и не всѣ посѣщаются многочисленною публикою. На иныхъ лекціяхъ, говорятъ, бываетъ не болѣе пятнадцати или двадцати отчаянныхъ любителей науки, но все-таки нельзя не быть признательнымъ къ господамъ ученымъ и публицистамъ, которые желаютъ, съ столь похвальною цѣлью, дѣлиться съ публикою своими знаніями.

На первой лекціи господина г. Пикто, опредѣленнаго въ Петербургскій Университетъ лекторомъ итальянскаго языка, собралось очень много публики и дамъ. На этой лекціи присутствовалъ между прочимъ сардинскій посланникъ. О г. Пикто много говорили до

этой лекціи, онъ возбудилъ любопытство. Мы еще ничего не можемъ сказать о лекторѣ положительно. Вступительныя лекціи вообще болѣе отличаются блестящими фразами, чѣмъ дѣломъ.

Г. Сюзоръ, по примѣру прошлыхъ годовъ, также началъ чтенія. Въ первой лекціи онъ разбиралъ Легенды Вѣковъ В. Гюго (La legende des Siècles), и вообще говорилъ громкія фразы, о значеніи этого поэта.

Г. Сюзоръ находитъ, что талантъ Гюго не устарѣлъ, но преобразился, что мелодія и грація прежнихъ его произведеній, замѣнились въ новомъ его произведеніи силой и смѣлостью, доведенными до чудовищныхъ размѣровъ. — Одною изъ замѣчательныхъ поэмъ Гюго въ Легендахъ, г. Сюзоръ считаетъ *Сказаніе о королѣ Ратбертѣ*. Разбирая ее, онъ замѣтилъ, что В. Гюго выразилъ въ этой поэмѣ мысль, что довѣряться и не довѣряться тиранамъ одинаково опасно и что только безпрекословное смиреніе и раболѣпство единственное средство спасенія для людей, поставленыхъ въ соприкосновеніе съ такими господами.

Первое чтеніе г. Сюзора было довольно любопытно. Мы вполнѣ раздѣляемъ сочувствіе его къ Виктору Гюго. Конечно, поэзія Гюго черезъ-чуръ громка, выпукла и эффектна для насъ русскихъ, привыкшихъ къ простотѣ въ искусствѣ, но кто, несмотря на это, откажетъ В. Гюго въ большомъ талантѣ и главное въ благородныхъ и неколебимыхъ убѣжденіяхъ, доказательствомъ которыхъ служитъ вся его жизнь?

Г. Погодинъ, пріѣхавшій въ Петербургъ на короткое время, 14 марта прочелъ въ залѣ пассажа (въ пользу ученыхъ славянскихъ предпріятій) лекцію о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, эпизодъ изъ жизни Петра Великаго. Любопытныхъ стеклось на эту лекцію множество.

Кромѣ того, говорятъ, въ залѣ университета г. Родде будетъ читать о Пріамурскомъ краѣ и Восточной Сибири. — Г. Родде совершилъ путешествіе въ эти страны и помѣстилъ нѣсколько статей объ нихъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ».

Нѣтъ никакой возможности исчислить всѣ концерты. — Отмѣтимъ только самые замѣчательные — и начнемъ съ г. Рубинштейна. Первый концертъ данъ имъ былъ 22 февраля въ большомъ театрѣ. Зала сверху донизу была наполнена посѣтителями. Г. Рубинштейнъ занимаетъ въ настоящую минуту первое мѣсто въ Европѣ между піанистами-исполнителями и послѣ его блестящихъ успѣховъ въ Европѣ петербургская публика не умѣетъ оцѣнить его удивительный талантъ.

Талантъ Вьётана уже такъ извѣстенъ, что говорить объ немъ совершенно безполезно. Пріѣздъ его въ Петербургъ очень способствовалъ оживленію концертнаго сезона.

Концертъ, данный Дрейшокомъ (піанистъ) въ залѣ Михайловскаго театра, не совсѣмъ удался. Посѣтителей было не такъ много, но за то слѣдующій концертъ его былъ полонъ. Съ талантомъ г. Дрейшока уже знакома петербугская публика. Онъ былъ въ Петербургѣ, кажется, лѣтъ 17 назадъ тому.

Послѣдній концертъ, данный сестрами Ферни въ залѣ г. Бернадаки, былъ блистателенъ. Зала была биткомъ набита посѣтителями.

Нечего говорить о концертахъ филармоническаго общества. Концерты эти всегда бываютъ истиннымъ праздникомъ для серьезныхъ цѣнителей и любителей музыкальнаго искусства. Но нельзя пройти молчаніемъ замѣчательной концертъ, данный дирекціею императорскихъ театровъ при участіи 150 артистовъ-музыкантовъ и до 175 хористовъ и хористокъ итальянской и русской оперъ, подъ управленіемъ г. Шуберта.

Концертъ этотъ открылся «пасторальною симфоніею» Бетговена, затѣмъ слѣдовалъ мужской хоръ изъ Волшебной Флейты Моцарта. Въ заключеніе первой части — исполненъ былъ женскій хоръ (Spinnerinen chor) изъ оперы *«Рикарда Вагнера»* «Морякъ-Скиталецъ». О Вагнерѣ кричитъ теперь вся Европа, музыка его возбуждаетъ всеобщее любопытство и весьма противорѣчивые толки. Г. Вагнеръ глава новой музыкальной школы, которая величаетъ свою музыку, *музыкою будущности* (musique de l'avenir). Г. Вагнеръ полагаетъ, что музыка можетъ выражать малѣйшіе и тончайшіе оттѣнки страстей, нисколько не уступая въ этомъ драмѣ. Знатоки музыки находятъ, что, несмотря на нѣкоторыя странности, его произведеніе обнаруживаетъ несомнѣнный и самобытный талантъ.

Другъ и покровитель г. Вагнера — Францъ Листъ пошелъ, впрочемъ, еще далѣе. По его мнѣнію сфера музыки безгранична и языкъ ея можетъ выражать всевозможныя отвлеченныя идеи.

Симфонія его «Прометей» показалась однако очень дикою петербургской публикѣ.

Къ самымъ парадньмъ и блестящимъ концертамъ принадлежатъ конечно, концерты въ пользу инвалидовъ.

Концерты эти начались съ 1816 г. Первый концертъ въ пользу инвалидовъ данъ былъ на маломъ петербургскомъ театрѣ 19 марта 1816 г. (въ день вшествія русскихъ войскъ въ Парижъ).

Въ этомъ концертѣ исполнена была между прочимъ «Ораторія Сарти».

Говорятъ что въ этотъ день роздана была бронзовая медаль въ память 1812 года.

Въ 1816 же году высочайше повелѣно, чтобы императорская театральная дирекція давала ежегодно въ пользу инвалидовъ:

Одинъ маскарадъ
Одинъ спектакль
И одинъ концертъ.

Вотъ начало инвалидныхъ концертовъ.

Нынѣшній годъ концертъ былъ данъ 18 марта.

Въ немъ участвовало: придворныхъ пѣвчихъ 80, музыкантовъ и трубачей полковъ лейбъ-гвардіи 821 и полковыхъ пѣвчихъ 315, всего 1,216 человѣкъ.

Въ концертѣ этомъ были исполнены по составленной заблаговременно программѣ слѣдующія піесы:

ЧАСТЬ I.

ГИМНЪ «БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ».

1) Увертюра изъ оперы «Эвріанта» *Вебера*. 2) Варіяціи для четырехъ кларнетовъ, унтеръ-офицерами полковъ лейбъ-гвардіи Кавалергардскаго — Швецовымъ, Коннаго — Груздевымъ, Московскаго — Барашкинымъ и Гренадерскаго — Абросимовымъ. *Горна*. 3) Дивертисементъ на мотивы изъ оперы «Пуритане» *Беллини*. 4) Соло для двухъ кларнетовъ, фантазія на неаполитанскіе мотивы, унтеръ-офицерами полковъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго — Родченко и Измайловскаго Игнатьевымъ. *Дерфельдта*. 5) Польскій хоръ изъ оперы «Жизнь за Царя» *Глинки*.

ЧАСТЬ II.

6) Увертюра изъ оперы «Сорока Воровка» *Россини*. 7) Соло для двухъ флейтъ, унтеръ-офицерами полковъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго — Афанасьевымъ и Павловскаго Лотаревымъ 1-мъ. *Чіарди*. 8) Финалъ 4 акта изъ оперы «Гугеноты» *Мейербера*. 9) Концертантъ для четырехъ кларнетовъ, унтеръ-офицерами полковъ лейбъ-гвардіи Коннаго — Гудовымъ, Семеновскаго — Братановымъ, Павловскаго — Лебедевымъ и Гвардейскаго экипажа — Крещенскимъ. *Дерфельдта*. 10) Походный маршъ съ хоромъ (1854 г.) *Дерфельдта*. Куплеты *Кавоса*.

Всѣ билеты на этотъ концертъ были распроданы. Нѣкоторыми изъ посѣтителей концерта сдѣланы пожертвованія выше опредѣленной цѣны.

Не для чего перечислять всѣ концерты съ живыми картинами, всевозможные музыкальные вечера, — и новый купеческій клубъ успѣлъ уже дать музыкальный вечеръ!... Носятся слухи еще о какомъ-то новомъ музыкальномъ обществѣ. Говорятъ, будто это общество хочетъ принять большіе размѣры: выдавать преміи за лучшія русскія музыкальныя сочиненія, посылать за границу для усовершенствованія въ музыкѣ, вспомоществовать бѣднымъ артистамъ, издавать ихъ произведенія. До какой степени слухи эти основательны, мы ручаться не можемъ.

При распространяющейся въ Петербургѣ съ каждымъ годомъ любви къ музыкѣ — необходима была зала, которая бы удовлетворяла всѣмъ музыкальнымъ требованіямъ. — Говорятъ такая зала устроена теперь въ домѣ Руадзе (на Мойкѣ). Ее обновила г-жа Викторина Бальфъ, выходящая, говорятъ, замужъ за своего соотечественника — человѣка очень богатаго и значительнаго. Мы еще не видали новой залы — и ничего не можемъ сказать о ней.

Большой смѣхъ и забавные толки произведены были въ литературѣ и обществѣ афишею извѣстнаго г. Лазарева, выдающаго себя за друга Россини и прочее и полемическимъ листомъ его (величиною съ простыню), подъ названіемъ: «Wanderer и *безпристрастной критики «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»*. *Замѣтки о многомъ. Разъ на всегда.* — Афиша г. Лазарева о его концертѣ и его полемическій чудовищный листъ возбудили юморъ фельетонистовъ почти всѣхъ петербургскихъ журналовъ и газетъ. Намъ кажется, что за такой предметъ не стоило тратить остроумія.

Мы выпишемъ изъ листа г. Лазарева нѣсколько мѣстъ на удачу.

Г. Лазаревъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ.

Читатель по отрывкамъ, которые мы предложимъ ему, можетъ судить о степени умственныхъ способностей, образованія, грамотности и такта г. Лазарева.

Отрывокъ первый:

(Г. Лазаревъ обращается къ фельетонисту «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и называетъ его почему-то *Манычемъ*.)

«.... Вы обыкновенно удивляетесь словамъ Россини къ г. Лазареву, обыкновенно при большомъ стеченіи гостей у Россини, особенно по субботамъ: Bon jour mon cher Lazareff и слова mon cher значатъ, что вошедшее лицо — короткій знакомый Россини, Lazareff — фамилія вошедшаго; слова: «au plaisir de vous voir»—имѣютъ тоже самое значеніе. Чѣмъ же вознаграждаются труды музыкаль-

ныхъ дѣятелей, какъ не близкими ихъ отношеніями къ Россіи, Мейерберу и имъ подобнымъ....»

Отрывокъ второй:

(Недовольный тѣмъ, что въ Москвѣ праздновался юбилей Шиллеру, г. Лазаревъ продолжаетъ:)

«.... Мы бы порадовались душевно, если бы въ той же Москвѣ были бы праздники въ честь: Пушкина, Лермонтова, Жуковскаго, Карамзина и Кокорева! Не служитъ ли сіе празднованіе въ честь Шиллера въ Москвѣ какъ бы выраженіемъ отсутствія со стороны русскихъ всякой народности?...» и проч.

Отрывокъ третій:

(Прежнюю «Сѣверную Пчелу» г. Лазаревъ защищаетъ такъ:)

«.... Ну ужъ позвольте вамъ сказать, И-тъ Манычъ, что не только порядочные, но *даже* государственные люди, не только говорятъ доброе про Пчелу, но и постоянно ее читаютъ.... Манычъ пишетъ: «Пчела безпрестанно пускаетъ въ ходъ статьи, *намекающія на вредъ новаго направленія*, на необходимость сдержанія этихъ порывовъ» и проч. И хорошо Пчела дѣлаетъ. Если бы нашъ совѣтъ былъ услышанъ, то *мы* бы *первые* посовѣтовали уничтоженіе гласности (но не обличенія)». Это *но* прелестно!...

Къ новой Пчелѣ г. Лазаревъ не благоволитъ.

Вотъ что онъ говоритъ объ ней:

Отрывокъ четвертый:

«Защищая выше Сѣверную Пчелу, мы имѣли въ виду ея *славное* время, время покойнаго Ѳ. В. Булгарина, что же касается до новой Сѣверной Пчелы, газеты большаго формата, дающей вмѣсто шести страницъ (какъ было всегда прежде въ дни выхода газеты) нынѣ только четыре.... Бумага сѣрѣйшая и политическій отдѣлъ плохой» и проч. и проч.

Г. Лазаревъ замѣчаетъ фельетонисту (или по его словамъ *Пустослову)* «Сѣверной Пчелы», который назвалъ его Signore Alexandre Lazareff, что г. «А-ръ Лазаревъ по-итальянски переводится Signore Allessandro Lazarew, писалось и пишется, теперь и всегда на вокальныхъ сочиненіяхъ г. Лазарева, имѣющихъ итальянскій текстъ....»

Но всего забавнѣе въ чудовищномъ листѣ г. Лазарева его аббиссинскія похожденія:

Отрывокъ пятый:

«Въ бытность г. Лазарева въ Абиссиніи (говоритъ онъ самъ про себя), князь Кассa далъ г. Лазареву рекомендательныя письма (шпертыямъ) къ бывшему главному абиссинскому султану Розали и мусульманскому шейху Али, и до резиденціи Розали-Бичена —

двухъ проводниковъ (ашкеровъ) изъ лучшихъ фамилій. Султанъ Розали или Расъ, какъ его называли туземцы, человѣкъ весьма корыстный и наказанный самою судьбою. Онъ требовалъ за проѣздъ чрезъ его владѣнія послѣднее у г. Лазарева ружье. «Скажите чернокожему султану, сказалъ г. Лазаревъ находившемуся тутъ же за переводчика миссіонеру общества лазаристовъ Лоренцо-Біанкери,— что у меня можно просить, но никогда приказывать. Г. Біанкери перевелъ слова г. Лазарева слово въ слово. Султанъ Розали вспыхнулъ, и сказалъ г. Біанкери: «скажите *франсисъ* (Абиссиніи всѣхъ европейцевъ называютъ *франсисъ*), что я султанъ Розали и имѣю 100 тысячъ солдатъ (лидегъ). Скажите Розали, продолжалъ г. Лазаревъ, я свободный путешественникъ и что съ разбойниками, которые на меня нападутъ гдѣ бы то ни было, будетъ тоже, что.... и довольно значительной толщины сукъ, принадлежащій къ костру, который обыкновенно складается у Абиссинъ посреди ихъ жилища, — былъ пересѣченъ мгновенно стальнымъ мечемъ за 10 фунтовъ вѣсу. Султанъ Розали не далъ достаточнаго ручательства въ безопасности г. Лазарева, и хотя по приказанію султана Розали, сознававшаго личное достоинство и безбоязнь г. Лазарева и даже присылавшаго, по совершенному невѣдѣнію Европы, своихъ довѣренныхъ къ г. Лазареву, между разговорами узнавать: «не хочетъ ли султанъ г. Лазарева завоевать Абиссинію» — и было около трехъ сотъ ашкеровъ (воиновъ), которые провожали г. Лазарева до границы земли Адель, жилища Галловъ и Мусульманъ, но, сіи ашкеры, переправивши чрезъ пограничную рѣку г. Лазарева, его вещи и бакаловъ (муловъ), немедленно удалились, и г. Лазаревъ, на вражьей землѣ, остался одинъ и только черезъ часъ явился молодой проводникъ, доведшій г. Лазарева до первыхъ жилищъ Галловъ до владѣній главнаго ихъ предводителя «Маре Сабаро»—и отсѣдѣ начинается рядъ несчастій г. Лазарева, описанныхъ свидѣтельствами: англійскаго консула въ Абиссиніи Пловдена и Лоренцо Біанкери, помѣщенныхъ въ Wanderer. Черезъ двѣ недѣли послѣ сего султанъ Розали требовалъ къ себѣ князя Кассу, который съ достоинствомъ отвѣчалъ: «пускай султанъ Розали пріѣдетъ ко мнѣ въ Дембеа, если желаетъ меня видѣть», и за симъ возгорѣлась страшная война, и имя Кассы пронеслось грозой по всей Абиссиніи. Еще въ бытность г. Лазарева въ Абиссиніи, было два большихъ сраженія между княземъ Кассою и султаномъ Розали; со стороны послѣдняго убиты три князя: Буру Алигазъ, Бело, Али-Шафи и 12 тысячъ солдатъ, убитыхъ и раненныхъ. Нынѣ императоръ Ѳеодоръ съ арміей изъ 80 тысячъ солдатъ съ 16-ю пушками, находится въ землѣ Галловъ, народа храбраго и воинственнаго; но пушки угомонятъ хоть кого.

Англійскій консулъ Пловденъ и весьма образованный англичанинъ Бель, — прямые помощники императора Ѳеодора. Послѣднее сообщено г. Лазареву въ Парижѣ въ мартѣ 1859 г. лично двоюроднымъ братомъ императора Ѳеодора (въ Hotel de Londre chambre № 5), котораго очень схожій портретъ, вмѣстѣ съ находящимся при немъ священникомъ (*папасъ*) и служителемъ (*абтъ зогиръ*), былъ помѣщенъ въ тоже время въ парижской Иллюстраціи. Вотъ вамъ и новости и *даромъ*. Далѣе И—тъ Манычъ пишетъ: «*Нельзя не порадоваться, что у абиссинскихъ дедіацматшей такъ быстро развивается чувство музыки!*» Г. Лазаревъ ѣздилъ въ Абиссинію съ цѣлью изучить бытъ христіанъ, извѣстныхъ въ Абиссиніи подъ общимъ именемъ Омара, какъ и напечатано въ Wanderer. Что же касается до музыки Абиссинъ, то г. Лазаревъ, путешествуя недѣлю, съ первымъ вождемъ Розали Никито Азмачемъ Тамру, выступившемъ съ арміею изъ 35 тысячъ человѣкъ противъ князя Кассы, — слышалъ музыку, извлекаемую изъ двухъ длинныхъ трубъ, на подобіе нашихъ пастушьихъ. Пронзительные звуки раздѣлялись между собою одною четвертью тона и были еще поразительнее писаній С. Петербургскихъ Вѣдомостей. Далѣе И—тъ Манычъ пишетъ: *Мы бы совѣтовали* г. maestro *Лазареву съѣздить еще на Сандвичевы острова, для распространенія и въ тѣхъ странахъ музыкальнаго образованія. Тамъ навѣрно оцѣнятъ его лучше, чѣмъ въ Европѣ*». Позвольте васъ спросить, И — тъ Манычъ: развѣ, Journal de Débats, le Moniteur Français, le Nord, le Courrier Français, le Siècle, Neue Preussishe Zeitung, Fossiche Zeitung, Berliner Nachrichten National-Zeitung, Gazzete officiale de Milano, il Conservatore Constituzionale, le Courrier Franço Italien, Giornale di Rome, Gazzetta dei Teatri in Milano, наконецъ Wiener Zeitung, Brünner Zeitung и самый Wanderer, описавшій жизнь замѣчательнаго композитора-путешественника, въ слѣдствіе превосходнаго изъ сочиненій г. Лазарева въ Вѣнѣ концерта, — не европейскія газеты?? и неужели вы думаете И—тъ Манычъ, что вся Европа въ вашемъ дерзкомъ и, какъ всѣ видятъ, *въ «весьма плохомъ перѣ»*?

Въ заключеніе г. Лазаревъ предлагаетъ подлинные отзывы о себѣ разныхъ европейскихъ журналовъ.

Послѣ прочтенія этихъ отрывковъ, читатель можетъ убѣдиться, что противъ такого рода сочинителей и композиторовъ и противъ такого рода личностей, къ какимъ принадлежитъ личность г. Лазарева, — употреблять остроуміе безполезно, неумѣстно и даже не совсѣмъ деликатно. По нашему мнѣнію, съ авторомъ чудовищнаго листа и съ творцомъ «Сотворенія Міра» и прочаго, надобно обра-

щаться съ человѣколюбивою осторожностію, не раздражать его, а сострадать ему.

Въ одной изъ нашихъ газетъ сказано, что на концертѣ, данномъ г. Лазаревымъ, было до пятидесяти *любопытныхъ*.

Существующее въ Петербургѣ Общество Садоводства имѣло (25 февраля) годичное собраніе въ большой залѣ Городской Думы, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Николая Николаевича. Покровитель Общества, президентъ и почетные члены помѣщались за столомъ, на которомъ красовались роскошнѣйшіе букеты цвѣтовъ. Всѣ простѣнки зала были убраны великолѣпными растеніями и большею частію въ цвѣту. Зала представляла очень изящный видъ. Послѣ годоваго отчета провозглашены были имена отличившихся садовниковъ. Имъ роздали медали золотыя и серебряныя и похвальные листы.

Благотворительныя лоттереи-аллегри въ пользу патріотическихъ школъ, дѣтскихъ пріютовъ и проч. устроиваютъ, по обыкновенію, въ посту свои выставки, привлекающія многихъ любопытныхъ.

Каждый постъ являются въ Петербургъ фокусники или, какъ эти господа величаютъ себя, «Профессора Магіи, Чернокнижія и тому подобное.

Въ нынѣшнемъ посту показывалъ фокусы пріѣзжій изъ Парижа г. *Филиппъ*. Этотъ господинъ ничѣмъ, кажется, особеннымъ не отличается отъ извѣстнаго намъ Германа.

Нѣсколько трагическихъ происшествій послѣдняго времени возбуждали большіе толки въ петербургскомъ обществѣ: дуэли барона Корфа съ г. Набоковымъ, убійство юнкера барона Вреде въ Екатерингофскомъ воксалѣ (о которомъ производится слѣдствіе) и еще одна дуэль, о которой носятся какіе-то смутные слухи.... Теперь же уже положительно извѣстно, что баронъ Вреде не самъ нанесъ себѣ рану, какъ было объявлено сначала. Къ этому извѣстію, говорятъ «Полицейскія Вѣдомости», было изъявлено всеобщее недовѣріе. Вреде умеръ на другой день въ Калинкинской больницѣ. Много толковали также о пойманной шайкѣ дѣлателей фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ....

Вотъ какъ говорятъ объ этомъ въ «Полицейской Газетѣ» (которая нынѣ взята на аренду г. Королевымъ, по примѣру «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»):

«Въ началѣ февраля мѣсяца настоящаго года, до свѣдѣнія полиціи дошло, что коллежскій регистраторъ Тистровъ, съ нѣсколькими сообщниками, занимается въ С.-Петербургѣ дѣланіемъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ и составленіемъ подложныхъ заемныхъ писемъ и паспортовъ.

«Первоначальныя свѣдѣнія объ этомъ мошенничествѣ были получены отъ одного лица, съ которымъ Тистровъ будучи знакомъ, при свиданіи, въ нетрезвомъ видѣ, показалъ ему кредитный билетъ 10-ти рублеваго достоинства, говоря, что «этотъ билетъ ихъ работы» и при томъ разсказывалъ, что онъ имѣетъ въ виду полученіе значительной суммы кредитными билетами.

«По сдѣланному распоряженію Тистровъ арестованъ надзирателемъ Васильевымъ въ то время, когда онъ явился въ одинъ магазинъ для сбыта билетовъ и при обыскѣ у него найдены двѣ пачки кредитныхъ билетовъ на сумму 6,245 р.

«Вскорѣ за тѣмъ открыто тайное убѣжище и прочихъ сообщниковъ Тистрова, въ домѣ Воронина (4 Адмир. части, 4 кв), въ квартирѣ чиновника Шеловскаго, откуда взяты: титулярный совѣтникъ Реймерсъ, канцелярскій служитель Гильяшвили и вдова провизора, Викторія Сюзорская, находившаяся въ короткихъ сношеніяхъ съ Гильяшвилемъ. Въ тоже время арестованы мать и жена Реймерса и бывшій студентъ Медицинской Академіи Казимиръ Калускій, который находился въ сообщничествѣ съ Тистровымъ и Реймерсомъ. При обыскѣ въ имуществѣ Калускаго найдены шесть фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ (3 по 25 р. и 3 по 10 р. с.), листъ фольги, литографическая черная доска и другія литографическія принадлежности.

«Одновременно съ этими дѣйствіями открыто, что Тистровъ, подъ именемъ коллежскаго секретаря Константина Бусова, по паспорту, составленному Калускимъ, вмѣстѣ съ Реймерсомъ и Гильяшвилемъ, нанимали въ домѣ барона Фридрихса (Рождествен. части, 1 кварт.) комнату въ квартирѣ жены писаря, Анны Дзенковской, гдѣ втроемъ занимались окрашиваніемъ кредитныхъ билетовъ, отлитографированныхъ Реймерсомъ и другими извѣстными ему лицами, вскорѣ открытыми. При осмотрѣ этой квартиры найдены: вырѣзанная изъ игорной карты модель съ цифрою 25, посредствомъ которой производились видимыя въ билетахъ цифры, и также фольга, совершенно одинаковая съ найденной у Калускаго, краски и другія вещи. Хозяева квартиры, между прочимъ, объяснили, что въ квартиру, нанятую Бусовымъ (оказавшимся Тистровымъ), за день до его арестованія, приходило нѣсколько человѣкъ, которые разговаривали между собой по-французски, не подозрѣвая, что мужъ Дзенковской понимаетъ ихъ и между прочимъ говорили о Тистровѣ. Бывшій студентъ Калускій, доведенный до сознанія, объявилъ, что формы на камнѣ для литографированія вырѣзывалъ содержатель литографіи, прусскій подданный, Николай Небельтау, самую же отлитографировку производилъ безпаспортный шведскій подданный,

Александръ Линдбергъ, товарищъ Небельтау по воспитанію, находящійся въ крайней нищетѣ и предавшійся пьянству. Небельтау, узнавъ объ арестованіи его сообщниковъ, запродалъ свое заведеніе и намѣренъ былъ бѣжать за границу, но былъ арестованъ и сознался въ участіи. При осмотрѣ квартиры его найдена та самая литографическая берлинская машина, посредствомъ которой производилось литографированіе кредитныхъ билетовъ. Машина эта куплена Реймерсомъ (подъ фамиліей Христенсона), вмѣстѣ съ красками и литографическими матеріалами, въ коммиссіонерской конторѣ Деллинга.

«По указанію сознавшейся въ соучастіи матери Реймерса, Софьи Реймерсъ, найдена была близъ Гагаринской пристани, въ р. Невѣ, у одного изъ спусковъ, вмерзшая во льду, подъ снѣгомъ и завитая въ холщевый мѣшокъ, литографированная плита, съ формами кредитныхъ билетовъ 10 и 25-рублеваго достоинства. О мѣстѣ храненія этой доски знала только Софья Реймерсъ.

«Изъ признанія арестованныхъ лицъ и изъ собранныхъ полиціей свѣдѣній обнаружено, что эти преступники, кромѣ производства и сбыта кредитныхъ билетовъ, занимались еще поддѣлкою ломбардныхъ билетовъ, векселей, паспортовъ, разныхъ документовъ, воровствомъ, мошенничествомъ и тому подобными преступленіями.

«Производствомъ и сбытомъ кредитныхъ билетовъ главнѣйше занимались: *Карлъ Реймерсъ*, 34 лѣтъ отъ роду, титулярный совѣтникъ; *Казиміръ Калускій*, 29 лѣтъ отъ роду, бывшій студентъ 3 курса Медицинской Академіи; *Аристархъ Тистровъ*, 27 лѣтъ, отставной коллежскій регистраторъ; *Григорій Гильяшвили*, 28 лѣтъ, отставной канцелярскій служитель; литографы: *Николай Небельтау*, 24 лѣтъ, прусскій подданный и *Александръ Линдбергъ*, 28 лѣтъ, шведскій подданный; *Софья Реймерсъ*, 52 лѣтъ, мать Реймерса, и *Викторія Сюзорская*, 24 лѣтъ, вдова провизора.

Формы на плитѣ вырѣзалъ Небельтау у Калускаго, въ квартирѣ чиновницы Моревой, бывшей въ связи съ Калускимъ, въ домѣ Филькова (Лит. части, 3 кв.); самое же литографированіе билетовъ производилось на Выборгской сторонѣ, въ Оренбургской улицѣ, въ домѣ Сычева, въ квартирѣ, нанятой на имя Калускаго, а окрашиваніе билетовъ совершалось въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно въ трактирныхъ нумерахъ и, какъ объяснено выше, въ квартирѣ Тистрова и Гильяшвили. Всего отлитографировано и изготовлено кредитныхъ билетовъ 25-рублеваго достоинства на 25 тыс., и 10-рублеваго на 10 тыс. Изъ нихъ дано было для сбыта Тистрову до 7 т. и незначительное количество Калускому, остальные же билеты,

на сумму до 27 т., какъ объяснила мать Реймерса, сожжены ею въ то время, когда она узнала объ арестѣ Тистрова.

«Что же касается до поддѣлки фальшивыхъ ломбардныхъ билетовъ, векселей, до случаевъ воровства-мошенничества, то въ этихъ преступленіяхъ, вмѣстѣ съ Тистровымъ и Реймерсомъ, повидимому, принимали участіе: скрывшійся съ ноября мѣсяца 1859 года изъ С.-Петербурга, называвшіеся отставнымъ капитаномъ *Иваномъ Александровымъ Сипко*, и заарестованный французскій подданный, *Викторъ Гюардъ*, у котораго, при обыскѣ, найдены въ бумажникѣ шуллерскія игорныя карты, съ вырѣзанными очками. Розыскомъ доселѣ обнаружено нѣсколько случаевъ, въ коихъ означенные выше преступники замѣшаны.

«У с.-петербургской мѣщанки Натальи Алексѣевой отобранъ поддѣльный ломбардный билетъ, заложенный Тистровымъ, въ обезпеченіе взятыхъ имъ у Алексѣевой заимообразно 470 руб. Заложивъ въ ссудной казнѣ свои вещи за два рубля сер., Тистровъ подскоблилъ полученный имъ билетъ, выставивъ на немъ сумму 920 руб., полученные будто бы подъ заложенное серебро вѣсомъ 1 пудъ 8 ф. и 14 золотниковъ.

«Мнимый отставной капитанъ Сипко, оказавшійся арестантъ московскаго острога, бродяга, называвшійся тамъ поручикомъ Скорняковымъ, при содѣйствіи Калускаго, Тистрова, Гюарда и другихъ его сообщниковъ, успѣли получить у купца Бистрома до 4 т. руб. подъ заемное письмо, съ поручительствомъ Реймерса. Одѣвшись въ военную форму, вмѣстѣ съ Тистровымъ и Калускимъ, Сипко ѣздилъ въ Рыбинскъ, гдѣ намѣревался жениться на богатой купчихѣ, и когда это предпріятіе не удалось, то Сипко, возвратясь въ С.-Петербургъ, неизвѣстно куда скрылся. Какъ обнаружилось, Сипко (Скорняковъ) бѣжалъ изъ Московскаго острога 16 ноября 1859 года, и познакомился съ Тистровымъ и Реймерсомъ еще въ острогѣ, гдѣ они подарили ему 900 руб. за вліяніе на бывшаго въ то время въ острогѣ же арестанта, индійца Вой-Викаріо, судившагося за кражу 375 т. руб.; съ этимъ послѣднимъ Тистровъ и Реймерсъ заключили условіе вести его уголовный процессъ, который однако же ими былъ проигранъ. Калускій же составилъ для Сипко видъ, по коему онъ и жилъ въ С.-Петербургѣ въ домѣ барона Фридерикса.

«Тистровъ съ Гильяшвилемъ занимались поддѣлкою векселей и другихъ документовъ, а также воровствомъ-мошенничествомъ и успѣли продать и заложить нѣсколько фортепіанъ, которыя они брали на прокатъ у разныхъ мастеровъ. Доселѣ открыто нѣсколько

подобныхъ случаевъ. У фортепьяннаго мастера Лагоде Тистровъ въ январѣ мѣсяцѣ взялъ на прокатъ піанино, а Гильяшвиль продалъ его за 200 р. дворянину Некрасову. Піанино это уже отобрано и возвращено по принадлежности. Другое піанино, взятое у Лагоде же, Гильяшвиль, по показанію Сюзорской, заложилъ въ компаніи громоздскихъ движимостей. У мастера Эшенбаха Тистровъ и Гильяшвиль также успѣли взять на прокатъ по одному роялю, которые продали купцу Ганину, обязанному подпискою возвратить эти рояли по требованію полиціи.

«Калускій, по составленной имъ подложной довѣренности, отъ имени купчихи Богдановой, при содѣйствіи Тистрова, два года тому назадъ, получилъ въ Тихвинѣ 300 р. отъ купца Блохина.

«Взятъ съ фальшивымъ билетомъ 10-рублеваго достоинства отставной прапорщикъ Голенищевъ, который объяснилъ, что билетъ сей получилъ отъ жены Тистрова. По этому случаю производится особо изслѣдованіе.

«Изъ вышепоименованныхъ лицъ, замѣшанныхъ въ разныхъ преступленіяхъ, только жена Реймерса оказалась совершенно не виновною и освобождена изъ-подъ ареста. Приняты дѣятельныя мѣры къ отысканію бѣглаго арестанта Скорнякова (бывшаго въ Петербургѣ подъ именемъ Сипко) и соучастника по воровству и мошенничеству, Григорія Андреева Попова. Всѣ означенные мошенники розысками доведены до сознанія стряпчимъ полицейскихъ дѣлъ Кельчевскимъ, при содѣйствіи надзирателя Федорова; за тѣмъ дѣйствія этой шайки, представляющіяся въ довольно обширныхъ размѣрахъ, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи, вѣроятно, получатъ еще большій объемъ, какъ при снятіи подробныхъ показаній отъ преступниковъ, такъ и при разсмотрѣніи отобранныхъ у нихъ въ большомъ количествѣ бумагъ.»

Передавая извѣстія о петербургской жизни, мы не можемъ пройти молчаніемъ небольшой книжечки, подъ заглавіемъ «Петербургъ въ статистическомъ отношеніи», изданной г. Е. Карновичемъ. Въ этой книжечкѣ есть много любопытныхъ статистическихъ данныхъ о Петербургѣ и мы ее рекомендуемъ тѣмъ, которыхъ интересуетъ Петербургъ. Книжечка эта заключаетъ XVI небольшихъ главъ, которые печатались сначала въ прекратившемся «Русскомъ Дневникѣ».

Вотъ заглавія этихъ главъ:

I. Обзоръ источниковъ. — II. Обстройка Петербурга. — III. Населеніе Петербурга. — IV. Изслѣдованіе о прибыли и убыли петер-

бургскаго населенія. — V. Распредѣленіе петербургскихъ жителей по званіямъ. — VI. Полицейское управленіе Петербурга. — VII. Пожары и арестанты. — VIII. Общественная жизнь въ Петербургѣ. — IX. Постройка новыхъ домовъ, мостовыя, освѣщеніе, мосты и перевозы, гауптвахты и будки, снабженіе водою, бани, аптеки и цирюльни. Благотворительныя учрежденія. — X. Способы продовольствія въ Петербургѣ. — XI. Торговля Петербурга. — XII. Фабрики и заводы. Число лошадей и рогатаго скота. Число экипажей. — XIII. Нравственный бытъ. Аресты и преступленія. — XIV. Самоубійства. Личныя обиды. Дома терпимости и публичныя женщины. — XV. Умственная дѣятельность Петербурга. — XVI. Общее заключеніе.

Мы приведемъ здѣсь для образца VIII главу, объ общественной жизни въ Петербургѣ.

«Посвящая настоящую статью разсмотрѣнію общественной жизни здѣшней столицы, неизлишнимъ считаемъ замѣтить, что мы подъ этими словами разумѣемъ: 1) развитіе городскаго благоустройства вообще, 2) условія матеріальнаго и нравственнаго быта и, наконецъ, 3) проявленія умственной дѣятельности среди жителей Петербурга.

«Очень часто и, надобно сказать правду, въ нѣкоторыхъ случаяхъ не безъ основанія, сѣтуютъ на то, что Петербургъ не достигъ еще той степени благоустройства, на которой находятся многія другія европейскія столицы. Въ этомъ отношеніи мы не будемъ извинять Петербургъ слишкомъ избитою фразою, будто столица наша, сравнительно съ другими столицами, слишкомъ молода, такъ какъ въ то время, когда значительные европейскіе города считаютъ время своего существованія уже почти десяткомъ столѣтій, Петербургъ едва насчитываетъ для себя полтора вѣка. Такого рода замѣчаніе относительно степени благоустройства европейскихъ городовъ не должно быть принимаемо въ уваженіе, потому что собственно всѣ европейскіе города начали устроиваться на настоящую ногу не многимъ ранѣе того времени, въ которое началось существованіе Петербурга. Притомъ, Петербургъ возникъ уже въ ту пору, когда мы стали примыкать къ Европѣ и начали подражать ей. Кромѣ того, Петербугъ имѣлъ и имѣетъ за собой то преимущество передъ древними столицами Европы, что въ немъ не успѣли еще, какъ во всѣхъ старинныхъ европейскихъ городахъ, образоваться въ теченіе вѣковъ огромные кварталы съ извилистыми и узкими переулками, которые приходится нынѣ разрушать съ большими издержками для того только, чтобъ устроивать городъ на новый, болѣе удобный

образецъ. Слабое же развитіе частныхъ построекъ и городской общественной жизни происходило и происходитъ въ Петербургѣ отъ мѣстныхъ особенныхъ причинъ.

«Обыкновенно, и притомъ весьма справедливо, укоряютъ Петербургъ въ томъ, что онъ хорошо обстроенъ только въ главныхъ своихъ частяхъ, но что отдаленные кварталы, по своимъ постройкамъ, а также по освѣщенію, содержанію и чистотѣ улицъ, напоминаютъ скорѣе наши чахлые уѣздные города, нежели одну изъ частей столицы. Къ этому, тоже не безъ основанія добавляютъ, что большинство даже лучшихъ петербургскихъ зданій имѣетъ какой-то казарменный видъ и что, наконецъ, внутри самыхъ зданій и въ заведеніяхъ общественныхъ не встрѣчается тѣхъ удобствъ, которыми отличается бо́льшая часть зданій и общественныхъ заведеній въ другихъ европейскихъ столицахъ.

«Что касается нѣкоторой монотонности зданій Петербурга, то такой видъ приняли они по вкусу зиждителей столицы. Впрочемъ, это такой предметъ, о которомъ нечего распространяться. Перейдемъ къ существенной сторонѣ вопроса. Не совсѣмъ удачная обстройка и медленное развитіе городской жизни Петербурга происходитъ, по нашему мнѣнію, главнымъ образомъ отъ недостаточности *собственно* городскаго населенія. Скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какое вліяніе должно имѣть на обстройку Петербурга преобладаніе въ немъ числительности жителей однихъ сословій надъ численностію другихъ.

«Замѣтимъ прежде всего, что почти десятая часть всѣхъ петербургскихъ жителей состоитъ изъ солдатъ гвардейскихъ полковъ, а со включеніемъ въ это число полицейскихъ командъ и служителей при разныхъ учебныхъ заведеніяхъ изъ нижнихъ чиновъ, мы увидимъ, что болѣе чѣмъ седьмая часть петербургскихъ жителей принадлежитъ къ разряду такихъ людей, которые уже по своему сословному положенію не могутъ быть домовладѣльцами въ Петербургѣ. Прибавивъ къ этому слишкомъ 128,000 помѣщичьихъ крестьянъ, слишкомъ 55,000 дворовыхъ людей и свыше 64,000 государственныхъ крестьянъ, проживающихъ въ Петербургѣ,—мы найдемъ, что въ настоящее время около *двухъ-третей* всего петербургскаго населенія не имѣетъ даже права быть домовладѣльцами въ Петербургѣ. Развивается ли въ другихъ мѣстахъ городская жизнь европейскихъ столицъ при подобныхъ неблагопріятныхъ для нея условіяхъ, мы этого не знаемъ, но во всякомъ случаѣ очевидно, что подобныя условія не клонятся въ пользу ея развитія.

«Обстоятельства, на которыя мы сейчасъ указали, а также и тѣ, на которыя мы укажемъ впослѣдствіи, заставляютъ большую часть жителей Петербурга смотрѣть на него, какъ только на временное, чуждое для нихъ мѣстопребываніе.

«Какъ нѣкоторое подтвержденіе нашей мысли насчетъ того, что большая часть петербургскаго населенія, вслѣдствіе многихъ условій своего быта, мало принимаетъ участія въ обстройкѣ города, приведемъ слѣдующія замѣчанія.

«Повсемѣстно въ Русской землѣ общее участіе всѣхъ жителей въ благоустройствѣ какого либо города постоянно и преимущественно выражалось и выражается въ постройкѣ церквей; а между тѣмъ нельзя не замѣтить, что въ Петербургѣ никакъ не болѣе 20 церквей воздвигнуто на счетъ доброхотныхъ дателей, такъ какъ всѣ прочія церкви принадлежатъ къ казеннымъ постройкамъ, или будучи полковыми церквами, или находясь при учебныхъ и благотворительныхъ заведеніяхъ.

«Само собою, впрочемъ, разумѣется, что большинство жителей Петербурга изъ тѣхъ сословій, о которыхъ мы упоминали прежде, не могли бы быть зажиточными домовладѣльцами въ Петербургѣ и при предоставленномъ даже имъ на то правѣ; но несомнѣнно также и то, что достаточное изъ нихъ число, пользуясь правомъ поземельнаго владѣнія въ столицѣ, могло бы примкнуть къ осѣдлому городскому населенію и, при трудолюбіи, смѣтливости и удачѣ въ предпріятіяхъ, постепенно пополнять собою разрядъ зажиточныхъ домовладѣльцевъ. Между тѣмъ очень понятно, что при настоящемъ условіи трудно разсчитывать на успѣхи городской жизни тамъ, гдѣ въ большей части городскаго населенія нѣтъ почти и зародыша для образованія изъ него самого сословія горожанъ.

«Разсматривая далѣе разряды петербургскихъ жителей, мы найдемъ, что ямщики, вольноотпущенные, охтенскіе и другихъ разрядовъ поселяне составляютъ свыше 10,000 и что наконецъ такъ называемые разночинцы проживаютъ въ Петербургѣ въ числѣ слишкомъ 20,000; добавимъ къ этому слишкомъ 48,000 мѣщанъ, какъ петербургскихъ, такъ и иногородныхъ, а также слишкомъ 12,000 воспитывающихся въ учебныхъ заведеніяхъ и свыше 11,000 иностранцевъ, мы увидимъ, что до 400,000 жителей Петербурга не принадлежатъ къ числу такихъ личностей, которыя по своимъ правамъ, по своему образу жизни, по своему возрасту и наконецъ по кратковременности своего пребыванія, могли бы имѣть вліяніе на улучше-

ніе городскаго общественнаго быта въ Петербургѣ. Такимъ образомъ въ настоящее время находится въ Петербургѣ собственно не болѣе 30,000 человѣкъ, изъ которыхъ можетъ, и то, конечно, съ большимъ исключеніемъ образовываться классъ достаточныхъ домовладѣльцевъ. Соображая также приведенныя нами числа, мы увидимъ, какъ незначителенъ въ Петербургѣ разрядъ такихъ жителей, которые будучи болѣе или менѣе знакомы съ удобствами жизни, могли бы содѣйствовать къ развитію этихъ удобствъ. Притомъ, исключивъ изъ этого числа множество бѣдныхъ чиновниковъ, изобильно населяющихъ Пески, Коломну и Гавань, мы увидимъ, какъ мало находится среди петербургскаго населенія такого люда, который по своему образу жизни способствовалъ бы къ общественному благоустройству Петербурга. Этимъ объясняется малое, сравнительно съ общимъ числомъ жителей, число не только богато, но и удобно устроенныхъ домовъ. Мы, вѣроятно, не ошибемся, если скажемъ на основаніи приведенныхъ нами указаній, что до $^{19}/_{20}$ петербургскаго населенія, по своему образованію и по своимъ матеріальнымъ средствамъ, принадлежитъ къ людямъ крайне ограниченнымъ въ условіяхъ и въ способахъ жизни; а при такомъ состояніи быта большей части жителей какого либо города, никакъ нельзя предвидѣть особыхъ успѣховъ въ развитіи общественной городской жизни. Вообще едва ли можетъ достигнуть значительныхъ удобствъ городская жизнь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ слишкомъ $^{1}/_{6}$ часть всѣхъ жителей, принадлежа къ военнымъ командамъ, довольствуется казармой и сопряженными съ нею условіями быта, гдѣ $^{4}/_{5}$ принадлежитъ къ крѣпостному сословію, неимѣющему права свободно располагать своею производительною дѣятельностію, и гдѣ наконецъ почти $^{1}/_{2}$ всѣхъ городскихъ жителей состоитъ собственно изъ сельскихъ обывателей....»

Въ Малой Морской, въ домѣ князя Воронцова открылся новый, прекрасно-устроенный отель для пріѣзжающихъ — г. Шотана (Chautemps), г. Шотанъ устроилъ table d'hôte, который, кажется, удался, потому что ежедневно посѣщается многочисленными посѣтителями. Table d'hôte очень хорошъ, зала большая и меблированная роскошно.

Портретная галлерея Мюнстера на 1860 годъ открывается портретами: гг. Уткина, Литке, Кеппена, Тотлебена, Хомякова, Соловьева, Гоголя, Грибоѣдова и другихъ. Въ литографическомъ отношеніи нельзя ничего желать лучшаго.

Г. Красовскій послѣдовалъ примѣру г. Мюнстера и издалъ «Портреты духовныхъ лицъ». Въ первой тетради заключаются 16 пор-

третовъ и при этомъ видъ Исакіевскаго Собора и Правительствующаго Сената.

Иллюстрированныя наши изданія (за исключеніемъ «Искры», имѣющей свою спеціальность и «Художественнаго Листка») не отличаются большими художественными достоинствами. Въ «русской Иллюстраціи» лучшіе политипажи заимствованы изъ европейскихъ иллюстрированныхъ изданій.... Домашніе же политипажи (изображающіе портреты извѣстныхъ лицъ и зданія) изъ рукъ вонъ плохи.... Что это такое, напримѣръ, портретъ г-на Шевченки?... О юмористическихъ политипажахъ на послѣдней страницѣ и говорить нечего.... И по изобрѣтенію и по выполненію они до крайности тупы. О текстѣ, но текстъ «Иллюстраціи» прекрасный, Объ насъ въ этомъ текстѣ отзываются, говорятъ, не хорошо... Но мы.... Нѣтъ! уже по одному этому, мы не отзовемся о немъ дурно.

Первымъ иллюстрированнымъ изданіемъ въ Россіи по прежнему остается превосходный «Художественный Листокъ г. Тимма». Мы особенно обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на снимокъ съ рисунка г. Соколова: *Деревенская дѣвушка въ Малороссіи, выбѣжавшая проститься съ своимъ возлюбленнымъ, собравшимся на съѣзжую*. Сколько поэзіи и прелести! Рисунокъ этотъ набросанъ г. Соколовымъ на одномъ изъ вечернихъ художественныхъ собраній.

На выставкѣ общества поощренія художниковъ находятся сію минуту два прекрасныхъ произведенія г. Соколова: большая акварель «Поздравленіе молодыхъ», если мы не ошибаемся, и «Хуторъ», при освѣщеніи заходящаго солнца.

И. И. Соколовъ, по нашему мнѣнію, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ современныхъ нашихъ пейзажистовъ и мы заключимъ наши замѣтки извлеченіемъ изъ статьи о немъ въ «Художественномъ Листкѣ».

«И. И. Соколовъ родился въ 1830 году, іюня 1-го, въ городѣ Астрахани. На берегахъ Волги прошло его тихое дѣтство. Рано почувствовалъ онъ склонность къ живописи и сталъ чертить гораздо прежде, чѣмъ увидалъ картины истинныхъ художниковъ. Природа сама взялась учить его и, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, одна осталась вѣрной для него наставницей.

«Когда онъ былъ еще ребенкомъ, мать его оставила Астрахань и переселилась въ Москву, вѣроятно, съ цѣлью заняться его воспита-

ніемъ. Соколовъ мальчикомъ отданъ былъ въ дворянскій институтъ въ Москвѣ, но не дошелъ до послѣдняго курса и, перебравшись въ Петербургъ, поступилъ ученикомъ въ Академію Художествъ.

«Рѣшась, такъ сказать, самовольно, безъ всякаго внѣшняго побужденія учиться въ Академіи, Соколовъ, конечно, безсознательно чувствовалъ въ себѣ призваніе стать художникомъ. Предчувствіе не обмануло его, какъ оно обманываетъ сотни горячихъ юношей. Поступивъ въ первый классъ, Соколовъ быстро прошелъ всѣ послѣдующіе курсы и, вспомнивъ свою истинную наставницу природу, отправился на Кавказъ, чтобъ тамъ обнять ее во всемъ ея величіи. Впервые увидалъ онъ Кавказъ въ 1849 году и, сколько мы можемъ судить по акварелямъ того времени, старался изучить краски — краски неба, краски горъ, краски зелени и развалинъ; чертилъ онъ и на пароходѣ, переплывая Черное море, и въ Крыму, куда приставалъ пароходъ, и въ окрестностяхъ Тифлиса, и въ Ахалцыхѣ, чертилъ все, что ни попадало на глаза: скалы, аулы, развалины, народныя сцены, лица, костюмы, лошадей и проч. и проч. Въ 1851 году Соколовъ былъ уже вторично на Кавказѣ, какъ бы для того, чтобъ провѣрить передъ лицемъ той же природы свои первые художественные опыты. Въ 1853 году, воротясь въ Петербургъ, Соколовъ продолжалъ свои занятія въ Академіи и за первую картину свою, появившуюся на выставкѣ (продажа невольницы на восточномъ берегу Чернаго моря), получилъ вторую серебряную медаль. Въ 1854 году онъ отправился жить и бродить по Малороссіи, откуда вывезъ два новыя произведенія: *Сѣнокосъ въ Малороссіи* и *Кавказкій пейзажъ* (горцы на берегу моря, высматривающіе на горизонтѣ появленіе перваго русскаго парохода). За эти картины Академія присудила ему первую серебряную медаль. Съ этихъ поръ жизнь нашего молодаго художника представляетъ рядъ путешествій. То появляется онъ въ Петербургѣ, то опять пропадаетъ на два, на три года; такъ надолго пропадаетъ онъ въ имѣніи своей тетки на границахъ Харьковской губерніи. Для многихъ слово пропадать значитъ *обѣднѣться*, *предаться вялому деревенскому житью-бытью безъ общества, безъ благодѣтельныхъ стремленій, безъ науки и безъ любви*; для Соколова же оно значитъ, вдали отъ столицы, постепенно изучать народную жизнь, не разставаясь съ карандашомъ, разъѣзжать по окрестностямъ, любить природу и народъ и превратить въ мастерскую свою, деревенскую гостиную. Талантъ его пустилъ глубокіе корни въ родную почву. . . . . .

«Кто видалъ, кто всматривался въ картины Соколова, кто даже всмотрится въ копію рисунка, который недавно представилъ «Художественный Листокъ», тотъ поймете, что это не пустая фраза; *талантъ Соколова дѣйствительно пустилъ корни свои въ родную почву* и непохожъ на оранжерейное растеніе, для котораго нужны стекла сверху и подогрѣванье снизу. Въ 1856 году Соколовъ опять появился въ Петербургѣ съ двумя картинами: *Закавказскіе цыгане и Ночь на Ивана-Купала*. Трудно повѣрить съ перваго взгляда, чтобъ эти двѣ картины принадлежали одному художнику, еслибъ на нихъ не лежала печать равносильнаго вдохновенія; не похожи онѣ одна на другую, какъ знойный день въ восточныхъ горахъ не похожъ на влажную часть Украйны, какъ вѣчными льдами увѣнчанныя горы непохожи на широкую заднѣпровскую степь. Закавказская, въ высшей степени оживленная группа загорѣлыхъ, живописно-оборванныхъ, кочующихъ цыганъ, въ жаркій день остановившихся на дорогѣ передъ духаномъ, гдѣ лавочникъ съ бранью кричитъ и отмахивается отъ нихъ, какъ отъ стаи хищныхъ птицъ, и малороссійскія дѣвушки въ лунную ночь, скачущія черезъ ворохи зажженной соломы посреди веселыхъ парубковъ, поющихъ хороводовъ, стариковъ и дивчатъ, собравшихся на праздникъ у вѣтряной мельницы, на берегу широкаго Днѣпра, изъ-за котораго поднимается полный мѣсяцъ, это два, до того непохожихъ другъ на друга міра, что невольно радуешься за ту ширину, за тотъ просторъ, среди котораго суждено дѣйствовать нашему талантливому художнику. Соколовъ не впадаетъ въ односторонность, несмотря на то, что по преимуществу пишетъ сцены изъ народнаго малороссійскаго быта....»

Вышла тетрадь «Этюдовъ Современной жизни», заключающая пять картинъ, нарисованныхъ бойко и со вкусомъ. Намъ особенно понравилась слѣдующая. Къ квартальному приводитъ будочникъ какого-то оборваннаго.—Ваше благородіе, говоритъ будочникъ,—*екаралъ* проѣзжая приказалъ взять. — За что? —Да онъ просилъ милостыню. Тогда квартальный, полный негодованія обращается къ приведенному. — Какъ ты смѣлъ утруждать особу его Превосходительства пустяками. — Что дѣлать? отвѣчаетъ тотъ, — на службу не принимаютъ, а воровать безчестно. — Воровать? да я любезный сколько лѣтъ ворую, а все человѣкъ честный.

Мы сейчасъ вернулись съ диспута гг. Погодина и Костомарова о «Началѣ Руси». Огромная зала университета не могла вмѣстить всѣхъ, желавшихъ присутствовать на этомъ диспутѣ. Мы ничего не скажемъ объ немъ, потому что читатели найдутъ въ этой же книжкѣ «Современника» рѣчи гг. Костомарова и Погодина и сами мо-

гутъ рѣшить кто изъ двухъ ученыхъ правѣе. Мы только замѣтимъ, что во время диспута въ залѣ раздавались громы рукоплесканій, не всегда, впрочемъ, кстати. Эти громы заглушали слова профессоровъ и мѣшали слушать.... Такой энтузіазмъ приличнѣе, кажется, въ залѣ театра, чѣмъ въ залѣ университета.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ЗАМѢЧАНІЕ РЕДАКЦІИ. — ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВЪ. — КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ. — КЪ ЧЕМУ ВЕДЕТЪ СУЩЕСТВУЮЩАЯ ПАСПОРТНАЯ СИСТЕМА. — ЧАСТНЫЯ ПОПЫТКИ ПРЕОБРАЗОВАНІЙ ПО СУДЕБНОЙ ЧАСТИ. — О ГОРОДСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ И УПРАВЛЕНІИ. — ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ НАШИХЪ ОБЩЕСТВЪ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Исполняя наше прошлогоднее обѣщаніе, мы открываемъ съ этой книжки нашего журнала постоянную хронику внутренней жизни нашего отечества. Считаемъ не лишнимъ сказать въ самомъ началѣ нѣсколько словъ о томъ, какъ мы понимаемъ это дѣло.

Намъ придется сообщать во внутреннемъ обозрѣніи извѣстія самыя разнообразныя и нерѣдко даже противоположныя другъ другу по своему характеру. Свѣдѣнія объ отрадныхъ начинаніяхъ и печальныхъ явленіяхъ быта, свѣтлыхъ надеждахъ и горькихъ разочарованіяхъ, высокихъ стремленіяхъ и низкихъ поступкахъ — все это, безъ сомнѣнія, будетъ пестрить нашу хронику и отчасти видоизмѣнять ея характеръ. Подобная пестрота неизбѣжна по условіямъ самой жизни нашей, складывающейся такъ неровно, и такъ еще плохо установившейся. Но при нѣкоторомъ вниманіи, читатель найдетъ общую нить, связывающую различные факты общественной жизни гораздо легче, нежели кажется на первый взглядъ. Для этого нужно только пріучить себя къ строгому различенію *дѣлъ* отъ *словъ*, *фактовъ* отъ *предположеній*, живыхъ *явленій быта* отъ мертвыхъ, не перешедшихъ еще въ жизнь *законоположеній*. Разсматривая однородные факты жизни, мы не найдемъ въ нихъ дѣйствительнаго противорѣчія, потому что всѣ

они развиваются одинъ изъ другаго по извѣстнымъ законамъ и въ извѣстномъ направленіи. Но огромныя противорѣчія встрѣтимъ мы на каждомъ шагу, если вздумаемъ причислять къ дѣйствительнымъ фактамъ народной жизни и всѣ тѣ предположенія и планы, которые вырабатываются въ головахъ нѣсколькихъ лицъ и потомъ являются на бумагѣ. Эти бумажные, *литературные* факты постоянно представляютъ намъ картину, далекую отъ дѣйствительной жизни, и въ нихъ-то, или лучше сказать — въ излишнемъ довѣріи къ нимъ заключается главная причина той запутанности, которую находимъ мы въ большей части взглядовъ на современныя событія. Все ожило, проснулось, все идетъ впередъ, и въ тоже время все спитъ, молчитъ, остается въ неподвижной апатіи; все зрѣетъ, зрѣетъ не по днямъ, а по часамъ, зрѣетъ уже нѣсколько лѣтъ, и вдругъ слышится торжественный голосъ, что все не созрѣло, и сотни взрослыхъ людей безмолвно и кротко выслушиваютъ этотъ голосъ и черезъ нѣсколько дней бѣгутъ поучаться и дозрѣвать на лекціи строгаго ученаго, столь безцеремонно аттестовавшаго ихъ. Все освѣщено, насталъ полный разсвѣтъ въ нашей общественной жизни, во всѣ уголки свѣтъ пробрался, вотъ ужь года три тому назадъ по газетнымъ свѣдѣніямъ; и между тѣмъ что годъ, то больше открывается темныхъ уголковъ, въ которыхъ дѣлаются вещи неслыханныя и невообразимыя, и бывалые люди говорятъ, что такихъ уголковъ и теперь осталось еще много, такъ много, что если открытые углы «стократъ умножить милліономъ» и дерзнуть сравнить съ неотрытыми, такъ и то —

Лишь будетъ точкою одною....

Все это чрезвычайно запутываетъ сужденія о современномъ положеніи русскаго общества. Мы видимъ, что все движется, строится, ломается, опять строится, украшается, передѣлывается, и остаемся нерѣдко въ полномъ недоумѣніи относительно смысла всѣхъ этихъ построекъ. Въ нашихъ глазахъ одна стѣна дома ломается, другая штукатурится, на третьей прибито объявленіе, что «сей домъ продается», а внутри разводится оранжерея. Подходя то съ одной, то съ другой стороны, мы строимъ различныя предположенія и стараемся вывести что нибудь изъ передѣлокъ, совершающихся передъ нами. Само собою разумѣется, что намъ рѣдко удается сдѣлать правильный и умный выводъ. Дѣло въ томъ, что передѣлки въ домѣ свидѣтельствуютъ о вкусѣ и потребностяхъ хозяина и жильцовъ, но не показываютъ степени прочности, удобства и цѣнности самаго дома. Такъ точно и въ наблюденіяхъ надъ русской жизнью — измѣненія и передѣлки, предполагаемыя и совершаемыя въ ней,

могутъ насъ привести къ одному только непреложному заключенію: значитъ устройство русской жизни оказалось неудовлетворительнымъ, значитъ есть что-то такое неладное въ ней, и русскіе люди хотятъ избавиться отъ существующихъ неудобствъ и измѣнить свое положеніе къ лучшему. Но что именно улучшено, что еще требуетъ улучшеній, и какихъ именно — объ этомъ можемъ мы разсуждать только на основаніи фактовъ, непосредственно взятыхъ изъ жизни, а никакъ не по формальнымъ, бумажнымъ проявленіямъ строительной дѣятельности, *кипящей* теперь во всѣхъ уголкахъ нашего отечества. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ послѣднее время чрезвычайно размножились у насъ акціонерныя компаніи, особенно по части путей сообщенія, и всякаго рода промышленныя предпріятія. Одинъ этотъ фактъ, самъ по себѣ, несомнѣнно доказываетъ, что до сихъ поръ—какъ промышленность наша вообще, такъ въ особенности пути сообщенія находились въ очень неудовлетворительномъ положеніи. Иначе не было бы причины для такого внезапнаго, порывистаго и въ самомъ дѣлѣ значительнаго движенія для образованія множества компаній и предпріятій. Далѣе, смотря на формальную, общую сторону промышленнаго движенія, мы можемъ заключать еще и о томъ, до какой степени достигло теоретическое развитіе общества въ отношеніи къ экономическимъ вопросамъ, какія потребности сознаны и какія средства для нихъ удовлетворенія поняты и признаны большинствомъ. Мы видимъ, напр., что въ теченіе 1856 — 1858 гг. основано около 60 акціонерныхъ компаній, и изъ нихъ почти половина приходится на пароходство и желѣзныя дороги. Ясно, что надобность въ хорошихъ средствахъ сообщенія и перевозки была самымъ ощутительнымъ и очень живо сознавалась обществомъ. Затѣмъ, видя, что заводятся именно общества пароходства и желѣзныхъ дорогъ, а не шоссейныхъ дорогъ, не дилижансовъ, не парусныхъ судовъ, и не воздушныхъ шаровъ, мы можемъ заключать весьма основательно, что пароходы и паровозы въ настоящее время признаются нашимъ обществомъ за самыя нужныя и удобныя средства сообщенія. Очевидно, что компаніи общества сперьва до желѣзныхъ дорогъ и пароходства. Но на этомъ должны и остановиться наши выводы; какъ скоро мы пойдемъ дальше, мы почти навѣрное попадемъ въ ошибку, если не будемъ руководиться частными сведеніями. Многіе, напримѣръ, обрадовавшись, что у насъ есть желѣзныя дороги и пароходы, поспѣшно отзываются на европейскую почву: ѣдутъ и уже готовы разсчитывать съ нами путешествіе по Россіи, перевозку грузовъ и пр. совершенно на такихъ же условіяхъ, какъ бы это было въ Европѣ: пріемъ чрезвычайно-легкомысленный, — потому что мѣстныя

условія и особенности нашей жизни совершенно измѣняютъ иногда тотъ первообразъ, съ какимъ извѣстное учрежденіе является въ Европѣ. Поэтому несправедливо было бы сравнивать, напримѣръ, наши средства сообщенія съ европейскими, основываясь только на количествѣ верстъ рельсовъ, числѣ пароходовъ, и т. п. формальныхъ опредѣленіяхъ. Настоящій, живой выводъ объ удобствахъ нашихъ сообщеній можно составить лишь изъ тщательнаго разсмотрѣнія частныхъ фактовъ, указывающихъ, гдѣ, что и какъ дѣлается. Тогда только мы и увидимъ, какъ наши дороги и пароходы строятся, чего намъ стоитъ, къ чему они больше приспособлены, какое могутъ имѣть вліяніе на развитіе благосостоянія въ массѣ народа и какъ они дѣйствительно относятся къ средствамъ сообщенія въ Европѣ. Извѣстія объ опоздавшихъ поѣздахъ, о нѣсколькихъ часахъ, проводимыхъ пассажирами въ вагонахъ въ ожиданіи важнаго лица, о двухмѣсячномъ стояніи пароходовъ на мели въ нижнихъ частяхъ Волги, о задержанныхъ изысканіяхъ съ грузомъ компаніи, о мателяхъ, холодѣ, голодѣ и тому подобныхъ условіяхъ, свойственныхъ нашему климату, всѣ подобныя извѣстія непремѣнно должны быть принимаемы въ соображеніе, — и не только при настоящемъ положеніи дѣлъ, но и на извѣстный періодъ будущаго, потому что нашъ климатъ и наша жизнь не могутъ, разумѣется, переродиться въ два-три года, хотя бы всѣ восторженные публицисты престольнаго града Москвы и столицы Санктпетербурга соединили свое краснорѣчіе для возбужденія ея къ такому перерожденію.

Съ этой точки смотримъ мы и на все общественное движеніе, совершающееся въ Россіи. Факты дѣйствительные, случившіеся — для насъ всегда были и будутъ выше самыхъ блистательныхъ и широкихъ предположеній и формальныхъ предписаній. Безъ фактовъ мы не даемъ вѣры ни одному высокому стремленію, ни одному краснорѣчивому возгласу. Но неосуществленныхъ стремленій, не перешедшихъ въ дѣло, возникаетъ такъ много въ нашей современной жизни, что они сами по себѣ составляютъ фактъ, свидѣтельствующій о направленіи общественнаго сознанія. На этомъ основаніи мы и предположенія, и начинанія, и канцелярскія, формальныя приготовленія, и даже просто словесныя похожденія уступаемъ извѣстную долю значенія, и они будутъ постоянно занесены въ нашу хронику на ряду съ дѣйствительными фактами. Конечно, въ Москвѣ будетъ не очень плохихъ извощиковъ, рабочее населеніе въ Петербургѣ помѣщается большею частію очень дурно; не тѣмъ не менѣе — нельзя же совершенно презирать и то обстоятельство, что въ Москвѣ учрежденіе общества городскихъ экипажей,

а въ Петербургѣ — общество для устройства помѣщенія рабочихъ. Конечно, у насъ денежныя и торговыя отношенія устроиваются далеко не на основаніяхъ политической экономіи; но все же К. И. Ламанскій читаетъ для недозрѣлой публики лекціи о банкахъ, г. Безобразовъ — о кредитѣ во второй гимназіи, г. а Калиновскій — о свободной торговлѣ въ пассажѣ. Конечно, винные откупа существуютъ на всемъ пространствѣ Россіи, и вездѣ русскій людъ опаивается скверной водкой; но все же въ литературѣ появились обличенія на откупа, послѣ того, какъ стало извѣстно, что они существуютъ послѣднее четырехлѣтіе... И то хорошо, — и то служитъ проявленіемъ силы общественнаго сознанія: стало быть, всѣ подобныя явленія тоже надо отмѣчать въ лѣтописи общественной жизни. Но только никакъ не должно ставить ихъ въ уровень съ тѣмъ, что дѣйствительно совершается въ жизни. Наши разглагольствія, изслѣдованія, комитеты, правленія и всѣ вообще виды канцелярій и канцелярскихъ работъ совершенно ничего не значатъ предъ твердымъ и могучимъ ходомъ жизни, не спрашивающей у насъ никакихъ программъ. Вспомнимъ великую философскую истину: въ то время какъ Мандевиль спрашивалъ Ѳемистоклюса, хочетъ ли онъ быть дипломатомъ, — у будущаго дипломата чуть-было не попала изъ носу въ супъ нѣкоторая посторонняя капля.... Всѣ наши бумажные восторги и прогрессы напоминаютъ именно этотъ вопросъ о дипломатическомъ поприщѣ, а дѣйствительность каждую минуту подпускаетъ такую посторонюю капель въ супъ нашей жизни, подслащенный краснорѣчіемъ и радужными надеждами.

Надѣемся, что читатели не будутъ возставать противъ нашей точки зрѣнія на событія русской жизни. Впрочемъ, если кто и не согласится съ нами, — онъ ничего не потеряетъ въ самой хроникѣ. Составитель нашего внутренняго обозрѣнія, заботясь о полнотѣ извѣстій, не будетъ проходить молчаніемъ и канцелярскихъ, бумажныхъ явленій нашей жизни, и кому угодно, тотъ можетъ придавать имъ даже болѣе значенія, нежели явленіямъ, дѣйствительно совершающимся и характеризующимъ бытъ народа и нравы общества.

Сдѣлавъ эти предварительныя замѣчанія, предоставляемъ читателю и перечень фактовъ внутренней жизни нашей за послѣднее время, начиная, разумѣется, съ правительственныхъ распоряженій.

Высочайшимъ указомъ 26 декабря прошлаго года повелѣно прекратить, съ 1 января 1860 года, пріемъ процентныхъ вкладовъ въ кредитныхъ установленіяхъ. Только коммерческому банку и его конторамъ предоставлено принимать частные вклады до 1 іюля 1860 года съ платежемъ двухъ процентовъ въ годъ безъ начисленія слож-

ныхъ процентовъ; допущенъ также пріемъ въ этомъ банкѣ судебныхъ и казенныхъ вкладовъ и капиталовъ, составляющихъ принадлежность частныхъ лицъ, но находящихся въ вѣдѣніи присутственныхъ мѣстъ, кромѣ того капиталовъ, принадлежащихъ какимъ либо сословіямъ, обществамъ, правительственнымъ учрежденіямъ, монастырямъ, церквамъ и пр., — на всѣ такіе вклады, смотря по роду капитала, будутъ или не будутъ производиться проценты и въ первомъ случаѣ безъ начисленія сложныхъ процентовъ. Приказамъ общественнаго призрѣнія разрѣшено принимать одни апелляціонные вклады, на прежнемъ основаніи. Въ указѣ оговорено, что по истеченіи вышеозначеннаго срока, пріемъ вкладовъ частныхъ въ коммерческомъ банкѣ и его конторахъ будетъ допущенъ, на основаніи правилъ, какія будутъ установлены въ самомъ уставѣ банка; пріемъ же въ коммерческій банкъ прочихъ вкладовъ, (то есть судебныхъ и проч.) допущенъ съ 1 января 1860 г., — впредь до особаго о сихъ вкладахъ положенія.

Это правительственное распоряженіе вызвано преобразованіемъ кредитной системы, предпринятымъ съ цѣлью развитія *земскаго кредита*, столь необходимаго для оживленія нашей внутренней промышленности и внѣшней торговли. Преобразованіе, о которомъ мы упомянули, начато еще въ прошломъ году подчиненіемъ министру финансовъ, — сверхъ государственныхъ банковъ, заемнаго и коммерческаго, — кредитныхъ оборотовъ сохранныхъ казёнъ и приказовъ общественнаго призрѣнія, установленіемъ платежа на частные вклады въ кредитныхъ учрежденіяхъ вмѣсто 3% только 2%, безъ начисленія притомъ процентовъ на проценты, и выпускомъ пятипроцентныхъ государственныхъ билетовъ для обмѣна на нихъ билетовъ кредитныхъ установленій, если кто изъ владѣльцевъ сихъ билетовъ того пожелаетъ (*). Вмѣстѣ съ указомъ объ этомъ былъ опубликованъ докладъ министра финансовъ Государю Императору, подробно разъясняющій положеніе нашихъ кредитныхъ установленій, несоотвѣтствующее современнымъ потребностямъ общества, и указывающій на необходимость преобразованія этихъ установленій. Въ докладѣ г. министра, — о которомъ мы считаемъ нужнымъ особенно упомянуть потому, что опубликованіе такихъ документовъ, рядомъ съ правительственными мѣрами, по нимъ принимаемыми, есть у насъ нововведеніе, которому нельзя не порадоваться, — говорится также, что при министерствѣ финансовъ учреждена комиссія

(*) По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Политико-Экономическимъ Указателемъ, общая сумма подписки на пятипроцентные билеты превышаетъ 240 милліоновъ руб. сер.

для составленія проэкта о *земскихъ банкахъ*. — О ходѣ работъ въ этой коммиссіи Политико-Экономическій Указатель два или три раза представлялъ нѣкоторыя свѣдѣнія, изъ которыхъ видно, что мнѣніе коммиссіи вообще склоняется въ пользу частной предпріимчивости при основаніи земскихъ банковъ и къ формѣ обезпеченія посредствомъ составленія участниковъ этихъ банковъ изъ самихъ землевладѣльцевъ. Недавно были тоже извѣстія, что проэктъ положенія о *земскихъ банкахъ* уже разсмотрѣнъ коммиссіей, совсѣмъ отпечатанъ и скоро будетъ обнародованъ для предварительнаго разбора литературой (*). Въ заключеніе свѣдѣній о земскихъ банкахъ, мы можемъ еще прибавить, что по увѣренію Политико-Экономическаго Указателя, проэктъ С.-Петербургскаго земскаго банка долженъ быть предложенъ на обсужденіе мѣстнаго дворянства въ мартѣ мѣсяцѣ, когда будутъ происходить дворянскіе выборы (**). Конечно, мы узнаемъ въ свое время, чѣмъ порѣшатъ петербургскіе дворяне дѣло о мѣстномъ банкѣ, но въ высшей степени было бы интересно знать и о томъ, какъ будетъ обсуждаться дворянскимъ собраніемъ этотъ важный вопросъ. Давнымъ давно уже вошло какъ-то въ обычай говорить особенно много о соблюденіи интересовъ дворянскаго сословія, — при настоящемъ случаѣ мы увидимъ на самомъ дѣлѣ, какъ будутъ соблюдены самимъ сословіемъ эти интересы: сдѣлаются ли, напримѣръ, учредителями земскихъ банковъ цѣлыя общества землевладѣльцевъ, и крупныхъ и мелкихъ, — разумѣется, на сколько хватитъ силъ каждаго, — или же новыя учрежденія эти попадутъ въ руки немногихъ капиталистовъ?

Кромѣ мѣръ, принятыхъ министерствомъ финансовъ для преобразованія кредитной системы, учреждено было при немъ еще нѣсколько коммиссій, предметъ которыхъ касается весьма важныхъ сторонъ народной жизни, — налоговъ, промышленности и торговли (***). Такъ особая коммиссія разсматриваетъ предположенія объ

(*) На дняхъ этотъ проэктъ появился уже въ свѣтъ. «Современникъ» будетъ говорить о немъ въ свое время. *Ред.*

(**) Есть еще извѣстіе («Моск. Вѣдомости», № 41), что въ Твери работали надъ проэктомъ объ устройствѣ земскаго банка гг. Унковскій, Каронеусъ, Головачевъ и другіе. Въ началѣ февраля былъ съѣздъ дворянъ въ довольно большомъ числѣ, для обсужденія этого проэкта. Къ участію въ учрежденіи банка приглашенъ г. Кошелевъ.

(***) Мы считаемъ необходимымъ упомянуть здѣсь о самомъ началѣ учрежденія этихъ коммиссій, потому что почти всѣ онѣ имѣютъ очевидную связь между собою, которая, безъ указанія на первоначальное ихъ учрежденіе, оставалась бы совершенно неясною для читателей, когда приходилось бы имъ сообщать извѣстія, появляющіяся иногда въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, свѣдѣнія о ходѣ работъ въ коммиссіяхъ, да и самыя эти свѣдѣнія, безъ такого указанія, представлялись бы черезъ-чуръ отрывочными и недостаточными.

улучшенія системы податей и пошлинъ, основанной нынѣ на прикрѣпленіи податныхъ лицъ къ землѣ или къ обществу. Мѣру эту, очевидно, вызываетъ приближающееся окончаніе крестьянскаго вопроса; весьма сожалѣемъ, что о ходѣ занятій въ податной коммиссіи нѣтъ никакихъ извѣстій. Одновременно съ учрежденіемъ податной коммиссіи, приступлено къ пересмотру положеній о гильдейскихъ повинностяхъ, объ акцизѣ съ табаку и о гербовыхъ и крѣпостныхъ пошлинахъ. Кромѣ того, для обезпеченія гражданскихъ сдѣлокъ, составляется проэктъ новаго банкрутскаго устава, который, по словамъ Политико-Экономическаго Указателя, будетъ защищать болѣе заимодавца, чѣмъ должника: Особыя коммиссіи занимаются преобразованіемъ коммерческаго банка, пересмотромъ нынѣ-существующихъ постановленій относительно фабричной и ремесленной промышленности, упрощеніемъ таможенной процедуры и разсмотрѣніемъ монетнаго вопроса, столь важнаго въ настоящее время по совершенному недостатку размѣнной монеты (*); поднятъ также вопросъ о предоставленіи каждому частному лицу права выдачи векселей, что, независимо отъ развитія кредита, увеличитъ и доходъ казны (**). Политико-Экономическій Указатель сообщаетъ въ нынѣшнемъ году свѣдѣнія только объ одной изъ поименованныхъ коммиссій, онъ говоритъ, что «*табачной* промышленности предстоитъ радикальное преобразованіе: кромѣ двухъ компаній, образующихся съ цѣлью развитія этой промышленности (одна мѣстная, другая *монопольная*), — измѣненію въ ея положеніи должны содѣйствовать изготовляемыя въ министерствѣ финансовъ новыя правила акциза съ табаку, имѣющія цѣлію усилить надзоръ за его производствомъ и обработкой, и достигнуть болѣе удовлетворительныхъ фискальныхъ результатовъ; фискальную же цѣль имѣетъ отчасти въ виду и *монопольная* компанія, — компанія, обѣщающая обогатить и осчастливить Россію безкорыстною привиллегіей въ свою пользу на 15 лѣтъ.»

Подобныя попытки раздобыться на счетъ мірской, подъ видомъ общей пользы, не должны удивлять насъ: онѣ совершенно еще есте-

(*) Были слухи, что для отвращенія недостатка въ размѣнной монетѣ будетъ начеканена новая серебряная монета VI-й пробы; однако, Политико-Экономическій Указатель въ послѣднее время извѣщаетъ, что слухи эти весьма недостовѣрны. Онъ же говоритъ, что особенное вниманіе правительства обращено нынѣ на *платину*, и что, для изученія новѣйшихъ способовъ чеканки ея, правительство отправило въ Парижъ спеціалистовъ.

(**) Недавно Политико-Экономическій Указатель сообщилъ, что при министерствѣ финансовъ учреждена еще коммиссія, съ цѣлію подвергнуть новому и зрѣлому обсужденію вопросъ о кредитныхъ билетахъ и о способахъ ихъ уменьшенія.

ственны при теперешней организаціи у насъ труда и всего общества, допускающей на каждомъ шагу враждебныя отношенія между цѣлыми классами общества и между отдѣльными его членами. Очень понятно, что нѣкоторые господа ретиво добиваются, чтобы откупъ, покидающій, кажется, драгоцѣнную винную часть, возродился, какъ новый фениксъ, хоть, напримѣръ, изъ табачнаго пепла.

Кстатѣ о *винномъ откупѣ*. Политико-Экономическій Указатель сообщаетъ о немъ слѣдующее извѣстіе:

«Мы слышали объ окончательномъ представленіи новыхъ предположеній касательно *питейнаго сбора*. Нынѣшняя система откуповъ, какъ предположено уже прежде, устраняется, — затѣмъ представляются соображенія объ акцизномъ сборѣ или непосредственно правительствомъ, или чрезъ коммиссіонеровъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что первая система, существующая въ основѣ всѣхъ подобныхъ сборовъ въ образованной части Европы, заслуживаетъ преимущественное вниманіе и, вѣроятно, окончательно введена будетъ, какъ существуетъ и въ другихъ частяхъ нашего финансоваго управленія.» Итакъ, значитъ блаженной памяти винный откупъ отживаетъ свои послѣдніе дни. Но коли и умретъ, память о немъ надолго останется въ глубокихъ слѣдахъ на жизни народной.

Обратимся еще разъ къ попыткамъ раздобыться на счетъ мірской. Въ «*Одесскомъ Вѣстникѣ*» есть извѣстіе, что нѣкоторые машинопроизводители ходатайствуютъ о прекращеніи безпошлиннаго ввоза машинъ изъ-за границы. «Одесскій Вѣстникъ» съ негодованіемъ возстаетъ противъ этого домогательства и желаетъ, чтобы невѣжды, пренебрегающіе интересами массы ради собственнаго кармана, подвергались суду общественнаго мнѣнія и клеймились презрѣніемъ. «Намъ ли — говоритъ онъ — выписывать изъ Москвы машины, когда выписанныя изъ-за границы обходятся дешевле? А между тѣмъ это насущная потребность края, отъ которой зависитъ его торговля, слѣдовательно и все благосостояніе. И притомъ, какая выгода краю съ 4 милліонами жителей, что двое или трое московскихъ фабрикантовъ разбогатѣютъ?»

Мы раздѣляемъ негодованіе мѣстной газеты, высказываемое по этому поводу. Домогательство нашихъ машино-производителей насильно, посредствомъ монополій, навязать свой трудъ на шею всѣмъ занимающимся земледѣліемъ, а также и потребителямъ, заслуживаетъ полнаго осужденія. Такого рода монополія была бы особенно вредна въ настоящее время и не для одного Новороссійскаго края, но для всѣхъ земледѣльческихъ губерній Россіи: съ отмѣною крѣпостнаго права; завалившаго доселѣ производительность лучшаго условія труда — свободы его, является у насъ непремѣнная необхо-

дность въ коренной реформѣ всего сельскаго хозяйства, всей сельской промышленности: землевладѣльцы наши и вообще люди, занимающіеся сельскимъ хозяйствомъ, неминуемо должны будутъ вводить обработку машинами земли и сырыхъ матеріаловъ. Каковы же были бы послѣдствія монопольнаго производства этихъ орудій, столь необходимыхъ для всѣхъ? Это обстоятельство тѣмъ болѣе важно, что въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ такъ обширны земли и такъ рѣдко еще народонаселеніе, землевладѣльцы, даже и при существованіи обязательнаго труда, прибѣгаютъ уже къ машинной обработкѣ земли и ея произведеній. Возникающія новыя условія земледѣльческаго труда чрезвычайно важны для будущаго развитія промышленныхъ силъ Россіи; намъ, вѣроятно, не разъ придется говорить объ этомъ предметѣ во внутреннемъ обозрѣніи, — что мы отчасти и нынѣ сдѣлаемъ, когда станемъ передавать извѣстія о дѣятельности нѣкоторыхъ изъ нашихъ обществъ сельскаго хозяйства.

Выше мы упомянули о предстоящей скорой отмѣнѣ крѣпостнаго права, — мы думаемъ, что будетъ кстати привести здѣсь тѣ немногія свѣдѣнія о ходѣ крестьянскаго дѣла, какія удалось намъ прочитать въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ. Какъ ни неопредѣленны эти свѣдѣнія, мы считаемъ однако ихъ замѣчательными въ томъ отношеніи, что они вновь подтверждаютъ о скоромъ окончаніи великаго вопроса. Въ 5-мъ выпускѣ «Политико-Экономическаго Указателя» напечатана слѣдующая замѣтка:

«О ходѣ крестьянскаго дѣла въ городѣ ходятъ самые разнорѣчивые слухи. Наиболѣе вѣроятный изъ нихъ тотъ, что всѣ предварительныя по этому вопросу работы будутъ окончены еще къ веснѣ будущаго года, а къ осени вѣроятно послѣдуетъ окончательное постановленіе по крайней мѣрѣ по главнымъ пунктамъ, и тогда лица, заинтересованныя фактически, убѣдятся въ несправедливости увѣреній, что дѣло будто бы отложено на три года, какъ говорятъ тѣ, которые не желаютъ ему успѣха. Дѣла подобнаго рода не откладываются, когда уже однажды начаты.»

«Въ газетѣ «Наше Время» помѣщено болѣе интересное извѣстіе, которое извѣщаетъ насъ, что, при рѣшеніи крестьянскаго вопроса, будутъ приняты особенныя финансовыя мѣры. Вотъ это извѣстіе: «Министерство государственныхъ имуществъ не оставляетъ безъ вниманія крестьянскаго вопроса. Постановляя дополнительныя правила о сборѣ на обезпеченіе народнаго продовольствія, оно часть этого сбора назначило на расходъ по крестьянскому дѣлу; именно, въ губерніяхъ великороссійскихъ и малороссійскихъ,

въ которыхъ еще не составилось по 40 коп. на душу, — половина всего сбора, или по 3 коп. съ души, назначена на эти расходы».

Говоря о крестьянскомъ дѣлѣ, мы должны упомянуть о смерти генералъ-адъютанта Ростовцова, предсѣдателя редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу (6 февраля).

На мѣсто его назначенъ графъ В. Н. Панинъ. Занятія редакціонной коммиссіи продолжаются по прежнему.

Скораго окончанія крестьянскаго вопроса мы ожидаемъ тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ, что одновременно съ нимъ должны разрѣшиться и другіе важные вопросы о преобразованіи разныхъ административныхъ и судебныхъ законоположеній. Еще въ прошломъ году учреждены при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ двѣ коммиссіи, для составленія проэктовъ узаконеній, вызываемыхъ потребностями общества, которыя какъ-то особенно стали уясняться въ глазахъ всѣхъ съ возникновеніемъ крестьянскаго вопроса; одна изъ этихъ коммиссій занимается составленіемъ проэктовъ узаконеній объ уѣздномъ полицейскомъ управленіи и объ учрежденіяхъ для разбора недоумѣній и споровъ между помѣщиками и крестьянами; другая разсуждаетъ объ измѣненіи порядка снабженія паспортами лицъ податныхъ сословій и объ облегченіи существующихъ строгихъ мѣръ взысканія за неимѣніе и просрочку видовъ. Были извѣстія, что въ основаніе преобразованія полицейскаго управленія будетъ положено совершенное отдѣленіе судебной власти отъ административной; — но затѣмъ о ходѣ работъ въ обѣихъ этихъ коммиссіяхъ дальнѣйшихъ свѣдѣній мы уже не встрѣчали.

Теперешняя паспортная система существуетъ для двухъ цѣлей: для финансовой и полицейской. Доселѣ подушной окладъ совершенно обусловливалъ первую цѣль, но, подъ вліяніемъ отмѣны крѣпостныхъ отношеній, подушная система податей тоже измѣняется, — значитъ, для оправданія причины, по которой существуетъ нынѣшняя паспортная система, остается только цѣль полицейская. Но думать надобно, что съ преобразованіемъ полицейскаго управленія исчезнетъ сама собою и эта цѣль; намъ кажется, что полиція, и безъ прописокъ паспортовъ въ кварталахъ и частяхъ, должна быть въ состояніи ограждать спокойствіе общественное. Между тѣмъ разнообразныя условія и многосложныя формальности, при которыхъ нынѣ паспортъ выдается и предъявляется въ разныхъ административныхъ мѣстахъ, — крайне стѣсняютъ народъ въ его передвиженіяхъ, работахъ, промыслахъ.

Притомъ кому же теперь неизвѣстно у насъ, что всѣ эти формальности способствуютъ видамъ тѣхъ представителей административной власти, которые, пренебрегая обязанностями своими, смо-

тятъ на службу, какъ на средство жить на счетъ міровой? Вотъ, напримѣръ, какіе случаи бываютъ изъ-за паспортовъ:

Повѣренный одного купца (*житель уѣзднаго города*, какъ онъ подписался подъ статьей своей въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» № 11) отправилъ товаръ къ этому купцу съ мѣщаниномъ-извощикомъ, честнымъ и вѣрнымъ человѣкомъ. Отъѣзжая въ дорогу, мѣщанинъ позабылъ, что паспортъ его просроченъ нѣсколькими днями, — впрочемъ, при товарѣ была накладная, по которой выдается въ обязанность всѣмъ и каждому чинить безпрепятственный пропускъ. Товаръ благополучно слѣдовалъ нѣсколько сотъ верстъ, но вдругъ наѣхалъ на него какой-то блюститель порядка (провѣдавшій черезъ жида, что въ товарѣ этомъ находится партія южнобережскаго табаку, до котораго онъ былъ большой охотникъ), наѣхалъ и потребовалъ для просмотра накладную. Мѣщанинъ, на бѣду, подалъ съ нею и паспортъ свой. Блюститель порядка тотчасъ же распорядился: товаръ задержалъ, мѣщанина арестовалъ, какъ бродягу. Затѣмъ, разумѣется, началась *переписка* о мѣщанинѣ; стали тоже требовать купца за полученіемъ товара. Между тѣмъ, бѣдный мѣщанинъ, съ четырьмя своими лошадьми, весь искарячился и долженъ былъ продать за безцѣнокъ одну лошадь. Но пришелъ и отвѣтъ о мѣщанинѣ, удостовѣрившій, что онъ не бродяга. Тогда блюститель порядка вздумалъ сдать покудова товаръ мѣщанину: только товаръ оказался уже не въ цѣлости и мѣщанинъ не хотѣлъ было его принимать, но принесли розги — и, конечно, онъ принялъ да еще далъ росписку въ полномъ полученіи товара. — Случай характеристическій, доказывающій, что блюстители порядка ловко умѣютъ пользоваться обстоятельствами.

Преобразованіе администраціи, не мѣстное и отрывочное, но общее и коренное, составляетъ одну изъ самыхъ настоятельныхъ потребностей общества, которому должны-таки надоѣсть всѣ эти злоупотребленія чиновниковъ, созданныя не столько развращеніемъ народныхъ инстинктовъ, сколько несовершенствомъ учрежденій. Начало такой реформѣ уже положено учрежденіемъ коммиссіи, о которой выше мы упоминали. Недавнее преобразованіе кіевскаго губернскаго управленія, — начавшаго дѣйствовать по новымъ основаніямъ съ начала текущаго года, — доказываетъ, что правительство думаетъ о лучшемъ, чѣмъ теперешнее, устройствѣ администраціи. Всѣ разъединенныя части губернскаго управленія нынѣ уже соединены въ Кіевѣ и часть судебная совершенно отдѣлена отъ административной: *восемнадцать* разныхъ категорій судебныхъ дѣлъ поступили изъ вѣдомства губернскаго правленія въ подлежащія судебныя мѣста. Правительственное распоряженіе это, хотя и

касающееся одной только мѣстности и являющееся въ свѣтъ какъ бы видѣ опыта, все-таки тѣмъ замѣчательно, что явно указываетъ на сознаніе правительствомъ необходимости преобразованій въ администраціи.

Въ послѣднихъ мѣсяцахъ прошлаго года мы читали извѣстіе, что по великимъ дѣламъ о взысканіяхъ будетъ введено у насъ *словесное судопроизводство*. Въ настоящемъ году, можетъ быть, мы увидимъ уже осуществленіе пылкихъ надеждъ на введеніе у насъ новаго порядка судопроизводства, надѣемся, что преобразованіе коснется не одного только гражданскаго процесса? Обереженіе чести и жизни всякаго гражданина, принадлежащее также суду, гораздо важнѣе, чѣмъ обереженіе имущества. Мы не думаемъ, чтобы препятствіемъ къ преобразованію уголовнаго процесса послужило мнѣніе, что нѣтъ будто бы людей у насъ, для образованія корпораціи адвокатовъ, — мы не думаемъ, чтобы мнѣніе это, допускающее мысль о полномъ у насъ недостаткѣ въ людяхъ просвѣщенныхъ и способныхъ дѣйствовать, подъ контролемъ общественнаго мнѣнія, перевѣсило соображенія о пользѣ учрежденія, испытаннаго въ другихъ государствахъ. Правильно организованный словесный судъ способствуетъ разумному воспитанію общественнаго мнѣнія, въ самомъ скоромъ времени онъ можетъ передать въ массу народа много здравыхъ понятій о правахъ и обязанностяхъ всякаго гражданина общества.

Еще въ прошломъ году были извѣстія, что въ морскомъ министерствѣ предпринимается уменьшеніе штатныхъ чиновниковъ и упрощеніе дѣлопроизводства, состоящее въ томъ, что исполненіе бумагъ будетъ возложено на непосредственную отвѣтственность начальствующихъ лицъ, которыя должны имѣть затѣмъ полную свободу въ выборѣ себѣ помощниковъ и писцовъ, не пользующихся правами государственной службы, но за то и не раздѣляющихъ законной отвѣтственности. Мѣра эта, какъ видно изъ высочайшаго указа 27 января сего года, уже утверждена законодательнымъ порядкомъ: Е. И. В. генералъ-адмиралу предоставлено, указомъ этимъ въ видахъ сокращенія административныхъ учрежденій морскаго вѣдомства и упрощенія въ нихъ порядка дѣлопроизводства, вводить постепенно во ввѣренномъ ему управленіи составленные вновь проэкты общаго образованія управленія морскимъ вѣдомствамъ и портоваго управленія—а по прошествіи пяти лѣтъ проэкты эти, исправленные по указаніямъ опыта, внести въ государственный совѣтъ.— Политико-Экономическій Указатель сообщалъ недавно, что въ Петербургѣ говорятъ о предположеніяхъ ввести мѣру уменьшенія штатныхъ чиновниковъ и упрощенія дѣлопроизводства и въ другихъ министерствахъ. Мѣра эта имѣетъ двѣ стороны: она отчасти можетъ

содѣйствовать улучшенію нашей администраціи: обширное развитіе формальностей нашего дѣлопроизводства, конечно, зависѣло тоже и отъ излишняго числа чиновниковъ (*). Съ другой стороны, упрощеніе дѣлопроизводства поведетъ къ тому, что многимъ чиновникамъ, оставшимся за штатами, придется пріискивать себѣ другой родъ занятій, что, конечно, будетъ не легко имъ на первый разъ.

Московскій Вѣстникъ, говоря о послѣдствіяхъ сокращенія штатовъ, указываетъ на мѣру, представляющую исходъ изъ того положенія, въ которое могутъ быть поставлены нѣкоторые изъ чиновниковъ, при уменьшеніи штатовъ по всѣмъ вѣдомствамъ. Мѣра эта, предложенная первоначально архангельскимъ губернаторомъ въ отношеніи тамошнихъ чиновниковъ, находящихся внѣ службы за излишествомъ отъ комплекта и за штрафами, состоитъ въ надѣлѣ каждаго семейства 60 десятинами земли изъ казенныхъ участковъ (въ Самарской, Тобольской и Архангельской губерніяхъ). «Конечно, — прибавляетъ упоминаемая нами газета, и при этомъ пособіи, тѣмъ, кто имъ воспользуется, предстоитъ много трудовъ и лишеній, ну, да какъ быть не все же работать надъ многотерпѣливою бумагою, можно потрудиться и надъ землею, которая за честный, разумный трудъ всегда хорошо вознаграждаетъ». Въ самомъ дѣлѣ, хорошо было бы, еслибъ остающіеся за штатомъ чиновники, обратились къ указанному выше исходу, т. е. къ земледѣльческому труду; — остается только вопросъ о способности и приготовленности каждаго уволеннаго чиновника къ подобному занятію. Извѣстно, что канцелярскій трудъ имѣетъ довольно мало общаго съ земледѣліемъ.

Но обратимся еще разъ къ вопросу о преобразованіи судебной части—по поводу помѣщеннаго въ 20 нумерѣ «Московскихъ Вѣдомостей» за нынѣшній годъ письма въ редакцію, въ которомъ разсказанъ замѣчательный юридическій случай. Мы считаемъ необходимымъ перепечатать вполнѣ это письмо, по тому особенно соображенію, что, можетъ быть, обширное оглашеніе въ публикѣ случая этого поможетъ освобожденію изъ острога несчастнаго человѣка, о которомъ идетъ рѣчь въ письмѣ, человѣка, по мнѣнію нашему, совершенно не виновнаго въ томъ дѣлѣ, за которое онъ содержится въ острогѣ *болѣе года*. Вотъ это письмо:

(*) Кстати напомнимъ здѣсь изданную въ прошломъ году въ Москвѣ книгу: «Руководство къ наглядному изученію административнаго теченія бумагъ въ Россіи», изъ которой видно, что бумага, поступившая въ земскій судъ, дѣлаетъ тамъ 26 разныхъ переходовъ, при поступленіи оттуда въ губернское правленіе ей предстоитъ 54 перехода, далѣе въ департаментѣ министерства 34, въ сенатѣ министерства 45, а всего 159 переходовъ, и то по движенію только впередъ!

«Зауральскій уѣздъ, 28 декабря 1859 г.

«Вотъ одинъ случай, по которому, при судѣ присяжныхъ, дѣло могло бы идти иначе, чѣмъ теперь. Въ Оренбургской губерніи между другими, населяющими ее народами, живутъ башкиры, составляя самое близкое сосѣдство крестьянъ помѣщичьихъ, заводскихъ, казенныхъ и оренбургскихъ козаковъ. Народъ этотъ раздѣляется на кантоны, управляемые выборными начальниками, занимаетъ мѣстность, самую богатую произведеніями царства минеральнаго и удобную для хлѣбопашества и скотоводства; оттого между башкирами много очень богатыхъ людей. Но нѣтъ правила безъ исключенія. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ кантона № 000 жители съ каждымъ годомъ становятся бѣднѣе и бѣднѣе. Это происходитъ отчасти отъ устройства ихъ быта, препятствующаго заняться какой либо промышленностію или хлѣбопашествомъ (*), отчасти отъ поборовъ съ нихъ въ давно минувшее время въ судахъ и при слѣдствіяхъ (**). Они издавна имѣютъ страсть къ воровству и конокрадству, а безпрерывные поборы съ нихъ въ старину, вмѣсто исправленія нравственности, окончательно сбили ихъ съ пути. Цѣлыя деревни начали заниматься воровствомъ. Такъ въ № 0000 особенно отличается конокрадствомъ деревня К—на въ ***омъ уѣздѣ; жители этой деревни угоняютъ цѣлыми десятками за одинъ разъ лошадей изъ табуновъ села —ки и передаютъ ихъ своимъ сообщникамъ въ отдаленныхъ мѣстахъ отъ того селенія или возвращаютъ пастухамъ наединѣ, въ лѣсу, за значительный выкупъ (за 10 и 15 р. сер.). Поймать мошенниковъ нѣтъ возможности никакому коммиссару или слѣдственному приставу: такъ хитро ведутъ конокрады свои дѣла. Въ 1858 году слишкомъ много проказничали К—цы; разъ человѣкъ 6 или 7 изъ нихъ въ темную ночь напали на крестьянскіе табуны и угнали лошадей до 8. Въ селѣ —кѣ существуетъ обычай, что крестьяне, составляя табуны, оцѣниваютъ своихъ лошадей и, при отдачѣ пастухамъ, съ оцѣночной суммы платятъ имъ извѣстный процентъ, до 3 копѣекъ съ рубля, а потомъ, въ случаѣ пропажи лошади, хозяинъ ея вознаграждается изъ мірскихъ денегъ, слѣдовавшихъ пастухамъ; потому пастухи, заинтересованные своимъ дѣломъ, стараются не прокараулить лошадей, но все-таки частенько башкиры успѣваютъ угонять косяки. При томъ ночномъ нападеніи, про которое разсказывается, къ счастію, или лучше, къ несчастію, одинъ изъ пастуховъ замѣтилъ кражу, услыхавъ плесканье воды въ озерѣ, у котораго кормился табунъ, бросился на первую попавшуюся ему лошадь и погнался въ слѣдъ за хищниками; проскакавъ верстъ 10,

(*) Башкиры отправляютъ военную службу и управляются военнымъ начальствомъ; нынѣ, какъ слышно, представлено уже предположеніе о передачѣ ихъ въ гражданское управленіе. И въ самомъ дѣлѣ, киргизы, народъ болѣе дикій, чѣмъ башкиры, управляются же гражданскими чиновниками.

(**) Хотя вообще между башкирами и много грамотныхъ, но нѣкоторые изъ нихъ учатся грамотѣ, чтобы попасть только въ начальники и обирать подчиненныхъ.

пастухъ нашелъ хищниковъ: они въ самомъ дикомъ глухомъ мѣстѣ, подъ горой, гдѣ, вѣроятно, съ вечера выжидали времени для нападенія, лежали около огня, отогрѣваясь послѣ подвига, а покраденныя лошади стояли заарканенныя вблизи. Пастухъ бросился прямо къ лошадямъ; башкиры, замѣтивъ, что пастухъ одинъ, окружили его и давай бить, а одинъ даже прицѣлился изъ ружья. Пастухъ, хотя и былъ мужикъ здоровый, сначала струсилъ, но отчаяніе придало ему храбрости, — уставленное ружье онъ схватилъ за дуло, вырвалъ его изъ рукъ башкира и пошелъ помахивать во всѣ стороны. Однакожь, все пастуху не сдобровать бы, если бы онъ не крикнулъ при этомъ: «эй, ребята, сюда! лови воровъ!» Башкиры, при такой отчаянной защитѣ и опасаясь подмоги, оставили пастуха и покраденныхъ лошадей, сѣли на своихъ коней и ускакали: пастухъ между тѣмъ успѣлъ хватить прикладомъ многихъ изъ нихъ, а одного даже чуть ли не положилъ на мѣстѣ и вошелъ въ такой азартъ, что совершенно въ безпамятствѣ бросился въ догонку за ворами, — послѣ чего очнулся уже въ какой-то деревнѣ, верстъ за 30 отъ того мѣста, совершенно избитый, гдѣ о всемъ случившемся предъявилъ начальству. Лошади, отвязанныя пастухомъ, въ это время успѣли возвратиться въ табунъ и на одной изъ нихъ даже оказалось сѣдло башкира, бывшаго въ товариществѣ съ тѣмъ, который повидимому легъ на мѣстѣ. Началось слѣдствіе; пастухъ при допросахъ разсказалъ подробно все случившееся съ нимъ; мѣсто побоища, по указанію его, нашли; но трупа башкира тамъ уже не было (предполагаютъ, что трупъ спрятали башкиры, чтобы запутать дѣло). Не знаю, чѣмъ рѣшится это дѣло, но вотъ уже болѣе года пастухъ сидитъ въ острогѣ, а дѣло его все еще не рѣшено.»

«Политико-Экономическій Указатель» говоритъ, что проэктъ новаго устава о *гильдіяхъ* уже отпечатанъ и скоро поступитъ на разсмотрѣніе податной коммиссіи. Въ этомъ короткомъ извѣстіи замѣчательны намъ показались слова: «проэктъ новаго устава о гильдіяхъ». Не значатъ ли эти слова, что раздѣленіе сословія купцовъ на гильдіи будетъ сохранено въ неприкосновенности?... Впрочемъ загадывать тутъ не приходится, а надо ждать появленія устава въ законодательной формѣ.

Здѣсь будетъ кстати привести разсказанный въ прибавленіяхъ къ «Харьковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ» случай, который хорошо указываетъ на то, какъ иногда получаются у насъ разные документы, дающіе право на торговлю.

Одинъ купецъ является въ уѣздное казначейство для взноса гильдейскихъ повинностей и полученія свидѣтельствъ: торговаго, табачнаго и на прикащика. Вотъ и подаетъ онъ казначею объявленіе, съ приложеніемъ удостовѣренія думы, паспорта прикащика и слѣдующихъ денегъ, а казначей, сосчитавъ деньги, просмотрѣвъ бумаги, говоритъ купцу: «смотри, что ты представляешь: срокъ паспорту

твоего прикащика оканчивается черезъ пятнадцать дней, значитъ и нельзя выдать ему на слѣдующій годъ свидѣтельства». На это купецъ смиреннѣйше замѣтилъ, что паспортъ будетъ перемѣненъ, что за прикащика относительно документовъ его отвѣчаетъ довѣряющій ему хозяинъ, и что входить въ разсмотрѣніе письменныхъ видовъ и слѣдить за сроками ихъ — есть дѣло полиціи. «Что ты тутъ еще разсуждаешь, возразилъ казначей, — тебѣ говорятъ — нельзя, такъ и не выдамъ». Купецъ переписалъ объявленіе, выключивъ, разумѣется, прикащика, и подалъ опять, приложивъ, вмѣсто 105 р. 15 к., какъ слѣдовало, ровно 106 р. Но казначею показалось мало лишнихъ 85 к. «Давай, говоритъ, — еще 15 коп.» — «Помилуйте, отвѣчаетъ купецъ, — тамъ и такъ....» — «Не разсуждать!...» восклицаетъ казначей — и, само собою разумѣется, купецъ уже не разсуждаетъ, а доплачиваетъ. «Не приведи Господи, заключаетъ купецъ свой разсказъ, — не приведи Господи попасть въ казначейство! Вотъ гдѣ мытарства-то: и казначею, и помощнику, и бухгалтеру, и журналисту, и помощнику бухгалтера, и помощнику журналиста все давай, да все проси, да все кланяйся.... А развѣ мало, правду сказать, и дѣла-то, развѣ это не трудъ: одному счесть деньги, другому достать бланкъ свидѣтельства, третьему подписать, четвертому написать, пятому записать, шестому выставить нумеръ....»

«Случай, скажутъ пожалуй, — мелочной, частный». Но мы думаемъ, что возможность такого частнаго случая зависитъ отъ многихъ общихъ причинъ. Одна изъ этихъ причинъ — крайняя неразвитость членовъ нашего торгующаго сословія, ставящая ихъ иногда въ чрезвычайно тягостную зависимость отъ самыхъ незначительныхъ обстоятельствъ: съ одной стороны, сами они не умѣютъ отъ недостатка образованія оберегать права свои, съ другой же, не понимая обязанностей своихъ въ отношеніи общества, торгуя и промышляя на основаніи завѣщаннаго дѣдами правила: «не солгать — не продать», — даютъ они своими дѣйствіями страшное противъ себя орудіе. Да! если бы наши купцы и мѣщане были развиты образованіемъ, если бы сильно сознавали свои права и обязанности, если-бъ хорошо понимали все, что потребно для нихъ въ извѣстную эпоху, — не очень-то можно было бы стѣснять и обирать ихъ.... А это сознаніе правъ и обязанностей, а это пониманіе потребностей, какую силу и какое единство давали бы они городскому сословію!...

Теперь же мы укажемъ на нѣсколько фактовъ, въ которыхъ хоть сколько нибудь выразилось сознаніе разныхъ недостатковъ общественаго управленія, задерживающихъ развитіе правильныхъ отношеній гражданской жизни.

Недавно въ «Самарскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 5, 30 января) нашли мы слѣдующее весьма интересное извѣстіе:

«Въ одномъ изъ общественныхъ собраній въ городской думѣ было очень серьёзное разсужденіе объ улучшеніи и преобразованіи общественнаго управленія и, какъ слышно, почти единогласно согласились ходатайствовать о введеніи въ нашемъ городскомъ управленіи порядка новаго общественнаго управленія въ С.-Петербургѣ.»

Мы придаемъ этому извѣстію особенное значеніе. Мысль самарскаго городскаго сословія просить объ устройствѣ въ Самарѣ общественнаго управленія на болѣе широкихъ основаніяхъ, существенно практична и разумна. Въ самомъ дѣлѣ, преобразованіе этого управленія совершенно необходимо. При настоящемъ его положеніи, значеніе городскаго общества въ отношеніи его собственныхъ дѣлъ и интересовъ такъ ничтожно, что чрезъ него общество это лишается возможности распоряжаться своими средствами, развивать свои силы и оберегать свои интересы. Законъ даетъ обществу нѣкоторую долю участія въ распоряженіи городскимъ имуществомъ и дозволяетъ ходатайствовать объ общественныхъ нуждахъ, — но въ сущности не оно распоряжается городскими суммами и имуществомъ, ибо не ему принадлежитъ опредѣленіе расходовъ, и при томъ оно не можетъ повѣрять дѣйствія своихъ представителей, завѣдывающихъ общественными дѣлами. Хотя говорится, что росписи городскихъ доходовъ и расходовъ составляются при участіи городскихъ депутатовъ, но въ дѣйствительности это бываетъ не такъ. Роспись составляется обыкновенно въ думѣ секретаремъ или какимъ нибудь вліятельнымъ писцомъ думы и все въ ней выводится, на основаніи приведеннаго въ систему счета доходовъ и расходовъ, заранѣе уже опредѣленныхъ прежними распоряженіями начальства. Роспись предъявляется обществу тогда лишь, когда предвидится недостача доходовъ для покрытія всѣхъ расходовъ и въ такомъ случаѣ оно обязано покрыть эту недостачу, что и дѣлается посредствомъ такъ называемой *добровольной раскладки*. Разсматривать же роспись, какъ слѣдуетъ, т. е. обсуждать правильность, необходимость и соразмѣрность съ доходами предположенныхъ расходовъ — городское общество не можетъ; за него все это дѣлаетъ губернское начальство. Статьею 88 устава городскаго хозяйства предоставляется депутатамъ городскихъ сословій разсматривать городскіе годовые отчеты, передъ представленіемъ ихъ въ казенную палату на ревизію, при чемъ эта статья объясняетъ, что разсмотрѣніе отчетовъ состоитъ «въ надлежащемъ учетѣ и повѣркѣ всѣхъ статей доходовъ и расходовъ городскихъ, а равно и бывшихъ на городскія повинности особенныхъ сборовъ.» Однако, для такого учета нѣтъ точ-

нымъ правилъ, поэтому онъ обыкновенно состоитъ только въ повѣркѣ того, что у насъ считается особенно важнымъ, т. е. въ повѣркѣ—соблюдены ли всѣ формальности. Въ законѣ не объясняется для чего такого производится этотъ учетъ, и вообще нѣтъ основанія думать, что депутаты дѣлаютъ его охотно и успѣшно; вѣдь могутъ же они сообразить о безполезности своей повѣрки въ такомъ дѣлѣ, которое сдѣлалось для нихъ совершенно посторонниимъ; роспись всегда утверждается губернскимъ правленіемъ, книги будетъ ревизовать казенная палата, такъ депутатамъ-то что ужь тутъ дѣлать? Обществу предоставлено право ходатайствованія о его нуждахъ, конечно, и это очень хорошее право, когда оно ведетъ къ удовлетворенію такого ходатайства; только на дѣлѣ-то не общество обыкновенно придумываетъ мѣры къ улучшенію и устройству городового быта. Правда, случается иногда, что общество и придумываетъ для себя что нибудь, только предположенія его, поступая въ губернское правленіе, остаются большей частію безъ особенныхъ послѣдствій.... Оно и лучше: вѣдь, начальство взялось предупреждать всѣ нужды и желанія городскихъ обществъ, такъ что же имъ-то самимъ хлопотать безъ толку?...

Все это довело городское общество до совершенно-неподвижнаго и крайне неловкаго положенія. Прибавьте къ этому невѣжество нашихъ такъ называемыхъ *гражданъ*, отъ котораго чуть ли не все зависитъ, все, что такъ невыносимо взору просвѣщеннаго и любящаго отечество человѣка: и этотъ мелочной эгоизмъ, руководствующій всѣми дѣлами, и эти понятія, дѣлающія изъ жизни гражданской и семейной, что-то необыкновенно грубое, дикое и безсмысленное; припомните кстати нелѣпое отчужденіе сословій другъ отъ друга, въ тѣсной средѣ города особенно ярко выдающееся отчужденіе, по которому часть городскихъ жителей: дворяне, такъ-называемые разночинцы и ремесленники, пользуясь удобствами жизни въ городѣ, ни сколько не участвуютъ въ трудахъ и обязанностяхъ городскаго управленія, не правда ли, что изъ всего этого составляется зрѣлище чрезвычайно неутѣшительное? Причинъ для отчужденія, про которое мы можемъ здѣсь говорить только мимоходомъ, такъ много, что и перечесть трудно: казалось бы, не должно ли было бы живущимъ въ городѣ дворянамъ, разночинцамъ и ремесленникамъ участвовать въ томъ, что относится до города вообще (напримѣръ, постойная повинность, распоряженіе землями и лѣсами, находящимися въ городскомъ выгонѣ), однако на дѣлѣ участіе ихъ ничѣмъ существеннымъ не проявляется и чрезъ это представляются они какими-то паразитами въ городскомъ обществѣ.

Правительство наше уже принимало мѣры къ построенію городского общества на другихъ началахъ. Такъ, въ Петербургѣ уже болѣе десяти лѣтъ преобразовано городское управленіе и въ него допущены представители всѣхъ вообще сословій въ городѣ. Были слухи, что и Одесса ходатайствуетъ тоже теперь объ устройствѣ своего общественнаго управленія по образцу петербургскаго. Чрезвычайно любопытно и поучительно было бы прослѣдить дѣятельность новаго городскаго управленія въ Петербургѣ и сравнить ее съ прежнею, дабы видѣть, насколько новыя формы улучшили способы обсужденія предметовъ городской администраціи и общественнаго хозяйства. Относительно же городскаго управленія въ Москвѣ, мы съ непріятнымъ чувствомъ узнали недавно слѣдующее обстоятельство: въ первой книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за нынѣшній годъ помѣщена прекрасная статья г. Булкина о московскихъ мѣщанахъ, въ которой ярко выставлена зависимость этихъ горемыкъ отъ разныхъ стѣсненій, и указана причина всего этого въ отчужденіи мѣщанскаго общества отъ купеческаго; значитъ, можно заключить, что московское городское управленіе не отличается широкимъ взглядомъ на свои обязанности къ обобщенію интересовъ всѣхъ городскихъ обывателей, безъ различія ихъ сословій. Впрочемъ, въ недавнее время учреждена, по распоряженію московскаго военнаго генералъ-губернатора, въ Москвѣ особая комиссія для составленія предположеній объ улучшеніи въ Москвѣ городскаго общественнаго управленія. Можетъ быть, эта комиссія и поведетъ къ лучшему устройству московскаго городского управленія, только мы увѣрены, что безъ сознанія самимъ обществомъ своихъ потребностей, правъ и обязанностей, всякая перестройка формъ въ общественномъ управленіи не много можетъ принести пользы.

Вообще объ этомъ важномъ предметѣ, т. е. о городскомъ хозяйствѣ и устройствѣ, у насъ существуютъ нѣсколько странныя понятія. Вотъ напримѣръ, въ Симбирскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ предложены слѣдующіе два вопроса:

«Не будетъ ли признано полезнымъ пересмотрѣть и дополнить, сообразно съ потребностями, нуждами и другими требованіями нынѣшняго времени, существующія уже для г. г. Симбирска, Карсуна и Буинска, городскія положенія, которыми эти города, въ извѣстныхъ случаяхъ, должны руководствоваться, и не послужитъ ли это, какъ и составленіе городскихъ положеній для прочихъ городовъ Симбирской губерніи, къ увеличенію городскихъ доходовъ?

«Изъ оцѣночной описи недвижимыхъ имуществъ г. Симбирска, составленной въ 1852 году, видно, что въ то время въ Симбирскѣ было

200 садовъ, а количество суммы по оцѣнкѣ ихъ простирается до 97.300 руб. сер. Въ настоящее время изъ всѣхъ владѣльцевъ садовъ не только многіе, но равнѣ нѣкоторые нанимаютъ для нихъ садовниковъ, знающихъ практически садоводство, а прочіе весь уходъ за садами принимаютъ на себя или ввѣряютъ простымъ, незнакомымъ съ садоводствомъ работникамъ, чѣмъ препятствуютъ развиваться садоводству и достигать у насъ этой отрасли сельскаго хозяйства до совершенства. По этому, не будетъ ли признано полезнымъ, при предстоящей оцѣнкѣ недвижимыхъ собственностей въ Симбирскѣ, оцѣнить отдѣльно сады и собирать съ каждаго по $^3/_4$ коп. или $^1/_2$ коп. сер., съ тою цѣлію, чтобы на деньги, полученныя отъ такого сбора, городъ имѣлъ возможность нанимать садовника, спеціально знающаго садоводство, котораго всякій изъ владѣльцевъ имѣлъ бы право приглашать къ себѣ и пользоваться его совѣтами и наставленіями? Эта мѣра доставитъ возможность владѣльцамъ улучшать сады и получать чрезъ то гораздо болѣе выгодъ, нежели сколько они получаютъ ихъ нынѣ, и кромѣ того она важна и для самаго города тѣмъ, что оцѣночная сумма садовъ, отъ улучшенія ихъ съ годами, будетъ становиться выше и выше, а съ увеличеніемъ ея будетъ увеличиваться и доходъ, собираемый городомъ съ недвижимыхъ имуществъ.»

Какъ видите, дѣло тутъ идетъ все объ усиленіи городскихъ доходовъ: для него-то предлагаются пересмотръ и дополненіе городовыхъ положеній, только оно одно и имѣется въ виду. А нѣтъ, что бы подумать о томъ въ чемъ именно состоятъ существенныя потребности и нужды нынѣшняго времени, сообразно съ которыми мѣстная газета предлагаетъ пересмотрѣть и дополнить городскія положенія. Вѣдь можно бы, кажется, безъ особеннаго труда замѣтить, что недостатки городскаго устройства и хозяйства, заключаются не въ томъ обстоятельствѣ, что доходы слабы, а совсѣмъ въ другомъ, почему бы не разсудить, что нужно бы городскому населенію имѣть побольше самостоятельной возможности заботиться о своихъ интересахъ и потребностяхъ, что не худо бы было порасширить его права контроля въ отношеніи распоряженія всякимъ городскимъ имуществомъ? Почему бы, напримѣръ, не подумать о такомъ же преобразованіи городскаго устройства и въ Симбирскѣ о какомъ думаютъ теперь въ Самарѣ? Хоть бы о томъ-то подумали, какъ получше распорядиться средствами, какіе дастъ усиленіе городскихъ доходовъ: навѣрное Симбирскъ гораздо больше нуждается во всякихъ школахъ, чѣмъ въ какомъ нибудь садовникѣ....

Въ иныхъ мѣстностяхъ уже не такъ узко и тупо понимаются общественныя потребности. Приводимъ въ примѣръ слѣдующую замѣтку, напечатанную въ Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ:

«Всѣмъ извѣстно, что Саратовъ — одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ въ Россіи. Общественный капиталъ его, неимѣющій никакого назна-

ченія, составляетъ относительно огромную цифру, какъ что въ иной годъ, когда не предстоитъ особенныхъ издержекъ по городу, онъ равняется милліону и болѣе. Деньги эти до сихъ поръ хранились, для приращенія процентами, въ саратовскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія и въ другихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, и одними процентовъ получалась значительная сумма. Что же теперь хотятъ дѣлать съ этими деньгами, когда нѣтъ болѣе депозитныхъ мѣстъ и не откуда получать процентовъ? Гдѣ саратовскіе жители могутъ дѣлать займы, какъ дѣлали ихъ прежде въ приказѣ? Куда они наконецъ будутъ отдавать свои деньги, если у нихъ, по волѣ судебъ, окажутся онѣ въ карманѣ (а вѣдь изъ приказовъ придется ихъ взять)? Остается одинъ спасительный выходу: просить у правительства разрѣшенія открыть въ Саратовѣ общественный банкъ, въ который и поступятъ деньги, принадлежащія городу.... Это учрежденіе одно способно оживить торговлю Саратова и принести ему и всѣмъ сословіямъ неисчислимыя выгоды.»

Въ этихъ же Вѣдомостяхъ извѣщаютъ, что при тамошнемъ купеческомъ собраніи устроиваются коммерческія бесѣды. Къ сожалѣнію цѣль этихъ бесѣдъ не обозначена яснѣе, но во всякомъ случаѣ мы заносимъ извѣстіе о нихъ въ нашу лѣтопись, какъ фактъ, указывающій на проявленіе потребности обмѣниваться мыслями насчетъ общественнаго дѣла.

Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о Кишиневскихъ городскихъ выборахъ. Кишиневскіе *граждане*,—пишетъ корреспондентъ «Одесскаго Вѣстника», — настояли на избраніи въ городскіе головы г. Минко, который отказывался настойчиво тоже отъ этой должности, кажется, вслѣдствіе того, что потерпѣлъ непріятности на службѣ (особенно за исправленіе фонтана, говоритъ корреспондентъ). Вообще на твердость и опытность г. Минко надѣются и думаютъ, что онъ съумѣетъ направить городское сословіе къ должному порядку и благосостоянію (*). Замѣчательны слова городскаго общества, сказанныя имъ г. Минко и какому-то офиціальному лицу, бывшему при выборахъ: «мы желаемъ выбрать тѣхъ лицъ, которыя сами не желаютъ быть избранными, а не тѣхъ, которыя домогаются избранія.» Корреспондентъ «Одесскаго Вѣстника» находитъ высказанную въ этихъ словахъ мысль прекрасною и желаетъ, чтобы она послужила основою всякихъ выборовъ, въ особенности дворянскихъ, гдѣ кандидатовъ на должности земскихъ начальниковъ около пятидесяти. Можетъ быть, г. корреспондентъ и правъ нѣсколько въ настоящее время и въ отношеніи той мѣстности, откуда онъ сообщаетъ извѣстія, но самую мысль объ уклоненіи отъ

(*) Кстати здѣсь сказать, что на гражданахъ г. Кишинева, гдѣ вообще считается до 97,000 человѣкъ жителей, — накопилось разной недоимки и долгу до 300,000 руб. сер.

общественныхъ должностей, зависящихъ отъ выборовъ, мы считаемъ въ высшей степени несправедливою. Мы думаемъ чрезвычайно высоко о чести служить обществу по его избранію; конечно, служить не такъ, какъ теперь служатъ у насъ большею частію....

Эту часть обозрѣнія нашего мы закончимъ сообщеніемъ важнаго правительственнаго распоряженія, касающагося городовъ Новороссійскаго края.

«Государь Императоръ, Высочайше повелѣть соизволилъ, собственно для городовъ Новороссійскаго края, постановить по строительной части слѣдующія правила: 1) Разрѣшеніе и производство общественныхъ и городскихъ работъ съ правомъ избранія и техниковъ для оныхъ, предоставить городскимъ думамъ, въ мѣрѣ имѣющихся въ распоряженіи ихъ денежныхъ способовъ, на сумму до десяти тысячъ рублей. 2) Проекты и смѣты, на сумму свыше 10,000 р., должны быть утверждаемы установленнымъ порядкомъ, а самое исполненіе работъ и избраніе техника вольнаго, или изъ числа мѣстныхъ служащихъ, предоставить власти начальника губерніи, подъ главнымъ наблюденіемъ генералъ-губернатора. 3) Въ обоихъ вышеизложенныхъ случаяхъ вольные техники должны удовлетворять условіямъ въ ст. 195 уст. стр. постановленнымъ. 4) Работы портовыя и другія значительныя сооруженія, имѣющія значеніе не для одного города, но для торговли и промышленности цѣлаго края, могутъ быть исполняемы лишь по проэктамъ и смѣтамъ, утвержденнымъ главнымъ управленіемъ путей сообщенія и публичныхъ зданій, съ назначеніемъ для производства работъ техниковъ отъ сего управленія, а для хозяйственныхъ распоряженій — особыхъ мѣстныхъ комитетовъ или членовъ, подъ высшимъ вѣдѣніемъ того же управленія состоящихъ, и 5) Общественныя работы сельскихъ и другихъ обществъ оставить на прежнемъ основаніи.

Заключимъ наши замѣтки коротенькимъ разсказомъ о дѣятельности нашихъ обществъ сельскаго хозяйства.

Старѣйшее изъ русскихъ обществъ сельскаго хозяйства, Вольно-экономическое предлагаетъ на конкурсъ 1860—61 года, двѣ весьма важныя задачи: о *вольномъ трудѣ* и о *земскихъ и земледѣльческихъ банкахъ*. Скажемъ здѣсь мимоходомъ, что первая задача обращала на себя вниманіе Вольно-экономическаго общества еще при началѣ его существованія, именно въ 1767 г. Само собою разумѣется, какъ бы ни было удовлетворительно для тогдашняго времени рѣшеніе этого вопроса, оно не могло еще вызвать за собою практическаго примѣненія къ дѣлу (*). Впрочемъ, поднятіе подобнаго вопроса

(*) Въ послѣднее время явилось нѣсколько любопытныхъ извѣстій объ опытахъ замѣненія обязательнаго труда вольно-наемнымъ, извѣстія эти вызвали тоже нѣсколько замѣчаній. Мы составимъ, для одного изъ слѣдующихъ обозрѣній, сводъ изъ всѣхъ этихъ извѣстій и замѣчаній.

въ то темное время само по себѣ весьма замѣчательно. Жаль, что мы не знакомы съ исторіей Вольно-экономическаго общества: любопытно было бы узнать — между первоначальнымъ поднятіемъ вопроса о вольно-наемномъ трудѣ и нынѣшней задачею обсуждался ли вопросъ этотъ хоть сколько нибудь серьёзно, какъ въ собраніяхъ общества, такъ и въ изданіяхъ его. Нынѣ общество желаетъ получить сочиненіе о вольномъ трудѣ преимущественно практическое, предметомъ котораго должны быть дѣйствительная жизнь и анализъ ея явленій. — Дѣятельность Вольно-экономическаго общества за послѣдніе годы возбуждала много замѣчаній не въ пользу ея; но мы не обратимся теперь къ этимъ замѣчаніямъ, ибо находимъ, что есть уже поворотъ къ болѣе удовлетворительной дѣятельности: упомянутыя нами двѣ задачи, предметъ которыхъ имѣетъ такое важное значеніе для современныхъ условій сельскаго хозяйства въ Россіи, учреждаемая въ текущемъ году въ Петербургѣ огромная выставка произведеній сельскаго хозяйства и промышленности, опыты на фермѣ общества надъ приложеніемъ пара въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ движущей силы, — все это указываетъ, что общество начинаетъ смотрѣть шире на задачу своего существованія.

Для того, чтобы наши общества сельскаго хозяйства могли принести дѣлу существенную пользу, надо имъ разстаться чуть ли не со всѣми пріемами своихъ занятій. Мы думаемъ, что главная причина неуспѣшности дѣйствій этихъ обществъ заключалась въ бюрократическомъ ихъ устройствѣ, съ начальниками, подчиненными и со многимъ множествомъ формальностей. Къ тому же недоставало надлежащей свободы мнѣній, а безъ этого можно ли было относиться къ главнымъ условіямъ сельскаго хозяйства и промышленности, къ тѣмъ сторонамъ народной жизни, гдѣ заключались эти условія, гдѣ въ мрачномъ застоѣ жили причины: недостаточной производительности земли и труда надъ нею, великой бѣдности и тѣсноты жизни земледѣльческаго населенія, и еще большей умственной и нравственной неразвитости всего народа. Какъ только устанавливаются въ обществѣ экономическія условія жизни, — является и потребность обсужденія, направленія ихъ; значитъ, общества сельскаго хозяйства, и безъ подражанія подобнымъ учрежденіямъ иноземнымъ, были совершенно умѣстны у насъ и, конечно, могли бы принести существенную пользу. Но лишенныя свободы мнѣній, они сдѣлались бюрократическими учрежденіями, а съ тѣмъ вмѣстѣ попали на ложный путь, занялись мелочами, потеряли настоящую цѣль. Не отдавая уже себѣ отчета объ истинномъ значеніи, стали толковать о содѣйствіи успѣхамъ сельскаго хозяйства. При такомъ положеніи дѣлъ, понятія чрезвычайно быстро спутались и искази-

лись. Явилось, напримѣръ, вѣковѣчное мнѣніе о совершенной, исключительной необходимости разведенія у насъ картофеля и *вопросъ* объ этомъ тотчасъ же сталъ на первомъ планѣ.... По временамъ, съ нѣкоторымъ ожесточеніемъ, начинаютъ толковать у насъ о разведеніи улучшенныхъ породъ рогатаго скота: конечно, дѣло это — весьма хорошее, но надо бы напередъ позаботиться о томъ, чтобы скотъ этотъ могъ существовать въ нашемъ обильномъ прекрасными пастбищами отечествѣ — вѣдь чума-то производитъ у насъ такія опустошенія, при которыхъ немногимъ пойдутъ въ голову дорого стоющія улучшенія; тутъ только о томъ и думается, какъ бы уберечь хоть на нѣсколько лѣтъ какой нибудь скотъ простыхъ породъ.

Но перейдемъ однако къ обозрѣнію дѣятельности въ настоящее время нѣкоторыхъ обществъ сельскаго хозяйства, о которыхъ извѣстія нашли мы въ періодическихъ изданіяхъ.

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за нынѣшній годъ помѣщено извѣстіе о лѣтнемъ съѣздѣ Общества сельскаго хозяйства юго-восточной Россіи, на которомъ была прочитана «записка» о первомъ дѣсятилѣтіи существованія общества. Документъ этотъ кажется намъ весьма любопытнымъ, мы разсмотримъ его съ нѣкоторою подробностью.

По словамъ «Записки», «члены общества обратили вниманіе на всѣ главные вопросы, возбуждаемые хозяйствомъ юговосточной Россіи. Занятія членовъ были подчинены одной системѣ и строгой послѣдовательности. Особенность ихъ составляли: стремленіе къ отысканію и усовершенствованію всего своего, туземнаго, умѣренію неумѣстнаго подражанія, облегченію сбыта и размноженію племенныхъ животныхъ. Кромѣ того — прибавляетъ «Записка» — въ засѣданіяхъ Общества нѣсколько разъ было разсуждаемо объ устройствѣ сельскаго труда на новыхъ, справедливыхъ основаніяхъ, и о составленіи изъ дворянъ и крестьянъ одного земледѣльческаго сословія, предназначеннаго для храненія и развитія двухъ силъ: военной и земледѣльческой».

Вообще мы находимъ черезчуръ уже горделивымъ увѣреніе, что Общество сельскаго хозяйства юговосточной Россіи обратило вниманіе на *всѣ главные вопросы*, возбуждаемые хозяйствомъ этого края; спеціальныя цѣли Общества, о которыхъ «Записка» тутъ же упоминаетъ: «разведеніе деревъ орѣховой породы, приготовленіе сидра изъ яблоковъ и спирта изъ лѣсныхъ плодовъ, усовершенствованіе трехпольной системы черезъ правильную послѣдовательность яровыхъ посѣвовъ и чрезъ кошеніе ихъ зелеными взамѣнъ искусственныхъ луговъ, и удобреніе посредствомъ подвижныхъ за-

городокъ, отдыховъ и приведенія въ правильность настоящаго»—показываютъ очень ясно, что занятія Общества имѣли характеръ по преимуществу частный и даже мелочной, особенно если вспомнить о тѣхъ предметахъ, на обсужденіе которыхъ реформа крѣпостныхъ отношеній вызываетъ всѣхъ и каждаго изъ мыслящихъ людей нашего отечества. Правда, «Записка» говоритъ, что въ засѣданіяхъ Общества нѣсколько разъ было разсуждаемо объ устройствѣ сельскаго труда на новыхъ, справедливыхъ основаніяхъ, — но нашъ страннымъ показалось, что о сущности этихъ разсужденій, объ устройствѣ сельскаго труда ровно ничего не сказано въ «Запискѣ», а между тѣмъ про эти разсужденія было бы гораздо интереснѣе узнать, чѣмъ про *спеціальныя цѣли* Общества. Но особенно страннымъ показалась намъ вторая половина фразы «Записки», въ которой говорится о составленіи изъ дворянъ и крестьянъ одного земледѣльческаго сословія, *предназначеннаго для развитія двухъ силъ: военной и земледѣльческой*. Мы вполнѣ сочувствуемъ стремленію основать изъ дворянъ и крестьянъ одно земледѣльческое сословіе, но къ чему же тутъ примѣшались военныя-то цѣли? Война—не нормальное состояніе общества, плодъ злобы и несправедливости международныхъ и общечеловѣческихъ отношеній: зачѣмъ же войнѣ входить въ разсчетъ, когда дѣло идетъ о правильномъ развитіи силъ общественныхъ? Какъ не понять того по крайней мѣрѣ, что сельское хозяйство должно преимущественно внушать мысли о мирѣ и обо всѣхъ благахъ, съ нимъ сопряженныхъ? Какое еще странное смѣшеніе понятій можно у насъ встрѣтить! (*)

Нѣтъ, громкія фразы не удовлетворяютъ насъ, — за ними всего скорѣе увидишь ничтожность результатовъ труда, основаннаго не на свободномъ пониманіи условій общественной жизни. Намъ больше по душѣ отчетъ о дѣятельности Смоленскаго общества сельскаго хозяйства. Прежде всего хорошо рекомендуетъ его уже то, что оно придаетъ гласность протоколамъ своихъ засѣданій, запискамъ членовъ и т. п. Чтобы охарактеризовать дѣятельность этого обще-

(*) Слѣдующее мѣсто изъ помѣщеннаго въ 44-мъ № «Московскихъ Вѣдомостей» письма г. Л. указываетъ, какъ нельзя лучше, что не слѣдовало бы Юго-восточному обществу сельскаго хозяйства особенно хвалиться прошлой своею дѣятельностію: «Юговосточное общество сельскаго хозяйства въ *скоромъ времени* будетъ жить и работать. Почтенный президентъ его П. Т. Морозовъ ждетъ только разрѣшенія крестьянскаго вопроса, чтобы направить дѣятельность его положительно на пользу края. Съ будущаго года думаетъ онъ издавать журналъ сельскій и участить собранія членовъ общества, а главное оставить ту формальность, которая сковывала доселѣ его дѣятельность. Правду сказать, это общество не великую лепту вложило въ общую хранительницу дѣльнаго, но этого не воротишь.—Увидимъ, что будетъ». Значитъ, общество это только еще собирается дѣло дѣлать.

ства, мы приведемъ только два рѣшенія, принятыя членами его въ засѣданіи 21 декабря. Первымъ изъ рѣшеній всѣ члены общества приглашаются присылать подробныя статистическія и хозяйственныя замѣтки о своихъ имѣніяхъ, съ тѣмъ, чтобы въ общихъ засѣданіяхъ, — на которыя допускаются и посторонніе посѣтители, — были обсуждаемы общіе недостатки въ хозяйственномъ быту губерніи, и принимаемы мѣры къ устраненію ихъ. Вторымъ рѣшеніемъ положено: немедленно приступить къ составленію пространнаго народнаго учебника сельскаго хозяйства, примѣняясь къ особенностямъ и нуждамъ мѣстности для употребленія его въ сельскихъ школахъ. Это послѣднее рѣшеніе особенно важно, и можетъ имѣть значительные результаты и не для одной Смоленской губерніи.

20 декабря открыто Общество сельскаго хозяйства и въ Симбирскѣ. Объ немъ сказать было бы нечего, такъ какъ дѣятельность его еще не начиналась, — еслибы, при открытіи его, не была произнесена тамошнимъ губернаторомъ Извѣковымъ рѣчь, изъ которой мы и приводимъ слѣдующія слова (*): «Дѣйствія общества, по мнѣнію моему, должны начаться устройствомъ образцовой фермы, а прочіе предметы сельскаго хозяйства, хотя и вполнѣ опредѣлены настоящимъ уставомъ, но до разрѣшенія крестьянскаго вопроса и опредѣленія основаній переходнаго времени, а слѣдовательно до совершеннаго прекращенія крѣпостныхъ и даже обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, невозможно до начала и развитія вольнаго труда предвидѣть, съ чего должны начаться занятія и дѣйствія ваши и можно только ограничиться приготовительными мѣрами». Если губернаторъ Извѣковъ принадлежитъ къ членамъ Симбирскаго общества сельскаго хозяйства, то, конечно, рѣчь его, заключающая въ себѣ наставленія, съ чего начать обществу свои дѣйствія, чѣмъ заниматься и чѣмъ не заниматься, была умѣстна.

Окончимъ краткій обзоръ дѣятельности за послѣднее время нашихъ обществъ сельскаго хозяйства указаніемъ на плодотворную дѣятельность Варшавско-земледѣльческаго общества, основаннаго въ 1858 г. и уже оказавшаго благодѣтельное вліяніе на развитіе земледѣльческаго направленія (**). «Соединить отдѣльныя стремленія въ улучшеніи земледѣлія въ одно стройное цѣлое для пользы общей и благосостоянія края» — вотъ основная идея общества. Каждое собраніе его служитъ новымъ доказательствомъ его неутомимой и полезной дѣятельности. Число членовъ въ 1858 году простиралось до 1,466 человѣкъ, въ прошломъ году было представлено

(*) «Симбирскія Губернскія Вѣдомости», № 2, 3 января.

(**) Свѣдѣнія объ этомъ предметѣ мы извлекаемъ изъ «Виленскаго Вѣстника» и «Политико-Экономическаго Указателя».

кандидатовъ 988, изъ которыхъ избрано въ члены 814. Капиталъ общества состоитъ изъ 36,000 руб. сер. Эта цифра доказываетъ готовность служить общей пользѣ не только словомъ, но и дѣломъ. Общество обезпечено средствами и имѣетъ возможность поощрять людей, желающихъ трудиться для развитія земледѣльческой промышленности. 1 декабря (н. с.) прошлаго года открыта въ Варшавѣ обществомъ химическая лабораторія для производства опытовъ, касающихся сельскаго хозяйства. Кто хочетъ заниматься въ ней, тотъ можетъ обратиться къ управляющему ею, и объяснить ему цѣль опыта, который нужно произвести. Управляющій тотчасъ же сдѣлаетъ распоряженіе о выдачѣ посѣтителю снарядовъ и всего необходимаго для производства опыта, если этотъ опытъ дѣйствительно касается какого нибудь вопроса изъ сельскаго хозяйства. Слышно, что предсѣдатель общества и учредитель компаніи пароходства на Вислѣ, графъ Андрей Замойскій, намѣренъ выстроить образцовый домъ для рабочихъ людей машиннаго завода. Такимъ образомъ труженики эти будутъ имѣть дешевую квартиру, дешевый общій столъ, и для нихъ будутъ устроены особая прачешная, баня и все, необходимое для здоровья и чистоты тѣла. Слышно также, что помѣщики Плоцкой губерніи, Млавскаго уѣзда, составили общество осушенія болотъ близъ прусской границы, на пространствѣ 50 верстъ. Подобное же общество составили помѣщики Ковельскаго округа Варшавской губерніи; равно какъ и въ Калишѣ двое помѣщиковъ предложили свою фирму и имущество на такое же предпріятіе. Вообще въ Царствѣ Польскомъ замѣтно сильное и разумное движеніе къ улучшенію сельскаго хозяйства, промышленности и торговли,—для этого не жалѣютъ ни трудовъ, ни издержекъ. Такъ многіе изъ землевладѣльцевъ, терпѣвшіе большія потери отъ измѣненій русла Вислы, принялись, при пособіи правительства, сыпать по берегамъ этой рѣки валы, которыхъ уже и насыпано на 189 верстъ. Кромѣ того въ Варшавѣ учрежденъ комитетъ для изслѣдованія судоходныхъ рѣкъ Царства Польскаго и очищенія ихъ русла. Кстати упомянемъ здѣсь, что въ послѣднее время въ Царствѣ Польскомъ пошли входъ паровыя мѣльницы и что шоссейныя дороги Царства съ 1 сентября 1859 г. приняты въ шестимѣсячное содержаніе компаніею землевладѣльцевъ.

Вотъ дѣятельность, которая не можетъ не принести самыхъ благотворныхъ послѣдствій для всего общества. Вотъ дѣятельность, которую мы считали долгомъ своимъ указать нашимъ землевладѣльцамъ, какъ примѣръ разумнаго пониманія своихъ интересовъ, потребностей общественныхъ и гражданскихъ обязанностей.

СВИСТОКЪ

Собраніе литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ.

1

НАУКА И СВИСТОПЛЯСКА

ИЛИ

КАКЪ АУКНЕТСЯ, ТАКЪ И ОТКЛИКНЕТСЯ.

(Разсказъ въ стихахъ и прозѣ, со свистомъ и пляскою.)

Тишъ Тишычъ. Настасья! Смѣетъ меня кто обидѣть?

Настасья Панкратьевна. Никто, батюшка Китъ Китычъ, не смѣетъ васъ обидѣть. Вы сами всякаго обидите.

ОСТРОВСКІЙ.

1.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

«Свистокъ умеръ! Свистокъ кончилъ свое земное странствіе! Такъ и должно было ожидать, ибо, не признавая ничего возвышеннаго въ мірѣ, жить долго невозможно.»

Такіе слухи и мнѣнія давно уже ходили по Россіи и особенно усилились съ начала великаго поста, когда съ закрытіемъ театровъ и прекращеніемъ баловъ, образованному обществу рѣшительно нечего дѣлать, кромѣ какъ только сплетничать. Мы долго и упорно молчали, но наконецъ рѣшаемся протестовать. Прискорбно, конечно, объявлять, что я, дескать, живъ, и, сколько мы помнимъ, въ русской литературѣ только Алексѣю Дмитріевичу Галахову пришлось однажды сдѣлать такое объявленіе (*). Но что дѣлать? Извѣстно, что неблагонамѣренные слухи могутъ доводить людей до отчаянныхъ выходокъ. И мы предупреждаемъ, что если слухи о смерти «Свистка» не прекратятся, то мы послѣдуемъ примѣру санктпетербургской полиціи, объявившей недавно въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 54), чтобъ никто не вѣрилъ ложнымъ слухамъ о дочери г. Вебера. Вообще считаемъ небезполезнымъ объявить, что мы жизнь свою дешево не продадимъ!!

Мы впрочемъ и теперь не вышли бы въ свѣтъ, еслибъ не вызывало насъ особое обстоятельство. Мы не очень гонимся за тѣмъ, чтобы безпрестанно быть на выставкѣ, и очень радуемся, видя, что наше дѣло, то есть забава читателей, исполняется не безъ успѣха другими. Съ нашей легкой руки «Свистокъ» подъ разными названіями появился во всѣхъ русскихъ журналахъ, даже наиболѣе похожихъ на «Revue des deux Mondes», которымъ такъ кололи намъ глаза. Такъ, напримѣръ, въ «Отечеств. Запискахъ», съ которыхъ еще очень недавно снятъ эпиграфъ: «beatae plane aures», и пр., появилась въ концѣ прошлаго года весьма юмористическая статья г. Буслаева «О древне-русской бородѣ»; а въ «Русскомъ Вѣстникѣ» недавно напечатана статья г. Ржевскаго «О мѣрахъ, содѣйствующихъ развитію пролетаріата», до того родственная со «Свистком», что у г. Лиліеншвагера оказалось нѣсколько стихотвореній, почти буквально сходныхъ съ нѣкоторыми ея мѣстами. А сколько свисту было Петербургѣ, когда г. Серно-Соловьевичъ ораторствовалъ, а Е. И. Ламанскій приказывалъ всѣмъ молчать! А на желѣзныхъ-то дорогахъ сколько свисту!... Свистокъ рѣшительно вошелъ въ нравы, — и не только русскіе, но даже французскіе, ибо и въ главномъ обществѣ желѣзныхъ дорогъ акціонеры, директоры и инженеры свистали, можно сказать, взапуски.... Видя такое всеобщее рвеніе къ свисту, мы уже и не считали нужнымъ утруждать себя для обще-

(*) См. Отеч. Зап. 1849 г. № 2, Смѣсь, стр. 240. «А. А. Галаховъ живъ и здравствуетъ въ Москвѣ, дѣятельно работая надъ своими хрестоматіями, которыя пріобрѣли теперь повсюдную заслуженную извѣстность и приняты въ руководство въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ.»

ственнаго блага. Но случилось обстоятельство, разлившее въ насъ именно то душевное довольство, при которомъ свищется само собою, умильно и весело. Обстоятельство было вотъ какое.

До сихъ поръ солидные люди насъ знать не хотѣли, или, говоря любимымъ словомъ нѣкоторыхъ ученыхъ, — «*игнорировали*», и это чрезвычайно насъ безпокоило. «Что же это въ самомъ дѣлѣ, думали мы: — развѣ мы не стоимъ никакого вниманія? Ну, положимъ, я дуренъ; такъ и скажи, что я дуренъ, а не молчи! Вѣдь писали же въ «Атенеѣ» нѣсколько статей о сухихъ туманахъ; что жъ, мы развѣ хуже сухихъ тумановъ?» Но молчаніе о насъ продолжалось невозмутимое; даже Гарибальди не прислалъ (какъ мы ожидали) протеста на наши «Австрійскія Стихотворенія». Впрочемъ Гарибальди мы еще извиняли: какъ хорошій знакомый г. Берга (смотри объ этомъ въ письмахъ г. Берга, Русск. Вѣст. № 14), онъ вѣроятно слѣдитъ за русской литературой болѣе по «Русскому Вѣстнику», да и тамъ, послѣ переводовъ г. Берга, всего больше читаетъ статьи и стихотворенія семейства Павловыхъ..... Но пренебреженіе русскихъ ученыхъ насъ очень безпокоило. Мысль привлечь ихъ вниманіе все болѣе овладѣвала нами, а одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ дошелъ даже до того, что заключилъ мечту всей своей жизни въ томъ, чтобы увидѣть о «Свистѣ» печатный отзывъ профессора *Леонтьева*! Какъ мы ни увѣряли нашего сотрудника, что г. Леонтьевъ, по однимъ уже строгимъ и классическимъ отношеніямъ своимъ къ университету, долженъ удалять отъ себя всякую мысль о свистѣ, — ничто не помогало; мысль видѣть въ печати отзывъ г. Леонтьева о «Свисткѣ» долго мучила нашего друга, и едва могъ онъ утѣшиться извѣстіемъ, что о «Свисткѣ» говорятъ даже за границей. Впрочемъ, мы сознаемся, это уже была крайность, нѣчто болѣзненное — mania leontiana. Мы не доходили до такой степени и охотно бы удовольствовались, еслибъ увидѣли, что заслужили вниманіе напр. хотъ г. Рачинскаго, столь знаменитаго своею критикою стихотвореній г. Майкова (справьтесь пожалуйста въ Рус. Вѣстн. 1858 г. № 10). Если же заговорилъ бы о насъ г. Бунге, г. Горлевъ и вообще кто нибудь изъ ученой *публики*, дававшей недавно обѣдъ балтійскому экономисту Густаву де Молинари, — нашему счастью предѣловъ бы не было..... Но нѣтъ, наши ученые рѣшительно продолжали насъ «игнорировать». Они вспоминали скорѣе о предметахъ самыхъ отдаленныхъ, нежели о насъ. Напримѣръ, г. Утинъ, говоря во вступительной лекціи (см. въ Отеч. Зап. № I) о началѣ государственной жизни у разныхъ народовъ, ухитрился привесть латинскую цитату изъ Тацита о государственной жизни германцевъ, а не потрудился поискать свидѣтельства въ

«Свисткѣ». Еще недавно г. академикъ Гротъ, выражая въ «Спб. Вѣдомостяхъ» свое удовольствіе отъ перваго литературнаго вечера въ пассажѣ, вдругъ заговорилъ собственными стихами о томъ,

Какъ струны *Брага* запоютъ.

Брагга этого онъ называетъ «скандинавскимъ Аполлономъ». Но скажите на милость, неужели «Свистокъ» не ближе къ литературнымъ чтеніямъ, нежели какой-то скандинавскій Аполлонъ?... О «Свисткѣ» слѣдовало бы тутъ упомянуть уже и потому, что стихотвореніе «Нива», безпрерывно читаемое г. Майковымъ въ пользу нуждающихся литераторовъ, было отчасти помѣщено въ «Свисткѣ», — правда, въ извлеченіи, но за то съ весьма энергическимъ послѣднимъ стихомъ. И однако же — о Браггѣ повѣдано русской публикѣ устами почтеннаго академика, а о «Свисткѣ» ничего не сказано! Мы ужасно оторчились, и въ горѣ своемъ рады были даже г. Бестужеву-Рюмину, косвенно объяснившему намъ въ «Отеч. Запискахъ» (1859 г. № XI) все неприличіе «Свистка». Въ награду за такое вниманіе, мы было-рѣшились даже, при первомъ удобномъ случаѣ, произвести его въ великіе ученые.

И вдругъ, что же открывается? Открывается, что вся игнорація ученыхъ была въ этомъ случаѣ фальшивая, совершенно такъ, какъ въ большинствѣ другихъ случаевъ бываетъ фальшива ихъ эрудиція. Они зорко слѣдили за «Свистомъ» и очень хорошо знали, что это такое, но «диссимулировали» свое знаніе (*). Открылась эта диссимуляція, — благодаря изслѣдованіямъ г. Костомарова о началѣ Руси. Само собою разумѣется, что самъ г. Костомаровъ не предполагалъ такихъ результатовъ отъ своихъ изслѣдованій о варягахъ. Но такова уже участь великихъ открытій, что они дѣлаются случайно. Очень вѣроятно, что и г. Чичеринъ, работая надъ своей диссертаціей о русскихъ областныхъ учрежденіяхъ XVII в., не предполагалъ, что диссертація эта поведетъ къ открытію слабости профессора Крылова и силы профессора Леонтьева въ латинскихъ склоне-

(*) Диссимулировать — dissimulare — значитъ притворно отрицать чувство или мысль, которыя дѣйствительно въ насъ существуютъ. А есть, другое слово, симулировать, — simulare, такъ то значитъ — притворно показывать въ себѣ то, чего нѣтъ въ самомъ дѣлѣ. Для удобнѣйшаго сбиванія въ различеніи этихъ словъ есть стихъ, который я всегда перевиралъ, но наконецъ запомнилъ, потому что профессоръ латинской словесности въ теченіе курса повторилъ его мнѣ 23 раза. Вотъ этотъ стихъ:

Simulantur quae non sunt, quae sunt vero — dissimulantur

Примѣчаніе сотрудника, добивающагося отдѣла отъ г. Леонтьева.

ніяхъ; а вышло такъ. Тоже самое случилось и теперь. Впрочемъ разскажемъ все по порядку, и теперь ужь безъ отступленій.

Въ то самое время, какъ г. Костомаровъ печаталъ въ «Современникѣ» статью о Руси-*литовской*, г. Погодинъ издалъ книжку о *норманскомъ* періодѣ русской исторіи. При разборѣ этой книжки, въ «Современникѣ» съ обычною скромностію замѣчено было, что новый взглядъ, отвергающій норманство, долженъ возбудить новыя хлопоты со стороны г. Погодина, который вотъ ужь лѣтъ пятнадцать побѣдоносно почилъ на норманскомъ вопросѣ, точно въ Валгаллѣ, окруженный Валкиріями въ образѣ гг. Устрялова, Касторскаго, Зернина, и пр. Предположеніе «Современника» оправдалось: г. Погодинъ пріѣхалъ изъ Москвы, чтобы вызвать г. Костомарова на публичный диспутъ о томъ, кто были призванные варяги, норманны или литовцы. Но это для насъ не главное; главное въ томъ, что вызовъ свой г. Костомарову сдѣлалъ г. Погодинъ письменно и что въ письмѣ этомъ посвятилъ нѣсколько дѣльныхъ и новыхъ мыслей собственно намъ. Онъ изобрѣлъ для насъ особое названіе: «рыцари Свистопляски», довольно пространно говорилъ о томъ, что онъ съ нами и говорить-то не хочетъ, и наконецъ, обращаясь къ г. Костомарову, такъ возопилъ: «я считаю васъ честнымъ, добросовѣстнымъ дѣятелемъ въ кучѣ шарлатановъ, невѣждъ, посредственностей и бездарностей, которыя, *пользуясь исключительнымъ положеніемъ* (?), присвоили себѣ на минуту авторитетъ въ дѣлѣ науки и приводятъ въ заблужденіе неопытную молодежь». Затѣмъ, вызывая г. Костомарова на ученый поединокъ, г. Погодинъ прибавилъ: секундантовъ мнѣ не нужно, развѣ тѣни Байера, Шлёцера и Круга, если у васъ въ Петербургѣ есть вызыватели духовъ; *а вы, ради потѣхи, можете пригласить себѣ въ секунданты любыхъ рыцарей Свистопляски*». На что г. Костомаровъ отвѣчалъ что лучше выбрать живыхъ посредниковъ изъ ученыхъ мужей нашего времени (только не того, которое въ Москвѣ издается), ибо «тѣни Байера, Шлёцера и Круга не помогутъ намъ: они уже только тѣни, да еслибъ и имѣли тѣло, то не могли бы сохранить совершеннаго безпристрастія; а настоящая моя готовность отказаться отъ своего мнѣнія, если оно не будетъ имѣть достаточной силы, чтобы убѣдить нашихъ посредниковъ, можетъ служить М. П. Погодину ручательствомъ, что *я не думаю мнѣніе свое защищать одобреніемъ рыцарей Свистопляски*».

Можете себѣ вообразить наше торжество, когда мы узнали все это — сначала изъ устныхъ разсказовъ (ибо о Костомаровѣ, Погодинѣ и Свистопляскѣ жужжалъ нѣсколько дней весь городъ), а потомъ изъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей». Такъ вотъ они какъ не знаютъ-то насъ!—радостно подумали мы. Они, какъ видно, покоя

не имѣютъ отъ нашего свиста; они до того нами заняты, что даже клички намъ придумываютъ и распускаютъ. Нашъ свистъ мѣшаетъ спокойно горѣть ихъ труженической лампадѣ, къ нашему свисту прислушиваются они постоянно, —

Въ своихъ занятіяхъ суровыхъ,
Въ постѣ, молитвѣ и трудахъ!

Вопреки ихъ волѣ и желанію, нашъ свистъ слышится имъ изъ-за каждой строчки сочиняемыхъ ими книгъ, изъ-за каждой фразы произносимыхъ ими спичей. Нашъ свистъ для нихъ —

Das ist die ganze Wissenschaft,
Das ist der Bücher tiefster Sinn.

Споря съ г. Костомаровымъ какъ будто бы о норманнахъ, г. Погодинъ главнымъ образомъ обращаетъ свое негодованіе на насъ, и горячится при этомъ вовсе не за норманновъ, а совершенно по другимъ причинамъ, которыя угадать, конечно, нетрудно. О норманнахъ «Свистокъ» никогда и не думалъ толковать; что намъ до нихъ за дѣло? Г. Погодинъ не могъ даже знать, согласны ли мы съ нимъ или съ г. Костомаровымъ. Въ «Современникѣ», конечно, была рецензія, говорившая отчасти въ пользу новаго мнѣнія, но вѣдь «Современникъ» все-таки еще не Свистокъ. Въ «Современникѣ» участвуютъ время отъ времени почтенные люди, какъ, напр. г. Лакіеръ, г. Де-Пуле, г. Аполлонъ Григорьевъ, не безъизвѣстный г. Погодину, и т. п. Слѣдовательно нельзя предположить, чтобы подъ *«кучею шарлатановъ, невѣждъ, посредственностей и бездарностей»* г. Погодинъ разумѣлъ «Современникъ» (*). Дальнѣйшее добавленіе о рыцаряхъ Свистопляски,—безъ всякаго поясненія, кого разумѣть подъ этимъ, — доказываетъ, что и все предыдущее относилось къ «Свистку». Итакъ, почтенный ученый, академикъ и заслуженный профессоръ, находящійся уже, можно сказать, въ преклонныхъ лѣтахъ, никакъ не могъ, начиная ученый споръ, отстранить отъ себя мысль о «Свисткѣ» и до того разгорячился, что даже заподозрилъ между нами и своимъ ученымъ противникомъ — нѣкотораго рода комплотъ! Это намъ очень польстило.

Но мы все еще страшились, что г. Костомаровъ разочаруетъ насъ, обнаруживъ полнѣйшее невѣдѣніе о «Свисткѣ». Гдѣ жь ему, разсуждали мы, погруженному въ изысканія о Жмуди и о жизни

(*) Мы въ этомъ окончательно убѣдились, узнавъ, что г. Погодинъ *самъ пожелалъ* помѣстить въ «Современникѣ» свои возраженія г. Костомарову.

русскаго народа въ XVII столѣтіи, зрѣть что нибудь о насъ! Но нѣтъ, — оказалось, что и онъ знаетъ насъ очень хорошо. Прочитавъ о рыцаряхъ Свистопляски, онъ не пришелъ въ изумленіе, не спросилъ, что это за рыцарь и что за Свистопляска, и съ какой стати о никъ упоминаетъ ученый единоборецъ. Онъ принялъ все дѣло такъ, какъ будто бы ему рыцари Свистопляски были столько же понятны и знакомы, какъ и Шлёцеръ, Байеръ и Кругъ. Вотъ, значитъ, мы каковы! Просто, значитъ, всемірную славу пріобрѣли! Правда, что г. Костомаровъ выразилъ нежеланіе защищать свое мнѣніе нашимъ одобреніемъ; но вѣдь онъ и тѣни Шлёцера съ товарищами отвергъ, значитъ мы тутъ еще не очень обижены. Правда, и въ томъ надо сознаться, — г. Костомаровъ обнаруживаетъ какъ будто даже нѣкоторую боязнь, чтобъ его съ нами не смѣшали и не причислили къ нашему рыцарскому кругу; но и это ничего. Конечно, самолюбіе, свойственное всякому человѣку вообще, а свистящему въ особенности, говоритъ намъ, что если бъ г. Костомарова и къ нашему кругу причислили, то для него особенной бѣды и безчестья отъ этого еще не было бы. Но во всякомъ случаѣ, важно не то, благосклонно ли на насъ смотрятъ ученые, а то, что они обращаютъ на насъ вниманіе. «Намъ лишь бы обратили вниманіе», — какъ говоритъ Бѣлогубовъ у Островскаго. А что отзываются о насъ съ пренебреженіемъ, такъ вѣдь это отъ насъ же заимствовали: мы сами обо всѣхъ, исключая развѣ г. Бѣшенцова и еще немногихъ, говорили если не съ пренебреженіемъ, то съ нѣкоторою недовѣрчивостью; вотъ и о насъ теперь такъ говорятъ, и это служитъ новымъ доказательствомъ, что ученые мужи изучаютъ насъ очень тщательно. Да впрочемъ объ этомъ всего лучше свидѣтельствуетъ самый диспутъ г. Погодина, при которомъ Свистопляска получила такія прочныя права гражданства въ ученомъ мірѣ, и о которомъ мы намѣрены теперь разсказать вкратцѣ. Въ г. Погодинѣ мы замѣтили прилежное изученіе Свистопляски, и чего въ этомъ дѣлѣ возможно достичь изученіемъ, онъ достигъ; не доставало маститому ученому только природной ловкости и легкости, чтобы мы могли воскликнуть: нашего полку прибыло! Да еще недоставало почтенному академику той твердости духа, которою такъ отличались защищаемые имъ норманны, а теперь отличаемся мы, рыцари Свистопляски. Онъ не рѣшился прочитать предъ публикою письмо свое сполна, со всѣми обращеніями къ намъ; мало того — онъ *отступился отъ своихъ словъ*, сказанныхъ въ напечатанномъ отрывкѣ его письма. Мы уже этого никогда не дѣлаемъ. Пусть теперь г. Погодинъ отправится за море и привезетъ на насъ цѣлую тучу норманновъ; пусть съѣздитъ опять въ Москву и оттуда вывезетъ себѣ въ подкрѣпленіе — хоть

все наше время съ самимъ Н. Ф. Павловымъ; пусть онъ наконецъ сдѣлается хоть постояннымъ сотрудникомъ «Современника»: мы все будемъ продолжать нашу борьбу и не отступимся ни отъ одного шага, сдѣланнаго нами!! Это для насъ, разумѣется, и не трудно, потому что мы вѣдь дѣйствуемъ хладнокровно, и даже съ большой пріятностью, а не горячимся, какъ г. Погодинъ. А притомъ и наше званіе не позволяетъ намъ отступать, если ужь насъ затронули. «Погибни, но погибни поражая противника»,—вотъ нашъ девизъ: на то мы и рыцари!

Но г. Погодинъ, какъ мы сказали, сдѣлавшись нашимъ подражателемъ и союзникомъ, самъ себя уже поразилъ достаточно, и потому намъ остается только, вмѣсто боевой тревоги, насвистывать побѣдную пѣснь и съ великодушіемъ побѣдителей припомнить факты минувшей битвы. C'est ce que nous ferons, съ помощью нашего барда—Конрада Лилiеншвагера.

2.

НОВЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ ПИТЕРБУРГѢ.

Domine, libera nos a furore normannorum! ..

Еще одинъ общественный вопросъ
Прибавился въ общественномъ сознаньи:
Кто были тѣ, отъ коихъ имя «Россъ»
Къ намъ перешло, по древнему сказанью?
Изъ-за моря тогда они пришли
(Изъ-за моря идетъ къ намъ все благое).
Но кто жъ они? Въ какихъ краяхъ земли
Шумѣло море то своей волною?
Не знаемъ мы! Искали мы его
Отъ Каспія, куда струится Волга,
Гдѣ дешева икра,—вплоть до того,
Гдѣ странствовалъ Максимовъ очень долго.
На Чорномъ морѣ думали найти,
Гдѣ общество роднаго пароходства
Цвѣтетъ, растетъ, и будетъ все цвѣсти,
Десятки лѣтъ, на зло недоброхотству.
На Балтикѣ его искали мы,
Гдѣ вознеслась полночная столица,
Гдѣ средь болотъ, тумановъ и зимы
Жизнь такъ легко и весело катится.
Такъ мы не день, не мѣсяцъ и не годъ

А цѣлый вѣкъ, отъ моря и до моря,
Металися, какъ угорѣлый котъ,
Тщательно наслѣдуя и споря.
Но наконецъ, измучась, истомясь,
Рѣшились всѣ на томъ остановиться,
На чемъ засталъ моментъ послѣдній насъ, —
Чтобъ съ этимъ дѣломъ больше не возиться!
Въ такой-то часъ норманство водворилъ
И далъ почить намъ господинъ Погодинъ.
И съ той поры весь русскій людъ твердилъ,
Что Рюрикъ нашъ съ норманнами былъ сроденъ.

Но снова мы сомнѣніемъ полны,
Волнуются тревожно наши груди:
Мы слышимъ, что норманны смѣнены
Варягами-литовцами изъ Жмуди....
Норманновъ уничтожилъ, говоратъ,
Въ статьѣ своей профессоръ Костомаровъ.
Погодинъ хочетъ встать за прежній взглядъ
И вѣрно ужь не пощадитъ ударовъ.

Кому-то пасть? Кому-то предлежитъ
Насъ озарить открытьемъ благодатнымъ?
Богъ вѣсть! Но грудь у всѣхъ у насъ горитъ
Предчувствіемъ какимъ-то непонятнымъ.
Привѣтъ тебѣ, счастливая пора
Поднятія общественныхъ вопросовъ,
Въ дни торжества науки и добра
Томитъ насъ вновь призывъ варяго-россовъ!

Что жь дѣлать намъ? Какъ разрѣшить вопросъ,
Который такъ давно насъ всѣхъ тревожитъ?
Онъ въ дѣтствѣ намъ такъ много стоилъ слезъ
И, кажется, въ могилу насъ уложитъ!

КОНРАДЪ ЛИЛІЕНШВАГЕРЪ.

3.

СТОЛИЧНАЯ СУМАТОХА ВЪ ПОЛЬЗУ НАУКИ.

Что возмутило васъ? Волненія Литвы?
ПУШКИНЪ.

Предыдущее стихотвореніе г. Лиліеншвагера довольно удачно выражаетъ то отчаянное положеніе, въ какомъ находился Санктпетербургъ въ послѣднее время, въ отношеніи къ варяжскому

вопросу. Но дѣйствительность далеко превосходила поэтическое описаніе. Варяги занимали дѣйствительно все образованное общество наше, до того, что слова «Погодинъ», «Костомаровъ», «дуель» — безпрерывно оглашали воздухъ, — и на Невскомъ проспектѣ, и на набережныхъ Невы, и въ театрахъ, концертахъ, ресторанахъ, и даже въ каждомъ домѣ, гдѣ сходилось пять-шесть человѣкъ. Устроивались даже ученыя собранія по этому поводу, гдѣ ужасно горячились о томъ: какъ «поставить вопросъ» между двумя противниками — исторически или юридически? Въ другихъ кругахъ, не дошедшихъ до такой мудрости, утверждали, что Погодинъ вызвалъ Костомарова на дуель, и что они просили на это разрѣшенія, но не получили. Нѣкоторые находили это похвальнымъ, другіе же не одобряли запрещенія дуели, — говоря, что хотя вообще дуель безнравственна, но въ этомъ случаѣ безъ нея нельзя было, ибо варяжскій вопросъ самъ по себѣ есть для насъ вопросъ жизни и смерти, особенно въ настоящее время, когда Россіи скоро исполнится тысяча лѣтъ. Наконецъ дѣло объяснилось, когда въ газетахъ объявлено было о диспутѣ въ университетѣ. Но тутъ толки еще усилились. Утверждали, что дѣло будетъ рѣшаться всѣми присутствующими, на голосъ, и такимъ образомъ несомнѣнно уже будетъ, кого Русь лучше хочетъ — норманновъ или литовцевъ. Кромѣ того разсказывали, что среди университетской залы будетъ устроенъ костеръ, на которомъ сожгутъ сочиненія побѣжденной стороны. Вообще—варяжскій вопросъ сильно волновалъ умы, такъ что, смотря на всеобщее движеніе Петербурга, г. Лиліенштагеръ сочинилъ даже, во славу нашей любви къ наукѣ, слѣдующее стихотвореніе, которое должно насвистываться на голосъ: «*Вотъ на пути село большое*».

Пока не требуетъ столицы
Вопросъ общественный къ себѣ, —
Услышишь вздоръ и небылицы
Въ пустой и суетной толпѣ.
Услышишь рѣчи о погодѣ
О производствахъ, рысакахъ
Перчаткахъ, галстукахъ по модѣ,
Портныхъ, танцовщицахъ, пѣвцахъ.
Но лишь Перозьо пуститъ паръ,
Или Погодинъ вызовъ грянетъ, —
Весь Петербургъ мгновенно вспрянетъ,
Какъ будто на большой пожаръ....
Ужъ не сидитъ онъ въ ресторанахъ
И на Армансъ онъ не глядитъ....
Объ антрацитѣ и норманнахъ

Онъ вдохновенно говоритъ.
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
Рискуя жизнью, взять билетъ —
Въ пассажъ, пріютъ науки новый,
Иль въ старый — въ университетъ!...

Дѣйствительно, два дня до диспута походили на новый годъ; пріѣзжему человѣку можно было подумать, что всѣ разъѣзжаютъ съ визитами, а это они за билетами рыскали!.. Въ университетѣ уже въ четвергъ оказался недостатокъ въ билетахъ, и вслѣдствіе того въ городѣ на каждомъ шагу можно было встрѣтить озабоченныя лица, и биться объ закладъ, что они тревожно заняты изобрѣтеніемъ средствъ достать билетъ или какимъ бы то ни было образомъ попасть на диспутъ. Даже люди, которые принимали норманновъ за потомковъ Нормы, а о Литвѣ знали только по Литовскому рынку, и тѣ приходили въ волненіе отъ одной мысли о диспутѣ. И не даромъ!...

4.

НАГРАДА МИЛЫМЪ ДѢТЯМЪ.

Дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали спасибо.
Жуковскій («Овсяный кисель»).

Какіе кудесники наши ученые, пріобрѣтшіе себѣ авторитетъ! Можно сказать навѣрное, что ни Германъ, ни Боско и ни одинъ изъ новѣйшихъ магиковъ не можетъ произвести того, что они дѣлаютъ. Германъ заставляетъ цвѣты расти у себя въ шляпѣ, и потомъ раздаетъ ихъ прекрасному полу: ученые наши заставляютъ у себя во рту созрѣвать людей, и потомъ эту зрѣлость уничтожаютъ, т. е. съ человѣкомъ, даже съ цѣлымъ обществомъ, дѣлаютъ то, что всякій фокусникъ производитъ съ батистовымъ платочкомъ—сжимаетъ сжимаетъ, пока тотъ тотъ совсѣмъ исчезнетъ, а потомъ опять его вывергнетъ изъ рукъ. Потѣшаются – себѣ ученые надъ православными душами!... О нашей зрѣлости толковали весьма нерѣдко, особенно въ отчетахъ и патріотическихъ стихотвореніяхъ. Со времени изданія «Русскаго Вѣстника» зрѣлость общественной среды нашей до того была часто провозглашаема, что наконецъ о ней стали говорить уже съ очевиднымъ опасеніемъ, чтобъ мы не перезрѣли. И вдругъ Е. И. Ламанскій, бывшій суперъ-арбитръ въ пассажѣ, однимъ словомъ уничтожаетъ всю нашу зрѣлость,—да вѣдь такъ искусно, что мы всѣ усомнились, дѣйствительно не пропалъ ли нашъ

платочекъ въ рукахъ профессора магіи и не хочетъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ сварить въ нашей типографіи яичницу!.. Мы возбудили общественный вопросъ изъ этого, и не меньше, чѣмъ Жмудью, интересовались тѣмъ, «созрѣли мы или не созрѣли». Подъ этимъ заглавіемъ помѣщались даже длинныя статьи въ газетахъ. И вотъ, прошло три мѣсяца, — новая перемѣна: явился новый профессоръ, во рту у котораго мы мгновенно созрѣли, и всѣ ужасно обрадовались... Но разскажемъ все какъ слѣдуетъ.

19 марта университетская зала представляла «умилительное сліяніе представителей литературы и наукъ съ одной стороны, и съ другой стороны—самаго учрежденія, гдѣ науки и литература обработываются въ высшей своей сферѣ, и сліяніе это могло служить вѣрнымъ залогомъ новыхъ, утѣшительныхъ надеждъ для отечества». Дѣйствительно, въ залѣ съ семи часовъ давка была страшная: стулья были нумерованные, но половина народу не нашла своихъ мѣстъ; многіе остались въ проходахъ между стульями, другіе забрали въ бокъ, поближе къ каѳедрамъ двухъ противниковъ, стоявшимъ одна противъ другой по обѣимъ сторонамъ залы. Словомъ, въ теченіе получаса публика въ живой картинѣ представляла собою положеніе новгородцевъ, кривичей, чуди, мери и веси, въ то время, какъ они, изгнавши варяговъ за море и не давши имъ дани, не знали, что имъ затѣмъ съ собою дѣлать. Публика была велика и обильна, а порядка въ ней не было... Наконецъ, явились норманны въ образѣ г. Погодина. Тогда все стихло, и маститый норманщикъ, по обычаю всѣхъ новыхъ владѣтелей, началъ свое дѣло съ благосклоннаго изъявленія своей благодарности обществу и затѣмъ милостиво объявилъ, что *мы созрѣли*. Вся присутствующая публика подпрыгнула вверху, (отчего дѣйствительно показалась выше ростомъ), и взрывъ оглушительныхъ рукоплесканій выразилъ торжественную радость всего общества. Говоря языкомъ поэзіи, —

Дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали: спасибо!

Мы въ первую минуту не раздѣляли этой радости и благодарности. Мы думали: «неужели въ самомъ дѣлѣ слова г. Лящевскаго были только невѣжливы, а не совершенно вздорны? Неужели дѣйствительно насъ еще можетъ радовать, когда до свѣдѣнія нашего дойдетъ, что мы созрѣли? Дѣти бываютъ всегда очень довольны, когда ихъ называютъ большими; такъ неужели и въ насъ есть тоже самое чувство? Или въ самомъ дѣлѣ мы—тѣ самыя *взрослыя дѣти*, для которыхъ гг. Солдатенковъ и Щепкинъ издаютъ свое «Чтеніе для взрослыхъ дѣтей?» Одинъ почтенный мужъ сказалъ, что вы мальчишка, а другой говоритъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ утѣшеніе: «нѣтъ

вы не мальчишка»,—и вы плакаетесь, благодарите и не знаете, что дѣлать отъ восторга. И по какимъ основаніямъ-то каждый изъ нихъ произноситъ свой верховный приговоръ! Е. И. Ламанскому не понравилось, что публика шикаетъ г. Серно-Соловьевичу, который ему пришелся по вкусу, и вотъ мы не созрѣли; г. Погодину понравилось, что много народу собралось слушать диспутъ о норманнахъ, и у него въ устахъ мы созрѣли! Это значитъ, что одинъ авторитетъ называетъ васъ невѣждой за то, что вы не сочувствуете трагедіямъ Сумарокова, а другой признаетъ васъ образованнѣйшимъ человѣкомъ за умѣнье разбирать глаголическую печать. Правду сказать, если и въ своихъ лекціяхъ о банкахъ, и въ изслѣдованіяхъ о норманнахъ гг. Ламанскій и Погодинъ точно такъ же основательны, то на нихъ положиться довольно трудно. И съ какой стати этотъ безцеремонный намекъ въ самомъ началѣ дѣла? Неужели г. Погодинъ считаетъ это за комплиментъ? Но вѣдь онъ долженъ же понимать, что большому собранію людей, сошедшимся разсуждать о дѣлѣ, не говорятъ: «господа! то, что вы не бросаетесь другъ на друга и не кусаетесь, доказываетъ, что вы въ здравомъ умѣ». А фраза о зрѣлости, сказанная взрослымъ людямъ, пришедшимъ въ университетъ на диспутъ, совершенно равносильна такому обращенію. Но отчего же публика рукоплещетъ?»

Наши глубокія размышленія прерваны были г. Лиліенштагеромъ, который сидѣлъ возлѣ насъ и въ то время, какъ продолжались аплодисменты, успѣлъ импровизировать и прочитать намъ слѣдующую пьесу.

БЛАГОДАРНАЯ ПѢСНЬ СОЗРѢВШАГО РОССА.

(Насвистывается на голосъ: Славься симъ, Максимъ Петровичъ.)

Мы созрѣли! мы созрѣли!
Веселись созрѣвшій Россъ!
Вотъ теперь ты въ самомъ дѣлѣ
Сталъ полнощный колоссъ.

Помнишь, какъ тебя въ пассажѣ
Уложили въ колыбель?
Но созрѣлъ, — (зимою даже!)
Ты въ четырнадцать недѣль (*).

(*) Здѣсь маленькая пінтическая вольность: собственно въ 12 недѣль, 6 дней, 4 часа и 30 минутъ, ибо незрѣлость наша засвидѣтельствована Е. И. Ламанскимъ 18 декабря 1859 г., въ воскресенье, въ 3 часа по полудни, а патентъ на зрѣлость выданъ намъ г. Погодинымъ 19 марта, въ субботу, ровно въ восемь часовъ вечера. Неточность эту надо приписать единственно скорости сочиненія, а то г. Лиліенштагеръ съумѣлъ бы вписать въ стихъ всѣ измѣренія времени самымъ точнымъ образомъ.

Мы созрѣли! Мы созрѣли! —
Такъ Погодинъ намъ сказалъ.
Изъ Москвы для этой цѣли
Онъ нарочно прискакалъ.

Съ той поры, какъ насъ огрѣли,
Жили мы, повѣся носъ,
И твердя: «мы не созрѣли»,
Проливали токи слезъ.

Но теперь возьмемте смѣлость, —
Взысканъ милостями Россъ:
Изъ Москвы патентъ на зрѣлость
Академикъ намъ привезъ.

Мы созрѣли! Россъ, пойми же
И душою умились:
Сними-ка шапку да поклонись,
Да пониже поклонись!...

Выслушавъ эти стихи, мы сами преисполнились благоговѣніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы прежде не приняли въ соображеніе того, кто таковъ г. Погодинъ и кто мы всѣ, публика! Вѣдь онъ москвичъ, а мы петербуржцы; онъ авторитетъ, а мы простые смертные; онъ преисполненъ норманскимъ духомъ, а мы — ни то, ни се; онъ составилъ древле-хранилище и продалъ его, а мы по большей части не составляемъ (и не продаемъ) даже маленькой библіотеки. Дѣйствительно, *патентъ на зрѣлость* привезъ намъ г. Погодинъ: г. Лиліеншвагеръ хорошо объ этомъ выразился.

Какая честь для насъ и всей Россіи!

Самъ г. Погодинъ сказалъ, что мы созрѣли! Теперь мы смѣло можемъ глядѣть въ глаза Е. И. Ламанскому: клеймо, наложенное имъ, снято съ насъ; у насъ есть документъ о нашей зрѣлости, и если кто нибудь вздумаетъ насъ попрекать Ламанскимъ, мы теперь станемъ защищаться Погодинымъ.

«Не созрѣлъ», сказалъ Ламанскій;
«Нѣтъ, созрѣлъ», сказалъ Погодинъ.
«Свищетъ!» вымолвилъ Ламанскій;
«Рукоплещетъ!!» рекъ Погодинъ.

И такимъ образомъ вопросъ о зрѣлости и незрѣлости рѣшенъ въ нашу пользу, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока г. Погодину тоже не покажется, что «свищетъ!...»

5.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЩЕНІЕ СЪ ВЗРОСЛЫМИ ДѢТЬМИ.

Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку свою....
ЛЕРМОНТОВЪ.

Милостиво объявивъ публикѣ, что она созрѣла, г. Погодинъ во все продолженіе диспута такъ съ нею и обходился, что давалъ разумѣть: «вы вѣдь, дескать, зрѣлость-то отъ меня получили, единственно по моему великому снисхожденію; я же могу ее и отнять отъ васъ: она вѣдь у меня во рту». Такъ, принявшись читать свои возраженія г. Костомарову (до нихъ намъ дѣла мало: ихъ смотри въ «Современникѣ», такъ какъ онъ нынче въ ученость пустился), г. Погодинъ счелъ нужнымъ отрекомендовать Костомарова публикѣ. «Это, говоритъ, ученый, извѣстный своими сочиненіями о Богданѣ Хмельницкомъ, о Стенькѣ Разинѣ и многими важными журнальными статьями». Скажите пожалуйста, — неужели? А мы никогда и не слыхали объ этомъ! Очень вамъ благодарны, г. Погодинъ, за такое любезное сообщеніе... Ну, а вы чѣмъ замѣчательны? Отчего же вы кстати не позаботились познакомить насъ и съ вашею особою? Вѣдь ваша шумная дѣятельность относится къ тому времени, когда мы еще дѣйствительно были незрѣлы, когда многихъ изъ насъ еще и на свѣтѣ не было. Между нами есть такіе, которые не помнятъ не только вашей «Ураніи» на 1825 г., не только вашей «Невѣсты на Ярмаркѣ», «Историческихъ афоризмовъ», «Исторіи въ лицахъ о Димитріѣ Самозванцѣ», но даже знаютъ только по слухамъ о вашихъ Путевыхъ Замѣткахъ, и едва-едва смутно припоминаютъ учено-патетическія статьи ваши, въ родѣ «Посланія къ ученому», «Мыслей по прочтеніи Соловецкаго донесенія», «О воскресной полночи въ Кремлѣ», «Историческихъ замѣчаній о политическомъ равновѣсіи», «Рѣчи при избраніи директоровъ общества волжско-донской желѣзной дороги», и проч. т. п. Не мѣшало бы вамъ сообщить собравшейся публикѣ хотя краткое обозрѣніе этихъ и другихъ «важныхъ журнальныхъ статей», чтобы публика, знакомясь изъ вашей рекомендаціи съ г. Костомаровымъ, не могла остаться въ невѣдѣніи и насчетъ вашей литературной и ученой дѣятельности.

Впрочемъ мы забываемъ одно обстоятельство: г. Погодинъ является къ намъ, какъ власть имѣющій; его должны всѣ заранѣе

знать, и всѣхъ другихъ должны знать только по его рекомендаціи. Это ясно; нечего намъ и добиваться.

Что ужь говорить о г. Костомаровѣ? Г. Погодинъ, повыслушавши возраженій своего противника, счелъ необходимымъ во-первыхъ *аттестовать* его довольно, сказавши, что онъ отличается остроуміемъ, и проч. (см. подлинныя слова въ «Диспутѣ»), а потомъ, вмѣсто всякаго отвѣта, угостить всю публику старою баснею о крестьянинѣ и его дѣтяхъ.... да вѣдь не въ намекѣ, не въ двухъ словахъ, а въ цѣломъ обстоятельномъ разсказѣ, съ особою моралью! Этотъ эпизодъ былъ великолѣпенъ: тысячи образованныхъ людей слушаютъ съ университетской каѳедры, по поводу вопроса о Жмуди, басню о пучкѣ прутьевъ! Г. Погодинъ очевидно полагаетъ, что для современной публики необходимы такіе доводы; но онъ забылъ, что и для несодрѣвшихъ слушателей г. Серно-Соловьевичъ доказывалъ неправоту г. Перозіо тѣмъ, что два полтинника и два четвертака не составляютъ четырехъ полтинниковъ.... И тогда ему пищала несодрѣвшая публика. Увы! тоже произвела и содрѣвшая, услышавъ басню....

Но какъ же г. Погодинъ пригналъ басню къ своему отвѣту? Посмотрите въ «Современникѣ» подлинныя слова его. А мы, если угодно, предложимъ и объясненіе, сдѣлавъ вольное преложеніе приведенной имъ басни.

НОРМАННЫ и ПУКЪ.

БАСНЯ

(Вольное преложеніе изъ академика Погодина; на музыку будетъ положено впрочемъ Александрами Васильевичами Лавровскимъ).

Задумавъ долгъ отдать природѣ (*)
Мужикъ къ себѣ сыновъ и внуковъ пригласилъ,
И сочинилъ
Имъ завѣщанье въ новомъ родѣ:
Пукъ розогъ имъ вручилъ
И предложилъ,
Чтобъ кто нибудь изъ нихъ его переломилъ.
Пытался тутъ каждый сынъ, чтобъ похвалилъ отецъ,
И каждый внукъ старался, чтобы потѣшить дѣда....

(*) Стихъ сей заимствованъ изъ одной дѣтской басни Б. М. Ѳедорова, за что и приносимъ ему нашу чувствительную благодарность.

Но наконецъ
Сознались, что побѣда
Надъ пукомъ симъ
Не дастся имъ.
Тогда старикъ пукъ развязалъ
И имъ сказалъ,
Чтобъ каждый взялъ
По пруту
И такъ ломалъ.
И что же? Въ тужь минуту
Всякъ, даже самый малый звукъ,
Свой прутъ сломалъ.

И вдругъ —
Гдѣ пукъ?!

—

Смыслъ притчи сей совсѣмъ не тотъ,
Какой намъ съ дѣтства былъ извѣстенъ;
Къ вопросу о норманнахъ онъ идетъ,
И здѣсь весьма умѣстенъ.
Когда теорію норманства вообще
Однимъ усиліемъ разрушить вы хотите, —
То вы погубите труды свои вотще
И никого не убѣдите.
Но если вы начнете разбирать
Всѣ доказательства отдѣльно,
Тогда, конечно, вамъ не трудно ихъ сломать
И всѣхъ насъ поразить смертельно.
Итакъ мораль здѣсь та:
Доводы разбирать не слѣдуетъ отдѣльно
А взяться слѣдуетъ за общія мѣста:
Вотъ это будетъ дѣльно,
И выгодно защитникамъ норманства.
А то пожалуй вдругъ
Исчезнетъ ихъ ученое убранство
Какъ въ баснѣ — пукъ.

Разсказъ этотъ произвелъ впечатлѣніе, которое тоже должно быть изображено стихами:

Такъ рекъ онъ, долѣйшихъ временъ
Мененій Агриппа.
Но плохо онъ былъ оцѣненъ:
Звѣринаго шипа
Въ отвѣтъ ему кто-то пустилъ,
И всюду по залѣ

Послышался шопотъ: «нѣтъ силъ
Въ норманскомъ началѣ!...
Явился норманщикъ съ Москвы
Во имя науки,
И важно, пространно — увы! —
Толкуетъ — о пукѣ.
Пришла жь академику мысль
Скрываться за сказки!
Скорѣй его, Кліо, причисль
Къ друзьямъ Свистопляски!»
И шипомъ змѣинымъ прошелъ
Тотъ шопотъ по залѣ.
Но рѣчь Костомаровъ повелъ, —
И всѣ замолчали.

Г. Костомаровъ отвѣтилъ тоже аллегорически, попросивъ, впрочемъ, предварительно позволенія на это. Онъ указалъ на театральныя иллюзіи, происходящія отъ размалеванныхъ декорацій, и утверждалъ, что нужно разсматривать дѣло ближе, если хочешь узнать настоящую истину. Г. Погодинъ тотчасъ же согласился, потому что именно это заключеніе выходило и изъ его басни. Затѣмъ пошелъ споръ о частностяхъ, который уже составляетъ достояніе Современника, и изъ котораго мы похитимъ только три перла — объ авторитетахъ, о порогахъ и о тайномъ голосѣ.

Неизвѣстно, выбившись ли изъ силъ, или желая сдѣлать тонкій намекъ публикѣ и своему противнику (который, какъ видно изъ отвѣта его, вполнѣ понялъ этотъ намекъ), г. Погодинъ вдругъ заговорилъ объ уваженіи къ авторитетамъ, и въ примѣръ представилъ самого себя: какъ онъ уважалъ Карамзина, и какъ Карамзинъ сказалъ ему, по поводу перевода Эверса, что въ норманствѣ истина!... Какія трогательныя подробности о числѣ и годѣ этого свиданія (26 дек. 1825 г.) сообщилъ г. Погодинъ! Жаль, что не прибавилъ, въ чемъ одѣтъ былъ исторіографъ, когда г. Погодинъ пришелъ къ нему съ переводомъ Эверса!

Г. Лиліеншвагеръ, все время мѣшавшій намъ слушать, и тутъ вдохновился, и засвисталъ намъ на ухо:

«Въ двадцать пятомъ году, въ декабрѣ, —
Помню — двадцать шестаго числа....
Былъ я въ юной и свѣжей порѣ
И свершилъ я большія дѣла:
Книгу Эверса я перевелъ
И представилъ немедля тому,
За кѣмъ я безсознательно шелъ,
Чьему слѣпо дивился уму....

— Да Погодинъ не говорилъ этого, перебили мы.

— Ничего, мысль его была такова, отвѣчалъ піита, и продолжалъ:

И меня вопросилъ онъ тогда,
Зачѣмъ Эверса я преложилъ:
«Не годится вѣдь онъ никуда,
Ибо съ юга онъ Русь выводилъ».
Я въ отвѣтъ ему скромно сказалъ:
«Для того перевелъ я его,
Чтобъ негодность его увидалъ
Русскій людъ изъ него самого».
Благосклонно взглянувъ на меня,
Мнѣ отвѣтилъ тогда Карамзинъ:
«Мнѣ яснѣй теперь Божьяго дня,
Что изъ споровъ исходъ намъ одинъ, —
Тотъ, что къ намъ изъ норманской земли,
Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ пришли».
Такъ сказалъ мнѣ тогда Карамзинъ
И слова тѣ запали мнѣ въ грудь.
Пусть меня покараетъ Одинъ,
Если я вамъ совралъ что нибудь!

Вотъ душа занята чѣмъ была
Еще въ юной и свѣжей порѣ, —
Помню, — двадцать шестаго числа,
Въ двадцать пятомъ году, въ декабрѣ!...

Не знаемъ, заслужили ль бы одобреніе публики мысли г. Погодина, изложенныя въ такой формѣ. Но въ подлинномъ своемъ видѣ разсужденіе г. Погодина объ авторитетахъ и даже жалобы его на «молодую литературу» приняты были очень холодно, несмотря на то, что онъ къ концу своей фразы приклеилъ довольно ловко злоупотребленія акціонерныхъ обществъ. Извѣстно, что въ Александринскомъ театрѣ возбуждаютъ фуроръ фразы, въ родѣ напр., «домовладѣльцы, эти кровожадныя вороны!», и т. п. Судя по этому, мы думали, что и фраза г. Погодина о молодой литературѣ, торопливо обернутая акціями, вызоветъ взрывъ рукоплесканій. Но совершенно ничего не бывало: аплодисменты раздались позже, послѣ реплики его противника. Это, вѣроятно, и вызвало вдохновеніе нашего піиты.

Такимъ образомъ г. Погодинъ долженъ былъ отказаться и отъ авторитетовъ, услыхавъ, что порядочный авторитетъ только тотъ и есть, который ни въ чемъ не стѣсняетъ свободы мнѣнія, ища въ своихъ изысканіяхъ не удовлетворенія личнаго самолюбія, а одной истины. Стали спорить безъ авторитетовъ. Но тутъ г. Погодинъ

какъ разъ наткнулся *на пороги*. Можетъ, вы этого дѣла не изучали, такъ мы разскажемъ вамъ: мы вѣдь на всѣ руки....

Видите ли, Константинъ Багрянородный, византійскій авторъ X-го вѣка, написалъ сочиненіе объ управленіи государствомъ, и такъ какъ собственно управленіе мало занимало его, то онъ и пустился здѣсь въ ту науку, которую г-жа Простакова называетъ недворянскою. Перебирая разныя мѣстности, онъ, между прочимъ, говоритъ о семи порогахъ на Днѣпрѣ, и приводитъ ихъ названія на двухъ языкахъ: по-славянски, говоритъ, называется такъ-то, а по-русски такъ-то. Ученые принялись добираться, какой же это языкъ разумѣется подъ именемъ *русскаго*. Лербергъ написалъ объ этомъ даже чуть не цѣлую книгу. Норманщики, разумѣется, принялись объяснять все изъ скандинавскихъ языковъ. Между этими порогами особенно два показались имъ ясны: *Варуфоросъ*, по-славянски *Вульнипрагъ*, и *Геляндри*. Нашли въ скандинавскомъ var — тихій, и fors — порогъ, а славянское имя растолковали — вольный прагъ; *вольный* и *тихій* — все равно, стало быть ясно.... Другой порогъ, *Геляндри* названъ у Константина *по-славянски*, а какъ онъ по-русски, — этого не сказано; но норманщики рѣшили, что тутъ ошибка, и нашли въ исландскомъ точно такое слово, съ значеніемъ *шумящій*. Опять ясно. Руководясь такими свѣтлыми соображеніями, г. Погодинъ, послѣ всѣхъ доводовъ противника, объявилъ, что Геляндри и Варуфоросъ — это такіе два столба, которые всегда поддержатъ норманнство и выдержатъ какой угодно напоръ. Нашъ сосѣдъ, соперникъ г. Розенгейма, такъ воодушевился при этихъ словахъ г. Погодина, что немедленно развилъ ихъ въ слѣдующихъ стихахъ:

ДВА ПОРОГА.

(Насвистывается на голосъ: «задѣть мою амбицію»...)

Геляндри и *Варуфоросъ* —
Вотъ два мои столба!
На нихъ мою теорію
Поставила судьба.
Пороговъ сихъ названія
Такъ Лербергъ объяснилъ
Изъ языка норманскаго, —
Что спорить нѣту силъ.
Конечно, авторъ греческій
Ихъ могъ и переврать;
Но могъ, противъ обычая,

И вѣрно написать.
Геландри хоть приводитъ онъ
Въ числѣ *славянскихъ* словъ;
Но ясно — здѣсь ошибся онъ,
Не зная языковъ.
Въ славянскихъ всѣхъ нарѣчіяхъ
Такого слова нѣтъ:
Но обратясь къ исландскому,
Сейчасъ найдемъ отвѣтъ.
Такъ точно и *Варуфорось*
Быть можетъ объясненъ
Лишь только скандинавскою
Пригонкою именъ.
Геландри и *Варуфорось* —
Вотъ, такъ сказать, быки,
Объ кои обобьете вы
Напрасно кулаки!

Такимъ образомъ изъ пороговъ г. Погодинъ (по крайней мѣрѣ въ стихахъ г. Лиліеншвагера) выѣхалъ благополучно. Но все-таки продолжать споръ безъ авторитетовъ ему, какъ видно, показалось затруднительно, и онъ, при самомъ концѣ уже, обратился къ рессурсу, никѣмъ неожиданному и почерпнутому имъ по всей вѣроятности изъ «Ключа къ таинствамъ натуры», Эккартсгаузена: онъ вдругъ сослался на *тайный голосъ!* Хоть бы, говоритъ, и заставили меня отказаться отъ норманнства, не вѣрьте мнѣ: какой-то тайный голосъ шепчетъ мнѣ: норманны, норманны!...

Ну, хороша наша наука, только славушка дурна, подумали мы; а г. Лиліеншвагеръ сейчасъ же на ухо — со стихами. Слушайте, говоритъ:

ТАЙНЫЙ ГОЛОСЪ.

(Свищется на извѣстнаго «Мальбруга».)

Пускай, вы побѣдили,
Я спорить не могу;
Но все я въ прежней силѣ
Норманство берегу

Моихъ авторитетовъ
Не слушаете вы,
Другихъ же взять отвѣтовъ
Не ваялъ я изъ Москвы.

Я могъ бы, какъ Ламанскій,
Васъ всѣхъ теперь огрѣть:
«До истины норманской
Вамъ нужно, молъ, довѣть!»

Но я — клянусь — несроденъ
Къ такому куражу.
Какъ русскій, какъ Погодинъ,
Отъ сердца вамъ скажу:

«Хоть я и откажуся
Отъ взгляда своего,
Такъ это все, божуся,
Не значитъ ничего.

«Слаба у насъ наука,
И толку мало въ ней;
Но есть во мнѣ порука
Надежнѣй и вѣрнѣй.

«Какой-то чрезвычайной
Я силой обуянъ:
Мнѣ шепчетъ голосъ тайный,
Что Рюрикъ былъ норманнъ.

«На вѣрѣ къ симъ внушеньямъ
Основанъ весь мой взглядъ:
Довѣрьемъ и смиреньемъ
Весь нашъ народъ богатъ».

— Опять громкое словцо, котораго профессоръ не говорилъ, сказали мы Конраду Исаичу (пора сообщить публикѣ имя и отчество нашего поэта: послѣ знаменитаго «Протеста», онъ не можетъ уже конфузиться своимъ, отчасти еврейскимъ, происхожденіемъ).

— Теперь не говорилъ, такъ прежде говорилъ,—возразилъ Конрадъ Исаичъ: — что жь я по вашему, три единства, что ли, долженъ соблюдать въ стихахъ своихъ? А вы вспомните-ка, напр., хоть рѣчь г. Погодина при выборѣ директоровъ волжко-донской желѣзной дороги. Что онъ тогда говорилъ? Я приведу, пожалуй, подлинныя его слова. «Въ нашихъ ушахъ, говоритъ, прозвенѣли только два слова, Волга и Донъ,—и мы, ни о чемъ больше не разсуждая, ничего не разспрашивая, ничего не изслѣдуя, принесли свои деньги, на одно честное слово.... Что доказываетъ это явленіе? Это доказываетъ, что у насъ есть довѣріе, вѣра, кредитъ особаго, высшаго рода. Это сильный рычагъ дѣятельности, вѣрный залогъ и твердое основаніе великихъ дѣлъ и успѣховъ. Да, въ русскомъ народѣ есть мно-

го вѣры въ разныхъ ея видахъ — это его достоинство». И на основаніи этого достоинства, г. Погодинъ предложилъ не дѣлать выборовъ въ директора, а просить о назначеніи ихъ учредителей,—В. А. Кокорева, Н. А. Новосельскаго, и др. Не хотите ли, я все это вамъ въ стихахъ изложу сейчасъ же?

— Нѣтъ, ужь избавьте на этотъ разъ, отвѣчали мы, видя, что г. Лиліеншвагеръ находится въ ужасномъ ударѣ стихотворства (что съ нимъ, къ счастью русской публики, бываетъ довольно рѣдко).

Но намъ не суждено было въ этотъ вечеръ отдѣлаться отъ стиховъ. Только-что преніе кончилось, — по обыкновенію ничѣмъ, — только-что противники сошлись среди залы, торжественно расцаловались и были подняты на руки, а г. Костомаровъ даже понесенъ на рукахъ изъ-залы, только-что мы оправились отъ внезапнаго напоминанія о безсмертіи души, сдѣланнаго г. Погодинымъ—какъ вдругъ въ ушахъ нашихъ раздался романсъ: «когда бъ онъ зналъ», въ переложеніи нашего пріятеля. Романсъ этотъ служилъ достойнымъ pendant къ заключительной рѣчи г. Погодина, и мы, не имѣя ничего болѣе прибавить, рѣшаемся закончить имъ нашъ отчетъ о знаменательномъ диспутѣ, столь много послужившемъ къ возвышенію блистательнаго краснорѣчія и удачнаго остроумія г. Погодина.

6.

РОМАНСЪ

МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ

отъ рыцаря Свистопляски.

—

Когда бъ онъ зналъ, что рыцарь Свистопляски
Невольно съ нимъ сливается душой,
И больше радъ его ученой ласкѣ,
Чѣмъ онъ былъ радъ..... ...

Когда бъ онъ зналъ, какъ милъ мнѣ Москвитянинъ,
Гдѣ всякъ писать изъ чести былъ бы радъ!
Когда бъ онъ зналъ, что мнѣ совсѣмъ не страненъ
Его порывъ къ востоку, на Царьградъ.

Когда бъ онъ зналъ! Когда бъ онъ зналъ!...

Когда бъ онъ зналъ, какъ слогъ его прилежно
Я въ «Путевыхъ Замѣткахъ» изучалъ.

Когда бъ онъ зналъ, какъ пристально и нѣжно
Его статью я въ «Парусѣ» читалъ!

Когда бъ онъ зналъ, что въ спичахъ затрапезныхъ
Меня живитъ его вертлявый тонъ,
И что изъ всѣхъ ораторовъ полезныхъ
Милѣе всѣхъ мнѣ Кокоревъ да онъ!

Когда бъ онъ зналъ, въ борьбѣ о жмудскомъ дѣлѣ,
Что ужь во мнѣ романсъ ему соврѣлъ!
Рѣшась сказать, что всѣ ужь мы соврѣли,
Когда бъ онъ зналъ, что тутъ и я сидѣлъ!

Когда бъ онъ зналъ! Когда бъ онъ зналъ!

ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ КОНРАДА ЛИНИНШВЕЙГЕРА.

I.

ПРОГРЕССЪ И ТОЛПА.

Прочь, дерзка чернь, непросвѣщенна
И презираемая мной.

ДЕРЖАВИНЪ.

Прогрессъ стопою благородной
Шелъ тихо торною стезей,
А вкругъ него, въ толпѣ голодной,
Къ идеямъ выспреннимъ неродной,
Носился жалобъ гулъ глухой,
Жужжала вкругъ толпа пустая:
«Зачѣмъ такъ тихо онъ идетъ,
«Такъ величаво выступая?
«Куда съ собой онъ насъ ведетъ?
«Что дастъ онъ намъ? чему онъ служитъ?
«Зачѣмъ мы съ нимъ теперь идемъ?...
«Бѣднямъ и нынче тамъ же тужить,
«И нынче съ голоду мы мремъ...
«Все въ ожиданьи благъ невѣрныхъ
«Мы только зримъ изъ-за угла,
«Директоровъ акціонерныхъ
«Какъ улучшаются дѣла.»

ПРОГРЕССЪ.

Молчи, безумная толпа!
Ты любишь наѣдаться сыто,
Но къ высшей правдѣ ты слѣпа,
Покамѣстъ брюхо не набито!...
Скажи какую-хочешь рѣчь
Тебѣ съ ораторской трибуны:
Но хлѣбъ тебѣ коль нечѣмъ печь,
То ты презришь ея перуны
И не поймешь ея красотъ!
Раба нужды матеріальной
И пошлыхъ будничныхъ заботъ.
Чужда ты мысли идеальной!

ТОЛПА.

Насъ натощахъ не убѣждай,
Но обезпечь для насъ работу
И честно плату выдѣляй:
Оцѣнимъ мы твою заботу, —
Пойдемъ въ палаты засѣдать
И будемъ рѣчи вдохновенной
О благоденствіи вселенной
Свѣтло и радостно внимать!

ПРОГРЕССЪ.

Подите прочь! Какое дѣло
Прогрессу мирному до васъ?...
Жужжанье ваше надоѣло:
Смирите вашъ строптивый гласъ!
Прогрессъ — совсѣмъ не богадѣльна,
Онъ — служба будущимъ вѣкамъ;
Не остановится безцѣльно
Онъ для пособья бѣднякамъ.
Взгляните, — на небесномъ сводѣ
Свѣтило дневное плыветъ,
И все живущее въ природѣ
Имъ только дышетъ и живетъ.
Но путь его не остановитъ —
Ни торжествующій порокъ,
Ни филинъ, что его злословитъ,
Ни увядающій цвѣтокъ!...

2.

НАШЕ ВРЕМЯ.

Наше время такъ хвалили,
Столько ждали отъ него,
И о немъ, какъ о Шамилѣ,
Всѣ такъ долго говорили,
Не сказавши ничего!

Стало притчей наше время
И въ пословицу вошло....
Утвердясь на этой темѣ,
Публицистовъ нашихъ племя
Сотни хрій произвело.

Наконецъ намъ надоѣло
Слушать праздный ихъ синклитъ,
И съ возгласами безъ дѣла
Наше время опошлѣло,
Потеряло свой кредитъ.

Осердясь на невниманье,
Чуть не сгибло ужь въ Невѣ....
Но потомъ, намъ въ наказанье, —
Вдругъ въ газетное названье
Превратилося въ Москвѣ!...

3.

ГРУСТНАЯ ДУМА ГИМНАЗИСТА ЛЮТЕРАНСКАГО ИСПОВѢДАНІЯ И НЕ КІЕВСКАГО ОКРУГА.

Выхожу задумчиво изъ класса.
Вкругъ меня товарищи бѣгутъ;
Жарко споритъ ихъ живая масса,
Былъ ли Лютеръ геній или плутъ.

Говорилъ я нынче очень вольно, —
Горячо отстаивалъ его...
Что же мнѣ такъ грустно и такъ больно?
Жду ли я, боюсь ли я чего?

Нѣтъ, не жду я кары гувернёра,
И не жаль мнѣ нынѣшняго дня....
Но хочу я брани и укора,
Я бъ хотѣлъ, чтобъ высѣкли меня!...

Но не тѣмъ сѣченіемъ обычнымъ,
Какъ сѣкутъ повсюду дураковъ,
А другимъ, какое счелъ приличнымъ
Н** —— И** —— П**.....

Я бъ хотѣлъ, чтобъ для меня собрался
Весь педагогическій совѣтъ,
И о томъ чтобъ долго препирался, —
Сѣчь меня за Лютера иль нѣтъ;

Чтобъ потомъ, табличку наказаній
Показавши молча на стѣнѣ,

Дали мнѣ понять безъ толкованій,
Что достоинъ порки я вполнѣ;

Чтобъ узналъ объ этомъ попечитель, —
И, лежа подъ свѣжею лозой,
Чтобъ я зналъ, что нашъ руководитель
Въ этотъ мигъ болитъ о мнѣ душой...

КОНРАДЪ ЛИЛІЕНШВАГЕРЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ, ПРИСЛАННЫЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ «СВИСТКА».

I.

Въ редакціи «Свистка» получена изъ Москвы «Дружеская переписка Москвы съ Петербургомъ», при слѣдующемъ письмѣ:

Мм. Гг!

«Хотя еще незабвенный поэтъ нашъ Александръ Сергѣичъ сказалъ:

И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ юною царицей
Порфироносная вдова;

но мы видимъ, что старушка Москва до сихъ поръ не перестаетъ оспоривать у красавца-Петербурга пальму первенства въ сердцѣ русскаго. Многія свѣтила нашего литературнаго горизонта принимали на себя сладостный трудъ заявленія признательныхъ русскихъ чувствъ къ этому священному хранилищу отечественныхъ воспоминаній. Довольно упомянуть имена Ѳ. Н. Глинки, С. П. Шевырева, М. А. Дмитріева, Н. В. Сушкова, Н. В. Берга, графини Евдокіи Растопчиной, Каролины Павловой, Авдотьи Глинки, чтобы оживить въ памяти и сердцѣ каждаго истинно-русскаго высокія вдохновенія, посвященныя стѣнамъ Кремля, Поклонной горѣ, Марьиной рощѣ, московскимъ цыганамъ, царю-колоколу, Ивану великому, квасамъ и кулебякамъ, и т. д. Сѣверная Пальмира, практическая и холодная красавица, не имѣла высокаго счастія внушить столько вдохновенныхъ гимновъ тѣмъ изъ своихъ обитателей, которые пылаютъ божественнымъ пламенемъ поэзіи. Но за то обильно было число *сравненій* созданія Великаго Петра съ древнею столицею царей московскихъ. Всѣ подобныя сравненія, сколько намъ извѣстно, были съ пламеннымъ энтузіазмомъ принимаемы всѣми благородными сердцами, которыя лукавою наукою запада не доведены еще до жал-

каго индифферентизма ко всему родному и въ которыхъ свѣточъ чистой вѣры не погасъ во тьмѣ лжеумствованій кичливаго разума. Не всѣ изъ упомянутыхъ нами сравненій появились въ печати; между прочимъ ненапечатанною остается и предлагаемая «Дружеская переписка Москвы съ Петербургомъ». Она попала ко мнѣ въ руки отъ самого автора «Московскаго Стихотворенія», и онъ дозволилъ мнѣ украсить ими страницы вашего (*)..... изданія. Посылаемыя два письма составляютъ, по всей вѣроятности, только начало переписки, которая обѣщаетъ быть не только любопытною, но и поистинѣ отрадною для патріотическаго наблюденія. Уже въ первыхъ письмахъ вы видите, — съ одной стороны широкую, сильную, размашистую русскую натуру, не знающую никакихъ деликатесовъ и модныхъ изворотовъ, рѣжущую правду-матку прямо, безъ обиняковъ, съ виду нѣсколько грубоватую, но глубоко основательную, берущую дѣло съ корня, съ самаго начала сѣверной столицы, и въ концѣ письма возвышающуюся до трогательнаго лиризма, до трагизма истинно-шекспировскаго; съ другой стороны—предъ вами прилизанный франтикъ съ дешевенькой ироніей, поддѣльнымъ скептицизмомъ, съ затверженными, пошлыми замашками, съ виду какъ будто приличный, но въ сущности издѣвающійся надъ всѣмъ святымъ, силящійся бросить тѣнь даже на такія событія, какъ морозы 12-го года, изданіе «Русскаго Вѣстника, педагогическая дѣятельность г. Киттары, и пр., а между тѣмъ не смѣющій даже и отвѣчать прямо москвичу, а обращающійся въ своемъ отвѣтѣ къ какому-то третьему лицу,—и ужь конечно петербургцу!... Здѣсь уже ясно для васъ торжество московской, на русской почвѣ выросшей и струею русскаго духа омытой, родной жизни — надъ чужеземнымъ, чахлымъ произрастеніемъ невскихъ береговъ, искусственно выведеннымъ по нѣмецкому маниру. Въ слѣдующихъ письмахъ преимущество это должно выказаться еще ярче. Къ сожалѣнію, другъ мой, авторъ московскаго стихотворенія, по московскому обычаю,— что грѣха таить! — лѣнивенекъ и нескоро соберется, а пожалуй и вовсе не соберется, отвѣчать петербургскому пріятелю. А ужь еслибъ собрался, — то-то бы его отдѣлалъ!!

Позвольте по крайней мѣрѣ надѣяться, что вы не упустите случая предать гласности прекрасное произведеніе московской музы, еще болѣе получающее цѣны отъ присоединенія къ нему легкомысленнаго петербургскаго отвѣта.

«Примите, и пр.

N.

(*) Тутъ были обычные комплименты, которые мы, по скромности, выкинули. *Ред. «Свистка».*

Прочитавъ «Переписку», мы пожелали узнать время ея происхожденія, о которомъ ничего не говорится въ полученномъ нами письмѣ. Мы полагали, что время это можно опредѣлить по библіографическимъ даннымъ, находящимся въ перепискѣ, и для этого обратились за помощію къ весьма серьёзному и усидчивому, хотя и непризнанному библіографу, г. Лэйбову. Г. Лайбовъ взялъ «Переписку» и, по своей библіографической натурѣ, не удержался, чтобъ не составить къ обоимъ стихотвореніямъ ученыхъ и весьма обширныхъ библіографическихъ примѣчаній. Мы пришли въ ужасъ, увидавши, какъ два тоненькіе листика превратились въ рукахъ его, въ продолженіе двухъ дней, въ толстую тетрадь, въ которой однако опредѣленія времени-то и не было. Печатать всѣ примѣчанія оказалось невозможно: они бы составили около 20 печатныхъ листовъ; но, не желая доводить до отчаянія скромнаго труженика, и безъ того уже всѣми отвергнутаго, мы выбрали нѣкоторыя примѣчанія, сократили ихъ и печатаемъ, въ видѣ обращика, собственно для утѣшенія г. Лайбова, и для тѣхъ, кого это дѣло касаться можетъ.

ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА МОСКВЫ СЪ ПЕТЕРБУРГОМЪ.

1.

МОСКОВСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

На дальнемъ сѣверѣ (1), въ гиперборейскомъ краѣ (2),
Гдѣ солнце тусклое, показываясь въ маѣ
Скрывается опять до лѣта въ сентябрѣ — (3)
Столица новая возникла при Петрѣ (4).
Возникнувъ съ помощью чухонскаго народа (5)
Изъ топей и болотъ (6) въ какихъ нибудь два года
Она до нашихъ дней съ Россіей не срослась:
Въ употребленіи тамъ гнуспый рижскій квасъ (7),
Съ нѣмецкимъ языкомъ тамъ перемѣшанъ русскій (8)
И надъ обоими господствуетъ французскій (9),
А рѣчи истинно-народный оборотъ
Тамъ рѣдокъ столько же, какъ честный патріотъ (10)!

Да, патріота тамъ напищешься со свѣчкой:
Подбиться къ сильному, прикинуться овечкой,
Мѣстечка теплаго добиться, и потомъ
Безбожно торговать и честью и умомъ —
Таковъ тамъ человѣкъ! (Но впрочемъ, безъ сомнѣнья,
Спѣшу оговорить, найдутся исключенья.

Забота промысла о людяхъ такова,
Что если гдѣ ростетъ негодная трава,
Тамъ есть и добрая: вотъ напримѣръ Жуковскій, —
Хоть въ Петербургѣ жилъ, но былъ съ душой московской (11).

Театры (12) и дворцы, Нева и корабли
Несущіе туда совсѣхъ концовъ земли (13)
Затѣи роскоши (14); — музеи просвѣщенья
Музеи древностей — «всѣ признаки ученья»
Въ томъ городѣ найдешь; нѣтъ одного: души (15)!
Тамъ высохъ человѣкъ, погрязнувъ въ барышни (16),
Улыбка на устахъ, а на умѣ коварность:
Святаго ничего — одна утилитарность (17)!

Итакъ, друзья мои! кляну тщеславный градъ!
Рыдаю и кляну.... Прогрессу онъ не радъ.
Въ то время, какъ Москва надеждами пылаетъ
Онъ погружается попрежнему въ развратъ
И противъ гласности стишонки сочиняетъ (18)!...

2.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПОСЛАНІЕ.

Ты знаешь градъ, (19) заслуженный и древній,
Который совмѣстилъ въ свои концы
Хоромы, хижины, посады и деревни,
И храмы Божіи, и царскіе дворцы (20)?
Тотъ мудрый градъ, гдѣ смѣлый провозвѣстникъ
Московскихъ думъ и англійскихъ началъ,
Какъ водопадъ бушуетъ «Русскій Вѣстникъ» (21),
Гдѣ «Атеней», какъ ручеекъ журчалъ (22).
Ты знаешь градъ?—Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Ученый говоритъ: тотъ градъ славнѣе Рима (23),
Прозаикъ «сердцемъ родины» зоветъ (24),
Поэтъ гласитъ «Россіи дочь любима» (25),
И «матушкою» чествуетъ народъ (26).
Не даромъ, нѣтъ! Невольно брызжутъ слезы
При имени заслугъ, какія онъ свершилъ:
Въ 12-мъ году такіе тамъ морозы
Стояли, что французъ досель ихъ не забылъ (27).
Ты знаешь градъ? Туда туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Достойный градъ! Тамъ Мининъ и Пожарскій
Торжественно стоятъ на площади [28].
Тамъ уцѣлѣлъ остатокъ древне-барскій
У каждаго патриція въ груди [29].
Въ купечествѣ, въ сословіи дворянскомъ
Тамъ безкорыстіе, готовность выше мѣръ [30]:
Въ послѣдней ли войнѣ [31], въ вопросѣ ли крестьянскомъ [32]
Мы не одинъ найдемъ тому примѣръ....
Ты знаешь градъ? — Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Волшебный градъ! Тамъ люди въ дѣлѣ тихи,
Но говорятъ, волнуются за двухъ [33],
Тамъ отъ Кремля, съ Арбата и съ Плющихи
Отвсюду вѣетъ чисто русскій духъ [34];
Все взоры веселитъ, все сердце умиляетъ,
На высшій настраиваетъ ладъ —
Царь-колоколъ лежитъ, царь-пушка не стрѣляетъ [35]
И сорокъ сороковъ безъ умолку гудятъ [36].
Волшебный градъ! Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Правдивый градъ! Тамъ процвѣтаетъ гласность,
Тамъ принялись науки сѣмена [37],
Тамъ въ головахъ у всѣхъ такая ясность [38],
Что комара не примутъ за слона.
Тамъ, не въ примѣръ столицѣ нашей Невской,
Подмѣтятъ все — оцѣнятъ, разберутъ:
Анафемѣ тамъ преданъ Ч* [39]
И Кокорева умъ нашелъ себѣ пріютъ [40]!
Правдивый градъ! туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Мудреный градъ! По приговору сейма
Тамъ судятся и люди и статьи [41];
Ученый Бабстъ стихами Розенгейма
Тамъ подкрѣпляетъ мнѣнія свои [42],
Тамъ семнѣвается почтеннѣйшій Киттары.
Ужь точно ли не нужно сѣчь дѣтей [43]?
Тамъ въ Хомяковѣ чехи и мадьяры
Нашли пѣвца народности своей [44].
Мудреный градъ! Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Разумный градъ! Тамъ Павловъ Соллогуба (45),
Байборода Крылова обличилъ (46),
Тамъ *** былъ пораженъ сугубо (47),
Тамъ самъ себя Чичеринъ поразилъ (48).
Тамъ, что ни мужъ—то жаркій другъ прогресса (49)
И лишь не вдругъ могли уразумѣть:
Что на пути къ нему вѣрнѣе — пресса (50)
Или умно направленная плеть?
Разумный градъ! Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Серьёзный градъ! Науку безъ обмана
Безъ гаерства искусство любятъ тамъ (51),
Тамъ область празднословнаго романа
Мужчина передалъ въ распоряженье дамъ (52).
И что романъ? Тамъ поражаютъ пьянство (53),
Устами Чаннинга о трезвости поютъ (54).
Тамъ люди презираютъ балаганство
И нашъ «Свистокъ» проклятью предаютъ (55).
Серьёзный градъ! Туда, туда съ тобой
Намъ страшно показаться, милый мой!

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ:

(1) 59°, 56′, 31″ сѣв. ш, и 27° 57′ 58″ долг. (См. Dictionnaire général de biographie et d'histoire, etc. etc... p. Ch. Dezobry et Th. Bachelet). Согласно съ нимъ показываетъ и Dictionnaire universel, p. Bouillet: 59° 56′ с. ш. и 27° 58′ д. Но въ географіи Ободовскаго (стр. 120) показано 59′, 57′ с. ш. и 47° 59′ д. И послѣ этого еще вѣрятъ иностраннымъ справочнымъ словарямъ, въ свѣдѣніяхъ о Россіи!!! На 20° соврали два лучшіе справочные словаря, и имъ ничего! Никто не обращаетъ вниманія, даже не обличитъ ошибку, не предостережетъ соотечественниковъ отъ покупки такихъ словарей!... А между тѣмъ

Какой бы шумъ вы подняли, друзья,
Когда бы сдѣлалъ это я! —

какъ говоритъ знаменитый баснописецъ (Басни И. А. Крылова, Спб. 1856 г. стр. 160).

(2) Гипербореи—должно быть греческое слово, а чортъ его знаетъ, что оно значитъ, какъ говоритъ Ляпкинъ-Тяпкинъ у Гоголя (см. Соч. Гоголя, т. II, стр. 351). Хорошо еще, если варвары, а можетъ и того хуже. Впрочемъ извѣстно, что греки называли гипербореями всѣ народы, жившіе на сѣверъ отъ Ѳракіи (Маннерт. Geographie der Griechen, т. IV, стр. 48). Шведскій профессоръ Олафъ Верелій утверждалъ, что гипербореи жили въ Швеціи (см. Atlantica, т. I, стр. 367). Карамзинъ

говоритъ, что мы, русскіе, также могли бы объявить права свои на сію честь и славу (Карамзинъ, т. I, прим. 4). Любопытные могутъ найти пространныя разсужденія о гипербореяхъ въ статьяхъ академиковъ Байера и Фишера (Mém. de l' Académie des inscript. т. X, стр. 176).

(3) 1 мая солнце въ Петербургѣ восходитъ въ 3 ч. 28 м., а заходитъ въ 8 ч. 26 м. А 13 сентября — восходитъ въ 5 ч. 49 м., и заходитъ въ 5 ч. 53 м., — *слѣдовательно свѣтитъ только четыре минуты!!!*. (См. Мѣсяцословъ на 1859 г.)

(4) Возникла въ 1703 году!

(5) Не одного чухонскаго, ибо вотъ историческое свидѣтельство: «Корелы, олончане, новгородцы (это ужь не чухонцы!), также плѣнные шведы, козаки, татары, калмыки (развѣ и это чухонцы, московскій поэтъ?) и тысячи разноплеменныхъ (видите ли: *разно* племенныхъ) людей прибыли сюда (къ устью Невы), по голосу царя, со всѣхъ частей его обширныхъ владѣній». Такъ разсказывается о строеніи Петербурга въ «Исторіи Петра Великаго» Ламбина, стр. 319.

(6) «Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ»,—стихъ Александра Сергѣевича (См. Соч. Пушк. изд. Исакова, т. II, стр. 304).

(7) Ясно изъ вывѣсокъ на каждой почти мелочной лавочкѣ. (См. объ этомъ также статью Ѳаддѣя Булгарина «Петербургская чухонская кухарка, въ Библ. д. чт. 1834 г. № 10, и всякой номеръ «Всякой Всячины», въ прежней «Сѣверной Пчелѣ»).

(8) Это видно, между прочимъ, изъ стихотворенія барона Розена «Небосводъ», помѣщеннаго въ Литер. приб. къ Рус. Инв. 1837 г. № XI, и изъ изслѣдованій Ѳомы Костыги, помѣщавшихся въ Маякѣ 1845 г. Нынѣ по ихъ слѣдамъ пошелъ г. Розенгеймъ, изобрѣтающій, какъ недавно мы видѣли (Отеч. Зап. 1860 г. № I.) слова, въ родѣ *скандальности*, *либеральности* и пр., и г. Лавровъ въ своихъ философскихъ изслѣдованіяхъ.

(9) Объ этомъ есть любопытная книжечка: «Оставшееся послѣ покойнаго NN разсужденіе объ опасности и вредѣ, о пользѣ и выгодахъ отъ французскаго языка, въ сравненіи его съ россійскимъ. Москва. Въ Унив. Типогр. 1817». Книга эта рѣдка; но многія мысли, изложенныя въ ней, можно читать въ гораздо болѣе общедоступной статьѣ Н. Ф. Павлова «Вотяки и г. Дюма» (Рус. Вѣст. 1858 г. № 16).

(10) Совершенная правда! На дняхъ мы видѣли блистательное доказательство этого неумѣнья петербургскихъ жителей правильно выражаться порусски. Въ протоколѣ 13-го засѣданія Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, напечатано, въ пунктѣ 8-мъ, слѣдующее: «Если въ каждомъ образованномъ человѣкѣ значительно развито чувство благородной деликатности, *запрещающей* не только *не напрашиваться* на пособіе, но и *стыдливо принимать* пособіе добровольное, то оно должно быть еще сильнѣе развито въ человѣкѣ, посвятившемъ себя литературѣ или наукѣ» (см. Спб. и Москов. Вѣдом.). Можетъ ли хоть одинъ москвичъ допустить такое выраженіе, явно извращающее смыслъ рѣчи? *Чувство деликатности запрещаетъ не напрашиваться! Запрещаетъ стыдливо принимать!!!* Боже мой! Да гдѣ же г.

Покровскій съ своимъ памятнымъ листкомъ ошибокъ въ русскомъ языкѣ? Гдѣ А. Д. Галаховъ, который такъ громилъ, бывало, Греча и Ксенофонта Полеваго? Хоть бы онъ вразумилъ этихъ петербургскихъ литераторовъ, не умѣющихъ писать по-русски со смысломъ!!!

([11]) Слова поэта нужно ограничить: есть положительное свидѣтельство о московитствѣ Жуковскаго. Такъ, въ рѣчи о значеніи Жуковскаго, г. Шевыревъ говоритъ: «по мѣсту воспитанія Жуковскій нашъ» (Москв. 1853 г. № 2, стр. 79). И далѣе приводитъ замѣчательное обстоятельство: «въ стѣнахъ Москвы, готовившей себя на костеръ сожженія за всю землю русскую, Карамзинъ, отъ прошедшаго возвращаясь къ настоящему, въ домѣ графа Ростопчина вдохновенно пророчилъ гибель Наполеону и, самъ не будучи въ силахъ сѣсть на коня и примкнуть къ арміи, благословилъ на войну Жуковскаго» (тамъ же, стр. 84). Плодомъ этого и вышелъ «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ», а потомъ еще и «Пѣвецъ въ Кремлѣ»!...

([12]) Закрываются на первой недѣлѣ поста (см. аффиши).

([13]) Стихи Александра Сергѣевича: (Соч. т. II, стр. 305).

....Корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся.

([14]) «Отъ роскоши и развращенія нравовъ» пали всѣ древнія государства (см. Всеобщ. Ист. Кайд. ч. I, стр. 8, 11, 23 и пр.).

([15]) Не совсѣмъ справедливо, даже съ московской точки зрѣнія: по изслѣдованіямъ г. Пейзена (см. Совр. 1858 г. № V), въ петербургскій портъ въ 1856 г. одного шампанскаго привезено было 916,287 бутылокъ!

([16]) Доказывается недавнимъ случаемъ поддѣлки кредитныхъ билетовъ (см. Спб. Вѣд. № 55).

([17]) Заимствовано изъ статьи г. Колошина «*По поводу американской женщины*», въ «Утрѣ» 1859 г.

([18]) Капитальное обвиненіе противъ «Свистка», изъ котораго можно бы здѣсь и цитаты привести, если бы не совѣстно было говорить о немъ степенному изслѣдователю, особенно же трудящемуся на скромномъ и неблагодарномъ, но истинно-полезномъ поприщѣ библіографіи....

([19]) Очевидное подражаніе гётевскому: Kennst du das Land?

([20]) А это подражаніе Ѳ. Н. Глинкѣ, который, обращаясь къ Москвѣ, говоритъ:

Городъ пышный, городъ древній!
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады и деревни,
И хоромы и дворцы!

Стихотвореніе это первоначально было помѣщено въ «Рус. Вѣстн.» 1841 г. № 3, стр. 604 — 605. Но болѣе извѣстно оно изъ «Книги для Чтенія», которую зубрятъ гимназисты и въ которой оно помѣщается обыкновенно на стр. 229.

([21]) Не тотъ «Русскій Вѣстникъ», въ которомъ было напечатано стихотвореніе Ѳ. Н Глинки: этотъ издавался въ 1841 и 1842 гг. Гречемъ,

Полевымъ и Кукольникомъ, въ Петербургѣ. И не тотъ, который Сергѣемъ Николаевичемъ Глинкою издавался съ 1808 по 1824 г., и вмѣсто котораго по временамъ выдавалось подписчикамъ «Новое дѣтское чтеніе». Нѣтъ, тутъ разумѣется «Русскій Вѣстникъ», шумно возникшій въ 1856 г., предъявившій уже русской публикѣ новые таланты гг. Бай-Бороды, Громеки, Кокорева, Рачинскаго, Ржевскаго, Чичерина, и пр. и пр., прекратившій въ Россіи взяточничество, водворившій въ душахъ аглицкое чувство законности, отстаивавшій выкупъ души крестьянской, проэктировавшій новую русскую общину, и пр. (*).

(22) Ателей впрочемъ предъ концомъ разговорился было и обругалъ Островскаго; но, говоря классическимъ стихомъ г. Пилянкевича, —

Напрягся — изнемогъ, потекъ — и ослабѣлъ....

Объявленіе о его прекращеніи было послѣднимъ усиліемъ его мужества: здѣсь онъ, какъ извѣстно, предупредилъ г. Ламанскаго съ его знаменитою фразою, и затѣмъ величественно, непонятый, удалился со сцены.

(23) Здѣсь очевидно разумѣется А. С. Хомяковъ, ибо никто кромѣ его не можетъ быть у насъ названъ ученымъ par excellence: извѣстно, что онъ писалъ и о философіи (Русск. Бес. 1859 г. № 1), и о санскритскомъ языкѣ (Изв. II Отд. Акад. Наукъ, 1855 г.), и о живописи (Моск. Сбор. 1847 г.) и о сельскихъ условіяхъ (Москв. 1842 г. № 6), и о юридическихъ вопросахъ (Рус. Бес. 1858 г. № 1), — словомъ, обнялъ всѣ вѣтви знаній человѣческихъ. Но мы не знаемъ, чтобы онъ говорилъ, что Москва славнѣе Рима. Напротивъ, въ знаменитомъ своемъ стихотвореніи «Россіи» (которое почему-то, къ сожалѣнію, выкинуто изъ послѣдняго изданія Хрестоматіи Галахова) говоритъ:

Славнѣй тебя былъ Римъ великій.

Но если значеніе имени «ученый» расширить, то есть придать его всякому, кто «былъ ученъ», то безъ всякаго сомнѣнія стихъ сей относится къ г. Шевыреву, который въ теченіе всей своей ученой каррьеры до того проводилъ параллели между Россіей и Италіей, что наконецъ сталъ смѣшивать принадлежности обѣихъ странъ.

(24) См., напр., многократное повтореніе этой фразы въ предисловіи къ московскому сборнику «Утру». А если угодно, то можно припомнить и «Молву» 1857 г.

(25) Стихи дѣйств. тайн. совѣтника Ив. Ив. Дмитріева. (Соч. Дм. Ч. I, стр. 14).

Москва, Россіи дочь любима!
Гдѣ равную тебѣ сыскать?

(26) Въ подтвержденіе этого можно привести стихотвореніе «Олегъ», напечатанное въ «Молвѣ» 1857 г. № 31, стр. 358.

(*) Примѣчаніе это было у г. Лайбова въ четыре листа печатныхъ, съ изумительными цитатами и сближеніями. Но «Русскій Вѣстникъ» такъ общеизвѣстенъ, что мы рѣшились выкинуть всю эту исторію. Г. Лайбовъ можетъ это напечатать, гдѣ хочетъ. *Прим. ред. «Свистка».*

Олегъ, грамматикъ странный самый.
Родъ женскій съ мужескимъ смѣшалъ:
Всѣмъ русскимъ городамъ упрямо
Онъ Кіевъ матерью назвалъ.
Но *Кіевъ-матушка* съ нуждою
Въ народную ложилось рѣчь;
Не долго могъ онъ быть главою
И землю русскую стеречь.
Москва поправила ошибку, —
Оправданъ ею былъ Олегъ,
И видимъ мы, что рѣчь незыбку
Про *мать градовъ* онъ древле рекъ.
Москва за Русь возстала мочно,
Нѣтъ счета порваннымъ цѣпямъ,
И стала матерію точно
Она всѣмъ русскимъ городамъ!...

(27) Александръ Сергѣичъ сказалъ, по увѣренію М. П. Погодина: (Москв. 1841 г. № I).

Полезенъ русскому здоровью,
Нашъ укрѣпительный морозъ,

А извѣстно, что «что русскому здорово, то нѣмцу смерть», — и французу, стало быть, тоже.

(28) Стоятъ — съ 1818 года!

(29) Для примѣра смотри, хоть въ «Молвѣ» замѣчанія К. С. Аксакова о значеніи Москвы: «Въ Москвѣ преимущественно идетъ умственная работа; въ ней древнѣйшій русскій университетъ. Въ ней силенъ интересъ мысли и науки.... Здѣсь пытается мысль выдти на самостоятельную дорогу, и если вновь станетъ наконецъ русскій умъ на свой настоящій путь, и мы, оторвавшаяся часть отъ русской народности, вновь придемъ къ ней, и просвѣщеніе будетъ народнымъ; то *этою нравственною побѣдою Россія будетъ обязана дѣятельности мысли, возникшей въ Москвѣ*» (Молва, 1857 г. № 8). Въ pendant къ этому припомните знаменитую критику г. Рачинскаго на «Тысячу душъ» (Рус. Вѣст. 1858 г. № 18), обвиняющую этотъ романъ главное за то, что Калиновичъ, столь дрянной человѣкъ, былъ студентомъ московскаго университета.

(30) Вотъ одинъ поразительный примѣръ. Г. Погодинъ, въ своихъ заграничныхъ письмахъ, разсказываетъ о себѣ: «я разсказалъ Клемму со всѣми подробностями о богатомъ вознагражденіи, полученномъ мною отъ щедротъ русскаго Царя за свое собраніе древностей, которое сдѣлалось теперь на вѣки вѣковъ неотъемлемо-сохранною собственностью отечественной науки. Нѣмецкіе ученые внѣ себя отъ удивленія полумильону рублей, который получилъ русскій за свои посильные труды. «Halb million, Potz tausend! Halb million! Das ist prächtig!» *Признаюсь, съ особеннымъ удовольствіемъ и гордостію старался я сообщить это изв-*

стіе, кому только мозъ» (Москв. 1853 г. № 16, Отр. изъ загр. пис. стр. 184).

(31) См. патріотическія стихотворенія гг. Шевырева, М. Дмитріева, К. Павловой и пр. и пр.

(32) Объ этомъ можно справиться въ правительственномъ актѣ, который перепечатанъ между прочимъ и въ «Современникѣ» 1858 г. № XI, Устр. б. пом. крест. стр. 17.

(33) Противъ этого хорошо возражаетъ М. А. Дмитріевъ, въ 37-й изъ «Московскихъ элегій» (Москва, 1858 г.).

Добрая наша Москва! Говорятъ, что на старости любишь
Сплетни ты слушать, молву распускать....
Нѣтъ, ужь то время прошло, и молва отъ тебя не исходитъ;
Любишь на старости ты только спросить да послушать....

(34) Арбатъ и Плющиха — улицы въ Москвѣ; Кремль — памятникъ отечественной славы, о которомъ Ѳ. Н. Глинка выразился (Рус. Вѣст. 1841 г. № III):

Кто, силачъ, возьметъ въ охапку
Холмъ Кремля-богатыря?

Что же касается до «русскаго духа», то о немъ можно получить понятіе изъ объявленія объ изданіи «Русской Бесѣды» на 1856 годъ.

(35) Кто царь-колоколъ подыметъ,
Кто царь-пушку повернетъ?

Стихи того же Ѳ. Н. Глинки (Р. Вѣст. 1841 г. № 3).

(36) Гудятъ дѣйствительно безъ умолку.... И кромѣ того, по выраженію Ѳ. Н. Глинки: (см. тамъ же).

На церквахъ Москвы старинныхъ
Выростаютъ дерева!

(37) Принялись и прозябли, — ибо послѣ первой публичной лекціи г. Бабста въ Практической Академіи (18 янв.) слушателямъ долго не давали шубъ, какъ напечатано въ 1-мъ и предпослѣднемъ нумерѣ «Современности». Шубы пріѣхавшихъ слушателей запрятали въ отдѣльную комнату, перемѣшали порядокъ нумеровъ, и при разъѣздѣ стали выдавать ихъ по одной, сквозь какое-то окошко. Народу было до 400 человѣкъ; каково же было на холоду дожидаться? Поднялся ропотъ; нѣкоторые, болѣе нетерпѣливые, стали громко требовать своихъ шубъ. Въ это время явился господинъ, завѣдывавшій тамъ порядкомъ и, подойдя къ одному изъ претендентовъ на шубу, сказалъ съ сознаніемъ своего права и достоинства: «если вы будете требовать вашу шубу, то не получите ее совсѣмъ». Эти слова такъ озадачили прозябшаго господина, что онъ пришелъ въ отчаяніе.» (Современность, № 1, стр. 28.)

(38) Въ 1850 г. въ Москвѣ былъ 6691 фонарь. (См. Описаніе Москвы и ея достопримѣчательностей, И. Милютина, М. 1850 г., ч. II, стр. 297.)

(39) Здѣсь разумѣется, конечно, г. Чернышевскій. Въ «Москвитянинѣ» 1855 г., № 13—14, напечатано было о «Современникѣ»: «Совре-

менникъ, въ которомъ сегодня позволяется ругать то, что вчера расхваливалось, въ которомъ сегодня скажетъ дѣльное слово г. Дружининъ, а завтра, можетъ быть, г. Чернышевскій напишетъ тьму безвкусныхъ и безобразныхъ литературныхъ ересей» (статья Аполлона Григорьева, Объ отношеніи современной критики къ искусству).

(40) Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (см. 1857 г. № 24, и такъ дальше....)

(41) Объ этомъ довольно хорошо было изложено въ «Физіологіи кружка» (Рус. Вѣст. 1857 г. № 9).

(42) Это случилось въ «Атенеѣ», 1858 г.. № 46, стр. 297. Стихами г. Розенгейма подкрѣпляетъ ученый г. Бабстъ свои возраженія какому-то господину, защищавшему откупа.

(43) Теперь уже не сомнѣвается, а отчаявается. См. Отч. Моск. Практ. Акад. за 1859 г., стр. 39.

(44) О чехахъ г. Хомяковъ пѣлъ не мало; они тревожатъ его даже во снѣ (Рус. Бес. 1856 г. № 1):

О Прагѣ я съ грустною думалъ отрадой,
О Прагѣ мечталъ, забываяся сномъ....

Что касается до мадьяровъ, то можно назвать мадьярскими развѣ слѣдующіе стихи его (тамъ же).

.... На Лабу, Мораву, на дальную Саву,
На Тиссу, на Дриссу, на Драву, Моллаву,
На шумный и синій Дунай....

(45) } Безплодны и неблагодарны новыя библіографическія указанія
(46) } на факты столь извѣстные.

(47) Подъ *** здѣсь можно разумѣть (такъ какъ дѣло идетъ объ историческихъ личностяхъ) или Сигизмунда, или же, что вѣроятнѣе, Наполеона, сугубо пораженнаго — морозами и пожаромъ. Имя Наполеонъ не входитъ въ стихъ; но вѣроятно надо читать — *Бонапартъ*. Впрочемъ можно читать и просто Наполеонъ, сокращая это слово по примѣру знаменитаго просодиста нашего, изучившаго всѣ сокращенія и ударенія, г. Шевырева, который въ переводѣ «Валленштейнова Лагеря» (Москва, 1859 г.) пишетъ для стиха: *себѣ н'умъ* (стр. 25), *послуш'ка* (стр. 32) *посовѣт'ать* (стр. 59), и пр.

(48) Въ 1857 г. Русскій Вѣстникъ говорилъ, (№ 8), что г. Чичеринъ «началъ свое ученое поприще съ такимъ блескомъ, съ какимъ немногіе завершаютъ;» а теперь г. Чичеринъ пишетъ — въ «Нашемъ Времени!» (См. «Наше Время», № 1, 1860 г.)

(49) Однимъ изъ таковыхъ является напр., въ «Нашемъ Времени» (№ 7); г. А. Забѣлинъ, неутомимо старающійся о прогрессѣ ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ. Такъ онъ говоритъ: «безконечно были бы благодарны всѣ болѣе образованные люди, если бы правительству угодно было приказать выставить на стѣнахъ вагоновъ всѣхъ классовъ печатныя объявленія, что въ вагонахъ не позволяется занимать лишнихъ мѣстъ, противъ билетовъ; не позволяется возить собакъ, ѣсть рыбы, сыру, яицъ, и прочихъ веществъ, распространяющихъ дурной запахъ;

не позволяется громко разговаривать, пѣть, свистать и вообще запрещается всякое безпокойство пассажировъ; предписывается имѣть всевозможное уваженіе къ женщинамъ всѣхъ классовъ, и потому воспрещаются всякіе скандальные разговоры, двусмысленныя остроты и шутки. Пьяныхъ вовсе не принимать въ вагоны. Всѣ эти и подобныя имъ правила могутъ не остаться мертвой буквою. Выполняется же теперь очень строго запрещеніе курить табакъ, который составляетъ одно изъ самыхъ меньшихъ неудобствъ, теперь встрѣчающихся въ вагонахъ. Мнѣ возразятъ, что правительству нельзя же быть нянькой народа и слѣдить за каждымъ его шагомъ. Конечно, свобода дороже и лучше всего, но что же дѣлать, когда наше общество такъ дурно воспитано, что еще не умѣютъ ею пользоваться, какъ слѣдуетъ, и на свободѣ дѣлаютъ *всевозможныя безчинства* (стр. 91). А далѣе описываются и самыя безчинства: «около меня усѣлись какіе-то двое стриженныхъ пьяныхъ молодцовъ, въ родѣ купеческихъ приказчиковъ, которые *безъ церемоніи вытащили изъ-подъ скамьи вонючую рыбу и начали уписывать за обѣ щеки* (какое въ самомъ дѣлѣ безчинство!) какъ будто вагоны назначены быть харчевнями, *и какъ будто напьется до сыта какой угодно гадости нельзя было на открытомъ воздухѣ или въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ! Напившись своей рыбы*, они принялись во все пьяное горло *разговаривать о своихъ дѣлахъ*. (стр. 92). Далѣе авторъ, какъ горячій поборникъ прогресса, разсуждаетъ о томъ, какъ эти вещи дѣлаются «во всемъ образованномъ мірѣ». И какъ гуманно разсуждаетъ!

([30]) Толки о грамотности памятны всѣмъ. А относительно тѣлеснаго наказанія, послѣ всѣхъ споровъ, о которыхъ не считаемъ нужнымъ упоминать, вотъ что говорится въ книжкѣ: «Вечера съ разговоромъ», недавно изданной въ Москвѣ графомъ Толстымъ: (стр. 13) «Считаю нужнымъ, не обязывая общинъ къ *непремѣнному тѣлесному наказанію въ извѣстныхъ случаяхъ*, оставить мѣры взысканій на собственное ихъ усмотрѣніе, лишь бы не превышали законоположеній; и они, гдѣ можно, замѣнятъ его денежнымъ штрафомъ, тюремнымъ заключеніемъ, заработкою, исключеніемъ изъ общины, отдачею въ распоряженіе правительства и чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ; а гдѣ нельзя, — тамъ употребятъ тѣлесное наказаніе, и если только будетъ возможно, то употребятъ его вѣроятно не спрашиваясь ни юристовъ, ни филантроповъ, ни антропологовъ, не мѣряя длину розогъ, не подраздѣляя ихъ на мужскія, женскія и дѣтскія, а просто, по пословицѣ: «*душа мѣру знаетъ*», то есть— ad libitum. — По моимъ, можетъ быть отсталымъ, понятіямъ *гораздо полезнѣе для человѣчества и прогресса* — дать нѣсколько розогъ одному негодяю, нежели пустить по міру, и развращать этимъ способомъ цѣлое семейство его.» Далѣе, все «*въ пользу человѣчества и прогресса*», авторъ вопіетъ: (разгов. VI, стр. 19) «Въ странѣ, гдѣ лучшее развлеченіе — медвѣжья травля! — Гдѣ лучшая потѣха — кулачный бой!—Гдѣ бурлаки порютъ суда, ставшія на мель, въ полномъ убѣжденіи, что «*палка — всему голова*»! Гдѣ само правительство не находитъ возможнымъ изгнать изъ законовъ тѣлесное наказаніе, — тамъ не говорите мнѣ о необходимости замѣнить его въ *общинахъ*! — Я никогда не по-

вѣрю вамъ!!! — Прогрессъ — долженъ быть общій! — Должна быть — общая подготовка, общее умягченіе нравовъ!... А частности ни къ чему не ведутъ, кромѣ бѣдъ!»

(31) Пространно объ этомъ см. въ Русскомъ Вѣстникѣ, 1857 г. № 6, въ статьѣ «Біографъ-оріенталистъ», Н. Ф. Павлова.

(32) Каждая книжка «Русскаго Вѣстника» служитъ тому подтвержденіемъ. (Тутъ у г. Лайбова были ужасныя подробности на трехъ печатныхъ листахъ, но мы ихъ выкидываемъ и оставляемъ только заключеніе).... Итакъ Вахновская, Кохановская, Нарская, Громека, Ольга Н**., Павлова, Евгенія Туръ, Щербина, Жадовская, кромѣ того, по тщательнымъ библіографическимъ розысканіямъ — Тригорскій, Криницкій, Марко Вовчокъ и даже самъ Николаенко—вотъ женщины, украшающія «Русскій Вѣстникъ», и ихъ-то женственное, смягчающее вліяніе, по всей вѣроятности, держитъ его постоянно въ томъ свѣтломъ, розовомъ настроеніи, которому не мѣшаютъ даже статьи гг. Ржевскаго, Бунге, Лешкова и самого Хвольсона.

(33) Тамъ даже родилась, въ pendant къ стеоретипной фразѣ: «въ настоящее время, когда поднято такъ много общественныхъ вопросовъ», и пр.—другая не менѣе сильная фраза: «*въ настоящее время*, когда пьянство приняло такіе широкіе размѣры» и пр. (см. Моск. Вѣд. 1859 г. № 8).

(34) Впрочемъ и Чаннингомъ занялась прежде всѣхъ дама—г-жа Евгенія Туръ (Рус. Вѣсти. 1848 г. № 8); а потомъ уже и мужская половина Русскаго Вѣстника принялась за него и въ прошломъ году, въ № 7, перевела изъ него статейку о томъ, что не *должно* пьянствовать, и почему не должно.

(35) Здѣсь вѣроятно заключается указаніе на замѣтку, помѣщенную въ 95 № Моск. Вѣдомостей прошлаго года. Теперь кстати будетъ припомнить ее всю цѣликомъ, и съ нѣсколькими словами редакціи Вѣдомостей. Вотъ какой видъ имѣетъ эта замѣтка:

«Мы получили по поводу распространенія трезвости слѣдующее письмо:

М. Г.,

Вы уже имѣли случай замѣтить, что вполнѣ сочувствуя обществамъ трезвости, вы желали бы однако, чтобы дѣло обходилось безъ шпіонства и тѣлесныхъ наказаній, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ помѣщики, какъ сословіе болѣе образованное, принимаютъ непосредственно участіе въ этомъ дѣлѣ. Въ свою очередь, вполнѣ соглашаясь съ вами, невольно задаешь себѣ вопросъ: неужели это идеалъ недостижимый, мечта кабинетныхъ людей и теоретиковъ, и въ нашемъ благословенномъ отечествѣ люди вѣчно будутъ сѣчь другъ друга, и не только другъ друга, но и женщинъ,—сѣчь по собственному, добровольному соглашенію? Вотъ оно — вліяніе крѣпостнаго права и безграмотности!

А у насъ еще есть господа (*), безъ застѣнчивости печатающіе, что наша литература, занимаясь вопросами о распространеніи грамотности,

(*) См. въ апрѣльской книжкѣ «Современника» статью: «Русская Литература», и балаганный отдѣлъ (возобновленный, вѣроятно, по случаю недавнихъ праздниковъ) подъ названіемъ: «Свистокъ».

о тѣлесныхъ наказаніяхъ и т. п., даже давая гласность нѣкоторымъ общественнымъ явленіямъ безъ прямаго указанія на лица, собственно повторяетъ только то, что и безъ нея извѣстно. Впрочемъ, лучшая часть нашего общества умѣетъ цѣнить этихъ господъ по достоинству, и попытки литературнаго мальчишества и паясничества убить въ литературѣ всякую живую связь съ тою средой, которой она служитъ органомъ, никогда не могутъ имѣть успѣха. Многіе вопросы, порѣшенные въ западной Европѣ и знакомые изъ книгъ десяти человѣкамъ въ Россіи, конечно не могли перейти въ общее сознаніе тамъ, гдѣ коренится и упорно держится во всемъ строѣ жизни крѣпостное право, со всѣми своими неисчислимыми послѣдствіями. Если бы, считая все давно порѣшеннымъ, наша литература ограничивалась туманными выходками противъ неаполитанскихъ изгнанниковъ и т. п., то она утратила бы всякій смыслъ для русскаго общества. Это пойметъ всякій неглупый школьникъ, а у насъ есть литераторы, не понимающіе такихъ простыхъ вещей! До какой степени невозможенъ успѣхъ попытокъ, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, показываетъ уже одно то, что въ порядочныхъ журналахъ западной Европы рѣшительно непринято имѣть балаганные отдѣлы, и что мы всѣ повидимому очень хорошо знаемъ это, а между тѣмъ все-таки не можемъ устоять противъ искушенія — потѣшить публику, и при случаѣ превратить свой журналъ въ *Весельчака*. Отчего же это? Оттого, что въ нашемъ обществѣ, даже въ обществѣ литературномъ, еще не привилось западное понятіе о литературѣ, и общество еще бросается изъ одной крайности въ другую, увлекая за собою и литературу, по крайней мѣрѣ наименѣе серьёзные ея органы».

Примите и пр.

Н. Ч.

Въ заключеніе, какъ серьёзный и добросовѣстный библіографъ, я долженъ объявить, что вполнѣ соглашаюсь съ мнѣніемъ г. Н. Ч., въ которомъ однако, по моимъ изысканіямъ и соображеніямъ, никоимъ образомъ не слѣдуетъ подозрѣвать г. Н. Чернышевскаго. Dixi.

Н. Лайбовъ.

II.

НОВЫЯ ТВОРЕНІЯ КУЗЬМЫ ПРУТКОВА.

Отъ редакціи. Мы всѣ думаемъ, что общественныя вопросы не перестаютъ волновать насъ, что волны возвышенныхъ идей ростутъ и ширятся, и совершенно затопляютъ луга поэзіи и вообще искусства. Но другъ нашъ Кузьма Прутковъ, знакомый многимъ изъ читателей «Современника», убѣжденъ совершенно въ противномъ. Онъ полагаетъ, что его остроумныя басни и звучныя стихотворенія могутъ и теперь увлечь массу публики. Печатаемъ въ видѣ опыта одну серію его стихотвореній, подъ названіемъ «Пухъ и Перья». Отъ степени фурора, какой они возбудятъ, будетъ зависѣть продолженіе.

ПУХЪ И ПЕРЬЯ.

(DAUNEN UND FEDERN).

КЪ ДОСУГАМЪ КУЗЬМЫ ПРУТКОВА.

«Поощреніе столь же необходимо геніальному писателю, сколь необходимъ канифоль смычку виртуоза.»

(Изъ собственныхъ афоризмовъ. Совр. 1854 г., № II).

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Я знаю, читатель, что тебѣ хочется знать, почему я такъ долго молчалъ? Мнѣ понятно твое любопытство! Прислушай и вникни: я буду говорить съ тобой, какъ отецъ съ сыномъ.

Въ обществѣ заговорили о какихъ-то новыхъ потребностяхъ, о какихъ-то новыхъ *вопросахъ*.... Я—врагъ всѣхъ такъ называемыхъ вопросовъ! Я негодовалъ въ душѣ — и готовился!... я готовился поразить современное общество ударомъ; но гг. Григорій Бланкъ, Николай Безобразовъ и пр. предупредили меня.... Хвала имъ, — они спасли меня отъ посрамленья!

Наученный ихъ опытомъ, я рѣшился идти за обществомъ. Сознаюсь, читатель: я даже повторялъ чужія слова противъ убѣжденья!... Такъ прошло болѣе трехъ лѣтъ. Время показало мнѣ, что я боялся напрасно. Общество наше оклеветано: оно измѣнилось только по наружности.... Мудрый смотритъ въ корень: я посмотрѣлъ въ корень.... Тамъ все попрежнему: тамъ много неоконченнаго (d'inachevé)!...Это успокоило меня. Я благословилъ судьбу и вновь взялся за лиру!... Читатель, ты понялъ меня! До свиданія!

Твой доброжелатель
Кузьма Прутковъ.

24 октября
1859 г. (annus, ni).

«Пойдемте же мои осматривать поля!»...
И преданность крестьянъ сей рѣчью воспаля,
Пошелъ онъ съ ними купно.
«Что жь здѣсь мое?» — Да все, — отвѣтилъ голова: —
Вотъ Тимофеева трава....
«Мошенникъ! — тотъ вскричалъ: — ты поступилъ преступно!
«Корысть мнѣ недоступна!
«Чужаго не ищу; люблю свои права!
«Мою траву отдать, конечно, пожалѣю;
«Но эту возвратить немедля Тимофею!...»

—

Оказія сія по мнѣ ужь не нова:
Антоновъ есть огонь, — но нѣтъ того закону,
Чтобы всегда огонь принадлежалъ Антону.

5.

ОСЕНЬ.

(Съ персидскаго. Изъ *Ибнъ-Фета*).

Осень; скучно; вѣтеръ воетъ,
Мелкій дождь по окнамъ льетъ,
Умъ тоскуетъ, сердце ноетъ,
И душа чего-то ждетъ.

* * *

И въ бездѣйственномъ покоѣ
Нечѣмъ скуку мнѣ отвесть....
Я не знаю, что такое?
Хоть бы книжку мнѣ прочесть!

6.

РАЗОЧАРОВАНІЕ (*).

(Баллада).

Поле, ровъ, на небѣ солнце,
А въ саду за рвомъ избушка.

(*) Музыка, собственнаго моего изобрѣтенія, будетъ напечатана при полномъ собраніи моихъ твореній.

Прим. Козьмы Пруткова.

Солнце свѣтитъ. Предо мною
Книга, хлѣбъ и пива кружка.

Солнце свѣтитъ, въ клѣткахъ птички,
Воздухъ жаркій, вкругъ молчанье....
Вдругъ проходитъ прямо въ сѣни
Дочь хозяйкина, Маланья.

Я иду за нею слѣдомъ,
Выхожу я также въ сѣнцы, —
Вижу, дочка на веревкѣ
Разстилаетъ полотенцы....

Говорю я ей съ упрекомъ:
«Что ты мыла, не жилетъ ли?
И за чѣмъ на немъ не шелкомъ,
Ниткой ты подшила петли?»

А Маланья, обернувшись,
Мнѣ со смѣхомъ отвѣчала:
— Ну такъ что жь, коли не шелкомъ?
Я при васъ вѣдь подшивала! —

И затѣмъ пошла на кухню....
Я туда жь за ней вступаю; —
Вижу, дочь готовитъ тѣсто
Для обѣда къ караваю....

Обращаюсь къ ней съ упрекомъ:
«Что готовишь, не творогъ ли?»
— Тѣсто къ караваю. — «Тѣсто?»
— Да! вы кажется оглохли! —

И сказавши, вышла въ садикъ;
Я туда жь, взявъ пива кружку. —
Вижу, дочка въ огородѣ
Рветъ созрѣвшую петрушку.

Говорю опять съ упрекомъ:
«Что нашла ты, ужь не грибъ ли?» —
— Все болтаете пустое,
Вы и такъ, кажись, охрипли! —

Пораженный замѣчаньемъ,
Я подумалъ: «Ахъ, Маланья,
Какъ мы часто дѣтски любимъ
Недостойное вниманья!»

7.

ФИЛОСОФЪ ВЪ БАНѢ.

(Съ древняго греческаго).

Полно меня, Левконоя, упругою гладить ладонью;
Полно по чресламъ моимъ вдоль поясницы скользить!
Ты позови Дискомета, ременно-обутаго Тавра́:
Въ сладкой работѣ твоей быстро онъ смѣнитъ тебя.
Опытенъ Тавръ и силенъ, — ему нипочемъ притиранья!
На спину вскочитъ какъ разъ, въ выю упрется пятой....
Ты же межъ тѣмъ щекоти мнѣ слегка безволосое темя,
Взрытый наукою лобъ розами тихо укрась!...

КОЗЬМА ПРУТКОВЪ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ

М. БЕРНАРДА,

на Невскомъ проспектѣ, противъ Малой Морской, № 10.

ЦѢНЫ ОЗНАЧЕНЫ НА СЕРЕБРО.

ШКОЛЫ И УПРАЖНЕНІЯ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО.

КОНТСКІЙ (Ант.) СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ ИГРЫ НА ФОРТЕПІАНО, основанной на теоріи музыки, содержащее въ себѣ также руководство къ изученію Генералбаса и приложеніе примѣровъ взятыхъ изъ произведеній классическихъ композиторовъ. Соч. 180. (3 р.).

— ДРУГЪ ДѢТЕЙ. Упражненія для маленькихъ рукъ, съ приложеніемъ пьесъ въ двѣ и четыре руки (2 р.).

— НЕОБХОДИМЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ДЛЯ ПІАНИСТА. Ежедневныя упражненія. Новое дополненное изданіе (3 р.).

ЧЕРНИ. Лучшій фортепіанный учитель или новѣйшая школа нынѣшней игры на фортепіано. Седьмое изданіе, исправленное самимъ авторомъ. На русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (2 р.).

ГЮНТЕНЪ. ПОЛНАЯ ШКОЛА ДЛЯ ФОРТЕПІАНО на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Новѣйшее изданіе, просмотрѣнное, исправленное и дополненное новыми уроками, легкими и постепенно возрастающей трудности въ двѣ и четыре руки (3 р. 50 к.).

BERNARD. L'ENFANT PIANISTE. СОБРАНІЕ ЛЕГКИХЪ ПЬЕСОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ, составленныхъ изъ любимыхъ мотивовъ, съ цѣлью возбудить въ малюткахъ охоту къ музыкѣ, посвящается добрымъ матерямъ, которыя намѣрены сами учить своихъ дѣтей первымъ началамъ фортепіанной игры (1 р. 50 к.).

— EXERCICES JOURNALIERS. Ежедневныя упражненія. Продолженіе къ собранію легкихъ пьесокъ для дѣтей (1 р. 50 к.).

BERTINI. Douze petits morceaux précédés chacun d'un prelude, composés expressément pour les élèves. Liv. 1. 2. (каждая 60 к.); 24 Etudes faciles composés principalement pour les élèves dont les mains ne peuvent encore embrasser l'étendue de l'octave op. 100 (1 р. 70 к.); 48 études composées exclusivement pour ceux, qui veulent se préparer pour les célèbres études de Cramer, op. 29 et 32 Liv. 1. 2. (каждая 1 р. 70 к.).

CHOPIN. 12 Etudes favorites op. 25 liv 1. 2. (каждая 2 р.).

CRAMER. Etudes ou exercices célèbres doigtés, dans les différents tons calculés pour faciliter les progrés de ceux, qui se proposent d'étudier cet instrument à fond. Nouvelle édition. Liv. 1. 2. (каждая 1 р. 70 к.).

CZERNY. L'étude de la vélocité (die Schule der Geläufigkeit), ou 30 exercices calculés à developper l'agilité des doigts, op. 299 (2 p. 85 к.); Exercices journaliers pour atteindre et conserver le plus haut dégré de perfection au piano, consistant en 40 études avec des répétitions prescrites, op. 337 (3 р.); Instructives ou 100 recréations musicales doigtées et progressives à l'usage des premiers commençans. Liv. 1. (85 к.).

DUBUQUE. Trois études dans le style fugué (75 к.).

DUPONT. La pluie de Mai. Etude de trilles (60 к.).

DUVERNOY. Ecole du mecanisme. 15 Etudes composées expressement pour précéder celles de la velocité de Czerny, op. 120 (2 p.); Ecole du style en 12 études op. 168 (2 p. 30 к.).

GAMMES. Dans tous les tons majeurs et mineurs avec doigté et les accords (50 к.).

GORIA. Etude de concert op. 7. (60 к.); Jour de printemps. Etude, op. 63. (75 к.); Allegrezza. Etude de concert, op. 66 (1 р.).

HABERBIER. La cascade. Etude, op. 118 (85 к.).

LEE. Electricité. Etude (85 к.).

LYSBERG. La Napolitana. Etude de légereté (75 к.).

MAYER. Trois études célèbres op. 61. Nouvelle édition (1 р. 50 к.); Trois grandes études, op. 91. (3 р. 45 к.).

RAVINA. Hommage aux artistes. Etudes du style et de perfectionnement, op. 14. Liv. 1. 2. (каждая 1 р. 75 к.).

SCHMITT. Exercices préparatoires, servant a acquérir une indépendence des doigts possible, op. 16. Nouvelle édition (85 к.).

VOGT. Etude d'amateurs (50 к.).

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер. получаютъ *двадцать пять процентовъ уступки*, а выписывающіе на десять руб. сер., кромѣ того, ничего не прилагаютъ за пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, какъ бы они ни были изданы и объявлены.

Въ томъ же магазинѣ вышла 1-го марта 3-я тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллистъ» (годъ XXI), содержащая въ себѣ: *Mayer*, Пѣсня цыганки *de Boulakhoff, transcrite et variée. — Jaell, Le regret. Nocturne. — Wollenhaupt, La javelle, polka de salon. — Packer, Romance de l'opéra Don Sebastien, transcrite. — Hammer, Bagatelle en forme de trot militaire. — Herzog; Reutocker-Polka. — Birgfeldt, Galop. — Faust, Lagentille. Polka-Mazurka. — Cramer*, Боже Царя храни! *Variations. — Bernard, Quadrille enfantin. — Дерфельдтъ*, Романсъ. — Литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты. № 3. (Годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 р. 50 к.).

Желающіе подписаться на «Нувеллистъ» на 1860 г. получаютъ сполна всѣ тетради этого журнала, вышедшія съ начала нынѣшняго года.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ. 6 марта 1860 года.

Цензоръ *Ѳ. Рахманиновъ.*

ОЧЕРКЪ ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ И НРАВОВЪ

ВЕЛИКОРУССКАГО НАРОДА

ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ.

IX.

ОДЕЖДА.

Старинная русская одежда представляетъ съ перваго вида большую сложность и разнообразіе; но, присмотрѣвшись къ частностямъ ея, легко узнать во множествѣ наименованій больше сходства между собою, чѣмъ отличія, которое преимущественно основывалось на особенностяхъ покроя, къ сожалѣнію теперь мало понятныхъ для нашего времени. Вообще одежда была одинакова по покрою какъ у царей, такъ и у крестьянъ, носила одни и тѣже названія и отличалась только степенью убранства.

Обувь простаго народа была — лапти изъ древесной коры — обувь древняя, употребительная во времена язычества. Кромѣ лаптей изъ коры, носили, башмаки, сплетенныя изъ прутьевъ, лозы (Petr. 314); вѣроятно эту обувь разумѣли подъ названіемъ плениць (А. отн. къ Ю. В. 53); нѣкоторые же носили подошвы изъ кожи и подвязывали ихъ ремнями, обмотанными вокругъ ноги (Das. gr. Reich. v. Mosc. 187). Какъ крестьяне, такъ и крестьянки носили эту обувь. Обувь людей съ достаткомъ составляли сапоги, чоботы, ба-

шмаки и ичетыги. Всѣ эти виды дѣлались изъ телячьей кожи, изъ коровьяго опойка, изъ конской кожи, изъ юфти, у богатыхъ изъ персидскаго и турецкаго сафьяна (А. И. VI. 399. Доп. III 145. Врем. XIII. Расх. кн. Ник. 60. — Ворон. Акты I. 116. — Olear. 182). Сапоги носились до колѣнъ и служили вмѣсто штановъ для нижней части тѣла, и для того подкладывались холстиною; ихъ снабжали высокими желѣзными подборами и подковами, со множествомъ гвоздей по всей подошвѣ; у царей и у знатныхъ лицъ эти гвозди были серебряные. Чоботы были полусапожки съ остроконечными загнутыми кверху носками. Башмаки были принадлежностію не только женщинъ, но и мужчинъ; при нихъ носили ичетыги или ичеготы, иначе поговицы (нынѣ еще употребляютъ кое-гдѣ эту старую, заимствованную отъ татаръ обувь подъ именемъ ичеги и поговицъ): — это были сафьянные чулки и раздѣлялись на два вида: полные, достигавшіе до колѣнъ и полуполные. При сапогахъ и чоботахъ носились чулки, шерстяные или шелковые, а зимою подбитые мѣхомъ. Женская обувь была почти таже, что и у мужчинъ; башмаки были съ такими высокими подборами, что передняя ступня не касалась земли, если стать на каблукъ. При нихъ были шерстяные или шелковые чулки. Посадскія жены носили также большіе сапоги до колѣнъ, но дворянки ходили только въ башмакахъ и чоботахъ. Бѣдныя крестьянки ходили въ лаптяхъ, какъ и мужья ихъ.

Сапоги, чоботы, башмаки, ичетыги были всегда цвѣтные, чаще всего красные и желтые — иногда зеленые, голубые, лазоревые, бѣлые, тѣлеснаго цвѣта; они расшивались золотомъ, особенно въ верхнихъ частяхъ на голенищахъ, съ изображеніями единороговъ, листьевъ, цвѣтовъ и проч., и унизывались жемчугомъ; особенно женскіе башмаки украшались такъ густо, что не видно было сафьяну. (Вых. цар. 492. 494. — Домостр. 4. 54. — Врем. VII. оп. им. царя Ив. Вас. 8. VIII. оп. им. Тат. XIII. расх. кн. Ник. 60. — Ворон. Акты I. 115. — А. г. Шуи. 119. 174. — Olear. 182. — Раф. Барб. 97. — Crull. 135. — Carlisle 332. — Fletch 97. — Petr. 306. 307. — Das gr. Reich v. Mosc. 203).

Въ зажиточныхъ русскихъ домахъ обувь вообще дѣлалась дома и для этого держали въ дворѣ знающихъ холоповъ (Домостр. 54).

Рубахи у простонародія были холщевыя, у знатныхъ и богатыхъ шелковыя. Русскіе любили красныя рубахи, и считали ихъ нарядными бѣльемъ. Домострой совѣтуетъ обращать особое вниманіе на мытье красныхъ рубахъ, какъ на принадлежность лучшей одежды. Русскія мужскія рубахи дѣлались широкія и короткія и едва достигали до ляжекъ, опускались сверхъ исподняго платья и подпоясы-

вались низко и слабо узкимъ пояскомъ, называемымъ опояскою. Въ холщевыхъ рубахахъ подъ мышками дѣлали треугольныя вставки изъ другаго полотна, расшитаго пряжею или шелкомъ, или же изъ цвѣтной тафты. По подолу и по краямъ рукавовъ, рубахи окаймлялись тесьмами, расшитыми золотомъ и шелками, шириною пальца въ два; у знатныхъ и богатыхъ вышивали также рукава и грудь, и потому оставляли рубаху открытою изъ подъ платья. Такія вышитыя рубахи назывались ношевыми. Но преимущественно обращали вниманіе на воротникъ рубахи, который выпускался изъ подъ верхняго одѣянія пальца на два и окружалъ затылокъ въ родѣ нынѣшнихъ пудреныхъ воротниковъ. Этотъ воротникъ назывался ожерельемъ. Его дѣлали особо отъ рубахи и пристегали къ ней, когда было нужно, у богатыхъ золотыми и серебряными золочеными, у бѣдныхъ мѣдными пуговицами; иногда же, вмѣсто пуговокъ, употреблялись запонки съ петлями. Такое ожерелье, кромѣ вышивки золотомъ и шелками въ видѣ разныхъ узоровъ, унизывалось жемчугомъ. Это-то ожерелье собственно въ старину называлось рубашкою; но въ XVII в. называли его сорочкою, а рубашкою или рубахою одежду, къ которой оно пристегивалось.

Русскіе штаны или порты шились безъ разрѣзовъ, съ узломъ, такъ что посредствомъ его можно было дѣлать ихъ шире и уже. У бѣдныхъ они дѣлались изъ холста, бѣлаго и крашенаго, изъ сермяги — грубой шерстяной ткани; у зажиточныхъ изъ суконъ; лѣтомъ богатые надѣвали тафтяные штаны или изъ какой нибудь другой легкой шелковой матеріи. У царей (вѣроятно и у бояръ) иногда бывали штаны изъ тяжелыхъ шелковыхъ тканей, напр. изъ объяри. Вообще русскіе штаны были не длинны и достигали только до колѣнъ, дѣлались съ карманами, называемыми зепью, и были разныхъ цвѣтовъ: напр. желтые, лазоревые и чаще всего красные (А. И. 1, 335. — Домостр. 51. — Выход. цар. 219. 622. — А. Ю. 371. — Оп. Шуя 453. — А. г. Шуи 174. — Оп. им. Тат. Врем. VIII. — Herberst. 36. — Барб. 54. — Tuberv. 455. — Petr. 306. — Olear. 181. — Mejerb. 100. — Strauss. 197. — Crull. 135. — Carlis. 332).

На рубаху и штаны надѣвались три одежды: одна на другую. Исподняя была домашняя, въ которой сидѣли дома; если же нужно было идти въ гости или принимать гостей, то надѣвалась на нее другая; третья была накидная для выхода. Хотя существуетъ много названій одеждъ, но всѣ эти названія относятся къ какому-нибудь изъ этихъ трехъ видовъ.

Исподняя одежда называлась зипунъ, какъ у царей, такъ и у крестьянъ. Это было платье узкое, короткое, иногда достигавшее до колѣнъ, рѣдко до икоръ, но часто не доходившее даже и до ко-

лѣнъ, въ родѣ камзола. Въ кройльной книгѣ царскаго двора длина зипуна означена въ одинъ аршинъ шесть вершковъ, когда платье, сдѣланное на то же лицо во весь ростъ, имѣло въ длину два аршина три вершка. У людей простыхъ и небогатыхъ зипуны дѣлались изъ крашенины, зимніе изъ сермяги, у людей состоятельныхъ изъ легкой шелковой матеріи, напр. тафты, часто бѣлаго цвѣта, съ пуговицами. Иногда рукава къ нему придѣлывались изъ другой какой нибудь матеріи; напримѣръ, зипунъ былъ изъ бѣлаго атласа, а рукава къ нему изъ серебряной объяри; но часто зипуны были совсѣмъ безъ рукавовъ, въ родѣ нынѣшнихъ поддѣвокъ. Воротники дѣлались узкіе и малые, а иногда къ зипунамъ, какъ и къ рубахѣ, пристегали шитый и разукрашенный жемчугомъ и камнями отдѣльный воротникъ, называемый обнизью. Такихъ обнизей хранилось много и ихъ пристегали по мѣрѣ надобности покажется нарядное или проще. Онѣ были разныя величины: большія и малыя. Если обнизь употреблялась большая, то къ рубахѣ вовсе не пристегивалось ожерелье, а если малая, то изъ подъ нея видѣлось ожерелье рубахи. Кромѣ зипуна, въ XVI вѣкѣ была подобная же комнатная одежда, сарафанецъ, какъ кажется начавшій выходить изъ употребленія въ XVII столѣтіи; ихъ носили вмѣсто зипуна съ обнизьями; они были длинны.

На зипунъ надѣвали вторую одежду, которая имѣла нѣсколько названій; но ихъ различіе между собою въ отношеніи покрои теперь опредѣлить трудно. Самый обыкновенный и повсемѣстный видъ этого рода одежды былъ кафтанъ, достигавшій до пятъ, или только до икръ, чтобъ оставлять на показъ разноцвѣтные сапоги. Иногда сзади дѣлали его на вершокъ или на полвершка короче, чѣмъ напереди, и по длинѣ различали два рода кафтановъ: кафтаны и кафтанцы. Рукава ихъ были чрезвычайно длинны, достигали до земли и сбирались въ складки или бранки, такъ что ладонь можно было по произволу закрывать и оставлять открытою, и такимъ образомъ концы рукавовъ замѣняли перчатки. Въ зимнее время эти рукава служили вмѣсто муфты отъ стужи, а рабочіе люди посредствомъ ихъ могли удобно брать вещи, до которыхъ нельзя касаться голыми руками, напр. горячую посуду. Въ нарядныхъ кафтанахъ часть рукава при концѣ вшивалась запястье, вышивалась золотомъ, украшалась жемчугами и пристегивалась къ кафтану особо. Разрѣзъ на кафтанѣ былъ только спереди и огорачивался тесьмою; также точно оторочивался и подолъ. Къ этой тесьмѣ пришивали металлическое кружево (золотое или серебряное), сдѣланное съ разными фигурами. Вдоль по кафтану, параллельно съ разрѣзомъ, по обѣимъ сторонамъ дѣлались нашивки изъ другой матеріи

и другаго цвѣта, въ видѣ четвероугольниковъ или круговъ, и на эти нашивки пришивались завязки съ кистьми и снурки, чтобъ застегать кафтанъ; иногда же вмѣсто завязокъ дѣлали на одной сторонѣ на нашивкахъ висячія петли; на другой также къ нашивкамъ прикрѣплялись пуговицы. Въ XVI в. кафтаны застегались наше завязками, на подобіе татарскихъ; но русскіе отличали свои отъ татарскихъ тѣмъ, что застегали не на лѣвой, а на правой сторонѣ. Впослѣдствіи начали употреблять чаще пуговицы — до двѣнадцати и до тринадцати на кафтанѣ: онѣ всѣ были на груди; остальная часть разрѣза всегда оставалась не застегнутою. Воротники на кафтанахъ обыкновенно были узкіе и малые; изъ-подъ нихъ высовывались обшивь зипуна или ожерелье рубахи; но иногда къ кафтану пристегалось отложное ожерелье, расшитое золотомъ и усыпанное жемчугами. Манжеты кафтана подбивались всегда матеріями низшаго достоинства, чѣмъ лицевая; и сверхъ того кафтаны, кромѣ тесьмы по подолу, подъ всю и выше ея, окаймлялись полосою матеріи другаго цвѣта, чѣмъ кафтанъ; она называлась подпушкою. Зимніе кафтаны дѣлались и на мѣхахъ, но обыкновенно легкихъ, напр., на собольихъ пупкахъ, или на бѣлыхъ черевахъ; такіе теплые кафтаны назывались шокуями.

Къ этому разряду средней одежды относится чуга — одежда, приспособленная къ путешествію и верховой ѣздѣ. Это былъ узкій кафтанъ, съ рукавами только по локоть и короче обыкновенныхъ кафтановъ, какъ это видно изъ прейскуранта ея, ибо когда кафтанъ былъ длиною въ два аршина шесть вершковъ, съ рукавами длиною въ одинъ аршинъ пять вершковъ, чуга для той же особы была длиною въ одинъ аршинъ съ тремя четвертями и съ рукавами въ девять вершковъ. Чуга подпоясывалась поясомъ, за который закладывался ножикъ и ложки, а на грудь привѣшивалась перевязь съ дорожною сулеею. Тѣ же принадлежности, какими украшались кафтаны — пищали, оружіе, подпушки — были, по желанію, и на чугахъ; чуги всегда застегались пуговицами.

Ферязями назывались одежды, надѣваемыя такъ же, какъ и кафтанъ, на зипуны; онѣ были съ длинными рукавами, широкія въ плечахъ и уже книзу въ подолѣ, почти всегда безъ оружія и отворотнаго ожерелья, лѣтнія изъ какой нибудь легкой матеріи, зимнія теплыя на мѣхахъ. Трудно себѣ представить, чѣмъ отличалась эта одежда отъ кафтана. У Флетчера, при описаніи русской одежды, она поставлена третьимъ верхнимъ платьемъ — первое зипунъ, второе или среднее узкій кафтанъ съ ложкомъ и ножикомъ за поясомъ (подъ которымъ англичанинъ разумѣетъ чугу), третье ферязь — просторное платье, окаймленное позументомъ (Fletch. 27). У Олеа-

рія, напротивъ, говорится, что русскіе надѣвали рубаху и штаны, потомъ зипунъ, на зипунъ ферязь, сдѣланную изъ какой нибудь легкой матеріи, а на ферязь кафтанъ (Olear. 181), такъ что у него выходитъ четыре одежды (съ верхнею или накидною) и ферязью называлась одежда средняя между зипуномъ и кафтаномъ. Все, что можно вывести изъ обычныхъ извѣстій объ этомъ родѣ одежды — это то, что ферязь былъ болѣе комнатный родъ кафтана. Названіе его персидское и вошло къ намъ въ XVI вѣкѣ. Оно было въ употребленіи какъ у царей, такъ и у простаго народа. На ферязяхъ дѣлались нашивки, называемыя образцами. Это были — нѣсколько вышитыхъ золотомъ или шелками небольшихъ мѣстъ, формы круглой, или четыреугольной, отдѣленныя другъ отъ друга другой матеріей. Ферязи застегивались завязками.

Кромѣ кафтана, чуги и ферязей, къ разряду средней одежды относились: ормякъ, тегилай, терликъ. Ормяки дѣлались съ прорѣхами, съ кружевами, образцами, какъ ферязи, и съ вышитыми воротниками. Его полы не сходились вмѣстѣ, а закидывались одни на другую. Тегилай была одежда съ множествомъ пуговицъ, напр. съ шестидесятью-восемью или съ пятидесятью-шестью. Особенности покроя его неизвѣстны, какъ и терлика. Впрочемъ, подъ послѣднимъ, кажется, разумѣли тоже, что и подъ именемъ чуги, то есть короткое платье, удобное для верховой ѣзды; но онъ носился такъ же разомъ съ кафтаномъ, какъ напримѣръ, въ одномъ описаніи свадебъ, свадебные поѣзжане описываются одѣтыми въ терликахъ и кафтанахъ разомъ.

Верхнія или накидныя одежды были: опашень, охабень, однорядка, ферезѣя, епанча и шуба. Опашень была лѣтняя одежда, ибо въ царскихъ выходахъ упоминается только лѣтомъ; осенью и весною и вообще въ ненастную и сырую погоду надѣвали однорядку. Какъ опашень, такъ и однорядка дѣлались широкіе, длиною до пятъ, съ длинными рукавами, съ кружевами по краямъ разрѣза, нашивками по бокамъ вдоль разрѣза, застегались пуговицами; иногда къ воротнику пристегалось оперелье. Опашни дѣлались изъ сукна, у богачей нерѣдко изъ шелковыхъ матерій; однорядка всегда изъ сукна. Охабень былъ плащъ съ рукавами и съ капишономъ сзади. Ферезѣя — плащъ съ рукавами — надѣвалась во время дороги. Епанча была двухъ родовъ: одна дорожная изъ верблюжьей шерсти или грубаго сукна, другая нарядная изъ богатой матеріи, подбитая мѣхомъ больше для пышности, чѣмъ для тепла. Послѣдняго рода епанчу надѣвали, когда выѣзжали верхомъ и красовались предъ народомъ; она дѣлались безъ рукавовъ и безъ прорѣхъ для рукъ, накидывались на плеча и застегались

на шеѣ пуговицами или завязками. Шубы были самымъ нарядным платьемъ для русскаго, потому что русскіе, при бѣдности природы своего отечества, только и могли щеголять передъ другими народами, что мѣхами. Множество мѣховъ въ домѣ составляло признакъ довольства и зажиточности. Случалось, что русскіе не только выходили въ шубахъ на морозъ, но сидѣли въ нихъ въ комнатахъ, принимая гостей, чтобъ выказать свое богатство. У бѣдныхъ были шубы овчинныя, или тулупы, и заячьи, у людей средственнаго состоянія бѣличьи и куньи, у богатыхъ собольи и лисьи разныхъ видовъ: лисицъ чернобурыхъ, черныхъ, сѣрыхъ, сиводушчатыхъ. Дѣлали также шубы изъ горностаевъ, вѣроятно только для щегольства. На шубы употреблялись разныя части звѣринаго мѣха, не смѣшивая одну съ другою; шубы дѣлались на пупкахъ, черевахъ и храбтахъ и имѣли по этому свои названія: хребтовая шуба, черевая и проч. Шубы покрывались обыкновенно сукномъ, но часто и шелковыми тканями. На нихъ помѣщали по бокамъ разрѣза нашивки, по другой матеріи, а не той, которою покрыта сама шуба, на эти нашивки пришивались петли и пуговицы; а самый разрѣзъ окаймлялся металлическимъ кружевомъ. Но щегольство не всегда требовало пышной покрышки и блестящихъ украшеній для шубы; иногда русскіе щеголяли одними мѣхами и полагали, что достоинство мѣха выказывается ярче, когда онъ лишенъ всякихъ посторонникъ прикрасъ; такимъ образомъ, иногда ходили просто въ нагольныхъ шубахъ. Такъ однажды царь Михаилъ Ѳедоровичъ сидѣлъ за нараднымъ столомъ въ нагольной шубѣ. Вообще шубы различались въ этомъ отношеніи на нарядныя и санныя. Въ первыхъ только ходили въ церковь, въ гости, да являлись дома передъ гостьми на показъ; въ послѣднихъ выѣзжали въ дорогу (А. И. III, 334).

Для всѣхъ вообще мужскихъ одеждъ, описанныхъ здѣсь, люди средняго состоянія употребляли сукна, привозимыя изъ-за границы, зуфь (родъ камлота), а для праздничныхъ платьевъ шелковыя матеріи. У людей, болѣе зажиточныхъ, покрывались шелковыми тканями и будничныя одежды. Шелковыя матеріи въ старину болѣе употребительныя были: дороги, кипидки, тюфта (роды дешевые), камки, бархатъ, атласъ, объярь, алтабасъ и зарбевъ. Тогдашній вкусъ требовалъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ, какъ на сукнахъ, такъ и на матеріяхъ. Черные и вообще темные цвѣта употреблялись только на печальныхъ (траурныхъ) или такъ называемыхъ смирныхъ одеждахъ. По понятіямъ вѣка, яркихъ цвѣтовъ платья внушали уваженіе, и потому цари приказывали начальствующимъ лицамъ въ торжественныхъ случаяхъ, когда надобно было дѣйствовать на народъ, одѣваться въ цвѣтное платье. Служилые люди, по

время какого нибудь торжественнаго событія, выходящаго изъ повседневной среды, одѣвались въ цвѣтныя одежды (Доп. II, 267). Всевозможные цвѣта самыхъ яркихъ оттѣнковъ можно было встрѣтить на русскихъ одеждахъ, но преимущественно красные; изъ нихъ особенно любили червчатый отливъ (красно-фіолетовый). Этотъ цвѣтъ былъ въ такомъ употребленіи, что одинъ иностранецъ замѣтилъ, что всѣ городскіе жители (посадскіе) носятъ платье такого цвѣта. Даже духовныя особы носили рясы красныхъ цвѣтовъ. За красными цвѣтами, въ числѣ болѣе употребительныхъ, были цвѣта лазоревый, зеленый и вишневый, за этими слѣдовали рудожелтый, шафранный, лимонный, песочный, кирпичный, сизовый, соломенный, маковый, таусинный, дымчатый, цѣнинный и проч. Шелковыя матеріи, исключая невысокихъ сортовъ, какъ напр. дорогъ, киндяка и тафты, ткались вмѣстѣ съ золотомъ и серебромъ, однѣ съ золотыми и съ серебряными узорами по цвѣтному фонду ткани, другія были затканы золотомъ и серебромъ, такъ что по золотому полю выводились серебряные, а по серебряному золотые узоры и фигуры, какъ напримѣръ: чешуя, большіе и малые круги, струи (преимущественно въ объяри), рѣки, травы, листья, птицы, змѣйки, изображенія людей, и стоящихъ, и лежащихъ, и съ крыльями, и проч. и проч.; иногда серебро и золото переплеталось съ шелками, напр. по серебряной землѣ (фонѣ) золотые узоры пополамъ съ шелками трехъ цвѣтовъ, или напр., круги изъ золота, переплетеннаго съ зеленымъ и червчатымъ шелками, а между кругами листья; иногда золотые и серебряные узоры по ткани чередовались между собою, а иногда по серебряной или по золотой землѣ вышивались узоры шелками и выбивался бархатъ; иногда золотыя и серебряныя полосы на ткани чередовались съ шелковыми, напр. атласъ золотной, а по немъ полосы червчатаго, лазореваго и вишневаго цвѣтовъ. Изъ тогдашнихъ шелковыхъ матерій самыя цѣнныя были: бархатъ, атласъ, алтабасъ и зарбафъ; послѣднія два вида привозились съ востока и употреблялись на самыя драгоцѣнныя одежды царей и знатныхъ бояръ. Золотное платье считалось атрибутомъ достоинства у бояръ и думныхъ людей, окружавшихъ царскую особу, и когда принимали пословъ, то всѣмъ, не имѣющимъ такого рода платьевъ, раздавали ихъ на время изъ царской казны. Особенная драгоцѣнность русскихъ мужескихъ нарядовъ заключалась преимущественно въ нашивкахъ, ожерельяхъ, запястьяхъ, кружевахъ и пуговицахъ. Нашивки, какъ сказано, дѣлались всегда изъ матеріи отличной отъ той, которая была на лицевой сторонѣ всей одежды, напримѣръ: при зеленомъ сукнѣ нашивки красныя; при при красномъ или червчатомъ, нашивки зеленыя или голубыя. Подъ

цайкъ [illegible] дѣлались [illegible] и [illegible], называемая корзерки.
Напилки, ожерелья и запястья у богатыхъ унизывались жемчугомъ
и драгоцѣнными каменьями; на ожерельяхъ, кромѣ жемчуга и камней,
всегда ставились золотыя пуговицы; у бѣдныхъ для [illegible] служили
куски [illegible], а пуговки на ожерельяхъ были [illegible] изъ
пряжи. Кружева были разнообразны и носили по своимъ формамъ
разныя названія, напр., [illegible], [illegible], рѣшетчатое, [illegible]-
тое, [illegible], цѣпковое; кружево [illegible] бахромою. Пуго-
вицы у богатыхъ дѣлались всегда изъ жемчуга, и [illegible] отли-
чались тѣмъ, что каждая пуговица состояла изъ одной большой жем-
чужины; золотыя и серебряныя пуговицы носили разныя названія
по роду работы, какъ напр., [illegible], [illegible], граненыя,
или по своей формѣ, какъ напр., грушевидныя, [illegible], про-
рѣзныя, сѣтчатыя, [illegible], [illegible], [illegible]. Слу-
чалось, [illegible], вмѣсто металлическихъ пуговицъ, [illegible]
[illegible] и [illegible] и хрустальныя. [illegible] носили [illegible]
пуговицы [illegible] не [illegible]; [illegible] и богатые. Величина ихъ была
очень различна, напр., иногда онѣ [illegible] до размѣра яйца. Число
ихъ было чаще всего одиннадцать и двѣнадцать на одеждѣ, иногда
четырнадцать и [illegible], онѣ [illegible] на [illegible].
[illegible] въ [illegible], [illegible]; [illegible] было значитель-
но больше, но онѣ были [illegible].

Обыкновеніе русскихъ [illegible] длинные рукава
одеждъ [illegible] ихъ необходимость. [illegible] царь [illegible]
[illegible] рукавицы и [illegible]
[illegible], и потому [illegible] были [illegible]
[illegible] (Паерле 37. [illegible] 70). [illegible] рукавицы
[illegible], у [illegible] были [illegible],
[illegible], у [illegible] сукномъ, [illegible]
проч., [illegible] (Оп. [illegible] 250). [illegible]
[illegible] рукавицы, а [illegible] — [illegible] — [illegible].

Всѣ носили пояса и считали [illegible] быть безъ пояса.
Кромѣ [illegible] на рубахѣ, носили пояса [illegible] и
[illegible]. У небога-
тыхъ людей пояса были [illegible], у богатыхъ они
дѣлались изъ [illegible] матерій и украшались разными драгоцѣн-
ностями. [illegible] пояса [illegible] цвѣтныхъ,
[illegible] драгоцѣнности (С. г. гр. I. 61). Они [illegible]
[illegible], напр., бѣлые, [illegible]
[illegible], или напр., пояса [illegible] и [illegible] съ [illegible]
[illegible], и въ каждомъ поясѣ [illegible] въ одной [illegible],
въ другой копытцы, въ третьей шильцы (Врем. VII.). Пояса укра-

шивались золотыми и серебряными бляхами, которыя назывались *мѣшцами*, фигуры круглой, продолговатой, четвероугольной и многоугольной, съ вырѣзками по угламъ; между бляхами накладывались другія металлическія украшенія, называемыя перечеями. На самыхъ бляхахъ чеканились разныя фигуры, какъ-то: звѣри, птицы, всадники, травы. Иногда на поясахъ, вмѣсто металлическихъ бляхъ, нашивались косые образцы изъ матерій другаго рода, чѣмъ самъ поясъ. Къ поясамъ привѣшивались крючья, которыми они застегивались. О величинѣ поясовъ можно судить потому, что у одного боярина въ XVII вѣкѣ былъ поясъ длиною въ пять аршинъ пять вершковъ и въ шесть вершковъ шириною.

Русская шапка была четырехъ родовъ. Зажиточные люди, слѣдуя восточнымъ обычаямъ, укоренившимся въ Россіи, носили маленькія шапочки, называемыя тафьями, прикрывавшія только макушку, расшитыя шелками, а у богатыхъ золотомъ и унизанныя жемчугомъ. Ихъ носили и въ комнатѣ, и царь Иванъ Грозный ходилъ въ ней и въ церковь и за это поссорился съ митрополитомъ Филиппомъ. Другой видъ шапки — остроконечный, назывался колпакомъ. Богатые носили его изъ атласа, обыкновенно бѣлаго, но къ его окраинѣ пристегивался околышекъ, называемый ожерельемъ, унизанный жемчугомъ и золотыми пуговками, иногда съ драгоцѣнными камнями. Сверхъ того на передней сторонѣ колпака прикалывали золотую запону. Зимою такой колпакъ подбивался мѣхомъ, который заворачивался наружу широкою полосою. Эти колпаки дѣлались съ продольными разрѣзами напереди и сзади до половины; разрѣзы эти окаймлялись жемчужными снурками и застегивались пуговками. Такой формы колпаки носили и бѣдные мужики, изъ сукна или изъ войлока, зимою подбитые овчиною или какимъ-нибудь недорогимъ мѣхомъ. Третій родъ шапокъ былъ — четвероугольная низкая шапка съ мѣховымъ околышемъ изъ черной лисицы, собола или бобра; притомъ этотъ околышекъ пришивался для красоты, а зимою вся шапка была подбита мѣхомъ или хлопчатой бумагой. На ней дѣлались такія прорѣхи, какъ и на колпакѣ, съ пуговицами, по двѣсти на каждой прорѣхѣ. Верхъ ея былъ чаще всего суконный, малиноваго, вишневаго, зеленаго и часто также червчатаго цвѣта: избѣгая чернаго цвѣта на платьяхъ, русскіе считали его приличнымъ на похоронахъ. Этого рода шапки носили дворяне, дьяки и бояре, когда не были въ нарядѣ. Четвертый родъ шапокъ были такъ называемыя горлатныя шапки — исключительная принадлежность князей и бояръ. Одинаковость одежды у всѣхъ сословій дѣлала шапку признакомъ. По шапкѣ можно было узнавать происхожденіе и достоинство (*). Высокія шап-

(*) Вѣроятно, оттуда возникла пословица: по Сенькѣ шапка.

ли означали знатность породы и сана. Какъ бы великолѣпно ни одѣлся посадскій, онъ не смѣлъ надѣть высокой шапки, и даже въ самыхъ колпакахъ, — обыкновенной народной шапкѣ, — вышина соразмѣрялась съ знатностію носившаго шапку.

Горлатныя шапки дѣлались изъ драгоцѣнныхъ мѣховъ съ суконнымъ верхомъ, а иногда съ мѣховымъ. По своей фигурѣ онѣ составляли обратную противоположность колпаку, ибо къ верху были шире, къ низу уже. Спереди дѣлалась прорѣха, окаймленная вдоль образцами или плащами съ насѣчками. На одной сторонѣ прорѣхи дѣлались петли, густо обложенныя жемчугомъ, изображавшія какую-нибудь фигуру, наприм., въ видѣ змѣйки, львиной головки и проч., на другой сторонѣ прикрѣплялись золотыя пуговки, иногда съ драгоцѣнными камнями въ срединѣ. Во время выхода бояринъ надѣвалъ тафью, на тафью колпакъ, а на колпакъ горлатную шапку. Также и въ царскихъ выходахъ царямъ подавались шапки съ колпакомъ. Знатные люди считали приличіемъ и достоинствомъ своего сана кутать какъ можно больше голову, и часто въ комнатѣ за нарядными столами сидѣли въ своихъ тяжелыхъ шапкахъ. Когда они возвращались домой, то, снявъ шапку, надѣвали ее на болванецъ, расписанный нарядно и составлявшій украшеніе въ домѣ. Обычай такъ закутывать голову поддерживался тѣмъ, что русскіе, по восточному обычаю, очень плотно стриглись, а иногда даже и брили себѣ головы. Только тѣ, которые теряли родныхъ или попадали въ царскую немилость, отращивали на головѣ волосы въ знакъ печали; безъ этого всѣ старались стричься какъ можно плотнѣе и передъ каждымъ большимъ праздникомъ всѣ считали долгомъ непремѣнно остричься. За то всѣ носили бороды и чѣмъ борода была длиннѣе, тѣмъ особа человѣка считалась почтеннѣе и величественнѣе. Богатый человѣкъ холилъ ее, берегъ, и расчесывалъ гребешкомъ изъ слоновой или моржевой кости. При Василіѣ Ивановичѣ начало было входить въ обычай бритье бородъ, и самъ великій князь послѣдовалъ этому обычаю; но духовенство возстало противъ него и Стоглавъ предалъ неблагословенію церкви дерзающихъ отступать отъ древняго обычая. Подъ защитою церкви борода долго сохранялась и почиталась необходимою принадлежностію человѣка, и если у кого отъ природы не росла борода, къ тому питали недовѣріе и считали его способнымъ на дурное дѣло. (Fletch. 271. — Olear. 179. 164. — Jenkins. 157. — Carlis. 329. — А. И. III. 334. — Врем. VII. Матер. для ист. иконоп. 73. — Chancel. 264. — Врем. XIII. — Доп. I. 169. III. 145).

Въ довершеніе блеска своихъ одеждъ русскіе украшали уши серьгами, одной серьгой, и вѣшали на шеѣ драгоцѣнныя золотыя или позолоченыя цѣпи, а къ самымъ цѣпямъ прикрѣпляли крестъ и

такія цѣпи передавались вмѣстѣ съ крестами отъ родителей къ сыновьямъ, какъ залогъ благословенія. Также цари жаловали ими своихъ приближенныхъ. Иногда онѣ были такъ массивны, что вѣсили до двухъ фунтовъ. На пальцы надѣвали русскіе множество перстней съ алмазами, яхонтами, изумрудами и сердоликами, съ вырѣзанными на нихъ печатьми; можно было встрѣтить перстни въ золотыхъ ободочкахъ и съ желѣзною печатью. Встарину не было наслѣдственныхъ и гербовыхъ печатей; всякій дѣлалъ себѣ произвольно по вкусу на перстняхъ печати. Кромѣ перстня съ печатью, на рукахъ у русскаго было еще ихъ нѣсколько съ камнями, такъ что иногда трудно было разогнуть пальцы. Обиліе камней въ старинномъ русскомъ туалетѣ не должно изумлять читателей, потому что по большей части эти камни были низкаго достоинства, такъ называемое, по тогдашнему образу выраженія, плохое каменье, да и люди съ состояніемъ часто платили хорошія деньги за дурные камни, потому что не умѣли распознавать ихъ достоинства. (Времен. VII. 28. 37. — С. г. гр. I. 271. 406. — Коник. 22. — Petr. 290. — А. И. II. 406.)

Для утиранія носа русскіе носили платки, которые у зажиточныхъ дѣлались изъ тафты и оторочивались золотою бахромою, но ихъ хранили не въ карманахъ, а въ шапкахъ, и когда сидѣли въ гостяхъ, то держали въ рукахъ шапку, а въ ней платокъ. Впрочемъ не считалось неприличнымъ высморкаться и двумя пальцами, даже за столомъ и потомъ обтереть руки о скатерть. Простонародіе не знало носовыхъ платковъ вовсе и не предполагало, чтобъ они могли быть необходимы.

Въ довершеніе русскаго наряда, люди знатные привѣшивали шпаги. Это право предоставлялось только служилымъ и тѣмъ, которые по своему происхожденію его заслуживали, именно: боярамъ, окольничимъ, стольникамъ, иноземцамъ, начальнымъ людямъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ; простолюдинамъ, посадскимъ и крестьянамъ запрещалось ходить съ оружіемъ (С. г. гр. 467), за то и знатные и не знатные не иначе выходили изъ домовъ, какъ съ тростью или палкою, которая обдѣлывалась точенымъ набалдашникомъ, съ вычеканеннымъ наконечникомъ. Набалдашникъ раскрашивался или окладывался перламутромъ (Кильбург. 32). Посохъ служилъ вмѣстѣ эмблемою степенности и важности; отъ этого цари не иначе даже выходили изъ своихъ покоевъ, какъ съ посохомъ.

Женскія одежды, по свидѣтельству Очевидцевъ, были похожи на мужскія, тѣмъ болѣе, что послѣднія вообще дѣлались длинными. Но однако въ одеждахъ двухъ половъ были и особенности, такъ что можно было съ перваго взгляда отличить женщину медали. Не говоря уже о головныхъ уборахъ, къ самымъ одеждамъ, носившимъ

тѣ же названія, какъ у мужчинъ, прибавлялось слово «женскій», напр. женская шуба, женскій опашень.

Женская рубаха была длинная, съ длинными рукавами, цвѣта бѣлаго или краснаго: красныя рубахи, какъ и у мужчинъ, считались нарядными бѣльемъ. Къ рукавамъ рубахи пристегивались запястья, вышитыя золотомъ и украшенныя жемчугами. Сверхъ рубашки надѣвался лѣтникъ: одежда эта не была длинна и по крайней мѣрѣ не доходила до пятъ, какъ это видно изъ кромлевой книги, гдѣ на царицу Евдокію Лукьяновну полагается для длины лѣтника аршинъ съ тремя четвертями, тогда какъ длина другой одежды на ту же особу простирается до двухъ аршинъ съ полувершкомъ. Рукава его были такъ длинны, какъ цѣлый лѣтникъ и чрезвычайно широки, напримѣръ, до тринадцати вершковъ и даже до тридцати. Эти рукава назывались наканками: они вышивались золотомъ и унизывались жемчугомъ. Подолъ обшивался иною матеріею съ золотою тесьмою, со снуркомъ и бахрамою. Вдоль одежды на передней сторонѣ дѣлался разрѣзъ, который застегивался до самаго горла, потому что приличіе требовало, чтобъ грудь женщины была застегнута какъ можно плотнѣе. Зимою лѣтники подбивались мѣхомъ и назывались кортелями.

Принадлежность лѣтника составляли вошвы, то есть вшитыя мѣста; но трудно рѣшить, гдѣ именно онѣ вшивались; нѣкоторые полагали, что онѣ пристегивались къ рукавамъ, но такъ какъ онѣ были очень широки, напр., семнадцать вершковъ, то едва ли была возможность пришить ихъ къ рукавамъ или наканкамъ, которые были и безъ того широки. Если только онѣ не одно и тоже, что наканки, то, быть можетъ, онѣ накладывались на полы лѣтника по обѣимъ сторонамъ разрѣза, какъ нашивки на мужскихъ кафтанахъ. Эти вошвы были всегда разцвѣчены и распещрены разными фигурами въ видѣ листьевъ, травъ, звѣрей и т. п.

Матеріи, изъ которыхъ дѣлались лѣтники, у зажиточныхъ были по большей части легкія, такъ какъ для мужскаго зимуна, напр. тафта, но иногда эти одежды дѣлались также изъ тяжелыхъ золототканныхъ и сребротканныхъ матерій. На подкладку употребляли менѣе цѣнныя матеріи, напр., киндяки или дороги. Цвѣта ихъ были различны. Упоминаются лѣтники лазоревые, зеленые, желтые, но чаще всего червчатые. Чтобъ имѣть понятіе о наружномъ видѣ этой одежды, приведемъ нѣсколько примѣровъ лѣтниковъ изъ богатой матеріи. Вотъ лѣтникъ червчатаго атласа, сотканнаго пополамъ съ золотомъ; вошвы чернаго бархата съ вышитыми узорами. Вотъ другой лѣтникъ: онъ сдѣланъ изъ червчатой камки съ серебряными и золотыми узорами, поочередно представляющими листья; вошвы на

нему изъ червчатаго бархата, расшитаго канителью и трунцеломъ; подолъ изъ лазореваго атласа. Вотъ третій лѣтникъ: онъ изъ матеріи сребротканной пополамъ съ золотомъ, вошвы къ нему чернаго бархата, съ расшитыми по немъ узорами. Вошвы чаще всего были другаго цвѣта, чѣмъ самый лѣтникъ, напримѣръ: лѣтникъ желтой камки, а вошвы къ нему золотнаго бархата; лѣтникъ полосатый, а вошвы чернаго бархата; лѣтникъ червчатый, вошвы изъ синяго ассамита. Небогатыя женщины носили лѣтникъ изъ зуфи, дороговъ, кишлака, а вошвы расшивали шелками и цвѣтною пряжею.

Къ лѣтникамъ, какъ къ мужскимъ зипунамъ, пристегивалось шейное ожерелье. У женщинъ оно тѣснѣе прилегало къ шеѣ, чѣмъ у мущинъ, и потому иностранцы находили его похожимъ на собачій ошейникъ. Оно состояло изъ тесьмы, очень часто чернаго цвѣта, вышитой золотомъ и унизанной жемчугомъ; къ воротнику лѣтника оно пристегивалось пуговками, обыкновенно числомъ до пяти. (С. г. гр. I. 303. 304. 340. — Оп. Шуи 408. — Времен. IV. см. 22. — V. см. 25. — А. Юр. 47. 444. — А. отн. къ юр. быту 563. — Olear. 212. — Пазрле 54. — А. г. Шуи 186. — Das. Gr. Reich von Mosc. 208. — Доп. къ Акт. Ист. I. 76.)

Верхняя женская одежда была опашень; это была одежда длинная съ частыми пуговицами отъ верху до низу; у богатыхъ онѣ были золотыя или серебряныя вызолоченныя, у бѣдныхъ оловянныя. Эта одежда дѣлалась изъ сукна, обыкновенно красныхъ цвѣтовъ; рукава были длинны до пятъ, но пониже плеча дѣлались прорѣзы или проймы, сквозь которыя свободно входила рука, а остальная часть рукава висѣла. Такимъ образомъ женщина могла показывать не только широкія накапки своего лѣтника, но и запястья своей рубахи, шитыя золотомъ. Кругомъ шеи пристегивался широкій мѣховой, обыкновенно бобровый воротникъ, называемый ожерельемъ, круглаго вида, покрывавшій грудь, плечи и спину. По прорѣзу и по подолу опашни окаймлялись кусками другой матеріи, расшитыми шелками и золотомъ. (А. отн. къ юр. б. 563. — А. И. I. 211. III. 63. — Olear. 183. — Carlis. 333. — Crull. 138. — Das. Gr. R. v. Mosc. 205.)

Другой видъ верхней женской одежды была тѣлогрѣя. Въ подробности отличіе покроя ея отъ опашня неизвѣстно; въ плечахъ дѣлалась она уже, къ подолу шире; рукава были длинные съ проймами, какъ въ опашнѣ, на краяхъ этихъ рукавовъ пристегивалось запястье изъ другой матеріи, обыкновенно вышитое; подолъ окладывался (подпушался) широкою полосою другой матеріи, а разрѣзъ, который застегивался пуговицами, обыкновенно пятнадцатью, окаймлялся металлическимъ кружевомъ или же тесьмою, густо расшитою

золотомъ. Тѣлогрѣи были холодныя и теплыя, напр. на куницахъ или соболяхъ. (Доп. I, 76. А. И. II. 29.—Достоп. Кремл. 61.—Опис. Шуи 403).

Женскія шубы отличались отъ мужскихъ, ибо упоминается названіе женская шуба. Шуба, повидимому, у женщинъ означала не всегда одно только мѣховое платье, потому что встрѣчается названіе холодная шуба (А. г. Шуи 187). Если лѣтникъ въ женскомъ одѣяніи соотвѣтствовалъ зипуну въ мужскомъ, то опашень и тѣлогрѣя соотвѣтствовали кафтану, а шуба означала вообще верхнюю накидную одежду. Кромѣ шубы, встрѣчаются названія женскихъ охабней, однорядокъ, ферязей, которые женщины носили съ поясомъ; въ другихъ случаяхъ эти верхнія одежды вообще назывались шубы. Мѣховыя женскія шубы дѣлались на соболѣ, куницахъ, лисицахъ, горностаяхъ, бѣлкахъ, зайцахъ, смотря по состоянію, покрывались сукнами и шелковыми матеріями, какъ-то: объярью, камкою, атласомъ, тафтою,—цвѣтовъ червчатаго, желтаго, зеленаго и бѣлаго; послѣдній цвѣтъ на женскихъ шубахъ былъ въ употребленіи въ XVI вѣкѣ, но въ XVII шубы покрывались часто цвѣтными тканями съ золотыми узорами. Отъ верху до низу напереди былъ разрѣзъ; онъ застегивался пуговицами и обкладывался кружевомъ металлическимъ, кованымъ или плетенымъ, либо шелковымъ, расшитымъ золотомъ и усаженнымъ дробницами. Вдоль разрѣза по обѣимъ сторонамъ дѣлались нашивки съ золотыми вышивками и съ кистями; а по шеѣ пристегивалось къ шубѣ ожерелье изъ другаго мѣха, напр., шуба бѣлячья или лисья, а ожерелье къ ней бобровое. Рукава женскихъ шубъ украшались по краямъ кружевомъ; они бережливо снимались и хранились, переходя отъ матерей къ дочерямъ какъ фамильная драгоцѣнность. (С. г. гр. I. 303. 340. 407. — Olear. 220. — А. И. I. 24. — Доп. I. 76. — Кильбург. 76. — А. г. Шуи 133. 174. 187.)

Въ торжественныхъ случаяхъ женщины надѣвали на обыкновенныя свои платья богатую мантію, называемую по-русски подволокою или приволокою. Она дѣлалась изъ шелковой матеріи, цвѣта червчатаго, бѣлаго, но чаще всего изъ золотной или серебряной, съ вошвами (вѣроятно, вышитыми мѣстами). Края этой мантіи были съ особенною нарядностію разукрашены плетенымъ кружевомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; она пристегивалась къ подволокѣ и снималась, когда нужно было, и [illegible] запушьемъ (С. г. гр. I. 303, 340. — Das Gr. Reich. IV. Mosc. 205). На голову замужнія женщины надѣвали волосникъ или подубрусникъ, — то была шапочка на подобіе сѣтки изъ шелковой матеріи, нерѣдко золотной, дѣлалась съ узломъ, посредствомъ котораго [illegible]

было ихъ съуживать и расширять и съ ошивкою или оторочкою по краю; эти ошивки унизывались жемчугомъ и камнями и перешивались съ одного волосника на другой и такимъ образомъ переходили изъ рода въ родъ. Волосникъ игралъ большую роль въ судьбѣ замужней женщины, ибо онъ былъ символомъ брачнаго состоянія и составлялъ необходимую и главную принадлежность приданаго. По понятіямъ вѣка, для замужней женщины считалось и стыдомъ и грѣхомъ оставлять на показъ свои волосы: опростоволосить (открыть волосы) женщину было для ней большимъ безчестіемъ. Скромная женщина боялась, чтобъ даже члены семейства, исключая мужа, не увидали ея волосъ; а въ новгородской землѣ вошло было даже въ обычай замужнимъ женщинамъ брить себѣ волосы, но этотъ обычай не одобрялся церковью. Правило скромности переходило въ щегольство, и нѣкоторыя женщины, укрывая волосы подъ волосникомъ, стягивали ихъ такъ туго, что едва могли моргать глазами: это казалось имъ красиво. Поверхъ волосника накладывался платокъ, обыкновенно бѣлый, и подвязывался подъ подбородокъ; его висячіе концы густо усаживались жемчугомъ. Этотъ платокъ назывался убрусомъ. Это былъ обыкновенный домашній головной уборъ. Когда женщины выходили въ церковь или въ гости, то надѣвали кику: то была шапка съ возвышенною плоскостью на лбу, называемою кичнымъ челомъ; чело было разукрашено золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, а иногда все состояло изъ серебрянаго листа, подбитаго матеріею. По бокамъ дѣлались возвышенія, называемыя переперы, также разукрашенныя; изъ-подъ нихъ, ниже ушей, спадали жемчужные шнуры, числомъ около четырехъ или до шести на каждой сторонѣ и достигали плечъ. Задняя часть кики дѣлалась изъ плотной матеріи, или соболинаго, или бобровато мѣха и называлась подзатыльникъ. По окраинѣ всей кики пристегалась жемчужная бахрама, называемая поднизью. Третій родъ головнаго убора былъ повойникъ, у богатыхъ также обложенный жемчугомъ.

Когда женщина выѣзжала, то на убрусъ надѣвала шляпу бѣлаго цвѣта съ полями, у богатыхъ покрытыми золотными матеріями, жемчужными и камнями; съ этой шляпы спадали на спину длинные снурки; когда шляпа была бѣлаго цвѣта, снурки обыкновенно были красные. Также надѣвали шапки, очень часто чернаго цвѣта, изъ бархата или другой матеріи, отороченныя дорогимъ мѣхомъ, иногда съ золотою запоною напереди и съ поднизью или кружевомъ по окраинѣ. Дѣвицы носили на головѣ вѣнцы: они имѣли форму городковъ и теремовъ, напримѣръ, изображеніе дома въ нѣсколько ярусовъ, отдѣлявшихся одинъ отъ другаго жемчужными поясками. У вѣнцовъ были поднизи, называемыя рясы. У другихъ вѣнцы были

проще фигурою и состояли только изъ золотой проволоки въ нѣсколько рядовъ, которые иногда украшались кораллами и камнями. Дѣвичій вѣнецъ былъ всегда безъ верха, потому что открытые волосы считались символомъ дѣвичества. Очень часто эти вѣнцы состояли изъ широкой повязки, вышитой золотомъ и усаженной жемчугами. Такая повязка съуживалась на затылкѣ и связывалась широкими лентами, иногда вышитыми, спадавшими на спину (De Bruyns. 48). Зимою дѣвицы покрывали голову высокою шапкою, собольею или бобровою, съ верхомъ изъ шелковой матеріи; она называлась столбунцемъ; изъ-подъ шапки выпадали на спину одна или двѣ косы, въ которыя вплетались красныя ленты. Иныя вовсе не заплетали себѣ косъ, а носили волосы распущенными по плечамъ. Дѣвицы простаго состоянія носили повязки, которыя спереди были шире, сзади съуживались и наконецъ спускались на спину длинными концами. Въ знакъ печали женщины и дѣвицы остригали себѣ волосы, какъ мужчины ихъ ростили по этому поводу. У дѣтей женскаго пола волосы всегда были острижены, точно какъ и у мальчиковъ, и дѣвочку можно было узнать только по небольшимъ пукамъ волосъ на вискахъ. (С. г. гр. 303. 410. — А. И. II. 406. — А. Ю. 419. — А. отн. къ юр. б. 563.—Достоп. Врем. 72.—Olear. 135. 179. 211.—Fletch. 273. 275.—Crull. 138.—Das. Gr. Reich. v. Mosc. 205.—Опис. Шуи 403.)

Какъ женщины, такъ и дѣвицы носили серьги. Какъ только дѣвочка начинала ходить, мать прокалывала ей уши и втыкала серьги или кольца; обычай этотъ равно сохранялся и у знатныхъ и у простыхъ. Самая обычная форма серегъ была продолговатая; иныя назывались двоичны, то есть двойныя, другія одиницы. Вообще серьги русскія были очень длинны. Бѣдныя женщины носили мѣдныя, болѣе зажиточныя—серебряныя, богатыя женщины золотыя съ драгоцѣнными камнями, преимущественно яхонтами и изумрудами, или золотыя со множествомъ мелкихъ камушковъ, называемыхъ искрами. У нѣкоторыхъ были серьги изъ цѣльныхъ драгоцѣнныхъ камней, обдѣланныхъ въ формахъ: грушевидной, круглой, овальной и тому подобное, иногда просверленныхъ на сквозь, съ двумя вставленными въ дирочки жемчужинами. (А. Ю. 97. 119. — А. И. II. 405.—А. г. Шуи 185. — Барбер. 85).

На рукахъ женщины носили обручи или зарукавья, то есть браслеты, также съ жемчугами и камнями, а на пальцахъ перстни и кольца, которыхъ нерѣдко было такъ же много, какъ и у мужчинъ. Женскіе перстни отличались отъ мужскихъ между прочимъ тѣмъ, что на нихъ не вырѣзывалось печатей и они вообще не были такъ массивны, какъ мужскіе; перстни эти были большею частію золотые

съ искрами, то есть мелкими камьшками, или съ сердоликами; у небогатыхъ серебряные позолоченные, съ мелкими жемчужинами. Шея женщины и дѣвицы была увѣшана множествомъ крестовъ, образовъ и нѣсколькими рядами монистъ жемчужныхъ и золотыхъ, иногда составленныхъ въ видѣ цѣпочки, на которыхъ висѣли рядами коротенькія цѣпочки, каждая съ крестикомъ. Кромѣ монистъ, знатныя женщины носили золотыя и серебряныя позолоченныя цѣпи, на которыхъ висѣли большіе кресты, отдѣланныя финифтью. Вообще на шеяхъ и на груди знатныхъ госпожъ въ Московіи, какъ и повсюду, укладывались большіе капиталы. За всякой невѣстой зажиточнаго состоянія везли на новоселье огромные сундуки съ нарядами и сверхъ того большое количество сыпнаго жемчуга, необходимаго для поправки платьевъ; иногда болѣе пуда. На платьяхъ, которыя надѣвались въ торжественныхъ случаяхъ, накладывалось невѣроятное множество украшеній. Платье Натальи Кириловны, которое на нее надѣли послѣ взятія въ дворецъ и нареченія царскою невѣстой, было такъ тяжело отъ вышиваній и жемчугу, что у невѣсты, когда она поносила его немного, заболѣли ноги. (А. г. Шуи 133, 185.—А. Юр. 47. 410.—А. И. II. 405. — Барбер. 50.—С. г. гр. II. 134.—Fletch, 274.—Petr. 317.—Das gr. Reich. v. Mosc. 215.—Врем. IV. см. 22).

Не довольствуясь обильными украшеніями, пестрившими до крайности одежду, — русская женщина бѣлилась и румянилась и приводила въ смѣхъ иностранцевъ своимъ неискуствомъ въ этомъ дѣлѣ; недурныя собою отъ природы, русскія женщины совершенно искажали свою красоту, налѣпливая на щеки краски до того, что, по замѣчанію Олеарія, казалось, будто бы кто нибудь размалевалъ ихъ кистью. Этого мало: онѣ размалевывали себѣ шею и руки бѣлою, красною, голубою и коричневою красками, окрашивали рѣсницы и брови и притомъ самымъ уродливымъ образомъ—чернили свѣтлыя, бѣлили черныя. Женщины, которыя были хороши собою и сознавали какъ не идетъ собственно для нихъ такой обычай, принуждены были покорятьея ему, чтобъ не подвергаться насмѣшкамъ. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ одна русская боярыня, княгиня Черкасская, красивая собою, не хотѣла румяниться; но тогдашнее общество издѣвалось надъ нею: такъ силенъ былъ этотъ обычай; а между тѣмъ церковь его не оправдывала, и въ 1661 году новгородскій митрополитъ запрещалъ пускать въ церковь набѣленыхъ женщинъ (Olear. 180.—Crull 139.—Petr. 307.—А. И. IV. 297).

Въ рукахъ у женщины былъ платокъ, называемый ширинкою; у богатыхъ эти ширинки были шелковыя съ золотыми каймами и ки-

стями. Зонтики были въ употребленіи у знатныхъ госпожъ; ихъ носили надъ ними рабыни. (A. г. Шун 174. — Mejerb.)

Бѣдныя поселянки ходили въ длинныхъ рубахахъ; на рубахи надѣвали лѣтники иногда бѣлаго цвѣта, похожіе также на рубаху, иногда крашеные, а голову повязывали платкомъ изъ крашенины или шерстяной матеріи, подвязывая его подъ подбородокъ. Сверху всего, вмѣсто накиднаго платья, поселянки надѣвали одежду изъ грубаго сукна или серемяги, называемую сѣрникъ. При большей зажиточности, поселянки носили на головахъ платки шелковые, а сверху лѣтника однорядку изъ красной или синей крашенины, зенденя или зуфи; зимою носили овчинные тулупы. Дѣвицы дѣлали себѣ кокошники изъ древесной коры въ видѣ короны. Впрочемъ, при малѣйшей возможности мужъ не скупился принарядить свою жену. Въ тѣ времена у посадскихъ и у крестьянъ встрѣчались такіе богатые наряды, какихъ теперь трудно отыскать въ этихъ классахъ. Ихъ дорогія одежды были скроены просто и переходили изъ рода въ родъ. О томъ, чтобъ платье сидѣло хорошо—не имѣли понятія. По большей части одежды кроились и шились дома; отдавать на сторону не считалось даже признакомъ хорошаго хозяйства. Русскіе не заботились ни объ изяществѣ формы, ни о вкусѣ, ни о согласіи цвѣтовъ, лишь бы блестѣло и пестрѣло. Въ ихъ одеждахъ не было талій: онѣ были мѣшки, приходившіеся на каждую, лишь бы не очень высокаго и не очень низкаго роста и вполнѣ соотвѣтствовали пословицѣ: не ладно скроено, да крѣпко сшито. По русскимъ понятіямъ, красота женщины состояла въ толстотѣ и породистости; женщина стройнаго стана не считалась красавицею, напротивъ ей предпочитали тучную, мясистую. Притомъ русскіе считали особенною красотою, чтобъ у женщины были продолговатыя уши и нѣкоторыя записныя щеголихи вытягивали ихъ себѣ насильно. Этотъ обычай какъ нельзя болѣе согласовался съ раскрашиваньемъ и съ покроемъ платьевъ, чтобъ для иностранцевъ и для насъ въ настоящее время, усвоившихъ западныя понятія, представить въ русской женщинѣ верхъ безвкусія и уродливости.

Какъ мужскія, такъ и женскія дорогія одежды почти всегда лежали въ клѣтяхъ, въ сундукахъ подъ кусками кожи водяной мыши, которую считали предохранительнымъ средствомъ отъ моли и затхлости. Только въ большіе праздники и въ торжественные случаи, какъ напр. свадьбы, ихъ доставали и надѣвали; въ обыкновенные воскресные дни русскіе ходили въ менѣе богатомъ нарядѣ, а въ будни не только простой народъ, но и люди обоего пола средняго сословія и дворяне не щеголяли одеждою. Часто дворяне и ихъ жены ходили въ платьяхъ изъ грубаго холста или сукна, притомъ грязныхъ, пономе-

ныхъ и часто съ заплатками; за то когда надобно было показать себя, русскій скидалъ свои отрепья, вытаскивалъ изъ клѣтей отцовскія и дѣдовскія одежды и навѣшивалъ на себя, на женъ и надѣтей все, что собрано было по частямъ имъ самимъ, отцами, дѣдами и бабками. Имѣть хорошее платье почиталось необходимымъ для сколько-нибудь зажиточнаго хозяина. Богатая одежда служила признакомъ благосостоянія и достоинства, и нерѣдко случалось, что бѣднякъ, когда приходилась ему нужда прикинуться не бѣднякомъ, бралъ у сосѣда на прокатъ платье и платилъ за это. Съ этимъ взглядомъ, во время пріѣзда въ Москву чужеземныхъ пословъ, правительство раздавало дьякамъ, придворнымъ и гостямъ вышитые золотомъ кафтаны, чтобъ пріѣзжимъ чужеземцамъ показать толпу одѣтыхъ въ золото, чтобъ чужеземцы заключили о Россіи, что эта страна сильная, богатая и народъ въ довольствѣ живетъ подъ царскимъ скипетромъ. (Домостр. 54. — Petr. 2. 86. — Carlis. 322. — Meierb. 100).

Чтобъ дать понятіе о гардеробѣ мужчины средняго состоянія, мы приведемъ здѣсь одежду подъячаго Красулина, сосланнаго въ Колу. У него было три однорядки — одна темнозеленая, другая вишневая; три кафтана: одинъ праздничный камчатный, другой дорогильный, третій суконный; два были червчатаго цвѣта, а третій зеленый; двое штановъ, обое красные: одни изъ дороговъ, другіе суконные; красныя ферязи; четыре шубы, изъ которыхъ одна покрыта кашкою съ серебрянымъ кружевомъ и серебряными пуговицами, а три покрыты дорогами желтаго и краснаго цвѣтовъ; два ожерелья столчихъ, одно оксаматное, другое шитое золотомъ пополамъ съ серебромъ по черному бархату, третье простое черное бархатное; два тулупа и нѣсколько лоскутовъ сукна и небогатыхъ матерій (Врем. VI.).

X.

ПИЩА И ПИТЬЕ.

Русская кухня вполнѣ была національная, то есть основывалась на обычаѣ, а не на искусствѣ. Лучшая повариха была та, которая присмотрѣлась какъ готовится у людей. Измѣненія въ кушаньяхъ вводились незамѣтно. Кушанья были просты и не разнообразны, хотя столы русскіе и отличались огромнымъ количествомъ блюдъ; большая часть этихъ блюдъ были похожи одно на другое, съ небольшими различіями. Богатые господа составляли себѣ роспись кушаньевъ на цѣлый годъ: счетъ шелъ по церковнымъ праздникамъ, по

мясоѣдамъ и постамъ; для каждаго дня, сообразно съ значеніемъ его въ церковномъ кругѣ, назначался заранѣе столъ; впрочемъ это не стѣсняло возможности выбора кушаньевъ и по охотѣ, потому что въ росписи писалось множество кушаньевъ, изъ которыхъ можно было выбирать.

Обычай свято сохранять посты, наблюдаемый какъ бѣдными поселянами, такъ и царями и боярами, раздѣлялъ русскій столъ на два отдѣла: скоромный и постный, а по припасамъ, изъ которыхъ готовились кушанья, они могутъ быть раздѣлены на пять отдѣловъ: мучнистыя, молочныя, мясныя, рыбныя и растительныя.

Русскіе ѣли хлѣбъ преимущественно ржаной; онъ былъ принадлежностію не только убогихъ людей, но и богатаго стола. Русскіе даже предпочитали его пшеничному, приписывали ему больше питательности. Названіе хлѣбъ — значило собственно ржаной. Иногда, впрочемъ, къ ржаной мукѣ примѣшивали ячную, но это не могло быть постояннымъ правиломъ, потому что ячменя было мало. Пшеничная мука употреблялась на просфоры, а въ домашнемъ быту на калачи, которые вообще для простаго народа были лакомствомъ въ праздничные дни—отъ этого и пословица: калачемъ не заманишь. Лучшій сортъ калачей пекся изъ крупичатой муки въ видѣ колецъ не въ большомъ размѣрѣ; другой сортъ дѣлался изъ толченой муки, круглыми булками: эти калачи назывались братскими; былъ третій родъ, называемый смѣсными калачами: ихъ пекли изъ пшеничной муки пополамъ съ ржаною. Это дѣлалось не только отъ недостатка, но находили въ такой смѣси особый вкусъ: къ царскому столу подавались такіе калачи. Вообще хлѣбы, какъ ржаные, такъ и пшеничные, готовились безъ соли, и не всегда заботились, чтобъ мука была свѣжа. Домострой, образецъ хозяина XVI вѣкѣ, совѣтуетъ печь хлѣбы преимущественно изъ муки, которая уже подвергается затхлости, и научаетъ давать такую же муку въ займы тому, кто попроситъ. (А. И. II. 203. 428.—Коших. 63.—Steph. Borr. Hacl. 308.—Мейерб. примѣч. 476.—Колл. 17.).

Въ XVI и XVII в. въ большомъ употребленіи въ народѣ было толокно, приготовленное изъ овсяной муки съ водою; въ сухомъ видѣ оно отпускалось служилымъ людямъ для продовольствія на ряду съ ржаною мукою (А. И. I. 327).

Изъ кушаньевъ, приготовляемыхъ изъ тѣста, занимаютъ первое мѣсто пироги. По способу печенія они были пряженые и подовые. Подовые были всегда изъ кваснаго тѣста, пряженые иногда изъ кваснаго, иногда изъ пѣснаго. Мука для нихъ употреблялась пшеничная крупичатая или толченая, смотря по важности

дня, когда они готовились; пеклись также и ржаные пироги. Всѣ вообще русскіе пироги въ старину имѣли продолговатую форму и различную величину; большіе назывались пирогами, малые пирожками. Въ скоромные дни, они начинивались бараньимъ, говяжьимъ и заячьимъ мясомъ, нѣсколькими мясами разомъ, напр., бараниной и говяжьимъ саломъ, также мясомъ и рыбою вмѣстѣ, съ прибавкою каши или лапши. На масляницѣ пекли пряженые пироги съ творогомъ и съ яицами на молокѣ, на коровьемъ маслѣ, съ рыбой вмѣстѣ съ искрошенными яицами, или съ тѣльнымъ, какъ называлось рыбное блюдо, приготовляемое въ родѣ котлетъ. Въ постные рыбные дни пеклись пироги со всевозможнѣйшими родами рыбъ, особенно съ сигами, снятками, лодогой, съ одними рыбными молоками или съ вязигой, на маслѣ конопляномъ, маковомъ или орѣховомъ; крошенная рыба перемѣшивалась съ кашей или съ сарацинскимъ пшеномъ. Въ постные нерыбные дни пеклись они съ рыжиками, съ макомъ, горохомъ, сокомъ, рѣпою, грибами, капустою, на какомъ нибудь растительномъ маслѣ, или сладкіе съ изюмомъ и другими разными ягодами. Сладкіе пироги пеклись и не въ постъ вмѣсто пирожныхъ. Вообще пироги, за исключеніемъ сладкихъ, подавались къ горячему: *межъ ухъ*.

Другой видъ печенья изъ тѣста былъ коровай — сдобный хлѣбъ, съ различными способами приготовленія. Былъ коровай битый, который взбивался съ масломъ въ сосудѣ, ставленный — въ родѣ кулича на молокѣ, яцкій на большомъ количествѣ яицъ, коровай съ сыромъ, коровай братскій и проч. Яица, масло, или говяжье сало, сыръ и молоко служили добавкою въ короваѣ, а различные виды его зависѣли отъ того, сколько класть муки и съ чѣмъ ее клали и въ какомъ количествѣ.

Къ печеньямъ изъ тѣста принадлежали: курникъ, то есть пастетъ, начиненный курицею, яицами, бараниною съ масломъ или говяжьимъ саломъ; аладьи, котлома̀, сырники, блины, хворосты, кисели. Аладьи дѣлались изъ крупичатой муки, яицъ, коровьяго масла, а въ постные дни безъ яицъ съ орѣховымъ масломъ и подавались вообще съ патокой, сахаромъ или медомъ. Аладьи огромнаго размѣра назывались приказными аладьями, потому что ихъ приносили приказнымъ людямъ на поминки. Подобное кушанье составляла котлома, отличившаяся отъ аладей тѣмъ, что количество яицъ въ ней было меньше; она подавалась съ патокой. Сырники готовились изъ творога, яицъ, молока съ небольшимъ количествомъ крупичатой муки. Блины дѣлались красные и молочные: первые изъ гречневой, вторые изъ пшеничной муки; молоко и яица входили въ послѣдній сортъ. Блины не составляли принадлежности масляницы, какъ теперь, — символомъ

масляницы были пироги съ сыромъ и хворосты,—вытянутое тѣсто съ масломъ. Пекли также тѣстяныя шишки, левашники, перепечи, орѣшки: всѣ эти виды подавались въ маслѣ; такія же кушанья готовились въ постъ съ растительнымъ масломъ. Кисели дѣлались изъ овсяной и пшеничной муки и подавались въ скоромные дни съ молокомъ, въ постные съ постнымъ масломъ. Каша приготовлялась изъ крупъ овсяныхъ или гречневыхъ, пшенная каша была рѣдко. Изъ молочныхъ кушаньевъ въ употребленіи была вареная лапша съ подливомъ въ нее свѣжаго, топленаго молока, варенцы, молочная каша разныхъ видовъ, губчатый сыръ изъ творога со сметаною, кислый сыръ (А. И. I. 327. 527. II. 428. IV. 152. — Врем. VI.).

Мясныя кушанья были вареныя или жареныя. Вареныя подавались въ щахъ, ухѣ, розолѣ и подъ взварами; щи забѣливались сметаной во время варенія, а не при столѣ. Обыкновенный приварокъ къ щамъ была кочанная и крошеная, свѣжая и кислая капуста. Къ щамъ подавалась гречневая каша. Ухой назывался супъ или похлебка. Огромное количество разныхъ пряностей составляли принадлежность русской ухи въ разныхъ видахъ: уха съ гвоздикою называлась черною ухою, съ перцемъ бѣлою, а безъ пряностей голою. Розолъ былъ родъ нынѣшней солянки: варилось мясо въ огуречномъ разсолѣ съ примѣсью пряностей. Взваромъ назывался всякаго рода соусъ. Жареныя мясныя кушанья были верченыя, шестныя, печеныя, сковородныя. Баранина составляла самый обычный видъ мясныхъ кушаньевъ въ скоромные дни съ весны до поздней осени. Домострой научаетъ какъ поступать съ баранымъ мясомъ: купивъ цѣлаго барана, слѣдовало облупить его и распредѣлить на нѣсколько дней части его мяса; грудинка подавалась на уху или щи; ломатки и почки на жареное; крюки подавались подъ взваромъ; ножки начинивались яицами; рубецъ кашею; печенку изсѣкали съ лукомъ и обвернувъ перепонкою, жарили на сковородѣ; легкое приготовляли со взболтаннымъ молокомъ, мукою и яицами; изъ головы вынимали мозги и дѣлали изъ нихъ особую похлебку или соусъ съ пряностями, а изъ густо-сваренной съ баранымъ мясомъ ухи, ставя ее на ледъ, приготовляли холодный студень. Для говядины служили яловыя коровы, поэтому говядина вообще носила въ старину названіе яловичины. Яловицъ покупали осенью и убивали; мясо солили въ прокъ, а потроха, къ которымъ причисляли губы, уши, сердце, ноги, печень, языки, — служили для обыденной пищи и подавались подъ студнемъ, подъ взварами, съ кашей, на жареное. Вообще свѣжей говядины русскіе ѣли мало, а употребляли болѣе соленую. Многіе содержали въ дворахъ своихъ свиней и откармливали ихъ въ теченіи года, а передъ праздникомъ Рождества кололи. Свиное мясо солилось

или коптилось и ветчина употреблялась на зимнія шти, а голова, ноги, кишки, желудокъ подавались свѣжими въ разныхъ приготовленіяхъ, какъ-то: голова подъ студнемъ съ чеснокомъ и хрѣномъ; изъ кишекъ дѣлали колбасы, начиняя ихъ смѣсью мяса, гречневой каши, муки и яицъ. Русскіе въ старину любили свинину, кажется, больше чѣмъ теперь. Зайцы подавались душеные (духовые), разсольные (въ разсолѣ вареные), и подъ взварами, особенно сладкими. Были люди, которые считали зайцевъ нечистыми животными, какъ и теперь, но другіе объясняли, что зайца ѣсть не грѣшно, только надобно смотрѣть, чтобъ онъ не былъ задушенъ во время травли. Стоглавъ запрещаетъ продавать на торгахъ зайцевъ безъ испущенія крови. Такое же предостереженіе издано было отъ московскаго патріарха въ 1636 г. (А. А. Э. III. 46.); но нигдѣ не видно, чтобъ церковь вооружалась противъ употребленія зайцевъ въ пищу вообще. Наравнѣ съ зайцами нѣкоторые чуждались, или по крайней мѣрѣ остерегались оленины и лосины; но мяса этихъ звѣрей составляли роскошь царскихъ и боярскихъ торжествъ.

Куры подавались въ штяхъ, ухѣ, разсолѣ, жареныя на рожнахъ, вертелахъ, называемыя по способу ихъ приготовленія, нарожными и верченными. Шти съ курицей назывались богатыми штями и всегда забѣливались. Къ жареной курицѣ обыкновенно подавали что нибудь кислое: уксусъ или лимонъ. Куря рафленое былъ употребительный въ XVII в. соусъ изъ курицы съ сарацинскимъ пшеномъ, изюмомъ и разными пряностями; куря безкостное — соусъ изъ курицы безъ костей, съ начинкою изъ баранины или яицъ съ шафраною похлебкою. За роскошными обѣдами подавались особыми блюдами куриные пупки, шейки, печенки и сердца. Другія птицы, употребляемыя въ пищу, были утки, гуси, лебеди, журавли, цапли, тетерева, рябчики, куропатки, перепела, жаворонки; утки — во штяхъ и жареныя, гуси — шестные, начинивались гречневой кругой и приправлялись говяжьимъ саломъ; изъ гусей приготовляли колотки, которыя ѣли зимою съ хрѣномъ и уксусомъ; гусиные потроха шли въ уху или въ особыя кушанья подъ взварами. Рябчики, тетерева и куропатки — кушанья зимнія — обыкновенно подавались: первый приправленный съ молокомъ, прочіе жареные съ сливами и другими плодами. Лебеди во всякое время считались изысканнымъ блюдомъ: ихъ подавали подъ взваромъ съ топешками, т. е. изрѣзанными ломтиками калача, опущенными въ коровье масло; потроха лебяжьи, какъ и гусиные, подавались подъ медвяньимъ взваромъ, иногда же съ говядиной, или въ пирогахъ и перепечахъ. Прочей дичи въ Московіи было много и она была дешева, но вообще русскіе не очень любили ее и мало употребляли. Каждое мясо имѣло свои огородныя и

пряныя приправы; такъ рѣпа шла къ зайцу, чеснокъ къ говядинѣ и баранинѣ, лукъ къ свининѣ.

Исчисляя мясныя кушанья, нельзя не упомянуть объ одномъ оригинальномъ кушаньѣ, которое называлось *похмѣлье:* это изрѣзанные ломтики холодной баранины, смѣшанной съ мелкоискрошенными огурцами, огуречнымъ разсоломъ, уксусомъ и перцемъ; его употребляли на похмѣлье. (Врем. VI.—А. И. II. 431. — Пав. Іов. — Olear. 209. — Petr. 318. — Jenkins. 350.).

Московское государство изобиловало рыбою, составлявшею половину года обычную пищу. Употребительные роды рыбъ были: лососина, привозимая въ Москву съ сѣвера изъ Корелы, осетрина шехонская и волжская, волжская бѣлорыбица, ладожская ладога и сыртъ, бѣлозерскіе снатки и рыбы всѣхъ небольшихъ рѣкъ: судаки, караси, щуки, окуни, лещи, гольцы, пискари, ерши, вандыши, хохлыни, вьюны. По способу приготовленія рыба была свѣжая, вяленая, сухая, соленая, провѣсная, вѣтряная, паровая, подваренная, въ прокъ щипаная, копченая. По принятому обыкновенію закупать для дома съѣстные запасы въ оптовомъ количествѣ, вездѣ продавалось множество рыбы, приготовленной въ прокъ посредствомъ соли. Домовитый хозяинъ покупалъ для домоваго обихода большой запасъ и складывалъ въ погребъ, а чтобы она не испортилась, то вывѣшивалъ на воздухъ, и это называлось вывѣтривать: тогда уже рыба получала названіе провѣсной, а если хорошо вывѣтривалась, то *вѣтряной*. Съ тѣхъ поръ рыба складывалась уже не въ погребѣ, а въ сушилѣ пластами и прутами; пластовая рыба клалась на придѣланныхъ къ стѣнамъ сушила полицахъ, а прутовая кучею подъ рогожами. Русскіе не умѣли хорошо солить рыбу, какъ не умѣютъ этого дѣлать и теперь: она у нихъ воняла; но простой народъ, по замѣчанію иностранцевъ, не только не отворачивался отъ ней, но еще предпочиталъ ее свѣжей. Взявъ въ руки рыбу, русскій подносилъ ее къ носу и пробовалъ достаточно ли она воняетъ, и если въ ней вони было мало, то клалъ и говорилъ: еще не поспѣла! При затруднительности путей сообщенія, свѣжей рыбой могли пользоваться только жившіе около рыбныхъ мѣстъ; въ Москву свѣжая красная рыба доставлялась только для царскаго стола и для знатныхъ князей и бояръ; она привозилась живая и содержалась въ прудахъ, сдѣланныхъ нарочно въ ихъ садахъ; мясо жителей довольствовалось соленою осетриною, приготовляемою на астраханскихъ учугахъ.

Горячія рыбныя кушанья были: щи, уха и разсольное. Рыбная уха дѣлалась изъ разныхъ рыбъ, преимущественно чешуйчатыхъ, а также изъ рыбьихъ потрохонъ, смѣшанныхъ вмѣстѣ съ пшеномъ или съ крупами и съ большимъ прибавленіемъ перца, шаф-

рана и корицы. По способамъ приготовленія въ русскомъ столѣ различалась уха рядовая, красная, черная, опеканная, вялая, сладкая, пластовая; въ уху бросали мѣшечки или толченики приготовленные изъ тѣста съ искрошенной рыбой. Шти дѣлались кислыя съ свѣжей и съ соленой рыбой, иногда съ нѣсколькими сортами рыбъ вмѣстѣ, часто съ рыбой сухой въ родѣ истертой въ порошокъ муки; при этихъ горячихъ кушаньяхъ подавали пироги съ рыбными начинками или кашею. Разсольное приготовлялось обыкновенно изъ красныхъ рыбъ: осетрины, бѣлужины и лососины. При горячихъ кушаньяхъ подавали пирожки съ разными рыбными начинками и съ кашею. Въ постные дни лѣтомъ подавалось ботвинье съ лукомъ и разными кореньями. Изъ тертой рыбы разныхъ родовъ, смѣшанныхъ вмѣстѣ съ примѣсью крупы или пшена, приготовлялось кушанье, называемое рыбная каша; а въ скоромные дни примѣшивали туда и мяса; такую же кашу клали и въ пироги. Приготовляли изъ рыбъ тѣльное въ родѣ котлетъ: смѣшивали съ мукою, обливали орѣховымъ масломъ, прибавляли туда пряностей и пекли: это называлось рыбнымъ караваемъ. Жареную рыбу подавали облитую какимъ нибудь зваромъ. Икра была въ числѣ обычныхъ кушаньевъ: свѣжая зернистая изъ осетра и бѣлорыбицы составляла роскошь; но во всеобщемъ употребленіи была паюсная, мѣшечная, армянская—раздражающаго свойства и мятая — самаго низшаго достоинства, которую покупали бѣдные простолюдины. Икру вообще употребляли съ уксусомъ, перцемъ и искрошеннымъ лукомъ. Кромѣ сырой икры, употребляли еще икру вареную въ уксусѣ или маковомъ молокѣ и пряженую: въ посты русскіе дѣлали икряники или икряныя блины: это было взбитая, послѣ продолжительнаго битья, икра, съ примѣсью крупичатой муки, и потомъ запаренная.

Въ тѣ постные дни, когда считалось грѣхомъ употреблять рыбу, пища русскихъ состояла изъ растительныхъ веществъ: ѣли кислую и ставленную капусту, свеклу съ постнымъ масломъ и уксусомъ, пироги съ горохомъ, съ начинкою изъ растительныхъ веществъ, гречневую и овсяную кашу съ постнымъ масломъ, луковники, овсяный кисель, левашники, оладьи съ медомъ, караваи съ грибами и съ пшеномъ, разнаго рода грибы вареные и жареные (масленики, груздди, сморчки, рыжики), разныя приготовленія изъ гороха: горохъ битый, горохъ тертый, горохъ цѣженый, сыръ гороховый, то есть твердо сбитый мятый горохъ съ постнымъ масломъ, лапшу изъ гороховой муки, творогъ изъ маковаго молока, хрѣнъ, рѣдьку и разныя овощныя приготовленія: взваръ изъ овощей и коливо.

Вообще ко всякимъ кушаньямъ русскіе любили примѣшивать пряныя приправы, а въ особенности лукъ, чеснокъ и шафранъ. Отъ

большаго употребленія чесноку, русскіе, по замѣчанію иностранцевъ, носили съ собою непріятный запахъ. Иностранцы сознавались, что не могли ѣсть вонючей русской ухи, въ которой иногда, кромѣ рыбы и воды, былъ только чеснокъ. Эти два зелья — лукъ и чеснокъ—дѣлались какъ бы предметомъ первой необходимости: такимъ образомъ, они давались въ числѣ кормовъ, которые обязаны были жители давать писцамъ, посылаемымъ для составленія писцовыхъ книгъ. Перецъ, горчица и уксусъ ставились всегда на столѣ, какъ необходимость обѣда, и каждый гость бралъ, сколько хотѣлъ. При изготовленіи кушаньевъ обыкновенно не употребляли соли, какъ это дѣлается во многихъ мѣстахъ и теперь; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ русскіе не любили соленаго: это дѣлалось для того, чтобъ каждый гость могъ брать сколько хотѣлъ, и въ тѣ времена русскіе не находили разницы во вкусѣ того, что посолено во время приготовленія кушанья, отъ того, что солили уже на столѣ. За то, всѣ любили соленое въ прокъ, и не только употребляли, какъ уже сказано, мясо и рыбу больше въ соленомъ видѣ, но и заправляли съ солью и уксусомъ разные овощи и плоды: огурцы, сливы, яблоки, груши, вишни. У домовитыхъ хозяевъ всегда стояло нѣсколько посудинъ съ такими соленьями, нагнетенныхъ камнями и засѣченныхъ въ ледъ. Они подавались къ жареному мясному и рыбному, а бѣлая соленая капуста была обычнымъ запасомъ на зиму, какъ у богатыхъ такъ и у бѣдныхъ. (Домостр. 102.—Врем. VIII. — Русск. Вѣст. 1841. 733.—Olear. 209.—Кильбург. 20. — Іовій 16. — Барбер. 56.—Herberst. 38. — А. И. 1. 328. — IV. 520.—Доп. III.—Коллинсъ 40.—Strauss 195.)

Русскія лакомства состояли изъ плодовъ свѣжихъ или же приготовленныхъ въ патокѣ, съ медомъ и сахаромъ. Плоды эти были отчасти туземнаго происхожденія, отчасти привозные. Хозяева употребляли яблоки и груши въ патокѣ и въ квасу, то есть клали въ боченки и наливали патокой, потомъ закрывали, но не плотно, чтобъ «кислый духъ выходилъ», или же, отобравши свѣжихъ яблоковъ, прорѣзывали въ нихъ отверстія и наливали туда патоки; изъ малины дѣлали морсъ, употребляемый съ водою, изъ брусники брусничную воду. Было въ обыкновеніи лакомство, называемое леваши: его дѣлали изъ малины, черники, смородины и земляники. Ягоды сначала уваривали, потомъ протирали сквозь сито и вслѣдъ затѣмъ варили снова, уже съ патокой, густо мѣшая во время варенія, потомъ выкладывали эту густую смѣсь на доску, прежде смазанную патокой, и ставили на солнцѣ или противъ огня; когда она высыхала, то свертывали ее въ трубочки. Другое лакомство было постила, приготовляемая изъ яблонь. Яблоки клали въ сыту и на-

рили, потомъ протирали сквозь сито, клали патоку и снова запаривали, мѣшали, били, мяли, потомъ выкладывали на доску и давали подняться вверхъ, наконецъ складывали въ мѣдныя, луженыя творила, давая закиснуть, и опрокидывали внизъ. Постилу дѣлали также и изъ другихъ овощей, напримѣръ, изъ калины.

Рѣдьку въ патокѣ приготовляли такимъ образомъ: сначала искрашивали рѣдечный корень въ мелкіе ломтики, вздѣвали на спицы, такъ чтобъ ломтикъ не сталкивался съ другимъ ломтикомъ, и выставливали на солнцѣ или въ печахъ послѣ печенья хлѣбовъ; когда въ растеніи не оставалось сырости, толкли его, просѣвали на сито, между тѣмъ варили въ горшечкѣ бѣлую патоку и, уваривъ, выливали въ рѣдечную муку, прибавляя туда разныхъ пряностей: перцу, мускату, гвоздики, и, запечатавъ горшечекъ, ставили въ печь на два дня и двѣ ночи. Смѣсь эта должна быть густа, какъ икорная икра и называлась мазюня; такую же мазюню приготовляли подобнымъ способомъ изъ сухихъ вишень. Изъ арбузовъ, которые привозились въ Московію съ низовьевъ Волги, у насъ приготовлялось такое лакомство: изрѣзавъ арбузъ пальца на два отъ коры кусками не толще бумаги, клали на сутки въ щелокъ, между тѣмъ варили патоку съ перцемъ, имбиремъ, корицею и мускатомъ и потомъ клали туда арбузы. Подобнымъ образомъ приготовляли лакомства и изъ дынь. Русскіе варили въ сахарѣ и въ патокѣ привозные плоды: изюмъ съ вѣтвями, коринку, сюкаты, имбирь и разныя пряности. Обыкновенное русское лакомство было взваръ, приготовляемый изъ винныхъ ягодъ, изюму, финиковъ, вишень и другихъ плодовъ съ медомъ, сахаромъ или патокой, съ большимъ количествомъ гвоздики, кардамона, корицы, шафрана, имбиря и проч.; одинъ родъ взвара назывался медвянымъ, другой квасьнымъ. Къ лакомствамъ слѣдуетъ отнести также пряники или коврижки, старинное національное печенье. Сахаръ и леденецъ, привозимые русскимъ изъ-за границы, служили предметомъ лакомствъ для богатыхъ. На царскихъ и боярскихъ пирахъ ставили на столъ приготовленныя изъ сахара изображенія орловъ, голубей, утокъ, городовъ, башенъ, теремовъ, людей и такія цѣлыя сахарныя головы. По способу приготовленія и по цвѣту различалось нѣсколько видовъ сахара: сахаръ скороборинный, сахаръ зеренчатый, уворочный, леденецъ бѣлый и красный. Все это привозилось чрезъ Архангельскъ и переходило въ народное употребленіе изъ-за боярскихъ столовъ. (Кн. о ѣств. 28. — Врем. VI. — Olear. 174. — А. И. I. 327. II. 14. 423.

Напитки, употребляемые русскими въ старину, были квасъ, морсъ, пиво, медъ, водка и виноградныя вина. Квасъ пили всѣ отъ царя до послѣдняго крестьянина. Повсемѣстно въ посадахъ можно

было встрѣтить и квасоварныя заведенія и квасниковъ, продающихъ квасъ въ лавкахъ и квасныхъ кабакахъ. Въ монастырѣхъ квасъ былъ обычнымъ питьемъ братіи въ будни. Квасы были разнаго сорта: кромѣ простаго, такъ называемаго житнаго, приготовляемаго изъ ячменнаго или ржанаго солода, были квасы медвяные и ягодные. Медвяный приготовлялся изъ разсыченнаго въ водѣ меда, процѣженнаго, съ примѣсью калача вмѣсто дрожжей. Этотъ растворъ стоялъ нѣсколько времени съ калачомъ, потомъ сливали его въ бочки. Его качество зависѣло отъ сорта и количества меда: для царей, напримѣръ, собирали лучшій медъ во всемъ государствѣ на квасъ; такого же рода медвяные квасы дѣлались въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, имѣвшихъ свои пчельники; и оттого медвяный квасъ въ народѣ носилъ эпитетъ монастырскаго. Ягодные квасы дѣлались такимъ же образомъ изъ меда и воды съ добавкою ягодъ, вишень, черемухи, малины и проч.; этого рода квасъ также можно встрѣтить было чаще всего въ монастыряхъ, а у зажиточныхъ людей онъ служилъ для угощенія людей низшаго званія. Пиво дѣлалось изъ ячменя, овса, ржи и пшеницы; для народа оно варилось въ казенныхъ пивоварняхъ при кабакахъ, а люди зажиточные, имѣвшіе дозволеніе приготовлять у себя напитки, дѣлали его для домашняго обихода въ своихъ дворахъ и хранили въ ледникахъ подъ снѣгомъ и льдомъ. Русское пиво, по замѣчанію иностранцевъ, было вкусно, но мутно. Нѣкоторые хозяева *подкармливали* его патокою, то есть готовое пиво сцѣживали съ дрожжей и сливали въ другую бочку, потомъ, взявши этого пива ведро, примѣшавъ туда патоки, варили до кипятка, потомъ простуживали и сливали назадъ въ бочку, а иногда подбавляли туда ягодныхъ смѣсей. Послѣдняго рода пиво называлось поддѣльнымъ пивомъ.

Оригинальное и лучшее русское питье было медъ; всѣ путешественники, посѣщавшіе Московію, единогласно признавали достоинство нашего меда и разславили его въ далекихъ странахъ.

Меды были вареные и сталепые; первые варились, вторые только наливались. Кромѣ того, по способу приготовленія и по разнымъ приправамъ, меды имѣли названія: простой медъ, медъ пѣсный, бѣлый, красный, медъ обарный, медъ боярскій, медъ ягодный. Медъ, называемый обарнымъ, приготовляли слѣдующимъ образомъ: разсычали медовый сотъ теплою водою, процѣживали сквозь частое сито, такъ чтобъ медъ отдѣлился отъ восчины, потомъ клали туда хмѣлю, полагая на пудъ меда полведра хмѣля, и варили въ котлѣ, безпрестанно снимая пѣну ситомъ, когда же эта жидкость уварилась до того, что въ котлѣ оставалась ея только половина, тогда выливали изъ котла въ мѣрникъ и простуживали не на сильномъ хо-

лодѣ, и бросали туда кусокъ ржанаго хлѣба, натертаго патокой и дрожжами, давали жидкости вскиснуть, не допуская до того, чтобъ она окисла совершенно, наконецъ сливали ее въ бочки. Боярскій медъ отличался отъ обарнаго тѣмъ, что, при разсыченіи меда, бралось медоваго сота въ шесть разъ больше, чѣмъ воды; онъ кисъ въ мѣрникахъ недѣлю, потомъ его сливали въ бочку, гдѣ онъ стоялъ другую недѣлю съ дрожжами; потомъ уже его сливали съ дрожжей, подпаривали патокой и наконецъ сливали въ другую бочку. Ягодный вареный медъ приготовлялся такимъ образомъ: ягоды варились съ медомъ до тѣхъ поръ, пока совершенно расопрѣли; тогда эта смѣсь снималась съ огня; ей давали отстояться, потомъ ее процѣживали, сливали въ медъ, уже сваренный прежде съ дрожжами и хмѣлемъ, и запечатывали.

Ставленые меды приготовлялись какъ квасы, но съ дрожжами или хмѣлемъ и потому отличались отъ квасовъ своимъ охмѣляющимъ свойствомъ. Ставленый ягодный медъ былъ прохладительный и пріятный напитокъ. Его дѣлали обыкновенно лѣтомъ изъ малины, смородины, вишень, яблокъ и проч. Въ посудину клали свѣжихъ спѣлыхъ ягодъ, наливали водою (вѣроятно отварною) и давали стоять до тѣхъ поръ, пока вода не принимала вкуса и цвѣта ягодъ (дня два или три), потомъ сливали воду съ ягодъ и клали въ нее отдѣленнаго отъ воска чистаго меда, наблюдая, чтобъ выходило по кружкѣ меда на двѣ или на три воды, сообразно желанію придать напитку болѣе или менѣе сладости, потомъ бросали туда нѣсколько кусковъ печеной корки, дрожжей и хмѣля, и когда смѣсь эта начинала вскисать, то хлѣбъ вынимали прочь, чтобъ она не приняла хлѣбнаго вкуса, медъ на дрожжахъ оставляли отъ пяти до восьми дней въ тепломъ мѣстѣ, а потомъ снимали и ставили въ холодное. Нѣкоторые бросали туда пряности: гвоздику, кардамонъ, имбирь. Медъ ставленный держался въ засмоленныхъ бочонкахъ и былъ иногда до того крѣпокъ, что спивалъ съ ногъ.

Къ разряду прохладительныхъ напитковъ относился березовый сокъ или березовецъ, добываемый въ апрѣлѣ изъ березъ.

Русская водка дѣлалась изъ ржи, пшеницы, ячменя. Водка вообще называлась виномъ и раздѣлялась на сорты; обыкновенная водка носила названіе простаго вина; лучше этого сортъ назывался вино доброе; еще выше — вино боярское; наконецъ, еще высшій сортъ было вино двойное, чрезвычайно крѣпкое. Нѣкоторые употребляли тройную и даже четвертную, то есть четыре раза перегонную водку и умирали отъ нея. Кромѣ этихъ водокъ, дѣлалась водка сладкая, насыщенная патокой: эта водка назначалась единственно для женскаго пола. Хозяева настаивали водку на всевозможнѣйшихъ

пряностяхъ и разныхъ душистыхъ травахъ; настаивали на корицѣ, мятѣ, горчицѣ, звѣробоѣ, бадягѣ, съ амброй, на селитрѣ, съ померанцовой и лимонной коркой, съ можжевельникомъ и дѣлали наливки на разныхъ ягодахъ. Русскіе пили водку не только предъ обѣдомъ, но и во время обѣда, и послѣ обѣда, и во всякое время дня.

Иностранныя вина въ XVI вѣкѣ употреблялись только въ знатныхъ домахъ, и то въ торжественныхъ случаяхъ; но по мѣрѣ того, какъ торговля стала насъ болѣе и болѣе знакомить съ европейскою жизнію, употребленіе виноградныхъ винъ распространилось между зажиточными людьми, а въ XVII вѣкѣ явились въ Москвѣ погреба, гдѣ не только продавали вино, но куда сходились пить веселыя компаніи. Изъ винъ въ большемъ употребленіи были: греческое, церковное, мальвазія, бастръ, алканъ, венгерское, бѣлое и красное французское, рейнское, романѣя. Иногда въ вина русскіе примѣшивали пряности.

У зажиточныхъ хозяевъ напитки хранились въ ледникахъ или подвалахъ, которыхъ было иногда нѣсколько при домѣ. Они дѣлались съ разными отдѣлами, въ которыхъ ставили бочки, лѣтомъ во льду. Бочки были беременныя или полубеременныя. Вмѣстимость тѣхъ и другихъ не всегда и не вездѣ была одинакова, вообще же можно положить беременную бочку въ тридцать, а полубеременную въ пятнатцать ведеръ. Въ монастырскихъ подвалахъ бочки отличались своею огромностію, напримѣръ, въ три сажени въ длину и въ двѣ въ ширину; онѣ никогда не сдвигались съ своего мѣста, а питье пропускалось въ нихъ и добывалось изъ нихъ черезъ отверстіе, продѣланное въ сводѣ погреба. Напитки наливали изъ бочки сначала въ оловянники или мѣрники — большую посуду, потомъ уже разливали для подачи къ столу въ меньшіе сосуды. (А. И. I. 335. II. 13. 286. 339. 572.—III. 305.—А. А. Э. I. 308. III. 92.—Petr. 318. — Др. Русск. Вивл. VI. 298. — Доп. I. 217. VI. 87. 88. 324. — С. г. гр. III. 255. — Домостр. 81.—Русск. Достоп. I. 63. — Коших. 61.— Контар. 20. — Olear 205.—Jenkins. 358. 361. — Herberst. 29. 43. — Барбер. 79. — Врем. VI. Книг. о ѣств. — Кильб. 190.

Въ числѣ разныхъ напитковъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ появился въ Россіи, какъ рѣдкость и новость, чай. Первый разъ чай былъ присланъ въ даръ Михаилу Ѳеодоровичу отъ монгольскаго государя. Во второй половинѣ XVII вѣка знатные лица употребляли его какъ лѣкарство и приписывали ему цѣлительную силу, не предвидя, что этотъ напитокъ отдаленнаго народа сдѣлается современемъ національнымъ русскимъ питьемъ.

XI.

ОБРАЗЪ ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ.

Предки наши, какъ знатные такъ и простые, вставали рано: лѣтомъ съ восходомъ солнца, осенью и зимою за нѣсколько часовъ до свѣта. Встарину счетъ часовъ былъ восточный, заимствованный изъ Византіи вмѣстѣ съ церковными книгами. Сутки дѣлились на дневные и ночные часы; часъ солнечнаго восхода былъ первымъ часомъ дня; часъ заката — первымъ часомъ ночи. Само собою разумѣется, что, при такомъ времясчисленіи, количество дневныхъ и ночныхъ часовъ на самомъ дѣлѣ могло быть одинаково и равно только во время равноденствія, а потому это время и принималось за норму: изъ двадцати-четырехъ суточныхъ часовъ, двѣнадцать относили къ дню, а другіе двѣнадцать къ ночи; несмотря на то, что на самомъ дѣлѣ во время лѣтняго солнцестоянія число дневныхъ, а во время зимняго число ночныхъ часовъ доходило до семнадцати. Седьмой часъ утра по нашему часосчисленію былъ первымъ часомъ дня; седьмой часъ вечера — первымъ часомъ ночи. Счисленіе это находилось въ связи съ восточнымъ богослуженіемъ: на исходѣ ночи отправлялась заутреня; богослужебные часы: первый, третій, шестой и девятый знаменовали равноименные дневные часы, а вечерня — окончаніе дня. Русскіе согласовали свой домашній образъ жизни съ богослужебнымъ порядкомъ, и въ этомъ отношеніи дѣлали его похожимъ на монашескій. Разумѣется, что такой порядокъ могъ имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ спокойная и обезпеченная жизнь на одномъ мѣстѣ позволяла располагать временемъ по произволу.

Вставая отъ сна, русскій тотчасъ искалъ глазами образа, чтобъ перекреститься и взглянуть на него; сдѣлать крестное знаменіе считалось приличнѣе, смотря на образъ; въ дорогѣ, когда русскій ночевалъ въ полѣ, онъ, вставая отъ сна, крестился, обращаясь на востокъ. Тотчасъ, если нужно было, послѣ оставленія постели надѣвалось бѣлье и начиналось умыванье; зажиточные люди мылись мыломъ и розовой водой. Послѣ омовеній и умываній одѣвались и приступали къ моленію.

Если день былъ праздничный, тогда или къ заутрени и благочестіе требовало, чтобъ встать еще ранѣе и придти въ церковь со звономъ еще до начала служенія заутрени. Если же день былъ простой или почему нибудь нельзя было выходить, хозяинъ совершалъ должное богослуженіе по книгѣ, когда умѣлъ грамотѣ.

Въ комнатѣ, назначенной для моленія, — крестовой — или когда ея не было въ домѣ, то въ той, гдѣ стояло побольше образовъ, собиралась вся семья и прислуга: зажигались лампады и свѣчи; курили ладономъ. Хозяинъ, какъ домовладыка, читалъ предъ всѣми вслухъ утреннія молитвы; иногда читались такимъ образомъ заутреня и часы, смотря по степени досуга, умѣнья и благочестія; умѣвшіе пѣть, пѣли. У знатныхъ особъ, у которыхъ были свои домашнія церкви и домовые священнослужители, семья сходилась въ церковь, гдѣ молитвы, заутреню и часы служилъ священникъ, а дѣлъ дьячекъ, смотрѣвшій за церковью или часовнею, и послѣ утренняго богослуженія священникъ кропилъ святою водою.

Окончивъ молитвословіе, погашали свѣчи, задергивали пелены на образахъ и всѣ расходились къ домашнимъ занятіямъ. Тамъ, гдѣ мужъ жену допускалъ до управленія домомъ, хозяйка держала съ хозяиномъ совѣтъ, что дѣлать въ предстоящій день, заказывала кушанье и задавала на цѣлый день уроки въ работахъ служанкамъ. Въ такихъ домахъ на хозяйкѣ лежало много обязанностей. Она должна была трудиться и показывать собою примѣръ служанкамъ, раньше всѣхъ вставать и другихъ будить, позже всѣхъ ложиться: если служанка будитъ госпожу, это считалось не въ похвалу госпожѣ. При такой дѣятельной женѣ, мужъ ни о чемъ не заботился по домашнему хозяйству; жена должна была знать всякое дѣло лучше тѣхъ, которые работали по ея приказанію: и кушанье сварить, и кисель поставить, и бѣлье выстирать, и выполоскать, и высушить, и скатерти, и полавочники послать, и такимъ своимъ умѣньемъ внушала къ себѣ уваженіе. Но не всѣхъ женъ удѣломъ была такая дѣятельная жизнь; большею частью жены знатныхъ и богатыхъ людей, по волѣ мужьевъ, вовсе не мѣшались въ хозяйство; всѣмъ завѣдывали дворецкій и ключникъ изъ холоповъ. Такого рода хозяйки, послѣ утренняго моленія, отправлялись въ свои покои и садились за шитье и вышиваніе золотомъ и шелками съ своими прислужницами; даже кушанье къ обѣду заказывалъ самъ хозяинъ ключнику. Ключникъ не всегда спрашивалъ объ этомъ хозяина, а зналъ напередъ, что слѣдуетъ готовить по годовой росписи; обыкновенно въ такомъ случаѣ ключникъ получалъ отъ хозяина деньги на извѣстный срокъ и по истеченіи срока отдавалъ отчетъ. Въ утреннее время считалось нужнымъ обойти службы. Хозяинъ навѣщалъ конюшню, ходилъ по стойламъ, смотрѣлъ: наложена ли подъ ногами лошадей солома, заложенъ ли имъ кормъ, приказывалъ предъ своими глазами давать лучшимъ лошадямъ овса, а страднымъ (то есть рабочимъ) овсяной муки или невѣйницы, приказывалъ проводить лошадей передъ собою къ жолобамъ, устроеннымъ вблизи конюшни для водо-

поя; потомъ заходилъ въ клѣвы: коровій, свиной, птичій, приказывалъ скотникамъ пригонять передъ себя нѣсколько отборныхъ штукъ скота, кормилъ ихъ изъ своихъ рукъ и посыпалъ зерно курамъ и гусямъ, потому что когда самъ хозяинъ изъ своихъ рукъ кормитъ ихъ, то отъ того плодородіе умножается. Иногда, воротившись послѣ такого обзора, хозяинъ призывалъ дворецкаго, завѣдывавшаго всѣми кладовыми и надворными строеніями и слушалъ его доклады; когда нужно было, то осматривалъ съ нимъ что нибудь, давалъ распоряженія къ домашнимъ работамъ, разбиралъ дѣла между слугами. Послѣ всѣхъ домашнихъ распоряженій, хозяинъ приступалъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ; купецъ отправлялся въ лавку, ремесленникъ брался за свое ремесло, приказные люди наполняли приказы и приказныя избы, а бояре въ Москвѣ стекались къ царю и занимались дѣлами. Приступая къ началу дневнаго занятія, будь то приказное писательство, или черная работа, русскій считалъ приличнымъ вымыть руки, сдѣлать предъ образомъ три крестныхъ знаменія съ земными поклонами, а если предстоитъ случай или возможность, то принять благословеніе священника.

Въ десять часовъ по нашему счету (въ шестомъ часу дня) служились обѣдни. По духу времени въ тѣ времена цари, въ сопровожденіи бояръ и думныхъ людей, всякій день ходили въ церковь, да и частные люди, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, при первой возможности хаживали къ обѣднѣ и въ будни, особенно въ пятницы и субботы; всякій же церковный праздникъ толпа народа наполняла храмы, но текущія дѣла однако не прерывались отъ этого.

Въ полдень наступало время обѣда. Холостые лавочники, парни изъ простонародія, холопы, пріѣзжіе въ городахъ и посадахъ наполняли харчевни; люди домовитые садились за столъ дома или у пріятелей въ гостяхъ. Цари и знатные люди, живя въ особыхъ покояхъ въ своихъ дворахъ, обѣдали отдѣльно отъ прочихъ членовъ семьи: жены съ дѣтьми трапезовали особо; но незнатные дворяне, дѣти боярскіе, посадскіе и крестьяне — хозяева осѣдлые, вмѣстѣ съ женами и съ прочими членами семьи; впрочемъ иногда семейные члены, составлявшіе съ своими семьями одно семейство съ хозяиномъ, обѣдали отъ него и особо; во время же званыхъ обѣдовъ особы женскаго пола никогда не обѣдали тамъ, гдѣ сидѣлъ хозяинъ съ гостьми. Столъ накрывался скатертью, но не всегда это наблюдалось: очень часто люди незнатные обѣдали безъ скатерти и ставили на голый столъ соль, уксусъ, перецъ и клали ломтями хлѣбъ. Двое домашнихъ служебныхъ чиновъ завѣдывали порядкомъ обѣда въ зажиточномъ домѣ: ключникъ и дворецкій. Ключникъ находил-

ся въ поварнѣ при отпускѣ кушаньевъ, дворецкій при столѣ и при поставцѣ съ посудой, столпшемъ всегда противъ стола въ столовой. Нѣсколько слугъ носили кушанья изъ поварни; ключникъ и дворецкій, принимая ихъ, разрѣзывали ихъ на куски, отвѣдывали и тогда уже отдавали слугамъ ставить предъ господиномъ и сидѣвшими за столомъ.

Въ обычномъ царскомъ быту кушанье прежде всего отвѣдывалъ поваръ, въ присутствіи дворецкаго, который являлся за каждою перемѣною съ толпою жильцовъ; сдавъ кушанье жильцамъ, дворецкій шелъ впереди ихъ въ столовую и передавалъ крайчему, который такие отвѣдывалъ и ставилъ предъ царемъ. Обыкновенно кушанье подавали разрѣзанное на тонкіе куски, такъ что можно было взять ихъ въ руки и понести въ ротъ; отъ этого тарелки, поставленныя въ началѣ обѣда передъ обѣдавшими, не перемѣнялись, потому что каждый бралъ руками съ стоявшаго предъ гостьми блюда кусокъ и клалъ въ ротъ, касаясь своей тарелки только тогда, когда случалось бросать на нее обгрызанную кость. Жидкое кушанье иногда подавалось на два или на три человѣка въ одной мисѣ и всѣ ѣли изъ нея своими ложками. Такой способъ обѣдать приводилъ въ омерзѣніе иностранцевъ, чуждыхъ нашимъ обычаямъ; имъ не нравилось и то, что русскіе за столомъ зѣвали, вытягивались, рыгали и къ запаху чесноку, лука и гнилой рыбы присоединяли другія непріятныя зловонія.

Прежде всего пили водку и закусывали хлѣбомъ, потомъ подавали въ скоромные дни холодныя кушанья, состоявшія изъ вареного мяса съ разными приправами, потомъ ѣли горячія, потомъ жаренья, а далѣе разные звары, за ними молочныя кушанья, лакомыя печенья и наконецъ овощныя сласти. Въ постные дни тѣмъ же порядкомъ подавали холодную рыбу или капусту, потомъ жидкія кушанья, далѣе жареную рыбу, звары и наконецъ овощи. На званыхъ обѣдахъ было иногда чрезвычайное множество кушаньевъ — до сорока и до пятидесяти перемѣнъ. Слуги, подававшіе кушанья, назывались стряпчими, несли блюда голыми и притомъ нечистыми руками.

Послѣ обѣда хозяинъ пересматривалъ посуду и находя все въ порядкѣ, хвалилъ дворецкаго и стряпчихъ, подчивалъ ихъ хмѣльнымъ, иногда всѣхъ дарилъ и вся прислуга обыкновенно обѣдала послѣ господскаго стола.

Послѣ обычнаго обѣда ложились отдыхать. Это былъ повсемѣстный и освященный народнымъ уваженіемъ обычай. Спали пообѣдавши и цари, спали бояре, спали купцы, затворивъ свои лавки; уличная чернь отдыхала на улицахъ; тогда-то въ Москвѣ на Вши-

врмъ рынкѣ собиралась толпа мужчинъ, которые тамъ стриглись и отъ этого рынокъ былъ постоянно усѣянъ волосами, будто полстью. Не спать или по крайней мѣрѣ не отдыхать послѣ обѣда считалось въ нѣкоторомъ смыслѣ ересью, какъ всякое отступленіе отъ предковскихъ обычаевъ. Извѣстно, что въ числѣ подозрѣній, обличавшихъ въ Самозванцѣ не царское происхожденіе и уклоненіе къ латинской вѣрѣ, было и то, что онъ не спалъ послѣ обѣда. Этотъ отдыхъ былъ тѣмъ необходимѣе, что обыкновенно русскіе любили очень плотно покушать, имѣя возможность и достатокъ.

Вставши отъ послѣобѣденнаго сна, русскіе опять принимались за обычныя занятія. Цари ходили къ вечернѣ, а часовъ съ шести вечера по нашему счету предавались уже забавамъ и бесѣдамъ. Впрочемъ, смотря по важности дѣла, иногда бояре собирались въ дворецъ и вечеромъ, сидѣли тамъ за дѣлами часовъ около трехъ. Въ приказахъ собирались по вечерамъ. Въ 1669 году постановлено правиломъ, чтобъ приказные люди сидѣли съ перваго до восьмаго часа ночи,—такъ-какъ это было зимою, то вѣроятно до десяти часовъ по нашему счету, считая первымъ часомъ ночи не седьмой часъ суточнаго дѣленія, сообразно восточно-византійскому счисленію, а четвертый, когда ночь дѣйствительно наступала въ Москвѣ. Вечеръ въ домашнемъ быту былъ временемъ развлеченій; зимою собирались другъ къ другу родные и пріятели въ домахъ, а лѣтомъ въпалаткахъ, которыя нарочно раскидывались предъ домами. Русскіе всегда ужинали, а послѣ ужина благочестивый хозяинъ отправлялъ вечернее моленіе. Снова затепливались лампады, зажигались свѣчи передъ образами; домочадцы и прислуга собирались на моленье. Послѣ такого молитвословія считалось уже непозволительнымъ ѣсть и пить; всѣ скоро ложились спать. Сколько нибудь зажиточные супруги имѣли всегда особые покои съ тою цѣлію, чтобъ не спать вмѣстѣ въ ночи предъ господскими праздниками, воскресеньями, средами и пятками и въ посты. Въ эти ночи благочестивые люди вставали и тайно молились предъ образами въ спальняхъ; ночная молитва считалась пріятнѣе Богу чѣмъ дневная: «тогда бо нощію умъ ти есть легчае къ Богу и могутъ тя убо на покаяніе обратити нощныя молитвы паче твоихъ дневныхъ молебъ... и паче дневныхъ молебъ приклонитъ ухо свое Господь въ нощныя молитвы» (Рук. Пог. Собр. Публ. Библ. № 1310). Впрочемъ нѣкоторыя старинныя духовныя поученія не обязывали супруговъ удаляться отъ общаго ложа въ посты: Петровскій и Рождественскій: «а въ Петрово говѣнье и къ Филиппово невозбранно мужемъ съ своими женами совокуплятися, развѣе блюсти среду, пятокъ и субботу и недѣлю и господскихъ праздниковъ» (Рум. Муз. № 359). На Святой не-

дѣлъ царя обыкновенно опочивали отдѣльно отъ царицъ, и когда царю угодно было спать вмѣстѣ съ царицею, то послѣдней давалось объ этомъ знать заранѣе и назначалось: или приходить къ царю или царя къ себѣ ожидать, а на другой день оба ходили въ мыльню. Такъ, наблюдалось между всѣми болѣе или менѣе и вообще считалось необходимымъ послѣ ночи, проведенной супругами вмѣстѣ, ходить въ баню прежде, чѣмъ подойти къ образу. Набожные люди почитали себя недостойными даже и омывшись на другой день вступить въ церковь и стояли предъ дверьми храма, хотя черезъ это и подвергались двусмысленнымъ взглядамъ, а иногда и замѣчаніямъ молодыхъ людей, которые догадывались, что это значило. (Домостр. 17. 27. 64. 75. — П. С. З. I. 828. — Доп. I. 55. — Fletch. 254—260. — Olear. 142. 193. — Mejerb. 60—63. — Petr. 318. — Das gr. Reich v. Mosc. 196—203. — Маржер. 29. — Кильбург. 67).

Русскіе вообще ходили въ баню очень часто: она была первою потребностію въ домашней жизни, какъ для чистоплотности, такъ и для какого-то наслажденія. Почти въ каждомъ зажиточномъ домѣ была своя мыльня, какъ уже сказано объ этомъ; сверхъ того для простонародія и для пріѣзжихъ вездѣ по городамъ существовали общественныя или царскія мыльни, гдѣ за входъ платили деньги, составлявшія во всемъ государствѣ вѣтвь царскихъ доходовъ. По извѣстію Котошихина, ежегодно сабиралось такимъ образомъ до двухъ тысячъ рублей со всѣхъ мылень, находившихся въ вѣдомствѣ конюшеннаго дворца. Мыльни вообще топились каждую недѣлю одинъ, а иногда и два раза. Въ лѣтніе жары запрещалось ихъ топить въ предупрежденіе пожаровъ, съ нѣкоторыми исключеніями для больныхъ и родильницъ, по волѣ воеводъ. Тогда-то особенно наполнялись царскія мыльни; впрочемъ, запрещеніе топить свои собственныя касалось болѣе посадскихъ и крестьянъ; люди высшаго значенія всегда пользовались исключеніемъ. Баня для русскаго была такою необходимостью, что по поводу запрещенія топить ихъ, жители грозили правительству разбрестись врозь изъ своихъ домовъ.

Обыкновенно ходили въ мыльню послѣ обѣда, не страшась отъ этого вредныхъ послѣдствій. Жаръ былъ нестерпимый. На скамьяхъ и полкахъ постилалось сѣно, которое покрывали полотномъ. Русскій ложился на него и приказывалъ себя бить до усталости, потомъ выбѣгалъ на воздухъ и бросался лѣтомъ въ озеро или рѣку, подлѣ которыхъ обыкновенно строились мыльни, а зимою катался по снѣгу или обливался холодною водою на морозѣ. Всегда кто ходилъ въ мыльню, тотъ и парился: это было всеобщимъ обычаемъ. Въ общественныхъ мыльняхъ было два отдѣленія: мужское и женское; они отдѣлялись одно отъ другаго перегородками, но входъ и въ то и въ

другое былъ одинъ; и мужчины и женщины, входя и выходя въ одну дверь, встрѣчались другъ съ другомъ нагишомъ, закрывались вѣниками и безъ особеннаго замѣшательства разговаривали между собою, а иногда разомъ выбѣгали изъ мыльни и вмѣстѣ катались по снѣгу. Въ болѣе отдаленную старину было въ обычаѣ и мужчинамъ и женщинамъ мыться въ одной мыльнѣ, и даже черницы и черницы мылись и парились вмѣстѣ.

Жившіе въ Москвѣ нѣмцы заимствовали отъ русскихъ ихъ мыльни, но придали имъ болѣе комфорта. Эти мыльни пріобрѣли въ Москвѣ славу. Вмѣсто голыхъ скамей у нихъ были тюфяки, набитые пахучими травами; передбанники были особые и чистые, гдѣ можно было удобно раздѣваться и одѣваться; такого удобства нельзя было встрѣтить въ русскихъ баняхъ. Послѣ мытья обтирали и клали въ постель; тутъ женщина приносила медъ для подкрѣпленія.

Баня была самымъ главнымъ лѣкарствомъ отъ всякихъ болѣзней: коль скоро русскій почувствуетъ себя нездоровымъ, тотчасъ выпьетъ водки съ чеснокомъ или перцемъ, закуситъ лукомъ, и идетъ въ баню париться.

Для простаго народа баня была школой той удивительной нечувствительности ко всѣмъ крайностямъ температуры, какою отличались русскіе, удивляя этимъ иностранцевъ. Но что касается до высшихъ классовъ общества, то, при сидячей жизни, бани порождали бездѣйствіе и изнѣженность; въ особенности женщины высшаго состоянія отличались этимъ и казались хилыми и брюзгливыми. (А. И. II. 287. — А. А. Э. IV. 58. — Стогл. Вопр. 18. — Olear. 268. — Mejerb. 151. — Strauss. 205. — Fletch. 268. — Carl. 347. — Jenkins. Hacl. 361.

XII.

ЗДОРОВЬЕ И БОЛѢЗНИ.

Въ русскомъ образѣ жизни было соединеніе крайностей, смѣсь простоты и первобытной свѣжести дѣвственнаго народа съ азіатскою изнѣженностью и византійскою разслабленностію. Когда знатный человѣкъ одѣвался весь въ золото и жемчугъ, ѣдалъ на серебрѣ и заставлялъ подавать себѣ десятки кушаньевъ за разъ, деревенскій бѣднякъ, во время частыхъ неурожаевъ, ѣлъ хлѣбъ изъ соломы или изъ лебеды, коренья и древесную кору. Когда знатныя женщины и дѣвицы не занимались даже хозяйствомъ и осужденныя на бездѣйствіе, только для того, чтобъ убить томительную скуку своихъ горницъ и повалушъ, брались за вышиванья убрусовъ и цер-

конными обѣдами, крестьянскія женщины работали вдвое болѣе своихъ мужей. Съ одной стороны достоинствомъ всякаго значительнаго человѣка поставлялась медлительность, изнѣженность, неподвижность; русскія женщины нерѣдко пили особаго рода водку, чтобъ растолстѣть, — съ другой стороны, русскій народъ приводилъ въ изумленіе иностранцевъ своею терпѣливостію, твердостію, равнодушіемъ ко всѣмъ лишеніямъ удобствъ жизни, тяжелымъ для европейца, умѣренію трудолюбиваго, умѣренно терпѣливаго и знакомаго съ правильнымъ и разсчетливымъ комфортомъ. Съ дѣтства пріучались русскіе переносить голодъ и стужу. Дѣтей отнимали отъ грудей послѣ двухъ мѣсяцевъ и кормили грубою пищею; ребятишки бѣгали въ одинхъ рубашкахъ безъ шапокъ, босикомъ по снѣгу въ трескучіе морозы; юношамъ считалось неприличнымъ спать на постели, а простой народъ, какъ уже было замѣчено, вообще не зналъ, что такое постель. Посты пріучали народъ къ грубой и скудной пищѣ, состоявшей изъ кореньевъ и дурной рыбы; живучи въ тѣснотѣ и дыму, съ курами и телятами, русскій простолюдинъ получалъ нечувствительную, крѣпкую натуру. На войнѣ русскіе удивляли враговъ своимъ терпѣніемъ: никто крѣпче русскаго не могъ вынести продолжительной и мучительной осады, при лишеніи самыхъ первыхъ потребностей, при стужѣ, голодѣ, знобѣ, жаждѣ. Подвиги служилыхъ русскихъ людей, которые открыли сибирскія страны въ XVII вѣкѣ, кажутся невѣроятными. Они пускались въ невѣдомые край съ скудными запасами, нерѣдко еще испорченными отъ дороги, истратить ихъ принуждены бывали по нѣсколько мѣсяцевъ сряду питаться мхомъ, бороться съ ледянымъ климатомъ, дикими туземцами, зимовать на ледовитомъ морѣ, а по возвратѣ изъ такого тяжелаго путешествія нерѣдко за благодарность были обираемы и оскорбляемы воеводами. Но какъ ни противоположнымъ кажется образъ жизни знатныхъ и простыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, натура и у тѣхъ, и у другихъ была одна: пусть только бѣдному простому человѣку благопріятствуетъ счастіе, и онъ тотчасъ усвоитъ себѣ неподвижность, тяжеловатость, обрюзглость богатаго или знатнаго лица; за то знатный и богатый, если обстоятельства поставятъ его въ иное положеніе, легко свыкнется съ суровой жизнью и трудами. Прихоти были огромны, но не сложны и не изысканны. Съ одинакимъ воззрѣніемъ на жизнь, съ тѣми же вѣрованіями и понятіями, какъ у простолюдиновъ, знатные люди не успѣли отдѣлиться отъ массы народа и образовать замкнутое въ себѣ сословіе. Посты имѣли въ этомъ отношеніи благодѣтельное вліяніе на нравственность и на поддержку основъ равенства въ народѣ; посты не давали богачу утонуть въ обжорствѣ и сластолюбіи до невозможности низойти къ убогому столу

простолюдина. Въ посты царь ѣлъ одну пищу съ простолюдинами. Небезопасное положеніе края, частыя войны, неудобства путей и затруднительность сообщенія между частями государства не допускали высшіе слои русскаго народа опуститься въ восточную лѣность: они всегда должны ожидать слишкомъ внезапной разлуки съ своими теплыми домами и потому не могли къ нимъ пристраститься; слишкомъ часто приходилось голодать имъ по неволѣ, чтобъ быть не въ силахъ обходиться безъ пряностей и медовъ; слишкомъ повсемѣстно встрѣчали смерть, чтобъ дорожить вялою жизнію. Съ другой стороны въ простолюдинѣ, даже въ его нищетѣ проглядывала наклонность къ восточной изнѣженности и вялости, одолѣвавшей богачей: русскій мужикъ любилъ поспать, покачаться на печкѣ, понѣжиться и, если удивлялъ иностранцевъ терпѣніемъ, то не отличался сознательнымъ трудолюбіемъ.

При способности и готовности переносить труды и лишенія, русскій народъ, хотя не отличался долговѣчностію, но пользовался вообще хорошимъ здоровьемъ. Изъ болѣзней только эпидемическія наносили иногда значительныя опустошенія, потому что мѣры противъ нихъ были слабы и ограничивались неискуснымъ стараніемъ не допустить заразы распространяться съ мѣста на мѣсто. Моровыя повѣтрія нерѣдко оставляли ужасные слѣды по всей Россіи. Изъ обыкновенныхъ болѣзней, которымъ русскіе чаще всего подвергались, были гемаріордальныя, столь свойственныя нашему климату, упоминаемыя въ старину подъ разными наименованіями припадковъ головной боли, теченія крови, запоровъ (закладъ), болей въ спинѣ и тому подобное. Нервныя болѣзни, если не были слишкомъ часты, за то обращали вниманіе своими явленіями: эпилептическіе, каталептическіе, истерическіе припадки приписывались порчѣ и вліянію таинственныхъ силъ, при посредствѣ злыхъ духовъ; болѣзни эти имѣли разныя народныя наименованія, какъ напримѣръ: камчугъ, френчугъ, бѣсованіе, разслабленіе, трясеніе, якота и проч.; нѣкоторые случаи происходили отъ дѣйствительныхъ болѣзней, иные отъ воображенія. Въ XVI вѣкѣ занесена въ Россію сифилитическая болѣзнь (тайнымъ согнитіе), а въ слѣдующемъ столѣтіи она довольно распространилась и наносила опустошенія въ черномъ народѣ. Простудныя болѣзни рѣдко поражали русскаго, пріученнаго къ перемѣнамъ воздуха и температуры. Какъ особые случаи, упоминаются въ старину: каменная болѣзнь, отекъ, сухотка, грыжа, зубная боль, глухота, нѣмота, слѣпота, шолуди, происходившіе отъ неопрятности, которая нерѣдко порождала и другія болѣзни, такъ наприм., имѣла вредное вліяніе на зрѣніе. Вообще отъ болѣзней искали средствъ болѣе всего въ церковныхъ обрядахъ и прибѣгали также къ травни-

камъ, составлявшимъ классъ самоучекъ — лѣкарей, отдавались имъ часто съ чрезвычайнымъ легковѣріемъ. Ученые медики были иностранцы и находились только при царскомъ дворѣ и то въ небольшомъ количествѣ. При Иванѣ Васильевичѣ лѣкарь иноземецъ былъ необходимымъ лицомъ для царя, но лѣчиться у него частнымъ лицамъ было можно не иначе, какъ подавши челобитную объ этомъ. (Доп. 156). Тоже соблюдалось долго и въ послѣдствіи, когда число врачей при дворѣ увеличилось. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ въ Москвѣ существовала одна аптека, изъ которой отпускались лѣкарства по челобитнымъ и притомъ такъ, что тѣмъ, которые были не очень значительны, отпускалось и по челобитной не то, что нужно, а то что дешевле стоило, не обращая вниманія, могло ли оно принести дѣйствительную пользу. Иногда лѣкаря отправлялись на войну съ лѣкарствомъ и тамъ вообще мало приносили пользы. При Алексѣѣ Михайловичѣ въ Москвѣ были двѣ аптеки, но только изъ одной продавали жителямъ лѣкарства, и то по высокимъ цѣнамъ (Кильбург. 184.), а потому эта аптека гораздо менѣе приносила дохода казнѣ, чѣмъ стоявшій рядомъ съ нею кабакъ. Разумѣется, врачи, призываемые изъ за границы, не всегда были хороши, и по зову русскаго царя отважно спѣшили въ Россію шарлатаны. По этому было опредѣлено, чтобъ врачъ, пріѣзжающій въ Россію, прежде въ пограничномъ городѣ показалъ степень своего искусства и вылѣчилъ кого-нибудь. Медики, жившіе при дворѣ, были чрезвычайно стѣснены обычаями и предразсудками. Въ ихъ занятіяхъ не уважали науки, не ставили ихъ искуства выше знахарскаго. Часто сами цари обращались къ травникамъ и знахарямъ, какъ бы въ укоръ медикамъ, состоявшимъ при ихъ дворѣ. Когда медикъ пользовалъ особу женскаго пола, принадлежащую къ царскому семейству—для него не нарушались строгія восточныя церемоніи, всегда окружавшія эту особу. Медикъ долженъ былъ пользовать больную и угадывать болѣзнь, не видя ея лично, а единственно слѣдуя разсказамъ прислужницы. Если при такомъ способѣ лѣченія онъ ошибется, ему ставили ошибку въ вину. Ему не дозволяли узнавать дѣйствіе лѣкарства на организмъ больной: если съ одного пріема болѣзнь не облегчилась — по понятіямъ русскихъ это значило, что лѣкарство не поможетъ, медику приказывали давать другое и не дозволяли повторять одного и того же нѣсколько разъ. Что касается до народа, то вообще онъ не вѣрилъ иноземнымъ врачамъ. Духовенство признавало грѣхомъ лѣчиться у человѣка не православной вѣры и въ особенности вооружалось противъ медиковъ—евреевъ, такъ что въ XVI вѣкѣ русскій, за то, что прибѣгалъ къ пособію еврея, подвергался отлученію отъ церкви. Время однако брало свое и въ этомъ отношеніи: при

Алексѣѣ Михайловичѣ, при царѣ столь набожномъ, одинъ изъ придворныхъ медиковъ былъ еврей. (А. И. III. 289. 396. 474.—Доп. II. 179. 242. V. 401.—Ienkins. 361.—Fletch. 247—268.—Іовій 45. 51.—Колл. 22.—Crull. 146.—Olear. 201. 215. 217.—Herberst. 39.—Petr. 314).

XIII.

СЕМЕЙНЫЕ НРАВЫ.

Всѣ иностранцы поражались избыткомъ домашняго деспотизма мужа надъ женою. Въ отношеніяхъ между двумя полами русскіе видѣли одно животное влеченіе. Въ Москвѣ, замѣчаетъ одинъ путешественникъ (Mejerb. 145), никто не унизится, чтобъ преклонить колѣно предъ женщиною и воскурить предъ нею ѳиміамъ. По законамъ приличія, порожденнымъ византійскимъ аскетизмомъ и грубою татарскою ревностію, считалось предосудительнымъ даже вести съ женщиною разговоръ. Вообще женщина считалась существомъ ниже мужчины и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ нечистымъ; такимъ образомъ женщинѣ не дозволялось рѣзать животное: полагали, что мясо его не будетъ тогда вкусно. Печь просфоры позволялось только старухамъ. Въ извѣстные дни женщина считалась недостойною, чтобъ съ нею вмѣстѣ ѣсть.

Въ одномъ старинномъ поученіи такъ отзываются о прекрасномъ полѣ: «Что есть жена? сѣть утворена прельщающи человѣки во властекъ, свѣтлымъ лицемъ убо и высокими очима намизающи, ногама играющи, дѣлы убивающи, многы бо уязвивши низложи, тѣмже въ доброти женстѣй мнози прельщаются и отъ того любы яко огнь возгарается... Что есть жена? святымъ обложница, покоище зміино, діаволь увѣтъ, безъ увѣта болѣзнь, подвѣчающая сковрада, спасаемымъ соблазнъ, безъисцѣльная злоба, купница бѣсовская.» (Пог. Собр. Публ. Библ., Рук. № 1298). Русская женщина была постоянною невольницею съ дѣтства до гроба. Въ крестьянскомъ быту хотя она находилась подъ гнетомъ тяжелыхъ работъ, хотя на нее, какъ на рабочую лошадь, взваливали все, что было потруднѣе: но по крайней мѣрѣ не держали взаперти. У козаковъ женщины пользовались сравнительно большею свободою: жены козаковъ были ихъ помощницами и даже ходили съ ними въ походы. (А. И. III. 44.) У знатныхъ и зажиточныхъ людей московскаго государства женскій полъ находился взаперти, какъ въ мусульманскихъ гаремахъ. Дѣвицъ содержали въ уединеніи, укрывая отъ человѣческихъ взоровъ; до замужства мужчина долженъ быть имъ совершенно неизвѣстенъ; не

въ правахъ народа было, чтобъ юноша высказалъ дѣвушкѣ свои чувства или испрашивалъ лично ея согласія на бракъ. Самые благочестивые люди были того мнѣнія, что родителямъ слѣдуетъ бить почаще дѣвицъ, чтобы онѣ не утратили своего дѣвства. Чѣмъ знатнѣе былъ родъ, къ которому принадлежала дѣвица, тѣмъ болѣе строгости ожидало ее: царевны были самыя несчастныя изъ русскихъ дѣвицъ; погребенныя въ своихъ теремахъ, не смѣя показываться на свѣтъ, безъ надежды когда-нибудь имѣть право любить и выйти за мужъ, онѣ, по выраженію Кошихина, день и ночь всегда въ молитвѣ пребывали и лица свои умывали слезами. При отдачѣ за мужъ, дѣвицу не спрашивали о желаніи; она сама не знала, за кого идетъ, не видѣла своего жениха до замужства, когда ее передавали въ новое рабство. Сдѣлавшись женою, она не смѣла ни куда выйти изъ дома безъ позволенія мужа, даже, если шла въ церковь, и тогда обязана была спрашиваться. Ей не предоставлялось права свободнаго знакомства по сердцу и нраву, а если дозволялось нѣкотораго рода обращеніе съ тѣми, съ кѣмъ мужу угодно было позволить это, то и тогда ее связывали наставленія и замѣчанія: что говорить, о чемъ умолчать, что спросить, чего не слышать. Въ домашнемъ быту часто ей не давали права хозяйства, какъ уже сказано. Ревнивый мужъ приставлялъ къ ней шпіоновъ изъ служанокъ и холоповъ, а тѣ, желая поддѣлаться въ милость господину, нерѣдко перетолковывали ему въ другую сторону каждый шагъ своей госпожи. Выѣзжала ли она въ церковь или въ гости, неотступныя стражи слѣдили за каждымъ ея движеніемъ и обо всемъ передавали мужу. Очень часто случалось, что мужъ, по наговору любимаго холопа или женщины, былъ свою жену изъ одного только подозрѣнія. Даже и тогда, когда мужъ поручалъ женѣ смотрѣть за хозяйствомъ, она была не болѣе, какъ ключница: не смѣла ни послать чего-нибудь въ подарокъ другимъ, ни принять отъ другаго, не смѣла даже сама безъ позволенія мужа съѣсть или выпить. Рѣдко дозволялось ей имѣть вліяніе на дѣтей своихъ, начиная съ того, что знатной женщинѣ считалось неприличнымъ кормить грудью дѣтей, которыхъ поэтому отдавали кормилицамъ; мать впослѣдствіи имѣла надъ ними менѣе надзора, чѣмъ няньки и дядьки, которые воспитывали господскихъ дѣтей подъ властію отца семейства. Обращеніе мужьевъ съ женами было таково: по обыкновенію, у мужа висѣла плеть, исключительно назначенная для жены и называемая дуракъ; за ничтожную вину мужъ таскалъ жену за волосы; раздѣвалъ донага, привязывалъ веревками и сѣкъ дураномъ до крови — это называлось учить жену; у иныхъ мужьевъ вмѣсто плети играли ту же роль розги, и жену сѣкли, какъ маленькаго ребенка, а у другихъ, напротивъ, дубина —

жену были, какъ скотину. Такого рода обращеніе не только не казалось предосудительнымъ, но еще вмѣнялось мужу въ нравственную обязанность. Кто не билъ жены, о томъ благочестивые люди говорили, что онъ домъ свой не строитъ и о своей душѣ не радитъ и самъ погубленъ будетъ и въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ и домъ свой погубитъ. Домострой человѣколюбиво совѣтуетъ не бить жены кулакомъ по лицу, по глазамъ, не бить ее вообще желѣзнымъ или деревяннымъ орудіемъ, чтобъ не изувѣчить или не допустить до выкидыша ребенка, если она беременна; онъ находитъ, что бить жену плетью и разумно, и больно, и страшно, и здорово. Это нравственное правило проповѣдывалось православною церковью, и самымъ царямъ, при вѣнчаніи, митрополиты и патріархи читали нравоученія о безусловной покорности жены мужу. Привыкшія къ рабству, которое влачить суждено было имъ отъ пеленокъ до могилы, женщины не имѣли понятій о возможности имѣть другія права и вѣрили, что онѣ въ самомъ дѣлѣ рождены для того, чтобъ мужья ихъ били, и даже самые побои считали признакомъ любви. Иностранцы разсказываютъ слѣдующій любопытный анекдотъ, переходившій изъ устъ въ уста въ различныхъ варіяціяхъ. Какой-то итальянецъ женился на русской и жилъ съ нею нѣсколько лѣтъ мирно и согласно, никогда не бивши ее и не бранивши. Однажды она говоритъ ему: «за что ты меня не любишь?» — «Я люблю тебя», сказалъ мужъ и поцаловалъ ее. «Ты ничѣмъ не доказалъ мнѣ этого», сказала жена. «Чѣмъ же тебѣ доказать?» спрашивалъ онъ. — Жена отвѣчала: «ты меня ни разу не билъ». — «Я этого не зналъ, говорилъ мужъ, — но если побои нужны, чтобъ доказать тебѣ мою любовь, то за этимъ дѣло не станетъ.» Скоро послѣ того онъ побилъ ее плетью и въ самомъ дѣлѣ замѣтилъ, что послѣ того жена стала къ нему любезнѣе и услужливѣе. Онъ поколотилъ ее въ другой разъ такъ, что она послѣ того нѣсколько времени пролежала въ постелѣ, но однако не роптала и не жаловалась. Наконецъ въ третій разъ онъ поколотилъ ее дубиною такъ сильно, что она послѣ того черезъ нѣсколько дней умерла. Ея родные подали на мужа жалобу; но судьи, узнавши всѣ обстоятельства дѣла, сказали, что она сама виновата въ своей смерти; мужъ не зналъ, что у русскихъ побои значатъ любовь и хотѣлъ доказать, что любитъ сильнѣе, чѣмъ всѣ русскіе; онъ не только изъ любви билъ жену, но и до смерти убилъ. Женщины говорили: «кто кою любитъ, тотъ того лупитъ, коли мужъ не бьетъ, значитъ не любитъ»; пословицы эти и до сихъ поръ существуютъ въ народѣ, такъ же, какъ и слѣдующая: «не вѣрь коню въ полѣ, а женѣ на волѣ», показывающая, что неволя считалась принадлежностію женскаго существа. Иногда родители жены при отдачѣ ея замужъ за-

заключали письменный договоръ съ зятемъ, чтобъ онъ не билъ жены. Разумѣется, это исполнялось неточно. Положеніе жены всегда было хуже, когда у нея не было дѣтей, но оно дѣлалось въ высшей степени ужасно, когда мужъ, соскучивъ ею, заводилъ себѣ на сторонѣ любезную. Тутъ не было конца придиркамъ, потасовкамъ, побоямъ; нерѣдко въ такомъ случаѣ мужъ заколачивалъ жену до смерти и оставался безъ наказанія, потому что жена умирала медленно и слѣдовательно нельзя было сказать, что убилъ ее онъ, а бить ее, хотя по десяти разъ на день, не считалось дурнымъ дѣломъ. Случалось, что мужъ такимъ образомъ принуждалъ ее вступить въ монастырь, какъ свидѣтельствуетъ народная пѣсня, гдѣ изображается такого рода насиліе. Несчастная, чтобъ избѣжать побоевъ, рѣшалась на самовольное самозаключеніе, тѣмъ болѣе, что и въ монастырѣ ей было больше свободы, чѣмъ у дурнаго мужа. Еслибы жена заупрямилась, мужъ, чтобъ раздучиться съ немилою-постылою, нанималъ двухъ-трехъ негодяевъ лжесвидѣтелей, которые обвиняли ее въ прелюбодѣяніи; находился за деньги и такой, что бралъ на себя роль прелюбодѣя: тогда жену насильно запирали въ монастырь. (Домостр. 29. 68. — А. И. III. 44. — Доп. I. 54. — Пав. Іов. 51. — Fletch. 246. — Olear. 217. — Petr. 324.—Mejerb. 145.—Carlis. 341.—Crull. 160. 162. — Strauss. 203. — Herberst. 34.)

Не всегда однако жены безропотно и безотвѣтно сносили суровое обращеніе мужьевъ и не всегда оно оставалось безъ наказанія. Иная жена, бойкая отъ природы, возражала мужу на его побои бранью, часто неприличнаго содержанія. Были примѣры, что жены отравляли своихъ мужьевъ, и за это ихъ зарывали живыхъ въ землю, оставляя наружи голову и оставляли въ такомъ положеніи до смерти; имъ не давали ѣсть и пить и сторожа стояли при нихъ, не допуская, чтобъ кто нибудь изъ состраданія не покормилъ такую преступницу. Прохожимъ позволялось бросать деньги, но эти деньги употреблялись на гробъ осужденной или на свѣчи для умилостивленія Божія гнѣва къ ея грѣшной душѣ (De Bruyns. 20). Впрочемъ случалось, что имъ оставляли жизнь, но замѣняли смерть вѣчнымъ жестокимъ заточеніемъ. Двухъ такихъ преступницъ за отравленіе мужьевъ держали трое сутокъ по шею въ землѣ, но такъ какъ онѣ попросились въ монастырь, то ихъ отопали и отдали въ монастырь, приказавъ держать ихъ порознь въ уединеніи и въ кандалахъ. Другія жены мстили за себя доносами. Какъ ни безгласна была жена предъ мужемъ, но точно также были мужья безгласны предъ царемъ. Голосъ жены, какъ и голосъ всякаго, и въ томъ числѣ холопа, принимали въ уваженіе, когда дѣло шло о злоумышленіи на особу царскаго дома или о кражѣ царской казны. Иностранцы разсказы-

знаетъ замѣчательное событіе: жена одного боярина, по злобѣ къ мужу, который ее билъ, доносила, что онъ умѣетъ лѣчить подагру, которою царь тогда страдалъ; и хотя боярин увѣрялъ и клялся, что не знаетъ этого вовсе, его истязали и обѣщали смертную казнь, если онъ не сыщетъ лѣкарства для его величества. Тотъ въ отчаяніи нарвалъ какихъ попало травъ и сдѣлалъ изъ нихъ царю ванну; случайно царю послѣ того стало легче и лѣкаря еще разъ высѣкли за то, что онъ, зная, не хотѣлъ говорить. Жена взяла свое. Но еще случалось, что за свое уваженіе женщины отомщали обычнымъ своимъ способомъ: тайною измѣною. Какъ ни строго запирали русскую женщину, она склонна была къ тому, чтобъ положить мужа подъ лавку, какъ выражались въ тотъ вѣкъ. Такъ и быть должно. По свойству человѣческой природы, рабство всегда раждаетъ обманъ и коварство. Часто женщина напивалась пьяна и тогда, если только представлялся случай, предавалась первому мужчинѣ.

Иностранцы единогласно говорятъ, что русская женщина не была неприступна и для нихъ, несмотря на всеобщее омерзѣніе, внушаемое некрестями, къ которымъ въ Россіи причисляли всѣхъ вообще неправославныхъ. На эти случаи у женщинъ образовались свои собственные догматы. «Женщинѣ соблудить съ иностранцемъ», говорили онѣ: — «простительно; дитя отъ иностранца родится — крещеное будетъ; а вотъ какъ мужчина съ иновѣркою согрѣшитъ, такъ дитя будетъ некрещеное, оно и грѣшнѣе; некрещеная вѣра множится».

У зажиточныхъ домовитыхъ людей все было такъ устроено, что казалось невозможно сблизиться мужчинѣ съ ихъ женами; однако примѣры нашихъ такихъ женъ своимъ мужьямъ были не рѣдки. Запертая въ своемъ теремѣ жена проводила время съ служанками, а отъ скуки вела съ ними, какъ говорилось, пустошныя рѣчи, пересѣшныя, скоромскія и безлѣпичныя и пріучалась располагать свое воображеніе ко всему нецѣломудренному. Эти служанки вводили въ домъ разныхъ торговокъ, гадальщицъ и въ томъ числѣ такихъ женщинъ, которыя назывались «потворенныя бабы», то есть, *что молодыя жены съ чужими мужи сваживаютъ*. Эти соблазнительницы вели свое занятіе съ правильностію ремесла и очень искусно внѣдрялись въ доме, прикидываясь чѣмъ угодно и чѣмъ нужно, даже набожными богомолками. Всегда ихъ можно было застать тамъ, гдѣ женщины и дѣвки сходились, напримѣръ: на рѣкѣ, гдѣ мылось бѣлье, у колодца, куда ходили съ ведрами, на рынкахъ и т. п. Заводили знакомство съ служанками, а черезъ нихъ доходили и до госпожъ; такая искусница, коль скоро вотрется въ домъ, непремѣнно надѣлаетъ тамъ какой-

нибудь бѣды: или самую госпожу соблазнитъ, или же дѣвку-служанку подманитъ обокрасть госпожу и бѣжать съ любовникомъ, съ которымъ нерѣдко вмѣстѣ ограбятъ ее и даже утопятъ. Вотъ такого рода женщины были пособницами волокитъ и случалось такъ, что разомъ одна тайно служила мужу отъ жены, а женѣ отъ мужа.

Хотя блудодѣяніе и преслѣдовалось строго нравственными понятіями, и даже въ юридическихъ актахъ блудники помѣщались въ одинъ разрядъ съ ворами и разбойниками, но русскіе мужчины предавались самому неистовому разврату. Очень часто знатные бояре, кромѣ женъ, имѣли у себя любовницъ, которыхъ доставляли имъ потворенныя бабы, да сверхъ того не считалось большимъ порокомъ пользоваться и служанками въ своемъ домѣ, часто насильно. По извѣстіямъ одного англичанина одинъ любимецъ царя Алексѣя Михайловича завелъ у себя цѣлый гаремъ любовницъ, и такъ какъ его жена была этимъ недовольна, то онъ почелъ лучшимъ отравить ее (Колл. 36). Вообще же мужчинѣ и не вмѣнялся развратъ въ такое преступленіе, какъ женщинѣ. Многіе чувствуя, что они грѣшатъ, старались уменьшить тяжесть грѣха сохраненіемъ разныхъ религіозныхъ приличій, напримѣръ, снимали съ себя крестъ и занавѣшивали образа, готовясь къ грѣшному дѣлу. Въ простонародіи развратъ принималъ наглыя формы. Патріархъ Филаретъ обличалъ служилыхъ людей, что они, отправляясь въ отдаленныя мѣста на службу, закладывали женъ своихъ товарищамъ и предоставляли имъ право имѣть съ ними сожительство, какъ будто вмѣсто процентовъ за полученную сумму. Если же мужъ не выкупилъ жены въ означенный срокъ, закладчикъ продавалъ ее для блуда кому нибудь другому, другой — третьему, и такъ женщина переходила изъ рукъ въ руки. Другіе, не женясь вовсе, находились въ блудномъ сожительствѣ съ родными сестрами и даже съ матерьми и дочерьми. (С. гр. III. 245, 246). Простыя женщины распутнаго поведенія доходили до потери всякаго стыда, напримѣръ, голыя выбѣгали изъ общественныхъ бань на улицы въ посадахъ и заклякали къ себѣ охотниковъ. Олеарій разсказываетъ, что онъ былъ свидѣтелемъ, какъ въ Новгородѣ во время стеченія народа послучаю богомолья, пьяная баба, выходя изъ кружала, упала на улицѣ въ непристойномъ положеніи. Вдругъ идетъ пьяный мужикъ и увидя ее полунагую, бросился на нее, какъ звѣрь, но упалъ безъ чувствъ, потому что и самъ былъ мертвецки пьянъ. Тогда мальчишки столпились около этой четы и подтрунивали надъ нею (Olear 394).

Женщина получала болѣе уваженія, когда оставалась вдовою и притомъ была матерью. Тогда какъ замужняя не имѣла вовсе личности сама по себѣ, вдова была полная госпожа и глава семейства.

Личность вдовицы охранялась религіознымъ уваженіемъ. Оскорбить вдовицу считалось величайшимъ грѣхомъ. «Горе обидящему вдовицу», говоритъ одно старое нравоученіе: — «лучше ему въ домъ свой ввергнуть огонь, чѣмъ за воздыханія вдовицъ быть ввержену въ геенну огненную» (Публ. Библ., Погод. Соб. 1313). Впрочемъ, какъ существу слабому, пріученному съ дѣтства къ униженію и неволѣ, и тутъ не всегда приходилось ей отдохнуть. Примѣры непочтенія дѣтей къ матерямъ были нерѣдки. Бывало, что сыновья, получивъ наслѣдство послѣ родителя, выгоняли мать свою, и та должна была просить подаянія. Это не всегда преслѣдовалось, какъ видно изъ одного примѣра XVI вѣка, гдѣ выгнанной матери помѣщиковъ царь приказалъ удѣлить на содержаніе часть изъ помѣстьевъ ея мужа, но сыновьямъ, какъ видно, не было никакого наказанія (Доп. I. 110). Иногда же, напротивъ, овдовѣвшая поступала безжалостно съ дѣтьми, выдавала дочерей насильно замужъ, бросала дѣтей на произволъ судьбы и т. п. (Доп. I. 116).

Между родителями и дѣтьми господствовалъ духъ рабства, прикрытый ложною святостью патріархальныхъ отношеній. Почтеніе къ родителямъ считалось по нравственнымъ понятіямъ ручательствомъ здоровой, долгой и счастливой жизни. О томъ, кто злословитъ родителей, говорилось: «да склюютъ его вороны, да съѣдятъ его орлы!» Была и есть въ Руси пословица: «отчая клятва изсушитъ, материна искоренитъ». Впрочемъ, отецъ, какъ мужчина, и въ дѣтскомъ уваженіи пользовался предпочтеніемъ. «Имѣй, чадо», поучаетъ отецъ сына: — «отца своего, аки Бога, матерь свою, аки самъ себе» (Пог. Собр. рук. П. Б. 1772). Несмотря на такія нравственныя сентенціи, покорность дѣтей была болѣе рабская, чѣмъ дѣтская и власть родителей надъ ними переходила въ слѣпой деспотизмъ, безъ нравственной силы. Чѣмъ благочестивѣе былъ родитель, чѣмъ болѣе проникнутъ былъ ученіемъ православія, тѣмъ суровѣе обращался съ дѣтьми, ибо церковныя понятія предписывали ему быть какъ можно строже: «Наказуй отецъ сына изъ млада, говоритъ одно старинное поученіе: — учи его ранами бояться Бога, и творить все доброе и да укоренится въ немъ страхъ Божій, а если съ молода не научишь — большого какъ можно научить (Рум. Муз. Сборн. 359). Слова почитались недостаточными, какъ бы они убѣдительны ни были, нужно учить дѣтей «розгами, да не пріимеши про нихъ нынѣ отъ человѣкъ сорома» и будущихъ мукъ (Пог. Собр. № 1024); и общее нравственное правило отцовъ въ отношеніи къ дѣтямъ выражалось въ такой формулѣ, какую передаетъ намъ благочестивый авторъ Домостроя: «Сына ли имаши, не дошедъ внити въ юности, но сокруши ему ребра; аще бо жезломъ біеши его, не

умретъ, но здравъ будетъ, дщерь ли имаши — положи на ней грозу свою». Этотъ суровый моралистъ запрещаетъ даже смѣяться и играть съ ребенкомъ. За то и дѣти, раболѣпныя въ присутствіи родителей, съ дѣтства пріучались насмѣхаться надъ ними вмѣстѣ съ сверстниками изъ слугъ, приставленными къ нимъ для товарищества. «Въ Московіи, говоритъ одинъ иностранецъ, нерѣдко можно встрѣтить, какъ сынъ смѣется надъ отцомъ, дочь надъ матерью (La Relig. des Moscov. 87). Грубыя привычки усвоивались имъ съ малолѣтства и сопровождали ихъ до старости. «Лучше, говоритъ одинъ русскій моралистъ: — имѣть у бедра печь безъ ноженъ, нежели неженатаго сына въ своемъ домѣ; лучше въ домѣ коза, чѣмъ взрослая дочь; коза по елищу ходитъ—молоко принесетъ; дочь по селищу ходитъ — стыдъ принесетъ отцу своему» (Сборн. Рум. Муз. 359).

XIV.

ПОРЯДОКЪ ДОМОПРАВЛЕНІЯ.

При маломъ развитіи городской ремесленности и мелочной торговли, дворъ зажиточнаго человѣка, не только въ его вотчинѣ, но и построенный въ самой Москвѣ, представлялъ подобіе цѣлаго города: тамъ производились всевозможнѣйшія работы, нужныя для домашняго обихода; тамъ ткали холсты, шили бѣлье, сапоги, платье, дѣлали мебель и всякую деревянную утварь, вышивали золотомъ и шелками. Все, нужное для дома, обыкновенно покупалось оптомъ. Поставы матерій и суконъ накоплялись въ господскихъ сундукахъ, такъ что доставало на много лѣтъ, на цѣлую жизнь и передавалось дѣтямъ. У разсчетливаго хозяина всегда былъ огромный запасъ разнаго съѣстнаго хлѣба, соленаго мяса, рыбы, сухарей, толокна, ветчины и проч. Благоразумный человѣкъ не только ничего не покупалъ врозь, но иногда еще и продавалъ изъ остатковъ. Только незначительные и бѣдные люди питались съ рынка и за то платили въ три раза дороже, чѣмъ богачи, покупавшіе все нужное оптомъ. (Доп. 76, 77).

Когда у хозяина раждалась дочь, онъ для нея дѣлалъ особый сундучокъ или коробъ и откладывалъ туда каждый годъ всякаго рода имущество въ счетъ будущаго приданаго, и въ тоже время возращали на ея долю скотину: все вмѣстѣ называлось ея надѣлкомъ. Въ случаѣ ея смерти до замужства, надѣлокъ обращался на поминовеніе души усопшей. Такимъ образомъ съ самаго рожденія члена семейства приготовляли ему запасъ на жизнь.

Все въ такомъ домѣ носило характеръ замкнутости и разобщенія со всѣмъ остальнымъ. Все въ немъ старались покрыть тайною для чужихъ. Ворота были заперты и днемъ и ночью, и приходящій долженъ былъ, по обычаю времени, постучаться слегка и проговорить: «Господи Іисусе Христе, помилуй насъ!» и потомъ дожидаться, пока ему скажутъ: «аминь.» По нравственнымъ понятіямъ вѣка, честный человѣкъ долженъ былъ стараться, чтобы никто того не слыхалъ, не видалъ, что у него дѣлается во дворѣ, и самъ не пытался узнавать, какъ живутъ въ чужихъ дворахъ. Все въ домѣ и кладовыхъ хранилось подъ замками. Многое извѣстно было одному только хозяину, какъ напримѣръ, деньги, которыя почитались драгоцѣннѣе вещей; такъ что многіе держали ихъ не иначе, какъ зарытыми въ землѣ, а иные отдавали на сохраненіе въ монастыри, что называлось покла-жею. Обиліе домоваго дома и разобщеніе домашней жизни съ внѣшностію совпадало съ обычаемъ держать въ дворахъ большое населеніе. Старинная недѣлимость семей соединяла иногда нѣсколько боковыхъ родственныхъ линій около одного родственника или старѣйшины. То были дѣти, братья, племянники хозяина и даже дальнѣйшіе его родственники, жившіе съ ними не въ раздѣлѣ, смотря по обстоятельствамъ и по желанію. По смерти хозяина члены или соглашались продолжать жить вмѣстѣ, или старшій дядя ихъ отдавалъ ту часть, какая слѣдовала членамъ многочисленнаго семейства; тогда отдѣлялись другія семьи и образовывали новые дворы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи этотъ обычай наблюдался въ большемъ размѣрѣ и строже въ своемъ основаніи, въ другихъ слабѣе, такъ что наслѣдники спѣшили дѣлиться и основывать новыя семьи. Въ новгородскихъ областяхъ дѣти обыкновенно дѣлились отцовскимъ имуществомъ, но оставляли одну часть общую для всѣхъ (А. Ю. 53.). Обычай жить вмѣстѣ съ родственниками наблюдался болѣе или менѣе у всѣхъ сословій, — менѣе у знатныхъ людей, имѣвшихъ способы дѣлиться скорѣе. У нихъ родственники, жившіе при дворѣ, входили въ уровень съ прислугою. Такъ напримѣръ одинъ гость въ 1696 году, нанимая сторожа, заключалъ съ нимъ условіе, что онъ будетъ ѣсть и пить съ хозяйскими братьями (А. Отн. къ ю. б. 711.). У крестьянъ и у посадскихъ этотъ обычай соблюдался при значительномъ развѣтвленіи рода; тогда когда связь между родственниками дѣлалась уже слабою, они расходились, а иногда тѣ, которые бѣднѣли и поставляли себя въ обязательное отношеніе къ главнымъ хозяевамъ, нисходили на степень подсосѣдниковъ, приписанныхъ къ семьѣ, но не составляли ея прямыхъ членовъ. Не смотря на тоже совокупленіе кровныхъ, обыкновенно мало было ладу въ семьяхъ, и всѣ члены большой семьи нерѣдко жили между собою по

прежде. (La Relig. des Mosc. 87.). За то духъ общинности, столь свойственный русскому нраву, не ограничивалъ такихъ скуповъ однимъ родствомъ, но соединялъ людей, не имѣвшихъ между собою кровныхъ связей. Такъ былъ примѣръ, что нѣсколько человѣкъ соглашались и покупали одинъ дворъ, совершивъ купчую на общее имя, но дворъ принадлежалъ не одному лицу, а всѣмъ вмѣстѣ (А. отн. къ ист. б. 462.). Кромѣ родственниковъ, при дворѣ знатнаго господина, имѣвшаго у себя домашнюю церковь, жилъ священникъ и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы членомъ семьи. Если онъ былъ женатъ, и имѣлъ дѣтей, то жилъ въ особой избѣ и получалъ мѣсячный кормъ, а если былъ монахъ или вдовецъ, то пользовался обѣдомъ вмѣстѣ съ хозяиномъ (Конд. 119). Сверхъ священника жилъ въ такихъ дворахъ крестовый дьякъ домашней церкви, завѣдывавшій ея устройствомъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ зажиточныхъ домахъ жили сироты, мальчики и дѣвочки, которыхъ благочестивые отцы семействъ воспитывали и обучали какому нибудь занятію, а по достиженіи совершеннолѣтія отпускали, что называлось благословлять въ міръ. (Домостр. 109.).

Все это вмѣстѣ уясняетъ систему построекъ старинныхъ дворовъ, заключавшихъ въ себѣ по нѣскольку избъ. Но то, что составляло общее достояніе сколько нибудь зажиточнаго человѣка — это множество слугъ при дворѣ. Богатые и знатные держали у себя огромное число прислуги мужскаго и женскаго пола, иногда число ихъ превышало пятьсотъ, а у важныхъ лицъ доходило даже до тысячи. Господа измѣряли честь и значеніе свое огромнымъ количествомъ дворни. Это были или вѣчные холопы, проданные, или сами себя продавшіе въ рабство съ потомствомъ, или военно-плѣнные, или кабальные, то есть такіе, которые, занимая деньги, обязывались служить вмѣсто платежа процентовъ, или отданные въ кабалу по суду за неплатежъ долга, или наконецъ бѣглые люди, то есть посадскіе, убѣжавшіе отъ тягла, служилые, бѣжавшіе изъ службы, и наконецъ чужіе холопы и крестьяне, перебѣгавшіе отъ одного господина къ другому. (А. И. II. 176. — Вор. Акты. I. 145 — Petr. 313).

Всякій господинъ старался населить свой дворъ преимущественно мастеровыми и вообще умѣлыми людьми. По ихъ занятіямъ и свѣдѣніямъ давались имъ должности. То были повара, приспѣшники, хлѣбники, кресовары, портные, столяры, сапожники, кузнецы, коновалы, швеи, сторожа и проч. У знатныхъ господъ были люди, вооруженные луками, стрѣлами и самопалами, въ бѣлыхъ и сѣрыхъ епанчахъ, въ татарскихъ шапкахъ: они исполняли должность тѣлохранителей. Но кромѣ дѣловыхъ людей были еще толпы слугъ, которые не имѣли опредѣленныхъ занятій и въ самомъ дѣлѣ ничего

не дѣлали. Обыкновенно двое изъ слугъ были главноначальствующими лицами: ключникъ и дворецкій. Ключникъ былъ главный распорядитель, иногда значившій у господина больше, чѣмъ жена и родня, жившая въ дворѣ. Не занимаясь хозяйствомъ, господинъ отдавалъ ключнику на-руки все домоуправленіе. Онъ былъ приходорасходчикъ, завѣдывалъ клѣтями и всѣми строеніями, держалъ у себя повѣренные ему ключи и отъ этого получалъ наименованіе своего званія. Господинъ выдавалъ ему содержаніе иногда за недѣлю, а иногда за мѣсяцъ впередъ. По окончаніи срока, господинъ повѣрялъ его, при повѣркѣ вычиталъ то, что ему слѣдовало на проѣстъ, и сверхъ того дарилъ за службу. Другое начальственное лицо изъ двора—дворецкій, завѣдывалъ вообще всѣми дворовыми людьми, доносилъ обо всемъ случившемся въ дворѣ господину, разбиралъ разные случаи спора между слугами, наказывалъ ихъ по приказанію господина. Нѣкоторые изъ слугъ пріобрѣтали особенную довѣренность и благосклонность господина; увѣрившись, что на нихъ можно положиться, онъ отправлялъ своихъ холоповъ для управленія вотчинами, дѣлалъ имъ порученія по торговлѣ или по хозяйству. Прислуга женскаго пола находилась подъ управленіемъ хозяйки, если мужъ довѣрялъ ей; въ противномъ случаѣ ею завѣдывала какая нибудь изъ женщинъ, обыкновенно жена ключника. Одна изъ прислужницъ была приближенная къ госпожѣ и называлась ея постельницею. Кормилицы и няньки дѣтей были большею частію изъ прислуги и пользовались предъ другими особеннымъ почетомъ. Одна изъ служанокъ — обыкновенно дѣвицы — занимались исключительно вышиваньями вмѣстѣ съ госпожею и другими особами хозяйскаго семейства женскаго пола, другія — обыкновенно замужнія—исправляли черныя работы, топили печи, мыли бѣлье и платье, пекли хлѣбы, приготовляли разные запасы, третьимъ отдавалась на уроки пряжа и тканье. У лицъ, жившихъ не раздѣльно съ хозяиномъ, прислуга была общая. Въ распорядкахъ домашняго быта у домохозяевъ соблюдались такіе же обычаи, какъ въ царской придворной жизни: главный хозяинъ въ своемъ дворѣ игралъ роль государя, и въ самомъ дѣлѣ назывался государемъ: слово это означало домовладыку; другіе члены семейства находились у него въ такомъ же отношеніи, какъ родственники царя; слуги были тоже, что служилые у царя, — и потому-то всѣ, служащіе царю, начиная отъ бояръ до послѣднихъ ратныхъ людей, такъ какъ и слуги частнаго домохозяина, назывались холопами. Господинъ, какъ царь, окружалъ себя церемоніями; напримѣръ, когда онъ ложился спать, то одинъ изъ слугъ стоялъ у дверей комнаты и охранялъ его особу. Господинъ награждалъ слугъ и оказывалъ имъ свое благово-

леніе, точно такъ же, какъ поступалъ царь съ своими служилыми: жаловалъ имъ шубы и кафтаны съ своего плеча, или лошадей и скотину, посылалъ имъ отъ своего стола подачу, что означало милость. Тоже дѣлала госпожа съ женщинами: однѣхъ примолвляла, т. е. награждала ласковымъ словомъ, другихъ дарила или посылала имъ подачу съ своего стола. При дворѣ частныхъ домохозяевъ, какъ и при дворѣ царскомъ, сохранялся обычай отличать заслуги и достоинство слугъ большимъ количествомъ пищи. При огромномъ количествѣ слугъ, въ дворѣ богатаго господина существовали приказы, такіе точно, какъ въ царскомъ управленіи государствомъ, подъ главнымъ контролемъ ключника и дворецкаго, какъ сказано выше. Прислуга вообще раздѣлялась, какъ служилые царскіе люди, на статьи: большую, среднюю и меньшую. Принадлежавшіе къ большей статьѣ получали большее содержаніе; нѣкоторые получали, сверхъ одежды, денежное жалованье отъ двухъ до десяти рублей въ годъ, другіе же одежду, нѣкоторые одно содержаніе. Домострой совѣтуетъ, чтобъ слуги по возможности были сыты государскимъ жалованьемъ и одѣты своимъ рукодѣльемъ. Такимъ образомъ имъ давалось льготное время, которое служилые люди употребляли для пріобрѣтенія себѣ одежды. Вообще слуги у русскихъ господъ ходили въ изорванныхъ одеждахъ, но когда нужно было показаться предъ гостьми, имъ выдавалось платье, лежавшее въ клѣтяхъ; ключникъ, по приказу господъ, выдавалъ имъ его, а они впослѣдствіи обязаны были возвратить ее въ цѣлости, въ противномъ случаѣ подвергались побоямъ. Въ этомъ отношеніи въ господскихъ домахъ дѣлалось тоже, какъ въ царскомъ дворѣ, гдѣ въ важное время пріема иноземныхъ пословъ служилымъ людямъ выдавалось платье и потомъ отбиралось.

Женатые служилые жили отдѣльно въ избахъ; нѣсколько семей помѣщалось въ одной и получали на содержаніе мѣсячину; холостые и дѣвки обыкновенно жили при господской поварнѣ, мыльнѣ, конюшнѣ, сараяхъ въ людскихъ избахъ, для того построенныхъ; дѣвушки, занимавшіяся вышиваньемъ, спали въ сѣняхъ и отъ этого назывались *сѣнными*. Господа соединяли парней и дѣвушекъ бракомъ, часто противъ ихъ желанія, и праздновали ихъ свадьбы у себя въ домѣ: это доставляло для господъ развлеченіе въ однообразной ихъ жизни.

Содержать хорошо слугъ считалось дѣломъ богоугоднымъ, наравнѣ съ милостынею. Въ нашихъ старыхъ книгахъ благочестиваго содержанія, были нравоученія такого рода: *имѣйте рабы свои, аки братію и рабыни аки сестры себѣ, яко и тѣ сѣмя адамле есть* (Румянц. сбори. 359). По большей части прислуга содержалась дурно, даже и тамъ, гдѣ хозяинъ имѣлъ благія намѣренія въ отношеніи

своей дворни; потому что ключники и дворецкіе, выбранные господиномъ изъ нихъ же, завѣдуя ихъ содержаніемъ, старались половину положить въ свой карманъ. Во многихъ боярскихъ домахъ многочисленную дворню кормили дурно испеченнымъ хлѣбомъ и тухлою рыбою, мясо рѣдко они видѣли, и самый квасъ давался имъ только по праздникамъ. Голодные и оборванные, и при этомъ ничѣмъ не занятые, они шатались по городу, братались съ нищими, просили милостыни и часто по ночамъ нападали на прохожихъ съ топорами и ножами или запускали въ голову имъ кистени, производили пожары, чтобъ во время суматохи расхищать чужое достояніе. Господа смотрѣли на такіе поступки своихъ рабовъ сквозь пальцы. (Mejerb. 139. — Str. 197. 199. — Домостр. 40. — П. С. З. I. 732).

Вообще господа обращались съ своими слугами деспотически и охотнѣе слѣдовали такимъ пастырскимъ наученіямъ, какъ напр. «*аще ли* рабъ или *рабыни тебя не слушаетъ и по твоей волѣ не ходитъ то плети нань нещади*» (Пов. Собр. 1228),—чѣмъ такимъ, гдѣ заповѣдывалось господамъ считать рабовъ за братьевъ. Нерѣдко случалось, что господинъ насиловалъ своихъ рабынь, не обращая вниманія на ихъ мужей, растлѣвалъ дѣвицъ; случалось, что убивалъ до смерти людей изъ своей дворни, все ему сходило съ рукъ (А. отн. къ юр. быту 558). Самые слуги не имѣли понятія, чтобъ могло быть иначе и не оскорблялись побоями и увѣчьями: за всякимъ тычкомъ не угонишься, гласитъ пословица, рабу все равно было, справедливо ли или не справедливо его били: господинъ сыщетъ вину, коли захочетъ ударить—говорили они. Тѣ слуги, которые не составляли достоянія господъ, коими присуждены были къ работѣ за деньги или же отдавши себя во временную кабалу, не только не пользовались особенными льготами отъ безусловной воли господъ, но даже подвергались болѣе другихъ побоямъ и всякаго рода стѣсненіямъ (Колл. 34). У русскихъ было понятіе, что служить слѣдуетъ хорошо тогда только, когда къ этому побуждаетъ страхъ,—понятіе общее у всѣхъ классовъ, ибо и знатный господинъ служилъ вѣрою и правдою царю, потому что боялся побоевъ; нравственное убѣжденіе выдумало пословицу: за битаго двухъ небитыхъ даютъ. Самые милосердые господа должны были прибѣгать къ палкамъ, чтобъ заставить слугъ хорошо исправлять ихъ обязанности: безъ того слуги стали бы служить скверно (Барбер. 32.—Olear. 797.—Strauss 194). Произволъ господина удерживался только тѣмъ, что слуги могли отъ него разбѣжаться, притомъ обокравши его, и другіе не пойдутъ къ нему въ кабалу. Напротивъ, господинъ славился тѣмъ, что хорошо кормилъ слугъ. Русскіе не цѣнили свободы и охотно шли въ холопы. Въ XVII вѣкѣ иные отдавали себя рубли за три на цѣ-

лую жизнь. Получивъ деньги, новый холопъ обыкновенно пропивалъ ихъ и проматывалъ и потомъ оставался служить хозяину до смерти. Иные же, соблазнившись деньгами, продавали себя съ женами, съ дѣтьми и со всѣмъ потомствомъ. Иногда же бравшіе деньги закладывали заимодавцу сыновей и дочерей и дѣти жили въ неволѣ за родителей. Были и такіе, которые поступали въ холопы насильно: еще до воспрещенія перехода крестьянамъ, помѣщикъ нерѣдко обращалъ ихъ въ холопы. Въ XVII вѣкѣ служилые люди торговали самымъ возмутительнымъ образомъ женскимъ поломъ въ Сибири. Они насильно брали безпомощныхъ сиротъ дѣвицъ, иногда сманивали у своихъ товарищей женъ, дѣлали на нихъ фальшивые крѣпостные акты и потомъ передавали изъ рукъ въ руки, какъ вещь. Толпы слугъ вообще увеличивались во время голода и войны; во время голода потому, что многіе изъ дневнаго пропитанія отдавали себя на вѣки въ рабство, а во время войнъ дворяне и дѣти боярскіе, убѣгая отъ военной службы, записывались въ холопы, а тѣ, которые возвращались съ войны, приводили домой военно-плѣнныхъ, которыхъ обращали въ рабство: такимъ образомъ въ классѣ холоповъ было много поляковъ и литовцевъ; ихъ заставляли насильно принимать православіе и насильно женили или выдавали замужъ. Правительство въ XVII вѣкѣ хотѣло оградить военно-плѣнныхъ отъ жестокаго жребія и потому запрещало обращать ихъ въ рабство. Уложеніе предоставляетъ свободу тѣмъ изъ плѣнниковъ, которые сами не пожелаютъ остаться. Рабъ въ полномъ нравственномъ смыслѣ этого слова, русскій холопъ готовъ былъ на все отважиться, все терпѣть за своего господина и въ тоже время обмануть его и даже погубить. Когда господа между собою ссорились, ихъ люди, встрѣтившись гдѣ нибудь въ веселомъ мѣстѣ, наприм., въ корчмѣ или въ кабакѣ, заводили споры и драки за честь своихъ господъ; это переходило иногда въ большіе размѣры, когда людей у господина было очень много или же крестьяне точно также принимали участіе. Люди и крестьяне враждующихъ между собою владѣльцевъ нападали другъ на друга по дорогамъ, дѣлали набѣги за границы, били другъ друга, поджигали, неистовствовали всякими способами (Улож. гл. XI. 134. — А. А. Э. II. 658). За то въ тоже время толпы рабовъ были зломъ для своихъ господъ; въ домѣ они заводили между собою смуты, драки и убійства, иногда изъ мщенія къ господину доносили на него, обвиняя въ злоумышленіи на царя, и даже выдерживали пытку, которой ихъ предавали. Очень часто холопы обкрадывали господъ и убѣгали; иные молодцы тѣмъ и промышляли, что давши на себя кабалы, проживали нѣсколько времени у тѣхъ, кому ихъ давали, потомъ обкрадывали своихъ хо-

зневъ, убѣгали отъ нихъ, приставали такимъ образомъ къ другимъ, къ третьимъ. Правительство приказывало господамъ не принимать никого въ холопы безъ отпускныхъ, но этого приказанія не всѣ слушались; при томъ же многіе молодцы являлись съ нарядными (фальшивыми) отпускными. Нерѣдко тѣмъ дѣло не оканчивалось, что кабальный обкрадетъ хозяина да уйдетъ отъ него: удальцы стакивались съ подобными себѣ пріятелями, поджигали дома и дворы своихъ господъ, иногда убивали или сожигали ихъ самихъ съ женами и дѣтьми, а потомъ бѣжали на Донъ или на Волгу. Когда помѣщикъ отправлялся на войну и оставлялъ управленіе своего дома старикамъ и женщинамъ — тутъ своевольство дворни не находило предѣловъ; часто, возвратившись на родину, помѣщикъ ихъ находилъ весь свой домъ въ разоренія и запустѣніи (Доп. I. 398. III. 138, 318. — IV. 246, 261. — П. С. З. I. 360. — Улож. гл. XX. — А. отн. къ ю. б. 15). Кромѣ множества слугъ, въ господскихъ дворахъ проживали иногда нищіе, призрѣваемые изъ милосердія, въ надеждѣ этимъ угодить Богу. Они носили названіе богомольцевъ. Этотъ обычай существовалъ и у царей, у которыхъ жили такъ называемые верховые богомольцы, обыкновенно старые, увѣчные воины, потѣшавшіе государя въ часы вечернихъ досуговъ разсказами о приключеніяхъ своей молодости, проведенной въ брани и опасностяхъ (А. И. I. 327. II. 176, 220. — А. отн. къ юр. б. 377, 711, 558, 574, 615. — С. Г. Гр. III. 240. — Домостр. 15, 52, 83. — Herberst. 34, 54.—Fletch. 28.—Chensl. 251.—Оп. Шуи. 391.—А. г. Шуи. 70.—Olear. 197, 207.—Petr. 313.—Mejerb. 166.—Коних. 61).

Представленная здѣсь картина домашняго образа жизни была возможна только у зажиточныхъ господъ. Нельзя сказать, чтобъ такихъ хозяевъ было много: не смотря на пышность, господствующую въ показанной сторонѣ русской жизни и домашней и общественной, вообще Великая Русь была страна бѣдная: ея богатства лежали въ землѣ не тронутыя, а тѣ, которыя обращались въ обществѣ, распредѣлялись неблагопріятнымъ для массы народа образомъ. Самые бояре и знатные люди не такъ были богаты, какъ то казалось. Для нихъ не было никакого ручательства противъ произвола. Грозный у многихъ богатыхъ вельможъ отнималъ родовыя имѣнія, чтобъ искоренить въ нихъ чувство предковскаго права и въ замѣнъ давалъ помѣстья въ отдаленныхъ провинціяхъ, гдѣ владѣльцы не могли уже получать прежнихъ доходовъ Fletch. 28). Кромѣ воли царя, для всѣхъ всемогущей какъ воля неба, всегда существовали обстоятельства неблагопріятныя для упроченія состоянія. Дворяне дѣти боярскіе безпрестанно жаловались на тягость службы и разоренія своихъ имѣній. Когда приходилось нать

на службу, мать или жена дворянина отдавали въ залогъ свои наряды, чтобъ снарядить на войну мужа или сына. Много обѣднѣвшихъ дворянъ, дѣтей убитыхъ на царской службѣ, скитались безъ насущнаго пропитанія. Интересъ казенный или царскій поглощалъ всѣ интересы. Начнетъ ли торговый и промышленный человѣкъ жить съ устроеніемъ (съ комфортомъ), на него навязываютъ какую нибудь разорительную должность въ далекѣ отъ его обычнаго мѣста жительства. Начнетъ ли допускать въ образѣ жизни устроеніе приказный человѣкъ, — [illegible] въ плутовствѣ, запутываютъ въ какое-нибудь дѣло, касающееся интересовъ казны и обираютъ или засылаютъ куда нибудь на службу, гдѣ онъ прослуживается. Но въ особенности тяжело было состояніе сельскаго крестьянскаго класса. Пять дней работалъ крестьянинъ на господъ, а ему оставался одинъ только день въ недѣлю да праздники. (Das gr. Reich. v. Mosc.) и по этому крестьяне находились въ плачевномъ положеніи, такъ что у многихъ ничего нельзя было сыскать дома, кромѣ овчиннаго тулупа, коровы да лошади, и то были люди еще не послѣдней бѣдности. На сѣверѣ три лошаденки и три коровы были признакомъ зажиточнаго поселянина; если же, кромѣ этого, крестьянинъ имѣлъ три свиньи, двѣ козы, паръ пять овецъ да нѣсколько куръ и утокъ, тотъ уже былъ богачемъ. (А. Э. 1. 1,192.) Лѣтомъ крестьяне пахали, косили, жали, зимою молотили, рубили и пилили лѣсъ и дрова или скитались и просили милостыни. Это было обыкновенное явленіе во время неурожаевъ, потому что тогда не принимали ни какихъ мѣръ противъ нихъ, а они были часты. Преслѣдуемые налогами, поборами, гоньбами, отдачею людей въ войско, разными повинностями государственными и владѣльческими, при случившемся неурожаѣ, они часто умирали съ голода или въ отчаяніи разбѣгались врознь; пустѣли цѣлые уѣзды. Многіе толпами уходили въ Сибирь. Крестьяне, жившіе у дѣтей боярскихъ и у дворянъ, были особенно обременяемы, и за то, когда господа ихъ уходили на службу, разбѣгались, и, воротившись въ имѣніе со службы, владѣлецъ нерѣдко находилъ его пустымъ. Отыскиваніе крестьянъ для владѣльцевъ было такъ же затруднительно, какъ и отыскиваніе холоповъ, въ особенности тогда, когда крестьяне приставали къ знатнымъ владѣльцамъ; притомъ же, отыскавши и утвердивши вновь за собою крестьянина, владѣлецъ не всегда получалъ отъ этого выгоды; часто выходило на оборотъ: крестьяне подговаривали и другихъ къ новому бѣгству и тогда же сожигали владѣльческую усадьбу изъ мщенія Повсюду ходили такъ называемые бобыли и захребетники, то есть люди, не имѣвшіе у себя ничего кромѣ того, что могло быть носимо за плечами; шатались не одни крестьяне —

шатались и посадскіе. Одни подъ именемъ старцевъ изъ монастыря въ монастырь, другіе нищею братіею, ибо общество, безжалостное къ нуждамъ и скудости семействъ, было милостиво для нищаго, хотя неоднократно случалось, что такая нищая христова братія стакивалась съ боярскими холопами и производила пожаръ, чтобъ потомъ грабить и красть въ суматохѣ. (А. И. II. 166. IV. 537. V 121. — Доп. III. 144. VI. 117.).

Къ достопамятностямъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Поздно ночью, въ злую бурю,
Возвратившись въ край родной,
Я помчался вихремъ въ домъ свой,
Чтобъ увидѣться съ женой.

Но у ней я встрѣтилъ гостя;
Онъ смѣшался, а она
Только вскрикнула, и стала
Предо мной — мертва, блѣдна.

Въ гнѣвѣ свѣта я не взвидѣлъ,
И изъ дома въ ту же ночь,
Всѣхъ дичась и избѣгая,
Навсегда ушелъ я прочь.

Уходя, я долго думалъ,
Что отъ горя не уйдешь;

И рука ножа просила,
И рука точила ножъ.

Но давно прошло то время.
Женнинъ голосъ иногда
Надъ собой теперь я слышу —
Полный ласки и стыда.

Иногда на сердцѣ, точно,
Злая дума закипитъ;
Только чаще сердце ноетъ
Потихоньку, и молчитъ.

И опять родному краю,
По чужимъ бродя мѣстамъ,
Я поклоны посылаю,
Да пойду туда и самъ,

И надъ женниной могилой
Слезы выплачу свои;
Съ ней давно я примирился:
Я узналъ, что нѣтъ любви!

II.

ИСКАТЕЛЬ СЛУЖБЫ.

Въ годы, когда христіанство гналось еще въ мірѣ безумномъ,
Жилъ человѣкъ — я забылъ его прежнее имя, а послѣ
Названъ онъ былъ Христофоромъ, за то, что Христа на плечахъ своихъ
Несъ онъ — и прежнее имя его передъ новымъ исчезло.
Силы великой онъ былъ, и сильнѣйшему въ мірѣ хотѣлъ онъ
Вѣрой и правдой служить; и на службу пошелъ онъ къ вельможѣ
Римскому, силой своею который былъ славенъ повсюду.
Но, увидавъ, что вельможа въ лицѣ измѣнился однажды,
Гнѣва царя испугавшись, ушелъ Христоферъ, недовольный,—

Въ службу къ царю нанялся. Но и царь побѣдилъ разъ въ испугѣ:
Чортъ показался ему. — Значитъ, и ты не сильнѣйшій,
Тайно смекнулъ Христофоръ; и пошелъ служить чорту. И долго
Вѣрно служилъ онъ ему: путникъ ли шелъ запоздавшій
Лѣсомъ, его Христофоръ обиралъ и пускалъ безъ одежды
Дальше идти; убивалъ дѣтей, а беременныхъ женщинъ,
Тѣшась пугливостью ихъ, пугалъ по дорогамъ въ часъ ночи.
Но увидалъ онъ, какъ чортъ, идя съ нимъ, креста испугался,
Что близъ дороги стоялъ, любовно плющемъ перевитый,
Нѣжно отъ солнца прикрытый вѣтвями столѣтняго дуба.
Грустенъ, къ нему подошелъ Христофоръ, и ощупывалъ долго
Крестъ деревянный, не зная, какъ же служить ему надо.
Издали чортъ на него скалилъ со скрежетомъ зубы,
Дико смѣялся надъ нимъ: не буди, говорилъ, не проснется!
Лучше ко мнѣ воротись: щедро за службу плачу я. —
Но Христофоръ предъ крестомъ молча стоялъ, пораженный
Мыслью о силѣ того, кто нѣмъ передъ нимъ и недвижимъ.
Годы къ нему приходилъ онъ, и ждалъ, не найдется ль,
Ктобъ объяснить ему могъ, чего онъ понять самъ не можетъ.
Разъ у креста онъ засталъ старца сѣдаго. Сложивши
Руки сухія, и впалыя очи возведши на небо,
Старецъ, стоя на колѣняхъ, въ одеждѣ суровой, молился.
Старцу тогда Христофоръ разсказалъ все, что было, и долго,
Долго бесѣдовавъ съ нимъ, обратился къ нему со словами:
«Какъ же служить мнѣ ему?... Какъ?... Научи меня, старецъ!»
— Дѣлай добро, былъ отвѣтъ. — Есть здѣсь потокъ межъ горами:
Быстръ онъ и буренъ; а много странниковъ ходитъ, и много
Гибнетъ ихъ въ бурныхъ волнахъ, когда они въ бродъ переходятъ.
Путь тутъ великій лежитъ. Выстрой на берегѣ хату,
Переноси чрезъ потокъ путниковъ темною ночью;
Кто бъ они ни были: Богу угодные, нѣтъ ли:
Каждый въ теченіе жизни сдѣлаться Богу угоднымъ
Можетъ; такъ надо беречь ради этого каждую душу. —
Внялъ Христофоръ, и шалашъ построилъ въ горахъ у потока:
Сплелъ онъ изъ сучьевъ его, прикрылъ его свѣжей листвою.
Старецъ ли ночью придетъ, женщина ль, всѣхъ чрезъ потокъ онъ
Перенесетъ на плечахъ, ждать никому не давая.

Бурною ночью однажды зоветъ его ласковый голосъ:
«Братъ, на ту сторону мнѣ нужно: проснись поскорѣе!»
Всталъ Христофоръ: передъ нимъ мальчикъ стоитъ свѣтло-
кудрый.
И говоритъ Христофоръ: «Погоди, въ эту пору гонимыхъ
Много идетъ христіанъ: подойдетъ кто, снесу васъ обоихъ».
Мальчикъ не прочь былъ и ждать; но путниковъ нѣтъ, какъ
нарочно:
Видно покой снизошелъ въ ночь эту на стадо Христово.
Просится мальчикъ опять; говоритъ, что самъ онъ, гонимый
Міромъ, идетъ. — И смущенный рѣчью не дѣтской ребенка,
Взялъ Христофоръ его молча къ себѣ на рамена,
И чрезъ потокъ его молча понесъ. — Переходитъ....
Мечется вѣтеръ въ горахъ, мечутся, пѣнятся, волны;
Сильныя ноги носильщика слабнутъ, съ теченьемъ потока
Споря. Ребенокъ ростетъ на плечахъ его такъ, что
Оборотившись къ нему, говоритъ Христофоръ, полонъ испуга:
«Кто ты, что точно я міръ несу на плечахъ?» — Отвѣчаетъ
Кто-то ему: ты несешь не міръ, а Спасителя міра.

III.

Комары да мухи
Все меня кусаютъ,
Мошки да букашки
Жизнь мнѣ отравляютъ.
Съ ними биться стыдно:
Не увидишь глазомъ.
Надо перевесть ихъ,
Какъ нибудь всѣхъ разомъ.
А взгляну спокойно,
Такъ для нихъ живу я,
И о нихъ все мыслю,
И для нихъ пишу я.
Есть надежда въ сердцѣ —
Сдѣлать ихъ побольше.
Долго ихъ терпѣлъ я, —
Потерплю и дольше.

IV.

И вотъ я вновь одинъ: опять вокругъ меня
Ни слезъ, ни брани нѣтъ, ни зависти, ни сплетенъ;
Опять мой тихій день идетъ, едва замѣтенъ,
И новаго за нимъ я жду спокойно дня.
Не слышу ничего, что слуха недостойно,
Не вижу ничего, что оскорбляетъ взоръ,
И мысли шествуютъ торжественно, спокойно. —
И жизни вижу я обиды и позоръ;
Но въ мысляхъ это все приличный видъ пріемлетъ
И сердца не мутитъ. И самый сердца крикъ
Благопристойно–тихъ и важенъ, какъ старикъ,
Рѣчамъ котораго покорно юность внемлетъ.
Не то случается, когда въ кругу людей,
Уставъ отъ злобы ихъ, въ ожесточеньи дикомъ,
Готовъ бываешь ты за тридевять морей
Бѣжать, кляня судьбу, съ отчаяньемъ и крикомъ.

V.

Все въ умѣ лѣса да горы;
Башни съ замками въ горахъ:
Въ замкахъ рыцари и дамы,
Въ шелкѣ, въ бархатѣ, въ цвѣтахъ;
Въ тѣхъ же замкахъ подъ землею,
Въ мракѣ скрыты погреба;
Въ погребахъ людей забытыхъ
Скрыта страшная судьба....

А въ лѣсахъ, при блескѣ лунномъ,
Вѣдьмы водятъ хороводъ;
И въ одномъ, въ вѣнкѣ изъ листьевъ,
Лѣшій пѣсенку поетъ:

«Завелися въ мірѣ боги,
И хотѣлось имъ узнать:

Что они? пришли откуда? —
Стали Зевса создавать.
А себя людьми назвали,
Для отличья отъ звѣрей;
А для сходства стали драться —
Такъ ведется у людей.
И бѣды себѣ накликавъ,
Стали строить города;
И явились на потѣху
Намъ рабы и господа.
И счастливы только въ мірѣ,
Безъ дворцовъ и безъ оковъ,
Мы — невидимые боги,
Духи неба и лѣсовъ!»

VI.

Мнѣ снилась ты въ лѣсу, дитя мое; тотъ лѣсъ
Росъ глухо подъ огнемъ сверкающихъ небесъ,
И дико поражалъ своимъ величьемъ око;
Отъ каждаго листа ложилась тѣнь широко,
И ты въ тѣни листовъ стыдлива и нѣжна,
Шла тихо, стаею звѣрей окружена;
И звѣри, смущены твоею красотою,
Всѣ ластились къ тебѣ, мотая головою....

П. КУСКОВЪ.

РОМАНЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ПОЛУСВѢТѢ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

ГЛАВА VII.

Вернемся назадъ, читатель, и догонимъ графиню, которая мчится по улицамъ Петербурга съ постройки своего дома. Ея кучеръ съ фальшивой бородой и ватнымъ животомъ оралъ такъ дико, что въ подвалахъ у спящихъ младенцевъ навѣрно дѣлался отъ испуга родимчикъ. Графиня, укутанная въ бархатъ, слегка покачивалась на патентованыхъ осяхъ и эластическихъ подушкахъ своего экипажа и съ величавымъ презрѣніемъ смотрѣла на всѣхъ. Да и какъ ей не презирать толпу, бѣгущую по слякоти? она дѣлала несчастными цѣлыя семейства и обогащала французскіе магазины, по одному своему капризу.... Впрочемъ мнѣ надо предупредить читателя, что графиня вообще не любила сорить деньгами; она была одержима къ нимъ ненасытною болѣзненною жадностью, похожею на апетитъ дѣтей въ англійской болѣзни. И благосклонность судьбы и тутъ не измѣняла графинѣ: она была счастлива въ своихъ родственникахъ, такъ точно, какъ полковникъ Скалозубъ былъ счастливъ въ товарищахъ своихъ. Она поминутно получала наслѣдства — даже отъ троюродныхъ братьевъ и дядей. И все-таки жаловалась на судьбу, что она бѣдна... Впрочемъ ея жалобы совершенно понятны: какъ умная женщина, она хорошо знала, что уваженіе къ человѣку въ свѣт-

скомъ обществѣ соразмѣряется съ количествомъ денегъ, которыми онъ можетъ располагать для поддержанія вокругъ себя аристократической роскоши и величія.

Но пора мнѣ разсказать родословную графини. Мать графини была прежде жена квартальнаго въ одномъ изъ польскихъ мѣстечекъ. Слава о ея красотѣ и жадности къ деньгамъ была распространена даже въ Варшавѣ. Эту славу завозили пріѣзжіе богачи-паны, старые и молодые, знакомившіеся съ квартальничихой на почтовой станціи, которую содержалъ ея родственникъ. Одинъ русскій старикъ, графъ, проѣзжая въ Варшаву, такъ былъ плѣненъ квартальничихой, что цѣлую недѣлю отдыхалъ на почтовой станціи и потомъ уѣхалъ вмѣстѣ съ красавицей въ Варшаву. Года черезъ два старикъ женился на квартальничихѣ, разведя ее съ мужемъ. Родственники графа навѣрное разсчитывали на наслѣдство старика, и потому всѣ они искренно были огорчены и возмущены такимъ бракомъ. Графъ увезъ свою супругу за границу: извѣстно, что въ свѣтскомъ кругу всѣ подобные браки очищаются заграничной жизнью. Не знаю, какая произошла тамъ перемѣна въ красивой квартальничихѣ; но когда она вернулась съ графомъ въ Петербургъ, то всѣ родственники, скрывъ свою злобу, признали ея права на почетное мѣсто въ свѣтѣ, тайно мечтая впрочемъ, что родовое имѣніе все-таки не попадется къ ней, потому что дѣтей не могло быть у такого стараго и развратнаго графа. Квартальничиха очень скоро была причислена къ особамъ съ чувствительной кожей и съ достоинствомъ поддерживала честь, которую оказало ей свѣтское общество принятіемъ ея въ свой кругъ. Она была горда, ядовита, и съ ожесточеніемъ преслѣдовала ублюдковъ, попадающихъ въ высшій кругъ. Въ нѣсколько лѣтъ она сдѣлалась неприступной аристократкой, и передъ ней стали благоговѣть даже многія изъ аристократіи. Причина этого благоговѣнія была очень естественна: свѣтскія особы не могли не придти въ нѣкотораго рода почтительное изумленіе, увидавъ, что какая нибудь квартальничиха такъ же презрительно смотритъ на всѣхъ, какъ онѣ, въ такой же роскоши и праздности проводитъ время, какъ онѣ, и даже такъ же бойко говоритъ по-французски и такія же имѣетъ нѣжныя ручки съ кровавыми ногтями, какъ и всѣ онѣ, аристократическія дамы... Совершенно сбитыя съ толку всѣми этими признаками кровнаго аристократизма, онѣ кончили тѣмъ, что преклонились предъ ненавистной квартальничихой.

Старикъ графъ былъ совершенно счастливъ, вкушая на семидесятомъ году семейное счастіе, послѣ столькихъ лѣтъ свободныхъ наслажденій холостой жизни. Въ довершеніе своего счастія, онъ сдѣлался отцомъ. Сейчасъ, разумѣется, нашлись злые языки, ядовито упоминавшіе объ особенномъ вниманіи графини къ ея родственнику, бывшему содержателю почтовой станціи, который теперь сдѣлался уже чиновною особою по родственному расположенію графа, и былъ самымъ приближеннымъ лицомъ къ нему, даже имѣлъ помѣщеніе возлѣ его комнатъ... Злые языки очевидно не подумали о нелѣпой несообразности ихъ предположеній съ неприступнымъ аристократизмомъ графини, которая едва словомъ удостоивала смертныхъ, неукрашенныхъ громкими титулами. И какія пустяки подали поводъ къ такимъ сплетнямъ! У графини пропали брилліанты изъ уборной; она обвиняла свою горничную-француженку, а та, по свойственной француженкамъ этого класса дерзости, объявила, что въ эту ночь черезъ уборную проходилъ мужчина къ графинѣ, и готова была доказать, кто именно былъ. Дерзость эта достойна была позорной казни, но графиня и графъ не захотѣли возиться съ иностранкою и только приняли мѣры, чтобы дерзкую француженку выпроводить изъ Россіи.... Такимъ образомъ семейное счастіе не было нарушено. Супругъ графини даже еще болѣе почувствовалъ привязанности къ ней съ рожденіемъ дочери, хотя, послѣ исторіи съ француженкой, кое-кто и осмѣливался замѣчать подъ рукой, будто бы ребенокъ похожъ на секретаря-поляка. Впрочемъ по всей вѣроятности это были козни злыхъ родственниковъ, досадовавшихъ на утрату наслѣдства послѣ графа.

Маленькая графиня воспитывалась по всѣмъ правиламъ аристократизма. Кормила ее грудью француженка, нянчила нѣмка; (англійскій языкъ тогда не былъ еще въ такой модѣ, какъ теперь). Мало этого, для маленькой графини были взяты двѣ дѣвочки бѣдныхъ родителей — одна русская, а другая иностранка, для того, чтобы надъ ними свѣтскій младенецъ могъ практиковаться въ своемъ аристократизмѣ. До семи лѣтъ маленькую графиню рядили въ перья, кружева, а потомъ упростили ея туалетъ до того, что на шестнадцатомъ году она ходила чуть не въ ситцевомъ платьѣ. Но за то, когда ее стали вывозить въ свѣтъ, то роскошь туалета дозволялась ей неслыханная. Она не была красива, но за то брала своей величавостью, такъ что въ свѣтѣ ее

считали за красавицу. На этомъ основаніи она и ея родители ожидали, что самые первые женихи будутъ искать ея руки. Очень можетъ быть, что такъ бы и было, если бы всѣ не знали, что пока будетъ жива старая графиня, ея дочь будетъ получать очень скромное содержаніе и только одна смерть разлучитъ скрягу съ деньгами. Вслѣдствіе такихъ соображеній, перваго сорта женихи не сватались; женихамъ же втораго сорта отказывали.

Но прошло нѣсколько лѣтъ, молодая графиня превратилась въ перезрѣлую невѣсту, и тогда благосклонно приняла сватовство, тоже очень перезрѣлаго красавца, съ блестящей карьерой. Таинственная родословная будущаго мужа не устрашила ее. Впрочемъ она смѣло могла пренебрегать этимъ обстоятельствомъ: женихъ ея, несмотря ни на что, былъ признанъ членомъ самаго высшаго круга, въ который его ввела одна старая, очень богатая аристократическая дѣвица, слывшая чуть не святой. Его отношенія къ ней были окружены какою-то таинственностью и даже чудесностью. Давно уже, когда еще старуха была просто пожилою дѣвушкой, во время пребыванія ея за границей, сталъ ей являться въ сновидѣніяхъ старецъ изъ облаковъ (такъ она разсказывала), и вѣщалъ, что она предназначена къ воспитанію необыкновеннаго младенца высокаго рода. Послѣ трехъ явленій старца, въ одну бурную ночь дѣйствительно подкинули ей младенца, одѣтаго въ батистъ и кружева, съ таинственнымъ письмомъ, въ которомъ восхвалялись ея добродѣтели и напоминалась ей увѣщанія старца.... А между тѣмъ она никому не говорила о своихъ видѣніяхъ!.. Столь чудесныя обстоятельства заставили ее обратить особенное вниманіе на судьбу таинственнаго мальчика, и она поклялась отдать всю свою жизнь на его воспитаніе. Она привезла его въ Россію, потомъ опять отвезла въ Парижъ, гдѣ поручила его образованіе отцамъ-іезуитамъ, и наконецъ имѣла утѣшеніе на старости впдѣть опять своего воспитанника въ Россіи — блестящимъ свѣтскимъ кавалеромъ и полезнымъ членомъ общества.

Старая дѣвица пользовалась такимъ общественнымъ уваженіемъ и такою нравственною репутаціею, что не только одинъ, но даже десятокъ подобныхъ пріемышей не могъ бы бросить ни малѣйшей тѣни на ея дѣвственную чистоту. Притомъ всѣ обстоятельства появленія этого младенца такъ хорошо согласовались съ ея строго-нравственнымъ характеромъ, который извѣстенъ былъ всему аристократическому кру-

гу. Она постоянно собирала набожныхъ особъ въ своемъ роскошномъ салонѣ, шила въ присутствіи ихъ изъ лоскутковъ воздухи по церквамъ и горячо разсуждала съ ними объ устройствѣ монастыря, въ которомъ могли бы укрываться отъ суеты мірской только однѣ аристократическія дѣвицы, не смѣшиваясь съ остальнымъ грѣшнымъ людомъ. Кромѣ того, она принадлежала къ числу самыхъ ревностныхъ членовъ разныхъ филантропическихъ обществъ. Ясно, что съ такими добродѣтелями не могла соединяться какая нибудь скандалезная интрига, хотя бы и въ зрѣлыхъ годахъ и даже за границей. Если кто и посмѣлъ бы заподозрить чистоту набожной дѣвы, то конечно не свѣтское, высоко-нравственное общество, а развѣ тѣ грубыя, плебейскія натуры, которыя не умиляются даже дѣятельностью благотворительныхъ обществъ. Но къ счастію, такіе люди не появляются въ свѣтскихъ салонахъ, а если по какимъ нибудь случайностямъ и попадутъ туда, то не смѣютъ раскрыть рта, подъ страхомъ быть изгнанными съ позоромъ. Да впрочемъ свѣтскіе салоны имѣютъ такую цивилизующую силу, что въ нихъ человѣкъ невольно проникается благоговѣніемъ къ изяществу, образованности и великолѣпію высшаго круга и начинаетъ чувствовать презрѣніе къ плебейскимъ интересамъ, которые его до сихъ поръ занимали. И въ самомъ дѣлѣ, ежели въ человѣкѣ сохранилась хоть малая искра высокихъ стремленій къ комфорту и изяществу, то какъ ему не почувствовать омерзѣнія къ запачканной и голодной толпѣ разныхъ чернорабочихъ, когда граціозная графиня или величавый князь, любезно подаютъ ему руку въ своемъ блестящемъ салонѣ, и милостиво забываютъ разстояніе, раздѣляющее ихъ отъ него!...

Но обратимся къ добродѣтельной дѣвѣ, покровительницѣ таинственнаго пріемыша. Богомольной дѣвицѣ очевидно неловко было всюду являются на балахъ и раутахъ съ своимъ красавцемъ-пріемышемъ, и потому она втирала его всюду въ знакомство, и особенно искала для него покровительства старыхъ дамъ, которымъ по двадцати разъ разсказывала чудесную исторію его происхожденія.

Вѣроятно тронутыя этой исторіей, всѣ старыя, важныя дамы старались покровительствовать свѣтски-образованному красавцу и очень быстро вывели его на видное мѣсто по службѣ. Пріемышъ старой дѣвицы и самъ впрочемъ былъ не лишенъ

служебныхъ дарованій, и потому дѣлалъ невѣроятные скачки къ достиженію со временемъ важнаго поста.

Неусыпная заботливость благодѣтельницы не оставляла его и тогда, когда онъ занялся своимъ сватовствомъ. Дочь графа Пыжницкаго могла дать ему титулъ по смерти ея отца, а по смерти матери — огромныя богатства. Пріемышъ не замедлилъ притвориться влюбленнымъ и даже сантиментальничалъ, какъ мальчикъ, хотя ему было уже болѣе сорока лѣтъ, а его сухая, грубая натура способна была къ одной чувственности. Свадебные переговоры шли долго; каждая сторона желала выторговать поболѣе для себя. И такъ какъ невѣста своимъ родомъ дѣлала честь жениху, хотя уже и очень чиновному, то денегъ за ней дали мало, и старая дѣвица должна была отдать пріемышу всѣ свои деньги, даже тѣ, которыя назначены были для монастыря.

Многіе однако удивлялись, какъ графиня рѣшилась выдти за человѣка нетитулованнаго. Она этого конечно никогда бы не сдѣлала, если бы не знала, что по смерти ея отца супругъ превратится въ графа и что его простая кровь совершенно измѣнится. Наука, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не открыла высокой тайны того процесса, посредствомъ котораго простая кровь превращается въ титулованную. Но мнѣ кажется, что это удивительное явленіе происходитъ мгновенно, вслѣдствіе радостнаго содроганія во всемъ организмѣ человѣка, получающаго титулъ, — въ родѣ того, какъ свертываются сливки во время грозы.... Впрочемъ оставимъ дерзкія попытки разгадать тайну природы «непостижную уму»; будемъ лучше продолжать нашъ разсказъ.

Въ Петербургѣ прибавился еще домъ съ запертыми воротами, съ подъѣздомъ, загораживающимъ на тротуарѣ дорогу проходящимъ, и съ наглымъ швейцаромъ. Молодая чета жила согласно, какъ и слѣдуетъ жить утонченно-свѣтскимъ людямъ, несмотря на то, что оба они очень хорошо знали другъ друга. Графиня долго считалась первой свѣтской дамой, роль которой вся состоитъ въ томъ, чтобы рядиться, танцовать и кокетничать. Графъ, ея супругъ, получившій этотъ титулъ со смертію своего тестя, дѣлалъ тоже самое, только вдобавокъ еще интриговалъ по службѣ. Въ этихъ занятіяхъ прошло довольно времени. Но вдругъ супруги поражены были непріятнымъ открытіемъ, что они уже состарѣлись и ихъ уже смѣнило новое тан-

цующее и интригующее поколѣніе. Тогда они обратились исключительно къ пріобрѣтенію денегъ и почета, который, впрочемъ, неразлученъ съ деньгами. Имъ удалось добиться и того, и другаго; но, — странная вещь — по мѣрѣ увеличенія богатства, графиня становилась все скупѣе, а графъ, съ увеличеніемъ своей важности, все болѣе снисходилъ къ лицамъ, служащимъ въ домѣ. Въ графскомъ домѣ безпрестанно устроивались свадьбы камердинеровъ, лакеевъ и являлись на жительство въ домъ щеголихи — ихъ жены. Графиня очень сердилась на доброту своего супруга, по которой онъ дозволяетъ браки своей челяди; но старалась сдерживать свой гнѣвъ, потому что ей самой нерѣдко приходилось пользоваться любезностью графа, когда она просила его оказать покровительство какому нибудь учителю ихъ дѣтей, или такому господину, какъ сладенькій архитекторъ. Кромѣ того, графиня очень любила вникать въ служебныя карьеры чиновниковъ своего супруга и примѣнять къ нимъ разныя хозяйственныя распоряженія. Она знала всѣхъ чиновниковъ своего мужа, и ея вниманіе производило довольно рѣшительное вліяніе даже на ихъ натуру. Такъ напримѣръ, всѣ чиновники, бывшіе въ вѣдомствѣ графа, пожирали въ невѣроятномъ количествѣ швейцарскій сыръ, производившійся въ одной изъ деревень графини, въ громадныхъ размѣрахъ. Снисходя къ ихъ сыролюбію, она сама удостоивала росписывать, сколько кому послать ея сыра, и по какой цѣнѣ.

Какъ водится въ свѣтскомъ кругу, у графини немного было дѣтей: всего только одна дочь. Но вдругъ Богъ благословилъ ее сыномъ; радость очень пожилыхъ супруговъ была безпредѣльна: будущее процвѣтаніе рода Пыжницкихъ было теперь обезпечено. Крестины были празднованы съ большимъ великолѣпіемъ, и графъ выказывалъ самый непритворный восторгъ. Но и тутъ людское злорѣчіе не пощадило семейной радости. Несмотря на румяны, на парикъ и на корсетъ, въ который графъ былъ затянутъ, онъ показался для многихъ слишкомъ уже дряхлымъ и изношеннымъ; о рожденіи у него сына нѣкоторые коварно говорили, какъ о чудѣ. Впрочемъ недоброжелательные люди всегда одинаковы. Еще при самомъ рожденіи графини бросали они тѣнь на супружеское счастіе ея матери; теперь ни съ того ни съ сего начали толковать о молодомъ полусвѣтскомъ чиновникѣ, служащемъ у мужа графини. Само собою разумѣется, что всѣ эти толки были сущій вздоръ, и вскорѣ они

были вполнѣ опровергнуты фактами. Немного спустя послѣ рожденія сына у графини, молодой чиновникъ женился, совершенно неожиданно, на одной богатой и молоденькой провинціальной барышнѣ, и это не только не раздражило графиню, а напротивъ, принято было ею съ самымъ родственнымъ участіемъ, такъ что она удостоила даже быть посаженной матерью на свадьбѣ своего чиновника. Послѣ этого, конечно, всякіе толки должны были замолкнуть.

Но добродѣтель, какъ извѣстно, всегда преслѣдуется тяжкими испытаніями въ этомъ мірѣ: клевета не переставала преслѣдовать неприступную графиню, и даже въ ту минуту, когда начинается нашъ разсказъ, ходили по городу темные слухи, что сладенькій архитекторъ, котораго мы видѣли, пользовался особеннымъ ея расположеніемъ. Эта клевета была основана на томъ, что многія казенныя работы были отданы графомъ молодому архитектору по просьбѣ супруги. Но стоило взглянуть на графиню, когда она разговаривала съ молодыми чиновниками своего мужа, чтобы убѣдиться въ совершенной несправедливости всѣхъ толковъ. Какая благородная недоступность, какое холодное величіе выражалось во всѣхъ чертахъ лица ея, въ каждомъ ея взглядѣ, не говоря уже объ интонаціи голоса! Съ какимъ гордымъ, презрительнымъ выраженіемъ смотрѣла она на этихъ жалкихъ смертныхъ, когда встрѣчала ихъ за своимъ столомъ или въ кабинетѣ своего супруга! Мы не знаемъ, какъ она обходилась съ ними, когда они являлись къ ней по дѣламъ... Но возможно ли представить, чтобъ она, эта холодная и неприступная Діана, могла, даже и наединѣ съ ними, снизойти до какихъ нибудь интимностей, столь обычныхъ въ низкомъ, грубомъ быту!

Вообще, всѣмъ извѣстно, какое неприступно-величавое достоинство сохраняютъ важныя свѣтскія дамы, если какъ нибудь очутятся вдругъ не въ *своемъ* обществѣ! Посмотрите, въ какомъ монументальномъ онѣмѣніи сидитъ аристократическое семейство, попавшее въ вагонъ или на пароходъ, вмѣстѣ съ прочей публикой. Это семейство каменѣетъ; маленькія дѣвочки превращаются въ куколъ, а ихъ родители въ величавыя статуи съ сурово-неподвижными лицами и убійственно-презрительнымъ взглядомъ. Можно сказать навѣрное, что если бы на небѣ внезапно появилось какое нибудь новое свѣтило, и тогда бы истинно-аристократическое семейство сохранило неподвижное, пре-

зрительное спокойствіе. Жаль бываетъ видѣть дѣтей въ этомъ окаменѣломъ равнодушіи: ихъ живая дѣтская натура проситъ движенія и простора, имъ хочется болтать, рѣзвиться, вертѣться на мѣстѣ или бѣгать, если можно; а они должны сдерживать всѣ свои живые порывы и насильно дѣлать себя похожими на статую. Тяжело имъ бѣднымъ сначала; но что же дѣлать? Извѣстно, что корень всякаго ученья горекъ; за то какъ сладки плоды! Какъ безмятежна и спокойна будетъ ихъ жизнь, когда они вполнѣ наконецъ усвоятъ эти величавыя манеры, это холодное презрѣніе ко всему, и замѣнятъ всякое безпокойное чувство, всякую тревожную, волнующую мысль — горделивымъ пренебреженіемъ ко всему и привычкою держать себя по правиламъ хорошаго тона. А чтобы достигнуть этого, надо начать курсъ своего обезчувствленія съ самаго ранняго дѣтства. Иначе какъ же могли бы взрослые цѣлый вѣкъ прожить въ блестящемъ свѣтѣ, не сдѣлавъ ни одного промаха, ни разу не обнаруживъ своей человѣческой природы?

Вотъ почему полусвѣтскіе люди, старающіеся корчить изъ себя аристократовъ въ публикѣ, никакъ не могутъ вполнѣ успѣшно выдержать себя. То какое нибудь внезапное восклицаніе у нихъ вырвется, то походка вдругъ ускорится и сдѣлается неровной, то какой нибудь слишкомъ быстрый поворотъ головы измѣнитъ имъ; но всего чаще ихъ губитъ болтливость съ своими женами или дѣтьми.... Аристократическая чета не нуждается въ разговорахъ другъ съ другомъ. Взгляды на жизнь, на цѣль ея, на свои обязанности и свои отношенія къ остальному міру — у нихъ совершенно одинаковы, потому что оба они еще въ раннемъ дѣтствѣ заучили ихъ изъ программы свѣтскаго обращенія, которая, какъ извѣстно, уравниваетъ и сглаживаетъ всѣ различія чувствъ и мыслей и подводитъ ихъ подъ одну узенькую и низенькую, но изящную мѣрку хорошаго тона. О чемъ же имъ говорить? Правда, и у нихъ часто, на днѣ ихъ свѣтскаго сердца, таятся свои волненія и страсти; но это ужь такія страсти, которыя высказываются не въ супружескомъ разговорѣ, а съ одной стороны — въ дѣвичьихъ и въ хорѣ приживалокъ, а съ другой — въ какой нибудь цыганской пирушкѣ...

Въ безмятежномъ величіи своемъ, графиня была недостижима для клеветы и, несмотря на всѣ слухи, ходившіе про нее, повсюду была встрѣчаема со всѣми знаками подобострастной преданности и уваженія. У ней были въ рукахъ деньги и могу-

чая протекція,—а ужь и одной изъ этихъ силъ совершенно достаточно, чтобы покорить какого угодно проповѣдника либеральныхъ идей, въ модномъ фракѣ и со стеклышкомъ въ глазу ораторствующаго въ салонахъ. У графини же обѣ силы были въ обширныхъ размѣрахъ. Немудрено, что все предъ нею преклонялось и благоговѣло. А при этомъ благоговѣніи другихъ, съ какого же резона стала бы графиня мучить сама себя какими нибудь волненіями совѣсти, размышленіями о долгѣ, о своихъ ближнихъ, и т. п.? Это было бы уже совершенно нелѣпо съ ея стороны. Она знала и была твердо убѣждена въ томъ, что она уже самымъ существованіемъ своимъ оказываетъ благодѣяніе человѣчеству. Въ этомъ убѣжденіи она утвердилась даже безъ помощи экономистовъ, которые, какъ извѣстно, доказали уже яснѣе божьяго дня, что безъ богачей, какъ потребителей роскоши, бѣдняки не могли бы существовать: фабрики бронзъ, бархату, шелку, и т. п. должны были бы распустить своихъ работниковъ, и тѣ умерли бы съ голоду или же надѣлали бы ужасовъ.... Да и вообще, если бы не было богачей, то отъ кого же бѣдные стали бы получать плату за свои труды?... Правда, графиня не очень подходила и подъ экономическій идеалъ потребителя: она была скупа непомѣрно; но все-таки у ней былъ великолѣпный домъ, да еще большая постройка производилась; туалетъ ея былъ всегда очень дорогъ и изященъ, хозяйство шло на большую ногу.... Рабочимъ и мелкимъ поставщикамъ хозяйственныхъ вещей часто не доплачивали; но при всемъ томъ денегъ выходило много, и графиня своимъ существованіемъ несомнѣнно усиливала оборотъ торговыхъ капиталовъ и, значитъ, приносила существенную пользу человѣчеству....

Съ прошедшимъ графини мы, кажется, достаточно познакомились. Остается сообщить читателямъ еще одно, очень важное для насъ обстоятельство, — ея отношенія къ Елизаветѣ Игнатьевнѣ Абрютиной, съ которой мы познакомились въ первой части этого разсказа. Принадлежа совершенно различнымъ сферамъ въ обществѣ, эти дамы только разъ въ своей жизни встрѣтились лицомъ къ лицу. Эта встрѣча произошла въ храмѣ божіемъ, когда обѣ онѣ съ величавымъ смиреніемъ шли прикладываться къ плащаницѣ. Несмотря на то, обѣ онѣ ненавидѣли другъ друга всѣми силами своей души, — и не даромъ. У нихъ безпрерывно происходили столкновенія въ ихъ денежныхъ ин-

тересахъ. Вельможный другъ и покровитель Абрютиной былъ родственникъ Пыжницкихъ, и со смертью его всѣ его богатства должны были перейти къ графинѣ. Очень естественно, что она считала нагло-украденными у себя всѣ деньги, которыя Абрютина выманивала отъ старика. Сначала графиня пробовала отвлечь своего родственника отъ опасной связи, даже оказывала ему нѣжность, далеко превышающую обыкновенное родственное расположеніе; но даже и это было напрасно, и графиня была возмущена, до глубины своей аристократической души, безумнымъ предпочтеніемъ, какое оказывалъ развращенный старикъ своей султаншѣ. Ненависть двухъ соперницъ дошла тогда до высшей степени. Онѣ всячески старались вызнавать другъ о другѣ и распускать по городу всѣ скандалёзныя исторіи, какія только случались въ ихъ домашней жизни. У каждой изъ нихъ были свои шпіоны, не только изъ прислуги, но даже изъ гостей. Такъ напримѣръ, генеральша-факторша Рудзевичъ была ревностной шпіонкой у той и другой, и кромѣ того исполняла назначеніе газеты, трубя повсюду, — подъ величайшимъ секретомъ, конечно, — о всякомъ скандальномъ происшествіи, какое случалось съ той и другою изъ враждующихъ сторонъ. При помощи подобныхъ услужливыхъ барынь, Абрютиной удавалось выводить на всеобщее свѣдѣніе нѣкоторые частные случаи отношеній графини къ сладенькому архитектору, несмотря на всю неприступность и гордость обычнаго обращенія съ нимъ графини. За то и Абрютина не могла никакъ скрыть происшествія, что укрыла въ своей спальнѣ контрабандиста-жида, доставлявшаго ей товары, которые она продавала потомъ вдвое дороже своимъ гостямъ, нуждающимся въ ея покровительствѣ. Шумъ, возбужденный въ городѣ этой исторіей, былъ съ особеннымъ рвеніемъ поддерживаемъ графиней....

Но этого мало: графиня какъ бы предугадывала тайныя намѣренія Абрютиной, слѣдила за ея планами и иногда удачно ихъ разстроивала. Лишь только появилась въ свѣтъ племянница Лизаветы Игнатьевны, какъ она распустила по городу слухъ, что тетка нарочно привезла къ себѣ эту дѣвушку, чтобы чрезъ нее привлечь въ свой домъ значительныхъ стариковъ и съ бо́льшимъ удобствомъ обдѣлывать свои незаконныя денежныя дѣла. Абрютина знала объ этомъ слухѣ и вслѣдствіе того рѣшилась дѣйствовать какъ можно осторожнѣе и ловче.

Занимая первое мѣсто въ сердцѣ своего важнаго покровителя, Абрютина смѣло скупала запутанные процессы и всегда ихъ выигрывала, какъ бы ея сторона ни была неправа. Кромѣ того, она, какъ и графиня, оказывала небезкорыстныя протекціи чиновникамъ, добивающимся доходныхъ мѣстъ и чиновъ, и принимала довольно живое участіе въ казенныхъ подрядахъ.

У такихъ дѣловыхъ дамъ всегда бываютъ къ услугамъ грязненькіе дѣльцы, состоящіе на государственной службѣ, которая при такихъ условіяхъ съ избыткомъ вознаграждаетъ ихъ за всѣ хлопоты по чужимъ дѣламъ. Эти-то господа бываютъ посредниками между подрядчиками и другими просителями—и всесильными дамами, какъ Абрютина или графиня; они-то передаютъ глазъ на глазъ пышные пакеты съ деньгами въ ихъ нѣжныя ручки съ кровавыми ногтями.

Но какъ двѣ враждующія партіи были равносильны, то очень часто графиня черезъ своего мужа вредила Абрютиной, а та мстила ей тѣмъ же черезъ своего покровителя. Изъ этого обыкновенно происходили маленькіе скандалы, и такимъ образомъ подвиги двухъ соперницъ на поприщѣ гражданской дѣятельности не были тайной для цѣлаго города.

До сихъ поръ энергическая борьба двухъ благородныхъ соперницъ шла довольно ровно: за непріятность отплачивалось непріятностью, за сплетню сплетней, и трудно было сказать, кто кому болѣе вредитъ. Но вдругъ графиня получила пораженіе съ той стороны, съ которой совершенно не ожидала: ея набѣленый, разрумяненный, затянутый супругъ влюбился въ Анну Ларіоновну и въ театрѣ не сводилъ своего лорнета съ ложи Абрютиной. Тетушка немедленно это замѣтила и захлебывалась отъ восторга; воображеніе уже рисовало ей райскія картины....

Надо сказать, что графъ былъ помѣшанъ на своей красотѣ и свѣжести. Онъ кокетничалъ, какъ перезрѣлая, старая дѣва, собирающаяся замужъ, и серьёзно вѣрилъ всѣмъ комплиментамъ о своей бодрости и привлекательности; и ему всѣ старались говорить какъ можно чаще подобные комплименты, начиная съ самой графини-супруги до послѣдняго его чиновника.

Графъ такъ заботился о поддержаніи во всѣхъ убѣжденія, будто у него отличные черные волосы, что въ присутствіи чиновниковъ, разъ въ мѣсяцъ, французъ-парикмахеръ стригъ парикъ на его лысой головѣ. Одинъ чиновникъ чуть не погибъ за

то, что имѣлъ несчастіе однажды узрѣть графа безъ парика и румянъ въ дверяхъ его комнаты. Къ счастію, это былъ человѣкъ привычный, и на него сейчасъ же слетѣло вдохновеніе: не подходя ближе, онъ закричалъ потерянному графу: «Эй, любезный! доложи его сіятельству, что я явился по его приказанію». Графъ былъ счастливъ, что чиновникъ принялъ его за лакея, и поспѣшно приперъ дверь.

Впрочемъ этотъ маленькій пунктъ помѣшательства вовсе не мѣшалъ старому графу отлично успѣвать по службѣ и искусно пользоваться всѣми выгодами, какія она можетъ доставлять. Онъ дерзко слѣдилъ за своими друзьями, чтобы они не затьмили его въ дѣловой мудрости и въ преданности къ любезному отечеству, которому такъ нужны дѣятельные слуги, подобные графу. Преувеличенную же заботу его о своей наружности многіе объясняли сердечной добротой и простодушіемъ графа. И дѣйствительно, — душа была у него добрая: трудно перечислить всѣ благодѣянія, которыя расточалъ онъ мужьямъ, отцамъ и братьямъ разныхъ хорошенькихъ женщинъ въ Петербургѣ; трудно сказать, какъ многихъ чиновниковъ спасъ онъ отъ Сибири, когда были на лицо всѣ улики ихъ преступленій... Кромѣ этой доброты душевной, увѣренность графа въ своихъ физическихъ достоинствахъ поддерживалась и [illegible]тоянными удачами въ женщинахъ, особенно полусвѣтскаго круга. Аристократическихъ дамъ онъ уважалъ и находилъ, что нужно дорожить ихъ репутаціею: связь двухъ аристократическихъ особъ не могла бы обойтись безъ шумнаго скандала, и потому онъ предоставлялъ высоко-свѣтскихъ дамъ болѣе скромнымъ обожателямъ, а для себя искалъ женщинъ въ кругѣ нѣсколько пониже. И полусвѣтскія дамы, плѣняясь его красотой, смѣлостью и свѣтскостью, гибли отъ него безсчетно, и тѣмъ чрезвычайно пріятно щекотали самолюбіе благороднаго Донъ-Жуана. Въ то время, пресыщенный, утомленный и обезсиленный, онъ губилъ женскія репутаціи даже безъ всякой надобности, просто для поддержанія въ себѣ и другихъ того убѣжденія, что ни одна женщина не можетъ устоять противъ него. Для этого онъ употреблялъ даже самые гнусные обманы: одну женщину, которая ему противилась, обманомъ усадилъ въ свою карету и привезъ къ себѣ; съ другой, не успѣвъ сдѣлать ничего подобнаго, заказалъ салопъ совершенно такой, какъ у нея, и, вывѣсивъ у себя въ передней, приказывалъ всѣмъ знакомымъ отказывать, потому что онъ за-

нятъ съ дамою.... Слухи, разумѣется, распространялись и передавались съ преувеличеніемъ. Женщина была поругана въ своемъ семейномъ счастьи,—а Донъ-Жуану нашему и горя не было до этого.... Какое горе? Онъ радовался и торжествовалъ.

Но все это были увлеченія молодости. Женившись и доживъ до преклонныхъ лѣтъ, графъ сталъ съ своими привязанностями обращаться совершенно иначе. Онъ сталъ страстно влюбляться въ хорошенькихъ и модныхъ женщинъ, нѣжничалъ, сантиментальничалъ съ ними, готовъ былъ на всякія жертвы по ихъ приказанію, словомъ—природная доброта его тутъ-то и выказывалась во всей силѣ. Этимъ пользовались нѣкоторыя особы, и съ этой стороны графиня была часто очень недовольна своимъ молодившимся супругомъ. Гораздо благосклоннѣе смотрѣла она на домашнихъ фаворитокъ графа, чѣмъ на эти, въ сущности невинные, амуры.... Можно представить себѣ ея ужасъ, когда она узнала, что мужъ ея попался въ сѣти Абрютиной.

ГЛАВА VIII.

Съ того дня, какъ Карсановъ увидалъ Анну Ларіоновну въ театрѣ, разубранную, разодѣтую, какъ модная картинка, и окруженную толпою свѣтскихъ франтовъ и важныхъ стариковъ-волокитъ, онъ рѣшилъ, что было бы нелѣпостью съ его стороны питать надежду возстановить свои прежнія отношенія къ свѣтской барышнѣ. Онъ тѣмъ менѣе могъ заблуждаться на этотъ счетъ, что зналъ свой характеръ, который никогда бы его не допустилъ сблизиться съ тѣмъ обществомъ, въ которомъ блистала Анна Ларіоновна. Ему надо было бы, войдя въ это общество, душить въ своемъ сердцѣ всѣ честные порывы, постоянно топтать въ грязь то, что онъ привыкъ уважать, какъ святыню, и совершенно стереть свою личность, въ угоду денежной напыщенности, чиновному чванству и гнусному лицемѣрію. Да и къ чему бы послужило ему, если бы даже онъ и рѣшился на такую важную для него жертву? Анна Ларіоновна явно хотѣла дать ему почувствовать раздѣляющее ихъ огромное пространство, — потому что она прекратила свою переписку съ нимъ. Карсановъ писалъ ей нѣсколько разъ; она не отвѣчала ему. Тогда онъ далъ себѣ слово силою разсудка побѣдить свое сердце. Чтобы дѣло шло успѣшнѣе, онъ даже припряталъ съ глазъ всѣ вещи, кото-

рыя напоминали ему Анну Ларіоновну; но это было напрасно: ему было трудно справиться съ своимъ воображеніемъ. Часто, усталый отъ умственнаго труда, почти на разсвѣтѣ онъ бросался въ постель, но не могъ заснуть, потому что въ его разгоряченномъ воображеніи, совершенно безъ его воли и вѣдома, являлся образъ любимой дѣвушки и увлекалъ его въ безконечныя воспоминанія. Впрочемъ кончалось всегда тѣмъ, что Карсановъ подавлялъ въ своей груди сдержанные стоны и потомъ страшно бѣсился на свое малодушіе.

Но, какъ ни сильно и какъ ни благоразумно было желаніе Карсанова высвободиться изъ-подъ тягостнаго гнета своихъ безнадежныхъ чувствъ, ему, вѣрно, не суждено было забыть любимую дѣвушку.

Послѣ долгаго промежутка, онъ неожиданно получилъ письмо отъ Анны Ларіоновны. Оно такъ его обрадовало, что онъ чуть не обезумѣлъ отъ счастья. Съ радостнымъ трепетомъ онъ началъ читать письмо; но по мѣрѣ чтенія лицо его дѣлалось все мрачнѣе и мрачнѣе, онъ задыхался, пробѣгая его, и при всемъ нетерпѣніи долженъ былъ на минуту прекратить чтеніе, чтобы собраться съ силами и окончить его.

Вотъ что писала Анна Ларіоновна:

«Прежде всего прошу васъ забыть всю досаду на меня за то, что я не писала вамъ такъ долго. Я знаю, что я сдѣлала дурно, но мнѣ въ сію минуту не до оправданій. Я обращаюсь къ вамъ за совѣтомъ; вы—единственный человѣкъ во всемъ свѣтѣ, который, я знаю, отъ чистаго сердца желаетъ мнѣ счастья и будетъ со мной откровененъ. Только ради Бога не считайте меня глупенькой барышней. Вы очень ошибетесь, если будете думать, что, бывая на балахъ, барышни могутъ быть наивны, какъ онѣ стараются тамъ казаться. Впрочемъ, я думаю, и ихъ обманываютъ, дѣлая видъ, что вѣрятъ въ ихъ наивность. Вѣроятно и моя тетушка, и другія пожилыя дамы въ своей молодости танцовали на балахъ и помнятъ очень хорошо, какъ имъ пожимали ручки и талію кавалеры въ танцахъ, какъ нашептывали имъ всякій вздоръ, а также—какъ старыя невѣсты посвящаютъ въ разныя свѣтскія сплетни новичковъ-барышенъ. По этому умоляю васъ говорить со мной, какъ слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что отъ этого будетъ зависѣть счастіе всей моей жизни. Мнѣ кажется, что вы уже угадали, о чемъ я хочу говорить съ вами и въ чемъ просить вашего совѣта.... Да, у меня явился

женихъ! Меня увѣряютъ, что онъ влюбленъ въ меня до безумія, и отличнѣйшій человѣкъ; однимъ словомъ — такой прекрасный женихъ, что мои кузины пришли въ ярость отъ моего счастья и, подъ видомъ участія, отсовѣтываютъ мнѣ выходить за него замужъ. Онѣ сойдутъ съ ума отъ злости и зависти, если у меня будетъ мужъ въ чинахъ, туалетъ лучше ихъ, а главное — я не буду обязана выслушивать ихъ колкости и попреки. Тетушка такъ обрадовалась этому жениху, что на другой же день отслужила молебенъ какому-то святому. Но покамѣстъ это еще семейная тайна, потому что я еще не рѣшилась сказать жениху свое согласіе, котораго отъ меня непремѣнно требуетъ тетушка. Во первыхъ, я его почти не знаю; я никогда и не смотрѣла на него, и всегда считала его такимъ пожилымъ человѣкомъ, что мнѣ и въ голову не приходило, чтобы онъ могъ быть моимъ мужемъ. И вдругъ этотъ господинъ дѣлаетъ мнѣ предложеніе на балу, во время мазурки, которую онъ и не танцовалъ, а такъ стоялъ возлѣ моего стула. Онъ такъ былъ блѣденъ, и такъ дрожалъ, когда передавалъ мнѣ свое предложеніе, что я перепугалась и не успѣла ему ничего положительно отвѣтить; а тутъ нужно было идти дѣлать фигуру, а потомъ подошла ко мнѣ тетушка; точно она предчувствовала, что я нахожусь въ затруднительномъ положеніи. С[illegible] тѣхъ поръ я и не видала своего жениха; тетушка непремѣнно хочетъ, чтобы я его встрѣтила согласіемъ выдти за него, а я не хочу. Вообще я питаю отвращеніе къ замужству: на моихъ глазахъ были такіе безумно-влюбленные женихи, которые черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы тяготились подать стулъ своей женѣ, а черезъ годъ были грубы съ той самой женщиной, отъ которой сходили съ ума, хотя она, будучи невѣстой, вовсе не была такъ нѣжна, какъ сдѣлавшись женой. Да и семейное счастіе моей матери меня тоже такъ напугало еще въ дѣтствѣ, что я чувствую какую-то злобу противъ всѣхъ тѣхъ мужчинъ, которые воображаютъ, что они созданы на свѣтъ за тѣмъ, чтобы умничать надъ своими женами. И чѣмъ они лучше насъ? Точно такъ же подвержены всѣмъ слабостямъ, какими страдаютъ женщины: кокетство, тщеславіе, праздность,—всему они нечужды, да еще въ добавокъ страшно честолюбивы. Я готова покориться какимъ угодно капризамъ и притѣсненіямъ моего отца, моей тетки, но унижаться передъ властью и капризомъ человѣка, который, пока я его невѣста,

прикидывается внимательнымъ и покорнымъ, а сдѣлавшись моимъ мужемъ, сброситъ личину и явится тираномъ!... Нѣтъ, никогда, никогда я не вынесу такого униженія! Тетушка увѣряетъ меня, что мой женихъ никогда не будетъ похожъ на всѣхъ молодыхъ мужей, потому что его года слишкомъ неравны моимъ, и что я не влюблена въ него,—какъ будто любовь унижаетъ женщину въ глазахъ мужчины! Она говоритъ, что если бы у меня былъ молодой женихъ, то она стала бы меня уговаривать не выходить за него замужъ, потому что, когда первая молодость прошла бы, мой мужъ считалъ бы себя въ правѣ дѣлать мнѣ невѣрности, на томъ основаніи, что у меня появились морщины. Тетушка утверждаетъ, что каждый мужчина только и любитъ женщинъ, пока онѣ молоды и льстятъ его самолюбію. Отъ всѣхъ этихъ совѣтовъ, сплетенъ, тетушкиныхъ упрековъ и слезъ я рѣшительно потерялась. Я вижу ясно, что мною тяготятся и навѣрно будутъ со мной обращаться самымъ грубымъ образомъ, если я не выйду скорѣе замужъ и не избавлю ихъ отъ себя. Но каково мнѣ-то выходить замужъ, только для того, чтобы имѣть домъ, изъ котораго меня никто не имѣлъ бы права выгнать и никто не смѣлъ бы попрекать меня каждой тряпкой, которую мнѣ купятъ. Но главное, что приводитъ меня въ ужасъ, это желаніе тетушки жить вмѣстѣ съ своими дочерьми. Вы не можете себѣ и вообразить, какъ онѣ злы, и какъ грубы ихъ мужья! Мнѣ тогда не будетъ средствъ прожить дня въ домѣ; значитъ все равно, я должна буду куда нибудь идти въ чужой домъ, чтобъ быть разливательницей чая или нянюшкой капризныхъ дѣтей? Видите, въ какомъ я нахожусь страшно-затруднительномъ положеніи. Вы должны мнѣ дать совѣтъ, какъ поступить мнѣ. Помните только, что я не люблю своего жениха, но не люблю и никого другаго. Я ужъ видѣла, какъ способны любить меня! Сколько мужчинъ прикидывалось влюбленными въ меня, а черезъ мѣсяцъ точно также они были влюблены въ другую, да еще старались колоть меня своимъ пренебреженіемъ. Да и мнѣ никто рѣшительно не нравится, и мнѣ кажется, что никто никогда не понравится. Ахъ, какъ я желала бы теперь очутиться въ своей комнатѣ, возлѣ Палагеи, которая бы приласкала меня. Я такъ давно не видала ласковаго взгляда. Какъ мнѣ хотѣлось бы также поговорить съ вами и отвести душу, измученную скрытностью и притворствомъ. Пожалѣйте меня; мнѣ очень тяжело....»

Когда Карсановъ прочелъ это письмо, онъ долго стоялъ, какъ оглушенный ударомъ грома, хотя онъ долженъ былъ бы ожидать каждый день извѣстія, что Анна Ларіоновна выходитъ замужъ. Впрочемъ, кромѣ покателя руки Анны Ларіоновны, Карсанова очень испугало и удивило то, что такая молодая дѣвушка, вмѣсто того, чтобы танцовать и наряжаться обратила вниманіе на незавидное общественное положеніе женщинъ. Отчаяніе молодаго человѣка не имѣло границъ, онъ рыдалъ, какъ ребенокъ. Да и точно, онъ похожъ былъ въ эту минуту на ребенка, потому что ровно ничего не могъ сдѣлать, чтобы отвратить гибель, грозившую любимой имъ дѣвушкѣ. Долго онъ выжидалъ минуты, когда слезы перестали застилать ему глаза, и рука получила твердость, чтобы отвѣчать на письмо Анны Ларіоновны.

«Бѣдныя, бѣдныя женщины, а вы въ особенности! писалъ Карсановъ.—Вамъ, въ довершеніе горя, судьба послала даже такого нелѣпаго совѣтника, какъ я. Ну что я смыслю въ жизни? Я рѣшительно не знаю, какія нужны жертвы, чтобы купить себѣ счастье по понятіямъ людей, живущихъ въ обществѣ. Для меня ничего нѣтъ мучительнѣе того, что когда вы ищете утѣшенія, защиты, и съ вѣрою обращаетесь ко мнѣ, я на все только и могу отвѣчать вамъ по-женски — однѣми слезами. Я ничего не могу вамъ сказать утѣшительнаго на счетъ вашего положенія. Что станете дѣлать? Общество, нравственность, весь свѣтъ противъ женщинъ. Для нихъ нѣтъ на землѣ уголка, гдѣ бы онѣ могли пользоваться тѣми же правами, какъ мужчина. Отъ женщины требуютъ безпрерывныхъ жертвъ—то отцу, то мужу, то дѣтямъ, и если ея сердце заговоритъ свободно и смѣло, если ея чувство возьметъ верхъ надъ рабскими требованіями постоянной покорности и униженія, тогда она лишается всякаго уваженія, и всѣ съ презрѣніемъ смотрятъ на нее. Отецъ можетъ проклясть свою дочь и выгнать ее изъ дому, если она полюбитъ человѣка противъ его желанія. Мужъ также имѣетъ полное право — по злобѣ, по низости своей натуры, даже просто по капризу сильнаго — съ позоромъ выгнать ее изъ своего дома и отнять у нея дѣтей. Я уже не говорю про тѣхъ мужчинъ, которые, по подлости и гордости своей скотской натуры, безчестятъ ихъ своей любовью и потомъ бросаютъ ихъ на поруганіе обществу. Безчисленное множество женщинъ слѣдуютъ на галеры за преступными своими мужьями, отцами и братьями; но были

ли примѣръ, чтобы мужчины слѣдовали за несчастными женщинами, тогда какъ ихъ нравственное паденіе еще чаще зависитъ отъ несчастной случайности! Всѣ мужчины признаютъ женщинъ слабыми, неразумными, а наказываютъ ихъ гораздо жесточе и неумолимѣе, чѣмъ всякаго разумнаго мужчину. Черножіе невольники и женщины родятся съ ярмомъ рабства!

«Бѣдненькая, я васъ пугаю, а не утѣшаю. Но вы должны хорошо знать свое положеніе, чтобы не сдѣлать его еще хуже какимъ нибудь ложнымъ шагомъ въ своей жизни. Я такъ недавно воображалъ, что вамъ спокойно и весело живется на свѣтѣ. Мнѣ и въ голову не приходило, чтобы вы такъ рано разстались съ своей юностью, которая смотритъ на всѣхъ и на все такъ довѣрчиво, окрашивая все радужными цвѣтами разныхъ несбыточныхъ надеждъ.... Теперь вы лишены этого счастія, вы на все смотрите недовѣрчиво. Съ этихъ поръ вы стали разсчитывать и недовѣрять своему сердцу; вы придумываете жертвы, чтобы купить себѣ независимость; но ея ничѣмъ нельзя вамъ купить, — да, ничѣмъ! Только тогда можетъ быть счастлива и свободна женщина, если встрѣтитъ въ своей жизни человѣка, который настолько будетъ нравственно развитъ, что устыдится угнетать угнетенныхъ и выкинетъ изъ головы всякую претензію передѣлывать женщину на свой ладъ. Разумѣется, есть много и такихъ женщинъ, которыя умѣютъ пріобрѣтать власть надъ мужчинами; но какими средствами это дѣлается! Сколько на это нужно имѣть хитрости, сухости сердца, и унизительнаго лицемѣрія! Вѣдь только этими низкими средствами и можно усыплять своеволіе мужчинъ, льстя ихъ самолюбію и заставляя ихъ думать, что они все-таки — и владыки, и руководители женщинъ, и каратели ихъ слабостей. Но вы развѣ способны на это? Съ вашимъ ли характеромъ хитрить и унижаться? А при этомъ характерѣ какъ же вамъ выходить за-мужъ по разсчету? У васъ доброе и нѣжное сердце: какъ же вы хотите прожить весь вѣкъ, никого не любя? Это будетъ безуміе, если вы выдете за мужъ только для того, чтобы жить богато: роскошь не можетъ составить счастья вашей жизни; вы къ ней привыкнете, какъ бы привыкли къ скромной жизни съ любимымъ мужемъ.

«Простите меня, что я, вмѣсто утѣшенія, васъ еще болѣе встревожилъ. Но не лгать же мнѣ, чтобы только успокоить васъ. Да и эта ложь не принесла бы вамъ пользы: вы сами бы увидали, какъ она возмутительна, даже сказанная съ доброй

цѣлью. Я теперь похожъ на оператора, у котораго темнѣетъ въ глазахъ и дрожитъ рука отъ стоновъ больнаго; но онъ спѣшитъ вырѣзать больное мѣсто, зная, что его состраданіе продлитъ мученіе пацієнта и будетъ для него гибелью. Ради Бога, не падайте духомъ и не слушайте благоразумныхъ совѣтовъ людей съ извращенными понятіями о счастьи жизни.. .

«Но знаете ли, что мнѣ пришло въ голову, для вашего спасенія? Это, кажется, единственное, что я могу сдѣлать. Ѣхать къ вашему отцу и лично переговорить съ нимъ о вашемъ возвращеніи.... Это васъ спасетъ отъ замужства и отъ тяжелаго положенія жить въ чужомъ домѣ. Вамъ вѣдь надоѣла свѣтская пустота. Въ деревнѣ вы будете жить свободно, дѣлать, что вамъ вздумается. Что за радость будетъ для васъ—очутиться посреди людей, преданныхъ вамъ! Какъ я-то буду радъ, что вы будете далеко отъ роскоши, лести и всякихъ вредныхъ вліяній.... Я убѣжденъ, что съумѣю вызвать въ вашемъ отцѣ уснувшія чувства къ вамъ. Кажется, отъ него и потребуется-то очень немного: чтобы его дочери можно было жить въ своей комнатѣ, гдѣ она выросла! Будьте покойны; я все такъ устрою, что вы останетесь въ сторонѣ. Я научу его, какъ ему дѣйствовать!... Когда я думаю, что, можетъ быть, я васъ увижу опять въ деревнѣ, — я просто дурѣю отъ радости.... Книгъ-то, книгъ-то что я навезу вамъ туда! Вы серьёзно приметесь теперь изучать языки иностранные, займетесь хорошенько музыкой, и время у васъ будетъ летѣть гораздо скорѣе, чѣмъ на балахъ вашихъ. Я уговорю вашего отца, чтобы онъ прикинулся больнымъ; если это не подѣйствуетъ на тетку вашу и она не пришлетъ васъ, то онъ пусть требуетъ васъ, какъ отецъ. Я сдѣлаюсь хитрецомъ, осторожнымъ, чтобы все половчѣе устроить, а главное оградить васъ отъ всего. Вы же должны быть тверды, и ждать моего письма изъ деревни; я вамъ напишу, что вамъ дѣлать. Прощайте, цалую ваши ручки и умоляю васъ быть терпѣливой и неподдаваться ни на какія ласки и совѣты. Я нимало не сомнѣваюсь, что вы одобряете мое намѣреніе и вполнѣ со мною согласны, но все-таки пришлите мнѣ хоть двѣ строчки, хоть одно ласковое слово на дорогу. Получивши ваше согласіе, я завтра же выѣду изъ Петербурга, и до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока не прискачу въ деревню и не переговорю съ вашимъ отцомъ. Мы одержимъ побѣду: мое сердце мнѣ это предсказываетъ. Прощайте, прощайте! Пишите мнѣ, ваши письма мнѣ будутъ до-

ставлены самымъ аккуратнымъ образомъ. Сегодня у меня много будетъ хлопотъ; я тотчасъ примусь готовиться въ дорогу. Если я васъ спасу, вѣроятно въ цѣломъ свѣтѣ не найдется человѣка счастливѣе меня».

На другой день Карсановъ дѣйствительно уѣхалъ, получивъ отъ Анны Ларіоновны рѣшительное полномочіе для переговоровъ съ ея отцомъ.

ГЛАВА IX.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Карсанова изъ Петербурга, Абрютина, не подозрѣвая заговора, спокойно сидѣла въ одной изъ своихъ парадныхъ комнатъ, которыя возбуждали зависть многихъ любителей искусства въ Петербургѣ. Нравственная дама эта обладала драгоцѣнными картинами и статуями, не говоря, уже о другихъ вещахъ изъ серебра и фарфора. Она цѣнила картины, не какъ художественныя произведенія, но какъ такія вещи, за которыя можно получить большія деньги. У ней даже былъ составленъ каталогъ вещей и обозначены цѣны каждой игрушки. Впрочемъ Абрютиной достался весь ея музей почти даромъ; она покупала эти драгоцѣнности очень таинственными путями, или получала въ знакъ признательности отъ лицъ, нуждавшихся въ ея покровительствѣ. Абрютина была не одна въ комнатѣ: съ ней бесѣдовала генеральша-факторша Рудзевичъ, сдѣлавшаяся почти другомъ дома, съ тѣхъ поръ, какъ Анна Ларіоновна стала модной красавицей въ Петербургѣ и объ ней заговорили всѣ, а въ особенности графъ Пыжницкій, къ которому также факторша являлась въ кабинетъ и шепталась съ нимъ.

— Ну, что? какъ здоровье Анеты? спросила дружески Рудзевичъ хозяйку дома.

— Слава Богу, гораздо лучше, лихорадка слабѣетъ. Я думаю, что ей докторъ позволитъ скоро выѣхать.

— Дай Богъ! многозначительно выговорила гостья и, послѣ длинной паузы, продолжала вкрадчиво:—ужь начинаютъ Богъ знаетъ какіе слухи распускать по городу на счетъ Анеты.

— Что мудренаго! скорчивъ смиренную гримасу и съ глубокимъ вздохомъ отвѣтила Абрютина. — Злые люди ничего не

ощадятъ; но когда совѣсть чиста, то, право, клевета не можетъ огорчить глубоко. Кажется, всѣ должны видѣть, какъ я исполняю свой долгъ къ сиротѣ!

— Кто же можетъ усомниться въ вашей любви къ племянницѣ, поспѣшно замѣтила гостья.

— Я не для людей выполняю святую обязанность, возложенную на меня Богомъ, отвѣтила на это Абрютина и потомъ съ грустью спросила гостью: — что же такое говорятъ о моей Анетѣ?

— Все глупости, Лизавета Игнатьевна, одне сплетни враговъ, — утѣшительнымъ голосомъ произнесла Рудзевичъ.

— Все же скажите, Евгенія Марковна.

— Право, не стоитъ разстроивать себя такими вещами.

— Однако, это дѣло касается моей племянницы; я отвѣчаю за нее передъ Богомъ и обществомъ, а потому и прошу васъ сказать мнѣ все, что выдумали на нее злые языки.

— Только вы не огорчайтесь пожалуйста; право, я только такъ замѣтила вамъ, — уговаривала гостья Абрютину; но та съ смиренною настойчивостью стояла на своемъ. Тогда Рудзевичъ начала разсказывать, съ дурно сдержаннымъ удовольствіемъ.

— Слухи ходятъ по городу, что Анетъ больно вслѣдствіе домашнихъ непріятностей, что она не любитъ своего жениха, а ее приневоливаютъ выдти за него.

Абрютина съ постнымъ видомъ выслушала о клеветѣ, взводимой на нее, и только злобно улыбнулась; когда же гостья смолкла, пытливо смотря ей въ глаза, то она тихо и печально вздохнула.

Рудзевичъ сладкимъ голосомъ опять заговорила:

— Вы, Лизавета Игнатьевна, такъ высоко стоите во мнѣніи хорошаго общества, что должны презирать эти клеветы! Кто знаетъ васъ, тотъ цѣнитъ ваши добродѣтели. Мой совѣтъ дружескій: если бы и было такъ, что ваша племянница, по вѣтренности своей, заупрямилась, такъ я бы на вашемъ мѣстѣ все-таки выдала ее поскорѣе замужъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Евгенія Марковна! Не съ моимъ сердцемъ приневоливать дѣвушку выходить замужъ.

— Полноте, Лизавета Игнатьевна; вѣдь вы это сдѣлаете для ея же счастья.

— Разумѣется, такой другой партіи ей уже не дождаться. Да и я-то становлюсь все слабѣе здоровьемъ. Мірская суета меня

тягостить, я бы желала чаще бесѣдовать съ Богомъ, да испрашивать у него милости моимъ грѣхамъ. Но, что дѣлать, — надо терпѣть, пусть моя сестра видитъ съ небесъ, что я дѣлаю для ея дочери; можетъ она и молится за меня тамъ!

— Молится, Лизавета Игнатьевна, молится! утвердительнымъ тономъ произнесла гостья, оправляя кружева и бантики на своемъ лифѣ.

— Дай-то Богъ, дай-то Богъ! вздыхая и покачивая головой отвѣтила Абрютина, и набожно прибавила: — увижусь ли я грѣшная съ ней тамъ?

— Увидитесь, увидитесь, Лизавета Игнатьевна! Ваши добрыя дѣла зачтутся тамъ, и вы отдохнете послѣ своего земнаго страдальческаго поприща.

Рудзевичъ говорила это такимъ утѣшительно-увѣреннымъ тономъ, что Абрютина совершенно успокоилась на счетъ своего свиданія съ сестрой за гробомъ и обратилась къ прерванному разговору, сказавъ:

— Я отъ васъ не хочу скрывать, Евгенія Марковна: я знаю, что вы родственное принимаете участіе во мнѣ и въ моей Анютѣ и потому только вамъ одной и сказала о сватовствѣ Скобницкаго. А вѣдь это дѣло еще легко можетъ и разстроиться...

— Однако, Лизавета Игнатьевна, вы, какъ мать Анеты, должны не допускать этого и дѣйствовать высшей властью. Васъ никто не осудитъ за то, да и сама Анета на всю жизнь останется признательна вамъ, какъ вы устроите ея судьбу.

— Все такъ!... Но не тѣ времена, чтобы дѣти повиновались родительской власти, данной намъ отъ Бога! Не тѣ времена, Евгенія Марковна.

— Вотъ, охота смотрѣть на дѣтскіе капризы; просто прикажите вашей племянницѣ васъ слушаться, и все тутъ!

— Бѣда съ ней будетъ, если принять крутыя мѣры. У ней характеръ взбалмошный; она понятія не имѣетъ еще, какъ важно въ обществѣ заслужить хорошее мнѣніе; она по глупости можетъ надѣлать скандалу.... Да и у ней ужъ нынѣшнія о всемъ понятія: неуваженіе къ совѣтамъ старшихъ, нелѣпая какая-то смѣлость.... Все то они знаютъ, лучше насъ понимаютъ.... да еще гордость.... Ахъ! не тѣ времена!

Абрютина говорила съ большимъ одушевленіемъ, а гостья печально поддакивала ей: да, да.

— Какая нравственность теперь всюду? продолжала Абрютина,—поѣдешь въ театръ, и вдругъ очутишься Богъ знаетъ въ какомъ сосѣдствѣ: съ одной стороны француженка актриса, вся въ брилліантахъ, а съ другой какая нибудь уличная нѣмка сядетъ къ тебѣ спиной. Ну, скажите, съ чѣмъ это сообразно, что порядочныя дамы должны сидѣть рядомъ со всякой сволочью?

— Совершенно такъ! Нравственности никакой нѣтъ теперь. Я вчера еще говорила m-me Пятовой: какъ ей не стыдно было взять роль горничной въ благородномъ спектаклѣ, когда бывшая актриса будетъ играть барышню. Что за важность, что она теперь генеральша: она все-таки не родилась дворянкой!

— Да и какъ это не стыдно m-me Пятовой являться на разныя увеселенія, когда еще нѣтъ года, какъ умеръ у ней мужъ! Положимъ она его не любила, и всѣмъ извѣстно было, что онъ ее истиранилъ всю при жизни; но все-таки приличіе надо сохранять во всемъ.

— Я ее и за это журила! торопливо подхватила Рудзевичъ.— Она вѣдь и сама понимаетъ, что дурно дѣлаетъ: учитъ роль, а сама плачетъ: что, говоритъ, если Андрей Кирилычъ видитъ, что я дѣлаю?

— Религіи нѣтъ! глубокомысленно замѣтила Абрютина; гостья подтвердила:

— Да, точно, въ молодыхъ дамахъ вовсе нѣтъ религіи. Ну, конечно, отчего и не потанцовать? Но все же надо чаще думать, что есть Око, которое на насъ смотритъ!

— Кажется, нынче люди совсѣмъ забываютъ о Богѣ; никакого смиренія нѣтъ; одна пустая суета, которая къ добру не ведетъ. Вы бы, Евгенія Марковна, изъ христіанскаго чувства посовѣтовали m-me Пятовой отказаться отъ низкой роли; ну, ужь пусть ее играетъ барышню.

— Говоритъ, что не по ея средствамъ роль барышни.

— А! ну такъ вы ей напомните, что за скандалъ имѣла m-me Грека съ подлой француженкой въ театрѣ. Она вѣдь тоже игрывала роли горничныхъ. Вотъ и съ ней будетъ тоже.

Лицо Абрютиной приняло такое злое выраженіе, что не осталось и тѣни ея прежняго смиренія.

— Ахъ, какой ужасъ! Неужели же можетъ у насъ повториться такая безпримѣрная дерзость? воскликнула гостья.

— Какъ не повториться ей! Вѣдь развѣ эту подлую тварь наказали, какъ слѣдуетъ, за ея дерзость? почти съ пѣной у рта говорила Абрютина; гостья ей вторила въ томъ же тонѣ.

— Именно, хоть бы для примѣра подобныхъ тварей хорошенько проучить, что значитъ поднять руку на дворянку!

— Засѣчь бы ее на площади, вотъ что надо было сдѣлать.

— Засѣчь, да, именно засѣчь!

Дамы, увлеченныя своими нравственными чувствами, забыли свое смиренное лицемѣріе другъ передъ другомъ и говорили отъ души, что имъ случалось рѣдко.

Хозяйка дома продолжала съ жаромъ.

— Все разныя нововведенія, которыми унижаютъ насъ, дворянъ, все эти университеты, гдѣ дворянинъ долженъ сидѣть возлѣ какой нибудь дряни изъ податнаго сословія, — все это и ведетъ къ тому, что мы можемъ увидѣть тѣ же ужасы, что видѣла Франція.

Гостья вздрогнула отъ такого пророчества и съ волненіемъ сказала:

— Ахъ, Лизавета Игнатьевна, какія вы страшныя вещи говорите! Неужели это возможно у насъ?

— Очень возможно, если все пойдетъ такъ! Надо бы просто запретить этой сволочи и азбукѣ-то учиться, а не то-что въ университетъ идти.... А то вѣдь ужь это такое дѣло: азбукѣ выучится, такъ не остановишь, — онъ и дальше пойдетъ.... Если ужь съ самаго начала не удержать, такъ послѣ, грамотнаго-то, труднѣе будетъ: онъ и до университета дойдетъ.... А какъ въ университетѣ побываетъ, такъ ужь тутъ всякій мѣщанинъ подымаетъ носъ, точно всякому равный....

— Это такъ, такъ! Недавно мнѣ мой мужъ разсказывалъ, какой съ нимъ былъ случай. Ему, знаете, нужно было по какому-то дѣлу написать бумагу, онъ и призвалъ одного изъ своихъ чиновниковъ, который считается писателемъ, и говоритъ ему, что вотъ то-то и то-то надо изложить. Вдругъ этотъ господинъ начинаетъ ему противорѣчить и — знаете — даже руками машетъ. Мой мужъ и замѣтилъ ему, зачѣмъ онъ машетъ руками? Что же вы думаете, онъ отвѣтилъ?... Я, говоритъ, машаю руками, потому что я человѣкъ; а если бы былъ собакой, такъ махалъ бы хвостомъ! А, каково?

— Чего же вы хотите отъ писателей? воскликнула съ яростью Абрютина. — Да ихъ всѣхъ надо перевѣшать! Это самая страш-

ная язва для общества, они всему виной, что бываетъ безнравственнаго на свѣтѣ! Недавно вдругъ одна дама вздумала меня просить за какого-то писателя. Да я ее такъ осрамила, что она не знала, куда дѣваться. Потомъ-то я сожалѣла: мнѣ надо было бы помѣстить его, да попросить, чтобы потомъ его упекли хорошенько.... все бы однимъ мерзавцемъ было меньше на свѣтѣ.

— А знаете ли, что женихъ Анеты — прежде бывалъ въ обществѣ съ сочинителями? спросила гостья разгорячennую хозяйку дома, которая рѣзко отвѣтила:

— Вздоръ!

— Я такъ слышала! обиженно замѣтила Рудзевичъ.

— Это невѣроятно! Вы сами подумайте, могъ ли бы тогда Скобницкій имѣть такія приличныя манеры и такъ хорошо идти по службѣ? Я знаю его дворянскій образъ мыслей, и могу васъ увѣрить, что это его чернятъ. Онъ дворянинъ въ полномъ смыслѣ этого слова, и держитъ себя по дворянски.

— Очень можетъ быть, но я вамъ передаю, что слышала отъ другихъ. Вотъ и еще передамъ — тоже слышала изъ очень достовѣрныхъ источниковъ, — что его прежній предметъ, одна дама, хочетъ разстроить его свадьбу.

— И это вздоръ! утвердительно, но ласково сказала Абрютина.—Ну, возможно ли, чтобы такой человѣкъ, какъ Скобницкій, на такой дорогѣ и въ виду хорошаго общества, такъ опрометчиво заводилъ и разрывалъ связи съ женщинами, что онѣ рѣшались бы на скандалъ? Это невозможно.

— Что онъ имѣлъ связь съ этой дамой, я знаю навѣрно! въ сердцахъ произнесла Рудзевичъ.

— Объ этомъ я не буду спорить; но готова Богъ-знаетъ чѣмъ отвѣчать, что онъ взялъ всѣ предосторожности, чтобы не имѣть отвѣтственности передъ обществомъ.

— У нея есть дѣти отъ него!

— Это ничего не значитъ. Онъ, вѣроятно, такъ велъ себя, что не оставилъ въ ея рукахъ никакихъ уликъ, на то, чтобы онъ этихъ дѣтей признавалъ за своихъ. Впрочемъ я не боюсь, даже если бы и нашлась такая безнравственная женщина, которая рѣшилась бы разстроивать свадьбу. Анонимныя письма къ Анетѣ не попадутъ въ руки; я на этотъ счетъ совершенно покойна.

Можетъ быть въ первый разъ въ своей жизни Абрютина не подозрѣвала того, что она была обманута, и кѣмъ же? — самы-

ми безхитростными людьми, прибѣгшими къ обману единственно вслѣдствіе крайней необходимости.

— Значитъ, свадьба будетъ? неожиданно спросила гостья.

— Кто же сомнѣвается! въ попыхахъ отвѣтила Абрютина, и торопливо прибавила: — если Анетъ будетъ согласна.

Гостья не слушала прибавленія и сказала:

— Есть одинъ человѣкъ, который покою мнѣ не даетъ съ этой свадьбой. Я сейчасъ отъ него.

Зеленые глаза заблистали у хозяйки дома, но она спросила съ притворнымъ равнодушіемъ.

— Кого же это такъ интересуетъ моя Анюта?

— Все графа, вашего сосѣда въ театрѣ; отвѣчала съ лукавой улыбкой генеральша-факторша.

А сосѣдомъ ложи Абрютиной былъ графъ Пыжницкій. Какъ-то это случилось неожиданно; сначала онъ имѣлъ кресло посрединѣ въ первомъ ряду, а Абрютина сидѣла на противоположной сторонѣ посрединѣ; но потомъ она перемѣнила свою ложу на бенуаръ у самой сцены, а графъ свое кресло, и вслѣдствіе этого онъ очутился такъ близко возлѣ Анны Ларіоновны, что могъ не только разглядывать ее, но даже слышать каждое ея слово.

— У этого человѣка удивительная доброта; онъ такъ ласково всегда смотритъ на Анюту, точно она ему близкое существо.

Говоря это, Абрютина старалась придать своему голосу простодушный тонъ.

— Онъ ангелъ по сердцу; это рѣдко, чтобы въ его занятіяхъ сохранить такую нѣжность сердца. Обо всемъ-то онъ меня разспрашивалъ: не ревнивъ ли ея женихъ, не опрометчиво ли сдѣланъ выборъ.

Лицо Абрютиной сіяло; она подсѣла поближе къ гостьѣ и сладкимъ и тихимъ голосомъ сказала:

— Будьте покойны; поступлено очень осмотрительно, мною все обдумано и взвѣшено. Положимъ даже, что Скобницкій и влюбленъ въ Анюту, какъ бываетъ влюблены обыкновенно пожилой человѣкъ въ очень молодую и хорошенькую дѣвушку; но онъ никогда не способенъ будетъ изъ какихъ нибудь глупостей портить себѣ карьеру. Онъ человѣкъ солидный, и будетъ ревновать свою жену только къ вѣтренымъ мальчишкамъ. Я убѣждена, что если онъ женится, то захочетъ, чтобы его жена имѣла нѣкоторое вліяніе въ свѣтѣ, а расположеніе такого лица, какъ графъ, можетъ очень возвысить ее въ глазахъ свѣта.

— Оно такъ, Лизавета Игнатьевна; но Анетъ-то ваша очень странная дѣвушка! Вѣдь послѣдній разъ графъ былъ очень разсерженъ на нее въ театрѣ. Все время закрывалась отъ него вѣеромъ, и ни одного раза не взглянула на него ласково.

— Все это отъ молодости и отъ дурнаго воспитанія. Съ дѣтства ей не внушали уваженія къ достойнымъ лицамъ. Но будьте покойны, она сама скоро пойметъ, что за честь ей дѣлаетъ графъ.

— Еще бы! Да многія дамы съ ума бы сошли отъ такой чести!

— И она скоро оцѣнитъ его вниманіе. Вы бы удивились, что мнѣ было хлопоть съ ней первое время. Она ни о чемъ не имѣла понятія. На свой ладъ хотѣла смотрѣть на вещи! О, много мнѣ было съ ней возни. Но она исправляется, и чѣмъ болѣе будетъ въ кругу людей солидныхъ, тѣмъ лучше ея образъ мыслей очистится отъ всякихъ дикостей. Анютѣ именно такой нуженъ мужъ, какъ Скобницкій,—съ характеромъ, съ честолюбіемъ и съ прекрасными понятіями объ обязанностяхъ людей, живущихъ въ обществѣ. Я выбрала ей надежнаго руководителя; только пусть графъ немедленно дастъ ему мѣсто своего директора, какъ только Скобницкій женится на Анетъ; но не прежде, потому что Анетъ — дѣвушка безъ состоянія: надо, чтобы уравновѣшивались ихъ права.

Абрютина говорила все это время шопотомъ, какъ бы боялась, чтобы стѣны не разслушали ея словъ.

Гостья сидѣла близко къ ней, подставивъ свое ухо, и съ жадностью слушала хозяйку дома, и когда та замолкла, она сказала:

— А вы знаете, что ваше дѣло было испорчено директоромъ графа?

— Еще бы не знать! Да онъ мнѣ столько надѣлалъ вреда, что просто я ночи иногда не сплю по его милости. Скверный человѣкъ, не христіанинъ! Все только и думаетъ, какъ ближнему сдѣлать вредъ. Какъ эдакіе люди не боятся божескаго суда?

На лицѣ Абрютиной выступили красныя пятна, губы искривились и дыханіе ускорилось; она грозно продолжала:

— Я посмотрю, какъ она мнѣ будетъ дѣлать все на перекоръ, когда этого мерзавца выгонитъ графъ! Какъ-то будутъ подписываться тогда всѣ счеты, подаваемые ея протеже архитекторомъ?

И вмѣсто смѣха послышалось шипѣніе изъ устъ нравственной дамы.

Генеральша-факторша сіяла, упиваясь гнѣвомъ хозяйки дома, и замѣтила ей съ простодушіемъ:

— Я боюсь одного,—что графиня не допуститъ своего мужа сдѣлать Скобницкаго директоромъ. Она мнѣ и такъ сдѣлала намекъ, что эта свадьба — одинъ разсчетъ съ обѣихъ сторонъ.

— Какая новость! А она выходила замужъ безъ разсчета? Она оказываетъ покровительство теперешнему директору тоже безъ разсчета? Вотъ было бы мило, если бы я, какъ овечка, позволяла себя стричь! Да такіе люди, какъ она, давно бы меня съѣли.

— О, навѣрно! У ней нѣтъ никакого состраданія. Она ужь какъ, кажется, была расположена къ своему архитектору, а недавно сама меня просила поискать ему богатую невѣсту.

Абрютина радостно схватила гостью за руку и, сжимая ее, съ чувствомъ воскликнула:

— Поищемъ вмѣстѣ, поищемъ! Только такую невѣсту, которая бы всю жизнь свою срамила покровительницу своего супруга.

— Вы знаете, что онъ не прочь былъ бы жениться на Анетъ!

Это извѣстіе такъ озадачило Абрютину, что она ничего не нашла сказать въ первую минуту. Гостья продолжала:

— Я васъ удивлю, если по секрету скажу, что и графиня была бы не прочь женить его на Анетъ.

Абрютина встрепенулась; ярость такъ овладѣла ею, что она забыла хоть сколько нибудь скрыть свое чувство. Она, дрожа всѣмъ тѣломъ, отвѣчала:

— Я знаю; я всѣ ея злые помыслы угадываю. Она боится Скобницкаго. Ей бы хотѣлось, чтобы Анетъ была женой преданнаго ей любовника, чтобы вооружить ее противъ меня, и имѣть окончательно въ рукахъ своего мужа. Но этого не будетъ! Если бы Анетъ умирала отъ любви къ нему, я бы и тогда не согласилась выдать ее замужъ. Имъ не удастся ни разстроить свадьбы Анюты, ни свести ее съ любовникомъ графини! А я и не догадалась, зачѣмъ онъ вертится все у ней на глазахъ. Чего добраго, вообразилъ, что въ его румяное, глупое лицо такъ она и влюбится! Нѣтъ, онъ ужь пусть остается для такихъ старухъ, какъ графиня. Она, вѣрно, пріискала себѣ другаго, что....

Явился лакей въ комнату и прервалъ рѣчь барыни, доложивъ, что пріѣхалъ Скобницкій.

Гостья встала; Абрютина уговаривала ее еще посидѣть, но Рудзевичъ дружески сказала:

— Нѣтъ, Лизавета Игнатьевна, третье лицо лишнее при свиданіи и первыхъ разговорахъ будущихъ родственниковъ.

— Такъ я беру съ васъ слово завтра заѣхать ко мнѣ.

— Буду; я надѣюсь, что вы не будете секретничать отъ меня, чѣмъ у васъ покончится дѣло.

— Ужь съ вами-то я стану секретничать!

И Абрютина самымъ дружескимъ пожатіемъ руки передала гостьѣ свое чувство. Но когда та пошла къ двери, она бросила на нее сердитый взглядъ и проворчала: старая лисица!

Абрютина очень раскаявалась, что увлеклась своей злобой и высказала многія тайны изъ своихъ плановъ. Она бы никогда не сдѣлала этого, но генеральша-факторша могла поспорить съ ней въ лицемѣрствѣ и хитрости. Однако Абрютина усѣлась на свое мѣсто и озаботилась теперь вооружиться своей лицемѣрной кротостью; она предчувствовала, что ей предстоитъ трудная сцена, которую надо разыграть очень ловко, потому что теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь, ей хотѣлось, чтобы именно Скобницкій былъ мужемъ ея племянницы, и врагъ ея, графиня, была поражена окончательно.

Почти съ самаго пріѣзда своей племянницы Абрютина задумала женить его на ней и такъ ловко наводила на эту мысль стараго холостяка, что онъ, не подозрѣвая объ участіи посторонняго лица, осуществилъ планы хитрой старухи. Чиновническое честолюбіе Скобницкаго дозволяло Абрютиной питать пріятныя надежды, что онъ будетъ снисходителенъ къ кокетству своей жены съ вліятельными лицами и что такимъ образомъ подъ защитою ихъ, она, Абрютина, будетъ выигрывать самые неправые процессы, и выторговывать огромныя деньги отъ доставленія доходныхъ мѣстъ богатому чиновническому классу.

Одно пугало ее — это упрямство Анны Ларіоновны; но чтобы уничтожить ея упрямство, нужно было только выиграть время, а о средствахъ, какъ дѣйствовать, она не задумывалась: ихъ она съумѣетъ изобрѣсти.

Чтобы принять ласково гостя, Абрютина скорчила радостную улыбку; но она превратилась въ изумленную отъ мрачнаго лица жениха, вошедшаго въ комнату.

О наружности Скобницкаго можно было сказать только одно, что она выражала начальнѣйшее сознаніе собственнаго достоинства, переходившее даже въ смѣшное. Впрочемъ это величіе въ его наружности много ему помогло при устройствѣ себѣ чиновнической карьеры. Это лицо, выражающее глубокое чувство самодовольства, умѣло также очень хорошо выражать и глубокое подобострастіе своимъ начальникамъ, которымъ, вѣроятно, пріятно было порабощать личность съ такой гордой осанкой. Но я, впрочемъ, послѣ поговорю о физическихъ и моральныхъ качествахъ Скобницкаго. Онъ вошелъ, какъ я уже сказалъ, съ мрачнымъ лицомъ, молча поклонился хозяйкѣ дома и усѣлся въ креслѣ, на которое она указала ему.

Развязность манеръ, изящность въ туалетѣ — доказывали ясно, что онъ принадлежалъ къ свѣтскимъ чиновникамъ.

Послѣ нѣкоторой непріятной паузы, онъ рѣзко сказалъ Абрютиной:

— Я пріѣхалъ объясниться съ вами.

— Что вамъ угодно? сладкимъ голосомъ спросила хозяйка дома.

— Я желаю видѣть Анну Ларіоновну....

— Она больна!... перебила его Абрютина и встревожилась отъ гнѣва, какимъ засверкали глаза гостя.

— Лихорадка, вслѣдствіе душевнаго потрясенія, поспѣшно прибавила Абрютина.

Гость замѣтно подавлялъ свое волненіе и, придавъ своему голосу неестественное равнодушіе, сказалъ:

— Въ послѣдній разъ, какъ я видѣлъ Анну Ларіоновну, я имѣлъ съ ней очень важный для меня разговоръ; но онъ былъ прерванъ, и я желалъ бы его окончать... Говорила ли она вамъ что нибудь объ этомъ разговорѣ? спросилъ онъ гнѣвнымъ тономъ.

— Говорила! явственно выговорила Абрютина, принявъ гордый видъ. Гость смутился, а Абрютина продолжала:

— Анюта очень откровенна со мной, даже въ пустякахъ.

— Вы знаете, что по городу распространились самые непріятные для меня слухи? съ отчаяніемъ выговорилъ Скобницкій; и, пытливо глядя на будущую свою родственницу, продолжалъ: —говорятъ, что Анну Ларіоновну заставляютъ мнѣ дать слово.... Вы сознайтесь, что все это до крайности непріятно для меня. Да и кто могъ знать, что я сдѣлалъ ей предложеніе?

Скобницкій выходилъ изъ себя; Абрютина же только смиренно вздыхала и съ дрожащей слезой на глазахъ смотрѣла на потолокъ, такъ какъ неба не видно было съ дивана.

— Я не хочу разыгрывать такую глупѣйшую роль; я долженъ немедленно знать, что мнѣ отвѣчать на эти слухи...

Абрютина все молчала и это молчаніе поставило въ тупикъ разгорячennаго гостя; онъ смолкъ и наступилъ длинный и тягостный промежутокъ, въ которомъ хозяйка дома разыграла удачно мимическую сцену глубоко-обиженной благородной дамы, такъ что Скобницкій, смягчивъ свой голосъ, сказалъ:

— Вы извините меня, но я право потерялъ голову въ эти дни.

— Совѣсть моя чиста, Евграфъ Семеновичъ. Вотъ одно мое оправданіе. Еще могу вамъ сказать, что у Анетъ уже были женихи (Абрютина лгала), но подобныхъ исторій не было, и никакихъ толковъ не ходило по Петербургу. Впрочемъ они обратились прямо ко мнѣ; я стороной говорила съ Анютой и узнавала расположеніе ея къ нимъ. И все это такъ вышло, что Анетъ даже не знаетъ до сихъ поръ, что у ней были женихи, да и въ обществѣ ничего не говорили о ихъ сватовствѣ.

— Извините, я вижу, что я поступилъ неосторожно! насмѣшливо замѣтилъ Скобницкій.

— Я нахожу, что очень было поступлено неосторожно съ вашей стороны: говорить о такомъ важномъ предметѣ съ дѣвушкой, которая такъ неопытна, что не съумѣла ничего скрыть. Вы думаете, что никто, кромѣ васъ, не обращалъ на нее вниманія? Да меня уже мѣсяцъ тому назадъ спрашивали: не женихъ ли вы? Но такъ какъ я знала, что Анюта не имѣетъ еще никакого расположенія выходить замужъ, да и вы такъ маскировали свои чувства къ ней, то я утвердительно отвѣчала, что все это вздоръ. Даже, когда мнѣ Анюта передала вашъ разговоръ, я была въ недоумѣніи, что мнѣ было думать о васъ? И, признаюсь, обвинила Анюту въ вѣтрености.

— Признаюсь, я ничего не вижу страннаго, что пожелалъ узнать прежде расположеніе Анны Ларіоновны и потомъ уже дать гласность своему сватовству.

— Чтобы никто не могъ принудить ее дать вамъ слово? съ шипѣніемъ вмѣсто смѣха спросила Абрютина жениха, который при этомъ очень сконфузился.

— Я не скрою отъ васъ, Евграфъ Семенычъ, ласково продолжала Абрютина; — что недовѣріе ваше меня огорчило, и ваши подозрѣнія меня глубоко оскорбили.

— Помилуйте, я.... и самъ не понимаю.... въ смущеніи произнесъ Скобницкій.

— Ну, оставимъ это! я незлопамятна! Для счастья Анюты я готова все перенести, потому что считаю васъ за благороднаго человѣка, который увлекся своими чувствами. Я душевно буду рада, если Анюта будетъ вашей женой.

Голосъ, какимъ Абрютина произнесла послѣднія слова, звучалъ сомнѣніемъ, такъ что женихъ измѣнился въ лицѣ и постѣпенно спросилъ:

— Развѣ Анна Ларіоновна не расположена ко мнѣ?

— Ничего не знаю! Такъ какъ вы не пожелали моего участія въ этомъ дѣлѣ, то я и не говорила ни слова съ ней объ васъ.

— Вы столько лѣтъ знали меня, что я питалъ надежду на ваше ко мнѣ хорошее расположеніе.

— И не ошиблись; я считаю за честь, что вы сдѣлали предложеніе моей племянницѣ.

Скобницкій наклонилъ голову въ знакъ благодарности и сказалъ:

— Я бы желалъ теперь знать мнѣніе о мнѣ Анны Ларіоновны, чтобы быть счастливымъ и спокойнымъ.

— Я убѣждена, что она о васъ очень хорошаго мнѣнія; но какъ дѣвица, она ни за что не скажетъ вамъ этого въ глаза, такъ, какъ я, старуха, говорю вамъ.

Лицо гостя просіяло: онъ вспомнилъ слова Абрютиной, что она прежде выѣдывала мнѣніе своей племянницы о ея женихахъ и потомъ съ ними разговаривала.

— Я потому такъ настойчиво желаю знать рѣшеніе своей участи, что мнѣ хочется наконецъ прекратить глупые толки о себѣ.

— Я очень понимаю ваше непріятное положеніе, но право все это произошло отъ болѣзни Анюты. Все же я васъ предупреждаю, что я, во избѣжаніе всякихъ нареканій, не буду вмѣшиваться въ это дѣло. Пусть она сама вамъ дастъ отвѣтъ. Я только буду объ одномъ васъ просить, — чтобы вы меня считали вашимъ преданнымъ другомъ, съ любезностью прибавила Абрютина.

— Благодарю васъ! съ чувствомъ отвѣтилъ ей женихъ.

— Такъ позвольте мнѣ, въ качествѣ вашего друга, дать вамъ дружескій совѣтъ. Вы не смотрите на мою Анюту, какъ на взрослую: она до пріѣзда въ Петербургъ была воспитана, какъ дитя природы. Потомъ, у ней страшная недовѣрчивость и застѣнчивость: это, вѣроятно, ей было внушено дурными наставницами. Мать у ней была больная женщина и потому не могла сама неусыпно слѣдить за воспитаніемъ своей дочери. А ужь чужой глазъ не то, что свой!... Она вообразила, что тотъ только мужчина любитъ дѣвушку, кто дѣлаетъ разныя выходки, и потому она никакъ не можетъ себѣ вообразить, чтобы вы любили ее, потому что ваша любовь была спокойна и благоразумна.

— Я въ такихъ лѣтахъ, что считаю предосудительнымъ разыгрывать влюбленнаго мальчика.

— Я ей тоже самое говорила, что одни глупые мальчишки выставляютъ на показъ свою любовь. Да и сама-то она ни за что не покажетъ, къ кому она расположена; а напротивъ, будетъ съ тѣмъ человѣкомъ до невѣроятія холодна.

Скобницкій радостно улыбнулся; онъ не могъ похвастать, чтобы Анна Ларіоновна оказывала ему особенную нѣжность. Можетъ быть, покажется страннымъ читателю, какъ же онъ рѣшился все таки жениться на ней? Но большая часть пожилыхъ, и по какимъ либо отношеніямъ, значительныхъ холостяковъ, точно такъ женится на молодыхъ дѣвушкахъ. Они такъ погружены въ свое собственное величіе, такъ высоко цѣнятъ себя, что имъ и въ голову не приходитъ подумать, что молодую дѣвушку могутъ силою выдать за нихъ. Скобницкій, кромѣ естественнаго желанія имѣть красивую, молодую супругу, также сообразилъ и другія выгоды. Онъ мечталъ такъ устроить свой салонъ, чтобы всѣ вліятельные люди были у ногъ его красавицы-жены, которая, кокетничая съ ними до извѣстной степени, могла бы ихъ вліяніемъ доставлять ему чины и почетъ въ свѣтѣ и питать его самолюбіе.

Абрютина замѣтила, что онъ начинаетъ поддаваться на ея лесть, и залпомъ наговорила ему пропасть самыхъ пріятныхъ вещей. Онъ спросилъ:

— Значитъ я могу надѣяться, что Анна Ларіоновна приметъ благосклонно мое предложеніе?

— Я увѣрена, но только не торопитесь, не запугивайте ее, дайте ей свыкнуться съ мыслью, что вы ее любите; она никакъ не ожидала, чтобы могла вамъ понравиться. Да и для меня было

бы лучше, если бы вы не спѣшили; можетъ, вы бы и подмѣтили какіе нибудь недостатки въ характерѣ Анюты.

— Что же дѣлать, я буду терпѣливъ, покорно отвѣчалъ Скобницкій.

— И прекрасно; она въ это время попривыкнетъ къ вамъ. А насчетъ городскихъ сплетенъ, — я знаю, кто въ нихъ замѣшанъ.

Скобницкаго передернуло; онъ торопливо спросилъ:

— Я желалъ бы знать, кто это такой....

— Нашъ общій врагъ! уклончиво отвѣчала Абрютина и прибавила успокоительно: — будьте покойны; до Анюты не дойдутъ никакіе слухи. Вы знаете, что ни одна свадьба не обходится безъ завистниковъ и клеветниковъ? А счастью Анюты многіе могутъ завидовать.

Гость всталъ, чтобы проститься съ Абрютиной, но она остановила его слѣдующими словами:

— Ахъ, позвольте мнѣ, Евграфъ Семенычъ, вамъ сообщить самый главный недостатокъ въ Анютѣ. Она — бѣдная невѣста, и кромѣ меня у ней нѣтъ никого, кто бы принялъ въ ней участіе. Но вы знаете, что я люблю ее, какъ своихъ дѣтей.

На послѣднюю фразу нравственная дама старалась сдѣлать удареніе, чтобы женихъ могъ сообразить о будущемъ наслѣдствѣ отъ нея. Объ отцѣ своей невѣсты онъ имѣлъ уже понятіе, и потому ничего не надѣялся получить. Скобницкій понялъ намекъ Абрютиной и обрадовался, но скрылъ эту радость и небрежно отвѣчалъ:

— Для меня рѣшительно все равно — богата или бѣдна Анна Ларіоновна.

— Я очень вѣрю; но все же я обязана была васъ предупредить, хоть для формы.

И Абрютина привстала съ своего мѣста, чтобы оказать почетъ будущему своему родственнику, котораго успѣла обмануть въ будущемъ наслѣдствѣ, въ расположеніи своей племянницы и въ томъ, что она невинна въ распространеніи слуховъ о его сватовствѣ. Она разсчитала очень вѣрно, что Скобницкій, самолюбивый до болѣзненности и упрямый до крайности, настоитъ на своемъ, если дойдутъ до него слухи, что ему отказала Анна Ларіоновна. И она не ошиблась въ своемъ разсчетѣ; онъ теперь страшился больше всего на свѣтѣ, чтобы не разошлась свадьба, и готовъ былъ слѣдовать совѣтамъ женщины, которую онъ

зналъ за самую хитрую, злую и неспособную шагу сдѣлать для другаго, безъ какихъ нибудь себялюбивыхъ цѣлей.

— Итакъ, Евграфъ Семенычъ, сладкимъ голосомъ сказала Абрютина: — прошу васъ отбросить теперь всѣ пустыя церемоніи со мной и считать мой домъ, какъ родной вамъ. Я всегда и во всякое время рада буду васъ видѣть; вѣроятно, найдутся и другія, которыя васъ будутъ встрѣчать съ этими же чувствами, но только подъ наружной холодностью или равнодушіемъ.... Прощайте! до скораго свиданія!...

Будущіе родственники разстались очень довольные другъ другомъ. Каждый воображалъ, что онъ перехитрилъ и ловко скрылъ свои настоящія чувства и цѣли.

Теперь я объясню читателю, что такое за личность женихъ Анны Ларіоновны. Выше я уже сказалъ нѣсколько словъ о его величаво-самодовольной физіономіи. Но я долженъ еще паспортнымъ тономъ описать его наружность. Въ сущности это даже лишнее, потому что каждый изъ читателей вѣроятно встрѣчалъ въ своей жизни не одного Скобницкаго; а они всѣ на одно лицо, — по крайней мѣрѣ выраженіе одно и тоже. Но слѣдуя обычаю, опишу его примѣты: росту виднаго, полноты умѣренной, бѣлокуръ, всегда отлично вычесанъ и выбритъ; черты лица не рѣзкія, но некрасивы; глаза маленькіе, сѣрые, болѣе хитрые, чѣмъ умные. Но самое главное — сіяніе самодовольства, озаряющее не только физіономію, но и всю фигуру. Впрочемъ нужно сказать, что это выраженіе величія и довольства не было у него природнымъ, а появлялось и росло постепенно, по мѣрѣ повышенія въ чинахъ, и достигло до такихъ смѣшныхъ размѣровъ только уже при полученіи генеральскаго чина. Не знаю, гдѣ бы еще онъ могъ взять новую дозу величія при полученіи слѣдующаго чина? Вѣроятно это обстоятельство доставитъ ему не мало затрудненія, такъ какъ навѣрное можно сказать, что съ повышеніемъ въ чинѣ онъ непремѣнно захочетъ производить все болѣе эффекта и своей наружностью. Можетъ быть, читателю придетъ въ голову басня Крылова о лопнувшей лягушкѣ; но на этотъ счетъ можно быть спокойнымъ: подобнаго несчастія никогда не можетъ случиться съ свѣтскимъ, да и со всякимъ чиновникомъ,—ихъ эластичность во всѣхъ отношеніяхъ изумительна. Скобницкій явился въ Петербургъ еще въ ранней молодости. Тогда онъ былъ бѣденъ: объ этомъ могутъ засвидѣтельствовать содержатели маленькихъ ресторанчиковъ, куда собираются всѣ

бѣдняки-чиновники съ полусвѣтскими стремленіями. Въ молодости Скобницкій только, можетъ быть, въ свои именины обѣдывалъ въ модныхъ свѣтскихъ ресторанахъ. Кто бы могъ тогда подумать, что этотъ, никому неизвѣстный, хотя и щепетильно одѣтый молодой господинъ, черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ съѣдать дорогіе обѣды въ этихъ же великолѣпныхъ ресторанахъ и небрежно отвѣчать на раболѣпные вопросы хозяина: доволенъ ли онъ заказаннымъ обѣдомъ? Съ какой благодарностью и умиленіемъ содержатель дорогаго ресторана теперь принимаетъ небрежное киваніе его головы при входѣ, когда прежде даже не отвѣчалъ ему на вѣжливый его поклонъ. Но что дѣлать! Петербургъ такъ наводненъ бѣдняками, молодыми чиновниками съ высшими стремленіями къ свѣтскости, что трудно озабоченному содержателю гостинницы предугадывать ихъ великую будущность! Эти господа являются и исчезаютъ такъ же незамѣтно, какъ въ жаркій лѣтній день, послѣ теплаго дождя, на дорожкахъ сада показывается безчисленное множество маленькихъ лягушекъ, и потомъ вдругъ опять неизвѣстно куда исчезаютъ эти скользкія твореньица. Впрочемъ бываютъ во всемъ исключенія, и изъ числа этихъ-то рѣдкихъ исключеній былъ Скобницкій.

Я сейчасъ постараюсь объяснить, какимъ образомъ такого рода молодые чиновники, безъ состоянія и покровителей, съ одними упорными стремленіями къ карьерѣ и способностями къ свѣтскости, достигаютъ виднаго положенія въ обществѣ. Одни на начальническихъ балахъ вытанцовываютъ себѣ покровительство пожилыхъ дамъ, не ниже шестаго класса. Потомъ ихъ женятъ на богатыхъ невѣстахъ, и разбитые на ноги танцоры дѣлаются очень видными лицами и роскошничаютъ на чужія деньги. Другіе же чиновники съ высокими стремленіями свѣтскости и тщеславнаго честолюбія, высиживаютъ въ департаментахъ чиновническую премудрость, которая несложна: надо ловко подкапываться подъ своихъ сослуживцевъ, чтобы обратить вниманіе начальника, затѣмъ — добиться чести говорить съ нимъ глазъ на глазъ; тогда чиновникъ отмѣченъ въ толпѣ своихъ собратовъ. Рабской лестью и унизительной угодливостью онъ расположитъ къ себѣ начальника, тотъ выдвинетъ его на видное мѣсто въ департаментѣ, а хорошій окладъ доставитъ ему и видное положеніе въ полусвѣтскомъ обществѣ, если у него есть высшія стремленія къ аристократизму.

Но съ такимъ громаднымъ честолюбіемъ и раздраженнымъ самолюбіемъ, какимъ былъ заражень Скобницкій, онъ не могъ удовлетвориться видным мѣстомъ въ чиновническомъ мірѣ и полу-свѣтѣ. Ему нужна была власть, которой бы онъ могъ утолить свое раздраженное самолюбіе, которое столько лѣтъ оскорблялось его свѣтскимъ и чиновническимъ ничтожествомъ. И энергія его въ достиженіи повышеній не знала границъ....

Заговорившись о чиновнической натурѣ Скобницкаго, я ничего не сказалъ о его родословной, даже о его родителяхъ; но это потому, что Скобницкій хранилъ глубокое молчаніе о своихъ родителяхъ, а со стороны мнѣ не было случая слышать объ нихъ. Но вѣрно было то, что онъ принадлежалъ къ дворянскому сословію: это могутъ засвидѣтельствовать его носовые платки, на которыхъ всегда была вышита дворянская корона. Состояніе, которое имѣлъ въ сію минуту Скобницкій, досталось ему самымъ страннымъ образомъ. У него были двѣ троюродныя тетки, о которыхъ онъ почти забылъ, потому что онѣ имѣли близкихъ наслѣдницъ послѣ своей смерти; но судьба забросила его по службѣ именно въ тотъ губернскій городъ, гдѣ проживали эти двѣ старыя дѣвы, и онѣ до того прониклись благоговѣніемъ къ чиновному своему троюродному племяннику, что, устранивъ прежнихъ своихъ наслѣдницъ, завѣщали ему все свое имущество. Такимъ образомъ онъ уже получилъ значительныя деньги отъ одной умершей тетки и долженъ былъ еще вдвое получить отъ другой. Получивъ средства удовлетворять своимъ аристократическимъ претензіямъ, Скобницкій сдѣлался въ короткое время завиднымъ женихомъ въ полусвѣтскомъ обществѣ. Но онъ не могъ рѣшиться взять себѣ въ жены полусвѣтскую барышню. Онъ такъ боялся насмѣшекъ аристократическихъ свѣтскихъ людей, съ которыми былъ только трактирно знакомъ, что ни за что бы не женился на Аннѣ Ларіоновнѣ, если бы ею не восхищались всѣ истинно свѣтскіе и полу-свѣтскіе мужчины въ цѣломъ Петербургѣ.

Скобницкій потому такъ долго не женился, что никогда не могъ увлечься сердцемъ! Послѣ полученія наслѣдства онъ сталъ подумывать о женитьбѣ, и то болѣе для комфорта. Но, увидавъ красивую и молоденькую дѣвушку съ оригинальнымъ характеромъ, онъ нашелъ, что такую жену еще можно бы ему имѣть, если только придать ей аристократическій лоскъ. Когда же Анна Ларіоновна сдѣлалась предметомъ всеобщаго вниманія въ

Петербургѣ, то мысль о женитьбѣ начала его преслѣдовать и наконецъ такъ имъ овладѣла, что онъ спалъ и видѣлъ — имѣть блистательный салонъ, въ которомъ всѣ сановатые волокиты — старики и аристократическая молодежь будутъ у ногъ жены его. Скобницкій рѣшилъ, что Анна Ларіоновна будетъ его женой, какъ онъ нѣкогда рѣшилъ достичь генеральскаго чина.

ГЛАВА X.

Всѣми докторами признано, что путешествіе есть самое лучшее средство лѣченія противъ всѣхъ душевныхъ болѣзней. Но я сомнѣваюсь, чтобы это средство очень успѣшно дѣйствовало на дѣвственныхъ и живописныхъ дорогахъ нашего отечества. Путешествующему въ Россіи надо имѣть значительный чинъ, дормезъ и курьера, чтобы на станціяхъ его не задерживали лошадьми, не запрягали ему хромыхъ и еле-дышащихъ клячъ; чтобы ему открывались чистыя, топленыя комнаты, безъ угару; чтобы ему дали обѣдъ изъ свѣжей провизіи; чтобы его не держали у перевоза по 5 часовъ, а немедленно подавали бы крѣпкій дощаникъ съ достаточнымъ числомъ народа, который вытащилъ бы изъ грязи его экипажъ при подъемѣ въ гору. При такихъ условіяхъ есть возможность странствовать и по Россіи, и даже, можетъ быть пріятнѣе, чѣмъ за границей, гдѣ носѣе до несносности гладко, лошади всегда готовы, и гдѣ подъ-гору и въ-гору не спачутъ сломя голову, а спускаются и подымаются осторожно.

Многіе русскіе гордятся скорой ѣздой въ Россіи, и даже доказываютъ ею величіе народнаго духа. Но, къ сожалѣнію, далеко не передъ всѣми расирывается это величіе: имъ могутъ наслаждаться и вдохновляться къ патріотизму только путешественники значительнаго чина, ѣздящіе въ удобныхъ дормезахъ, да личіе офицеры, да еще по особой милости судьбы — мелкіе чиновники спѣшащіе по казеннымъ надобностямъ, — въ родѣ закупки вина къ предстоящему балу у начальника, или осмотра земли, которую онъ хочетъ купить. Путники же, не имѣющіе подобныхъ привиллегій, обыкновенно еле-еле тащатся на изувѣченныхъ лошадяхъ, терпятъ безпорядочныя остановки и проживаютъ по нѣсколько часовъ въ грязи, изъ которой обыкно-

венно ихъ вытаскиваютъ грубые и невѣжественные проѣзжіе мужики.

Мнѣ часто приходило въ голову: что если бы грубый нашъ мужичокъ былъ такъ же равнодушенъ къ несчастью путешественниковъ въ дорогѣ, какъ всегда бываютъ равнодушны образованные проѣзжающіе? Пришлось бы многимъ, засѣвъ въ грязи, умереть отъ холода и голода.

Въ нашихъ соотечественникахъ вообще замѣчается умилительная любовь къ природѣ; но это похвальное чувство иногда очень невыгодно отзывается на бокахъ бѣдныхъ путешественниковъ, принимая слишкомъ уже идиллическій и консервативный характеръ. Изъ любви къ живописнымъ ландшафтамъ, у насъ оставляютъ неприкосновенными трясины, ухабы, обрывы и грязь по проѣзжимъ дорогамъ. Если гдѣ образовалась яма, или громадная лужа, въ родѣ болота, такъ и будетъ она стоять неопредѣленно-долгое время, точно какая святыня или такое явленіе природы, съ которымъ справиться нѣтъ силъ человѣческихъ....

Карсановъ поѣхалъ на перекладныхъ, потому что, какъ извѣстно, у насъ надо родиться въ сорочкѣ, а можетъ и въ двухъ, чтобы получить мѣсто въ дилижансѣ, не записавшись заранѣе мѣсяцемъ, а весной — такъ и двумя. Удобство ѣзды на перекладныхъ знакомо, конечно, многимъ изъ нашихъ читателей. Какъ ни былъ Карсановъ одушевленъ цѣлью своего путешествія, однако онъ не могъ не почувствовать боли въ груди отъ толчковъ телеги по замерзшему шоссе, боли въ желудкѣ отъ рубленныхъ котлетъ изъ неизвѣстнаго мяса, и боли въ головѣ отъ угарныхъ комнатъ на станціяхъ, гдѣ его заставляли по три часа ждать лошадей. Съ каждымъ шагомъ комфортабельнаго путешествія желчь все болѣе накипала въ груди его, — и не отъ однѣхъ дорожныхъ непріятностей, неизбѣжно преслѣдующихъ у насъ путешественника, ѣдущаго на перекладныхъ, да еще притомъ нигдѣ не служащаго: кромѣ личныхъ своихъ непріятностей, Карсановъ былъ безпрестанно и глубоко возмущаемъ печальными и прачными сценами изъ русскаго быта, которыхъ обыкновенно не видятъ счастливцы, равнодушные къ спокойнымъ дормезамъ. Нищенскій видъ деревень и ихъ обитателей, который также не совсѣмъ доступенъ наблюденію изъ дормезовъ и отъ котораго самъ Карсановъ отвыкъ было нѣсколь-

ко, вслѣдствіе долгаго удаленія отъ сельскихъ видовъ, также наполнилъ теперь грудь его новою горечью....

Какъ ни торопился Карсановъ, но онъ пробылъ въ дорогѣ долго, несмотря на то, что не спалъ ни одной ночи, а все ѣхалъ и оправдывалъ пословицу: «тише ѣдешь — дальше будешь;» онъ потратилъ много денегъ, чтобы его везли скорѣе; ямщикъ дѣйствительно, вслѣдствіе обѣщанной прибавки, скакалъ минутъ пять сломя голову, но за то десять минутъ исправлялъ потомъ оборванную постромку. А сколько времени пропало даромъ у Карсанова въ ожиданіи перевоза, лошадей на станціи, и сколько перепорчено крови разговорами съ станціонными смотрителями!... За все это Карсановъ вознаграждалъ себя отрадною надеждою спасти любимую дѣвушку. Но по мѣрѣ приближенія къ цѣли путешествія, силы его все болѣе истощались, а съ тѣмъ вмѣстѣ слабѣла и надежда. При концѣ пути даже какой-то безотчетный страхъ и смущеніе овладѣли имъ....

Карсановъ прибылъ въ деревню Ларіона Петровича вечеромъ, совершенно измученный. Несмотря на темноту поздняго осенняго вечера, онъ различалъ знакомыя ему избы, бывшія гнилыми еще во время его дѣтства, а теперь имѣвшія уже до того безобразный видъ, что не вѣрилось, чтобы тутъ могли жить люди. Въ немногихъ избахъ горѣла лучина и пропускала въ узкое окошечко тусклый свѣтъ на землю, да и тотъ застилался чьей нибудь фигурой, бросившейся посмотрѣть на проѣзжающаго. Знакомый лай жучекъ и шавокъ встрѣтилъ Карсанова и проводилъ по всей деревнѣ. Проѣзжая черезъ деревню, Карсановъ невольно припомнилъ всѣ ужасы безчисленныхъ горестей и страданій, видѣнныхъ имъ почти въ каждой избѣ, когда онъ еще мальчикомъ бывалъ въ нихъ, то съ своимъ дѣдушкой, приходившимъ туда исповѣдывать умирающихъ, то одинъ, по просьбѣ крестьянина — написать письмецо въ далекую сторону какому нибудь члену семейства, сосланному въ Сибирь или отданному въ солдаты.

«Что это, сколько горя вездѣ?» грустно думалъ Карсановъ, въѣзжая за околицу и приближаясь къ барскому дому...

Какъ водится, дворня радостно встрѣтила Карсанова, не потому, чтобы она особенно его любила, а просто потому, что рада была всякому новому лицу. Съ первыхъ же словъ Карсановъ узналъ отъ дворни, что Ларіонъ Петровичъ уже извѣщенъ о женихѣ Анны Ларіоновны. Это чрезвычайно огорчило Карса-

нова, и, желая дать исходъ своей тоскѣ и безпокойству, онъ хотѣлъ сейчасъ же говорить съ Ларіономъ Петровичемъ объ участи его дочери. Но было уже поздно, баринъ почивалъ, и пылкій юноша долженъ былъ остаться въ томительномъ ожиданіи до слѣдующаго дня.

Карсановъ не хотѣлъ быть помѣщеннымъ близко къ Ларіону Петровичу, а пожелалъ устроиться въ комнатѣ Анны Ларіоновны, несмотря на то, что дѣвичья давно была переведена во флигель къ нѣмкѣ, и комнаты были нетоплены и пусты.

При входѣ въ холодную, почти пустую комнату Анны Ларіоновны, онъ почувствовалъ такую грусть, какъ будто бы вошелъ въ могильный склепъ. Фортепьяно, комодъ, стулья, даже портреты знаменитыхъ писателей, подаренные Карсановымъ Аннѣ Ларіоновнѣ, — все было унесено. Оставалась одна кровать, два стула изъ дѣвичьей, да столъ у окна, гдѣ всегда сидѣла Палагея за своей работой. Старикъ лакей, въ длинномъ сѣромъ сюртукѣ изъ толстаго сукна, съ высокимъ воротникомъ, растапливалъ печь и съ лакейской заискивающей привѣтливостью объяснялъ Карсанову, что горница скоро согрѣется и что онъ сейчасъ подастъ самоваръ.

Этого лакея Карсановъ зналъ давно; онъ нѣкогда пользовался благоволеніемъ барскимъ за свое шутовство и наушничество, даже одно время былъ управляющимъ въ деревнѣ, но вскорѣ снова занялъ мѣсто лакея съ титломъ наушника. Фигура старика не располагала въ его пользу. Онъ былъ очень тощъ, лицо небольшое, покрытое крупными морщинами, лобъ узкій, голова острая, покрытая рѣдкими, длинными, выцвѣвшими каштановыми волосами съ небольшой просѣдью; сѣрые, маленькіе, живо бѣгающіе глаза, заискивающая улыбка, медовый тонъ голоса, мягкія лакейскія манеры, — все ясно говорило въ немъ, что онъ мелкой руки плутъ и принадлежитъ къ тѣмъ типамъ старыхъ дворовыхъ лакеевъ, о которыхъ съ такимъ сочувствіемъ вспоминаютъ многіе помѣщики, сожалѣя, что въ новомъ поколѣніи дворни нѣтъ уже такихъ типовъ и такого умилительнаго, искренняго подобострастья....

— Какъ затопишь печь, Епифанъ, позови ко мнѣ Палагею и Дуняшу, сказалъ Карсановъ лакею, который, крехтя, всталъ съ колѣней и съ лакейской любезностью отвѣчалъ:

— Авдотьѣ Агѣевѣ я доложу-съ, какъ изволитъ проснуться баринъ. Онѣ-съ завсегда при нихъ въ это время: вѣдомость читаютъ, пока Ларіонъ Петровичъ дремлетъ-съ.

Карсановъ подивился вѣжливому тону Ипифана о Дуняшѣ, которую тотъ самъ прежде преслѣдовалъ, называя ублюдкомъ и полубарышней.

Ипифанъ продолжалъ послѣ нѣкотораго промежутка:

— А на счетъ Палагеи, я осмѣлюсь доложить вашей милости, что не могу вамъ ее послать.

— Это почему? она жива, здорова? торопливо спросилъ Карсановъ.

— Жива-съ! многозначительно произнесъ Ипифанъ и какъ-то весело прибавилъ: — ея ужь нѣтъ во дворѣ; сослали на деревню. — Улыбка злорадства замерла на его старческихъ губахъ.

Карсановъ былъ пораженъ такимъ неожиданнымъ извѣстіемъ.

— Скоро годъ, какъ самъ баринъ далъ приказъ, чтобы ея нога не была на барскомъ дворѣ, не токмо въ барскихъ покояхъ, важно продолжалъ Ипифанъ.

— За что же это? разскажи скорѣе, пугливо произнесъ Карсановъ.

Ипифанъ съ большою охотою исполнилъ желаніе гостя.

— Хоть Палагея и ходила въ Кіевъ на богомолье послѣ отъѣзда своей барышни, — началъ онъ наставительнымъ тономъ, — но о душеспасительномъ смиреніи не подумала. Какъ увидала это она, вернувшись, что дѣвичья-то переведена на нѣмкину половину, да и ключи-то отъ барскаго добра всѣ у ней, вотъ наша старуха и взбѣленилась, что не она теперь домоправительница. Я ей тогда же говорилъ: «что вы, молъ, Палагея Тихоновна, хотите своей гибели, что вы обносите барскія приказанія?» Такъ она тогда меня же облаяла «ты, говоритъ, извѣстный подлипало, у тебя, говоритъ, нѣтъ ни души, ни совѣсти.» Ну, все это, знаете, и дошло до барина. А тутъ она не стала пущать Авдотью Агѣевну во флигель. А онѣ-съ тихонько убѣгали. Старуха пуще бранить ихъ-съ.... Вотъ разъ нѣмка и пожалуйся барину на Палагею, да знаете, — такъ и скажи, что Палагея не хочетъ пускать Авдотью Агѣевну во флигель къ ней, и разное другое передала; — старухины штуки. Да и выбрала она такое время жаловаться, когда Ларіонъ Петровичъ изволи-

ли находиться во всей своей барской силѣ. Вы вѣдь знаете, какъ опасливо имъ тогда поперечить или осердить ихъ чѣмъ? Ихъ милость сами пошли къ Палагеѣ. А она, шальная, какъ окрысится,—встала поперегъ порога, гдѣ спрятала Авдотью Агѣевну, да таково дерзко какъ крикнетъ: — «не пущу ее, говоритъ, задушу лучше своими руками, чѣмъ мнѣ видѣть, какъ ее сгубятъ.»—Подняла перстъ къ небу да и прикрикни — на барина-то: «Ты, говоритъ, — думаешь, не накажетъ тебя Богъ! Нѣтъ, говоритъ, онъ все видитъ.» — Ну, сами извольте посудить, пріятно ли, чтобы холопка учила барина страху божьему?... Извѣстно, Ларіонъ Петровичъ осерчали и своей барской важности не уронили.... Тутъ она точно снопъ грохнулась объ полъ. Видѣвши этакую непривличность, Ларіонъ Петровичъ ужь совсѣмъ разгнѣвались, вытащили Палагею на крыльцо и ножкой пихнули, а намъ всѣмъ настрого приказали не трогать ея, а какъ очнется, такъ прогнать съ барскаго двора.... Мы думали: не встанетъ молъ, наша старуха; гдѣ ужь! Лежитъ точнехонько мертвая; ночь-то была такая морозная, свѣтлая, мѣсяцъ такъ-таки прямо и свѣтитъ ей въ лицо.... Намъ даже точно какъ будто страшно стало, и ушли мы, оставили ее.... Одначе, за ночь пропала она. Два дня ни слуху, ни духу не было о ней.... потомъ нашли ее у дороги. Видите, — поджидала все Анну Ларіоновну, чтобы жаловаться, да просить защиты.... Совсѣмъ рехнулась старуха. Только и словъ, что ея барышня скоро пріѣдетъ....

И Епифанъ пожалъ плечами и поучительно заключилъ свой разсказъ:

— Глупая, вздорная баба, сударь! Жила бы себѣ покойно, кабы не вздумала поперечить барской волѣ. Думала, что уважутъ ее!... Какъ же! Вотъ и ходи теперь нищенкой, гдѣ день, гдѣ ночь проводи.... Разъ она повстрѣчалась барину, — онъ изволилъ съ охоты ѣхать. Вотъ было смѣху-то. Она побѣги отъ него, а собаки-то глупыя за ней.... Чуть ее не разорвали. Да Палагея такъ испужалась, что влѣзла на дерево. Ей-богу! просто на-диво, какъ это она могла вскарабкаться, — старая этакая....

Епифанъ тихо и невинно ухмылялся. Карсановъ слушалъ Епифана съ дрожью ужаса и негодованія, и не въ силахъ былъ произнести слова. Онъ даже облокотился руками о столъ и закрылъ лицо, чтобы не видать фигуры разсказчика, въ чертахъ

котораго, впрочемъ, вовсе не было той страшной жестокости, съ какой онъ описывалъ мученія бѣдной старухи. Обезсмысленный своей жизнью старикъ находилъ дикую отраду въ подробномъ изображеніи чужихъ бѣдствій, происшедшихъ вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, отъ которыхъ и самъ онъ потерпѣлъ не мало.

— Вѣрно опочивать желаете послѣ дороги? спросилъ недовымъ голосомъ Ефимъ, видя, что Карсановъ сидитъ неподвижно: — я принесу скорѣе самоварчикъ, извольте-ка на здоровье выкушать чайку, да и въ постельку....

Ефимъ вернулся въ комнату черезъ четверть часа, несъ самоваръ, и нашелъ Карсанова все въ той же позѣ.

Карсановъ чувствовалъ какое-то томительное оцѣпенѣніе. Все тѣло его было разбито отъ дороги, дрема клонила его, а между тѣмъ голова горѣла отъ мрачныхъ думъ и представленій. Въ его разгоряченномъ воображеніи живо нарисовались ужасныя картины, — какъ несчастная старуха лежитъ на снѣгу и мѣсяцъ свѣтитъ въ ея полумертвое лицо, какъ она бродитъ по лѣсу, какъ карабкается на дерево отъ собакъ... Точно кошмаръ началъ душить Карсанова: ему стало казаться, что онъ видитъ все это предъ собою въ сію минуту.

Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и перемѣнилъ положеніе, но не вдругъ очнулся совершенно. Машинально смотрѣлъ онъ на Ефимана, дѣлавшаго ему чай, а самъ блуждалъ мысленно Богъ знаетъ гдѣ.

— Вы вотъ изволите смотрѣть на меня, Дмитрій Степанычъ, да чай думаете, какъ я состарѣлся? спросилъ гостя Ефимъ со вздохомъ. — Да какъ не состарѣться! Денно-ночно все о барскомъ добрѣ радѣешь, вся жизнь моя въ этомъ прошла. Доложу вамъ, вотъ хоть бы намеднись, всю ночь не спалъ. Меня бабушка Афросинья.... Ваша милость помните Афросинью?

Карсановъ кивнулъ головой, не слушая старика.

— Такъ она и спрашиваетъ меня: что ты, говоритъ, все ворочаешься, да охаешь: «не спится,' говорю; все, молъ, думается о барскомъ добрѣ». Она мнѣ и отвѣчаетъ: ужъ ты родной, говоритъ, и такъ весь извелся, за барское-то добро.... Я, доложу вашей милости, ужь такимъ уродился. Кажись, если бы баринъ видѣлъ мою внутренность, такъ и цѣны бы мнѣ не зналъ. А то, вѣрите ли, сударь,—вѣдь вотъ надрываешься для барской пользы, а какая милость ихъ будетъ теперь мнѣ подъ старость? Вотъ хоть бы управлять ихъ мужиками, — я ли ужь, кажется, дурно

управлялъ? Не одну тысячу имъ, небось, положилъ въ карманъ. Лѣсъ теперича я продалъ ихній, — такъ покупщика-то плакать заставилъ!.. Ужь такъ, какъ я старался для пользы барской, врядъ ли найдетъ другаго такого слугу Ларіонъ Петровичъ. А что я получилъ за все мое радѣніе ихъ милости? Хоть бы ласковое слово: «спасибо-молъ тебѣ Епифанъ». И того нѣтъ! Что я теперь такое значу? подъ началомъ у всякаго нѣмца. Я небось плевалъ на мужика-то, когда управлялъ имѣніемъ-то: свѣтилъ бы, молъ, мѣсяцъ, а до звѣздъ мнѣ нужды нѣтъ. Пусть мужики орутъ, что я у нихъ отнялъ луга, да подъ барское взялъ,—я ни въ чемъ не упущу барскую выгоду. Да и что взяли мужики, какъ пришли жаловаться на меня барину? Ничего! ихъ же баринъ выругалъ. Да извѣстно, — барину и не слѣдъ двороваго слугу на мужика мѣнять. Мужикъ, осмѣлюсь доложить вамъ, сударь, что такое? Онъ объ себѣ да о своемъ семействѣ думаетъ, а я, и всякій дворовый слуга, такъ, не жалѣючи своего живота, заботишься о барскомъ добрѣ.... Да я вотъ, для одной барской потѣхи, имя, данное мнѣ при святомъ крещеніи, промѣнялъ на прозвище—Рюмочкинъ. Вотъ вы меня никогда такъ не называете, а вѣдь всѣ другіе—Рюмочкинъ да Рюмочкинъ. Мнѣ становой разъ говоритъ: «что это ты себѣ такое прозвище, старикъ, избралъ?» Да развѣ я по охотѣ? Все для барской забавы. Изъ-шутки все оно и вышло. Увидалъ меня баринъ, что я, знаете, послѣ стола эдакъ хлебнулъ изъ барской рюмки. Ихъ милость погрозили да и изволили сказать: «какъ ты Рюмочкинъ». И сами разсмѣяться изволили; даже барыня улыбнулась. На другой день послали меня въ городъ за вином, я привезъ счетъ барину, да и подпиши счетъ: отъ Рюмочкина. Баринъ съ барыней опять очень тѣшились. Съ тѣхъ вотъ поръ я и пошелъ за Рюмочкина. Кажись, точно всѣ имя-то мое настоящее забыли.... Рюмочкинъ да Рюмочкинъ.... Что же это вы не изволите кушать чай-то Дмитрій Степанычъ? спросилъ вдругъ старикъ, до того увлекшійся разсказами о самомъ себѣ, что только тогда вспомнилъ о чаѣ, когда окончилъ говорить и обратилъ вниманіе на Карсанова, который попрежнему сидѣлъ глубоко задумавшись.

— Постелю вамъ постельку, и съ Богомъ отдохните-ка, прибавилъ Епифанъ, отправляясь стлать постель, но не могъ, чтобы опять не заговорить о себѣ, и началъ съ тяжелымъ вздохомъ.

— Эхъ, эхъ! вспомянетъ еще Рюмочница! Небось приѣзжій-то изъ Петербурга управляющій форсисто держитъ себя. Небось денегъ гроша не дастъ, какъ надо посылать за виномъ. Теперь только одну волюшку и имѣетъ, что во дворѣ. Видимъ, все видимъ; пыла въ мѣшкѣ не утаишь. Самъ-то не хочетъ признаться, что имѣнье-то теперь у нѣмца подъ начальствомъ; да мы вѣдь видимъ, что нѣмецъ только и слушаетъ, какъ что изъ Петербурга прикажутъ.... Вотъ и постеленка готова вашей милости, закончилъ свою болтовню Ефимъ. Но, послѣ нѣкотораго молчанія, онъ откашлянулся, подошелъ къ столу и принявъ раболѣпно-льстивый видъ, слезливымъ голосомъ произнесъ:

— Я къ вашей милости прибѣгаю, Дмитрій Степановичъ.

— Что такое? спросилъ Карсановъ старика.

— Да изъявите вашу милость, попросите за вѣрнаго барскаго слугу нашу барышню, Анну Ларіоновну.

— О чемъ?

— Чтобы они потребовали меня у папеньки къ себѣ въ услуженіе-съ. Говорятъ, ихъ будущій супругъ очень богаты-съ; значитъ нуженъ будетъ вѣрный слуга, чтобы порадѣть о барскомъ добрѣ. А ужь Рюмочкинъ постоитъ за себя, будетъ такъ же служить съ душевнымъ усердіемъ, какъ ихъ маменькѣ и папенькѣ.

И старикъ заплакалъ.

— О чемъ же ты плачешь? Да и почему ты думаешь, что Анна Ларіоновна непремѣнно выйдетъ за этого жениха замужъ? спросилъ Карсановъ.

— Это ужь вѣрно-съ, вытирая себѣ глаза, увѣренно отвѣчалъ старикъ. — Лизавета Игнатьевна изволили писать объ этомъ барину и просили, чтобы они прислали письмо, и чтобы было дано родительское ихъ благословеніе и согласіе-съ.

— Письмо послано? съ такимъ испугомъ воскликнулъ Карсановъ, что старикъ вздрогнулъ и вытаращилъ на него глаза.

— Писалъ, что ли? нетерпѣливо воскликнулъ Карсановъ. Ефимъ посмотрѣлъ на него и съ разстановкой отвѣчалъ:

— Не могу доложить-съ, Дмитрій Степанычъ. Авдотья Агѣевна можетъ изволитъ знать.

— Позови ее скорѣе ко мнѣ, въ волненіи сказалъ молодой человѣкъ и заходилъ по комнатѣ. Но старикъ остановилъ его, упавъ передъ нимъ на колѣни. Карсановъ упрашивалъ его встать, но старикъ хныкая сказалъ:

— Смѣю васъ просить, не оставьте просьбу несчастнаго старика! Меня нѣмецъ здѣсь убьетъ. Онъ и такъ разъ меня избилъ нагайкой, такъ что я впалъ въ безчувствіе-съ.

— Какъ же онъ смѣлъ?

— Да онъ никого не боится-съ: я, говоритъ, здѣсь баринъ!.. Ей-богу-съ, спросите кого хотите. А меня онъ хочетъ извести за то, что я открылъ его кляузы, да и послалъ письмецо къ Лизаветѣ Игнатьевнѣ. Она ему выговоръ, а кто-то и спаупиначилъ нѣмцу, что я писалъ письмо. Вотъ онъ меня и мучитъ теперь.

— Да ты встань сперва съ колѣнъ, а то я тебя не буду слушать, твердилъ ему Карсановъ, и старикъ приподнялся.

— Ну, а что же Ларіонъ Петровичъ не защитилъ тебя? спросилъ Карсановъ; Епифанъ отчаянно махнулъ рукой и мрачно отвѣчалъ:

— Да вы теперь барина-то и не узнаете! Нѣмецъ-то съ нѣмкой на него напустили просто порчу какую-то. По ночамъ не спитъ, только вотъ послѣ обѣда эдакъ часу со втораго до десяти, и то Авдотья Агѣвна должна находиться при немъ, чтобы кто не вошелъ съ черными умыслами. Такой сталъ сердитый, — просто бѣда. Чуть увидитъ кого съ веселымъ лицомъ, такъ и вскинется на того. Иной разъ самъ расправится, а то и нѣмцу дастъ приказаніе.... А нѣмецъ, — это какъ есть разбойникъ! Я знаю, онъ меня ужь подведетъ подъ барскій гнѣвъ. Подкапывается, у! какъ подкапывается! Кабы не Авдотья Агѣвна, кажись, нѣмецъ.... ухъ, — что бы надѣлалъ!...

Разговоръ съ Епифаномъ произвелъ самое горестное впечатлѣніе на Карсанова: онъ сталъ рѣшительно отчаяваться въ успѣшности своего ходатайства за Анну Ларіоновну. Все какимъ-то мракомъ подернулось въ его душѣ, и даже закралось въ голову невольное сомнѣніе о томъ, будетъ ли какая нибудь возможность Аннѣ Ларіоновнѣ жить вмѣстѣ съ одичалымъ и помѣшаннымъ человѣкомъ, если бы онъ даже и захотѣлъ взять ее отъ тетки. Успокоивъ Епифана обѣщаніемъ передать его просьбу Аннѣ Ларіоновнѣ, Карсановъ опять попросилъ его позвать Дуняшу. Епифанъ проворно вышелъ, чтобы исполнить его просьбу.

Оставшись одинъ въ комнатѣ, Карсановъ сѣлъ на стулъ близъ растопившейся печки и погрузился въ воспоминанія своего дѣтства и юности. Какъ любила бывало Анна Ларіоновна, еще маленькой дѣвочкой, сидѣть въ сумерки въ своей комнатѣ, при свѣтѣ разгорѣвшейся печки, и слушать его разсказы изъ читан-

ныхъ имъ путешествій по дикимъ странамъ! Какъ потомъ, когда она выросла, онъ любилъ этотъ полумракъ, въ которомъ онъ могъ какъ-то смѣлѣе говорить съ ней. Какъ живо онъ помнитъ ее въ ситцевомъ платьицѣ, съ дѣтски-ясными взглядами, съ безпечнымъ смѣхомъ и болтовней, среди которой вдругъ появлялась въ ней по временамъ какая-то инстинктивная стыдливость, если рѣзвость ея переходила мѣры и она подмѣчала вспыхнувшую краску на щекахъ своего бывшаго товарища дѣтскихъ игръ. Пока не надѣлъ Карсановъ студенческаго мундира, Анна Ларіоновна, при встрѣчѣ съ нимъ, послѣ долгой разлуки, и при прощаньи бросалась ему на шею и крѣпко цаловала его. Но потомъ она стала стѣсняться въ изъявленіяхъ своихъ чувствъ. Хотя потомъ, попривыкнувъ къ мундиру, она попрежнему, слушая его чтеніе, склоняла на его плечо свою голову или бѣгала съ нимъ по саду, взявшись за руки, но Палагея постоянно стыдила ее за такія вольности въ обращеніи и наконецъ вбила ей въ голову, что это неприлично. Впрочемъ и самъ Карсановъ годъ отъ года дѣлался серьёзнѣе въ обращеніи съ Анной Ларіоновной, а когда наконецъ замѣтилъ въ себѣ любовь къ ней, то въ обращеніи съ ней началъ чувствовать большую неловкость и застѣнчивость.

Шорохъ въ дверяхъ прервалъ воспоминанія Карсанова. Онъ повернулъ голову и увидалъ въ комнатѣ дѣвушку еще очень молоденькую и красивую, но типа совершенно противоположнаго Аннѣ Ларіоновнѣ. Смуглота, смѣлое выраженіе лица, огненные черные глаза, худощавость еще не совсѣмъ сложившейся фигуры, даже небольшой ростъ ея, — все составляло рѣзкій контрастъ съ бѣлокурой, высокой и граціозной фигурой Анны Ларіоновны. И при всемъ томъ, несмотря на рѣзкое различіе типовъ, въ этихъ двухъ дѣвушкахъ нельзя было съ перваго же взгляда не замѣтить чего-то общаго. Въ расположеніи этихъ красивыхъ чертъ лица, въ очертаніи рта и нѣжномъ абрисѣ головы у обѣихъ было такъ много родственнаго, что при взглядѣ на одну невольно припоминалась другая.

— Дунина! нерѣшительно произнесъ Карсановъ, вставъ со стула.

— Вы меня не узнали, Дмитрій Степанычъ? спросила Дунина, и въ звукѣ ея голоса тоже было сходство съ Анной Ларіоновной.

— Боже мой, какъ вы выросли! сказалъ Карсановъ, подходя къ дѣвушкѣ, которая вспыхнула, какъ заря, отъ его при-

стальнаго взгляда и потупила глаза, но тотчасъ же опять подняла ихъ на гостя и съ сожалѣніемъ сказала:

— А вы такъ очень похудѣли, точно больной какой!

— Я очень усталъ съ дороги. Но вы скажите мнѣ скорѣе, что такое у васъ тутъ дѣлается? Просто, я своимъ ушамъ не вѣрю.... За что бѣдную Палагею выгнали отсюда?

Дуняша измѣнилась въ лицѣ и торопливо спросила:

— Барышня здорова-съ?

— Она васъ обѣихъ попрежнему любитъ и помнитъ. Платочекъ вамъ прислала.... я выну послѣ изъ чемодана.... Что же вы мнѣ не отвѣчаете ничего о Палагеѣ? съ упрекомъ спросилъ Карсановъ.

— Правда-съ, что барышня выходитъ за богатаго замужъ? опять задала вопросъ Дуняша, замѣтно уклоняясь отъ отвѣта.

— Напротивъ, она хочетъ пріѣхать сюда.

Дуняша слегка вздрогнула и съ замѣтной досадой выговорила:

— Ну ужь, что имъ тутъ дѣлать: онѣ отъ скуки съ ума сойдутъ здѣсь! Да одного страху-то что натерпятся, какъ баринъ начнетъ чудесить. Ружья заряжаетъ, двери и окна заставляетъ въ своей комнатѣ.... просто, иной разъ волосъ дыбомъ встанетъ,— такой онъ страшный!... Нѣтъ, не надо имъ ѣхать сюда, пусть за самаго послѣдняго жениха выходятъ, а имъ не надо ворочаться въ деревню.

Дуняша, почти задыхаясь отъ волненія, проговорила все это очень скоро.

Карсановъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за Дуняшей и, видя, что она какъ-то нервно дрожала, ласково сказалъ ей:

— Вы очень любите Анну Ларіоновну и боитесь за нее, что ей здѣсь будетъ дурно жить? Но вѣдь ей, бѣдной, и тамъ нехорошо оставаться. Она думала, что ея возвращенію вы всѣ обрадуетесь?

— У нихъ есть богатый женихъ: чѣмъ же онѣ бѣдныя? спросила съ наивностью Дуняша.

— Да она его не любитъ.

— Такъ пускай выйдутъ за того, кого онѣ любятъ, отвѣчала Дуняша, бросивъ пристальный взглядъ на Карсанова, который настолько былъ наивенъ, что даже непрасѣлъ отъ полудѣтскаго дѣвочки на его любовь.

Дуняша не безъ умысла сдѣлала этотъ намекъ; она, можетъ быть, первая подмѣтила въ Карсановѣ его любовь къ своей барышнѣ. Вертясь въ дѣвичьей, въ застольныхъ и лакейскихъ, дѣвочка слышала толки дворни, что не слѣдъ къ барышнѣ въ комнату пускать молодаго поповскаго сына, — чего добраго, еще за него выйдетъ замужъ и они должны будутъ служить поповичу. Потомъ она стала подмѣчать за молодымъ человѣкомъ и увидала, что онъ точно краснѣетъ и дичится барышни, когда она разрѣзвится съ нимъ. Дунянѣ даже хотѣлось самой ему понравиться, и выдти за него, на зло всей дворнѣ. Какой бы она ходила тогда барыней, въ шляпѣ и шелковыхъ салопахъ! Еще почти ребенкомъ думала она объ этомъ, потому что Палагея, въ-сердцахъ на Карсанова, сказала разъ въ дѣвичьей, что «вонъ ему кто жена», и указала на Дуняшу.

— Анна Ларіоновна никого не любитъ и не хочетъ выходить замужъ, съ грустью, но выразительно отвѣтилъ Карсановъ на намекъ Дуняши, которая скороговоркой отвѣчала, какъ бы разсуждая сама съ собой:

— Завсегда такъ! Кого всѣ любятъ, тѣ никого не любятъ.

Карсановъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Дуняшу; онъ никакъ не ожидалъ отъ нея подобныхъ разсужденій.

— Развѣ вы не хотите, чтобы всѣ любили Анну Ларіоновну? съ упрекомъ спросилъ онъ.

Дуняша потупила глаза и нахмурилась. Ясно можно было видѣть, что она не очень пріязненно расположена къ своей барышнѣ. Этимъ открытіемъ молодой человѣкъ былъ очень огорченъ, и, чтобы допытаться до истины, онъ съ намѣреніемъ спросилъ Дуняшу:

— Скажите мнѣ прямо, Дуняша, любите ли вы еще настолько Анну Ларіоновну, чтобы помочь мнѣ спасти ее отъ большаго несчастія? Только говорите правду!

— Что же я могу сдѣлать для барышни? съ ироніею спросила Дуняша.

— Говорятъ, Ларіонъ Петровичъ васъ.... началъ было говорить Карсановъ, но Дуняша, вся вспыхнувъ и засверкавъ глазами, съ досадою перебила его.

— А! вамъ ужь успѣли на меня насказать.... Я не корчу барышню, я знаю, что сегодня меня сажаютъ за барскій столъ, а завтра сошлютъ тарелки мыть. Нечего сказать, есть чему завидовать мнѣ! Кто бы зналъ, что я терплю! Небось дѣлу меня не

хотятъ учить: какъ просила барина, чтобы меня учили играть на фортепьянахъ, — такъ нѣтъ! Читать сама научилась, а то бы и этого не знала. А небось цыгана нанялъ меня учить—пѣть ихъ пѣсни да плясать. Весело, что ли, мнѣ шутихой-то быть, какъ съѣдутся у него гости? Танцуй да пой имъ всю ночь. Вино пей, насильно въ ротъ вольютъ. Послѣдній разъ чуть жива осталась; такъ меня много заставили пить! Я и плакала-то, и стояла на колѣняхъ передъ барином, ничего не хотѣлъ слышать. Право, иной разъ хоть утопиться хочется! Кому меня пожалѣть,—только всѣ бранятъ.

И Дуняша горько заплакала, прислонясь къ стѣнѣ.

Карсановъ взялъ за руку бѣдную дѣвушку и печально, растроганнымъ голосомъ сказалъ ей:

— Мнѣ васъ очень, очень жаль, Дуняша.

Карсановъ понялъ естественную непріязнь ея къ Аннѣ Ларіоновнѣ, участь которой ей казалась такой завидной: о той и сожалѣютъ, и заботятся, тогда какъ о Дуняшѣ никто даже добраго слова не скажетъ.

— Вы обѣ несчастны, что родились въ этомъ домѣ! прибавилъ Карсановъ въ волненіи.

— Я родилась во дворѣ; пусть бы лучше меня не брали въ горницы, всхлипывая замѣтила Дуняша.

— Увѣряю васъ, Дуняша, что не много счастливѣе Анна Ларіоновна оттого, что не въ избѣ родилась. Какія между вами могутъ быть непріятности? Вы должны любить другъ друга.

— Отъ моей любви никому не будетъ ни теплѣе, ни холоднѣе жить на свѣтѣ,—сердито отвѣтила Дуняша, вытирая глаза.

— Почемъ знать, можетъ гораздо было бы теплѣе, если бы вы захотѣли, хоть напримѣръ, защитить бѣдную Палагею. Она васъ такъ любила! Изъ-за васъ же и пострадала.

— Ну, ужь хорошо мнѣ и отъ нея доставалось! Такъ меня завсегда бранила, что просто страхъ. Очень любила!

Послѣднія слова дѣвушка выговорила ядовито-насмѣшливо.

— Можетъ она дѣлала вамъ много непріятностей, но вы теперь не дитя и можете сами обсудить: вѣдь то, чего она боялась за васъ, начинаетъ сбываться.

Дуняша закрыла лицо руками и хотѣла выбѣжать изъ комнаты.

Карсановъ удержалъ ее и продолжалъ съ нѣжнымъ упрекомъ.

— Полноте, Дуняша, останьтесь, поговоримъ о васъ. Право мнѣ васъ искренно жаль.

— Пустите, пустите меня! съ дикимъ отчаяніемъ твердила она, вырываясь изъ рукъ Карсанова, но онъ удерживалъ ее и продолжалъ говорить все искреннѣе и нѣжнѣе.

— Дуняша, выслушайте меня; я вамъ отъ всего сердца желаю добра. Я васъ помню ребенкомъ! Я, какъ братъ вашъ, хочу не осуждать васъ, а остеречь, спасти васъ. Узнавъ вашу жизнь, кто рѣшится васъ обвинять? Я, можетъ быть, не съумѣлъ дать вамъ совѣтъ, обидѣлъ васъ? Такъ простите меня.

Дуняша, какъ будто магнитизируемая ласковыми словами Карсанова, утихала и наконецъ осталась предъ нимъ въ неподвижной задумчивости. Лицо ея горѣло яркимъ румянцемъ и она съ благодарностью и съ удивленіемъ глядѣла на своего утѣшителя. Онъ уже замолкъ, а она все еще смотрѣла ему въ глаза, какъ бы желая, чтобы онъ продолжалъ говорить.

— Вы не сердитесь на меня теперь, Дуняша? прервалъ Карсановъ молчаніе дѣвушки.

Дуняша покачала головой, не спуская съ него своихъ огненныхъ глазъ.

— Что же вы такъ смотрите на меня? спросилъ Карсановъ.

— Я?... какъ бы очнувшись выговорила Дуняша, стыдливо опустивъ глаза. — Я все думала, какъ бы хорошо было мнѣ жить, если бы хоть кто нибудь говорилъ со мной такъ, какъ вы. Никто со мной такъ ласково никогда не говорилъ. А вѣдь я не такая еще злая.... я вотъ теперь для васъ, хоть въ огонь пойду.

И лицо Дуняши приняло такое восторженное выраженіе, что Карсановъ даже испугался. Онъ увидалъ, что Дуняша полна дикой пылкости, о которой она сама не имѣетъ понятія. Надо было дѣйствовать на нее осторожно и не увлекать ея, избыткомъ новыхъ ощущеній, изъ грубаго міра дѣйствительности.

— Въ огонь я васъ ни за что не пошлю, а только попрошу васъ приготовить Ларіона Петровича, что я хочу его видѣть и поговорить съ нимъ объ Аннѣ Ларіоновнѣ, которую силою хотятъ выдать замужъ.

— Какъ же барыня писала, что она влюблена въ своего жениха? спросила Дуняша.

— Нѣтъ, это неправда.

Дуняша мрачно поглядѣла на Карсанова, который продолжалъ :

— Анна Ларіоновна никого не любитъ и ни за кого замужъ не хочетъ, а желаетъ, чтобы взяли ее отъ тетки, потому что это очень дурная и злая женщина.

— Вы часто видались съ барышней?

— Ни разу съ тѣхъ поръ, какъ видѣлся съ ней здѣсь передъ ея отъѣздомъ. Меня не допустили даже передать ей самой въ руки письмо отца.

— Какъ же вы знаете, что она не хочетъ выходить замужъ? пытливо спросила дѣвушка.

— Она писала мнѣ объ этомъ.

Дуняша задумалась, потомъ отвѣчала :

— Съ Ларіономъ Петровичемъ сегодня вамъ нечего и говорить. Онъ только вчера гостей проводилъ. Очень сердитъ сегодня.... А завтра я вамъ скажу, когда можно будетъ, съ нѣкоторымъ сознаніемъ своей важности сказала Дуняша и уходя прибавила тихо : — я къ вамъ опять приду, только узнаю, не спрашивалъ ли онъ меня.

И она дружески и кокетливо кивнула головой молодому человѣку и скрылась.

— Несчастная! замѣтилъ ей вслѣдъ Карсановъ.

Не успѣлъ онъ придти въ себя отъ свиданія съ Дуняшей, какъ въ-попыхахъ вошелъ Епифанъ въ комнату и радостно сказалъ :

— Дмитрій Степанычъ! Палагея пришла!

Карсановъ радостно и поспѣшно воскликнулъ :

— Гдѣ же она? веди ее сюда!

— Что вы! Какъ можно ее пустить въ горницу! Я спряталъ ее въ чуланъ. Она какъ увидала, вѣрно, огонь въ комнатѣ барышни, такъ и прибѣжала, да и стоитъ во дворѣ. Я это иду и вижу ее. Она мнѣ бултыхъ въ ноги. Дай, говоритъ, хоть въ щелку на мою родную посмотрѣть, а тамъ, говоритъ, хоть изрѣжьте меня на куски. Я, знаете, и согласись, только отперъ дверь сначала въ чуланъ, потомъ повелъ ее въ сѣни, да какъ поровнялся съ чуланомъ, пихнулъ ее туда, да и заперъ.

И Епифанъ старчески смѣялся, идя за Карсановымъ въ сѣни и продолжая говорить :

— Вы не извольте къ ней близко-то подходить : нелегкая ее знаетъ, — вѣдь не въ своемъ разумѣ. Поди тутъ!

Карсановъ вышелъ со свѣчей въ рукахъ въ длинный чуланъ, гдѣ валялся всякій хламъ. Въ самомъ углу, прижавшись къ стѣнѣ, стояла Палагея въ грязномъ и ободранномъ рубищѣ. Она дико смотрѣла на приближавшагося къ ней Карсанова; тотъ ужаснулся, какъ исхудала несчастная, какое страдальческое, пугливое выраженіе появилось у ней въ лицѣ.

— Палагея Тихоновна! окликнулъ ее осторожно Карсановъ.

Старуха не шевелилась, только глаза у ней какъ-то раскрылись больше.

Карсановъ подошелъ къ ней близко, поставилъ свѣчу на какой-то ящикъ и сказалъ:

— Я вамъ привезъ поклонъ отъ вашей барышни, Анны Ларіоновны.

Палагея вся задрожала.

— Она васъ цалуетъ.... скоро будетъ здѣсь.

Изъ груди старухи вырвался радостный вопль и она ринулась на грудь Карсанову, обняла его голову и стала цаловать, потомъ судорожно сжала его шею руками, повисла на ней да такъ и замерла. Карсановъ не замѣчалъ, что у него самого слезы лились изъ глазъ. Онъ бережно посадилъ старуху на ящикъ, гдѣ стояла свѣча, когда ея ослабѣвшія руки выпустили его шею.

Палагея просидѣла нѣсколько минутъ въ какомъ-то забытьи, потомъ подняла голову, поглядѣла кругомъ, и болѣзненнымъ голосомъ произнесла:

— Мнѣ показалось, что она стояла здѣсь?

— Нѣтъ, она въ Петербургѣ; но скоро пріѣдетъ къ вамъ, сказалъ Карсановъ.

Палагея вздохнула и жалобно сказала:

— Ахъ, кабы поскорѣе! Мочи моей нѣтъ, какъ мнѣ тяжело безъ нея!

— Пойдемте въ комнату, Палагея Тихоновна.

Старуха пугливо вскочила на ноги, но Карсановъ удержалъ ее и ласково сказалъ:

— Я васъ никому не дамъ обидѣть!

Палагея бросилась ему въ ноги съ диким воплемъ.

— Защити, защити хоть ты меня, голубчикъ; не дай меня псамъ на съѣденіе!

— Что вы, полноте, Палагея Тихоновна! подымая ее съ колѣнъ, и самъ чуть не плача, говорилъ Карсановъ. — Вотъ скоро

пріѣдетъ Анна Ларіоновна; мы попрежнему заживемъ. Пойдемте; я ужь васъ не дамъ въ обиду.

И Карсановъ повелъ Палагею за руку изъ чулана.

Старуха на каждомъ шагу пугливо озиралась и крѣпко жала руку своего проводника. Она торопливо прошла дѣвичью, но на порогѣ дѣтской, гдѣ столько лѣтъ провела съ барскимъ ребенкомъ, она остановилась, какъ бы припоминая что-то тяжелое, и не шла въ комнату. Карсановъ грустно глядѣлъ на бѣдную жертву материнской преданности чужому ребенку, и въ немъ подымалось яростное чувство озлобленія. У него у самого начинало мутиться въ головѣ.... Однако онъ сдѣлалъ усиліе надъ собой и осторожно ввелъ старуху въ комнату.

Увидавъ постель Анны Ларіоновны, Палагея кинулась къ ней, припала на нее лицомъ и, упавъ на колѣни, осталась неподвижна.

Карсановъ стоялъ возлѣ, погруженный въ какое-то полудремотное, чрезвычайно мучительное состояніе. Рыданія старухи заставили его очнуться; эти вопли навели на него ужасъ: точно она плакала надъ могилой Анны Ларіоновны.

— Полноте плакать, Палагея Тихоновна: вы вѣдь этимъ очень огорчите Анну Ларіоновну, сказалъ Карсановъ, не зная, какъ прекратить вопли старухи.

Слова эти произвели магическое дѣйствіе. Старуха быстро встала, вытерла слезы и довольно бодро сѣла къ печкѣ на стулъ, на который усадилъ ее Карсановъ, обложивъ ее подарками, купленными имъ для нея на дорогѣ, по просьбѣ Анны Ларіоновны. Палагея, собравъ ихъ всѣ въ кучу, положила себѣ на грудь и крѣпко прижала руками.

Карсановъ налилъ ей чаю; старуха съ аппетитомъ выпила его и замѣтила:

— Я давно не пила ничего горячаго. А ужь какъ хотѣлось иной разъ погрѣться. Господи, Господи! За что это меня Богъ наказываетъ?

— Забудьте старое; поговоримъ объ Аннѣ Ларіоновнѣ.

— Я только о ней все и думаю; все она у меня на умѣ. Утромъ проснусь да и думаю: кто ей ножки закутаетъ, какъ она одѣяльце во снѣ сброситъ? Кто ей, моей родной, чайку сдѣлаетъ хорошенькаго? Бѣлье-то хорошо ли у ней вымыто, да въ порядкѣ ли? А кто приласкаетъ ее, кто уложитъ ее въ постельку да перекреститъ?... Бывало не заснетъ, ежели я выйду изъ

комнаты. Ахъ ты, моя красавица! не забыла меня! спасибо, спасибо!

Старуха говорила, все понижая голосъ, и закончила шопотомъ, и задумалась. Какая-то тишина разлилась по страдальческому лицу Палагеи; ей вѣроятно чудилось, что она держитъ на рукахъ свою маленькую барышню и убаюкиваетъ ее.

Карсановъ сидѣлъ смирно, не желая нарушить спокойствія Палагеи, котораго она давно не испытывала. Но вдругъ дверь съ шумомъ распахнулась и Дуняша вошла въ комнату съ банкой варенья. Увидавъ Палагею она вскрикнула: — ахъ!!

Палагея быстро повернулась на стулѣ и, увидавъ Дуняшу, медленно стала подниматься, дрожа всѣмъ тѣломъ, и дикими глазами впилась въ нее.

Карсановъ взялъ банку изъ рукъ оробѣвшей дѣвушки и хотѣлъ ее ободрить; но Палагея съ сжатыми кулаками кинулась на нее. Дуняша отчаянно вскрикнула и спряталась за Карсанова, который всталъ между старухой и дѣвушкой.

— Пустите меня, дайте мнѣ задушить эту злодѣйку. Я лучше возьму грѣхъ на душу, а ужъ избавлю отъ этой змѣи Анну Ларіоновну.

Карсановъ силою усадилъ старуху на стулъ и повелительно сказалъ ей:

— Я не позволю васъ никому обидѣть, и ее не дамъ вамъ обижать. Она сама у васъ попроситъ прощенья, въ чемъ виновата. Но не забудьте, что она еще почти дѣвочка, и ежели дѣлала зло какое, такъ по глупости, по наущенію дурныхъ людей. Надо старшихъ винить, а не ее!

— Нѣтъ, она, она виновата! мотая грозно головой, твердила старуха. И, выпрямясь, она съ отвращеніемъ сказала:

— Вонъ отсюда, тварь! Не ходи въ эту комнату съ своимъ распутствомъ.

Дуняша бросилась на колѣни и въ отчаяніи воскликнула:

— Палагея Тихоновна, голубушка, поклянусь передъ образомъ!... Дмитрій Степанычъ, не вѣрьте, я кля.....

И Дуняша застонала, припавъ головой къ землѣ.

— Вонъ, вонъ! кричала старуха, стоя надъ ней съ сжатыми кулаками.

— Палагея Тихоновна, простите ее; вѣдь она бѣдная сирота, умоляющимъ голосомъ произнесъ Карсановъ.

Палагея подозрительно посмотрѣла на рыдавшую у ея ногъ дѣвушку, и произнесла торжественно:

— Поклянись передъ образомъ....

— Къ чему клясться! вѣдь она раскаялась во всемъ, — прервалъ старуху Карсановъ и продолжалъ:

— Вы лучше приласкайте ее, да поплачьте вмѣстѣ объ вашей общей горькой участи. И безъ васъ найдется много людей, которые будутъ корить ее. Простите ее хоть для Анны Ларіоновны: она думала, что вы безъ нея берешете и ласкаете Дуняшу.

Палагея въ изнеможеніи упала на стулъ, слезы потекли у ней по щекамъ, и она кротко сказала:

— Развѣ мнѣ самой-то легко все это? Я боюсь, чтобы она, моя голубушка, не узнала обо всемъ, что здѣсь дѣлается....

Карсановъ подозвалъ Дуняшу къ Палагеѣ; та робко встала передъ ней на колѣни. Карсановъ взялъ руку старухи и положилъ ей на голову.

— Ну, простите же ей всѣ ея вольные и невольные грѣхи.

— Богъ тебя проститъ! съ тяжкимъ вздохомъ выговорила старуха. Дуняша уткнула свою голову въ колѣни старухи и рыдала горько.

Карсановъ съ растерзаннымъ сердцемъ глядѣлъ на эту группу и думалъ: на какихъ таинственныхъ законахъ основывается жребій людской.... и проч.

Разсужденія Карсанова о справедливости въ обществѣ, были прерваны Епифаномъ, который, просунулъ свою голову въ дверь, торопливо крикнулъ: «Авдотья Агѣвна, васъ баринъ къ себѣ требуетъ», — и скрылся.

Палагея схватила голову Дуняши, прижала къ груди и сказала ей.

— Не ходи; лучше убѣжимъ въ лѣсъ.

— Пустите ее, Палагея Тихоновна. Ларіонъ Петровичъ сегодня очень сердитъ, замѣтилъ Карсановъ старухѣ.

— Ну, пусть опять придетъ самъ сюда! Дуняша, ты не ходи! Теперь есть кому за насъ заступиться, — говорила старуха, лаская дѣвушку.

— Я, Палагея Тихоновна, не только въ лѣсъ готова пойти съ вами, да хоть въ прорубь броситься, — такъ мнѣ тошна моя жизнь, съ искренностью отвѣчала Дуняша.

— Да, не ходи, не ходи! твердила свое старуха, гладя по головѣ Дуняшу, которая, не смотря на Карсанова, говорила ему:

— Божусь вамъ, моя жизнь, Дмитрій Степанычъ, не лучше каторги. Легко ли мнѣ день и ночь, какъ привязанной собакѣ, быть возлѣ полоумнаго. Иной разъ онъ какъ звѣрь рычитъ на меня. А его-то еще дразнятъ, — то Амалія Ивановна, то Карлъ Карлычъ..... Ну, силъ нѣтъ, просто измучишься въ это время: все, видите, надо веселить его, чтобы онъ не серчалъ.

Въ комнату вбѣжалъ блѣдный мальчикъ и, задыхаясь, съ ужасомъ выговорилъ.

— Авдотья Агѣевна, голубушка, иди скорѣе. Ларіонъ Петровичъ на Римочкина осердился.

Дуняша было бросилась къ двери, но остановилась, смотря вопросительно на Карсанова, который ей сказалъ печально-ласковымъ голосомъ:

— Идите! и прибавилъ, обращаясь къ Палагеѣ: — не мѣшайте ей сдѣлать доброе дѣло!

И онъ дружески и одобрительно кивнулъ Дуняшѣ головой на дверь.

Дѣвушка радостно ему улыбнулась и выбѣжала изъ комнаты. Палагея подошла къ образу, стала на колѣни и начала усердно молиться.

Карсановъ не могъ оставаться въ комнатѣ: его мучила неизвѣстность, что-то дѣлается съ Дуняшей и съ Епифаномъ. Заперевъ на ключъ двери за собой, чтобы Палагея не ушла, онъ отправился въ застольную.

Въ большой, низкой и грязной избѣ, освѣщенной сальной плошкой, толпилась почти вся дворня; говоръ былъ страшный, такъ что никто не замѣтилъ въ первую минуту присутствія гостя. Но когда увидали его, толпа раздалась, и Карсановъ увидѣлъ Епифана; онъ сидѣлъ на скамейкѣ и всхлипывалъ. Завидѣвъ Карсанова, старикъ всталъ съ мѣста, упалъ ему въ ноги и завылъ. Карсановъ усадилъ старика и спросилъ его о Дуняшѣ.

Но тотъ заговорилъ о себѣ.

— Вотъ-съ, Дмитрій Степанычъ, смѣю доложить вашей милости, что за мою заслугу я получилъ!...

Карсановъ поспѣшилъ уйти изъ мрачной и душной избы. Онъ пошелъ-было прямо къ Ларіону Петровичу, чтобъ вразумить его и высвободить Дуняшу; но его не допустила прислуга, увѣряя, что Дуняшѣ будетъ плохо за ея заступничество. Карсановъ долженъ былъ отправиться назадъ къ себѣ въ комнату. Онъ чувствовалъ головокруженіе отъ всего, что видѣлъ и слы-

малъ по прибытіи своемъ въ это пріятное и тихое по наружности сельское уединеніе.

Палагея продолжала молиться, когда онъ вернулся въ комнату.

Измученный душой и тѣломъ, Карсановъ бросился на постель, думая о томъ, какъ трудно исполняется желаніе человѣка дѣлать добро ближнему, между тѣмъ какъ — лишь задумай онъ дѣлать вредъ и зло людямъ,—какое раздолье ему представляется всюду!...

Нѣсколько безсонныхъ ночей, проведенныхъ Карсановымъ въ дорогѣ, взяли свое. Онъ сталъ засыпать, и только смутно, какъ бы въ туманѣ, носился передъ нимъ образъ Анны Ларіоновны, то ребенкомъ, то дѣвочкой, то разцвѣтшей красавицей въ блистательномъ нарядѣ, то опять въ черномъ платьѣ....

Но вдругъ онъ вздрогнулъ, почувствовавъ чью-то руку на своей головѣ. Онъ открылъ глаза; Палагея стояла возлѣ него и сказала ему своимъ прежнимъ голосомъ, какимъ говаривала, бывало, еще при Аннѣ Ларіоновнѣ.

— Я хотѣла тебя спросить, Дмитрій Степанычъ.

— О чемъ?

— Да за тѣмъ ты пріѣхалъ сюда? не свататься ли на ней?

— Нѣтъ! съ тяжелымъ вздохомъ отвѣтилъ Карсановъ.

— Да ты очень ее, что ли, любишь?

— Очень!

— А она не хочетъ выходить за тебя замужъ?

— Нѣтъ, она меня не любитъ! почти съ рыданіемъ произнесъ Карсановъ и уткнулъ лицо въ подушку.

— Какъ слѣдуетъ быть-барышня! пробормотала съ гордостью старуха и отошла отъ постели.

Тоска и волненіе усилились во всемъ организмѣ Карсанова отъ прерваннаго сна и отъ неумѣстно-горькихъ допросовъ и замѣчаній старухи. Онъ не могъ лежать и всталъ.

Палагея сидѣла у стола своего и перебирала въ ящикѣ брошенные тамъ обрывки отъ старыхъ чулокъ, да моточки нитокъ.

— Что же ты не спишь? спросила она его.

— Да не могу; мнѣ все думается, что не хорошо будетъ Аннѣ Ларіоновнѣ теперь жить здѣсь?

— И я все объ этомъ тоже думала, пугливо произнесла старуха и въ волненіи быстро заговорила: — нѣтъ, пусть ее живетъ у тетки; здѣсь ее загубятъ, мою голубушку!

Карсановъ вполнѣ раздѣлялъ безпокойство Палагеи.

— Но вотъ какое горе, Палагея Тихоновна: — ей и тамъ-то тяжело жить. Хотятъ ее силою замужъ выдать. Вотъ я пріѣхалъ сюда, чтобы Ларіонъ Петровичъ, какъ отецъ....

— Отецъ! отецъ! въ отчаяніи воскликнула старуха, и, съ силою ударивъ по столу кулакомъ, съ дико блуждающими глазами продолжала: — отецъ у ней нищій! деревня запродана вся, съ его плотью и кровью! Ты поѣзжай скорѣе къ ней, скажи, чтобы она просила тамъ у всѣхъ защиты. Ее ограбили, она сирота, разскажи все, все, что видѣлъ здѣсь. Пусть за нее заступятся! Вѣдь есть же добрые люди; неужто все злодѣи на свѣтѣ?

Карсановъ глубоко раскаявался, что привелъ опять въ дикое отчаяніе только что успокоившуюся бѣдную старуху.

— Хорошо, Палагея Тихоновна, только успокойтесь, я все сдѣлаю.

— Ты защитишь ее? будешь жаловаться въ Петербургѣ.

— Все сдѣлаю, лягте-ка, да отдохните, и я тоже лягу.

И Карсановъ самъ легъ на полу на своей шинели, уступивъ постель старухѣ, но она осталась на стулѣ, говоря безъ умолку, что она сама пойдетъ въ Петербургъ просить за сироту свою барышню и то браня Абрютину, то грозясь на Ларіона Петровича.

Карсановъ такъ и заснулъ подъ безконечныя, мрачныя и несвязныя угрозы старухи.

ГЛАВА XI.

На другое утро Карсановъ былъ пробужденъ словами Епифана.

— Господи, Господи, что за страсти у насъ творятся!

— Что случилось? поспѣшно вставая на ноги спросилъ Карсановъ и, не видя Палагеи въ комнатѣ, прибавилъ: — гдѣ Палагея?

— Я вашей милости докладывалъ, что ее нельзя было пускать въ горницу. Вонъ она что накуралесила!... Скверная одна-кая баба! — съ упрекомъ отвѣчалъ Епифанъ, и мотая головой въ отчаяніи.

— Ты не ругайся, а дѣло говори, строго замѣтилъ ему Карсановъ.

— Да если бы вы знали, Дмитрій Степанычъ, что она шальная надѣлала?... Пробралась къ барину! съ ужасомъ выговорилъ Епифанъ: — ломилась къ нимъ въ дверь; ругательски ругалась, грозилась, что пойдетъ жаловаться на нихъ въ Петербургъ.... Ей-богу!

— Ну, что же Ларіонъ Петровичъ? спросилъ Карсановъ.

— Что? Подняли весь домъ вверхъ дномъ!...

— Ты молчи; я скажу, что я ее увидалъ и впустилъ къ себѣ въ комнату, замѣтилъ Карсановъ старику. Но тотъ ему отвѣчалъ печально:

— Я и то молчалъ, да поганый нѣмецъ подведетъ меня! Коли онъ съ своей подружкой, Амаліей Ивановной, подвелъ подъ барскій гнѣвъ Авдотью, такъ ужь меня просто загубятъ!

И старикъ, въ отчаяніи, махнулъ рукой.

— Что же такое они могли насказать про Дуняшу? спросилъ Карсановъ, удивясь, что старикъ ее уже болѣе не величаетъ.

Епифанъ подошелъ ближе къ Карсанову и тихо сказалъ:

— Изъ-за васъ все вышло. Насказали ему и невѣсть чего про васъ и про нее! Онъ кричитъ, что вы пріѣхали сюда съ черными мыслями противъ него....

— Онъ ужь совсѣмъ выжилъ изъ ума!

— О, нѣтъ-съ! какъ повелъ допросы да распросы, — такъ точно какой становой... Вы бы ужь, Дмитрій Степанычъ, уѣхали отъ грѣха скорѣе. Право, поѣзжайте, я вамъ лошадку спроворю у садовой калитки.

Карсановъ улыбнулся на совѣты старика и сказалъ ему:

— Я пойду къ нему и поговорю съ нимъ.

— Что вы это! Царь мой небесный! что вы! въ испугѣ воскликнулъ Епифанъ и прибавилъ съ ужасомъ: — да онъ теперь страшнѣе лютаго звѣря. Какъ онъ грозится-то на васъ!

Карсановъ пожалъ плечами и пошелъ къ двери, но старикъ заслонилъ ему дорогу и умоляющимъ голосомъ сказалъ:

— Не ходите, батюшка!

— Да страшный ты какой! Ну, что онъ можетъ сдѣлать со мной?

— Какъ что?... да все! отвѣчалъ старикъ самымъ положительнымъ тономъ.

Карсановъ отстранилъ старика отъ двери, но тотъ, ухвативъ его за руку, жалобно проговорилъ:

— Батюшка, Дмитрій Степанычъ, пожалѣйте насъ-то! Вѣдь опять намъ же достанется, какъ онъ осердится. Да и Авдотью-то пожалѣйте: вчера и то ей досталось, а сегодня еще пуще достанется! Нѣмецъ отвелъ на ней свою душеньку, а она хоть бы слово пикнула....

Карсановъ толкнулъ старика, чтобы бѣжать, но въ дверяхъ его остановила Дуняша: она была блѣдна, какъ полотно. Онъ схватилъ ея голову, прижалъ къ своей груди и поцаловалъ ея густые волосы. Слезы навернулись у него на глазахъ, и онъ чуть слышно прошепталъ: «страдалица!»

— Ежели вамъ жаль меня, такъ уѣзжайте скорѣе отсюда, сказала Дуняша тихимъ, умоляющимъ голосомъ.

Карсановъ съ содроганіемъ смотрѣлъ на бѣдную дѣвушку.

— Проси хорошенько: я пойду за лошадью! грубо шепнулъ Дуняшѣ Епифанъ, уходя изъ комнаты.

Увидѣвъ, что Дуняша подверглась барской опалѣ, онъ лишилъ ее своей прежней лакейской учтивости.

— Дуняша, сказалъ Карсановъ съ тяжелымъ вздохомъ: — вы требуете, чтобы я сдѣлалъ низость. Я оставлю васъ безъ защиты, тогда какъ я былъ причиной вашихъ страданій?... Нѣтъ, это невозможно!

И Карсановъ страшно взволновался.

— Дмитрій Степанычъ, вы тутъ ни при чемъ! отвѣчала Дуняша. — Нѣмцу давно хотѣлось этого... ну, онъ и радъ теперь.

Лицо дѣвушки на минуту приняло грозное выраженіе.

— Онъ васъ не любитъ? спросилъ ее Карсановъ.

Дуняша вздыхая отвѣчала на этотъ вопросъ:

— Я его ненавижу!

Карсановъ догадался, въ чемъ дѣло, и пришелъ еще въ большій ужасъ за Дуняшу.

— Вамъ нельзя здѣсь дня оставаться! вскрикнулъ онъ.

— Куда же я дѣнусь? раздирающимъ голосомъ спросила Дуняша.

Карсановъ молчалъ, придумывая средства, чѣмъ бы ей пособить. Но онъ напрасно ломалъ себѣ голову.

— Чѣмъ, чѣмъ мнѣ помочь вамъ? со стономъ обратился Карсановъ къ дѣвушкѣ, потерявшись самъ отъ безвыходности

ея положенія. — Научите меня. Я готовъ все, все для васъ сдѣлать.

Лицо Дуняши озарилось радостной улыбкой; она заплакала и проговорила сквозь слезы:

— Какой вы добрый!

Карсановъ не могъ видѣть ея слезъ; онѣ разрывали его сердце.

— Дуняша, не плачьте! умоляющимъ голосомъ сказалъ онъ, а у самого лились по лицу слезы въ три ручья.—Я буду за васъ хлопотать, какъ пріѣду въ Петербургъ.

Дуняша покачала головой и съ убійственнымъ спокойствіемъ возразила ему.

— Нѣтъ, ужь не надо понапрасну вамъ хлопотать. Коли онъ не взялъ деньги за меня, значитъ мнѣ умереть здѣсь придется!...

— Кто же васъ выкупалъ?

— Да такой же, изъ его гостей.... Вы ужь, Дмитрій Степанычъ, обо мнѣ-то не думайте. Я безъ васъ знаю, какъ сладить съ нѣмцемъ.... Только уѣзжайте сами-то скорѣе.

— Скажите пожалуйста, чего вы боитесь за меня? Я ни за что не поѣду, если только вы думаете, что онъ можетъ быть мнѣ страшенъ.

— Для меня, для меня, Дмитрій Степанычъ, уѣзжайте, торопливо сказала Дуняша, и потомъ продолжала:

— И что вы съ нимъ станете говорить? Онъ и на человѣка-то не похожъ теперь. Вы думаете его устыдить словами? Ахъ, Дмитрій Степанычъ! Да онъ и слушать-то васъ не станетъ; только введете вы въ грѣхъ какой насъ несчастныхъ....

— Чѣмъ же я могу кого въ грѣхъ ввести?

— Да мало ли какое онъ дастъ приказаніе! Можетъ, не всѣ послушаются, — вотъ и будетъ бѣда...

— Вы очень напуганы, Дуняша.

— Нѣтъ, ужь ради Христа уѣзжайте скорѣе, сказала Дуняша и хотѣла опуститься на колѣни, но Карсановъ не допустилъ и взялъ ее за руку.

Въ эту минуту Епифанъ, просунувъ голову въ дверь, сказалъ: «Лошадь готова!» и спрятался. Карсановъ почувствовалъ, какъ Дуняша вздрогнула. Онъ печально произнесъ:

— Если вы только убѣждены, что мой отъѣздъ вамъ необходимъ,—я ѣду. Если же вы боитесь только за меня,—я останусь.

Дуняша съ рыданіемъ вскрикнула «Прощайте!» бросилась къ Карсанову, обхватила руками его шею и крѣпко прижала свою голову къ его груди.

Карсановъ не могъ сказать на прощанье бѣдной дѣвушкѣ ни одного утѣшительнаго слова; какая-то судорога захватывала его горло и онъ чувствовалъ, что ноги у него подкашиваются.

— Богъ дастъ, мы увидимся! едва могъ выговорить Карсановъ, поцаловавъ Дуняшу съ такимъ тяжкимъ ощущеніемъ, какъ будто бы онъ прощался съ покойницей.

— Да, свидимся, — на томъ свѣтѣ, отвѣчала она, рыдая.

— Полноте, Дуняша, вы еще такъ молоды, что о смерти вамъ нечего думать.

— Я смерти не боюсь.

— Очень вѣрю; но зачѣмъ же желать, чтобы она пришла преждевременно? Мало ли что можетъ еще случиться! Все перемѣнится.... Будемъ лучше надѣяться, что свидимся скоро!

По лицу Дуняши видно было, что она не раздѣляетъ надеждъ Карсанова. Однакожь она перестала плакать и съ чувствомъ сказала:

— Дай вамъ Богъ всякаго счастья въ жизни! Вы одни меня пожалѣли, приласкали, какъ мать родная! Я до смерти этого не забуду.

— Что это вы, Дуняша!... Вы лучше старайтесь быть осторожней теперь... Потерпите еще: въ этомъ, правда, ничего нѣтъ утѣшительнаго; но что же дѣлать!

— Все сдѣлаю, что велите, Дмитрій Степанычъ, покорно отвѣчала Дуняша и сама подала ему фуражку.

Карсановъ надѣлъ шинель, торопливо пожалъ руку дѣвушки и скоро пошелъ изъ комнаты.

Дуняша шла за нимъ и говорила.

— Ваши вещи мы пришлемъ въ Сосновку.

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ Карсановъ.

Когда они пришли въ садъ, то увидали у калитки Епифана съ лошадью. Онъ имъ замахалъ рукой, чтобы шли скорѣе. Карсановъ еще разъ пожалъ руку Дуняши и быстро пошелъ къ лошади.

Молодому человѣку было горько и стыдно за свое бѣгство: онъ не могъ себѣ отдать опредѣлительнаго отчета, дѣлаетъ ли онъ благоразумно, что не видѣлся съ Ларіономъ Петровичемъ и повиновался своему сердцу, которое разрывалось въ немъ отъ

состраданія къ несчастной и страха, чтобы не усилить ея страданій.

Епифанъ, подавая поводъ, чмокнулъ Карсанову руку, которой онъ далъ ему деньги.

Молодой человѣкъ порывисто отдернулъ отъ него свою руку съ поводомъ, лошадь рванулась въ сторону и поскакала. Карсановъ повернулъ голову и посылалъ прощальные знаки Дуняшѣ, недвижно стоявшей въ голомъ саду и напоминавшей надгробную статую, среди обнаженныхъ деревьевъ, ветхихъ заборовъ и всей этой печальной обстановки.

Пріѣхавъ въ губернскій городъ, Карсановъ немедленно отправился къ одному дѣловому господину, знавшему его еще мальчикомъ, и разсказалъ ему положеніе бѣдной Дуняши. Дѣловой господинъ очень внимательно и равнодушно выслушалъ молодаго человѣка.

Мрачная исторія, произведшая такое потрясающее впечатлѣніе на Карсанова, не произвела на дѣловаго господина ровно никакого дѣйствія.

— Чего же вы хотите? Я васъ не понимаю, спросилъ дѣлецъ Карсанова, когда тотъ просилъ его совѣта, какъ бы спасти дѣвушку.

Этотъ вопросъ такъ озадачилъ Карсанова, что онъ отъ удивленія онѣмѣлъ.

Дѣловой господинъ сказалъ наставительно.

— Эхъ, жаль мнѣ васъ! Чему же это вы учились въ университетѣ-то?... Какое невѣдѣніе!... Гм.. жаль!... Я помню вашего отца, онъ былъ человѣкъ съ головой.

И дѣловой господинъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на Карсанова, который страшно вспылилъ и рѣзко ему отвѣчалъ:

— Я пришелъ просить у васъ не сожалѣній обо мнѣ, а совѣта, какъ у человѣка свѣдущаго въ такого рода дѣлахъ.

— Я и дамъ вамъ совѣтъ, перебилъ его дѣловой господинъ.— Вы не обижайтесь, я вѣдь васъ мальчикомъ знавалъ! Выслушайте-ка меня такъ же покойно, какъ я васъ слушалъ.... Мой искренній совѣтъ — бросить вамъ навсегда дурную привычку впутываться въ такія дѣла. Думайте о себѣ-то хорошенько! Чай, чинъ-то малый? Ну, намъ съ вами надо служить, мы не дворяне, некому будетъ кормить насъ.... Бросьте, бросьте все! Не дѣло, право не дѣло затѣяли.

— Нѣтъ, я не брошу этого дѣла, рѣшительно отвѣчалъ Карсановъ.

— Я вамъ вотъ что скажу: если вы будете много разговаривать въ городѣ о Ларіонѣ Петровичѣ, то можете нажить себѣ непріятностей. Ларіона Петровича всѣ здѣсь знаютъ. Никого не удивишь разсказами о томъ, что онъ, потѣшникъ, творитъ подъ дурной часъ. Всѣ это знаютъ, да вѣдь всѣ также помнятъ и его хлѣбъ-соль прежнюю. И до сихъ поръ разикъ другой въ году угоститъ,—ну, и не дадутъ его въ обиду.... А ежели онъ точно несправедливъ, такъ вѣдь его накажетъ Богъ; а ужь вамъ тутъ нечего горячиться.

Но Карсановъ, несмотря на эти утѣшительныя убѣжденія, страшно горячился и спорилъ. Однако дѣловой господинъ успѣлъ наконецъ усмирить его, доказавъ ему фактически, что онъ своимъ заступничествомъ только надѣлаетъ вреда дѣвушкѣ. Разумѣется, дѣловой человѣкъ не могъ надивиться долго, изъ чего это Карсановъ такъ убивался, добро бы полюбилась она ему очень, а то и этого нѣтъ, — такъ, изъ одной жалости.

Въ самомъ дѣлѣ, водятся же такіе люди на свѣтѣ! Но это все оттого, что многимъ съ дѣтства легко достаются всѣ познанія житейской премудрости, а другимъ куда какъ тяжко! Карсановъ испытывалъ послѣднее на себѣ, когда побѣжденный дѣловымъ господиномъ, снова ѣхалъ на телегѣ, и его грудь ныла уже не отъ толчковъ телеги, которыхъ онъ и не замѣчалъ теперь, а отъ гнета безвыходной тоски, подавлявшей его разсудокъ, такъ что ему приходило желаніе, проѣзжая по горѣ и черезъ рѣку, броситься внизъ головой. Къ довершенію мрачнаго настроенія духа Карсанова, и на обратномъ пути его встрѣтили тѣ же обыкновенныя картины русской жизни, которыя такъ возмущали его во время недавняго переѣзда изъ Петербурга.

Карсановъ видѣлъ, какъ дюжій обозчикъ рыдалъ, точно ребенокъ, надъ изувѣченными своими лошадьми, лежащими съ возами въ канавѣ.

Лихой курьеръ, везшій значительную особу въ дормезѣ, немогъ простить обозчику, что высокая особа за маленькую остановку сдѣлала выговоръ ему, и за это два воза свалилъ въ канаву....

Впрочемъ скаканье этого дормеза оставляло еще и не такіе слѣды на шоссе. Карсановъ видѣлъ издыхающую лошадь съ переломленной ногой....

Куда спѣшилъ такъ дормезъ, — трудно себѣ объяснить, потому что этотъ же самый дормезъ станціи черезъ двѣ простоялъ часа полтора, пока высокая особа обѣдала и потомъ подремывала на диванѣ, покуривая сигару.

Карсановъ нерадостно подъѣзжалъ къ Петербургу; онъ совершенно былъ боленъ, физически и морально. Даже видъ сѣверной столицы, всегда производящій уныніе въ подъѣзжающемъ къ ней не въ первый разъ, — не усилилъ мрачнаго расположенія Карсанова: такъ велика была тоска его....

Карсановъ по возможности описалъ Аннѣ Ларіоновнѣ весь мракъ и ужасъ жизни Дуняши и Палагеи въ деревнѣ, и умолялъ ее употребить всѣ средства, чтобы скорѣе помочь имъ. Онъ заключилъ свое письмо слѣдующими строками: «я положительно убѣдился, что нахожусь не въ здравомъ разсудкѣ! Возможно ли предполагать, чтобы большинство людей, зная какія страданія терпятъ другіе люди, смотрѣло на это спокойно, какъ будто такъ и должно быть. Отчего же мнѣ такой-то фактъ кажется безчеловѣчнымъ, внѣ всякаго смысла, а для всѣхъ другихъ онъ очень ясенъ и даже забавенъ. Я сумасшедшій! Я погибшій человѣкъ!... Прощайте! Я слагаю съ себя титулъ вашего совѣтчика, данный мнѣ вами, — я не достоинъ носить его! Простите меня, что я осмѣливался вамъ нѣкогда давать наставленія, какъ надо жить въ обществѣ, чего добиваться отъ жизни, чтобъ быть счастливой. Это были бредни фантазера, который самъ не былъ еще знакомъ съ дѣйствительной жизнью. Этотъ несчастный фантазеръ даже осмѣливался думать, что его жизнь будетъ небезполезна для общества въ общемъ трудѣ его членовъ. Сумасшедшій! сумасшедшій!»

Карсановъ искренно сознавалъ себя неспособнымъ сдѣлать что нибудь полезное въ своей жизни. Онъ испробовалъ столько неудачъ и странныхъ разочарованій, ища средствъ помочь бѣднымъ тремъ женщинамъ, съ которыми онъ провелъ свое дѣтство и юность, съ которыми онъ сроднился любящимъ своимъ сердцемъ.... Печальная участь этихъ трехъ женщинъ уяснила ему его ничтожество и разбила въ прахъ всѣ его юношескія фантазіи.

Карсанова постигло еще несчастье: Анна Ларіоновна перестала ему писать. Онъ никакъ не могъ разгадать причины. Но это оттого, что молодой человѣкъ не принадлежалъ къ свѣтскому обществу въ Петербургѣ, не бывалъ даже на Невскомъ,

и потому не зналъ никакихъ свѣтскихъ городскихъ новостей, наполняющихъ пустоту свѣтской жизни.

Въ клубахъ, въ театрѣ, въ салонахъ и салончикахъ, даже на Невскомъ — только и говорили, что о скоромъ замужствѣ Анны Ларіоновны и о ея женихѣ, Скобницкомъ.

А Карсановъ ничего не зналъ, сидя цѣлые дни за работой, въ своей квартирѣ, въ той части города, гдѣ лица жителей дѣлаются веселѣе, когда такса на говядину понижается.

Впрочемъ никто не находилъ ничего необыкновеннаго въ этой свадьбѣ, а говорили о ней потому, что невѣста была модной полусвѣтской красавицей. Надо сознаться, что свѣтское общество въ Петербургѣ всѣмъ одинаково интересуется, — какъ свадьбой какой нибудь красивой барышни, такъ и дорогимъ приданымъ невской лоретки. Цѣлыми толпами посѣщаютъ магазинъ, гдѣ выставлено это приданое напоказъ.

Разумѣется, свѣтскія дамы стараются прикрывать свое завистливое любопытство величавымъ презрѣніемъ къ этого рода женщинамъ. Но кого онѣ обманутъ? Развѣ лоретки, танцовщицы и французскія актрисы не знаютъ, что ими интересуются свѣтскія дамы потому, что ихъ мужья, братья и возлюбленные бываютъ связаны съ ними самыми неразрывными узами. Очень часто случается, что фея, выдѣлывающая антрша на сценѣ, имѣетъ полное право гордиться тѣмъ, что въ ея жилахъ течетъ чистая кровь старинной важной фамиліи. А хоть бы, напримѣръ, неприступная графиня Пыжницкая, сидящая въ ложѣ и съ презрѣніемъ лорнирующая эту фею, не имѣетъ никакого права гордиться своимъ родомъ! Будь еще это тайной для общества, все бы ничего. Но ничуть не бывало: это знаетъ и фея, выдѣлывающая антрша, знаетъ и сама гордая дама, знаетъ даже и публика, которая хоть сколько нибудь вращается въ свѣтскомъ кругу. И какое значеніе имѣетъ для нихъ это обстоятельство!...

Пышная свадьба Скобницкаго не могла назваться особенно веселою. Величавый женихъ дѣлалъ надъ собой страшныя усилія, чтобы скрыть свое негодованіе на блѣдную, дрожащую невѣсту, стоявшую съ потупленными глазами. Анна Ларіоновна въ минуту вѣнчанія почувствовала стыдъ и досаду на себя за то, что она позволила съ собой сдѣлать. Внутренній голосъ и прежде возставалъ въ ней противъ замужства съ Скобницкимъ; но она заглушала этотъ голосъ разными доводами житейской разсчетливости, которая съ невѣроятной быстротой проникаетъ

въ душу человѣка, попавшаго въ свѣтское общество, какія бы прекрасныя начала ни таились въ его душѣ. Но когда ей надо было съ такой торжественностью подтвердить публично ложь, которая на всю жизнь связывала ее съ нелюбимымъ человѣкомъ, — испугъ и стыдъ до того охватилъ сердце еще неразвращенной дѣвушки, что она вдругъ какъ бы обезумѣла. Ей казалось, что всѣ смотрятъ на нее съ презрѣніемъ, а будущій ея мужъ съ отвращеніемъ, какъ на женщину, продавшую себя за деньги. Дикая мысль блеснула въ помрачившейся головѣ невесты: убѣжать изъ церкви. Она оглянулась назадъ и содрогнулась: сплошная масса зрителей загородила ей дорогу, а впереди стоялъ священникъ и держалъ ее уже за руку.

Абрютина еще никогда не испытывала такого волненія изъ-за своей племянницы, какъ теперь: она угадывала ея мысль и ея страданія, даже разгадала, что значилъ поворотъ ея головы назадъ и содроганіе во всемъ тѣлѣ.

Абрютина нашла благоразумнымъ оставить невѣсту на произволъ судьбы, чтобы своимъ совѣтомъ не вызвать въ ней какой нибудь неприличной выходки. Она ограничилась тѣмъ, что очень громко замѣтила Рудзевичъ:

— Я говорила Анетъ, что она не вынесетъ такого узкаго платья. Хотѣлось блеснуть своей таліей.

— Какъ же это вы ей дозволили? Она можетъ упасть въ обморокъ, отвѣчала весело Рудзевичъ, наслаждаясь усиліями Абрютиной скрыть свое безпокойство.

— Да я, вы знаете, не умѣю ее заставлять меня слушаться. Сама виновата, — очень избаловала ее.... Господи! пошли ей счастья въ новой жизни! набожно прибавила Абрютина и стала усердно молиться.

Еще было въ церкви лицо, которое очень взволновалось блѣдностью невѣсты. Это графиня Пыжницкая, укутанная въ непроницаемый вуаль и скрывавшаяся въ темномъ углу церкви, но стоявшая на стулѣ, чтобы лучше видѣть свадьбу. Она съ радостнымъ трепетомъ ждала, что невѣста упадетъ въ обморокъ и произведетъ скандалъ, — и гнѣвно посматривала на клиросъ, гдѣ, какъ она знала, былъ скрытъ ея супругъ съ биноклемъ въ рукахъ, чтобы лучше видѣть Анну Ларіоновну. Онъ потомъ говорилъ своимъ сверстникамъ по лѣтамъ и службѣ, и собратамъ по разврату, что блѣдная Анна Ларіоновна ему казалась еще прелестнѣе и напоминала одну изъ мадоннъ Рафаэля.

Самолюбіе жениха испытывало страшную пытку: всѣ ясно могли видѣть, какъ нерадостно смотрѣла невѣста на свое супружество. Если бы Скобницкій очутился въ эту минуту наединѣ съ Анной Ларіоновной, то онъ звѣрски отомстилъ бы ей за ея неумѣнье владѣть собой. Жениху и въ голову не приходило утѣшиться хоть тѣмъ, что если она не любитъ его, то въ ней есть по крайней мѣрѣ стыдъ и совѣсть, которая ручается ему въ вѣрности ея супружеской жизни. Впрочемъ Скобницкій и не искалъ семейнаго счастья: ему нужна была красивая жена, чтобы ею тщеславиться и извлекать выгоды для своей чиновнической ненасытной карьеры. Для него важнѣе всего было найдти въ будущей своей женѣ умѣнье лицемѣрить изящно и тонко, достойно высшаго круга. Когда окончился обрядъ и губы жениха коснулись до блѣдной щеки невѣсты, — всѣ могли опять замѣтить, какъ она вздрогнула и отшатнулась отъ него.

Кусая губы отъ бѣшенства, женихъ принималъ поздравленія гостей съ улыбкой, а невѣста стояла въ какомъ-то оцѣпенѣніи, точно она была глухонѣмая. Впрочемъ за нее улыбались и тараторили Рудзевичъ и Абрютина, и очень скоро повели ее домой.

Когда невѣста вернулась изъ церкви, то въ ея лицѣ произошла престранная перемѣна: оно выражало нервическое раздраженіе: краснѣло, блѣднѣло, глаза блестѣли и губы судорожно улыбались.

Рудзевичъ не утерпѣла, чтобы не кольнуть Абрютину, уже успокоившуюся, такъ какъ все благополучно окончилось.

— Вы замѣтили, Лизавета Игнатьевна, какъ вдругъ измѣнилась невѣста? Не обидѣлъ ли ее чѣмъ женихъ, когда они ѣхали домой? У ней просто нервная лихорадка; надо какъ нибудь предупредить, чтобы не было истерики. Изъ этого Богъ знаетъ что могутъ сочинить.

— Ахъ, Евгенія Марковна, какая вы добрая и какое принимаете родственное участіе во мнѣ! Благодарю васъ, но что же мнѣ дѣлать? Вы знаете, какъ я нравственно воспитала Анюту; очень понятно, что она встревожилась, что должна будетъ сегодня оставить мой домъ и ѣхать къ мужу. Все таки онъ—мужчина прежде всего. Развѣ мы съ вами не такъ же трусили въ этотъ день? Мои дочери.... да и я сама ни за что не хотѣла оставаться одна съ мужемъ. Я плакала, цаловала руки у моей матери, которая была почти святая женщина.... я вамъ скажу:

какая бы была нравственность въ молодой дѣвушкѣ, если бы она не боялась остаться въ первый разъ съ мужемъ вдвоемъ! Развѣ ужь старая и погибшая какая нибудь дѣвица.

Рудзевичъ улыбаясь, но съ злобою въ душѣ слушала колкости Абрютиной, знавшей, что она вышла замужъ пожилой дѣвицей и имѣла до свадьбы можетъ не одну интригу. Она сказала на это Абрютиной самымъ покойнымъ тономъ:

— Разумѣется, Боже насъ сохрани, чтобы благовоспитанныя дѣвицы дошли до такой безнравственности, чтобъ имъ былъ нипочемъ этакой день въ ихъ жизни. Да тогда на чемъ же опиралась бы вся женская добродѣтель, вѣрность мужьямъ нашимъ? Вы, какъ истинная христіанка и добродѣтельная женщина, знаете, какъ важна для мужа вѣрность жены. Я не могу вамъ выразить какое презрѣніе заслуживаютъ тѣ безнравственныя женщины, которыя позорнымъ образомъ попираютъ свою клятву, данную ими предъ алтаремъ въ супружеской вѣрности....

Вотъ, гдѣ проявляется высокое значеніе свѣтскаго образованія, которымъ гордятся люди, составляющіе опору незыблемой общественной нравственности. Хвала, хвала тебѣ свѣтское приличіе! Ты укрощаешь человѣка и дѣлаешь изъ него какое-то чудо смиренія и кротости къ самымъ жестокимъ обидамъ. Имѣй такой разговоръ дамы не свѣтскія — какой бы скандалъ могъ выйдти! А свѣтскія и нравственныя дамы прелюбезно разстались другъ съ другомъ, какъ будто высказали другъ другу самыя нѣжныя чувства, — и, встрѣтясь снова, такъ же радушно протянутъ другъ другу руки, какъ и прежде!...

ГЛАВА XII.

Недѣли черезъ двѣ послѣ свадьбы Скобницкаго, въ его только-что парадно отдѣланной квартирѣ происходила слѣдующая сцена. Два лакея, наглой наружности, съ развязными манерами, въ штиблетахъ, стояли въ передней у вѣшалки и глумились надъ поношенной шинелью. Лакей помоложе, переворачивая шинель двумя пальцами и съ гримасой на лицѣ, говорилъ:

— Эка гадость! Страмъ на вѣшалку повѣсить. Чуть не стошнило, какъ я снялъ съ него шинель.

— Вольно же было снимать! отвѣчалъ ему другой лакей, гораздо старѣе и гораздо нагльѣе на лицо, и продолжалъ поучительно: — сейчасъ видно, что живалъ въ такихъ домахъ, что зачастую шлялись такіе гости. Нѣтъ, завсегда эту шушеру самихъ заставляю и снимать, и надѣвать свое тряпье.

— Смотрите-ка, Егоръ Петровичъ, — заплата! радостно вскрикнулъ молодой лакей и, проворно вытащивъ перочинный ножикъ изъ кармана своего жилета, сдѣлалъ большую прорѣху на крѣпкомъ мѣстѣ и расхохотался надъ своимъ изобрѣтеніемъ.

— Пусть-ка его лакей еще положитъ заплатку, проговорилъ онъ со смѣхомъ.

Пожилой лакей, важно усѣвшись на рѣзной стулъ и растопыривъ ноги, обутыя въ башмаки, съ презрѣніемъ замѣтилъ:

— Есть ли еще у него, на что нанять-то лакея?... Настоящаго барина сейчасъ видно, только взглянетъ.... А этотъ взошелъ, точно воръ какой, и говоритъ: «доложите». Ну, что это за баринъ? Просто какой нибудь учителишка либо чиновничишка.

— Ужь какой вы дока, право, Егоръ Петровичъ, съ умиленіемъ замѣтилъ пожилому лакею его собратъ.

— Будешь и ты дока, какъ поживешь съ мое!

— Ну, а скажите же, Егоръ Петровичъ, зачѣмъ же нашей-то было выскочить къ нему въ залу да такъ обрадоваться?

— Блажь!... А можетъ — и сама-то изъ такихъ же.

— Ай, что вы? Она изъ дворянокъ!

— Эка штука!... Изъ дворянокъ!... Кабы сказалъ — изъ графскихъ, а то изъ дворянокъ!... Ахъ ты, простофиля!... Да къ нашему-то барину ходятъ чиновники-дворяне, а онъ ихъ иной разъ такъ облаетъ, что не лучше насъ съ тобой. А иной ждетъ, ждетъ его, мается по передней, просто смѣхъ смотрѣть.... Вѣдь знаешь, что баринъ лежитъ-себѣ на диванѣ, да ногти точитъ, а говоришь: занятъ, нельзя.... Ну, вотъ тебѣ и дворянинъ.... чиновникъ!...

— А можетъ у ней много крѣпостныхъ есть?

— Очень много! Чай одна своя душа!

— Вы-то почемъ знаете, Егоръ Петровичъ?

— Я-то?... да я всю подноготную знаю про нее, съ гордостью произнесъ лакей и, зѣвнувъ, прибавилъ небрежно: — не проведутъ.... А не ладно у нихъ!

— Что вы? съ удивленіемъ воскликнулъ лакей и подсѣлъ къ своему старшему товарищу.

— Думаютъ, ужь у насъ и глазъ нѣтъ? продолжалъ пожилой лакей. — Какъ же!... Не видали мы молодыхъ! Не глядятъ другъ на друга, учтивостью-то да французскимъ языкомъ насъ не проведешь! Все видимъ!...

— Марья Кириловна говоритъ, что ея барыня все плачетъ у себя въ комнатѣ, замѣтилъ молодой лакей.

Егоръ Петровичъ грубо ему отвѣчалъ:

— Что мнѣ твоя Марья Кириловна! Я три года живу при баринѣ-то и получше всѣхъ васъ знаю, когда онъ въ духѣ бываетъ, а когда нѣтъ.

— А что, очень сердитъ сталъ?

— Тебя въ рыло бы ужь не одинъ разъ съѣздилъ!... Извѣстно, не доводишь его, держишь ухо востро!... За это время, какъ женился, точно звѣрь сталъ! Что намялъ рубашекъ вчера, послѣ того, какъ, помнишь, за столомъ они много такъ говорили Вишь воротнички дурно накрахмалены! Да, воротнички! Воротнички виноваты! лукаво проговорилъ Егоръ Петровичъ, язвительно улыбаясь при послѣднихъ словахъ.

— Вотъ тебѣ и молодые ... А какъ же это, Егоръ Петровичъ, за что же онъ сердится на барыню?

— Извѣстно, оплошалъ, надули: сулили, можетъ, чортъ знаетъ чего, а какъ обвѣнчался и показали кукишъ.

Молодой лакей было засмѣялся, но Егоръ Петровичъ строго крикнулъ на него:

— Ну, что зубы-то скалишь.

— А вѣдь она у насъ все таки красавица? замѣтилъ молодой лакей.

— Эка невидаль, красавица! Мало что ли красавицъ ходитъ по Петербургу-то.... Бывало ихъ — и у насъ.... Ему надо было жену-барыню, да денегъ!

— Что же, Егоръ Петровичъ, на нее тоже нельзя, кажись, пожаловаться; барыня добрая.

— Что ты видалъ, дуракъ! Да вотъ посмотри, — какъ баринъ узнаетъ, что такая шваль сидитъ у него въ гостиной, такъ что онъ надѣлаетъ.... Вотъ ужь рубашкамъ-то достанется: всѣ воротнички будутъ у него дурно накрахмалены.

— Егоръ Петровичъ такъ подмигнулъ при этихъ словахъ, что молодой лакей залился смѣхомъ.

Егоръ Петровичъ погрозилъ ему кулакомъ и сердито сказалъ:

— Въ конюшнѣ, что ли, ты сидишь? Услышитъ баринъ, что ты такъ орешь, такъ онъ тебя взашей изъ дому. Да и мнѣ-то будетъ нахлобучка, что я такого лакеншку рекомендовалъ.

Молодой лакей испугался и принялъ такую же позу, какъ Егоръ Петровичъ и снова принялись они разсуждать о своихъ молодыхъ господахъ, позѣвывая и потягиваясь отъ томившей ихъ праздности.

— Шинель, надъ которой такъ глумились лакеи, принадлежала Карсанову, явившемуся къ Аннѣ Ларіоновнѣ по ея просьбѣ.

Карсановъ, какъ ни старался свыкнуться съ страшной для него мыслью, что Анна Ларіоновна можетъ не сегодня такъ завтра, выдти замужъ, если не за Скобницкаго, такъ за кого нибудь другаго, но когда получилъ отъ молодой записку, въ которой она приглашала его къ себѣ, то онъ точно такъ же былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, какъ будто бы ему сказали о бѣдствіи самомъ невѣроятномъ и никогда не приходившемъ ему въ голову.

Первые порывы его отчаянія были почти истерическіе. Впрочемъ онъ все еще не могъ поправиться хорошенько послѣ своей поѣздки въ деревню и чувствовалъ страшное раздраженіе нервовъ и какое-то общее ослабленіе силъ, и физическое, и нравственное; лѣчиться онъ не хотѣлъ, да и не было у него на лѣченье ни времени, ни денегъ, онъ много потратился, по своимъ средствамъ, для поѣздки въ деревню, да кромѣ этого еще послалъ денегъ Пелагеѣ и Дуняшѣ, питая тайную надежду, что онѣ съумѣютъ какъ нибудь бѣжать въ Петербургъ. Для вознагражденія своихъ издержекъ Карсановъ усиленно работалъ, что тоже разстроивало его нервы. Разумѣется, Карсановъ рѣшился не видать Анны Ларіоновны, и если возможно уѣхать даже изъ Петербурга; но кончилъ тѣмъ, какъ видите, что сидѣлъ въ роскошной гостиной, въ квартирѣ Скобницкихъ.

Въ первую минуту своей встрѣчи съ Анной Ларіоновной, Карсановъ такъ обрадовался, что забылъ все, — и гдѣ онъ сидитъ, и откуда явился онъ къ ней, и даже то, что она уже замужемъ. Но когда онъ очнулся и вспомнился, то ему прежде всего бросилось въ глаза то, что Анна Ларіоновна вовсе не по-

хожа на молодую, по грустному выраженію ея лица. При этомъ открытіи онъ не могъ не ощутить какого-то радостнаго чувства въ своемъ истерзанномъ сердцѣ, хотя оно и было преисполнено желаніемъ полнаго счастья любимой имъ женщинѣ.... Личный эгоизмъ, противъ его воли, вкрался въ его душу. Онъ не смѣлъ ее разспрашивать о ея положеніи, потому что она просила его не касаться этого предмета, а обѣщала все разсказать подробно современемъ. Впрочемъ напрасно молодая не хотѣла говорить о своемъ новомъ положеніи: она совершенно безсознательно высказывала его, бесѣдуя съ Карсановымъ о прошлои ихъ жизни.

Какое теплое состраданіе почувствовалъ Карсановъ къ бѣдной женщинѣ, убѣдясь, что ни дурное воспитаніе, ни всѣ старанія Абрютиной развратить ее, не могли заглушить въ ней природные инстинкты и исказить чистоту ея сердца!... Карсановъ не могъ обвинять Анну Ларіоновну за ея замужство. Вспоминая свои безплодныя попытки, свои неудавшіеся планы, онъ не могъ не сознать, что если онъ долженъ былъ покоряться разнаго рода обстоятельствамъ, противорѣчившимъ его убѣжденіямъ, то тѣмъ менѣе имѣлъ онъ право требовать отъ молоденькой, неопытной дѣвушки твердости характера въ борьбѣ съ полными властелинами ея судьбы.... И все-таки, несмотря на ясность здраваго сознанія, — тоскливая зависть кипѣла въ его душѣ отъ мысли, что предложи онъ ей не нищенскую свою любовь, а такія же матеріальныя удобства: ковры, бронзы и проч., онъ могъ бы купить себѣ счастье, какъ купилъ его ея мужъ. «Да, участь европейской бѣдной женщины такъ же продажна, какъ и въ Турціи», невольно подумалъ Карсановъ....

Послѣ долгой разлуки бесѣда старыхъ друзей шла очень живо, и очень понятно, что они не обращали вниманія на время, такъ что Скобницкій, вернувшись со службы къ обѣду, нашелъ свою молодую супругу въ обществѣ незнакомаго ему гостя.

Заслышавъ шаги своего мужа, хозяйка дома дѣтски испугалась. Карсановъ догадался, чьи шаги приближаются къ нимъ, и не менѣе ея смутился. Онъ безсознательно вскочилъ, чтобы уйти, но Анна Ларіоновна торопливо произнесла: «это мой мужъ», и удержавъ за руку Карсанова, прибавила:

— Надо же вамъ съ нимъ познакомиться!

И она довольно спокойно отрекомендовала гостя своему супругу, вошедшему въ гостиную съ очень непривѣтливымъ выраженіемъ въ лицѣ.

Скобницкій много слышалъ о Карсановѣ отъ своей невѣсты и зналъ, что она намѣрена была его принимать, какъ роднаго своего брата. Однако это не заставило Скобницкаго полюбезнѣе обойтись съ Карсановымъ: онъ ему протянулъ только два пальца, когда гость, не владѣя собою, въ волненіи, протянулъ ему первый свою дрожащую руку и отнялъ ее быстро, едва прикоснувшись къ пальцамъ своего соперника.

Кровь прилила къ головѣ Карсанова, лицо его пылало, голосъ былъ слабъ и не твердъ, когда Скобницкій заговорилъ съ нимъ съ убійственной ироніей, осматривая его съ ногъ до головы.

Желая ободрить молодаго человѣка, Анна Ларіоновна старалась вмѣшиваться въ разговоръ своего супруга и страшно страдала за своего гостя.

Карсановъ самъ сознавалъ свое неловкое положеніе и, негодуя на себя, давалъ еще болѣе пищи для насмѣшки Скобницкому. Величавый чиновникъ разговаривалъ съ нимъ, съ той уничтожающей свѣтской улыбкой, которая убиваетъ наповалъ людей, благоговѣющихъ передъ величіемъ свѣтскости. Но Карсановъ не имѣлъ понятія о высшей свѣтскости и о всевозможныхъ притязаніяхъ на нее. Подобнаго рода стремленій онъ и не подозрѣвалъ въ сколько нибудь умномъ человѣкѣ. И потому когда онъ пришелъ нѣсколько въ себя и пытливо взглянулъ на Скобницкаго, то уничтожающую свѣтскую его улыбочку принялъ за очень смѣшную гримасу, а всѣ его развязныя свѣтскія позы и движенія за неприличное кривлянье, которое показалось ему жалкимъ и отвратительнымъ....

Но еще болѣе, чѣмъ ломаньемъ Скобницкаго, возмутился Карсановъ чахлымъ чиновническимъ либерализмомъ его, немедленно проскользнувшимъ въ разговорѣ. Думая совершенно уничтожить молодаго человѣка въ глазахъ жены, Скобницкій хотѣлъ блеснуть передъ нимъ своими современными идеями, своимъ европейскимъ образованіемъ и завелъ либеральный разговоръ, не замѣчая самъ, что въ немъ высказывается только его чиновническое чванство и отсталость.

Карсановъ забылъ о своемъ смущеніи и смѣло сталъ спорить съ Скобницкимъ, при чемъ тотчасъ же успѣлъ неумышленно,

но чувствительно уязвить напыщенное самолюбіе либеральнаго генерала. Разговоръ принялъ непріязненный тонъ.

Скобницкій немедленно постарался принять свойственную ему начальническую, уничтожающую въ прахъ осанку и съ презрительнымъ величіемъ сказалъ Карсанову:

— Извините меня за откровенность; но вашъ образъ мыслей слишкомъ одностороненъ. Рубить съ плеча вѣковые обычаи это нелѣпость. Надо глубоко изучить матеріальныя средства страны, степень развитія массы, и главное — потребности образованнаго класса, для того, чтобы имѣть смѣлость предлагать измѣненія въ существующемъ порядкѣ. Да и при введеніи даже самыхъ необходимыхъ реформъ, нужно прежде всего заботиться о томъ, чтобы не нарушить административный механизмъ, безъ котораго, какъ вамъ должно быть извѣстно, не можетъ существовать государство. Если вы изучали исторію, то знаете, что это доказано многими опытами.

— И вы меня тоже извините за откровенность, отвѣчалъ Карсановъ. — Но я не считаю особенно нужнымъ дорожить неприкосновенностью такого административнаго механизма, который на каждомъ шагу оказывается недостаточнымъ, испорченнымъ, вреднымъ для того самаго дѣла, которому онъ долженъ бы служить по своему назначенію. Я не считаю справедливымъ, для охраненія гнилой бюрократической мечты, заставлять большинство людей страдать отъ нищеты и голода и доводить ихъ до самаго жалкаго разврата. Не понимаю я и того, какія же особенныя предосторожности нужно брать, замѣняя вѣковые предразсудки здравыми человѣческими понятіями. По моему, это все пустыя отговорки, придуманныя тѣмъ, кому сладко ѣстся и пьется на свѣтѣ.

— Я вижу, что вы на все смотрите съ пролетарской точки.

— Я надѣюсь, что она человѣчнѣе всякой другой точки зрѣнія.

— Напрасно надѣетесь. Вы начитались фразистыхъ брошюрокъ, недавно шумѣвшихъ между мальчишками. Но знаете ли вы, что въ Европѣ теперь ученые и умные люди смѣются надъ всѣми этими бреднями?

— Мало ли какіе ученые и умные люди есть на свѣтѣ! Иные не стыдятся доказывать пользу большой смертности въ бѣдномъ классѣ народа, потому что она, уменьшая густоту потребляю-

щаго населенія, способствуетъ развитію богатства частныхъ лицъ, имѣющихъ благодѣтельное вліяніе на искусства, образованность, торговлю, и такъ дальше....

— Я долженъ вамъ сказать, что смотрю на государство съ объективной точки и считаю смѣшнымъ дѣлать его богадѣльной. Мало развѣ Франція и Англія искореняли нищету въ низшихъ классахъ? Всѣ филантропическія мѣры только еще сильнѣе развили тупеядство и нищету.

— Потому что были приняты не коренныя мѣры для уничтоженія этого чудовища.

— Такъ по вашему нужно для необразованной массы жертвовать всеобщимъ благосостояніемъ? Но согласитесь сами, что это нелѣпо! Это все дѣтская болтовня, въ которой не отдаютъ себѣ отчета даже тѣ, кто говоритъ подобныя вещи. Они хотятъ только польстить массѣ, пріобрѣсти популярность.

— Согласитесь однако, что это очень безкорыстная лесть. За эту лесть люди терпятъ горе и преслѣдованія, умираютъ съ голоду внѣ своего отечества....

— Потому что они ни на что негодны своему отечеству, съ своими мальчишескими фантазіями.

— Повѣрьте, что хотя бы и дѣтская, но честная фантазія людей, одушевленныхъ любовью къ добру и къ своимъ несчастнымъ собратьямъ, можетъ оказаться гораздо полезнѣе для отечества, нежели разсчетливое благородство и корыстный патріотизмъ какого нибудь чиновнаго либерала, съ запальчивостью отвѣтилъ Карсановъ.

Скобницкій грозно взглянулъ на него и, ни слова не сказавъ, вышелъ изъ комнаты, съ побѣлѣвшими губами отъ злобы. Онъ принялъ послѣднія слова Карсанова на свой счетъ.

Анна Ларіоновна съ упрекомъ посмотрѣла на Карсанова. Онъ стоялъ передъ ней съ понуренной головой, потомъ грустно взглянулъ на нее и произнесъ машинально:

— Вы несчастливы?

Она пугливо посмотрѣла на Карсанова, зарыдала и, быстро вставъ, ушла въ свою спальную, махнувъ ему, чтобы онъ уходилъ.

Лакеи не пошевельнулись на своихъ рѣзныхъ стульяхъ при входѣ Карсанова въ переднюю, и только перемигнулись между собой. Карсановъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія; на-

дѣлъ самъ свою шинель и, идя по улицѣ въ мрачномъ раздумьи, мысленно все твердилъ: «за что же она загубила свою жизнь?»

Не успѣлъ еще Карсановъ сойти съ лѣстницы отъ молодыхъ, какъ они опять сошлись въ той же самой гостиной; оба были блѣдны и взволнованны.

— Вы желаете говорить со мной, спросила Анна Ларіоновна своего супруга, въ волненіи расхаживавшаго по комнатѣ.

— Я хотѣлъ васъ предупредить, что вашему знакомому, другу дѣтства, я велѣлъ отказывать отъ моего и вашего имени.

Анна Ларіоновна вся вспыхнула, сѣла на диванъ и молчала.

— Потомъ я долженъ васъ также предупредить, что я вовсе не намѣренъ играть унизительную роль, которую вы хотите навязать мнѣ.

Анна Ларіоновна съ упрекомъ подняла свои глаза на мужа; никогда еще онъ не былъ такъ противенъ.

Бѣшенство исказило лицо Скобницкаго, и въ эту минуту вся гадость и грубость его натуры рѣзко выразилась въ его физіономіи.

— Для чего вы желали меня видѣть? Чтобы повторить всѣ ваши упреки мнѣ? гордо спросила Анна Ларіоновна. — Вы меня ужь и такъ довольно оскорбляли ими съ той минуты, какъ я сдѣлалась вашей женой.... Чего вы хотите отъ меня?.. Притворства? Я притворяюсь на сколько могу!

— Очень неискусно! такъ что я сегодня разгадалъ цѣль вашего поведенія. Вы очень ошибетесь, если будете думать, что я дозволю вамъ меня дурачить. Вы не желали выходить за нищаго и искали себѣ богатаго мужа; теперь, найдя его, вы хотите возобновить свои будто бы дружескія отношенія.

Анна Ларіоновна вспыхнула отъ негодованія, услышавъ отъ своего супруга такія оскорбительныя и такъ цинически высказанныя предположенія. Она не въ силахъ была отвѣчать ему и хотѣла скорѣе уйдти, чтобы избѣжать тяжелой сцены, но онъ загородилъ ей дорогу и задыхаясь сказалъ:

— Нѣтъ, вы все, все выслушаете; я не намѣренъ болѣе возвращаться къ подобнымъ объясненіямъ съ вами. Они унижаютъ меня.

Анна Ларіоновна съ мучительной тоской оглядѣлась кругомъ, какъ бы ища защиты. Но бѣглый взоръ, брошенный во-

кругъ себя, только убѣдилъ ее въ ея совершенномъ безсиліи и безпомощности. Она умоляющимъ голосомъ сказала мужу:

— Пустите меня, я не въ силахъ васъ слушать въ сію минуту.

— Должны! крикнулъ Скобницкій.

Анна Ларіоновна зарыдала, но эти слезы, проливаемыя беззащитнымъ существомъ, не могли тронуть Скобницкаго.

— Нельзя ли безъ слезныхъ сценъ? крикнулъ онъ: — меня онѣ не растрогаютъ.

— Господи! Чего вы хотите отъ меня? отчаяннымъ голосомъ вдругъ воскликнула Анна Ларіоновна.

— Я требую отъ васъ, чего я въ правѣ требовать.... Вы добровольно вышли за меня замужъ?

Анна Ларіоновна отвѣчала не вдругъ.

— Но я васъ не обманывала: не увѣряла, что люблю васъ!

— Это забавно! Какая уловка! дерзко замѣтилъ Скобницкій.

Анна Ларіоновна грозно на него посмотрѣла.

— Вы можете чувствовать ко мнѣ, что вамъ угодно: я буду совершенно равнодушенъ къ этому. Но я требую отъ васъ сохраненія приличій, чтобы я не былъ сказкой для города. Я знать не хочу, что у васъ на душѣ горе, мечтанія о возлюбленномъ; вы должны быть веселы, чтобы не указывали на меня пальцами и не сожалѣли о моей глупости! Я съ своей стороны буду вамъ доставлять всѣ удобства жизни, какъ женщинѣ, носящей мое имя. Мнѣ кажется, я требую слишкомъ мало отъ васъ, какъ отъ своей жены.

— Послѣ сегодняшней сцены, твердымъ голосомъ начала Анна Ларіоновна: — намъ гораздо лучше будетъ разъѣхаться! Я никогда не забуду оскорбленій, которыя вы мнѣ сдѣлали.

Скобницкій насильственно засмѣялся, воскликнувъ:

— Вотъ отличное предложеніе. Сегодня даютъ мнѣ согласіе выдти за меня замужъ, а завтра я долженъ быть героемъ скандальной исторіи въ городѣ! Нѣтъ-съ, этого никогда не будетъ! никогда!

— Я приму на себя всю вину, вы не будете ни въ чемъ виноваты.

— Я не хочу скандалу въ городѣ.... понимаете? скандалу!

— Неужели для васъ будетъ лучше жить съ женщиной, которая васъ ненавидитъ?

— Если вы имѣете наклонности Ляфаржъ, то я приму свои мѣры.

— Дѣлайте, что хотите, въ отчаяніи отвѣчала Анна Ларіоновна: — но я не стану притворяться всю жизнь изъ-за вашихъ глупыхъ приличій. Я васъ предупреждаю, что не буду скрывать своихъ чувствъ къ вамъ ни передъ кѣмъ!... Лучше вамъ принять мое предложеніе и разъѣхаться со мной.

Анна Ларіоновна говорила это въ какомъ-то лихорадочномъ жару, въ ея сверкающихъ глазахъ было столько рѣшимости, что Скобницкій оторопѣлъ; онъ никакъ не ожидалъ найдти въ свѣтской барышнѣ столько энергіи.

Разумѣется, гдѣ было бы Аннѣ Ларіоновнѣ взять безразсудной энергіи, если бы ей дали вполнѣ свѣтское воспитаніе съ дѣтства! Но къ несчастью, она выросла дикаркой въ деревнѣ и слишкомъ поздно попала въ добрыя руки своей тетушки. Вотъ почему и оказалась она такой непослушной, безнравственной и злобной.

Если бы Анна Ларіоновна не заплакала послѣ своей реплики, Скобницкій, можетъ быть, даже смягчился бы, испугавшись нежданнаго отпора. Но ея слезы напомнили ему, что предъ нимъ все-таки слабая женщина, ничтожная передъ властью мужчины! Поэтому онъ, совершенно овладѣвъ собой, съ ироническою учтивостью отвѣчалъ ей:

— Вы высказали мнѣ свое послѣднее рѣшеніе; позвольте и мнѣ сказать вамъ мое. Я считаю всякую образованную женщину не въ здравомъ разсудкѣ, когда она нарушаетъ приличіе свѣта и подвергаетъ своего мужа скандалу. Если вы приступите къ своему рѣшенію, я сдѣлаю то, что сдѣлалъ недавно одинъ извѣстный вамъ мужъ съ своей женой! Помните, вы еще такъ горячо негодовали на тирана мужа... Но что же прикажете дѣлать? Иногда мужья поневолѣ должны являться «тиранами», по вашему выраженію, когда ихъ жены забываютъ свои клятвы, честь и приличіе.

И Скобницкій, торжествуя, вышелъ изъ комнаты, повидимому очень довольный изобразившимся на лицѣ жены чувствомъ оцѣпенѣлаго ужаса.

Аннѣ Ларіоновнѣ было отъ чего ужаснуться: исторія, о которой упомянулъ Скобницкій, была ей хорошо извѣстна. Это была исторія одного чиновника и свѣтскаго господина, который

выдалъ свою жену за сумасшедшую и отправилъ ее на житье къ нѣмцу доктору, въ какой-то германскій городокъ. Надо еще прибавить, что несчастная была изъ высшаго круга, имѣла много родственниковъ, огромное состояніе. Никто не защитилъ ее, когда ее силою тащили изъ собственнаго ея богатаго дома и разлучали съ дѣтьми. Въ обществѣ всѣ сожалѣли мужа, хотя знали очень хорошо жестокій характеръ его, жадность къ деньгамъ и связь въ домѣ съ француженкой, гувернанткой дѣтей. Никто изъ родныхъ, боясь хлопотъ и скандала, не захотѣлъ вступиться за бѣдную женщину, никто не потребовалъ отъ энергическаго супруга отчета въ его самоуправствѣ, никто не призналъ звѣрскимъ и дикимъ его распоряженіе, по которому незнакомый нѣмецъ, увезя несчастную женщину, могъ дѣлать съ ней, что хотѣлъ. Она такъ была богата, что могла бы сотни тысячъ пожертвовать для своего излѣченія, а супругъ платилъ нѣмцу-тюремщику всего три тысячи.

Общественное мнѣніе, надо сознаться, очень сонливо; оно проспало и этотъ возмущающій душу, звѣрскій и наглый случай, какъ и множество ему подобныхъ. Поговорили въ городѣ объ этомъ очень мало, гораздо болѣе говорили въ это время о карликѣ и великанѣ, пріѣхавшихъ въ Петербургъ. Супругъ всюду показывался въ обществѣ и въ публикѣ, но никто даже не указывалъ на него пальцемъ; онъ былъ важенъ, богатъ и на деньги, которыми завладѣлъ отъ жены, умѣлъ закупить себѣ расположеніе свѣтскаго общества.

Какого же сострадания и защиты могла себѣ ожидать Анна Ларіоновна отъ родныхъ и общества, въ которомъ жила? Разумѣется никакого!... Она это сознавала и ея отчаяніе было безпредѣльно. Ей казалось, что она уже точно помѣшалась.... Впрочемъ будущность такъ мало сулила ей радости, что немного бы она потеряла, если бы и въ самомъ дѣлѣ сошла съ ума въ эту минуту.... Анна Ларіоновна невольно вспомнила жизнь своей несчастной тетки, исповѣдь которой она читала передъ своимъ отъѣздомъ въ Петербургъ. Ей тогда казалось дикимъ то время, въ которое могли такъ тиранить беззащитную женщину. Тогда она думала, что давно уже миновала возможность подобныхъ фактовъ. Теперь, напротивъ, она находила, что угнетеніе приняло только другія формы, болѣе утонченныя, но за то и болѣе крѣпкія, сильнѣе сдавливающія....

Тетушка ея могла хоть въ лѣсу укрыться; а куда скроется она отъ этого звѣрства, прикрытаго приличіями и лицемѣрствомъ?...

ГЛАВА XIII.

Прошло три мѣсяца послѣ свиданія Карсанова съ Анной Ларіоновной. Былъ конецъ апрѣля и Петербургъ наслаждался однимъ изъ самыхъ лучшихъ весеннихъ дней своихъ: солнце палило, а въ тѣни холодный вѣтеръ оледенялъ человѣка; пыль, въ родѣ метелицы, крутилась по улицамъ и засыпала глаза; всѣ рѣчки и каналы уже въ пятый разъ несли на своихъ мутныхъ струяхъ глыбы неопрятныхъ льдинъ, явившихся съ самыхъ дикихъ мѣстъ и смотрѣвшихъ совершенными провинціалами на столичные берега съ великолѣпными домами....

Извѣстно, что петербургская свѣтская публика, любящая зимою музыку, — до масляницы легкую, а съ поста серьёзную, — около святой проникается всегда любовью къ природѣ, и потому жадно пользуется восхитительными апрѣльскими днями для прогулокъ въ Лѣтнемъ саду, въ которомъ въ это время еще не оттаяла земля и нѣтъ ни малѣйшаго признака зелени.... Движеніе въ саду начинается съ полудня, но самая аристократическая публика и самые яростные подражатели ея изъ полусвѣтскаго общества — прогуливаются обыкновенно около пяти часовъ, когда жаръ нѣсколько спадетъ....

Въ описанный нами прелестный день нарядная толпа также прохаживалась, съ обычной величавостью и суровостью, по главной аллеѣ Лѣтняго сада. Между гулявшими былъ и Скобницкій подъ руку съ Анной Ларіоновной. Она обращала всеобщее вниманіе высшей публики, которая, не церемонясь, лорнируетъ полусвѣтскихъ красавицъ и вслухъ дѣлаетъ свои замѣчанія. Въ этотъ день Анна Ларіоновна могла выдержать самую взыскательную критику, какъ по туалету, такъ и по одушевленному выраженію своего лица. Посреди апатичныхъ и зеленоватыхъ красавицъ Петербурга, оно поражало своимъ яркимъ румянцемъ, блескомъ своихъ глазъ, въ которыхъ искрилась какая-то внутренняя сила, и своей живою улыбкой, то гордою, то насмѣшливою....

Скобницкій былъ вполнѣ доволенъ, что могъ наконецъ показать публикѣ свое семейное счастіе, и оттого былъ величавъ и важенъ болѣе, чѣмъ когда нибудь.

Анна Ларіоновна послѣ угрозъ своего мужа нѣсколько дней была нездорова; но когда оправилась, то поразила его своею покорностью. Впрочемъ онъ все еще не былъ доволенъ, потому что Анна Ларіоновна пренебрегала своимъ туалетомъ, впадала въ странную задумчивость въ обществѣ, иногда какъ-то грозно посматривала на мужа. Онъ, вмѣстѣ съ Абрютиной, время отъ времени повторялъ легкія увѣщанія женѣ, и въ послѣднее время она какъ бы переродилась: съ охотой всюду ѣздила съ мужемъ, наряжалась, даже мило кокетничала, и тѣмъ привлекала къ себѣ толпы поклонниковъ. Смотря на нее, Скобницкій окончательно убѣдился, что восточный взглядъ на женщину необходимъ: если она съ дѣтства не была воспитана, какъ покорная одалиска, и строго не выдержана въ свѣтскомъ отношеніи, то приходится трудиться надъ нею въ зрѣломъ возрастѣ. А безъ этого никакъ не обойдешься....

Радуясь перерожденію Анны Ларіоновны, Скобницкій уже мечталъ, что скоро для него наступитъ и медовой мѣсяцъ, котораго ему не пришлось испытать послѣ своей свадьбы.

Абрютина тоже была довольна своей племянницей въ послѣднее время, потому что она терпѣливо выслушивала ея нравственныя наставленія и не возражала на нихъ мрачными взглядами и дикими выходками. А Абрютина въ своихъ наставленіяхъ проповѣдывала очень полезныя вещи для молодой свѣтской женщины: какъ надо ей заботиться о своей репутаціи; какія для этого нужно принять мѣры; какъ необходимо молодой женщинѣ найти преданнаго, почтенныхъ лѣтъ, но сильнаго друга, интимность съ которымъ никогда не унижаетъ, а напротивъ возвышаетъ молодую женщину въ свѣтѣ. «Многія женщины думаютъ, — поучала Абрютина, — будто надо жить пока молоды; но это все нелѣпо; жить человѣкъ всегда хочетъ, а съ лѣтами еще сильнѣе, и потому гораздо легче съ молоду жертвовать чѣмъ нибудь для будущихъ благъ, нежели начать хлопотать тогда, когда надо думать, какъ бы пожить веселѣе. И женщина въ лѣтахъ, при своей опытности, гораздо лучше наслаждается жизнью, чѣмъ тѣ, кто вздумаетъ начать жить въ своей молодости.» Наставленія свои Абрютина не разъ заключала фразой: «Звѣрь—и тотъ заготовляетъ себѣ кормъ на зиму

или спокойное лежанье; какъ же человѣку не заботиться о своемъ будущемъ?»

Генеральша Рудзевичъ съ своей стороны также была въ послѣднее время довольна Анной Ларіоновной.

Почтенная факторша почти прямо выразила Аннѣ Ларіоновнѣ желаніе графа Пыжницкаго имѣть ее своей любовницей.

— Вы такъ хороши собой, Анетъ, говорила она: — что вамъ надо пользоваться вашей красотой. Вы можете увѣрить другихъ, но меня не увѣрите, что любите своего властелина. Нѣтъ, я знаю, какъ ваша тетушка заставила васъ принять его предложеніе. Она нарочно заставляла своихъ уродливыхъ дочекъ васъ оскорблять, чтобы вы, бѣдненькая, скорѣе рѣшились дать слово вашему мужу. Она нарочно увѣряла васъ, что будетъ жить съ ними: знала что этимъ всего скорѣе заставитъ васъ бѣжать изъ ея дома.... Ну, да объ этомъ нечего говорить! А вотъ вы теперь только не оплошайте. Въ вашихъ рукахъ теперь сдѣлаться главой въ домѣ. Только скажите слово!... Вы, можетъ, боитесь, что могутъ узнать? Какой вздоръ! Да я вамъ могу указать тысячу дамъ, которыя имѣютъ свиданія, интриги, а ихъ мужья, родные и не подозрѣваютъ. Я васъ увѣряю, что только та женщина теряетъ свою репутацію въ свѣтѣ, которая очень глупа или неопытна. Ну, скажите, кто бы могъ узнать что вы видѣлись хоть бы положимъ съ графомъ, если бы пріѣхали ко мнѣ? Вашъ жиншажъ и человѣкъ ждутъ васъ, а вы чрезъ мои комнаты и другой ходъ уѣдете, пріѣдете назадъ. Да даже и этого не надо: просто будете сидѣть у меня. Кто же можетъ узнать? Вы были у меня!... Я вамъ скажу откровенно: я прожила свою молодость очень печально, и потому я готова помогать всегда молодой женщинѣ, чтобы она весело пожила на свѣтѣ. А какъ вамъ будутъ завидовать ваши кузины, когда вашъ мужъ будетъ повышаться и вы будете имѣть право выѣзжать на самые высшіе балы! Вы затьмите всѣхъ, и Богъ-знаетъ, какъ вы высоко станете....

Рудзевичъ приняла молчаніе и краску на лицѣ молодой своей слушательницы за знакъ согласія и радостно сообщила графу, что онъ можетъ надѣяться на скорое свиданіе съ упрямой красавицей.

Графъ Пыжницкій, затянутый, разрумяненный и раскрашенный, также гулялъ въ Лѣтнемъ саду и нашелъ въ этотъ день Анну Ларіоновну очаровательнѣе, чѣмъ когда нибудь; она

въ первый разъ посмотрѣла на него пристально и съ улыбкой. Впрочемъ она точно также улыбнулась и сторожу при выходѣ изъ сада, когда садилась въ экипажъ, а онъ снялъ фуражку, что дѣлалъ только передъ военными генералами и блестящими экипажами.

Въ этотъ самый день, около двѣнадцати часовъ ночи, Абрютина находилась въ дальней комнатѣ своего дома, гдѣ стояли одни сундуки и шкафы, въ которыхъ хранилось безчисленное множество разныхъ сортовъ товару шелковаго, полотнянаго, кружевъ, батисту и проч. Абрютина сидѣла у раскрытаго сундука съ шелковыми матеріями, а передъ ней стоялъ на корточкахъ жидъ контрабандистъ и отсчитывалъ дрожащей рукой золотые, кладя ихъ на кусокъ матеріи, лежавшій на колѣняхъ Абрютиной. По выступившему поту и краскѣ на лицѣ жида, видно было, какъ трудно имѣть денежныя дѣла съ-нравственной дамой.

Но вдругъ раздался стукъ въ дверь и нарушилъ эту живую картину.

Абрютина проворно подошла къ запертой двери, недоумѣвая, что бы могъ значить этотъ стукъ, такъ какъ никто не смѣлъ тревожить ея бесѣдъ съ жидомъ, и ея продолжительныхъ молитвъ въ молельной, гдѣ у ней хранились разные драгоцѣнности и ломбардные билеты.

Отворяя дверь, Абрютина уже готовилась грозно спросить свою горничную-шпіонку: какъ она смѣла стучаться; но та поспѣшно сказала:

— Евграфъ Семенычъ пріѣхали-съ и желаютъ васъ сейчасъ же видѣть!

Абрютина очень удивилась такому позднему посѣщенію своего родственника, дала приказаніе жиду идти въ комнату горничной, заперла свое хранилище на ключъ и со свѣчей въ рукѣ отправилась въ гостиную. Проходя амфиладу темныхъ своихъ парадныхъ комнатъ, она старалась разгадать, что значилъ этотъ поздній визитъ? и была поражена, увидавъ въ гостиной сидящаго въ креслахъ Скобницкаго. Абрютина остановилась въ дверяхъ и не вѣрила своимъ глазамъ, точно ли это онъ сидитъ? Она въ первый разъ видѣла, что его голова, всегда такъ гордо закинутая назадъ, теперь была понурена къ груди, которая тоже не имѣла теперь обычной, выпуклой готовности принимать

звѣзды и ленты, а какъ-то опала отъ согнувшагося корпуса; самый взглядъ его былъ лишенъ всякаго величія, и выражалъ тупое отчаяніе; блѣдность лица и губъ была поразительна!

Абрютина, не замѣченная имъ, подошла къ столу, поставила свѣчу почти у его лица и тревожно спросила:

— Что случилось?

Скобницкій поднялъ голову, мутно посмотрѣлъ на нее, и дикимъ голосомъ проговорилъ;

— Я убитъ! я осрамленъ! Гдѣ моя жена? Я думалъ она у васъ сидитъ, а она убѣжала!...

Абрютина вся передернулась; но мгновенно представила себѣ, что Анна Ларіоновна отправилась къ Рудзевичъ, на свиданіе съ графомъ.... «Но какъ же это она такъ неосторожно!» подумала нравственная дама. — «Вѣдь вотъ что значитъ неопытность и недовѣріе къ старшимъ: не хотѣла мнѣ сказаться, и надѣлала суматохи!»

— Она тотчасъ послѣ обѣда поѣхала отъ меня, отвѣчала Абрютина довольно спокойно.

— Да куда поѣхала? вскрикнулъ злобно Скобницкій. — Она экипажъ и человѣка отпустила домой, какъ пріѣхала къ вамъ, и сказала, что пріѣдетъ домой въ вашемъ экипажѣ.... Я пріѣхалъ часовъ въ 11 домой, ждалъ, ждалъ, и послалъ за ней экипажъ, — какъ вдругъ.... мнѣ говорятъ, что ея нѣтъ у васъ, что вы уже ложитесь спать. Я пріѣзжаю самъ, разспрашиваю лакеевъ, никто не знаетъ гдѣ она, и когда ушла....

Скобницкій дрожалъ и задыхался отъ разсказа.

Абрютина выслушала его съ напряженнымъ вниманіемъ и не могла-таки не кольнуть своего родственника.

— Отчего же вы думаете, что она бѣжала? Можетъ она пошла пѣшкомъ отъ меня.

— Къ кому? одна?... Нѣтъ, она ушла, она вѣрно давно задумала свое бѣгство! съ яростью произнесъ онъ.

Абрютина, глядя на него, думала: «глупъ однако же! Каково Анюта провела его!»

— Надо послать къ Рудзевичъ, насмѣшливо отвѣчала она: не у ней ли Анетъ?

— Да нѣтъ ея тамъ, и не была! воскликнулъ Скобницкій съ такимъ отчаяніемъ, что испугалъ даже Абрютину. — Гдѣ то-

перь ее искать? Я долженъ врываться въ дома и спрашивать «не здѣсь ли моя жена?» Обыски дѣлать съ полиціей прикажете, продолжалъ онъ кричать.

Онъ успѣлъ высвободиться отъ перваго впечатлѣнія, и отъ безсильнаго горя перешелъ къ шумному гнѣву.

— Вы оскорбили ее чѣмъ нибудь? спросила Абрютина, все еще въ недоумѣніи.

Скобницкій съ презрѣніемъ и дерзко ей отвѣчалъ:

— Я иногда долженъ былъ выказывать себя строгимъ къ ея неприличнымъ выходкамъ, происходившимъ отъ ея дурнаго воспитанія.

— А, я вижу, вы поступали съ ней безчеловѣчно! обидясь замѣтила Абрютина.

Скобницкій весь задрожалъ и неистово крикнулъ:

— Нѣтъ! это вы безчеловѣчно поступили со мной!... Вы спѣшили выгоднѣе сбыть съ рукъ свою полу-помѣшанную племянницу. Вы знали ея характеръ? Вы скрыли все! Это обманъ!... Это безчеловѣчно!...

Скобницкій не помнилъ себя отъ бѣшенства; онъ кричалъ и стоялъ съ сжатыми кулаками.

Абрютина повѣрила наконецъ, что племянница точно ушла отъ мужа, и увидѣла, что дѣло плохо. Но, разумѣется, ей прежде всего нужно было оградить себя. Поэтому она сочла необходимымъ захныкать, и произнести пискливо: — Господи! помогите!... защитите меня.... онъ убьетъ!

Скобницкій скоро очнулся и сталъ быстро ходить по комнатѣ, какъ бы желая быстрымъ движеніемъ утишить свое бѣшенство. Какъ ни былъ онъ убитъ горемъ и взбѣшенъ, однако умѣлъ во время вспомнить, что Абрютина не то, что его жена, что она найдетъ себѣ защиту отъ его оскорбленій, и что, сверхъ того, въ его положеніи очень важны дружескія отношенія съ нравственною тетушкой. Онъ понималъ, что если она будетъ на его сторонѣ, то не трудно будетъ имъ оградить себя, отдавши на общій позоръ Анну Ларіоновну.

Абрютина продолжала хныкать такъ гадко и неестественно, какъ всхлипываютъ только французскія актрисы въ мелодрамахъ, и какъ, я думаю, плакали баснословные крокодилы, когда заманивали ребенка поближе къ своему жилищу.

— Надѣюсь, вы извините мою горячность? подходя къ Абрютиной, натянуто-кроткимъ голосомъ началъ Скобницкій, видя очень хорошо, что она вовсе не испугалась его, а только желала его самого припугнуть своими притворными слезами: — я потерялся отъ отчаянія! Вы сами посудите, — что она сдѣлала съ нами? Она насъ одурачила позорнымъ образомъ! я сегодня, какъ дуракъ, ходилъ съ ней въ публикѣ. Представьте же себѣ, что завтра заговорятъ въ городѣ.... какъ я покажусь въ обществѣ? Лучше бы она, злодѣйка, всю жизнь меня дурачила, только бы не такое позорное мщеніе выбрала!

И Скобницкій въ изнеможеніи упалъ въ кресла и рвалъ на себѣ галстукъ, какъ бы боясь задохнуться отъ волненія.

— Ахъ, Евграфъ Семенычъ! А я то, развѣ также не убита?.. Развѣ мнѣ легко будетъ сносить всѣ пересуды людей?... Ахъ неблагодарная! что ты надѣлала съ своей теткой? воскликнула Абрютина слезнымъ голосомъ, взводя глаза къ потолку.—Богъ тебя накажетъ за это, неблагодарная! Ты не пощадила добраго имени своей благодѣтельницы, которое ничѣмъ въ жизни не было запятнано! И вытеревъ глаза, она прибавила въ раздумьи: — Можетъ быть, она опомнится, что надѣлала! И куда ей дѣваться?

— Если она вернется не теперь домой, а завтра, то я васъ долженъ предупредить, что выгоню ее вонъ изъ своего дома, встрепенувшись, воскликнулъ съ яростью Скобницкій.

Абрютина гнѣвно посмотрѣла на него и, позабывъ объ угнетенномъ своемъ положеніи, съ выразительной миной ему отвѣчала:

— Я вамъ не совѣтую этого дѣлать!

— Это почему? Неужели меня можетъ кто нибудь обвинить въ жестокости, послѣ того, что она сдѣлала со мной?

— Не время теперь раздумывать о наказаніи, надо лучше намъ заботиться, какъ бы ее найти, да затушить скандалъ... Вы никакого письма не нашли у ней въ комнатѣ?

Скобницкій покачалъ головой.

Абрютина озабоченно его спросила:

— Не замѣчали ли вы, что она оказывала особенное вниманіе кому изъ мужчинъ?

— Нѣтъ!

— Ахъ, не бывалъ ли у васъ ея знакомый по деревнѣ?

— Всего былъ разъ, вскорѣ послѣ нашей свадьбы.

— Не получала ли она отъ него писемъ?

— О, нѣтъ! Я навѣрно знаю, что она ни съ кѣмъ не переписывалась!

Абрютина пожала плечами и сказала, какъ бы разсуждая сама съ собой:

— Она слишкомъ была спокойна, чтобы наложить на себя руку; это невозможно! Значитъ, она просто скрывается въ Петербургѣ. Надо намъ принять скорѣе мѣры, чтобы отыскать ее.

— Какъ? научите меня! Я ровно ничего немогу самъ сообразить! опять впавъ въ тупое отчаяніе спросилъ Скобницкій.

— Да вы лучше идите-ка домой, да успокойтесь; я всѣмъ распоряжусь. Только бы намъ напасть на ея слѣдъ! Надо пока сохранить все въ тайнѣ отъ вашихъ людей! мои не посмѣютъ слова пикнуть: они знаютъ, какъ я строго накажу ихъ.... Ну, а у васъ все вольные.... Вы пришлите разныя вещи ея сюда, будто она у меня осталась ночевать, будьте попокойнѣе наружно, будто мои люди переврали все, встревожась моей внезапной болѣзнью.

Скобницкій съ чувствомъ благодарности поцаловалъ руку у женщины, которую въ душѣ глубоко ненавидѣлъ, но которая при его горестномъ положеніи была ему необходима.

— Христосъ съ вами! крестя Скобницкаго съ лицемѣрной набожностью, сказала Абрютина, не забывавшая лицемѣрить и ханжить даже въ самыхъ затруднительныхъ случаяхъ своей жизни.

— Если же она вернется домой, то вы пришлите спросить о моемъ здоровьи. А если я нападу на ея слѣдъ, то пришлю вамъ сказать, что мнѣ очень плохо и я желаю васъ видѣть.... Прощайте! будьте бодрѣе.... Надо съ христіанскимъ смиреніемъ принимать испытаніе, Евграфъ Семенычъ. Все намъ зачтется въ той жизни.... Берите хоть съ слабой женщины примѣръ. Я, видите, покорно несу свой тяжелый крестъ.

Такого рода фразами утѣшала Абрютина отчаяннаго супруга.

Слабая женщина, какъ назвала себя сама Абрютина, оказалась такой находчивой и грозной при допросахъ всей своей прислуги, что ей позавидовалъ бы самый знаменитый сыщикъ. Но все-таки никто не могъ сказать, когда и какъ ушла ея племянница

изъ дому; надо было предполагать, что по маленькой лѣстницѣ, которая была въ корридорѣ верхнихъ комнатъ, гдѣ прежде жила Анна Ларіоновна. Эта лѣстница была всегда на ключѣ; она выходила на улицу.

Когда Абрютина освидѣтельствовала эту дверь, то оказалось, что пыль и паутина были потревожены на ней.

Всю ночь Абрютина была въ хлопотахъ. Поутру она принимала своего покровителя, какъ слабая женщина убитая горемъ и позоромъ, цаловала у него руки, чтобы онъ помогъ ей отыскать племянницу. А черезъ часъ послѣ визита покровителя она твердымъ голосомъ передавала подробно о бѣгствѣ племянницы изъ ея дома, и описывала примѣты ея наружности, господину, записывавшему всѣ ея слова....

Ложась спать Абрютина питала надежду, что Анну Ларіоновну успѣютъ отыскать и никто въ городѣ не узнаетъ о ея бѣгствѣ.

Но она ошиблась: въ то же утро генеральша Рудзевичъ съѣздила къ графинѣ, и потомъ экипажъ Евгеніи Марковны цѣлый день рыскалъ по городу.

Къ вечеру почти всѣ свѣтскіе жители Петербурга уже знали о бѣгствѣ полусвѣтской красавицы и сгарали отъ нетерпѣнія узнать, кто ею избранъ въ любовники. Ни одинъ человѣкъ въ цѣломъ городѣ не воображалъ, конечно, чтобы женщина могла бѣжать отъ своего мужа только потому, что была имъ глубоко оскорблена.

Нравственныя дамы, подобныя графинѣ Пыжницкой, были благородно возмущены безнравственностью Анны Ларіоновны. Впрочемъ многіе мужчины не менѣе нравственныхъ дамъ оскорблялись ея скандальнымъ поведеніемъ.

Надо было удивляться, какъ свѣтское петербургское общество, вѣчно апатичное къ самымъ важнымъ общественнымъ вопросамъ, вдругъ прониклось благороднымъ негодованіемъ къ нарушительницѣ общественной нравственности и заклеймило ее своимъ презрѣніемъ и отверженіемъ изъ своего круга.

Въ городѣ самая черная клевета на счетъ репутаціи бѣдной красавицы росла такъ же быстро, какъ во время наводненія вода разливалась по улицамъ Петербурга. Даже кучера и лакеи принадлежащіе къ свѣтскому кругу, черезъ своихъ господъ, —

и тѣ прибавляли свои клеветы на несчастную женщину и ругались надъ нею.

Скобницкій и Абрютина, какъ дѣйствующія лица въ скандальной исторіи, узнали только тогда, что имъ нечего уже таить свой позоръ, — когда ихъ ношли осаждать визитами добрые знакомые, жаждущіе узнать что нибудь новенькое объ убѣжавшей красавицѣ.

Абрютина принимала гостей въ постели, какъ добродѣтельная женщина, сраженная такимъ незаслуженнымъ испытаніемъ въ своей благочестивой жизни. Она съ христіанскимъ смиреніемъ всѣмъ повторяла, — что «похоронила» свою племянницу, потому что не допустить такую безнравственную женщину переступить порогъ своего дома.

Скобницкій же никого не видалъ и никуда не показывался. Только черезъ Рудзевичъ, почти силою ворвавшуюся къ нему, онъ узналъ, что графъ Пыжницкій желаетъ его видѣть. Такая честь въ тяжкія минуты чиновнаго свѣтскаго человѣка всегда отрадно дѣйствуетъ на душу, и опозоренный мужъ не замедлилъ явиться къ бывшему претенденту на его жену. Соперники свидѣлись, имѣли о чемъ-то серьёзный и продолжительный разговоръ, и съ этихъ поръ между ними начались очень частыя, но таинственныя сношенія.

Рудзевичъ между прочими своими клеветами на Анну Ларіоновну распустила слухи, что она обокрала своего мужа и что тотъ изъ деликатности скрываетъ это, но что графъ Пыжницкій принялъ въ немъ участіе, и безнравственную женщину, для отысканія которой приняты уже графомъ всѣ мѣры, будутъ судить судомъ.

Въ Петербургѣ, неизвѣстно откуда, разнесся еще слухъ, что Анну Ларіоновну похитилъ агентъ турецкаго султана, въ гаремѣ котораго не доставало только русской красавицы для полнаго комплекта женщинъ всѣхъ племенъ земнаго шара. Разумѣется, этой баснѣ могли повѣрить только жители Петербургской и Выборгской стороны, воображеніе которыхъ было ужь очень запугано грабительствами и убійствами въ ихъ темныхъ улицахъ. Но нельзя не замѣтить, что сплетня Выборгской стороны была въ своей наивности все-таки несравненно гуманнѣе, нежели умные толки свѣтскаго общества.

ГЛАВА XIV.

У одной изъ станцій на шоссе къ прусской границѣ стояла легкая, закрытая коляска и въ нее запрягали почтовыхъ лошадей.

Ночь была темная, тихая и очень теплая; воздухъ былъ пропитанъ сочнымъ запахомъ березовыхъ почекъ и влажнымъ паромъ земли: весенній дождикъ зрѣлъ въ тихой и теплой апрѣльской ночи.

— Ну, шевелись скорѣе, Антипка, говорилъ мужской голосъ у коляски: — ишь, какая добрая барыня, на водку дала, чтобы скорѣй запрягали, а ты тамъ возишься съ своимъ армякомъ. Поцелъ на козлы.

— Скорехонько повеземъ! успокоительно отвѣчалъ ему другой мужской голосъ.

— Еще бы ты, дуралей, не везъ бы скорехонько такую барыню. Чай не всякій дастъ такія на-водки яицкимъ?... Ну, съ Богомъ! Ну-у-у!

Коляска быстро помчалась по шоссе, и стукомъ колесъ, и топотомъ лошадей нарушала глубокую ночную тишину.

Окно въ коляскѣ опустилось и раздался женскій свѣжій и веселый голосъ внутри экипажа.

— Какая теплая ночь, какъ пахнетъ березками. Завтра вы сорвите мнѣ вѣтку березы: я сохраню ее, какъ память о моей родинѣ.

Въ послѣднихъ словахъ женскій голосъ изъ веселаго тона перешелъ въ грустный.

— Вамъ, кажется, становится жаль оставить родину? спросилъ мужской голосъ. Но не очень горюйте о ней! Вспомните, что въ ней для васъ не нашлось угла, гдѣ бы вы могли спокойно преклонить голову, не нашлось ни одной души, которая бы васъ защитила!... И что вы оставляете въ ней? Есть ли кто нибудь у васъ на родинѣ, кто бы пожалѣлъ о васъ?

Читатель, конечно уже догадался, кто такіе были путешественники, такимъ образомъ разговаривавшіе между собой. Вѣроятно, нѣтъ надобности объяснять и того, зачѣмъ Анна Ларіоновна съ Карсановымъ очутились на дорогѣ къ прусской границѣ. Будемъ лучше слушать ихъ дальнѣйшій разговоръ.

Анна Ларіоновна съ жаромъ говорила Карсанову:

— Я ни одной минуты не тосковала, что скоро навсегда разстанусь съ этими людьми, которые меня мучили, унижали, и старались погубить совершенно.... напротивъ, чѣмъ я дальше отъѣзжаю отъ нихъ, тѣмъ мнѣ становится веселѣе. Я чувствую тоску и страхъ, когда коляска хоть на минуту остановится, и дѣлаюсь покойна только тогда, когда мы опять ѣдемъ скоро. Мнѣ тогда все думается: вотъ я и еще дальше, и еще дальше отъ нихъ!!.. Иногда я сама себѣ не вѣрю, что я разорвала всѣ связи мои съ родными, съ обществомъ. Я сама не знаю, какъ это мнѣ пришла мысль бѣжать. Впрочемъ я такъ желала отомстить ему, да и всѣмъ имъ, что это желаніе придало мнѣ и силъ и умѣнья. Но все таки я удивляюсь, какъ я могла ихъ перехитрить?

— Не перехитрили вы ихъ, а ваша смѣлая рѣшимость восторжествовала надъ ихъ низкими, мелочными разсчетами. Могло ли имъ придти въ голову, что вы не испугаетесь ни бѣдности, ни одиночества, — чтобъ только доказать свое отвращеніе къ ихъ разврату, роскоши и позорнымъ разсчетамъ! Я самъ ужаснулся вашихъ плановъ, когда вы мнѣ ихъ сообщили и просили моего участія. Конечно, вы не думаете, что я испугался за себя? Но мужчины родились съ убѣжденіемъ, что женщины неспособны глубоко чувствовать оскорбленіе и сильно стремиться къ независимости.... Поэтому мы всегда сомнѣваемся, чтобъ у женщины, даже самой энергической, достало силы, для исполненія задуманнаго ею смѣлаго плана. Признаюсь, что, исполнля всѣ ваши приказанія, я вовсе не питалъ надежды, чтобы вамъ удалось все такъ хорошо устроить, какъ вышло на дѣлѣ. Я даже не вѣрилъ своимъ глазамъ, когда мы помчались по улицамъ Петербурга въ каретѣ. Я только тогда убѣдился, что это не сонъ, когда мы проѣхали заставу, и вы радостно вскрикнули: «Неужели я свободна!»

— Да, мы тогда походили на сумасшедшихъ, замѣтила Анна Ларіоновна.

И точно, молодые люди имѣли такой видъ, когда проѣхали заставу. До той минуты они сидѣли неподвижно, блѣдные, боясь даже дышать свободно. Анна Ларіоновна, проѣхавъ заставу вскрикнула: «я свободна!» и съ рыданіемъ бросилась обнять своего друга и помощника, какъ она дѣвочкой обнимала его,

встрѣчаясь съ нимъ по его возвращенiи въ деревню на каникулы. Они плакали и смѣялись въ одно и тоже время. Въ ихъ лицахъ столько было счастья, гордости, силы, что, смотря на нихъ въ эту минуту, трудно было бы представить то печальное, убитое выраженiе, съ какимъ они ѣхали за полчаса передъ тѣмъ....

Для Карсанова эти минуты счастья такъ были велики, что онъ забылъ все свое прежнее горе, и радъ былъ бы еще столько же выстрадать, чтобы только продлить эти минуты. Онъ вовсе не думалъ въ эту минуту о взаимности къ себѣ со стороны Анны Ларіоновны; нѣтъ, онъ былъ счастливъ, гордъ, что наконецъ-то ему удалось хоть что нибудь полезное сдѣлать для любимаго существа. Онъ весь былъ переполненъ радостью за нее, за то, что она наконецъ вырвалась отъ этихъ людей. Для себя же чего ему было еще желать теперь? Онъ постоянно имѣлъ передъ глазами любимую женщину, могъ наблюдать за каждымъ ея движенiемъ, за ея сномъ и пробужденьемъ; могъ заботливо укутывать ее шалью и поддерживать подушку, чтобы покойнѣе было лежать ея красивой головкѣ. Карсановъ испытывалъ даже особенное наслажденiе, когда Анна Ларіоновна, проголодавшись, съ аппетитомъ кушала что нибудь изъ приготовленнаго имъ запаса разныхъ съѣдомыхъ вещей и благодарила его за заботливость о ней. Ночь и день онъ одинъ былъ съ ней; ихъ сердца бились теперь однимъ и тѣмъ же чувствомъ, — одна и та же забота занимала ихъ воображенiе....

Анна Ларіоновна продолжала говорить.

— Когда я вспомню, какъ въ послѣдній день, гуляя по Лѣтнему саду, я была смѣла и наружно-покойна, то я удивляюсь самой себѣ.... Смотря на меня, никто, конечно, не могъ вообразить, что я замышляю въ этотъ день бѣжать изъ Петербурга, и что черезъ нѣсколько часовъ я буду сказкой для всѣхъ въ городѣ. Я воображаю, что говорятъ теперь про меня? Но что мнѣ теперь всѣ ихъ толки?

— Дай Богъ, чтобъ никто не догадался о нашихъ планахъ, замѣтилъ Карсановъ и прибавилъ съ тяжелымъ вздохомъ: — А намъ предстоитъ еще трудная вещь въ нашемъ предпріятiи. Только когда мы переберемся за границу, тогда только мы съ полной увѣренностью можемъ воскликнуть: мы свободны!

— А скажите мнѣ откровенно, вамъ не жаль разстаться съ Россiею.

— Нѣтъ! нерѣшительно отвѣчалъ Карсановъ.

— Можетъ, вамъ жаль кого-нибудь изъ друзей вашихъ?

— Немногихъ очень жаль. Но я, все равно, ихъ не видалъ бы. Обыкновенно мы, бѣдные люди, проводимъ вмѣстѣ нѣсколько лѣтъ нашей юности и молодости, а потомъ вдругъ, по окончаніи курса въ университетѣ, точно послѣ кораблекрушенія, насъ всѣхъ разбросаетъ по всей Россіи. Поди, жди, когда судьба сведетъ опять вмѣстѣ! А многихъ жизнь такъ обезобразитъ, что, право, и охоты нѣтъ встрѣтиться.

— Переписываться можно.

— Да, можно описывать разныя пошлости.... Ну, да на это нужно время и большое терпѣніе....

— Значитъ, я покойна: вы жертвъ никакихъ не должны были мнѣ дѣлать, соглашаясь на мои планы?

— На этотъ счетъ вы можете быть покойны: я не меньше вашего обрадуюсь, увидя васъ на чужой землѣ.

— Меня пугаетъ одно: какое вы себѣ найдете тамъ занятіе?

— Мало ли какія есть работы!...

— Но нельзя же считать за работу — мостить улицы?

— А хоть бы и разбивать щебень! весело отвѣчалъ Карсановъ.

— Нѣтъ, сохрани Боже: я измучусь отъ мысли, что это все я виновата.

— Я съ такимъ веселымъ лицомъ буду разбивать щебень, что вамъ не придетъ въ голову никакой грустной мысли.... Нѣтъ, я вполнѣ буду счастливъ, когда увижу васъ внѣ всякой опасности. Одно меня только тревожитъ: если мнѣ придется васъ однѣхъ переправить....

— Нѣтъ, я безъ васъ не поѣду, пугливо сказала Анна Ларіоновна.

— На время, если не будетъ мнѣ никакихъ средствъ перебраться.... надо въ вашемъ положеніи быть твердой. Я самъ боюсь этого больше всего; но нельзя же вамъ подвергать себя опасности и ждать меня. Только умоляю васъ; въ случаѣ нашей временной разлуки, будьте осторожны, недовѣрчивы къ людямъ. Вы такъ молоды, красивы и одиноки, что на васъ невольно будутъ всѣ обращать вниманіе. Спѣшите въ Парижъ, живите

самымъ скромнымъ образомъ. Нѣтъ, лучше живите въ Германіи пишите мнѣ отъ лица мужчины.

— Ахъ, не пугайте меня, съ досадою выговорила Анна Ларіоновна.

— Хорошо, хорошо, я не буду васъ болѣе мучить.

— Этимъ разговоромъ вы нагнали на меня тоску. Я готова плакать теперь.

— Ну, полноте, что за слезы? Намъ съ вами стыдно падать духомъ отъ пустяковъ, когда еще остается устроить важное дѣло. Завтра, можетъ быть, въ это время, мы съ вами скажемъ радостно: Мы свобо....

Карсановъ не договорилъ фразы отъ пугливаго восклицанія Анны Ларіоновны: «скачутъ!»

Съ секунду въ коляскѣ была тишина. Карсановъ весело сказалъ:

— Однако вы трусиха. Мало ли скачетъ людей по шоссе.

— Слушайте, какъ страшно скачутъ, снова произнесла Анна Ларіоновна въ волненіи, и высунулась изъ окна.

Карсановъ тоже смотрѣлъ изъ своего окна въ темную даль, въ которой все явственнѣе и явственнѣе слышалось скаканье лошадей и стукъ телеги.

— Это вѣрно курьеръ скачетъ! сказалъ Карсановъ, садясь на свое мѣсто и желая успокоить Анну Ларіоновну. Но она продолжала смотрѣть въ окно и увидавъ далеко во мглѣ блеснувшую искру отъ копытъ лошадей, торопливо обратилась къ своему спутнику, и умоляющимъ, пугливымъ голосомъ проговорила:

— Велите нашему ямщику ѣхать какъ можно скорѣй.

— Что это съ вами? чего вы такъ испугались? съ робостью спросилъ Карсановъ.

— Слышите голосъ? окликаютъ нашего ямщика! со стономъ вскрикнула Анна Ларіоновна. Карсановъ бросился посмотрѣть въ окно и услышалъ, какъ ихъ ямщикъ протяжно прокричалъ: Антипка ѣдетъ.

— Кто тебя окликалъ? спросилъ Карсановъ ямщика.

— Да изъ нашихъ.

— Вели тройкѣ ѣхать впередъ.

— Пошелъ, Егорка, впередъ, гаркнулъ ямщикъ.

Въ это время тройка поравнялась съ коляской и оба экипажа пріостановились.

Карсановъ почувствовалъ холодную и трепетную руку Анны Ларіоновны въ своей; ея рука судорожно сжала его руку. Сердце Карсанова замерло отъ безотчетнаго страха. Волненіе и испугъ Анны Ларіоновны, точно электричествомъ, сообщились и ему.

Молодой человѣкъ вспомнилъ, что онъ не имѣлъ при себѣ никакого оружія, чтобы защититься, въ случаѣ даже нападенія разбойниковъ.

Ямщикъ Антипка остановилъ экипажъ и соскочилъ съ козелъ; съ минуту онъ тихо говорилъ съ своимъ товарищемъ. Тройка поскакала впередъ, коляска за ней.

Карсановъ радостно вздохнулъ. Ему даже стало стыдно, что онъ поддался женской пугливости. Онъ сказалъ съ веселымъ упрекомъ.

— Видите, пословица справедлива, что у страха глаза велики. Признаюсь, вы и изъ меня сдѣлали труса. Ну, что? видите, какъ наша погоня ускакала впередъ отъ насъ. Ямщики потѣшились бы надъ нами, если бы знали, что мы ни живы, ни мертвы сидѣли въ колескѣ, пока они разговаривали между собой о какомъ нибудь вздорѣ.

— Теперь мнѣ самой смѣшонъ мой испугъ, но тогда, я сама не знала отчего, вдругъ сдѣлалось такъ страшно.... Да какъ же не бояться? Для меня теперь не можетъ быть несчастья больше того, какъ если я снова попадусь въ ихъ власть.

— Зачѣмъ вы думаете о такихъ мрачныхъ вещахъ? Смотрите, какъ мы летимъ!... Если бы все такъ скоро ѣхали, такъ въ эту ночь, можетъ быть, очутились бы и за границей.

— Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось скорѣй вздохнуть совершенно свободно, чтобы уже не испытывать такого страха!

— Богъ дастъ, завтра мы успокоимся совсѣмъ.

Путешественники стали строить планы своей будущей скромной жизни; они развеселились, шутили, смѣялись и были такъ беззаботны, какъ будто у нихъ и не бывало никакого горя.

Въ этомъ веселомъ настроеніи духа они подъѣхали къ станціи, совершенно опровергая своей веселостью предразсудокъ, что человѣческое сердце всегда чуетъ приближающуюся опасность. А на станціи ихъ ждало именно то страшное несча-

стіе, котораго всего больше боялись наши бѣглецы. Не ушли-таки они отъ рукъ карающаго правосудія: мѣры, принятыя графомъ Пыжницкимъ и мужемъ Анны Ларіоновны, оказались вполнѣ достаточными и успѣшными....

Ихъ повезли въ Петербургъ.

И. СТАНИЦКІЙ.

РАБОТНИЦА.

ПОЭМА ТАРАСА ШЕВЧЕНКО.

(Посв. И. С. Тургеневу.)

ПРОЛОГЪ.

Поле утреннимъ туманомъ
Все покрытое лежитъ.
А въ туманѣ, надъ курганомъ,
Словно деревцо, стоитъ
Молодица-молодая,
Что-то къ сердцу прижимая,
И съ туманомъ говоритъ:

«Что̀ меня ты не задавишь
Что̀ не скроешь подъ землей;
Что̀ мнѣ вѣку не убавишь, —
Не убавишь доли злой?
Или нѣтъ, голубчикъ мой,
Не дави, — а только въ полѣ
Спрячь, чтобъ люди не нашли;
Чтобъ моей несчастной доли
Знать и видѣть не могли.

«Не одна, не сирота я:
Мать съ отцомъ еще живутъ,
И еще, туманъ, мой братецъ,
Есть сыночекъ: вотъ онъ тутъ....

Ты, дитя мое родное,
Некрещеное дитя!
Въ часъ недобрый, на невзгоду,
Горемычнаго тебя
Окрестятъ чужіе люди;
А твоя родная мать,
Можетъ быть и не узнаетъ,
Какъ сыночка будутъ звать.
Ахъ! вѣдь я была богата....
Не вини ты мать свою!
Стану Богу я молиться,
Много горькихъ слезъ пролью —
Съ неба выплачу я долю,
И къ тебѣ ее пошлю!»

И пошла она полемъ, рыдая,
Укрываясь въ туманѣ, пошла;
И тихонько, сквозь слезы запѣла —
Про вдову эта пѣсня была:
Какъ вдова на Дунай выходила,
Какъ въ Дунаѣ дѣтей схоронила....

«Во чистомъ-полѣ могила,
«Къ той могилѣ приходила
«Молода вдова гулять, —
«Злаго зелья поискать.
«Злаго зелья не нашла,
«Двухъ сыночковъ принесла,
«Въ китаечку повила —
«На Дунай рѣку пошла.
«Тихій, тихій мой Дунай,
«Моихъ дѣтокъ забавляй.
«Ты песочекъ золотой,
«Подъ собою ихъ укрой.
«Накорми моихъ дѣтей,
«Искупай ихъ и повей.

I.

Былъ старикъ, была старуха.
Съ давнихъ поръ они вдвоемъ

Надъ прудомъ за рощей жили,
Въ хуторочкѣ небольшомъ.
И, бывало, всюду вмѣстѣ,
Словно парочка ребятъ.
Подружились съ малолѣтства,
Какъ пасли еще ягнятъ;
А потомъ себѣ женились,
И хозяйничать пошли:
Хуторъ, мельницу, садочекъ
Понемножку завели.
Было пчелъ у нихъ не мало,
И во всемъ порядокъ былъ;
Только дѣточками бѣдныхъ
Ихъ Господь не наградилъ.

А ужь смерть-то за спиною,
Косу точитъ ужь свою.
Кто жь ихъ старость приголубитъ?
Кто имъ будетъ за семью?
Кто схоронитъ, кто поплачетъ,
Кто помянетъ ихъ добромъ?
Разпорядится, какъ должно,
Всѣмъ, что нажито трудомъ.
Тяжело въ некрытой хатѣ,
Малыхъ пестовать дѣтей;
Но состарѣться въ довольствѣ,
Да бездѣтнымъ, — тяжелѣй!
Тяжелѣй между чужими
Одиноко умирать,
Въ посмѣянье, на растрату
Все добро имъ покидать!

II.

Въ воскресенье разъ сидѣли
Старички мои рядкомъ,
Въ чистыхъ, бѣленькихъ сорочкахъ,
На скамьѣ, предъ хуторкомъ.
Небо радостно сіяло,
Тучекъ не было на немъ.

И спала далеко въ сердцѣ,
Грусть, какъ звѣрь въ лѣсу глухомъ.

Что жь въ раю такомъ печалитъ
Стариковъ? Какое зло?
Горе старое, быть можетъ,
Снова въ хату къ нимъ пришло?
Или въ сердцѣ шевельнулось —
Что̀ подавлено вчера?
Или новая невзгода
Повстрѣчалась имъ съ утра?
Я не знаю, что̀ тоскуютъ
Старики, что̀ ихъ гнететъ:
Собрались быть можетъ къ Богу.
Кто же въ дальнюю дорогу
Имъ лошадокъ запряжетъ?

«Настя! кто насъ похоронитъ?
— Знаетъ Богъ.... Спроси Его.
Я ужь думала не мало,
Да такъ горько, горько стало.
Много есть у насъ всего, —
А кому мы накопили?
Одинешеньки съ тобой
Мы состарѣлись....
— Постой!
Мнѣ сдаётся, кто-то плачетъ
У воротъ.... Никакъ дитя!
Вотъ опять.... пойдемъ скорѣе....
Что? — Не правду молвилъ я?

Поднялись, бѣжать пустились;
Прибѣгаютъ къ воротамъ,
И какъ вкопаные стали,
Увидавъ ребенка тамъ.
Передъ самымъ перелазомъ
Свиткой новенькой покрытъ,
И легко, легко повитъ,
Онъ лежалъ. Знать повивала
Мать своей рукой его....

И хоть лѣто, все же свитку
Положила на него.

И дивились, и молились
Старики мои.... У нихъ
Сердце выпрыгнуть хотѣло.
А ребеночекъ притихъ.
Не кричалъ ужь и не плакалъ,
Улыбаясь лишь глядѣлъ.
И ручонками, казалось,
Стариковъ достать хотѣлъ.

«Вотъ и доля, вотъ и счастье!
Видишь, какъ я угадалъ!
Не одни теперь мы, Настя —
И сыночка Богъ послалъ!
Пеленай его да въ хату....
Ишь какъ смотритъ молодцомъ!
Ну! скорѣй за кумовьями
Въ городъ я пущусь верхомъ».

Чудно право, какъ посмотришь,
Бѣлый свѣтъ нашъ сотворенъ!
Этотъ сына проклинаетъ
И изъ дому гонитъ вонъ.
Тѣ съ молитвой и слезами,
Передъ образомъ святымъ,
Ставятъ свѣчку, добытую
На копѣйку трудовую,
Чтобъ Господь далъ дѣтокъ имъ!

III.

Вотъ ребенка окрестили,
Маркомъ назвали его.
Кумовьевъ три пары было,
На крестинахъ у него.
Маркъ ростетъ. Его лелѣютъ,
Холятъ, нѣжатъ, берегутъ.
Что и дѣлать съ нимъ не знаютъ,

Положить гдѣ — не найдутъ.
Даже дойная корова
Въ страшной роскоши живетъ.
Маркъ ростетъ, проходитъ годъ.
И въ работницы, на хуторъ,
Наниматься разъ пришла,
Молодица молодая,
Черноброва и бѣла.

«Не взять ли Настенька? —
— Пожалуй.
Возьмемъ, Трохимушка. Хотя
И подросло теперь дитя,
А все жь заботы съ нимъ не мало.
Мы стары, хилы, захворать
Мы оба можемъ. — Надо взять.
«И у меня ужь силъ-то мало!
Пожить и мнѣ-таки пришлось....
Ну что жь? какую бы желала
Отъ насъ ты плату?—въ годъ небось?
Иль въ мѣсяцъ, что ли?—Какъ хотите.
Вы лучше сами положите.
«Э! нѣтъ! Святое дѣло трудъ,
И счетъ, голубка, нуженъ тутъ.
Кто не считаетъ, у того
Весь вѣкъ не будетъ ничего.
А развѣ такъ уговориться:
Ты поживи, да насъ узнай;
И намъ къ себѣ привыкнуть дай;
А тамъ и станешь ужь рядиться.
Ну, что же, дочка, по рукамъ?
Идетъ! — Такъ просимъ въ хату къ намъ.

Дѣло слажено; довольна
Молодица, весела,
Точно съ паномъ породнилась
Иль деревню нажила.
Все трудится, все хлопочетъ,
Ввечеру и на зарѣ,
То скребетъ и моетъ въ хатѣ,

То съ скотинкой на дворѣ.
А ребенка какъ лелѣетъ!
Лучше матери родной,
Въ праздникъ, въ будни головенку
Моетъ тепленькой водой.
Мальчикъ въ чистенькой рубашкѣ
Щеголяетъ каждый день.
Передъ нимъ молодкѣ нашей
И плясать и пѣть не лѣнь.
Научилась и тележки
Вырѣзать она ему.
А ужь въ праздникъ съ рукъ не спуститъ,
Не уступитъ никому.
Старики не надивятся,
Бога все благодарятъ,
Что послалъ имъ на подмогу
Не работницу, а кладъ;
А не знаютъ, что проводитъ
Ночи цѣлыя безъ сна,
Злую долю проклиная,
Горемычная она!
И никто того не знаетъ....
Развѣ Маркъ.... но для него
Не понятно — отчего
Такъ надъ нимъ она рыдаетъ
И цалуетъ такъ его!
Въ хлопотахъ сама нерѣдко
Не доѣстъ и не допьетъ,
А малютку не забудетъ,
Покормитъ его придетъ!
Ахъ! не знаетъ Маркъ, что ночью
Какъ застонетъ онъ подъ часъ,
И она съ постели вскочитъ,
И съ него не сводитъ глазъ....
Покачаетъ и прикроетъ,
И молитву сотворитъ.
Каждый вздохъ младенца слышитъ,
Хоть въ другомъ покоѣ спитъ.

Раннимъ утромъ, чуть проснувшись,
Мальчикъ тянется скорѣй

Къ неусыпной, доброй Ганнѣ,
И лепечетъ «мама» ей....
Такъ идетъ, за годомъ годъ.
Маркъ и крѣпнетъ и ростетъ.

IV.

Съ тѣхъ поръ не мало лѣтъ минуло,
Воды не мало утекло,
На хуторъ горе завернуло,
И слезъ не мало принесло.
Не стало тамъ бабуси Насти,
Чуть не отправился во слѣдъ
За нею, съ горя, старый дѣдъ..
Промчалось страшное несчастье
Подобно вихрю — и потомъ
Опять заснуло крѣпкимъ сномъ.
И изъ-за лѣсу благодать,
Вернулась въ хуторъ—отдыхать.

Маркъ давно ужь чумакуетъ,
И осеннею порой
Дома вовсе не ночуетъ.
«Время сватать! самъ съ собой
Разсуждаетъ старый дѣдъ. —
У кого бы? На совѣтъ
Ганну надобно позвать.
А она не прочь заслать
Сватовъ къ царскимъ дочерямъ.
Спросимъ Марка. Скажетъ самъ.
Ладно, спросимъ. И потомъ
Тотчасъ сватовъ позовемъ.

Разспросили. Согласились.
И спровадилъ въ тотъ же мигъ
Къ сватамъ Марка нашъ старикъ.

Скоро сваты воротились,
Рушники и хлѣбъ святой
Принесли они съ собой.

Марку высватали кралю,
Да такую, что не знаю,
Какъ объ ней и разсказать.
Хоть бы гетману подъ стать.
И въ жупанѣ, словно панна!
Радъ Трохимъ и рада Ганна.

«Ну, спасибо, молодцы!
«Такъ сведемъ же мы концы:
«Надо тутъ же порѣшить
«Гдѣ и скоро-ль свадьбѣ быть.
«Да еще»—промолвилъ дѣдъ —
«Кто же матерью у насъ
«Будетъ.... Насти бѣдной нѣтъ,
«Нѣтъ ея! не дождалась.

По лицу у сѣдаго Трохима
Покатилися слезы рѣкой;
А межь тѣмъ у дверей недвижима,
За косякъ ухватившись рукой,
Какъ убитая, Ганна стояла;
Въ хатѣ стихло.... рѣчей не слыхать.
«Кто же матерью будетъ?... гдѣ мать?»

V.

Каравай мѣсить на хуторъ
Молодицъ гурьба сошлась.
Старый дѣдъ развеселился
И пустился съ нимъ въ плясъ;
Такъ и топаетъ, и скачетъ,
И ногами дворъ мететъ;
И прохожихъ, и проѣзжихъ
Всѣхъ во дворъ къ себѣ зоветъ,
Варенухой угощаетъ,
И на свадьбу проситъ всѣхъ.
На дворѣ и въ хатѣ слышны
Пѣсни, говоръ, шумъ и смѣхъ.
Старый мечется, хоть ноги
Измѣняютъ ужь совсѣмъ;

А изъ погреба, за бочкой
Бочку катятъ между тѣмъ.
Напекли и наварили
Много всякаго добра;
И скребутъ и выметаютъ
Всюду съ самаго утра.

Только все чужіе люди....
Что жь работница не тамъ
Въ Кіевъ Ганна поклониться
Побрела къ святымъ мощамъ.
Не пускалъ старикъ; и плакалъ
Маркъ, прося, чтобы за мать
У него она на свадьбѣ
Оставалась. Удержать
Не могли однакожь Ганны.
— Нѣтъ ужь, Маркъ. Пусти меня.
Мнѣ за мать сидѣть не ладно....
Богачи твоя родня,
Я работница.... Пожалуй —
Осмѣютъ тебя, какъ разъ.
Помоги вамъ Богъ. Молиться
Лучше я пойду за васъ. —
Если примете, оттуда
Къ вамъ опять я ворочусь.
И покуда силы хватитъ,
Въ вашей хатѣ потружусь.

И ему благословенье
Съ сердцемъ искреннимъ дала.
И заплакала.... и тихо
Изъ воротъ она пошла

Пиръ на хуторѣ въ разгарѣ.
Не смолкаетъ шумъ и гамъ,
Достается музыкантамъ,
Достается каблукамъ.
Варенухой лавки моютъ.
А межь тѣмъ, свой дальній путь
Ужь работница кончаетъ.
Не успѣла отдохнуть

И къ хозяйкѣ, гдѣ пристала
Нанялась ужь поскорѣй —
И таскаетъ воду ей.
На пути деньжонки вышли,
Надо что нибудь скопить,
Чтобъ Варварѣ преподобной
Хоть молебенъ отслужить.
Работаетъ, воду носитъ,
Накопила семь рублей.
Марку шапочку купила,
У святыхъ она мощей,
Голова чтобъ не болѣла....
Для жены его потомъ
Отъ Варвары преподобной
Запаслася перстенькомъ.

И святымъ всѣмъ поклонившись,
Побрела опять домой.
Воротилась. Маркъ встрѣчаетъ —
У воротъ ее, съ женой.
Входятъ въ хату, и сажаютъ
Нашу странницу за столъ.
Накормили, и про Кіевъ
Разговоръ у нихъ пошелъ.
Отдохнуть ей Катерина
Постлала сама постель.
— Что они меня такъ любятъ!
О мой Боже! Не уже ль —
Обо всемъ они узнали...
Догадалися кто я?...
Нѣтъ, а добрые родились!...

И изъ глазъ у ней катились
Слезы, слезы въ три ручья!

VI.

Рѣка ужь трижды замерзала—
И трижды уносились льдины;

И въ дальній Кіевъ провожала
Ужь трижды Ганну Катерина, —
Какъ мать родную провожала.
Въ четвертый разъ далеко съ нею
Прошлася полемъ, до кургана,
И все просила, чтобъ скорѣе
На хуторъ возвращалась Ганна.
Какъ бы безъ матери — уныло
У нихъ въ семьѣ безъ Ганны было.

Послѣ Троицы однажды,
Въ воскресенье, дѣдъ Трохимъ
На дворѣ сидѣлъ, у хаты;
И съ собакой передъ нимъ
Внукъ игралъ, а внучка юбку
Катеринину нашла,
И въ нее одѣвшись, важно,
Тихо въ гости къ дѣду шла.
Засмѣялся старый, внучку
Рядомъ сѣсть онъ пригласилъ.
Будто вправду молодицу,
И потомъ ее спросилъ:
«А куда ты хлѣбъ дѣвала? —
«Можетъ, отнялъ кто въ лѣсу?
«Иль испечь его забыла?
«Такъ вотъ я тебя, лису!

А работница въ ворота
Входитъ въ этотъ самый мигъ.
Ей съ внучатами навстрѣчу
Живо бросился старикъ.
— Гдѣ же Маркъ? спросила Ганна.
Видно все въ дорогѣ?
— Да.
— Охъ! насилу я, насилу
Дотащилась къ вамъ сюда.
Умирать-то не хотѣлось
Мнѣ въ далекой сторонѣ.
Хоть бы Маркъ скорѣй вернулся.
Что-то больно, тяжко мнѣ.

И гостинцы изъ лукошка
Вынимаетъ для ребятъ:
Внучкѣ старшенькой Оришѣ
Крестикъ, бусы и дукатъ;
Въ золотой, изъ фольги, ризѣ
Образочекъ тоже ей;
И для Карпа есть игрушки —
Два коня и соловей.
Катеринѣ съ богомолья
Ужь четвертый разъ съ собой
Перстенекъ она приноситъ
Отъ Варвары отъ святой.
Вотъ три свѣчки изъ святаго
Воску дѣду отдала.
А себѣ и Марку нынче
Ничего не принесла:
Денегъ больше не хватило,
А работать нѣту силы.
— Да! вѣдь бубличка кусочекъ
У меня есть гдѣ-то тамъ....
Отыскала; и внучатамъ
Раздѣлила пополамъ.

VII.

Въ хатѣ тотчасъ ей умыла
Ноги Маркова жена.
Принесла потомъ ей полдникъ,
Но не ѣстъ, не пьетъ она.
— Катерина! Послѣзавтра
Воскресенью надо быть.
Хоть бы вынуть часть за здравье
Да молебенъ отслужить
Чудотворцу Николаю.
Что-то Маркъ у насъ пропалъ....
Какъ бы гдѣ-нибудь въ дорогѣ,
Бѣдный, онъ не захворалъ.

И катились тихо слезы
Изъ потухшихъ, старыхъ глазъ.

Изнуренная, насилу
Съ мѣста Ганна поднялась.
— Охъ, не та ужь, Катерина,
Стала я. Хила, стара,
На ногахъ едва держуся, —
На покой мнѣ, зн ть, пора.
Хоть въ теплѣ, а тяжко, Катря,
Умирать въ дому чужомъ.

Захворала крѣпко Ганна.
Посылали за попомъ
И соборовали масломъ,
Но не стало легче ей.
Катерина не спускала
Съ умирающей очей.
День и ночь надъ ней сидѣла,
Грустно голову склонивъ.
Дѣдъ бродилъ все по надворью,
И унылъ и молчаливъ.
По ночамъ надъ хатой слышенъ
Былъ зловѣщій крикъ совы.
Съ каждымъ часомъ становилось
Ганнѣ хуже. Головы
Ужь она не подымала,
И не ѣла ничего.
Только Марка вспоминала....
— Катря! охъ, когда бъ я знала,
Что увижу я его....
Я еще бы подождала....

VII.

Беззаботно съ чумаками
Степью Маркъ себѣ идетъ.
Не спѣшитъ онъ, распѣваетъ,
И воловъ въ степи пасетъ.
Онъ сукна везетъ въ гостинецъ
Дорогаго два куска
Для жены; и поясъ алый

Для Трохима старика;
Парчевой очипокъ Ганнѣ,
Да еще купилъ онъ ей
Съ расписной каймой платочекъ;
А для маленькихъ дѣтей
Черевички, винограду, —
Всѣмъ же вмѣстѣ — изъ Царьграду
Въ бочкѣ красное вино;
И икры не мало съ Дону
У него запасено.
Онъ идетъ да распѣваетъ,
А что дома ждетъ — не знаетъ.

Дотащился понемногу —
Вотъ и дома онъ опять.
Помолившись прежде Богу,
Сталъ ворота отворять.
— Катря, Катря! Иль не слышишь?
Воротился Маркъ. Иди
Поскорѣй ему на встрѣчу
Да сюда его веди.
— Слава Господу! Дождаться
Грѣшной мнѣ сподобилъ Онъ....
И читала Ганна тихо
«Отче нашъ», какъ бы сквозь сонъ.

На дворѣ ярмо снимаетъ
Расписное дѣдъ съ воловъ.
Вышла къ мужу Катерина,
На него глядитъ безъ словъ.
— Катря! Гдѣ же наша Ганна?
Что нейдетъ ко мнѣ сюда?
Ужь, помилуй Богъ, жива ли,
Не случилась ли бѣда?
— Нѣтъ! А крѣпко захворала....
Ужь давно она лежитъ,
Все тебя зоветъ.... Когда же
Маркъ вернется? говоритъ.
Поскорѣй пойдемъ, а батько
За волами приглядитъ.

Входятъ въ хату. Маркъ не смѣетъ
Перейти черезъ порогъ,
— Слава Богу! шепчетъ Ганна.
Не пугайся Маркъ, дружокъ.
Подойди; а ты, Катруся,
Выйдь изъ хаты, и вдвоемъ
Съ нимъ оставь насъ. Нужно Марка
Разспросить мнѣ кой-о-чемъ.

Вонъ выходитъ Катерина.
Маркъ нагнулся надъ больной.
— Маркъ, голубчикъ! подивися,
Посмотри ты, что со мной!
Видишь, я какая стала?...
Вся измучилась, больна....
Не работница, не Ганна
Я....
И стихла вдругъ она.

Маркъ и плакалъ, и дивился,
И стоялъ не шевелясь.
Вдругъ глаза она открыла,
И слезами залилась.
— Не вини меня! казнилась
Я весь вѣкъ въ чужой избѣ.
Не вини меня, сыночекъ, —
А прости: я мать тебѣ.

Земля какъ будто разступилась,
Подъ бѣднымъ Маркомъ въ этотъ мигъ
Онъ съ воплемъ къ матери приникъ....
Но сердце матери не билось.

Съ малороссійскаго. А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

Москва.
Марта 17. 1860.

ЖЕНЩИНЫ

ИХЪ ВОСПИТАНІЕ И ЗНАЧЕНІЕ ВЪ СЕМЬѢ И ОБЩЕСТВѢ.

(Посв. Л. П. Шелгуновой).

Coupez le câble!

Sidney.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Недовольство настоящимъ складомъ создало не мало самыхъ разнорѣчивыхъ общественныхъ теорій, которыя частью рухнули, какъ чуждыя жизни, частію приняты жизнью «къ свѣдѣнію.» Полная перестройка общества невозможна безъ передѣлки основанія его, семьи; это сознавалось иногда смутно, иногда ясно всѣми общественными новаторами; на этомъ сознаніи выросли идеи и о такъ называемой эманципаціи женщины, скоро нашедшія путь въ общество, какъ слишкомъ заинтересованное въ этомъ вопросѣ.

Сомнѣнія въ непогрѣшительности вѣками утвержденныхъ неравныхъ семейныхъ отношеній, неравныхъ общественныхъ правъ мужчины и женщины, и первые шаги общества къ женской эманципаціи кажутся мнѣ однимъ изъ самыхъ важныхъ, самыхъ характеристическихъ явленій нашего вѣка. Шаги эти нетверды, самыя понятія о томъ, что такое и въ чемъ должна состоять эманципація, не получили еще достаточной ясности и опредѣленности въ умахъ не только большинства, но и людей передовыхъ. Тѣмъ не менѣе однако движеніе совершается, мало по малу подтачивая старые пред-

разсудки и готовя тотъ новый общественный порядокъ, въ которомъ уравновѣсятся въ извѣстной степени права и отношенія, теперь такъ спутанныя.

Въ какой мѣрѣ зависитъ благоденствіе общества отъ уравненія правъ мужчины и женщины? Какъ можетъ совершиться это уравненіе? Что служитъ ему помѣхой въ современныхъ понятіяхъ и нравахъ? Какъ должна сложиться семья, чтобы стать прочнымъ залогомъ дѣйствительныхъ успѣховъ общества, а не задержкою ихъ, какою она является большею частью въ наше время? Вотъ вопросы, на которые я старался отвѣтить въ предлагаемыхъ замѣчаніяхъ.

Въ огромной грудѣ книгъ, посвященныхъ разбору вопроса о положеніи женщинъ, при видимомъ желаніи подвинуть разрѣшеніе вопроса, онъ до сихъ поръ оставался все таки неуясненнымъ. Подъ новыми словами и фразами скрывались тѣ же старыя рутинныя понятія, противъ которыхъ, какъ могло казаться съ перваго взгляда, ратовали авторы. Если же и дѣйствительно говорилось что нибудь новое, то говорилось лишь вполовину. Но полуслова, какъ и полумѣры, допуская примиреніе стараго съ новымъ, мало подвигаютъ дѣло впередъ.

Печальный разладъ, замѣчаемый въ наше время въ семьѣ, лицемѣріе, внѣдрившееся въ семью вслѣдствіе этого и нравственно растлѣвающее общество, замѣчаемый на каждомъ шагу антагонизмъ между членами семьи, — всѣ эти мрачныя явленія объясняютъ противосемейственную реакцію, поднятую во Франціи соціальными философами. Не менѣе понятно и сочувствіе, пробужденное въ обществѣ ихъ системами. «Чувство свободно; оно не поддается никакому произвольному руководству; нѣтъ такихъ цѣпей, которыхъ явно или тайно оно бы не сломало». Эти мысли, понятыя вполовину, очень льстили неразвитости массы, называющей себя образованною частію общества. Ухватившись за нихъ, какъ за непогрѣшительный догматъ, но не имѣя въ то же время силы сокрушить въ жизни несовмѣстныя съ этими идеями, упроченныя вѣковою давностью формы, общество ринулось въ хаосъ наглаго и необузданнаго разврата.

Одна крайность вызываетъ неминуемо другую. Замѣтное паденіе нравственности, произведенное во Франціи односторонне усвоенными идеями объ эманципаціи женщинъ, должно было вызвать реакцію, какъ и всѣ реакціи, крайнюю и одностороннюю. Не обращая вниманія на тѣ благія пріобрѣтенія, которыя движеніе къ освобожденію слабѣйшей до сихъ поръ половины человѣчества все-таки, вмѣстѣ съ временнымъ зломъ, доставило жизни и обществу, реакціонеры принялись осуждать не злоупотребленія свободы, неизбѣжныя при ея новости, а самый принципъ ея. Они готовы ви-

дѣть идеалъ семейнаго общества у племенъ, остающихся еще на низшихъ ступеняхъ развитія, и, оставивъ при насъ всѣ завоеванія науки, обратить домашній бытъ нашъ въ такъ-называемое «естественное состояніе.» Не говоря уже о томъ, что такой фатализмъ несовмѣстимъ съ настоящимъ сильнымъ развитіемъ мысли, не говоря уже о странности движенія впередъ и вспять въ одно и тоже время, спросимъ: у какихъ дикарей, на какихъ невѣдомыхъ островахъ, оторванныхъ отъ всего міра моремъ и невѣжествомъ, найдется это счастливое «естественное состояніе», о которомъ такъ складно говорится въ книгахъ? Гдѣ «естественное состояніе» человѣка не есть упорная борьба съ роковыми силами природы? Эта-то борьба, на первыхъ порахъ столь тяжкая, должна была поневолѣ поставить женщину, какъ мать и кормилицу, въ нѣсколько зависимое отъ мужчины положеніе. Отъ зависимости (мы видимъ это къ несчастью даже въ наше цивилизованное время) не труденъ переходъ къ полному подчиненію. У племенъ дикихъ, по разсказамъ путешественниковъ, на женщину, какъ на рабыню и служанку, падаетъ вся труднѣйшая сторона жизни; охота, рыболовство, будучи средствами существованія, служатъ въ тоже время забавой мужчинѣ. Развитіе общественности и благосостоянія, позволяя женщинѣ сложить съ себя отчасти тяжелыя обязанности, сдѣлало изъ нея мало по малу, вмѣсто служанки, госпожу въ домѣ, но госпожу для всѣхъ кромѣ мужа, для котораго она стала теперь если не рабою въ смыслѣ работницы, то рабою въ смыслѣ исполнительницы его желаній и прихотей. Лишенная всякихъ общественныхъ правъ еще при самомъ возникновеніи общества, женщина поневолѣ принуждена была прибѣгать ко всѣмъ ухищреніямъ для пріобрѣтенія себѣ прочнаго положенія чрезъ союзъ съ мужчиной. Вотъ изъ какой доисторической дали идетъ гнуснѣйшій изъ женскихъ пороковъ, для котораго къ счастію нѣтъ названія на русскомъ языкѣ,— кокетство, и животный взглядъ мужчины на женщину, какъ на игрушку его чувственности. Неужто же теперь, при такомъ рѣшительномъ сознаніи несостоятельности семейныхъ отношеній, обращаться за исправленіемъ ихъ къ философіи, выведенной изъ быта какихъ нибудь австралійскихъ дикарей?

Причины чисто временныя (именно, заботы первобытныхъ племенъ о безопасности своего потомства) поставили женщину въ тѣ рабскія отношенія, которыя становятся возмутительными въ наше время. Долгая и ожесточенная борьба съ внѣшними природными условіями упрочила эти отношенія. Но протестъ, хотя глухой, вѣроятно всегда существовалъ въ угнетенной половинѣ. Иначе какъ объяснить возникновеніе въ самыхъ раннихъ періодахъ человѣче-

скаго развитія этихъ жестокихъ и деспотическихъ законовъ, ограждающихъ съ такимъ постояннымъ упорствомъ ревнивыя права мужчины? Но никакіе законы, какъ бы ни были они сильны и грозны, не заставятъ человѣческую личность считать себя отъ рожденія обреченною на рабство. Стремленіе къ личной свободѣ — не исключительно человѣческое свойство, и отказывать въ этомъ свойствѣ женщинѣ, стараться не выпускать ее изъ тѣхъ путъ, которыми она связана теперь, значитъ ставить ее ниже безсловесныхъ животныхъ.

Чуть не до этого и доходитъ дѣло. И кто же является партизаномъ такого взгляда въ наше время? Философъ, всѣ силы котораго направлены были на сокрушеніе всего настоящаго порядка вещей, какъ неудовлетворяющаго ни требованіямъ разума, ни желаніямъ свободы. Третій томъ книги Прудона Sur la justice поразилъ и возмутилъ своею ретроградною философіей даже ту часть общества, которая живетъ донынѣ, вполнѣ удовлетворяясь, въ началахъ, проповѣдуемыхъ авторомъ. Поражаться и возмущаться, собственно говоря, было нечего. Прудонъ, предлагая обществу свою систему, могъ ему сказать: «твоя отъ твоихъ!» Не сущность его словъ возмутила всѣхъ, а самыя слова, и тонъ этихъ словъ. Зачѣмъ то, о чемъ до сихъ поръ говорилось тономъ петиметра или отеческимъ тономъ ментора, высказано тономъ конскаго заводчика? Нужды нѣтъ, что мы во глубинѣ души вполнѣ раздѣляемъ ваши мнѣнія и рады, что они выражены такъ послѣдовательно и обстоятельно; все-таки лучше было бы, еслибъ въ насъ не предполагали такихъ взглядовъ. Ужь если высказывать ихъ, такъ высказывать наполовину: ужь если являться въ публику орангутангомъ, такъ хоть газомъ себя прикрыть, если нельзя надѣть черный фракъ, лакированные башмаки и палевыя перчатки....

Книга Прудона замѣчательна не только какъ реакція пробудившемуся во Франціи стремленію къ преобразованію семейныхъ отношеній; она еще болѣе знаменательна тѣмъ, что показываетъ, какъ глубоко сидятъ еще въ человѣкѣ нашего времени корни деспотизма и кулачнаго права. Во Франціи, въ половинѣ XIX вѣка, издается трактатъ, ничѣмъ почти не отличающійся отъ какой нибудь «книги о злонравныхъ женахъ, зѣло потребной, а женамъ досадной», которая считалась кодексомъ семейной мудрости у нашихъ прадѣдовъ, наравнѣ съ «Домостроемъ», рекомендующимъ, какъ извѣстно, въ случаѣ непослушанія жены, «сойма рубашку, плеткою вѣжливенько постегать, за руки держа», и проч. Прудонъ не рекомендуетъ, правда, плетки; но это не достоинство въ его книгѣ, а скорѣе не-

достатокъ: такимъ пропускомъ нарушается отчасти логичность его выводовъ. Есть впрочемъ и еще пунктъ разности между новымъ французскимъ философомъ и нашими древними славяно-греко-россійскими любомудрами. Любомудры эти, разсуждая о томъ, какое «естество» у женщины, злое или доброе, были прочно и непоколебимо, убѣждены, что женщина—существо, вполнѣ подчиненное мужчинѣ, не имѣющее никакого права на свободу мысли и дѣйствій. Новые же философы, видя въ жизни все болѣе разростающееся противорѣчіе этой завоевательной теоріи, принуждены доказывать всякими правдами и неправдами то, что было у нашихъ книжниковъ доказаннымъ убѣжденіемъ. Они не хотятъ — не говоримъ: покориться ходу жизни, — а вникнуть въ его смыслъ, и, въ испугѣ отъ временнаго, преходящаго зла, норовятъ уложить жизнь въ старыя рамки и водворить прежній уставъ, прежнюю тишь да гладь, да божью благодать. Но ихъ посейдоновское Quos ego! не угомонитъ волнъ общественнаго моря.

Прудонъ въ своей книгѣ высказалъ до послѣднихъ крайностей деспотическія основанія того семейнаго устройства, съ которымъ, какъ со всякою старою дрянью, какъ со старымъ халатомъ и старыми сапогами, трудно вдругъ разстаться современному человѣку. Послѣ автора «Экономическихъ Противорѣчій» нечего прибавить къ его кодексу домашнихъ и семейныхъ законовъ; дальше въ этомъ направленіи идти нельзя. Прудона можно пожалуй и поблагодарить за его смѣлость выговорить наконецъ то, что всѣ антагонисты женскаго движенія или высказывали до сихъ поръ слабыми намеками, или стыдливо затаивали въ себѣ. Эта откровенность облегчаетъ споръ людямъ противныхъ убѣжденій; имъ теперь во всей тонкости извѣстны и мнѣнія, и чувства стороны, задерживающей движеніе къ реформѣ семьи и отношеній между двумя полами. Теперь нечего ни угадывать, ни подозрѣвать: все ясно, какъ божій день.

Это не то, что тѣ двусмысленныя, а часто и просто-на-просто безсмысленныя апоѳегмы, которыми обыкновенно отвѣчаютъ на «утопіи» инаго семейнаго порядка, — апоѳегмы, которыя можно толковать какъ угодно, и pro и contra. Эта эластичность и сдѣлала ихъ особенно ходячими въ обществѣ, и онѣ обращались въ немъ до того, что потеряли всякое обличіе. Скажите, кто не повторяетъ, какъ попугай, хоть бы слѣдующихъ истинъ, считая ихъ непогрѣшительнымъ выводомъ изъ какой-то очень будто бы разумной и святой философіи: «Роль женщины — роль преимущественно матери, воспитательницы будущихъ полезныхъ гражданъ обществу; по-

этому всѣ интересы ея должны быть сосредоточены подъ домашнею кровлей; домъ — это исключительное поприще ея дѣйствій. Воспитаніе не должно увлекать ее за предѣлы этой законной ея сферы; занятія изящными искусствами, полезными рукодѣльями наполнятъ досуги, остающіеся ей отъ заботъ матери и хозяйки дома.» Фразы эти очень красивы; но не на каждомъ ли словѣ въ нихъ противорѣчіе? Послѣдняя фраза, напримѣръ, предполагаетъ непремѣннымъ качествомъ въ женщинѣ отчужденіе отъ общественныхъ интересовъ, а стало быть и равнодушіе къ нимъ. Первая фраза, наоборотъ, требуетъ отъ нея полнаго знанія общественныхъ нуждъ и сочувствія къ нимъ. Иначе какой же гражданинъ обществу можетъ быть воспитанъ ею? Воспитаніе будетъ хорошо только въ матеріальномъ отношеніи. Разумѣется, никто не замѣнитъ ребенку ни груди, ни ласкъ, ни любви матери; но вы хотите развитія въ немъ нравственныхъ началъ? У всякаго вѣка своя нравственность. Нравственныя доблести героическихъ временъ кажутся намъ безобразіемъ; вѣдь и чувство хоть бы личной мести было когда-то нравственнымъ чувствомъ. Нравственныя понятія движутся и развиваются вмѣстѣ съ обществомъ и жизнью, а не стоятъ на мѣстѣ. Требуя, чтобы женщина вносила въ воспитаніе дѣтей нравственныя начала, мы должны предполагать въ ней развитіе въ уровень съ требованіями времени. Но откуда же такое развитіе, если мы отрѣшимъ ее отъ участія въ движеніи общества? Никакія изящныя искусства, никакія съ дѣтства втолкованныя правила морали не спасутъ ее, безъ прямаго соприкосновенія съ успѣхами общества, отъ нравственнаго застоя. Любить можно только то, что хорошо знаешь; служить можно только тому, что любишь. Ограничивая жизнь женщины стѣнами ея дома, нечего требовать отъ нея служенія общественной пользѣ. Материнскую любовь, которая, при широкомъ развитіи нравственномъ и умственномъ, была бы такою великой общественною силой, вы обрекаете быть тѣмъ, правда теплымъ, но тупымъ и эгоистическимъ чувствомъ, какимъ является она у низшихъ животныхъ. Не силы на житейскую борьбу воспитываетъ такая любовь, а страхъ передъ жизнью.

Посмотрите, не съ особеннымъ ли упорствомъ останавливается женщина на принципахъ и понятіяхъ, мало по малу отживающихъ уже свой вѣкъ въ обществѣ, останавливается только потому, что они кажутся ей безопасны своей прочностью? Не женщины ли были всегда главными хранительницами преданія? Эта робкая цѣпкость къ старому, какому бы то ни было, но уже утвержденному до насъ, эта неподвижность мысли, осужденной не выходить изъ узкихъ пре-

дѣловъ битой колеи, отражаясь на воспитаніи, отражаются и на ходѣ общества. Не только въ большинствѣ, но даже часто и въ лучшихъ членахъ его замѣчается печальный внутренній разладъ. Мысль, выработанная наукой и опытомъ жизни, говоритъ одно; чувство, воспитанное дома, въ сферѣ, далекой отъ жизни, влечетъ въ другую сторону, заподозривая самую законность несогласной съ нимъ мысли. Предразсудокъ живетъ въ обществѣ оттого, что живуче въ насъ чувство домашняго очага, отъ котораго мы несемъ въ жизнь этотъ предразсудокъ. Откуда же быть тутъ равновѣсію въ жизни, отъ котораго зависитъ разумный и прямой ея ходъ? И не только обыденный бытъ нашъ полонъ этихъ жалкихъ и малодушныхъ колебаній, не спасена отъ нихъ и болѣе свѣтлая, болѣе разумная сфера — сфера чистаго знанія.

Только коренное преобразованіе женскаго воспитанія, общественныхъ правъ женщины и семейныхъ отношеній—представляется мнѣ спасеніемъ отъ нравственной шаткости, которою, какъ старческою немочью, больно современное общество. Практическіе философы, плодящіеся, словно грибы, въ гнили и плесени настоящаго общественнаго зданія, не любятъ никакихъ коренныхъ преобразованій, вѣроятно по чувству самосохраненія; но имъ бояться нечего: не только сами они, но и многія ихъ поколѣнія найдутъ себѣ удобную и питательную почву, прежде чѣмъ совершится преобразованіе, о которомъ я говорю....

Въ предлагаемыхъ замѣчаніяхъ я мало касаюсь исторической стороны вопроса о воспитаніи, объ общественномъ и семейномъ положеніи женщинъ. Предполагая обработать въ болѣе широкихъ размѣрахъ исторію женскаго элемента въ человѣчествѣ, я считаю нужнымъ сказать пока, что мысли, высказываемыя мною теперь, основаны на внимательномъ ея изученіи. Характеръ всей исторіи женщинъ, начиная со временъ патріархальной грубости и кончая нашимъ просвѣщеннымъ и утонченнымъ временемъ, одинъ. Это постоянное и упорное тяготѣніе къ господству стороны болѣе сильной физически, и постоянный, не менѣе упорный протестъ стороны физически слабѣйшей, протестъ, проявлявшійся и въ домашнемъ, и въ общественномъ быту, и въ искусствѣ, и въ наукѣ, однимъ словомъ, во всѣхъ областяхъ жизни, — протестъ, вынудившій съ теченіемъ времени не мало уступокъ у противной партіи, но все не смолкающій отъ этихъ уступокъ.

I.

На предположенія о необходимости уравнять общественныя и семейныя права женщины и мужчины, на требованія одинаковаго для обоихъ образованія, большинство отвѣчаетъ прежде всего сомнѣніями: возможно ли еще привести въ исполненіе эти предположенія и согласиться на эти требованія? Какъ для доказательства совершенной неспособности негровъ къ свободному человѣческому развитію плантаторы невольничьихъ штатовъ находятъ Агаитовъ, такъ и у защитниковъ настоящаго общественнаго порядка нѣтъ недостатка въ ученыхъ, философахъ и законодателяхъ, которые, какъ за прочную основу благоденствія общества, ухватываются именно за неравенство правъ и неравенство образованія, когда дѣло идетъ о женщинахъ. Многіе самые радикальные эманципаторы, самые пылкіе жрецы свободы, проповѣдующіе, какъ путь къ лучшему общественному устройству, равное для всѣхъ пользованіе благами жизни и знанія, останавливаютъ свою проповѣдь, доходя до общественнаго и семейнаго положенія женщины, или, наперекоръ общимъ положеніямъ своимъ, пускаются толковать о невозможности даровать женщинѣ равныя права и равное образованіе съ мужчиной....

И по пунктамъ, на цитатахъ,
На соборныхъ уложеньяхъ —

строятъ такой приговоръ: женщина ниже мужчины въ физическомъ отношеніи, ergo — должна быть подчинена ему; женщина ниже мужчины въ умственномъ отношеніи, ergo — должна быть подчинена ему; женщина ниже мужчины въ нравственномъ отношеніи, ergo — должна быть трижды подчинена ему. Подчиненіе невозможно при равенствѣ правъ и образованія; стало быть: не давать женщинѣ ни такихъ правъ, ни такого образованія.

Говорить все это голословно нельзя: если теперь не убѣдить никого кулаками, то не убѣдить никого и громкимъ крикомъ. Надо дѣйствовать сообразно съ духомъ времени, облечь свою животность и наклонность къ кулачному праву въ утонченныя формы современной цивилизаціи, вооружиться наукой, взять подъ мышку исторію всѣхъ вѣковъ и народовъ, и только на основаніи такъ называемыхъ научныхъ данныхъ рѣшить, что протестъ противъ насилія, который начинаетъ довольно громко высказывать угнетенная до сихъ поръ половина человѣчества, дикъ, нелѣпъ, ни на чемъ не основанъ, что и физіологія, и исторія обрекаютъ женщину на ту

пассивную, рабскую роль, какую она занимала и занимаетъ въ обществѣ.

Говорить въ защиту женщинъ—пока значитъ ничто иное, какъ доказывать, на основаніи почти тѣхъ же фактовъ, на которые опираются и противники женской эманципаціи, возможность и женщинѣ быть гражданкою умственнаго и нравственнаго міра, составляющаго въ настоящую минуту исключительную привиллегію мужчинъ.

Первая и главная помѣха умственному и нравственному развитію женщины — это, по общественному мнѣнію, самое физическое устройство ея и лежащія на ней обязанности матери и кормилицы. Одного этого пункта было бы, кажется, достаточно, при правильномъ фактическомъ доказательствѣ его справедливости, чтобы успокоиться на нынѣшнемъ положеніи дѣла и предоставить женщинѣ исключительно ту роль, какую играетъ самка у большей части низшихъ животныхъ; родила, вскормила — и все тутъ? Но этимъ противники женскаго освобожденія, какъ я уже сказалъ, не ограничиваются. Они утверждаютъ, что и самый умъ у женщины совсѣмъ не таковъ, какъ у мужчины; что и нравственность ея не такова. Изъ этого, разумѣется, ужь прямо выходитъ, что никакъ не слѣдуетъ давать воли ни тому, ни другой; иначе выйдетъ чортъ-знаетъ-какой хаосъ вмѣсто той прелестной, гармонической семьи, вмѣсто того милаго, образцоваго общества, какія существуютъ теперь.

Разобрать въ подробности эти мнѣнія о тройномъ препятствіи, полагаемомъ самою природой женщины ея равному съ мужчиной воспитанію и образованію, — мнѣнія о физическомъ, умственномъ и нравственномъ несовершенствѣ ея, необходимо прежде, чѣмъ говорить объ иномъ, лучшемъ строѣ семьи, который представляется нашимъ соображеніямъ. Только коренная реформа въ женскомъ воспитаніи можетъ вести насъ къ этому строю и упрочить его, а вмѣстѣ съ тѣмъ упрочить и благосостояніе и порядокъ общества.

Итакъ, изъ физическихъ свойствъ женщины, полагающихъ главную преграду ея умственному развитію вровень съ мужчиной, называютъ прежде всего сравнительную слабость ея организма и падающій на нее актъ рожденія

Я не стану, разумѣется, увѣрять, что физическая сила въ женщинѣ равна мужской силѣ. Но спрашивается, что за важное значеніе имѣетъ вообще физическая сила человѣка при настоящемъ развитіи общества? Наука съ каждымъ годомъ, чуть не съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе устраняетъ ее, подчиняя намъ разнообразныя силы природы. Но если бъ людямъ и до сихъ поръ приходилось сражаться со сказочными Змѣями Горыничами и

таскать на спинѣ камни для возведенія пирамидъ, то и въ этомъ случаѣ какая физическая сила могла бы требоваться для занятій хоть бы математикой, химіей, исторіей или даже для непосредственнаго участія въ гражданской дѣятельности? Для того, чтобы снять съ полки древній фоліантъ или навести астрономическій инструментъ, силы нужно гораздо меньше, чѣмъ на одинъ кругъ вальса. Занятія химіей нисколько не утомительнѣе занятій кухонныхъ, которыя вѣдь считаются же доступною женщинамъ спеціальностью. Наконецъ, одна безсонная ночь среди шаманскаго круженія бала едва ли не стоитъ цѣлой недѣли усидчиваго кабинетнаго труда.

Едва отнятая отъ груди, дѣвочка начинаетъ получать уже иное воспитаніе, чѣмъ мальчикъ. А между тѣмъ извѣстно каждому, что до наступленія половой зрѣлости они ничѣмъ почти не отличаются другъ отъ друга, и только эта зрѣлость нарушаетъ существовавшее между ними равновѣсіе физическихъ силъ. Что же мѣшаетъ учить въ это время дѣвочку тому же и такъ же, чему и какъ учатъ мальчика? Что мѣшаетъ стараться о томъ, чтобы она привыкла цѣнить и полюбила умственный трудъ? Нѣтъ, для систематическаго покоренія ея вѣчной опекѣ мужчины, необходимо убить въ ней всякую самостоятельность мысли. Мальчику даютъ въ руки книгу, дѣвочкѣ — куклу.

При жалобахъ на слабость женскаго организма, мѣшающую будто бы развитію ума, заботятся ли по крайней мѣрѣ о здоровомъ физическомъ воспитаніи? Какъ извѣстно, мы въ этомъ случаѣ вовсе не похожи на спартанцевъ. Физическое воспитаніе дѣвочки совсѣмъ не таково, какъ воспитаніе мальчика. Вмѣсто того, чтобы развивать силу и укрѣплять организмъ, оно, своею балующею исключительностью, только разслабляетъ, дѣлаетъ женщину дѣйствительно какимъ-то беззащитнымъ въ физическомъ отношеніи существомъ.

Изнѣженность, сообщаемая этимъ исключительнымъ воспитаніемъ, постоянная бездѣльность мысли и рядомъ съ нею идущее несоразмѣрное развитіе воображенія ускоряютъ и самую половую зрѣлость. Первыя явленія этой зрѣлости застаютъ женщину большею частью еще совершеннымъ ребенкомъ, и самая зрѣлость эта кажется какою-то аномаліей, болѣзнью.

Статистическія данныя, собранные Бріеромъ де-Буамономъ и Рациборскимъ объ эпохѣ менструаціи при разныхъ условіяхъ климата и воспитанія, ясно показываютъ, что зрѣлость половая находится въ прямой зависимости отъ умственнаго и нравственнаго развитія. Здравое развитіе ума полагаетъ преграду преждевременному и вредному развитію чувственности, и дѣлаетъ невозможнымъ анормальное появленіе признаковъ зрѣлости въ то время, когда самой зрѣлости

еще нѣтъ, или когда самое существованіе ея не имѣетъ должной цѣны. Правильная организація и здоровое сложеніе дѣтей возможны лишь при дѣйствительной, а не фиктивной зрѣлости матери. Это фактъ, всѣми признанный.

А между тѣмъ все женское воспитаніе направлено у насъ словно нарочно на то, чтобы приготовлять искусственно-зрѣлыхъ женщинъ чуть не въ тринадцать лѣтъ. И до сихъ поръ, несмотря на возгласы наши о томъ, какъ далеко ушли мы впередъ отъ какихъ нибудь персидскихъ, турецкихъ нравовъ, сплошь встрѣчаются женщины, у которыхъ физическое развитіе и ростъ остановлены тѣмъ, что онѣ готовятся быть матерями. Какого же здоровья можно тутъ ждать отъ дѣтей? Это скороспѣлые плоды, истощающіе дерево и пользующіеся изъ него слабыми соками.

Въ наше время дѣтское образованіе все болѣе и болѣе упрощается. Элементарныя познанія пріобрѣтаются уже безъ того тяжкаго труда, который обусловливалъ необходимость ферулы и розогъ. Даже если предположить въ дѣвочкѣ относительную слабость организма въ сравненіи съ мальчикомъ, чего въ сущности нѣтъ, то и тутъ равномѣрное съ нимъ ученье ни въ какомъ случаѣ не можетъ нанести физическаго вреда и помѣшать будущей женщинѣ стать здоровой матерью и здоровой кормилицей своего дитяти.

А между тѣмъ даже въ тѣхъ первоначальныхъ познаніяхъ, безъ которыхъ мужчина не можетъ шагу ступить въ жизни, чтобы не оказаться дуракомъ, отказываютъ женщинѣ, или передаютъ ей ихъ въ дѣтствѣ такъ, что она привыкаетъ мало по малу видѣть въ нихъ не что либо существенное для жизни, а какую-то ненужную для себя заботу, которая минуетъ вмѣстѣ съ дѣтскою порой. Учась вмѣстѣ съ братьями, дѣвочка замѣчаетъ постоянное отчужденіе себя отъ ихъ интересовъ. На ея уроки смотрятъ сквозь пальцы; ей говорятъ: «это для тебя лишнее!» «это тебѣ не нужно!» Она старше своихъ братьевъ, зрѣлѣе пониманіемъ; а между тѣмъ къ ней несравненно менѣе требовательны, чѣмъ къ нимъ. Нечего и говорить, что при такомъ взглядѣ невозможно не только мало-мальски серьёзное образованіе, но даже и охота учиться. Во всѣхъ азбукахъ говорится, что «плоды ученія сладки, а корень его горекъ». Въ то время, какъ мальчика часто противъ воли заставляютъ сосать этотъ горькій корень, дѣвочкѣ постоянно говорятъ: «не сладко, такъ брось!» Какъ ни много успѣховъ сдѣлала метода элементарнаго образованія, горечи въ первыхъ урокахъ осталось еще довольно, и пріохотить къ труду, пробудить любознательность, заставить полюбить знаніе—составляетъ все-таки главную задачу современнаго вос-

нитателя. Только въ женскомъ воспитаніи задача эта отодвигается на второй планъ, если не забывается совсѣмъ.

Такое небреженіе оправдываютъ обыкновенно тѣмъ, что женщина въ зрѣломъ возрастѣ, если только она удовлетворяетъ главному своему назначенію — быть матерью, не имѣетъ и времени посвящать себя интересамъ науки или общества. Тутъ начинаются обыкновенно выкладки и разсчеты, изъ которыхъ прямымъ слѣдствіемъ выходитъ знаменитая аксіома г. Мишле (въ его книгѣ «Любовь»), что «женщина есть существо больное». Дѣйствительно, при томъ направленіи воспитанія, какое дается въ дѣтствѣ женщинѣ, всѣ физіологическія явленія принимаютъ въ ней мало по малу характеръ патологическій.

Риль, въ книгѣ своей «Семейство», говоритъ, что противоположность двухъ половъ проявляется окончательно лишь при высшей степени цивилизаціи, что не только у дикихъ и полуварварскихъ народовъ, но даже и въ сельскомъ населеніи образованныхъ націй въ женщинѣ замѣчается много мужскихъ, а въ мужчинѣ много женскихъ элементовъ. Это дѣйствительно такъ; но эта противоположность половъ никакъ не можетъ считаться разумнымъ и должнымъ явленіемъ. Напротивъ, разумность остается въ этомъ случаѣ на сторонѣ дикихъ и полуварварскихъ народовъ. Не будучи вовсе поклонникомъ буколическаго «état de la nature», я однакожь позволяю себѣ думать, что и на такъ называемыхъ высшихъ степеняхъ цивилизаціи не мало вопіющихъ несправедливостей и готтентотскихъ дикостей, и что, несмотря на высоту нашего гражданскаго величія, намъ можно бы кое-чему поучиться у какихъ нибудь ароваковъ, или эскимосовъ, гдѣ женщины благополучно родятъ и выкармливаютъ здоровыхъ дѣтей, исполняя въ тоже время труднѣйшія сравнительно съ мужчинами работы.

Снимите «табу», наложенное для женщины на общечеловѣческіе интересы, перестаньте смотрѣть на первые уроки ея съ гигіенической точки зрѣнія госпожи Простаковой, и мало по малу разсчеты и выкладки ваши, доказывающіе постоянную, несовмѣстную съ болѣе широкимъ кругомъ дѣятельности, болѣзненность женщины, потеряютъ свою убѣдительность.

Разсчеты и выкладки эти сводятся въ настоящее время на слѣдующія цифры:

По наступленіи половой зрѣлости, у женщины въ каждомъ мѣсяцѣ восемь дней должны быть причислены къ праздникамъ. Въ эти дни болѣзненное состояніе (опять-таки болѣзнь вмѣсто физіологическаго явленія!) не позволяетъ женщинѣ ничѣмъ заниматься.

Такимъ образомъ на годъ приходится праздныго времени девяносто шесть дней. Не мало?

Затѣмъ, беременность отнимаетъ у женщины девять мѣсяцевъ, возстановленіе силъ послѣ родовъ — сорокъ дней, кормленіе новорожденнаго грудью—отъ года до пятнадцати мѣсяцевъ.

Предположимъ, что у женщины будетъ четверо дѣтей съ двухлѣтними промежутками; вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, которыя должны быть посвящены ею материнскимъ обязанностямъ.

Ни одинъ изъ самыхъ упорныхъ противниковъ женской эманципаціи не можетъ, однакожъ, не признать, что женщина на время беременности и кормленія грудью не превращается же въ такое тупое и безсмысленное существо, чтобы оставаться совершенно чуждою всякой дѣятельности, кромѣ своихъ материнскихъ заботъ. Это признаетъ и Прудонъ.

Но, дѣлая такую уступку, онъ тѣмъ не менѣе доходитъ до заключенія, что женщина все-таки на все это время не можетъ обойтись безъ пособія мужчины. «Если не мужчина (говоритъ онъ), будь это отецъ, братъ, мужъ или любовникъ, остается въ сущности единственнымъ производителемъ, поставщикомъ и кормильцемъ, какъ можетъ онъ подчиниться контролю и управленію женщины? Какимъ образомъ существо не трудящееся, живущее трудомъ другаго, будетъ управлять трудомъ въ теченіе своихъ постоянныхъ родовъ и беременностей? Устроивайте, какъ хотите, отношенія половъ и воспитаніе дѣтей, вы все-таки придете къ убѣжденію, что женщина своею органическою слабостью и своимъ *интереснымъ положеніемъ*, въ которое не преминѐтъ попасть, лишь бы на то было желаніе мужчины, неизбѣжно и по праву должна быть исключена изъ всякаго управленія политическаго, административнаго, ученаго и промышленнаго».

Тонъ иронія, всюду господствующій въ книгѣ Прудона, когда онъ говоритъ о предоставленіи женщинѣ иныхъ правъ, чѣмъ права домашняго животнаго, сильно подрываетъ вѣру въ его безпристрастіе. Не много нужно проницательности, чтобы замѣтить въ этомъ тонѣ раздраженіе авторитета, человѣка, власть имѣющаго,—на дерзость подчиненныхъ.... Это иронія американскаго плантатора, которому говорятъ, что его забитый негръ можетъ пользоваться одинаковымъ съ нимъ правомъ голоса.

Даже при томъ состояніи семьи и общества, какое мы видимъ теперь, едва ли кто-либо, за исключеніемъ такихъ непреклонныхъ систематиковъ, какъ Прудонъ, можетъ отрицать важность участія женщины въ разрѣшеніи многихъ существенныхъ вопросовъ жизни, хоть бы напримѣръ вопроса о воспитаніи. Не большая ли сво-

бода, данная женщинѣ въ новыхъ европейскихъ обществахъ, вывела насъ изъ того жалкаго прозябанія, въ которомъ чахнутъ народы восточные? Но остановиться на этой, преимущественно внѣшней свободѣ, искусно прикрывающей печальные остатки того же азіатскаго рабства, значитъ остановиться на полдорогѣ. А съ тѣми экономическими основаніями, на которыхъ утверждаетъ Прудонъ необходимость подчиненія женщины мужчинѣ, нетрудно двинуться и вспять. Не разбирая пока, въ какой мѣрѣ женщина неспособна ко всѣмъ, исчисленнымъ французскимъ философомъ, родамъ дѣятельности, спросимъ только: такъ какъ и физіологическія явленія хотятъ во что бы то ни стало подчинить законамъ труда и капитала, — къ какой категоріи труда, производительной или непроизводительной, слѣдуетъ отнести трудъ ношенія въ своей утробѣ и потомъ кормленіе ребенка? Или это даже и не трудъ, а праздность, за которую, какъ возмездіе, слѣдуетъ не только лишеніе права на голосъ въ обществѣ, но и полнѣйшее лишеніе свободы?

Мужская и женская половины человѣчества никогда не выйдутъ изъ указанной имъ самою природой взаимной зависимости; но въ томъ-то и бѣда, что масса подъ зависимостью понимаетъ еще до сихъ поръ не разумное равновѣсіе, а подчиненіе одной и преобладаніе другой стороны. И вотъ—страхъ потерять власть, заставляетъ мужскую половину искать оправданія своему господству и подчиненности женщинъ въ самой ихъ натурѣ.

Я уже сказалъ, что исключительное воспитаніе женщинъ и небреженіе о развитіи въ нихъ мысли, ведутъ лишь къ тому, чтобы сдѣлать ихъ дѣйствительно какими-то больничными субъектами. Цифра 8, приведенная мною выше, значится у Прудона. Мишле приводитъ еще высшую цифру для ежемѣсячныхъ досуговъ женщины. У него, кажется, женщина и недѣли въ мѣсяцъ не бываетъ здорова. Если совершенствованіе пойдетъ такими быстрыми шагами, то надо ждать, что менструація скоро сдѣлается смертельною, или по крайней мѣрѣ такою же опасною, какъ напримѣръ тифъ, болѣзнью. Женщина той низшей степени цивилизаціи, гдѣ господствуетъ замѣченное Риллемъ смѣшеніе половъ, не мало посмѣялась бы и надъ восьмидневнымъ срокомъ Прудона, не говоря уже о трехнедѣльныхъ страданіяхъ женщины Мишлѣ. Отчего бы ужъ кстати не обречь родильницу на неподвижное лежанье въ постели въ теченіе всего періода сорокадневнаго очищенія. Вѣдь продолжилъ уже многими акушерами и девятидневный срокъ послѣ родовъ до двѣнадцати и болѣе дней. Въ незбалованныхъ же роскошью классахъ женщина сплошь начинаетъ работать въ четвертый день по произведеніи на свѣтъ младенца.

Я не скажу ничего новаго и необыкновеннаго, если поставлю необходимымъ условіемъ здоровья беременной женщины — вести тотъ самый образъ жизни, какой она вела до начала беременности, за исключеніемъ, разумѣется, тяжкаго труда и противоестественныхъ при этомъ усилій. Если въ такъ называемыхъ образованныхъ классахъ беременныя женщины позволяютъ себѣ носить тугіе корсеты и танцовать чуть не до упаду на балахъ, что положительно вредно, то какъ понять возгласы людей, допускающихъ и то и другое, о вредѣ умственныхъ занятій во время беременности?

И въ этомъ случаѣ, какъ вообще въ большей части сужденій о женщинахъ, слѣдствіе принимается за причину. Дѣйствительно, общество наше представляетъ не мало примѣровъ, когда умственныя занятія во время беременности служатъ ко вреду здоровья женщины. Но что же это доказываетъ? Одно только: что предшествовавшее воспитаніе превратило для женщины всякій умственный трудъ въ какую-то непривычную пытку. Не точно ли такъ крестьянину, умѣющему плохо читать по складамъ, легче вспахать десятину, чѣмъ прочитать десятокъ разгонистыхъ страничекъ?

Въ этомъ же отчужденіи отъ умственныхъ и общественныхъ интересовъ лежитъ причина тѣхъ ненормальныхъ нравственныхъ явленій, которыя принимаются обыкновенно за неизбѣжныя слѣдствія беременности. Скука, странныя прихоти, чрезмѣрная раздражительность—все это не можетъ быть объяснено одними физіологическими измѣненіями въ организмѣ. Если эти явленія и дѣйствительно неизбѣжны, то на иной, высшей степени умственнаго и нравственнаго развитія, чѣмъ какого достигаетъ обыкновенно женщина въ наше время, они по крайней мѣрѣ значительно бы умѣрились. Перевѣсъ воображенія надъ мыслью, начинающійся съ дѣтства, есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ пріобрѣтаемой ими силы.

Партизаны гигіеническаго взгляда на женщину, считая единственно важнымъ фактомъ ея жизни рожденіе и кормленіе дѣтей и предписывая ей поэтому во всѣхъ другихъ родахъ дѣятельности самую мелкую и жалкую роль, и не замѣчаютъ того, что предписываемая ими дисциплина служитъ не къ пользѣ, а во вредъ тому, что̀ считается ими главною цѣлью всего женскаго существованія.

Повторяю — не органическая слабость и не періодическая беременность устраняютъ женщину отъ участія въ политической, административной, ученой и промышленной дѣятельности, а съ дѣтства ложно-направляемое, отличное отъ мужскаго, исключительное воспитаніе. Въ низшихъ классахъ общества, и преимущественно въ сельскомъ населеніи, гдѣ (за исключеніемъ свойственной невѣжеству

грубости) гораздо болѣе сходства въ воспитаніи обоихъ половъ, существуетъ между ними гораздо большее равновѣсіе и въ правахъ, обязанностяхъ и образѣ жизни. Тамъ женщины не отстраняются ни отъ участія въ физическомъ трудѣ, ни отъ дѣятельности болѣе или менѣе общественной. И при всемъ этомъ катастрофы, довольно обыкновенныя въ классахъ высшихъ, гдѣ женщина ограждена, кажется, отъ всѣхъ вредныхъ вліяній, случаются съ женщинами изъ простонародья несравненно рѣже.

Французскій врачъ Руссель, написавшій классическую во французской литературѣ, хотя и наполненную предразсудками, книгу о женщинѣ въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ («Système physique et moral de la femme»), говоритъ между-прочимъ вотъ что объ образѣ жизни простонародныхъ женщинъ во время беременности:

«Онѣ извлекаютъ большую себѣ пользу изъ труда, къ которому обязываетъ ихъ общественное положеніе; онѣ находятъ въ немъ для себя потребное и необходимое упражненіе, отстраняемое отъ себя по ложнымъ соображеніямъ женщинами богатыми; ибо осторожность запрещаетъ во время беременности лишь чрезмѣрныя усилія».

«Одно изъ великихъ благъ труда (продолжаетъ Руссель далѣе), это то, что онъ спасаетъ насъ отъ господства страстей: онѣ зрѣютъ и кипятъ въ спокойствіи и праздности. Смущая вообще жизненныя отправленія, онѣ не менѣе пагубны и для того отправленія, которое служитъ сохраненію рода. Въ нихъ источникъ большей части случающихся выкидышей: оттого-то эти случаи болѣе обычны тамъ, гдѣ окружающее общество, или положеніе въ немъ женщины способствуютъ сильной игрѣ страстей. Выкидыши въ сельскомъ населеніи происходятъ почти всегда отъ чрезмѣрныхъ усилій или паденій, рѣдко бываютъ они слѣдствіемъ нравственныхъ причинъ. Животныя, будучи еще болѣе охранены отъ этого вліянія, выкидываютъ лишь вслѣдствіе насилій человѣка».

Заключимъ эти выписки еще одною цитатой.

«Самки животныхъ (говоритъ авторъ «Системы») и женщины съ организмомъ не искаженнымъ нѣгой, не больны во время плодоношенія. Беременность — болѣзнь лишь для тѣхъ женщинъ, обезсиленнымъ органамъ которыхъ тягостно каждое отправленіе, лишь для тѣхъ хрупкихъ и нѣжныхъ созданій, для которыхъ и каждое пищевареніе есть краткая болѣзнь. Въ прочія достигаютъ обыкновеннаго предѣла беременности, не чувствуя никакой хворости, кромѣ неизбѣжной при этомъ состояніи тягости».

Все это вполнѣ справедливо — и справедливо не въ отношеніи только къ физической, но и къ нравственной сторонѣ женской жизни, хотя о послѣдней и нѣтъ здѣсь рѣчи. Праздность мысли вредна не менѣе праздности тѣла. Она такъ же способствуетъ развитію и погубленію страстей, и томительнаго чувства недовольства собою и всѣмъ окружающимъ, и болѣзненной вслѣдствіе этого воспріимчивости, раздражительности. Одна физическая дѣятельность не можетъ же вполнѣ поглотить жизни женщины. Указывая на женщинъ низшихъ сословій, Руссель находитъ болѣе приличнымъ ихъ образъ жизни во время беременности; но, упоминая объ ихъ участіи въ физическомъ трудѣ, онъ забываетъ сказать, что и нравственная, и умственная жизнь ихъ идетъ въ то же время своимъ чередомъ, безъ всякихъ ограждевій и ограниченій. Сфера мысли и дѣятельности поселянки тѣснѣе, можетъ быть, чѣмъ у женщины изъ высшихъ и болѣе зажиточныхъ классовъ; но это не значитъ еще, что тамъ полный сонъ и застой умственный и нравственный, который такъ желательно водворить многимъ между женщинами съ большими средствами къ жизни, а стало быть и съ большею возможностью для всякаго развитія. Кромѣ того, упрекая послѣднихъ (какъ это дѣлаетъ Руссель) въ томъ, что онѣ отстраняютъ отъ себя всякій физическій трудъ, намъ слѣдовало бы опредѣлить сначала, въ чемъ долженъ состоять физическій трудъ женщины въ тѣхъ классахъ общества, гдѣ довольство позволяетъ ей не брать на себя черныхъ и тяжелыхъ работъ?

До сихъ поръ я имѣлъ въ виду тѣхъ женщинъ, которыя удовлетворяютъ своему половому назначенію — быть матерями; но нельзя же не вспомнить, что независимо отъ неизбѣжныхъ физіологическихъ аномалій, самое устройство нашего общества вовсе не обезпечиваетъ женщинѣ эту долю. Что остается ей тогда? Жизнь безъ цѣли, безъ дѣла, безъ пользы, какое-то медленное умиранье. Вѣрнымъ застрахованіемъ отъ такой жалкой судьбы было бы дѣльное и прочное умственное образованіе, которое открыло бы женщинѣ путь и къ полезной общественной дѣятельности.

Да и самыя заботы материнскія не обнимаютъ собою всей жизни женщины. Прежде чѣмъ стать матерью, женщина не можетъ же вся погрузиться въ нянченье, обшиванье и одѣванье куколъ въ видѣ приготовленія себя къ будущему воспитанію своихъ дѣтей. Будь это такъ, слѣдовало бы женщину считать ниже безсловесныхъ животныхъ, которымъ не для чего любить сначала куколъ, чтобы полюбить потомъ дѣтей своихъ. А время увяданья, когда способность дѣторожденія уже истощилась, материнскія обязанности кончены и

дѣти давно живутъ самостоятельною и независимою жизнью? Что можетъ быть печальнѣе и въ тоже время возмутительнѣе этой праздной дремоты, въ которую женщина осуждена погрузиться на старости?

Въ отвѣтъ на всѣ эти упреки и требованія многіе не прочь возразить: «что жь? Попробуйте давать женщинѣ совершенно-равное съ мужчиной образованіе. Мы противъ этого не споримъ; вѣдь результаты всѣхъ стараній о женскомъ просвѣщеніи будутъ за насъ же. Опытъ приведетъ-таки къ убѣжденію, что женщина не способна къ такому умственному развитію, какъ мужчина, у нея и мозгъ совсѣмъ иначе устроенъ. Были, правда, исключенія изъ общаго правила; но исключенія ничего не доказываютъ. Самъ женщины съ этимъ согласны, умнѣйшія изъ женщинъ, какъ напримѣръ, г-жа Сталь, Рахиль Фарнгагенъ и др.; Жоржъ Зандъ прямо говоритъ, что женщина отъ природы дура («la femme est imbécile par nature»). Но что такое женскій умъ, женская геніальность даже въ помянутыхъ исключеніяхъ? Это умъ, это геніальность только относительно общаго мелкаго уровня женскихъ способностей, а никакъ не въ сравненіи съ умомъ и геніемъ мужчинъ. Мы готовы пожалуй съ вами согласиться, что физическія препятствія въ природѣ женщины не представляютъ существенной важности для ея образованія и для расширенія ея правъ; но будетъ ли отъ этого какая польза для общества? Посмотрите на опытъ вѣковъ».

Посмотримъ.

II.

Какъ въ исторіи наукъ и искусствъ, такъ и въ исторіи обществъ и государствъ, на каждой страницѣ встрѣчаемъ мы имена женщинъ, какъ дѣятельныхъ участницъ, въ которой нибудь изъ этихъ сферъ. Стало быть женщины никогда не были чужды ни умственному, ни соціальному движенію человѣчества. Какъ же послѣ этого обвинять ихъ въ крайней ограниченности умственныхъ способностей?

Не говоря о женщинахъ, стоявшихъ во главѣ государствъ, или усердно и съ успѣхомъ служившихъ церкви (здѣсь онѣ могли дѣйствовать подъ мужскимъ вліяніемъ, не самостоятельно), сколько женщинъ посвящали большую часть своей дѣятельности искусству или наукѣ! Нѣтъ знанія, которое осталось бы совершенно незнакомою для женской мысли областью. Между женщинами есть ученыя,

тыя естествоиспытательницы, путешественницы; математика, медицина, филологія насчитываютъ въ числѣ своихъ дѣятелей также не мало женщ нъ. Менѣе занимались женщины философіей и исторіею; но и здѣсь есть нѣсколько уважаемыхъ женскихъ именъ. Про изящныя же искусства, которыя испоконъ-вѣку считались приличною женщинамъ спеціальностью, и говорить нечего. Живописицъ, музыкантшъ, а тѣмъ паче писательницъ, романистокъ и поэтессъ, не перечтешь.

Но для многихъ это-то именно участіе женщинъ въ прогрессѣ жизни и знанія служитъ однимъ изъ доказательствъ ихъ сравнительной неспособности, ихъ умственнаго безсилія передъ мужчинами. «Гдѣ, спрашиваютъ обыкновенно,—гдѣ въ этомъ безконечномъ спискѣ женскихъ именъ, хоть одно такое, какъ имена, напримѣръ, Бэкона, Гумбольдта, Лапласа въ наукѣ, какъ имена Данта, Рафаэля, Моцарта въ искусствѣ? Гдѣ великія женскія открытія? гдѣ полезныя женскія изобрѣтенія? гдѣ данное женщиной новое направленіе общественной мысли? гдѣ начатый женщиною новый періодъ въ искусствѣ, въ наукѣ?»

Дѣйствительно, женщины занимаютъ тутъ второстепенное мѣсто; но не второстепенная ли роль принадлежала имъ и въ жизни, и не втѣснила ли ихъ самая эта роль и въ болѣе тѣсную сферу умственной дѣятельности? Едва ли станетъ кто отрицать неоспоримый фактъ, имѣющійся у всѣхъ на глазахъ съ первыхъ, доступныхъ исторіи временъ и до нашей просвѣщенной поры,—фактъ, что женщину постоянно обрекали на исключительное служеніе домашнимъ интересамъ и всѣми мѣрами старались сдѣлать чуждою какъ интересамъ общества, такъ и интересамъ науки. Едва ли кто не знаетъ, что воспитаніе ея стояло всегда не только вдали отъ жизни общественной въ обширномъ смыслѣ этого слова, но даже и въ совершенномъ противорѣчіи съ современными требованіями общества, что къ образованію не только равному съ мужчиной, не только необходимому для первоначальнаго нравственнаго воспитанія своихъ дѣтей (а это воспитаніе всегда вмѣняли въ обязанность матери), но даже просто сообразному хоть бы съ ограниченною чредой домашняго быта и неизбѣжному для этой чреды, у женщины были отрѣзываемы всѣ законные (sic) пути, что для выхода изъ своего пассивнаго положенія ей приходилось отчаянно бороться со всевозможными препятствіями и въ утвердившихся правахъ, и въ предписаніяхъ дѣйствующей морали и дѣйствующаго закона. Самыя исключенія изъ общей порабощенной массы, самыя тѣ женщины, имена которыхъ служатъ лучшимъ зало-

гомъ возможности широкаго женскаго образованія, не могли, при всѣхъ тяжелыхъ усиліяхъ своихъ, вполнѣ освободиться отъ вѣковыхъ узъ предразсудка и несправедливости. Нужна не совсѣмъ обыкновенная сила ума, чтобы понять высокую цѣну для жизни того, о чемъ съ дѣтства втолковывалось намъ, какъ о чемъ-то ненужномъ и безполезномъ (по крайней мѣрѣ лично для насъ). Нужна не совсѣмъ обыкновенная сила воли, чтобы вопреки прочно утвержденному порядку взяться за дѣло, признанное чуждымъ нашимъ способностямъ, и взяться за него не безплодно; нужно полное отрѣшеніе отъ всего своего прошлаго, не только перевоспитаніе, но почти перерожденіе. Если такое перевоспитаніе и возможно, то уже въ года зрѣлаго сознанія, когда дѣйствительно могутъ явиться помѣхой материнскія обязанности женщины. Все дѣтство, вся лучшая, цвѣтущая пора молодости были потрачены даромъ; наука все это время оставалась запечатлѣнною книгой; самая жизнь показывалась только съ нѣкоторыхъ, извѣстныхъ сторонъ. Счастье еще, если голосъ общей жизни настолько доходилъ до слуха, что можно было не отупѣть окончательно въ однихъ чисто животныхъ инстинктахъ, не потерять всякую нравственную воспріимчивость, и найдти въ себѣ хоть изрѣдка, хоть слабый отзывъ интересамъ общечеловѣческимъ!

Гдѣ же вина женской природы, что ни одно изъ этого множества женскихъ именъ, вписанныхъ въ исторію общества, науки и искусства, не можетъ стать по значенію своему наравнѣ съ вышеназванными мужскими именами? Если и даровитѣйшія представительницы женскаго элемента въ наукѣ и литературѣ, въ обществѣ и государствѣ, грѣшатъ подъ часъ узкостью сужденій, непрактичностью взглядовъ и дѣйствій, то не лучше ли источника этихъ недостатковъ поискать опять таки въ несовершенствѣ перваго воспитанія, трудности пріобрѣтенія общедоступныхъ для мужчины знаній, и наконецъ въ невольничьемъ положеніи посреди общества? Вы хотите видѣть между женщинами Галилеевъ и Гумбольдтовъ, а запираете отъ нихъ двери коллегій, университетовъ, академій, закрываете отъ нихъ плотною завѣсой даже міръ и природу, и обращаете ихъ, какъ къ единственнымъ кладезямъ мудрости и просвѣщенія, къ пансіонамъ и институтамъ, гдѣ не дается понятія и объ азбукѣ науки и преподается превратное понятіе о жизни. Вы хотите видѣть между женщинами великихъ художниковъ, имена которыхъ опредѣляютъ вѣкъ, когда они жили и дѣйствовали; а жизнь, эту единственную и твердую почву искусства, позволяете имъ наблюдать лишь издали. Чѣмъ шире сфера, изученная и воспроизведен-

нія художникомъ, тѣмъ важнѣе и прочнѣе его значеніе; гдѣ же доступна женщинѣ такая сфера? Выходя на поприще литературы, женщины большею частью сходны съ тѣми высоко-даровитыми, но лишенными правильнаго и строгаго образованія личностями, которыя выдѣляются изъ темной массы народа и называются обыкновенно «самоучками.» «Только мужчина созерцаетъ все въ мірѣ; женщина уловляетъ лишь подробности», говоритъ г-жа Неккеръ-де-Соссюръ, сваливая вину на природныя способности женщины. То же утверждаютъ многіе философы и писатели, опять-таки принимая слѣдствіе за причину и забывая, что на основаніи приводимыхъ ими доводовъ можно утвердить вѣчное невольничество негра. Гдѣ въ самомъ дѣлѣ геніи, вышедшіе изъ этой среды? Таковъ ли уровень умственныхъ способностей тамъ, какъ въ сословіяхъ свободныхъ? И неужто это мѣшаетъ намъ признавать важность просвѣщенія, свободы и человѣческихъ правъ для негра?...

Послѣ этой параллели я считаю лишнимъ спорить противъ мнѣнія, что если единожды устроился такой порядокъ, если женщина съ незапамятныхъ временъ находится въ подчиненіи мужчинѣ, то, значитъ, лучшей доли она и не стоитъ. Скажу только, что этотъ порядокъ, устроился въ тѣ незапамятныя времена, когда высшимъ и лучшимъ даромъ была для человѣка физическая сила, защищавшая его жизнь и свободу. Не вѣка проходили не даромъ, и право сильнаго перестаетъ считаться правомъ. Къ послѣднимъ печальнымъ остаткамъ его слѣдуетъ причислить ходячія истины, что у женщины умъ «растительный», неспособный къ логикѣ, къ правильному ходу мысли, что «идеи ея безсвязны, сужденія безпослѣдственны», что «химеры принимаетъ она за дѣйствительность, изъ простыхъ аналогій выводитъ правила»: что «она не понимаетъ сама себя, да и не способна понимать»; что «какъ въ дѣлѣ продолженія племени ей нужно оплодотворяющее сѣмя мужчины, такъ и мысли ея сообщается дѣятельность лишь силою мужской мысли»; что «у женщины есть и пониманіе, и память, и воображеніе, но нѣтъ производительной способности въ умѣ»; что «будучи способна усвоить (и то лишь до нѣкоторой степени!!) найденную истину, женщина сама лишена всякой инициативы»; что «человѣчество не обязано женщинамъ ни одною идеей нравственной, политической или философской», что «оно подвигалось въ наукѣ безъ ихъ содѣйствія!»

На языкѣ менѣе вѣжливый и ясный, но зато болѣе успокоительный для обѣихъ сторонъ это переводится такъ: «Природа дала мужчинѣ мощную силу и дерзкую отвагу, мятежныя страсти и гордый, пытливый умъ, дикую волю и стремленіе къ созданію и раз-

рушенію; женщинѣ дала она красоту вмѣсто силы, *избыткомъ нѣжнаго и тонкаго чувства заткнула избытокъ ума*, и опредѣлила ей быть весталкою огня кротчихъ и возвышенныхъ страстей. И какая дивная гармонія въ этой противоположности, какой звучный, громкій и полный аккордъ составляютъ эти два, совершенно-различные инструмента! *Воспитаніе женщины должно гармонировать съ ея назначеніемъ, и только прекрасныя стороны бытія должны быть открыты ея взорамъ, а обо всемъ прочемъ она должна оставаться въ миломъ, простодушномъ незнаніи*: въ этомъ смыслѣ ея односторонность въ ней достоинство; мужчинѣ открытъ весь міръ, всѣ стороны бытія» (*).

«Вы стоите за умъ женщинъ, говорятъ мнѣ: а не болѣе ли мужчинъ наклонны онѣ къ идеализму, къ мистицизму? вообще не остаются ли онѣ преимущественными хранительницами предразсудковъ и нелѣпыхъ вѣрованій?» Да развѣ не этими же качествами характеризуется всякое умственное неразвитіе—какъ въ женщинѣ, такъ и въ мужчинѣ? Дайте ей средства къ образованію, расширьте поприще ея дѣятельности, и *явленія*, кажущіяся вамъ теперь существенными, превратятся въ чисто случайныя.

Но работа мысли, отвѣчаетъ на это, несовмѣстна съ матеріальными отправленіями и обязанностями. «Женщина (утверждаетъ Прудонъ) лишена способности разсужденія въ продолженіе нѣкоторой части своего существованія; любовь отнимаетъ у нея разсудокъ; во время менструаціи и беременности она не владѣетъ своею волей.» Мы уже видѣли изъ приведенныхъ выше разсчетовъ Прудона и Мишле, что они принимаютъ за норму печальныя исключенія женской природы, произведенныя во Франціи неестественнымъ и дурнымъ воспитаніемъ. Вотъ и еще подтвержденіе. Какъ и отчего любовь непремѣнно должна отнимать разсудокъ? Что это за ужасная болѣзнь менструація, что во время ея женщина собой не владѣетъ? Конечно, если, взамѣнъ ума, развивать въ женщинѣ «избытокъ нѣжнаго и тонкаго чувства» и открывать ей только «прекрасныя стороны бытія», а относительно всего остальнаго оставлять ее «въ миломъ, простодушномъ незнаніи», то любовь какъ разъ превратится въ безуміе, и жизнь женщины будетъ представлять еще

(*) Я нарочно привелъ эти реторическія и дѣтски-несостоятельныя фразы Бѣлинскаго; нынче о нихъ вспомнили по случаю недавняго его сочиненія, и мнѣ чуть ими въ глаза, какъ вѣковѣчной истиной, только оттого, что ихъ написалъ Бѣлинскій, не разбирая, что онѣ относятся къ самой первой порѣ его литературной дѣятельности.

и не такія прелести. Далѣе: «у кормилицы излишнее возбужденіе мозга измѣняетъ качество молока и вскорѣ уничтожаетъ его. Это видно въ Парижѣ, гдѣ женщины, вслѣдствіе множества общественныхъ отношеній, дѣлъ и заботъ, не могутъ, при всемъ желаніи и при счастливѣйшемъ расположеніи, выдерживать трудъ кормленія грудью.» Но развѣ *излишнее* возбужденіе мозга есть *непремѣнное* условіе дѣятельности ума? И не оттого ли только всякая, очень обыкновенная для мужчины и вовсе для него не утомительная работа мысли сопряжена у женщины съ особеннымъ напряженіемъ головы, что работа эта совершенно непривычна избалованному съ дѣтства праздностью и бездѣйствіемъ мозгу? Примѣръ Парижа въ этомъ случаѣ вовсе не убѣдителенъ. Упоминаемыя Прудономъ общественныя отношенія, дѣла и заботы могли бы правильнѣе назваться просто суетой, которая дѣйствительно способна нанести существенный вредъ физическому благосостоянію не только женщины, но и мужчины, и даже мѣшать здоровому развитію самой расы; но неужто эта суета, съ ненасытной жаждой къ пріобрѣтенію, съ болѣзненно-раздраженнымъ воображеніемъ, и какимъ-то безумнымъ тщеславіемъ, ищущимъ удовлетворенія лишь въ крайней пустотѣ и мишурности жизни,—неужто эта суета есть сама по себѣ нормальное явленіе? Обращаясь снова къ населенію сельскому, мы видимъ, что женщина, кромѣ лежащихъ на ней подчасъ тяжелыхъ физическихъ трудовъ, не изъята тамъ и отъ такого же (сравнительно) «множества общественныхъ отношеній, дѣлъ и заботъ.» Но съ дѣятельностью этой женщина знакомится тамъ раньше, исподволь, а не переходитъ къ ней разомъ, какъ это водится въ болѣе «развитыхъ» и болѣе зажиточныхъ классахъ, изъ хлопотъ баловства, нѣги и бездѣйствія.

Требуя для женщины равнаго съ мужчиной образованія, я вовсе не желаю видѣть въ каждой женщинѣ ученаго, философа, историка, математика, и проч., и тѣмъ менѣе дипломата, политика, купца, администратора въ нынѣшнемъ смыслѣ этихъ словъ. Я думаю только, что воспитаніе должно быть для всѣхъ одинаково въ томъ смыслѣ, что дѣло его развивать способности, а не убивать, расширить область мысли,—а не съуживать, и что нѣтъ такого человѣческаго существа (если только оно не какой нибудь несчастный уродъ), для котораго были бы вредны какія бы то ни было стороны человѣческаго вѣдѣнія и которому полезно было бы относительно нѣкоторыхъ предметовъ «оставаться въ иломъ, простодушномъ незнаніи.» Надо или признать справедливость этого послѣдняго замѣчанія, или не требовать отъ женщины никакого иного участія въ дѣлѣ воспитанія

дѣтей, кромѣ кормленія грудью. Но въ такомъ случаѣ какой смыслъ будетъ имѣть семья? что будетъ связывать отца и мать ребенка между собой, кромѣ половыхъ стремленій? Не даромъ, при нарушеніи равновѣсія между женскимъ и мужскимъ развитіемъ, все болѣе и болѣе расшатываются основы семьи. А между тѣмъ противники женскаго развитія — въ то же время первые поборники семьи; такими по крайней мѣрѣ выставляютъ они себя, называя всѣхъ эмансипаторовъ разрушителями семейственной гармоніи.

Чтобы показать лучше значеніе равнаго умственнаго и нравственнаго развитія для мужчины и женщины, какъ брачной четы, считаю не лишнимъ высказать нѣсколько основныхъ, почти азбучныхъ понятій объ отношеніи семейства къ обществу. Въ нихъ ничего не будетъ новаго, но нельзя не пожалѣть, что большинство слишкомъ часто ихъ забываетъ. Я постараюсь быть краткимъ.

Основное условіе существованія и развитія человѣческаго общества есть преемственная смѣна поколѣній. Въ этомъ чередованьи жизни и смерти, въ этой преемственности лежитъ возможность обновленія какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ силъ человѣчества, возможность идти къ лучшему устройству своего быта, къ бо́льшему и бо́льшему подчиненію себѣ роковыхъ и враждебныхъ силъ природы, подъ руководствомъ пріобрѣтеннаго предшествовавшими поколѣніями опыта и знанія. Въ мысли, что и въ жизни низшихъ животныхъ, у которыхъ мы видимъ болѣе или менѣе правильную общественную организацію быта, какъ напримѣръ у муравьевъ и пчелъ, также участвовалъ, если не участвуетъ, исторической опытъ, — много вѣроятнаго. Дѣйствительно, можетъ быть милліоны поколѣній пчелъ и муравьевъ рядомъ трудныхъ опытовъ и тяжкихъ усилій приготовили этотъ чинный порядокъ, который изумляетъ насъ въ устройствѣ улья, въ устройствѣ муравейника. Разумѣется, это пока одна догадка, хоть и очень правдоподобная; только въ жизни человѣка преемственная смѣна поколѣній является намъ непремѣннымъ закономъ его совершенствованія.

Эта постоянная смѣна всей массы членовъ общества возможна лишь при смерти однихъ, при нарожденіи другихъ. Только не опредѣленный положительно одною неизмѣнною цифрой лѣтъ размѣръ человѣческой жизни уравновѣшиваетъ эти крайнія явленія; только отсутствіе правильной періодичности въ нихъ допускаетъ возможность совершенствованія людскаго общества.

Для того, чтобы нараждающіяся поколѣнія могли усвоить опытъ и знанія отживающихъ поколѣній, необходимо достаточное количество времени для ихъ взаимнаго общенія. Эта необходимость обу-

словливаетъ воспитаніе новаго поколѣнія въ уровень съ тѣми началами и понятіями, которыя путемъ опыта внесены уже въ жизнь общества.

Для произведенія новаго существа, новаго члена общества, неизбѣженъ союзъ двухъ половъ, мужчины и женщины. Будь человѣкъ животное не общественное, стало быть неспособное къ развитію,—этому союзу не нужно было бы прочности. Какъ у многихъ животныхъ низшихъ минута встрѣчи между самцомъ и самкой вполнѣ обезпечиваетъ продолженіе рода, такъ мимолетное и случайное соединеніе мужчины съ женщиной обезпечивали бы существованіе человѣчества. Воспитанія животнаго, падающаго исключительно на мать, было бы вполнѣ достаточно для пользованія благомъ жизни.

Но человѣкъ не только членъ извѣстной зоологической серіи, онъ въ то же время звено общества, безъ котораго немыслимо существованіе и самой этой серіи. Кромѣ воспитанія физическаго, животнаго, ему нужно воспитаніе общественное, то есть нравственное. Такое воспитаніе, чтобы не быть одностороннимъ, должно совершаться подъ согласнымъ вліяніемъ мужчины и женщины, какъ представителей обѣихъ половинъ человѣческаго общества. Изъ этого ясна необходимость болѣе продолжительнаго сожитія мужчины и женщины для воспитанія своего чада.

Такое сожитіе не можетъ быть утверждено на одномъ только половомъ влеченіи. То, что мы называемъ любовью, обусловливаетъ прочность его. Физіологія не открыла и не угадала еще закона, управляющаго этимъ свойствомъ человѣческой природы, закона парности организмовъ, если можно такъ выразиться. Но что такой законъ существуетъ, въ этомъ убѣждаетъ каждаго и личный опытъ и наблюденія. Пословица: chaque vilain trouve sa vilaine, выведена изъ жизни.

Надъ опредѣленіемъ сущности любви мудрило не мало головъ въ париках и безъ париковъ; но пока физіологія не разрѣшитъ вопроса, мы въ этомъ случаѣ будемъ упражняться преимущественно въ словоизвитіяхъ.

Не умѣя разгадать существа любви, мы можемъ однако замѣтить нѣкоторыя характеристическія черты ея проявленія и по нимъ судить, каково должно быть ея участіе въ гармоніи общества. Такъ, не ежедневно ли встрѣчается фактъ неизъяснимаго влеченія мужчины къ женщинѣ, котораго никакъ нельзя приписать исключительно разницѣ половъ? Въ значительной части случаевъ чувственность и не говоритъ вовсе. Это такое же явленіе, какъ безусловныя и безпри-

чинныя повидимому симпатіи и антипатіи между лицами одного пола, какія мы также замѣчаемъ на каждомъ шагу. У каждаго изъ насъ, какъ сказалъ кто-то, есть какъ будто сфера притяженія для однихъ, сфера отраженія для другихъ. Натуры такимъ образомъ враждебныя не могутъ ужиться вмѣстѣ, и наоборотъ, натуры симпатическія будутъ постоянно тяготѣть другъ къ другу.

Для правильнаго и стройнаго воспитанія новаго члена, обществу нуженъ прочный союзъ именно такихъ согласныхъ натуръ. При настоящемъ извращенномъ положеніи общества подобныя сближенія рѣдки, хоть и не невозможны. Мы ходимъ какъ въ туманѣ. Укоренные предразсудки, различія сословій, состояній, исповѣданій, раздѣльное воспитаніе, неравенство образованія, все это отрѣзываетъ всякіе пути къ правильному сближенію. Все почти зависитъ въ этомъ отношеніи отъ случайности.

При той степени цивилизаціи, до которой человѣчество достигло теперь, для полной прочности союза, для полной гармоніи между мужемъ и женою, для вполнѣ разумнаго и здраваго воспитанія новыхъ поколѣній, мало однакожъ однихъ этихъ природныхъ, вѣ воли нашей лежащихъ условій. Натуры въ существѣ своемъ могутъ быть вполнѣ симпатичны, взаимно влечься другъ къ другу, и въ тоже время чувствовать нарушеніе этой внутренней, глубокой симпатіи, вслѣдствіе разности своего общественнаго, нравственнаго развитія. Препятствія, служащія, какъ сказано, помѣхой для сближенія въ нашемъ обществѣ согласныхъ, парныхъ натуръ, нарушаютъ гармонію союза и такихъ паръ. И въ тѣхъ счастливыхъ случайностяхъ, которыя намъ попадаются изрѣдка въ жизни, мы не видимъ прочности, какой бы желали.

Неравенство образованія, неравенство общественныхъ и семейныхъ правъ мужчины и женщины вносятъ въ ихъ отношенія деспотизмъ и рабство. Любовь, соединившая ихъ, нарушена этими враждебными отношеніями, и на воспитаніи дѣтей отражается дисгармонія жизни воспитателей. Кто изъ насъ, выходя изъ семьи, не несетъ на себѣ или преимущественнаго вліянія отца, или исключительнаго вліянія матери? Кто съ самаго дѣтства не отданъ на произволъ колебаніямъ, — чью сторону принять, отцовскую ли, или материнскую?

Вотъ на какихъ основаніяхъ утверждается необходимость расширить умственное развитіе женщинъ. Дѣлая выводъ изо всего сказаннаго выше, повторяю, что возраженія противъ способности ихъ къ такому развитію свидѣтельствуютъ только о томъ небреженіи, въ какомъ оставалось и, къ несчастію, остается до сихъ поръ жен-

кое воспитаніе. Несмотря однакожь на всѣ вольныя и невольныя старанія отодвинуть женщину какъ можно дальше отъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ жизни, исторія представляетъ намъ столько замѣчательныхъ и достопамятныхъ въ ходѣ цивилизаціи женщинъ, что сомнѣваться въ возможности, а тѣмъ болѣе пользѣ расширенія образованія и общественныхъ правъ женщины—нельзя.

Мнѣ невольно приходятъ на память нѣсколько шутливыхъ строкъ умнаго Мерсье въ его «Письмѣ изъ Парижа». Сквозь шутку чувствуется глубокая правда этого замѣчанія. Говоря о постыдной завистливости, заставляющей мужчину стараться о невѣжествѣ женщены, Мерсье прибавляетъ: «Мужчина постоянно боится какого бы то ни было преимущества надъ собою женщины; ему хотѣлось бы, чтобъ она пользовалась лишь вполовину своимъ существованіемъ. Онъ цѣнитъ скромность женщины, или лучше сказать, уничиженіе ея, какъ одно изъ лучшихъ ея качествъ; а такъ какъ *у женщины больше природнаго ума, чѣмъ у мужчины*, то ему не по праву эта проницательность, это быстрое пониманіе.... Мужчина всегда будетъ больше цѣнить красоту, чѣмъ умъ женщины, потому что послѣднимъ можетъ пользоваться всякій.»

Въ сущности каждаго строгаго мужскаго сужденія объ умѣ и нравственныхъ качествахъ женщины непремѣнно откроются, вглядываясь, тѣ непохвальныя побужденія ревниваго желанья господства, и тѣ животныя поползновенія, надъ которыми смѣется Мерсье.

Даже соглашаясь съ мнѣніемъ, что виною физической слабости женщины не столько ихъ организація, сколько родъ жизни, указанный имъ обществомъ, что малое ихъ значеніе въ наукѣ зависитъ преимущественно отъ дурнаго ихъ воспитанія, даже признавая все это, рѣдкій мудрецъ не кончитъ такимъ замѣчаніемъ, достойнымъ развѣ какого нибудь восточнаго владѣльца многолюднаго гарема: «Какъ бы то ни было, счастье женщинъ будетъ всегда зависѣть *отъ впечатлѣнія, производимаго ими на мужчинъ*, и едва ли тотъ, кто ихъ дѣйствительно любитъ, будетъ особенно доволенъ, видя ихъ марширующими съ ружьемъ въ рукахъ, или поучающими съ высоты каѳедры, а тѣмъ паче съ трибуны, гдѣ обсуживаются интересы цѣлой націи.»

Такъ, слово-въ-слово, говоритъ Кабани въ своихъ «Rapports du physique et du moral de l'homme», книгѣ, изъ которой, не прибавивъ ничего новаго отъ себя, взялъ Прудонъ свои доводы физическаго и умственнаго несовершенства женщинъ.

Не слышна ли въ этой заботѣ о пріятномъ впечатлѣніи женщины на мужчину та развращающая философія деспотизма, которая поло-

жила печальную тѣнь и на нравственный характеръ женщины? А между тѣмъ, извративъ, въ угоду своей чувственности, лучшія нравственныя качества женщины, мужчины еще настолько непослѣдовательны, что порицаютъ дѣло рукъ своихъ и обвиняютъ женщинъ въ какой-то будто бы прирожденной безнравственности!

Эти обвиненія еще сильнѣе и еще несправедливѣе, чѣмъ разобранныя обвиненія женщинъ въ физическомъ и умственномъ несовершенствѣ. Къ нимъ-то мы и обратимся въ слѣдующей статьѣ.

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

землю не принадлежитъ къ издержкамъ производства и необходимость производить эту плату изъ капитала заставляетъ имѣть такое количество капиталовъ, такую массу сбереженія изъ продуктовъ прежняго труда, которая больше размѣра, требуемаго естественной необходимостью или достаточнаго при иной системѣ поземельнаго владѣнія. Этотъ излишекъ капитала, хотя и назначенъ своими владѣтелями на производство, употребляется въ сущности непроизводительнымъ образомъ и ежегодно воспроизводится не изъ своихъ собственныхъ продуктовъ, а изъ продуктовъ труда, содержимаго остальною частью капитала фермера ([13]).

([13]) Объяснимъ это примѣрами. Во первыхъ, посмотримъ, каково дѣйствіе пошлины, взимаемой не съ готоваго продукта, поступающаго уже на потребленіе, а съ матеріала, который служитъ на производство продукта. Положимъ, что фабрикантъ, начинающій производство, имѣетъ капиталъ въ 1,000 рублей. Положимъ, что онъ, по существующей нормѣ прибыли, долженъ получать съ него 20%. Итакъ онъ долженъ продать свои продукты за 1,200 рублей.

Положимъ, что правительству нужно взимать съ этого производства 10%. Если пошлиною облагается самый продуктъ, поступившій въ мелочную продажу, правительство возьметъ съ цѣнности продуктовъ 120 рублей. Продукты будутъ куплены потребителями за 1,320 р.

Если мы предположимъ, что капиталомъ въ 1,000 рублей производится 1,000 аршинъ сукна, аршинъ сукна поступитъ въ розничную торговлю по цѣнѣ 1 рубль 32 копѣйки.

Предположимъ теперь, что пошлина берется не съ готоваго продукта, а съ матеріала. Положимъ, что этого матеріала, напримѣръ шерсти, привозимой изъ-за границы, покупается фабрикантомъ на такую же сумму, какая идетъ на остальные расходы. Положимъ, что правительство хочетъ ограничиться тѣмъ же размѣромъ пошлины 10%. Тогда, имѣя 1,000 рублей капитала, фабрикантъ покупаетъ шерсти на 500 рублей. Но съ этой шерсти уже взята пошлина въ 10%, то есть за 500 рублей фабрикантъ получаетъ теперь только то количество шерсти, какое прежде получалъ за 450 рублей. Если изъ прежняго количества можно было выдѣлать 1,000 аршинъ, то изъ этого количества будетъ получено только 900 аршинъ. Какую сумму долженъ взять фабрикантъ за эти 900 аршинъ? Ту же самую, какъ и прежде, то есть 1,200 рублей. Но пошлина уже взята, потому новой надбавки въ цѣнѣ не будетъ. Итакъ въ розничную торговлю поступаютъ 900 аршинъ сукна за 1,200 рублей, то есть аршинъ по 1 руб. 33 коп.

Цѣна сукна поднялась очень мало, но общество имѣетъ вмѣсто 1,000 аршинъ только 900, а правительство вмѣсто 120 рублей пошлины только 50. Это значитъ, что общество будетъ нуждаться въ одеждѣ, а правительство въ деньгахъ.

Какимъ образомъ станетъ переносить нужду въ одеждѣ общество, это уже его собственное дѣло. Но правительство увидитъ необходимость увеличить свои доходы по крайней мѣрѣ вдвое: вмѣсто 120 руб. можно еще удовольствоваться 100 рублями, но 50 рублями никакъ нельзя покрыть необходимые государственные доходы.

Итакъ, надобно будетъ увеличить пошлину на шерсть до 20%. Тогда съ количества, покупаемаго фабрикантомъ за 50 рублей, будетъ

Наконецъ значительная часть того производительнаго капитала страны, который употребляется на рабочую плату работникамъ, не составляетъ въ строжайшемъ и необходимомъ смыслѣ необходимости для производства, или даже вовсе не составляетъ необходимости для него. Тотъ излишекъ ея, который превышаетъ дѣйствительную необходимость для жизни и здоровья, расходуется не на содержаніе труда, а на его вознагражденіе, а въ платѣ мастеровымъ этотъ излишекъ обыкновенно бываетъ значителенъ (14). Работники

взято пошлины 100 рублей и фабрикантъ получаетъ за свои деньги только такое количество шерсти, какое безъ пошлины получалъ за 400 рублей, то есть такое количество, изъ котораго можно сдѣлать только 800 аршинъ сукна. Эти 800 аршинъ поступаютъ въ продажу по прежнему за 1,200 рублей, то есть каждый аршинъ сукна стоитъ уже 1 р. 50 коп.

Съ повышеніемъ пошлины доходъ правительства увеличился, но цѣна сукна сильно поднялась, а количество его стало еще меньше прежняго. Имѣя только 800 аршинъ, общество будетъ уже очень сильно нуждаться въ сукнѣ, а правительство все-таки имѣетъ только 100 рублей, а не 120, которые имѣло бы при взиманіи пошлины съ готоваго продукта вмѣсто пошлины съ матеріала.

Изъ этого мы видимъ, почему благосостояніе общества и доходы казны увеличиваются съ принятіемъ свободной торговли, вмѣсто протекціоннаго тарифа.

Теперь обратимся къ уплатѣ ренты до полученія выручки изъ продуктовъ фермы.

Положимъ, что фермеръ вступаетъ во владѣніе рентою съ новаго года. Положимъ, что уплата ренты производится впередъ по четвертямъ года. Положимъ, что выручка за сборъ хлѣба бываетъ въ сентябрѣ. Положимъ, что величина ренты составляетъ 400 рублей и фермеръ имѣетъ капиталъ въ 1000 рублей. Положимъ, что каждые 2 рубля, употребленные фермеромъ на земледѣльческія работы, даютъ въ продуктѣ 1 четверть хлѣба. Положимъ, что обществу нужно 500 четвертей.

Фермеръ, получивъ ферму 1 января, долженъ до 1 сентября заплатить три четверти ренты, то есть 300 руб. Эта уплата произведена еще до полученія выручки, то есть у него изъ 1000 руб. остается на производство только 700. Онъ производитъ только 350 четвертей. Изъ этого сбора уплачена остальная часть ренты за первый годъ. Къ 1 января положеніе дѣлъ опять прежнее: три четверти ренты за второй годъ должны уплачиваться не изъ выручки втораго года, за которую собственно беретъ рента, а опять изъ капитала; то есть, капитала на производство опять остается 300 рублями менѣе, чѣмъ нужно на производство 500 четвертей. Тоже будетъ и во всѣ слѣдующіе годы. Потому, если обществу нужны 500 четвертей и если на производство каждой четверти нуженъ капиталъ въ 2 рубля, фермеръ долженъ имѣть не 1,000 рублей, а 1,300 рублей капитала; т. е. величина капитала, требуемаго земледѣліемъ, поднимется выше своей натуральной величины на всю ту сумму, какую составляетъ уплата ренты до полученія выручки изъ жатвы.

(14) Словомъ «мастеровые», мы переводимъ здѣсь и постоянно будемъ переводить англійское выраженіе *skilled labourers* въ противопо-

могли бы ждать полученія этой части своего вознагражденія до окончанія производства; нѣтъ необходимости ей существовать до начала производства въ видѣ капитала; а если бы по несчастію они совершенно лишились этой лишней части, производство могло бы совершаться въ томъ же размѣрѣ. Чтобы все вознагражденіе работниковъ въ полномъ своемъ размѣрѣ могло быть выдаваемо имъ впередъ поденными или понедѣльными уплатами, нужно предварительно существовать запасу, обращаемому на производительное употребленіе, т. е. существовать капиталу въ размѣрѣ большемъ того, какой былъ бы достаточенъ для веденія производства въ существующемъ размѣрѣ. Этотъ излишекъ равняется всей суммѣ, какою превышаетъ получаемое работниками вознагражденіе ту норму выдачи, которую разсчетливый рабовладѣлецъ сталъ бы для своей собственной выгоды давать рабамъ (15). Обычай платить впередъ вознагражденіе за трудъ, превышающее мѣру совершенной необходимости для жизни, могъ возникнуть уже только по накопленіи изобильнаго капитала, потому что излишекъ платы надъ мѣрою жизненной необходимости употребляется въ сущности не на производство, а на непроизводительное потребленіе производительныхъ работниковъ; а это показы-

---

ложность другому разряду рабочихъ, *unskilled labourers*, которыхъ мы будемъ называть въ нашемъ переводѣ «чернорабочими». Различіе между этими двумя разрядами по экономическимъ отношеніямъ очень важно во всѣхъ странахъ, но только у англичанъ вошла въ обычай терминологія, неизмѣнно соотвѣтствующая ему. Тотъ и другой разрядъ существуютъ почти въ каждой отрасли производства. Напримѣръ, въ строительномъ производствѣ каменьщики, плотники, кровельщики и т. п. — *skilled labourers*, мастеровые, а землекопы, носильщики и т. п. *unskilled labourers*—чернорабочіе. Въ типографскомъ дѣлѣ мастеровые по англійской терминологіи — наборщики и машинисты, а чернорабочіе вертятъ машины, носятъ шрифтъ и т. д. Во всѣхъ странахъ и во всѣхъ производствахъ чернорабочіе получаютъ меньше платы, чѣмъ мастеровые; но чернорабочіе все-таки остаются живы, стало быть весь излишекъ платы мастеровыхъ надъ платою чернорабочихъ идетъ уже не собственно на поддержаніе жизни, а въ вознагражденіе за искусство ихъ въ своемъ мастерствѣ.

(15) Положимъ, что на содержаніе раба въ здоровомъ видѣ нужно было бы его владѣльцу расходовать 1 руб. въ недѣлю. Положимъ, что процессъ производства продолжается цѣлый годъ (какъ, напримѣръ, въ земледѣліи). Положимъ, что хозяину предпріятія нужны 10 мастеровыхъ и что онъ платитъ имъ по 3 рубля въ недѣлю. Если бы эти мастеровые довольствовались до окончанія производства полученіемъ платы необходимой для поддержанія жизни, хозяину на плату имъ нужно было бы имѣть въ запасѣ только по 52 рубля на человѣка, всего 520 рублей. Но онъ выдаетъ по 3 рубля, стало быть годичная затрата его на плату каждому работнику составляетъ 156 рублей, а на всѣхъ работниковъ 1,560 рублей. Излишекъ второй суммы надъ первою, т. е. 1,040 рублей, составляетъ затрату капитала, превышающую размѣръ необходимости

ваетъ, что запасъ сбереженій, обращаемыхъ на производство, достигъ уже значительности, допускающей постоянное употребленіе части его не на жизненную необходимость, а на простое удобство.

Я предполагаю, какъ замѣтитъ читатель, что работники во всѣ времена содержались капиталомъ; очевидно, что всегда и было такъ въ дѣйствительности, хотя нѣтъ необходимости, чтобы капиталъ доставлялся особеннымъ человѣкомъ, который называется капиталистомъ. Когда работникъ содержитъ себя собственными запасами, напримѣръ, когда землепашецъ, арендующій обработываемую имъ землю или самъ владѣющій ею, живетъ продуктами этого участка, или когда ремесленникъ работаетъ самъ отъ себя, онъ все-таки живетъ капиталомъ, т. е. заранѣе приготовленнымъ запасомъ. Этотъ землепашецъ живетъ въ нынѣшнемъ году продуктами жатвы не нынѣшняго, а прошедшаго года; этотъ ремесленникъ живетъ выручкою не той работы, которая теперь у него въ рукахъ, а той работы, которую онъ уже кончилъ и продалъ. Оба они содержатся своимъ собственнымъ маленькимъ капиталомъ, который они періодически возстановляютъ изъ продуктовъ своего труда. Большой капиталистъ также содержится средствами, изготовленными впередъ. Если самъ онъ лично управляетъ своими дѣлами, та часть его личнаго или семейнаго расхода, которая не превышаетъ надлежащаго вознагражденія за его трудъ по рыночной цѣнѣ, должна считаться частью его капитала, расходуемою подобно всѣмъ другимъ частямъ капитала на производство; та часть его личнаго потребленія, которая состоитъ изъ вещей необходимыхъ для жизни, составляетъ производительное потребленіе ([16]).

([16]) Напримѣръ, фабрикантъ, проживающій съ своимъ семействомъ 10,000 рублей, самъ управляетъ своей фабрикою; по существующимъ цѣнамъ нельзя было бы нанять хорошаго управляющаго такою фабрикою дешевле, какъ за 3,000 рублей. Эти 3,000 рублей изъ суммы, проживаемой лично фабрикантомъ, составляютъ его производительное потребленіе, а остальные 7,000 составляютъ потребленіе непроизводительное. Воспользуемся этимъ примѣромъ также для того, чтобы снова выставить разницу между разговорнымъ значеніемъ слова «капиталъ», значеніемъ, въ какомъ оно не годится для науки (и не употребляется ни въ подлинникѣ у Милля, ни въ нашемъ переводѣ), и между научнымъ его значеніемъ, въ какомъ оно исключительно употребляется у Милля, въ подлинникѣ и въ нашемъ переводѣ. Фабрикантъ приступаетъ къ веденію своей фабрики, имѣя 30,000 рублей; изъ этихъ денегъ онъ употребляетъ на покупку матеріаловъ и плату рабочимъ 20,000, а 10,000 проживаетъ самъ, управляя фабрикою, за что постороннему человѣку онъ долженъ былъ бы платить 3,000. Въ разговорномъ языкѣ всѣ 30,000, составляющіе его имущество, называются его капиталомъ. Но по терминологіи, принятой въ наукѣ, капиталъ его будетъ состоять только изъ

3. Рискуя наскучить читателю, я долженъ прибавить еще нѣсколько разъясненій, чтобы сильнѣе и точнѣе выставить понятіе капитала. По справедливому замѣчанію Сэ, больше всего надобно стараться о разъясненіи самыхъ основныхъ элементовъ предмета, потому что самыя большія ошибки возникаютъ именно изъ неполнаго знакомства съ основными понятіями. Это не удивительно: вѣтвь можетъ быть больна и остальное дерево сохраняться здоровымъ; но болѣзнь въ корнѣ разливаетъ испорченность по всему дереву.

Посмотримъ же, можетъ ли считаться капиталомъ собственность людей, которые живутъ процентами съ своего имущества, не занимаясь лично производствомъ, и если можетъ, то въ какихъ случаяхъ. Въ разговорномъ языкѣ эта собственность называется капиталомъ, и по отношенію къ дѣламъ частныхъ лицъ такое названіе справедливо. Для частнаго лица равнозначительно капиталу все то состояніе, съ котораго онъ получаетъ доходъ, расходуемый имъ безъ уменьшенія и растраты его состоянія. Но поспѣшное и необдуманное перенесеніе на общую точку зрѣнія такихъ мнѣній, которыя справедливы относительно частныхъ лицъ, было источникомъ безчисленныхъ ошибокъ въ политической экономіи. По вопросу, занимающему насъ теперь, надобно сказать, что имущество, служащее капиталомъ для частнаго лица, иногда бываетъ, а иногда не бываетъ капиталомъ для націи, смотря по тому, расточается или не расточается кѣмъ нибудь другимъ то имущество, которое не расточается, по нашему предположенію, самимъ владѣльцемъ.

Напримѣръ, предположимъ, что 10,000 фунтовъ, принадлежащіе А, даны въ займы В, фермеру или фабриканту, который съ выгодою употребляетъ ихъ на свои промышленныя дѣла. Если такъ, эти 10,000 фунтовъ точно такой же капиталъ, какъ если бы принадлежали самому В. Въ этомъ случаѣ, А въ сущности фермеръ или мануфактуристъ, не лично, но по своему имуществу. Капиталъ въ 10,000 фунтовъ употребляется на производство, на содержаніе работниковъ, на пріобрѣтеніе орудій и матеріаловъ. Этотъ капиталъ принадлежитъ А, а В беретъ на себя заботу употребить его въ дѣло и получаетъ въ вознагражденіе разницу между прибылью, имъ достав-

---

23,000 (20,000 на плату рабочимъ и покупку матеріаловъ и 3,000 за управленіе фабрикою); остальные 7,000, по понятію науки, идутъ на непроизводительное потребленіе и не составляютъ части капитала. Можно себѣ представить, какая путаница должна выходить, если мы сольемъ эти разныя вещи и будемъ примѣнять ко всѣмъ 30,000, часть которыхъ не составляетъ капитала, тѣ выводы, какіе дѣлаются наукою только о 23,000, составляющихъ капиталъ.

ляемою, и процентами, которые онъ платитъ А. Это самый простой случай.

Но предположимъ, что 10,000 фунтовъ, принадлежащіе А, даны въ займы не В, а поземельному владѣльцу С, который употребляетъ ихъ на улучшеніе производительныхъ силъ своего помѣстья, на огражденіе его изгородями, на дренированіе, проложеніе дороги или на другія прочныя улучшенія. Это производительное употребленіе. 10,000 фунтовъ вышли изъ обращенія, но не промотаны. Они даютъ постоянный доходъ. Земля теперь даетъ лишнее количество продуктовъ, и если деньги были израсходованы разсчетливо, то въ нѣсколько лѣтъ этимъ излишкомъ продуктовъ возвратится вся сумма, а потомъ увеличится во много разъ. Цѣнность 10,000 фунтовъ употреблена въ этомъ случаѣ на увеличеніе продуктовъ страны. Это составляетъ капиталъ; С получаетъ подъ формою увеличенія своей ренты доходъ съ него, отдавая землю въ наймы; по закладной записи А ежегодно получаетъ изъ этого дохода, въ видѣ процентовъ, такую сумму, какую условился давать ему С. Перемѣнимъ теперь обстоятельства и предположимъ, что С употребляетъ занятыя имъ деньги не на улучшеніе своей земли, а на уплату прежняго своего долга, или на то, чтобы обезпечить своихъ дѣтей. Будутъ ли 10,000 фунтовъ въ этомъ случаѣ капиталомъ, зависитъ отъ того, что сдѣлаетъ съ ними человѣкъ, которому они окончательно достаются. Если дѣти обратятъ свое состояніе на производительное употребленіе, или кредиторъ, получивъ уплату, отдаетъ полученныя деньги другому землевладѣльцу на улучшеніе земли, или фабриканту на расширеніе фабрикаціи, эти деньги будутъ капиталомъ, потому что употребляются производительнымъ образомъ.

Но предположимъ, что С, землевладѣлецъ, берущій деньги въ займы, человѣкъ расточительный и обременяетъ свою землю долгомъ не для увеличенія своего состоянія, а для растраты его, расходованіемъ полученной суммы на экипажи и пиры. Въ годъ или въ два эти деньги будутъ промотаны безъ всякой выручки. А сохранилъ свое богатство: у него нѣтъ 10,000 фунтовъ, но за то есть закладная крѣпость на землю, которую онъ можетъ продать за эти деньги. С сталъ бѣднѣе прежняго на 10,000 фунтовъ; богаче прежняго не сталъ никто. Могутъ сказать, что стали богаты люди, воспользовавшіеся промотанными деньгами. Правда, если С проигралъ эти деньги, или онѣ были у него раскрадены прислугою, богатство только перешло изъ рукъ въ руки, а не разрушилось, и люди, которые пріобрѣли его, могутъ употребить его производительнымъ образомъ. Но если С получалъ за свои деньги настоящую цѣнность ихъ въ видѣ продовольствія или предметовъ роскоши, которые онъ

потребилъ самъ или посредствомъ своихъ слугъ и гостей, то эти предметы перестали существовать, а не произведено ничего въ замѣну ихъ. Между тѣмъ, еслибы эта сумма была употреблена на земледѣліе или на фабричное дѣло, то потребленіе въ концѣ года съ излишкомъ уравновѣсилось бы новыми продуктами, произведенными трудомъ людей, потреблявшихъ эту сумму. По расточительности С потреблено безъ возврата то, что иначе было бы потреблено съ возвратомъ. Торговцы, у которыхъ покупалъ С, могли получать прибыль, пока продолжалась растрата: но если бы капиталъ былъ израсходованъ производительно, точно такая же прибыль была бы получена людьми, строящими зданія, изгороди, дѣлающими орудія, и торговцами, поставляющими продовольствіе для работниковъ; по окончаніи этого времени С имѣлъ бы 10,000 фунтовъ возвратившимися къ нему, имѣлъ бы даже больше 10,000, а теперь не имѣетъ ихъ. Такимъ образомъ общество имѣетъ убытокъ по крайней мѣрѣ на 10,000 фунтовъ, составляющихъ сумму непроизводительной растраты С. Для А этотъ убытокъ не чувствителенъ, потому что его доходъ обезпеченъ залогомъ, и если залогъ хорошъ, а рыночная величина процентовъ не измѣнилась, то онъ всегда можетъ продать закладную запись за ея первоначальную цѣнность. Итакъ для А долгъ въ 10,000 фунтовъ, лежащій на помѣстьи С, дѣйствительно составляетъ капиталъ; но составляетъ ли онъ капиталъ для общества? Нѣтъ. А имѣлъ капиталъ въ 10,000 фунтовъ; онъ исчезъ, будучи прометанъ и уничтоженъ расточительностью С. Свой доходъ А получаетъ теперь не изъ продукта своего капитала, а изъ какого нибудь другаго источника дохода, принадлежащаго С, вѣроятно изъ ренты за землю С, т. е. изъ уплатъ, дѣлаемыхъ ему фермерами и составляющихъ продуктъ капитала уже этихъ фермеровъ, а не капитала А. Національный капиталъ уменьшился 10,000 фунтовъ, а національный доходъ уменьшился всею тою суммою продуктовъ, которая производилась бы этими 10,000 фунтовъ, если бы они были употреблены какъ капиталъ. Потеря не падаетъ на владѣльца уничтоженнаго капитала, потому что человѣкъ, уничтожившій его капиталъ, обязался вознаградить его. Но потеря этого человѣка составляетъ только небольшую часть потери, которой подверглось черезъ него общество, потому что на потребленіе собственника шли только проценты, а самый капиталъ употреблялся или долженъ былъ употребляться на нескончаемое содержаніе извѣстнаго числа работниковъ, постоянно воспроизводящихъ то, что потребили; этого средства къ жизни они теперь лишены безвозвратно.

Измѣнимъ еще нашу гипотезу и предположимъ, что капиталъ занятъ не землевладѣльцемъ, а государствомъ. А ссужаетъ свой ка-

питалъ правительству на веденіе войны; онъ покупаетъ у государства такъ называемые государственные фонды, т. е. обязательства, по которымъ правительство должно платить извѣстный ежегодный доходъ. Если бы правительство употребило деньги на построеніе желѣзной дороги, это было бы производительнымъ употребленіемъ, и имущество А послужило бы капиталомъ. Но деньги эти употреблены на войну, т. е. на жалованье офицерамъ и солдатамъ, ничего не производящимъ, и на безвозвратное уничтоженіе извѣстнаго количества ядеръ и пуль; потому правительство находится въ положеніи С, расточительнаго землевладѣльца, и 10,000 фунтовъ А составляютъ уничтоженный національный капиталъ: съ точки зрѣнія производства или богатства эти деньги все равно, что брошены въ море, хотя и можетъ быть, что ихъ употребленіе оправдывается другими соображеніями. Доходъ, который будетъ получать теперь А, получается не изъ продуктовъ его капитала, а изъ налоговъ, берущихся съ продуктовъ остальнаго капитала общества. Капиталъ, принадлежавшій А, не даетъ обществу никакихъ продуктовъ въ вознагражденіе за эти уплаты: онъ потерянъ и погибъ, и теперь А имѣетъ уже только право на продукты, производимые капиталомъ и промышленностью другихъ людей. Правда, онъ можетъ продать это право, получить за него сумму цѣнностей, равную его бывшему капиталу, и можетъ потомъ употреблять его производительнымъ образомъ. Но онъ этою продажею возвратитъ себѣ не прежній свой капиталъ и не продукты, имъ произведенные: капиталъ этотъ уничтожился вмѣстѣ съ продуктами, которые могъ бы произвести. Теперь А пріобрѣтаетъ уже капиталъ какого нибудь другаго лица, соглашающагося променять свой капиталъ на его право брать доходъ изъ налоговъ. На мѣсто А становится кредиторомъ общества другой капиталистъ, владѣвшій имуществомъ, которое употреблялось или могло употребляться на производство. Отъ этого обмѣна производительныя силы общества не увеличились и не уменьшились. Убыль нанесена капиталу страны тогда, когда правительство взяло деньги А: этимъ была взята изъ производительнаго употребленія или отвращена отъ него цѣнность въ 10,000 фунтовъ, замѣнена правомъ на непроизводительное потребленіе и безвозвратно растрачена.

ГЛАВА V.

ОСНОВНЫЯ ТЕОРЕМЫ ОТНОСИТЕЛЬНО КАПИТАЛА.

1. Если предыдущія объясненія были удовлетворительны, то они съ достаточною полнотою представили читателямъ понятіе о ка-

питалѣ, достаточно ознакомился съ ролью капитала въ конкретныхъ случаяхъ, среди темноты, которою окружаютъ это понятіе обстоятельства отдѣльныхъ фактовъ, и теперь даже тотъ, кто не былъ приготовленъ къ этимъ соображеніямъ, можетъ уже понять основныя теоремы относительно капитала. Полное пониманіе этихъ теоремъ составитъ уже значительный шагъ изъ темноты къ свѣту.

Вотъ первая изъ этихъ теоремъ: размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала. Эта истина такъ очевидна, что часто принимается за безспорную въ разговорной рѣчи. Но замѣчать иногда истину еще совершенно не то, что признавать ее всегда и не допускать мнѣній несогласныхъ съ нею. До послѣдняго времени законодатели и публицисты почти постоянно пренебрегали аксіомою, которую мы представили; до сихъ поръ чрезвычайно часто излагаются мнѣнія несовмѣстныя съ нею.

Вотъ выраженія разговорной рѣчи, основанныя на принятіи этой истины. Обращеніе промышленныхъ силъ на какое нибудь опредѣленное дѣло выражается фразою «приложеніе капитала» къ этому дѣлу. Обращать промышленныя силы на обработку земли, значитъ прилагать капиталъ къ землѣ. Употреблять трудъ на фабричное производство, значитъ прилагать капиталъ къ этому производству. Такими выраженіями предполагается, что промышленность не можетъ получить размѣра превосходящаго капиталъ, который можно затратить на нее. Въ самомъ дѣлѣ, кто ясно понимаетъ эту мысль, не можетъ не согласиться съ ней. Разумѣется, фраза «приложеніе капитала» есть выраженіе метафорическое: въ сущности прилагается къ дѣлу трудъ, а капиталъ служитъ только необходимымъ условіемъ для того. Мы часто говоримъ о «производительныхъ силахъ капитала»; это выраженіе не совершенно правильно. Производительныя силы только трудъ и природа; и если, расширяя смыслъ выраженія, можно сказать о какой нибудь части капитала, что она имѣетъ производительную силу, то сказать это можно только объ инструментахъ и машинахъ: они подобно вѣтру или водѣ принимаютъ участіе въ трудѣ. Пища работниковъ и матеріалы производства не имѣютъ производительной силы; но трудъ можетъ проявлять свою производительную силу только тогда, когда снабженъ ими. Размѣръ промышленности не можетъ быть больше того, на сколько снабжена она матеріалами для обработки и пищею для прокормленія. Это дѣло очевидное; но при всей его очевидности часто забываютъ, что народъ извѣстной страны содержится и удовлетворяетъ своимъ потребностямъ не изъ продуктовъ настоящаго своего труда, а изъ продуктовъ прошедшаго труда. Люди потребляютъ то, что уже произведено, а не то, надъ производствомъ чего еще трудятся. А изъ того,

что произведено, только часть отдается на содержаніе производительнаго труда; размѣръ этого труда не бываетъ и не можетъ быть больше того, сколько его можетъ быть прокормлено и снабжено матеріалами и орудіями производства на ту часть продуктовъ, которая идетъ на него и составляетъ капиталъ страны.

Несмотря на очевидность этого факта, долго думали, что законы и правительства могутъ создавать промышленность, не создавая капитала. Правительство косвеннымъ образомъ можетъ въ извѣстной степени содѣйствовать тому, чтобы народъ дѣлался болѣе трудолюбивъ, или успѣшность его труда увеличивалась; но думали, что правительство можетъ развивать промышленность не этимъ путемъ. Полагали, что хотя бы искусство и энергія работниковъ не увеличивались, хотя бы не были заставляемы работать люди, которые прежде содержались въ праздности, правительство все-таки можетъ создать большее количество промышленныхъ дѣлъ, не увеличивая запаса, на который производится промышленность. Запретительными законами правительство прекращало ввозъ какого нибудь товара; заставивъ тѣмъ производить этотъ товаръ дома, оно хвалилось, что обогатило страну новой отраслью промышленности, выставляло на похвальбу въ статистическихъ таблицахъ количество полученнаго продукта и труда употребленнаго на производство и объявляло всю эту сумму выигрышемъ для страны, доставленнымъ ей черезъ запретительный законъ. Въ Англіи политическая ариѳметика этого рода нѣсколько потеряла свой кредитъ, но у націй континентальной Европы она еще процвѣтаетъ. Если бы законодатели понимали, что размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала, они понимали бы, что когда масса капитала страны не увеличилась, то часть капитала, обращенная ихъ законами на новоприобрѣтенную отрасль промышленности, отнята у какой нибудь другой отрасли, въ которой она давала занятіе, вѣроятно, почти такому же количеству труда, какому даетъ занятіе въ новомъ дѣлѣ (*).

(*) Надобно сказать, что исключеніемъ изъ этого бываетъ, когда промышленность, создаваемая или поддерживаемая запретительнымъ закономъ, принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ домашнихъ издѣлій. Эти издѣлія производятся людьми, которые уже имѣютъ продовольствіе отъ другаго дѣла, производятся работающими семействами въ промежутки отъ другихъ занятій; потому для веденія этой промышленности не нужно переносить на нее отъ другихъ промышленностей никакого капитала, кромѣ того, сколько стоятъ матеріалы и орудія, цѣнность которыхъ часто бываетъ незначительна. Итакъ, если покровительственная пошлина бываетъ причиною занятія домашнимъ промысломъ, которымъ безъ нея не занимались бы, то она дѣйствительно увеличиваетъ производство страны.

2. Если размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала, изъ этого еще не должно заключать, чтобы онъ всегда достигалъ такого предѣла. Быть можетъ, что нельзя получить такого числа работниковъ, какое могъ бы содержать и употреблять на дѣло капиталъ. Это, какъ извѣстно, случалось въ новыхъ колоніяхъ, гдѣ капиталъ пропадалъ иногда безполезно, по недостатку рабочихъ силъ; примѣромъ тому служила колонія Лебединой Рѣки (Swan River) въ первые годы по своемъ основаніи. На существующій капиталъ жи-

---

Мы должны были сдѣлать это исключеніе, чтобы придать полную неопровержимость нашему теоретическому выводу; но этотъ особенный случай не касается ученія о свободной торговлѣ практическимъ образомъ. По самой сущности дѣла, домашнія издѣлія не нуждаются въ покровительственныхъ пошлинахъ: продовольствіе работниковъ доставляется изъ другихъ источниковъ, и потому какъ бы ни понижалась цѣна домашняго издѣлія, она, почти вся составляетъ чистый барышъ для работниковъ. Если домашнія издѣлія прекращаются отъ соперничества привозныхъ, это бываетъ не отъ необходимости, а оттого, что продуктъ не стоитъ употребленнаго на него труда по мнѣнію лучшихъ судей этого вопроса, тѣхъ людей, которые производятъ продуктъ и употребляютъ на него трудъ. Издержка на покупку платья кажется имъ менѣе обременительною, нежели трудъ на домашнее приготовленіе платья, и они не хотятъ продолжать этого труда, потому что общество не даетъ имъ за него больше, чѣмъ стоитъ имъ продуктъ по собственному ихъ мнѣнію. *Прим. авт.*

Намъ кажется, что Милль въ этомъ случаѣ слишкомъ легко говоритъ о дѣлѣ, которое можно рѣшить только посредствомъ очень внимательнаго разсчета. Мы не будемъ вдаваться здѣсь въ спеціальныя изслѣдованія, которыя заняли бы слишкомъ много мѣста, а замѣтимъ только одно обстоятельство. Домашними издѣліями работники и ихъ семейства занимались въ промежуткахъ отъ другихъ дѣлъ. Когда занятіе домашнимъ издѣліемъ прекращается, эти промежутки времени остаются безъ производительнаго дѣла. Ясно, что производство страны отъ этой перемѣны уменьшилось. Будетъ ли вознаграждена эта потеря употребленіемъ незанятыхъ промежутковъ на умственное образованіе, или на здоровый отдыхъ, или на что нибудь другое полезное, это еще вопросъ: а то, что потеря есть, это уже безспорно. Итакъ, всякое уменьшеніе занятій домашними издѣліями представляетъ для общества и для самихъ работниковъ рискъ безвозвратной потери. Конечно, мы замѣчаемъ это вовсе не въ защиту протекціонныхъ пошлинъ, которыя не затѣмъ и существуютъ, чтобы поддерживать какія нибудь мужицкія издѣлія для собственнаго же мужицкаго употребленія. Мы хотимъ только сказать, что всякая перемѣна, уменьшающая трудолюбіе въ народѣ, отнимающая у него охоту дорожить каждою минутою, не выгодна для страны. Если домашнія издѣлія выходятъ изъ употребленія по несоотвѣтственности съ моднымъ вкусомъ, то едва ли не всегда ихъ прекращеніе оказывается убыточнымъ для страны и для работниковъ. Но тутъ, надобно заботиться не о сохраненіи протекціоннаго тарифа, а объ томъ, чтобы въ обществѣ развивалась простота вкусовъ, привычка дорожить временемъ и возможность обращать на пользу каждую минуту его. *Прим. перевод.*

вутъ многіе люди, которые не производятъ ничего или могли бы производить больше, нежели производятъ. Если работники будутъ сведены на болѣе низкую плату или склонены къ тому, чтобы за прежнюю плату работать больше часовъ, или если ихъ семейства, которыя уже содержатся изъ капитала, будутъ въ большемъ противъ прежняго размѣрѣ содѣйствовать увеличенію производства, то данный капиталъ доставитъ занятіе большему количеству производства. Непроизводительное потребленіе производительныхъ работниковъ, которое все получается теперь изъ капитала, могло бы прекратиться или быть отсрочено до полученія продукта, и на эту сумму было бы можно содержать еще извѣстное число работниковъ, кромѣ нынѣшняго. Этими способами общество могло бы получить отъ своихъ существующихъ средствъ большее количество продуктовъ; и оно бывало принуждаемо прибѣгать къ такимъ способамъ, когда, при внезапномъ уничтоженіи значительной части его капитала, становилось дѣломъ главнѣйшей важности то, чтобы употребить остальной капиталъ съ наибольшимъ размѣромъ дѣйствія.

Гдѣ промышленность не достигаетъ предѣла, назначаемаго ей капиталомъ, правительства могутъ приближать ее къ этому предѣлу различными способами, напримѣръ тѣмъ, чтобы привозить новыхъ работниковъ; такъ привозятся Кули и свободные негры въ Вестъ-Индію. Правительства могутъ увеличивать размѣръ промышленности и другимъ способомъ: они могутъ создавать капиталъ. Они могутъ налагать подати и обращать ихъ на производительное употребленіе. Они могутъ дѣлать еще другую вещь, имѣющую почти такое же значеніе: налагать подати на доходъ или предметъ расхода и употреблять получаемыя суммы на уплату государственныхъ долговъ. Рентьеръ, у котораго выкуплены облигаціи государственнаго долга, захочетъ по прежнему получать доходъ отъ своей собственности и большая часть ея обратится на производительное употребленіе, а между тѣмъ значительная часть этой суммы взята изъ доходовъ, обращавшихся на непроизводительное употребленіе, потому что человѣкъ платитъ не весь налогъ изъ той части имущества, которую сберегаетъ, а нѣкоторую, если не главную долю налога платитъ изъ той части, которую иначе израсходовалъ бы. Надобно прибавить, что всякое увеличеніе производительной силы капитала (или, точнѣе говоря, труда), порождаемое техническими усовершенствованіями или другими причинами, ведетъ къ увеличенію количества труда, содержимаго капиталомъ: при увеличеніи массы продуктовъ нѣкоторая часть прибавочнаго количества, конечно, всегда будетъ сбережена и обращена въ капиталъ. Тѣмъ болѣе надобно ждать этого, когда увеличеніе выгодности производства служитъ усиленіемъ побужденія

обращать запасы отъ непроизводительнаго назначенія къ производительному.

3. Размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала и потому каждое увеличеніе капитала даетъ или можетъ давать большее количество занятій для промышленности; этому возрастанію нельзя назначить предѣловъ. Я вовсе не отрицаю того, что капиталъ или часть капитала можетъ получить употребленіе непригодное для содержанія работниковъ, можетъ быть изъята изъ оборота обращеніемъ въ машины, постройки, земледѣльческія улучшенія и т. д. При каждомъ большомъ возрастаніи капитала значительная часть его всегда получитъ такое употребленіе и будетъ только содѣйствовать труду работниковъ, а не содержать ихъ. Но я хочу сказать то, что часть капитала, назначенная на содержаніе работниковъ, можетъ (при предположеніи неизмѣнности другихъ условій) быть увеличиваема выше всякаго даннаго размѣра и все-таки будетъ можно найдти занятіе для работниковъ; выражаясь иначе, если есть люди, способные работать, и есть пища для ихъ прокормленія, то они всегда могутъ быть употреблены на производство чего нибудь. На этой теоремѣ надобно нѣсколько остановиться, потому что она принадлежитъ къ числу тѣхъ, съ которыми люди легко соглашаются въ видѣ общихъ формулъ, но отъ которыхъ они расположены отступаться въ хаосѣ дѣйствительныхъ фактовъ общественной жизни; притомъ же теорема эта сильно противорѣчитъ обыкновеннымъ мнѣніямъ. Къ числу мнѣній, наиболѣе распространенныхъ между людьми, принадлежитъ то, что непроизводительные расходы богатыхъ необходимы, чтобы дать занятіе бѣднымъ. До Адама Смита почти никто не сомнѣвался въ справедливости такого мнѣнія; да и послѣ Адама Смита писатели очень знаменитые и дѣйствительно заслуживающіе уваженія (напримѣръ, Мальтусъ, Чомерсъ, Сисмонди) утверждали, что еслибы потребители стали сберегать и обращать въ капиталъ слишкомъ большую часть своего дохода и если бы они не обращали на непроизводительное потребленіе сумму средствъ, находящуюся въ извѣстной пропорціи въ капиталу страны, то эта прибавка къ сбереженію была бы просто потерею для общества, потому что не было бы рынка для сбыта товаровъ, которые произвелъ бы капиталъ, созданный такимъ образомъ. Я считаю это за одну изъ тѣхъ многочисленныхъ ошибокъ, которыя происходятъ въ политической экономіи, когда мы не начинаемъ изслѣдованіе съ простѣйшихъ вопросовъ, а прямо бросаемся въ запутанные конкретные феномены.

Каждый можетъ видѣть, что если бы доброжелательное правительство владѣло всею пищею, всѣми инструментами и матеріалами общества, то оно могло бы требовать производительнаго труда отъ всѣхъ, кого допускаетъ къ участію въ пищѣ, и никогда не имѣло бы затрудненія въ томъ, чтобы найти поле для занятія этому производительному труду; потому что пока оставалась бы неудовлетворенной чья нибудь и какая нибудь потребность, требующая удовлетворенія матеріальными предметами, трудъ общества могъ бы быть обращенъ на производство чего нибудь, способнаго удовлетворить этой потребности. Частные люди, владѣющіе капиталомъ, увеличивая его новыми накопленіями, дѣлаютъ точно тоже самое, что въ нашемъ предположеніи дѣлалось бы доброжелательнымъ правительствомъ. Можно предполагать гипотетическимъ образомъ какіе угодно случаи, потому вообразимъ самый крайній случай, какой только можно представить. Предположимъ, что каждый капиталистъ дошелъ до такого мнѣнія, что не имѣя заслугъ болѣе, чѣмъ хорошій работникъ, онъ не долженъ жить лучше работника, и что сообразно такому внушенію совѣсти всѣ капиталисты сберегаютъ весь излишекъ своей прибыли; или предположимъ, что эта воздержность производится не собственнымъ ихъ желаніемъ, а налагается закономъ или общественнымъ мнѣніемъ на всѣхъ капиталистовъ и на всѣхъ землевладѣльцевъ. Итакъ, непроизводительные расходы приведены къ наименьшему размѣру; спрашивается теперь, какое употребленіе себѣ найдетъ увеличившійся капиталъ? Кто станетъ покупать товары, имъ производимые? Нѣтъ покупщиковъ и на тѣ товары, которые уже были произведены въ прежнее время. Итакъ, товары останутся непроданными, говорятъ намъ; они будутъ тлѣть въ кладовыхъ, пока капиталъ уменьшится до своей прежней величины или, точнѣе сказать, до величины меньшей прежняго на ту пропорцію, на какую уменьшился запросъ со стороны потребителей. Но говорить это значитъ видѣть только одну половину дѣла. Въ предполагаемомъ нами случаѣ не было бы со стороны капиталистовъ и землевладѣльцевъ запроса на предметы роскоши. Но когда эти сословія обращаютъ свой доходъ въ капиталъ, они не уничтожаютъ этимъ свою силу потребленія, они только переносятъ ее отъ себя на работниковъ, которымъ даютъ занятіе. Относительно работниковъ можно сдѣлать два предположенія: въ числѣ ихъ происходитъ увеличеніе, пропорціональное увеличенію капитала, или не происходитъ такого увеличенія. Если оно происходитъ, вопросъ не представляетъ затрудненія: производство предметовъ необходимости для новаго населенія займетъ мѣсто производства предметовъ роскоши для части прежняго населенія и доставитъ ровно такое же количество занятія,

какое было утрачено. Но предположимъ, что населеніе не возросло. Все, что прежде расходовалось на предметы роскоши капиталистами и землевладѣльцами, распредѣляется между существующимъ числомъ работниковъ подъ формою увеличенной рабочей платы. Предположимъ, что эти работники уже и прежде были достаточно снабжены предметами необходимости. Что же теперь будетъ? Будетъ то, что работники станутъ потребителями предметовъ роскоши, и капиталъ, прежде употреблявшійся на производство предметовъ роскоши, по прежнему можетъ употребляться тѣмъ же путемъ; разница только въ томъ, что предметы роскоши распредѣляются по всему обществу, между тѣмъ какъ прежде распредѣлялись только между немногими людьми. Строго говоря, увеличеніе сбереженій и увеличеніе производства могло бы продолжаться до того, пока каждый работникъ сталъ бы имѣть всѣ удобства богатства, совмѣстныя съ продолженіемъ труда, предполагая, что сила труда работниковъ физически достаточна для произведенія всей массы этихъ удобствъ для всего числа работниковъ. Такимъ образомъ, границею богатства никакъ не можетъ служить недостатокъ потребителей, а служитъ его только недостаточное количество производителей и производительныхъ силъ. Каждое увеличеніе капитала даетъ труду или увеличеніе занятія или увеличеніе вознагражденія, обогащаетъ или страну, или рабочій классъ. Если новый капиталъ находитъ новыя руки для занятія дѣломъ, онъ увеличиваетъ общую массу продуктовъ; если онъ не находитъ новыхъ рукъ, онъ даетъ прежнимъ рукамъ большую пропорцію продуктовъ, и даже въ этомъ случаѣ можетъ увеличить общую массу продуктовъ, возбуждая работниковъ къ болѣе усердному труду ([17]).

([17]) Вопросъ такъ ясенъ, и мысль, доказываемая Миллемъ, такъ безспорна, что изумительно казалось бы, какъ могли держаться противнаго мнѣнія столь замѣчательные писатели, какъ Сисмонди и Мальтусъ. Но дѣло въ томъ, что ихъ мысль о пользѣ, будто бы получаемой бѣдняками отъ роскоши богатыхъ, мысль совершенно нелѣпая, была только неловкимъ способомъ объяснить фактъ, состоящій въ частыхъ остановкахъ фабричнаго производства отъ недостатка заказовъ и въ коммерческихъ кризисахъ. Они дѣлали фальшивое заключеніе, когда полагали, что прекращеніе роскоши могло бы усилить обремепительность такихъ явленій, которыя собственно и производятся непропорціональнымъ со средствами общества распредѣленіемъ рабочихъ силъ между производствомъ предметовъ первой необходимости и предметовъ роскоши, слишкомъ большою тратою труда на предметы роскоши и на занятія совершенно непроизводительныя. Этотъ предметъ мы вполнѣ можемъ изложить, только познакомившись съ теоріею цѣнности, стоимости и цѣны. Но теперь замѣтимъ одно обстоятельство: теорема, что каждое увеличеніе капитала выгодно или для производства или для благосостоянія

4. Вторая основная теорема о капиталѣ относится къ источнику, изъ котораго онъ происходитъ. Капиталъ есть результатъ сбереженія. Полное доказательство тому находится въ объясненіяхъ уже изложенныхъ нами; но самая теорема требуетъ еще новыхъ объясненій.

Если бы каждый расходовалъ на личныя надобности и удовольствія все, что производитъ, и весь доходъ получаемый имъ изъ продуктовъ другихъ людей, то капиталъ не могъ бы возрастать. Весь капиталъ, за ничтожнымъ исключеніемъ, былъ первоначально результатомъ сбереженія. Я говорю однако же о нѣкоторомъ исключеніи; оно ничтожно, но оно существуетъ. Человѣкъ, трудящійся на свой собственный счетъ, можетъ расходовать на себя все, что производитъ, и не будетъ становиться бѣднѣе; запасъ продуктовъ, которымъ онъ продовольствуется пока соберетъ свою жатву или продастъ свое издѣліе, служитъ капиталомъ; но нельзя сказать, чтобы этотъ запасъ сберегался, потому что весь онъ употребляется на надобности этого человѣка и расходуется, быть можетъ, столь же быстро, какъ расходовался бы въ праздности. Мы можемъ вообразить, что извѣстное число лицъ или семействъ живутъ каждое на своемъ

работниковъ, справедлива относительно капитала въ научномъ смыслѣ слова, то есть относительно части продуктовъ, употребляемыхъ на производство. Но выйдетъ самая задорная путаница, если эту теорему отнести къ всякому вообще богатству, какъ дѣлаютъ французскіе экономисты, называющіе капиталомъ всякую массу цѣнностей, изъ какихъ бы предметовъ ни состояла она и на что бы ни употреблялась; между тѣмъ, какъ есть обширные разряды цѣнностей, непригодные по своей натурѣ къ обращенію на производство, и чѣмъ больше силъ употребляетъ общество на производство такихъ предметовъ, чѣмъ большую массу ихъ получаетъ, тѣмъ больше оскудѣваютъ его производительныя силы. Напримѣръ, положимъ, что въ обществѣ, имѣющемъ 100 человѣкъ работниковъ, 90 были заняты производствомъ хлѣба, а 10 производствомъ бронзы. Положимъ, что открытъ новый, лучшій способъ производить бронзу, что она стала стоить вдвое меньшаго труда, потому цѣна ея понизилась вдвое, и оттого сбытъ ея увеличился втрое. Теперь, чтобы сдѣлать втрое больше бронзы, при способѣ производства вдвое легчайшемъ, на это дѣло потребуется 15 работниковъ вмѣсто прежнихъ 10, а на производство хлѣба останется только 85 работниковъ, — ясно, что въ обществѣ будетъ производиться хлѣба меньше, чѣмъ прежде, и оно обѣднѣетъ. Можно сказать: «число населенія можетъ возрасти, такъ что возстановится прежняя пропорція земледѣльцевъ къ бронзовщикамъ». Но въ отдѣлѣ о рентѣ мы увидимъ, что положеніе общества не улучшается, а становится хуже, когда увеличеніе населенія вызывается чѣмъ бы то ни было, кромѣ чрезвычайнаго пространства невоздѣланной земли очень хорошаго качества, или улучшеній въ земледѣліи. Здѣсь нѣтъ ни того, ни другаго обстоятельства, потому положеніе общества станетъ еще хуже, если его населеніе увеличится.

участкѣ земли, каждое продуктами своего собственнаго труда, и что каждое изъ нихъ потребляетъ весь продуктъ. Но даже и они должны сберечь (то есть не обратить на свое личное потребленіе) ту часть продукта, какая необходима на посѣвъ. Итакъ даже въ этомъ простѣйшемъ состояніи экономическихъ отношеній нужно было сдѣлать нѣкоторое сбереженіе: люди эти должны были произвесть больше, чѣмъ потребили, или потребить меньше, чѣмъ произвели. Еще больше нужно имъ сдѣлать сбереженія, чтобы нанять другихъ работниковъ или увеличить свое производство до такого размѣра, какой не можетъ совершаться собственнымъ трудомъ ихъ рукъ. Всѣ продукты, употребляемые человѣкомъ на содержаніе и веденіе чего нибудь труда, кромѣ своего собственнаго труда, должны были первоначально быть собраны сбереженіемъ; кто нибудь долженъ былъ произвести ихъ и отказаться отъ ихъ потребленія. Итакъ, не дѣлая практической неточности, можно сказать, что весь капиталъ и въ особенности всякое увеличеніе капитала — результатъ сбереженія.

Въ грубомъ и не безопасномъ положеніи общества постоянно бываетъ, что капиталъ принадлежитъ не тому лицу, которое сберегло его, а какому нибудь другому, болѣе сильному или принадлежащему къ болѣе сильному обществу, и перешелъ къ владѣльцу посредствомъ грабежа. Даже при такомъ порядкѣ дѣлъ, въ которомъ собственность была ограждена, возрастаніе капитала долго происходило почти повсюду главнымъ образомъ отъ лишеній, которыя хотя въ сущности одинаковы съ сбереженіемъ, но не называются этимъ именемъ потому, что нѣтъ въ нихъ добровольности. Дѣйствительными производителями были рабы, принужденные производить столько, сколько можно было вынудить у нихъ силою, а въ потребленіи своемъ ограничиваться только тѣмъ, что давалъ имъ разсчетъ ихъ владѣльцевъ или сострадательность этихъ владѣльцевъ, вообще очень незначительная. Но это насильственное сбереженіе не породило бы никакого увеличенія капитала, если бы часть продуктовъ, остающихся отъ него, не была снова сбережена, и уже добровольно сбережена, владѣльцемъ. Если бы онъ потреблялъ на личныя свои надобности все, что по его принужденію произвели и оставили непотребленнымъ рабы, онъ не увеличилъ бы своего капитала и не получилъ бы средства содержать большее число рабовъ. Да и вообще, чтобы содержать какое бы то ни было число рабовъ, надобно было предварительно сдѣлать сбереженіе, заготовить впередъ какой нибудь запасъ, по крайней мѣрѣ пищи. Но это сбереженіе могло быть сдѣлано не отказомъ отъ личныхъ расходовъ, которому добровольно подвергалъ себя хозяинъ: вѣроятнѣе, что оно было сдѣлано самими рабами, когда они еще были свободны, а потомъ насиліе или война,

лишившая ихъ личной свободы, перенесла въ руки побѣдителя и продукты, ими сбереженные.

Есть еще другіе случаи, въ которыхъ терминъ сбереженіе, съ мыслями къ нему обыкновенно принадлежащими, не примѣняется въ точности къ процессу, какимъ увеличивается капиталъ. Если, напримѣръ, мы скажемъ, что единственный путь ускорить возрастаніе капитала есть усиленіе сбереженія, то въ читателѣ, вѣроятно, пробудится этимъ мысль о бо́льшемъ ограниченіи потребленія и объ увеличеніи лишеній. Но, очевидно, что все, увеличивающее производительную силу труда, создаетъ бо́льшій запасъ для дѣланія сбереженій и даетъ средства увеличивать капиталъ безъ всякаго увеличенія лишеній, а напротивъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ личнаго потребленія. По научному смыслу термина, происходитъ сбереженіе и въ этомъ случаѣ. Правда, что потребляется больше, но и остается послѣ потребленія больше прежняго: излишекъ производства надъ потребленіемъ тутъ значительнѣе прежняго, и потому такой процессъ правильно называется бо́льшимъ сбереженіемъ. Надобно сказать, что терминъ «сбереженіе» не совсѣмъ удобенъ; но всякій другой терминъ былъ бы еще менѣе удобенъ. Сбереженіе состоитъ въ томъ, когда потребляется меньше, нежели производится; капиталъ увеличивается собственно этимъ процессомъ, а не всегда непремѣнно уменьшеніемъ въ размѣрѣ потребленія. Не надобно намъ до такой степени порабощать себя разговорному языку, чтобы, употребляя слово сбереженіе въ научномъ смыслѣ, забывать о томъ, что увеличеніе капитала совершается не однимъ путемъ уменьшенія въ размѣрѣ потребленія, а также и другимъ путемъ, увеличеніемъ производства.

5. Третья основная теорема о капиталѣ тѣсно связана со второю, теперь изложенною нами. Вотъ она: хотя капиталъ сберегается и составляетъ результатъ сбереженія, но тѣмъ не менѣе онъ потребляется. Слово «сбереженіе» вовсе не говоритъ, чтобы сберегаемое не потреблялось, не говоритъ даже и того, чтобы потребленіе сберегаемаго непремѣнно отсрочивалось; оно говоритъ только, что если сберегаемое немедленно потребляется, то потребляется не лицомъ сберегающимъ, а другимъ лицомъ. Если продуктъ просто отложенъ для будущаго употребленія, то надобно сказать, что онъ спрятанъ; и пока онъ спрятанъ, вовсе онъ не потребляется. Но если онъ употребляется какъ капиталъ, то онъ весь потребляется, только потребляется не капиталистомъ (18). Часть его обмѣнивается на орудія или

(18) Въ этихъ словахъ уже отразилось вліяніе того случайнаго возраженія, которое съ очевидностью раскрывается послѣдующими словами.

машины, изнашивающіяся отъ употребленія; часть на сѣмена или матеріалы, которые уничтожаются въ прежнемъ своемъ видѣ посѣвомъ или обработкою и совершенно уничтожаются потребленіемъ

Вмѣсто того чтобы удерживать мысль на высотѣ общаго анализа неизмѣнной сущности дѣла, Милль уже подстанавливаетъ, по забывчивости, анализъ извѣстной частной формы экономическаго устройства. Онъ говоритъ уже не вообще о человѣкѣ сберегающемъ, а только о такомъ человѣкѣ, у котораго запасъ сбереженій такъ великъ, что онъ заставляетъ работать другихъ вмѣсто себя. Чтобы видѣть ошибку, вошедшую отъ этой небрежности въ опредѣленіе процесса, которымъ потребляется капиталъ, мы представимъ слѣдующій случай. Положимъ, что крестьянское семейство начинаетъ ткать свое грубое сукно въ тотъ самый день, когда снято руно съ овцы, и потомъ начинаетъ шить платье изъ сукна въ тотъ же день, какъ выткано сукно, и наконецъ начинаетъ носить платье въ тотъ же самый день, какъ снято оно. Отсрочки потребленія нѣтъ, какъ мы видимъ, ни въ одномъ изъ фазисовъ, проходимыхъ продуктомъ, и продуктъ потребляется тѣми самыми людьми, которые сберегли его; но это руно, это сукно, это платье все-таки служитъ капиталомъ, то есть орудіемъ производства, потому что оно даетъ средство заниматься внѣ избы земледѣльческими работами, которыя по времени года невозможны безъ суконныхъ онучъ и другихъ частей одежды, не замѣняемыхъ короткимъ полушубкомъ мужика. Итакъ, надобно сказать, что по способу потребленія продуктъ, служащій капиталомъ, отъ продукта, потребляемаго не въ характерѣ капитала, отличается собственно только тѣмъ, что потребляется для усиленія производства, а не тѣмъ, чтобы сберегался однимъ лицомъ, а потреблялся другимъ. Разница между лицомъ сберегающимъ и между лицомъ потребляющимъ не принадлежитъ сущности дѣла, а относится только къ такой формѣ экономическаго устройства, при которой трудъ составляетъ принадлежность однихъ лицъ, а капиталъ собственность другихъ, уже не работающихъ руками. Итакъ, по сущности дѣла, капиталъ есть та часть сбереженныхъ продуктовъ, потребленіе которой нужно для успѣшности самого процесса труда. Напримѣръ, если работнику въ сырую погоду нужно выпить чарку водки, эта выпитая имъ чарка капиталъ (безъ нея, онъ работалъ бы менѣе энергично, и продукта получилось бы меньше). Мы дѣлаемъ это и многія другія подобныя замѣчанія не потому, чтобы сами по себѣ они имѣли большую важность; но необходимо намъ показывать, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ уклоняются писатели школы Смита отъ принциповъ и пріемовъ собственной своей теоріи, смѣшивая по забывчивости сущность дѣла съ его случайною формою. Мы пропускаемъ множество подобныхъ уклоненій безъ замѣтокъ, чтобы не слишкомъ утомлять читателя; а если бы не боялись этого, то должны были бы дѣлать такихъ поправокъ на текстъ Милля въ десять разъ больше, нежели дѣлаемъ. Что же касается до другихъ экономистовъ, то у каждаго изъ нихъ нечистотей еще въ десять разъ больше, чѣмъ у Милля. Милля мы собственно и выбрали для перевода потому, что какъ ни много у него ошибокъ, но все-таки несравненно меньше, чѣмъ у всякаго другаго писателя школы Смита. Впослѣдствіи, мы приведемъ по одной или по двѣ страницы изъ нѣкоторыхъ другихъ нынѣшнихъ экономистовъ, наиболѣе знаменитыхъ у насъ, чтобы читатель видѣлъ, какую путаницу говорятъ они.

окончательнаго продукта. Остальная часть уплачивается производительнымъ работникамъ, потребляющимъ эту плату на свои ежедневныя нужды; а если работники и сберегутъ часть платы, то она, говоря вообще, не прячется, а посредствомъ сберегательныхъ кассъ и другихъ подобныхъ учрежденій снова обращается въ капиталъ и потребляется.

Принципъ, нами изложенный, служитъ сильнымъ примѣромъ необходимости внимательно вникать въ самыя элементарныя истины нашей науки: это одна изъ самыхъ элементарнѣйшихъ истинъ ея, а между тѣмъ почти никто не понимаетъ этой теоремы, если не вникалъ въ науку, и почти никто не соглашается даже принять эту истину, когда слышитъ ее въ первый разъ. Для профана непонятно, какъ сберегается то, что потребляется. Для него сберегающій человѣкъ представляется человѣкомъ прячущимъ деньги; онъ думаетъ, что сбереженіе не дурно, или даже похвально, когда имѣетъ цѣлью обезпеченіе семейства и тому подобныя заботы; но профанъ совершенно не думаетъ, что сберегать значитъ приносить пользу другимъ: сберегать, по его мнѣнію, тоже, что хранить вещь для самаго себя, а растрачивать тоже, что раздавать вещь по рукамъ другихъ. Человѣкъ, расходующій свое состояніе на непроизводительное потребленіе, считается разливающимъ благодѣянія на всѣхъ окружающихъ его; онъ предметъ такого сочувствія въ обществѣ, что часть этой популярности переходитъ даже на человѣка, расточающаго состояніе не принадлежащее ему, на человѣка, который не только уничтожаетъ свой капиталъ, если когда имѣлъ его, но, подъ видомъ займа и съ обѣщаніемъ уплаты, овладѣваетъ даже капиталомъ, принадлежащимъ другому, и также уничтожаетъ его.

Эта ошибочность обыкновеннаго взгляда происходитъ оттого, что обращается вниманіе только на одну и притомъ небольшую часть слѣдствій, проистекающихъ отъ сбереженія и отъ растраты: люди не думаютъ о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя не попадаются сами на глаза. Глазъ слѣдуетъ за сберегаемымъ имуществомъ въ воображаемую шкатулку и тутъ теряетъ его изъ виду. Онъ слѣдитъ за растрачиваемымъ имуществомъ, какъ оно идетъ въ руки торговцевъ и людей, окружающихъ расточителя; но въ обоихъ этихъ случаяхъ глазъ одинаково не проникаетъ до окончательнаго назначенія имущества. Сбереженіе (на производительное потребленіе) и растрата очень сходны въ первомъ періодѣ своего процесса. То и другое начинается потребленіемъ, разрушеніемъ извѣстной части богатства. Разница только въ томъ, какія вещи потребляются и какіе люди потребляютъ ихъ. Въ первомъ случаѣ изнашиваются инструменты, уничтожается матеріалъ, также пища и одежда, которую по-

требляютъ работники; во второмъ случаѣ потребляются, т. е. уничтожаются дорогія вина, экипажи и меблировка. До сихъ поръ послѣдствіе обоихъ дѣлъ для національнаго богатства было почти одинаково: одинаковое количество богатства уничтожилось тѣмъ и другимъ дѣломъ. Но при мотовствѣ, этотъ первый фазисъ служитъ и окончательнымъ фазисомъ: извѣстное количество продуктовъ труда исчезло и ничего отъ нихъ не осталось; а сберегающій человѣкъ во все время, пока продолжалось разрушеніе, держалъ на работѣ людей, возстановлявшихъ уничтожаемые продукты, и въ результатѣ оказывается, что работники съ излишкомъ воспроизвели то количество продуктовъ, которое было потреблено. Эта операція можетъ быть безконечное число разъ повторяема безъ новаго сбереженія, потому разъ сдѣланное сбереженіе становится фондомъ, могущимъ содержать вѣчное время извѣстное число работниковъ, которые ежегодно воспроизводятъ свое продовольствіе съ прибылью.

Для непривычнаго соображенія истинный характеръ этихъ феноменовъ затемняется тѣмъ, что въ нихъ участвуютъ деньги. Почти всѣ расходы производятся посредствомъ денегъ и потому деньги пріобрѣтаютъ видъ главнаго элемента въ этомъ дѣлѣ; а деньги не истребляются, онѣ только переходятъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, и отъ вниманія ускользаетъ уничтоженіе, происходящее при непроизводительномъ расходѣ. Деньги только перешли изъ рукъ въ руки, и люди думаютъ, что богатство также перешло изъ рукъ мота въ другія руки. Но это просто значитъ смѣшивать деньги съ богатствомъ. Уничтоженное богатство было не деньги, а тѣ дорогія вина, экипажи и меблировка, которыя были куплены на деньги; эти вещи уничтожены теперь безвозвратно и общество стало бѣднѣе на всю сумму ихъ. Могутъ сказать, что дорогія вина, экипажи и меблировка не пища, не инструменты, не матеріалы и ни въ какомъ случаѣ не могли бы годиться на содержаніе труда; что они годятся только на непроизводительное потребленіе и что ущербъ богатству общества наносился, когда они производились, а не тогда, когда они потреблялись. Я согласенъ допустить такое замѣчаніе, насколько нужно для разъясненія предмета, и замѣчаніе это было бы совершенно справедливо, если бы эти убыточные предметы роскоши брались изъ существующаго запаса, которому не было бы уже суждено пополняться. Но вѣдь они будутъ производиться вновь, пока будутъ для нихъ потребители, и будутъ производиться въ большемъ количествѣ для удовлетворенія увеличившагося запроса; потому, когда потребитель расположился тратить 5,000 фунтовъ изъ своего дохода на предметы роскоши, онъ изъ года въ годъ держитъ соотвѣтственное число ра-

ботниковъ занятыми производствомъ вещей, которыя никакъ не могутъ пригодиться для производства. Трудъ этихъ работниковъ теряется по отношенію къ возрастанію національнаго богатства; пища, инструменты и матеріалы, ежегодно потребляемые ими, отнимаются изъ общаго запаса націи, пригоднаго на производительное употребленіе. По мѣрѣ расточительности или роскоши извѣстнаго класса, промышленность страны обращается къ производству предметовъ роскоши для него, и не только уменьшается количество занятія для производительныхъ работниковъ, но продовольствіе и инструменты, нужные для производительнаго занятія, производятся въ меньшемъ количествѣ.

Словомъ сказать, сбереженіе обогащаетъ, а расточительность приводитъ къ бѣдности общество, подобно отдѣльному человѣку; иначе говоря, это значитъ, что общество въ цѣломъ своемъ составѣ обогащается тою суммою, какую расходуетъ на содержаніе производительнаго труда и на содѣйствіе ему и, наоборотъ, бѣднѣетъ на ту сумму, какую потребляетъ для своихъ удовольствій (*).

(*) Вѣроятно, не безполезно будетъ обратить вниманіе на разныя обстоятельства, до извѣстной степени уменьшающія убытокъ, наносимый общественному богатству расточительностью частныхъ людей, или дающія болѣе или менѣе значительное уравновѣшеніе ему въ видѣ послѣдствій самаго убытка. Одно изъ этихъ обстоятельствъ то, что мотъ въ сущности не успѣваетъ потреблять все, что расточаетъ. Его обыкновенная безпечность въ расходѣ бываетъ причиною, что его обманываютъ и обкрадываютъ со всѣхъ сторонъ; а изъ этихъ обкрадывающихъ людей многіе имѣютъ экономныя привычки. Большія суммы постоянно накопляются повѣренными, управителями и даже домашними служителями богатыхъ расточительныхъ людей. Кромѣ того расточительные люди дороже бережливыхъ платятъ за всѣ свои покупки (отъ этого и происходитъ расположеніе купцовъ къ нимъ). Такимъ образомъ они въ дѣйствительности не могутъ получить въ свои руки и уничтожить такое количество богатства, которое бы равнялось расточаемому ими состоянію: они потребляютъ въ сущности гораздо меньше, чѣмъ расходуютъ, и значительная часть ихъ состоянія не потребляется, а просто переходитъ къ другимъ, которые можетъ быть сберегутъ часть перешедшаго къ нимъ. Во-вторыхъ, надобно замѣтить, что расточительность однихъ можетъ приводить другихъ къ вынужденной экономности. Предположимъ, что капризомъ мота, капризомъ, котораго нельзя было предвидѣть впередъ, произведенъ внезапный запросъ на какой нибудь предметъ роскоши. По непредвидѣнности этого запроса не заготовлено лишняго запаса противъ прежняго. Цѣна поднимется; она можетъ подняться на столько, что превзойдетъ средства или желаніе нѣкоторыхъ прежнихъ потребителей; они, можетъ быть, откажутся отъ своего прежняго наслажденія и такимъ образомъ сберегутъ сумму, которую тратили на него. Если они не откажутся отъ него, а будутъ продолжать тратить на этотъ товаръ столько же, какъ прежде, тогда торговцы этимъ предметомъ получаютъ за прежнее количество товара сумму, увеличив-

6. Возвратимся къ нашей основной теоремѣ. Все, что производится—потребляется; потребляется и то, что называется растрачиваемымъ, и то, что называется сберегаемымъ; притомъ сберегаемое потребляется также быстро, какъ растрачиваемое. Всѣ выраженія разговорнаго языка ведутъ къ тому, чтобы мы этого не замѣчали. Когда говорится о старинномъ богатствѣ страны, о богатствахъ, наслѣдованныхъ отъ предковъ, эти и всѣ подобныя имъ выраженія ведутъ насъ къ мнѣнію, будто богатства, переданныя отъ предковъ, были произведены очень давно, въ то время, когда они первоначально были пріобрѣтены, и будто въ нынѣшнемъ году произведена только та часть капитала страны, на какую увеличилась въ нынѣшнемъ году вся сумма его. На самомъ дѣлѣ вовсе не то. Большая часть тѣхъ составляющихъ богатство цѣнностей, которыя нынѣ существуютъ въ Англіи, произведена человѣческими руками въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати мѣсяцевъ. Очень мала та часть этого огромнаго богатства, которая существовала лѣтъ десять тому назадъ: изъ нынѣшняго производительнаго капитала страны едва ли существовало тогда что нибудь, кромѣ домовъ на фермахъ и фабрич-

---

щаяся всѣмъ тѣмъ количествомъ, которое заплатилъ мотъ; такимъ образомъ сумма, теряемая мотомъ, фактически переходитъ къ нимъ и, можетъ быть, они присоединятъ ее къ своему капиталу, а его излишнее личное потребленіе составляется изъ умеиьшеній въ потребленіи другихъ покупателей, которые за прежнюю сумму получили меньшее прежняго количество товаровъ. Кромѣ того гдѣ нибудь процессъ мотовства долженъ отражаться въ обратномъ характерѣ, потому что мотъ долженъ въ чемъ нибудь уменьшить свои покупки для уравновѣшенія увеличеннымъ своихъ расходовъ на извѣстный предметъ. Быть можетъ, онъ вынулъ изъ обращенія сумму, употреблявшуюся на содержаніе производительнаго труда; въ такомъ случаѣ торговцы продовольствіемъ и орудіями производства имѣютъ оставшимися на своихъ рукахъ непроданные товары, или получили за прежнее ихъ количество сумму меньшую прежней; а такія свои утраты въ доходахъ или въ капиталѣ промышленные люди вообще (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда утраты чрезмѣрны) вознаграждаютъ увеличеніемъ разсчетливости и отказами себѣ въ удовольствіяхъ. Такимъ образомъ капиталъ общества въ результатѣ можетъ быть остался не уменьшеннымъ и мотъ велъ свою расточительность не на счетъ постоянныхъ средствъ другихъ людей, а на счетъ ихъ мимолетныхъ удовольствій и удобствъ. Но все-таки его расточительность производилась насчетъ другихъ, потому что во всякомъ случаѣ общество бѣднѣетъ на сумму расточаемую однимъ, если другіе не приводятся этимъ къ сокращенію своихъ растратъ. Есть еще другіе, не столь очевидные пути, которыми расточительность однихъ можетъ порождать свое вознагражденіе увеличеніемъ сбереженія у другихъ; но эти случаи можно будетъ разсмотрѣть намъ только въ томъ отдѣлѣ четвертой книги, который будетъ говорить о принципѣ предѣла въ накопленіи капитала. *Прим. авт.*

ныхъ зданій, да немногихъ изъ нынѣшнихъ кораблей и машинъ; да и изъ этихъ домовъ, кораблей и машинъ развѣ очень немногія просуществовали бы десять лѣтъ, еслибы не употреблялся въ это время новый трудъ на ихъ поправку. Земля осталась отъ прежняго времени, и она почти единственная вещь, оставшаяся отъ прежняго времени. Зато она и непроизведена; а все, что произведено, исчезаетъ, и почти все исчезаетъ очень быстро. Почти всѣ роды капитала по своей натурѣ неспособны долго сохраняться. Есть только нѣсколько, и притомъ очень мало, произведеній, способныхъ имѣть очень долгое существованіе. Уэстминстерское аббатство съ небольшими починками продержалось нѣсколько столѣтій; нѣкоторыя греческія статуи существуютъ больше 2,000 лѣтъ; пирамиды, быть можетъ, вдвое или втрое больше. Но это предметы, назначенные на непроизводительное употребленіе. За исключеніемъ мостовъ и водопроводовъ (къ которымъ можно прибавить нѣкоторые резервуары и плотины), почти нѣтъ сооруженій для промышленности, которыя существовали бы долго. Промышленныя зданія вообще скоро изнашиваются употребленіемъ, да и нѣтъ разсчета строить ихъ съ вѣковѣчною прочностью. Капиталъ поддерживается изъ поколѣнія въ поколѣніе не тѣмъ, что сохраняется, а тѣмъ, что постоянно воспроизводится: всѣ составныя части его разрушаются употребленіемъ, и вообще разрушаются вскорѣ послѣ того, какъ произведены; но люди, потребляющіе ихъ, занимаются между тѣмъ производствомъ другаго капитала, имѣющаго большій размѣръ. Возрастаніе капитала подобно возрастанію населенія. Каждый, кто рожденъ, умираетъ; но каждый годъ число рождающихся больше числа умирающихъ: потому населеніе постоянно возрастаетъ, хотя ни одного изъ лицъ, составляющихъ его, не существовало на свѣтѣ до времени вовсе недалекой старины.

7. Это постоянное потребленіе и воспроизведеніе капитала служитъ объясненіемъ факту, столь часто возбуждавшему удивленіе, факту чрезвычайной быстроты, съ которою страны поправляются отъ опустошеній,—тому, что скоро исчезаютъ всѣ слѣды бѣдствій, нанесенныхъ землетрясеніями, наводненіями, ураганами и военнымъ разореніемъ. Непріятель опустошаетъ страну огнемъ и мечомъ, разрушаетъ или увозитъ почти все существующее въ ней движимое богатство; всѣ жители разорены; но черезъ нѣсколько лѣтъ все почти въ такомъ же видѣ, какъ было до войны. Эта vis medicatrix naturae, «цѣлебная сила природы», часто бывала предметомъ безплоднаго изумленія или приводилась въ примѣръ чудеснаго могущества сбереженія, вознаграждающаго такія громадныя потери въ такое короткое время. Но тутъ нѣтъ ровно ничего удивительна-

го. То, что уничтожено непріятелемъ, въ недолгое время было бы уничтожено и самими жителями; богатство, столь быстро воспроизводимое ими, они должны были бы воспроизводить и воспроизвели бы во всякомъ случаѣ, и, вѣроятно, въ столь же недолгое время. Разницы тутъ никакой нѣтъ, кромѣ той, что во время воспроизведенія они не имѣли наслажденія потреблять сами то, что было произведено ими прежде. Возможность быстраго возвращенія погубленныхъ бѣдствіемъ богатствъ зависитъ главнымъ образомъ отъ того, сохранилось ли населеніе страны. Если трудящееся населеніе не истреблено во время бѣдствія и не вымерло потомъ отъ голода, то, сохранивъ прежнее искусство и знаніе, оно имѣетъ оставшуюся безъ поврежденій свою землю съ ея прочными улучшеніями; вѣроятно, имѣютъ прочныя зданія также сохранившимися безъ поврежденій, или почти безъ поврежденій, или съ не очень важными и многочисленными поврежденіями; и такимъ образомъ у него остались почти всѣ элементы, нужные для веденія производства въ прежнемъ размѣрѣ. Если у жителей осталось столько пищи, или столько издѣлій, чтобы купить пищи на то, чтобы съ какими бы то ни было лишеніями просуществовать и быть въ состояніи работать, они скоро произведутъ такое же количество продуктовъ, въ общей своей сложности пріобрѣтутъ прежнее количество богатства и капитала и достигнутъ этого простымъ продолженіемъ труда, какой прежде употребляли на свои занятія. Это фактъ, порождаемый вовсе не силою сбереженія въ разговорномъ смыслѣ слова, потому что мы видимъ тутъ не добровольную воздержность, а лишенія, налагаемыя внѣшнею необходимостью. Тутъ дѣйствуетъ воспроизведеніе ([19]).

([19]) Такимъ образомъ, главное условіе для продолженія и возрастанія изобильности страны продуктами состоитъ въ томъ, чтобы трудящаяся часть ея населенія сохранила энергію въ трудѣ. Мимолетныя бѣдствія, каковы бываютъ обыкновенно бѣдствія, наносимыя природою (наводненія, землетрясенія, даже болѣе сильныя потери отъ засухи или излишнихъ дождей, вредящихъ одной жатвѣ) не имѣютъ силы повредить энергіи труда. Изъ бѣдствій, наносимыхъ людямъ людьми, то, которое наносится чужими людьми, война, при нынѣшнемъ состояніи цивилизованныхъ странъ также рѣдко имѣетъ продолжительность, нужную для измѣненія привычекъ и нравовъ населенія, страна котораго опустошается ею; потому обыкновенно страна эта, сохранивъ прежнюю энергію труда, скоро оправляется отъ военнаго опустошенія. Но и недолгая война выносится страною безъ замѣтнаго ослабленія энергіи труда только тогда, если внутреннія благопріятныя труду условія уже прочно основали въ населеніи высокую степень этой энергичности; когда же трудъ до войны былъ вялъ, не настойчивъ, не энергиченъ, кратковременное военное бѣдствіе можетъ надолго понизить

А между тѣмъ такъ сильна привычка мыслить о предметѣ не прямо по его признакамъ, а только черезъ посредство техническихъ фразъ, и ученые изслѣдователи такъ мало свободны отъ тѣхъ умственныхъ немощей, которыми страдаютъ профаны, что простаго объясненія, приведеннаго нами здѣсь, не умѣлъ, сколько я помню, дать ни одинъ политико-экономъ до д—ра Чонерса, — писателя, у котораго много мыслей по моему мнѣнію ошибочныхъ, но у котораго всегда есть то достоинство, что онъ изучаетъ феномены въ самомъ ихъ источникѣ, и выражаетъ ихъ самостоятельнымъ языкомъ, часто раскрывающимъ такія стороны истины, которыя закрываются принятою фразеологіею.

8. Изъ того воззрѣнія, которымъ докторъ Чонерсъ объясняетъ изложенный нами вопросъ, онъ выводитъ важныя заключенія о другомъ, близкомъ къ объясненному факту предметѣ, о государственныхъ займахъ на войну и на другіе непроизводительные расходы. Займы эти, замѣняя собою налоги, берутся изъ капитала, между тѣмъ какъ налоги платились бы изъ дохода и отчасти или вполнѣ покрывались бы увеличеніемъ экономіи въ расходахъ; и такъ, по принципамъ, нами изложеннымъ, займы ведутъ страну къ обѣдпѣнію. Но годы, когда расходы, дѣланные на занятыя суммы, совершались въ громаднѣйшемъ размѣрѣ, часто бывали годами большаго нарушнаго благосостоянія: средства страны и богатство ея, вмѣсто того, чтобы являться уменьшенными, показывали всѣ признаки быстраго возрастанія, пока длился расходъ, и оказывались сильно расширившимися по его окончаніи. Всѣ согласны въ

его силу и страна долго не оправится отъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ войны. Такъ напримѣръ, Смоленская губернія, по точному изслѣдованію г. Я. Соловьева, до сихъ поръ не вполнѣ оправилась отъ разоренія 1812 года, — болѣе 40 лѣтъ прошло съ той поры до эпохи, къ которой относится изслѣдованіе г. Соловьева, а страна все еще оставалась бѣднѣе, чѣмъ была въ 1811 году. Если же военное опустошеніе имѣетъ характеръ долгаго постояннаго грабежа, оно дѣйствуетъ очень сильно. Такъ Тридцатилѣтняя война слишкомъ на столѣтіе разрушила прежнее благосостояніе Германіи: народъ отвыкъ отъ постояннаго грабежа, которому подвергался, отвыкъ отъ нравовъ, дававшихъ успѣшность его труду, и только во второй половинѣ XVIII столѣтія слѣды этого гибельнаго вліянія стали исчезать. Но характеръ постоянства въ особенности принадлежитъ невыгоднымъ обстоятельствамъ внутренней жизни самого населенія, тѣмъ бѣдствіямъ, которыя наносятся ему не чужими, а своими людьми. Отъ своей внутренней обстановки сотни, иногда тысячи лѣтъ трудъ лишается энергіи. Изслѣдованіе этого предмета относится къ той части политической экономіи, которая говоритъ о вліяніи общественныхъ учрежденій на производство.

томъ, что такъ было съ Великобританіей во время послѣдней долгой континентальной войны (при Наполеонѣ I), и много мѣста понадобилось бы на исчисленіе всѣхъ неосновательныхъ политико-экономическихъ теорій, порожденныхъ этимъ фактомъ, вошедшихъ на нѣкоторое время въ довѣріе у публики, благодаря ему, и превозносившихъ непроизводительное потребленіе, какъ болѣе выгодное, чѣмъ производительное. Не входя въ изложеніе всѣхъ причинъ, не дававшихъ тутъ и обыкновенно не дающихъ странѣ чувствовать послѣдствія этихъ чрезвычайныхъ растратъ ея производительныхъ силъ въ полномъ размѣрѣ, какой обозначается теоріею, мы предположимъ самый неблагопріятный изъ всѣхъ возможныхъ случаевъ: предположимъ, что вся занятая и уничтоженная правительствомъ сумма богатствъ была вынута заимодавцемъ изъ производительнаго употребленія, которымъ была вся она фактически занята. Въ такомъ случаѣ капиталъ страны уменьшенъ на всю величину этой суммы. Но если сумма эта не была страшно чрезмѣрною, то по самой сущности дѣла нѣтъ причинъ національному капиталу не возвратить на слѣдующій годъ свою прежнюю величину. Заемъ не могъ быть взятъ изъ той части капитала, которая состоитъ въ инструментахъ, машинахъ и зданіяхъ. Онъ весь долженъ быть взятъ изъ той части капитала, которая служитъ платою работникамъ, и работники пострадали отъ займа пропорціонально взятой суммѣ. Но если никто изъ нихъ не умеръ съ голоду, если рабочая плата могла вынести такое уменьшеніе, или если благотворительность отвращала отъ работниковъ совершенное отсутствіе продовольствія, то нѣтъ причины, почему бы трудъ ихъ въ слѣдующемъ году производилъ меньше, нежели въ предыдущемъ ([20]). Если они, за плату

([20]) То есть, опять предполагая то условіе, важность котораго заставила насъ сдѣлать предыдущее замѣчаніе,—предполагая, что нравы и привычки трудящейся части населенія не успѣли повредиться отъ лишеній. Размѣръ этого поврежденія можетъ быть великъ или малъ, смотря по состоянію, какого прежде успѣла достичь прочная привычка къ энергіи труда; если она сильна, поврежденіе можетъ быть не столь громаднымъ, чтобы рѣзать глазъ поверхностнаго наблюдателя; но оно въ большей или меньшей степени непремѣнно слѣдуетъ за лишеніемъ. Это фактъ математическій, не подлежащій сомнѣнію въ теоріи; а на практикѣ нужно только внимательно изслѣдовать положеніе дѣлъ, чтобы открыть его существованіе. Война и всякій другой большой государственный непроизводительный расходъ портитъ энергію производительнаго труда, нанося порчу привычкамъ трудящихся. Это было замѣчено и въ Англіи во время войнъ съ французскою республикою и первою имперіею. Работники оказались менѣе прежняго успѣшны въ работѣ, потому что развилось въ нихъ апатическое буйство, перемежающееся съ лѣностью. Не говоримъ уже о томъ, что во время ослаб-

уменьшившуюся извѣстнымъ числомъ милліоновъ, произведутъ столько же, какъ прежде, эти милліоны будутъ выиграны хозяевами ихъ ([22]). Такимъ образомъ немедленно возстановляется уронъ, на-

---

леніи производительнаго труда земля остается нѣсколько запущенною, то есть нѣсколько портится, выдѣлка инструментовъ и машинъ для промышленныхъ производствъ ослабѣваетъ, а прежніе инструменты и машины сильнѣе обыкновеннаго портятся, оставаясь безъ поправки, да и матеріаловъ для промышленности изготовляется меньше, чѣмъ обыкновенно. Такимъ образомъ на слѣдующій годъ общество имѣетъ рабочія силы хуже прежнихъ, орудія производства (землю, инструменты, машины, промышленныя постройки) въ количествѣ меньшемъ и въ качествѣ худшемъ прежняго, матеріалы тоже; потому производство на слѣдующій годъ никакъ не можетъ имѣть того размѣра, какой имѣло бы безъ непроизводительнаго чрезвычайнаго расхода. Теорема о неизбѣжности этого рѣзультата имѣетъ математическую достовѣрность.

([22]) Но *именно* столько же они не произведутъ, потому что за меньшую плату трудъ получается худшаго качества, и потому не *всѣ* милліоны будутъ выиграны хозяевами,—часть этой суммы потеряется отъ ухудшенія въ качествѣ труда. Чтобы сдѣлать яснѣе это соображеніе, мы приведемъ гипотетическій балансъ общества.

Положимъ, что Англія занимаетъ на войну 50 милліоновъ фунтовъ. Эти 50 милліоновъ берутся изъ платы работникамъ. Положимъ, что она имѣла прежде величину 200 милліоновъ; она уменьшилась отъ займа на четвертую часть; качество труда ухудшилось отъ этого хотя на одну двадцатую часть. Если при помощи данныхъ орудій и даннаго количества матеріаловъ трудъ производилъ прежде продуктовъ на 500 милліоновъ, теперь онъ произведетъ ихъ одною двадцатою частью меньше, то есть только на 475 милліоновъ. Итакъ, что произвелъ заемъ только одною этою стороною своего дѣйствія? Онъ взялъ у работниковъ черезъ руки хозяевъ 50 милліоновъ; но, взявъ у работниковъ для передачи правительству 50 милліоновъ, хозяева сами потеряли отъ ухудшенія въ качествѣ труда 25 милліоновъ. Итого, 75 милліоновъ чистой потери. Но это только одна часть потери. Всей громадности потери нельзя и сообразить, но попробуемъ сообразить хотя еще нѣкоторыя части ея.

50 милліоновъ, взятые на войну, израсходованы на потребленіе непроизводительное, пропадающее безъ всякаго слѣда (Милль, книга I, глава 3, § 6, стр. 78). Производство было въ 500 милліоновъ; положимъ, что изъ него прежде шло на непроизводительное потребленіе 100 м., оставалось на производительное 400 м.; теперь пошло на непроизводительное потребленіе 150 м., осталось на производительное 350 м.; если прежде изъ 400 милліоновъ возникало 500, теперь изъ 350 м. возникало бы только уже 437½ милл., если бы успѣшность труда осталась прежняя; но она уменьшилась на одну двадцатую часть, то есть на 21,87 милл., итакъ производятся на слѣдующій годъ только 415,63 милліоновъ. Недочетъ составляетъ на первый слѣдующій за займомъ годъ 84,37 милліона.

Этотъ недочетъ перваго года отзовется нѣкоторымъ недочетомъ и на слѣдующемъ (второмъ), а отъ него на третьемъ году и т. д., потому что не вся сумма 84,37 милл. отнеслась на непроизводительное потребленіе, а часть ея легла и на производительномъ потребленіи. Но мы не станемъ уже высчитывать этихъ слѣдующихъ недочетовъ. Ограничимся однимъ первымъ годомъ.

несчастный капиталу; впрочемъ, возстановляется онъ лишеніями и часто сильнаго нищетою рабочаго класса. Вотъ дѣйствительная причина, почему такіе періоды, даже при самыхъ невыгодныхъ об-

---

Весь ли его недочетъ мы сочли? Нѣтъ, онъ имѣетъ множество формъ, мы взяли еще только одну, — легко было бы набрать ихъ десятка два очень крупныхъ; мы возьмемъ хотя только еще двѣ — вліяніе недочета на землю, инструменты, машины и вліяніе на рабочія силы.

Производительное потребленіе уменьшилось въ годъ военнаго расхода на одну восьмую часть (350 м. вмѣсто прежнихъ 400 м.) Это значитъ, что между прочимъ и на уходъ за землею приложено труда на $^1/_8$ часть меньше прежняго. Отъ этого она дала продуктовъ на $^1/_8$ часть, на $12^1/_2$ % меньше. Положимъ, что ея продукты составляли 50% всѣхъ продуктовъ, — мы считали всего 415,63 м., стало быть въ нихъ земледѣльческихъ продуктовъ считалось 207,81 милл., теперь оказывается, что ихъ надобно считать уменьшенными на одну восьмую часть, то есть вычесть 25,98; потому земледѣльческихъ продуктовъ надобно считать не 207,81 м., а только 181,83 м. Другихъ продуктовъ считаемъ то количество, какъ прежде (207,81 м.); обѣ суммы составляютъ уже только 389,64 м.

Но составляютъ ли онѣ и это количество? Вѣдь мы полагали, что трудъ производится тѣмъ же количествомъ такихъ же инструментовъ и машинъ, какъ прежде, а этотъ факторъ уменьшился тоже на $^1/_8$ часть, и отъ этого трудъ снова сталъ на $^1/_8$ часть менѣе успѣшенъ; итакъ надобно изъ 389,64 м. вычесть одну восьмую часть, то есть 48,70 м. Остается всего только 340,94 м.

Но остается ли хотя это? Вѣдь мы только полагали, что трудъ сталъ хуже качествомъ, сталъ производиться меньшимъ количествомъ и притомъ худшихъ инструментовъ и надъ землею худшаго качества, но все еще полагали, что количество труда осталось прежнее; осталось ли оно? Нѣтъ; было въ Англіи, положимъ, 5,000,000 взрослыхъ работниковъ, изъ нихъ 200,000 завербованы въ солдаты и военные матросы, а съ войны годными къ работѣ воротились развѣ 100,000 — другіе 100,000 убиты, умерли отъ ранъ и тифа, или остались изувѣченными. Итакъ изъ 5,000,000 работниковъ исключено войною безвозвратно 100,000 работниковъ; количество труда уменьшилось на одну пятидесятую часть, на 2%; опять надобно вычесть 2% изъ количества продуктовъ, которое мы полагали прежде, — изъ 340,94 м. надобно вычесть 6,82 м., остается всего только 334,12 милліона, стало быть весь недочетъ — 165,88 милліоновъ.

Да полно, весь ли это недочетъ? Куда, какъ можно! Вѣдь мы не считали, сколько работниковъ, оставшихся дома, умерло отъ лишеній, сколько другихъ сколько времени пролежали въ болѣзняхъ отъ лишеній, сколько времени потрачено ими на уходъ за родными, болѣвшими или умиравшими все отъ тѣхъ же лишеній, сколько продуктовъ пошло на леченье, на похороны; сколько съ горя пропито; сколько времени люди одурѣлые отъ горя шатались неспособными къ труду, сколько отъ этого пропало и попортилось орудій производства, сколько преступленій надѣлано отъ одуренія, отчаянія и нищеты, сколько потрачено на обузданіе развивавшейся въ массѣ готовности къ преступленіямъ, на преслѣдованіе преступленій, на содержаніе обвиненныхъ въ тюрьмахъ, на наказаніе преступниковъ. Этотъ дефицитъ составилъ бы тоже кругленькую цифру въ нѣсколько десятковъ милліоновъ.

ствахъ, очень могутъ быть временами большимъ выигрышей для тѣхъ, благосостояніе которыхъ обыкновенно считается во мнѣніи общества за національное благосостояніе (*).

А главное, мы считали убыль производства только отъ убыли въ рабочихъ силахъ и въ орудіяхъ, а не считали убыли отъ уменьшенія въ матеріалахъ, между тѣмъ какъ въ нихъ-то и произошло главное уменьшеніе. Что, напримѣръ, если оказалось, что на посѣвъ осталась только половина того количества зерна, какое употреблялось прежде? Тогда вѣдь и всю жатву придется считать въ половину меньше.

Но этого всего мы не считаемъ. Итакъ уже довольно набралось недочетовъ.

Подведемъ же итоги хотя къ тому, что сосчитали.

Отъ займа на войну въ 50 милл. нація въ тотъ годъ, когда расходовался этотъ заемъ, потеряла 75 милл. Въ слѣдующій годъ убыль по производству, далеко не вполнѣ сосчитанная, простиралась на 165,88, проще говоря, на 166 милл., — итого, эти 50 милліоновъ стоили націи убытка покрайней мѣрѣ въ 241 милліона за годъ военнаго расхода и одинъ слѣдующій годъ.

А мы сказали еще, что недочетъ перваго года послѣ войны отзовется недочетомъ и на второмъ, и на третьемъ годѣ, да и дальше. А проценты по займу? Вѣдь и ихъ надобно будетъ откуда нибудь брать каждый годъ? Да, едва ли англичане отдѣлались убыткомъ хотя бы въ 250, хотя бы въ 300, или даже въ 400 милліоновъ фунтовъ за этотъ израсходованный на войну съ Франціею заемъ въ 50 милліоновъ.

Лучше было бы имъ, чѣмъ дѣлать этотъ заемъ, взять да сожечь весь свой Лондонъ. Меньше было бы имъ убытка отъ этого, нежели отъ одного года успѣшной войны. Лондонскимъ монументомъ великаго пожара 1666 года ознаменована память бѣдствія несравненно меньшаго для англичанъ, нежели монументомъ ихъ трафальгарской побѣды.

Какимъ же образомъ эти громадныя потери до того нечувствительны, что нужно еще доказывать ихъ? Какими путями производится то странное явленіе, что разница между годомъ войны и годомъ мира въ экономическомъ отношеніи не такъ ярка для невнимательнаго зрителя, какъ должна быть по сущности дѣла? Объясненіемъ этого служитъ нынѣшній порядокъ распредѣленія цѣнностей, и отвѣтъ надобно отложить до второй книги.

Теперь мы можемъ предвидѣть одно: должно быть что-то фальшивое, дикое, въ томъ экономическомъ бытѣ, при которомъ для массы націи все равно, теряетъ ли нація 20%, 30%, или даже 50% своего дохода, а для многихъ эта потеря даже выгодна, — при которомъ нація восхищается своими побѣдами и рада вести войну, лишь бы шла она удачно. Это напоминаетъ о состояніи ощущеній человѣка одержимаго тифознымъ жаромъ, который самъ не можетъ опредѣлить, холодно ли или тепло въ комнатѣ, и который готовъ выпить хотя цѣлое ведро ледяной воды, отъ которой усиливается его болѣзнь.

(*) Но съ другой стороны не должно забывать, что война отвлекаетъ отъ производительнаго занятія не только капиталъ, но и работниковъ; что суммы, взятыя изъ вознагражденія производительныхъ работниковъ, отчасти употребляются на плату имъ же или другимъ за непроизводительный трудъ и что этою частью своихъ слѣдствій военныя издержки дѣйствуютъ въ направленіи прямо противоположномъ

Это ведетъ къ спорному вопросу, на который и было обращено особенное вниманіе д — ра Чомерса: какимъ путемъ правительству лучше получать суммы, требуемыя экстреннымъ непроизводи-

---

тому, которое указываетъ докторъ Чомерсъ; насколько простирается вліяніе этой стороны войны, оно вознаграждаетъ результаты, изложенные въ текстѣ. Часть дѣла, состоящая въ томъ, что работники берутся отъ производства въ армію и флотъ, *не* вредитъ рабочимъ классамъ, *не* даетъ выгоды капиталистамъ, а общая масса продуктовъ страны *уменьшается* военными издержками. Такимъ образомъ мнѣніе доктора Чомерса, справедливое относительно Англіи, совершенно не примѣняется къ странамъ, находящимся въ другихъ обстоятельствахъ; напримѣръ, къ Франціи во время наполеоновскихъ войнъ. Въ этотъ періодъ много лѣтъ сряду продолжался въ огромномъ размѣрѣ выводъ рабочаго населенія изъ Франціи; а суммы, на которыя велась война, доставлялись преимущественно контрибуціею съ земель, завоеванныхъ французскимъ оружіемъ, и только очень малая часть ихъ состояла изъ французскаго капитала. Поэтому во Франціи рабочая плата не падала, а возвышалась; хозяева, нанимавшіе рабочихъ, имѣли не выигрышъ, а убытокъ; богатство страны между тѣмъ уменьшалось остановкою или совершенною потерею огромнаго количества производительнаго труда. Въ Англіи всѣ эти результаты имѣли противоположный характеръ. Англія, сравнительно говоря, прибавила на время войны мало своихъ собственныхъ солдатъ и матросовъ, но отвратила сотни милліоновъ фунтовъ капитала отъ производительнаго занятія на доставленіе военныхъ запасовъ своимъ континентальнымъ союзникамъ и на содержаніе ихъ арміи. Поэтому, какъ мы говорили въ текстѣ, работники ея страдали, капиталисты ея благодѣтельствовали, а постоянныя производительныя силы ея не уменьшались. *Примѣч. автора.*

Факты изложены тутъ справедливо, но въ изложеніи перемѣшаны двѣ разныя точки зрѣнія: выгодность распредѣленія для разныхъ сословій и производство. Мы уже нѣсколько разъ замѣчали, что даже у Милля, самаго серьёзнаго и проницательнаго мыслителя изъ всѣхъ нынѣшнихъ политико-экономовъ, результаты, проистекающіе изъ сущности вещей, слишкомъ часто смѣшиваются съ явленіями второстепенными, временными, происходящими отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, и затемняются такимъ смѣшеніемъ. Здѣсь эта запутанность доходитъ, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ трактата Милля, до такой степени, что можетъ оставлять въ читателѣ ложное впечатлѣніе объ излагаемомъ предметѣ. Мы много разъ видѣли, что когда изъ массы населенія уводятся отборные работники, положеніе всей націи, и въ томъ числѣ рабочихъ классовъ, должно сдѣлаться хуже, потому что на продовольствіи у каждаго работника остается бо́льшее число людей, чѣмъ прежде. (Смотри, напримѣръ, стр. 82). Между тѣмъ Миль страннымъ образомъ не дѣлаетъ оговорки, что излагаетъ частный случай, производимый фальшивымъ положеніемъ вещей въ противность сущности дѣла, когда замѣчаетъ, что взятіе работниковъ на войну не вредитъ рабочимъ классамъ. Нѣтъ, само по себѣ оно очень вредитъ имъ, только вредъ можетъ уравновѣшиваться какою нибудь другою перемѣною въ фальшивомъ положеніи дѣлъ, и притомъ также фальшивою перемѣною, происходящею отъ этого факта. Работниковъ стало меньше по сравненію съ числомъ содержимыхъ ими людей; потому нація стала бѣднѣе; стали бѣднѣе и

тельнымъ расходомъ: путемъ ли займовъ, по которымъ только проценты доставляются налогами, или путемъ налоговъ на время расхода въ размѣрѣ всего количества расхода? — На финансовомъ языкѣ

работники и ихъ семейства. Но если число работниковъ сдѣлалось слишкомъ недостаточно, то есть нація терпитъ слишкомъ большую нужду въ продуктахъ, то запросъ на работниковъ можетъ очень усилиться и величина рабочей платы можетъ очень подняться, по крайней мѣрѣ въ денежномъ своемъ счетѣ. Французскій работникъ, получавшій до войны 1 франкъ, можетъ получать во время войны 3 франка. Это считается на золото или серебро, и онъ очень доволенъ, думая, что получаетъ втрое больше прежняго, пользуется втрое большимъ благосостояніемъ. Но продукты тоже вздорожали, и за 3 франка онъ получаетъ теперь гораздо меньше продуктовъ, нежели получалось за 3 франка до войны. Сосчитать это не такъ просто, какъ сосчитать на своей рукѣ вмѣсто одной монеты три монеты. Впрочемъ, можетъ случиться, что продукты вздорожали не въ такой пропорціи, какъ трудъ, и что за 3 франка получается ихъ теперь больше, чѣмъ прежде за 1 франкъ, хотя никакъ не можетъ быть, чтобы получалось ихъ столько, сколько получалось ихъ прежде за 3 франка. Можетъ случиться и наоборотъ: продукты могутъ вздорожать еще сильнѣе труда и тогда за 3 франка получается продуктовъ меньше, нежели прежде за 1 франкъ. Въ такомъ случаѣ даже работникъ, оставшійся при производительномъ трудѣ, проигралъ. Но когда цѣна труда поднялась сильнѣе цѣны продуктовъ, онъ дѣйствительно выигралъ, если онъ человѣкъ одинокій, или имѣющій всего только двухъ или трехъ человѣкъ на своемъ содержаніи. Тогда посторонніе люди могутъ находить и сами рабочіе воображать, что положеніе рабочихъ классовъ вообще улучшилось. Но это только оптическій обманъ, производимый сосредоточеніемъ вниманія на одной части простолюдиновъ. Вообще и между простолюдинами пропорція работниковъ къ общему числу сословія уменьшилась, то есть работнику вообще стало тяжеле; если нѣкоторые побѣдили участія въ общемъ бѣдствіи, тѣмъ большая часть его пришлась на долю остальной массы, состоящей изъ семействъ, лишившихся взрослыхъ мужчинъ или сохранившихъ слишкомъ малое число ихъ. Тому же оптическому обману помогаетъ еще другое обстоятельство, упомянутое самимъ Миллемъ. При повышеніи рабочей платы выгоды капиталистовъ уменьшаются. Работники, сознавая противоположность своихъ интересовъ съ интересами капиталистовъ, слишкомъ часто радуются всякому ихъ затрудненію, какъ будто своему освобожденію, бѣду противника принимаютъ за свое счастье. Во многихъ случаяхъ это чувство ошибочно. Впрочемъ, уменьшеніе части продуктовъ, достающейся капиталистамъ, можетъ иногда быть такъ значительно, что, несмотря на уменьшеніе общей массы продуктовъ, работникамъ все-таки можетъ оставаться болѣе значительная часть, чѣмъ прежде. Но эта фальшивая поправка фальшиваго положенія, эта фальшивость въ воздухѣ такъ напомнута, что непремѣнно въ скоромъ времени лопнется, и рабочіе видятъ себя въ положеніи, худшемъ всего того, что когда нибудь испытывали. — Читатель видитъ, что эти разъясненія относятся уже чисто къ теоріи распредѣленія, а не къ теоріи производства; но они вынуждены у насъ спутанностью точекъ зрѣнія въ разъясненіи явленій у переводимаго нами автора. Повторяемъ еще разъ, что у каждаго другаго изъ на-

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РОЧДЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО

ВЗАИМНАГО ВСПОМОЩЕСТВОВАНІЯ.

Ужасными красками описываютъ экономисты положеніе англійскаго работника въ началѣ нынѣшняго вѣка. Грубость и нищета, поставленныя рядомъ съ высокой образованностію и полнымъ довольствомъ, наводили какое-то страшное изумленіе на наблюдателя, поражая взоръ его совокупностію всѣхъ своихъ отвратительныхъ чертъ, которыя при болѣе однообразной обстановкѣ или были бы незамѣчены, или восприняты равнодушно. Мало ли есть мѣстъ, гдѣ невѣжество и нищета ни въ чемъ не уступаютъ англійскому пауперизму, а между тѣмъ тамъ нѣтъ контраста, и потому даже любители ужаснаго ничего не знаютъ объ этихъ мѣстахъ. Какъ бы то ни было, но положеніе англійскаго работника не обѣщало ничего утѣшительнаго.

Невѣжество и безнравственность, неразлучныя съ нищетой, не позволяли ему добиться лучшей доли. Никогда не находя защитниковъ своихъ интересовъ, лишенный парламентскаго представительства, напрасно онъ ждалъ облегченія горькой участи, пока наконецъ терпѣніе его не вышло изъ границъ, пока не заговорило въ немъ чувство самосохраненія, и не поднялъ онъ громкаго ропота, непріятно отозвавшагося въ ушахъ высшаго и средняго классовъ.

Безвыходность положенія вызвала броженіе умовъ между работниками, а отчаяніе придало имъ силъ на борьбу, долженствовавшую рѣшить ихъ участь. Къ счастію, прежде чѣмъ дѣло дошло до этого, общество убѣдилось въ необходимости заняться ихъ интересами. Практическій умъ англичанъ не долго бился надъ отыскиваніемъ источниковъ зла; они безъ особенныхъ усилій открыты были въ недостаткѣ средствъ къ образованію, въ низкой заработной платѣ, дороговизнѣ первыхъ потребностей. Для устраненія всего этого открыто въ Англіи множество элементарныхъ школъ и библіотекъ; дозволенъ свободный ввозъ хлѣба. Безъ сомнѣнія такія мѣры не могли не произвести благодѣтельныхъ слѣдствій.

Но, безпристрастно изслѣдуя причины такого поворота къ лучшему, нельзя не замѣтить, что усилія этого общества едва ли увѣнчались бы успѣхомъ, если бы трудовой народъ, самъ не приложилъ старанія къ улучшенію своей участи. Работникъ долженъ былъ самъ подумать о себѣ. Опытъ убѣдилъ его, что силы одного индивидуума, ничего не значатъ въ дѣлѣ касающемся массы, что только изъ сложности множества отдѣльныхъ силъ образуется мощь, способная устранить всякаго рода препятствія. Это простое соображеніе привело его къ мысли составлять общества для достиженія извѣстныхъ цѣлей. Прижмутъ его капиталисты, онъ отдѣлится отъ нихъ и, собравъ недовольныхъ, фактически докажетъ, что сила заключается не въ однихъ капиталахъ. Недостаточной окажется для удовлетворенія насущныхъ потребностей заработная плата, онъ составляетъ strike. И такимъ образомъ, въ совокупности силъ своего класса, находитъ оружіе противъ угнетенія. Въ настоящей статьѣ мы намѣрены представить очеркъ дѣятельности одного изъ подобныхъ обществъ, находящагося въ Рочделѣ и извѣстнаго подъ названіемъ: Society of Equitable Pioneers.

Прежде всего нужно замѣтить, что въ Англіи наиболѣе распространены общества взаимнаго вспомоществованія. Со времени изданія закона, упрочившаго ихъ существованіе, т. е. съ 1793 года до текущаго года ихъ составилось 28,530, а распалось 6,860, слѣдовательно въ настоящее время 21,760, вся страна покрыта ихъ сѣтью и вѣроятно, нѣтъ ни одной деревни, въ которой бы не было общества взаимнаго вспомоществованія. Такая многочисленность лучше всего свидѣтельствуетъ о необходимости ассоціацій этого рода.

Общества взаимнаго вспомоществованія составлены съ цѣлію оказывать пособія членамъ, лишеннымъ возможности трудиться или по причинѣ старости, или болѣзни. По этому средства, которыми располагаютъ подобныя общества, идутъ 1) на содержаніе врача; 2) на лѣкарства больнымъ; 3) на вспомоществованіе вдовамъ и сиро-

тамъ, вступающимъ въ бракъ; 4) на пансіонъ старцамъ прожившимъ 60 лѣтъ; 5) на погребеніе членовъ, и 6) на административныя издержки.

Несмотря на тѣсныя границы своей дѣятельности, общества, о которыхъ идетъ рѣчь, не боятся равнодушія публики, опираясь на весьма естественномъ въ рабочемъ классѣ желаніи обезпечить себя на случай прекращенія физической возможности снискивать себѣ пропитаніе. Правда, съ тою же цѣлію учреждены сберегательныя кассы; но самый простой расчетъ убѣждаетъ, что онѣ неудовлетворяютъ такой цѣли. Положимъ, что работникъ еженедѣльно, въ теченіе года вносилъ въ сберегательную кассу по 15 к. с.; у него такимъ образомъ къ концу года составится 7 р. 50 к. с.; но въ это время онъ занемогъ и болѣзнь стала еженедѣльно оттягивать у него по 1 р. 50 к. с.: онъ остался обезпеченъ только на пяти-недѣльный срокъ болѣзни; между тѣмъ членъ общества взаимнаго вспомоществованія, вносящій въ общую кассу по 15 к. с. ежемѣсячно, обезпечиваетъ себѣ недѣльное пособіе въ полтора рубля даже на самую продолжительную болѣзнь.

Заслуги подобныхъ обществъ главнымъ образомъ состоятъ въ томъ, что, пробуя отъ своихъ членовъ ничтожныхъ пожертвованій, они съ своей стороны часто приносятъ самую дѣйствительную, ничѣмъ не вознаграждаемую помощь. На такомъ же началѣ, только въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, устроены промышленныя общества взаимнаго вспомоществованія, съ цѣлію защитить работника отъ притѣсненія мелкихъ торговцевъ, продающихъ свой товаръ по чрезвычайно высокимъ цѣнамъ.

Изъ числа 335 подобныхъ обществъ первое мѣсто безспорно занимаетъ, такъ называемое Society of Equitable Pioneers, находящееся въ Рочделѣ. Быстрымъ развитіемъ, при самыхъ ничтожныхъ средствахъ, прочностію и практичностію основоположеній, оно обратило на себя вниманіе всего просвѣщеннаго міра и послужило прототипомъ для многихъ учрежденій подобнаго рода на Западѣ. Духъ, которымъ проникнуты его уставы и члены, обезпечиваетъ ему непоколебимость, развитіе и благосостояніе до тѣхъ поръ, пока умъ человѣческій, освѣщенный болѣе глубокимъ познаніемъ соціальныхъ законовъ, не придумаетъ чего нибудь лучшаго.

Въ концѣ 1843 года двѣнадцать бѣдныхъ ткачей, лишенныхъ занятій и средствъ къ удовлетворенію насущныхъ потребностей, съ горестію собрались для придумыванія мѣръ къ улучшенію своего положенія. Дѣло началось тѣмъ, что они обязались вносить въ общую кассу еженедѣльно по 2 пенса, т. е. 5 коп. сер. По прошествіи года, или послѣ 52 сборовъ складчины, оказалось, что собранной

суммы едва хватаетъ на покупку одного куля овсяной муки. Что тутъ дѣлать? Члены только что родившагося общества раздѣлились на двѣ партіи. Одна, не вѣрившая, чтобы изъ столь ничтожныхъ вкладовъ могъ образоваться капиталъ, годный на какое нибудь предпріятіе, требовала возвращенія складчины. Другая хотѣла продолжать предпріятіе; большинство было на ея сторонѣ, и она одержала верхъ. Въ это время произошелъ раздоръ между работниками и фабрикантами изъ заработной платы. Потерявъ надежду на возвышеніе ея, мастеровые принуждены были искать иного пути къ выходу изъ затруднительнаго положенія. Въ слѣдствіе этого число членовъ увеличилось до сорока; тотчасъ назначены были особые сборщики, въ каждое воскресенье ходившіе по домамъ этихъ членовъ, для аккуратнаго пріема складчины; вмѣстѣ съ тѣмъ количество ея возвышено отъ 5 до $7^1/_2$ к. с., и такимъ образомъ составленъ капиталъ въ 28 фунтовъ стерл. или 168 р. с., съ которымъ и было открыто предпріятіе. Помѣщеніе и устройство лавки поглотило половину этой суммы, другая же осталась на покупку товаровъ и на нее куплено самое незначительное количество муки пшеничной и овсяной, сахару и масла. Лавка эта при своемъ открытіи, 21 декабря 1844 г., была болѣе похожа на гомеопатическую аптеку, чѣмъ на обыкновенную лавку. Но, по прошествіи 15 лѣтъ, благодаря неколебимости общихъ усилій, а также честному и предусмотрительному управленію, народное Рочдельское общество безъ нужды и вспомоществованія и покровительства дошло до того, что нынѣ располагаетъ капиталомъ въ 20,000 фун. стер. или 120,000 руб. сер., двумя складочными магазинами, собственной бойней, имѣетъ лавку сукна, двѣ шальныя и точильныя, богатую лавку кореньевъ и другую съѣстныхъ предметовъ; наконецъ общество нашло средства обзавестись вечерней школой, библіотекой въ 3,000 томовъ и заломъ для чтенія, снабженнымъ множествомъ журналовъ и газетъ.

Итакъ, съ самыми ничтожными средствами Рочдельское общество взаимнаго вспомоществованія достигло завиднаго состоянія. Наша задача состоитъ въ томъ, чтобы въ общихъ чертахъ показать, какія причины содѣйствовали быстрому развитію этого народнаго учрежденія, къ чему направлена его дѣятельность, какимъ характеромъ отличаются его установленія. У насъ по образцу его хотѣли составить общество вспомоществованія чиновникамъ; съ этою цѣлію составленъ былъ проэктъ; но пропалъ даромъ. Быть можетъ, общество взаимнаго вспомоществованія привилось бы на нашей почвѣ; но при современномъ направленіи нашей нравственности, оно едва ли долго удержалось бы, потому что у насъ трудно найти честныхъ,

безкорыстныхъ, энергическихъ дѣятелей; а это самое первоходимое условіе процвѣтанія подобнаго общества.

Какъ вездѣ, такъ и въ Англіи весь заработокъ рабочаго класса переходитъ въ руки мелкихъ барышниковъ и лавочниковъ. Находясь такимъ образомъ въ постоянной зависимости отъ мелкихъ торговцевъ, онъ принужденъ бываетъ покупать худшіе товары по высокимъ цѣнамъ и вести жизнь въ нуждѣ. По этому основатели народнаго общества въ Рочделѣ предложили себѣ задачу: какимъ бы образомъ сберечь для работниковъ барыши, идущіе въ карманы мелкихъ торговцевъ. Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній, имъ пришла въ голову счастливая мысль основать общій магазинъ, гдѣ бы работники могли покупать все необходимое въ ихъ быту, преимущественно же пищу и одежду, съ тѣмъ необходимымъ условіемъ, чтобы остатокъ чистой прибыли, составлявшей до сихъ поръ барышъ мелкаго торговца, за удовлетвореніемъ издержекъ администраціи и процента съ капитала, былъ раздѣляемъ между соединенными членами пропорціонально количеству купленныхъ каждымъ товаровъ.

. . . . . .

Читатели знаютъ, уже какимъ образомъ члены Рочдельскаго народнаго общества, внося еженедѣльно по пяти, а потомъ по семи съ половиною копѣекъ сер., составили небольшой капиталецъ, съ которымъ и начато было предпріятіе. Въ настоящее время капиталъ общества состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ акцій въ фунтъ стерлингъ каждая. Чтобы войти въ общество, надо пріобрѣсть пять такихъ акцій, но платить за нихъ все сполна нѣтъ надобности; новый членъ, при вступленіи въ общество обязанъ внести только 1 шиллингъ, а потомъ можетъ вносить еженедѣльно по три пенса до тѣхъ поръ, пока не оплатитъ всѣхъ пяти акцій, то есть не внесетъ въ кассу 30 руб. сер.; разумѣется ему пособляютъ вымачивать барыши, получаемые съ покупки продуктовъ въ общемъ магазинѣ, и проценты съ внесенной въ счетъ акцій суммы, которыми онъ не получаетъ сполна до тѣхъ поръ, пока не внесетъ 30 руб. сер. Ни одинъ членъ не можетъ имѣть болѣе ста акцій, исключеніе допускается когда нужно изъ вкладовъ образовать извѣстную круглую сумму, или отдѣлить часть годичнаго дохода въ пользу жены и дѣтей; не позволяется также ни подъ какимъ предлогомъ выдавать болѣе 30 фунтовъ процентовъ. Съ другой стороны, каждый членъ имѣетъ право вынуть изъ общей кассы всѣ свои деньги свыше 30 р. сер., сумму не больше 15 р. сер. онъ можетъ получить во всякое время; если же ему понадобится больше, то о своемъ желаніи онъ долженъ извѣстить управленіе общества за двѣ недѣли впередъ. Вотъ постановленія, касающіяся членовъ-капита-

листовъ. Но общество взаимнаго вспомоществованія въ Рочделѣ тѣмъ отличается отъ другихъ ему подобныхъ, что имѣетъ въ виду благо не однихъ работниковъ-капиталистовъ, но и работниковъ-покупателей, и потому у него есть много постановленій, относящихся къ выгодамъ послѣднихъ.

Въ то время, какъ акціонеры получаютъ ограниченные проценты съ своихъ капиталовъ, вся чистая прибыль безъ ограниченій распредѣляется между членами-покупателями. Благосостояніе рочдельскаго народнаго общества зависитъ не отъ числа раскупленныхъ акцій, но отъ количества проданныхъ продуктовъ и товаровъ. Поэтому-то обязательство каждаго члена покупать предметы потребленія въ общемъ магазинѣ гораздо важнѣе количества проданныхъ акцій.

Пять процентовъ въ соединеніи съ правомъ вынимать свой вкладъ когда угодно, привлекаютъ въ кассу общества избытокъ капиталовъ. Бѣдный работникъ тѣмъ съ большею охотою несетъ сюда свою трудовую копѣйку, что ни въ одномъ банкѣ выгоднѣе помѣстить ее не можетъ. Такимъ образомъ, общество взаимнаго вспомоществованія для капиталиста-работника есть собственно банкъ, доставляющій ему съ правомъ голоса самый большій процентъ, а для покупателя-работника оно составляетъ агентство, доставляющее ему участіе въ барышахъ.

Раздѣленіе барышей между членами происходитъ четыре раза въ годъ. При этомъ, изъ чистаго дохода отъ продажи всякаго рода продуктовъ, находящихся въ магазинѣ, отдѣляется извѣстная сумма на 1) издержки управленія; 2) процентъ займовъ; 3) пониженіе стоимости лежащихъ въ магазинѣ продуктовъ; 4) дивидендъ со внесеннаго членами капитала; 5) увеличеніе складочнаго капитала для расширенія круга дѣятельности общества; и 6) вычетъ $2^1/_2\,\%$ въ пользу училища, библіотеки и залы для чтенія; вся остальная прибыль раздѣляется между членами соотвѣтственно количеству купленныхъ каждымъ въ общемъ магазинѣ продуктовъ и товаровъ.

Кромѣ того, народное Рочдельское общество весьма предусмотрительно образовало запасный капиталъ, чтобы покрыть потерю, происходящую отъ пониженія стоимости сохраняемыхъ въ магазинѣ предметовъ продовольствія и другихъ товаровъ. Капиталъ этотъ образуется: изъ 1 шилл., вносимаго въ кассу каждымъ вновь поступающимъ членомъ; 2) изъ вычета 2 шилл., съ каждаго выходящаго изъ общества члена, при полученіи имъ 2 фунтовъ за послѣднія его акціи; 3) изъ барышей, полученныхъ отъ продажи товаровъ лицамъ, не принадлежащимъ къ обществу

Во всѣхъ сношеніяхъ стоимость товаровъ, находящихся въ домѣ, показывается ниже ихъ дѣйствительной цѣны, такъ что въ случаѣ распаденія общества, послѣ публичной продажи всего имущества, члены могутъ надѣяться по каждой акціи получить по нѣскольку процентовъ.

Управленіе общества состоитъ изъ президента, секретаря, трехъ попечителей и пятерыхъ директоровъ, избираемыхъ ежегодно общимъ собраніемъ. Обязанность директоровъ состоитъ въ завѣдываніи промышленною частію предпріятія; они также заключаютъ разные контракты, опредѣляютъ прикащиковъ, назначаютъ имъ жалованье, созываютъ спеціальныя собранія. Правленіе коллегіальное; засѣданія происходятъ разъ въ недѣлю. Предсѣдательствующій съ секретаремъ подписываютъ всѣ акты, какъ представители общества. Но все имущество его находится въ вѣдѣніи попечителей; ихъ именемъ совершаются всѣ акты, касающіеся общественной собственности; они занимаются банкирскими оборотами и судебнымъ порядкомъ взыскиваютъ недоимки съ членовъ. Такъ какъ на нихъ лежитъ денежная отвѣтственность, то, вступая въ должность, они въ видѣ обезпеченія вносятъ по пяти фунт. стер.

Дѣла спорныя рѣшаются или коммиссіею директоровъ, или, въ случаѣ неудовлетворительности рѣшенія, общимъ собраніемъ, или судомъ полюбовнымъ. Общее собраніе имѣетъ засѣданія каждый мѣсяцъ; здѣсь рѣшаются текущія дѣла. По истеченіи каждыхъ трехъ мѣсяцевъ общее собраніе, кромѣ того, выслушиваетъ подробный отчетъ о состояніи финансовой части общества. Въ случаѣ особенной нужды директоры во всякое время могутъ созывать также общія собранія. Они бываютъ до того многочисленны, что двѣсти членовъ составляетъ самый меньшій комплектъ ихъ.

Желающій вступить въ общество, обязанъ на бумагѣ объявить свое имя и фамилію, родъ занятій, номеръ квартиры, и этотъ адресъ, снабженный подписью двухъ дѣйствительныхъ членовъ, представить директорамъ, а потомъ внести вкладъ. Если директоры его примутъ, то имя его записывается на доскѣ и вывѣшивается въ залѣ общаго собранія, потомъ въ публичномъ засѣданіи прочитывается адресъ, и если большинство будетъ въ пользу пріема, то имя новаго члена вносится въ общіе, подлежащіе пересмотру списки; въ противномъ случаѣ возвращаются внесенныя деньги. Каждый, вновь поступившій членъ, долженъ подписать обязательство въ томъ, что онъ будетъ уважать постановленія общества и поступать сообразно съ ними; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обязывается покупать предметы своихъ потребностей въ общихъ магазинахъ; впрочемъ къ этому побуждаютъ его не

столько постановленія, сколько собственный интересъ, потому что дивидендъ, какъ мы уже видѣли, зависитъ отъ количества купленныхъ въ лавкахъ общества товаровъ. Членъ, уплатившій все слѣдуемое, можетъ выйти изъ общества во всякое время, извѣстивъ объ этомъ только секретаря, но неуплатившій можетъ это сдѣлать не иначе, какъ съ позволенія директора. Первому, коль скоро онъ пробылъ въ обществѣ болѣе шести мѣсяцевъ, выплачивается, вся внесенная сумма съ процентами и прибылью, только съ послѣднихъ двухъ акцій дѣлается вычетъ на покрытіе понижающейся цѣны сложенныхъ въ депо товаровъ, и то въ такомъ случаѣ, если онъ пользовался барышами. Соучастникъ, причинившій вредъ предпріятію, можетъ быть отставленъ директоромъ до окончательнаго надъ нимъ приговора общаго собранія, которое одно имѣетъ право исключать изъ своей среды виновныхъ.

Торговля въ общемъ магазинѣ ведется на наличныя деньги; причиною упадка и разстройства многихъ обществъ подобнаго рода, существовавшихъ прежде, былъ кредитъ, открытый для членовъ, потому Рочдельское народное общество постановило не иначе продавать товары, какъ на наличныя деньги, и главнымъ условіемъ его благосостоянія нужно признать то, что оно никогда не измѣнило этому правилу. Хотя бы членъ имѣлъ сто акцій, ему не продадутъ въ магазинѣ и фунта чаю въ долгъ; если ярмо немъ не случится денегъ, а понадобится купить что нибудь, онъ можетъ отнестись къ кассиру, взять деньги и заплатить слѣдуемое. Отъ этого счеты отличаются ясностію, простотой и отсутствіемъ запутанности.

Нѣкоторые думаютъ, что общество взаимнаго вспомоществованія въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи стало стремиться къ подавленію мелочной торговли. Хотя въ такомъ стремленіи, по нашему мнѣнію, нѣтъ ничего предосудительнаго, тѣмъ не менѣе долгъ справедливости требуетъ сказать, что это мнѣніе неосновательно. Магазинъ общества не думаетъ дѣлать конкурренціи мелочнымъ торговцамъ. Въ то время когда они возвышаютъ цѣны на свои товары, то и онъ дѣлаетъ тоже, между тѣмъ для сниженія симпатіи покупателей ему ничего не стоило бы удержать прежнюю цѣну; но онъ ни подъ какими предлогами, ни даже для собственной защиты, не хочетъ вредить естественнымъ своимъ соперникамъ; и случалось даже, что тогда, какъ они понижали свои товары съ цѣлью отвлечь отъ него покупателей, онъ и не думалъ понижать своихъ цѣнъ. Снискавъ себѣ симпатію покупателей честностію и добросовѣстностію, онъ не имѣетъ нужды для этого прибѣгать къ торговымъ интригамъ. Цѣны, имъ назначаемыя, всегда согласны съ экономическими законами продажи.

Въ магазинѣ господствуетъ вѣжливое обращеніе, чистота, опрятность и порядокъ. О спорахъ и недоразумѣніяхъ, такъ часто случающихся въ мелочныхъ лавкахъ, здѣсь и слуху нѣтъ. Покупатель и продавецъ не считаютъ себя врагами, одинъ не подозрѣваетъ другаго въ намѣреніи провести, обмануть брата; утвержденное опытомъ довѣріе другъ къ другу не допускаетъ подобной мысли. Купля происходитъ безъ торговъ, продажа безъ запрашиваній, безсовѣстной божбы, обмановъ, подлоговъ. Бѣдный работникъ, до основанія общественнаго магазина покупавшій истертое, непрошенное платье за новое, тощій испортившуюся говядину, затхлую крупу, поддѣльное молоко, теперь носитъ то же платье, какъ и всѣ порядочные люди; лучшій скотъ идетъ въ бойни рочдельскія, для тачекъ и сапожниковъ.

Никакому проповѣднику не удалось обратить на путь воздержанія столько людей, сколько обществу взаимнаго вспомоществованія въ Рочделѣ. Работники, не знавшіе прежде, что значитъ жизнь безъ долговъ; ихъ бѣдныя жены во всю жизнь неимѣвшія въ карманѣ шиллинга, котораго не слѣдовало бы свести кредитору, нынѣ идутъ на рынокъ съ полными карманами безъ опасенія быть обманутыми. Грязная лавочная атмосфера очистилась и освѣжилась честностію. Матери, занятыя хозяйствомъ дома или работающія на фабрикахъ, могутъ посылать за покупками дѣтей, съ полною увѣренностію, что имъ не дадутъ дурнаго товара, котораго нѣтъ въ лавкѣ. Дешевизна товаровъ общества, не давая ничего въ долгъ, не имѣетъ и потерь. Устранивъ продажу въ долгъ, оно освободило отъ долговъ нѣсколько тысячъ мастеровыхъ. Кромѣ того, давъ своимъ членамъ право присутствія въ общихъ собраніяхъ, позволивъ каждому изъ нихъ излагать мнѣнія о дѣлахъ общества, признавъ совершенное равенство членовъ, Рочдельское общество взаимнаго вспомоществованія пробудило и развило въ нихъ увѣренность въ своихъ силахъ, чувство собственнаго достоинства, независимости и уваженія къ другимъ. Тонъ общественной жизни въ слѣдствіе этого значительно возвысился между ними и положилъ на нихъ особенный отпечатокъ. Мастеровато, принадлежащаго къ Рочдельскому обществу легко отличить отъ другихъ по опрятности въ одеждѣ, вѣжливости въ разговорѣ и свободѣ въ обращеніи.

Ихъ примѣръ показываетъ, что народъ можетъ улучшать свой бытъ только единодушіемъ, уваженіемъ общихъ выгодъ, взаимнымъ довѣріемъ и стойкостію въ трудѣ. Въ обществѣ, руководящемся этими началами не можетъ быть злоупотребленій, оттого, что частный интересъ гарантируется общимъ. Опасеніе лишиться выгодъ, въ соединеніи съ строгимъ, отеческимъ контролемъ, устраняетъ мо-

можность злоупотребленій. Честность и добросовѣстность, сдѣлавшись главнымъ условіемъ существованія рочдельскаго общества, слившись съ его жизнію, привлекаютъ къ нему народную симпатію и съ каждымъ днемъ усиливаютъ его благосостояніе. Но прежде, чѣмъ оно успѣло снискать довѣріе публики, составить себѣ репутацію добросовѣстной ассоціаціи, ему пришлось вынести упорную борьбу съ всеобщимъ недовѣріемъ къ ничтожнымъ средствамъ, съ какими было начато предпріятіе.

Несмотря на личную неограниченную свободу, господствующую въ англійскомъ народѣ, на высокое могущество его общественныхъ силъ и самоуправленія, массы его не далеко ушли отъ образованія низшаго класса въ другихъ странахъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоятъ даже гораздо ниже. Всѣмъ извѣстно, что относительно быта, нравственности и просвѣщенія ни въ одномъ европейскомъ обществѣ нѣтъ такого огромнаго раздѣла между высшимъ и низшимъ классами, какъ въ англійскомъ. Рядомъ съ милліонами богатствъ здѣсь можно встрѣтить ужаснѣйшую въ свѣтѣ нищету, рядомъ съ высшимъ просвѣщеніемъ — самую грубую необразованность. Кому изъ простаго класса удастся образованіемъ или трудомъ пріобрѣсти независимое состояніе, тотъ обыкновенно бросаетъ свое сословіе становится въ ряды классовъ, соперничествующихъ съ народомъ, эксплуатирующихъ его. По такой эмиграціи, англійскій простой народъ постоянно теряетъ людей образованнѣйшихъ, сильнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ по своимъ средствамъ и способностямъ, людей, которые могли бы быть его руководителями. У него остаются поэтому незначительныя средства къ улучшенію своего быта, и нисколько неудивительно, если на пути къ прогрессу онъ встрѣчаетъ слишкомъ много трудностей. Въ этомъ медленномъ шествіи утѣшительно только то, что каждый шагъ его, запечатлѣнный строгою послѣдовательностію, совершенно вѣренъ, непоколебимъ, непреложенъ. Никакая сила не заставитъ англійскій народъ двинуться назадъ. Онъ пуще собственнаго глаза бережетъ разъ пріобрѣтенныя права и не легко отказется отъ нихъ, потому что имъ онъ обязанъ не чужой милости или состраданію; а собственной опытности и кровавому труду. Эта стойкость въ поддерживаніи своего интереса весьма ясно проявляется въ исторіи Рочдельскаго общества взаимнаго вспомоществованія, которое ей много обязано своимъ процвѣтаніемъ. Впрочемъ здѣсь сила не въ одной стойкости. Народныя общества, составляемыя по понятіямъ народа, самимъ же народомъ, никакъ не могутъ быть мечтой, утопіей, формулой. Простая изъ дѣйствительныхъ нуждъ, будучи плодомъ зрѣлой обдуманности и тщательнаго практическаго изслѣдованія,

они дѣлаются вѣчно-прочными учрежденіями, подъ покровительствомъ которыхъ находятъ пріютъ многія поколѣнія.

Несмотря на живительность началъ народныхъ обществъ, развитію ихъ все-таки мѣшаетъ необразованность и бѣдность народа, потому что капиталъ, какъ вещественный, такъ и духовный, составляетъ главное условіе ихъ жизни. Будь у Рочдельскаго общества на первыхъ порахъ больше матеріальныхъ средствъ, и мы нисколько не удивлялись бы его могуществу. Но къ недостатку средствъ присоединилось еще такъ распространенное въ рабочемъ классѣ недовѣріе ко всякаго рода предпріятіямъ, не обѣщающимъ осязательныхъ выгодъ. Неуспѣхъ и паденіе нѣсколькихъ десятковъ обществъ, основанныхъ на началахъ Овена, между 1825 и 1835 годами, и поддерживаемыхъ усиліями богатыхъ филантроповъ, не предсказывало успѣха какому бы то ни было предпріятію въ подобномъ же родѣ. Среди столь неблагопріятныхъ обстоятельствъ рочдельскіе мастеровые выступили съ проэктомъ основать общественный магазинъ. Составивъ ассоціацію изъ 28 членовъ, они должны были ждать нѣсколько мѣсяцевъ, пока не собрали 28 ф. стерл., съ которыми начата весьма скромная торговля. Сначала въ магазинѣ было всего четыре продукта: масло, сахаръ, пшеничная и овсяная мука. Медленность, съ которою рождалось предпріятіе, и его ничтожность, естественно никого не могли расположить въ его пользу. Открытіе обществомъ лавки, весь товаръ которой одинъ человѣкъ могъ унести на плечахъ, вызвало только общій смѣхъ. Но главное препятствіе заключалось въ томъ, что на незначительный капиталъ не возможно было покупать товару оптомъ, а при мелочной закупкѣ члены-основатели получали по обыкновенной цѣнѣ не слишкомъ хорошій товаръ, и принуждены были продавать его дорого. Обстоятельство это весьма много вредило обществу въ глазахъ его членовъ-покупателей. Напрасно было представлять этимъ бѣднымъ поденщикамъ, что излишне выданныя деньги возвратятся въ ихъ карманы. Они не вѣрили обѣщаніямъ выгодъ. Потеря была слишкомъ очевидна, а барыши представлялись въ туманѣ, и мастеровые шли за покупками въ частныя лавки, разсчитывая заплатить менѣе и получить товаръ свѣжѣе. Впрочемъ, не одинъ недальновидный разсчетъ отвлекалъ ихъ отъ общественнаго магазина, тутъ не послѣднюю роль играла и обыденная политика. Многіе изъ нихъ задолжали въ частныхъ лавкахъ, и потому съ одной стороны благодарность за кредитъ въ трудное время, съ другой — опасеніе судебнаго взысканія заставляли ихъ держаться лавокъ торговцевъ-кредиторовъ. Ктому же лавка общества открывалась только два раза въ недѣлю и далеко находилась отъ жилищъ

членовъ, такъ что покупка представляла и неудобства и препятствія, какихъ не было въ находящихся подъ рукой и всегда открытыхъ молочныхъ лавкахъ. Наконецъ интересу не мало вредило и то, что въ ней продавался товаръ только на наличныя деньги, тогда какъ члены ея привыкли у торговцевъ брать все въ долгъ. Понятно, что эти препятствія на первыхъ порахъ должны были задерживать развитіе дѣятельности общаго магазина. Возможность устраненія ихъ опиралась на твердой рѣшимости членовъ переносить всѣ непріятности и неудобства. Но не у многихъ хватило воли на такую рѣшимость; и потому сначала участіе самихъ членовъ въ дѣятельности общества было слабо.

Но кромѣ препятствій, вытекавшихъ изъ недальновидности простаго народа и неумѣнья взяться за новое дѣло, у рочдельскихъ ткачей, составившихъ ассоціацію для взаимнаго вспомоществованія, нашлось много враговъ.

Государственные люди смотрѣли на эту попытку, какъ на зародышъ политическаго движенія, богатые видѣли въ ней, притязаніе на часть ихъ достоянія. Дурно принятая въ парламентѣ, осужденная политико-экономистами, признанная духовенствомъ вреднoю, она хуже всего была трактована въ торговой и промышленной сферѣ. Государственнымъ людямъ нѣтъ большой нужды убивать время надъ подавленіемъ новой мысли. Опытъ убѣдилъ ихъ, что лишь явится человѣкъ съ новою мыслію, какъ тотчасъ на него нападутъ тысячи людей, не потому, чтобы эта мысль была вредна, а потому что имъ хочется отстоять старый порядокъ вещей, — потому люди высшихъ сферъ сами не оказывали ей дѣйствительнаго противодѣйствія — заклятыхъ враговъ она встрѣтила въ торгашахъ, которые съ ненавистью смотрѣли на осуществленіе ея. Счастіе еще, что торговля Рочдельскаго народнаго общества своею незначительностію на первыхъ порахъ ни въ комъ не могла возбудить зависти. Въ четыре года существованія продажа въ лавкѣ общества едва равнялась продажѣ лавки средней руки. Но въ послѣднее время вліяніе общественнаго дѣла сдѣлалось весьма ощутительно для торговцевъ: многіе изъ нихъ принуждены были даже закрыть свои лавки въ слѣдствіе убыли покупателей, которые обратились къ магазину рабочихъ.

Не мало опасеній возбудило общество взаимнаго вспомоществованія и въ классѣ мануфактурныхъ промышленниковъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ не нравилось, что мастеровые, получивъ возможность сберегать деньги, могутъ пріобрѣсти больше независимости. Но опытъ убѣдилъ всѣхъ, что съ пріобрѣтеніемъ независимаго состоянія работникъ дѣлается болѣе развитымъ, трудолюбивымъ и полезнымъ. Умственное и нравственное превосходство работниковъ, принадле-

жащихъ къ обществу взаимнаго вспомоществованія, разсѣяло предубѣжденія капиталистовъ, которые этимъ работникамъ, преимущественно предъ другими, стали поручать должности, требующія большаго довѣрія и отвѣтственности.

Причину медленности успѣховъ общаго магазина главнымъ образомъ слѣдуетъ приписать недовѣрію публики ко всѣмъ предпріятіямъ, начатымъ усиліями бѣдныхъ людей. Потери, обманы, хлопоты, испытанныя основателями прежнихъ обществъ, долго удерживали людей, имѣвшихъ возможность что нибудь сдѣлать, отъ желанія участвовать въ какомъ бы то ни было народномъ обществѣ. Основателей Рочдельскаго магазина публика считала фанатиками, по своей ограниченности непонимающими безсмысленности предпріятія.

Показавъ обстоятельства, неблагопріятствовавшія развитію Рочдельскаго общества взаимнаго вспомоществованія, мы перейдемъ къ изложенію его развитія. Мы уже имѣли случай замѣтить, что первоначальный капиталъ общества состоялъ всего изъ 168 р. с., половина которыхъ пошла на наемъ квартиры, а другая на покупку четырехъ продуктовъ, какъ предмета торговли. Несмотря на незначительность операцій при такомъ капиталѣ, первая четверть года къ удивленію всѣхъ доставила барыши; это поощрило къ дальнѣйшей дѣятельности предпріимчивыхъ работниковъ. Они постарались увеличить основной капиталъ и на прибавку закупили нѣсколько новыхъ продуктовъ. Къ концу перваго года основной капиталъ съ 28 возросъ до 182 фунт. стерл. Въ слѣдующемъ году составлетъ былъ переданный нами уставъ и предположено выпустить 1090 акцій по фунту стерл. каждая, и капиталъ дошелъ почти до 253 фунт. стерл. Для развитія торговли лавку положено открывать не два раза въ недѣлю, какъ было прежде, а каждый день вечеромъ и притомъ не для однихъ членовъ, но для всей публики. Въ этомъ же году въ ней стали продавать говядину. Годы: 1846, 1847 и 1848 были тяжкими для рабочаго класса по закрытію многихъ фабрикъ и недостатку занятій; бѣдствіе это имѣло вліяніе на медленное развитіе общества Рочдельскихъ мастеровыхъ. Въ 1847 г. многіе изъ нихъ вынули свои вклады, за тѣмъ, что негдѣ было заработать денегъ; но за то трудное время научало бережливости, и въ слѣдующій годъ числю акціонеровъ возросло до 140, капиталъ увеличился до 397 ф., а еженедѣльный оборотъ простирался до 80 фунт. т. е. больше, чѣмъ удвоился. Къ концу 1849 года замѣтно сильнѣйшее развитіе, число членовъ простиралось до 390; капиталъ возросъ до 1193 фунт. 19 шил., Увеличеніе средствъ дало возможность основать библіотеку и залъ для чтенія. Съ этихъ поръ прогрессивное

возрастаніе благосостоянія общества превзошло всякія ожиданія. Здѣсь мы представляемъ отчетъ о состояніи общества во все время его существованія, извлеченный изъ напечатаннаго имъ календаря:

Годы.	Число членовъ.	Возрастаніе основнаго капитала. ф.	ш.	п.	Ежегодная продажа. ф.	ш.	п.	Годичный барышъ. ф.	ш.	п.
1844	28	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1845	74	181	12	5	710	6	5	32	17	6
1846	80	252	7	1½	1146	17	7	80	16	6
1847	110	286	15	3½	1924	13	10	72	2	10
1848	150	397	—	—	2276	6	5½	117	16	10½
1849	300	1103	19	1	6611	18	—	561	3	9
1850	600	2299	10	5	13179	17	—	889	12	5
1851	630	2785	—	1½	17638	4	—	990	19	8½
1852	680	3471	—	6	18352	5	—	1206	15	2½
1853	720	5848	3	11	22760	—	—	1674	18	11
1854	900	7172	15	7	33364	—	—	1763	11	2½
1855	1400	11032	12	10½	44902	12	—	3106	8	4
1856	1600	12920	13	1½	63197	10	—	3921	13	1½
1857	1850	15142	1	2	79788	—	—	5470	6	8
1858	1950	18160	5	4½	71689	—	—	6284	17	4½

Дѣло въ нынѣшнемъ состояніи дѣлится на семь отдѣленій: овощей, матерій, сапоговъ и деревянныхъ башмаковъ, одежды и оптовой продажи. Каждое отдѣленіе ведетъ особенные счеты. Отдѣленіе оптовой продажи учреждено въ 1855 г. и парламентъ утвердилъ для него особый уставъ, между постановленіями котораго наиболѣе замѣчательны два слѣдующія: 1) отдѣленіе оптовой продажи должно платить 5% съ капитала, назначеннаго ему обществомъ и 2) прибыль этого отдѣленія, за вычетомъ издержекъ управленія и упомянутыхъ 5% должна быть раздѣляема на три части, изъ которыхъ одна назначается на образованіе резервнаго капитала съ цѣлію обезпечить общество отъ потерь, происходящихъ отъ перемѣны цѣнъ и порчи залежавшихся товаровъ; двѣ же другія раздѣляются между членами, соотвѣтственно количеству купленныхъ каждымъ товаровъ. Это отдѣленіе однажды потеряло около 3 тысячъ рублей серебромъ, закупивъ много сахару, сыропу и др. товаровъ, когда цѣны на нихъ были высоки и не успѣвъ продать ихъ ко времени пониженія цѣнъ. Однакожь потеря эта въ полгода была покрыта.

Между тѣмъ операціи общества постоянно распространяются и усиливаются. Для большей выгоды своихъ членовъ оно въ 1856 г. приступило къ основанію филіальныхъ лавокъ, число которыхъ нынѣ уже дошло до пяти.

Наконецъ для полноты очерка промышленно-торговой дѣятельности Рочдельскаго общества взаимнаго вспомоществованія слѣдуетъ сказать, что оно дало начало двумъ обществамъ совершенно иного характера, ссудивъ ихъ капиталами, необходимыми къ осуществленію предпріятія. Такъ, оно дало 750 фунтовъ обществу мельниковъ (Corn-Mill-Society), основанному въ 1850 г. Сначала эта народная спекуляція шла неудачно. Смѣта приготовительныхъ расходовъ оказалось несостоятельною. Машины поглотили весь капиталъ. На покупку зерна не хватило денегъ. Не оставалось ничего другаго дѣлать, какъ взять его въ долгъ. Разумѣется, при этомъ нужно было руководствоваться не выборомъ, а довольствоваться тѣмъ, что дадутъ; отъ того мука нерѣдко оказывалась дурною, никто не хотѣлъ покупать ее. Ктому же мельникъ оказался и не слишкомъ свѣдущимъ и недобросовѣстнымъ. Слѣдствіемъ было то, что къ концу первой четверти года потеря простиралась до 450 фунтовъ. Такой оборотъ дѣла навелъ страхъ на акціонеровъ. Къ счастію, ошибки были замѣчены своевременно. Руководители поняли, что дѣло не въ деньгахъ, а въ прочности кредита, и рѣшились во что бы то ни стало пособить горю. Единодушіе доставило имъ возможность побѣдить первую неудачу. Желая продолжать предпріятіе, они назначили на него сумму въ два раза больше прежней, удалили дурныхъ присмотрщиковъ, назначивъ на ихъ мѣсто людей свѣдущихъ, надежныхъ, и въ теченіе года не только успѣли покрыть первую потерю, но и получили 100 фунтовъ чистой прибыли. Теперь ими основана новая мельница, стоющая 5,000 фунтовъ и еженедѣльно доставляющая муки 930 мѣшковъ.

Кромѣ того, Рочдельское общество взаимнаго вспомоществованія употребило въ 1855 г. 5,000 фунтовъ на основаніе рукодѣльни, доставляющей работу 42-мъ человѣкамъ. Въ это учрежденіе работники принимаются не иначе, какъ представивъ капиталъ, соотвѣтствующій стоимости пяти акцій, которыя въ такомъ случаѣ выдаются имъ съ правомъ получать 5%. Валовой доходъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: часть идетъ на уплату процентовъ, часть на вознагражденіе труда (оно всегда равняется принятой на фабрикахъ таксѣ) и покрытіе издержекъ управленія; остальное раздѣляется на двѣ половины: одна достается акціонерамъ, которые дѣлятъ ее соотвѣтственно числу находящихся въ распоряженіи каждаго акцій, другая переходитъ въ руки работниковъ, изъ которыхъ каждый получаетъ свою долю сообразно съ тѣмъ, сколько заработалъ.

Читатель, вѣроятно, не ошибется, предположивъ, что развитію благосостоянія Рочдельскаго общества много помогло умѣнье вести административную часть. Лицъ служащихъ тутъ весьма немного;

жалованьемъ они довольны, хотя общая сумма его для учрежденія, ворочающаго тысячами фунт. стер., довольно незначительна. Вообще всѣ издержки по администраціи едва составляютъ 2%.

Такъ благоразумно ведетъ свое предпріятіе простой народъ одного изъ второстепенныхъ городовъ Англіи. Здравымъ смысломъ, соединеннымъ съ извѣстной долей опытности, онъ достигъ того, что представилъ намъ неопровержимое доказательство практичности идеи взаимнаго вспомоществованія, долго признаваемой утопіею. Рочдельское общество рабочихъ собственными силами, соотвѣтственно своимъ потребностямъ разрѣшило одну изъ важнѣйшихъ задачъ своего благосостоянія, не нарушая ничьего интереса, не вдаваясь въ споры и борьбу съ другими классами, которые тѣмъ сильнѣе сопротивлялись новой идеѣ, что думали, будто бы улучшеніе быта простаго класса неосуществимо безъ нарушенія ихъ правъ и преимуществъ.

Н. К.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ

О СОСТОЯНІИ РОССІИ СЪ ПОЛОВИНЫ XIV ДО НАЧАЛА XVI ВѢКА.

(Полное собраніе русскихъ лѣтописей, томъ VIII. Изд. Археографической Коммиссіи. Спб. 1860 г.).

Ко дню своего двадцатипятилѣтняго юбилея Археографическая Коммиссія издала новый томъ лѣтописей, заключающій въ себѣ вторую половину лѣтописи по Воскресенскому списку. При изданіи ея употреблены три рукописи: синодальная, карамзинская и парижская. Послѣдній списокъ принятъ за основной. Составители и переписчики лѣтописи довольно часто упоминаютъ о самихъ себѣ. Очевидно, что бо́льшая половина лѣтописи ведена была лицомъ духовнымъ. Событія церковныя разсказываются въ ней весьма подробно. Собираясь описывать, подъ 1395 г., перенесеніе образа Божіей Матери изъ Владиміра въ Москву, лѣтописецъ даже восклицаетъ: благослови отче! Иногда составитель лѣтописи говоритъ, отъ кого узналъ онъ о томъ или другомъ событіи. Такъ, подъ 1415, послѣ описанія одного чуда, говорится: «мнѣ же о семъ Стефанъ діакъ сказа, а о прежнемъ пророченіи старца — Демеитій печатникъ, а сему, сказа, повѣда велика княгини Марія». Подъ 1471 лѣтописецъ говоритъ: «яко же слышахомъ отъ жителей Новгорода», а подъ 1517 — «яко же слышахомъ отъ достовѣрныхъ, паче же и отъ самѣхъ татаръ» (крым-

скихъ). Лѣтопись времени Василія Ивановича, описывающая безпрестанныя сношенія съ западомъ и татарами и войны, едва ли не ведена была свѣтскимъ человѣкомъ, а слишкомъ подробное описаніе дипломатическихъ сношеній того же времени (см. подъ 1531) съ Казанью, наводитъ на мысль, что, вѣроятно, лѣтописецъ пользовался и статейными списками. Разсказы старыхъ людей и прежде составленныя лѣтописи служили также источниками при составленіи лѣтописи. При описаніи пожара во Владимірѣ 1491 г., лѣтописецъ разсказываетъ о себѣ слѣдующій случай: когда онъ шелъ къ Казани въ войскѣ царя Ивана IV, то былъ во Владимірѣ и пришелъ поклониться въ Рождественскую церковь «цѣлбоносному» гробу св. Александра. Увидѣлъ онъ, что въ гробу есть небольшая дира, а у него, къ счастію, болѣлъ палецъ. Не думая долго, онъ просунулъ руку съ больнымъ пальцемъ въ это отверзтіе: «и очютихъ, яко въ масть нѣкую омочихъ руку мою»; вынувъ же увидалъ, что она вся въ маслѣ, или какомъ-то благовонномъ веществѣ.

Настоящая статья представляетъ извлеченіе изъ только что изданной лѣтописи нѣкоторыхъ, наиболѣе интересныхъ данныхъ о бытѣ нашихъ предковъ и политическомъ состояніи Россіи со времени Ивана II до начала царствованія Ивана IV. Это время замѣчательно во многихъ отношеніяхъ: концъ зависимости отъ татаръ, начало секуляризаціи имѣній духовенства, ослабленіе церковной зависимости отъ Византіи, развитіе монархической власти и московской централизаціи, начало частыхъ сношеній съ западомъ — все явленія, дѣлающія этотъ періодъ особенно важнымъ для историка. Мы не имѣемъ претензіи представлять ученое изслѣдованіе, а хотимъ только познакомить съ содержаніемъ второй половины Воскресенской лѣтописи тѣхъ, кто еще не успѣлъ прочесть новаго тома Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, и тѣхъ, кто его никогда не прочтетъ.

ТАТАРЫ И ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ. — СОСТОЯНІЯ И ЧИНОВНИКИ. — ВОЙСКО И ВОЕННОЕ ИСКУССТВО. — ЦЕРКОВНЫЯ ДѢЛА. — СИНОДАЛЬЯ И ХАНЖЕСТВО. — ЖАЛКОЕ СОСТОЯНІЕ ОБРАЗОВАННОСТИ. — ТОРГОВЛЯ И ФИНАНСЫ. — КАЗНИ. — НАРОДНЫЯ НРАВЫ.

Наши князья во второй половинѣ XIV и въ началѣ XV вѣка находились еще въ полной зависимости отъ татарскаго хана; они — только имъ уполномоченные, хота и сидятъ на престолахъ. Умиралъ князь, — преемникъ его спѣшилъ въ орду «взять степень отца своего». Про такого князя, когда онъ возвращался въ Русь, говорили: «пріиде въ

свою отчину съ пожалованіемъ отъ царя» (1355). Если умиралъ ханъ, то всѣ русскіе князья ѣхали въ орду, и преемникъ его дѣлилъ между ними княжества (1359). Великіе князья и другіе князья, вступая на престолъ, утверждаются ханскими ярлыками (1363, 1365, 1370); ярлыки привозитъ посолъ ханскій, который и сажаетъ новаго князя. Василій Дмитріевичъ и Василій Темный были посажены на столѣ царевымъ посломъ. Впрочемъ во второй половинѣ XIV вѣка великіе князья московскіе, въ отношеніяхъ своихъ къ нѣкоторымъ удѣльнымъ князьямъ, мало обращаютъ вниманія на ханскую инвеституру, выхлопатываемую въ Ордѣ послѣдними (1365, 1370). Приходилъ изъ Орды «сильный» посолъ — «и велика бысть истома князьямъ русскимъ» (1357). Не говоря про униженіе князей, — чего стоили эти послы народу! Впрочемъ великіе князья московскіе иногда рѣшались ограждать свою землю отъ посольскихъ разореній: подъ 1358 годомъ говорится, что пришелъ изъ Орды сынъ хана, въ качествѣ посла, въ Рязанскую землю, разорилъ страну, надѣлалъ много зла и прислалъ къ московскому великому князю съ требованіемъ разъѣзда (т. е. размежеванія границъ) земѣ Рязанской. В. князь не впустилъ его въ свою отчину, Русскую землю. Въ 1360 г. приходилъ посолъ изъ Орды по дѣлу о разбойникахъ. Князья нѣсколькихъ княжествъ съѣхались въ одинъ городъ, рѣшили дѣло, — и посолъ возвратился восвояси. Лѣтопись лаконически замѣчаетъ подъ 1383 г., что посолъ во Владимірѣ былъ лютъ. Князья часто ѣздили въ Орду: поѣздка в. князя московскаго была важнымъ событіемъ. До извѣстнаго пункта русскихъ владѣній в. князя провожалъ митрополитъ (1371). Ѣздили въ Орду, чтобъ великое княженіе укрѣпить подъ собою, а враговъ посрамить.

Послѣ 1381 г., когда Тохтамышъ «позвалъ въ Орду» русскихъ князей, послѣдніе весьма часто ѣздятъ туда. Еще въ 1412 и 1431 в. князья московскіе ходили съ поклонами въ татарскіе улусы. При раздробленіи Орды русскіе князья естественно не могли ладить со всѣми мелкими татарскими владѣтелями; а потому князь, милостиво отпущенный однимъ ханомъ, на возвратной дорогѣ иногда подвергался нападенію другихъ, и его грабили; или онъ вступалъ съ нападающимъ ханомъ-разбойникомъ въ битву (1361). Послѣднее показываетъ, что князья ходили въ Орду съ достаточнымъ числомъ войска. Ласковый пріемъ хана в. князю возбуждалъ удивленіе и радость въ русскихъ (1392). Случалось, что князья русскіе удерживались ханомъ въ Ордѣ и выкупались другими князьями. Такъ Донской выкупилъ сына в. к. тверскаго за тму серебряныхъ рублей (1371). Въ Ордѣ, предъ безчеловѣчными ханами искали наши князья разрѣшенія своихъ взаимныхъ претензій. Въ 1354 г. князь Ѳедоръ

Глѣбовичъ ношелъ войною къ Мурому на князя Юрія Ярославича, выгналъ его изъ Мурома и самъ сѣлъ въ немъ. Муромцы пошли съ изгнаннымъ княземъ въ Орду «и бысть имъ предъ князьми ординскими великъ судъ», по которому княженіе досталось князю Ѳедору, а князь Юрій былъ ему выданъ. Иногда князья, споря о княженіяхъ, не сами ѣдутъ въ Орду, а посылаютъ туда своихъ киличѣевъ; они и выносятъ имъ ханское рѣшеніе (1362). Если удѣльный князь искалъ великаго княженія не самъ собою, а царемъ, это еще въ началѣ XV вѣка (1425) не считалось предосудительнымъ въ тогдашней политикѣ. Этотъ способъ даже узаконялся договорами князей удѣльныхъ съ великими. Впрочемъ при возрастающемъ могуществѣ в. к. московскаго, подобныя сдѣлки едва ли не были пустыми словами, и усилія претендента, не изъ потомковъ Калиты, напоминали бы только несчастную участь князя Семена Суздальскаго, который не искалъ великаго княженія, «а много истомы» претерпѣлъ въ Ордѣ и на Руси, добиваясь своей вотчины, Нижняго Новгорода: 8 лѣтъ служилъ онъ въ Ордѣ четыремъ ханамъ, «а все то подымаа рать на великаго князя Московскаго». Когда, въ 1432, в. князь и князь Юрій Дмитріевичъ прибыли въ Орду на судъ по дѣлу о томъ — кому быть великимъ княземъ, — прежде всего ихъ отправили, вѣроятно, для предварительныхъ объясненій, въ улусъ Московскаго дороги, ханскаго чиновника, завѣдывавшаго дѣлами подвластной Руси. Князья брали съ собою въ Орду умныхъ и ловкихъ бояръ, которые были бы на ханскомъ судѣ искусными адвокатами. Еще подъ 1392 г. лѣтописецъ упоминаетъ о кончинѣ боярина Даніила Ѳеофановича, который «служаше государю безо льсти въ Ордѣ». Вотъ такого боярина взялъ съ собою на судъ ханскій и Василій Темный. На судѣ постоянно говоритъ и защищаетъ дѣло великаго князя этотъ бояринъ, хотя великій князь тутъ же присутствовалъ и могъ говорить самъ, ибо былъ уже семнадцати лѣтъ. Судъ ординскій, какъ онъ записанъ въ лѣтописи, во формахъ своимъ напоминаетъ нѣсколько правыя грамоты. И здѣсь, какъ на судѣ обыкновенномъ, тяжущіяся стороны основываютъ свои требованія на доказательствахъ. Доказательства были различны: великій князь искалъ по отчеству и по дѣдству и по девтярямъ и ярлыкамъ, какъ письменнымъ документамъ, которыми ханъ жаловалъ свой улусъ предкамъ великаго князя. Князь же Юрій въ доказательство правъ своихъ на великое княженіе ссылался на лѣтописи, старые списки и духовную (мертвую грамоту) отца своего. Судъ, въ присутствіи хана, производился его князьями. Въ то время, когда между тяжущимися происходила «многа пря», бояринъ в. князя обращается къ хану съ такими словами: «Государь вольный царь! осло-

боди молвити слово мнѣ, холопу великаго князя; нашъ государь великій князь Василей ищетъ стола своего великаго княженія, а твоего улусу, по твоему цареву жалованью и по твоимъ девтеремъ и ярлыкомъ, а се твое жалованіе предъ тобою... а ты воленъ въ своемъ улусѣ, кого въсхощешь жаловати на твоей воли; а государь нашъ князь велики Василей Дмитревичь великое княженіе далъ сыну своему великому князю Василею по твоему жалованію волного царя ..» Ханъ присудилъ великое княженіе Василію. У татаръ былъ обычай — заставлять князя, проигравшаго дѣло, вести лошадь подъ новоутвержденнымъ великимъ княземъ. Это былъ знакъ униженія, и тріумфаторы иногда отклоняли отъ себя такую почесть, не желая «безчестити» соперника, которому предстояла незавидная роль конюха московскаго государя. Замѣчательно, что на границахъ съ Ордою у русскихъ были «устроены доброхоты» — люди, увѣдомлявшіе князей о вторженіяхъ татаръ (1382). Уже въ половинѣ XV вѣка наша политическая зависимость отъ татаръ значительно ослабѣваетъ. Ханъ Махметъ, стѣсненный русскими подъ Бѣловымъ (1438), обѣщался «не посылать по выходы ни по иное по что». Но воспоминаніе о владычествѣ надъ русскими князьями (проявлявшееся въ смѣшныхъ требованіяхъ и при Иванѣ III) заставляетъ татаръ и самыя условія о мирѣ, унизительномъ для нихъ, начинать словами: «царево слово къ намъ», то есть въ формѣ ярлыка, въ формѣ слова старшаго къ младшему. Татарскіе походы превращаются въ быстрые, разбойническіе набѣги: подъ 1449 г. говорится, что пришли «скорые татарове», а подъ 1451 г. встрѣчаемъ статью съ слѣдующимъ заглавіемъ: «О Мазовшѣ царевичѣ, какъ приходиша къ Москвѣ, о скорой Татарщинѣ, того же дни и прочь поидоша». Зависимость отъ татаръ кончилась, московскіе властители сдѣлались свободны, превратившись въ «волныхъ» царей по образцу татарскихъ хановъ. Впрочемъ, безпрерывныя сношенія съ Казанью, Крымомъ, Ногаями и въ концѣ XV, и въ XVI вѣкѣ должны были сильно поддерживать привившіеся къ нимъ татарскіе обычаи.

Въ первой половинѣ XV вѣка великій князь московскій уже называется великодержавнымъ государемъ всея Русіи, въ благочестіи цѣтущимъ царемъ всея Русіи (1437, 1440 г.). Вассіанъ въ посланіи на Угру называетъ Ивана III боголюбивымъ и вседержавнымъ государемъ и царемъ, богоутвержденнымъ царемъ и владыкою. Подъ 1471 годомъ говорится, что в. к. Иванъ Васильевичъ, «Володимерскы и Новгородскы и всеа Русіи самодръжець», покорилъ Новгородъ, возвратился въ Москву. Вотъ извѣстія о титулѣ. — Св. Петръ благословилъ Ивана Калиту крестомъ. Съ тѣхъ поръ московскіе в. князья усвоили себѣ обычай — предъ смертію благословлять этимъ

крестомъ большихъ своихъ дѣтей, которымъ быти на государствѣ (1534 г.). По кончинѣ в. князя Василія Ивановича, тотчасъ же (часа того) бояре присягаютъ новому государю, обѣщаясь «на томъ, что они будутъ служить прямо, великое княженіе подъ малолѣтнимъ государемъ беречи въ правду, безъ хитрости, за одинъ». Событія регентства показали, какъ много значила эта клятва. Потомъ приводились къ присягѣ князья, дѣти боярскіе и жители всѣхъ городовъ (куда для этого нарочно посылались чиновники); они должны были обѣщаться «служити великому князю и добра хотѣти и землѣ безъ хитрости». Члены великокняжескаго семейства (братья в. к.) также давали клятву, въ присутствіи митрополита, въ томъ, что «имъ великому князю добра хотѣти и великаго княженія подъ нимъ блюсти и стеречи и самимъ не хотѣти». Но присяга при вступленіи на престолъ новаго государя употреблялась и раньше 1534. Дмитрій Донской, умирая, говоритъ боярамъ: «нынѣ же помяните словеса моя и своя, еже рекли есте ко мнѣ въ время свое: должни есмя тебѣ служа и дѣтемъ твоимъ главы положити своя». Василій Ивановичъ, «обрадивъ» свое семейство, обращается къ боярамъ съ слѣдующими словами: вы, бояре мои, съ вами управлялъ я русскою землею, въ чести держалъ васъ, дѣтей вашихъ жаловалъ, вы «рекли есте и правду дали служити мнѣ и дѣтемъ моимъ — обяжите себѣ слово свое на выѣ своей!» Повязка, связывавшая совѣсть боярина на два поколѣнія впередъ, падѣвалась на то чувствительное мѣсто, которое, въ случаѣ измѣны, всего ближе было къ топору или веревкѣ. Присяга на подданство жителей покоренной страны или города была въ постоянномъ употребленіи. Въ 1478 г. въ Новгородѣ на владычнемъ дворѣ приводили къ присягѣ бояре великаго князя; а на пять концовъ съ тою же цѣлію посланы были дѣти боярскіе и дьяки. Замѣчательно, что приводились къ присягѣ даже боярскія жены, вдовы бояръ и люди боярскіе. По покореніи города жители даютъ присягу въ вѣрности: «1493 г. Вязму градъ взяша и къ цѣлованію приведоша». Тотъ, кто цаловалъ крестъ великому князю — «приказывался ему», то есть подчинялъ себя его власти (1514). Если земля поступала во владѣніе в. князя московскаго, то говорили, что она «далась» или «задалась» ему (1397, 1424). Изъ конца XV вѣка дошла до насъ форма коронованія на царство (внука Ивана III, въ 1498 г.). Когда пріѣзжалъ новый князь во Псковъ, псковичи сажали его на тронѣ въ соборѣ и вручали ему мечъ князя Довмонта (1460). Новый порядокъ престолонаслѣдія не вполнѣ еще укрепился. Когда в. к. Василій Дмитріевичъ захотѣлъ меньшаго брата своего, Константина, «подписати подъ» сына своего Василія, первый не согласился, лишился вотчины и принужденъ былъ уѣхать въ Нов-

городъ, гдѣ ему дали нѣсколько пригородовъ (1419). Есть нѣсколько примѣровъ совѣщаній князей съ приближенными. Въ совѣтѣ Шемяки встрѣчаются, кромѣ бояръ, гости и монахи (1446 года). Иванъ III совѣщается о походѣ на Новгородъ съ архіереями, князьями, боярами и воеводами; въ 1477 г. — съ матерью, братьями, князьями, боярами и воеводами. И Василій Ивановичъ совѣтуется съ боярами (1531). Всѣ эти примѣры показываютъ, что совѣтники созывались только для того, чтобъ выслушать окончательное рѣшеніе великаго князя. Въ малолѣтство Ивана IV значеніе великокняжескаго совѣта не было только номинальное, и лѣтописецъ, подъ 1541 г., съ особенною подробностію передаетъ дебаты, происходившіе въ присутствіи великаго князя и митрополита между боярами о томъ: по случаю нашествія крымскаго хана ѣхать ли великому князю къ войску или оставаться въ столицѣ? И вотъ, на основаніи логическихъ соображеній и историческихъ примѣровъ, бояре «сѣшли на одну рѣчь»: чтобы остаться великому князю въ Москвѣ. Власть московскаго государя быстро возрастала. Все, что ей противилось, падало: умирали тысяцкіе, портилась гражданская нравственность вѣча, князья—изъ братьевъ превращались въ слугъ. Въ 1356 г. былъ убитъ тысяцкій московскій Алексѣй Петровичъ «всѣхъ бояръ общею думою». Высоко было значеніе московскаго тысяцкаго (*); лѣтописецъ сравниваетъ смерть его съ кончиною Андрея Боголюбскаго: какъ тотъ убитъ былъ рабами своими Кучковичами, такъ и этотъ пострадалъ отъ своей же дружины. Въ 1374 г. умеръ въ Москвѣ послѣдній тысяцкій (**), принявъ монашество и схиму и погребенъ въ церкви. Про Василія, тысяцкаго московскаго, разсказываютъ, что онъ, на сватьбѣ Дмитрія Донскаго, взялъ у послѣдняго приданный золотой поясъ съ дорогими камнями и отдалъ его сыну своему Микулѣ, а великому князю далъ поясъ поменьше. За этимъ Микулою была дочь князя суздальскаго (1433). Сына великокняжескаго крестятъ — старшій братъ новорожденнаго да жена или дочь тысяцкаго (1388). Сынъ послѣдняго тысяцкаго, на другой годъ по смерти отца, убѣжалъ къ Михаилу Тверскому «съ многою лестью». А подъ 1379 годъ читаемъ: «Мѣсяца августа 1, во вторникъ, до обѣда, потятъ быть мечемъ на Кучковѣ полѣ Иванъ Васильевъ сынъ тысячьскаго, на Москвѣ, повелѣніемъ великаго князя Дмитрія». Событія сами собою объясняются. — Правительство конца XV вѣка дѣйствовало уже очень искусно и

(*) Онъ былъ первымъ лицомъ послѣ великаго князя.

(**) Василій Васильевъ сынъ Протасьевичъ.

смѣло тамъ, гдѣ дѣло шло о искорененіи вольнолюбиваго духа, о заглушеніи желаній извѣстной части населенія: въ 1489 году болѣе 1,000 «головъ» бояръ, житьихъ людей и гостей новгородскихъ должны были оставить свои помѣстья и переѣхать въ пожалованныя имъ въ Москвѣ, Владимірѣ, Муромѣ, Нижнемъ, Переяславлѣ, Юрьевѣ, Ростовѣ и Костромѣ. Вѣчевая жизнь Новгорода кончилась: еще въ 1393 г. Новгородцы убили на вѣчѣ «христолюбца», желавшаго добра великому князю московскому, а въ 1471 году, для противодѣйствія Москвѣ, надо было «напимать худыхъ мужиковъ вѣчниковъ, которые на все готовы». Лѣтописецъ москвичъ и не симпатизируетъ свободѣ; онъ называетъ этихъ вѣчевыхъ наемниковъ злыми смердами, убійцами, шильниками, которые подобны скоту, потому что разума въ нихъ нѣтъ, а крикъ ихъ — хуже рычанія безсловесныхъ животныхъ. Тотъ же лѣтописецъ вѣроятно и не подозрѣвалъ, какъ онъ удачно выразился, сказавъ «и привезенъ бысть на Москву колоколъ вѣчной и взнесоша его на колоколницу на площади — съ прочими колоколы звонити». Что касается до отношеній князей между собою, то отношенія эти представляютъ безпрестанные примѣры самаго грубаго вѣроломства. Князь зоветъ къ себѣ въ гости (любовію) другаго князя, тотъ ѣдетъ, и вдругъ надъ нимъ наряжается судъ, бояръ его свиты и его самаго хватаютъ и, посадивъ подъ арестъ, «держатъ въ истомѣ.» Нѣсколько времени спустя, князь арестовавшій береть клятву въ вѣрности съ князя арестованнаго, тотъ цалуетъ крестъ и ѣдетъ домой (1368). Можно себѣ вообразить, какъ прочны были слѣдовавшія за тѣмъ дружескія отношенія этихъ князей. Иногда князь, поцаловавшій крестъ, убѣгалъ въ сосѣднюю сильную державу, клятва съ него слагалась посредствомъ особаго о томъ посольства со стороны князя, заставившаго присягнуть, и вотчина нарушившаго клятву дѣлались театромъ войны (1370). Слишкомъ извѣстны тѣ «израды», которыя чинили другъ надъ другомъ Василій Темный и его братцы (1447). Князья, враждуя, прежде всего старались одинъ другаго «искрасти» (1436). Пойманные или искраденные такимъ образомъ князья отправлялись въ заточеніе въ какой нибудь городъ, напр. Угличъ (1456); тогда приближенные пойманнаго князя всѣми силами стараются, «какъ бы князи изъ пятства выняти» (1446). Обнаруживалась вражда между князьями и такъ, что если бояре и слуги одного ѣхали «сквозѣ отчину» другаго, то ихъ ловили, грабили и уже «нагихъ отпущали» домой. Когда измѣнникъ Олегъ бѣжалъ изъ своего княжества, бояре рязанскіе били челомъ великому князю московскому «въ рядъ, и урядишася у него»; князь принялъ ихъ просьбу, а на рязанскомъ княженіи посадилъ своихъ извѣстни-

ковъ (1380). Если в. князь московскій былъ не въ ладахъ съ которымъ нибудь изъ удѣльныхъ, то «бояре старѣйшіе» удѣльнаго князя, будучи пойманы, разводятся по разнымъ городамъ и такимъ образомъ «сидятъ въ нятіи» подъ надзоромъ приставовъ (1388). Вражда кончалась тѣмъ, что в. к. «бралъ миръ и прощеніе и любовь съ княземъ» удѣльнымъ. Охота великихъ князей судить удѣльныхъ судомъ третейскимъ проистекала не изъ того, чтобы первые искренно желали между послѣдними мира и согласія, а изъ того, что путемъ этимъ проводилась идея старшинства, власти (1395). Великіе князья варварски обращались съ женами враждебныхъ имъ князей. Первымъ дѣломъ было послать «искать» княгини непокорнаго; потомъ ее «грабили» и приводили въ Москву, гдѣ она и жила до изъявленія покорности ея мужемъ (1401, 1408). Иногда князь, принужденный чѣмъ нибудь обязаться, цаловалъ крестъ и давалъ на себя грамоты проклятыя т. е. клятвенныя. Санкція такихъ грамотъ сходна съ тою же частію грамотъ, которыми князья жаловали и льготили монастыри въ монгольскомъ періодѣ: «А преступлю сію грамоту, что въ ней написано, — говоритъ Шемяка, — имю на мнѣ ни буди милости Божіи, и пречистые Матери его, и силы честнаго и животворящаго креста и молитвъ всѣхъ святыхъ и великихъ чудотворцевъ (слѣдуетъ перечисленіе угодниковъ), также не буди на мнѣ благословеніе всѣхъ епископовъ земли Рускія, иже суть нынѣ по своимъ епископіямъ, и иже всѣхъ подъ ними священническаго чину (1448).» — Иногда князь удѣльный, умирая и оставляя малолѣтняго наслѣдника, «приказывалъ» свое княжество и сына великому князю московскому (1456). Хотя въ случаѣ такой опеки великій князь и посылалъ своихъ намѣстниковъ для управленія княжествомъ малолѣтнаго, однако съ жителей присяги не брали, такъ какъ зависимость отъ Москвы установлялась лишь на время (1459). «Вспалившись» на удѣльнаго князя, великій князь ослаблялъ его силы тѣмъ, что переимялъ людей (бояръ и дѣтей боярскихъ), при немъ состоявшихъ (1511). Близкимъ родственникамъ великаго князя, по смерти послѣдняго, новый великій князь даралъ шубы, кубки, иноходцевъ съ сѣдлами (1537). — Составитель житія Дмитрія Ивановича останавливается на описаніи добрыхъ свойствъ Донскаго и цѣлымъ рядомъ немилосердныхъ эпитетовъ казнитъ измѣнника Олега. Про юношество Дмитрія Ивановича разсказывается, что «онъ воспитанъ былъ въ благочестіи, со великими духовными наказаніями.... и яще же младъ бысть возрастомъ, но духовныхъ прелѣжа дѣлесѣхъ и пустошныхъ бесѣдъ не творяше и срамныхъ глаголъ не любяше, божественныхъ писаній всегда съ умиленіемъ послушаше, о церквахъ Божіихъ вельми печашеся». Какъ государь,

онъ «любилъ» неповинныхъ и прощалъ виновныхъ; былъ оружіе на враговъ; князей удѣльныхъ держалъ въ своей власти; вельможамъ своимъ «тихоувѣтливъ въ нарядѣ бываше»; любилъ всѣхъ равно; «младыхъ словесы наказааше»; носилъ царскую багряницу и вѣнецъ, а постоянно желалъ — надѣть монашескую рясу. Это былъ — «яко отецъ міру, око слѣпымъ, нога хромымъ, столпъ, и стражъ, и мѣрило извѣстно, къ свѣту правя подвластныя, отъ вышняго промыслу правленіе пріимъ роду человѣчю, высокопаривый орелъ, огнь попаляя нечестіе, баня моющимся отъ скверны, гумно чистотѣ, вѣтръ плевелы развѣвая, одръ трудившимся по Бозѣ, труба спящимъ, воевода мирный, вѣнецъ побѣдѣ, плавающимъ пристанище, корабль богатству, оружіе на врагы, мечь ярости, стѣна нерушима, злоумышляющимъ сѣть, степень непоколеблема, зерцало житіа, съ Богомъ все творя и по Бозѣ поборая, высокій умъ, смиренный смыслъ, вѣтромъ тишина, пучина разума»..... А послушайте, что говорится про современника его, Олега Рязанскаго: это былъ князь «душегубный, лукавый, велерѣчивый, худой, неснабдѣвшій своего христіанства, отступившій свѣта въ тмѣ, врагъ, измѣнникъ, кровопивецъ христіанскій, новый Святополкъ, новый Іуда предатель, льстивый сотоницкъ, дьяволь совѣтникъ, отлученный сынъ божій, помраченный тьмой грѣховной, поборникъ бесерменскій.» Еще Ягейлу не такъ досталось, вѣроятно потому, что онъ былъ литовецъ; онъ просто называется поганымъ. Въ особенную заслугу Дмитрію ставится то, что онъ «тѣло свое до женитьбы сохрани чисто»; ночью спалъ мало, больше молился. Замѣчательны слова, которая говоритъ великая княгиня по смерти мужа: старыя вдовы! — тѣшьте меня, а вы вдовы молодыя, — плачьте со мной: «вдовіа бо бѣда горьчѣе всѣхъ людей». Въ этихъ немногихъ словахъ выражено воззрѣніе на незавидное положеніе вдовы въ древнемъ русскомъ обществѣ.—Князья любили пировать у архіереевъ (1449). Лѣтописецъ часто замѣчаетъ, гдѣ великій князь взялъ (провелъ) тотъ или другой праздникъ (1449, 1451, 1452). Часто упоминается про потѣху великокняжескую въ Можайскѣ и Волокѣ (1527, 1531, 1534). Много употреблялось времени на частые объѣзды монастырей. Князь, пріѣзжая въ монастырь «кормилъ», монаховъ, подавалъ милостыню нищимъ (1446, 1447). Умирая, князья постригались въ монахи, княгини — въ монахини; хоронили ихъ въ церквахъ или монастыряхъ, часто такихъ, которые и построены были ими (1354, 1359, 1364, 1365, 1389). Однако не всегда князья умирали монахами: Василію Темному, напр., предъ смертью «не дали воли» постричься въ монахи, и онъ умеръ мірянином. Умирая, князья дѣлали наставленія своимъ дѣтямъ, просили бояръ, служить вѣрно ихъ преемникамъ. Донской об-

ращается къ дѣтямъ: «азъ бо предаю васъ Богови и матери вашей, подъ страхомъ ея всегда будете.... бояръ своихъ любите, воздавайте имъ честь достойную—противу служеній ихъ, безъ воли ихъ ничтоже не творите (Василію Дмитріевичу было 18 лѣтъ), привѣтливы будьте ко всѣмъ слугамъ своимъ.» Съ боярами в. князь прощается такъ: «я вамъ честь и любовь даровахъ, подъ вами городы держахъ и великія власти, и чада ваши любихъ, никому же зла створихъ, ни силою что отъяхъ, ни досадихъ, ни укорихъ, ни разграбихъ, ни бесчествовахъ, но всѣхъ любихъ и въ чти держахъ, и веселихся съ вами, съ вами и поскорбихъ; вы же не нарекостеся у меня бояре, но князи земли моей....» Потомъ онъ поцаловалъ жену, дѣтей и бояръ и, «благословивъ» ихъ, умеръ. О князѣ Михаилѣ Тверскомъ (ум. 1400) разсказывается, что онъ, собираясь умирать, велѣлъ писать духовную. Въ это время возвратился протопопъ, котораго онъ посылалъ съ милостынею въ Царьградъ, и принесъ ему отъ патріарха икону страшнаго суда. Онъ съ торжествомъ встрѣтилъ икону, больной и старый, на дворѣ и любезно лобызалъ ее. По этому случаю день праздновался; послѣ обѣдни созваны были на обѣдъ къ князю епископъ, весь причетъ церковный и монахи; князь, едва переногаясь, поддерживаемый слугами, обѣдалъ съ ними. Въ то же время нищимъ, убогимъ, хромымъ и слѣпымъ дана была обильная милостыня. Послѣ обѣда онъ «испилъ ко всѣмъ сущимъ» на обѣдѣ и началъ у всѣхъ просить прощенія; каждому изъ своей руки подавалъ чашу и, поцаловавъ его, говорилъ: «прости мя и благослови». Пошелъ въ церковь, приложился къ иконамъ, поклонился своимъ предкамъ и показалъ, гдѣ положить его самого. Когда онъ вышелъ изъ собора, остановился на верхней ступени лѣстницы, чтобы поклониться народу, покрывавшему площадь; послѣ поклона, «смиренномудріа и любве образъ показуя», произнесъ: «простите мя, братіе, и благословите вси.» Изъ толпы поднялись голоса: «Богъ проститъ тя, господине нашъ!» Чрезъ недѣлю онъ умеръ. Еще подробно описана кончина князя Дмитрія Юрьевича Краснаго, 1441 г. Когда его хотѣли причащать, у него сильно ноила кровь изъ носа; духовникъ его, священноинокъ Іосія, заткнулъ ему ноздри бумажкою, и князь причастился. Потомъ спросилъ обѣдать; ѣлъ уху, мясо, рыбу и выпилъ чашу вина. Ему захотѣлось спать и онъ велѣлъ выйти всѣмъ находившимся въ его комнатѣ. Придворные и духовникъ пошли къ одному изъ своихъ знакомыхъ и пили у него. Вдругъ прибѣгаетъ посланный изъ дворца и говоритъ: идите скорѣе — князь отходитъ. Тѣ пришли и нашли его при послѣднемъ издыханіи. Онъ умеръ. Духовникъ поспѣшилъ закрыть ему глаза и покрыть его. Потомъ Іосія втайнѣ подкрѣпилъ себя медомъ, и уснулъ въ той же горни-

цѣ. Одинъ только дьяконъ княжескій ничего не пилъ и легъ на лавкѣ напротивъ князя; спать ему не хотѣлось, и онъ смотрѣлъ на мертвеца. Вдругъ, въ самую полночь, къ ужасу дьякона, князь освобождаетъ свою голову изъ-подъ покрова и громко кричитъ: «Петръ же позна, яко Господь есть!» Дьяконъ такъ и оцѣпенѣлъ отъ страха, но, придя мало по малу въ себя, сталъ будить своихъ товарищей. Мнимый покойникъ не удовольствовался краткимъ изреченіемъ и началъ пѣть: «Господа пойте и превозносите», потомъ аллилуйю, потомъ «Жилище свое живый въ вышнихъ» и т. п. Князь пѣлъ съ закрытыми глазами. Когда его утромъ стали причащать вторично, онъ сказалъ: «радуйся утробо божественнаго воплощенія». Бредъ продолжался съ понедѣльника до четверга, когда онъ, по выраженію лѣтописца, умеръ окончательно. Красный не постригся предъ смертію въ монахи. — Обрученіе князей русскихъ съ княгинями литовскими происходило чрезъ пословъ (1370). Дипломатическія порученія давалась иногда духовнымъ лицамъ; игуменъ Сергій ѣздилъ посломъ въ Нижній и въ Рязань (1385). Новгородцы для умилостивленія в. князя московскаго посылаютъ къ нему двухъ мужей, въ другой разъ архіепископа, наконецъ — двухъ архимандритовъ, семь поповъ и пять человѣкъ житьихъ, съ конца по человѣку (1386). Прежде чѣмъ посламъ идти въ Москву, государство, посылавшее ихъ, выхлопатывало у великаго князя опасныя грамоты. Тѣ, которые били челомъ объ опасѣ, назывались опащиками; опасъ испрашивался и для того, чтобы по окончаніи порученія послы могли «отъѣхать добровольно» (1477, 1478). Послы, прибывъ къ великому князю, били челомъ, чтобъ онъ пожаловалъ, съ бояры своими велѣлъ поговорити.» Если в. князь былъ согласенъ, то высылалъ къ нимъ кого нибудь изъ своихъ бояръ или князей на «зговорку» (1478). Когда посолъ иностранный уѣзжалъ изъ Москвы, часто посылался вмѣстѣ съ нимъ къ его государю и нашъ посолъ (1477). Уже наблюдался дипломатическій обычай поздравлять государей со вступленіемъ на престолъ: мы посылаемъ въ 1533 г. сына боярскаго къ крымскому хану «поздравствовати его на царствѣ»; а въ 1535 г. приходятъ къ в. князю послы отъ «маистра короля ливонскаго здравствовати на великихъ государствехъ.» Подъ 1446 годомъ упоминаются сеунчи, гонцы. Мы съ удовольствіемъ играли ту же роль относительно казанскихъ царей, какую играли тамъ недавно татары въ отношеніи къ русскимъ государямъ: посылаемъ пословъ и они сажаютъ на царство и приводятъ къ шерти казанскихъ царей (1496). Съ послами къ восточнымъ владѣтелямъ отпускались обыкновенно грамоты, въ которыхъ писалось о братствѣ и выражалось желаніе, «чтобъ люди промежъ обѣихъ странъ ѣздили» (1533). Но разъ случилось, что при-

шелъ въ Москву гость изъ Индѣйской земли и привезъ къ великому князю грамоту отъ Бабуръ падши, индѣйской земли государя. Отославъ посла обратно и вручивъ ему свою грамоту, великій князь «о братствѣ къ падшѣ не приказалъ: невѣдомо, какъ онъ на индѣйскомъ государствѣ — государь ли или урядникъ, и великому бы государю въ томъ низости не было — будетъ онъ тоя земли урядникъ, и великій государь того ради о братствѣ къ нему не писалъ».

Состоянія, разряды людей, были уже многочисленны. Выше всѣхъ стояли князья (служилые, окупные) и бояре. Нѣтоторые изъ бояръ называются нарочитыми (1380), старѣйшими (1387) великими въ отличіе отъ простыхъ бояръ или бояръ меньшихъ (1406). Боярами нарочитыми и т. п. считались лица наиболѣе приближенныя къ князю; можетъ быть, подъ ними разумѣются его думцы. Во всякомъ случаѣ имъ поручалось исполненіе самыхъ важныхъ государственныхъ обязанностей, имъ давались дипломатическія порученія. 1438 великій князь послалъ двухъ бояръ къ князю Юрію для переговоровъ о мирѣ; посланники, еще до исполненія порученія, затѣяли между собою такую ссору, что дѣло дошло до «неподобныхъ словъ». Переходъ бояръ отъ одного князя къ другому, узаконявшійся договорами князей, не считался измѣною. Но подобные переходы съ половины XV вѣка были, кажется, довольно рѣдки (исключая смутной эпохи Василія Темнаго и Юрьевичей, когда служилые князья, бояре и слуги переходили къ тому, кто былъ сильнѣе, чтобъ вотчины не потерять; 1434, 1446) по крайней мѣрѣ лѣтопись подъ 1433 замѣчаетъ: «побѣжалъ» отъ в. князя бояринъ его. Когда Василій пришелъ къ Коломнѣ, множество людей начало «отказыватися отъ князя Юрія за князя великаго» (1433). Отказываться за кого нибудь — терминъ крестьянскихъ свободныхъ переходовъ. Бояринъ уходилъ отъ одного князя, пріѣзжалъ къ другому, билъ ему челомъ, и оставался у него на службѣ (1447). Боярамъ поручались — воеводства и намѣстничества. Были просто воеводы и воеводы большіе (1469). Всякій начальникъ отдѣльнаго военнаго отряда назывался воеводою. Главный воевода, назначенный в. княземъ, оставаясь съ главнымъ войскомъ назади, для передоваго отряда (охотниковъ) не назначаетъ воеводу. Сами охотники соглашались между собою, кого поставить воеводою, «чтобы единаго всѣмъ слушати»; такимъ образомъ, по долгомъ размышленіи, избирали себѣ предводителя по своей волѣ (1469). Когда великій князь посылалъ воеводъ на войну, то обѣщалъ тѣмъ изъ нихъ, которые будутъ убиты,—вписать имена ихъ въ книги животныя, а

женъ и дѣтей пожаловать (1541). Когда какое нибудь княжество входило въ составъ московскаго государства, великій князь съ своими старѣйшими боярами жилъ нѣкоторое время въ новопріобрѣтенномъ княжествѣ, и, уѣзжая въ Москву, «приказывалъ» кому нибудь изъ своихъ приближенныхъ намѣстничество (1392). Василій Темный поймалъ Шемяку и послалъ на Коломну, «а приставъ у Шемяки былъ Иванъ Старковъ, а Коломна за нимъ же тогда». Изъ этого слѣдуетъ, что намѣстникъ могъ исполнять въ тоже время и должность пристава. Когда въ Серпуховѣ была построена новая крѣпость, князь далъ прежде жившимъ тамъ и вновь желавшимъ поселиться льготы и «волю многу»; а намѣстничество приказалъ держать своему окольничему (1374). Строгаго разграниченія между званіями боярина и окольничаго еще не было: въ Казань и въ Литву отправлены были въ послахъ бояре-окольничіе (1503, 1508). Но въ посольствѣ къ польскому королю 1509 года первый посолъ былъ бояринъ-окольничій, второй конюшій, а третій окольничій. Былъ посыланъ въ послахъ къ крымскому хану окольничій (1515). Окольничій съ дьякомъ сажаетъ въ Казани царя на царство (1531). Были окольничіе и воеводами (1513). Упоминаются ближніе люди, которые отправлялись послами къ турецкому султану, прусскому маистру и крымскому хану (1515, 1516, 1517). Кромѣ того были: великаго князя ясельничій, который отправленъ былъ посломъ къ хану большой орды (1502); оружничій — въ числѣ пословъ въ Казань стоитъ послѣ окольничаго (1516); конюшій — въ числѣ пословъ къ королю польскому занимаетъ второе мѣсто (1509); конюшимъ поручалось начальство надъ войскомъ (1541); дворецкій тверской посланъ въ Казань сажать царя на царство (1519). Какъ младшіе члены великокняжескаго или княжескаго двора, весьма часто упоминаются дѣти боярскіе — обѣднѣвшіе потомки прежде знатныхъ и богатыхъ боярскихъ родовъ. Ихъ было такъ много, что они составили весьма многочисленный классъ, преимущественно военныхъ людей, считаясь уже не боярами, а слугами. Чѣмъ-то въ родѣ дѣтей боярскихъ были во Псковѣ дѣти посадничи (1478). Были изъ дѣтей боярскихъ и князья (сынъ боярскій, князь Василій, княжь Федоровъ сынъ Голубаго-Ростовскихъ князей; 1498, 1537). Про дѣтей боярскихъ новгородскихъ прямо говорится, что они — помѣщики и несутъ обязанности военной службы съ своихъ помѣстій (1537). Для сбора денегъ съ Заволочья и для уплаты контрибуціи великому князю Новгородъ послалъ трехъ приставовъ «и иныхъ молодшихъ дѣтей боярскихъ и молодыхъ людей» (1386). Дѣти боярскіе составляли войско, подъ начальствомъ воеводъ; у нѣкоторыхъ изъ мелкихъ удѣльныхъ князей было по 100 «головъ» дѣтей боярскихъ (1445). Но въ составѣ войска они считались

выше простыхъ воевъ (1445, 1518); подъ 1456 годомъ говорится, что отправлены были противъ непріятеля воеводы и дѣти боярскіе «съ малыми людьми, безъ коихъ нелзѣ быти имъ». Различіе дѣтей боярскихъ дворовыхъ и городовыхъ, въ половинѣ XV вѣка, еще довольно неопредѣленно. Въ 1446 году къ великому князю собрались всѣ князи и бояре его, и дѣти боярскіе «и множество двора его отъ всѣхъ градовъ.» Слѣдовательно въ составѣ двора великокняжескаго, принимаемаго въ смыслѣ главной военной силы, можетъ быть, считались не только князья, бояре и дѣти боярскіе, постоянно бывшіе съ великимъ княземъ, но и извѣстная часть населенія городовъ, зависѣвшихъ отъ Москвы. Позже это различіе опредѣлилось; въ 1469 г. подъ Казань великій князь отправляетъ: «многихъ дѣтей боярскихъ, дворъ свой, а также и отъ всей земли своей дѣтей боярскихъ, изъ всѣхъ городовъ своихъ, — и изъ всѣхъ отчинъ братьи своей (то есть удѣльныхъ князей)». Боярскіе дѣти удѣльныхъ князей ходятъ въ войскѣ великаго князя (1471). Подъ 1496 г. упоминаются «многіе дѣти боярскіе двора великаго князя, и понизовыхъ городовъ дѣти боярскіе». Дѣти боярскіе, подъ начальствомъ великаго князя, исполняютъ въ Москвѣ обязанности пожарной полиціи (1472). Сынъ боярскій посылается къ крымскому хану съ грамотами отъ великаго князя о дружбѣ и братствѣ (1535). Впрочемъ, какъ послы, дѣти боярскіе считались людьми малаго чину. Въ Казани обидѣлись, когда туда посланъ былъ сынъ боярскій для приведенія царя къ шерти; царь писалъ къ великому князю, чтобы онъ прислалъ «своего большого посла» (1531). А когда въ 1534 году сынъ боярскій посланъ былъ къ Сигизмунду съ извѣщеніемъ о смерти Василія и для «объявленія на государствѣ» Ивана IV, король «учинилъ ему отвѣтъ гордостенекъ.» — У татарскихъ хановъ, какъ первоначально и у нашихъ князей, дворъ имѣлъ значеніе военной силы. Дворы нѣкоторыхъ удѣльныхъ князей даже въ началѣ XVI вѣка были многочисленны; сюда входили: князья, бояре, дворецкіе, конюшіе. — Дьяки часто употреблялись для взаимныхъ между князьями сношеній (1480, 1490); имъ поручалась постройка крѣпостей (1486, 1492); подъ 1498 г. упоминается «дьякъ введеной», то есть, вѣроятно, такой, который исполнялъ какія нибудь особенныя порученія князя; когда посылался посломъ въ иностранное государство боринъ, окольничій и т. п., то при немъ отправлялся обыкновенно и дьякъ или дворцовый дьякъ (1515); когда Герберштейнъ возвращался въ Германію — съ нимъ также былъ отправленъ дьякъ (1518). Въ Москвѣ были городовые прикащики — такіе чиновники, которые завѣдывали крѣпостію, въ случаѣ осады раздавали оружіе, разставляли пушки и пищали, составляли росписи — сколько при какихъ воротахъ, на какой

стрѣльницѣ или стѣнѣ должно поставить людей (1541). Для мелкихъ дипломатическихъ порученій или скорыхъ посылокъ великій князь употреблялъ своихъ «паробковъ», иногда «подъячихъ» (1533). Упоминается истопникъ великой княгини, по имени Ростопча (1447). — Ниже, по чину, дѣтей боярскихъ стояли гости служилые, купцы великаго князя. Они могли владѣть помѣстьями (1489). Когда воиновъ было мало — солдатами дѣлались и сурожане, и суконники, и купчіе люди и вообще всѣ москвичи (1469). При Шелони въ новгородскомъ войскѣ были купцы и житьи люди, «мастера» (плотники, гончары) и много другихъ, «съ рожденія на лошади не бывавшихъ» (1471). — Много приходило къ намъ служить татаръ и литовскихъ князей. Уже въ 1393 г. пріѣхали изъ орды три татарина, постельники хана, желая креститься и поступить на службу къ великому князю. Служилымъ князьямъ, переходившимъ къ московскому великому князю, послѣдній жаловалъ города въ кормленье (1406, 1509). Когда такой князь билъ челомъ о переходѣ къ намъ, къ нему посылался боярин или дьякъ, который приводилъ его къ присягѣ въ вѣрности службы новому государю (1500, 1508). При переходѣ дарили князей и ихъ приближенныхъ вещами и деньгами (1514). — Самый многочисленный классъ въ отчинѣ (слово это означало весь личный составъ княжества) составляли черные люди, «чернь» (1382). Про одного князя разсказывается, что онъ, желая множествомъ своего народа удивить пріѣхавшаго къ нему отъ великаго князя митрополита, собралъ всю отчину свою: встрѣтилъ его съ своими дѣтьми, боярами и лучшими людьми, а чернь свою собралъ изъ городовъ и волостей, селъ и деревень и разставилъ по горѣ. Митрополитъ, замѣтивъ, что всѣ княжескіе люди были одѣты бѣдно и стояли на морозѣ въ однихъ сермягахъ, отвѣчалъ на первыя привѣтствія хвастливаго князя: «сынъ мой! какъ бы хорошо было, если бы всѣ эти люди одѣты были въ овчинные полушубки». — О несвободныхъ въ лѣтописи упоминается лишь одинъ разъ. Въ 1473 году, митрополитъ Филиппъ, намѣреваясь строить церковь «искупилъ людей на то дѣло церковное». Умирая, онъ приказываетъ ихъ отпустить.

Мы могли уже выставить войска до 150 т. и болѣе. Войны велись безчеловѣчно жестоко. Замѣтны нѣкоторые пріемы военнаго искусства, какъ въ полевыхъ битвахъ, такъ и въ оборонѣ крѣпостей. Постройка новыхъ крѣпостей обращаетъ особенное вниманіе правительства при Василіѣ Ивановичѣ и Иванѣ IV. Прежде нежели начать войну, враждующія стороны «вскидывали граммоты размет-

шля» (1412; 1436) то есть объявляли, что между ними наступаетъ «размирье.» Иногда просто говорится, что такой-то князь съ тѣмъ-то «разверже миръ, роскинулъ.» Обращалось большое вниманіе на то, чтобъ убить непріятельскаго начальника или захватить, изымать его (1370). Съ послѣднею цѣлію разсылались на всѣ пути «заставы», то есть передовые наблюдательные посты, которые иногда находились весьма на далекомъ разстояніи отъ главнаго войска (1449). Ольгердъ пришелъ со всѣмъ войскомъ къ Волоку и сталъ около города. На мосту начальствовалъ со стороны русской, князь Березуйскій. Одинъ литвинъ подкрался подъ мостъ и сквозь щели его нанесъ князю смертельную рану сулицею — палкою съ острымъ наконечникомъ (1370). Про Ольгерда разсказываютъ, что онъ имѣлъ такой обычай: прикажетъ зависящимъ отъ него князьямъ собраться съ войскомъ, не объявляя имъ, съ кѣмъ онъ намѣренъ вести войну, и огромное войско идетъ съ своимъ полководцемъ, не зная, куда онъ ведетъ его. Это дѣлалось въ тѣхъ видахъ — «да не будетъ вѣсть земли той, на нюже идяше». И дѣйствительно, въ 1368 г. въ Москвѣ тогда только узнали о походѣ Ольгерда, когда непріятель былъ уже на русской границѣ. Великій князь началъ разсылать грамоты по городамъ, созывая войско, но было уже поздно. Войско составлялось такъ, что жители одного города и его уѣзда составляли одну рать, жители другаго — другую, такъ что въ каждомъ отдѣльномъ отрядѣ воины были одноземцы (1469). Подъ начальствомъ воеводы была часть двора великокняжескаго и кромѣ того «владимірцы, переяславцы, костромичи»; или — «можанчи, волочане, звенигородцы и ружане» (1478). Нѣсколько такихъ отдѣльныхъ ратей составляло полкъ; во всемъ войскѣ, отправлявшемся противъ непріятеля, было нѣсколько полковъ. Сторожевой полкъ шелъ впереди, а за нимъ «великіе полки», то есть главное войско. Во второй половинѣ XV вѣка упоминаются слѣдующіе отдѣлы войска: передовой полкъ, потомъ правая рука и лѣвая рука и великокняжескій полкъ (1478). Важную роль игралъ сторожевой полкъ. Иногда упоминается передовой полкъ и сторожевой, какъ арьергардъ (1502). Вѣроятно воины, его составлявшіе, и называются сторожами; они употреблялись для рекогносцировокъ. Мѣста стоянокъ отдѣльныхъ частей войска назывались станами. Когда нужно было двинуться на непріятеля, воевода надѣвалъ свои доспѣхи, созывалъ трубою въ одно мѣсто всѣ рати, и поднималъ знамена. Войско шло изгономъ, когда требовалась особенная поспѣшность (1447). При нападеніи на конницу пѣхота била по лошадямъ изъ стрѣлъ, тѣ бѣсились и всадники не знали, что дѣлать имъ съ ихъ длинными копьями (1456). Если войско шло изгономъ, то брало съ собою мало хлѣбнаго запаса, въ надеждѣ на бы-

стрый походъ (1469). Занявши Новгородскую область, Иванъ III приказалъ воеводамъ «только» половину людей ихъ «по кормъ» (1478). Особенно дорожило войско своимъ знаменемъ. У двинянъ убили одного знаменьщика, схватилъ знамя другой, убили и этого — знамя было уже въ рукахъ третьяго (1471). Не мало старанія прилагалось къ тому, чтобъ «добыть» у непріятеля «языка» (1518). Въ московской рати дѣйствовало то правило, что, побѣдивъ непріятеля, «всѣми людьми въ погоню не ходятъ» (1541). Въ 1535 году литовская рать осаждаетъ Стародубъ и употребляетъ подкопы. Вѣроятно, до сего времени они намъ мало были извѣстны, потому что лѣтописецъ говоритъ: «а того лукавства подкопыванія не познали, что напередъ того въ нашихъ странахъ не бывало подкопыванія.» Часто упоминается о «береговой службѣ». Татары, идучи къ Москвѣ, должны были переходить Оку и другія рѣки. На берега этихъ рѣкъ, какъ скоро князь былъ извѣщаемъ своими «доброхотами» о походѣ Татаръ, на тѣ мѣста, въ которыхъ татары обыкновенно переходили, посылалось сильное войско, чтобъ не дать татарамъ перейти чрезъ рѣку (1459, 1472, 1480, 1528). Въ 1541 году воеводамъ накрѣпко приказывается «поберечь того», чтобъ крымскому хану «берега не дать, чтобы далъ Богъ онъ за рѣку не перелѣзъ». Особенною почестью для войска было то, когда великій князь посылалъ «сказать ему свое здоровье» (1471). Послѣ побѣды былъ обычай стать «на костяхъ» и приносить благодареніе Богу (1471). Съ покоренной страны или города брался окупъ (1387, 1428). Когда Донской съ 17 князьями осаждалъ Тверь, онъ огородилъ ее острогомъ. Новгородцы, помня прежніе обиды отъ Тверичей, «скрежетали на нихъ зубами.» Приступъ дѣлался всѣмъ войскомъ; подкатывали туры и приметывали приметъ (1375), т. е. клали къ стѣнамъ крѣпости хворостъ, который зажигали, и такимъ образомъ загорались деревянныя стѣны укрѣпленій. Когда русскіе осаждали въ 1376 г. Болгары, то иніи съ «города громъ пущаху страшаще русскіе полки», другіе стрѣляли изъ самострѣловъ, третьи выѣзжали на верблюдахъ, чтобы перепугать лошадей. Въ 1404 году Витовтъ осаждаетъ Смоленскъ и «бьетъ стѣны пушками». Въ началѣ XV вѣка, у насъ, въ числѣ «сосудовъ градобійныхъ» были: пушки, тюфяки и самострѣлы. Тюфяки были, вѣроятно, какими нибудь зажигательными снарядами (1450). Далѣе, употреблялись пороки — это были такія орудія, посредствомъ которыхъ можно было, напримѣръ, кидать въ крѣпость трупы убитыхъ «да съгніютъ и усмрадятъ градъ» (повѣсть объ осадѣ Константинополя турками) или разбивать стѣны городовъ, сдѣланныхъ изъ земли. По взятіи такого города — его раскапывали (1398). Наконецъ упоминаются, какъ орудія которыми осажденные отбиваютъ отъ крѣпости осаждающихъ, «боль-

ніе натни и слезы (1518). Посады городскіе, предъ началомъ непріятельскихъ дѣйствій, иногда сожигались самими гражданами (1368). Войны, какъ мы уже сказали, были чрезвычайно жестоки. Непріятель, былъ ли онъ русскій, или татаринъ, или литвинъ—уничтожалъ все на своемъ пути—жегъ монастыри, церкви, села, жителей или бралъ въ плѣнъ или убивалъ. Иногда лѣтопись говоритъ лаконически: «и волости повоева и пожже, а людей множество въ полонъ поведе» (1370, 1378). Разореніе Торжка Михаиломъ Тверскимъ описывается такъ: посадъ былъ зажженъ съ поля, по вѣтру; пламя перебросило въ городъ, и онъ сгорѣлъ; всѣ люди, оставшіеся въ городѣ, на площади и по улицамъ, сдѣлались жертвой пламени. Иной погибалъ въ своемъ домѣ со всѣмъ добромъ, другой искалъ спасенія въ церкви и задыхался тамъ, третій въ рѣкѣ и утонулъ. Солдаты снимали съ женъ и дѣвицъ все платье, и онѣ бросались въ рѣку «срама ради». Съ монахами и монахинями дѣлали тоже. Князь-христіанинъ превзошелъ, по словамъ лѣтописца, поганыхъ татаръ (1373). Дмитрій Донской съ войскомъ «учинивше всѣ волости тверскія пусты; и вся села пожгоша, а городки пожгоша, а люди въ полонъ разведоша, а имѣнія ихъ разграбиша, а жита потравиша» (1375). Его воевода, покоривъ Мордовскую землю, погосты и заимицы разграбилъ и сжегъ, жителей перебилъ, а взятыхъ живыми казнилъ разными казнями, между прочимъ — имъ волочили по льду и травили собаками (1377). Князь смоленскій въ походѣ на Литву ловилъ и мучилъ женщинъ и дѣтей; запирали людей въ избы и тамъ сожигали (1387). Иногда русскіе подговаривали шайку татаръ и вмѣстѣ съ ними внезапно нападали на какой нибудь городъ. Такъ былъ сожженъ и разграбленъ Владиміръ въ 1410 г. Татары нашли въ церкви попа Патрикѣя и начали у него выпытывать—гдѣ спрятана казна церковная: его жарили на сковородѣ, вбивали за ногти щепы; наконецъ, когда убѣдились, что не добьются отъ него никакого показанія — прорѣзали ему ноги и, продѣвъ въ раны веревки, привязали къ конскому хвосту. Все это случилось отъ «своихъ же братій-христіанъ». Граждане Опочекъ такъ оборонялись отъ Витовта съ татарами: мостъ, который велъ чрезъ ровъ къ крѣпости, они прикрѣпили веревками, а во рву набили острыхъ кольевъ. Когда татарская и литовская конница наѣхала на мостъ и веревки были подрѣзаны, воины упали на колья и многіе погибли. Кто же изъ нихъ остался въ живыхъ, того русскіе втаскивали въ крѣпость и тамъ — съ христіанъ поляковъ и проч. сдирали кожу, а съ татарами дѣлали то, чего не могъ видѣть и свирѣпый Витовтъ, ограбившій митрополита Фотія, и отъ чего даже онъ, «исполнився срама», отступилъ отъ Опочекъ (1426). Въ 1436 году множество устюжанъ погибло отъ меча и висѣлицы князя Василія

Юрьевича. Въ 1438 г. два князя, по дорогѣ къ Бѣлеву, гдѣ засѣлъ князь Мамметъ, «грабили своихъ же православныхъ христіанъ», мучили людей «изъ добытка» и дѣлали много «неподобнаго и скверна-го». Въ 1468 «Черемису иссѣкоша». Въ 1471 г. войско московское въ новгородской области жгло, плѣнило и казнило безъ милости: плѣнные новгородцы должны были сами другъ у друга рѣзать носы, губы, уши. Въ такомъ безобразномъ видѣ ихъ отпускали въ Новгородъ. Тогда же, псковичи, эти дѣти младшаго брата Новгорода, грабили села новгородскія, жгли людей, или убивали мечемъ, или сожигали въ запертыхъ избахъ. Чрезъ семь лѣтъ, менѣ и осень московскій опять ходитъ на новгородской землѣ. Воеводы просто доносили великому князю, что они такую то землю «чинили пусту» (1502). Тѣми же свирѣпостями наполнена была война 1535 года. Было большою милостію, если великій князь, взявъ городъ, приказывалъ нѣсколькимъ изъ своихъ прибывшихъ охранять жителей отъ грабежа воиновъ (1486). Великіе князья, слыша о нашествіи врага, часто уѣзжали изъ Москвы и оставляли городъ, или подъ начальствомъ какого либо воеводы, или просто на произволъ судьбы. Въ 1382 году въ Москвѣ, когда великаго князя не было, а Тохтамышъ былъ близко, граждане «отворили вѣче» позвонили во всѣ колокола. Народъ съ волостей и изъ другихъ городовъ, бояре, сурожане, суконники и проніе кущы обѣжались въ столицу сидѣть въ осадѣ. Въ Москвѣ были уже каменныя стѣны, желѣзные ворота, забралы, стрѣльницы, кругомъ рвы. Осажденные кипятили воду въ котлахъ и обливали кипяткомъ татаръ; стрѣляли изъ-за забралъ камнями, стрѣлами; пускали пороки и тюфяки; стрѣляли изъ самострѣловъ, а «пищи великіе пущаху пущаху» (1382). Въ 1445 г., когда татары были близъ Москвы, только что опустошенной ужаснымъ пожаромъ, великія княгини съ дѣтьми и боярами первыя убѣжали въ Ростовъ. Москва осталась безъ начальства. Граждане были въ большомъ волненіи. Богатые хотѣли бѣжать, но собравшаяся чернь начала укрѣплять городъ и прежде всего поправила крѣпостные ворота; тамъ народъ хваталъ бѣглецовъ, билъ ихъ и заключалъ въ цѣпи. Такимъ образомъ всѣ сообща, и богатые и бѣдные, начали готовиться къ защитѣ отъ непріятеля. Этотъ случай наводитъ на мысль, что много хорошаго можетъ совершить и неустроенная масса чернаго народа. Въ самой грубой толпѣ заключается всегда большая доля инстинкта самосохраненія и той рѣшимости, которая, и безъ указаній принудительной власти, приведетъ ее къ какому нибудь хорошему результату. Спасавшіеся въ крѣпостяхъ во время нашествія непріятеля окрестные жители назывались «бѣжане».

Случалось, что и по окончаніи военныхъ дѣйствій, они боялись возвращаться въ свои села, такъ страну наводняло непріятельское войское. Въ такомъ случаѣ побѣдитель давалъ для провода бѣжанъ своихъ приставовъ (1478).

Теперь обратимся къ церкви. Духъ религіозной нетерпимости былъ чрезвычайно силенъ у русскихъ XIV, XV и XVI вѣковъ. Малѣйшее несходство обрядовъ другаго вѣроисповѣданія съ нашими считалось прелестью сатаны. Подробно описывая исторію Флорентійскаго собора, нашъ лѣтописецъ обращается съ слѣдующею ироническою апострофою къ греческому императору, какъ извѣстно, дѣйствовавшему въ духѣ соединенія: «Что убо, царю, въ латынехъ доброе увидѣлъ еси? Не сія ли есть почесть въ нихъ божіей церкви, еже възвысить въ ней гласы своя, яко безумни, и многъ кличь и плищь и зѣло вѣликъ вопль пѣнія ихъ; или се есть красота ихъ церковная, еже ударяютъ въ бубны, въ трубы же и въ арганы, руками плящуще, и ногами топчюще, и многія игры дѣюще, ими же бѣсомъ радость бываетъ; се ли есть смиреніе и благочестіе въ святѣй церкви, еже папа ихъ клечетъ на колѣну свою, и опрѣсночная приноситъ, и въ рукавицахъ служитъ, и перстни на рукавицахъ носитъ, такоже и арцибискупи и бискупи и учители ихъ творятъ, и капланове ихъ клечатъ, такоже и вси ляхове и весь латынскій родъ, мужеска полу и женска, маліи же и великіи, вси падающе на колѣну клечатъ до скончанія богомрѣзскаго ихъ пѣнія; тако бо и жидове створиша, ругающися Христу Богу нашему, еже на святихъ его страстѣхъ претерпѣ отъ нихъ досаду и поношеніе; сіи же къ тому еще яко наругахуся образу господню: учители ихъ, церковніи служителіе постризаютъ брады и усы своя, ревнующи женскому зрѣнію, якуще же сице.... словеству; а идѣже служатъ и пріобщаются, ту и пси ихъ съ ними ходятъ.» Предъ папскимъ посломъ, отправленнымъ съ царевною Софіею, несли латинскій крестъ. Духовенство и придворные представляли великому князю, что это дѣло, невиданное въ Россіи, что это почесть латинской вѣрѣ, чтобъ онъ запретилъ носить крестъ. А митрополитъ Филиппъ прямо объявилъ, что если великій князь оставитъ посла съ крестомъ, то «онъ (посолъ) во врата граду, а азъ, богомолецъ твой, другими враты изъ града;» намъ не только видѣть это, но и слышать о томъ не должно, ибо благосклонно смотрящій на чужую вѣру—«всей своей поругался есть». На всемъ лежала печать религіозности. Бранныя побѣды и царское на-

деніе божіимъ промысломъ бываютъ — говоритъ повѣсть о взятіи Царяграда. Успѣхъ въ войнѣ приписывался какъ божьему промыслу, такъ и смиренію. Гордость и самонадѣянность воиновъ, выступавшихъ въ битву, была порукою за ихъ посрамленіе. Описывая войну 1371 съ Рязанью, лѣтописецъ говоритъ: «Рязанцы сурови суще человѣци, свирѣпи и высокоумни, палаумные людища, възгордѣвшеся величаніемъ и помыслиша высокоуміемъ своимъ», и сказали другъ другу: не возьмемъ на войну противъ москвичей ни щитовъ, ни копій, ни другаго какого оружія, возьмемъ побольше веревокъ, чтобы было чѣмъ вязать плѣнныхъ: москвичи слабы, пугливы и некрѣпки. Но Богъ помогъ смиренію москвичей, рязанцы были разбиты, и самъ князь ихъ «едва утече въ малѣ дружинѣ» (Ср. 1373).—Хорошъ портретъ любимца Дмитрія Ивановича архимандрита Михаила или Митяя, какъ называютъ его лѣтописи: «бысть убо единъ отъ коломенскихъ поповъ, възрастомъ высокъ, тѣломъ не малъ, плечистъ, рожанстъ, браду имѣя плоску и велику и съвершену, словесы рѣчистъ, гласъ имѣя красенъ, грамотѣ гораздъ, пѣти гораздъ, чести гораздъ, отъ книгъ сказати гораздъ, всѣми дѣлы поповскими изященъ и по всѣму нарочитъ бѣ». Потому то великій князь и избралъ его «въ отечество» т. е. духовникомъ своимъ. И всѣ бояре старѣйшіе также избрали его своимъ духовникомъ. Дмитрію Донскому очень хотѣлось, чтобъ по смерти митрополита Алексѣя преемникомъ ему былъ Митяй. Все духовенство были противъ избранія княжескаго любимца. Митяй уговорилъ Дмитрія согласиться на избраніи его соборомъ русскихъ епископовъ. Не хотѣлось ему ѣхать въ Византію. Собранъ былъ соборъ, и никто изъ архіереевъ не дерзнулъ противиться Митяю, одинъ только Діонисій Суздальскій сказалъ, что «не подобаетъ быть сему тако». Митяй и Діонисій сдѣлались врагами. Первый послалъ сказать второму: что ты, епископъ, не пришелъ ко мнѣ и не поклонился мнѣ, ни благословенія отъ меня не взялъ; развѣ ты не знаешь, кто я, что я управляю митрополіею? — Діонисій отвѣчалъ: тебѣ надлежало придти ко мнѣ первому: я епископъ, а ты попъ, а кто больше, попъ или епископъ?—Тогда Митяй сказалъ: «ты мя попомъ нарече, а азъ въ тобѣ ни попа доспѣю, а скрижали твои своими руками спорю», но не теперь исполню мщеніе, а когда возвращусь изъ Царьграда. — Митяй отправился въ Грецію; провожалъ его самъ великій князь съ старѣйшими боярами, духовенствомъ и множествомъ народа. Перечисленіе лицъ, отправившихся съ Митяемъ, даетъ возможность судить вообще о свитѣ духовныхъ, отправлявшихся въ Царьградъ для поставленья въ митрополиты. Поѣхали съ Митяемъ: три архимандрита, печатникъ, семь

игуменовъ, протопоповъ и дьяконовъ, владимірскіе крилошане, люди дворные и слуги пошлые митрополита. Посланъ былъ бояринъ отъ великаго князя и ему было «приказано старѣйшинство»; кромѣ того, пять митрополичихъ бояръ и два толмача; вообще же «полкъ ихъ былъ великъ зѣло» (1377). Митяю великій князь далъ бланкъ кабалы (харатью не написану, а подписану и запечатану печатію великаго князя). Митяй умеръ въ Греціи. Другой претендентъ на митрополію, Пименъ, сдѣлалъ употребленіе изъ бланка: «кабалою оною великаго князя позаимаваше сребро въ ростъ» на имя великаго князя у «фрязь и у бесермены»; «ростетъ же сребро то и доселѣ»,—прибавляетъ лѣтописецъ. В. князь литовскій Витовтъ дѣйствовалъ въ подобномъ случаѣ рѣшительнѣе: онъ приказалъ собору русскихъ епископовъ поставить въ митрополиты Григорія Цамблака, а когда нѣкоторые изъ нихъ заикнулись про посылку въ Царьградъ и про святыя правила, онъ имъ сказалъ: «аще не поставите его, то злѣ умрете. И поставиша». За то хорошо отозвался о Григоріѣ митрополитъ Фотій. Онъ писалъ о немъ: это мятежникъ церковный, а называется митрополитомъ; поставленъ онъ неправеднымъ сборищемъ по волѣ мірской власти и по хотѣнію своему. Иногда лѣтописецъ кратко говоритъ о свойствахъ какого нибудь архипастыря, напр., про митрополита Зосиму, что онъ держался питія непомѣрно и не радѣлъ о Божіей церкви. Нищіе греки (митрополиты, архимандриты, игумены и особенно монахи съ Аѳонской горы) часто приходили въ Русь милостыни ради (1370, 1376, 1388, 1390, 1464, 1496, 1507, 1519, 1533). Особенно много монаховъ пришло въ 1518 году; великій князь «питалъ ихъ и доводилъ всякими доволями отъ своей царской трапезы»; часто призывалъ къ себѣ и бесѣдовалъ о вещахъ душеспасительныхъ. Съ посольствами въ Турцію мы не упускали случая посылать «милостыню довольну» патріарху и аѳонскимъ монастырямъ (1515, 1520). Когда угрожало какое нибудь общее бѣдствіе, митрополитъ заповѣдывалъ всѣмъ поститься, молиться, пѣть молебны и давать обѣты (1395), а обѣтъ могъ состоять, напр., въ томъ, что великій князь обѣщается построить деревянную церковь. Такую «обѣтную» церковь строили неимовѣрно скоро, въ одинъ день, въ тотъ же день и освящали. Самъ великій князь «своима царскима рукама» первый начиналъ работу (1531). Въ 1518 г., по случаю частыхъ дождей, митрополитъ заповѣдалъ всему народу постъ, молитву, покаяніе и слезы.—Московскіе митрополиты и новгородскіе архіепископы прежде возводятся на дворъ, а потомъ уже поставляются. По примѣру князей, архіереи образовали у себя многочисленные дворы бояръ и слугъ изъ свѣтскихъ людей. Митрополитъ Кипріанъ въ своей прощальной грамотѣ

1406 г. приказываетъ великому князю своихъ бояръ, слугъ и молодыхъ людей. Упоминаются митрополичи ключникъ и дворецкій (1380). У архіереевъ были свои опричные монастыри (1423). Митрополитъ Алексѣй, поставившій во время своего управленія 21 архіерея, много селъ, людей, озеръ жертвовалъ Чудовскому монастырю, «еже довлѣетъ на потребу братіи». Въ 1503 г. московскій соборъ (съ участіемъ Генадія новогородскаго) положилъ: не брать архіереямъ платы съ поставляемыхъ поповъ и дьяконовъ. Возвратившись съ собора къ себѣ въ Новгородъ, Генадій началъ брать, по совѣту «единомысленнаго своего любовника», дьяка, такія пошлины съ поставляемыхъ, какихъ и прежде не бралъ, за что и лишенъ былъ епархіи. — Много разсказывается чудесъ и часто говорится о мощахъ. — Когда пришли изъ Орды звать митрополита Алексѣя для исцѣленія Тайдулы и онъ уже сбирался въ путь — загорѣлась сама собою свѣча у гроба чудотворца Петра. Алексѣй отслужилъ молебенъ и, раздробивъ ту свѣчу, роздалъ народу (1357). У гроба того же чудотворца, въ 1372 г., когда митрополитъ кончалъ обѣдню, одинъ отрокъ нѣмой и со скорчившейся рукой прорлаголалъ и рука его простерлась. Въ 1408 году «прощенъ былъ» у гроба Петра одинъ человѣкъ — избавленъ отъ опасной болѣзни. Св. Алексѣй «простилъ» одного монаха, отъ младенчества хромавшаго (1462), исцѣлилъ двухъ людей, невладѣвшихъ руками и ногами; «страшный» нищій — прозрѣлъ; глухой началъ слышать, а слѣпая дѣвица прозрѣла однимъ лѣвымъ глазомъ (1519). Часто говорится про знаменія особаго рода: шла отъ иконъ кровь или мгро (1405, 1409). Частые случаи чудесъ вызывали со стороны великихъ князей и духовенства торжества: великій князь со всѣмъ чиномъ церковнымъ, со свѣчами и кадилами, при пѣніи псалмовъ, отправлялся въ церковь, гдѣ лежалъ чудотворецъ; тамъ пѣли молебны и воздавали хвалу; стекалось множество народа и свѣтло праздновался тотъ день. Однажды нѣкто Лука, простолюдинъ, пришелъ къ Можайску съ образомъ Божіей Матери; слышно было, что отъ этой иконы много было чудесъ, и вотъ по городамъ встрѣчаютъ Луку съ иконой съ большимъ почетомъ и высшее духовенство, и князья, и бояре, и все населеніе (1413). Часто упоминается про переложеніе и перенесеніе святительскихъ и княжескихъ мощей. Чрезъ 23 дня по кончинѣ Дмитрія Краснаго разсѣкли колоду, въ которой онъ былъ привезенъ въ Москву и думали, что найдутъ однѣ кости; открыли и увидѣли, что онъ совершенно цѣлъ, какъ будто бы спитъ. И, «благодаривше Бога,» положили его въ гробъ (1441). Въ 1463 году найдены подъ церковью мощи смоленскаго князя Ѳедора Ростисла-

вича и двухъ его дѣтей въ Спасскомъ Ярославскомъ монастырѣ. Архимандритъ открылъ ихъ и положилъ всѣхъ трехъ въ одинъ гробъ. Съ тѣхъ поръ они и начали творить чудеса. Тѣло св. Петра митрополита было переложено ночью изъ каменнаго гроба въ деревянную раку (1479). Тогда же открыли гробъ митрополита Филиппа, чрезъ 6 лѣтъ и пять мѣсяцевъ послѣ его смерти, и нашли тѣло его цѣлымъ. Въ 1535 году мощи св. Алексѣя перекладываются въ новую раку. По поводу перенесенія или перекладки мощей давалась отъ великаго князя милостыня нищимъ и кормъ монахамъ и монахинямъ. Все духовенство обѣдало у великаго князя.

У насъ сильно дѣйствовало то убѣжденіе, что «преже казненіа бываютъ знаменіа и прещенія, да аще не покаемся тогда, потомъ казнь Божія приходитъ на ны за наша прегрѣшенія». При такомъ взглядѣ на вещи, очень естественно, что вѣрили какому нибудь ловкому обманщику, пугавшему своими предсказаніями. При грубой необразованности и суевѣріи русскихъ какому нибудь Котошихину или Анкудинову своего времени, человѣку бывалому и смекавшему побольше своихъ современниковъ, ничего не стоило оморочить народъ. Такъ, за годъ до нашествія Едигея, нѣкоторые книжники говорили, что будетъ скорбь людямъ. Обыкновенное естественное явленіе, случившееся передъ войною, считалось уже предзнаменованіемъ. Осенью и зимою 1370 г. (слѣдовательно предъ вторымъ походомъ Ольгерда) нѣсколько разъ по ночамъ видѣли столбы на небѣ, а самое небо было краснаго цвѣта, какъ бы кровавое, оттого и снѣгъ представлялся какъ бы залитымъ кровію. Въ 1372 году въ Нижнемъ на одной колокольнѣ большой колоколъ самъ собою ударилъ три раза. Въ Твери, въ одной церкви, свѣча загорѣлась (1375). По случаю рожденія Василія Темнаго разсказывается слѣдующее. Жилъ въ то время нѣкій старецъ (монахъ) святъ въ одномъ изъ монастырей за Москвою рѣкою. Старца этого зналъ и великій князь. Когда болѣзнь великой княгини достигла высшаго развитія, послали къ этому старцу съ просьбою помолиться за больную. Старецъ отвѣчалъ великокняжескому посланному: скажи великому князю, чтобъ онъ самъ молился Богу и великомученику Логину Сотнику, а чтобъ о княгинѣ не безпокоился: будетъ здорова и родитъ ему сына нынче же вечеромъ. Въ то самое время, какъ во дворцѣ родился сынъ великому князю, духовникъ послѣдняго, си-

дѣвшій у себя въ кельи, вдругъ слышитъ, что кто-то постучалъ къ нему въ дверь и сказалъ: «иди, нареки имя великому князю Василію». Онъ проворно поднялся съ своего мѣста, взялъ что было нужно и тотчасъ же вышелъ изъ кельи. На дворѣ никого не оказалось. Это его удивило. Вдругъ приходитъ посланный отъ великаго князя; оказалось, что онъ не стучалъ въ келью духовника. Послѣдній, какъ ни спрашивалъ, кто приходилъ къ нему съ первою вѣстію, узнать не могъ. Митрополитъ Фотій исполнялъ дипломатическія порученія; онъ былъ посыланъ въ Галичъ къ князю Юрію для переговоровъ. Когда онъ ушелъ изъ Галича, не благословивъ князя, въ городѣ начался моръ (1425). Въ 1430 г. бѣгалъ по Смоленску волкъ, голый, безъ шерсти; съѣлъ много людей; а въ Трокахъ озеро Жидовское три дня казалось наполненнымъ кровію. Рожденіе Ивана III было предсказано въ Новгородѣ (1440). Въ 1467 г. озеро Ростовское, замерзая, начало выть; нельзя было спать по ночамъ: прежде будто 6 или 8 человѣкъ замолотятъ, а потомъ слышится протяжный звукъ. Предъ 1471 годомъ въ Новгородѣ было нѣсколько знаменій: буря сломала крестъ съ собора; на двухъ гробахъ появилась кровь; колокола сами по себѣ звонили; въ одномъ женскомъ монастырѣ плакала икона.

Извѣстія объ образованности скудны. Русь XIV и XV вѣковъ жила скромною, неприхотливою жизнію: погруженная въ обрядности вѣры, въ безчисленные раздоры князей, татарскіе и литовскіе набѣги, введя у себя, и татарскій кнутъ, и византійское монашество, она медленно подвигалась въ цивилизаціи. Какую нибудь церковь, расписную заѣзжимъ иностранцемъ, считали новымъ чудомъ свѣта, въ полномъ убѣжденіи, что другой такой и быть не можетъ. Про отрядъ въ 5,000 человѣкъ говорятъ, что это «рать велика»; или сольютъ колоколъ въ 1,000 пудовъ (1533). Какой нибудь любознательный человѣкъ, привезшій изъ ордынскихъ степей пучокъ невиданныхъ въ его странѣ травъ — тотчасъ обвинялся въ чародѣйствѣ, если не въ умыслѣ отравить великаго князя. Безотрадна была эта жизнь безпрестанныхъ жестокостей, подозрѣній и мелкихъ интересовъ. Смотря изъ монастырской кельи, съ идеею матеріальнаго довольства готовы были соединять идею о злой и предательской душѣ пользующагося имъ. Кто въ 1480 году совѣтуетъ великому князю бѣжать отъ Ахмета?—Злые люди, сребролюбцы, «богатые и брюха-

тые», предатели христіанскіе. За то человѣкъ, «книжный въ Писаніи» и «сказатель книгамъ» приводилъ въ восторгъ современниковъ (1374). Подъ 1381 упоминается монахъ Малахій «философъ», который вмѣстѣ съ епископомъ суздальскимъ Діонисіемъ занимался иконописаніемъ. Между именами церковныхъ живописцевъ, въ началѣ XV вѣка, встрѣчаемъ Данила Иконника и Андрея Рублева. У митрополита Кипріана была «опрятная» церковь, куда часто пріѣзжалъ онъ и пребывалъ на дѣлѣ книжнаго писанія. Епископъ Стефанъ (XIV в.) научаетъ греческій языкъ и «научися перьскому языку и азбуковы сложи пермьскымъ языкомъ, и книги переведе на пермьскій языкъ; сея же пермьскія грамоты отъ вѣка не бывало. Есть же отъ житія его и кны сложены, имущи тетратей съ двадесять». Митрополитъ Варламъ «самъ ни гажды своима рукама маяся и тружися святыми и она ъ» (1518). Иконы украшались золотомъ и серебромъ, жемчугомъ и дорогими каменьями; пелены были золотомъ шитыя и жемчугомъ саженыя. Было снесено множество книгъ, по случаю нашествія Тохтамыша, изъ города и изъ селъ въ соборы. Хоромины (домы) сурожанъ, суконниковъ, купцевъ были полны товаромъ. Москва, несмотря на безпрестанные пожары, часто украшается. Въ 1404 году, великій князь на своемъ дворѣ поставилъ часы «вельми чудны и съ луною»; стоили они болѣе 150 рублей; дѣлалъ же ихъ монахъ Лазарь Сербинъ. Внутри Кремля были (въ 1473 г.) нѣсколько церквей, большой дворъ в. князя, митрополичій дворъ, дворы бояръ, князей, житницы городскія, дворецъ великаго князя житничный, житничный дворъ городной; съ 1491 года — большая каменная великокняжеская палата на площади. Иванъ III разводилъ сады; увеличивалъ крѣпость (строилъ «не по старой основѣ»). При немъ церкви и дома, построенные близь стѣнъ Кремля, снесены за Неглинную, и установлена мѣра разстоянія между посадскими строеніями и городскою стѣною въ 109 саженъ (1493). Въ 1531 сгорѣлъ въ Москвѣ пороховой заводъ. Новгородъ славился искусными кровельщиками (1479). Во Псковѣ было много знатоковъ «каменосѣчной хитрости — отъ нѣмцевъ навыкли» (1474). При Василіи Темномъ церкви большею частію строятся каменныя. Въ 1450 г. нѣкто Ховринъ началъ строить церковь каменную на своемъ дворѣ. Митрополитъ строитъ себѣ каменныя палаты. Въ одномъ 1514 году заложено въ Москвѣ 12 каменныхъ церквей.

Немногочисленны и свѣдѣнія о торговлѣ и древнихъ финансахъ. Видно, что мы вели обширную торговлю на востокѣ съ булгарами. Татары Тохтамыша отняли у русскихъ торговцевъ суда съ товарами (1382). Мѣстомъ торга были городъ Болгары, на Волгѣ. Торговлѣ по Волгѣ русскихъ, татаръ и армянъ не могли не препятствовать частые разбои новгородской вольницы. Московскіе гости во множествѣ торговали въ Кафѣ (1475). Татары казанскіе торговали въ Тюмени. Торговлѣ съ татарами и ногаями много содѣйствовали посольства (1494). Въ 1500 году, посылая къ крымскому хану посольство, великій князь отпустилъ при немъ и гостей своихъ. Такъ какъ путь былъ дологъ и не лишенъ опасностей, то данъ былъ отрядъ дѣтей боярскихъ въ провожатые. Иногда и такая охранная стража не помогала, гостей грабили и убивали татары. Подъ 1476 годомъ говорится, что съ посломъ отъ хана пришло въ Русь гостей съ лошадьми и другимъ товаромъ 3200 человѣкъ; болѣе 40 т. лошадей привели они съ собою на продажу. Также съ послами ногайскими приходили гости. Прежде нежели начать торговлю, они били челомъ великому князю, чтобъ онъ имъ «пожаловалъ ослободилъ торговати» (1533). Въ 1535 г. съ ногайскими послами пришло 4700 человѣкъ гостей; главный товаръ были лошади. Послѣ извѣстнаго поступка съ нѣмецкими купцами въ Новгородѣ, когда товаръ ихъ велѣно было переписать и отослать къ Москвѣ, ихъ самихъ заключить въ тюрму, а дворы гостинные и божницы отнять у нихъ, нѣмецкая торговля на сѣверѣ Россіи не могла уже процвѣтать (1495). Нѣмцы отомстили: въ 1501 году въ Юрьевѣ арестовали 200 человѣкъ новгородскихъ и псковскихъ гостей, отняли у нихъ товаръ и послали ихъ въ заточеніе по разнымъ городамъ.—Есть свидѣтельство о количествѣ прямой подати (дани). Со всякой деревни въ 1384 году бралось по полтинѣ. Это считалось данью «тяжелою». Дань въ орду уплачивали золотомъ. Вѣроятно золотыя монеты обращались въ большомъ количествѣ, ибо нижегородцы и татары взяли съ города Владиміра въ 1410 г. 300,000 золотыхъ нѣнязей. Въ 1410 же году новгородцы перестали употреблять въ торговлѣ куны, мордки куньи, а начали торговать на бѣлки, лопцы, гроши литовскіе и нѣмецкіе артуги. Черезъ десять лѣтъ артуги были проданы нѣмцамъ, и новгородцы начали торговать на серебряныя деньги. Въ 1478 г. новгородцы просятъ Ивана III, чтобы великій князь въ волостяхъ новгородскихъ ежегодно бралъ дань по полугривнѣ новгородской съ сохи. Въ сохѣ новгородской считалось три обжи, а обжу составлялъ одинъ работникъ съ одною лошадью. Кто оралъ на трехъ лошадяхъ или самъ третей, тотъ считался за цѣлую соху. Полугривна новго-

родская равна была 7 деньгамъ. Этой подати подлежали всѣ земли, «кто ихъ ни паши.» Она лежала и на ключникахъ, и на старостахъ, и на одерноватыхъ. Равнымъ образомъ новгородцы просили, чтобъ въ низовскую землю къ берегу имъ «службы не было». Про писцовъ говорится, что они были «тяжки христіанству». Въ 1535 г. великая княгиня Елена велѣла передѣлывать старыя деньги на новый чеканъ, потому что въ старыхъ деньгахъ много было обрѣзанныхъ и съ подмѣсью, а въ томъ была христіанству великая тягость. Въ старой гривенкѣ было полтретья рубля; новыя велѣно дѣлать въ три рубля. Людей, обрѣзывавшихъ и поддѣлывавшихъ деньги, велѣно было обыскать, и иные изъ нихъ казнены. Обращеніе старыхъ денегъ было навсегда запрещено. Въ 1491 году посылаются нѣмцы на Печеру искать серебряную руду. Въ слѣдующемъ году руда была найдена (кромѣ серебряной и мѣдная) на рѣкѣ Цильмѣ, недалеко отъ рѣкъ Космы и Печеры.—Наконецъ должно замѣтить, что при постоянномъ обычаѣ сожигать пригородные посады во время осады городовъ, необходимо было привлекать народъ къ заселенію подгородныхъ мѣстъ дарованіемъ большихъ льготъ новопоселявшимся. Льготы эти могли состоять и въ даровой дачѣ лѣса на постройку домовъ и въ освобожденіи на извѣстное число лѣтъ отъ податей и повинностей. Послѣднія уже въ XV вѣкѣ достигли чрезвычайнаго разнообразія.

Находимъ нѣсколько интересныхъ данныхъ для исторіи нашего древняго уголовнаго права. Въ 1378 г., побѣдивъ татаръ при Вожѣ, русскіе поймали какого-то попа Васильевича, шедшаго изъ Орды, и нашли у него мѣшокъ злыхъ и лютыхъ зѣлей. Попъ подвергся многимъ истязаніямъ и посланъ въ заточеніе «на Дачь озеро, идѣже бѣ Данило заточенникъ.» Уже въ 1393 г. въ Новгородѣ убили на вѣчѣ христолюбца, желавшаго добра великому князю московскому. Не обошлось безъ жестокой расправы: убійцъ его, въ числѣ 70 человѣкъ, привели въ Москву и тамъ казнили многими казнями. Въ Новгородѣ за измѣну бросали съ моста (1398). Подъ 1441 годомъ находимъ указаніе о битьѣ кнутомъ какихъ-то Колудара и Режскаго, за что — неизвѣстно. Про одного можайскаго князя разсказывается, что онъ поймалъ какого-то Андрея Дмитріевича, а жену его сжегъ (1443). Новгородскихъ еретиковъ (изъ духовныхъ лицъ), утверждавшихъ, что не слѣдуетъ молиться иконамъ, потому что ихъ дѣлаютъ люди и что тѣло и кровь Христовы — просто хлѣбъ и вода съ виномъ — соборъ присудилъ къ отлученію отъ Церкви, извержению изъ сана, предалъ проклятію и послалъ въ заточеніе (1491). А въ 1505 году еретики подверглись болѣе жестокой участи: одни изъ нихъ (самые лихіе) сожжены въ клѣткахъ; одному прежде вы-

рѣзали языкъ, а потомъ сожгли; другіе разосланы въ заточенье по городамъ; третьи — по монастырямъ. За покушеніе на жизнь великаго князя сожигали въ клѣткѣ (1493). Однажды великій князь, «всполѣвся» на сына и жену свою, да «въ той вспалкѣ» велѣлъ отсѣчь головы 6 человѣкамъ дѣтей боярскихъ и дьяковъ (1498). Иногда великій князь «жаловалъ отъ смертной казни» провинившагося боярина, отпускалъ его въ какой нибудь монастырь въ монахи (1499). Однажды нѣсколько дѣтей боярскихъ хотѣли «выняти» князя своего, заточеннаго Василіемъ Темнымъ въ Угличѣ. О заговорѣ узналъ великій князь и дѣти боярскіе были схвачены и биты кнутомъ; у нѣкоторыхъ отсѣчены руки и ноги, обрѣзаны носы; а иные казнены «казнію головною» (1462). Покоривъ Новгородъ (1471) великій князь нѣкоторыхъ враждебныхъ ему гражданъ казнилъ головною казнію; другихъ велѣлъ «метати въ тюрьму»; третьихъ отвести въ Коломну и тамъ «поковать.» Въ 1537 году 30 человѣкъ новгородскихъ помѣщиковъ изъ дѣтей боярскихъ за пріѣздъ къ князю Андрею Старицкому великій князь велѣлъ сначала бить кнутьемъ, а потомъ вѣшать по дорогѣ отъ Москвы до Новгорода. Иностранецъ за обманъ великаго князя закованный посылается въ Коломну, а домъ его велѣно «разграбити и жену и дѣтей изимати» (1473). Животы «пойманныхъ» новгородцевъ великій князь отписываетъ на себя (1478). Про одного великокняжескаго намѣстника въ Новгородѣ, Якова Захарьевича, разсказывается, что многихъ замышлявшихъ убить его онъ пересѣкъ и перевѣшалъ (1488). За шутку сплоха (сплетню, несправедливый оговоръ) били кнутомъ, по торгу водя, а иногда кромѣ того и языкъ рѣзали (1488). Боярина, уличеннаго въ намѣреніи бѣжать въ Литву, посылаютъ въ заточеніе въ Галичъ (1493). Вѣроятно во многихъ городахъ были обширныя и крѣпкія тюрьмы, потому что, кромѣ преступниковъ, въ нихъ были заключаемы и люди, взятые въ плѣнъ въ непріятельской землѣ; они также разсылались по разнымъ городамъ и сидѣли тамъ въ заточеніи (1494). Крамольные новгородскіе бояре заточаются въ тюрьмы по городамъ (1484). Тюрьма въ Москвѣ была на Казенномъ Дворѣ великаго князя (1494). Если великій князь прощалъ такого боярина, сидѣвшаго въ тюрьмѣ, то говорили, что онъ его «выпускалъ изъ желѣзъ и на очи свои дозволялъ притти» (1474). Для подвергавшихся опалѣ великаго князя и прощенныхъ, употреблялось выраженіе «великій князь пожаловалъ, свою опалу и гнѣвъ отдалъ и очи свои видѣть дозволилъ» (1514, 1536).

Прежде всего поражаешься безпрестанными пожарами. Они происходили или отъ неосторожности или отъ войнъ. Крѣпости по большей части были деревянныя; пожарной полиціи не было; между посадами и укрѣпленіями разстояніе было незначительное. Часто свирѣпствовали повальныя болѣзни, моръ. Голода, войны и разбои новгородцевъ по Волгѣ дополняютъ списокъ общественныхъ бѣдствій. Въ 1364 году былъ моръ въ Нижнемъ. Болѣзнь обнаруживалась кровохарканіемъ или желѣзою. Столько умирало, что живые не успѣвали погребать мертвыхъ. Въ томъ же году, осенью и зимою, былъ моръ въ Переславлѣ. Умирало въ день отъ 20 до 100 и болѣе человѣкъ. Симптомы болѣзни были таковы: сначала ударитъ, какъ бы рогатиною, близь лопатки или подъ груди, потомъ больной харкаетъ кровью и огнь зажжетъ, потомъ потъ и дрожь. Рѣдкій доживалъ до трехъ дней. Или болѣзнь обнаруживалась желѣзою, которая появлялась у однихъ на шеѣ, у другихъ подъ скулою, у третьихъ подъ пазухою, у четвертыхъ за лопаткою, «у прочихъ же на стегнехъ». Моръ былъ не въ одномъ городѣ, но и во всей области переславской. Эта божеская казнь шла отъ Бездежа чрезъ Нижній, Коломну, Переславль и достигла на другой годъ Москвы. Въ одну яму зарывали 5—10 и болѣе труповъ. Многіе дома совершенно опустѣли. Такая же болѣзнь свирѣпствовала въ 1417 году въ Новгородѣ, Ладогѣ, Русѣ, Порховѣ, Псковѣ, Торжкѣ, Твери, Дмитровѣ и въ волостяхъ ихъ. Въ 1386 и 1401 годахъ былъ моръ въ Смоленскѣ. Въ 1408 г. было «моръ коркотою» въ волостяхъ ржевскихъ, можайскихъ, дмитровскихъ, звенигородскихъ, переславльскихъ, владимірскихъ, юрьевскихъ, рязанскихъ, торусскихъ и частію московскихъ. Въ 1420 моръ опустошилъ Кострому, Ярославль, Галичъ, Плесъ, Ростовъ, «и тако вымроша, что и жита бѣ жати некому.... люди померли.» Въ слѣдующемъ году также свирѣпствовала «болѣзнь хоркотная». Въ 1425, 26 и 27 годахъ моръ прошелъ всю Россію; отъ нѣмцевъ появился во Псковѣ, а оттуда распространился по всѣмъ городамъ и селамъ. Въ 1449 былъ моръ на лошадей и другихъ домашнихъ животныхъ; въ 1464 мерли люди отъ коросты; а чрезъ два года былъ моръ во Псковѣ и Новгородѣ. Москва опустошалась пожарами: 1354 г. сгорѣлъ Кремникъ и 18 церквей; 1365 сгорѣлъ весь посадъ, Кремль и зарѣчье — весь городъ выгорѣлъ совершенно въ продолженіи двухъ часовъ; 1382 выгорѣла вся, въ слѣдствіе взятія Тохтамышемъ; 1389—пожаръ въ городѣ; 1390—сгорѣло нѣсколько тысячъ дворовъ; 1395—сгорѣло нѣсколько тысячъ дворовъ на посадѣ; 1415; 1423; 1439; 1445—сгорѣла такъ, что не осталось ничего деревяннаго, да и каменныя стѣны во многихъ мѣстахъ разрушились; погибло множество людей «понеже бо отселѣ огнь, а изъ

заградія татаръ боялуся»; 1451; 1457; 1468 посадъ сгорѣлъ; 1470 городъ весь выгорѣлъ; 1472 сгорѣло множество дворовъ и 25 церквей на посадѣ; 1473 городъ почти весь выгорѣлъ; 1476 «градъ погорѣлъ мало не весь»; 1480 пожаръ въ городѣ; 1485; 1487 — сгорѣло 42 церкви; особенно сильны были пожары въ 1493 году: весной «погорѣ градъ Москва нутрь весь, развѣ остася дворъ великаго князя», а лѣтомъ сгорѣло все, уцѣлѣвшее отъ весенняго пожара, всѣ «лачюги» (хоромъ не успѣли еще выстроить) и 200 человѣкъ. Въ 1369 году въ Новгородѣ сгорѣли: городъ, дѣтинецъ, владычень дворъ, соборъ софійскій и два конца со многими церквами. Погибло много людей. Въ 1508 г. была страшная засуха; много погорѣло городовъ, селъ, лѣсовъ, хлѣба и травы. Сгорѣли: 1371—Торжокъ; 1386—Новгородъ; 1395—Смоленскъ; 1398—Устюгъ; 1407—Одуевъ, Дмитровецъ; 1408—Переславль, Ростовъ, Дмитровъ, Серпуховъ, Нижній, Городецъ; 1410—Владиміръ; 1413—Тверь; 1415—Смоленскъ; 1417—Холмогоры; 1434—Галичъ; 1438—Коломна; 1445—Юрьевъ; 1452—Устюгъ; 1457—Муромъ; 1471—Русса; 1472—Олексинъ; 1478—Псковъ; 1484—Кіевъ; 1486—Тверь; 1492—Масальскъ; 1493—Кострома, Серпѣйскъ, Опаковъ; 1494—Рязань; 1508—Новгородъ; 1531—Нижній; 1533—Рязань; 1535—Пермь, Стародубъ, Мстиславль; 1536—Ярославль. Дмитрій Донской, возвратившись въ Москву, опустошенную татарами и пожаромъ, давалъ по рублю за похороненіе 80 тѣлъ, и на это издержано было 30 рублей. Едигей, взявъ съ Москвы окупъ въ 3,000 рублей, увелъ съ собою столько плѣнныхъ, что «достойно слезъ было видѣть, какъ одинъ татаринъ до четыредесять христіанъ ведяше, съ нужею повязавши» (1408). Въ 1367 году въ Городцѣ былъ страшный громъ: въ одной изъ церквей убило нѣсколько монаховъ и монахинь; много убило людей и по селамъ. Въ 1371 году цѣлые два мѣсяца продолжалась мгла — за двѣ сажени нельзя было различить въ лицо человѣка; птицы не летали, а ходили по землѣ. Тоже самое 6 недѣль продолжалось въ 1431 году: рыба въ водѣ мерла, а птицы «не видѣли летати» и падали на землю. Про бурю, бывшую въ нижегородской области въ 1406 году, послѣ Петрова дня, разсказывается, что вихорь носилъ по воздуху человѣка съ колесницей и лошадью; на другой день колесницу нашли на другой сторонѣ Волги, висящею на высокомъ деревѣ, лошадь — мертвою на землѣ, а человѣкъ пропалъ безъ вѣсти. Въ 1460 г. въ московской области была такая буря, что покачнулись нѣкоторыя изъ каменныхъ церквей; съ крѣпостныхъ стѣнъ падали забрала; по селамъ много церквей и домовъ выбито было изъ основанія и обломки ихъ разнесены на далекое пространство. Въ лѣсахъ вырваны были изъ земли высокіе дубы съ корнемъ. Въ 1467 г. былъ «мразъ лютъ и мно-

го людей умерло по дорогамъ». Въ 1533 была засуха и мгла; лѣса выгорѣли и болота пересохли. Послѣ засухи 1371 года былъ дорогъ хлѣбъ; а начавшійся въ 1421 году зимою голодъ продолжался въ 22 и 23 году. Вся Россія страдала отъ голода. Въ Москвѣ оковъ ржи стоилъ рубль, въ Костромѣ 2 рубля, а въ Нижнемъ 200 алтынъ. Народъ ѣлъ всякую мертвечину. — Наконецъ, по Волгѣ разбойничала новгородская вольница. Въ 1366 въ полуторастахъ лодкахъ (ушкуяхъ) разбойники ѣздили по Волгѣ, избили множество татаръ и армянъ и разграбили Нижній Новгородъ. Суда, встрѣтившіяся имъ на Волгѣ: кербаты, шàвоски, лодіи, учяны и струги, были ими изрублены. По Камѣ грабили въ Болгаріи. Въ томъ же году ѣздили на Волгу изъ Новгорода молодые люди, безъ новгородскаго слова, подъ начальствомъ трехъ воеводъ; въ томъ же году возвратились домой со многимъ прибыткомъ.

Тѣ или другіе пограбили на Волгѣ гостей великокняжескихъ и дѣло чуть не дошло до войны между Новгородомъ и Москвою. Въ 1371 году «ушкунцы—разбойники Великаго Новгорода», взяли городъ Кострому. Подъ 1374 годомъ разсказывается, что ушкунцы-разбойники шли Вяткою на низъ, въ 90 ушкуяхъ, разграбили городъ Вятку, взяли Болгары, но не сожгли ихъ, а взяли 300 р. окупа. Потомъ они раздѣлились на двѣ партіи: одна въ 50 ушкуяхъ пошла внизъ по Волгѣ, къ Сараю, а другая, въ 40 ушк.,—вверхъ по Волгѣ. Послѣдняя, дошедши до Обухова, разграбили все Засурье, перешла чрезъ Волгу, истребила свои суда и, идя на коняхъ къ Вяткѣ, много селъ разорила по Ветлугѣ. Особенно замѣчателенъ походъ 1375 года, которому въ лѣтописи посвящена статья подъ заглавіемъ: «О костромскомъ взятіи и о Прокоѳіевѣ кончинѣ». Вотъ что здѣсь разсказывается: разбойники отправились въ 70 ушкуяхъ подъ начальствомъ воеводы Прокофья; былъ и другой воевода — Смольнянинъ. Пришли къ Костромѣ, гдѣ воеводою былъ Плещѣй. Костромитянъ было 5,000, а новгородцевъ 2,000. Плещѣй струсилъ, и Кострома была взята, разграблена; жители взяты въ плѣнъ. Разбойники пошли къ Нижнему; татаръ, бывшихъ тамъ, перебили, христіанъ отчасти также перебили, отчасти взяли съ собою, какъ плѣнныхъ. Грабили по Камѣ, дошли до Болгаръ и продали тамъ плѣнныхъ христіанъ. По дорогѣ къ Сараю избивали татарскихъ гостей, а товаръ ихъ брали себѣ. Наконецъ при устьи Волги счастье имъ измѣнило: напалъ на нихъ харторакансκій князь Салчѣй, который разбилъ ихъ и воспользовался награбленнымъ богатствомъ. Въ 1379 году вятчане ходили войною на Арскую землю и избили разбойниковъ-ушкуйниковъ, съ воеводою ихъ Рязаномъ. Въ 1390 году, Новгородъ заключаетъ со Псковомъ договоръ, по силѣ котораго «кто въ путь

ходилъ на Волгу, за тѣхъ Псковичамъ не стоять, а выдовать ихъ». Въ 1392 г. «новгородцы, устюжане и прочіе» въ насадахъ и ушкуяхъ разбойничали по Вяткѣ и Волгѣ, разграбили гостей, взяли Жукотинъ и Казань и благополучно возвратились домой. Это послѣднее хожденіе въ путь, упоминаемое въ лѣтописи.

А. Г.

НОВЫЯ СЛАВЯНСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

О славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи. Сочиненіе Владиміра Ламанскаго. Спб. 1859.

О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ XIV и XV столѣтіяхъ. В. Григоровича. Казань 1859.

Братскій трудъ (изданіе московскихъ болгаръ). Москва 1860.

Занятія славянской исторіей прошедшей и нынѣшнимъ славянскимъ вопросомъ начинаютъ все больше приниматься у насъ; въ послѣдней книжкѣ «Современника» мы говорили о большомъ сборникѣ г. Гильфердинга, теперь передъ нами лежитъ сочиненіе о Сербіи г. Григоровича, нашего извѣстнаго славяниста, и большой томъ, представляющій диссертацію г. Ламанскаго, которую защищалъ онъ недавно въ здѣшнемъ университетѣ. На этомъ защищеніи оказалось, между прочимъ, что петербургскіе ученые обнаружили замѣтную холодность къ славянофильскому вопросу, весьма рѣзко выставленному г. Ламанскимъ; москвичи насъ увѣряли, что явись диссертація въ Москвѣ, она возбудила бы несравненно больше и возраженій съ одной стороны и одобреній съ другой. Въ самомъ дѣлѣ славянофильство гораздо крѣпче утвердилось въ Москвѣ и тамъ оно ближе принималось къ сердцу и друзьями и врагами; въ здѣшней столицѣ книга г. Ламанскаго не произвела впечатлѣнія, котораго бы можно было ожидать. Изъ двухъ названныхъ нами книгъ, каждая имѣетъ свой интересъ, но мы остановимся особенно на послѣдней, потому что это, что называется книга съ тенденціей, именно той, которую представляетъ у насъ «Русская Бесѣда», прекратившая теперь свое существованіе. Недавно мы читали заключительное слово «Русской Бесѣды», въ которомъ она говорила о *прочномъ успѣхѣ и всеобщемъ водвореніи ея завѣтныхъ убѣжденій* (см. Р. Б. 1859, т. VI), и на книгѣ г.

Ламанскаго намъ хотѣлось провѣрить, на сколько вѣрны ея надежды на всеобщее водвореніе ея убѣжденій, и такого ли рода эти убѣжденія, чтобы ихъ слѣдовало принимать всѣмъ и каждому. Но справедливо ли считать книгу г. Ламанскаго отраженіемъ убѣжденій «Русской Бесѣды»,—совершенно. Читатель пусть не смущается тѣмъ, что заглавіе его книги говоритъ только о славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи; книга кромѣ того говоритъ о всѣхъ другихъ славянахъ, поднимаетъ вопросы историческіе, политическіе, литературные и т. д. Въ авторѣ было видимое желаніе высказаться со всѣхъ возможныхъ сторонъ; ученая цѣль не разъ скрывается за стремленіями пропагандиста; авторъ одинаково горячо говоритъ о седьмомъ столѣтіи и о Глинкѣ, который отнесенъ въ отдѣлъ о славянахъ въ Испаніи. Направленіе автора и симпатіи его обнаруживаются на каждой страницѣ; любимые его поэты—поэты славянофильскіе, наиболѣе одобряемые ученые—гг. Бѣляевъ, Лешковъ, Филаретъ, епископъ рижскій, Аксаковъ, Хомяковъ и т. д.; понятія Бесѣды становятся его аксіомами, остальная русская литература вызываетъ протесты; одинъ изъ рѣзкихъ выговоровъ его русскому обществу и литературѣ—по поводу Византіи и современныхъ грековъ — «Русская Бесѣда» напечатала еще прежде на своихъ страницахъ.

Г. Ламанскій выбралъ свою тему изъ древнѣйшей исторіи славянскаго племени, ему нужно было доказать присутствіе славянъ въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи, гдѣ наука дѣйствительно подозрѣвала ихъ до сихъ поръ очень мало. При рѣшеніи этихъ вопросовъ онъ обнаруживаетъ весьма замѣчательную начитанность въ источникахъ славянской исторіи, и собираетъ очень много любопытныхъ свѣдѣній, которыя, мы не сомнѣваемся, принесутъ пользу наукѣ; но тѣмъ болѣе мы пожалѣли, что онъ приступилъ къ труду съ готовымъ взглядомъ, и факты принимаютъ въ его глазахъ такіе необычайные размѣры, что результаты выходятъ очень странные. Славянская исторія еще молодая наука; не такъ давно для нея было великимъ завоеваніемъ, когда она доказала давнишнее присутствіе славянъ въ Европѣ, когда ученые неславянскіе должны были убѣдиться, что славяне такой же индоевропейскій народъ, какъ любые нѣмцы или романцы. На славянахъ осталось однако пятно какой то зависимости, подчиненности другимъ высшимъ культурнымъ племенамъ; славянскіе ученые возразили и на это, доказывая болѣе или менѣе удачно, что славяне внесли свою долю въ европейскую цивилизацію прошлаго времени; они противопоставляли Лютеру — Гуса, указали на многія событія славянской исторіи, имѣвшія несомнѣнное значеніе для цивилизованной Европы, указали многія знаменитыя имена науки и литературы, принадлежащія славянскому племени. Даже въ

русской литературѣ нѣсколько комично отозвались споры о происхожденіи Коперника, котораго взяли себѣ поляки, Гуттенберга, котораго норовили было взять чехи, о славянизмѣ Лейбница, Лессинга, котораго еще недавно г. Аполлонъ Григорьевъ называлъ не иначе какъ Лѣсникомъ. Лейбница и г. Ламанскій все еще не отдаетъ нѣмцамъ,—на томъ основаніи, что тотъ самъ сознавалъ свое славянское происхожденіе,—хотя, вѣроятно, не считаетъ Державина и Карамзина татарами, а они сознавали свое татарское происхожденіе. Новѣйшій историкъ древнихъ славянъ не останавливается впрочемъ на этомъ, и старается доказать, что цивилизаторская роль славянъ начинается еще съ такъ называемаго мрака временъ и съ тѣхъ поръ непрерывалась и до нашего времени. Съ этой мыслью онъ набираетъ свѣдѣнія о поселеньяхъ славянъ въ Малой Азіи и въ Африкѣ, говоритъ о славянской цивилизаціи въ Сиріи, и чрезвычайно хорошо округляетъ исторію славянства. Въ книгѣ г. Ламанскаго надобно цѣнить и ту откровенность, съ которой онъ излагаетъ понятія своего направленія; до сихъ поръ люди, мнѣнія которыхъ онъ раздѣляетъ, высказывали очень неясно свои историческія воззрѣнія на судьбу славянскихъ народовъ, и съ ними тѣмъ труднѣе было говорить, чѣмъ неопредѣленнѣе были ихъ слова. Г. Ламанскій говоритъ прямѣе, хотя этимъ едва ли не больше подрываетъ кредитъ своей теоріи. Въ журнальной статьѣ невозможно прослѣдить все содержаніе его книги, и мы ограничимся только нѣсколькими обращиками его критики и наиболѣе интересными мѣстами. Въ его критической методѣ обыкновенныя доказательства занимаютъ очень мало мѣста, тѣмъ больше, что обыкновенно онъ находитъ ихъ мало для подкрѣпленія своихъ мнѣній: онъ замѣнилъ ихъ совершенно отвлеченными разсужденьями, отдаленными аналогіями, таинственнымъ сродствомъ и множествомъ діалектики.

Ему нужно, напримѣръ, доказать, что сношенія русскихъ съ Кавказомъ облегчались поселеньями русскихъ между половцами. Онъ доказываетъ это слѣдующимъ образомъ:

«Съ половины XI до начала XII в. сношенія Руси съ половцами были почти безпрерывныя. Помимо враждебныхъ отношеній, вскорѣ *должны были* образоваться и дружественныя. *Нѣтъ сомнѣнія*, что не только половцы мѣшались въ дѣла русскія, но и наоборотъ; если князья и даже княгини наши вступали въ браки съ половцами, то точно также вступали и изъ народа и изъ дружины. Эти мирныя связи *конечно* не могли не имѣть на половцевъ *нѣкотораго* вліянія, усиливавшагося русскими плѣнниками, которыхъ они нерѣдко уводили въ большомъ количествѣ. *Напрасно* мы стали бы *предполагать*, что люди русскіе, уводимые половцами въ плѣнъ, были всегда убиваемы или

же отдаваемы на самыя тяжкія мученья. *Очень вероятно*, что не обходилось и безъ этихъ случаевъ, но они бывали *непремѣнно* исключеніями; такъ какъ половцамъ не трудно было увидать, что русскіе далеко превосходятъ ихъ во многихъ отношеніяхъ, ихъ собственный интересъ заставлялъ приманивать къ себѣ русскихъ. При безпрерывности связей Руси съ половцами *не могло не* возникнуть явленія самаго обыкновеннаго въ исторіи международныхъ сношеній. Съ той и другой стороны *должны были* являться перебѣжчики, люди бѣглые. Между Русью и половцами *не могло не* образоваться связей торговыхъ; — черезъ земли половецкія лежалъ путь русскихъ къ землямъ кавказскимъ, съ которыми Русь нерѣдко сносилась въ XII в.»

Мы согласны съ авторомъ, что исторія не должна ограничиваться одними записанными фактами, но должна обращать вниманіе также на аналогіи, дополняющія недоказанное старою лѣтописью: но при отыскиваньи этихъ неуказанныхъ фактовъ нужна большая осторожность и есть извѣстные предѣлы, переходя которые историкъ впадаетъ въ произвольность. За приведеннымъ выше разсужденіемъ авторъ переходитъ вдругъ въ XVIII-е столѣтіе, разсказываетъ какъ бѣгали русскіе матросы къ персіянамъ, какъ въ 1849 году два казака были въ плѣну у коканцевъ (можно даже привести примѣры посильнѣе, какъ бѣгали изъ Севастополя къ французамъ, какъ бѣгали крѣпостные въ Анапу и на Дарью рѣку и т. д., это идетъ въ теоріи автора), и черезъ нѣсколько страницъ спокойно заключаетъ, что земля половецкая—при половцахъ—была подвержена русскому вліянію, что плѣнники русскіе пользовались въ ней значеніемъ, что въ ней были русскіе бѣглые и гулящіе люди. Мы сильно сомнѣваемся, чтобы ученые повѣрили подобнымъ доказательствамъ, безъ другихъ, которыя придется все таки отыскивать. Но въ такомъ родѣ авторъ ведетъ всѣ свои изслѣдованія: отъ седьмаго вѣка, отъ славянъ, поселенныхъ въ Малой Азіи греческими императорами, ему ничего не стоитъ перейти въ XVIII-й, къ козацкимъ колоніямъ, провести между ними прямую аналогію, забывши о тысячѣ лѣтъ между ними, которыя могли совершенно перепутать обстоятельства; затѣмъ авторъ выводитъ уже заключеніе о постоянномъ присутствіи славянъ въ Малой Азіи, говоритъ объ особенной славянской цивилизаціи въ тѣхъ краяхъ, и не установивши, за недостаткомъ всякихъ данныхъ, разумѣется, даже приблизительной численности славянъ въ Малой Азіи въ настоящее время, которая можетъ быть совершенно ничтожна, онъ кончаетъ тѣмъ, что «эта классическая земля.... можетъ и даже *должна* вызывать насъ, русскихъ, на старательныя изысканія, ибо *неминуче* дальнѣйшіе успѣхи наши на Кавказѣ и столь для насъ желанное и во

всякомъ случаѣ необходимое нравственное и соціальное возрожденіе славянъ турецкихъ все болѣе и болѣе должны сближать Россію и весь міръ славянскій съ Малой Азіей» (стр. 191); далѣе онъ говоритъ еще, что «отношеніе славянъ къ Малой Азіи въ прошедшемъ и *въ будущемъ* (замѣтьте) — предметъ, заслуживающій великаго вниманія, возбуждающій множество самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, которые ждутъ и требуютъ своего разрѣшенія главнѣйше, почти исключительно, отъ *русскихъ* и вообще славянъ». Если мы не ошибаемся, г. Ламанскому хочется завоеванія Малой Азіи? Ему недовольно того количества Азіи, которое находится въ нашемъ отечествѣ!

Къ такому же выводу приходитъ г. Ламанскій и послѣ розысканій о славянахъ африканскихъ. Онъ находитъ нѣсколько славянскихъ корсаровъ изъ Далмаціи въ связяхъ съ сарацынами и уже предугадываетъ, какое важное значеніе должны были имѣть славяне въ Африкѣ; на тѣ же размышленія наводятъ его славянскіе евнухи; онъ нѣсколько разъ съ удовольствіемъ повторяетъ, что въ первой половинѣ XVI вѣка славянскій языкъ былъ весьма обыченъ при турецкомъ дворѣ. Послѣ турецкаго завоеванія славяне попадали и въ Египетъ, ихъ туда продавали невольниками, въ Африку переходили бѣглые и гулящіе люди (*любимый* терминъ г. Ламанскаго) изъ Европейской Турціи; на службѣ порты состояло въ это время много славянъ, принявшихъ мусульманство, а сохранившихъ свою народность; нѣкоторые изъ нихъ пользовались *огромнымъ*, по словамъ г. Ламанскаго, *вліяніемъ* (но что же они съ нимъ сдѣлали славянскаго? спросимъ мы), и этимъ путемъ славянскій элементъ могъ проникать въ Египетъ, черезъ самое турецкое правительство, и т. д. Въ концѣ онъ опять думаетъ о томъ, какъ бы снова ввести славянскій элементъ въ Египтѣ, и дѣйствительно предсказываетъ ему блестящую будущность.

«Въ послѣдствіи Дубровникъ снова оправился и уже велъ сношенія съ Египтомъ, съ Африкой въ XVIII в., когда на сѣверо-востокѣ другой славянскій народъ, разбираемый вѣчнымъ своимъ желаніемъ *новыхъ земляцъ отыскивать* и *пустую землю въ живущую полнити*, грозно наконецъ заявилъ себя всему міру могучимъ образомъ Петра, и разбивъ шведа подъ Полтавой, никѣмъ на западѣ не званный и непрошенный, вдвинулъ свою страну въ систему сильнѣйшихъ европейскихъ державъ, вліяніе которыхъ на Египетъ, Африку, неминуемо, неизбѣжно, необходимо. Дальнѣйшее развитіе русской народной промышленности и торговли, весьма замѣтное пробужденіе народной самобытности въ славянахъ турецкихъ и австрійскихъ, могутъ служить *благонадежнымъ ручательствомъ* въ томъ, что отношеніямъ міра славянскаго къ Египту, Африкѣ, особенно съ ожидаемымъ прорытіемъ Суэзскаго канала, предстоитъ будущность далеко не жалкая. Нельзя однако скрывать, что

тотъ или другой оборотъ этихъ дѣлъ, то или другое ихъ направленіе въ будущемъ, или лучше вопросъ о будущихъ отношеніяхъ міра славянскаго къ Египту и вообще Африкѣ, находится въ тѣсной зависимости отъ другихъ, въ высшей степени важныхъ для славянъ вопросовъ, напр., объ отношеніяхъ ихъ къ Италіи, къ нѣмецкой народности или политикѣ въ Австріи, и т. д.»

«Если нельзя отрицать, что болѣе или менѣе полное и основательное разсмотрѣніе всѣхъ вопросовъ и задачъ, возбуждаемыхъ при мысли объ отношеніяхъ міра славянскаго къ Африкѣ, какъ въ прошедшемъ, такъ и *въ будущемъ*, задачъ и вопросовъ не только возможныхъ, но и въ высшей степени законныхъ и своевременныхъ, должно вызвать въ болѣе или менѣе ближайшемъ будущемъ не только въ Россіи, но и въ другихъ земляхъ славянскихъ, новыхъ, даровитыхъ и энергическихъ дѣятелей; если нельзя отрицать этого, то тѣмъ менѣе возможно сомнѣваться во всей очевидной важности и въ тѣсной неразрывной связи тѣхъ двухъ вопросовъ, изъ коихъ одинъ о распространеніи русскаго языка внѣ предѣловъ Россіи составляетъ предметъ постоянныхъ желаній и самыхъ строгихъ помышленій каждаго русскаго, а другой объ изученіи въ Россіи славянскихъ языковъ и литературъ и объ умственномъ и литературномъ общеніи нашемъ со славянами, въ глазахъ большинства русскихъ образованныхъ людей понынѣ представляется дѣломъ какъ бы пустымъ, ничтожнымъ и не стоющимъ почти никакого вниманія.»

То есть, г. Ламанскому кажется опять хочется *новыхъ земляцъ* отыскивать: ему всегда представляется впереди такая соблазнительная перспектива, что онъ тотчасъ же старается помѣстить въ нее славянъ, забывая и ихъ положеніе, и положеніе другихъ народовъ, которые теперь, конечно, не дадутъ много воли гуляющимъ людямъ. На сколько эти pia desideria нужны въ ученомъ трактатѣ, предоставляемъ судить читателю.

Съ тѣмъ же значеніемъ, какъ въ Турціи или Африкѣ, или даже больше являются славяне и въ Испаніи. Они обыкновенно заходили туда, какъ евнухи и рабы,—замѣтимъ мимоходомъ, что имя славянъ по всей западной Европѣ было синонимомъ рабовъ, — но г. Ламанскій опять доказываетъ, что приходили и свободные, то есть гуляющіе люди. Какъ евнухи и придворные служители они пользовались иногда властью при дворѣ калифовъ, управляли провинціями; упоминается у арабскихъ писателей, что одинъ подобный славянинъ, Габибъ, написалъ даже книгу: «Ясныя и побѣдоносныя доказательства противъ тѣхъ, которые отрицаютъ превосходныя качества славянъ», о которой впрочемъ далѣе ничего неизвѣстно. Тѣмъ не менѣе, «это извѣстіе, говоритъ авторъ, побудило меня смѣло заявить свое предположеніе о добровольномъ переходѣ къ арабамъ въ Испа-

нію охочихъ, вольныхъ и гулящихъ славянъ. Надѣюсь, извѣстіе это достаточно его оправдываетъ, ибо само по себѣ доказываетъ, что славяне въ Испаніи были многочисленны, занимали видное положеніе, сохраняли свою народность, гордились ею и выставляли на видъ свои племенныя заслуги, чего быть не могло, если бы они попадали въ Испанію только черезъ Пиринеи, изуродованные (евнухи), изъ рукъ франковъ» (стр. 230). Авторъ приводитъ много придворныхъ исторій арабскаго халифата, въ которыхъ принимали участіе славянскіе евнухи и придворная гвардія; онъ говоритъ о славянской партіи, хотя надлежащимъ образомъ необъяснено еще и то, что надобно понимать у арабскихъ историковъ подъ именемъ славянъ. Сами оріенталисты во многихъ случаяхъ понимаютъ это слово въ чисто нарицательномъ смыслѣ, какъ евнуховъ, невольниковъ, придворныхъ служителей, въ числѣ которыхъ могли быть и люди инаго племени. Авторъ приходитъ къ заключенію, что славяне служили у арабовъ не только какъ плѣнники и привозные рабы, но и вольными, гулящими людьми, какъ въ новѣйшее время поляки и венгерцы у турецкаго султана, какъ поляки въ Италіи, и рагузанцы въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ въ Испаніи. Но что же слѣдуетъ изъ этого далѣе: въ какомъ смыслѣ замѣчательно это присутствіе славянъ въ Испаніи въ качествѣ преторіанцевъ? прибавило ли оно что нибудь къ арабской цивилизаціи, которую — можетъ быть, не изъ ревности ли къ нѣмецкой — такъ восхваляетъ авторъ? Что прибавили хорошаго въ Турціи эти поляки и венгерцы, служившіе въ турецкой арміи? Г. Ламанскій не останавливается на этихъ вопросахъ и продолжаетъ пересчитывать всякихъ славянъ, попадавшихъ въ Испанію: въ его исторію вошли и поляки, сражавшіеся подъ французскими знаменами, и русскіе матросы, бывавшіе въ Лиссабонѣ. Въ теоріи г. Ламанскаго все это важные факты — иначе объ нихъ и поминать бы не слѣдовало: онъ обобщаетъ славянскую исторію до такой степени, что всѣ славянскіе народы ставитъ въ тѣсныя солидарныя отношенія, утверждая, что ими всегда руководило тайное сродство, вслѣдствіе чего подвиги одного племени столько же принадлежатъ другому, — и наконецъ въ *гулящихъ людяхъ* г. Ламанскій видитъ великій подвижной элементъ славянской исторіи, оказавшій своему племени большія услуги. Мы увидимъ, что изъ-за этихъ гулящихъ людей онъ будетъ навязывать намъ особенную симпатію къ Испаніи.... Но онъ тутъ же впадаетъ въ противорѣчіе и сожалѣетъ о враждѣ, которая дѣлитъ и обезсиливаетъ этихъ славянъ и при всемъ взаимномъ сродствѣ заставляетъ ихъ ненавидѣть и душить другъ друга. Что касается до гулящихъ и вольныхъ людей, которыхъ удаль и отвага такъ нравятся г. Ламан-

скому, онъ настаиваетъ, что и эти люди, пустившіеся въ разбродъ, должны необходимо занять мѣсто въ исторіи своего народа, что они имѣютъ неразрывную, хотя и тайную связь съ цѣлой націей. Мы думаемъ напротивъ, что бросая родину, вступая въ совершенно иныя условія быта, они обыкновенно кончаютъ тѣмъ, что вырождаются среди иной національности, принимаютъ чужіе нравы, религію, наконецъ языкъ, не принимаютъ участья въ интересахъ и дѣлахъ цѣлой націи и потому отрываются отъ нея: въ такомъ случаѣ они составляютъ только курьезное исключеніе, анекдотъ въ исторіи народа, — небольше. Отсюда исключаются только гуляющіе люди, которые дѣлаютъ прочныя колонизаціи и ведутъ за собой народъ, какъ козаки въ Сибири; но сюда принадлежатъ всѣ остальные бродячіе люди, которыхъ г. Ламанскій возвращаетъ теперь, какъ блудныхъ сыновей, ихъ племени, — русскіе въ Малой Азіи или въ Турціи, поляки въ Испаніи, босняки въ Египтѣ и т. д. Намъ положительно не нравится подобная роль народа, роль непомнящаго родства; въ большинствѣ случаевъ, приводимыхъ г. Ламанскимъ, это была только безплодная трата силъ и безполезное существованіе. Г. Ламанскій старается доказать, что славяне въ Испаніи сохранили свою народность, несмотря на перемѣну религіи и быта, и ставитъ имъ это въ особенную заслугу: мы не видимъ въ этомъ особеннаго подвига, когда въ заключеніе они безслѣдно исчезли въ арабскомъ или испанскомъ племени. Не знаемъ, можетъ быть г. Ламанскій докажетъ ихъ сильное участіе въ арабской образованности.

Существенный недостатокъ изслѣдованій г. Ламанскаго тотъ, что онъ чрезвычайно рѣдко удерживается на почвѣ исторической дѣйствительности, онъ не столько разбираетъ факты, сколько фантазируетъ на ихъ тему: его воображеніе настроено видѣть однѣ блестящія стороны славянской исторіи и разыгрывается при каждомъ фактѣ, который подходитъ подъ его взглядъ, и онъ начинаетъ пополнять его даже безъ помощи прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ. Любопытнымъ укажемъ подобныя разсужденія о томъ, что такое былъ *Габибъ*, упомянутый нами, отъ котораго осталось только заглавіе его книги о славянахъ: г. Ламанскій апріорически объяснилъ, гдѣ и какъ онъ родился, какое получилъ воспитаніе, какимъ образомъ написалъ свою книгу и пр. (стр. 307 — 310). Другой примѣръ: онъ уже придумалъ одно объясненіе поселеній славянъ въ Испаніи, т. е. приходъ вольныхъ поселенцевъ, но это мало округляло его исторію испанскихъ славянъ и онъ построилъ чисто на однѣхъ догадкахъ цѣлое теоретическое разсужденіе о томъ, что въ Испанію приходили вмѣстѣ съ норманнами и балтійскіе славяне (стр. 311 и слѣд.). Мы могли бы привести и еще много подоб-

ныхъ мѣстъ, но указываемъ читателю хоть на эти страницы, если бы онъ самъ желалъ убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ. Подобные пріемы совершенно неумѣстны въ ученой книгѣ и только подрываютъ ея кредитъ; у нашихъ славянофиловъ они впрочемъ нерѣдки: это русское *авось*, которое, въ качествѣ народнаго, имъ очень нравится (г. Ламанскій называетъ его *славянскимъ*, — зачѣмъ онъ навязываетъ его еще славянамъ?): г. Хомяковъ на-авось писалъ о санскритскомъ языкѣ; г. Погодинъ вѣритъ тайному голосу, который говоритъ ему о норманнахъ; нашъ авторъ часто ссылается на свое «внутреннее убѣжденіе».

Кромѣ того, г. Ламанскій запутываетъ своего читателя безпрестанными отступленіями, такъ что необходимо постоянно возвращаться назадъ, чтобы не затерять нити его разсужденій. Этими отступленіями, говорящими иногда о совершенно посторонникъ предметахъ, онъ замѣняетъ изслѣдованіе самыхъ фактовъ, и затѣмъ прямо выводитъ результатъ, не спрашивая читателя, согласенъ ли онъ съ его сравненіями и аналогіями. Беремъ еще одинъ примѣръ его критическихъ пріемовъ. Онъ отыскиваетъ на одномъ изъ далматинскихъ острововъ какую-то колонію Шпаньеловъ; объ отношеніи ихъ къ Испаніи говоритъ собственно только ихъ имя и, можетъ быть, нѣкоторые обычаи. Задавши себѣ вопросъ, были ли это сербы, вернувшіеся изъ Испаніи, или испанцы, переселившіеся въ Далмацію, авторъ выбираетъ послѣднее, и затѣмъ у него уже готово объясненіе того, какимъ образомъ они потеряли свою народность и сдѣлались славянами. Къ этому припоминаетъ онъ объ испанскомъ городѣ Альмеріи, знаменитомъ своей торговлей, гдѣ собирались купцы *всѣхъ странъ*, по словамъ стараго историка: ясно, что тамъ были и славяне.

«Конечно, въ числѣ этихъ купцовъ не мало было и южныхъ славянъ. Безспорно ихъ много перебывало въ Испаніи XV вѣка, и, судя по испанцамъ у славянъ, напр., граждане Дубровника отъ частаго и долгаго пребыванія въ странѣ, вступали съ испанцами въ дружескія и родственныя связи, знакомили ихъ въ свою очередь съ своимъ народомъ, его языкомъ, нравами и обычаями.

«Но, быть можетъ, возразятъ: «кому въ Испаніи XV в. могла явиться охота заниматься судьбою славянъ? Чѣмъ могло племя наше заинтересовать тогдашнихъ испанцевъ? Что въ немъ было сильнаго, живаго, особеннаго, которое могло бы возбудить ихъ вниманіе, заставить ихъ разспрашивать, искать жадно случаевъ ко всякаго рода свѣдѣніямъ о немъ?»

«*Каждый образованный европеецъ всегда* зналъ, что чехи, поляки, сербы, русскіе и проч. принадлежатъ къ одному племени и говорятъ почти однимъ и тѣмъ же языкомъ. Испанцы этого періода, сносясь съ

единовѣрными имъ южными славянами, очень хорошо знали, что чехи были ихъ соплеменниками, а вопросъ чешскій долго волновалъ весь тогдашній католическій міръ»...

О чехахъ и о Гусѣ говорится на цѣлыхъ десяти страницахъ.... Очевидно г. Ламанскій сильно дорожитъ мнѣніемъ о славянахъ испанцевъ, а за ними, разумѣется, и всѣхъ европейцевъ. Что касается до насъ, съ одной стороны мы не принимаемъ такъ горячо къ сердцу мнѣнія испанцевъ, съ другой намъ кажется даже сомнительнымъ, чтобы, напримѣръ, въ XV вѣкѣ испанцы (конечно, коллективно, а не въ одиночку), по поводу Гуса заинтересовались жителями Рагузы и обратили особенное вниманіе на всѣхъ ихъ соплеменниковъ: развѣ не знали они далматинцевъ прежде, или прежде они не представляли ничего замѣчательнаго? Мы сомнѣваемся и въ томъ, чтобы тогда въ Европѣ много знали о славянской этнографіи, когда и теперь, во второй половинѣ XIX столѣтія, люди очень *образованные* въ своемъ кругу имѣютъ и о славянахъ и о русскихъ весьма дикое представленіе: что же могло быть въ XV вѣкѣ? Къ чему авторъ дѣлаетъ эти безплодныя натяжки надъ историческими фактами? Главное, автору хочется установить на незыблемыхъ основаніяхъ славу славянскаго племени, и обезпечить его будущее. Онъ не забываетъ о нихъ и здѣсь: «изъ славянъ, служившихъ въ этотъ періодъ въ Испаніи, говоритъ онъ, не мало было людей замѣчательныхъ, оказавшихъ этой странѣ услуги большія, *прославившихъ* свой народъ, какъ бы закрѣпившихъ давнишнее его вліяніе и значеніе въ Испаніи и, можно сказать, окончательно завоевавшихъ всему нашему племени и возможность и право еще значительнѣйшаго *вліянія въ будущемъ*». Г. Ламанскій, какъ мы уже замѣтили, совершенно смѣшиваетъ всѣ славянскія племена въ одно, и надѣется, повидимому, именно для Россіи, великаго вліянія отъ того, что сдѣлали нѣкогда рагузанцы. Если онъ дорожитъ славянской солидарностью, мы совѣтуемъ ему обращаться съ ней нѣсколько серьёзнѣе: до сихъ поръ онъ доказалъ ее очень мало, но уже видитъ ее въ такихъ безразличныхъ фактахъ, что ей не новѣрятъ наконецъ и горячіе приверженцы славянства, съ нѣсколько строгимъ взглядомъ на вещи. Мы увидимъ дальше, куда заводитъ г. Ламанскаго это всеславянское усердіе. Теперь онъ ведетъ по обыкновенію свою мысль до конца; разсказавши, что нѣсколько славянскихъ фамилій (можетъ быть, уже объиспанившихся?) имѣли значеніе въ Испаніи и вспомнивъ снова всѣ славянскія отношенія къ Испаніи, онъ говоритъ: «мы ясно поймемъ, что славяне, занимавшіе въ Испаніи важныя государственныя должности, роднившіеся съ знатными испанскими фамиліями, должны были имѣть вліяніе на воззрѣнія испанцевъ на

славянъ *вообще*, возбуждать въ нихъ къ своимъ соплеменникамъ болѣе или менѣе живыя сочувствія, которыя *едва ли могли не* отразиться въ письменности испанской, въ этотъ періодъ столь богатой», — онъ не сомнѣвается дальше, что въ испанской литературѣ долженъ былъ сложиться особенный типъ славянина-моряка, и желаетъ, чтобы у насъ предпринято было изученіе испанской литературы по архивамъ для отысканія этого типа. А если не найдутъ?

Новѣйшія отношенія славянъ къ испанцамъ курьезны всего болѣе. Прежде г. Ламанскій описывалъ съ гордостью услуги, оказанныя дубровничанами испанскому мореходству, военному искусству и государственнымъ дѣламъ; въ новѣйшее время онъ встрѣчаетъ совершенно иное, — въ началѣ XIX столѣтія славяне, именно шесть польскихъ полковъ пѣхоты и два полка кавалеріи, приходятъ покорять Испанію подъ ненавистное ей иго. Борьба противъ него вызвала всѣ силы пылкой національности, дремавшей въ послѣднее время. Вы думаете, что этотъ фактъ враждебныхъ отношеній славянства къ Испаніи не понравится автору,—ничуть не бывало, вѣдь эти поляки были тѣ же гулящіе люди, которыхъ онъ такъ любитъ: «хотя и безсознательно, они также отчасти служили общему славянскому дѣлу. Говорю это не только оттого, что они, такъ сказать, подтверждаютъ и доказываютъ собою справедливость положенія о томъ, что и въ наше время стихія славянская, такъ или иначе, продолжала дѣйствовать на Пиринейскомъ полуостровѣ, — а и потому, что своимъ мужествомъ и истинно-геройскими подвигами они внушили уваженіе къ себѣ въ самихъ непріятеляхъ своихъ, испанцахъ, и тѣмъ достойно оправдали то *доброе мнѣніе*, которое издавна существовало на Пиринейскомъ полуостровѣ обо всемъ нашемъ племени». Читатель можетъ видѣть эти слова на стр. 367, и, можетъ быть, подумаетъ вмѣстѣ съ нами, что автору наконецъ рѣшительно все равно, что бы ни дѣлали славяне, лишь бы только шла объ нихъ слава, — намъ такая слава quand même положительно не нравится. Далѣе разсказъ объ отношеніяхъ славянъ къ Испаніи становится просто страннымъ: г. Ламанскій разсказываетъ, что въ 1812 г. изъ взятыхъ въ плѣнъ испанцевъ составили особенный полкъ, который вернулся потомъ на родину и долго еще назывался тамъ Imperial-Alejandro; что послѣ 1815 года русскій посланникъ въ Мадритѣ пользовался значительнымъ вліяніемъ (!!) и т. д. До крайняго интереса доходятъ эти отношенія въ разсказѣ г. Ламанскаго о томъ, какимъ образомъ лѣтомъ 1857 года наша эскадра стояла на лиссабонскомъ рейдѣ, въ городѣ случился пожаръ, и какъ русскіе матросы отлично дѣйствовали на пожарѣ; какъ его величество, король португальскій, велѣлъ

подать себѣ списокъ гг. офицеровъ и числа нижнихъ чиновъ, посланныхъ на пожаръ, и какъ газеты *съ большой похвалой* отзывались о русскихъ, и толпа среди самаго пожара кричала bravo Russo. Это мѣсто трогательно; оно останется классическимъ въ книгѣ. Неужели такими анекдотами, достойными «Русскихъ анекдотовъ» почтеннаго Сергѣя Глинки, авторъ хочетъ доказать второе положеніе своихъ «тезисовъ», гдѣ онъ говоритъ, что «въ силу физіологическихъ законовъ, въ исторіи немаловажное участіе принимаютъ взаимныя народныя симпатіи и антипатіи, племенныя сочувствія и племенная вражда?» Хороша будетъ исторія, выстроенная на такихъ выраженіяхъ симпатіи, какія приводитъ авторъ.

Этимъ собственно оканчивается изслѣдованіе о славянахъ въ Малой Азіи. Остается еще цѣлая половина книги, занятая отдѣльными статьями разнаго содержанія, которыя не могли войти въ самый текстъ. Было бы слишкомъ долго слѣдить за ними; упомянемъ только о первой, гдѣ авторъ старается убѣдить наше общество въ необходимости «общенія» — уже не съ испанцами, а съ греками. Онъ припоминаетъ всѣ прежнія отношенія славянъ и русскихъ съ греками, указываетъ ихъ взаимное вліяніе, привязанность греческаго народа къ Россіи, совершившей столько славныхъ подвиговъ; при своей заботливости о *будущемъ*, авторъ не забываетъ и того обстоятельства, что съ 1453 года, со взятія Константинополя, особенно обратились взоры, полные надеждъ и упованія, на Россію, которой, какъ извѣстно, и греки и сами русскіе пророчили владычество надъ Седьмихолмнымъ градомъ. Россія съ тѣхъ поръ имѣла часто прямое вліяніе на грековъ, и въ ея вліяніи выразились въ тоже время дѣйствіе славянъ, по извѣстной теоріи автора, что между славянами существуетъ и всегда существовала круговая порука. Изъ всѣхъ отношеній русскихъ къ грекамъ выходитъ то, что на русской наукѣ лежитъ обязанность изучить эти отношенія и взаимное вліяніе, на литературѣ другая обязанность—познакомить насъ съ греческимъ современнымъ обществомъ, а греческое съ Россіей: для этого-то особенно (вѣроятно, имѣя въ виду *будущее*) должна быть введена каѳедра новогреческаго языка въ университетахъ (г. Ламанскій предупреждаетъ только, что грамматика Муллаха неудовлетворительна), должно посылать наши литературныя произведенія въ греческіе журналы, а мы греческія должны печатать у себя. Когда русская литература обогатится замѣчательными сочиненіями о Греціи, тогда сами греки сознаютъ необходимость изученія русскаго языка и литературы, въ которой они найдутъ для себя много важнаго; русская книжная торговля найдетъ новый рынокъ (sic!), да и западные народы поймутъ наконецъ, что имъ пора учиться по-

русски. Насъ самихъ, по словамъ автора, должно *томить* желаніе внести свою лепту въ образованность греческую; распространяя свою литературу у грековъ, мы приготовили бы бывшимъ и будущимъ Державинымъ, Пушкинымъ, Гоголямъ, читателей въ отечествѣ Софокла, Ѳукидида, Платона (стр. 35, прилож.).

Мы нисколько не противъ изученія византійской исторіи для объясненія нѣкоторыхъ обстоятельствъ въ древней русской исторіи, но все-таки не видимъ въ немъ такого якоря спасенія, какимъ оно кажется г. Ламанскому. Послѣднее его желаніе можетъ просто показаться произведеніемъ особеннаго самолюбія, какъ и многія изъ идей, проводимыхъ имъ въ своей книгѣ. Ему хотѣлось также выставить *славную* роль славянства въ прошлыя времена, убѣдить русскую публику въ необходимости распространенія русскаго языка внѣ предѣловъ Россіи и въ необходимости «общенія» съ славянами. Для перваго онъ по своему освѣщаетъ историческіе факты и безпрестанно цитуетъ похвальные отзывы своихъ и чужихъ писателей: сколько разъ онъ ссылается на Массуди, аль-Бекри, Энея Сильвія, Палацкаго; онъ настаиваетъ на важности славянскаго элемента въ Малой Азіи, хотя, строго говоря, кромѣ довольно индифферентнаго присутствія колоній еще не найдено никакихъ особенныхъ фактовъ въ этомъ смыслѣ. Дальше, г. Ламанскому не нравится то, что европейцы до сихъ поръ не хотятъ учиться русскому языку, и онъ думаетъ, что мы поможемъ нѣсколько этому, когда будемъ посылать свои сочиненія въ Грецію; этому поможетъ, по мнѣнію его, и общеніе съ славянами, — европейцы станутъ интересоваться нашей литературой, когда она будетъ выраженіемъ не только для русскаго, но и славянскаго міра. Мы думаемъ, что изученіе языковъ невозможно навязать другому народу, что онъ самъ начнетъ это изученіе, когда наша литература будетъ достаточно вознаграждать за это, когда она будетъ представлять свободно развитую общечеловѣческую мысль, не спрятанную подъ разными условіями, — слѣдовательно, когда вся жизнь приметъ нѣсколько иной характеръ. Безъ этого посылка нашихъ сочиненій въ Грецію или въ Парижъ или куда угодно не произведетъ дѣйствія, ожидаемаго г. Ламанскимъ. Нельзя не согласиться, конечно, съ авторомъ, что для иностранцевъ сильно выростетъ интересъ русской литературы, когда она сдѣлается выраженіемъ славянскаго міра; но тѣмъ не менѣе «общеніе» съ славянами мы ставимъ здѣсь на второмъ планѣ, потому что оно не можетъ произойти дѣйствительнымъ образомъ, если внутреннія отношенія нашей литературы останутся тѣ же, что до сихъ поръ. Когда авторъ говоритъ о необходимости начать или усилить сношенія съ славянами, можетъ, кромѣ сказаннаго выше, явиться и сом-

нѣніе въ томъ, дѣйствительно ли имѣла большую силу та солидарность славянскихъ племенъ, на которую онъ безпрестанно указываетъ. Чего требовать еще, когда онъ самъ утверждаетъ, что между ними всегда была глубокая таинственная связь, что не только сербы и болгары, но и чехи съ поляками служили общему славянскому дѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ Россіи, которая становится теперь залогомъ существованія цѣлаго славянскаго міра. Если мы разрѣшимъ для себя это недоумѣніе и убѣдимся, что симпатіи международной мало, и должно быть больше, то все-таки найдемъ, что обвинять слѣдуетъ не одно русское общество, но и самихъ славянъ. Симпатія русскаго общества въ отношеніи къ славянамъ весьма непроизводительна; оно не имѣетъ ни времени, ни возможности мѣшаться въ политику, — и это нѣсколько оправдываетъ его, если оно не является агитаторомъ у славянъ. Въ частномъ же сочувствіи недостатка можетъ быть не меньше, чѣмъ требованія со стороны самихъ славянъ. Обратившись къ другой сторонѣ вопроса, г. Ламанскій нашелъ бы, можетъ быть, съ нами не одинъ предметъ для сѣтованій, но за то вмѣстѣ и нѣкоторое оправданіе настоящаго.

Въ прочихъ статьяхъ, составляющихъ приложеніе къ книгѣ, о русской національной музыкѣ и о Глинкѣ въ Испаніи, и т. д. найдется также масса парадоксовъ. Г. Ламанскій желалъ, чтобы книга его служила и для читателей не спеціалистовъ, но для нихъ она слишкомъ эксцентрична. Мы сами были къ ней нѣсколько приготовлены: направленіе «Русской Бесѣды», выражаемое книгой и представляющее много дѣльнаго и нужнаго, имѣло давно и свои слабыя стороны, которыя уже не одинъ разъ обнаруживались въ произведеніяхъ ея партизановъ. Славяне г. Ламанскаго даютъ новый примѣръ этого. Книга его повторяетъ у насъ тѣ первыя увлеченія панславизма, которыя уже пройдены самими благоразумными панславистами. Это тоже, что Колларова Старо-Италія, — съ болѣе научными пріемами, болѣе точными знаніями, но съ присутствіемъ тѣхъ же всеславянскихъ мечтаній. Мы вполнѣ цѣнимъ трудъ г. Ламанскаго и ту любовь, которую посвѣщаетъ онъ его главному предмету, но для пользы самаго дѣла желаемъ ему болѣе спокойнаго и сосредоточеннаго историческаго взгляда на вещи. Въ книгѣ его разсѣяно множество любопытныхъ данныхъ: описаніе козацкой колоніи въ Малой Азіи, извѣстіе о распространеніи западныхъ славянъ до Испаніи, о славянскомъ войскѣ при арабскихъ халифахъ, свѣдѣнія о Дубровникѣ и многія другія совершенно новы въ нашей литературѣ и многое прибавятъ къ исторіи славянства, но теоретическія построенія автора часто совершенно бездоказательны или ничего не доказываютъ. Отъ трудолюбія автора мы вправѣ ожидать новыхъ любопытныхъ

изслѣдованій, но отъ него самаго зависитъ, дать имъ больше или меньше научной приложимости.

Сочиненіе г. Григоровича не похоже на книгу г. Ламанскаго. Г. Григоровичъ питаетъ теплую симпатію къ славянскому вопросу, постоянно проводитъ ее въ своихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ, не оставляетъ ея и въ новомъ своемъ сочиненіи, но эта симпатія не мѣшаетъ ему смотрѣть на вещи серьёзнымъ, чисто историческимъ образомъ; онъ не даетъ своему чувству и воображенію власти надъ исторіей, и читатель не приходитъ въ недоумѣніе отъ противорѣчій. Самое изслѣдованіе г. Григоровича занимаетъ не болѣе сорока страницъ въ его книжкѣ; остальное занято объяснительными статьями, отрывками румынскихъ и сербскихъ лѣтописей, сербскими и греческими грамотами, изданными въ первый разъ. Но несмотря на свою краткость, изслѣдованія г. Григоровича о Сербіи XIV и XV столѣтій будутъ замѣчательнымъ вкладомъ въ нашу литературу о славянской исторіи. Не передавая событій болѣе или менѣе извѣстныхъ, авторъ только объясняетъ общій смыслъ историческихъ явленій, указываетъ, какую роль играла Византія, турки и сами сербы въ печальныхъ обстоятельствахъ паденія сербскаго царства. Авторъ имѣетъ нѣкоторое пристрастіе къ Византіи, но въ этомъ очеркѣ онъ не скрываетъ, что именно византійская гниль, проникшая въ сербское царство, была одной изъ главныхъ причинъ его паденія. Онъ представляетъ весьма вѣрную картину жалкаго состоянія греческой имперіи, отсутствія живыхъ началъ, которыми бы она могла держаться. Обветшалая національность не могла болѣе существовать собственными силами и разрушительно дѣйствовала на свѣжія народности, съ которыми приходила въ болѣе тѣсныя связи. Такая судьба — близко встрѣтиться съ Византіей — выпала на долю Сербіи, и она запуталась въ историческихъ бѣдствіяхъ, собравшихся надъ Византіей.

«Славяне основывали свою самостоятельность на непреодолимой, хотя и не ясно сознаваемой потребности охранить свою народность; Византія — на политикѣ, вытекающей изъ отвлеченной теоріи о римскомъ владычествѣ; феодализмъ торжествовалъ тамъ, гдѣ нарушалась связь народнаго общенія.

«Славяне, выдержавъ неоднократные удары явныхъ враговъ, въ стремленіи создать самодержавныя государства опираясь на собственное могущество, были только крѣпки народнымъ единствомъ, сильны духовною самостоятельностію. Но своебытная, юная силами жизнь славянъ, едва успѣвавшихъ ограждать государственную цѣлость отъ явныхъ враговъ, заранѣе поражаема была примѣсью чуждыхъ началъ, пагубно дѣйствовавшихъ въ грозную минуту вторженія османовъ.

«Византія, съ завистію взирая, среди собственныхъ раздоровъ, на усиленіе славянъ, достигала своего преобладанія, дѣйствуя на нихъ своею политикою. Вѣрная темнымъ преданіямъ о Римской имперіи и сознавая свое безсиліе, она нуждалась въ гибели другихъ для собственнаго существованія. Недоступная къ кореннымъ преобразованіямъ, коснѣя въ самолюбивой мечтѣ о своемъ превосходствѣ, она не дорожила просвѣщеніемъ единовѣрныхъ народовъ, но своимъ вліяніемъ вносила разладъ въ гражданскую ихъ жизнь, дабы легче распоряжаться ихъ довѣріемъ или возвышаться надъ порождаемыми ею крамолами. Политика ея, не воодушевляясь мужественнымъ самоотверженіемъ, искала только жертвъ и жертвами ея были народности. Потерявъ внутреннюю связь въ государственной жизни, Византія прилагала тѣ же начала внѣшней политики и въ собственной администраціи. Обезсиливъ коренной греческій народъ, она отвлеченному понятію о римлянинѣ придавала значеніе преимущества, служившаго къ разобщенію, не къ соединенію ея обитателей. Питая тщеславіе своихъ гражданъ, сохранившихъ античныя прикрасы отъ міра, давно ими отверженнаго, она не внушила имъ также гражданскихъ добродѣтелей. Византійцы не жили общею жизнью, не волновались общимъ чувствомъ, но, образуясь какъ софисты, копировали съ древнихъ участіе къ гражданскимъ доблестямъ, а въ сущности исполнены были отвлеченной премудрости, доводившей до обольстительной способности скрывать корыстолюбивые виды подъ личиною заботливости объ общемъ благѣ. Среди опасностей, угрожавшихъ цѣлости отечества, византійцы не разъ измѣняли его пользамъ, ввѣряя чужимъ защиту его и забывая, что сила государства лежитъ въ сочувствіи собственнаго народа. Отрицаніе, слѣдственно, народности и усиленіе эгоизма — это главныя черты Византіи въ эпоху возвышенія османовъ. Съ этой точки зрѣнія поясняю я предательскую уступку кореннныхъ областей чужеплеменникамъ и легкомысленное довѣріе къ османамъ. Съ равнодушіемъ къ участи коренныхъ обитателей, естественно долженъ былъ усиливаться духъ частнаго корыстолюбія, жертвовавшій безъ разбора для личныхъ выгодъ интересами государства. Византіецъ, часто сомнительнаго происхожденія, присвоивая себѣ имя римлянина для тщеславныхъ видовъ, умышленно допускалъ самый разнообразный сбродъ народовъ, разногласіе которыхъ давало возможность господствовать. Немудрено, слѣдственно, что государство имѣло самое отвлеченное основаніе и лишено было жизненныхъ началъ.

«Не бывъ въ состояніи основать самодержавія на народномъ единствѣ, Византія мало по малу сживалась съ феодализмомъ. Да, казалось, феодализмъ отвѣчалъ видамъ византійской политики, легко постигшей, что въ дробности, разобщеніи мелкихъ владѣній, легче, пользуясь взаимными раздорами, то враждовать съ ними, то снискивать ихъ содѣйствіе. Византія глубоко сознавала, что феодализмъ, способствуя отчужденію сильныхъ властелиновъ, увеличивалъ безсиліе цѣлаго общества, и что личное мужество феодаловъ не всегда противилось приманкамъ корысти.

«Поставленная между силою, расплавляющею народное общеніе и силою, раздробляющею государственную цѣлость, между Византіею и феодализмомъ, Сербія не могла не поколебаться, испытывая то явное, то тайное ихъ дѣйствіе. Вотъ почему мы замѣчаемъ, что Сербія, достигнувъ въ XIV столѣтіи значительнаго могущества, съ прекращеніемъ династіи Неманичей, была, не смотря на народное единство, терзаема распрями соперниковъ-властелиновъ, посягавшихъ на раздробленіе отечества, ослаблявшихъ мысль дружной охраны самодержавія.

«Среди этихъ распрей Сербія вызвана была на роковую борьбу съ османами.»

Къ такимъ фактамъ приводило опекунство Византіи надъ южными славянами; желаемъ, чтобы на взглядъ г. Григоровича обратили вниманіе наши защитники византійской цивилизаціи. Если она передала славянамъ христіанство, съ тѣмъ, конечно, великимъ преимуществомъ, что они приняли его на языкѣ своего племени,—она, конечно, помогла имъ сдѣлать огромный шагъ къ развитію; но не должно забывать, что роль ея тѣмъ не ограничилась, она передавала свои идеи въ ея собственной формѣ, и дѣйствовала всѣмъ составомъ своихъ внутреннихъ порядковъ, испорченнымъ деспотизмомъ, извращенной общественной жизнью, каноническимъ правомъ, литературой, нравами и т. д. Любопытно было бы прослѣдить ближайшимъ образомъ это вліяніе Византіи на нашихъ южныхъ соплеменниковъ; тѣ греки, изъ которыхъ вышли впослѣдствіи фанаріоты, такъ страшно давившіе славянское населеніе Турціи, конечно, имѣли и прежде черты, опредѣлившія характеръ этой касты. Въ сношеніяхъ съ русскими, греки, вѣроятно, также мало какъ у сербовъ заботились о духовныхъ благахъ новообращенной земли; но крайней мѣрѣ лѣтописецъ даетъ имъ прозваніе «льстивыхъ»; они оправдывали его и впослѣдствіи, съ исключеніями, конечно, въ родѣ Максима Грека. Для нынѣшнихъ турецкихъ славянъ греки стали предметомъ ненависти и отвращенія.... Литературное вліяніе грековъ представляло свои темныя стороны; у насъ и у южныхъ славянъ всего больше распространилась духовная, аскетическая литература, которая наконецъ наводнила все чтеніе старыхъ русскихъ людей и стѣснила ихъ живую производительность въ народномъ духѣ. Наши проповѣдники, воспитанные на византійцахъ, брали изъ нихъ цѣликомъ догматическое и нравственное содержаніе и обращали къ своимъ слушателямъ рѣчь въ той формѣ, какую переняли у греческихъ писателей. Прикрасы ораторскаго искусства не были еще большимъ недостаткомъ на языкѣ, въ которомъ онѣ образовались долго и постепенно, но безъ сомнѣнія выходили очень странны и темны на языкѣ свѣжаго, нелитературнаго народа: мы увѣрены, что большое

числу подобныхъ произведеній, особенно переводныхъ, оставалось просто непонятно народу, какъ часто непонятно и намъ, безъ сличенія съ подлинникомъ. Богатство литературы, о которомъ говорятъ наши историки, при этомъ, конечно, значительно сокращается. Когда слѣды этой византійской рутины мы находимъ и въ русской древней словесности, то въ менѣе богатой и самостоятельной сербской литературѣ они дошли до крайняго своего предѣла; страсть къ витійству до такой степени овладѣвала сербскимъ книжникомъ, что, вѣроятно и онъ самъ часто не могъ понять пышныхъ фразъ, наполнявшихъ его произведеніе. Чтобы показать, что выносили сербскіе писатели изъ той книжной школы, какую давала имъ Византія, приводимъ отзывъ писателя, котораго, конечно, не упрекнутъ въ пристрастіи. Разбирая письменныя сказанія сербовъ о Косовской битвѣ, г. Гильфердингъ говоритъ слѣдующее:

«Величайшее, самое поразительное и памятное событіе въ жизни ихъ народа не въ силахъ было внушить имъ здравую, фактическую рѣчь; оно расплывалось подъ ихъ перомъ въ какой-то жидкой, безсмысленной фразеологіи, которая не имѣетъ ничего подобнаго даже въ сочиненіяхъ византійскихъ историковъ. Таковъ дѣйствительно характеръ всей старинной сербской словесности: въ ней нѣтъ ни опредѣленнаго образа какого бы то ни было лица или событія, ни живаго, простаго слова. Все изысканныя, мудреныя фразы, все общія мѣста, даже названій лицъ и мѣстъ обыкновенно избѣгали сербскіе писатели стараніеся по возможности замѣнять ихъ неопредѣленными и общими словами.... Какъ русскіе лѣтописцы, какъ даже безтолковые византійскіе историки кажутся привлекательными послѣ чтенія сербскихъ историческихъ сказаній и житій! А эти сказанія и житія суть единственныя произведенія древней сербской письменности (за исключеніемъ переводовъ и офиціальныхъ актовъ). Другая характеристическая черта этихъ сказаній, неразрывно связанная въ нихъ съ обозначенною мною страстью къ фразеологіи и отсутствіемъ всякаго живаго смысла, есть безобразная, лицемѣрная лесть. Она убивала въ древнихъ сербскихъ писателяхъ не только свободу сужденія, но даже всякое нравственное чувство.... Разумѣется, при такомъ характерѣ лести, затмѣвающей всякое нравственное разумѣніе, не могло быть того истиннаго, душевнаго благочестія, которое согрѣваетъ, напримѣръ, произведенія древней русской словесности; вмѣсто того, старинныя писанія сербовъ представляютъ какую-то условную набожность, которая нерѣдко доходитъ до явнаго фарисейства и граничитъ съ кощунствомъ. Нельзя думать, чтобы пороки, высказывающіеся въ древней сербской словесности, были случайною принадлежностью нѣкоторыхъ писателей. Нѣтъ, если бы низкопоклонство и фарисейство въ дѣлѣ религіи не были въ то время общимъ порокомъ народа или, вѣрнѣе сказать, высшихъ его слоевъ, то мы не видѣли бы въ древней сербской исторіи того пора-

зительнаго явленія, что *всѣ* сербскіе государи отъ Немани до паденія сербскаго царства (за исключеніемъ только отцеубійцы Душана) причислялись современниками и близкими потомками къ святымъ, не смотря на то, что многіе изъ нихъ совершили хладнокровно тяжкія преступленія и постоянно готовы были измѣнить православію для политическихъ выгодъ, такъ что церковь и не могла въ послѣдствіи признать народнаго мнѣнія о нѣкоторыхъ изъ нихъ законнымъ. Но, конечно, не весь народъ сербскій долженъ подлежать осужденію, здѣсь произносимому; только верхніе слои, заражаясь всѣмъ дурнымъ, что приносилось извнѣ, были проникнуты такимъ духомъ низкопоклонства и фарисейства; за то и всѣ древніе писатели сербскіе, отражая въ себѣ духъ, господствовавшій въ верхнихъ слояхъ общества, какъ будто бы не видятъ и не признаютъ существованія народа.»

Безпристрастный историкъ литературы найдетъ нѣчто подобное этимъ чертамъ и въ древней русской литературѣ. Въ содержаніи византійской литературы очень мало было развивающаго; наша словесность подъ этимъ вліяніемъ долго оставалась совершенно неподвижной, съ одними и тѣми же идеями и моралью. Тѣ, которые въ защиту греческой литературы приводятъ эпоху возрожденія, какъ вышедшую отчасти изъ Византіи, впадаютъ просто въ недоразумѣніе; «возрожденіе» приготовлялось на западѣ, и если Византія доставила для него нѣкоторые матеріалы, то тѣмъ хуже для нея, если она не воспользовалась ими сама....

Современные славяне, какъ мы замѣтили, до сихъ поръ страдаютъ отъ ига, оставленнаго въ наслѣдство Византіей. Отголосокъ борьбы, которую поднимаетъ теперь противъ него пробуждающаяся народность болгаръ доходитъ до насъ въ книжкѣ «Братскій трудъ», изданной болгарами въ Москвѣ. Это небольшая брошюра, на болгарскомъ языкѣ, обращикъ новой, начинающейся, славянской литературы, еще бѣдной людьми, средствами и читателями, но не теряющей надежды на успѣхъ въ будущемъ. Въ книжкѣ помѣщено нѣсколько стихотвореній патріотическаго и народнаго содержанія, и статья, знакомящая съ положеніемъ болгарской словесности, если можно такъ назвать слабыя попытки выразить на мало-развитомъ языкѣ народа первыя, пробудившіяся потребности образованія и національной самобытности. До сихъ поръ болгарская литература имѣетъ только нѣсколько элементарныхъ книгъ, газету, издаваемую въ Константинополѣ, и нѣсколько переводовъ, на которыхъ болгары пробовали свой языкъ: передъ ними еще много элементарнаго труда, нужно выбрать и установить извѣстныя формы литературнаго языка, пріучить народъ къ чтенію, дать ему необходимѣйшія первоначальныя книги. Послѣ Априлова и Венелина, которыхъ имена будутъ памятны въ исторіи этой новой культуры, дѣло уже

значительно подвинулось впередъ; есть уже болгарскія школы, молодое поколѣніе яснѣе понимаетъ свою задачу, и, какъ показываетъ «Братскій трудъ», не остановится передъ препятствіями. Въ послѣднее время болгары снова заговорили въ русской литературѣ; любопытному читателю укажемъ, напримѣръ, разсказы г. Даскалова и г. Поповича объ ихъ родинѣ (въ Русской Бесѣдѣ),—онъ увидитъ изъ нихъ печальное состояніе народа, задавленнаго двойнымъ игомъ турокъ и грековъ. Первые гнетутъ его матеріальнымъ насиліемъ, грабежами и убійствами; вторые налагаютъ тяжелый нравственный гнетъ, преслѣдованіе народности, насиліе не менѣе мучительное для пробудившагося сознанія. Отношеніе турецкихъ грековъ къ болгарамъ напоминаетъ отношеніе нѣмцевъ къ западнымъ славянамъ: пользуясь выгодами своего положенія они точно также не признаютъ народности, возстаютъ противъ народнаго языка въ школѣ, въ книгѣ и въ жизни; «они гонятъ болгарскихъ учителей, какъ будто бы они были бунтовщики и безбожники»; болгаринъ пользуется ихъ расположеніемъ только тогда, когда дѣлается полугрекомъ и отрывается отъ народа. Взамѣнъ народности, греки могутъ передать новоизбранному только свое рабство и свою нравственную нищету. Болгарская и греческая сторона находятся теперь въ постоянномъ спорѣ; народъ началъ понимать свое положеніе и прежде всего заявилъ свое право на народную самостоятельность, и авторъ «мыслей болгарской словесности» горячо вооружается противъ своекорыстныхъ притязаній греческой партіи, которая заботится только о своихъ выгодахъ, а не объ интересѣ народа. Припомнивъ судьбу своего народнаго дѣла за десять лѣтъ, авторъ находитъ, что борьба съ чужимъ началомъ идетъ успѣшно, что «въ немъ принимаетъ теперь участіе цѣлый болгарскій народъ», но что греки и болгары, такъ долго спорившіе между собой, «*никогда непомирятся*, они нравственно противоположны одинъ другому.»

Но возвратимся къ книгѣ г. Григоровича. Исторія сербскихъ отношеній съ греками и турками до Косовской битвы въ XV столѣтіи прекрасно объяснена вкратцѣ нашимъ ученымъ, и надобно только жалѣть, что при своихъ занятіяхъ онъ лишенъ былъ многихъ важныхъ пособій; изъ его ссылокъ мы видимъ, что ему часто не доставало необходимѣйшихъ новыхъ изданій по его предмету; но если книга его не блеститъ множествомъ цитатъ, это не мѣшаетъ ей быть весьма серьёзнымъ произведеніемъ.

А. ПЫПИНЪ.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЙ ПРИНЦИПЪ ВЪ ФИЛОСОФІИ.

(Очерки вопросовъ практической философіи. Сочиненіе *П. Л. Лаврова.* I. Личность. Спб. 1860).

I.

Еслибы брошюра г. Лаврова могла служить только предметомъ критическаго разбора и если бы мы стали читать ее съ мыслью написать потомъ разборъ понятій, излагаемыхъ въ ней, мы съ первыхъ же страницъ отказались бы отъ ея чтенія, потому что, — скажемъ откровенно, — мы не читали большей части тѣхъ многочисленныхъ книгъ, которыя приняты въ соображеніе авторомъ, и даже думаемъ, что никогда не прочтемъ ихъ; а безъ знакомства съ ними нельзя съ точностью оцѣнить спеціальнаго достоинства брошюры г. Лаврова. Но она не только прочтена нами, — она даже послужила причиною того, что мы написали довольно длинную статью, имѣющую самыя тѣсныя отношенія къ ней.

Изслѣдованія г. Лаврова прямо начинаются ссылкою на писателя, изъ книгъ котораго ни одна не прочтена нами,—цитатою изъ Жюля Симона, очень извѣстнаго французскаго теоретика. Если бы мы не знали, къ какому направленію принадлежитъ этотъ писатель, довольно было бы намъ увидѣть двѣ строки, приводимыя изъ него въ самомъ началѣ брошюры, чтобы лишиться охоты знакомиться съ

нимъ: «сочиненіе, относящееся къ политической теоріи и чуждое текущей политики, есть теперь почти новость», говоритъ Жюль Симонъ, по свидѣтельству г. Лаврова, въ началѣ своей книги «Свобода». Этого десятка словъ, приведенныхъ изъ него, достаточно, чтобы замѣтить въ ихъ авторѣ совершенное непониманіе того порядка, по которому происходятъ всѣ дѣла на свѣтѣ и между прочимъ пишутся теоретическія сочиненія. Нынѣ политическія теоріи создаются подъ вліяніемъ текущихъ событій и ученые трактаты служатъ отголосками исторической борьбы, имѣютъ цѣлью задержать или ускорить ходъ событій. По мнѣнію Жюля Симона, прежде было не такъ, — иначе онъ не употребилъ бы слова «теперь». Этого мало: Жюлю Симону кажется также, что всѣ люди нашей эпохи, а въ томъ числѣ и ученые, поступаютъ не совсѣмъ хорошо, являясь не простыми представителями или послѣдователями абстрактныхъ ученій, не имѣющими никакого родства съ страстями своей страны въ свое время, а истолкователями и защитниками стремленій каждый своей партіи: еслибъ онъ не порицалъ ихъ за это, онъ не называлъ бы свою книгу сочиненіемъ «чуждымъ текущей политики». Наконецъ, онъ воображаетъ, что можетъ обмануть читателей, или чистосердечно полагаетъ самъ, что говоритъ правду, титулуя свою книгу сочиненіемъ, «чуждымъ текущей политики». Подъ вліяніемъ трехъ этихъ воззрѣній написаны слова, приведенныя изъ Жюля Симона г. Лавровымъ и всѣ эти три воззрѣнія ошибочны до такой очевидности, что свидѣтельствуютъ или о необыкновенной наивности и недальновидности Жюля Симона, или о совершенномъ недостаткѣ правдивости въ его языкѣ. Мы склоняемся къ первому предположенію, потому что человѣкъ хитрый умѣетъ хитрить, а Жюль Симонъ говоритъ несообразности слишкомъ явныя, которыя могутъ внушаться только крайнею наивностью.

Политическія теоріи, да и всякія вообще философскія ученія создавались всегда подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ того общественнаго положенія, къ которому принадлежали, и каждый философъ бывалъ представителемъ какой нибудь изъ политическихъ партій, боровшихся въ его время за преобладаніе надъ обществомъ, къ которому принадлежалъ философъ. Мы не будемъ говорить о мыслителяхъ, занимавшихся спеціально политическою стороною жизни. Ихъ принадлежность къ политическимъ партіямъ слишкомъ замѣтна для каждаго: Гоббзъ былъ абсолютистъ, Локкъ былъ вигъ, Мильтонъ—республиканецъ, Монтескьё—либералъ въ англійскомъ вкусѣ, Руссо—революціонный демократъ, Бентамъ просто демократъ, революціонный или нереволюціонный, смотря по надобности; о такихъ писателяхъ нечего и говорить. Обратимся къ тѣмъ мыслителямъ, которые занимались по-

строеніемъ теорій болѣе общихъ, къ строителямъ метафизическихъ системъ, къ собственно такъ называемымъ философамъ. Кантъ принадлежалъ къ той партіи, которая хотѣла водворить въ Германіи свободу революціонными путемъ, но гнушалась террористическими средствами. Фихте пошелъ нѣсколькими шагами дальше: онъ не боится и террористическихъ средствъ. Шеллингъ представитель партіи, запуганной революціею, искавшей спокойствія въ средневѣковыхъ учрежденіяхъ, желавшей возстановить феодальное государство, разрушенное въ Германіи Наполеономъ I и прусскими патріотами, ораторомъ которыхъ былъ Фихте. Гегель умѣренный либералъ, чрезвычайно консервативный въ своихъ выгодахъ, но принимающій для борьбы противъ крайней реакціи революціонные принципы, въ надеждѣ не допустить до развитія революціонный духъ, служащій ему орудіемъ къ ниспроверженію слишкомъ ветхой старины. Мы говоримъ не то одно, чтобы эти люди держались такихъ убѣжденій, какъ частные люди, — это было бы еще не очень важно, но ихъ философскія системы насквозь проникнуты духомъ тѣхъ политическихъ партій, къ которымъ принадлежали авторы системъ. Говорить, будто бы не было и прежде всегда того же, что теперь, говорить, будто бы только теперь философы стали писать свои системы подъ вліяніемъ политическихъ убѣжденій — это чрезвычайная наивность, а еще наивнѣе выражать такую мысль о тѣхъ мыслителяхъ, которые занимались въ особенности политическимъ отдѣломъ философской науки.

Но, пусть себѣ будутъ похожи или непохожи на прежнихъ мыслителей нынѣшніе мыслители тѣмъ, что служатъ представителями политическихъ партій; какъ бы тамъ ни было въ старину, а теперь мы видимъ, что каждый человѣкъ съ развитою головою очень сильно интересуется политическими событіями: газету читаютъ даже тѣ люди, которые не въ состояніи читать книгъ сколько нибудь серьёзныхъ; чѣмъ же виноваты мыслители нашей эпохи, когда не отстаютъ въ умственномъ развитіи отъ офицеровъ и чиновниковъ, помѣщиковъ и фабрикантовъ, лавочныхъ сидѣльцевъ и мастеровыхъ? Развѣ мыслителю необходимо быть тупоумнѣе и слѣпѣе каждаго грамотнаго человѣка. Всякій, достигшій какой нибудь умственной самостоятельности, имѣетъ политическія убѣжденія, судитъ обо всемъ по соображенію съ ними, — чѣмъ же виноватъ философъ или политическій теоретикъ, когда его образъ мыслей не лишенъ смысла, какой есть въ образѣ мыслей каждаго изъ людей, просвѣщать которыхъ онъ берется? Неужели учитель долженъ быть невѣжественнѣе ученика? Неужели человѣкъ, пишущій о предметѣ, долженъ интересоваться имъ меньше, чѣмъ интересуются люди, не

принимающіе на себя претензіи печатать теорію этого предмета? Нужна баранья наивность, чтобы порицать ученаго за то, что онъ не глупѣе и не тупѣе неученыхъ людей.

Но забавнѣе всего простодушіе, съ какимъ Жюль Симонъ хочетъ убѣдить публику или успѣлъ убѣдить даже самого себя, будто бы его книга чужда текущей политики. Мы слыхивали о характерѣ теоретическихъ книгъ, писанныхъ Жюлемъ Симономъ въ разные годы. При іюльской монархіи его доктрина отличалась умѣреннымъ духомъ свободы и снисходительными полуодобреніями, полупорицаніями людямъ дѣйствительно прогрессивнымъ. Во время республики элементъ свободы припрятался у него подъ ожесточенною реакціею противъ рѣшительныхъ прогрессистовъ, которые тогда едва не захватили власть въ свои руки. Когда упрочилась имперія и рѣшительные прогрессисты стали казаться безсильными, а реакція совершенно восторжествовала, Жюль Симонъ сталъ писать въ духѣ очень яростнаго свободолюбія. Изъ этого мы видимъ, что его теоріи отражали на себѣ не просто только убѣжденія его партіи, а подчинялись даже каждому кратковременному состоянію чувства этой партіи. Еслибъ мы и не читали объ этомъ фактѣ, мы навѣрное могли бы знать, что дѣло происходило такимъ образомъ: для насъ довольно было бы знать, что Жюль Симонъ пользуется во Франціи нѣкоторою репутаціею и слѣдовательно не совершенно лишенъ ума: умный человѣкъ не можетъ не замѣчать событій, происходящихъ около него, не принимать ихъ въ соображеніе, стало быть и его система не можетъ не отражать на себѣ хода событій. Это понимаетъ всякій, кромѣ немногихъ, слишкомъ наивныхъ людей. Г. Лавровъ прямо замѣчаетъ, что цитуемый имъ авторъ не сдержалъ своего несбыточнаго обѣщанія. А если такъ, къ чему было Жюлю Симону взводить на себя неправдоподобную небылицу, увѣреніемъ въ изолированности своей системы отъ вліянія текущей политики?

Человѣкъ, который говоритъ такія наивныя несообразности, можетъ быть добродѣтельнымъ семьяниномъ, хорошимъ гражданиномъ, пріятнымъ болтуномъ; но мыслителемъ онъ быть не можетъ, потому что у него въ головѣ нѣтъ логики. Если онъ сдѣлается писателемъ, его произведенія могутъ имѣть достоинства беллетристическія, археологическія и всякія другія, но не могутъ имѣть ровно никакого философскаго значенія. Поэтому мы лишаемъ себя всякой надежды прочесть философскія сочиненія Жюля Симона. Если бы мы захотѣли фельетонныхъ достоинствъ, мы прямо стали бы читать фельетоны г-жи Эмиль Жирарденъ, Луи-Дюнойе, Теофиля Готье; если бы мы захотѣли наслаждаться поэзіею, мы стали бы читать романы Жоржа Занда, пѣсни Беранже; если бы, наконецъ, мы захо-

тѣли просто читать пустую болтовню, мы взялись бы за романы Александра Дюма-старшаго, или, пожалуй, младшаго, или даже маркиза Фудраса; но какая охота была бы намъ читать философскія книги Жюля Симона, въ которыхъ можетъ быть много пріятной болтовни, фельетонной соли или даже поэзіи, но которыя все-таки, по самому своему предмету, далеко отстаютъ этими достоинствами отъ порядочныхъ фельетоновъ, хорошихъ и даже плохихъ романовъ, а не имѣютъ того достоинства, изъ-за котораго становится интереснымъ философское сочиненіе, — не имѣютъ логики?

Точно также мы не думаемъ, чтобы намъ удалось прочесть сочиненія нынѣшняго Фихте, о которомъ извѣстно намъ то, что о немъ всегда выражаются «сынъ знаменитаго Фихте». Такая рекомандація напоминаетъ намъ анекдотъ, случившійся въ Петербургѣ лѣтъ пять или шесть тому назадъ. Встрѣтились гдѣ-то на вечерѣ два незнакомые господина и, потолковавъ между собою, почувствовали желаніе познакомиться. «Съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?» спросилъ одинъ изъ нихъ. Другой назвалъ свою фамилію и въ свою очередь спросилъ: «а съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?» — «Я мужъ г-жи Тедеско», отвѣчалъ его собесѣдникъ. Мы никогда не имѣли охоты слушать пѣніе мужа г-жи Тедеско.

По тѣмъ же самымъ основаніямъ, которыя отнимаютъ у насъ возможность познакомиться съ сочиненіями Жюля Симона и Фихте-сына, мы не читали и не прочтемъ философскихъ произведеній Шопенгауэра и Фрауштета. Они, по всей вѣроятности, прекрасные люди, но въ философіи они тоже самое, что въ поэзіи г-жа К. Павлова, одно изъ произведеній которой, «Разговоръ въ Кремлѣ», также цитуется г. Лавровымъ.

По недостатку знакомства съ многими изъ источниковъ, которыми пользовался г. Лавровъ, мы, конечно, не можемъ въ точности оцѣнить достоинство его произведенія. Мы можемъ предполагать только одно: если бы онъ не имѣлъ большаго философскаго дарованія, чѣмъ Жюль Симонъ, Фихте-сынъ, то въ его брошюрѣ былъ бы тотъ же самый вовсе не философскій духъ, какой находится въ ихъ произведеніяхъ, и его «Теорія личности» была бы также плоха, какъ ихъ теоріи. Но его брошюра должна быть положительно признана хорошею. Изъ этого надобно заключать, что г. Лавровъ замѣтилъ многія ошибки тѣхъ посредственныхъ философовъ, которыхъ изучалъ, что онъ умѣлъ понять многія вещи гораздо лучше, нежели они, словомъ сказать, что недостатки его брошюры произошли изъ другихъ книгъ, каковы книги Жюля Симона и Фихте-сына, а достоинствами своими брошюра обязана въ очень значительной степе-

ни самому автору. Мы думаемъ, что это предположеніе вѣрно, и потому желаемъ, чтобы г. Лавровъ продолжалъ писать статьи о философіи.

Точно также въ большую заслугу ему надобно вмѣнить и то, что онъ изучаетъ философію не по однимъ мыслителямъ такого разряда, какъ Шопенгауэръ и Жюль Симонъ. Въ нашемъ обществѣ, которое такъ мало знакомо съ истинно великими нынѣшними мыслителями западной Европы, которое считаетъ лучшими руководствами къ изученію философіи, или произведенія людей нынѣшняго поколѣнія, далеко отставшихъ отъ современнаго развитія мысли, или творенія мыслителей великихъ, но уже слишкомъ давнихъ и переставшихъ быть удовлетворительными при нынѣшнемъ развитіи наукъ и общественныхъ отношеній, — въ нашемъ обществѣ за великую заслугу надобно считать то, когда человѣкъ, кромѣ плохихъ или обветшалыхъ руководствъ, рекомендуемыхъ ему всѣми встрѣчными и особенно всѣми спеціалистами, самъ доискивается до лучшихъ руководствъ, умѣетъ найти ихъ, умѣетъ понять ихъ. Г. Лавровъ большую часть пути ведетъ своихъ читателей по прямой и хорошей дорогѣ впередъ: это дѣлаетъ ему большую честь, потому что никто въ нашемъ обществѣ не показывалъ ему этой дороги, а вѣроятно всѣ, когда нибудь служившіе ему совѣтниками, толкали его на разныя кривыя тропинки, ведущія по болоту и большею частью назадъ, а не впередъ.

Мы высоко цѣнимъ объ эти заслуги: и ту, что г. Лавровъ имѣлъ силу додуматься до результатовъ гораздо лучшихъ того, что давали ему какіе нибудь Фихте-сыновья и Жюли Симоны; и ту заслугу, что онъ умѣлъ найти для своихъ философскихъ изслѣдованій руководства, гораздо лучшія посредственныхъ и отсталыхъ книгъ. Но соединеніе прекрасныхъ мыслей, заимствованныхъ изъ дѣйствительно великихъ и современныхъ мыслителей или внушенныхъ собственнымъ умомъ, съ понятіями, или не совсѣмъ современными, или принадлежащими не тому образу мыслей, какого въ сущности держится г. Лавровъ, или, наконецъ, принадлежащихъ особенному положенію мыслителя среди публики непохожей на нашу и потому получающихъ невѣрный колоритъ при повтореніи у насъ, — это соединеніе собственныхъ достоинствъ съ чужими недостатками придаетъ, если мы не ошибаемся, системѣ г. Лаврова характеръ эклектизма, который производитъ неудовлетворительное впечатлѣніе на читателя, знакомаго съ требованіями философскаго мышленія. Въ брошюрѣ г. Лаврова встрѣчаются мысли, которыя едва-ли совмѣстны между собою. Мы приведемъ одинъ примѣръ тому.

Г. Лавровъ, мыслитель прогрессивный, — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. По всему видно, что онъ проникнутъ искреннимъ желаніемъ содѣйствовать своему обществу въ пріобрѣтеніи нравственныхъ и общественныхъ благъ. Между тѣмъ на первой же страницѣ книжки мы встрѣчаемъ фразу «общественный деспотизмъ Соединенныхъ Штатовъ», и къ этой фразѣ прибавлена для подтвержденія цитата изъ книги Милля On liberty. «Утверждаютъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ, чувствованія большинства, которому непріятно обнаруженіе болѣе-замѣтнаго или болѣе-богатаго образа жизни, чѣмъ образъ жизни, доступный этому большинству, дѣйствуютъ, какъ довольно дѣйствительный законъ противъ роскоши, и во многихъ мѣстахъ союза, для лица, имѣющаго значительный доходъ, дѣйствительно трудно найти средства его тратить, не навлекая на себя народнаго неудовольствія». Миллю хорошо говорить это: англійская публика знаетъ, какъ понимать его слова, а наша публика подумаетъ Богъ-знаетъ что, услышавъ ихъ безъ объясненій. Г. Лавровъ приводитъ отрывокъ изъ Милля не для какой нибудь важной цѣли, а просто для того, чтобы увеличить четырьмя словами «общественный деспотизмъ Соединенныхъ Штатовъ», длинный списокъ разныхъ политическихъ или общественныхъ формъ, пережитыхъ или переживаемыхъ западнымъ человѣчествомъ. Для такой неважной надобности, какъ представленіе 27 указаній вмѣсто 26, не стоило затрогивать факта, требующаго слишкомъ длинныхъ разсужденій. Напрасно г. Лавровъ привелъ его; но еще хуже, по нашему мнѣнію, вышло оттого, что онъ, указавъ на фактъ, не сказалъ нашей публикѣ о его смыслѣ. Мы должны дополнить этотъ недостатокъ. Во-первыхъ, фактъ, называемый у г. Лаврова общественнымъ деспотизмомъ, существуетъ не во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ, а почти исключительно въ одной части ихъ, въ такъ называемыхъ Штатахъ Новой Англіи и главнымъ образомъ въ городѣ Бостонѣ. Во-вторыхъ, этотъ фактъ, вовсе, какъ видимъ, не повсемѣстный, составляетъ не послѣдствіе сѣверо-американскихъ учрежденій, какъ думаютъ поверхностные наблюдатели, а просто остатокъ пуританства, ослабѣвающій съ каждымъ годомъ: извѣстно, что штаты Новой Англіи были основаны пуританами, которые считали роскошь грѣхомъ. Въ-третьихъ даже и между потомками пуританъ стѣсненіе существуетъ вовсе не въ такой значительной степени, какъ полагаютъ довѣрчивые люди, принимающіе за чистую монету слова богатыхъ скрягъ: скряги вездѣ ищутъ предлога для извиненія своей чрезмѣрной скупости; обыкновенно они жалуются на свое бѣденсжье, на тяжелыя времена, а въ штатахъ Новой Англіи прінскали еще новый предлогъ — мнимую

стѣснительность какого-то повѣрья, почти уже переставшаго существовать.

Если уже говорить объ общественномъ деспотизмѣ въ Сѣверной Америкѣ, то слѣдовало бы указать не на эту ничтожную черту отживающей старины, а на другое явленіе, которымъ производятся теперь такія сильныя смуты въ Соединенныхъ Штатахъ: въ той части ихъ, которая сохранила невольничество, общественное мнѣніе, находясь подъ владычествомъ плантаторовъ, не допускаетъ ни одного слова, похожаго на аболиціонизмъ; люди, говорящіе противъ невольничества, подвергаются грабежу, изгнанію и уголовнымъ наказаніямъ. Но довольно сказать, что въ этой половинѣ союза, въ южныхъ или невольническихъ штатахъ, господствуетъ аристократія: вся власть фактически принадлежитъ нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ богатыхъ плантаторовъ, которые держатъ въ невѣжествѣ и нищетѣ не только своихъ негровъ, но и массу бѣлаго населенія этихъ штатовъ. Извѣстно, что вся земля въ Виргиніи и другихъ старинныхъ невольничьихъ штатахъ принадлежитъ потомкамъ старинныхъ вельможъ, получившихъ ее по пожалованью при Стюартахъ. Они постепенно расширяли свои владѣнія и на тѣ страны, въ которыхъ основаны новые невольничьи штаты; они держатъ шайки бандитовъ, подобныхъ знаменитому Уокеру. Вообще разница между Неаполемъ и Швейцаріею не такъ велика, какъ разница между южною и сѣверною половинами Соединенныхъ Штатовъ. Сѣверные (свободные) штаты только въ послѣднее время стали сознавать, что до сихъ поръ сохраняли надъ Союзомъ преобладаніе аристократы южныхъ (невольничьихъ) штатовъ и коренной смыслъ нынѣшней борьбы между аболиціонистами и плантаторами заключается въ томъ, что демократія, господствующая въ сѣверныхъ штатахъ, хочетъ вырвать политическую власть надъ Союзомъ изъ рукъ аристократовъ-плантаторовъ (*).

(*) Въ Сѣверной Америкѣ многія слова, относящіяся къ политической жизни, употребляются не въ такомъ смыслѣ, какъ въ Европѣ; отъ этого происходятъ чрезвычайно частыя ошибки въ европейскихъ сужденіяхъ о сѣверо-американскихъ дѣлахъ. Аболиціонисты, которыхъ по европейскимъ понятіямъ слѣдуетъ называть демократами, называются теперь въ Сѣверной Америкѣ просто республиканцами; ихъ противники, аристократы, присвоили себѣ имя демократовъ. Какъ произошло такое превращеніе именъ, разсказывать здѣсь было бы неумѣстно, и мы замѣчаемъ о немъ только для того, чтобы читатель видѣлъ, что мы, приписывая аристократическій характеръ защитникамъ невольничества въ Соединенныхъ Штатахъ, не забыли о названіи демократовъ, которое они фальшиво себѣ присвоили. Такія превращенія въ смыслѣ политическихъ словъ встрѣчаются очень часто и въ европейской исторіи. Напримѣръ, во Франціи патріотами въ концѣ прошлаго вѣка назывались республиканцы, а въ Германіи въ началѣ нынѣшняго вѣка тѣмъ же именемъ звали себя защитники феодальныхъ учрежденій.

Западная Европа очень богата политическими опытами, политическими теоріями, говоритъ г. Лавровъ, но къ чему же она пришла, такъ дорого заплативъ за опыты, употребивъ такъ много умственныхъ силъ на оцѣнку ихъ? Она пришла только къ чувству неудовлетворенности своимъ настоящимъ, къ страху за свое будущее: «Вездѣ критика и критика; надежды, недавно кипѣвшія съ такою силою, ослабѣли; будущее страшно для всѣхъ». Этотъ выводъ г. Лавровъ подтверждаетъ выписками изъ Жюля Симона, Милля и изъ автора книги «de la Justice». О мнѣніяхъ Жюля Симона мы не станемъ говорить, но обратимъ вниманіе на взгляды двухъ другихъ писателей, цитуемыхъ г. Лавровымъ, потому что они люди дѣйствительно очень умные и совершенно честные.

Милля мы очень уважаемъ; онъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ мыслителей нынѣшней эпохи и сильнѣйшій мыслитель между экономистами, которые остались вѣрны ученію Смита. Впрочемъ, послѣдняя рекомендація сама по себѣ еще не могла бы служить мѣркою ума, потому что другихъ, сколько нибудь сильныхъ въ логикѣ людей, это экономическое направленіе рѣшительно не имѣетъ. Но, говоря не по сравненію съ другими экономистами смитовской школы, съ которыми неприлично сравнивать людей большаго ума, а по сравненію вообще съ учеными людьми по всѣмъ наукамъ, Милля можно назвать принадлежащимъ къ разряду тѣхъ второстепенныхъ, но все-таки очень замѣчательныхъ мыслителей, силу мысли которыхъ мы яснѣе всего опредѣлимъ, если скажемъ, что она такъ же велика, какъ напримѣръ сила поэтическаго таланта у лучшихъ изъ нынѣшнихъ нашихъ беллетристовъ. Г. Писемскій, напримѣръ, вовсе не Гоголь, но все-таки его талантъ далеко не дюжинный. Точно такъ и Миллю далеко до такихъ людей, какъ Адамъ Смитъ, или Гегель, или Лавуазье,—до людей, вводившихъ въ науку новыя основныя идеи; но довольно самостоятельно развивать идеи, уже получившія господство, пройти нѣсколько шаговъ впередъ по направленію, уже указанному другими,—это дѣло такихъ людей, какъ Милль. Они заслуживаютъ большаго уваженія. Посмотримъ же, что говоритъ Милль и почему онъ такъ говоритъ?

Его можно характеризовать однимъ недавнимъ дѣломъ. Читателю извѣстно, что въ Англіи стоитъ теперь на очереди вопросъ о пониженіи избирательнаго ценза. Самые отсталые консерваторы согласны, что это дѣло неизбѣжное. Они всячески стараются затянуть его, стараются уменьшить размѣръ его, говорятъ о рискованности большихъ перемѣнъ, объ опасностяхъ, угрожающихъ конституціи; но сознаются, что какую нибудь уступку надобно сдѣлать. Въ началѣ прошлаго года, когда умы, еще мало раз-

влеченные внѣшними дѣлами, были сильно заняты пониженіемъ ценза, Милль издалъ брошюру, и напечаталъ письмо, въ которыхъ объяснялъ, что прежде, нежели давать права людямъ какого нибудь сословія, надобно сдѣлать точныя ученыя изслѣдованія объ умственныхъ, нравственныхъ и политическихъ качествахъ людей этого сословія. Мы не знаемъ, говорилъ онъ, каковы политическія убѣжденія разныхъ разрядовъ работниковъ, мелкихъ лавочниковъ и другихъ людей, не пользующихся теперь политическими правами: кого они будутъ выбирать своими представителями, на какой путь повлекутъ ихъ представители палату общинъ? Но главнымъ предметомъ его замѣчаній былъ вопросъ о замѣнѣ открытой подачи голосовъ на выборахъ тайною баллотировкою. Консерваторы говорятъ, что открытая подача голосовъ развиваетъ въ человѣкѣ гражданскую доблесть, прямодушіе и всевозможныя другія добродѣтели, а тайная баллотировка нужна только трусамъ, которые лучше пусть и не участвуютъ въ общественныхъ дѣлахъ, пока не пріучатся быть доблестными гражданами, или людямъ двоедушнымъ, которые на словахъ будутъ обѣщать свой голосъ одному кандидату, а подадутъ голосъ за другаго. Всѣ прогрессисты, напротивъ, требуютъ тайной баллотировки, говоря, что только ею ограждается независимость избирателя. Милль, хотя самъ большой прогрессистъ въ теоріи, не побоялся высказать, что не раздѣляетъ въ этомъ случаѣ мнѣнія своихъ политическихъ друзей. Это дѣлаетъ ему, какъ человѣку, тѣмъ больше чести, что прежде онъ думалъ иначе и теперь съ откровеннымъ благородствомъ прямо говоритъ, что принужденъ отказаться отъ своего прежняго мнѣнія, какъ неосновательнаго. Значила ли эта брошюра, восхитившая собою всѣхъ консерваторовъ, что Милль пересталъ быть прогрессистомъ? Нѣтъ, въ теоріи онъ по прежнему защищаетъ предоставленіе избирательнаго голоса всѣмъ взрослымъ людямъ; онъ идетъ тутъ гораздо далѣе самихъ хартистовъ, доказывая, что голосъ на выборахъ долженъ быть данъ и женщинамъ, тогда какъ даже хартисты говорятъ только о мужчинахъ. Но дѣло въ томъ, что къ живому вопросу Милль приступаетъ съ идеальнымъ желаніемъ повести его путемъ дѣйствительно наилучшимъ, по научному взгляду: прежде чѣмъ сдѣлать перемѣну, конечно, надобно собрать самыя лучшія и полныя данныя о качествахъ предмета, къ которому относится перемѣна, чтобы съ математическою точностью можно было предсказать ея результаты. Такъ и дѣлаютъ, напримѣръ, въ таможенныхъ реформахъ: высчитаютъ до послѣдней копѣйки, насколько уменьшится въ первый годъ таможенный сборъ отъ пониженія пошлины, съ какою быстротою начнетъ онъ потомъ возрастать, во сколько лѣтъ и до какой цифры возвысится. Милль

хотѣлъ бы, чтобы и парламентская реформа была произведена такимъ же разумнымъ и осмотрительнымъ порядкомъ. Не собрано статистическихъ данныхъ о томъ, какое число людей честныхъ и вовсе не трусливыхъ поставлены своими житейскими обстоятельствами въ такую зависимость, что при открытой подачѣ голосовъ принуждены или вовсе не являться на выборы, или подавать голосъ не за того кандидата, котораго предпочитаютъ въ душѣ. Свѣдѣній этихъ не собрано, потому и Милль послѣ многолѣтняго обдумыванья рѣшилъ наконецъ, что нѣтъ достаточныхъ основаній предпочесть тайную баллотировку открытой подачѣ голосовъ. А если бы собрать доказательства, достаточныя для возведенія наклонности прогрессистовъ къ тайной баллотировкѣ въ научную истину, Милль былъ бы очень радъ раздѣлять желанія своихъ политическихъ друзей. Словомъ сказать, онъ въ своей брошюрѣ явился человѣкомъ очень честнымъ и такимъ же прогрессистомъ, какъ прежде, только выставилъ непрактичныя требованія. Отчего же эта непрактичность? Просто отъ слишкомъ сильнаго желанія, чтобы развитіе общественной жизни шло путемъ совершенно разсудительнымъ. На дѣлѣ этого не бываетъ въ важныхъ вещахъ ни въ жизни отдѣльнаго человѣка, ни въ народной жизни. Совершенно хладнокровно, спокойно, обдуманно, разсудительно дѣлаются только вещи не слишкомъ важныя. Посмотрите на человѣка, съ какой обдуманностью, какъ умно выбираетъ онъ, какую дѣвицу ангажировать на кадриль или мазурку: какъ зорко оцѣниваетъ онъ и красоту, и нарядность, и пріятность въ разговорѣ, и ловкость въ танцахъ избираемой имъ дамы, прежде чѣмъ подойдетъ къ ней съ предложеніемъ. Но вѣдь это потому, что дѣло тутъ не важное для него. Такъ ли онъ поступитъ при выборѣ невѣсты? Дѣло извѣстное, что почти всѣ порядочные люди становятся женихами, сами не зная какъ это случилось: кровь разгорячена, сорвалось съ языка слово, — и кончено. Правда, и при выборѣ невѣсты поступаютъ обдуманно, благоразумно, очень многіе; но вѣдь это бываетъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда женитьба представляется рѣшающемуся на нее дѣломъ простаго комфорта, т. е. развѣ не многимъ поважнѣе, чѣмъ пріисканіе удобной квартиры или хорошаго повара. Даже изъ людей, женящихся просто съ корыстными цѣлями, слишкомъ часто дѣлаютъ неразсудительный выборъ тѣ, у которыхъ желаніе обогатиться доходитъ до страсти. Гдѣ замѣшана страсть, тамъ обдуманность и хладнокровіе невозможны — это истина извѣстная по прописямъ. Каждый важный общественный вопросъ возбуждаетъ страсти, это дѣло также извѣстное. Если реформа касается только небольшой части общества или, затрогивая интересы всѣхъ, представляетъ для каждаго рискъ лишь

незначительнаго убытка или выигрыша, словомъ сказать, если реформа не очень важна, она можетъ производиться хладнокровнымъ путемъ. Такъ, напримѣръ, пониженіе пошлины на чай или сахаръ произведено было въ Англіи очень спокойно и раціонально: кому охота была волноваться изъ-за того, что уменьшится нѣсколькими пенсами цѣна фунта чая, или нѣсколькими шиллингами цѣна центнера сахара? Каждому было пріятно получить черезъ это возможность сберечь десятка полтора или два шиллинговъ въ годъ; но кому надобность горячиться изъ за такой мелочи? Убытка не приносила реформа никому. Но большой убытокъ приносила англійскимъ судохозяевамъ другая реформа, также очень полезная: отмѣна навигаціоннаго акта, по которому англійскія суда пользовались въ англійскихъ гаваняхъ таможенными преимуществами передъ иностранными. Сословіе судохозяевъ доходило до ярости въ то время, и до сихъ поръ кипитъ злостью, съ неистовствомъ требуетъ, чтобы возстановили навигаціонный актъ. За то это сословіе составляетъ лишь ничтожную часть въ торговомъ классѣ, который, за исключеніемъ судохозяевъ, весь выигрывалъ черезъ реформу. Люди раздраженные были безсильны и потому дѣло велось обществомъ очень холодно. Но такъ ли были отмѣнены хлѣбные законы, когда теряли привилегію люди сильные въ англійскомъ обществѣ? Читатель знаетъ, что людямъ, хотѣвшимъ этого полезнаго дѣла, только тогда удалось побороть могущественную оппозицію, когда разыгрались страсти въ большинствѣ общества, много выигрывавшаго отъ важной реформы; а когда общество взволновалось страстью, холодное веденіе дѣла невозможно. Развѣ у Роберта Пилля достало времени на многолѣтнія статистическія изысканія, когда подошла неизбѣжность перемѣны? Нѣтъ, какія свѣдѣнія были, тѣми и воспользовались, медлить было нельзя. А вѣдь это не совсѣмъ раціонально: почему знать, еслибы глубже вникнуть въ дѣло, быть можетъ нѣкоторыя подробности закона обработались бы лучше? Быть можетъ, представилась бы возможность вполнѣ достичь цѣли, не повредивъ выгодамъ многихъ противниковъ реформы, дѣйствительно подвергнувшихся черезъ нее убытку? Конечно такъ, но очень важныя для общества дѣла никогда такъ не дѣлались. Посмотрите, какимъ путемъ уничтожался феодализмъ, или обращалась въ ничтожество инквизиція, или получались права среднимъ сословіемъ, вообще уничтожалось какое нибудь важное зло или вводилось какое нибудь важное благо. Миль очень хорошо понимаетъ это, какъ научную истину, какъ общій принципъ историческаго развитія; но когда пришлось видѣть на опытѣ приложеніе этого принципа, онъ смутился и сталъ говорить Богъ знаетъ что. Отчего же смущеніе передъ фактомъ у человѣка, ясно пони-

мающаго и отважно допускающаго принципъ, изъ котораго родился этотъ фактъ? Просто отъ разницы впечатлѣнія, производимаго отвлеченною мыслью и фактомъ, дѣйствующимъ на чувства. Осязаемый предметъ дѣйствуетъ гораздо сильнѣе отвлеченнаго понятія о немъ. Человѣкъ, хладнокровно разсуждающій о томъ, что онъ сдѣлаетъ въ данномъ случаѣ, рѣдко имѣетъ силу сохранить все спокойное присутствіе духа при дѣйствительномъ появленіи этого случая, если онъ сколько нибудь дѣйствительно важенъ. Когда онъ пріятенъ, при первыхъ признакахъ его появленія нами овладѣваетъ радостное волненіе, когда онъ непріятенъ—тяжелый трепетъ, и ощущенія эти возбуждаются такъ легко, что очень часто производятся даже простымъ обманомъ чувствъ: дѣйствительныхъ признаковъ еще нѣтъ, но мы уже радуемся или тоскуемъ, по наклонности отыскивать во всемъ слѣды занимающаго насъ предмета принимая за признаки приближающагося факта такія явленія, которыя на самомъ дѣлѣ ни мало не относятся къ нему. Оттого-то каждая политическая партія постоянно видитъ приближеніе своего идеала, истолковывая каждая по своему одни и тѣ же явленія, какъ признаки совершенно противоположныхъ одна другой перемѣнъ. Какъ бы то ни было, основательно или неосновательно бываетъ ожиданіе великихъ перемѣнъ, съ радостью или тоскою ждутъ ихъ заинтересованные люди, но дѣло въ томъ, что ихъ сужденіе, справедливое или несправедливое, никакъ не можетъ быть хладнокровно. Мы видѣли, съ какими чувствами принялъ Милль фактическіе признаки приближенія парламентской реформы, необходимость которой онъ самъ признаетъ въ теоріи. Отвлеченнымъ образомъ онъ желаетъ ея, но фактъ навелъ на него нѣкоторую робость. Это значитъ, что въ сущности лично для него перемѣна непріятна, что у него достало нравственнаго мужества побороть эту непріятность въ теоріи, но не достало силы побѣдить болѣе сильное впечатлѣніе, производимое фактомъ.

Теперь мы можемъ обратиться къ тому общему сужденію о положеніи дѣлъ въ западной Европѣ, которое беретъ изъ Милля г. Лавровъ. Вотъ слова Милля: «Современное направленіе общественнаго мнѣнія представляетъ то же самое въ неорганизованномъ видѣ, что мы видимъ организованнымъ въ китайской политической и педагогической системѣ; и если личности не будутъ способны успѣшно возстать противъ этого ярма, то въ Европѣ, несмотря на ея благородное прошедшее и на исповѣдуемое ею христіанство, разовьется второй Китай». У насъ многіе съ большимъ удовольствіемъ схватились за эти слова, принимая ихъ за чистую монету; другіе сильно огорчились отъ нихъ. Западная Европа идетъ къ состоянію китаизма, она уже не въ силахъ выработать новыхъ

формъ жизни, она будетъ только заканчивать систематическую постройку прежнихъ формъ, уже оказывающихся неудовлетворительными; потребности настоящаго, несовмѣстныя съ ними, будутъ подавлены преданіемъ и на всемъ Западѣ водворится однообразная методичность насильственной рутины, какую мы видимъ въ Китаѣ. Такъ говорятъ нѣкоторые даже изъ самыхъ лучшихъ нашихъ людей, и указываютъ на грустный приговоръ Милля, какъ на подтвержденіе очень сильное. Но легко сообразить, какого довѣрія заслуживаютъ въ подобныхъ вещахъ впечатлѣнія человѣка, смутившагося даже такою частною перемѣною, какъ парламентская реформа, и притомъ перемѣною, являющеюся въ такомъ умѣренномъ объемѣ, какой принадлежитъ требованіямъ даже радикальной партіи парламента въ лицѣ ея представителя Брайта, который притомъ лишенъ надежды достичь осуществленія даже своихъ предложеній въ самомъ смягченномъ и ослабленномъ ихъ видѣ. Если Миль смутился отъ парламентской реформы, то можно ли ожидать, чтобы онъ хладнокровно разсудилъ о признакахъ перемѣны, которая стремится обнять всю общественную и частную жизнь западной Европы, измѣнить всѣ учрежденія и нравы, начиная съ государственныхъ формъ и кончая семейными отношеніями и экономическими постановленіями? Что мудренаго, если отъ признаковъ такой громадной перемѣны затмится холодная ясность сужденія у человѣка, который можетъ безъ особеннаго трепета анализировать отвлеченныя понятія, но которому лично непріятны факты, соотвѣтствующіе этимъ понятіямъ? Въ приведенныхъ г. Лавровымъ словахъ Милля мы видимъ не анализъ сущности дѣла, а только впечатлѣніе, производимое этимъ дѣломъ на человѣка, имѣющаго благородный образъ мыслей, но по своимъ личнымъ обстоятельствамъ принадлежащаго къ сословіямъ, ожидающимъ себѣ потерь отъ перемѣны, выгодной для всего общества. Когда онъ говоритъ: западная Европа находится въ кризисѣ, исходъ котораго сомнителенъ; отвратить этотъ кризисъ, остановить развитіе вещей, вернуться къ прошлому — невозможно; но неизвѣстно, чѣмъ кончится кризисъ: приведетъ ли онъ западную Европу къ развитію болѣе высокихъ формъ жизни или къ китаизму, къ деспотизму подъ формою свободы, къ застою подъ формою прогресса, къ варварству подъ формою цивилизаціи, — когда онъ говоритъ это, намъ припоминаются чувства и слова честной части англійскихъ лендлордовъ во время отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Тѣ лендлорды, которые имѣли благородный образъ мыслей, также говорили тогда: да, мы видимъ, что отмѣнить хлѣбные законы необходимо; всякое сопротивленіе останется напрасно и можетъ только увеличить размѣръ окончательной побѣды Кобдена съ его

товарищами; но къ чему приведетъ эта неизбѣжная перемѣна? Не убьетъ ли она англійское земледѣліе? Не разоритъ ли она наше соеловіе? — это бы еще ничего: свою бѣду мы перенесли бы безропотно, — но не не разоритъ ли она и фермеровъ, не пуститъ ли по міру голодными и милліоны деревенскихъ рабочихъ, пашущихъ поля для нашихъ фермеровъ? Эти люди говорили добросовѣстно; однако же, фактъ показалъ неосновательность ихъ мрачныхъ сомнѣній, и постороннему зрителю съ самаго начала было видно, что подобныя опасенія за будущность внушались этимъ людямъ только невыгодностью перемѣны для сословія, къ которому они принадлежали. Точно таково же происхожденіе боязни Милля за будущность западной Европы: его сомнѣніе о предстоящей судьбѣ цивилизованныхъ странъ не больше, какъ возведенное личнымъ чувствомъ въ общую формулу предчувствіе того, что дальнѣйшее развитіе цивилизаціи будетъ уменьшать привилегіи, присвоенныя сословіемъ, къ которому самъ онъ принадлежитъ. Постороннему человѣку очень замѣтна неосновательность силлогизма, обращающаго въ опасность для всего общества потерю привилегій.

Въ Миллѣ мы видимъ представителя чувствъ, съ которыми благородные люди богатыхъ сословій западной Европы встрѣчаютъ предстоящую перемѣну общественныхъ отношеній. Не менѣе любопытенъ характеръ воззрѣній другаго мыслителя, служащаго представителемъ умственнаго положенія простолюдиновъ западной Европы. Авторъ книги de la Justice былъ сынъ деревенскаго бочара, — не какого нибудь хозяина большой мастерской, — нѣтъ, простаго деревенскаго мужика, который самъ и одинъ, безъ всякихъ наемныхъ работниковъ, набивалъ обручи на мужицкія бочки и жилъ такъ же бѣдно, какъ всѣ мужики той деревни. Въ дѣтствѣ своемъ, мыслитель отчасти служилъ пастухомъ, отчасти помогалъ отцу набивать обручи. Нѣкоторые добрые люди зажиточнаго сословія, замѣтивъ умъ мальчика, помогли отцу отдать его въ безансонскую гимназію. Но книгъ покупать ученику было не на что, и онъ училъ уроки уже въ классной комнатѣ, въ немногія минуты передъ началомъ класса, по книгамъ своихъ товарищей. Бѣдность семейства скоро заставила его бросить гимназію, чтобы снова стать работникомъ; на 19-мъ году удалось ему поступить въ одну изъ безансонскихъ типографій наборщикомъ; черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался онъ корректоромъ, а потомъ достигъ должности фактора. Такъ прошло цѣлыхъ 15 лѣтъ; молодой наборщикъ читалъ книги, думалъ, пробовалъ самъ писать кое-что, и за одно изъ своихъ сочиненій получилъ трехлѣтнюю стипендію въ 1,500 франковъ отъ безансонской академіи (общества любителей словесности). Это помогло ему въ за-

нитіяхъ. Онъ продолжалъ писать, оставаясь типографскимъ работникомъ; но безансонская академія уже отвергала его новые труды, замѣтивъ, какой неблагонамѣренный характеръ обнаруживается въ образѣ мыслей ея стипендіата, который сначала представился ей человѣкомъ самыхъ консервативныхъ понятій. Между тѣмъ авторъ, оказавшійся очень дѣльнымъ человѣкомъ по управленію коммерческими дѣлами, пріискалъ себѣ мѣсто комиссіонера (управляющаго) въ конторѣ водяной и сухопутной транспортировки братьевъ Готье въ Ліонѣ. Въ этой конторѣ служилъ онъ до самаго 1848 года, который доставилъ ему возможность жить уже одними литературными трудами. Управляя конторою Готье, онъ былъ дѣльцомъ очень распорядительнымъ и практичнымъ, такъ что привелъ въ цвѣтущее положеніе фирму, въ которой служилъ. Эта внѣшняя сторона жизни автора книги de la Justice служитъ вѣрнымъ отраженіемъ общихъ отношеній западнаго простонародья въ его трудовой жизни. Простонародье должно выбиваться изъ самаго жалкаго положенія; благосостоятельнымъ классамъ сначала бываетъ жалко видѣть людей умныхъ, честныхъ, трудолюбивыхъ, находящимися въ безвыходной бѣдности и въ униженіи; сильные міра помогаютъ по чистому человѣческому чувству своимъ менѣе счастливымъ братьямъ: благодаря сострадательной заботливости зажиточныхъ людей, сынъ бѣднаго мастероваго, пастухъ и ученикъ бочара поступаетъ въ школу, выводится на дорогу, по которой и прійдетъ къ почету и выйдетъ изъ бѣдности. Но помощь эта, при всей своей похвальности, недостаточна, заботливость эта, при всей своей гуманности, не довольно внимательна: мальчикъ, прежде чѣмъ обратился въ юношу, уже остается безъ хлѣба, долженъ бросить путь къ хорошему положенію въ обществѣ, чтобы кормить себя и свою семью черной работой. Много гибнетъ тутъ силъ и времени въ неблагодарномъ трудѣ поденщика, живущаго со дня на день, работающаго 14 часовъ въ сутки, чтобы имѣть невѣрную и скудную пищу. Но природныя дарованія велики у него; онъ еще ничему не выучился, за то узналъ по крайней мѣрѣ, что спасеніе можетъ быть дано ему только наукой: онъ уже не отстанетъ отъ умственнаго труда, какъ бы ни стѣсняли его обстоятельства. Притомъ же, онъ хочетъ знать правду. Кромѣ матеріальной потребности знанія, въ немъ уже развита любознательность. И вотъ, урывая время отъ сна, отказывая себѣ во всякомъ развлеченіи, даже въ отдыхѣ, онъ посвящаетъ часъ или полчаса позднаго вечера чтенію, какъ бы ни чрезмѣрна была черная работа, занимавшая его цѣлый день. Такимъ образомъ, учится онъ много; а мыслитъ онъ еще больше: голова его думаетъ надъ общечеловѣческими вопросами и надъ вопросами о положеніи цѣлаго его сосло-

вія, пока руки его исполняютъ черную работу. Тяжолъ и длиненъ этотъ путь: пятнадцать лѣтъ нужно ему на то, чтобы пріобрѣсти свѣдѣнія, которыя при лучшихъ условіяхъ пріобрѣлъ бы онъ въ два-три года. За то было у него время глубоко обдумывать все, что узнаетъ онъ, и мысль его получила великую проницательность. Вотъ онъ знаетъ уже все, что знаютъ ученые люди, а судитъ онъ яснѣе ихъ; онъ можетъ сообщить имъ нѣчто достойное ихъ вниманія: въ его мысляхъ есть нѣчто новое, потому что порождены онѣ жизнью, какой не испытываютъ классы, имѣющіе ученыхъ людей. На первый разъ это новое такъ же нравится ученымъ порядочнаго общества, какъ нравилась прежде даровитость деревенскаго мальчика: они одобряютъ труженника; онъ продолжаетъ свой умственный трудъ, развиваетъ свои мысли, — но тутъ догадываются наконецъ его покровители, что есть какая-то вредная сторона въ его мысляхъ, показавшихся сначала такими невинными. Прежнее довольно гордое участіе къ нему замѣняется въ нихъ подозрительностью, она усиливается, подтверждается, переходитъ въ положительную нелюбовь, потомъ въ ненависть къ нему за его вредный образъ мыслей, за его гибельныя стремленія; онъ отвергнутъ всѣми, кто имѣетъ хорошее положеніе въ обществѣ, подвергается гоненіямъ; но уже поздно: онъ уже не нуждается въ покровительствѣ, онъ уже сильнѣе преслѣдователей, онъ знаменитъ, и всѣ его трепещутъ, потому что онъ сокрушаетъ каждаго, на кого принужденъ поднять руку. Эта біографія отдѣльнаго человѣка — исторія сословія, къ которому онъ принадлежитъ.

Этотъ человѣкъ интересенъ, какъ полный представитель умственнаго положенія, до котораго возвышается на западѣ простолюдинъ. Переходя къ его теоріямъ, мы также найдемъ, что исторія его развитія отразилась въ нихъ всѣми своими сторонами и въ томъ числѣ своими недостатками. Онъ самоучка; но какимъ книгамъ онъ учился? Зналъ ли онъ, какія книги выбирать, зналъ ли онъ, на какія ученія обращать вниманіе, какъ на ученія дѣйствительно современныя? Нѣтъ, онъ учился по книгамъ, какія попадались ему въ руки, а чаще всего попадаются книги, написанныя въ духѣ теорій, уже получившихъ господство въ обществѣ, то есть теорій уже довольно старыхъ и значительно устарѣвшихъ. Такова судьба всякаго самоучки. Если кто нибудь изъ насъ, не учившихся, напримѣръ, химіи, вздумаетъ заняться этою наукою и не будетъ во время имѣть хорошихъ руководителей, онъ навѣрное возьмется или за школьныя руководства, служащія вмѣстилищемъ всякаго хлама, или за книги химическихъ знаменитостей, слава которыхъ уже распространилась въ обществѣ: за Либиха, можетъ быть даже за старика Берцеліуса; а лю-

ди, знакомые съ химіею въ нынѣшнемъ ея видѣ, говорятъ, что понятія не только Берцеліуса, но и Либиха уже устарѣли, уже не годятся въ руководство человѣку, который хотѣлъ бы узнать химію въ нынѣшнемъ ея видѣ; что науку эту надобно теперь изучать не другимъ писателямъ, а книги Либиха могутъ служить съ пользою только уже для справокъ, только уже человѣку усовершенному себѣ другой взглядъ на дѣло.

Г. Лавровъ занятъ философскою стороною системы автора книги de la Justice и мы обратимъ вниманіе здѣсь также на эту сторону, хотя для экономической науки его сочиненія гораздо важнѣе, чѣмъ для философіи. Авторъ книги de la Justice далеко превосходитъ всѣхъ своихъ французскихъ соперниковъ тѣмъ, что знакомъ съ нѣмецкою философіею. Ни о какомъ другомъ французскомъ философѣ нельзя сказать, чтобы онъ владѣлъ этимъ знаніемъ. Говорятъ, будто бы Кузенъ изучалъ Шеллинга и Гегеля; но они оба находили, что онъ рѣшительно не понимаетъ духа ихъ ученій, подъ именемъ ихъ системъ воображаетъ себѣ какую-то нелѣпицу, составившуюся въ его головѣ изъ смѣси непонятныхъ нѣмецкихъ выраженій съ принципами, противорѣчащими не только нѣмецкой философіи, но и духу всякаго научнаго изслѣдованія. Слѣдовавшіе за Кузеномъ французскія знаменитости по части философіи, точно такъ же какъ онъ, оставались чужды духу великихъ нѣмецкихъ мыслителей или даже и вовсе не знакомы съ ними. Объ авторѣ книги de la Justice надобно сказать не то: онъ глубоко проникнутъ принципами нѣмецкой философіи. Мы читали, будто бы онъ не знаетъ по нѣмецки; если это правда, то все еще ничего не значитъ. Бѣлинскій также не зналъ по нѣмецки, а между тѣмъ зналъ нѣмецкую философію такъ, что не наберется въ самой Германіи десяти человѣкъ, понимающихъ ее столь же глубоко и ясно. Мы слышали, что главный источникъ знакомства съ этою наукою у автора книги de la Justice и у Бѣлинскаго былъ одинаковъ: разговоры съ людьми занимавшимися нѣмецкою философіею; говорятъ, что даже эти люди были одни и тѣ же. Можно полагать, что такія извѣстія справедливы. Но какъ бы то ни было, Прудонъ проникся духомъ нѣмецкой философіи. Это составляетъ одну изъ сильнѣйшихъ его сторонъ. Надобно прибавить, что одна изъ причинъ неудовлетворительности или по крайней мѣрѣ неполноты его понятій также заключается въ этомъ знакомствѣ, именно въ томъ обстоятельствѣ, что онъ узналъ нѣмецкую философію подъ формою системы Гегеля и остановился на этой формѣ, какъ на окончательномъ выводѣ, между тѣмъ какъ въ Германіи наука развивалась далѣе. Система Гегеля, проникнутая духомъ, господствовавшимъ надъ общественными мнѣніемъ во

время реставрации и получившим свое начало во время первой империи, сама по себѣ уже не соотвѣтствует нынѣшнему состоянію знаній. Надобно еще прибавить, что Гегель по своей натурѣ, или, быть можетъ по разсчету, облекалъ свои принципы въ одежду очень консервативную, когда говорилъ о политическихъ и теологическихъ предметахъ. Смѣлый французскій простолюдинъ, усвоивъ себѣ его методъ, не остался доволенъ его выводами и сталъ пріискивать для принциповъ Гегеля развитіе, болѣе сообразное съ ихъ собственнымъ духомъ и съ своимъ личнымъ образомъ мыслей, чѣмъ какое получили они у самаго Гегеля. Если бы онъ заблаговременно былъ познакомленъ съ послѣдующимъ развитіемъ науки въ Германіи, онъ нашелъ бы въ немъ то, чего искалъ. Но не имѣя этого пособія, онъ былъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ; а исторія его умственнаго развитія помѣшала этимъ силамъ сохранить или пріобрѣсти качества, нужныя для построенія связной и однородной философской системы. Онъ слишкомъ много читался новыхъ французскихъ философовъ, прежде чѣмъ сталъ ученикомъ Гегеля. Когда онъ передѣлывалъ его систему, онъ слишкомъ часто увлекался подъ вліяніе мыслей, какія прежде были привычны ему по французскимъ книгамъ. Такимъ образомъ, его собственная система составлялась изъ соединенія гегелевской философіи съ понятіями французскихъ философовъ; часто не имѣющими научнаго духа. Повсюду видна у него чрезвычайная сила ума, но слишкомъ часто замѣтно, что умъ этотъ связывался воззрѣніями, не имѣющими никакого научнаго основанія. Результатомъ столь неблагопріятныхъ условій была темнота; онъ самъ запутывался въ ней и хотѣлъ выйти изъ нея, или страстными порывами ненависти къ преданію, противъ его воли опутывавшему его, или усиліями придать ему разумный смыслъ. Во всемъ этомъ мы опять видимъ общія черты того умственнаго положенія, въ которомъ находится теперь западно-европейскій простолюдинъ. Благодаря своей здоровой натурѣ, своей суровой житейской опытности, западно-европейскій простолюдинъ въ сущности понимаетъ вещи несравненно лучше, вѣрнѣе и глубже, чѣмъ люди болѣе счастливыхъ классовъ. Но до него не дошли еще тѣ научныя понятія, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ его положенію, наклонностямъ, потребностямъ и сообразны съ нынѣшнимъ положеніемъ знаній. При незнакомствѣ съ этими понятіями онъ принужденъ учиться по книгамъ или положительно дурнымъ, или устарѣлымъ, оставаться подъ вліяніемъ ошибочныхъ мнѣній, господствующихъ въ такъ называемой образованной публикѣ, въ которой достигаетъ господства только то, что уже отжило свое время въ наукѣ, принужденъ истощать свои силы на борьбу съ предразсудками уже

разоблаченными истинно-современной наукой, еще не дошедшей до него, или подчиняться этимъ предразсудкамъ, переходить отъ гнѣва на нихъ къ покорности имъ, вмѣсто того чтобы холодно отстранить ихъ, какъ разоблаченную ложь, которая стала бы для него неопасна, какъ скоро онъ понялъ бы, что она чистѣйшій вздоръ.

Вотъ почему мы думаемъ, что ни авторъ книги de la Justice, ни Милль не могутъ быть авторитетами въ философіи. Оба они чрезвычайно важны для человѣка, желающаго узнать расположеніе мыслей въ извѣстныхъ сословіяхъ западно-европейскаго общества: изъ Милля онъ узнаетъ, какъ благородная часть западно-европейскихъ привиллегированныхъ классовъ смущается духомъ при видѣ осуществленія тѣхъ идей, теоретическую справедливость которыхъ сама она защищаетъ, признавая ихъ логически неотразимыми и ведущими къ общему благу, но которыя невыгодны для этихъ сословій. Авторъ книги de la Justice показываетъ, какъ простолюдины, жаждущіе перемѣнъ, затрудняются въ ихъ осуществленіи тѣмъ, что воспитались въ понятіяхъ старины, не познакомились еще съ воззрѣніями, соотвѣтствующими ихъ потребностямъ. Но представителями этихъ воззрѣній, развитыхъ современною наукою, ни Милль, ни Прудонъ не могутъ считаться. (*) Истинныхъ представителей ея надобно и теперь, какъ прежде, искать въ Германіи. Быть можетъ мы ошибаемся, но намъ кажется, что г. Лавровъ принужденъ былъ собственными силами доискиваться тѣхъ рѣшеній, которыя уже найдены нынѣшнею нѣмецкою философіею. Намъ кажется, что изученіе отжившихъ формъ нѣмецкой философіи и книгъ, написанныхъ мыслителями англійскими и французскими, предшествовало у него знакомству съ новѣйшими нѣмецкими мыслителями, и что, будь иначе, прочти онъ нѣсколькими годами позже тѣ книги, которыя прочтены имъ раньше, прочти онъ нѣсколькими годами раньше тѣ книги, которыя прочтены имъ уже только по окончаніи внутренней его работы надъ построеніемъ своего образа мыслей, онъ писалъ бы нѣсколько

(*) Конечно, когда мы говоримъ, что Милль не представитель современной философіи, мы разумѣемъ собственно ту часть науки, которую принято у насъ называть философіею,—теорію рѣшенія самыхъ общихъ вопросовъ науки, обыкновенно называемыхъ метафизическими, напримѣръ вопросовъ объ отношеніяхъ духа къ матеріи, о свободѣ человѣческой воли, о безсмертіи души и т. д. Этою частью науки Милль даже вовсе не занимался прямымъ образомъ; онъ преднамѣренно отклоняется отъ высказыванія всякаго мнѣнія о подобныхъ предметахъ, какъ будто считая ихъ недоступными точному изслѣдованію. Онъ собственно не философъ въ томъ смыслѣ слова, по которому философами называются у насъ Кантъ или Гегель, но не называются Кювье или Либихъ (но англійскія Кювье и Либихъ также называются философами).

иначе. Мы не говоримъ, что онъ пришелъ бы къ другимъ воззрѣніямъ, — намъ кажется, что сущность его воззрѣній справедлива, — но они представлялись бы ему въ видѣ болѣе простомъ; быть можетъ мы выразились не такъ, и точнѣе было-бы сказать: онъ рѣшительнѣе находилъ бы, что отвергаемая имъ ложь совершенно пустая ложь, могущая вызывать только улыбку сострадѣнія, а не серьёзное раздумье о томъ, можно ли безусловно отвергнуть ее. Очень можетъ быть, что убѣжденіе въ простотѣ истины и въ основательности совершеннаго разрыва современныхъ воззрѣній съ пустою софистикою, въ которую одѣта древняя грубая ложь, отразилось бы и на его изложеніи большею доступностью для большинства публики; быть можетъ его статьи, которыя теперь всѣми уважаются, болѣе читались бы тою частью публики, которая слишкомъ наклонна оставлять непрочтенными книги и статьи, внушающія ей слишкомъ большое уваженіе. Не входя въ критику воззрѣній г. Лаврова, мы попробуемъ изложить наши понятія о тѣхъ же предметахъ; намъ кажется, что они въ сущности сходны съ образомъ мыслей г. Лаврова; разница будетъ почти только въ изложеніи и въ пріемахъ постановки вопроса.

Основаніемъ для той части философіи, которая разсматриваетъ вопросы о человѣкѣ, точно такъ же служатъ естественныя науки, какъ и для другой части, разсматривающей вопросы о внѣшней природѣ. Принципомъ философскаго воззрѣнія на человѣческую жизнь со всѣми ея феноменами служитъ выработанная естественными науками идея о единствѣ человѣческаго организма; наблюденіями физіологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена великая мысль о дуализмѣ человѣка. Философія видитъ въ немъ то, что видятъ медицина, физіологія, химія; эти науки доказываютъ, что никакого дуализма въ человѣкѣ не видно, а философія прибавляетъ, что если бы человѣкъ имѣлъ, кромѣ реальной своей натуры, другую натуру, то эта другая натура непремѣнно обнаружилась бы въ чемъ нибудь, и такъ какъ она не обнаруживается ни въ чемъ, такъ какъ все происходящее и проявляющееся въ человѣкѣ происходитъ по одной реальной его натурѣ, то другой натуры въ немъ нѣтъ. Убѣдительность этого доказательства равняется убѣдительности тѣхъ основаній, по которымъ, напримѣръ, вы, читатель, увѣрены, что, напримѣръ, въ эту минуту, когда вы читаете эту книгу, въ той комнатѣ, гдѣ вы сидите, нѣтъ льва. Вы такъ думаете, во первыхъ потому, что не видите его глазами, не слышите его рыканія; но это ли одно ручается вамъ за то, что льва нѣтъ въ вашей комнатѣ? Нѣтъ, есть у васъ второе ручательство за то: ручательствомъ служитъ тотъ самый фактъ, что вы живы; если бы въ

вашей комнатѣ находился левъ, онъ бросился бы на васъ и разтерзалъ бы васъ. Нѣтъ послѣдствій, которыми неизбѣжно сопровождалось бы присутствіе льва, потому вы знаете, что нѣтъ тутъ и льва. Скажите также, почему вы убѣждены, что собака не умѣетъ говорить? Вы не слышали, чтобы она когда нибудь говорила; само по себѣ это было бы еще не достаточно: вы видѣли многихъ людей, которые молчали въ то время, какъ вы ихъ видѣли; они просто не хотѣли, а не то чтобы не умѣли говорить: быть можетъ и собака только не хочетъ говорить, а не то что не умѣетъ говорить? Такъ и думаютъ люди съ неразвитымъ умомъ, вѣрящіе сказкамъ, въ которыхъ разговариваютъ животныя, и объясняющіе свое предположеніе такимъ способомъ: собака очень умна и хитра, она знаетъ, что слова часто доведятъ до бѣды, оттого и молчитъ, разсчитавъ, что молчать гораздо безопаснѣе, чѣмъ говорить. Вы смѣетесь надъ такими замысловатыми объясненіями и понимаете дѣло проще: вы видѣли случаи, въ которыхъ собака не могла бы не говорить, если бы имѣла эту способность; напримѣръ, убиваютъ собаку; она визжитъ изо всѣхъ силъ, ей очевидно невозможно удержаться отъ выраженія своей мысли о томъ, что ей больно, о томъ, что съ нею поступаютъ жестоко. Она ищетъ всякихъ средствъ выразить это и находитъ одно средство—визгъ, а словъ не находитъ; значитъ, въ ней нѣтъ дара слова; еслибъ онъ былъ въ ней, она дѣйствовала бы иначе. Дано обстоятельство, въ которомъ существованіе извѣстнаго элемента въ извѣстномъ предметѣ непремѣнно имѣло бы извѣстный результатъ; этого результата нѣтъ, потому нѣтъ и этого элемента. Возьмемъ еще случай. Почему вы знаете, что, напримѣръ, г. Юнъ, надѣлавшій у насъ въ Петербургѣ такого шума года два тому назадъ своими фокусами, дѣйствительно только фокусникъ, а не можетъ въ самомъ дѣлѣ знать будущаго, знать тайнъ, которыхъ ему не сказывали, читать книгъ и бумагъ, которыя не находятся у него передъ глазами? Вы знаете это вотъ почему: еслибъ онъ могъ знать будущее, онъ былъ бы сдѣланъ дипломатическимъ совѣтникомъ при комъ нибудь дворѣ и разсказывалъ бы министерству этого двора все, что произойдетъ въ данныхъ случаяхъ: напримѣръ, онъ сказалъ бы Рехбергу въ прошломъ мартѣ, что если австрійцы начнутъ войну, то они будутъ побиты при Палестро, Маджентѣ и Сольферино и потеряютъ Ломбардію. Тогда австрійцы не начали бы войны и не было бы ничего изъ того, что произошло въ прошломъ году въ Италіи, Франціи, Австріи, а происходило бы что нибудь совершенно иное. Если бы онъ могъ читать книги, находящіяся у него подъ глазами, тогда правительства и ученыя общества не стали бы посылать ученыхъ на востокъ отыскивать дре-

вшія рукописи, а обратились бы съ просьбою къ нему, и онъ изъ Парижа прочелъ бы и продиктовалъ бы имъ какого нибудь неизвѣстнаго намъ теперь древняго греческаго писателя, списокъ котораго уцѣлѣлъ въ какомъ нибудь сирійскомъ захолустьи. Этого нѣтъ, г. Юмъ и его собратія по искусству не открыли ровно ничего ни дипломатамъ, ни ученымъ; а непремѣнно открывали бы имъ важныя вещи, если бы могли, потому что это было бы для нихъ и несравненно выгоднѣе и несравненно почетнѣе фокусничества; потому они и не имѣютъ той способности, которую приписываютъ имъ легковѣрные люди. О всѣхъ такихъ случаяхъ не довольно сказать: мы не знаемъ, существуетъ ли извѣстный элементъ; нѣтъ, разсудокъ обязываетъ насъ прямо сказать: мы знаемъ, что этого элемента нѣтъ; еслибъ онъ былъ, то происходило бы не то, что происходитъ.

Но при единствѣ натуры мы замѣчаемъ въ человѣкѣ два различные ряда явленій: явленія такъ называемаго матеріальнаго порядка (человѣкъ ѣстъ, ходитъ) и явленія такъ называемаго нравственнаго порядка (человѣкъ думаетъ, чувствуетъ, желаетъ). Въ какомъ же отношеніи между собою находятся эти два порядка явленій? Не противорѣчитъ ли ихъ различіе единству натуры человѣка, показываемому естественными науками. Естественныя науки опять отвѣчаютъ, что дѣлать такую гипотезу мы не имѣемъ основанія, потому что нѣтъ предмета, который имѣлъ бы только одно качество, напротивъ, каждый предметъ обнаруживаетъ безчисленное множество разныхъ явленій, которыя мы для удобства сужденія о немъ подводимъ подъ разные разряды, давая каждому разряду имя качества, такъ что въ каждомъ предметѣ очень много разныхъ качествъ. Напримѣръ, дерево растетъ, горитъ; мы говоримъ, что оно имѣетъ два качества: растительную силу и удобосгараемость. Въ чемъ сходство между этими качествами? Они совершенно различны; нѣтъ такого понятія, подъ которое можно было бы подвести оба эти качества, кромѣ общаго понятія — качество; нѣтъ такого понятія, подъ которое можно было бы подвести оба ряда явленій, соотвѣтствующихъ этимъ качествамъ, кромѣ понятія—явленіе. Или, напримѣръ, ледъ твердъ и блестящъ; что общаго между твердостью и блескомъ? Логическое разстояніе отъ одного изъ этихъ качествъ до другаго безмѣрно велико, или, лучше сказать, нѣтъ между ними никакого, близкаго или далекаго, логическаго разстоянія, потому что нѣтъ между ними никакого логическаго отношенія. Изъ этого мы видимъ, что соединеніе совершенно разнородныхъ качествъ въ одномъ предметѣ есть общій законъ вещей. Но въ этомъ разнообразіи естественныя науки открываютъ и связь, — не по формамъ обнару-

женія, не по явленіямъ, которыя рѣшительно несходны, а по способу происхожденія разнородныхъ явленій изъ одного и того же элемента при напряженіи или ослабленіи энергичности въ его дѣйствованіи. Напримѣръ, въ водѣ есть свойство имѣть температуру,— свойство общее всѣмъ тѣламъ. Въ чемъ бы ни состояло свойство предметовъ, называемое нами теплотою, но оно при разныхъ обстоятельствахъ обнаруживается съ очень различными величинами. Иногда одинъ и тотъ же предметъ очень холоденъ, то есть обнаруживаетъ очень мало тепла, иногда онъ очень горячъ, то есть обнаруживаетъ его очень много. Когда вода, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, обнаруживаетъ очень мало теплоты, она бываетъ твердымъ тѣломъ — льдомъ; обнаруживая нѣсколько больше теплоты, она бываетъ жидкостью; а когда въ ней теплоты очень много, она становится паромъ. Въ этихъ трехъ состояніяхъ одно и то же качество обнаруживается тремя порядками совершенно различныхъ явленій, такъ что одно качество принимаетъ форму трехъ разныхъ качествъ, развѣтвляется на три качества просто по различію количества, въ какомъ обнаруживается: количественное различіе переходитъ въ качественное различіе.

Но разныя предметы различаются между собою своею способностью обнаруживать извѣстныя общія имъ качества въ очень различныхъ количествахъ. Напримѣръ, желѣзо, серебро, золото обнаруживаютъ очень значительное количество того качества, которое называется тяжестью, и мѣриломъ котораго у насъ на землѣ служитъ вѣсъ. Воздухъ обнаруживаетъ это качество въ такомъ маломъ количествѣ, что только особенными учеными изслѣдованіями оно открыто въ немъ, а каждый человѣкъ, незнакомый съ наукою, по необходимости предполагаетъ, будто бы въ воздухѣ вовсе нѣтъ тяжести. Точно также думали о всѣхъ газообразныхъ тѣлахъ. Возьмемъ другое качество, способность сжиматься отъ давленія. Безъ особенныхъ средствъ анализа, даваемыхъ только наукою, никто не замѣтитъ, чтобы жидкости сжимались отъ какого бы то ни было давленія: кажется, будто бы вода сохраняетъ совершенно прежній объемъ подъ самымъ сильнымъ давленіемъ. Но наука отыскала факты, показывающіе, что и вода въ нѣкоторой степени сжимается отъ давленія. Изъ этого надобно заключать, что когда намъ представляется какое нибудь тѣло, не имѣющее по видимому извѣстнаго качества, то надобно употребить научный анализъ для повѣрки этого впечатлѣнія, и если онъ скажетъ, что качество это находится въ тѣлѣ, то надобно не твердить упорно: наши невооруженныя научными средствами чувства говорятъ противное, а надобно просто сказать: результатъ, полученный при помощи изслѣдованія предмета съ нужными науч-

нными средствами, показываетъ неудовлетворительность впечатлѣнія, получаемаго чувствами, лишенными нужныхъ въ этомъ дѣлѣ пособій.

Съ другой стороны, когда кажется, будто бы извѣстный предметъ имѣетъ какое нибудь особенное качество, котораго будто бы совершенно нѣтъ въ другихъ предметахъ, то надобно опять изслѣдовать дѣло научнымъ образомъ. Напримѣръ, намъ кажется, что дерево имѣетъ способность совершенно особенную, какой нѣтъ въ большей части другихъ тѣлъ: оно горитъ, а камень, глина, желѣзо не горятъ. Но когда мы изслѣдуемъ при помощи научныхъ пособій процессъ, называемый горѣніемъ, то мы найдемъ, что онъ состоитъ въ соединеніи нѣкоторыхъ элементовъ извѣстнаго тѣла съ кислородомъ; вмѣстѣ съ этимъ наука показываетъ, что въ большей части такъ называемыхъ негорючихъ тѣлъ постоянно происходитъ точно тотъ же процессъ соединенія всѣхъ или нѣкоторыхъ изъ составныхъ ихъ частей съ кислородомъ. Напримѣръ, желѣзо постоянно окисляется, — на разговорномъ языкѣ этотъ видъ процесса называется особеннымъ словомъ «ржавѣть»; но наука открываетъ, что ржавѣнье и горѣніе совершенно одинъ и тотъ же процессъ, и что эти два случая его представляются различными для нашего впечатлѣнія только оттого, что въ одномъ случаѣ процессъ происходитъ гораздо быстрѣе, гораздо интенсивнѣе, нежели въ другомъ.

Отчего же теперь разные предметы имѣютъ различную величину интенсивности въ обнаруженіи извѣстнаго качества при одинаковыхъ условіяхъ? — отчего камень въ обыкновенныхъ житейскихъ условіяхъ обнаруживаетъ очень сильную степень качества называемаго тяжестью, а воздухъ не обнаруживаетъ его иначе, какъ при пособіи особенныхъ научныхъ средствъ, увеличивающихъ проницательность нашихъ чувствъ? Отчего окисленіе желѣза происходитъ въ обыкновенной атмосферѣ гораздо медленнѣе, чѣмъ окисленіе дерева, когда оба предмета положены въ одну и ту же горящую печь? Наука говоритъ, что она еще не успѣла изслѣдовать законовъ, отъ которыхъ зависитъ эта разница въ немногихъ тѣлахъ, остающихся въ химіи пока подъ именемъ простыхъ, но что во всѣхъ остальныхъ тѣлахъ, которыя успѣла она разложить, эта разница происходитъ отъ различія въ составѣ или отъ различія состояній, въ которыхъ находятся составныя части сложнаго тѣла. Напримѣръ, разницѣ между водою и масломъ или водянымъ паромъ и камнемъ соотвѣтствуетъ разница въ составѣ этихъ тѣлъ. Разницѣ между углемъ и алмазомъ соотвѣтствуетъ то различіе, что составныя части угля находятся въ некристаллизованномъ, а составныя ча-

сти алмаза въ кристаллизованномъ состояніи. Естественныя науки замѣчаютъ также, что простыя или составленныя изъ нихъ сложныя тѣла, входя между собою въ химическія соединенія, вообще даютъ въ продуктѣ тѣло, обнаруживающее такія качества, какихъ не обнаруживали составныя его части, когда находились порознь. Такъ, напримѣръ, изъ соединенія въ извѣстной пропорціи водорода и кислорода образуется вода, имѣющая множество такихъ качествъ, которыхъ не было замѣтно ни въ кислородѣ, ни въ водородѣ. Объ этихъ комбинаціяхъ химія замѣчаетъ, что многосложныя изъ нихъ вообще отличаются бо́льшею перемѣнчивостью, такъ сказать подвижностью. Такъ, напримѣръ, желѣзная ржавчина, состоящая только изъ соединенія желѣза съ кислородомъ въ очень простой пропорціи, очень постоянна, такъ что нужно дѣйствовать на нее чрезвычайно высокою температурою или чрезвычайно сильными реагентами, чтобы произвести перемѣну въ этомъ тѣлѣ. Но кровяной паръ, въ которомъ желѣзная окись служитъ только однимъ изъ элементовъ многосложной химической комбинаціи съ примѣсями разныхъ другихъ тѣлъ, напримѣръ, воды, никакъ не можетъ долго сохранять своего состава: онъ можно сказать не существуетъ въ постоянномъ видѣ, какъ существуютъ частички ржавчины, а безпрестанно измѣняется, пріобрѣтая новыя частицы и теряя прежнія. То же надобно сказать о̀ всѣхъ многосложныхъ химическихъ комбинаціяхъ: онѣ имѣютъ очень сильную наклонность существовать постояннымъ возникновеніемъ, возрастаніемъ, обновленіемъ и наконецъ уничтожаться среди обыкновенныхъ обстоятельствъ, такъ что существованіе предмета, состоящаго изъ такихъ комбинацій, состоитъ въ безпрестанномъ возобновленіи частей и представляется непрерывнымъ химическимъ процессомъ.

Многосложныя химическія комбинаціи, имѣющія этотъ характеръ, одинаково обнаруживаютъ его, находятся ли въ такъ называемыхъ органическихъ тѣлахъ, или возникаютъ и существуютъ внѣ ихъ, въ такъ называемой неорганической природѣ. Еще не очень давно казалось, что такъ называемыя органическія вещества (напримѣръ, уксусная кислота) существуютъ только въ органическихъ тѣлахъ; но теперь извѣстно, что при извѣстныхъ условіяхъ они возникаютъ и внѣ органическихъ тѣлъ, такъ что разница между органическою и неорганическою комбинаціею элементовъ не существенна и такъ называемыя органическія комбинаціи возникаютъ и существуютъ по однимъ и тѣмъ же законамъ и всѣ они одинаково возникаютъ изъ неорганическихъ веществъ. Напримѣръ, дерево отличается отъ какой нибудь неорганической кислоты соб-

ственно тѣмъ, что кислота эта комбинація не многосложная, а дерево — соединеніе многихъ многосложныхъ комбинацій. Это какъ будто разница между 2 и 200, — разница количественная, не больше.

Итакъ естественныя науки видятъ въ существованіи органическаго тѣла, каково, напримѣръ, растеніе или насѣкомое, химическій процессъ. Объ этомъ явленіи вообще замѣчаютъ естественныя науки, что во время химическаго процесса тѣла обнаруживаютъ такія качества, какихъ совершенно незамѣтно въ нихъ при состояніи неподвижнаго соединенія. Напримѣръ, дерево само по себѣ не жжетъ, трутъ, кремень и огниво также не жгутъ; но если частичка стали, раскаленная треніемъ (ударомъ) о кремень и оторванная отъ огнива, попадаетъ въ трутъ и, чрезвычайно возвысивши темпертуру нѣкоторой частички этого трута, даетъ условіе, нужное для начала въ этой частичкѣ трута химическаго процесса, называемаго горѣніемъ, то постепенно весь кусокъ трута, вовлекаясь въ этотъ химическій процессъ, начинаетъ жечь, чего не дѣлалъ, когда въ немъ не было химическаго процесса; будучи пододвинутъ къ дереву во время этого процесса, онъ также вовлекаетъ его въ свой химическій процессъ горѣнія и дерево во время этого процесса также жжетъ, свѣтитъ и обнаруживаетъ другія качества, какихъ не замѣчалось въ немъ до начала процесса. Возьмемъ какой угодно другой химическій процессъ, мы увидимъ тоже самое: тѣло, находящееся въ немъ, обнаруживаетъ качества, какихъ не обнаруживало до начала процесса. Возьмемъ, напримѣръ, процессъ броженія. Пивное сусло стоитъ спокойно въ своемъ чану; дрожжи также неподвижны въ своей кружкѣ. Положите дрожжи въ сусло, начинается химическій процессъ, называемый броженіемъ, сусло бурлитъ, пѣнится, бьется въ своемъ сосудѣ. Разумѣется, когда мы говоримъ о различіи состоянія тѣлъ во время химическаго процесса и въ такое время, когда не находятся они въ процессѣ, мы говоримъ только о количественной разницѣ между сильнымъ, быстрымъ ходомъ процесса и очень медленнымъ, слабымъ ходомъ его. Собственно говоря, каждое тѣло постоянно находится въ состояніи химическаго процесса; напримѣръ бревно, если и не будетъ зажжено, не сгоритъ въ печи, а будетъ спокойно какъ будто безъ всякихъ перемѣнъ лежать въ стѣнѣ дома, все-таки когда нибудь пріидетъ къ тому же концу, къ какому приводитъ его горѣніе: оно постепенно истлѣетъ и отъ него останется тоже только пепелъ (пыль гнилушки, которая наконецъ оставитъ отъ себя на прежнемъ мѣстѣ только минеральныя частицы пепла). Но если этотъ процессъ, какъ, напримѣръ, при обыкновенномъ тлѣніи бревна въ стѣнѣ дома, происхо-

дитъ чрезвычайно медленно и слабо, то и качества, свойственныя тѣлу, находящемуся въ процессѣ, обнаруживаются съ микроскопической слабостью, которая въ житейскомъ быту совершенно неуловима. Напримѣръ, при медленномъ истлѣваніи дерева, лежащаго въ стѣнѣ дома, также развивается теплота; но то количество ея, которое при горѣніи сосредоточилось бы въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, тутъ разжижается (если можно такъ выразиться) на нѣсколько десятковъ лѣтъ, такъ что не достигаетъ никакого результата, удобоуловимаго на практикѣ: существованіе этой теплоты ничтожно для практическихъ сужденій. Это то же самое, какъ винный запахъ въ цѣломъ прудѣ воды, въ который брошена одна капля вина: съ научной точки зрѣнія этотъ прудъ содержитъ въ себѣ смѣсь воды съ виномъ; но въ практикѣ надобно принимать, что вина въ немъ какъ будто вовсе нѣтъ.

Читатель, вѣроятно, скажетъ, что всѣ наши разсужденія такъ же справедливы, какъ справедливы были бы разсужденія объ обращеніи земли около солнца, о холодѣ на полюсахъ, о жарѣ подъ тропиками, и столь же мало идутъ къ дѣлу. Читатель, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ правъ, сказавъ, что мы занимаемся теперь празднословіемъ. Но гораздо легче замѣтить въ себѣ недостатокъ или согласиться съ словами людей, указывающихъ его, нежели исправиться отъ него. Вообще люди наклонны щегольнуть знакомствомъ съ такими вещами, съ которыми съ сущности мало знакомы, любятъ выказывать это свое мнимое знакомство кстати и некстати; почему же намъ слѣдовало бы не имѣть этого недостатка? А если мы уже имѣемъ его, то почему же и не выказываться ему? Пусть же себѣ выказывается, и будемъ заниматься ненужными къ дѣлу разсужденіями о естественныхъ наукахъ, мало намъ знакомыхъ, пока надоѣстъ намъ это щегольство, — тогда мы займемся чѣмъ-нибудь другимъ, чего, быть можетъ, также вовсе не знаемъ, напримѣръ, хоть нравственною философіею. Читатель подумаетъ: однако же труденъ будетъ переходъ отъ химіи къ общественнымъ учрежденіямъ. Ну вотъ, будто бы уже и трудно найти фразу, которой бы связывались совершенно несвязныя части разсужденія? Когда прійдетъ намъ охота говорить о философіи вмѣсто химіи, мы просто напишемъ: «итакъ, до сихъ поръ мы разсуждали вотъ о чемъ, а теперь будемъ разсуждать вотъ о чемъ» и дѣло будетъ кончено — удовлетворительный переходъ сдѣланъ. Развѣ не дѣлаютъ безпрестанно точно такихъ же переходовъ очень знаменитые авторитеты: напишутъ двѣ фразы, рѣшительно не клеящіяся между собою, поставятъ между ними «итакъ» или «слѣдовательно», — и силлогизмъ готовъ, и все доказано.

Но мы чувствуемъ, что еще на нѣсколько страницъ хватитъ у насъ желанія толковать вмѣсто философіи о естественныхъ наукахъ, совершенно нейдущихъ къ дѣлу, по справедливому замѣчанію читателя. Смутило насъ одно обстоятельство: мы уже истощили весь скудный запасъ нашихъ свѣдѣній о химическихъ комбинаціяхъ и процессахъ; мы не знаемъ, что тутъ больше сказать, а говорить имъ охота страшная. Вотъ она-то и выручаетъ насъ изъ бѣды: «сказать все, что знаешь объ одномъ, шепчетъ намъ она, кидайся на другое, что подвернется подъ языкъ». Мы послушались добраго совѣта. Давайте же говорить хоть о царствахъ природы: кое-что каждый о нихъ знаетъ, хоть иной и маловато; кое-что знаемъ и мы, и уже сами чувствуемъ, что маловато, — а все-таки на нѣсколько страницъ достанетъ. Но тутъ въ другое ухо желаніе какъ можно дольше уклоняться отъ настоящаго предмета рѣчи, чтобы наговорить какъ можно больше нейдущаго къ дѣлу, подшептываетъ намъ другой совѣтъ: «изъ трехъ царствъ природы, минеральнаго, растительнаго и животнаго, вы пока ничего не говорите о томъ, которое одно могло бы представлять примѣры хотя животворной аналогіи съ человѣческою жизнью, въ жизни муравьевъ, пчелъ, бобровъ, — не говорите ничего о царствѣ животныхъ». Мы слушаемся и этого совѣта, хоть онъ очевидно нелѣпъ: нелѣпостей въ жизни дѣлаешь такъ много, что одною больше или одною меньше — не составитъ ровно никакой разницы, какъ не составляетъ ровно никакой разницы въ температурѣ присутствіе какой нибудь сгнивающей щепы. Будемъ же говорить о неорганической природѣ и о растительномъ царствѣ.

Намъ нравится эта новая тема собственно потому, что и независимо отъ недостаточности нашихъ знаній о ней, нельзя было бы сказать о ней ничего дѣльнаго, потому что она сама по себѣ чужда всякой реальности, вводя въ природу подраздѣленіе, котораго въ природѣ вовсе нѣтъ. Оно только кажется незнающему человѣку, что камень самъ по себѣ, а растеніе вещь совершенно другаго рода; на самомъ же дѣлѣ открывается, что оба эти предмета, столь несходные, состоятъ изъ одинаковыхъ частей, соединившихся по однимъ и тѣмъ же законамъ, только соединившихся въ разной пропорціи. Разлагаемъ камень и находимъ, что онъ составился изъ газовъ и металловъ; разлагаемъ растеніе и въ немъ тоже находимъ газы и металлы. Въ камняхъ металлы находятся не въ чистомъ своемъ видѣ, а въ разныхъ соединеніяхъ съ кислородомъ; въ растеніяхъ тоже. Въ камняхъ газы находятся не каждый особо, не самъ по себѣ, а въ разныхъ соединеніяхъ съ другими газами и металлами; въ ра-

стеніяхъ тоже. Больше всего въ растеніи такихъ частей, которыя прямо состоятъ изъ голаго камня: въ живомъ растеніи этотъ камень составляетъ двѣ трети или три четверти всей массы растенія, или даже больше; этотъ камень — вода. Отъ вещей, которыя называются камнями въ обыкновенномъ языкѣ, этотъ камень отличается лишь тѣмъ, что плавится при температурѣ очень низкой, между тѣмъ какъ обыкновенные камни плавятся только при чрезвычайно высокой температурѣ. Но если расплавленный кварцъ не перестаетъ быть кварцемъ, камнемъ, то и минералъ, бывающій въ расплавленномъ видѣ водою (ледъ), не перестаетъ, расплавившись, быть минераломъ. Итакъ отъ обыкновенныхъ рудъ, камней и другихъ неорганическихъ тѣлъ растеніе отличается собственно тѣмъ, что представляетъ комбинацію элементовъ гораздо болѣе сложную и потому гораздо быстрѣе проходящую химическій процессъ въ обыкновенной атмосферѣ, чѣмъ неорганическія тѣла, и притомъ по самой своей многосложности проходящую процессъ гораздо болѣе сложный. Въ неорганическомъ тѣлѣ происходитъ, напримѣръ, окисленіе только одного рода, а въ растеніи одновременно совершается окисленіе въ нѣсколькихъ степеняхъ, и притомъ въ неорганическомъ тѣлѣ окисленію подвергаются одинъ или два элемента его однообразной комбинаціи, а въ растеніи вдругъ нѣсколько химическихъ соединеній, изъ которыхъ каждое довольно многосложно Само собою разумѣется, что, находясь въ такомъ быстромъ и многосложномъ химическомъ процессѣ, тѣла обнаруживаютъ такія качества, которыхъ не проявляютъ при процессахъ менѣе быстрыхъ и сложныхъ. Словомъ сказать, разница между царствомъ неорганической природы и растительнымъ царствомъ подобна различію между маленькою травою и огромнымъ деревомъ: это разница по количеству, по интенсивности, по многосложности, а не по основнымъ свойствамъ явленія: былинка состоитъ изъ тѣхъ же частицъ и живетъ по тѣмъ же законамъ, какъ дубъ; только дубъ гораздо многосложнѣе былинки: на немъ десятки тысячъ листьевъ, а на былинкѣ всего два или три. Опять само собою разумѣется, что одинаковость тутъ существуетъ для теоретическаго знанія о предметѣ, а не для житейскаго обращенія съ нимъ: изъ былинокъ нельзя строить домовъ, а изъ дубовъ можно. Въ житейскомъ быту мы совершенно правы, когда считаемъ руду и растенія предметами, принадлежащими къ совершенно разнымъ разрядамъ вещей; но точно также мы правы въ житейскомъ быту, считая лѣсъ вещью совершенно иного разряда, чѣмъ трава. Теоретическій анализъ приходитъ къ другому результату: онъ находитъ, что эти вещи, столь различ-

ныя по своему житейскому отношенію къ намъ, должны считаться только разными состояніями однихъ и тѣхъ же элементовъ, входящихъ въ разныя химическія комбинаціи по однимъ и тѣмъ же законамъ. Для открытія этого тождества между травою и дубомъ былъ достаточенъ анализъ ума, не обогащеннаго большимъ запасомъ наблюденій и тонкими средствами изслѣдованія; для открытія одинаковости между неорганическимъ веществомъ и растеніемъ нуженъ былъ гораздо большій умственный трудъ при помощи гораздо сильнѣйшихъ средствъ изслѣдованія. Химія составляетъ едва ли не лучшую славу нашего вѣка.

Впрочемъ громадный запасъ наблюденій и особенно тонкія средства анализа нужны не столько за тѣмъ, чтобы геніальный умъ могъ увидѣть истину, открытіе которой требуетъ глубокихъ соображеній, — чаще всего бываетъ, по крайней мѣрѣ въ общихъ философскихъ вопросахъ, что истина замѣтна съ перваго взгляда человѣку пытливаго и логичнаго ума, — обширныя изслѣдованія и громадныя научныя средства въ этихъ случаяхъ приносятъ собственно ту пользу, что безъ нихъ истина, открытая геніальнымъ человѣкомъ, остается его личнымъ соображеніемъ, котораго онъ не въ силахъ доказать точнымъ ученымъ образомъ, и потому или остается непринята другими людьми, продолжающими страдать отъ своихъ ошибочныхъ мнѣній, или, что едва-ли не хуже, еще принимается другими людьми не на разумномъ основаніи, а по слѣпому довѣрію къ словамъ авторитета. Принципы, разъясненные и доказанные теперь естественными науками, были найдены и приняты за истину еще греческими философами, а еще гораздо раньше ихъ индійскими мыслителями, и вѣроятно были открываемы людьми сильнаго логическаго ума во всѣ времена, во всѣхъ племенахъ. Но развить и доказать истину логическимъ путемъ прежніе геніальные люди не могли Она извѣстна была всегда повсюду, но стала наукою только въ послѣднія десятилѣтія. Природу сравниваютъ съ книгою, заключающею въ себѣ всю истину, но написанною языкомъ, которому нужно учиться, чтобы понять книгу. Пользуясь этимъ уподобленіемъ, мы скажемъ, что очень легко можно выучиться каждому языку на столько, чтобы понимать общій смыслъ написанныхъ имъ книгъ; но очень много и долго нужно учиться ему, чтобы умѣть отстрачить всѣ сомнѣнія въ основательности смысла, какой мы находимъ въ словахъ книги, умѣть объяснить каждое отдѣльное выраженіе въ ней, и написать хорошую грамматику этого языка.

Единство законовъ природы было понято очень давно геніальными людьми; но только въ послѣднія десятилѣтія наше знаніе до-

стигло такихъ размѣровъ, что доказываетъ научнымъ образомъ основательность этого истолкованія явленій природы.

Говорятъ: естественныя науки еще не достигли такого развитія, чтобы удовлетворительно объяснить всѣ важныя явленія природы. Это совершенная правда; но противники научнаго направленія въ философіи дѣлаютъ изъ этой правды выводъ вовсе не логическій, когда говорятъ, что пробѣлы, остающіеся въ научномъ объясненіи натуральныхъ явленій, допускаютъ сохраненіе какихъ нибудь остатковъ фантастическаго міросозерцанія. Дѣло въ томъ, что характеръ результатовъ, доставленныхъ анализомъ объясненныхъ наукою частей и явленій уже достаточно свидѣтельствуетъ о характерѣ элементовъ, силъ и законовъ, дѣйствующихъ въ остальныхъ частяхъ и явленіяхъ, которыя еще не вполнѣ объяснены: если бы въ этихъ необъясненныхъ частяхъ и явленіяхъ было что нибудь иное, кромѣ того, что найдено въ объясненныхъ частяхъ, тогда и объясненныя части имѣли бы не такой характеръ, какой имѣютъ. Возьмемъ какую угодно отрасль естественныхъ наукъ, — положимъ, хотя географію или геологію, — и посмотримъ, какой характеръ могутъ имѣть, какого характера не могутъ имѣть свѣдѣнія, которыхъ мы еще не пріобрѣли по разнымъ частямъ предмета, изслѣдуемаго этими науками. При нынѣшнемъ развитіи географіи, мы еще не имѣемъ удовлетворительныхъ свѣдѣній о странахъ около полюсовъ, о внутренности Африки, о внутренности Австраліи. Безъ сомнѣнія, эти пробѣлы въ географическомъ знаніи очень прискорбны для науки, и по всей вѣроятности даже для практической жизни было бы нужно пополнить ихъ, потому что очень можетъ быть, что въ этихъ странахъ найдется что-нибудь новое и пригодное для жизни: очень можетъ быть, что во внутренности Австраліи найдутся новыя золотыя розсыпи или рудники еще обильнѣе тѣхъ, какіе найдены на ея прибрежьи; очень можетъ быть, что во внутренности Африки найдутся какія нибудь новыя горныя породы, новыя растенія, новыя метеорологическія явленія; все это очень можетъ быть, и пока не будетъ произведено точное изслѣдованіе этихъ странъ, никакъ нельзя съ точностью сказать, какія именно вещи и явленія найдутся въ нихъ; но можно уже и теперь съ достовѣрностью сказать, какихъ вещей и какихъ явленій никакъ не будетъ въ нихъ найдено. Подъ полюсами, напримѣръ, не найдется жаркаго климата и роскошной растительности. Этотъ отрицательный выводъ несомнѣненъ, потому что, если бы подъ полюсами средняя температура была высока или хотя умѣренна, не такова было бы состояніе сѣверной Сибири, сѣверной части англійскихъ владѣній въ Америкѣ,

морей, сосѣднихъ съ полюсами. Въ центральной Африкѣ такие не найдется полярнаго холода, потому что, если бы центральная часть африканскаго материка имѣла климатъ холодный, не таково было бы климатическое состояніе южной полосы Алжиріи, верхняго Египта и другихъ земель, окружающихъ центръ Африки. Какія именно рѣки найдутся въ центральной Африкѣ или Австраліи, мы этого не знаемъ, но навѣрное можно сказать, что если найдутся такія рѣки, то теченіе въ нихъ будетъ сверху внизъ, а не снизу вверхъ. Точно тоже надобно сказать и о тѣхъ частяхъ земнаго шара, которыхъ еще не успѣла изслѣдовать геологія. Мы изслѣдовали только одинъ очень тонкій слой земной коры, не составляющій и одной тысячной части всего шара; въ безднѣ внесъ вещества, скрывающагося подъ этою корою, конечно находится много тѣлъ и явленій, не встрѣчающихся въ доступной намъ ничтожной части его. Но по этой одной части мы уже достовѣрно знаемъ, какой характеръ имѣютъ и какого характера не имѣютъ предметы и феномены, заключенные въ недоступныхъ намъ нѣдрахъ шара. Мы знаемъ, что тамъ температура страшно высокая, — еслибъ она не была такъ высока, не то было бы на поверхности земли, что находится и происходитъ теперь; мы знаемъ, что въ такой высокой температурѣ не могутъ удерживаться тѣ химическія соединенія, которыя составляютъ такъ называемое органическое царство; потому мы знаемъ, что въ нѣдрахъ земли нѣтъ растительной и животной жизни, какая существуетъ на поверхности земли. Тамъ нѣтъ никакихъ организмовъ, сколько нибудь подобныхъ нашимъ растеніямъ или животнымъ. Если мы захотимъ сказать, что на полюсахъ, или въ центральной Африкѣ, или въ нѣдрахъ земли находится тѣло именно того такого разряда, что тамъ происходятъ феномены именно того такого вида, это будетъ только гипотезою, можетъ быть и ошибочною: мы не можемъ отгадать, вода или земля находится подъ полюсами; покрыто льдами или иногда бываетъ чисто отъ нихъ море подъ полюсами, если тамъ море; покрыта вѣчнымъ льдомъ или имѣетъ по временамъ какую нибудь растительность земля подъ полюсами, если тамъ земля, — эти положительныя заключенія были бы только догадками, не имѣющими научной достовѣрности; но отрицательные выводы, каковы, напримѣръ, то, что подъ полюсами не можетъ расти виноградъ или дубъ, что не могутъ тамъ жить обезьяны или попугаи, — эти отрицательные выводы имѣютъ совершенную научную достовѣрность; это уже не гипотезы, не догадки, это достовѣрное знаніе, основанное на отношеніи явленій, происходящихъ въ извѣстныхъ намъ странахъ зем-

ной поверхности, къ неизслѣдованнымъ нами феноменамъ неизвѣстныхъ частей ея. Возможно ли въ самомъ дѣлѣ усомниться въ томъ, что подъ полюсами не живутъ попуган? Для попугаевъ нужна средняя годичная температура въ 15 или 18 градусовъ выше точки замерзанія, а если бы на сѣверномъ полюсѣ была такая температура, то Гренландія имѣла бы климатъ по крайней мѣрѣ столь же теплый, какъ Италія. Или, возможно ли сомнѣваться въ томъ, что въ слояхъ земнаго шара, близкихъ къ центру его, нѣтъ растительныхъ организмовъ? Чтобы они могли тамъ существовать, нужна была бы тамъ температура не выше точки кипѣнія воды, потому что безъ воды нѣтъ никакихъ растеній; а если бы тамъ была температура ниже точки кипѣнія воды, тогда не находили бы мы, что чѣмъ дальше въ глубь, тѣмъ выше температура слоевъ неизслѣдованной нами оболочки земнаго шара.

Къ чему мы такъ долго останавливаемся на явленіяхъ и заключеніяхъ, каждому извѣстныхъ? Просто отъ того, что, по непривычкѣ къ систематическому мышленію, слишкомъ многіе люди слишкомъ наклонны не замѣчать смысла общихъ законовъ, который одинаковъ со смысломъ отдѣльныхъ феноменовъ, ими понимаемыхъ. Мы хотѣли какъ можно сильнѣе выставить силу одного изъ такихъ общихъ законовъ: если при нынѣшнемъ состояніи научнаго наведенія (индуктивной логики) мы въ большей части случаевъ еще не можемъ съ достовѣрностью опредѣлять по неслѣдованной нами части предмета, какой именно характеръ имѣетъ неизслѣдованная часть его, то уже всегда можемъ съ достовѣрностью опредѣлять, какого характера не можетъ имѣть она. Наши положительныя заключенія отъ характера извѣстнаго къ характеру неизвѣстнаго при нынѣшнемъ состояніи наукъ находятся еще на степени догадокъ, подлежащихъ спору, доступныхъ ошибкамъ; но отрицательныя заключенія уже имѣютъ полную достовѣрность. Мы не можемъ сказать, чѣмъ именно окажется неизвѣстное намъ; но мы уже знаемъ, чѣмъ оно не оказывается.

Фантастическія гипотезы, разрушаемыя этими отрицательными выводами, въ химіи, въ географіи, въ геологіи, уже не заслуживаютъ никакой борьбы, потому что всѣми и каждымъ сколько нибудь образованнымъ человѣкомъ признаются за бредни. Географъ не имѣетъ нужды доказывать, что подъ полюсами не найдется обезьянъ, въ центральной Африкѣ не найдется безголовыхъ людей, въ центральной Австраліи рѣкъ, текущихъ снизу вверхъ, въ нѣдрахъ земли сказочныхъ садовъ и циклоповъ, кующихъ оружіе Ахиллесу подъ надзоромъ Вулкана. Но человѣкъ съ логическимъ умомъ точно так-

же смотритъ на фантастическія гипотезы и въ другихъ наукахъ: онъ также видитъ, что все это бредни, несовмѣстныя съ нынѣшнимъ состояніемъ знаній. Говорятъ, что открытія, сдѣланныя Коперникомъ въ астрономіи, произвели перемѣну въ образѣ человѣческихъ мыслей о предметахъ по видимому очень далекихъ отъ астрономіи. Точно такую же перемѣну и точно въ томъ же направленіи, только въ гораздо обширнѣйшемъ размѣрѣ, производятъ нынѣ химическія и физіологическія открытія: отъ нихъ измѣняется образъ мыслей о предметахъ, повидимому очень далекихъ отъ химіи. Теперь, чтобы сколько нибудь свести конецъ этой статьи съ ея началомъ, мы опять обратимся мыслью къ будущимъ судьбамъ западной Европы, о которыхъ были принуждены говорить по поводу приводимыхъ г. Лавровымъ изъ Милля и Прудона цитатъ о прискорбной будто бы перспективѣ, грозящей западному человѣчеству. Химія, геологія и потомъ, вдругъ, разсужденія о политическихъ партіяхъ въ Англіи или Франціи, о западно-европейскихъ нравахъ, о надеждахъ и опасеніяхъ разныхъ сословій и разныхъ публицистовъ — какой произвольный переходъ, какое отсутствіе логики! Что жь дѣлать, читатель: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады; ничего другаго вы и не должны были ждать отъ нашей статьи. Попробуете приложить къ ея характеру методъ отрицательныхъ заключеній о характерѣ неизвѣстнаго по характеру извѣстнаго и посмотримъ, чего никакъ не должны были бы вы ожидать отъ этой статьи, если бы потрудились употребить въ дѣло этотъ методъ передъ тѣмъ, какъ начали читать ее. Статья написана по русски, для русской публики: это вамъ было извѣстно по самой обертке журнала. Статья эта хочетъ говорить о философскихъ вопросахъ, — это также было видно по ея заглавію на обертке книжки. Теперь, разсудите сами: есть ли какая нибудь логика въ этихъ двухъ извѣстныхъ вамъ фактахъ? Какой-то господинъ написалъ статью для русской публики; нужны ли для русской публики журнальныя статьи? Судя по всему, рѣшительно не нужны; потому что еслибъ были нужны, онѣ были бы не таковы, какія бываютъ теперь. Итакъ этотъ неизвѣстный вамъ господинъ, авторъ этой статьи, поступилъ вовсе не логично, сдѣлалъ то, чего не нужно публикѣ — написалъ статью. Но вы, по своему великодушію, допустили эту нелѣпость безъ порицанія: вздумалъ онъ дѣлать то, чего никому не нужно, — ну, такъ и быть: написалъ статью, такъ пусть написалъ. Теперь другой вопросъ: о чемъ же онъ написалъ ее? о философіи. О философіи! Господи, твоя воля! да кто же въ русскомъ обществѣ думаетъ о философскихъ вопросахъ? Развѣ г. Лавровъ, — да и то сомнительно: быть можетъ и самому г. Лаврову гораздо интерес-

нѣе всевозможныхъ философскихъ вопросовъ нашей литературы и общественныя дѣла. Выборъ предмета для такого нелогическаго поступка, какъ написаніе журнальной статьи, еще нелогичнѣе самаго этого поступка. Чего же вы могли ожидать отъ статьи, къ которой началу приложены двѣ тяжія крупныя печати съ надписью: отсутствіе логики? При нынѣшнемъ состояніи наукъ въ Россіи нельзя достовѣрно сказать, какія вещи можно было ожидать найти въ этой статьѣ вашъ, судившимъ о ней по ея заглавію; но можно достовѣрно сказать, что никакъ нельзя было ожидать найти въ ней логику. А гдѣ нѣтъ логики, тамъ безсвязность. Вотъ вамъ небольшой опытъ приложенія теоріи отрицательныхъ выводовъ отъ характера извѣстнаго къ характеру неизвѣстнаго. Неправда ли, принципъ достовѣрности этого метода блистательно подтверждался прочтеніемъ вами статьи? Мы говоримъ не по увлеченію авторскимъ самолюбіемъ, мы говоримъ по искреннему и вѣрному убѣжденію, что эта статья своею безсвязностью, безтолковостью возвышается надъ всѣми другими, читанными вами статьями, не крайней мѣрѣ на столько же, на сколько интенсивность химическаго процесса въ растительной жизни возвышается надъ его интенсивностью въ неорганической природѣ. Скажите же теперь, не должны ли мы, чтобы выдержать характеръ статьи, перебросить изъ разсужденія о будущности западной Европы отъ химическихъ разсужденій?

Мы видѣли, какой характеръ принадлежитъ образу мыслей въ благородной части тѣхъ сословій западной Европы, которыя ждутъ себѣ потерь отъ перемѣнъ, признаваемыхъ ими самими за необходимыя и справедливыя. Скорбь о своей предстоящей судьбѣ производитъ смущеніе въ ихъ умѣ. У нихъ нѣтъ силъ приложить къ близкому для нихъ факту принципъ, принимаемый ими въ его общемъ отвлеченномъ видѣ. Мы видѣли, на какой ступени развитія находится образъ мыслей простолюдина западной Европы. До него еще не дошла общая идея нынѣшней науки, выводы которой согласны съ его потребностями. Онъ еще держится устарѣлыхъ принциповъ, но видитъ совершенную несостоятельность выводовъ, сдѣланныхъ изъ нихъ его учителями, людьми старыхъ системъ, и безпрестанно переходитъ отъ желчнаго отрицанія ими къ подчиненности имъ. Въ этомъ смиреніи онъ не можетъ удержаться надолго и опять изливается въ ѣдкихъ тирадахъ, чтобы опять смириться передъ рутиною. Эта желчная перемѣнчивость, это колебаніе вовсе не принадлежитъ духу новыхъ идей: напротивъ, шаткость воззрѣній, выражающаяся смѣсью скептицизма съ подавленною довѣрчивостью, происходитъ именно отъ недостаточнаго знакомства съ идеями, вырабо-

такими положительною наукой. Читатель видитъ, какой характеръ имѣютъ ея принципы и выводы. Основаніями своихъ теорій она беретъ истины, открытыя естественными науками посредствомъ самаго точнаго анализа фактовъ, истины столь же достовѣрныя, какъ обращеніе земли вокругъ солнца, законъ тяготѣнія, дѣйствіе химическаго средства. Изъ этихъ принциповъ, неподлежащихъ никакому спору или сомнѣнію, современная наука дѣлаетъ свои выводы путемъ столь же осмотрительнымъ, какъ и тотъ, которымъ дошла до нихъ. Она не принимаетъ ничего безъ строжайшей, всесторонней повѣрки и не выводитъ изъ принятаго никакихъ заключеній; кромѣ тѣхъ, которыя сами собою неотразимо слѣдуютъ изъ фактовъ и законовъ, отвергать которыхъ нѣтъ никакой логической возможности. При такомъ характерѣ новыхъ идей, человѣку, разъ принявшему ихъ, не остается уже никакой дороги къ отступленію назадъ или къ какимъ нибудь сдѣлкамъ съ фантастическими заблужденіями.

Такимъ образомъ существенный характеръ нынѣшнихъ философскихъ воззрѣній состоитъ въ непоколебимой достовѣрности, исключающей всякую шаткость убѣжденій. Изъ этого легко заключить, какая судьба ждетъ человѣчество западной Европы. Свойство каждаго новаго ученія состоитъ въ томъ, что нужно ему довольно много времени на распространеніе въ массахъ, на то, чтобы стать господствующимъ убѣжденіемъ. Новое и въ идеяхъ, какъ въ жизни, распространяется довольно медленно; но за то и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что оно распространяется, постепенно проникая все глубже и глубже въ разные слои населенія, начиная, конечно, съ болѣе развитыхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и простолюдины западной Европы ознакомятся съ философскими воззрѣніями, соотвѣтствующими ихъ потребностямъ. Тогда найдутся у нихъ представители не совсѣмъ такіе, какъ Прудонъ: найдутся писатели, мысль которыхъ не будетъ, какъ мысль Прудона, спутываться преданіями или задерживаться устарѣлыми формами науки въ анализѣ общественнаго положенія и полезныхъ для общества реформъ. Когда прійдетъ такая пора, когда представители элементовъ, стремящихся теперь къ пересозданію западно-европейской жизни, будутъ являться уже непоколебимыми въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ, это будетъ признакомъ скораго торжества новыхъ началъ и въ общественной жизни западной Европы.

Теперь мы замѣчаемъ,—жаль, что замѣтили слишкомъ поздно,—что эта статья, при всей своей безсвязности, можетъ служить предисловіемъ къ изложенію понятій нынѣшней науки о человѣкѣ, какъ

отдѣльной личности. Еслибъ это замѣчено было наши ранѣе, мы постарались бы сократить окольныя наши отступленія изъ философіи въ естественныя науки; тогда предисловіе не имѣло бы такой излишней длинноты и осталось бы намъ довольно страницъ для очерка теоріи личности, какъ понимаетъ ее нынѣшняя наука. Но теперь уже поздно поправлять дѣло и намъ остается только надежда, что нынѣшняя статья, могущая, какъ мы видимъ, служить предисловіемъ къ очерку философскихъ понятій о человѣкѣ, въ самомъ дѣлѣ послужитъ предисловіемъ къ нему.

НОВЫЯ КНИГИ.

Стихотворенія Ивана Никитина. Спб. 1860.

Воронежскій мѣщанинъ-поэтъ Никитинъ сдѣлался извѣстенъ читающей публикѣ лѣтъ пять тому назадъ. Первыя изъ напечатанныхъ имъ стихотвореній были патріотическія; потомъ вышла книжка его стиховъ, изданная гр. Д. Толстымъ, и затѣмъ время отъ времени стали появляться стихотворенія его въ разныхъ журналахъ. Въ 1858 г. онъ издалъ новую «Кулакъ», о которой мы говорили въ свое время. Теперь является новое изданіе мелкихъ стихотвореній г. Никитина, пересмотрѣнныхъ и *совершенно передѣланныхъ* авторомъ.

Это послѣднее, довольно странное обстоятельство не указано на оберткѣ книжки, но мы сличали большую часть стихотвореній, напечатанныхъ въ нынѣшнее изданіе изъ стараго, и нашли, что весьма немногія пощажены отъ совершенной передѣлки. Насъ это очень удивило и заставило вспомнить отзывъ о воронежскомъ поэтѣ, помѣщенный еще въ «Современникѣ» 1856 г. и имѣвшій тотъ смыслъ, что для г. Никитина гораздо важнѣе риѳмованныя строчки, нежели поэтическая мысль и чувство. Въ самомъ дѣлѣ, кому изъ лирическихъ поэтовъ, выражающихъ въ стихахъ истинныя свои чувства и впечатлѣнія, можетъ придти въ голову — черезъ три-четыре года переправлять свои стихи такимъ образомъ, чтобы въ нихъ измѣнились риѳмы и фразы, стихъ изъ одного куплета перешелъ въ другой, изъ двухъ стиховъ составился одинъ, и т. п., — и все это безъ

всякой внутренней необходимости, просто по требованію уха! Мы слыхали, что такимъ образомъ выглаживался слогъ въ ораторскихъ рѣчахъ прежняго времени, особенно въ патетической части; но въ поэтическихъ произведеніяхъ мы привыкли видѣть другое, особенно въ лирикѣ. Въ лирическомъ стихотвореніи выражается непосредственное чувство, возбужденное въ поэтѣ извѣстнымъ явленіемъ природы или жизни, и главное дѣло здѣсь не въ самомъ чувствованіи, не въ пассивномъ воспріятіи, а во внутренней реакціи тому впечатлѣнію, которое получается извнѣ. Чувствовать наслажденіе прекраснымъ видомъ, свѣжимъ весеннимъ утромъ, вечерней прогулкой вдвоемъ, и пр. и пр. могутъ очень многіе; но немногіе умѣютъ эти впечатлѣнія поймать въ душѣ своей и выразить такъ, чтобы дать ихъ и другимъ почувствовать. Въ этомъ-то умѣньи овладѣть внѣшнимъ впечатлѣніемъ и воспроизвести его въ звукахъ — и состоитъ существенная сила лирическаго таланта. Поэтому стремленіе къ изящному, точному и полному выраженію чувства необходимо является въ душѣ поэта въ самую минуту созданія; онъ не остается удовлетвореннымъ, ежели его стихъ вялъ, растянутъ, неопредѣленъ, словомъ — если плохо выражаетъ то, что хочетъ поэтъ выразить. Оттого-то истинный поэтъ работаетъ надъ стихотвореніемъ, пока еще свѣжо и живо впечатлѣніе, вызвавшее стихи. Если стихи не удадутся съ разу, поэтъ можетъ къ нимъ воротиться черезъ нѣсколько лѣтъ и тогда уже напишетъ нѣчто другое; но если разъ онъ кончилъ пьесу, остался ею доволенъ, напечаталъ, то навѣрное впослѣдствіи онъ не станетъ педантически придираться къ каждой неполной риѳмѣ, къ каждой, несовсѣмъ ловко уклюжей стопѣ, и подогрѣвать свое вдохновеніе на новые, болѣе удачные обороты. Бываютъ случаи, что поэты, вслѣдствіе повторенія впечатлѣній или вслѣдствіе продолжительныхъ размышленій, болѣе полно и глубоко охватываютъ предметъ, находятъ новыя краски, новые звуки, и тогда передѣлываютъ стихотворенія, прежде написанныя. Но это бываетъ въ случаяхъ особенныхъ, и вообще дѣлается не такъ, какъ у г. Никитина, у котораго перемѣны въ стихахъ рѣшительно ничего не означаютъ, кромѣ украшенія въ перемѣнкаціи. Возьмемъ для примѣра по нѣскольку стиховъ изъ разныхъ стихотвореній. Вотъ, напр., стихи прежняго изданія:

Полно спать тебѣ, степь, подъ туманомъ:
Зимы-матушки кончился срокъ;
Съ юга гости летятъ караваномъ,
Настаетъ весны теплый денёкъ.
Уберись, какъ невѣста, цвѣтами,
И умой лицо первымъ дождемъ,

Грудь накрой травы новой шелками,
Изукрасься росы жемчугом.

Въ первомъ куплетѣ нескладенъ четвертый стихъ, а во второмъ второй и третій; кромѣ того — слово *гости* здѣсь неопредѣленно; *шелки* и *жемчугъ* также не понравились г. Никитину. Вотъ онъ и передѣлываетъ эти стихи:

Полно, степь моя, спать безпробудно,
Зимы-матушки царство прошло,
Сохнетъ скатерть дорожки безлюдной,
Снѣгъ пропалъ — и тепло и свѣтло.
Пробудись и умойся росою,
Въ ненаглядной красѣ покажись,
Принакрой свою грудь муравою,
Какъ невѣста, въ цвѣты нарядись.

Измѣненія эти сдѣланы, по нашему мнѣнію, къ лучшему. Но и они не возводятъ это стихотвореніе на степень произведенія поэтическаго. Напротивъ, они свидѣтельствуютъ намъ о кропотливомъ, мозаическомъ подборѣ фразъ, о мозольномъ, почти библіографическомъ трудѣ, котораго стоитъ г. Никитину каждая пьеса. Рѣдкій стихъ оставленъ имъ нетронутымъ, все онъ просмотрѣлъ и передѣлалъ, и часто вовсе безъ нужды. Напримѣръ, вмѣсто стиховъ:

Скоро гости къ тебѣ соберутся,
Гнѣзда дѣтямъ своимъ будутъ вить,
Съ утра до ночи пѣсни польются,
Станутъ гости до осени жить, —

въ новомъ изданіи находимъ такую передѣлку:

Скоро гости къ тебѣ соберутся,
Сколько гнѣздъ понавьютъ, — посмотри!
Что за звуки, за пѣсни польются
День-деньской, отъ зари до зари!

Зачѣмъ эта передѣлка? Что ее вызвало? Очевидно, не иное что, какъ наклонность къ версификаціи....

Пристрастіе автора къ улучшенію стиха въ своихъ произведеніяхъ доходитъ до смѣшнаго: нерѣдко онъ убивается надъ шлифовкою такихъ стихотвореній, о которыхъ можно сказать, что чѣмъ хуже они написаны, тѣмъ лучше. Напримѣръ, въ первомъ изданіи было чрезвычайно-плохое стихотвореніе: «Молитва дитяти». И стихи были въ немъ плохеваты, но главный недостатокъ его состоялъ въ метафизической фальшивости и непоэтичности основнаго тона. Стихотвореніе это написано было въ 1853 году; теперь, по проше-

ствіи семи лѣтъ, г. Никитинъ не замѣтилъ, что оно есть риторически-альбомное упражненіе, и занялся только буквальнымъ исправленіемъ этихъ стишковъ. Въ первомъ изданіи, сказавъ, что молитва дитяти чиста и пріятна его ангелу-хранителю, поэтъ говоритъ:

О, если бъ, послѣ многихъ лѣтъ,
Въ часы молитвы, со слезами,
Взглянуло ты на божій свѣтъ
Такими жъ свѣтлыми очами!
Но если дѣтства чистота
Когда нибудь тебя оставитъ,
И горькой жизни нагота
Тебя на жизнь роптать заставитъ, —
Въ тѣ дни къ подножію креста
Приникни съ дѣтскою любовью,
И твердой вѣры чистота
Здѣсь примиритъ тебя съ собою.
Здѣсь ангелъ дѣтства твоего
Къ тебѣ опять слетитъ невримо
И о тебѣ творцу всего
Молиться станетъ невидимо.

Подобные стихи слѣдовало бы вовсе выкинуть изъ новаго изданія; а г. Никитинъ, напротивъ, еще разъ съ любовью потрудился надъ ними и представилъ ихъ теперь въ такомъ видѣ:

Молись, дитя, мужай съ лѣтами!
И дай Богъ, въ пору позднихъ лѣтъ,
Такими жъ свѣтлыми очами
Тебѣ глядѣть на божій свѣтъ!
Но если жизнь тебя измучитъ,
И умъ и сердце возмутитъ,
Но если жизнь роптать научитъ,
Любовь и вѣру погаситъ, —
Приникни съ жаркими слезами,
Креста подножье обойми:
Ты примиришься съ небесами,
Съ самимъ собою и съ людьми.
И вновь тогда изъ райской сѣни
Хранитель-ангелъ твой сойдетъ,
И за тебя, склонивъ колѣни,
Молитву къ Богу вознесетъ.

Сдѣлалось ли стихотвореніе лучше отъ такой передѣлки? И стоило ли такъ трудиться надъ риторической темой, въ которой нѣтъ ни малѣйшаго вѣянія поэзіи?

Изъ стихотвореній прежняго изданія около половины выкинуто въ новомъ. Просматривая эти выкинутыя пьесы, мы замѣтили, что авторъ руководился при этомъ соображеніями очень основательными. Онъ не допустилъ въ новое изданіе во-первыхъ патріотическихъ пьесъ, «Русь», «Война за вѣру» «Югъ и Сѣверъ», и пр. Пьесы эти дѣйствительно теперь не имѣютъ особенной занимательности, и даже часто представляются довольно забавными, какъ напр., пророчества г. Никитина, предъ началомъ восточной войны:

Мы вновь напомнимъ вамъ героевъ Рымника,
И ужасъ Чесменскій, и славный бой Кагула, и пр....

Читать заднимъ числомъ такія пророчества не совсѣмъ удобно, и мы вполнѣ одобряемъ нашихъ поэтовъ, рѣшительно отрекшихся отъ воинственныхъ и — правду сказать — нѣсколько звѣрскихъ своихъ произведеній, какъ скоро миновала въ нихъ надобность. Во время войны понятно было даже, напримѣръ, такое обращеніе одного изъ извѣстныхъ поэтовъ нашихъ къ Державину:

Возстань же днесь и внемли, какъ снова
Родныя плещутъ знамена!
Во славу имени Христова
Кипитъ священная война.
И вновь Россія торжествуетъ!
Пускай Европа негодуетъ,
Пускай коварствуетъ и лжетъ:
Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья,
Враговъ безсильное шипѣнье
Народный духъ въ насъ не убьетъ...

Въ то время за такіе стихи поэтъ преисполнялся даже удивленіемъ къ самому себѣ, увѣрялъ, что «его стихъ есть тоже мечъ», что —

Въ немъ блещетъ идеалъ Россіи молодой,
Который свѣтитъ намъ водительной звѣздой, и пр....

что —

Онъ рвется изъ души, какъ откликъ боевой
На зовъ торжественный отечественной славы....

Все это было естественно и понятно въ ту пору всеобщаго увлеченія воинственнымъ величіемъ Россіи; но все это прошло, и поэты стираются уничтожить слѣды тогдашнихъ увлеченій въ полныхъ собраніяхъ стиховъ своихъ. Теперь все это направленіе отдано уже въ

исключительную и неотъемлемую собственность г. Лиліеншвагера, переводчика австрійскихъ стихотвореній Якова Хама.

Итакъ г. Никитинъ хорошо сдѣлалъ, что выбросилъ изъ новаго изданія барабанно-патріотическія стихотворенія военнаго времени. Не менѣе заслуживаетъ одобренія и уничтоженіе имъ стихотвореній метафизическаго свойства, какъ напр., «Кладбище», «Успокоеніе», «Новый Завѣтъ», «Сладость молитвы», и т. п. Все это были — или реторическія упражненія на заданную тему, напр., о безсмертіи души человѣческой, объ ограниченности человѣческаго разума, и т. п., или же весьма близкія подражанія «думамъ» Кольцова. Изгнаніе ихъ изъ нынѣшняго изданія стихотвореній г. Никитина доказываетъ, что и въ этомъ отношеніи мысль поэта возмужала и образовалась, такъ что уже не нуждается во многихъ схоластическихъ отвлеченностяхъ, къ которымъ прибѣгала прежде.

Третій разрядъ выброшенныхъ стихотвореній составляютъ тѣ, въ которыхъ былъ слишкомъ ясно слышенъ напѣвъ съ чужаго голоса и слишкомъ ощутителенъ былъ недостатокъ собственной мысли и чувства. Сюда относятся всѣ стихотворенія, въ которыхъ говорилось о моряхъ, корабляхъ, мраморахъ, мукахъ художника и т. п.

Мы нарочно обратили вниманіе на множество стихотвореній, исключенныхъ г. Никитинымъ изъ втораго изданія: по нашему мнѣнію, это доказываетъ, что онъ способенъ сознавать ложь и недостаточность своихъ произведеній и отрекаться отъ того направленія, которое могло породить ихъ. Видно, что онъ не принадлежитъ къ числу такихъ поэтовъ, которые, какъ напр. г. Фетъ, никакъ ужь не могутъ, несмотря на всевозможныя усилія критики, перейти ту грань, на которую разъ стали въ своихъ произведеніяхъ. Видно, что талантъ г. Никитина какъ будто еще не совсѣмъ опредѣлилъ себя, не нашелъ своей настоящей дороги, но очень ревностно старается найти ее. Кропотливая обработка и передѣлка прежнихъ пьесъ доказываетъ его заботу о совершенствованіи своего стиха; уничтоженіе многихъ стихотвореній свидѣтельствуетъ о стараніяхъ его избавиться отъ тѣхъ направленій, подъ вліяніемъ которыхъ они были писаны; наконецъ новыя его стихотворенія указываютъ на новыя стремленія и чувства, волнующія поэта и видоизмѣняющія содержаніе и тонъ его произведеній. Странно, конечно, такое постоянное колебаніе въ талантѣ поэта, который пишетъ стихи уже по крайней мѣрѣ лѣтъ двѣнадцать (самыя раннія стихотворенія въ первомъ изданіи помѣчены 1849-мъ годомъ); но нельзя не признаться, что развитіе человѣка трудно ограничить опредѣленнымъ годомъ. Исторія литературы представляетъ намъ довольно много при-

мѣровъ писателей, которые только въ очень уже зрѣлыхъ годахъ попадали на свой настоящій путь, и у которыхъ окончательное развитіе таланта совершалось очень поздно. У насъ, и особенно въ положеніи г. Никитина, подобное явленіе должно быть даже считаемо совершенно нормальнымъ. Грамотѣйство, писательство — у насъ дѣло далеко не всѣмъ и каждому доступное; оттого у насъ въ обществѣ, особенно провинціальномъ, нерѣдко какой нибудь господинъ считается литераторомъ за то, что описалъ краснорѣчиво какую нибудь торжественную процессію, пріѣздъ высокой особы или балъ въ дворянскомъ собраніи. А если еще человѣкъ пишетъ стихами — тутъ и говорить нечего: поэтъ, да и только... Немудрено, что такая малая требовательность общества, соединенная съ чрезвычайно-ничтожною начитанностью, отражается и на воззрѣніяхъ пишущихъ людей на самихъ себя. Они тоже привыкаютъ считать чѣмъ-то важнымъ всякій свой фельетонъ или стихотвореніе, тоже начинаютъ смотрѣть, какъ на свою исключительную собственность, на мысли, давно извѣстныя, давно прекрасно высказанныя другими и сдѣлавшіяся наконецъ достояніемъ всего образованнаго общества. Такимъ образомъ, съ ослабленіемъ внутренней требовательности и строгости суда надъ собою, естественно замедляется и даже останавливается живое развитіе писателя, и остается только сторона формальная, — слогъ, стихъ, діалектическое развитіе мысли... Многіе только этимъ и довольствуются, и всю жизнь стоятъ на звучныхъ фразахъ и общихъ мѣстахъ и все-таки считаются литераторами и поэтами. Нерѣдко они даже печатаютъ свои безсознательныя подражанія чужимъ впечатлѣніямъ и безцвѣтные, но звучные пересказы чужихъ мыслей и стремленій; нерѣдко и временный успѣхъ вѣнчаетъ ихъ, даже среди людей, причастныхъ литературѣ, но имѣющихъ слишкомъ много добродушія и слишкомъ короткую память... Въ такомъ положеніи былъ и г. Никитинъ при первомъ своемъ появленіи; но онъ, какъ мы видѣли, не остался въ ослѣпленіи насчетъ значенія своихъ подражательныхъ опытовъ, уничтожилъ ихъ, и теперь мы видимъ въ его новыхъ стихотвореніяхъ — хотя все еще большею частію не свое, а заимствованное содержаніе, но уже гораздо болѣе имъ усвоенное и переработанное, нежели какъ было прежде. Въ прежнихъ его стихотвореніяхъ можно было много насчитать такихъ, которыя составляютъ просто варіаціи на такое-то стихотвореніе извѣстнаго поэта. Въ нынѣшнемъ изданіи такихъ пьесъ гораздо меньше, подражательность не такъ ярко выражается въ самомъ строѣ стиха, а состоитъ болѣе въ заимствованіи основной мысли и тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ чертъ для обрисовки предмета. Все-таки эта подражательность еще очень

сильна, и по крайней мѣрѣ половину изъ напечатанныхъ нынѣ стихотвореній г. Никитина надо бы выкинуть. Напримѣръ, пьеса «Поэту», какъ она ни передѣлана г. Никитинымъ въ новомъ изданіи, все-таки осталась подражаніемъ стихотворенію Полонскаго: «О, подними свое чело;» стихотвореніе «Дитяти» взято изъ «Младенца», Огарева и такой же пьесы Кольцова; «Похороны» напоминаютъ тоже пьесу Огарева:

Когда встрѣчаются со мной
Подъ парчевою пеленой
И съ упряжью печальной дроги, и проч.

Кромѣ такихъ цѣльныхъ подражаній, есть отрывочныя, мозаическія такъ сказать заимствованія изъ другихъ поэтовъ, преимущественно въ пьесахъ описательнаго свойства. Напримѣръ, г. Никитинъ пишетъ:

Въ темной чащѣ замолкъ соловей,
Покатилась звѣзда въ синевѣ.
Мѣсяцъ смотритъ сквозь сѣтку вѣтвей,
Зажигаетъ росу на травѣ.
Дремлютъ розы. Прохлада плыветъ.
Кто-то свистнулъ.... Вотъ выперъ и свистъ.
Ухо слышитъ, едва увидетъ
Насѣкомымъ подточенный листъ.
Какъ при мѣсяцѣ кротокъ и тихъ,
У тебя милый очеркъ лица!
Эту ночь, полный грезъ золотыхъ,
Я бъ продлилъ безъ конца, безъ конца.

Это стихотвореніе даже недурно, и мы не можемъ указать отдѣльной пьесы, которой бы оно составляло прямое подражаніе. Но тѣмъ не менѣе, если вы знакомы съ нашими поэтами, то, читая это стихотвореніе, вы чувствуете, что здѣсь излагаются не столько личныя впечатлѣнія г. Никитина отъ этой ночи, сколько воспоминанія его о томъ, что онъ читалъ подходящаго къ предмету его описанія. И прокатившаяся звѣзда, и мѣсяцъ, зажигающій росу на травѣ, и плывущая прохлада, и дремлющія розы, и проч. — все это вамъ знакомо, все это вы читали у Фета и Тютчева, и всматриваясь въ физіономію стихотворенія, вы замѣчаете, что оно есть не что иное, какъ извлеченіе изъ фетовскихъ «Вечеровъ и Ночей». Такихъ мозаически-составленныхъ пьесъ не мало у г. Никитина, и онѣ попадаются, къ сожалѣнію, не только въ описательномъ родѣ, въ которомъ онъ вообще не силенъ, но и въ стихотвореніяхъ субъективнаго характера, наиболѣе требующихъ самостоятельности и свое-

образности. Есть у г. Никитина съ десятокъ небольшихъ стихотвореній, въ которыхъ выражается тоска души, измученной пошлыми и грязными явленіями жизни, совершенно противными чистымъ и благороднымъ стремленіямъ поэта. Тема эта такъ обширна, что въ ней можетъ превосходно отразиться и личность поэта со всѣми его понятіями и желаніями, и жизнь, окружающая его и производящая въ немъ тѣ или другія впечатлѣнія. Между тѣмъ и въ этой сферѣ г. Никитинъ выказываетъ очень мало самобытности: о явленіяхъ, очевидно близкихъ и знакомыхъ ему, онъ большею частію говоритъ не своимъ голосомъ, какъ будто прячетъ то, что ему лично дорого, и говоритъ лишь о томъ, что у другихъ ужь было говорено, что получило право гражданства въ нашей поэзіи. Оттого въ самыхъ повидимому задушевныхъ его пьесахъ мы слышимъ не вопль души, а разсказъ человѣка, рефлектирующаго о своихъ страданіяхъ и старающагося разсказать о нихъ приличнымъ тономъ и хорошимъ слогомъ,—какъ принято говорить въ порядочномъ обществѣ. Прочтите, напр., хоть слѣдующее стихотвореніе.

Еще одинъ потухшій день
Я равнодушно провожаю
И молчаливой ночи тѣнь,
Какъ гостя скучнаго, встрѣчаю.
Увы! не принесетъ мнѣ сна
Ея нѣмая тишина.
Весь день душа болѣла тайно
И за себя и за другихъ....
Отъ пошлыхъ встрѣчъ, отъ сплетенъ злыхъ,
Отъ жизни грязной и печальной
Пора покой бы ей узнать;
Да гдѣ онъ? Гдѣ его искать?
Едва на землю утро взглянетъ,
Едва взойдетъ ночная тѣнь, —
Опять тяжелый, грустный день,
Однообразный день настанетъ.
Опять начнется боль души,
На злыя пытки осужденной,
Опять напрячешься въ тиши,
Измученный и оскорбленный.

Въ этомъ стихотвореніи, какъ и въ большей части другихъ того же рода, слышны звуки Огарева, И. Аксакова, даже Полонскаго и пр., но не слышно внутренней жизни самого поэта. Мы видимъ, что умъ и чувство его—въ разладѣ съ той обстановкой, въ которую поставленъ онъ судьбой; но этотъ разладъ есть общее мѣсто, и говоря о

немъ отвлеченно, можно высказать много умныхъ вещей, но нельзя написать поэтическаго, живаго произведенія. Это мы видѣли даже на людяхъ гораздо далѣе, чѣмъ г. Никитинъ, ушедшихъ въ теоретическихъ умствованіяхъ и гораздо крѣпче его владѣвшихъ отвлеченною логикою: они писали стихи чрезвычайно благородные, смѣлые, энергическіе, даже искренніе, но поэзіи все-таки было въ нихъ очень мало. Оттого и значеніе этихъ стихотвореній очень слабо, и при мысли о горѣ, трудѣ, нищетѣ и всей житейской несладицѣ гораздо скорѣе вспоминается вамъ стихъ Кольцова или другаго поэта, нежели Огаревъ или Аксаковъ. Тѣмъ слабѣе, разумѣется, должны быть стихотворенія г. Никитина, составляющія подражаніе этимъ отвлеченностямъ.

А между тѣмъ у г. Никитина есть условія, весьма благопріятныя для того, чтобы пробить свою дорогу и сдѣлаться очень замѣтнымъ писателемъ именно въ томъ родѣ, который ему наиболѣе доступенъ. Дѣло въ томъ, что разладъ житейскихъ отношеній съ нормальными требованіями сердца и ума, сознается всѣми нами, людьми, принадлежащими къ такъ называемому образованному обществу, поэтами и прозаиками, пишущими и непишущими. Но въ нашемъ сознаніи этотъ разладъ является чѣмъ-то въ родѣ несовершенно-свѣжей устрицы, вдругъ непріятно поражающей нашъ вкусъ послѣ десятка совершенно свѣжихъ, съѣденныхъ нами; въ сознаніи же поэта, какъ г. Никитинъ, жизненный разладъ является просто-на-просто въ отсутствіи какой бы то ни было пищи, когда ѣсть хочется. Разница значительная, и уже ея одной достаточно для того, чтобы оправдать наши слова о возможномъ значеніи г. Никитина, если бы онъ употребилъ свое дарованіе на изображеніе близкихъ ему интересовъ и явленій жизни. Мы, люди образованные, конечно всѣ отличаемся добрымъ сердцемъ и прямымъ взглядомъ на вещи; конечно мы любимъ нашихъ братьевъ, сочувствуемъ ихъ страданіямъ, готовы горячиться до слезъ—все желая помочь имъ; но мы недавно видѣли точно такой же азартъ нѣсколькихъ умныхъ людей по поводу княжны Зинаиды, изображенной г. Тургеневымъ въ «Первой Любви». Одни обвиняли ее, другіе защищали, и при этомъ горячились совершенно такъ же, какъ въ разсужденіяхъ о бѣдствіяхъ человѣчества. Никому, разумѣется, дѣла не было до княжны Зинаиды, никто такой женщины никогда не встрѣчалъ, да и не желалъ бы встрѣтить, потому что кому же охота желать, чтобъ ему довольно глубоко засовывали булавку въ руку или вывертывали клокъ волосъ на головѣ, и чтобы заставляли прибѣгать къ хлысту для внушенія нѣжной покорности, какъ дѣлаетъ все это милая княжна Зинаида!... Но тѣмъ не менѣе умные люди горячи-

лись — почему? — потому что имъ нравилось діалектическое упражненіе въ разборѣ психологическихъ тонкостей, которыхъ въ сущности-то никто изъ нихъ и не понималъ хорошенько. Совершенно такого же рода словесную гимнастику составляютъ для насъ и разсужденія о горѣ, бѣдности и несчастіяхъ нашихъ меньшихъ братій. Разумѣется, никому изъ насъ нѣтъ охоты жить съ этими несчастными и подвергаться ихъ лишеніямъ, никто не согласится пожертвовать своимъ комфортомъ для облегченія ихъ участи; разговоры же о нихъ составляютъ для насъ приправу умственной жизни, въ родѣ невещественной горчицы или перцу. Оттого мы и говоримъ объ этихъ предметахъ болѣе съ отвлеченной точки, разбирая экономическіе и философскіе принципы; но никогда почти не спускаемся въ глубь самой жизни, чтобы подслушать ея дѣйствительныя біенія. Сущности этой жизни мы даже не знаемъ вовсе, и если мы заговариваемъ о частныхъ явленіяхъ ея, то обыкновенно тотчасъ же выходятъ на сцену рутинныя фразы: курная изба, пустыя щи, лохмотья, грязь, невѣжество, и т. д. Все это заучено нами наизусть изъ разныхъ книжекъ и умныхъ бесѣдъ, и повѣрено на опытѣ при обозрѣніи селеній въ то время, какъ намъ перекладывали лошадей, или во время продолжительныхъ столкновеній съ бѣдняками при производствѣ какого нибудь слѣдствія, на охотѣ, въ лѣтній сезонъ въ деревнѣ, и т. п. Можетъ быть тутъ и можно почерпнуть много умныхъ мыслей для политико-экономическихъ соображеній; но нельзя сродниться душой съ этой жизнью, прожить ее сердцемъ и воплотить ее въ живое слово тому, кто кровно и прямо не участвуетъ въ ней, кто не охваченъ ея вѣяньемъ во всѣхъ условіяхъ своего существованія, — и умственныхъ и матеріальныхъ. Оттого-то наша «образованная» поэзія и обращаетъ такъ мало вниманія на жизнь, разлитую по всѣмъ концамъ нашего любезнаго отечества, и ограничивается чрезвычайно ужимъ кругомъ тонкихъ чувствъ, возвышенныхъ стремленій и мнимыхъ страданій. Одинъ поэтъ говоритъ:

Мнѣ грустно и легко, печаль моя свѣтла;

другому

Бываетъ весело и больно
Тревожить язвы старыхъ ранъ;

третій воспѣваетъ чудныя минуты, когда

Духъ окрѣпъ, никакая не мучитъ утрата,
Въ дальней звѣздѣ отгадалъ бы отбывшаго брата!

четвертый занимается такой философіей:

Сладко мнѣ быть на кладбищѣ, гдѣ спишь ты, мой милый!
Нѣтъ разрушенья въ природѣ, нѣтъ смерти конечной....

Пятый томится и жалуется:

Съ друзьями я весь день пропировалъ,
А не было мнѣ весело нисколько....

И такъ далѣе, и такъ далѣе.... Прочтите всего Пушкина, Лермонтова, почти всѣхъ современныхъ поэтовъ: много ли найдете вы у нихъ задушевныхъ звуковъ, вызванныхъ простыми, насущными потребностями жизни? Повсюду фантазія, аллегорія, вздоръ; реализмъ проявляется только въ описаніяхъ природы, и вотъ почему, намъ кажется, живыя и вѣрныя изображенія красотъ природы такъ высоко у насъ цѣнятся и считаются необходимымъ условіемъ поэтическаго дарованія: до сихъ поръ почти въ нихъ только и проявлялась реальная сила поэтическаго творчества. Да и тутъ еще наши поэты большею частію не избѣгаютъ аллегоріи. Поэтъ, напр., ѣдетъ, по большой дорогѣ, и надъ нимъ вьюга крутится; онъ сейчасъ фантазируетъ:

Ѣду я. Передо мною
Нимфа вьюги возстаетъ,
И подъ снѣжной пеленою
И крутится и поетъ....

Смотритъ другой поэтъ, какъ мужикъ землю пашетъ, и тотчасъ представляетъ намъ, —

Какъ Юпитера встрѣчаетъ
Лоно Геи молодой....

Вообще, что бы ни говорили о прогрессахъ литературы, но въ поэзіи мы очень недалеко ушли отъ того воззрѣнія, по которому

Поэзія для насъ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мы—въ этомъ случаѣ напоминаемъ собою тѣхъ людей, которые не могутъ пить воды, потому что у нихъ всегда дѣлаются отъ нея сильнѣйшіе спазмы. Простыя явленія простой жизни, насущныя требованія человѣческой природы, неукрашенное, нормальное существованіе людей неразвитыхъ — мы не умѣемъ воспринять поэтически: намъ нужно, чтобъ все это непремѣнно облимонено было разными сентиментами и подсахарено утонченнымъ изяществомъ,—тогда мы примемся пожалуй за этотъ лимонадъ. До Пуш-

кина отвращеніе отъ всякаго естественнаго чувства и вѣрнаго изображенія обыкновенныхъ предметовъ простиралось до того, что самую природу старались искажать, согласно извращенному вкусу образованной публики. Пушкинъ долго возбуждалъ негодованіе своей смѣлостью находить поэзію не въ воображаемомъ идеалѣ предмета, а въ самомъ предметѣ, какъ онъ есть. Но сила его таланта, умѣнье чуять, ловить и возсоздавать естественную красоту предметовъ — побѣдили дикое упорство фантазеровъ, и въ этомъ-то приближеніи къ реализму въ природѣ состоитъ величайшая литературная заслуга Пушкина. Послѣ него мы стали требовать и отъ поэзіи *вѣрности* изображеній; послѣ Гоголя это требованіе усилилось и перенесено отъ явленій природы и къ явленіямъ нравственной жизни. Но все еще мы далеко не дошли до того, чтобы въ поэзію допустить всякій предметъ, всякое жизненное чувство; мы отводимъ для большей части неидеализированныхъ проявленій натуры область сатиры, и далѣе ихъ не пускаемъ, называя ихъ «низшими». Я живо помню слова моего бывшаго профессора словесности, полагавшаго лирикѣ такіе предѣлы: «предметомъ лирическаго стихотворенія не можетъ быть, напримѣръ, досада на то, что я сижу зимой въ нетопленой комнатѣ и не имѣю сапоговъ, чтобы выдти на улицу; но можетъ быть, напримѣръ, сожалѣніе о смерти друга, восторгъ при видѣ великолѣпнаго зданія, торжественной процессіи, и т. п.» Тогда я не могъ понять и усвоить всю тонкость этого различія; но потомъ, изучивъ ближе нашу литературу, уразумѣлъ лучше слова почтеннаго наставника. Дѣло оказывается въ томъ, что претендовать на поэзію, могутъ только люди, совершенно обезпеченные матеріально или — еще лучше — люди, наслаждающіеся комфортомъ жизни. Они-то именно и бываютъ въ состояніи развивать въ себѣ, а слѣдовательно понимать и въ другихъ, тѣ тончайшія, неуловимыя, призрачныя стремленія, печали и радости, которыя составляютъ содержаніе поэзіи. Люди же бѣдные, рабочіе, простые, неизбѣжно оставаясь грубыми и практическими людьми, очевидно, неспособны къ деликатнымъ ощущеніямъ, и потому должны гибнуть подъ тяжестью презрѣнной прозы своей жизни, погрязать въ мелочныхъ, корыстныхъ разсчетахъ, и ни подъ какимъ видомъ не посягать на поэзію. Кто безпристрастно пересмотритъ все, что у насъ называется по-преимуществу поэтическимъ, то есть всю область нашей лирики, тотъ согласится, конечно, что этотъ сибаритскій взглядъ до сихъ поръ въ ней господствуетъ. И въ этомъ нельзя, разумѣется, винить отдѣльныя личности поэтовъ: весь строй нашей жизни сложился такъ, что даже человѣкъ, который радъ бы душою взяться за простые мотивы нормальной жизни, не осмѣливается рѣшить-

ся на это, изъ боязни профанировать искусство. На первый разъ у всякаго изъ представленія обыденныхъ образовъ выходитъ памфлетъ или просто ругательство: нужно выработать въ душѣ твердое убѣжденіе въ необходимости и возможности полнаго исхода изъ настоящаго порядка этой жизни, для того, чтобы получить силу изображать ее поэтическимъ образомъ, хотя бы и тономъ сатиры. Тогда только обычно-непріятныя картины грязной нищеты и соединенныхъ съ нею обмановъ, пошлостей, невѣжества и даже преступленій—предстанутъ намъ въ своемъ настоящемъ свѣтѣ, когда мы добьемся мыслію или инстинктомъ до истинныхъ причинъ ихъ, не въ одной натурѣ того или другаго лица, а въ цѣломъ строѣ окружающей его жизни. Тогда только съумѣемъ мы отдѣлить нормальное, человѣческое, законное въ этихъ явленіяхъ—отъ всего насильнаго, искусственнаго, случайно имъ навязаннаго, и только тогда съ свѣтлой мыслью и съ горячимъ чувствомъ можемъ мы приступить къ поэтическому воспроизведенію этихъ явленій. До такихъ воззрѣній доходить пожалуй и не трудно было бы; но къ несчастью предметъ съ перваго же взгляда отталкиваетъ насъ, а образованіе, которое бы должно насъ возвратить къ нему, тянетъ насъ совсѣмъ въ другую сторону. Вотъ отчего и происходитъ вся эта безцвѣтность, неопредѣленность и мечтательность, господствующія въ нашей лирикѣ. На что, кажется, былъ ужь по своей натурѣ и воспитанію чуждъ всякаго фантазерства Кольцовъ; онъ съ необычайною смѣлостью далъ въ своей поэзіи огромную роль матеріальнымъ нуждамъ; но даже и онъ не всегда могъ держаться на этой почвѣ, и ему приходилось не разъ обращаться къ мечтѣ, и говорить, что онъ

Душой посягнулъ жизнь другую,
Въ ту жизнь мечту переселилъ.

Послѣ этого даже и нельзя упрекать другихъ поэтовъ, что они въ своемъ вдохновеніи съ какимъ-то злобнымъ презрѣніемъ отворачиваются отъ обыденной, грязной жизни (какъ будто она въ чемъ нибудь виновата!), напускаютъ на себя мечтательныя чувства и бросаются —

Въ воздушный, безотчетный бредъ....

Теперь жизнь со всѣхъ сторонъ предъявляетъ свои права, реализмъ вторгается всюду, на зло мистификаторамъ всякаго рода. Жизненный реализмъ долженъ водвориться и въ поэзіи, и ежели у насъ скоро будетъ замѣчательный поэтъ, то конечно ужь на этомъ поприщѣ, а не на эстетическихъ тонкостяхъ. Восходъ солнца, пѣніе птичекъ, блаженство сладострастія, неопредѣленное томленіе о

чемъ-то, воспоминанія изъ миѳологіи и исторіи и т. п. теперь могутъ быть изображены очень хорошо и доставить минутный успѣхъ поэту; но никогда не привлекутъ къ нему того живаго, дѣятельнаго и энергическаго сочувствія, которое всегда появляется въ обществѣ къ *людямъ нужнымъ* въ извѣстную эпоху, не даромъ живущимъ на свѣтѣ. Въ свое время нужными людьми для нашего общества были — не только Пушкинъ и Лермонтовъ, но даже и Карамзинъ, и Державинъ. Теперь, если бы явился опять поэтъ съ тѣмъ же содержаніемъ, какъ Пушкинъ, мы бы на него и вниманія не обратили; Лермонтовъ и теперь еще могъ бы занять многихъ, но и онъ все-таки не то, что намъ теперь нужно. Намъ нуженъ былъ бы теперь поэтъ, который бы съ красотою Пушкина и силою Лермонтова умѣлъ продолжить и разширить реальную, здоровую сторону стихотвореній Кольцова.

Но пока нѣтъ такого поэта, мы внимательно присматриваемся ко всему, въ чемъ, хоть и безъ особенной силы таланта, проглядываетъ здоровое, жизненное содержаніе. Вотъ почему остановились мы довольно долго и на стихотвореніяхъ г. Никитина. По его общественному положенію и по нѣкоторымъ намекамъ его собственныхъ стиховъ, мы думали, что жизнь бѣдняковъ, горечь нужды и беззащитнаго состоянія — знакомы ему не только по наглядкѣ, но даже и по опыту. Поэма г. Никитина, «Кулакъ», изданная два года тому назадъ и заключавшая въ себѣ много живыхъ, энергически-выраженныхъ стиховъ, еще болѣе подтвердила наше предположеніе. Въ новомъ изданіи стихотвореній г. Никитина мы нашли значительное количество пьесъ, написанныхъ именно на тему горькихъ и безпомощныхъ страданій бѣдняка. Это окончательно заставило насъ подумать, что страданья нищеты, униженія и всякихъ обидъ и несправедливостей — сильно были прочувствованы самимъ поэтомъ и стали близки его душѣ. Онъ самъ говоритъ о себѣ, въ первомъ стихотвореніи, служащемъ какъ бы введеніемъ къ его книгѣ:

Съ суровой долею я рано подружился,
Не зналъ веселыхъ дней, веселыхъ игръ не зналъ;
Мечтами дѣтскими ни съ кѣмъ я не дѣлился,
Ни отъ кого рѣчей разумныхъ не слыхалъ.
Но все, что грязнаго есть въ жизни самой бѣдной, —
И горе, и разгулъ, кровавый потъ трудовъ,
Порокъ и плачъ нужды, оборванной и блѣдной, —
Я видѣлъ вкругъ себя съ младенческихъ годовъ.

Подобныя указанія на собственный опытъ встрѣчаются и въ другихъ стихотвореніяхъ, и основываясь на этомъ, мы думали, что

на изображеніяхъ картинъ этой жизни, этихъ впечатлѣній и уроковъ житейскаго опыта можетъ развернуться талантъ г. Никитина. Можетъ быть, наше предположеніе еще и оправдается, но крайней мѣрѣ мы не теряемъ надежды на возможность дальнѣйшаго развитія въ дарованіи поэта, судя по нѣкоторымъ стихамъ въ его «Кулакѣ» и въ нынѣ изданной книжкѣ. Впрочемъ признаемся, — мы не очень ручаемся за исполненіе своихъ надеждъ: рутина нашей воздушной, прилизанной, идеальной лирики слишкомъ сильно завладѣла имъ. Онъ силится подражать тому, какъ «господа» изображаютъ страданія и горечь жизни, не замѣчая того, что господа эти большею частію сами на себя напущаютъ всевозможныя муки. Онъ удаляется отъ простоты первоначальнаго впечатлѣнія, онъ старается сгладить его шероховатости и диссонансы, и расплывается въ безцвѣтныхъ отвлеченностяхъ. При этомъ доходитъ онъ иногда до мыслей очень хорошихъ, но явно заимствованныхъ изъ другой сферы,—изъ той, гдѣ людей заѣдаетъ рефлексія, а вовсе не изъ той, гдѣ безъ всякой рефлексіи просто голодъ даетъ себя чувствовать. Это особенно можно видѣть, сравнивши какое нибудь изъ стихотвореній г. Никитина съ подходящимъ стихотвореніемъ Кольцова. Вотъ, напримѣръ, обращеніе къ любимой дѣвушкѣ, съ которой бѣднякъ не хочетъ соединять судьбу свою, чтобы не подвергнуть ее всѣмъ горестямъ и лишеніямъ нищеты.

Не повторяй холодной укоризны:
Не суждено тебѣ меня любить.
Безпечный міръ твоей невинной жизни
Я не хочу безжалостно сгубить.
Тебѣ ль, съ младенчества не знавшей огорченій,
Со мною объ руку идти однимъ путемъ,
Глядѣть на зло и гризь, и гаснуть за трудомъ,
И плакать, можетъ быть, подъ бременемъ лишеній,
Страдать не день, не два, — всю жизнь свою страдать!...
Но гдѣ жь на это силъ, гдѣ воли нужно взять?
И что тебѣ въ тотъ часъ скажу я въ оправданье,
Когда, убитая и горемъ и тоской,
Упрекомъ мнѣ и горькою слезой
Отвѣтишь ты на ласки и лобзанье?

Слезы твоей себѣ не могъ бы я простить....
Но кто жь меня безчувствію научитъ
И наконецъ заставитъ позабыть
Все, что меня и радуетъ и мучитъ,
Что для меня, подъ холодомъ заботъ,
Подъ гнетомъ нуждъ, печали и сомнѣній, —

Единая отрада и оплотъ, —
Источникъ думъ, надеждъ и вѣдѣній.

Мысль этого стихотворенія, конечно, одна изъ лучшихъ мыслей, до которыхъ только можетъ довести человѣка рефлексія. Но посмотрите, какъ виденъ здѣсь именно человѣкъ, только рефлектирующій, не живой, потерявшій всякую рѣшимость —

Горе мыкать, жизнью тѣшиться,
Съ злою долей перевѣдаться....

Сущность стихотворенія, какъ оказывается, почерпнута изъ пѣсни Кольцова: «Не на радость, не на счастіе»; но тонъ его рѣшительно напоминаетъ образованнаго фата, альбомнымъ образомъ дающаго отставку полюбившей его дѣвушкѣ и прикрывающагося «независящими» обстоятельствами. У Кольцова сокрушается о своемъ положеніи человѣкъ, уже полюбившій дѣвушку, сошедшійся съ ней и выбивающійся изъ силъ, чтобъ ее успокоить и обезпечить. Тотъ говоритъ: прежде я, кромѣ любви, ни о чемъ и не думалъ;

А теперь другая думушка
Грызетъ сердце, крушитъ голову:
Какъ въ чужомъ углу съ тобой нашъ жить,
Какъ свою казну трудомъ нажить....

Такое размышленіе о матеріальныхъ нуждахъ и средствахъ обезпеченія необходимо и само собою является въ человѣкѣ, взявшемъ на себя заботу о существованіи другаго; но являясь вслѣдствіе неизбѣжности практической, оно за то и отличается практическимъ характеромъ: бѣднякъ думаетъ здѣсь уже прямо о томъ, —

Какъ свою казну трудомъ нажить.

Явившись же прежде срока, вслѣдствіе анализирующей мысли, тоже самое размышленіе показываетъ только житейское благоразуміе и дѣлаетъ очень подозрительною искренность и силу самаго чувства, на которое претендуетъ поэтъ. Читая такое стихотвореніе, такъ и припоминаешь себѣ альбомныя побрякушки: «Я васъ любилъ, любовь еще быть можетъ».... или: «Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу», и т. п. Не такъ выражается истинное чувство живой и сильной натуры. Вспомните, что дѣлаетъ косарь у Кольцова, увидавши, что онъ по своей бѣдности не можетъ жениться на любимой дѣвушкѣ: — онъ идетъ косить въ степи, и вотъ его планы:

Нагребу кошенъ,
Намечу стоговъ —

Дастъ козачка мнѣ
Денегъ пригоршня.
Я зашью казну,
Сберегу казну,
Ворочусь въ село —
Прямо къ старостѣ:
Не разжалобилъ
Его бѣдностью,
Такъ разжалоблю,
Золотой казной....

Мы нарочно сдѣлали это сравненіе, чтобы показать, до какой степени холодно, обдуманно, головнымъ образомъ берется г. Никитинъ за свои изображенія, и какимъ образомъ желаніе показаться умнымъ дитятей пересиливаетъ въ немъ живыя чувства и ослабляетъ энергію его внутренней жизни. Отъ постоянной привычки высказывать только вещи, принятыя въ хорошемъ литературномъ обществѣ, самая воспріимчивость г. Никитина какъ-то притупилась: онъ работаетъ не изъ сыраго матеріала, а почти всегда уже изъ того, который былъ въ обдѣлкѣ. Не жизнь вдохновляетъ его, а умныя изображенія жизни у поэтовъ и мыслителей. Двадцать разъ на разные лады онъ повторяетъ, что онъ измученъ жизнью, что не знаетъ, куда дѣваться отъ пошлыхъ, грязныхъ сценъ, отъ невѣжественныхъ оскорбленій и проч. Но все это говорится въ общихъ чертахъ, какъ выводъ изъ чего-то давно извѣстнаго; а какъ это давно-извѣстное отразилось именно, лично на поэтѣ, этого и нѣтъ нигдѣ. Онъ постоянно «уединяется отъ насъ въ холодное величье» и какъ будто силится показать, что у него въ сердцѣ сидитъ знаменитая Weltschmerz, печаль о бѣдствіяхъ человѣчества. Но вѣдь, чтобы имѣть право высказывать такую печаль, надо, во-первыхъ, мыслью своей уйти подальше, чѣмъ г. Никитинъ, и не писать стихотвореній въ родѣ «Молитвы дитяти», «На кладбищѣ» и т. п. А во-вторыхъ, и міровая печаль должна же непремѣнно имѣть свою «точку отправленія», должна же начинаться съ какихъ нибудь частныхъ впечатлѣній и мотивовъ, которые непремѣнно и выскажутся въ стихахъ поэта, истинно и глубоко проникнутаго горемъ хотя бы и о бѣдствіяхъ человѣчества. Въ противномъ же случаѣ выходятъ либеральныя фразы, какъ напримѣръ, въ слѣдующемъ стихотвореніи г. Никитина:

Покой мнѣ нуженъ. Грудь болитъ.
Озлобленъ умъ и ноетъ тѣло.
Все, отъ чего душа скорбитъ,
Вокругъ меня весь день кипѣло.

Куда бѣжать отъ громкихъ словъ?
Мы всѣ добры и нецарочны!
Боготворить себя готовъ
Иной другъ правды безупречный!
Убита совѣсть, умеръ стыдъ
И ложь во тьмѣ царить свободно;
Никто позора не казнитъ,
Никто не плачетъ всенародно!..
Межь нами мучениковъ нѣтъ
На крикъ: «спасите!» нѣтъ отвѣта!
Не выйдемъ мы на божій свѣтъ:
Нашъ рабскій духъ боится свѣта!
Быть можетъ, въ воздухѣ весь вредъ:
Чему бы гибнуть, — процвѣтаетъ,
Чему бъ цвѣсти, — роняетъ цвѣтъ
И жалкой смертью умираетъ.

Все это прекрасно; но все это не впечатлѣнія прожитой жизни, а фразы, къ которымъ способенъ и г. Бенедиктовъ, и г. Розенгеймъ и даже г. Минаевъ, и которыя рѣшительно никому не нужны и ничего не объясняютъ. У г. Никитина эти фразы тѣмъ болѣе лишены всякаго значенія, что онѣ не выражаютъ даже его собственнаго, прочнаго міросозерцанія. Напр., въ приведенномъ стихотвореніи онъ жалуется на громкія слова при отсутствіи настоящаго дѣла; еще яснѣе это выражено въ стихотвореніи «Разговоры», которое оканчивается слѣдующими куплетами:

Какъ повѣрить словамъ, —
По часамъ мы растемъ;
Закричатъ «помоги!» —
Черезъ пропасть шагнемъ!
Въ насъ душа горяча,
Наша воля крѣпка,
И печаль за другихъ
Глубока, глубока!.
А приходитъ пора
Добрый подвигъ начать, —
Такъ намъ жаль съ головы
Волосокъ потерять:
Тутъ раздумье и лѣнь,
Тутъ насъ робость возьметъ....
А слова — на словахъ
Соколиный полетъ!...

А между тѣмъ онъ же пишетъ стихотвореніе, въ которомъ восхищается современными начинаніями и находитъ, что уже —

Мертвые въ норѣ молчали,
Дѣло настало живымъ.

Въ другомъ стихотвореніи онъ настаиваетъ, чтобы поэтъ

Не говорилъ, что жизнь ничтожна, и пр.

Все это заставляетъ насъ желать, чтобы г. Никитинъ какъ можно менѣе поддавался очарованію текущей изящной словесности, какъ можно менѣе заботился объ опрятныхъ, вылощенныхъ и звучныхъ фразахъ, а обратился прямо къ жизни, проходящей у него предъ глазами. Наше желаніе всего болѣе основываемъ мы на поэмѣ «Кулакъ», доказывающей, что г. Никитинъ не чуждъ живой наблюдательности. Но и въ лежащей предъ нами книжкѣ можно находить—если не цѣлыя стихотворенія, то хоть отдѣльныя мѣста, доказывающія тоже самое. Къ сожалѣнію, заботясь всего болѣе о художественности (которую онъ притомъ смѣшиваетъ съ красивостью описаній), г. Никитинъ до сихъ поръ очень небрежно пользовался этой стороной своего таланта. Напримѣръ, у него есть стихотвореніе, въ которомъ является передъ нами крестьянская дѣвочка—пріемышъ. Она подходитъ къ дѣтямъ, тѣ ее отталкиваютъ и гонятъ прочь, а отецъ пускается въ разсужденія о томъ, какъ ему непріятно и тяжело кормить чужую дѣвчонку, у которой мать — «чай, поди гуляетъ».... Къ этому старикъ прибавляетъ:

И дѣвчонка-то больная:
Сохнетъ, какъ трава,
Да все плачетъ.... дрянь такая!
А на грѣхъ жива....

Дѣвочка все это слышитъ и понимаетъ.... Кажется, для полнаго, художественнаго представленія такого явленія вовсе не нужно описывать, какъ напримѣръ, «лебеди плывутъ по равнинѣ водъ», какъ «лугъ зеленѣетъ, подобно бархату», какъ «влага брызжетъ жемчугомъ», и т. п. А у г. Никитина половина стихотворенія состоитъ изъ описанія всѣхъ этихъ прелестей, а во второй появляется дѣвочка. Стихотвореніе очень длинно,—стиховъ сто,—обѣ части ничѣмъ не связаны внутренно, особенной энергіи изображенія нѣтъ ни въ той, ни въ другой части, и потому ни картина озера, ни печальное положеніе дѣвочки не производятъ на насъ полнаго впечатлѣнія, на какое разсчитывалъ, конечно, поэтъ. Такимъ образомъ изъ ложнаго убѣжденія (поддерживаемаго, впрочемъ, нѣкоторыми критиками), что у него есть талантъ пластической поэзіи, и изъ привязанности къ рутинѣ, требующей подробнаго изображенія мѣста и всей обстановки дѣйствія, г. Никитинъ часто пренебрегаетъ развитіемъ

существенно-важной стороны стихотворенія и тѣмъ чрезвычайно вредитъ себѣ. Онъ, напр., въ другомъ стихотвореніи, хочетъ выставить несчастное положеніе дѣвушки, остающейся одинокою и безпомощною послѣ смерти бѣдняка-отца ея. Для этого онъ удачно выбираетъ тотъ самый моментъ, когда отецъ ея лежитъ на столѣ, а она, одна, ночью, сидитъ у его трупа. Но что же г. Никитинъ дѣлаетъ съ этимъ содержаніемъ? Онъ начинаетъ:

Въ глубинѣ бездонной
Полны чудныхъ силъ,
Идутъ милліоны
Вѣковыхъ свѣтилъ, и т. д.

Половина стихотворенія посвящена описанію того, какъ ночью свѣтятъ звѣзды и какъ спитъ весь городъ, а потомъ уже переходъ къ тому, какъ дочь не спитъ, и пр. Этимъ недостаткомъ сосредоточенности поэта на одномъ чувствѣ или мысли, этой разбросанностью и какъ-будто безцѣльностью страдаетъ бо́льшая часть стихотвореній г. Никитина, имѣющихъ повѣствовательное содержаніе. А это очень непріятно дѣйствуетъ на читателя, потому что показываетъ, какъ будто поэтъ самъ-то очень мало интересуется предметомъ своего разсказа: таково бываетъ впечатлѣніе отъ разскащиковъ, которые начинаютъ всегда издалека, безпрестанно бросаются въ сторону, заговариваются и за ненужными подробностями нерѣдко забываютъ главное дѣло, о которомъ толкуютъ.

А есть у г. Никитина вещи, обличающія въ немъ если не сильный талантъ, то по крайней мѣрѣ присутствіе силы воображенія и теплаго чувства. Намъ нравится, напр., у него изображеніе старика, который, пережившн всѣхъ своихъ дѣтей и внучатъ, живетъ одинъ въ избушкѣ, только съ старымъ котомъ, занимается плетеньемъ лаптей и постоянно ходитъ въ храмъ божій:

Къ стѣнкѣ, около порога,
Станетъ тамъ крехтя,
И за скорби славитъ Бога,
Божіе дитя....

Понравились намъ и нѣсколько стиховъ въ «Прялкѣ», гдѣ старушка, въ бурную зимнюю ночь, сидя въ холодной избушкѣ, вспоминаетъ объ умершемъ мужѣ и сынѣ:

Плачъ да стонъ она все слышитъ
И, припавъ къ стеклу,
На морозный иней дышитъ,
Смотритъ: — по селу

Кто-то въ бѣломъ пробѣгаетъ
Съ бѣлой головой,
Горстью звѣзды разсыпаетъ,
Въ улицѣ пустой;
Звѣзды искрятся.... А вьюга
Въ ворота стучитъ....
И старушка отъ испуга
Чуть жива сидитъ....

Довольно горячо и живо показалось намъ выраженіе чувства состраданія къ бѣднякамъ въ нѣсколькихъ стихахъ пьесы: «Опять знакомыя видѣнья». Поэтъ вспоминаетъ разныхъ лицъ, отъ которыхъ приходится терпѣть всевозможныя прелести, и потомъ обращается къ бѣдному люду:

И ты, въ своей одеждѣ грязной,
Нашъ бѣдный труженикъ народъ,
Несущій крестъ свой терпѣливо,
Ты, — за кого краснорѣчиво
Ведемъ мы споръ, добро любя,
Пора ль на свѣтъ вести тебя, —
И ты мнѣ вспомнился... Угрюмо,
Въ печальной долѣ хлѣбу радъ,
Ты мимо каменныхъ палатъ
Идешь на трудъ съ тупою думой,
Полуодѣтъ полуобутъ,
Нуждой безжалостной согнутъ....

Удачные стихи нерѣдко попадаются у г. Никитина; но это большею частію — комбинаціи изъ нѣсколькихъ удачныхъ стиховъ другихъ поэтовъ; поэтому особеннаго впечатлѣнія они не производятъ. Впрочемъ лучше другихъ, т. е. болѣе обнаруживаютъ внутренней работы, стихотворенія: «Ахъ, у радости быстрыя крылья», «Ахъ ты, бѣдность горемычная», «Ѣхалъ съ ярмарки ухарь-купецъ», «Пахарь», «Соха», «Нищій». Послѣднее — едва ли не лучшее въ книжкѣ. Вотъ оно все:

И вечерней, и ранней порою
Много старцевъ, и вдовъ, и сиротъ,
Подъ окошками ходитъ съ сумою,
Христа-ради на помощь зоветъ.
Надѣваетъ ли сумку неволя,
Неохота ли взяться за трудъ, —
Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!
Не откажутъ тебѣ въ подаяньи,
Не умрешь ты безъ крова зимой, —

Жаль разумное божье созданье,
Человѣка въ грязи и съ сумой!
Но бѣднѣе и хуже есть нищій:
Не пойдетъ онъ просить подъ окномъ;
Цѣлый вѣкъ, изъ одежды и пищи,
Онъ работаетъ ночью и днемъ.
Спитъ въ лачужкѣ на грязной соломѣ,
Богатырь въ безъисходной бѣдѣ,
Крѣпче камня въ несносной истомѣ,
Крѣпче мѣди въ кровавой нуждѣ.
По-смерть зерна онъ въ землю бросаетъ,
По-смерть жнетъ, а нужда продаетъ;
О немъ облако слезы роняетъ,
Про тоску его буря поетъ....

Хорошо также по своей основѣ стихотвореніе: «Ѣхалъ съ ярмарки ухарь-купецъ», хотя разсказъ поэта показался намъ слишкомъ холоднымъ и даже вычурнымъ. Дѣло въ томъ, что ухарь-купецъ задумываетъ въ хороводѣ, при всемъ честномъ собраньи, соблазнить дѣвушку; та въ стыдѣ рвется отъ него, но отецъ и мать, прельщенные деньгами купца, сами ему помогаютъ. Вотъ конецъ стихотворенія:

Звѣздная ночь и ясна и тепла,
Дѣвичья пѣсня давно замерла.
Шепчетъ нахмуренный лѣсъ надъ водой,
Вѣтромъ шатаетъ камышъ молодой.
Синяя туча надъ лѣсомъ плыветъ,
Темную зелень огнемъ обдаетъ.
Въ крайней избушкѣ не гаснетъ ночникъ,
Спитъ на печи подгулявшій старикъ,
Спитъ въ запупницѣ и въ старыхъ лаптяхъ,
Рваная шапка комкомъ въ головахъ.
Молится Богу старуха жена;
Плакать бы надо, — не плачетъ она.
Дочь ихъ красавица поздно пришла,
Дѣвичью совѣсть виномъ залила....
Что тутъ за диво? И замужъ пойдетъ....
То-то чай дѣтокъ на путь наведетъ!
Кѣмъ ты, людъ бѣдный, на свѣтъ порожденъ
Кѣмъ ты на гибель и срамъ осужденъ?

Въ этихъ стихахъ, разумѣется, г. Никитинъ не могъ уберечься отъ обычныхъ своихъ фіоритуръ и міровыхъ вопросовъ, вовсе неидущихъ къ дѣлу. Что дѣлать? Это его слабость, утвержденная въ немъ нынѣшнимъ состояніемъ нашей поэзіи. Но намъ кажется,

что, имѣя въ своемъ распоряженіи богатый запасъ подобныхъ впечатлѣній и наблюденій надъ жизнью, и дошедши въ своей мысли до извѣстной степени смѣлости и широты воззрѣній, г. Никитинъ хорошо сдѣлалъ бы, если бы посвятилъ все свое дарованіе, каково оно ни есть, на разработку этого запаса, на воспроизведеніе тѣхъ живыхъ образовъ, изъ которыхъ выработались лучшія его воззрѣнія. Какъ бы ни слабы выходили его изображенія, но все-таки это будетъ несравненно лучше, живѣе и проще, а слѣдовательно и поэтичнѣе, нежели удачнѣйшія копіи съ наилучшихъ подражаній картинамъ природы, написаннымъ нашими талантливѣйшими поэтами.... Пусть отложитъ г. Никитинъ въ сторону всякую мысль о силѣ своего «пластическаго» таланта: въ немъ нѣтъ этой силы, да и сожалѣть объ этомъ очень много не стоитъ. Пластика въ поэзіи — роскошь, прихоть, аксесуаръ; поэтамъ, ничего не имѣющимъ кромѣ пластическаго таланта, мы можемъ удивляться, но удивляться точно такъ же, какъ блестящему виртуозу, котораго все достоинство состоитъ въ искусномъ преодолѣніи техническихъ трудностей игры... Дѣло поэзіи — жизнь, живая дѣятельность, вѣчная борьба ея и вѣчное стремленіе человѣка къ достиженію гармоніи съ самимъ собою и съ природой. Давно замѣченъ разладъ человѣка со всѣмъ окружающимъ, и давно поэзія изображала его. Но причины разлада искали прежде — то въ таинственныхъ силахъ природы, то въ дуалистическомъ устройствѣ человѣческаго существа, и сообразно съ этимъ поэзія разработывала внѣшнюю природу и психологическій антагонизмъ человѣка. Теперь болѣе простой взглядъ входитъ въ общее сознаніе: обращено вниманіе на распредѣленіе благъ природы между людьми, на организацію общественныхъ отношеній. Во всѣхъ наукахъ поэтому разработывается понятіе объ обществѣ; поэзія (въ обширномъ смыслѣ) тоже давно взялась за этотъ предметъ: романъ, созданіе новаго времени, наиболѣе распространенный теперь изо всѣхъ видовъ поэтическихъ произведеній, прямо вытекъ изъ новаго взгляда, на устройство общественныхъ отношеній, какъ на причину всеобщаго разлада, который тревожитъ теперь всякаго человѣка, задумавшагося хоть разъ о смыслѣ своего существованія. Въ лирикѣ нашей мы видѣли до сихъ поръ только начатки и попытки въ этомъ родѣ; но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы новое содержаніе поэзіи было недоступно для лирики или несовмѣстно съ нею. Нѣтъ, оно рано или поздно овладѣетъ всей областью поэзіи; оно одушевитъ собою и лирику, но только нѣсколько позднѣе. Вслѣдъ за открытіемъ, что человѣкъ мучится и томится, увлекается и падаетъ, подымается и веселится — не отъ власти темныхъ силъ и неизбѣжной судьбы и не отъ того, что въ немъ

сидятъ два противныя начала, а просто отъ большей или меньшей неправильности общественныхъ условій, подъ которыми онъ живетъ, — вслѣдъ за этимъ сознаніемъ необходимо должно было послѣдовать *изученіе* всѣхъ общественныхъ неправильностей. Для такого изученія прежде всего оказался весьма удобнымъ романъ и вообще эпическій родъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и драма, прежде имѣвшая своей задачей раскрытіе психологическаго антагонизма, также подверглась существенному измѣненію, и подъ вліяніемъ новыхъ воззрѣній превратилась тоже въ изображеніе общественныхъ отношеній. Теперь очередь за лирикой: она давно уже порывается въ туже область, то прямо избирая эпическій сюжетъ для маленькаго стихотвореньица, то пытаясь воспѣвать чувства, возбужденныя въ душѣ извѣстными явленіями общественной жизни. Но все это пока еще довольно слабо, потому что поэты наши считаютъ почему-то нужнымъ сторониться отъ общественной дѣятельности, повторяя вслѣдъ за Пушкинымъ:

Служенье музъ не терпитъ суеты.

Критики, зараженные слухами объ эстетическихъ теоріяхъ, поддерживаютъ ихъ въ этомъ убѣжденіи, увѣряя, что когда идетъ ломка и перестройка общественнаго зданія, тогда поэтъ долженъ быть ни при чемъ, ибо онъ рожденъ не для житейскаго волненья, и пр.... Но само собою разумѣется, что слабость лирики новаго содержанія происходитъ вовсе не отъ увѣщаній эстетиковъ, а просто отъ того, что еще въ обществѣ никакой существенной ломки и перестройки нѣтъ, а идетъ только изученіе и изученіе. Когда же изученіе приведетъ наконецъ къ чему нибудь, когда дѣйствительно придетъ возможность какой нибудь передѣлки въ общественныхъ нравахъ и отношеніяхъ, тогда, конечно, посреди рабочихъ практиковъ, не преминетъ явиться и энергическій лирикъ съ поэтическимъ словомъ одушевленія и ободренія.

А теперь пока мы должны хоть мало по малу привыкать къ сознанію безплодности фантазерства и маляpства въ современной поэзіи, должны не пропускать безъ вниманія хоть тѣхъ несовершенныхъ попытокъ, въ которыхъ сказывается возможность для нея новаго содержанія. Въ этомъ отношеніи намъ любопытны были и опыты г. Никитина, тѣмъ болѣе, что они относятся къ той части общества и къ такимъ положеніямъ, которыя составляютъ самую важную задачу и жизни, и науки, и литературы современнаго общества.

Сочиненія А. И. Подолинскаго. Два тома. Спб. 1860 г.

Одинъ глубокомысленный фельетонистъ, а можетъ быть и библіографъ, говорилъ недавно гдѣ-то, что нашу эпоху въ литературѣ можно назвать «эпохою полныхъ собраній». Оно, если хотите, не остроумно и даже не складно, но тѣмъ не менѣе справедливо. Кто не собиралъ и не издавалъ своихъ сочиненій въ послѣдніе годы! Люди, которыхъ всѣ до того забыли, что уже никто о нихъ понятія не имѣетъ, вдругъ являются съ полнымъ собраніемъ своихъ сочиненій.... Теперь недостаетъ, кажется, только полнаго собранія твореній барона Розена, Ѳедора Кони, Грекова, Ознобишина и г-жи Каролины Павловой, — для того, чтобы составилась полная русская библіотека всѣхъ нашихъ поэтовъ. Можно надѣяться, что скоро этотъ недостатокъ будетъ пополненъ, какъ пополнился теперь одинъ изъ пробѣловъ въ нашей литературѣ изданіемъ стихотвореній А. И. Подолинскаго.

Что сказать объ этомъ поэтѣ? Рывшись нѣкогда въ старинныхъ журналахъ, мы помнимъ, что имъ восхищались «Галатея» и «Сынъ Отечества», что его жестоко отдѣлалъ однажды за Борскаго экс-студентъ Надоумко, что потомъ о немъ говорили, какъ о большомъ талантѣ, къ сожалѣнію попавшемъ на ложную дорогу и сбившемся съ толку. Первый сказалъ это тотъ же Надоумко, который оканчиваетъ свой жестокій разборъ «Борскаго» объясненіемъ, что «сказать по совѣсти, сія поэма не приноситъ большой чести нашей литературѣ, но за то она дѣлаетъ честь, и честь величайшую,—таланту поэта, скрывающемуся въ ней, какъ въ первовесенней, едва завернувшейся почкѣ». Въ подтвержденіе своихъ словъ Надоумко приводитъ два мѣста, дѣйствительно принадлежащія къ числу лучшихъ въ поэмѣ,—одно психологически-тонкаго свойства, а другое въ описательномъ родѣ. Послѣднее въ самомъ дѣлѣ недурно, особенно для того романтическаго времени. Это — описаніе возвращенія Борскаго въ отцовскій домъ, послѣ долгаго отсутствія:

Но годы странствій протекли,
И нынѣ Борскій видитъ снова
Предѣлы отческой земли
И сѣни дѣдовскаго крова.
Гремя, съ воротъ упалъ затворъ,
Они скрипятъ, и торопливо
Проходитъ Борскій длинный дворъ,
Поросшій плющемъ и крапивой.
Какой повсюду мертвый сонъ!
Кругомъ былаго нѣтъ и тѣни!
Но вотъ къ крыльцу подходитъ онъ;

Полуистлѣвшія ступени
Трещатъ и съ грохотомъ глухимъ,
Что шагъ, колеблются подъ нимъ.
Хоть бы одна душа родная
На этотъ шумъ отозвалась!
Лишь стая ласточекъ взвилась,
Въ испугѣ гнѣзда покидая,
И кверху съ крикомъ понеслась....

Выписавши эти стихи, Надоумко дѣлаетъ такое воззваніе: «ахъ, г. Подолинскій! г. Подолинскій! Умоляемъ васъ, отъ лица всей русской литературы, сохранить въ вашемъ сердцѣ *сей священный огнь Весты, коимъ оно исполнено! Изберите только для себя другую, достойнѣйшую васъ дорогу къ святилищу музъ!* Дай Богъ, чтобы Борскій былъ *послѣднимъ вашимъ шагомъ на распутіи ложнаго романтизма!* И да увидитъ въ васъ русская поэзія не дополненіе къ толпѣ гаеровъ, тѣшащихъ по заказу литературную чернь, но истиннаго поэта, составляющаго ея честь и украшеніе» (Вѣст. Евр. 1829 г. № 7).

Сущность этого мнѣнія перешла и въ позднѣйшіе отзывы Бѣлинскаго. Въ «Литературныхъ Мечтаніяхъ» (Бѣл., Ч. I, стр. 87) онъ говоритъ: «Подолинскій подалъ о себѣ самыя лестныя надежды, и къ несчастію не выполнилъ ихъ. Онъ владѣлъ поэтическимъ языкомъ *и не былъ лишенъ поэтическаго чувства. Мнѣ кажется, что причина его неуспѣха заключается въ томъ, что онъ не созналъ своего назначенія и шелъ не по своей дорогѣ*». Это было писано въ 1834 г., а черезъ восемь лѣтъ, въ «Обозрѣніи Литературы» 1841 года, Бѣлинскій даетъ слѣдующій отзывъ: «Подолинскій *былъ человѣкъ съ замѣчательнымъ дарованіемъ:* въ его мелкихъ стихотвореніяхъ и въ поэмахъ много чувства и поэтическихъ мѣстъ; но у него никогда не бывало цѣлаго, особенно въ поэмахъ, которыя бѣдны содержаніемъ, слабы по концепціи, блѣдны по выполненію» (Бѣл. Ч. VI, стр. 63).

Всѣ эти отзывы заставляютъ предполагать, что были какія-то враждебныя вліянія, увлекавшія на ложный путь «замѣчательный талантъ» Подолинскаго, и что иначе онъ бы чудеса надѣлалъ. Что же это были за вліянія, и на какой путь влекли они Подолинскаго, и какой путь былъ бы для него пригоднѣе и болѣе свойственъ его таланту?

Намъ кажется, что вліянія эти были совершенно тѣ же, какъ и на всѣхъ нашихъ поэтовъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ: Байронъ и Байронъ, и больше ничего. Когда теперь съ этой мыслью читаешь раздирательныя поэмы Подолинскаго, «Нища-

го», «Борскаго», то оно выходитъ ужасно-забавно. Такъ и представляется трехлѣтній мальчикъ, пылающій воинственнымъ энтузіазмомъ и собирающійся сейчасъ же отправиться на пораженіе враговъ отечества. По всему видно, что г. Подолинскій одаренъ былъ отъ природы кротчайшею душою, незлобнѣйшимъ, чувствительнѣйшимъ сердцемъ, склоннымъ къ умиленію, восторгу, и всѣмъ симпатическимъ чувствамъ.... Онъ былъ бы радъ довольствоваться малымъ, все видѣть въ радужномъ свѣтѣ, довѣриться первому встрѣчному.... Но встрѣчный-то этотъ и оказался Байронъ!... Можете себѣ представить, что произошло въ душѣ скромнаго и робкаго человѣка, когда онъ познакомился съ разрушительнымъ негодованіемъ великаго поэта. Не поддаться ему онъ не могъ: Байронъ и не такихъ покорялъ своей силой, а г. Подолинскій и не такому, какъ Байрону, непремѣнно поддался бы. Но спить какъ нибудь съ своей натурой байроническія тенденціи онъ тоже не могъ: онѣ были ему чужды едва ли не болѣе, чѣмъ трехлѣтнему мальчику представленіе о дѣйствительной войнѣ. Вникните въ самомъ дѣлѣ въ его положеніе: онъ долженъ непремѣнно находить, что ничто уже его не привлекаетъ, ничто не зажигаетъ въ немъ страсти, отъ всего онъ отрекся, — а между тѣмъ онъ никакъ не можетъ представить: что же бы такое могло его особенно разжигать и отъ чего бы ему съ такимъ страданіемъ нужно было отрекаться? Онъ себѣ жилъ спокойно въ своей колеѣ, въ даль не пускался, ни о какихъ душевныхъ пожарахъ понятія не имѣлъ, а тутъ вдругъ оказывается, что душа у него испепелена и что онъ ничѣмъ не долженъ воспламеняться!... Затрудненіе, въ какомъ онъ долженъ былъ очутиться, можетъ быть уподоблено только слѣдующему казусу. Проѣзжаете вы на почтовыхъ черезъ незнакомый городишко; вамъ хорошо ѣхать, вы пообѣдали на предыдущей станціи, задремали, во время остановки выглянули-было изъ дилижанса, да и опять спрятались, не находя ничего интереснаго въ разсматриваніи городской мѣстности и предпочитая свой послѣобѣденный сонъ. Но вдругъ предъ вами предстаетъ существо, начинающее самымъ энергическимъ манеромъ ругать весь городъ: что и Дворянская улица — дрянь, и Марья Петровна зла, и Василій Григорьичъ глупъ, и Сидора Карпыча дочь неспособна любви внушить, и т. д. Вамъ собственно нѣтъ никакого дѣла до этого: вы ни съ кѣмъ въ городѣ незнакомы, вы себѣ ѣдете да дремлете. Но вдругъ вы поставлены въ необходимость послѣдовать примѣру энергическаго ругателя и тоже приняться за этотъ городъ: что тутъ станете дѣлать? Конечно, вы можете тоже сказать, что дочь Сидора Карпыча любви вамъ не внушаетъ; но вы сами чувствуете, что въ этомъ мало заслуги съ вашей

стороны, потому что вы въ глаза не видали ни Сидора Карпыча, ни его дочери,—а если бъ увидали, такъ еще, можетъ, и полюбили бы. И голосъ вашъ невольно дѣлается робкимъ, и вы, вмѣсто проклятій недостойному городу, скромно изрекаете: «я не хочу здѣсь обѣдать», подразумѣвая: «потому что я ужь пообѣдалъ недавно».

Тоже самое произошло со многими изъ нашихъ поэтовъ, начитавшихся Байрона. Байронъ, какъ извѣстно, проклинаетъ и презираетъ все: и небо и землю, и исторію и философію, и любовь и политику... Наши тоже хотѣли пуститься на эту дорогу; но оказалось, что они рѣшительно не знаютъ — ни неба, ни земли, ни философіи, ни исторіи, ни любви, ни политики.... Поэтому, когда герой Байрона говоритъ, напр., что ему противно общество и даже любовь не услаждаетъ его, то мы переводили это такимъ образомъ:

Теперь меня ужь не влечетъ
Ни зовъ друзей, ни шумъ застольный,
Ни зовъ къ восторгамъ милыхъ дѣвъ,
Ни взоръ, исполненный приманокъ,
Ни звукъ бокаловъ, ни напѣвъ,
Ни пляска рѣзвая цыганокъ....

Эти стихи мы припомнили изъ одной элегіи поэта Башилова, вамъ конечно неизвѣстнаго; но это ничего: возьмите и другихъ, — тоже самое выйдетъ....

Подолинскій никакъ не могъ остановиться на такихъ предметахъ, какъ Башиловъ: онъ былъ для этого слишкомъ идеаленъ и кротокъ. Но за то онъ такъ-таки и не нашелъ, что же бы за вещь такая была, которая должна бы его привлекать, а между тѣмъ не привлекаетъ... Поэтому онъ вездѣ говоритъ объ этомъ въ общихъ чертахъ: *все*, говоритъ, мнѣ опротивило, *ничто* меня не утѣшаетъ, *я* отъ *веселія* бѣгу, *я хладенъ* сталъ душою.... И все это отъ вліянія какого-то незримаго демона:

Я незримаго присутствіе
Сердцемъ сжатымъ познаю;
Льетъ онъ холодъ и безчувствіе
Въ душу грустную мою,
Онъ любви и вдохновенія
Развѣваетъ дымомъ сны,
Съ нимъ и слезы умиленія,
Какъ ребячество смѣшны....
И зародышъ наслажденія
Умерщвляетъ злобный духъ,
Какъ младенца до рожденія
Въ лонѣ матери недугъ.

Видите,—несмотря на всю пустоту и дрянность окружающей жизни, скромный поэтъ нашъ не прочь бы насладиться ея посильными дарами; онъ не потому ихъ отвергаетъ, чтобы ужь понялъ ихъ ничтожность и не считалъ ихъ интересными и пріятными; нѣтъ, онъ просто боится, онъ точно-какъ Шпекинъ у Гоголя: ему чрезвычайно хочется, ему очень любопытно и важно распечатать письмо Хлестакова, но какой-то голосъ шепчетъ ему въ одно ухо: не смѣй, не смѣй, не распечатывай. Ну, сами посудите,—въ этакомъ-то положеніи какой же Байронъ можетъ быть?...

Многіе изъ нашихъ поэтовъ увлекались байронизмомъ; но Подолинскій былъ съ нимъ всѣхъ смѣшнѣе. Въ его стихотвореніяхъ вы видите человѣка, который положительно не знаетъ, что дѣлать съ собой: у него просто нѣтъ и не бывало глубины и энергіи страсти, а онъ долженъ увѣрять себя и другихъ, что все въ мірѣ недостойно его страсти. Но что же именно недостойно? Вотъ въ этомъ-то и затрудненіе, тутъ-то и начинается его горе. Ему собственно все нравится, и онъ долженъ придумывать, что бы объявить для себя постылымъ. Ну, и придумаетъ. Вотъ, напримѣръ, ему кажется, что ужь пѣсню соловья никто не можетъ слушать безъ особеннаго умиленья, кромѣ человѣка самаго разочарованнаго; вслѣдствіе такого убѣжденія онъ и увѣряетъ: мнѣ все, говоритъ, въ жизни постыло, я все въ мірѣ презираю, ничто не въ силахъ увлечь меня, и даже говоритъ, —

Едва на пѣсню соловья
Отозвалась душа моя....

Или вдругъ представляется ему, что кто не восхищается видомъ горъ въ Швейцаріи, такъ ужь это самъ сатана. И вотъ герой его, для полной обрисовки его отчужденія отъ всего міра, посылается въ Швейцарію, которую поэтъ называетъ «отчизною Теля». Что же онъ тамъ дѣлаетъ?

Въ отчизнѣ Теля видѣлъ онъ
Съ снѣгами слитый небосклонъ
И горы льдистою громадой;
И гулъ паденія лавинъ
Съ какой-то горестной отрадой
Онъ слушалъ въ сумракѣ долинъ.

Здѣсь любопытно именно то, что онъ занимался этимъ «въ отчизнѣ Теля».... И поэтъ серьёзно полагаетъ, что ужь если въ отчизнѣ Теля горы не взволновали человѣка, то что же послѣ этого

остается для него — не только въ отчизнѣ Теля, но и въ цѣломъ мірѣ!...

Итакъ, вліяніе Байрона на Подолинскаго состояло главнымъ образомъ въ томъ, что разрушило мирную идиллію, которую поэтъ нашъ, по натурѣ своей, наклоненъ былъ сдѣлать изъ всего въ мірѣ. Но въ немъ не было силы удержаться на отрицаніи; онъ даже дошелъ до того, что отрицанье и сомнѣнье есть грѣхъ, дѣйствіе кичливаго ума, на которое влечетъ человѣка духъ злобы. Всякое недовольство происходитъ оттого, что

Онъ незбыточными снами
Божеству приличныхъ думъ,
Заразилъ нашъ гордый умъ.

Пришедши къ такому сознанію, поэтъ сталъ искать себѣ успокоенія въ мірѣ сладкихъ грезъ, въ мистическихъ созерцаніяхъ; у него же мечтательность была однимъ изъ существенныхъ свойствъ таланта. Этой стороною, равно какъ и нѣжностью, томностью чувства, онъ нѣсколько напоминаетъ одного изъ современныхъ поэтовъ, Полонскаго. Но кромѣ степени таланта, между ними есть еще и та разница, что въ основѣ поэзіи Полонскаго, даже въ фантастическихъ ея проявленіяхъ, мы видимъ гуманное начало, видимъ близость его къ людямъ и жизни; у Подолинскаго же эѳирность, фантазія составляютъ самую сущность поэзіи. Онъ, по его собственному признанію въ изображеніи поэта, —

Въ міръ необъятный, въ міръ иной
Перелетя воображеньемъ,
На міръ существенный съ презрѣньемъ
Глядитъ, какъ житель неземной
И часто грудь его страдаетъ:
Не зналъ радостей земныхъ,
Онъ ихъ надменно отвергаетъ,
А замѣнить не можетъ ихъ....

Это значитъ, что для него поэзія уже не есть произведеніе впечатлѣній внѣшняго міра, возбудившихъ ту или иную реакцію въ его душѣ, а въ самомъ дѣлѣ нантіе какихъ-то невещественныхъ, заоблачныхъ силъ, уносящихъ поэта на седьмое небо. Вслѣдствіе такого воззрѣнія поэтъ и на все смотритъ фантастическимъ образомъ. Напримѣръ, слезы, по его мнѣнію, опять не просто физіологическій процессъ, а слѣдствіе какой-то особенной, благодатно-фантастической исторіи, происшедшей съ Адамомъ. Слезы эти понравились Адаму:

Слезъ врачующую силу
Праотецъ благословилъ
И въ возмездье за могилу
Внука плакать научилъ....

Видите ли какъ: это, стало быть, дѣло условное, секретъ, который бы могъ составить монополію, если бы внукъ Адамовъ не разболталъ его всѣмъ, а передалъ бы опять-таки одному кому нибудь изъ своего рода!...

Подобной чепухой занимается поэтъ постоянно, и очень серьёзно увѣряетъ, что —

Теряясь въ наслажденьи,
Онъ чувствуетъ, онъ слышитъ въ отдаленьи
Созвучье стройное міровъ.

Это ужь совершенно напоминаетъ г. Гербеля, у котораго тоже:

Душа утопала въ волшебномъ сіяньи,
Летѣла въ невѣдомый міръ,
И тамъ, за хаосомъ, въ дали міроздавья
Внимала надзвѣздный эоиръ....

Первое произведеніе, обратившее на г. Подолинскаго вниманіе публики (въ 1827 г.) была поэма «Дивъ и Пери». Это было самое безопасное подражаніе Байрону: основа пьесы—борьба добра и зла—принадлежитъ байроническому направленію, но смягченіе и просвѣтлѣніе злой силы подъ вліяніемъ добра — было очень подъ-стать таланту Подолинскаго, и въ этой поэмѣ оказалось дѣйствительно нѣсколько нѣжныхъ, задушевныхъ стиховъ. Вотъ откуда и пошло преданіе о «блестящихъ надеждахъ», поданныхъ Подолинскимъ въ началѣ его поприща. Эти надежды были уже преданіемъ въ 1834 году, и конечно еще раньше потерялись бы, или даже вовсе бы не родились, если бъ кто нибудь раньше вздумалъ разсудить: могутъ ли въ поэзіи произвести что нибудь воображеніе и чувство, направленныя совершенно фантастически и оторванныя отъ всякой почвы? Какъ только родился этотъ вопросъ, который уже самъ собою подразумѣвалъ отвѣтъ отрицательный, — такъ Подолинскій и уничтожился, исчезъ въ русской литературѣ. Въ 1837 г. появилась его поэма «Смерть Пери», которая несравненно лучше «Дива и Пери»; но на эту поэму никто уже не обратилъ никакого вниманія. Ясно уже было, что мистика не въ состояніи дать живаго, удовлетворительнаго содержанія поэзіи; а г. Подолинскій ушелъ въ мистику очень далеко и сдѣлался въ поэзіи чѣмъ-то въ родѣ того, что былъ Кифа Мокіевичъ въ философіи. Онъ спрашивалъ, напр., цвѣты:

Скажите, такъ же ли, какъ люди,
И вы страдаете, цвѣты?
Не бьются ль сердцемъ ваши груди?
Васъ не волнуютъ ли мечты? и пр.

Онъ думаетъ о себѣ:

Я прахомъ разсыплюсь, я буду землей,
Но чувство, кто знаетъ, утрачу ль?
Кто знаетъ, любовью не вздрогну ль чужой,
Отрадной слезой не заплачу ль?

Одинъ изъ его героевъ сидитъ съ своей возлюбленной ночью на берегу моря и страшно тоскуетъ. Она его спрашиваетъ, отчего ему такъ тяжело. Онъ говоритъ, что не хочетъ нарушить грустной мыслію своею сладкій сонъ ея души. Но она настаиваетъ. Тогда онъ разражается:

Такъ взгляни жь на это море,
Какъ роскошно на просторѣ
Блещетъ тканью золотой,
Озаренное луной!
Что же, если бъ, верхъ вселенной,
Неожиданно, мгновенно,
Мѣсяцъ на небѣ потухъ,
И упалъ на волны вдругъ
Мракъ холодный и угрюмый?..

Съ простой, реальной точки зрѣнія все это очень смѣшно, и послѣ подобныхъ стишковъ отъ Подолинскаго для живаго наслажденія намъ ждать нечего. Но мы не можемъ разстаться съ нимъ не сказавши, что любители радклифскаго могутъ у него найти весьма дикія легенды, въ родѣ Дѣвичъ-Горы и пана Бурлая, патріоты—стихотворенія на француза и на войну, гдѣ говорится между прочимъ о нашихъ врагахъ:

Завидно имъ, что есть держава,
Гдѣ власть — святыня, Царь — любовь,
Гдѣ съ каждымъ вѣкомъ вновь и вновь
Мужаетъ сила, крѣпнетъ слава,
Гдѣ твердо къ благу все идетъ,
Гдѣ было бъ чуждо, было бъ ново
Корысти, смутъ и страха слово —
Что̀ къ намъ ихъ ненависть зоветъ.

Наконецъ чистые эстетики тоже могутъ быть увѣрены, что почерпнутъ своего рода наслажденіе изъ стихотвореній г. Подолин-

скаго, ибо у него есть эротическія и описательныя пьесы, ничѣмъ не уступающія произведеніямъ гг. Захарія Тура, Всеволода Крестовскаго и другихъ самоновѣйшихъ поэтовъ. Существованіе въ наше время подобныхъ поэтовъ и служитъ лучшимъ оправданіемъ полнаго собранія сочиненій Подолинскаго, изданныхъ очень изящно и продающихся по три цѣлковыхъ.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1859 годъ. Спб. 1860 г.

Нынѣшній отчетъ Библіотеки представляетъ по обыкновенію свѣдѣнія по всѣмъ частямъ библіотечнаго управленія, о личномъ ея составѣ, хозяйственной части, внутреннемъ устройствѣ, пріобрѣтеніяхъ Библіотеки, о работахъ ея членовъ и чиновниковъ, наконецъ объ ея употребленіи. Заимствуемъ изъ отчета нѣкоторыя болѣе любопытныя данныя.

Въ личномъ составѣ Библіотеки не произошло почти никакихъ измѣненій; нѣкоторые изъ числа библіотекарей и другихъ лицъ, служащихъ при Библіотекѣ, а также изъ корреспондентовъ и коммиссіонеровъ ея, удостоились монаршихъ наградъ. Денежныя средства Библіотеки въ истекшемъ году были довольно значительны: кромѣ обыкновеннаго своего содержанія, она получила 10,000 руб. сер. изъ государственнаго казначейства на уплату иностраннымъ книгопродавцамъ и на переплеты; 2,500 р. предоставлено въ ея пользу отъ суммъ, находящихся въ распоряженіи г. директора по особому, возложенному на него Государемъ Императоромъ порученію, и болѣе 2,000 р. отъ продажи дублетовъ и разныхъ хозяйственныхъ оборотовъ Библіотеки. Изъ улучшеній во внутреннемъ ея устройствѣ отмѣтимъ пріобрѣтеніе портрета купца Ларина, извѣстнаго ревнителя просвѣщенія, на счетъ котораго построенъ былъ корпусъ Библіотеки, обращенный къ Александринскому театру; портретъ по волѣ Государя поставленъ въ Ларинской залѣ, насупротивъ портрета императрицы Екатерины; надпись подъ рамою указываетъ имя и отчество, а также годъ рожденія и смерти Ларина. Въ читальной залѣ, для уничтоженія шума отъ шаговъ, настланъ, по образцу Британскаго музеума, коверъ изъ гутта перчи, смѣшанной съ пробковымъ порошкомъ. Онъ былъ заказанъ въ Лондонѣ.

Пріобрѣтенія Библіотеки въ прошломъ году были особенно богаты: кромѣ печатныхъ изданій, коллекцій старыхъ журналовъ, рѣдкихъ въ настоящее время, дорогихъ и великолѣпныхъ книгъ, нѣкоторыя пріобрѣтенія обратили на себя особенное вниманіе ученаго міра. Таково, напримѣръ, собраніе греческихъ и восточныхъ ру-

кописей, пріобрѣтенное на Востокѣ профессоромъ Тишендорфомъ, путешествовавшимъ на счетъ нашего правительства; болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ собраніи, сообщены были въ свое время въ журналахъ, и между прочимъ въ «Современникѣ». Пріобрѣтены также цѣлыя собранія другихъ восточныхъ, персидскихъ, монгольскихъ, китайскихъ рукописей и ксилографовъ, и цѣлая библіотека дѣйствительнаго статскаго совѣтника Аделунга (извѣстнаго ученаго академика?), заключающая болѣе пяти тысячъ томовъ. Изъ рѣдкихъ русскихъ книгъ, Библіотека пріобрѣла очень извѣстное «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» (1790), Радищева, составляющее по словамъ отчета необыкновенную рѣдкость (эта книга подарена Н. И. Гречемъ) и «Читалагайскія оды», Державина, доставленныя изъ гельсингфорсскаго университета. Все количество новыхъ пріобрѣтеній и книгъ, полученныхъ въ даръ Библіотекою, представляетъ 36,238 томовъ книгъ и 1,314 рукописей.

Число читателей, посѣщавшихъ Библіотеку, возросло и въ 1859 г. противъ прежняго; билетовъ было выдано 4,154, тогда какъ въ 1858 г. ихъ было только 3,716; по нимъ истребовано было въ теченіе года 72,371 книга и 595 рукописей. Изъ дежурства выдавалось каждый день среднимъ числомъ 535 томовъ. Нѣкоторыя изъ книгъ въ теченіе цѣлаго года не были возвращаемы въ отдѣленіе и постоянно находились въ рукахъ читателей; напримѣръ, по исторіи, къ числу этихъ книгъ принадлежали сочиненія Карамзина, Соловьева, Устрялова, Костомарова, Погодина, Вебера, Беккера, Канту и Нарушевича. Любопытна также въ отчетѣ вѣдомость о числѣ читателей, расположенная по ихъ званію и чинамъ: самую значительную цифру представляютъ студенты здѣшняго университета,—ихъ было 548, болѣе осьмой части всей суммы читателей; медицинскихъ студентовъ—264; изъ военныхъ, самые усердные читатели—офицеры первыхъ чиновъ (прапорщиковъ 185, подпоручиковъ и поручиковъ 241), генераловъ было восемь; изъ мѣщанъ, купцовъ и крестьянъ — 268. Было также 35 читателей изъ иностранцевъ и одинъ профессоръ иностраннаго (?) университета. Всего болѣе читается книгъ въ зимніе мѣсяцы, особенно въ декабрѣ; въ лѣтніе число требуемыхъ книгъ уменьшается весьма значительно.

Акты историческіе и юридическіе, собранные *Степаномъ Мельниковымъ*. Томъ 1-й. Казань. Продается у книгопродавца Ивана Дубровина. 1859.

Въ послѣднее время у насъ появилось много собраній старыхъ актовъ, относящихся исключительно къ какой нибудь одной мѣст-

ности; иныя изъ нихъ доставили замѣчательные матеріалы для старой русской исторіи, какъ, напр., изданія г. Елагина, гг. Александрова-Дольника и Второва и др. Такой же характеръ имѣетъ и сборникъ г. Мельникова. Въ предисловіи онъ разсказываетъ, что, обозрѣвая нѣкоторыя замѣчательныя селенія въ Казанской губерніи, онъ нашелъ въ мірскихъ бумагахъ, сохраняющихся у старостъ, выборныхъ и повѣренныхъ, множество свитковъ съ грамотами царей и казанскихъ и свіяжскихъ воеводъ XVI и XVII столѣтій; часть ихъ онъ издаетъ теперь въ первомъ томѣ своихъ «актовъ», обѣщая продолженіе ихъ, въ случаѣ благосклоннаго принятія и одобренія его изданія.

Первый томъ заключаетъ разные акты о владѣніи землями, о поземельныхъ спорахъ владѣльцевъ, жалованныя грамоты и данныя на земли, мировыя и поручныя записи, мѣновыя, — документы, какихъ мы имѣемъ чрезвычайно много отъ двухъ послѣднихъ столѣтій московскаго царства; самый старый изъ документовъ г. Мельникова относится къ царствованію Ивана Васильевича, къ 1582 году, новѣйшій къ временамъ императрицы Екатерины, къ 1766 году. Нельзя сказать, чтобы матеріалы г. Мельникова были слишкомъ разнообразны, тѣмъ не менѣе въ нихъ найдется нѣсколько данныхъ для исторіи, топографіи и юридическаго быта казанскаго края. Бо́льшая часть ихъ относится къ коренному населенію тѣхъ мѣстъ, къ служилымъ татарамъ, и иногда грамоты сообщаютъ нѣсколько занимательныя подробности ихъ жизни. Во множествѣ просьбъ, которыя татары, кажется, любили писать, они называютъ себя уменьшительно: Аймаметко, Бекбулатко, Тюлкейко, Аишко и т. д., по русскому обычаю. Кромѣ просьбъ и споровъ о земляхъ, объ освобожденіи отъ службы, у нихъ встрѣчались и другія дѣла. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ, служилый татаринъ Бекбулатко Бегишевъ проситъ проѣзжую грамоту для ловли сбѣжавшаго плѣнника; въ просьбѣ онъ *сказалъ:* «бѣжалъ-де отъ него его полоняникъ *нѣмецкою* полону Полска (его имя), съ женою и съ сыномъ, и слухъ ево дошелъ, что тотъ ево бѣглый *латышъ* съ женою и съ сыномъ бѣгая живетъ въ Ядринскомъ, въ Чебоксарскомъ и въ Цывильскомъ уѣздахъ, и государь бы ево пожаловалъ, Бекбулатка, велѣлъ ево для тово его бѣглого латыша сыску отпустить въ тѣхъ городъ уѣзды». Другой жалуется, что его же однодеревенцы его, холопа царскаго, и женишко и дѣтишекъ бьютъ, и животишко его всякое (т. е. скотъ) до смерти побиваютъ, и лошадей его покрали (очень любимый промыселъ у татаръ), и у него человѣка его *закладнаго* взяли, который у него въ закладѣ былъ въ тринадцати рубляхъ, тринадцати алтынахъ и двухъ деньгахъ, такъ что и человѣкъ и деньги пропали. Лю-

бельныя поручныя записи, въ которыхъ крестьяне поручаются за новыхъ поселенцевъ на земляхъ одного монастыря, что «жить ему крестьянину за монастыремъ, никакимъ воровствомъ не воровать и не бѣжать никуды». Подобныя записи были весьма обыкновеннымъ дѣломъ въ то время, когда бродяжничество было чрезвычайно развито въ быту сельскаго народонаселенія, переходившаго изъ одного мѣста въ другое въ надеждѣ на лучшія земли, на меньшія тяготы, а также и отъ неохоты приниматься за дѣло. Поручители за новыхъ поселенцевъ обязывались ловить ихъ въ случаѣ побѣга и представлять къ землевладѣльцу, помѣщику, монастырю и проч. Укажемъ въ изданіи г. Мельникова еще одинъ занимательный документъ, въ которомъ дѣйствующими лицами являются многородцы тѣхъ мѣстъ, чуваши и мордва; они заключаютъ между собой полюбовное условіе, по которому первые дозволяютъ послѣднимъ поселиться на ихъ земляхъ изъ опасности разоренія отъ башкирцевъ, для «малолюдства и опасенія всякихъ воровскихъ людей». Въ документѣ, писанномъ отъ ихъ имени русскими приказными, они называютъ другъ друга собирательно, по-русски, — «вы мордва, вы чуваша» — и обнаруживаютъ въ своихъ условіяхъ и требованіяхъ большую опасливость.

Желаемъ, чтобы г. Мельниковъ продолжалъ изданіе своихъ актовъ, если они не менѣе интересны; но для успѣха изданія было бы не лишнее, если бы онъ или г. Дубровинъ не продавалъ свое изданіе такъ дорого: за книжку въ 200 стр. разгонистой печати, на сѣрой бумагѣ, онъ назначилъ слишкомъ большую цѣну, 2 р. сер.

Русская Лира. Хрестоматія, составленная изъ произведеній новѣйшихъ поэтовъ. Изданіе *Н. Тиблена.* Спб. 1860 г.

Любовь. Эротическія стихотворенія русскихъ поэтовъ. Собралъ *Григорій Книжникъ.* Спб. 1860 г.

Сборники стихотвореній разныхъ поэтовъ у насъ были на нѣсколько времени убиты хрестоматіею г. Галахова, которая лѣтъ 17 тому назадъ представляла въ себѣ соединеніе значительной доли лучшихъ произведеній русской поэзіи. Но въ послѣднія 17 лѣтъ написалось все-что новое, да и изъ прежде написаннаго напечаталось многое, чего прежде не печатали; а г. Галаховъ въ семи изданіяхъ своей хрестоматіи упорно держался прежнихъ образцовъ, и исключая незначительныхъ измѣненій, обусловленныхъ обстоятельствами, ничего не мѣнялъ въ своей хрестоматіи. Русское юношество, которое по ней знакомилось съ русской литературой, какъ по экземплярамъ минералогическаго кабинета знакомилось съ ископаемыми

царствомъ, долго терпѣло кротко и безмолвно. Оно даже оставалось въ блаженномъ невѣдѣніи, полагая на основаніи неизмѣнной хрестоматіи, что послѣ Даля никто у насъ хорошихъ простонародныхъ разсказовъ не писалъ, что послѣ «Ревизора» не было у насъ комедіи, достойной стать хоть бы на ряду съ «Пустодомами» кн. Шаховскаго, что графъ Соллогубъ долженъ быть считаемъ представителемъ новѣйшей русской повѣсти, что въ сатирѣ послѣдній дѣятель есть князь Вяземскій, въ элегическомъ родѣ до сихъ поръ никто не сравнился съ Ѳедоромъ Глинкою и графинею Ростопчиною, и пр. и пр. Но наконецъ и до свѣдѣнія юношества дошло, что есть теперь у насъ и другіе замѣчательные писатели, о которыхъ хрестоматія г. Галахова ничего не сообщаетъ, даже въ примѣчаніяхъ своихъ. Тогда явилась потребность въ другомъ сборникѣ, по возможности безъ Ломоносова, Державина, Княжнина, и т. п., и по возможности болѣе съ Кольцовымъ, Лермонтовымъ, Аксаковымъ, Майковымъ, Огаревымъ, Полонскимъ, Тютчевымъ, Фетомъ, Гончаровымъ, Григоровичемъ, Островскимъ, Писемскимъ, Толстымъ, Тургеневымъ, Успенскимъ, Щедринымъ, и пр. Составленіе такого сборника представляетъ, конечно, много хлопотъ, и потому до сихъ поръ являлись только попытки въ стихотворной части, и то въ небольшихъ размѣрахъ. Полтора года назадъ вышелъ «Сборникъ» г. Щербины и имѣлъ большой успѣхъ; маленькій дѣтскій сборничекъ изданъ былъ въ прошломъ году въ видѣ приложенія къ «Подснѣжнику», теперь г. Тибленъ издалъ «Русскую Лиру». Мысль этой книжки—собрать лучшія пьесы съ народнымъ характеромъ, — изображающія русскій бытъ, русскій людъ, русское чувство. Сообразно съ этимъ большая часть пьесъ взята изъ Кольцова, Никитина, и кромѣ того помѣщены въ концѣ книжки 16 простонародныхъ русскихъ пѣсенъ; затѣмъ перепечатана сказка о купцѣ Калашниковѣ (хотя это уже не лира), и понемножку почти изъ каждаго замѣчательнаго поэта. Мысль изданія недурна, но исполненіе очень неудовлетворительно: многаго недостаетъ, а еще болѣе лишняго. Напримѣръ, изъ Кольцова не взяты двѣ пѣсни лихача-кудрявича, а помѣщены слабыя пьесы: «Ночлегъ Чумаковъ» и «Кольцо», изъ Пушкина какъ-то зашли сюда «Воевода» (переводная пьеса!) и «Гусаръ», а не взяты напр. «Бѣсы», «Зимняя дорога», «Зимній вечеръ». Изъ Лермонтова взятъ «Родины», а есть «Бородино». Къ нѣкоторымъ поэтамъ собиратель не благоволитъ. Такъ напр. не взялъ онъ ничего изъ Бенедиктова, Губера, Полонскаго, Стаховича, Хомякова, Щербины, хотя у всѣхъ этихъ поэтовъ есть вещи, которыя были бы въ книжкѣ г. Тиблена гораздо приличнѣе многихъ изъ помѣщенныхъ въ ней. Напр., хоть бы гг. Бенедиктовъ или Стаховичъ—конечно не Бегъ-

вѣсть какъ хорошо пишутъ; но отчего же бы не помѣстить пѣсенъ г. Стаховича тамъ, гдѣ напечатана «Масляница на чужой сторонѣ»? Или почему «Малое слово о великомъ» или «Россіи» не могло бы помѣститься рядомъ съ пьесою: «Кто онъ?» Да тутъ еще и не такія пьесы помѣщены: тутъ есть «Москва» Ѳ. Глинки, есть «Василій Шибановъ» гр. Толстаго; послѣ этого рѣшительно непонятно, почему нѣтъ тутъ «Клеветникамъ Россіи» и «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ».

Вообще книжка составлена такъ пестро, что рѣшительно не представляетъ возможности характеризовать по ней «русскую лиру». Видно, что при выборѣ пьесъ не было никакой системы, не говоря уже о единствѣ направленія.

Но изданіе г. Тиблена есть сокровище, геніальность, chef d'oeuvres въ сравненіи съ книжечкою, изданною Григоріемъ Книжникомъ. Этотъ таинственный книжникъ не въ первый разъ уже, подъ покровомъ библіографіи, является въ публику съ разсчетомъ на выгодную аферу. Въ прошломъ году онъ издалъ ученымъ образомъ, библіографически, «Ваньку Каина», и мы въ свое время разбирали это изданіе,—тоже, помнится, съ учеными примѣчаніями.... Теперь почтенный книжникъ, отъ разбоя переходя къ сладострастію, издалъ «*Эротическія стихотворенія* русскихъ поэтовъ». Никогда не видали мы болѣе безобразнаго набора стихотвореній, — ни въ одномъ пѣсенникѣ, ни въ одной тетрадкѣ школьника. Тутъ и Арбузовъ, и Вердеревскій, и Вуичъ, и Капнистъ, и Костровъ, и Милоновъ, и Кроль, и Н. Ф. Павловъ.... И кого тутъ нѣтъ.... есть даже Владиміръ Зотовъ и Григорій Данилевскій... Но не подумайте, чтобъ Григорій Книжникъ старался втиснуть въ свою книжку какъ можно болѣе *страстныхъ* стиховъ, не заботясь объ ихъ достоинствѣ. Нѣтъ, вовсе нѣтъ: онъ человѣкъ нравственный, деликатный, скромный, и очень заботился, чтобы страсти не слишкомъ разгарались въ его сборникѣ. Только въ заглавіи рискнулъ онъ, и то больше для того, чтобы книжка лучше сбывалась; да и тутъ, должно быть, такая дерзость ошеломила его до того, что онъ грамотѣ разучился и допустилъ въ эпиграфѣ напечатать: «любви *все* возрасты покорны». Въ самой же книжкѣ хоть и есть напр. стишки: «Блаженъ, кто могъ на лонѣ ночи», но нѣтъ ни «Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ», ни «Ольга, крестница Киприды», ни «Гарема», ни «Вакханки», и другихъ подобныхъ стихотвореній въ родѣ Парни. Тутъ болѣе все такія пьесы, какъ напр., «Ты и вы» Пушкина, «Мой другъ, хранитель-ангелъ мой» Жуковскаго, «Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно» Лермонтова, и т. п. Само собою разумѣется, что тутъ вошли и «Для береговъ отчизны дальней» и «Я

помню чудное мгновенье», и «Я васъ любилъ» изъ Пушкина, и «Fortunata» Майкова, и «Еврейская пѣсня» Мея, и «Когда бъ онъ зналъ» гр. Ростопчиной, и «Гондольеръ» Кони, — словомъ, все привиллегированное, обвульгарившееся, чтобы не сказать: опошлѣвшее, отъ частаго употребленія. Но гдѣ такого клейма не было, тамъ издатель обнаружилъ не только полнѣйшее безвкусіе, но и невѣжество. Для доказательства безвкусія довольно сказать, что въ сотнѣ дрянныхъ пьесъ, набранныхъ богъ-вѣсть откуда, находимъ только два стихотворенія Кольцова («Ты не пой, соловей» и «Послѣдній поцалуй»): а ужь у Кольцова ли не выбрать было пьесъ о любви!

Въ доказательство невѣжества спекулятора-книжника можемъ привести теперь два факта, случайно бросившіеся намъ въ глаза. У г. Ѳ. Глинки есть три стихотворенія, связанныя между собою общей мыслью, — Вѣра, Надежда, Любовь. Они были вмѣстѣ, рядомъ напечатаны въ одномъ старинномъ альманахѣ (Альбомъ Сѣверныхъ Музъ): можно бы, кажется, понять, въ какомъ смыслѣ здѣсь принимается любовь. А г. Книжникъ отдѣлилъ «Любовь» отъ первыхъ двухъ стихотвореній и помѣстилъ его въ числѣ *эротическихъ!*

Другой фактъ еще лучше. У Байрона есть стихотвореніе «Къ сестрѣ Августѣ». Оно переведено очень дурно г-жею К. Павловою и напечатано, неизвѣстно почему, подъ заглавіемъ: «Къ ***». Григорій Книжникъ и эти стихи принялъ за *эротическіе!*

Каково знаніе литературы русской и иностранной, а пуще всего — какая глубина здраваго смысла!

По шарлатанству своему книжонка эта принадлежитъ къ тому же роду, какъ «Правда о мужчинѣ и женщинѣ», «Аттака женскихъ сердецъ», «Улика пылкихъ женщинъ», и пр. Но по наглости и тупоумію — она превосходитъ ихъ....

Наглядное изложеніе предварительныхъ понятій о геометріи *П. А. Ефремова.* Казань. 1859 г.

Книжка эта, очень оригинальная по своему характеру, какъ увидимъ ниже, любопытна еще по особому обстоятельству, — по оригинальности своего распространенія: она, безъ всякаго предварительнаго спроса и разрѣшенія педагогическихъ совѣтовъ, разсылается авторомъ, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ экземпляровъ, по гимназіямъ и училищамъ одного изъ нашихъ учебныхъ округовъ. Такая ревность автора къ просвѣщенію гимназій посредствомъ своего «Наглядаго изложенія» можетъ быть объяснена только чрез-

вычайнымъ значеніемъ, какое авторъ придаетъ этому «Изложенію». Посмотримъ же, въ какой степени книжечка оправдываетъ мнѣніе о ней самого ея автора.

Извѣстно, что въ настоящее время все движется впередъ, къ разумной цѣли, какъ добавилъ кто-то недавно. Ясно, что и педагогика должна тоже двигаться впередъ и что поэтому между педагогами должна происходить бѣготня страшная. Покамѣстъ эта бѣготня происходитъ только на словахъ, и кто болѣе *было* разсуждаетъ, тотъ и лучше, тотъ и на виду становится у общества и у нужныхъ и почтенныхъ людей, которымъ самимъ бѣгать ужь не подъ силу. Стоитъ бросить кстати нѣсколько бѣглыхъ фразъ, въ родѣ «всецѣлость воспитанія», «гармонія въ развитіи духа», «высшіе нравственные принципы», «l'autorité» — и дѣло въ шляпѣ! А если высказать такія фразы печатно, связавъ ихъ какъ нибудь съ переформировкой маленькой части извѣстнаго всѣмъ руководства, то Боже мой! какихъ высокихъ цѣлей можно достигнуть! Педагогическое общество ослѣпленное блескомъ вашей современности, возблаговѣстъ передъ вами и само предложитъ вамъ всевозможныя вознагражденія и удобства, которыхъ вы, можетъ быть, ужь давно и страстно желаете, но по природной скромности, глубоко скрываете свои желанія въ чистомъ сердцѣ... Мѣсто, почетъ, награда, всеобщая любовь — все можетъ вамъ выпасть на долю, если вы только будете почаще говорить о современныхъ требованіяхъ науки, о всецѣлости воспитанія, и т. п. Соблазнительная вещь! И много своего рода Надимовыхъ производитъ въ наукѣ такое положеніе педагогики....

Г. П. А. Ефремовъ, какъ видно изъ его книжечки,—учитель гимназіи или по крайней мѣрѣ былъ имъ. Слѣдовательно мы вправѣ ожидать отъ него чего нибудь больше, чѣмъ пустаго, безсмысленнаго переливанія фразъ, чего нибудь новаго, извлеченнаго имъ изъ его педагогической практики, а не стараго, измѣненнаго только по формѣ. Мы привыкли смотрѣть на учителей нашихъ гимназій, какъ на людей, занимающихъ видное мѣсто въ ряду нашихъ общественныхъ дѣятелей, и желали бы всегда видѣть въ нихъ полное сознаніе важности ихъ профессіи для нашей общественной жизни. Отъ ихъ взглядовъ на воспитаніе, отъ ихъ методъ и пріемовъ зависитъ довольно многое въ развитіи будущихъ поколѣній русскихъ. Посмотримъ, какъ же понимаетъ г. П. А. Ефремовъ — развитіе умственной дѣятельности въ дитяти и вообще умственную дѣятельность человѣка; посмотримъ, что онъ извлекъ изъ своей педагогической дѣятельности. Въ своей книжечкѣ онъ заявилъ, что многое въ ней онъ заимствовалъ изъ опыта.

«Едва только дитя *научится называть предметы*, которые составляютъ окружающую его дѣйствительность, тотчасъ же оно начинаетъ сознавать ихъ число и величину, т. е. начинаетъ понимать, что два яблока менѣе трехъ, трость длиннѣе пера, и проч.

«Конечно, для всецѣлости воспитанія, необходимо развитіе всѣхъ упомянутыхъ сторонъ *внутренней дѣятельности воспитывающагося существа* (какой возвышенный слогъ!), какъ *способности слова*, такъ *понятія о счисленіи и измѣреніи*. (Какое соотношеніе словъ: *понятіе о чемъ либо и способность!*)

«Между тѣмъ большая часть руководствующихъ начальнымъ воспитаніемъ, содѣйствуя своему питомцу въ усвоеніи знаній, относящихся къ его первой внутренней дѣятельности — *дару слова* (даръ слова состоитъ, по мнѣнію автора, *въ усвоеніи названій предмета*, т. е., по его мнѣнію, ученый попугай имѣетъ способность и даръ слова, обладаетъ краснорѣчіемъ!), нерѣдко оставляютъ на произволъ послѣднюю. Не отвѣчая на ея вопросы, или даже совсѣмъ отстраняя ея побужденія изъ круга его занятій (т. е. отстраняя побужденія понятія о счисленіи и измѣреніи изъ круга его занятій?!), они во 1) нарушаютъ гармонію въ развитіи его духа, а во 2) невольно дѣлаются виновниками его *опасности* и *отчужденія* (?) отъ всякой работы мысли, относящейся къ числу и мѣрѣ.

«Вотъ почему юноша, на экзаменѣ, при поступленіи въ какое нибудь учебное заведеніе, съ бо́льшимъ трудомъ, чѣмъ могъ бы, судя по его возрасту, сосчитываетъ число монетъ въ обѣихъ рукахъ, когда ему извѣстно число ихъ въ каждой; или для него все равно сказать, что одна стѣна отстоитъ отъ другой на 3, 20, 30.... аршинъ, когда настоящее разстояніе между стѣнами равняется 10 ар. (т. е. авторъ говоритъ: изучите ариѳметику и вы будете обладать *глазомѣромъ*?). Въ *органическомъ* воспитаніи, т. е. въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ такое неравенство домашняго воспитанія сглаживается частымъ упражненіемъ ариѳметикой (наша догадка объ ариѳметикѣ и глазомѣрѣ — вѣрна!)» (Введеніе ст. 1).

Мы нарочно выписали цѣлую страничку, чтобъ лучше оцѣнить логику почтеннѣйшаго педагога. Къ сожалѣнію, читатель видитъ, что выписка эта показываетъ только, какъ сбивчивы и неопредѣленны понятія автора о мыслительной способности человѣка и о развитіи ея въ дитяти. Въ этой способности онъ различаетъ двѣ отдѣльныя вѣтви — *способность слова* (которую онъ смѣшиваетъ съ *даромъ слова*, съ умѣньемъ живо и увлекательно разсказывать) и *способность счисленія и измѣренія*, (которую онъ называетъ *понятіемъ о счисленіи и мѣрѣ*). Какъ видите, онъ не додумался еще до того, что́ хорошо извѣстно ученику 5 класса гимназіи, именно, что способность слова, т. е. способность выражать извѣстнымъ сочетаніемъ звуковъ свою внутреннюю жизнь, не есть какая нибудь часть

или звѣзд мыслительной способности, а есть прямое слѣдствіе ея, что не будь этой внутренней жизни, человѣкъ никогда не сказалъ бы ни слова, похожъ бы былъ на дерево или камень. Г. Ефремовъ, столь глубокомысленно разсуждающій о гармоніи въ развитіи духа, не знаетъ, что вся наша умственная дѣятельность состоитъ въ совершенной зависимости отъ впечатлѣній внѣшняго міра, и что поэтому—педагогика настоящаго времени поставила себѣ цѣлью не безплодное усвоеніе *названій предметовъ* безъ всякаго представленія о нихъ, какъ полагаетъ г. П. А. Ефремовъ, называя такое безсмысленное болтаніе языкомъ — *даромъ слова*, а то, чтобы каждое представленіе, воспринимаемое ребенкомъ, было полно и отчетливо, чтобы оно не ложилось мертвымъ хламомъ въ его голову, отупляя и забивая ее, а было бы живымъ, дѣятельнымъ, сочеталось бы съ другими подобными представленіями, находящимися уже въ его головѣ и этимъ бы возбуждало работу ума. Мало того, заботясь о правильности и большей массѣ отдѣльныхъ представленій, она вмѣстѣ съ тѣмъ старается пріучить ребенка къ правильному сочетанію ихъ, указываетъ ему для этой цѣли одинаковые признаки, по которымъ ихъ можно соединить, и доводитъ его такимъ образомъ до общихъ понятій; такимъ образомъ педагогика облегчаетъ трудъ мысли, еще непривычной и слабой, а слѣдовательно ускоряетъ и усиливаетъ дѣятельность ума ребенка; другими словами,—она заставляетъ умъ ребенка въ короткое время сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ бы, оставленный самому себѣ, въ продолжительное время. Вотъ задача современной педагогики. Она не кладетъ рѣзкой границы между такъ называемыми науками *фактическими* и *формальными*: она понимаетъ, что всякое знаніе возбуждаетъ умственную дѣятельность, если только оно полно и отчетливо воспринято; но *для общаго образованія*, имѣющаго цѣлью скорѣе пробудить въ ребенкѣ полное и вѣрное сознаніе себя въ окружающей его средѣ, — она дѣлаетъ между знаніями выборъ и отдаетъ преимущество тѣмъ, которыхъ содержаніе, находясь ближе къ природѣ ребенка, способно сильнѣе возбуждать дѣятельность его ума — *естественнымъ наукамъ*, — предъ тѣми, которыхъ содержаніе, по своей отвлеченности, меньше доступно отчетливому пониманію ребенка,—предъ *языкознаніемъ*. Истинная педагогика съ негодованіемъ отвергаетъ пустозвонное усвоеніе названій предметовъ съ цѣлью quasi-развитія *дара слова*, которымъ занимаются еще и въ настоящее время, какъ видно изъ книжки г. Ефремова, педагоги старой школы, дѣлающіе изъ своихъ воспитанниковъ *краснорѣчивыхъ* попугаевъ, автоматовъ, болтающихъ языкомъ, людей, неспособныхъ ни на какое практическое дѣло.

Подобное же чувство питаетъ наука педагогики и къ тѣмъ педагогамъ, которые цѣлью изученія ариѳметики ставятъ *глазомѣръ*, а при преподаваніи геометріи держатся метода переходить отъ общаго къ частному, требуя при этомъ отъ мальчика 13 лѣтъ «строгой систематической послѣдовательности, точности въ выраженіяхъ, основательности въ доказательствахъ» (стр. 5). Педагогика изъ опыта знаетъ, что *общее* только тогда дѣлается понятнымъ, когда оно непосредственно вытекаетъ изъ множества *частныхъ*, уже извѣстныхъ, случаевъ; что *понятіе* родится изъ совокупленія представленій, а не представленія изъ разложенія понятія; что *система* является въ головѣ только уже при значительной степени развитія ума, тогда, когда въ немъ уже скопилось значительное количество однородныхъ знаній, и что только тогда можетъ явиться и точность въ выраженіяхъ, и сознательная, полная основательность въ доказательствахъ. И на основаніи этого-то она положительно утверждаетъ, что ребенку, котораго учатъ геометріи вышесказаннымъ методомъ, не остается ничего болѣе, какъ упражнять свой *даръ слова!*

Введеніе г. П. А. Ефремова представляетъ самую замѣчательную сторону его книжечки. Изъ него можно уже видѣть, въ какой степени заслуживаютъ одобренія здравой педагогики его громкіе возгласы о всецѣлости воспитанія, и чего можно ожидать отъ его метода. Въ остальномъ книжечка не представляетъ ничего равнаго введенію по занимательности. «Изложеніе» обнимаетъ тѣ части извѣстнаго руководства геометріи Буссе, которая говоритъ о способахъ измѣренія протяженій, но съ тою существенною разницею, что Буссе говоритъ о нихъ въ строгой послѣдовательной системѣ, болѣе доказательно, въ болѣе ясныхъ и точныхъ выраженіяхъ. Авторъ разсматриваемаго сочиненія изложилъ эти способы въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ — на подобіе методы *Грубе*, напечатанной въ «Журналѣ для Воспитанія», прошлаго года. Но и здѣсь разница таже. Въ методѣ Грубе, излагающей ариѳметику, каждый вопросъ поставленъ такъ, что онъ непремѣнно долженъ обратить вниманіе учащагося на новую, еще незнакомую ему сторону разсматриваемаго предмета, такъ что общая совокупность вопросовъ уясняетъ предметъ со всѣхъ его сторонъ и дѣлаетъ его такъ сказать полною собственностью учащагося. У г. Ефремова вопросы не имѣютъ такого всесторонняго значенія и скорѣе представляютъ одну форму безъ внутренняго смысла.

Но за то въ его книжкѣ есть нѣкоторыя курьезныя объясненія, которыхъ метода Грубе, вся сосредоточенная на своей цѣли — дать учащемуся полное и ясное представленіе предмета, вовсе не допускаетъ. Такъ, напр., на стр. 18, авторъ, объяснивъ способъ измѣ-

ренія площадей, прилагаетъ его къ измѣренію классной доски. Къ его несчастью, отъ этого измѣренія вышелъ остатокъ, который нельзя вымѣрять квадратными вершками (а измѣреніе производилось квадратными четвертями и квадратными вершками, вырѣзанными изъ бумаги). Какъ, вы думаете, вывертывается авторъ изъ такого непредвидѣннаго случая? Измѣрять остатокъ квадратными полувершками, четверть-вершками, дюймами? Нѣтъ, гораздо проще: «окончательно можно вымѣрить ее (т. е. всю доску) только во 2-мъ классѣ: потому что для этого нужно знать дроби». Неправда ли, — основательный поводъ отклонить дѣтскую любознательность!... На 24 стр. есть курьезъ въ другомъ родѣ. Здѣсь дѣло идетъ объ измѣреніи высоты классной комнаты. «Отыскивайте же ее (высоту?). — Для этого надо лѣстницу.—Кто найдетъ ее безъ лѣстницы?—Стоитъ только сдѣлать шарикъ, напр., изъ намоченной бумаги, въ шарикъ вверпуть одинъ конецъ нитки и бросить его (его?) вверхъ; когда шарикъ пристанетъ къ потолку, длину нитки отъ потолка до полу измѣрить линейкой». Видите, какъ находчивъ у г. Ефремова ученикъ 1-го класса: вѣдь для такого отвѣта нужно большое развитіе по крайней мѣрѣ *глазомѣра*, чтобъ разсчитать, можно ли бумажный шарикъ докинуть до потолка.

Утверждаютъ, что изученіе математики развиваетъ односторонне, будто бы преподаватель математики лишенъ возможности вліять на нравственную сторону своихъ учениковъ. Неправда; г. Ефремовъ показываетъ намъ, что и безъ всякой видимой и побудительной причины можно своимъ ученикамъ читать нравственныя сентенціи. Напр., на стр. 9: «Не видѣлъ ли кто нибудь, какъ мастеръ строитъ овальные столы? — *Я видѣлъ, да не помню. — Не думаете ли, т. что знаніе ремесла унизительно для образованнаго человѣка?* Вотъ какъ строится столъ», и т. д.

Вторая часть сочиненія, назначенная авторомъ для 2-го класса гимназіи, отличается во многихъ мѣстахъ полною неопредѣленностью въ выраженіяхъ и совершенною бездоказательностью (указываемъ въ особенности на стр. 43—46). Въ ней и форма изложенія изъ вопросительной превратилась въ повѣствовательную. Мы не приводимъ изъ нея цитатъ: читатели уже видѣли, какъ точно выражается и какъ логично разсуждаетъ авторъ.

Мы хотѣли бы разрѣшить одинъ вопросъ: есть ли «Наглядное изложеніе» г. Ефремова просто неудавшійся плодъ искренняго, безкорыстнаго желанія послужить, чѣмъ Богъ послалъ, нашей педагогической литературѣ, или же въ немъ надо видѣть нѣчто другое? Мы думаемъ, что за разрѣшеніемъ лучше всего обратиться къ самому автору.... Мы съ своей стороны сдѣлаемъ только замѣчаніе о

томъ обстоятельствѣ, о которомъ упомянули въ началѣ рецензіи. Авторъ *предлагаетъ свое сочиненіе* преимущественно *для* первыхъ двухъ классовъ гимназій (стр. 6), высказывая при этомъ, что учитель ариѳметики, имѣющій въ этихъ классахъ 4 недѣльныхъ урока, легко можетъ удѣлить одинъ изъ нихъ на преподаваніе геометріи *его методомъ* (?!). Отчего бы автору не остаться при этомъ скромномъ желаніи и не предоставить исполненіе его свободѣ учителя? Вѣдь, можетъ быть, и нашелся бы учитель, который предпочелъ бы *его методу* методъ Грубе, требующей много времени и усилій со стороны учителя. Съ какой же стати автору пришла охота присылать въ гимназіи по 35 экземпляровъ своего сочиненія и сдѣлать это совершенно произвольно, безъ всякаго спроса и предварительныхъ сношеній? Вѣроятно, автору не безъизвѣстно положеніе суммы для учебныхъ пособій въ гимназіяхъ, при которомъ всякая безполезная трата, какъ бы ничтожна она ни была, чувствуется отсутствіемъ часто самыхъ необходимыхъ пособій. И съ какой же стати авторъ сдѣлалъ тоже самое съ уѣздными училищами? Вѣдь для нихъ онъ даже *не предназначалъ* своего сочиненія....

ЗАМѢТКА НА ВОЗРАЖЕНІЯ О ПРОИСХОЖДЕНІИ РУСИ.

Въ апрѣльской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» нынѣшняго года появилась статья г. Грота: «Литва или Скандинавія?», направленная противъ моего мнѣнія о происхожденіи нашихъ первыхъ князей изъ литовской Руси. По мнѣнію автора, Несторъ разумѣетъ подъ варягами исключительно скандинавскіе народы. Онъ отличаетъ нескандинавскіе народы отъ варяговъ, говоря: «*пруси, чюдь присѣдятъ къ морю варяжскому*», но не называются варягами. О варягахъ говоритъ вслѣдъ за тѣмъ выраженіе: «по сему же морю сидятъ варязи сѣмо къ востоку до предѣла Симова». На это я возражаю, что изъ приведеннаго мѣста не слѣдуетъ, чтобъ пруси и чудь не были варягами, напротивъ, мѣсто это можно понимать такъ, что слово варяги здѣсь — родъ, а пруси и чюдь виды, ибо вслѣдъ за тѣмъ говорится: *по сему же морю сидятъ варязи сѣмо къ востоку до предѣла Симова, по тому же морю сѣдятъ къ западу до земль Агнянски и до волошскія*; слѣдовательно, подъ именемъ варяговъ здѣсь разумѣется вся масса жителей, которыхъ жилища прилегали къ бассейну упомянутаго выше *варяжскаго моря*. Притомъ же часть Симова выше означена въ космографіи нашего лѣтописца тамъ, куда идетъ Волга, слѣдовательно, если принимать буквально эти слова, къ Варягамъ надобно причислить всѣхъ восточныхъ народовъ материка Европейской Россіи.

Г. Гротъ говоритъ: «Слову варяги въ устахъ Нестора совсѣмъ нельзя давать того обширнаго и неопредѣленнаго значенія, какое оно имѣло впослѣдствіи; какъ онъ въ выраженіи «изъ варягъ въ греки» разумѣетъ подъ именемъ греки не народъ, а страну Грецію,

такъ точно и подъ именемъ варяги онъ здѣсь разумѣетъ весьма-отчетливо земли скандинавскія: вспомнимъ, что англичане, которыхъ онъ не забываетъ въ числѣ народовъ этого племени, въ его время были окончательно покорены норманнами.»

Но когда же *впослѣдствіи* получило слово варяги обширное и неопредѣленное значеніе? Именно въ XII вѣкѣ, когда появилась наша лѣтопись. Англичанъ лѣтописецъ помѣстилъ въ числѣ варяговъ не потому, что они въ то время были окончательно покорены норманнами. Лѣтописецъ, называемый неправильно Несторомъ, едва ли могъ имѣть такія глубокія историко-этнографическія свѣдѣнія, чтобъ называть британскихъ жителей варягами, на томъ основаніи, что предъ тѣмъ толпа французовъ, въ которой хотя была примѣсь норманской крови, но которая давно уже потеряла свою норманскую народность, сдѣлала нашествіе на островъ. Англію завоевали не норманны, а нормандійцы.

Г. Гротъ полагаетъ, что слово *за море* должно приниматься въ значеніи противоположнаго берега. Это возраженіе уже дѣлалъ мнѣ г. Шпилевскій въ «Иллюстраціи» и я ему отвѣчалъ тамъ же. Тотъ же отвѣтъ я повторю и г. Гроту. Вотъ что я отвѣчалъ г. Шпилевскому:

«Для Новгорода все равно были за моремъ какъ сѣверное, такъ и южное побережье Балтійскаго моря. Однихъ выгнали за море на сѣверъ, другихъ призвали изъ-за моря, съ южнаго побережья того же моря.

«Вотъ если бы Новгородъ стоялъ на южномъ побережьи Балтійскаго моря, то слово: «за море» дѣйствительно указывало бы на противоположный берегъ; но и то не всегда, а только не прилагалось бы къ ближайшему берегу на одной линіи, а объ отдаленномъ могли все-таки сказать: *изъ-за моря, за море*, потому что понятіе о единствѣ берега исчезаетъ за дальностію. Къ Новгороду же невозможно примѣнять и этого. Если случилось событіе призыва изъ Жмуди, то удобнѣе ли было идти сухопутьемъ, чѣмъ водою? Даже и теперь, пока желѣзныя дороги не соединили Петербурга съ Пруссіею, удобнѣе водою достичь отсюда устья Нѣмана. Но въ древнія времена водяныя сообщенія предпочитались сухопутнымъ, и даже внутри материка плавали по рѣкамъ и искали волоковъ, чтобъ перетащиться изъ одной рѣки въ другую. Если бы Рюриковой толпѣ пришлось идти въ Новгородъ не моремъ, то она должна была бы переправляться черезъ волоки и дѣлать большіе крюки, и какъ бы ни были непросвѣщены жмудины, все-таки у нихъ достало бы толку на столько, чтобъ предпочесть такому затруднительному пути непрерывный путь водою вдоль берега. Вѣдь все равно, и внутри материка, и моремъ, идти имъ водою; разница та, что слѣдуя моремъ, они избавлялись отъ необходимости нѣсколько разъ пересаживаться, строить

новыя лодки или тащить ихъ нѣсколько десятковъ верстъ съ собою по сухопутью.»

Я совершенно согласенъ съ почтеннымъ моимъ антагонистомъ, что сходство именъ русскихъ съ литовскими словами не можетъ само по себѣ идти въ разсчетъ, но я не доказываю, чтобъ имена значили буквально то, что приводимыя слова, а хочу показать только то, что въ этихъ именахъ можетъ быть присутствіе литовскихъ корней. Правда, что сходство именъ со словами, какъ бы оно велико ни было, по выраженію г. Грота, гораздо менѣе значитъ, нежели одно приблизительное сходство съ дѣйствительными именами: но значительная часть русскихъ старыхъ именъ сходны не только просто съ словами изъ литовскаго языка, но съ нѣкоторыми собственными именами лицъ и мѣстностей, какъ я это указалъ въ своемъ возраженіи г. Погодину.

О производствѣ руссовъ отъ скандинавовъ на основаніи финскаго названія шведовъ Ruotsi я потому говорилъ немного, что считалъ это доказательство давно-оставленнымъ; г. Погодинъ даже укорилъ меня за то, что я приводилъ его и вскользь; это доказательство, по его словамъ, опровергнуто двадцать лѣтъ назадъ. Предположеніе г. Грота о существованіи народа скандинавскаго племени съ такимъ именемъ у скандинавовъ есть одна догадка, не основанная даже ни на какомъ историческомъ свидѣтельствѣ, финское же названіе шведовъ, коль скоро оно не взято изъ языка скандинавскаго, никакъ не могло перейти на Кіевъ, хотя бы тамъ и въ самомъ дѣлѣ поселились скандинавы.

Отстраняя всякія предположенія, остается непоколебимымъ одно: что по извѣстіямъ нашей лѣтописи, призваны были князья изъ варягъ — т. е. съ балтійскаго побережья, изъ народа, называвшагося русь, который былъ не свеи, не урмяне, не англяне, не готы. Такой народъ мы знаемъ на устьѣ Нѣмана; ergo — тамъ, по всей вѣроятности, должна быть родина пришельцевъ, призванныхъ славянами. Г. Гротъ предлагаетъ очень важный вопросъ: «не испыталъ ли языкъ литовскій вліянія со стороны скандинавскаго, и если испыталъ, то въ какое время и въ какой степени? Одно ближайшее знакомство съ страной и нарѣчіями литовскихъ народовъ можетъ окончательно рѣшить дѣло». Очень можетъ быть, что испыталъ, скажемъ мы, — а можетъ и нѣтъ; и этимъ дѣйствительно слѣдуетъ заняться на сколько возможно, оставивши попытки искать небывалой или по крайней мѣрѣ совершенно невѣдомой намъ другой Руси на балтійскомъ побережьѣ.

Въ томъ же № «Отечественныхъ Записокъ» помѣщена литературная замѣтка о моемъ диспутѣ съ г. Погодинымъ. Тамъ гово-

рится, что мотивомъ въ произведеніи варяговъ изъ Жмуди бы
тоже, что двигало нѣкогда русскихъ ученыхъ противъ Милл
«Намъ тяжела похвальба нѣмцевъ, утверждающихъ, что безъ ни
не было бы спасенія Руси, намъ хотѣлось бы отнять у нихъ и
лѣйшій поводъ къ подобной похвальбѣ и вотъ мы отправляе
снова за море искать тамъ вчерашняго дня, то есть варяговъ». І
той же статьѣ прибавляется, что не обвиняютъ въ томъ меня и ч
я имѣлъ въ виду не нѣмцевъ, а «естественное объясненіе дѣл
Но если такъ, то неужели имѣли такой мотивъ хронографы XV
XVI и XVII вѣка, когда еще не производили русскихъ изъ Скан
навіи? Но если «Отечественныя Записки» сознаютъ, что такая «н
хвальба нѣмцевъ» дѣйствительно существуетъ, тогда напрасно он
называютъ вопросъ этотъ *праздным*. Наука наша въ лицѣ многи
достойнѣйшихъ своихъ представителей не считала его праздным
Довольно указать на книгу достопочтеннаго академика Куника, гд
варяжскій вопросъ признается важнымъ даже для уразумѣнія эпох
Петра Великаго. Надобно же подвергнуть исторической критикѣ эту
мысль. Авторъ говоритъ какъ о дѣлѣ совершенно рѣшенномъ, что
Русь вовсе не народность, а сбродная дружина, въ которую могли по
пасть и норманнъ, и жмудинъ, и славянинъ. «До новыхъ болѣе-убѣ
дительныхъ доказательствъ можно успокоиться на этомъ мнѣніи».
Что въ Руси могли быть и норманнъ, и жмудинъ, и славянинъ—это
возможно; но чтобъ это была сбродная дружина, а не народность—
это совершенно голословно. Успокоиваться на такомъ произволь
номъ мнѣніи не слѣдуетъ такъ, какъ и на происхожденіи изъ Жму
ди: не должно ни на чемъ успокоиваться, и несправедливо рекоме
дуютъ «Отечественныя Записки» современному человѣку не имѣть
дѣла до того, откуда пришли руссы. Конечно, если современнаго че
ловѣка не интересуетъ древность его отечества, то ему дѣла нѣтъ
не только до варяговъ, но и до Владиміра Мономаха и до Іоанна
Калиты; въ противномъ случаѣ ему большое дѣло до начала своей
исторіи. Если и справедливо, что «варяги, кто бы они ни были,
безслѣдно расплылись въ славянскомъ морѣ, не оставивъ по себѣ
даже тончайшаго вкуса», какъ говорилъ г. Погодинъ, то *для наук*
и то важно, чтобы знать о ихъ безслѣдности. «Отечественныя Запи
ски» очень кстати привели эпиграфомъ къ своей литературной за
мѣткѣ слова одного изъ присутствовавшихъ на моемъ диспутѣ съ
г. Погодинымъ: «До сихъ поръ мы не знали, куда идемъ, *а теперь*
не знаемъ и откуда идемъ». Изъ словъ этого лица видно, что ему
прежде казалось, что онъ знаетъ, откуда мы идемъ, а потомъ онъ
увидѣлъ, что не знаетъ. Что же? это уже чрезвычайно важное для
него пріобрѣтеніе; онъ освободился отъ произвольныхъ догадокъ,

которыя даже въ учебникахъ выставлялись за несомнѣнную истину. Да не стоимъ ли мы болѣе всего въ той порѣ, когда важнѣе всего для насъ повѣрить: все ли въ нашей исторіи мы дѣйствительно знаемъ, что намъ кажется, будто мы знаемъ?

И. КОСТОМАРОВЪ.

P. S. Прежде я не зналъ свидѣтельствъ о существованіи имени «Русь» въ устьи Нѣмана раньше XI столѣтія; но г. студентъ здѣшняго университета, Ольгердъ Даудгарисъ, нашелъ и указалъ мнѣ актъ, относящійся къ X вѣку и упоминающій о землѣ Русь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы видимъ ее въ слѣдующихъ столѣтіяхъ. Вотъ подлинныя слова этого акта, отысканнаго г. Даудгарисомъ у Муратори (Antiquitates Italiae medii aevi, томъ V, стр. 831): Dagone judex et Ote senatrix et filii eorum Misica et Lampertus leguntur beato Petro contulisse unam civitatem in integrum, quae est Schinesghe (по Лелевелю: Гнѣзно) cum omnibus suis pertinentibus intra hos affines: sicuti incipit a primo latere longum mare, fine Pruzze, usque in locum, qui dicitur Russe, et fines Russe extendente usque in Crawa et usque ad flumen Odere, recte in locum Alemure; ab ipsa Alemura usque ad terram Milzae (по Нарушевичу, Мейссенъ, Misnia); et a fine Milzae recte intra Odere et exinde ducente juxta flumen Odera usque in praedictam civitatem Schinesghe — «Судья Дагонъ и сенаторша Ота и дѣти ихъ Мечиславъ и Ламбертъ, какъ мы читаемъ, отдали св. Петру свой городъ Гнѣзно со всѣми своими владѣніями въ слѣдующихъ границахъ: начиная отъ длиннаго моря, отъ предѣловъ Пруссіи, до мѣста, называемаго Русь, и далѣе отъ Руси до Кравы и до рѣки Одера, прямо до мѣста Алемуръ; отъ Алемура до Мейссена, и отъ предѣловъ Мейссена прямо до Одера, а потомъ вдоль по рѣкѣ Одеру до вышесказаннаго города Гнѣзно». Грамота, изъ которой взяты эти слова, принадлежитъ времени папы Іоанна XXIII (985—996 г.). Лелевель относитъ ее къ 995 году, но г. Даудгарисъ думаетъ, что она была написана годомъ раньше, въ 994.

ПО ПОВОДУ АНГЛІЙСКОЙ ЮСТИЦІИ МИРА.

Изъ многихъ подстрочныхъ примѣчаній, которыми редакція «Русскаго Вѣстника» нашла необходимымъ дополнить, пояснить или исправить мою статью о судѣ присяжныхъ (см. №№ 5 и 6 за 1860 г.), одно въ особенности налагаетъ на меня обязанность, не дожидаясь другаго повода, тотчасъ же сказать нѣсколько словъ. Примѣчаніе это касается вопроса о значеніи англійскихъ мировыхъ *судей* (см. № 6, стр. 227). Общая современная важность этого вопроса о мировыхъ судьяхъ заставляетъ меня подвергнуть здѣсь небольшому разбору самое капитальное изъ возраженій, сдѣланныхъ мнѣ «Русскимъ Вѣстникомъ», и посмотрѣть, въ какой степени оно основательно.

Меня интересовали англійскіе мировые судьи, насколько они имѣютъ отношеніе къ присяжнымъ и къ суду вообще, и я по этому поводу долженъ былъ коснуться той стороны ихъ дѣятельности, которая кажется мнѣ неудовлетворительной. Я именно сказалъ слѣдующее: «Для дѣлъ мѣстной полиціи и для судебнаго разбирательства «въ менѣе важныхъ дѣлахъ, графство раздѣляется на округи, по«добные старымъ сотнямъ, въ которыхъ мировые судьи состав«ляютъ такъ называемыя спеціальныя засѣданія, уже безъ участія «присяжныхъ. На это жаловался уже Блекстонъ и, какъ теперь оно «зывается, не безъ причины, потому что число полицейскихъ про«ступковъ и дѣлъ, судимыхъ мировыми судьями безъ присяжныхъ «стало постепенно весьма возрастать.» Въ этомъ заключается сущность всего, сказаннаго мною противъ мировыхъ судей и все, что я далѣе говорю о нихъ, служитъ только небольшимъ дополненіемъ той же мысли. За нее только и могу я подлежать отвѣтственности.

Мысль эта весьма опредѣленная, и если я подробнѣе не развилъ ее, то это потому, что русскимъ читателямъ, благодаря Русскому же Вѣстнику, такъ часто излагавшему значеніе англійскихъ мировыхъ судей, учрежденіе это вообще достаточно извѣстно. Меня могли интересовать мировые судьи только по судебнымъ ихъ функціямъ. На всей многообразной административной ихъ дѣятельности я не имѣлъ повода останавливаться. Какъ мировые судьи судятъ,—вотъ единственно-интересовавшій меня вопросъ. Судятъ же они или въ такъ называемыхъ Quarter-Sessions, съ участіемъ присяжныхъ,—и къ этому суду относится все, что я сказалъ о достоинствѣ каждаго присяжнаго суда, — или же они судятъ безъ присяжныхъ. И вотъ именно судебное значеніе мировыхъ судей въ томъ случаѣ, когда они, на основаніи парламентскихъ актовъ, судятъ многіе проступки, каждый въ отдѣльности, или же и въ двоемъ, но во всякомъ случаѣ безъ присяжныхъ, т. е. сокращеннымъ порядкомъ, кажется мнѣ неудовлетворительнымъ.

Но вмѣсто того, чтобы дольше остановиться на этой сокращенной судебно-полицейской юрисдикціи, вручаемой статутами каждому мировому судьѣ въ отдѣльности, или же двумъ мировымъ судьямъ вмѣстѣ, но во всякомъ случаѣ дѣйствующей безъ участія присяжныхъ,—я говорю только, что въ разговорахъ съ нѣкоторыми англійскими юристами мнѣ *случалось слышать* отзывы, въ которыхъ проглядывало, какъ бы недовольство современнымъ состояніемъ учрежденія мировыхъ судей. И за тѣмъ я привожу нѣкоторыя категоріи дѣлъ, предоставленіе которыхъ сокращенной юрисдикціи мировыхъ судей, безъ присяжныхъ, представляется наименѣе свободнымъ отъ нареканій (*). Я думаю, что столько же эта сжатость изложенія,

(*) Я сказалъ въ моей статьѣ: «Такъ, напримѣръ, въ случаѣ нарушенія законовъ объ охотѣ, въ случаѣ разбирательства споровъ и несогласій между господами и слугами, между фермерами и работниками, часто случается, что justice of peace есть въ одно и тоже время, и судья, и болѣе или менѣе заинтересованная въ дѣлѣ сторона, хотя законъ это строго запрещаетъ (**). Онъ не имѣетъ самъ прямаго участія въ дѣлѣ; но гдѣ ручательство, что онъ не будетъ рѣшать подобныхъ дѣлъ постоянно въ интересѣ владѣющихъ классовъ общества, къ которымъ онъ самъ принадлежитъ? Это ручательство до сихъ поръ заключалось единственно въ духѣ, который оживлялъ старую джентри. Но одушевлены ли новые владѣющіе классы тѣмъ же духомъ, — это вопросъ» (***).

(**) «На этотъ самый деликатный вопросъ въ цѣломъ учрежденіи современныхъ мировыхъ судей г. Гнейстъ отвѣчаетъ во второмъ, не очень давно вышедшемъ томѣ своего сочиненія: «....*Должно надѣяться*, что живое чувство чести перейдетъ преемственно изъ старой *джентри* въ новую» (стр. 467).

(***) «Этому не противорѣчатъ тѣ юридическія начала объ отвѣтственности мировыхъ судей, которыя съ такимъ замѣчательнымъ анализомъ изложены во второмъ же томѣ сочиненія г. Гнейста» (стр. 469—487).

сколько и самая формарѣчи, именно въ томъ случаѣ, когда бросается тѣнь на англійскихъ мировыхъ судей, вызвала здѣсь довольно строгое подстрочное примѣчаніе со стороны редакціи «Русскаго Вѣстника». И въ самомъ дѣлѣ, неужели автору позволено сказать «нам случалось слышать» въ Англіи то-то о мировыхъ судьяхъ, чтобъ его слова тотчасъ заслужили полную вѣру? Чего не случается слышать при случайныхъ встрѣчахъ во время путешествія и пребыванія въ чужой странѣ! Неужели все, что говорится при подобныхъ встрѣчахъ, принимать за настоящую монету? Неужели позволено упоминать обо всемъ случайно-слышанномъ въ серьёзной статьѣ? И неужели читатель можетъ «положиться на всякое слово, которое *случается слышать* путешественнику?» Слѣдовало бы помнить, что мировые судьи въ Англіи главные органы самоуправленія, что должность мироваго судьи, еще по словамъ великаго легиста, лорда Кока (1549—1634), не имѣетъ себѣ равной во всемъ христіанскомъ мірѣ, если она добросовѣстно исправляется, и что англійскіе мировые судьи составляютъ дѣйствительный идеалъ, осуществить который у себя до сихъ поръ тщетно пытались многіе европейскіе народы материка! Слѣдовало бы также помнить, «что какъ ни строги англичане къ себѣ и своимъ учрежденіямъ, а о своей *юстиціи мира* они постоянно уже съ XV столѣтія, отзываются съ величайшей похвалой!» Наконецъ слѣдовало бы помнить, что «честь министровъ Англіи бывала запятнана; члены парламента подвергались обвиненіямъ въ подкупности, а *институтъ мировыхъ судей считался всегда безукоризненнымъ и сохранилъ въ чистотѣ свою славу*». Къ тому же, такъ какъ прошедшее и современное англійское самоуправленіе держится главнымъ образомъ мировыми судьями, то не можетъ ли подобный, легкомысленный отзывъ о нихъ, съ моей стороны, подать поводъ къ какимъ либо недоброжелательнымъ толкамъ и о самомъ самоуправленіи, внѣ котораго опять возможенъ одинъ токько чиновническій порядокъ вещей!—Вотъ къ какимъ соображеніямъ можетъ повести неосновательно-сказанное, или по краней мѣрѣ неподкрѣпленное доказательствами, печатное слово о такомъ учрежденіи, какъ мировые судьи! Отъ соображенія къ соображенію и отъ умозаключенія къ умозаключенію можно въ діалектическомъ упражненіи дойти до вещей дѣйствительно очень странныхъ, о которыхъ авторъ, конечно, не думалъ и не гадалъ, но которые все таки могутъ слѣдовать изъ его неточнаго образа мыслей и способа выражаться. И въ то время, какъ сильно сочувствуешь началамъ самоуправленія, и рѣшился упомянуть объ одной несовсѣмъ свѣтлой сторонѣ учрежденія мировыхъ судей, только потому, что полагалъ, что давно установившаяся репутація его не можетъ быть поколеблена никакою

критикою, — въ то самое время можешь высказать мнѣніе, которое «хотя и отдаленно, но все таки соприкасается съ весьма распространеннымъ у насъ предубѣжденіемъ, будто бы ограниченіе англійскаго самоуправленія и его большее подчиненіе центральной администраціи желательно въ интересахъ англійскихъ невладѣющихъ классовъ».—И что намъ отъ вашего общаго сочувствія къ дорогимъ намъ учрежденіямъ—могутъ замѣтить мнѣ, даже безъ всякаго недоброжелательства, строгіе люди, — когда вы поповоду этихъ учрежденій говорите вещи, которыя могутъ поколебать свѣтлую вѣру въ эти учрежденія, безграничное удивленіе къ нимъ, и нагнать, если не на насъ, то на другихъ, менѣе твердыхъ въ вѣрѣ, мракъ сомнѣнія и уныніе? Къ тому же, положимъ, что англійское самоуправленіе есть управленіе страны владѣющими классами; но неужели думаете вы въ самомъ дѣлѣ, что невладѣющимъ классамъ при бюрократической системѣ было бы лучше, чѣмъ при самоуправленіи?—Отъ обязанности отвѣчать на первое изъ этихъ возраженій насъ освободила сама редакція «Русскаго Вѣстника» небольшою своею статьей Nil admirari. Мы не отнесены къ пропагандистамъ уныніе и къ печальнымъ поклонникамъ nil admirari. Значитъ, нечего намъ и оправдываться въ обвиненіи, котораго нельзя сдѣлать противъ насъ при сколько нибудь добросовѣстномъ пониманіи дѣла. Второе же возраженіе слишкомъ обще, чтобы на него можно было отвѣчать въ нѣсколькихъ словахъ. Во всякомъ случаѣ, изъ того немногаго, что я сказалъ о мировыхъ судьяхъ, едва ли по правиламъ здраваго смысла можно сдѣлать выводъ, или же по крайней мѣрѣ обратиться съ такимъ выводомъ ко мнѣ: вы находите недостатки въ англійскихъ мировыхъ судьяхъ, значитъ, вамъ любо чиновническое управленіе? Дѣло въ томъ, что вопросъ о болѣе или менѣе удовлетворительномъ состояніи мировыхъ судей далеко не тожественъ съ вопросомъ о самоуправленіи. Послѣдній вопросъ несравненно объемистѣе. Къ тому же, я вижу недостатокъ не въ цѣломъ учрежденіи мировыхъ судей, а только въ сокращенной ихъ судебно-полицейской юрисдикціи, къ которой единственно относится, какъ это видно изъ примѣровъ, приводимыхъ мною въ статьѣ,—все, сказанное мною противъ мировыхъ судей. И плохо было бы англійскому самоуправленію, если бы оно держалось только сокращенной юрисдикціей мировыхъ судей, обширные размѣры которой единственно подлежали и подлежатъ критикѣ. Но если уже должно отвѣчать здѣсь на вопросъ: лучше ли было бы англійскимъ невладѣющимъ классамъ при бюрократической системѣ, чѣмъ при управленіи страны владѣющими классами, то на этотъ вопросъ можетъ существовать одинъ только отвѣтъ. Нѣтъ, невладѣющимъ

классамъ въ Англіи было бы положительно хуже при болѣе разви той бюрократической системѣ. Но мнѣ кажется, что едва ли слѣ дуетъ видѣть успѣхъ бюрократической системы въ Англіи въ томъ напримѣръ, фактѣ, что въ Лондонѣ (уже съ конца прошлаго столѣ тія) и во многихъ торговыхъ и фабричныхъ городахъ въ новѣйшее время, какъ-то въ Ливерпулѣ, въ Манчестерѣ, въ Бирмингемѣ Вульвергемптонѣ и въ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ отношенія между капиталомъ и трудомъ, между владѣющими и невладѣющими классами наиболѣе враждебно, явились такъ называемые stipendiary magistrates, или magistrates of police-courts, то есть полицейскіе судьи на жалованьи, назначаемые изъ юристовъ, которымъ поручается именно судъ надъ проступками, составляющими обыкновенный предметъ вѣдомства сокращенной судебно-полицейской юрисдикціи мировыхъ судей (см. г. Гнейста, «System des Selfgov.» стр. 196). Можно, разумѣется, высказать, какъ profession de foi, такое или другое апріорическое мнѣніе объ англійскомъ соціальномъ вопросѣ, но я повторяю, что рѣшать этого вопроса диктаторски и въ нѣсколькихъ словахъ нельзя. И если я, въ моей статьѣ о присяжныхъ, сдѣлалъ ошибку, то это именно ту, что коснулся мимоходомъ и вскользь такого вопроса, какъ вопросъ объ отношеніи владѣющихъ и невладѣющихъ классовъ въ Англіи. Но совершенно не касаться этого вопроса я не могъ, вслѣдствіе того моего убѣжденія, что соціальное значеніе суда присяжныхъ, въ противоположность его чисто-юридическому и политическому значенію, опредѣляется главнымъ образомъ тѣмъ, что jury (въ особенности малая, то есть, настоящій судъ присяжныхъ) есть постоянный и законный регуляторъ всѣхъ обыкновенныхъ, частныхъ столкновеній между классами владѣющими и невладѣющими. Англійскіе присяжные берутся, правда, изъ всей имущей массы народа, но притомъ еще болѣе изъ низшихъ, чѣмъ изъ среднихъ классовъ его. *Джентри*, къ которой принадлежатъ мировые судьи, сама по себѣ почтенна, но именно потому, что она фактически правитъ страной и, имѣя такой перевѣсъ въ парламентѣ, законодательствуетъ, нельзя восхищаться той ежедневной, сокращенной, судебно-полицейской юрисдикціей, безъ присяжныхъ, которою она пользуется и которая постепенно такъ разрослась. Болѣе развить это я въ состояніи буду только при изложеніи современнаго состоянія суда присяжныхъ. Теперь же я необходимо долженъ ограничиться только мировыми судьями, въ сокращенной юрисдикціи которыхъ, по дѣламъ судебно-полицейскимъ (summary convictions), я не могу не видѣть начала, враждебнаго суду присяжныхъ, и потому подрывающаго лучшую основу англійскаго самоуправленія.

Итакъ я обязанъ теперь представить тѣ данныя, которыми я руководствовался, говоря о недостаткахъ юрисдикціи мировыхъ судей, въ томъ случаѣ, когда они судятъ одни безъ присяжныхъ. О самомъ выраженіи: «намъ *случалось слышать* отзывы отъ англійскихъ юристовъ», я долженъ сказать слѣдующее. Если высказываешь какое либо совершенно новое мнѣніе, которое можно принять единственно на-вѣру въ авторитетъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ оно идетъ, то безъ всякаго сомнѣнія слѣдуетъ назвать ихъ имена. Но если это мнѣніе представляется далеко не новымъ, то неужели читатель будетъ болѣе вѣрить автору только потому, что онъ назвалъ нѣсколько мало извѣстныхъ ему именъ? А я былъ именно въ такомъ положеніи: юристы, отъ которыхъ я слышалъ высказанное мною мнѣніе о мировыхъ судьяхъ, или вовсе не принадлежатъ къ знаменитостямъ, или же очень мало извѣстны у насъ. Если я, положимъ, слышалъ это мнѣніе — какъ это дѣйствительно и было — отъ знакомаго *барристера* (*), весьма образованнаго человѣка, но не имѣющаго практики и потому служащаго парламентскимъ репортеромъ въ «Таймсѣ», то что тутъ можетъ значить имя его? Впрочемъ объ этомъ же вопросѣ я слышалъ отзывы, совпадающіе съ высказаннымъ у меня мнѣніемъ (даже касательно возможнаго значенія «департамента юстиціи») и отъ лицъ болѣе извѣстныхъ, какъ напр. отъ г. Вестлэка, практическаго адвоката въ судахъ канцлера (Equity-Courts), который пользуется нѣкоторой извѣстностью за хорошее сочиненіе о между-народномъ правѣ, и которому я вообще обязанъ былъ въ Лондонѣ многими дружескими указаніями (**). О томъ же вопросѣ я говорилъ, и почти тоже слышалъ отъ г. Джебба (col. Jebb), занимающаго важное мѣсто въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (Home Department), по управленію тюрьмами. Въ строгомъ смыслѣ слова онъ не юристъ, но по занятіямъ своимъ, давно уже посвященнымъ пенитенціарной системѣ, знаетъ практическія преимущества и недостатки каждой полицейской и уголовной юрисдикціи въ Англіи такъ, какъ очень немногіе изъ юристовъ (***). И такъ

(*) Barrister-at-law обыкновенная ученая юридическая степень, дающая право практиковать въ судахъ.

(**) Ему же обязанъ я былъ позволеніемъ посѣщать библіотеку Lincoln's Inn'a. Это для частнаго и публичнаго права Англіи едва ли не лучшая библіотека, какая существуетъ въ Лондонѣ.

(***) Не могу вспомнить о немъ иначе, какъ съ благодарностію. Я былъ у него утромъ, просидѣлъ у него съ часъ и получилъ отъ него позволеніе осмотрѣть пентонвильскую и другія тюрьмы. Вечеромъ того же дня, возвратившись домой, я нашелъ у себя на столѣ большой пакетъ за офиціальной печатью. Это былъ подарокъ г. Джебба, состоявшій изъ трехъ томовъ офиціальныхъ отчетовъ объ управленіи и состояніи англійскихъ тюремъ.

я не могу сказать, чтобы лица, отъ которыхъ я слышалъ упомяну тые отзывы, цѣли авторитетъ великихъ ученыхъ мужей, въ стр гомъ смыслѣ этого слова. Но мнѣнія этихъ и другихъ лицъ — былъ два раза въ Англіи, всего прожилъ въ ней слишкомъ четы мѣсяца и имѣлъ довольно встрѣчь съ юристами — были для мен въ настоящемъ случаѣ интересны, лишь какъ живое и изустное по твержденіе того, что мнѣ уже извѣстно было изъ печатныхъ сочи неній о юрисдикціи мировыхъ судей. Нѣкоторыя изъ данныхъ, з имствованныя изъ сочиненій, которыя у меня теперь подъ рукой считаю необходимымъ теперь привести:

1) Блекстонъ (то есть первоначальный и непередѣланный комен таторами Блекстонъ) вотъ что говоритъ въ XX главѣ о summar convictions: «Подъ сокращенной процедурой я понимаю главным образомъ ту, которая установлена не общимъ правомъ, а парламент скими статутами, для суда надъ виновными и для обложенія их извѣстными наказаніями, тѣми статутами опредѣленными. Въ этих дѣлахъ присяжные не участвуютъ; но обвиненный осуждается или оправдывается по рѣшенію только того лица, которое въ статутѣ назначено судьей. Учрежденіе это имѣло цѣлью облегченіе подси наго, такъ какъ оно доставляло ему скорую юстицію и такъ как оно избавляло фригольдеровъ отъ частыхъ засѣданій, созываемых для судебнаго разсмотрѣнія менѣе важныхъ обидъ. Но расширеніе, данное этому учрежденію, предвѣщаетъ, если не предупредить это несчастіе, упадокъ славнаго нашего суда присяжныхъ, который дѣлаетъ такую честь нашей націи и который въ такомъ случаѣ имѣлъ бы мѣсто только въ примѣненіи къ самымъ важнымъ преступле ніямъ». И это говоритъ величайшій оптимистъ своего времени, — оптимистъ, какой рѣдко когда либо встрѣчался между юристами, которые уже вслѣдствіе ихъ занятій вообще болѣе склонны къ кри тикѣ учрежденій, чѣмъ къ идеальному пониманію ихъ. И Блекстона, конечно, нельзя упрекнуть въ нелюбви къ англійскому самоуправле нію и въ недоброжелательномъ взглядѣ на владѣющіе классы. Вслѣдъ за приведеннымъ мѣстомъ, Блекстонъ разсматриваетъ сна чала первый видъ такой сокращенной уголовно-судебной процеду ры, которая имѣетъ мѣсто въ случаѣ нарушеній законовъ объ акци захъ. Компетентными властями здѣсь являются или особые ак цизные чиновники, или же мировые судьи. За тѣмъ Блекстонъ пе реходитъ ко второй отрасли той юстиціи, къ отрасли, которая уже исключительно принадлежитъ мировымъ судьямъ. Эта юстиція имѣетъ цѣлію наложеніе различныхъ легкихъ денежныхъ пеней и тѣлесныхъ наказаній, опредѣленныхъ парламентскими актами за различные проступки; подробное исчисленіе самыхъ проступковъ

изучающій право можетъ найдти въ названныхъ мною выше сочиненіяхъ (сочиненіе Блекстона, какъ извѣстно, составилось изъ читанныхъ имъ лекцій); такіе проступки прежде наказывались по постановленіямъ, сдѣланнымъ присяжными въ Court-leet. Такая перемѣна въ отправленіи правосудія имѣла однако дурныя послѣдствія, какъ-то: 1) упадокъ и совершенное ничтожество Court-leet и Sheriff's tourn, которые суть старинные королевскіе суды по общему праву, бывшіе прежде въ большомъ уваженіи. 2) Обременительное для должности мироваго судьи приращеніе дѣлъ, которое пугаетъ столькихъ почтенныхъ по положенію своему и по характеру лицъ и мѣшаетъ имъ принять участіе въ *коммиссіяхъ* (то есть вступить въ число мировыхъ судей). Они боятся, чтобы обязанности ихъ должности не потребовали отъ нихъ слишкомъ много времени, необходимаго имъ для заботъ о дѣлахъ семейства и для исполненія другихъ общественныхъ службъ. Вотъ почему страна должна питать величайшую благодарность къ лицамъ извѣстнаго положенія, которые принимаютъ на себя обязанности подобной должности.

«Однако, продолжаетъ Блекстонъ, уклоненіе отъ этой должности, происходящее главнымъ образомъ отъ приращенія сокращенной юрисдикціи, производитъ третью бѣду: эта должность, когда честные граждане отъ нея уклоняются, необходимо попадаетъ въ руки людей наименѣе благородныхъ; тогда эта обширная власть мироваго судьи, которая такъ почтенна, когда она принадлежитъ людямъ чести, будетъ обезславлена и употреблена на достиженіе презрѣнныхъ цѣлей, на удовлетвореніе страстей, какъ самолюбія, скупости или мщенія. Это страшныя послѣдствія, которыя наводятъ насъ на размышленіе о мудрой предусмотрительности нашихъ древнихъ законодателей, которые никогда не терпѣли, чтобы собственность или наказаніе подданнаго зависѣло отъ мнѣнія одного человѣка, или даже только двухъ! Слѣдуетъ также замѣтить, что крайне необходимо не уклоняться отъ нашей старинной конституціи и не постановлять новыхъ денежныхъ наказаній, которыя бы опредѣлялись только сокращенной юрисдикціей!» и т. д.

2) Съ тѣхъ поръ, какъ Блекстонъ написалъ это, число такихъ нарушеній и проступковъ, судимыхъ мировыми судьями сокращеннымъ порядкомъ, значительно умножилось, и, говоря объ нихъ, рѣдкій изъ англійскихъ юристовъ не сожалѣетъ о томъ, что парламентское законодательство пренебрегло мудрыми предостереженіями Блекстона. Число всѣхъ многоразличныхъ видовъ полицейскихъ проступковъ, подвѣдомственныхъ сокращенному суду одного или двухъ мировыхъ судей, но безъ присяжныхъ, простирается теперь до огромной цифры *365*! Подробное исчисленіе всѣхъ такихъ за-

довъ полицейскихъ проступковъ см. у Арчбольда Justice of Peace, въ концѣ 2 тома. Конечно, мировые судьи подлежатъ по этимъ, равно какъ и по всѣмъ остальнымъ дѣламъ ихъ должности, отвѣтственности предъ государственными судами. Но на этотъ счетъ мы встрѣчаемъ у одного публициста, вообще довольно достовѣрнаго, слѣдующую замѣтку, именно:

3) Шарль Контъ въ примѣчаніяхъ своихъ, сдѣланныхъ имъ къ переводу весьма извѣстнаго сочиненія о присяжныхъ сэра Ричарда Филипса (on the powers of juries) говоритъ слѣдующее: «Мировые судьи отвѣтственны и могутъ быть преслѣдуемы каждымъ лицомъ, которое они обидѣли, но такъ какъ они вообще мало образованы, и такъ какъ съ другой стороны они должны выполнять множество разнообразныхъ функцій, то государственные суды, въ которые на нихъ жалуются, оказываются обыкновенно весьма снисходительными къ нимъ.» (См. Des pouvoirs et des obligations des jurys.... par Charles Comte, 2 изд. 1828 г. стр. 531). Мы бы не приписывали никакого значенія этому свидѣтельству и считали бы его совершенно легкомысленнымъ, если бы неизвѣстно было, что Шарль Контъ въ своихъ сочиненіяхъ былъ вообще большимъ поклонникомъ англійскихъ учрежденій. Впрочемъ Шарль Контъ жилъ и писалъ давно и хотя коренное значеніе мировыхъ судей оставалось постоянно одно и тоже, но для насъ все же интереснѣе отзывы современныхъ публицистовъ и юристовъ о состояніи мировыхъ судей.

4) Мнѣнія г. Гнейста о современномъ состояніи мировыхъ судей и объ ихъ ближайшемъ будущемъ мы уже имѣли случай коснуться слегка въ статьѣ нашей. Но особенно любопытенъ въ сочиненіи г. Гнейста § 35 его системы самоуправленія. Это именно тотъ параграфъ, въ которомъ авторъ излагаетъ судебно-полицейскую дѣятельность мировыхъ судей, когда они судятъ въ отдѣльности или вдвоемъ, въ противуположность ихъ судебно-уголовной дѣятельности, въ третныхъ засѣданіяхъ и при участіи присяжныхъ. Приведенный параграфъ любопытенъ для насъ потому, что изъ него мы видимъ, въ какую законную форму должна быть облечена сокращенная судебно-полицейская юрисдикція мировыхъ судей. Все здѣсь предусмотрѣно нелицепріятнымъ закономъ. Публичность такого суда, признанная прежде только практикой, освящена теперь закономъ; точно также допускается по закону защитникъ обвиненнаго, который самъ имѣетъ право присутствовать при допросѣ свидѣтелей и подвергать ихъ перекрестному допросу. Еще болѣе: правила о доказательствахъ, дѣйствующія въ такомъ случаѣ, суть тѣ же самыя, какія примѣняются и въ судѣ присяжныхъ. Конечно, апелляція (appeal) на рѣшенія и приговоры мировыхъ судей, судящихъ

сокращеннымъ порядкомъ, допускается не по всѣмъ категоріямъ дѣлъ, а только по тѣмъ, для которыхъ возможность аппеляціи именно установлена статутами. Далѣе, добиться здѣсь вытребованія дѣла отъ мироваго судьи въ судъ королевской скамьи (посредствомъ такъ называемаго приказа certiorari), бываетъ, конечно, возможно только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ и требуемая при томъ въ залогъ правой аппеляціи сумма въ 300 р. с. слишкомъ значительна для бѣднаго человѣка. Но все это не въ состояніи уничтожить въ насъ общаго пріятнаго впечатлѣнія, которое овладѣло нами при разборѣ первой половины § 35 системы самоуправленія г. Гнейста, потому что нельзя же въ самомъ дѣлѣ обременять Quarter-Sessions и другіе присяжные суды тѣмъ множествомъ дѣлъ по проступкамъ, которыя бы поступали въ нихъ, если бы не было здѣсь постановлено какихъ либо границъ аппеляціоннымъ наклонностямъ. Вѣдь извѣстно, что человѣкъ, проигравшій дѣло, а тѣмъ болѣе приговоренный къ какому либо денежному штрафу или тюремному заключенію, готовъ утруждать своимъ дѣломъ безъ всякаго основанія. И мы уже готовы были сами вполнѣ примириться съ сокращенной юрисдикціей мировыхъ судей, какъ съ разумной необходимостію. Но тѣмъ большее впечатлѣніе производитъ на насъ послѣ этого встрѣчаемая далѣе у г. Гнейста, въ томъ же параграфѣ, выписка изъ комментированнаго Блекстона, въ духѣ совершенно тожественномъ съ тѣмъ мѣстомъ, которое мы выше привели, съ тою только разницею, что здѣсь выраженія, направленныя противъ сокращенной судебно-полицейской дѣятельности мировыхъ судей, еще гораздо сильнѣе. Что же это въ самомъ дѣлѣ значитъ? Все идетъ по строгой законной формѣ: и публичность суда обезпечена, и адвокатъ-защитникъ можетъ быть допущенъ, и перекрестный допросъ гарантированъ, а въ концѣ концовъ все таки нельзя г. Гнейсту не сослаться въ этомъ случаѣ на Блекстона! Видно Блекстонъ нападалъ не на призракъ, а боролся съ дѣйствительнымъ зломъ, когда его здѣсь никакъ обойти нельзя. Далѣе г. Гнейстъ цитуетъ еще одно мѣсто изъ извѣстнаго комментатора англійскаго конституціоннаго права, Бойера (Bowyer), мѣсто, которое мы очень охотно приводимъ: «Это (т. е. случаи сокращенной судебно-полицейской юрисдикціи) суть уклоненія отъ судебной системы, которыя могутъ быть извиняемы только по причинамъ необходимости, и предѣлы которыхъ нельзя не оберегать съ крайней недовѣрчивостію. Эта произвольная (дискреціонная) власть уже довольно опасна въ рукахъ джентльменовъ и людей чести; она стала бы несносной, если бы она предоставлена была низшимъ коронным чиновникамъ или же низшимъ классамъ (народа).» Мы потому въ особенности охотно приводимъ

это мѣсто, что авторъ нисколько не на сторонѣ низшихъ, невладѣющихъ классовъ, и все же признаетъ, что есть нѣчто опасное въ этой юрисдикціи, предоставленной джентльменамъ.

5) Сокращенная юрисдикція мировыхъ судей, давно обратила на себя вниманіе не только юристовъ, но и совершенно постороннихъ этому дѣлу публицистовъ. Такъ напримѣръ, въ одной финансовой исторіи Англіи (Doubleday, Financial History of England. 1847 стр. 377 и слѣд.), въ которой менѣе всего ожидаешь найдти что либо о судебно-полицейской юрисдикціи мировыхъ судей, мы встрѣчаемъ въ извлеченіи изъ новѣйшихъ уголовныхъ законовъ Англіи слѣдующее любопытное мѣсто: «*Ночная охота въ чужомъ паркѣ* (Night poaching). Послѣ двухъ предварительныхъ осужденій за такую охоту, всякій виновный въ ночной кражѣ дичи, или же только ступившій съ оружіемъ въ рукахъ на чью либо землю, ради охоты, подвергается транспортаціи на семь лѣтъ (*).... Предварительныя осужденія могли имѣть мѣсто предъ мировыми судьями, безъ присяжныхъ; и единственнымъ судьей могъ быть джентльменъ-охотникъ (the only judge a sporting squire!)» Подобныхъ мѣстъ мы могли бы представить изъ этого сочиненія довольно много. Но для насъ и этого одного свидѣтельства довольно. Особеннаго значенія мы ему не приписываемъ, потому что авторъ этой финансовой исторіи смотритъ не только на новѣйшіе статуты по уголовному праву, но и на все современное состояніе Англіи довольно мрачно. И потому свидѣтельство его можетъ быть для насъ важно только въ связи со всѣми другими вышеприведенными отзывами. А равно интересно оно для насъ потому, что указываетъ намъ на такую вредную сторону мироваго суда безъ присяжныхъ, на которую мы до сихъ поръ не обратили должнаго вниманія. Именно, можно съ извѣстной точки зрѣнія, не приписывать вообще очень большаго значенія суду надъ полицейскими проступками, такъ какъ за бо́льшую часть ихъ полагается или денежный штрафъ, или тюремное заключеніе отъ одного мѣсяца, до 3 и до 6 мѣсяцевъ. Но дѣло въ томъ, что осужденіе человѣка такимъ сокращеннымъ порядкомъ можетъ имѣть для него весьма важныя послѣдствія, при повторительномъ впаденіи его въ преступленіе (récidive), когда онъ будетъ судиться предъ присяжными, но когда на мѣру его наказанія будутъ имѣть уже вліяніе прежніе, сокращеннымъ порядкомъ постановленные приговоры.

6) Мы должны наконецъ сослаться еще на профессора Лондонскаго университета Creasy, конституціонную исторію котораго (Rise and progress of the enngl. const. 1858 г.), мы уже въ статьѣ нашей

(*) Теперь каторжная работа, penal servitude.

имѣли случай приводить. Онъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее о сокращенной судебно-полицейской юрисдикціи мировыхъ судей: «Нельзя глубоко не сожалѣть о томъ, что такъ мало вниманія обращено было на мудрыя и гуманныя предостереженія Блекстона противъ расширенія этой системы изъятій уголовныхъ обвиненій изъ вѣдомства жюри.... Я искренно сочувствую словамъ г. Уаррена, когда онъ въ своемъ новомъ, прекрасномъ сокращеніи и приспособленіи (для юношества) Блекстоновыхъ Комментаріевъ говоритъ — о тѣхъ захватахъ (inroads) въ области благороднаго учрежденія суда присяжныхъ, которые теперь безпрестанно дѣлаются. — Болѣе всего желалъ бы я обратить вниманіе на его предостереженіе, что величайшій интересъ страны заключается въ томъ, чтобы не было поколеблено довѣріе низшихъ классовъ общества въ отправленіе уголовной юстиціи, вслѣдствіе ограниченія ихъ права на открытый и формальный судъ чрезъ ихъ равныхъ и вслѣдствіе отдачи ихъ на волю какого нибудь заинтересованнаго, быть можетъ пристрастнаго, возвышающагося надъ ними лица» (стр. 383) (*).

Я не думаю, чтобы необходимо было еще умножать число свидѣтельствъ, приведенныхъ теперь въ подкрѣпленіе высказаннаго мною мнѣнія о значеніи всякаго мироваго суда, когда онъ дѣйствуетъ безъ участія присяжныхъ. Этихъ данныхъ во всякомъ случаѣ достаточно для убѣжденія, что, высказывая наше мнѣніе о неудовлетворительномъ состояніи современнаго мироваго суда по дѣламъ судебно-полицейскимъ, то есть мироваго суда, взятаго въ отдѣльности и безъ присяжныхъ, мы высказывали мнѣніе весьма обыкновенное и крайне распространенное.

Какой же выводъ, какое заключеніе можно сдѣлать изъ всего, нами здѣсь сказаннаго? Мировые судьи могутъ быть отличными администраторами-хозяевами графства, они далѣе весьма почтенны, когда являются въ Quarter Sessions и составляютъ присяжно-уголовный судъ вмѣстѣ съ фригольдерами графства; но официальному характеру ихъ, въ качествѣ судей, облеченныхъ сокращенной юрисдикціей, мы сочувствовать не можемъ и не имѣемъ основанія, несмотря ни на какое, можетъ быть, личное благородство отдѣльныхъ представителей этой должности. Очевидно также, что самоуправленію мы противопоставляемъ не бюрократію. Но именно потому, что само-

(*) Въ оригиналѣ эти слова звучатъ еще гораздо сильнѣе: «Above all, I would draw attention to his (Warren's) warning that, «it is matter of supreme concern to the country to beware of shaking the confidence of the humble classes of societyin the administration of criminal justice, by infringing their right to an open and formal trial by their equals, and placing them at the mercy of, it may be, an interested or prejudiced superior»

управленіе еще на долго, а въ Англіи, можетъ быть, на всегда будетъ значить управленіе страны только богатыми классами народа, именно поэтому необходимо, чтобы въ дѣлахъ правосудія, отъ осуществленія котораго зависитъ по крайней мѣрѣ нѣкоторое юридическое равенство лицъ, одинъ классъ народа, каковы бы ни были впрочемъ его благія намѣренія, не пользовался въ весьма многочисленныхъ случаяхъ правомъ суда надъ всѣми другими низшими классами. Съ устраненіемъ сословныхъ различій являются болѣе естественныя, но тѣмъ не менѣе весьма рѣзкія различія по классамъ, различія извѣстныхъ общественныхъ группъ, вслѣдствіе различій въ способахъ труда и въ капиталѣ, въ источникахъ пріобрѣтенія, вслѣдствіе различій по образованію и по владѣнію, — различій, соединяющихъ и раздѣляющихъ людей болѣе, чѣмъ сословныя права. И точно такъ, какъ сословное, или говоря точнѣе, посословное представительство въ судѣ не имѣетъ твердаго основанія, точно также не слѣдуетъ давать впослѣдствіи, при устраненіи строго юридическихъ сословныхъ различій, суда одному какому либо классу надъ другими классами. Фейербахъ, по поводу публичности суда, говоритъ, что мало еще, чтобы правосудіе отправлялось дѣйствительно вполнѣ справедливо, но нужно еще, чтобы оно было устроено такъ, чтобы оно не могло даже и казаться только пристрастнымъ. И мы думаемъ, что это не излишняя юридическая щекотливость. Въ дѣлѣ суда, въ дѣлѣ осуществленія правды и справедливости, требованія не могутъ быть довольно строги и идеалы не могутъ быть довольно возвышенны. Вотъ почему необходимо относиться къ самымъ дорогимъ для насъ учрежденіямъ критически. Англія осуществила у себя формы суда, которыя по справедливости могутъ считаться во многомъ образцовыми, и справляться съ которыми не даромъ приходилось многимъ образованнымъ народамъ, когда они приступали къ судебнымъ реформамъ. Но жизнь и потребности новаго времени заявляютъ себя и въ Англіи новыми требованіями. Какимъ образомъ Англія осуществитъ эти требованія и осуществленіемъ ихъ дастъ новую силу самоуправленію, этого мы не знаемъ. Но люди тамъ далеки отъ отчаянія. Они знаютъ, что они многое уже совершили, но что имъ еще больше остается совершить. Не даромъ они такъ часто повторяютъ:

Much is done, but more remains to do!

В. УТИНЪ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Бенефисъ г-жи Снѣтковой 3. — Объ устарѣлой методѣ декламаціи и пѣнія, и проч. — Объ игрѣ г-жи Снѣтковой. — Разговоры въ антрактахъ. — Г-жа Богданова въ Жизелѣ. — Г. Гаазе. — «Ревизоръ и Женидьба» Гоголя, два представленія въ пользу неимущихъ литераторовъ. — Еще спектакль любителей съ тою же цѣлію, въ залѣ г-жи Шабельской. — Пожертвованіе казанскаго университетскаго общества въ пользу литературнаго фонда. — Уставъ поземельнаго банка для Петербурга и Петербургской губерніи. — О дороговизнѣ квартиръ. — Бурятскіе ламы въ Петербургѣ. — Собраніе общества водопроводовъ 11 апрѣля. — Чтеніе г. Молинари. — Происшествіе во время представленій фокусника Филиппа. — Рѣчной Яхтъ-Клубъ. — Концерты гг. Дрейшока и Венявскаго. — Петербургская погода. — Приготовленіе къ цвѣточной выставкѣ. — Балаганы. — Фотографическіе снимки съ картинъ русской школы. — Рисунки къ Онѣгину г. Соколова. — О Чесменской богадѣльнѣ. — Новое изданіе Лермонтова г. Дудышкина. — Энциклопедическій Лексикопъ. — Пріѣздъ г. Щумскаго. — Новое удобство сообщенія между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ, и прочее.

Вечеръ. — 11 апрѣля. Зала Александринскаго театра полна сверху до низу. Въ первыхъ рядахъ креселъ блестятъ золотые и серебряные аксельбанты, даже въ заднихъ рядахъ нѣтъ почти ни одного inconnu, въ ложахъ бельэтажа великосвѣтскія дамы, даже во второмъ ярусѣ есть ложи, занятыя извѣстными и болѣе или менѣе значительными лицами....

И все это.... въ Александринскомъ театрѣ!...

Глазамъ не вѣрится.

Чтобы это значило?

По какому случаю это такъ называемое избранное общество обнаружило вдругъ такое неслыханное участіе къ отечественной сценѣ? Что заставило этихъ *избранныхъ* господъ и госпожъ явиться въ темную и грязную залу Александринскаго театра?

Кстати эту печальную залу необходимо бы давно подновить и посвѣтить.

И что такое давалось въ этотъ вечеръ? Вѣрно, какая нибудь новая, замѣчательная піеса съ ролью для Мартынова, и избранное общество своимъ присутствіемъ хотѣло заявить свое высокое вниманіе къ геніальному артисту и вообще къ отечественнымъ талантамъ?

.... Я бывалъ на первыхъ представленіяхъ самыхъ замѣчательныхъ піесъ нашего бѣднаго драматическаго репертуара; я почти всякій разъ ходилъ смотрѣть Мартынова въ комедіяхъ Островскаго, въ «Женидьбѣ» Гоголя, въ драмѣ Потѣхина: «Чужое добро въ прокъ нейдетъ», въ комедіи г. Чернышова: «Не въ деньгахъ счастье», и проч., гдѣ нашъ артистъ является во всей могучей силѣ своего таланта; я всякій годъ бываю въ бенефисахъ его: — театръ, правда, бываетъ полонъ при такихъ случаяхъ, но полонъ публикой обыденной, публикой средней руки, обыкновенной публикой Александринскаго театра... Иногда промелькнетъ въ ложѣ бельэтажа великосвѣтская дама, иногда нѣсколько великосвѣтскихъ, или значительныхъ господъ покажутся въ креслахъ.... Но это исключеніе.

Вечеромъ же 11 апрѣля, зала Александринскаго театра была почти вся наполнена избраннымъ обществомъ, какъ будто это общество заранѣе сговорилось удостоить въ этотъ вечеръ своимъ посѣщеніемъ русскій театръ....

Что же это значитъ?

Что же такое наконецъ давали въ этотъ вечеръ?

«Грозу» Островскаго, ту самую «Грозу», на которую хотѣлъ *поднять бурю* извѣстный писатель великосвѣтскихъ повѣстей, подававшій нѣкогда блистательныя надежды (неосуществившіяся) сдѣлаться русскимъ Бальзакомъ....

Эта невинная буря въ стаканѣ розовой воды, возвѣщенная съ такою торжественностію, не нанесла ни малѣйшаго, разумѣется, вреда «Грозѣ», — которая продолжаетъ даваться на сценахъ петербургскаго и московскаго театровъ — и еще съ возростающимъ успѣхомъ.

Что же? Слухи что ли объ этой піесѣ дошли наконецъ и до избраннаго петербургскаго общества и оно, узнавъ, что эта піеса дается въ бенефисъ г-жи Снѣтковой 3, пожелало видѣть «Грозу» для того, чтобы убѣдиться, заслуживаетъ ли она дѣйствительно его высокаго вниманія?...

Такъ г-жа Снѣткова 3 обязана г. Островскому тѣмъ блестящимъ обществомъ, которое удостоило своимъ посѣщеніемъ ея бенефисъ?...

Вы не угадали.... На оборотъ.... г. Островскій обязанъ г-жѣ Снѣтковой 3 тѣмъ, что его піеса удостоилась лицезрѣнія великосвѣтскаго петербургскаго общества....

Счастье въ жизни, конечно, иногда творитъ чудеса, но талантъ все-таки прочнѣе счастья. На долю г-жи Снѣтковой 3 выпало прекрасное дарованіе и счастье.... Вслѣдствіе послѣдняго, она замѣчена избраннымъ петербургскимъ обществомъ, избранное общество взяло ее подъ свое покровительство; громъ рукоплесканій раздается при ея появленіи; къ ногамъ ея летятъ великолѣпные, исполинскіе букеты, объ ней говорятъ въ салонахъ....

.... Но я убѣжденъ, что г-жа Снѣткова 3 не будетъ принимать слишкомъ серьёзно всѣ эти овація и восторги, раздражающіе самолюбіе; она вслѣдствіе этихъ овацій не будетъ считать себя совершенной актрисой, которой уже ничего не остается дѣлать, какъ только торжественно собирать дань удивленія, похвалъ, и вдыхать въ себя ароматъ лести и великолѣпныхъ букетовъ.

Она не будетъ увлекаться избитыми, пошлыми фразами фельетонистовъ, въ родѣ слѣдующихъ:

«*Нечего говорить*, когда играетъ очаровательная любимица нашей публики — г-жа Снѣткова 3, театръ всегда бываетъ полонъ...»

«*Нечего и говорить*, что публика встрѣтила свою любимицу съ восторгомъ. Вызовамъ не было конца....»

«Бенефеціантка, одушевленная пріемомъ публики, превзошла, какъ говорится, самое себя....» и проч.

Въ г-жѣ Снѣковой видна старательность, любовь къ своему дѣлу, желаніе совершенствоваться. Изъ всего этого можно заключить, что она принимаетъ и понимаетъ какъ слѣдуетъ букеты и фразы, разсыпаемыя передъ нею, и громы рукоплесканій, раздающіеся при ея появленіи. Г-жа Снѣткова навѣрно въ состояніи выслушать правду безъ всякихъ прикрасъ и добрый совѣтъ. Она смотритъ серьёзно на искусство — это доказываетъ уже, между прочимъ, и выборъ, сдѣланный ею для ея перваго бенефиса.

Если бы я не признавалъ въ г-жѣ Снѣтковой 3 дарованія, если бы я не былъ увѣренъ, что при постепенномъ развитіи и настоящей

любви къ искусству она можетъ сдѣлаться современемъ замѣчательной артисткой, я ни слова не упоминалъ бы о ней.... Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ на Александринскомъ театрѣ было много дебютантовъ и дебютантокъ, о которыхъ я ни слова не говорилъ, потому что считалъ это совершенно безполезнымъ....

Но прежде чѣмъ говорить объ игрѣ г-жи Снѣтковой въ «Грозѣ», я долженъ сдѣлать небольшое отступленіе.

Школа (я разумѣю вообще драматическую школу, а не исключительно Театральную школу), въ которой воспитывалась г-жа Снѣткова 3, держится до сихъ поръ устарѣлой сценической рутины. Во время оно (и это очень понятно при старомъ классическомъ репертуарѣ, исполненномъ фразистости и напыщенности, которыя именовались *высокимъ* слогомъ) непремѣнно требовалась декламація, искусственная манера говорить, понижая и возвышая голосъ, растягивая слова, завывая и вскрикивая въ извѣстныхъ мѣстахъ.... Нельзя же было просто, по-человѣчески произносить, напримѣръ, такія тирады:

«Въ пустынныхъ тишинахъ, въ лѣсахъ, среди свободы,
Мы возрастаемъ здѣсь, какъ дочери природы,
И такъ же искренни, какъ искренна она;
Итакъ, о государь, сказать тебѣ должна,
Что съ перваго тебя я полюбила взгляда....» и прочее.

Всѣ лучшіе драматическіе артисты и артистки того времени декламировали и пѣли: Семенова, Каратыгина; Каратыгинъ, Брянскій, и они натурально передавали эту методу своимъ ученикамъ и подражателямъ.... Метода эта до сихъ поръ господствуетъ на нашемъ театрѣ по преданію, хотя напыщенная, героическая трагедія и такъ называемая высокая комедія давнымъ давно сдѣлались такъ же смѣшны, какъ старомодный костюмъ.

Уже лучшіе артисты прошлаго времени, восхищавшіе отцовъ нашихъ въ Дюсисѣ, въ Расинѣ, въ Кребильонѣ, въ Шаховскомъ и въ Озеровѣ, познакомившись съ дикаремъ Шекспиромъ и проникаясь имъ мало по малу, начинали понимать въ концѣ своего поприща несостоятельность своей методы въ примѣненіи къ новому искусству. Они видѣли, что Шекспира декламировать нельзя, что для представленія такихъ лицъ, какъ Дездемона, Отелло, Офелія, Гамлетъ, Ричардъ III, Лэди Макбетъ и проч., нужны прежде всего простота, истина и глубокая страсть.

Нѣкоторые изъ нашихъ артистовъ съ жаромъ принялись за Шекспира. Брянскій былъ пораженъ его геніемъ. Онъ понималъ, что,

приступая къ Шекспиру, ему надо разстаться навсегда съ своей риторической методой, онъ началъ подсмѣиваться надъ декламаціей и надъ пѣніемъ, а между тѣмъ, являясь на сценѣ въ роляхъ Яго, Ричарда и короля въ Гамлетѣ, никакъ не могъ отрѣшиться отъ декламаціи и пѣнія, до того старая рутина въѣлась въ него.

Каратыгинъ долго не могъ примириться съ Шекспиромъ и отстаивалъ своихъ Дюсиса, Расина и друг., но на конецъ и онъ покорился невольно великому дикарю и съ досадой долженъ былъ воскликнуть:

«Ты побѣдилъ Галилеянин!»

Но Каратыгинъ перенесъ все свое риторическое величіе, всю классическую искусственность: декламацію, пѣніе, завыванія, трагическіе торжественные жесты и проч. въ Шекспировскую драму. Онъ до конца своего поприща былъ убѣжденъ, что Шекспиръ все-таки дикарь и что его надо исправлять и облагороживать.... величественною игрою.

Каратыгинъ владѣлъ большимъ талантомъ и несмотря на то, что совершенно, напримѣръ, не понималъ роль Гамлета, онъ имѣлъ въ этой роли огромный успѣхъ, потому что разыгрывалъ ее необыкновенно эффектно, а эффекты, какъ бы они ни были фальшивы и ложны, всегда приводятъ въ восторгъ большинство публики, мало разумѣющее въ дѣлѣ искусства.

Но подражатели Каратыгина, которые не имѣютъ и сотой доли его таланта, пережившіе свое время и влачащіе еще доселѣ на нашей сценѣ свое печальное существованіе, становятся уже рѣшительно невыносимы для людей, сколько нибудь понимающихъ искусство, хотя большинство еще все по старой привычкѣ рукоплещетъ этимъ пародіямъ на доброе старое время.

Переходъ нашей сцены отъ Дюсиса и Кребильона къ Шекспиру, отъ князя Шаховскаго къ Гоголю не былъ впрочемъ слишкомъ крутъ. Въ это время появились у насъ два драматическіе писателя, которые подъ новой романтической формой скрывали всю напыщенность, всѣ риторическія замашки классической трагедіи и примиряли актеровъ старой школы съ новою, доставляя имъ нетолько возможность, но такъ сказать обязывая ихъ пѣть и декламировать по прежнему. Стоитъ вспомнить «Скопина-Шуйскаго» и «Роксолану» г. Кукольника, «Парашу-Сибирячку» Полеваго и другіе піесы того времени, какъ нарочно написанные для декламаціи.

Когда появился Гоголь съ своимъ «Ревизоромъ» и ввелъ впервые на сцену жизнь безъ всякихъ сантиментальныхъ, риториче-

скихъ и другихъ прикрасъ, жизнь дѣйствительную во всей безпощадной, неумолимой и изобличительной наготѣ — актеры, эрители и литераторы ахнули, предчувствуя, что этою піесою будетъ нанесенъ рѣшительный, окончательный ударъ тому риторическому искусству къ которому они такъ привыкли и всѣмъ рутинерскимъ преданіямъ, сопряженнымъ съ нимъ; что литераторамъ придется проститься на всегда съ громкими фразами, съ высокою рѣчью, съ великими героями, съ сантиментальною подмалевкою, а актерамъ съ заучеными жестами, привычною декламаціею и пѣніемъ....

Страшный гвалтъ поднялся со всѣхъ сторонъ.

Я какъ сейчасъ вижу передъ собою, послѣ представленія «Ревизора», автора «Руки Всевышняго, Шуйскаго, Роксоланы» и прочаго, окруженнаго толпою безчисленныхъ поклонниковъ (у него были тогда безчисленные поклонники!). Поклонники г. Кукольника, озадаченные произведеніемъ Гоголя, спрашивали у своего учителя:

— Ну что? какого вы мнѣнія о новой піесѣ?

И я какъ теперь слышу его слова, произнесенныя свойственнымъ ему доктринерскимъ тономъ:

— Въ Гоголѣ много таланта, безспорно; но піеса его жалкій фарсъ, не только недостойный искусства, но оскорбляющій его....

И авторъ «Роксоланы» глубоко вздохнулъ за унижаемое авторомъ «Ревизора» искусство!

Актеры и литераторы, несмотря на то, что «Ревизоръ» имѣлъ успѣхъ колосальный, несмотря на то, что единодушный и непрерываемый хохотъ не умолкалъ во все время представленія, — только пожимали плечами и покачивая головами говорили:

«Дѣйствительно піеса забавна, но что же это?... Вѣдь этакія вещи хороши для балагановъ, а не для театра.»

Нѣкоторые актеры замѣчали, что порядочнымъ артистамъ грустно и больно играть въ такого рода піесахъ, какъ «Ревизоръ» — послѣ классическихъ произведеній князя Шаховскаго.

Никто изъ этихъ господъ, даже восхищавшихся «Ревизоромъ» не подозрѣвалъ о значеніи «Ревизора», только одинъ Бѣлинскій и вслѣдъ за нимъ нѣсколько молодыхъ, малоизвѣстныхъ литераторовъ, *мальчишекъ*, съ энтузіазмомъ привѣтствовали произведеніе, открывавшее собою не только новую литературную эру, но обнаружившее пробуждающееся общественное сознаніе.

Литературные и сценическіе доктринеры, по обыкновенію, издсмѣивались надъ этими увлекающимися мальчишками.

И теперь, когда уже въ русской литературѣ нѣтъ ни одного человѣка (по смерти г. Булгарина и по удаленіи на покой г. Греча),

который бы не понималъ значенія Гоголя и важность произведенной имъ реформы — еще на Петербургской сценѣ есть актеры сверстники Каратыгина, которые смотрятъ на комедіи Гоголя и Островскаго недружелюбно, изкоса, и говорятъ, что *высокая* комедія исчезла у насъ вмѣстѣ съ княземъ Шаховскимъ, что въ Петербургѣ князь Шаховской, а въ Москвѣ Кокошкинъ были самыми полными и тонкими знатоками сценическаго искусства, и что они образовывали истинныхъ артистовъ, которые въ свою очередь передавали сценическія тайны своимъ ученикамъ, а эти ученики въ свою очередь считаютъ долгомъ передавать ихъ новымъ выступающимъ на сцену артистамъ и артисткамъ. Вслѣдствіе этой преемственной связи отъ великихъ (по ихъ мнѣнію) авторитетовъ прошлаго времени, они выдаютъ и самихъ себя за авторитеты.

Въ руки такихъ-то авторитетовъ-учителей добродушно отдаются молодые неопытные артисты и артистки и гибнутъ подъ ихъ рутиннымъ и тлетворнымъ вліяніемъ, не видя своей погибели, не подозрѣвая, что между понятіями князя Шаховскаго и Кокошкина и современными понятіями о сценическомъ искусствѣ — страшная бездна; что искусство настоящаго времени не имѣетъ уже ничего общаго съ искусствомъ времени гг. Шаховскаго и Кокошкина.

Для пользы и свободнаго развитія новаго сценическаго искусства необходимо разбить и разрушить эти устарѣлые авторитеты, хранящіе торжественно, какъ весталки, священный огонь, всѣ пошлыя сценическіе предразсудки, преданія, привычки, ухватки, манеры и проч., оставшіеся имъ въ наслѣдство отъ Шаховскихъ, Кокошкиныхъ и другихъ.

Надобно до-тла искоренить не только декламацію, но всякое поползновеніе къ ней: растягиваніе словъ, пѣніе и такъ далѣе; уничтожить всякую искусственность, всякую мэнерность, всякое, если такъ можно выразиться, сценическое лицемѣріе—однимъ словомъ разорвать всякую связь съ прежней сценической школой и со всѣми тѣми актерами, которые считаютъ себя представителями ея и выдаютъ себя за авторитеты въ сценическомъ дѣлѣ....

Долой эти авторитеты!... Они все портятъ, всему мѣшаютъ.... При ихъ тлетворномъ вліяніи невозможно свободное развитіе сценическаго искусства, сообразное съ современными требованіями.

Ихъ-подъ ихъ вліянія освобождаются только такіе великіе артисты, какъ Мартыновъ, но много ли появляется Мартыновыхъ, и часто ли появляются они?... Всѣ-остальныя дарованія невольно подчиняются этимъ лжеучителямъ и воспринимаютъ въ себя ихъ рутину, которую уже потомъ ничѣмъ нельзя истребить.

Передъ молодыми, выступающими на сцену артистами — два разительные и поучительные контраста въ лицѣ гг. Мартынова и Максимова 1.

Мартыновъ—полный и всесторонній представитель новаго искусства; это геніальный артистъ, превращающій данныя ему лица въ типическіе образы и воспроизводящій на сценѣ ихъ внѣшнюю и внутреннюю сторону, съ глубиною поразительною въ самыхъ мельчайшихъ оттѣнкахъ, никогда ни на одну черту не отступая отъ жизненной правды, ради эффектовъ и для возбужденія рукоплесканій.

Г. Максимовъ 1 — актеръ, имѣвшій, можетъ быть, дарованіе въ зародышѣ и въ зародышѣ погубившій его сценической рутиной, вылившій себя въ пошлую, устарѣлую форму старой школы и преувеличивающій всѣ ея манеры — въ жестахъ, въ голосѣ, въ движеніяхъ—до карикатурности. Жизненная правда не существуетъ для г. Максимова 1. У него нѣтъ ни одного вѣрнаго звука, ни одного вѣрнаго движенія, ни одного вѣрнаго взгляда.... У него все придумано, все изучено, все соображено, все разсчитано на эффектъ, по правиламъ старинной сценической школы. Если въ г. Максимовѣ и были когда нибудь, признаки чувства и страсти, то роковая школа истребила ихъ въ немъ до-тла, оставивъ только одни крики, взвизгиванья и декламацію, раздражающую нервы у человѣка, сколько нибудь надѣленнаго чувствомъ изящнаго. Г. Максимовъ 1 забылъ даже о существованіи обыкновеннаго, человѣческаго, разговорнаго языка... Онъ до того растягиваетъ слова, дотого поетъ и декламируетъ въ стихахъ и въ прозѣ, что наконецъ утомляетъ слухъ самаго терпѣливаго и невзыскательнаго слушателя и даже вътакомъ мало разсуждающемъ слушателѣ возбуждаетъ иногда нѣчто въ родѣ сомнѣній.

Одинъ изъ такихъ господъ, разъ сидѣвшій въ театрѣ возлѣ меня, послѣ монолога г. Максимова 1, не помню въ какой-то драмѣ, захлопалъ ему вмѣстѣ съ другими, но потомъ обратившись ко мнѣ замѣтилъ:

— Онъ очень хорошъ, только что-то странно: не то говоритъ, не то поетъ, *какъ-то неестественно* выходитъ, а впрочемъ, жестами онъ очень напоминаетъ Каратыгина....

И послѣ этого снова захлопалъ....

Да, это ужасное растягиваніе буквъ и словъ, это монотонное пѣніе, сопровождаемое извѣстными жестами, въ новѣйшей драмѣ невыносимы.... А всѣ почти молодые артисты и артистки Александринскаго театра заражены пѣніемъ.... г. Малышевъ, напримѣръ, игравшій въ «Грозѣ» роль Бориса (влюбленнаго въ Катю), рѣшительно пропѣлъ всю свою роль отъ начала до конца....

Вѣдь драма, изображающая дѣйствительную жизнь — не опера. Если бы всѣ мы въ дѣйствительной жизни такъ пѣли и ныли, какъ поетъ и ноетъ на сценѣ г. Малышевъ, отъ такого концерта можно было бы съ ума сойти....

У меня былъ одинъ другъ, имѣвшій страсть съ утра до вечера ныть стихи. Мнѣ случилось прожить съ нимъ вмѣстѣ цѣлое лѣто на дачѣ. Это была нестерпимая пытка. Я только во имя дружбы выносилъ это постоянное завываніе, совершенно разстроившее мнѣ нервы и далъ съ этой минуты клятву не имѣть никогда близкихъ сношеній съ такого рода пѣвцами и любителями поэзіи, хотя бы они были надѣлены всевозможными добродѣтелями.

Въ Петербургѣ существуютъ двѣ оперы — русская и итальянская.... Съ насъ довольно и этого пѣнія.

Говорятъ, что изъ «Грозы» Островскаго, по либретто (которое составилъ г. А. Григорьевъ) написана кѣмъ-то опера. И прекрасно. — Тогда «Гроза» будетъ пропѣта, какъ и слѣдуетъ...

Къ сожалѣнію и г-жа Снѣткова 3 — артистка, какъ я замѣтилъ, съ прекраснымъ и симпатическимъ дарованіемъ, очень вредитъ себѣ этимъ невыносимымъ пѣніемъ и этой рутинной декламаціей. Я не думаю обвинять ее за это,—сохрани Боже!—нѣтъ это не ея вина, а вина ея учителей — этихъ варваровъ — драматическихъ рутинеровъ, о которыхъ я распространился выше.

Если г-жа Снѣткова 3 вопреки своимъ усиліямъ оставить эту декламацію, перестанетъ пѣть и будетъ стараться выработать себѣ натуральный разговорный языкъ, она сдѣлаетъ огромный шагъ впередъ на пути своего артистическаго совершенствованія. Въ ней много данныхъ для того, чтобы сдѣлаться замѣчательной артисткой. У нея есть искреннее, неподдѣльное чувство.... есть признаки страсти. Доказательствомъ этого, между прочимъ, служитъ вѣрно и прекрасно переданная ею сцена конца 2 акта, когда она передъ прощаньемъ съ мужемъ говоритъ ему:

— Возьми ты съ меня какую нибудь клятву страшную....

— Какую клятву? спрашиваетъ мужъ.

— Вотъ какую (отвѣчаетъ она), чтобы не смѣла я безъ тебя ни подъ какимъ видомъ ни говорить ни съ кѣмъ чужимъ, ни видѣться; чтобы и думать я не смѣла ни о комъ, кромѣ тебя....

Въ этой сценѣ истинное чувство заглушаетъ въ г-жѣ Снѣтковой драматическую рутину, и слова: «Успокой ты мою душу, сдѣлай такую милость для меня» свободно, безъ декламаціи, безъ пѣнія вырываются у нея изъ сердца и потому производятъ глубокое впечатлѣніе на зрителя.

Въ 3 актѣ, въ сценѣ свиданія съ Борисомъ, когда она, послѣ долгаго колебанія, бросается на шею къ нему и произноситъ: «Твоя теперь воля надо мной, развѣ ты не видишь!» и въ монологѣ конца 2 акта слова: «Мнѣ хоть умереть да увидѣть его» слышались порывы неподдѣльной страсти.

Нечего говорить, что роль Кати необыкновенно трудна; видна въ артисткѣ неподдѣльная страсть и правда — и въ голосѣ и въ выраженіи лица и движеніи... уже одно то, что г-жа Снѣткова 3 выполняетъ ее удовлетворительно, доказываетъ, что въ ней есть несомнѣнное драматическое дарованіе. Чтобы выполнить эту роль безукоризненно — г-жѣ Снѣтковой необходимо строго слѣдить за собой и стараться быть какъ можно проще и натуральнѣе.

Монологи Кати (во 2 и въ 3 дѣйствіяхъ), мнѣ кажется, должны быть произносимы безъ малѣйшей декламаціи, не растягивая слова, не прибѣгая къ рутиннымъ удареніямъ и пріостановкамъ. Эти монологи, въ которыхъ такъ поэтически высказывается Катя, переданныя съ сценическою искусственностію и декламаціею, придаютъ фальшивый, сантиментальный характеръ всей роли Кати и бросаютъ непріятный колоритъ на всю пьесу. Тутъ всякая идеализація неумѣстна и до крайности вредитъ пьесѣ. Въ чтеніи г. Островскаго роль Кати всѣмъ слушавшимъ показалась чрезвычайно натуральною и поэтическою; на сценѣ тѣ же самые господа находили въ этой роли что-то не совсѣмъ вѣрное, переслащенное, идеализированное, но это уже не вина автора пьесы.

Какъ бы то ни было, но г-жа Снѣткова въ бенефисъ свой выполнила роль Кати гораздо удачнѣе, чѣмъ въ первое представленіе «Грозы», и вся пьеса въ этотъ разъ съиграна была съ большимъ единствомъ и гармоніею. О Мартыновѣ говорить нечего — онъ удивителенъ въ роли мужа Кати. Г. Горбуновъ (Кудряшъ) и Левкѣева (Варя) безукоризненны въ своихъ роляхъ.

Роль Кулигина, вмѣсто г. Зуброва, выполнилъ г. Шемаевъ какъ слѣдуетъ.

Бенефеціанткѣ, по увѣренію фельетонистовъ, которымъ обыкновенно извѣстно все и которые щеголяютъ всякими закулисными новостями, поднесенъ былъ украшенный брилліантами браслетъ; о букетахъ я уже замѣтилъ.

Я видѣлъ фотографическій портретъ г-жи Снѣтковой въ роли Кати, въ томъ костюмѣ, въ которомъ она появляется на сцену въ этой роли. Портретъ этотъ превосходенъ... Онъ, кажется, дѣланъ въ фотографіи г. Шеньяна.

По окончаніи 3 акта, послѣ сцены свиданія, исполненной чисто-народной поэзіи, поразительной по своей правдѣ и свѣжести, когда пѣсня Вари:

А я млада до поры,
До утренней до зори,
Ай лели до поры,
До утренней до зари....

замираетъ въ отдаленіи и занавѣсъ опускается, какой-то господинъ, сидѣвшій неподалеку отъ меня, очень невзрачный на видъ, неимѣвшій не только свѣжихъ, даже никакихъ перчатокъ, ни галстуха, завязаннаго по модѣ, не произнесшій ни одного французскаго слова, словомъ — совершенный контрастъ сосѣду г. Павлова во время представленія «Грозы» на московской сценѣ (см. «Наше время», № 1, стр. 13), обратился къ своему сосѣду и сказалъ:

— Какая прелесть! Вотъ сцена! Это такъ живо и вѣрно, что, кажется, слышишь запахъ свѣжей травы, близость рѣки и сырость ночнаго воздуха.... Вотъ это поэзія!

Въ ту же самую минуту обратился ко мнѣ мой знакомый, очень блестящій господинъ, въ безукоризненныхъ, бѣлыхъ, какъ снѣгъ, замшевыхъ перчаткахъ, съ саблей на боку и съ англійскимъ проборомъ на затылкѣ:

— Что это однако за чепуха, — замѣтилъ онъ мнѣ, скорчивъ гримасу: — какъ можно выставлять такія безнравственныя сцены... это неприлично, гадко.

— Вы находите? возразилъ я.

Странное дѣло! подумалъ я, — этотъ господинъ больше ничего не читаетъ, какъ Поль-де-Кока, и знаетъ наизустъ всѣ скандалезныя французскія пѣсни, а туда же — считаетъ долгомъ вступаться за нравственность!

— Недостаетъ только того.... продолжалъ онъ,—но я уже болѣе не слушалъ этого господина.

Я думалъ въ эту минуту словами г. Павлова:

«Что же это такое», «отчего же сцена эта, которая мнѣ и многимъ другимъ кажется истинно поэтической, ему кажется неприличной и безнравственной? Ну пусть бы тамъ, *вдали*, *во мракѣ неизвѣстности*, *въ театральной поднебесной*, которую капризное воображеніе можетъ населить существами всякаго рода!... Никакой мудрецъ, никакой испытатель человѣческой природы не принялъ бы насъ *съ виду за двѣ воюющія державы*... Насъ раздѣлялъ только одинъ рядъ креселъ, мы сидѣли мирно, а между

нами *зіяла бездна отчужденія, раздора, вражды*... Мнѣ стало грустно, невыносимо грустно. Это былъ мой ближній, мой братъ, *что называется образованный человѣкъ*.... Я окинулъ глазами великолѣпную залу, и мнѣ показалось, что потускнѣло ея золото....

.... Такъ люди сходятся въ одной комнатѣ, въ одномъ театрѣ, сидятъ рядомъ и въ то же самое время *безтѣлесныя души ихъ имѣютъ право быть на двухъ противоположностяхъ земнаго шара!*...» (См. Наше время, № 1, стр. 13).

Въ самомъ дѣлѣ.... неудивительно ли это?

Вслѣдъ затѣмъ я всталъ съ своего кресла и пошелъ въ коридоръ.

На дорогѣ меня остановилъ господинъ довольно значительный, также мой знакомый, *мой ближній, мой братъ, что называется образованный человѣкъ*.... (Я подобно г. Павлову признаю моими ближними, моими братьями, — только господъ, носящихъ свѣтлые перчатки и *что называется образованныхъ людей*).

Мой ближній, значительный господинъ и *что называется образованный человѣкъ*, обратился ко мнѣ съ слѣдующею рѣчью:

— Ну ужь батюшка *вашъ* Островскій! Что это такое?... Положимъ еще, что изъ этого быта можно написать забавную комедію, посмѣяться надъ этими дикими нравами.... это я понимаю; но не нелѣпость ли сдѣлать изъ этого елезливую драму, выставить какую-то пошлую, приторную, сантиментальную дикарку и заставить ее пороть всякій вздоръ о птичкахъ, о кипарисѣ, объ ангелахъ.... Согласитесь, что все это чепуха?...

— Нѣтъ-съ, извините меня, я не могу согласиться съ этимъ, отвѣчалъ я.

Мой значительный ближній, мой братъ иронически измѣрилъ меня съ ногъ до головы, съ высоты своей значительности, и сказалъ:

— Отъ васъ правды, господа, впрочемъ не добьешся, авторъ вѣрно принадлежитъ къ вашей *котеріи*....

Какія *котеріи*? Что такое? Я ничего не понялъ, но я, почему-то пріятно улыбнулся ему — можетъ быть потому пріятно, что значительнымъ людямъ не улыбаются непріятно и продолжалъ мой путь.

Два очень красивые офицера и совершенно хорошаго тона, судя по ихъ манерамъ, свѣжимъ перчаткамъ, головнымъ проборамъ и прочее, разговаривали между собою.

Офицеръ съ серебряными погонами говорилъ офицеру съ золотыми погонами:

— Снѣткова прекрасная! и какъ идетъ къ ней этотъ костюмъ въ первомъ дѣйствіи..., прелесть!... Но зачѣмъ она выбрала такую скучную и длинную піесу?

— Очень просто. — Вѣрно затѣмъ, отвѣчалъ офицеръ съ золотыми погонами, — что ей хотѣлось явиться передъ нами въ этомъ костюмѣ, который такъ идетъ къ ней....

Продолженія этого разговора я не слыхалъ, потому что вышелъ въ коридоръ....

.... «Такъ никакой споръ еще не покончень», продолжалъ я думать краснорѣчивыми словами г. Павлова, «такъ міръ существуетъ сколько-то тысячелѣтій, и мы не знаемъ, что хорошо, что дурно: одинъ хлопаетъ во всю мочь, когда другому хотѣлось бы во всю мочь шикать!...»

Думы мои были прерваны двумя голосами:

Одинъ голосъ говорилъ:

— Стоитъ ли хлопать? Что это за піеса!

Другой голосъ отвѣчалъ:

— Хлопаютъ не піесѣ, а Снѣтковой.

Въ этотъ разъ я подумалъ уже своими словами:

«Г. Павловъ былъ оскорбленъ тѣмъ, что какой-то господинъ въ партерѣ московскаго театра въ свѣжихъ перчаткахъ, его ближній, его братъ...: не перчатками, хлопалъ піесѣ Островскаго, тогда какъ онъ хотѣлъ шикать (надо замѣтить, впрочемъ, что наши братья, порядочные люди въ свѣжихъ перчаткахъ не шикаютъ — и хлопать и шикать для *насъ* равно непристойно, у *насъ* это не принято!) Въ партерѣ петербургскаго театра въ бенефисъ г-жи Снѣтковой, г. Павловъ нашелъ бы для себя публику болѣе сочувственную.... Душа г. Павлова, если бы она присутствовала въ этомъ бенефисѣ, безъ сомнѣнія, гармонически сливалась бы съ другими *безтѣлесными душами*, присутствовавшими тутъ — и не чувствовала бы, что она отдѣляется отъ нихъ *двумя противоположностями земнаго шара*, какъ онъ остроумно выражается....

Только моя душа изъ этого вечера томилась одиночествомъ, не находя ни малѣйшаго сочувствія во всѣхъ этихъ душахъ, прикрытыхъ блестящими и безукоризненными одеждами, съ свѣжими перчатками на рукахъ.

Она почему-то рвалась только къ одному человѣку вовсе безъ перчатокъ, которому такъ понравилась сцена свиданія въ концѣ 3 акта.

Мнѣ казалось, что этотъ человѣкъ съ голыми руками болѣе всѣхъ прекрасно *гантированныхъ* присутствовавшихъ способенъ

понять значеніе драмы Островскаго и ту поэтическую, истинно-народную струю, которая проходитъ черезъ всю эту піесу. Я осмѣлился даже думать, что этотъ неизвѣстный господинъ съ голыми руками, вѣроятно *не братъ наш*, потому что всѣ порядочные люди, наши братья, носятъ перчатки,—понялъ піесу г. Островскаго гораздо дѣльнѣе проще и глубже, чѣмъ мы — записные, извѣстные критики, танцующіе на фразахъ, по выраженію Барбье, рисующіеся передъ публикою и носящіе свѣжія перчатки....

Заговоривъ о театрѣ, необходимо упомянуть о томъ, что г-жа Надежда Богданова послѣ пріѣзда своего въ Петербургъ изъ-за границы дебютировала въ «Жизели» и была встрѣчена съ восторгомъ своими многочисленными поклонниками.

Много толковъ между любителями драматическаго искусства произвелъ пріѣзжій изъ Мюнхена актеръ г. Фридрихъ Гаазе. Г. Гаазе дебютировалъ въ извѣстной пьесѣ: «Она помѣшана» (роль Лорда). Въ этой роли мы видѣли нѣкогда гг. Алана и Киратыгина. Г. Гаазе артистъ, обладающій замѣчательными сценическими средствами и замѣчательнымъ талантомъ. Онъ очень сильно выполнилъ роль Гарлейта и былъ превосходенъ въ заключительной сценѣ 1 акта, когда уже помѣшательство его вполнѣ обнаруживается. Г. Гаазе занимаетъ амплуа необыкновенно разнообразныя. Послѣ роли Лорда онъ являлся въ роляхъ стараго раздушеннаго маркиза въ пьесѣ: Eine Partie Piquet», англичанина, страдающаго сплиномъ, въ комедіи «Der Arzt» (Докторъ) и стараго полковника въ одной изъ комедій Коцебу. Всѣ эти роли, такъ несходныя между собою, онъ выполняетъ съ замѣчательнымъ искусствомъ.

Вотъ краткія біографическія свѣдѣнія о немъ:

Г. Гаазе родился въ Берлинѣ въ 1827 году. Онъ образовалъ и развилъ свой талантъ въ хорошей школѣ. Его наставникомъ въ сценическомъ дѣлѣ былъ Людвигъ Тикъ. Свое артистическое поприще г. Гаазе началъ въ Веймарѣ не совсѣмъ удачно. Онъ перешелъ потомъ въ Прагу. Извѣстность его распространилась отсюда и окончательно утвердилась въ Мюнхенѣ. Нѣмецкіе критики высоко ставятъ г. Гаазе.

Комедія: «Le Duc Job» (соч. Леона Лайа), имѣвшая такой огромный успѣхъ въ Парижѣ, была дана въ Петербургѣ въ бенефисъ г. Бертона. Отчего она имѣла такой успѣхъ въ Парижѣ — рѣшить мы не берёмся. Содержаніе ея довольно пошло, мѣстами она не лишена остроумія, разыграна она была удачно, но не смотря на это врядъ ли она будетъ пользоваться въ Петербургѣ такимъ успѣхомъ, какъ въ Парижѣ.

Отъ настоящихъ артистовъ перейдемъ къ артистамъ-любителямъ, подвизавшимся на сценическомъ поприщѣ въ пользу литературнаго фонда и начнемъ съ двухъ спектаклей, данныхъ въ новой залѣ г. Руадзе (на Мойкѣ, близъ Полицейскаго моста).

Въ этихъ спектакляхъ участвовали нѣкоторые литераторы и потому любопытство петербургской публики возбуждено было сильно.

На первый спектакль, въ которомъ давали «Ревизора», собралась многочисленная и великосвѣтская публика. Этотъ спектакль удостоилъ своимъ посѣщеніемъ и Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

Слѣдующіе литераторы участвовали въ этомъ спектаклѣ:

Г. Писемскій занималъ роль городничаго.

Г. Вейнбергъ — роль Хлестакова.

Г. Достоевскій (Ѳ. М.) — роль почтмейстера.

Г. Кони — роль купца Абдулина, предназначавшуюся для г. Островскаго, не пріѣхавшаго изъ Москвы.

Гг. Майковъ, Курочкинъ, Краевскій и Тургеневъ явились въ безмолвныхъ роляхъ купцовъ.

Подвергать критическому разбору игру диллетантовъ-благотворителей неловко. Съ точки зрѣнія диллетантизма «Ревизоръ» былъ разыгранъ очень удачно. Г. Писемскій сыгралъ роль городничаго очень умно, но игрѣ его не доставало того одушевленія, которое всегда служитъ вѣрнымъ признакомъ истиннаго сценическаго таланта. Къ тому же ему нѣсколько вредила его дикція.

Г. Вейнбергъ очень удачно разыгралъ сцену въ 3 актѣ, въ которой Хлестаковъ, послѣ даннаго ему завтрака, до того запирается, что нешутя самъ себя воображаетъ почти героемъ. Ни одинъ изъ актеровъ, представлявшихъ эту роль на петербургскомъ театрѣ, не съумѣлъ такъ вѣрно и живо изобразить этой сцены.

Вообще «Ревизоръ» былъ выполненъ любителями съ бо̀льшимъ единствомъ, нежели онъ выполнялся въ послѣднее время на Александринскомъ театрѣ.

Чего же болѣе?

Но г. Ловягинъ (студентъ петербургскаго университета) въ роли Осипа—явился настоящимъ артистомъ. Онъ не подражалъ ни одному изъ извѣстныхъ актеровъ, выполнявшихъ эту роль на сценахъ петербургскаго и московскаго театровъ, и разыгралъ ее самобытно и типически.

Г. Ловягинъ — истинный комикъ. Онъ былъ героемъ этого драматическаго вечера.

Г-жа Кони (въ роли городничихи) и г-жа Макрицкая (дебютировавшая недавно на сценѣ Александринскаго театра въ комедіи

Островскаго «Не въ свои сани не садись») были хороши въ своихъ роляхъ и всѣ остальные любители болѣе или менѣе способствовали единству выполненія.

Второй спектакль любителей составленъ былъ изъ двухъ пьесъ: изъ «Женидьбы» Гоголя и «Провинціалки» Тургенева.

Въ этотъ спектакль зала была уже не такъ полна, какъ въ первый спектакль — и это очень жаль, потому что «Женидьба», говорятъ, была разыграна превосходно и г. Писемскій сыгралъ роль Подколесина съ несравненно-бо́льшимъ одушевленіемъ, чѣмъ роль городничаго.

Мы, къ сожалѣнію, не могли быть на этомъ спектаклѣ и передаемъ общіе слухи.

Другіе любители артисты устроили (22 апрѣля) спектакль, также въ пользу литературнаго фонда, въ залѣ г-жи Шабельской въ Почтамской, въ домѣ графа Шувалова. Разыграны были слѣдующія пьесы: «Бѣда отъ нѣжнаго сердца» графа Соллогуба, «Новички въ любви», «Утка и стаканъ воды».

Всѣ эти пьесы были разыграны прекрасно.

Г-жи Чайковская и Е. Д. Аттиль явились настоящими артистками — первая въ роли старухи Кубаркиной (въ «Бѣдѣ отъ нѣжнаго сердца») и въ роли 16-лѣтней Полины («Новички въ любви»), а вторая въ роли Анеты (въ «Уткѣ»).

Вообще всѣ артистки и артисты-любители въ этомъ спектаклѣ были безукоризненны... Въ особенности мы должны упомянуть: о г-жахъ Шобертъ, Заханевичъ и о гг. Чайковскомъ, Слатвинскомъ, Новосильцовѣ, князѣ П. П. Мещерскомъ, Аттиль, Адановѣ и Газозовѣ.

Литературный фондъ увеличивается съ каждымъ мѣсяцемъ, и участіе къ обществу пособія нуждающимся литераторамъ возрастаетъ все болѣе и болѣе въ петербургской и въ иногородней публикѣ.

Кстати, казанское университетское общество доставило въ редакцію «Современника» 226 р. с. въ пользу этого фонда. Деньги эти препровождены конторою «Современника» къ г. предсѣдателю общества, при отношеніи отъ 18 апрѣля за № 187.

Нѣсколько петербургскихъ домовладѣльцевъ представили, какъ напечаталъ «Экономическій Указатель», министерству финансовъ уставъ поземельнаго банка для Петербурга и Петербургской губерніи. Банкъ этотъ, по словамъ Указателя, долженъ быть устроенъ для акцій на правилахъ взаимности, съ правомъ принимать недвижимыя

имущества, по желанію владѣльца на время отъ 1 года до 56 лѣтъ, съ платежемъ, какъ процентовъ, такъ погашенія и прочихъ расходовъ вообще по $4^3/_4$ процента въ годъ. Говорятъ, въ самое короткое время болѣе чѣмъ на 2 милл. р. с. подписалось желающихъ владѣльцевъ и что эта первоначальная подписка представлена уже министерству финансовъ. Для облегченія дальнѣйшей подписки открыта для этого особая контора.

«Экономическій Указатель» представляетъ между прочимъ любопытныя данныя касательно разрѣшенныхъ правительствомъ въ прошломъ году построекъ въ Петербургѣ.

1) Вновь построить каменныхъ зданій	357	деревян. 235
2) Перестроить	120 —	— 57
3) Исправить	35 —	— 258
	камен. 510	деревян. 529

Закрытіе казенныхъ банковъ относительно выдачи ссудъ поставило вѣроятно нѣкоторыхъ домовладѣльцевъ въ стѣснительное положеніе, но ненадолго, потому что, говорятъ, поземельный банкъ скоро откроетъ свои дѣйствія....

Дома строятъ, а дороговизна квартиръ, несмотря на это ежегодно растетъ. — Кто виноватъ — домовладѣльцы, или разнаго рода стѣсненія, которымъ они подвергаются?

Въ газетахъ прошлаго года писали объ учреждающемся въ Петербургѣ обществѣ гражданскихъ чиновниковъ. Теперь это общество уже приступило къ началу своего образованія. Гг. чиновники-депутаты отъ всѣхъ вѣдомствъ собирались 17 апрѣля въ залѣ благороднаго собранія для того, чтобы обсудить, какъ приступить къ этому дѣлу. Положено:

1) Такъ какъ по законамъ никакія собранія и сходки не дозволяются безъ разрѣшенія начальства, то испросить на это дозволеніе.

2) Приступить къ составленію устава общества при общемъ участіи избранныхъ лицъ и для этого собираться еженедѣльно. Единодушно опредѣлено въ сношеніяхъ между собою и на письмѣ не упоминать чиновъ.

Это опредѣленіе очень замѣчательно.

3) Депутатъ отъ почтоваго вѣдомства предложилъ съ согласія начальства, безплатно залу и нужное освѣщеніе въ домѣ этого вѣдомства на Англійской набережной.

Общество это осуществляется мыслію и стараніями г. Высоцкаго, которому опредѣлено было объявить благодарность.

Передъ петербургскими выборами, дворянство, по приглашенію губернскаго предводителя, съѣхалось въ Петербургъ 3 марта. Оно

предварительно собирался у графа Шувалова; 6 марта и затѣмъ частныя совѣщанія продолжались у уѣздныхъ предводителей.

Мы слышали, что дворянство Ямбургскаго уѣзда составило проектъ взаимнаго застрахованія скота. Цѣль проекта весьма благодѣтельна и исполненіе его, по сдѣланнымъ уже соображеніямъ въ частныхъ соглашеніяхъ дворянъ, очень легко и дешево. Въ Ямбургскомъ уѣздѣ считается всего 22,000 головъ рогатаго скота; каждую голову предполагается оцѣнить въ 10 р., съ которыхъ на первый разъ взимается 1% для полученія суммы на жалованье ветеринару и его помощнику. Такимъ образомъ для перваго обзаведенія достаточно будетъ основнаго капитала, какихъ нибудь 2,000 или 2,500 р. Уже всѣ дворяне Ямбургскаго уѣзда согласились на приведеніе въ исполненіе этого учрежденія. Вѣроятно, къ нимъ присоединятся нѣкоторые помѣщики сосѣднихъ уѣздовъ. До сихъ поръ гибель рогатаго скота причиняла большое разстройство въ сельскомъ хозяйствѣ Петербургской губерніи.

Вновь избранъ и утвержденъ петербургскимъ дворянскимъ предводителемъ графъ Шуваловъ.

Въ Петербургѣ находятся уже болѣе полутора мѣсяца два бурятскіе ламы. Они пріѣхали въ одно время съ графомъ Амурскимъ, который теперь за границей. Эти буряты прибыли къ намъ для изученія медицины.

Вотъ любопытныя свѣдѣнія, которыя мы извлекаемъ изъ «Сѣверной Пчелы»:

«Цультимъ Бадмаевъ, уроженецъ изъ Бурзъ-Нерчинскихъ, бывши ламой, принялся за изученіе медицинскихъ книгъ на тибетскомъ языкѣ, и потомъ началъ практиковать въ степяхъ какъ между своими единоплеменниками, такъ и русскими. Успѣхи его были необыкновенны, и онъ переѣхалъ въ Иркутскъ, гдѣ, въ продолженіе пяти лѣтъ, несмотря на предполагаемое противодѣйствіе нашихъ нѣмецкихъ ученыхъ врачей, доказалъ свое искусство; онъ имѣетъ во множествѣ свидѣтельства счастливыхъ излеченій трудныхъ больныхъ. Но Цультимъ Бадмаевъ — истинный другъ человѣчества, и искренно привязанъ къ своей наукѣ. Не смотря на свою иркутскую славу, не смотря на обезпеченное положеніе, въ которое онъ себя поставилъ въ столицѣ восточной Сибири, онъ понялъ, что нигдѣ не можетъ оказать столько пользы, какъ въ Петербургѣ, куда стекаются со всѣхъ сторонъ иностранцы. Съ этой цѣлію онъ покинулъ свою славу и практику, для того, чтобъ здѣсь развить истинно полезныя свѣдѣнія о тибетской медицинѣ. Онъ испросилъ уже позволеніе показать свои способности въ больницѣ чернорабочихъ, подъ надзоромъ нашихъ столичныхъ врачей, но кромѣ того онъ еще болѣе хло-

хочетъ о томъ, чтобъ сдѣлать извѣстными тибетскія медицинскія книги на русскомъ языкѣ.... Для того, чтобъ сблизиться еще болѣе съ русскими, для пользы которыхъ онъ пріѣхалъ изъ-за 8,000 верстъ, онъ готовъ оставить свое язычество....

«Мы не знатоки никакой медицины, продолжаетъ «Пчела», — ни западной, ни восточной, но такъ какъ въ нашемъ отечествѣ такъ мало знатоковъ послѣдней, то постараемся передать и немногія понятія, которыя мы унесли съ востока о его медицинѣ. Тибетская медицина не похожа на китайскую, по крайней мѣрѣ наши медики, жившіе въ Пекинѣ и знакомившіеся съ китайскою медициною, очень осуждаютъ послѣднюю и говорятъ, что отъ нея заимствовать нечего. Мы сдѣлаемъ одно замѣчаніе: правда, что касается до теоретическихъ ученыхъ изслѣдованій, то нечего и думать о сравненіи китайской медицины съ европейскою, но что касается до практики, то мы не замѣчали, чтобъ китайцевъ больше умирало отъ рукъ своихъ туземныхъ докторовъ, чѣмъ отъ европейскихъ. Вѣдь живутъ же и лѣчатся же какъ нибудь эти сотни милліоновъ, выздоравливаютъ же послѣ самыхъ трудныхъ болѣзней! При насъ императоръ въ послѣднія пять лѣтъ былъ нѣсколько разъ боленъ; всякій разъ ожидали, что онъ не вынесетъ, и между тѣмъ сколько разъ онъ поправлялся! Мы думаемъ, что тысячелѣтняя практика, вооруженная туземными лѣкарствами, испытанными этою продолжительною практикою, стоитъ ученой теоріи. Не забудемъ, что Китай славится своими лѣкарствами.

«Что касается до тибетской медицины, то, сколько намъ извѣстно, она совершенно отлична отъ китайской. Въ тибетскихъ и другихъ ламскихъ монастыряхъ существуютъ особые медицинскіе факультеты, въ которыхъ, худо ли, хорошо ли, а преподаютъ медицину на основаніи анатоміи и ученія о распознаваніи болѣзней; тибетцы разсѣкаютъ трупы, чего вовсе не дѣлаютъ китайцы; тибетцы знаютъ хирургію, тогда какъ китаецъ не имѣетъ понятія даже о простомъ кровопусканіи и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ необходимо обратиться къ помощи хирурга, указываетъ на тибетскаго врача (Монъ-Гудайфу). Тибетская медицина не основана даже и на индѣйской: она считаетъ своимъ Гиппократомъ нѣкоего Ютокбу, который былъ урожденный тибетецъ; впрочемъ на тибетскій языкъ переведенъ даже и Галенъ. Вотъ все, что мы почли нужнымъ сказать о тибетской медицинѣ. Прибавимъ еще, что всѣ русскіе, живущіе за Байкаломъ, имѣютъ неограниченное довѣріе къ бурятскимъ ламамъ, хотя, конечно, не всякій изъ нихъ хорошій медикъ, но мы слыхали неоднократно, что хорошіе ламы-врачи умѣютъ вылѣчивать чахотку, ракъ, антоновъ огонь и прочія трудныя болѣзни»....

Правленія акціонерныхъ обществъ отличаются одно за другимъ. 10 апрѣля было собраніе общества петербургскихъ водопроводовъ. И дѣйствія правленія этого общества превзошли всѣ ожиданія акціонеровъ и неакціонеровъ Сколько несравненнаго комизма — только не для бѣдныхъ акціонеровъ, было въ этомъ засѣданіи!

«С.-Петербургскія Вѣдомости» напечатали довольно подробный отчетъ объ этомъ невѣроятномъ собраніи (№ 81, апрѣля 15). Мы совѣтуемъ нашимъ читателямъ обратить особенное вниманіе на эту статью, изъ которой мы представимъ здѣсь только самые любопытные факты.

Надобно замѣтить, что акціи общества быстро начали падать. Это заставило акціонеровъ обратить вниманіе на дѣйствія правленія.

Въ общемъ собраніи 19 февраля избрано было пять членовъ (гг. Ильинъ, Крыловъ, Кавосъ, Мейеръ и Серебряковъ) для производства самой тщательной ревизіи.

10 апрѣля они представили свое донесеніе.

Засѣданіе открыто.

Г. Серебряковъ обращается къ гг. директорамъ и акціонерамъ и проситъ ихъ не прерывать чтенія.

Правленіе состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ:

Г. Веймарнъ — предсѣдатель.

Г. Палибинъ—распорядитель технически-консультативной части.

Г. Окель — технически-исполнительной.

Г. Перетцъ — письменной и распорядительной.

Г. Глазуновъ — хозяйственной по постройкамъ и работамъ.

Г. Ильинъ начинаетъ:

Въ правленіи найдены два отчета: одинъ подробный для директоровъ, другой краткій для акціонеровъ. Оба никуда не годятся. Отчетность никѣмъ не контролировалась; да и отчетности собственно никакой не было: найдены какія-то двѣ книги, расходная и расчетная съ поставщиками, въ которыхъ страшная путаница. Безотчетность выражается между прочимъ въ слѣдующемъ миломъ фактѣ: помощникъ архитектора показалъ изъ остатка кирпича отпущеннымъ въ 1860 г. на перемычки 86,000 штукъ, а оказалось, что дѣйствительно отпущено 46,000 штукъ!

Денежныя выдачи производились не по журналу правленія за подписью трехъ лицъ, какъ слѣдуетъ по уставу, а по назначенію одного г. Перетца.

Правленіе, имѣя капиталъ въ билетахъ коммерческаго банка, обмѣняло его на 5% облигаціи новаго займа на 140,306 руб. по 68 на 100.

Оно не имѣло на это права.

При этомъ гг. Веймаринъ и Палибинъ волнуются и изъявляютъ желаніе говорить.

Раздаются крики:

«Не прерывать!»

Г. Ильинъ продолжаетъ:

Оказывается, что правленіе отдало въ ссуду 16,000 руб. сер. гг. Якунчикову и Бажанову подъ залогъ акцій общества. Ссуда допущена безъ разрѣшенія устава или общаго собранія.

Гг. Палибинъ и Окель взяли себѣ за составленіе проэкта 12,000 р. с. Этого мало. Правленіе отчислило еще $1^1/_2\%$ съ основнаго капитала (18,000 р. с.) и выдало эти 18,000 р. въ безотчетное распоряженіе г. Океля на особые расходы.

При этомъ у акціонеровъ вырываются невольные крики: «Ого!»

И какъ вы думаете, любезный читатель, что приняло въ основаніе этой незначительной издержки остроумное правленіе?

Слушайте! слушайте!

Въ журналѣ правленія значится, что въ основаніе было принято:

1) Положеніе о расходахъ по постройкамъ министерства императорскаго двора 1 класса, роскошнымъ постройкамъ съ богатою художественною отдѣлкою....

(При этомъ извѣстіи раздается всеобщій смѣхъ.)

и 2).... Это второе никакъ не выдумалъ бы никто, кромѣ остроумныхъ членовъ правленія водопроводства.... и 2) —

Постановленія французской республики. Arreté du 12 pluviose an VII par le conseil des bâtiments civils....

Это восхитительно!

Акціонеры разражаются криками удивленія, негодованія, прерываемаго хохотомъ.

Ссылка на постановленія 12 плювіоза доказываетъ однако, что гг. директоры занимались серьёзно изученіемъ французской исторіи и эпохи революціи, что дѣлаетъ имъ, безъ сомнѣнія, величайшую честь.

Чтеніе распоряженій правленія продолжается, г. Палибинъ неоднократно поднимается съ своего мѣста и шевелитъ губами, но крики акціонеровъ заглушаютъ его.

Г. Ильинъ доказываетъ, что контракты заключались неосновательно, конкурренція не допускалась — и доказываетъ это фактами.

Факты эти напечатаны въ статьѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Они въ высшей степени любопытны и часто прерывали грустнымъ смѣхомъ гг. акціонеровъ.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ мы представимъ только одинъ:

«10 марта 1859 г. служившій тогда въ правленіи техникъ, г. Никельсъ, съ братомъ своимъ и штабсъ-капитаномъ Бажановымъ, сдѣлали предложеніе правленію о принятіи ими на себя, во-первыхъ проложенія домовладѣльческихъ трубъ, по 7 р. 50 коп. сер. за пог. саж., съ тѣмъ, чтобы правленіе отпускало имъ трубы, краны, бухты и проч., по цѣнамъ, по которымъ эти предметы обходятся обществу, и во-вторыхъ, устройства водопроводовъ по домамъ, на основаніи особыхъ условій. Правленіе, неизвѣстно по какимъ причинамъ, признавъ цѣны выгодными и признавая полезность имѣть постоянныхъ лицъ для устройства водопроводовъ по домамъ, извѣстныхъ правленію и обезпечивающихъ производимыя ими работы залогомъ, 31 августа положило заключить съ вышеозначенными лицами условіе. 20 сентября представленъ залогъ въ 3,000 руб. сер. 19 сентября, впредь до разсчета по производству означенныхъ работъ, съ разрѣшенія г. Перетца, выдано 4,715 руб. сер. и, сверхъ того отпущено трубъ въ числѣ 3,901 шт. На этомъ оставалось дѣло до января 1860 г. 16 января, по отказѣ г. Бажанова отъ участія въ этомъ дѣлѣ, заключенъ съ Никельсомъ контрактъ на продолженіе домовладѣльческихъ трубъ только по дворамъ, но уже на совершенно иныхъ условіяхъ противъ первоначальнаго предложенія и журнала 31 августа. Объясненіе этой внезапной перемѣны мы читаемъ въ журналѣ правленія 9 февраля 1860 г., гдѣ сказано, что правленіе, находя первоначальный разсчетъ контрагентовъ *неточнымъ*, потому что при прокладкѣ трубъ по предложенной ими цѣнѣ на небольшомъ пространствѣ они могутъ пользоваться весьма-малою выгодою, а иногда нести даже убытки, при прокладкѣ же трубъ на значительномъ протяженіи будутъ получать большіе барыши, положило: въ видахъ обоюдныхъ выгодъ общества и контрагентовъ, при выдачѣ имъ суммъ, внесенныхъ частными лицами и казенными мѣстами, за прокладку трубъ во дворы, за исключеніемъ причитающихся за отпущенные имъ отъ Общества предметы (?) — удерживать съ нихъ по слѣдующему разсчету: съ проложеніемъ трубъ на протяженіи отъ 7 до 10 пог. саж. по 1 р. съ саж.; отъ 10 до 20 по 2 р.; отъ 20 до 25 с. по 2 р. 50 к. с; отъ 25 до 30 с. по 2 р. 75 к. с.; отъ 30 до 40 с. по 3 р.; отъ 40 до 50 с. по 3 р. 25 к.; отъ 50 до 70 с. по 3 р. 50 к. с., и отъ 70 до 100 с. и болѣе по 3 р. 75 к. с., и сверхъ того по 50 к. за каждую пог. саж. положенныхъ ими трубъ, въ пользу агента, котораго правленіе обязано имѣть, въ вознагражденіе трудовъ его

по соглашенію домовладѣльцевъ, на снабженіе домовъ ихъ водою отъ Общества. Агентомъ опредѣленъ, съ 1 сентября 1859 г., отставной гвардіи штабсъ-капитанъ Шлейфъ, которому назначено жалованья и разъѣздныхъ 110 р. въ мѣсяцъ. По этому условію агентъ получитъ 40 т. р. с. (*Смѣхъ и крики: можетъ ли быть?*) На подобные контракты правленіе не имѣло дозволенія и росписанія, утвержденнаго общимъ собраніемъ. Значеніе распоряженія правленія, по разсчетамъ самихъ учредителей, полагавшихъ, что будетъ снабжено 4,000 домовъ и полагая по 20 п. саж. трубъ на домъ, опредѣлится слѣдующимъ разсчетомъ.

«Проложено будетъ 4,000 × 20 п. с. трубъ = 80 т. с. За прокладку ихъ правленіе обязалось заплатить до 640 т. с. Но эта же самая прокладка обошлась бы Обществу, по имѣвшимся обязательствамъ:

За прорытіе 80 т. п. с. по 1 р. 40 к. с.	112,000 р. с.
— трубы 132 т. п. с. по 92 к.	121,440 —
— укладку и соединеніе 88 т. трубъ съ прочими работами по 90 к. с.	79,200 —
Итого . . .	312,640 р. с.

«Слѣдовательно, правленіе этою сдѣлкою обязалось переплатить 327 т. р. с. Мы полагаемъ признать эту сдѣлку необязательною для Общества. (*Крики: можетъ ли все это быть?*)

Въ заключеніе, г. *Ильинъ* прочиталъ, что депутаты не подписали баланса; требуютъ новаго отчета и разныхъ разсчетовъ; требуютъ, чтобы впередъ отчетъ былъ печатанъ за мѣсяцъ до общаго собранія; обязать правленіе дѣлать торги и вообще избѣгать хозяйственнаго способа; частныхъ займовъ не допускать; ссуду возвратить немедленно; контракты съ гг. Никкельсомъ, Семенниковымъ и Политикой признать необязательными для общества; улучшить устройство правленія измѣненіемъ его состава и учрежденіемъ наблюдательнаго комитета; и наконецъ спрашиваютъ разрѣшенія общаго собранія «принять ли на счетъ общества убытки: отъ покупки 3% фондовъ, отъ передачи за песокъ, за перемычки, отъ провоза трубъ, отъ передержки за вырытіе траншей, отъ выдачи 12 т. р. с. гг. Палибину и Окелю за составленіе проекта, отъ выдачи 6 т. р. с. Окелю въ безотчетный расходъ — всѣ, или въ какомъ размѣрѣ?»

«По окончаніи чтенія донесенія наступила тишина — роковая тишина передъ бурей. Послѣ нея раздались громкія продолжительныя рукоплесканія и крики: «Полная благодарность коммисіи, первой, произведшей ревизію дѣльно». Г. Палибинъ пытался перервать

аплодисменты, но долженъ былъ начать свою рѣчь по окончаніи ихъ.

Г. Палибинъ. Мм. гг.! Депутаты сообщили намъ свои замѣчанія не въ полномъ объемѣ и потому мы не могли представить удовлетворительныхъ объясненій. Между депутатами, если кто обладаетъ какими-либо техническими свѣдѣніями, то только одинъ членъ, и и онъ молодъ и неопытенъ и не можетъ вполнѣ судить. (*Шиканье.*) Мм. гг., всѣ обвиненія, взведенныя на насъ, выставляютъ только одинъ нашъ недостатокъ, что мы старались избѣгать....

Г. Кавосъ. По какому праву вы, в. п., изволили назвать меня неопытнымъ, немогущимъ.... (*Шумъ, слова г. Палибина неслышно.*)

Г. Кавосъ. Я производилъ нѣсколько построекъ подъ своимъ наблюденіемъ. (*Шумъ, слова г. Палибина не слышно.*)

Нѣсколько голосовъ. Это личности! Не прерывать — васъ не прерывали. (*Г. Кавосъ говоритъ что-то и ему рукоплещутъ.*)

Г. Палибинъ. Мы старались избѣгать бюрократизма. У насъ теперь въ правленіи всего одинъ бухгалтеръ. Противу бюрократизма теперь всѣ говорятъ. Мы могли бы, конечно, завести искусственный столъ, хозяйственный, проектовъ и пр. (*Шумъ.*)

Г. Веймарнъ. Теперь мы не можемъ отвѣчать на всѣ обвиненія— намъ нужно время.

Г. Палибинъ и г. Серебряковъ спорятъ о томъ, кому чья честь дороже.

Г. Палибинъ проситъ назначенія третейскаго суда. (*Рукоплесканія.*)

Продолжительный шумъ, и г. Веймарнъ проситъ успокоиться. Идутъ отрывочные переговоры.

Г. Веймарнъ предлагаетъ избрать пять лицъ, для разбора комиссіи съ правленіемъ.

Въ рѣшительную минуту, когда хотѣли приступить къ баллотировкѣ, явился единственный защитникъ правленія, г. Полетика, но его защита не имѣла успѣха.

Г. Полетика. Я могу засвидѣтельствовать одну изъ ошибокъ коммиссіи

Г. Воскобойниковъ. Это ничего не значитъ.

Г. Полетика. Почему вы это думаете?

Г. Воскобойниковъ. Потому что вы мнѣ уже говорили, что вы подрядчикъ.... (*Смѣхъ и шумъ.*)

Г. Полетика (*перебивая*). Я могу засвидѣтельствовать, что депутаты ошиблись, сказавъ, что я 22,000 руб. обезпечивалъ работы Об-

щества, стоющія 60,000 р. Я обезпечиваю только спайку трубъ, которая стоитъ 22,000 р. с., т. е. обезпечиваю $^1/_{10}$, что достаточно.

Г. Ильинъ. Но если спайка будетъ худа, то надобно разрывать трубы, а съ этимъ работы и стоютъ 60,000 р. с.

Г. Полетика. Спайка можетъ быть худа только въ немногихъ мѣстахъ.

Г. Кронъ. Подрядчикъ не можетъ защищать правленіе. Нельзя дозволить, чтобы правленіе напустило сюда подрядчиковъ для защиты. (*Рукоплесканія.*)

Вновь начинается продолжительный шумъ.

Г. Веймарнъ говоритъ, что остальныя предположенія депутатовъ не имѣютъ ничего общаго съ ихъ обвиненіями, и что, главное, нужно рѣшить вопросъ о продолженіи работъ въ нынѣшнемъ году. Въ настоящемъ собраніи мы не можемъ заняться имъ.

Г. Палибинъ. Мы будемъ продолжать работы, какъ начали. (*Смѣхъ и рукоплесканія.*)

Г. Кронъ. Но вы должны принять на себя отвѣтственность за прокладку трубъ.

Г. Палибинъ. Мы не можемъ взять ее на себя, но она и ненужна. Трубы уже испробованы.

Г. Воскобойниковъ. Вамъ слѣдуетъ принять на себя отвѣтственность за прокладку трубъ. Вы положили ихъ прямо въ грунтъ....

Г. Палибинъ (*перебивая*). А какъ же иначе можно было положить ихъ?

Г. Воскобойниковъ. Не въ этомъ дѣло. Я говорю, что кладя трубы прямо въ грунтъ вы знали неудобность здѣшняго грунта — и какъ техникъ, должны были взять въ соображеніе — какъ тщательно нужно было проложить и соединить трубы.

Г. Палибинъ. Я полагаю, что мы представляемъ въ дѣлѣ авторитетъ.

Г. Воскобойниковъ. Я не о томъ говорю. При недостаточномъ обезпеченіи работъ хозяйственнымъ образомъ, всякій техникъ въ вашемъ положеніи принялъ бы на себя отвѣтственность.

Нѣсколько голосовъ. Ни одинъ техникъ не возьметъ ее.

Г. Воскобойниковъ. Въ вашемъ теперешнемъ положеніи всякій обязанъ взять ее, и чего же вы опасаетесь, если увѣрены, что кладка хороша и аварій не можетъ быть?

Г. Палибинъ. Мы принимаемъ на себя отвѣтственность.

Г. Кронъ. Это только и нужно намъ. (*Шумъ*).

Г. Веймарнъ. Мы не можемъ принять на себя полной отвѣтственности. (*Продолжительный шумъ.*)

Г. Веймарнъ предлагаетъ баллотировку.

По баллотировкѣ избраны членами новой, окончательной комиссіи: гг. Лихонинъ, Клеменко, Пель, Кронъ, Юнкеръ и въ кандидаты: гг. Стасовъ, Кузнецовъ и Воскобойниковъ.

Во время баллотировки замѣтили, что и правленіе подаетъ голоса. Сосчитали число подававшихъ, оказалось, что присутствовавшихъ съ правомъ голоса было 92, а подали 98 г. Впрочемъ, это оставлено, какъ незначительность. Г. Веймарнъ не подалъ голоса.

Журналъ засѣданія, составленный производителемъ дѣлъ, оказался невѣренъ. Акціонеры исправили его. Положено напечатать всю ревизію первой коммисіи, оправданіе правленія и ревизію второй, за нѣсколько времени передъ новымъ общимъ собраніемъ....

Мы распространились объ этомъ собраніи, потому что оно очень любопытно и не могло не обратить вниманія даже послѣ довольно забавныхъ дѣйствій другихъ акціонерныхъ обществъ.

Замѣчательно, что здѣсь г. Полетика, бывшій героемъ на диспутѣ гг. Перозіо и Смирнова, какъ подрядчикъ и защитникъ правленія водопроводнаго общества, игралъ весьма плачевную роль....

Мы, не акціонеры, а просто петербургскіе жители съ нетерпѣніемъ ожидаемъ той великой пользы, которую должно принести Петербургу водопроводы.... До сихъ поръ правленіе водопроводовъ надѣлало только вредъ нашимъ и безъ того не совсѣмъ пріятнымъ мостовымъ, прибавивъ къ нимъ еще бугры и ямы....

Читатели наши знаютъ изъ газетъ о пріѣздѣ въ Россію бельгійскаго экономиста г. *де*-Молинари, которому придалъ у насъ извѣстность «Русскій Вѣстникъ», печатавшій его статьи на *своихъ страницахъ*, какъ выражаются журнальныя объявленія.

Г. *де*-Молинари пробылъ нѣсколько времени въ Петербургѣ, и наши знаменитые петербургскіе экономисты и друзья науки сочли долгомъ дать въ честь его обѣдъ, чтобы доставить себѣ удовольствіе произнесеніемъ спичей. Въ послѣднее время мы всѣ пофилософились на спичахъ. По непривычкѣ говорить (мы такъ долго молчали) спичи эти достаются намъ не легко. Сначала мы сочиняемъ спичъ, украсивъ его, какъ слѣдуетъ, цвѣтами краснорѣчія, потомъ выучимъ наизустъ слово въ слово, какъ актеръ выучиваетъ роль, или какъ школьникъ урокъ, да иногда, произнося его, забудемъ *какое* нибудь слово и вдругъ станемъ въ тупикъ.... и, переконфузившись, кончимъ кое-какъ.

Я не знаю, обошся ли кто нибудь изъ нашихъ ученыхъ друзей, произнося спичъ передъ г. Молинари. Мы на этомъ обѣдѣ не присутствовали. Говорятъ, впрочемъ, что дѣло, къ чести нашихъ ученыхъ, обошлось довольно удачно.

Выслушавъ петербургскіе спичи, г. де-Молинари отправился, какъ извѣстно, въ Москву и тамъ прочелъ нѣсколько лекцій, которые принесли нѣкоторую пользу.... Нашему времени.... то есть не нашему времени вообще, а «Нашему времени» г. Павлова въ особенности, ибо снабдили его матеріаломъ на нѣсколько номеровъ....

Были ли произносимы спичи г-ну де-Молинари въ Москвѣ и давали ли ему обѣды тамошніе ученые мы этого достовѣрно не знаемъ. Вѣроятно, не обошлось безъ этого — и Москва блеснула своимъ краснорѣчіемъ передъ иностранцемъ.

Любопытно бы было узнать какое краснорѣчіе произвело болѣе впѣчатлѣнія на бельгійскаго экономиста — петербургское, или московское?

Отъѣздъ въ Россію г. де-Молинари былъ возвѣщенъ съ необыкновенною торжественностію бельгійскимъ журналомъ: «Economiste Belge (г. де-Молинари одинъ изъ главныхъ редакторовъ этого журнала, и въ отсутствіе свое онъ поручилъ редакцію своему брату).

«Друзья экономической науки», восклицалъ братецъ г. де-Молинари, не могутъ безъ размышленія оставить столь важной новости (une nouvelle d'une semblambe importance). Россія открываетъ врата свои (вотъ что называется высокій слогъ!) *независимому* слову профессора. Москва становится провозвѣстницею новыхъ (будто бы новыхъ?) западныхъ идей; гражданинъ конституціоннаго государства призванъ наставлять подданныхъ самодержавнаго монарха.... Этотъ фактъ знаменателенъ!»...

Удивительно!... Онъ знаменуетъ только, что братъ г. де-Молинари обладаетъ тѣмъ несравненнымъ краснорѣчіемъ, которое у насъ давно уже совсѣмъ вывелось изъ моды.

Мало этого. Г. де-Молинари меньшой увѣряетъ, что лекція г. де-Молинари старшаго въ Москвѣ есть.... un evenement politique.... Только этого недоставало!

Да неужели же мы до г. де-Молинари не имѣли никакого понятія о политической экономіи?...

Странныя понятія имѣютъ граждане конституціоннаго монарха о подданныхъ самодержавнаго монарха, или Бельгія о Россіи, говоря простымъ языкомъ.

Это напоминаетъ мнѣ встрѣчу мою съ бельгійцемъ лѣтъ 15 назадъ тому, на желѣзной дорогѣ изъ Кёльна въ Брюссель.

Бельгіецъ сидѣлъ возлѣ меня и между нами зашла рѣчь о французской литературѣ. Я передавалъ ему свои мнѣнія о разныхъ французскихъ писателяхъ и между прочимъ защищалъ Жоржъ Сандъ отъ его ожесточенныхъ нападокъ.... Мой бельгіецъ смотрѣлъ на нее съ своей ультрамонтанской точки зрѣнія....

— Позвольте васъ спросить, сказалъ онъ мнѣ наконецъ: — какой вы націи?

— Я русскій....

— Быть не можетъ! вы шутите?... вскрикнулъ наивно бельгіецъ и отстранился отъ меня какъ будто въ испугѣ.

— Да отчего же это васъ такъ удивляетъ?...

— Но развѣ въ Россіи читаютъ и говорятъ по-французски?... Нѣтъ.... неужели въ самомъ дѣлѣ вы русскій?

Когда наконецъ бельгіецъ удостовѣрился, что я не шучу съ нимъ, онъ началъ осматривать меня съ жаднымъ любопытствомъ и повторялъ: «А! я никакъ не думалъ, чтобы въ Россіи до того было распространено образованіе!»

Братецъ г. де-Молинари кажется разсматриваетъ Россію съ точки зрѣнія моего бельгійца....

Г. де-Молинари, по возвращеніи своемъ изъ Москвы, читаетъ лекціи въ Петербургѣ, въ залѣ пассажа, съ той экономической точки, которую не раздѣляетъ нашъ журналъ, читаетъ онъ не дурно, но-ваго до сихъ поръ не высказалъ ничего.... Посѣтителей на его лекціяхъ, или бесѣдахъ, довольно. На послѣдней своей лекціи, онъ замѣтилъ въ заключеніе, что и въ Россіи, какъ и вездѣ, онъ встрѣтилъ недоброжелательство со стороны утопистовъ, смотрящихъ на политико-экономическіе вопросы съ соціальной точки зрѣнія, что онъ съ этими утопистами постоянно вездѣ боролся и проч. Онъ между прочимъ указалъ на статью въ одной изъ петербургскихъ газетъ и оправдывался противъ нея, исказивъ смыслъ замѣчаній, направленныхъ противъ него — и его братца въ этой статьѣ.

Думалъ ли братецъ г. де-Молинари и самъ профессоръ, что въ этой дикой Россіи, которую онъ пріѣхалъ просвѣщать, найдутся люди не безусловно восхищающіеся авторитетами его и его учителей и что его посѣщеніе Россіи не произведетъ ровно никакого событія?...

А вотъ довольно забавное событіе произошло въ одно изъ послѣднихъ представленій фокусника Филиппа. Извѣстно, что для при-

влеченія публики г. Филиппъ разыгрываетъ въ лотерею то лошадь, то часы.... и проч. Въ этотъ разъ онъ разыгрывалъ бронзовые столовые часы — и объявилъ выигрышный номеръ; послѣ неоднократныхъ и громогласныхъ объявленій этого номера, — никто не отзывался; г. Филиппъ принужденъ былъ снова разыгрывать часы, и объявилъ новый выигрышный номеръ. Уже второй счастливецъ протянулъ руки къ выигрышу, какъ вдругъ явился первый счастливецъ,—мальчикъ изъ райка.... Что было дѣлать? Кому отдать часы? Публика единогласно присудила отдать часы мальчику. Это было импровизированное публичное судопроизводство.

Въ Петербургѣ образовался рѣчной Яхтъ-Клубъ. Уставъ этого клуба высочайше утвержденъ 14 марта.

Клубъ этотъ будетъ состоять подъ покровительствомъ Его Высочества генералъ-адмирала. Цѣль его—распространеніе между любителями шлюпочнаго плаванія въ Петербургѣ научныхъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до гребныхъ небольшихъ парусныхъ и паровыхъ судовъ, а также и улучшеніе постройки ихъ въ столицѣ. Съ этой цѣлью клубъ учреждаетъ гонки съ назначеніемъ призовъ соискателямъ, выписываетъ изъ заграницы шлюпки и модели шлюпокъ и проч.

Замѣчательнѣйшими концертами въ послѣднее время были концерты знаменитаго піаниста Дрейшока и г. Венявскаго. — Г. Венявскій привелъ въ восторгъ петербургскую публику своимъ талантомъ, который удивительно развился въ послѣднее время. Венявскій принадлежитъ теперь безъ сомнѣнія къ первымъ европейскимъ исполнителямъ на скрипкѣ. Онъ получилъ званіе перваго концертиста Его Величества и Императорскихъ театровъ. — Вслѣдствіе этого г. Венявскій долженъ будетъ оставаться во весь театральный сезонъ въ Петербургѣ. Это очень пріятное извѣстіе для любителей музыки.

Нева разошлась 5 апрѣля, на святой недѣлѣ было уже совершенно сухо. Вслѣдъ за нѣсколькими теплыми днями была гроза, послѣ которой сдѣлалось однако холоднѣе.... Теперь проходитъ по Невѣ ладожскій ледъ (20 апр.)....

Приготовленія къ цвѣточной выставкѣ уже начались. Она скоро откроется, по обыкновенію въ экзерциргаузѣ у Зимняго дворца.... Гулянья въ Лѣтнемъ саду начались послѣ святой недѣли. На Маріинской площади между Исакіевскимъ соборомъ и памятникомъ Николая I устроивается скверъ. Говорятъ, онъ украсится фонтанами, если петербургскіе водопроводы откроютъ когда нибудь свои дѣйствія.

Балаганы на адмиралтейской площади во время святой недѣли очень удались въ нынѣшнемъ году. Въ особенности были посѣщаемы: балаганъ г. Берга, въ которомъ ежедневно давались большія пантомимныя представленія, въ родѣ извѣстнаго Легата; балаганъ г. Симонсона, гдѣ давались гимнастическія упражненія, дивертисементы изъ разныхъ танцевъ и показывалась аллегорическая живая картина: Послѣдній день Помпеи; но всего болѣе привлекалъ публику въ первый разъ посѣтившій Петербургъ англійскій циркъ; въ циркѣ этомъ давались большія представленія, состоящія изъ ѣзды высшей школы, волтижированія, изъ гимнастическихъ и акробатическихъ представленій и проч. Труппа этого цирка очень недурна.

Вотъ нѣсколько художественныхъ новостей:

Баронъ К. К. Клодтъ, котораго фотографическое заведеніе пользуется въ Петербургѣ значительною извѣстностью, приступилъ къ очень важному труду. Онъ предпринялъ изданіе фотографическихъ снимковъ съ картинъ, находящихся въ художественной галлереѣ Θ. И. Прянишникова. Въ этой превосходной галлереѣ собрано почти все, чѣмъ по справедливости гордится русская школа.

Г. Оже издаетъ фотографическіе снимки съ извѣстныхъ русскихъ картинъ. Первая тетрадь этихъ снимковъ вышла. Она заключаетъ въ себѣ между прочимъ снимки съ картинъ Θедотова и съ картинъ Брюлова и Иванова.

Снимки сдѣланы съ большимъ искусствомъ и тщательностію, покрайней мѣрѣ въ томъ экземплярѣ, который находится передъ нами. Цѣна первой тетради (состоящей изъ 6 снимковъ) 5 р. с.

Молодой художникъ П. П. Соколовъ, сынъ нѣкогда пользовавшагося большою извѣстностію въ Петербургѣ, акварелиста П. О. Соколова — иллюстрировалъ «Евгенія Онѣгина». — Мы имѣли случай видѣть собраніе рисунковъ г. Соколова къ Онѣгину, составляющихъ цѣлый альбомъ. Изящная тонкость и грація, отличительныя свойства карандаша г. Соколова и потому всѣ тѣ сцены Онѣгина, которыя по преимуществу требуютъ отъ художника этихъ качествъ, вышли особенно хороши у г. Соколова.

Задумчивый образъ Татьяны, вообще очень удался художнику. Она хороша у него во всѣхъ сценахъ — въ сценѣ съ нянею, когда няня бросается къ ней и спрашиваетъ съ безпокойствомъ:

«Сердечный другъ, ты нездорова?»...

И Таня, прислонивъ свою голову съ распущенными волосами къ морщинистой щекѣ старушки, шепчетъ грустно:

«Оставь меня — я влюблена!»

Татьяна, пишущая письмо и рисующая завѣтный вензель на стѣнѣ, Татьяна спящая и въ особенности Татьяна въ кабинетѣ Онѣгина. На послѣднемъ рисункѣ она изображена г. Соколовымъ стоящею передъ столомъ и задумавшеюся надъ какою-то книгою. Здѣсь всѣ принадлежности этого кабинета —

И лорда Байрона портретъ,
И столбикъ съ куклою чугунной,
Подъ шляпой съ пасмурнымъ челомъ,
Съ руками сжатыми крестомъ....

Видно, что Татьяну занимаетъ эта книжка, потому что въ ней

Хранили многія страницы
Отмѣтку рѣзную ногтей....

И она какъ будто старается разгадать одну изъ такихъ отмѣтокъ.

Очень удался г. Соколову портретъ мужа Татьяны. Настоящій генералъ!...

Недуренъ также и Онѣгинъ, пишущій послѣднее письмо къ Татьянѣ, опустившій руку съ письмомъ и задумавшійся.

Ольга удачнѣе всего вышла на рисункахъ г. Соколова въ той сценѣ, когда она играетъ съ Ленскимъ въ шахматы....

Вѣроятно, если бы «Онѣгинъ» былъ изданъ съ полнымъ текстомъ и съ рисунками г. Соколова въ роскошномъ изданіи, — онъ имѣлъ бы большой успѣхъ. Но на полное изданіе «Онѣгина» имѣетъ право одинъ Я. А. Исаковъ, и онъ вѣрно не раскаялся бы, если бы пріобрѣлъ рисунки г. Соколова.

На дняхъ вышелъ въ свѣтъ 1 томъ новаго изданія сочиненій Лермонтова, издаваемыхъ г. Дудышкинымъ; изданіе это очень изящно. Къ нему приложенъ портретъ Лермонтова, гравированный Іорданомъ. Г. Дудышкинъ написалъ къ своему изданію предисловіе и снабдилъ его примѣчаніями. Это самое полное и безъ сомнѣнія самое добросовѣстное изданіе Лермонтова. Въ такомъ изданіи одного изъ самыхъ популярныхъ русскихъ поэтовъ — русская публика давно нуждалась и мы не сомнѣваемся въ успѣхѣ его.

Г. В. Шкляркій издалъ «Историческое описаніе Николаевской чесменской военной богадѣльни» съ литографированными фасадами зданій и церквей ея и съ планами.

Чесменская богадѣльня, какъ видно изъ этой книжки, помѣщается въ зданіи бывшаго увеселительнаго дворца Екатерины II.

«Въ Ивановъ день ежегодно бывали въ Чесменскомъ дворцѣ *гулянье* и *ярмарка;* при Екатеринѣ II они были довольно значительны, потому что сама императрица, со всѣмъ своимъ Дворомъ, посѣщала въ этотъ праздникъ Чесменскій дворецъ.

«По кончинѣ императрицы Екатерины, Чесменскій дворецъ долго стоялъ безъ всякаго употребленія. Императоръ Павелъ I въ 1799 году, іюля 12-го, именнымъ указомъ велѣлъ здать Чесменскій дворецъ въ вѣдѣніе капитула *ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго*, для устроенія въ ономъ больницы, и содержанія ея на счетъ капитала этого ордена. Для устройства больницы была составлена коммиссія, которая, по осмотрѣ дворца, нашла его неудобнымъ для предположенной цѣли, и того же года 3-го сентября послѣдовалъ указъ о возвращеніи Чесменскаго дворца въ придворное вѣдомство.

«Въ царствованіе императора Александра I, въ мартѣ 1812 года, высочайше повелѣно устроить *церковь* въ нижнемъ этажѣ самаго дворца, для зимняго времени, и перенести для этой цѣли всѣ принадлежности, сохранявшіяся въ большомъ дворцѣ, бывшей походной церкви царя Алексѣя Михайловича и императора Петра Великаго: церковь была тогда же освящена во *имя Рождества Господа* нашего *Іисуса Христа*, духовникомъ его величества.

Военная богадѣльня впервые учреждена въ 1831 году. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ этого года повелѣно зданіе Чесменскаго дворца обратить въ богадѣльню.

Съ тѣхъ поръ, постепенно, Военная чесменская богадѣльня развивалась и принимала бо́льшіе размѣры.

Г. Шклярскій, докторъ медицины и хирургіи, исправляющій должность консультанта при богадѣльнѣ, — подробно описываетъ это развитіе и въ концѣ своей брошюры прилагаетъ вѣдомости:

1) О состояніи больныхъ въ лазаретѣ съ 1839 по 1859 годъ, съ означеніемъ числа больныхъ, свойства болѣзней, смертности ежегодной и ежемѣсячной.

и 2) О состояніи прибыли и убыли больныхъ въ лазаретѣ за десять лѣтъ, съ означеніемъ лѣтъ и рода службы умершихъ.

Передъ нами лежитъ огромное объявленіе: *подписка на Энциклопедическій Словарь*, составленный *русскими учеными и литераторами.*

200 ученыхъ и литераторовъ, имена которыхъ напечатаны въ объявленіи, будутъ участвовать въ этомъ изданіи, *подъ общею редакціею, которую взялъ на себя г. Краевскій.*

Эти спеціалисты, ученые, академики, профессора и проч. по первому приглашенію (по чьему?) *поспѣшили*, какъ говоритъ объявленіе, изъявить готовность *отдать время и труды свои изданію*....

Этотъ словарь, по словамъ же объявленія, будетъ имѣть *свою*, ему *только принадлежащую особенность* (въ чемъ же она будетъ состоять?). Преимущественно вниманіе редакціи обратится на Россію.... и проч.

Что изъ этого выйдетъ, и выйдетъ ли что нибудь? покажетъ время....

Въ Петербургъ пріѣхалъ талантливый московскій артистъ г. Шумскій, о которомъ мы будемъ говорить въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

На майскомъ парадѣ, который всегда бываетъ въ апрѣлѣ, присутствовалъ Мегмедъ-Аминь, находящійся уже въ Петербургѣ, со своими мюридами.

«Сѣверная Пчела» извѣщаетъ, что съ окончательнымъ наступленіемъ навигаціи установится въ нынѣшнемъ году новое пароходное сообщеніе между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ. Пароходы будутъ отправляться отъ новой канавы по дворцовому каналу до пристани кронштадтскихъ пароходовъ, а оттуда по берегу залива, заходя, если представится надобность, къ яковлевской пристани и къ селу Мартышкину, лежащему въ девяти верстахъ отъ Петергофа.

Пароходы, назначенные для этихъ рейсовъ, сидятъ такъ мелко, что могутъ ходить даже въ тростникахъ, растущихъ по береговымъ отмелямъ; съ самымъ полнымъ грузомъ они сидятъ въ водѣ не болѣе двухъ футовъ, хотя могутъ вмѣщать до ста пятидесяти пассажировъ. Плата за проѣздъ назначается самая умѣренная, по 20 к. сер., тогда какъ извощики берутъ обыкновенно за проѣздъ до Ораніенбаума отъ рубля до 1 р. 50 к. сер., а душные и медленно движущіеся дилижансы — 30 коп. Часы отправленія парохода будутъ соображены съ приходами кронштадскаго парохода въ Ораніенбаумъ и петербургскаго въ Петергофъ. Независимо отъ этихъ опредѣленныхъ рейсовъ между двумя мѣстностями, учредитель этого новаго пароходнаго сообщенія предполагаетъ образовать, въ хорошую погоду, вечернія прогулки къ кронштадтскому рейду и на Лисій Носъ, за самую умѣренную цѣну, которая никакъ не будетъ превышать трехъ рублей за часъ. Для пріобрѣтенія бо́льшаго довѣрія публики, пароходъ, несмотря на безопасную устойчивость на волнахъ и на незначительную пяти-футовую глубину фарватера, —

пути, по которому онъ постоянно будетъ слѣдовать, — въ сильные бури и вѣтры отправляемъ не будетъ.

Вскорѣ должны выйти «Очерки изъ петербургской жизни Новаго Поэта» въ 2 томахъ, въ форматѣ «Легкаго Чтенія». Каждый томъ будетъ заключать въ себѣ 20 печатныхъ листовъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ: СЛОВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ЧЛЕНАМЪ 24-ХЪ ГУБЕРНСКИХЪ КОМИТЕТОВЪ; СЛУЧАИ ОБРАЩЕНІЯ СЪ КРЕСТЬЯНАМИ. — ДВИЖЕНІЕ ТРЕВОЖНОСТИ ВЪ НАРОДѢ. — О ТРУДАХЪ КОММИССІИ ДЛЯ УСТРОЙСТВА ЗЕМСКИХЪ БАНКОВЪ. — ЧАСТНЫЕ ЗЕМСКІЕ БАНКИ. — О РАЗМѢНОЙ МОНЕТѢ. — НОВЫЯ УЗАКОНЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ. — ДѢЙСТВУЮЩЕЕ НЫНѢ «ПОЛОЖЕНІЕ» О СИБИРСКОМЪ КАЗАЧЬЕМЪ ВОЙСКѢ. — ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ ОБЪ УСТРОЙСТВѢ ГОРОДСКАГО УПРАВЛЕНІЯ ВЪ НѢКОТОРЫХЪ ГОРОДАХЪ НА НОВЫХЪ ОСНОВАНІЯХЪ. — ДВОРЯНСКІЕ ВЫБОРЫ ВЪ БЕССАРАБІИ И ДРУГИХЪ МѢСТНОСТЯХЪ. — МѢРЫ ДЛЯ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ: РАСПОРЯЖЕНІЯ МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ; ЖЕНСКІЯ УЧИЛИЩА; НѢСКОЛЬКО ФАКТОВЪ ИЗЪ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ; УЧИЛИЩА, ОСНОВАННЫЯ ЧАСТНЫМИ ЛИЦАМИ.

Общественное вниманіе, развлекавшееся въ послѣднее время преимущественно акціонерными обществами, теперь, по случаю назначенія новаго предсѣдателя редакціонной коммиссіи, опять обращено очень пристально на крестьянскій вопросъ. Свѣдѣніями о немъ начнемъ и мы наше обозрѣніе.

21 февраля, Государь Императоръ, въ зимнемъ дворцѣ, въ собственной половинѣ, принималъ членовъ отъ 24-хъ губернскихъ комитетовъ втораго приглашенія: каждому изъ нихъ сказалъ по нѣсколько словъ и потомъ, подозвавъ всѣхъ ихъ ближе къ себѣ, обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

«Господа! Я начну съ того, что повторю Мою благодарность дворянамъ трехъ литовскихъ губерній, которые подали примѣръ, вызвавшись первые на общее намъ дѣло.»

Обращаясь затѣмъ ко всѣмъ членамъ:

«Мнѣ остается повторить вамъ, господа, то, что губернскіе предводители, находящіеся между вами, уже отъ меня слышали. Вамъ извѣстно, какъ святое это дѣло близко Моему сердцу; увѣренъ, что и вы считаете его святымъ. У меня двѣ цѣли, или, лучше сказать, одна — благо государства. Я убѣжденъ, что въ томъ же самомъ заключается и ваша цѣль. Я хочу, чтобы улучшеніе быта крестьянъ было не на словахъ, а на дѣлѣ, и чтобы переворотъ совершился безъ потрясеній. Но для этого безъ нѣкоторыхъ пожертвованій съ вашей стороны обойтись невозможно. Я желаю, чтобъ эти пожертвованія были, сколь возможно, менѣе тягостны и обременительны для дворянъ.

«Для занятій вашихъ здѣсь составлена инструкція, которая опредѣляетъ — въ чемъ должна заключаться прямая ваша обязанность. Вы должны отвѣчать на вопросы, вамъ предложенные. Впрочемъ, если найдете нужнымъ добавить къ тому свои соображенія, можете ихъ выразить въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ, которыя будутъ разсмотрѣны и доведены до Моего свѣдѣнія. Дѣйствуйте же единодушно къ общей пользѣ.

«Мнѣ извѣстно, что носились нелѣпые слухи; они могли, вѣроятно, дойти до васъ и здѣсь, будто Я измѣнилъ Свое довѣріе къ дворянству— это ложь и клевета; не обращайте на это вниманія, а вѣрьте Мнѣ. При самомъ началѣ обратился Я къ дворянству съ полнымъ довѣріемъ. Обращаясь теперь съ тѣмъ же довѣріемъ къ вамъ, Я надѣюсь, что вы на дѣлѣ оправдаете Мои ожиданія.

«Министръ внутреннихъ дѣлъ и графъ Панинъ, котораго Я назначилъ предсѣдателемъ Редакціонной Коммиссіи на мѣсто генералъ-адъютанта Ростовцова, знаютъ мысли Мои и взгляды Мои по этому вопросу. Они могутъ подробно передать ихъ и вамъ. Вы должны Имъ помочь, господа, съ Богомъ же принимайтесь за дѣло».

Обратясь къ графу Панину, Его Величество изволилъ добавить:

«Рекомендую вамъ сотрудниковъ вашихъ; Я увѣренъ, что они добросовѣстно будутъ работать. Прошу вести это дѣло къ извѣстнымъ результатамъ обдуманно и осторожно, только отнюдь не затягивая и не откладывая его въ долгій ящикъ.

«Прощайте, господа, — дай вамъ Богъ успѣха».

Такимъ образомъ слухи объ отсрочкѣ крестьянскаго дѣла будто бы на три года (*), оказываются невѣрными. Причиною распространенія этихъ слуховъ было, конечно, съ одной стороны — скрытное желаніе сохранить старые порядки, при которыхъ такъ сильно держалась путаница общественныхъ отношеній: а съ другой стороны и Богъ-вѣсть откуда взявшіяся, дикія опасенія.... Между тѣмъ, такимъ опасеніямъ никакъ не слѣдовало бы показываться: народъ нашъ давно доказалъ, что онъ умѣетъ терпѣть много и долго, а

(*) Объ этихъ слухахъ извѣщалъ «Политико-Экономическій Указатель (№ 8).

въ послѣднее время онъ проявилъ въ терпѣніи своемъ и разумную волю. Какъ же не видѣть, что народъ *хочетъ* спокойно дождаться улучшенія своего быта, и что *дѣйствительное* улучшеніе не можетъ привести его къ раздраженію и дикимъ выходкамъ?

И дай Богъ, чтобы это «святое» дѣло скорѣй порѣшилось! Когда рѣшится оно, — невозможны уже будутъ, напримѣръ, подобные факты («Сѣв. Пчела», № 14):

«Черниговской губерніи Остерскаго уѣзда, — напечатано въ «Сѣверной Пчелѣ», — въ имѣніи помѣщика Барановскаго, прикащикъ изъ крестьянъ того же помѣщика, Корнеи Романовъ, 6 ноября, нанесъ жестокіе побои находившейся на барщинѣ крестьянкѣ, Матренѣ Овчинниковой. Отъ этихъ побоевъ она заболѣла, и черезъ два дня, то есть 7 ноября, преждевременно разрѣшилась отъ бремени живымъ младенцемъ, котораго *съѣли свиньи*. Овчинникова, будучи въ то время, и отъ преждевременныхъ родовъ и отъ побоевъ, въ весьма болѣзненномъ состояніи, не могла спасти своего ребенка» (*).

Любопытенъ и другой случай обращенія съ крестьянами; мы извлекаемъ его изъ 3 нумера «Тверскихъ губернскихъ вѣдомостей» за нынѣшій годъ:

«13 декабря, крестьянинъ Вышневолоцкаго уѣзда, г-жи Азарьевой, Степанъ Игнатьевъ представилъ въ вышневолоцкій земскій судъ отставнаго поручика Александра Владимірова Зилова и вмѣстѣ съ нимъ ножъ, заряженное картечью ружье и окровавленную, проколотую ножомъ крестьянскую рубашку; причемъ Игнатьевъ объяснилъ слѣдующее: г. Зиловъ, 13 декабря, приказалъ, неизвѣстно за что, наказать розгами горничную дѣвку двоюродной сестры своей, вышневолоцкой помѣщицы Сысоевой, Пелагею Тимоѳееву, которая, послѣ нѣсколькихъ ударовъ, лишилась чувствъ. Затѣмъ г. Зиловъ велѣлъ привести мать Тимоѳееевой, для наказанія, на скотный дворъ, и когда привели сію послѣднюю, то бывшій въ то время караульнымъ при скотномъ дворѣ мужъ ея, крестьянинъ Тимоѳей Дементьевъ, объявилъ старостѣ и бывшимъ тутъ крестьянамъ, что онъ наказывать свою жену безъ всякой вины не дастъ, а просилъ отправить ее въ станъ. Когда объявили объ этомъ г. Зилову, то онъ, прибѣжавъ на скотный дворъ, въ азартѣ сначала оттаскалъ Дементьева за бороду, а потомъ ударилъ его ножомъ въ пахъ такъ сильно, что Дементьевъ, добѣжавъ до дому, упалъ, и неизвѣстно, — находится ли въ живыхъ. Послѣ сего, г. Зиловъ хотѣлъ выстрѣлить въ него, Игнатьева, и другихъ, бывшихъ при томъ крестьянъ, изъ представленнаго въ судъ заряженнаго ружья, но не былъ до этого

(*) Съ тѣхъ поръ въ «Сѣверной Пчелѣ» было еще три извѣстія о съѣденныхъ свиньями крестьянскихъ дѣтяхъ (№№ 37, 42 и 47).

допущенъ. Объ этомъ случаѣ производится строгое слѣдствіе временнымъ отдѣленіемъ вышневолоцкаго земскаго суда».

Къ обоимъ фактамъ нечего прибавлять: они сами за себя громко говорятъ. Мы только желали бы, чтобы подобныя дѣла, при самомъ началѣ ихъ, опубликовывались съ бо́льшими подробностями. Такъ напримѣръ, нельзя не пожалѣть, что въ обоихъ описаніяхъ происшествій ничего не говорится о томъ, какія мѣры содержанія, на время слѣдствія и суда, приняты въ отношеніи прикащика Корнея Романова и отставнаго поручика Зилова; не выказаны также причины, по которымъ была подвергнута наказанію крестьянка Матрена Овчинникова; не разъяснено и то обстоятельство — почему крестьянинъ *г-жи Азарьевой* представилъ въ земскій судъ Зилова, вздумавшаго наказывать горничную дѣвушку *г-жи Сысоевой* и мать этой дѣвушки, должно быть принадлежащую той же помѣщицѣ; наконецъ даже не сказано: въ какомъ именно селеніи произошли подвиги Зилова, и съ какой стати могъ онъ развоеваться такъ неистово-храбро, да еще въ чужомъ, какъ по всему видно, имѣніи! Впрочемъ мы вполнѣ надѣемся, что просвѣщенное главное начальство Тверской губерніи, давшее гласность началу о дѣла поступкахъ Зилова, не оставитъ безъ разъясненія передъ судомъ общественнаго мнѣнія и всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла, какъ окажутся они по изслѣдованію.

— Такъ какъ мы начали нынѣшнее обозрѣніе съ фактовъ, относящихся до жизни простаго народа, то, конечно, будетъ умѣстно здѣсь представить нѣкоторыя, немногія впрочемъ, свѣдѣнія о движеніи народной мысли къ трезвости, возобновившіяся въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ съ начала текущаго года. Исторія обществъ трезвости извѣстна нашимъ читателямъ: о нихъ подробно говорено въ «Современникѣ» прошлаго года (№ IX), въ особой статьѣ, г. Н. Т-нова. Скажемъ въ дополненіе къ ней нѣсколько словъ.

Борьба народа съ откупомъ, начавшаяся въ самомъ началѣ прошлаго года, казалось, должна была принять размѣры всеобщаго движенія противъ откупа; однако къ осени прошлаго же года замолкли всѣ извѣстія объ обществахъ трезвости, какъ будто все прекратилось.... Что же это значитъ? Откупъ ли, богатый всякими средствами для достиженія своихъ корыстныхъ видовъ, осилилъ честное, правое стремленіе народа? Или же одержали верхъ надъ этимъ стремленіемъ не одни прописки откупные, но и дурные инстинкты самого народа? А можетъ быть, онъ, горемычный, не съумѣлъ распорядиться своею силою, опереться, какъ надо, на свое сознаніе?

Эта борьба съ откупомъ, это движеніе народа къ трезвости, столь безхитростно начавшееся, были полны яркой занимательности, сильнаго значенія. Попадались намъ мнѣнія, въ которыхъ съ нѣкорымъ пренебреженіемъ говорилось о той простой причинѣ, по которой народъ зарекался пить вино; видите ли, — находили, что причина-то зарока была уже черезъ-чуръ проста: какъ, дескать, начинать было борьбу изъ-за того только, что вино слишкомъ вздорожало!... Но мы, сами люди простые, находимъ, что вполнѣ достаточно было и такой причины для того, чтобы закаяться пить вино, чтобы этимъ начать дѣло отрезвленія.

Намъ было сильно по душѣ это народное движеніе, мы слѣдили постоянно за его успѣхами и, слѣдя за ними, чего-чего не видали!...

Рѣшеніе народа было страшно откупу пуще всего; да и врядъ-ли кромѣ этого внезапнаго рѣшенія, могло быть ему страшнымъ что-нибудь другое. Какія хитрости употреблялъ откупъ, для поддержанія своего дѣла! Не говоримъ уже о придуманной прежде всѣхъ г. Кокоревымъ этимъ великимъ затѣйникомъ у насъ, соблазнительной сбавкѣ цѣны на вино, объ отдачѣ иногда этого *ходкаго товарца* чуть не за-даромъ. Но откупъ въ борьбѣ съ народною волею, придумалъ и особенную мѣру — онъ сталъ дѣйствовать на его давнишнія, жаркія надежды: подъ рукою, распускалъ онъ слухи, что надбавленныя на вино денежки должны пойдти на выкупъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, что чѣмъ больше будутъ пить православные дорогое вино, тѣмъ скорѣе получатъ дорогую свободу.... Это была тонкая, ловкая штучка, чтобы поколебать рѣшимость горемыкъ крестьянъ, зарекшихся пить вино....

Народъ большею частію оказывался крѣпокъ въ своемъ зарокѣ, онъ и тутъ, хотя мелкомъ, показалъ, что можетъ сдѣлать при доброй волѣ: онъ боролся сильно и съ самимъ собою, устанавливалъ штрафы, дѣйствовалъ всѣмъ міромъ.... Но на бѣду, не выдержалъ онъ кое-гдѣ своего высокаго достоинства, далъ излишнюю волю своему горькому негодованію — и разбилъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ кабаки и пролилъ на землю скверное вино....

Прискорбно вспомнить, что никто не поддержалъ народъ въ его доброй волѣ. Вотъ въ Бѣлоруссіи, напримѣръ, духовенство направляло народъ къ трезвости и поддерживало его наставленіями, религіознымъ сильнымъ вліяніемъ, а у насъ ничего подобнаго не было Тѣмъ болѣе съ отраднымъ чувствомъ вспоминаемъ мы здѣсь о распоряженіи начальника Самарской губерніи, К. К. Грота, которое, къ сожалѣнію, осталось одиночнымъ явленіемъ въ обширной сферѣ офиціальной дѣятельности. Вотъ это распоряженіе, которое мы

долгомъ своимъ считаемъ представить здѣсь вполнѣ: (Самар. губер. вѣд. 1859 г. № 21).

«Вслѣдствіе предписанія г. министра внутреннихъ дѣлъ, считаю нужнымъ увѣдомить господъ начальниковъ, отдѣльныхъ управленій, земскихъ исправниковъ городничихъ ввѣренной мнѣ губерніи и Самарскаго полицмейстера, — для зависящаго съ ихъ стороны распоряженія и наблюденія, — что г. министръ финансовъ предписалъ гг. предсѣдателямъ казенныхъ палатъ внушить откупщикамъ, чтобы они во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ, положеніемъ объ акцизно-откупномъ комисіонерствѣ, назначена дробная и на выносъ продажа обыкновеннаго полугарнаго вина, непремѣнно имѣли и безпрепятственно отпускали его покупателямъ по узаконенной цѣнѣ.»

«При семъ считаю нужнымъ присовокупить, что акцизно-откупными условіями опредѣлены слѣдующія цѣны:

На обыкновенное. Полугаръ.	Руб.	Коп.	На улучшенное. Полугаръ.	Руб.	Коп.
За ведро	3	—	За ведро	4	50
— штофъ	—	30	— штофъ	—	45
— ½ штофа	—	15	— ½ штофа	—	22½
— чарку	—	3	— чарка	—	4½

Обо всякомъ неисполненіи сихъ правилъ прошу доводить до моего свѣдѣнія». —

Перейдемъ теперь къ извѣстіямъ о народномъ движеніи къ трезвости въ нынѣшнемъ году: они очень скудны и всего только изъ трехъ мѣстностей: изъ Могилевской, Кіевской и Вятской губерній. Но въ этихъ извѣстіяхъ есть одинъ, замѣчательный фактъ, это — дѣятельное участіе въ дѣлѣ мѣстныхъ священниковъ, не только поддерживающее намѣреніе крестьянъ воздерживаться отъ употребленія вина, но даже и возбуждающее въ нихъ мысль объ этомъ.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ Могилевской губерніи общества трезвости, какъ кажется, довольно прочно установились. Такъ крестьяне села Телешова, Чериковскаго уѣзда, давшіе еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года обѣтъ не пить водки въ продолженіе цѣлаго года, съ намѣреніемъ бросить ее затѣмъ навсегда, если хватитъ силъ исполнить зарокъ, до сихъ поръ сдерживаютъ честно свое обѣщаніе, несмотря на всѣ старанія мѣстной корчмы, предлагавшей вино даже безплатно. Въ Быховскомъ уѣздѣ, крестьяне г. Маковецкаго и г-жъ Бышевской и Цѣхановецкой, и прихожане грезивецкой Успенской и рабовицкой Покровской церквей дали обѣтъ, на евангеліи и крестѣ, не употреблять горячихъ напитковъ. Въ этомъ обѣтѣ участвовали 220 крестьянскихъ дворовъ, въ которыхъ считается взрослыхъ 403 мужескаго и 448 женскаго пола. Эти общества основаны,

благодаря старанію духовенства. Въ Чириковскомъ уѣздѣ приходскій священникъ, а въ Быховскомъ грезивецкій благочинный Ѳеодосій *Левшановскій* были главными двигателями дѣла.

Въ Кіевской губерніи тоже начинаютъ мало-по-малу распространяться общества трезвости: крестьяне охотно оставляютъ водку, но не обходится однако и безъ того, чтобы на каждомъ шагу не встрѣчались они съ разными искушеніями. «Кіевскій телеграфъ» сообщаетъ объ этомъ интересныя подробности, которыя мы и передаемъ здѣсь:

30 ноября прошлаго года жители села Мостыщъ дали обѣтъ въ храмовой праздникъ не пить вина. Но въ январѣ уже мѣсяцѣ оказалось, что многіе изъ нихъ нарушали свой зарокъ. Поводомъ къ этому, какъ пишетъ мѣстный священникъ, были слѣдующія причины: село Мостыщи находится при рѣкѣ Ирпенѣ. За Ирпенемъ стоитъ большая корчма на землѣ другаго владѣнія. Откупщикъ корчмы, еврей, въ праздники наймаетъ музыкантовъ и отпускаетъ водку въ половину дешевле, чѣмъ въ Мостыщахъ. Вся молодежь изъ Мостыщъ и изъ сосѣднихъ селеній спѣшитъ въ корчму даромъ поплясать и выпить *дешевой* водки (молодежи вездѣ отпускается водка еще дешевле, чѣмъ прочимъ). За молодежью идутъ отцы и матери на *дешевую*, за ними отставные, а тамъ сотскіе и урядники. Мостыще, къ тому же, находится на проѣзжей дорогѣ; здѣсь перевозъ паромомъ черезъ рѣку. Корчма каждый день полна проѣзжающихъ. Многіе изъ нихъ ночуютъ у жителей и, въ благодарность за ночлегъ, подчуютъ ихъ водкою, внушая, что рабочему человѣку выпить рюмку водки — не грѣхъ. Но нашъ мужичокъ не привыкъ пить по рюмкѣ; онъ выпилъ чарку, дай ему другую и третью; кромѣ того, напиться дома онъ считаетъ безчестіемъ; лучшей славы для него нѣтъ, какъ упиться въ корчмѣ и потомъ идти по улицѣ безъ шапки, пиша ногами, какъ выразился гдѣ-то Гоголь, покой-онъ-по.

Такъ излагаетъ мѣстный священникъ причины уклоненія многихъ изъ жителей села Мостыщъ отъ своего зарока, но мы думаемъ, что не однѣ эти причины дѣйствуютъ такъ вредно на разумную рѣшимость крестьянъ. Въ помѣщенныхъ въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» (№№ 10 и 11) письмахъ двухъ другихъ священниковъ есть указанія на особенныя мѣры, предпринимаемыя заинтересованными въ дѣлѣ лицами, противъ обществъ трезвости. Помѣщаемъ здѣсь эти письма вполнѣ. Вотъ что пишетъ священникъ Ракитинъ:

«Прочитавъ указъ Святѣйшаго Синода отъ 7 августа минувшаго 1859 года за № 171, — въ коемъ, по случаю обнаружившагося въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стремленія къ трезвости, изъяснено, что священники, какъ пастыри и учители, самимъ Господомъ поставленные на то, *да*

совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготовленъ, имѣютъ непремѣнною обязанностію, живымъ примѣромъ собственной жизни и частымъ проповѣдываніемъ слова Божія, содѣйствовать возникшей въ нѣкоторыхъ городскихъ и сельскихъ обществахъ благой рѣшимости воздерживаться отъ употребленія хмѣльныхъ напитковъ, — я принялъ себѣ за правило: ни подъ какимъ видомъ, ни дома, ни у прихожанъ, не употреблять горячаго вина и дѣлать частыя внушенія моимъ пасомымъ о пользѣ трезвости и воздержанія. Такой образъ дѣйствій вскорѣ имѣлъ счастливый результатъ.

«Въ одинъ день минувшаго рождественскаго праздника застаю я въ домѣ записочку, подписанную однимъ изъ крестьянъ деревни Старыхъ-Петровецъ, состоящей въ моемъ приходѣ, гдѣ въ немногихъ, хотя безъискусственныхъ, но правдивыхъ строкахъ выражено слѣдующее (*): *«Батюшка! слыхалъ я въ своей деревнѣ, что женщины благодарятъ васъ истребленію пьянства, говорятъ, что теперь мужья не кивчатъ (не бьютъ) ихъ такъ. Перваго дня Рождества Христова все хозяива были дома и къ корчмы ни хто не отлучался и также водки ни хто не бралъ, и за сіе ваше наставленіе отъ пьянства и прочихъ около пьянства и убытковъ въ хозяйствахъ тъ, которые чувственіе весьма благодарятъ.* С. Бондаренко.»

«И дѣйствительно, 25 и 26 декабря, по обычаю христіанскому, обходя домы прихожанъ съ честнымъ крестомъ, я не встрѣчалъ уже по прежнему ни одного пьянаго лица, не видалъ ни одной трагической сцены, неразлучной съ служеніемъ Вахусу. Народъ, попреимуществу женщины были въ самомъ довольномъ расположеніи духа и, набожно крестясь, благодарили Бога, что онъ вразумилъ народъ христіанскій.

«Въ деревнѣ Старыхъ-Петровцахъ кабачокъ, всегда въ подобные дни шумящій и кипящій жизнію, нынѣ стоялъ пресмирнехонькой и совершенно одинокой. Проходя мимо него, служитель мой заглянулъ въ окно, но и тамъ царствовала таже мертвенная тишина, только изрѣдка прерываемая кашлемъ отдыхавшаго на печкѣ сидѣльца.

«Питейная команда, видя такую неожиданную перемѣну въ крестьянахъ, произвела нѣсколько повальныхъ обысковъ у нихъ подвозной водки; но испытавъ всю безуспѣшность такихъ мѣръ, пустила водку, вмѣсто 3 руб. 60 коп., ровно по *три* рубля.

«Не станемъ хвалиться, — были у насъ и такіе, которые не могли обойтись безъ водки, но и эти, при всемъ пристрастіи своемъ къ этой животворной влагѣ, предавались ему втихомолку и при одномъ появленіи моемъ скрывали всѣ слѣды своего нетрезваго поведенія, только спиртуозный духокъ изобличалъ ихъ невоздержаніе. И это доброе предзнаменованіе: по крайней мѣрѣ начали стыдиться того, что прежде ставили себѣ въ честь и похвалу. Есть слухъ, что и въ сосѣднихъ помѣщичьихъ деревняхъ крестьяне начали понимать пользу воздержанія. Дай Господи, чтобы полезный образъ мыслей находилъ болѣе послѣдователей! Но вотъ бѣда: есть люди, — на нихъ откупная система имѣетъ

(*) Оставлена орѳографія подлинника.

большое вліяніе, — они-то и кричатъ, что правила трезвой жизни ведутъ за собою ущербъ государственной казнѣ; но эти умники забыли, что государственная казна не любитъ, на счетъ слабости и нравственной гибели людей, составлять себѣ капиталы.»

Мы смѣло сообщаемъ подобные документы въ полномъ ихъ видѣ; характеристическія черты ихъ, прямо кидающіяся въ глаза, должны выкупать все, что̀ оказывается въ нихъ несовсѣмъ ладнымъ: и излишнюю словоохотливость въ иныхъ случаяхъ, и черезъ чуръ скромныя подчасъ умолчанія, и часто натянутое изложеніе фактовъ. Въ письмѣ священника Ракитина тоже есть характеристическія черты. Вотъ, напримѣръ, говоритъ онъ, что *откупная команда* (*) обыски производитъ у крестьянъ, переставшихъ пить вино. Конечно, этотъ фактъ у насъ — самый простой, совершенно обыкновенный. Многіе, очень многіе не обратятъ на него ни малѣйшаго вниманія: въ глазахъ этихъ многихъ произведеніе обысковъ у какихъ-нибудь мужиковъ не имѣетъ ровно никакого значенія. Но мы смотримъ на это иначе. Намъ кажется въ высшей степени беззаконнымъ, чѣмъ-то совершенно-чудовищнымъ это распоряженіе откупной команды, производящей обыски въ домахъ крестьянъ. Не говоря уже о причинѣ, по которой были произведены обыски, состоящей только въ томъ, что крестьяне перестали пропиваться въ кабакахъ, не говоря уже объ этомъ,—съ какого же права распоряжается такимъ образомъ откупная команда?... Въ этомъ нагломъ нарушеніи спокойствія и неприкосновенности *дома*,—того мѣста, гдѣ по преимуществу должна быть обезпечена отъ насилія и произвола личность всякаго гражданина, выражается такое крайнее неуваженіе къ личности и ко всему обществу, о которомъ.... нелегко вспомнить и подумать.... И замѣчательно то еще обстоятельство, какъ разсказано про эти беззаконные обыски—да такъ разсказано, какъ будто дѣло идетъ о самомъ обыкновенномъ событіи! Впрочемъ, мы не обвиняемъ за такой разсказъ автора вышеприведеннаго письма; намъ только страннымъ показалось, что нигдѣ не возбудилъ разсказъ его никакихъ замѣчаній. Но и то сказать: это фактъ самый обыкновенный и, пожалуй, *никто*,

(*) Читатели наши, можетъ быть, не знаютъ, что эта *команда* поставлена на крѣпкую ногу, устроена на важную стать и, само собою разумѣется, со всѣми бюрократическими принадлежностями: она сносится съ нѣкоторыми сильными міра сего, какъ равная съ равными, она депутатовъ всюду отправляетъ, какъ для обереженія своихъ интересовъ, такъ — особенно — для направленія дѣлъ нужныхъ для ея цѣлей порядкомъ, она застѣнокъ держитъ, она распоряжается, да еще какъ распоряжается: ни передъ чѣмъ не задумываясь, объясняя всякіе факты по своему, никогда почти не отступая, всегда дѣйствуя *нахрапомъ*, и ничѣмъ притомъ не рискуя! Удивительная, тоже власть имѣющая, команда!...

никто не обратилъ вниманія на распоряженія откупной команды.... Есть и еще характеристическая черта въ письмѣ священника Ракитина: онъ, мелькомъ какъ-то, проговаривается о тѣхъ людяхъ, которые, находясь подъ большимъ вліяніемъ откупной системы, кричатъ, что правила трезвой жизни ведутъ за собою ущербъ государственной казнѣ; ужь черезчуръ что-то темно выражается священникъ Ракитинъ объ этихъ людяхъ: онъ говоритъ про нихъ, словно въ землю потупясь, словно руки спрятавъ, чтобы ни взглядомъ, ни жестомъ не указать невзначай на кого-нибудь. Такъ бы и осталось дѣло это весьма темнымъ, еслибъ не разъяснялось оно слѣдующимъ письмомъ другаго священника изъ села Вышгорода (*).

«11-го января я былъ въ одномъ мѣстечкѣ по должности. Крестьяне, въ домѣ приходскаго священника, при двухъ посторонихъ священникахъ, при спросѣ моемъ: удерживаются ли отъ пьянства? объяснили, что они готовы оставить пить водку, но ихъ заставляютъ пить. Подъ новый годъ отставной солдатъ пришелъ къ одному крестьянину З. и пригласилъ его идти пить водку; но послѣдній отказался, говоря, что священникъ увѣщевалъ ихъ не ходить больше въ корчму. Тогда солдатъ отвѣтилъ, что къ нему это не относится, пошелъ въ корчму и объявилъ откупщику, еврею Н., о разговорѣ своемъ съ крестьяниномъ З. Откупщикъ тотчасъ же побѣжалъ къ управляющему имѣніемъ съ жалобою, что крестьянинъ З., сельскій урядникъ, внушаетъ крестьянамъ не ходить въ корчму и не пить водки. Управляющій требуетъ *крестьянина* З. къ себѣ и взыскиваетъ съ него, говоря: какъ онъ смѣетъ разглашать и внушать, чтобы крестьяне не ходили въ корчму и не пили водки? При этомъ присовокупилъ, что если не будутъ пить водки, то потеряетъ помѣщикъ и государственная казна понесетъ большой ущербъ. И крестьянинъ едва могъ избавиться отъ наказанія. Откупщики корчемъ по селамъ заставляютъ крестьянъ на крестины, и особенно на свадьбы, брать водки побольше, и не менѣе пяти ведеръ; если же какой крестьянинъ беретъ полведра, или четверть, то такого количества не отпускаютъ, и онъ поневолѣ долженъ брать пять и десять ведеръ; если беретъ пять и десять ведеръ, то откупщики дарятъ четверть ведра водки.»

Обращаемся къ другому случаю, препятствующему успѣху трезвости, изъясненному въ письмѣ того же благочиннаго.

«Одинъ помѣщикъ ссужаетъ своихъ крестьянъ деньгами на покупку воловъ и проч. Дѣло благое и проценты небольшіе. Но каждый разъ, когда раздаетъ крестьянамъ деньги, въ корчмахъ велитъ продавать водку гораздо дешевле, противъ цѣны, бывшей до раздачи денегъ. И крестьяне изъ денегъ, взятыхъ у помѣщика, оставляютъ половинную часть въ корчмахъ. Тотъ же помѣщикъ, когда хочетъ сдѣлать что нибудь посильнѣе

(*) «Кіевскій Телеграфъ», № 11.

и не въ зачетъ барщины, сзываетъ всѣхъ крестьянъ, какъ то: отцовъ и матерей, сыновей и дочерей, ставитъ музыку, вывозитъ бочку водки и поитъ до нельзя. Вотъ искушеніе для бѣдныхъ крестьянъ! Когда увидишь здѣсь трезвость? Какая тутъ будетъ нравственность, и что успѣетъ пастырь съ своею проповѣдью! Впрочемъ каждый господинъ мужичка, рабочаго и мастероваго, за какую нибудь малую его услугу, подчуетъ водкою, или даетъ деньги на водку, и они на всякомъ шагу имѣютъ поводъ къ пьянству и всегда пьяны.»

Такъ вотъ въ чемъ дѣло-то! Тутъ въ дѣлѣ,—хоть опять тоже не въ отвѣтѣ, — уже не откупная команда... Невыносимо-тяжело становится на душѣ, когда сообразишь все, что дѣлается сознательно для помраченія простаго народа. Какъ совладать ему со всѣми направленными противъ него соблазнами? И точно: въ значительной части случаевъ онъ поддается имъ. Вотъ напримѣръ, извѣстіе, изъ котораго видно, что онъ даже легко поддается соблазнамъ (*).

«Намъ пишутъ изъ Чигиринскаго уѣзда».

«Мы были удивлены пріятнымъ образомъ, узнавъ, что въ нѣсколькихъ селеніяхъ государственныхъ, лежащихъ между Тясьминомъ и Днѣпромъ, на границѣ, раздѣляющей два уѣзда: Чигиринскій отъ Черкасскаго, — завелись между крестьянами общества трезвости. Разнеслись слухи, что священники получили указы свыше, повелѣвающіе имъ уговаривать крестьянъ къ воздержной жизни въ отношеніи употребленія водки. Слухъ этотъ принятъ былъ крестьянами съ сочувствіемъ. Откупщики зашевелились.... Они, говорятъ, обратились съ жалобой по принадлежности, но неизвѣстны до сихъ поръ результаты ихъ жалобъ».

«Къ сожалѣнію, крестьяне не совсѣмъ-то поняли нравственную цѣль воздержанія. Они вообразили, что это ничто иное, какъ тактика подрыва противъ откупа и сдѣлали обѣтъ не пить водки до тѣхъ поръ, пока откупъ не уменьшитъ цѣны въ раздробительной продажѣ. И дѣйствительно, они перестали пить откупную водку, но толпами переходили за Днѣпръ и Тясьминъ и тамъ пьянствовали въ шинкахъ по нѣскольку дней сряду. Когда въ одномъ селеніи окружной начальникъ посовѣтовалъ откупщику понизить цѣну водки, крестьяне, не удерживаемые никѣмъ, выпили ея больше во время праздниковъ, чѣмъ это дѣлали въ прежнее время. Правда, два-три священника взялись серьёзно за дѣло; но немного страннымъ образомъ. Они предупредили прихожанъ, что не войдутъ къ нимъ въ хату для исполненія требъ, ни съ крестомъ, ни съ молитвою, если тамъ будетъ водка. Эта суровая мѣра имѣла однакожь успѣхъ и нѣкоторыя селенія праздники провели безъ водки».

(*) Кіевскій телеграфъ, № 18.

Съ полнымъ сочувствіемъ смотримъ мы на всѣ дѣйствія священниковъ по дѣлу трезвости — и съ удовольствіемъ указываемъ еще одинъ примѣръ благотворнаго вліянія ихъ въ этомъ случаѣ на простой народъ. Въ Вятской губерніи тоже появилось впервые общество трезвости.

«Начало такому доброму дѣлу — пишутъ въ Вятскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ (*)—положено въ удѣльномъ имѣніи Сарапульскаго уѣзда, въ селѣ Мостовомъ, гдѣ народъ былъ преданъ пьянству едва ли не болѣе, чѣмъ во всемъ Сарапульскомъ уѣздѣ. Въ этомъ селѣ на 900 душъ, въ прежніе храмовые праздники, выпивалось вина на 600 руб. сер., и даже болѣе, но въ настоящемъ году не задолго до приходскаго праздника (28-го января, Ѳеодосія Тотемскаго) крестьяне составили приговоръ воздержаться отъ пьянства. Мы съ нетерпѣніемъ ждали этого дня, чтобъ увѣриться въ дѣйствительности приговора и убѣдиться, способны ли здѣшніе крестьяне къ воздержанію».

«Наступило 28-е января, къ этому дню я нарочно пріѣхалъ въ село Мостовое, и увѣрился, что пьяныхъ въ этомъ селѣ дѣйствительно не было. Чтобъ окончательно увѣриться въ твердости даннаго крестьянами обѣта, я нарочно предлагалъ крестьянину, отличавшемуся пьянствомъ, рюмку вина, но онъ рѣшительно отказался».

«Это событіе, какъ первое явленіе въ нашемъ краѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія, и подаетъ надежду, что примѣръ мостовинскихъ крестьянъ можетъ и долженъ произвесть благодѣтельное дѣйствіе на другія сосѣдственныя селенія. До насъ дошли достовѣрные слухи, что во многихъ селеніяхъ составились, и составляются приговоры о томъ, чтобы не пить вина въ праздники, въ которые прежде преимущественно народъ предавался пьянству».

«Было бы несправедливо не изъявить искренней благодарности виновникамъ описаннаго обстоятельства — мостовинскимъ священникамъ Александру Никольскому и Константину Филадельфову; особенно послѣдній изъ нихъ, постоянно по праздникамъ, простыми и совершенно понятными для крестьянъ проповѣдями, укорялъ ихъ въ пьянствѣ и увѣщевалъ къ трезвости. Я говорю это не по однимъ слухамъ, но самъ былъ тому свидѣтелемъ, когда мнѣ случалось быть при совершеніи литургіи въ селѣ Мостовомъ, гдѣ я часто бываю по дѣламъ службы. Намъ остается ожидать, что многіе сельскіе священники обратятъ вниманіе на примѣръ мостовинскихъ священниковъ и будутъ стараться своими простыми, вразумительными для простаго народа проповѣдями распространять начатое въ Вятской губерніи дѣло трезвости.»

Наконецъ и еще одно извѣстіе о трезвости.

«Слышно, пишутъ въ «Виленскомъ Вѣстникѣ», (№ 12), что многіе изъ виленскихъ евреевъ рѣшились вовсе не пить вина, или по крайней

(*) Вятскія губ. вѣд., № 8.

мѣрѣ пить менѣе прежняго. Отъ всей души поздравляемъ ихъ и желаемъ, чтобы это благородное направленіе проявилось и укоренилось между всѣми, особенно бѣдными евреями. Извѣстно, что до сихъ поръ самый бѣдный еврей, заработывающій въ сутки не болѣе 15 к. сер., питающійся селедкой, бобами и кускомъ хлѣба, выпивалъ въ день на 2½ к. с. вина, что составитъ въ годъ почти 18 руб. сер., а этой суммы достаточно было бы на уплату податей и на улучшеніе помѣщенія обыкновенно нанимаемаго бѣдными евреями обще съ другими семействами,—такъ что иногда въ одной небольшой комнатѣ живетъ ихъ до 20 человѣкъ. Богатые и благомыслящіе евреи, имѣющіе такое большое вліяніе на бѣдныхъ своихъ единовѣрцевъ, должны всѣми силами поддержать ихъ въ этомъ благомъ дѣлѣ».

Теперь, въ заключеніе этой части нашего обозрѣнія, мы приведемъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ изъ помѣщенной въ 47 номерѣ «Московскихъ Вѣдомостей», прекрасной статьи г. Смирнова: «Объ издержкахъ крестьянъ Рязанской губерніи на вино».

Въ 1857 году (цифры статьи г. Смирнова взяты за этотъ годъ) по городамъ и селеніямъ Рязанской губерніи было 250 питейныхъ домовъ и 35 штофныхъ лавочекъ. Въ этой губерніи сельское народонаселеніе состоитъ изъ 590,439 душъ мужескаго пола (202,191 душа казенныхъ крестьянъ, 383,248 душъ помѣщичьихъ); значитъ одинъ кабакъ (не считая временныхъ выставокъ (*), приходится на 2,997 душъ; — отдѣльно же, по кабаку на 1,357 д. казенныхъ крестьянъ и на 8,088 помѣщичьихъ (въ селеніяхъ помѣщичьихъ всего 42 кабака). Годовая пропорція вина, которую откупщики обязаны были выбрать въ 1857 г., составляла по Рязанской губерніи 547,180 ведеръ; но сверхъ этого, они взяли еще 184,648 ведеръ по заготовительной цѣнѣ. За все это вино взнесли они въ казну: за обязательную годовую пропорцію—1,623,935 р., акцизной суммы 560,300 р., за излишне-взятое вино, до 110,000 р.; всего до 2,294,235 р. По акцизно-откупнымъ условіямъ полугаръ долженъ былъ идти въ продажу по 3 рубля за ведро всякою мѣрою; на самомъ же дѣлѣ, вино продавалось, подъ названіемъ очищеннаго: ведрами, полуведрами по 4 р. 50 коп., штофами, полуштофами и чарками по 6 руб. Предположивъ, что изъ всей пропорціи вина одна половина продана ведрами, а другая мелкими мѣрами (**), оказывается, что за одну половину (по 4 руб. 50 коп.) за ведро откупщики получили 1,646,613 р., а за другую по 6 руб. за ведро) 2,195,484 руб., всего 3,842,097 р. а

(*) Этихъ выставокъ — 62.

(**) Мелкими мѣрами вино расходится больше, но г. Смирновъ беретъ наименьшія цифры.

полагая къ этому самую умѣренную прибавку воды (*) и обмѣръ почти незамѣтный, — при продажѣ вина крупными мѣрами въ $^1/_4$ штофа на ведро, а при розничной продажѣ въ 1 штофъ, — составится еще 65,864 ведра воды, за которыя откупщики тоже получили (по разсчету автора) 284,177 руб. Къ этому должно прибавить акцизъ съ трактирныхъ заведеній, съ продажею виноградныхъ винъ, съ меду, пива, лаковъ, политуры, денежные штрафы съ сидѣльцевъ (преслѣдованіе злоупотребленій сидѣльцевъ предоставляется откупщикамъ), корчемство виномъ; — такъ, что сумма, вырученная откупщиками Рязанской губерніи въ 1857 году, составляетъ въ наименьшемъ размѣрѣ своемъ, по мнѣнію автора, 4,472,060 рублей. — Народонаселеніе Рязанской губерніи состоитъ изъ 1,361,506 душъ обоего пола, выключивъ изъ этого числа женщинъ и 35% дѣтей до пятнадцатилѣтняго возраста, остается 429,874 человѣка, могущихъ пить вино. Распредѣливъ на это число потребителей вина, вышеприведенную цифру дохода откупщиковъ, именно 4,470,060 руб. мы найдемъ, что на каждаго потребителя причитается по 10 рублей $40^1/_3$ коп. въ годъ. А такъ какъ помѣщичьи крестьяне пьютъ гораздо менѣе казенныхъ (по безпристрастному отзыву помѣщиковъ-хозяевъ въ этомъ случаѣ нельзя полагать болѣе $^1/_2$ ведра на душу), то авторъ находитъ, что на 202,191 душу государственныхъ крестьянъ мужескаго пола приходится вина 446,855 ведеръ на сумму 2,505,106 руб., то есть на каждую душу по 12 руб. 39 коп.

Не много нужно соображенія, чтобъ оцѣнить вліяніе этихъ громадныхъ издержекъ на домашній бытъ сельскаго населенія Рязанской губерніи, въ особенности же на бытъ казенныхъ крестьянъ, — понятна становится и связь этихъ издержекъ съ исполненіемъ крестьянами государственныхъ повинностей и съ податными недоимками, составляющими до сего времени камень преткновенія для администраціи.

Г. Смирновъ приводитъ еще слѣдующій любопытный разсчетъ; крестьянами помѣщичьими и государственными, въ теченіе 1858 г. выпито вина 653,365 ведеръ; на заготовленіе этого количества потребно не болѣе 93,338 четвертей ржи. Полагая по цѣнамъ 1857 г. по 3 руб. за четверть, найдемъ, что крестьяне получили за упомянутое количество ржи 280,014 руб.; при возвращеніи же имъ этой ржи въ видѣ вина, они заплатили 3,430,166 руб. Если исключимъ изъ этой суммы 2,048,268 руб., внесенные откупщиками въ

(*) § 13 откупныхъ условій дозволяется понижать доброту вина на 3 градуса (3 чарки воды на ведро), авторъ допускаетъ разбавку вина водою только на 6 градусовъ, — что, по всей вѣроятности, уже черезчуръ скромно.

казну, то окажется, что съ крестьянъ Рязанской губерніи въ 1858 г. поступило, исключительно въ пользу откупа, 1,101,884 руб., а съ присоединеніемъ 308,679 руб. за воду да 253,707 руб. за обмѣръ — всего 1,664,270 руб.... «Во всякомъ случаѣ, говоритъ авторъ, нельзя не пожалѣть, что столь почтенная сумма крестьянскихъ издержекъ на вино и на обогащеніе откупщиковъ, такъ глупо и безполезно растрачена. Употребленная на покупку соли, мяса или необходимыхъ сельскихъ принадлежностей, она могла бы содѣйствовать улучшенію домашняго быта болѣе мильона жителей; внесенная же въ уѣздное казначейство, на уплату податей и другихъ денежныхъ сборовъ, она освободила бы многихъ несостоятельныхъ плательщиковъ отъ большихъ огорченій, спасла бы ихъ отъ разстройства хозяйства...»

— Отъ этихъ фактовъ «народнаго хозяйства», мы можемъ опять обратиться къ проэктамъ улучшеній по финансовой части, обнародованнымъ недавно министерствомъ финансовъ.

Коммиссія, обсуждавшая вопросъ о земскихъ банкахъ окончила труды свои и экземпляръ ихъ недавно доставленъ намъ при бумагѣ слѣдующаго содержанія:

«Прилагаемые при семъ труды коммиссіи, высочайше учрежденной для устройства земскихъ банковъ, отпечатаны по распоряженію министерства финансовъ, съ высочайшаго соизволенія Государя Императора, для распубликованія и распространенія этого изданія во всеобщее свѣдѣніе, до окончательнаго утвержденія предположеній коммиссіи въ законодательномъ порядкѣ».

«Вслѣдствіе сего, министерство финансовъ, препровождая одинъ экземпляръ трудовъ коммиссіи, покорнѣйше проситъ оказать зависящее содѣйствіе, какъ къ ознакомленію публики съ свѣдѣніями, собранными коммиссіею и ея предположеніями относительно устройства земскихъ банковъ въ имперіи, такъ и *къ обсужденію въ литературѣ возбуждаемыхъ ими предположеніями вопросовъ. Участіе въ этомъ дѣлѣ нашей ученой и повременной литературы можетъ, по убѣжденію министерства финансовъ, служить къ распространенію здравыхъ экономическихъ понятій о кредитѣ, необходимыхъ для успѣха будущихъ кредитныхъ учрежденій, а также къ облегченію самаго разрѣшенія финансовыхъ и административныхъ вопросовъ*, общихъ и въ особенности мѣстныхъ, связанныхъ съ преобразованіемъ нашей банковой системы».

Здѣсь не мѣсто разбирать выводы коммиссіи. Мы пока познакомимъ только нашихъ читателей съ главнѣйшими изъ общихъ началъ, принятыхъ ею въ проэктируемомъ положеніи о земскихъ банкахъ.

Признавая невозможнымъ сдѣлать существенныя преобразованія въ нашихъ кредитныхъ установленіяхъ по поземельному кредиту, съ

сохраненіемъ за ними характера казенныхъ учрежденій, коммиссія положила принять за основаніе и цѣль своихъ предположеній систему частныхъ банковъ безъ правительственной гарантіи. Изъ двухъ системъ банковъ, она отдала предпочтеніе системѣ землевладѣльческихъ компаній *заемщиковъ*, которыя производятъ ссуды выпускомъ закладныхъ листовъ, приносящихъ извѣстные проценты и обезпеченныхъ, кромѣ спеціальной ипотеки, имѣніемъ, подъ которое выдается ссуда, также совокупностію всѣхъ заложенныхъ имѣній, то есть круговымъ ручательствомъ заемщиковъ другъ за друга; а затѣмъ, учрежденіе земскихъ банковъ по другой системѣ, то есть акціонерными компаніями *заимодателей*, капиталистовъ, по мнѣнію коммиссіи, можетъ быть разрѣшаемо, на основаніи общаго закона о товариществахъ на паяхъ, но во всякомъ случаѣ безъ присвоенія такимъ компаніямъ исключительныхъ привиллегій и какихъ бы то ни было монополій.

Управленіе дѣлами земскихъ банковъ и назначеніе всѣхъ должностныхъ лицъ должно быть, по мнѣнію коммиссіи, предоставлено самимъ земскимъ кредитнымъ обществамъ, которыя и должны пользоваться совершенною самостоятельностью, ибо только такая самостоятельность можетъ сдѣлать дѣйствительною отвѣтственность этихъ обществъ по принимаемымъ ими на себя обязательствамъ. Впрочемъ коммиссія находитъ необходимымъ правительственный надзоръ за дѣйствіями земскихъ банковъ, который и долженъ заключаться въ обезпеченіи точнаго соблюденія утвержденныхъ уставовъ, но безъ вмѣшательства агентовъ правительственнаго надзора въ распоряженія по операціямъ банковъ; кромѣ того, контроль за дѣйствіями управленій земскихъ банковъ долженъ быть обезпеченъ еще слѣдующими мѣрами: 1) гласностью всѣхъ операцій земскихъ банковъ и обязательною для управленія публикаціею свѣдѣній о ихъ дѣйствіяхъ; 2) надзоромъ со стороны членовъ земскаго кредитнаго общества и 3) надзоромъ со стороны владѣльцевъ закладныхъ листовъ.

Коммиссія признала также полезнымъ учрежденіе многихъ земскихъ кредитныхъ товариществъ, другъ отъ друга совершенно независимыхъ. Въ этомъ мнѣніи она руководствовалась главнѣйше слѣдующими соображеніями: а) всѣ внутреннія условія довѣрія къ земскимъ кредитнымъ знакамъ гораздо лучше обезпечиваются мѣстными банками, чѣмъ центральными, хотя послѣдніе и обладаютъ тѣмъ преимуществомъ, что закладные листы центральнаго банка скорѣе находятъ сбытъ на денежномъ рынкѣ, быстрѣе входятъ въ публичное обращеніе и легче могутъ получить значеніе на иностранныхъ банкахъ; б) при центральномъ ипотечномъ учрежденіи

неизбѣжно появленіе биржевой спекуляціи, которая можетъ быть пагубна для правильнаго развитія поземельнаго кредита и в) всякое потрясеніе въ кредитѣ банковыхъ бумагъ, которое въ системѣ мѣстныхъ банковъ должно ограничиться небольшимъ райономъ, можетъ принять при центральномъ учрежденіи огромные размѣры. При томъ, мѣстныя ипотечныя учрежденія облегчаютъ оцѣнку имѣній, надзоръ участниковъ и другія распоряженія, относящіяся къ обезпеченію кредита компаній. — Вмѣстѣ съ тѣмъ, коммиссія полагаетъ не ограничивать учрежденія земскихъ банковъ числомъ одного для каждой мѣстности и для одной и той же категоріи имуществъ, а для размѣра операцій каждаго банка считаетъ нужнымъ опредѣлить географическій районъ.

Какъ общее правило пріема недвижимыхъ имуществъ въ залогъ по ссудамъ, коммиссія сочла необходимымъ предъявить лишь то условіе, чтобы закладываемыя имущества имѣли постоянную цѣну и могли приносить владѣльцу постоянный доходъ. Эта цѣнность и доходъ подлежатъ опредѣленію посредствомъ тѣхъ или другихъ способовъ оцѣнки. Въ проэктѣ положенія о земскихъ кредитныхъ обществахъ признано возможнымъ указать лишь общія основанія оцѣнки; затѣмъ самыя правила ея должны быть проэктируемы и представляемы на утвержденіе правительства самими учредителями. Представляемъ здѣсь относящіяся къ этому статьи проэкта положенія:

«25) Ссуды земскихъ банковъ не должны вообще превышать одной половины оцѣночной суммы закладываемаго имущества.

«121) Для выдачи каждой ссуды изъ банка, долженъ быть составленъ по каждому закладываемому имуществу особый оцѣночный актъ, въ порядкѣ и за отвѣтственностью лицъ, указанныхъ въ уставѣ. Каждый оцѣночный актъ утверждается правленіемъ банка, выдающимъ ссуду.

«122) Въ каждомъ уставѣ должно быть опредѣлено время, на которое дѣйствителенъ оцѣночный актъ.

«123) Земскія кредитныя общества могутъ назначать особыя лица, для производства оцѣнокъ, съ отвѣтственностью передъ обществомъ въ ихъ правильности. Эти лица могутъ и не принадлежать къ составу общества; но въ такомъ случаѣ, они, въ качествѣ экспертовъ, производятъ оцѣнки, подъ наблюденіемъ мѣстныхъ членовъ общества. Мѣра отвѣтственности оцѣнщиковъ опредѣляется въ частныхъ уставахъ.

«124) Въ каждомъ обществѣ можетъ быть учреждаема особая коммиссія изъ членовъ и экспертовъ, для оцѣнокъ. Такая коммиссія, которая бы наблюдала за всѣми оцѣнками, повѣряетъ ихъ, изыскиваетъ лучшіе способы для производства оцѣночныхъ операцій, начертываетъ инструкціи цѣновщикамъ и несетъ отвѣтственность по оцѣнкамъ, вмѣ-

стѣ съ правленіемъ, выдающимъ ссуды. Оцѣночная коммиссія, если она постоянная, должна быть избираема общимъ собраніемъ членовъ, или въ общемъ засѣданіи правленія и комитета членовъ.

«125) Въ уставахъ долженъ быть опредѣленъ порядокъ разсмотрѣнія жалобъ и неудовольствій заемщиковъ, относительно оцѣнокъ.

«126) Земскіе банки могутъ, по желанію заемщиковъ, исключать изъ оцѣнки нѣкоторыя части принадлежности или угодья закладываемыхъ имуществъ и затѣмъ освобождать оныя отъ отвѣтственности по ссудамъ, сдѣланнымъ подъ имѣнія.»

При постановленіяхъ своихъ относительно родовъ недвижимыхъ имуществъ, которые могутъ быть закладываемы въ земскихъ банкахъ, коммиссія имѣла въ виду:

1) Что дома тоже могутъ служить предметомъ ипотечныхъ операцій; но что пріемъ въ залогъ ихъ должно ограничить лишь городскими домами;

2) Что земскимъ банкамъ должны быть дозволены ссуды подъ имущество казенныхъ и общественныхъ учрежденій, сословій и вообще юридическихъ лицъ; но не иначе, какъ только въ тѣхъ случаяхъ и подъ такія имущества, когда послѣднія могутъ подлежать условіямъ оцѣнки, залога и взысканія съ нихъ долговъ, наравнѣ съ имуществами частныхъ лицъ.

3) Во всѣхъ кредитныхъ операціяхъ земскихъ банковъ съ казною должно быть совершенное равенство правъ и обязанностей, въ отношеніи къ банкамъ, между казною и частными лицами.

Съ преобразованіемъ въ бытѣ помѣщичьихъ крестьянъ, предпринятымъ правительствомъ, порядокъ залога помѣщичьихъ имѣній въ земскихъ банкахъ долженъ измѣниться противъ бывшаго доселѣ порядка. Коммиссія обратила особенное вниманіе *на помѣщичьи недвижимыя имѣнія*. Вопросъ, требовавшій здѣсь ея обсужденія, заключается въ томъ: какую цѣнность могутъ имѣть для будущихъ банковъ, какъ обезпеченіе выданныхъ ссудъ, тѣ части помѣщичьихъ имѣній, или тѣ земли, которыя будутъ находиться въ обязательномъ для помѣщика пользованіи крестьянъ?

Въ высочайшихъ рескриптахъ указано слѣдующее главное основаніе улучшенія быта крестьянъ:

«Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и по-

мѣщикомъ, количество земли, за которое они платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику.»

Согласно таковой высочайшей волѣ, помѣщичьи крестьяне, въ теченіе извѣстнаго періода, будутъ находиться къ своимъ помѣщикамъ въ отношеніяхъ *срочно-обязанныхъ*, то есть за пользованіе землею будутъ отбывать имъ повинности денежныя (оброкъ) или натуральныя (барщина). Въ періодъ этотъ помѣщикъ, сохраняя право собственности на все пространство имѣнія, въ томъ числѣ и на усадьбы и землю, находящіяся въ пользованіи крестьянъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняетъ право отчужденія и заклада на все имѣніе въ общемъ его составѣ, то есть и съ крестьянскими усадьбами и съ землями; но очевидно, эта послѣдняя часть имѣнія будетъ представлять, какъ для помѣщика, такъ и для его кредитора по залогу имѣнія лишь цѣнность, заключающуюся въ повинностяхъ денежныхъ и натуральныхъ, которыя будутъ опредѣлены постановленіями правительства. Значитъ, въ отношеніи къ земскимъ банкамъ представляется различіе въ *степени цѣнности и благонадежности* залога по ссудамъ: между частью имѣнія, состоящею изъ господской усадебной земли и господскихъ и фольварочныхъ земель и угодій, и крестьянскими усадьбами и землями. Какую же степень благонадежности можетъ представлять для земскихъ банковъ эта послѣдняя часть помѣщичьяго имѣнія? Вопросъ тѣмъ болѣе важный, что эта часть имѣнія можетъ подлежать выкупу въ собственность крестьянъ при содѣйствіи правительства.

Собравъ свѣдѣнія о правилахъ, которыми руководствуются въ подобныхъ случаяхъ германскіе земскіе банки, принявъ также во вниманіе интересъ самихъ владѣльцевъ упомянутыхъ выше имѣній или заемщиковъ банковъ, интересъ или успѣхъ дѣла по выкупу крестьянами въ собственность земли и наконецъ интересъ самихъ банковъ, коммиссія вошла въ слѣдующія соображенія:

«1) Въ повинностяхъ срочно-обязанныхъ крестьянъ въ пользу помѣщика надо различать разныя категоріи, которыя будутъ различно обусловливать доходы и цѣнности имѣнія, и потому не могутъ имѣть одинаковаго значенія въ настоящемъ вопросѣ. Во-первыхъ, необходимо отличать натуральныя повинности крестьянъ отъ денежныхъ или барщину отъ оброка. Барщинская повинность является самымъ неблагонадежнымъ для банка элементомъ обезпеченія кредита не только по своему собственному внутреннему характеру, но и вслѣдствіе той непроизводительной системы хозяйства въ имѣніи, которая обусловливается извлеченіемъ дохода изъ барщины. Эта повинность во всѣхъ земскихъ банкахъ Германіи безусловно исключается изъ оцѣнки имѣнія. Оброчная и регулированная повинность представляется болѣе проч-

нымъ элементомъ цѣнности имѣнія и большая часть германскихъ банковъ принимаетъ ее въ оцѣнку; но и относительно регулированной повинности дѣлается ими различіе между повинностію *подлежащею обязательному выкупу*, которая большею частію не принимается въ оцѣнку, и *не подлежащею такому выкупу*. Первая категорія, то есть повинность, выкупъ коей дѣлается обязательнымъ по требованію одной изъ сторонъ, есть принадлежность имѣнія гораздо болѣе шаткая, нежели вторая категорія, то есть повинность, выкупаемая безъ вмѣшательства закона и правительственной власти. — Эти двѣ категоріи повинностей, различаемыя въ Германіи, можно найти и въ повинностяхъ нашихъ будущихъ срочно-обязанныхъ крестьянъ, основываясь на извѣстныхъ доселѣ распоряженіяхъ и предположеніяхъ правительства по сему предмету. Земля, пользованіе которою будетъ обложено этими повинностями, заключаетъ въ себѣ усадьбы и земельный надѣлъ. Крестьяне получатъ право на выкупъ усадьбъ, обязательный для помѣщика въ случаѣ несогласія его на выкупъ земельнаго надѣла, который выкупается не иначе, какъ по полюбовному соглашенію. Слѣдовательно, извѣстная часть повинностей, соотвѣтствующая пользованію усадьбами, будетъ находиться въ гораздо меньшей зависимости отъ воли помѣщика, и потому будетъ менѣе входить въ постоянную экономическую цѣнность имѣнія, нежели та часть повинности, которая соотвѣтствуетъ пользованію земельнымъ надѣломъ. Полагая возможнымъ допустить пріемъ банками, въ цѣнности залоговъ, оброчныя или денежныя повинности, соотвѣтствующія земельному крестьянскому надѣлу, безъ усадьбы, комиссія нашла однако, что оброчная повинность можетъ быть не иначе принимаема за часть дохода заключающагося помѣщичьяго имѣнія, какъ со скидкою извѣстнаго количества процентовъ съ представляемаго повинностію капитала, по примѣру германскихъ банковъ, убавляющихъ цѣнность повинностей, при оцѣнкѣ, отъ 25 до 50%.

«2) Если такимъ образомъ владѣльцы имѣній съ крестьянами, переведенными съ барщины на оброчное положеніе, будутъ имѣть болѣе доступа къ кредиту, нежели владѣльцы имѣній, остающихся на барщинѣ, то это не будетъ вообще стѣснительно для благоустройства въ помѣщичьихъ хозяйствахъ; ибо въ пособіи и въ капиталахъ будутъ преимущественно нуждаться тѣ помѣщики, которые захотятъ устроить свое хозяйство на основаніи вольнонаемнаго труда, и затѣмъ войдутъ въ согласія съ крестьянами относительно перевода ихъ повинностей съ барщины на оброкъ.

«3) Распространеніе оцѣнки закладываемаго имѣнія на оброчныя повинности срочно-обязанныхъ крестьянъ со скидкою нѣсколькихъ процентовъ при оцѣнкѣ не можетъ нанести значительнаго ущерба земскимъ банкамъ, если будетъ предоставлено имъ *преимущественное* право на полученіе, въ счетъ уплаты долга по имѣнію, капитала, поступающаго въ вознагражденіе помѣщика по выкупу.

«4) Выдача ссудъ подъ имѣнія, населенныя срочно-обязанными крестьянами, не можетъ, при такихъ условіяхъ, преградить также путь

выкупнымъ операціямъ, если за помѣщиками заложенныхъ имѣній будетъ сохранено право на заключеніе выкупныхъ сдѣлокъ съ крестьянами; ибо ссуды подъ имѣнія съ оброчными крестьянами не могутъ при сбавкѣ съ цѣнности повинностей быть вообще выгоднѣе для заемщиковъ, чѣмъ выкупная операція и вмѣстѣ съ нею ссуда изъ банка, по крайней мѣрѣ не настолько выгоднѣе, чтобъ имѣть опасное вліяніе на развитіе выкупа; въ тоже время свободный доступъ къ кредиту и для такихъ помѣщиковъ, которые по какимъ либо причинамъ не сошлись еще въ выкупныхъ условіяхъ съ крестьянами, содѣйствуетъ къ обезпеченію за выкупными сдѣлками полюбовнаго характера, согласно видамъ на это дѣло со стороны правительства.

«5) Наконецъ, возможно меньшее стѣсненіе въ ипотечныхъ ссудахъ должно облегчить образованіе земскихъ банковъ; обязательное же для нихъ исключеніе изъ цѣнности залоговъ, повинностей срочно обязанныхъ крестьянъ, значительно уменьшило бы, по крайней мѣрѣ на первое время, массу матеріала для операцій земскихъ банковъ; ибо помѣщичьи земли далеко не вдругъ получатъ цѣнность совершенно самостоятельную и вовсе независимую отъ населяющихъ имѣнія срочно-обязанныхъ крестьянъ. Между тѣмъ скорѣйшее устройство земскихъ банковъ, которые въ глазахъ многихъ могутъ служить лучшими посредниками или орудіями выкупныхъ операцій, весьма близко даже интересамъ этихъ самыхъ операцій.

«По всѣмъ этимъ соображеніямъ, коммиссія признала:

«1) Что при залогѣ въ земскихъ банкахъ имѣній, населенныхъ срочно-обязанными крестьянами, можетъ быть принимаемъ въ счетъ общей цѣнности залога регулированный оброкъ крестьянъ, со всѣми тѣми ограниченіями, кои указаны выше въ соображеніяхъ.

«2) Что барщинская повинность не должна быть при этомъ принимаема въ цѣнность залога.»

А затѣмъ введены коммиссіею въ проэктъ ея слѣдующія статьи.

«119) Въ помѣщичьихъ населенныхъ имѣніяхъ, цѣнность земель, находящихся въ пользованіи крестьянъ, опредѣляется не иначе, какъ соразмѣрно повинностямъ, отправляемымъ крестьянами въ пользу помѣщика. Затѣмъ принимаются въ цѣнность залога только повинности денежныя или оброкъ, и притомъ постоянныя, отправляемыя согласно правиламъ, кои будутъ на сей предметъ изданы правительствомъ. Изъ денежной повинности исключается та часть ея, которая приходится за пользованіе усадьбами, подлежащими отдѣльному отъ полевыхъ угодій выкупу. Натуральныя повинности, или всякія барщинскія и другія обязательныя работы крестьянъ, не включаются въ счетъ цѣнности имѣнія.

«120) Крестьянскія повинности капитализируются изъ 6%. Полученный итогъ сбавляется на извѣстное количество процентовъ, въ уставѣ отъ 25% до 50%; остатокъ представляетъ собою оцѣночную сумму

этой части имѣнія, соразмѣрно которой выдается ссуда (то-есть согласно ст. 25, до $^1/_2$).»

Мы представили вполнѣ соображенія и заключенія коммиссіи по вопросу о пріемѣ въ залогъ имѣній, населенныхъ срочно-оброчными крестьянами, потому что тутъ всего болѣе выражается практическая сторона вопроса о развитіи у насъ въ настоящеее время земскаго кредита. Изъ остальныхъ положеній коммиссіи мы представимъ слѣдующіе пункты.

«Коммиссія вошла въ соображенія относительно имуществъ, уже заложенныхъ въ нынѣшнихъ кредитныхъ установленіяхъ. Она указала на два главныя направленія, которыя можетъ принять выдача ссудъ новыми банками подъ имущества, еще не очистившія своихъ обязательствъ передъ старыми кредитными учрежденіями, — или на двѣ системы перезалога имѣній:

«1) Выдача ссудъ новыми банками *подъ вторую ипотеку*, т. е. съ причисленіемъ новыхъ ссудъ ко второму разряду долговъ на заложенныхъ имуществахъ, подлѣ ссудъ изъ старыхъ банковъ, которые бы пользовались первою ипотекой, или преимуществомъ взысканія. Эта система поставила бы новые земскіе банки въ совершенную зависимость отъ кредитора по первой ипотекѣ, главнаго распорядителя по взысканію долговъ съ имущества, т. е. отъ казны.

«2) Перезалогъ могъ бы производиться съ условіемъ непремѣннаго *очищенія* всѣхъ долговъ передъ старыми кредитными учрежденіями.

«Эта система, заключающаяся вообще въ переводѣ неочищенныхъ долговъ со старыхъ кредитныхъ учрежденій на новыя, можетъ быть примѣнена въ практикѣ двумя способами: a) выдачею старымъ кредитнымъ учрежденіямъ, изъ новыхъ, кредитныхъ знаковъ на всю сумму, состоящихъ на перезакладываемыхъ имуществахъ, въ пользу первыхъ, долговъ; b) переводомъ долговъ по счетамъ, безъ выдачи старымъ кредитнымъ учрежденіямъ кредитныхъ знаковъ.

«При обоихъ этихъ способахъ перезалога, въ рукахъ старыхъ кредитныхъ учрежденій или казны сосредоточится въ весьма скоромъ времени бо́льшая часть кредитныхъ знаковъ новыхъ земскихъ банковъ, т. е. правительство можетъ сдѣлаться главнѣйшимъ ихъ кредиторомъ или вкладчикомъ; ибо, по всѣмъ вѣроятностямъ, должно ожидать, что значительнѣйшая часть требованій на ссуды изъ новыхъ земскихъ банковъ послѣдуетъ со стороны имѣній, уже заложенныхъ въ старыхъ. Это обстоятельство, о которомъ коммиссія сочла неналишнимъ упомянуть, не должно служить препятствіемъ къ обращенію новыхъ кредитныхъ бумагъ, а скорѣе даже можетъ содѣйствовать прочности ихъ курсовъ.

«Коммиссія не упустила изъ виду и тѣхъ затрудненій, которыя стояли на пути образованія у насъ земскихъ кредитныхъ обществъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Эти затрудненія болѣе или менѣе двухъ родовъ: *во первыхъ*, нашему землевладѣльческому классу недо-

стаетъ духа товарищества и единства, и затѣмъ—предпріимчивости или *иниціативы. Во вторыхъ*, можно опасаться, что кредитныя бумаги, выпущенныя частными товариществами, и не приносящія притомъ высокихъ процентовъ, нескоро найдутъ у насъ легкій сбытъ и нескоро привлекутъ къ поземельному кредиту значительные капиталы, которые при нынѣшнемъ состояніи нашего денежнаго и кредитнаго рынка, не изобилуютъ и нерасположены къ долгосрочнымъ затратамъ. Итакъ, препятствіе къ развитію у насъ поземельнаго кредита на раціональныхъ началахъ вообще заключаются въ трудности, какъ собственно *первоначальнаго учрежденія земскихъ банковъ*, такъ и *обращенія ихъ кредитныхъ знаковъ*.

«Съ другой стороны коммиссія приняла во вниманіе настоятельную потребность нашей поземельной собственности въ кредитѣ, въ особенности въ кругу сельскаго хозяйства, нынѣ, наканунѣ коренныхъ переворотовъ въ своей судьбѣ, болѣе, чѣмъ когда либо, нуждающагося въ кредитѣ, которымъ землевладѣльцы наши привыкли издавна беззаботно пользоваться, при посредствѣ государственныхъ кредитныхъ установленій.

«Поэтому она признала необходимымъ указать на нѣкоторыя переходныя мѣры, въ видѣ облегченія образованія земскихъ кредитныхъ товариществъ.»

«Для облегченія образованія самаго учрежденія земскихъ кредитныхъ обществъ, или восполненія недостатка иниціативы между землевладѣльцами, самымъ естественнымъ и ближайшимъ способомъ было бы разрѣшеніе открывать ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ при приказахъ общественнаго призрѣнія, которые могли бы въ этомъ случаѣ служить центромъ соединенія для мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Для этого, при приказахъ могутъ быть открываемы особыя земскія кредитныя отдѣленія, которыя, постепенно развиваясь, перейдутъ въ самостоятельныя кредитныя общества, на началахъ полнаго и независимаго частнаго товарищества, согласно основаніямъ проэкта положенія о земскихъ кредитныхъ обществахъ.

«При приказахъ могутъ соединяться не только владѣльцы имѣній, уже заложенныхъ въ сихъ приказахъ или въ другихъ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ; но и новые заемщики. Впрочемъ открытіе операцій подъ залогъ имѣній при приказахъ, ни въ какомъ случаѣ, по мнѣнію коммиссіи, не должно быть *учреждаемо* самимъ правительствомъ, а можетъ быть лишь *разрѣшаемо*, не иначе, какъ по особому о томъ вызову и ходатайству со стороны мѣстныхъ землевладѣльцевъ или дворянства.

«Для устраненія другаго препятствія въ образованіи земскихъ банковъ, именно недовѣрія капиталистовъ къ земскимъ кредитнымъ бумагамъ, коммиссія допускаетъ вмѣшательство, на первое время, правительства, которое должно сосредоточиться *въ наблюденіи за правильностью* операцій образовавшагося при приказѣ товарищества заемщиковъ. Правительство можетъ взять на себя обезпеченіе правильнаго выполненія обя-

зательствъ, связанныхъ съ закладными листами: точной уплаты процентовъ и возврата капитала, посредствомъ постепеннаго выкупа листовъ изъ обращенія; обезпеченіе же это должно состоять: въ устройствѣ операцій по ссудамъ и выпускамъ закладныхъ листовъ на правильныхъ основаніяхъ; ближайшее наблюденіе за точностью выполненія всѣхъ условій, необходимыхъ для обезпеченія владѣльцевъ закладныхъ листовъ, и наконецъ, въ обращеніи,—при явномъ со стороны непосредственныхъ распорядителей, послабленіи,—взысканій на подлежащіе залоги и лица. Хотя обезпеченіе правительствомъ частныхъ обязательствъ есть ненормальное условіе кредита, однако, по мнѣнію коммиссіи, оно вынуждается исключительными обстоятельствами времени: давъ свое обезпеченіе, правительство покажетъ примѣръ довѣрію къ закладнымъ листамъ и будетъ способствовать этимъ ихъ сбыту.—Кромѣ того, коммиссія находитъ возможнымъ, чтобы правительство и другимъ еще образомъ содѣйствовало распространенію въ обществѣ довѣрія къ закладнымъ листамъ, а именно: принятіемъ въ уплату этихъ листовъ, по старымъ банковымъ долгамъ.

Контроль правительства за операціями по залогу недвижимыхъ имуществъ, при приказахъ общественнаго призрѣнія, можетъ быть производимъ чрезъ посредство непремѣннаго члена приказа, но вообще характеръ управленія дѣлами земскихъ кредитныхъ отдѣленій приказовъ долженъ соотвѣтствовать началу круговаго ручательства имѣній и товариществу заемщиковъ, полагаемому въ основаніе всѣхъ операцій по ссудамъ. Потому и слѣдовало бы предоставить выборъ и назначеніе должностныхъ лицъ самимъ заемщикамъ. Послѣдніе могутъ избирать членовъ земскаго кредитнаго отдѣленія, которые вмѣстѣ съ непремѣннымъ членомъ приказа будутъ завѣдывать кредитными операціями. Коммиссія также находитъ, что начальниковъ губерніи слѣдуетъ вовсе освободить отъ непосредственнаго надзора за земскими кредитными отдѣленіями: предсѣдательствовать въ отдѣленіяхъ, по ея мнѣнію, могутъ предводители дворянства или иныя лица, по выбору заемщиковъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны заемщики свыкнутся съ дѣломъ управленія операціями земскаго банка, а съ другой—для нихъ окажется побужденіе перейти къ полному земскому кредитному обществу.

Здѣсь мы оканчиваемъ наше извлеченіе изъ трудовъ коммиссіи о земскихъ банкахъ. Главныя положенія ея и подробности составленнаго ею проэкта устава, будутъ конечно разобраны литературою отчетливо. Она *должна* отвѣчать на вызовъ къ ея содѣйствію. Конечно, и по собственному своему побужденію, она поступитъ въ настоящемъ случаѣ иначе, какъ было по поводу готовящагося у насъ преобразованія государственнаго контроля. Въ прошломъ году «Морской Сборникъ» вызывалъ людей, интересующихся этимъ важнымъ дѣломъ, къ обсужденію его, — но, сколько намъ извѣстно, вызовъ остался безъ послѣдствій. Это было не совсѣмъ-

то предусмотрительно со стороны литературы, — вѣдь пожалуй, на основаніи такого обстоятельства, и о ней сдѣлаютъ заключеніе, что она тоже недозрѣла.... Любопытно будетъ видѣть, какъ станутъ судить о трудахъ коммиссіи: сдается намъ, что найдутся такіе глубокомысленные люди, которые только и будутъ толковать о преимуществахъ той или другой системы земскихъ банковъ — и тутъ, конечно, съ блестящей стороны выкажутъ свои глубокія познанія въ финансовой наукѣ. Но мы думаемъ, что въ этомъ вопросѣ слѣдуетъ разсуждать совсѣмъ объ иномъ, а именно: какъ должно примѣнить дѣло учрежденія земскихъ банковъ къ нашему обществу, въ которомъ, — не говоря уже о совершенномъ недостаткѣ правильныхъ понятій о всякихъ финансовыхъ операціяхъ, — преобладаетъ у большинства полная безпечность къ своимъ собственнымъ интересамъ, соединенная съ незнаніемъ цѣнностей имуществъ и условій, при которыхъ цѣнности эти необходимо мѣняются, а съ другой — господствуетъ «особливая» заботливость о своихъ интересахъ и безпрестанное стремленіе оберегать ихъ всячески монополіями и привиллегіями.

Между тѣмъ частная предпріимчивость уже сильно возбуждена мыслію объ учрежденіи земскихъ банковъ. Въ Москвѣ учреждается ипотечный банкъ для залога недвижимыхъ имуществъ и домовъ. «Акціонеръ» говоритъ, что въ основаніи этого банка принимаютъ дѣятельное участіе гг. Вогау, Кошелевъ, Солдатенковъ, Хлудовъ, Ценкеръ и Анановъ. Политико-Экономическій Указатель извѣщалъ, что нѣсколько домовладѣльцевъ и землевладѣльцевъ Петербурга и его окрестностей представили министерству финансовъ проэктъ устава поземельнаго банка для города Петербурга и его губерніи. Банкъ этотъ устроивается безъ акцій, на правилахъ взаимности, съ правомъ принимать недвижимое имущество, по желанію владѣльцевъ, на время отъ одного года до 56 лѣтъ, съ платежемъ какъ процентовъ, такъ погашенія прочихъ расходовъ вообще, по $4^3/_4\%$ въ годъ. Въ самое короткое время болѣе-чѣмъ на два милліона серебромъ подписалось желающихъ владѣльцевъ. Эта первоначальная подписка представлена уже министерству финансовъ. Открытая по сему вторая подписка успѣшно продолжается. Въ прошломъ обозрѣніи мы извѣщали о съѣздѣ въ Твери многихъ тамошнихъ дворянъ для обсужденія вопроса объ учрежденіи мѣстнаго земскаго банка; нынѣ корреспонденція газеты «Наше Время» сообщаетъ нѣкоторыя подробности объ этомъ дѣлѣ. Главная цѣль тверскаго земскаго банка, основной фондъ котораго полагается въ 500,000 руб. сер. и составляется посредствомъ вклада денегъ и ручательствъ, обезпеченныхъ недвижимыми имѣніями, — состоитъ въ доставленіи помѣщи-

чьимъ крестьянамъ средствъ къ пріобрѣтенію необходимой имъ земли въ полную собственность, а помѣщикамъ — возможности преобразовать свои хозяйства на началахъ свободнаго труда. 29-го февраля проэктъ устава этого банка представленъ въ министерство. Около сорока человѣкъ подписавшихся подъ проэктомъ заявили капитала на 160,000 руб. сер. Значительное число изъ желавшихъ подписать проэктъ не поспѣло пріѣздомъ къ сроку по случаю дурной погоды. Впрочемъ безпрерывно являются новыя лица, желающія участвовать въ компаніи. Кромѣ того, Политико-Экономическій Указатель извѣщаетъ, что говорятъ также о земскихъ банкахъ для Тульской и Пензенской губерній.

— Положеніе нашего денежнаго рынка не удовлетворительно. Непомѣрная и постоянно-возрастающая дороговизна на всѣ предметы потребленія, конечно, зависитъ и отъ недостатка въ размѣнной монетѣ. Изъ многихъ мѣстъ раздаются жалобы на это тягостное положеніе. Такъ недавно былъ случай, пишутъ въ прибавленіяхъ къ «Харьковскимъ губернскимъ вѣдомостямъ», что одинъ покупатель не могъ взять въ двухъ лавкахъ въ Харьковѣ одной дести бумаги, потому что въ этихъ лавкахъ не было мелочи для сдачи съ рублеватo кредитнаго билета. Въ Кіевѣ, по словамъ Кіевскаго Телеграфа. (№ 15), купецъ при покупкѣ товаровъ съ трудомъ размѣниваетъ пять рублей серебромъ. Мѣнялы за размѣнъ крупныхъ билетовъ берутъ по 5 и болѣе процентовъ съ рубля. Въ послѣдніе же дни масляницы за размѣнъ рубля серебромъ требовали 15 и 20 копѣекъ. Для устраненія этого тягостнаго положенія принята недавно слѣдующая мѣра, изложенная въ высочайшемъ указѣ правительствующему сенату, отъ 22-го марта.

«Въ послѣднее время, не взирая на усиленные выпуски мелкой серебряной монеты, повсемѣстно обнаружился недостатокъ ея въ народномъ обращеніи. Причина такого явленія, неблагопріятнаго для внутренней промышленности и торговли, заключается главнѣйше въ переплавѣ монеты на издѣлія и вывозѣ ея за границу.

«Къ устраненію сего признано дѣйствительнѣйшимъ средствомъ уменьшить внутреннее достоинство мелкой серебряной монеты противъ нарицательной ея цѣны, въ такомъ размѣрѣ, чтобы не представлялось выгоды, ни въ передѣлкѣ оной въ издѣлія и вывозѣ за границу, ни въ ея поддѣлкѣ; но выпускъ такой, уменьшенной во внутреннемъ достоинствѣ, монеты допускать только въ мѣрѣ дѣйствительной въ ней потребности и съ ограниченіемъ обязательнаго между частными лицами пріема оной опредѣленною суммою.

«Вслѣдствіе того, согласно съ мнѣніемъ государственнаго совѣта, повелѣваемъ:

«1) Оставя основную серебряную монету рубль, и крупныя его подраздѣленія — полтинники и четвертаки, безъ всякаго измѣненія въ пробѣ и вѣсѣ, выпустить новую серебряную размѣнную монету, 20, 15, 10 и 5-ти копѣечники, семьдесятъ второй пробы, съ пониженіемъ внутренняго достоинства сей монеты на пятнадцать процентовъ противъ нарицательной ея цѣны.

«2) Новой серебряной размѣнной монеты выпустить, по прилагаемымъ у сего, нами утвержденнымъ рисункамъ, на первый разъ, 6 милліоновъ р. с., съ тѣмъ, чтобы о каждомъ новомъ выпускѣ, если бы впослѣдствіи встрѣтилась надобность увеличить количество такой монеты, министръ финансовъ входилъ, по установленному порядку, съ особымъ представленіемъ въ государственный совѣтъ.

«3) Обязательный пріемъ означенной монеты, при платежахъ между частными лицами, ограничить тремя рублями при каждомъ платежѣ, но на уѣздныя казначейства сего ограниченія не распространять, съ тѣмъ, чтобы при платежахъ податей и другихъ денежныхъ сборовъ, новая монета была принимаема въ казначействахъ, по нарицательной цѣнѣ, на всякую сумму.»

Пониженіе стоимости монеты вообще осуждается наукою, но у насъ въ настоящее время оно можетъ быть оправдываемо нѣсколько повсюду проявившеюся настоятельной потребностью въ мелкой размѣнной монетѣ, нужной для совершенія оборотовъ внутренней промышленности и торговли; — потребностью, достигшей степени крайней необходимости, удовлетворить которой надо поспѣшить ею, не дожидаясь улучшенія денежнаго рынка, зависящаго отъ вліянія причинъ, которыя невдругъ могутъ оказать свое дѣйствіе: звонкая серебряная монета совсѣмъ почти исчезла изъ обращенія, лажъ на нее при промѣнѣ на бумажныя деньги, возвысился чрезвычайно; въ Москвѣ, при размѣнѣ кредитнаго билета даже на мѣдныя деньги, платилось до $2\frac{1}{2}\%$, — въ западномъ краѣ за промѣнъ брали до 7%; при такихъ обстоятельствахъ необходимо было прибѣгнуть къ средствамъ особеннымъ. Конечно, измѣненіе въ стоимости монеты можетъ сдѣлаться и неопаснымъ средствомъ, если будутъ вводить его чрезъ долговременные промежутки между выпусками и сколь возможно въ меньшихъ размѣрахъ....

— Изъ другихъ временныхъ мѣръ, вызванныхъ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, считаемъ нужнымъ обратить особенное вниманіе читателей на состоявшееся недавно положеніе комитета гг. министровъ, безсрочно и временно-отпускныхъ нижнихъ чинахъ, не одобряемыхъ въ поведеніи. Положеніе это, составленное въ отмѣну прежнихъ статей по тому же предмету, заключается въ слѣдующемъ:

«1) Тѣхъ, изъ находящихся въ губерніи въ безсрочныхъ и временныхъ отпускахъ нижнихъ чиновъ, которые окажутся виновными въ празднопошательствѣ, дурномъ поведеніи, вредномъ вліяніи на общества, среди которыхъ они находятся, и въ особенности въ неповиновеніи мѣстнымъ властямъ, тотчасъ передавать мѣстнымъ начальникамъ инвалидныхъ командъ, которые обязаны означенныхъ порочныхъ нижнихъ чиновъ отправлять въ губернскіе города къ командирамъ гарнизонныхъ баталіоновъ, для обращенія на дѣйствительную службу, съ лишеніемъ нашивокъ и права на отставку по общему положенію.

«2) Дозволить обращать вышеупомянутыхъ провинившихся безсрочно и временно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ на службу и безъ выполненія условія, установленнаго въ статьѣ 1,313 и въ дополненіи къ статьѣ 1,314 по 4-му прод. ч. 2, кн. 1. Свода Военныхъ Постановленій, то есть безъ производства предварительнаго изслѣдованія, ежели мѣстное начальство признаетъ это нужнымъ.

«3) Предоставить обращеніе на службу, на вышеизложенномъ основаніи упомянутыхъ въ 1 и 2-мъ пунктахъ безсрочно и временно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ: а) въ городахъ — полицеймейстерамъ и городничимъ: б) по имѣніямъ помѣщичьимъ — земскимъ исправникамъ; в) по вѣдомству государственныхъ имуществъ — окружнымъ начальникамъ и г) по удѣльному вѣдомству — удѣльнымъ конторамъ, вслѣдствіе представленія сельскихъ приказовъ.

«4) О каждомъ изъ безсрочно и временно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, которые назначены будутъ вышеизложеннымъ порядкомъ къ обращенію на дѣйствительную службу, должно быть сдѣлано удостовѣреніе на билетѣ его: за что именно онъ подвергается этому наказанію, подписанное полицеймейстеромъ или городничимъ, земскимъ исправникомъ, окружнымъ начальникомъ въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ и удѣльною конторою въ удѣльномъ вѣдомствѣ по принадлежности, и сіе удостовѣреніе служитъ основаніемъ для немедленнаго обращенія безсрочно и временно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ на службу.

«5) Тѣ, изъ вышеупомянутыхъ провинившихся безсрочно и временно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, которые проживаютъ въ городахъ, будутъ подлежать передачѣ во внутреннюю стражу непосредственно полицеймейстерами и городничими; проживающіе же въ уѣздахъ, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, въ вѣдомствахъ: государственныхъ имуществъ и удѣльномъ, должны быть отправлены для дальнѣйшаго распоряженія въ мѣстные земскіе суды, безъ производства со стороны сихъ судовъ слѣдствій, а только для отмѣтокъ въ спискахъ, ведущихся въ судахъ объ отпускныхъ нижнихъ чинахъ.

«6) Въ удѣльномъ вѣдомствѣ предоставить сельскимъ приказамъ право въ случаяхъ совершенной необходимости арестовать тѣхъ провинившихся въ поведеніи, безсрочно и временно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, о высылкѣ которыхъ изъ селеній сдѣланы будутъ представле-

нія удѣльнымъ конторамъ, впредь до полученія отъ конторъ на сіи представленія разрѣшеній.

«7) Для распредѣленія провинившихся безсрочно и временно-отпускныхъ на службу, командиры гарнизонныхъ баталіоновъ о каждомъ изъ нихъ должны доносить инспекторскому департаменту, съ подробнымъ означеніемъ проступка, какъ и теперь это исполняется, дабы люди сіи получали отправленія въ войска по степени вины.

«и 8) Что касается собственно тѣхъ безсрочно и временно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, которые будутъ обвиняемы въ противузаконныхъ поступкахъ и преступленіяхъ, подвергающихъ ихъ военному суду, то таковыхъ порочныхъ людей не иначе удалять изъ губерній, какъ прежнимъ порядкомъ, то-есть по надлежащемъ слѣдствіи и по окончаніи суда, такъ какъ сіи безсрочно и временно-отпускные по закону могутъ подлежать болѣе строгому наказанію нежели обращеніе на дѣйствительную службу.»

Въ числѣ отмѣненій прежнихъ положеній, заслуживаетъ вниманіе отмѣна воспрещенія купцамъ и мѣщанамъ записываться въ состояніе свободныхъ сельскихъ обывателей.

«Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, высочайше утвержденнымъ, положено: 1) въ состояніе свободныхъ сельскихъ обывателей могутъ записываться: купцы, мѣщане и вообще всѣ городскіе обыватели городовъ столичныхъ, губернскихъ, уѣздныхъ, заштатныхъ и посадовъ, равно какъ и жительствующіе въ селеніяхъ, и 2) затѣмъ существовавшее донынѣ воспрещеніе перехода въ состояніе сельскихъ обывателей тѣмъ мѣщанамъ, кои не занимались землепашествомъ, или вступили въ какую либо промышленность, свойственную городскимъ жителямъ, — отмѣнить».

Конечно, съ полнымъ сочувствіемъ будетъ встрѣчено всѣми людьми, желающими блага отечеству, всякое распоряженіе, уничтожающее препятствія къ свободному размѣщенію производительныхъ силъ, — препятствія, существованіе которыхъ обусловливалось такими соображеніями, которыхъ и понять нынѣ невозможно. Доброе старое время было нѣсколько странно въ своихъ заключеніяхъ: кажется, немудреное дѣло — понять, что чѣмъ больше свободы въ переселеніи съ мѣста на мѣсто, тѣмъ ровнѣе распредѣлиться можетъ народный трудъ, что чѣмъ больше возможности сближаться на дѣлѣ между собою лицамъ разныхъ сословій, состояній и положеній, тѣмъ прочнѣе, разумнѣе и справедливѣе становятся отношенія общественныя, безъ водворенія которыхъ на такихъ основаніяхъ невозможно развитіе силы и благосостоянія общества;—однако мысль объ этомъ, вовсе не хитромъ соображеніи, какъ-то все не вспадала на умъ....

Къ облегчительнымъ для общества мѣрамъ надо отнести также слѣдующія правила, постановленныя собственно для городовъ Новороссійскаго края по части строительной:

1) Разрѣшеніе и производство общественныхъ и городскихъ работъ, съ правомъ избранія и техниковъ для оныхъ, предоставить городскимъ думамъ, въ мѣрѣ имѣющихся въ распоряженіи ихъ денежныхъ способовъ, на сумму до десяти тысячъ рублей. 2) Проэкты и смѣты, на сумму свыше десяти тысячъ рублей должны быть утверждаемы установленнымъ порядкомъ, а самое исполненіе работъ и избраніе техника вольнаго, или изъ числа мѣстныхъ служащихъ, предоставить власти начальника губерніи, подъ главнымъ наблюденіемъ генералъ-губернатора. 3) Въ обоихъ вышеизложенныхъ случаяхъ вольные техники должны удовлетворять условіямъ, въ ст. 195-й Уст. Стр. постановленнымъ. 4) Работы портовыя и другія значительныя сооруженія, имѣющія значеніе не для одного города, но для торговли и промышленности цѣлаго края, могутъ быть исполняемы лишь по проэктамъ и смѣтамъ, утвержденнымъ главнымъ управленіемъ путей сообщенія и публичныхъ зданій, съ назначеніемъ для производства работъ техниковъ отъ сего управленія, а для хозяйственныхъ распоряженій — особыхъ мѣстныхъ комитетовъ или членовъ, подъ высшимъ вѣдѣніемъ того же управленія состоящихъ, и 5) общественныя работы сельскихъ и другихъ обществъ оставить на прежнемъ основаніи.»

Мѣра эта, примѣненная, въ видѣ исключенія, только къ одной мѣстности, будетъ, конечно, встрѣчена съ большимъ сочувствіемъ, такъ какъ она избавляетъ городскія общества отъ нѣкоторыхъ, безъ всякой надобности существовавшихъ прежде, стѣсненій, и предоставляетъ имъ болѣе правъ распоряжаться дѣлами, прямо до нихъ относящимися. Теперь, значитъ, можно уже желать, чтобы въ скоромъ времени и въ приложеніи къ другимъ мѣстностямъ было сознано все неудобство такой опеки....

Заговоривши о частныхъ положеніяхъ, примѣненныхъ къ одной мѣстности, укажемъ здѣсь кстати факты и соображенія, найденныя нами въ напечатанномъ въ 47 № «Московскихъ Вѣдомостей» письмѣ хорунжаго В. З., по поводу образованія въ Сибирскомъ козачьемъ войскѣ комитета для улучшеній.

Дѣйствующее въ этомъ войскѣ «Положеніе» составлено еще въ 1846 году. Неудовлетворительность этого «Положенія» чувствовалась, — по словамъ г. В. З., — уже давно. Очевиднымъ доказательствомъ неудобопримѣнимости его служитъ то, что постоянно возникаютъ вопросы со стороны полковыхъ командировъ и отдѣльныхъ начальниковъ, обращенные къ войсковому правленію, какъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ. Почти ни одинъ случай,

не выходящій изъ предѣловъ власти сотенныхъ командировъ и станичныхъ управленій, не рѣшается ими самостоятельно, безъ предварительнаго испрашиванія разрѣшенія изъ полковой канцеляріи. Вмѣсто того, чтобы взяться за дѣло, законно употребить свою власть, сотенный командиръ повертитъ-повертитъ «Положеніе», да, боясь отвѣтственности за неточное исполненіе и неувѣренный въ своемъ пониманіи параграфа, махнетъ рукой и представляетъ случай «на благоусмотрѣніе начальства». Это отсутствіе самостоятельности въ воззрѣніи и дѣйствіяхъ, эта неувѣренность въ собственной способности пониманія, обратились въ привычку, и множество вопросовъ по самымъ неважнымъ предметамъ представляется «на зависящее распоряженіе». Вотъ, напримѣръ, случай: козакъ проситъ полковаго командира объ освобожденіи на недѣлю отъ службы. По закону, полковой командиръ можетъ увольнять нижнихъ чиновъ на 7 дней въ отпускъ; казалось бы, разрѣшеніе упомянутой просьбы не было бы превышеніемъ его власти; но такъ какъ въ «Положеніи» сказано объ увольненіи *въ отпускъ*, а не объ освобожденіи отъ службы, то просьба поступила на разрѣшеніе атамана. Значитъ, если бы другой козакъ сталъ проситься на семь дней за дровами, то очень можетъ быть, что такой случай опять возвелъ бы къ атаману, ибо въ «Положеніи» его нѣтъ. Подобные вопросы къ начальству составляютъ главную причину громадной переписки полковыхъ канцелярій. Авторъ говоритъ, что изъ нихъ выходило ежегодно по 8,000 нумеровъ исходящихъ бумагъ. Послѣ «Положенія» 1846 года, вышло много постановленій въ видѣ приказовъ, предписаній, циркуляровъ. Это всего болѣе затрудняло ходъ дѣлъ и еще увеличивало «письменность» въ войсковомъ правленіи, которому приходилось, отвѣчая на вопросы подчиненныхъ, разрывать старыя дѣла и указывать постановленія, въ полкахъ или утерянныя или забытыя....

Сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній о распредѣленіи занятій между членами комитета, г. В. З. говоритъ:

«Козачье войско, по своему военно-поселенческому характеру, соединяетъ чрезвычайно разнообразныя учрежденія, военныя и гражданскія. Въ составъ его управленія входятъ многіе спеціальные предметы. Возьмемъ первую попавшуюся спеціальность — ветеринарную часть, требующую непремѣнно карантиннаго улучшенія при тѣхъ болѣзняхъ, которыя свирѣпствуютъ почти каждогодно. Какъ же члены комитета, незнакомые съ этою спеціальностью, улучшатъ ее? Одно средство: выслушивать мнѣніе спеціалистовъ — ветеринаровъ и людей, занимающихся скотоводствомъ; иначе будутъ постановлены полумѣры, правила, которыя на бумагѣ превосходны, но на дѣлѣ иногда вовсе не испол-

нимы. А суконная фабрика, а рыбалка (*), падающая съ каждымъ годомъ, а школы, о которыхъ почти не заботятся въ то время, когда вопросъ о крестьянскихъ школахъ въ Россіи выдвинутъ на первый планъ? Скажутъ, что все это улучшится со временемъ, при обыкновенномъ теченіи дѣла; но мы думаемъ, что теперь-то, когда само правительство предоставляетъ намъ все пересмотрѣть и улучшить, теперь-то и нужно намъ оглянуться на себя пристальнѣе.

«Еще повторяемъ, что лучшій результатъ получится тогда, когда комитетъ обратится къ общему содѣйствію казачьяго сословія. Да будетъ позволено всѣмъ и каждому подавать свои мнѣнія. Жаль, что при войскѣ нѣтъ газеты: печать всего удобнѣе могла бы быть посредницею между обществомъ и офиціальнымъ учрежденіемъ. Но частныя мнѣнія могутъ быть представляемы въ комитетъ и въ формѣ писемъ. Бояться обремененія послѣдними нечего: отъ непривычки, по всей вѣроятности, ихъ будетъ не очень много.»

— Вотъ еще нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о пробуждающемся въ обществѣ желаніи заботиться о своихъ дѣлахъ. Недавно въ «Политико-Экономическомъ Указателѣ» сообщено, что нижегородскій военный губернаторъ принялъ отъ представителей городскаго общества адресъ, которымъ они просятъ его ходатайствовать объ учрежденіи нижегородской градской думы по примѣру С.-Петербургской, съ тѣми исключеніями, какія окажутся потребными для провинціальнаго города. — Въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» (№ 26) напечатано извѣстіе, что проэктъ новаго устройства Одессы приближается къ окончанію, а вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаютъ, что и въ Саратовѣ являлась недавно депутація городскихъ жителей къ тамошнему начальнику губерніи съ просьбою ходатайствовать введеніе и у нихъ новаго городскаго положенія.

Это факты *новые* въ нашей общественной жизни, и нельзя, конечно, не отозваться на нихъ съ сочувствіемъ. Но трудно сказать, до какой степени разовьется, и даже просто — разовьется ли въ нашихъ «гражданахъ» любовь къ общественному дѣлу, при тѣхъ общихъ условіяхъ, въ которыхъ они поставлены. Конечно, и здравымъ смысломъ, и любовью къ дѣлу — наши купцы, мѣщане и пр. одарены отъ природы ничуть не менѣе всякаго другаго сословія. Но тѣмъ не менѣе до сихъ поръ уклоненіе отъ исполненія общественныхъ обязанностей всего рѣзче высказывается по выборамъ въ городскія должности. Такъ велось издавна: такъ идетъ и въ настоящее время. Напр., изъ Калуги мы имѣемъ извѣстія, что тамъ, въ теченіе слишкомъ двухъ мѣсяцевъ, по окончаніи городскихъ выборовъ,

(*) Рыболовныя мѣста на Иртышѣ.

тянется еще передиска по поводу являющихся одна за другою просьбъ отъ многихъ изъ выбранныхъ лицъ объ увольненіи ихъ отъ должностей. Изъ числа подавшихъ такія просьбы четверо отговариваются разными недугами и престарѣлымъ возрастомъ, одинъ своею безграмотностію, четверо торговыми занятіями и разными обстоятельствами. Губернское начальство только троихъ уволило отъ должности, назначивъ на эти мѣста кандидатовъ, остальнымъ же отказало въ просимомъ. Кромѣ этихъ девяти человѣкъ, нѣкоторыя изъ выбранныхъ лицъ, хотя и не просили объ увольненіи, однако медлили вступить въ должности, такъ что оказалось необходимымъ понудить ихъ къ этому. Сообщая это извѣстіе, въ «Калужскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» пишутъ:

«Вотъ грустные результаты нынѣшнихъ городскихъ нашихъ выборовъ. Съ одной стороны само общество выбираетъ въ городскія должности и поставляетъ въ необходимость губернское начальство отмѣнять подобнаго рода избраніе, съ другой же — люди, физически и нравственно способные, стараются избавиться отъ должностей подъ разными предлогами. Гдѣ же настоящія причины такого равнодушія къ своимъ сословнымъ преимуществамъ? Причины тѣ же, какія имѣютъ мѣсто и въ другихъ провинціальныхъ городахъ по службѣ въ общественныхъ должностяхъ; о причинахъ этихъ много писано и онѣ всѣмъ извѣстны Между ними не послѣднее, разумѣется, мѣсто занимаетъ то, что служба по городскимъ выборамъ не только не представляетъ существенныхъ выгодъ служащимъ, кромѣ развѣ права носить форменный кафтанъ и саблю, но и отвлекаетъ ихъ отъ собственныхъ ихъ занятій, а время для человѣка промышленнаго — капиталъ. Служащіе въ общественныхъ должностяхъ, какъ извѣстно, не получаютъ ровно никакого вознагражденія: этого мало, нѣкоторые изъ нихъ, чтобы какъ нибудь справиться съ дѣлами, нерѣдко видятъ необходимость тратиться на наемъ домашнихъ секретарей или по крайней мѣрѣ писцовъ. Потомъ отбиваетъ у купца охоту быть избраннымъ въ должности отсутствіе у него знанія законовъ, столь необходимаго на службѣ въ судебныхъ мѣстахъ, если не для того, чтобы быть самостоятельнымъ, то хоть для того, чтобы не попасть подъ судъ.... Купцы и мѣщане очень хорошо знаютъ, что выбираемые изъ среды ихъ въ суды и палаты не имѣютъ тамъ никакого вліянія — и именно вслѣдствіе незнанія порядка дѣлопроизводства.... Если уклоненіе отдѣльныхъ лицъ отъ избранія ихъ въ должности понятно и до нѣкоторой степени извинительно, то рѣшительно непонятно, зачѣмъ общество выбираетъ больныхъ и неспособныхъ людей: коли оно рѣшилось избрать физически неспособныхъ людей, то точно такъ же могло избрать и такихъ лицъ, которыя не имѣли бы законнаго повода просить увольненія. А выбрать было изъ кого: у насъ въ 1859 г. однихъ объявившихъ капиталы считалось: почетныхъ гражданъ по 1-й гильдіи 2, по 2-й — 11 и по 3-й — 4; постоян-

ныхъ купцовъ по 1-й гильдіи 1, по 2-й — 12 и по 3-й 276; купцовъ на временномъ правѣ по 3-й гильдіи 30; всего 336 человѣкъ. Изъ этого числа не трудно, кажется, выбрать около 60 человѣкъ, совершенно способныхъ къ службѣ: не всѣ же больны и дряхлы.»

Сверхъ выставленныхъ «Калужскими Вѣдомостями» причинъ, по которымъ такъ неохотно служатъ купцы и мѣщане по выборамъ, мы укажемъ еще на одну: всѣмъ тоже извѣстно у насъ, что не легки вообще отношенія служащихъ по городскимъ выборамъ къ разнымъ начальникамъ. Въ глазахъ этихъ послѣднихъ представители нашихъ *гражданъ* — не болѣе, какъ простолюдины, а съ простолюдинами куда какъ безцеремонно у насъ обходятся! (*)

— Дворянскіе выборы въ текущемъ году были въ пяти губерніяхъ. Мы нашли довольно подробныя извѣстія только о бессарабскихъ выборахъ; разсказъ нашъ мы начнемъ съ этихъ извѣстій.

Нынѣшніе бессарабскіе выборы были особенно замѣчательны: тому причиною избраніе на должности исправниковъ и непремѣнныхъ засѣдателей. Для этихъ выборовъ нѣкоторые разстались съ Парижемъ, гдѣ жили нѣсколько лѣтъ.

Первое засѣданіе началось рѣчью областнаго предводителя дворянства, князя Кантакузина, въ которой, указавъ, какъ водится, на значеніе дворянства вообще и на предстоящія ему на выборахъ обязанности, онъ сообщилъ также слѣдующіе результаты составленнаго на выборахъ 1857 года всеподданнѣйшаго прошенія бессарабскаго дворянства:

«1) Переписка о предоставленіи бессарабскому приказу общественнаго призрѣнія права дѣлать ссуды подъ залогъ бессарабскихъ земель

(*) Въ подтвержденіе вышесказаннаго, приводимъ фактъ, хоть и некрупный, а все-таки характеристическій: «Въ однѣхъ *губернскихъ вѣдомостяхъ*, и въ одномъ и томъ же номерѣ, — пишутъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 62), напечатано было объ утвержденіи въ разныя должности по выборамъ дворянскаго и купеческаго сословій, съ довольно замѣчательною наивностью,—напримѣръ: прапорщикъ Александръ *Ефимовичъ* Куриоѳеевъ (Всѣ собственныя имена и названія въ этой статьѣ — псевдонимныя.) въ смотрители хлѣбныхъ магазиновъ Крутоярскаго уѣзда; коллежскій регистраторъ Сергѣй *Петровичъ* Мишкинъ въ непремѣнные засѣдатели словоторжскаго земскаго суда, и такъ далѣе названы по имени и отчеству всѣ лица, выбранныя въ разныя должности по уѣздному управленію; но потомъ слѣдовало: почетный гражданинъ и первой гильдіи купецъ Семенъ *Петровъ* Ивановъ утверждается крутоярскимъ городскимъ головою; почетный гражданинъ, второй гильдіи купецъ Прохоръ *Ѳедоровъ* Егоровъ — въ словоторжскіе городскіе головы, и проч.» Неправда ли, какія тонкія различія между сословіями! Вообще, ужь нечего и говорить—знаютъ у насъ досконально, какъ кого величать слѣдуетъ.

сосредоточена въ министерствѣ финансовъ, при которомъ учреждена особая комиссія, для составленія устава о земскихъ банкахъ, — и Бессарабская область будетъ пользоваться въ этомъ отношеніи правами всѣхъ прочихъ губерній Россіи.

«2) Дворянству Бессарабской области предоставлено право избирать предсѣдателей судебныхъ палатъ, гражданской и уголовной, на точномъ основаніи законовъ, существующихъ для великороссійскихъ губерній.

«3) Депутаты для составленія раскладки земскихъ повинностей отнынѣ впредь зависятъ отъ выбора дворянъ.

«4) Высочайше утвержденнымъ 20 октября 1858 года мнѣніемъ государственнаго совѣта, дворянству предоставлено право выбора земскихъ начальниковъ и непремѣнныхъ засѣдателей земскихъ судовъ.»

Затѣмъ, къ сожалѣнію, о прочихъ дѣйствіяхъ своихъ по отправленію обязанности областнаго предводителя въ теченіе истекшаго трехлѣтія князь Кантакузинъ счелъ ненужнымъ распространиться въ своей рѣчи. «Ихъ было много, (т. е. дѣйствій по должности), говоритъ князь Кантакузинъ, — по разнымъ случаямъ, какъ частнымъ, такъ и общественнымъ; но одни изъ нихъ не заключаютъ въ себѣ особой важности для общества, другія же по времени и обстоятельствамъ не могутъ имѣть мѣста здѣсь, гдѣ вниманіе ваше должно быть обращено преимущественно на дѣйствія, составляющія цѣль нынѣшняго собранія.»

Истинно жаль, что «время и обстоятельства» почему-то мѣшаютъ еще у насъ отдавать подробный отчетъ передъ обществомъ въ дѣятельности, характеръ которой по преимуществу долженъ имѣть общественное значеніе. Впрочемъ мы тоже по нѣкоторымъ причинамъ не считаемъ болѣе удобнымъ распространяться объ этомъ предметѣ....

По выслушаніи рѣчи областнаго предводителя, было приступлено къ разсмотрѣнію списковъ о лицахъ, имѣющихъ или почему либо не имѣющихъ права участія въ дворянскихъ выборахъ. Для этого былъ прочитанъ списокъ дворянъ, состоящихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ. Чтеніе списка вызвало не мало смѣха среди всего общества, слуху котораго показались чужды такія дѣла, какъ утайка пары лошадей, воровство стога сѣна, утайка быка, растрата суммы и тому под. «Вѣсть о чтеніи этихъ списковъ, — говоритъ корреспондентъ «Одесскаго Вѣстника» (№ 10), — мгновенно разнеслась по городу и вызвала немало толковъ, но мы принимаемъ на себя смѣлость успокоить общіе толки. Мы не допускаемъ даже мысли, чтобы богатые помѣщики-дворяне, у которыхъ управители наживали себѣ состоянія, могли быть подъ слѣдствіемъ за утайку, напр., лошадей.

Въ былое время, когда кто-либо обозначалъ свою лошадь или быка въ богатомъ табунѣ, либо стадѣ богатаго помѣщика, — наши засѣдатели придирались не къ пастуху или ватавѣ, съ которыхъ нечего взять, а къ самому помѣщику.»

Тутъ, для объясненія послѣднихъ словъ корреспондента и того обстоятельства, почему только въ 1858 году предоставлено было бессарабскому дворянству право избранія земскихъ исправниковъ и непремѣнныхъ засѣдателей, мы сдѣлаемъ небольшое отступленіе и приведемъ отрывки изъ чрезвычайно-любопытнаго историческаго документа, — отношенія новороссійскаго и бессарабскаго губернатора, графа М. С. Воронцова, которымъ онъ вскорѣ послѣ вступленія своего въ управленіе краемъ увѣдомлялъ въ 1824 г. (т. е. по прошествіи всего только одиннадцати лѣтъ отъ присоединенія Бессарабской области къ русскимъ владѣніямъ) о состояніи этого края, не забывшаго еще тогда слѣды и пріемы турецкой администраціи (*):

«Полицейское управленіе Бессарабской области, сказано въ этомъ документѣ, — находилось въ весьма дурномъ и даже совершенно разстроенномъ положеніи. Противозаконнымъ его дѣйствіямъ, злоупотребленіямъ, насиліямъ и безпорядкамъ всякаго рода нѣтъ предѣловъ, и всѣ усилія высшаго начальства для улучшенія земской полиціи безполезны, потому что успѣху неодолимо препятствуетъ ненадежность набираемыхъ дворянствомъ исправниковъ и засѣдателей. Мѣста эти занимаютъ люди, ни мало не думающіе о честности и ревностномъ исполненіи своихъ обязанностей и не знающіе ни установленій, ни даже языка русскаго. Два исправника и нѣсколько засѣдателей уличены въ различныхъ преступленіяхъ и удалены отъ должностей; но мѣста ихъ заняли избранные кандидаты, не болѣе самихъ ихъ достойные довѣрія правительства.

«Измаильскій исправникъ содержалъ самъ почтовыхъ лошадей въ своемъ уѣздѣ или цинутѣ. Бендерскій управлялъ, по довѣренности, частными помѣстьями и заботился только о нихъ. Аккерманскій, по происхожденію молдаванъ, не зналъ русскаго языка, хотя жители въ его округѣ были всѣ безъ исключенія русскіе; онъ продолжалъ, отмѣненный правительствомъ одинъ сборъ, съ котораго получилъ 54,000 левовъ; наконецъ, вмѣстѣ съ подчиненными ему засѣдателями, покровительствовалъ разбойникамъ, открытымъ впослѣдствіи мѣрами главнаго областнаго начальства. Хотинскій исправникъ обличенъ въ разныхъ противозаконныхъ нарядахъ и поборахъ, во время путешествія тамъ Государя. Оргѣевскій присвоилъ общественныя суммы; а Ясскій, изъ всѣхъ лучшій, отданъ подъ слѣдствіе за нѣкоторые поступки.»

(*) Заимствовано изъ П. С. З. т. XXXIX, № 30,048.

По всему этому графъ Воронцовъ пришелъ къ заключенію, что дворянскіе выборы въ Бессарабской области не могли еще привести къ лучшему результату, — что и вызвало назначеніе земскихъ полицейскихъ чиновниковъ отъ правительства, а не по выбору дворянства. (*)

Такъ вотъ какова была полиція и каковы были порядки въ Бессарабіи! Можно впрочемъ надѣяться на основаніи результатовъ нынѣшнихъ выборовъ, о которыхъ мы скажемъ ниже, что въ настоящее время такое положеніе дѣлъ уже не повторится.

19 и 20 января бессарабскіе дворяне постановили протоколами: 1) назначить областному предводителю князю Кантакузину (ему лично) по 10,000 р. с. въ годъ жалованья; — 2) дать ришельевскому лицею пособіе, съ цѣлью преобразованія этого высшаго въ Новороссійскомъ краѣ заведенія, сообразно требованіямъ духа времени. 3) Поручить почетнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ, вмѣстѣ съ директоромъ и почетнымъ попечителемъ гимназіи, составить проектъ и смѣту на устройство необходимой для края женской гимназіи (стало быть дворянство изъявило готовность жертвовать для этой цѣли такую именно сумму, какая понадобится). 4) Просить о преобразованіи межевой части въ Бессарабіи, для чего поручено особой коммиссіи составить проэктъ. Кромѣ того для успѣшнаго размежеванія земель признано необходимымъ усилить въ каждомъ уѣздѣ еще по одному землемѣру, съ жалованьемъ на счетъ земле-владѣльцевъ. 5) Просить, чтобы дѣти дворянъ принимались въ пансіонъ при кишиневской гимназіи не иначе, какъ съ согласія областнаго предводителя, ибо этотъ пансіонъ содержится на счетъ 10 про-

(*) Впрочемъ въ тѣ времена, и даже позднѣйшія послѣ нихъ, полиція и вездѣ въ Россіи представляла самое печальное зрѣлище. Вотъ напр., что говоритъ Д. П. Хрущовъ (бывшій товарищъ министра Государственныхъ Имуществъ) въ «Письмѣ къ редактору «Русскаго Вѣстника» въ защиту Министерства Государственныхъ Имуществъ 1839, («Рус. Вѣс. № 8. 1860)»: Результаты (передъ учрежденіемъ министерства) показали совершенно хаотическое состояніе крестьянъ и казенныхъ имуществъ. Управленія собственно на дѣлѣ не было, все предоставлено было произволу земской полиціи и неопредѣленнаго съ точностію сельскаго начальства, назначавшагося подъ непосредственнымъ вліяніемъ непріятелей и низенькихъ палатъ, общественное устройство существовало только по имени, а на шумныхъ и безпорядочныхъ міроскихъ сходкахъ, около кабаковъ собиравшихся, распоряжалось деспотически нѣсколько крикуновъ, извѣстныхъ въ народѣ подъ названіемъ мопташекъ и міроѣдовъ. Казенныя земли и лѣса оставались большею частію въ неизвѣстности; подати попадали мѣстно назначеніе въ карманы земской полиціи и такъ называемые темные расходы окончательно разоряли народъ. Словомъ, вездѣ былъ безпорядокъ и хаосъ.

центнаго капитала области и 6) поручить областному предводителю возобновить ходатайство объ учрежденіи въ Бессарабіи банка, безъ котораго всѣмъ приходится плохо. Бессарабія требуетъ рукъ и капиталовъ, а ихъ нѣтъ, между тѣмъ большая часть имѣній находится подъ запрещеніями по закладнымъ у частныхъ лицъ, или обременена долгами по заемнымъ письмамъ (*).

15 Февраля окончились бессарабскіе выборы.—Говоря объ избраніи должностныхъ лицъ, корреспондентъ «Одесскаго Вѣстника» (№ 21) говоритъ, что это избраніе основывалось на нравственномъ убѣжденіи въ необходимости избирать людей достойныхъ: это онъ доказываетъ слѣдующимъ: окончившихъ курсъ наукъ избрано 25 человѣкъ, а неокончившихъ только 7; изъ нихъ немало съ хорошимъ состояніемъ и принадлежатъ къ древнѣйшимъ мѣстнымъ фамиліямъ. Избранные въ Ясско-Сорокскій окружной судъ *засѣдателями* гг. Кассо и Крушеванъ, — оба воспитанники ришельевскаго лицея, — вотъ съ чего начинаютъ свою общественную дѣятельность: первый даетъ на канцелярію ежегодно по 1,600 р. с., а второй уступаетъ въ пользу послѣдней свое жалованье; — конечно, при такихъ условіяхъ нѣтъ мѣста и мысли о взяткахъ. Князю Кантакузину всѣ дворяне поднесли бѣлые шары, но онъ отклонилъ эту честь и предложилъ балотировку, какъ требуется закономъ: при балотировкѣ изъ 207 баловъ оказалось 205 бѣлыхъ... и однако же 2 черныхъ. Тутъ же дворянство подписало новый протоколъ касательно женской гимназіи: на открытіе и содержаніе ея ежегодно жертвуется по $^1/_4$ к. с. съ десятины со всѣхъ земель, входящихъ въ составъ зе-

(*) Корреспондентъ «Одесскаго Вѣстника», сообщая объ этихъ постановленіяхъ дворянства, изложилъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя желанія свои о томъ, чтобы дворянствомъ возбуждены были и еще нѣкоторые вопросы, изъ нихъ мы познакомимъ нашихъ читателей только съ слѣдующими: 1) можетъ ли предполагаемый банкъ быть вполнѣ полезенъ для Бессарабіи, когда будутъ выдаваться изъ него деньги подъ залогъ только имѣній обнажеванныхъ и не состоящихъ подъ запрещеніемъ по разнымъ искамъ, изъ которыхъ иные — вздорны и затѣйливы. 2) На дворянствѣ лежитъ обязанность распространенія грамотности въ низшихъ классахъ. 3) Вопросъ о составленіи небольшаго капитала при гимназіи, для выдачи пособій отправляющимся въ университетъ, долженъ бы обратить на себя вниманіе дворянства. И 4) было бы желательно, чтобы дворянство приняло на себя иниціативу учрежденія каѳедры химіи при здѣшней гимназіи и ассигновало небольшую сумму для образованія химической лабораторіи. Желанія господина корреспондента, несмотря на всю очевидную ихъ практичность, остались безъ послѣдствій: бессарабское дворянство не обратило вниманія на вышеуказанные вопросы, — по крайней мѣрѣ не сдѣлало по нимъ никакого своего постановленія.

мель области (*). Послѣ выбора областнаго предводителя дворянства, говоритъ корреспондентъ, никакихъ уже разсужденій о нуждахъ дворянскихъ не было, съ одной стороны изъ нежеланія нарушить 117 ст. 3 Т. устава службы по выборамъ, гдѣ говорится, что дворянство занимается совѣщаніями о своихъ нуждахъ въ первые дни собранія, а съ другой — потому, что многіе, тотчасъ по выходѣ изъ собранія, разъѣхались по домамъ въ уѣзды.»

На многое, конечно, дворянство бессарабской области не обратило своего вниманія, такъ напримѣръ, оставлено было въ сторонѣ намѣреніе,—объ которомъ, какъ извѣщаетъ корреспондентъ «Одесскаго Вѣстника», была рѣчь еще до выборовъ — прибавить жалованье избираемымъ чиновникамъ; но и то, что сдѣлано, заслуживаетъ вниманія. Замѣчательно уже и то, что нѣкоторые дворяне рѣшились пріѣхать на выборы изъ *Парижа*,—значитъ, принимаютъ къ сердцу общественные интересы; этого можно пожелать всѣмъ нашимъ привиллегированнымъ сословіямъ.

О прочихъ дворянскихъ выборахъ придется намъ сказать очень немного: извѣстія о нихъ чрезвычайно скудны. Такъ «Калужскія губернскія вѣдомости» № 4, сообщили только, что между многими, важными предметами, подлежавшими обсужденію дворянства на выборахъ, кончившихся 18 января, не были забыты пансіонъ при губернской гимназіи и предположенная женская гимназія: по предложенію губернскаго предводителя Ѳ. С. Шукина, собраніе опредѣлило пожертвовать единовременно, въ пользу пансіона, изъ помѣщичьихъ доходовъ, по числу душъ, населяющихъ помѣщичьи имѣнія, болѣе 12,000 р. с.; да въ тоже время положено внести въ пользу учреждаемой женской гимназіи, — по числу же душъ, — слишкомъ 3,000 р. с. Кромѣ того, въ знакъ уваженія къ Ѳ. С. Шукину, представителю своему, дворяне положили составить капиталъ до 10,000 р., для содержанія изъ процентовъ въ благородномъ пансіонѣ двухъ воспитанниковъ имени г. Шукина. Какъ же обсуждались «многіе важные предметы, подлежавшіе обсужденію дворянства» и чѣмъ порѣшены совѣщанія — «Губернскія Вѣдомости» скромно умалчиваютъ.

Кіевскій Телеграфъ (№ 14) сообщаетъ тоже чрезчуръ краткое извѣстіе о подольскихъ дворянскихъ выборахъ: «На послѣднихъ выборахъ въ Каменецъ-Подольскѣ, говоритъ эта газета, — поста-

(*) Всѣхъ земель, принадлежащихъ потомственнымъ дворянамъ, — 1,374,066, личныхъ дворянамъ 162,889, купцамъ, разночинцамъ и монастырямъ 537,966, итого 2,074,921 десятина.

новлено: 1) внести единовременно, по 300 руб. сер. съ каждаго уѣзда, въ пользу новаго музыкальнаго общества въ Варшавѣ, и по 100 руб. сер. ежегодно для римско-католической семинаріи въ Каменцѣ; 2) уѣздные предводители пожертвовали, сверхъ того, по 300 руб. сер. съ каждаго уѣзда, на поддержаніе каменецкаго театра». Какъ видите — тутъ немного, очень, очень немного.

Въ Политико-Экономическомъ Указателѣ напечатано: «мы получили извѣстіе, что въ Калужской губерніи, равно какъ въ Орловской и Владимірской, дворянскіе выборы были чрезвычайно оживлены. Между предположеніями, высказанными на этихъ выборахъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ сужденія объ устройствѣ земскихъ сборовъ и отчетности по нимъ, возбужденныя въ Орловскомъ собраніи».

И только! Какъ будто, и въ самомъ дѣлѣ, нечего было больше сказать? А, впрочемъ, и то можетъ быть.... Но все-таки нельзя не подивиться, нельзя не пожалѣть отъ всей души, что такъ мало необходимымъ считается у насъ не скрывать предъ общественнымъ мнѣніемъ весь ходъ дѣлъ, касающихся до общественныхъ интересовъ....

— Въ эпоху всеобщихъ «начинаній», не могло быть забыто и общественное образованіе: сдѣлано много распоряженій относительно первоначальнаго обученія, и открыто много училищъ, усиліями частныхъ лицъ. Послѣдній фактъ говоритъ самъ за себя. Видно, что сознаніе необходимости образованія проникаетъ наконецъ въ общество и даже вызываетъ его на нѣкоторыя пожертвованія. Разумѣется, и этотъ фактъ имѣетъ очень частный характеръ и никакъ не можетъ служить для характеристики *всего* современнаго русскаго общества. Въ немъ еще нельзя считать необыкновенными исключеніями такихъ явленій, какъ напр., прошлогодній отзывъ *Вязьмовскихъ граждан* на счетъ заведенія училища въ этомъ городѣ, находящемся всего въ 90 верстахъ отъ Москвы, и процвѣтающемъ, подъ вліяніемъ быстро развившейся промышленности. Эти умные граждане изволили просто-на-просто отозваться, что, дескать, не видятъ они надобности заводить у себя училище,—и дѣлу конецъ. Но подобныя явленія теперь уже большею частію возбуждаютъ противъ себя негодованіе въ лучшей части общества, сознающей, что какъ скоро образованіе превозможетъ невѣжество, то вслѣдъ за тѣмъ превозможетъ и все, что опирается на невѣжество... Впрочемъ, само собою разумѣется, что открытіе школъ и циркуляры о нихъ, еще не главное; гораздо важнѣе дѣйствія педагоговъ при воспитаніи и обученіи дѣтей. А по этой части мы, къ сожалѣ-

нію, еще очень недавно видѣли послѣдователей *«основъ воспитанія»*, изобрѣтенныхъ г. Миллеръ-Красовскимъ и апробованныхъ, дополненныхъ и развитыхъ комитетомъ г. Пирогова. Впрочемъ, объ этомъ ниже; сначала укажемъ на нѣкоторыя правительственныя распоряженія по предмету народнаго образованія. Извлекаемъ изъ «Экономическаго Указателя» (вып. 5) свѣдѣнія о дѣйствіяхъ министерства государственныхъ имуществъ.

«Еще къ концу 1859 года относится начало мѣръ для образованія народа, которыя предпринимаетъ нынѣ министерство государственныхъ имуществъ. Обращено особенное вниманіе на воспитаніе сиротъ, и съ этою цѣлью разосланъ отъ министерства по палатамъ циркуляръ, подтверждающій о непремѣнномъ исполненіи существующихъ на этотъ предметъ постановленій. Въ циркулярѣ говорится, между прочимъ, что сельскій сходъ, при ежегодныхъ учетахъ опекуновъ, долженъ обращать особенное вниманіе на мѣры, принятыя къ воспитанію сиротъ и къ обезпеченію, чрезъ пріобрѣтеніе полезныхъ знаній, будущаго ихъ благосостоянія; что обезпеченіе сиротъ, остающихся на попеченіи обществъ, предоставляется не на волю лицъ, принявшихъ ихъ, но составляетъ ихъ прямую обязанность, и потому отказываться отъ этого они не въ правѣ; въ случаѣ же несостоятельности крестьянъ, или по многочисленности сиротъ, когда общества затрудняются въ ихъ обезпеченіи, палатамъ предоставляется входить въ министерство съ ходатайствомъ о назначеніи на этотъ предметъ пособій.

«Приняты тоже мѣры къ лучшему устройству сельскихъ приходскихъ училищъ. Для отвращенія существующихъ по училищной части недостатковъ и приведенія ея въ возможно лучшее устройство предписаны палатамъ для руководства вновь составленныя правила. Въ этомъ случаѣ министерство, руководясь убѣжденіемъ, что главнѣйшею мѣрою къ укорененію въ низшемъ сословіи началъ образованія служитъ пріохоченіе — посылать дѣтей въ училище, совѣтуетъ искоренять ложное понятіе, что крестьянскія дѣти, обученныя въ сельскихъ училищахъ, будутъ принуждаемы къ службѣ по назначенію отъ управленія государственными имуществами и, по окончаніи курса въ училищахъ, не могутъ безпрепятственно продолжать образъ жизни родителей. «Мѣры строгости и принужденія — говоритъ циркуляръ — не могутъ помочь въ этомъ дѣлѣ; лучшимъ средствомъ должно быть признано возбужденіе въ народѣ убѣжденія въ пользѣ ученія, а это можетъ быть достигнуто только улучшеніемъ училищъ, особеннымъ вниманіемъ къ нимъ мѣстнаго управленія и убѣжденіемъ крестьянъ, чрезъ заслуживающихъ довѣрія односельцевъ, въ отдачѣ дѣтей своихъ въ ученье».

Въ наставленіяхъ о способѣ преподаванія сказано: «слѣдуетъ наблюдать, чтобы обученіе состояло не въ количествѣ выученныхъ наизустъ безъ пониманія уроковъ, но въ дѣйствительномъ пониманіи учащимися

главныхъ и нравственныхъ истинъ и ознакомленія ихъ съ окружающими ихъ предметами и явленіями ежедневной жизни».

Надо желать, чтобы полезныя предположенія министерства осуществились на самомъ дѣлѣ, хотя по нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что врядъ ли чиновники поставятъ въ числѣ главныхъ своихъ обязанностей наблюденіе за ходомъ народнаго образованія: у нихъ есть обязанности, которыя болѣе имъ привычны и которыя они обыкновенно считаютъ преимущественно и исключительно важными. Мы говоримъ это впрочемъ вовсе не для того, чтобы внушить какія нибудь сомнѣнія на счетъ чиновниковъ, а болѣе потому, что не считаемъ ихъ вниманія особенно необходимымъ для распространенія образованія между народомъ. Мы убѣждены, что это дѣло пойдетъ успѣшнѣе, когда въ немъ будетъ сколько можно больше свободы.... Вѣдь не даромъ же самъ циркуляръ заставляетъ убѣждать народъ оставить ложное понятіе, что крестьянскія дѣти, обученныя въ сельскихъ училищахъ, будутъ принуждаемы къ службѣ по назначенію отъ управленія государственными имуществами, и по окончаніи курса не могутъ безпрепятственно продолжать образъ жизни родителей. По нашему мнѣнію уничтоженіе причинъ, внушающихъ народу недовѣріе къ офиціальнымъ лицамъ и дѣйствіямъ, есть одно изъ главныхъ средствъ къ развитію образованія между государственными крестьянами. Къ этому же нельзя не признать, что народъ нашъ вовсе не такъ далекъ отъ мысли о необходимости образованія: нужно только дать ему хорошіе способы для образованія, да не мѣшать ему распорядиться этими способами (*)....

Но вотъ еще распоряженіе министерства государственныхъ имуществъ, которое нельзя не признать безусловно полезнымъ: по распоряженію этому, во всѣхъ селахъ вѣдомства министерства, въ училищахъ которыхъ обучаются болѣе 15 дѣвочекъ, разрѣшено присоединять въ помощь учителю отдѣльную наставницу съ платою ей по 75 р. с. въ годъ. Если же число обучающихся дѣвочекъ будетъ превышать 30, то разрѣшено заводить особыя женскія училища.

Въ концѣ прошлаго года, вышло также постановленіе объ учрежденіи въ царствѣ Польскомъ земледѣльческихъ школъ, предназна-

---

(*) Впрочемъ, общія обязанности государственныхъ крестьянъ опредѣлены для училищъ, какъ видно изъ книжки г. Флорѣсова «Объ обязанностяхъ крестьянина», одобренной ученымъ комитетомъ мин. гос. имущ. для употребленія въ этихъ школахъ, и награжденной золотою медалью. (См. въ библіографіи «Современника», 1859 г. № IX).

чебныхъ для распространенія между земледѣльческимъ населеніемъ необходимыхъ свѣдѣній по сельскому хозяйству. Первоначально въ каждой изъ пяти губерній царства, будетъ учреждено одно такое училище на 25 человѣкъ, и въ него будутъ принимаемы молодые люди отъ 13-ти до 18-лѣтняго возраста, съ платою по 50 руб. въ годъ. Смотря по способностямъ, курсъ будетъ продолжаться отъ 4 до 6 лѣтъ. Спеціальные предметы обученія: земледѣліе, садоводство, огородничество, скотоводство, рыбоводство, лѣсоводство, ветеринарная медицина, нивеллировка мѣстностей и первыя основанія сельской архитектуры; общіе: катихизисъ, исторія ветхаго и новаго завѣта, ариѳметика, необходимыя свѣдѣнія изъ географіи и изъ естественныхъ наукъ, сокращенная географія Россіи и Польши, чистописаніе и съемка плановъ. Послѣ сообщенія этихъ спеціальныхъ распоряженій, обратимся къ разсказу: о самомъ ходѣ образованія. Начнемъ съ женскихъ училищъ.

Въ началѣ нынѣшняго года открыто въ Кіевѣ женское училище для приходящихъ дѣвицъ всѣхъ сословій, на счетъ сенатора Фундуклея, пожертвовавшаго для этого училища два каменные дома; и сверхъ того, по 1,200 руб. сер. ежегодно, покуда будетъ существовать училище.

Дѣло женскаго образованія въ Кіевѣ пользуется уже такимъ сочувствіемъ общества, что мѣстная газета «Кіевскій Телеграфъ» находитъ уже необходимымъ сдѣлать вызовъ къ обществу о пожертвованіи средствъ для учрежденія другаго подобнаго же училища. — Существующее уже давно въ Одессѣ училище для дѣвицъ, такъ переполнено нынѣ ученицами (число ихъ простирается уже слишкомъ за 200), что и «Одесскій Вѣстникъ» тоже съ своей стороны взываетъ къ обществу о необходимости завести еще женское училище. — Въ концѣ прошлаго года открыто женское училище въ Симбирскѣ, на средства, пожертвованныя купцами и мѣщанами, а также на суммы изъ городскихъ доходовъ. Открывается такое же училище въ городѣ Шуѣ. — Недавно открыты женскія училища въ городахъ Котельничѣ и Слободскомъ (Вятской губерніи); то и другое на средства мѣстныхъ купцовъ и мѣщанъ; замѣчательно, что въ обоихъ этихъ училищахъ, есть воспитанницы и изъ крестьянскаго званія. Скоро предполагается открытіе женскаго училища и еще въ одномъ городѣ Вятской губерніи, именно въ Сарапулѣ. — Жители далекаго Минусинска, купцы и чиновники, собрали подъ новый годъ 738 р. на учрежденіе женскаго училища; есть надежда, что пожертвованія на этотъ предметъ усилятся, и училище будетъ скоро открыто. — Въ Калужской губерніи дѣло объ открытіи женскихъ учи-

лищъ по тамошнимъ городамъ, вообще незначительнымъ въ торговомъ и промышленномъ отношеніи, подвигается, хотя и туго: въ городѣ Ковельскѣ купцы и мѣщане установили сборъ въ пользу училища; но жители городовъ Малоярославца и Мосальска предположили отнести содержаніе училищъ на весьма неблагонадежныя средства,— именно на счетъ скудныхъ остатковъ отъ городскихъ расходовъ. Въ городѣ Ефремовѣ, послѣ довольно долгихъ колебаній, городское общество собрало-таки средства на открытіе женской школы: въ этомъ дѣлѣ участвовало нѣсколько и дворянство. По распоряженію мѣстнаго предводителя данъ былъ балъ по подпискѣ, который, по замѣчанію корреспондента Московскихъ Вѣдомостей, былъ весьма удаченъ и превзошелъ по сбору денегъ ожиданія, такъ что въ пользу школы найдено было возможнымъ отдѣлить 100 руб. сер.: супруга предводителя, г-жа Бахтеярова, по просьбѣ купеческаго общества, приняла на себя званіе попечительницы школы, и обязалась жертвовать для ней 50 руб. въ годъ. На средства городскихъ обществъ открываются школы въ Симферополѣ и въ Елисаветградѣ. На открытіе женскаго училища 2-го разряда въ Оренбургѣ получено уже разрѣшеніе, но открытіе это, говорятъ, отложено до пріѣзда начальника края. Извѣщая объ этомъ Оренбургскія губернскія вѣдомости (№ 7) ставятъ скромно точки послѣ словъ «до пріѣзда начальника края...: Быстрые и прочные успѣхи сдѣлало женское образованіе въ Вологодской губерніи. Перворазрядное училище въ Вологдѣ открыто еще лѣтомъ 1858 года; второразрядное — въ томъ же году въ Тотьмѣ и Устьсысольскѣ, а въ прошломъ году — въ Яренскѣ; сверхъ того такія же школы существуютъ въ Грязовцѣ, Кадниковѣ и Устюгѣ. Средства училища постепенно усиливаются, благодаря пожертвованіямъ и рвенію городскихъ обществъ, такъ что училища въ Вологдѣ и Тотьмѣ пріобрѣтаютъ собственные дома, и имѣютъ возможность вознаграждать труды наставниковъ. Успѣшному ходу дѣла много помогли добровольныя, безвозмездныя занятія учителей уѣздныхъ училищъ; нынѣ во всѣхъ вологодскихъ школахъ число ученицъ простирается до 320. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ женская школа, открытая въ удѣльномъ селѣ Турундаевѣ, въ трехъ верстахъ отъ Вологды, тамошнимъ крестьяниномъ Сорокинымъ на его *собственный* счетъ. Сорокинъ далъ средства на первоначальное обзаведеніе и вообще на содержаніе школы, на наемъ учителей и на доставку учебныхъ пособій; помѣстивъ ее въ собственномъ домѣ, онъ обязался содержать ее на свой счетъ въ теченіе тридцати лѣтъ. Въ школу поступило уже 12 ученицъ. Программа ученія: Законъ Божій, гра-

нота, счетоводство и рукодѣліе, необходимое для крестьянки. «Замѣчательна, пишутъ въ Вологодскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, та добровольная готовность крестьянъ, съ которою привели они дочерей своихъ въ школу, тогда какъ жители многихъ городовъ не скоро убѣждались въ пользѣ ученія.» — Въ Петербургѣ на Пескахъ господинъ Философовъ тоже учреждаетъ женскую безплатную школу, въ чемъ ему содѣйствуютъ госпожа Веневитинова и княгиня Шаховская; преподаваніе учебныхъ предметовъ принимаютъ на себя дамы.

Но тутъ намъ приходится представить нѣсколько фактовъ весьма неутѣшительнаго свойства; такъ жители Нѣжина не хотятъ — да и только — учреждать у себя женскую школу, хотя впрочемъ и ходайствуютъ теперь объ учрежденіи училища въ родѣ коммерческаго; въ Полтавѣ — еще хуже: тамошнее ученое сословіе всячески хлопотало о заведеніи женской гимназіи и предлагало безвозмездно труды свои по преподаванію — и все понапрасну. Предложенъ былъ вопросъ на дворянскихъ выборахъ о средствахъ къ открытію гимназіи, но дѣло не подвинулось впередъ; немного помогли дѣлу спектакли въ пользу гимназіи, данные антрепренеромъ полтавскаго театра г. Сахновскимъ. Наконецъ заботящіеся объ учрежденіи женской гимназіи, преподаватели трехъ полтавскихъ учебныхъ заведеній взялись за энергическія средства: они устроили въ дворянскомъ собраніи два танцовальные вечера, съ лотереею-аллегри; потомъ дано нѣсколько благородныхъ спектаклей; — все это помогло нѣсколько; предполагаются также, съ тою же цѣлію, публичныя лекціи. Любопытно будетъ узнать — состоится ли все-таки женская гимназія въ Полтавѣ? Но не правда ли, хороши средства, къ которымъ приходится иногда прибѣгать для самой прекрасной, благой цѣли?... А каково въ иныхъ мѣстахъ сознаніе общественныхъ потребностей!...

Въ Самарѣ два женскихъ училища (одно открыто въ 1858 г., а другое въ 1859); благодаря заботливости надзирательницы и другихъ лицъ, дѣло образованія такъ хорошо идетъ, что въ обоихъ училищахъ болѣе ста дѣвочекъ и 40 кандидатокъ; Самарскія губернскія вѣдомости говорятъ, что, вѣроятно, вскорѣ придется открыть и третье подобное училище. Во всѣхъ городахъ Самарской губерніи тоже открыты недавно женскія приходскія училища; средства предоставлены имъ почти одни и тѣ же, и число жителей въ городахъ близко подходитъ одно къ другому; — а училища идутъ весьма различно: гдѣ нашлась усердная надзирательница, попечительный смотритель, или хорошій учитель, гдѣ не запугали дѣтей

грубымъ или холоднымъ обращеніемъ и безумною строгостью, тамъ училище наполнено дѣвочками, а гдѣ другая обстановка — тамъ оно почти пусто. Но вотъ, напримѣръ, случай: въ г. Бугульмѣ 8-го сентября прошлаго года открыто женское училище и въ немъ принялъ на себя преподаваніе уроковъ г. П., человѣкъ, по замѣчанію Самарскихъ губернскихъ вѣдомостей, (№ 50, 12-го декабря 1859 г.), умный, поверхностно образованный, но жесткаго сердца и раздражительнаго характера, предполагающій успѣхи въ наукахъ возможными только съ помощью побоевъ. Съ самаго начала своихъ уроковъ, онъ до того запугалъ учениць грубымъ обращеніемъ, что онѣ не могли отвѣчать ему, когда онъ ихъ спрашивалъ. Съ 1-го октября классы занималъ учитель мѣстнаго приходскаго училища, который заслужилъ любовь дѣвочекъ и довѣріе родителей ихъ; ученье шло прекрасно; число учениць увеличивалось. Но недѣли черезъ двѣ г. П. опять принялся за преподаваніе уроковъ. Въ классахъ держалъ онъ себя неприлично, дразнилъ дѣвочекъ, давалъ имъ прозванія, и пр.... Наконецъ, грубымъ обращеніемъ онъ разогналъ дѣвочекъ, такъ что изъ 20 воспитанницъ осталось въ училищѣ только 6-ть. Всѣ эти поступки и причиненныя г. П. побои двумъ воспитанницамъ училища, привели къ жалобамъ на негуманное его обращеніе, которое и открылось произведеннымъ дознаніемъ. Г. П. кинулся въ Казань, чтобы лично изложить ходъ этого дѣла передъ начальствомъ и стараться перейти въ другую дирекцію, но губернскимъ начальствомъ приняты мѣры, къ тому, чтобы г. П. нигдѣ не могъ занять мѣсто педагога.

Вотъ тоже случай, разсказанный въ 8 № этой газеты за нынѣшній годъ: «недавно въ одномъ изъ самарскихъ губернскихъ учебныхъ заведеній, одинъ мальчикъ, играя, толкнулъ другаго, который, отъ сильнаго толчка, упалъ и о дверную притолоку сдернулъ себѣ на головѣ кожу до крови. Начальникъ этого заведенія тотчасъ собралъ педагогическій совѣтъ, высѣкъ мальчика и выключилъ его изъ заведенія съ надписью объ этомъ на его документахъ. Впрочемъ, по истеченіи нѣкотораго времени, потребовавъ документы мальчика, начальство заведенія отмѣтило на нихъ, что прежнюю надпись считать недѣйствительною, и приняло мальчика вновь въ заведеніе....

Въ параллель съ такою дѣятельностью учено-педагогическаго сословія, мы можемъ указать нѣсколько фактовъ совсѣмъ другаго рода, совершаемыхъ людьми неученными и вообще ни въ какихъ отношеніяхъ непривилегированными. Сравненіе этихъ фактовъ съ только-что указанными выше, можетъ, между прочимъ, служить къ

разъясненію вопроса: отчего наше народное образованіе подвигается такъ медленно?

Вотъ, напримѣръ, урядникъ Мечетинской станицы, Филиппъ Осдорьевичъ Черниковъ, человѣкъ пожилой и неполучившій школьнаго образованія, испрашиваетъ разрѣшеніе на учрежденіе въ Мечетинской станицѣ (въ Землѣ войска донскихъ козаковъ) училища, строитъ на свой счетъ домъ подъ него, меблируетъ этотъ домъ, назначаетъ ничего содержаніе по 300 р. сер. въ годъ, беретъ содержать на свой счетъ четырехъ бѣдныхъ учениковъ и, кромѣ того, обязывается внести въ приказъ общественнаго призрѣнія 10,000 руб. сер., на содержаніе училища по смерти его. И привилось доброе дѣло съ разу: въ день открытія поступило въ школу уже 32 ученика. Слава и честь г. Черникову за его истинно доброе дѣло, подошедшее какъ нельзя болѣе кстати: ни въ чемъ не нуждается такъ наше общество, какъ въ образованіи.

Въ Кіевскомъ уѣздѣ, въ селѣ Казаровичахъ, приходскимъ священникомъ Пасинскимъ съ посессоршею Мицкевичъ и крестьянами, и въ селѣ Микуличахъ, управляющимъ Карповымъ съ священникомъ Шереметьевскимъ, открыты школы при церквахъ. Въ казаровичской школѣ 23 мальчика, 19 крестьянскихъ, 2 изъ военнаго званія и 2 изъ духовнаго; микуличской — 12 мальчиковъ и 4 дѣвочки, въ школахъ этихъ священники и причетники обучаютъ даромъ.

Въ концѣ 1859 года открыта школа для крестьянскихъ мальчиковъ въ помѣщичьей деревнѣ Клематинѣ, Бѣльскаго уѣзда. Смоленскія губернскія вѣдомости говорятъ, что клематинская школа *заведена по собственному желанію крестьянъ*. Крестьянинъ той же деревни Павелъ Медвѣдевъ, первый пожелалъ завести школу и способствовалъ ея устройству. Теперь она помѣщается въ его домѣ. Осенью предположено выстроить для школы особый домъ, и она будетъ содержаться на счетъ крестьянъ. Помоги Богъ бѣднымъ людямъ, не жалѣющимъ своихъ скудныхъ средствъ на дѣло, пользу котораго они сознали простымъ своимъ разумомъ.

Укажемъ еще на пожертвованіе для общественнаго образованія.

Въ Томскѣ *мѣщанка Е. И. Михѣева* пожертвовала 1000 р. сер. на публичную библіотеку. *Почетный гражданинъ Сапотинъ* пожертвовалъ на учрежденіе въ Симферополѣ женскаго училища для приходящихъ 20,000 руб., и на три года отдалъ подъ него безплатно одинъ изъ собственныхъ домовъ. Селенгинскій *купецъ Фроловъ* пожертвовалъ для помѣщенія приходскаго училища въ Кабанскомъ селеніи, Верхнеудинскаго уѣзда, домъ и сумму денегъ, достаточную на первое обзаведеніе училища. Поступили пожертвованія: *отъ жи-*

Умовой на учрежденіе при 8-й петербургской гимназіи физическаго кабинета и библіотеки 2,000 р. *отъ г. Гревенитца* — въ пользу вологодскаго женскаго училища 270 р. 61½ к. *отъ г. Шелашникова* въ пользу самарской гимназіи 600 руб. На устройство въ Орлѣ женской гимназіи *помѣщикъ Карачевскаго уѣзда Н. В. Кирѣевскій* пожертвовалъ 10,000 руб. сер.

Здѣсь же упомянемъ и о воскресныхъ школахъ, заводимыхъ въ разныхъ мѣстахъ студентами, учителями, вообще людьми молодыми и бѣдными. Впрочемъ о нихъ мы будемъ скоро говорить подробно.

ПОЛИТИКА.

ПРИСОЕДИНЕНІЕ САВОЙИ И НИЦЦЫ КЪ ФРАНЦІИ. — СЦЕНА 19 МАРТА ВЪ НИЦЦѢ. — АПРѢЛЬСКІЯ СЦЕНЫ ВЪ ПАЛЕРМО И ВЪ МЕССИНѢ. — СЦЕНА 15 МАРТА ВЪ ПЕШТѢ. — КОНЧИНА БРУКА.

23 апрѣля 1860.

Благодаря разсказамъ корреспондента газеты «Times», отправившагося въ Савойю посмотрѣть, что и какъ тамъ дѣлается, мы теперь довольно хорошо знаемъ, какимъ порядкомъ производилось дѣло присоединенія, на какихъ данныхъ основывалась возможность его, какія обстоятельства давали французамъ возможность получить уступку, а Кавуру открывали путь согласиться на нее. Фактъ самъ по себѣ не важенъ, какъ мы уже говорили: Франція мало выигрываетъ отъ завладѣнія небольшою и бѣдною областью, король Викторъ-Эммануэль и его министръ Кавуръ мало теряютъ матеріальныхъ средствъ военнаго и дипломатическаго могущества, отказываясь отъ власти надъ савоярами. Но великіе факты совершаются по тѣмъ же законамъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же обстоятельствъ и силъ, какъ и малые: лейпцигская битва, въ которой дралось 500,000 человѣкъ, происходила тѣмъ же способомъ и была рѣшена тѣми же причинами, по какимъ дерутся и побѣждаютъ или бываютъ побѣждаемы маленькіе отряды въ неважныхъ стычкахъ. Всмотрѣвшись въ дѣло о томъ, какъ и чѣмъ была рѣшена судьба Савойи, мы можемъ, если захотимъ, извлечь изъ него матеріалы для полученія

того, какъ происходятъ дѣла, отъ которыхъ зависитъ судьба Европы. Прежде всего прочтемъ разсказъ, знакомящій насъ съ савойскими происшествіями. Корреспондентъ «Times'a» отправился въ эту страну, лишь только стало извѣстно, что уступка будетъ произведена съ формальнымъ участіемъ самихъ савояровъ: ему хотѣлось, удостовѣриться въ томъ, справедливы ли слухи, будто бы савояры сами хотятъ присоединиться къ Франціи, или эти слухи, распускаемые французскими полуофиціальными газетами,—чистый вздоръ, и савояры находятся въ отчаяніи отъ предстоящей перемѣны подданства, какъ увѣряли многія изъ итальянскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ газетъ. Онъ не за французовъ, онъ не противъ французовъ: онъ поѣхалъ въ Савойю не затѣмъ, чтобы судить, хороши или дурны чувства савояровъ, онъ занятъ только тѣмъ, чтобы узнать, въ чемъ состоятъ ихъ чувства. Предисловіемъ къ его разсказу о впечатлѣніяхъ служатъ воспоминанія о прежнемъ состояніи Савойи, въ которой онъ бывалъ нѣсколько разъ. До 1848 года савояры не имѣли ровно никакихъ политическихъ и гражданскихъ понятій. Подъ патріархальныхъ управленіемъ они не имѣли ни надобности, ни возможности думать о своихъ общественныхъ дѣлахъ. Они любили гордиться своею вѣрностью королю, слушались во всемъ своихъ правителей, слушались духовенства въ томъ, что оставалось невходящимъ въ приказанія, получаемыя ими отъ правительства. Съ 1848 года положеніе дѣлъ начало измѣняться: король велѣлъ имъ выбирать депутатовъ, — такъ по ихъ понятіямъ представлялась конституціонная свобода; послушные приказанію, они выбирали депутатовъ, и сначала все такихъ людей, которые слушались во всемъ короля и католическаго духовенства. Потомъ понемногу начали они перевирать мысль, что депутаты выбираются собственно за тѣмъ, чтобы защищать ихъ интересы, и начали показываться въ Савойѣ нѣкоторые зародыши либерализма. Либерализмъ этотъ былъ плоховатъ, а главное, слабоватъ: иначе и быть не могло у новичковъ; но все-таки понемногу онъ развивался, и графъ Кавуръ въ послѣдніе годы могъ надѣяться, что когда нибудь станетъ Савойя выбирать такихъ депутатовъ, которые поддерживали бы либеральное правительство; впрочемъ, нельзя было разсчитывать на скорое исполненіе такой надежды: савояры измѣнялись — это правда, но измѣнялись медленно и двѣнадцать лѣтъ не успѣли много измѣнить ихъ. Въ такую-то страну поѣхалъ корреспондентъ «Times'a» разузнавать, что она думаетъ, чего она желаетъ, или, по его собственному полунасмѣшливому выраженію о себѣ, поѣхалъ отыскивать предполагаемое савойское движеніе. Послушаемъ же теперь, что нашелъ онъ и какъ шло при немъ дѣло.

«Анси. 25 марта, вечеромъ.

«Вотъ и въ Анси я, новый Жеромъ Патюро, отправившійся искать савойскаго движенія. Исполненный вѣры, подобно своему первообразу, я ни мало не обезкураживаюсь тѣмъ, что мало успѣха имѣли мои поиски въ южныхъ долинахъ Савойи и теперь направляю свой путь къ сѣверу, не останавливаясь за дождемъ, градомъ, вѣтромъ и снѣгомъ, согрѣваемый надеждою найти наконецъ предметъ моихъ исканій. Нынѣ день выборовъ и выбранные депутаты должны выразить желаніе Савойи, рѣшить будущую судьбу родины своими голосами. Какая торжественная минута! какая отвѣтственность! какой шансъ мнѣ увидѣть всѣ народныя чувства на моемъ пути! Вотъ мысли, тѣснящіяся въ моей головѣ, высунутой въ окно вагона, везущаго меня въ Э-ле-Бенъ. Отъ этихъ мыслей я становлюсь торжественъ духомъ, какъ будто самъ я савоярскій патріотъ, какъ будто въ моей рукѣ одинъ изъ тѣхъ избирательныхъ билетовъ, которые рѣшатъ участь этихъ горъ и этого болотистаго озера, тянущагося на лѣво, и этихъ косогоровъ съ ихъ виноградниками и крытыми черепицей домиками, быстро мелькающихъ направо.

«Поѣздъ останавливается; кондукторъ кричитъ: Бенъ! Бенъ! я беру свой сакъ и плащъ, рѣшаясь самъ во что бы то ни стало тащить ихъ со станціи въ городъ: я не могу вообразить, чтобы хоть одинъ изъ свободныхъ савойскихъ гражданъ, занятыхъ мыслями о предстоящей перемѣнѣ, нашелъ время прислужить неважному человѣку, пріѣхавшему въ вагонѣ, и снизошелъ отнести его сакъ въ гостинницу. Но я былъ пріятно изумленъ, услышавъ знакомый крикъ множества голосовъ, который встрѣтилъ меня по старому: пожалуйте сюда, мсьё; угодно вамъ дилижансъ? — угодно вамъ экипажъ? — угодно вамъ ѣхать въ гостиницу?» — и множество другихъ предложеній. Я бросился въ городъ, чтобы не жалѣя ни ушей, ни глазъ, видѣть все, слышать все, что только можно, пока отправится дилижансъ въ Анси. Разочарованіе, навѣянное на меня безсмысленною беззаботностью савойскихъ гражданъ въ такой великій день, нѣсколько затихло, когда я сквозь аллею тополей, ведущую къ городу, увидѣлъ множество людей, очень важно расхаживающихъ по главной улицѣ. Вездѣ въ другихъ города жители плохіе патріоты, но мало плохихъ патріотовъ въ городѣ Э-ле-Бенъ,—такъ я подумалъ; но передумалъ въ слѣдующую же минуту. Оттого-ли, что они приняли меня за своего новаго подпрефекта и мой шотландскій плащъ за мундиръ, а мой зонтикъ за символъ моего сана, или отчего другаго, но политическое торжество ихъ было значительно разстроено моимъ появленіемъ. Я рѣшительно былъ на ихъ глаза интереснѣе присоединенія къ Франціи или отдѣленія отъ Сардиніи.

Они зорко смотрѣли на меня, стараясь угадать, есть ли у меня намѣреніе и средства истратить въ ихъ городѣ нѣсколько пятифранковиковъ. Я былъ для нихъ даромъ небесъ въ это зимнее время, когда перепадаетъ имъ такъ мало денегъ: каждый забылъ отдѣленіе и присоединеніе, думая о томъ, нельзя ли отдѣлить какую нибудь монету отъ моего кармана и присоединить къ своему. Это было убійственно. Я спрашивалъ о ихъ мнѣніяхъ, они спрашивали, не закажу ли я обѣдъ. Я спрашивалъ, кто ихъ кандидатъ, они спрашивали меня, не хочу ли я посмотрѣть римскія развалины. Если бы вѣра моя не была тверда, я немедленно воротился бы въ Шамбери. Но я только пофилософствовалъ о деморализующемъ вліяніи иностраннаго золота на простыя неиспорченныя сердца, завернулся въ свой плащъ и взлѣзъ на дилижансъ, готовый везти меня въ болѣе первобытныя страны.

«Встащившись подъ дождемъ по грязной дорогѣ на Біольскую гору, экипажъ остановился и былъ тотчасъ же окруженъ людьми, привлеченными необыкновенностью того событія, что явился путешественникъ въ такое время года. Видъ у нихъ былъ такой почтенный, что я ободрился духомъ и спросилъ, кто ихъ кандидатъ и тотъ ли кандидатъ выбранъ, какого они хотѣли? Ma foi, не знаемъ, сказали они: погода была такъ дурна, что мы не ходили узнавать, что дѣлаютъ горожане. Я снова утѣшился мыслью, что люди тутъ уже слишкомъ первобытны; лошади отдохнули и мы поѣхали по шоссе къ Альбану и Капо-дель-Мандаменто.

«Тутъ опять была чуть не цѣлая толпа у станціи и табачной лавочки; одинокій жандармъ (піэмонтскій) былъ тутъ самой видной фигурой. Я зашелъ въ трактиръ, велѣлъ подать бутылку вина и спросилъ о новостяхъ. «Вы, мсьё, должны знать ихъ лучше насъ; говорятъ, что въ Шамбери французы». — Что же, нравится вамъ эта перемѣна? — «Не намъ, простымъ людямъ, говорить, что намъ нравится, что нѣтъ».

«Пошелъ! — было невольнымъ отвѣтомъ разочарованнаго энтузіаста, и мы поскакали въ живописную деревушку Альби, гдѣ перемѣнили лошадей. Съ неутомимостью, достойною моего первообраза Жерома, я возобновилъ штурмъ и вступилъ въ разговоръ съ людьми, которыхъ воскресенье собрало передъ трактиромъ. Спрашивать ихъ было все равно, что спрашивать криваго безносаго кретена, запрягавшаго лошадей: я добился отъ нихъ столько же толку.

«Я былъ порядкомъ обезкураженъ, и если бы кстати не поднялась буря со снѣгомъ, отвлекшая мое вниманіе отъ великой мысли савойскаго движенія, я чувствовалъ бы себя разбитымъ на-голову.

Но облачное движеніе оживило мою энергію и, отступившись отъ разспросовъ у бѣдныхъ ничего не знающихъ поселянъ, я рѣшился испытать счастья въ Анси, самомъ дѣятельномъ изъ савойскихъ городовъ, гордящемся тѣмъ, что имѣетъ хлопчато-бумажную фабрику, имѣетъ стеклянные заводы и по сосѣдству каменноугольныя копи. Передъ заходомъ солнца показались мнѣ вдалекѣ высокія трубы его заводовъ.

«Ожиданіе не обмануло меня. Въ Анси положительно было больше слѣдовъ движенія, чѣмъ въ Шамбери и другихъ городахъ, а моею цѣлью было найти какое нибудь движенье, — французское, сардинское, швейцарское,—все равно, лишь бы движеніе. Всѣ въ Анси были заняты этимъ дѣломъ, потому не трудно было вступить въ разговоры о немъ. Первымъ, что я услышалъ, были жалобы на піэмонтское правительство, которое въ своей итальянской политикѣ почти забыло о древнѣйшихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ, вспоминая о нихъ только за тѣмъ, чтобы брать съ нихъ солдатъ и деньги. «А въ замѣнъ за то ничего оно не дѣлаетъ для насъ. Давно обѣщались провести желѣзную дорогу въ Анси, а до сихъ поръ еще и не начали ее и провозъ нашихъ издѣлій въ Піэмонтъ очень убыточенъ». Это недовольство ободряло людей, дѣйствовавшихъ въ пользу Франціи. — Стало быть вы теперь довольны, что присоединяетесь къ Франціи и что будетъ вамъ построена желѣзная дорога? сказалъ я.— «Насъ разоряютъ, мсьё, отвѣчали мнѣ: мы сбываемъ свои стеклянные товары въ Піэмонтъ, гдѣ такихъ не умѣютъ дѣлать. А съ французскими стеклянными товарами, которые теперь пойдутъ къ намъ, наши не могутъ сравняться. Кончится, вѣроятно, тѣмъ, что намъ прійдется закрыть свои заводы. Кромѣ того намъ прійдется дороже платить за колоніальные товары, которые мы получали изъ Женевы». Не только торговцы, но и частные люди по предусмотрительности сдѣлали большія закупки этихъ товаровъ, чтобы уйти отъ убытка хотя на первое время. — Стало быть у васъ большая торговля съ Женевой? — «Да, Женева ввозитъ къ намъ на 7 или на 8 милліоновъ франковъ товаровъ своихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ».— Стало быть вамъ хотѣлось бы присоединиться къ Швейцаріи? — «Нѣтъ, вѣдь мы все равно лишились бы сбыта въ Піэмонтъ». — Такъ чего же вы желаете? — «Мы теперь не стали ничего желать, потому что все рѣшено и правительство отдало насъ Франціи».—Но по крайней мѣрѣ вы постарались нынѣ выбрать депутата, который выразилъ бы ваши желанія? — «Нѣтъ, нашъ кандидатъ бросилъ насъ; онъ уѣхалъ съ депутаціею въ Парижъ. Знаете, всѣ эти адвокаты и наши чиновники на французской сторонѣ: они надѣются, что имъ за усердіе заплатятъ орденами и хорошими должностями. Одному

обѣщали мѣсто подпрефекта, другому должность префекта, третьему помощника префекта, а крестовъ раздадутъ цѣлыя сотни».

«Ясно, мой собесѣдникъ былъ фрондеръ. Я подозрѣваю, что онъ имѣетъ дѣла по хлопчатобумажной фабрикѣ. Посмотримъ на другую сторону дѣла. Оно обернется къ вамъ другой стороной, если вы поговорите съ человѣкомъ, имѣющимъ дѣла по каменноугольнымъ копямъ или по лѣсной торговлѣ. Онъ скажетъ вамъ во первыхъ, что привыкъ не скрывать своихъ мнѣній, что онъ по сердцу и по душѣ такой же французъ, какъ по языку; что онъ не хочетъ дольше подчиняться итальянской политикѣ Піэмонта, не хочетъ, чтобы его руками другіе загребали жаръ, что савойская промышленность теперь связана, что ей теперь открытъ одинъ сбытъ въ Піэмонтъ, куда нельзя по дороговизнѣ провоза сбывать черезъ Альпы сырые продукты, составляющіе главное богатство Савойи, а Франція будетъ для нихъ готовымъ и близкимъ рынкомъ. И какъ только построютъ желѣзную дорогу, страна процвѣтетъ.

«Вотъ вамъ обѣ стороны дѣла: ту или другую выставляютъ передъ вами, смотря по тому, съ кѣмъ вы заговорите. Правда, нѣкоторое движеніе есть въ Анси, но какого оно рода? — самаго низкаго. Ни та, ни другая партія ни слова не говоритъ о различіи въ учрежденіяхъ; нѣтъ ни искры чувства, мѣсто которому было бы выше желудка, алчнаго центра нашей животной натуры.

«Разскажу еще одинъ случай, — грустно мнѣ разсказывать *его*, потому что онъ предвѣщаетъ недоброе. Въ день выборовъ французская партія давала обѣдъ; въ городѣ тогда было проѣздомъ человѣкъ восемь французскихъ купцовъ; ихъ пригласили на обѣдъ; они всѣ отказались, замѣтивъ: «добрые люди, вы сами не знаете, чего хотите. Мы испытали эту вещь и увѣряемъ васъ, что скоро вы раскаетесь».

«Въ девять часовъ вечера идетъ почтовая карета въ Женеву. Объ Анси я написалъ уже довольно, въ слѣдующій разъ скажу вамъ, что говорятъ въ Женевѣ о Шабле и Фосиньи».

«Женева. 26 марта.

«Вы повѣрите моимъ словамъ, что почтовая карета, ходящая изъ Анси въ Женеву, не слишкомъ удобный экипажъ и что на Сіонѣ чрезвычайно холодно во время вьюги. Но я невозмутимо ѣхалъ отыскивать савойское движеніе и только на станціи въ Крюсолѣ, гдѣ мы перемѣняли лошадей, мое спокойствіе было нарушено нѣсколькими людьми, стоявшими на кругломъ крыльцѣ и громко кричавшими: «побѣда!» Это были партизаны Франціи, торжествовавшіе удачу на выборахъ. Они громко объясняли выгоды, какія полу-

читъ Савойя отъ присоединенія къ Франціи. Этотъ панегирикъ пришелся не по вкусу двумъ другимъ людямъ, бывшимъ на крыльцѣ, и начался споръ. Тутъ въ первый разъ увидѣлъ я вниманіе и къ политическимъ учрежденіямъ. Противники присоединенія заговорили о жандармахъ, о личной свободѣ и о политической свободѣ, которая вся погибнетъ отъ присоединенія.

«Сіонскій хребетъ совершенно отрѣзываетъ Фосиньи и Шабле отъ остальной Савойи. Я очень доволенъ тѣмъ, что переѣхалъ его и могу вамъ разсказать о чувствахъ жителей въ этихъ нейтрализованныхъ округахъ. Я уже и прежде слышалъ отголоски швейцарскихъ опасеній и криковъ, полагалъ, что населеніе Шабле и Фосиньи не такъ равнодушно, какъ увѣряли меня въ южной Савойѣ, но я не предполагалъ, чтобы волненіе въ Швейцаріи было такъ сильно и чтобы желанія сѣверной Савойи получили такой опредѣленный характеръ. Оба эти обстоятельства заслуживаютъ вниманія.

«Я еще не былъ въ Шабле и Фосиньи и не могу говорить о собственныхъ наблюденіяхъ; но передо мною лежитъ печатная декларація жителей сѣверной Савойи, требующая присоединенія къ Швейцаріи и посланная ко всѣмъ державамъ, подписавшимъ трактатъ 1815 года. Къ этой декларації пришиты 152 страницы, на которыхъ находятся 11,502 подписи, собранныя во всѣхъ кантонахъ нейтрализованныхъ округовъ. Эти подписи были собраны менѣе чѣмъ въ восемь дней, съ 8 до 16 марта. Можетъ показаться странно, что не позаботилось объ этомъ раньше; но вспомните, что до появленія ноты 24 февраля Франція не заводила формальной рѣчи объ уступкѣ, а когда Швейцарскій союзный совѣтъ поручилъ своимъ дипломатическимъ агентамъ сдѣлать представленіе по этому дѣлу, то Франція даже отвѣчала, что о савойскомъ вопросѣ въ настоящее время нѣтъ рѣчи и что если бы онъ возникъ, то Шабле и Фосиньи были бы уступлены Швейцаріи. Введенные въ обманчивую безпечность, нейтрализованные округи и Швейцарія не думали, что имъ грозитъ опасность. Они были пробуждены только объявленіемъ, сдѣланнымъ въ Анси и Шамбери 8 и 10 марта, говорившимъ савойскому народу, что онъ приглашается выразить свое желаніе или нежеланіе присоединиться къ Франціи, и ни слова не упоминавшимъ о Швейцаріи и объ ея правахъ на нейтрализованные округи. Только тогда стали устроивать манифестацію въ сѣверной Савойѣ, собирать подписи къ объявленію о томъ, что сѣверная Савойѣ желаетъ присоединиться къ Швейцаріи, если не можетъ остаться соединена съ Піэмонтомъ. Послѣ того какъ эта декларація была напечатана, собрали къ ней еще болѣе тысячи подписей, такъ что свое согласіе съ ней выразили 12,600 человѣкъ въ округахъ, имѣющихъ всего на-

селенія около 160,000 человѣкъ. Я самъ поѣду въ эти округи и не стану теперь тратить время на отгадываніе того, до какой степени сильно въ жителяхъ желаніе, свидѣтельствуемое этою декларацією.

«Бонвиль. 27 марта.

«Цѣлый день я провелъ въ разъѣздахъ по всѣмъ сколько нибудь важнымъ мѣстамъ нейтрализованныхъ округовъ, былъ въ Тононѣ, Дувенѣ, Аннасѣ, Бонвилѣ и т. д. и у меня не осталось сомнѣнія въ томъ, что здѣсь имѣетъ дѣйствительную силу савойское движеніе, котораго почти не существуетъ въ остальной Савойѣ. Въ сѣверной Савойѣ жители гораздо живѣе, чѣмъ въ южной, они, кажется, готовы встрепенуться изъ своей дремоты; это надобно приписывать тѣснымъ ихъ связямъ съ Женевою, остававшимся не вовсе безъ вліянія на характеръ народа и пробуждавшимъ въ здѣшнихъ савоярахъ чувство независимости. Но все-таки не думайте, чтобы политическія соображенія говорили въ нихъ сильнѣе по этому дѣлу, чѣмъ у южныхъ савояровъ. И здѣсь матеріальныя выгоды единственный рычагъ, движущій народными желаніями; но матеріальный интересъ влечетъ эти округи къ Женевѣ и къ Швейцаріи. Въ Швейцарію текутъ рѣки сѣверной Савойи, въ Швейцарію идутъ и продукты ея. Отъ остальной Савойи и отъ Франціи она отдѣлена цѣпью горъ, проѣздъ по которымъ всегда труденъ, а зимою часто и невозможенъ. Сообщеніе съ свѣтомъ здѣшнія долины имѣютъ черезъ Женевское озеро: по немъ получаютъ онѣ немногіе товары, ими потребляемые, по немъ пріѣзжаютъ къ нимъ и путешественники, служащіе для нихъ главнымъ источникомъ дохода.

«Потому, если бы принимать за основаніе сужденій матеріальный интересъ, то жители здѣсь всѣ до одного были бы расположены присоединиться къ Швейцаріи. Но отъ сотворенія міра всегда существовало противорѣчіе между интересами страны и выгодами нѣкоторыхъ ея жителей. Оно существуетъ и въ нейтрализованныхъ округахъ. Я имѣлъ случай говорить съ людьми всѣхъ сословій и во всѣхъ своихъ поискахъ не нашелъ землевладѣльца или фермера, который желалъ бы присоединенія къ Франціи. Если нѣкоторые изъ нихъ не такъ сильно какъ другіе высказывали свое желаніе присоединиться къ Швейцаріи, это происходило только отъ робкой осторожности, которая стала совершенно понятна для меня изъ разговоровъ съ людьми французской партіи. Эта партія сосредоточена въ городахъ и центромъ ея служитъ Тононъ, а главною поддержкою личный разсчетъ чиновниковъ, адвокатовъ и духовныхъ. Приверженность этихъ трехъ сословій къ Франціи натуральна, потому что они проиграли бы отъ присоединенія сѣверной Савойи къ Швейцаріи, между

тѣмъ какъ всѣ остальные классы проигрываютъ отъ присоединенія къ Франціи. Въ республиканской странѣ съ простыми и свободными учрежденіями, въ странѣ, сохранившей самоуправленіе почти во всей первобытной чистотѣ, чиновники не могутъ ждать себѣ завиднаго положенія. Почти всѣ мѣста раздаются по выборамъ, а не по рутинѣ и не по связямъ. Надежда на повышеніе очень мала; небогато и жалованье въ странѣ, гдѣ должность считается почетомъ, а не источникомъ выгодъ. Жизнь чиновника, зависящаго отъ народа, трудна: отъ него требуютъ не такой дѣятельности, какая въ бюрократической машинѣ достаточна ему, чтобы не отстать отъ другихъ. Гораздо привлекательнѣе каррьера его въ могущественной, многосложной администраціи, какова французская. Сколько почестей ждетъ тутъ честолюбивыхъ мэровъ и ихъ помощниковъ! Каждый изъ нихъ надѣется быть подпрефектомъ или даже префектомъ. Шансы выгодъ для чиновничества слишкомъ неравны, не говоря уже о томъ, что въ Швейцаріи нѣтъ крестовъ и денежныхъ пожалованій.

«Такъ же плохи шансы въ простой и практичной Швейцарской республикѣ для адвокатовъ. Въ Швейцаріи почти нѣтъ процессовъ, потому что почти всѣ дѣла кончаются примирительными судами; а если и дойдетъ до процесса, сами тяжущіеся ведутъ его безъ адвоката по простотѣ судопроизводства. Сравните же съ этимъ величественную роль французскихъ адвокатовъ, съ гордостью говорящихъ о себѣ, что всегда были лучшею славою великой націи. Адвокатство тамъ каррьера чрезвычайно выгодная и кромѣ того ведущая къ первымъ государственнымъ должностямъ. Присоединеніе къ Швейцаріи тотчасъ лишило бы адвокатовъ почти всѣхъ ихъ нынѣшнихъ доходовъ, которыми кормится множество этихъ людей теперь, благодаря сутяжничеству савояровъ: каждый савояръ имѣетъ теперь процессы со всѣми своими сосѣдями. Женева, городъ многолюдный, не имѣетъ столькихъ адвокатовъ, сколько ихъ въ каждомъ маленькомъ савойскомъ городкѣ. Швейцарскія учрежденія раззорили бы ихъ, а присоединеніе къ Франціи открываетъ имъ блестящую каррьеру. Духовенство, разумѣется, ужасается всякаго сближенія съ протестанскою Женевою. Женева вмѣстѣ съ Берномъ стояла во главѣ движенія 1847 года, изгнавшаго іезуитовъ изъ Швейцаріи. Получивъ тутъ успѣхъ, она можетъ пойти и дальше: кто знаетъ, на чемъ она остановится? А императоръ, не смотря на свои нынѣшнія непріятности съ папой, все-таки служитъ ревностнѣйшимъ защитникомъ католичества.

«Если взять всѣ эти три класса по счету, они конечно составляютъ ничтожное меньшинство. Но вліяніемъ они гораздо сильнѣе, чѣмъ

числомъ. Каждый чиновникъ, адвокатъ и священникъ господствуетъ надъ невѣжественнымъ и слабымъ простолюдиномъ, привыкшимъ къ слѣпому повиновенію. И если подумать о силѣ, находящейся въ рукахъ этихъ трехъ сословій, то надобно назвать чрезвычайно сильнымъ естественное тяготѣніе нейтрализованныхъ округовъ къ Швейцаріи, выразившееся 12-ю тысячъ подписей.»

«Шамбери. 28 марта, вечеромъ.

«Кончено.

«Нынѣ, въ половинѣ девятаго поутру, первый отрядъ французской арміи, четыре роты 80-го линейнаго полка, вступили въ городъ. Завтра ждутъ еще такого же отряда и постепенно соберется сюда весь полкъ. Шамбери, столица Савойи, занята войсками его величества императора французовъ.

«Во всемъ этомъ савойскомъ вопросѣ, съ самаго начала до конца, была одна постоянная черта, которая дѣлаетъ его очень курьёзнымъ: всѣ стороны, участвовавшія въ этомъ дѣлѣ, какъ будто стыдились своей роли и старались тонкими изворотами прикрасить свои поступки передъ самими собою. Встрѣча французскихъ войскъ нынѣшнимъ утромъ имѣла точно такой же характеръ. Ихъ ожидали со дня на день и довольно было времени приготовиться къ пріему. Фабриканты, изготовляющіе разныя принадлежности къ иллюминаціямъ (эти господа жарчайшіе партизаны присоединенія къ Франціи), принялись дѣлать французскіе флаги, разные транспаранты и шкалики, но никто не покупалъ ихъ: самые пламенные партизаны Франціи совѣстились выступать впередъ и не покупали французскихъ флаговъ, подобно людямъ, мрачно смотрящимъ на готовившееся дѣло. Потому фабриканты, обманутые въ надеждахъ, бросили дѣлать шкалики и флаги, и когда было официально объявлено о прибытіи французскихъ войскъ, то не оказалось нужнаго запаса французскихъ украшеній.

«Прокламація городскаго управленія, говорившая о томъ, что Викторъ-Эммануэль снизошелъ на желаніе савойяровъ присоединиться къ великой французской имперіи, также носила на себѣ печать смущенія. На ея заголовкѣ былъ гербъ савойскаго дома, а въ концѣ ея восклицанія: да здравствуетъ Наполеонъ III! да здравствуетъ Франція! Смущеніе было видно и въ прокламаціи, созывавшей національную гвардію встрѣтить гостей на станціи. На станціонномъ домѣ были поставлены флаги, сдѣланные наполовину изъ савойскихъ, наполовину изъ французскихъ цвѣтовъ, съ вензелемъ императора на одной сторонѣ, съ вензелемъ короля на другой. Такой же видъ имѣли украшенія на городской ратушѣ: старому госу-

дарю удѣлялась половина ихъ; но императорскій гербъ надъ балкономъ давалъ рѣшительный перевѣсъ новому владыкѣ. Изъ частныхъ домовъ только очень немногіе были украшены флагами и почти всѣ они также имѣли такой двойной характеръ.

«Поѣздъ прибылъ въ назначенное время, оркестръ заигралъ Partant pour la Syrie, собравшуюся толпу убѣждали привѣтствовать французовъ, французы отвѣчали на эту попытку привѣтствія, женщины махали платками, синдикъ произнесъ поздравительную рѣчь полковнику, французы пошли въ казармы, сопровождаемые національной гвардіей; за ними шла толпа, передъ ними шли музыканты. Было потомъ сдѣлано нѣсколько попытокъ устроить демонстрацію въ честь французовъ, но малочисленные энтузіасты не находили поддержки въ народѣ. Эти сцены были живою картиною савойскаго движенія: небольшое число хлопотливыхъ агитаторовъ среди мертвой и равнодушной массы. Украшенія, выставленныя на домахъ энтузіастовъ, производили то же впечатлѣніе: домовъ этихъ было очень мало.

«Вечеромъ оркестръ національной гвардіи игралъ на широкой улицѣ, ведущей къ замку. Въ девять часовъ вечера не было уже народа на улицахъ. Великій актъ занятія Савойи французами совершился.

«Теперь многіе, даже изъ людей желавшихъ перемѣны, чувствуютъ боязнь будущаго. Народъ жалѣетъ о прежнемъ положеніи. Яснымъ доказательствомъ тому служитъ всеобщее неудовольствіе противъ савояровъ, отправлявшихся депутатами въ Парижъ. Они вчера воротились обремененные обѣдами, любезностями и обѣщаніями. Даже здѣсь, въ южной Савойѣ, порицаютъ ихъ за то, что они предложили императору свою родину и говорили отъ ея имени. Савояры по всегдашней своей привычкѣ повинуются своему королю, но не желаютъ принадлежать Франціи».

«Шамбери. 29 марта.

«Небольшое и неудачное одушевленіе, поднятое вчера, теперь совершенно утихло. По разсчетливости или изъ стыда, бо́льшая часть флаговъ исчезла съ домовъ. Кромѣ тѣхъ, которые развѣваются на станціи желѣзной дороги, на публичныхъ зданіяхъ и на башнѣ замка, не осталось въ цѣломъ городѣ пятидесяти флаговъ. Изъ нихъ значительная часть виситъ въ окнахъ французскаго консульства. Французскіе солдаты ходятъ по улицамъ незамѣчаемые никѣмъ.

«Въ результатѣ происходящихъ теперь выборовъ нѣтъ уже никакого сомнѣнія. Избиратели явились въ маломъ числѣ, считая дѣло

конченнымъ безъ ихъ воли. Между тѣмъ на всякій случай составленъ адресъ, говорящій противное адресу, подписанному жителями сѣверной Савойи: онъ разсылается по всей странѣ, чтобы его подписывали. Савояры станутъ подписывать: какъ же имъ не выразить своего согласія на распоряженіе, сдѣланное ихъ королемъ?»

Это спокойное изложеніе фактовъ представляетъ намъ въ маломъ видѣ образецъ того, какъ дѣлаются почти всѣ государственныя перемѣны и къ лучшему и къ худшему: масса населенія ничего не знаетъ, ни о чемъ не думаетъ, кромѣ своихъ матеріальныхъ выгодъ, и рѣдки случаи, въ которыхъ она хотя замѣчаетъ отношенія своихъ матеріальныхъ интересовъ къ политической перемѣнѣ, какъ замѣчала въ Савойѣ. На этомъ равнодушіи массы основана возможность даже самыхъ замысловъ о бо́льшей части совершаемыхъ въ политической жизни перемѣнъ. Низлагается Наполеонъ I и призываются на его мѣсто Бурбоны: не думайте, чтобы это было дѣломъ французской націи; что призваніе Бурбоновъ не было дѣломъ союзныхъ монарховъ — вещь давно извѣстная. Кто же устроилъ эту перемѣну? Два–три союзныхъ министра съ Талейраномъ и нѣсколькими его кліентами. Они сказали союзнымъ монархамъ, что французы желаютъ возстановить Бурбоновъ, и Бурбоновъ призвали въ удовлетвореніе желанію французовъ, которые вовсе и не думали желать того. Но если такъ, почему же французы не сказали, что не хотятъ Бурбоновъ? Союзные монархи не стали бы дѣлать противъ ихъ желанія. Французы не сказали, что не желаютъ, потому что въ самомъ дѣлѣ нельзя было сказать, что они желаютъ или не желаютъ: имъ было все равно; имъ объявили, что Бурбоны не станутъ нарушать ихъ матеріальныхъ интересовъ и они подумали: если такъ, мы ничего не проигрываемъ; пусть дипломаты дѣлаютъ, какъ знаютъ. Точно тоже было при замѣненіи Бурбоновъ Орлеанской династіей. Изъ тысячи человѣкъ одинъ пожалѣлъ о Бурбонахъ, изъ тысячи человѣкъ одинъ порадовался передачѣ власти Луи-Филиппу, остальные 998 подумали: намъ все равно; пусть тѣ, кто лучше насъ знаетъ эти дѣла, дѣлаютъ какъ знаютъ. Точно также провозглашена была республика, точно также была потомъ провозглашена вмѣсто республики имперія. «Вы за кого? за Францію или за Піемонтъ?» спрашивалъ савояровъ корреспондентъ «Times'a». — «Мы? да насъ нечего объ этомъ спрашивать; а впрочемъ мы слышали, будто насъ отдаютъ французамъ».—«Ну, чтожъ? это пріятно вамъ или непріятно?»—«Да намъ-то что?—это не наше дѣло. А вотъ, говорятъ, будто французы построятъ намъ желѣзную дорогу, которой сардинцы не строили,—это будетъ хорошо».—«Значитъ, вы рады перемѣнѣ?» — «Да нечему радоваться: еще неизвѣстно, хуже или

лучше намъ будетъ; вотъ посмотримъ, такъ увидимъ». — «Чтожъ это значитъ? Значитъ, лучше бы вамъ оставаться подъ властью Піэмонта?» — «Что же тутъ хорошаго? Хорошаго мы ничего не испытали отъ Піэмонта». Какъ прикажете толковать съ людьми, разсуждающими такимъ образомъ? У васъ остается одно убѣжденіе отъ подобныхъ разговоровъ и случаевъ: масса просто матерія для производства дипломатическихъ и политическихъ опытовъ. Кто взялъ надъ нею власть, тотъ и говоритъ ей, что она должна дѣлать — то она и дѣлаетъ. Такого взгляда постоянно держатся практическіе государственные люди. На этомъ основаніи управляли народами Ришльё и Питтъ, Меттернихъ и Луи-Филиппъ: дѣлали, что хотѣли, а народы слушались. Нельзя не признаться, что этотъ взглядъ очень близокъ къ истинѣ. Напрасно говорятъ въ его опроверженіе, что политика Меттерниха оказалась наконецъ несостоятельной, да и система Луи-Филиппа тоже. Напрасно ссылаются на то, что подъ конецъ они были низвергнуты и изгнаны: чтожъ тутъ за опроверженіе? вѣдь нельзя же вѣчно пользоваться удачей; разумѣется, когда нибудь настанутъ и несчастныя обстоятельства. Нынѣшній годъ пашетъ мужикъ землю — урожай хорошъ, и на слѣдующій годъ тоже, и дальше тоже. Наконецъ на 29 или на 30-й годъ случился неурожай, — чтожь изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ ли, что мужикъ плохо пахалъ землю? Нѣтъ, слишкомъ 20 лѣтъ хорошаго урожая показываютъ, что пахалъ онъ ее хорошо, а неудача послѣдняго года просто капризъ природы, просто дѣло случая, и система хозяйства, которой держался мужикъ, не компрометируется этимъ несчастіемъ. Да и посмотримъ, что дальше послѣ этого неурожайнаго года?—опять пошли хорошіе урожаи при прежней обработкѣ земли. Не оправдываютъ ли они систему мужика? Такъ и въ исторіи: послѣ Луи-Филиппа продолжалась года полтора такъ называемая анархія и французскимъ правителямъ трудно было ладить съ расходившеюся націею, или собственно даже не съ націею, а съ нѣсколькими десятками тысячъ энергическихъ работниковъ Парижа: остальныя сотни тысячъ работниковъ Парижа и другихъ городовъ были уже и тогда расположены держать себя смирно и послушно, а прочимъ девяти милліонамъ взрослыхъ мужчинъ Франціи никогда и не приходило въ голову буйствовать и непокорствовать. Такъ или иначе, дурно или хорошо, прошли эти недолгіе полтора года, тяжелые для французскихъ правителей, — и дѣла пошли прежнимъ порядкомъ: правители приказываютъ, а вся Франція слушается, — тоже самое, что было при Луи-Филиппѣ, только формы приказаній нѣсколько измѣнились: при Луи-Филиппѣ въ заголовкѣ писалось «приказы по парламентскому вѣдомству», а при Луи-Напо-

леонѣ пишется: «приказы по армейскому вѣдомству». Спору нѣтъ, заголовокъ дѣло важное, но вѣдь не въ немъ вся важность; гораздо больше ея въ самомъ содержаніи бумаги, а содержаніе бумаги тоже самое: «исправно платите подати и платите ихъ какъ можно больше; слушайтесь прелатовъ, если вы католики, пасторовъ, если вы протестанты; въ томъ и въ другомъ случаѣ слушайтесь префектовъ, которые будутъ слушаться министровъ, а министры будутъ слушаться кого сами знаютъ.» Въ Австріи даже и въ заголовкѣ перемѣны не произошло: черезъ годъ по изгнаніи Меттерниха, Шварценбергъ велъ дѣла по тѣмъ же самымъ формамъ, какъ велъ Меттернихъ: не явное ли дѣло, что чистый вздоръ говорили люди, утверждавшіе, будто бы Луи-Филиппъ и Меттернихъ ошибались въ своей системѣ? Система ихъ такъ вѣрно соотвѣтствовала надобностямъ французскаго и австрійскаго правительствъ, что сама собою воскресла изъ пепла, какъ вѣчно юный и прекрасный фениксъ. Отбросимъ вздорныя фантазіи, обсудимъ дѣло хладнокровно и скажемъ: какъ держали себя Луи-Филиппъ и Меттернихъ, такъ и слѣдовало имъ держать себя, такъ и всегда будутъ держать себя люди, которые будутъ становиться на ихъ мѣстѣ. Разсудительный человѣкъ могъ бы желать развѣ только одного: хорошо было бы, если бы политическое правило, столь пригодное для долгихъ періодовъ внутренняго спокойствія, было дополнено какимъ нибудь соображеніемъ, пригоднымъ для предотвращенія кратковременныхъ безпокойствъ, которыми перерываются долгіе спокойные періоды. Разумѣется, Луи-Филиппу и Меттерниху было бы гораздо лучше избѣжать непріятностей, которымъ подверглись они въ 1848 году. Система ихъ, какъ видимъ, не пострадала отъ народнаго буйства; но сами они пострадали — это жаль. Почтенные старцы, привыкшіе къ комфорту, привыкшіе къ власти, были принуждены бѣжать безъ всякаго комфорта. Сколько страха, сколько матеріальныхъ неудобствъ потерпѣли они въ ту недѣлю, пока пробирались въ безопасное убѣжище изъ возмутившихся своихъ столицъ черезъ раздраженныя провинціи! На новомъ мѣстѣ жительства комфортъ къ нимъ возвратился; но власть уже не возвратилась. Благонамѣренные люди уважали ихъ, но уже никто не спрашивалъ ихъ приказаній, никто не исполнялъ ихъ повелѣній: развѣ легко было имъ такое положеніе? Да и французамъ или австрійцамъ развѣ лучше стало при новыхъ правителяхъ? Говоря по совѣсти, мы далеко предпочитаемъ Меттерниха Шварценбергу, Баху, Буолю и Рехбергу: они умны и добры — это такъ, но онъ былъ и гораздо умнѣе и добрѣе ихъ. Величіе Наполеона III цѣнится нами по достоинству; но безпристрастная исторія скажетъ, что Луи-Филиппъ былъ выше его въ государственномъ

искусствѣ. Итакъ и для народовъ и для Луи-Филиппа съ Меттернихомъ было бы гораздо лучше, если бы эти мудрые правители (то есть Луи-Филиппъ и Меттернихъ) спокойно скончались съ властью въ рукахъ и безъ всякихъ непріятностей передали эту власть тѣмъ, кого сами почли бы достойными ея. Вотъ только заботы объ этомъ могъ бы еще желать въ правителяхъ разсудительный человѣкъ, потому что эта забота соотвѣтствуетъ выгодамъ самихъ правителей: онъ могъ бы желать, чтобы въ долгіе періоды внутренняго спокойствія правители обращали нѣкоторое вниманіе на средства предотвратить всякія непріятности для себя въ будущемъ, застраховать себя отъ внутреннихъ смутъ. Прочтенный нами разсказъ о савойскихъ дѣлахъ наводитъ на это средство: масса думаетъ только о своемъ матеріальномъ благосостояніи и если не будетъ доведена до большаго неудовольствія въ этомъ отношеніи, то всегда останется смирна и послушна; потому забота о народномъ благосостояніи по видимому выгодна для правителей. Такъ можетъ думать разсудительный человѣкъ; но если найдется другой человѣкъ, еще болѣе разсудительный, то замѣтитъ ему: «Другъ мой, вы слишкомъ требовательны. Вы хотите отъ людей нечеловѣческаго совершенства. Посмотрите на самихъ себя, посмотрите на всѣхъ вашихъ знакомыхъ: у кого изъ васъ, друзья мои, достаетъ времени, средствъ, твердости и безстрастія, чтобы отказывать себѣ въ настоящихъ желаніяхъ и удовольствіяхъ для отдаленныхъ шансовъ неизвѣстнаго будущаго, до котораго можетъ быть вы и не доживете? Правители, конечно, умнѣе большей части изъ насъ, или даже всѣхъ насъ; но вѣдь и они люди. У нихъ столько дѣла въ настоящемъ, столько дипломатическихъ отношеній, столько политическихъ заботъ, столько финансовыхъ надобностей нетерпящихъ отлагательства, что нѣтъ имъ физической возможности дѣлать нынѣ то, отъ чего пользы могутъ ожидать они развѣ черезъ 15 или 20 лѣтъ. Войдите въ ихъ положеніе. Посмотрите, напримѣръ, сколько было хлопотъ Луи-Филиппу въ какомъ нибудь 1832 году: тутъ надобно биться съ Казиміромъ Перье, министромъ благонамѣреннымъ, но человѣкомъ вздорнаго характера; тутъ палата хочетъ сократить бюджетъ личныхъ расходовъ Луи-Филиппа; тутъ пятеро сумасшедшихъ бьютъ въ набатъ на Нотрдамской колокольнѣ, выдавая себя за республиканцевъ, потомъ оказывается, что полицейскій агентъ подвелъ ихъ на эту глупую выходку, и возникаетъ непріятнѣйшій скандалъ; тутъ холера; тутъ умираетъ Казиміръ Перье и начинаются интриги за министерскія должности; тутъ новые министры такъ бездарны, что хлопотъ съ ними больше, чѣмъ съ Казиміромъ Перье, а смѣнить ихъ невы-

годно, потому что они послушны; тутъ начинаются дрязги по случаю возстанія и потомъ ареста герцогини Беррійской; тутъ подрастаютъ сыновья, надобно пріискивать имъ невѣстъ; тутъ Голландія ссорится съ Бельгіей; тутъ Мегметъ-Али ссорится съ Мухаммедомъ II; тутъ сотни другихъ дипломатическихъ столкновеній, — словомъ сказать, заботъ и хлопотъ столько, что голова идетъ кругомъ у Луи-Филиппа. Такъ проходитъ весь 1832 годъ, — досугъ ли тутъ подумать о предупрежденіи непріятностей, которыя, можетъ быть, настанутъ когда нибудь лѣтъ черезъ шестнадцать — въ 1848 году, а можетъ быть вовсе не настанутъ? — Такъ проходятъ и 1833 и 1834 и всѣ слѣдующіе года. При такомъ множествѣ всякихъ другихъ хлопотъ и заботъ, можно ли винить Луи-Филиппа за то, что недостало у него ни времени, ни средствъ похлопотать о народномъ благосостояніи? Нельзя винить его,—некогда ему было, не до того ему было; и непріятности 1848 г., произведенныя крайностью народнаго бѣдствія, не могутъ во мнѣніи благоразумнаго человѣка считаться справедливымъ наказаніемъ Луи-Филиппу: онѣ просто были ударомъ судьбы, постигнувшей человѣка невиннаго. Или, чтобы перейти къ нынѣшнимъ дѣламъ, когда, напримѣръ, было Кавуру позаботиться о благосостояніи савояровъ? Войдите въ его положеніе. Онъ, по своему искреннему убѣжденію, геніальный министръ; какъ же такому министру управлять такимъ маленькимъ государствомъ, какъ прежній Піэмонтъ? Надобно увеличить его. Вотъ бѣдный Кавуръ прибѣгаетъ къ англійскимъ министрамъ: помогите мнѣ увеличить управляемое мною государство! Боже милостивый! сколько ему возни было съ этими проклятыми англичанами: не хотятъ вязываться въ чужія дѣла, да и кончено. Много перепортилось у него крови отъ такой англійской безсовѣстности. Года полтора или два ушло на напрасные хлопоты. Приходится ему отъ англичанъ обратиться къ императору французовъ: новыя хлопоты, едва ли не больше прежнихъ. Тутъ начинается восточная война: надобно показать себя, что и мы, піэмонтцы, дескать, можемъ играть роль въ европейскихъ дѣлахъ, надобно пріобрѣсти право на благодарность Франціи, надобно «пріучить армію къ побѣдамъ»; кстати «армія»: Кавуръ хочетъ дѣлать завоеванія, а для завоеваній нужна сильная армія, а сильная армія не по средствамъ бѣднаго Піэмонта; такъ, но что же дѣлать? Сильная армія нужна и Кавуръ держитъ ее, хотя она не по средствамъ Піэмонта, а денегъ мало: сколько хлопотъ придумывать средства къ полученію денегъ!—до савояровъ ли тутъ? Съ савояровъ не много возьмешь деньгами; хорошо хоть то, что изъ нихъ выходятъ недурные солдаты; набираніе солдатъ, вотъ почти единственное отношеніе между Кавуромъ и савоярами, допускаемое

множествомъ хлопотъ, поглощающихъ всѣ мысли и силы Кавура. Если теперь оказывается, что онъ ничего не сдѣлалъ для савояровъ, можно ли его винить за то? Такъ, онъ совершенно правъ. Но что же изъ того вышло? Вышло то, что Наполеонъ III могъ сказать: отдайте мнѣ Савойю; для савояровъ рѣшительно все равно, принадлежать ли вамъ или мнѣ; стало быть, дѣло зависитъ только отъ вашего желанія. Я вашъ союзникъ, я вамъ дѣлаю пользу — увеличиваю ваше государство, будьте же и вы полезны мнѣ — увеличьте мое государство; если вы не согласитесь, это значитъ, что вы не расположены ко мнѣ; другихъ причинъ къ отказу нѣтъ: савояры не будутъ противиться. И вотъ Кавуръ, хотя вовсе невиненъ въ томъ, что не возбудилъ въ савоярахъ приверженности къ піэмонтскому правительству возвышеніемъ ихъ благосостоянія, терпитъ убытокъ. Будь савояры противъ отдѣленія отъ Піэмонта, Наполеонъ не могъ бы и требовать уступки Савойи, а теперь требуетъ, и у Кавура нѣтъ никакихъ отговорокъ и онъ долженъ уступить.

Каждый человѣкъ, привлекающій на себя общее вниманіе, подвергается пересудамъ, въ которыхъ всегда бываетъ много вздора. Императоръ французовъ не избѣжалъ этой участи: объ немъ говорятъ много ложнаго. Напримѣръ, утверждаютъ, будто бы, присоединяя Савойю къ Франціи, онъ слѣдуетъ принципу національности, принципу, несогласному съ преданіями господствующей политики, революціонному принципу: это клевета, гнусная клевета. Императоръ Наполеонъ въ этомъ дѣлѣ вѣренъ принципу, составляющему основаніе всякой дипломатики, согласной съ преданіями и признаваемой въ дипломатическомъ мірѣ за истинную политику. Онъ только хочетъ расширить предѣлы своего государства и увеличить его могущество. Какой хорошій дипломатъ не старается о томъ же для своего государства? Конечно, выгоды разныхъ государствъ сталкиваются въ этомъ случаѣ: то, что выгодно для одного, бываетъ вредно для другаго; австрійскіе и прусскіе дипломаты совершенно правы, чувствуя недовольство отъ присоединенія Савойи къ Франціи; но они не могутъ сказать, чтобы императоръ французовъ не дѣйствовалъ тутъ по тѣмъ же самымъ принципамъ, какихъ держатся они. Обвинять его въ системѣ, основанной на принципѣ національности, совершенно несправедливо. Непричастность его революціоннымъ идеямъ, къ какимъ принадлежитъ принципъ національности, доказывается всѣмъ его правленіемъ. Кому мало этого доказательства, можетъ найти новое подтвержденіе невинности императора французовъ въ томъ, что вмѣстѣ съ Савойею онъ присоединяетъ къ Франціи Ниццу, городъ чисто итальянскій, съ округомъ чисто итальянскимъ. Тутъ уже явно, что

политика Напооеона III основана на принципахъ чисто-дипломатическихъ, а не на какихъ нибудь революціонныхъ идеяхъ, въ родѣ принятія границъ національности за границы государства.

Дѣло присоединенія Ниццы представляетъ мыслящему человѣку одну черту, достойную великаго вниманія. Но чтобы дойти до факта, выставляющаго эту черту историческихъ дѣлъ, мы должны дополнить разсказъ, переведенный нами изъ писемъ, помѣщенныхъ въ Times'ѣ, очеркомъ событій, слѣдовавшихъ за тѣмъ временемъ, на которомъ остановился нашъ переводъ. Еще до вступленія французскихъ войскъ въ Савойю и Ниццу піэмонтское правительство стало постепенно отзывать изъ этихъ земель своихъ чиновниковъ, замѣняя ихъ людьми, которые подготовляли бы переходъ уступаемыхъ земель подъ новую власть. По вступленіи французскихъ войскъ эта исторія продолжалась и наконецъ временное управленіе все перешло въ руки приверженцевъ присоединенія. Главною ихъ заботою было, разумѣется, то, чтобы народъ вотировалъ за присоединеніе, когда будетъ предложенъ жителямъ вопросъ, хотятъ ли они перейти подъ власть Наполеона III. Какимъ порядкомъ велось это дѣло, можно видѣть по слѣдующему отрывку, который мы опять беремъ изъ той же корреспонденціи Times'а.

«Піэмонтскіе чиновники отозваны изъ Шамбери и Ниццы, но Викторъ Эммануэль, неизвѣстно по какой надобности, соглашается, чтобы все дѣлалось отъ его имени. Онъ назначаетъ новыхъ правителей: савояровъ въ Савойѣ, урожденцевъ Ниццы въ Ниццѣ, «чтобы нельзя было сказать, что выраженіе народныхъ чувствъ стѣснялось какимъ нибудь постороннимъ вліяніемъ». Правителемъ Ниццы назначенъ Любонисъ, «человѣкъ нейтральнаго образа мыслей»; онъ издалъ слѣдующую прокламацію:

«Всякое сомнѣніе относительно нашей судьбы кончено. Трактатомъ 24 марта король Викторъ Эммануэль передалъ Савойю и Ниццу Франціи; но судьба народа должна зависѣть не исключительно отъ воли короля. Великодушный императоръ Наполеонъ и благородный Викторъ Эммануэль выразили желаніе, чтобы трактатъ былъ утвержденъ народнымъ согласіемъ. Передъ священнымъ словомъ короля исчезаетъ всякая неизвѣстность относительно нашего будущаго. Всякая оппозиція должна сокрушиться и стать безсильной противъ интересовъ страны и чувствъ долга. Притомъ же она встрѣтила бы непреоборимое препятствіе въ желаніяхъ Виктора Эммануэля. Поспѣшимъ же утвердить нашими голосами присоединеніе нашей страны къ Франціи; будемъ отголоскомъ желаній короля; соединимся подъ знаменемъ великой и благородной націи, всегда пользовавшейся нашимъ сочувствіемъ; окружимъ престолъ

славнаго императора Наполеона III съ вѣрностью, отличающею нашу страну, съ вѣрностью, которую до сихъ поръ мы такъ блистательно показывали династіи Виктора Эммануэля. Да здравствуетъ Франція! да здравствуетъ императоръ Наполеонъ III!»

Эти увѣренія оффиціальныхъ лицъ, назначенныхъ самимъ королемъ сардинскимъ, что король не желаетъ выраженія вѣрности къ нему, что уступленныя области уже ни въ какомъ случаѣ не могутъ не перейти подъ власть Франціи, были впрочемъ не главнымъ средствомъ заставить народъ подавать голоса противъ Сардиніи. Гораздо дѣйствительнѣе былъ другой способъ: каждому синдику (мэру) было объявлено, что онъ будетъ отвѣчать передъ императоромъ за вотированье той общины, которой управляетъ; кромѣ того, на него возлагалась обязанность переписать людей, которые стали бы подавать голоса противъ Франціи, чтобы представить эти списки будущему французскому начальству, а жителямъ общины объявить объ этомъ, чтобы они знали опасность сопротивленія. Многіе находятъ такой способъ дѣйствія дурнымъ. Мы, напротивъ, думаемъ, что онъ имѣетъ достоинство благородной откровенности: дѣйствительно, гораздо лучше впередъ сказать людямъ, чего отъ нихъ хотятъ и чему подвергаютъ они себя въ случаѣ несогласія, нежели молчать и подвергать непріятностямъ, не предувѣдомивъ о нихъ. Само собою, разумѣется, что почти всѣ поданные голоса были въ пользу Франціи, не только въ южной Савойѣ, которая была равнодушна, но и въ нейтрализованныхъ округахъ, желавшихъ присоединиться къ Швейцаріи, и даже въ Ниццѣ, для которой отдѣлиться отъ Піемонта и стать французскимъ городомъ то же самое, что для Милана возвратиться подъ власть австрійцевъ. Въ результатѣ савойскаго вотированья Франція была увѣрена, но относительно Ниццы были нѣкоторыя сомнѣнія, потому вотированье въ Ниццѣ было назначено раньше, чѣмъ въ Савойѣ, чтобы жители не имѣли времени разубѣдиться въ своемъ мнѣніи, будто бы ихъ вотированье не будетъ имѣть вліянія на ходъ дѣла. Вотированье въ Савойѣ было назначено 22 апрѣля (новаго стиля), а въ Ниццѣ недѣлею раньше, 15 апрѣля. Остановимся теперь на этомъ фактѣ вотированья.

Чѣмъ окончательно рѣшена была судьба Ниццы и Савойи? Былъ уже давно заключенъ договоръ объ уступкѣ этихъ земель. Сардинія уже передала управленіе ими французскимъ агентамъ. Дѣло повидимому было кончено; но дѣйствительно ли было кончено оно? Спросимъ себя: что стали бы дѣлать Сардинія и Франція, если бы жители Ниццы и нейтральныхъ округовъ остались тверды въ своихъ желаніяхъ, если бы въ нейтральныхъ округахъ почти на всѣхъ би-

летахъ оказались слова: «присоединиться къ Швейцаріи», а въ Ниццѣ на всѣхъ билетахъ: «остаться въ піемонтскомъ государствѣ», — что было бы тогда дѣлать? По всей вѣроятности нечего было бы дѣлать. Надобно было бы оставить Ниццу въ піемонтскомъ государствѣ, а нейтральные округи присоединить къ Швейцаріи. Изъ этого мы видимъ, что какъ бы трудно ни было повидимому положеніе, но исходъ дѣла всегда можетъ быть измѣненъ твердостью людей, до которыхъ оно касается. Правда, вся трудность и состоитъ въ томъ и происходитъ отъ того, что съ самаго начала дѣла оказывались они не способны къ твердости. Конечно, если бы жители Ниццы держали себя героями, которыхъ можно искребить, но не отдѣлить отъ Италіи, никто и не подумалъ бы требовать, чтобы Ницца была отдѣлена отъ Италіи, никто не подумалъ бы и соглашаться на такое требованіе. Все дѣло было основано на томъ, что не предполагалось въ нихъ геройства. Они слишкомъ хорошо подтвердили такое мнѣніе о себѣ своимъ вотированьемъ. Но не осудимъ ихъ за слабость: недостатокъ непоколебимости въ подобныхъ вещахъ и не называется слабостью, потому что мужество въ нихъ еще не въ правахъ. Нашему вѣку не меньше или даже больше, чѣмъ прежнимъ вѣкамъ, свойственна военная храбрость; но до гражданскаго мужества ему еще далеко, потому что вездѣ на сто человѣкъ найдется развѣ одинъ гражданинъ. Впрочемъ, и то уже большой прогрессъ. Прежде гражданъ было еще меньше. Но прогрессъ это или нѣтъ, все-таки не слишкомъ еще скоро мы дождемся, чтобы каждый честный и храбрый человѣкъ сталъ гражданиномъ; а до той поры обыкновенный ходъ дѣлъ повсюду будетъ таковъ же какъ въ Ниццѣ и постоянно будетъ утрачиваться въ долгіе періоды общественной апатіи большая часть тѣхъ пріобрѣтеній, какія дѣлаются въ минолетныя эпохи общественнаго одушевленія.

Уступка Савойи мало огорчаетъ итальянскихъ патріотовъ: страна эта населена французами, а не итальянцами; до ея потери нѣтъ дѣла національному чувству, подъ вліяніемъ котораго находятся теперь всѣ мысли итальянцевъ. Значительная часть либеральной партіи въ новомъ государствѣ Виктора-Эммануэля даже довольна тѣмъ, что отдѣлилась отъ него провинція далеко отставшая по образованности даже отъ Піэмонта, не говоря уже о Ломбардіи и центральной Италіи, и посылавшая въ туринскій парламентъ депутатовъ клерикальнаго направленія, подававшихъ голоса противъ всякой прогрессивной мѣры. Но не таково чувство производимое въ итальянцахъ уступкою Ниццы, города чисто итальянскаго: патріоты почти также скорбятъ о ней, какъ скорбѣли бы о возвращеніи Милана

подъ австрійское господство. Вопросъ о Ниццѣ представлялъ единственную затруднительную часть дѣла при проведеніи трактата объ уступкѣ черезъ парламентъ. Дѣйствительно, вопросъ этотъ былъ поднятъ раньше всѣхъ другихъ въ парламентѣ, собравшемся 2 апрѣля. Мы приведемъ извѣстія объ этомъ изъ писемъ туринскаго корреспондента Times'a, сдѣлавъ два-три замѣчанія для объясненія парламентскихъ формъ, о которыхъ онъ упоминаетъ. Засѣданія новаго парламента въ королевствѣ сѣверной Италіи начинаются по прежней сардинской конституціи повѣркою выборовъ. Это дѣло занимаетъ нѣсколько засѣданій. Только по его окончаніи депутаты признаютъ себя окончательно утвердившимися въ своемъ званіи, получившими право исполнять свои конституціонныя обязанности. Тогда имъ прежде всего бываетъ надобно выбрать себѣ президента, вицепрезидентовъ и другихъ парламентскихъ сановниковъ. Только по выборѣ президента палата депутатовъ считаетъ себя конституировавшеюся, открывшею формальныя засѣданія. Только съ этого времени начинаетъ она совѣщаться о государственныхъ дѣлахъ, а до той поры занимается лишь собственнымъ своимъ устройствомъ, конституированьемъ, подъ временнымъ предсѣдательствомъ старшаго по лѣтамъ изъ своихъ сочленовъ. Теперь сѣверно-итальянскій парламентъ по важности обстоятельствъ сибшилъ кончить эти внутреннія формальности, чтобы скорѣе приступить къ совѣщаніямъ о государственныхъ дѣлахъ. Но все-таки онѣ должны были занять нѣсколько засѣданій. Гарибальди, уроженецъ Ниццы, нравственно обязанный быть ея защитникомъ въ парламентѣ, не хотѣлъ терять времени, когда каждый часъ дорогъ, и въ засѣданіи 4 апрѣля, какъ только Кавуръ явился въ палату, сказалъ, что долженъ потребовать объясненій объ участи своего роднаго города. Теперь мы предоставляемъ разсказъ корреспонденту Times'a.

«Генералъ Гарибальди выбралъ мѣсто на одной изъ верхнихъ скамей крайней лѣвой стороны, — впрочемъ, политическія убѣжденія не всегда въ точности выражаются мѣстомъ, какое выбираетъ депутатъ въ Сардинскомъ парламентѣ. По правую сторону его сидитъ Лаврентп Робанди, депутатъ Ниццы, человѣкъ крайнихъ политическихъ мнѣній и горячаго характера. Храбрый генералъ много часовъ сидѣлъ неподвижно, выказывая рѣдкую терпѣливость и холодность среди безконечной болтовни своихъ товарищей. Въ половинѣ пятаго неожиданно вошелъ въ залу президентъ совѣта министровъ графъ Кавуръ; только что сѣлъ онъ на свое министерское мѣсто, сильный и твердый голосъ произнесъ обычную фразу: «требую слова». Это говорилъ Гарибальди. Водворилось глубокое молчаніе. Генералъ въ немногихъ словахъ попросилъ разрѣшенія сдѣлать

вопросъ министру иностранныхъ дѣлъ. Графъ Кавуръ съ большою горячностью всталъ и съ видимымъ раздраженіемъ сказалъ, что совѣщаній нельзя еще начинать, потому что палата еще не открыла формальныхъ засѣданій; онъ запальчиво и даже нѣсколько грубо прибавилъ, что если бы даже вопросъ былъ предложенъ, онъ не сталъ бы отвѣчать. Гарибальди настаивалъ. Кавуръ обратился къ президенту, чтобы онъ предложилъ палатѣ вотировать «предварительный вопросъ», то есть объявить, что Гарибальди не можетъ дѣлать никакого предложенія или вопроса до формальнаго открытія совѣщаній. Другъ Гарибальди Лаврети Робанди обратился къ палатѣ съ очень горячею рѣчью: онъ говорилъ о нетерпящихъ отсрочки обстоятельствахъ; другіе бурно требовали «предварительнаго вопроса». Мелана, членъ крайней лѣвой стороны, сидящій по правую руку Гарибальди, доказывалъ, что нѣтъ никакихъ даже и формальныхъ основаній недопускать требованіе Гарибальди. Палата вотировала, и значительнымъ большинствомъ голосовъ былъ принятъ «предварительный вопросъ». Такимъ образомъ была разрушена первая попытка Гарибальди защищать городъ, въ которомъ онъ родился. Кавуръ очевидно хочетъ выиграть время. Нынѣ Opinione объявляетъ, что черезъ недѣлю Ницца будетъ приглашена выразить свои желанія посредствомъ всеобщаго вотированья; если какими бы то ни было средствами она будетъ принуждена вотировать въ пользу присоединенія къ Франціи, парламентская оппозиція Гарибальди будетъ навсегда устранена. Но Кавуру все-таки прійдется провести нѣсколько дурныхъ минутъ при совѣщаніяхъ по савойскому дѣлу. Гарибальди, выходя изъ залы, сказалъ съ досадой: «пусть же каждый видитъ, какой у насъ парламентъ».

Цѣль Кавура была очевидна: ему хотѣлось отсрочить совѣщанія объ уступкѣ Ниццы до той поры, когда дѣло это уже окончится фактически. Но теперь онъ выигралъ отсрочку лишь на одну недѣлю, до окончанія повѣрки выборовъ. Лишь только палата конституировалась, Гарибальди возобновилъ свой вопросъ (въ засѣданіи 12 апрѣля). Мы опять переводимъ корреспонденцію Times'а.

«*Турцъ. 12 апрѣля.*

«Я надѣюсь, что въ Англіи не безъ интереса будутъ прочтены слѣдующія подробности, которыя могутъ служить предисловіемъ къ нынѣшнимъ преніямъ въ палатѣ по вопросу Гарибальди объ уступкѣ Ниццы.

«Новый губернаторъ Ниццы Любонисъ, авторъ знаменитой прокламаціи, смутившей даже министровъ, назначившихъ этого достойнаго сановника, терроризируетъ жителей Ниццы, чтобы они воко-

рились желаніямъ императора французовъ. Газета Il Nizzardo, прекратившаяся по занятіи города французскими войсками, ободрилась и напечатала еще нѣсколько нумеровъ, когда было объявлено, что призываютъ народъ свободно выразить свои чувства; Любонисъ конфисковалъ газету и угрожалъ тюремнымъ заключеніемъ ея редактору. Всѣ синдики (мэры) получили увѣдомленіе, что каждый изъ нихъ будетъ отвѣтствовать передъ французскимъ правительствомъ за подачу голосовъ въ округѣ ему подвѣдомственномъ. Синдикамъ приказано составить списки людей, которые будутъ говорить противъ присоединенія къ Франціи; эти списки будутъ переданы французскому правительству. Епископъ издалъ циркуляръ, въ которомъ объявляетъ, что подать голосъ въ пользу Франціи есть долгъ совѣсти. Губернаторъ разослалъ своихъ агентовъ по всѣмъ сельскимъ округамъ, чтобы «организовать» вотированье; этимъ агентамъ дано полномочіе распускать муниципальные совѣты, которые не раздѣляли бы чувствъ губернатора Ниццы, жаждущаго быть префектомъ. Здѣсь, въ Туринѣ, и во всей Италіи, уступка Ниццы печалитъ и раздражаетъ каждаго. Самые упорные приверженцы графа Кавура признаются, что отъ послѣднихъ его дѣлъ популярность его упала на сто процентовъ. Даже Павія, одинъ изъ городовъ недавно освобожденныхъ отъ Австрійскаго ига, говоритъ въ адресѣ, присланномъ къ Гарибальди, что не можетъ радоваться своему освобожденію, видя участь Ниццы, и проситъ Гарибальди, чтобы онъ ободрялъ жителей своего роднаго города противиться до послѣдней крайности.

«Палата собралась въ началѣ втораго часа. Галлереи были переполнены зрителями, проникнутыми напряженнымъ ожиданіемъ. Новый президентъ, Ланца, прочелъ длинную рѣчь, потомъ всталъ графъ Кавуръ и положилъ на президентскій столъ два проекта законовъ: одинъ изъ нихъ относился къ договору съ Франціей, другой къ декрету о присоединеніи центрально-итальянскихъ провинцій. Вслѣдъ за нимъ всталъ Гарибальди. Сильнымъ, яснымъ голосомъ онъ прочелъ пятую статью конституціи, говорящую, что никакая часть государства не можетъ быть уступлена или обмѣнена безъ согласія парламента и сказалъ:

«Вотированье, требуемое теперь отъ жителей Савойи и Ниццы, не имѣетъ законности и дѣйствительности безъ утвержденія парламента. Трактатъ 24 марта, уступающій Ниццу Франціи, нарушаетъ право національности. Намъ говорятъ, что обмѣнъ двухъ маленькихъ за-альпійскихъ областей за Эмилію и Тоскану—выгодный обмѣнъ; но продавать народъ во всякомъ случаѣ жалкое дѣло. При

стѣсненіи, которому подвергаетъ Ниццу французская полиція, вотированье чистая насмѣшка надъ народомъ.»

«Онъ изложилъ интриги французской полиціи, подкупы и угрозы, указалъ на объявленіе изданное Любонисомъ, говорилъ о томъ, что сардинское правительство тайно покровительствовало всѣмъ французскимъ происканъ и предложилъ, чтобы вотированье въ Ниццѣ было отложено до того времени, когда парламентъ вполнѣ разсмотритъ этотъ вопросъ.

«Кавуръ отвѣчалъ, что трактатъ 24 марта не изолированный фактъ, а принадлежитъ къ ряду великихъ политическихъ переворотовъ и событій, изъ которыхъ нѣкоторыя совершились, другія совершаются; чтобы дать генералу удовлетворительный отвѣтъ, сказалъ онъ, надобно было бы войти въ объясненіе всей нашей политической системы, но я прошу отсрочить это до того времени, когда парламентъ будетъ разсматривать трактатъ съ Франціею: тогда я изложу передъ комитетомъ палаты положеніе дѣлъ и дамъ удовлетворительный отвѣтъ. Теперь я только скажу, что вопросъ о Савойѣ и Ниццѣ просто продолженіе той политики, которая привела насъ въ Миланъ, Болонью и Флоренцію. Если бы мы отвергли этотъ трактатъ, мы подвергли бы опасности всѣ наши славныя пріобрѣтенія. Теперь еще не время совѣщаться объ этомъ въ парламентѣ; но вотированіе Савойи и Ниццы не имѣетъ въ себѣ ничего противнаго конституціи. Это вотированіе всегда можетъ быть уничтожено парламентомъ, который вовсе не будетъ связанъ мнѣніемъ жителей этихъ областей. Утвержденіе палатъ составляетъ условіе уступки, выраженное въ самомъ трактатѣ. Что же касается до интригъ, веденныхъ агентами разныхъ партій, то правительство не отвѣчаетъ за нихъ; оно озаботится, чтобы голоса подавались въ Савойѣ и въ Ниццѣ совершенно свободно. Правда, что нѣкоторыя дѣйствія временныхъ начальствъ въ Ниццѣ заслуживаютъ порицанія: Любонисъ не только превысилъ власть, дававшуюся ему инструкціями, онъ совершенно отступилъ отъ нихъ. Но онъ пользовался репутаціею честнаго и безпристрастнаго человѣка и все его прежнее поведеніе оправдывало выборъ, по которому онъ былъ назначенъ правителемъ Ниццы; а за свое отступленіе отъ инструкцій онъ подвергнутъ строгому выговору.»

«Кавуръ заключилъ требованіемъ, чтобы совѣщанія по вопросу о Ниццѣ были отложены. Противъ него говорилъ Лаврентій Робанди, депутатъ Ниццы, и другіе члены лѣвой стороны; въ защиту графа Кавура — другіе министры и нѣкоторые изъ депутатовъ министерской партіи. Маміани, министръ народнаго просвѣщенія, знаменитый публицистъ умѣренной либеральной партіи во времена пред-

шествовавшія 1848 году, сказалъ рѣчь очень неловкую и показывавшую, что онъ уже не умѣетъ держать себя съ тактомъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Онъ неловкимъ образомъ сосредоточилъ защиту министерству на аргументѣ, въ которомъ дѣйствительно заключается сущность дѣла по мнѣнію Кавура и большинства итальянцевъ, но который не очень лестенъ для національнаго чувства. Теперь не время, сказалъ Маміани, разсуждать о законности. Трактатъ продиктованъ необходимостью; мы должны покориться. Впрочемъ, жители Ниццы имѣютъ большую симпатію къ Франціи. Французская нація могущественная амазонка, прелести которой неодолимы. Италія имѣетъ безчисленныхъ враговъ. Должна ли она поссориться съ единственнымъ своимъ союзникомъ и остаться безпомощной? Прочтите приказъ Ламорисьера. Неужели вы захотите разрушить все сдѣланное нами? Неужели мы захотимъ видѣть возстановленіе власти папы, австрійцевъ и неаполитанцевъ въ центральной Италіи, захотимъ видѣть тюрьмы, наполненныя патріотами, эшафоты, залитые кровью? Нѣтъ, лучше отдадимъ Ниццу на волю судьбы, которая пріятна многимъ изъ ея жителей.»

Прежія были заключены вторичною рѣчью Кавура. Повторивъ прежнія свои мысли, онъ сказалъ: «Я пользовался большою популярностью и чувствую, что это дѣло губитъ ее.» Большинствомъ голосовъ было принято требованіе Кавура отсрочить совѣщанія по вопросу о Ниццѣ, но впечатлѣніе было не въ пользу министерства. При выходѣ изъ залы Гарибальди былъ сътріумфомъ принятъ толпою, собравшеюся передъ дворцомъ, а популярность Кавура дѣйствительно подверглась сильному колебанію. Вотъ что писалъ туринскій корреспондентъ Times'a.

«Туринъ. 13 апрѣля.

«Вчерашнее засѣданіе палаты депутатовъ произвело на всѣхъ тяжелое, печальное впечатлѣніе, отъ котораго до сихъ поръ люди еще не оправились. Правительство слишкомъ легко одержало побѣду, но такую побѣду, которая не приноситъ ему радости. Графъ Кавуръ принужденъ насильственно тяготѣть надъ рѣшеніями парламента, надъ вотированьемъ жителей Савойи и Ниццы; но это насиліе ему самому тяжеле всѣхъ. Если бы по крайней мѣрѣ онъ могъ высказаться, могъ сознаться, какъ отнята у него всякая свобода рѣшенія волею Франціи, онъ легко обратилъ бы самыхъ закоренѣлыхъ своихъ противниковъ отъ оппозиціи къ искреннему сочувствію; но онъ не можетъ высказать этого ни въ палатѣ, ни даже на страницахъ оффиціальной газеты и изливаетъ свои чувства, укрощаетъ гнѣвъ своихъ соотечественниковъ только въ краткой статьѣ полуоффиціальнаго Opinione. Я выпишу нѣсколько строкъ изъ этой статьи.

«Пренія, возбужденныя вопросомъ Гарибальди (говоритъ Opinione), были продолжительнымъ гнѣвнымъ стономъ депутатовъ Ниццы, отзывавшимся въ душѣ всѣхъ представителей націи. Не будемъ прикрывать этого дѣла нейдущими къ нему именами, назовемъ его настоящимъ именемъ: это великое, прискорбное пожертвованіе, приносимое націею для общаго блага. Этимъ объясняется огромное большинство голосовъ, поданныхъ вчера за правительство. Большинство палаты исполнило тяжкую, но неизбѣжную обязанность, и пусть не хвалится оппозиція своею ролью. Оппозиція могла безопасно высказать свои чувства, но только потому, что знала, что останется въ меньшинствѣ, и она сама была рада, что остается въ меньшинствѣ.»

«Дѣйствительно, это такъ. Правительство скорбитъ въ своей побѣдѣ надъ оппозиціею. Оппозиція была бы уничтожена, если бы могла имѣть большинство. Маміани по недогадливости сказалъ правду съ аркадскою наивностью: «Франція амазонка, ужасная амазонка, внушающая страхъ даже своими обольстительными улыбками». Пожалѣемъ о Кавурѣ, принужденномъ любезничать съ этою страшною амазонкою! Еслибъ онъ могъ предугадывать, что не только долженъ будетъ уступить Савойю и Ниццу, но что это пожертвованіе будетъ сопровождаться нарушеніемъ всѣхъ государственныхъ законовъ, нарушеніемъ всякихъ правилъ справедливости, истины и чести, еслибъ онъ зналъ это и обдуманно довелъ себя до нынѣшняго положенія, онъ былъ бы недостоинъ называться человѣкомъ. Но онъ по натурѣ расположенъ къ рискованной игрѣ. Ставка была велика, выигрышъ соблазнителенъ, а онъ привыкъ надѣяться на свое счастье. Его удачи въ Ломбардіи и въ центральной Италіи оправдывали его увѣренность въ своемъ счастьи, но теперь пришло ему время расплаты.

«Еслибъ онъ могъ хотя надѣяться, что этою уступкою оградился отъ дальнѣйшихъ требованій! Никто не могъ безъ содраганія слышать слова Маміани: «Италія должна выбирать между Франціею и совершенной безпомощностью». Меллана, членъ лѣвой стороны, справедливо спросилъ: «гдѣ же будетъ конецъ французской сторонѣ Альпъ? При Наполеонѣ I она простиралась на всю Лигурію и даже на эту священную Піемонтскую землю, въ которой мы теперь еще можемъ говорить свободно». Маміани сдѣлалъ намекъ, что Италіи нужна французская помощь для освобожденія Венеціи, Рима и Неаполя. Но можно-ли ручаться за то, что Наполеонъ III никогда не вздумаетъ соединиться съ Австріею, папою и Бурбонами противъ Италіи?

«Оппозиція легко пріобрѣла всю нравственную честь въ преніяхъ по вопросу Гарибальди. Она говорила то, что дѣйствительно думаетъ, и сердца слушателей, сердца самихъ противниковъ были

на ея сторонѣ. Мужественная неловкость Гарибальди, страстный тонъ Лаврента Робанди, трибунское краснорѣчіе Мелланы, суровая правдивость Манчини, все содѣйствовало усиленію впечатлѣнія».

«Груди каждаго благороднаго итальянца нанесена кровавая рана результатомъ преній по вопросу Гарибальди (продолжаетъ корреспондентъ Times'a въ письмѣ 14 апрѣля). Я постоянно вижусь съ людьми всѣхъ партій, и могу увѣрить васъ, что отъ каждаго слышу я одно и то же горькое замѣчаніе: «неужели таково должно было быть *первое* рѣшеніе *перваго* итальянскаго парламента?» Гарибальди уѣхалъ вчера въ Ниццу; онъ не имѣлъ никакой надежды разрушить интриги, которыми агенты сардинскаго правительства отдаютъ французамъ Ниццу, связанную по рукамъ и по ногамъ. Гарибальди говорилъ, что покинетъ не только Ниццу, но и самую Италію, уѣдетъ назадъ въ Монтевидео, въ Южную Америку. Теперь судьба Ниццы уже рѣшена безвозвратно. Но итальянцы все еще не имѣютъ силы примириться съ этимъ фактомъ и неудовольствіе владычествуетъ во всѣхъ умахъ.

«Графъ Кавуръ, говоритъ Diritto, могъ бы по крайней мѣрѣ созвать палату въ тайный комитетъ и сказать: господа! тяжкая необходимость, но неотвратимая необходимость принуждаетъ насъ уступить Ниццу Франціи. Можете ли вы указать мнѣ средство побѣдить эту необходимость? Я готовъ послушаться всякаго разсудительнаго совѣта. Но если вы подобно мнѣ думаете, что отъ этой неизбѣжной жертвы зависитъ безопасность нашей страны, то принесемъ эту жертву молча, принесемъ ее такъ, чтобы видно было, что мы только уступаемъ насилію, которому не въ силахъ противиться; отдадимъ то, чего у насъ требуютъ, но по крайней мѣрѣ безъ постыдныхъ прикрытій парламентскими совѣщаніями и народнымъ вотированьемъ».

«Я такъ уважаю графа Кавура, что не хочу говорить съ его противниками, будто бы онъ «не жертва, а соучастникъ насилія». Если онъ и участвуетъ въ немъ, то по крайней мѣрѣ не добровольно. Разсчетъ французской политики въ томъ, чтобы не только отнять заальпійскія провинціи у Піэмонта, но и компрометировать въ общественномъ мнѣніи Сардинскаго короля, его министровъ и либеральныя сардинскія учрежденія. Тутъ разсчетъ вѣрный: дѣло свободы должно пострадать оттого, что либеральный министръ принужденъ лгать, а парламентъ играть глупую роль. Притомъ же французы будутъ гордиться, видя какъ господствуетъ ихъ правительство надъ иноземными державами, а это полезно для популярности императора. Франція хочетъ имѣть Савойю и Ниццу и будетъ имѣть ихъ, потому что можетъ по своей волѣ создавать и низлагать итальянскихъ

государей,—это льститъ національному тщеславію. Не на графа Кавура должно падать порицаніе за уступку Савойи и Ниццы и за множество неблаговидныхъ вещей, которыя принуждено дѣлать сардинское правительство».

Мы не будемъ разсуждать о томъ, хорошо или дурно сдѣлалъ Кавуръ, рѣшившись купить расширеніе государства на югъ и востокъ продажею савояровъ, которые не имѣли никакой охоты переходить подъ власть императора французовъ; мы уже нѣсколько разъ говорили объ этомъ. Уступка Ниццы не требуетъ никакихъ разсужденій: тутъ характеръ дѣла совершенно ясенъ. Читатель знаетъ, что Кавуръ не достигъ этою продажею той цѣли, какую предполагалъ, не пріобрѣлъ дружбы императора Наполеона, который по прежнему не одобряетъ даннаго противъ его воли сардинскимъ правительствомъ согласія на соединеніе центральной Италіи съ сѣверною. Когда трактатъ объ уступкѣ Савойи и Ниццы былъ уже напечатанъ, французское правительство объявило, что гарантируетъ только соединеніе Ломбардіи съ Піэмонтомъ, совершившееся по волѣ Наполеона III, но не гарантируетъ присоединенія Тосканы и Романьи,— это служитъ довольно яснымъ приглашеніемъ папѣ и австрійцамъ стараться о возстановленіи прежняго порядка дѣлъ въ центральной Италіи. До самаго послѣдняго времени мы читали извѣстія въ томъ же смыслѣ.

Какая судьба ожидаетъ Швейцарію, югозападная граница которой открывается вторженію французскихъ войскъ черезъ уступку нейтрализованныхъ савойскихъ округовъ? Говорятъ, что соберется конференція для разсмотрѣнія жалобъ швейцарцевъ и для пріисканія средствъ оградить ихъ безопасность. Когда будетъ опредѣлительнѣе извѣстно, что конференція дѣйствительно соберется, мы еще будемъ имѣть время посмотрѣть, чего можно ожидать отъ нея. Теперь еще нельзя ручаться и за то, что конференція соберется, — мы уже видѣли два или три раза въ прошедшемъ году, что предполагавшіеся конгрессы или конференціи подобнаго рода разстраивались. Но если бы конференція и дѣйствительно собралась, то, судя по нынѣшнимъ предложеніямъ о ней, нельзя ожидать, чтобы она успѣла что нибудь сдѣлать для огражденія Швейцаріи отъ опасности, представляемой новымъ слишкомъ могущественнымъ сосѣдствомъ.

Теперь положительно извѣстно, что Австрія, ободряемая расположеніемъ императора французовъ къ новому итальянскому королевству, готовится начать войну для возстановленія прежнихъ властей въ центральной Италіи. Удастся ли ей начать войну, или она будетъ удержана отъ нея внутренними своими затрудненіями, — этого не знаютъ и австрійскіе министры; но что ихъ правительство

хочетъ войны, это дѣло явное для всѣхъ. Поводы къ войнѣ возникаютъ уже и теперь въ достаточномъ количествѣ, мы перечисляли ихъ нѣсколько разъ,—а скоро они должны явиться еще въ большемъ числѣ. Ламорисьеръ организуетъ теперь армію для папы, а дѣла въ Римѣ и въ Неаполѣ имѣютъ видъ, предвѣщающій сильныя вспышки. Мы на этотъ разъ ограничимся приведеніемъ газетныхъ извѣстій безъ всякихъ комментарій.

Читателю извѣстно, что въ Римѣ 19 марта былъ устроенъ папскою полиціею для недовольныхъ вечеръ, нѣсколько напоминающій Варѳоломеевскую ночь. Вотъ подробный разсказъ о немъ, сообщаемый корреспондентомъ Times'a.

«*Римъ. 20 марта.*

«Вчера Римъ былъ театромъ кровавой драмы. Я былъ зрителемъ всей этой сцены и, подвергаясь большой опасности, находился въ такомъ положеніи, что могу сообщить вамъ подробный и вѣрный разсказъ.

«16 марта предводители патріотической партіи издали слѣдующую прокламацію:

«Римляне! Генералъ Гарибальди устроилъ подписку для покупки милліона ружей на пріобрѣтеніе національной независимости. Принесемъ наши пожертвованія на алтарь отечества и будемъ помнить, что теперь мы можемъ только давать доказательства самоотверженности и терпѣнія. Стремясь къ своей великой цѣли, къ созданію итальянской независимости и свободы, мы должны хранить благородное и величественное спокойствіе, которое пріобрѣло намъ благодарность другихъ родныхъ нашихъ городовъ и симпатію всѣхъ образованныхъ націй. Надѣясь на справедливость нашего дѣла и на патріотическое усердіе людей, ведущихъ его къ торжеству, будемъ въ единодушіи и тишинѣ ждать того приближающагося дня, который соединитъ насъ съ остальными членами итальянской семьи».

«Правительство, раздраженное появленіемъ этой печатной прокламаціи, которая была прибита на всѣхъ улицахъ, прибѣгло къ арестамъ и обыскамъ. Обыски доставили ему свѣдѣнія о томъ, что готовится большая демонстрація на тотъ день, когда пріидетъ извѣстіе о результатѣ подачи голосовъ въ центральной Италіи. Дѣйствительно, патріоты рѣшили произвести вчера, въ понедѣльникъ, торжественное, но спокойное шествіе по Корсо въ честь соединенія центральной Италіи съ сѣверною. Они положили начать эту процессію въ пять часовъ вечера и кончить въ семь. Они сдѣлали распоряженіе, чтобы демонстрація происходила «съ обыкновеннымъ спокойствіемъ и совершенною увѣренностью, съ избѣжаніемъ всякихъ даже малѣйшихъ поводовъ къ безпорядку». Утромъ студенты, быв-

шіе по обыкновенію въ церкви, по окончаніи обѣдни стали служить благодарственный молебенъ по поводу присоединенія центральной Италіи. Прелатъ, управляющій церковью, прибѣжалъ въ бѣшенствѣ, вскочилъ на скамьи и бѣгая по нимъ кричалъ: «прочь, прочь отсюда, осквернители храма! Вы богохульствуете въ домѣ божіемъ!» То, что называлъ онъ богохульствомъ, было пѣніе церковнаго гимна «Тебе Бога хвалимъ». Обѣжавъ по скамьямъ, прелатъ бросился изъ церкви, кричалъ, чтобы призвали полицію; когда студенты вышли изъ церкви и увидѣли его въ такомъ бѣшенствѣ на улицѣ, они освистали его.

«Настало пять часовъ вечера. Правительство, знавшее о предположенной демонстраціи, распустило слухъ, что она будетъ происходить не на Корсо, а за Porta Pia; оно хотѣло этимъ ослабить собиравшихся на Корсо патріотовъ, чтобы они были беззащитны.

«Итакъ, настало пять часовъ и Корсо, по обыкновенію, былъ уже наполненъ экипажами прогуливающихся; экипажи по обыкновенію ѣхали шагомъ въ два ряда: одинъ рядъ вверхъ, другой рядъ внизъ по улицѣ. Тротуары были наполнены гуляющими горожанами съ женами и дѣтьми; число прогуливавшихся женщинъ было, по обыкновенію, гораздо больше числа мужчинъ. Не было нигдѣ видно ни одного папскаго жандарма, ни одного сбирра. Французскіе патрули стояли на обыкновенныхъ своихъ мѣстахъ, прогуливавшіеся совершенно ничего не предчувствовали. Вдругъ, въ концѣ шестаго часа, изъ всѣхъ сосѣднихъ улицъ, изъ всѣхъ переулковъ ринулись на Корсо толпы папскихъ жандармовъ, неистово гоня встрѣчавшихся имъ гуляющихъ и всячески стараясь поднять драку съ ними. Но толпа чрезвычайно терпѣливо сторонилась отъ нихъ, избѣгая всякаго столкновенія.

«Близъ Piazza Colonna стояла группа извѣстныхъ жандармскихъ сыщиковъ, переодѣтыхъ въ статское платье. Тутъ былъ Нордони, слишкомъ, хорошо извѣстный во всякомъ костюмѣ; съ нимъ были Стринати, Джанелли, Валентини и Галанти; за ними стоялъ отрядъ карабинеровъ и безчисленная толпа сбирровъ. Нѣсколько молодыхъ людей проходили передъ группою переодѣтыхъ сыщиковъ. Нордони закричалъ имъ, чтобы они разошлись. Но они и безъ того шли не вмѣстѣ, а каждый порознь, потому не поняли, да и никакъ не могли исполнить этого приказанія. Нордони велѣлъ своимъ сбиррамъ арестовать ихъ. Жандармы схватили за воротъ десять человѣкъ изъ молодежи. Народъ столпился около этой сцены, поднялся крикъ, шумъ; жандармы вынули свои палаши, народъ бросился на нихъ, стѣснилъ ихъ, прижалъ къ стѣнѣ; восемь человѣкъ изъ арестованныхъ были освобождены, но двое уведены солдатами въ полицей-

скую казарму, находящуюся на Monte Citorio. Между тѣмъ пробудился ропотъ въ народѣ, образовались большія толпы. Нордони съ своею командою исчезаетъ. Французскіе патрули также уходятъ. У Monte Citorio нѣсколько французскихъ офицеровъ стараются успокоить толпу обѣщаніемъ, что папскіе жандармы будутъ отведены изъ этихъ мѣстъ. Это обѣщаніе было исполнено: папскіе жандармы исчезли; полицейскую казарму заняли французскіе солдаты, народъ аплодировалъ французамъ. Смятеніе около полицейской казармы прекращалось.

«Между тѣмъ, по сосѣдству, на Piazza Colonna появились новые отряды папскихъ жандармовъ и бросились на народъ, гоня его съ площади на Корсо. Они прокладывали себѣ путь черезъ толпу и черезъ ряды экипажей, рубя своими палашами, а за ними бѣжали переодѣтые сбирры съ кинжалами и кололи людей. Не умѣю сказать вамъ, сколько человѣкъ ранено, но должно быть очень много. Кровь кипитъ во мнѣ отъ мысли о томъ, что я видѣлъ. Повсюду текла кровь, на землѣ лежали раненыя женщины и дѣти. Я самъ видѣлъ, что также ранено было трое французскихъ офицеровъ. Они бросались между народомъ и жандармами, стараясь остановить рѣзню. Благодаря ихъ усиліямъ, возстановился наконецъ порядокъ. Они показывали сочувствіе народу, обѣщали требовать наказанія убійцамъ, говорили, что будутъ свидѣтельствовать о тишинѣ, съ какою держалъ себя народъ, о томъ, что рѣзня начата была полиціею безъ всякаго повода. Ночью произведены новые аресты. Многіе уважаемые люди получили приказаніе выѣхать изъ Рима. Говорятъ, что ранено отъ 50 до 60 человѣкъ, въ томъ числѣ женщины, дѣти и нѣсколько французскихъ офицеровъ. Фамилія двухъ молодыхъ людей, арестованныхъ на Piazza Colonna — Барбери».

«Римъ. 25 марта.

«По донесеніямъ докторовъ, представленнымъ правительству, число лицъ, раненыхъ въ рѣзнѣ 19 марта, показывалось вчера въ 128 человѣкъ; нынѣ, какъ говорятъ, насчитываютъ уже 147 человѣкъ.

«Теперь достовѣрно извѣстно, что это столкновеніе было преднамѣренно вызвано папскою полиціею и что римское правительство хладнокровно придумало безчеловѣчную хитрость, чтобы поразить ужасомъ недовольное населеніе. Жандармы и сбирры все-таки имѣютъ человѣческую душу, у нихъ есть родственники или знакомые и они потуру предупреждали ихъ о томъ, что должно произойти вечеромъ.

«На Piazza Colonna стоитъ французскій карауль. Видя множество людей, устремившихся на эту площадь изъ переулка, ведущаго отъ Monte Citorio, капитанъ Гордъ, начальствовавшій карауломъ, велѣлъ

своимъ солдатамъ очистить площадь отъ народа, двинувшись на него со штыками. Отступая передъ войсками съ площади, толпа искала спасенія въ узкой улицѣ Корсо, которая была уже переполнена людьми, лошадьми и экипажами; отъ того произошло смятеніе, имѣвшее гибельныя слѣдствія: въ эту самую минуту конные и пѣшіе папскіе жандармы ринулись на Корсо отъ Monte Citorio, гоня передъ собою толпу. Они рубили направо и налѣво съ криками: «по домамъ, канальи! по домамъ, бездѣльники!» Бѣжавшіе съ Monte Citorio втиснулись въ ряды бѣжавшихъ съ Piazza Colonna и этотъ удвоенный потокъ испуганныхъ, безпомощныхъ людей бѣжалъ по Корсо, сбивая съ ногъ встрѣчавшихся ему ничего не знавшихъ гражданъ, прогуливавшихся по улицѣ. Множество народа искало убѣжища въ обширныхъ залахъ дворцовъ Киджи, Піомбино и Феррайоли, нѣкоторые скрывались въ кофейныхъ и табачныхъ лавочкахъ, которыя одни были открыты въ этотъ день (19 марта у католиковъ праздникъ св. Іосифа). На Корсо была страшная давка. Лошади бѣсились, били и топтали людей; трескъ экипажей, стукъ ломающихся колесъ смѣшивался съ визгомъ дѣтей, съ криками женщинъ, а жандармы скакали среди этой давки, кололи и рубили кого попало. Въ кофейной Giglio d'Oro было шестеро французскихъ солдатъ. «Дайте намъ ваши сабли, или защищайте насъ», сказали римляне, сидѣвшіе также въ кофейной. Солдаты стали передъ дверями и она осталась неприкосновенной. Когда разнесся крикъ по всей улицѣ среди людей, ничего не знавшихъ о причинѣ смятенія, молодежь повсюду кричала: «дайте намъ ружья!» Въ нѣкоторыхъ кофейныхъ двери были загорожены стульями и столами. Я самъ былъ на Piazza Colonna. Толпа увлекла меня и самъ не зналъ куда. Я хотѣлъ укрыться подъ воротами палаццо Феррайоли. Подлѣ меня былъ молодой человѣкъ, толкавшій меня впередъ съ крикомъ: «идите скорѣе, чтобы спастись мнѣ». Мимо насъ проскакалъ конный жандармъ; я оглянулся: молодой человѣкъ лежалъ на землѣ съ разрубленнымъ лицомъ. Я бросился на убійцу, но этотъ негодяй повернулъ лошадь, а передо мной уже стояли два сбирра, переодѣтые въ статское платье, со шпагами, вынутыми изъ палокъ, въ которыхъ прячутъ они свое оружіе. Они бросились на меня, но между насъ бѣшено проскакала коляска съ дамами, лишившимися чувствъ. Я вскочилъ на подножку коляски, она унесла меня отъ непріятелей и я нашелъ убѣжище въ той кофейной, которую охраняли шестеро французскихъ солдатъ.

«Кромѣ главной атаки, которую сдѣлали жандармы отъ Monte Citorio на Piazza Colonna, другіе отряды жандармовъ произвели еще множество аттакъ, бросаясь со всѣхъ сторонъ на Корсо. За жандар-

ками бѣжали и бросались на народъ полицейскіе съ кинжалами. Выбѣгая изъ своихъ засадъ съ крикомъ: «прочь, канальи! прочь негодяи!» они бросались между экипажами и кололи мужчинъ и женщинъ, дѣтей и стариковъ безъ всякаго разбора. Одинъ изъ жандарновъ врывался въ кофейную Баньоли, другой нѣсколько разъ тыкалъ своимъ палашемъ въ окно кофейной de Scacchi, третій врывался въ табачную лавочку Пиччони. По всему Корсо носился одинъ крикъ: «пощадите женщинъ!» Но взадъ и впередъ по улицѣ бѣгали полицейскіе чиновники и кричали: «надо покончить съ ними: рѣжьте всѣхъ!» Смятеніе и рѣзня перешли съ Корсо на сосѣднія улицы и повсюду повторялись тѣ же кровавыя сцены.

«Очищенный палашами и кинжалами, Корсо оставался пустъ лишь нѣсколько минутъ. Черезъ четверть часа онъ снова наполнился людьми, которые вооружились палками и ножами; глаза ихъ горѣли мщеніемъ. Они разспрашивали другъ у друга, что такое случилось, и проклинали себя за то, что дались въ обманъ, не приготовившись къ защитѣ.

«Между тѣмъ носили раненыхъ въ госпитали и въ аптеки. Я видѣлъ нѣсколько каретъ наполненныхъ ранеными женщинами. Я видѣлъ, какъ подняли у одной двери женщину съ разрубленной лѣвой грудью; подлѣ нея лежалъ ребенокъ съ разрубленнымъ затылкомъ; оба они были, кажется, уже мертвы. Студентъ Черапіа получилъ два сабельные удара и рану кинжаломъ въ лѣвую руку. Другой студентъ, Цаккалеони, былъ убитъ, когда уже лежалъ на землѣ. Одинъ священникъ былъ раненъ саблей и сбитъ съ ногъ ударами приклада. Американскій вице-консулъ получилъ тяжелую рану въ бокъ. Кормилица съ младенцемъ, ѣхавшая въ колескѣ, была вмѣстѣ съ ребенкомъ убита однимъ ударомъ; дама, ѣхавшая въ другой колескѣ, получила по ногамъ сабельный ударъ, нанесшій тяжелыя раны обѣимъ ногамъ ея. Другую даму везли по улицѣ въ обморокѣ, — въ этомъ состояніи, она получила въ грудь рану отъ палаша одного жандарма. Былъ убитъ ребенокъ на рукахъ матери. Два старика сидѣли въ кофейной близъ церкви Іисуса и Маріи, играя въ шашки, Вдругъ ворвался жандармъ, убилъ ихъ обоихъ своимъ палашомъ, и продолжалъ рубить ихъ тѣла съ такимъ бѣшенствомъ, что разбилъ въ куски мраморную шашечницу, на которой они играли.

«Замѣчательно было, какъ вели себя французскія войска во время всѣхъ этихъ ужасовъ. При самомъ началѣ, когда два молодые человѣка, Бербери, были схвачены жандармами у Monte Citorio, французскій капитанъ Ренаръ бросился въ толпу, убѣждая народъ быть благоразумнымъ и увѣряя его, что арестованные будутъ освобождены. Увидѣвъ проходившій сильный французскій патруль, Ренаръ

обратился къ солдатамъ съ словами: «будьте осмотрительны, потому что папскіе жандармы хотятъ поднять возстаніе». Когда началось смятеніе, французскіе патрули проходившіе по Корсо или оставались бездѣйственны или скрывались, не помогая и не мѣшая жандармамъ. Черезъ нѣсколько времени французскій отрядъ явился на Monte Citorio, прогналъ оттуда папскихъ жандармовъ и кроткими средствами убѣдилъ разойтись народъ, явившійся отмстить жандармамъ. Нѣсколько человѣкъ прогуливавшихъ французскихъ солдатъ и офицеровъ были ранены папскими жандармами. Одинъ французскій майоръ былъ раненъ въ голову сабельнымъ ударомъ; другой офицеръ, племянникъ дивизіоннаго генерала, раненъ въ лѣвую руку. Весь корпусъ французскихъ офицеровъ выказываетъ сильнѣйшее негодованіе и сильно порицаетъ Гойона, который не принялъ, по словамъ офицеровъ, нужныхъ мѣръ для предупрежденія такого беззаконнаго дѣла. Капитанъ Гордъ, обратившій французскіе штыки противъ народа при началѣ возстанія, получилъ 16 вызововъ на дуэль отъ своихъ товарищей, исключенъ изъ офицерскаго клуба и отъ общаго офицерскаго стола. Офицеры написали протестъ противъ дѣйствій дивизіоннаго генерала, всѣ подписались подъ нимъ и онъ переданъ генералу командиромъ 40-го полка. Гойонъ издалъ приказъ, въ которомъ выражаетъ сожалѣніе «о происшедшихъ неистовствахъ», но его выраженія двусмысленны и онъ въ сущности хвалитъ жандармовъ. Тотчасъ по совершеніи рѣзни, вечеромъ 19 числа, онъ ѣздилъ въ жандармскую казарму и выразилъ свое одобреніе ихъ поступку; они получили также благодарность отъ него и по пяти скуди на человѣка въ награду за свой подвигъ».

«Римъ. 27 марта.

«Мало здѣсь людей, которые сомнѣвались бы въ томъ, отъ какой причины произошло кровавое дѣло 19 марта. Папское правительство думаетъ, что французскія войска могутъ въ самомъ дѣлѣ быть выведены изъ Рима и вздумало воспользоваться ихъ присутствіемъ, чтобы навести на городъ ужасъ, который помогалъ бы держать римлянъ въ страхѣ и по удаленіи французовъ. Папское правительство еще не насытилось кровью пролитою 19 марта и усиливалось устроить новую рѣзню послѣ того. Особенно старалось оно объ этомъ въ субботу 24 марта, чтобы поймать народъ въ ловушку на другой день, въ воскресенье. Въ субботу по улицамъ были прибиты печатныя афиши, говорившія: «Римляне! не берите завтра съ собою гулять женщинъ и дѣтей, потому что мы должны отмстить. Жандармы, завтра мы ждемъ васъ на Корсо». Эти афиши спокойно висѣли на стѣнахъ, полиція не срывала ихъ; я самъ своими глазами видѣлъ ихъ еще въ воскресенье. А надобно замѣтить, что всю предъ-

идущую ночь Корсо было все наполнено войсками. Въ пять часовъ утра, въ воскресенье, привезены были въ казармы на Piazza del Popolo двѣ пушки,—ясный признакъ намѣреній правительства. Трансteверинцы и другіе простолюдины, думая, что афиши дѣйствительно прибиты комитетомъ либеральной партіи, готовились къ мщенію. Афиши эти были разсѣяны и по окрестностямъ Рима, такъ что изъ многихъ деревень пришли въ городъ вооруженные люди. Но либеральный комитетъ, понявъ цѣль, съ которой строится это дѣло и зная кто его строитъ, поспѣшилъ напечатать и роздалъ слѣдующую прокламацію:

«Римляне! Было совершено свирѣпое и кровавое беззаконіе. Вы желаете мщенія и должны получить его. Тяжело намъ укрощать страсти народа, вызываемаго къ насилію самимъ правительствомъ; но въ общественной жизни, такъ же какъ въ частной, мы должны умѣть терпѣть и ждать, обуздывать наши чувства и предаваться имъ только тогда, когда является надежда на успѣхъ. Если бы цѣлью нашей было только показать кардиналамъ, что мы не боимся ихъ голенорѣзовъ, этихъ сбирровъ, которыхъ они съ жестокостью, незнакомою даже австрійцамъ, вооружили кинжалами,—еслибъ только это было нашей цѣлью, то, вы знаете, дѣло было бы коротко и легко. Но мы хотимъ того, чтобы освободить Римъ отъ ихъ ига. Время это уже недалеко, но оно еще не пришло. Теперь движеніе было бы несвоевременно; оно могло бы даже увеличить затрудненія, съ которыми должны бороться благородные защитники національнаго дѣла, могло бы ввести насъ въ столкновеніе съ французами. Покажите же теперь свое благоразуміе. Люди, вызывающіе васъ теперь на битву, увидятъ въ свое время, есть-ли у васъ недостатокъ въ мужествѣ; эти люди, вызывающіе васъ къ мщенію, дѣйствуютъ по инструкціямъ правительства; они хотѣли бы снова пролить благородную римскую кровь, пролить ее не на благо родины, а во зло ей. Эти вызовы идутъ отъ клерикальной и австрійской партіи, отъ враговъ нашего возрожденія. Остерегайтесь ихъ».

«Эта прокламація имѣла поразительное дѣйствіе. Вечеромъ Корсо былъ почти пустъ. Такимъ образомъ замыселъ папскаго правительства разстроился».

Совершенно такимъ же образомъ было устроено неаполитанскою полиціею дѣло, называемое сицилійскимъ возстаніемъ. До сихъ поръ мы не имѣемъ полныхъ извѣстій о всемъ ходѣ его и даже не знаемъ достовѣрно, въ какомъ положеніи находятся инсургенты теперь,—но вотъ лучшія изъ тѣхъ извѣстій, которыя дошли до газетъ къ то время, когда мы писали эти строки. Возстаніе началось въ Палермо,—мы имѣемъ объ этой начальной части его слѣдующее письмо, напечатанное въ Indépendance Belge.

«Палермо, 31 марта.

«Попытка возстанія, произведенная 4 апрѣля въ Палермо, можетъ по послѣднимъ извѣстіямъ считаться рѣшительно неудавшеюся, хотя возстаніе распространилось по окрестностямъ Палермо и по другимъ частямъ острова и хотя неаполитанское правительство было принуждено въ послѣдніе дни посылать много подкрѣпленій въ Сицилію. Въ Мессинѣ сформирована летучая колонна для преслѣдованія инсургентовъ, удалившихся за городъ и ведущихъ партизанскую войну.

«Я провелъ въ Палермо три мѣсяца и былъ зрителемъ первыхъ двухъ дней этой неудачной попытки, потому могу войти въ нѣкоторыя подробности объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ возстанію и сопровождавшихъ его. Если бы хорошее правительство помогало развитію естественныхъ богатствъ Сициліи, она снова стала бы житницею Европы, какъ была въ древности. Трудно представить себѣ, какъ роскошна и прекрасна здѣсь растительность, какъ плодородна почва, какъ богаты рудники; но человѣкъ, пріѣхавшій въ Сицилію, бываетъ пораженъ отвратительнымъ состояніемъ дорогъ, постоянными правительственными стѣсненіями, грабительствомъ чиновниковъ, притѣснительными законами, мѣшающими всякому развитію. Сицилiецъ, очень умѣренный по природѣ, еще могъ бы выносить это положеніе вещей, еслибъ не подвергалась постояннымъ опасностямъ его личная свобода; если бы не преслѣдовались онъ самъ и его родные и не возмущался его патріотизмъ. Сицилійцами легко было бы управлять, потому что нравы у нихъ патріархальные, а характеръ вовсе не требовательный. Но неаполитанское правительство умѣло стать ненавистнымъ всему народу. Оно само причиной тому; оно какъ будто бы нарочно совершенно слѣпотою; оно поступаетъ съ Сицилiею не какъ съ родною провинціею, а какъ съ завоеванною страною. Полиція произвольно преслѣдуетъ всякаго честнаго человѣка, арестуетъ и мучитъ людей безъ всякаго повода, не допросивъ ихъ, не только не подвергнувъ суду. Причина преслѣдованій одна: подозрѣніе въ патріотизмѣ. Гоненія особенно усилились послѣ пораженія австрійцевъ въ Ломбардіи, потому что сицилійцы радовались побѣдамъ надъ ними. Трудно сказать, сколько тысячъ людей брошено за это въ тюрьмы: въ концѣ марта въ одномъ Палермо содержалось полторы тысячи политическихъ преступниковъ. Я самъ видѣлъ, какъ арестовали самыхъ скромныхъ людей безъ всякаго суда, какъ мѣсяца по три держали человѣка въ тюрьмѣ просто за то, что его братъ успѣлъ бѣжать изъ Сициліи отъ полицейскаго преслѣдованія. Разскажу вамъ одинъ фактъ.

«Въ началѣ марта былъ арестованъ г. Маліоно; въ тюрьму къ нему не допускали никого. Братъ его, адвокатъ, отправился къ Ма-

нискалько, директору полиціи, съ просьбою быть допущену къ брату передъ началомъ суда о немъ, чтобы онъ могъ приготовиться къ защитѣ противъ обвиненій, оставшагося неизвѣстнымъ ему. «Кто же вамъ сказалъ, что вашъ братъ будетъ судиться?» спросилъ у него директоръ полиціи. — «Я полагалъ, что такъ слѣдуетъ по закону». — «Полиція выше закона», отвѣчалъ Манискалько. Этотъ человѣкъ пользовался неограниченною властью.

«Въ концѣ марта жители Палермо были встревожены многочисленными арестами, обысками и тѣмъ, что люди, имѣвшіе средства, уѣзжали изъ города. Вице-король сицилійскій, герцогъ Кастельчикала, уѣхалъ въ Неаполь и городъ остался въ полной власти Манискалько и его сбирровъ, набранныхъ изъ гнуснѣйшихъ разбойниковъ и контрабандистовъ. Отчаяніе заставило думать о шансахъ революціи, но всѣ разсудительные люди доказывали явную невозможность успѣха и потому никто не ждалъ близкаго взрыва. Но въ деревняхъ было такое же недовольство какъ въ городахъ и поселяне не хотѣли слушать совѣтовъ объ отсрочкѣ возстанія; стали говорить, что будетъ возстаніе 3 апрѣля, но всѣ въ Палермо были убѣждены, что попытка будетъ неудачна. Жители города запирались въ своихъ домахъ, впередъ закупивъ себѣ провизіи на этотъ гибельный день.

«Полиція, знавшая обо всемъ, умѣла разстроить планъ заговорщиковъ: они хотѣли начать возстаніе въ деревняхъ, она произвела рѣзню въ самомъ городѣ, начавъ стрѣлять по монастырю, въ которомъ спряталось человѣкъ 60 заговорщиковъ, думавшихъ начать дѣло тогда, когда войска уйдутъ изъ города усмирять возстаніе въ деревняхъ. Послѣ ожесточеннаго боя, длившагося два съ половиною часа, монастырь этотъ (Гуанчскій монастырь) былъ взятъ и всѣ инсургенты, которые не были убиты, были захвачены въ плѣнъ и отведены въ цитадель; въ числѣ ихъ было нѣсколько монаховъ. Тотчасъ же было провозглашено въ городѣ осадное положеніе и черезъ нѣсколько времени 13 человѣкъ изъ взятыхъ въ плѣнъ инсургентовъ были разстрѣляны.

«На другой день, 4 апрѣля въ полдень, поселяне начали нападать на городской гарнизонъ. Они въ разныхъ частяхъ острова продолжаютъ до сихъ поръ бороться съ войсками, но нельзя надѣяться на ихъ успѣхъ, если не получатъ они помощи изъ Италіи; а едва ли они получатъ ее. Большая часть этихъ партизанскихъ отрядовъ держится между Палермо и Джирдженти.

«Я не буду говорить о дикихъ свирѣпостяхъ, совершавшихся солдатами. Горничная, служившая въ одномъ бельгійскомъ семействѣ, была тяжело ранена въ своей комнатѣ и на другой день умерла; другая горничная, родомъ изъ Баваріи, служившая у княгини

Петрульи, была также убита въ своей комнатѣ. Солдаты постоянно стрѣляли по всѣмъ улицамъ, хотя не было на улицахъ и тѣни возстанія: они думали только о грабежѣ. Я былъ свидѣтелемъ такихъ сценъ, которыя вамъ покажутся рѣшительно невѣроятными.

«Нынѣшнее возстаніе происходитъ не съ прежнимъ лозунгомъ «да здравствуетъ Сицилія!», а съ лозунгомъ «да здравствуетъ Италія! да здравствуетъ итальянское единство!»; знаменемъ инсургентовъ было трехцвѣтное піэмонтское знамя.»

О томъ, что происходило въ Мессинѣ, мы имѣемъ свѣдѣнія гораздо полнѣйшія,—они доставлены двумя письмами, помѣщенными въ Times'ѣ.

«Мессина. 15 апрѣля.

«Спѣшу сообщить вамъ подробности о невѣроятныхъ сценахъ, происходившихъ въ послѣдніе восемь дней, и ручаюсь вамъ за достовѣрность своихъ извѣстій. Прежде всего я долженъ засвидѣтельствовать, что жители Мессины, хотя, разумѣется, и были очень встревожены извѣстіями изъ Палермо, продолжали постоянно выказывать самое миролюбивое расположеніе, видя у себя гарнизонъ, съ которымъ не могли бороться. Всякому извѣстно, что одинъ огонь орудій цитадели и двухъ фортовъ, занимающихъ высоты, могъ бы усмирить городъ, еслибъ и не было сильнаго гарнизона. Потому всѣ усилія жителей были направлены къ одной цѣли, къ сохраненію тишины, и она казалась обезпеченною, когда полиція, неслыханнымъ образомъ дѣйствій, внесла безпорядокъ и кровопролитіе въ мирный городъ.

«По данному знаку были отперты всѣ тюрьмы и уголовные преступники, наполнявшіе ихъ, наводнили городъ. Это неслыханное дѣло не замедлило принести плоды, и вечеромъ 8 числа патрули королевскихъ войскъ были освистаны, офицеры оскорблены и, говорятъ, двое изъ солдатъ убиты разбойниками, выпущенными на нашъ несчастный городъ по распоряженію полиціи. У солдатъ не доставало терпѣнія переносить эти обиды, войска начали стрѣлять по безоружной толпѣ, не хотѣвшей принимать битвы. Правда, солдаты направляли свои выстрѣлы такъ, чтобы пули не дѣлали вреда, но полицейскіе служители поступали иначе, и отъ ихъ выстрѣловъ упало человѣкъ восемь или десять.

«Полиція одержала первый свой успѣхъ: тотчасъ же городъ былъ объявленъ находящимся на военномъ положеніи, учредили военно-судныя коммиссіи и распространили такой ужасъ, что около третьей части жителей бѣжали изъ города въ поле, рискуя умереть тамъ съ голода. Въ довершеніе бѣдствій, гражданскій губернаторъ Мессины, маркизъ Артале, человѣкъ честнаго характера, былъ не

ожиданіе отозвать въ Неаполь и Мессина осталась беззащитною во власти военной диктатуры, руководимой полиціею. Такое положеніе дѣлъ и поступки солдатъ увеличивали опасеніе жителей и видъ города становился все мрачнѣе и мрачнѣе.

«Такъ длилось до 10 числа. Вечеромъ въ этотъ день горожане узнали, что англійскій и французскій консулы, опасаясь за своихъ соотечественниковъ, отправились къ генералу Руссо, командующему войсками, и получили отъ него обѣщаніе, что ни цитадель, ни форты не будутъ стрѣлять по Мессинѣ и что солдаты не будутъ врываться въ дома. Такое извѣстіе совершенно успокоило жителей, занимавшихся обыкновеннымъ своими работами и промыслами, какъ вдругъ въ девять часовъ вечера страшный ружейный огонь, сопровождаемый пушечными выстрѣлами, ужаснулъ городъ. Огонь этотъ продолжался до двухъ часовъ утра. Пули влетали во многіе дома черезъ окна; люди, лежавшіе въ постели, были убиваемы картечью; другіе были застрѣлены, когда возвращались домой.

«Такимъ образомъ цѣлую ночь подвергали всѣмъ ужасамъ битвы жителей совершенно мирнаго города. Было объявлено, что войска стрѣляютъ по инсургентамъ; но эти инсургенты существовали, кажется, только въ воображеніи полицейскаго начальства: по крайней мѣрѣ не было ни одного изъ нихъ убитаго, раненнаго или взятаго въ плѣнъ. Эта страшная битва, эти ужасные пушечные залпы, этотъ ружейный огонь, — всѣ эти ужасы, происходившіе цѣлыхъ пять часовъ въ городѣ, были просто полицейскимъ фокусомъ; дѣло невѣроятное, но оно было именно такъ. Зачѣмъ же все это дѣлалось? За тѣмъ ли только, чтобы написать торжествующее донесеніе, или для устрашенія?

«Скоро жители узнали, что утромъ 11 числа генералъ Руссо взялъ назадъ обѣщаніе, которое наканунѣ далъ французскому и англійскому консуламъ. Такое извѣстіе довершило ужасъ и всѣ спѣшили покинуть городъ; онъ почти опустѣлъ. Иностранцы пошли искать себѣ защиты на гаванн подъ пушками англійскаго корвета. Всѣ консулы, находящіеся въ Мессинѣ, отправились къ генералу Руссо. Онъ возобновилъ передъ ними свои прежнія обѣщанія, но это не помѣшало въ ночь съ 11 на 12 возобновиться сценамъ предъидущей ночи. Слѣдующія ночи были спокойны: полиція рѣшилась, по видимому, оставить въ покоѣ гражданъ, не хотящихъ возмущаться.

«За городъ посланы нѣсколько летучихъ колоннъ противъ мнимыхъ инсургентовъ и безпрестанно приходятъ новыя войска на подкрѣпленіе гарнизона. Полиція торжествуетъ.»

«Мессина 16 апрѣля.

«Не знаю, какъ и когда дойдетъ къ вамъ это письмо; но если нѣтъ у васъ болѣе свѣжихъ извѣстій, хочу вамъ подробности о Мессинскихъ происшествіяхъ. Жалѣю, что не могу также сообщить вамъ свѣдѣній о событіяхъ въ Палермо, потому что съ 5 апрѣля прерваны всякія сообщенія между нами и столицею острова. 5 числа мы знали только, что началось въ Палермо возстаніе, что королевскія войска штурмовали монастырь Гуанчу, что послѣ упорнаго боя инсургенты ушли изъ города, что въ поляхъ борьба между солдатами и инсургентами продолжается, что инсургенты одерживаютъ въ стычкахъ верхъ и взяли до 200 солдатъ въ плѣнъ.

«Вы можете понять, какое глубокое впечатлѣніе было произведено этими извѣстіями, съ какимъ нетерпѣніемъ ждали новыхъ извѣстій. Думали было начать возстаніе у насъ, чтобы помочь столицѣ, но легко было предвидѣть, чѣмъ кончится наше возстаніе: у насъ не было ни оружія, ни предводителей, ни плана; за нами наблюдалъ многочисленный гарнизонъ и пушки цитадели могли не выпускать насъ на улицу изъ домовъ, могли обратить въ пепелъ весь городъ; потому надобно было ждать. Самые пламенные патріоты проповѣдывали спокойствіе и порядокъ.

«Но не того хотѣла полиція, выпустившая воровъ изъ тюремъ, чтобы поднять возстаніе, которое послужило бы предметомъ для рѣзни. Когда выпустили воровъ, безпорядокъ сталъ неизбѣженъ: негодяи, жаждавшіе крови и грабежа, начали нападать на мирныхъ гражданъ, а полиція пользовалась этимъ. Городское начальство въ сопровожденіи почетнѣйшихъ гражданъ явилось къ Русско, коменданту крѣпости, прося арестовать разбойниковъ, которые съ ножами въ рукахъ безнаказанно нападали на людей на улицахъ и грабили ихъ. Но комендантъ сказалъ явившейся къ нему депутаціи, чтобы она обратилась къ полиціи, прибавивши: «не хорошо надобно арестовать, а либераловъ». У коменданта, очевидно, были свои цѣли.

«А между тѣмъ еще въ страстную субботу либеральный комитетъ отправилъ изъ Мессины въ Катану нѣсколько человѣкъ волонтеровъ, имѣвшихъ оружіе. Это служитъ новымъ доказательствомъ, что никто не хотѣлъ поднимать возстанія въ Мессинѣ.

«Въ день Пасхи пришла изъ Неаполя депеша, увѣдомлявшая столицу и военное начальство, что инсургенты въ Палермо разбиты и разсѣяны. Вечеромъ въ этотъ день полиція и вооруженные преступники, выпущенные изъ тюрьмъ, стали по общему плану звать жителей на битву. Честные граждане не имѣли ни денегъ, ни убѣжденій, чтобы избѣжать столкновенія. Наконецъ во время спектакля положеніе приняло грозный видъ: у театра собралась огромная толпа,

хотѣвшая положить конецъ оскорбленіямъ отъ полицейскихъ и вынужденныхъ преступниковъ. Офицеръ, командовавшій сильнымъ патрулемъ на театральной площади, велѣлъ толпѣ разойтись, грозя стрѣлять по ней въ случаѣ сопротивленія. Нѣкоторые изъ бывшихъ въ толпѣ вынули оружіе, послышалось нѣсколько криковъ, солдаты приложились и стали стрѣлять. Толпа обратилась въ бѣгство. Тогда сбирры и освобожденные разбойники начали рѣзать народъ.

«Городъ тотчасъ же наполнился войсками. Жители, возвращавшіеся домой, искали спасенія въ первой двери, куда можно было бѣжать. Патрули стрѣляли по улицамъ до восьми часовъ вечера, хотя никто не оказывалъ сопротивленія.

«Вотъ исторія перваго дня Пасхи; теперь вы видите, какимъ именемъ надобно назвать мнимое Мессинское возстаніе.

«На другой день прокламація коменданта Руссо объявила городъ находящимся въ осадномъ положеніи. Другою прокламаціею онъ приказывалъ войскамъ обезоружить жителей города и предмѣстій. Третья прокламація отъ 10 числа приглашала бѣжавшихъ жителей возвратиться въ городъ къ прежнимъ занятіямъ. Но положеніе было опасно. Мессина была пустынею, въ которой находились только солдаты и пушки. Производились обыски и аресты. Въ десять часовъ вечера возобновилась стрѣльба по улицамъ, форты также стрѣляли.

«Эта тревога продолжалась всю ночь. Солдаты говорятъ, что на нихъ нападали инсургенты; но куда же дѣлись эти инсургенты? Не нашлось ни одного раненаго изъ нихъ, ни одинъ не былъ взятъ въ плѣнъ. Впрочемъ, это не помѣшало коменданту обнародовать утромъ 11 числа новый приказъ, говорившій, что ночью королевскія войска подверглись нападенію и что при малѣйшемъ возобновленіи такого случая Мессина будетъ бомбардирована.

«При этой угрозѣ, напоминавшей страшныя событія 1848 года, ужасъ жителей достигъ крайняго предѣла. Всѣ жители эмигрировали; каждый искалъ спасенія въ полѣ или на иностранныхъ кораблахъ, бывшихъ въ гаванѣ.

«Русскій и австрійскій консулы переѣхали изъ города на фрегаты. Другіе собрались у французскаго консула г. Булара и подписали торжественную протестацію противъ образа дѣйствій генерала Руссо и его войскъ; они возлагали на генерала отвѣтственность за безчисленные произвольные и беззаконные поступки противъ ихъ соотечественниковъ и мирныхъ горожанъ, приведенныхъ въ ужасъ и отчаяніе. Эта протестація имѣла результатомъ обнародованіе слѣдующей прокламаціи

«Квартира военнаго коменданта крѣпости Мессины и Мессинскаго округа. Объявленіе. Мы, генералъ-майоръ Паскуале Руссо, воен-

ный комендантъ Мессинской крѣпости и ея округа, будучи увѣренъ въ благонамѣренности жителей Мессины, объявляетъ, что крайнія мѣры строгости будутъ приняты только противъ злодѣевъ, бродящихъ по окрестнымъ полямъ и дошедшихъ въ своей дерзости до нападенія на вѣрныя королевскія войска. Потому мы приглашаемъ жителей успокоиться и возвратиться къ своимъ обыкновеннымъ занятіямъ, потому что они не должны имѣть никакихъ опасеній. Мессина, 11 апрѣля 1860, четыре часа вечера. Генералъ-майоръ, комендантъ Паскуале Руссо.»

«12 апрѣля и всѣ три слѣдующіе дня прошли удовлетворительно. Не было сдѣлано ни одного выстрѣла и жители начинаютъ успокоиваться».

Вотъ переводъ протеста, представленнаго мессинскому коменданту консулами:

«Мессина, 12 апрѣля 1860. Генералъ, въ нынѣшнюю ночь въ городѣ Мессинѣ повторились большія насилія въ противность наслѣдамъ, возбужденнымъ въ насъ вашими увѣреніями, что миръ и спокойствіе возстановляются и что могутъ воротиться въ городъ бѣжавшіе изъ него, составляющіе почти все его населеніе. Люди, державшіе себя спокойно, и въ томъ числѣ одинъ старикъ, были жертвами нападеній, къ которымъ не подавали никакого повода. Иностранные подданные, англичане и люди другихъ націй, подвергались величайшимъ оскорбленіямъ и самая жизнь ихъ была въ опасности. Все населеніе Мессины ведетъ себя мирно и до сихъ поръ не совершило ничего похожаго на возстаніе; потому оно въ правѣ требовать, чтобы сохранялось уваженіе къ его спокойствію, къ женщинамъ, къ дѣтямъ и къ собственности. А между тѣмъ господствуетъ величайшій ужасъ и, чтобы успокоить нашихъ соотечественниковъ, мы должны точнымъ образомъ объявить, какія увѣренія были намъ даны вами. Вы обѣщали намъ вашимъ честнымъ словомъ, которому мы вѣрили и не хотимъ не вѣрить, что цитадель и форты не будутъ стрѣлять по городу, что ни въ какомъ случаѣ солдаты не будутъ врываться въ дома, что городъ не будетъ больше тревожимъ пушечными и ружейными выстрѣлами по домамъ, уже нѣсколько дней не дающими ни одной спокойной минуты жителямъ города. Вы обѣщали также, что если будутъ происходить нападенія на заставы (нападенія внутри города невозможны), то не будутъ отвѣчать на нихъ ружейными и пушечными выстрѣлами, а будутъ отражать нападающихъ другими средствами, найдти которыя легко вамъ по многочисленности вашихъ войскъ. Таковы были, генералъ, объясненія, данныя вами намъ, и вы намъ позволите вамъ ихъ напомнить теперь, чтобы они получили характеръ достовѣрности. Они имѣютъ

нашъ возможность содѣйствовать нашимъ немѣреннымъ успокоить нашихъ соотечественниковъ и все городское населеніе. Просимъ васъ увѣдомить насъ о полученіи вами этого документа.»

Послѣдніе четыре недѣли вообще были богаты случаями подобнаго рода; вотъ подробнѣйшій изъ прочитанныхъ нами разсказовъ о Пештскомъ дѣлѣ 15 марта; онъ напечатанъ въ Times'ѣ:

«Пешть. 15 марта, 10 часовъ вечера.

«Нашу среди сильнаго волненія, чтобы разсказать вамъ, что сейчасъ здѣсь случилось. Была сдѣлана демонстрація и пролилась кровь. Венгерская революція 1848 года началась 15 марта, и университетская молодежь рѣшилась воспользоваться годовщиною, чтобы сдѣлать національную демонстрацію. Они дѣйствовали въ этомъ случаѣ совершенно по собственнымъ мыслямъ, безъ одобренія предводителей національнаго движенія и даже не посовѣтовавшись съ ними. Но они хотѣли, чтобы демонстрація имѣла совершенно мирный характеръ; они хотѣли только отслужить въ католическихъ церквахъ нѣсколько панихидъ въ память патріотовъ, казненныхъ въ Аградѣ и Пештѣ и убитыхъ на войнѣ. Полиція встревожилась, зная, что одна искра можетъ воспламенить всю страну. Потому со вчерашняго дня были сдѣланы страшныя приготовленія. Нынѣ въ восемь часовъ утра собрались группы студентовъ, состоящія не изъ однихъ мадьяровъ, но также валаховъ, нѣмцевъ и словаковъ, и пошли по разнымъ католическимъ церквамъ отслужить панихиду. Но полиція не пустила ихъ ни въ одну изъ церквей, къ которымъ они подходили. Въ десять часовъ утра собралось ихъ человѣкъ до 200, они стали совѣщаться, что имъ дѣлать, и рѣшили всѣ вмѣстѣ отправиться въ сосѣднюю церковь; по дорогѣ присоединилось къ нимъ много горожанъ. Надобно прибавить, что по торжественности этого дѣла, большая часть студентовъ были въ трауръ. У ближайшей церкви, къ которой отправились они, нашли они сильный отрядъ полиціи, встрѣтившій ихъ крикомъ: «убирайтесь, нѣтъ вамъ здѣсь мѣста!» Тогда одинъ изъ студентовъ руководившихъ товарищами сказалъ: «Друзья, пойдемъ отсюда, не начиная спора съ этими людьми». Молодые люди и горожане мирно пошли въ другую церковь, но и тамъ ихъ не пустили, потомъ еще въ двѣ церкви, куда ихъ также не пустила полиція, наконецъ въ каѳедральную церковь, но и туда не были впущены. «Друзья, сказалъ одинъ изъ предводителей, пойдемъ на кладбище: по крайней мѣрѣ тамъ намъ не помѣшаютъ молиться за умершихъ.» Они пошли на Франціево кладбище и по дорогѣ ихъ процессія съ каждою минутою возрастала отъ присоединенія къ ней горожанъ; но вся она соблюдала совершеннѣйшій порядокъ и студенты постоянно говорили народу, чтобы онъ не при-

бѣгалъ въ силѣ, что бы ни случилось. Войска гарнизона были между тѣмъ выведены изъ казармъ и занимали разные посты. Дошедши до кладбища, процессія съ удивленіемъ увидѣла, что оно занято сильными отрядами полиціи и войскъ. Одинъ изъ офицеровъ закричалъ: «уходите прочь сейчасъ же, или мы станемъ стрѣлять въ васъ.» — «Нѣтъ, сказалъ одинъ студентъ, вы не будете стрѣлять, потому что дурно было бы нападать на людей совершенно мирныхъ.» Единственнымъ отвѣтомъ на то было арестованіе нѣсколькихъ студентовъ. Другіе студенты бросились было выручать товарищей, но арестованные кричали: «не связывайтесь съ полиціей; оставьте насъ, идите на другое кладбище.» Процессія рѣшила идти на Керепашское кладбище и отправилась туда въ совершенномъ порядкѣ. Пришедши на Керепашское кладбище, студенты и горожане увидѣли передъ собою сильные отряды войскъ, которые, не говоря ни слова, бросились на массу въ штыки. Нѣсколько студентовъ было ранено и еще нѣсколько человѣкъ арестовано. Тогда раздраженные студенты бросились на одинъ изъ отрядовъ, онъ далъ по нимъ залпъ. Случайно или преднамѣренно солдаты выстрѣлили выше головъ, такъ что пули пролетѣли надъ народомъ. Но все-таки и тутъ былъ раненъ одинъ изъ бывшихъ въ толпѣ. Люди составлявшіе процессію двинулись назадъ и, какъ говорятъ, жандармы сдѣлали еще залпъ вслѣдъ имъ. Всѣ жители Пешта, услышавъ объ этомъ дѣлѣ, выразили сильное негодованіе на австрійское начальство, но къ счастію удержались отъ насильственныхъ дѣйствій. Впрочемъ, вечеромъ собралась большая толпа у національнаго театра и когда проѣзжали мимо нея въ театръ австрійскіе чиновники съ семействами, горожане кричали: «вы думаете о забавахъ въ такой день, когда пролита кровь патріотовъ.... Стыдитесь! воротитесь назадъ!» Австрійцы вернулись. Но черезъ нѣсколько времени пришли къ театру двѣ роты жандармовъ и съ большими грубостями разогнали толпу. Всѣ находятъ, что австрійское начальство поступило очень дурно, велѣвъ стрѣлять по безоружнымъ людямъ и колоть ихъ штыками. Оно очевидно желало раздражить народъ, чтобы довести его до возстанія и получить предлогъ къ подавленію его военными средствами. Вѣнское правительство думаетъ, что залить кровью возстаніе въ Пештѣ значило бы задушить національное чувство по всей Венгріи.»

Читатель знаетъ, что послѣ этого было введено въ Венгріи уже чисто и открыто военное управленіе вмѣсто прежняго, имѣвшаго хотя по наружности мирныя гражданскія формы. Безграничная власть надъ Венгріею поручена генералу Бенедеку. — Въ самой Вѣнѣ страшно разыгрывается дѣло о покражахъ по коммиссаріатскому и провіантскому вѣдомству въ послѣднюю войну. Мы не упоминали о

самоубійствѣ Эйнаттена, потому что для насъ прискорбны подобные факты, раскрывающіе слабые стороны правительства, пользующагося глубокимъ нашимъ уваженіямъ за свою послѣдовательность, за опредѣлительность и твердость своей системы. Но мы противъ воли должны упомянуть о самоубійствѣ барона Брука, министра финансовъ, столь славившагося своею мудростью: читатель не простилъ бы намъ совершеннаго молчанія о происшествіи, надѣлавшемъ такого шума. Мы еще не находимъ въ газетахъ подробныхъ извѣстій о прискорбной кончинѣ человѣка, оказавшаго столь важныя услуги австрійской политикѣ своими талантами, — мы знаемъ только, что онъ оказался прикосновеннымъ къ дѣлу о коммиссаріатскихъ злоупотребленіяхъ, получилъ отставку и не перенесъ стыда. Но вотъ письмо, помѣщенное въ Times'ѣ и нѣсколько поясняющее характеръ дѣлъ, раскрытіе которыхъ было причиною столь грустнаго событія.

«*Тріестъ. 29 марта.*

«Главнымъ предметомъ разговора служитъ гигантское воровство, открытое въ коммиссаріатскомъ управленіи. Оно безъ сомнѣнія сильно содѣйствовало внезапному окончанію итальянскаго похода. Теперь, не смотря на старанія чрезвычайно сильныхъ людей замять дѣло, обнаруживаются позорнѣйшіе факты, въ которыхъ замѣшано множество лицъ. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ занимаютъ такія высокія положенія, что опасно и упомянуть о нихъ. Австрійскія газеты очень скудны извѣстіями объ этихъ дѣлахъ и вѣроятно вовсе не заговорили бы объ нихъ, если бъ не самоубійство генерала Эйнаттена, — происшествіе, котораго нельзя было скрыть. Недочетъ простирается до изумительной цифры 17,000,000 гульденовъ (болѣе 10 милліоновъ рублей серебромъ). Но вотъ самая поразительная и малоизвѣстная часть этой исторіи. Изъ источниковъ, заслуживающихъ полной вѣры, я слышалъ, что на знаменитомъ свиданіи двухъ воевавшихъ императоровъ, — на этомъ свиданіи, результатомъ котораго былъ Вилла-франкскій миръ, императоръ Наполеонъ сказалъ Францу Іосифу: «ваше величество не ошибетесь, если выслушаете дружескіе и благонамѣренные совѣты. Вы окружены предателями. Ваше величество думаете, что у васъ въ крѣпости Мантуѣ запасено провіанта на шесть мѣсяцевъ; я скажу вамъ, — тутъ императоръ Наполеонъ выразительно поднялъ палецъ, — я скажу вамъ, что въ Мантуѣ нѣтъ провіанта и на шесть дней. Удостовѣрьтесь въ истинѣ моихъ словъ и поступите сообразно съ ними». По изслѣдованіи дѣла слова императора французовъ оказались справедливыми.

«Чтобы дать вамъ нѣкоторое понятіе о нагломъ безстыдствѣ воровства и томъ, сколько лицъ участвовали въ немъ, разскажу вамъ одинъ случай изъ множества подобныхъ. Быки, которыхъ вгоняли

въ Мантую одними воротами, выходили изъ города черезъ противоположныя ворота и, сдѣлавъ полукругъ около стѣнъ, опять входили въ первыя ворота; такъ что каждый быкъ проходилъ и считался пять разъ. Но, послушайте, дальше будетъ еще лучше. Одинъ изъ Тріестскихъ купцовъ заключилъ съ австрійскимъ правительствомъ контрактъ, по которому покупалъ шкуры быковъ, убитыхъ для продовольствія войскъ. Будучи въ живыхъ, каждый быкъ исполнялъ дѣло за пятерыхъ быковъ, но убить его можно было только одинъ разъ и больше одной шкуры содрать съ него было нельзя. Купеческая фирма, не получивъ условленнаго числа шкуръ, потребовала отъ правительства неустойки, которая контрактомъ полагалась по гульдену за каждую недоданную шкуру; неустойка была выдана и купецъ получилъ 30,000 гульденовъ за невыдачу шкуръ съ быковъ, которые не существовали на свѣтѣ. Сольферинская и Маджентская битвы могли бы кончиться не тѣмъ, если бы голодъ не ослабилъ мужество австрійскихъ солдатъ; но довольно объ этомъ.

«Очень распространенъ слухъ, которому иные вѣрятъ. Я не причисляю себя къ вѣрящимъ, но разсказъ любопытенъ и быть можетъ лучше не слишкомъ точно изслѣдовать его справедливость. Говорятъ, что императоръ Францъ Іосифъ, встревоженный сномъ, который видѣлъ три ночи сряду, обратился къ совѣтамъ своей матери, эрцгерцогини Софіи; она призвала гадальщицу, таинственной способности которой сама вѣритъ. Старуха спросила, что императоръ видѣлъ во снѣ. Императоръ сказалъ, что видѣлъ во снѣ трехъ мышей: одна была совершенно слѣпая, другая такая жирная и надутая, что едва могла ходить, а третья слабая, жалкая, почти умирающая съ голоду. Старуха сконфузилась и стала говорить, что не умѣетъ разгадать сонъ; но ее успокоили, увѣрили, что опасаться ей нечего, а напротивъ, она будетъ награждена, что бы ни сказала; тогда, ободрившись, она дала такое истолкованіе: «слѣпая мышь—ваше величество; жирная мышь—ваши министры; а нескудавшая, умирающая, измученная мышь—вашъ народъ». Справедливъ или несправедливъ этотъ разсказъ, но онъ подходитъ къ нынѣшнему положенію Австріи; а самая дурная вещь то, что слѣпая мышь до сихъ поръ остается слѣпой. Если дѣла пойдутъ по прежнему, то не трудно будетъ исполниться предреченію эрцгерцога Фердинанда Максиміліана, который въ іюлѣ прошлаго года говорилъ Францу Іосифу: «если ваше величество будете продолжать идти этимъ путемъ, вы погубите и себя и государство».

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВОСЬМИДЕСЯТАГО ТОМА.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

Стр.

Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ. *Н. И. Костомарова.* Статья первая. Предисловіе. I. Жилыя мѣстности. — II. Города. — III. Москва. — IV. Посады. — V. Слободы. — VI. Села и деревни. — VII. Дворцы и дома. — VIII. Домашняя мебель и утварь. . . . 5

Статья вторая. IX. Одежда. — X. Пища и питье. — XI. Образъ домашней жизни. — XII. Здоровье и болѣзни. — XIII. Семейные нравы. — XIV. Порядокъ домоправленія 293

Романъ въ петербургскомъ полусвѣтѣ. *Н. Н. Станицкаго.* Часть первая. 63

Часть вторая (послѣдняя) 357

Мои желанья. — Онъ не любилъ еще. Стихотв. *К. К. Случевскаго.* 151

Побѣдитель. (Изъ Барбье.) Стихотв. перев. *П. М. Ковалевскаго.* . 154

Парижскія впечатлѣнія. (Изъ путевыхъ записокъ.) *Д. В. Григоровича* 155

Изъ могильныхъ преданій. Легенда о кровосмѣсителѣ. *Н. И. Костомарова* 209

Разрывъ. (Изъ романа «Подводный Камень».) *М. В. Авдѣева* . . 229

Очерки народнаго быта. XII. Обозъ. Разсказъ *Н. В. Успенскаго* . 241

Папаша. Стихотв *Н. А. Некрасова* 251

Публичный диспутъ 19 марта 1860 года о началѣ Руси между гг. Погодинымъ и Костомаровымъ. (Письмо г. Погодина къ г. Костомарову, читанное на публичномъ диспутѣ. — Отвѣтъ г. Костомарова, читанный имъ на томъ же диспутѣ. — Дальнѣйшія

Стр.
пренія, записанныя со словъ гг. Костомарова и Погодина *В. Мордвиновымъ*). 273
Стихотворенія: I. Возвращеніе. — II. Искатель службы. — III. «Комары да мухи». — IV. «И вотъ я вновь одинъ». — V. «Все въ умѣ лѣса да горы». — VI. «Мнѣ снилась ты въ лѣсу». *П. А. Кускова* 351
Работница. Поэма Тараса Шевченко. Перев. съ малороссійскаго *А. Н. Плещеева* 457
Женщины, ихъ воспитаніе и значеніе въ семьѣ и обществѣ. *М. Л. Михайлова* 473

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Основанія политической экономіи, Милля, переводъ Н. Г. *Чернышевскаго*, дополненной замѣчаніями переводчика (стр. 81—160).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

МАРТЪ.

Заграничныя пренія о положеніи русскаго духовенства. (По поводу книги «Русское духовенство».) *Андрея Критскаго*. 1
Изъ Аѳинъ. *А. Д.* 19
Русская литература. Новая повѣсть г. Тургенева: Наканунѣ («Русскій Вѣстникъ», 1860 г., № 1—2). 31
Русскія народныя легенды. (По поводу изданія г. Аѳанасьева, въ Москвѣ, 1860 г.) *А. Н. Пыпина* 73
Новыя книги: Кобзарь. Тараса Шевченка. Коштомъ Платона Семеренка (99). — Хата, 1860 г. Издавъ П. Кулишъ (115). — Босніа, Герцеговина и Старая Сербія. Сборникъ, сост. А. Гильфердингомъ (120). — Сборникъ, изд. студентами Имп. Спб. Университета. Выпускъ второй 130
Иностранная литература. — Новые итальянскіе поэты. *Д. И. Михаловскаго* 133
ПОЛИТИКА. Соединеніе центральной Италіи съ сѣверною. — Уступка Савойи. — Отношенія Англіи къ савойскому вопросу 161
Петербургская жизнь. Замѣтки *Новаго Поэта*. (Двѣ небольшія, но обличительныя повѣсти: *о чаѣ и о лѣкарѣ*. — *Дѣйствіе въ Захолустьи*, въ одномъ учебномъ заведеніи). Предполагаемое возраженіе читателя. — Отвѣтъ на это возраженіе. — Третье литературное чтеніе. — Слухи о спектаклях въ пользу литературнаго фонда. — Литературный вечеръ въ пользу бѣдныхъ студентовъ. — Публичныя чтенія и лекціи. — Лекція г. Погодина о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ. — Концерты въ Петербургѣ. — Вьетанъ и Дрейшокъ. — Сестры Ферни, г-жа Ниссенъ-Саломонъ и русское музыкальное общество. — Концертъ съ новой музыкой Вагнера и Листа. — Концертъ инвалидовъ и проч. — Новая зала для концертовъ. — О новомъ музыкальномъ обществѣ. — Знаменитый маэстро Alessandro Lazareff. — Отрывки изъ его печатной простыни. — Выставка рукодѣлій воспитанницъ частныхъ школъ патріотическаго общества. — Лотерея Аллегри. — Благотвори-

Стр.

тельныя публичныя лекціи. — Лекція графа Сюзора. — Г. Пиццо, первый лекторъ итальянскаго языка въ Петербургѣ. — Годовое собраніе общества садоводства. — Г. Филиппъ, профессоръ магіи. — Дурди. — Открытіе фальшивыхъ ассигнацій. — Новый table d'hôte. — Петербургъ въ статистическомъ отношеніи, г. Карновича и одна глава изъ этой книжки. — Портреты духовныхъ лицъ. — Продолженіе портретной галлереи г. Мюнстера. — Художественный листокъ г. Тимма. — Снимокъ съ картины г. Соколова и нѣсколько словъ о художникѣ. — Выставка общества поощренія художниковъ. — Диспутъ гг. Костомарова и Погодина) 197

Внутреннее обозрѣніе. (Вступительное замѣчаніе редакціи. — Дѣятельность министерства финансовъ. — Крестьянскій вопросъ. — Къ чему ведетъ существующая паспортная система. — Частныя попытки преобразованій по судебной части. — О городскомъ хозяйствѣ и управленіи. — Дѣятельность ученыхъ обществъ сельскаго хозяйства) . . . 231

СВИСТОКЪ.

Собраніе литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ.

4.

Наука и свистопляска, или какъ аукнется, такъ и откликнется (разсказъ въ стихахъ и прозѣ, со свистомъ и плескою) . . 1

Три стихотворенія К. Лиліенцвагера: 1) Прогрессъ, 2) Наше время, 3) Грустная дума гимназиста лютеранскаго исповѣданія и не-кіевскаго округа 25

Стихотворенія, присланныя въ редакцію Свистка: 1) Дружеская переписка Москвы съ Петербургомъ (съ ученымъ примѣчаніемъ Н. Лайбова) 27

Новыя творенія Козьмы Пруткова: Пухъ и Перья: 1) Къ моему портрету, 2) Помѣщикъ и садовникъ, 3) Память прошлаго, 4) Помѣщикъ и трава, 5) Осень, 6) Разочарованіе и 7) Философъ въ банѣ 42

АПРѢЛЬ.

Рочдельское общество взаимнаго вспомоществованія. *И. К.* . . . 259

Русская литература. — Нѣсколько данныхъ о состояніи Россіи съ половины XIV до начала XVI вѣка. (Полное собраніе русскихъ лѣтописей, томъ VIII. Изданіе Археографич. Коммиссіи.) *А. Г.* 275

Новыя славянскія изслѣдованія. (О славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи. Соч. Владиміра Ламанскаго. — О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ XIV и XV столѣтіяхъ. В. Григоровича. — Братскій трудъ, изданіе московскихъ болгаръ.) *А. Н. Пыпина.* . . . 309

Антропологическій принципъ въ философіи. (Очерки вопросовъ практической философіи. Соч. П. Л. Лаврова. I. Личность.) 329

Новыя книги: Стихотворенія Ивана Никитина (367). — Сочиненія А. И. Подолинскаго. Два тома (392). — Отчетъ Императорской

Стр.

Публичной Библіотеки за 1859 годъ (400).— Акты историческіе и юридическіе, собранные Степаномъ Мельниковымъ. Томъ 1-й (401). — Русская лира. Хрестоматія, составленная изъ произведеній новѣйшихъ поэтовъ. Изданіе Н. Тиблена.— Любовь. Эротическія стихотворенія русскихъ поэтовъ. Собралъ Григорій Книжникъ (403).—Наглядное изложеніе предварительныхъ понятій о геометріи, П. А. Ефремова. . . . 406

Замѣтка на возраженія о происхожденіи Руси. *Н. И. Костомарова* 413

По поводу англійской юстиціи мира. *Б. И. Утина* 418

Петербургская жизнь. Замѣтки *Новаго Поэта*. (Бенефисъ г-жи Снѣтковой 3.—Объ устарѣлой методѣ декламаціи и пѣнія, и проч. — Объ игрѣ г-жи Снѣтковой. — Разговоры въ антрактахъ. — Г-жа Богданова въ Жизели.—Г. Гаазе.—«Ревизоръ» и «Женидьба» Гоголя, два представленія въ пользу неимущихъ литераторовъ. — Еще спектакль любителей съ тою же цѣлію, въ залѣ г-жи Шабельской.—Пожертвованіе казанскаго университетскаго общества въ пользу литературнаго фонда.—Уставъ поземельнаго банка для Петербурга и Петербургской губерніи.—О дороговизнѣ квартиръ. — Бурятскіе ламы въ Петербургѣ.—Собраніе общества водопроводовъ 11 апрѣля. — Чтенія г. Молинари. — Происшествіе во время представленій фокусника Филиппа.— Рѣчной Яхтъ-Клубъ. — Концерты гг. Дрейшока и Венявскаго. — Петербургская погода. — Приготовленіе къ цвѣточной выставкѣ. — Балаганы.—Фотографическіе снимки съ картинъ русской школы. — Рисунки къ Онѣгину, г. Соколова.—О Чесменской богадѣльнѣ. — Новое изданіе Лермонтова, г. Дудышкина.—Энциклопедическій Лексиконъ.— Пріѣздъ г. Шумскаго. — Новое удобство сообщенія между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ, и проч.) 427

Внутреннее обозрѣніе. (Крестьянскій вопросъ: слова Государя Императора членамъ 24-хъ губернскихъ комитетовъ; случаи обращенія съ крестьянами. — Движеніе трезвости въ народѣ. — О трудахъ коммиссіи для устройства земскихъ банковъ. — Частные земскіе банки. — О размѣнной монетѣ. — Новые указы и распоряженія. — Дѣйствующее нынѣ «Положеніе» о сибирскомъ казачьемъ войскѣ. — Предположенія объ устройствѣ городскаго управленія въ нѣкоторыхъ городахъ на новыхъ основаніяхъ. — Дворянскіе выборы въ Бессарабіи и другихъ мѣстностяхъ. — Мѣры для народнаго образованія: распоряженія министерства государственныхъ имуществъ; женскія училища; нѣсколько фактовъ изъ педагогической практики; училища, основанныя частными лицами 465

ПОЛИТИКА. (Присоединеніе Савойи и Ниццы къ Франціи.—Сцена 19 марта въ Римѣ.—Апрѣльскія сцены въ Палермо и Мессинѣ.—Сцена 15 марта въ Пештѣ. — Кончина Брука) 513

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Апрѣля 26 дня 1860 года.

Цензоръ *Ѳ. Рахманиновъ.*

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ

М. БЕРНАРДА,

на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, № 10.

ЦѢНЫ ОЗНАЧЕНЫ НА СЕРЕБРО.

ДЛЯ ФЛЕЙТЫ.

ЧІАРДІ. 125 русскихъ и цыганскихъ пѣсенъ для одной флейты (3 р.).

BOHM. Rondo à la mazurka pour la flûte avec piano (1 p. 45 к.).

BRICCIALDI. Fantaisie sur la Traviata avec piano (2 p.); Fantaisie sur il Trovatore avec piano (1 p. 70 к.).

CONINX. Fantaisie sur le Pardon de Ploërmel pour la flûte avec piano op. 47. (1 p. 50 к.).

DEMERSSEMAN. Six pièces pour la flûte avec piano op. 2 № 1 à 6 (каждый 1 р. 15 к.).

FURSTENAU. Deux morceaux avec piano: № 1 Adelaide de Beethoven № 2. Elégie d'Ernst (1 p. 70 к.).

HOFFMANN & MULLER. Les amis de collège. Six duos concertants pour flûte et violon № 1 à 6 (каждый 1 р. 40 к.).

KUMMER. Concertino pour flûte et violon (ou hautbois, ou clarinette) avec piano op. 101. Nouvelle édition (1 p. 15 к.); Fantaisie sur une chanson favorite de Mozart. «An Chloe» avec piano op. 128 (1 p. 70 к.); 32. Etudes amusantes et instructives pour la flûte op. 129. (2 p.); Fantaisies élégantes avec piano: sur Rigoletto op. 131. (1 p. 15 к.); La Traviata op. 134. (1 p. 40 к.); Répertoire d'opéras italiens. Potpourris faciles sur des motifs d'opéras favoris pour la flûte seule № 1 à 12 (каждый 45 к.); Méthode pour la flûte pratique, instructive et amusante, contenant: exercices préparatoires, gammes, accords, ainsi qu'un choix de morceaux pour deux flûtes (4 p. 30 к.).

REMUSAT. Fantaisie sur deux mélodies de la Sonnambula et des Puritains avec piano op. 16 (1 p. 70 к.).

TULOU. Air varié op. 98 avec piano (1 p. 70 к.); Il Trovatore, Fantaisie avec piano op. 105. (1 p. 85 к.); 15-me Grand Solo avec piano op. 109. (2 p.); Le Pardon de Ploërmel, Fantaisie avec piano op. 110 (2 p.).

— Nouvelle méthode de flûte complète, progressive et raisonnée op. 100. (8 p.).

ZIZOLD. Grande fantaisie de concert avec piano (2 p. 85 к.).

KUFFNER. Répertoire de nouvelles danses favorites pour la flûte seul. Cah. 1 à 13. (каждая 60 к.); Répos de l'étude. Collection de morceaux faciles pour la flûte seule sur des motifs d'opéras favoris. Cah.

1 à 17. (каждая 45 к.); 100 mélodies favorites pour la flute seule op. 333. Cah. 1 à 4 (каждая 85 к.).

ДЛЯ ПѢНІЯ.

ПАНСЕРОНЪ. Музыкальная азбука или первоначальная школа пѣнія (Abc musical ou méthode de chante), на русскомъ и французскомъ языкахъ (3 р.).

ВАККАЙ. Практическія упражненія для итальянскаго пѣнія, состоящія изъ 15 уроковъ. На русскомъ, итальянскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (2 р. 50 к.).

А. Отчего скажи душа дѣвица, пѣтый г. Тамберликомъ, для контральто (60 к.).

БЕРНАРДЪ. Элегія на смерть Анжіолины Бозіо (50 к.).

БУЛАХОВЪ. Романсы: № 11, Маска (40 к.); № 12, «Я помню вечеръ, мы вдвоемъ на берегу сидѣли» (60 к.); № 13. «Солнце изъ тумана стало выходить» (40 к.); № 14. Свиданіе (40 к.); № 15. Серенада, «Я здѣсь одинъ» (60 к.); № 16, Двѣ русскія пѣсни: «Ахъ ты темный лѣсъ» и «Что не ходишь моя радость» (75 к.); № 18, Колокольчики мои, цвѣтики степные (60 к.).

ДАРГОМЫЖСКІЙ. Новѣйшіе романсы. № 56. «Растались гордо мы» (60 к.); № 57. «Что въ имени тебѣ моемъ» (85 к.); № 58. «Мнѣ все равно!» (60 к.); № 59. Паладинъ. Для сопрано, (75 к.); Для контральто (75 к.); № 60. Титулярный совѣтникъ (40 к.); № 61. «Мчитъ меня въ твои объятія» (40 к.).

Выписывающіе ноты на сумму не менѣе трехъ руб. сер. получаютъ *двадцать пять процентовъ уступки*, а выписывающіе на десять руб. сер., кромѣ того, ничего не прилагаютъ за пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены.

Въ томъ же магазинѣ вышла 1-го апрѣля 4-я тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллистъ» (годъ XXI), содержащая въ себѣ: *Wallace*, Transcription du quatuor célèbre de Rigoletto. — *Liszt*, Valse caprice d'après Schubert (exécuteé par M. Rubinstein dans ses concerts). — *Vannucini*, L'avenir. Notturno. — *Nollet*, La tabatière a musique. Bluette imitative. — *Vogt*, Chanson sans paroles. — *Wallerstein*, Vis-à-vis, Polka. Valse du carnaval. — *Brunner*, Rondo. — *Lefebure-Wely*, Les cloches du monastère. Arrangement facile. — *Игнатьевъ*, Романсъ. — *Cramer*, Potpourri le Pardon de Ploërmel, à quatre mains. — *Портретъ* М. И. Глинки. — Литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты. (Годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 р. 50 к.).

Желающіе подписаться на «Нувеллистъ» на 1860 г. получаютъ сполна всѣ тетради этого журнала, вышедшія съ начала нынѣшняго года.

Здѣсь же получены вновь РОЯЛИ и ПІАНИНО, лучшихъ иностранныхъ фабрикъ, которыя продаются по весьма умѣреннымъ цѣнамъ.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ. 16 апрѣля 1860 года.

Цензоръ Ѳ. Рамазановъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
АЛЕКСѢЯ ИВАНОВА ДАВЫДОВА,

КОММИССІОНЕРА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ,

на Невскомъ Проспектѣ, противъ Арсенала Николаевскаго дворца, въ домѣ Завьялова,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ НОВЫЯ КНИГИ:

ЖИЗНЬ ПРЕСВЯТЫЯ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЯ БОГОРОДИЦЫ И ПРИСНО ДѢВЫ МАРІИ, съ изображеніями явленныхъ и чудотворныхъ ея иконъ и описаніемъ ихъ. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1860 г. Цѣна 1 р. с., съ пер. 1 р. 50 к.

ОБЪ ИСПОВѢДИ И ПРИГОТОВЛЕНІИ КЪ НЕЙ. Домашняя бесѣда полковаго священника съ солдатомъ, протоіерея А. Знаменскаго. Спб. 1859 г. Цѣна 30 к., съ пер. 50 к.

ЗАПИСКИ ПАЛОМНИКА. Спб. 1860 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ КРЕДИТЪ и его современная организація въ Европѣ, съ приложеніемъ уставовъ ипотечныхъ кредитныхъ учрежденій въ Германіи, царствѣ Польскомъ и Остзейскомъ краѣ. В. Безобразова. Спб. 1860 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 2 руб.

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРІЯ ФИНАНСОВЪ и вліяніе ея на финансовую администрацію въ западно-европейскихъ государствахъ. І. Шпилля. Спб. 1860 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ТРУДЫ КОММИССІИ. ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЙ ДЛЯ УСТРОЙСТВА ЗЕМСКИХЪ БАНКОВЪ. Спб. 1860 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ И. К. Бабста. Москва 1860 г. Цѣна 30 к., съ пер. 55 к.

ПУБЛИЧНЫЙ КУРСЪ ТОВАРОВѢДЕНІЯ. Лекціи профессора Киттары. Москва 1860 г. Цѣна 25 к., съ пер. 50 к.

ИСТОРІЯ НАРОДА РИМСКАГО, сочиненіе Тита Ливія Падуанскаго. Переводъ А. Клеванова. Т. 2. Отдѣленіе II. Книги VII—XXIII. Москва. 1859 г. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ВЗГЛЯДЪ НА СОБСТВЕННУЮ ПРОШЕДШУЮ ЖИЗНЬ. Измайлова. Москва. 1860 г. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

НОРМАНСКІЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ. Сочин. М. Погодина. Москва. 1859 г. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

АВСТРАЛІЯ, ея физическое положеніе, колоніи и золотые промыслы. Изложилъ Де-Галетъ. Спб. 1860 г. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 к

С.-ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ СТАТИСТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ. Е. Карновича. Спб. 1860 г. Цѣна 75 к., съ пер. 1 р.

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ЛѢТЪ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ. Р. Ѳадеева. Съ приложеніемъ карты. Тифлисъ. 1860 г. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ РУССКАГО ХУДОЖНИКА И. Захарова. Константинополь съ его жителями, ихъ нравами, обычаями, обрядами, церемоніями, гаремами и проч. Ч. 3. Спб. 1860 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

СБОРНИКЪ ИЗДАВАЕМЫЙ СТУДЕНТАМИ ИМПЕРАТОРСКАГО ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. Выпускъ второй. Спб. 1860 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ В. Бѣлинскаго. Т. 6-й. Москва. 1860 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

СВѢДѢНІЯ О ЦѢНАХЪ НА ЗЕМЛИ, проданныя съ публичнаго торга съ 1 января 1854 по 1 января 1859 г. Изданіе хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ. Спб. 1859 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ТАБЛИЦЫ ДЛЯ ИСЧИСЛЕНІЯ ПРОЦЕНТОВЪ НА КАПИТАЛЫ отъ 1 р. до 50,000 р. и болѣе, а также таблица для исчисленія процентовъ на билеты государственнаго казначейства (серію). Спб. 1860 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ, Т. 4-й, изданный П. Рѣдкинымъ и К. Яневичъ-Яневскимъ. Спб. 1860 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 75 к.

СОЧИНЕНІЯ Ѳ. М. Достоевскаго. Т. 2. Москва. 1860 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.

МАВРЫ ПРИ ФИЛИППѢ ТРЕТЬЕМЪ. Романъ. Соч. Евгенія Скриба. Т. 2. Спб. 1860 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

КОБЗАРЬ Тараса Шевченка. Спб. 1860 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ИСТОРІЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА, по достовѣрнымъ источникамъ. Составлена по Высочайшему повелѣнію. Сочин. М. Богдановича. 3 т. Спб. 1860 г. Цѣна 10 р., съ пер. 12 руб.

МЕДИЦИНСКІЙ ТЕРАПЕВТИЧЕСКІЙ ЛЕКСИКОНЪ или реперторіумъ главнѣйшихъ способовъ леченія, употребляемыхъ врачами всѣхъ странъ въ новѣйшее время. Составилъ Іоганъ Загертъ, переводъ и изданіе Розенблюма. Спб. 1860 г. Цѣна 4 р., съ пер. 4 р. 75 к.

ГАЛЬВАНИЗМЪ въ примѣненіи къ медицинской практикѣ. Франца Белявскаго. III отдѣлъ Монографіи съ 7-ю политипажами. Москва. 1859 г. Ц. 3 р.

РУКОВОДСТВО къ распознаванію и леченію внутреннихъ конскихъ болѣзней, за исключеніемъ повальныхъ. Составилъ профес. Хр. Бунге. Москва. 1854 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ЖИВОТНЫЯ ПОЛЕЗНЫЯ въ сельскомъ хозяйствѣ и лѣсоводствѣ, какъ истребители мышей и насѣкомыхъ. Доктора Елогера. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1859 г. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться на имя Алексѣя Ивановича Давыдова, въ Спб.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ, 21 апрѣля 1860 года.

Цензоръ *Ѳ. Рахманиновъ.*

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ СЪ ЯНВАРЯ 1860 ГОДА ВЪ МОСКВѢ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ

САДОВНИКЪ И ОГОРОДНИКЪ.

Основная идея Газеты — популярное изложеніе теоретическихъ и практическихъ правилъ садоводства и огородничества. Цѣль ея — быть органомъ потребностей садоводовъ, знакомя ихъ съ успѣхами отечественными и иностранными по симъ предметамъ, а простотою изложенія, доставить полезное и пріятное чтеніе для любителей Садоводства всѣхъ классовъ общества.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ.

Садоводство воздушное, оранжерейное и тепличное.

Огородничество воздушное, парниковое и тепличное.

Разведеніе и устройство парковъ.

Свѣдѣнія о садовыхъ заведеніяхъ въ Россіи съ описаніемъ замѣчательныхъ изъ нихъ.

Садовыя постройки и украшенія.

Описаніе вновь изобрѣтенныхъ садовыхъ орудій и инструментовъ.

Современные успѣхи акклиматизаціи растеній въ Россіи и Западной Европѣ.

Смѣсь: различныя новости по части садоводства и огородничества. Садовая библіографія. Каталоги и Прейсъ-Куранты.

Газета выходитъ еженедѣльно не менѣе листа, форматомъ въ четвертую долю, съ *политипажными* рисунками въ текстѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ Москвѣ: въ *Редакціи* Газеты: Садовникъ и Огородникъ при книжномъ магазинѣ В. И. Готье на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ Торлецкаго, въ Экспедиціи Московскаго Почтамта и въ книжныхъ магазинахъ: Черенина, Щепкина, Улитина, въ сѣменномъ магазинѣ Финтельмана и въ Справочномъ Депо для Сельскихъ Хозяевъ.

Въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ газеты Садовникъ и Огородникъ при книжномъ магазинѣ П. И. Крашенинникова на Невскомъ проспектѣ на углу Адмиралтейской площади въ домѣ Греффа.

Гг. иногородные благоволятъ адресовать свои требованія въ Редакцію Газеты, въ контору или Газетную Экспедицію Московскаго Почтамта.

Цѣна въ годъ за 52 №№ Газеты въ Москвѣ — 3 р. 50 к.

Съ пересылкой во всѣ города . . . . . 5 р. —

Гг. подписавшіеся до января получаютъ при 1 № сѣмена Китайской капусты и рѣдьки.

Вышедшіе 15 №№ Газеты, при подпискѣ выдаются.

Редакторъ *Л. Муратовъ*.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ, 23 апрѣля 1860 года.

Цензоръ [illegible]

АРХИТЕКТУРНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

ЖУРНАЛЪ АРХИТЕКТУРЫ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХЪ ИСКУССТВЪ И СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ, въ 1860 году издается по прежней программѣ, подъ редакціею архитектора, академика *А. Т. Жуковскаго*, при содѣйствіи гг: Авдѣева, Бонштета, Гримма, Геннади, Горностаева, Жибера, Загоскина, Кузьмина, Перетца, Петцольта, Пименова, Сальмоновича, Свіязева, Солнцева, Сычева, Штакеншнейдера, Кюлевсина, Резанова, Боссе и друг., которые упомянуты въ изданіи за 1859 годъ. Служа органомъ архитектуры, журналъ знакомитъ со всѣми новостями его спеціальности, заключаетъ статьи и рисунки неутрачивающіе своего интереса и значенія впродолженіе многихъ лѣтъ. Въ 1860 году увеличено количество чертежей въ видахъ практической пользы строителямъ.

Первый выпускъ 1860 года содержитъ статьи и рисунки попредмету архитектуры городской, сельской, желѣзныхъ дорогъ, строительной техники и теоріи гг. Тизенгаузена, Свіязева, Бонштета, Коллиньона, Авдѣева, Штакеншнейдера и друг., въ текстѣ 14 полит. рисунковъ и атласъ чертежей на 6 листахъ. Въ

годъ 6 выпусковъ. ЦѢНА 8 РУБ., съ пересылкою 10 руб.; въ клеенкахъ 12 руб. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ редакціи журнала, домъ Фредерикса, по Лиговкѣ.

Редакторъ *А. Жуковскій.*

Печатать позволяется. С.-Петербургъ, 21 апрѣля 1860 года.

Цензоръ *Ѳ. Рахманиновъ.*

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

MAR 18 '63 H